КАРЛЪ И ГЕРГАРДЪ КЮГЕЛЬХЕНЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ CV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ CV

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1906

СОДЕРЖАНІЕ СТО ПЯТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1906 года).

Тунгусы собственно. (Записки имп. Русск. геогр. общ. по отд. этногр. Т. XXXI, подъ ред. д. ч. Н. И. Веселовскаго). Спб. 1906. I. П.—5) Чарыковъ, Н. В. Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694). Спб. 1906. М. К.—6) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Собраніе портретовъ русскихъ людей царствованія императрицы Екатерины и императора Павла I и Александра I. Художественно-историческое изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ II, выпускъ второй. Спб. 1906. С. Ш.—7) Семевтковскій, Р. И. Сочиненія. Томы I—III. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1906. К.—8) Андреевичъ. Л. Н. Толстой. Монографія. Спб. 1905. А. Фомина.—9) А. И. Фаресовъ. Мужики и начальство. Спб. 1906. Б. Глинскаго.—10) Свобода въ жизни и въ государствѣ. Этюдъ по Чаннингу Натальи Гротъ. Спб. 1906. А. Фаресова.— 11) Поль Луи. Исторія соціализма во Франціи. Москва. 1906. П. Б.—12) La Revue Slave politique, littéraire et artistique. Tome premier. №№ 1 и 2. Парижъ. 1907. А. И. Яцимирскаго.—13) В. Линскій. Политическій словарь. Спб. 1906. А. Б.—14) Отчетъ императорскаго Россійскаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1905 г. Москва. 1906. Я. Бирюкова.— 15) Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1906 г. Выпускъ 1 и выпускъ II—III. М. 1906. В. Р—ва.— 16) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ. Томы IX и X. 1905—1906. М. Г. К.—17) Фонъ-Реймерсъ. Инженерныя войска въ японской арміи. Спб. 1906. А. Б.—18) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1906 годъ. Книга вторая. Издана подъ завѣдываніемъ Е. И. Барсова. М. 1906. В. Рудакова.—19) Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ II. Латинскіе писатели. Выпускъ II. Съ географической картой. Спб. 1906. С. Г—ва.—20) Kaucasus. Reisen und Forschungen im Kaucasischen Hochgebirge von Moritz von Dechy in drei Bänden. Berlin. 1905. А. Х—ва.— 21) Спицынъ, А. Производство археологическихъ раскопокъ. Спб. 1906. Я. Бирюкова.—22) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1906 г. Составлена подъ редакціей члена-секретаря губернскаго статистическаго комитета, Д. Г. Тюменева. Изданіе Воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1906. Дм. Зеленина.—23) Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 г.г.). Томъ II (1751—1762 г.г.). Со введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кіевъ. 1906. А. И. Яцимирского. — 24) И. Покровскій. Казанскій архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г. Церковно-археологическое, историческое и экономическое изслѣдованіе. (Въ память 350-лѣтія существованія Казанской епархіи). Казань. 1906. И. Александрова. — 25) Къ церковному собору. Сборникъ группы петербургскихъ священниковъ. Спб. 1906. Павла Верховского. — 26) Университетъ и политика. Изданіе «Союза студентовъ С.-Петербургскаго университета» и «Академическаго союза слушательницъ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ». Спб. 1906. Б. А.—27) Н. Н. Зворыкинъ. Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа въ Россіи. Спб. 1905.— Д. Н. Бороздинъ. Крестьянскій вопросъ наканунѣ созыва народныхъ представителей. Спб. 1905.—Его же. Какъ остановить аграрное движеніе. Аграрная программа. Спб. 1905. А. Б.—28) Н. В. Сорокинъ. Разсказы и очерки. Казань. 1906. А. Фаресова.—29) Проф. Мих. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Изданіе второе, дополненное. Спб. 1906. А. Я.—30) Отчетъ императорскаго Россійскаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1905 годъ. М. 1906. А. Яцимирскаго.—31) Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ I. Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова съ ихъ портретами, краткими біографическими очерками и литературнымъ указателемъ. Изданіе И. И. Ѳомина. М. 1906. А. Я.—32) В. С. Сопиковъ. Опытъ россійской библіографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. Части IV и V. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906. А. Я.—33) Лхасса и ея тайны. Аустинъ Уоддель. Переводъ съ англійскаго Е. М. Чистяковой-Веръ. Спб. 1906. П. фонъ-Лавга. — 34) П. Г. Мижуевъ. Исторія великой американской демократіи. Спб. 1906. П. Б.—35) Проф. М. Красноженъ, докторъ церковнаго права. Ино-

вѣрцы на Руси, Томъ I. Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи. 3-е исправленное и дополненное изданіе. Юрьевъ. 1906.—Его же. Къ вопросу о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости. Юрьевъ. 1906. Съ приложеніемъ: Границы вѣротерпимости. Юрьевъ. 1906.—Его же. Старые и новые законы о разводѣ. По поводу изданія проекта новаго гражданскаго уложенія. Юрьевъ. 1906. П. в. в.—36) Библіотека «Свѣточа». № 4. Самодержавіе и печать въ Россіи. Спб. 1906. Б. А.—37) А. К. Джмвелеговъ. Очерки по исторіи Германіи 1806—1871 гг. М. П—аго.—38) Б. В. Варнеке. Наблюденія надъ древне-римской комедіей. Къ исторіи типовъ. Казань. 1905. А. Малеина.—39) Некрасовъ, П. Государство и академія. Синтезъ авторитетныхъ сужденій добросовѣстнаго меньшинства съ мнѣніями моральныхъ силъ доблестнаго большинства. М. 1905. А. Ф—на.—49) А. П. Барсуковъ. Автографы извѣстныхъ и замѣчательныхъ людей. (Изъ архива С. Ю. Витте). Спб. 1905. В. Руданова.—41) Берлинскій Братскій Ежегодникъ. Православныя церкви и русскія учрежденія за границею. Съ 86 рисунками. Протоіерея А. П. Мальцева. Справочникъ съ календаремъ на 1906 годъ. Изданіе Берлинскаго св. Князь-Владимирскаго братства, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ его императорскаго высочества, великаго князя Владимира Александровича. Спб. 1906. А. М.—42) Д-ръ Н. Эристовъ-Шерваширзе. Памятная записка о нуждахъ грузинскаго народа. Съ картой Грузіи. Москва. 1906. А. Хах—ова.—43) Политическій строй современныхъ государствъ. Томъ II. Спб. 1906. П. Б.—44) Отчетъ императорской Публичной библіотеки за 1900 и 1901 г.г. Спб. 1906. А. Б.—45) Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Подъ редакціей А. И. Введенскаго. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе». Спб. 1906. А. Ф.—46) Записныя книги и бумаги старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. Документы XVIII—XIX в.в. бывшаго архива оружейной палаты. Составилъ архиваріусъ Московскаго отдѣленія общаго архива министерства императорскаго двора, Александръ Успенскій. М. 1906. В. Руданова.—47) И. И. Замотинъ. Литературныя эпохи XIX столѣтія. Очерки по исторіи русской литературы. I—VI. Варшава. 1906. А. М—на.—48) Гравюры И. П. Пожалостина. Каталогъ. Составилъ С. П. Виноградовъ. М. 1905. Б. Д.—49) Marjan Gumowski. Portrety Kosciuszki. Nakład «Kurjera Lwowskiego». L. 1906. (М. Гумовскій. Портреты Костюшки. Изданіе «Львовскаго Курьера»). Г. А. Воробьева.—50) Ончуковъ, Н. Е. Печорская старина (рукописи и архивы церквей Низовой Печоры). Спб. 1906. М.—51) Н. Лихачевъ. Письмо папы Пія V къ царю Ивану Грозному въ связи съ вопросомъ о папскихъ бреве. Этюдъ по дипломатикѣ папъ. Спб. 1906.—Его же. Древнѣйшая сфрагистика. Изъ лекцій по дипломатикѣ, читанныхъ въ археологическомъ институтѣ за 1904—1905 уч. годъ. Спб. 1906. А. Я.—52) Н. В. Малицкій. Исторія Суздальской духовной семинаріи (1723—1788 г.г.). Владиміръ-губернскій. 1905. В. Руданова.—53) В. Грибовскій. Что такое «зубояжа», какъ преступленіе. Спб. 1905. Профессора М. Красножена.—54) I. Декабристы. 86 портретовъ: видъ Петровскаао завода и 2 бытовыхъ рисунка того времени. Пояснительный текстъ приватъ-доцента Московскаго университета П. М. Головачева. Вступительная статья В. А. Мякотина. М. 1906. — II. Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ I. М. 1906.—III. Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства подъ редакціей А. К. Бороздина. Спб. 1906. — IV. М. В. Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ. Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла, съ вводной статьей. К. 1906. — V. Идеалы декабристовъ. Профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго. М. 1906. — VI. Декабристы. Кн. А. И. Одоевскій и А. А. Вестужевъ-Марлинскій. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность. Н. Котляревскаго. Спб. 1907. Б. Глинскаго.—55) А. С. Суринъ. О Димитріи Самозванцѣ. Критическіе очерки. Спб. 1906. М. К. —56) Чтеніе въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1906 г. Книга первая. М. 1905. К.—57) В. М. Истринъ. Изслѣдованія въ области древне-русской литературы. I—V. Спб. 1906. Александрова.—58) Волжскій. Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей. Спб. 1906. А. Фомина.—59) Н. Покровскій. Чеховъ въ значеніи русскаго писателя-художника. Москва. 1906. Ф.—60) Г. Г. Савичъ. Къ вопросу о мелкой земской единицѣ: село Павлово и его общественное устройство. Спб. 1906. В. К. Кузнецова.—61) В. Ш.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ІЮЛЬ, 1906 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ, 1906 г.

(См. слѣд. стран.).

ЗВѢЗДА ЦЕСАРЕВНЫ [1].

(1710—1734 г.).

XIII.

КОРОТКІЙ зимній день подошелъ къ концу. Не успѣли заблаговѣстить къ вечернѣ, а ужъ на улицахъ была такая темень, что въ двухъ шагахъ не отличишь родного отца отъ чужого, и замелькали въ рукахъ запасливыхъ пѣшеходовъ фонари, равно какъ и у катившихся по Невской перспективѣ возковъ и саней съ богатыми мѣховыми полостями, красиво разубранными лошадьми и ливрейными лакеями на запяткахъ.

Засвѣтился огонь и въ будкахъ охранителей порядка, передъ которыми прохаживались, чтобъ согрѣться, будочники, зорко посматривая по сторонамъ.

Къ такой освѣщенной внутри сальнымъ огаркомъ будкѣ подошелъ человѣкъ въ большой мѣховой шапкѣ, спускавшейся ему на глаза, и въ овчинной длинной чуйкѣ, крытой грубымъ чернымъ сукномъ домашняго издѣлія, подпоясанной краснымъ кушакомъ, и, нерѣшительно помявшись на мѣстѣ, повернулся было, чтобъ итти назадъ, когда будочникъ, уже давно обратившій на него вниманіе, его окликнулъ.

---

[1]) Продолженіе. «Историческій Вѣстникъ», т. CIV, стр. 697.

— Эй, ты, чужакъ! Чего ты здѣсь ищешь? Кого тебѣ надоть?

— Земляковъ ищу, служивый,—отвѣчалъ вопрошаемый, почтительно снимая свой смѣшной треухъ съ головы и низко кланяясь.

— А кто твои земляки? Хохлы, вѣрно?—полюбопытствовалъ будочникъ, невольно улыбаясь смѣшному говору юноши, его растерянному виду и красивому продолговатому лицу съ большими, черными, какъ спѣлыя вишни, глазами, съ длинными рѣсницами и тонкими бровями, на которыя спускались въ безпорядкѣ густые всклоченные темные кудри.

Это былъ настоящій красавецъ, высокій, стройный, съ правильными, точно у античной статуи, выточенными чертами, съ алыми губами, между которыми сверкали ослѣпительной бѣлизны зубы и съ пѣвучимъ, звучнымъ голосомъ, которому природный акцентъ придавалъ особенную обаятельную прелесть.

— Хохлы. А ты почемъ знаешь? — спросилъ онъ съ улыбкой, отъ которой заискрились его глаза.

— По говору. Васъ сейчасъ можно по говору узнать. А кто твои земляки? При какомъ они здѣсь дѣлѣ?

— Они въ пѣвчихъ.

— У кого въ пѣвчихъ? У насъ многіе бояре держатъ пѣвчихъ. Есть пѣвчіе при домовыхъ церквахъ у Шереметевыхъ, у Шуваловыхъ, у Воронцовыхъ, у Татищевыхъ, а также во дворцахъ у императрицы, у цесаревны Елисаветы Петровны...

— Они у нея, у цесаревны.

— Такъ бы и говорилъ. Вотъ тебѣ дворецъ цесаревнинъ,—указалъ будочникъ на высокое зданіе, красовавшееся въ сотнѣ шаговъ отъ будки.

Отъ свѣта, кое-гдѣ пробивавшагося изъ нѣкоторыхъ оконъ, тѣни сгущались вокругъ зданія еще чернѣе, и освѣщенныя окна показались юношѣ живыми и пристально на него глядѣвшими глазами.

— Такъ вотъ гдѣ она живетъ!—подумалъ онъ.

Сердце его забилось такимъ благоговѣйнымъ восторгомъ, что у него дыханіе перехватило въ груди. Какъ вкопанный, стоялъ онъ, не спуская глазъ съ дворца, превращавшагося въ его воображеніи во что-то сверхъестественно могучее и прекрасное, оживотворенное присутствіемъ той, которая казалась ему выше и недосягаемѣе всего на свѣтѣ. Не замѣчалъ онъ ни взгляда, полнаго недоумѣнія, устремленнаго на него будочникомъ, который начиналъ ужъ принимать его за помѣшаннаго, не чувствовалъ морознаго вѣтра, вихремъ проносившагося надъ его обнаженной головой, шевеля его тяжелыми густыми кудрями, опомнился онъ тогда только, когда будочникъ, дотронувшись до рукава его смѣшной хламиды, проговорилъ, указывая ему на ту стѣну дворца, гдѣ у растворенныхъ воротъ виднѣлся сторожъ.

— У цесаревны пѣвчіе живутъ во флигелѣ, на дворѣ. Спроси у сторожа, онъ тебѣ укажетъ, какъ туда пройти. А самъ-то ты гдѣ присталъ? Видать, недавно въ Петербургѣ, бродишь, какъ очумѣлый,—продолжалъ его допрашивать будочникъ.

— Сегодня только пріѣхалъ, съ полковникомъ Вишневскимъ, съ Ѳедоромъ Степановичемъ. Вывезъ онъ меня изъ Чемеръ такъ прытко, что ни съ кѣмъ изъ своихъ проститься я не успѣлъ.

— Что же это онъ тебя одного въ городѣ-то бросилъ?

— Онъ меня не бросалъ, я самъ... захотѣлось земляковъ повидать, завтра, можетъ, будетъ недосугъ, завтра меня поведутъ къ пѣвчимъ ея величества...

— Тебя, значитъ, въ царскую капеллу привезли? Ладно. Ну, ступай къ твоимъ землякамъ да попроси ихъ тебя скорѣе оболванить, чтобъ тебѣ такимъ простофилей по улицамъ столицы не шататься.

Онъ еще разъ объяснилъ ему, какъ ближе пройти во флигель, занимаемый цесаревниными пѣвчими, и минутъ черезъ десять юноша стучался въ дверь длиннаго флигеля, изъ котораго, вмѣстѣ со свѣтомъ изъ оконъ, доносилось громкое пѣніе, прерываемое громкимъ смѣхомъ и восклицаніями.

На вопросъ человѣка, отворившаго ему, кто онъ, и кого ему здѣсь нужно,—онъ отвѣчалъ, что зовутъ его Розумомъ, что пріѣхалъ онъ изъ Малороссіи, и что желательно ему повидать земляковъ, Илью Ивановича Тарасевича и Василья Дмитрича Божка.

— Розумъ! Алешка! Какъ ты сюда попалъ?.. И какъ же ты выросъ! Ни за что бы тебя не узнать, кабы ты самъ не назвался!—вскричалъ молодой сутуловатый человѣкъ, выбѣжавшій въ сѣни, чтобъ узнать, кому вздумалось ихъ посѣтить, и втаскивая земляка въ горницу.

Выскочили изъ сосѣднихъ комнатъ остальные жильцы флигеля, гостя окружили, сняли съ него хламиду, выхватили изъ его рукъ мѣховой треухъ, ввели въ большую, освѣщенную двумя кенкетами залу, съ клавесиномъ и съ поставцами, заваленными нотами вдоль стѣнъ, двумя-тремя дюжинами ясеневыхъ стульевъ и, не переставая закидывать его разспросами о родинѣ и объ оставшихся тамъ близкихъ, усадили его на диванъ, обитый кожей, и, наставивъ на стоявшій передъ нимъ овальный столъ всякой ѣды и питья, стали наперерывъ угощать его всѣмъ, что нашлось въ кладовой и въ кухнѣ.

— Такъ ты въ императорскую капеллу привезенъ? Жаль, что не къ намъ,—замѣтилъ Божокъ,—тамъ все нѣмцы распроклятые орудуютъ и такіе завели порядки, что русскому человѣку хоть въ петлю лѣзть отъ нихъ. А у насъ здѣсь весело, насъ цесаревна въ обиду не даетъ и, какъ родная, о насъ заботится. Ѣда у насъ изрядная, ливрея красивая, и свобода ходить по гостямъ — полная,

только не напивайся до безобразія, да будь на своемъ мѣстѣ къ спѣвкамъ, ничего больше не требуется. И одеждой не стѣсняютъ, у нихъ, у императорскихъ, по нѣмецкому порядку, о каждомъ прорванномъ сапогѣ слѣдствіе да розыскъ, измучатъ допросами да выговорами, а у насъ, какъ, что нужно, заяви въ контору, сейчасъ дадутъ приказъ мѣрку снять да новые сдѣлать. На счетъ вольнаго заработка то же самое: отъ приглашеній на похороны, на крестины, на свадьбы и на большіе обѣды, отъ именитыхъ бояръ да отъ богатаго купечества отбоя нѣтъ, такъ что и денежки бы у всѣхъ у насъ водились, кабы не транжирили по трактирамъ съ вольными дѣвками да съ картежниками. А ужъ такіе кутежи, вѣстимо, безъ вина не обходятся, потому и голоса скоро портятся...

Розумъ слушалъ эти розсказни съ недоумѣніемъ и негодованіемъ. Съ ума они спятили, чтобъ, пользуясь такимъ великимъ счастьемъ, жить въ двухъ шагахъ отъ цесаревны, пѣть въ ея присутствіи, числиться на ея службѣ, думать о водкѣ да о вольныхъ дѣвкахъ!

— И часто вы ея высочество видите?—робко спросилъ онъ.

— Это цесаревну-то нашу? Да каждый день. Такая охотница до церковнаго пѣнія, что, когда новенькое разучиваемъ, она сама къ намъ приходитъ на спѣвку и намъ подтягиваетъ...

— Здѣсь? — сорвался помимо воли съ губъ Розума полный изумленія вопросъ.

— Здѣсь. Мы ужъ къ этому привыкли. Послѣ спѣвки она насъ заставляетъ наши казацкія пѣсни пѣть, а потомъ прикажетъ принести изъ дворца угощеніе и сама намъ по стаканчику вишневой наливки подноситъ и сидитъ тутъ у насъ, калякаетъ съ нами...

— Сама?... Здѣсь?... Въ этой горницѣ сидитъ?...

Можетъ быть, на томъ самомъ мѣстѣ, на которое его посадили?!

Въ волненіи онъ вскочилъ съ мѣста, и когда у него спросили, что съ нимъ и почему не допиваетъ онъ стаканъ сбитня, который ему налили, чтобъ его согрѣть, онъ, набравшись смѣлости, спросилъ, нельзя ли ему сюда прійти, когда цесаревна здѣсь будетъ.

— Мнѣ хоть бы однимъ глазкомъ на нее взглянуть... изъ щелочки... въ замочную скважину, изъ другого покоя, такъ чтобъ она не замѣтила... Притаюсь... не дыхну... Братики родные, окажите милость... облагодѣтельствуйте!—взмолился онъ вдругъ, такъ умильно, что всѣ расхохотались и долго не могли унять порывъ веселости: какъ взглянутъ на его растерянное, смѣшное лицо, такъ снова начинаютъ смѣяться.

— И потѣшилъ же ты насъ, Розумъ!—сказалъ наконецъ Божокъ.—Да такихъ дурачинъ, какъ ты, одна только наша Украйна родитъ! Надо и намъ его потѣшить, братцы, показать ему цесаревну... Илья Ивановичъ,—обратился онъ къ Тарасевичу,—ты съ

камерфрейлиной ея высочества, Ветловой, знакомство водишь, сходи-ка къ ней да разскажи ей, какой чудной парубокъ къ намъ въ столицу прибылъ, пусть она про него цесаревнѣ скажетъ...

— Что вы, Василій Дмитріевичъ! Нешто можно ея высочеству про такого чумазаго, какъ я, говорить!—испугался Розумъ.

— Дурень! Да ты ей тѣмъ и будешь забавенъ, что чумазый: умытые-то ей ужъ давно надоѣли, всю жизнь она съ ними. Ступай, ступай, Василій Дмитріевичъ, спѣвка-то у насъ еще не скоро начнется, успѣешь земляка довести да съ рукъ на руки Лизаветѣ Касимовнѣ сдать...

— Такъ ужъ пусть онъ со мной и самъ идетъ,—замѣтилъ Тарасевичъ, отыскивая шляпу съ позументомъ и направляясь въ прихожую, чтобъ снять съ вѣшалки плащъ.

Съ восторгомъ провалился бы Розумъ сквозь землю или убѣжалъ бы назадъ въ Чемеры, если бъ это было возможно, такъ смутило его такое быстрое и неожиданное исполненіе завѣтнѣйшаго его желанія, но ему не дали съ мыслями собраться: одинъ изъ земляковъ нахлобучилъ ему на голову шапку, другой хотѣлъ надѣть на него мѣховую его чуйку; однако общимъ голосомъ рѣшили, что не для чего подвергать его издѣвкамъ придворныхъ лакеевъ изъ-за оригинальной мѣстной одежды, на которую они и сами теперь безъ смѣха не могли смотрѣть, и разсудили, что онъ и безъ нея не замерзнетъ, проходя черезъ дворъ къ дворцу.

— Дома-то, поди чай, сколько разъ бѣгалъ въ одномъ кафтанишкѣ черезъ все мѣстечко, въ морозъ!

— Гдѣ замерзнуть! У него отъ радости кровь-то, поди, чай, ключомъ въ жилахъ бьетъ!

— Ты съ ума не сойди отъ восхищенія, какъ увидишь чудеса, что у насъ во дворцѣ...

Провожаемый этими шутками, Розумъ, какъ угорѣлый, вышелъ изъ флигеля, чтобы нагнать Тарасевича, который шагалъ большими шагами по тропинкѣ, протоптанной по двору къ галлереѣ, съ колоннами, въ которую онъ вошелъ, чтобъ, не останавливаясь, пройти дальше, черезъ свѣтлую залу въ коридоръ, съ дверью, растворенною въ полуосвѣщенные покои въ концѣ и съ плотно притворенными по одной сторонѣ, противъ высокихъ оконъ, выходившихъ въ садъ... Здѣсь, спутникъ Розума, остановившись передъ одной изъ этихъ дверей, что была послѣдняя къ той, что выходила въ освѣщенные покои, тихо въ нее постучался. Почти тотчасъ же она растворилась, и изъ нея выглянула молоденькая дѣвушка, въ бѣломъ кисейномъ очипкѣ и въ бѣломъ передникѣ.

— Вамъ Лизавету Касимовну, Илья Ивановичъ? — вѣжливо спросила она.

— Ее самую. У себя она?

— Да вотъ онѣ идутъ изъ покоевъ цесаревны,—указала дѣвушка на приближавшуюся къ двери въ коридоръ изъ внутрен-

нихъ покоевъ женскую фигуру, которая, завидѣвъ издали людей, остановившихся у входа въ ея помѣщеніе, ускорила шагъ и, узнавъ Тарасевича, привѣтливо ему поклонилась.

— Вы ко мнѣ, Илья Ивановичъ? По дѣлу, вѣрно?—спросила она, съ любопытствомъ оглядываясь на остановившемся въ почтительномъ разстояніи въ неописуемомъ смущеніи Розумѣ.

— Точно такъ-съ, сударыня. Вотъ позволилъ себѣ прійти, чтобъ вамъ представить моего земляка, Розума, Алексѣя.

При этомъ имени Ветлова еще внимательнѣе стала всматриваться въ красивое лицо юноши и съ привѣтливой улыбкой спросила:

— Вашу матушку зовутъ Натальей Демьяновной? Много про нее наслышана отъ моего кума, Ѳедора Ермилыча.

— Вы знаете Ѳедора Ермилыча?—радостно вскричалъ юноша съ просіявшимъ лицомъ.

— Знаю и васъ черезъ него знаю: онъ мнѣ про всѣхъ про васъ разсказывалъ и про то, что вы такой способный къ наукамъ, и что у васъ прекрасный голосъ...

— Его сюда привезъ полковникъ Вишневскій, чтобъ въ императорскую капеллу опредѣлить,—вставилъ Тарасевичъ.

— Дѣйствительно, значитъ, голосъ у васъ прекрасный, если ужъ Ѳедоръ Степановичъ имъ прельстился, онъ такой же знатокъ въ голосахъ, какъ и въ винахъ,—прибавила она съ улыбкой, не спуская глазъ съ разрумянившагося отъ смущенія красиваго лица юноши.— Да что жъ мы тутъ стоимъ, войдите ко мнѣ, господа, я теперь свободна, до вечера въ большомъ дворцѣ, на который ѣдетъ цесаревна, остается добрыхъ два часа, и она меня, надо надѣяться, до тѣхъ поръ не потребуетъ...

Но Тарасевичъ, поблагодаривъ, извинился недосугомъ. У нихъ должна сейчасъ быть спѣвка, и надо еще малышей подтянуть, чтобъ не осрамились завтра передъ цесаревной.

— А земляка, если позволите, я у васъ оставлю, поколь онъ вамъ не надоѣстъ. Пусть онъ самъ вамъ скажетъ, какой превеликой милости онъ ждетъ отъ васъ,—прибавилъ онъ, кивая со смѣхомъ на своего спутника, который при послѣднихъ его словахъ отъ смущенія потупился.

— Ну, такъ войдите вы ко мнѣ одни, Алексѣй... Какъ васъ по батюшкѣ? Имя вашей матушки я хорошо помню, а какъ зовутъ вашего отца...

— Григоріемъ,—отвѣчалъ юноша, проникая за нею въ большую, свѣтлую горницу, съ окнами на дворъ, штучнымъ поломъ изъ разноцвѣтнаго дерева и красиво расписаннымъ потолкомъ, съ массивной мебелью изъ краснаго дерева, съ кроватью за ширмами въ углубленіи и большимъ кіотомъ, наполненнымъ образами въ красномъ углу, у высокаго окна. У одной изъ стѣнъ

стояли шкапы съ книгами и столъ съ письменными принадлежностями, другая была вся увѣшана старинными гравюрами, до которыхъ Лизавета Касимовна была большая охотница, все больше священнаго содержанія. Передъ иконами горѣла лампада, передъ окнами сторы были спущены, на письменномъ столѣ стоялъ бронзовый канделябръ съ зажженными восковыми свѣчами. Пахло тутъ цвѣтами отъ горшковъ съ цвѣтущими оранжерейными растеніями, которыми дворцовый садовникъ, по приказанію цесаревны, украшалъ помѣщеніе ея любимой камерфрейлины.

Съ первой минуты Розумъ почувствовалъ себя здѣсь такъ хорошо, точно давно зналъ и покой этотъ, и его хозяйку. И вѣдь оказалось, что онъ и на самомъ дѣлѣ ее хорошо зналъ черезъ Ермилыча: Лизавета Касимовна оказалась та самая Праксина, о которой онъ говорилъ и ему, и всѣмъ въ Лемешахъ, какъ о достойной супругѣ русскаго человѣка, Праксина, Петра Филиппыча.

— Я та самая Праксина и есть,—сказала она съ улыбкой, когда юноша, перебирая друзей Ермилыча въ Петербургѣ и Москвѣ, назвалъ семью Праксиныхъ, какъ людей, которыхъ и въ Украйнѣ знаютъ, какъ истинно русскихъ людей.

Вѣсть о мученической кончинѣ Петра Филипповича ни до Лемешей, ни до Чемеръ не дошла; Ермилычъ не заглядывалъ туда съ тѣхъ поръ, какъ собиралъ тамъ народный сходъ по случаю восшествія на престолъ внука Петра Великаго, и сообщать о подробностяхъ владычества, подъ царскимъ именемъ, Меншиковыхъ и Долгорукихъ въ томъ краѣ было некому; знали тамъ люди одно только, что государство правится не такъ, какъ слѣдуетъ, и что власть расхищается недостойными людьми, благодаря малолѣтству царя. Первое время послѣ воцаренія сына царевича Алексѣя малороссы были обрадованы нѣкоторыми льготами, чтó подало поводъ надѣяться, что если одинъ пунктъ изъ челобитной, довѣренной ими Ермилычу, исполненъ, то, можетъ быть, обратятъ вниманіе и на другіе; но надежды эти не оправдались, всѣ ихъ мольбы и представленія оставались безъ отвѣта, и, наконецъ, до нихъ дошелъ слухъ, что пока царствомъ правятъ Долгорукіе, не стоитъ ни о чемъ и просить, все равно ничего не прочтутъ и не захотятъ слушать.

— А ужъ какъ у насъ загоревали, когда узнали, что цесаревна опять отсунута отъ престола! Ужъ такъ сокрушались, такъ сокрушались, что даже хотѣли прислать ей это сказать черезъ выборныхъ ходоковъ, да добрые люди отсовѣтовали, чтобъ, Боже сохрани, ей безъ всякой для себя пользы не причинить лишней только скорби, — разсказывалъ Розумъ, ободренный милостивымъ вниманіемъ, съ которымъ его слушали.

— Да, теперь не дошло еще время русскимъ людямъ нашей цесаревнѣ преданность свою проявлять,—со вздохомъ замѣтила Ли-

завета Касимовна. — Надо ждать, чтобъ часъ воли Божіей наступилъ, ждать и молиться.

Она разспрашивала о его семьѣ, и онъ разсказалъ ей про то, какъ бѣдствуетъ его мать, поднимая на ноги, одна, многочисленную семью, и какъ Богъ милостивъ, посылая имъ свою помощь въ трудныя минуты. Съ наивнымъ чистосердечіемъ и чувствуя все возрастающее довѣріе къ своей слушательницѣ, которую до глубины души трогала его чистая вѣра въ Промыселъ Божій и беззавѣтная любовь къ матери и ко всей его семьѣ, распространялся онъ о множествѣ случаевъ въ жизни этой семьи, доказывавшихъ, по его мнѣнію, съ поразительною очевидностью этотъ пекущійся о нихъ Промыселъ свыше.

— Такъ туго мамѣ нашей пришлось, когда я долженъ былъ бѣжать къ дьячку въ Чемеры, такъ туго, что она рѣшила нищенскую суму надѣть да милостыню просить, и вотъ идетъ домой изъ города съ такими думами, а ей вдругъ, какъ блеснетъ въ глаза что-то такое въ травѣ. Нагнулась, видитъ ножикъ, да такой хорошій, дорогой, въ чистое серебро оправленъ, цѣлый карбованецъ жидъ за него далъ. Вѣрно, важный панъ, ѣдучи на охоту, обронилъ на наше счастье. До осени хватило денегъ прокормить семью, а тѣмъ временемъ работа подвалила, со всѣхъ сторонъ посылаютъ за мамой нашей, чтобъ то у одного изъ сосѣдей, то у другого хату обмазала. Мастерица вѣдь она у насъ на всѣ руки, — прибавилъ онъ съ гордостью.—Ни одному изъ насъ съ нею ни за что не сравняться.

— Оправитесь здѣсь, Богъ дастъ, будете ей деньги въ Лемеши высылать,—замѣтила съ улыбкой Ветлова.

— Охъ, кабы да скорѣе мнѣ хоть чѣмъ нибудь ее успокоить!— вздохнулъ онъ.—Трудно, говорятъ, жить при императорскомъ дворѣ человѣку простому, люди взыскательные и недоброжелательные. Издѣваться надо мною, поди, чай, станутъ,—прибавилъ онъ, поднимая на свою слушательницу ясный взглядъ своихъ красивыхъ глазъ.—Вѣдь я, что же, простой казакъ, никакой полуры у меня нѣтъ, ни стать, ни сѣсть, ни разговаривать по-придворному не умѣю... Вотъ вы, сударыня, по сердечной вашей добротѣ, изволите моими простыми рѣчами не скучать, такъ вы, поди, чай, однѣ такія здѣсь, а, впрочемъ, кому я здѣсь нуженъ? Вѣдь ни одного человѣка я здѣсь не знаю...

— Какъ не знаете? А Илья Ивановичъ Тарасевичъ, который васъ сюда привелъ? А теперь вотъ и меня узнали, Богъ дастъ, со временемъ заведется у васъ и знакомыхъ и друзей много, свѣтъ не безъ добрыхъ людей, Алексѣй Григорьевичъ... Къ тому же, если захотите надъ голосомъ своимъ работать, скучать вамъ и времени не будетъ.

— Я о голосѣ своемъ и думать пересталъ, съ тѣхъ поръ, какъ Ѳедоръ Степанычъ предложилъ въ Петербургъ меня съ собою взять...

— Какъ же это? Вѣдь изъ-за голоса-то васъ сюда и взяли, чтобъ вамъ въ царской капеллѣ пѣть?

— Оно такъ-то такъ, а только мысли у меня совсѣмъ на другое повернулись, и никакъ не могу я съ сердцемъ своимъ сладить, ничего не подѣлаешь!—вымолвилъ онъ съ отчаяніемъ.

Лизавета Касимовна слушала и смотрѣла на него съ возрастающимъ недоумѣніемъ. Что-то въ этомъ юношѣ было странное; неестественная восторженность какая-то, при большой природной сдержанности, заставляла его помимо воли высказывать то, что ему хотѣлось скрыть, и, опомнившись, онъ отъ смущенія приходилъ въ такое замѣшательство, что жалко было на него смотрѣть. Вспомнивъ, что Тарасевичъ, уходя, намекнулъ на какую-то просьбу своего земляка, исполнить которую, какъ будто, зависѣло отъ нея, она напомнила своему собесѣднику про этотъ намекъ и прибавила къ этому, что съ удовольствіемъ сдѣлаетъ для него все, что въ ея силахъ.

Смущеніе Розума такъ усилилось, что онъ съ минуту времени не въ состояніи былъ произнести ни слова, и, наконецъ, объявилъ, запинаясь передъ каждымъ словомъ, что единственное его желаніе—это увидѣть цесаревну.

— Мнѣ бы только взглянуть на нее, хотя бы издали... Земляки говорили, будто она къ нимъ иногда изволитъ приходить на спѣвки... Я просилъ ихъ мнѣ дозволить тогда, хотя изъ другой горницы, на нее взглянуть, а они, дурни, стали смѣяться, и Илья Ивановичъ привелъ меня къ вамъ... Я не виноватъ... они и выслушать меня не захотѣли... мнѣ бы только взглянуть на нее, больше ничего... объ этомъ счастьѣ я мечтаю съ тѣхъ поръ, какъ себя помню... задолго до прибытія Ермилыча къ намъ у насъ про нее въ народѣ шла молва, онъ только повторилъ то, что у меня давно въ сердцѣ жило и изъ ума не выходило,—путаясь въ словахъ, внѣ себя отъ волненія, говорилъ онъ, поощренный добродушной улыбкой, съ которой его слушали.

Еще одинъ изъ безумно влюбленныхъ къ сказочную царь-дѣвицу, дочь великаго Петра! Какъ ярко разгорается ореолъ ея славы по всему Русскому царству, благодаря неудачамъ и преслѣдованіямъ, которымъ она подвергается!

Лизавета Касимовна пожалѣла, что цесаревна не можетъ слышать этого юношу, не можетъ видѣть восторга, которымъ пламенѣетъ его красивое молодое лицо. Она умѣетъ цѣнить народную привязанность, увѣренность въ преданности русскихъ людей служитъ для нея величайшимъ утѣшеніемъ отъ всѣхъ невзгодъ...

— Вы непремѣнно увидите нашу цесаревну, Алексѣй Григорьевичъ, это очень легко. Она такъ доступна! Если бъ вы, по воца-

ренія государя Петра Втораго, увидѣлись съ Ермилычемъ, онъ бы вамъ разсказалъ, какъ она милостиво его приняла и какъ долго съ нимъ бесѣдовала, какъ разспрашивала его про Украйну и про нужды вашихъ земляковъ. Она очень добра и такъ проста въ обхожденіи, что вся ваша робость пропадетъ въ ея присутствіи, вотъ увидите. Сегодня это невозможно, она отдыхаетъ передъ баломъ и позоветъ меня не раньше, какъ часа черезъ два, но въ другой разъ я непремѣнно найду случай ей про васъ сказать, и она сама назначитъ, когда вамъ къ ней явиться... И это будетъ скоро, не безпокойтесь,—прибавила она, увидѣвъ, что юноша поднимается съ мѣста, чтобъ откланяться.

Усиліемъ воли онъ подавилъ чувства, волновавшія его сердце, и счастье, наполнявшее его, отражалось только въ его весело сверкавшихъ глазахъ.

— Вы куда же теперь отправитесь? Къ вашимъ землякамъ въ флигель? —спросила она, тоже поднимаясь съ мѣста.

— Нѣтъ, я къ нимъ сегодня больше не пойду... я лучше домой, —проговорилъ онъ съ усиліемъ.

— Какъ хотите. Я провожу васъ до выхода изъ дворца и, если желаете, дамъ вамъ провожатаго до дома Өедора Степаныча Вишневскаго? Вѣдь вы, разумѣется, у него пристали?..

— У него... завтра онъ меня повезетъ въ императрицыну капеллу...

— Прекрасно. Первое время вамъ оттуда отлучаться будетъ неудобно, а, какъ можно будетъ, загляните ко мнѣ. Идите себѣ прямо сюда, скажите сторожамъ, что вы мой знакомый... впрочемъ, я о васъ предупрежу, кого слѣдуетъ...

Послѣднія слова она говорила, уже выйдя изъ комнаты и направляясь съ нимъ по коридору, теперь освѣщенному кенкетами, въ большую бѣлую залу, сверкавшую позолотой своей обстановки. Совершенно съ противоположной стороны привелъ его сюда Тарасевичъ, но спутница его шла такъ увѣренно, что замѣтить ей это и спросить, не ошибается ли она,—онъ, разумѣется, не посмѣлъ. На тотъ свѣтъ пошелъ бы онъ за нею, не колеблясь, такое восторженное довѣріе внушала ему эта женщина, имѣвшая великое счастье жить подъ одной кровлей съ цесаревной, прислуживать ей, по нѣскольку разъ въ день ее видѣть и говорить съ нею.

Изъ бѣлой залы съ банкетками, обитыми алымъ бархатомъ, они прошли въ другую комнату, еще роскошнѣе обставленную, со стѣнами, обитыми парчей, и съ портретомъ во весь ростъ темнокудрой красавицы въ широкой позолоченной рамѣ. Тутъ царилъ полумракъ. Покой былъ очень великъ и освѣщался однимъ канделябромъ съ нѣсколькими восковыми свѣчами, у самаго портрета, съ котораго Розумъ не могъ спустить глазъ.

— Это—портретъ цесаревны, полюбуйтесь на нее сегодня хоть въ живописи, въ другой разъ увидите ее живую,—замѣтила Ветлова,

подводя своего спутника къ портрету.—Портретъ очень похожъ, но въ натурѣ она еще красивѣе,--прибавила она.

И сама она такъ заразилась восхищеніемъ юноши, что забылась съ нимъ въ созерцаніи художественнаго произведенія, изображавшаго ту, которую она такъ беззавѣтно любила, что пожертвовала и спокойствіемъ душевнымъ и семейнымъ счастьемъ съ избранникомъ сердца, чтобъ ей служить. Вдругъ, гдѣ-то, съ той стороны, къ которой они стояли спиной, передъ портретомъ, раздались поспѣшные шаги, шуршаніе шелковой робы, звонъ оружія, съ шумомъ растворилась дверь, и въ покой появилась сама цесаревна, въ сопровожденіи Шубина. Весело и оживленно разговаривая, между собой, они прошли мимо стоявшихъ передъ портретомъ, не замѣчая ихъ, и скрылись въ другую дверь напротивъ, ведущую во внутренніе покои хозяйки дворца.

Видѣніе длилось всего только нѣсколько секундъ и скрылось много раньше, чѣмъ Розумъ успѣлъ очнуться отъ восхищенія. Онъ стоялъ, какъ очарованный, не спуская глазъ съ двери, за которой исчезла царица его души, та, о которой онъ столько лѣтъ мечталъ, никогда ея не видѣвши и поклоняясь ей въ образѣ, созданномъ его воображеніемъ.

Насколько она оказалась прекраснѣе, величественнѣе, обаятельнѣе того, что онъ себѣ воображалъ, у него не нашлось бы словъ сказать. Не отыскалось бы также выраженій на человѣческомъ языкѣ объяснить и того, что происходило въ его душѣ въ эту минуту внезапнаго исполненія его завѣтнѣйшаго желанія; какъ потомъ онъ и самъ сознавался, минута эта была счастливѣйшая въ его жизни, и все необычайное, постигшее его впослѣдствіи, въ неожиданности своей и чарующей прелести, похожее гораздо больше на волшебную сказку, чѣмъ на дѣйствительность, не могло не только изгладить изъ его сердца впечатлѣніе этой минуты, но и уменьшить или превзойти то неземное блаженство, которымъ наполнилось все его существо. Въ полномъ смыслѣ этого слова чувствовалъ онъ себя какъ бы восхищеннымъ на небо, сознаніе всего земного исчезло безслѣдно, и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ самое понятіе о времени и пространствѣ для него не существовало. Машинально наклонилъ онъ голову на предложеніе Лизаветы Касимовны слѣдовать за нею къ выходу изъ цесаревниныхъ покоевъ въ комнаты, гдѣ она поручитъ лакею провести его дальше, машинально прошелъ за нею черезъ нѣсколько богато разубранныхъ покоевъ, ни на чемъ не останавливая взгляда и досадуя лишь на то, что онъ не можетъ зажмуриться, чтобъ еще сильнѣе сосредоточить всѣ силы своего воображенія на образѣ, запечатлѣвшемся въ его памяти неизгладимыми чертами. Спутница его ему что-то говорила, но онъ не въ состояніи былъ разобрать ея словъ и вникать въ ихъ смыслъ, и звукъ ея голоса его раздражалъ, отвлекая

отъ другихъ, внутреннихъ звуковъ, не перестававшихъ звучать въ ея ушахъ и къ которымъ было такое для нея счастье прислушиваться. Съ веселой улыбкой, отражавшейся въ ея чудныхъ глазахъ лазоревымъ блескомъ, проговорила цесаревна, проходя въ въ пятнадцати шагахъ отъ него: «А я имъ скажу, что на этотъ день уѣзжаю въ Москву...»

Кому она это сказала?

Тутъ только Розумъ вспомнилъ, что она была не одна, и рядомъ съ ея образомъ передъ его духовными очами явился другой.

— Кто былъ съ цесаревной?—спросилъ онъ у своей спутницы, невольно прерывая ея рѣчь, въ которую онъ не въ силахъ былъ вслушиваться.

Они подходили къ широкой лѣстницѣ. Снизу слышался сдержанный говоръ, и откуда-то, сбоку, выступила фигура лакея въ ливрейномъ кафтанѣ.

Вопросъ юноши смутилъ немного Ветлову, но на одно только мгновеніе: почти тотчасъ же отвѣтила она совершенно спокойно, что цесаревна проходила по портретной съ своимъ камергеромъ, Шубинымъ.

Въ первый разъ слышалъ это имя Розумъ, и никакихъ рѣшительно причинъ не было у него придавать какое либо значеніе этой первой встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ, о существованіи котораго онъ и не подозрѣвалъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, весь поглощенный въ созерцаніе царицы его души, онъ даже не взглянулъ на него, не замѣтилъ, старъ ли онъ или молодъ, красивъ или дуренъ, а, между тѣмъ, ревность такъ сильно стиснула сердце, что онъ поблѣднѣлъ отъ боли.

Прошло довольно много времени. Розумъ въ дворецъ цесаревны не являлся.

Впрочемъ, Лизаветѣ Касимовнѣ было не до того, чтобъ замѣчать его отсутствіе. Непріятности между цесаревной и императрицей учащались, къ ней ужъ совсѣмъ видимо придирались, чтобъ вывести ее изъ терпѣнія и довести до неосторожнаго взрыва негодованія, вслѣдствіе котораго можно было бы начать противъ нея явное преслѣдованіе съ роковыми, непоправимыми послѣдствіями. Преданные люди совѣтовали ей единогласно удалиться на время отъ двора, чтобъ дать пройти бурѣ, утихнуть страстямъ, успокоить подозрѣнія, но она со дня на день откладывала свой отъѣздъ, не внимая даже просьбамъ Шубина, который наконецъ рѣшился уѣхать въ Александровское одинъ.

Провожая его, цесаревна много плакала и чистосердечно сознавалась и ему, и своимъ приближеннымъ, что чувствуетъ себя очень несчастной и одинокой.

— И чуетъ мое сердце, что это только начало бѣдствій! Не успокоятся нѣмцы, поколь въ могилу меня не сведутъ!— повторяла она Маврѣ Егоровнѣ и Лизаветѣ, которыя не знали, какъ ее утѣшить: повторять отвергнутый совѣтъ тоже покинуть Петербургъ, со дня на день все больше и больше онѣмечивавшійся, не стоило труда, цесаревна была упряма и скрытна, у нея, безъ сомнѣнія, были причины здѣсь оставаться, а такъ какъ причинъ этихъ она никому не довѣряла даже въ минуты сильнѣйшаго отчаянія, то и вліять на измѣненіе ея рѣшенія не было никакой возможности. Приходилось терпѣть и ждать.

Между тѣмъ ликованіе иноземной партіи дошло до апогея. Пріѣхала выписанная изъ-за границы наслѣдница престола, избранная нѣмцами, некрасивая, четырнадцатилѣтняя принцесса Анна Леопольдовна, ожидали ея жениха, чистѣйшей воды нѣмца. Готовились къ свадебнымъ торжествамъ, на которыхъ должна была присутствовать бѣдная цесаревна. Описать душевныя муки ея приверженцевъ нѣтъ никакой возможности: все дальше и дальше отдалялось осуществленіе завѣтной мечты русскихъ людей видѣть на престолѣ дочь царя Петра, русскую по мыслямъ, по вѣрѣ, по любви и по пониманію русскаго народа. Все чувствительнѣе и тяжелѣе ложился нѣмецкій гнетъ на Россію, и казалось, что съ каждымъ днемъ все труднѣе и невозможнѣе его сбросить. Усиливался надзоръ за русскимъ духомъ во всѣхъ его проявленіяхъ, всюду появились соглядатаи и доносчики. По систематичной придирчивости и жестокости наступили времена ужаснѣе Петровскихъ.

Каждый разъ, когда цесаревна возвращалась изъ дворца, ближайшія къ ней женщины, Мавра Егоровна и Лизавета Касимовна, съ замирающимъ сердцемъ всматривались въ ея лицо, чтобъ угадать по его выраженію, не случилось ли съ ихъ обожаемой госпожей новой бѣды, новаго горя, и успокоивались тогда только, когда она имъ разсказывала про всѣ подробности пріема, про то, что сказала ей императрица, и что она ей возразила, про тяжеловѣсныя смѣшныя любезности, съ которыми, безъ сомнѣнія, для отвода глазъ, приступаетъ къ ней грубый нѣмецъ, котораго всѣ ужъ величаютъ не иначе, какъ герцогомъ, и передъ которымъ начинаютъ ужъ пресмыкаться именитые бояре лучшихъ россійскихъ родовъ... не всѣ, конечно, о, далеко не всѣ, но меньшинство людей съ гибкою совѣстью, не стыдившихся заискивать передъ иноземцемъ, уступчивостью своей еще рѣзче выдѣляя непреклонныхъ въ правилахъ народной чести, тѣмъ самымъ усиливали грозившую имъ опасность и отягчали ихъ положеніе.

И вотъ однажды, когда цесаревна вернулась изъ императорскаго дворца, гдѣ она присутствовала при богослуженіи, Ветлова была поражена особеннымъ ея оживленіемъ и веселостью. Давно ужъ не

видѣла она ея въ такомъ настроеніи, съ тѣхъ поръ, какъ она разсталась съ своимъ фаворитомъ.

Получила, вѣрно, отъ него пріятныя вѣсти? Но кто же во дворцѣ могъ ей про него говорить? Можетъ быть, императрица оказала ему какую нибудь милость, чтобъ сдѣлать удовольствіе своей соперницѣ?

Не ускользнула перемѣна въ расположеніи духа цесаревны и отъ Мавры Егоровны.

— Почему ваше высочество сегодня такъ рано изволили вернуться изъ дворца? Развѣ вашего высочества не приглашали завтракать съ императрицей, какъ всегда?—спросила она у своей госпожи въ то время, какъ Лизавета Касимовна снимала съ нея парадную робу, чтобъ замѣнить ее болѣе покойной.

— Я тамъ сегодня обѣдаю,—отвѣчала цесаревна.—Обѣщала герцогу, у меня до него есть просьба, и надо было доставить ему то же удовольствіе,—прибавила она небрежно, видимо думая о другомъ. А затѣмъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, она сказала своей камерфрейлинѣ, въ ту минуту, когда эта послѣдняя собиралась уходить, что слышала сегодня ея знакомаго, того украинскаго юношу, про котораго она ей говорила, новаго пѣвчаго, привезеннаго Вишневскимъ.

— И, что же, понравился его голосъ вашему высочеству?—спросила Ветлова.

— Прелесть! Я выговаривала Ѳедору Степановичу за то, что онъ не ко мнѣ его привезъ, а въ капеллу императрицы. Что они тамъ въ пѣніи понимаютъ? Да еще въ церковномъ! Ну, да мы его къ себѣ переманимъ, мнѣ въ этомъ герцогъ поможетъ. Я даже сегодня съ его Бенигной изъ-за этого полюбезничала и обезьянку его горбатую поласкала... Императрица съ этой милой семейкой не разстается, такъ и ходитъ окруженная нѣмецкими ребятишками. Набаловала ихъ до того, что нѣтъ отъ нихъ ни минуты покоя... А что ты мнѣ тогда разсказывала про этого пѣвуна?—обратилась она къ Лизаветѣ Касимовнѣ: — я тогда вниманія на твои слова не обратила и вспомнила про нихъ тогда только, когда его увидѣла.

Ветлова въ краткихъ словахъ разсказала ей біографію Розума и повторила то, что онъ ей передавалъ о чувствахъ къ ней украинцевъ.

— Да, да, я знаю, что меня тамъ любятъ, и этого юношу ужъ потому намъ надо къ себѣ взять, что онъ оттуда и вѣрно очень скверно чувствуетъ себя съ нѣмцами,—замѣтила цесаревна.

И весь этотъ день она была особенно весела, любезна и разговорчива со всѣми пріѣзжавшими засвидѣтельствовать ей свою преданность и уваженіе. И со всѣми она находила предлогъ вспомнить про новаго пѣвчаго, котораго слышала за обѣдней въ большомъ дворцѣ. Когда же она вернулась довольно поздно съ обѣда оттуда, первыми ея словами Лизаветѣ Касимовнѣ были:

— Дѣло слажено, говорила и съ герцогомъ и съ Левенвольдомъ: завтра нашъ соловей мнѣ будетъ представленъ.

На другой день Розумъ явился довольно рано утромъ во дворецъ цесаревны и, согласно данному еще наканунѣ вечеромъ приказу, былъ немедленно введенъ въ приватные покои цесаревны. Вскорѣ стало извѣстно, что ему отводятъ помѣщеніе не въ пѣвческомъ флигелѣ съ прочими пѣвчими, а въ самомъ дворцѣ, потому что цесаревнѣ желательно его слушать во всякое время.

Съ этого дня ея высочество дѣятельно стала собираться въ Москву, и, получивъ отъ своего фаворита письмо изъ Александровскаго, она поручила Лизаветѣ Касимовнѣ отвѣтить за нее Шубину, чтобъ онъ ихъ ждалъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Да не забудь ему и про Розума написать. Мы съ такимъ соловьемъ такія тамъ пѣсни заведемъ, что всѣхъ заставимъ забыть, что есть нѣмцы въ Россіи!—прибавила она со смѣхомъ.

XIV.

На время это удалось. Цесаревна зажила со своими приближенными въ деревнѣ своею обычною жизнью, проводя по цѣлымъ днямъ на свѣжемъ воздухѣ, въ катаніяхъ верхомъ и въ экипажахъ, въ прогулкахъ пѣшкомъ, а по вечерамъ у нея во дворцѣ пѣли, плясали и всячески забавлялись въ большихъ, ярко освѣщенныхъ покояхъ, угощались вкусными обильными ужинами, съ заграничными винами и домашняго приготовленія настойками, наливками, медами.

Въ свитѣ ея всегда можно было видѣть красавца Розума, но держалъ онъ себя такъ скромно и такъ стушевывался передъ тѣмъ, котораго давно привыкли считать ближайшимъ къ цесаревнѣ лицомъ, что никому не приходило въ голову въ немъ видѣть соперника Шубину въ сердцѣ дочери царя Петра Великаго.

Одна только Ветлова подозрѣвала истину, ей одной Шубинъ повѣрялъ первое время терзавшія его муки ревности.

— И что всего тяжелѣе для меня—это то, что я и ненавидѣть его не могу: такой онъ чистосердечный и такъ безумно ее любитъ,—сознавался онъ Лизаветѣ Касимовнѣ, когда становилось нестерпимо молчать и не искать сочувствія у дружески расположеннаго къ нему существа.

— Никогда она васъ на него не промѣняетъ,—возражала она,—вы другъ испытанный, и ни съ кѣмъ не можетъ она такъ откровенно говорить, какъ съ вами. Розумъ еще молодъ и такъ наивенъ, что понимать ее не можетъ, и она имъ забавляется, какъ игрушкой.

— Еще бы! Да если бъ было иначе, мнѣ оставалось бы только умереть. Я знаю, что въ тяжелыя минуты она всегда про меня вспомнитъ и всегда придетъ ко мнѣ за совѣтомъ и за утѣшеніемъ.

— А Розумъ ей только для пѣсенъ да для плясокъ нуженъ,— спѣшила подтвердить его собесѣдница.

Шубинъ много перемѣнился съ того дня, когда такъ наивно изумлялся, что цесаревна, отвѣчая на его любовь, медлитъ узаконить и освятить свою съ нимъ связь и предпочитала опасныя бури безнадежныхъ стремленій къ престолу мирной и счастливой жизни съ любимымъ человѣкомъ; теперь онъ многое понялъ и, въ ущербъ личной выгодѣ, во многомъ ей сочувствовалъ. Теперь онъ, наравнѣ со всѣми ея приверженцами, страстно желалъ ея воцаренія на престолъ ея отца и, какъ казалось Ветловой, не прочь былъ не одними словами, а также и дѣломъ этому способствовать. У него завелось большое знакомство въ Москвѣ, и изъ вырывавшихся у него словъ, въ минуты душевнаго возбужденія, можно было заключить, что онъ затѣваетъ что-то такое рѣшительное и, безъ сомнѣнія, опасное, съ новыми друзьями.

Однажды, во время продолжительной бесѣды съ Ветловой, въ то время, какъ цесаревна каталась въ саняхъ съ Розумомъ, Шубинъ сознался ей, что онъ отказался отъ катанія, подъ предлогомъ нездоровья, нарочно, чтобъ уступить свое мѣсто въ царскомъ экипажѣ Розуму.

— Я же вижу, что она на него насмотрѣться не можетъ, ну, и пусть! Того, что я для нея же сдѣлаю, этому красавчику, съ влюбленными глазами, ни за что не сдѣлать, и когда она узнаетъ, тогда...

Онъ не договорилъ, какъ бы испугавшись нечаянно сорвавшагося съ языка признанія, а Ветлова притворилась, что не придала этому признанію никакого значенія; но съ этой минуты подозрѣнія ея усилились, и она стала искать случая вызвать его на большую откровенность. А онъ, между тѣмъ, началъ замѣтно отъ нея отдаляться, чаще прежняго уѣзжалъ въ Москву, возвращался назадъ въ возбужденномъ настроеніи, запирался, подъ предлогомъ нездоровья, въ своихъ покояхъ, гдѣ, отказываясь отъ посѣщеній не только ближайшихъ къ цесаревнѣ лицъ, но и ея самой, принималъ своихъ новыхъ московскихъ пріятелей, которыхъ, ни съ кѣмъ не познакомивъ, самъ провожалъ пѣшкомъ черезъ паркъ къ тому мѣсту, гдѣ ихъ дожидались привезшія ихъ сюда лошади, и такъ старательно избѣгалъ разспросовъ, какъ на ихъ счетъ, такъ и на счетъ своихъ поѣздокъ въ Москву, что ничего больше не оставалось, какъ перестать ихъ ему предлагать.

Все больше и больше [убѣждалась Лизавета Касимовна, что Шубинъ готовится кинуться, очертя голову, въ опаснѣйшій омутъ, въ надеждѣ доказать цесаревнѣ, что онъ достоинъ ея любви, и, сознавая свою безпомощность остановить его на краю гибели, она рѣшила посовѣтоваться на этотъ счетъ съ Маврой Егоровной.

Оказалось, что Мавра Егоровна вполнѣ раздѣляетъ опасенія Ветловой. Она была убѣждена, что въ самомъ Александровѣ есть

шпіоны, слѣдящіе за каждымъ ихъ шагомъ и доносившіе Бирону про все, что здѣсь дѣлается, говорится и замышляется.

— Я ужъ про это говорила съ цесаревной...

— Съ цесаревной! Неужели и ей это тоже извѣстно?—вскричала внѣ себя отъ изумленія Ветлова.

— Ей такъ хорошо это извѣстно, что Александрово утратило для нея всякую прелесть, и мы, вѣроятно, очень скоро. переѣдемъ въ Петербургъ. Тамъ будетъ труднѣе взвести на нее клевету, чѣмъ здѣсь.

— Могу я передать Шубину ваши слова?

— Пожалуйста, я хотѣла васъ объ этомъ просить, чтобъ онъ бросилъ свою опасную затѣю. Въ Петербургѣ ему не съ кѣмъ будетъ объ этомъ и думать. Вы даже можете ему сказать, что цесаревна намѣрена раньше времени покинуть Александрово, чтобъ избавиться отъ Бироновскихъ клевретовъ, присланныхъ сюда, чтобъ за нею слѣдить; авось, хоть это заставитъ его образумиться.

Но сообщеніе это не произвело на Шубина никакого впечатлѣнія. Выслушалъ онъ Ветлову терпѣливо и безъ возраженій, какъ человѣкъ, котораго ничто на свѣтѣ не заставитъ отказаться отъ того, что онъ считаетъ единственной для себя цѣлью въ жизни, и съ этого дня сталъ еще старательнѣе избѣгать оставаться съ нею наединѣ и чаще прежняго уѣзжалъ въ городъ. Къ нему же никто больше изъ Москвы не ѣздилъ.

Наконецъ, и цесаревна обезпокоилась перемѣной въ томъ, котораго она еще называла своимъ сердечнымъ другомъ, и въ одно прекрасное утро очень долго съ нимъ бесѣдовала, запершись въ уборной, а, вышедши оттуда, сказала Лизаветѣ Касимовнѣ:

— Онъ, кажется, теперь успокоился. Мнѣ удалось его убѣдить, что съ его стороны глупо ревновать меня къ Розуму. Развѣ этотъ юноша можетъ мнѣ его замѣнить? Развѣ онъ можетъ мнѣ быть другомъ?

Однако, въ тотъ же день Шубинъ все-таки уѣхалъ въ Москву, вернулся оттуда поздно ночью и такой разстроенный, что на другой день не явился къ завтраку, къ которому ждала его цесаревна.

Растревоженная, она сама къ нему пошла, но его дверь оказалась запертой, а Лизаветѣ Касимовнѣ, обратившейся съ разспросами къ его камердинеру, удалось узнать, что баринъ его вернулся изъ Москвы «не въ своемъ видѣ».

— Опоили его, вѣрно, зельемъ какимъ, очнуться до сихъ поръ не можетъ. Всю ночь былъ, какъ въ бреду и въ какой-то ярости. Они ужъ давно начали пить, и по всему видать, что запой на нихъ находитъ...

Повѣствованіе свое онъ заключилъ тѣмъ, что упалъ передъ нею на колѣни, умоляя держать сказанное ей въ тайнѣ.

Жизнь въ Александровѣ становилась невыносима, и всѣ обрадовались, какъ избавленію, когда цесаревна объявила, что до весенней распутицы намѣрена переѣхать въ Петербургъ.

Но когда всѣ приготовленія были сдѣланы, наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда, Шубинъ опять исчезъ, оставивъ цесаревнѣ письмо, надъ которымъ она долго плакала, запершись въ своей спальнѣ, а затѣмъ приказала Ветловой распорядиться, чтобъ пѣвчіе съ Розумомъ немедленно уѣзжали прямо въ Петербургъ, останавливаясь въ Москвѣ для того только, чтобъ перемѣнить лошадей.

— Чтобъ ихъ ужъ тамъ не было, когда мы пріѣдемъ,—объявила она.—И ты сама это должна объявить Розуму, я не хочу его видѣть передъ отъѣздомъ отсюда.

Лизавета Касимовна поняла, что это была жертва, приносимая Шубину вслѣдствіе его письма, и она отправилась исполнять порученіе.

Розумъ и здѣсь тоже занималъ помѣщеніе отдѣльно отъ товарищей, въ одномъ изъ флигелей дворца, и Ветлова нашла его, углубленнаго въ приготовленія къ отъѣзду. Выслушалъ онъ про новое распоряженіе цесаревны очень спокойно, не выражая ни удивленія, ни разочарованія, и только спросилъ, «почему именно ему это сообщаютъ: вѣдь не онъ распоряжается царскимъ поѣздомъ».

— Ея высочеству, вѣроятно, было угодно васъ предупредить, что вы поѣдете не съ нею, какъ было условлено раньше,—отвѣчала Ветлова.

Съ каждымъ днемъ недоумѣвала она все больше и больше передъ характеромъ этого юноши. Такого такта, осторожности, умѣнія собою владѣть и душевной твердости ужъ, конечно, никто изъ знавшихъ его раньше отъ него не ожидалъ. Да и самъ онъ врядъ ли подозрѣвалъ, какого рода душевныя свойства въ немъ проявятся въ новомъ положеніи, при близости той, о которой онъ мечталъ въ степяхъ далекой Украйны.

Явнаго фавора ему еще не оказывали. Сама цесаревна еще не подозрѣвала, какое чувство влечетъ ее къ безумно влюбленному въ нее юношѣ, и какъ будетъ сильно и прочно это чувство, а, между тѣмъ, ему ужъ удалось выдѣлить себя отъ окружавшей его среды, какъ ему равныхъ, такъ и низшихъ и высшихъ. Надменные вельможи, справедливо гордившіеся знатностью и древностью своего рода, образованіемъ, богатствомъ и заслугами передъ отечествомъ, встрѣчаясь съ нимъ въ апартаментахъ цесаревны, невольно задумывались передъ таинственнымъ юношей, сыномъ простого украинскаго казака, который съ такимъ чистосердечнымъ спокойствіемъ выдерживалъ ихъ пытливые взгляды, и недоумѣвали передъ его самообладаніемъ, сдержанностью и душевною твердостью. Нельзя было его упрекнуть ни въ наглости, ни въ робости, ни въ хитрости; во всемъ онъ былъ какой-то особенный, и ни съ какой стороны

нельзя было къ нему подойти поближе, чтобъ его разгадать. Ни въ комъ не заискивая, онъ никому не отказывалъ въ услугѣ, но когда говорилъ «нѣтъ», то ужъ никто не могъ заставить его сказать «да». И упорство это въ немъ было не вслѣдствіе самомнѣнія, а просто потому, что въ душѣ его было что-то такое превыше ума и воли, что-то такое, противиться чему онъ былъ не въ силахъ. Терпѣнію его не было границъ, и можно было думать, что онъ мнитъ себя безсмертнымъ: такъ стойко и, повидимому, равнодушно относился онъ къ задержкамъ и къ отсрочкамъ въ достиженіи намѣченной цѣли. Никогда не задумывался онъ надъ послѣдствіями внѣшнихъ явленій, никогда не разбиралъ ихъ вліянія на его судьбу, наслаждаясь выпадавшими на его долю блаженными минутами и страдая отъ ихъ отсутствія безсознательно, какъ бы подъ напоромъ внѣшней невидимой таинственной силы, направлять которую въ ту или въ другую сторону ему даже и въ голову не приходило.

Правда, что у него были причины беззавѣтно вѣрить въ благость къ нему Провидѣнія: жизнь его, безъ всякаго съ его стороны усилія, складывалась такъ, какъ онъ въ самыхъ дерзкихъ своихъ мечтаніяхъ никогда не осмѣливался себѣ представить.

Цесаревна отправила впередъ своего новаго любимца, чтобъ успокоить стараго, и чтобъ доказать ему, что чувства ея къ нему не измѣнились. Цѣлый день пробыли они въ Москвѣ вдвоемъ, и Лизавета Касимовна этимъ воспользовалась, чтобъ навѣстить свою пріемную мать въ томъ монастырѣ, въ которомъ она теперь жила.

Здѣсь, какъ всегда, узнала она много новостей и сплетенъ отъ отшельницъ, которыхъ пріѣзжали навѣщать московскія боярыни и боярышни, ихъ ближнія и дальнія родственницы, и на этотъ разъ новости были для нея пренепріятныя: оказывалось, что ужъ по городу носились смутные слухи о заговорѣ въ пользу цесаревны, и ужъ упоминалось имя Шубина.

Принимать на вѣру эти сплетни, разумѣется, нельзя было, мало ли что болталось въ монастыряхъ, однако слухи эти на этотъ разъ такъ согласовались съ ея собственными опасеніями, что оставаться къ нимъ вполнѣ равнодушной было трудно, и Ветлова вернулась во дворецъ въ удрученномъ настроеніи.

Цесаревна ужъ отужинала вдвоемъ съ Шубинымъ и удалилась съ нимъ въ маленькую гостиную, какъ бывало часто дѣлывала раньше, до отъѣзда въ Петербургъ, по воцареніи Анны Ивановны, и когда Лизавета Касимовна про это узнала, она съ облегченнымъ сердцемъ прошла къ себѣ, чтобъ отдохнуть, пока ея не потребуютъ къ госпожѣ.

Отъѣздъ въ Петербургъ былъ назначенъ на слѣдующій день рано утромъ до свѣта. Большой дорожный возокъ былъ уже вывезенъ изъ каретника на дворъ, гдѣ были конюшни, и люди укла-

дывали въ него сундуки и баулы при свѣтѣ фонарей. Мавра Егоровна наканунѣ уѣхала съ частью свиты, чтобъ приготовить все къ прiѣзду цесаревны въ дворцѣ у Лѣтняго сада. Цесаревну должны были сопровождать Шубинъ и Ветлова въ возкѣ, съ двумя камерлакеями въ кибиткѣ, прочая же свита, отправленная раньше, ждала ея высочество на станцiяхъ, гдѣ она должна была останавливаться, чтобъ кушать и отдыхать. Ночи были лунныя, и предполагалось ими пользоваться, чтобъ скорѣе доѣхать до мѣста.

Когда Лизавета Касимовна вошла въ свою комнату по возвращенiи изъ монастыря, ей подали письмо отъ мужа, и едва успѣла она его прочитать, едва успѣла узнать, что онъ не перестаетъ по ней скучать и умолять ее дозволить ему къ ней прiѣхать, если она сама не можетъ бросить свою службу при цесаревнѣ и прiѣхать, хотя бы на время, чтобъ взглянуть на новый домъ, выстроенный для нея, на ихъ садъ и на все ихъ хозяйство, какъ прибѣжали ей доложить, что ея высочество требуетъ ее къ себѣ. Поспѣшно спрятавъ недочитанное письмо въ баулъ съ драгоцѣнностями, стоявшiй у изголовья ея кровати, Ветлова поспѣшила пройти въ спальню своей госпожи, откуда выходилъ Шубинъ, который, завидѣвъ ее издали, ускорилъ шагъ, чтобъ къ ней подойти.

— Насилу-то дождался я васъ, Лизавета Касимовна,—сказалъ онъ, подозрительно оглянувшись по сторонамъ и понижая почти до шопота голосъ.

— Я не думала, что раньше ночи понадоблюсь цесаревнѣ.

— Вы и ей и мнѣ всегда нужны. Усердно прошу васъ убѣдить ея высочество дозволить мнѣ не сопровождать ея въ Петербургъ,—продолжалъ онъ съ несвойственнымъ ему раздраженiемъ въ голосѣ, заставившимъ Ветлову вспомнить про слышанное объ его новой, пагубной слабости.—Увѣряю васъ, что вы будете жалѣть, если заставите меня ѣхать въ этотъ адъ! Я за себя не ручаюсь... мнѣ надо пожить одному, успокоиться отъ всего пережитаго и выстраданнаго въ эти три мѣсяца... Она не хочетъ этого понимать...

— Она васъ любитъ...

— Знаю, что любитъ, но не настолько, чтобъ войти въ мое положенiе, чтобъ понять, какъ мнѣ нужно ей послужить,—перебилъ онъ свою собесѣдницу съ возрастающимъ волненiемъ.—Да что тутъ распространяться! Не могу я теперь отсюда уѣзжать, да и все тутъ! И не могу ей сказать—почему... не скажу этого и вамъ, никому не скажу...

У Ветловой блеснула въ головѣ, какъ ей показалось, счастливая мысль.—Вотъ что вы сдѣлайте, Алексѣй Яковлевичъ. Цесаревны не переупрямишь, и я ни за что не осмѣлюсь ее просить, чтобъ она отказалась отъ своего прожекта, а вы поѣзжайте съ нами, поживите въ Петербургѣ, потѣшьте ее, а потомъ и возвращайтесь сюда...

У него гнѣвно сверкнули глаза.

— Вы съ ума сошли! Раньше, какъ черезъ недѣлю, туда не доѣдешь, а мнѣ надо... Я жду друзей изъ провинціи къ масленицѣ,— прибавилъ онъ, опомнившись и подавивъ въ себѣ раздраженіе, болѣе спокойно.

— Что это за друзья, Алексѣй Яковлевичъ? Прежде у васъ не было такихъ друзей, которыхъ цесаревна бы не знала...

— Мало ли что прежде было! Прежде и при цесаревнѣ не было такого хлопца, котораго бы она такъ заласкивала, какъ этого... вы знаете, про кого я говорю! Такъ вы отказываетесь оказать мнѣ услугу, о которой я прошу?

— Не могу, Алексѣй Яковлевичъ. Цесаревна и слушать меня не захочетъ, она пошлетъ за вами и повторитъ вамъ то, что вы ужъ отъ нея слышали...

— Хорошо. Я теперь знаю, что мнѣ остается дѣлать.

Съ этими словами онъ направился большими шагами къ двери, чтò вела въ занимаемыя имъ комнаты, а Ветлова пошла въ другую, въ уборную цесаревны, а оттуда въ ея спальню, гдѣ она застала свою госпожу, прохаживавшуюся большими шагами взадъ и впередъ по обширному покою.

— Что ты какъ долго не шла? Я, Богъ знаетъ, когда за тобою послала!—запальчиво вскричала она при появленіи камеръюнгферы.

Ветлова отвѣчала, что, получивъ давно ожидаемое письмо отъ мужа, позволила себѣ дочитать его до конца, прежде чѣмъ итти на зовъ ея высочества.

— Что же онъ тебѣ пишетъ? Скучаетъ, вѣрно, безъ тебя, уговариваетъ меня бросить и къ нему ѣхать?.. Не слушай его, тезка! Никогда еще не была ты мнѣ такъ нужна, какъ теперь! Никогда еще не было мнѣ такъ страшно, никогда не была я такъ безнадежно несчастна и такъ безпомощна... такъ одинока!—вскричала она со слезами. — Ты получила письмо, и у меня тоже, пока ты была въ монастырѣ, были вѣсти... оттуда, изъ самаго ада, отъ человѣка, который при нѣмцахъ... Меня рѣшено погубить... ждутъ только, чтобъ я подала поводъ...

— Надо быть осторожнѣе и повода не подавать, ваше высочество.

— Тебѣ легко говорить!

Отъ этихъ словъ у Ветловой сердце залило горечью. Ей легко! Когда она лишена даже счастья видѣть своего сына! Вотъ скоро годъ, какъ она не могла вырваться въ имѣніе подъ Москвой, гдѣ онъ живетъ... у чужихъ!

— Посмотрѣла бы я, что бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ!—продолжала, между тѣмъ, цесаревна. - Мнѣ стоитъ только къ кому нибудь привязаться, чтобъ на этого человѣка поднялось гоненіе... Что я должна была сегодня выслушать отъ Шубина! Онъ никакъ

не хочетъ примириться съ тѣмъ, что меня опять отсунули отъ престола, онъ всѣхъ моихъ приверженцевъ обвиняетъ въ бездѣйствіи, чуть не въ измѣнѣ... онъ съ отчаянья пить началъ... Да, да, онъ мнѣ самъ сознался въ этомъ... Да я и безъ его сознанія давно объ этомъ догадывалась! Съ нимъ не знаешь, какъ и говорить, совсѣмъ очумѣлъ съ горя! Цѣлый день объясняла я ему, что оставаться здѣсь безъ меня ему немыслимо, что этимъ непремѣнно воспользуются, чтобъ его погубить, чуть не на колѣняхъ умоляла я его, чтобъ онъ сжалился надо мною, не усиливалъ моихъ бѣдствій... вѣдь я люблю его, я жить безъ него не могу, одинъ только онъ и поддерживаетъ во мнѣ силу бороться съ врагами, терпѣть и ждать... а чего—и сама ужъ теперь не знаю!

— Вспомните про народъ, ваше высочество.

— Народъ! Что же онъ можетъ сдѣлать? подняться? Ихъ всѣхъ перерѣжутъ! А развѣ можно быть увѣренной, что вмѣсто этихъ не поднимутся противъ меня другіе? Ждали мы Долгорукихъ послѣ Меньшиковыхъ? ждали мы Бирона послѣ Долгорукихъ? Почемъ мы знаемъ, кто сдѣлается жертвой народнаго возстанія? Можетъ быть, я первая и со мною вы всѣ! Нѣтъ, нѣтъ, не хочу я брать такого страшнаго, незамолимаго грѣха на душу, чтобъ мой народъ православный сдѣлался изъ-за меня душегубцемъ. Все, все, только не это! Подумай только, противъ кого онъ поднимется! Противъ своихъ же, противъ русскихъ! На одного нѣмца сотня русскихъ погибнетъ... а нѣмцы спасутся, вотъ увидишь, что спасутся! Они такъ хитры и такъ ловки! Какъ Биронъ-то дѣйствуетъ! За другихъ, за русскихъ прячется, всю свою грязную, кровавую работу черезъ нашихъ же дѣлаетъ... Насажалъ вездѣ русскихъ воеводъ, которые свирѣпѣе нѣмцевъ оказываются... Какъ же! Мнѣ разсказывали, что онъ постоянно за меня передъ императрицей заступается. Его же клевреты на меня клевещутъ ей, а онъ заступается за меня!

— Это доказываетъ, что онъ васъ боится,—вставила Ветлова.

У цесаревны сверкнули глаза, и она надменно выпрямилась.

— Да, онъ меня боится! Я,—дочь Петра Великаго, и правъ моихъ на престолъ никто у меня отнять не можетъ! А вырвать изъ сердца увѣренность, что я буду царствовать,—можетъ одна только смерть. И вотъ почему они не успокоятся, пока я жива. Не оставляй меня, тезка,—продолжала она, сдвигая брови, отрывистымъ отъ сдержаннаго волненія голосомъ.—Я тебя знаю, никогда не простишь ты себѣ измѣну, а бросать меня въ настоящую минуту было бы измѣной... Я должна бороться съ врагами, а для этого мнѣ нужно такъ много силъ, такъ много!..

— Господь вамъ дастъ эту силу, ваше высочество,—проговорила Ветлова, опускаясь передъ нею на колѣни и прижимая ея руку къ своимъ губамъ.

— Знаешь, почему ты мнѣ нужна больше всѣхъ, больше самыхъ сильныхъ моихъ друзей? Больше Воронцовыхъ, Шуваловыхъ, Шепелевыхъ? Больше Мавры, больше всѣхъ, всѣхъ на свѣтѣ? Вы оба съ мужемъ чисты, вотъ что! Да, чисты,—возвысила она голосъ, чтобъ подавить протестъ, готовый сорваться съ губъ Лизаветы.— Вы просты и чисты, какъ мой народъ. Вы такъ же святы, какъ и онъ, и въ васъ Самъ Господь обитаетъ. Вотъ почему безъ васъ я пропала! Одно ваше присутствіе во дворцѣ меня ободряетъ и успокаиваетъ. Съ вами и жить и умирать легко. Вы меня, какъ и народъ, въ Богѣ любите! Понимаешь? А всѣ остальные любятъ меня и стоятъ за меня для мірскихъ цѣлей... Съ тѣхъ поръ, какъ я это поняла, никто ужъ меня съ истиннаго пути не собьетъ, и никакой иноземщиной меня не соблазнятъ. Тамъ это знаютъ, чувствуютъ, какъ же имъ меня не ненавидѣть? Вотъ, когда я тебѣ все это высказала, мнѣ стало легче. Съ Маврой у меня другіе разговоры, она отъ міра сего, а вы не отъ міра, вы меня въ Богѣ любите и въ Богѣ мнѣ преданы,—повторила она раздумчиво, какъ бы про себя, и, смолкнувъ, устремила взглядъ въ пространство, улыбаясь мыслямъ и образамъ, возникавшимъ въ ея воображеніи.

И показалось Ветловой, что послѣднія ея слова были обращены ужъ не къ ней одной, а къ тому юношѣ съ загадочной душой, изъ-за котораго сердце ея начинало такъ мучительно двоиться.

Ей вспомнились слова, только что слышанныя отъ Шубина, и она улыбнулась.

— О чемъ ты задумалась и чему смѣешься?—спросила цесаревна, ласково приподнимая ея голову, чтобъ заглянуть въ ея честные, ясные глаза.

— Алексѣй Яковлевичъ мнѣ сейчасъ сказалъ, что онъ не «можетъ» ненавидѣть Розума,—отвѣчала не колеблясь Ветлова.

Лицо цесаревны прояснилось, и улыбка, появившаяся на ея губахъ, отразилась радостнымъ блескомъ въ ея глазахъ.

— Вотъ, вотъ, я такъ и знала! Какъ я рада! Ничего я такъ не боялась, какъ чтобъ онъ его возненавидѣлъ! Оба они—такіе хорошіе!

Въ ту ночь Ветлова совсѣмъ не ложилась. Выйдя изъ спальни своей госпожи около полуночи, она сѣла писать отвѣтъ на полученное письмо. За отвѣтомъ этимъ должны были прійти рано утромъ. Объяснила она своему другу про обстоятельства, запрещавшія ей даже и помышлять о томъ, чтобъ къ нему пріѣхать. Если она рѣшилась разстаться съ сыномъ, то какое право имѣетъ она думать о личномъ своемъ счастьѣ? Надо терпѣливо ждать, какъ угодно будетъ Богу повернуть ихъ судьбу. Хорошо, что Иванъ Васильевичъ воздержался отъ искушенія сюда пріѣзжать!

Въ Александровѣ онъ бы ихъ не засталъ, и раньше лѣта врядъ ли она вернется въ Москву... если вернется...

Сердце ея было такъ переполнено злыми предчувствіями, что о настоящемъ мысли не складывались, а хотѣлось писать ему о будущемъ, близость котораго она уже ощущала, когда ея не будетъ на землѣ, и когда ему не съ кѣмъ будетъ совѣтоваться, и такъ было трудно отгонять слова, упорно навертывавшіяся на умъ, что письмо вышло натянутое, обрывистое и, кромѣ огорченія и страха, ничего ему не принесетъ... Такого письма лучше совсѣмъ не посылать.

Она сожгла исписанный листъ, взяла другой и начертала на немъ всего только нѣсколько словъ, чтобъ сказать, чтобъ онъ ждалъ отъ нея длиннаго посланія изъ Петербурга съ нарочнымъ.

Въ то время, когда она вкладывала это письмо въ конвертъ и запечатывала его, обитатели дворца проснулись, и начались приготовленія къ отъѣзду; по всѣмъ коридорамъ раздавались торопливые шаги и сдержанные голоса. Къ ней вошли доложить о приходѣ за отвѣтомъ посланца отъ ея мужа, и вслѣдъ затѣмъ въ дверяхъ появился мужичокъ въ теплыхъ валенкахъ и съ большой мохнатой шапкой въ рукахъ.

— Когда назадъ ѣдешь?—спросила Лизавета Касимовна, подавая ему запечатанный конвертъ, который онъ бережно вложилъ въ кожаную сумку, висѣвшую у него на шеѣ, вмѣстѣ съ тѣльнымъ крестомъ.

— Сегодня. Мнѣ велѣно передать письма и сейчасъ назадъ.

— Скажи Ивану Васильевичу, что много писать мнѣ ему было недосугъ, что ты меня видѣлъ, и что и я, и цесаревна, слава Богу, здоровы.

Въ этотъ день Лизаветѣ Касимовнѣ такъ и не удалось ни на одну минуту успокоиться; не успѣла она распроститься съ посланцомъ мужа, какъ прибѣжали ей сообщить, что Шубинъ еще ночью куда-то уѣхалъ, до сихъ поръ его нѣтъ, и когда про это доложили цесаревнѣ, она очень разгнѣвалась. Думали, что прикажетъ походъ отложить, но она приказала сейчасъ запрягать лошадей, значитъ, безъ него уѣдутъ.

Мучительное было путешествіе. Ветлова съ Маврой Егоровной ни на минуту не покидали цесаревну, которая всю дорогу либо по цѣлымъ часамъ сидѣла неподвижно и молча, устремивъ пристальный взглядъ въ пространство, либо принималась жаловаться на жестокость своего сердечнаго друга, подвергавшаго ее такой мукѣ за его судьбу. Никакихъ словъ она не принимала, никакимъ утѣшеніямъ не внимала.

Передъ отъѣздомъ приближенными ея были приняты всевозможныя мѣры, чтобы узнать, куда уѣхалъ Шубинъ, и былъ отданъ приказъ немедленно ѣхать въ Москву, какъ только объ немъ что нибудь узнаютъ.

Но прошло цѣлыхъ двѣ недѣли, а вѣстей все не было. Пріѣзжали изъ Москвы для того только, чтобъ сообщить, что ничего до сихъ поръ не могутъ узнать ни про него, ни про скрывшихся вмѣстѣ съ нимъ слугъ, кучера и камердинера. Всѣ трое сгинули безслѣдно, точно сквозь землю провалились.

А бѣдной цесаревнѣ приходилось скрывать подъ видомъ беззаботной веселости свою тревогу и тоску, ѣздить ко двору, бесѣдовать съ императрицей о постороннихъ предметахъ, любезничать съ ея окружающими, выносить съ притворнымъ равнодушіемъ полные пытливаго злораднаго любопытства взгляды своихъ враговъ, наряжаться, танцовать, веселиться со всѣми.

Этой зимой императрица особенно пристрастилась къ празднествамъ, комедійнымъ зрѣлищамъ, къ обществу иноземцевъ, которыхъ понаѣхало такое множество изъ чужихъ краевъ, подъ всевозможными предлогами, что на улицахъ слышалось больше иностраннаго говора, чѣмъ русскаго, и на каждомъ шагу встрѣчались нѣмцы, французы, итальянцы, англичане.

Много между ними было и авантюристовъ низкаго разбора, скоро проявившихъ свои воровскія цѣли, но были и присланные отъ иностранныхъ дворовъ тайные агенты, подъ личинами купцовъ, модистокъ, частныхъ секретарей, учителей, камеристокъ.

Держать въ благородныхъ домахъ, на женскихъ половинахъ и въ дѣтскихъ, этихъ проходимцевъ стало входить въ моду, и не успѣла цесаревна пріѣхать и устроиться въ своемъ дворцѣ, какъ къ Ветловой пріѣхала пани Стишинская и въ такомъ великолѣпномъ экипажѣ, съ такими внушительными гербами и ливрейными лакеями на запяткахъ, что въ первую минуту во дворцѣ переполошились, принявъ этотъ блестящій экипажъ за императорскій. Впрочемъ, когда стало извѣстно, что карета принадлежитъ герцогу Бирону, смятеніе нимало не уменьшилось и, пожалуй, даже увеличилось, такъ велико было могущество новаго временщика, затмившаго своихъ предшественниковъ наглостью, самомнѣніемъ и расточительностью.

— Ну, цурка, вамъ ужъ нельзя меня упрекнуть въ томъ, что въ счастьѣ я про васъ забываю!—объявила она вмѣсто привѣтствія, входя въ комнату дочери, опускаясь на диванъ и опахиваясь вѣеромъ.

Она начинала досадно толстѣть, и ей становилось тяжело подниматься по лѣстницѣ, а Лизавета Касимовна занимала помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ, съ витой лѣстницей въ спальню цесаревны.

— Прежде всего, угости меня холоднымъ портеромъ. Я отвыкла лазить по такимъ лѣстницамъ, какъ у васъ, и чуть не задохлась,— прибавила она, снимая съ головы украшенную перьями и цвѣтами шляпу и разстегивая пышный воротникъ, подпиравшій ея дряблыя, покрытыя пятнами расплывшихся румянъ, щеки.

Лизавета поспѣшила выйти, чтобъ исполнить желаніе своей посѣтительницы, которую нашла, по своемъ возвращеніи, передъ зеркаломъ туалета, углубленную въ исправленіе, попорченной пótомъ красоты лица. Отыскавъ на столѣ баночку съ румянами, она усердно намазывала ими щеки и налѣпляла вмѣсто отставшихъ мушекъ новыя.

Справившись безъ торопливости и съ надлежащей ловкостью съ этимъ дѣломъ, важнѣйшимъ для нея въ жизни, она повернулась къ дочери и объявила ей, что имъ всѣмъ здѣсь грозитъ большая опасность.

— Я нарочно къ тебѣ заѣхала, чтобъ тебя предупредить, что вашего Шубина арестовали,—прибавила она, внимательно оглядывая кружева на своей груди и стряхивая съ нихъ приставшую розоватую пыль отъ порошка, которымъ были покрыты ея грудь и руки.

Что Ветлова устояла на ногахъ, и что ей удалось ни единымъ движеніемъ не выдать смертельнаго ужаса, заставившаго ее похолодѣть отъ этого извѣстія, надо было приписать чуду.

— Да,—продолжала, между тѣмъ, пани Стишинская, усаживаясь на диванъ и нанизывая на пальцы снятыя кольца, послѣ тщательнаго осмотра модно отрощенныхъ ногтей,—его ужъ давно подозрѣвали въ томъ, что онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ заговорѣ противъ императрицы... Кстати, ты, вѣрно, слышала? Весь городъ про это говоритъ! Меня такъ полюбила наша восхитительная Анна Леопольдовна, что жить безъ меня не можетъ. Я учу ее дѣлать реверансы, какъ въ Версали, я выбираю ей туалеты и прически, однимъ словомъ, она безъ меня не можетъ обойтись... Но вернемся къ вашему Шубину. Представь себѣ, что придумалъ этотъ негодяй? Убить всѣхъ нѣмцевъ, заключить императрицу въ монастырь и провозгласить царицей твою цесаревну! Совсѣмъ съ ума сошелъ! И скажу тебѣ по секрету, цурка, что и твоей госпожѣ грозитъ бѣда, если она... Посмотри, это, вѣрно. портеръ принесли,—прервала она свою рѣчь на полусловѣ, услышавъ стукъ въ дверь.

Лизавета Касимовна впустила лакея съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стояли бутылка портера и стаканъ.

Освѣжившись, пани Стишинская продолжала свою рѣчь.

— Ты должна ее предупредить, что на-дняхъ у нея будетъ герцогъ... Вотъ какой онъ прекрасной души человѣкъ, и какъ ему не хочется даже злѣйшихъ своихъ враговъ губить, когда можно этого избѣгнуть! Объясни ей, что отъ него все зависитъ, и что онъ больше можетъ сдѣлать самой императрицы... Налей мнѣ еще стаканчикъ. Спасибо. Портеръ у васъ прекрасный, такъ же хорошъ, какъ тотъ, который я пила у леди Рондо, изъ англійскаго посольства... Что за милая женщина эта леди Рондо! У насъ во дворцѣ всѣ отъ нея въ восторгѣ...

Долго она еще распространялась о выгодахъ своего положенія, въ качествѣ компаньонки новыхъ фаворитовъ, поощренная молчаніемъ дочери, которой стоило неимовѣрныхъ усилій не прерывать ее вопросами, рвущимися изъ ея глубоко потрясенной души. Но всему бываетъ конецъ, и, когда, опорожнивъ до послѣдней капли бутылку, пани Стишинская поднялась съ мѣста, чтобъ ѣхать домой, Лизавета съ замирающимъ сердцемъ спросила у нея, не знаетъ ли она, когда именно арестовали Шубина, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ.

Но пани Стишинская ничего этого не знала: ей было извѣстно только то, что ей велѣно было передать дочери, и ничего больше. При новомъ блестящемъ дворѣ тайны хранились куда лучше, чѣмъ при прежнихъ, и любимица новыхъ временщиковъ должна была сознаться, что любопытничать и болтать, какъ раньше, въ заднихъ комнатахъ дворца было теперь преопасно.

— Ты даже и представить себѣ не можешь, какой серьезный человѣкъ герцогъ. Откровенно тебѣ скажу, что никого, даже покойнаго царя Петра Великаго, я не боялась такъ, какъ его. Держитъ онъ себя такъ надменно, что всѣ передъ нимъ дрожатъ, всѣ безъ исключенія, даже сама императрица. Можешь себѣ послѣ этого представить, какъ я была польщена, когда онъ сегодня приказалъ мнѣ къ себѣ явиться и сказалъ: «ваша дочь одна изъ самыхъ близкихъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, передайте ей конфиденціально объ арестѣ Шубина и о томъ, что я намѣренъ на этихъ дняхъ посѣтить ея госпожу». Вотъ, ни слова онъ къ этому не прибавилъ, но для меня и этого было достаточно, чтобъ все понять, не даромъ я ужъ пятнадцатый годъ какъ при дворѣ и была близка къ такимъ личностямъ, какъ Меншиковъ, Ягужинскій, Долгоруковы и другія важныя особы, не говоря ужъ объ императорахъ и императрицахъ! Мнѣ объяснять ничего не надо, и вотъ именно это-то и цѣнится важными господами. Ужъ по одному тому, какъ онъ произнесъ это слово «конфиденціально», да какъ посмотрѣлъ при этомъ на меня, у меня дрожь пробѣжала по тѣлу, и я поняла, что пропала, если дозволю себѣ малѣйшую неосторожность при исполненіи его порученія..... Да, цурка, всего навидишься, наслушаешься и натерпишься на службѣ при императорскомъ дворѣ и далеко не одни удовольствія и выгоды испытываешь, даже при опытѣ, умѣ и ловкости,—прибавила она со вздохомъ.

А ужь передъ тѣмъ, какъ совсѣмъ уѣхать, спустившись съ лѣстницы, по которой вышла провожать ее дочь, пани Стишинская остановилась, чтобъ, предварительно оглянувшись по сторонамъ, убѣдиться, что некому ихъ подслушать, и, понижая голосъ до шопота, объявила, пригибаясь къ уху Лизаветы, что она слышала стороной... не отъ самого герцога, о, нѣтъ! и не отъ его семейныхъ, а отъ совершенно постороннихъ людей, будто ему очень бы хотѣлось, чтобъ цесаревна обратила вниманіе на его брата...

— Для чего ему это?—отрывисто прервала ее дочь, внѣ себя отъ негодованія.

— Ну, ты же понимаешь... они теперь въ такомъ фаворѣ, что имъ простительно высоко себя цѣнить... и къ тому же, Густавъ Биронъ—очень красивый кавалеръ... а твоя цесаревна... ей же нужна протекція...

Но, замѣтивъ, наконецъ, съ какимъ гнѣвомъ ее слушали, она смолкла на полусловѣ и, презрительно пожимая плечами, молча дошла внизъ и все съ тѣмъ видомъ оскорбленнаго достоинства разсталась съ дочерью, чтобъ сѣсть въ великолѣпный экипажъ своихъ новыхъ патроновъ и уѣхать.

Не медля ни минуты, отправилась Ветлова въ покои гофмейстерины и, не давая ей опомниться, передала все слышанное отъ матери.

— Что же тутъ дѣлать, Господи! Какъ ей сказать? Какой это будетъ для нея ударъ! Вотъ ужъ именно чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, — растерянно повторяла Шувалова, всплескивая руками отъ отчаянія.

— Надо какъ можно скорѣе ее предупредить,—замѣтила Ветлова.

— Какъ хотите, но я за это не берусь...

— Въ такомъ случаѣ, я это сдѣлаю,—объявила Лизавета Касимовна,—но пойдемте къ ней вмѣстѣ, ей будетъ нужно присутствіе всѣхъ, кого она любитъ...

— Послать развѣ за Нарышкинымъ?

— Какъ она прикажетъ, а прежде всего надо, чтобъ она все узнала отъ насъ.

— Ну, пойдемте. Боже мой, Боже мой! До чего мы дожили! Боже мой!

— Вотъ что, Мавра Егоровна,—сказала Лизавета, когда онѣ прошли нѣсколько покоевъ и вошли въ комнату съ дверью въ маленькую гостиную, гдѣ прилегла отдохнуть передъ обѣдомъ цесаревна, —я ей сначала скажу про посѣщеніе моей матери, про то, что герцогъ къ ней собирается съ визитомъ, а ужъ потомъ про Алексѣя Яковлевича...

— Какъ хотите... дѣлайте, что хотите, я ничего не могу сообразить.

Но, невзирая на всѣ предосторожности, цесаревна впала въ такое отчаянье, когда узнала объ арестѣ своего сердечнаго друга, что долго не могли обѣ преданныя ей женщины заставить ее собраться съ силами, чтобъ обдумать положеніе и сообразить, какъ помочь бѣдѣ. Немалаго также труда стоило имъ убѣдить ее отказаться отъ намѣренія тотчасъ, не теряя ни минуты времени, ѣхать въ Москву, чтобъ видѣть несчастнаго узника. Насилу удалось имъ ее убѣдить въ безцѣльности этой поѣздки и заставить понять, что ея къ нему не допустятъ и даже не скажутъ, гдѣ онъ содержится.

— Его, можетъ быть, уже сюда привезли,—замѣтила Шувалова,—самое лучшее дождаться пріѣзда герцога...

— Злодѣя, который его погубилъ? Чтобъ я приняла его? говорила съ нимъ, просила его?.. ни за что! Лучше смерть! Пусть онъ скорѣе и меня съ Шубинымъ казнитъ, я готова,.. я готовлюсь къ смерти съ тѣхъ поръ, какъ батюшка умеръ... я такъ несчастна, что только въ могилѣ найду покой... Мнѣ ничего не удается... Господь давно отступился отъ меня... можетъ быть, за грѣхи отца... не знаю, не знаю... онъ много погрѣшилъ передъ своимъ народомъ и ничего не успѣлъ поправить, ничего не искупилъ... ну, вотъ, насъ съ сестрой Господь за него и караетъ... Ахъ, какъ мнѣ хочется умереть, успокоиться, какъ Анна, ни о чемъ не думать, ничего и никого не бояться!

Голосъ ея порвался въ рыданіяхъ, и, упавъ головой на подушки софы, на которую ее усадили, она застонала отъ боли въ сердцѣ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Дозвольте мнѣ, ваше высочество, съѣздить къ Нарышкину посовѣтоваться насчетъ нашего горя,—сказала Мавра Егоровна, переждавъ, чтобъ первый порывъ отчаянія госпожи ея утихнулъ немножко.—Нарышкинъ отъ самой императрицы можетъ узнать...

— Къ императрицѣ я сама поѣду,—вскричала цесаревна, порывистымъ движеніемъ отрывая отъ подушекъ искаженное слезами и волненіемъ лицо и срываясь съ дивана.—Закладывать карету... Скорѣе! скорѣе! Что же вы стоите? Бѣгите же, говорятъ вамъ... я хочу сейчасъ ѣхать, сейчасъ... дайте мнѣ одѣться, скорѣе, скорѣе!—повторяла она въ изступленіи отъ отчаянья.

Шувалова съ испугомъ переглянулась съ Ветловой.

— Сейчасъ, ваше высочество, дозвольте мнѣ только узнать, гдѣ находится Алексѣй Яковлевичъ... вамъ надо знать, о чемъ просить императрицу, и если его сюда привезли...

— Ты можешь это узнать?

— Могу, ваше высочество, мать моя живетъ у герцога,—объявила Лизавета очень почтительно, но съ твердостью, которая повліяла на обезумѣвшую цесаревну лучше всякихъ просьбъ и увѣщаній.

— И ты скоро вернешься?

— Очень скоро, но, ради самого Бога, успокойтесь. Все зависитъ отъ вашего спокойствія, все, и самая жизнь Алексѣя Яковлевича, — объявила Ветлова, опускаясь передъ нею на колѣни и цѣлуя ея руки, въ то время, какъ Шувалова расшнуровывала ея платье и примачивала ей виски холодной водой.

— Я успокоюсь... постараюсь... поѣзжай только скорѣе,—проговорила прерывающимся отъ внутренней дрожи голосомъ цесаревна.

— Пусть бы плакала, только слезы и могутъ ей помочь,—сказала Лизавета Шуваловой, выходя изъ комнаты.

— Постараюсь отвлечь ея мысли отъ него воспоминаніями про бѣдную ея сестру,—замѣтила на это Шувалова.

Лизавета поспѣшно зашла въ свою комнату, накинула на себя длинный черный плащъ, надѣла черную шляпу съ вуалью и вышла изъ дворца однимъ изъ заднихъ выходовъ, пѣшкомъ.

День былъ морозный, и можно было пройти довольно благополучно, по застывшимъ кочкамъ грязи, до царскаго дворца, гдѣ тотъ, котораго давно ужъ звали просто герцогомъ, не прибавляя къ этому титулу ни имени съ отчествомъ, ни фамиліи, занималъ роскошное помѣщеніе возлѣ покоевъ императрицы.

Наступилъ вечеръ, и свѣтъ изъ оконъ дворца ложился яркимъ пятномъ на довольно обширное пространство площади, освѣщая охранявшихъ его часовыхъ и снующій мимо народъ, и разукрашенный мраморными изваяніями подъѣздъ, съ болтающейся на немъ придворной прислугой.

Освѣдомившись у одного изъ этихъ лакеевъ, какъ пройти къ пани Стишинской, приближенной герцогини, Лизавета вошла черезъ отдѣльный входъ въ просторную и свѣтлую прихожую, изъ которой ее провели по коридорамъ въ комнаты резидентки супруги всемогущаго временщика, гдѣ и оставили на попеченіе двухъ субретокъ, нѣмокъ, изъ которыхъ одна побѣжала докладывать о ней своей госпожѣ, а другая ввела ее въ комнату пани Стишинской.

Эта послѣдняя не заставила себя долго ждать, и не прошло пяти минутъ, какъ голосъ ея раздался въ сосѣднемъ коридорѣ, и дверь съ шумомъ распахнулась.

— Цурка! Вотъ сюрпризъ! Не ждала я тебя такъ скоро... Понадобилась, вѣрно, мамуся? Ну, говори, говори,—затараторила она, затворяя за собою дверь и сажая посѣтительницу въ кресло подальше отъ этой двери.

— Намъ надо знать, гдѣ содержится Шубинъ, въ Москвѣ или здѣсь?—проговорила отрывисто Лизавета холодѣющими отъ волненія губами.

— Вотъ что! Вамъ нужно знать! А если я вамъ этого не могу сказать?—возразила Стишинская, съ задоромъ прищуриваясь на свою собесѣдницу.

Лизавета поднялась съ мѣста.

— Въ такомъ случаѣ,—холодно вымолвила она,—мнѣ только остается извиниться за безпокойство...

— Ты хочешь уйти?

— Мнѣ здѣсь дѣлать больше нечего.

— А знаетъ цесаревна, что герцогъ нашъ къ ней собирается съ визитомъ? Сказала ты ей это?

— Позвольте и мнѣ также не отвѣчать на ваши вопросы.

— А! ты вотъ какъ! Глупая, вѣдь я пошутила...

— Мнѣ не до шутокъ сегодня,—сдержанно возразила Лизавета.

— Ну, ну, ужъ и разсердилась! Экая злая! И въ кого ты такая уродилась недотрога и упрямая! Садись, садись, успокойся, развѣ я могу въ чемъ бы то ни было отказать моей цуркѣ?... Пойду разузнавать про то, что тебѣ нужно знать, а ты меня здѣсь подожди.

Отсутствіе ея длилось довольно долго, и когда она наконецъ вернулась, лицо ея было въ багровыхъ пятнахъ отъ волненія.

— Задала ты мнѣ задачу, цурка! До сихъ поръ опомниться не могу, такъ меня изъ-за тебя жучили, допытывали и всячески грозили, — проговорила она, опускаясь на стулъ противъ дочери.— Надо, какъ я, жить съ нѣмцами, чтобъ узнать ихъ подозрительность и предусмотрительность.

— Узнали вы, гдѣ Шубинъ?—прервала ея изліянія Лизавета, у которой сердце замирало при мысли о томъ, что переживаетъ въ эту минуту ея госпожа.

— Обѣщали сказать, если твоя цесаревна согласится принять герцога и отнестись любезно къ его предложенію...

Лизавета поднялась съ мѣста.

— Никогда не позволю я себѣ предлагать такія условія моей госпожѣ и жалѣю, что понапрасну теряла время въ надеждѣ на вашу помощь,—сказала она, направляясь къ двери.

— Ну, вотъ, я такъ и знала, что ты мнѣ такъ дерзко отвѣтишь! — вскричала Стишинская, поспѣшая за нею и хватая ее за руку.—Что же мнѣ дѣлать, если онъ только подъ этимъ условіемъ согласился мнѣ сказать, гдѣ держатъ вашего Шубина?

— Вы говорили съ самимъ герцогомъ?

— Съ самимъ герцогомъ! Да ты съ ума сошла, цурка! Чтобъ такой гордый вельможа удостоилъ разговаривать съ простой женщиной! Какъ видно, что ты понятія не имѣешь о герцогѣ Биронѣ! Я передала ему просьбу твоей цесаревны черезъ воспитательницу его дочери, француженку, которую онъ такъ уважаетъ, что дозволяетъ ей вступать съ нимъ въ разговоры... И она такъ же, какъ и я, совѣтуетъ твоей цесаревнѣ не раздражать герцога и сдѣлать ему требуемую уступку, если она хочетъ спасти отъ казни своего возлюбленнаго...

— А сами-то вы знаете, гдѣ онъ?—спросила Лизавета, останавливаясь у двери, взявшись уже за ручку, чтобъ ее растворить.— Предупреждаю васъ, что мы это все равно узнаемъ...

— Черезъ кого?—съ живостью спросила ея мать.

— Цесаревна хотѣла ѣхать къ императрицѣ.

— Вотъ, вотъ, именно то, что по моей просьбѣ и сказали герцогу... разумѣется, цесаревна можетъ поѣхать къ императрицѣ.

По мѣрѣ того, какъ растерянность ея усиливалась, Лизавета набиралась все больше и больше самообладанія: теперь она была ужъ увѣрена, что пани Стишинской извѣстно то, что имъ надо было знать, и что остается только заставить ее высказаться.

— Мы все узнаемъ помимо васъ, и это избавитъ насъ отъ всякихъ обязательствъ передъ вами.— произнесла она, рѣзко отчеканивая слова и не спуская взгляда съ смущенной пани.

— Ты меня не выдашь, цурка?—чуть слышно вымолвила эта послѣдняя.

Лизавета пожала плечами.

— Зачѣмъ намъ васъ выдавать, если вы намъ окажете услугу? Но я васъ могу избавить и отъ этого опасенія, не говорите мнѣ ничего, я и безъ васъ знаю, что онъ въ Москвѣ,—продолжала Лизавета, пристально смотря на мать и замѣчая, какъ при послѣднихъ словахъ сверкнули ея глаза, и какъ она невольно кивнула.

— Ты могла это и безъ меня узнать, — выразительно произнесла Стишинская.

— Разумѣется, но такъ какъ я не подамъ повода себя допрашивать, то о моемъ отвѣтѣ нечего безпокоиться.

— Если ты ужъ объ этомъ догадалась, то ты должна знать и то, что герцогу желательно было бы самому сказать цесаревнѣ, куда именно заключили ея фаворита, въ чемъ его обвиняютъ, и какая казнь ему грозитъ. Понимаешь?

— Понимаю. Когда намѣревается онъ у нея быть?

— Опять таки по секрету скажу тебѣ, что онъ ждетъ вѣстей изъ Москвы прежде, чѣмъ видѣться съ цесаревной, и пріѣдетъ къ ней послѣзавтра, въ полдень.

— Хорошо. Не хочу васъ больше задерживать, будьте здоровы.

— Ты меня не задерживаешь, мои дамы у императрицы, онѣ тамъ почти постоянно... Часто и за мною посылаютъ, когда императрицѣ вздумается позабавиться моимъ разговоромъ по-польски съ одной изъ ея дурочекъ, которую ей привезли въ подарокъ отъ польскаго короля изъ Варшавы... Постой еще минуточку, выслушай только мой совѣтъ: не вмѣшивайся ты, ради Бога, въ это шубинское дѣло, цурка!—вскричала она, замѣтивъ, съ какимъ нетерпѣніемъ слушаетъ ее дочь и съ какимъ вожделѣніемъ посматриваетъ на дверь:—оно много страшнѣе и опаснѣе, чѣмъ ты воображаешь... Вѣдь спасти его ты, все равно, не можешь, для чего же безъ всякой пользы подвергаться опасности? Никто его, кромѣ цесаревны, спасти не можетъ, никто! Нечего договаривать, ты умна и сама можешь догадаться, что она для этого должна сдѣлать... Послушай,— съ возрастающимъ возбужденіемъ продолжала она, замѣтивъ выраженіе омерзѣнія и негодованія, выразившееся на лицѣ ея дочери, и опять схвативъ ее за руку, чтобъ не дать ей выбѣжать изъ комнаты, не дослушавъ ея,—надо же быть совсѣмъ слѣпой, чтобъ не видѣть того, что у насъ теперь происходитъ... чтобъ не понимать, что герцогъ всемогущъ, и что ему такъ же легко каждаго погубить, какъ и спасти... Лбомъ стѣну не прошибешь, цурка... Я навѣрно знаю, что рѣшено вашу цесаревну домучить до того, чтобъ она

согласилась на всѣ ихъ требованія... всегда умные люди изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее, и, право же, она не будетъ ужъ такъ несчастна, породнившись съ нашимъ герцогомъ... Ну, если ей это покажется ужъ слишкомъ противно, тогда пусть согласится сдѣлаться супругой Морица Саксонскаго. Разумѣется, это будетъ менѣе пріятно герцогу и императрицѣ, но такъ какъ и этотъ бракъ отдалитъ ее отъ претендентства на престолъ... все это ей объяснитъ самъ герцогъ, а я больше не скажу ни слова, и если ты такъ глупа, что не понимаешь своей пользы, то дѣлай, какъ хочешь, и на меня не пеняй, когда придется въ этомъ каяться...

Что она еще говорила, Лизавета не слышала, она выбѣжала изъ дворца, какъ сумасшедшая, преслѣдуемая такими ужасными представленіями и предчувствіями, что будь передъ нею въ эту минуту бездонная пропасть, она охотнѣе бы въ нее бросилась, чѣмъ вернуться домой съ такими безотрадными вѣстями. Но чашу страданій надо было испить до дна, надо было выполнить тяжелую задачу, выпавшую на ея долю—приготовить цесаревну къ ожидавшимъ ее новымъ испытаніямъ, и она направилась къ дворцу у Лѣтняго сада, съ замирающимъ сердцемъ помышляя о томъ, какими словами, въ какихъ выраженіяхъ объяснить ей безвыходность положенія, не допуская отчаянію овладѣть ея сердцемъ, когда силы ей были такъ нужны на борьбу.

Задача была не изъ легкихъ, и, приближаясь къ цѣли своего путешествія, она невольно замедляла шагъ, чтобъ хотя на нѣсколько минутъ отдалить предстоявшую ей душевную муку.

Вокругъ нея кипѣла все та же, что и всегда, городская жизнь и суета: сновали взадъ и впередъ пѣшеходы, и катились по всѣмъ направленіямъ экипажи; поднимаясь по лѣстницѣ въ свое помѣщеніе, она увидѣла бѣгущую къ ней на встрѣчу камеристку, поджидавшую ея возвращенія, чтобъ передать ей приказаніе цесаревны, не медля ни минуты, пройти къ ней въ спальню.

— Ея высочество каждую минуту изволятъ спрашивать, вернулись ли вы,—объявила она ей.

И по одному взгляду на эту дѣвушку Лизавета догадалась, что ей извѣстно, въ какомъ отчаяніи ихъ госпожа. Не у нея одной, а у всѣхъ попадавшихся ей на встрѣчу людей можно было замѣтить тотъ же видъ растерянности и страха, какъ нельзя лучше выражавшій тяжелое душевное настроеніе.

Какой таинственный духъ разноситъ съ непостижимой быстротой дурныя вѣсти всегда много раньше писемъ и словъ? То, что не дальше, какъ часъ тому назадъ, знали всего только три человѣка во дворцѣ: цесаревна, Шувалова и она, теперь ужъ извѣстно здѣсь всѣмъ... и, кто знаетъ, можетъ быть, подробнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ ей?

Цесаревну она нашла въ такомъ лихорадочномъ нетерпѣніи услышать принесенныя ею новости, что не успѣла еще она войти

въ комнату, какъ госпожа ея, приподнявшись на кровати, вскричала, что она все знаетъ и ко всему готова.

— Онъ уже мертвъ? Да? Говори, говори скорѣе, не томи меня! Не бойся: если я до сихъ поръ жива и не сошла съ ума отъ страха и отъ горя, то, значитъ, все могу вынести... все, что бы они ни выдумали, чтобъ меня терзать!

Однако, должно быть, то, что она узнала отъ Лизаветы, не могло еще прійти ей въ голову, и когда эта послѣдняя намекнула ей, чего отъ нея требуютъ за спасеніе ея возлюбленнаго, она поблѣднѣла, какъ полотно, глаза ея широко раскрылись, дыханіе остановилось въ стѣсненной груди, и она въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ не въ силахъ была произнести ни слова.

Спасти друга цѣной чести, царской чести, или умереть вмѣстѣ съ нимъ!...

Первый выходъ изъ ужасной дилеммы только промелькнулъ въ ея отуманенной головѣ, тотчасъ же ухватилась она всѣмъ сердцемъ за второй.

— Смерть! смерть! Только скорѣе, скорѣе!—прошептала она сквозь стиснутыя судорогой губы, закрывая лицо руками.

Слезъ у нея уже не было. Ее била лихорадка, и по временамъ она теряла сознаніе. Только къ утру утомленные страданіемъ нервы подались, и она забылась наконецъ въ тревожномъ, прерываемомъ жалобными стонами, снѣ.

— Ступайте къ себѣ, Лизавета Касимовна,—сказала Шувалова,—отдохните часочекъ, соберитесь съ силами, чтобъ меня замѣнить. Дай-то Богъ, чтобъ она настолько успокоилась, чтобъ намъ можно было уговорить ее принять герцога и терпѣливо выслушать его кондиціи... Вѣдь это еще не значитъ, чтобъ мы на нихъ согласились,—поспѣшила она отвѣтить на загорѣвшійся негодованіемъ взглядъ своей слушательницы.

Разговоръ происходилъ у двери спальни, гдѣ было темно отъ спущенныхъ шторъ, но когда Лизавета вышла въ коридоръ, то она увидѣла, что наступилъ ужъ день. Утренняя мгла проникала сюда черезъ стекла высокихъ оконъ, и въ этой мглѣ первое, что бросилось ей въ глаза, была колѣнопреклоненная человѣческая фигура, въ углу, у самой двери, изъ которой она вышла.

Въ первую минуту она такъ испугалась, что чуть не вскрикнула, но онъ всталъ, и она узнала Розума.

— Что вы тутъ дѣлаете, Алексѣй Григорьевичъ? И какъ вы сюда попали?—чуть слышно прошептала она.

— Я васъ ждалъ, Лизавета Касимовна... вы меня не замѣтили раньше, а я ужъ давно тутъ... не могъ вытерпѣть, пришелъ... я видѣлъ, какъ ее сюда провели... слышалъ ея рыданія... ея стоны, и какъ я все это пережилъ, не понимаю... вы меня простите... я, можетъ быть, съ ума сошелъ,—произнесъ онъ, потирая себѣ лобъ,

какъ бы для того, чтобъ собрать отказывавшіяся ему повиноваться мысли.

— Ей немного полегчало, и она заснула, успокойтесь и идите къ себѣ, васъ могутъ тутъ увидѣть,—сказала Ветлова, взявъ его руку и ласково пожимая ее.—Не приходите больше сюда, а лучше ко мнѣ, черезъ меня все узнаете, и пусть это останется между нами тайной, что вы здѣсь провели всю сегодняшнюю ночь, поняли?

Она говорила съ материнскою нѣжностью, какъ съ ребенкомъ, какъ говорила бы она съ сыномъ въ подобномъ случаѣ, и, невзирая на осаждавшія ее мрачныя мысли, ей было отрадно видѣть, что голосъ ея дѣйствуетъ на него успокоительно. Наклонивъ голову, онъ безпрекословно за нею послѣдовалъ до конца коридора, гдѣ имъ надо было разстаться; ей итти направо, а ему налѣво, но тутъ, какъ бы очнувшись отъ забытья, онъ остановилъ ее просьбой ему сказать, что̀ ей удалось узнать про Шубина. Гдѣ его держатъ? Что ему грозитъ? Неужели нѣтъ надежды на спасеніе?

— Ничего еще не знаю, приходите ко мнѣ вечеркомъ, и я вамъ сообщу все, что намъ удастся узнать.

Но отвѣтъ этотъ его не удовлетворилъ, и онъ продолжалъ держать ея руку въ своей и смотрѣть на нее полнымъ страстной мольбы взглядомъ.

— Скажите, неужели я ничего не могу для нея сдѣлать?—произнесъ онъ задыхающимся отъ волненія шопотомъ.

— Ничего, голубчикъ, мы съ вами ничѣмъ ей не можемъ помочь,—печально возразила она,—все зависитъ отъ злодѣя, который преслѣдуетъ ее въ тѣхъ, кого она любитъ... но вѣдь безъ воли Божіей и онъ ничего не можетъ сдѣлать. Какъ были близки къ торжеству Меншиковы и Долгорукіе, однако все вышло не такъ, какъ они хотѣли, а какъ захотѣлъ Господь...

Н. И. Мердеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ[1].

(1751—1758).

V.

Въ ІЮЛѢ МѢСЯЦѢ мы узнали, что 24 іюля городъ Мемель сдался на капитуляцію русскимъ войскамъ; а въ августѣ получено было извѣстіе о Гроссэгерсдорфскомъ сраженіи, которое русскіе выиграли 19 числа того же мѣсяца. Въ день празднованія этой побѣды я дала у себя въ саду большой обѣдъ, на который пригласила великаго князя и все, что было въ Ораніенбаумѣ значительныхъ лицъ; онъ и все общество, повидимому, были веселы и остались довольны моимъ обѣдомъ. Великій князь на время позабылъ свою досаду, которую причинила ему эта война, начавшаяся между Россіею и королемъ прусскимъ. Великій князь съ самаго дѣтства чувствовалъ особенную склонность къ прусскому королю; сначала тутъ не было ничего удивительнаго, но потомъ это пристрастіе дошло до безумія. Въ то время общая радость по случаю успѣха русской арміи обязывала его скрывать свои мысли, но въ сущности ему досадно было пораженіе прусскихъ войскъ, которыя онъ считалъ непобѣдимыми. Въ этотъ день я приказала дать ораніенбаумскимъ каменщикамъ и другимъ рабочимъ жаренаго быка. Вскорѣ затѣмъ мы возврати-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CIV, стр. 738.

лись въ городъ, гдѣ заняли Лѣтній дворецъ. Тутъ однажды вечеромъ графъ А. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что императрица въ комнатѣ у жены его, и что я могу пойти поговорить съ нею, такъ какъ я этого желала прошедшею зимою. Я тотчасъ отправилась въ отдѣленіе графа и графини Шуваловыхъ, находившееся въ концѣ моего отдѣленія. Я застала императрицу одну. По обыкновенію я подошла къ рукѣ, и она поцѣловала меня. Потомъ я имѣла честь услышать, что она, узнавши о моемъ желаніи поговорить съ нею, нарочно для того пришла сегодня, и спрашиваетъ, что мнѣ нужно. Надо замѣтить, что тогда прошло уже восемь мѣсяцевъ и даже больше съ тѣхъ поръ, какъ я говорила съ графомъ А. Шуваловымъ о Брокдорфѣ. Я отвѣчала, что прошлою зимою, видя поведеніе Брокдорфа, я сочла необходимымъ сказать о немъ графу А. Шувалову, дабы онъ могъ довести то до свѣдѣнія ея величества; что, когда Шуваловъ спросилъ, имѣетъ ли онъ право сослаться на меня, я сказала, что если ея величество сама меня спроситъ, то я повторю ей лично все, что сказала, и все, что знаю. Тогда я разсказала ей исторію Элендсгейма, все, какъ было. Она выслушала меня, повидимому, довольно холодно, и стала разспрашивать подробности о домашней жизни великаго князя и о лицахъ, его окружавшихъ. Я передала ей съ самою строгою точностью все, что знала; замѣтивъ по моимъ разсказамъ о голштинскихъ дѣлахъ, что они мнѣ довольно извѣстны, она сказала: «вы, кажется, хорошо знаете эту страну». Я чистосердечно отвѣчала, что мнѣ не мудрено знать ее, ибо я познакомилась съ тамошними дѣлами по волѣ великаго князя. Тутъ изъ выраженія лица императрицы я замѣтила, что такая довѣренность произвела на нее непріятное впечатлѣніе; вообще, во все время нашего разговора, она мнѣ показалась какъ-то странно недовѣрчивою; она заставляла меня говорить и дѣлала мнѣ вопросы, а сама отъ себя почти не говорила ни слова, такъ что все это можно было назвать скорѣе вывѣдываніемъ съ ея стороны, нежели откровеннымъ разговоромъ. Наконецъ она отпустила меня такъ же холодно, какъ и приняла, и я не знала, что подумать объ этой аудіенціи, про которую А. Шуваловъ велѣлъ мнѣ никому отнюдь не сказывать, что̀ я ему обѣщала. Да и хвалиться было нечѣмъ! Возвратившись къ себѣ, я приписала холодность императрицы тому, что Шуваловы, какъ давно мнѣ сказывали, успѣли внушить ей антипатію ко мнѣ. Послѣ мы увидимъ, какое отвратительное употребленіе (если смѣю такъ выразиться) заставили ее сдѣлать изъ этого разговора между мною и ею.

Черезъ нѣсколько времени мы узнали, что фельдмаршалъ Апраксинъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться взятіемъ Мемеля и Гроссэгерсдорфскою побѣдою и итти впередъ, повернулъ назадъ съ такою поспѣшностью, что это отступленіе походило на бѣгство, потому что онъ бросалъ и сожигалъ припасы и заколачивалъ пушки.

Никто не могъ понять, что это значило; даже друзья не знали, что сказать ему въ оправданіе, и вслѣдствіе этого всѣ начали доискиваться тайныхъ причинъ. Хотя я не знаю въ точности, чему слѣдуетъ приписать это поспѣшное и ни съ чѣмъ несообразное отступленіе фельдмаршала Апраксина, съ которымъ я больше не видалась въ моей жизни, однако думаю, что причиною тому могли быть извѣстія, которыя онъ получалъ отъ дочери, княгини Куракиной, попрежнему находившейся въ любовной связи съ графомъ Петромъ Шуваловымъ (больше изъ политики, нежели по склонности), отъ зятя, князя Куракина, отъ друзей и родственниковъ. Всѣ они увѣдомляли его, что здоровье императрицы съ каждымъ днемъ становится хуже; въ то время почти всѣмъ было извѣстно, что съ нею постоянно каждый мѣсяцъ бываютъ сильныя конвульсіи, производившія замѣтное ослабленіе въ ея организмѣ; что послѣ каждой такой конвульсіи дня два, три или четыре она остается въ такой слабости и въ такомъ истощеніи всѣхъ способностей, какъ будто въ летаргическомъ снѣ, и что въ эти дни нельзя говорить ни о чемъ ни съ нею, ни при ней. Фельдмаршалъ Апраксинъ, по всему вѣроятію, преувеличивая опасность, въ которой находилась императрица, не счелъ нужнымъ итти дальше въ Пруссію, и подъ предлогомъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ пошелъ назадъ, чтобы быть ближе къ русскимъ границамъ, ибо предвидѣлъ, что въ случаѣ кончины императрицы война эта немедленно будетъ остановлена. Трудно оправдать поступокъ фельдмаршала; но таковы могли быть его расчеты, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ свое пребываніе нужнымъ въ Россіи, какъ я сказала, говоря объ его отъѣздѣ. Графъ Бестужевъ прислалъ мнѣ сказать черезъ Штамбке, какой оборотъ принимали дѣйствія фельдмаршала Апраксина, на которыя громко жаловались послы императорскій и французскій. Онъ просилъ меня, чтобы я, по пріязни своей, написала къ фельдмаршалу и вмѣстѣ съ нимъ, Бестужевымъ, уговорила его снова двинуться впередъ и положить конецъ этому бѣгству, которое враги его объясняютъ самымъ неблагопріятнымъ и постыднымъ для него образомъ. Я дѣйствительно написала письмо къ фельдмаршалу Апраксину, увѣдомляя его, что въ Петербургѣ ходятъ о немъ дурные слухи, что друзья его не знаютъ, чѣмъ оправдать его поспѣшное отступленіе, и прося, чтобы онъ шелъ впередъ и повиновался распоряженіямъ правительства. Великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, доставилъ ему это письмо. Апраксинъ не отвѣчалъ мнѣ. Между тѣмъ, къ намъ пріѣзжалъ прощаться и уѣхалъ на почтовыхъ изъ Петербурга главный директоръ императрицыныхъ построекъ, генералъ Ферморъ; намъ сказали, что онъ отправился принять начальство надъ арміею; онъ нѣкогда былъ начальникомъ штаба у графа Миниха. Генералъ Ферморъ прежде всего потребовалъ, чтобы ему дали его чиновниковъ или помощниковъ по управленію постройками, бригадировъ Рязанова

и Мордвинова, и съ ними отправился къ арміи. Эти военные люди умѣли только заключать контракты по постройкамъ. Какъ скоро онъ пріѣхалъ, ему велѣно было заступить мѣсто фельдмаршала Апраксина, который былъ вызванъ въ Петербургъ и по пріѣздѣ получилъ приказаніе оставаться въ Тригорскомъ и тамъ ждать воли императрицыной. Участь его долго оставалась не рѣшенной, потому что друзья его, дочь и Петръ Шуваловъ употребляли всевозможныя мѣры и прибѣгали ко всѣмъ средствамъ, чтобы потушить гнѣвъ императрицы, разжигаемый графами Воронцовымъ, Бутурлинымъ, Иваномъ Шуваловымъ и другими, которые дѣйствовали по внушеніямъ вѣнскаго и версальскаго пословъ и требовали суда надъ Апраксинымъ. Наконецъ были назначены слѣдователи по его дѣлу. Послѣ первыхъ вопросовъ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ сдѣлался апоплектическій ударъ, послѣ котораго онъ не прожилъ болѣе сутокъ. При дальнѣйшемъ слѣдствіи непремѣнно былъ бы замѣшанъ въ дѣло генералъ Ливенъ, другъ и повѣренный тайнъ Апраксина, что̀ меня еще болѣе бы огорчило, потому что Ливенъ былъ искренно привязанъ ко мнѣ. Но какъ ни была я дружна съ Ливеномъ и Апраксинымъ, во всякомъ случаѣ могу поклясться, что совершенно не знала о причинахъ ихъ поступка и о самомъ ихъ поступкѣ, хотя и старались распустить слухъ, будто они пошли назадъ вмѣсто того, чтобы итти впередъ, потому что желали сдѣлать угодное великому князю и мнѣ. Ливенъ иногда странно выражалъ свою привязанность ко мнѣ; между прочимъ, въ маскарадѣ у графа Эстергази, вѣнскаго посла, гдѣ была императрица и весь дворъ, Ливенъ, глядя на меня, сказалъ стоявшему возлѣ него графу Понятовскому: «вотъ женщина, за которую честному человѣку можно охотно вынести нѣсколько ударовъ кнута». Это мнѣ разсказывалъ самъ графъ Понятовскій, впослѣдствіи король польскій.

Генералъ Ферморъ, принявъ начальство, поспѣшилъ исполнить то, что ему было приказано, немедленно двинулся впередъ и, не смотря на суровую зиму, занялъ Кёнигсбергъ, который выслалъ къ нему своихъ депутатовъ 18 января 1758 г. Въ эту зиму я замѣтила, что Левъ Нарышкинъ вдругъ совершенно перемѣнилъ свое поведеніе; онъ сталъ невѣжливъ и грубъ и неохотно приходилъ ко мнѣ, ссылаясь на причины, которыя показывали, что у него что-то есть противъ меня, противъ своей сестры, невѣстки, графа Понятовскаго и всѣхъ моихъ приближенныхъ. Я узнала, что онъ почти не выходитъ отъ Ивана Шувалова, и догадалась, что его отвлекали отъ меня, думая мнѣ отмстить этимъ за то, что я помѣшала его браку съ Хитровой, и что навѣрное отъ него вывѣдаютъ разныя вещи и добьются разныхъ признаній, которыя могутъ повредить мнѣ. Его невѣстка, сестра и братъ также сердились на него за это, и въ самомъ дѣлѣ онъ велъ себя, какъ помѣшанный, и съ полнымъ чистосердечіемъ всячески оскорблялъ

насъ, между тѣмъ какъ въ это самое время я на свои деньги меблировала домъ, гдѣ онъ долженъ былъ жить послѣ свадьбы. Всѣ обвиняли его въ неблагодарности и говорили ему, что онъ— безчувственный человѣкъ, однимъ словомъ, что онъ никоимъ образомъ не можетъ быть недоволенъ мною. Было ясно, что онъ служилъ орудіемъ для тѣхъ, которые успѣли овладѣть имъ. Онъ больше обыкновеннаго ухаживалъ за великимъ княземъ, всячески забавлялъ его и заставлялъ дѣлать именно то, чего я не одобряла, какъ ему было извѣстно. Невѣжливость свою онъ простиралъ иногда до того, что даже не отвѣчалъ на мои вопросы. Въ то время я не могла себѣ объяснить, чѣмъ я могла его обидѣть; напротивъ, можно сказать, что я не переставала оказывать мое расположеніе и дружбу, какъ ему, такъ и всей его семьѣ, съ тѣхъ поръ какъ ихъ знала. Мнѣ кажется, что онъ удвоилъ свои любезности относительно великаго князя также по совѣту Шуваловыхъ, увѣрившихъ его, что милость великаго князя всегда для него надежнѣе моей, такъ какъ ни императрица, ни великій князь не расположены ко мнѣ и не любятъ меня; что онъ можетъ повредить своему счастію, если не отстанетъ отъ меня; что какъ скоро императрица умретъ, великій князь посадитъ меня въ монастырь, и проч. Мнѣ было донесено, что Шуваловы именно говорили обо всемъ этомъ. Кромѣ того, его обнадежили, что великій князь, въ знакъ своей милости, дастъ ему орденъ св. Анны. Посредствомъ такихъ доводовъ и приманокъ изъ этого слабаго и безхарактернаго человѣка извлекали какія угодно признанія; и онъ самъ простиралъ свое легкомысліе дальше, нежели отъ него требовалось, хотя иногда, какъ увидимъ ниже, съ нимъ бывали припадки раскаянія. Онъ старался всѣми средствами отдалять отъ меня великаго князя, который въ это время почти не переставалъ дуться на меня и снова связался съ графиней Елизаветой Воронцовой.

Къ веснѣ этого года разнесся слухъ, что принцъ саксонскій Карлъ, сынъ польскаго короля Августа III, пріѣдетъ въ Петербургъ. Это было вовсе непріятно великому князю по разнымъ причинамъ: во-первыхъ, онъ боялся, что пріѣздъ принца стѣснитъ его, а онъ не любилъ ни малѣйшаго обстоятельства, которое могло разстроить заведенный имъ образъ жизни; во-вторыхъ, саксонскій домъ находился на сторонѣ враговъ прусскаго короля; въ-третьихъ, великій князь могъ опасаться невыгоднаго для себя сравненія съ принцемъ Карломъ, хотя такое опасеніе означало бы великую скромность, потому что принцъ Карлъ самъ по себѣ былъ человѣкъ ничтожный и необразованный; кромѣ охоты и танцевъ, онъ ничего не зналъ, и я сама слышала отъ него, что онъ во всю жизнь не бралъ книгъ въ руки, исключая молитвенниковъ, которые ему давала королева, мать его, большая ханжа. Онъ дѣйстви-

тельно пріѣхалъ въ Петербургъ 5 апрѣля этого года. Его принимали съ большою церемоніею, великолѣпіемъ и блескомъ; свита его была очень многочисленна; его сопровождало много саксонцевъ и поляковъ, въ томъ числѣ Любомірскій, Потоцкій, Ржевусскій, котораго называли прекраснымъ, два князя Сулковскіе, графъ Сапѣга, графъ Браницкій, впослѣдствіи славный генералъ, графъ Эйнзидель и множество другихъ, именъ которыхъ я теперь не припомню. При немъ находился еще нѣкто Лахиналь, что-то въ родѣ гувернера; онъ руководилъ его поведеніемъ и завѣдывалъ его перепискою. Принца Карла помѣстили въ домѣ камергера Ивана Шувалова, только что отстроенномъ. Хозяинъ украсилъ этотъ домъ, на сколько было у него вкуса, тѣмъ не менѣе домъ былъ безъ вкуса и довольно плохъ, хотя чрезвычайно роскошно убранъ. Въ немъ было много картинъ, но, большею частью, копій; одну комнату облекли чинаровымъ деревомъ, но такъ какъ чинара не казиста, то поверхъ ея навели глазурь, отчего комната сдѣлалась желтою; чтобы поправить дѣло и уничтожить скверный желтый цвѣтъ, ее покрыли очень тяжелою и богатою рѣзьбою, которую посеребрили. Снаружи этотъ домъ, хотя очень огромный, напоминалъ своими украшеніями манжеты изъ Алансонскихъ кружевъ, такъ много на немъ было разныхъ украшеній. Графъ Иванъ Чернышевъ назначенъ былъ состоять при саксонскомъ принцѣ, которому все содержаніе отпускалось отъ двора, и дана была дворцовая прислуга. Въ ночь передъ тѣмъ днемъ, какъ принцъ Карлъ посѣтилъ насъ, я почувствовала страшную колику съ такимъ поносомъ, что должна была слишкомъ тридцать разъ ходить на низъ. Сверхъ того, со мною сдѣлалась лихорадка; но, несмотря на все это, наутро я одѣлась и приготовилась принять принца Карла. Около двухъ часовъ послѣ обѣда его повели къ императрицѣ, а отъ нея привели ко мнѣ; великій князь долженъ былъ прійти тотчасъ послѣ него. Для этого поставлены были у стѣны три кресла; на среднемъ сидѣла я, направо отъ меня великій князь, налѣво принцъ Карлъ. Мнѣ пришлось вести разговоръ, потому что его высочество не хотѣлъ вымолвить слова, а принцъ Карлъ былъ не разговорчивъ. Разговоръ продолжался съ полчетверти часа, послѣ чего принцъ Карлъ наконецъ всталъ и началъ представлять намъ свою огромную свиту; съ нимъ было, кажется, больше 20 человѣкъ, къ которымъ въ этотъ день присоединились посланники польскій и саксонскій, находившіеся при русскомъ дворѣ, и ихъ чиновники. Черезъ полчаса принцъ удалился, а я раздѣлась, легла въ постель и пролежала дня три или четыре въ сильной лихорадкѣ, послѣ которой я почувствовала признаки беременности. Въ исходѣ апрѣля мы отправились въ Ораніенбаумъ; но еще въ городѣ узнали, что принцъ Карлъ ѣдетъ волонтеромъ въ русскую армію. Передъ отъѣздомъ туда онъ отправился съ императрицею

въ Петергофъ, гдѣ ему давали праздники. Но мы ни тамъ ни въ городѣ не участвовали въ этихъ праздникахъ и проводили время въ своемъ обществѣ; принцъ Карлъ простился съ нами и уѣхалъ 4 іюля.

Видя, что великій князь постоянно очень на меня сердится, чему я не находила другой причины, кромѣ той, что я не хотѣла знать ни Брокдорфа, ни графини Елизаветы Воронцовой, сдѣлавшейся снова любимою султаншею, я вздумала дать его императорскому высочеству праздникъ въ моемъ Ораніенбаумскомъ саду и тѣмъ, буде возможно, смягчить его гнѣвъ; я знала, что всякій праздникъ по душѣ великому князю. Вслѣдствіе этого я приказала моему тогдашнему архитектору, итальянцу Антонію Ринальди, сдѣлать изъ дерева въ отдаленномъ мѣстѣ большую колесницу, такъ чтобы на ней могъ помѣститься оркестръ въ шестьдесятъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Стихи я велѣла сочинить придворному поэту, итальянцу, а музыку капельмейстеру Арайѣ. Въ саду, въ большой аллеѣ, устроена была иллюминованная декорація съ занавѣсью; напротивъ разставлены столы для ужина. 11 іюля къ вечеру, его императорское высочество, все, что было жителей въ Ораніенбаумѣ, и множество пріѣхавшихъ изъ Кронштадта и Петербурга отправились въ садъ, который уже былъ иллюминованъ. Сѣли за ужинъ, и послѣ перваго блюда занавѣсь, закрывавшая большую аллею, поднялась; вдали показался подвижной оркестръ, который везли двадцать быковъ, убранныхъ гирляндами; а оркестръ окружали танцоры и танцовщицы, сколько я могла ихъ найти. Аллея была такъ ярко иллюминована, что можно было различать всѣ предметы. Когда оркестръ остановился, на небѣ, какъ будто нарочно надъ самою колесницею, показался мѣсяцъ. Это произвело необыкновенный эффектъ и очень удивило все общество; къ тому же погода стояла чудеснѣйшая. Всѣ вскочили изъ-за столовъ, чтобы ближе послушать симфонію и полюбоваться зрѣлищемъ. Какъ скоро симфонія кончилась, занавѣсь опустилась, всѣ усѣлись за столы, и послѣ второго блюда послышались трубы и литавры, явился скоморохъ и началъ кричать: «милостивые государи и милостивыя государыни! пожалуйте ко мнѣ, въ моихъ лавочкахъ будетъ даровая лотерея». По обоимъ бокамъ декораціи поднялись небольшія занавѣси и открылись двѣ маленькія, ярко освѣщенныя лавочки, изъ которыхъ въ одной находился фарфоръ, а въ другой цвѣты, ленты, вѣера, гребенки, гарусъ, перчатки, портупеи и тому подобное тряпье, которое было все разобрано по билетамъ. Послѣ раздачи вещей всѣ отправились за десертъ, и потомъ начались танцы, продолжавшіеся до 6 часовъ утра. На этотъ разъ никакая интрига и никакое недоброжелательство не омрачили моего праздника; его императорское высочество и всѣ посѣтители были въ восторгѣ, и то и дѣло хвалили великую кня-

гиню и ея праздникъ; въ самомъ дѣлѣ я не пожалѣла издержекъ; вино находили отличнымъ, ужинъ вкуснѣйшимъ. Все было на мой собственный счетъ, такъ что я истратила отъ 10 до 15 тысячъ рублей, получая въ годъ всего 30 тысячъ. Но праздникъ этотъ могъ обойтись мнѣ еще дороже: въ самый день 17 іюля я поѣхала въ кабріолетѣ съ Нарышкиною посмотрѣть, все ли сдѣлано, какъ слѣдуетъ; и когда выходила изъ кабріолета и уже встала на подножку, лошадь вдругъ дернула, и я упала на колѣни наземь; тогда шелъ четвертый или пятый мѣсяцъ моей беременности. Я не показала никакого виду, веселилась не меньше другихъ, и ухаживала за моими гостями, но очень боялась выкинуть; однако все обошлось благополучно, и я отдѣлалась однимъ страхомъ. Великій князь, всѣ его приближенные, всѣ его голштинцы и даже самые заклятые враги мои въ теченіе нѣсколькихъ дней не переставали восхвалять меня и мой праздникъ; не было ни друга, ни недруга, кто бы не получилъ отъ меня на память какого нибудь тряпья; и такъ какъ въ этомъ праздникѣ или маскарадѣ участвовало множество народа изъ всѣхъ сословій и въ саду появилось множество женщинъ, которыя иначе никакъ не могли быть при дворѣ и въ моемъ присутствіи, то всѣ хвалились и показывали другъ другу мои подарки, въ сущности очень неважные. Я думаю, не было ни одной вещи, которая бы стоила болѣе ста рублей. Но эти вещи были получены отъ меня, и потому всѣ говорили другъ другу: это получено мною отъ ея императорскаго высочества великой княгини, она необыкновенно добра, она всѣхъ одарила, она прелесть какъ мила, она глядѣла на меня такъ снисходительно, она улыбалась такъ прекрасно, она заставляла насъ танцовать, изволила угощать, гулять съ нами, отводила мѣста, у кого не было мѣстъ, сама все показывала всѣмъ и была необыкновенно весела; словомъ, во мнѣ открыли свойства, которыхъ прежде не знали за мною, и я обезоружила враговъ моихъ, что̀ и было моей цѣлью. Впрочемъ, какъ мы увидимъ, это продолжалось недолго.

Послѣ этого праздника Левъ Нарышкинъ попрежнему началъ ходить ко мнѣ. Однажды я застала его въ своемъ кабинетѣ; онъ разлегся на диванѣ и распѣвалъ какую-то пѣсню, въ которой не было человѣческаго смысла; видя такую невѣжливость, я тотчасъ вышла изъ кабинета, заперла за собою дверь и отправилась къ его невѣсткѣ, которой сказала, что непремѣнно слѣдуетъ достать порядочный пучокъ крапивы, высѣчь этого человѣка за его сумасбродное поведеніе и выучить его уважать насъ. Нарышкина охотно согласилась, мы велѣли принести розогъ, обвязанныхъ крапивою, взяли съ собою одну изъ моихъ женщинъ, вдову Татьяну Юрьевну, и всѣ три пошли въ мой кабинетъ: Нарышкинъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ и во все горло распѣвалъ свою пѣсню. Уви-

давъ насъ, онъ хотѣлъ убѣжать; но мы успѣли настрекать ему руки, ноги и лицо, такъ что онъ дня два или три долженъ былъ оставаться въ своей комнатѣ, не смѣя даже никому сказывать, что случилось, потому что мы его увѣрили, что при малѣйшей его невѣжливости, при малѣйшей непріятности, которую онъ намъ сдѣлаетъ, мы возобновимъ наше наказаніе, такъ какъ иначе съ нимъ не было никакихъ средствъ. Мы все это дѣлали, какъ будто шутя и вовсе безъ злобы; но, тѣмъ не менѣе, проучили Нарышкина, по крайней мѣрѣ, онъ сдѣлался тише прежняго.

Въ августѣ мѣсяцѣ въ Ораніенбаумѣ мы узнали, что 14 числа происходило Цорндорфское сраженіе, самое кровопролитное во всемъ столѣтіи; съ обѣихъ сторонъ считали убитыми и ранеными слишкомъ по 20 тысячъ человѣкъ; мы лишились множества офицеровъ, до 1.200 человѣкъ. Насъ извѣстили объ этомъ сраженіи, какъ о побѣдѣ, но шопотомъ передавалось извѣстіе, что потери съ обѣихъ сторонъ были одинаковы, что въ теченіе трехъ дней оба непріятельскія войска не смѣли приписывать себѣ побѣды, и что наконецъ на третій день король прусскій въ своемъ лагерѣ, а генералъ Ферморъ на полѣ битвы служили благодарственные молебны. Императрица и весь городъ были поражены скорбью, когда сдѣлались извѣстны подробности этого кроваваго дня; многіе лишились родственниковъ, друзей и знакомыхъ. Долгое время только и было слуховъ, что о потеряхъ. Много генераловъ было убито, ранено, либо взято въ плѣнъ. Наконецъ убѣдились въ неспособности генерала Фермора и въ томъ, что онъ вовсе человѣкъ не воинственный. Дворъ отозвалъ его, и на его мѣсто главнокомандующимъ русской арміей въ Пруссіи назначенъ былъ генералъ графъ Петръ Салтыковъ, котораго для этого вызвали изъ Украйны, гдѣ онъ стоялъ съ полками. До его пріѣзда начальство надъ арміею поручено было генералу Фролову-Багрѣеву, но съ секретнымъ предписаніемъ ничего не дѣлать безъ совѣта съ второстепенными генералами, графомъ Румянцовымъ и его зятемъ, княземъ Александромъ Голицынымъ. Румянцева обвиняли въ томъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи 10.000 человѣкъ и находясь недалеко отъ поля битвы, на высотахъ, куда къ нему долетали пушечные выстрѣлы, онъ могъ бы сдѣлать битву болѣе рѣшительною, если бы ударилъ въ тылъ прусской арміи въ то время, какъ она дралась съ нашею: графъ Румянцевъ этого не сдѣлалъ, и когда зять его, князь Голицынъ, послѣ битвы пріѣхалъ къ нему въ лагерь, сталъ разсказывать ему о бывшемъ кровопролитіи, тотъ принялъ его очень дурно, наговорилъ ему разныхъ грубостей и послѣ этого не хотѣлъ съ нимъ знаться, называя трусомъ, чѣмъ князь Голицынъ вовсе не былъ; несмотря на побѣды Румянцева и на теперешнюю славу его, вся армія убѣждена, что онъ уступаетъ Голицыну въ храбрости.

Въ началѣ сентября императрица находилась въ Царскомъ Селѣ. Осьмого числа, въ день Рождества Богородицы, она пошла изъ

дворца пѣшкомъ къ обѣднѣ въ приходскую церковь, находящуюся въ двухъ шагахъ отъ воротъ, къ сѣверу. Только что началась служба, она почувствовала себя дурно, вышла изъ церкви, сошла по крыльцу, которое ведетъ наискось во дворецъ, и, дошедши до угла церкви, упала безъ чувствъ на траву. Ее обступила толпа народа, сошедшагося изъ окрестныхъ деревень на праздникъ, къ обѣднѣ. Когда она вышла изъ церкви, съ ней никого не было изъ свиты; извѣщенныя дамы и другіе ея приближенные тотчасъ прибѣжали на помощь и нашли императрицу безъ движенія и безъ сознанія посреди народа, который глядѣлъ на нее, не смѣя къ ней приблизиться. Она была велика ростомъ и тяжела, и упавши должна была сильно ушибиться. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ, и послали за докторомъ и хирургомъ; послѣдній пришелъ напередъ и немедленно пустилъ ей кровь тутъ же на травѣ, посреди и на глазахъ всего народа, но она не приходила въ себя. Доктора долго ждали; онъ самъ былъ боленъ и не могъ ходить; принуждены были принести его на креслѣ. Это былъ Кондоиди, грекъ родомъ, а хирургъ—Фузадье, французскій эмигрантъ. Наконецъ принесли изъ дворца ширмы и кушетку, на которую положили императрицу; съ помощью разныхъ средствъ ее привели немного въ чувство; но, открывши глаза, она никого не узнала и едва внятнымъ голосомъ спросила, гдѣ она. Все это продолжалось слишкомъ два часа, по прошествіи которыхъ рѣшились перенести императрицу на кушеткѣ во дворецъ. Можно себѣ представить смущеніе, въ которомъ должны были находиться всѣ придворные. Гласность событія еще болѣе увеличивала его непріятность; до сихъ поръ скрывали нездоровье императрицы, теперь оно сдѣлалось всѣмъ извѣстно. На другой день, поутру, въ Ораніенбаумѣ, я получила отъ графа Понятовскаго записку, въ которой онъ извѣщалъ меня о подробностяхъ. Я тотчасъ пошла передать ихъ великому князю, который ничего не зналъ, потому что отъ насъ самымъ тщательнымъ образомъ скрывали вообще все, и въ особенности относившееся лично до императрицы. Обыкновенно только каждое воскресенье, когда мы жили съ нею не въ одномъ мѣстѣ, одинъ изъ нашихъ кавалеровъ отправлялся узнавать объ ея здоровьѣ. Мы сдѣлали это въ слѣдующее воскресенье и узнали, что въ теченіе нѣсколькихъ дней императрица оставалась безъ свободнаго употребленія языка, и что до сихъ поръ еще она говоритъ не совсѣмъ внятно. Разсказывали, что въ обморокѣ она прикусила себѣ языкъ. Все это заставляло предполагать, что слабость ея была болѣе слѣдствіемъ конвульсій, нежели обморока. Въ исходѣ сентября мы возвратились въ городъ.

По причинѣ беременности я не выходила больше въ публику, ошибочно разсчитывая срокъ родинъ моихъ. Это было непріятно великому князю, потому что, когда я выходила, онъ могъ сказы-

ваться больною и оставаться у себя въ комнатахъ. Такъ какъ императрица также показывалась рѣдко, то на мнѣ лежала обязанность появляться на куртагахъ, праздничныхъ праздникахъ и балахъ; въ случаѣ же моей болѣзни, чтобы кто нибудь изъ насъ былъ въ публикѣ, заставляли выходить его императорское высочество. Такимъ образомъ моя беременность не нравилась великому князю, и разъ, у себя въ комнатѣ, въ присутствіи Льва Нарышкина и многихъ другихъ, онъ вздумалъ сказать: «Богъ знаетъ, откуда моя жена беременѣетъ; я не знаю навѣрное, мой ли это ребенокъ, и долженъ ли я признавать его своимъ». Левъ Нарышкинъ въ ту же минуту прибѣжалъ ко мнѣ и передалъ мнѣ этотъ отзывъ. Это, разумѣется, испугало меня; я сказала Нарышкину: «Вы не умѣли найтись; ступайте къ нему и потребуйте отъ него клятвы въ томъ, что онъ не спалъ со своею женою, и скажите, что какъ скоро онъ поклянется, вы тотчасъ пойдете донести о томъ Александру Шувалову, какъ начальнику тайной канцеляріи». Левъ Нарышкинъ дѣйствительно пошелъ къ великому князю и потребовалъ отъ него этой клятвы, на что тотъ отвѣчалъ: «Убирайтесь къ чорту и не говорите мнѣ больше объ этомъ». Слова великаго князя, произнесенныя съ такимъ безразсудствомъ, очень меня разсердили, и съ тѣхъ поръ я увидала, что мнѣ остаются на выборъ три равно опасные и трудные пути: первое—раздѣлить судьбу великаго князя, какая она ни будетъ; второе—находиться въ постоянной зависимости отъ него и ждать, что ему угодно будетъ сдѣлать со мною; третье—дѣйствовать такъ, чтобы не быть въ зависимости ни отъ какого событія. Сказать яснѣе, я должна была либо погибнуть съ нимъ, или отъ него, либо спасти самое себя, моихъ дѣтей и, можетъ быть, все государство отъ тѣхъ гибельныхъ опасностей, въ которыя несомнѣнно ввергли бы ихъ и меня нравственныя и физическія качества этого государя. Послѣдній путь казался мнѣ наиболѣе надежнымъ; поэтому я рѣшилась попрежнему, сколько могла и умѣла, давать ему благіе совѣты, но не упорствовать, когда онъ имъ не слѣдовалъ, и не сердить его, какъ прежде; указывать ему его настоящія выгоды всякій разъ, какъ представится къ тому случай, но въ остальное время хранить самое строгое молчаніе, и, съ другой стороны, соблюдать свои интересы по отношенію къ публикѣ, такъ чтобы сія послѣдняя видѣла во мнѣ спасительницу общественнаго блага.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, увѣдомилъ меня, что король польскій прислалъ графу Понятовскому отзывныя грамоты; графъ Бестужевъ имѣлъ по этому случаю горячую переписку съ графомъ Брюлемъ и саксонскимъ кабинетомъ, негодуя, зачѣмъ они, какъ прежде, не совѣтовались съ нимъ объ этомъ предметѣ. Онъ наконецъ узналъ, что все дѣло было устроено происками вице-канцлера графа Воронцова и Ивана Шувалова, которымъ помогалъ саксонскій резидентъ въ Петербургѣ,

Прассъ. Вообще этотъ Прассъ, къ удивленію, имѣлъ свѣдѣнія о многихъ предметахъ, о которыхъ, повидимому, ему вовсе неоткуда было узнавать; источникъ этихъ свѣдѣній открылся, много лѣтъ спустя. Прассъ былъ тайнымъ и весьма скромнымъ любовникомъ жены вице-канцлера, графини Анны Карловны, урожденной Скавронской, которая и видалась съ нимъ у пріятельницы своей, Самариной, жены церемоніймейстера. Графъ Бестужевъ потребовалъ у Понятовскаго полученныя имъ отзывныя грамоты и отослалъ ихъ назадъ въ Саксонію подъ предлогомъ несоблюденія формальностей.

Въ ночь съ 8 на 9 декабря я начала чувствовать боли и приближеніе родовъ; я велѣла Владиславовой извѣстить о томъ великаго князя и графа А. Шувалова, чтобы онъ могъ доложить императрицѣ. Черезъ нѣсколько времени явился ко мнѣ въ комнату великій князь въ своемъ голштинскомъ мундирѣ, въ сапогахъ со шпорами, повязанный шарфомъ и съ огромною шпагою на боку, однимъ словомъ въ полномъ парадѣ. Было около половины третьяго ночи; удивленная его нарядомъ, я спросила, зачѣмъ онъ такъ изысканно одѣлся. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что истинные друзья познаются въ важныхъ случаяхъ жизни, что въ этомъ мундирѣ онъ готовъ исполнить долгъ свой, что долгъ голштинскаго офицера по присягѣ защищать герцогскій домъ отъ всѣхъ непріятелей, и что такъ какъ я нахожусь въ опасности, то онъ поспѣшилъ ко мнѣ на помощь. Можно было подумать, что онъ шутитъ, но ничуть не бывало, онъ говорилъ очень серьезно; я тотчасъ догадалась, что онъ пьянъ, и посовѣтовала ему итти спать, говоря, что придетъ императрица, и разгнѣвается вдвойнѣ, когда увидитъ его пьянымъ и съ ногъ до головы въ голштинскомъ мундирѣ, котораго, какъ я знала, она не могла терпѣть. Я долго уговаривала его итти, и наконецъ съ помощію Владиславовой и бабушки, увѣрявшей, что я еще не такъ скоро рожу, успѣла его выпроводить. Когда онъ ушелъ, пришла императрица. Она спросила, гдѣ великій князь; ей сказали, что онъ только что вышелъ и придетъ назадъ. Такъ какъ боли мои утихли, и бабушка говорила, что остается еще нѣсколько часовъ до родинъ, то императрица удалилась въ свои покои, а я легла въ постель и заснула. На утро я встала по обыкновенію, чувствуя по временамъ боли и потомъ нѣсколько часовъ сряду оставаясь спокойною. Къ вечеру мнѣ захотѣлось ѣсть, и я велѣла принести себѣ ужинъ. Бабушка, сидѣвшая близко и видѣвшая, съ какою алчностью я ѣмъ, говорила: «кушайте, кушайте, этотъ ужинъ вамъ будетъ полезенъ». Дѣйствительно, окончивши ужинъ, я встала изъ-за стола, и въ ту самую минуту, какъ встала, со мною сдѣлалась такая боль, что я громко вскрикнула. Бабушка и Владиславова схватили меня подъ руки, уложили на родильную кровать и велѣли позвать великаго князя

и императрицу... Только что они вошли ко мнѣ въ комнату, какъ 9 декабря, между 10 и 11 часами вечера, я родила дочь. Я просила императрицу, чтобы она позволила назвать ребенка ея именемъ, но ей угодно было дать имя старшей сестры своей, герцогини голштинской, Анны Петровны, матери великаго князя. Сей послѣдній, повидимому, очень радовался рожденію этого дитяти, устроивалъ у себя въ комнатахъ большіе обѣды, велѣлъ праздновать это событіе въ Голштиніи и съ полнымъ самодовольствомъ принималъ всѣ поздравленія. На шестой день дочь мою крестили; императрица была крестною матерью и принесла мнѣ указъ кабинету съ пожалованіемъ мнѣ 60.000 рублей; столько же она приказала выдать и великому князю, чтѐ еще больше его обрадовало. Послѣ крестинъ начались праздники, на которыхъ, какъ говорили, было очень весело; но я ни одного изъ нихъ не видала, оставаясь въ своей постели одна одинехонька, рѣшительно безъ всякаго общества. Только что я родила, императрица въ этотъ разъ, какъ и въ первый, унесла ребенка къ себѣ въ комнаты, и меня, подъ предлогомъ необходимаго мнѣ спокойствія, оставили безъ всякаго сожалѣнія совершенно одну: никто не приходилъ ко мнѣ въ комнаты, никто не спрашивалъ и не присылалъ спрашивать о моемъ здоровьѣ. Какъ и въ первый разъ, я очень огорчалась этимъ забвеніемъ; но теперь я приняла всѣ возможныя предосторожности противъ сквозного вѣтра и неудобствъ помѣщенія; послѣ родовъ я не оставляла постели, и такъ какъ никто не смѣлъ приходить ко мнѣ, развѣ украдкою, то я рѣшилась помочь и этому горю. Кровать моя стояла почти по серединѣ довольно длинной комнаты; окна были съ правой стороны отъ кровати; незамѣтная дверь вела въ комнату съ гардеробомъ, которая была загромождена ширмами и сундуками и служила также переднею комнатою. Начиная отъ постели до этой двери я велѣла поставить огромныя ширмы, за которыми образовался чудеснѣйшій кабинетъ, какой можно себѣ вообразить, взявъ во вниманіе мѣстность и обстоятельства. Въ этомъ кабинетѣ у меня стоялъ диванъ, были зеркала, передвижные столы и нѣсколько стульевъ. Когда я задергивала занавѣски моей постели съ этого боку, то ничего не было видно; а, отдернувши ихъ, я видѣла кабинетъ мой и тѣхъ, кто въ немъ сидѣли. Приходившіе въ комнату видѣли только ширмы, и когда спрашивали, что у меня за ширмами, имъ отвѣчали, что тамъ стоитъ судно, которое, разумѣется, никто не любопытствовалъ видѣть; впрочемъ, и его можно было показать, не показывая кабинета, загороженнаго ширмами.

1 января 1759 г. придворные праздники заключились великолѣпнѣйшимъ фейерверкомъ, который сожженъ былъ между баломъ и ужиномъ. Я все еще считалась родильницей и не являлась ко двору. Передъ сожженіемъ фейерверка графъ Петръ Шуваловъ вздумалъ показать мнѣ планъ его; Владиславова сказала ему, что я

сплю, и что она пойдетъ посмотрѣть, не проснулась ли я. Я не спала, но лежала въ постели, и у меня было мое обыкновенное маленькое общество, состоявшее изъ тѣхъ же лицъ, что̀ и прежде: Нарышкиной, Сенявиной, Измайловой, графа Понятовскаго; сей последній послѣ своего отзыва сказался больнымъ, но приходилъ ко мнѣ, а позванныя дамы довольно любили меня и предпочитали бесѣду со мною баламъ и праздникамъ. Владиславова не знала навѣрное, кто у меня, но по своей догадливости не сомнѣвалась, что кто нибудь долженъ быть; я еще засвѣтло сказала ей, что отъ скуки раньше лягу спать, и потому она больше не приходила. Услыхавъ отъ графа Шувалова, что онъ желаетъ меня видѣть, она постучалась ко мнѣ въ дверь; я задернула занавѣски постели со стороны кабинета и отозвалась ей, что она можетъ войти. Она вошла и доложила о приходѣ графа П. Шувалова; я велѣла просить. Она пошла звать его; гости мои надрывались со смѣху въ ожиданіи этой забавной сцены и говорили, что Шуваловъ готовъ будетъ поклясться, что засталъ меня одну въ постели, между тѣмъ какъ однѣ занавѣски будутъ отдѣлять мою веселую компанію отъ этого важнаго лица, бывшаго въ то время придворнымъ оракуломъ и находившагося въ отличномъ довѣріи у императрицы. Наконецъ онъ вошелъ и поднесъ мнѣ планъ своего фейерверка; онъ былъ тогда генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Я тотчасъ стала извиняться въ томъ, что заставила ждать его, и сказала, что только что проснулась, и для этого нарочно протирала себѣ глаза. Я солгала, чтобы не выдать Владиславову. Послѣ этого я вела съ нимъ довольно продолжительный разговоръ, такъ что даже онъ самъ сталъ торопиться уйти, чтобы скорѣе начать фейерверкъ и не заставить ждать императрицу. Я распростилась съ нимъ, и когда онъ ушелъ, я снова отдернула занавѣски. Гостямъ моимъ, послѣ долгаго хохота, захотѣлось пить и ѣсть, и я сказала имъ: «Будьте покойны, мы достанемъ то и другое; было бы очень не справедливо морить васъ голодомъ за вашу любезность ко мнѣ и за то, что вы пришли навѣстить меня». Я снова задернула занавѣски и позвонила. Вошла Владиславова, и я сказала ей, чтобы она велѣла принести мнѣ ужинъ, прибавивъ, что чувствую страшный аппетитъ, и что мнѣ надо, по крайней мѣрѣ, шесть кушаній. Когда ужинъ былъ готовъ, и его подали, я велѣла все пододвинуть къ моей постели и сказала лакею, чтобы онъ шелъ. Тогда гости мои вышли изъ-за ширмъ и, какъ голодные, принялись за ужинъ; веселость усиливала аппетитъ. Я не помню въ жизни другого вечера, который бы прошелъ такъ весело и забавно. Когда всѣ наѣлись, я велѣла точно такъ же, какъ и прежде, унести остатки ужина. Должно быть, только лакеи нѣсколько были удивлены моимъ необыкновеннымъ аппетитомъ. При дворѣ оканчивался ужинъ, когда гости мои отправились по домамъ, очень довольные проведеннымъ вечеромъ. Графъ Понятовскій, уходя,

обыкновенно надѣвалъ русскій парикъ и шинель, и когда часовые спрашивали, кто идетъ, онъ отвѣчалъ: музыкантъ великаго князя. Мы много смѣялись въ этотъ вечеръ надъ русскимъ парикомъ.

Въ этотъ разъ, по истеченіи шести недѣль, я брала молитву въ императрицыной церкви, въ присутствіи одного только графа А. Шувалова. Въ исходѣ масленицы, по окончаніи всѣхъ городскихъ праздниковъ, при дворѣ было три свадьбы. Графъ Александръ Строгоновъ женился на графинѣ Аннѣ Воронцовой, дочери вице-канцлера; черезъ два дня потомъ Левъ Нарышкинъ на Закревской и въ тотъ же день графъ Бутурлинъ на графинѣ Маріи Воронцовой. Всѣ три дѣвицы были фрейлинами императрицы, и по случаю этихъ трехъ свадебъ гетманъ Разумовскій и датскій министръ, графъ Остенъ, держали пари, кто изъ троихъ молодыхъ супруговъ первый украсится рогами. Такимъ оказался графъ Строгоновъ, хотя супруга его была всѣхъ хуже лицомъ и въ то время слыла невиннымъ ребенкомъ. День наканунѣ свадьбы Льва Нарышкина и графа Бутурлина былъ очень несчастнымъ днемъ. Съ давнихъ поръ ходили тайные слухи о томъ, что значеніе великаго канцлера, графа Бестужева, ослабѣваетъ, и что непріятели одолѣваютъ его. Онъ лишился друга своего, генерала Апраксина. Графъ Разумовскій старшій долгое время держалъ его сторону, но съ тѣхъ поръ, какъ Шуваловы окончательно вошли въ милость, онъ больше ни во что не вмѣшивался, и только изрѣдка, когда представлялся случай, ходатайствовалъ по неважнымъ дѣламъ за своихъ родственниковъ и друзей. Шуваловы и М. Воронцовъ были подстрекаемы въ ненависти своей къ великому канцлеру послами австрійскимъ, графомъ Эстергази, и французскимъ, маркизомъ Лопиталемъ, который былъ увѣренъ, что графъ Бестужевъ болѣе склоненъ къ союзу Россіи съ Англіей, нежели съ Франціею. Австрійскій посолъ интриговалъ противъ графа Бестужева за то, что онъ настаивалъ, чтобы Россія, слѣдуя союзному трактату, высылала Маріи-Терезіи только вспомогательное войско, а не употребляла на войну противъ прусскаго короля всѣхъ силъ своихъ. Графъ Бестужевъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ патріотъ, и его трудно было водить за носъ, между тѣмъ какъ М. Воронцовъ и Иванъ Шуваловъ находились совершенно подъ вліяніемъ обоихъ пословъ. Недѣли за двѣ до паденія Бестужева, французскій посолъ, маркизъ Лопиталь, явился къ вицеканцлеру Воронцову съ депешею въ рукѣ и сказалъ ему: «Графъ, вотъ депеша, которую я получилъ отъ двора своего; въ ней сказано, что если вы черезъ двѣ недѣли не заступите мѣсто великаго канцлера, то я долженъ обратиться къ нему и вести дѣла исключительно съ нимъ». Воронцовъ разгорячился и отправился къ Ивану Шувалову, послѣ чего представили императрицѣ, будто вліяніе графа Бестужева омрачаетъ ея славу въ Европѣ. Императрица приказала въ тотъ же вечеръ собрать конференцію и по-

звать на нее великаго канцлера. Тотъ сказался больнымъ; тогда болѣзнь эту назвали неповиновенiемъ и послали сказать ему, чтобы онъ немедленно былъ. Бестужевъ явился, и въ полномъ собранiи конференцiи его арестовали, лишили должностей, чиновъ и орденовъ, хотя рѣшительно никто не могъ сообразить, за какiя вины постигаетъ такая немилость перваго государственнаго человѣка. Его отослали домой подъ присмотромъ заранѣе назначенной роты гвардейскихъ гренадеровъ, которые, проходя берегомъ Мойки, гдѣ находились дома графовъ Александра и Петра Шуваловыхъ, говорили между собой: «Ну, слава Богу, мы теперь возьмемъ этихъ проклятыхъ Шуваловыхъ; они только и дѣлаютъ, что выдумываютъ пошлины»; но, когда имъ велѣно было стеречь Бестужева, они говорили: «Это не онъ, это другiе обираютъ народъ». Хотя графъ Бестужевъ былъ арестованъ въ самомъ дворцѣ и недалеко отъ флигеля, гдѣ мы жили, въ тотъ вечеръ мы ничего не узнали: до такой степени тщательно скрывали отъ насъ все происходившее. На утро, въ воскресенье, когда я проснулась, мнѣ принесли отъ Льва Нарышкина (который давно уже сдѣлался опять надеженъ) записку графа Понятовскаго. Записка эта начиналась слѣдующими словами: «Человѣкъ никогда не бываетъ лишенъ всѣхъ средствъ. Пользуюсь этимъ путемъ, чтобы увѣдомить васъ, что вчера вечеромъ графъ Бестужевъ взятъ подъ стражу и лишенъ всѣхъ должностей и чиновъ; съ нимъ вмѣстѣ также вашъ брильянтщикъ Бернарди, Елагинъ и Ададуровъ». Эти строки ошеломили меня. Перечитавши ихъ, я сообразила, что мнѣ нѣтъ никакой возможности не быть замѣшанной въ это дѣло. Чтобы понять это, нужно слѣдующее объясненiе. Бернарди, довольно умный итальянецъ, торговалъ брильянтами, и поэтому имѣлъ доступъ во всѣ дома. Я думаю, не было дома, который бы не задолжалъ ему, и которому бы онъ не оказалъ какую либо небольшую услугу. Такъ какъ онъ безпрестанно бывалъ вездѣ, то на него возлагались иногда разныя порученiя: записка, посланная черезъ Бернарди, всегда доходила вѣрнѣе и скорѣе, нежели черезъ лакеевъ. Такимъ образомъ арестъ его встревожилъ весь городъ; онъ для всѣхъ исполнялъ комиссiи, и для меня такъ же, какъ и для другихъ. Елагинъ былъ нѣкогда адъютантомъ у оберъ-егермейстера, графа Разумовскаго, въ то время какъ тотъ держалъ у себя подъ опекою Бекетова, и остался домашнимъ у Разумовскихъ. Онъ былъ друженъ съ графомъ Понятовскимъ, вообще былъ человѣкъ честный и надежный; стоило однажды прiобрѣсти его расположенiе, чтобы больше не сомнѣваться въ немъ. Онъ всегда показывалъ усердiе и особенную привязанность ко мнѣ. Ададуровъ нѣкогда училъ меня русскому языку и съ тѣхъ поръ очень былъ привязанъ ко мнѣ. Я замолвила о немъ слово графу Бестужеву, который сначала не любилъ его за сношенiя съ врагомъ его, княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, и лишь въ

послѣдніе два-три года сталъ довѣряться ему. Когда я прочитала записку графа Понятовскаго и стала размышлять о ней, тысячи ощущеній, одно другого непріятнѣе, наполнили мою душу. Словно съ кинжаломъ въ сердцѣ, я одѣлась и пошла къ обѣднѣ, гдѣ мнѣ показалось, что почти всѣ, кого я встрѣчала, ходили съ такими же длинными лицами, какъ и я. Никто во весь день ничего не говорилъ мнѣ, какъ будто не было извѣстно о случившемся. Я тоже хранила молчаніе. Великій князь никогда не любилъ графа Бестужева. Онъ мнѣ показался довольно веселъ въ этотъ день, но изъ его обращенія ничего не было видно, хотя онъ держался довольно далеко отъ меня. Вечеромъ надобно было итти на свадьбу. Я снова одѣлась и присутствовала на вѣнчаніи графа Бутурлина и Льва Нарышкина, на ужинѣ и на балѣ. Во время танцевъ я подошла къ маршалу свадьбы, князю Никитѣ Трубецкому, какъ будто посмотрѣть ленты на его маршальскомъ жезлѣ, и сказала ему вполголоса: «Что все это значитъ? Нашли ли вы больше преступленій, нежели преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ, нежели преступленій?» На это онъ мнѣ сказалъ: «Мы сдѣлали, что намъ было приказано, а преступленій еще ищутъ. До сихъ поръ поиски не удаются». Послѣ разговора съ нимъ я пошла разговаривать съ фельдмаршаломъ Бутурлинымъ, который сказалъ мнѣ: «Бестужевъ арестованъ, но теперь мы ищемъ причины ареста». Такъ говорили два слѣдователя, назначенные императрицею по дѣлу Бестужева. Его арестовалъ графъ Александръ Шуваловъ. На этомъ балу я видѣла издали Штамбке и замѣтила, что онъ печаленъ и смущенъ. Императрица не присутствовала ни на одной изъ этихъ свадебъ, ни въ церкви, ни на пиру. На другой день пришелъ ко мнѣ Штамбке и сказалъ, что Бестужевъ прислалъ ему записку, въ которой поручалъ ему передать мнѣ, чтобъ я не тревожилась насчетъ того, что я знаю, и увѣдомлялъ, что успѣлъ бросить въ огонь, и что, когда его станутъ допрашивать, онъ сообщитъ ему обо всемъ тѣмъ же путемъ. Я спросила Штамбке, какой это путь, и узнала, что записку Бестужева доставилъ ему трубачъ-егерь графа, и что они условились на будущее время сноситься между собою, кладя записки въ назначенное мѣсто между кирпичами, недалеко отъ дома графа Бестужева. Я велѣла Штамбке, который самъ былъ, какъ мнѣ казалось, въ великомъ страхѣ, быть какъ можно осторожнѣе, чтобы эта опасная переписка не открылась. Тѣмъ не менѣе, онъ и графъ Понятовскій продолжали сноситься съ графомъ Бестужевымъ. Когда Штамбке ушелъ, я кликнула Владиславову и велѣла ей отправиться къ ея зятю Пуговошникову и отдать ему отъ меня записку, которую я ему написала въ слѣдующихъ словахъ: «Вамъ нечего бояться; все успѣли сжечь». Эти слова его успокоили; послѣ ареста Бестужева онъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Вотъ чего онъ долженъ

былъ бояться за себя, и вотъ что успѣлъ сжечь графъ Бестужевъ. Болѣзненное состояніе императрицы и ея частыя конвульсіи заставляли всѣхъ думать о будущемъ. Графъ Бестужевъ, и по мѣсту своему, и по своимъ способностямъ, конечно, не менѣе другихъ долженъ былъ заботиться о томъ, что предстояло. Онъ зналъ, что великому князю съ давнихъ поръ внушено къ нему отвращеніе. Ему очень хорошо была извѣстна умственная слабость этого государя, рожденнаго наслѣдникомъ столькихъ престоловъ. Очень естественно было, что этотъ государственный человѣкъ, какъ и всякій другой, желалъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Онъ зналъ, что я уже много лѣтъ перестала внимать внушеніямъ, которыя сначала отдаляли меня отъ него. Кромѣ того, въ личномъ отношеніи онъ, можетъ быть, считалъ меня единственнымъ существомъ, на которомъ, въ случаѣ смерти императрицы, могла быть основана надежда общества. Вслѣдствіе такихъ и подобныхъ размышленій онъ составилъ планъ, чтобы, какъ скоро императрица скончается, великій князь по праву былъ объявленъ императоромъ, но чтобы въ то же время мнѣ было предоставлено публичное участіе въ управленіи; всѣ лица должны были остаться при своихъ мѣстахъ; Бестужевъ получалъ званіе подполковника въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ и предсѣдательство въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ: иностранной, военной и адмиралтейской. Такимъ образомъ, желанія его были чрезмѣрны. Онъ прислалъ мнѣ проектъ этого манифеста, писанный рукою Пуговошникова; но я, поговоривъ съ графомъ Понятовскимъ, чрезъ котораго манифестъ былъ мнѣ доставленъ, отвѣчала ему словесно, что благодарю его за добрыя намѣренія относительно меня и считаю, что ихъ очень трудно исполнить. Онъ писалъ и переписывалъ свой проектъ много разъ, перемѣнялъ его, распространялъ, сокращалъ и былъ, повидимому, имъ очень занятъ. Сказать по правдѣ, я смотрѣла на его проектъ почти, какъ на бредни и какъ на приманку, посредствомъ которой этотъ старикъ хотѣлъ больше войти ко мнѣ въ довѣренность; но я не думала поддаваться, потому что считала проектъ этотъ вреднымъ для государства, долженствовавшаго терпѣть отъ малѣйшей ссоры между мною и не любившимъ меня мужемъ; но такъ какъ все это были еще одни предположенія, то я не хотѣла противорѣчить упрямому старику, котораго трудно было разубѣдить, когда онъ что нибудь забиралъ себѣ въ голову. Этотъ-то проектъ онъ успѣлъ сжечь, о чемъ и увѣдомилъ тѣхъ, которые о немъ знали.

Между тѣмъ камердинеръ мой Шкуринъ сказалъ мнѣ, что капитанъ, приставленный сторожить графа Бестужева, его давнишній пріятель, у котораго онъ обѣдаетъ каждое воскресенье, когда уходитъ отъ двора. Я ему сказала, что если это такъ, и что если онъ можетъ разсчитывать на капитана, то чтобъ постарался узнать, не согласится ли онъ ослабить надзоръ надъ своимъ плѣнникомъ. Это

тѣмъ болѣе было нужно, что графъ Бестужевъ своимъ путемъ увѣдомилъ Штамбке о необходимости извѣстить Бернарди, чтобы онъ на допросахъ говорилъ сущую правду, и въ то же время дать знать ему, о чемъ станутъ его допрашивать. Когда я узнала, что Шкуринъ охотно берется открыть доступъ къ графу Бестужеву, я сказала ему, чтобы онъ постарался также найти средства для сношенія съ Бернарди и похлопоталъ, нѣтъ ли возможности склонить къ тому сержанта или солдата, у котораго Бернарди находился подъ арестомъ. Въ тотъ же день вечеромъ Шкуринъ донесъ мнѣ, что Бернарди находился подъ арестомъ у гвардейскаго сержанта Колышкина, и что онъ завтра будетъ имѣть свиданіе съ симъ послѣднимъ. Къ пріятелю своему, капитану, сторожившему графа Бестужева, Шкуринъ посылалъ спрашивать, можетъ ли онъ съ нимъ видѣться, и получилъ въ отвѣтъ, что если хочетъ поговорить съ нимъ, то чтобъ приходилъ къ нему; но одинъ изъ его подначальныхъ, котораго Шкуринъ также зналъ, и который былъ его родственникъ, отсовѣтовалъ ему итти, сказавши, что капитанъ хвастался наединѣ, что, какъ скоро Шкуринъ придетъ, онъ его возьметъ подъ арестъ, и тѣмъ выслужится передъ начальствомъ. Такимъ образомъ, Шкуринъ пересталъ посылать къ капитану, своему ложному другу. Зато Колышкинъ, съ которымъ я велѣла говорить отъ моего имени, передавалъ Бернарди все, что угодно, и оба они исполняли наши приказанія, тѣмъ болѣе, что должны были говорить сущую правду.

Черезъ нѣсколько дней, очень рано по утру, явился ко мнѣ въ комнату Штамбке, блѣдный и разстроенный, и сказалъ, что переписка его и графа Понятовскаго съ графомъ Бестужевымъ открыта, что маленькій трубачъ-егерь схваченъ, что, по всему вѣроятію, ихъ послѣднія письма попались въ руки сторожившимъ графа Бестужева людямъ, что онъ самъ каждую минуту ждетъ, если не ареста, такъ высылки, и что онъ пришелъ сказать мнѣ все это и проститься со мной. Получивъ такое извѣстіе, я, разумѣется, встревожилась. Я утѣшала его, какъ могла, и сказала ему, чтобъ онъ уходилъ, такъ какъ его посѣщеніе можетъ подать поводъ еще къ большимъ непріятностямъ для меня, и что отъ меня могутъ послѣ этого отворачиваться, какъ отъ лица, находящагося въ подозрѣніи у правительства. Тѣмъ не менѣе я была убѣждена, что относительно правительства я не заслуживала ни малѣйшаго упрека. Вообще, кромѣ Михаила Воронцова, Ивана Шувалова, двухъ пословъ, вѣнскаго и версальскаго, и тѣхъ людей, которые находились подъ ихъ вліяніемъ, всѣ въ Петербургѣ, большіе и малые, были увѣрены, что графъ Бестужевъ былъ невиненъ, что онъ управлялъ дѣлами, какъ слѣдуетъ, и не совершилъ никакого преступленія. Всѣмъ было извѣстно, что на другой день послѣ ареста г. Волкову, нѣкогда первому чиновнику у графа Бестужева,

который въ 1755 г. спасся отъ него, и, побродивъ по лѣсамъ, снова появился, и въ настоящее время былъ первымъ секретаремъ конференціи, велѣно было въ комнатѣ Ивана Шувалова написать манифестъ и представить публикѣ причины, побудившія императрицу поступить такъ съ великимъ канцлеромъ. Волковъ и патроны его на этомъ тайномъ сходбищѣ ломали себѣ головы, отыскивая преступленій; наконецъ придумали оскорбленіе величества, написали, будто Бестужевъ старался поселить несогласіе между ея императорскимъ величествомъ и ихъ императорскими высочествами, и хотѣли, на другой же день послѣ ареста, безъ суда и разбора, сослать его въ одну изъ его деревень, лишивъ всего остальнаго имущества. Но другіе стали говорить, что это уже слишкомъ—ссылать человѣка безъ вины и суда, что, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ искать преступленій въ надеждѣ найти ихъ, и что если они не найдутся, то все-таки слѣдуетъ нарядить слѣдственную комиссію надъ Бестужевымъ, лишеннымъ, неизвѣстно почему, должностей, чиновъ и орденовъ. Слѣдователи эти были, какъ я уже сказала, фельдмаршалъ Бутурлинъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой и генералъ графъ А. Шуваловъ; при нихъ секретаремъ—Волковъ. Господа слѣдователи прежде всего предписали, черезъ иностранную коллегію, всѣмъ посламъ, посланникамъ и уполномоченнымъ Россіи при иностранныхъ дворахъ прислать копіи съ депешъ, которыя они получали отъ графа Бестужева, съ тѣхъ поръ какъ онъ управлялъ дѣлами. Это было сдѣлано для того, чтобы отыскать въ депешахъ преступленій. Говорили, будто онъ писалъ, что хотѣлъ, и въ противность воли и приказаніямъ императрицы. Но такъ какъ ея величество ничего не писала и не подписывала, то трудно было дѣйствовать противъ ея приказаній; что же касается до личныхъ повелѣній, то императрица почти вовсе не давала ихъ великому канцлеру, который по цѣлымъ годамъ не имѣлъ даже случая ее видѣть; а личныя повелѣнія черезъ третье лицо, если разбирать строго, могли быть дурно поняты, дурно переданы и дурно исполнены. Но изъ всего этого ничего не вышло; никто изъ чиновниковъ не захотѣлъ дать себѣ труда перебирать свой архивъ за двадцать лѣтъ и снимать копіи для того, чтобы отыскивать въ нихъ преступленія противъ человѣка, по распоряженіямъ и инструкціямъ котораго они дѣйствовали, и слѣдовательно сами могли быть замѣшаны и донесли бы на самихъ себя. Кромѣ того, одна пересылка такихъ архивовъ должна была ввести казну въ значительныя издержки; а по привозѣ въ Петербургъ нужны были многіе годы и много терпѣливыхъ людей, чтобы отыскать и дорыться въ этихъ бумагахъ, чего въ нихъ, можетъ быть, вовсе не было. Такимъ образомъ, это предписаніе никогда не было исполнено, самое дѣло наскучило, и черезъ годъ было окончено обнародованіемъ манифеста, который начали сочинять на другой день послѣ взятія великаго канцлера подъ стражу.

Въ самый тотъ день, когда приходилъ ко мнѣ Штамбке, послѣ обѣда императрица велѣла сказать великому князю, чтобы онъ отослалъ его въ Голштинію, что его слѣдовало бы взять подъ арестъ, такъ какъ открыты его сношенія съ Бестужевымъ, но что въ качествѣ министра великаго князя ему дается свобода, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ немедленно ѣхалъ домой. Онъ былъ дѣйствительно высланъ, и съ его отъѣздомъ окончилось мое завѣдываніе голштинскими дѣлами. Великому князю было сказано, что императрицѣ непріятно мое вмѣшательство въ эти дѣла, да и онъ самъ былъ радъ отставить меня отъ нихъ. Я не помню, кого онъ взялъ на мѣсто Штамбке; кажется, какого-то Вольфа. Послѣ этого русское министерство формально потребовало отъ польскаго короля, чтобы графъ Понятовскій былъ отозванъ; въ бумагахъ Бестужева нашли его записку, и хотя она была самаго невиннаго содержанія, но все же была адресована къ такъ называемому государственному арестанту. Узнавши о высылкѣ Штамбке и о предстоявшемъ отъѣздѣ графа Понятовскаго, я не предвидѣла для себя ничего хорошаго и рѣшилась сдѣлать слѣдующее. Я кликнула камердинера моего Шкурина и приказала ему собрать всѣ мои счеты и всѣ до одной бумаги, какія найдутся въ моихъ вещахъ, и принести ихъ ко мнѣ. Онъ исполнилъ это приказаніе съ усердіемъ и точностью. Когда все было принесено ко мнѣ въ комнату, я его выслала.

Когда онъ ушелъ, я бросила всѣ эти тетради въ огонь, и какъ скоро онѣ запылали, я позвала опять Шкурина и сказала ему: «Смотри, будь свидѣтелемъ, что всѣ мои бумаги и счеты сожжены, и если когда нибудь будутъ тебя спрашивать, гдѣ они, ты можешь поклясться, что видѣлъ, какъ я сама сожгла ихъ». Онъ поблагодарилъ меня за мою заботливость о немъ и сказалъ мнѣ, что захваченныхъ людей стали сторожить совсѣмъ иначе противъ прежняго. Послѣ открытія переписки Штамбке съ графомъ Бестужевымъ стали строже слѣдить за симъ послѣднимъ и съ этою цѣлью взяли отъ Бернарди сержанта Колышкина и приставили его къ комнатѣ и особѣ бывшаго канцлера. Узнавъ о такомъ распоряженіи, Колышкинъ выпросилъ, чтобы ему дали нѣкоторыхъ изъ приверженныхъ къ нему солдатъ, которыхъ онъ имѣлъ, когда сторожилъ Бернарди. Такимъ образомъ, мы съ Шкуринымъ имѣли въ комнатѣ графа Бестужева умнаго и самаго надежнаго для насъ человѣка, сохраняя при томъ возможность сноситься съ Бернарди. Между тѣмъ слѣдствіе надъ графомъ Бестужевымъ продолжалось. Колышкинъ открылся ему въ своей преданности ко мнѣ, и дѣйствительно оказалъ ему множество услугъ. Онъ наравнѣ со мною былъ вполнѣ увѣренъ въ невинности графа Бестужева и смотрѣлъ на него, какъ на жертву сильныхъ интригановъ; публика была тѣхъ же мыслей. Что касается до великаго князя, то я видѣла, что его запугали и натолковали ему, будто Штамбке съ моего вѣдома пере-

писывался съ государственнымъ преступникомъ. Я замѣчала, что его императорское высочество почти не смѣлъ говорить со мною и избѣгалъ случая приходить ко мнѣ въ комнату, гдѣ я оставалась въ это время одна одинехонька, не видя души человѣческой. Я сама нарочно никого не приглашала къ себѣ, боясь подвергнуть посѣтителей какой нибудь непріятности или несчастію. То же самое при дворѣ, чтобы отъ меня не отворачивались, я нарочно не подходила къ тѣмъ, на кого могло пасть подозрѣніе.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢДНІЙ ЧУМАКЪ.

Раннее тихое и ясное сентябрьское утро. Экипажъ мой спокойно катитъ по крѣпкой грунтовой дорогѣ. Листва на деревьяхъ почти вся еще цѣла и зелена, потому что утренниковъ, обыкновенно подгоняющихъ листопадъ, въ Малороссіи почти не бываетъ; но поблѣднѣвшее небо, оголенныя поля и тихо плывущія въ воздухѣ бѣлыя нити паутины говорятъ о благодатной, теплой украинской осени. Дорога моя узкой, желтоватой полоской вьется среди пожней и теряется въ небольшой рощицѣ. Знакомыя мѣста! Я припоминаю, что за этой жиденькой рощицей сейчасъ же и покажется село Голещина, большое, растянутое и все утонувшее въ зелени, какъ большинство малороссійскихъ селъ и хуторовъ. Я избѣгаю посѣщать мѣста, въ которыхъ протекли годы моего сознательнаго дѣтства или ранней юности. Чувство до жгучей боли щемящей тоски охватываетъ меня обыкновенно при такихъ посѣщеніяхъ; мои притупленные прожитою жизнью нервы выдержатъ, пожалуй, какую угодно трескучую драму, но я никогда не пойду смотрѣть «старый Гейдельбергъ». Да и не здѣсь ли самая страшная драма? Вспомнить только, какимъ бываетъ и чѣмъ живетъ человѣкъ въ дни чистой, свѣтлой юности, и что потомъ покажетъ и дастъ ему жизнь!

Но къ Голещинѣ я подъѣзжаю почти спокойно; у меня не связано съ ней никакихъ особенныхъ, сердечныхъ воспоминаній, я никогда не жила въ ней. Закинутые службой въ эти мѣста, мы,

т.-е. я и мои родители, всего нѣсколько разъ были въ этомъ селѣ, въ гостяхъ у помѣщика.

Экипажъ мой пересѣкъ рощу, и передо мною, дѣйствительно, кривой, причудливо изломанной линіей вытянулось большое село. Я не знала его настолько, чтобы мнѣ памятна была здѣсь каждая хата, всякій переулокъ, и все-таки я замѣчаю произведенныя временемъ перемѣны. Вмѣсто стоявшаго на полпути между рощей и селомъ цѣлаго ряда старыхъ, потемнѣлыхъ «млиновъ», теперь, какъ избушка на курьихъ ножкахъ, торчитъ всего только одинъ; среди соломенныхъ и очеретяныхъ крышъ зеленѣютъ кое-гдѣ и желѣзныя. И до чего же непристойны, до чего обезобразили онѣ симпатичную малороссійскую хату! Словно на взятую прямо съ бакчи деревенскую бабу надѣли модную шляпку, и еще грубѣе кажутся въ этомъ уборѣ ея черты, ея кожа; прятавшійся подъ платкомъ блинообразный овалъ ея лица выступилъ теперь во всемъ безобразіи. Какими-то жалкими, ободранными, оголенными кажутся прежде столь уютно смотрѣвшія бѣленькія хатки изъ-подъ этихъ прилизанныхъ крышъ. Какъ-то застѣнчиво и уютно смотрѣли онѣ прежде изъ-подъ высокой крыши и большого навѣса, а теперь словно подобрали пышные локоны и закрутили ихъ на макушки мизернымъ пучкомъ. И больно сжалось мое сердце, при видѣ уходящей въ «прогрессъ» моей милой Украйны.

Экипажъ мой поворачиваетъ на площадь, составляющую центръ села. Вотъ волостное правленіе, вотъ рядомъ съ нимъ новое зданіе школы, а противоположную сторону заняла прежняя барская усадьба. Уцѣлѣлъ еще и барскій домъ, но онъ обезображенъ, пожалуй, даже больше украинской хаты. Тѣ два фасада, которые видны мнѣ, всѣ изрѣзаны безъ всякой симметріи, какъ попало, окнами и оконцами; тамъ, гдѣ былъ прежде красивый парадный подъѣздъ, теперь прилѣпилась неуклюжая пристройка съ длинной, уходящей въ небо красной трубой. Барскій домъ превратился не то въ паровую мельницу, не то въ какой-то заводишко или фабрику. Прибранный прежде подъ метелочку дворъ теперь заваленъ грязными, пропитанными дегтемъ бочками и боченками, кучами антрацита, валяющимися тамъ и сямъ старыми полусгнившими рогожами, клоками соломы. Посреди двора, гдѣ прежде красовалась группа стройныхъ тополей, охваченная, какъ кольцомъ, кустами розъ и жасмина, теперь стояли вѣсы. Къ нимъ, цѣпляясь за гужи и колеса ближайшихъ возовъ, подъѣзжали по очереди телѣги и дроги, запряженныя не завѣтными сивыми волами, но преимущественно маленькими деревенскими лошаденками, съ ребрами на перечетъ, съ вытертою мѣстами шерстью и сбитыми репейникомъ въ комки гривами. Надъ дворомъ стоялъ гамъ, ругань мужиковъ и приказчиковъ, заглушаемые по временамъ хриплыми свистками завода.

«Жизнь! кипучая дѣятельность!» скажетъ нынѣшній прогрессистъ. Нѣтъ, это—не жизнь, это—сутолока жизни, житейскій базаръ, животная борьба за существованіе, но не жизнь разумнаго, имѣющаго «душу живу» существа. Это—не жизнь, если человѣкъ весь ушелъ въ одну рабочую силу, превратился самъ чуть не въ машину. Это—не жизнь, если ему некогда оглянуться на окружающую его природу, некогда оглянуться на свою собственную жизнь — жизнь человѣка, а не производительной только силы. Трудъ и работа были прежде, были всегда, мужикъ никогда не разставался съ ними, но въ самой его работѣ было больше настоящей, живой жизни, дававшей впечатлѣнія и его душѣ, чѣмъ въ автоматическомъ грохотѣ фабричныхъ машинъ. Добытокъ хлѣба насущнаго былъ его всегдашней заботой, но въ этой заботѣ было прежде что-то спокойное, степенное, достойное человѣка. Хлѣбъ насущный былъ нуженъ для жизни, но не жизнь для хлѣба; суббота была для человѣка а не человѣкъ для субботы.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ теперешняго завода и прежней барской усадьбы стояла небольшая деревянная церковь. Я съ радостью остановила взглядъ на ней, она одна еще уцѣлѣла отъ былого, хотя новое время, новое «вѣяніе» и на нее наложили печать свою. Покрывавшая ея стѣны красная краска полиняла и мѣстами взлупилась и облѣзла совсѣмъ, крестъ на колокольнѣ покосился, ярко блестѣвшія когда-то покрытыя бѣлою жестью главы проржавѣли и приняли буро-черноватый цвѣтъ, ограда почти развалилась. До благолѣпія ли церкви было «борцамъ за существованіе»? День былъ простой, будничный, а храмъ былъ открытъ, и на паперти и въ оградѣ виднѣлось много народа. Я велѣла кучеру подъѣхать къ покосившимся воротамъ ограды и остановиться. Какъ-то тоскливо отозвался въ душѣ моей тягучій скрипъ расшатанныхъ ступеней паперти подъ моими ногами. Народъ разступился, давая мнѣ дорогу пройти. Внутри церковь смотрѣла еще печальнѣе. Она производила впечатлѣніе не чего-то принадлежащаго нынѣшнему времени, но словно случайно уцѣлѣвшаго отъ былого, о чемъ будто ужъ и заботиться не нужно, къ чему ужъ будто не для чего прикладывать рукъ. Заброшенностью и грустью вѣяло отъ ея стѣнъ, со слѣдами течи, тускло смотрѣлъ, вѣроятно, ни разу и не подновлявшійся за десятки лѣтъ иконостасъ; бархатныя хоругви смялись, излиняли и уныло обвисли вдоль древка, мотаясь въ воздухѣ обрывками бахромы, даже стеклянная крыша на гробницѣ для плащаницы стояла съ затянутыми паутиной и кое-гдѣ выбитыми стеклами. Жутко стало православному сердцу отъ такого благолѣпія, и съ горькимъ укоромъ посмотрѣла я на «батюшку», и такой же укоръ понесся отъ меня и по адресу его «матушки». Неужели нельзя, ну, хоть промыть загрязненное, пришить оборванное? А храмъ былъ полонъ народа, и

народъ молился такъ же искренно, истово, какъ и десятки лѣтъ тому назадъ.

Въ церкви былъ покойникъ.

Вѣроятно, какой нибудь сельчанинъ, что въ будній день сошлось столько народа», подумала я и, обратясь къ стоявшему подлѣ меня старику, спросила:

— Дідусю, кого це ховаютъ (хоронятъ)?

— Остапа Головлю,—отвѣтилъ онъ и, словно увѣренный, что я должна понять все значеніе его словъ, добавилъ:—останній чумакъ (послѣдній чумакъ).

И какая-то тихая грусть послышалась въ его старческомъ голосѣ, и низко опустилась его сѣдая съ шапкою густыхъ, остриженныхъ въ кружокъ волосъ голова.

«Остапъ... чумакъ», думала я. «Да ужъ не мой ли это старый знакомецъ? Не можетъ быть. Времени прошло слишкомъ много».

— Это не тотъ ли Остапъ, у котораго была большая пасѣка въ Красномъ Гаю?—все-таки спросила я у старика.

— Вінъ самый.

Долго же жилъ старикъ! Три десятка лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла его, а онъ и тогда былъ уже старикъ, правда, крѣпкій, здоровый, но все-таки старикъ, съ изрядной сѣдиной въ волосахъ, съ морщинами на лицѣ.

— А вы, паню, хіба зналы ёго?—пригнувшись ко мнѣ, вполголоса спросилъ старикъ.

— Знала, дідусю, знала, какъ была еще небольшой дѣвочкой.

— Мабуть, родычка нашихъ панівъ (вѣроятно, родственница нашихъ господъ)?

— Нѣтъ, знакомая. Гостовала у нихъ.

И мысли мои перенеслись въ то далекое время, когда я «гостовала у Голещинскихъ панівъ». И живо вспомнился мнѣ старый Остапъ, въ бѣлой всегда, какъ снѣгъ, рубахѣ, съ гладко выбритымъ подбородкомъ, съ длинными висѣвшими внизъ усами, съ цѣлою копной сѣдоватыхъ, подбритыхъ на лбу и на затылкѣ, волосъ на головѣ. Не знаю, почему мы, дѣти, ужасно любили бѣгать на Остапову пасѣку. Казалось, простора и развлеченій у насъ и безъ пасѣки было вволю: и прекрасный садъ, и большой чистый дворъ, гдѣ мы могли играть въ какія угодно игры, и качели, и лодка, но Остапова пасѣка была какимъ-то завѣтнымъ мѣстомъ! Находилась она сейчасъ же за селомъ, въ мѣстности, носившей названіе Краснаго Гая, и занимала довольно большой квадратъ, окопанный рвомъ. За рвомъ росли въ рядъ «высоченныя», какія могутъ рости только въ Украйнѣ, бересты, а за берестами широкой полосой тянулась густая, проницаемая развѣ только для всюду пролѣзающихъ дѣтей живая изгородь изъ вишневыхъ деревьевъ. Средина квадрата представляла такой богатый лугъ, какой нынче

развѣ можно видѣть на иллюстраціяхъ къ сказочному царству. Трава на немъ росла такая густая, тонкая, шелковистая и такая высокая, что младшіе члены нашей компаніи прятались въ ней совсѣмъ, а отъ насъ, подростковъ, виднѣлись только головы.

Прійдя на пасѣку, мы обыкновенно направлялись въ вишенникъ собирать для чего-то клей (вѣроятно, это былъ своего рода спортъ), рвали иногда росшую во рву землянику, а затѣмъ непремѣнно шли къ куреню Остапа и, усѣвшись въ кружокъ, заводили съ нимъ бесѣду. Говорятъ, что Остапъ былъ въ высшей степени неразговорчивъ, такъ что отъ него съ трудомъ можно было вытянуть слово, но съ нами, дѣтьми, онъ бесѣдовалъ, повидимому, безъ принужденія. Правда, рѣчь его и тутъ бывала медленная, краткая, но все-таки мы всегда получали отвѣтъ на наши вопросы. Помню, въ одно изъ такихъ посѣщеній пасѣки средній сынъ Голещинскихъ пановъ тихонько сказалъ мнѣ, указывая на Остапа:

— А знаешь: онъ чумакъ?

Я тогда не имѣла понятія, что̀ такое чумакъ, слово это показалось мнѣ очень нехорошимъ, чуть ли не браннымъ, и я, помню, укоризненно проговорила:

— Тс... развѣ можно такъ говорить!

По дорогѣ съ пасѣки домой мальчикъ, обращаясь къ своему учителю, сказалъ про меня:

— Павелъ Николаевичъ, а она не вѣритъ, что Остапъ—чумакъ.

— Да развѣ онъ чумакъ?—удивился учитель.

— Да, да, его такъ всѣ и зовутъ чумакомъ.

Когда мы на другой день пришли на пасѣку и собрались по обыкновенію у куреня Остапа, учитель попробовалъ завести съ старикомъ рѣчь о его прошломъ.

— А я и не зналъ, Остапъ, что ты чумакъ,— въ видѣ вступленія проговорилъ онъ.

Остапъ ничего не отвѣтилъ.

— Ну-ка, разскажи намъ, какъ ты чумаковалъ.

— Такъ, якъ и всі,— неохотно процѣдилъ Остапъ.

— А на сколькихъ парахъ ты ѣздилъ?

— Іздивъ и на десяти, и більше.

И, отвернувшись, Остапъ сталъ энергично выбивать свою «люльку» о камень.

Разговоръ оборвался, но на выручку подоспѣли мы.

— А куда ты ѣздилъ? Зачѣмъ ѣздилъ? Какъ ѣздилъ?— посыпались на старика вопросы со всѣхъ сторонъ.

И старикъ разговорился. И вотъ я передаю теперь то, что̀ уцѣлѣло въ моей памяти изъ его разсказа о невозвратно ушедшемъ въ прошлое бытѣ и обычаяхъ чумачества, о которыхъ скоро, быть можетъ, не останется и воспоминаній.

Остапъ ѣздилъ, какъ и сказалъ онъ, и на десяти парахъ воловъ и больше. Волы были у него, по его словамъ, такіе, какихъ теперь и нѣтъ: рослые, красивые, съ рогами, которые могли охватить вонъ ту вѣковую липу, что̀ росла на его пасѣкѣ. Чумаковалъ онъ смолоду, прежде съ батькою, а потомъ и самъ. Главнымъ предметомъ извоза чумаковъ была соль, а пунктомъ путешествія—Крымъ. Изрѣдка ѣздили они въ Таганрогъ и въ Астрахань, возили и торговали таранью. Чумаковъ въ ту пору въ Голещинѣ былъ много, но, должно быть, и тогда Остапъ считался однимъ изъ наиболѣе значительныхъ. Когда приближалось время путешествія, всѣ чумаки предварительно собирались нѣсколько разъ, совѣщались, обсуждали разныя свои дѣла и наконецъ назначали день выѣзда. Много хлопотъ выпадало тутъ на долю бабъ. Сколько нужно было запасти всего, напечь, наварить, сшить. А чумаки тоже ѣздили по ближнимъ ярмаркамъ и большимъ базарамъ, скупая кой-какой товаръ. Чтобы не ѣхать «порожнемъ» до самаго Крыма, они и изъ своихъ мѣстъ возили туда кое-какой хозяйственный скарбъ, преимущественно колеса; но этотъ извозъ за серьезный не считался, а шелъ такъ-себѣ, за пустяки. Наконецъ, всѣ приготовленія окончены, обозъ нагруженъ, и въ назначенный день, словно по часамъ, минута въ минуту, растворялись настежь ворота чумацкихъ дворовъ, выѣзжали нагруженные возы и выстраивались въ линію на главной улицѣ села. Въ переднюю пару выбирались обыкновенно самые рослые и красивые волы, рога у нихъ были позолоченные и на возу въ клѣткѣ обязательно сидѣлъ голосистый пѣтухъ, «щобъ будівъ у раньці». Когда обозъ выстраивался, чумаки гуртомъ обходили его, осматривали и сообща повѣряли, все ли въ исправности, и затѣмъ, снявъ шапки и помолившись на церковь, трогались въ путь, по направленію проходившей черезъ Голещину большой столбовой дороги. Провожали ихъ не только «жінки и діты» и всѣ домочадцы, но и все село, такъ какъ выѣздъ чумаковъ былъ своего рода событіемъ для села. Отъѣхавъ съ версту или немного больше, чумаки, хотя бы они выѣхали изъ села раннимъ утромъ, останавливались на ночлегъ.

— Зачѣмъ же вы останавливались, отъѣхавъ всего версту?— съ недоумѣніемъ спрашивали мы.

— А чи не забули чого, — важно и хладнокровно отвѣчалъ Остапъ.

Здѣсь чумаки располагались уже по-бивуачному: назначалась очередь доглядать воловъ, развязывались возы, и доставалось все нужное для дневного и ночного обихода, разводились костры, и обѣдъ и ужинъ варились въ котлахъ, по-чумацки. Однимъ словомъ, производилась практическая провѣрка всему, до пѣтуха включительно, все ли отвѣчаетъ своему назначенію, все ли нужное есть подъ рукой, «чи не забули чого».

На слѣдующій день въ сельской церкви служилась заказная обѣдня, чумаки всѣ собирались къ ней, и затѣмъ, по окончаніи службы, изъ церкви направлялся крестный ходъ къ мѣсту ихъ первой стоянки. Тутъ служился напутственный молебенъ; весь обозъ окроплялся св. водой, потомъ шла закуска и выпивка, и затѣмъ уже чумаки, распрощавшись съ своими домочадцами и односельчанами и поклонившись еще разъ издали родному храму и селу, трогались въ путь.

— Охъ, добре тоді (тогда) було, добре, —покачивая головой, говоритъ Остапъ.

Чѣмъ же было «добре» чумаку въ его странствіи? Да всѣмъ было добре. Медленно и важно выступали волы по большому «шляху», тихо брелъ за ними чумакъ; дневной жаръ любенько пригрѣвалъ его члены, вокругъ него былъ просторъ родной степи и полей. Было у него тутъ время и побесѣдовать съ товарищами, было время и отдаться своимъ думкамъ, иногда просто мечтамъ, до которыхъ хохолъ такъ охочъ. Остановились чумаки на ночлегъ—надъ ними раскинулось, далеко уходя въ высь, темное украинское небо съ миріадами такъ ярко блестающихъ звѣздъ; чумаки ужъ и задремали, разлегшись на землѣ и закутавшись въ овчинные кожухи, а огоньки отъ ихъ костровъ долго еще мерцаютъ въ ночной тишинѣ, то примеркая, то вспыхивая и съ трескомъ разсыпаясь цѣлымъ снопомъ искръ. Дремлетъ и воздухъ, тихо—кругомъ, спятъ и собаки, забравшись подъ возы, слышно, какъ волы пережевываютъ жвачку, гдѣ-то далеко въ полѣ скрипитъ коростель. Но вотъ голосистый «півень» пропѣлъ разъ-другой; подымаются изъ-подъ кожуховъ кудлатыя головы, глянули—а на востокѣ ужъ обозначилась бѣлесоватая полоса. Чумаки встаютъ, ведутъ воловъ на водопой къ ближнему ставу или рѣчкѣ, умываются сами, а кто помоложе—и весь кидается въ воду и задорно фыркаетъ и брызгаетъ свѣжей и чистой, «якъ сребро», водой. Затѣмъ всѣ садятся за завтракъ, и только съѣденъ послѣдній кусокъ сала и паляницы, какъ изъ-за горизонта вдругъ, словно подкравшись, и выкатитъ ясное солнышко, и такъ весело станетъ у чумака на душѣ, «що ажъ пісню заспиваешь», по выраженію Остапа. А впереди чумака тоже ждетъ веселье: и встрѣчи съ старыми знакомыми, и добрая выпивка ради встрѣчъ. Чумаки издавна знаютъ и изъ года въ годъ посѣщаютъ всѣ попутныя села. Иногда ихъ обозъ только покажется на шляху, а кто нибудь изъ дѣтей и бѣжитъ по селу съ крикомъ: «чумаки, чумаки ѣдутъ!» Иногда по первой нарѣ воловъ узнаютъ даже, какіе именно чумаки ѣдутъ, и все село высыпаетъ за ворота. Тутъ объятія, взаимные разспросы о житьѣ-бытьѣ, а вечеромъ хорошая выпивка. На утро чумакъ снова бредетъ за своимъ возомъ, теряющаяся въ безконечной дали полоса дороги манитъ и дразнитъ его чумацкій аппетитъ къ странствію, «и же бъ шовъ, шовъ, ажъ до краю світа!»—говоритъ Остапъ.

— А ноги у тебя не болѣли?—участливо спрашиваемъ мы.

— А чого имъ болиты? Хіба насъ хто гнавъ? Хіба мы отъ ворога тікали (развѣ мы отъ врага убѣгали)? Мы сами собі паны були.

Водили чумаки «щирую» пріязнь и дружбу и съ татарами, и въ нѣкоторыхъ татарскихъ аулахъ ихъ встрѣчали такъ же радушно, какъ и въ украинскихъ селахъ. Было кое-что общее между этими двумя разновѣрными и разноплеменными народами, что̀ содѣйствовало ихъ взаимной пріязни. Татары славятся гостепріимствомъ—и хохолъ, при всей своей кажущейся нелюдимости, любитъ «отъ души» принять и угостить гостя; татары еще недавно отличались своею отмѣнною честностью—и малороссы пользовались такою же репутаціей. Еще на моей памяти грозное, въ случаѣ неаккуратности должника, «сотру!» (т.-е. стереть на притолкѣ мѣловой крестикъ, которымъ отмѣчался долгъ извѣстнаго лица) имѣло такое же значеніе, какъ банкротство почетнаго прежняго русскаго купца, лишавшее его чести и добраго имени. Теперь «прогрессъ» смелъ все это съ лица Русской земли, и оно кажется уже сказкой. Если всѣ малороссы были аккуратны и честны въ своихъ дѣлахъ и сношеніяхъ, то чумакъ изъ своего чумацкаго достоинства и гордости тѣмъ паче никогда не кривилъ душой, поэтому ввѣрить ему что либо—это значило отдать извѣстную вещь или дѣло въ самыя надежныя руки. Даже въ случаѣ смерти чумака въ пути его товарищи свято исполняли то, что было поручено ихъ товарищу.

Нагрузивъ обозъ солью, чумаки сначала развозили ее по лежавшимъ ближе къ Крыму пунктамъ, куда они еще въ минувшій годъ подрядились доставить ее, а затѣмъ уже съ послѣдней нагрузкой направлялись въ свои края. Здѣсь соблюдался тоже странный обычай, объясненія котораго мы не добились отъ Остапа. При приближеніи къ дому, чумаки, если былъ день, останавливались въ двухъ-трехъ верстахъ въ полѣ, съ тѣмъ, чтобы въѣхать въ село непремѣнно ночью. Въѣздъ ихъ совершался обязательно съ гамомъ и крикомъ, и чѣмъ больше было шума и гама, тѣмъ въѣздъ считался лучше, торжественнѣе. Почуявъ домъ, громко ревели волы, весело визжали и лаяли собаки и тѣ, что сопровождали обозъ, и которыя оставались дома; обыкновенно флегматичное хохлацкое: «цобъ, цобе, гой!» теперь стономъ стояло въ воздухѣ, и крикъ: «чумаки вернулись, чумаки вернулись!»—несся изъ конца въ конецъ по селу.

Раздѣлавшись съ грузомъ, чумакъ обыкновенно отводилъ своихъ воловъ на какой нибудь ближайшій заводъ, ставилъ ихъ тамъ на барду, а самъ буквально на цѣлую зиму заваливался на печь. Всѣ хлопоты по домашнему хозяйству лежали на женѣ; если были сыновья,—они помогали ей, а гдѣ ихъ не было, нанимался работ-

никъ, но возиться съ домашними дѣлами чумаку не подобало, это было не чумацкое дѣло. Только разъ или два въ зиму чумакъ разставался съ своей печью, чтобы сходить на заводъ провѣдать своихъ воловъ, а до остального ему не было дѣла. Вся его жизнь заключалась въ чумачествѣ, и, лежа на печи, онъ первую половину зимы отдыхалъ отъ путешествія и жилъ воспоминаніями о немъ, а вторую—жилъ уже думками и мечтами о новомъ странствіи. И не удивительно, что, по словамъ Остапа, загрохотавшая по полямъ Россіи и подкосившая въ корень чумачество «чугунка» свела многихъ чумаковъ въ могилу.

Трудно пережить то, что составляло главную основу жизни. При чемъ остался чумакъ? За какое дѣло могъ взяться онъ «по душѣ», когда единственнымъ его дѣломъ было чумачество, и въ этомъ дѣлѣ была вся его душа? Настанетъ весна, знакомая дорога манитъ его вдаль, «ажъ сами ноги, нехотя, бредутъ», а брести ему некуда. Обозныя собаки—и тѣ выли, волы—и тѣ выражали свое недоумѣніе и тоску, что ихъ держатъ на мѣстѣ, а чумакъ бродилъ безъ цѣли за околицей, или сидѣлъ гдѣ нибудь на задворкѣ, мрачнѣе тучи.

— И только ты одинъ теперь и остался?—спросилъ учитель Остапа, когда тотъ кончилъ свой разсказъ.

— Панасъ, Панасъ еще,—подсказалъ кто-то изъ дѣтей.

— Панасъ бувъ паньскій,—пояснилъ Остапъ.

— Какъ паньскій? развѣ и паны чумаковали?

— Звисно, сами не іздилы, а чумаковали. Отакъ и Панасъ чумаковавъ.

Изъ дальнѣйшихъ короткихъ словъ Остапа о Панасѣ мы узнали небезынтересный эпизодъ, который можетъ служить подтвержденіемъ отмѣнной репутаціи чумака и иллюстраціей къ быту и обычаямъ добраго стараго времени.

Панасъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ очень небогатаго и многосемейнаго помѣщика Г. Въ то время многіе изъ мелкопомѣстныхъ панковъ занимались извознымъ промысломъ; пріобрѣтя нѣсколько паръ воловъ со всѣмъ нужнымъ для извоза снаряженіемъ, они приставляли къ нимъ своего крѣпостного или, если то требовалось и позволяли обстоятельства, и двухъ и отправляли на заработки. И вотъ однажды Панасъ отправился на шести парахъ панскихъ воловъ, уѣхалъ—и какъ въ воду канулъ. Наступила и осень, а Панаса нѣтъ, какъ нѣтъ, прошла и зима, о Панасѣ ни слуху, ни духу. Ума не могъ приложить помѣщикъ, что̀ сталось съ его чумакомъ и обозомъ. Правда, время было такое, что можно было ожидать какихъ нибудь случайностей: началась крымская война, но какое же отношеніе могла имѣть она къ Панасу? По расчету онъ долженъ былъ тронуться въ обратный путъ еще до появленія союзнаго флота у Крымскаго полуострова,

слѣдовательно, путь ему былъ свободенъ, и ни въ Крыму застрять ему не было причины, ни попасть въ руки непріятеля онъ не могъ. Закручинился панъ. Пропажа нѣсколькихъ паръ воловъ была очень чувствительной потерей для такого небогатаго помѣщика, а ничего иного и думать нельзя было. Вѣдь прошелъ уже и годъ, ровнялся и другой со времени исчезновенія Панаса, родные чуть ли не панихиды служили по немъ. И вотъ въ одно прекрасное утро, какъ снѣгъ на голову, Панасъ явился къ пану съ однимъ кнутомъ въ рукахъ. Здѣсь между паномъ и чумакомъ произошелъ такой разговоръ:

— Панько, це ты?—не вѣря своимъ глазамъ, спросилъ помѣщикъ.

— Я,—лаконично отвѣтилъ чумакъ.

— Дѣ жъ ты бувъ?

— У Криму.

— Що жъ ты робивъ тамъ?

— Чумаковавъ.

— А волівъ дѣ дівавъ?

— А на що воны сдались, якъ за нихъ гарьни гроши далы!

И Панасъ полѣзъ за голенище своихъ закорузлыхъ «чоботъ» и досталъ оттуда завязанныя въ тряпку 15 тысячъ рублей со всѣми копейками и грошами и подалъ ихъ барину, превращая его такимъ образомъ сразу изъ бѣднаго въ зажиточнаго по тогдашнему времени панка.

Оказалось, что, прибывъ въ Крымъ и прознавъ, что начинается война, и армія нуждается въ подвозкѣ разныхъ вещей, Панасъ подрядился на доставку всего, что ему прикажутъ. И такъ и прочумаковалъ онъ почти два года, а въ заключеніе по очень высокой цѣнѣ, какую можно только взять на войнѣ, когда и на мѣстѣ, и въ ближайшихъ окрестностяхъ все съѣдено, продалъ и воловъ на убой и пришелъ къ пану съ деньгами.

На другой же день по возвращеніи Панаса, помѣщикъ поѣхалъ съ нимъ въ городъ и тамъ далъ ему вольную, совершилъ дарственную на три десятины земли и подарилъ пятьсотъ рублей на обзаведеніе хозяйствомъ. Маленькій хуторокъ Панаса виденъ былъ съ Остаповой пасѣки, но самого Панька мнѣ не пришлось знать.

А вотъ къ послѣднему чумаку судьба привела меня на похороны, и, когда я стояла теперь передъ его гробомъ, мнѣ невольно вспоминались его разсказы о быломъ, безвозвратно уже ушедшемъ въ прошлое житьѣ-бытьѣ чумака, вспоминалось, какъ вдругъ загорались живымъ огнемъ его старческіе глаза, какъ оживила его душа при этихъ разсказахъ, и какъ печально крутилъ и поникалъ онъ головой, говоря про «триклятую чугунку», убившую наповалъ родное и дорогое его сердцу чумачество. Старикъ прожилъ долго послѣ этого «убійства» и пережилъ всѣхъ своихъ товарищей, но

время не изгладило его старой любви, и сердце его осталось вѣрно былому. Какъ разсказывали мнѣ, Остапъ и передъ смертью, жалуясь, что ему «обрідло» (надоѣло) жить, на вопросъ, «чего онъ хочеть себѣ тамъ», кратко отвѣтилъ: «чумаковаты».

Обѣдня и отпѣваніе кончились, и похоронная процессія потянулась изъ храма на кладбище. Пошла и я за гробомъ. Медленно подвигалось шествіе, останавливаясь на всѣхъ перекресткахъ для служенія литій; бывшіе дома сельчане, при приближеніи процессіи, выходили на дорогу и низко кланялись Остапу, прощаясь въ его лицѣ съ «останнимъ» чумакомъ, прощаясь съ тѣмъ прошлымъ, которое ушло невозвратно, которое поглотила бездна вѣчности, какъ, быть можетъ, едва замѣтную въ ней черточку жизни, быта извѣстной эпохи, какъ одну изъ, можетъ быть, и мелкихъ ступеней, но все-таки той таинственной лѣстницы, по которой движется человѣчество, совершая назначенный ему путь.

Вотъ и кладбище, окопанное глубокимъ рвомъ, съ маленькой часовенкой посрединѣ. Я удивилась, что Остапа, человѣка все-таки довольно зажиточнаго, несутъ въ самый отдаленный уголъ кладбища.

— Почему же его такъ далеко хоронятъ?—спросила я у стоявшаго подлѣ меня крестьянина.

— Та бачите, схотивъ, щобъ ёго ближче къ шляху положили,— объяснилъ онъ мнѣ.

Да, поближе къ тому «шляху», который онъ столько разъ мѣрилъ своими ногами, по которому онъ ходилъ въ далекій Крымъ и возвращался домой. Тутъ, дѣйствительно, только ровъ отдѣлялъ его отъ большой дороги.

Осеннее солнышко нѣжно пригрѣвало природу, словно лаская ее напослѣдокъ своими мягкими лучами и прощаясь съ ней передъ ея зимнимъ сномъ; бѣлыя нити паутины тихо плыли надъ Остаповой могилой, цѣпляясь за древка ветхихъ хоругвей и гибкія вѣтви молодого ракитника. По дорогѣ, важно раскачивая на ходу головами, выступала пара воловъ. Поровнявшись съ кладбищемъ и увидѣвъ народъ, животныя замедлили шагъ и скосили свои осмысленные глаза на толпу. Почему бы не остановить ихъ на время? Вѣдь водятъ же за погребальной колесницей военачальника его боевого коня.

Опустили Остапа въ могилу; гулко ударились первые комья земли о крышу сосноваго гроба. «Вѣчная память» торжественно-печально пропѣлъ въ послѣдній разъ сельскій хоръ. А съ завода доносился грохотъ машинъ, гамъ и ругань мужиковъ и рабочихъ.

Здѣсь хоронили старое, а тамъ шла явившаяся ему на смѣну новая жизнь.

К. Искуль.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОРЕНБУРГСКАГО СТАРОЖИЛА.

ПРЕЖДЕ чѣмъ я коснусь событій, совершившихся въ шестидесятыхъ годахъ, какъ во всей Россіи, такъ и въ Оренбургскомъ краѣ и, слѣдовательно, имѣющихъ историческій интересъ, долженъ сказать нѣсколько словъ о себѣ. Въ 1862 г., будучи офицеромъ арміи и занимая должность репетитора французскаго языка въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, я женился на дочери оренбургскаго дворянина Соболева, Ольгѣ Ѳедоровнѣ. Мать моей жены, Любовь Львовна Соболева, была родной сестрой жены покойнаго писателя, Владимира Ивановича Даля, которому жена моя приходилась родной племянницей. Родители моей жены были землевладѣльцами въ двухъ уѣздахъ: Оренбургскомъ, той же губерніи, и въ Барскомъ—Уфимской губерніи. Наступила горячая пора освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и мы, молодежь, мечтали о созиданіи новаго земледѣльческаго труда для свободнаго отъ крѣпостной зависимости народа. Воля всѣмъ вскружила головы, и всѣмъ хотѣлось испробовать свои силы и слиться въ единое цѣлое съ земледѣльцами. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Подъ вліяніемъ наплыва новыхъ идей, я черезъ годъ послѣ свадьбы вышелъ въ отставку и уѣхалъ вмѣстѣ съ молодой женой въ имѣніе тестя моего Соболева, за 120 верстъ отъ Оренбурга, въ сельцо Тепловку,

лежавшее въ сосѣдствѣ съ башкирскими землями и богатымъ имѣніемъ землевладѣльца З—скаго. Про него разсказывали, будто бы онъ былъ женатъ на двухъ родныхъ сестрахъ, и, чтобы не быть разведеннымъ со второй женой, мать ея принуждена была принять очистительную присягу въ томъ, что его вторая жена приходилась ей не родной дочерью, а пріемышемъ. Самъ З—скій слылъ въ Оренбургѣ за большого чудака, хотя и былъ очень уменъ. Онъ выгодно пристроилъ замужъ всѣхъ своихъ четырехъ дочерей за людей, занимавшихъ видныя должности въ Оренбургскомъ краѣ, но ловко провелъ всѣхъ своихъ трехъ зятьевъ, давъ въ приданое за дочерьми очень небольшую часть обѣщаннаго, и только четвертаго зятя ему не удалось провести, и тотъ его перехитрилъ. Такъ же, какъ и раньше тремъ зятьямъ, онъ обѣщалъ четвертому зятю, что выдастъ ему 25 тысячъ рублей послѣ вѣнца; будущій зять ничего на это не сказалъ, зная изъ прошлыхъ примѣровъ, что получитъ очень небольшую сумму денегъ, а потому прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости: въ день вѣнчанія, когда ему нужно уже было ѣхать въ церковь, онъ преспокойно усѣлся въ своей квартирѣ въ халатѣ въ мягкое кресло, выжидая дальнѣйшихъ событій. Между тѣмъ въ церкви все уже было готово къ вѣнчанію, и когда шафера пріѣхали къ жениху, то пришли въ ужасъ, увидавъ, что онъ даже и не думаетъ одѣваться. При этомъ женихъ просилъ ихъ передать будущему тестю, что до тѣхъ поръ не поѣдетъ въ церковь, пока не получитъ обѣщанныхъ отцемъ невѣсты 25 тысячъ рублей. Когда шафера доложили объ этомъ старику, то онъ пришелъ въ страшное бѣшенство, а потомъ сталъ торговаться съ будущимъ зятемъ, предлагая то 10, то 15, то 20 тысячъ рублей, но женихъ оказался кремнемъ и, ссылаясь на то, что не желаетъ уступить ни одной копейки изъ женина капитала, настоялъ на своемъ, и, только получивъ полностью всѣ 25 тысячъ рублей, одѣлся и поѣхалъ къ вѣнцу.

Землевладѣлецъ Соболевъ, на дочери котораго я женился, любилъ деревню до страсти и, живя въ ней круглый годъ, вложилъ въ хозяйство всю свою душу и не жалѣлъ своихъ трудовъ для земли. Занимаясь хозяйствомъ въ своемъ и женином имѣніи, онъ находилъ еще свободное время, чтобы въ качествѣ опекуна управлять лѣсной Каноникольской дачей, заключавшей въ себѣ 120 тысячъ десятинъ строевого лѣса, и когда владѣлецъ этой дачи, камеръ-юнкеръ Александръ Петровичъ Загряжскій, встрѣтилъ однажды затрудненіе въ деньгахъ, то тесть мой выгналъ ему изъ пней чистаго дегтю на 40 тысячъ рублей и отослалъ ему эти деньги въ Петербургъ. Другое помѣстье, которымъ управлялъ тесть мой, было имѣніе Николая Егоровича Тимашева, роднаго брата бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, Александра Егоровича Тимашева.

Со смертью оренбургскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта А. А. Катенина, мѣсто его къ 1859 г. занялъ генералъ-адъютантъ, Александръ Павловичъ Безакъ. А. А. Катенинъ, человѣкъ свѣтскій и придворный, и притомъ очень добраго сердца, сумѣлъ соединить въ одно цѣлое все оренбургское общество. На его вторникахъ собирался весь чиновный Оренбургъ и все офицерство казачьяго войска. Годы этой жизни были самые оживленные и самые веселые. Супруга А. А. Катенина, урожденная Вадковская, была очень милая и любезная хозяйка, очаровывавшая всѣхъ гостей своимъ ласковымъ пріемомъ и любезностью. Со вступленіемъ въ должность генералъ-губернатора Александра Павловича Безака общественная жизнь въ Оренбургѣ совершенно измѣнилась, и еженедѣльные дружескіе вечера замѣнились только офиціальными пріемами и балами въ высокоторжественные дни. А. П. Безакъ, человѣкъ мелочной и скупой, погрузился весь въ письменныя дѣла, задавшись исключительно идеей гражданскаго благоустройства обширнаго Оренбургскаго края.

И въ самомъ дѣлѣ, на долю его пало разрѣшеніе многотрудныхъ земельныхъ споровъ въ этомъ краѣ.

Освобожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне не осѣли еще въ то время на земляхъ и отказывались принимать надѣлъ у помѣщиковъ, а помѣщики въ овою очередь предпочитали наличныя деньги выкупнымъ свидѣтельствамъ, уступая охотнѣе свои земли переселенцамъ, нежели своимъ бывшимъ крѣпостнымъ. Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ росло переселенческое движеніе крестьянъ и общее шатаніе, а въ особенности искательства ходоковъ, которые охотно шли въ Башкирію, въ степь и даже въ глубь Сибири, въ надеждѣ найти свободныя для переселенія мѣста.

Какъ сейчасъ, помню слѣдующій типичный случай въ области переселенческаго движенія: ходоки крестьянъ одной изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній прибыли въ Оренбургскую губернію и, узнавъ, что есть свободная земля на участкѣ землевладѣльца Шихобалова, оповѣстили о томъ своихъ односельчанъ и, взявъ съ нихъ за свою находку приличную сумму въ вознагражденіе, начали водворять ихъ на этомъ участкѣ, завели дворы и стали распахивать подъ посѣвы хлѣба по 30 и болѣе десятинъ на душу, а также вмѣстѣ съ переселенцами стали производить самовольную рубку лѣса.

Такимъ образомъ на Шихобаловскомъ участкѣ возникъ цѣлый поселокъ, въ которомъ насчитывалось болѣе 50 дворовъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, пока самъ владѣлецъ Шихобаловъ проживалъ за границей. Но вотъ онъ вернулся въ Россію и былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ на своей землѣ цѣлый поселокъ водворившихся на ней безъ всякихъ земельныхъ правъ переселенцевъ. Возникло дѣло о самовольномъ захватѣ Шихобаловскаго

участка, и въ одинъ печальный день всѣхъ этихъ переселенцевъ выдворили при помощи уѣздной полиціи съ занятыхъ ими мѣстъ и препроводили въ Оренбургскую губернскую тюрьму. Ходоковъ и переселенцевъ разсадили по казематамъ, а нѣсколько десятковъ бабъ съ ребятишками стали жить около наружной тюремной стѣны, оставаясь на возахъ, запряженныхъ тощими лошаденками, которыхъ кормили купленными на базарѣ на послѣдніе гроши охапками сѣна. Плачъ бабъ и ребятъ привлекалъ къ стѣнамъ острога сердобольную публику, которая подавала подаяніе женщинамъ и дѣтямъ деньгами и хлѣбомъ и покупала сѣно голодавшимъ мужицкимъ лошадямъ. Пока шелъ судъ, несчастные кочевники изнывали около острожной стѣны отъ холода и душевныхъ мукъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что ходоковъ, которые ввели въ обманъ крестьянъ, совершивъ подлогъ въ видѣ фальшивой дарственной записи, сослали въ Сибирь, а разоренныхъ крестьянъ-переселенцевъ препроводили обратно на родину.

Къ числу гражданскихъ реформъ, совершившихся въ шестидесятыхъ годахъ во время управленія Оренбургскимъ краемъ А. П. Безака, слѣдуетъ отнести и введеніе новаго положенія среди оренбургскихъ киргизъ, расширившаго права этихъ инородцевъ въ выборѣ должностныхъ лицъ, охраняющихъ интересы кочевниковъ на болѣе законной почвѣ, нежели тѣ вѣковыя традиціи, которыя были основаны больше на обычаяхъ и привычкахъ. Къ несчастью, султаны-правители, киргизскіе старшины и вообще люди, близко стоявшіе въ то время къ киргизамъ, были плохо ознакомлены съ русскою грамотою и ложнымъ толкованіемъ новаго положенія вызвали среди киргизъ волненія и безпорядки, едва не окончившіеся убійствомъ чиновника оренбургскаго областного правленія, командированнаго въ степь для введенія новаго положенія. Пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ, и во многіе аулы были посланы военныя команды. Безпорядки эти, однако, были вскорѣ прекращены, при чемъ вмѣсто оружія были пущены въ ходъ только розги, и одни лишь киргизы, оказавшіе открытое сопротивленіе властямъ, были сосланы на поселеніе. Вообще эти безпорядки не вызвали никакихъ осложненій въ администраціи края.

Въ 1862 г. прибыли въ Оренбургъ три итальянца: Меацъ, Гаваци и графъ Литта, прося разрѣшенія оренбургскаго генералъ-губернатора отправиться въ степь съ тѣмъ, чтобы пробраться въ Бухару, гдѣ въ виду открывшейся въ Италіи болѣзни на шелковичнаго червя они замышляли устроить свою филатуру и обучить бухарцевъ усовершенствованному методу воспитанія шелковичнаго червя и разведенія коконовъ, прося при этомъ А. П. Безака дать имъ для проѣзда въ Бухару конвой изъ нѣсколькихъ вооруженныхъ конныхъ казаковъ. Но А. П. Безакъ, принявъ очень любезно итальянцевъ, прекрасно изъяснявшихся по-французски,

сообщилъ имъ, что не имѣетъ ничего противъ ихъ поѣздки въ степь, но не считаетъ себя въ правѣ дать имъ конвой изъ казаковъ, такъ какъ на это надо испросить высочайшее разрѣшеніе, и такая посылка можетъ имѣть характеръ военной миссіи, на которую онъ правительствомъ не уполномоченъ, а что если они не боятся, то могутъ ѣхать на свой страхъ даже и въ Бухару, но самъ онъ этого плана не одобряетъ, потому что, зная коварство и вѣроломство азіатовъ, не можетъ ручаться за то, что бухарцы выпустятъ ихъ живыми изъ своихъ владѣній. Несмотря на такое предупрежденіе, Меацъ, Гаваци и графъ Литта, взявъ себѣ проводника-киргиза, ходившаго нѣсколько разъ съ караванами въ Бухару, рѣшили все-таки попытать счастіе, тѣмъ болѣе, что, по словамъ ихъ, вслѣдствіе господствовавшей въ томъ году болѣзни на шелковичнаго червя, они испытывали сильный недостатокъ въ коконахъ, и во многихъ мѣстахъ Италіи шелководство стало приходить въ упадокъ.

Такимъ образомъ въ первыхъ числахъ мая того же года Меацъ, Гаваци и графъ Литта выѣхали изъ Оренбурга въ двухъ дорожныхъ тарантасахъ, запряженныхъ каждый тройкою лошадей, при чемъ при нихъ находился проводникъ-киргизъ. Итальяцы имѣли при себѣ запасъ коконовъ и шелковичнаго червя въ разныхъ періодахъ его развитія, а также все необходимое для устройства образцовой филатуры. Они имѣли также хорошо снабженные фотографическіе аппараты и всевозможные заграничные консервы для путевого продовольствія. Будучи вооружены револьверами и стилетами, они не опасались случайныхъ нападеній въ пути, тѣмъ болѣе, что двое изъ нихъ обладали большою физическою силою. Раннею весною жары не наступаютъ еще въ степи, и погода стояла прелестная. Наши путешественники благополучно прослѣдовали черезъ Каракумскіе пески, нигдѣ не встрѣчая препятствія на пути своего слѣдованія, но, когда, они достигли границъ Бухарскаго ханства, на одной изъ остановокъ проводникъ ихъ, киргизъ, неожиданно скрылся, успѣвъ при этомъ захватить не только свое имущество, но даже и верхнее платье одного изъ итальянцевъ. Будучи хорошо вооружены, Меацъ, Гаваци и графъ Литта рѣшились продолжать путь въ Бухару и осуществить въ ней надежды и планы задуманнаго ими далекаго путешествія. Въ одинъ прекрасный лѣтній день, присоединившись къ небольшому русскому каравану, слѣдовавшему изъ города Троицка Оренбургской губерніи, они въѣхали въ городъ Бухару, столицу бухарскаго эмира. Еще дорогою итальянцы сняли свое европейское платье и явились въ костюмахъ персіянъ, не скрывая, однако, своей національности и объявляя, что прожили нѣкоторое время въ Персіи, и дѣйствительно они очень свободно изъяснялись на персидскомъ языкѣ. Но въ Бухарѣ этотъ языкъ былъ мало понятенъ придворнымъ эмира, въ числѣ которыхъ было не много образованныхъ людей, а потому итальянцамъ

пришлось изучать мѣстное нарѣчіе. Выучившись нѣсколько изъясняться по-бухарски, наши три иностранца стали хлопотать о томъ, чтобы имъ разрѣшено было представиться эмиру. Прождавъ недѣлю, они наконецъ удостоились чести предстать передъ свѣтлыя очи повелителя Бухары. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія русское правительство не имѣло еще своего представителя въ Бухарѣ, и вообще изъ русскихъ никто еще не проживалъ постоянно въ Бухарѣ. Съ караванами приходили русскіе приказчики, представители крупныхъ оренбургскихъ торговцевъ, которые вели торгъ съ Азіей, а именно приказчики: Дѣевыхъ, Мякиньковыхъ, Ключаревыхъ и Дюковыхъ. Но приказчики эти не заживались въ Бухарѣ долѣе двухъ-трехъ дней и, сдавъ товары, получивъ деньги и навьючивъ верблюдовъ канаусами и сушеными фруктами, а подчасъ и хлопкомъ, спѣшили вернуться обратно въ Оренбургъ или въ Троицкъ, а потому итальянцы, прибывъ въ Бухару, не могли ни въ какомъ случаѣ разсчитывать, если бы имъ оказаны были притѣсненія, на какую либо помощь мѣстныхъ властей. При пріемѣ итальянцевъ бухарскій эмиръ выразилъ черезъ переводчика, нѣсколько знакомаго съ персидскимъ языкомъ, свое удовольствіе по поводу прибытія въ его страну просвѣщенныхъ иностранцевъ и надежду, что они принесутъ пользу своему и его государству. Довѣріе къ итальянцамъ замѣтно возросло послѣ любезнаго и, повидимому, ласковаго пріема, оказаннаго имъ эмиромъ. Пользуясь благопріятной минутой дружескаго къ нимъ отношенія мѣстнаго населенія, Меацъ, Гаваци и графъ Литта устроили въ Бухарѣ образцовую филатуру и стали обучать бухарцевъ-шелководовъ всѣмъ пріемамъ воспитанія и выхаживанія шелковичнаго червя, который раньше того воспитывался примитивнымъ способомъ при помощи животной теплоты, при чемъ женщины выхаживали коконы, нося ихъ теплоты ради между грудями. Въ часы досуга, чтобы позабавить бухарцевъ, итальянцы пускали въ ходъ свои фотографическіе аппараты и снимали карточки и поясные портреты съ самихъ бухарцевъ, ихъ женъ и дѣтей. Эта забава, доставляя удовольствіе бухарцамъ, въ то же время возбудила среди мѣстнаго населенія и недовѣріе къ иностранцамъ. Это недовѣріе еще сильнѣе возросло, когда итальянцы, не довольствуясь фотографическими снимками съ знакомыхъ имъ бухарцевъ, принадлежавшихъ къ разнымъ классамъ народа, и составивъ изъ этихъ снимковъ интересную коллекцію, принялись фотографировать виды Бухары и ея окрестностей. Приближенные эмира тотчасъ же донесли ему, что, безъ сомнѣнія, иностранцы—не кто иные, какъ шпіоны, имѣющіе цѣлью составить подробные планы и карты Бухарскаго ханства, съ тѣмъ, чтобы представить ихъ своему королю и завоевать все ханство или предать его въ руки русскаго правительства.

Такое нелѣпое предположеніе возникло на основаніи повѣрія,

укоренившагося въ народѣ, что Бухара сдѣлается достояніемъ иностранцевъ въ тотъ день, когда будутъ срисованы и нанесены на бумагу всѣ ея города и жилыя мѣста. Долго эмиръ не сдавался на просьбы своихъ министровъ, но наконецъ въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года подписалъ указъ объ арестованіи живущихъ въ его предѣлахъ трехъ итальянцевъ, какъ государственныхъ преступниковъ, посягающихъ на цѣлость и независимость Бухары.

Вѣсть объ арестѣ Гаваци, Меаца и графа Литта получилась въ Оренбургѣ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія ихъ въ тюрьму и притомъ дошла не офиціальнымъ порядкомъ, а частнымъ путемъ, черезъ приказчиковъ торговаго дома Ключаревыхъ. Потомственный почетный гражданинъ Семенъ Яковлевичъ Ключаревъ, не разъ ходившій съ караванами въ Хиву и въ Бухару и освободившій немало русскихъ изъ хивинскаго плѣна еще во времена перваго управленія Оренбургскимъ краемъ В. Х. Перовскаго, явился и теперь первымъ къ генералъ-губернатору А. П. Безаку и сообщилъ ему объ арестѣ и заключеніи въ тюрьму трехъ итальянцевъ-шелководовъ.

Какъ только А. П. Безакъ получилъ черезъ С. Я. Ключарева увѣдомленіе о задержаніи и заключеніи въ тюрьму въ Бухарѣ итальянцевъ, тотчасъ же сдѣлалъ, согласно высочайше предоставленныхъ ему особыхъ правъ, распоряженіе о секвестрированіи имущества и воспрещеніи торговли всѣмъ проживающимъ въ Оренбургѣ по коммерческимъ дѣламъ подданнымъ бухарскаго эмира. По свѣдѣніямъ городской полиціи и городского управленія, ихъ насчитывалось въ то время болѣе тысячи человѣкъ, при чемъ многіе изъ нихъ имѣли свои дома въ Оренбургѣ и свои лавки на Гостиномъ и на Мѣновомъ дворахъ. Тѣ же изъ нихъ, которые оказали сопротивленіе властямъ, были арестованы и отправлены въ Оренбургскій тюремный замокъ. Для этихъ арестованныхъ было отведено особое помѣщеніе съ отдѣльнымъ дворомъ, носившее наименованіе азіатскаго каземата, въ которомъ все было приспособлено къ обиходу азіатскихъ народовъ.

Арестованные бухарцы не на шутку испугались, при чемъ среди нихъ циркулировалъ слухъ, что имъ угрожаетъ смертная казнь въ томъ случаѣ, если бухарскій эмиръ рѣшится лишить жизни трехъ итальянскихъ туристовъ шелководовъ.

Въ виду такого печальнаго положенія, арестованные бухарцы просили начальство прислать имъ въ тюрьму ахуна оренбургской соборной мечети для молитвословія въ виду наступавшей грозы, а также, чтобы посовѣтоваться съ ахуномъ, что̀ имъ слѣдуетъ предпринять, чтобы получить желаемую свободу.

По прибытіи въ тюрьму, ахунъ совершилъ моленіе, а потомъ сочинилъ имъ коллективное прошеніе на имя эмира Бухары, въ которомъ и просилъ его, чтобы онъ освободилъ трехъ арестован-

ныхъ имъ итальянцевъ и дозволилъ бы имъ вернуться на родину такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ, бухарскимъ подданнымъ, заключеннымъ въ тюрьму за сопротивленіе властямъ, угрожаетъ не только лишеніе всего имущества, но даже и лишеніе жизни.

Это коллективное прошеніе было подписано всѣми бухарскими подданными, проживавшими въ тѣ времена въ Оренбургѣ, а неграмотные приложили къ нему свою тамгу (печать въ видѣ условнаго знака). Прошеніе было скрѣплено подписью и печатью соборнаго ахуна и вручено одному изъ вѣрныхъ киргизъ, джигиту, который въ видѣ летучки долженъ былъ день и ночь скакать въ Бухару, мѣняя лошадей въ каждомъ попутномъ аулѣ. На случай болѣзни этого посыльнаго джигита аульный старшина обязывался выбрать другого вѣрнаго киргиза для доставленія прошенія до мѣста назначенія.

Несмотря на отсылку надежнаго киргиза-джигита въ Бухару, проживавшіе въ Оренбургѣ подданные эмира жили подъ страхомъ смертной казни, и многіе изъ нихъ отказывались отъ пищи, проводя большую часть времени въ молитвѣ, и нерѣдко офицеры, стоявшіе въ караулѣ, слышали въ азіатскомъ казематѣ плачъ и воздыханія. Бухарскія лавки на азіатскомъ Гостиномъ и Мѣновомъ дворахъ, представлявшія собою въ обыкновенное время ярмарочный торгъ, были теперь закрыты и запечатаны и охранялись часовыми.

Татары, торговавшіе съ степью, разсказывали, что джигиту, посланному съ прошеніемъ къ эмиру, киргизы въ каждомъ аулѣ давали безплатно самыхъ лучшихъ лошадей, кормили досыта джигита, а ночью привязывали къ сѣдлу веревками, чтобы онъ задремавъ не свалился. Не могу припомнить въ точности, во сколько дней джигитъ домчался до Бухары. Слышно было только, что, пріѣхавъ въ Бухару, онъ не могъ безъ посторонней помощи слѣзть съ лошади, а его сняли, и черезъ нѣсколько дней онъ умеръ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ его отсылки Меацъ, Гаваци и графъ Литта въѣзжали уже въ Оренбургъ и, остановившись въ номерахъ одной изъ лучшихъ гостиницъ, явились въ тотъ же день къ Безаку, и вечеромъ того же дня заключеннымъ въ оренбургскую тюрьму бухарцамъ была возвращена свобода, секвестръ надъ имуществомъ бухарцевъ былъ снятъ, и многіе изъ нихъ на другой же день выѣхали изъ Оренбурга, кто въ Москву и въ Нижній, а кто и на родину.

Я очень интересовался пребываніемъ итальянцевъ въ плѣну у бухарцевъ и по пріѣздѣ ихъ поспѣшилъ отправиться къ брату Гаваци, у котораго былъ въ Оренбургѣ магазинъ шелковыхъ издѣлій подъ фирмою «Ліонскаго магазина».

Гаваци познакомилъ меня съ своимъ братомъ и его товарищами, и вотъ приблизительно, въ какихъ выраженіяхъ Гаваци пе-

редать мнѣ разсказъ объ одиннадцати-мѣсячномъ ихъ заключеніи въ бухарскомъ клоповникѣ.

«Мы прибыли благополучно въ Бухару въ первыхъ числахъ іюня, пробывъ довольно долго въ дорогѣ, такъ какъ, лишившись своего проводника, бѣжавшаго отъ насъ и похитившаго часть нашего имущества, мы старались найти попутчика изъ русскихъ, торговавшихъ въ Бухарѣ, но, не отыскавъ такого, вынуждены были присоединиться къ каравану, который везъ въ Бухару чугуны, котлы, желѣзныя издѣлія и мѣшки съ русскою мелкою серебряною монетою, такъ какъ русскія деньги въ большомъ ходу въ Бухарѣ.

«Начальникомъ каравана, къ которому мы присоединились, или такъ называемый караванъ-башъ, былъ опытный, уже престарѣлый бухарецъ, прекрасно знакомый съ путемъ нашего слѣдованія. Но онъ былъ вообще молчаливъ, и мы не могли ничего узнать отъ него объ эмирѣ и о жизни въ Бухарѣ. Гораздо словоохотливѣе оказался русскій приказчикъ одного изъ торговцевъ города Троицка, сопровождавшій этотъ караванъ. Къ сожалѣнію, всѣ мы очень мало знакомы съ русскимъ языкомъ, а потому понимали не все, что онъ передавалъ намъ. Изъ его словъ мы, однако, поняли, что бухарцы хотя и не воинственный, а болѣе торговый народъ, все-таки очень грубы и при случаѣ жестоки и злы. Такъ, напримѣръ, онъ намъ передавалъ, что когда какой либо торговецъ очень разбогатѣетъ, то эмиръ требуетъ, чтобы онъ отдалъ ему всѣ свои деньги, а ежели онъ на это не соглашается, то его хватаютъ, завязываютъ ему глаза и потомъ бросаютъ съ высоты минарета мечети. Смертная казнь тоже происходитъ при ужасныхъ условіяхъ въ Бухарѣ. Преступниковъ, осужденныхъ на смерть, привозятъ на базаръ связанными, какъ барановъ. Сначала перерѣжутъ всѣхъ барановъ, а потомъ этими же ножами рѣжутъ горло преступникамъ.

«По прибытіи въ Бухару, отдохнувъ нѣсколько дней отъ дороги, мы тотчасъ же дѣятельно принялись за устройство образцовой филатуры. Шелководство не процвѣтаетъ въ Бухарѣ, хотя климатическія условія здѣсь вполнѣ благопріятны для разведенія шелковичнаго червя.

«Насколько бухарцы малоопытны въ выхаживаніи коконовъ, можно судить уже потому, что женщины въ эпоху развитія шелковичныхъ червей, носятъ ихъ между грудями, поддерживая въ нихъ такимъ примитивнымъ способомъ необходимую имъ высокую температуру. Когда устройство филатуры было нами окончено, мы принялись за разматываніе шелка и за выдѣлываніе ткани грубой и тонкой, указывая имъ различные способы и пріемы, практикуемые при этомъ у насъ въ Италіи, и старались всячески заинтересовать этимъ дѣломъ бухарцевъ, дѣлая имъ надлежащія указанія, какъ слѣдуетъ работать, не перерывая нитки и не дѣлая узловъ. Но они качали головами и признавали нашу систему

слишкомъ сложною и неудовлетворяющею ихъ требованіямъ и вообще отнеслись недовѣрчиво ко всѣмъ нашимъ указаніямъ. Были, однако, и среди нихъ люди, которые насъ понимали и старались запомнить наши слова и спѣшили исполнить наши требованія по закупкѣ для насъ коконовъ, такъ какъ въ 1861 и 1862 годахъ у насъ въ Италіи появилась болѣзнь на шелковичнаго червя, и черезъ это наши филатуры пришли въ упадокъ. Послѣ представленія нашего эмиру Бухары дѣло наше пошло лучше, и мы почти уже стали надѣяться на счастливый исходъ предпринятой нами рискованной поѣздки. Въ свободное отъ занятій время мы при помощи бывшихъ при насъ фотографическихъ аппаратовъ стали фотографировать портреты приближенныхъ эмира и знатныхъ торговцевъ Бухары.

«Это занятіе очень понравилось бухарцамъ. Оно ихъ занимало и льстило ихъ самолюбію. Безъ всякихъ хлопотъ и затраты денегъ они имѣли свои портреты и портреты всѣхъ членовъ своей семьи. Желая сохранить на память о нашемъ путешествіи виды Бухары, мы сфотографировали дворецъ эмира, рыночную площадь и русскій караванъ, нагруженный при насъ хлопкомъ и сушеными фруктами. Снимки эти почему-то возбудили недовѣріе среди населенія Бухары, и на нашъ счетъ стали циркулировать въ народѣ неблагопріятные слухи. Говорили, что мы—англійскіе шпіоны, и что такъ точно, какъ Англія завоевала Индію, также теперь она собирается завоевать и Бухарское ханство. Слухи эти дошли до эмира, который приказалъ пріостановить наше дѣло въ Бухарѣ и учредить надъ нами строгій надзоръ.

«Тщетно одинъ изъ министровъ эмира, престарѣлый и опытный торговецъ, который не разъ бывалъ въ Оренбургѣ, и которому удавалось посѣщать русскіе рынки въ Нижнемъ Новгородѣ и въ Москвѣ, старался разсѣять эту молву, защищая насъ передъ эмиромъ и объясняя ему цѣль нашей поѣздки, онъ не только не смогъ измѣнить рѣшеніе эмира, но даже самъ подвергся опалѣ. Его сочли за измѣнника, имущество его было конфисковано, и самъ онъ брошенъ въ тюрьму. Агитація противъ насъ росла съ каждымъ днемъ при бухарскомъ дворѣ, и наконецъ министры уговорили эмира подписать указъ о нашемъ арестѣ.

«Для приведенія въ исполненіе этого замысла бухарцы прибѣгли къ слѣдующей хитрости. Они просили насъ дать имъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ. Ничего не подозрѣвая, мы отобрали и передали имъ нѣсколько самыхъ удачныхъ экземпляровъ лицъ и видовъ Бухары. На другой день одинъ изъ министровъ эмира, въ сопровожденіи переодѣтой стражи, явился къ намъ въ то время, какъ мы обѣдали, и объявилъ, что эмиръ, убѣдившись въ томъ, что мы занимаемся фотографированіемъ и сниманіемъ плановъ Бухары, что̀ строго воспрещается закономъ,

утвердился въ мысли, что мы—англійскіе шпіоны, и приказалъ насъ арестовать, какъ государственныхъ преступниковъ. Тотчасъ же фотографическіе аппараты были у насъ отобраны вмѣстѣ со всѣми къ нимъ принадлежностями и остававшимися у насъ снимками, и мы были посажены въ особую бухарскую тюрьму, именуемую клоповникомъ.

«Тюрьма наша представляла собою маленькій невымощенный дворъ, длиною не болѣе четырехъ аршинъ и шириною въ одну сажень, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими каменными стѣнами, сложенными изъ кирпича. Ни навѣса, ни крыши надъ этимъ дворомъ не было. Въ жаркіе дни солнце жгло нестерпимо, въ дождь вода лилась прямо на голову. Вотъ сюда-то черезъ узкую дверь втолкнула насъ стража эмира и заперла за нами желѣзную дверь двумя большими желѣзными замками. Два раза въ день двери нашей тюрьмы открывались, и въ присутствіи стражи, стоявшей у дверей, входилъ къ намъ тюремщикъ, принося пищу и кувшинъ съ водой. Пища эта состояла изъ небольшой чашки вареннаго рису и тарелки сушеныхъ фруктовъ: шепталы, кишмишу и ала-бухара. Для питья была въ кувшинѣ мутная вода, которой было далеко недостаточно, чтобы утолить троимъ жажду, и изъ которой мы удѣляли еще часть на умыванiе лица и рукъ.

«Изъ нашихъ вещей намъ ничего не позволили взять съ собой, когда насъ заперли въ клоповникъ; только когда я заболѣлъ лихорадкою и не могъ спать на голой землѣ, то намъ позволили взять наши одѣяла и подушки, а нашихъ желѣзныхъ складныхъ кроватей намъ все-таки не выдали изъ опасенія, что мы можемъ выломать изъ нихъ желѣзныя перекладины и употребить ихъ, какъ орудія, чтобы сдѣлать проломъ въ стѣнѣ и совершить побѣгъ изъ тюрьмы. Пока стояла теплая погода, мы кое-какъ довольствовались отпускаемою намъ скудною пищею, но съ наступленіемъ холодовъ, сопровождавшихся дождями, положеніе наше стало очень тяжелымъ. Днемъ еще иногда проглядывало солнце, обогрѣвавшее насъ, но ночью сырость и холода давали себя чувствовать. Ко всѣмъ нашимъ бѣдствіямъ присоединились еще мученія, испытываемыя ночью отъ укушеній клопами, которыхъ въ нашей тюрьмѣ были милліоны. Чтобы избавиться отъ этихъ насѣкомыхъ, мучившихъ насъ нестерпимо, мы на день снимали съ себя бѣлье, вывѣшивали его на солнце, а насѣкомыхъ уничтожали всячески. Вскорѣ сырость, холодъ и плохой режимъ нашего заключенія повліяли неблагопріятно на наше здоровье. Всѣ мы переболѣли лихорадкою, и тутъ только тюремщики наши, видя, что мы лежимъ на голой землѣ, принесли намъ соломы и наши теплыя одѣяла. Но и съ этими постелями было не лучше, когда пошли продолжительные дожди, отъ которыхъ мы промокли насквозь, такъ какъ надъ нашей тюрьмой крыши не было. Только въ половинѣ зимы,

когда дожди шли попеременно со снѣгомъ, и когда случайно пришелъ къ намъ въ клоповникъ одинъ изъ министровъ эмира, намъ удалось упросить его, чтобы хотя одинъ уголъ нашей тюрьмы былъ накрытъ досками, и въ этомъ сухомъ уголку мы грѣлись и сушились по очереди.

«Нужно ли говорить о томъ, до чего безцѣльна и безотрадна была наша жизнь въ бухарской тюрьмѣ? Мы не имѣли при себѣ ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей, да если бы даже мы могли писать, чтобы извѣстить своихъ родныхъ и соотечественниковъ о своемъ печальномъ положеніи, то и тогда бы никто не согласился отправить нашу корреспонденцію, да и деньги при арестѣ были у насъ отобраны, такъ что мы не могли никого подкупить.

«Единственная книга, бывшая при насъ, было маленькое евангеліе въ шагреневомъ переплетѣ, которое я носилъ постоянно при себѣ и съ которымъ никогда не разставался. Мы читали изъ него ежедневно, каждый по одной главѣ, и молитва и твердая вѣра поддерживали насъ среди печальныхъ дней нашего тюремнаго заключенія. По вечерамъ, оставаясь впотьмахъ и не будучи въ состояніи долго уснуть отъ холода и нестерпимыхъ укушеній клоповъ, мы поочередно разсказывали другъ другу эпизоды изъ нашего дѣтства и юности, или принимались пѣть молитвы и пѣсни нашей родины. Сверхъ нашихъ физическихъ мученій мы подвергались еще и особаго рода нравственнымъ пыткамъ и униженіямъ, сопровождавшимся истязаніями. Среди дня на стѣны нашей тюрьмы съ наружной стороны при помощи лѣстницъ и веревокъ влѣзали мальчики, дѣвочки и юноши. Забравшись на стѣну и устроившись на ней поудобнѣе, они начинали надъ нами смѣяться, показывали намъ языкъ, плевали на насъ, бросали въ насъ грязью и выливали намъ на голову помои и всякія нечистоты. Однимъ словомъ, они старались всячески насъ оскорбить, и это продолжалось изо дня въ день. Были даже взрослые молодые люди такіе злые и жестокіе, которые бросали намъ въ голову твердые предметы въ родѣ камней и кирпичей, и мы до того ожесточились, что ежели бы кто нибудь изъ нашихъ обидчиковъ свалился съ высокой стѣны и упалъ бы къ намъ въ тюрьму, то ему плохо бы пришлось. Но вотъ наступила уже и весна.

«Изъ насъ троихъ я оказался всѣхъ слабѣе здоровьемъ. Плохая пища, сырость тюрьмы, недостатокъ сна отъ нестерпимаго укушенія клопами и отсутствіе воды, чтобы мыться и принимать хоть изрѣдка ванну, все это повліяло на меня такъ сильно, что ко мнѣ привязалась перемежающаяся лихорадка, которая мучила меня черезъ день. Хотя по заявленію и настоятельной нашей просьбѣ тюремщикъ давалъ намъ въ достаточномъ количествѣ хининъ, который мы принимали по десяти гранъ въ день, но лѣкарство не приносило никакой пользы, такъ какъ главною причи-

ною болѣзни являлись неблагопріятныя гигіеническія условія, въ которыхъ мы находились, и измѣнить которыя было не въ нашей власти.

«Ко всѣмъ непріятностямъ нашего заключенія присоединилось еще судебное слѣдствіе, назначенное къ производству надъ нами, по приказанію эмира. Въ клоповникъ къ намъ былъ командированъ чиновникъ, который вмѣстѣ съ письмоводителемъ снималъ съ насъ допросъ и записывалъ наши показанія. Вопросы дѣлались по-русски письмоводителемъ, говорившимъ немного на этомъ языкѣ, но чиновникъ говорилъ съ нами по-татарски, объясняясь свободно на этомъ языкѣ. Хотя никто изъ свиты эмира не зналъ ни одного слова по-итальянски, но судьи наши потребовали отъ насъ бумаги, выданныя намъ изъ нашего посольства въ С.-Петербургѣ. Въ этихъ бумагахъ находился декретъ итальянскаго короля, разрѣшающій намъ поѣздку въ Бухару, и пропускъ русскаго правительства на поѣздку нашу въ Среднюю Азію для закупки коконовъ и для устройства образцовой филатуры въ самой Бухарѣ. Чиновникъ эмира, присланный къ намъ въ тюрьму для обслѣдованія нашего дѣла, оказался разорившимся коммерсантомъ, который по своимъ торговымъ дѣламъ бывалъ въ Петербургѣ и въ Одессѣ, имѣлъ знакомство съ англичанами и выучился немного англійскому языку. Онъ почему-то вообразилъ себѣ, что мы—переодѣтые англичане, выдающіе себя за итальянцевъ, и, просмотрѣвъ наши бумаги и не понявъ въ нихъ ровно ничего, былъ этимъ очень удивленъ и раздосадованъ и удовольствовался нашими показаніями, записанными частью по-русски, частью на мѣстномъ нарѣчіи, къ которому мы уже успѣли прислушаться и на которомъ могли изъясняться. Послѣ снятаго съ насъ допроса съ насъ взяли подписку въ томъ, что мы не будемъ сообщать ни своему правительству, ни англійской королевѣ всего того, что намъ извѣстно о численности войскъ Бухары и о средствахъ ея къ оборонѣ на случай войны, а также о томъ, какъ эмиръ Бухары правитъ своей страной. Въ числѣ взведенныхъ на насъ обвиненій упоминалось, что мы дозволили себѣ неприличныя насмѣшки по адресу бухарской арміи. Поводомъ къ этому обвиненію послужило слѣдующее обстоятельство. Однажды, будучи еще на свободѣ, мы увидали, какъ обучаютъ бухарскихъ солдатъ строевой службѣ. Всѣ они стояли въ одну шеренгу, имѣя палки въ рукахъ вмѣсто ружей, и, стоя на мѣстѣ, поднимали подъ музыку то правую, то лѣвую ногу, но все это выходило у нихъ какъ-то неловко, и нѣкоторые изъ нихъ, потерявъ равновѣсіе, падали, увлекая въ своемъ паденіи и товарищей. Обмундированіе ихъ состояло изъ куртокъ, обшитыхъ цвѣтною тесьмою, а обучающій былъ бѣглый русскій барабанщикъ, получавшій, какъ намъ говорили, хорошее жалованье. Музыка состояла въ томъ, что бухар-

цы ударяли палками въ желѣзныя сковороды, а нѣкоторые били немилосердно по мѣднымъ тазамъ. Получалась невообразимая какофонія, и мы, смотря на эту картину, смѣялись отъ души и даже сняли фотографическій снимокъ съ этого войска.

«Но обращаюсь снова къ воспоминаніямъ о клоповникѣ. Лишенные свободы, свѣта и воздуха, мы задыхались въ своей ужасной тюрьмѣ. Скудная пища, которую намъ давали, не была въ состояніи поддерживать наши силы. По счастью, одному изъ насъ удалось пронести въ тюрьму бутыль съ водкой, и вотъ мы ежедневно передъ обѣдомъ выпивали по маленькой рюмочкѣ спирту. Но наконецъ бутыль эта, хранившаяся у насъ подъ видомъ лѣкарства и зарытая въ землю въ самомъ темномъ углу тюрьмы, стала опустошаться, и мы должны были довольствоваться нѣсколькими каплями спирта, выпиваемаго съ чайной ложки. Однажды утромъ, когда мы только что прочли главу изъ евангелія отъ Іоанна о появленіи Христа среди учениковъ Его на берегу моря и о послѣдовавшемъ за тѣмъ чудномъ ловѣ рыбы, около тюрьмы нашей послышался шумъ и говоръ, и вслѣдъ затѣмъ дверь ея съ шумомъ отворилась, и въ клоповникъ нашъ вошелъ первый министръ эмира въ сопровожденіи стражи и толпы любопытныхъ обоего пола и приказалъ намъ тотчасъ слѣдовать за нимъ.

«Въ первую минуту при появленіи этихъ неожиданныхъ гостей мы нѣсколько встревожились, ожидая себѣ какихъ нибудь новыхъ бѣдствій, но положеніе наше было до того тяжелое и нестерпимое, что мы были готовы на все, лишь бы выйти изъ этого отвратительнаго клоповника. Выйдя изъ своей тюрьмы, мы впервые вдохнули въ себя струю чистаго воздуха. Стояла чудная погода. Хотя солнце было уже высоко, и жара уже давала себя чувствовать, но возможность двигаться придавала намъ крылья, хотя, потерявъ привычку ходить, мы шли, какъ пьяные, качаясь изъ стороны въ сторону, и едва мы успѣли дойти до дворца эмира, какъ вдругъ я почувствовалъ себя дурно и упалъ въ обморокъ. Когда я пришелъ въ себя, то увидалъ, что около меня суетились Меацъ и графъ Литта, спрыскивая меня водою и стараясь всячески привести въ чувство. Я выпилъ нѣсколько глотковъ воды и съ трудомъ сѣлъ на подушку, лежавшую около меня.

«Не выходя изъ дворца эмира, намъ объявили, что мы свободны, при чемъ намъ были возвращены наши деньги за удержаніемъ изъ нихъ большей половины за продовольствіе наше въ клоповникѣ, состоявшее, какъ я уже говорилъ, изъ вареннаго рису и сушеныхъ фруктовъ, отпускаемыхъ намъ разъ въ сутки въ очень маломъ количествѣ. Вещи наши были намъ только частью возвращены. Болѣе половины ихъ пропало. При этомъ взята была съ насъ подписка, что мы остаемся всѣмъ довольны, и что

деньги и вещи возвращены намъ сполна. Такъ окончилось наше одиннадцатимѣсячное заключеніе въ бухарскомъ клоповникѣ. Свободѣ нашей мы обязаны были оренбургскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту А. П. Безаку.

«Возблагодаривъ Господа Бога горячею молитвою за свое спасеніе, мы въ тотъ же день выѣхали изъ Бухары съ тощимъ багажемъ, уцѣлѣвшимъ у насъ по выходѣ изъ клоповника».

Жакмонъ.

ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ ВЪ ДУМУ

(Изъ деревенскихъ настроеній).

ВЪ ДВУХЪ предыдущихъ очеркахъ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» («Устинова правда» въ № 4 и «Гамазейное движеніе» въ № 6), описаны главныя проявленія смуты 1905 г. среди крестьянъ одного изъ уѣздовъ подмосковной промышленной губерніи. Настоящій же очеркъ, относящійся къ той же мѣстности, является заключительнымъ въ намѣченной серіи, изображая конецъ смуты и переходъ къ новому порядку—первые выборы въ государственную думу.

Какъ сдали крестьяне нашего уѣзда свой **первый экзаменъ** на аттестатъ политической зрѣлости?—вопросъ очень любопытный и самъ по себѣ, и тѣмъ болѣе въ виду особаго характера нашей мѣстности. Разъ мы знаемъ, что здѣшнему крестьянину не только «жить можно» въ теперешнихъ его условіяхъ, но и дѣйствительно ему живется хорошо и много лучше крестьянъ другихъ губерній (даже не изъ голодающихъ), то съ нашего мужика больше надо и «спрашивать» на его первомъ политическомъ экзаменѣ.

Интересъ къ поставленному вопросу долженъ удвоиться, когда мы вспомнимъ, что нашъ уѣздъ принадлежитъ къ числу самыхъ коренныхъ уголковъ изстаринной Русской земли. Финскія имена сохранились здѣсь только въ названіяхъ болѣе крупныхъ рѣкъ и рѣчекъ, а почти всѣ селенія (за крайне рѣдкими исключеніями) носятъ русскія названія, и между ними немало очень древнихъ, отъ которыхъ вѣетъ эпохою «Русской правды», если не болѣе

раннимъ періодомъ язычества русскихъ славянъ. Если гдѣ всего больше, то именно надъ здѣшнимъ населеніемъ пронеслось цѣлое тысячелѣтіе нашей государственной жизни. И неужели же нашъ мужикъ представляетъ такой рѣдкостный фруктъ, который не можетъ «созрѣть» даже въ 1.000 лѣтъ?!..

На этотъ страшный вопросъ уже отвѣтили по своему вкусу наши политическіе Маниловы, пришедшіе въ умиленіе и восторгъ отъ «сознательнаго» якобы отношенія къ выборамъ не только московской «чуйки», но и самаго сермяжнаго мужика, того самаго мужика, который на этихъ же выборахъ рѣшительно отвернулся отъ своей «соли земли» и вмѣсто нея посылаетъ въ думу сотни мужиковъ «неизвѣстнаго направленія», въ томъ числѣ нѣсколько «безграмотныхъ», «малограмотныхъ» и т. д. Конечно, мужикъ беретъ примѣръ съ русской же интеллигенціи, которая также на выборахъ въ большинствѣ отвернулась отъ своихъ лучшихъ людей, предпочитая имъ рядовую посредственность и заурядность...

Оставимъ, однако, Маниловыхъ, съ ихъ розовымъ настроеніемъ, и смѣло посмотримъ правдѣ въ глаза, хотя бы на маленькомъ примѣрѣ нашего уѣзда: какъ здѣсь, гдѣ «освободительное» движеніе превратилось въ «гамазейное», сквозь которое чуть-чуть прорѣзываются слабые проблески «устиновой» и всякой иной «правды», какъ здѣсь сдалъ мужикъ свой первый экзаменъ на политическую зрѣлость?

I.

Въ нашемъ уѣздѣ, какъ и вездѣ почти, самый разваль смуты относится къ октябрю и ноябрю, а въ декабрѣ она стала постепенно замирать. Разныя активныя проявленія смуты исчезли и замѣнились одною мужицкою «словесностью», всегда грубою, а теперь еще болѣе погрубѣвшею. Словно мужикъ проснулся съ большого похмелья—сердитый, угрюмый, съ угарнымъ чадомъ въ головѣ и трезвономъ въ ушахъ. Опохмелиться ему не дали, и онъ золъ на весь свѣтъ, и срываетъ свою злость на комъ и на чемъ попало...

Конечно, на первомъ планѣ стоитъ «баринъ»—источникъ всѣхъ мужицкихъ бѣдъ отъ начала міросозданія и до скончанія вѣковъ... И теперь «баринъ» оказался виноватымъ, что мужику не дали ни напиться, какъ слѣдуетъ, «свободою», ни опохмелиться послѣ того по-настоящему. И мужикъ сталъ за то донимать баръ «словесностью»... И всегда-то онъ охотно придерживается такой аксіомы:

— Нѣтъ вреды, коли и припугнуть барина: мягче станетъ...

А тутъ мужикъ сталъ «пужать» барина во-всю, сколько языка хватало:

— Этто што было!.. пустяковина!.. Вотъ, погоди! не то еще будетъ, коли мужикъ разомнется, какъ слѣдъ... Ужо покажемъ! дай

срокъ!.. дождемся своего!.. сами будемъ баре... Капутъ барину пришелъ!..

Ѣдетъ злочастный баринъ на ямской подводѣ. На встрѣчу четыре бабы, не имѣющихъ никакого отношенія къ тому барину, не затронувшему ихъ ни единымъ словомъ. Но только что онъ ихъ миновалъ, какъ бабы съ неописуемою злостью извергаютъ вслѣдъ ему:

— А штобъ васъ, богатыхъ!.. носитъ васъ тутъ... бить васъ всѣхъ до смерти!..

На одной мірской сходкѣ, въ присутствіи чиновника крестьянскаго банка, жалкій мужиченко, плюгавый, ободранный, весь сіяя и захлебываясь отъ восторга, разсказывалъ:

— А я сичасъ повстрѣчалъ нашего земскаго начальника... И что же, братцы вы мои, у насъ съ нимъ вышло?.. Чудное дѣло!.. Я сталъ съ своими санями на дорогѣ, не свернулъ ни на вотъ столько!.. Стою, шапки не ломаю и гляжу на него въ оба... И онъ глядитъ на меня и хоть бы тебѣ слово, покель его кони объѣзжали мои сани, загрузши въ снѣгу по самое брюхо...

— Напрасно не поклонился,—замѣтилъ чиновникъ,—вѣжливость никогда не мѣшаетъ...

— Не! буде съ нихъ,—отвѣтилъ мужиченко,—время ихъ миновало... шабашъ...

Вслѣдствіе желѣзнодорожныхъ забастовокъ и другихъ неурядицъ въ сосѣднемъ уѣздѣ закрылись многія шелковыя и другія кустарныя фабрички, и безработные потянулись въ нашъ уѣздъ, ища работы. Обычная зимняя плата здѣсь работницѣ 5—8 р. въ мѣсяцъ, а теперь можно было нанять взрослую дѣвушку за 2 р. Молодые же парни готовы были наниматься «за одинъ хлѣбъ, безъ жалованья». Безработные мирились съ своей временной невзгодой, но откровенно грозили въ будущемъ:

— Хлѣба по нашимъ мѣстамъ хватитъ только до масленой... И ежели фабрички не откроются, тогда мы пойдемъ всѣхъ грабить...

Разумѣется, и наши мужики, болѣе достаточные, весьма непрочь были бы «всѣхъ пограбить», ежели бы на то пошли другіе: «какъ люди, такъ и мы»—извѣстная ихъ аксіома... Но пока что, они только хулиганствовали, какъ умѣли.

На желѣзнодорожной небольшой станціи, въ единственной залѣ для пассажировъ, усѣлись двое мужиковъ изъ сосѣдняго села, оба сильно навеселѣ. Сидятъ они, развалившись на лавкѣ, «какъ дома», и орутъ во все горло какую-то похабную пѣсню. Изъ кабинета вылетаетъ начальникъ станціи и негодующе говоритъ имъ:

— Какъ вы смѣете орать?! не знаете, гдѣ сидите?!..

— И оченно хорошо знаемъ: мѣсто обчественное... всякъ имѣетъ право сидѣть...

— Да! сидѣть, а не орать...

— А коли намъ желательно орать?.. душа, значитъ, требуетъ...

— Ступайте домой и тамъ орите, сколько ваша душа проситъ...

— А коли намъ здѣсь желательно?

— Ну, а если я къ тебѣ въ избу приду и заору, вѣдь прогонишь меня?

— Что ты! сдѣлай милость, приходи!.. и сколько хошь ори— слова дурного не скажу!..

— У тебя одно правило, а здѣсь другое...

Конечно, на всѣ правила имъ «начхать», но... силу они уважаютъ, и, только благодаря ей, удалось выпроводить оравшихъ безобразниковъ.

На этой же станціи каждый праздникъ происходили дикія сцены изъ-за желанія мѣстныхъ крестьянъ—заводскихъ рабочихъ, прокатиться даромъ на сосѣднюю станцію, куда они возвращаются на заводъ, послѣ праздничной побывки дома. Платить 24 коп. за одинъ конецъ имъ нежелательно, итти на заводъ пѣшкомъ тоже нѣтъ охоты, и они нашлись очень просто: билетовъ не берутъ, а когда пробьетъ третій звонокъ, берутъ поѣздъ приступомъ и на ходу его вваливаются толпами въ вагоны, лѣзутъ на крыши, усаживаются на ступенькахъ, буферахъ и т. д. И никакими мѣрами ни станціонныхъ властей, ни поѣздной прислуги долго нельзя было пресѣчь этого злоупотребленія. На всѣ мѣры заводскіе отвѣчали угрозами: «убьемъ станціи начальника!.. разнесемъ станцію!»... Кондуктора приходили въ отчаяніе и божились, что «хуже этихъ заводскихъ нѣтъ по всей линіи!»... А линія проходитъ мимо 5 — 6 очень крупныхъ фабричныхъ центровъ средней Россіи...

Но когда вѣянія мужицкой «свободы» стали затихать, то и наши заводскіе волею-неволею, не безъ сильнаго ропота, все же должны были отказаться отъ заманчивой возможности разъѣзжать по желѣзной дорогѣ на даровщинку...

Какъ, однако, ни хулиганствовали мужики напослѣдокъ, а несомнѣнно было, что угаръ ихъ проходитъ, и, дѣйствительно, къ новому году вездѣ у насъ наступило давно желанное затишье.

II.

Отчего утихомирился нашъ мужикъ? Психологія его такъ сложна, что прямо отвѣтить на этотъ вопросъ не мыслимо еще теперь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитой смуты. Возможно лишь указать на нѣкоторые факторы, повидимому, повліявшіе на перемѣну настроенія нашихъ мужиковъ.

Такъ, несомнѣнно, что мужиковъ страшно перепугали забастовки—фабричныя, почтовыя и желѣзнодорожныя. Первыя угрожали имъ лишеніемъ крупныхъ заработковъ. Почтовыя разобщали ихъ съ массою крестьянъ, уходящихъ въ отхожіе промыслы, а это также отзывалось крупными денежными потерями, напримѣръ, одна

наша волость получаетъ денежныхъ посылокъ на 5 т. р. въ годъ. А желѣзнодорожныя забастовки вмѣстѣ съ двумя первыми довершали общую сумятицу, прежде всего наносившую «большую вреду» именно матеріальнымъ интересамъ мужика, дороже которыхъ у него ничего нѣтъ...

Цѣны на хлѣбъ стали было рости, и его можно было выгодно продать, но желѣзная дорога забастовала, и цѣны начали падать. Овесъ палъ до 40 к., да и за эту цѣну никто не бралъ: даже изъ Москвы писали, чтобы больше ничего не присылали — «нѣтъ денегъ»... А кто изъ мѣстныхъ скупщиковъ послалъ хлѣбъ туда, у тѣхъ вагоны или гдѣ-то затерялись, или застряли на остановившихся дорогахъ.

Пришлось мужикамъ везти хлѣбъ обратно съ базаровъ. Не было конца ихъ проклятіямъ по адресамъ и забастовщиковъ, и самой «свободы», и революціи. Тогда-то они всего болѣе и разочаровались въ своемъ недавнемъ божкѣ Слюнинѣ, главномъ агитаторѣ нашего уѣзда, и въ его «агентахъ»-мужикахъ, съ ихъ пропагандою.

Наша желѣзнодорожная вѣтвь все-таки работала кое-какъ и почти безъ перерыва, посылая на главныя линіи свои поѣзда, которые тамъ застревали. И мужики грозили «совсѣмъ разрушить» нашу вѣтвь, если она забастуетъ... Въ ея работѣ они видѣли указаніе на возможность скораго возобновленія всеобщаго движенія и боялись потерять эту послѣднюю надежду.

Сильно напугалъ мужиковъ и московскій декабрьскій мятежъ и самъ по себѣ — своею непонятностью, загадочностью и страшнымъ варварствомъ обѣихъ сторонъ, а особенно опасеніемъ за цѣлость живущихъ и работающихъ тамъ здѣшнихъ крестьянъ. Большинство ихъ стало удирать изъ Москвы всякими способами (за остановкою желѣзныхъ дорогъ)—пѣшкомъ и на лошадяхъ. Нѣкоторые дѣлали складчину, покупали въ Москвѣ коня и сани, и такимъ способомъ выбирались изъ мятежной столицы. О двухъ крестьянахъ разсказывали, что они, не имѣя возможности купить коня, достали ручныя санки, сложили на нихъ свое добро и такъ добрались домой, въ деревню, по очереди везя санки.

Эти московскіе бѣглецы разнесли по селамъ и правду о мятежѣ, и массу преувеличеній, басенъ и легендъ. Приведу одну изъ послѣднихъ, какъ передавалъ ее мужикъ:

— Подошелъ этто подъ Москву Линевичъ со своей манчьжурской арміей и говоритъ: ладно! усмирить-то я могу Москву—этто намъ наплевать!.. только ужъ извините, господа почтенные, ежели отъ Москвы ничего не останется... согласны?.. Само собой, не дали согласія и попросили Линевича отойти подальше отъ города... Ну, тогда пришелъ генералъ Мищенко и усмирилъ...

Мужики разсказывали, что въ Москвѣ бой идетъ, «какъ въ Мукденѣ», и имѣются «80 тысячъ убитыхъ», «вся Тверская улица разрушена», «пальба слышна въ Троицѣ» и т. п.

Большіе толки вызывали рѣчи какого-то пріѣзжаго «оратора» на послѣднемъ митингѣ, состоявшемся на одномъ заводѣ уже послѣ усмиренія московскаго «неудовольствія» (какъ величали мятежъ нѣкоторые дипломаты-мужики). Ораторъ сознался въ неудачѣ возстанія, но обнадеживалъ, что «скоро» опять оно поднимется, что революціонеры «получатъ оружіе изъ Англіи» и проч.

Около этого же времени начались въ уѣздѣ аресты нашихъ радикаловъ-агитаторовъ. Несомнѣнно, и эти аресты содѣйствовали отчасти умиротворенію мужика, но въ слабой степени, такъ какъ престижъ Слюнина и его «агентовъ» палъ въ глазахъ большинства мужиковъ много раньше, и только ничтожная часть ихъ (изъ фабричныхъ, подгородныхъ и ближайшихъ сосѣдей Слюнина, наиболѣе распропагандированныхъ) оставалась до конца болѣе или менѣе пропитанною его ученіемъ.

Для ареста Слюнина отправилась въ его усадьбу цѣлая экспедиція, на 6 подводахъ, везшихъ 15 жандармовъ и полицейскихъ, подъ командою станового пристава, человѣка очень добродушнаго. Пріѣхавъ туда въ глубокія сумерки, приставъ засталъ хозяина дома и не отказался отъ его любезнаго приглашенія выпить и закусить, вмѣстѣ съ случившимися гостями — студентомъ и крестьяниномъ, главнымъ агентомъ Слюнина. Свита пристава была поражена, что вмѣсто обыска онъ благодушествуетъ за выпивкою, но перечить ему не смѣла и даже послѣ того, какъ приставъ отпустилъ студента «на честное слово», что онъ завтра самъ явится въ городъ и позволитъ себя арестовать... Урядники успокоивали жандармовъ, что приставъ такъ поступаетъ изъ сочувствія не къ Слюнину, а къ выпивкѣ...

Между тѣмъ, дѣло осложнялось... Прислуга Слюнина дала знать въ сосѣднюю деревню, гдѣ еще было у него немало приверженцевъ. Собралась порядочная толпа мужиковъ и направилась къ усадьбѣ — выручать своего барина. Толпу встрѣтилъ городовой, стоявшій у воротъ, и не растерялся. Онъ закричалъ на мужиковъ:

— Куда вы лѣзете?!.. тутъ неподалеку спрятаны у насъ казаки... свистну — сейчасъ прилетятъ!.. живы не останетесь...

Мужики повѣрили этой небылицѣ и повернули живо обратно... Доложили объ этомъ приставу, тотъ спохватился, бросилъ пріятную бесѣду, арестовалъ обоихъ собутыльниковъ и быстро повезъ ихъ въ городъ, опасаясь, какъ бы мужики не отбили. Но мужики и не шелохнулись, хотя теперь убѣдились, что никакихъ казаковъ у пристава нѣтъ...

Въ городѣ приставъ вспомнилъ о «законѣ» и заставилъ барина Слюнина итти подъ конвоемъ пѣшкомъ до исправника, а затѣмъ на вокзалъ, къ поѣзду, увезшему арестованнаго въ губернскій городъ. На вокзалѣ, тоже, вѣроятно, «по закону», передъ сидѣвшимъ Слюнинымъ положили на столикъ, рядомъ съ чашкой заказаннаго имъ кофе, кандалы...

Добродушнаго пристава «для пользы службы» скоро перевели въ сосѣднiй уѣздъ, но не за эти «законныя» издѣвательства надъ арестованнымъ, а за то, что вышеуказанный студентъ не сдержалъ своего студенческаго слова—куда-то сбѣжалъ...

Когда Слюнина провозили въ поѣздѣ чрезъ очень крупный фабричный центръ (въ сосѣднемъ уѣздѣ), толпа мѣстныхъ фабричныхъ и желѣзнодорожниковъ окружила арестантскiй вагонъ и хотѣла сжечь его вмѣстѣ съ арестованными... Слюнина и его товарищей спасли конвойные солдатики, уговаривавшiе толпу такимъ резономъ:

— Братцы! вѣдь намъ первымъ достанется, ежели не довеземъ арестантовъ... подъ судъ пойдемъ!..

Толпа пожалѣла солдатъ и отказалась отъ своего варварскаго намѣренiя... Вызвано оно было не столько извѣстностью Слюнина за предѣлами своего уѣзда, сколько развившимся въ томъ фабричномъ центрѣ черносотеннымъ движенiемъ, какъ противовѣсомъ господствовавшему тамъ раньше революцiонному броженiю. На совѣсти тамошнихъ черносотенниковъ лежало уже нѣсколько кровавыхъ жертвъ...

Послѣ ареста Слюнина и его агентовъ ходили слухи, будто четыре сосѣднихъ съ его имѣнiемъ крестьянскихъ общества «хотятъ взять Слюнина на поруки»... Возможно, что такое намѣренiе было кое у кого изъ болѣе вѣрныхъ учениковъ его, но кто нибудь разъяснилъ имъ всю наивность такого плана, а не то и сами они сочли за благо не вступаться въ это «зряшное дѣло»...

Появлялись въ нашемъ уѣздѣ и казаки, но и они, если внесли свою долю успокоенiя, не были главною причиною послѣдняго. Въ первый разъ казаки появились въ нашемъ городѣ еще въ началѣ смуты, когда ожидался въ городѣ погромъ (однако, не состоявшiйся). Мужики «обижались», что нагнали «невѣдомо почему» казаковъ, а скучавшiе отъ бездѣлья казаки недоумѣвали:

— Помилуйте! зачѣмъ насъ пригнали противъ такихъ людей? онѝ приходятъ на насъ диковаться!..

Дѣйствительно, наши мужики не видали казаковъ, вѣроятно, со временъ «Смутнаго времени» (начало XVII вѣка) и теперь нарочно приходили въ городъ «диковаться» на такую диковинку... Этотъ казачiй отрядъ, въ 50 человѣкъ, скоро убрали отъ насъ. Главное теченiе смуты проходило безъ нихъ, и только въ концѣ ноября снова былъ приглашенъ въ городъ ничтожный отрядъ— всего въ 20 человѣкъ, который простоялъ у насъ ровно одинъ мѣсяцъ.

Понятно, такая маленькая кучка казаковъ не могла произвести «надлежащаго впечатлѣнiя» на весь уѣздъ (14 большихъ волостей), тѣмъ болѣе, что казаки больше охраняли городъ, а въ уѣздѣ рѣдко показывались. Сдѣлали они одинъ-два набѣга на подгородныя де-

ревни, чтобы помѣшать запоздалымъ «лѣснымъ операціямъ» мужиковъ въ чужихъ лѣсахъ (см. «Устинову правду»), да одинъ походъ для предупрежденія «холодной забастовки» въ усадьбѣ земскаго начальника (см. «Гамазейное движеніе»).

Да и въ городѣ-то казакамъ больше приходилось заниматься охраною внѣшняго благочинія, чѣмъ борьбою съ «внутренними врагами»... Въ базарный день, когда была оттепель, усѣлся на площади въ большой лужѣ пьяный вдрызгъ мужикъ. Сидитъ онъ, болтается въ холодной лужѣ руками и ногами и оретъ на весь базаръ: «долой исправниковъ!.. долой начальство!.. свобода»!.. Хотя отъ мужика, уснащавшаго свои «революціонные» вопли самою нецензурною бранью, больше несло водкою, чѣмъ «внутреннимъ врагомъ», но одинъ казакъ счелъ своимъ долгомъ вступиться въ это дѣло. Онъ подошелъ къ пьяному и сталъ его уговаривать. Но мужикъ, отмахиваясь отъ казака, какъ отъ докучливой мухи, продолжалъ неистово орать свое. Казакъ не выдержалъ и вытянулъ мужика нагайкой... Тотъ вскочилъ и стремглавъ, какъ ни былъ пьянъ, бросился удирать, пугливо озираясь назадъ, не гонится ли за нимъ казакъ съ его страшной нагайкой...

Кажется, это былъ единственный случай у насъ, когда казачья нагайка была пущена въ ходъ. Но этимъ страшнымъ орудіемъ всѣ интересовались, и не одни мужики. Богатый купецъ, глава городскихъ черносотенцевъ, собиравшійся формировать изъ нихъ и «котовъ» какую-то «вольную дружину», очень плакался, что никакъ не можетъ достать для полноты своей «коллекціи нагаекъ» самаго «послѣдняго слова науки»—казачьей нагайки «съ расплющенной пулей» на концѣ...

Мужики почему-то увѣряли, что эти нагайки совсѣмъ не съ съ пулей, а «съ ртутью» на концѣ плети... Можетъ быть, они и правы, такъ какъ очень старательно изучали вопросъ о казачьихъ нагайкахъ. Разсказывали о такой сценѣ.

Обстоятельный мужикъ подходитъ къ казаку, здоровается, заводитъ любезный разговоръ, а затѣмъ беретъ его нагайку, внимательно осматриваетъ и говоритъ:

— Легонькая плеточка!..

— Это у насъ для коня, а для васъ вотъ другая...—и казакъ вытаскиваетъ изъ-за голенища увѣсистую нагайку, съ чѣмъ-то твердымъ на концѣ.

— Да, это инструментъ... основательный!..—пугается вдругъ мужикъ.

— Хочешь попробовать?..—ехидничаетъ казакъ.

— На што?.. оно и такъ видно...—ёжится мужикъ, почтительно отодвигаясь на приличную дистанцію.

Казакъ беретъ довольно толстую тесину и разбиваетъ ее нагайкой пополамъ. Мужикъ быстро откланивается казаку и торопливо уходитъ подальше отъ грѣха...

Общіе отзывы о казакахъ, гостившихъ у насъ, что они вели себя «благородно». Оно и понятно: «работы» никакой у нихъ не было, а ублаготворяли ихъ всячески. Содержаніе 20 казаковъ съ офицеромъ обошлось въ мѣсяцъ горожанамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ въ 500 р. (пополамъ на обѣ эти группы).

Въ концѣ декабря казаки ушли, и въ городѣ сталъ формироваться новый институтъ «стражниковъ».

Всѣ указанные и, вѣроятно, еще многіе другіе факторы, намъ неизвѣстные, сдѣлали то, что къ новому году нашъ мужикъ совсѣмъ сталъ приходить въ себя. Мужики засуетились, забѣгали, торопясь заметать слѣды разныхъ своихъ «свободныхъ» дѣяній... Прежде всего они заторопились уничтожать разные сомнительные общественные «приговоры», въ родѣ «присяги республикѣ», «отдѣленія церкви отъ самодержавія», «забастовки земскаго начальника» и т. п. На всѣхъ приговорахъ были подписи міряиъ, и объ уничтоженіи ихъ всего болѣе хлопотали мужики. Нѣкоторые приговоры успѣли уже попасть въ волость, и, чтобы выручить ихъ оттуда для уничтоженія, мужикамъ пришлось сильно раскошелиться... Выходило для нихъ одно огорченіе отъ всѣхъ этихъ проявленій недавней «свободы»... Будь она неладна, коли всего больнѣе бьетъ она по мужицкимъ «животамъ»...

Мужики стали усиленно «каяться» и пошли въ Каноссу... Когда они собирались «забастовать» одного земскаго начальника, то для какихъ-то прелиминарныхъ переговоровъ съ нимъ послали депутацію, которая ворвалась къ нему въ самый кабинетъ и вела съ нимъ разговоры въ такомъ вызывающемъ тонѣ, что земскій даже «заплакалъ», какъ разсказывали депутаты...

А теперь... тѣ же самые мужички-депутаты, посыпавъ главы пепломъ, вооружились «Божіимъ милосердіемъ» — захватили иконы, и устроили экстренный крестный ходъ къ тому же земскому, уже вышедшему въ отставку. Теперь слеза была пролита, кажется, уже съ обѣихъ сторонъ, и примиреніе состоялось...

Въ «Устиновой правдѣ» я упоминалъ, какъ мужики «малость погуляли» въ имѣніи губернатора — остановили рубку лѣса и проч. А теперь очевидецъ разсказывалъ, какъ онъ видѣлъ на лѣстницѣ губернаторскаго дома толпу тѣхъ же крестьянъ, стоявшихъ колѣнопреклоненными въ ожиданіи аудіенціи... «Свободные граждане»! они добровольно идутъ на униженіе и тогда, когда никакой нужды въ томъ нѣтъ...

III.

Съ такимъ настроеніемъ мужики вступили въ новый годъ, когда предстояло имъ сдавать свой первый политическій экзаменъ. Нельзя, однако, утверждать, чтобы это настроеніе было всеобщимъ среди крестьянъ. Какъ всегда и вездѣ, такъ теперь и у насъ не

умолкала вѣковѣчная борьба «отцовъ съ дѣтьми». Если «отцы» начинали рѣшительно, повидимому, становиться на сторону порядка и мирнаго рѣшенія вопросовъ, то «дѣти» продолжали настаивать на возможности добиться путемъ безпорядковъ насильственнаго разрѣшенія своихъ желаній. Дѣти попрежнему внушали отцамъ: «все берите даромъ, ничего не платите, никого не слушайтесь».

Разумѣется, эти «мужицкіе идеалы» очень дороги одинаково всѣмъ — и отцамъ не меньше дѣтей, и первые были бы безконечно рады, если бы вторыя вновь добились осуществленія этой мужицкой «свободы», которую такъ недавно всѣ они чуточку попробовали и одобрили... Но, ожегшись на этой «свободѣ» разъ, отцы отказались отъ новыхъ попытокъ достиженія ея и, насколько могли, сдерживали дѣтей, продолжавшихъ бурлить и мечтать о своихъ «идеалахъ». Отцы превратились въ оппортюнистовъ, мечтающихъ о весьма немногомъ, достижимомъ въ данную минуту.

На вопросъ, обращенный къ «отцамъ»: что вамъ сейчасъ требуется?—они выкладывали такія умѣренныя desiderata:—Да вотъ землицы бы малость прирѣзать, да налоги бы немного поскостить, да чтобы церковные доходы шли на нашу церковь...

И только!.. Одинъ волостной старшина прибавилъ еще къ этому «освобожденіе отъ начальства», подъ которымъ онъ разумѣлъ не радикальную «свободу» отъ всякихъ властей, а необходимость крестьянскаго самоуправленія и освобожденія его отъ излишней бюрократической опеки и всякихъ вредныхъ тисковъ.

Конечно, у мужиковъ были и другія пожеланія, и не такія скромныя, но они таили ихъ теперь отъ «начальства» и «господъ». И очень часто «борьба отцовъ съ дѣтьми» носила въ сущности характеръ явной комедіи, искусно разыгрываемой мужиками для отвода глазъ...

Отъ того-то въ описываемое время (январь — мартъ) предъ выборами получались такія противорѣчивыя свѣдѣнія о настроеніи крестьянъ. Даже такой «сердцевѣдецъ», какъ урядникъ, говорилъ въ январѣ:

— Слава Богу! настроеніе мужиковъ совсѣмъ перемѣнилось, и ничего прежняго не осталось... А все-таки они чего-то ждутъ въ мартѣ...

Наши земцы, дѣйствительные знатоки деревни, какъ-то очень загадочно прорицали:

— Если весна пройдетъ спокойно, то и дальше ничего не будетъ...

Почтенный директоръ завода, около 20 лѣтъ живущій въ нашемъ уѣздѣ и отлично знающій заводскаго мужика, говорилъ насчетъ весны какъ-то нерѣшительно и, повидимому, ждалъ осложненій, если административная реакція и всякія репрессіи усилятся.

Удѣльный чиновникъ, имѣющій частыя сношенія съ крестьянами, не допускалъ возможности взрыва весною аграрныхъ волне-

ній, для которыхъ у насъ нѣтъ почвы, въ виду состоятельности мужиковъ и отсутствія «земельнаго голода». Но онъ же больше вѣрилъ заявленіямъ крестьянъ, что «ничего де не будетъ», не допуская въ своей наивности, чтобы мужики были «такъ фальшивы»... Онъ не подозрѣваетъ, какіе это великіе дипломаты!..

Однако, сами крестьяне иногда откровенничали и, если одни выражались неопредѣленно, что «весною что-то будетъ», то другіе прямо говорили:

— Весною пойдетъ всемірная (sic) забастовка... и тогда мы станемъ пахать, гдѣ хотимъ...

Одинъ волостной старшина, наилучшій знатокъ своихъ пасоныхъ, говорилъ въ февралѣ:

— Мужикъ сталъ оченно сурьёзенъ... много хуже, чѣмъ до 17 октября...

Въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ мужикъ такъ «засурьезничалъ», что тамошнее земское собраніе ассигновало 10 тысячъ «на наемъ къ веснѣ» полусотни казаковъ... Любопытно, что это постановленіе сдѣлано «единогласно», т.-е. при участіи въ немъ и гласныхъ-крестьянъ... Итакъ, сами мужики собираются тамъ «усмирять» мужиковъ на мужицкія же деньги!..

У насъ земство не доходило до такой нелѣпости, но наше столбовое дворянство (не уѣздное, а губернское) тоже отличилось немало... Оно послало въ февралѣ, куда слѣдуетъ, горькую слезницу, въ которой расписано, будто наша губернія находится совсѣмъ наканунѣ «пугачёвщины», и что ей грозитъ опасность превратиться «въ пустыню», ежели не остановятъ мужика сейчасъ же, до собранія государственной думы... Авторы слезницы вспомнили даже «краткаго Иловайскаго»—выудили у него знаменитое изреченіе Петра Великаго на рѣкѣ Прутѣ и примѣнили его къ своему положенію, т.-е. кощунственно приравняли мѣстное дворянство къ... Петру Великому!.. Они говорятъ: «а о N-скомъ дворянствѣ вѣдай», что оно бережетъ свои животы совсѣмъ не для себя, а для «отечества», и потому де не хочетъ отдавать ихъ мужику, развѣ «по справедвой оцѣнкѣ»...

Такъ, когда мужики стали давать 40 тысячъ за базарную площадь въ большомъ торговомъ селѣ, принадлежащую одному изъ авторовъ слезницы, послѣдній опредѣлилъ «справедливую оцѣнку» ровно вдвое—80 тысячъ. И обѣ стороны не идутъ на уступки, какъ ни напугана одна изъ нихъ грядущею якобы пугачевщиною...

Не одной этой жалкой слезницей, но и разными дѣяніями эти господа доказываютъ, что они ровно ничего не способны придумать для обузданія мужика, кромѣ «спасительнаго страха»... Курьезной иллюстраціей этого служитъ знаменитое у насъ «дѣло о уткѣ», разыгравшееся въ февралѣ.

На озерѣ, окруженномъ лѣсами нѣсколькихъ дворянъ и землями крестьянскихъ обществъ, одинъ крестьянинъ подстрѣлилъ утку. Чья была эта утка—дворянская или крестьянская,—этого, разумѣется, и самъ чортъ не разберетъ. Но одинъ изъ совладѣльцевъ-дворянъ, самый богатый въ уѣздѣ землевладѣлецъ (онъ же—вышеуказанный соавторъ слезницы), порѣшилъ, что утка была изъ его владѣній, а земскій начальникъ согласился съ нимъ и присудилъ мужика за раннюю охоту въ чужихъ владѣніяхъ къ «мѣсячному (sic!) аресту».

Когда уѣздный съѣздъ, къ счастью, оправдалъ охотника (и то большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного, къ удивленію, самого уѣзднаго члена окружнаго суда!..), помѣщикъ-жалобщикъ и земскій начальникъ, отстаивавшіе утиные интересы, были внѣ себя и негодовали на членовъ съѣзда:

— Что вы надѣлали!?.. Мы хотѣли нагнать страху на мужиковъ...

И вотъ, пока одна сторона пыталась разогнать «страхомъ» призраки пугачевщины, будущіе пугачевцы все болѣе и болѣе сами «пужались» и приходили въ полное недоумѣніе и отъ того, что творилось вокругъ да около, и отъ всякихъ шедшихъ издалека слуховъ, толковъ и извѣстій... Припоминаются, между прочимъ, такія «политическія» разсужденія одного старика-мужика:

— А вѣдь царя-то у насъ нѣтъ!..

— Какъ такъ?

— Да гдѣ же онъ?!.. и газеты пишутъ, и всѣ говорятъ о какомъ-то графѣ... только и знать, что графъ да графъ: и то онъ сказалъ и то онъ сдѣлалъ... все онъ!..

— Графъ Витте?

— А шутъ его знаетъ, какъ онъ прозывается!.. графъ да графъ—только мы и знаемъ...

Такъ подошло у насъ время первыхъ выборовъ, смутившихъ мужика окончательно...

IV.

Наша губернія въ правѣ гордиться, что она первая во всей Россіи открыла выборную кампанію, и именно тогда, когда даже самому «графу» и его коллегамъ еще не снился срокъ открытія выборовъ... Не дожидаясь никакихъ указовъ и циркуляровъ на этотъ счетъ, нашъ мужикъ самостоятельно приступилъ къ выборамъ, когда призналъ, что время для того уже назрѣло...

Случилось это не въ нашемъ уѣздѣ, а въ другомъ, и случилось въ волости, носящей почему-то (вѣроятно, по фантазіи кого ни- изъ мѣстныхъ столбовыхъ дворянъ, любившихъ давать своимъ денціямъ поэтическія имена) райское названіе—Эдемской. И ъ въ одной изъ деревень этой Эдемской палестины уже въ рѣ райскіе мужички заторопились выбрать «депутата отъ

деревни», спѣшно снарядили его въ государственную думу, въ Питеръ, но догадались предварительно послать въ свой уѣздный городъ, чтобы добыть тамъ «языка» насчетъ далекой путины... Депутатъ пожалѣлъ мірскихъ денегъ и пѣшкомъ отмахалъ тридцать верстъ до своего города, гдѣ и заявился пораженнымъ властямъ въ качествѣ уже готоваго депутата. Къ удивленію, власти его не арестовали... Хотя дѣяніе эдемскихъ мужиковъ было явно «революціонное», но такъ какъ оно нигдѣ еще не было занесено въ рубрику «преступленій», то депутата отпустили домой, не безъ надлежащаго внушенія, чтобы впредь эдемцы не смѣли предупреждать желаній начальства...

Но и позже, когда уже появились насчетъ выборовъ надлежащіе указы, циркуляры и т. д., и тогда мужики долго воображали, что депутаты потребуются отъ каждой деревни обязательно... Помилуйте! какъ можно поручать интересы своей деревни мужику чужой деревни, который будетъ «гнуть свою линію» и защищать только «свои» интересы?!..

И велико же было ихъ разочарованіе, когда они стали разжевывать всю сложную механику трехстепенныхъ выборовъ для крестьянъ... Это было первое разочарованіе мужиковъ насчетъ государственной думы, рѣшительно не оправдавшей ихъ надеждъ... Они обиженно говорили: «зачѣмъ хотятъ просѣвать нашихъ выборныхъ сквозь не одно рѣшето?!..»

Даже болѣе развитые изъ крестьянъ плохо усваивали выборную технику, даже крестьянскія выборныя власти были очень слабы тутъ. Почти наканунѣ выборовъ пришлось говорить съ однимъ волостнымъ старшиною, очень неглупымъ мужикомъ, и тотъ чрезвычайно путался, толкуя о предстоящихъ волостныхъ выборахъ, которыми онъ долженъ былъ руководить... Нашъ уѣздъ долженъ былъ избрать 6 губернскихъ «выборщиковъ», а старшинѣ казалось, что всѣ они будутъ отъ однихъ крестьянъ, и т. п.

Этотъ же старшина очень наивно предъявлялъ къ государственной думѣ такое требованіе, чтобы она «издала законъ противъ безпорядковъ»... Представитель власти не знаетъ, что такихъ законовъ у насъ видимо-невидимо...

Что нѣсколько помирило мужиковъ съ думою, такъ единственно— десятирублевое вознагражденіе депутатамъ... Мужики ахнули, когда узнали, что на такую благодать каждый изъ нихъ имѣетъ право... Правда, счастливцевъ будетъ немного, но тѣмъ лестнѣе попасть въ число ихъ. Эти мечты о «красненькой» сдѣлали предвыборную кампанію чрезвычайно оживленною, а «борьбу» кандидатовъ необычайно злостною... Всѣ остальныя надежды на думу отошли на задній планъ, и надъ всѣми доминировала одна мечта: дорваться до хорошаго куша отъ казны за «пустое дѣло»—за разговоры, до которыхъ мужикъ и задаромъ всегда охочъ...

Любопытно было бы посмотрѣть, какъ отнеслись бы мужики къ выборамъ, если бы не была объявлена эта злосчастная «красненькая»... Да и одни ли мужики польстились на нее?!.

26 февраля происходили выборы «уполномоченныхъ» во всѣхъ 14 волостяхъ нашего уѣзда. Въ выборахъ могли участвовать одни «десятидворные» (т.-е. представители на волостныхъ сходахъ отъ «десятковъ» дворовъ), которыхъ у насъ не переизбирали на этотъ случай (какъ было дозволено). Въ числѣ ихъ состоятъ и всѣ крестьянскія выборныя власти.

Нельзя утверждать, чтобы десятидворные очень стремились къ исполненію своего гражданскаго долга: врядъ ли и половина ихъ пошла на выборы... Въ двухъ ближайшихъ къ намъ селеніяхъ полагается по два десятидворныхъ, но изъ нихъ пошли въ волость только двое, при чемъ одинъ «десятскій», обязанный ходить на всѣ сходы. Самый отзывчивый изъ этихъ 4-хъ не пошелъ, говоря:

— Пусть идутъ заводскіе: они умнѣе насъ, мужиковъ...

И, дѣйствительно, заводскіе и фабричные шли охотнѣе рядовыхъ мужиковъ и пробовали расшевелить послѣднихъ по-своему... Это особенно сказалось на выборахъ въ подгородной волости, самой обширной въ уѣздѣ (6 тыс. мужскихъ душъ). Десятидворныхъ здѣсь собралось только 180, но зато явилась и «публика»—около 1.000 ч. фабричной и вообще деревенской молодежи. Она настойчиво потребовала, чтобы и ее допустили къ выборамъ, чтобы послѣдніе происходили на площади, рекомендовала своихъ кандидатовъ-радикаловъ, изъ учениковъ Слюнина, и проч.

Разумѣется, «отцы» отвергли всѣ требованія «дѣтей», и при содѣйствіи 6 стражниковъ десятидворные пробрались не безъ труда въ волостное правленіе и приступили къ выборамъ, подъ предсѣдательствомъ волостного старшины. Молодежь погалдѣла нѣсколько и, понявши, что выборовъ ей не сорвать, скоро разошлась.

Въ началѣ засѣданія была, повидимому, попытка дать нѣчто въ родѣ «наказа» уполномоченнымъ (что̀ бывало въ другихъ губерніяхъ): болѣе «свободомыслящіе» элементы подняли вопросъ о землѣ и именно въ смыслѣ «отобранія помѣщичьей земли». Большинство, однако, замяло вопросъ, замѣтивши, что въ волости находится всего одно помѣщичье владѣніе, а всѣ остальныя частновладѣльческія земли—купленныя. Кто-то высказалъ такую своеобразную мысль:

— Ежели отнимать купленныя земли, тогда надо все отнимать у всѣхъ, начиная съ царя...

Этотъ тонкій доводъ подѣйствовалъ, повидимому, на всѣхъ... ;аты оборвались, и приступили къ выборамъ.

Голосами намѣтили 4 кандидатовъ и первыхъ двухъ стали ютировать шарами. Когда оказалось, что эти двое получили

избирательное большинство (115 и 111 шаровъ), то отъ баллотировки остальныхъ двухъ кандидатовъ отказались и съ миромъ разошлись по домамъ, «промучившись» цѣлый день, «не пимши, не ѣмши»...

Избранные волостные «уполномоченные» оказались рядовыми крестьянами, изъ состоятельныхъ и «неодинокихъ» въ семьѣ, т.-е. не особенно боящихся потратить время и деньги на исполненіе гражданскаго долга. Кажется, это былъ единственный мотивъ, оправдывавшій избраніе этихъ лицъ. Но, разумѣется, такихъ состоятельныхъ и «неодинокихъ» мужиковъ немало въ волости и, если избраны именно эти два, то совершено случайно: горланы почему-то выкрикнули ихъ имена, когда намѣчались голосами 4 кандидата, и двое изъ послѣднихъ почему-то стали баллотироваться первыми... Почему не баллотировали остальныхъ двухъ кандидатовъ, хотя они могли быть лучше первыхъ? Да просто потому, что надоѣло цѣлый день сидѣть въ душномъ волостномъ правленіи и хотѣлось поскорѣе развязаться съ этимъ «зряшнымъ дѣломъ»... Конечно, «красненькая» рѣшительно всѣхъ манила, но разъ судьба указала уже на двухъ счастливцевъ, чего тутъ спорить съ нею и тянуть такую скучную канитель?!...

Десятидворные, часто собирающіеся на волостныхъ сходкахъ, отлично знаютъ другъ друга и легко могли бы остановить свой выборъ на лучшихъ людяхъ волости. Но они этого не сдѣлали и не могли сдѣлать, такъ какъ каждому кандидату было «лестно» добиться для себя будущей «красненькой»... Много грѣха она вездѣ надѣлала — погубила почти всѣ выборы... и изобрѣтателя ея слѣдовало бы предать вселенской анаѳемѣ...

Итакъ, въ указанной волости прошли въ «уполномоченные» далеко не лучшіе люди. Положимъ, крестьяне изъ недалекихъ были какъ будто довольны выборами, отзываясь объ избранныхъ, какъ о «хорошихъ мужикахъ». Но развитые крестьяне прямо говорили, что одинъ изъ счастливцевъ «ничего себѣ» (т.-е. слава Богу, что не хуже...), а другой «совсѣмъ тупой человѣкъ».

Въ другихъ волостяхъ было то не лучше, то много хуже... Въ одной волости случайно прошли «хорошіе мужики» — оба церковные старосты, хотя, впрочемъ, у насъ не полагается имъ быть сугубо благочестивыми людьми, даже напротивъ: кулаки очень добиваются этого званія, очевидно, для того, чтобы лучше замаливать свои грѣхи...

Въ другой волости прошелъ одинъ «хорошій мужикъ», а другой — «подлецъ», бывшій волостной судья, уличенный во взяточничествѣ... Въ нѣсколькихъ волостяхъ одного земскаго участк «всѣ выборы прошли плохо», и именно въ томъ смыслѣ, ч выборные оказались плохого качества.

Ни радикальной и никакой другой публики не собиралось в остальныхъ волостяхъ, и нигдѣ болѣе не было попытокъ подн

мать принципіальные вопросы въ смыслѣ «наказовъ» уполномоченнымъ. Можно еще, пожалуй, отмѣтить тенденцію, ясно выраженную—не пропускать въ выборные своихъ волостныхъ и сельскихъ властей. Не допускалась кандидатура даже бывшихъ отставныхъ старшинъ и т. п. Исключеніе было сдѣлано только для церковныхъ старостъ, да въ одной волости случайно проскочилъ сельскій староста.

О единственныхъ представителяхъ дѣйствительной деревенской интеллигенціи — учителяхъ, среди которыхъ есть немало крестьянъ, мужики не вспомнили, конечно... Позоромъ для нашей губерніи служитъ тотъ фактъ, что на всю губернію попалъ въ уполномоченные и въ выборщики всего одинъ народный учитель...

Недѣли черезъ двѣ 28 волостныхъ уполномоченныхъ нашего уѣзда собрались въ городѣ для избранія 2 губернскихъ «выборщиковъ». Засѣданіе было жалости подобное... У всѣхъ ясно сквозила одна тенденція — всякими правдами-неправдами пробраться въ выборщики, чтобы приблизиться хотя на одинъ шагъ къ соблазнительной «красненькой»...

Цѣлый день «излюбленные люди» галдѣли, ругались, пикировались другъ съ другомъ, всѣ расплевались между собою... Едва-едва удалось несчастнымъ провести ничтожнымъ большинствомъ одного выборщика. Затѣмъ, закрыли засѣданіе и вышли на улицу, гдѣ долго галдѣли все о томъ же. Двое уполномоченныхъ уѣхали домой, не подозрѣвая, что одному изъ нихъ негаданно улыбнется счастье...

Остальные 26 обратились къ предсѣдателю земской управы и попросили возобновить засѣданіе. Добродушный человѣкъ не могъ отказать имъ въ томъ. Теперь мужики стали баллотировать всѣхъ 26 ч.—всѣхъ провалили!... Тогда кто-то вспомнилъ о двухъ удравшихъ выборныхъ и предложилъ «метать жребій» между ними. Всѣ волею-неволею согласились, и, такимъ образомъ, народился 2-й «выборщикъ»...

Не знаю, была ли законна эта жеребьевка, но во всякомъ случаѣ уѣздъ могъ себя «поздравить» сдачею перваго экзамена политической зрѣлости—два мужицкихъ выборщика (сельскій староста и крестьянинъ) были избраны...

Приходить въ восторгъ отъ подобнаго «сознательнаго» отношенія мужика къ выборамъ могутъ одни Маниловы, хлопочущіе больше всего о томъ, чтобы опредѣлить, какой иксъ скрывается подъ «неизвѣстнымъ направленіемъ» мужика... Они забываютъ, что у мужика есть только мужицкое направленіе, коое будетъ любо ему всегда, хотя бы поверхъ мужицкой сермяонъ вырядился въ красненькій мундирчикъ «кадета» или въ мотья «соціала»...

Та же жалкая комедія мужицкаго недомыслія и погони за ·асненькой» повторилась и на губернскомъ съѣздѣ выборщи-

ковъ. Цѣлый день они галдѣли безъ толку и не могли остановиться на «лучшемъ» человѣкѣ, ибо таковыхъ между ними не было, а каждый считалъ самого себя наилучшимъ. Продѣлали массу баллотировокъ и ничего не добились. Озлобленные и осатанѣлые отъ всей этой сутолоки и безтолковщины, мужики наконецъ обратились къ «персту Божію» и узрѣли, что онъ почіетъ на самомъ скромномъ и молчаливомъ выборщикѣ, не проронившемъ за все время ни единаго слова. Этого молчальника, оказавшагося бывшимъ волостнымъ старшиною, собраніе и провело коекакъ въ члены государственной думы. Будетъ ли онъ и тамъ только молчать да «такать», или вдругъ разверзнетъ уста,—поживемъ—услышимъ...

V.

Но я забѣжалъ нѣсколько впередъ, не покончивши еще съ участіемъ мужиковъ въ остальной выборной кампаніи нашего уѣзда. Тутъ тоже было немало характернаго изъ области «мужицкаго направленія»...

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали съѣзда «мелкихъ землевладѣльцевъ», чтобы узнать, какъ отнесутся мужики къ представителямъ единственныхъ своихъ духовныхъ интересовъ въ жизни—къ своему духовенству. Кромѣ религіи, у мужика нѣтъ ровно никакихъ высшихъ, нематеріальныхъ идей, и если первая ему, дѣйствительно, дорога, то неужели же онъ отвернется отъ носителей ея?! Пусть онъ постоянно воюетъ съ попами изъ-за поборовъ и др. матеріальныхъ вопросовъ, но вѣдь не въ этомъ же одномъ заключаются всѣ его отношенія къ попамъ и церкви? Онъ несетъ къ нимъ и душу свою, и немощи свои духовныя, онъ жаждетъ ихъ помощи во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, онъ не прочь посовѣтоваться съ ними во всякихъ житейскихъ дѣлахъ... И, наконецъ, не всѣ же попы—обязательные корыстолюбцы и алчники: есть немало такихъ, предъ духовнымъ авторитетомъ которыхъ и мужикъ сознательно склоняется...

Лица, не участвовавшія лично въ выборахъ, но жаждавшія того, чтобы въ выборщики попадали люди болѣе культурные, конечно, стояли за духовенство предпочтительно предъ мужиками. Сельскіе попы—лучшіе знатоки деревни и мужика, притомъ лично не заинтересованные въ его нуждахъ и могущіе отнестись къ нимъ объективно, а какъ люди, болѣе или менѣе интеллигентные,—сознательные противники «мужицкихъ идеаловъ». Нечего уже говорить о томъ, какъ много въ послѣднее время обнаружилось среди духовенства истинно прогрессивныхъ и свободомыслящихъ людей. Призраки же клерикализма никогда у насъ не были серьезны и замѣчаются больше среди монашества, исключеннаго изъ выборовъ.

Словомъ, у насъ ожидали, если не полной, то очень значительной побѣды духовенства на выборахъ, и напередъ учитывали добрые результаты ея. Въ нашемъ уѣздѣ 125 приходовъ, а 125 поповъ-избирателей — это такая дружная, сплоченная и дисциплинированная партія, предъ которой должно спасовать и вдвое большее, но разрозненное стадо остальныхъ мелкихъ зимлевладѣльцевъ, преимущественно крестьянъ-собственниковъ (болѣе 200).

И дѣйствительно, первыя извѣстія о результатахъ этой избирательной курiи были поразительны: въ «уполномоченные» были избраны — 27 поповъ, 1 чиновникъ (нашъ почтенный почтмейстеръ) и 6 крестьянъ... Ликовали и попы, и всѣ тѣ, кто попа предпочитаетъ мужику... Дворяне же и вообще «крупные землевладѣльцы» пали духомъ, чувствуя, что на рѣшительномъ съѣздѣ для избранія «выборщиковъ» всѣмъ будетъ крышка отъ поповъ... Зоилы подсмѣивались, въ виду подобныхъ же побѣдъ духовенства въ другихъ мѣстахъ, что будущая государственная дума будетъ чуть не цѣликомъ «рясофорною»...

Угнетенное настроеніе дворянъ нѣсколько прошло, когда великодушные побѣдители-попы объявили, что они смилостивятся — «пропустятъ одного дворянина», а другое мѣсто выборщика возьмутъ себѣ. Увы, торжество духовенства было непродолжительно... Скоро стали извѣстны подробности о съѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, свидѣтельствовавшія о томъ, что побѣда поповъ заключала въ себѣ и пораженіе ихъ... Попы переборщили, и черезчуръ...

Поповъ собралось 95 (изъ 125), а крестьянъ-собственниковъ (и нѣсколько дворянъ, чиновниковъ и др. мелкихъ владѣльцевъ) 115 (изъ 200 съ чѣмъ-то). Понятно, что, если бы послѣдніе спѣлись въ одну группу, то могли бы провалить всѣхъ поповъ и провести всѣхъ 34 «уполномоченныхъ» изъ своей среды. Но мужики и тутъ проявили свое «мужицкое единеніе», разбившись на кружки, только мѣшавшіе другъ другу. Собранные со всего уѣзда, они не знали другъ друга и прямо говорили, что «не знаютъ, кого выбирать»... Предвыборнаго собранія у нихъ не было. Попы же, часто собирающіеся на разные свои съѣзды, отлично знаютъ другъ друга и по каждому благочинію намѣтили 3—4 кандидатовъ, дѣйствительно изъ лучшихъ людей, которыхъ и провели. На своемъ предвыборномъ собраніи они рѣшили взять себѣ 27 мѣстъ, а остальныя 7 отдать крестьянамъ и другимъ мелкимъ землевладѣльцамъ.

Такъ и вышло на собраніи: 95 поповъ дѣйствовали, какъ одинъ человѣкъ, а 115 мужиковъ и другіе шли въ разбродъ... попы пропу-ли только почтмейстера и 6 крестьянъ, а всѣхъ остальныхъ ли забаллотировывать, оставивъ всѣ мѣста за собою.

Когда мужики убѣдились, что попы больше не пропустятъ ни-, кромѣ себя, мужики страшно разобидѣлись, кричали, что имъ

«тутъ нечего дѣлать», и 50 изъ нихъ сейчасъ же покинули залу собранія, за ними ушло 10 человѣкъ, потомъ еще и еще... Поле битвы осталось за попами... Только пять крестьянъ остались до конца и упорно клали всѣмъ попамъ отрицательные шары...

Это утомительное собраніе длилось почти сутки (съ 12 ч. дня до 8 ч. утра слѣдующаго дня), не прерываясь и ночью. Былъ небольшой перерывъ вечеромъ (на часъ), чтобы избиратели могли покормить себя и своихъ коней. Въ собраніи не было устроено даже чайнаго буфета, только сторожа приносили булки, да запасливые отцы и мужики вытаскивали изъ кармановъ «мерзавчики» и, отойдя въ уголокъ, бульбукали прямо изъ горлышка...

Стоитъ упомянуть объ одномъ маленькомъ, но очень характерномъ для мужика эпизодѣ, случившемся на этомъ собраніи. Въ «механическомъ счетчикѣ» сломался ключикъ, но одинъ мужикъ-избиратель выручилъ изъ бѣды—предложилъ свой подходящій ключикъ, найденный въ карманѣ. Его стали благодарить, однако для мужика показалось этого мало, и онъ содралъ съ товарищей 40 коп. за ключикъ...

Въ уѣздномъ избирательномъ собраніи мужики отнеслись крайне подозрительно къ механическому счетчику и отказались пользоваться непонятною имъ машиною, опасаясь, нѣтъ ли тутъ какого подвоха со стороны «господъ»... Они потребовали старый баллотировочный ящикъ, которымъ и пользовались, тогда какъ остальные избиратели прибѣгали къ посредству новой машины.

Почти наканунѣ этого рѣшительнаго собранія, на которомъ крупные и мелкіе землевладѣльцы должны были избрать 2 губернскихъ «выборщиковъ», стало извѣстнымъ, что вслѣдствіе протеста крестьянъ-собственниковъ губернская о выборахъ комиссія сильно урѣзала побѣду духовенства. Комиссія признала «законно избранными» только 7 поповъ и 5 крестьянъ, т.-е. тѣхъ, которые избраны полнымъ составомъ избирателей. Всѣхъ же остальныхъ — 20 поповъ и 2 мелкихъ собственниковъ—она не утвердила уполномоченными, мотивируя отказъ тѣмъ, что, когда 110 избирателей покинули собраніе, то остальные 100 человѣкъ представляли уже меньшее количество цензовой земли и не имѣли права избирать представителей за отсутствовавшихъ, за которыми числилось большее количество земли.

Не знаю, насколько законенъ этотъ мотивъ, но въ разумности его можно усомниться. Вѣдь такимъ путемъ можно сорвать всякіе выборы и никогда ничего не добиться. Добровольно ушедшихъ нужно считать уклонившимися отъ выборовъ, какъ они могли воздержаться отъ баллотировки, не выходя даже изъ собранія, или какъ уклонились тѣ 100 крестьянъ-собственниковъ, которые совсѣмъ не явились на собраніе. Между тѣмъ, всѣ явившіеся были законными представителями и всѣхъ отсутствовавшихъ. Притомъ же, у 11

протестантовъ было въ рукахъ самое законнѣйшее и могучее средство побить всѣхъ 95 поповъ: стоило первымъ сговориться — и ни одинъ попъ не прошелъ бы...

Какъ бы тамъ ни было, но попы были рѣшительно обезкуражены неожиданнымъ поворотомъ судьбы противъ нихъ. Теперь они пожалѣли, что не вошли въ соглашеніе съ крестьянами и не раздѣлили 34 мѣста пополамъ между собою и ими. Дружная группа 17 поповъ имѣла бы рѣшающее значеніе на уѣздномъ съѣздѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ мелкихъ.

Послѣднее собраніе происходило 15 марта. Изъ 100 человѣкъ собралось всего 38, изъ нихъ — 17 крестьянъ (12 крупныхъ и 5 мелкихъ землевладѣльцевъ), 14 дворянъ и 7 поповъ. Рѣшающее значеніе и здѣсь могло принадлежать послѣднимъ: только въ союзѣ съ ними крестьяне или дворяне могли провести своего кандидата (требовалось избрать 2 губернскихъ «выборщиковъ»). Однако, попы и тутъ сглупили: вмѣсто того, чтобы вступить въ союзъ съ дворянами, которые сдержали бы свое слово, попы вошли въ соглашеніе съ мужиками, кои обязательно ихъ надули... Попы исполнили свое обѣщаніе—поддержали и провели крестьянскаго кандидата, а мужики наложили черняковъ поповскому кандидату—отцу уѣздному наблюдателю церковныхъ школъ, хорошо извѣстному всему уѣзду и человѣку уважаемому. Мужики, надувши поповъ, предпочли поддержать дворянскаго депутата.

Голоса дворянъ раздѣлились между двумя своими кандидатами, и одинъ изъ нихъ взялъ верхъ, благодаря тому, что «побесѣдовалъ» съ крестьянами и обѣщалъ съ своей «партіей» поддержать ихъ кандидата, если они поддержатъ его. Соглашеніе состоялось, и въ «выборщики» прошли именно этотъ дворянинъ и крестьянинъ— крупный землевладѣлецъ, богатый промышленникъ, старикъ. Дворянинъ-«октябристъ» получилъ 26 голосовъ, крестьянинъ—22, второй дворянинъ — 16, отецъ наблюдатель и молодой фабрикантъ-«радикалъ»—по 8, остальные кандидаты, получившіе по запискамъ 1—5 голосовъ, отъ баллотировки отказались.

О богатомъ крестьянинѣ-выборщикѣ отзывы противорѣчивые: одни говорятъ, что это—человѣкъ не развитой и полный нуль въ общественномъ смыслѣ, хотя человѣкъ не глупый, доказавшій свой умъ уже тѣмъ, что изъ зауряднаго крестьянина превратился въ богатаго промышленника (производство валеной обуви и проч.), тысячника. Другіе считаютъ его вообще дѣльнымъ, «уважаемымъ» человѣкомъ, и даже ссылаются на его «стремленіе къ просвѣщенію», выразившееся, между прочимъ, въ томъ, что онъ купилъ у кого-то прогорѣвшаго помѣщика его библіотеку, картины старыхъ заграничныхъ мастеровъ и обстановку, и всѣмъ этимъ украсилъ свой деревенскій домъ. Онъ продолжаетъ числиться крестьяниномъ и даже держитъ за собою надѣльную землю, которою самъ,

однако, уже не балуется, предоставляя это своимъ бабамъ. Послѣднія сами жнутъ, возятъ навозъ и т. д., хотя держатъ работниковъ и прислугу, одѣваются чистенько, по утрамъ пьютъ чай «обязательно» съ монпасье» и т. д.

Однако, несмотря на всѣ эти качества, люди знающіе утверждаютъ, что этотъ избранникъ 17 крестьянъ далеко не можетъ быть названъ лучшимъ среди нихъ. Его «уважили» больше всего за его богатство... За нимъ развѣ одно достоинство, что онъ нисколько не гнался за «красненькою» и жаждалъ одного почета.

На городскомъ съѣздѣ прошли также безцвѣтные «выборщики» — двое мѣстныхъ фабрикантовъ, предсѣдатель и секретарь здѣшняго кружка «октябристовъ». Третьимъ кандидатомъ былъ и провалился тотъ самый молодой «радикалъ», который конкурировалъ съ отцомъ наблюдателемъ на уѣздномъ съѣздѣ и вмѣстѣ съ нимъ провалился.

Итакъ, въ губернскіе выборщики отъ нашего уѣзда попали — 3 крестьянъ, 2 фабриканта и 1 дворянинъ, послѣдніе трое «октябристы», а первые трое «неизвѣстнаго направленія». Всѣ они прокатились на губернскій съѣздъ, но въ члены государственной думы не попали, хотя нѣкоторые и покушались баллотироваться. Ахъ, зачѣмъ было огородъ городить!..

Можно себѣ представить, съ какимъ негодованіемъ и презрѣніемъ встрѣтили мужики своихъ неудачниковъ-выборщиковъ, не заполучившихъ права на «красненькую»... И сами де ея не добились и другимъ «хорошимъ мужикамъ» помѣшали попытать «своего счастья». Немудрено, если мѣстами и побили выборщиковъ... Теперь мужики уже не скрываютъ, что выбирали они далеко не лучшихъ, а чисто случайныхъ людей, надъ которыми сами же печально разводятъ руками, да скорбно чешутъ затылки. Подѣйствуетъ ли на мужиковъ этотъ урокъ? Сомнительно, если суть ихъ вожделѣній — «красненькая», останется... Стоитъ, однако, попробовать: много ли найдется среди состоятельныхъ мужиковъ (да и не ихъ одниxъ) истинныхъ радѣтелей общаго блага, готовыхъ итти въ государственную думу безъ содержанія?.. Прелюбопытный вышелъ бы опытъ!..

Между тѣмъ, и при нынѣшней системѣ выборовъ есть средство, дающее возможность провести въ думу лучшихъ крестьянъ. Оно уже примѣняется относительно рабочихъ, которыхъ выбираютъ въ думу не одни рабочіе, но вмѣстѣ съ выборщиками другихъ сословій. Такъ по всей справедливости должно поступать и относительно крестьянъ: лучшихъ изъ нихъ скорѣе могутъ указать другіе выборщики, чѣмъ сами крестьяне, лично заинтересованные въ выборѣ. Можетъ быть, тогда больше пройдетъ въ думу почтенныхъ и развитыхъ «крестьянъ», которыхъ теперь вездѣ глушитъ масса «мужика».

Только черезчуръ наивные люди, кабинетные дѣятели, совсѣмъ не знающіе деревни, могутъ приходить въ восторгъ отъ «союза с

народомъ», т.-е. съ «мужикомъ», который вездѣ и всюду, даже подъ самымъ радикальнымъ флагомъ, будетъ проводить только «мужицкіе идеалы», сторонясь всякаго общенія съ интеллигенціей страны, что онъ ясно показалъ уже на выборахъ. Не рукоплескать, а надо посыпать главы пепломъ въ виду того, что черезчуръ много мужика идетъ въ думу, гдѣ онъ—врагъ всякой культуры—будетъ руководить нашими судьбами... И не знаю, найдется ли такая сила, которая можетъ помѣшать ему тамъ окончательно раскрыть свои карты и еще разъ «удивить Европу»... Сомнительно, чтобы даже гг. «кадеты» одолѣли мужика...

Утверждать все это приходится на основаніи не однихъ данныхъ нашего уѣзда, но и отовсюду идущихъ извѣстій о выборахъ. Какъ у насъ, такъ и вездѣ, за крайне рѣдкими исключеніями, мужикъ рѣшительно провалился на своемъ первомъ экзаменѣ «политической зрѣлости». Только иронически можно говорить о «сознательномъ отношеніи» мужика къ выборамъ, о его «оппозиціонномъ настроеніи», о «широкомъ размахѣ его общественной мысли» и т. п. благоглупостяхъ. Единственно серьезное, что внесъ сейчасъ мужикъ въ нашу жизнь—это тѣ трагикомическіе матеріалы для литературы, которыми она долго еще будетъ пользоваться...

Н. Н. Оглоблинъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ [1].

(Изъ записокъ судьи).

II.

Монастырка.

Въ Богородичномъ женскомъ монастырѣ съ ранняго утра большое волненіе: сегодня хоронятъ мать-казначею Аполлинарію, монатейную монахиню, древнюю и всѣми уважаемую старицу.

Давно, очень давно, еще совсѣмъ молодою дѣвицею, изъ крестьянокъ села Комлева, мать Аполлинарія поступила въ монастырь и такъ въ немъ усердно служила Богу и святой обители, что достигла по праву и заслугамъ высокаго званія казначеи.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, когда мать Аполлинарія стала уже казначеей и поселилась въ свѣтлой, обширной и уютной кельѣ, и не было у нея недостатка въ скромныхъ и смиренныхъ, готовыхъ повиноваться, послушницахъ, мать Аполлинарія взяла на воспитаніе одинокую сиротку, дальнюю свою родственницу, четырехлѣтнюю крошку, Вѣрочку. Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣрочка поселилась въ обители подъ крыломъ у матушки Аполлинаріи, свѣтлая келья ма

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CIV, стр. 778.

тери-казначеи наполнилась дѣтскимъ смѣхомъ, весельемъ и радостью. Вѣрочка оказалась славнымъ, здоровымъ и ласковымъ ребенкомъ. Прошло года два, и монахини Богородичнаго монастыря умилялись, видя наканунѣ большихъ праздниковъ у всенощной чудную маленькую дѣвочку съ бойкими карими глазками, въ черномъ подрясникѣ и куколѣ, выходящей на середину церкви со свѣчей въ предшествіи діакона, несущаго Евангеліе. Дивились потомъ и міряне-простецы, видя, какъ семи-восьмилѣтняя монашенка тоненькимъ голоскомъ читала часы и шестопсалміе, предварительно низко, по-монашески, отвѣсивъ уставные поклоны матушкѣ-игуменьѣ и сестрамъ. Вѣрочка росла, училась въ монастырской школѣ, шила золотомъ и бисеромъ, пѣла высокимъ груднымъ альтомъ на клиросѣ, и радостно, безмятежно текла ея жизнь, согрѣтая лаской и любовью матери-казначеи. Казалось, ничто не могло нарушить этотъ покой. Вѣрочка такъ сжилась съ монастыремъ, его стѣнами и лѣсными угодьями, куда обыкновенно около Петрова дня ѣздила она на нѣсколько дней на покосъ вмѣстѣ съ матерью Аполлинаріей, и гдѣ такъ радостно и почтительно старшія сестры привѣтствовали важную казначею; монастырь такъ привыкъ къ Вѣрочкѣ, что, казалось, Вѣрочка рождена для этого, именно этого Богородичнаго монастыря и навсегда останется въ немъ христовой невѣстой. И вдругъ нежданно, негаданно мать казначея преставилась, и сегодня ее торжественно и печально хоронятъ.

Прошло нѣсколько времени. Вѣрочка хоть и не могла примириться съ тяжелой для нея утратой, но общая любовь сестеръ и теплое участіе самой матушки-игуменьи, помышлявшей о будущемъ для Вѣрочки рясофорѣ,—смягчили Вѣрочкѣ ея горе.

Какъ-то разъ, въ лѣтній воскресный день, къ обѣднѣ въ монастырь явилась чисто одѣтая, съ добрымъ, на первый взглядъ, лицомъ, но съ хитрыми и лукавыми глазами степенная женщина, по виду не то келейница, не то мѣщанка. Женщина эта послѣ обѣдни подошла къ Вѣрочкѣ, обняла ее, немного всплакнула и, найдя въ ней большое сходство со своею покойной двоюродной сестрой—матерью Вѣрочки, объявила, что она приходится Вѣрочкѣ двоюродной теткой, живетъ одиноко въ келейкѣ въ Комлевѣ, и что теперь по крови она—единственный родной для Вѣрочки человѣкъ во всемъ мірѣ.

Новая тетка зачастила въ монастырь и подолгу оставалась тамъ бесѣдовать съ Вѣрочкой, вспоминала ея родителей, благодѣтельницу мать Аполлинарію и оплакивала ихъ. Тетка не утерпѣла похвалить и Вѣрочку, ея красоту и рукодѣлье и разсказать о томъ, ь весело и привольно живется молодежи въ Комлевѣ—Вѣроч- ой родинѣ, какъ въ теплыя лѣтнія ночи, послѣ трудового іного дня, собирается эта молодежь въ хороводы, поетъ пѣсни, четъ, и если бы тамъ была Вѣрочка, была бы она лучше всѣхъ, ie всѣхъ!

Задумывалась Вѣрочка, и все чаще и чаще въ мечтахъ уносилась въ Комлево, въ келейку тетки, въ веселые хороводы...

Въ одинъ прекрасный день Богородиченъ монастырь былъ повергнутъ въ изумленіе.

Вѣрочка, это дитя монастыря, эта казавшаяся его неотъемлемая собственность, покидаетъ вскормившую ее обитель и уходитъ въ міръ, въ Комлево, къ теткѣ.

Долго, то гнѣвно, то ласково, то властно, то съ материнской любовью уговаривала мать-игуменья Вѣрочку отказаться отъ своего грѣховнаго намѣренія, навѣяннаго «діаволомъ и аггелы его», много и искренно плакала Вѣрочка, но... монастырь покинула.

Тетка не ошиблась: шестнадцатилѣтняя Вѣрочка, нѣжная, стыдливая, съ скромными монашескими манерами, съ ручками, привыкшими только къ чистой, изящной работѣ, съ звонкимъ голосомъ, изощреннымъ въ пѣніи духовныхъ пѣсенъ и псалмовъ, начитанная житіями святыхъ, рѣзко выдѣлялась изъ всѣхъ своихъ сверстницъ въ Комлевѣ, грубыхъ, выросшихъ въ деревнѣ, мужичекъ. И если за Вѣрочкой не числилось ни гроша приданаго, то она была богата внутреннею красотою и неизъяснимою дѣвической прелестью монастырки.

Не трудно угадать, что Вѣрочка скоро не только въ Комлевѣ, но и въ округѣ его стала первой, и недостатка въ молодцахъ, которые любовно и искательно заглядывали ей въ глаза, не смѣя оказать свои грубыя, деревенскія ласки,—не было.

Но не для нихъ готовила хитрая тетка, смиренная келейница, свою красавицу; не для того она тратилась, ѣздя изъ Комлева въ монастырь и сманивая названную племянницу къ себѣ въ Комлево. Знала старая, что давно уже Водолагинъ, богатей комлевскій, имѣющій тамъ и домъ, и торговлю, и два кабака, ищетъ для своего единственнаго молодого сына хорошую жену. Не надо ему денегъ, не надо приданаго, а надо такую сноху, чтобы ни у кого въ Комлевѣ подобной не было, а была бы только у него, у Водолагина. Много бы красавицъ деревенскихъ, да и городскихъ, пожалуй, съ радостью назвались Водолагинской снохой, если бы.. если бы не сынъ Водолагина, самъ молодой женихъ.

Ужъ очень простъ, и не толко простъ, а и прямо какой-то блаженненькій. Блѣдный, хилый, худосочный, говоритъ заикаясь, поминутно судорога дергаетъ его лицо и тѣло, и все онъ смѣется, все смѣется, невидимо съ кѣмъ разговаривая. Но тихъ и покоренъ былъ Васенька Водолагинъ, такъ звали молодого, и никто никогда не видѣлъ отъ него никакой обиды.

Въ дѣтствѣ много хлопотъ было съ нимъ родителямъ. Возили его по монастырямъ къ чудотворнымъ образамъ и мощамъ св. угодниковъ, звали знахарей, приглашали, случалось, и докторовъ но ничто не помогало: Васенька росъ и выросъ идіотомъ.

Вотъ за этого-то Васеньку и задумала тетка выдать свою Вѣрочку, взявъ предварительно со стороны Водолагина богатый выкупъ.

Уговорить Вѣрочку, почти еще монашенку, выйти замужъ въ богатый, степенный и опрятный домъ Водолагина, гдѣ все такъ уютно и чисто, точно въ кельѣ матушки Аполлинаріи, а то еще и лучше, и гдѣ все такъ не похоже на грязныя, тѣсныя избы другихъ обывателей Комлева,—не представляло большого труда.

Правда, Вѣрочка совсѣмъ не хотѣла выходить замужъ, желая еще по монастырской закваскѣ послужить дѣвицею Богу, но то обстоятельство, на которое особенно указывала тетка, что нареченный супругъ ея — блаженненькій, и что, выйдя за него замужъ, придется за нимъ ухаживать, трудиться, — все равно, что Богу служить,—рѣшило ея сомнѣнія, и свадьба была сыграна.

Немало молодцовъ закручинилось, узнавъ объ этой свадьбѣ, и немного радости было на ней, хотя свадьбу Водолагинъ устроилъ богатую: только самъ Водолагинъ да тетка Вѣрочкина искренно на свадьбѣ были веселы и довольны. Васенька къ своей судьбѣ отнесся совершенно равнодушно и только тихо посмѣивался, поглядывая на свои новые лаковые сапоги съ высокими голенищами да на новый, никогда раньше имъ не надѣванный, длинный сюртукъ.

Вѣрочка вошла въ домъ желанной дочкой. Водолагины въ Вѣрочкѣ души не чаяли, и жить бы ей, да радоваться, да кататься, казалось бы, какъ сыру въ маслѣ...

Однако съ теченіемъ времени, мало-по-малу стали замѣчать, что Вѣрочка начала грустить, о чемъ-то задумываться. Все чаще и чаще видѣли Вѣрочку у заутрени и ранней обѣдни въ сельской церкви, гдѣ по цѣлымъ службамъ она простаивала на колѣняхъ и подчасъ тихо, безутѣшно о чемъ-то плакала.

Прошла зима, а лѣтомъ Вѣрочку почти уже и узнать нельзя было: она вся какъ-то похудѣла, осунулась, точно высохла, и въ карихъ глазкахъ ея, которые прежде обдавали васъ радостью, засвѣтилась какая-то воспаленная истома, точно въ нихъ горѣлъ неугасимый огонь, и былъ этотъ взглядъ ея и жалокъ, и притягателенъ, и нечистъ.

Все мрачнѣе и мрачнѣе стали переглядываться между собой старики Водолагины, посматривая на Вѣрочку, еще бо́льшей заботой и лаской они окружали ее, только мужъ ея Васенька попрежнему тихо посмѣивался и разговаривалъ самъ съ собой...

Въ Успеньевъ день, въ престольный праздникъ Богородичнаго [illegible]настыря, Вѣрочка собралась въ родной монастырь, въ первый [illegible]зъ съ тѣхъ поръ, какъ ушла оттуда.

Наканунѣ, съ вечера, на парѣ своихъ сытыхъ лошадокъ, въ [illegible]онькомъ и удобномъ тарантасѣ, купленномъ Водолагинымъ у

разорившагося комлевскаго помѣщика, поѣхала Вѣрочка изъ Комлева въ монастырь.

Цѣлую ночь ѣхала Вѣрочка и не могла сомкнуть глазъ. Чѣмъ ближе былъ монастырь, тѣмъ сильнѣе горѣла Вѣрочка нетерпѣніемъ увидѣть его поскорѣе, его стѣны, золоченыя главы на соборномъ храмѣ, синіе купола съ золотыми на нихъ звѣздами на кладбищенской церкви, подъ которой покоится вѣчнымъ сномъ мать Аполлинарія, сестеръ и саму матушку-игуменью. Давно уже загорѣлся востокъ, проѣхали и монастырскій лѣсъ, куда, еще дѣвочкой, на покосъ ѣздила съ матерью казначеей Вѣрочка, переѣхали на паромѣ и большую рѣку, рыбой изъ которой кормился монастырь, и вотъ вдали, когда поднялись на изволокъ, блеснули Вѣрочкѣ знакомые золотые кресты и главы, и донесся первый ударъ торжественнаго благовѣста къ поздней обѣднѣ. «Это мать Иринея благовѣститъ», подумала Вѣрочка, и вспомнила она высокую, худую монахиню, съ больными, почти слѣпыми глазами. Съ тѣхъ поръ какъ у Иринеи заболѣли глаза, ее освободили отъ работъ и пріуказали быть на колокольнѣ...

Съ какимъ трепетомъ и страхомъ, помнится Вѣрочкѣ, она смотрѣла на Иринею, когда та, хотя и ощупью, но твердой и увѣренной походкой раннимъ, зимнимъ утромъ, когда еще бывало темно, поднималась по крутой лѣстницѣ на колокольню и скрывалась въ пугающей Вѣрочку темнотѣ. Помнитъ Вѣрочка, какъ ее и другихъ молодыхъ послушницъ учила звонить мать Иринея, когда онѣ на Пасху забирались всѣ гурьбою на монастырскую колокольню; помнитъ, какъ никому изъ нихъ не удавалось звонить красно и согласно, и какъ мать Иринея привычной рукой бралась за веревки, становилась одной ногой на одну доску, другой—на другую, и какъ торжественный, веселый, чисто пасхальный звонъ оглашалъ колокольню; какъ звучно и мѣрно охалъ большой колоколъ, и какъ, точно свѣтлыя, легкія и радостныя пушинки, носились въ воздухѣ звуки маленькихъ, подобранныхъ по камертону, колоколовъ.

Вспомнилось все это Вѣрочкѣ, и вспомнилась минувшая зима, теперешняя жизнь, ненавистное Комлево и жалкій, хилый идіотъ-мужъ.

Подъ эти невеселыя мысли подъѣхала Вѣрочка къ монастырской гостиницѣ. Какъ странно! Вѣрочка—и вдругъ въѣзжаетъ не въ самый монастырь, не въ его ограду, а подъѣзжаетъ къ гостиницѣ, туда, гдѣ обыкновенно останавливаются «міряне», гдѣ другой, такъ долго остававшійся для нея чуждымъ, міръ, не монастырскій. Вѣрочка вышла. Съ радостью бросилась было о[illegible] къ матери-гостиничей, но та сухо, низко, по-монашески, покл[illegible]нилась ей и, пропѣвъ: «спасетъ васъ Христосъ», указала на п[illegible]стой номеръ.

Быстро переодѣвшись и умывшись, Вѣрочка пошла въ церковь. Кругомъ все такъ знакомо; всѣ лица—лица близкія; и чудится Вѣрочкѣ, что никогда и никуда изъ монастыря она не уѣзжала, что вотъ сейчасъ, помолившись передъ мѣстными иконами и отвѣсивъ поясной поклонъ матери игуменьѣ, она пройдетъ на клиросъ, чтобы пѣть своимъ груднымъ звонкимъ голоскомъ, и съ привѣтной улыбкою встрѣтятъ ея приходъ на клиросѣ...

Но что это? Всѣ монахини, къ кому только она ни подойдетъ, къ кому ни обратится съ радостной улыбкой привѣтствія, строго и молча отвѣчаютъ ей положеннымъ поклономъ, какъ будто совсѣмъ чужому имъ и постороннему человѣку! Всю обѣдню не по себѣ чувствовала себя Вѣрочка и не могла молиться: слова молитвы не шли на умъ, и сердце ея какъ будто окаменѣло...

Кончилась обѣдня, прошелъ и торжественный молебенъ. Вѣрочка подошла было къ матери игуменьѣ, но та, важно поздоровавшись съ нею, освѣдомилась о ея теперешней жизни, сказала, что Вѣрочка постарѣла и выглядитъ больной, и... не позвала къ себѣ въ келью... Пошла было Вѣрочка по кельямъ, но нигдѣ не встрѣтила сердечнаго участія и теплой ласки, точно ея чуждались; только нѣкоторыя монахини помоложе и попроще да бѣлицы справлялись съ видимымъ любопытствомъ о томъ, какъ живется Вѣрочкѣ, какой у нея мужъ, любитъ ли ее, много ли у нея денегъ, и часто ли веселится она. Хвалили Вѣрочкинъ нарядъ, и съ завистью нѣкоторыя пробовали добротность его матеріи...

Грустно и сиротливо стало Вѣрочкѣ, и она поспѣшила выйти изъ келій.

Какая-то неудержимая сила повлекла Вѣрочку туда, гдѣ жила она съ матерью казначеей, но кельи этой она не нашла: ее сломали весной, такъ какъ на томъ мѣстѣ предполагалось строить новую иконописную мастерскую. Были тамъ сложены пока кирпичи, известка, а кленовыя деревца, что̀ росли передъ кельей, тѣнь которыхъ когда-то такъ любила мать Аполлинарія, и гдѣ Вѣрочка маленькой дѣвочкой играла въ песочекъ,—вырубили.

Вѣрочка прошла на монастырское кладбище. Полуденный жаръ спалъ, и солнце уже начало бросать на землю свои косые, вечерніе лучи, золотя листья липъ и кленовъ, росшихъ правильными, сѣянными рядами на кладбищѣ. Вѣрочка подошла къ могилѣ своей второй матери — матери Аполлинаріи, и, ставъ на колѣни, начала молиться. Сначала молитва не шла; другія суетныя и горькія мысли приходили въ голову, но мало-по-малу Вѣрочка [illegible]юкоилась, и слезы обильнымъ, живительнымъ дождемъ оросили [illegible]ную могилу. И припала Вѣрочка къ могилѣ, и звала она ма[illegible]ку Аполлинарію, жаловалась ей на свою горькую жизнь, на [illegible]ю загубленную молодость, на свои цвѣтущія и гибнущія силы...

Разсказала она матушкѣ и о той предупредительности и ласкѣ, которыя ее окружаютъ въ новой семьѣ, и которыя ея не грѣютъ, и о томъ богатствѣ, въ которомъ живетъ она, и которое ея не тѣшитъ, и о своемъ блаженненькомъ, вѣчно смѣющемся мужѣ, выходя за котораго, думала она совершить подвигъ, угодный Богу.

И тутъ, у могилы, впервые поняла Вѣрочка отчетливо и ясно свое безысходное положеніе; поняла, что она совершенно одинока въ цѣломъ мірѣ, что вскормившій и воспитавшій ее монастырь отвернулся отъ нея, какъ отъ неблагодарной измѣнницы, что деревня, бывшая всегда ей чужою, стала еще дальше, какъ отъ неровни и богачихи, и поняла она, что не можетъ быть никогда уже и христовой невѣстой, потому что нарушился и смутился ея душевный миръ, не стала она и мужнею женой, и не видать ей радостей и утѣхъ семейной, здоровой жизни... Долго, долго проплакала Вѣрочка на могилѣ и, когда смерклось, тихонько поднялась и прошла къ гостиницѣ. Отыскала тамъ уснувшаго работника и велѣла закладывать лошадей. На другой день Вѣрочка уже была въ Комлевѣ.

Послѣ посѣщенія могилы матери Аполлинаріи Вѣрочка нѣсколько успокоилась, пришла къ сознанію, что такъ жить нельзя; что мужъ ея молодъ, надо думать—проживетъ долго, а желать его смерти—большой грѣхъ, и что лучше всего умереть ей, Вѣрочкѣ, самой, испросивъ прощенія Всевышняго за нарушеніе ею почти даннаго уже монашескаго обѣта.

Мысль эта не покидала Вѣрочки и радостна была для нея. Вспоминала Вѣрочка житія первыхъ христіанокъ, святыхъ мученицъ и преподобныхъ, и смерть не казалась ей страшна.

И вотъ какъ будто бы молитвы ея были услышаны. Однажды, въ февралѣ, Вѣрочка отправилась по обѣщанію пѣшкомъ, въ сосѣднее село, за 7 верстъ, куда приносили чудотворную икону, а послѣ обѣдни пошла домой, въ Комлево. Дорога пролегала полемъ. Наканунѣ была мятель, и вѣшки, указывавшія дорогу, гдѣ упали, а гдѣ занесло ихъ снѣгомъ. Вѣрочка сбилась съ пути... Къ вечеру замелькали въ воздухѣ снѣжинки, подулъ вѣтеръ и поднялась мятель. Мало-по-малу Вѣрочка совсѣмъ потеряла дорогу, а наступившій вечеръ и затѣмъ ночь объяли ее мракомъ. Напрасно изъ Комлева Водолагинъ высылалъ на трехъ лошадяхъ въ разнопряжку своихъ работниковъ и самъ выѣзжалъ: Вѣрочки они не нашли нигдѣ. А тѣмъ временемъ она, усталая, выбилась изъ силъ и, присѣвъ на кучѣ наметеннаго снѣга, начала засыпать. И сладки были ея видѣнія! Видѣла она въ нихъ себя маленькой дѣвочкой въ какомъ-то тепломъ, цвѣтущемъ саду а въ саду томъ по дорожкѣ, усыпанной яркимъ желтымъ пе скомъ, точь въ точь такимъ, что съ рѣки привозили играть е подъ клены по приказанію матери Аполлинаріи, — шла сама мат

Аполлинарія, и вокругъ головы ея былъ вѣнчикъ изъ фольги, такой, какой когда-то она, Вѣрочка, дѣлала къ иконѣ Божіей Матери, подносимой монастыремъ самому владыкѣ, при его посѣщеніи монастыря. И шла Аполлинарія, улыбаясь и протягивая ей руки, и говорила: «Въ домѣ Отца Моего обители многи суть, приди въ нихъ, отроковица Вѣра!» И хотѣла было броситься къ ней Вѣрочка и пыталась было подняться, но не могла: точно сила какая сковала ея члены, и со стономъ повалилась она и потеряла сознаніе...

«Эхъ же, братцы мои, и мятель!»—раздалось гдѣ-то поблизости готовящейся уснуть непробуднымъ сномъ Вѣрочки, и передняя лошадь длиннаго обоза, сбившагося съ дороги, фыркая, остановилась около сугроба наметеннаго снѣга.

«Да тутъ чьи-то ноги», проговорилъ передній возчикъ и, разрывъ сугробъ, откопалъ тамъ почти замерзшую Вѣрочку. Возчики подобрали ее, укутали тулупами и дерюгой и привезли въ Комлево. Чуть ли не цѣлыя сутки провелъ около Вѣрочки фельдшеръ, приводя ее въ сознаніе и возвращая къ жизни; молодой организмъ одержалъ побѣду надъ смертью: Вѣрочка ожила.

Но не радостно для Вѣрочки было ея пробужденіе: она искала смерти, видѣла ее, слышала призывъ матери Аполлинаріи въ обители райскія, и.., снова ненавистное Комлево, идіотъ-мужъ и долгіе, безрадостные годы впереди! «Недостойна, видно, я, окаянная грѣшница,—думала Вѣрочка, — и на судѣ передъ Господомъ предстать, потому и нѣтъ мнѣ смерти!» А грѣхъ ея, страшный, неумолимый грѣхъ, который мучитъ и гложетъ ее, — это выходъ въ замужество! Въ такой мысли Вѣрочка стала укрѣпляться все болѣе и болѣе. Надо «развѣнчаться», — не разъ приходило ей въ голову,—надо пострадать, чтобы страданіемъ искупить свой грѣхъ... Но какъ «развѣнчаться» и какъ пострадать? Этотъ вопросъ неотступно стоялъ передъ Вѣрочкой во время долгой ея болѣзни, постигшей ее послѣ мятели.

Но болѣзнь прошла.

Жизнь въ окрѣпшемъ молодомъ организмѣ вспыхнула съ новою силою, и къ роковымъ неразрѣшеннымъ вопросамъ о страданіи и искупленіи грѣха примѣшалась жажда этого грѣха, жажда неиспытанной радости, невѣдомыхъ наслажденій!..

Вѣрочка стала мученицей. День она проводила въ своей комнатѣ, на колѣняхъ предъ божницею, въ слезахъ, молитвахъ и мечтахъ о подвигахъ, угодныхъ Богу, а ночью безпокойно металась [illegible] постели, и лукавыя, сонныя видѣнія уносили ее въ иную [illegible]знь, рисовали передъ нею иныя обольстительныя картины: ви[illegible]а Вѣрочка вокругъ себя много свѣта, много смѣха, дѣтскія, [illegible]ыбающіяся ей, головки и страстнаго красавца-мужа около себя!

Точно огнемъ опаленная, вскакивала Вѣрочка съ постели, бросалась на колѣни передъ святыми иконами, раскрывала окно, чтобы освѣжить душную комнату, но молитвы шептали лишь однѣ губы, а въ отворенное окно вливался предательскій опьяняющій весенній воздухъ, напоенный медовымъ ароматомъ цвѣтущихъ яблонь и грушъ, да надъ самымъ окномъ рыдалъ и звенѣлъ соловей!.. А Васенька, блаженный Васенька, спокойно спалъ на своемъ мѣстѣ и тихо улыбался обычной улыбкой идіота.

Послѣ одной такой ночи, когда распустившаяся сирень была особенно душиста, а пѣсни соловья неумолчно, съ рѣдкостною силою оглашали спящій, благоухающій садъ,—съ первымъ свѣтомъ ранней, весенней зари отворилась дверь въ кухню, гдѣ спалъ работникъ Водолагиныхъ, и на порогѣ ея показалась Вѣрочка.

«Словно кто толкнулъ меня, — расказывалъ впослѣдствіи работникъ, — вскочилъ я и вижу молодую хозяйку всю въ бѣломъ съ цвѣтами... Такъ страшно стало, что и глядѣть на нее боюсь, а чего боюсь, и самъ не знаю! Сказала мнѣ хозяйка: позови, говоритъ, скорѣе, Ивана Потапыча, — это, значитъ, урядника нашего, комлевскаго, скрипнула дверью и ушла. Трясусь я весь, точно въ лихорадкѣ, опрометью бѣгу къ Ивану Потапычу, стучусь, зову его, говорю: пожалуйте, молъ, Иванъ Потапычъ, васъ молодая хозяйка кличутъ,—а старые-то наши хозяева на два дня въ городъ за товаромъ уѣхали, — а Иванъ Потапычъ меня спрашиваетъ, зачѣмъ, дескать, зовете безо времени, али дня про васъ мало, что это за такое неотложно-текущее дѣло? Сказываю ему, что хозяйка вся въ бѣломъ да съ цвѣтами, и чего-то дюже боязно, а что случилось, точно и выразить не могу, потому и самъ не знаю. Малость поругался, одначе пошелъ»...

Когда урядникъ съ работникомъ вошли въ комнату, гдѣ спала Вѣрочка съ мужемъ, то изумленіе и ужасъ охватили ихъ: до того необычно было то, что они увидѣли: впереди, въ правомъ углу, у божницы, передъ иконами, которыми благословляли Васеньку и Вѣрочку къ вѣнцу, горѣли двѣ вѣнчальныя свѣчи, и желтый мерцающій свѣтъ ихъ боролся съ пробивающимся сквозь опущенныя занавѣски окна первымъ лучомъ занимающагося дня и освѣщалъ одѣтую въ бѣлое подвѣнечное платье, съ цвѣтами на головѣ, Вѣрочку, неподвижно сидящую около божницы, что-то безформенное и страшное на постели, гдѣ спалъ Васенька,—покрытое сплошь чистой бѣлой простыней, на которой проступали зловѣщія алыя пятна, и окровавленный топоръ на полу у постели.

При появленіи урядника и работника въ комнатѣ, Вѣрочк медленно поднялась имъ навстрѣчу и спокойно, какъ увѣряют урядникъ и работникъ, проговорила: «я развѣнчалась».

Въ тотъ же день, къ вечеру, пріѣхалъ слѣдователь съ врачемъ Въ комнатѣ Вѣрочки они нашли потушенными вѣнчальныя свѣчі

прилѣпленныя къ кіоту, брачную постель, оправленную точно въ день свадьбы, а на постели умытаго и одѣтаго въ чистое бѣлье мертваго Васеньку: на вискѣ его зіяла рана, и кровью пропиталась пуховая подушка...

Былъ нанесенъ одинъ только ударъ, повидимому, неувѣренной и слабой рукой, но найденный на полу у постели топоръ-колунъ былъ тяжелъ и остеръ, какъ бритва.

Совершивъ убійство, Вѣрочка успокоилась и утихла. Она долго находилась на испытаніи въ психіатрической лѣчебницѣ, но врачи признали ее, оказавшуюся вдовою-дѣвственницею, психически здоровой.

На судѣ Вѣрочка держалась спокойно и не сразу, а по частямъ, на отдѣльные предлагаемые ей вопросы, разсказала свою жизнь, мучившія ее мысли и желанія.

Въ послѣднемъ своемъ словѣ Вѣрочка убѣдительно просила присяжныхъ не оправдывать ея, не оставлять въ постыломъ Комлевѣ, а дать ей возможность «пострадать» и начать новую жизнь въ другой странѣ, далекой отъ Комлева и Богородичнаго монастыря.

Присяжные вняли Вѣрочкинымъ мольбамъ и, признавъ ее виновной въ убійствѣ мужа въ запальчивости, оказали ей снисхожденіе, а окружный судъ приговорилъ ее къ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири на поселеніе.

Приговоръ этотъ вступилъ въ законную силу и былъ приведенъ въ исполненіе.

С. П. Рудневъ.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛЪ.

Повѣсть изъ «смутныхъ дней».

> «На русской сторонѣ была тишина великая, только отъ множества огней какъ будто заря занималась»...
>
> (Изъ сказанія о Куликовской битвѣ).

I.

Петербургскій сановникъ, Алексѣй Петровичъ Могикановъ, собирался въ поѣздку по Россіи. Это было въ разгаръ смутъ въ провинціи, въ періодъ сомнѣній и колебаній въ Петербургѣ. Могиканову говорили въ высшихъ сферахъ:

— Нашу бюрократію упрекаютъ въ томъ, что она слишкомъ далеко стоитъ отъ народной жизни, отъ Россіи. Но въ настоящее время это едва ли справедливо. Мы идемъ на встрѣчу запросамъ страны, желаніямъ народа, хотимъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ и внести успокоеніе. Графъ Витте одушевленъ либеральнѣйшими намѣреніями. У правительства цѣлая программа... Вотъ вамъ, напримѣръ, автономія университетовъ, она уже вошла въ жизнь, затѣмъ свобода печати, партій, собраній, союзовъ... Повсюду въ Россіи происходятъ митинги, зародилась политическая жизнь... Какой расцвѣтъ страны! А въ перспективѣ парламентъ, государственная дума, уничтоженіе сосло-

вій... безразличіе національностей. Мы воскресимъ евреевъ — эту загнанную теперь передовую націю, дадимъ ей всѣ права. Графъ Витте—энергичный защитникъ и покровитель еврейства, но ему неудобно такъ сразу обнаружить свои симпатіи къ нимъ... Онъ все сдѣлаетъ осторожно... Что можетъ быть либеральнѣе его мѣропріятій? Правительство идетъ на встрѣчу свободнымъ запросамъ страны, и мы ждемъ полнаго ея успокоенія... Но странная вещь: смута не затихаетъ. Напротивъ, положеніе съ каждымъ днемъ ухудшается... Мы недоумѣваемъ: почему же это? Вотъ вы поѣдете по Россіи. Всмотритесь въ жизнь страны, во всѣ господствующія теченія... Въ чемъ дѣло? Отчего не затихаетъ смута? Мы увѣрены, что при вашей опытности вы привезете цѣнныя указанія и матеріалы, которые прольютъ свѣтъ на многіе вопросы. Вашъ будущій докладъ послужитъ намъ руководствомъ. Съ своей стороны, разъясните на мѣстѣ, что надо, способствуйте довѣрію къ намъ, это важно...

Алексѣй Петровичъ, находясь въ Петербургѣ, наблюдалъ передъ этимъ странныя вещи: кругомъ его много говорили о событіяхъ, о жизни страны, о народныхъ требованіяхъ, иные говорили отъ имени народа, но всѣ эти рѣчи были какія-то приподнятыя, какъ будто неестественныя, и ему чувствовалось, что въ дѣйствительности никто, вѣроятно, не знаетъ, и никто не угадываетъ желаній народа. Внутри страны было скверно; смута съ возрастающей силой охватывала города и деревни, неслась изъ губерніи въ губернію, и вся Россія стонала подъ натискомъ революціи.

— Довольно стараго режима и произвола бюрократіи, нужно обновленіе русской жизни, нуженъ подъемъ общественныхъ силъ... народная свобода, свобода мысли, печати, союзовъ, собраній!..

Такъ кричали въ Петербургѣ, и всего больше поражало и озадачивало Алексѣя Петровича, что это говорили сами петербургскіе бюрократы, чиновники разныхъ ранговъ и даже просидѣвшія нѣсколько поколѣній канцелярскихъ стульевъ либеральныя ихъ превосходительства. Алексѣй Петровичъ былъ человѣкъ прямой и искренній, и онъ изумлялся, какъ это люди въ чиновничьихъ мундирахъ, состоящіе на казенномъ иждивеніи, являются противниками бюрократіи, т.-е своего собственнаго дѣла, своей собственной миссіи.

При немъ происходили въ Петербургѣ печальныя событія. Онъ въ свое время видѣлъ на Невскомъ шествія революціонной толпы и буйство разнузданной черни. Онъ помнилъ ужасный день 9 января, когда революціонная толпа шла къ Зимнему дворцу, и онъ [хо]рошо зналъ, какъ и всѣ въ Петербургѣ, какъ и кѣмъ было организовано это шествіе. Онъ зналъ о двойственной политикѣ нѣкото[ры]хъ сановниковъ, зналъ о циркулирующихъ въ подпольныхъ [сф]ерахъ таинственныхъ капиталахъ, отпущенныхъ якобы на по-

мощь рабочимъ, но въ сущности, какъ ему казалось, на разжиганіе русской революціи. Премьеръ-министръ все бесѣдовалъ съ какими-то новыми, доселѣ неизвѣстными людьми, наѣзжавшими со всѣхъ сторонъ, и съ отмѣнной любезностью выслушивалъ еврейскихъ адвокатовъ—пророковъ и философовъ революціи. Онъ успокоивалъ страну...

— Народъ домогается, народъ требуетъ,—говорили въ это время кругомъ, и хотя, кромѣ гапоновской толпы, никто изнутри Россіи ничего не говорилъ опредѣленно, но на голову растерявшагося мирнаго населенія сыпались одна за другой свободы, свободы, свободы, развязывавшія руки революціонерамъ. Изъ внутренней Россіи неслись стоны и вопли населенія, очутившагося въ рукахъ мятежниковъ, а въ Петербургѣ продолжалась политика послабленій и уступокъ, и сановникъ, игравшій на стрункѣ требованій рабочихъ-революціонеровъ и представителей крайнихъ партій, игнорировалъ мнѣнія русскихъ людей. Онъ «зналъ, однако, какъ спасти Россію».

Только послѣ долгихъ жертвъ, послѣ ужасныхъ потрясеній всѣ раскусили этого сановника, но было уже поздно...

— Вотъ извольте разбираться во всемъ этомъ хаосѣ,—подумалъ Алексѣй Петровичъ.—Поѣду!—рѣшилъ онъ:—время не терпитъ. Я, можетъ быть, привезу полезныя имъ вѣсти.

И онъ выѣхалъ въ путь.

Первую назидательную встрѣчу Алексѣй Петровичъ имѣлъ на небольшой станціи желѣзной дороги. Онъ видѣлъ странную вещь: крестьяне покупали газеты, и какой-то грамотей въ сосѣдней комнатѣ читалъ имъ газеты въ слухъ. Сидѣвшій въ группѣ пассажировъ купецъ тоже читалъ газету и кряхтѣлъ. Потомъ онъ сердито скомкалъ газету и бросилъ ее на полъ.

— Богъ знаетъ, что пишутъ.., Русскому человѣку по нынѣшнимъ временамъ и развернуть газеты невозможно: убійства, грабежи... противно читать. И во всѣхъ этихъ листахъ самая подлая жидовская революція. Какіе-то экивоки, призывы къ бунту, а бунта и такъ довольно.

— Свобода печати,—пытался вставить свое слово сидѣвшій рядомъ черный господинъ въ желѣзнодорожной шапкѣ.

— Какая это свобода! Это гадость. Кому нужна эта позорная свобода? Одинъ разбой. Подобныя газеты только разжигаютъ смуту. Вотъ я выѣхалъ изъ дома на два дня, а душа не на мѣстѣ: что дѣлается въ родномъ городѣ? За одинъ день теперь поручиться нельзя.

— Газеты служатъ народной свободѣ,— продолжалъ желѣзнодорожникъ.

— Постыдились бы вы говорить такія глупости,—сердито замѣтилъ купецъ.—Эти газеты разносятъ зло во всѣ углы Россіи. Ругаютъ поголовно правительство и восхваляютъ какихъ-то выскс

чекъ и жидовъ, которые засѣдаютъ на съѣздахъ. Мы даже не знаемъ, кто они такіе и откуда взялись. Смотрите, мужики читаютъ газеты. А что они тамъ прочтутъ: призывъ къ возстанію... Много пользы!

— Нужно же просвѣщать народъ,— запальчиво воскликнулъ желѣзнодорожникъ.

— А посмотрѣли бы вы,—отвѣчалъ купецъ,— что народъ думаетъ обо всемъ этомъ. Онъ говоритъ, что Петербургъ продался жидамъ, что жиды теперь пишутъ законы и хотятъ командовать страной.

— Народъ еще теменъ,—односложно буркнулъ незнакомецъ.

— А вы, передовики, очень свѣтлы,— сердито сказалъ купецъ и продолжалъ какъ бы про себя:—и откуда такая гадость завелась въ Россіи?!...

— Какъ вы сказали?—грозно спросилъ желѣзнодорожникъ.

— Мы—сѣрые люди, трудовые, мы сами изъ народа. А вотъ откуда васъ, дьяволовъ, принесло въ Россію на ея погибель!—сердито сказалъ купецъ.

Желѣзнодорожникъ всталъ, сверкнулъ глазами и хотѣлъ подойти купцу, но послѣдній остановился въ спокойной позѣ и смотрѣлъ на него, какъ бы говоря: подходи, подходи...

Въ это время на станціи раздался звонокъ, началась суета, и враждовавшіе пассажиры уже не обращали на себя ничьего вниманія.

II.

Алексѣй Петровичъ пріѣхалъ въ крупный университетскій городъ, одинъ изъ главныхъ центровъ политическаго броженія. По внѣшнему виду въ городѣ было тихо, но университетъ, какъ водится, бездѣйствовалъ. Алексѣй Петровичъ навѣстилъ жившаго въ этомъ городѣ своего стараго пріятеля Гроздева, одного изъ видныхъ мѣстныхъ дѣятелей, гласнаго думы и домовладѣльца.

— Доставили вы намъ хлопотъ,—сказалъ ему Гроздевъ.—Что тутъ творилось—не дай Богъ: митинги, революція, чортъ въ ступѣ... Оно, конечно, прекрасная либеральная вещь—автономія университетовъ. У насъ всѣ губернскіе крикуны были въ восторгѣ отъ этого. Но въ идеѣ—видно одно, а на практикѣ другое. Неужели ваши петербургскіе умники не разглядѣли, что дастъ на практикѣ эта автономія?

— Эта мѣра должна была успокоить учащуюся молодежь,—замѣтилъ Алексѣй Петровичъ:—мы шли на встрѣчу желаніямъ молодежи.

— Какъ ты сказалъ,—замѣтилъ Гроздевъ:—успокоить... ха, ха, . и Гроздевъ неудержимо расхохотался. Вотъ такъ политики, ъ такъ министры!—замѣтилъ онъ сквозь смѣхъ... Впрочемъ,

вѣроятно, ты иронизируешь,—добавилъ Гроздевъ,—мы всѣ недоумѣвали. Кому же неизвѣстно, что университеты давно служатъ главнымъ гнѣздомъ политической пропаганды? Наука тамъ жмется по угламъ, на задворкахъ, юношей, отдающихся наукѣ, считаютъ идіотами; тамъ теперь формируются кадры революціонеровъ. Прежній режимъ не благопріятствовалъ этому; прежніе политическіе отсталые ректоры стѣсняли политическую пропаганду, ей не было простора, да и наукамъ заставляли учиться юношей. Разумѣется, революціонная молодежь, либеральные профессоры только и хлопотали объ устраненіи преградъ, объ университетской автономіи. И вотъ вы все имъ дали. Выборные ректоры, красные профессоры будутъ теперь готовить на казенный счетъ соціалистовъ. Теперь насталъ золотой вѣкъ для революціи, всю Россію подымемъ, недаромъ студенты ходятъ по деревнямъ... Скажи мнѣ по дружбѣ, Алексѣй Петровичъ,—продолжалъ дружески Гроздевъ:—неужто же въ вашемъ Петербургѣ искренно не понимали, куда приведетъ автономія университетовъ?

Алексѣй Петровичъ на минуту смутился.

— Въ ней видѣли грядущій расцвѣтъ академической жизни,— робко замѣтилъ онъ.

— Расцвѣтъ, ты говоришь, расцвѣтъ!—и Гроздевъ вновь расхохотался. Затѣмъ съ таинственнымъ видомъ онъ обратился къ Алексѣю Петровичу и спросилъ:

— Скажи мнѣ, пожалуйста: это революціонеры внушили вамъ эту реформу?

Алексѣй Петровичъ отрицательно покачалъ головой.

— Да какъ же иначе?.. Здѣсь говорили, Богъ вѣсть что... что на революціи и стачки казною отпускаются деньги. У насъ агитировали даже казенные чиновники. Неужели вашъ Петербургъ не раскусилъ хорошенько, что онъ раздуваетъ революцію?

Алексѣй Петровичъ былъ смущенъ.

— Ты представь себѣ,—продолжалъ Гроздевъ:—съ этой автономіей университеты перевернулись вверхъ дномъ. Профессорамъ консервативнаго образа мыслей не стало житья. Студенты устраивали имъ всякіе скандалы. Въ то же время еврейскою и частью русской молодежью изъ неособенно умныхъ устраивались оваціи «передовымъ профессорамъ» изъ красныхъ—предводителямъ освободительнаго движенія. Науки и лекціи, конечно, были заброшены, т.-е. лекціи-то, пожалуй, читались, только не научныя, а все больше насчетъ революціоннаго возстанія и боевого отпора старому режиму и бюрократизму... Можешь ты себѣ представить, какая свистопляска началась въ священныхъ ареопагахъ науки? Какой нибудь почтенный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, получающій приличное казенное содержаніе, декламируетъ на митингахъ походъ противъ «ненавистнаго режима» и гре-

митъ призывомъ къ вооруженному возстанію. Вотъ до какихъ дней мы, батюшка, дожили!.. Бывали времена и хуже, но не было подлѣй.

Алексѣй Петровичъ слушалъ разсказъ стараго пріятеля и по аналогіи вещей вспоминалъ только-что видѣнныхъ имъ въ Петербургѣ бюрократовъ либеральнаго лагеря: вицмундирные либералы тоже устраивали своеобразные митинги въ стѣнахъ канцелярій и канцелярскими перьями строчили статьи въ наирадикальнѣйшія газеты, въ которыхъ провозглашали: долой бюрократію!

— О бюрократія!—подумалъ онъ...—какъ ты еще много терпѣлива и великодушна къ своимъ недостойнымъ сынамъ!

— Ну, хорошо...—сказалъ Алексѣй Петровичъ Гроздеву, чтобы перемѣнить разговоръ...—А какъ вообще теперь у васъ?.. Ты живешь въ такомъ центрѣ: вашъ городъ не только университетскій, но и торговый, промышленный.

— Эхъ, голубчикъ,—отвѣтилъ Гроздевъ,—какая теперь жизнь!.. Рабочія волненія, забастовки... Чортъ знаетъ, что такое!... Работать невозможно, всѣ это скажутъ. День прошелъ, и слава Богу, не знаешь, что будетъ завтра. Промышленность остановилась, все съежилось въ неувѣренности за будущее. Никто не вкладываетъ денегъ въ наши предпріятія, да и нельзя добыть денегъ. Бумаги упали, фондовъ реализировать нельзя... Масса людей разоряются; разоряются и гибнутъ большія дѣла, которыми при расцвѣтѣ ихъ кормились тысячи народу. Что будетъ дальше, Богъ вѣсть... А все вы, милостивые государи, надѣлали... съ вашимъ Витте. Зачѣмъ вы повѣрили ему?

И въ голосѣ Гроздева вмѣсто прежняго смѣха послышалась серьезная гнѣвная нотка.

Алексѣй Петровичъ простился со своимъ пріятелемъ и уѣхалъ.

III.

Могикановъ посѣтилъ разгромленное имѣніе одного капиталиста, гдѣ были разрушены бунтовавшими крестьянами усадьба, винокурня, сельскохозяйственный заводъ. Имѣніе было богатое, образцовое. Свернувъ съ желѣзной дороги въ уѣздную глушь, онъ нѣсколько десятковъ верстъ ѣхалъ на лошадяхъ, бесѣдуя со своимъ кучеромъ.

— У васъ были большіе аграрные безпорядки?—спросилъ онъ кучера.

— Какъ вы говорите, баринъ:—отозвался кучеръ,—не въ до... къ что-то...

— Аграрные безпорядки, говорю, были... земельные, значитъ...—бавилъ онъ:—земли у васъ мало для крестьянъ,

— Земли слава Богу,—отвѣчалъ кучеръ:—гдѣ полторы десятины, а гдѣ и больше на душу... большой тѣсноты у насъ нѣту.

— Такъ отчего жъ безпорядки были?—недоумѣвалъ Алексѣй Петровичъ:—крестьяне, вѣрно, земли добивались, если громили помѣщиковъ?

— Кто жъ отъ нея сторонится, отъ земли-то?—отвѣтилъ кучеръ:—лишняя земля никому не мѣшаетъ, а только въ другихъ мѣстахъ, слыхалъ я, куда хуже нашего!

— Такъ почему жъ крестьяне у васъ грабили и жгли усадьбы?—недоумѣвалъ Алексѣй Петровичъ.

Ямщикъ при этомъ спросѣ обернулся съ козелъ и не то съ удивленіемъ, не то съ обидой взглянулъ на Алексѣя Петровича.

— Какъ вы странно говорите, баринъ, крестьяне?.. Крестьяне бываютъ разные. Я тоже крестьянинъ, но я не грабилъ и не жегъ экономій. Въ нашемъ селѣ тоже никто къ этому не прикосновененъ. Кто жъ пойдетъ на грабежъ, кромѣ вора?.. Отъ экономіи мы большую пользу имѣемъ... Если бъ вотъ не экономія, не имѣть бы и мнѣ этихъ лошадей, на которыхъ везу васъ.

— Такъ кто же жегъ и грабилъ усадьбы?—спросилъ не безъ досады совсѣмъ озадаченный Могикановъ.

— А вотъ сволочь всякая грабила,—сердито отвѣтилъ кучеръ и пояснилъ:—сбродъ разный,—развѣ ихъ мало? Пришли, водку имъ привезли, и дѣло готово. Не стало житья въ деревнѣ отъ разной сволочи. И отъ чужихъ стережешься и своихъ боишься... Каждую ночь думаешь, какъ бы тебѣ избу не спалили. Точно проклятье какое насъ постигло.

Съ удивленіемъ услышалъ это Алексѣй Петровичъ. Грабили не крестьяне, а «всякій сбродъ, сволочь», а у насъ въ Петербургѣ, размышлялъ онъ, все толкуютъ: крестьяне, крестьяне!

Кучеръ странно замолчалъ. Точно онъ разобидѣлся на то, какой непонятный баринъ. Въ этомъ молчаніи прошло двѣ—три минуты, потомъ онъ неожиданно повернулъ къ Алексѣю Петровичу свое хмурое лицо и, точно что-то соображая, спросилъ его:

— А вы, баринъ, ѣдете не изъ Петербурга ли?

— Да, я ѣду изъ Петербурга.

— Ладно ли тамъ все-то?—съ подозрѣніемъ продолжалъ кучеръ.

— А что?—насторожился Алексѣй Петровичъ.

— Да слухи разные...—уклончиво продолжалъ тотъ и испытующе смотрѣлъ на барина.

— Въ Питерѣ присматриваются, что нужно деревнѣ, какъ живется вамъ, крестьянамъ,—замѣтилъ Алексѣй Петровичъ.

— Плохо живется,—угрюмо отрѣзалъ кучеръ,—такихъ временъ еще не бывало.

— Что же?—съ недоумѣніемъ сказалъ Алексѣй Петровичъ:—вотъ въ вашихъ мѣстахъ земли достаточно, заработки есть...

— Не въ томъ сила,—угрюмо отвѣтилъ кучеръ:—а что дѣлается кругомъ—не понять... Смута идетъ. По деревнямъ ходятъ какіе-то господа въ форменныхъ фуражкахъ, живутъ по хатамъ, держатъ рѣчи къ мужикамъ. Слушалъ я какъ-то все объ одномъ: свобода и воля. Вотъ экономію спалили для этой же свободы. Мы всѣхъ прежнихъ заработковъ лишились, а воля-то эта намъ ничего взамѣнъ не дала... Другіе законы что ли стали нынче, чтобы, значитъ, все было вольно и безпрепятственно: хоть жги, хоть убивай!

Кучеръ замолчалъ и во всю дорогу уже не проронилъ ни слова.

Въ душѣ Алексѣя Петровича вспыхнуло досадное чувство: какое въ самомъ дѣлѣ непростительное непониманіе вещей въ столицѣ. Въ Петербургѣ толкуютъ о народѣ, говорятъ за него, а народъ-то честнѣе и умнѣе петербуржцевъ. Онъ осуждаетъ ту «сволочь», которую Петербургъ милуетъ, и которой онъ развязываетъ руки для грабежей. Народъ не хочетъ свободы разбоя.

Въ громадной богатой помѣщичьей экономіи, куда пріѣхалъ Могикановъ, онъ засталъ печальныя, обгорѣлыя руины, опустошенные амбары, и надъ всѣмъ этимъ кладбищемъ былого достатка одиноко поднимались только высокіе кирпичные столбы дымовыхъ трубъ.

Онъ засталъ въ усадьбѣ управляющаго экономіей, квартира котораго была сожжена со всей дорогой обстановкой. Управляющій, отправивъ семью въ ближайшій городъ, ютился въ крестьянской хатѣ. На мѣстѣ погрома находились судебныя власти.

— Давно ли у васъ вспыхнуло аграрное движеніе?—спросилъ Алексѣй Петровичъ управляющаго.

— Аграрное?!—съ недоумѣніемъ переспросилъ тотъ:—помилуйте, ваше высокопревосходительство, что тутъ аграрнаго? Это былъ революціонный натискъ, поднявшій на грабежъ всѣхъ хищниковъ. Аграрнаго тутъ ничего не было, наши мужики не принимали участія въ грабежѣ.

— Не было ли у васъ раньше тревожныхъ симптомовъ?—продолжалъ Алексѣй Петровичъ.

— Были,—отвѣчалъ управляющій.—Въ сосѣднихъ уѣздахъ давно шло какое-то броженіе, на которое никто не обращалъ вниманія. Революціонеры—а они не рѣдкость теперь въ деревняхъ—поднимали крестьянъ. Кто не хотѣлъ бунтовать—заставляли силой... По началу мужики пускали свой скотъ въ помѣщичьи хлѣба, въ лѣсахъ дѣлались порубки. Мы терпѣли, потомъ начались невиданныя прежде вещи: нападенія, разбои... На одинъ изъ хуторовъ нашего владѣльца напали ночью двадцать пять человѣкъ, подходятъ къ нторщику: владѣлецъ здѣсь?—Здѣсь,—говоритъ.—Ну, такъ веди съ къ нему. Подошли къ дому. Конторщикъ замѣчаетъ: онъ буъ стрѣлять. Тогда они домъ оставили, а разграбили конюшни, вели лошадей, вывезли экипажи, забрали все, что можно было брать, и ускакали.

— Кто же это были?—спросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Какая-то деревенская сволочь, молодые парни лѣтъ по восемнадцати, по двадцати. Много потомъ было продѣлокъ въ этомъ родѣ, и виновныхъ рѣдко находили.

— А какъ началась послѣдняя исторія?—спросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Да весьма просто,—продолжалъ управляющій.—О предстоящихъ погромахъ всѣ знали, мы просили защиты, но намъ въ ней отказали. Въ назначенный день революціонеры привели пьяную толпу и все сокрушили, разграбили и сожгли. Войска были присланы тогда, когда усадьба обратилась уже въ развалины.

«Бездѣйствіе власти! — подумалъ Алексѣй Петровичъ, — вотъ бѣда!» И въ его терпѣливой душѣ затаился первый горькій упрекъ инертному и безвольному правительству.

IV.

Алексѣй Петровичъ посѣтилъ главный районъ террора—югъ Россіи. Въ большомъ приморскомъ городѣ, куда онъ попалъ, онъ засталъ тяжелое настроеніе.

— У насъ полный терроръ,—говорили ему:—банды вооруженныхъ грабителей дѣлаютъ нападенія на магазины, конторы, склады, вымогаютъ деньги отъ имени анархистовъ-коммунистовъ, бросаютъ бомбы и убиваютъ людей. Что ни день, то здѣсь новое покушеніе.

— Кто же это такіе?—поинтересовался Алексѣй Петровичъ:—разбойники или революціонеры?

— Мы думаемъ,—такъ отвѣчали ему,—что это наглые грабители, пристроившіеся къ революціонному движенію. Деньги они требуютъ на революціонныя цѣли, пользуясь общей паникой, возбужденной революціей.

Могикановъ былъ въ судѣ и бесѣдовалъ съ судьями, которые говорили ему:

— Мы завалены дѣлами и подвигами «черныхъ вороновъ»: это—мальчишки, молокососы, но свирѣпые разбойники, каждому изъ нихъ по восемнадцати, девятнадцати лѣтъ, по большей части, это—евреи, есть въ числѣ участниковъ шаекъ и молодыя еврейки.

— Вѣроятно, это испорченная, невѣжественная, необразованная молодежь?—спросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Необразованная?—остановилъ его судья, —нѣтъ, не скажите. Среди нихъ—воспитанники здѣшнихъ учебныхъ заведеній, слушатели спеціальныхъ курсовъ, электротехники.

— Неужели?—удивлялся Алексѣй Петровичъ:—что же подвинуло ихъ на разбойничьи подвиги?

— Духъ времени,—замѣтилъ прокуроръ суда.—Вы видите, ваше высокопревосходительство, что переживаетъ страна: нравственные

устои расшатаны, законы поколеблены, нѣтъ никакого сдерживающаго начала, авторитетъ суда упалъ, наши гуманныя наказанія въ обстановкѣ смуты никого не устрашаютъ, и вотъ банда юныхъ бездѣльниковъ свирѣпствуетъ во-всю: убиваетъ людей, грабитъ, стрѣляетъ, а когда эти рыцари попадаютъ въ судъ, то высказываютъ угрозы и по адресу насъ, судей, и намъ грозятъ кровавой расправой.

— Вотъ какъ!—удивился Могикановъ.—Но вѣдь для такихъ преступленій существуютъ суровыя наказанія.

— Суровыя?—переспросилъ прокуроръ и улыбнулся.—Суровы они только на бумагѣ, приговоры мы представляемъ на усмотрѣніе высшей власти... Въ Петербургѣ повѣяло уступками, милостями. Сколько у насъ лежитъ суровыхъ приговоровъ, не приведенныхъ въ исполненіе!

— Но преступники сидятъ же, по крайней мѣрѣ, въ тюрьмѣ?—замѣтилъ Алексѣй Петровичъ.

— Да, сидятъ,—отвѣтилъ прокуроръ,—но что имъ тюрьма? Тамъ теперь гуманная обстановка, мягкое обращеніе, разныя льготы, и надо еще удивляться, что иные бѣгутъ изъ тюремъ. У насъ былъ захваченъ главарь шайки грабителей — 19-ти лѣтній юноша... онъ бѣжалъ изъ тюрьмы. Говорили, что за его побѣгъ были заплачены хорошія деньги изъ награбленныхъ фондовъ. Теперь этотъ субъектъ составилъ, вѣроятно, новую шайку и разбойничаетъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Могикановъ сдѣлалъ визитъ представителю военной власти—старому боевому генералу, съ которымъ онъ встрѣчался въ Петербургѣ. Естественно разговорились о настроеніи страны, о революціи, такъ какъ по нынѣшнимъ временамъ другихъ разговоровъ нѣтъ.

— Какъ у васъ революціонное движеніе?—спросилъ Могикановъ:—не затихаетъ?

— Не похоже, чтобы затихало,—отвѣчалъ генералъ,—напротивъ броженіе идетъ и идетъ. Въ городъ возвращено много политическихъ. Они вернулись въ насиженныя мѣста и опять стали баламутить. У насъ дѣйствуютъ тайныя типографіи, работаютъ революціонные союзы, забастовки не переводятся. Нашъ городъ—одно изъ главныхъ гнѣздъ революціоннаго движенія.

— Вы не замѣчали,—поинтересовался Алексѣй Петровичъ:—кѣмъ подогрѣвается у васъ революція? Вотъ все говорятъ: евреи, евреи, я думаю, что это ошибочно... Не одна еврейская молодежь заваривает кашу.

— Она главная,—отвѣчалъ генералъ,—но есть и русскіе, которые [х]уже евреевъ. У насъ университетская молодежь агитируетъ среди [ра]бочихъ и поднимаетъ содомъ. Другимъ центромъ революціи слу[ж]атъ нѣкоторыя общественныя учрежденія: наша городская дума и [уп]рава—совсѣмъ красныя. Онѣ стремятся послужить народу по-

своему и ищутъ недовольныхъ. Конечно, недовольныхъ вездѣ сколько угодно, и агитація имѣетъ успѣхъ.

— Вы говорите о недовольныхъ,—замѣтилъ Алексѣй Петровичъ,—но въ послѣднее время правительство шло на встрѣчу народнымъ требованіямъ, и недовольныхъ, казалось бы, теперь должно быть меньше.

— Эхъ, ваше высокопревосходительство,—съ горечью сказалъ военный администраторъ.—Вѣдь вещь простая: чѣмъ больше правительство идетъ на уступки, тѣмъ больше выростаютъ требованія и тѣмъ больше надежды, что это уступчивое правительство будетъ окончательно сломлено и уничтожено. Здѣшніе евреи-революціонеры послѣ свободъ графа Витте почувствовали себя такими хозяевами положенія, что провозгласили мѣстную республику и ввели было временное правительство.

— Какъ же это случилось?—спросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Очень просто. Здѣшнее еврейство очень сильно, и оно въ полной мѣрѣ воспользовалось политикой Витте, которая шла ему навстрѣчу. Онъ въ Петербургѣ принималъ еврейскихъ представителей, предупредительно встрѣчалъ ихъ пожеланія и ходатайства. Признаюсь, странное впечатлѣніе производило все это здѣсь. Витте не находилъ нужнымъ препятствовать октябрьскимъ еврейскимъ манифестаціямъ, а эти манифестаци на самомъ дѣлѣ отдали городъ во власть революціонеровъ.

— Вотъ что!—подумалъ Алексѣй Петровичъ. Его собесѣдникъ продолжалъ:

— Я не принадлежу къ числу ненавистниковъ еврейства, я знаю евреевъ и скажу вамъ, что далеко не все еврейство революціонное. Кто создалъ и поддерживаетъ здѣшній терроръ, — ясно: еврейская боевая молодежь, которая является застрѣльщикомъ революціонныхъ движеній и во всей Россіи и въ Западной Европѣ, а другой революціонный элементъ—еврейская молодая интеллигенція: еврейскіе адвокаты и еврейскіе магнаты. Вотъ стоглавая гидра, губящая спокойствіе Россіи. Но еврейская масса, особенно старое поколѣніе еврейства, евреи-купцы, евреи-торговцы—они, пожалуй, такъ же отрицательно относятся къ еврейскому революціонному движенію, какъ и мы съ вами. Это—спокойный элементъ. Но онъ безсиленъ, онъ ничего не можетъ сдѣлать, потому что онъ самъ задавленъ тисками своей боевой интеллигенціи, въ которой вся сила, весь блескъ революціи.

Могиканова интересовали многіе вопросы. Въ Петербургѣ предстоялъ созывъ государственной думы, и онъ хотѣлъ знать, какъ относится къ ней провинція, можетъ ли государственная дума внести успокоеніе въ страну. Нѣкоторые отвѣчали на этотъ вопросъ положительно, иные говорили, что рамки думы узки, наконецъ, онъ встрѣтилъ дѣятеля, отзывъ котораго понравился ему

своей прямотой и искренностью. На вопросъ Могиканова онъ сказалъ:

— Знаете ли, какъ у насъ шли выборы въ думу?... Избирателей должно было явиться около 60 тысячъ, но не явилось и половины. Русское населеніе города было такъ удручено всѣмъ происходившимъ здѣсь послѣ «свободъ», что оно безъ особеннаго довѣрія отнеслось и къ думѣ... Выборами командовали городское управленіе и крайнія партіи, они не позаботились о разсылкѣ приглашеній многимъ русскимъ избирателямъ. Въ числѣ забытыхъ избирателей, вѣроятно, были правыя группы, а лѣвыя предупредительно приглашались подавать голоса. Лѣвые списки навязывались всѣмъ, кому только можно было ихъ навязать. Правые безмолвствовали. И вотъ вышло, что «боевыми» еврейскими кругами былъ намѣченъ кандидатомъ въ думу одинъ еврейскій адвокатъ-революціонеръ, тотъ самый, котораго предупредительно принималъ г. Витте въ Петербургѣ. Еврейскій ставленникъ несомнѣнно и прошелъ бы, если бы не оказалось, что имѣется въ городѣ еще болѣе крайній субъектъ: русскій, который крикливѣе перваго ораторствовалъ на митингахъ. Еврейскіе избиратели сразу сообразили: зачѣмъ намъ ставленникъ-еврей, которымъ насъ всегда будутъ попрекать, когда есть русскій красный изъ красныхъ, и его провели. Такіе русскіе служатъ большую службу еврейству. Кажется, нѣчто подобное было и въ другихъ городахъ.

Алексѣй Петровичъ вспомнилъ, что и въ Петербургѣ былъ странный фактъ съ тысячами неразосланныхъ избирателямъ повѣстокъ. Неужели и тамъ оказались забытыми исключительно русскіе патріоты? А лѣвые явились хозяевами положенія.

— Теперь я спрошу васъ, ваше высокопревосходительство,— продолжалъ собесѣдникъ:—можетъ ли такая дума быть популярной среди русскаго населенія? Что ей Россія, когда у подобныхъ избранниковъ будутъ на первомъ планѣ интересы революціоннаго движенія? Эта дума будетъ добиваться безнаказанности для революціонныхъ козней, будетъ настаивать на освобожденіи захваченныхъ революціонеровъ, она приложитъ всѣ усилія, чтобы окончательно терроризировать страну, и она посягнетъ на все дорогое и священное русскому народу. Развѣ эта дума—тотъ патріотическій земскій соборъ, о которомъ мы всѣ такъ мечтали, полагая, что онъ уврачуетъ недуги русской жизни?

Съ тяжелымъ чувствомъ уходилъ Алексѣй Петровичъ къ себѣ домой послѣ этихъ бесѣдъ. Онъ сознавалъ, что всѣ тѣ вопросы и сомнѣнія, которыя жили въ его душѣ, разрастаются теперь въ одно безотрадное цѣлое, и мало добраго для своей родины онъ видѣлъ впереди.

V.

Вотъ Алексѣй Петровичъ въ чудной идиллической обстановкѣ историческаго города, гдѣ когда-то блистали подвиги русскаго патріотизма, гдѣ въ давніе годы жили и дѣйствовали русскіе военные герои... Въ лучахъ яснаго мѣсяца, смотрящаго съ безоблачнаго неба, нѣжится разбросанный на холмахъ этотъ чистенькій уютный городокъ съ православными соборами и массивными стѣнами, подвергавшимися бамбардировкѣ грознаго непріятеля. Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Лунный свѣтъ играетъ въ зеркальномъ просторѣ обширныхъ бухтъ, гдѣ когда-то красовались корабли флота Нахимова и Корнилова; тутъ исторически складывалось величіе Россіи на просторѣ Чернаго моря. Въ эту чудную ночь фантазія рисуетъ вамъ тѣни минувшаго. Кажется, что славный адмиралъ, глава стараго флота, скользитъ по зеркальной бухтѣ на своемъ командующемъ суднѣ, и съ фронта кораблей гремитъ ему могучее «ура».

Герои Чесмы и Синопа встаютъ въ вашей памяти! На высотахъ дальняго бульвара сіяетъ въ лучахъ мѣсяца учитель старыхъ моряковъ-героевъ, славный адмиралъ Лазаревъ. Все здѣсь въ этомъ уголкѣ — русская слава и исторія.

Гдѣ-то на рейдѣ раздается звонъ склянокъ — корабельныхъ часовъ. Бьетъ полночь, и въ этотъ полуночный часъ луна внимательнѣе глядитъ въ глубину зеркальныхъ бухтъ, на днѣ которыхъ покоятся святые останки погребенныхъ русскихъ фрегатовъ-страдальцевъ, защищавшихъ честь родины.

Они принесли себя въ жертву. «Мы легли здѣсь всѣ, вѣрные законамъ своего отечества», — начертали греки на памятникѣ въ честь Леонида. «Флотъ и войска вашего императорскаго величества защищали городъ до послѣдней крайности подъ адскимъ огнемъ и оставили непріятелю однѣ окровавленныя развалины», — говорилъ историческій городъ своему царю пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Прошли годы, и старый патріотическій городъ въ недавнемъ прошломъ воскресъ въ блескѣ своего военнаго могущества надъ могилами славныхъ героевъ.

«Намъ нужны великія могилы»... — сказалъ поэтъ.

Алексѣй Петровичъ сидитъ на балконѣ господствующаго надъ городомъ дома, смотритъ на пустынныя дали моря, которое мертво, и по которому теперь не плаваютъ даже почтовые пароходы вслѣдствіе забастовки, и бесѣдуетъ съ ветераномъ Севастополя — старымъ адмираломъ... бесѣдуетъ о чемъ? — великіе покойники, простите Россію!... о революціи во флотѣ.

— Мятежъ охватилъ городъ, — разсказываетъ адмиралъ: — у насъ было 1.800 арестованныхъ матросовъ. Революцію поднялъ сту-

дентъ-еврей и измѣнникъ-матросъ. Еврей былъ захваченъ, сидѣлъ въ Севастопольской крѣпости, но съ помощью подкупа бѣжалъ.

— Подкупъ въ военной крѣпости!.. изумляется Алексѣй Петровичъ, пробуждаясь отъ нарисованныхъ воображеніемъ историческихъ картинъ къ грустной дѣйствительности.

— Да,—продолжаетъ адмиралъ,—подкуплены были караулъ, надзоръ. Часовой бѣжалъ съ преступникомъ... Новѣйшій режимъ расшаталъ дисциплину. Теперь все возможно. Населеніе города терроризовано, здѣсь много революціоннаго элемента...

— Въ военной крѣпости!—воскликнулъ Алексѣй Петровичъ.

— Да, въ военной крѣпости,—неумолимо продолжалъ адмиралъ:— вотъ что достигнуто легкомысліемъ вашего безмозглаго Петербурга. Когда мы не хотѣли впускать сюда высланныхъ революціонеровъ, то премьеръ-министръ Витте просилъ за разрѣшеніе такого впуска.

— Позоръ! позоръ!—восклицалъ Алексѣй Петровичъ, вспоминая это обстоятельство.

— А недавній взрывъ,—говорилъ адмиралъ:—здѣсь были убиты невинные люди, искалѣчены дѣти, жены офицеровъ, кровью убитыхъ были обрызганы дома, оторванныя руки висѣли на телеграфныхъ проволокахъ. А ваша предательская дума кричала въ это время «амнистія, амнистія!», и ее слушали. Амнистія для извергов, которые положили на мѣстѣ чужія семьи! Да кто же командуетъ Россіей? Честные люди или варвары революціи?

— Позоръ! позоръ!.. возмущался Алексѣй Петровичъ и чувствовалъ, что въ его спокойной душѣ просыпается негодующее чувство.

«Бѣдная родина!»—думалъ онъ, спускаясь по исторической лѣстницѣ съ высотъ адмиральскаго дома.

Тихая луна кротко двигалась въ небѣ надъ зеркальными бухтами. Алексѣй Петровичъ прошелъ на бульваръ, погруженный въ дремоту мечтательной ночи. Рѣзкіе контуры свѣта и тѣней лежали на дорожкахъ и аллеяхъ, въ чащѣ кустарниковъ стрекотали кузнечики. Къ скалистому берегу мягко ласкалось темноголубое море. Съ одного изъ судовъ эскадры смотрѣлъ огненный глазъ дозора. На площади въ лунныхъ лучахъ рисовалась стройная масса монумента Нахимова.

Алексѣя Петровича одолѣвали горькія мысли. Онъ присѣлъ на скамейку противъ памятника. Ему показалось, что Нахимовъ нахмурился больше прежняго.

— Что бы ты сказалъ, честный русскій богатырь?—подумалъ онъ... До чего мы дожили! Русскіе воины, проливавшіе кровь подъ твердынями этого священнаго города, думали ли вы, что ваша память будетъ такъ грубо оскорблена? Льется теперь кровь вашихъ дѣтей отъ бомбъ мятежниковъ! И вся потрясенная Россія стонетъ и плачетъ, и некому вступиться за нее. А ваши выстраданныя

священныя знамена смѣнились красными тряпками измѣны и революціи.

Не сонъ ли все это?

Алексѣй Петровичъ провелъ рукой по лицу, какъ бы отгоняя отъ себя тяжелый кошмаръ; онъ ощутилъ на своихъ глазахъ слезы.

VI.

И Алексѣй Петровичъ объѣхалъ половину Россіи. Онъ былъ въ разныхъ мѣстахъ революціоннаго движенія, видѣлъ разрушенные заводы, опустошенныя помѣщичьи усадьбы, бесѣдовалъ съ крестьянами и дворянами: у него былъ уже большой запасъ впечатлѣній. Но онъ хотѣлъ еще узнать, какъ складывается въ условіяхъ террора будничная трудовая жизнь Россіи. Онъ хотѣлъ близко увидѣть въ провинціи, какъ живутъ и работаютъ люди въ создавшейся невозможной атмосферѣ, и онъ рѣшилъ свернуть въ свою губернію, въ родной уголокъ, гдѣ онъ когда-то жилъ и работалъ, гдѣ все ему такъ знакомо, гдѣ всѣ его знаютъ, и гдѣ онъ сразу подмѣтитъ то, что принесли новѣйшіе наносы жизни.

И онъ отправился въ родныя мѣста, гдѣ много лѣтъ не былъ. Въ одномъ поѣздѣ съ нимъ, оказалось, ѣхалъ старый знакомый его, сосѣдъ-помѣщикъ Платининъ.

— Дорогой Кузьма Сергѣевичъ!—обрадовался Алексѣй Петровичъ:—узнаете ли вы меня?

— Ваше высокопревосходительство,—отозвался Платининъ,—какъ хорошо, что вы свернули къ намъ. Мы знаемъ о вашей поѣздкѣ. Вотъ гдѣ вы найдете много перемѣнъ, такъ это въ нашихъ мѣстахъ. Отъ старины-то и камня на камнѣ не осталось.

Цѣлый рой воспоминаній охватилъ Алексѣя Потровича.

— Что Орскіе, Полозовы? — спрашивалъ онъ Платинина про своихъ знакомыхъ. Эти имена дороги и памятны ему съ юности.

— Увы, ихъ нѣтъ,—сказалъ Платининъ:—изъ старыхъ дворянъ-помѣщиковъ уцѣлѣли немногіе. Дворянское землевладѣніе у насъ сокрушилось, какъ, впрочемъ, повсемѣстно.

— Къ кому же перешли ихъ имѣнія? — спросилъ Могикановъ.

— Имѣніе Орскихъ въ купеческихъ рукахъ,—отвѣчалъ Платининъ. Его купили Замятиновы. Вы помните старика Замятинова: онъ былъ крупный купецъ въ нашемъ городѣ?

— Какъ же, помню, помню!.. — отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ.

— Орсовку купилъ его сынъ, Василій Ивановичъ,—продолжалъ Платининъ,—а старшій сынъ соорудилъ при Орсовкѣ большую паровую мельницу, оборудованную на славу, по-американски.

— А Полозовы?—спрашивалъ Алексѣй Петровичъ.

— Они окончательно разорились; ихъ съѣлъ одинъ капиталистъ изъ Москвы—Охрѣенко. Сынъ Полозова сталъ революціо-

неромъ. Его видѣли въ нашихъ мѣстахъ во время погромовъ помѣщиковъ.

Алексѣй Петровичъ вспомнилъ, что до него долетали въ Петербургъ слухи о Полозовыхъ и о печальной судьбѣ ихъ дѣтей, вовлеченныхъ въ революцію.

— Ну, какъ же вы поживаете?—спросилъ Алексѣй Петровичъ Платинина.

— Какъ можно жить по нынѣшнимъ временамъ?—съ грустью сказалъ тотъ.—Мы, дворяне, уступаемъ мѣсто въ деревнѣ другимъ новымъ элементамъ. Они водворяютъ у насъ крупныя предпріятія, новыя культуры. Только и ихъ дѣло что-то не клеится. Революція заѣдаетъ всякую работу, все рушится, все валится изъ привычныхъ рукъ, и что за проклятыя времена настали въ Россіи! Черные коршуны терзаютъ Русскую землю, какъ говоритъ нашъ отецъ Савва.

При имени этого старика-монаха, извѣстнаго всей губерніи монастырскаго подвижника, еще одно яркое воспоминаніе шевельнулось въ душѣ Алексѣя Петровича. Свѣтлый образъ отца Саввы живо представился его воображенію.

— Онъ живъ еще, этотъ славный, умный отецъ Савва?—спросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Живъ, живъ, — отвѣчалъ Платининъ,—и такой же бодрый, какъ и раньше.

— Я непремѣнно навѣщу его,—сказалъ Могикановъ.

— Но прежде всего навѣстите Замятиновыхъ, — посовѣтовалъ Платининъ.—Если вы хотите взглянуть на нашу жизнь, узнать, какъ мы живемъ, чѣмъ мы дышимъ, то у Замятиновыхъ вы увидите все и всѣхъ: и старыхъ, и новыхъ помѣщиковъ, услышите наши политическіе разговоры и споры о революціи.

Алексѣй Петровичъ черезъ нѣсколько дней посѣтилъ Замятиновыхъ въ ихъ деревнѣ — въ знакомой ему обстановкѣ Орсовки, гдѣ онъ бывалъ еще молодымъ человѣкомъ.

VII.

Послѣ пронесшихся по деревнямъ революціонныхъ погромовъ деревенская жизнь далеко не вошла въ свою колею. Она была слишкомъ потревожена, всѣ были настороже, всѣ опасались возможности повторенія свирѣпаго похода на помѣщиковъ. Въ Орсовкѣ, имѣніи Замятиновыхъ, уцѣлѣвшей отъ погрома, но лежащей рядомъ съ разгромленными усадьбами и заводами, держалась [illegible]ника, и Замятиновы перестали въ ней жить постоянно и лишь [illegible]ѣзжали сюда на недѣлю-другую весной и въ лѣтнее время, [illegible]му же проводили въ своемъ домѣ въ городѣ. На мельницѣ ин[illegible]неръ-технолога Петра Ивановича Замятинова тоже держалась

паника, усилившаяся со времени нашествія вооруженной банды, явившейся въ мельничную контору съ требованіемъ денегъ. Эти господа выбрали такой день, когда владѣлецъ мельницы былъ въ отсутствіи, и касса со значительной суммой денегъ, приготовленныхъ для выдачи рабочимъ, оставалась на рукахъ конторщика. Пожаловавшіе разбойники произвели два выстрѣла и до смерти напугали конторщика, который не въ силахъ былъ бы оказать сопротивленіе. Но эти выстрѣлы были услышаны мастерами и рабочими мельницы; они увидѣли, что готовится грабежъ приготовленныхъ для нихъ денегъ, и сами стали стрѣлять въ нападавшихъ; послѣдніе безслѣдно скрылись, оставивъ мѣстному населенію безчисленные разсказы объ этомъ случаѣ.

Петръ Ивановичъ Замятиновъ возвратился на мельницу тогда, когда тамъ все уже успокоилось.

— Одиннадцать душъ ихъ пришло,—разсказывалъ ему сторожъ:—всѣ такіе чернявые, страшные и съ черными глазами: «ни слова, говорятъ, а то уложимъ тебя на мѣстѣ». Оставили меня подъ охраной двоихъ, а остальные пошли въ контору. Хорошо, что они стрѣлять вздумали, народъ сбѣжался.

Конторщикъ-старикъ долго не могъ прійти въ себя отъ этого случая.

— Наскочили, какъ звѣри,—говорилъ онъ Петру Ивановичу.

Петръ Ивановичъ распорядился устроить въ конторѣ электрическую сигнализацію, проходившую во всѣ отдѣленія мукомольни, и усилилъ дозоръ при входѣ на мельницу. Но до поры до времени на мельницѣ все было тихо, и о происшествіи стали забывать.

Въ Орсовкѣ собиралось довольно большое мѣстное общество: наѣзжали сосѣди-помѣщики, появлялись гости изъ города. Время было такое горячее, всѣ обмѣнивались мыслями, сообща разбирались въ происходящихъ тревожныхъ и тяжелыхъ событіяхъ. Гостиная Замятиновыхъ иногда уподоблялась политическому клубу. Ихъ посѣщалъ и сосѣдъ Охрѣенко, владѣлецъ Полозовки, который, какъ оказалось, очень мало потерялъ отъ сожженія революціонерами его завода. Заводъ былъ хорошо застрахованъ. Страховое общество сначала не хотѣло платить за погромъ, Охрѣенко началъ процессъ, тогда взгляды общества такъ повернулись, что Охрѣенко съ успѣхомъ вернулъ все потерянное.

— Чего я буду нести потери?—говорилъ онъ:—если не страховое общество, такъ пусть платитъ правительство... Зачѣмъ допустили этотъ бунтъ, погромы, пожары?..

— Но вѣдь вы сами, кажется, возставали противъ давленія администраціи и ораторствовали о народной свободѣ? — замѣтилъ присутствовавшій Платининъ.—Вы находили, что правительственный режимъ поддерживаетъ кабалу народа, и сочувствовали разнымъ просвѣтителямъ и агитаторамъ?

— Я не думалъ, что все это обрушится на меня, — замѣтилъ Охрѣенко.

— А на кого же должно было обрушиться... на вашихъ сосѣдей? — раздраженно замѣтилъ Платининъ.—Вы по-вашему развиваете народъ, а по-моему поддерживаете въ немъ безобразное и уродливое броженіе, вы допускаете агитаторовъ, устраиваете митинги, а платиться за ваши фокусы должны другіе. Нѣтъ, ужъ вы сами и платитесь.

Въ бесѣду Охрѣенка и Платинина поспѣшили вмѣшаться другіе.

— Господа, не горячитесь, — сказалъ хозяинъ дома, Василій Ивановичъ, и, желая отвлечь ихъ вниманіе отъ спора, показалъ имъ присланный изъ Петербурга курьезъ, листокъ «Виттова пляска», съ удивительнымъ объявленіемъ: «Висѣлица или президентство — новая игра, показываетъ прибывшій изъ Америки акробатъ».

Всѣ присутствующіе разсмѣялись и съ любопытствомъ разсматривали любопытный листокъ.

— Интересно!—сказалъ Замятиновъ:—графъ Витте завелъ эту свободу печати, которая не щадитъ никого. Оно, если хотите, справедливо: свобода—такъ свобода.

— Только далеко ли мы съ этой свободой уѣдемъ? — замѣтила хозяйка дома, Надежда Григорьевна: — ужъ очень противно стало читать изо дня въ день эти призывы къ анархіи. Все пишутъ въ революціонномъ тонѣ, точно вся публика въ Россіи революціонеры и анархисты... Просто хоть въ руки не бери газетъ. И знаете,—замѣтила она,—особенно досадно, когда подобныя газеты попадаютъ крестьянамъ... А деревня теперь все читаетъ...

— Пусть народъ пріучается понимать... Надо поднять его до извѣстной степени развитія и самостоятельнаго мышленія,—замѣтилъ тотъ же Охрѣенко.

— Ну, я съ вами не согласна,—отозвалась Надежда Григорьевна.— Я видѣла, какъ мужики читали газету. Имъ попалась статья «Гражданскія похороны», описывавшая погребеніе какого-то московскаго революціонера. Похороны были безъ церкви, безъ священника, безъ обрядовъ. Наши старики возмущались, а молодежь смаковала... Подобныя газеты вносятъ нездоровый азартъ въ деревню.

— Что онѣ не нравятся старымъ крестьянамъ,—это понятно,— отозвался Охрѣенко: — старики воспитались на крѣпостномъ правѣ, а крестьянская молодежь имѣетъ болѣе правильные взгляды на свободу.

— Очень правильные,—отвѣтилъ Платининъ,—ни Бога, ни религіи... ничего не надо по нынѣшнимъ временамъ, иди подъ флагомъ революціи на открытый разбой, и всѣ тебѣ будутъ сочувствовать. Удивительные взгляды: что прежде называлось грабежомъ, то те-

перь на вашемъ революціонномъ языкѣ называется освободительнымъ движеніемъ.

— Я этого не говорю,—отвѣчалъ запальчиво Охрѣенко,—вотъ меня самого сожгли и разграбили... Я, конечно, не могу этому сочувствовать, но идеалы освободительнаго движенія...

— Освобожденіе отъ совѣсти, отъ религіи, отъ самой простой житейской честности,—перебилъ его Платининъ,—да тогда жизнь станетъ немыслимой, господинъ освободитель!

— А теперь тюрьмы полны, — продолжалъ Охрѣенко,—свободная жизнь страны и политическое движеніе задавлены, существуетъ смертная казнь.

— Тюрьмы полны преступниками, покушавшимися на чужую жизнь и на чужое добро, и политическими агитаторами,—сказалъ Платининъ,—выпустите ихъ, и снова начнутся убійства, разбои, грабежи. Такъ кто же долженъ платиться за вашу «свободу»? Честные люди, а разбойникамъ дать господство и волю. Это только фразеры могутъ такъ говорить.

Разговоръ Платинина съ Охрѣенкомъ обострялся, и Надежда Григорьевна поспѣшила замять его и обратилась къ присутствовавшему въ гостиной Алексѣю Петровичу Могиканову.

— А у васъ въ Петербургѣ, ваше высокопревосходительство, какъ думаютъ, какъ смотрятъ на вещи?

— Мы прислушиваемся къ голосу провинціи, къ голосу Россіи,—скромно замѣтилъ Могикановъ, держа «нейтралитетъ».

— Это съ одной стороны хорошо, — сказала Надежда Григорьевна,—а съ другой плохо. Выходитъ фальшивое положеніе: вѣдь провинція, деревня, вся Россія ждутъ отрезвляющаго голоса изъ Петербурга, ждутъ иниціативы, а Петербургъ только прислушивается. Это мало, страшно мало. Почему тамъ такая вялость, слабость, нерѣшительность? Заискиванье передъ толпой, ожиданіе одобреній? Да развѣ настоящее правительство можетъ вести себя такъ? Потому-то и держится въ странѣ такое неопредѣленное положеніе.

— Это я такъ выразился въ общемъ... — поправился Алексѣй Петровичъ, почувствовавшій правоту ея словъ,—конечно, въ правительствѣ всегда есть люди съ иниціативой.

— Есть ли?.. — со вздохомъ спросила Надежда Григорьевна:— что-то не видно ихъ.

— Конечно, и тамъ, какъ и у васъ въ провинціи, есть двѣ партіи,—продолжалъ Алексѣй Петровичъ: — одна либеральная, сочувствующая революціонному движенію, другая твердая, консервативная... Первая имѣла своимъ сторонникомъ Витте. Теперь эту либеральную освободительную роль приняла на себя государственная дума.

— Отъ всей этой неопредѣленности ужасно тяжело складывается жизнь,— замѣтилъ Петръ Ивановичъ, владѣлецъ мельницы.—

Что будетъ дальше? Нѣтъ возможности работать... Съ рабочими теперь бѣда... Въ обыкновенное время они—люди, какъ люди, теперь они стали заносчивы, словно другимъ вѣтромъ пахнуло. А чего въ сущности они хотятъ, — и сами не знаютъ. Въ нашемъ большомъ дѣлѣ трудъ оплачивается недурно, и мои рабочіе получаютъ не меньше, чѣмъ иные чиновники малыхъ ранговъ, а все недовольны.

— Въ Петербургѣ съ рабочими еще хуже... — замѣтилъ Алексѣй Петровичъ:—тамъ вѣчная агитація въ рабочей средѣ, хроническія забастовки. Съ новыми свободами сталъ чувствительнѣе деспотизмъ толпы, и рабочіе-революціонеры хотятъ, чтобы и весь рабочій людъ шелъ за ними. Между партіями рабочихъ идетъ борьба, участились стычки... Освободительное движеніе стало для многихъ гнетомъ насилія.

— А Москва, — вмѣшался въ разговоръ замолчавшій было Охрѣенко, — какое она приняла горячее участіе въ освободительномъ движеніи!.. Настоящее сердце Россіи...

— Вы это говорите про московскую революцію, — отозвался Алексѣй Петровичъ,—но, знаете, русское сердце билось въ московской революціи меньше всего. Московскую революцію заварила еврейская студенческая молодежь.

— Ну, ужъ позвольте усомниться въ этомъ, — горячо возразилъ Охрѣенко.—Много ли въ Москвѣ евреевъ?

— Больше, чѣмъ вы полагаете,—спокойно продолжалъ Алексѣй Петровичъ,—тамъ и своихъ достаточно, и еще понаѣхали гастролеры. Евреи и командовали московской революціей.

— Допустимъ даже, что и евреи, — не унимался Орхѣенко,— чѣмъ евреи хуже насъ, русскихъ? Такой же народъ, онъ еще ближе понимаетъ нужды освободительнаго движенія.

— Но они, прежде всего, не хозяева въ Русской странѣ,—вмѣшался Платининъ.

— Потому что они не равноправны,—возразилъ Охрѣенко.

— Это все фразы!—продолжалъ Платининъ,—у насъ только и твердятъ, что евреи неравноправны, а они уже наводнили всѣ углы Россіи и вездѣ разжигаютъ революцію. Какихъ еще правъ вы хотите для евреевъ? Дайте имъ особыя права — и тогда отъ Россіи ничего не останется.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Революція и евреи служили предметомъ неистощимыхъ споровъ, которымъ конца не предвидѣлось. Но въ это время вернувшійся изъ города верховой привезъ почту, и всѣ заинтересовались полученными новыми газетами.

— Что новаго?—спросилъ Охрѣенко, когда Василій Ивановичъ развернулъ первую попавшуюся газету.

— Новости все въ вашемъ вкусѣ, — отвѣчалъ Василій Ивановичъ, пробѣгая телеграммы:—амнистія, амнистія... все больше объ

амнистіи... А вотъ телеграммы: освобождено сто пятнадцать политическихъ; вотъ другая: освобождено сто двадцать два политическихъ; дальше: освобождено триста пятнадцать политическихъ... Да, тутъ масса телеграммъ, все освобождены, освобождены...

— Превосходно! — замѣтилъ Охрѣенко, — сколько передовыхъ бойцовъ вернутся въ ряды народа!

— Ну, это, пожалуй, не къ добру, — замѣтилъ Петръ Ивановичъ, —какъ бы не началась снова революціонная каша.

Привезшій почту верховой нерѣшительно стоялъ въ дверяхъ, какъ бы собираясь сообщить что-то.

— Что имѣешь сказать?—спросилъ его Василій Ивановичъ.

— Да въ городѣ неспокойно,—отвѣчалъ верховой.—Тамъ опять ходитъ толпа. Забастовщики подошли къ механическому заводу и требовали прекратить работы. Съ завода ихъ гнали, заперли ворота, тогда забастовщики стали ломиться силой. Начались драки, выстрѣлы. Я насилу выбрался изъ толпы.

Всѣ присутствовавшіе при этомъ сообщеніи переглянулись.

— Вотъ уже начинается!—сказалъ Платининъ.

— Какъ бы у меня на мельницѣ чего не вышло, — отозвался Петръ Ивановичъ: — надо ѣхать домой, — и онъ сталъ наскорю со всѣми прощаться.

Гости Замятиновыхъ разъѣхались въ разныя стороны по домамъ.

VIII.

Въ городѣ мирная жизнь была окончательно нарушена. Творилось что-то странное, нелѣпое, дикое, но обычное по нынѣшнимъ временамъ. Фабрики и заводы прекратили работы. Толпы забастовщиковъ снимали рабочихъ повсюду, гдѣ работы не были еще прекращены. «Бастовать!—кричали они работавшимъ:—бросайте работы и присоединяйтесь къ намъ». На нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочіе бастовать не хотѣли, тогда буйная толпа врывалась въ фабричные дворы, изъ нея выдѣлялись отдѣльныя группы распорядителей забастовки, которые отправлялись по фабричнымъ корпусамъ и снимали рабочихъ отъ станковъ, угрожая нѣкоторымъ кулаками и грозя «переломать имъ ребра». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходили стычки желающихъ бастовать съ желающими работать, и такъ какъ свобода труда никѣмъ не ограждалась, то дикая вакханалія забастовки повсюду одерживала побѣду надъ трудомъ, и всѣ фабричныя предпріятія города остановились. Фабрики опустѣли, а на городскихъ улицахъ и площадяхъ можно было видѣть группы бездѣльничающихъ и пьянствующихъ забастовщиковъ.

Въ городѣ происходили совѣщанія фабрикантовъ, искавшихъ сообща выхода изъ невозможнаго положенія.

— Что это за безобразіе! — говорили нѣкоторые изъ хозяевъ фабрикъ. — Шайки какихъ-то наглецовъ командуютъ положеніемъ, и правительство не положитъ конца этому. Развѣ можно допускать открытую агитацію забастовки? Всѣмъ этимъ мы обязаны свободѣ союзовъ и собраній и этимъ проклятымъ митингамъ. Далеко уѣдетъ русская промышленность съ этими свободами.

Въ собраніяхъ фабрикантовъ участвовалъ и Охрѣенко, который вкупѣ съ нѣсколькими единомышленниками проводилъ свои особые взгляды.

— Нельзя, господа, такъ разсуждать,—твердилъ онъ:—народъ требуетъ свободы.

— Какой народъ?.. — возразилъ ему управляющій металлическаго завода.—Вы видѣли, что у насъ дѣлалось?.. Наши рабочіе не хотѣли бросать работу, они дрались за право работать, за право кормить свои семьи. А кто устраивалъ забастовку? Науськанная революціонерами всякая сволочь, бездѣльники и разный фабричный сбродъ и подонки, которымъ терять нечего.

— Но, господа,—не унимался Охрѣенко,—народъ предъявляетъ и свои разумныя требованія.

— Какія требованія?.. — возражали ему фабриканты.—Восьмичасового рабочаго дня нигдѣ въ мірѣ не существуетъ, и, если бы онъ былъ введенъ, это разоритъ фабрики. Требованія быть пайщиками въ нашемъ дѣлѣ? Это—требованія немыслимыя, потому что фабрика—это рискъ, и въ этотъ рискъ невозможно вовлекать рабочаго человѣка.

— Но, господа, надо позаботиться о меньшемъ братѣ, — голоситъ Охрѣенко.

— А развѣ мы не заботимся? Мы повысили заработки рабочихъ. А заводскія больницы, а врачебная помощь, а страхованіе жизни рабочихъ, которое получаетъ уже примѣненіе? Достаточно сдѣлано нами.

— Но народъ требуетъ большаго.

— Какой это народъ, о которомъ вы говорите? — возражали Охрѣенку.—Мы знаемъ своихъ рабочихъ и дорожимъ тѣми, которые съ пользою служатъ нашему дѣлу. Но развѣ эти бездѣльники, эти подстрекатели забастовки—народъ? Это—враги народа, и очень жаль, если вы не различаете тружениковъ отъ хищниковъ, которые будируютъ забастовку, чтобы только увеличить толпы недовольныхъ.

По обычной программѣ происходили въ городѣ и другія забастовки: приказчиковъ, булочниковъ, парикмахеровъ. Вездѣ былъ натискъ банды зачинщиковъ, которая путемъ угрозъ, кулаковъ и побоевъ заставляла и несочувствующихъ становиться въ свои увеличивавшіеся такимъ способомъ ряды. Говорили о ведущейся революціонной пропагандѣ въ мѣстныхъ войскахъ...

Алексѣй Петровичъ, находясь въ городѣ во время этихъ происшествій, выслушивалъ мнѣнія разныхъ представителей мѣстнаго общества. Городской голова былъ либералъ шестидесятыхъ годовъ, онъ на все происходящее смотрѣлъ со своей благодушной точки зрѣнія.

— Народъ проснулся,—говорилъ онъ, — народъ почуялъ свои права, вотъ теперь бы дать ему просвѣщеніе, широкія реформы, и страна процвѣтетъ.

Въ городѣ дума, какъ водится, была «красная», неистовствовавшая въ своихъ призывахъ къ освободительному движенію, зачитывавшаяся революціонными газетами, г.г. гласные произносили въ засѣданіяхъ пламенныя рѣчи на освободительныя темы, но эти рѣчи мало помогали городскому хозяйству, которое въ своемъ запущенномъ видѣ, обремененное долгами, представляло Авгіевы конюшни.

Алексѣй Петровичъ бесѣдовалъ съ мѣстнымъ губернаторомъ, съ предводителемъ дворянства.

Губернаторъ былъ человѣкъ доброжелательный, но дряблый.

— Петербургъ насъ поставилъ въ невозможное положеніе,—говорилъ онъ.—Сегодня одно, завтра другое. Раньше все шло у насъ, какъ заведенная машина, потомъ вдругъ съ неба свалились свободы, свободы... Какъ изъ рога изобилія сыпались эти свободы графа Витте. Простонародье поняло по-своему, что эта свобода—прежде всего свобода своеволія, и скандалы у насъ процвѣли. Разгорѣлась и революція. Студенты и молодежь зашевелились, чернь всколыхнулась. Смута, волненія, грабежи пошли повсюду, и всѣ начали пользоваться этими свободами и грызть горло другъ другу. Изъ Петербурга присылаютъ свободы, а отъ насъ требуютъ: усмиряй. А какъ тутъ усмиришь? Престижъ администраціи подорванъ, власть полиціи упала, никому житья нѣтъ. А мирное населеніе нужно защищать. Вотъ и вертишься среди противорѣчій: съ одной стороны, отпускай свободы по рецепту г. Витте, а, съ другой, сдерживай страсти, напоръ разнузданныхъ свободолюбцевъ. Это—ужъ не административная работа, а какая-то административная эквилибристика. Конечно, его сіятельству въ собственномъ кабинетѣ угодно было выдумывать всякія свободы, чтобы популяризировать свой либерализмъ и создавать ореолъ вокругъ своей персоны... Но что же дѣлать намъ!...

Предводитель дворянства, старикъ, человѣкъ искренній и прямодушный, сказалъ Алексѣю Петровичу:

— Напрасно, ваше высокопревосходительство, утруждаете себя бесѣдой съ представителемъ дворянства. Развѣ дворянство теперь существуетъ? Его нѣтъ, мы—послѣдніе могикане. Въ Россіи идетъ черный передѣлъ. Новое поколѣніе идетъ въ народъ, стремится къ безразличію сословій. Мы здѣсь переживаемъ общій

ужасъ положенія, а путей къ спасенію не видимъ. Точно нарочно все сдѣлано вашимъ графомъ Витте, чтобы революція шире расправила крылья. Темнота смуты душитъ и давитъ всѣхъ, никакого просвѣта кругомъ. До чего дожили мы! Чистое чувство русскихъ людей поругано господствомъ анархизма. Патріотовъ называютъ черносотенцами. Анархія куетъ имъ цѣпи, а врагамъ Россіи предоставляется свобода дѣйствій, и ваша дума санкціонировала даже свободу преступленій. Да неужели же вамъ въ Петербургѣ не видна гибель страны? Вся Россія это видитъ. Мы думали, что государственная дума будетъ русскимъ земскимъ соборомъ... Мы намѣчали въ нее лучшихъ людей, но что же вышло?.. Въ ней хозяйничаютъ революціонеры... Лучшіе люди остались въ тѣни.

Предводитель дворянства остановился на минуту и затѣмъ добавилъ:

— Я говорю вамъ, Алексѣй Петровичъ, полнымъ словомъ, какъ дворянину и земляку. Всѣ реформы вашего Витте созданы на гибель Россіи. Какъ этого не разобрали въ Петербургѣ?

— Я понимаю васъ и цѣню вашу откровенность, — отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ,—скажу больше: я самъ страдаю въ душѣ, но я могу немного успокоить васъ. Положеніе должно перемѣниться. Посты министровъ и главы кабинета заняли уже другія лица, болѣе искреннія...

— Пріятно слышать,—отвѣтилъ предводитель дворянства:—но и съ этой перемѣной не скоро исчезнетъ тотъ вредъ, тотъ ядъ, который внесенъ въ русскую жизнь въ послѣдніе полгода. «Свободы» графа Витте, его нѣжное отношеніе къ революціи такъ вошли въ плоть и кровь страны, что онѣ будутъ долго еще тюрьмой для русской мысли, для русской души. Революціонныя газеты разносятъ теперь по всей Россіи зло анархизма. Вы посмотрите, какъ за эти полгода забита честная трудовая жизнь. Горько, тяжело видѣть это, и никакихъ надеждъ впереди.

Старикъ-предводитель замолкъ, и Алексѣй Петровичъ не находилъ уже возможнымъ продолжать этотъ слишкомъ грустный для обоихъ ихъ разговоръ.

IX.

Знаете ли вы старые монастыри, въ которыхъ все дышитъ исторіей, древней Русью? Эти зубчатые верхи стѣнъ съ башнями и бойницами напоминаютъ вамъ времена русскихъ витязей, времена святого подвижничества и борьбы съ врагами Россіи, когда монастыри строились, какъ крѣпости. У монастырскихъ воротъ и теперь еще толпятся калики перехожіе, нищіе и юродивые, которые своимъ плачемъ и причитаніями долго провожаютъ васъ въ воротахъ. Съ высокой исторической колокольни разносится по монастыр-

скому полю мягкій мелодичный звонъ играющихъ башенныхъ часовъ, которые годъ за годомъ все вторятъ одинъ и тотъ же старый молитвенный мотивъ, хотя тамъ внизу на грѣшной землѣ живутъ уже новые мотивы и несутся звуки рабочей марсельезы. Вокругъ монастырской колокольни и церкви раскинулось громадное кладбище со старыми покосившимися, потемнѣвшими гранитными плитами, на памятникахъ безхитростными мастерами начертаны простыя, искреннія надписи: «Господи, пріими чистую душу ея», «Боже, упокой смиреннаго раба твоего». Въ эти отшедшія времена все проникалось волею Господней, все смирялось передъ величіемъ Бога. Свѣтъ вѣры и религіи озаряетъ этотъ уголъ загробной любви. Надъ старыми памятниками зеленѣютъ могучіе дубы и осоки, въ зелени ихъ неумолчно щебечутъ птицы и вьютъ свои гнѣзда. Поодаль отъ кладбища высятся монастырскіе корпуса, въ которыхъ живетъ духовенство. Въ одномъ изъ корпусовъ находится келья монастырскаго подвижника отца Саввы, къ которому стекается народъ послѣ монастырскихъ службъ, прося его молитвъ, совѣтовъ и поученій. Отецъ Савва помогаетъ бѣднымъ и опекаетъ сиротъ, для которыхъ онъ открылъ монастырскій пріютъ. Слава о подвижникѣ распространена во всемъ округѣ.

Когда Алексѣй Петровичъ пріѣхалъ въ монастырь, около крылечка отца Саввы стояла группа крестьянъ и крестьянокъ. Алексѣй Петровичъ вошелъ въ эту толпу и не велѣлъ пока докладывать о себѣ.

На ступеняхъ лѣстницы показался, одѣтый въ черный монашескій костюмъ, совершенно сѣдой старикъ съ живыми, ясными глазами. Онъ спустился со ступеней и оглядывалъ пришедшихъ.

— Здравствуйте, православные,—сказалъ старикъ и поклонился пришедшимъ.

Крестьяне сняли шапки и поклонились ему.

— Ну, что, Никита,—обратился старецъ къ стоявшему впереди крестьянину и дружески положилъ на плечо ему руку...—Помогъ ли тебѣ Богъ?

— Поправляется старуха,—отвѣчалъ Никита и продолжалъ:—просьба къ тебѣ, отецъ Савва. Старшой-то мой, что̀ ушелъ на войну, безъ вѣсти пропалъ. Другіе вонъ возвращаются, а о немъ ни слуху ни духу. Хотѣлъ я запросъ отписать, да не знаю, кому писать-то.

— Ты знаешь ли, въ какомъ полку онъ служилъ?—спросилъ отецъ Савва.

— Знать-то не знаю, а только могу спросить другихъ, которые вернулись.

— Ну, такъ узнай и приходи завтра. Я напишу тебѣ запросъ.

— Отецъ Савва,—говоритъ протискивающаяся къ нему баба.—Я—несчастная, нищая, вдовье мое дѣло, мужа убили на войнѣ, сироты мои сидятъ безъ хлѣба... Помоги, возьми ихъ въ свой пріютъ.

— Ладно, я скажу настоятелю,—отвѣчалъ старецъ.

— Отецъ Савва,—говоритъ третій крестьянинъ, — скажи монастырскому приказчику, чтобы взялъ погорѣльцевъ на работу. Они безъ хлѣба сидятъ.

Бѣдные и бѣдствующіе, нищіе и убогіе—всѣ поочередно обращались къ отцу Саввѣ, онъ выслушивалъ всѣхъ, нѣкоторые просили его молитвъ, другіе заступничества и помощи... Монастырскіе часы сыграли на башнѣ уже четыре раза, пока отецъ Савва успѣлъ выслушать и отпустить собравшихся крестьянъ.

Отцу Саввѣ сказали о пріѣздѣ Алексѣя Петровича Могиканова.

Давнія воспоминанія пробудило въ старикѣ это имя. Онъ еще былъ въ міру, когда зналъ семью Могикановыхъ, мѣстныхъ помѣщиковъ, людей русскихъ, религіозныхъ. Отецъ Савва зналъ о блестящемъ положеніи Могиканова въ Петербургѣ, о его вліяніи, и вотъ теперь, когда столько думъ, столько волнующихъ русское сердце чувствъ накопилось въ душѣ,—самъ Могикановъ приходитъ къ нему.

— Добро пожаловать! — сказалъ отецъ Савва, когда Могикановъ былъ на порогѣ его большой, немного мрачной кельи, каковы келіи всѣхъ старыхъ монастырей. Отецъ Савва всматривался въ Могиканова, стараясь уловить знакомыя черты.

— Сколько лѣтъ!—сказалъ отецъ Савва и, подойдя къ нему, поцѣловалъ его въ голову — Садитесь, Алексѣй Петровичъ. Не ожидалъ васъ увидѣть у себя.

— А вы меня помните?—спросилъ Алексѣй Петровичъ, смотря въ живые глаза отца Саввы.

— Еще бы не помнить... земляка-то? Могилы вашихъ родителей въ нашемъ монастырѣ.,.

— Вотъ пріѣхалъ въ родные края,—продолжалъ Алексѣй Петровичъ:—посмотрѣть, что творится у васъ.

— Тяжелыя времена,—сказалъ отецъ Савва и, подумавъ съ минуту, замѣтилъ:—что тамъ мудритъ ваша государственная дума?.. Говорятъ, хочетъ уничтожить крупныя хозяйства, отобрать владѣльческія земли... Да спросите вы крестьянъ: чѣмъ они жить-то будутъ безъ крупныхъ хозяйствъ въ трудное зимнее время? У насъ вотъ все окрестное крестьянство кормится монастыремъ: и дрова возятъ, и работаютъ въ обители. Если бъ сами управлялись, не просились бы къ намъ. На монастырскіе заработки выросъ весь сосѣдній поселокъ. Не дѣло говоритъ ваша дума, отъ ея затѣй гибель людямъ. А вотъ еще: что это за призывы къ анархіи? Развѣ для этого думу собирали, чтобы пуще разрушать Русскую землю? Тяжелыя времена! — повторялъ отецъ Савва... — Совѣсть и честь померкли, солнце жизни погасло, оттого и страданіе разлилось по всей землѣ. Спросите мужиковъ—всѣ они за царя; что они хотятъ земли,—въ этомъ еще грѣха большого нѣтъ, но они говорятъ въ

одинъ голосъ: царь даетъ землю, и, кромѣ царя, никто земли имъ дать не можетъ. Россія и царь—вотъ взгляды народа, а у васъ тамъ въ Петербургѣ выдумываютъ какія-то республики... Богъ знаетъ, что такое... Народъ не хочетъ знать никакихъ республикъ.

— Да, отецъ Савва,—замѣтилъ Алексѣй Петровичъ,—есть такія вѣянія. Это—плодъ заблужденій Петербурга, который не знаетъ народа.

— Вы тамъ въ столицѣ взяли не тотъ курсъ,— энергично замѣтилъ отецъ Савва,—оттого и страдаетъ земля. Нуженъ свѣтлый путь правды, нужно беречь завѣты Россіи, чтобы народъ довѣрялъ вамъ. Вашъ Витте говоритъ, что онъ въ маленькой лодкѣ «надѣется доплыть до берега». Охъ, не доплывете... потому что путь вашъ ложный. Я разскажу вамъ,—продолжалъ отецъ Савва,—давно это было, я плылъ на Аѳонъ. Не видѣли мы божьяго свѣта, волны ревѣли и заливали насъ, мракъ окуталъ море, и мы готовились къ гибели. А другіе богомольцы, которые плыли въ это время прямымъ путемъ, не знали бури, все время видѣли свѣтъ солнца и имѣли тихое море... Такъ и въ жизни. Надо знать, куда идешь, и плохо, если корабль ложно направленъ. Вашъ путь поблажекъ и уступокъ буйной толпѣ — неправый и опасный. Добрый корабль идетъ въ разрѣзъ бурѣ и послѣ борьбы находитъ тихую пристань, а вы никогда ея не найдете. Вѣдь государственный корабль — не лодочка вашего Витте. Къ какому берегу тотъ плылъ,— вѣроятно, въ свое время не всѣ у васъ понимали, потому что этотъ гибельный курсъ до сихъ поръ не исправленъ. Россія въ опасности, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.

— Да, правда, есть другой путь,—сказалъ Алексѣй Петровичъ,—но мы непростительно забыли о немъ.

Алексѣй Петровичъ почувствовалъ въ эту минуту, что и подъ тяжестью старости въ немъ еще бьется горячее патріотическое сердце. Здѣсь все кругомъ онъ видитъ знакомое, родное. Родныя святыни, родныя могилы, сокровища вѣры и религіи. Неужели отдать это все на растерзаніе врагамъ?

— Вы объѣхали Россію,—продолжалъ отецъ Савва,—вы видѣли, какъ стонетъ и болѣетъ страна, укажите же имъ въ Петербургѣ ихъ ошибки. Можетъ быть, еще не поздно!

— Да, я это сдѣлаю!— рѣшительно сказалъ Алексѣй Петровичъ.

— Да благословитъ тебя Богъ въ этомъ честномъ подвигѣ!—произнесъ отецъ Савва и продолжалъ: — скажи имъ, что правда Божія жива еще въ русскомъ народѣ, что въ русскомъ сердцѣ не угасъ еще свѣточъ совѣсти. Вы въ Петербургѣ судите о народѣ по вашимъ рабочимъ-анархистамъ. Но внутри Россіи народъ другой, въ немъ не угасъ духъ Минина. Страшно и тяжело жить въ потемкахъ и онъ ищетъ правды и просвѣта и не успокоится, пока не найдетъ

ихъ... Помогите же ему, прекратите ваше разрушеніе Россіи и сами ищите Божью правду. Скажи имъ, честный русскій сановникъ, что земля горько и страшно плачетъ... Черные коршуны терзаютъ ее.

X.

Алексѣй Петровичъ ѣхалъ въ Петербургъ съ большимъ запасомъ наблюденій и въ большомъ нервномъ подъемѣ. Онъ сознавалъ, что въ состояніи теперь раскрыть глаза Петербургу на положеніе вещей, онъ зналъ, что имѣетъ право говорить полнымъ словомъ.

Онъ глядѣлъ въ окно вагона. Прохладный ночной воздухъ и брызги дождя освѣжали его разгоряченную голову. Ночь была черная, безлунная, со скошенныхъ полей порывистый вѣтеръ несъ ароматъ свѣжаго сѣна и степныхъ травъ. Поѣздъ, стуча и гремя, мчался во-всю. Черныя тучи быстро бѣжали въ небѣ... вдали временами раздавались раскаты грома, и на горизонтѣ зигзагами вспыхивала молнія. Послѣ каждой вспышки ночь казалась еще чернѣе. Алексѣй Петровичъ всматривался въ эту жуткую черноту ночи. Онъ думалъ: такая же черная ночь виситъ теперь надъ всей Русской землей. Бѣдная, измученная страна, неужели тебѣ не дождаться разсвѣта?

Мысль его работала энергично.

— Надо разбудить русскій геній!.. думалъ онъ:—надо найти путь правды.

Алексѣй Петровичъ просматривалъ въ вагонѣ газеты, которыя принесли ему вѣсти изъ Петербурга. Но мало отраднаго читалъ онъ въ газетахъ. Въ дерзкихъ рѣчахъ думскихъ депутатовъ-анархистовъ звучалъ какой-то сомнамбулическій .революціонный бредъ. «Я видѣлъ вчера столько брильянтовъ,—вопилъ какой-то депутатъ, говоря о пріемѣ въ Зимнемъ дворцѣ, и добавлялъ:—вотъ гдѣ плоды народнаго достатка». Другой голосилъ: «мы опираемся на народъ, мы должны требовать, народъ поддержитъ насъ». Дальше были: «амнистія, національзація земли, дарованіе правъ евреямъ», и весь этотъ вздоръ старательно разносился телеграммами по всей Россіи.

— О позоръ!—подумалъ Алексѣй Петровичъ,—и какъ вы дерзаете говорить отъ имени народа, который не знаетъ васъ!

— Но, къ счастью, не вся дума такая,—утѣшалъ онъ себя,—положительные люди почему-то еще молчатъ.

Изъ городовъ Россіи неслись все тѣ же знакомыя вѣсти: грабежи, убійства полицейскихъ чиновъ, подвиги шаекъ разбойниковъ, бросаніе бомбъ...

А изъ Вѣны, Берлина, Парижа телеграммы старательно извѣщали Россію о паденіи русскаго курса вслѣдствіе ухода гр. Витте.

Черезъ два дня Алексѣй Петровичъ подъѣзжалъ къ хмурому утопающему въ дыму Петербургу.

— Теперь за работу,—рѣшилъ онъ и принялся писать докладъ.

«Современное положеніе Россіи не обѣщаетъ»...—вывелъ онъ въ первой строкѣ, но тотчасъ сердито перечеркнулъ эти слова, сказавъ себѣ:

— Зачѣмъ эти фразы?.. Кровью сердца надо писать теперь, надо передать вопли и стоны страны, ея страданія, ея отчаяніе. Буду говорить проще.

«Всѣ мѣры правительства въ теченіе послѣдняго полугодія систематически вели къ смутѣ и гибели Россіи. И вотъ результаты: русскимъ людямъ нѣтъ жизни въ родной странѣ, дышать нечѣмъ. Палачи Россіи всего достигли. Законовъ нѣтъ, власть упразднена, судъ обезсиленъ, а палачи продолжаютъ казнить страну мятежемъ и терроромъ. Все святое для насъ, все дорогое русскому человѣку втоптано въ грязь... Но русскій народъ еще живъ, онъ жаждетъ спасенія родины... И онъ спасетъ ее! Онъ жаждетъ вернуться на путь закона и Божьей правды»...

Алексѣй Петровичъ на минуту остановился и подумалъ:

— Надо указать, какъ шагъ за шагомъ готовилось разрушеніе Россіи, какъ страну вели открыто къ террору.

И онъ продолжалъ:

«Къ осуществленію созрѣвшаго преступнаго плана палачи Россіи приступили съ вѣроломнымъ святотатственнымъ расчетомъ»...

Алексѣй Петровичъ писалъ до разсвѣта... Бѣлая петербургская ночь смѣнилась уже солнечнымъ утромъ, и на золотыхъ главахъ церквей заиграли лучи восхода.

Когда онъ лично представлялъ докладъ, его спросили:

— Вынесли ли вы надежду на возможность успокоенія страны?..

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.

— Отчего же,—говорили ему:—вѣдь, кажется, мы не отмѣняемъ проведенныхъ въ жизнь либеральныхъ реформъ?...

— Не въ этихъ реформахъ дѣло,—значительно сказалъ онъ.

— А въ чемъ же?—замѣтили ему.

— Россія на ложномъ пути... Правительство идетъ не тѣмъ курсомъ... Законы упразднены, завѣты правды забыты... Народъ чуетъ это, ибо кругомъ торжествуютъ предательство и разбой. А народъ страстно ищетъ правды... Вы уклонились отъ нея, и въ этомъ разладѣ со страной весь трагизмъ вашего положенія... Найдите эту правду, вступите на путь прямоты и искренности, и народъ почувствуетъ вашу силу, и тогда вы можете опереться на него...

Путникъ (Н. Н. Лендеръ).

ДОНЦЫ ВЪ БОРЬБѢ СЪ ПУГАЧЕВЦАМИ.

АВГУСТЪ 1774 г. стоялъ въ сѣверной части Донской области прохладный, съ сильными грозами.

Весь день 13 числа шелъ дождь... Во 2-мъ часу къ станціи Царицѣ почтоваго тракта, идущаго отъ Славяносербска къ Усть-Медвѣдицкой станицѣ, на всемъ скаку запыхавшейся четверки донскихъ горбоносыхъ степняковъ, съ грохотомъ и позвякиваніемъ бубенцовъ подкатилъ сопровождаемый нѣсколькими казаками о-дву-конь, модный въ то время, безрессорный, на ремняхъ, со стеклами, рыдванъ, расписанный яркими красками, усѣянный мѣдными гвоздями, съ большими круглыми головками, и обитый внутри свѣтло-голубымъ бархатомъ. На козлахъ сидѣлъ рядомъ съ правившимъ лошадьми, рябымъ, коренастымъ калмыкомъ видный бородатый казакъ, вооруженный ружьемъ, саблей, кинжаломъ и двумя пистолетами. Изъ рыдвана, кряхтя и покашливая, вышелъ средняго роста плотный, лѣтъ сорока, съ смуглымъ, усатымъ, нѣсколько калмыковатымъ лицомъ, донской старшина, одежда котораго представляла смѣсь польскаго, русскаго, татарскаго и черкесскаго. Поверхъ парчевого длиннополаго кафтана съ золочеными пуговицами на немъ была свѣтло-синяя суконная черкеска съ патронташами на груди, съ разрѣзными рукавами и заковряжьями (обшлагами), обложенными кругомъ золотымъ позументомъ съ блестками; къ широкому, съ золотой бахромой, протканному золотомъ, поясу прикрѣпленъ былъ спереди

на гайтанѣ кинжалъ и сбоку—кривая сабля съ сафьяновыми зелеными ножнами, украшенными бляхами, каменьями и золотымъ шитьемъ. Красные сафьяновые, азіатскаго покроя, съ загнутыми носками, сапоги и шапка съ широкимъ собольимъ околышемъ и краснымъ, вышитымъ золотомъ, верхомъ дополняли пестрый костюмъ старшины.

— Заразъ же и запрягать вели, Тарасовъ,—сказалъ онъ соскочившему съ козелъ казаку, а затѣмъ ласково обратился къ подбѣжавшему съ низкими поклонами высокому сѣдовласому человѣку, лѣтъ пятидесяти, еще свѣжему и бодрому:

— Здравствуй, здравствуй, голубчикъ Опришко...

— Здравія желаю, Абросимъ Гаврилычъ! — радостно отвѣтилъ старикъ, цѣлуя пріѣзжаго въ плечо.

— Давно таки мы съ тобой не видались,—продолжалъ старшина, подымаясь на крылечко чистенькаго станціоннаго домика, окрашеннаго ярко-зеленой краской, съ рѣзными узорчатыми ставнями, невдалекѣ отъ котораго толпились бабы, казаки и мужики съ котомками за плечами.

— Давненько, давненько, батюшка, Абросимъ Гаврилычъ,—привѣтливо говорилъ старикъ, отворяя дверь въ полутемныя сѣни, откуда пахнуло пріятнымъ запахомъ теплаго ржаного хлѣба.—Пожалуйте, пожалуйте въ горницу... Заразъ закусить велю подать... Есть у меня сюзьма важная, есть лизень холодный съ огурчиками...

— Нѣтъ, спасибо, дорогой мой... Ничего ѣсть не хочу. Дюже нездоровится мнѣ... Жажда мучитъ... Вотъ развѣ медкомъ угостишь? Есть?

— Есть, есть, батюшка, есть!.. Медъ у меня важный...

— Такъ вотъ и дай сюда на крылечко, — сказалъ старшина, усаживаясь на лавочку.

Старикъ стремительно бросился въ дверь и чрезъ минуту уже стоялъ предъ старшиной съ ярко расписаннымъ подносомъ, на которомъ массивный серебряный кубокъ пѣнился старымъ медомъ.

Старшина, оглядывая тревожнымъ взоромъ волновавшуюся и шумѣвшую толпу, взялъ кубокъ, медленно выпилъ, крякнулъ и посмаковалъ губами.

— Ай да медъ!—произнесъ онъ.—Спасибо, Опришко.

— Не угодно ли отвѣдать винца? — предложилъ старикъ, почтительно кланяясь.—Важное есть у меня... греческое... заморское... архипелажское.

— Нѣтъ, дружокъ, спасибо... Ничего я больше не хочу... А вотъ попрошу поторопить съ запряжкой... Четверку надо...

— Четверки нѣтъ, Абросимъ Гаврилычъ... Только пара масштаковъ осталась... Гонка въ это время здоровая...

— Ну, гдѣ же на парѣ! Видишь самъ, какая махина рыдванъ-то мой?

— Эко горе какое! Что же дѣлать? Тогда не заложить ли таратайку?.. Настелемъ подушекъ, коврикомъ покроемъ, и хорошо будетъ...

— Да что ты—въ умѣ ли? Аль не видишь, что я хворый вовсе?.. Я, вѣришь ли, такъ ослабѣлъ отъ трудовъ большихъ и болѣзни, что еле хожу... Ну, гдѣ же мнѣ, самъ посуди, въ трясучкѣ-то твоей ѣхать? О Господи, Господи! О, какъ тяжко мнѣ!.. Послалъ меня атаманъ Сулинъ помогать Себрякову, а не знаю, что и дѣлать... Слабъ я дюже... совсѣмъ силъ лишился...

— Вотъ горе-то!—съ искреннимъ сожалѣніемъ воскликнулъ старикъ.—Зачѣмъ же они васъ-то хвораго послали? Надо бы кого другого... Тутъ вѣдь не легко будетъ...

— Да кого же?... Некого... Всѣ старшины въ полѣ... Вѣдь онъ меня съ постели поднялъ, да и говоритъ: «не время теперича, Гаврилычъ, хворать, когда неотмѣнно надобно спасать отечество... Поѣзжай, говоритъ, къ больному Себрякову и постарайся, пожалуй, къ отечеству не пустить Пугачеву толпу... Прими, говоритъ, полки, укомплектуй накладными (запасными), выбери старшинъ, людей въ семъ чинѣ быть надежныхъ, установись лагеремъ въ способныхъ и кормовыхъ для лошадей мѣстахъ, чини наивозможныя о движеніяхъ злодѣя развѣдыванія, посылай людей при походныхъ старшинахъ до пристойныхъ мѣстъ въ разъѣзды, одинъ за другимъ, особливо къ сторонѣ Волги, недреманно старайся и имѣй попеченіе, не будетъ ли отъ измѣнника обольстителей на возмущеніе казаковъ, буде же въ предѣлахъ войска Донского или по близости—злодѣйская партія, стремись въ то мѣсто, гдѣ онъ скрываться можетъ, старайся въ-наипервыхъ ее безкровопролитно наклонить, а, видя ихъ непреклонныхъ, да еще гнусно обороняющихся, поступай съ ними огнеоружіемъ; въ случаѣ же, если, паче всякаго чаянія, послѣдуетъ свѣдѣніе, что самъ злодѣй Пугачевъ со всею своею толпою слѣдуетъ гдѣ въ ближнихъ мѣстахъ, то въ такой крайности, давъ о семъ знать старшинамъ, стремись съ войскомъ супротивъ его и старайся истребить и искоренить въ прахъ со всею толпою»... Гдѣ же мнѣ,—говорю я ему,—итти въ походъ и сполнить все это, когда я крайне боленъ и не знаю, какъ и быть живому... Уволь, говорю... И слушать ничего не хочетъ... «Поѣзжай, говоритъ, да и только... Больше, говоритъ, мнѣ некого послать». Ну, что мнѣ было съ нимъ дѣлать?.. Самъ знаешь нашего Семена Сулина...

— Какъ не знать!.. Шутки съ нимъ плохи...

— Вотъ то-то и есть... А что слыхать у васъ тутъ объ Емелькѣ?

— Да плохія вѣсти... дюже плохія...

— А что?

— Да вотъ извольте-ка сами разспросить ихъ,—нагнувшись къ

уху старшины и указывая на крестьянъ и казаковъ, стоявшихъ вблизи, тихо сказалъ старикъ.

— Да что жъ они говорятъ?—тревожно спросилъ старшина.

— Да будто по сю сторону Волги всѣ стоятъ за него: и крестьяне, и купцы, и иновѣрцы. Воеводы, дворяне и чиновный людъ бѣгутъ... А кто если попадется въ его лапы изъ нихъ,—вѣшаетъ... Страсти Господни, что дѣлается... Вездѣ шляются шайки грабителей, и у всякой свой Пугачъ... Купечество и черный людъ въ городахъ и слободахъ встрѣчаютъ Емельку, словно царя, съ образами и хлѣбомъ... съ колокольнымъ звономъ... на колѣнкахъ присягу принимаютъ...

— Ну, это тамъ только... близъ Алатыря, Саранска... въ татарской сторонѣ... Тамъ какая же Русь!.. Отатарились тамъ всѣ...

— Какой у Саранска!—перебилъ старикъ.—Что вы!.. Развѣ-жъ не знаете, что онъ уже и Пензу разграбилъ и воеводу Всеволожскаго сжегъ съ домомъ?

— Да что ты говоришь?—воскликнулъ старшина, вскочивъ съ лавочки.—Пензу?.. Не слыхалъ я про это... Сулинъ мнѣ сказалъ, что шайки завладѣли Саранскомъ и Нижнимъ-Ломовымъ... Какъ же это такъ?.. И давно?..

— А вотъ ужъ доподлинно не знаю... Люди сказываютъ, что 6-го числа онъ былъ уже у Петровска и забралъ 60 казаковъ изъ команды есаула Ѳомина...

— Есаула Ѳомина?—хриплымъ, прерывающимся голосомъ переспросилъ совершенно измѣнившійся въ лицѣ старшина.—Да ты не шутишь ли?..

— Помилуйте...

— Да какъ же это могло случиться, когда Ѳоминъ въ Саратовѣ при опекунской конторѣ?

— Его, сказываютъ, послали съ полусотней изъ Саратова, чтобы разузнать о Пугачѣ... Ну, вотъ онъ и наткнулся на него самаго у Петровска...

— Да откуда эти вѣсти?.. Это они что ли распускаютъ такіе слухи?—спросилъ старшина, указывая на толпу.

— Да Ѳоминскіе же казаки сказывали... Сотникъ Иванъ Мелиховъ и квартермистръ Василій Малаховъ убѣгли отъ него и прискакали въ Медвѣдицу... А опосля и еще казаки прискакали сюда: Бикреневъ, Лобачевъ, Плѣшковъ, Буравлевъ, Горбачевъ, Лощилинъ... Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ...

— Такъ что же это?—обратился старшина къ подошедшему казаку своему Тарасову.—Слышишь ты, что говорятъ-то?.. Выходитъ такъ, что Пугачъ, пожалуй, ужъ и къ Саратову подошелъ... А мы съ тобой думали малость передохнуть...

— Должно, не придется отдыхать, Абросимъ Гаврилычъ,—отвѣтилъ, глубоко вздохнувъ, Тарасовъ.—Вотъ послушайте-ка, что ска-

зываетъ станичникъ изъ Ѳоминской команды... Баранчиковъ!— крикнулъ, оглядываясь назадъ, Тарасовъ:—Баранчиковъ!.. Да куда ты запропастился?..

— Я тутъ, тутъ!..—раздался сиплый голосъ, и изъ толпы вышелъ средняго роста, щекастый, юный казакъ съ бѣловатымъ пухомъ на подбородкѣ и маленькими, безпрестанно мигающими, тусклыми глазами.

— Что ты знаешь?—строгимъ тономъ спросилъ его старшина.— Гдѣ и какъ попали вы въ лапы Емельки?..

— Они на насъ вразъ налетѣли у Петровска и окружили,— робко заговорилъ казакъ, почему-то пугливо оглядываясь по сторонамъ.

— Много ихъ было?..

— Да видимо-невидимо... Тысячъ десять, должно... Вразъ они окружили, а есаулъ нашъ на утекъ пустился... Ну, мы и побросали пики... Я утекъ изъ-подъ Царицына...

— Какъ изъ-подъ Царицына?.. А Саратовъ развѣ?..

— Саратовъ Емелька взялъ еще недѣлю назадъ.

— Да ты не врешь?..

— Вотъ Христомъ Богомъ клянусь!..

— И видалъ ты самого Пугача?..

— Видалъ... Сколько разовъ видалъ!..

— Ну, и что же... онъ это... Емелька, аль кто другой?..

— Онъ, онъ... онъ самый!.. Я его доразу призналъ, хоша онъ и вырядился важно...

— Что же слышалъ ты тамъ? Что говорятъ промежъ себя душегубы и измѣнники? Вѣрятъ они развѣ, что онъ—императоръ?..

— Кто вѣритъ, а кто нѣтъ... Больше такихъ, что не вѣрятъ... и сумнѣніе ихъ, какъ видать, беретъ... Опасаются они дюже Михинасына [1]), что гоняется за ними... Дѣла, какъ видать, не важныя у нихъ... Надѣются они на подмогу съ Дону... на нашихъ казаковъ...

— На нашихъ казаковъ?

— Такъ точно... Емелька изъ Саратова послалъ сюда трехъ казаковъ съ грамотами... Зоветъ казаковъ итти съ нимъ за Кубань...

— Казаковъ-то ты этихъ посланныхъ видалъ... знаешь?..

— Видалъ... Одинъ яицкій, а два нашихъ... Одинъ прозывается Степаномъ, а чей—не вѣдаю, чернявый такой, на васъ дюже смахиваетъ, а другой Антиповской станицы Черниковъ Иванъ [2])... Послалъ онъ ихъ, а опосля въ тотъ же день послалъ услѣдъ за ними три шайки... и въ кажинной по тысячѣ... Сказывали, что и Ястребовъ-душегубъ къ нимъ присталъ...

---

[1]) Михельсона.

[2]) Черниковъ былъ повѣшенъ въ Черкасскѣ.

Вдругъ старшина повернулся и сталъ прислушиваться, смотря на дорогу, идущую изъ Усть-Медвѣдицы. Вскорѣ ясно донесся звонъ колокольцовъ, стукъ приближающихся колесъ, и изъ виднѣвшагося въ полуверстѣ лѣска показался тарантасъ, запряженный несшейся во всю прыть тройкой степняковъ.

— Батюшки мои!—закричалъ старшина, когда въ быстро приближавшемся экипажѣ мелькнула расшитая серебромъ треуголка и очеркъ красиваго лица.—Да никакъ это Арсеній!..

Онъ быстро спустился съ крылечка и, махая руками, побѣжалъ среди разступившейся толпы. Минуту спустя, онъ уже обнималъ красиваго и браваго офицера лѣтъ сорока, одѣтаго въ расшитый серебромъ по бортамъ казакинъ краснаго сукна и кафтанъ васильковаго цвѣта, поверхъ котораго была накинута синяя шинель съ красными обшлагами.

— Вотъ не ожидалъ-то!—говорилъ онъ.—Съ Кунерсдорфа не видались... Ахъ, ты, мой милый...

— Какими судьбами ты-то здѣсь?—спрашивалъ звонкимъ голосомъ офицеръ, весело отвѣчая на ласки стараго пріятеля.

— Да вотъ послалъ меня Сулинъ съ Емелькой воевать!—улыбаясь и пожимая руку пріятелю, говорилъ старшина.—А ты откуда и куда летишь?

— Да ѣздилъ я, по порученію Потемкина, въ Саранскій уѣздъ... на заводъ нашъ... въ Починки [1]), а теперь—въ Черкасскъ съ разными распоряженіями къ атаману вашему и чтобъ поторопить Алексѣя Ивановича Иловайскаго...

— Куда торопить-то его?..

— Да туда же, куда и ты ѣдешь... бить Пугача...

— Вотъ какъ!... Я не зналъ... Иловайскаго?..

— Ну, да!.. Еще 1-го числа Потемкинъ послалъ въ Черкасскъ высочайшее повелѣніе немедленно собрать тысячу казаковъ и послать ихъ подъ командой Иловайскаго съ крайней поспѣшностью въ Воронежскую губернію...

— Да развѣ же въ Воронежской есть шайки?

— Не только въ Воронежской, а даже и въ вашей области...

[1]) Въ запискахъ А. Г. Луковкина приведенъ слѣдующій разсказъ этого офицера конной гвардіи о его поѣздкѣ въ Починки: «Я чуть было не попалъ тамъ въ лапы пугачевцевъ... начальникъ завода, нашъ ротмистръ Павловъ, ушелъ на встрѣчу Михельсона, а на заводѣ оставилъ только 35 солдатъ. Часа чрезъ два послѣ его ухода я подъѣхалъ къ Починкамъ и увидѣлъ, что тамъ происходитъ нѣчто необычайное... Громадная вооруженная толпа распоряжалась тамъ: била солдатъ, выводила лошадей... Бѣжавшій оттуда мужикъ разъяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло... Пугачи приволокли священника и приказали ему приводить солдатъ къ присягѣ... Никто изъ нашихъ молодцовъ не согласился... Тогда ихъ поволокли къ висѣлицамъ... Я немедленно поскакалъ за Павловымъ, догналъ, и мы успѣли съ нимъ налетѣть на негодяевъ, когда уже шести унтеръ-офицерамъ они надѣли петли.. Разнесли мы ихъ вдребезги и гнали верстъ десять»...

— Да что ты говоришь!..

— Увѣряю тебя... Огромная шайка пугачевцевъ разграбила на Медвѣдицѣ слободу Даниловку и казачій хуторъ Каменовыхъ... Самого хозяина, Василія Каменова, повѣсили на воротахъ...

— Вотъ ужасъ-то!.. Что же это Себряковъ?...

— А Себряковъ вашъ, говорятъ, собирается бѣжать изъ Скурышенской станицы въ Новохоперскую крѣпость... Дѣла у васъ не важныя... Среди казаковъ замѣтно волненіе, и неладные разговоры ведутъ они... Я самъ слышалъ, какъ говорили: «должно, и взаправду онъ царь, коли Себрякъ не хочетъ съ имъ въ битву вступать». А въ Усть-Медвѣдицѣ собираются встрѣчать пугачевцевъ съ хоругвями и хлѣбомъ-солью...

— Боже мой!.. воскликнулъ совершенно растерявшійся старшина.—Ты меня, Арсеній, прямо-таки зарѣзалъ этими вѣстями!.. Надо спѣшить!.. Опришко!..

— Что прикажете, Абросимъ Гаврилычъ?—спросилъ подбѣжавшій старикъ.

— Да что, братъ... лошадей скорѣй... въ таратайку!.. Надо спѣшить!.. Ты слышалъ, что говорятъ?.. Медвѣдицкіе сбираются встрѣчать злодѣевъ?.. Вотъ позоръ-то!..

— Все можетъ быть... Сами знаете тамошняго атамана... Слыхалъ и я, что тамъ готовятся...

Минутъ чрезъ пять старшина, дружески распрощавшись съ офицеромъ, влѣзъ въ таратайку и помчался къ Медвѣдицкой станицѣ.

II.

Пугачевскій бунтъ надолго останется въ памяти донцовъ, хотя зло его только слегка коснулось береговъ «тихаго Дона».

Въ эту бѣдственную годину донцы справедливо заслужили благодарность царицы, такъ какъ были главными участниками въ пораженіи Пугачева и поимкѣ его.

Тяжелое это было время для донцовъ: южныя и восточныя окраины подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ киргизъ-кайсаковъ, калмыковъ, кавказскихъ горцевъ, нагайскихъ и крымскихъ татаръ; съ сѣвера надвигались пугачевцы, а внутри области разгуливали разбойничьи шайки; для борьбы же съ этими врагами оставались только старики и малолѣтки. Вѣсти о самозванцѣ, дошедшія на Донъ въ послѣднихъ числахъ октября 1773 г., привели всѣхъ гражданъ его въ необыкновенное движеніе. Войсковое начальство препроводило 21 октября въ «военную коллегію» всеподданнѣйшую отписку, что «Донское войско весьма скорбитъ о случившемся несчастіи и, по долгу присяги и вѣрности къ ея императорскому величеству, не преминетъ съ своей стороны употребить всѣ средства, гдѣ только попадутся способы и возможности, къ пре-

сѣченію и отвращенію злодѣйствъ бездѣльника и изверга Пугачева». Затѣмъ, согласно высочайшаго указа, домъ Пугачева въ присутствіи духовенства и всѣхъ зимовейскихъ [1]) казаковъ былъ сожженъ и пепелъ отъ него развѣянъ, мѣсто же, гдѣ онъ стоялъ, окопано, огорожено и оставлено, какъ проклятое, навѣки въ запустѣніи, а семья его отправлена въ Казань. Въ это же время разосланы были по всему Дону войсковыя грамоты о дѣяніяхъ Пугачева, въ которыхъ предписывалось казакамъ «никакимъ о немъ слухамъ не внимать, а стараться разбить его, искоренить и прахъ его истребить со всею его сволочною толпою, чтобы имя его истребилось и мерзостью осталось навѣки, чтобы тѣмъ исполнить законъ Божій, соблюсти вѣрноподданническую ея императорскому величеству и отечеству должность, и чтобы симъ самымъ спасти отъ разоренія донское благоцвѣтущее общество и не погасить древнѣйшей донской вѣрной службы и славы».

Для защиты Донскихъ предѣловъ отъ вторженія Пугачевскихъ шаекъ приказано было немедленно собрать ополченіе, главное начальство надъ коимъ было ввѣрено заслуженному, но больному, полковнику Михаилу Сидоровичу Себрякову [2]). Это назначеніе едва не имѣло гибельныхъ послѣдствій для Дона. Вялыя дѣйствія Себрякова привели къ тому, что пугачевцы, ворвавшись въ донскіе предѣлы, начали грабить хутора и слободы. Къ счастью, атаманъ Сулинъ во-время командировалъ Амвросія Гавриловича Луковкина [3]), который силою воли и распорядительностью возстановилъ

---

[1]) Согласно просьбѣ зимовейцевъ, ихъ переселили впослѣдствіи на другую сторону Дона, и станица ихъ названа Потемкинскою.

[2]) Себряковъ отличился въ Семилѣтнюю войну въ Пруссіи и въ 1767 г. въ Крыму. Въ 1762 г. онъ былъ произведенъ прямо въ полковники, а затѣмъ вскорѣ ему было пожаловано въ потомственное владѣніе очень значительное пространство земли по рѣкѣ Медвѣдицѣ. По усмиреніи Пугачевскаго бунта Себряковъ былъ приговоренъ за бездѣйствіе къ повѣшенію, но помилованъ императрицей.

[3]) Въ высочайшемъ указѣ отъ 23 октября 1758 г. сказано: «Графъ Ферморъ рапортомъ объявилъ, что нашего войска донского есаулъ Абросимъ Луковкинъ за показанные его, будучи во многихъ противъ непріятеля партіяхъ, отмѣнные поступки и храбрости и за привозъ знатныхъ о обращеніяхъ непріятельскихъ извѣстій, о чемъ генералъ-лейтенантъ графъ Румянцевъ въ репортахъ своихъ ему свидѣтельствовалъ и его, Луковкина, къ награжденію рекомендовалъ, имъ, генералъ-аншефомъ и кавалеромъ, 30 числа августа произведенъ въ старшины и походные полковники».

Изъ высочайшаго указа отъ 30 апрѣля 1770 г. видно, что Луковкинъ въ 1769 г. исправлялъ должность войскового атамана.

Изъ указа отъ 10 апрѣля 1771 г. за № 4090 видно, что полковнику Луковкину была пожалована золотая медаль.

Изъ грамотъ Петра I отъ 5, 15 и 21 мая 1724 г. видно, что въ то время на Дону были Луковкины. Старшина и атаманъ легкой станицы Петръ Луковкинъ былъ посланъ отъ войска съ есауломъ Степаномъ Родіоновымъ и 8 казаками къ государю и въ Москву въ военную коллегію.

порядокъ въ дѣйствіяхъ старшинъ и исправилъ промахи Себрякова. Ему одному обязаны донцы въ избавленіи отъ страшныхъ послѣдствій бунта, каковыя испытаны были гражданами Саратовской, Пензенской и другихъ губерній.

III.

Августа 13-го, около семи часовъ вечера, таратайка А. Г. Луковкина, сопровождаемая нѣсколькими казаками о-дву-конь, въ числѣ коихъ были Тарасовъ и Баранчиковъ, въѣхала въ Скурышенскую станицу, представлявшую кучу кое-какъ разбросанныхъ домиковъ и бѣдныхъ мазанокъ, безъ улицъ, съ кривыми закоулками, и остановилась близъ небольшой церкви у чистенькаго домика съ крыльцомъ, на которомъ сидѣлъ съ трубкою въ зубахъ высокій, стройный, смуглый усатый казакъ среднихъ лѣтъ, съ длинными волнистыми волосами и правильными чертами лица, одѣтый въ длиннополый синій шелковый кафтанъ, поверхъ котораго была красная черкеска съ откидными рукавами, обложенная кругомъ золотымъ позументомъ.

— Ба, ба, ба!.. весело привѣтствовалъ онъ гостя, быстро вскочивъ и спускаясь съ крыльца.—Гаврилычъ! голубчикъ! — продолжалъ онъ, пріятельски обнимая его. — Не спрашиваю, по какому дѣлу пожаловалъ... Угадываю... Ты ко мнѣ на подмогу... Вотъ спасибо Семену Никитичу, а то я, братуша, вовсе расхворался...

— Да я, братъ, и самъ плохъ, — говорилъ Луковкинъ, подымаясь по лѣстницѣ подъ руку съ хозяиномъ.—Почечуй и лихорадка меня въ конецъ извели... А ничего не подѣлаешь... Надо итти супротивъ Емельки. Надо поспѣшить...

— Надо, надо, дружокъ, надо... Безпремѣнно надо... Я вотъ и самъ убираюсь къ походу... Денька этакъ чрезъ три-четыре отслужу молебствіе, да и того... тронусь съ Божьей помощью...

— Что ты, Михалъ Сидорычъ? Чрезъ три дня?..

— А что?

— Да злодѣи же подходятъ сюда...

— Тю!.. вотъ выдумалъ!

— Да мнѣ сказывали—и въ Царицѣ, и въ Медвѣдицѣ...

— Да развѣ жъ можно давать вѣру всему, что тутъ брешутъ?— засмѣялся Себряковъ.—Садись, братуша, садись... Тутъ тебѣ такого наговорятъ! Только слушай ихъ. Тутъ и мнѣ давеча докладали, что Емелька выслалъ сюда три большія шайки... Брешутъ!.. ей, ей, брешутъ! Успокойся... Садись да выпей цымляшки... Побалакаемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Что ты?.. Не до вина мнѣ!.. Я только заѣхалъ узнать о распорядкахъ твоихъ.. Заразъ же надо ѣхать... Надо поспѣшать... Подтяните подпруги Орлику!—крикнулъ Луковкинъ казакамъ.

— Экій же ты безпокойный, Гаврилычъ!—сердито воскликнулъ Себряковъ.—Заладилъ одно: поспѣшать да поспѣшать, а куда поспѣшать, и самъ не знаешь... Поспѣшишь, братъ, такъ только людей насмѣшишь... Право... А ты вотъ лучше, не борзясь, присядь да разспроси меня, какъ и что... Да... а завтра, обсудивши дѣло, и тронешься къ сборному мѣсту на Арчеду...

— Завтра? Да что ты, Сидорычъ!.. Надо безпремѣнно ноничे же выслать станичниковъ изъ Арчединской къ Хопру и Бузулуку для побужденія къ скорѣйшему сбору...

— Такъ что же ты думаешь, что я-то, главный начальникъ надъ ополченіемъ, такъ тутъ и сидѣлъ, сложа руки, что ли? А?.. Я хоть и слабъ дюже, а давя еще о скорѣйшемъ сборѣ озаботился... И пособрали, кого могли... Я и ранѣ старался, какъ могъ, да и третьяго дня предписаніе наистрожайшее учинилъ... Перво-наперво дядѣ мому Лощилину приказъ отдалъ иттить съ десятью верхними Хоперскими станицами къ Ярышкину урочищу и стать въ Липечахъ... Васю Грекова направилъ съ десятью нижними Хоперскими на Арчеду и велѣлъ ему тамъ стоять до приказу съ пятью Нижне-Медвѣдицкими, а Кульбакову приказъ отдалъ собрать казаковъ съ шестнадцати Бузулуцкихъ и Верхне-Медвѣдицкихъ и иттить къ Березовкѣ... Во-какъ, братуша! Да еще и Поздѣева послалъ я со всѣми верхне-донскими... отъ Качалина до Казанки... къ верховьямъ Арчеды!.. Ну, чего жъ тебѣ еще! Какіе же еще-то сборы надоть? Да... постой, еще это не все... Еще тутъ у меня... въ двухъ верстахъ... у самаго Мохова лимана стоитъ болѣе двухъ сотенъ отъ Етеревской и Березовской... Ну?..

— Все это хорошо, Сидорычъ, а все же...

— Ну, что же еще-то?

— Да надо было и еще распорядки сдѣлать...

— А, ты думаешь, не сдѣлалъ!.. Сдѣлалъ, братъ, сдѣлалъ... Всѣмъ старшинамъ приказъ отдалъ выслать впередъ команды и наистрожайше собирать точнѣйшія свѣдѣнія о приближеніи измѣнника и состоять въ ежечасной къ отраженію его готовности... Окромя сего, ранѣ выслалъ я двухъ надежнѣйшихъ казаковъ съ командами въ Березовскую и Филоновскую, есаула Мельникова къ Ломову, а Ефрема Себрякова въ сторону къ Саратову, чтобы выслушивать всѣ вѣсти и о кажинной немедля мнѣ накороткѣ доносить... А сегодня и Кульбаковъ поскакалъ къ Етереву...

— Ну, и что жъ не доносятъ-то они?—перебилъ Луковкинъ.

— Да доносить-то, значитъ, не о чемъ...

— Какъ не о чемъ!.. Да злодѣи уже грабятъ на нашей землѣ... Мнѣ еще и въ Царицѣ сказывали...

— Да брешутъ же, говорю тебѣ!.. Неужли жъ я, главный начальникъ, и не зналъ бы о семъ? Ну, самъ посуди!.. А вотъ только то плохо, что свинцу и пороху у насъ мало... Это плохо... Писалъ

я Аршеневскому... коменданту новохоперскому... Прислалъ, да самую малость... Да вотъ еще, правду тебѣ сказать, братуша, не хорошо и то, что съ народомъ нашимъ бѣда... чистое горе... особливо съ бабьемъ.

— А что?..

— Да покоя мнѣ нѣтъ отъ нихъ... Голосятъ и воютъ съ утра до ночи подъ окнами моими да казаковъ съ толку сбиваютъ... «Должно, говорятъ, и воистину царь онъ!» Вотъ окаянныя! «Пугачъ, говорятъ, не могъ бы такъ долго противиться войскамъ царскимъ». Ну, что съ ними подѣлаешь?.. Изъ-за нихъ и казаки колеблются...

— Вотъ, вотъ!—воскликнулъ Луковкинъ.—Это и я заприметилъ по пути... Видалъ я самъ, какъ казаки съ бабами, дѣтьми и съ пожитками въ лѣса утекали... И знаешь ли, что ихъ болѣе въ сумнѣніе вводитъ?

— Что?..

— Да слухи, что ты сбираешься съ семействомъ въ Новохоперскую...

— Вотъ брешутъ-то!.. Я—въ Новохоперскую? Да и въ мысляхъ даже сего не было! Вотъ тебѣ крестъ!.. Я такъ помышляю, денька чрезъ три-четыре убраться, да и итти къ Медвѣдицѣ, даже до Даниловки и далѣе...

— Дойдешь ли только, братуша, до Даниловки-то? Чрезъ три-то дни, гляди, пугачи уже будутъ тутъ хозяйничать, меды и знатныя настойки твои распивать...

— Да будетъ тебѣ шутить, Гаврилычъ!..

— Это ты шутишь, а не я... Смотри, Сидорычъ, плохимъ это можетъ кончиться... Ты думаешь въ Даниловку итти, а Даниловка ужъ вся пограблена...

— Тю!..

— Вотъ тебѣ и тю!.. И Каменовъ хуторъ пограбленъ, а хозяинъ съ племяшами на воротахъ висятъ...

— Да не вѣрь ты сему!.. Можетъ, и точно тамъ что нибудь случилось, можетъ, и пограбили малость, да только не пугачевцевъ то дѣла, а, надо такъ думать, что то Ястребовъ-разбойникъ дѣйствуетъ... Вотъ ужъ второй годъ гоняюсь я за нимъ, а никоимъ манеромъ поймать его, дьявола, не могу...

— Ну, пугачи это или Ястребовъ, это все единственно; а мнѣ заразъ же надо на коня, да и гайда до Арчединской... Шутки, братъ, плохія... Сулинъ наказывалъ мнѣ не мѣшкать... «Повидайся, сказалъ, съ Михаилъ Сидорычемъ, разспроси его, что и какъ, да заразъ же и маршъ далѣ». Самъ знаешь, что съ нимъ шутки плохи... Спаси Богъ, если что неладное приключится, живо у него подъ судъ угодишь, а тамъ и на висѣлицу...

— Ну, ужъ и на висѣлицу!.. Чудакъ ты, Абросимъ!.. право,

чудакъ... Садись... Заразъ вечерить будемъ... Закусимъ, выпьемъ, а опосля...

— Нѣтъ!.. ѣду!..

— Ну, какъ знаешь!—обиженнымъ тономъ сказалъ Себряковъ.— Больше уговаривать не стану, а только скажу, что не хорошо это отъ хлѣба-соли да отъ чарки добраго вина отказываться! Не попріятельски это...

— Прости, братуша... Не могу... Боюсь я подъ отвѣтъ попасть... Да и тебѣ совѣтъ дружественный даю поторапливаться къ намъ... Смотри, какъ бы тебѣ не влетѣло!.. Смотри—вздернутъ!

— Тьфу!.. типунъ тебѣ на языкъ! Чего каркаешь?—сказалъ посмѣиваясь Себряковъ.

Старшины обнялись. Луковкинъ сошелъ съ крыльца, покряхтывая, и съ трудомъ вскарабкался, при помощи Тарасова и Баранчикова, на подведеннаго чуднаго золотисто-гнѣдого карабаха и, сопровождаемый казаками, скорой рысью понесся по дорогѣ, идущей къ верховьямъ Медвѣдицы.

Себряковъ постоялъ, пока онъ не скрылся за лѣсомъ, съ досадой плюнулъ и вошелъ въ сѣни.

IV.

17 августа, всѣ наличныя силы, собранныя А. Г. Луковкинымъ, состоявшія изъ плохо вооруженныхъ 550 казаковъ, большею частью, малолѣтковъ и стариковъ, расположены были лагеремъ по правому берегу небольшой рѣчки, среди вытоптанной почти до тла бакчи близъ Арчединской станицы. Около десяти часовъ вечера ясное небо стало заволакиваться съ сѣверо-востока темно-сѣрыми тучами. Подулъ пронизывающій холодный вѣтеръ, и затѣмъ вдругъ поднялся страшный вихрь. Взвилась клубами пыль на дорогѣ и, точно дымъ, поднялась надъ станицей и лагеремъ донцевъ. Издали, изъ-за лѣса, занимавшаго большое пространство на лѣвомъ берегу рѣки, быстро надвигалась сплошная безформенная туча и доносился какой-то глухой, неопредѣленный гулъ и шумъ... Стоявшіе у коновязей разномастные, мохнатые, горбоносые дончуки встревожились, навострили уши, зафыркали...

Амвросій Гавриловичъ сидѣлъ съ подчиненными ему старшинами Кульбаковымъ, Вуколовымъ и Яковымъ въ большомъ сараѣ, тускло освѣщенномъ маленькимъ фонарикомъ. Раскуривая трубочку-носогрѣйку, онъ сурово смотрѣлъ на волновавшуюся и по временамъ громко кричавшую вблизи входа въ сарай огромную толпу казаковъ. Надъ всѣми выкриками преобладалъ чей-то старческій хриплый, гнусавый, чрезвычайно непріятный голосъ:

— Знамо, царь онъ законный! Знамо, помазанникъ онъ Божій! Оттого Себрякъ нашъ и не идетъ супротивъ его!..

— Слышите, слышите?—обратился Луковкинъ къ старшинамъ.— Слышите, что этотъ прохвость говоритъ? Вотъ до чего довелъ Михаилъ Сидорычъ? Убѣди-ка ихъ теперича!.. Съ полудня бьюсь съ ними, какъ рыба объ ледъ... и ничего подѣлать не могу... И увѣщевалъ, и Христомъ Богомъ клялся, что Михаилъ Сидорычъ воистину хворъ вовсе... Только запапрасно грѣхъ на душу взялъ... Не вѣрятъ... «Не хворъ онъ, сказываютъ, а не хочетъ супротивъ законнаго царя иттить, потому и утекъ въ Новохоперскую». И все вѣдь больше старики сопротивляются и въ соблазнъ губительный мальцовъ вводятъ... Малолѣтки всѣ до одного хоть заразъ бы пошли за мной на бунтовщиковъ, да вотъ старики сбиваютъ... Эхъ, Михаилъ Сидорычъ, Михаилъ Сидорычъ... Что ты надѣлалъ!.. Что дѣлается-то теперича у насъ по твоей милости!.. Стыдъ и позоръ!.. Березовцы, малодѣльцы, орловцы, заполянцы и раздорцы пограблены, весь скотъ и станичные табуны угнаны... Эхе-хе... ну, это еще полъ-горя... А вотъ что, братчики мои, дюже плохо, что нашлись среди ихъ измѣнники-мерзавцы, кои даже и присягу приняли... Вотъ позоръ!..

Въ это время раздался глухой стукъ и гулъ, и вслѣдъ за симъ крупный дождь съ градомъ застучалъ по досчатой крышѣ сарая. Ударъ повторился совсѣмъ близко и явственно, и дождь полилъ, какъ изъ ведра.

Луковкинъ, а за нимъ и старшины, зашептали молитвы и стали осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ.

Буря становилась все сильнѣй и сильнѣй... Вокругъ стало такъ темно, что ни неба, ни бушующей толпы нельзя было различить; все слилось въ одинъ темно-бурый цвѣтъ. Дождь полилъ какими-то страшными порывами, ударяясь о крышу сарая, подъ защитой которой безмолвно сидѣли старшины.

Прошло минуты двѣ, и буря стала стихать.

Вдругъ у входа въ сарай показался казакъ Луковкина, Тарасовъ. Вѣтеръ сильно рвалъ его длиннополый кафтанъ, по которому такъ и бѣжали ручьи воды; ноги его, бывшія чуть не по самое колѣно въ густой глинѣ, приставшей комьями къ сапогамъ, скользили, едва переступая. На прекрасномъ открытомъ лицѣ его было выраженіе испуга. Войдя въ сарай, онъ остановился у порога противъ Луковкина съ очевиднымъ желаніемъ о чемъ-то ему доложить, но не могъ выговорить ни слова.

— Что ты, Тарасовъ?—съ тревогой въ голосѣ спросилъ Луковкинъ.—Что съ тобой? Да говори же! Что случилось?

Тарасовъ не отвѣчалъ.

— Да что ты обалдѣлъ, что ль?—крикнулъ Луковкинъ, поднявшись и подойдя къ нему.—Что такое?..

— Они... никакъ... не хотятъ... иттить,—наконецъ съ трудомъ

выговорилъ Тарасовъ.—Сумленіе агромадное среди нихъ... потому грамоты отъ его... Зоветъ весь Донъ къ себѣ...

— Отъ кого грамоты?—закричалъ Луковкинъ.—Какія грамоты? Что ты мелешь-то?.. Отъ кого грамоты, я тебя спрашиваю?

— Да отъ его...

— Отъ Пугача? Да какъ же... какъ же... попали-то онѣ къ нашимъ?..

— Да сказываютъ станичники, Иванъ Черниковъ да мой сводный... братъ Степанъ, а вашъ крестникъ, доставили... Степанъ, сказываютъ, перво-наперво пробрался въ Березки, скралъ тамъ Татьяну... въ Даниловку отвезъ ее, а опосля сюда въ Арчединскую прискакалъ...

— Гдѣ-жъ они, мерзавцы?

— Ускакали давя еще... на Етерево...

— Догнать!—заревѣлъ побагровѣвшій отъ волненія и злобы Луковкинъ.—Догнать!.. Посылай погоню!..

— Да никто не послушается, Абросимъ Гаврилычъ. Да и догнать-то никакъ невозможно; кони у нихъ, сказываютъ станичники, не нашимъ чета.

Съ минуту длилось глубокое молчаніе, среди котораго слышались только вздохи и пыхтѣніе огорченнаго и въ конецъ обезкураженнаго старшины, которому поручено было не только не пустить злодѣевъ въ предѣлы Донской области, но разбить ихъ и искоренить всѣхъ до одного.

— А что Ѳомина казаки здѣсь?—спросилъ онъ.

— Только что прибыли...

— Ну... и что же они-то?...

— Да... помалкиваютъ болѣ...

— Помалкиваютъ? Ахъ, мерзавцы!.. Знаютъ бестіи, что никакого императора тамъ нѣтъ среди этой сволочной толпы съ Емелькой... и помалкиваютъ!.. Ну, постой же!.. Я имъ покажу!.. Я съ ними раздѣлаюсь по-своему!.. Идемъ туда, друзья!.. А ты, Тарасовъ, давай ихъ всѣхъ... Ѳоминскихъ ко мнѣ!.. Я имъ покажу!..

Всѣ бросились вслѣдъ за разсвирѣпѣвшимъ Луковкинымъ вонъ изъ сарая.

Толпа, увидѣвъ подходившее къ ней начальство, умолкла и разступилась.

— Слушай, братцы, мое послѣднее къ вамъ слово!—смѣло вступая со старшинами въ средину толпы и грозно оглядывая ее, громко сказалъ Луковкинъ.

— Отчего не послушать!—раздался старческій хриплый непріятный голосъ.—Послушать можно, пожалуй... Только толку-то мало будетъ отъ твоихъ словъ!.. Новаго ничего вѣдь не скажешь... Говори, говори...

— Это кто тамъ?—крикнулъ Луковкинъ.—Опять этотъ старый бунтовщикъ?.. Выдь-ка сюда ко мнѣ!..

— Отчего не выйти!—дерзко отвѣтилъ тотъ же голосъ, и вслѣдъ за симъ изъ толпы выдѣлился длиннобородый бѣлый, какъ лунь, высокій старикъ.—Вотъ-тѣ и вышелъ!—продолжалъ онъ, нахально смотря на старшину маленькими, проницательными, злыми глазами.

— Думаешь, спужались тебя!.. Небось, братъ, не на таковскаго напалъ... Ну, что жъ тебѣ надоть-то отъ меня? А? ну, что жъ? Говори...

— Да ты это что же?—трясясь отъ злобы, заревѣлъ Луковкинъ и подступилъ къ дерзкому старику со сжатыми кулаками.—Ты что... бунтовать? а? Ахъ, ты, бунтовщикъ мерзкій!..

— Бунтовщикъ-то ты, а не я!—отступая отвѣтилъ старикъ.—Вонъ прочитай-ка, что царь-то батюшка Петръ Хведорычъ пишетъ намъ... Прочитай... И вольности прежнія жалуетъ, и рѣками, и...

— Молчать!—вновь рявкнулъ Луковкинъ.

Среди казаковъ раздался, хотя и сдержанный, но ничего хорошаго не предвѣщавшій, гулъ и даже смѣхъ.

— Чаво молчать-то?—продолжая отступать, крикнулъ старикъ.—Ишь, ты, орётъ какъ!.. Орать-то, братъ, и я умѣю! Ишь, ты!.. Вырядился въ парчу да въ шелки съ позолотой, да и думаешь, что тебѣ самъ чортъ не братъ!.. Ишь, ты, какой важный! Ишь, ты, какой знатный бояринъ сталъ!..

Луковкинъ, пораженный дерзостью старика, съ глазами, налитыми кровью, съ сжатыми кулаками, трясся всѣмъ тѣломъ, скрежеталъ зубами и издавалъ какое-то страшное рычаніе. Онъ былъ подобенъ разсвирѣпѣвшему хищному звѣрю, готовившемуся броситься на своего врага.

— Ишь, ты!—продолжалъ старикъ тѣмъ же тономъ.—Заважничался ты, возгордился дюже!.. Аль забылъ, что всѣ мы равны казаки? Чаво жъ изъ себя начальство корчить вздумалъ? Да ты нашимъ начальникомъ никады и не былъ, да и не будешь... Нашъ начальникъ вона гдѣ... въ Новохоперскую укатилъ... А почему укатилъ? Да потому, что не хочетъ на душу грѣха тяжелаго брать, не хочетъ съ помазанникомъ Божіимъ стражаться.. А ты говоришь: «Емелька онъ, а не царь». Былъ бы Емелька, не укатилъ бы Себрякъ, а...

— Вяжи его!—наконецъ крикнулъ Луковкинъ и выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ.

— Вяжи, вяжи!—сказалъ старикъ.—Посмотримъ, какъ-то ты меня, вѣрнаго слугу царя-батюшки, свяжешь! Вяжи жъ!..

Толпа не шелохнулась; никто изъ казаковъ не вышелъ впередъ, а гулъ и смѣхъ среди ихъ еще болѣе усилились. Одинъ только Тарасовъ съ длиннымъ ремнемъ въ рукахъ подошелъ сбоку къ старику, но едва онъ успѣлъ прикоснуться къ рукаву его, какъ въ тотъ же мигъ, почти одновременно съ ужаснымъ ошеломляю-

щимъ громовымъ ударомъ, блеснула зубчатая ослѣпительная линія молніи, освѣтившая на мгновеніе толпу, и дерзкій старикъ, не издавъ ни малѣйшаго возгласа, грохнулся на землю [1]).

Старшина Яковъ, Тарасовъ, Луковкинъ и нѣсколько стоявшихъ близъ него казаковъ, ошеломленные страшнымъ ударомъ, попадали, но одинъ за другимъ поднялись, какъ только прекратились громовые раскаты.

— Вотъ, братцы-станишники,—внушительнымъ тономъ, громко сказалъ Луковкинъ, указывая на лежавшаго у ногъ его пораженнаго молніей старика:—какъ Господь Богъ караетъ измѣнниковъ, отступниковъ отъ святой присяги!

Пораженные трагической смертью старика, казаки, торопливо крестясь, съ неподдѣльнымъ ужасомъ смотрѣли на жалкій скорчившійся трупъ его и пятились назадъ, какъ отъ зачумленнаго.

— Ложь говорилъ онъ вамъ!—продолжалъ Луковкинъ.—Вотъ и покаралъ его Господь!... Ложь пишетъ вамъ и извергъ Емелька! Но близокъ его часъ!... Вѣрьте мнѣ!.. Не потрясти ему святую Русь, охраняемую Самимъ Господомъ!... Вѣрьте мнѣ, други и братья мои!... Только добра желая вамъ и родному тихому Дону, говорю это... И говорю, и говорилъ я вамъ ранѣ одну чистую истину... Не ѣдетъ сюда начальникъ вашъ Себряковъ, потому что дюже хворъ онъ, что на коня даже труднò влѣзть ему... Вѣрьте мнѣ... и дѣйствуйте, какъ укажу вамъ... Подумайте только, что ожидаетъ васъ и семьи ваши, если измѣните законной, Богомъ данной намъ, государынѣ и не пойдете на злодѣевъ! Гибель и разореніе предстоитъ домамъ вашимъ и всему родному краю! Неужли жъ хотите вы навѣки опозорить все великое Донское казачество и погасить древнѣйшую вѣрную службу его и славу? Что не царь сражается съ войсками, а извергъ Пугачъ, то заразъ же подтвердятъ, какъ подъ присягой, Ѳоминскіе казаки... Гдѣ они?—крикнулъ Луковкинъ.—Тарасовъ, давай ихъ всѣхъ сюда!

— Здѣсь они, здѣсь, батюшка, Абросимъ Гаврилычъ,—отозвался изъ толпы Тарасовъ и вышелъ впередъ съ четырьмя казаками.— Вотъ они всѣ тутъ: Бекреневъ, Лобачевъ, Лощилинъ и Баранчиковъ...

— Ну, ребятушки,—обратился къ нимъ Луковкинъ:—скажите, какъ предъ Святымъ Евангеліемъ и Крестомъ, одну правду: что видѣли и слышали вы тамъ у самозванца?

---

[1]) По однимъ свѣдѣніямъ, старикъ этотъ былъ брошенъ, по другимъ же—Луковкинъ принялъ мѣры, чтобы привести его въ чувство и вылѣчить, и впослѣдствіи перевезъ его къ себѣ въ слободу Амвросіевку, гдѣ онъ прожилъ еще 16 лѣтъ, замаливая грѣхи и усердно трудясь на пользу Луковкиныхъ, которымъ онъ былъ до послѣдняго дня безгранично преданъ. Послѣднее вѣрнѣй такъ какъ Амвросій Гавриловичъ отличался благочестіемъ и необычайной доб ротой.

Казаки безмолвствовали и переглядывались.

— Отвѣчай хоть ты,—продолжалъ Луковкинъ, хлопнувъ по плечу стоявшаго ближе къ нему браваго черноволосаго, длиннобородаго красавца.—Ты чей?... Бекреневъ, что ль?...

— Бекреневъ,—весело отвѣтилъ казакъ.

— Ну, скажи же: видѣлъ ли ты того человѣка, что̀ выдаетъ себя за почившаго императора Петра III?

— А какъ же!.. Сколько разовъ доводилось...

— Ну, и что жъ? Похожъ онъ на императора?

— Какой тамъ императоръ! Емелька онъ нашъ, какъ есть, самый настоящій!... Я его вразъ призналъ, хотя онъ и выряженъ важнымъ бояриномъ: въ красномъ кафтанѣ съ галунами и въ высокой собольей шапкѣ съ золотыми кистями... Онъ, онъ!.. Усы и борода черные съ сѣдинкой, волосы на башкѣ темнорусые, на лѣвомъ виску большой шрамъ... Онъ, какъ есть!... Я жъ его хорошо видалъ въ позапрошедшемъ году, кады мы вязали его въ своемъ же домѣ въ Зимовейской станицѣ... Онъ, онъ!.. И ростъ такой же средственный, все... все въ аккуратъ... И онъ меня, видать было, вразъ же призналъ, какъ встрѣлся глазами... Встрѣлся эго, призналъ меня и отвернулъ свое мерзкое плутовское рыло...

Луковкинъ просіялъ и веселымъ голосомъ обратился къ товарищамъ Бекренева:

— А вы, други, что скажете? Подтверждаете ли, что сказалъ Бекреневъ?

— Подтверждаемъ, подтверждаемъ!—дружно гаркнули казаки.

— Какой онъ царь!—крикнулъ Баранчиковъ.—Царь бы жалѣлъ своихъ подданныхъ, а этотъ окаянный Пугачъ все только грабитъ, рѣжетъ да сжигаетъ все по Руси святой!...

— Воряга онъ, онъ и извергъ!—крикнулъ и Бекреневъ.

— Ну, что?—съ торжествующимъ видомъ сказалъ Луковкинъ, высоко поднявъ голову и обводя взглядомъ толпу.—Слышали? Вѣрите ли теперь мнѣ? а?

— Вѣримъ, вѣримъ тебѣ!—закричали казаки. — Что скажешь, то и сдѣлаемъ! Веди насъ! Веди на злодѣевъ! Клянемся стоять до послѣдней капли крови за матушку-царицу! Веди заразъ же! Всѣ умремъ и не посрамимъ славу «тихаго Дона!»

— Ну, спасибо же, други мои милые! Такъ и не будемъ же откладывать!—радостно говорилъ Луковкинъ, спѣшившій воспользоваться охватившимъ казаковъ энтузіазмомъ.—Убирайте жъ, ребятежь, лагерь, вьючьте коней, да и гайда заразъ же къ Етеревской!...

V.

Въ самую полночь, подъ проливнымъ дождемъ, Луковкинъ двинулся съ 550 казаками съ необычайной быстротой; сдѣлавъ около восьмидесяти верстъ, онъ внезапно налетѣлъ около Етеревской станицы на ничего не ожидавшихъ злодѣевъ въ обѣденную пору и разбилъ ихъ на голову. Больше двухсотъ тѣлъ осталось на мѣстѣ боя, остальные же бунтовщики бѣжали къ Заполянской станицѣ, гдѣ стояла въ эю время другая тоже большая шайка пугачевцевъ.

Несмотря на страшное утомленіе лошадей и казаковъ, Луковкинъ послѣ часового отыха пустился за бѣглецами въ погоню и на другой день въ полдень налетѣлъ на измѣнниковъ близъ Малодѣльской станицы, при курганѣ «**Караулъ**». Тутъ завязалось упорное, жаркое дѣло. Бунтовщики, значительно превосходившіе вѣрныхъ царицѣ казаковъ числомъ и исправностью вооруженія, не только отлично отбивались, но даже произвели нѣсколько удачныхъ атакъ, заставившихъ Луковника два раза отступать и отбиваться «**огнеоружіемъ**», сбатовывая лошадей.

Долгое время колебавшаяся побѣда къ шести часамъ вечера, казалось, была уже на сторонѣ бунтовщиковъ. Изнемогавшій въ неравной борьбѣ отрядъ Луковкина, потерявшій уже немало бойцовъ убитыми и ранеными, отстрѣливаясь, медленно отходилъ къ Малодѣльской станицѣ. Бунтовщики, тоже утомленные продолжительнымъ упорнымъ боемъ въ самое жаркое время дня, пріостановились около кургана «Караулъ» и, какъ казалось, стали располагаться на отдыхъ. Луковкинъ вынулъ изъ висѣвшаго у него черезъ плечо кожанаго футляра подзорную трубу и навелъ ее на непріятелей.

— А и много же ихъ здѣсь, дьяволовъ! — тихо сказалъ онъ стоявшему около него на конѣ Тарасову. — Посмотри-ка! И кого-кого тамъ только нѣтъ? И киргизня, и калмыки, солдаты, холопы, колодники, яицкіе казаки, да и нашихъ немало... Эка сволочь какая!.. Должно, поболѣ семисотъ ихъ еще наберется... Смотри, смотри!— воскликнулъ онъ. — Да они никакъ на роздыхъ располагаются? Да-да!.. Такъ и есть!.. Вонъ дымки... Огоньки разводятъ... Видно, перекусить тепленькаго захотѣлось... Ну, конечно, на отдыхъ, на ночлегъ располагаются.. Вонъ и часовыхъ разставляютъ... Ну, и дурни же! Хоть бы отошли сколько нибудь, а то тутъ же, на нашихъ глазахъ... Вона!.. Уже и жрать принялись! водку пьютъ!.. Гляди! Пейте, пейте, дьяволы, да побольше! Пейте!.. Перепьетесь, заснете, а тутъ-то мы и налетимъ!.. Замететесь съ просонья!.. Погодите!.. Я вамъ задамъ!..

Вдругъ отъ вражьяго стана отдѣлился всадникъ на чудномъ

ворономъ жеребцѣ и во весь духъ помчался къ вѣрнымъ царицѣ донцамъ. На длинной пикѣ его у самаго копья развѣвался огромный бѣлый флагъ съ красной надписью: «Петръ III».

— Это еще что такое?—съ негодованіемъ воскликнулъ Луковкинъ, и лицо его побагровѣло. — Ужъ не думаютъ ли они въ переговоры вступить съ нами? Да-да... Такъ и есть... Бѣлый флагъ... Вотъ мерзавцы!.. Сволочь какая-то, и осмѣливается... Ну-ка, Тарасовъ, ссади-ка его!

— Слушаю, Абросимъ Гаврилычъ,—сказалъ Тарасовъ и, вскинувъ ружье, сталъ наводить, но вдругъ со слабымъ стономъ опустилъ его.

— Что же ты?—спросилъ Луковкинъ.—Что съ тобой?

— Да вы поглядите, кто скачетъ-то! Вѣдь онъ, хоть и злодѣй и воряга, а все же единоутробный мой... Степанъ... и вашъ крестникъ... Руки опускаются...

— Какъ? Такъ это онъ! Степка поганецъ!

— Онъ, онъ...

Между тѣмъ парламентеръ, остановивъ коня, заоралъ зычнымъ голосомъ:

— Эй, вы... егупетки! Слушайте! Складайте заразъ же оружья да швытче идите присягу примать! Ну, живѣй, а то плохо будетъ!

— Бери его живьемъ!—закричалъ Луковкинъ и, гикнувъ, понесся впередъ. Весь отрядъ, бывшій на-чеку, ринулся полнымъ маршъ-маршемъ за своимъ командиромъ, опередилъ его и черезъ двѣ-три минуты ворвался въ лагерь противниковъ, совершенно не ожидавшихъ нападенія. Въ одинъ мигъ все было смято... Больше ста человѣкъ легло подъ ударами сабель и пикъ, около трехсотъ сдалось, остальные же бунтовщики, преслѣдуемые старшиною Кульбаковымъ, бѣжали къ Волгѣ, гдѣ и были уничтожены имъ 22 августа при рѣчкѣ Пролейкѣ [1]).

Крестникъ Луковкина, Степанъ, отчаянно защищавшійся отъ окружавшихъ его казаковъ, былъ проколотъ насквозь пикой казакомъ Баранчиковымъ. Трупъ его [2]), попавшій подъ лошадей

---

[1]) Пугачевскій полковникъ Акаевъ, взятый Кульбаковымъ, по резолюціи главнокомандующаго графа Панина, получилъ въ Черкасскѣ подъ висѣлицею 360 ударовъ кнутомъ, а затѣмъ ему отрѣзали уши.

[2]) По окончаніи битвы Луковкинъ приказалъ зарыть тѣла бунтовщиковъ въ общей могилѣ; только кровавая масса, оставшаяся отъ Степана, положенная въ гробъ, была зарыта отдѣльно, и по немъ была отслужена Луковкинымъ панихида; это дало поводъ говорить, что Степанъ былъ незаконный сынъ Луковкина отъ казачки вдовы Тарасовой. Автору извѣстно, что мать Степана, Марія Тарасова, была писанная красавица и жила въ домѣ А. Г. Луковкина въ Амвросіевкѣ въ качествѣ экономки; Степанъ же, крестникъ Луковкина, очень походилъ на него чертами лица и всѣ его называли Степаномъ Амвросіевичемъ. Сынъ А. Г., генералъ Гавріилъ Амвросіевичъ, перевезъ останки Степана и похоронилъ близъ Амвросіевскаго кладбища.

промчавшагося отряда, былъ обращенъ въ ужасную кровавую массу.

Такова была участь измѣнниковъ, зашедшихъ въ донскіе предѣлы. Третья пугачевская партія, злодѣйствовавшая по р. Хопру, узнавъ объ участи своихъ товарищей, поспѣшно удалилась въ Саратовскую губернію, но Луковкинъ, догнавъ ее у мѣстечка Баланды [1]), разбилъ на-голову. Отсюда онъ быстро двинулся вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ Черкасска Алексѣемъ Ивановичемъ Иловайскимъ къ Волгѣ, разбилъ тамъ еще значительную толпу при рѣчкѣ Мечетной, привелъ въ повиновеніе крестьянъ въ селеніяхъ и вернулся на Донъ по уничтоженіи послѣднихъ остатковъ пугачевскихъ шаекъ.

VI.

Во время борьбы Луковкина съ пугачевскими шайками тридцать донскихъ старшинъ со своими полками почти одновременно устремились на самого Пугачева, приближавшагося къ Царицыну. Изъ этихъ полковъ только девять участвовали въ битвахъ съ нимъ; остальные же не поспѣли къ дѣлу, такъ какъ 25 августа онъ былъ окончательно разбитъ полковникомъ Михельсономъ на берегу Волги.

Пугачевъ, переправившись черезъ Волгу съ 300 яицкихъ казаковъ, такъ быстро передвигался по степи и такъ ловко вводилъ въ заблужденіе относительно взятаго имъ направленія, что поймать его было не легко. Выполнить это трудное дѣло удалось Иловайскому, постигшему всѣ уловки и хитрости самозванца. Съ незначительнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ четырехъ сотенъ команды Луковкина, 150 казаковъ полка Кутейникова и команды яицкихъ казаковъ старшины Бородина, онъ углубился въ степь и сталъ преслѣдовать Пугачева по сакмамъ. Проскакавъ огромное пространство, потерявъ больше половины отряда, Иловайскій 17 сентября пришелъ въ Яицкъ вслѣдъ за бунтовщиками и принялъ выданнаго ими связаннаго самозванца.

Заслуги, оказанныя донцами въ эту тяжкую годину, привлекли имъ многія милости императрицы. Отъ ея имени Потемкинъ объявилъ всѣмъ чинамъ Донского войска, что «признаніе и память изъявленныхъ ими къ престолу и отечеству заслугъ не токмо навсегда сохранится, но праведнымъ ея воздаяніемъ удостоено будетъ».

Особыя милости императрицы сосредоточились на Иловайскомъ. Онъ былъ произведенъ въ полковники арміи и назначенъ наказнымъ атаманомъ.

---

[1]) Отъ ст. Аткарска Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги идетъ ж.-д. вѣтка до Баланды.

А. Г. Луковкинъ [1]) былъ тоже награжденъ чиномъ полковника арміи и золотой медалью съ портретомъ императрицы и назначенъ на должность непремѣннаго войскового судьи, имѣвшую въ то время у казаковъ огромное значеніе. Кромѣ сего, ему пожалованъ былъ большой земельный надѣлъ въ Міусскомъ (нынѣ Таганрогскомъ) округѣ по рѣкамъ: Міусу, Крынкѣ, Нагольчику и др.

В. М. Щаховской (праправнукъ А. Г. Луковкина).

[1]) Жена А. Г. была изъ рода Иловайскихъ, громкаго въ лѣтописяхъ Донского войска. Единственный сынъ А. Г., Гавріилъ, кавалеръ св. Георгія 3 ст., герой турецкихъ войнъ и 12-го года, на 18-мъ году уже командовалъ полкомъ своего имени на Кубани, гдѣ разбилъ отрядъ Баталъ-паши и лично взялъ его въ плѣнъ. Изъ Парижа онъ возвращался въ Россію, командуя 20-ю казачьими полками. Высочайшимъ приказомъ Гавріилу Амвросіевичу воздана справедливая честь: повелѣно 10-й Донской полкъ называть *Луковкина* полкомъ. Портретъ Гавріила Амвросіевича есть въ портретной галлереѣ Зимняго дворца.

ЗАТЕРЯВШІЯСЯ МОГИЛЫ.

I.

Врядъ ли гдѣ въ другой странѣ есть столько давно потерянныхъ могилъ, о которыхъ никто не вспоминаетъ, сколько такихъ найдется у насъ. Я, конечно, говорю не о такихъ покойникахъ, которые хоронятся ежеминутно и извѣстны только близкимъ къ нимъ людямъ, и ничѣмъ при жизни не выдѣлились: родились, жили и неизвѣстно зачѣмъ и для чего, какъ и умерли, ушли, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Но есть еще тысячи другихъ могилъ, которыя сокрыли людей, что-то обѣщавшихъ, дѣлавшихъ, несомнѣнно незаурядныхъ, но прошедшихъ также незамѣтно, часто по нашему равнодушію, часто по неумѣнію и нежеланію заявить о себѣ, часто задавленныхъ нуждой, обстоятельствами, неприспособленностью къ условіямъ жизни, точно родились они не во время, по чей-то ошибкѣ, и точно, сознавъ эту ошибку, «невремя» для нихъ, они спѣшили умирать. Много ихъ было на Руси. Могилки ихъ давно затерялись, сравнялись съ поверхностью, кресты сгнили, камни распались. Мы не умѣемъ чтить, не умѣемъ даже просто помнить своихъ мертвецовъ: «схоронили—позабыли»... Мнѣ вспоминается Волково кладбище. Припоминаются могилки Д. Писарева, Елисѣева, Бѣлинскаго... Даже эти могилки заброшены тамъ. А если проѣхаться по кладбищамъ провинціи, гдѣ тамъ-сямъ похоронены разные хорошіе люди, то такихъ совсѣмъ и не отыщешь скоро тамъ, хотя когда-

то этихъ хорошихъ людей знала вся провинція, отдѣльный округъ, губернія. У этихъ хорошихъ людей провинціи не было средствъ, чтобы воздвигать себѣ по смерти мавзолеи, они мечтали о памятникѣ въ сердцахъ своихъ согражданъ... А сограждане забывали и ихъ, и ихъ могилки. И много такихъ могилъ безъ крестовъ и камней затерялось въ провинціи, а въ нихъ навсегда для потомства погибли имена незамѣтныхъ борцовъ за свободу, за любовь ко всему человѣчеству, имена искателей правды, счастья для своихъ братьевъ, наконецъ, просто имена людей, стоявшихъ выше обыкновенной толпы. И не лишне иногда вспомнить эти имена, не лишне пройти къ мертвымъ на ихъ могилки. Мнѣ хочется здѣсь вспомнить нѣкоторыхъ мертвецовъ и сказать то, что я про нихъ знаю. Быть можетъ, мои воспоминанія пригодятся для будущаго историка русской общественной жизни и мысли.

II.

Семенъ Михайловичъ Пономаревъ.

Молодой, начинающій писатель-народникъ, получившій уже названіе среди тѣхъ, кто его зналъ—«печальника русскихъ переселенцевъ», работавшій уже въ «Вѣстникѣ «Европы», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и массѣ провинціальныхъ изданій, состоявшій членомъ-корреспондентомъ въ императорскомъ обществѣ географіи и антропологіи, обратившій на себя вниманіе покойнаго Г. Ив. Успенскаго, Нефедова и другихъ, скончался въ 1888 г., въ г. Оренбургѣ, двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ, скончался по опредѣленію мѣстнаго врача «отъ худого питанія». Похороненъ онъ на мѣстномъ кладбищѣ, и уже въ 1894 г. я не могъ отыскать его могилки—она затерялась. Между тѣмъ С. М. Пономаревъ не только былъ уже извѣстенъ въ литературѣ, но его прекрасно знали всѣ оренбуржцы и тѣ переселенцы, которые шли тогда черезъ Оренбургъ, отыскивая, «гдѣ лучше», и ни одинъ изъ нихъ не прошелъ и не проѣхалъ Оренбурга, не повидавъ и не поговоривъ съ нимъ, не получивъ отъ него какого либо совѣта, указанія, справки и часто грошей, которые С. М. удѣлялъ имъ изъ своихъ скудныхъ средствъ для того, чтобы имѣть право умереть «отъ худого питанія».

Семенъ Михайловичъ Пономаревъ получилъ образованіе въ оренбургской гимназіи, гдѣ воспитывался и я. Онъ былъ сынъ мѣщанина, когда-то состоятельнаго, но обѣднѣвшаго, и, когда я уже зналъ С. М., его отецъ состоялъ смотрителемъ Оренбургской богадѣльни. Помимо С. М. у его отца было еще двѣ или три дочери и сынъ, Иванъ, воспитывавшійся въ той же гимназіи. Знакомство мое съ С. М. началось въ гимназіи, когда я былъ въ четвертомъ классѣ, а онъ въ шестомъ, и началось по такому случаю. Въ тогдашнее время въ гимназіяхъ было въ модѣ изданіе рукопис-

ныхъ журналовъ. Немало было ихъ и у насъ. Въ нашемъ (четвертомъ) классѣ ихъ издавалось даже два. Одинъ изъ этихъ журналовъ издавалъ я, и онъ-то свелъ меня съ покойнымъ. Я въ своемъ журналѣ ввелъ отдѣлъ: «замѣчанія читателей», гдѣ каждый имѣлъ право собственноручно писать свои рецензіи и отзывы о помѣщенныхъ въ журналѣ статьяхъ и просто писать, что хотѣлъ, что его занимало, интересовало, но что самъ онъ почему либо объяснить или усвоить не могъ. Здѣсь впервые С. М. сталъ подробно разбирать наши дѣтскія упражненія въ литературѣ и, между прочимъ, однажды принесъ мнѣ свою рукопись, прося ее помѣстить. Это была небольшая статья, и называлась она «Теорія Н. Златовратскаго». Не помню содержанія статьи, не помнилъ ея содержанія и самъ покойный С. М., а оригинала у насъ не сохранилось, ибо начальство всѣ наши писанія конфисковало и предало торжественному ауто-да-фе. Достойно замѣчанія, что въ то уже время опредѣлился весь характеръ будущихъ произведеній С. М., сказалось его направленіе. С. М. Пономаревъ не пошелъ дальше шестого класса. Нелады съ режимомъ гимназіи и классицизмомъ понудили его покинуть гимназію, готовиться дома на аттестатъ зрѣлости, а такъ какъ семья его была большая и далеко не обезпеченная, то сейчасъ же послѣ выхода изъ гимназіи пришлось взяться за какое либо дѣло, чтобы не сидѣть на плечахъ отца и ѣсть даромъ хлѣбъ. С. М. Пономаревъ пробовалъ было уѣхать въ Петербургъ и тамъ заняться чѣмъ либо и учиться, но, промытарившись тамъ годъ, вернулся домой чуть не пѣшкомъ и здѣсь взялся за перо. Онъ началъ съ того, что сталъ писать корреспонденціи изъ Оренбурга въ только что начавшую тогда издаваться «Самарскую Газету» подъ редакторствомъ И. П. Новикова. Въ это время я кончилъ гимназію, и мы часто съ нимъ видѣлись. С. М. всегда бывалъ дома, вѣчно сидѣлъ заваленный книгами, газетами, журналами и брошюрами, неимовѣрно куря папиросы. Одновременно онъ сотрудничалъ тогда и въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» Н. П. Загоскина (профессора Казанскаго университета), проводя только вечера на переселенческомъ пунктѣ. Такого опредѣленнаго пункта тогда еще не было, и переселенцы, идущіе черезъ Оренбургъ въ Сибирь, обычно останавливались обозомъ за городомъ по дорогѣ къ такъ называемой Маячной горѣ. Эти переселенцы были самый несчастный народъ. Отыскивая, «гдѣ лучше», доходя до Оренбурга въ надеждѣ здѣсь что либо узнать о томъ, какъ имъ итти дальше, они здѣсь ничего не могли узнать, и даже не къ кому было обратиться за совѣтомъ или справкой. Къ нимъ на помощь со всей горячностью юности пришелъ С. М. Пономаревъ. Онъ самъ приходилъ къ нимъ на мѣста остановки, опрашивалъ всѣхъ, хлопоталъ за нихъ, бѣгалъ по канцеляріямъ, кланялся, выпрашивалъ, собиралъ помощь и отдавалъ свои гроши. Увидавъ всю безпомощность переселенцевъ, ихъ ни-

щету, полное незнаніе того, куда они ѣдутъ, зачастую соблазненные только небылицами и пустыми сказками разныхъ ходоковъ,— С. М. приходилъ въ отчаяніе, не зная, какъ помочь имъ. Года черезъ два ему удалось добиться того, что въ Оренбургѣ основался переселенческій пунктъ и бюро, гдѣ переселенцы могли найти нужныя имъ указанія и временный кровъ и пищу. Народная молва живо разнесла вѣсть о немъ, и уже черезъ два года нерѣдко было встрѣтить мужичковъ на улицѣ, которые останавливали прохожихъ, спрашивая, не знаютъ ли они Семена Михайловича, что живетъ въ богадѣльнѣ, къ которому ихъ направляли другіе земляки, переселенцы. «Допрежъ всего придешь въ Оренбургъ, повидай Семена Михалыча. Ужъ онъ оправитъ, устроитъ и укажетъ, какъ и что»,— отписывали земляки. И С. М. «оправлялъ, устраивалъ» дѣйствительно всѣхъ. Но нелегко доставалось ему все это. Служба переселенцамъ ничѣмъ не оплачивалась, а, между тѣмъ, ему нельзя было жить на средства отца, да къ тому же еще были сестры и братъ, которыхъ надо было учить, и онъ на свои средства воспитывалъ брата въ гимназіи и сестеръ. Перо отдыхало у него только тогда, когда онъ уходилъ на переселенческій пунктъ. Нерѣдко ему не удавалось спать по нѣскольку ночей къ ряду, и часто за работой онъ забывалъ ѣсть, а иногда питался просто только чаемъ съ хлѣбомъ и колбасой. Уже и тогда чувствовалось, что онъ сгораетъ быстро въ этой усиленной работѣ. С. М. сталъ уже печататься въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и это увеличило его бюджетъ. Онъ сталъ зарабатывать отъ 100 до 150 р. въ мѣсяцъ, но всѣ эти деньги уходили только на родныхъ и переселенцевъ, а самъ на себя онъ ничего не тратилъ, кромѣ какъ на табакъ, который онъ истреблялъ немилосердно. Но онъ не унывалъ. Я часто видѣлся съ нимъ, просиживалъ цѣлые дни и никогда не видѣлъ другого такого жизнерадостнаго юноши. Онъ не былъ узкимъ народникомъ, нѣтъ! его интересовало все хорошее, чистое, честное, его интересовала вся жизнь.

Казалось, не выходило ни одной статьи, ни одной книги, чѣмъ либо интересной, о которой не былъ бы освѣдомленъ онъ; ни одно общественно-политическое явленіе не проходило незамѣченнымъ имъ, и при всемъ этомъ онъ вѣчно торчалъ на переселенческомъ пунктѣ, а по осени, зимой, когда сезонъ переселенческихъ движеній оканчивался, онъ нанималъ возницу себѣ и въ телѣгѣ, по грязи, въ стужу, кое-какъ укрытый, менѣе всего заботившійся о себѣ и своей персонѣ, тащился изъ села въ деревню, изъ деревни въ станицу, вездѣ останавливался, сливался съ народомъ и записывалъ то, что его интересовало: пѣсни, преданія, сказки, пословицы, поговорки, прибаутки инородцевъ и казаковъ Оренбургскаго и Уральскаго края. Въ это время онъ дома, въ Оренбургѣ, бывалъ только гостемъ, только для того, чтобы написать какую либо статью,

корреспонденцію, замѣтку, получить гонораръ, пополнить свой бюджетъ, погрѣться и снова пуститься дальше, въ свои скитанья. И въ то же время онъ не забывалъ посмотрѣть, что есть новаго въ литературѣ, въ общественной жизни его родины.

Жалѣлъ онъ только объ одномъ, что у него не хватаетъ времени. Онъ не жилъ, а горѣлъ быстро, яркимъ пламенемъ. По своей комплекціи, по физическому развитію, онъ былъ хрупкій, видимо болѣзненный юноша, только своимъ юношествомъ побѣждающій физическіе недуги. Портрета его у меня не сохранилось, и теперь, вѣроятно, его нигдѣ не достать. Онъ былъ невысокаго роста, худенькій, съ плохо развитой грудью, но съ большой головой, вьющимися русыми, слегка рыжеватыми волосами и чудными, голубыми, блѣдными глазами, вѣчно быстро бѣгающими и искрящимися тѣмъ особымъ свѣтомъ, который присущъ всѣмъ истинно талантливымъ людямъ. Онъ весь былъ нервы. Когда я приходилъ къ нему, собирались и другіе товарищи, С. М. не могъ подолгу сидѣть на одномъ мѣстѣ, не могъ молчать, бѣгалъ по комнатѣ, поминутно курилъ и перескакивалъ съ одной темы на другую, такъ что я не успѣвалъ бывало слѣдить за полетомъ его мыслей.

И, слушая его, только бывало удивляешься, какъ онъ успѣваетъ такъ быстро за всѣмъ слѣдить и читать такую массу и писать? Не только въ томъ, что его болѣе всего интересовало, онъ былъ вполнѣ компетентенъ, но онъ даже зналъ всѣ появляющіяся новыя пьесы, интересовался развитіемъ народнаго театра, бытомъ актеровъ и ихъ стремленіями и кругозоромъ. Отъ всей его фигуры вѣяло такимъ обаяніемъ, что не хотѣлось уходить, и я нерѣдко не замѣчалъ, какъ проходилъ въ бесѣдѣ съ нимъ весь день, и какъ мнѣ случалось уходить отъ него, когда уже начинался другой день. И тогда мы шли съ нимъ купаться на Уралъ, а потомъ уже спать. Въ это время почти каждый мѣсяцъ появлялись его статьи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» подъ заголовкомъ «Оренбургскія письма»; тогда же онъ готовилъ отдѣльный сборникъ пѣсенъ и преданій Оренбургскаго края. Сборникъ этотъ долженъ былъ выйти очень солиднымъ, потому что онъ собралъ для него только однѣхъ пѣсенъ болѣе 500. Изданіе это хотѣло взять на себя мѣстное археологическое общество, но такъ оно и не появилось. Преждевременная смерть все разстроила, а куда дѣвались его пѣсни, преданія и статьи, оставшіяся послѣ смерти,—не знаю[1]). Его братъ, Иванъ Михайловичъ, былъ уже студентомъ, но видимо относился къ рабо-

---

[1]) Значительная часть его обширнаго литературнаго матеріала сосредоточилась въ 1890 г. въ архивѣ «Сѣвернаго Вѣстника», куда онъ былъ доставленъ родственниками покойнаго С. М. Нѣкоторыя статьи, какъ наиболѣе отдѣланныя тогда же и были напечатаны редакціей въ «областномъ отдѣлѣ». Остатокъ матеріала былъ переданъ впослѣдствіи, кажется, географическому обществу. Б. Г.

тамъ брата совершенно индифферентно, и, когда я обратился къ нему, вскорѣ послѣ смерти С. М., съ просьбой сообщить мнѣ коекакія біографическія свѣдѣнія о братѣ, а также о судьбѣ его бумагъ, то онъ ничего не отвѣтилъ. Осенью 1888 г. С. М. Пономарева не стало. Я былъ у него какъ разъ за мѣсяцъ до смерти. Въ то время я, уже живя въ Самарѣ, только переписывался съ С. М. и поѣхалъ къ нему въ Оренбургъ, лишь когда услыхалъ, что онъ боленъ. Дѣйствительно, я не засталъ уже прежняго жизнерадостнаго юноши. Смерть наложила на него свою руку. Онъ почти не вставалъ съ дивана, на которомъ спалъ, ѣлъ и пилъ, и тутъ же полулежа писалъ, мечтая какъ нибудь дожить до весны и снова двинуться въ свои скитанья по станицамъ Урала. Онъ попрежнему всѣмъ интересовался, все его волновало, все онъ хотѣлъ знать; попрежнему онъ много говорилъ, но во всемъ его разговорѣ звучала какая-то едва уловимая нотка горя, безпомощности, безотчетнаго сознанія, что его жизнь уже кончается. И, какъ всѣ умирающіе, онъ невольно то и дѣло отдавался воспоминаніямъ прошлаго, точно сознавая, что будущаго уже никакого нѣтъ у него.

Глядя на меня своими чудно голубыми, свѣтящимися глазами, сжимая мою руку своей горячей рукой, онъ какъ-то грустно-печально говорилъ мнѣ: «какъ я радъ, что вы здоровы. Берегите свое здоровье, живите, не тратьте его зря»... Я пробылъ у него три дня, почти не отходя отъ него, и уѣхалъ, все же не думая, что никогда болѣе не увижу его. А черезъ мѣсяцъ его уже похоронили тихо, скромно, незамѣтно. Только переселенцы, идущіе черезъ Оренбургъ, еще года два-три по веснѣ справлялись о немъ, посѣщали его могилку и поминали своего «печальника» добрымъ словомъ: больше о нихъ некому было позаботиться въ Оренбургѣ. А потомъ и могилка его затерялась среди другихъ... Послѣ его смерти появились краткіе, очень краткіе «некрологи» въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и «Самарской Газетѣ». Даже въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», гдѣ С. М. Пономаревъ принималъ самое дѣятельное участіе, даже и на его страницахъ только и было сообщено, что такого-то числа и года въ Оренбургѣ скончался сотрудникъ, Семенъ Михайловичъ Пономаревъ.

Конечно, въ провинціи почти не мыслимо теперь собрать всѣ тѣ статьи, замѣтки и корреспонденціи, которыя были напечатаны С. М. Пономаревымъ. Здѣсь трудно отыскать даже такъ называемые толстые журналы старыхъ годовъ. Но если бы можно было собрать однѣ только его крупныя статьи, напечатанныя въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и «Вѣстникѣ Европы», то и онѣ составили бы довольно объемистый томикъ, полный интереснаго содержанія. Упомяну еще, что покойный много сотрудничалъ въ ежедневныхъ изда-

ніяхъ: «Оренбургскій Листокъ», «Самарская Газета», «Волжскій Вѣстникъ», «Нижегородскій Листокъ», «Русскія Вѣдомости». Некрологи помѣщены о немъ болѣе подробные — въ «Русской Жизни», «Волжскомъ Вѣстникѣ», «Недѣлѣ»—Гайдебурова.

Если родные забыли безвременно-скончавшагося «печальника русскихъ переселенцевъ», то сами оренбуржцы хотя бы вспомнили его и отыскали могилку да поправили.

III.

Веніаминъ Осиповичъ Португаловъ.

Имя покойнаго В. О. Португалова, одного изъ яркихъ представителей 60-хъ годовъ, безъ сомнѣнія, многимъ памятно, особенно благодаря его статьямъ въ защиту крестьянъ Самарской губерніи, у которыхъ хотѣли когда-то оттягать землю. Эти статьи и обличенія тогдашнихъ самарскихъ ушкуйниковъ печатались въ Гайдебуровской «Недѣлѣ» и, конечно, незамѣченными пройти не могли. Помимо этого, В. О. Португаловъ почти до самой смерти (1896 г.) представлялъ собою крупную литературную силу. Его книга «Основы общественной гигіены» въ свое время надѣлала много шума, а потомъ въ теченіе чуть ли не двадцати пяти лѣтъ онъ неустанно печатался въ такой массѣ газетъ и журналовъ, что трудно и перечесть всѣ эти органы печати. Въ рѣдкомъ журналѣ добраго стараго времени не встрѣчалось какой либо статьи, замѣтки, очерка этого неутомимаго публициста.

По своей профессіи врача онъ въ медицинской литературѣ, кажется, извѣстенъ только одной своей вышеупомянутой книгой, но зато вся общественно-провинціальная жизнь самарскаго и пермскаго края (отчасти) отражалась въ его безчисленныхъ корреспонденціяхъ. Чуткій ко всякой лжи, неправдѣ, злу, хищенію, гнету онъ всегда являлся на стражѣ интересовъ меньшей братіи и жестоко бичевалъ всѣхъ, кто притѣснялъ и приносилъ имъ вредъ. Такого рода оппозиція не приносила ему пользы, и онъ занималъ среди мѣстной самарской интеллигенціи свое обособленное мѣсто. Не дружилъ онъ и съ мѣстнымъ обществомъ врачей, но зато бѣдный людъ Самары зналъ его и прекрасно помнитъ и посейчасъ, вѣроятно. Какъ врачъ, онъ не былъ популяренъ, главнымъ образомъ именно потому, что его практика вся сосредоточивалась въ томъ классѣ общества, который болѣлъ съ голодухи, отъ нищеты, и которому, конечно, главнѣе всего нужны были не лѣкарства и не докторская помощь, а кусокъ мяса, хлѣбъ и чистый воздухъ. Это понималъ и самъ В. О. и нерѣдко къ своимъ больнымъ являлся именно нагруженный мукой, мясомъ, овощами и не прописывалъ никакихъ лѣкарствъ. Помощь его не могла быть велика, потому что и самъ онъ былъ человѣкъ не обезпеченный, да еще

вдобавокъ съ огромной семьей на рукахъ; если не ошибаюсь, у него было въ живыхъ чуть ли не тринадцать ребятъ, и всѣхъ надо было не только накормить, но еще и дать образованіе, и къ чести его всѣ его дѣти вышли въ люди и получили вполнѣ хорошее воспитаніе. Но для того, чтобы все это сдѣлать, надо было работать и работать, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ сотрудничалъ даже въ модныхъ журналахъ, помѣщая тамъ статьи о сохраненіи свѣжести лица и по гигіенѣ вообще. В. О. поражалъ своей усиленной дѣятельностью, если принять во вниманіе, что онъ практиковалъ, какъ врачъ, писалъ статьи и корреспонденціи, не пропускалъ ни одного общественнаго явленія въ мѣстной жизни, всегда принимая сторону обиженнаго и несправедливо преслѣдуемаго; помимо того онъ являлся душой общества трезвости, когда оно стало устраивать чтенія для народа, и почти все время являлся на этихъ чтеніяхъ чуть ли не единственнымъ лекторомъ. Когда открылся въ Самарѣ клубъ канцеляристовъ, онъ и тамъ принялъ участіе и сталъ читать лекціи по разнымъ отраслямъ естествознанія и общественнымъ наукамъ. Я познакомился съ В. О. черезъ Л. Е. Оболенскаго въ 1889 г., и тогда, съ перваго же раза, онъ поразилъ меня именно своей юношеской, подвижной натурой. У него уже были взрослыя дѣти, сынъ—студентъ, а, между тѣмъ, онъ и самъ еще выглядѣлъ студентомъ. Отъ всей его фигуры вѣяло жизнью, жаждой дѣятельности, онъ не могъ ничего не дѣлать, сидѣть спокойно и слышать и видѣть хладнокровно неправду, хотя бы она вовсе не имѣла къ нему никакого отношенія. Прямой, иногда прямо рѣзкій, онъ въ первый разъ на многихъ производилъ непріятное впечатлѣніе, но только на минуту. Взглянувъ на его открытое, прямое лицо съ длинной прекрасной русой бородой, съ открытыми, ясными глазами, вы невольно увлекались имъ и забывали его рѣзкость, мирились съ ней, потому что знали, что самъ онъ также точно не полюбитъ вашей лести или неискренности, непрямоты.

Но общество не такъ смотрѣло на это, и потому у него несомнѣнно всегда было больше, если не враговъ, то недоброжелателей, чѣмъ друзей. Друзья его были только тѣ, которые, увы, ничего другого ему не могли дать, кромѣ своей платонической дружбы.

Познакомившись съ нимъ по дѣловымъ и денежнымъ дѣламъ, я часто потомъ заходилъ къ нему и всегда удивлялся его жизненности, его жаждѣ дѣятельности. Я не знаю, отдыхалъ ли онъ когда нибудь, если припомнить, что уже съ 8-ми часовъ утра у него начинался пріемъ больныхъ, затѣмъ онъ ѣздилъ съ визитаціей, готовился къ вечерней лекціи, а послѣ лекціи часу въ двѣнадцатомъ ночи принимался за писаніе своихъ нескончаемыхъ корреспонденцій и статей. Но на видъ онъ не казался утомленнымъ, и трудъ его не утомлялъ, а какъ будто еще болѣе оживлялъ, еще болѣе

придавалъ силы и здоровья. Особенно онъ поразилъ меня, когда я былъ у него вскорѣ послѣ его возвращенія изъ Парижа. Путешествіе по Европѣ еще болѣе придало ему жизни, онъ помолодѣлъ, казалось, на нѣсколько лѣтъ. Съ жаромъ молодости, съ горячностью разсказывалъ онъ о всемъ тамъ видѣнномъ и съ грустью проводилъ параллель между Западомъ и Россіей, которую онъ несомнѣнно искренно любилъ, несмотря на то, что самъ былъ еврей. Впрочемъ, еврея въ немъ даже и подозрѣвать нельзя было, начиная съ самой фигуры, съ почти рыжихъ-свѣтлыхъ волосъ; онъ скорѣе походилъ на англичанина или на юркаго и живого янки.

Я не знаю, что сдѣлало, чтобы почтить его память, самарское общество и земство, но несомнѣнно оно должно было почтить его уже за одно только его постоянное и энергичное участіе въ устройствѣ народныхъ чтеній. Врядъ ли гдѣ въ провинціи эти чтенія такъ поставлены были, какъ въ Самарѣ. Его настоянію обязано общество пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ волшебныхъ фонарей, массѣ картинъ для чтенія и регулярному каждо-воскресному и праздничному чтенію. По своему развитію, В. О. могъ вполнѣ быть названъ энциклопедистомъ. Онъ за всѣмъ слѣдилъ, все усвоялъ себѣ быстро, все умѣлъ объяснить, на все дать отвѣтъ. Умеръ В. О. еще не старымъ человѣкомъ и совершенно неожиданно, и о немъ также скоро забыли, его смерть, какъ и могилка, также затерялись. Если не ошибаюсь, ему было не болѣе 55 лѣтъ, но на видъ онъ казался моложе много-много. И странно, скоро уже десять лѣтъ исполнится со дня его смерти, а до сихъ поръ у насъ нѣтъ его хотя бы маленькой біографіи, въ то время, какъ о М. Горькомъ, Л. Андреевѣ мы знаемъ уже такія подробности, которыя даже вовсе излишне знать кому бы то ни было. А между тѣмъ, вѣдь В. О. Португаловъ, если не написалъ «Дна», «Мѣщанъ» и «Краснаго смѣха», то зато былъ настоящимъ самарскимъ Газомъ и для никого невидимо сдѣлалъ массу добра такого, которое ощутительнѣе всякой пользы «Краснаго смѣха». Я не знаю, гдѣ похороненъ В. О. Португаловъ, но увѣренъ, что если вы побываете на самарскомъ еврейскомъ кладбищѣ, то не скоро отыщете и эту дорогую для каждаго обездоленнаго человѣка могилку. И замѣтьте — для каждаго, потому что для В. О. не было націи — были только нуждающіеся, обездоленные, больные люди.

IV.

Леонардъ Өомичъ Яковлевъ.

Если потомство скоро забываетъ такихъ своихъ сыновъ, послѣ которыхъ остается какое либо наслѣдіе, то, всеконечно, имя актера забывается тотчасъ же, какъ онъ исчезаетъ со сцены изъ глазъ зрителя. Не говоря уже о знаменитостяхъ сцены, они давно за-

быты, а въ провинціи безъ слѣда исчезли тысячи такихъ артистовъ, которые при жизни исторгали слезы изъ глазъ зрителя или заставляли его «помирать» со смѣху; пробуждали хорошія чувства, будили совѣсть, призывали къ иной жизни. Отъ нихъ ничего не осталось, имена ихъ «ты, Господи, вѣси».

Въ 1897 или 1898 г.,—года точно назвать не берусь, — недалеко отъ Самары, на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ скончался старый артистъ Леонардъ Ѳомичъ Яковлевъ (Гость-Кольцовъ), авторъ одной излюбленной и самой популярной у насъ оперетки «Женское любопытство». Рѣдкому театралу неизвѣстна эта пьеска, а водевильныя актрисы провинціи безусловно всѣ включаютъ эту пьеску въ свой репертуаръ, нерѣдко для дебютовъ. Исторія этой оперетки очень интересна и мнѣ извѣстна изъ устъ самого автора ея. Но прежде о самомъ Л. Ѳ. Яковлевѣ. Одно навсегда памятное для меня лѣто мнѣ пришлось почти все провести съ покойнымъ вмѣстѣ, что называется съ глазу на глазъ. Въ это-то время я много-много интереснаго слышалъ отъ него. Л. Ѳ. въ то время уже былъ старикомъ, но сколько именно лѣтъ было ему—сказать трудно, онъ объ этомъ вообще не любилъ говорить и, если кто спрашивалъ его о лѣтахъ, то онъ всегда говорилъ 63. Когда одинъ изъ такихъ любопытныхъ замѣтилъ ему: «да что вы, Л. Ѳ., я уже десятый годъ слышу, что вамъ все 63 года»,—Л. Ѳ. улыбнулся только и отвѣтилъ: «такъ чего жъ тебѣ надо? Женщины обыкновенно уменьшаютъ года и къ концу жизни чуть ли не доходятъ до невинныхъ лѣтъ 18—20, а я постояненъ—мнѣ до самой смерти будетъ 63».

На видъ онъ былъ очень бодръ, во всякомъ случаѣ ему трудно было дать болѣе 55 лѣтъ, а со сцены, загримированный,—а гримировался онъ художественно,—онъ нерѣдко казался цвѣтущимъ мужчиной, такъ что еще дамы не въ шутку увлекались имъ. Замѣчу, между прочимъ, здѣсь, что онъ всегда, играя новую роль, не только зналъ ее наизусть, не измѣняя ни одного слова автора и ничего не выпуская, но еще вдобавокъ всегда набрасывалъ карандашемъ, а иногда и красками, типъ изображаемаго имъ лица, какимъ онъ его себѣ представлялъ. Такихъ типовъ у него былъ цѣлый альбомъ, безъ сомнѣнія, очень цѣнный, но куда онъ дѣлся, не знаю. Рисовалъ онъ очень недурно. О своемъ прошломъ, далекомъ прошломъ, Л. Ѳ. не любилъ говорить, и видимо вспоминать ему было это прошлое тяжело. Могу сказать, что, по его словамъ, онъ съ десяти лѣтъ сталъ самъ зарабатывать себѣ деньги и воспиталъ, развилъ себя, сдѣлался крупной силой въ провинціи, только благодаря своему личному неустанному труду. Отца и матери онъ лишился еще ребенкомъ. Остался безъ всякихъ средствъ и съ дѣтскихъ лѣтъ, сознавая необходимость учиться, получалъ свое образованіе сначала гдѣ-то въ католической школѣ, а потомъ въ одномъ

изъ реальныхъ училищъ Западной Россіи. Онъ учился самъ и въ то же время за хлѣбъ училъ другихъ. Трудъ былъ не подъ силу ребенку, и не мудрено, что онъ, не кончивъ реальнаго училища, юношей пошелъ на сцену въ надеждѣ здѣсь лучше зарабатывать. Въ молодости онъ былъ очень красивъ, достаточно для тогдашняго актера развитъ—это сразу выдвинуло его, и онъ занялъ скоро амплуа водевильныхъ любовниковъ, но тогдашніе актеры не считали своего гонорара сотнями, и потому Л. Ѳ., занимая первое амплуа, частенько сидѣлъ голодомъ и совершалъ свои передвиженія изъ города въ городъ по образу пѣшаго хожденія. Самъ покойный Л. Ѳ. разсказывалъ мнѣ, какъ во время Крымской кампаніи онъ жилъ въ Симферополѣ только игрой на билліардѣ. Театръ вездѣ на время войны работалъ плохо, жить было нечѣмъ, и вотъ Л. Ѳ., застрявши въ Симферополѣ во время его осады, ежедневно просиживалъ въ кофейной, гдѣ былъ билліардъ. Здѣсь онъ поджидалъ какую либо «публику» и по рекомендаціи маркера игралъ съ желающими на билліардѣ. Игралъ онъ не дурно и до конца жизни, а въ то время онъ почти никогда не проигрывалъ, и это спасло его буквально отъ голодной смерти. Иногда онъ игралъ на деньги, но рѣдко, ибо у него денегъ не было, а играть на рискъ, что онъ можетъ выиграть,—онъ слишкомъ былъ честенъ. Чаще всего онъ игралъ на кофе и пирожки и этимъ питался все время, пока шла блокада Симферополя. Здѣсь же, во время этой блокады, Л. Ѳ. впервые видѣлъ оперетку «Женское любопытство» въ исполненіи французовъ, и мотивы ея записалъ на память во время представленія, а также и приблизительный текстъ ея. Впослѣдствіи только онъ уже все это обработалъ въ нѣчто цѣлое, и такимъ образомъ его «Женское любопытство» скорѣе чисто оригинальное произведеніе съ заимствованнымъ только сюжетомъ, чѣмъ переводъ. Куплеты же, которые тамъ распѣваютъ, всѣ оригинальны. Записывалъ онъ эту оперетку, сидя въ театрѣ на представленіи подъ свистъ непріятельскихъ пуль. Надо сказать также, что эта оперетка есть первая проба его пера въ драматической литературѣ.

Послѣ Крымской кампаніи судьба стала улыбаться ему, и онъ вскорѣ занимаетъ видное положеніе провинціальнаго артиста уже съ именемъ, хотя судьба эта никогда не баловала его, и онъ не сумѣлъ дойти «до степеней извѣстныхъ», едва ли только не по своей щепетильности и неумѣнію кричать о себѣ. Онъ былъ врагъ всю жизнь всякой рекламы и оттого много терялъ. Всегда въ каждой труппѣ за свое болѣе чѣмъ полувѣковое служеніе на русской сценѣ Л. Ѳ. считался однимъ изъ лучшихъ артистовъ провинціи, всегда пользовался любовью у публики и нерѣдко прослуживалъ въ одномъ и томъ же городѣ по пяти лѣтъ къ ряду, но замѣчательно, по его словамъ, что, невзирая на все это, онъ за всю свою службу только разъ имѣлъ отъ публики подарокъ, и

тотъ былъ «бутылка шампанскаго», роспитая вмѣстѣ же. Со стороны сборовъ его бенефисы также ничего не давали, и кончилось тѣмъ, что онъ или совсѣмъ отказывался отъ бенефисовъ, или же продавалъ ихъ кому либо изъ товарищей. Только отъ своихъ сослуживцевъ онъ имѣлъ много цѣнныхъ подарковъ. Вообще надо сказать, что болѣе скромнаго человѣка я не встрѣчалъ въ актерскомъ быту. Я зналъ Л. Ѳ. почти десять лѣтъ, не только служилъ вмѣстѣ съ нимъ, но и жилъ на одной квартирѣ, видѣлся изо дня въ день и ни разу не слыхалъ отъ него обычнаго актерскаго хвастовства о томъ, какой у него былъ бенефисъ, какъ его любили, или какъ онъ игралъ: «Боже мой! какъ я игралъ!» Онъ о себѣ не говорилъ, а если и говорилъ, то только про неуспѣхи и иронизируя на счетъ себя. А, между тѣмъ, это былъ безспорно талантливый артистъ и имѣлъ полное право говорить о себѣ съ достоинствомъ. Замѣчу еще, что онъ никогда не запрашивалъ жалованья и не получалъ болѣе 175 рублей въ то время, когда посредственности при немъ же нисколько не смущались брать по 350 р. и излагали о себѣ такіе тошнотворные разсказы, что приходилось краснѣть за нихъ. Послѣдніе годы своей жизни Л. Ѳ. служилъ то въ Оренбургѣ, то въ Самарѣ, и какъ актеръ и какъ хозяйственный распорядитель. Лѣто онъ обычно проводилъ на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ, принимая ванны и въ то же время собирая небольшую труппу, попреимуществу молодыхъ артистовъ, съ которыми и игралъ весь лѣтній сезонъ. Служить съ нимъ лѣто, по-моему, было просто наслажденіемъ: во-первыхъ, эта служба была чисто товарищеская, безъ всякихъ обычныхъ актерскихъ традицій; во-вторыхъ, онъ самъ режиссировалъ, а это была уже своего рода школа для молодого актера, и школа рѣдкая; наконецъ, въ смыслѣ отдыха— здѣсь актеръ все лѣто никому не одолжался на свои заработанныя деньги: пользовался и прекраснымъ здоровымъ воздухомъ, и ваннами, и водой и просто отдыхалъ въ кругу совершенно особаго актерскаго міра, гдѣ не было ни сплетенъ, ни интригъ. Труппу на лѣто онъ набиралъ не болѣе 12—14 человѣкъ. Впослѣдствіи на сѣрныхъ водахъ Л. Ѳ. пріобрѣлъ себѣ домикъ и, говорятъ, выстроилъ свой собственный театръ. Что сталось съ этимъ недвижимымъ имуществомъ, я не знаю, но знаю, что у него былъ сынъ, учившійся гдѣ-то, кажется, или въ технологическомъ институтѣ или въ институтѣ путей сообщенія.

Л. Ѳ. работалъ всегда. Безъ дѣла я никогда его не видѣлъ. Вставалъ онъ рано и сейчасъ же принимался за работу, или онъ переводилъ что нибудь, или писалъ свои комедіи, или же просто переписывалъ нравящіяся ему пьесы, удобныя для небольшой труппы, и вмѣстѣ съ тѣмъ переписывалъ ноты. Онъ хорошо зналъ и музыку. Если же нечего было писать, онъ читалъ. Но безъ дѣла его никогда нельзя было застать. Всего имъ было написано много

пьесъ. Я знаю, что въ общемъ за послѣдніе годы онъ получалъ однѣхъ авторскихъ около тысячи рублей ежегодно, что давало ему возможность жить вполнѣ обезпеченно. Жилъ онъ скромно, но себѣ ни въ чемъ не отказывалъ. Его переводныхъ пьесъ и передѣлокъ всѣхъ не перечтешь, да многія и неизвѣстны, потому что на нихъ не выставлена его авторская подпись. Вотъ тѣ пьесы, которыя принадлежатъ его перу и являются большей частью не дословнымъ переводомъ, а передѣлкой: «Оболтусы-вѣтрогоны», «Яблочко отъ яблони», «Суди его Богъ», «По торной дорогѣ къ эшафоту», «Рай», «Женское любопытство» и много другихъ. Подписывался онъ обыкновенно или Л. Яковлевъ или Л. Гость-Кольцовъ; послѣдній псевдонимъ имъ былъ избранъ въ память того, что когда-то онъ былъ въ гостяхъ у извѣстнаго поэта Кольцова, но о немъ почему-то онъ никогда ничего не говорилъ, хотя я съ нимъ бесѣдовалъ много и рѣшительно обо всемъ. Ему, говорятъ, предлагали перейти на императорскую сцену, но по той же скромности онъ не пошелъ туда и всю жизнь оставался только провинціальнымъ актеромъ, котораго публика всегда любила, восторженно принимала, но даже и рецензій объ немъ было немного. Изъ ролей, лучшихъ въ его репертуарѣ, гдѣ я почти не знаю ему соперниковъ, были: Нароковъ— «Таланты и поклонники», «Василій Шуйскій» (въ хроникѣ Островскаго), «Іоаннъ Грозный», Яго — «Отелло», Могильщикъ — «Гамлетъ» и другіе. Чудно онъ игралъ старые водевили съ пѣніемъ, но игралъ ихъ рѣдко, и то только на Сѣрныхъ водахъ, лѣтомъ, по усиленной просьбѣ труппы, и когда онъ игралъ эти роли, для актеровъ былъ истинный праздникъ, потому что теперь уже нѣтъ такихъ водевильныхъ комиковъ и такихъ куплетистовъ. Я помню его въ старомъ водевилѣ «Много грома отъ рому» въ роли привратника Лалуэта. И никогда ничего подобнаго я больше не видѣлъ; теперь такъ не умѣютъ играть! Несмотря на то, что ему было уже давно за 60 лѣтъ, онъ жилъ на сценѣ, заражалъ своимъ юморомъ и веселостью весь театръ и пѣлъ куплеты: «Я шучу, я кучу, но всегда, всегда молчу», такъ, какъ теперь не услышишь. Какъ человѣкъ, онъ былъ безукоризненно, до педантизма честенъ, аккуратенъ и деликатенъ. Онъ во всю свою жизнь ни разу не опоздалъ на репетицію, ни разу не вышелъ на сцену, не зная своей роли (какова бы она ни была) наизусть, какъ «Отче нашъ». Въ дѣлахъ вѣры это былъ строгій католикъ, но показного и тутъ у него ничего не было. Писалъ онъ свои записки, и несомнѣнно онѣ должны представлять огромный интересъ, потому что писаны безспорно умнымъ и талантливымъ человѣкомъ и при томъ охватывали чуть не полстолѣтія, наиболѣе интереснаго въ театральномъ смыслѣ, но, къ несчастію, куда онѣ дѣлись, — неизвѣстно.

Ник. Беккаревичъ.

СЕМЬЯ НѢМЦЕВЪ-ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ РОССІИ.

I.

Въ БЛАГОДАТНОМЪ Прирейнскомъ краѣ, въ г. Бахарахѣ, во второй половинѣ XVIII в. проживала семья придворнаго кельнскаго камеральнаго совѣтника, Франца Кюгельхена. Глава семейства этого принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, хотя и связанному узами родства съ графами Андернахами, фонъ-Фиками и т. д., но въ эпоху Тридцатилѣтней войны обѣднѣвшему и слившемуся съ бюргерствомъ.

Причина обѣднѣнія Кюгельхеновъ, впрочемъ, не заключала въ себѣ ничего позорнаго и вызвана была тѣмъ, что нѣсколько членовъ ея попадали въ заложники, платились крупными выкупами, терпѣли грабежи отъ вооруженнаго непріятеля и пр.

Гофъ-каммеррать, Францъ Кюгельхенъ, пользовавшійся среди земляковъ всеобщимъ уваженіемъ, справедливо гордился тѣмъ, что должность, имъ занимаемая, уже въ теченіе 200 лѣтъ преемственно передается отъ отца къ сыну и сдѣлалась какъ бы наслѣдственною въ родѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ, что претендовать на возстановленіе дворянскихъ правъ ни ему, ни его сыновьямъ не пристало, потому что дворянинъ безъ обезпеченнаго состоянія—все равно, что клинокъ, лишившійся ноженъ.

Добросовѣстный служака, преисполненный чувства достоинства, Францъ Кюгельхенъ, былъ такъ же щеголеватъ въ одеждѣ, какъ его супруга, роброны которой изъ неизносимаго штофа, доставшіеся ея правнуку, П. К. фонъ-Кюгельхену, оказались настолько

объемисты, что каждый былъ передѣланъ на двуспальное одѣяло[1]).

6 февраля 1772 г. у совѣтника Кюгельхена отъ брака его съ Маріею-Юстиною Хёггъ, особы красивой, веселой и добросердечной, родились два сына-близнеца: Францъ-Гергардъ и Карлъ-Фердинандъ; они настолько походили другъ на друга, что родители для отличія принуждены были дѣлать имъ на платьицахъ повязки изъ лентъ неодинаковаго цвѣта.

Семья совѣтника жила дружно и слыла за образецъ «мѣщанскихъ добродѣтелей»; этимъ объясняется, почему о своемъ дѣтствѣ близнецы сохранили радужныя воспоминанія, которыя воплотились въ запискахъ К. фонъ-Кюгельхена, доселѣ сохраняющихся въ рукописи у петербургскихъ его потомковъ, а равно въ запискахъ Гергарда фонъ-Кюгельхена, повидимому, утраченныхъ, но болѣе или менѣе использованныхъ его біографомъ, проф. Гассе.

Оба мальчика съ дѣтства обнаруживали дарованія къ рисованію, но эта склонность у братьевъ была не одинакова: Гергардъ рисовалъ почти исключительно головки, а Карлъ копировалъ пейзажи Мейріака и дѣлалъ съ натуры бойкіе наброски перомъ и карандашемъ. Хотя «мазня» юношей не давала пощады ни роднѣ, ни знакомымъ, ни живописнымъ окрестностямъ городка и удачно схватывала сходство съ натурою, отецъ оставался неумолимъ и твердилъ одно: «сначала учитесь, образуйте умъ, а тамъ будете знать, что съ собою дѣлать».

Въ 1786 г. близнецы были отданы въ Бонскую іезуитскую коллегію, гдѣ и завершили образованіе, начатки которому были положены домашнимъ воспитаніемъ подъ руководствомъ патера Ландульфа.

По смерти совѣтника въ 1789 г., вдова его уступила настояніямъ сыновей позволить имъ посвятить себя искусству. Хотя Гергардъ отличался вдумчивою серьезностью, меланхоличностью и склонностью къ мистицизму, а Карлъ былъ оживленный, общительный собесѣдникъ, не лишенный юмора, разница въ наклонностяхъ и свойствахъ таланта не мѣшала близнецамъ быть друзьями. Въ нихъ настолько ярко жило чувство братскаго единенія и любви, что и въ юности и въ зрѣлые годы каждый изъ нихъ охотнѣе употреблялъ форму «мы», чѣмъ «я», и, несмотря на воспослѣдовавшее, въ пору возмужалости, различіе житейской обстановки и несчастное сцѣпленіе обстоятельствъ, въ силу которыхъ одинъ братъ временно ввергъ въ разореніе другого, между Кюгельхенами всю жизнь царила незамутимая дружба.

Къ профессіональному изученію живописи братья Кюгельхены, впрочемъ, приступили сначала порознь: Гергардъ въ Кобленцѣ

[1]) Paul von Kügelchen. Gerhard und Karl von Kügelchen. Riga. 1902. Стр. 5—6.

подъ руководствомъ пріобрѣтшаго извѣстность историческими картинами Януарія Цика, а Карлъ—въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ у пейзажиста Христіана Шютца; потомъ они около года занимались живописью самостоятельно, живя у дѣда (по матери) І. С. Хёгга, зажиточнаго сельскаго хозяина и совѣтника надворнаго суда въ Ренсѣ. Желаніе изучить картинную галлерею и историческія древности Майнца привело юношей въ 1790 г. къ знакомству съ вюрцбургскимъ художникомъ Христофоромъ Фезелемъ (ученикомъ Менгса и большимъ поклонникомъ итальянской школы). Онъ поселилъ Кюгельхеновъ у себя въ домѣ и, словно родной, принялся руководить ихъ занятіями.

Необычайное трудолюбіе, сознательная энергія, привлекательная обходительность, душевное благородство и отсутствіе низменныхъ инстинктовъ подкупали всѣхъ, кто соприкасался съ братьями Кюгельхенами.

Этимъ объясняется и любовное пѣстованіе ихъ Фезелемъ, который заставилъ ихъ предпринять показную работу въ томъ расчетѣ, чтобы привлечь вниманіе кёльнскаго курфюрста, австрійскаго эрцгерцога Максимиліана-Франца, такъ какъ можно было надѣяться, что тароватый меценатъ предоставитъ юношамъ стипендію для завершенія художественнаго образованія «въ Дрезденской академіи, или даже и въ самомъ Римѣ»—такія надежды сулилъ питомцамъ Фезель, и не напрасно. Собственный портретъ, нарисованный Гергардомъ, и панорама Вюрцбурга, картинно воспроизведенная Карломъ, послужили поводомъ къ тому, что курфюрстъ удостоилъ позировать Гергарду для портрета масляными красками. Общительный и склонный къ юмору курфюрстъ, болтая во время сеансовъ съ портретистомъ и его братомъ, оцѣнилъ ихъ открытый нравъ и порядочность и, признавшись какъ-то: «въ живописи я ничего не понимаю, но вижу, что ребята вы хорошіе», назначилъ братьямъ на три года по 200 дукатовъ ежегодно съ тѣмъ, «чтобы эти деньги были ими употреблены на дальнѣйшее развитіе природныхъ художественныхъ ихъ дарованій въ Римѣ».

Вниманіе, оказанное художникамъ курфюрстомъ, нашло подражанія, и братья Кюгельхены получили сразу нѣсколько заказовъ отъ графа Валленштейна, каммеръ-президента фонъ-Шпигеля и богатыхъ канониковъ мѣстнаго капитула.

Доставъ себѣ небольшой заработокъ отъ исполненія частныхъ заказовъ, получивъ отъ курфюрста единовременное путевое пособіе и нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ римскимъ кардиналамъ и прелатамъ, братья Кюгельхены 4 мая 1791 г. пустились въ Римъ по образу пѣшаго хожденія.

О пребываніи Кюгельхеновъ въ Римѣ мы распространяться не

станемъ [1]), но отмѣтимъ, что почти четырехлѣтнее пребываніе въ вѣчномъ городѣ открыло имъ новый міръ художественныхъ воспріятій. Братья восторженно изучали художественныя произведенія итальянскихъ мастеровъ, древности и южную природу.

Экскурсіи и посѣщенія студій римскихъ художниковъ сблизили братьевъ съ меценатомъ лордомъ Бристолемъ, Карломъ-Людвигомъ Ферновымъ, знатокомъ искусства и педагогомъ, берлинскимъ архитекторомъ Гентцемъ и лифляндцемъ Шварцемъ. Потрясшая въ 1795 г. Европу война разрушила мирное существованіе Кюгельхеновъ, подвиги французскихъ республиканскихъ армій грозили низринуться и чрезъ Альпы, а потому многочисленные и тогда уже туристы торопились покинуть Италію. Въ Прирейнскомъ краѣ исконный строй общественныхъ и хозяйственныхъ отношеній подвергся коренной ломкѣ, вслѣдствіе чего присылка денегъ нашимъ художникамъ отъ курфюрстскаго двора и изъ дома прекратилась, и Кюгельхены, исключительно предоставленные собственнымъ силамъ, начали чувствовать себя на далекой чужбинѣ весьма неуютно. Братья недоумѣвали, что̀ начать, но юношеская отвага не знаетъ унынія, а тѣсная дружба съ лифляндцемъ Шварцемъ открыла имъ негаданныя перспективы. Шварцъ, принадлежавшій къ богатой рижской купеческой семьѣ, по настояніямъ родителей долженъ былъ въ непродолжительномъ времени вернуться на родину, гдѣ для него уже была припасена почетная должность.

Шварцъ и убѣдилъ Гергарда отправиться въ Ригу, гдѣ братья Кюгельхены въ домѣ родителей Шварца будутъ приняты, какъ родные, таланты же портретиста и пейзажиста, конечно, обезпечатъ братьямъ источникъ къ заработку въ мирномъ Балтійскомъ краѣ.

Такъ какъ Карлу нужно было кончать картину, заказанную ему лордомъ Бристолемъ, то онъ остался пока въ Римѣ, а Гергардъ отправился съ Шварцемъ въ Россію 15 февраля 1795 г.

Ѣхали они, не торопясь, останавливаясь для обозрѣнія картинныхъ галлерей въ Мюнхенѣ и другихъ городахъ, и благополучно добрались до Риги лишь въ сентябрѣ. Здѣсь личность художника и его талантъ нашли почетное признаніе.

За 2½ года пребыванія въ Ригѣ Кюгельхенъ нарисовалъ до 54 картинъ, преимущественно портретовъ; среди послѣднихъ особенному упроченію его репутаціи способствовали портреты генерала фонъ-деръ-Палена (во весь ростъ, въ натуральную величину), графини Боргъ съ дѣтьми (поясной портретъ), г-жи фонъ-Мейендорфъ съ дѣтьми, генеральши фонъ-Бенкендорфъ (во весь ростъ) и

---

[1]) Это путешествіе Карлъ фонъ-Кюгельхенъ въ сентябрѣ 1791 и октябрѣ 1792 г. съ большимъ юморомъ описалъ для развлеченія матери въ двухъ объемистыхъ тетрадяхъ, которыя и посейчасъ хранятся у правнука художника Карла, П. фонъ-Кюгельхена.

супруги наслѣдника цесаревича, великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Тѣмъ временемъ Карлъ Кюгельхенъ, покинувъ въ 1796 г. Италію, поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ его съ братскимъ радушіемъ принялъ архитекторъ Гентцъ, а, благодаря обширному кругу знакомства послѣдняго, Кюгельхенъ оказался на нѣсколько мѣсяцевъ обезпеченъ выгодными заказами.

Въ это время эстляндская баронесса Софія Цеге-фонъ-Мантейффель прожигала за границею жизнь съ своимъ неуравновѣшеннымъ супругомъ, барономъ фонъ-Штакельбергомъ, о которыхъ намъ не разъ придется говорить впослѣдствіи [1]). Штакельберги случайно повстрѣчались на пути съ Кюгельхенами—сначала въ Ригѣ съ Гергардомъ, а съ Карломъ въ Берлинѣ. Она въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ подъ 29 апрѣля 1797 г. въ Ригѣ: «Ночью мнѣ не здоровилось, и на слѣдующій день я принуждена была до полудня остаться въ постели. По утру въ сосѣдней комнатѣ мужъ принималъ какого-то художника; звучный и пѣвучій голосъ его доносился и до меня. Художникъ очень любезно привезъ показать барону свои картины и въ ихъ числѣ собственный портретъ, имъ же нарисованный. Этотъ портретъ баронъ внесъ въ спальню и поставилъ у моихъ ногъ. Чудное, цвѣтущее и обрамленное густыми вьющимися локонами лицо показалось мнѣ знакомымъ, такъ какъ въ минувшемъ году я его видѣла за обѣдомъ въ Линденру».

2 іюня того же года баронесса заноситъ въ дневникъ, описывая посѣщеніе театра: «Странно въ театрѣ я замѣтила около моей ложи личность, напомнившую мнѣ художника, встрѣченнаго въ Биркенру и Ригѣ. Тѣ же вьющіеся локоны, идущіе въ разрѣзъ съ модою. Неужели онъ перегналъ насъ, пріѣхавъ сюда раньше?» Сходство между братьями, не разъ вводившее въ заблужденіе общихъ ихъ знакомыхъ, сказалось и тутъ. 28 іюня баронесса опять заноситъ въ дневникъ: «Юный Кюгельхенъ, котораго я видѣла въ театрѣ, оказался братомъ-близнецомъ рижскаго портретиста и тоже собирается въ наши края. Онъ—пріятный молодой человѣкъ и прекрасно поетъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, что̀ идетъ къ его костюму. Въ картинахъ его много твор-

---

[1]) Бракъ былъ не изъ счастливыхъ: баронъ, очень уродливый, былъ бонвиванъ, любившій широко пожить матеріалистъ, а жена его—остроумная, чувствительная и талантливая художница. Послѣ продолжительныхъ путешествій по чужимъ краямъ и тѣснаго общенія съ выдающимися умами того времени Штакельберги, по возвращеніи въ Эстляндію, сдѣлали неожиданное открытіе, что состояніе ихъ сильно разстроено. Вмѣсто того, чтобы поднять запущенное хозяйство въ родовомъ имѣніи Оттенкюль, Штакельбергъ купилъ другое имѣніе Полль, окончательно запутался и къ старости сдѣлался скрягою, такъ что баронесса принуждена была взяться за кисти и на заработокъ отъ акварельныхъ ея рисунковъ поддерживала существованіе семьи. (Kügelchen. Erinnerungen, стр. 30, 46, 47).

ческой фантазіи. Особенно мнѣ понравился итальянскій пейзажъ съ глубокою далью и чудною воздушною перспективою; на другой картинѣ изображенъ среди чернѣющихъ скалъ мрачный Стиксъ, по волнамъ котораго такой же мрачный Харонъ перевозитъ укутанныя въ саваны молчаливыя фигуры. Мы скоро сошлись, благодаря интересу, съ которымъ Кюгельхенъ относится ко всему, меня занимающему, его добродушію и сердечности» [1]).

Послѣдовавъ за братомъ въ Прибалтійскій край, К. фонъ-Кюгельхенъ въ 1796 г. вошелъ въ тотъ же кружокъ, въ которомъ вращался Гергардъ въ Ригѣ и Ревелѣ, исполняя многочисленные заказы для мѣстныхъ богатыхъ купцовъ-патриціевъ и дворянъ [2]). Несмотря на обезпеченный заработокъ и свѣтскіе успѣхи, Кюгельхены не могли рѣшить, что предпочтительнѣе въ интересахъ дальнѣйшей будущности — вернуться ли въ Германію, или переселиться въ Петербургъ, съ которымъ Гергардъ Кюгельхенъ уже мимолетно ознакомился. Настоятельныя приглашенія рижскаго знакомаго Гергарда, барона фонъ-Поллымана, привлекли Кюгельхена въ Эстляндію, въ имѣніе Поллымана Коддиль.

Въ мартѣ Г. фонъ-Кюгельхенъ пріѣхалъ въ Ревель, во время собранія мѣстнаго дворянства для обсужденія земскихъ хозяйственныхъ дѣлъ.

Здѣсь давнишній знакомый Гергарда, уѣздный маршалъ (предводитель дворянства) фонъ-Бокъ, познакомилъ художника съ семействомъ своей сестры, Елены-Генріетты, состоявшей въ замужествѣ за барономъ Вильгельмомъ-Іоганномъ Цеге-фонъ-Мантейффелемъ, такъ какъ послѣдній, по словамъ Бока, «любилъ искусство и художниковъ,—я еще изъ Риги писалъ ему о васъ».

Знакомство это было чревато послѣдствіями для близнецовъ-художниковъ, а потому біографы распространяются о любопытной личности барона Мантейффеля, которому суждено было противъ воли сдѣлаться тестемъ обоихъ Кюгельхеновъ.

Крупный эстляндскій помѣщикъ, баронъ Вильгельмъ-Іоганнъ Цеге-фонъ-Мантейффель, проживалъ постоянно въ своихъ имѣніяхъ Эйгстферѣ и Альтъ- и Нейгармсѣ и былъ типичнымъ представителемъ балтійской знати. Еще въ колыбели младенцемъ онъ удостоился милостей отъ императрицы Елисаветы Петровны. Во время посѣщенія Эстляндіи царица останавливалась на ночлегъ у родителей барона въ ихъ имѣніи Вайкюллѣ, расцѣловала пухленькое тѣльце приглянувшагося ей грудного младенца и положила ему

---

[1]) P. von Kügelchen. Loc. cit., p. p. 20—21.

[2]) За 2½ года пребыванія въ Балтійскомъ краѣ Г. фонъ-Кюгельхенъ нарисовалъ 54 картины. M. H. von Kügelchen geb. Zöge von Manteuffel. Ein Lebensbild in Briefen, herausgeg. v. A. u. E. von Kügelchen. Stuttgart. Keller's Verlag. 1904 Стр. 11.

въ колыбельку патентъ на первый офицерскій чинъ, такъ что баронъ фактически вступилъ въ военную службу; служилъ баронъ въ голштинской гвардіи, по смерти Петра III вышелъ въ отставку въ чинѣ капитана и увезъ изъ Петербурга ненависть къ императрицѣ Екатеринѣ II, о которой никогда спокойно говорить не могъ.

Выйдя въ отставку, баронъ женился на Еленѣ-Генріеттѣ фонъ-Бокъ.

Глубоко религіозная баронесса поддерживала дѣятельную переписку съ гр. Цинцендорфомъ, основателемъ гернгутерства, который немало хлопоталъ объ устройствѣ діаспорійскихъ общинъ и въ Прибалтійскомъ краѣ. Отсюда и у дочерей баронессы впослѣдствіи явилось рѣзко выраженное тяготѣніе къ гернгутерству.

Баронъ хозяйство повелъ съ толкомъ и немало прилагалъ заботъ къ благосостоянію своихъ крѣпостныхъ, что̀ тогда было рѣдкостью; онъ часто заходилъ къ крестьянамъ въ избы, помогалъ имъ словомъ и дѣломъ, а въ нужныхъ случаяхъ, по примѣру Петра Великаго, пускалъ въ ходъ дубинку. Въ результатѣ хозяйство барона особенно въ Альтъ-Гармсѣ дошло до незауряднаго процвѣтанія, а владѣлецъ, по справедливости, пользовался уваженіемъ среди дворянства и крестьянъ: краснорѣчивое свидѣтельство этому сказалось въ 90-хъ годахъ XVIII в., когда во многихъ кирхшпиляхъ Эстляндіи вспыхнулъ бунтъ. Движеніе приняло серьезные размѣры, крестьяне дѣйствовали массою и жгли дворянскіе замки. Перепуганные бароны пріѣхали искать спасенія въ Альтъ-Гармсскую барскую усадьбу, но вскорѣ къ ней подступили бунтовщики, требуя выдачи бѣглецовъ. Баронъ Цеге-фонъ-Мантейффель не потерялся и верхомъ, безоружный врѣзался въ толпу и принялся усовѣщивать бунтовщиковъ. Авторитетность его была такъ сильна, что крестьяне успокоились и мирно разошлись по домамъ, а прибывшему потомъ на мѣсто безпорядковъ казачьему полку безпрекословно выдали зачинщиковъ.

По этому поводу здѣсь умѣстно замѣтить, что въ Балтійскомъ краѣ безпорядки возникали на почвѣ крайне суроваго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами.

Небольшого роста, брюнетъ съ карими глазами, и по темпераменту и по внѣшности скорѣе напоминавшій южанина, чѣмъ балта, баронъ не даромъ носилъ кличку «Mordskerl»'я. Властолюбивый и необузданный, онъ былъ крайне неровенъ въ обращеніи, проявлялъ то чарующую любезность, то рѣзкую грубость и держалъ въ большомъ повиновеніи жену и дѣтей. Лучшимъ образчикомъ его непослѣдовательности можетъ служить то, что съ однимъ своимъ сыномъ, Генрихомъ, онъ надолго разссорился потому, что тотъ увлекся красавицею-француженкою Неффъ, а когда другой его сынъ, Петръ, въ возрастѣ 14 лѣтъ, пожаловалъ его

въ дѣдушки, баронъ расхохотался и за обѣдомъ пилъ за здоровье новоявленнаго отца и его отпрыска [1]).

Въ ревельскомъ рыцарскомъ домѣ баронъ появлялся рѣдко и общественнымъ интересамъ предпочиталъ свое укромное помѣщичье и семейное дѣло.

Альтъ-Гармскій «замокъ» роскошью не отличался, стѣны въ комнатахъ были просто выбѣлены, среди мебели преобладали простые соломенные стулья, но домъ былъ помѣстителенъ и представлялъ всѣ удобства для многочисленной семьи, а въ надворныхъ постройкахъ ютились разныя мастерскія.

Для воспитанія дѣтей, обставленнаго съ нѣмецкою основательностью, баронъ держалъ многисленныхъ учителей, преподававшихъ науки, искусства и иностра̂нные языки. Въ поясненіе многочисленности педагогическаго персонала, подвизавшагося съ Альтъ-Гармсѣ, слѣдуетъ сказать, что педагогическія услуги въ ту пору цѣнились дешево: несчастные богословы въ рангѣ «гофмейстеровъ» поставлялись Германіею десятками и получали за свои труды 80 альбертсъ-талеровъ въ годъ да на придачу домотканное бѣлье и замшевые панталоны [2]).

Дѣти барона занимались и рисованіемъ, гравированіемъ, токарнымъ, столярнымъ и слесарнымъ мастерствомъ, а по вечерамъ происходили музыкальные квартеты, привлекавшіе, сосѣднихъ помѣщиковъ [3]).

Баронъ вообще былъ очень радушенъ и гостепріименъ, и предпочиталъ собирать родню и знакомыхъ къ себѣ, рѣдко выѣзжая самъ въ гости.

Кюгельхена баронъ принялъ крайне радушно и настолько полюбилъ художника съ вдохновенной головою апостола Іоанна, обрамленной вьющимися кудрями, что настойчиво звалъ его проводить досуги, не занятые въ Ревелѣ, въ Альтъ-Гармсѣ. Довѣріе барона къ художнику простерлось такъ далеко, что самъ же онъ упросилъ молодого художника помогать словомъ и дѣломъ его дочери Еленѣ въ занятіяхъ рисованіемъ, къ которымъ та, какъ и баронесса Штакельбергъ, Эмилія, ея сестра, проявляла незауряд-

[1]) Const. von Kügelchen. Erinnerungen aus meinem Leben, als Manuscript gedruckt. St.-Petersburg. 1881. Стр. 26, 14, 29.

Къ чести стараго барона и его жены слѣдуетъ отнести, что незаконнорожденнаго внука на произволъ судьбы они не кинули. Получивъ прозвище въ видѣ анаграммы отъ Цёге (Гётце), онъ, по окончаніи образованія, поступилъ на государственную службу и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника и кавалера многочисленныхъ орденовъ.

[2]) Const. von Kügelchen. Erinnerungen, стр. 67.

[3]) Marie Helene von Kügelchen, geb. Zöge von Manteuffel. Ein Lebensbild in Briefen, herausgeg. von A. u. E. von Kügelchen. Stuttgart. Keller's Verlag. 1904. Стр. 3.

ныя дарованія. Баронъ потомъ не разъ ругалъ себя за то, что, «какъ простакъ, самъ же запиралъ кругомъ двери, чтобы Лилѣ и ея учителю не мѣшали въ занятіяхъ».

Баронесса Елена шагъ за шагомъ все болѣе очаровывалась художникомъ, который далеко не жаловалъ «такъ называемыхъ любительницъ искусства».

Елена Мантейффель отъ 5 марта 1798 г. пишетъ своей сестрѣ, баронессѣ Штакельбергъ: «Кюгельхенъ—изящный, образованный человѣкъ, преисполненный страстной любви къ искусству. Восторженность, съ которой онъ говоритъ о живописи, дѣйствуетъ прямо заразительно. Вчера онъ мнѣ показывалъ свой портретъ, имъ же нарисованный на слоновой кости, превосходящій всякія описанія, невозможно представить себѣ лучшаго исполненія миніатюры» [1]).

«Я еще не начала уроковъ съ Кюгельхеномъ,—пишетъ Елена баронессѣ Штакельбергъ въ другомъ письмѣ,—онъ пока пріѣзжалъ на нѣсколько дней изъ Коддиля и нарисовалъ меня en miniature. Такого изящнаго рисунка я никогда не видывала». «Кюгельхенъ,— пишетъ она отъ 29 мая 1798 г.,—будетъ рисовать масляными красками портреты нашихъ родителей. Я заранѣе имъ радуюсь... Кюгельхенъ все еще живетъ у Полльмана въ Коддилѣ и по временамъ наѣзжаетъ къ намъ слѣдить за моими занятіями рисованіемъ. Не его вина, если я лѣнюсь. Краски, которыми я рисую, онъ приготовляетъ самъ и присылаетъ мнѣ ихъ изъ Коддиля; я должна признаться, рисовать этими красками мнѣ доставляетъ истинное наслажденіе»... «Кюгельхенъ—милѣйшій человѣкъ. Лицо его красиво, хотя я могу себѣ представить лучшихъ красавцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ—думаю я, что не ошибаюсь—онъ и благороднѣйшій человѣкъ. Предметы для рисованія онъ избираетъ все благородные и возвышенные, и ему претитъ изобразить какую нибудь скверную рожу» [2]).

Всѣ эти восторги привели къ естественнымъ послѣдствіямъ: общность эстетическихъ интересовъ оказалась ступенькою къ болѣе нѣжному сближенію, а это ужъ вовсе не входило въ планы гордаго своимъ происхожденіемъ балтійца—одну уже дочь онъ выдалъ замужъ за богатаго барона Густава-Адольфа фонъ-Штакельберга, а вторую дочь Елену-Марію прочилъ въ жены далекому родственнику и сосѣду, графу Мантейффелю [3]). Противъ Кюгельхена, какъ жениха, Мантейффель выставлялъ мѣщанское его происхожденіе и отсутствіе обезпеченныхъ средствъ. Послѣ тяжелыхъ семейныхъ столкновеній и вмѣшательства дружественнаго Кюгельхену графа Плятера, пріѣзжавшаго для этого нарочно изъ Петербурга, баронъ

---

[1]) M. H. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen. Стр. 10.
[2]) Тамъ же, стр. 49.
[3]) Тамъ же, стр. 15.

Мантейффель далъ наконецъ согласіе на бракъ влюбленныхъ, причемъ Кюгельхенъ обязался добиться возстановленія въ Германіи своихъ дворянскихъ правъ и въ короткое время создать капиталъ— не менѣе 20 т. р. [1]). Въ суровую зиму 1798—1799 г. оба Кюгельхена по 32° морозу пустились въ русскую столицу для завоеванія золотого руна.

Чрезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Петербургъ Гергарду удалось получить нѣсколько заказовъ, и работа у него закипѣла. Онъ нарисовалъ миніатюрные портреты великихъ княгинь Елисаветы Алексѣевны и Анны Θеодоровны и графа Чарторижскаго; послѣдній, кромѣ того, заказалъ Кюгельхену нарисовать отдѣльно его глазъ, за что художнику было заплачено 100 р. [2]). Въ 1799 г. Кюгельхеномъ были нарисованы портреты императора Павла, императрицы Маріи Θеодоровны, графовъ Палена и Сиверса и другихъ лицъ изъ петербургскаго высшаго общества, всего до 25 портретовъ, за которые художникъ получилъ въ общемъ 6.000 р. Воспроизведеніе членовъ императорской фамиліи (въ количествѣ 11 фигуръ) на одной картинѣ въ половину натуральной величины окончательно упрочило художественную репутацію Гергарда фонъ-Кюгельхена. Великая княгиня Елисавета Алексѣевна удостоила художника брильянтовымъ перстнемъ; въ свою очередь, Карлъ фонъ Кюгельхенъ за ландшафтные виды, исполненные по порученію императрицы Маріи Θеодоровны, получилъ званіе придворнаго художника съ окладомъ въ 3.000 р., а вскорѣ близнецы-художники были назначены дѣйствительными членами въ императорскую академію художествъ— этому успѣху, независимо отъ талантливости Кюгельхеновъ, несомнѣнно существенно способствовали дружескія отношенія, установившіяся у Кюгельхеновъ съ профессоромъ физики Парротомъ, пользовавшимся особеннымъ вѣсомъ у императрицы Маріи Θеодоровны, а равно и хвалебные отзывы, которые обоимъ братьямъ расточалъ Августъ фонъ-Коцебу, только что вернувшійся изъ ссылки въ Тобольскъ и игравшій видную роль въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, къ 1800 г. Г. фонъ-Кюгельхенъ оказался уже въ состояніи выполнить обязательство, принятое предъ будущимъ тестемъ—отъ частныхъ заказовъ у него очистилось около 10 т. р., 5 т. рублей были получены за группу императорской фамиліи, а 5 т. рублей отъ придворнаго ювелира Дюваля [3]).

Препятствія къ браку Гергарда съ баронессой Еленой Мантейффель были преодолѣны, и 11 сентября 1800 г. состоялась ихъ свадьба.

[1]) H. M. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen. стр. 23, 30.

[2]) Въ то время въ моду вошло воспроизведеніе глаза вмѣстѣ съ прядью волосъ даннаго лица заключать подъ стекло въ медальонъ и дарить любимому человѣку для ношенія на груди.

[3]) P. von Kügelchen. Loc. cit., p. 27

Въ письмахъ къ роднымъ они описывали въ восторженныхъ выраженіяхъ свою счастливую жизнь.

Въ свою очередь Елена въ письмѣ къ своей матери разсказываетъ: «Госпожа Нелидова (фрейлина императрицы Маріи Өеодоровны), о которой мы слышали такъ много хорошаго въ Эстляндіи, была у насъ въ городѣ и потомъ въ присутствіи Гергарда описывала императрицѣ-матери нашъ домашній бытъ, увѣряя, что во всемъ Петербургѣ мы являемся самою счастливою, и довольною парочкою». У Г. Кюгельхена въ Петербургѣ часто гащивала младшая сестра его жены, Эмилія, которая за это время особенно близко сошлась съ Карломъ фонъ-Кюгельхеномъ. Что касается Гергарда, то онъ часто отлучался отъ семьи, недѣлями проживая въ Павловскѣ. Зимою Кюгельхены жили въ Петербургѣ, а лѣтомъ на дачѣ «Bella» по Невѣ; здѣсь же у нихъ родилась дочь Марія, вскорѣ умершая.

Утрата дочери въ значительной степени расхолодила довольство Кюгельхеновъ ихъ жизненною обстановкою въ Петербургѣ.

«Я мужа вижу какой нибудь разъ въ недѣлю,—жалуется Елена матери,—онъ вѣчно находится въ Павловскѣ, живетъ во дворцѣ, гдѣ имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлую квартиру, обѣдъ изъ шести блюдъ, чай, кофе, вино, до придворнаго экипажа включительно»... «Теперь,—пишетъ Елена отъ 28 іюня 1801 г.,—мужъ рисуетъ портретъ императрицы-матери и получилъ много заказовъ для Павловскаго дворца. Ея величество къ Гергарду очень милостива, а, встрѣчая съ ея стороны высокое поощреніе, онъ работаетъ легко. Въ то время, какъ Гергардъ рисуетъ портретъ съ государыни, великія княжны разсаживаются въ кружокъ около матери и занимаются рукодѣліемъ, а принцесса Мекленбургская помѣщается обыкновенно позади Гергарда и слѣдитъ за его работою. Воистину великія княжны—самыя снисходительныя, привѣтливыя и любезныя изъ всѣхъ высочайшихъ особъ».

Порою частыя отлучки Кюгельхена въ Павловскъ вызывали въ его молодой женѣ даже нетерпѣніе. «Я не понимаю, зачѣмъ ты безъ пользы сидишь въ Павловскѣ,—пишетъ она 25 августа 1801 г.— У ихъ величествъ, конечно, теперь болѣе серьезныя заботы, чѣмъ позировать предъ живописцами. Къ тому же государю еще не здоровится. Это мнѣ вчера сообщилъ добрый Лёвенштернъ, посѣтившій меня со своими сыновьями. Это—тотъ самый Лёвенштернъ, о которомъ ты много отъ меня слышалъ—онъ теперь ѣдетъ съ сыновьями и молодымъ Менгденомъ изъ Штольпа въ Москву на коронацію» [1]).

«У мужа,—пишетъ Елена къ сестрѣ 26 іюля 1802 г.,—накопляется заказовъ болѣе, чѣмъ онъ можетъ справиться; порою заказчики вводятъ его въ убытки, а отъ иныхъ заказовъ онъ и совсѣмъ уклоняется. Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы ты была здѣсь и взглянула

---

[1]) H. M. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen, стр. 83.

на работы, изготовляемыя для двора. Портретъ государя во весь ростъ, въ натуральную величину, заказанный для эстляндскаго рыцарства, почти законченъ; большая группа высочайшей фамиліи тоже, а равно поясной портретъ принцессы Мекленбургской. Если бы ты только видѣла, какъ удались лица! Кромѣ того, въ работѣ находится еще куча портретовъ разныхъ личностей, которыя не могутъ тебя интересовать, такъ какъ ты ихъ не знаешь. Среди здѣшнихъ красавицъ лицо государыни особенно привлекательно—это чистая Мадонна и воплощеніе доброты и невинности».

Мы не перечисляемъ всѣхъ портретовъ, нарисованныхъ Гергардомъ фонъ-Клюгельхеномъ за время его пребыванія въ столицѣ въ 1798 г. по 1803 г., такъ какъ въ этой галлереѣ воспроизведены были всѣ сливки тогдашняго петербургскаго общества, включая и случайно наѣзжавшихъ въ столицу знатныхъ иностранцевъ, отъ королей польскаго и шведскаго до актрисы m-me Шевалье и Августа фонъ-Коцебу включительно. Особеннаго упоминанія, впрочемъ, заслуживаетъ портретъ Александра I. Наброски для портрета этого Кюгельхеномъ первоначально зарисовывались при тѣхъ случаяхъ, когда художнику удавалось на парадахъ и иныхъ церемоніяхъ непримѣтно приглядываться къ государю. По признанію современниковъ, Кюгельхену удалось разительно схватить сходство и чарующую привлекательность молодого императора, а вслѣдствіе этого портретъ сдѣлался очень популярнымъ, и на Кюгельхена посыпались заказы для воспроизведенія его масляными красками, пастелью и въ миніатюрѣ.

Портретъ этотъ воспроизведенъ самимъ Кюгельхеномъ масляными красками въ видѣ фигуры во весь ростъ 5 разъ, въ видѣ поясной фигуры масляными красками и пастелью десять разъ, а въ видѣ миніатюръ для кабинета его величества 25 разъ, при чемъ каждая миніатюра оплачивалась по 200 рублей [1]).

Милости, которыми дворъ осыпалъ Кюгельхена, и разнообразныя отношенія, установившіяся у художника къ столичному обществу, не привязали его къ Петербургу.

Частое прихварываніе жены, наступившее послѣ рожденія сына Вильгельма (род. 20 ноября 1802 г.), и непривѣтливость климата сдѣлали Петербургъ Кюгельхену антипатичнымъ. Портретная живопись, которою художникъ занимался безъ перерыва пять лѣтъ, дала ему изрядный капиталъ (свыше 46.000 р.), но тяготила его, такъ какъ онъ упорно мечталъ отдаться исторической живописи, но для этого суровый сѣверъ давалъ слишкомъ мало пищи его фантазіи [2]).

---

[1]) K. von Kügelchen. Gerhard von Kügelchen, als Porträt und Historienmalesr. Leipzig. Wöpke's Verlag. 1901, in-4°.

[2]) За время только 1801—1803 г.г. плодовитый художникъ нарисовалъ 164 портрета, и притомъ, большею частью, масляными красками. P. von Kügelchen, p. 28.

Съ другой стороны, и самый образъ жизни, сложившійся для Кюгельхеновъ въ Петербургѣ, съ нѣмецкой точки зрѣнія, могъ вызывать ихъ жалобы.

«Петербургъ былъ бы хорошимъ городомъ, — писала Елена,— если бы въ немъ можно было больше жить для себя. У знакомыхъ я бываю въ три мѣсяца разъ, никуда не выхожу, и все-таки знакомые настолько меня преслѣдуютъ посѣщеніями, что я за весь день не располагаю и часомъ свободы. Мы къ себѣ не зазываемъ гостей ни къ обѣду, ни къ ужину, но никогда за столъ одни не садимся. Для меня, порою, это крайне обременительно, а несчастный мужъ, утомившись отъ работы, никогда и дома путемъ не отдыхаетъ, но только я одна знаю, вглядываясь въ Гергарда, какъ ему не по себѣ, когда онъ въ молчаніи глотаетъ кусокъ за кускомъ» [1]).

Рѣшивъ покинуть Петербургъ, Кюгельхены въ 1803 г. уѣхали въ Альтъ-Гармсъ. Тамъ художникъ нарисовалъ рядъ этюдовъ къ задуманнымъ картинамъ и 14 карандашныхъ аллегорическихъ рисунковъ. Къ этой же эпохѣ относится портретъ Александра I въ древне-греческомъ костюмѣ во весь ростъ, изготовленный по заказу учрежденнаго въ 1802 г. Дерптскаго университета.

За портретъ этотъ Кюгельхену было выплачено 2.000 р., и это произведеніе его кисти по настоящее время украшаетъ библіотечный залъ Юрьевскаго университета.

Въ февралѣ 1804 г. въ Альтъ-Гармсъ пріѣхалъ неожиданно и Карлъ фонъ-Кюгельхенъ проститься съ братомъ, который собрался ѣхать на родину, познакомить съ женою и дѣтьми старуху-мать, сильно одряхлѣвшую и поселившуюся въ Ренсѣ.

Прощаніе между братьями произошло тѣмъ болѣе трогательное, что Карлъ фонъ-Кюгельхенъ, еще въ 1798 г. бывавшій у Мантейффелей и сблизившійся съ Эмиліей въ Петербургѣ, хотѣлъ на ней жениться, но встрѣчалъ со стороны барона фонъ-Мантейффеля такой же упорный отказъ, какъ то раньше случилось съ Гергардомъ, а послѣдній, пользовавшійся у тестя вѣсомъ, оказывался безсильнымъ сломить упрямство своенравнаго старика.

Свиданіе въ Альтъ-Гармсѣ между братьями было послѣднимъ, такъ какъ они ни разу въ дальнѣйшей жизни ни свидѣлись, хотя и вели до внезапной смерти Гергарда дѣятельную переписку.

Прогостивъ нѣкоторое время въ Ригѣ, Кюгельхены въ маѣ 1804 г. пустились въ Прирейнскій край.

Приведя въ порядокъ запутанныя дѣла матери и оставивъ семью здѣсь гостить, Кюгельхенъ исполнилъ свое завѣтное желаніе посѣтить Парижъ.

---

[1]) H. M. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen. Стр. 86.

По возвращеніи Кюгельхена изъ Парижа въ Рейсъ, мать его вскорѣ скончалась, а съ ея смертью утратило смыслъ и дальнѣйшее пребываніе Кюгельхена на родинѣ. Приведя въ порядокъ дѣла по наслѣдству, Кюгельхены переселились въ маѣ 1805 г. въ Дрезденъ, куда художника привлекала красивая природа, академія художествъ и обширныя художественныя коллекціи, особенно Сикстинская Мадонна Рафаэля, образцовая копія съ которой впослѣдствіи нарисованная Кюгельхеномъ составляла долгіе годы неизмѣнное украшеніе его кабинета.

Въ началѣ дрезденскаго пребыванія Кюгельхены нашли тамъ даже эстляндскихъ друзей, въ лицѣ семьи Лёвенштерновъ, обзаведшихся дачею въ Брисницѣ, но, когда началась война съ Пруссіей, Лёвенштерны вернулись назадъ въ эстляндское свое помѣстье въ Полльмарсгофъ; но черезъ нихъ Кюгельхены свели знакомство въ городѣ и особенно сблизились съ геологомъ М. фонъ-Энгельгардтомъ, историками К. фонъ-Раумеромъ и А. Мюллеромъ, знакомымъ Кюгельхену еще по Риму, и т. д.[1]).

Ближайшими сосѣдями Кюгельхеновъ оказалась другая семья знакомыхъ по Петербургу. Это былъ дрезденскій уроженецъ Шёнбергъ, богато женившійся въ Россіи и успѣшно занимавшійся тамъ торговлею. Составивъ себѣ крупное состояніе, Шёнбергъ поселился въ Дрезденѣ и являлся здѣсь представителемъ русскаго хлѣбосольства; на славившихся кухнею его обѣдахъ Кюгельхены нерѣдко встрѣчали князя Путятина, издавна поселившагося въ Дрезденѣ и поражавшаго нѣмцевъ своими чудачествами.

Князь, вращавшійся при дворѣ въ лучшемъ обществѣ, былъ очень обходительный и остроумный человѣкъ, съ незаурядными по тому времени знаніями, но оригинальничаніямъ его не было конца. На улицѣ онъ появлялся, предшествуемый сворою собакъ, въ своеобразномъ одѣяніи, съ тепло укутанной головой и обвѣшанный разными хитроумными снарядами, долженствовавшими служить комфорту его сіятельства.

Панталонъ Путятинъ въ домашнемъ обиходѣ не признавалъ, а пеленалъ ноги на особый придуманный имъ ладъ и, скрывая это, носилъ сюртуки чуть ли не до пятъ; бралъ онъ воздушныя ванны, и нагой часами расхаживалъ по всему своему дому; зимою выѣзжалъ въ каретѣ, снабженной особыми приспособленіями для отапливанія, а лѣтомъ — въ коляскѣ подъ оригинальнымъ наметомъ, при чемъ около сидѣнія укрѣплялись механически дѣйствовавшія опахала, и т. п.[2]).

Въ Дрезденѣ Кюгельхенъ могъ невозбранно приняться за осу-

---

[1]) W. von Kügelchen. Jugenderinnerungen eines alten Manes. Leipzig. M. Hesse's Verlag. Стр. 46, 48, 51 passim.

[2]) W. von Kügelchen. Jugenderinnerungen. Стр. 197, 201—204 passim.

ществленіе историческаго рода живописи, къ которому такъ тяготѣлъ, но сначала его отвлекла лѣпка, которой онъ предался съ увлеченіемъ, и вскорѣ выступилъ даже публично съ тремя композиціями (въ глинѣ) —«Венерою въ раковинѣ», «Марсомъ» и «Самсономъ». Гвоздемъ Дрезденской выставки 1806 г. оказалась его же большая картина «Аполлонъ и Гіацинтъ», слащаво написанная во вкусѣ эпохи; картина произвела въ Германіи большой эффектъ и была куплена прусскимъ королемъ, что въ значительной степени способствовало нарожденію извѣстности художника въ Германіи.

Этотъ успѣхъ, однако же, мало утѣшилъ Кюгельхена, котораго устрашали наблюденія, вынесенныя изъ болѣе близкаго ознакомленія съ тогдашнимъ унизительнымъ порабощеніемъ Германіи всесильному Наполеону. Кюгельхенъ колебался, ужъ не уѣхать ли ему въ Римъ, или не купить ли въ Эстляндіи имѣньице.

«Я бы не замедлилъ сейчасъ же вернуться въ Петербургъ, гдѣ заработокъ мнѣ, конечно, обезпеченъ, если бы не опасался, что тамошній климатъ вредно отзовется на здоровьѣ жены»,—признавался Г. Кюгельхенъ брату въ письмѣ отъ октября мѣсяца 1805 г.

Въ Германіи, однако же, несмотря на привѣтливость климата, большую широту общественной жизни и разнообразіе умственныхъ интересовъ, Кюгельхены не сразу прижились.

«Отецъ пріѣхалъ въ Германію,—замѣчаетъ Вильгельмъ Кюгельхенъ,—на короткое время, и хотя его пребываніе тамъ затянулось на всю жизнь, мысль о возвращеніи въ Эстляндію не покидала нашей семьи. Родители въ Дрезденѣ, издревле излюбленной резиденціи балтійскаго дворянства, жили, такъ сказать, на походную ногу: у насъ постоянно велись рѣчи о возвращеніи къ роднымъ пенатамъ—съ этою цѣлью даже дорожный экипажъ, въ которомъ Кюгельхены пріѣхали изъ Россіи, былъ передѣланъ на четырехмѣстную коляску»[1]).

«Что мы здѣсь (т.-е. въ Дрезденѣ) имѣли счастіе видѣть нашего обожаемаго государя Александра, про то вы уже, конечно, знаете изъ газетъ,—читаемъ мы въ письмѣ отъ декабря 1805 г., Здѣсь только и слышишь разговоры о государѣ, онъ привлекъ къ себѣ всѣ сердца, и тысячи молитвъ возносятся за него къ небесамъ. Мы здѣсь за него пережили немало страховъ. Онъ изъ Дрездена поѣхалъ въ Вѣну безъ охраны, а вслѣдъ за тѣмъ прошелъ слухъ, что за нимъ въ догоню пустился тысячный (французскій) отрядъ, переряженный въ австрійскіе мундиры... Слава Богу, чрезъ нѣсколько дней мы освѣдомились отъ офицеровъ, сопровождавшихъ царя, что его на дорогѣ нагналъ курьеръ съ вѣстью о подготовляемой засадѣ; поэтому маршрутъ былъ измѣненъ, и се-

---

[1]) Wilh. von Kügelchen. Jugenderinnerungen eines alter Mannes. Leipzig. M Hesse's Verlag. Стр. 46—47.

годня государь благополучно добрался до арміи. Наши русскіе молодцы уже три раза мѣрялись силами съ французами и каждый разъ побѣждали. Теперь же курфюрстъ получилъ отъ государя извѣщеніе, что въ ноябрѣ будетъ дано французамъ генеральное сраженіе. Всѣ находятся въ напряженномъ ожиданіи и молятся за царя, потому что 90.000 австрійцевъ сдались въ плѣнъ, и теперь вся надежда только на русскихъ. Вообще, о русскихъ слышишь только хорошее, ко всѣмъ они относятся по-человѣчески, никакихъ злоупотребленій не знаютъ, тогда какъ французы совершаютъ всякіе ужасы и живутъ исключительно грабежомъ»[1]).

II.

Съ отъѣздомъ Гергарда для Карла фонъ-Кюгельхена дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ утратило привлекательность, тѣмъ болѣе, что чахлая природа Ингерманландіи мало давала пищи его творчеству. По высочайшему повелѣнію онъ получилъ командировку въ Крымъ для зарисовыванія эскизовъ, которые должны были послужить для картинъ въ масляныхъ краскахъ и рисунковъ сепіей. По окончаніи перваго путешествія по Крыму, продлившагося четырнадцать мѣсяцевъ, К. фонъ-Кюгельхенъ напечаталъ въ видѣ литографій обширный альбомъ крымскихъ видовъ.

Вслѣдъ затѣмъ государю Александру Павловичу угодно было изъ кабинетскихъ суммъ назначить художнику щедрое пособіе, что и позволило ему въ теченіе трехъ лѣтъ исколесить и изъѣздить верхомъ весь Крымъ и заготовить свыше двѣсти этюдовъ. Постоянныя отлучки Карла фонъ-Кюгельхена изъ Петербурга такимъ образомъ отстрачивали на неопредѣленное время и возвращеніе Гергарда фонъ-Кюгельхена въ Россію, когда порою такое желаніе у него загоралось. Въ 1806 г. осуществилась наконецъ давнишняя мечта Карла фонъ-Кюгельхена, занявшаго прочное положеніе въ С.-Петербургской академіи художествъ: онъ былъ помолвленъ съ Эмиліею.

Сестра ея Елена по этому поводу пишетъ: «Проживъ съ Карломъ три года подъ одною кровлею, я рѣшительно утверждаю, что онъ—прекрасный, благороднѣйшій человѣкъ, и единственный его недостатокъ—развѣ только тотъ, что онъ не родился знатнымъ барономъ, надѣленнымъ многочисленными помѣстьями»[2]).

Болѣе тѣсными родственными отношеніями, установившимися теперь между Карломъ Кюгельхеномъ и барономъ Мантейффелемъ, Гергардъ не замедлилъ воспользоваться. Дѣло въ томъ, что, совершенно неопытный въ денежныхъ дѣлахъ, онъ, уѣзжая изъ Россіи,

---

[1]) H. M. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen. Стр. 118—119.
[2]) Тамъ же, стр. 127.

сдѣланныя крупныя сбереженія ввѣрилъ своему тестю Мантейффелю, нуждавшемуся въ капиталахъ для крупныхъ своихъ сельскохозяйственныхъ операцій. Но теперь капиталъ этотъ, благодаря паденію курса русскихъ денегъ, постепенно началъ таять. Къ тому же Мантейффель понесъ большія потери въ хозяйствѣ и неаккуратно выплачивалъ условленные проценты. Поэтому Гергардъ поручилъ брату дѣйствовать по усмотрѣнію и взять отъ барона его капиталъ, чего Карлъ достигъ только отчасти по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

17 августа 1807 г. состоялась наконецъ свадьба Карла. Бракъ оказался чрезвычайно счастливымъ. Эмилія, хотя и не такая талантливая, какъ ея сестры Софія Штакельбергъ и Елена Кюгельхенъ, была образцовою хозяйкою и матерью и съ большимъ душевнымъ спокойствіемъ и невозмутимою вѣрою въ мужа переносила превратности фортуны, когда на ея мужа К. фонъ-Кюгельхена посыпались бѣдствія.

Теперь, казалось бы, никакихъ дальнѣйшихъ помѣхъ уже не представлялось къ тому, чтобы братья совмѣстно принялись за осуществленіе своихъ честолюбивыхъ намѣреній въ Петербургѣ, но тутъ у Гергарда Кюгельхена явились колебанія. «Чѣмъ дольше я живу въ Германіи и больше знакомлюсь съ слабостями и недостатками моихъ земляковъ,—писалъ Гергардъ брату въ 1807 г.,—тѣмъ лучше узнаю я и ихъ хорошія качества, которыхъ тщетно было бы искать у другихъ народовъ. Пуще же всего меня радуетъ повсюду замѣчаемое броженіе въ области словесности и искусства; въ немъ уже ясно намѣчается переходное состояніе къ чему-то новому, но, чтобы участвовать и сыграть въ этомъ движеніи подобающую роль, необходимо со сцены здѣсь не сходить».

Честолюбіе, несомнѣнно, въ тайникахъ сердца грызло Гергарда, и какъ онъ раньше мечталъ властвовать надъ судьбами Петербургской академіи художествъ, такъ теперь мерещилась ему руководящая роль въ нарождавшемся новомъ движеніи искусства и науки въ Германіи. Эти мечтанія какъ будто начинали даже воплощаться и въ реальную уже дѣйствительность. Сначала Берлинская академія художествъ избрала Гергарда фонъ-Кюгельхена въ дѣйствительные свои члены «во вниманіе къ общепризнаннымъ его художественнымъ познаніямъ и превосходно выполняемымъ работамъ по миніатюрной живописи», а затѣмъ для художника отрылось плодотворное поприще дѣятельности и въ Дрезденѣ, такъ какъ онъ былъ назначенъ въ Дрезденскую академію художествъ сначала экстраординарнымъ профессоромъ безъ жалованья, а впослѣдствіи ординарнымъ профессоромъ, что̀, правда, давало Кюгельхену всего двѣсти талеровъ въ годъ, но съ надеждою на прибавку до тысячи талеровъ, при ближайшихъ ваканціяхъ. Это положеніе открыло Кюгельхену возможность проявить незаурядный преподавательскій талантъ.

Въ своихъ попыткахъ отдохнуть отъ низменныхъ, по его мнѣнію, занятій портретныхъ дѣлъ мастерства, Кюгельхенъ ударился въ другую крайность — въ воплощеніе отвлеченныхъ идей, въ замысловатыя аллегоріи, въ пластично миѳологическомъ вкусѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ занятій портретною живописью, обезпечивавшихъ вѣрный кусокъ хлѣба, Кюгельхенъ, конечно, не могъ отдѣлаться и въ Дрезденѣ. Въ этой именно области онъ въ тогдашней Германіи, за исключеніемъ Антона Граффа, не находилъ себѣ соперника, а поѣздка въ 1808 г. въ Веймаръ съ цѣлью увѣковѣченія на полотнѣ Гёте и Виланда, тогда еще здравствовавшихъ, а умершихъ Шиллера и Гердера по сохранившимся ихъ маскамъ и изображеніямъ, особенно сблизила Кегюльхена съ Гёте[1]) и имѣла своимъ послѣдствіемъ созданіе весьма популярныхъ и, по утвержденію современниковъ, едва ли не наиболѣе вѣрно передающихъ сходство портретовъ четырехъ безсмертныхъ поэтовъ, которыми столь гордится Германія.

Пребываніе Г. Кюгельхена съ декабря 1808 по февраль 1809 г. въ Веймарѣ доставило ему доступъ ко двору герцога Карла-Августа и герцогини Амаліи и избраннаго кружка разнообразныхъ дѣятелей науки и искусства, которые вознесли Веймаръ на степень общепризнаннаго умственнаго центра тогдашней Германія.

Почеть и вниманіе, какимъ Кюгельхенъ заручился въ Веймарѣ, широко распространили его извѣстность, какъ художника, а такое удовлетвореніе самолюбія не могло не отражаться и на настроеніи «портретныхъ дѣлъ мастера» Въ то время, какъ Гергардъ Кюгельхенъ возносился современниками на вершину славы, его брату-близнецу пришлось пережить весьма пестрыя приключенія, завершившіяся нежданно-негаданно тяжелыми злоключеніями.

Вращаясь въ Петербургѣ въ разнообразнѣйшихъ свѣтскихъ и дѣловыхъ кружкахъ, К. фонъ-Кюгельхенъ неоднократно встрѣчался и постепенно сблизился съ пензенскимъ откупщикомъ, Василіемъ Алексѣевичемъ Злобинымъ.

Русская смѣтка и счастіе превратили безвѣстнаго мѣщанина г. Вольска въ крупнаго, по тому времени, богача: онъ самъ признавался, что въ день наживаетъ по тысячѣ рублей. Даже всегда недоброжелательныя воспоминанія желчнаго Вигеля рисуютъ Злобина личностью далеко не заурядною.

«Старикъ Злобинъ,—разсказываетъ онъ,—былъ типичнымъ русскимъ мужикомъ. Человѣкъ добрый и хитрый, онъ сохранилъ поступь и поговорки, одежду и бороду первобытнаго своего состоянія. Никогда не искалъ Злобинъ чиновъ, хотя за ними всѣ тогда гонялись, и довольствовался званіемъ именитаго гражданина. Съ золотою медалью, осыпанною алмазами, появлялся онъ и во дворцѣ

[1]) См. въ Tag und Jahrhefte Гёте, записи подъ №№ 707, 735 и т. д.

и въ петербургскихъ гостиныхъ. Полъ-жизни проведя въ Петербургѣ, онъ въ столицѣ жилъ, какъ на ночлегѣ, не обзаводясь ни домомъ, ни дачею. Съ видомъ простодушнымъ, откровеннымъ, въ смѣлыхъ будто бы выраженіяхъ, онъ и знатныхъ бояръ и случайныхъ людей улещивалъ, всѣхъ задабривалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ широко пользовался своими связями, чтобы хлопотать безкорыстно за постороннихъ ему людей и многочисленнымъ своимъ кліентамъ когда выпрашивалъ, когда вымаливалъ, когда вымучивалъ разныя милости. Правда, своею услужливостью и доброхотствомъ Злобинъ и ставилъ себѣ вездѣ подпоры и распространилъ о себѣ славу, которая, возвращаясь къ своему началу, возвышала его въ глазахъ тѣхъ самыхъ, коимъ онъ ею былъ обязанъ».

Значеніе В. А. Злобина особенно возросло въ петербургскомъ обществѣ, когда онъ породнился съ всесильнымъ Сперанскимъ. Сынъ Злобина, «не совсѣмъ похожій на отца своего, съ большою образованностью, но не свѣтскою, лицомъ печальнымъ и нравомъ угрюмымъ», плѣнился меньшею сестрою умершей жены Сперанскаго, миссъ Стивенсъ, а старикъ Злобинъ, въ коемъ «суеты петербургской жизни изгладили слѣды старовѣрства, въ коемъ онъ родился», конечно, браку этому не воспротивился, потому что вступить въ свойство съ такимъ свѣтиломъ, какъ Сперанскій, ему могло только льстить [1]).

Съ такимъ-то тузомъ свела судьба К. фонъ-Кюгельхена и доставила ему не одинъ выгодный заказъ, такъ какъ Злобинъ, построивъ каменныя палаты въ Вольскѣ и разведя тамъ сады, ежегодно посылалъ въ свое имѣніе изъ столицы разныя драгоцѣнности, покупалъ мебель, бронзу и картины и мечталъ окончательно водвориться на родинѣ.

«Злобинъ,—разсказываетъ Конст. Карл. фонъ-Кюгельхенъ[2]),—совсѣмъ влюбился въ моего отца и убѣдилъ его переселиться въ саратовское имѣніе, гдѣ сулилъ отцу завидное положеніе». Злобинъ тогда носился съ широкою затѣею—создать въ южной Россіи новый разсадникъ просвѣщенія. Въ Вольскѣ имѣли процвѣсть новыя Аѳины. Окруживъ себя избраннымъ обществомъ художниковъ и ученыхъ, онъ имъ платилъ крупное содержаніе изъ собственнаго кармана. Вольскіе художники рисовали, ученые что-то изучали— и все обстояло прекрасно.

14 февраля 1808 г. Карлъ фонъ-Кюгельхенъ, увѣдомляя брата о приглашеніи его Злобинымъ въ Вольскъ, уговаривалъ и Гергарда пуститься на эту авантюру.

«О твоемъ путешествіи въ Вольскъ я сужденія составить не

---

[1]) Ф. Ф. Вигель. Воспоминанія. М. 1866. Часть II. Стр. 21—22.

[2]) Konst. von Kügelchen. Erinnerungen. Стр. 2.

могу,—отвѣчалъ Гергардъ брату 7 ноября 1808 г.,—но могу только скорбѣть, что насъ раздѣлитъ еще большее разстояніе. Впрочемъ, мы съ тобою еще настолько молоды, что можемъ браться за новыя предпріятія, въ напряженной дѣятельности примиряясь даже и съ лишеніями». Возвращаясь къ той же темѣ въ письмѣ отъ января 1809 г., Гергардъ писалъ Карлу: «Я не могу порицать тебя за то, что ты отправился въ Вольскъ, но послѣдовать туда за тобою не рѣшусь. Ты почитаешь меня настолько состоятельнымъ, что предлагаешь мнѣ на собственный страхъ переселиться въ Вольскъ. Но съ какой стати мнѣ ставить свою судьбу въ зависимость отъ единичной личности, да при этомъ съ легкимъ еще сердцемъ затрачивать собственныя средства, которыя обезпечиваютъ мнѣ независимость? Вольскъ могъ бы представить для меня интересъ въ томъ только случаѣ, если бы я заручился тамъ прочно договореннымъ жалованьемъ и не зналъ бы другихъ заботъ, кромѣ собственной студіи» [1]).

Вмѣсто брата, съ семьею К. фонъ-Кюгельхена, по вызову Злобина, въ Вольскъ отправился зять обоихъ Кюгельхеновъ, баронъ Генрихъ Цеге-фонъ-Мантейффель. Получилъ баронъ незаурядное по тому времени образованіе въ Германіи и Франціи, зналъ превосходно иностранные языки, въ качествѣ ученика знаменитаго Вестриса чудно танцовалъ, игралъ на всевозможныхъ инструментахъ и былъ прирожденнымъ капельмейстеромъ. Въ Эстляндіи баронъ, обладавшій красивою наружностью, гостя въ Пюсѣ у барона Крюденера, привлекъ вниманіе Félicité Neff, молоденькой парижанки, выписанной изъ-за границы для французской болтовни съ дѣтьми. Завязавшійся между молодыми людьми романъ возымѣлъ естественныя послѣдствія. Мантейффель, увлеченный разительною привлекательностью Félicité, не прочь былъ прикрыть грѣхъ законнымъ бракомъ, но отецъ его рѣшительно возсталъ противъ такой затѣи.

Молодые люди успокоились на сожительствѣ внѣ брака, и, разсорившись съ отцомъ, Генрихъ съ восторгомъ ухватился за приглашеніе Злобина и уѣхалъ въ Вольскъ. «Тутъ недовѣріе (стараго барона Мантейффеля) къ француженкѣ не замедлило найти себѣ оправданіе. Вслѣдствіе ли тоски по belle France или по иной причинѣ, красавица Félicité кинула возлюбленнаго, а кстати и ребенка, и вернулась назадъ на родину съ освобожденнымъ изъ плѣна графомъ Сегюромъ. Генрихъ Мантейффель и Карлъ Кюгельхенъ приняли брошеннаго матерью младенца на свое попеченіе; въ домѣ Карла Кюгельхена онъ воспитывался и обучался рисованію, потомъ былъ пригрѣтъ семьею Гергарда Кюгельхена въ Дрезденѣ и наконецъ превратился въ знаменитаго художника Неффа, тайнаго

[1]) H. M. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen. Стр. 152, 153.

совѣтника, профессора, придворнаго живописца и директора императорскаго эрмитажа [1]). Живя въ Вольскѣ, Карлъ фонъ-Кюгельхенъ ввѣрился окончательно В. А Злобину и передалъ въ его распоряженіе часть капитала Гергарда фонъ-Кюгельхена, которую ему удалось получить отъ тестя, стараго барона Мантейффеля. Условія сдѣлки и Гергарду казались настолько выгодными, что онъ отъ 10 октября 1809 г. выражалъ брату и Злобину признательность за заботы о его интересахъ и поднесъ даже Злобину въ даръ двѣ миніатюры съ изображеніями Агнессы Сорель и короля Карла VII [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гергардъ сообщилъ брату, что для галлереи Злобина имъ готовятся семь картинъ на религіозные сюжеты. Впрочемъ, позднѣе, когда дѣла Злобина зашатались, Гергардъ предпочелъ одну изъ нарисованныхъ для Злобина картинъ — «Благовѣщеніе», продать королю Прусскому (письмо отъ 14 января 1811 г.).

Паденіе Сперанскаго, надвигавшаяся на Россію война съ Наполеономъ и экономическія потрясенія, вызванныя континентальною системою въ связи съ денежнымъ кризисомъ, отразились на дѣлахъ Злобина и привели его къ разоренію.

Вольскія Аѳины подверглись ликвидаціи, а художники и ученые, жившіе на иждивеніи россійскаго мецената, оказались не у дѣлъ. Съ большими затрудненіями въ разное время выручилъ Карлъ Кюгельхенъ отъ Злобина деньги, принадлежавшія ему лично, и капиталъ, ввѣренный ему для оборотовъ его братомъ Гергардомъ. «Мой отецъ не зналъ, что предпринять съ деньгами, -говоритъ Константинъ Кюгельхенъ.- Тутъ его чортъ попуталъ пуститься въ спекуляцію. Заводчикъ Мауль, не обладавшій, какъ впослѣдствіи оказалось, знаніями, но зато убѣдительно пѣвшій медовыя рѣчи, вкрался въ довѣріе отца. Въ то время царила континентальная система, на колоніальные продукты стояли цѣны очень высокія, а въ Саратовской губерніи на черноземѣ свекловица сулила прекрасные сборы, и вотъ мой отецъ пустился въ промышленность, подъ руководствомъ Мауля затѣяна была постройка свеклосахарнаго завода, и мы переселились изъ Вольска въ нѣмецкую колонію Антонъ, близъ Сарепты. Дядя Генрихъ уѣхалъ въ Эстляндію, а надъ моими родителями не замедлила разразиться катастрофа. Въ настоящее время свеклосахарное производство является прибыльнымъ дѣломъ, но въ ту пору оно находилось въ младенчествѣ. Мауль оказался круглымъ невѣждою, да и отецъ, несмотря на свою свѣтлую голову, ничего въ этомъ дѣлѣ не понималъ. Коротко сказать, производство завода, кромѣ убытковъ, ничего не приносило, и бѣдный отецъ долженъ былъ наконецъ прійти къ заклю-

---

[1]) Konst. von Kügelchen; Erinnerungen aus meinen Leben. Стр. 4, 13, 14.

[2]) H. M. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen. Стр. 165.

ченію, что его состояніе и капиталъ его брата, который онъ разсчитывалъ выгодно помѣстить, безвозвратно потеряны. Отказавшись отъ дальнѣйшихъ спекуляцій, отецъ имѣлъ благоразуміе вернуться назадъ къ художеству» [1]).

Въ іюнѣ 1815 г. по этому поводу Карлъ фонъ-Кюгельхенъ писалъ Гергарду: «Я неохотно пишу тебѣ, не имѣя сообщить тебѣ ничего утѣшительнаго (тутъ слѣдуетъ описаніе неурожая вслѣдствіе засухи, болѣзни, постигшей Карла, и разныхъ невзгодъ). Я хочу отъ завода отдѣлаться, хотя бы цѣною потери всего личнаго состоянія и оставляя на себѣ долги. Семью я отвезу въ Эстляндію, гдѣ теща ее, конечно, пріютитъ, и примусь я опять за рисованіе безъ заботъ и въ увѣренности, что смогу воспитать дѣтей и оставить имъ кусокъ хлѣба. Хотѣлось бы мнѣ еще по зимѣ уплатить тебѣ часть долга. Ахъ, если бы намъ только удалось вмѣстѣ поселиться! Если вспомнишь, что во Франціи масса людей перетерпѣла и утратила за революцію, можно сказать, что мы еще дешево отдѣлались. Мы съ тобою вовсе не такъ еще стары, чтобы не начать сызнова устройства будущаго» [2]).

Милость государя сохранила за Карломъ Кюгельхеномъ содержаніе придворнаго живописца, и онъ продолжалъ и въ Сарептской колоніи работать, когда улучалъ для этого время среди матеріальныхъ передрягъ. «Талантъ мой не изъ обыкновенныхъ,— писалъ онъ, — и петербургскіе академики признаютъ меня за лучшаго изъ нынѣ живущихъ пейзажистовъ».

«Пусть я и заслужилъ укоры отъ людей, а особенно отъ твоей семьи (вслѣдствіе незадачъ съ сахарнымъ заводомъ), тѣмъ не менѣе я почитаю свой удѣлъ счастливымъ. Хотя я ни на что жаловаться не смѣю, такъ какъ небеса даруютъ мнѣ разумное осуществленіе человѣческихъ желаній, но временами тоскую по родинѣ и роднѣ и самъ себѣ представляюсь настолько заброшеннымъ здѣсь, на границѣ Азіи, что теряю почву подъ ногами».

Почвы у него дѣйствительно въ это тяжелое время не было, и онъ даже принужденъ былъ обратиться за помощью къ тестю, чтобы выбраться наконецъ изъ Саратовской губерніи [3]).

Мы, однако же, слишкомъ забѣжали впередъ и должны вернуться назадъ въ Дрезденъ къ семьѣ Гергарда Кюгельхена и эпохѣ, предшествовавшей войнѣ за освобожденіе.

Въ политическомъ мірѣ, — читаемъ мы у Вильгельма фонъ-Кюгельхена, — царилъ миръ такой, какіе Наполеонъ любилъ заключать, т.-е. носившій въ себѣ зародыши новыхъ войнъ. Хотя могущественные вѣнценосцы эпохи, Наполеонъ и Александръ, I въ Эрфуртѣ подѣ-

---

[1]) Konst. von Kügelchen. Erinnerungen. Стр. 4, 15.
[2]) H. M. von Kügelchen. Loc. cit., p. 215.
[3]) H. M. von Kügelchen. Loc. cit., p. 211. Const. Kügelchen. Erinnerungen, стр. 1[illegible]

ляли между собою властвованіе надъ Европейскимъ континентомъ, послѣдствія этого соглашенія для обѣихъ сторонъ вскорѣ оказались не выносимыми. Уже въ слѣдующемъ году между Наполеономъ и Александромъ началось отчужденіе, съ одной стороны, потому, что Россія во время австрійской войны 1809 г. далеко не удовлетворила французскимъ ожиданіямъ, а, съ другой, потому, что Вѣнскій миръ оказался мало отвѣчающимъ видамъ Россіи. Воспослѣдовавшіе затѣмъ со стороны Наполеона захваты власти надъ сѣверною Германіею, равно какъ и постоянныя нарушенія со стороны Россіи континентальной системы не могли способствовать къ возстановленію русско-французской пріязни. Между обоими властителями начался безплодный обмѣнъ дипломатическихъ нотъ, и уже лѣтомъ 1810 г.,—прибавляетъ Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ,—наша балтійская родня настоятельно убѣждала отца поскорѣе вернуться въ Россію, съ которою его связывали имущественные интересы. Кюгельхены и строили, повидимому, планъ окончательно покинуть Дрезденъ весною 1811 г. и водвориться въ Эстляндіи, но въ ту уже пору неминуемость новой рѣшающей войны между Наполеономъ и Александромъ ясно обозначалась, и въ столицѣ Саксоніи, которая, находясь межъ двухъ огней, и при предстоящихъ столкновеніяхъ, конечно, обрекалась на миръ, мирное прозябаніе казалось болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ возвращеніе въ русскіе предѣлы, гдѣ должна была рѣшаться судьба Европы [1]).

Подъ вліяніемъ тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ, переживавшихся Европою и способствовавшихъ отвлеченію отъ непривлядной дѣйствительности порабощенія ея Наполеономъ въ міръ идеально-романтическихъ надеждъ, въ десятыхъ годахъ XIX вѣка ожило религіозное чувство, какъ естественная реакція противъ сенсуализма XVIII в. и порожденныхъ имъ смутъ. Гергардъ Кюгельхенъ, хотя и выросшій въ вѣрованіяхъ католической церкви, но раньше относившійся къ религіознымъ вопросамъ довольно равнодушно, теперь, подобно многимъ другимъ образованнѣйшимъ людямъ эпохи освободительныхъ войнъ, увлеченъ былъ волною мистицизма. Въ значительной степени этому способствовала и нѣжно любимая имъ жена его, всегда тяготѣвшая къ религіи, а въ Дрезденѣ близко сошедшаяся съ графиней Дона, послѣдовательницею барона Цинцендорфа и восторженною поклонницею нѣмецкаго квакерства, или гернгутерства.

Благодаря этому настроенію, творчество Кюгельхена постепенно вступило въ новую стадію развитія, и художникъ прежніе свои идеалы исторической живописи свелъ исключительно на сюжеты религіозные, трактуя ихъ со слащавою манерностью [2]).

---

[1]) W. von Kügelchen, Jugen de rinnerungen. Стр. 118, 119.
[2]) Konst. von Kügelchen. Gerhard von Kügelchen. Стр. 72.

Интересы художественные, впрочемъ, теперь оттѣснялись на задній планъ передъ развертывавшимися грандіозными политическими событіями, которыя, конечно, нашли отзвуки и въ перепискѣ дрезденскихъ Кюгельхеновъ съ родней.

Кюгельхены на основаніи своихъ дрезденскихъ наблюденій отмѣчаютъ разнообразіе приготовленій, дѣлавшихся Наполеономъ передъ походомъ въ Россію: не были забыты и 30.000 паръ очковъ для предохраненія кавалеріи отъ блеска снѣга, для заготовки приварка къ провіанту взяты были и сѣмена и огородники, не были даже забыты швеи, только одного не разсчиталъ Наполеонъ, что надъ стихіями онъ безвластенъ.

«Сегодня,—пишетъ Елена Кюгельхенъ подъ 25 февраля 1813 г.,—подойдя къ двери, я замѣтила русскихъ плѣнныхъ, по крайней мѣрѣ, человѣкъ 500, бѣдняги, больные и раненые, они едва тащились...».

«Господи, сколько слезъ и горя причиняетъ это чудовище!»—клянетъ г-жа Кюгельхенъ Наполеона, вспоминая о бѣдныхъ своихъ землякахъ, между которыми, пожалуй, найдется немало и лифляндцевъ [1]). «Смотря изъ окна,—пишетъ Елена Кюгельхенъ 22 марта 1813 г.,—я вижу только казаковъ и слышу только русскую рѣчь. Отчизна къ намъ стучится въ двери. Я внѣ себя отъ радости».

«Сегодня,—продолжаетъ она подъ 23 марта,—насъ позвалъ обѣдать г. фонъ-Брелингъ (домохозяинъ), который чувствуетъ себя со своими русскими постояльцами нѣсколько неуютно. Ему на постой дали 5 казачьихъ офицеровъ и 20 рядовыхъ. Наши сѣни и лѣстница часто биткомъ набиваются русскими солдатами, они заходятъ даже къ намъ въ квартиру. Казачій генералъ, Демидовъ, обладатель огромной, какъ уголь, черной бороды, производитъ устрашающее впечатлѣніе, но онъ прекрасно говоритъ по-французски, сочиняетъ стихи, рисуетъ и поклоняется искусству. Полковникъ—молодой совсѣмъ красавецъ, графъ Орловъ—хорошо образованный, видный собою мужчина. Подполковникъ—родомъ изъ Тобольска, сибирякъ, но какъ только онъ соскочилъ съ коня, первыми его словами было: «Pour l'amour de Dieu donnez moi un piano!» и, позабывъ о ѣдѣ и питьѣ, онъ принялся фантазировать на роялѣ, а бороду онъ носитъ, словно патріархъ какой. Князь Матовъ—черкесъ, заговариваетъ съ нами на трехъ языкахъ, мало для насъ доступныхъ: по-турецки, по-персидски и по-русски. Всѣ они насчетъ войны высказываются здраво и умѣренно» [2]). Казаки войны за освобожденіе,—подтверждаетъ и Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ слова матери,—были предобродушнѣйшіе, дѣтски наивные

---

[1]) M. H. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen. Стр. 184, 186.

[2]) Тамъ же, стр. 193.

ребяты, порою, быть можетъ, они бывали вороваты и запивали, но въ общемъ въ Дрезденѣ никто не находилъ причинъ на нихъ жаловаться, а въ качествѣ освободителей отъ ненавистныхъ французовъ, дрезденцы встрѣчали русскія войска, словно братьевъ, съ нескрываемымъ энтузіазмомъ. Особенно пріятно поразила Кюгельхеновъ набожность казаковъ—къ копіи Рафаэлевой Мадонны, составлявшей завѣтное украшеніе ихъ дома, казаки являлись на поклоненіе, какъ къ образу, и Кюгельхены тутъ невольно вспоминали, какъ въ минувшемъ 1812 г. стоявшій у нихъ же на постоѣ французскій генералъ, взглянувъ на ту же картину, съ улыбкой замѣтилъ, что не дурно было бы вотъ такою кухарочкою обзавестись, а адъютанты его съ хохотомъ пустились въ такое сквернословіе, что хозяева поспѣшили оставить комнату [1]).

«Теперь,—продолжаетъ Кюгельхенъ,—каждый день сталъ приносить новое: вслѣдъ за казаками въ Дрезденъ начали вступать регулярныя русскія войска: почти весь корпусъ Винцингероде прошелъ чрезъ саксонскую столицу въ образцовомъ порядкѣ съ музыкою и развѣвающимися знаменами, окружаемый въ глазахъ дрезденцевъ ореоломъ святости того дѣла, на защиту котораго ополчилась Россія. Для насъ, Кюгельхеновскихъ дѣтей, прохожденіе черезъ Дрезденъ русскихъ войскъ представляло специфическій интересъ. Въ русской арміи служило немало представителей балтійскаго дворянства, и между ними могли, конечно, оказаться наши родственники: вотъ мы и вглядывались въ каждаго русскаго офицера въ чаяніи открыть въ немъ наконецъ давно ожидаемаго эстляндскаго дядюшку». Ожиданія эти и оправдались въ лицѣ двоюроднаго брата Елены фонъ-Кюгельхенъ, красавца Георга фонъ-Бока, разсказы котораго о личномъ участіи его въ бояхъ при Смоленскѣ, Можайскѣ, Маломъ Ярославцѣ и переправѣ черезъ Березину производили на юныхъ Кюгельхеновъ чарующее впечатлѣніе [2]).

«Вѣдь только вдуматься нужно, чтобы сознать неслыханное счастіе и торжество, которое мы теперь переживаемъ,—только и остается непрестанно, преклоня колѣни, благодарить Господа за избавленіе отъ супостата,—пишетъ Елена 20 апрѣля 1814 г.—Вы только подумайте, я сама видѣла, какъ Наполеонъ, разорившій этотъ край, одинъ-одинешенекъ пріѣхалъ въ Дрезденъ, всѣми покинутый, въ разодранной одеждѣ, такъ какъ въ Мейссенѣ онъ принужденъ былъ бросить вѣрнаго своего мамелюка, ибо тотъ, отморозивъ ноги, нуждался въ отдохновеніи. Но и тутъ еще Наполеонъ не позналъ карающей его десницы Господней, но поживетъ еще, такъ рано или поздно ее познаетъ» [3]).

---

[1]) Wilh. von Kügelchen. Jugenderinnerungen. Стр. 170—172 passim.

[2]) Тамъ же, стр. 174, 175.

[3]) H. M. von Kügelchen. Loc. cit., p. 198.

«Гергардъ,—продолжаетъ Елена,—во время моей болѣзни (г-жа Кюгельхенъ, перенеся всѣ страхи войны, заболѣла весною 1814 г. нервною горячкою) нарисовалъ огромную картину—юношеская фигура, воплощающая въ себѣ соединенное могущество союзниковъ, низвергаетъ съ трона Наполеона, который въ судорожныхъ мукахъ старается бросить въ юношу большую ядовитую змѣю, но та его самого жалитъ въ руку. Юноша въ своего врага нацѣливается дротикомъ, который неминуемо его поразитъ. Герой имѣетъ георгіевскій крестъ на груди и плащъ изъ русскихъ цвѣтовъ, отороченный чернобѣлою прусскою опушкою, а на отворотахъ изображеніе желѣзнаго креста. Щитъ побѣдоноснаго воина украшенъ крестомъ Маріи-Терезіи, а сандаліи имѣютъ шведскіе цвѣта. На головѣ у юноши шлемъ, увѣнчанный древне-германскимъ сказочнымъ грифомъ, повитымъ дубовою зеленью. Земной шаръ, прикованный къ золотому трону чудища, воспаряетъ къ небесамъ, такъ какъ цѣпи, его сковывавшія, уже разорвались. Эту чудную картину мужъ написалъ въ восторженномъ состояніи въ какихъ нибудь три недѣли и въ мартѣ же представилъ на Дрезденскую выставку, но разныя трусливыя душонки въ этомъ провидѣли чуть ли не преступленіе; въ рабьемъ трепетѣ они опасались, что чудище, пожалуй, опять воспрянетъ и покараетъ злодѣяніе художника» [1]).

«Вы не можете себѣ представить,—пишетъ Елена роднѣ отъ 20 декабря 1814 г.,—царящихъ здѣсь бѣдствій и нищеты. Многія семьи превратились прямо въ нищихъ и въ слезахъ снискиваютъ себѣ кусокъ хлѣба. Эти же заботы о хлѣбѣ насущномъ изводятъ бѣднаго Гергарда. Благодарю Богу, что я могу себя не упрекать въ томъ, чтобы удручала его своею нераспорядительностью и непосильными расходами, но условія военнаго времени, налоги и разные убытки совсѣмъ убиваютъ мужа. Дѣти ходятъ въ общественную школу, я обшиваю дѣтей и мужа, меньшихъ ребятишекъ учу сама и дѣлаю сбереженія, на чемъ могу. Гергардъ долженъ, при усиленной работѣ, имѣть легкую, но питательную пищу, я же съ дѣтьми могу обходиться при помощи суповъ съ подболткою, зелени и картофеля. Такъ, слава Богу, пробились мы цѣлый годъ, не сдѣлавъ ни гроша долгу, чего очень боялись» [2]).

Пріятнымъ отвлеченіемъ отъ домашнихъ треволненій оказывались случайныя появленія въ Дрезденѣ разныхъ друзей и знакомыхъ, ѣхавшихъ изъ Россіи къ арміи или возвращавшихся съ Запада.

Неполученіе отъ тестя денегъ по закладнымъ вызывало у Г. фонъ-Кюгельхена жалобы:

«Отношенія тестя къ моимъ денежнымъ затрудненіямъ нарушаютъ во мнѣ всю душевную гармонію»,—жаловался онъ брату.

---

[1]) H. M. von Kügelchen. Loc. cit., p. 199.

[2]) Тамъ же, p. 209.

Совершенно иное отношеніе проявляетъ онъ къ послѣднему и никогда не пеняетъ ему за неудачу фабричной спекуляціи.

Когда же жена Карла, Эмилія, послѣ смерти стараго барона Мантейффеля (ум. въ 1816 г.), предложила Гергарду по окончаніи раздѣла свою часть наслѣдства послѣ отца взять въ погашеніе бывшаго Злобинскаго долга, Гергардъ великодушно отказался отъ этого предложенія. «Пусть наслѣдство достается дѣтямъ, — рѣшилъ онъ.—Если бы я и потерялъ чрезъ тебя ввѣренный когда-то Злобину капиталъ, я приму это съ покорностью, какъ волю Божію,—писалъ онъ брату. Если и впрямь Господь Богъ отниметъ у меня имъ же мнѣ дарованное, опытъ убѣждаетъ, что, если только работаешь, съ голоду не умрешь» [1]).

Чтобы «не умереть съ голоду», Гергардъ опять усиленно берется за ненавистную ему портретную живопись.

«Страшась долгой разлуки съ женою и дѣтьми, я отъ поѣздки въ Петербургъ отказался,—пишетъ онъ брату въ февралѣ 1816 г.,—но послѣдовалъ приглашенію пріѣхать въ Берлинъ для исполненія заказовъ по малеванію портретовъ, что̀ дастъ мнѣ большій заработокъ, чѣмъ сколько я могу получить въ Дрезденѣ».

Возвращеніе къ «портретныхъ дѣлъ мастерству» вызываетъ, впрочемъ, у Гергарда нерѣдко вспышки раздраженія.

«Отъ вѣчной мазни портретовъ,—пишетъ онъ брату 30 мая 1816 г.,—я донельзя измочаленъ и настолько болѣю сердцемъ, что стыжусь въ этомъ и признаться. А въ сущности мнѣ слѣдовало бы радоваться, что по теперешнимъ временамъ находятся еще люди, которые желаютъ видѣть себя воспроизведенными моею кистью. Воистину скажу, если бы снята была съ меня забота о женѣ и дѣтяхъ, я за величайшее счастье почелъ бы отойти на небеса къ праотцамъ» [2]).

Хотя за 1817—1818 г. г. Гергардъ въ возвратъ долга получилъ отъ Карла свыше 10.000 рублей, онъ всю зиму 1817 г. провелъ за усиленною работою въ Берлинѣ.

«Я нахожусь въ разгарѣ кипучей дѣятельности и хлопотъ. Въ болѣе ранніе годы, когда талантъ мой далеко еще не созрѣлъ, работа у меня шла гораздо спорѣе, чѣмъ теперь, когда я всѣ работы отдѣлываю съ большою тщательностью. Въ этотъ годъ я съ особеннымъ напряженіемъ влачилъ свое ярмо. Портреты! Все только портреты! Все только будничныя лица вмѣсто осуществленія моихъ идеаловъ!.. При этомъ мои комнаты, что твоя голубятня, онѣ кишмя кишатъ посѣтителями изъ лучшаго общества, которые день деньской то приходятъ, то уходятъ. Злосчастную мою душу художника топчатъ, словно мостовую. Отъ непрерыв-

---

[1]) H. M. von Kügelchen. Стр. 173, 213 и 224.

[2]) P. von Kügelchen. Loc. cit., p.p. 44—45.

наго держанія кистей пальцы у меня порою такъ затекаютъ, что я ихъ и расправить не могу. Всего же больше приводитъ меня въ отчаяніе то, что, имѣя мысли, которыя я любовно вынашиваю въ сердцѣ и жажду съ помощью кисти претворить въ дѣйствительность, меркнутъ и лопаются, словно мыльные пузыри».

Въ это время, за 16 недѣль пребыванія въ Берлинѣ, Кюгельхеномъ написано до 40 портретовъ, изъ которыхъ особенно удачными считаются портреты фельдмаршала Блюхера, генерала Гнейзенау и семейства князей Радзивилла и Сангушко; одинъ заказъ привлекалъ другой, и ихъ набиралось больше, чѣмъ хотѣлъ художникъ; «но,—пишетъ Кюгельхенъ,—какъ я стану отказывать добрымъ людямъ, разъ въ моемъ отказѣ отъ работы они видятъ для себя обиду?»

Секретъ популярности Кюгельхена, какъ портретиста, заключался въ томъ, что онъ мѣтко схватывалъ субъективныя особенности каждаго лица и, уловляя то возвышенное и идеальное, что сказывалось въ извѣстной физіономіи, въ то же время придавалъ изображаемому разительную правдивость формъ и выраженія,—на эту особенность таланта Кюгельхена обратилъ вниманіе еще Гете.

Въ Берлинѣ въ числѣ заказчиковъ оказался и прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III, которому очень понравился написанный по заказу города Мемеля портретъ покойной королевы Луизы, возсозданный художникомъ по личнымъ воспоминаніямъ 1804 г. и другимъ сохранившимся ея изображеніямъ. Этотъ довольно необычайный фокусъ настолько прельстилъ вообще нетароватаго на деньги Фридриха-Вильгельма III, что онъ заказалъ художнику портретъ наслѣднаго принца и принцессы Шарлотты (впослѣдствіи императрицы Александры Ѳеодоровны). Король въ обществѣ великаго князя Николая Павловича, уже помолвленнаго съ принцессою, неоднократно посѣщалъ студію Кюгельхена, наблюдая за ходомъ его работы.

Исполненіемъ этихъ заказовъ король остался настолько доволенъ, что поручилъ художнику нарисовать портреты еще и нѣкоторыхъ другихъ членовъ королевской семьи [1]).

Слѣдствіемъ усиленныхъ занятій портретною живописью было то, что Кюгельхенъ второй разъ въ жизни создалъ себѣ капиталецъ. Продолжая службу при Дрезденской академіи художествъ, онъ пріобрѣлъ въ подгородномъ мѣстечкѣ Лошвицѣ виноградникъ, среди котораго соорудилъ загородный домъ, и приступилъ къ по-

---

[1]) H. M. von Kügelchen. Loc. cit., стр. 230—231.

стройкѣ обширной мастерской, гдѣ собирался заняться писаніемъ запрестольнаго образа для рижскаго собора, заказаннаго ему другомъ его молодости, купцомъ Шварцемъ. Среди этихъ приготовленій Кюгельхенъ на прогулкѣ, въ непосредственной близости отъ эльбской столицы, былъ съ цѣлью грабежа умерщвленъ бѣглымъ канониромъ, Іоганномъ Кальтофеномъ, 27 марта 1820 г.[1]).

В. Ш.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Это убійство произвело въ свое время въ Германіи сенсацію, а описаніе процесса, возбужденнаго противъ убійцы, который подвергся смертной казни, попало даже въ сборникъ A. Vollert'a: «Die interessantesten Kriminalgeschichten aller Länder» (томъ V).

РУССКІЙ ПРОФЕССОРЪ-ГУМАНИСТЪ.

(Памяти Н. И. Стороженка, къ полугодовому дню его кончины).

> ...«Любовь—хорошее дѣло! Мы сами за любовь. Что можетъ быть безкорыстнѣе этого чувства?»...
>
> Изъ перваго труда Н. И. Стороженка.

I.

ТАТЬЯНИНЪ день, — этотъ свѣтлый «праздникъ русскаго просвѣщенія, — въ текущемъ году не только прошелъ безъ обычнаго оживленія, но, по странному совпаденію, былъ омраченъ тяжелою, трудно вознаградимою утратою для нашей науки. Вечеромъ 12 января скоропостижно скончался Николай Ильичъ Стороженко, одинъ изъ выдающихся представителей Московскаго университета, одинъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ ученыхъ, чье имя пользовалось извѣстностью и любовью далеко за предѣлами нашей родины.

Чтобы оцѣнить значеніе покойнаго, какъ историка западно-европейской литературы, и понять причину рѣдкой популярности, которую онъ пріобрѣлъ среди учащейся молодежи,—нужно вспомнить главные моменты его жизни, а параллельно съ тѣмъ и наиболѣе характеристичные изъ принадлежащихъ ему трудовъ.

Малороссъ по происхожденію, Николай Ильичъ Стороженко появился на свѣтъ 10 мая 1836 г. въ родовомъ имѣніи своей ма-

тери, селѣ Ржавцѣ, Полтавской губерніи, Прилукскаго уѣзда. Здѣсь среди живописной природы, обвѣянной лучами яркаго украинскаго солнца, протекло его дѣтство. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ вмѣстѣ съ родителями переселился въ деревню Мармизовку, Лохвицкаго уѣзда, но тамъ ему пришлось прожить недолго, такъ какъ наступало уже время ученія. Вскорѣ Н. И. Стороженко былъ отданъ въ 1-ю кіевскую гимназію, гдѣ затѣмъ и окончилъ курсъ съ серебряною медалью.

Студенческіе годы покойнаго счастливо совпали съ періодомъ настоящаго расцвѣта Московскаго университета. Принятый сюда весною 1855 г. на историко-филологическій факультетъ, онъ могъ слушать лекціи многихъ выдающихся ученыхъ того времени. Онъ засталъ еще на профессорской каѳедрѣ Т. Н. Грановскаго. Онъ присутствовалъ на послѣднихъ лекціяхъ этого замѣчательнаго профессора-гуманиста, скончавшагося въ октябрѣ 1855 г. По смерти Грановскаго, Н. И. Стороженко сильно увлекался одно время краснорѣчіемъ Шевырева, но затѣмъ его симпатіями всецѣло овладѣли Ѳ. И. Буслаевъ и П. Н. Кудрявцевъ. Впрочемъ, усердно занимаясь исторіей литературы, много читая по этому любимому имъ предмету, Николай Ильичъ не переставалъ интересоваться и другими науками. Кромѣ профессоровъ своего факультета, онъ часто посѣщалъ лекціи тогдашнихъ любимцевъ молодежи: знатока римскаго права Н. И. Крылова, извѣстнаго зоолога К. Ф. Рулье и др. [1]).

Литературная дѣятельность Н. И. Стороженка началась на студенческой скамьѣ статьею о «Малороссійскомъ сборникѣ», изданномъ Костомаровымъ и Мордовцевымъ. Этимъ первымъ трудомъ, помѣщеннымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1859 г., кн. 9), покойный профессоръ какъ бы свидѣтельствовалъ о своемъ живомъ интересѣ и любви къ родной Украйнѣ, что̀ еще сильнѣе проявилось въ его позднѣйшихъ работахъ: «Шевченко и Щепкинъ» [2]) и «Новые матеріалы для біографіи Шевченка» [3]). Вступая на литературное поприще, Николай Ильичъ былъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ своего земляка, извѣстнаго слависта Ѳ. М. Бодянскаго, который затѣмъ побудилъ его переводить съ польскаго языка «Исторію славянскихъ законодательствъ» В. А. Маціевскаго [4]).

Но занятія Н. И. Стороженка въ этой области—изученія славянскихъ памятниковъ, продолжались сравнительно недолго. Открытіе при Московскомъ университетѣ каѳедры исторіи всеобщей литературы скоро отвлекло его вниманіе въ другую сторону, тѣмъ

[1]) См. объ этомъ собственное признаніе Н. И. Стороженка—«Отчетъ Московскаго университета за 1903 г.», некрологъ проф. Н. В. Бугаева, стр. 437—441.

[2]) «Газета Гатцука», 1888 г., № 46.

[3]) «Кіевская Старина», 1900 г., кн. 9, стр. 297—326.

[4]) «Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» 1859 и 1861 г.г.

болѣе, что Николай Ильичъ уже началъ сильно увлекаться Шекспиромъ. Окончивъ въ 1859 г. курсъ и сдѣлавшись преподавателемъ 1-й московской женской гимназіи, онъ все свое свободное время посвящалъ изученію матеріаловъ объ авторѣ «Гамлета». Возвышенныя идеи, облеченныя геніальнымъ англійскимъ драматургомъ въ яркіе поэтическіе образы, совсѣмъ захватили тогда молодого ученаго. Въ 1864 г. онъ прочелъ пять публичныхъ лекцій о Шекспирѣ, которыя сопровождались похвальными газетными отзывами. Интересно, что одинъ изъ такихъ отзывовъ попался случайно на глаза отцу Николая Ильича, и старикъ, растроганный успѣхами своего сына, выслалъ нужныя средства для его поѣздки за границу.

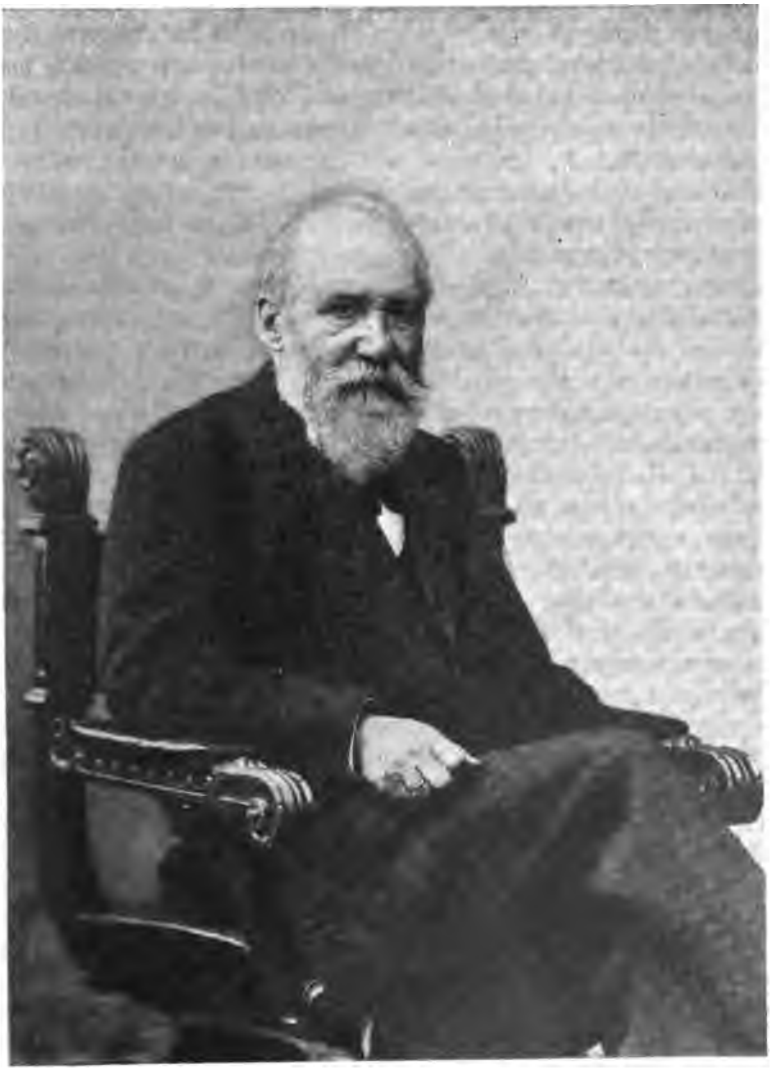
Путешествіе въ Англію, въ страну, гдѣ родился, работалъ и умеръ великій Шекспиръ, было завѣтною мечтой Н. И. Стороженка. Теперь его планы осуществились, и онъ безъ особеннаго сожалѣнія оставилъ свое мѣсто преподавателя, торопясь въ поиски за новыми матеріалами объ авторѣ «Гамлета». Почти три мѣсяца работалъ Николай Ильичъ въ Лондонскомъ Британскомъ музеѣ. Потомъ въ 1867 г. онъ снова посѣтилъ Англію и на этотъ разъ провелъ тамъ около двухъ лѣтъ. Во вторую поѣздку онъ уже не ограничивался одними архивными изысканіями—дѣлалъ много экскурсій въ глубь страны, внимательно обозрѣвалъ всѣ мѣста, такъ или иначе связанныя съ именемъ Шекспира, начиная съ дома, гдѣ тотъ родился, и оканчивая его могилою.

Изъ Англіи Николай Ильичъ вернулся съ обширною статьею: «Шекспировская критика въ Германіи» [1]), и диссертаціей на степень магистра: «Предшественники Шекспира».

Статья, написанная увлекательно и съ горячею любовью къ предмету, сразу обнаружила громадную эрудицію и несомнѣнное литературное дарованіе молодого автора. Здѣсь Николай Ильичъ не только съ безукоризненною полнотою изложилъ мнѣнія лучшихъ нѣмецкихъ критиковъ о Шекспирѣ,—онъ подвергъ эти приговоры всестороннему пересмотру, сумѣлъ найти ихъ общій культурный и философскій источникъ. Давая такимъ образомъ яркія характеристики умственныхъ теченій Германіи, онъ попутно высказывалъ свои личные взгляды на художественную литературу вообще и въ частности на произведенія Шекспира. Статья эта должна служить однимъ изъ лучшихъ образцовъ того тонкаго эстетическаго сужденія, которымъ отмѣчены всѣ работы покойнаго въ области исторіи литературы.

Диссертація Н. И. Стороженка о «Предшественникахъ Шекспира», какъ видно изъ самаго заглавія, была продиктована желаніемъ установить точный литературный генезисъ автора «Гамле-

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1869 г., кн. 10—11.



та». Раньше этой работы, не говоря уже о русской наукѣ, даже западная не имѣла полнаго, систематическаго руководства для изученія дошекспировской драмы. Было собрано много именъ, фактовъ, хронологическихъ датъ, но все это представляло лишь груды матеріала, не приведеннаго въ строгую логическую и историческую послѣдовательность. Николаю Ильичу путемъ долгаго самостоятельнаго изученія старинныхъ англійскихъ писателей удалось сдѣлать много поправокъ и дополненій къ трудамъ другихъ изслѣдователей. А, что̀ еще важнѣе, онъ первый сумѣлъ выяснить весь ходъ развитія англійской драмы съ ея зарожденія и до тѣхъ поръ, пока она подъ рукою Марло не получила художественной организаціи.

Между прочимъ, Н. И. Стороженко ярко обрисовываетъ здѣсь личность полузабытаго писателя Джона Гейвуда. Въ этомъ отношеніи его взгляды радикально расходятся съ господствовавшимъ тогда мнѣніемъ о Гейвудѣ, какъ о мало талантливомъ авторѣ, который, по словамъ, напримѣръ, Ульрици, обладалъ дарованіемъ только чисто внѣшняго свойства и не былъ способенъ къ созданію типовъ. Н. И. Стороженко горячо возстаетъ противъ такого утвердившагося взгляда на дѣятельность Гейвуда. Изъ личнаго знакомства съ произведеніями этого автора онъ вынесъ убѣжденіе, что именно Гейвудъ скорѣе другихъ долженъ считаться отцомъ англійской комедіи. Выдержками изъ его такъ называемыхъ «интерлюдій» Н. И. Стороженко доказываетъ, что онѣ могутъ удовлетворить самыхъ придирчивыхъ судей—настолько онѣ еще свѣжи и полны неподдѣльнаго народнаго юмора.

Обрисовавъ затѣмъ истинно-художественными красками положеніе англійскаго общества и театра при королевѣ Елисаветѣ, Николай Ильичъ переходитъ къ талантливѣйшему среди предшественниковъ Шекспира — Марло. По поводу послѣдняго онъ также вступаетъ въ полемику съ Гервинусомъ и Ульрици. Онъ защищаетъ Марло отъ преувеличенныхъ упрековъ этихъ изслѣдователей, которые, нападая на Марло за обнаруженную имъ «недостаточность нравственнаго чувства», совсѣмъ упустили изъ виду художественныя достоинства его драматическихъ произведеній.

Диссертація Н. И. Стороженка была неоцѣнимымъ вкладомъ въ нашу скудную литературу по исторіи англійской драмы. Весьма понятно, что выходъ молодого ученаго съ такою блестящею работою не могъ не остановить вниманія совѣта Московскаго университета. Ему тогда же была предложена каѳедра исторіи всеобщей литературы. И здѣсь, какъ и въ занятіяхъ англійскою драмою, Н. И. Стороженку пришлось стать «инициіаторомъ». Извѣстно, что до него читать исторію всеобщей литературы поручалось профессорамъ русской словесности, которые преподавали этотъ предметъ обходнымъ путемъ. Напримѣръ, Н. С. Тихонравовъ по-

ступалъ такъ: онъ подъ именемъ исторіи новой русской литературы читалъ курсъ исторіи французской литературы XVII—XVIII в.в., при чемъ собственно на долю исторіи русской литературы удѣлялъ въ концѣ курса какихъ нибудь 3—4 лекціи. Отъ такого «совмѣщенія», конечно, сильно страдали оба предмета.

Введеніе устава 1863 г. узаконило наконецъ каѳедру исторіи всеобщей литературы, и Н. И. Стороженко первый занялъ ее, какъ спеціалистъ. Приступивъ къ чтенію лекцій съ осени 1872 г., покойный уже скоро сталъ пользоваться особенными симпатіями среди молодежи. Молодой профессоръ поражалъ юныхъ слушателей массою и разнообразіемъ своихъ свѣдѣній, почему пріобрѣлъ у нихъ рѣдкій авторитетъ. Шекспирологъ по призванію, Николай Ильичъ, какъ преподаватель, не считалъ себя въ правѣ замыкаться въ узкихъ рамкахъ своей ближайшей спеціальности.

Если вспомнить всѣ курсы, прочитанные имъ въ стѣнахъ Московскаго университета, то едва ли найдется хотя одинъ сколько нибудь значительный періодъ изъ исторіи западно-европейской литературы, который бы не остановилъ его вниманія.

Но главное, чѣмъ онъ привлекалъ къ себѣ слушателей,— такъ это своею горячей любовью къ наукѣ, къ университету и студентамъ и своею постоянною готовностью прійти на помощь каждому, кто нуждался въ его указаніяхъ. У себя на дому онъ устраивалъ частные и, конечно, безвозмездные уроки англійскаго языка, готовя такимъ образомъ своихъ юныхъ питомцевъ къ основательному прохожденію курса англійской литературы. Онъ бесѣдовалъ со студентами о прочтенныхъ имъ лекціяхъ, снабжалъ ихъ рѣдкими изданіями, которыя самъ выписывалъ изъ-за границы. Знакомя такимъ образомъ студентовъ съ тайниками своей научной лабораторіи, онъ всячески стремился открыть имъ истинный путь къ дальнѣйшимъ самостоятельнымъ занятіямъ по исторіи литературы. Все это невольно привязывало къ Н. И. Стороженку его учениковъ и создавало между нимъ и его слушателями самыя тѣсныя отношенія, которыя обыкновенно не прерывались и по выходѣ его питомцевъ изъ университета.

Но не одною научною стороною своей профессорской дѣятельности привлекалъ къ себѣ Николай Ильичъ молодежь и начинающихъ ученыхъ, пользовавшихся его указаніями. Въ свои лекціи и частныя бесѣды по литературнымъ вопросамъ онъ вносилъ ту же тонкость художественнаго чувства и то же истинно-гуманное направленіе, которымъ уже были отмѣчены его первые историко-литературные труды. По прекрасному опредѣленію одного изъ учениковъ покойнаго, научная работа не была для него только накопленіемъ свѣдѣній. «Онъ искалъ въ наукѣ обоснованія для тѣхъ идеаловъ, безъ вѣры въ которые не только наука, но и вообще

вся жизнь утратила бы для него весь ароматъ, весь смыслъ. Что это были за идеалы? Николай Ильичъ исповѣдалъ ихъ въ заглавіи одной изъ своихъ работъ: «Апостолъ гуманности и свободы» [1]), вотъ кто былъ для него героемъ, и вотъ что служило руководящимъ лозунгомъ для его собственной дѣятельности. Но онъ служилъ этимъ идеаламъ, какъ человѣкъ науки. Общественные идеалы и научные вкусы приходили въ немъ въ гармоническое сочетаніе и не мѣшали другъ другу».

II.

Въ 1873 г. Н. И. Стороженко предпринялъ новую поѣздку за границу. Онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и занимался частнымъ образомъ старофранцузскимъ языкомъ, а оттуда опять проѣхалъ въ Лондонъ, чтобы собрать тамъ нужные матеріалы для своей докторской диссертаціи. Ради той же цѣли онъ, спустя четыре года, еще разъ посѣтилъ родину Шекспира, послѣ чего его капитальный трудъ былъ законченъ.

Эта докторская диссертація («Робертъ Гринъ. Его жизнь и дѣятельность»), съ которой выступилъ въ 1878 г. Н. И. Стороженко, можно смѣло сказать, вызвала настоящую сенсацію въ ученомъ мірѣ. Тутъ все было ново: и живой, основанный на долгомъ и тщательномъ изученіи первоисточниковъ, біографическій очеркъ Грина, и детальный разборъ его произведеній, и мастерская характеристика вліянія, оказаннаго этимъ «предшественникомъ Шекспира» на великаго драматурга. Какъ говоритъ академикъ А. Н. Веселовскій, Н. И. Стороженко охватилъ здѣсь вполнѣ матеріалъ, пересмотрѣлъ и оцѣнилъ все, что только было писано Гриномъ или о Гринѣ. «Авторъ пользовался источниками, которыхъ до него рѣдко кто касался, обратилъ вниманіе на такія стороны, которыя до тѣхъ поръ обходили стороною» [2]).

Не менѣе лестные отзывы встрѣтила диссертація о Р. Гринѣ и въ англійскихъ журналахъ. «Просвѣщенные мореплаватели» немедленно перевели трудъ русскаго ученаго на свой языкъ, а самого автора избрали однимъ изъ вице-президентовъ Новаго Шекспировскаго общества: честь, которой удостоивались очень немногіе среди иностранныхъ, не англійскихъ, историковъ литературы!..

Дѣля такимъ образомъ свое время между сложными обязанностями по университету и собственными научными занятіями, Н. И.

---

[1]) Эта статья, посвященная Теодору Паркеру, была сперва напечатана въ «Книжкахъ Недѣли», 1899 г., № 5, а потомъ вышла отдѣльною брошюрою: М., 1900 г.,

[2]) См. ст. А. Н. Веселовскаго: «Робертъ Гринъ и его изслѣдователи» («Вѣстникъ Европы», 1879 г., кн. 8).

Стороженко успѣвалъ работать и на другихъ поприщахъ. Уже съ 1872 г. онъ началъ чтеніе лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ, учрежденныхъ проф. Герье. Убѣжденный и горячій сторонникъ высшаго женскаго образованія, онъ состоялъ здѣсь преподавателемъ свыше пятнадцати лѣтъ, вплоть до закрытія этихъ курсовъ въ 1888 г. Затѣмъ дѣятельность Н. И. Стороженка приняла еще болѣе разнообразное направленіе. Онъ читалъ лекціи по исторіи драмы въ театральномъ училищѣ (съ 1888 г.), въ качествѣ дѣйствительнаго члена, а потомъ и предсѣдателя Общества любителей россійской словесности, выступалъ на публичныхъ засѣданіяхъ съ длинною вереницею сообщеній, рѣчей и «вступительныхъ словъ». За такую четвертьвѣковую энергичную работу на пользу Общества Н. И. Стороженко 18 сентября 1901 г. былъ единогласно избранъ въ почетные члены.

Кромѣ того, около десяти лѣтъ (съ 1 января 1893 г. до октября 1902 г.) Николай Ильичъ несъ хлопотливыя обязанности библіотекаря Румянцевскаго музея. Онъ занялъ эту должность по смерти Е. Ѳ. Корша и, какъ превосходный знатокъ всеобщей литературы, сразу обратилъ вниманіе на пополненіе иностраннаго отдѣла библіотеки. При немъ книгохранилище музея обогатилось многими важнѣйшими трудами по западно-европейской литературѣ; по его же ходатайству было вдвое увеличено число занимающихся разборкою и описаніемъ вновь поступающихъ изданій, отъ чего значительно выиграла скорость выдачи книгъ читателямъ. Какъ библіотекарь, Николай Ильичъ не ограничивался служебными рамками своей должности. Онъ всегда охотно отзывался на всякіе вопросы обращающихся къ нему посѣтителей, всегда былъ готовъ, нерѣдко въ ущербъ своему личному труду, помочь каждому, кто нуждался въ его указаніяхъ, являясь такимъ образомъ незамѣнимымъ руководителемъ для молодыхъ ученыхъ и начинающихъ писателей.

Послѣднее время (начиная съ 14 сентября 1891 г.) Н. И. Стороженко состоялъ дѣятельнымъ членомъ въ Московскомъ отдѣленіи театрально-литературнаго комитета, гдѣ послѣ кончины Н. С. Тихонравова (съ 1893 г.) исправлялъ обязанности и предсѣдателя. Здѣсь его разностороннія познанія въ европейскихъ литературахъ приносили весьма существенную пользу для дѣла. Именно, благодаря его настояніямъ, москвичи могли увидѣть на императорской сценѣ лучшія произведенія иностранныхъ, классическихъ и современныхъ, драматурговъ.

На ряду съ такою оживленною общественною дѣятельностью, Николай Ильичъ не переставалъ выпускать въ свѣтъ свои многочисленныя, превосходныя статьи, помѣщавшіяся въ различныхъ толстыхъ журналахъ, сборникахъ, еженедѣльныхъ и ежедневныхъ газетахъ. Статьи эти касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ

по всѣмъ главнымъ литературамъ Европы [1]). Но большая часть трудовъ Н. И. Стороженка была все-таки посвящена излюбленному имъ писателю — Шекспиру. Изъ такихъ работъ Николая Ильича особенно извѣстны его статьи—«Сонеты Шекспира въ автобіографическомъ отношеніи», «Англійская драма до смерти Шекспира» (гдѣ съ рѣдкою ясностью и методичностью изложены біографіи и содержаніе произведеній, какъ самого автора «Гамлета», такъ и его предшественниковъ), «Прототипы Фальстафа» (подробная исторія знаменитаго типа, проведенная по всѣмъ литературамъ, гдѣ только встрѣчались характерныя фальстафовскія черты), «Психологія любви и ревности у Шекспира» и проч.

Затѣмъ, помимо редактированія капитальныхъ переводныхъ сочиненій, трактующихъ о геніальномъ англійскомъ драматургѣ (напримѣръ, Р. Женэ—«Жизнь и произведенія Шекспира», М., 1877 г.; Макса Коха—«Шекспиръ», М., 1887 г., и Брандеса—«Шекспиръ. Его жизнь и произведенія», М., 1899 г.),—перу Николая Ильича принадлежала длинная вереница обстоятельныхъ рецензій о русскихъ книгахъ, касающихся автора «Гамлета». Да и вообще каждое литературное предпріятіе, посвященное Шекспиру, невольно искало опытнаго руководительства Н. И. Стороженка. Здѣсь кстати отмѣтить, что ни одна постановка шекспировской пьесы на сценѣ Московскаго Малаго театра не обходилась безъ его указаній, иногда даже спеціальныхъ лекцій.

Впрочемъ, труды Н. И. Стороженка по исторіи англійской литературы не ограничивались однимъ Шекспиромъ. Превосходный знатокъ языка «просвѣщенныхъ мореплавателей», онъ посвятилъ нѣсколько работъ Байрону, написалъ обширную статью «Англійскіе поэты нужды и горя», гдѣ останавливался главнымъ образомъ на писателяхъ, которые въ своемъ творчествѣ вдохновлялись не столько личными радостями и горестями, сколько мотивами общественными, альтруистическими.

Очень характерна затѣмъ для Н. И. Стороженка его статья—«Апостолъ гуманности и свободы» (она издана и отдѣльною книжкою),—этотъ живой и прочувствованный разсказъ о мало извѣстномъ для русской публики, замѣчательномъ американскомъ проповѣдникѣ и горячемъ борцѣ противъ невольничества, Теодорѣ Паркерѣ. Здѣсь, въ строкахъ, посвященныхъ этому талантливому моралисту, съ особенною яркостью проявилась глубокая вѣра автора въ свѣтлое будущее человѣчества, въ то желанное время, когда «исчезнутъ національные предразсудки и расовыя антипатіи, и когда люди увидятъ другъ въ другѣ братьевъ».

---

[1]) Подробный библіографическій указатель къ печатнымъ трудамъ Н. И. Стороженка, составленный Д. Д. Языковымъ, см. въ сборникѣ «Подъ знаменемъ науки», М., 1902 г.

Свои занятія по исторіи испанской литературы Н. И. Стороженко отмѣтилъ двумя прекрасными статьями: «Возникновеніе реальнаго романа» (обстоятельная характеристика такъ называемой «плутовской новеллы», появившейся въ Испаніи въ эпоху Возрожденія) и «Философія Донъ-Кихота», которая давно уже признана лучшею русскою работою о знаменитомъ романѣ Сервантеса. Не обошелъ вниманіемъ покойный профессоръ видныхъ литературныхъ теченій и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ. Вереницею своихъ статей о французскихъ и итальянскихъ гуманистахъ эпохи Возрожденія, о Гёте, о госпожѣ Сталь и ея друзьяхъ, о поэтахъ-пессимистахъ конца XVIII и XIX столѣтія и др.,—Н. И. Стороженко блестяще доказалъ всю неистощимую энергію и удивительную широту своего научнаго кругозора.

Поглощенный изученіемъ западныхъ литературъ, Николай Ильичъ не забывалъ и родной словесности. Онъ написалъ рядъ отдѣльныхъ этюдовъ объ Екатеринѣ II, Пушкинѣ, Баратынскомъ, Лермонтовѣ и Бѣлинскомъ, которые высоко цѣнятся спеціалистами за ихъ тонкій, многосторонній анализъ. Самъ по происхожденію малороссъ, Н. И. Стороженко удѣлялъ всегда пристальное вниманіе украинской литературѣ. Изъ года въ годъ и до послѣдняго времени въ журналѣ «Кіевская Старина» появлялись все новыя и новыя его изслѣдованія о родномъ ему по крови знаменитомъ малорусскомъ поэтѣ, Т. Г. Шевченкѣ. Даже предсмертный трудъ Николая Ильича былъ посвященъ тому извѣстному Кирилло-Меѳодіевскому братству, дѣятельными членами котораго въ свое время состояли Гулакъ-Артемовскій, Костомаровъ и Шевченко. Эта послѣдняя работа Н. И. Стороженка, проливающая свѣтъ на нѣкоторые моменты жизни незабвеннаго малорусскаго поэта, помѣщена въ 3-ей книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій 1906 годъ. Желательно, чтобы къ 50-ти-лѣтію смерти Шевченка (которое минетъ черезъ 5 лѣтъ) были собраны въ отдѣльную книгу разсѣянныя до сихъ поръ статьи о немъ Николая Ильича—эти прекрасные матеріалы для біографіи автора «Гайдамаковъ» и «Назара Стодоли».

Намъ остается упомянуть о еще мало кому извѣстныхъ оригинальныхъ произведеніяхъ покойнаго профессора въ области изящной словесности. Къ ихъ числу, между прочимъ, принадлежали: три поэтическія сказки — «Рыцарь съ боченкомъ», «Заслуженная копейка» и «Три брата и названная сестра», помѣщенныя въ «Дѣтскомъ Отдыхѣ» за 1891—1892 г.г., и одноактная остроумная комедія «Троеженецъ», которая подъ всевдонимомъ Ник. Тулѣтова была поставлена на сценѣ Московскаго Малаго театра 19 января 1896 г., въ бенефисъ артистки М. Н. Ермоловой.

Этотъ очеркъ, при всей своей неполнотѣ, думаемъ, даетъ достаточное представленіе объ огромныхъ учено-литературныхъ заслу-

гахъ покойнаго профессора и выясняетъ значеніе его, какъ общественнаго дѣятеля.

Пройдетъ время, умиротворятся бушующія нынѣ политическія страсти, и тогда неустанная плодотворная работа Н. И. Стороженка «подъ знаменемъ науки», въ духѣ гуманности и истиннаго просвѣщенія, послужитъ однимъ изъ лучшихъ образцовъ для молодого поколѣнія новой, свободной Россіи...

Дм. Шереметьинскій.

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ [1].

2.

Бюрократическая Россія въ XIX столѣтіи.

I.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ легко разгромилъ декабристовъ, и въ этомъ погромѣ первыхъ активныхъ конституціоналистовъ заложены были на долгое время начала той внутренней политики, которая легла тяжкимъ спудомъ на жизнь нашего отечества второй четверти прошлаго вѣка. «Mes amis du quatorze», какъ величалъ несчастныхъ революціонеровъ Сенатской площади царь, вѣчно мерещились ему, и тѣни ихъ, ихъ облики и намѣренія усматривались имъ въ каждомъ мало-мальски свободномъ проявленіи независимой мысли, независимаго слова и дѣйствія. Поэтому Николай I наложилъ тяжелую руку на все, что не исходило изъ нѣдръ бюрократическихъ канцелярій, что не было санкціонировано волею его личною или его сотрудниковъ, и вся русская жизнь оказалась скованною такимъ образомъ желѣзными обручами, въ которыхъ она какъ бы окаменѣла и замерла. Когда-то великій преобразователь Россіи употребилъ неимовѣрную силу воли и напряженность дѣйствій, чтобы привести нашу родину въ дви-

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1906 г., кн. 1, 2, 3.

женіе и своего рода прогрессивное броженіе; нынѣ новый вершитель судебъ русскаго народа тоже напрягъ всѣ свои личныя силы, но только съ обратною цѣлью—привести государство и страну въ состояніе неподвижнаго покоя, гдѣ бы все было детально регламентировано и установлено на имъ лично предопредѣленное мѣсто.

Намъ извѣстно, что при всей широтѣ своего творчества, своего геніальнаго государственнаго размаха Петру Великому далеко не удалось осуществить всѣхъ своихъ намѣреній, и тяжелая на подъемъ, инертная и косная Россія слабо поддалась напору воли великаго преобразователя. Далеко не геніальный, но все же умный и рѣшительный вѣнценосецъ XIX вѣка былъ счастливѣе своего пращура въ достиженіи намѣченной имъ несчастной цѣли. Онъ какъ бы загипнотизировалъ своимъ холоднымъ и страшнымъ взоромъ все окружающее, и Россія въ его царствованіе дѣйствительно вылилась въ какое-то грандіозное великолѣпное по внѣшнему виду окаменѣлое зданіе, хотя и съ гнилымъ основаніемъ, но блестяще вычищенное снаружи и съ гордо развѣвающимся на фронтонѣ далеко не русскимъ по своему происхожденію государственнымъ орломъ. Былое московское самодержавіе [1]) съ его правомъ мнѣнія и сомнѣнія, съ его народосовѣтіемъ и правомъ народнаго голоса было новому петербургскому императору совершенно уже непонятно, противно и враждебно. Никакой голосъ, ничье свободное мнѣніе имъ не терпѣлось; онъ все заслонилъ своей великолѣпной и дѣйствительно величественной фигурой, принявъ исключительно на себя и только на себя весь отвѣтъ полностью передъ исторіей за счастье и судьбу своего народа. Никогда ни до него, ни послѣ приказный строй, установленный волею монарха, не достигалъ такого расцвѣта, такой силы и такого всепоглощающаго значенія. Этотъ строй впитывалъ въ себя всѣ соки русской жизни, и послѣдняя, истощенная и обезсиленная, поневолѣ и по необходимости представляла собою такую среду, которая готова была распасться при первомъ враждебномъ стороннемъ натискѣ и напорѣ. И крымскій погромъ былъ тѣмъ грознымъ и ужаснымъ итогомъ, гдѣ былъ подведенъ счетъ всему тому, что дѣлалось съ Россіей въ теченіе тридцатилѣтняго царствованія Николая Павловича.

Вступивъ на престолъ по волѣ покойнаго брата, молодой государь сразу призналъ себя неподготовленнымъ къ той отвѣтственной роли, на которую выдвинула его историческая судьба. «Не удивляйтесь, — говорилъ онъ на первомъ засѣданіи государственнаго совѣта,—если я окажусь менѣе знакомымъ съ моими новыми обязанностями, чѣмъ любой министръ. Я не привыкъ полагаться на другихъ, но на первое время долженъ помириться съ этимъ, дозволить себя вести и изучать мои обязанности постепенно».

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1905 г. Ст. «Годы смуты и борьбы».

Въ этихъ видахъ онъ сохранилъ около себя всѣхъ сотрудниковъ своего брата, содѣйствовавшихъ реакціонной политикѣ послѣднихъ лѣтъ его царствованія. Устраненнымъ оказался лишь одинъ Аракчеевъ. Принявъ такимъ образомъ реакцію подъ свое державное покровительство, онъ со свойственной ему прямолинейностью и страшной энергіей какъ бы поспѣшилъ дать ей прочное обоснованіе и развитіе. Нельзя сказать, чтобы реформы его совсѣмъ не интересовали, чтобы онъ ихъ сторонился и о нихъ не помышлялъ,—далеко нѣтъ. Онъ преисполненъ былъ, особенно въ началѣ своего царствованія, лучшими намѣреніями въ этомъ направленіи, но по существу своего характера у него какъ бы не хватало воли и рѣшимости осуществить именно эти самыя реформы. Поэтому, хотя образованный имъ 6 декабря 1826 г. «секретный комитетъ» и выработалъ главнымъ образомъ при содѣйствіи Сперанскаго рядъ проектовъ преобразованій какъ центральныхъ, такъ и провинціальныхъ учрежденій, съ тенденціей раздѣленія власти судебной и административной, даже съ принципами коллегіальности, въ результатѣ, однако, изъ числа намѣченныхъ начинаній почти ничто не получило своего осуществленія, а, напротивъ даже, принципъ административный получилъ особенное первенствующее значеніе. Признавая соціальный крѣпостной строй Россіи въ принципѣ «большимъ зломъ», императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ и то, что устраненіе этого зла было бы «зломъ еще болѣе гибельнымъ». Вслѣдствіе этого по крѣпостному вопросу во все его царствованіе имъ собирались десять «секретныхъ», «особыхъ» и «келейныхъ» комитетовъ, притомъ исключительно въ составѣ представителей изъ высшей бюрократической Россіи, дабы какая либо освободительная вѣсть не проникла въ населеніе, и, несмотря на всѣ эти собранія, вопросъ о раскрѣпощеніи народа не подвигался благополучно къ концу. Были, правда, приняты нѣкоторыя существенныя частичныя мѣропріятія, но въ общей своей постановкѣ дѣло эмансипаціи все откладывалось и откладывалось, и Николай I не находилъ въ себѣ для даннаго случая достаточно характера, чтобы предпринять что либо рѣшительное и вполнѣ опредѣленное; съ одной стороны, онъ ограничивался полумѣрами, а, съ другой, ставилъ себѣ очень скромную задачу подготовить лишь вопросъ къ положительному его разрѣшенію преемникомъ своихъ верховныхъ правъ. Недовѣріе къ народу, какъ къ живой соціальной массѣ, проникало его насквозь, и онъ охотно признавался, что въ лицѣ помѣстнаго дворянства и рабовладѣльцевъ онъ имѣетъ хорошую и добровольную полицейскую власть, которая держитъ населеніе въ повиновеніи и страхѣ и подъ бдительнымъ контролемъ.

Такая же нерѣшительность была имъ проявлена и въ вопросѣ судебной реформы. Несмотря на то, что въ этой области Сперанскимъ была сдѣлана воистину громадная работа сводного и кодификаціоннаго характера, однако всѣ недостатки судебнаго строя

остались налицо. Продолжали царить все та же продажность и лихоимство, волокита, канцелярская отписка и бумагомараніе. И весь этотъ административный и судебный строй тяготѣлъ невыразимымъ гнетомъ надъ несчастнымъ населеніемъ и какъ бы освящался притомъ волею самого монарха. Разные губернаторы и генералъ-губернаторы были какъ бы его личными довѣрителями и, творя его именемъ всяческія неправды, чувствовали и держали себя на мѣстахъ настоящими царьками, во власть которыхъ отданы животы подданныхъ. Ихъ власть и слава косвенно переходили и на ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, и каждый чиновникъ, каждый представитель высшей и низшей бюрократіи, являлся въ глазахъ обывателя своего рода олимпійцемъ, къ которому можно было подходить лишь съ поклономъ и дарами. Непочтеніе къ нимъ и критика ихъ дѣйствій разсматривались, какъ своего рода «оскорбленіе величества», какъ проявленія крайняго вольнодумства и зловреднаго либерализма, какъ потрясеніе основъ всего государственнаго строя.

Въ дивныхъ произведеніяхъ Гоголя, въ бичующей сатирѣ Салтыкова Николаевскій бытъ и режимъ запечатлѣлись съ необыкновенною силою и въ неувядаемыхъ краскахъ, а пѣвецъ тѣхъ годовъ, прародитель славянофильской школы, А. С. Хомяковъ, въ слѣдующихъ звучныхъ строфахъ далъ общую характеристику современной Россіи:

> Въ судахъ черна неправдой черной
> И игомъ рабства клеймена;
> Безбожной лести, лжи тлетворной,
> И лѣни мертвой и позорной,
> И всякой мерзости полна!

Если такъ печально стояло дѣло судебно-административнаго управленія, то не болѣе утѣшительнымъ рисуется и состояніе тогдашняго офиціальнаго просвѣщенія. Образованіе, особенно высшее, дарилось населенію, какъ особенная высочайшая милость и на очень строгихъ условіяхъ; книга, особенно если носила на себѣ характеръ политическій или общественный, проникала въ населеніе съ необыкновеннымъ трудомъ, и надъ умами читателя и писателя съ неослабнымъ рвеніемъ стоялъ на стражѣ всевластный цензоръ, всегда вооруженный обильными красными чернилами и размашистымъ перомъ. Здѣсь нѣтъ надобности говорить объ этой сторонѣ русской жизни—она достаточно стала уже извѣстною, и исторія Николаевской цензуры представляетъ собою сплошной анекдотъ или преступленіе — подъ какимъ угломъ зрѣнія смотрѣть на вопросъ. Опека надъ умами обывателей имѣла цѣлью спеціальное обереженіе ихъ отъ вреднаго идейнаго вліянія Запада, борьба съ которымъ, насколько онъ отражалъ въ себѣ развитіе прогрессивныхъ

и либеральныхъ идей, была своего рода idée fixe Николая особенно послѣ революціи 1848 г. Наука и образованіе поощрялись преимущественно профессіональныя, а все, что отдавало духомъ философіи и политики, все это находилось подъ глубокимъ подозрѣніемъ и встрѣчало косые взгляды пресловутаго созданнаго въ ту же эпоху III Отдѣленія, сыгравшаго въ русской жизни столь печальную и жестокую роль.

Вотъ въ самыхъ главныхъ и общихъ чертахъ тѣ государственныя условія жизни, которыя были созданы политикою Николая I послѣ разгрома декабристовъ и ихъ вольнолюбивыхъ мечтаній,—условія, съ которыми передовымъ элементамъ тогдашней русской жизни приходилось считаться, въ которыхъ имъ суждено было жить и дѣйствовать. Понятно, что далеко не всѣ могли съ ними мириться, а потому уже къ началу сороковыхъ годовъ мы встрѣчаемъ признаки глухого общественнаго броженія, которое рано или поздно должно было реализоваться тѣми или иными начинаніями оппозиціоннаго характера частью во имя тѣхъ же идей, ради которыхъ сложили свои головы политическіе романтики 14 декабря, частію въ иныхъ цѣляхъ, о коихъ будетъ говорено въ спеціальномъ мѣстѣ серіи настоящихъ очерковъ «Борьба за конституцію».

Желая подготовить своему наслѣднику спокойное царствованіе, стремясь отдать въ его распоряженіе и на его рѣшеніе обработанные вопросы по главнѣйшимъ сторонамъ государственной жизни, Николай Павловичъ именно всего менѣе успѣлъ въ этомъ направленіи. Какъ ни напряжена была его волевая дѣятельность, она оказалась безсильною передъ такою задачею, и та неподвижность государственнаго строя, которую ему удалось дѣйствительно установить, хранила въ себѣ всѣ зачатки болѣзненности, долженствующей рано или поздно вспыхнуть и разразиться страшной катастрофой. Она и разразилась у твердынь Севастополя, гдѣ былая побѣдоносная Екатерининская и Александровская армія, при всемъ своемъ легендарномъ героическомъ подъемѣ воинственнаго духа, отступила не столько передъ измученнымъ и окровавленнымъ врагомъ, сколько передъ той бюрократической домашней силой, которая довела ее до истощенія и пораженія. Не внѣшній врагъ сломилъ севастопольскаго солдата, а именно тотъ приказный строй, который, защищаясь именемъ монарха и слагая съ его рыцарскаго согласія на него всю отвѣтственность за свою злонамѣренную негодность и враждебность народному благу, съ наглостью и беззастѣнчивостью выдалъ и этого солдата, а съ нимъ вмѣстѣ всю Россію, головою врагу. Николай Павловичъ могъ воочію убѣдиться, что его рыцарскимъ довѣріемъ злоупотребили, что онъ слишкомъ положился на свои силы, слишкомъ много взялъ на себя, и мракъ застлалъ его очи: все, что кругомъ долго казалось столь

добрымъ и прекраснымъ, сразу окрасилось въ черный цвѣтъ. Силы царя не выдержали, и онъ трагически сошелъ со сцены, оставляя послѣ себя окровавленную и разлагающуюся родину.

II.

Подъ грохотъ севастопольскихъ пушекъ занялась надъ Россіей новая свѣтлая заря, сулившая, казалось, ей долголѣтній миръ и покой. На престолъ вступилъ Александръ II, царь-освободитель, и началась для нашего отечества новая эпоха—«эпоха великихъ реформъ». Закончивъ несчастую войну довольно-таки плачевнымъ парижскимъ миромъ, новый вѣнценосецъ приступилъ къ реформированію окаменѣлаго и шатающагося строя, созданнаго желѣзною волею покойнаго родителя. Отмѣна рекрутской повинности, душившей, какъ страшный кошмаръ, въ особенности сельскій людъ, ослабленіе цензурнаго гнета, открытіе дверей университета и освобожденіе заграничныхъ паспортовъ отъ былыхъ стѣсненій—вотъ тѣ первыя и главныя ласточки, взвившіяся надъ родною землею и сулившія ей наступленіе долго ожидаемой прекрасной весны.

Крымская война, какъ ни были ужасны ея послѣдствія для внѣшняго величія Россіи, обнажила, однако, всѣ наши домашнія язвы, и въ этомъ одномъ заключается добрая сторона того историческаго испытанія, которое выпало на долю Россія. Программа новаго царствованія была изложена въ прекрасныхъ словахъ перваго манифеста, гдѣ читаемъ, между прочимъ: «При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утвердится и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ»...

Итакъ, необходимость «внутренняго благоустройства», утвержденіе «правды въ судахъ» и «развитіе просвѣщенія» признаются съ высоты престола тѣми главнѣйшими устоями, на которые рѣшено обратить самое серьезное вниманіе. Это уже является своего рода революціонной точкой зрѣнія по отношенію предыдущей эпохи, которая именно въ этомъ направленіи оказалась не только малодѣятельною, но порою даже явно враждебною и противодѣйствующею.

Несмотря на то, что Александръ II, будучи еще наслѣдникомъ престола, высказывался по крестьянскому вопросу, этому главному базису всей русской жизни во всей ея совокупности и до настоящихъ дней, въ совершенно опредѣленномъ консервативномъ направленіи,

онъ по вступленіи на престолъ подъ напоромъ реальной необходимости и общественнаго мнѣнія перешелъ на либеральную точку зрѣнія, сумѣлъ овладѣть событіями въ ихъ лучшемъ направленіи и развитіи, даже вопреки противодѣйствію обширной дворцовой партіи и бюрократической среды. Поэтому на крестьянскій вопросъ было обращено особенное вниманіе; самъ государь обращался съ личными воззваніями и рѣчами по сему предмету къ дворянству, предоставилъ обсужденію вопроса довольно широкую гласность и привлекъ къ рѣшенію его не только наличныя силы бюрократической власти, но и силы общественныя, не стоявшія въ зависимости и подъ давленіемъ дѣйствовавшаго административнаго режима. Со времени Екатерины II и ея пресловутаго собранія депутатовъ это было первымъ историческимъ моментомъ, когда Россія общественная и земская сошлась и стала лицомъ къ лицу съ Россіей бюрократической, какъ равная съ равною, съ правомъ свободнаго голоса и независимаго мнѣнія. Въ городахъ учреждены были губернскіе комитеты, въ столицѣ работали редакціонныя комиссіи, всѣ относились къ насущнѣйшему вопросу русской жизни съ вполнѣ понятною страстностью, освѣщая эту страстность личною пріязненною дѣлу освобожденія или непріязненною точкою зрѣнія, въ зависимости отъ заинтересованности, умственнаго развитія и уровня просвѣщенности. Результатомъ совокупной работы силъ общественныхъ и бюрократическихъ явился актъ 19 февраля 1861 г., по коему двадцать два милліона помѣщичьихъ крестьянъ были раскрѣпощены и пріобщены съ свободной жизни всѣхъ прочихъ классовъ населенія имперіи. Великая крестьянская реформа была дѣйствительно великою по замыслу, по идеѣ, въ нее вложенной, но, увы, довольно неумѣло проведенною и осуществленною. Когда мысль о реформѣ еще назрѣвала, то раздавались очень компетентные голоса, даже не вдалекѣ отъ самаго трона, указывавшіе, что осуществленіе великаго замысла будетъ наиболѣе цѣлесообразно и плодотворно, если оно будетъ санкціонировано и обсуждено совокупностью всего народа и его выборными представителями, т.-е. парламентарно, или соборнѣ. Но такая точка зрѣнія не была признана не только достойною вниманія, но даже антиправительственною, вслѣдствіе чего именно заинтересованный элементъ, надъ судьбою котораго готовились произнести свое рѣшающее слово, былъ устраненъ отъ дѣла, и свободу ему поднесли въ той формѣ и подъ такими условіями, которыя были ему далеко не по силамъ, и которыя въ концѣ концовъ повлекли за собою тѣ печальныя явленія, съ коими намъ приходится считаться въ настоящіе дни.

Несчастіе самаго дѣла раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ заключалось, во-первыхъ, въ томъ, что реформа была проведена, такъ сказать, изолированно, внѣ органической связи съ прочими

условіями жизни и безъ всякой мысли о реформѣ всего бюрократическаго приказнаго строя; во-вторыхъ, самая выкупная операція не была достаточно обдумана и сообразована съ требованіями финансовой и экономической политики. Въ дѣлѣ надѣленія крестьянъ землею спутались двѣ противоположныя комбинаціи—кажущейся благотворительности и ложнаго финансоваго расчета, въ результатѣ чего уже въ скоромъ времени освобожденные и надѣленные землею оказались въ новомъ, пожалуй, даже болѣе тяжкомъ порабощеніи—экономическомъ, съ громадными долгами въ видѣ недоимокъ на плечахъ, безъ свободы отъ ига общины и безъ достаточной земли для пропитанія, въ виду естественнаго прироста населенія. Не въ болѣе отрадномъ положеніи оказался и помѣщикъ, облегченный законодательствомъ отъ крѣпостной ноши: хотя онъ остался и при землѣ, правда, нѣсколько урѣзанной, и при выкупныхъ платежахъ, но, воспитанный вѣками въ непривычкѣ къ самостоятельному труду, онъ остался безъ даровыхъ и дешевыхъ рабочихъ рукъ, а главное безъ нужнаго ему кредита и безъ всякой естественной связи съ селомъ. Великая реформа осуществилась такимъ образомъ довольно таки искусственнымъ, теоретическимъ способомъ, и, по выраженію поэта, разрубленная крѣпостная цѣпь ударила «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику».

Несмотря на то, что къ рѣшенію крестьянскаго вопроса были привлечены и общественныя силы, мы видимъ, однако, въ его рѣшеніи достаточное отсутствіе творческаго элемента. Объясненіе такому отсутствію творчества должно искать, съ одной стороны, въ количественной недостаточности этихъ общественныхъ силъ, въ преобладаніи надъ ними бюрократическаго элемента, а что главное—въ устраненіи отъ обсужденія и рѣшенія всего вопроса въ его цѣломъ и его частностяхъ естественныхъ силъ всей страны, не исключая и стороны, прямо заинтересованной, т.-е. самихъ крестьянъ, которыхъ никто не опрашивалъ, съ которыми не посовѣтовались и отъ которыхъ изготовляемую реформу держали въ большой тайнѣ канцелярскаго характера.

Александръ II, повидимому, прекрасно сознавалъ впослѣдствіи многіе недостатки своей великой реформы, и, быть можетъ, отсюда именно проистекла его непонятая немилость къ Н. Г. Чернышевскому, первому и рѣшительному критику крестьянской эмансипаціи, которому именно эта критика никогда не была прощена царемъ-освободителемъ, несмотря на неимѣніе у писателя въ наличности какого либо фактически обоснованнаго и судебнымъ порядкомъ доказаннаго преступленія. За эту критику онъ поплатился всею своею столь богато закипавшею жизнью, которая оказалась сломленною тяжкою ссылкою въ далекую глушь Россіи.

Когда завершалась крестьянская реформа, бюрократія спохватилась, что между освобожденными сельскими общинами и адми-

нистраціей образовалась своего рода бездонная пропасть — нити управленія, фиска и полицейскаго наблюденія была утеряны, и ихъ надо было скорѣе возстановить. Только тогда была придана энергія образованной еще въ 1859 г. комиссіи, на которую было возложено изыскать средства, «дать большую устойчивость, независимость и довѣріе мѣстной хозяйственной администраціи». Результатомъ работъ этой комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ явилось въ 1864 г. «положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ», по которому на эти учрежденія были возложены довольно широкія задачи, правда, по преимуществу хозяйственнаго характера, но, во всякомъ случаѣ, дававшія въ распоряженіе помѣстныхъ людей, выборныхъ отъ всѣхъ слоевъ населенія, достаточное вліяніе на губернскую и уѣздную жизнь и позволявшія имъ до извѣстной степени быть противовѣсомъ канцелярскому казенному режиму, съ одной стороны, и, съ другой, служить своего рода политическими просвѣтительными очагами, черезъ посредство которыхъ населеніе могло хоть сколько нибудь пріобщаться къ широкой жизни всей страны. Здѣсь, въ этой реформѣ, бюрократіи пришлось подѣлиться своею властію и своимъ вліяніемъ съ общественнными силами. Конечно, такая постановка дѣла не могла быть по вкусу и входить въ привычныя намѣренія административной власти, а потому, вскорѣ уже, по учрежденіи земскихъ установленій, мы наблюдаемъ обостренную борьбу между этою властью, какъ помѣстною, такъ и центральною, и молодыми земскими учрежденіями, наблюдаемъ рядъ конфликтовъ между ними, въ результатѣ чего бюрократія постепенно и подъ разными предлогами, главнѣйше на почвѣ «политической, неблагонадежности», ограничиваетъ компетенцію земствъ, ставитъ дѣятельность послѣднихъ въ невозможныя условія, регламентируетъ ее и въ концѣ концовъ къ восьмидесятымъ годамъ какъ бы совершенно подчиняетъ эти учрежденія своему вліянію и руководству. Власть снова переходитъ въ руки администраціи, и населеніе теряетъ всякую тѣнь самостоятельности и самодѣятельности; надъ всѣмъ, какъ во время оно, начинаетъ царить опека и полицейское усмотрѣніе. Народъ и общество, только-что коснувшіеся воли и свободы, теряютъ полученныя еще такъ недавно права, а бюрократія, обратно этому, возстановляется въ томъ исключительномъ положеніи которое она занимала въ предыдущую историческую эпоху.

III.

Послѣ крестьянской реформы въ ряду преобразованій Александра II должна быть поставлена на второмъ мѣстѣ реформа судебная (1864 г.), которая внесла съ собою въ жизнь совершенно новые принципы: отдѣленіе судебной власти отъ административ-

ной и обвинительной, гласность и публичность судопроизводства, свободную по выбору защиту и состязательность судебнаго процесса. Сущность судебнаго у насъ переустройства была заимствована частію изъ Франціи, частію изъ Италіи, но, какъ бы то ни было, реформа скоро получила въ странѣ полное право гражданства, и новый судъ явился достаточнымъ оплотомъ интересовъ населенія, которое его полюбило и къ которому начало питать довѣріе. Но и тутъ далеко не все обошлось благополучно, и бюрократія какъ бы нехотя и съ трудомъ мирилась съ своимъ устраненіемъ отъ этой стороны русской жизни, вслѣдствіе чего мы видимъ непонятно медленное географическое, такъ сказать, распространеніе судебной реформы, съ одной стороны, и, съ другой, постоянное стремленіе административной власти ограничивать и вмѣшиваться въ работу суда и его представителей. Если еще въ царствованіе Александра II бюрократія не достигаетъ въ этомъ направленіи полнаго успѣха, то послѣдующая эпоха даетъ въ ея распоряженіе то, чего ей такъ страстно всегда хотѣлось, и чего она такъ старательно домогалась.

На вопросы просвѣщенія въ началѣ царствованія Александра II было обращено особенное вниманіе, при чемъ реформы въ этой области коснулись главнымъ образомъ образованія высшаго и средняго. Университеты, подвергшіеся при Николаѣ I столь сильному гоненію, наконецъ-то получили довольно либеральный уставъ 1863 г., предоставившій въ ихъ распоряженіе нѣкоторую долю автономіи и избавившій ихъ отъ постоянной опеки и регламентаціи со стороны центральнаго органа, вѣдающаго дѣло народнаго просвѣщенія. Равнымъ образомъ и гимназіямъ былъ дарованъ довольно соотвѣтствующій общимъ нуждамъ страны и желаніямъ общества уставъ 1864 г., но послѣдній просуществовалъ недолго, и два несчастныхъ покушенія на жизнь Александра II, а также нѣкоторыя волненія среди молодежи высшихъ учебныхъ заведеній, дали совершенно опредѣленное направленіе бюрократической мысли, вслѣдствіе чего было рѣшено измѣнить этотъ гимназическій уставъ съ замѣною его пресловутымъ Толстовскимъ уставомъ 1871 г., коимъ дѣлу средняго образованія былъ нанесенъ на много поколѣній неисчислимый вредъ. Зловѣщая фигура новаго министра народнаго просвѣщенія, этого типичнаго бюрократа петербургскихъ департаментовъ, явилась тою страшною тѣнью, которая заслонила всякій свѣтъ въ окнахъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, обрекши томившуюся въ нихъ молодежь на неизлѣчимую духовную болѣзнь, отъ которой по Русской землѣ пошли неисчислимыя бѣды и несчастія. Классическая пресловутая система, внѣдряемая въ русскую жизнь нѣмцами и братушками-чехами, атрофировала всякую природную самодѣятельность учащихся, нанесла рѣшительный ударъ національному самосознанію и подчинила умы и души юношества мертвой

дисциплинѣ мертвыхъ языковъ. Авторъ настоящихъ очерковъ имѣлъ уже неоднократно случаи говорить по этому вопросу на страницахъ «Историческаго Вѣстника», такъ что возвращаться къ исчерпанной темѣ не стоитъ. Отмѣтимъ лишь, что въ числѣ преступленій или заблужденій нашей бюрократіи XIX столѣтія гимназическая реформа 1871 г. есть одно изъ величайшихъ золъ, которое она принесла съ собою въ русскую жизнь, которому нѣтъ правильнаго историческаго объясненія или оправданія. Реформа гр. Д. Толстого до крайности раздражила собою общество, возстановила его противъ правительственной власти и создала въ немъ совершенно опредѣленное оппозиціонное настроеніе, которое пустило глубокіе корни въ населеніи и породило рядъ несчастныхъ моментовъ политическаго характера, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ въ значительной мѣрѣ именно пресловутой классической системѣ.

Болѣе благополучно и цѣлесообразно проведена была реформа дѣла печати, которое въ 1865 г. было перенесено изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Такъ называемыя «временныя правила по дѣламъ печати» по сравненіи съ постановкою вопроса въ предшествовавшую эпоху внесли въ дѣло печатнаго слова хоть нѣкоторое подобіе порядка и законности. Мы нарочно употребляемъ слово «подобіе», ибо въ сущности принципъ законности въ этой области никогда не былъ строго проведенъ и примѣненъ. Административное воздѣйствіе сообразно тѣмъ или инымъ историческимъ обстоятельствамъ постоянно давало о себѣ знать, и высшая бюрократія никогда не отказывалась отъ вмѣшательства въ дѣло повременной печати. Субъективизмъ настроенія правящихъ сферъ сказывался здѣсь съ особенною силою, и печать постоянно чувствовала себя въ положеніи того обвиняемаго, которому отрѣзаны всѣ пути защиты, и для котораго въ перспективѣ нѣтъ не только оправданія, но и извиненія. Особенно сильное административное давленіе испытывала на себѣ печать провинціальная, которая поэтому почти до нашихъ дней и не получала своего необходимаго развитія и права мало-мальски сноснаго гражданства.

Мы не будемъ касаться остальныхъ реформъ царя-освободителя, хотя многія изъ нихъ и имѣли существенное значеніе для упорядоченія русской жизни, какъ, напримѣръ, реформа городского самоуправленія, реформа военнаго управленія, столь удачно осуществленная Д. А. Милютинымъ. Сказаннаго достаточно, чтобы уяснить себѣ общее направленіе эпохи съ 1855 по 1881 г.

Мы видимъ въ началѣ этого историческаго періода вѣнценосца и его правительство воодушевленными реформаторскими стремленіями; многія изъ намѣченныхъ реформъ получаютъ дѣйствительное осуществленіе, какъ того болѣе или менѣе требуетъ сама

жизнь, и какъ за то подаетъ свой голосъ общественное мнѣніе. Но всѣ эти реформы осуществляются съ довольно большимъ треніемъ о противодѣйствіе, оказываемое бюрократіей, осуществляются съ значительными запозданіями и проходятъ, по большей части, съ опредѣленными урѣзками и сокращеніями въ пользу возможнаго вмѣшательства сюда административной власти. Общество, уже достаточно духовно выросшее и политически созрѣвшее, испытываетъ непрестанную неудовлетворенность проводимыми реформами, которыя приходятъ къ нему каждый разъ послѣ того, какъ оно истомилось ожиданіями этихъ реформъ и въ своемъ ожиданіи ихъ переросло. Вслѣдствіе этого наблюдается во всю «эпоху великихъ реформъ» крайняя нервность въ русской жизни, гдѣ, съ одной стороны, дѣйствуютъ рвущіяся впередъ общественныя силы, а, съ другой, силы бюрократическія, упорно борющіяся за власть и право распоряжаться жизнью по своему усмотрѣнію, ее регламентировать и ею руководить. Тѣмъ временемъ въ странѣ назрѣваетъ революціонное настроеніе и движеніе, которое постепенно изъ состоянія подготовительнаго переходитъ въ активное, направляя свои дѣйствія спеціально въ сторону политическую, въ намѣреніи при помощи насильственныхъ террористическихъ дѣяній достигнуть такого политическаго строя, который уже выработанъ нѣкоторыми европейскими народами. Главный центръ, противъ котораго обращаются силы революціонныхъ группъ, является личность монарха, въ которомъ противники существующаго порядка усматриваютъ главнѣйшую помѣху къ осуществленію намѣченныхъ политическихъ цѣлей. Общество, постепенно устраняемое бюрократическою властью отъ всякаго участія въ дѣлѣ управленія страною и руководительства ея нуждами и реальными запросами, остается какъ бы въ сторонѣ отъ борьбы крайнихъ элементовъ съ правительственной властью, и послѣдняя одна принимаетъ на себя всю тяжесть этой борьбы. Мало того, эта власть сплошь и рядомъ отождествляетъ нѣсколько нервное, но во всякомъ случаѣ умѣренное, общественное настроеніе съ настроеніемъ революціонно-настроенныхъ группъ и спѣшитъ во имя неправильно истолковываемаго порядка и безопасности ограничить почти весь русскій народъ, а главнѣйше его интеллигенцію, въ тѣхъ даже небольшихъ правахъ, которыми одарили ихъ реформы шестидесятыхъ годовъ. Преступленія единицъ ставятся въ вину всему народу, и отсюда слѣпая политика стѣсненій и ограниченій для всѣхъ. Вмѣсто расширенія своей реформаторской дѣятельности, приведенія въ связь и единство всѣхъ реформъ, широкой децентрализаціи и постепеннаго привлеченія общественныхъ элементовъ въ сферу народосовѣтія и народоуправленія, бюрократія упорно преслѣдуетъ извѣстное правило управленія—divide et impera, т.-е. поддерживаетъ разрозненность классовыхъ интересовъ, не приводитъ дѣла управленія къ

необходимому политическому единству и спѣшитъ поставить подъ свой контроль, свою опеку и руководительство всю страну, во всѣхъ сторонахъ ея духовной и матеріальной жизни. Реакція семидесятыхъ годовъ заливаетъ широкою волною Русскую землю и постепенно сметаетъ то, что создано было въ силу исторической необходимости въ предшествовавшее десятилѣтіе.

Общественное настроеніе оказывается дѣйствительно угнетеннымъ и подавленнымъ, и это только содѣйствуетъ усиленію революціоннаго разлива, въ потоки котораго втягивается все большее количество энергичныхъ и до фанатизма самоотверженныхъ силъ. Борьба бюрократіи съ революціей становится ей не подъ силу, и къ началу восьмидесятыхъ годовъ назрѣваетъ необходимость перемѣны «курса». Нарождается извѣстная «диктатура сердца», а съ нею вмѣстѣ выдвигается и сознаніе необходимости привлеченія представителей страны въ ряды чиновъ высшаго государственнаго установленія—въ государственный совѣтъ, въ интересахъ умиротворенія Россіи и направленія ея жизни въ сторону болѣе спокойную и политически-созидательную. Но такое цѣлесообразное рѣшеніе явилось слишкомъ позднимъ; революціонная волна уже слишкомъ вспѣнилась и достигла высшаго подъема. Бюрократія не оберегла личности монарха, и онъ палъ жертвою террористическаго покушенія. Перваго марта 1881 г. Александра II не стало, и русскій престолъ перешелъ къ его сыну — императору Александру III.

IV.

Уже въ первомъ своемъ манифестѣ новый государь ясно и твердо выразилъ тѣ начала, которыя неукоснительно должны быть проведены въ наступившемъ историческомъ періодѣ: поддержаніе порядка и власти, наблюденіе строжайшей справедливости и экономіи, возвращеніе къ исконнымъ русскимъ началамъ и обезпеченіе повсюду русскихъ интересовъ. Провозгласивъ новый порядокъ вещей, императоръ поспѣшилъ окружить себя и новыми сотрудниками, которые по складу своего ума и убѣжденіямъ явились бы наилучшими проводниками намѣченной политической программы внутренняго управленія. Сотрудники предшествовавшей эпохи оказались непригодными для проведенія основъ сильной власти, и на смѣну имъ явились новые, изъ числѣ которыхъ наибольшая роль выпала на долю К. П. Побѣдоносцева, какъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, и графа Д. А. Толстого, какъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Какъ нѣкогда Николай I сразу принялъ подъ свое покровительство реакціонныя начала политики второй половины царствованія ата, такъ и Александръ III, разорвавъ рѣшительно съ либеральными начинаніями отца, въ самой положительной формѣ явился

представителемъ идеи централизаціи, идеи сильной власти и напряженнаго административнаго режима, въ противовѣсъ всяческимъ общественнымъ начинаніямъ въ сферѣ государственной жизни и государственнаго управленія. Общественной самодѣятельности былъ положенъ рѣшительный конецъ, и на мѣсто ея явилась во всей своей силѣ бюрократическая опека, которой по возможности были подчинены всѣ стороны народной жизни, и на которую главнѣйше была возложена задача общественнаго успокоенія. Въ этихъ видахъ былъ систематически проведенъ рядъ послѣдовательныхъ реформъ, назначеніе которыхъ заключалось въ осуществленіи принципа сильной административной власти.

Высшія учебныя заведенія были лишены начала самоуправленія и автономности и подчинены центральной министерской власти; временныя правила по дѣламъ печати не только не получили дальнѣйшаго развитія въ направленіи свободы печати, но совершенно отошли въ область преданій, заслоненныя рядомъ секретныхъ и явныхъ циркуляровъ, коими пресса и книгоиздательство совершенно были подавлены и подчинены хотѣніямъ и усмотрѣніямъ разныхъ представителей высшей администраціи. Сфера легальнаго печатнаго дѣла сузилась до крайности, и цензурнымъ комитетамъ была возвращена почти полностью та власть, которою цензора пользовались при Николаѣ Павловичѣ.

Гуманитарное образованіе потеряло свое первенствующее значеніе и въ значительной мѣрѣ заслонилось образованіемъ техническимъ и профессіональнымъ; развитіе низшаго народнаго образованія было искусственно задержано, и на мѣсто земскихъ и министерскихъ школъ выдвигаются школы церковно-приходскія съ ихъ ограниченными курсами и съ давленіемъ на нихъ со стороны представителей церковной бюрократіи. Когда Александръ III былъ еще наслѣдникомъ, въ обществѣ ходили упорные слухи о его близости къ Аксакову и славянофильской школѣ. Поэтому, когда въ первомъ манифестѣ было провозглашено торжество «русскихъ началъ», то многіе полагали, что этимъ самымъ какъ бы утверждается и торжество народныхъ русскихъ демократическихъ принциповъ, которые должны непосредственно привести правительство и страну къ земскому соборному началу. Но этимъ иллюзіямъ скоро суждено было разсѣяться. Во время коронаціонныхъ торжествъ государь обратился къ волостнымъ старшинамъ съ извѣстною рѣчью, гдѣ указалъ имъ «слушаться предводителей дворянства». Этими словами опредѣлилась цѣлая политика — политика дворянская. Привилегированность дворянскаго сословія была выдвинута съ особенною силою, и впослѣдствіи (въ 1889 г.) «положеніемъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ» этому сословію снова навязана та чисто полицейская служебная роль, которая снята была съ него эпохой великихъ реформъ.

Ненавистникъ земства, въ свое время имъ лично оскорбленный, графъ Толстой по должности министра внутреннихъ дѣлъ нанесъ ему рѣшительный ударъ. Волостные суды были подчинены земскимъ начальникамъ, назначаемымъ исключительно изъ дворянскаго состава съ слабымъ требованіемъ образовательнаго ценза, и на этихъ земскихъ начальниковъ возложены функціи былыхъ выборныхъ мировыхъ судей. Въ манифестѣ по поводу установленія института земскихъ начальниковъ было сказано: «Въ постоянномъ попеченіи о благѣ нашего отечества, мы обратили вниманіе на затрудненія, представляющіяся правильному развитію благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей имперіи. Одна изъ главныхъ причинъ этого неблагопріятнаго явленія заключается въ отсутствіи близкой къ народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами по завершенію крестьянскаго дѣла и съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и права частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ».

Итакъ, взамѣнъ прежняго принципа выборнаго начала на сцену, какъ и въ Николаевскую эпоху, выступаетъ начало административнаго назначенія; на мѣсто свободнаго самоуправленія ставится казенный режимъ съ сильною административною властію въ центрѣ. Дворянство, уже оскудѣвшее къ тому времени, получаетъ новый видъ воспособленія, но зато на него возлагаются судебно-полицейскія функціи съ требованіемъ имѣть неослабный надзоръ за сельскимъ населеніемъ, опекать его отъ всякаго сторонняго воздѣйствія и руководствовать всѣми главнѣйшими сторонами его духовнаго и матеріальнаго быта.

Самыя земскія учрежденія, даже въ ихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, подверглись сильнѣйшимъ стѣсненіямъ и поставлены подъ непрестанный надзоръ губернаторовъ, которымъ дано теперь право вмѣшиваться во всѣ детали земскихъ распорядковъ. Такимъ образомъ, жизнь обывателей систематически была обставлена бюрократическою опекою, изъ которой не было возможности вырваться и отъ нея освободиться. Даже судебная реформа подверглась коренному измѣненію въ томъ отношеніи, что выборное судебное начало было оставлено лишь для столицъ и Одессы, а въ остальныхъ городахъ выборные мировые судьи уступили свои мѣста судьямъ отъ короны, по административному назначенію.

За двадцать лѣтъ, прошедшихъ со времени великой крестьянской реформы, о крестьянахъ, какъ податныхъ единицахъ, нуждающихся въ хлѣбѣ и землѣ, совсѣмъ забыли, вслѣдствіе чего, въ связи притомъ съ естественнымъ ростомъ населенія, уже къ концу семидесятыхъ годовъ наблюдается сильное обнищаніе деревни. На эту сторону дѣла было обращено Александромъ III

и его правительствомъ серьезное вниманіе, результатомъ чего явился рядъ мѣръ по облегченію подушной подати и по снятію накопившихся недоимокъ; но главная помощь нуждающемуся въ землѣ населенію была оказана основаніемъ въ 1882 г. крестьянскаго банка. На послѣдній по замыслу законодателя была возложена очень важная задача: оказывать содѣйствіе выдачею ссудъ для покупки земли, какъ цѣлымъ крестьянскимъ общинамъ, такъ и товариществамъ, спеціально образовавшимся для пріобрѣтенія недвижимой собственности на основахъ круговой поруки, а также отдѣльнымъ крестьянамъ. Но банкъ, конечно, не могъ восполнить той нужды, которая съ такою естественною силою образовалась за многіе годы, притомъ его дѣятельность была организована на достаточно бюрократическихъ началахъ, регламентирована разными сложными формальностями, и ей не придано права самодѣятельности въ области народной нужды. Крестьянскій банкъ явился въ нашей жизни достаточно неподвижнымъ учрежденіемъ съ нѣсколько фальшивымъ основаніемъ: работая изъ высокаго ссуднаго процента, онъ лишенъ былъ возможности помогать настоящей бѣднотѣ, а главнымъ образомъ лишенъ былъ права направлять потоки народной нужды по указаніямъ потребностей государственной жизни и регулировать нужду всего русскаго народа въ землѣ. Дѣятельность его явилась чисто-формальною, несмотря даже на то, что черезъ посредство банка населенію было передано довольно значительное количество частно-владѣльческой земли.

Рядомъ съ крестьянскимъ банкомъ правительство Александра III создало и дворянскій, спеціально ссудный, банкъ, гдѣ привилегированные землевладѣльцы получили возможность на льготныхъ основаніяхъ закладывать свои имущества. Этою мѣрою думали создать для дворянства дешевый кредитъ въ интересахъ развитія сельскаго хозяйства и въ цѣляхъ освобожденія изъ власти частныхъ банковъ; но благія начинанія и замыслы въ этой области не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; легко-добытыя деньги, по большей части, пошли прахомъ, и сельскому хозяйству, какъ таковому, принесли мало пользы. Забота о благосостояніи дворянства скорѣе, пожалуй, послужила ему во вредъ, и задолженность дворянскаго землевладѣнія, начиная со второй половины восьмидесятыхъ годовъ, значительно возросла, приблизивъ это сословіе скорѣе къ оскудѣнію, нежели къ обогащенію.

Чрезвычайно мало было сдѣлано, благодаря недоброжелательной въ этомъ отношеніи политикѣ графа Толстого, для дѣла переселенія народныхъ массъ на свободныя земли. Усматривая въ свободномъ переселеніи и разселеніи народа какъ бы начало нѣкотораго безпорядка, который трудно регламентировать изъ тиши бюрократическаго кабинета, министръ внутреннихъ дѣлъ долго и упорно

тормозилъ переселенческое дѣло, которое получило мало-мальски правильную организацію лишь послѣ его смерти; но тогда долго сдерживаемыя волны крестьянскаго разселенія хлынули на свободныя мѣста съ неудержимою силою, вслѣдствіе чего переселенческій вопросъ лишился своей естественной планомѣрности и получилъ скорѣе характеръ нѣсколько стихійнаго движенія.

Обозрѣвая такимъ образомъ все главнѣйшее, сдѣланное въ періодъ съ 1881 г. по 1894 г. въ интересахъ политическаго и матеріальнаго роста русскаго народа, мы поневолѣ приходимъ къ заключенію, что этотъ періодъ является періодомъ явно-регрессивнымъ по сравненію съ предшествовавшей эпохой. Подавивъ самодѣятельность русскаго народа и всякое проявленіе его свободнаго духа, бюрократическое правительство Александра III, хотя и внесло какъ будто видимое наружное успокоеніе въ народную жизнь, но на дѣлѣ не предотвратило ея отъ тѣхъ потрясеній, которыя готовило ей грядущее время. Бюрократія въ области соціальной, экономической и политической опять взяла на себя непосильную задачу, расшатала не успѣвшій еще окрѣпнуть въ предшествовавшіе годы строй народной жизни, внесла въ него элементъ недовѣрія и мелочной регламентаціи, обострила классовые интересы и тѣмъ самымъ создала благопріятную обстановку и среду для всякихъ агитаціонныхъ начинаній и враждебныхъ началамъ политическаго и государственнаго благополучія народа дѣйствій. Жизнь страны пошла на ущербъ, силы ея, сознательныя и творческія, ослабѣли и значительно изсякли, и какъ нѣкогда при Николаѣ I, Россія, сильная и благополучная по видимости, на самомъ дѣлѣ представляла собою очень слабую государственную и политическую величину, неспособную благополучно вынести напора внѣшнихъ и внутреннихъ вражескихъ силъ.

Послѣ преждевременной кончины Александра III наступилъ послѣдній историческій періодъ, который не принесъ съ собою, однако, ничего оригинальнаго и творческаго для блага народнаго. Искусственное развитіе фабрично-заводской промышленности оторвало лишь значительное количество землепашцевъ отъ земли и создало обширную армію пролетаріата. Стремленіе слѣдовать примѣру и опыту предыдущей эпохи наложило на новый періодъ блѣдныя краски, которыя, сгущаясь по мѣрѣ развертыванія историческихъ обстоятельствъ, къ нашимъ днямъ приняли мрачный кроваво-черный цвѣтъ. Но объ этомъ періодѣ придется впослѣдствіи говорить особо, а потому касаться и характеризовать его пока не будемъ.

Мы разсмотрѣли въ самыхъ бѣглыхъ и общихъ чертахъ главныя начала, которыми проникнута была жизнь офиціальной Россіи XIX столѣтія, отмѣтили стремленіе этой Россіи подчинить

себѣ общественныя начинанія и сохранить за собою то административно-бюрократическое значеніе, которое далеко отодвигало ее отъ вольнолюбивыхъ романтическихъ мечтаній декабристовъ. На протяженіи слишкомъ трехъ четвертей вѣка бюрократія болѣе или менѣе удачно въ своихъ личныхъ интересахъ борется со всякими поползновеніями раздѣленія власти и значенія между ею и народомъ, порою дѣлая уступки требованіямъ политическаго времени и напору общественнаго мнѣнія, но въ конечномъ результатѣ одерживая все-таки побѣду надъ умѣренными общественными силами и вмѣстѣ съ тѣмъ готовя себѣ въ будущемъ полный разгромъ со стороны крайнихъ элементовъ. Отказавшись отъ мирнаго союза съ обществомъ и интеллигенціей, бюрократія, оставшись въ привилегированномъ одиночествѣ, естественно не выдержала долго подготовляемаго и умѣло организуемаго натиска революціоннаго движенія, капитулировала передъ нимъ и подарила русской жизни вмѣсто мирной и постепенной эволюціи въ сторону конституціоннаго государственнаго строительства бурные и кровавые дни прошлаго и настоящаго года. Посмотримъ же, какъ пріуготовлялось это революціонное движеніе, черезъ какія историческія стадіи оно прошло, и кто были тѣ знаменоносцы русской революціи, которымъ суждено было сыграть въ русской жизни столь рѣшающую роль.

Б. Глинскій.

СЕЛО НЫРОБЪ.

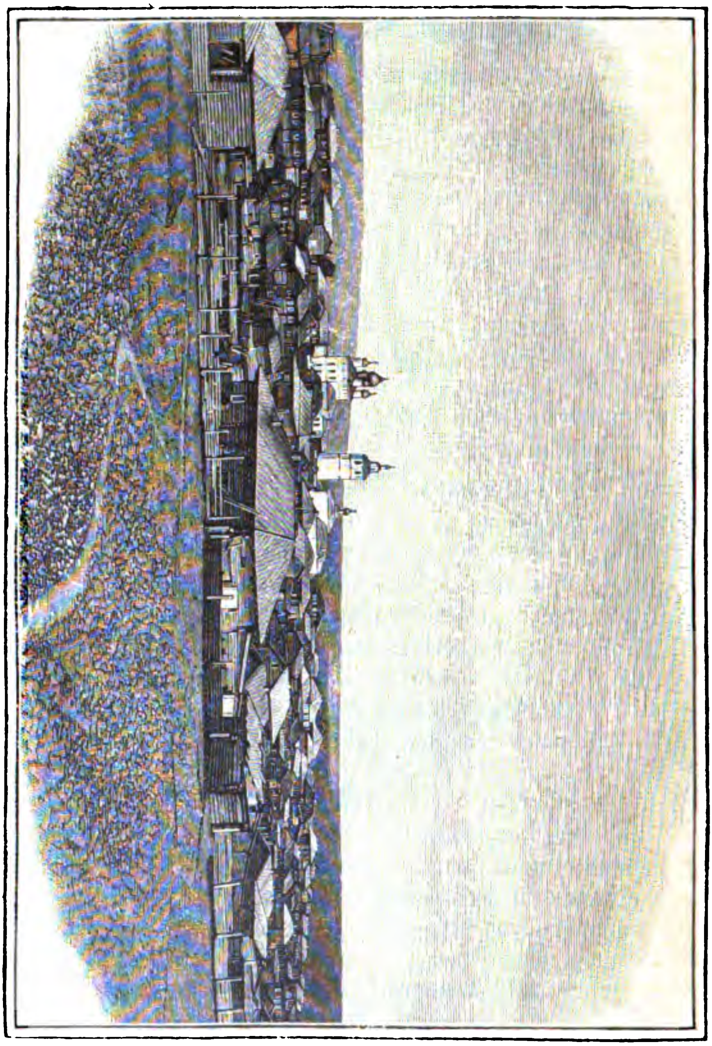
НА НАШЕМЪ крайнемъ сѣверѣ, по бассейну рѣки Печеры, въ 1900 г. свирѣпствовала оспенная эпидемія, унося много человѣческихъ жертвъ; желая принести посильную помощь въ такомъ пустынномъ краѣ, я предпринялъ туда поѣздку, запасшись необходимыми медикаментами.

Путь мой лежалъ по водной системѣ (Пермской губерніи), черезъ гор. Чердынь; здѣсь мнѣ представился случай ознакомиться съ находящимся недалеко отъ города мѣстомъ ссылки одного изъ бояръ Романовыхъ, гдѣ онъ страдалъ и скончался въ 1602 г., слѣдовательно, въ настоящее время минуло 300 лѣтъ со дня гибели одной изъ невинныхъ жертвъ Бориса Годунова.

Мѣсто ссылки называется Ныробомъ и отъ Чердыни находится въ 44-хъ верстахъ по хорошей грунтовой дорогѣ, которая почти все время идетъ вдоль рѣки Колвы, и двѣ станціи Вильгорская и Искорская, которыя приходится проѣзжать, также расположены по этой рѣкѣ.

Подъѣзжая къ селу Ныробу, состоящему изъ 300 домовъ, я былъ удивленъ открывшейся передъ моими глазами картиной: цер-к вь, стоящая посреди села, восхитительная по своей архитектурѣ и окраскѣ своихъ орнаментовъ. Стѣны украшены разнаго рода и ц ѣта полуколоннами, съ изображеніями святыхъ и каменнымъ б дюромъ синяго, краснаго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ. На бѣл гъ фонѣ зданія, увѣнчаннаго пятью главами, бордюръ этотъ

производитъ впечатлѣніе тонкаго кружева [1]). Когда солнце освѣщаетъ красноватымъ свѣтомъ Никольскую церковь, она принимаетъ чрезвычайно нѣжный колоритъ. Недаромъ крестьяне называютъ ее: наша красавица. Постройка ея относится къ 1705 г.



Село Ныробъ.

и по преданію, передаваемому ныробскими старожилами, строилась мастерами, неизвѣстно откуда пришедшими. Когда постройка была

[1]) Рисунокъ обходитъ всѣ карнизы и углы пестрой оригинальной каймой восточнаго характера. Издали эта пестрота производитъ оригинальное впечатлѣніе гармоніей сливающихся тоновъ.

почти окончена, мастера внезапно скрылись. Народное преданіе къ этому добавляетъ: «и никакихъ лѣсовъ и подъемовъ у нихъ не было: строили прямо отъ земли, а что за день настроятъ, то за ночь въ землю уходило. Утромъ, смотришь, опять стройку отъ земли начинаютъ. И такъ допослѣду. А напослѣдъ, какъ мастера ушли, на утро церковь вся, какъ есть, какъ слѣдуетъ, вышла изъ земли и стоитъ до нашихъ дней».

Описанная мною церковь—лѣтняя, но въ Ныробѣ есть еще зимній Богоявленскій храмъ. Наружный видъ его не представляетъ ничего особеннаго, но внутренность довольно красива: много свѣта, живопись на стѣнахъ, иконостасъ старинный, рѣзной, красивой, тонкой работы. Въ лѣвой сторонѣ храма находится ниша, въ которой помѣщается подобіе гроба, покрытаго парчей.

Надъ гробомъ горитъ лампада, а со стороны входа устроены двери въ нишу; сверху—полукруглый балдахинъ. По преданію, Михаилъ Никитичъ Романовъ былъ похороненъ подъ этимъ самымъ мѣстомъ. Тутъ же около гробницы, въ особомъ ящикѣ, помѣщаются оковы, которыя носилъ страдалецъ. Вѣсъ этихъ оковъ превышаетъ 2 пуда.

Существуетъ Богоявленскій храмъ съ 1735 г. и интересенъ именно этою могилою, въ которой 4 года покоилось тѣло Михаила Никитича и пребывало нетлѣннымъ: «только одинъ палецъ отъ руки взяла земля». Въ 1606 г. тѣло его, по повелѣнію самозванца Григорія Отрепьева, было перевезено въ Москву и погребено въ монастырѣ у Спаса на Новомъ.

Напомнимъ въ немногихъ словахъ судьбу этого несчастнаго страдальца.

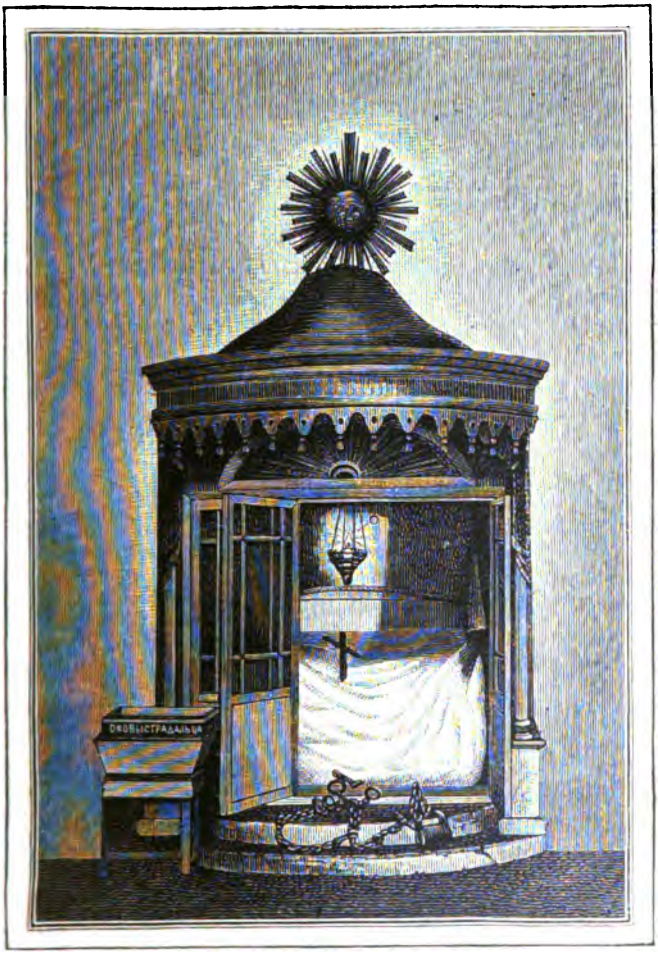
Триста лѣтъ тому назадъ русскимъ царемъ былъ избранъ Борисъ Годуновъ, достигшій этого сана путемъ происковъ. Человѣкъ подозрительный, онъ въ каждомъ лицѣ, имѣвшемъ какое либо право на престолъ, видѣлъ настоящаго или будущаго врага своей династіи.

Родъ Романовыхъ, пользовавшійся народною любовью и уваженіемъ и близкій по родству дому Рюрика, конечно, казался Борису наиболѣе опаснымъ, и предлогъ «къ истребленію рода» Романовыхъ не заставилъ себя ждать. Родственникъ Бориса, Семенъ Годуновъ, подкупилъ казначея Романовыхъ—Бартенева, подложить въ кладовую боярина Александра Никитича мѣшки, наполненные разными кореньями, и донести на Романовыхъ, что они составляютъ ядъ, съ цѣлью извести царя. На основаніи этого повода судьба Романовыхъ была рѣшена: старшаго брата Ѳеодора постригли въ монахи, подъ именемъ Филарета, въ Сійскомъ монастырѣ, Василія и Ивана сослали въ Пелымь, Александра и Михаила—въ Чердынскій край, унылый, суровый, состоящій изъ почти безлѣсныхъ, болотистыхъ тундръ и нѣмыхъ пустырей. Скудная растительность,

Никольскій храмъ въ селѣ Ныробѣ.

медленное созрѣваніе хлѣбовъ, благодаря суровому климату, заставляютъ обитателей этого края вести упорную, тяжелую борьбу за существованіе.

Въ 1601 г. въ эту отдаленную область, въ деревню Ныробку, зимою, съ шестью человѣками стражи подъ начальствомъ пристава



Ниша надъ мѣстомъ, гдѣ былъ погребенъ бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ.

Тушина, привезли въ глухой кибиткѣ, окованнаго тяжелыми цѣпями Михаила Никитича Романова.

Онъ былъ высокъ ростомъ, могучъ, мужественъ.

Начали копать въ промерзшей землѣ яму, будущее неприглядное жилище несчастнаго. Долго смотрѣлъ онъ на эту работу и ду-

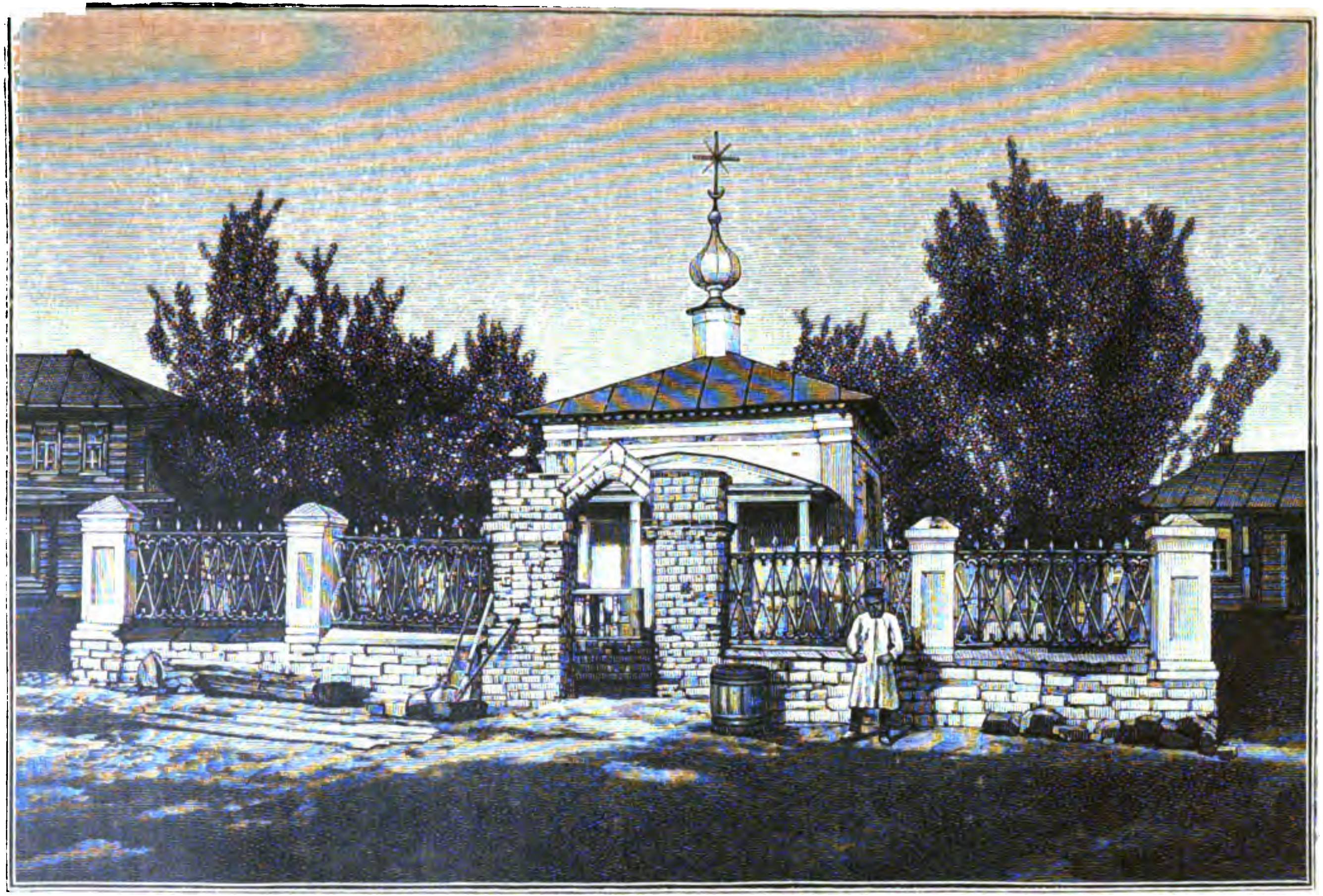
малъ тяжкія думы... А снѣгъ валилъ хлопьями и засыпалъ все своимъ плотнымъ, бѣлымъ покровомъ... Не вынесла наконецъ душа тяжести незаслуженныхъ мукъ. Въ порывѣ естественнаго негодованія Михаилъ Никитичъ схватилъ стоящую около него кибитку, которую шесть сторожей съ трудомъ сдвигали съ мѣста, и отбросилъ ее въ сторону шаговъ на десять. Въ вырытой ямѣ была устроена немного позже небольшая печь, которая и отапливалась самимъ узникомъ. Яма, въ которой онъ сидѣлъ, сверху была обложена досками, засыпанными землей; вверху же находилось небольшое отверстіе, черезъ которое несчастному подавались дрова и скудная, жалкая пища: хлѣбъ и вода. Трудно даже вообразить себѣ весь ужасъ подобнаго одиночнаго заключенія въ смрадной, сырой, темной и холодной ямѣ... Ужасно это даже для привычнаго ко всякимъ невзгодамъ, прожившаго всю жизнь въ простой, суровой обстановкѣ; каково же для человѣка, нѣкогда занимавшаго видное положеніе, пользовавшагося всевозможными удобствами и благами жизни?... А нравственныя пытки, сознаніе своей невинности?..

Да, вполнѣ понятны и теплая любовь и тотъ ореолъ мученичества, которымъ народъ украсилъ память этого невиннаго страдальца.

Михаилъ Никитичъ просидѣлъ въ ямѣ до весны. Наконецъ не выдержали ныробцы. Тайкомъ начали они подсылать дѣтей своихъ носить несчастному («въ дудочкахъ») молоко, масло, квасъ и т. п.; дѣти, какъ бы играючи, непримѣтно спускали принесенное въ отверстіе и поддерживали этимъ страдальца. Доброе дѣло это кончилось, однако, очень печально. Какой-то злой человѣкъ сдѣлалъ доносъ. Послѣ разслѣдованія пять человѣкъ ныробцевъ, по указу царя Бориса Годунова, отправлены были въ Казань на пытку, откуда они и не возвратились.

Вскорѣ умеръ и Михаилъ Никитичъ. (Существуетъ глухое и не всѣмъ извѣстное преданіе, что Михаилъ Никитичъ былъ задушенъ своей стражей, тяготившейся своей жизнью въ глухой Ныробкѣ).

Мѣсто заключенія замученнаго боярина находится вдали отъ церквей, на особой площадкѣ, гдѣ поставлена небольшая каменная часовенка старинной архитектуры. По карнизу ея проходитъ сплошная вязь, гласящая слѣдующее: «7109 году присланъ былъ съ Москвы отъ царя Бориса Годунова въ Пермь Великую, въ Чердынскій уѣздъ, въ погостъ Ныробъ въ заточеніе блаженныя памяти бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу братъ родной, а по родству блаженныя памяти государю, царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу, всея Россіи самодержцу, былъ дядя родной. Въ погостѣ Ныробѣ въ заточеніи въ земляной темницѣ сидѣлъ годъ; на томъ мѣстѣ



Часовня надъ подземельемъ, гдѣ былъ заточенъ бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ.

построена была деревянная часовня. Нынѣ вмѣсто оной деревянной, по указу ея императорскаго величества, въ 1793 г., построена сія каменная часовня единственно въ память бывшаго на томъ мѣстѣ въ заточеніи болярина Михаила Никитича Романова тщаніемъ и коштомъ здѣшней волости крестьянъ и усердіемъ и стараніемъ крестьянина Максима Пономарева». Относительно каменной ограды вокругъ часовни извѣстно, что она устроена очень недавно — въ 1890-хъ послѣднихъ годахъ.

Ежегодно, 6 сентября, въ этой часовнѣ служится панихида по Михаилѣ Никитичѣ, а въ день св. Троицы къ часовнѣ бываетъ крестный ходъ, и на часовенной площади служится молебенъ Архангелу Михаилу. По окончаніи молебна провозглашается многолѣтіе царствующему дому и вѣчная память убіенному боярину.

Это, кажется, единственное мѣсто въ Россіи, гдѣ такъ свято чтится событіе былого; видимо само простое населеніе прониклось любовью и сожалѣніемъ къ страдальцу и воздаетъ его памяти вниманіе, а тысячи богомольцевъ—лучшее этому подтвержденіе.

Небезынтересно упомянуть, что въ 2-хъ верстахъ отъ села Ныроба, на противоположномъ, правомъ берегу рѣки Колвы находится сталактитовая пещера, называемая Дивьей пещерой; она имѣетъ входъ у самаго берега, на высотѣ болѣе 100 саж., и внизъ спускается совершенно отвѣсно. Встрѣчаются мѣстные смѣльчаки, которые поднимаются отъ самой воды вверхъ, при чемъ каждую минуту рискуютъ сорваться и полетѣть въ рѣку; другая же дорога идетъ окольными тропинками на разстояніи $2^1/_2$ верстъ. Подойдя къ пещерѣ, я увидѣлъ небольшую яму величиной $1^1/_2$—2 арш. въ діаметрѣ, въ стѣнѣ которой находится противъ рѣки незначительное отверстіе, гдѣ желающій можетъ только проползти на разстояніи 5 саж., и уже потомъ отверстіе начинаетъ увеличиваться, и имѣется возможность встать на ноги; черезъ 20 саж. вы попадаете въ первую комнату или залъ, гдѣ на большомъ камнѣ посрединѣ пещеры пришлось остановиться, поджидая своего спутника, священника Ныробской церкви, и двухъ проводниковъ, мѣстныхъ крестьянъ, которые черезъ нѣсколько минутъ, вооруженные большимъ запасомъ свѣчъ и спичками, показались вдали, мелькая зажженными огоньками. Соединившись вмѣстѣ, мы отправились далѣе; мѣстами приходилось пробираться тѣсными коридорами и даже ползти, а то вдругъ передъ вами открывается огромное мрачное пространство, которое стараешься разглядѣть, но напрасно. Мы прошли, по крайней мѣрѣ, черезъ 20 подобныхъ комнатъ, а всего лабиринтами исходили, говорятъ, болѣе 2-хъ верстъ въ теченіе 3—4 час., конца же все-таки найти не могли. Воздухъ въ пещерахъ очень легкій для дыханія, огонь не гаснетъ, мѣстами чувствуется сырость. Чистота воздуха безусловно объясняется прохожденіемъ черезъ трещины наружнаго воздуха. Мѣстные жители говорятъ, что есть

гдѣ-то на верху горы еще отверстіе, но найти его не удалось. Проблудивъ до полнаго утомленія, мы возвратились обратно въ село Ныробъ. Я еще разъ полюбовался на красавицу-церковь и со скорбью на душѣ подумалъ о томъ, какъ мало занимаются у насъ стариной и какъ небрежно относятся къ ней. Затѣмъ я отправился въ свое далекое путешествіе; къ пристани на р. Колвѣ къ этому времени долженъ былъ прійти пароходъ, чтобы слѣдовать вверхъ по теченію рѣки, туда, гдѣ кончается всякое болѣе или менѣе сносное колесное сообщеніе съ цивилизованнымъ міромъ, и гдѣ приходится только пользоваться лодкой или услугами своихъ ногъ. И это теперь въ XX столѣтіи, а что же было нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, хотя бы во время ссылки незаслуженно погибшаго боярина, Михаила Никитича Романова?

А. Хребтовъ.

СИГИЗМУНДОВА КОЛОННА ВЪ ВАРШАВѢ.

ИКОЛОННА въ честь короля Сигизмунда III Вазы [1]) на варшавскомъ Краковскомъ предмѣстьѣ, передъ королевскимъ за́мкомъ, принадлежитъ къ числу немногихъ старыхъ монументовъ въ Европѣ. Колонну поставилъ въ 1644 г. сынъ Сигизмунда, король Владиславъ IV (1632—1648). При Сигизмундѣ III Варшава достигла значительнаго развитія и получила физіономію европейскаго города. Въ мартѣ 1596 г. Сигизмундъ перенесъ сюда изъ Кракова свою резиденцію. Постановкою колонны въ честь своего отца Владиславъ желалъ укрѣпить въ памяти народа этотъ фактъ. Съ этою цѣлью обратились въ Хенцины, небольшой городъ въ разстояніи двухъ миль отъ Кѣльцъ, который славился своими мраморными ломками. Въ Хенцинахъ отыскали готовый, обдѣланный, круглый столпъ изъ краснаго мрамора, извѣстнаго у итальянцевъ подъ именемъ breccia meschia. Столпу насчитывали уже въ то время около сорока лѣтъ. Разсказывали, будто покойный король Сигизмундъ, въ 1607 г., одержавъ побѣду надъ рокошанами Зебржидовскаго [2]) подъ Гузовомъ, поже-

---

[1]) Занималъ престолы—польскій съ 1587 и шведскій съ 1592 г. Послѣдній утратилъ въ 1604 г. Умеръ въ 1632 г. Въ 1610—1613 г.г. добивался получить московскую корону. Г. В.

[2]) Николай Зебржидовскій, воевода краковскій, образовавъ воооруженную партію своихъ сторонниковъ, численностью до 100.000 чел., предъявилъ протестъ (rokosz) противъ дѣйствій короля, несогласныхъ съ конституціею. Переговоры между обѣими сторонами, возникшіе по этому поводу, успѣхомъ не увѣнчались, и дѣло дошло до воооруженнаго столкновенія у Гузова, подъ Радомомъ. Г. В.

лалъ увѣковѣчить ее постановкою памятника на полѣ битвы. Король поручилъ итальянскимъ каменотесамъ изготовить изъ хенцинскаго мрамора высокую колонну. Гора, изъ которой добыли мраморъ, называлась Вержимонецкою. Впослѣдствіи, по открытіи въ Варшавѣ памятника Сигизмунду III (1644), стала именоваться Сигизмундовою (Zygmuntowa). Колонна, по словамъ преданія, была вдвое выше той, которую видимъ теперь. Намѣренія своего король не привелъ въ исполненіе. Онъ раздумалъ. Сигизмундъ сознавалъ, что народъ не любитъ его и въ новомъ монументѣ можетъ усмотрѣть для себя оскорбленіе, равносильное посягательству на свою «золотую вольность». Колонну оставили въ Хенцинахъ. Когда у Владислава IV родилась мысль увѣковѣчить память отца, вспомнили о колоннѣ. Между тѣмъ, отъ неизвѣстной причины, на половинѣ мраморнаго монолита образовалась трещина. Вслѣдствіе этого колонну пришлось раздѣлить на двѣ части. Одну половину ея предназначили для подножія статуи Сигизмунда III. Составленіе чертежей и плановъ монумента король поручилъ архитектору, тосканцу Андрею Галле. Доставка колонны на мѣсто назначенія была сопряжена съ немалыми затрудненіями. Въ 1646 г. придворные техники издали рисунки съ текстомъ, относящіеся къ сооруженію памятника Сигизмунду III. Согласно одному изъ рисунковъ, представляющему перевезеніе колонны изъ Хенцинъ къ Вислѣ, для передвиженія ея была устроена продолговатая деревянная платформа на четырехъ не высокихъ, но широкихъ колесахъ. Волы и люди тащили платформу. Когда достигли Вислы, колонну спустили на нѣсколько связанныхъ вмѣстѣ плотовъ. Перевозка водою была гораздо легче, только при выгрузкѣ встрѣтились опять затрудненія. Съ большимъ трудомъ колонну подняли на берегъ и по кривымъ и тѣснымъ уличкамъ тогдашней Варшавы доставили къ замку и положили неподалеку отъ такъ называевыхъ Краковскихъ воротъ («Brama Krakowska»). На другомъ рисункѣ изображенъ моментъ установки колонны на пьедесталъ. Мы видимъ прочно устроенные лѣсá. Лѣсá образовывали срубъ въ формѣ четырехсторонней, усѣченной пирамиды, въ срединѣ которой надъ пьедесталомъ оставленъ былъ пролетъ, раздѣлявшій лѣса на двѣ части. Въ этомъ пролетѣ, надъ пьедесталомъ, на блокахъ—колонна. Канаты, ее поддерживающіе, проходятъ черезъ желоба колесъ, укрѣпленныхъ вверху пролета, и оттуда спускаются внизъ къ устроеннымъ по сторонамъ лѣсовъ четыремъ вóротамъ, легко управляемымъ людьми. При помощи блоковъ и вóротовъ колонна плавно опускается и постепенно приближается къ пьедесталу [1]... Идея сооруженія такихъ приспособленій принадлежала королевскому архитектору, Константину Тен-

---

[1]) Оба рисунка переизданы въ уменьшенномъ видѣ С. Глёгеромъ въ его Encykl. staropolsk. ilustrow., т. IV (Warsz., 1903), стр. 81. Г. В.

кали. Одновременно съ установкою колонны болонскій скульпторъ Клеменсъ Молли, по порученію короля Владислава, изваялъ статую Сигизмунда III. Отлилъ статую изъ бронзы Даніель Тимъ (Thiem) [1]). Объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись на постаментѣ статуи короля: Clemens mollvs x (et) Daniel tym statva r A: D: 1644—Eusor (fusor).

Высота всего памятника достигала 38 локтей [2]).

Спустя безъ малаго сто лѣтъ, памятникъ обветшалъ и требовалъ ремонта. Въ теченіе трехъ лѣтъ (1740—1743 г.г.) его починили на собственныя средства короля Августа III (1733—1763 г.г.). Объ этомъ гласитъ слѣдующая надпись на памятникѣ, которую я привожу здѣсь дословно въ переводѣ на русскій языкъ: «Я, Францискъ Домбровскій, коему поручено было ясновельможнымъ, е. м. придворнымъ коронннымъ подскарбіемъ Матвѣемъ Грабовскимъ наблюденіе за ремонтомъ варшавскаго за́мка, починилъ эту колонну и статую всепресвѣтлѣйшаго короля Сигизмунда (снабдивъ) золотомъ, желѣзомъ, оловомъ, камнемъ, ступенями и рѣшеткою, при помощи каменщика Яна Стаховскаго изъ Кракова, мастера, въ каменщичьемъ искусствѣ весьма опытнаго. Лѣта Господня 1743». Зимою 1810 г. правительство Фридерика-Августа саксонскаго, великаго князя варшавскаго (1807—1815 г.г.), убѣдившись, что вслѣдствіе осадки пьедестала статуя короля Сигизмунда сдвинулась съ мѣста, предприняло обновленіе всего памятника. Статую сняли, замѣнили прежній мраморный пьедесталъ ея новымъ, починили карнизъ надъ капителью колонны, пьедесталъ и ступени памятника. Ремонтъ произвели Іосифъ Боретти и Антонъ Целлеръ, подъ наблюденіемъ комитета, состоявшаго изъ главнаго архитектора Варшавскаго княжества, Якова Кубицкаго, и архитекторовъ департаментовъ, Гилярія Шпилевскаго и Карла Штютца. При ремонтѣ памятника, откопавъ его фундаментъ, обнаружили, что колонна держится только на одномъ длинномъ желѣзномъ стержнѣ, укрѣпленномъ въ пьедесталѣ, основаніемъ котораго служитъ четырехгранный каменный столпъ. Тогда же сократили пьедесталъ статуи на два локтя, такъ что высота всего памятника стала равняться 36-ти локтямъ.

Въ 1854 г. произведена капитальная починка Сигизмундовой колонны архитекторомъ Маркони. Тогда же приданы къ пьедесталу колонны четыре фигуры тритоновъ, выбрасывающихъ изъ раковинъ воду. Фигуры эти—произведеніе скульптора Кисса изъ Берлина. Отлилъ ихъ изъ цинка Карлъ Минтеръ въ Варшавѣ. Фонтанъ пущенъ въ первый разъ 14 апрѣля 1855 г.

Въ 1863 г. памятникъ поправляли на средства городского магистрата.

---

[1]) Королевскій литейнаго дѣла мастеръ. Г. В.

[2]) Польск. лок. = 13 русск. верш.—Извѣстный археологъ Ф. М. Собѣщанскій («Wiadomości hist. o sztuk. pięknych w dawnej Polsce», t. II, Warsz., 1849, 257) опредѣляетъ высоту памятника въ 40 локт., или футовъ. Г. В.

Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ потребовался новый капитальный ремонтъ. На эту цѣль, при содѣйствіи г. Людовика Гурскаго и—нынѣ покойныхъ—Яна Завиши и гр. Людовика Красинскаго,

Колонна короля Сигизмунда въ Варшавѣ.

собрали 27.000 рублей. Работы предоставили одной вѣнской фирмѣ. Начали ихъ въ 1885 г. и окончили осенью слѣдующаго года. Прежнюю колонну изъ хенцинскаго мрамора замѣнили новою изъ шли-

фованнаго силезскаго гранита. Особый комитетъ наблюдалъ за работами. Насколько послѣднія исполнены добросовѣстно, — увидимъ ниже.

Въ современномъ своемъ состояніи колонна Сигизмунда III представляется въ такомъ видѣ. Передъ нами четырехугольный пьедесталъ изъ мрамора, около 14 локтей высоты. На пьедесталѣ съ четырехъ сторонъ, во всю его высоту, надписи на латинскомъ языкѣ, въ которыхъ перечислены главнѣйшія событія царствованія Сигизмунда III [1]). Ниже на углахъ расположены фигуры тритоновъ, по одной на каждомъ углу. Пьедесталъ огражденъ желѣзною массивною балюстрадою квадратной формы, отлитою на фабрикѣ бывшаго Польскаго банка [2]). На пьедесталѣ — коринѳская гранитная колонна 17 локт. высоты. Основаніе ея обвито гирляндою цвѣтовъ изъ бронзы и украшено изображеніями одноглавыхъ—тоже бронзовыхъ—орловъ. Колонна увѣнчана капителью. Капитель служитъ подставкою для квадратной платформы, обрамленной широкимъ карнизомъ. На этой платформѣ—опять пьедесталъ, а на послѣднемъ—статуя Сигизмунда III. Статуя короля, вмѣстѣ со своимъ постаментомъ, имѣетъ высоты 5 локтей. Сигизмундъ представленъ въ королевскомъ одѣяніи. На немъ—коронаціонный плащъ. Плащъ застегнутъ запоною на груди; внизу развѣвается. Богато украшенъ—спереди изображеніями святыхъ и папъ, а сзади—цвѣтовъ. Подъ плащемъ видны цѣпь ордена Золотого Руна и рыцарскіе доспѣхи. Лицо короля обращено къ Краковскому предмѣстью. На головѣ—корона. Въ правой рукѣ—обнаженный, простертый горизонтально, широкій кривой мечъ, длиною въ 2 локтя, а въ лѣвой—крестъ 6 локт. высоты. Правою ногою опирается на шишакъ съ перьями. Послѣдняго снизу не видно, его заслоняетъ широкій карнизъ платформы. Вообще снизу детали статуи разсмотрѣть довольно трудно. При ремонтѣ памятника въ 1885 г. вокругъ колонны поставлены были лѣса, и одному изъ варшавскихъ фотографовъ удалось сдѣлать хорошій снимокъ со статуи Сигизмунда III. Снимокъ этотъ, теперь весьма рѣдкій, воспроизвела тогдашняя варшавская иллюстрація «Klosy» въ № 1.060, отъ 10 (22 октября) 1885 г.

---

[1]) Надписи эти списалъ и издалъ Шимонъ Старовольскій († 1656 г.) въ своихъ Monumenta (273). Ихъ помѣстили также: Христіанъ Ерндтель, придворный медикъ короля Августа II, въ своей Varsovia (1730 г.), стр. 19, Каетанъ Квятковскій—«Dzieje narodu polskiego za panow. Władysława IV» (1823, стр. 372) и К. В. Войцицкій въ Dziennik'ѣ Warszawsk. за 1827 г., 293. Г. В.

[2]) На картинахъ и рисункахъ XVIII в., изображающихъ памятникъ, видно, что онъ былъ окруженъ рѣшеткою. На аквареляхъ же и литографіяхъ, относящихся къ первой четверти XIX ст., вмѣсто рѣшетки, видны каменные столбы, соединенные между собою цѣпью. О такомъ огражденіи упоминаетъ и Собѣщанскій (II, 257), писавшій свое сочиненіе въ первой половинѣ минувшаго вѣка. Современная балюстрада устроена во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

Г. В.

Только по этой фотографіи и можно оцѣнить артистическіи достоинства статуи Сигизмунда III. Статуя слегка позолочена. Вообще памятникъ производитъ хорошее впечатлѣніе, благодаря же своей широкой платформѣ надъ капителью колонны, онъ даже не чуждъ

Статуя короля Сигизмунда на колоннѣ въ Варшавѣ.
(Фотографирована во время ремонта).

оригинальности,—мало похожъ на другіе извѣстные памятники-колонны въ Европѣ. Поэтому не могутъ не показаться странными стихи Словацкаго:

Jest u nas kolumna w Warszawie,
Na której usiadają podróżne żórawie
Spotkawszy jej lisciane czolo wsród obloka
Taka, sda sie, odludna i taka wysoka [1])!

[1]) Есть у насъ въ Варшавѣ колонна, на которой усаживаются путники-журавли, встрѣтивъ ея покрытое листьями чело среди облаковъ,—настолько на кажется одинокою и высокою!

Словацкій, вообще сохранявшій добрыя воспоминанія о Варшавѣ, гдѣ онъ прожилъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1828—1830 г.г.), занимая скромную должность апликанта въ комиссіи финансовъ царства Польскаго, питалъ къ Сигизмундовой колоннѣ непреодолимое отвращеніе. Не питалъ ли поэтъ чувства личной антипатіи къ Сигизмунду-Вазѣ, которому Польша обязана многими своими политическими неудачами, и не перенесъ ли этого чувства на памятникъ неудачному монарху?

Въ настоящее время памятникъ снова нуждается въ ремонтѣ. Въ № 89 газеты «Kurjer Warszawski» отъ 30 марта 1905 г. читаемъ: «Извѣстна капитальная передѣлка всего памятника короля Сигизмунда III на Замковой площади. Передѣлка и реставрація поглотили крупную сумму въ 27 тысячъ рублей. Перестройка была поручена вѣнской фирмѣ. Теперь, черезъ 20 лѣтъ, можно убѣдиться, какъ чужіе предприниматели обманули довѣріе членовъ комитета, изъ коихъ никого уже не осталось въ живыхъ. Мало того, что колонна имѣетъ внизу серьезную трещину,—пьедесталъ не представляетъ собою монолита, но состоитъ изъ двухъ частей, скрѣпленныхъ настолько неумѣло, что, когда, съ теченіемъ времени, отскочила замазка, обнаружились щели въ четверть дюйма ширины. Измѣренія были настолько неточны, что бронзовыя таблицы съ надписями пришлось уменьшить на два дюйма. На пьедесталѣ со стороны улицы Подвале видно пятно, свидѣтельствующее о томъ, что въ гранитѣ была дыра, которую въ свое время ловко замазали, и она только теперь обнаружилась... Желѣзная балюстрада, отлитая нѣкогда на фабрикѣ бывшаго Польскаго банка на Сольцѣ, пришла въ разрушеніе, особенно спереди. Внизу, на всемъ протяженіи, оторвана широкая желѣзная полоса, которую легко могутъ украсть. Цинковыя фигуры тритоновъ угловыхъ фонтановъ въ прошломъ году починены, но въ продолженіе зимы снова образовались щели въ мѣстахъ спайки. Эти фигуры необходимо теперь же поправить и отбронзировать, какъ было прежде. Цементъ въ бассейнѣ отскочилъ, и послѣдній требуетъ ремонта. Бронзовыя таблицы необходимо обмазать, равно какъ задѣлать всѣ отверстія въ гранитныхъ частяхъ». «Откладываніе ремонта,—резонно замѣчаетъ газета,—увеличитъ только смѣту, тогда какъ въ настоящее время можно все привести въ порядокъ при сравнительно небольшихъ расходахъ» [1]).

Итакъ—

имѣющіе уши слышать, да слышатъ.

Г. А. Воробьевъ.

---

[1]) Прилагаемая фотографія памятника въ настоящее время исполнена, по нашему порученію, варшавскимъ фотографическимъ заведеніемъ Sigismond et C°.
Г. В.

ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРЪ ДЖУРАБЕКЪ.

(Некрологъ).

Января 25 1906 г. злодѣйски убитъ въ своемъ помѣстьѣ, близъ г. Ташкента, одинъ изъ замѣчательныхъ туркестанскихъ дѣятелей эпохи завоеванія Туркестанскаго края, генералъ-майоръ Джурабекъ. Происходя изъ владѣтельной узбекской фамиліи, рода Кинагасъ, въ эпоху нашихъ войнъ съ Бухарою онъ былъ независимымъ правителемъ Шахрисябса.

Плодородная и густо населенная долина Кашка-Дарьи, обособленная съ сѣвера горнымъ хребтомъ, а съ юга и запада безводными степями, распадалась въ серединѣ прошлаго столѣтія въ политическомъ отношеніи на двѣ области. Въ то время, какъ низовья Кашка-Дарьи (Каршинскій оазисъ, родина Тамерлана) оставались во власти ослабѣвшихъ повелителей Бухары, средняя и верхняя часть этой долины составляла независимое владѣніе. Здѣсь правили по отдѣльнымъ городамъ нѣсколько бековъ знатной тюркской фамиліи, рода Кинагасъ. Бухарскіе эмиры неоднократно пытались овладѣть Шахрисябскимъ оазисомъ, и туземные лѣтописцы насчитываютъ около 30 походовъ, совершенныхъ въ эту страну мангытами. Походы эти вели только къ усиленію вражды между династіею бухарскихъ мангытовъ и шахрисябскими беками изъ рода Кинагасъ. Не примирило противниковъ даже появленіе русскихъ въ Джизакѣ, у воротъ Зеравшанской долины, хотя муллы и дервиши проповѣдывали священную войну, и возбужденіе противъ «невѣрныхъ» было громадное. 2 мая 1868 г. русскія войска заняли

г. Самаркандъ, а затѣмъ, оставивъ въ Самаркандской цитадели маленькій гарнизонъ, преимущественно больныхъ и раненыхъ, главноначальствующій этимъ отрядомъ, назначенный тогда первымъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ пошелъ въ самую глубь Бухарскаго ханства, чтобы найти наконецъ непріятельскую армію, разбить ее и заключить съ Бухарой прочный миръ. Все это было выполнено: 2 іюня бухарскія войска потерпѣли на Зерабулакскихъ высотахъ рѣшительное пораженіе, и эмиръ Музаффаръ просилъ побѣдителей о мирѣ.

Какъ разъ въ этотъ промежутокъ времени изъ Шахрисябскаго оазиса и Самаркандскихъ горъ поднялось на выручку Самарканда многочисленное ополченіе. Его вели два шахрисябскихъ бека, надѣявшихся овладѣть Самаркандомъ: Джурабекъ—правитель Китаба, и Баба-бекъ—правитель Шаара. Горсть русскихъ, запертая въ Самаркандской цитадели, геройски выдержала осаду, пока не подошелъ на выручку форсированнымъ маршемъ отрядъ К. П. фонъ-Кауфмана. Съ приближеніемъ этого отряда полчища осаждающихъ стали быстро рѣдѣть, и шахрисябскіе беки поспѣшно вернулись на родину. Дальнѣйшія ихъ враждебныя отношенія, мѣшавшія дѣлу мирнаго устроенія завоеванной нами отъ бухарцевъ долины Зеравшана, ускорили развязку. Лѣтомъ 1870 г. подъ стѣнами Китаба явились русскія войска подъ начальствомъ генералъ-майора Абрамова. Военныя дѣйствія были недолги, но упорны. Необходимо замѣтить, что шахрисябскій народъ узбекскаго происхожденія, потомки Тамерлана, отличается отъ другихъ народностей, населяющихъ Среднюю Азію, воинственнымъ духомъ, особою храбростью, умственнымъ превосходствомъ надъ прочими племенами, гостепріимствомъ и беззавѣтной любовью къ своей родинѣ.

14 августа 1870 г. Китабъ былъ взятъ штурмомъ, и беки съ небольшою свитою преданныхъ имъ людей удалились въ Кокандское ханство, гдѣ кокандскій ханъ, при встрѣчѣ съ ними, уже предупрежденный генераломъ фонъ-Кауфманомъ, предложилъ имъ мирнымъ путемъ прибыть въ Ташкентъ.

Прибывъ въ Ташкентъ, Джурабекъ былъ весьма радушно и милостиво принятъ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, причемъ Джурабекъ чрезвычайно былъ пораженъ блестящимъ пріемомъ, ему оказаннымъ. Одаренный умомъ воспріимчивымъ и острымъ, Джурабекъ быстро сблизился съ русскимъ обществомъ города Ташкента и возымѣлъ желаніе войти въ него равноправнымъ, заслуженнымъ и полезнымъ членомъ.

Когда открылись военныя дѣйствія съ Кокандскимъ ханствомъ, генералъ Кауфманъ, призвавъ Джурабека къ себѣ, предложилъ ему принять въ походѣ участіе; благородная натура К. П. фонъ-Кауфмана умѣла понимать людей и цѣнить ихъ по достоин-

ству. Джурабекъ съ радостію согласился на сдѣланное ему предложеніе и отправился въ этотъ походъ со многими родственниками, которые, въ свою очередь, оказали много услугъ русскому правительству, за что щедро были награждены по достоинству.

Генералъ-майоръ Джурабекъ.

Джурабекъ попалъ подъ начальство извѣстнаго героя Туркестана, а впослѣдствіи Шибки, Плевны, Зеленыхъ горъ и Ахалъ-Теке, М. Д. Скобелева, командовавшаго передовымъ отрядомъ; своею беззавѣтною храбростью и дѣльными совѣтами Джурабекъ сумѣлъ тамъ отличиться. Онъ принималъ участіе въ кровопролитномъ бою подъ Махрамомъ и при извѣстномъ штурмѣ г. Андижана (1 октя-

бря 1875 г.). За проявленныя имъ въ этихъ дѣлахъ блестящее мужество и отвагу Джурабекъ былъ награжденъ тутъ же на мѣстѣ знаками отличія военнаго ордена (3 и 4 степеней).

6 апрѣля 1876 г. по ходатайству К. П. фонъ-Кауфмана императоръ Александръ II высочайше повелѣть соизволилъ: «бывшаго шахрисябскаго бека Джурабека наградить чиномъ подполковника съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи и орденомъ св. Станислава 2 степени». «Затѣмъ подполковникъ Джурабекъ былъ зачисленъ въ распоряженіе туркестанскаго генералъ-губернатора съ назначеніемъ ему за особыя заслуги содержанія въ размѣрѣ 3.500 р. въ годъ.

Оказывая на новомъ своемъ посту всевозможныя услуги русскому правительству своимъ примѣрнымъ самоотверженіемъ, мужествомъ и близкимъ знакомствомъ съ политикою туземныхъ владѣтелей, вліятельныхъ лицъ и мѣстными обычаями, Джурабекъ не былъ оставленъ до самой своей загадочной смерти милостями и вниманіемъ царствующихъ государей и чередовавшихся генералъ-губернаторовъ.

Во время Джамскаго похода въ 1878 г. Джурабекъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ отряда, демонстративно собраннаго на границѣ съ Бухарою, въ видѣ угрозы англійскому владычеству въ Индіи. Въ 1880 г. Джурабекъ участвовалъ въ подавленіи Ферганскихъ смутъ и вскорѣ за отличіе былъ произведенъ въ полковники. Въ 1888 г. полковникъ Джурабекъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4 степени.

Состоя въ распоряженіи генералъ-губернатора, полковникъ Джурабекъ, пользуясь, какъ выше сказано, большимъ довѣріемъ и расположеніемъ со стороны бывшихъ въ краѣ генералъ-губернаторовъ, исполнялъ нерѣдко возлагаемыя на него весьма серьезныя и секретныя порученія по дипломатической части. Въ 1901 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-майора, при чемъ не лишнимъ считаемъ добавить, что Джурабекъ удостоенъ былъ этой награды по особому ходатайству покойнаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта Иванова, лично знавшаго, какъ старый туркестанецъ, его высокія качества и достоинства, а также по докладу государю императору военнаго министра, генералъ-адъютанта Куропаткина, близко знакомаго также съ нимъ по бывшимъ совмѣстнымъ походамъ въ Средней Азіи и удостовѣрившаго его заслуги предъ русскимъ правительствомъ. Нужно было видѣть, какъ почтенный полковникъ Джурабекъ, получивъ телеграмму отъ генерала Куропаткина съ поздравленіемъ объ этой высочайше пожалованной ему наградѣ, былъ тронутъ до слезъ. Въ 1904 г. генералъ-майоръ Джурабекъ высочайше пожалованъ орденомъ св. Владимира 3 степени. Незадолго до смерти, въ 1903 г., состоялось его искреннее и полное примиреніе съ бухарскимъ правительствомъ, къ которому отошли послѣ 1870 г. его родовыя владѣнія. Въ доказательство такого при-

миренія, эмиръ Бухарскій пожаловалъ генералу Джурабеку золотую бухарскую звѣзду 1 степени. То, что было, отошло въ невозвратную даль, и въ новыхъ условіяхъ государственной жизни, вѣковая феодальная вражда потеряла всякое значеніе.

Духовныя качества покойнаго Джурабека вполнѣ соотвѣтствовали его атлетическому тѣлосложенію. Это была крупная личность во всѣхъ отношеніяхъ. Природный умъ, изощренный удивительными перипетіями жизни, выдающаяся сила характера, справедливость и полное достоинства самообладаніе пріобрѣли ему популярность и уваженіе среди туземцевъ, гордившихся своимъ единоплеменникомъ и нерѣдко прибѣгавшихъ къ его совѣтамъ.

Со стороны религіи Джурабекъ далеко не былъ узкимъ фанатикомъ, какъ, повидимому, слѣдовало ожидать отъ среднеазіатскаго туземца, выросшаго и воспитавшагося въ средѣ, еще совершенно не тронутой европейской цивилизаціей,—въ Бухарѣ тѣхъ временъ, когда по ней путешествовали съ такими опасностями Борнсъ и Вамбери.

Не будучи мелочнымъ приверженцемъ шаріата, безъ затрудненій воспринимая русскіе обычаи и усвоивъ на многія вещи чисто европейскій взглядъ, покойный, однако, до конца жизни сохранилъ ту благородную привязанность къ родной вѣрѣ и національности, которая можетъ имѣть противниковъ на аренѣ политической борьбы, но не способна причинить кому бы то ни было вражду личную.

Къ характеристикѣ покойнаго генерала Джурабека необходимо добавить слѣдующія обстоятельства, еще рельефнѣе обрисовывающія его особенно даровитую и высоко честную натуру.

Одиннадцать лѣтъ Джурабекъ самостоятельно владѣлъ и управлялъ Китабомъ, все это время онъ неустанно заботился о благосостояніи своего народа и объ улучшеніи его быта, лично разбиралъ жалобы, тяжбы и учинялъ справедливыя рѣшенія. Двери его всегда были открыты для каждаго, имѣвшаго до него дѣло, и всякая просьба удовлетворялась имъ, по возможности, за что̀ народъ, какъ уже сказано, любилъ и уважалъ его безгранично.

Поселившись въ Ташкентѣ, онъ окружилъ себя многочисленными, но бѣдными (болѣе 50 человѣкъ) родственниками, о которыхъ неустанно заботился и раздѣлялъ съ ними получаемое имъ небольшое содержаніе отъ русскаго правительства и ежегодно присылавшееся ему отъ бухарскаго правительства вознагражденіе за отошедшія въ пользу послѣдняго владѣнія его. Нельзя оставить безъ вниманія и его чисто рыцарское достоинство, когда онъ, находясь среди туземныхъ фанатиковъ, въ то далекое время особенно враждебно и съ недовѣріемъ относившихся ко всему русскому, сбросилъ національную свою одежду, съ которой сроднился, показавъ тѣмъ примѣръ туземцамъ-фанатикамъ,—надѣлъ русскій мундиръ и пожелалъ возблагодарить русскаго императора за оказан-

ныя ему благодѣянія и милости, для чего по ходатайству бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана отправился въ С.-Петербургъ, чтобы представиться лично государю, взявъ съ собою своего единственнаго сына, съ цѣлію опредѣлить его также на русскую службу. Будучи неоднократно особенно милостиво принятъ въ Зимнемъ дворцѣ въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ II, онъ удостоивался каждый разъ благосклонной бесѣды. Государь императоръ, желая оказать новую милость Джурабеку за его услуги, приказалъ зачислить сына его къ себѣ въ тѣлохранители, въ собственный его величества конвой,— небывалый дотолѣ примѣръ въ Туркестанскомъ краѣ.

Живя въ Ташкентѣ, покойный Джурабекъ пріобрѣлъ себѣ близъ города небольшое помѣстье, гдѣ проводилъ свои досуги, быстро усвоивъ и примѣнивъ къ дѣлу всѣ новѣйшія культурныя усовершенствованія по садоводству и сельскому хозяйству отъ своихъ близкихъ друзей, извѣстныхъ туркестанскихъ дѣятелей последней четверти прошлаго столѣтія, Череванскаго, Петровскаго, Несторовскаго, Фовицкаго, Бахтіарова и многихъ другихъ, прилагавшихъ въ то время всѣ свои труды и знанія къ развитію экономическаго благосостоянія Туркестанскаго края. Не меньшей дружбою пользовался Джурабекъ и отъ участвовавшихъ въ минувшіе года при завоеваніи края начальствующихъ лицъ: Раевскаго, Абрамова, Фриде, Троцкаго, Михайловскаго, барона Алимова, Транзеге и Грюнвальда, которые послѣ прежней непріязни и вражды стали его постоянными гостями и наилучшими, искренними друзьями.

Покойный Джурабекъ весьма интересовался также мусульманскою наукою. Былъ очень начитанъ, имѣлъ въ своемъ помѣстьѣ прекрасную и цѣнную библіотеку, и по вечерамъ чтеніе служило ему любимымъ занятіемъ.

О его библіотекѣ были уже наслышаны въ Петербургѣ, и императорская академія наукъ изъявила желаніе пріобрѣсти нѣкоторыя сочиненія изъ этой библіотеки. Покойный въ молодости былъ также отчаяннымъ и лихимъ наѣздникомъ, большимъ любителемъ спорта, и его лошади когда-то славились. Вообще необходимо сказать, что покойный Джурабекъ былъ недюжинная натура. Несмотря на свои 65 лѣтъ, онъ пользовался цвѣтущимъ здоровьемъ, и еще много лѣтъ могъ бы быть полезенъ для Россіи, если бы не несчастный случай его столь неожиданной и преждевременной смерти. Не стало одного изъ послѣднихъ представителей славныхъ богатырей, имена которыхъ когда-то гремѣли въ Средней Азіи.

Къ сожалѣнію, нужно замѣтить, что этотъ печальный случай не есть единственный: почти одновременно были убиты и ограблены даже въ центрѣ самаго города, въ своей квартирѣ, купецъ Гудкинъ съ женою, произведено было разбойничье нападеніе съ

цѣлью убійства на купца Календарева, а въ уѣздѣ подобные случаи повторялись нерѣдко.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги, въ этотъ тихій и дотолѣ спокойный сравнительно край понаѣхала масса праздныхъ и темныхъ людей, которые, пользуясь въ особенности происходившими безпорядками, грабятъ и убиваютъ народъ; нѣтъ того дня, чтобы что нибудь не случилось, тогда какъ прежде, въ доброе старое время, всѣ спали съ открытыми окнами и дверями, а о грабежахъ никто не думалъ.

Вотъ подробности трагической смерти генералъ-майора Джуребека. Помѣстье покойнаго находится въ пяти верстахъ отъ города, въ мѣстности глухой и безлюдной. Во второмъ часу ночи, среди полнаго мрака и подъ монотонный шумъ дождя, злодѣи стремительно выбили со стороны террасы, выходившей въ садъ, окно въ большомъ домѣ Джурабека, гдѣ генералъ ночевалъ съ однимъ только слугою. Послѣдній, спавшій черезъ комнату отъ своего господина, успѣлъ выскочить на большой дворъ и закричать, но тутъ же былъ тяжело раненъ и потерялъ сознаніе. Когда наконецъ, сбѣжались къ дому слуги, ютившіеся по различнымъ хозяйственнымъ пристройкамъ, въ комнатахъ убійцъ уже не было. Генералъ Джурабекъ лежалъ на полу своей спальни возлѣ комода, среди огромной лужи крови, съ тремя глубокими ранами на головѣ. Поднятый слугами и перенесенный на кровать, онъ выпилъ воды, приказалъ дать знать о случившемся въ городъ и тутъ же скончался.

Враговъ у покойнаго не было, и убійство, несомнѣнно, совершено съ цѣлью грабежа; къ сожалѣнію, злодѣи предполагали, вѣроятно, что генералъ Джурабекъ имѣлъ при себѣ крупную сумму денегъ, но такъ какъ на получаемыя средства отъ русскаго правительства и бухарскаго эмира онъ содержалъ многочисленныхъ родственниковъ, то крупныхъ суммъ у него никогда не бывало и не могло быть, и самъ онъ нерѣдко нуждался. За 10 дней до смерти имъ была получена отъ Бухарскаго эмира обычная ежегодная рента, но ко дню убійства отъ нея почти ничего не оставалось, такъ какъ она была роздана родственникамъ.

Преступниками были перерыты всѣ вещи въ комодѣ, въ ящикахъ письменнаго стола и въ гардеробѣ, но взяты, повидимому, только оставшіяся отъ раздачи деньги и цѣнныя вещи. Оперировала, очевидно, большая шайка, потому что нападеніе было произведено на дачу съ разныхъ сторонъ. Наибольшее мужество въ этомъ трагическомъ случаѣ оказалъ старый работникъ генерала, Байча. Разбуженный, какъ онъ говоритъ, выстрѣломъ, онъ зажегъ фонарь и выскочилъ изъ дома, но на дорогѣ наткнулся на трупъ убитаго слуги. Байча вошелъ въ большой домъ черезъ дверь, ведущую на террасу и оставленную ушедшими черезъ нее злодѣями

открытою, и первымъ подбѣжалъ къ своему израненному господину. Тотъ же Байча немедленно поскакалъ въ городъ и принесъ роковое извѣстіе сыну убитаго генерала.

Противъ такого неопровержимаго факта злодѣянія съ цѣлью грабежа помѣщена была въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ сего года «Новаго Времени» корреспонденція, взятая изъ «Асхабадской Газеты», съ комментаріями объ этомъ несчастномъ случаѣ, которые въ дѣйствительности являются совершенно невѣрными. Въ этой статьѣ, между прочимъ, высказывается твердое убѣжденіе, что генералъ Джурабекъ былъ убитъ изъ мести, и также говорится, что во время мусульманскаго праздника «Курбанъ-Байрама», нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ убитъ съ тою же цѣлью одинъ изъ его сыновей за то именно, что, когда покойный Джурабекъ еще былъ правителемъ Китаба, онъ якобы, придя къ одному туземцу въ домъ, велѣлъ его въ своемъ присутствіи безвинно зарѣзать.

Какъ нами сказано выше, Джурабекъ во время своего управленія Китабомъ пользовался любовью и уваженіемъ своего народа. Настолько онъ бывалъ добръ и снисходителенъ, насколько строгъ и справедливъ, и за совершенныя кѣмъ либо важныя преступленія каралъ по заслугамъ, что̀ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ и всякій другой правитель, желая поддержать свой авторитетъ и спокойствіе народа. Что же касается до убійства его сына, то это является чистымъ вымысломъ, потому что у Джурабека единственный только сынъ—состоящій и понынѣ на службѣ русскаго правительства офицеромъ въ гор. Ташкентѣ, исполняя при многихъ генералъ-губернаторахъ обязанности личнаго адъютанта; убитъ же былъ среди бѣлаго дня и на большой дорогѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время праздника мусульманскаго Курбанъ-Байрама, своимъ слугою, кокандскимъ сартомъ, внукъ кокандскаго хана Худояра, неизвѣстно по какимъ причинамъ, а вовсе не сынъ Джурабека.

Похороны генералъ-майора Джурабека состоялись 26 января. Къ этому времени на дачу покойнаго съѣхались многіе изъ высшихъ представителей военной и гражданской администраціи края, масса почитателей и друзей покойнаго, не говоря о туземцахъ, которыхъ собралось множество, несмотря на проливной дождь, далекую и трудную дорогу.

Тѣло покойнаго Джурабека было опущено въ склепъ на углу поля, по сосѣдству съ домомъ.

Такъ безвременно погибъ одинъ изъ послѣднихъ среди знатныхъ мусульманъ приверженцевъ и полезныхъ слугъ Россіи.

Многія изъ мусульманскихъ вліятельныхъ и почетныхъ лицъ изъ разныхъ городовъ Туркестанскаго края и Бухарскаго ханства, по мусульманскому обычаю, пріѣзжаютъ и понынѣ поклониться

его могилѣ, что еще разъ доказываетъ то безграничное уваженіе которымъ пользовался покойный среди туземнаго населенія, а слѣдовательно объ убійствѣ его изъ мести не можетъ быть и рѣчи.

Туземцы до сихъ поръ даже находятся въ крайнемъ удивленіи и недоумѣніи, что такъ печально и безвременно погибъ отъ рукъ пришельцевъ-злодѣевъ такой почетный и уважаемый среди нихъ человѣкъ, первый заслуженный военный генералъ изъ мусульманъ Средней Азіи, положившій всѣ свои усилія на пользу Россіи, а также весьма удивляются тому, что злодѣи эти до сего времени еще не разысканы, а потому не могутъ быть примѣрно наказаны.

Туркестанецъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Е. В. Пѣтуховъ. Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ въ послѣдній періодъ своего столѣтняго существованія (1865—1902). Историческій очеркъ. Спб. 1906.

ТРИ ГОДА тому назадъ, къ столѣтнему юбилею Юрьевскаго университета вышелъ въ свѣтъ первый томъ сочиненія профессора этого университета, Е. В. Пѣтухова, подъ заглавіемъ «Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902)», заключающій въ себѣ обозрѣніе жизни и дѣятельности университета со времени его возникновенія до 1865 г., при чемъ авторъ главное вниманіе обратилъ на изображеніе внѣшнихъ условій существованія университета и тѣхъ внутреннихъ его сторонъ, которыя выходили за предѣлы учебной и ученой дѣятельности членовъ университетской корпораціи. Въ настоящее время профессоръ Е. В. Пѣтуховъ напечаталъ второй томъ своего труда, содержащій историческій очеркъ того же учрежденія за третій періодъ, вплоть до его столѣтняго юбилея (1865—1902). Сочиненіе написано, въ общемъ, по тому же плану, какъ и первый томъ.

Описываемый въ настоящемъ сочиненіи періодъ жизни Юрьевскаго университета представляетъ особый интересъ, между прочимъ, потому, что въ этомъ періодѣ совершилась реформа бывшаго Дерптскаго университета, этого, по словамъ извѣстнаго русскаго публициста и патріота, И. С. Аксакова, «оплота нѣмецкой пришлой стихіи въ Прибалтійской окраинѣ и ея автономнаго исключительнаго положенія въ Русскомъ государствѣ», этого «мощнаго орудія насильственнаго и искусственнаго онѣмеченія латышей и эстовъ, юридиче-

скаго и духовнаго порабощенія громаднаго большинства населенія нѣмецкому малочисленному меньшинству» («Русь», 1884 г., № 12, стр. 6).

Уже въ началѣ этого періода въ русскомъ обществѣ и въ русской періодической печати ясно сознавалась необходимость болѣе тѣснаго сближенія съ Россіею ея Прибалтійской окраины и неотложность реформы бывшаго Дерптскаго университета. Вотъ что писали по этому поводу въ 1865 г. «С.-Петербургскія Вѣдомости» (въ передовой статьѣ, № 59): «Съ какой стати имѣть намъ въ Россіи нѣмецкій университетъ, когда, благодаря облегченію и дешевизнѣ нынѣшнихъ средствъ сообщенія, каждый остзеецъ, желающій учиться въ нѣмецкомъ университетѣ, можетъ отправиться для этого въ Кенигсбергъ, который подъ бокомъ у нихъ, въ Берлинъ?... Къ чему намъ поддерживать теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, нѣмецкій питомникъ на русской почвѣ? Не лучше ли обратиться ему въ настоящій русскій университетъ?» Вообще, во второй половинѣ 60-хъ годовъ вопросъ о культурномъ объединеніи Прибалтійскаго края съ Россіей получаетъ въ русской печати значительное оживленіе; дѣятельное участіе въ его обсужденіи съ этой точки зрѣнія принимали почти всѣ выдающіяся тогда періодическія изданія, съ «Московскими Вѣдомостями» и «Голосомъ» во главѣ, заодно съ ними подавалъ свой голосъ изъ-за границы въ своихъ «Окраинахъ Россіи» Ю. Ѳ. Самаринъ

И реформа началась. Въ основу ея положены были двѣ главныя идеи: постепенное введеніе въ университетѣ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ богословскаго, преподаванія на русскомъ языкѣ и приближеніе учебнаго строя въ университетѣ къ тому порядку, выраженіемъ котораго явился общій университетскій уставъ 23 августа 1884 г.; рядомъ съ этимъ шла реформа университета въ административномъ отношеніи, примѣнительно къ тому же общему университетскому уставу. Совершенно справедливо замѣчаетъ профессоръ Пѣтуховъ (на стр. 19), что «говорить объ успѣхахъ или неуспѣхахъ культурно-политической стороны этой реформы представляется весьма труднымъ не только по нѣкоторой деликатности и крайней сложности этого вопроса, но также и вслѣдствіе близости момента начала реформы къ настоящему времени». Во всякомъ случаѣ, не легкая задача выпала на долю первыхъ русскихъ дѣятелей на Прибалтійской окраинѣ: много трудностей представляло проведеніе въ жизнь университетской реформы, при явно враждебномъ отношеніи къ ней не только тѣсно сплоченной нѣмецкой партіи, но и тѣхъ русскихъ по происхожденію людей, которые держали сторону этой партіи, при крайней скудости матеріальныхъ средствъ, при постоянномъ колебаніи въ проведеніи реформы нашего правительства, о дѣйствіяхъ котораго другой русскій патріотъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ своихъ «Окраинахъ Россіи» выразился такъ: «твердой иниціативы со стороны правительства не видно ни въ чемъ, и теперешняя его программа дѣйствій, буде таковая имѣется, повидимому, заключается въ систематическомъ воздержаніи отъ всякаго серьезнаго дѣйствія». Имена М. Н. Капустина, Н. А. Лавровскаго, А. С. Будиловича... не будутъ забыты всѣми истинно русскими людьми!

Особенно интересны тѣ страницы книги профессора Е. В. Пѣтухова, которыя посвящены имъ описанію студенческой жизни съ ея неизбѣжными куте-

жами, дуэлями и даже драками; въ этомъ отношеніи юрьевское студенчество въ настоящемъ періодѣ было въ общемъ то же самое, какъ и раньше. Между прочимъ, весьма любопытно, что студенты двухъ существующихъ въ Юрьевѣ высшихъ учебныхъ заведеній—университета и ветеринарнаго института, не ладили между собою: такъ, въ ночь съ 3 на 4 сентября 1878 г., между студентами Юрьевскаго университета, съ одной стороны, и студентами Юрьевскаго ветеринарнаго института, съ другой, произошло цѣлое побоище, въ которомъ участвовало около 100 человѣкъ, и которое продолжалось цѣлые три часа; подобныя ссоры между тѣми и другими происходили и въ позднѣйшее время.

Весьма обстоятельныя и интересныя свѣдѣнія сообщаетъ авторъ относительно организаціи ферейновъ и корпорацій, вліяніе коихъ не ограничивалось стѣнами университета, но отражалось въ значительной мѣрѣ на всемъ строѣ общественной жизни въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Взаимныхъ отношеній профессоровъ между собою авторъ касается лишь вскользь, такъ какъ, говоритъ онъ, «описываемое время такъ къ намъ близко, что о многомъ говорить фактически пока не удобно».

Хотя съ наступленіемъ реформы прежнія университетскія партіи—иностранцевъ и мѣстныхъ балтовъ, начали постепенно ослабѣвать, но это обстоятельство, говоритъ профессоръ Пѣтуховъ, не устранило причины внутреннихъ несогласій въ профессорской средѣ: на смѣну прежнимъ причинамъ явились другія. Въ новомъ, весьма разнообразномъ, составѣ профессорской коллегіи оказались налицо, рядомъ съ иностранцами и мѣстными балтами, еще нѣсколько группъ русскихъ, изъ которыхъ одни стояли за реформу не только въ принципѣ, но и въ чуждыхъ всякой уступчивости формахъ ея проведенія; другіе сочувствовали реформѣ по мысли, но желали, чтобы она проведена была съ большими уступками старинѣ; иные, наконецъ, и вообще реформѣ не сочувствовали, видя въ ней политическую ошибку. Все это создавало большое разнообразіе въ оттѣнкахъ отношеній отдѣльныхъ членовъ профессорской коллегіи къ процессу реформы и вообще къ фактамъ университетской жизни. Многое мѣрилось на мѣрку общерусскихъ отношеній и примѣнялось къ юрьевскимъ университетскимъ событіямъ съ горячностью и упорствомъ, создававшими прискорбныя разногласія и конфликты; явились теченія «консервативное» и «либеральное», которыхъ ни названіе, ни установившійся въ общерусскихъ условіяхъ смыслъ не соотвѣтствовали очень часто сути дѣла въ ихъ новомъ приложеніи: выходило, что «консерваторы» именно желали замѣны старыхъ порядковъ новыми, а «либералы» стояли за старину, но «дерптскую», въ которой оказывались точки соприкосновенія съ желаемой новизной въ Россіи. Сторонники прежнихъ партій—иностранцевъ и балтовъ— не всегда сразу находили мѣсто въ этой новой борьбѣ русскихъ по происхожденію элементовъ; и если присоединить къ этому неизбѣжную въ такихъ условіяхъ дисгармонію нѣкоторыхъ элементовъ на чисто личной или полуличной почвѣ и извѣстное неумѣнье русскихъ людей къ взаимнымъ уступкамъ для веденія одного общаго дѣла, то въ итогѣ получалась очень тяжелая атмосфера жизни въ университетѣ, вліявшая въ той или другой мѣрѣ не только

на личное самочувствіе, но и на служебную дѣятельность и на научную продуктивность.

Книга профессора Е. В. Пѣтухова не даетъ, конечно, полнаго описанія всѣхъ сторонъ жизни Юрьевскаго университета; на это не претендуетъ и самъ авторъ, назвавшій свое сочиненіе историческимъ очеркомъ; встрѣчаются въ этомъ сочиненіи неясности и недомолвки, которыя надо объяснить сжатостью изложенія; наконецъ, съ нѣкоторыми заключеніями автора можно не соглашаться; однако мы должны быть благодарны ему за его книгу, представляющую собою первый трудъ по исторіи императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, университета,—трудъ, касающійся если не всѣхъ, то многихъ сторонъ жизни этого университета. Почтенному автору навсегда принадлежитъ право на созданіе первой тропинки въ этой, до сихъ поръ не тронутой, области. Будущіе изслѣдователи, которые пожелаютъ трудиться на томъ же пути, не могутъ оставить безъ вниманія и изученія работы почтеннаго автора.

Профессоръ М. Красноженъ.

Труды второго областного Тверского археологическаго съѣзда 1903 г., 10—20 августа. Тверь. 1906.

Тверской археологическій съѣздъ, второй по счету изъ областныхъ, привлекъ къ себѣ болѣе 200 участниковъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько видныхъ ученыхъ обѣихъ столицъ, представители многихъ с.-петербургскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, а также и всѣхъ провинціальныхъ архивныхъ комиссій. Результатомъ десятидневной крайне интенсивной работы членовъ съѣзда явился настоящій объемистый томъ «Трудовъ» его, заключающій въ себѣ около 1.200 страницъ и изданный на средства Тверской ученой архивной комиссіи. Богатое содержаніе «Трудовъ» раздѣлено на нѣсколько отдѣловъ, согласно программѣ съѣзда. Первый изъ этихъ отдѣловъ посвященъ первобытнымъ древностямъ. Въ числѣ изслѣдованій, входящихъ сюда, отмѣтимъ прежде всего цѣнный докладъ А. А. Спицына (Къ исторіи заселенія верхняго Поволжья русскими), приходящаго на основаніи археологическихъ данныхъ къ тому выводу, что «въ основѣ великорусской народности лежитъ великое кривичское племя, единое, несмотря на нѣкоторыя мѣстныя отличія, съ которымъ въ Московскій періодъ слились вятичи; примѣсь финской крови къ великорусской, по всей видимости, незначительна». Затѣмъ интересны рефераты о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ передъ съѣздомъ г-жей Ю. Г. Гендуне, иллюстрировавшей свое сообщеніе шестью великолѣпно исполненными фототипіями,—Н. Е. Макаренкомъ, открывшимъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ могильникъ мѣднаго вѣка, княземъ А. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ и др. Наиболѣе обширный докладъ въ этомъ отдѣлѣ принадлежитъ И. А. Тихомірову (Кто насыпалъ Ярославскіе курганы), но основной выводъ референта, будто курганы въ этой губерніи начали насыпать норманны или лѣтописные варяги, подлежитъ сомнѣнію. Во второмъ отдѣлѣ (Областная исторія. Памятники гражданской старины) наиболѣе выдаются статьи акад. А. И. Соболевскаго (Названія озера

Селигера въ связи съ вопросомъ о пра-славянской родинѣ), гдѣ на основаніи данныхъ языкознанія почтенный ученый заключаетъ, что «славяне на своей общей прародинѣ въ глубинѣ вѣковъ жили по сосѣдству съ нынѣшней Тверской губерніей (западнѣе ея)»; И. Я. Гурлянда (Романовскіе мурзы и ихъ служилые татары), давшаго нѣсколько любопытныхъ штриховъ изъ исторіи централизаціи Русскаго царства и высказавшаго предположеніе о видной роли въ этой централизаціи патріарха Филарета, отца Михаила Θеодоровича, и В. И. Колосова (Кто виновенъ въ смерти митрополита Филиппа?), думающаго, что въ смерти святителя виновенъ исключительно Малюта Скуратовъ, а не Іоаннъ Грозный. Этотъ же ученый далъ краткій, но содержательный очеркъ исторіи Тверского музея, лучшаго изъ провинціальныхъ. Кромѣ того, мѣстный археологъ, М. В. Рубцовъ, представилъ въ пространномъ докладѣ результаты своего изслѣдованія о деньгахъ великаго княжества Тверского; прот. Н. А. Криницкій указалъ нѣсколько новыхъ данныхъ изъ біографіи автора извѣстной ариѳметики Петровскаго времени, Л. Ф. Магницкаго; Н. Н. Овсянниковъ прослѣдилъ на рядѣ примѣровъ новгородское и московское культурное вліяніе на Тверь въ эпоху самостоятельности Тверского княжества. Въ отдѣлахъ III и V (Живая старина. Областная этнографія), помимо богатаго собранія сырого матеріала, въ видѣ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ въ Тверской и Костромской губерніяхъ (доклады гг. Первухина, Андроникова и Мальковскаго), особенно выдается сообщеніе Н. М. Бекаревича «О куричьемъ богѣ въ Костромской губерніи». Куричьи боги представляютъ изъ себя камешки уродливой формы, съ дырочками, подвѣшиваемые въ курятникахъ для предотвращенія болѣзней домашней птицы. Докладчикъ отмѣтилъ любопытную связь куричьихъ боговъ со св. Голендухой, въ честь которой, какъ покровительницы куръ, сложенъ даже особый тропарь. Въ IV отдѣлѣ (Областная исторія. Памятники церковной старины) укажемъ на докладъ В. И. Колосова «Благовѣрная княгиня Анна Кашинская». Княгиня эта была женой знаменитаго тверского князя, св. Михаила Ярославича, и доселѣ почитается за святую жителями г. Кашина, гдѣ она погребена. Мощи ея были открыты въ 1650 г., но въ 1678 г. были снова закрыты и въ такомъ видѣ пребываютъ и понынѣ, несмотря на неоднократныя попытки кашинцевъ къ возстановленію чествованія ихъ покровительницы. Наконецъ, весьма краткіе VI и VII отдѣлы посвящены вопросу объ архивныхъ комиссіяхъ и архивовѣдѣніи. Два доклада этихъ отдѣловъ (гг. Малченка и Савелова) посвящены защитѣ архивныхъ комиссій отъ черезчуръ высокомѣрныхъ нападокъ на эти скромныя, но полезныя учрежденія со стороны проф. Д. Я. Самоквасова въ его книгѣ «Архивное дѣло въ Россіи» (М., 1902). Въ связи съ этимъ на съѣздѣ высказывались разныя пожеланія по преобразованію комиссій, и былъ составленъ даже ихъ новый уставъ, но, вѣроятно, въ виду тяжелой войны и тревожныхъ событій послѣдняго времени дѣло это, повидимому, заглохло. Здѣсь же напечатанъ любопытный рефератъ А. Θ. Селиванова: «Къ исторіи изученія Тверской губерніи», подводящій итоги той научной и общественной дѣятельности, которая процвѣтала въ Тверской губерніи съ конца XVIII вѣка до открытія съѣзда. Тексту рефератовъ предпосланы описаніе археологической выставки, бывшей при съѣздѣ, и обзоръ засѣданій

его по отдѣльнымъ днямъ. Конечно, въ настоящей краткой замѣткѣ рецензентъ не имѣлъ никакой возможности исчерпать все богатое содержаніе «Трудовъ» и даже перечислить всѣ выдающіеся рефераты изъ общаго числа ихъ пятидесяти восьми, а потому онъ ограничивается только рекомендаціей настоящей книги всѣмъ, интересующимся родной стариной, и выражаетъ увѣренность, что, пріобрѣтя книгу, эти лица отнюдь не разочаруются въ ней. Къ сожалѣнію, пользованіе этимъ огромнымъ томомъ сильно затруднено тѣмъ, что онъ лишенъ общаго указателя, и что каждый отдѣлъ имѣетъ особую пагинацію. Правда, у каждаго отдѣла есть свои особые указатели, но и они имѣютъ особую пагинацію, черезъ что приносимая ими польза весьма не велика.

М.

Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вторая серія. Вып. I. Карты всей Россіи, сѣверныхъ ея областей и Сибири. Собралъ В. Кордтъ. Кіевъ. 1906.

Первый выпускъ первой серіи «Матеріаловъ по исторіи русской картографіи» появился въ свѣтъ еще въ 1899 г. и заключалъ въ себѣ карты преимущественно западной и южной Россіи. Это добросовѣстно исполненное и весьма важное въ научномъ отношеніи изданіе тогда же вызвало въ печати рядъ сочувственныхъ привѣтствій и одобреній.

Въ настоящемъ изданіи мы находимъ 26 картъ сѣверныхъ областей Россіи и Сибири, исполненныхъ фототипіею, большею частью, въ величину оригиналовъ; картамъ предшествуетъ текстъ составителя, имѣющій «цѣлью дать необходимыя историческія справки и библіографическія указанія» и составленный, главнымъ образомъ, на основаніи трудовъ проф. I. Фишера и Визера.

Первою помѣщена «Часть морской карты» Мартина Вальдземиллера, 1516 г. При составленіи этой карты Вальдземиллеръ, первый предложившій въ 1507 г. дать новому свѣту названіе «Америки», пользовался, главнымъ образомъ, морской картой генуэзца Николая де-Канеріо (1502), дополняя ее новыми данными на основаніи сочиненій путешественниковъ, бывшихъ въ его распоряженіи. «Морская карта Вальдземиллера,—говоритъ г. Кордтъ на стр. 4,—имѣетъ для насъ еще особое значеніе вслѣдствіе того, что третій листъ ея перваго ряда даетъ намъ отдѣльную карту Европейской и части Азіатской Россіи приблизительно до 65° восточной долготы... Эта карта Россіи на 9 лѣтъ старше карты Баттисты Агнезе, которая до сихъ поръ считалась самой древней картой Россіи»...

Пропустивъ карту Якова Циглера, какъ отличающуюся скудными свѣдѣніями о восточной Европѣ, г. Кордтъ затѣмъ помѣстилъ карту сѣверной Европы, Олауса Магнуса, 1539 г., открытую только въ 1886 г. и изображающую Скандинавскій полуостровъ, Финляндію и южные берега Балтійскаго моря, съ этнографическими картинками, фантастическими изображеніями государей разныхъ странъ и чудовищныхъ предметовъ и животныхъ. На картѣ Олауса впервые нанесенъ «довольно правильно» Ботническій заливъ, впервые сѣверный берегъ Скандинавскаго полуострова и Лапландіи омывается Сѣвернымъ

Ледовитымъ океаномъ, и наконецъ въ первый разъ является озеро lacus Albus, которое означаетъ Бѣлое море, или, точнѣе, Кандалакскую губу его.

«Къ числу самыхъ рѣдкихъ памятниковъ древней русской картографіи принадлежитъ большая карта Россіи» изъ собранія П. Я. Дашкова въ С.-Петербургѣ, составленная неизвѣстнымъ авторомъ на основаніи карты Европы Г. Меркатора (1554 г.) и изображающая: на первомъ листѣ Скандинавскій полуостровъ, Финляндію и западную и сѣверную Россію до полуострова Канина, на второмъ—восточную Россію до р. Оби и Кавказа включительно и на третьемъ—Азіатскую Россію.

Далѣе наиболѣе любопытны: карта берега Бѣлаго моря и Ледовитаго океана Луки Вагенера (1596 г.), карта полярныхъ странъ и сѣверной Европы В. Барентса (1598 г.) и карты сѣверной и сѣверо-западной Россіи Исаака Массы (1635 и 1668 гг.), широко воспользовавшагося картою сѣверной Европы 1629 г. извѣстнаго Андрея Буреуса, «отца шведской картографіи».

Изъ картъ всей Россіи приведены двѣ: карта Гесселя Герритса (1613 г.) и карта Гильома Сансона (1668 г.). По поводу первой изъ нихъ или ея источниковъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія сообщаетъ въ своей статьѣ Н. Д. Чечулинъ («въ Журналѣ Министерства Нар. Просв.», 1903, № 4), считающій первоначальнымъ ея источникомъ рукописную карту Россіи Ѳедора Борисовича Годунова.

Наконецъ по поводу восьми приведенныхъ имъ картъ «Сибири» г. Кордтъ сообщаетъ слѣдующее:

«Первая печатная карта странъ, лежащихъ на востокѣ отъ Урала между пустынями верхней Азіи и Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ и обозначенныхъ нами теперь названіемъ «Сибири», — находится въ атласѣ Ортеліуса и озаглавлена: «Tartariae sive Magni Chami regni tipus» (стр. 22). Карта Ортеліуса напечатана подъ № XVII. Послѣ Ортеліуса заслуживаетъ вниманія лишь карта Іодока Гондіуса 1606 г. (№ XVIII), всѣ же остальныя карты Сибири до второй половины XVII в. не были самостоятельными и повторяли свѣдѣнія карты всего свѣта Меркатора и «Тартаріи» Гондіуса.»

Въ 1667 г. была составлена первая русская карта всей Сибири, основанная на дѣйствительныхъ наблюденіяхъ, тобольскимъ воеводою П. И. Годуновымъ «съ товарищи». О ней имѣется довольно много свѣдѣній въ нашей историко-географической литературѣ, особенно у А. Титова: «Сибирь въ XVII вѣкѣ» (1890 г.), и у Н. Н. Оглоблина: «Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова» (Спб., 1891 г.).

Вторая, лучшая послѣ Годуновской, карта Сибири принадлежитъ амстердамскому бургомистру Николаю Витсену, путешествовавшему по «Московіи» и автору знаменитаго сочиненія: «Noord en Oost Tartarye» (1-е изд. 1692 г.). Посвященная Петру Великому, карта Витсена обнимаетъ страны Азіи между 35° сѣв. шир. и 48° вост. долг. и является первой западно-европейской картой Сибири, которая составлена на основаніи достовѣрныхъ донесеній и матеріаловъ, полученныхъ авторомъ изъ Россіи и Сибири. Копія съ карты Витсена была сдѣлана Идесомъ, занимавшимся коммерческими дѣлами въ Россіи и совершившимъ въ 1694—1695 г. путешествіе въ Китай, въ качествѣ русскаго

«посланнаго повѣреннаго». При описаніи этого-то путешествія Идесъ и приложилъ карту Сибири, значительно ее исправивъ на основаніи личныхъ наблюденій (1704 г.). Помѣщена она г. Кордтомъ подъ № XXVIII.

В. Рудаковъ.

С. Паткановъ. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Часть 1-я, выпуски 1-й и 2-й. Тунгусы собственно. (Записки имп. Русск. геогр. общ. по отд. этногр., томъ XXXI, подъ ред. д. ч. Н. И. Веселовскаго). Спб. 1906.

Авторъ въ качествѣ редактора центральнаго статистическаго комитета принималъ участіе въ разработкѣ данныхъ первой всеобщей переписи населенія имперіи. Имѣя въ своемъ распоряженіи статистическія, географическія и этнографическія свѣдѣнія переписного матеріала, онъ въ продолженіе послѣднихъ восьми лѣтъ изучилъ его, составивъ подробныя выборки, послужившія основаніемъ для предпринятаго обширнаго труда, долженствующаго выйти въ шести томахъ; при этомъ авторъ пользовался и другими источниками, трудами изслѣдователей Сибири, историковъ, археологовъ и этнографовъ съ ближайшимъ участіемъ профессора Н. И. Веселовскаго. 1-й выпускъ (175 стр.) заключаетъ въ себѣ помимо общей характеристики тунгусскихъ племенъ Сибири свѣдѣнія о географическомъ распространеніи численности тунгусовъ. Раздѣляя тунгусовъ на 11 народностей: ороги, гольды, самагиры, негидальцы, ольчи (мангуны), ороки, манегры, маньчжуры, дауры, солоны и тунгусы (собственно), авторъ даетъ цифровыя данныя о численности ихъ въ 1897 г. въ семи губерніяхъ и областяхъ (Приморской, Сахалинѣ, Амурской, Якутской, Иркутской, Забайкальской и Енисейской)—76.492 д. обоего пола, изъ коихъ 34.147 (собств. тунгусовъ) падаетъ на Забайкальскую область и меньшая часть на Сахалинъ—892 д.; религіозный составъ, выражаемый въ %, на долю христіанъ даетъ 75,5, буддистовъ и ламаитовъ—14,1 и язычниковъ—10,4; русскій языкъ распространенъ среди собственно тунгусовъ, орочонъ и ламутовъ, 25,8% изъ нихъ говорятъ по-русски. Подраздѣляя тунгусовъ на осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ, авторъ приходитъ къ выводу, что 31,9% всего тунгусскаго племени—земледѣльцы-осѣдлые, преимущественно округовъ Южно-Уссурійскаго, Читинскаго, Баргузинскаго, Забайкальской области и Иркутской губерніи, 15,0%—кочевые скотоводы, остальные бродячіе Якутскаго округа, сѣверной полосы Приморской области, Сахалина и части Амурской области—оленеводы, занимающіеся охотой и рыболовствомъ. Интересно, что отдѣльныя вѣтви бродячихъ тунгусовъ, разсѣянныя на огромномъ пространствѣ Восточной Сибири и раздѣленныя другъ отъ друга территоріями чуждыхъ имъ народовъ, сохранили свои племенныя особенности и свой языкъ, въ то время какъ осѣдлые совершенно удалились отъ первоначальнаго типа во всѣхъ отношеніяхъ, принявъ культуру сосѣдей: русскихъ, якутовъ и бурятъ, и ничѣмъ отъ нихъ не отличаются.

Географическое распространеніе тунгусовъ: на западѣ р. Енисей, на востокѣ—Приморская область, Сахалинъ, на Югѣ—Забайкальская область, на сѣверѣ—побережье Ледовитаго океана.

Тревожимые вначалѣ набѣгами русскихъ, затѣмъ тѣснимые движеніемъ якутовъ, тунгусы въ началѣ XVII вѣка уходятъ въ глубь лѣсовъ, добровольно уступая наиболѣе удобныя мѣстности для скотоводства въ бассейнахъ р. р. Вилюя и Лены.

Авторъ, давая представленіе о численности тунгусовъ Сахалина, Приморской, Амурской, Якутской, Иркутской, Забайкальской, Енисейской губерній и областей, выражаетъ сомнѣніе въ дѣйствительности цифръ: «какъ бы тщательно ни производилась перепись, учесть всѣхъ бродячихъ инородцевъ, мѣняющихъ свое мѣстопребываніе и скитающихся среди необъятныхъ лѣсовъ и пустынныхъ пространствъ сѣверной Азіи, нѣтъ никакой возможности и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ кочевья небольшихъ группъ инородцевъ оказывались извѣстными, совершать туда далекія и весьма тяжелыя поѣздки ради учета нѣсколькихъ лицъ потребовало бы значительныя перевозочныя средства и столько денегъ и времени, что эти затраты не находились бы ни въ какомъ соотвѣтствіи съ полученными результатами»; свѣдѣнія о бродячихъ инородцахъ собирались, по большей части, со словъ старшинъ во время сугланов ъ—съѣздовъ представителей отдѣльныхъ родовъ ради уплаты ясака и обмѣна товаровъ; кромѣ того, въ Забайкальской области въ зимнее время выселяются въ Монголію со своими стадами скота, и наконецъ та часть тунгусовъ ускользнула отъ переписи, которая слилась съ кореннымъ населеніемъ другихъ національностей—среди бурятъ и якутовъ.

Большаго вниманія заслуживаютъ труды автора по распредѣленію родовъ, разбросанныхъ по улусамъ, наслегамъ въ бассейныхъ рѣчекъ и рѣчушекъ, урочищъ съ подробными указаніями числа лицъ обоего пола и гдѣ та или другая группа проживала во время переписи; такъ, тунгусы Якутскаго края оказались въ Туруханскомъ краѣ.

Выпускъ 2-й (стр. 283) составляетъ еще болѣе интересную часть. Набрасывая общую картину распространенія тунгусовъ въ первой половинѣ XVII вѣка, т.-е. когда завоеватели впервые столкнулись съ ними, авторъ приводитъ подробныя историческія свѣдѣнія о борьбѣ тунгусовъ съ завоевателями—казаками и якутами. Въ Енисейской губерніи тунгусы встрѣчаются въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ проживали въ XVII вѣкѣ, при чемъ даже увеличилось ихъ число переселеніемъ съ востока нѣкоторыхъ родовъ; въ то же время въ области Якутской тунгусовъ оттѣснили въ глубь горъ и лѣсовъ якуты, въ Иркутской губерніи—русскіе и отчасти якуты съ сѣвера изъ Вилюйскаго и Олекминскаго округовъ, въ Забайкальской области вторженіе бурятъ и русскихъ вызвало отчасти ассимилированіе, отчасти утрату около половины прежней территоріи, съ оставленіемъ въ неприкосновенности тунгусамъ лишь сѣверной лѣсной полосы. Овладѣніе Амура русскими двинуло въ Китай бираровъ, манегровъ, колей, лишь орочоны остались по лѣвому берегу Амура. Тѣснимые якутами тунгусы двинулись на востокъ въ Приморскую область, стали занимать земли коряковъ (полуостровъ Камчатку) и на югъ—въ Удскій округъ и Сахалинъ. Постоянныя передвиженія тунгусовъ вызываются желаніемъ отыскать новыя болѣе богатыя дичью и пушниной мѣста. Авторъ находитъ, что легкость въ передвиженіяхъ тунгусовъ объясняется живымъ, подвижнымъ ха-

рактеромъ, страсть къ бродячей жизни выработала качества идеальнаго охотника, у котораго все, начиная съ жилища и одежды и кончая всѣмъ образомъ жизни, приспособлено, какъ нельзя лучше, къ постояннымъ скитаніямъ по горамъ и лѣсамъ. Отказываясь дать опредѣленный выводъ къ разрѣшенію спорнаго вопроса о вымираніи тунгусскаго племени, авторъ опровергаетъ вполнѣ неосновательные выводы изслѣдователя Майнова, основанные на церковныхъ записяхъ двухъ приходовъ у тунгусовъ Якутскаго округа, которыя, безъ сомнѣнія, не могутъ быть точны, если принять во вниманіе, что перепись 1897 г., обставленная большими затратами силъ и средствъ, дала значительные пробѣлы. Для выясненія этого вопроса авторъ сопоставляетъ цифровыя данныя приблизительныхъ исчисленій: въ началѣ XVIII столѣтія Штраленбергъ насчитывалъ 70—80 тысячъ тунгусовъ обоего пола, въ 40-хъ годахъ истекшаго столѣтія Кастренъ—53 тысячи, въ началѣ 50-хъ Гагемейстеръ—35—40 тысячъ, въ 70-хъ годахъ Риттихъ опредѣлилъ численность тунгусовъ съ присоединенными Амурской и Приморской областями въ 68 тысячъ. Разсматривая этотъ вопросъ по губерніямъ и областямъ, авторъ сопоставляетъ данныя о численности за 1859 г. (X ревизіи) и 1897 г., и находитъ, что тунгусское населеніе Енисейской губерніи возросло почти на 10%, въ Иркутской губерніи убыль на 35,6%, въ то же время въ этой губерніи якутское населеніе возросло на 50,9%, въ Якутской области также убыль на 70%. Замѣчательно, что въ каждомъ округѣ этой губерніи различные результаты: такъ, въ Вилюйскомъ округѣ бродячее тунгусское населеніе въ общей своей массѣ вымираетъ, какъ и въ Колымскомъ, а въ Олекминскомъ и Верхоянскомъ незначительно уменьшилось, въ Якутскомъ—постоянное и приписное, повидимому, возросло, наличное же уменьшилось, въ Забайкальской замѣчается приростъ на 30%, въ Приморской области за 130 лѣтъ уменьшилось въ $2\frac{1}{2}$ раза. Авторъ приходитъ къ выводу, что «осѣдлые и полуосѣдлые тунгусы Забайкальской области, снискивающіе себѣ пропитаніе земледѣліемъ и скотоводствомъ, показываютъ, какъ и другіе земледѣльческіе и кочевые народы Сибири (буряты, якуты, татары и т. д.), положительный приростъ, между тѣмъ какъ *бродячіе тунгусы, подобно прочимъ туземнымъ племенамъ Сибири* [1]), занимающимся коневодствомъ, рыболовствомъ и охотой, *отличаются сравнительно меньшей жизнеспособностью* [2]) и въ общей своей массѣ уменьшаются въ числѣ». Приводя причины вымиранія и степени ассимиляціи, авторъ находитъ: «гдѣ только внѣшнія, главнымъ образомъ экономическія условія оказываются болѣе благопріятными, почти всюду наблюдается и положительный приростъ тунгусовъ» (въ Забайкальской области); отсюда онъ дѣлаетъ выводы, что охота, звѣроловство, оленеводство бродячихъ инородцевъ требуютъ значительныхъ жертвъ даже при благопріятныхъ условіяхъ, что эпидемическія болѣзни, уменьшеніе пушного звѣря, уменьшеніе охотничьяго района, упадокъ оленеводства (эпизоотіи—копытная болѣзнь и др.). ведутъ инородцевъ къ вымиранію. Нельзя вполнѣ согласиться съ авторомъ, что только эти причины вліяютъ неблагопріятно въ связи съ каба-

---

[1]) и [2]) **Курсивъ автора.**

лой у русскихъ и якутовъ при торговыхъ сношеніяхъ съ тунгусами; широкое примѣненіе ввоза спирта для обмѣна на пушнину по р. р. Вилюѣ, Ленѣ до Ледовитаго океана, а также въ портахъ Аянѣ, Охотскѣ и Петропавловскѣ въ монополіи у нѣсколькихъ торговыхъ фирмъ, составляетъ главное зло. Извѣстно, что одна изъ главныхъ причинъ обѣднѣнія и вымиранія бродячихъ тунгусовъ—спаиваніе этихъ безхарактерныхъ, довѣрчивыхъ, честныхъ инородцевъ. Несомнѣнно, что повальный сифилисъ—почти въ каждой тунгусской семьѣ; также вѣрно, что примитивное лѣченіе серьезной, заразительной копытной болѣзни у тунгусовъ уничтожаетъ сразу громаднѣйшія стада оленей. Тунгусъ, приводя свое стадо на новое пастбище, гдѣ годомъ раньше было нѣсколько больныхъ оленей, заражаетъ здоровыхъ, и стадо все заражается. Существуетъ простое средство, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуется изолированіе заболѣвшаго животнаго и немедленное обеззараживаніе того пастбища, гдѣ ходилъ больной олень.

Ассимилируясь тунгусы дѣлаются скотоводами; въ Вилюйскомъ округѣ Якутской области объякутившіеся тунгусы забыли совершенно родной языкъ, въ то же время въ Удскомъ округѣ—явленіе обратное. При ассимиляціи съ бурятами, имѣющими болѣе характерные физическіе признаки, тунгусы уступаютъ имъ, подчиняясь болѣе высокой культурѣ, при чемъ быстро утрачиваютъ свой языкъ, переходя отъ охотничьяго образа жизни къ скотоводству.

Переписной матеріалъ далъ возможность автору разработать по округамъ обзоръ тунгусскихъ родовъ; въ настоящее время далеко не всѣ роды представляютъ собою группы лицъ, связанныхъ родствомъ. Вопросъ этотъ не вполнѣ разработанъ, такъ какъ не вездѣ въ переписномъ матеріалѣ указывались роды (до 26%). Среди тунгусовъ забайкальскихъ существуетъ дворянскій родъ князей Гантимуровыхъ. Заканчивая обзоръ занятій и промысловъ, авторъ говоритъ о позаимствованіи у якутовъ и русскихъ перевозки тяжестей на пріискахъ и описываетъ способы охоты, какъ промысла; послѣднія четыре главы даютъ лишь въ сжатой формѣ этнографическія свѣдѣнія, впрочемъ, извѣстныя изъ литературы о Сибири. **I. П.**

Чарыковъ, Н. В. Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія (1637—1694). Спб. 1906.

Личность извѣстнаго иностранца Павла Менезія, проживавшаго въ Россіи во второй половинѣ XVII в. и принимавшаго дѣятельное участіе въ тогдашней политической жизни, въ нашей литературѣ сравнительно мало изучена, тогда какъ біографія его, несомнѣнно, заслуживаетъ серьезнаго вниманія и не лишена общеисторическаго значенія въ виду участія его въ посольствѣ въ Римъ, а также въ виду предположенія, что первымъ наставникомъ Петра Великаго былъ Павелъ Менезій, назначенный къ царевичу по желанію его отца, царя Алексѣя Михайловича.

Н. В. Чарыкову удалось собрать изъ русскихъ и заграничныхъ архивовъ (а именно изъ архивовъ Рима, Парижа, Венеціи, Вѣны, Эдинбурга, Абердина

Москвы и Петербурга) значительный матеріалъ, довольно полно освѣщающій дѣятельность Павла Менезія, въ особенности его посольство въ Римъ къ папѣ Клименту X для переговоровъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ государей противъ турокъ. Къ этому г. Чарыковымъ добавлены свѣдѣнія о Менезіи, собранныя имъ изъ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ печатныхъ изданій. Неизданныя рукописи въ виду ихъ особаго интереса не только для біографіи Менезія, но и для характеристики эпохи, непосредственно предшествовавшей преобразованіямъ Петра Великаго, напечатаны собирателемъ полностью и сопровождены объяснительнымъ текстомъ (уже печатавшимся раньше въ нашемъ журналѣ, за 1900 г., №№ 11 и 12). Всего документовъ напечатано 167 номеровъ, преимущественно на русскомъ и итальянскомъ языкахъ, хотя встрѣчаются и на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Къ пояснительному тексту (стр. 1—72) и къ документамъ (стр. 75—494) въ настоящемъ изданіи еще прибавленъ обстоятельный критическій обзоръ извѣстій о Павлѣ Менезіи, содержащихся въ «Сказаніи о Московіи» Невиля (стр. 497—648). Къ книгѣ приложены прекрасно выполненные портреты Петра Великаго, Артамона Матвѣева и др., снимокъ съ грамоты Алексѣя Михайловича къ папѣ Клименту X и до 15 иллюстрацій. Въ концѣ—хорошій указатель.

Что касается любопытнаго извѣстія Невиля о томъ, что Менезій былъ назначенъ наставникомъ Петра, то г. Чарыкову не удалось найти прямого свидѣтельства, подтверждающаго это извѣстіе, хотя имъ собранъ рядъ новыхъ данныхъ, косвенно говорящихъ въ пользу сообщенія Невиля. Резюмируя эти данныя, изслѣдователь высказываетъ догадку, что «царь Алексѣй Михайловичъ, мѣсяцевъ за шесть до начала болѣзни, которая свела его въ могилу, допустилъ или даже привлекъ Павла Менезія къ нѣкоторому участію въ воинскихъ потѣхахъ и книжномъ ученіи царевича Петра, не возводя, однако, Менезія по означенному поводу въ какое либо офиціальное званіе, а пользуясь его услугами, какъ сподручнаго и вѣрнаго спеціалиста по обращенію съ оружіемъ и по римской исторіи. Это участіе могло продолжаться, хотя съ перерывами, до перевода Менезія на службу въ Смоленскъ въ 1680 г.». Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что «первое знакомство Петра Великаго съ нѣмцами не было дѣломъ случая или послѣдствіемъ находки выбѣжавшаго на улицу, скучающаго, заброшеннаго ребенка, а осуществленіемъ намѣренія его отца», и «первымъ иноземцемъ, у котораго началъ учиться Петръ, былъ одинъ изъ выдающихся западно-европейцевъ того времени», человѣкъ «родовитый, благовоспитанный и просвѣщенный, соединявшій обходительность дипломата и тактъ царедворца съ военнымъ знаніемъ строевого офицера» (стр. 51 и 58).

Изслѣдованіе г. Чарыкова вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ новыхъ опубликованныхъ имъ документовъ является значительнымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу. Конечно, эти новыя данныя не открываютъ какихъ либо широкихъ перспективъ, не даютъ чего либо существенно новаго, но все же они довольно любопытны по тѣмъ отдѣльнымъ штрихамъ, которыми въ разныхъ отношеніяхъ по-новому оттѣняется конецъ XVII вѣка. Нужно добавить, что въ книгѣ фактическія данныя о служебной дѣятельности Павла Менезія сгруппированы прекрасно. Авторъ съ большой тщательностью и умѣньемъ со

бралъ и обработалъ значительный архивный матеріалъ и охарактеризовалъ дѣятельность Менезія не изолированно, а въ связи съ общимъ фономъ тогдашней политической жизни. **М. К.**

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Собраніе портретовъ русскихъ людей царствованія императрицы Екатерины и императора Павла I и Александра I. Художественно-историческое изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ II, выпускъ второй. Спб. 1906.

Второй выпускъ второго тома роскошнаго изданія великаго князя Николая Михайловича отличается тѣмъ же обиліемъ рѣдкихъ портретовъ и художественностью ихъ воспроизведенія, какъ и въ предыдущемъ выпускѣ. Въ настоящемъ выпускѣ помѣщено 122 портрета слѣдующихъ лицъ: князя С. Б. Куракина; графа З. Г. Чернышева; князя П. В. Лопухина; П. П. Лопухина; княгини Е. Н. Лопухиной; В. С. Попова; Д. Дидро; Б. В. Умскаго; княгини Н. Ю. Салтыковой-Головкиной; князя М. М. Щербатова; княгини А. П. Голицыной; княгини Н. П. Голицыной; князя П. Ф. Голицына; графа А. Н. Самойлова; графини В. Н. Завадовской; М. Г. Висленева; графа и графини Лаваль; князя С. П. Трубецкого; графа Людвига Лебцельтерна; С. И. Шешковскаго; С. Г. Зорича; принца Нассау-Зигена; княгини С. Г. Волконской; княгини З. А. Волконской; князя Н. Г. Волконскаго; князя П. М. Волконскаго; Н. Л. Талызина; М. С. Перекусихиной; дюка де-Серра-Капріоли и его жены; графа П. С. Салтыкова; князя Н. И. Салтыкова; графа Н. В. Салтыкова; князя А. Н. Салтыкова; князя С. Н. Салтыкова; княгини Е. В. Салтыковой; С. Ф. Апраксина; С. С. Апраксина; графа П. И. Панина; М. С. Талызина; А. Ф. Талызина; С. А.Талызина; В. И. Майкова; М. М. Хераскова; А. С. Грибоѣдова; графини Е. П. Ростопчиной; С. Н. Марина; И. И. Байкова (лейбъ-кучера императора Александра I); В. А. Злобина; Н. Ф. Карабанова; Ю. А. Татищева; П. Л. Голенищева-Кутузова.

Портретъ Грибоѣдова съ миніатюры Жигалева 1826 г., принадлежащей великому князю Николаю Михайловичу, появляется въ первый разъ и представляетъ оригинальный типъ сравнительно съ извѣстнымъ портретомъ автора «Горе отъ ума». Точно также до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны портреты знаменитаго вольскаго гражданина Злобина и изслѣдователя русской старины Карабанова. Позволимъ себѣ выразить недоумѣніе, почему въ число портретовъ «русскихъ людей» включены портреты Дидро, графа Лебцельтерна и дюка де-Серра-Капріоли. Временное пребываніе ихъ въ Россіи едва ли даетъ основаніе включать ихъ изображенія въ галлерею «русскихъ портретовъ».

Какъ всегда, біографіи, сопровождающіе портреты, обстоятельны и даютъ немало новыхъ данныхъ для характеристики описываемыхъ лицъ.

С. Ш.

Сементковскій, Р. И. Сочиненія. Томы I—III. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1906.

Настоящее изданіе, по словамъ автора, является итогомъ непрерывной, почти 35-ти-лѣтней литературной дѣятельности (начиная съ 1871 г.). Сюда вошло все главнѣйшее, напечатанное г. Сементковскимъ въ различныхъ журналахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ; только все мимолетное, временное, хотя бы и значительное по объему, исключено, какъ не имѣющее существеннаго значенія для читателя.

По собственному признанію автора, «за все время его литературной дѣятельности онъ шелъ своей дорогой, никогда не будучи бойцомъ двухъ craновъ, а развѣ только ихъ случайнымъ гостемъ». По его словамъ, независимость міросозерцанія позволяла автору «угадывать и предвидѣть многое, что ускользало среди борьбы партій отъ общаго вниманія». Г. Сементковскій съ чувствомъ удовлетворенія отмѣчаетъ, что «въ цѣломъ рядѣ вопросовъ взгляды, которыхъ придерживался онъ одинъ или въ союзѣ съ ничтожной кучкой единомышленниковъ, постепенно проникали въ жизнь». Собственное признаніе, конечно, служитъ однимъ изъ вѣскихъ показателей того, что литературная дѣятельность автора въ свое время останавливала на себѣ вниманіе печати и общества и прошла далеко не безслѣдно.

Въ настоящемъ собраніи сочиненій труды г. Сементковскаго распредѣлены по 3 томамъ: въ 1-й томъ вошли литературные очерки, во второй—публицистическіе очерки, въ третій—повѣсти и разсказы, такъ что каждый томъ представляетъ собою какъ бы законченное цѣлое. Не останавливаясь на чисто литературныхъ произведеніяхъ автора, мы отмѣтимъ подробнѣе лишь статьи и очерки, касающіеся предметовъ историческихъ и историко-литературныхъ.

Въ первомъ томѣ самая значительная часть его посвящена очеркамъ по русской литературѣ. Здѣсь охарактеризованы: Кантемиръ, Ломоносовъ, Фонвизинъ, Пушкинъ и Бѣлинскій, Лѣсковъ, 60-е годы и современная беллетристика, русская литература наканунѣ XX вѣка. Къ этому прибавлена статья: Идеалы въ искусствѣ (Рѣпинъ и Антокольскій). Изъ иностранныхъ писателей очерки касаются Д. Дидро, Спенсера, Ибсена и Макса Нордау.

Во второмъ томѣ: «Русское общество и государство», помѣщены: а) соціальные очерки: Культура и подвижничество, Наша публицистика, Экономическая наука и церковь, Культурные успѣхи Финляндіи, Вильгельмъ II и соціальный вопросъ; б) политическіе очерки: Силуэты русскихъ администраторовъ, Къ исторіи либерализма, Россія наканунѣ XX вѣка, Указъ 13 января 1895 г., Польскія письма, Франко-русскій союзъ, Двѣ книги о свободѣ, Больной человѣкъ (Турція); біографическіе очерки: Е. Ф. Канкринъ, кн. Бисмаркъ, М. Н. Катковъ.

Второй томъ носитъ такой подзаголовокъ: «Пересмотръ господствующихъ у насъ политическихъ взглядовъ». Онъ, разумѣется, не касается событій и группировки политическихъ партій послѣдняго времени. Чтобы охарактеризовать общіе взгляды автора, передаемъ вкратцѣ содержаніе любопытной

статьи: «Россія накануне XX вѣка» (томъ II, стр. 168—191). Въ ней авторъ указываетъ, что въ послѣднюю четверть XIX столѣтія наше правительство стояло на вѣрномъ пути, приводившемъ «къ удовлетворенію реальныхъ потребностей окружающей насъ дѣйствительности»; оно предпринимало «цѣлый рядъ мѣропріятій, прямо направленныхъ къ обезпеченію благополучія народныхъ массъ», «къ дальнѣйшему освобожденію личности». Во всѣхъ дѣйствіяхъ сквозитъ прежде всего «духъ гуманности». «Если остановиться на совокупности правительственныхъ мѣропріятій и вникнуть въ духъ, которымъ они продиктованы, то мы придемъ къ заключенію, что конецъ XIX вѣка представляетъ собой рѣшительный поворотъ отъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ теорій къ дѣятельному осуществленію высшей христіанской заповѣди». Тѣмъ же духомъ, по словамъ автора, проникнута и русская литература, такъ что «законодатель и литература стремились въ сущности къ одной цѣли, били, такъ сказать, въ одну точку». Общество, наконецъ, поняло, что «время громкихъ словъ и ничтожной общественной дѣятельности» прошло. Его «меньше занимаетъ самое освобожденіе личности, чѣмъ вопросъ, насколько освобождаемая личность можетъ съ успѣхомъ воспользоваться предоставленной ей свободой». Ближайшею цѣлью общества въ будущемъ, по мнѣнію автора, должно служить не столько достиженіе широкихъ плановъ, внушаемыхъ той или другой политической или соціальной теоріей, сколько «выработка въ себѣ и другихъ тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя дѣлаютъ человѣка свободнымъ», такъ какъ «благополучіе родины обусловливается не столько широкими реформами, сколько сознательной и разумной дѣятельностью, выдержкой, упорствомъ (трудолюбіемъ и честностью), нравственными качествами каждаго, живи онъ въ курной избѣ или въ роскошномъ дворцѣ».

К.

Андреевичъ. Л. Н. Толстой. Монографія. Спб. 1905.

Въ настоящей книгѣ г. Андреевичемъ собраны его статьи о Толстомъ, напечатанныя въ разное время. Въ центрѣ ихъ стоитъ обширный критико-біографическій очеркъ, помѣщенный въ «Біографической Библіотекѣ», издаваемой Павленковымъ. Послѣдняя, какъ извѣстно, разсчитана на широкую публику, примѣнительно къ пониманію которой составлена и работа г. Андреевича.

Популярная біографія требуетъ къ себѣ со стороны составителя строгаго отношенія: надо не опустить ни одной болѣе или менѣе важной черты духовнаго облика разсматриваемаго писателя, ни одной стороны его творческой дѣятельности, дать правдивую, безпристрастную оцѣнку, и при томъ не распространяться объ одномъ въ ущербъ другому. Только при такихъ условіяхъ обликъ писателя возстанетъ во всей полнотѣ, а дѣятельность, во всемъ объемѣ, и читатель составитъ правильный взглядъ на значеніе его творчества. Такого строго намѣченнаго плана незамѣтно въ трудѣ покойнаго нынѣ г. Андреевича (Е. Соловьева). Давая, напримѣръ, подробное описаніе той обстановки, въ которой воспитывался нашъ будущій мыслитель, пытаясь представить исторію духовнаго развитія Толстого-ребенка и удѣляя этому много мѣста, критикъ

лишь въ общихъ чертахъ говоритъ о сущности его ученія и о его этико-философскихъ и историко-философскихъ взглядахъ. Конечно, мы не можемъ требовать, чтобы авторъ въ такой работѣ, какою является работа г. Андреевича, дать подробный анализъ міровоззрѣнія Толстого, но, во всякомъ случаѣ, нельзя довольствоваться такимъ общимъ разсмотрѣніемъ его основныхъ взглядовъ, какъ это дѣлаетъ изслѣдователь. Затрогивая такъ поверхностно сущность ученія Толстого, Андреевичъ, тѣмъ не менѣе, находитъ возможнымъ тутъ же вступать въ полемику, которой совершенно не мѣсто въ такой работѣ, какою является его трудъ. Авторъ, очевидно, забываетъ, въ чемъ заключается задача біографа-популяризатора.

Разсматриваемая нами біографія написана г. Андреевичемъ въ 1894 г. Помѣщенная теперь со статьями, появившимися позже, она много выигрываетъ. То, что было пропущено или разработано въ ней поверхностно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, само собой пополняется другими статьями. Между ними отмѣтимъ весьма интересную—«Борьба съ развратомъ культуры», въ которой Андреевичъ ставитъ своей задачей опредѣлить, къ чему сводится требованіе пересмотра нравственныхъ и общественныхъ цѣнностей, произведеннаго сто лѣтъ тому назадъ во Франціи Руссо, а теперь въ Россіи Толстымъ.

Собранныя въ книгѣ статьи вмѣстѣ охватываютъ довольно полно жизнь и творчество Толстого, но между ними нѣтъ никакой связи. Не устанавливаетъ ея авторъ умышленно: онъ хочетъ, чтобы написанное имъ оставалось такимъ же, какимъ оно вылилось изъ-подъ его пера, подъ живымъ впечатлѣніемъ тѣхъ или другихъ высказанныхъ Толстымъ мыслей. Отъ этого книга г. Андреевича много проигрываетъ. Если бы авторъ обработалъ свои статьи, внесъ бы въ нихъ поправки и дополненія, установилъ связь между ними, придалъ бы своей книгѣ цѣльность, гармонію, она, безъ сомнѣнія, много выиграла бы отъ этого. Но на такую обработку у г. Андреевича, очевидно, уже недоставало силъ; надо замѣтить, что это—его предсмертный трудъ. Жаль, что могила взяла отъ насъ преждевременно одного изъ вдумчивыхъ и талантливыхъ критиковъ. Приходится теперь благодарить судьбу и за то, что она дала ему возможность хоть собрать въ одно все написанное имъ въ разное время о нашемъ геніальномъ писателѣ.

Представляя сборникъ, настоящая книга даже при этихъ условіяхъ имѣетъ извѣстное значеніе и можетъ оказать большую услугу читателю. Правда, онъ не составитъ себѣ по ней цѣльнаго представленія о творчествѣ, міросозерцаніи и значеніи Толстого, но, во всякомъ случаѣ, на многіе вопросы онъ найдетъ посильный отвѣтъ изслѣдователя.

А. Фоминъ.

А. И. Фаресовъ. Мужики и начальство. Спб. 1906.

Читатели «Историческаго Вѣстника» хорошо знакомы съ авторомъ, чья книга «Мужики и начальство» недавно вышла въ свѣтъ; знакомы они и съ нѣкоторыми главами названной книги, напечатанными на страницахъ журнала даже въ текущемъ году. «Новыя настроенія современной деревни» и

«Чиновническая программа по аграрному вопросу и голосъ народа»—вотъ тѣ главнѣйшія мѣста книги, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія, и которыя на страницахъ «Историческаго Вѣстника» открыли собою серію очерковъ, посвященныхъ описанію того, что дѣлается въ наши дни въ деревнѣ, и какъ народъ относится къ освободительному и революціонному движенію. Г. Фаресовъ вдумчиво взглянулъ въ самыя глубины крестьянской среды, безпристрастно и фотографически-объективно занесъ въ свою книжку все видѣнное и слышанное имъ во время его охотничьихъ скитаній по Псковской губерніи, занесъ и главное существенное, и детальное и получилъ, благодаря такой работѣ, возможность представить русской публикѣ современную деревню, со всѣми ея тѣневыми и свѣтлыми сторонами. Обширная и разнообразная галлерея представителей провинціальной среды выставлена авторомъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, съ ихъ громкими и животрепещущими рѣчами, съ волнующими ихъ думами, надеждами и ожиданіями. Администраторъ, священникъ, помѣщикъ, деревенскій хулиганъ, крестьянскія дѣти, а, главное, широкій ассортиментъ мужиковъ разныхъ направленій, разныхъ взглядовъ и убѣжденій—вотъ тотъ живой и интересный матеріалъ, который авторъ ставитъ на судъ читателей. Всѣ эти категоріи дѣятелей и представителей деревень въ его беллетристическихъ и полубеллетристическихъ очеркахъ сняты имъ, какъ сказано выше, фотографически и притомъ при помощи моментальной фотографіи въ тѣ моменты, когда они не успѣли принять вычурной и искусственной позы, и когда они не чаяли, что на нихъ наведенъ предательскій аппаратъ писателя.

Не закрывая глазъ передъ дефектами современной деревни, г. Фаресовъ, въ противоположность другому сотруднику «Историческаго Вѣстника», г. Оглоблину, относится къ современной деревнѣ, ея настроеніямъ и соціально-экономическимъ идеаламъ оптимистически и глубоко вѣритъ въ то, что здоровая деревенская правда восторжествуетъ, и русскій крестьянинъ, претворившись къ лучшему въ современной освободительной ретортѣ, окажется способнымъ разумно воспріять все то новое и прогрессивное, что несетъ съ собою нынѣшнее время. Онъ говоритъ въ предисловіи примѣнительно къ своему очерку «Озорники»: «Съ дарованіемъ сверху народу голосованія и культурнаго его подъема «снизу», я не сомнѣваюсь въ томъ, что деревенскіе «Озорники» будутъ стыдиться своихъ «гулянокъ»; водка перестанетъ играть первую роль на торжествахъ и дѣловыхъ собраніяхъ крестьянъ; идеаломъ мужика будетъ не «будыня», а другъ интеллигенціи... Будетъ чѣмъ и куда оттянуть народныя симпатіи отъ вымирающаго міра въ другую сторону. Мы говоримъ о народномъ парламентѣ и самодѣятельности страны. Въ настоящее время мы имѣемъ государственную думу съ преобладаніемъ «кадетовъ». Сторонники конституціонной демократіи не должны закрывать глаза на то, что если политическая свобода 17 октября минувшаго года взбудоражила почти мгновенно крестьянское и фабричное населеніе, выдвинула ихъ соціально-экономическія нужды, то и теперь это населеніе еще отзывчивѣе восприметъ благородныя попытки государственной думы осуществить неосуществленныя «свободы».

Такова вѣра автора въ «населеніе», т.-е. въ деревню и крестьянство.

Теперь, когда намъ такъ важно знать именно взгляды провинціи и де-

ревни на событія дня, всякій голосъ, дошедшій до насъ изъ глубины Россіи, для насъ цѣненъ и имѣетъ особенный вѣсъ и значеніе. Г. Фаресовъ собралъ цѣлый хоръ такихъ голосовъ, передалъ намъ ихъ съ точностью хорошаго грамофона, и тѣмъ, конечно, сослужилъ добрую общественную службу. Спасибо ему на томъ, а его интересной и полезной книгѣ, появляющейся такъ кстати и такъ ко времени, остается пожелать успѣха въ публикѣ и широкаго въ ней распространенія.

Б. Глинскій.

Свобода въ жизни и въ государствѣ. Этюдъ по Чаннингу Наталіи Гротъ. Спб. 1906.

Знаменитый американскій богословъ и ораторъ В. Чаннингъ содѣйствовалъ подъятію нравовъ своихъ соотечественниковъ гнѣвной проповѣдью о томъ, что при республиканскихъ учрежденіяхъ они остаются негроторговцами и совершенно пренебрегаютъ духовными интересами. Освободившись отъ абсолютизма метрополіи и провозгласивъ союзъ независимыхъ штатовъ, американцы естественно должны были сосредоточить все свое вниманіе на нравственной сторонѣ ихъ быта и отказаться отъ грубаго матеріализма ихъ жизни.

Вполнѣ естественно, что лучшіе изъ гражданъ стали взывать къ духовной свободѣ личности и не удовлетворяться одной политической. Они находили, что политическая свобода въ странѣ устраняетъ всѣ стѣсненія исключительно затѣмъ, чтобы люди могли развить свои душевныя силы самостоятельно и безпрепятственно на пользу ближняго.

«Зачѣмъ разбивать оковы заключеннаго, если не затѣмъ, чтобъ онъ употребилъ въ дѣло свои члены? Зачѣмъ отворять ему темницу, если не для того, чтобъ онъ, раскрывъ свои взоры на пространство, могъ употреблять свои способности и наслаждаться ими? Свобода, которая не производитъ дѣятельности и развитія силъ народа, есть только пустое имя и ничѣмъ не лучше рабства».

Конечно, это такъ, послѣ того, какъ страна добилась политической свободы и свободныхъ учрежденій; послѣ того, какъ «разбиты оковы» и «отворены темницы»... Но г-жа Гротъ, игнорируя условія, при которыхъ В. Чаннингъ проповѣдывалъ американцамъ о христіанской свободѣ и самосовершенствованіи, отрицаетъ для Россіи необходимость прежде всего выработки свободныхъ политическихъ формъ жизни и останавливается прямо на ученіи В. Чаннинга о томъ, что гражданскія отношенія не составляютъ еще высшей цѣли существованія.

Конечно, одной грамотности мало, мало и чтенія, а нужно умѣть утилизировать прочтенное и т. д. Но прежде всего нужно выучить азбуку; прежде нужно купаться, а потомъ уже плавать.

Между тѣмъ Н. Гротъ пишетъ для насъ, русскихъ, о томъ, что цивилизація и культура безсильны дать душѣ нравственную силу и свободу; что свободныя учрежденія не имѣютъ магической силы охранять наши права, разъ мы порабощены дурными страстями; что не въ историческихъ обстоятельствахъ и не въ формѣ правленія, а въ достоинствѣ людей заключается залогъ свободы и прогресса.

Послѣ политическаго возрожденія страны В. Чаннингу оставалось только взывать къ достоинству личности и ея ростомъ измѣрять прогрессъ Америки; но въ Россіи ростъ личности задержанъ и именно «историческими обстоятельствами», съ которыми такъ энергично боролось русское общество до созыва государственной думы и теперь вмѣстѣ съ нею постоитъ за свободныя учрежденія для дальнѣйшаго духовнаго развитія страны.

Не раздѣляя основной мысли Н. Гротъ на второстепенное значеніе политическихъ формъ, хартіи и науки, мы все-таки горячо присоединяемся къ ея заявленію о томъ, что «ничто такъ не задерживаетъ успѣховъ общества, какъ низкій взглядъ государственныхъ дѣятелей на духовную природу человѣка. Понятіе, что заботы государства и законодательства должны быть всѣ направлены только на приращеніе матеріальнаго благосостоянія, на внѣшній порядокъ и земное благоустройство, есть понятіе ложное. Государственный человѣкъ, который не умѣетъ предвидѣть вліянія своихъ мѣръ на духъ народа, не достоинъ прикасаться ни къ одному изъ драгоцѣнныхъ интересовъ человѣчества». Тѣмъ не менѣе, прибавимъ мы: «духъ» человѣка давно переселился съ острововъ Робинзона-Крузо, изъ изолированнаго состоянія къ общественному, въ города и столицы. Внутренняя духовная работа народовъ обрѣтается съ тѣхъ поръ въ тѣсной зависимости отъ общественнаго порядка и общественныхъ отношеній, которыя либо значительно помогаютъ «духу народа», либо значительно тормозятъ его дальнѣйшее развитіе.

Н. Гротъ совершенно упускаетъ изъ виду послѣднее предположеніе и полагаетъ, что «свобода въ жизни и государствѣ» зарождается самостоятельно и господствуетъ далѣе безъ всякаго вліянія общественныхъ организацій.

А. Фаресовъ.

Поль Луи. Исторія соціализма во Франціи. Москва. 1906.

Увлеченіе соціализмомъ, составляющее больное мѣсто нашего общества, побуждаетъ нашихъ издателей безъ всякаго разбора переводить книги, написанныя въ томъ тонѣ, который въ настоящую минуту увлекаетъ публику. Къ подобнымъ произведеніямъ относится и поверхностная исторія соціализма Поля Луи, въ которой всего меньше безпристрастной исторіи и всего больше партійныхъ возгласовъ въ пользу соціалистовъ и революціоннаго пролетаріата.

Несчастнѣйшая страница французской исторіи, парижская коммуна 1871 г., кончившаяся междоусобной войной и гибелью 100 тысячъ человѣкъ, прославляется авторомъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Коммуна вписала первую великую страницу въ лѣтописи междоусобнаго пролетаріата, который еще и по сію пору и въ Вѣнѣ, и въ Брюсселѣ, и въ Римѣ чествуетъ ея провозглашеніе, какъ славную годовщину. Коммуна внушила увѣренность рабочему классу, съ робостью останавливавшемуся передъ этимъ небывалымъ явленіемъ, передъ захватомъ государственной власти простонародьемъ, низшимъ слоемъ населенія. Пролетаріатъ уже не разъ устраивалъ возстанія, но ихъ подавляли, а если они и кончались побѣдой, то

та или иная фракція буржуазіи очень скоро прибирала ихъ къ рукамъ и эксплуатировала въ свою пользу. Уже въ 1789, 1830 и 1848 г.г. населеніе предмѣстій покупало цѣною безчисленныхъ жизней завоеваніе новаго режима, но этотъ новый режимъ сейчасъ же выскользалъ изъ его рукъ, обращаясь противъ него же, такъ что въ конечномъ итогѣ участь народа не облегчалась ни на іоту, и все дѣло для пролетаріата ограничивалось перемѣной господина. Теперь же, какъ бы кратковременны ни были тріумфъ и обладаніе властью, рабочіе разрушили очарованіе. Они заняли мѣсто, въ свое время отнятое у дворянства третьимъ сословіемъ, и это должно было доставить имъ возможность въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ возродить общество и кореннымъ образомъ измѣнить его структуру. Они поняли, что управленіе страной не заказано имъ разъ навсегда, что оно вовсе не ограждено отъ нихъ священной тайной, что необходима только сила и организація для его окончательнаго захвата».

«Правительственный Вѣстникъ такъ объяснялъ дѣйствія коммуны:

«Пролетаріи хотятъ спасти въ одно и то же время и свободу и отечество. Развѣ буржуазія не понимаетъ, что наступилъ чередъ освобожденія пролетаріата? Пролетаріатъ, правамъ котораго постоянно угрожали, и законныя стремленія котораго встрѣчались полнѣйшимъ пренебреженіемъ, который увидѣлъ гибель своего отечества и разрушеніе всѣхъ своихъ надеждъ, понялъ, что онъ имѣетъ права, что онъ обязанъ осуществить свое ученіе и упрочить за собою побѣду съ помощью захвата власти».

Авторъ сочувствуетъ подобнымъ взглядамъ, тогда какъ безпристрастный историкъ долженъ прійти къ совсѣмъ другимъ выводамъ. Диктатура пролетаріата могла установиться, только благодаря ряду случайностей, главнымъ образомъ благодаря разгрому, учиненному нѣмецкой арміей. Временное правительство растерялось и покинуло Парижъ. Національная гвардія, всегда служившая правительству, перешла на сторону революціоннаго пролетаріата, потому что во время осады Парижа она была пополнена громадной массой рабочихъ.

Благодаря смутному времени, коммуна продержалась 70 дней, но съ тѣхъ поръ диктатура пролетаріата не повторялась, и подобныя попытки не возобновлялись. Естественно, что диктатура одного класса и притомъ самаго необразованнаго немыслима ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ.

Переводъ книги Поля Луи сдѣланъ неудовлетворительно и изобилуетъ множествомъ иностранныхъ словъ.

Вотъ фразы, которыя для русскаго читателя, не знающаго по-французски, едва ли понятны:

«Съ развитіемъ финансоваго дѣла возросла роль движимаго богатства, этого естественнаго антагониста недвижимой собственности» (стр. 69).

«Сенъ-Симонъ далъ міру принципъ оріентировки, а Фурье показалъ ему, какая растрата силъ связана съ торжествомъ индустріализма» (стр. 76).

«Рабство смѣнилось крѣпостничествомъ, а послѣднее саларіатомъ» (стр. 78).

Въ слѣдующемъ отрывкѣ трудно разобрать, кто виноватъ—авторъ, не сумѣвшій толково изложить ученіе Фурье, или переводчикъ, не знающій самыхъ простыхъ научныхъ терминовъ:

«Съ соціальной точки зрѣнія и принимая во вниманіе только систему фаланстеровъ, мы должны признать, что соціетарный режимъ довольно близко напоминаетъ идеалъ нашихъ современныхъ консерваторовъ, напуганныхъ быстрыми успѣхами соціализма. Онъ способенъ привести лишь къ измѣненіямъ въ области распредѣленія, не касаясь при этомъ основъ присвоенія (вѣроятно, производства). Фурье можетъ, сколько ему угодно, увѣрять, что всякій членъ фаланстера является совладѣльцемъ всѣхъ земель и капиталовъ, принадлежащихъ группѣ, тѣмъ не менѣе остается справедливымъ, что, отвергая коммунизмъ, онъ самъ разоблачаетъ пустоту и безсодержательность своей формулы» (стр. 100).

Но Фурье коммунизма не отвергалъ. **П. В.**

La Revue Slave politique, littéraire et artistique. Tome premier. №№ 1 и 2. Парижъ. 1906.

Выходъ первой книги новаго всеславянскаго органа, тѣсно связаннаго съ нарождающимся славянскимъ союзомъ и благодаря французскому языку доступнаго для многихъ,—ожидался съ естественнымъ волненіемъ всѣми, кому дороги насущные интересы современнаго славянства. И впечатлѣніе отъ первыхъ книгъ получалось благопріятное, вызывая самыя лучшія пожеланія.

Новый славянскій органъ (адресъ редакціи: 50, rue Molitor XVI-e; годовая цѣна 30 фр.) не желаетъ повторять роковыхъ ошибокъ своихъ предшественниковъ, погибавшихъ отъ невниманія со стороны публики, и желаетъ быть независимой трибуной, открытой для всѣхъ мнѣній, особенно для мнѣній искреннихъ, которыя служатъ къ защитѣ славянъ вообще и славянскаго союза подъ моральнымъ протекторатомъ Россіи въ частности. Съ этой именно точки зрѣнія написано блестящее вступленіе отъ имени редакціи. Очевидно, оно принадлежитъ лицу съ широкой политической подготовкой, свободно отъ кабинетныхъ мечтаній и въ достаточной степени намѣчаетъ новую формулу «славянофильства» взамѣнъ старой—идеалистической и обреченной на погибель съ самаго ея зарожденія. Здѣсь мы не видимъ пышныхъ фразъ, стремящихся «объять абсолютъ» и искусственно подогрѣтыхъ авторами. Здѣсь дѣловымъ и яснымъ языкомъ говорится о томъ почтенномъ положеніи, которое занимаетъ въ Европѣ славянство, раскинувшееся отъ Эльбы до Урала и по своей численности равняющееся расамъ латинской или англо-германской. И если славянство до сихъ поръ еще занимаетъ второстепенное мѣсто въ культурно-политическомъ отношеніи, то для этого имѣются историческія оправданія, настолько же хорошо извѣстныя, насколько и печальныя. Съ устраненіемъ ихъ славянскій міръ вступаетъ въ новую эру. Теперь, когда другія расы своевременно и вполнѣ законно достигли высшихъ результатовъ, которые обыкновенно «ассигнуются» законами исторической эволюціи, и когда онѣ естественно должны итти на пониженіе, —взоры всего міра должны обратиться на славянъ, расу сравнительно молодую, полную силъ и моральной мощи. Для нихъ необходимъ союзъ, такой же союзъ, какъ германскій или итальянскій,

на время обновившіе старыя европейскія расы. Европейское же равновѣсіе отъ этого только выиграетъ,—и группа писателей, объединенная могущественной идеей реальнаго всеславянства, будетъ работать на страницахъ «Славянскаго Обозрѣнія» для осуществленія этой разумной и справедливой идеи. Программа славянскаго союза уже намѣчена въ статьѣ В. Сватковскаго (Несторъ) «L'Union Slave», а дальнѣйшая разработка ея принадлежитъ будущему.

Первыя книги составлены разнообразно, и видно, что журналъ удѣляетъ одинаковое вниманіе всѣмъ славянамъ. Интересенъ очеркъ дю-Понкрай о Сенкевичѣ и современной польской литературѣ, помѣщенный на первомъ мѣстѣ. Далѣе слѣдуетъ «Чехія, вообще голосованіе и венгерскій кризисъ»—Яна Ваничка, «Религіозная архитектура въ Старой Сербіи» (со снимками)—М. Димитріевича, «Александръ Ивановичъ Нелидовъ»—П. Соколовичъ, «Черногорская скупщина»—В. Племенина, «Болгарія на выставкѣ въ Льежѣ»—Х. Ф., «Хорватія предъ выборами»—д-ра Звонимировича, «Народное образованіе въ Сербіи» — Д. Поповича, «Пѣсни боснійско-герцеговинскія» — Ивана Коряка, «Государственная дума», «Международная лондонская конференція», наконецъ, экономическое и финансовое обозрѣніе, библіографія, театръ и т. д. Во второй книжкѣ помѣщены статьи: «Политическое положеніе въ Чехіи»—Л. Шмидта-Боше, «Ukraina irridenta»—Ст. Микульскаго, «Славянская солидарность»—Г. Бакларова, «Славянскіе артисты въ Парижѣ»—Ч. Порнанскаго, «Пазванъ Оглу»—Ю. Якшича и другія. На всѣхъ почти статьяхъ лежитъ печать освѣдомленности авторовъ и сочувствія ихъ славянской идеѣ. Редакціонная часть стоитъ нѣсколько ниже: вѣроятно, дѣло еще налаживается. Замѣтимъ. что въ проспектѣ, напечатанномъ на обложкѣ, лужичане (Lusace. Wendes en Saxes et Prusse) напрасно отнесены къ сербамъ. Кромѣ названія («лужицкіе сербы»), они вѣдь ровно ничего сходнаго не имѣютъ съ сербами и скорѣе относятся къ полякамъ. Во-вторыхъ, тотъ же проспектъ какъ будто даетъ понять, что будутъ забыты галичскіе малоруссы. Если это такъ, то редакція дѣлаетъ большую ошибку. **А. И. Яцимирскій.**

Б. Линскій. Политическій словарь. Спб. 1906.

Не претендуя на руководящее значеніе, небольшой словарикъ, составленный г. Линскимъ, имѣетъ цѣлью дать, съ одной стороны, общедоступное толкованіе терминовъ, употребляемыхъ въ политическомъ быту, а, съ другой, сообщить необходимыя свѣдѣнія о событіяхъ и дѣятеляхъ политической исторіи. Для массъ, впервые пріобщающихся къ участію въ управленіи страной, такой справочникъ можетъ сослужить хорошую службу, при условіи, конечно, вѣрности и точности содержащихся въ немъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи, при всемъ видимомъ желаніи составителя какъ можно лучше справиться съ своей задачей, трудъ его не свободенъ отъ упрека, и кое-гдѣ свѣдущій читатель замѣтитъ нежелательные промахи. Приведемъ для подтвержденія нѣсколько примѣровъ. Слово «оберъ-егермейстеръ» объяснено, какъ «управляющій придворной охотой». При королѣ-Солнцѣ, Людовикѣ XIV, создавшемъ

табель придворныхъ чиновъ, grand veneur дѣйствительно завѣдывалъ королевской охотой. Теперь же это—просто придворный чинъ, не имѣющій никакого отношенія къ охотѣ. При словѣ «конституанта» слѣдовало бы объяснить революціонное происхожденіе этого собранія, а не ограничиваться переводомъ французскаго названія, ибо не всякое учредительное собраніе будетъ конституантой. Но наиболѣе странную ошибку находимъ подъ словомъ «цивильный листъ». Составитель словаря увѣряетъ, что императоръ Вильгельмъ по цивильному листу получаетъ 1½ милл. марокъ, а англійскій король—576 тыс. фунтовъ стерлинговъ, при чемъ поясняетъ, что окладъ Эдуарда VII на наши деньги равняется почти 2 милл. рублей, а германскаго императора всего 700 тысячъ. Въ дѣйствительности, Вельгельмъ II получаетъ около 5 милл., а англійскій король, даже принимая указанную г. Липскимъ цифру, около 6 милл., такъ какъ фунтъ стерлинговъ равенъ 10 нашимъ рублямъ.

Второй недостатокъ словаря, на нашъ взглядъ, излишняя краткость. Такъ, приведя біографическія свѣдѣнія о Марксѣ, составитель отказывается изложить хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ его ученіе, отсылая читателей къ разнымъ популярнымъ брошюрамъ. Для той публики, на которую разсчитанъ словарь, пріобрѣтать брошюры, пожалуй, будетъ и затруднительно. Было бы лучше, если бы самъ словарь далъ имъ извѣстную полноту свѣдѣній. **А. Б.**

Отчетъ императорскаго Россійскаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1905 г. Москва. 1906.

Музей имени императора Александра III продолжаетъ расширяться, и число находящихся въ немъ памятниковъ постепенно все увеличивается. Такъ, въ отчетномъ году пришлось музею еще оборудовать нѣсколько комнатъ въ виду вновь поступившихъ разнородныхъ памятниковъ старины, которые значительно обогатили многія изъ его коллекцій. Большею частію, памятники были принесены музею въ даръ, среди которыхъ наиболѣе замѣчателенъ даръ П. И. Щукина, который пожертвовалъ свой частный музей, состоящій изъ однихъ почти предметовъ русской старины. Между прочимъ, музей почтеннаго мецената имѣлъ иконы XIV столѣтія, а собраніе матерій, особенно русской парчи, русскихъ и польскихъ кушаковъ, ковровъ и т. п. можно назвать единственнымъ среди частныхъ русскихъ коллекцій. Кромѣ того, въ отчетномъ году законченъ пріемъ и разборъ собранія древностей и библіотеки, отказанныхъ музею еще въ 1904 г. А. П. Бахрушинымъ. Въ общемъ относительно даровъ, говоритъ отчетъ, 1905 годъ останется въ лѣтописи историческаго музея самымъ достопамятнымъ годомъ.

Покупки музея значительно увеличили его богатства, если не по количеству (куплено всего 67 предметовъ), зато по древности памятниковъ. Такъ, среди купленныхъ предметовъ имѣются очень древніе; напримѣръ, панагія изъ свѣтлой бронзы XIII—XIV в.в., крестъ-складень русской работы XII—XIII в.в.

Какъ и въ предыдущіе годы, въ отчетномъ году музей посѣтили съ образовательной цѣлью подъ руководствомъ преподавателей многочисленныя группы

учениковъ и учениц изъ различныхъ учебныхъ заведеній—столичныхъ и провинціальныхъ. Число же всѣхъ лицъ, посѣтившихъ музей въ 1905 г.,—24.134.

Я. Вирюковъ.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1906 годъ. Выпускъ I и выпускъ II—III. М. 1906.

Въ первомъ выпускѣ 1906 г. «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ» заключаются небезынтересныя генеалогическія данныя о родствѣ дворянъ Нагихъ, Жулебиныхъ, Плещеевыхъ, Годуновыхъ, Телятевскихъ и др., извлеченныя изъ различныхъ источниковъ и, между прочимъ, изъ болѣе новаго — «Синодика Переславскаго Горицкаго монастыря» (М., 1902). Затѣмъ въ отдѣлѣ «Семейные архивы» помѣщенъ рядъ «документовъ къ родословной рода Арсеньевыхъ, собранныхъ В. С. Арсеньевымъ» и относящихся къ XVII и XVIII вѣкамъ, и «актовъ», рисующихъ «помѣстный бытъ XVII вѣка», изъ того же семейнаго архива Арсеньевыхъ.

Второй-третій выпускъ «Лѣтописи» весь посвященъ «Родословію князей Пожарскихъ», составленному Л. М. Савеловымъ. «Родословіе» это въ виду того, что авторъ использовалъ по возможности всѣ источники и детально провѣрилъ до сихъ поръ имѣвшееся въ печати о генеалогіи князей Пожарскихъ, является наиболѣе полнымъ и точнымъ. Въ «приложеніяхъ» къ нему, составляющихъ болѣе 50 страницъ, помѣщены новые, нигдѣ не напечатанные документы, заимствованные по преимуществу изъ грамотъ коллегіи экономіи, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

В. Р—въ.

Сборникъ ученo-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томы IX и X. Юрьевъ. 1905—1906.

Появившіеся за короткое время въ свѣтъ два тома трудовъ перваго русскаго ученаго общества при Юрьевскомъ университетѣ представляютъ большой интересъ по разнообразію и богатству своего содержанія.

Въ первомъ изъ названныхъ томовъ сборника (на 285 страницахъ) помѣщено девять статей. Книга начинается статьею профессора В. Г. Алексѣева: «Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы». Эта статья посвящена памяти выдающагося московскаго математика, научно-философскія идеи котораго (благодаря талантливому и художественному изложенію ихъ въ статьяхъ извѣстнаго публициста М. О. Меньшикова) знакомы большому кругу читателей. Между прочимъ, весьма интересными являются взгляды Н. В. Бугаева на постановку отечественнаго воспитанія и обученія по поводу предполагаемыхъ реформъ средней школы. Н. В. Бугаевъ является горячимъ поборникомъ того, чтобы школа озаботилась воспитаніемъ и развитіемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, потому что ощущенія даютъ реальное содержаніе и конкретную форму нашимъ представленіямъ, а слѣдовательно и нашимъ понятіямъ и сужденіямъ. Для развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ

прежде всего требуется гигіеническій уходъ за ихъ отправленіями, а затѣмъ упражненіе, этихъ органовъ при помощи изученія такихъ предметовъ. гдѣ приходится прибѣгать къ наблюденію дѣйствительности. природы, дѣлать описанія, сравненія, гдѣ имѣются формы и краски. Даже общими мускульными упражненіями нельзя пренебрегать, такъ какъ они способствуютъ правильному развитію всего организма вообще и органовъ внѣшнихъ чувствъ въ частности.

Вторая статья сборника М. І. Гредингера: «Къ характеристикѣ гражданскаго права лифляндскихъ крестьянъ», въ виду печальныхъ событій, происходящихъ въ настоящее время въ Прибалтійскомъ краѣ, имѣетъ не только мѣстное. но и общее значеніе для всѣхъ. кто интересуется современнымъ строемъ Прибалтійской окраины. Дѣйствующіе законы о лифляндскихъ крестьянахъ, говоритъ почтенный авторъ. вообще производятъ впечатлѣніе какой-то пестрой мозаики, состоящей изъ элементовъ, плохо согласованныхъ между собою, относящихся къ различнымъ историческимъ эпохамъ и кажущихся чѣмъ-то неготовымъ, нестройнымъ, разрозненнымъ и остановившимся въ своемъ развитіи. Множество неясностей, противорѣчій, недомолвокъ и. что еще хуже, историческихъ пережитковъ, сохраненіе которыхъ не можетъ быть оправдано сколько нибудь основательно. довершаетъ характеристику этого законодательства.

Совершенно справедливо замѣчаетъ М. І. Гредингеръ (по должности комиссара по крестьянскимъ дѣламъ. хорошо знакомый съ мѣстными условіями), что «почва для формулировки понятій о частныхъ правахъ крестьянъ вплоть до XIX столѣтія была крайне неблагодарна, въ виду полнаго порабощенія ихъ личности и неограниченной патримоніальной власти. Такая формулировка могла явиться только. какъ результатъ продолжительной борьбы противоположныхъ интересовъ, точно опредѣлившій для крестьянъ извѣстную мѣру индивидуальной свободы» (стр. 76).

Само собою разумѣется. что нынѣшній балтійскій гражданскій кодексъ, главное достоинство котораго, по словамъ его защитниковъ, состоитъ въ томъ, что онъ. оставаясь на исторической почвѣ, глухъ и безпощаденъ къ нуждамъ обездоленныхъ, не имѣетъ права на дальнѣйшее существованіе.

Слѣдующая статья принадлежитъ перу инспектора народныхъ училищъ М. А. Тростникова и носитъ заглавіе: «Обученіе сознательному чтенію», на основаніи опытовъ самого автора.

Далѣе помѣщены: рѣчь при открытіи студенческаго педагогическаго кружка при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ: «Объ основахъ педагогической дѣятельности», сказанная въ день открытія кружка его предсѣдателемъ, доц. Н. К. Грунскимъ, и первый студенческій рефератъ, читанный въ засѣданіи этого кружка студентомъ, Л. Ильинскимъ, посвященный памяти славнаго русскаго дѣятеля, имя котораго тѣсно связано съ Юрьевскимъ университетомъ, Н. И. Пирогова, при чемъ г. Ильинскій весьма талантливо представилъ дѣятельность знаменитаго ученаго въ области русской педагогики и его взгляды на задачи воспитанія и школы. Анализируя общество, Пироговъ находитъ, что оно въ сущности представляетъ собою инертныя толпы—больші

и мелкія. Общее между всѣми этими, двигающимися по инерціи, толпами одно— отсутствіе истиннаго идеала. Членамъ толпы недоставало одного общаго идеала: идеала человѣка-гражданина. Воспитаніе и школа шли лишь за жизнью и требованіями ея—они приготовляли чиновниковъ различныхъ категорій, нисколько не заботясь о приготовленіи людей. При такомъ положеніи дѣлъ ждать истиннаго прогресса, конечно, невозможно. Истинный прогрессъ возможенъ лишь при наличности существованія людей-гражданъ, преданныхъ дѣлу и родинѣ.

Для коренного образованія чего бы то ни было нужны не одни новые законы, а новые люди. Кто искренно желаетъ истиннаго прогресса, тотъ не долженъ много разсчитывать на дѣйствія такихъ мѣръ, какъ перемѣна уставовъ, распредѣленій и проч., которыя однѣ, сами по себѣ, хотя и быстро измѣняютъ, но только не сущность дѣла, а форму. Между тѣмъ, первое и главное условіе прогресса есть твердая вѣра въ образовательную, творческую силу человѣческой личности. Безъ нея всѣ хитросплетенные уставы—мертвая буква.

Вопросу дня посвящена слѣдующая статья профессора М. Красножена: «Къ вопросу о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости», въ которой авторъ дѣлаетъ попытку содѣйствовать успѣшному разрѣшенію «этого для всѣхъ дорогого и важнаго, но въ то же время трудно разрѣшимаго», вопроса. Лучше всего этотъ вопросъ разрѣшенъ въ завѣтѣ, оставленномъ намъ императоромъ Аксксандромъ III: православной церкви господство; каждой вѣрѣ почитаніе; русской народности подобаетъ всеобъединяющая и все подчиняющая сила; но каждой народности да будетъ свобода во всемъ, что этому объединенію и подчиненію не препятствуетъ. Иной формулы, если наше отечество хочетъ и впредь остаться православнымъ Русскимъ государствомъ, придумать нельзя.

Весьма интересною является также статья профессора С. К. Богушевскаго, посвященная современному и весьма важному для Прибалтійскаго края вопросу,—«Объ оцѣнкѣ земель въ Лифляндской губерніи».

Въ концѣ сборника помѣщены работы П. С. Продана: «Организація души» и профессора М. Е. Красножена: «Современные вопросы».

Въ X томѣ сборника, послѣ официіальнаго отчета о дѣятельности общества 1904—1905 г., помѣщена статья профессора М. Е. Красножена: «Къ вопросу объ университетской реформѣ».

Университетъ, какъ говоритъ А. С. Хомяковъ, какъ высшее изъ всѣхъ государственныхъ училищъ, опредѣляетъ значеніе всѣхъ остальныхъ. Его процвѣтаніе есть процвѣтаніе всѣхъ, его паденіе—ихъ паденіе. Это паденіе нашихъ университетовъ въ настоящее время для всѣхъ очевидно. По мнѣнію профессора Красножена, это паденіе вызывается не одними только недостатками дѣйствующаго устава 1884 г. Вообще, наши университетскіе уставы мѣняются слишкомъ часто; въ теченіе своей недолговѣчной сравнительно съ западно-европейскими университетами жизни, наши университеты пережили цѣлый рядъ уставовъ, а именно 1755, 1804, 1835, 1863 и 1884 г.г., при чемъ начала университетской жизни, положенныя въ этихъ уставахъ, рѣзко различаются между собою. Процвѣтаніе высшей школы зависитъ не столько

отъ уставовъ, сколько отъ дѣятелей этой школы. Авторъ отмѣчаетъ рядъ прискорбныхъ случаевъ при нынѣшнемъ порядкѣ присужденія ученыхъ степеней и замѣщенія вакантныхъ каѳедръ, когда главное значеніе въ этомъ отношеніи играли не научныя достоинства кандидатовъ, а принадлежность ихъ къ той или другой партіи, имѣющей въ данное время большинство въ факультетѣ или университетскомъ совѣтѣ; въ интересахъ науки онъ требуетъ упорядоченія какъ въ дѣлѣ присужденія ученыхъ степеней, такъ и въ дѣлѣ замѣщенія вакантныхъ каѳедръ, и предлагаетъ рядъ мѣръ, которыя должны быть приняты для устраненія тѣхъ ненормальныхъ явленій, которыя печально отражаются на личномъ составѣ преподавательскаго персонала нашихъ университетовъ. Въ концѣ статьи профессора М. Е. Красножена указаны главнѣйшія особенности Юрьевскаго (бывшаго Дерптскаго) университета.

Вторая статья X тома: «О произведеніи Жюля-Верна: «Un drame en Livonie», принадлежитъ перу I. I. Змигродскаго. Въ ней авторъ касается одного изъ послѣднихъ сочиненій знаменитаго художника-писателя († 11 марта 1905 г.), которое относится къ Прибалтійскому краю и отчасти къ г. Юрьеву и Юрьевскому университету. Въ этомъ произведеніи Жюль-Вернъ предвидитъ борьбу между русскими славянскаго происхожденія и русскими нѣмецкаго происхожденія и затрудняется сказать, кто одержитъ верхъ, хотя симпатіи автора замѣтно на сторонѣ русскихъ съ ихъ союзниками, латышами и эстами.

Далѣе слѣдуетъ сообщенное г. Н. А. Скрябинымъ неизданное письмо В. А. Жуковскаго къ О. Розенбергеру, бывшему съ 1814 по 1837 г. директоромъ тогдашней Дерптской гимназіи. Письмо это хранится въ архивѣ этой гимназіи.

Двѣ послѣднія обширныя статьи профессора В. Г. Алексѣева: «Гольдене Ауэ и Киффгайзеръ, какъ плоды воспитательнаго обученія въ духѣ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта», и «О развитіи дѣла воспитательнаго обученія въ трудахъ Коменскаго, Песталоцци и Гербарта», находятся въ тѣсной связи между собой. Гольдене Ауэ (т.-е. Золотой Лугъ), гдѣ, по народному выраженію, «золото ростетъ изъ земли», есть плодороднѣйшая равнина Германіи, заключенная между горами Гарца и Тюрингіи; своимъ процвѣтаніемъ она обязана дѣлу воспитательнаго обученія въ духѣ означенныхъ великихъ педагоговъ-мыслителей. Авторъ сообщаетъ весьма интересныя біографическія свѣдѣнія о Коменскомъ, Песталоцци и Гербартѣ, имена коихъ пользуются въ настоящее время у нѣмецкихъ педагоговъ большимъ уваженіемъ, и даетъ характеристику дѣятельности этихъ реформаторовъ современнаго обученія-воспитанія германскаго народа, поднявшихъ на значительную высоту какъ матеріальное благосостояніе, такъ и развитіе общественности этого народа.

Къ X тому сборника приложено содержаніе первыхъ десяти томовъ сборника. **М. Г. К.**

Фонъ-Реймерсъ. Инженерныя войска въ Японской арміи. Спб. 1906.

Недавно конференція Николаевской инженерной академіи присудила Михайловскую премію капитану фонъ-Реймерсу за небольшую книжку объ «Инже-

нерныхъ войскахъ японской арміи», составленную имъ по японскимъ источникамъ. Книжка эта, а также и нѣкоторыя другія свѣдѣнія объ организаціи и обученіи японскихъ войскъ, были изданы въ началѣ войны и слѣдовательно могли ознакомить съ непріятелемъ, хотя, конечно, было бы лучше, если бы всѣ эти свѣдѣнія имѣлись въ штабахъ заблаговременно.

Впрочемъ уставы и инструкціи только тогда имѣютъ значеніе, когда ихъ знаютъ и умѣютъ примѣнять на дѣлѣ. Дѣйствительная же подготовка къ войнѣ и духъ японской арміи не были достаточно извѣстны нашимъ войскамъ, хотя обстоятельства этому и благопріятствовали.

Достаточно вспомнить, что въ 1900 г., во время похода на Пекинъ, японскія войска дѣйствовали вмѣстѣ съ прочими европейскими отрядами, подъ общимъ руководствомъ сначала генерала Стесселя, а потомъ генерала Линевича. Такимъ образомъ на опытѣ дѣйствительной войны мы имѣли полную возможность изучить достоинства и недостатки нашихъ будущихъ враговъ. Такой случай рѣдко представляется. Послѣ китайской экспедиціи мнѣ приходилось говорить съ нѣкоторыми офицерами, принимавшими въ ней участіе, и я вынесъ изъ ихъ разсказовъ впечатлѣніе, что японскія войска очень хороши. Одинъ изъ нихъ съ весьма понятною гордостью сказалъ, что лучше всѣхъ были наши, но что и японцы весьма выдѣлялись передъ прочими, даже превзошли своихъ учителей-нѣмцевъ.

Однако среди старшихъ начальниковъ мнѣніе о японцахъ рѣзко раздѣлилось. Такъ, напримѣръ, генералъ Гродековъ, въ то время командующій войсками Пріамурскаго округа и бывшій нѣсколько разъ въ Японіи, считалъ японскія войска очень хорошими и войну съ ними весьма серьезной, а потому опасной. Другой генералъ, даже принимавшій участіе въ Пекинскомъ походѣ, отзывался о нихъ презрительно и называлъ ихъ «дрянью». Такое мнѣніе, хотя съ перваго взгляда кажется легкомысленнымъ, въ сущности объяснялось тѣмъ, что старый служака, видѣвшій въ своемъ боевомъ прошломъ гораздо болѣе побѣдъ, чѣмъ неудачъ, не могъ себѣ представить, чтобъ какіе-то маленькіе «япошки» могли побѣдить знаменитую русскую армію.

Не задолго до войны въ Японіи состоялись большіе маневры, на которые были допущены и иностранные офицеры. Генералъ Гродековъ поручилъ штабъ-офицеру, бывшему на маневрахъ, познакомить офицеровъ округа съ впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ Японіи, но послѣ перваго же сообщенія, крайне недовольный его пренебрежительнымъ отношеніемъ къ японцамъ, онъ приказалъ сообщенія прекратить. Въ Петербургѣ, наоборотъ, одинъ офицеръ, принимавшій участіе въ китайскомъ походѣ и чрезмѣрно восхвалявшій въ своемъ сообщеніи японцевъ, подвергся за это строгому осужденію со стороны начальства.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что войска нужно пріучать преклоненію передъ непріятелемъ и считать, что у него все хорошо, а у насъ все скверно, но, тѣмъ не менѣе, начальники должны, сколь возможно, быть ознакомлены со свойствами непріятеля, съ его вооруженіемъ, тактикой и психологіей. Для этого существуютъ военные агенты, и если они не могутъ дать надлежащихъ свѣдѣній, то они и не нужны.

Вообще не слѣдуетъ презирать никакого непріятеля, ни слабаго, ни сильнаго.

Возвращаюсь къ книжкѣ фонъ-Реймерса. Разсмотрѣвъ подробно постановку полевого инженернаго дѣла въ японскихъ войскахъ, авторъ отмѣчаетъ три главныя его особенности. Во-первыхъ, у японцевъ пѣхота и артиллерія должны умѣть производить всѣ простѣйшія инженерныя работы для себя самостоятельно, безъ помощи инженерныхъ войскъ. Это очень важно и у насъ до сихъ поръ не достигнуто. Вторая особенность заключается въ томъ, что процентное содержаніе инженерныхъ войскъ у японцевъ гораздо больше, чѣмъ въ прочихъ арміяхъ (батальонъ на дивизію). Кромѣ того, инженерныя войска не держатся въ тылу арміи, а назначаются въ авангардъ и въ арьергардъ.

Относительно послѣдняго замѣчу, что мнѣ не совсѣмъ понятно, почему это составляетъ особенность японской арміи. Во всѣхъ правильно организованныхъ отрядахъ саперы придаются къ авангарду.

Первая глава книжки посвящена историческому обзору развитія японской арміи. Изъ этого обзора видно, что учрежденіе регулярной арміи въ Японіи на основахъ всеобщей воинской повинности началось въ 1871 г. До этой эпохи какихъ нибудь 30 лѣтъ назадъ войска имѣли средневѣковый характеръ и были вооружены холоднымъ оружіемъ. Въ 1882 г. великая реформа была закончена, въ томъ же году былъ обнародованъ манифестъ микадо, послужившій основаніемъ для организаціи военнаго образованія.

Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого манифеста:

«Военный долженъ вмѣнять себѣ въ обязанность раньше всего вѣрноподданность.

«Даже и въ хорошо организованной арміи, входящій въ составъ ея воинъ, не обладающій чувствомъ любви къ родинѣ, будетъ плохимъ военнымъ. Военная сила есть защита государства и его правъ, и развитіе государства зависитъ отъ состоянія военной силы. Военный не долженъ касаться политики, долженъ строго выполнять свои служебныя обязанности, стоять твердо за правду, быть всегда справедливымъ и честнымъ и не дорожить своею жизнью, видя въ ней лишь каплю цѣлаго.

«Всѣ военные должны соблюдать между собою вѣжливость въ обращеніи, боясь чѣмъ либо оскорбить честь товарища. Приказаніе старшаго всѣ должны исполнять, какъ мое приказаніе. Если между военными не будетъ уваженія, т.-е. если низшіе не будутъ уважать старшихъ, а послѣдніе не будутъ заботиться о низшихъ, и между ними не будетъ духовной связи, то такая воинская часть будетъ вредомъ не только для арміи, но и для всего государства.

«Военные должны уважать храбрость, помня, что это природное свойство японцевъ, почему каждый долженъ быть храбрымъ, иначе онъ уже не японецъ...

«Истинно храбрый не долженъ пренебрегать слабымъ непріятелемъ и не долженъ бояться сильнаго, долженъ всегда одинаково исполнять свои обязанности, чтобъ не проиграть дѣла. Къ другимъ людямъ долженъ относиться

мягко, не хвалиться передъ ними своею храбростью и быть осмотрительнымъ, чтобы не заслужить порицанія за неумѣстную горячность.

«Каждый воинъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ.

«Каждый воинъ долженъ быть умѣреннымъ въ своей жизни, такъ какъ любовь къ роскоши портитъ военный характеръ, заставляетъ желать еще большаго, порождаетъ жадность и убиваетъ храбрость. Если между вами найдется хотя одинъ съ наклонностью къ роскоши, то и этого довольно, чтобы, подобно заразительной болѣзни, это чувство распространилось на всю армію. Боясь этого, я давно уже издалъ указъ о наказаніи за излишество, а теперь снова повторяю и прошу васъ: воины, не думайте, что это мое требованіе пустое, а старайтесь быть какъ можно умѣреннѣе въ своихъ привычкахъ»..

А. В.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1906 годъ. Книга вторая. Издана подъ завѣдываніемъ Е. И. Барсова. М. 1906.

Содержаніе второй книги «Чтеній» Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ за 1906 г. составляетъ «Археологическій атласъ» ко второй половинѣ перваго тома «Исторіи русской церкви», написанной Е. Е. Голубинскимъ. Во второй половинѣ перваго тома своей «Исторіи» академикъ Е. Е. Голубинскій сообщаетъ свѣдѣнія объ архитектурѣ храмовъ и о нихъ «внутреннемъ богослужебно-молитвенномъ убранствѣ», о различныхъ храмовыхъ принадлежностяхъ, о богослужебныхъ одеждахъ и одѣяніи монаховъ. Давнишняя его мысль для болѣе яснаго представленія изобразить все это на рисункахъ не могла осуществиться до тѣхъ поръ, пока не увеличились его собственныя средства, съ избраніемъ въ дѣйствительные члены академіи наукъ, и не пришелъ на помощь душеприказчикъ А. К. Мѣдниковой, Н. А. Цвѣтковъ. Рисунки, «взятые и подобранные изъ книгъ и вообще съ готовыхъ снимковъ», расположены въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ идетъ рѣчь объ изображаемыхъ предметахъ и въ книгѣ. Рисункамъ предшествуетъ объяснительный текстъ.

На I листѣ рисунковъ (всѣхъ листовъ 63) изображены римскія классическія или дохристіанскія базилики; на II—IV—христіанскія: римская Константинова базилика св. апостола Петра, построенная въ 324 г. и за ветхостью разобранная въ 1450 г., «чтобы быть замѣненною нынѣшней знаменитой базиликой»; римская базилика св. апостола Павла, построенная за городомъ въ 386—395 г.г. и послѣ пожара 1823 г. вновь возобновленная (1854 г.), и др.; на листахъ V—VIII представлены ротонды дохристіанскія и христіанскія, во главѣ съ римскимъ Пантеономъ, построеннымъ въ 25 г. до Р. Х., и октогоны христіанскіе. Далѣе—рядъ рисунковъ, изображающихъ св. Софію Константинопольскую (въ текстѣ даны объясненія Греота), рядъ образцовъ константинопольскихъ и солунскихъ «нѣсколькокупольныхъ церквей» и образцовъ грузинской и армянской церковной архитек-

туры. Послѣ этого только идутъ русскія церкви (лл. XXIV—XLV). Первымъ изъ нихъ поставленъ Черниговскій соборъ, затѣмъ Кіево-Софійскій и Новгородскій Софійскій, съ церквами, построенными послѣ того и другого собора. За ними въ особую группу выдѣлены Суздальско-Переяславско-Владимирскія церкви (Владимирскіе: Успенскій и Дмитріевскій соборы; Георгіевскій въ Юрьевѣ Польскомъ и пр.).

Слѣдующія затѣмъ десять деревянныхъ церквей относятся къ XVI—XVIII вѣкамъ; изъ нихъ древнѣйшія—Кольскій соборъ (Архангельской губерніи); церкви Кижскаго и Вытегорскаго погостовъ (Олонецкой губерніи) и др.

Съ л. XLVI по LI идутъ «алтарныя преграды», наглядно изображающія постепенное ихъ образованіе въ греческихъ храмахъ, грузинскихъ и русскихъ. О послѣднихъ на страницѣ 28 читаемъ: «русскихъ алтарныхъ преградъ домонгольскаго періода мы вовсе не имѣемъ ни описаній, ни изображеній, а знаемъ о нихъ только то, что онѣ были». Въ атласѣ же даются изображенія: 1) «предполагаемая нами преграда Кіевскаго Софійскаго собора, 2 и 3) двѣ вообще предполагаемыя нами преграды и 4) заступившая у насъ мѣсто преграды глухая, но тябло вышиной, выкладенная изъ камня или кирпича стѣнка, которую находимъ въ позднѣйшихъ нашихъ церквахъ, но которая, можетъ быть, явилась у насъ еще въ періодъ домонгольскій».

Послѣ изображеній амвоновъ и мозаики Кіево-Софійскаго собора заключительными рисунками являются «богослужебныя одежды» (21 рис.), «небогослужебное одѣяніе духовенства» (4 рис.), одры, гробы и раки (5 рис.), «шейныя иконки — амулеты, носящіе названіе змѣевиковъ», и, наконецъ, одежды монаховъ. На одномъ изъ 11 рисунковъ послѣднихъ изображены монахи въ малыхъ мантіяхъ—Андрей Рублевъ и Даніилъ Черный, расписывающіе, стоя на подмосткахъ, стѣну Троицкаго собора въ Сергіевомъ монастырѣ, построеннаго преемникомъ преп. Сергія, преп. Никономъ, а на другомъ, подъ заглавіемъ: «игуменъ русскій XIV вѣка» въ рясѣ, мантіи и клобукѣ, съ посохомъ,—преп. Сергій Радонежскій. **В. Рудаковъ.**

Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ II. Латинскіе писатели. Выпускъ II. Съ географической картой. Спб. 1906.

Этимъ выпускомъ заканчивается огромный трудъ, необходимость въ которомъ доказывалъ еще 50 лѣтъ тому назадъ извѣстный П. М. Леонтьевъ въ «Пропилеяхъ»: «Весьма было бы желательно, чтобы одно изъ русскихъ ученыхъ обществъ предприняло издать собраніе всѣхъ мѣстъ древнихъ писателей, относящихся къ исторіи и древностямъ сѣвернаго берега Чернаго моря... Тогда бы всѣ любознательные обитатели края, и незнакомые съ греческимъ языкомъ и греческою литературою, могли сличать показанія древнихъ съ мѣстностями, которыя всегда будутъ извѣстнѣе туземнымъ жителямъ, нежели заѣзжимъ»... На ряду съ этимъ подобное собраніе необходимо имѣть каждому филологу, историку, этнографу, такъ какъ за исключеніемъ нѣсколькихъ

университетскихъ городовъ нигдѣ болѣе не найдется ни общественной ни частной историко-филологической библіотеки, которая бы заключала всѣ тѣ сочиненія древнихъ писателей, извлеченія изъ которыхъ сдѣланы почтеннымъ академикомъ. Но, несмотря на неотложность такого сборника, указанную Леонтьевымъ, и даже планъ подобнаго труда, разработанный секретаремъ отдѣленія императорскаго Русскаго археологическаго общества, Р. Минцловымъ, и предложенный общему собранію въ 1853 г., въ запискахъ общества стали появляться время отъ времени лишь разрозненныя извлеченія древнихъ авторовъ, часто съ невѣрными переводами. Это заставило археологическое общество еще разъ уже въ 1884 г. въ программѣ VI съѣзда выставить желаніе: «составить сводъ всѣхъ извѣстій древнихъ о сѣверномъ и восточномъ побережьѣ Чернаго моря и южной Россіи вообще въ переводѣ и съ поясненіями», а Московское археологическое общество поставило подобную задачу, какъ тему на соисканіе преміи въ 1890 г. Однако первая въ этомъ родѣ попытка К. Гана: «Сборникъ извѣстій древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ» (въ 1884 г. вышелъ I томъ, а II—въ 1889 г.), не удовлетворила научнымъ требованіямъ, и только академикъ В. В. Латышевъ, извѣстный и чуть ли не единственный знатокъ эпиграфики южной Россіи и издатель знаменитаго «Свода надписей», среди другихъ ученыхъ трудовъ выполнилъ эту задачу въ 12 лѣтъ, такъ что его трудъ сдѣлается теперь настольной книгой не только ученыхъ историковъ и филологовъ, но и каждаго историка-преподавателя. Первый томъ (II выпускъ) появился, какъ приложеніе къ «Запискамъ императорскаго археологическаго общества» въ 1893 г., въ видѣ огромнаго тома въ 935 страницъ, гдѣ одинъ алфавитный списокъ авторовъ, изъ которыхъ сдѣланы извлеченія, занимаетъ 5 страницъ (II выпускъ вышелъ въ 1896 г.). Уже этимъ томомъ почтенный авторъ положилъ себѣ еще новый бѣлый камень, а не камешекъ въ колчанъ, если бы подражалъ скиѳамъ, о которыхъ на стр. 859 въ I томѣ въ Собират. пословицъ читаемъ: «Филархъ говоритъ, что скиѳы передъ отходомъ ко сну опускаютъ въ колчанъ или бѣлый камень, если день прошелъ удачно, или черный, если провели его неудачно. Счастливцемъ считался тотъ, у кого къ концу жизни бѣлыхъ оказывалось больше, чѣмъ черныхъ». Но вслѣдъ за этимъ томомъ появился въ 2-хъ выпускахъ II томъ (въ 1904 и 1906 г.г.)—«Латинскіе писатели», съ географической картой Чернаго моря и Кавказа, составленной самимъ авторомъ. Этимъ, впрочемъ, не заканчивается трудъ, требующій огромной начитанности и глубокой эрудиціи: здѣсь собраны только подлинные тексты писателей изъ лучшихъ критическихъ изданій, снабжены точнымъ и правильнымъ по языку переводомъ и существенно необходимыми краткими примѣчаніями. Подробный комментарій, представляющій массу трудностей и требующій многолѣтнихъ трудовъ, обѣщаетъ дать намъ авторъ въ будущемъ, равно какъ и продолженіе этихъ двухъ томовъ, доведенныхъ до IV вѣка по Р. Хр.—собраніе свидѣтельствъ византійскихъ писателей объ этихъ временахъ, а потомъ и позднѣйшихъ. Зная трудоспособность автора, мы увѣрены, что онъ вскорѣ выполнитъ свое намѣреніе и подаритъ русской наукѣ сочиненіе, которое нисколько не уступитъ подобнымъ ему въ другихъ странахъ—Германіи и Франціи. Hoc est in votis.

Каждый томъ снабженъ объяснительными указателями именъ и предметовъ, картами, сравнительными таблицами мѣръ и вѣсовъ, библіографическими указателями, замѣняющими до извѣстной степени постоянный комментарій. Не касаясь уже разобраннаго I тома, укажемъ, что въ первомъ выпускѣ II тома приведены свидѣтельства болѣе 60 писателей съ переводомъ автора и отчасти другихъ лицъ, его бывшихъ слушателей, которыхъ онъ имѣетъ обыкновеніе привлекать къ ученой работѣ и своимъ руководствомъ образовывать и направлять молодыя силы, изъ которыхъ со времени выхода I тома нѣкоторые помощники уже заняли почетное мѣсто въ наукѣ, напримѣръ, профессоръ А. I. Малеинъ.

Исправленіемъ переводовъ своихъ помощниковъ занимался самъ авторъ, не новичекъ и въ этомъ дѣлѣ, насколько можно судить по поэтическимъ переводамъ древнихъ, помѣщавшимся въ различныхъ журналахъ и изданнымъ отдѣльно въ 1898 г. (Переводы древнихъ поэтовъ—В. В. Л.), но, къ сожалѣнію, не поступавшимъ въ продажу, по присущей всѣмъ vere doctis viris скромности. Изъ другихъ помощниковъ упомянемъ переводы г.г. Зоргенфрея, Селиванова, Цвѣткова. Второй выпускъ даетъ намъ извлеченія чуть ли не изъ 150 авторовъ, въ томъ числѣ 16 безыменныхъ сочиненій, начиная съ землеописанія Г. Юлія Солина, компилятора III вѣка по Р. Хр., и заканчивая стихотвореніемъ изъ одной Ватиканской рукописи объ императорѣ Траянѣ, «который славнымъ побѣдителемъ проникъ до живущихъ на краю свѣта индійцевъ, послалъ подъ иго воинственныхъ арабовъ и колховъ, прогналъ изъ Арменіи пароянъ, покорилъ Вавилонъ и далъ царя албанцамъ».

Интересно въ этомъ выпускѣ показаніе Аврелія Клемента (др. христіанскій поэтъ, род. въ 348 г.), что «по скиѳскому благочестію юноша низвергаетъ съ обѣтнаго моста одряхлѣвшаго отца», и подтвержденіе Хирія Фортунатіана (IV вѣка по Р. Хр., въ риторическомъ учебникѣ), что одинъ скиѳъ въ Аѳинахъ сбросилъ 60-ти-лѣтняго отца съ моста и былъ обвиненъ въ отцеубійствѣ. Онъ говорилъ, что «сдѣлалъ это по обычаю своего племени».

По Евхерію, епископу ліонскому (434—450), «Андрей умягчилъ проповѣдью скиѳовъ». Это выраженіе «умягчилъ» намъ кажется слишкомъ близкимъ и точнымъ къ тексту, какъ и переводъ въ стихотвореніи Соллія Сидонія, гдѣ «обезславленный слонъ уходитъ съ обрѣзаннымъ для Босфорскихъ податей ртомъ», хотя, конечно, цѣнность имѣли отрѣзанные клыки-бивни, а ротъ оставался цѣлъ (стр. 419). **О. Г—въ.**

Kaucasus. Reisen und Forschungen im Kaucasischen Hochgebirge, von Moritz von Dechy, in drei Bänden. Berlin. 1905.

Это изслѣдованіе, изящно изданное, заключается въ двухъ огромныхъ книгахъ (болѣе 700 стр.). Экскурсія въ горахъ Кавказа предпринята была при содѣйствіи русскаго правительства, русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Авторъ приноситъ благодарность, между прочимъ, доктору В. Фрешфильду, извѣстному альпинисту и путешественнику по Кавказу. Описаніе слѣдуетъ изъ Будапешта

черезъ Одессу, Крымъ, Ростовъ и Владикавказъ. Отсюда авторъ посѣтилъ группу Адайхотъ, переправился изъ Ардонской долины къ Уруху, далѣе въ Балькарію, Чечню, Баксанъ; всходилъ на Эльбрусъ, перебрался въ Сванетію; совершилъ переправу чрезъ Малиссонскій перевалъ въ Кабарду и вездѣ производилъ изслѣдованія глетчеровъ, ледниковъ, минеральныхъ богатствъ, этнографическія и геологическія изысканія. Во второмъ томѣ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о путешествіи въ горахъ Чечни, Хевсуретіи, Дагестана, о пребываніи въ Кахетіи, на Кубани, восхожденіи на Казбекъ. Изданіе снабжено прекрасными видами, рисунками, картой, «указателями». Работа исполнена съ большой тщательностью и съ глубокимъ знаніемъ края. Трудъ этотъ займетъ почетное мѣсто въ литературѣ по кавказовѣдѣнію, въ особенности же въ области географическаго изученія края. Къ сожалѣнію, приходится вновь отмѣтить, что иностранцы дѣлаютъ больше по изслѣдованію Кавказа, чѣмъ русскіе ученые.

А. Х—въ.

Спицынъ, А. Производство археологическихъ раскопокъ. Спб. 1906.

Въ этой брошюрѣ авторъ собралъ въ систему всѣ тѣ необходимые пріемы, которые выработали наши ученые археологи при производствѣ раскопокъ, и для начинающихъ археологовъ поэтому руководство г. Спицына вещь ненеобходимая. Авторъ даетъ не одни только практическіе совѣты, какъ производить раскопки, на что слѣдуетъ обращать вниманіе при этомъ, но даетъ еще иллюстраціи, что значительно помогаетъ археологу оріентироваться въ любомъ мѣстѣ производства раскопокъ. Содержаніе этой небольшой брошюры (въ ней всего 70 стр.) слѣдующее. Первая глава посвящена инвентарю археолога и общему обзору основныхъ пріемовъ работъ. Вторая глава говоритъ объ изслѣдованіи мѣста и обстановки погребенія. Здѣсь авторъ болѣе подробно трактуетъ, чѣмъ въ первой, о раскопкахъ всевозможныхъ кургановъ, какъ находить ихъ, какой выбрать пріемъ раскопки кургана и т. п. Въ третьей главѣ авторъ даетъ свѣдѣнія о способахъ погребенія древними и какъ сообразно съ этимъ производить раскопки всевозможныхъ кургановъ-могильниковъ и т. д. Четвертая, пятая и шестая главы посвящены вопросу, какъ производить раскопки городищъ, древнихъ поселеній, костищъ (т.-е. скопленія костей), стоянокъ каменнаго вѣка, сооруженій свайныхъ и т. п. Седьмая глава вкратцѣ говоритъ о памятникахъ древности смѣшаннаго характера, какъ-то: мегалитическихъ памятникахъ, каменныхъ бабахъ, водопроводахъ, каналахъ и т. д.

Я. Бирюковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

НОВЫЙ апокрифъ. Недавно найденъ въ Лазаритской библіотекѣ, въ Римѣ, рѣдкій документъ, и если бы онъ былъ дѣйствительно подлинный, то представлялъ бы самый драгоцѣнный изъ всѣхъ найденныхъ древнихъ документовъ. Онъ относится къ личности Христа и состоитъ изъ письма прокуратора Іудеи, Публія Лентулія, къ римскому кесарю. Въ немъ говорится: «Прокураторъ Іудеи, Публій Лентулій, римскому кесарю. Я узналъ, о кесарь, что ты желаешь имѣть свѣдѣнія о добродѣтельномъ человѣкѣ, по имени Іисусѣ Христѣ и котораго народъ считаетъ пророкомъ, а его ученики—сыномъ Бога, создателя неба и земли. Дѣйствительно, кесарь, ежедневно говорятъ о немъ чудеса; коротко сказать: онъ воскрешаетъ мертвыхъ и исцѣляетъ больныхъ. Это—человѣкъ средняго роста, на его лицѣ отпечатаны мягкость и вмѣстѣ съ тѣмъ такое достоинство, что, глядя на него, чувствуешь себя обязаннымъ любить его и въ то же время бояться. Съ макушки до ушей его волосы цвѣта зрѣлыхъ орѣховъ, а отъ ушей и до плечъ они свѣтлые и блестящіе; они раздѣлены проборомъ, согласно назарейскому обычаю. Его борода того же цвѣта, какъ и волосы, и курчавая. Хотя она не длинна, но раздѣлена на обѣ стороны. Его строгіе глаза блестятъ, какъ лучъ солнца; никто не можетъ смотрѣть ему въ лицо. Когда онъ кого нибудь упрекаетъ, то внушаетъ страхъ, но затѣмъ вскорѣ принимается плакать. Даже когда онъ строгъ, то привѣтливъ и доброжелателенъ. Говорятъ, что его никогда никто не видѣлъ смѣющимся; напротивъ, часто онъ проливалъ слезы. Кисти его рукъ такъ же прекрасны, какъ и руки. Всѣ находятъ его разговоры пріятными и назидательными. Его рѣдко увидишь въ народѣ но когда онъ появляется, то очень скромно. Его мать — самая красивая женщина, какую только видѣли въ этой странѣ. Если ты хочешь съ нимъ познакомиться, какъ ты мнѣ однажды писалъ, то увѣдомь меня тотчасъ же объ

этомъ, и я его пришлю къ тебѣ. Хотя онъ никогда не учился, но знаетъ всѣ науки. Онъ ходитъ босой, съ обнаженной головой. Многіе смѣются надъ нимъ издали, но, встрѣтясь съ нимъ лицомъ къ лицу, дрожатъ предъ нимъ и любуются имъ. Евреи говорятъ, что никогда не видѣли подобнаго ему человѣка и съ такими познаніями, какъ у него. Многіе вѣрятъ, что онъ—Богъ, другіе полагаютъ, что онъ—твой врагъ, о кесарь. Эти злые евреи мнѣ надоѣдаютъ со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что онъ никогда не опечалилъ ни одного человѣка, а напротивъ старался всѣми силами сдѣлать всѣхъ счастливыми». Этотъ документъ вызываетъ безконечные споры, и оказывается, что въ различныхъ старинныхъ сочиненіяхъ были приведены почти тождественные варіанты. По словамъ однихъ, это письмо было найдено въ рукописяхъ апостоловъ первыхъ годовъ нашей эры. Затѣмъ увѣряли, что его нашли въ архивахъ римскаго сената. Всѣ отрицаютъ его подлинность, ссылаясь на то, что, еслибъ оно относилось дѣйствительно къ началу христіанской эры, то святые отцы IV и V вѣковъ знали бы о немъ и не спорили бы съ такой яростью, красивъ или дуренъ Христосъ, а Целестій не высказалъ бы саркастически: «Вашъ Іисусъ не красивъ, значитъ, онъ не Богъ». Противъ подлинности этого документа говоритъ и то обстоятельство, о которомъ упоминается также въ нѣмецкой газетѣ, гдѣ впервые появилось извѣстіе объ этой находкѣ, что въ числѣ предшественниковъ Понтія Пилата не находился ни одинъ съ именемъ Публія Лентулія, и онъ никогда не былъ ни прокураторамъ Іудеи, ни управителемъ Сиріи. Найденный теперь документъ, по всей вѣроятности,—апокрифъ, принадлежащій къ пятому вѣку.

— Недѣля Корнеля. 6 іюня 1606 г., т.-е. триста лѣтъ тому назадъ, въ Руанѣ родился извѣстный французскій поэтъ и трагикъ, Пьеръ Корнель, и на-дняхъ вся Франція торжественно отпраздновала этотъ юбилей, а въ Парижѣ и Руанѣ чествованію памяти знаменитаго драматурга была посвящена даже цѣлая недѣля. Ученыя изслѣдованія, популярныя лекціи, краснорѣчивыя рѣчи, великолѣпныя представленія его пьесъ, съ лучшими современными актерами и актрисами, открытіе въ Парижѣ его статуи противъ Пантеона—наполняли программу торжества. Если въ ней чего нибудь недоставало, то лишь народнаго, единодушнаго, трогательнаго энтузіазма, какъ, напримѣръ, было при праздновaніи въ Германіи юбилея Шиллера въ прошломъ году. По справедливому выраженію одного французскаго писателя: «Намъ надоѣлъ Корнель съ его громкой фразой: «qu'il mourut», и намъ, право, не время теперь волноваться отъ его потрясающихъ эффектовъ». Дѣйствительно, прошло время напыщенныхъ, классическихъ героевъ и героинь Корнеля: они устарѣли, и теперешніе зрители требуютъ отъ театра прежде всего простоты, истины и сознательной художественности. Парижская публика встрѣчала громкими рукоплесканіями и «Сида», и «Поліевкта», и «Горація», и «Цину», и «Помпея» и «Родогуну» и даже «Никомеда», такъ давно не дававшагося на сценѣ, но въ этомъ официальномъ восторгѣ было что-то искусственное, обязательное. Очевидно, публика не находила искренняго удовольствія въ этихъ проявленіяхъ стародавняго трехсотлѣтняго чувства. Даже такіе высоко талантливые исполнители, какъ Мунэ-Сюлли и г-жа Сегонъ-Веберъ, не могли при-

дать жизни ходульнымъ, неискреннимъ фразамъ героевъ Корнеля. И когда семидневное празднество окончилось, то публика легко вздохнула отъ долгаго, слишкомъ долгаго наслажденія трехвѣковыми напыщенными образами уже выжившей поэзіи, не имѣющей того, что теперь отъ нея требуется: здраваго смысла, изящнаго вкуса и мѣры. Нельзя не отдать справедливости Корнелю, что въ свое время онъ былъ геніемъ, но онъ невольно блѣднѣетъ и стушевывается предъ современнымъ титаномъ, оплаканнымъ недавно всѣмъ свѣтомъ—Ибсеномъ.

Конечно, французская литература не преминула вспомнить своего когда-то великаго драматурга, и Роже Ле-Бренъ издалъ интересную книгу, подъ заглавіемъ: «Корнель предъ тремя вѣками». Авторъ собралъ въ этомъ трудѣ всѣ лучшіе отзывы о Корнелѣ въ теченіе трехсотъ лѣтъ и представилъ стараго драматурга, какъ его воспѣвали ученые и поэты, начиная отъ Фенелона, Вовенарга и Вольтера до Ламартина, Гизо, Сенъ-Бева, Сарсэ, Эмиля Фагэ и Катюля Мендэса. Изъ безчисленныхъ юбилейныхъ статей, очерковъ и замѣтокъ, напечатанныхъ во французскихъ журналахъ и газетахъ, наиболѣе интересны: «Corneille et l'hôtel de Rambouillet», Эмиля Манья въ «Revue hebdomadaire» 2 іюня и «Corneille amoureux» въ литературныхъ прибавленіяхъ къ «Figaro» 26 мая за подписью псевдонима Николя. Авторъ перваго изъ этихъ произведеній описываетъ подробно, какъ Корнель велъ себя въ роскошномъ салонѣ маркизы Рамбулье среди тогдашнихъ ходульныхъ литераторовъ Вуатюра, Конрара, Шаплэна, Бальзака, Скюдери и другихъ. Сначала съ нимъ обращались надменно, а послѣ успѣха «Сида» онъ сталъ сосредоточивать на себѣ общее вниманіе, хотя въ литературномъ отношеніи завсегдатаи дома маркизы Рамбулье не очень цѣнили Корнеля послѣ прочитаннаго имъ «Поліевкта». Даже г-жа де-Лонгвилль, считавшаяся кумиромъ этихъ завсегдатаевъ, и въ сущности отличавшаяся не умомъ, а страстью къ интригѣ, предпочитала Корнелю неспособнаго Вуатюра, потому что онъ постоянно за нею ухаживалъ. Что же касается до краткой характеристики Корнеля, какъ влюбленнаго, то онъ всю свою жизнь влюблялся, но очень скромно и на продолжительный срокъ. Первая его любовь еще въ то время, когда онъ находился въ коллегіи іезуитовъ, была Марія Куранъ, въ честь которой онъ сочинялъ первые свои стихи и посвятилъ ей нѣсколько поэмъ. Онъ съ восторгомъ воспѣвалъ ея красоту, но неизвѣстно, любила ли она его, потому что вышла замужъ за чиновника Дюпона. Еще молодымъ человѣкомъ Корнель влюбился въ красавицу Милэ, которую нѣкоторые писатели смѣшиваютъ съ Куранъ, но между ними не было ничего общего, такъ какъ первая любовь Корнеля была платоническая, а вторая болѣе реальная, и его любовныя похожденія съ г-жей Милэ надѣлали много шуму на его родинѣ, въ Руанѣ. Заглавіе первой комедіи Корнеля: «Melite», напоминало анаграмму имени его любовницы. Вообще, судя по его мелкимъ стихотвореніямъ, онъ часто влюблялся, но его біографы упоминаютъ только о его любви къ дочери генерала Андели, благодаря анекдоту, разсказанному по этому случаю. Однажды его покровитель, герцогъ Ришелье, спросилъ его, почему онъ такъ задумчивъ, и въ отвѣтъ услышалъ, что Корнель влюбленъ въ молодую дѣвушку, которую отецъ не хочетъ выдать за него замужъ

Узнавъ, кто былъ этотъ строгій отецъ, Ришелье заставилъ его исполнить желаніе поэта. Корнель женился на Мари Андели, но его біографы не сохранили подробностей о ихъ брачной жизни. Съ теченіемъ времени, когда уже ему минуло пятьдесятъ лѣтъ, и онъ удалился въ Руанъ, гдѣ жилъ очень скромно, переводя стихами «Подражаніе Христу» и исполняя должность церковнаго старосты, Корнель неожиданно влюбился въ актрису дю-Паркъ, исполнявшую главныя роли въ его трагедіяхъ. Онъ написалъ въ честь ея нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ называлъ ее Ирисомъ. Въ послѣднихъ своихъ трагедіяхъ онъ любилъ изображать стариковъ, влюбленныхъ въ молодыхъ красавицъ, и его біографы приписываютъ это его глубокой привязанности къ дю-Паркъ. Конечно, по случаю юбилея были написаны небольшія пьесы, изъ которыхъ двѣ съ успѣхомъ давались на сценѣ Французской комедіи. Въ одной изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Слезы Корнеля», вся суть заключалась въ томъ, чтобы заставить самого Корнеля произнесть знаменитыя слова: «Qu'il mourut!» Молодой поэтъ Мелассеръ довольно ловко воспользовался этой темой и представилъ Корнеля уже старикомъ, у котораго сынъ умеръ на войнѣ. Извѣстіе объ этомъ привезъ молодой офицеръ, который боялся сразу передать отцу вѣсть о смерти сына и придумалъ разсказать, что онъ бѣжалъ съ поля битвы. А когда страшно разгнѣванный отецъ на вопросъ офицера, что было дѣлать молодому человѣку, когда вся армія отступила,—повторяетъ свою знаменитую фразу: «Qu'il mourut!», тогда офицеръ произноситъ: «Онъ и умеръ». Въ результатѣ— слезы Корнеля, оплакивающаго храбрость своего сына. Въ другой пьесѣ, подъ названіемъ «Побѣды», Эдуарда Франклина, описывается, какъ Корнель не соглашается вступить въ заговоръ противъ кардинала Ришелье изъ патріотизма и, написавъ «Сида», одерживаетъ за одно три побѣды: надъ врагами своего отечества, надъ своей любовью къ г-жѣ Бріенъ, которая находилась во главѣ заговора, и надъ своими литературными критиками.

— Наполеонъ, какъ всадникъ. Пресловутый разсказчикъ событій Наполеоновской эпохи, Фредерикъ Массонъ, посвятилъ нѣсколько страницъ въ послѣднемъ номерѣ «La Revue hebdomadaire» новому и оригинальному предмету, именно Наполеону, какъ всаднику [1]). Всѣмъ извѣстно, что Наполеонъ дурно ѣздилъ верхомъ и былъ наѣздникомъ не по призванію, а по привычкѣ. Его посадка была неправильна, онъ сидѣлъ на сѣдлѣ, какъ бы придавленный, понуря голову, выпятивъ впередъ колѣни и не твердо, такъ что часто падалъ. Его паденіе въ Мартфонтенѣ едва не стоило ему жизни. Это чрезвычайное событіе приключилось во время пробы только что приведенныхъ въ конюшню его брата Іосифа лимузенскихъ лошадей. Онѣ очень понравились Наполеону, и онъ, желая испытать одну изъ нихъ, вскочилъ на нее. Но лошадь понеслась, сбросила его на землю, и онъ ударился головой о дерево. Потерявъ сознаніе, Наполеонъ долго лежалъ безъ чувствъ на колѣняхъ своей сестры Элизы. Свита стала уже поговаривать о возможной смерти, но онъ такъ же неожиданно пришелъ въ себя и былъ очень недоволенъ, подслушавъ разговоры окружавшихъ его придворныхъ. Кромѣ этого главнаго случая паденія съ лошади,

[1]) Napoléon à cheval, par Frédéric Masson. La Revue hebdomadaire, 16 juin 1906.

были и другіе, напримѣръ, въ Булонѣ, когда по обыкновенію онъ скакалъ очень быстро по узкой тропинкѣ, на которой внезапно появился изъ-за угла ребенокъ. Императоръ осадилъ лошадь такъ круто, что потерялъ равновѣсіе и перелетѣлъ черезъ ея голову, восклицая: «Sacré mioche!» Ребенокъ, ради котораго онъ едва не пожертвовалъ своей жизнью, былъ впослѣдствіи отцемъ извѣстнаго живописца Эдуарда Детаня. Въ другой разъ тамъ же, въ Булонѣ, онъ проѣзжалъ по морскому берегу во время отлива, и его лошадь поскользнулась и упала. Ни слова не сказавъ, онъ всталъ и, вскочивъ на другого коня, продолжалъ свой путь. Подобныя обстоятельства случались нерѣдко, и Наполеонъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Какъ-то лошадь одного изъ солдатъ его эскорта споткнулась на скаку, и императоръ воскликнулъ: «Неловкій!» Черезъ минуту его собственная лошадь упала, и онъ, поднявшись съ помощью конюха, сѣлъ на другую. Въ это время мимо проѣхалъ оправившійся солдатъ и громко промолвилъ: «Повидимому, сегодня не одинъ я неловокъ!» Вообще онъ скакалъ на конѣ съ безумной быстротой и былъ очень неостороженъ. Часто онъ, по словамъ одного голландца, не выбиралъ прямой дороги, а скакалъ по полямъ и доламъ, перепрыгивая черезъ канавы и наводя страхъ на всѣхъ, кто слѣдовалъ за нимъ. Въ Вюрцбургѣ, проѣзжая по большой дорогѣ съ безумной быстротой, онъ не свернулъ лошади во̀-время и смялъ проходившую крестьянку. «Императоръ немедленно остановилъ свою лошадь,— разсказываетъ очевидецъ этой сцены,—выразилъ жестомъ чувство сожалѣнія, велѣлъ поднять женщину и, убѣдившись, что не причинилъ ей никакого вреда, вознаградилъ ее шестьюстами франками, а затѣмъ продолжалъ свой путь. Естественно, что Наполеонъ всегда находился во главѣ своего эскорта и всюду пріѣзжалъ первымъ. Чтобы достичь совершенства въ своемъ родѣ, лошади, на которыхъ ѣздилъ императоръ, обучались первымъ наѣздникомъ того времени, М. Жарденомъ, и лично испытывались опытнымъ шталмейстеромъ императора, графомъ Канези. Отъ нихъ требовались главное быстрота и твердая поступь, порода же не имѣла большого значенія. У него были и арабскіе чистокровные кони, подарокъ султана, и привезенные имъ изъ Египта. Онъ посылалъ ремонтера за лошадьми во всѣ страны: въ Россію, въ Валахію и даже въ Варварійскія владѣнія. У него было много русскихъ лошадей, начиная съ тѣхъ, которыхъ ему дарилъ императоръ Александръ, и кончая тѣми, которыя покупалъ для него ремонтеръ Ларавинъ въ русскихъ провинціяхъ. Бывали у Наполеона и нѣмецкія лошади, подаренныя ему принцемъ Евгеніемъ и королемъ Баварскимъ, но онъ ихъ не любилъ, находя, что онѣ слишкомъ велики, слишкомъ тяжелы и подвергаются приливамъ крови къ головѣ. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что Наполеонъ ѣздилъ на французскихъ лошадяхъ изъ Лимузена, на нормандскихъ, испанскихъ и даже на дикихъ коняхъ южной Америки. Такъ-же, какъ и относительно породы, Наполеоновскія лошади были различной масти. Такъ, въ числѣ взятыхъ имъ на островъ Эльбы восьми лошадей—три были сѣрыя, а пять рыжихъ или гнѣдыхъ. Этотъ осьмерикъ коней былъ его любимцемъ. Первое мѣсто между ними занималъ «Ваграмъ», красивый конь, небольшого роста, сѣрой масти, на которомъ императоръ скакалъ въ битвѣ при Ваграмѣ и въ кампаніяхъ австрій-

ской, русской, саксонской, французской, а также при Ватерлоо. Послѣ «Ваграма» слѣдовалъ «Таврисъ», персидская лошадь въ яблокахъ, купленная въ Россіи въ 1803 г. Императоръ ѣздилъ на ней во время русскаго похода; она находилась подъ нимъ въ день въѣзда въ Москву и въ день перехода черезъ Березину; на ней онъ продолжалъ нѣмецкую и французскую кампаніи; на ней онъ вернулся въ Парижъ съ острова Эльбы, и она же служила ему при Ватерлоо. Затѣмъ была очередь «Королька», большого, гнѣдого коня, представлявшаго помѣсь англійской и лимузенской породы. Это былъ горячій конь, и однажды въ 1809 г. онъ понесъ Наполеона и врѣзался въ ряды гренадеръ. Императоръ разсердился и нѣсколько лѣтъ не ѣздилъ на этой лошади. При окончаніи русскаго похода около Смоленска дорога была такая скользкая, что ни одна лошадь не могла устоять, и тогда Наполеону предложили «Королька», только что подкованнаго. Съ тѣхъ поръ императоръ съ нимъ примирился, такъ какъ этотъ конь ни разу не спотыкался. На немъ онъ находился въ Люценской битвѣ, и одна бомба такъ близко пролетѣла возлѣ него, что едва его не задѣла, но обожгла «Корольку» шерсть, которая никогда болѣе не выросла. Въ сраженіи при Арсисѣ непріятельскую бомбу разорвало предъ самыми ногами лошади, и, отскочивъ въ сторону, она выбила изъ сѣдла императора. Онъ спокойно всталъ, подошелъ къ лошади, погладилъ ее и сказалъ: «Ну, ну, мы еще разъ отдѣлались однимъ страхомъ!» Что касается до цѣны императорскихъ лошадей, то онѣ среднимъ числомъ стоили по тысячѣ франковъ. Обыкновенно онъ мѣнялъ во время сраженія отъ трехъ до четырехъ лошадей, и потому разсказы о томъ что онъ всегда имѣлъ подъ сѣдломъ одного и того же коня, въ родѣ Буцефала, не имѣютъ никакого основанія. Если вѣрить доктору Омеарѣ, то подъ Наполеономъ во всю его жизнь убито и ранено девятнадцать лошадей, но не сохранилось достовѣрныхъ доказательствъ этихъ фактовъ.

— Еще о Гёте. Великій германскій мыслитель и поэтъ Гёте принадлежитъ къ тѣмъ литературнымъ богамъ, о которыхъ никогда не перестаютъ писать въ европейской литературѣ и журналистикѣ. На-дняхъ извѣстный французскій писатель, Анри Бордо, помѣстилъ въ литературномъ прибавленіи къ «Figaro» отъ 19 мая интересную и оригинальную статью о Гёте, какъ исторіографѣ военнаго похода, предпринятаго въ 1792 г. европейской коалиціей противъ французской революціи. За три мѣсяца передъ тѣмъ французскій критикъ, Альфонсъ Сешэ, по случаю пятидесятилѣтія со смерти знаменитаго скульптора, Давида Анжерскаго, обнародовалъ воспоминанія его друга, поэта Виктора Пави, объ ихъ пребываніи въ Веймарѣ въ 1829 г. съ цѣлью исполненія первымъ бюста Гёте. Посѣтивъ въ прошедшемъ году, во время своего путешествія по Германіи городъ Майнцъ, Анри Бордо собралъ всевозможныя свѣдѣнія о той эпохѣ, когда временно находился въ этомъ городѣ Гёте. Въ это время тамъ собиралась большая армія и множество французскихъ эмигрантовъ для вторженія во Францію. Поэтъ прибылъ въ Майнцъ 23 августа, пока войска приготовлялись, онъ посвятилъ все свое время на ухаживаніе принцессой Монако, офиціальной любовницей принца Кондэ, главнокомандующаго эмигрантской арміей. Все вокругъ него дышало только политикой и

войной, а онъ одинъ лишь забавлялся ухаживаніемъ за хорошенькой женщиной. Въ сущности герцогъ Веймарскій прислалъ его туда въ качествѣ своего представителя для присутствованія при французской кампаніи. Ему было тогда сорокъ три года, онъ находился въ самомъ расцвѣтѣ своего интеллектуальнаго развитія. Послѣ изображенія страстныхъ похожденій Гётца фонъ-Берлихингена и Вертера Гёте посѣтилъ Италію и привезъ оттуда «Ифигенію въ Тавридѣ», «Торквато Тассо» и «Римскія элегіи». Онъ объяснилъ въ своихъ сочиненіяхъ, что въ эту эпоху его жизни совершилась эволюція его мыслей и чувствъ. Его юность была посвящена любви, а теперь онъ всецѣло отдался изученію новаго въ природѣ и искусствѣ. «Новое,—говорилъ онъ,—никогда не было мнѣ чуждо». «Всѣ проявленія жизни, какъ бы они ни были разнообразны, составляли цѣль его жизни», и для этого онъ прибылъ въ военный лагерь, хотя былъ совершенно чуждъ военному элементу, и офицеры смотрѣли на него искоса. Ничто въ его прежней жизни не подготовляло Гёте къ военной роли. Его литературная репутація и званіе придворнаго совѣтника превращали его въ кабинетнаго дѣятеля. Безъ сомнѣнія, и на войнѣ онъ станетъ критиковать, смѣяться и осуждать всѣхъ, окружающихъ его; однако, напротивъ, литераторъ, бросившій свое перо, весело сталъ примѣняться къ обстоятельствамъ, обращая особое вниманіе на то, какъ бы добывать себѣ и своимъ товарищамъ хорошаго вина и вкусной пищи. Во время битвы подъ Вальми онъ искалъ опасности, какъ юный прапорщикъ, и желалъ познакомиться съ «пушечной лихорадкой». Онъ направлялъ свою лошадь туда, гдѣ наиболѣе падали ядра, и тонко анализировалъ свои ощущенія, доходившія до бѣлаго каленія. Но въ этомъ ощущеніи онъ не находилъ того, что желалъ, а вечеромъ, какъ и всѣ другіе, укрывался въ землянкѣ, чтобы избѣжать непріятнаго вѣтра. По примѣру всѣхъ онъ подвергался всюду опасностямъ, а во время отступленія не разъ спасался въ фургонахъ вмѣстѣ съ некрасивыми маркитантками. Гёте замѣчалъ всѣ военныя мелочи и на дорогѣ изъ Майнца въ Бингенъ описываетъ коляску французскаго эмигранта со всѣми пустыми, ничтожными подробностями походной жизни. Никогда Гёте въ своихъ описаніяхъ военнаго быта не позволяетъ себѣ извращать истины и приводить преувеличенныя подробности. Онъ хладнокровно въ одной фразѣ описываетъ смерть полковника Борепэра, который застрѣлился, чтобы не сдавать Вердэна, и распространяется о достоинствахъ шалонскаго вина. Изъ Вердэна онъ посылаетъ въ Германію варенье и конфеты, точно находится не на настоящей войнѣ, а на маневрахъ, съ которыхъ необходимо послать знакомымъ гостинцы. Онъ обнаруживаетъ въ поэтѣ настоящаго воина и выражаетъ гуманность тамъ, гдѣ она должна быть, не на однихъ словахъ, а и на дѣлѣ. Гёте доходитъ въ своихъ воспоминаніяхъ до таланта крупнаго историка, очерчивая живыми штрихами отступленіе союзной арміи отъ Энскаго моста, на которомъ король Прусскій и герцогъ Брауншвейгскій останавливаются и бросаютъ прощальный взглядъ на дорогу въ Парижъ. Вечеромъ, въ памятный день Вальми, онъ оказался пророкомъ, и когда спросили, какого онъ мнѣнія о только что окончившейся битвѣ: «Я полагаю,—онъ отвѣтилъ,—что сегодня начинается новая эпоха въ исторіи міра,

что мы имѣемъ полное право сказать: я былъ тутъ». Однако Гёте не ограничиваетъ своего вниманія историческими эпизодами, а также интересуется видами природы, римскими памятниками и любопытными явленіями; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ присутствуетъ при сдачѣ Майнца французами, послѣ того какъ они нѣкоторое время владѣли имъ. При сценахъ безпорядка, разыгравшихся передъ его глазами, онъ сказалъ свою знаменитую фразу: «Я предпочитаю несправедливость безпорядку; это естественно въ природѣ». По его мнѣнію, ничего не было хуже анархіи.

Прошло тридцать пять лѣтъ, и маститаго веймарскаго старца посѣтилъ скульпторъ Давидъ, съ цѣлью изваять бюстъ поэта. Извѣстнаго скульптора сопровождалъ юный поэтъ, Викторъ Пави, и о результатѣ ихъ двухнедѣльнаго пребыванія въ Веймарѣ сохранились воспоминанія обоихъ, а въ одномъ изъ нумеровъ «Revue hebdomadaire» за нынѣшній годъ Альфонсъ Сешэ приводитъ любопытныя добавочныя замѣтки того же Виктора Пави о веймарскихъ впечатлѣніяхъ. Гёте принялъ талантливаго художника очень любезно и съ удовольствіемъ согласился служить моделью для его новаго произведенія. Каждый разъ, что онъ позировалъ передъ Давидомъ, поэтъ повторялъ: «А вы еще все работаете надъ вашимъ старымъ другомъ». Онъ обыкновенно на сеансахъ стоялъ и только разъ сидѣлъ вслѣдствіе жаркой погоды и усталости. Во время работы Давида надъ бюстомъ поэтъ безконечно разговаривалъ преимущественно о французскихъ писателяхъ: о Мольерѣ, Лафонтенѣ, Корнелѣ, Вольтерѣ, Бернарденѣ де-Сенъ-Пьерѣ и Шенье. Изъ всесвѣтныхъ поэтовъ онъ восторгался Байрономъ, котораго считалъ самымъ необыкновеннымъ человѣкомъ того времени. «Вообще,—говоритъ Пави,—Гёте выражалъ эклектическіе взгляды на всеобщую литературу. Онъ очень сдержанно и невыразительно говорилъ въ своихъ отзывахъ. Виктора Гюго онъ считалъ призваннымъ къ великому будущему и былъ убѣжденъ, что онъ напишетъ новое болѣе возвышенное произведеніе, чѣмъ до сихъ поръ. По его словамъ, «Марсельеза» была выше всѣхъ пѣсенъ Тиртея, и онъ считалъ однимъ изъ геніевъ нашего времени—Лафатера, съ которымъ онъ былъ большимъ другомъ. Съ пренебреженіемъ онъ отзывался о французскихъ романтикахъ и даже сознавался, что хотѣлъ сжечь Вертера, который увидалъ свѣтъ, только благодаря общему приговору его друзей, «что это необходимо напечатать». По окончаніи бюста, Гёте очень нѣжно разстался съ Давидомъ, говоря: «Вы оставили глубокіе слѣды вашего пребыванія здѣсь. Пожалуйста, пишите намъ чаще: мы всегда будемъ интересоваться вашей судьбой». При разставаніи старикъ со слезами на глазахъ обнялъ художника и промолвилъ: «Мы еще увидимся, мы непремѣнно еще увидимся; будемъ твердо держаться». Но когда, спустя пять лѣтъ, Давидъ снова посѣтилъ Веймаръ, то великаго поэта и мыслителя уже не было на свѣтѣ.

— Юбилей Ле-Плэ. Въ Парижѣ торжественно почтили столѣтіе французскаго соціолога и основателя школы соціальнаго мира—Фредерика Ле-Плэ, цѣлыхъ два дня длились празднества. Они начались 11 іюня открытіемъ его статуи въ Люксембургскомъ саду между Горной школой, ученикомъ которой онъ состоялъ, и сенатомъ, гдѣ онъ былъ однимъ изъ членовъ. Ле-Плэ родился

11 апрѣля 1806 г. близъ Гонфлера въ семьѣ земледѣльцевъ и въ то же время дворянъ. Онъ рано лишился отца, бывшаго скромнымъ таможеннымъ чиновникомъ, и воспитаніе получилъ подъ надзоромъ матери, не стѣсняемый условіями школьной жизни. Свободное время онъ проводилъ среди рыбаковъ, которые въ то время были въ большой нуждѣ, благодаря набѣгамъ англичанъ. «Мои первыя впечатлѣнія и самыя памятныя, — пишетъ онъ, — развились подъ здоровымъ вліяніемъ религіи, національныхъ катастрофъ и бѣдности». Пріѣхавъ въ Парижъ въ 1811 г., Ле-Плэ провелъ четыре года у дяди, который его полюбилъ. Въ его изящномъ домѣ собиралось блестящее общество, старавшееся для своего удовольствія развить въ ребенкѣ рано проглянувшій умъ. Но богатый домъ и великолѣпная обстановка не заглушили въ немъ воспоминаній о скромной обстановкѣ дома матери. «Школа, куда меня помѣстили, — разсказываетъ онъ, — была для меня въ теченіе четырехъ зимъ пыткой, воспоминанія о которой меня не покидаютъ». На его счастье каждую весну онъ уѣзжалъ къ матери и тамъ попрежнему занимался домашними обязанностями: помогалъ рабочимъ, рыбакамъ и охотникамъ, и первые уроки ботаники, по его словамъ, онъ почерпнулъ въ разговорахъ съ пастухами и огородниками. Свое образованіе Ле-Плэ началъ въ независимой семейной обстановкѣ сначала приходящимъ ученикомъ въ Гонфлерской гимназіи, затѣмъ въ Гаврской. Онъ свободно работалъ съ матерью въ своемъ сельскомъ домикѣ, читая Тацита, въ которомъ интересовался болѣе всего соціальными вопросами, и мало занимался хронологіей государей и военными событіями, предпочитая запоминать имена тѣхъ, кто имѣлъ отношеніе къ революціи. При этомъ онъ самъ внимательно наблюдалъ за возрожденіемъ, происходившимъ во Франціи, и заключилъ, что главные источники счастья заключались въ религіи, мирѣ и національныхъ обычаяхъ. Получивъ въ шестнадцать лѣтъ степень бакалавра, онъ поступилъ въ Политехническую школу въ 1825 г., а затѣмъ провелъ два года (1827—1829) въ Горной школѣ, гдѣ подружился съ будущимъ философомъ и авторомъ «Небо и земля» — Жаномъ Рейно. Но Ле-Плэ сохранилъ инстинктивное недовѣріе, вселенное еще съ перваго воспитанія, къ создателямъ новыхъ соціальныхъ реформъ, а потому хотя былъ очень съ нимъ друженъ, но все-таки не раздѣлялъ его идей. «Я согласенъ, — говорилъ онъ, — что необходима опредѣленная наука для исцѣленія недуга, важность котораго мы всѣ признаемъ, но я доказывалъ, что эта наука должна, какъ наши политехническія науки, быть основана не на мысли, принятой a priori, а на фактахъ, методически наблюдаемыхъ, и на индукціяхъ, выведенныхъ изъ строгаго разсужденія». Съ этою цѣлью оба друга предприняли путешествіе въ сѣверную Германію, гдѣ, наблюдая за соціальными явленіями, отыскивали критерій своихъ сужденій. Но призваніе къ той задачѣ, разрѣшенію которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, Ле-Плэ почувствовалъ въ двадцать четыре года, благодаря тяжкимъ физическимъ страданіямъ, вслѣдствіе полученнаго имъ обжога въ лабораторіи Горной школы. «Въ 1830 г., рана, которую не было надежды залѣчить, — пишетъ онъ, — вы-работала въ моей душѣ преобразованіе, какого не произвела бы цѣлая жизнь полная счастья. При видѣ пролитой крови въ іюльскую революцію, я посвятилъ всю свою жизнь на возстановленіе соціальнаго мира въ моей странѣ. Я ни

когда не забывалъ моего обѣта». Съ этого момента для него начался новый періодъ терпѣливаго изученія, которому онъ удѣлилъ пятнадцать лѣтъ, ничего не печатая по соціальнымъ вопросамъ. Но это не мѣшало ему исполнять свои обязанности инженера и занимать каѳедру металлургіи въ Горной школѣ, затѣмъ въ 1848 г. быть инспекторомъ тамъ же, и даже по приглашенію Демидова отправиться на Уралъ пустить въ ходъ разработку крупныхъ рудъ. Во время своихъ работъ и путешествій Ле-Плэ присматривался къ быту, нуждамъ и нравственнымъ условіямъ рабочихъ и написалъ свой трудъ «Ouvriers européens», за что получилъ премію академіи наукъ. Затѣмъ появилось его второе произведеніе «La Réforme sociale en France, déduite de l'observation comparée des peuples européens», а затѣмъ «L'organisation du travail» и «L'organisation de la famille». Потомъ Ле-Плэ устроилъ выставку въ 1855 г. и 1857 г. Въ декабрѣ 1855 г. онъ былъ сдѣланъ государственнымъ совѣтникомъ, а въ декабрѣ 1867 г.—сенаторомъ. Однако, несмотря на то, что Ле-Плэ былъ удовлетворенъ въ нѣкоторыхъ своихъ стремленіяхъ, онъ опасался катастрофы, такъ какъ, по его словамъ, «богатый классъ все больше и больше выказывалъ, что онъ недостоинъ своего вліянія и обязанности направлять массы. Въ Парижѣ богатые люди кутили, прожигали жизнь и деньги, тогда какъ бѣдные голодали и выказывали все большую порочность и зависть». Пораженіе 1870—1871 г. не ослабило энергіи Ле-Плэ: напротивъ, еще болѣе воодушевило его на пропаганду. Освобожденный отъ всѣхъ общественныхъ обязанностей, онъ принялся за созданіе своего «Union de la paix sociale», а потомъ въ 1881 г. напечаталъ «La Réforme sociale» и много другихъ произведеній, среди которыхъ главное мѣсто занимали «La constitution essentielle de l'humanité». Ле-Плэ не избѣжалъ, какъ многіе ученые, невѣрнаго истолкованія его идей, какъ, напримѣръ, относительно пользы, приносимой хорошимъ правительствомъ, особенно во Франціи. Но онъ находилъ, что французы придаютъ слишкомъ большое значеніе вопросу, будетъ ли наслѣдственная или выборная исполнительная власть. Онъ предлагалъ ввести въ общественную жизнь нѣкоторыя новшества, какъ уменьшеніе министерствъ до шести, институтъ перваго министра, укрѣпленіе единства дѣйствій въ государствѣ посредствомъ энергическаго сосредоточенія финансоваго управленія, отвѣтственность чиновниковъ предъ судомъ гражданскаго права и развитіе жизни въ провинціяхъ. Но онъ былъ далекъ болѣе, чѣмъ кто либо, отъ мысли, которую проводилъ Гельвецій, что порочность народа всегда скрывается на днѣ его законодательства, и что съ хорошими законами навѣрно народъ будетъ добродѣтельный. Ле-Плэ въ своей «Méthode sociale» говоритъ: «Истинное государственное устройство народовъ зависитъ отъ ихъ идей, нравовъ и устройства частной жизни болѣе, чѣмъ отъ написанныхъ законовъ, которыми новые люди думаютъ теперь регулировать всѣ соціальныя отношенія». По поводу отношеній церкви къ государству онъ высказывался, что спутываніе церковной и свѣтской властей очень неудобно, и раздѣленіе ихъ представляло бы болѣе удобствъ. Вопросы о реорганизаціи семьи его занимали болѣе всего, французское законодательство, по его мнѣнію, требовало большихъ преобразованій, и типомъ этихъ преобразованій онъ бралъ семью старой Фран-

ціи или Англіи, гдѣ наслѣдникъ—старшій въ родѣ—продолжаетъ вести начатую отцомъ работу; другіе же отпрыски живутъ подъ его опекою, или, какъ пчелы, роемъ; послѣднее онъ называлъ famille sociale. О рабочемъ классѣ Ле-Плэ говорилъ, что необходимо ему обезпечить нравственную жизнь и обладаніе ежедневнымъ насущнымъ хлѣбомъ. Онъ требовалъ, чтобы имъ была доставлена свобода собраній, не нарушая, однако, общественнаго спокойствія, и всѣ средства, которыя они считаютъ необходимыми для улучшенія ихъ быта. Хозяевамъ онъ напоминалъ о нравственномъ долгѣ, который лежитъ на ихъ совѣсти обращаться гуманно съ рабочими, особенно онъ хотѣлъ, чтобы они рабочимъ облегчали доступъ къ собственности. Онъ говорилъ, что ихъ взаимное соглашеніе есть истинное условіе реформъ. Ле-Плэ многіе упрекали, что онъ бралъ для соціальнаго единства не индивидуума, а семью, и недостаточно признавалъ независимость, а также роль человѣческой личности. Но это несправедливо: Ле-Плэ понималъ всю цѣнность индивидуальной энергіи и признавалъ во всемъ конкуренцію, лишь бы она была лойяльна. «У насъ на западѣ нельзя, какъ въ религіи, такъ и въ соціальной экономіи, прибѣгать къ принужденію, чтобы воспрепятствовать народу заблуждаться, — писалъ онъ:—примѣры тѣхъ, которые падаютъ или подымаются, есть лучшее средство заставить народъ вернуться на хорошую дорогу». Тѣмъ, кто, повидимому, былъ склоненъ преувеличивать услуги, которыя режимъ ассоціаціи можетъ оказать торговымъ и промышленнымъ націямъ, онъ указывалъ, что главный источникъ ихъ силы находится болѣе, чѣмъ когда либо, въ индивидуальной дѣятельности, и что развитіе этой дѣятельности дѣлается все болѣе и болѣе критеріемъ благоденствующаго народа. Двѣ главныя черты господствуютъ въ авторѣ «Ouvriers européens»—тонкая, живая, благородная чуткость къ красотѣ нравственности и желаніе облегчить недугъ общества. Его міросозерцаніе, какъ нельзя лучше, выражается въ высказанныхъ имъ идеяхъ: «частная жизнь отпечатываетъ свой характеръ на общественной жизни»; «высшая цѣль работы—добродѣтель, а не богатство»; «матеріальный прогрессъ, если его не сопровождаетъ соотвѣтственный прогрессъ нравственности, ведетъ всегда къ упадку»; «добрые тѣ, которые улаживаютъ несогласія, злые же тѣ, которые ихъ порождаютъ». Послѣ плодотворной, довольно долгой жизни Ле-Плэ скончался тихо, безъ агоніи 5 апрѣля 1882 г., но его «школа соціальнаго мира» пережила своего творца, и въ настоящее время этотъ методъ нашелъ немало послѣдователей не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ.

— Библіотека св. Марка въ Венеціи. Въ прошломъ году 27 апрѣля было торжественно отпраздновано перенесеніе библіотеки св. Марка, или Марчіаны изъ дворца Дожей въ новое помѣщеніе дворца Цекка, или Монетнаго двора. Это торжество было совершено въ этотъ именно день, такъ какъ онъ совпалъ съ шестисотлѣтнимъ юбилеемъ Петрарки, который впервые возымѣлъ идею открыть общественную библіотеку въ Венеціи и пожертвовалъ для нее свои книги, назначивъ св. евангелиста Марка своимъ наслѣдникомъ. Онъ ясн выразилъ въ своемъ завѣщаніи, «чтобы его книги не были ни проданы, н розданы, но сохранились въ память мессера Франческо и для постояннаг удобства умныхъ и благородныхъ горожанъ. По всей вѣроятности, отъ вре

мени до времени къ первымъ книгамъ будутъ прибавляться другія книги, какъ даръ отъ именитыхъ гражданъ этого славнаго города или отъ знатныхъ иностранцевъ, живущихъ въ немъ, такъ что возникнетъ по моему примѣру большая и знаменитая библіотека, которая будетъ соперничать съ знаменитыми книгохранилищами древности и поддержитъ славу Венеціи, тогда какъ мессеръ Франческо, сидя у ногъ Спасителя, будетъ радоваться, что былъ, такъ сказать, творцемъ такого добраго дѣла». Мысль поэта, чтобы его книги составили ядро Марчіанской библіотеки, никогда не исполнилась, и о судьбѣ этихъ книгъ ничего не извѣстно достовѣрнаго. Даже говорятъ, что онѣ никогда не достигали Венеціи, и что онѣ совершенно исчезли неизвѣстно куда. Есть, однако, легенда, что нѣсколько рукописныхъ томовъ изъ наслѣдія Петрарки были найдены въ 1635 г. въ церкви св. Марка, но этотъ фактъ считается въ настоящее время абсолютнымъ миѳомъ. Однако идеѣ Петрарки о «большой и знаменитой библіотекѣ въ Венеціи» не суждено было погибнуть. Республика св. Марка признала, что подобное учрежденіе вполнѣ ей пригодно, и ея патриціи находили пользу отъ такого учрежденія. Первое важное пожертвованіе въ пользу этой библіотеки было сдѣлано въ 1469 г., когда Виссаріонъ, трапезундскій кардиналъ, предложилъ Венеціи свое собраніе греческихъ и латинскихъ рукописей, требуя, какъ Петрарка, чтобы его коллекцію рукописей помѣстили въ церкви св. Марка, гдѣ ученые и писатели могли бы имѣть легкій доступъ къ нимъ. Это предложеніе было поспѣшно и съ благодарностью принято, и девятьсотъ драгоцѣнныхъ томовъ было послано изъ Рима въ сорока восьми ящикахъ, но ихъ помѣстили не въ церкви, какъ желалъ жертвователь, а во дворцѣ Дожей. Здѣсь они оставались около столѣтія и потомъ были перенесены въ церковь, а затѣмъ приступили къ постройкѣ подобающаго мѣста для храненія библіотеки. Такая постройка была сдѣлана Джакопо Татти, извѣстнымъ подъ именемъ Сансовино, и зданіе было названо старой библіотекой. Сансовино довелъ работы только до 16-й арки въ Кампанеллѣ, и остальное было окончено послѣ его смерти Скамоцци. Вообще это зданіе считается лучшимъ трудомъ Сансовино и красивѣйшимъ зданіемъ въ Венеціи XVI вѣка. Палладіо считаетъ его «роскошнѣйшимъ и наиболѣе богато украшеннымъ зданіемъ съ древнихъ временъ», а Аретино заявляетъ, что «нѣтъ лучшаго зданія даже въ древности». Венеціанскіе патриціи щедро жертвовали на библіотеку, и пожертвованія семействъ Гримани, Контарини, Рекканати, Фарсетти, Нани и Молэнъ до того умножили число книгъ и рукописей, что Марчіана сдѣлалась одной изъ богатѣйшихъ и важнѣйшихъ библіотекъ въ Италіи. Даже нашлись благородные люди, какъ Пьетро Бембо и Марко Фоскарини, которые посвятили свои личные труды на приведеніе въ порядокъ библіотеки. Но въ 1807 г. Наполеонъ пожелалъ перевести библіотеку въ другое мѣсто, а зданіе, воздвигнутое Сансовино, присоединить къ дворцу Дожей. Со слезами на глазахъ отстаивалъ Марчіану его библіотекарь, Джакопо Морелли, и его поддерживалъ знаменитый скульпторъ Канова, но ихъ просьбы могли только отсрочить несчастный день, и въ 1812 г., по приказанію Наполеона, книги и рукописи были перенесены изъ Марчіаны въ королевскій дворецъ. Хотя въ немъ было много мѣста, но книжныя сокровища

пришлось раскинуть по многочисленнымъ заламъ, и девяносто два года Марчіана находилась въ такихъ наблагопріятныхъ условіяхъ. 21 декабря 1821 г. вспыхнулъ пожаръ въ дворцѣ Дожей, и австрійскій губернаторъ рѣшилъ, чтобы драгоцѣнности, хранившіяся тамъ, были перенесены въ болѣе безопасное мѣсто. Однако библіотека вмѣстѣ съ ея археологическимъ музеемъ оставалась долго въ прежнемъ своемъ положеніи. Съ теченіемъ времени дворецъ Дожей становился все болѣе и болѣе негоднымъ для храненія обширной библіотеки. Въ 1900 г. итальянскій парламентъ постановилъ перенести Марчіану во дворецъ, занятый во время Венеціанской республики монетнымъ дворомъ. Пока приготовляли новое помѣщеніе для библіотеки, рушилась Кампанелла. Всѣхъ жителей Венеціи объялъ страхъ, что старинныя зданія въ городѣ — неблагонадежны. Пришлось реставрировать старый Монетный дворъ, и только въ прошедшемъ году была перенесена библіотека св. Марка въ ея новое помѣщеніе, благодаря стараніямъ Соломона Морпурго, старшаго библіотекаря Марчіаны. Кромѣ обширнаго и роскошнаго помѣщенія книжныхъ богатствъ и 11.000 рукописей, во дворцѣ Цекка находится удобное зало для чтенія подъ названіемъ «Зала Петрарки». Въ честь перваго юбилея перенесенія библіотеки въ новое помѣщеніе вышло великолѣпное изданіе, въ которомъ подробно и обстоятельно описана вся исторія библіотеки Марчіаны съ ея первыхъ временъ до настоящихъ дней. Этотъ трудъ [1]) дѣлаетъ большую честь доктору Джуліо Кодусіоло, теперешнему библіотекарю Марчіаны.

— Чезаро Ломброзо. Въ апрѣлѣ нынѣшняго года состоялся въ Туринѣ конгрессъ криминалистовъ, цѣлью котораго главнымъ образомъ было чествованіе знаменитаго итальянскаго ученаго антрополога, Чезаро Ломброзо, по случаю его юбилея. Нечего говорить о томъ, сколько явилось желающихъ со всѣхъ концовъ не только стараго, но и новаго свѣта, чтобы выразить юбиляру свое уваженіе. Даже злѣйшіе противники доктрины Ломброзо, хотя и не раздѣляютъ его идей, тѣмъ не менѣе отдаютъ справедливость высокой нравственности его ученія, благодаря которой современная криминалистика смягчилась и сдѣлалась гуманнѣе. Этотъ юбилей вызвалъ появленіе въ Nuova Antologia статьи его дочери, Паолы Ломброзо, гдѣ она рисуетъ характеристику своего отца, разсказываетъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался криминалистомъ, и вообще передаетъ всѣ этапы и фазы, чрезъ которые прошелъ знаменитый антропологъ во время эволюціи его мысли [2]). Г-жа Ломброзо даетъ довольно неожиданный портретъ стараго ученаго, пессимиста и матеріалиста, котораго читатель не можетъ себѣ представить иначе, какъ скучнымъ и унылымъ ученымъ. Въ дѣйствительности же Чезаро Ломброзо въ обыденной жизни — настоящій наивный большой ребенокъ: веселый, жизнерадостный, шутникъ, прекрасный товарищъ, капризный, но въ то же время добрякъ. «Болѣе чѣмъ шестидесятилѣтній старикъ, пережившій много невзгодъ, — говоритъ она, — мой отецъ остался необычайно молодымъ, нѣжнымъ и свѣжимъ, сохранивъ совершенно юношескую живость». Окружающіе скорѣе любятъ Ломброзо, чѣмъ почитаютъ, вслѣд-

[1]) La Biblioteca Marciana nella sua nuova sede. Venezia. 1906.

[2]) Nuova Antologia, 1—15 Maggio 1906.

ствіе его полной неопытности въ свѣтскихъ отношеніяхъ и благодаря его мальчишескимъ выходкамъ. Г-жа Ломброзо разсказываетъ массу анекдотовъ о его пристрастіи къ лакомствамъ, его шуткахъ и откровенномъ характерѣ. Такъ, однажды онъ сдѣлалъ визитъ какой-то высокопоставленной дамѣ и, представляя своихъ двухъ дочерей, сказалъ: «Представьте себѣ, сударыня, какъ чортовски трудно привести къ вамъ этихъ двухъ дурочекъ: онѣ боялись у васъ заснуть. Я уговорилъ ихъ рѣшиться, обѣщая, что мы останемся у васъ ровно столько, чтобы съѣсть пирожковъ, а затѣмъ обѣщалъ имъ удрать».

Итальянскій ученый предпочитаетъ цикорный кофе всѣмъ лучшимъ сортамъ кофе, и самой большой похвалой шампанскому служитъ у Ломброзо его сравненіе съ шипучимъ лимонадомъ. Могло случиться, что Италія не имѣла бы этого ученаго криминалиста, если бы не предусмотрительный филологъ Паоло Марцоло, съ которымъ Ломброзо усердно занимался лингвистикой. Съ дѣтства будущій антропологъ чувствовалъ призваніе къ филологіи и страстно хотѣлъ сдѣлаться филологомъ. Еще совсѣмъ ребенкомъ онъ усердно занимался греческимъ и латинскимъ языками, зачитывался Тацитомъ, Саллюстіемъ и Титомъ Ливіемъ, а въ 12 лѣтъ написалъ «Опытъ о величіи и паденія Рима» въ такомъ возвышенномъ стилѣ, что это сочиненіе можно было приписать какому нибудь почтенному академику. На его счастье Ломброзо встрѣтилъ на своемъ пути добросовѣстнаго и благороднаго руководителя въ лицѣ Марцоло, мало извѣстнаго въ Италіи, благодаря тому, что смерть помѣшала ему окончить грандіозный трудъ: «Историческіе памятники, воздвигнутые анализомъ слова», первый томъ котораго появился въ 1848 г. Прочитавъ этотъ томъ, Ломброзо былъ пораженъ трудомъ ученымъ и написалъ статью въ маленькой Веронской газетѣ возбудивъ въ Марцоло любопытство своимъ компетентнымъ отзывомъ, и тотъ выразилъ желаніе видѣть автора. Каково было его удивленіе, когда передъ нимъ появился четырнадцатилѣтній мальчикъ, казавшійся одиннадцатилѣтнимъ. Ломброзо покинулъ школу и сдѣлался ученикомъ Марцоло. Онъ принялся изучать халдейскій, коптскій, китайскій и еврейскій языки и рѣшилъ совершенно отдаться изученію филологіи. Марцоло былъ человѣкъ великой души и, питая къ Ломброзо отцовскія чувства, понялъ, что одна филологія не представитъ большихъ рессурсовъ для будущей карьеры юноши. Поэтому, не прекословя открыто его желанію заниматься филологіей, внушилъ ему мысль, что филологической науки не можетъ быть безъ положительной базы, заимствованной изъ естественныхъ фактовъ, и предложилъ ему заняться также и медициной, говоря, что занятія лингвистикой, если онъ ни за что не хочетъ ихъ прерывать, только помогутъ въ его новомъ направленіи. Ломброзо поступилъ на медицинскій факультетъ и также страстно занялся изученіемъ психическихъ и мозговыхъ болѣзней. Результатомъ этихъ занятій появилось его сочиненіе: «Бѣлый и цвѣтной человѣкъ», которое онъ посвятилъ Марцоло и послужившее переходной ступенью отъ лингвистическихъ работъ къ медицинскимъ и психіатрическимъ. Темой для этого труда послужила множественность происхожденій человѣческихъ расъ и отысканіе звена между примитивнымъ человѣкомъ и цѣлой серіей живыхъ существъ. Это бы-

ло въ 1869 г., когда еще не появились книги Дарвина. Ломброзо въ своемъ трудѣ представилъ психологію четвероногихъ. чимпанзе и провелъ аналогію между ними и дикарями; пользуясь своими познаніями по образованію и развитію языковъ, онъ доказалъ, что мы прошли ту же стадію наростанія звуковъ и смѣшенія языка, какая характеризуетъ въ настоящее время языки австралійцевъ и краснокожихъ. Онъ также воспользовался различными формами искусства, традиціями, суевѣріями и ритуалами, сохранившимися у современныхъ народовъ, для самаго смѣлаго вывода относительно происхожденія различныхъ человѣческихъ группъ. Но этой книгѣ не суждено было прославиться вслѣдствіе, какъ говоритъ г-жа Ломброзо, неудачно выбраннаго момента ея появленія и неопытности автора, заявившаго издателю, что онъ не желаетъ ни гроша получить прежде, чѣмъ не будетъ продана послѣдняя книга. Издатель воспользовался этимъ, и изданіе никогда не было все распродано. Кромѣ того, оно такъ долго печаталось, что, пока Ламброзо читалъ корректуру, Дарвинъ выпустилъ въ свѣтъ свое «Происхожденіе видовъ». Къ тому же, по ея признанію, Дарвинъ пожертвовалъ на свой трудъ двадцать лѣтъ, и потому его работа была зрѣлая, обдуманная, полная и всесторонняя, и трудъ ея отца не могъ выдержать сравненія. Насколько легко Ломброзо перешелъ съ лингвистики на психіатрію, настолько болѣе усидчиваго труда стоило ему изученіе криминальной антропологіи. Шесть лѣтъ, проведенныхъ на военной службѣ, къ которой онъ совсѣмъ не чувствовалъ призванія, хотя отняли у него время отъ научныхъ занятій, но зато дали ему обширное поле для наблюденій надъ человѣческой природой. Большинство солдатъ происходило изъ различныхъ частей Италіи и, это ему дало мысль написать «Антропологическую географію Италіи», изучая по солдатамъ типическіе антропологическіе характеры. Измѣряя ихъ таліи, ростъ и проч., служившіе отличіемъ народовъ различныхъ частей Италіи, Ломброзо дошелъ до того, что при первомъ взглядѣ на человѣка могъ опредѣлить, откуда онъ родомъ, и такимъ образомъ составилъ антропологическій методъ, который впослѣдствіи ему послужилъ драгоцѣннымъ орудіемъ для изслѣдованія ненормальныхъ, выродившихся людей. Во время своего пребыванія въ павійскомъ гарнизонѣ онъ получилъ разрѣшеніе посѣщать больницу умалишенныхъ и заниматься тамъ психіатріей. Но это возбудило подозрѣніе начальника, который находилъ, что солдату не слѣдуетъ заниматься «ученостью». Придравшись къ случаю, будто Ломброзо не хотѣлъ лѣчить одного солдата, который, по мнѣнію ученаго, прикинулся больнымъ, а потому онъ его отослалъ,—ему сдѣлали скандалъ и засадили на два мѣсяца въ крѣпость. Тогда въ порывѣ гнѣва онъ подалъ въ отставку, и для него начались тяжелые дни; его семья была бѣдна, служба въ больницѣ не дала никакихъ сбереженій, такъ какъ онъ работалъ тамъ безвозмездно, а университетъ приносилъ ему очень мало, и вся надежда возлагалась на переводы, которые онъ дѣлалъ по ночамъ. Но по несчастію у него былъ и сохранился такой дурной почеркъ, что онъ самъ не могъ разобрать свою рукопись. Протянувъ нѣкоторое время въ критическомъ положеніи, Ломброзо неожиданно получилъ предложеніе занять мѣсто директора въ Павійскомъ домѣ для умалишенныхъ и каѳедру профессора въ университетѣ. Это было дл

него такимъ неожиданнымъ счастіемъ, что онъ въ двѣ ночи написалъ свой трудъ: «Геніальность и сумасшествіе», содержащій въ своихъ тридцати страницахъ всѣ элементы, которые впослѣдствіи, обработанные и дополненные, послужили базисомъ для его «Геніальнаго человѣка». Съ момента назначенія директоромъ въ домъ умалишенныхъ для Ломброзо наступилъ самый свѣтлый моментъ жизни. Въ числѣ сумасшедшихъ находились многіе больные миланской проказой, которая поражала исключительно крестьянъ, а потому, хотя больныхъ этой болѣзнью было очень много, но ее мало изучили. Обыкновенно доктора приписывали ея зарожденіе то воздуху, то недостатку пищи, то утомленію физической работой. Изучивъ ее, Ломброзо нашелъ, что причиной ея служитъ испорченный маисъ, которымъ питались крестьяне. Въ немъ онъ нашелъ чрезвычайно ядовитое вещество, которое, впрыснутое подъ кожу животныхъ, производило у нихъ всѣ признаки миланской проказы. Такъ какъ въ странѣ находилось множество богатыхъ помѣщиковъ, которые кормили рабочихъ испорченнымъ маисомъ, то заявленіе Ламброзо, что болѣзнь происходитъ отъ этого, было совсѣмъ имъ не выгодно, такъ какъ выбрасывать испорченный маисъ значило лишиться ежегодно нѣсколькихъ милліоновъ. Поэтому всѣ возстали противъ Ломброзо, и даже его университетскіе коллеги заявили, что онъ ни больше ни меньше, какъ шарлатанъ или сумасшедшій, и что онъ не дѣлалъ никакихъ опытовъ, а его работы ложны. Въ Ломбардской академіи наукъ, куда онъ представилъ свои изслѣдованія, самый вліятельный членъ заявилъ, что все это—«плоды его фантазіи». Такъ какъ ядовитое вещество, находившееся въ испорченномъ маисѣ, очень похоже на стрихнинъ, то противники Ломброзо говорили, что онъ подмѣшалъ его въ свои препараты. Тогда одинъ изъ его друзей, французъ, видя, какое униженіе переживаетъ Ломброзо, предложилъ ему отвезти это вещество для изслѣдованія къ Бертло. Знаменитый химикъ далъ отвѣтъ, что дѣйствительно этотъ ядъ аналогиченъ съ стрихниномъ, но въ то же время онъ имѣетъ существенную разницу; это заявленіе, если не совсѣмъ измѣнило дурное чувство враговъ Ломброзо, то во всякомъ случаѣ заставило смолкнуть клеветы. Вся эта борьба изъ-за миланской проказы длилась десять лѣтъ. Осмѣянный, оклеветанный, прозванный врагомъ народа, Ломброзо не упалъ духомъ и не пренебрегалъ ничѣмъ для веденія своей пропаганды. Онъ обратился къ правительству, прося признать необходимымъ запрещеніе кормить народъ испорченнымъ маисомъ, но этого ему не удалось добиться отъ высшаго начальства, которое произвело его за это въ «соціалисты». Тогда онъ обратился къ помощи печати, конгрессовъ, конференцій, устраиваемыхъ за его счетъ на площадяхъ. Когда Ломброзо началъ работать своего «Преступнаго человѣка», то не думалъ, что это доведетъ его до созданія новой отрасли криминальной антропологіи, съ которой тѣсно связано его имя. Благодаря его работамъ надъ «Антропологической географіей Италіи», у него сохранилась и привычка изучать и классифицировать различныя группы людей по характеристичнымъ особенностямъ, и такимъ образомъ онъ изучилъ сумасшедшихъ, кретиновъ, чумныхъ, не имѣя раньше обдуманной мысли о цѣли, къ которой поведутъ его изысканія. Еще неожиданнѣе ему удалось сдѣлать открытіе относительно аналогичнаго по-

строенія черена дикаря и преступника. Когда Ломброзо часто посѣщалъ въ 1869 г. Александрію, гдѣ жила его невѣста, то добился разрѣшенія ходить въ городскую тюрьму, гдѣ онъ дѣлалъ свои наблюденія, и вмѣсто того, чтобы ухаживать за невѣстой, цѣлыми часами занимался размѣриваніемъ преступниковъ и бесѣдами съ ними. Затѣмъ онъ посѣщалъ дома для умалишенныхъ и другія тюрьмы, размѣрялъ живыхъ и мертвыхъ. Однажды въ 1870 г. при вскрытіи тѣла одного извѣстнаго преступника Веллъеллы онъ сдѣлалъ неожиданное открытіе, которое послужило подтвержденіемъ его до тѣхъ поръ смутныхъ и еще неопредѣлившихся идей о природѣ преступниковъ, сходной съ природой первобытныхъ дикарей; у тѣхъ и другихъ оказалось тождественное построеніе черепа, и это сразу пролило свѣтъ, что преступный человѣкъ носитъ слѣды анатомическаго характера первобытныхъ людей съ ихъ примитивной жестокостью, дикостью и нечувствительностью. Это обстоятельство послужило первымъ базисомъ его теоріи. Только позже, когда его пригласили въ качествѣ эксперта въ процессѣ одного солдата, убившаго пятерыхъ товарищей, и лицо котораго носило характерное выраженіе вырожденія, кромѣ того, что онъ принадлежалъ къ семьѣ эпилептиковъ, Ломброзо высказалъ, что преступность этого субъекта вмѣсто того, чтобы представлять феноменъ исключительно атавическій, проявилась на почвѣ болѣзненности— эпилепсіи, и что къ этой болѣзненной почвѣ прибавляется затѣмъ доля атавизма, такимъ же образомъ, какъ, напримѣръ, холодъ вредитъ при условіяхъ болѣзненности развитія дуба, на которомъ видны листья съ атавическимъ характеромъ, съ повтореніемъ формъ дуба третичной эпохи. Изслѣдуя тысячи и тысячи преступныхъ субъектовъ, Ломброзо мало-по-малу сталъ различать, классифицировать ихъ на преступныхъ по страсти, по безнравственности, по безумію и т. д. Онъ такъ напрактиковался, что на первый взглядъ могъ уловить черты преступности. Однажды къ нему въ аудиторію привели человѣка, который двадцать лѣтъ былъ на каторгѣ. Когда Ломброзо его увидѣлъ, то воскликнулъ: «Этотъ не можетъ быть преступникомъ: у него лицо совершенно честнаго человѣка!» Дѣйствительно, оказалось, что онъ былъ совершенно невиновенъ, и его сослали вслѣдствіе юридической ошибки. Студенты были такъ поражены заявленіемъ Ломброзо, что открыли подписку и на собранныя деньги возобновили пересмотръ дѣла и добились его полнаго оправданія. Такимъ образомъ Ломброзо, начавъ съ филологіи, дошелъ до криминальной антропологіи, страшно работая, но не утомляясь, такъ какъ, по словамъ же Ломброзо, работа для него наслажденіе и утѣха, такъ что никакія почести и успѣхи не могутъ ее замѣнить.

— Американскія рекламы. Въ первой іюньской книгѣ «La Revue» Альберъ Шинцъ въ своей статьѣ защищаетъ американцевъ противъ нападокъ нѣкоторыхъ европейскихъ писателей за наклонность первыхъ къ торгашеству, очень развитому въ нихъ и которое влечетъ за собою отсутствіе художественнаго вкуса. По мнѣнію автора, несмотря на то, что народы все болѣе и болѣе космополитизируются, все-таки они сохраняютъ свои отличительныя черты: нѣмцы, напримѣръ, отличаются своими мыслителями, французы—различнаго рода художниками, американцы же—дѣловыми людьми, и ихъ страна все болѣе и

болѣе дѣлается родиной грандіозныхъ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій. «Мы склонны судить,—говоритъ Шинцъ,—о націяхъ, какъ о людяхъ, по тому, чего у нихъ нѣтъ, а не по тому, что у нихъ есть». По его мнѣнію, искусство вовсе не отсутствуетъ у американскихъ промышленниковъ, только оно выражается не тамъ, гдѣ оно видно у европейцевъ, и иное, чѣмъ у нихъ. Требовать отъ американцевъ того же искусства, какъ у европейцевъ,—одно и то же, что требовать у лапландца одинаковаго костюма съ жителемъ тропическихъ странъ. Двадцати-этажные дома, поражающіе европейскаго знатока изящнаго искусства своимъ безобразіемъ, Шинцъ находитъ фееричными, съ ихъ тысячами освѣщенныхъ оконъ. Пресловутыя американскія рекламы служатъ американцамъ не только способомъ для обогащенія, но и распространителями просвѣщенія, изящнаго вкуса, комфорта. Интересно прослѣдить по нимъ, насколько успѣшно идетъ процвѣтаніе промышленности и торговли, принявъ во вниманіе, что американцы тратятъ на рекламы среднимъ числомъ 5% своего барыша. Въ 1904 г. Америка тратила ежегодно на нихъ 500 милліоновъ долларовъ, что почти равнялось суммѣ, затрачиваемой европейскими государствами: Россіей, Германіей и Франціей, на свои арміи. Увеличеніе рекламъ идетъ нога въ ногу съ развитіемъ коммерціи. До гражданской войны реклама, сдѣланная однимъ торговымъ домомъ въ 3.000 долларовъ, казалась американцамъ сказочной цифрой, теперь же это самое обыкновенное дѣло, и та же фирма въ настоящее время затрачиваетъ на рекламы 750.000 долларовъ ежегодно. Другая фирма «Sapolio» прежде тратила 30.000 долларовъ въ годъ, а теперь 1.000 долларовъ въ день. Американскій торговый домъ въ родѣ парижскаго «Louvre» и «Bon Marché» тратитъ въ годъ болѣе четырехъ милліоновъ долларовъ. Въ Чикаго въ большомъ ходу разсылка по почтѣ рекламъ и каталоговъ, что обходится въ годъ одному дому Сирсъ, Ребюкъ и К° въ 11.000 долларовъ. Рекламы, помѣщенныя въ журналахъ, стоятъ дороже, такъ какъ ежемѣсячный журналъ весь мѣсяцъ лежитъ на столѣ, тогда какъ газеты чрезъ нѣсколько часовъ убираются по прочтеніи, и рекламы приходится возобновлять ежедневно. «Ladies Home Journal» выходитъ въ милліонѣ экземпляровъ, и цѣна за строчку рекламы обходится въ немъ 6 долларовъ, а цѣлая страница стоитъ 4.000 долларовъ. Вообще женщины болѣе мужчинъ попадаются на рекламныя удочки, а потому въ модныхъ женскихъ журналахъ всегда больше рекламъ. Журналъ «Comfort», расходящійся въ 125.000 экземплярахъ между рабочими, которые послѣ женщинъ и крестьянъ всего болѣе обращаютъ вниманіе на рекламы, беретъ за строчку рекламы 5 долларовъ, а «Century», выходящій въ 250.000 экземплярахъ, за страницу рекламы 250 долларовъ, «Harper's», выходящій въ 200.000 экземпляровъ,—250 долларовъ, «Scribner's»,—въ томъ же количествѣ экземпляровъ, также 250 долларовъ, «Munsey», расходящійся въ 603.350 экземплярахъ,—500 долларовъ. Три первые журнала считаются аристократическими и продаются по 35 центовъ за нумеръ. Послѣдній, наиболѣе расходящійся, чтобы увеличить количество рекламъ, сталъ продаваться по уменьшенной цѣнѣ. Всѣ эти журналы значительно увеличиваются въ объемѣ рекламами. Часто случается, что цѣлая половина журнала посвящена рекламамъ. Нумеръ «Mc Clure's» за декабрь 1904 г. содержалъ 171 страницу рекламъ, за которыя издатели

получили 60.816 долларовъ, а «Munsey Magazine» получилъ 75.000 долларовъ въ мѣсяцъ. Десять главныхъ журналовъ среднимъ числомъ получаютъ въ мѣсяцъ 344.196 долларовъ, т.-е. въ годъ болѣе двадцати милліоновъ франковъ, а «Ladies Home Journal»—135.000 долларовъ. Стѣнныя рекламы тоже въ большомъ ходу у американцевъ и поглощаютъ крупныя суммы. Цѣна мѣняется согласно пространству, занимаемому рекламой, положенію на стѣнѣ или оградѣ и берется съ листа, размѣръ котораго—70 сентиметровъ. Компанія «Force», какъ называется питательное вещество изъ злаковъ, которое подается къ завтраку неваренными, а сырымъ, нанимаетъ 30.000 мѣстъ для рекламъ изъ 8 листовъ и 20.000 изъ 24 листовъ—всего на сумму 25.000 долларовъ въ мѣсяцъ. Та же компанія заняла для рекламъ высокую трубу въ торговомъ кварталѣ Нью-Іорка, которая стоитъ ей въ годъ 1.000 долларовъ и 400 долларовъ ежегодно за раскрашиваніе рекламы. Самая высокая цѣна такого рода рекламы 10 долларовъ въ мѣсяцъ. Человѣкъ-реклама представляетъ для коммерсантовъ настоящее сокровище, хотя требуетъ значительнаго вознагражденія. Крупные торговые дома въ Чикаго, Нью-Іоркѣ и Филадельфіи платятъ 12.000 долларовъ въ годъ за ловко составленную рекламу и почти такую же цѣну за убранство витринъ. Это—исключительная цифра, но ловкіе составители довольно рѣдки. Реклама приноситъ немалую пользу успѣху торговли. Такъ, напримѣръ, въ большихъ городахъ, какъ Нью-Іоркъ, Чикаго и т. д., главный торговый день въ магазинахъ, въ родѣ парижскаго «Louvre», бываетъ по понедѣльникамъ, и только потому, что въ воскресенье въ журналахъ появляются особенно зазывательныя рекламы. Напротивъ, пятница долго была мертвымъ днемъ въ недѣлѣ, пока владѣльцы магазиновъ не стали помѣщать въ четвергъ такихъ же рекламъ. Кромѣ того, рекламы обогащаютъ разговорный языкъ новыми выраженіями. Напримѣръ, одинъ магазинъ фотографическихъ аппаратовъ выставилъ въ рекламѣ слѣдующую фразу. «Нажмите кнопку; остальное сдѣлаемъ мы», которая вошла въ такую моду, что употреблялась при всякомъ удобномъ случаѣ. Фирма «Force» нарисовала на своей рекламѣ дряхлаго старика, а на другой—его же послѣ употребленія ихъ препарата помолодѣвшимъ, веселымъ—и счастливымъ и назвала его «Sunny Jim», какъ называютъ въ семьяхъ цвѣтущаго здоровья дѣтей. Съ этихъ поръ Sunny Jim вошелъ въ такую моду, что журналисты стали заимствовать черты его лица для своихъ карикатуръ, адвокаты упоминали его имя въ своихъ рѣчахъ, и даже извѣстный въ Лондонѣ пасторъ озаглавилъ свою проповѣдь «Sunny Jim». Реклама, по мнѣнію Шинца, также просвѣщаетъ, развиваетъ вкусъ, знакомитъ съ гигіеной. Въ Америкѣ въ большомъ употребленіи печенье, которое прежде стояло въ магазинахъ открытымъ въ бочкахъ, подвергаясь пыли и вліянію воздуха. Кромѣ того, оно продавалось на вѣсъ, и приказчикъ, свѣшивая, бралъ его руками, не всегда чистыми, клалъ на вѣсы, гдѣ ранѣе свѣшивали другіе товары, и оставались крошки. Это было неопрятно и не гигіенично, хотя, впрочемъ, публика не жаловалась, пока ея не просвѣтила реклама, конечно, порожденная отчасти конкуренціей; недостаточно было имѣть хорошій товаръ, такъ какъ онъ былъ у всѣхъ, приходилось чѣмъ нибудь другимъ поразить вниманіе публики. Съ этою цѣлью предлагались улучшенія, какихъ н

было въ другихъ магазинахъ. Когда публика получила эти улучшенія, то стала требовательнѣе и дошла до того, что бисквиты уже продавались развѣшенными, обернутыми въ бумагу и уложенными въ металлическій ящикъ. За этимъ послѣдовало измѣненіе и относительно другихъ товаровъ: кофе, сахара, макаронъ и проч. — гигіена мало-по-малу заглянула въ лавки торговцевъ и даже въ дома бѣднаго класса, который понемногу сталъ развивать свой вкусъ, понимать значеніе гигіены, и въ его жилищахъ появились порядокъ и опрятность. Теперь въ Америкѣ требуютъ, чтобы булки и хлѣбъ продавались также завернутыми въ бумагу ради чистоты. Такимъ образомъ реклама ввела эстетику въ практическую жизнь, и въ этомъ случаѣ Америка оставила далеко позади себя Европу. По мнѣнію автора, художество у американцевъ не отдѣлено, какъ у насъ, отъ обыденной жизни, что вводитъ европейцевъ въ заблужденіе; американцы же въ этомъ видятъ шагъ впередъ относительно художественнаго развитія; они не довольствуются, какъ первые, тѣмъ, что отводятъ ему мѣсто въ музеяхъ, а хотятъ ввести и въ домашнемъ обиходѣ до кухни включительно. «Эстетика — дочь довольства, а довольство — дочь торгашества съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ болѣе ни рабства, ни крѣпостничества въ народѣ», — говоритъ Шинцъ. Благодаря рекламѣ, бѣдный американецъ кажется богаче средняго класса европейца по своему костюму, который съ помощью ея сдѣлался доступенъ для всякаго кошелька. Европеецъ заказываетъ у портного свой костюмъ и платитъ дорого, американецъ же имѣетъ на эти деньги нѣсколько готовыхъ костюмовъ и всегда одѣтъ съ иголочки. Прежде въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ, приходилось заказывать платье, если есть какая нибудь ненормальность въ сложеніи, такъ какъ готовыя платья дѣлались только трехъ размѣровъ: для высокаго, средняго и малаго роста. А такъ какъ ненормальность встрѣчается на сто случаевъ десять, то такимъ лицамъ приходилось въ виду дороговизны заказного платья ограничивать количество костюмовъ, пока одинъ предпріимчивый американецъ не сталъ дѣлать костюмовъ для людей ненормальнаго сложенія и не выпустилъ объ этомъ рекламы. Съ тѣхъ поръ американцы носятъ заказныя платья только въ особенно торжественныхъ случаяхъ. Старые предразсудки были покорены, и вмѣсто одного дорогого костюма американецъ имѣетъ нѣсколько, и европейцы съ своими старыми традиціями кажутся ему очень неряшливо одѣтыми. Реклама въ стихахъ цѣнится дороже, чѣмъ въ прозѣ, и, по увѣренію опытныхъ, американскихъ промышленниковъ, она вліяетъ сильнѣе на вообраҗеніе массы, и въ эти стихи должно вкладываться немало искусства и даже поэзіи, и потому, по мнѣнію Шинца, у американцевъ нельзя отрицать художественности. Кромѣ того, за послѣднее время въ Америкѣ рекламы стали появляться съ изящными изображеніями и виньетками, и этотъ трудъ широко оплачивается. Воздавая похвалу рекламѣ, авторъ и не скрываетъ ея дурной стороны — мошеннической. Такъ, одинъ ловкій аферистъ рекламировалъ, что за 50 центовъ онъ вышлетъ изображеніе генерала Гранта. Легковѣрные люди попали на эту удочку и дѣйствительно получили изображеніе Гранта — только на почтовой маркѣ. Другой разъ не менѣе ловкій американецъ объявилъ въ рекламѣ, что онъ вышлетъ машину для шитья за 25 центовъ, и высылалъ швейную иглу. Но еще забавнѣе попались легковѣрные, вы-

писавъ по рекламѣ мебель для гостиной за 17 франковъ. При рекламѣ даже находился фотографическій снимокъ мебели. Когда же она была получена, то оказалась игрушечной.

Хотя рѣдко, но случается быть обманутымъ посредствомъ рекламы два раза. Напримѣръ, одинъ шарлатанъ рекламировалъ, что онъ высылаетъ флаконъ съ составомъ своего изобрѣтенія, который исцѣляетъ отъ всѣхъ болѣзней. Оказалось, что это была простая соль, разбавленная водою. Полиція, узнавъ, въ чемъ дѣло, запретила почтамту пересылать это изобрѣтеніе. Тогда ловкій янки перебрался въ другой городъ съ оставшимися флаконами и оттуда написалъ обманутымъ кліентамъ слѣдующее письмо: «Я узналъ, что вы были предметомъ мошенничества со стороны д-ра X. Такого рода факты должны строго наказываться. Я знаю, что вы страдаете болѣзнью, которую считаютъ неизлѣчимой; но есть средство, только одно средство; я его знаю и буду счастливъ прислать его вамъ за ничтожную сумму ста центовъ». Тысячи легковѣрныхъ попались на удочку, и ловкій янки извлекъ пользу изъ своей первой неудачи. Для избѣжанія подобныхъ ловушекъ можетъ помочь собственный разсудокъ, и, по словамъ автора, порицать изъ-за этого рекламу —то же, что отказаться отъ религіи и нравственности, потому что на свѣтѣ есть лицемѣры. Конечно, всегда найдутся въ обществѣ глупцы, которыхъ будутъ одурачивать безнравственные люди, которые не считаютъ грѣхомъ ихъ надуть. Въ Филадельфіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ портной, который своими ловкими и обманчивыми рекламами привлекалъ немало публики и на упрекъ одного владѣльца большихъ торговыхъ домовъ въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи, зачѣмъ онъ такъ неблагородно обманываетъ своихъ покупателей, отвѣтилъ: «Сударь, въ Филадельфіи милліонъ жителей, изъ нихъ 10 на 100 глупцовъ, что дастъ 10.000. Если бы я могъ поймать изъ этого числа 10 на сто, т.-е. 10.000, то я могъ бы вести выгодныя дѣла; при этомъ вспомните, что народонаселеніе увеличивается».

Съ своей стороны издатели журналовъ, помѣщающіе аннонсы, принимаютъ мѣры противъ подобныхъ мошенническихъ рекламъ. Имъ приходится, не обманывая своихъ кліентовъ, отвѣчать за все, что появится на столбцахъ ихъ журналовъ.

Но, предлагая полную гарантію, они могутъ повысить цѣну на рекламу. Обезпеченіемъ интересовъ подписчиковъ служитъ Moneyback system, т.-е. система возвращенія денегъ. Если читатель обманутъ рекламой, то издатель вознаграждаетъ его и въ слѣдующемъ нумерѣ объявляетъ объ обманѣ. Но жалобы на мошенничество случаются раза два въ мѣсяцъ. Однажды подписчикъ «Saturday Ivening post» прочиталъ рекламу одного торговаго дома и чрезъ восемь мѣсяцевъ вздумалъ сдѣлать заказъ, пославъ въ уплату чекъ на 125 ф. Чрезъ два дня владѣлецъ торговаго дома объявилъ себя несостоятельнымъ и не возвратилъ денегъ, которыя уплатилъ за него издатель журнала, гдѣ была помѣщена реклама. Вообще рекламы дѣйствуютъ на людей пассивныхъ, и главнымъ ихъ пособникомъ является любопытство, которымъ американцы отличн умѣютъ пользоваться. Въ заключеніе Шинцъ говоритъ, что если американцы

любятъ деньги, то потому, что безъ нихъ нельзя добиться ни художества ни роскоши.

— **Смерть Гартмана, Седдона и герцога Альмодивара.** Въ первыхъ числахъ іюня скончался въ Грослихтерфельдѣ, близъ Берлина, извѣстный нѣмецкій философъ, нѣсколько забытый читающимъ и даже ученымъ міромъ. Единственный сынъ артиллерійскаго генерала, онъ родился въ 1842 г. и въ юности выказывалъ одинаковое отвращеніе къ классицизму и разнузданности нравовъ тогдашнихъ студентовъ. Онъ вступилъ въ гвардейскую артиллерію, но принужденъ былъ покинуть военную службу, благодаря случайно полученной на маневрахъ контузіи въ колѣно. Черезъ два года онъ получилъ степень доктора философіи и съ тѣхъ поръ жилъ частнымъ человѣкомъ въ Берлинѣ или его окрестностяхъ. Онъ посвятилъ всю свою жизнь философіи и въ 1869 г. написалъ «Философію безсознательнаго», которая сразу пріобрѣла ему громкую славу. Это капитальное сочиненіе не только обратило вниманіе всѣхъ ученыхъ и философовъ, но и возбудило жаркіе споры среди общихъ читателей. Принадлежа къ числу монистовъ, т.-е. тѣхъ философовъ, которые признаютъ только одинъ принципъ бытія, Гартманъ называлъ свою философскую систему «трансцендентальнымъ» реализмомъ и пытался приложить къ ней двѣ точки зрѣнія: наивный реализмъ, допускающій познаніе сущности внѣшняго міра, и субъективный идеализмъ новокантіанцовъ, приписывающій явленіямъ исключительно субъективное значеніе.

Сущность всякаго бытія, по словамъ Гартмана,—«безсознательное», метафизическое, духовное начало-абсолютъ, находящійся за предѣлами всякаго индивидуальнаго сознанія, единственный, но включающій въ себѣ реальное множество, какъ свое внутреннее разнообразіе. Отсюда пессимизмъ Гартмана, утверждавшаго, что міръ дуренъ, и что небытіе лучше, чѣмъ бытіе. Дѣйствительность своего «безсознательнаго», или, какъ Гартманъ выражается въ послѣдующихъ изданіяхъ своей книги, «сверхсознательнаго», онъ пытается доказать на основаніи фактическихъ данныхъ путемъ индуктивнаго естественно-историческаго метода. Гартманъ одинаково преслѣдовалъ пессимизмъ абсолютный и негативный—Шопенгауэра, а равно оптимизмъ Лейбница и Гегеля. Въ отношеніи религіи онъ пытался слить христіанскія начала съ буддизмомъ.

Насколько Гартманъ былъ, однако, не твердъ въ своихъ философскихъ выводахъ, доказывается тѣмъ, что онъ самъ анонимно написалъ остроумную критику на свою собственную философію. Главная книга Гартмана переведена на нѣсколько языковъ и, между прочимъ, на русскій. Кромѣ этого труда, онъ написалъ еще много философскихъ сочиненій, которыя, однако, не имѣли большого успѣха. Полное собраніе его сочиненій было издано въ 1901 г. въ тринадцати томахъ. Кромѣ научныхъ работъ, онъ написалъ цѣлый рядъ драматическихъ поэмъ и афоризмовъ о драмѣ. Наконецъ онъ написалъ большое сочиненіе противъ дарвинизма, благодаря чему популярность самого Гартмана много пострадала. Первая жена Гартмана, Агнеса Таубертъ, такъ же написала книгу въ защиту мнѣній своего мужа. Умеръ знаменитый философъ на шестьдесятъ четвертомъ году своей жизни.

Чрезъ недѣлю послѣ кончины Гартмана получено въ Европѣ извѣстіе о потерѣ Австраліей одного изъ ея выдающихся государственныхъ людей—перваго министра Новой Зеландіи Ричарда Седдона. Онъ возвращался на пароходѣ изъ Мельбурна, гдѣ посѣтилъ по дѣламъ своего товарища, премьера Дикина, и скоропостижно скончался во время пути. Онъ былъ образцомъ саморазвитаго человѣка и изъ простого рабочаго достигъ перваго мѣста въ Новой Зеландіи, гдѣ его всѣ называли «королъ Дикъ». Ричардъ Седдонъ, по происхожденію англичанинъ, былъ сынъ сельскаго учителя въ Ланкаширѣ. Въ ранней молодости Ричардъ былъ предоставленъ отцемъ своей судьбѣ и отправился искать счастіе, какъ рудокопъ, въ Австралію. Но тамъ ему не очень повезло, и онъ удалился въ сосѣднюю колонію Новой Зеландіи, гдѣ на берегу океана устроилъ трактиръ. Многіе еще помнятъ, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ веселый, добродушный трактирщикъ Дикъ самъ распоряжался всѣмъ въ своемъ заведеніи и за общимъ обѣдомъ угощалъ виномъ своихъ жильцовъ. Какъ они, такъ и самъ онъ были бы очень удивлены, если бы имъ сказали, что чрезъ восемнадцать лѣтъ онъ будетъ представителемъ колоніи на юбилеѣ королевы Викторіи и въ качествѣ перваго министра этой колоніи, въ золотомъ мундирѣ и при шпагѣ будетъ появляться въ лондонскихъ дворцахъ. На политической аренѣ онъ выступилъ въ 1879 г. въ Веллингтонскомъ парламентѣ въ качествѣ представителя рабочаго сословія. Съ большой ревностью онъ заботился о дѣлахъ своей партіи и въ 1890 г. былъ избранъ въ министры общественныхъ работъ, а чрезъ три года сдѣлался первымъ министромъ.

Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ занимать первенствующее мѣсто въ министерствѣ, оставаясь главою рабочей партіи. Въ это время онъ провелъ цѣлый рядъ самыхъ либеральныхъ и прогрессивныхъ законовъ, такъ что Новая Зеландія теперь стоитъ во главѣ всѣхъ государствъ на свѣтѣ; у нея уже давно разрѣшенъ женскій вопросъ, и женщины съ успѣхомъ участвуютъ въ политическихъ выборахъ и законодательныхъ собраніяхъ. Особенно благопріятное вліяніе женщины-законодатели имѣли на уменьшеніе въ колоніи пьянства. По законамъ о рабочемъ трудѣ, введено въ Новой Зеландіи обязательное вмѣшательство государства при согласіи сторонъ въ рабочія дѣла, такъ что стачки и забастовки теперь тамъ не слыханное дѣло. Согласно земельному законодательству, окончательно воспрещено скопленіе въ однѣхъ рукахъ большихъ землевладѣній. Вся земля сосредоточена въ рукахъ государства и роздана земледѣльцамъ въ аренду, на выгодныхъ условіяхъ. Кромѣ того, изданы законы о рабочемъ отдыхѣ, кромѣ воскресенія, еще половины дня на недѣлѣ, а старики-рабочіе обоего пола въ шестьдесятъ пять лѣтъ получаютъ отъ государства пенсію въ одинъ шиллингъ въ день. Несмотря на полный успѣхъ подобной рабочей программы Седдона, онъ, твердо разыгрывая роль демократа и соціалиста, въ то же время въ общей внѣшней политикѣ былъ имперіалистъ изъ имперіалистовъ. Онъ первый предложилъ Англіи во время войны съ бурами помощь австралійскихъ отрядовъ колоніальныхъ солдатъ и горячо поддерживал фискальную политику Чемберлена. Его смерть—незамѣнимая потеря для все колоніи Новой Зеландіи.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ Испаніи свирѣпствуетъ роковой моръ на выдающихся государственныхъ людей. Послѣ Сагасты, Сильвеллы, Виллаверды и Ромеро теперь скончался герцогъ Альмодиваръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, въ самомъ расцвѣтѣ жизни, пятидесяти лѣтъ. Не будучи спеціалистомъ въ дипломатіи, онъ, однако, еще при Сагастѣ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и то же мѣсто занялъ въ нынѣшнемъ министерствѣ Морэ. Во время алжирской конференціи онъ предсѣдательствовалъ съ большимъ тактомъ, но отъ многочисленныхъ трудовъ разстроилъ себѣ здоровье. Къ довершенію, предъ самыми празднествами по случаю свадьбы Альфонса XIII, жена герцога неожиданно скончалась. Этотъ ударъ оказался столь тяжкимъ для Альмодивара, что онъ въ концѣ концевъ его не перенесъ и на-дняхъ послѣдовалъ въ могилу за своей женой.

СМѢСЬ.

Открытіе памятника Александру II въ Нижнемъ Новгородѣ. 16 іюня въ Нижнемъ Новгородѣ на Благовѣщенской площади состоялось торжественное открытіе памятника императору Александу II. Передъ открытіемъ въ каѳедральномъ соборѣ преосвящ. Назаріемъ, въ присутствіи мѣстной администраціи, представителей города, земства, суда, адвокатуры и проч. совершена заупокойная литургія и панихида по Александрѣ II. По окончаніи службы изъ собора совершенъ крестный ходъ къ памятнику, гдѣ онъ былъ встрѣченъ военной музыкой. У пьедестала памятника совершена панихида. Городской голова открылъ памятникъ. Войска отдали честь. Открытіе совершено безмолвно — рѣчей не было. Были возложены вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ: отъ городской думы, отъ городской управы и гражданъ Нижняго Новгорода, отъ губернскаго земства, отъ уѣзднаго земства, отъ мѣщанъ, отъ купеческаго общества и отъ ремесленниковъ. Фигура императора обращена лицомъ къ думѣ, въ рукѣ — хартія съ надписью: «Указъ правительствующему сенату, въ Веймарѣ 16 іюня 1870 г». На пьедесталѣ памятника имѣются слѣдующія надписи — спереди: «Царю-Освободителю Александру II». По бокамъ — справа: «Введеніе земскихъ учрежденій 1 января 1864 г. Преобразованіе судебныхъ учрежденій 20 ноября 1864 г.»; слѣва: «Отмѣна крѣпостного права 19 февраля 1861 г. Введеніе всеобщей воинской повинности 1 января 1874 г». Затѣмъ надпись сзади: «Благодарные нижегородцы. 1904 г.».

Пятидесятилѣтній юбилей служебной дѣятельности Д. Ѳ. Кобеко. 4 іюня исполнилось пятидесятилѣтіе службы директора Императорской Публичной библіотеки, члена государственнаго совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Дмитрія Ѳомича Кобеко. Онъ родился въ 1837 г., воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ и, по окончаніи курса въ 1856 г., поступилъ на службу въ министерство финансовъ, гдѣ послѣдовательно занималъ должности: дѣлопроизводителя, предсѣдателя податной комиссіи, директора департамента окладныхъ сборовъ, члена совѣта министра финансовъ, директора общей канцеляріи и наконецъ товарища министра. Занимая эти должности, Д. Ѳ. Кобеко участвовалъ, сверхъ того, какъ представитель министерства финансовъ, въ желѣзнодорожныхъ обществахъ и комиссіяхъ по выработкѣ новыхъ проектовъ по разнообразнымъ финансовымъ вопросамъ. Въ 1892 г. онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а въ 1902 г., по смерти Н. К. Шильдера, директоромъ Публичной библіотеки. Несмотря на обширность и сложность служебныхъ занятій, Д. Ѳ. Кобеко посвящалъ все свободное время историческимъ разысканіямъ. Начиная съ 1858 г., труды его появляются въ различныхъ историческихъ и ученыхъ журналахъ: «Русскомъ Архивѣ», «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», «Библіографическихъ Запискахъ», «Запискахъ археологическаго общества», «Старинѣ и Новизнѣ», «Сборникѣ императорскаго историческаго общества» и др. Капитальный трудъ Д. Ѳ.: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», удостоенный академіей наукъ уваровской преміи, выдержалъ три изданія. Всѣ изслѣдованія Д. Ѳ. отличаются новизной матеріаловъ, ихъ тщательнымъ подборомъ и правильнымъ, строго научнымъ освѣщеніемъ. Заслуги его въ области историографіи оцѣнены многими учеными обществами, избравшими его своимъ членомъ. Д. Ѳ. обладаетъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ частныхъ библіотекъ, которую онъ принесъ въ даръ Русскому историческому обществу. Въ послѣднее время Д. Ѳ. былъ предсѣдателемъ высочайше учрежденной комиссіи по пересмотру цензурнаго устава. Какъ въ служебныхъ, такъ и въ частныхъ своихъ отношеніяхъ Д. Ѳ. отличается доступностью, безпристрастіемъ къ подчиненнымъ, готовностью помочь всѣмъ, нуждающимся въ его совѣтахъ и знаніяхъ. Служащіе въ Публичной библіотекѣ испросили разрѣшеніе на помѣщеніе портрета его въ одной изъ библіотечныхъ залъ. Депутація отъ Александровскаго лицея поднесла юбиляру адресъ съ изложеніемъ его выдающихся заслугъ.

Пятидесятилѣтній юбилей И. С. Кологривова. 7 іюня исполнилось пятидесятилѣтіе службы по вѣдомству путей сообщенія одного изъ выдающихся дѣятелей по инженерной спеціальности, предсѣдателя совѣта министра путей сообщенія, т. с. И. С. Кологривова. Окончивъ въ 1856 г. институтъ инженеровъ путей сообщенія, И. С. участвовалъ въ рядѣ изысканій желѣзнодорожныхъ путей, въ томъ числѣ отъ Москвы къ Черному морю, былъ строителемъ ...вской, Ряжско-Вяземской и Оренбургской жел. д., принимая при постройкѣ послѣдней непосредственное участіе въ сооруженіи Александровскаго моста черезъ р. Волгу. На него возлагали рядъ отвѣтственныхъ порученій по министер-

ству, при чемъ неоднократно ему приходилось быть представителемъ вѣдомства на международныхъ конгресахъ. Такъ, въ 1884—1885 гг. онъ былъ командированъ въ Америку для участія въ международномъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ для выбора общаго меридіана и установленія общаго времени; затѣмъ былъ представителемъ Россіи на конгрессахъ въ Японіи, Конго и др. Съ 1884 г. И. С. состоитъ членомъ совѣта министра, а за послѣднее десятилѣтіе предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ, обнаруживая рѣдкое безпристрастіе при разсмотрѣніи многочисленныхъ по министерству путей сообщенія дѣлъ по отчужденію имуществъ подъ желѣзныя дороги. Среди сослуживцевъ И. С. пользуется общею любовью и уваженіемъ, что обнаружилось при происходившемъ чествованіи его юбилея, въ которомъ приняли участіе, какъ высшіе чины министерства, такъ и занимающіе сравнительно скромныя должности. Отъ совѣта министра юбиляру поднесенъ адресъ; кромѣ того, были читаны привѣтствія отъ различныхъ лицъ и учрежденій.

Исторія русско-японской войны. Главное управленіе генеральнаго штаба, озабочиваясь организаціей, въ ближайшемъ будущемъ, составленія исторіи русско-японской войны, проситъ офицеровъ генеральнаго штаба — участниковъ войны — имѣющіеся у нихъ дневники, записки или мемуары, относящіеся до военныхъ дѣйствій, доставить въ историческое отдѣленіе главнаго управленія генеральнаго штаба. Тѣмъ же офицерамъ, которые не вели подобныхъ записей, предлагается, если это найдутъ возможнымъ, послѣднія составить по воспоминаніямъ, но съ тѣмъ, чтобы составленное было передано въ историческое отдѣленіе въ годичный срокъ, считая съ 1 января 1906 г. Полевыя книжки, если у кого изъ офицеровъ онѣ сохранились, надлежитъ сдать теперь же въ главное управленіе генеральнаго штаба. Всѣ эти документы, по желанію владѣльцевъ и по минованіи надобности, могутъ быть возвращены обратно.

Русскія и японскія потери въ послѣднюю войну. По подсчету главнаго штаба наши потери въ составѣ сухопутныхъ войскъ за все время послѣдней войны составляютъ: убитыми — 31.187 нижн. чин., ранеными и контуженными — 115.885 нижн. чин., пропавшими безъ вѣсти — 37.497 нижн. чин., плѣнными — 53.897 нижн. чин., а всего выбывшими изъ строя 213.626 нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа на маньчжурскія арміи приходится 174.569 чел., изъ нихъ убито — 21.187 чел., взято въ плѣнъ — 24.840 чел. По свѣдѣніямъ японскаго военнаго министерства японскія потери въ минувшую войну таковы: убито — 47.152 человѣка, умерло отъ ранъ — 11.424 чел., умерло отъ болѣзней — 21.802 чел., всего умерло — 80.378 чел., въ томъ числѣ 2.118 офицеровъ, 76.908 строевыхъ нижнихъ чиновъ и 1.357 нестроевыхъ. Общее число умершихъ распредѣляется по родамъ оружія такъ: пѣхота — 64.485 чел., конница — 829 чел., артиллеріи — 3.957 чел., инженерныя войска — 1.944 чел., обозныя войска — 8.130 чел., прочія войска — 1.67[illegible] чел. Изъ 21.802 чел., умершихъ отъ болѣзней, — 16.982 чел. умерли н театрѣ военныхъ дѣйствій, а прочіе — въ Японіи. Ранено: непріятелемъ — 153.673 чел., отъ несчастныхъ случаевъ — 16.456 чел., всего 170.129 че.

Заболѣло за время войны незаразными болѣзнями — 203.270 чел., заразными — 17.866 чел., а всего 221.136 человѣкъ.

Японскіе трофеи. Въ военномъ музеѣ въ Токіо, въ настоящее время, выставлена большая часть трофеевъ, взятыхъ во время сраженій. Между прочимъ, здѣсь имѣется кровать Куропаткина и полный наборъ новыхъ костюмовъ всѣхъ участвовавшихъ въ войнѣ частей. Изъ орудій въ музеѣ имѣется 700 пушекъ, 130.000 мелкихъ предметовъ вооруженія и 50 милл. патроновъ и снарядовъ.

НЕКРОЛОГИ.

Вессель, Н. Х. 2 іюня скончался 72-хъ лѣтъ отъ роду Николай Христіановичъ Вессель, родившійся въ 1834 г. Покойный имѣлъ почтенное имя въ журналистикѣ и педагогіи. Онъ кончилъ курсъ С.-Петербургскаго университета по факультету восточныхъ языковъ и много поработалъ на пользу образованія народныхъ массъ. Въ 60-хъ годахъ онъ редактировалъ журналъ «Учитель», а въ 80-хъ годахъ—«Педагогическій сборникъ». Статьи Н. Х. появлялись въ «Голосѣ», «Новомъ Времени», онъ составилъ «Опытную психологію въ примѣненіи къ воспитанію и обученію» и «Руководство къ воспитанію и ученію» по Бенеке, «Руководство къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ», «Профессіональныя школы и обученіе ремесламъ», собралъ и издалъ съ Е. К. Альбрехтомъ «Гусельки» (128 колыбельныхъ и народныхъ пѣсенъ, изд. 1888 г.), «Сборникъ солдатскихъ пѣсенъ» (1888 г.), «Школьныя пѣсни» (1888 г.). Покойный изучалъ финансовые и экономическіе вопросы, давая всегда обоснованные и интересные обзоры и статьи. Вообще, это былъ разносторонній писатель, особенно тяготѣвшій къ педагогіи и связаннымъ съ нею областямъ. Свои вокальные сборники онъ также пріурочивалъ къ школѣ, въ которой справедливо признавалъ важное значеніе музыки и пѣнія. Н. Х. Вессель въ ученыхъ учрежденіяхъ министерствъ народнаго просвѣщенія и финансовъ занималъ должности члена совѣтовъ и много для нихъ потрудился.

† **Зеленковъ, В. Т.** 20 мая, въ деревнѣ Елкинѣ, Коломенскаго уѣзда Московской губерніи, скончался старообрядческій начетчикъ, Василій Тим

ѳеевичъ Зеленковъ, на 29 году отъ рожденія. Покойный происходилъ изъ крестьянъ Нижегородской губерніи, изъ семьи безпоповцевъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ у него проявилась склонность къ чтенію книгъ духовнаго содержанія и къ размышленіямъ о душевномъ спасеніи. Въ юношескомъ возрастѣ онъ удалился въ пустыню и поселился тамъ въ устроенной имъ пещерѣ. Окруженный книгами, онъ дни и ночи занимался ихъ чтеніемъ. Скоро полиція узнала о таинственномъ пустынникѣ и арестовала его вмѣстѣ съ единственнымъ его богатствомъ—книгами. Выпущенный на свободу, В. Т. продолжалъ изучать Священное Писаніе. Оно привело его къ признанію необходимости въ св. церкви священства и законности Бѣлокриницкой іерархіи. Присоединившись къ ней, онъ началъ выступать сначала на частныхъ, а потомъ на публичныхъ бесѣдахъ съ безпоповцами и миссіонерами. Покойный стяжалъ себѣ извѣстность, какъ большой знатокъ святоотеческой литературы и старопечатныхъ книгъ и обладающій замѣчательной памятью. Не владѣя сильнымъ даромъ слова, онъ всегда побѣждалъ своихъ противниковъ знаніемъ текстовъ Писанія. Публичныя бесѣды онъ велъ по городамъ и селеніямъ Волги, Сибири, центральныхъ губерній, выступалъ и въ столицахъ — Москвѣ и Петербургѣ. Въ послѣднее время онъ состоялъ начетчикомъ при старообрядческомъ егорьевскомъ братствѣ. В. Т. Зеленковъ извѣстенъ, и какъ составитель огромнаго сборника, вышедшаго сначала подъ названіемъ «Голосъ Церкви», а потомъ подъ заглавіемъ: «Матеріалы для исторіи и изученія нѣкоторыхъ сторонъ церковнаго ученія и ритуала». Вторая часть этого цѣннаго труда за болѣзнью собирателя не могла появиться въ свѣтъ. Непрестанная дѣятельность покойнаго, частыя поѣздки по бесѣдамъ во всякую погоду и при всякихъ случайностяхъ, сильныя волненія, переживаемыя во время преній, частыя невзгоды, лишенія—все это окончательно подорвало и безъ того слабое его здоровье и свело преждевременно въ могилу. (Некрологъ его въ «Голосѣ старообрядца», 1906 г., № 35).

† **Кривенко, С. Н.** 5 іюня въ посадѣ Туапсе, Черноморской губерніи, скончался отъ порока сердца Сергѣй Николаевичъ Кривенко, одинъ изъ послѣднихъ могиканъ народничества семидесятыхъ годовъ. Онъ былъ своимъ человѣкомъ въ средѣ Салтыкова, Некрасова, Елисѣева и дѣятельно сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Позже онъ стоялъ во главѣ журналовъ «Устои», «Русское Богатство» (послѣ пріобрѣтенія его отъ Л. Е. Оболенскаго), «Новаго Слова» до перехода его къ марксистамъ и газеты «Сынъ Отечества». Эту газету онъ редактировалъ съ весны 1897 г. до прекращенія изданія въ 1900 г. Изъ отдѣльныхъ книгъ его широкой извѣстностью пользовались въ свое время изслѣдованіе «Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія» и очерки «Культурные скиты», «Культурные одиночки» и другіе, вышедшіе въ 1902 г. въ свѣтъ въ одномъ томикѣ. Искренно и глубоко убѣжденный въ правотѣ народныхъ устоевъ: общины, артели, трудового начала и всеобщаго теперь лозунга освободительнаго движенія—«земля трудящемуся народу», С. Н., несмотря на болѣзнь, не переставалъ работать и интересоваться событіями послѣднихъ лѣтъ. Еще въ 1905 г. интересныя статьи его по крестьянскому вопросу были помѣщены въ «Русской Мысли».

Это была едва ли не последняя литературная работа его. Покойный былъ литераторъ по призванію. По рожденію у него были большія связи, по образованію въ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ онъ имѣлъ такихъ любившихъ его товарищей, какъ Куропаткинъ, Церпицкій и др. Но предстоящей ему блестящей карьерѣ онъ предпочелъ скитальчество полуголоднаго литературнаго работника. Его сажали въ тюрьму за его убѣжденія, высылали и ссылали въ отдаленныя мѣста, а онъ твердо и безбоязненно шелъ по намѣченному пути. И какимъ исключительнымъ безкорыстіемъ, какой принципіальной выдержкой, какой высокой нравственной чистотой отличалась его жизнь! И при всемъ томъ, онъ былъ удивительно скроменъ и даже застѣнчивъ. Подъ девятью десятыми своихъ работъ онъ не подписывался. Вся интеллигентная провинція годами зачитывалась его талантливыми «внутренними обозрѣніями» и не знала, кто былъ авторомъ ихъ. Молодыя поколѣнія уже и теперь мало знаютъ о немъ, но исторія литературы не забудетъ его имени и оцѣнитъ этого замѣчательнаго журнальнаго работника, этого кристально чистаго человѣка и стойкаго поборника высшихъ народныхъ идеаловъ. (Некрологъ его: «Наша Жизнь», 1906 г., № 465).

† **Овсянниковъ, Ф. В.** Скончавшійся 29 мая академикъ, докторъ медицины, Филиппъ Васильевичъ Овсянниковъ родился въ 1827 г. въ Петербургѣ, окончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ въ Дрезденѣ и извѣстенъ выдающимися научными трудами по ихтіологіи, гистологіи и эмбріологіи. Покойный блестяще защитилъ въ 1854 г. магистерскую диссертацію на латинскомъ языкѣ по ихтіологіи, много работалъ по изслѣдованію на Волгѣ рыбоводства, рыболовства, изучалъ подробности организаціи рыбъ, рыбій ядъ. Ф. В. Овсянниковъ былъ профессоромъ физіологіи и общей патологіи въ Казанскомъ университетѣ. Въ 1860 г. онъ ѣздилъ за границу съ научною цѣлью, работалъ у Рейхерта въ Берлинѣ и Клодъ-Бернара въ Парижѣ. Въ 1863 г. покойный былъ избранъ въ экстраординарные, а въ 1864 г. въ ординарные академики, затѣмъ читалъ лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ по анатоміи и физіологіи и устроилъ физіологическій кабинетъ. Съ 1886 по 1892 г. Ф. В. читалъ эмбріологію. Покойный оставилъ много научныхъ изслѣдованій, наиболѣе популярныхъ: «О рыболовствѣ на Волгѣ», «О трихинѣ», «Объ искусственномъ разведеніи стерлядей». Много спеціальныхъ работъ Ф. В. напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ.

† **Поповъ, В. А.** Въ Наугеймѣ скончался 5 іюня послѣ тяжкой болѣзни бывшій попечитель Виленскаго учебнаго округа, Василій Александровичъ Поповъ. Большая часть служебной дѣятельности покойнаго протекла въ Привислинскомъ краѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ преподавалъ въ гимназіяхъ русскій языкъ, словесность и исторію, былъ директоромъ Ловичскаго реальнаго училища, инспекторомъ студентовъ Варшавскаго университета, начальникомъ варшавской учебной дирекціи и помощникомъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа. Занимая разнообразныя должности, онъ участвовалъ въ разработкѣ какъ общихъ положеній постановки учебнаго дѣла въ имперіи такъ и различныхъ вопросовъ по народному образованію въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. Въ 1895 г. В. А. былъ назначенъ попечителемъ Казанскаго

учебнаго округа, затѣмъ переведенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Въ послѣдніе годы, когда министры народнаго просвѣщенія мѣнялись почти ежегодно, и каждый министръ проводилъ свои взгляды, положеніе попечителей округовъ сдѣлалось неустойчивымъ, и покойный покинулъ свой постъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.868).

† **Рагозинъ, Е. И.** 17 мая скончался извѣстный экономистъ и общественный дѣятель, Евгеній Ивановичъ Рагозинъ. Онъ родился въ 1843 г., кончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ; покойный работалъ въ «Голосѣ», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Обозрѣніи», «Историческомъ Вѣстникѣ» (интересный очеркъ—«Бунтъ среди раскольниковъ въ Сибири», напечатанъ въ 1893 г.). Е. И. Рагозинъ былъ дѣятельнымъ членомъ комитета общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности, гдѣ читалъ рефераты по экономическимъ вопросамъ, издалъ изслѣдованіе «Исторія табака и налога на него». Въ «постоянной конторѣ желѣзозаводчиковъ» покойный былъ секретаремъ и организовалъ изданіе статистики выдѣлки желѣза и стали. Одно время онъ участвовалъ въ изданіи «Недѣли». Его большой трудъ «Желѣзо и уголь на югѣ Россіи» (изд. 1895 г.) явился плодомъ практическаго изученія дѣла на мѣстахъ.

† **Соколовъ. М. И.** Скончавшійся скоропостижно 16 іюня деканъ историко-филологическаго факультета Московскаго университа, славистъ Матвѣй Ивановичъ Соколовъ, занималъ каѳедру русскаго языка и словесности. Покойный ученый родился въ 1854 г. въ Ярославской губ., въ с. Спасскомъ, и первоначальное образованіе получилъ въ ярославской духовной семинаріи, по окончаніи которой поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Будучи студентомъ, написалъ сочиненіе «Изъ древней исторіи болгаръ», за которое былъ удостоенъ золотою медалью. По окончаніи курса университета въ 1879 г. со степенью кандидата былъ приглашенъ въ Нѣжинскій историко-филологическій институтъ князя Безбородка для чтенія лекцій по русской словесности. Въ 1886 г. М. И. Соколовъ былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ юго-славянскія земли для изученія мѣстныхъ памятниковъ древней письменности. Результатомъ этой командировки явился трудъ: «Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ», въ которыхъ впервые издалъ рядъ новыхъ текстовъ и далъ подробный ихъ анализъ. За это сочиненіе М. И. былъ удостоенъ степени магистра славянской филологіи и, кромѣ того, получилъ Уваровскую премію. Въ 1889 г. М. И. Соколовъ перешелъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Московскій университетъ на каѳедру исторіи русской литературы, которую занималъ до самой кончины. Покойный горячо увлекался своимъ предметомъ и постоянно шелъ впередъ въ своихъ ученыхъ трудахъ. За цѣнныя научныя работы онъ былъ удостоенъ honoris causa степени доктора русской словесности и званія ординарнаго профессора. Въ 1891 г. М. И. напечаталъ неизвѣстное до тѣхъ поръ сочиненіе Ю. Крижанича: «О соединеніи церквей», издалъ съ научными предисловіями: «Переписныя книги Костромского Ипатьевскаго монастыря, 1595 г.», «Слава Россійская, комедія 1724 г.», «Болгарская письменность», «Стефанъ Душанъ» и многія другія. М. И. Соколовъ въ

теченіе многихъ лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ славянской комиссіи императорскаго Московскаго археологическаго общества. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.871).

Стечькинъ, Н. Я. 31 мая скончался въ Петербургѣ старый русскій журналистъ, фактическій редакторъ газеты «Свѣтъ» и сотрудникъ «Русскаго Вѣстника». Николай Яковлевичъ Стечькинъ. Это была замѣчательно цѣльная типичная личность, недюжинный человѣкъ въ нашемъ журнальномъ мірѣ. Н. Я. Стечькинъ имѣлъ твердыя непоколебимыя убѣжденія и за свою долгую журнальную дѣятельность не измѣнялъ флагу консерватизма, который въ его толкованіи неразрывно связывался со счастьемъ Россіи, и Н. Я. Стечькинъ не видѣлъ другихъ перспективъ для страны, какъ въ вѣрномъ слѣдованіи ея историческимъ завѣтамъ. Всѣ эти взгляды онъ настойчиво проводилъ въ своихъ многочисленныхъ публицистическихъ работахъ. Н. Я. происходилъ изъ тульскихъ дворянъ-помѣщиковъ, владѣвшихъ имѣніемъ въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ Тульской губерніи. Мать его была не чужда литературѣ, и одна изъ ея литературныхъ работъ обратила на себя исключительное вниманіе И. С. Тургенева, который былъ въ перепискѣ съ нею. Н. Я. Стечькинъ послѣ крушенія дворянской собственности въ Тульской губерніи, когда имѣніе ихъ перешло въ новыя руки, избралъ служебную карьеру и нѣсколько лѣтъ былъ управляющимъ канцеляріей черниговскаго губернатора г. Анастасьева. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ оставилъ службу и переѣхалъ на югъ Россіи, въ Одессу, гдѣ участвовалъ въ издававшейся въ то время въ Одессѣ покойнымъ М. И. Озмидовымъ большой политической и литературной газетѣ «Новороссійскій Телеграфъ», самой вліятельной, а одно время и самой распространенной на Югѣ. Н. Я. Стечькинъ писалъ статьи по разнообразнымъ вопросамъ и велъ въ газетѣ литературныя обозрѣнія. «Новороссійскій Телеграфъ» былъ настоящимъ русскимъ органомъ на космополитическомъ Югѣ, и выдержанныя идейныя статьи покойнаго какъ нельзя болѣе подходили къ задачамъ этой газеты, стоявшей въ теченіе десятковъ лѣтъ за торжество русскихъ историческихъ началъ. Въ то время въ Одессѣ была развитой и еврейская печать, проповѣдывавшая «безразличіе національностей» и служившая еврейскимъ интересамъ. Въ горячей полемикѣ, постоянно вспыхивавшей между представителями того и другого лагеря, Н. Я. Стечькину принадлежала видная роль, и его убѣжденныя статьи, полныя достоинства и такта, служили яркимъ контрастомъ со словоизверженіями другого лагеря, проводившаго подъ маской либерализма и гуманности страстныя еврейскія вожделѣнія по части полноправія и господства во всѣхъ сферахъ русской дѣятельности. Въ девятидесятыхъ годахъ Н. Я. Стечькинъ оставилъ Одессу и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ при его ближайшемъ участіи возникла ежедневная газета «Народъ», издававшаяся А. И. Малышинскимъ. Н. Я. Стечькинъ былъ душою этой газеты, въ которой ему принадлежало много блестящихъ статей и фельетоновъ, написанныхъ на тогдашнія злободневныя темы. Но «Народъ» просуществовалъ всего нѣсколько лѣтъ, и по прекращеніи этой газеты Н. Я. Стечькинъ былъ приглашенъ издателемъ «Свѣта», г. Комаровымъ,

въ качествѣ завѣдывающаго редакціей его газеты. Н. Я. Стечкину пришлось очень много работать, такъ какъ, кромѣ газеты «Свѣтъ», въ его фактическомъ завѣдываніи остался по смерти В. Л. Величка и арендованный г. Комаровымъ у наслѣдниковъ Каткова «Русскій Вѣстникъ», въ которомъ помимо редакторской работы Н. Я. велъ періодическія литературно-критическія обозрѣнія. Покойный Стечькинъ, какъ въ газетѣ г. Комарова, такъ и въ журналѣ напечаталъ немало статей по вопросамъ русской жизни, проводя въ нихъ тѣ же консервативныя идеи. Одновременно съ работою въ «Свѣтѣ» онъ издавалъ собственный спеціальный журналъ «Воздухоплаватель», такъ какъ живо интересовался всѣми вопросами военнаго воздухоплаванія и слѣдилъ за научнымъ прогрессомъ въ этой области. Н. Я. Стечькинъ умеръ неожиданно, отъ разрыва сердца, 31 мая, когда, покончивъ свой трудовой день, онъ возвращался домой. Смерть постигла его на порогѣ его квартиры. Къ сожалѣнію, кончина этого убѣжденнаго журнальнаго работника прошла почти незамѣченной въ печати: ни одного обстоятельнаго некролога, ни одного теплаго воспоминанія не было посвящено почившему, кромѣ некролога въ газетѣ, гдѣ онъ работалъ. Не тѣмъ ли объясняется это обстоятельство, что Н. Я. Стечькинъ принадлежалъ къ консервативному лагерю, который въ настоящее время не особенно почитается? Во всякомъ случаѣ Н. Я. Стечькинъ былъ симпатичнымъ и цѣннымъ представителемъ журнальнаго міра, доказавшимъ на опытѣ, что служеніе идеямъ, которыя онъ почиталъ, не было для него звукомъ пустымъ; его литературная дѣятельность, несмотря на тернія журнальнаго міра, прошла безъ уступокъ модѣ, и онъ въ предѣлахъ предоставленныхъ ему судьбою рамокъ являлъ собою примѣръ настоящаго непреклоннаго борца за дорогую еще многимъ и многимъ русскимъ людямъ патріотическую идею...

† **Юрьевъ. А. П.** 30 мая въ Александровской евангелической больницѣ на Васильевскомъ островѣ скончался отъ острой бугорчатки на 39 году жизни одинъ изъ скромныхъ, незамѣтныхъ тружениковъ газетнаго дѣла, Александръ Петровичъ Юрьевъ. Дворянинъ по происхожденію, покойный рано, однако, испыталъ нужду; по недостатку средствъ онъ не могъ даже закончить образованіе; нужда же толкнула его и на путь газетнаго работника. Ежедневный репортажъ, добываніе злободневныхъ замѣтокъ и вѣчная погоня за строчкой при отсутствіи характера погубили А. П., какъ и многихъ ему подобныхъ... А. П. Юрьевъ такъ и не выбился изъ положенія маленькаго работника, хотя въ его отчетахъ была видна наблюдательность и умѣнье экстрактировать самые скучные рефераты. Работать А. П. Юрьевъ на газетной хроникѣ началъ очень рано. Лучшая пора его дѣятельности относится ко времени существованія газеты «Россія», гдѣ онъ сначала давалъ отчеты о городской думѣ, а затѣмъ до закрытіи газеты состоялъ завѣдующимъ отдѣломъ всей городской хроники.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Какъ возникаютъ иногда крестьянскіе бунты.

Въ 1886 г. я состоялъ товарищемъ прокурора Каменецъ-Подольскаго окружного суда и въ Гайсинскомъ уѣздѣ былъ свидѣтелемъ крестьянскаго бунта. Причины возникновенія—незначительныя, а послѣдствія вышли большія. Въ 40-хъ годахъ существовали инвентари, въ силу коихъ помѣщикъ давалъ своимъ крестьянамъ во временное пользованіе извѣстное количество земли. Участки эти иногда заносились на планы. Когда стали вводить уставныя грамоты, то крестьянскія учрежденія составляли свои планы, при чемъ принимались въ соображеніе и инвентарные планы. Случалось, что планы совпадали, а иногда по выкупнымъ актамъ и планамъ земли отводилось менѣе, чѣмъ было занесено въ инвентарномъ планѣ. Главное выкупное учрежденіе, утвердивъ выкупной планъ, выдавало крестьянамъ данную, и такимъ образомъ инвентарный планъ терялъ всякое значеніе. Но съ крестьянами о землѣ лучше не говорите и вопросовъ не поднимайте.

На этой стрункѣ многіе играютъ и высасываютъ изъ крестьянъ послѣдніе соки.

Такъ случилось и въ одномъ громадномъ мѣстечкѣ. Мѣстный священникъ, бывая у управляющаго имѣніемъ, какъ-то случайно увидѣлъ старый инвентарный планъ, и оказалось, что на этомъ планѣ крестьянскихъ земель значилось больше, чѣмъ имъ было отведено по выкупному акту. Священникъ сообщилъ о таковомъ открытіи крестьянамъ, и пошла писать губернія. Крестьяне стали хлопотать о прирѣзкѣ имъ земель, значащихся на старомъ инвентарномъ планѣ, посылали ходоковъ, писали во всѣ учрежденія, но, понятное дѣло, получали отказъ. Несчетное число разъ ѣздили въ мѣстечко власти, разъясняли крестьянамъ всю неосновательность и несбыточность ихъ претензій; крестьяне слушали и въ умѣ своемъ рѣшили, что власти подкуплены. Созываютъ тогда крестьяне полный сходъ, избираютъ выборныхъ и приказываютъ имъ отправиться къ управляющему и силою отобрать инвентарный планъ. Такъ и дѣлается. Выборные являются къ управляющему, связываютъ его, бьютъ и отнимаютъ инвентарный старый, уже никуда негодный планъ. Возникаетъ слѣдствіе о грабежѣ. Судебный слѣдователь съ урядникомъ тотчасъ отправляются на мѣсто, производятъ обыски, отыскиваютъ у одного крестьянина похищенный планъ и направляются въ сельскую расправу. Въ это время на площади появляются парни и бабы; тяжко избиваютъ урядника, наносятъ побои судебному слѣдователю и отнимаютъ планъ. Ночью слѣдователь заѣхалъ ко мнѣ и заявилъ о случившемся. Исправникъ послалъ губернатору телеграмм

и просилъ выслать въ мѣстечко роту стрѣлковъ, квартировавшихъ поблизости въ другомъ мѣстечкѣ. Не зная, будутъ ли высланы войска, мы съ исправникомъ отправились въ мѣстечко и, подъѣхавъ къ сельской расправѣ, послали урядника за тѣмъ крестьяниномъ, у котораго былъ найденъ планъ. Вдругъ на колокольнѣ раздался страшный набатъ; послышался какой-то ревъ, и къ расправѣ со всѣхъ сторонъ начали стекаться бабы и мужики съ кольями. Набралось больше тысячи человѣкъ. Лица у всѣхъ разъяренныя; крикъ и гамъ такой, что страшно было слушать. Насъ съ исправникомъ окружили, хватали за платье, и я чувствовалъ, что одинъ какой либо случайный моментъ, и насъ могли разорвать. Минутъ черезъ 20 съ ружьями показались солдаты. Оказывается, что они, получивъ приказъ вступить въ мѣстечко, входили въ него по другой дорогѣ и, услыхавъ набатъ, бросились къ церкви, около которой помѣщалась расправа. Мы перекрестились. Командиръ роты отдѣлилъ насъ отъ толпы, и солдаты, вытянувъ ружья, обернулись лицомъ къ толпѣ. Было 10 часовъ утра, но мы простояли до 9 часовъ вечера, такъ какъ не предстояло никакой возможности уйти со двора. Лишь только солдаты намѣревались очистить путь, какъ стоявшія впереди бабы били солдатъ дубинами. Исправникъ и командиръ, жалѣя крестьянъ, не хотѣли произвести выстрѣловъ. Съ темнотою мы выбрались. Началось слѣдствіе; судилось около 45 крестьянъ, и многіе были осуждены судебною палатою. Только такой тяжкій урокъ образумилъ крестьянъ и отнялъ у нихъ охоту искать прирѣзки земли.

Н. Смѣлковъ.

II.

Къ статьѣ «Дѣла давно минувшихъ дней».

Въ «Дѣла давно минувшихъ дней» кн. Шаховского («Историческій Вѣстникъ», іюнь 1906 г.) вкралась неточность, на которую считаю нужнымъ указать. Такъ, князь Шаховской, между прочимъ, разсказываетъ, что 5, 6 и 7 октября 1863 г. въ Харьковѣ былъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. Это не точно. Наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ скончался въ Ниццѣ 12 апрѣля 1865 г. Слѣдовательно, въ 1863 г. великій князь Александръ Александровичъ еще не былъ наслѣдникомъ цесаревичемъ. Нѣкоторыя обстоятельства разсказа князя Шаховского даютъ основаніе предполагать, что въ 1863 г. въ Харьковѣ былъ не Александръ Александровичъ, а Николай Александровичъ. Князь Шаховской говоритъ о графѣ Строгановѣ, сопровождавшемъ наслѣдника цесаревича. Дѣйствительно, въ 1863 г. покойный наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, въ сопровожденіи графа Строганова, совершалъ путешествіе по Россіи и лѣтомъ того года (іюнь-іюль) объѣзжалъ Поволжье, а осенью могъ быть въ Харьковѣ.

Н. Я. Славинъ.

III.

Къ статьѣ «Протестантскіе миссіонеры въ Россіи».

Въ статьѣ г. Уманца «Протестантскіе миссіонеры въ Россіи» («Историческій Вѣстникъ», іюнь 1906 г.) основатель «Евангелическаго общества» Дальтонъ названъ пасторомъ голландской реформатской церкви. Онъ былъ таковымъ нѣмецкой реформатской церкви.

Подписчикъ № 8217.

тился къ графу, въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ они вошли въ темный и мрачный домъ.

— Синьоръ,—сказалъ онъ,—кто бы могъ предсказать заранѣе, что мы сегодня ночью встрѣтимся съ вами въ этой церкви? Навѣрное, ни я ни вы не могли этого знать заранѣе, особенно вы, какъ я думаю, а между тѣмъ судьба все же свела насъ, и я увѣренъ, что все кончится для насъ хорошо.

Гастонъ согласился съ нимъ и выразилъ ему свою благодарность въ нѣсколькихъ словахъ. Бѣгство изъ церкви совершенно обезсилило его, онъ лежалъ на бархатной кушеткѣ, подвинутой къ самому окну, онъ видѣлъ, какъ стало разсвѣтать, какъ мало-помалу заалѣлъ востокъ. Да, странный случай привелъ его какъ разъ въ. этотъ день въ домъ Беатрисы! Какъ-то она встрѣтитъ его? Сколько ему надо еще узнать, сколько надо разспросить обо всемъ!

— Давно вы уже въ Веронѣ, Джіованни?—спросилъ онъ.—Когда вы пріѣхали?—предложилъ онъ наконецъ давно мучившій его вопросъ. Джіованни понялъ его и отвѣтилъ ему прямо:

— Мы послѣдовали за вами черезъ двадцать часовъ, графъ, моя госпожа думала, что вы будете ожидать ее въ воротахъ города. Вамъ придется просить у нея прощеніе за причиненное ей разочарованіе.

— Меня нечего прощать, Джіованни, вы знаете, почему я не могъ раньше прійти. Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ жителями этого города, и я дорого заплатилъ за свое безуміе,— въ продолженіе десяти дней я молилъ, чтобы меня вернули моимъ друзьямъ, а я все не вижу ихъ и теперь. Вы сами видите, что я перенесъ за это время.

— Вы, значитъ, были въ домѣ дочери Пезаро, намъ говорили это, но мы не хотѣли вѣрить.

— А, между тѣмъ, это правда, я упалъ у воротъ ея дома, и ея слуги внесли меня въ домъ. Валландъ былъ радъ, что отдѣлался отъ меня, а другихъ друзей у меня здѣсь не было. Да, я остался тамъ, и красавица Біанка ухаживала за мной. Что же изъ этого? Но во всякомъ случаѣ я не подозрѣвалъ, что вы здѣсь,— прибавилъ онъ, какъ бы оправдываясь.

Джіованни недовѣрчиво разсмѣялся, онъ прекрасно зналъ, почему Беатрисѣ не говорили до сихъ поръ правды, и въ душѣ своей невольно не могъ не сожалѣть о томъ, что ему пришлось оказывать услуги графу де-Жоаезу. Онъ, простой слуга, любилъ свою госпожу не менѣе этого человѣка и, какъ и онъ, готовъ былъ каждую минуту пожертвовать ради нея своею жизнью. Въ то время какъ мысли эти мелькали въ его головѣ, Гастонъ думалъ о томъ, какъ онъ объяснитъ Беатрисѣ свое пребываніе въ домѣ Пезаро— пойметъ ли она его? Вѣдь и она только женщина—пойметъ ли и проститъ ли она?

— Я долженъ повидаться съ маркизой рано утромъ,—сказалъ онъ серьезно.—Вы должны понять причины, заставляющія меня желать этого свиданія. Я глубоко сожалѣю о томъ, что она пріѣхала въ Верону. Здѣсь не мѣсто женщинѣ, особенно же Беатрисѣ изъ Венеціи. Я оставилъ ее въ полной увѣренности, что она поѣдетъ въ Римъ. Видитъ Богъ, я жалѣю о томъ, что уѣхалъ тогда.

Серьезность, съ которой онъ говорилъ эти слова, примирила съ нимъ нѣсколько пылкаго юношу, который понималъ и сочувствовалъ только тому, что чувствовало его собственное сердце.

— Да, синьоръ,—сказалъ онъ,—но все же не вамъ обвинять въ чемъ либо мою госпожу. Простите, если я буду говорить съ вами откровенно. Ужъ если она здѣсь, надо постараться о томъ, чтобы съ ней ничего не случилось. Вы говорите, что хотите повидаться съ ней рано утромъ; по-моему, будетъ умнѣе, если вы предоставите обстоятельствамъ выбрать время для этого свиданія. У меня нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ моего долга, но, если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я не пошелъ бы къ маркизѣ де-Санъ-Реми прямо изъ дома Біанки Пезаро.

Гастонъ не старался дѣлать видъ, будто не понимаетъ его.

— Да, конечно, Джіованни, вы правы съ своей точки зрѣнія, но я знаю, что лучше: я уже разскажу ей обо всемъ самъ, чѣмъ предоставлю кому нибудь другому сдѣлать это за меня. Если я не ошибся, вы хотѣли сказать этимъ, что не увѣрены въ томъ, что маркиза захочетъ повидаться со мной?

— Совершенно вѣрно, синьоръ, я боюсь, что она не захочетъ принять васъ.

— Тѣмъ болѣе причинъ желать повидаться съ ней, будемъ говорить совершенно откровенно. Вы вѣдь сегодня ночью были вмѣстѣ со мной въ церкви,.и вы все знаете. Какъ по-вашему, не нуждается ли она теперь въ друзьяхъ болѣе, чѣмъ когда либо?

— Да, конечно, теперь особенно ей нужны друзья. Вѣдь мы слышали сегодня все, что говорилось въ церкви. Раньше, чѣмъ солнце сядетъ сегодня, мы увидимъ странныя вещи въ Веронѣ.

Гастонъ не совсѣмъ понялъ то, о чемъ говорилъ Джіованни, и поэтому онъ замѣтилъ:

— Вѣдь каждый день въ Веронѣ случаются странныя вещи, Джіованни, такъ, напримѣръ, что же можетъ быть болѣе страннаго, чѣмъ мое присутствіе въ этомъ домѣ теперь?

— Да, вамъ везетъ, графъ, нечего сказать!

— Хорошо везетъ, если я даже не могу повидаться съ маркизой.

— Да, вамъ придется немного подождать, и чувство ваше будетъ подвергнуто, вѣроятно, испытанію. Можетъ быть, вамъ даже придется принести ради нея жертву.

Гастонъ широко раскрылъ глаза и нѣсколько нетерпѣливо спросилъ юношу:

— Будьте вполнѣ откровенны со мной: что случилось за время моего отсутствія?

Джіованни замялся и не рѣшался говорить дальше.

— Графъ,—сказалъ онъ нерѣшительно,—собственно говоря, я не въ правѣ говорить вамъ все, но и скрыть отъ васъ я ничего не могу. Сегодня вечеромъ госпожа моя хотѣла собрать у себя всѣхъ вашихъ соотечественниковъ. Если вы имѣете какую нибудь возможность убѣдить ихъ всѣхъ не приходить сюда, ради Бога, не теряйте времени. Лучше будетъ, если никто изъ нихъ не явится сегодня, больше я ничего не могу сказать вамъ, вы умны, и можете говорить тамъ, гдѣ я долженъ молчать. Помогите намъ, синьоръ, спасти нашу честь, такъ какъ дѣло дошло уже до этого.

— Вы хотите сказать, Джіованни, что если мои соотечественники явятся сегодня вечеромъ сюда, съ ними приключится что нибудь недоброе?

— Я хочу сказать, что это будетъ послѣдній вечеръ въ ихъ жизни.

— Боже мой, но неужели же въ такомъ случаѣ этотъ домъ служитъ убѣжищемъ для убійцъ?

— Жители Вероны готовятъ сегодня вечеромъ возстаніе, они рѣшили перерѣзать всѣхъ французовъ.

— Но маркиза?... перестаньте, все это пустяки! Джіованни, вы сами не знаете, что говорите!

— Я желалъ бы лучше умереть, чѣмъ быть вынужденнымъ говорить то, что я уже сказалъ, синьоръ.

Онъ вздохнулъ и отвернулся отъ окна. Но сейчасъ же снова заговорилъ, такъ какъ для него существовала только одна мысль: спасти во что бы то ни стало маркизу.

— Маркиза ничего не знаетъ,—продолжалъ онъ,—она служитъ приманкой въ ихъ рукахъ. Въ продолженіе трехъ ночей я уже не сплю, время дорого, каждый часъ дорогъ, такъ какъ ихъ остается уже очень немного. Мы должны употребить ихъ съ пользою. Выслушайте меня терпѣливо. Дѣло въ томъ, что здѣшній народъ доведенъ наконецъ до крайности. Ваши соотечественники ограбили его и оскорбляли ежечасно во имя свободы и подъ покровомъ дружбы. Насталъ день, когда этотъ народъ не хочетъ больше страдать и терпѣть, это не трусость съ ихъ стороны, я это знаю, такъ какъ я жилъ среди нихъ, я вмѣстѣ съ ними принесъ клятву и теперь измѣнилъ ей. Я сказалъ: день возмездія насталъ. Когда сегодня ударятъ въ колокола ко всенощной, это значитъ, что пробилъ смертный часъ для десяти тысячъ французовъ. Сегодня ночью ни одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ не останется въ живыхъ. Такъ рѣшилъ самъ народъ. И они начнутъ съ этого дома, гдѣ, собственно говоря, французы больше всего могли бы разсчитывать на защиту. Послѣ этого вы, вѣроятно, не удивляетесь

тому, что маркиза нуждается въ своихъ друзьяхъ именно сегодня ночью.

Онъ замолкъ, ожидая отвѣта, но Гастонъ молчалъ, собираясь съ мыслями; онъ внимательно выслушалъ каждое слово, сказанное Джіованни, и старался взвѣсить ихъ. Сцена въ церкви; намеки Біанки на то, что она можетъ что-то сообщить ему важное; грубое и жестокое обращеніе Валланда съ народомъ; опасенія Наполеона и особенно слова Джіованни—все убѣждало его въ томъ, что сомнѣнія быть не могло, и юноша говоритъ правду. Изъ всего этого главнымъ образомъ, конечно, вытекало то, что онъ, Гастонъ, долженъ спасти женщину, которая спасла его еще такъ недавно въ Венеціи.

— Джіованни,—воскликнулъ онъ, какъ бы еще не совсѣмъ придя въ себя,—такъ вы говорите, что маркиза ничего объ этомъ не знаетъ?

— Синьоръ, этотъ вопросъ не дѣлаетъ чести вамъ!

— Простите меня, я поставлю его нѣсколько иначе. Скольким людямъ въ этомъ домѣ вы можете довѣриться?

— Только одному, графъ.

— Ахъ, самому себѣ; значитъ, всѣ остальные слуги откроютъ ворота при первомъ требованіи жителей Вероны?

— Откровенно говоря, не знаю, синьоръ, но опасность грозитъ со всѣхъ сторонъ, можетъ быть, она подстерегаетъ насъ даже въ эту минуту. Я могу вамъ только сказать одно: опасность настала, спасите маркизу отъ нея!

— Если я буду живъ, Джіованни, я спасу ее. Въ которомъ часу ваша госпожа начнетъ пріемъ моихъ соотечественниковъ?

— Въ восемь часовъ вечера.

— Имѣете ли вы понятіе о томъ, что именно готовится?

— Я знаю только одно, что ни одинъ французъ, пришедшій сюда, не выйдетъ отсюда живымъ.

— Въ такомъ случаѣ считайте и меня въ числѣ ихъ, Джіованни. Да, вы правы, нельзя терять ни одной минуты. Я долженъ уже отправляться. Дайте мнѣ еще стаканъ вина, дружище, мои силы возвращаются, такъ какъ впереди мнѣ предстоитъ немало работы.

Джіованни налилъ еще вина, и Гастонъ выпилъ его залпомъ. Онъ всталъ, взялъ свой плащъ и накинулъ его на плечи.

— Если бы мнѣ удалось повидаться съ маркизой, хотя бы на одну минуту, Джіованни,—началъ онъ нерѣшительно.

Джіованни покачалъ головой, но въ глазахъ его замѣтно было колебаніе.

— Синьоръ,—сказалъ онъ,—если вы увидите ее, вамъ уже не удастся спасти ее.

Онъ замолчалъ и отвернулся къ окну. Гастонъ подошелъ къ нему и тоже взглянулъ въ окно; онъ увидѣлъ вдругъ Беатрису,

медленно прогуливавшуюся по саду; она плохо спала эту ночь и вышла въ садъ освѣжиться. Лицо ея было пасмурно и грустно, какъ будто она предчувствовала что-то недоброе. Она знала, что совершенно одна въ Веронѣ, такъ какъ любимый ею человѣкъ находился въ это время, должно быть, въ домѣ Біанки Пезаро.

XXVII.

Верона уже проснулась, когда Гастонъ быстро зашагалъ по улицамъ по направленію къ замку св. Феликса. Хотя солнце стояло еще невысоко въ небѣ, но жара была такъ сильна, что крестьяне, прибывшіе въ городъ на рынокъ, вытирали себѣ потъ со лба и увѣряли, что весна въ этомъ году наступила черезчуръ рано, такъ что надо ожидать очень жаркаго лѣта. Тамъ и здѣсь въ открытыя двери церквей виднѣлись колѣнопреклоненныя фигуры мужчинъ и женщинъ. По улицамъ уже сновали мелкіе торгаши, мало заботившіеся о томъ, продаютъ ли они свои товары французамъ или итальянцамъ, только бы побольше и подороже продать эти товары. Гастонъ шелъ по улицамъ и невольно удивлялся тому, что этотъ мирный, спокойный народъ замышлялъ сегодня же вечеромъ кровавую рѣзню; слова Джіованни казались ему какимъ-то бредомъ, ему не вѣрилось въ то, что церкви, гдѣ теперь молились такъ пламенно, въ тотъ же день должны были стать убѣжищами убійцъ. Но собственный опытъ подсказывалъ ему, что все, что онъ видитъ, очень обманчиво, онъ уже настолько освоился съ Италіей, что прекрасно понималъ противоположности, уживавшіяся въ характерѣ итальянцевъ. Графъ Гастонъ быстро шелъ по направленію къ крѣпости, не заботясь уже теперь о томъ, что видитъ кругомъ себя: мысль объ опасности, угрожавшей любимой женщинѣ, окрыляла его шаги. Онъ удивился только немного тому, что на улицахъ встрѣчалъ сравнительно мало французовъ, но приписалъ это какому нибудь новому распоряженію Валланда, и первымъ долгомъ, добравшись до крѣпости, онъ спросилъ губернатора, а затѣмъ освѣдомился о старомъ сержантѣ Дженси. Часовой отвѣтилъ ему, что Валландъ отправился въ Падую съ дивизіей кавалеріи и тремя батальонами пѣхоты, а сержантъ Дженси въ дежурной, и его можно будетъ сейчасъ же вызвать. При видѣ Гастона старый солдатъ сначала очень обрадовался, но потомъ на лицѣ его мелькнула забота, которую онъ и не старался скрыть.

— Намъ было сказано, что вы уѣхали отсюда пять дней тому назадъ, графъ; я самъ былъ въ домѣ Пезаро, тамъ мнѣ подтвердили этотъ слухъ. Богъ знаетъ, что намъ предстоитъ сегодня вечеромъ, губернаторъ уѣхалъ въ Падуа. Я желалъ бы, чтобы вы были вмѣстѣ съ нимъ, если мнѣ позволено говорить откровенно.

— Я только и прошу откровенности, Дженси,—проходя въ свои комнаты, отвѣтилъ ему Гастонъ.—Видитъ Богъ, мы съ вами говорили вполнѣ откровенно въ тотъ день, когда намъ пришлось разстаться съ вами. Но сегодня, впрочемъ, мнѣ предстоитъ еще другое дѣло. Къ чему Валланду понадобилось ѣхать въ Падуа, когда его присутствіе необходимо здѣсь? Мнѣ это очень интересно знать.

Старый сержантъ весь какъ-то выпрямился и, очевидно рѣшившись сказать наконецъ все, что мучило его, почти крикнулъ Гастону на ухо:

— Богъ да покараетъ ихъ всѣхъ: въ дѣло замѣшалась женщина, а съ ней и самъ чортъ не сладитъ. Я вѣдь каждый день приходилъ въ домъ Пезаро, и знаете вы, что мнѣ всегда говорила эта маленькая вѣдьма? Передайте Валланду, что графъ чувствуетъ себя прекрасно и останется тамъ, гдѣ онъ есть. Я говорилъ себѣ, что дѣйствительно вамъ въ этомъ домѣ лучше, чѣмъ гдѣ либо, я самъ согласился бы лежать раненымъ, чтобы за мной ухаживала такая красавица, и чтобы меня поили и кормили, такъ только можно лучше. Я приходилъ къ Валланду и докладывалъ ему то, что мнѣ было поручено ему передать, а онъ говорилъ на это: «Ну, и пусть его тамъ остается, я предпочитаю имѣть дѣло съ пушками, это куда безопаснѣе», и знаете ли что: призываю въ свидѣтели Бога, что вы находились въ большей безопасности въ домѣ Пезаро, чѣмъ если бы вамъ пришлось сидѣть за однимъ столомъ съ Валландомъ.

Старый Дженси прекрасно зналъ, что за слова эти онъ заслужилъ собственно смертную казнь, нарушая дисциплину, но онъ такъ любилъ Гастона и такъ былъ привязанъ къ нему, что вѣрилъ ему безгранично и считалъ своимъ долгомъ высказать ему, что думалъ. Что касается Гастона, онъ нисколько не удивился тому, что Валландъ нерасположенъ къ нему, онъ давно это зналъ, и поэтому онъ только сказалъ:

— Видите, Дженси, какъ мы, французы, любимъ другъ друга. Я вѣрю въ то, что этотъ старый негодяй не только меня, но и свою родную мать повѣсилъ бы съ удовольствіемъ, если бы могъ выиграть что нибудь черезъ это. Но это безразлично для насъ, гораздо важнѣе узнать, почему онъ поѣхалъ теперь въ Падую—изъ трусости, или же онъ измѣнникъ, или то и другое вмѣстѣ. Я долженъ это узнать раньше, чѣмъ солнце сядетъ, мой другъ.

Сержантъ Дженси прекрасно зналъ, зачѣмъ Валландъ поѣхалъ въ Падуа, но онъ любилъ изъ всего дѣлать секреты, и поэтому онъ отвѣтилъ загадочно:

— Когда лисица гибнетъ, цыплята сейчасъ же возвращаются, тамъ теперь много цыплятъ, и они съѣдятъ наши сѣмена, прежде чѣмъ пройдетъ еще недѣля. Я говорю вамъ правду, графъ, хотя я и служилъ этому человѣку, но я утверждаю, что еще никогда

ни одинъ французъ не поступалъ болѣе гнусно, чѣмъ онъ. У насъ здѣсь только полъ-батальона и шесть пушекъ, между тѣмъ намъ можетъ понадобиться положительно цѣлый корпусъ. Богъ да проститъ меня, но я увѣренъ въ томъ, что здѣсь кроется измѣна. Полковникъ Валландъ вернется сюда, чтобы считать мертвыхъ, и я увѣренъ въ томъ, что это не будутъ веронцы. Я—старикъ, но я готовъ былъ бы пожертвовать своею жизнью, только бы не было сдѣлано это страшное дѣло.

Старый сержантъ, говоря это, покраснѣлъ, какъ ракъ, и рука его, опиравшаяся на столъ, замѣтно задрожала. Для графа слова его явились цѣлымъ откровеніемъ, теперь для него стали ясны всѣ мелочи, которыя раньше онъ никакъ не могъ понять и объяснить себѣ. Чтобы французъ былъ въ состояніи подвергнуть смерти сотни своихъ соотечественниковъ ради какихъ-то политическихъ соображеній, ему, конечно, не приходило и въ голову, такъ чудовищна казалась эта мысль. А между тѣмъ, повидимому, это было такъ. Всѣ факты подтверждали только слова стараго солдата. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Бонапартъ старательно дѣлалъ все, чтобы вызвать открытое возстаніе въ Веронѣ, но народъ сносилъ безропотно всѣ оскорбленія, грабежъ, издѣвательства, и, наконецъ, только теперь насталъ часъ возмездія.

— Они желаютъ войны, Дженси,—сказалъ Гастонъ грустно:— въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, они сдѣлали все, чтобы вызвать ее. Они увели войска, раздражили народъ, и когда убійства будутъ совершены, они вернутся назадъ, чтобы судить этотъ же народъ. Если бы генералъ Бонапартъ зналъ объ этомъ...

Дженси не выдержалъ и воскликнулъ отрывисто:

— Не упоминайте имени Бонапарта, мнѣ хочется вѣрить, что онъ здѣсь ни при чемъ. Мы должны стараться вѣрить въ то, что онъ невиновенъ въ томъ, что здѣсь произойдетъ.

Онъ посмотрѣлъ на Гастона, тотъ опустилъ глаза, оба въ душѣ сознавали, что считаютъ Бонапарта виновнымъ, и старались скрыть это другъ отъ друга.

— Да, вы правы, Дженси,—сказалъ Гастонъ,—теперь не время говорить объ этомъ, мы должны исполнить свой долгъ, вотъ и все. Начнемъ же сейчасъ же. Я немедленно разставлю вездѣ караулъ, но раньше мнѣ надо еще кое о чемъ поговорить съ вами. Знаете вы о томъ, что сегодня у маркизы де-Санъ-Реми большой пріемъ вечеромъ?

— Всѣ знаютъ это, графъ. Пріемъ этотъ дѣлается по приказанію губернатора Валланда и, говорятъ, даже по приказанію самого Бонапарта. Но я считаю, что это не особенно умно; если бы кто нибудь изъ моихъ друзей захотѣлъ сегодня отравиться туда, я заперъ бы его на ключъ и не пустилъ его туда.

— Вы думаете, тамъ будетъ не вполнѣ безопасно, Дженси?

— Весьма возможно, графъ, есть люди, которые любятъ испытывать сильныя ощущенія—я не принадлежу къ числу ихъ.

— Я вижу, что вы думаете, что тамъ будетъ небезопасно, Дженси. Предположимъ, что всѣ эти люди отправятся къ ней, ихъ будетъ человѣкъ четыреста—пятьсотъ, что же изъ этого? Вѣдь все это будутъ штатскіе люди, не вооруженные, и если въ дѣло вмѣшается измѣна, что тогда?

— Да спасетъ ихъ Богъ, мы имъ помочь не можемъ.

— Вы думаете, что у насъ слишкомъ мало войска?

— Я хочу сказать, что мы можемъ защищать крѣпость, но на улицахъ каждому придется защищать самого себя. Мы вѣдь разъ побывали съ вами на улицахъ и знаемъ, что это такое. Вѣдь довольно мы повалялись въ постели, не такъ ли?

Дженси произнесъ эти слова съ лукавой улыбкой, очень довольный своею шуткой. Но такъ какъ онъ не собирался обижать своего собесѣдника, онъ продолжалъ:

— Довольно съ насъ валяться въ постели и терять время на пустые разговоры. Я вижу, что вы пришли ко мнѣ за совѣтомъ, графъ, такъ выслушайте меня. По моему мнѣнію, съ наступленіемъ вечера должны быть подняты всѣ мосты. Надо приготовить факелы и посмотрѣть, чтобы порохъ былъ на мѣстѣ и въ сухомъ видѣ. Если нашъ флагъ будетъ еще развѣваться въ тотъ моментъ, когда Бонапартъ войдетъ въ городъ, это будетъ что нибудь да значить. Что касается тѣхъ бѣдняковъ, которые останутся въ городѣ, да спасетъ ихъ Богъ, повторю я еще разъ.

— Очень умно, Дженси, но немного эгоистично, я очень благодаренъ за вашъ добрый совѣтъ, но попрошу теперь выслушать и мое мнѣніе. Во-первыхъ, относительно Бернезскаго дворца я долженъ сказать вамъ, что я буду тамъ въ восемь часовъ сегодня вечеромъ.

— Вы, графъ? но вѣдь это сумасшествіе!

Гастонъ продолжалъ, не обращая вниманія на это восклицаніе:

— Я буду тамъ вмѣстѣ съ сотней отборныхъ людей, вѣдь согласитесь сами Дженси, что крѣпость эта недоступна, и слѣдовательно все равно, защищаютъ ли ее пятьдесятъ человѣкъ или пятьсотъ. Чернь не будетъ въ состояніи взять ее приступомъ. Вы говорите о пушкахъ, но къ чему онѣ вамъ? Вѣдь не будете же вы стрѣлять въ дома, гдѣ, можетъ быть, скрываются ваши же соотечественники. Это было бы совсѣмъ не умно и не принесло бы намъ много пользы. Нѣтъ, мой старый другъ, позвольте вамъ сказать еще больше. Я былъ сегодня ночью въ церкви св. Аѳанасія и знаю, что должно случиться. Они намѣрены убить сегодня ночью всѣхъ до единаго, кто войдетъ въ Бернезскій дворецъ. Произойдетъ это въ ту минуту, какъ французы начнутъ уже расходиться. Когда ударятъ къ всенощной, на улицахъ Вероны будетъ пять

тысячъ вооруженныхъ людей. Вы говорите, что насъ всего пятьсотъ противъ нихъ, это, конечно, немного, но мы постараемся сдѣлать все, что можемъ. И поэтому даю вамъ слово, что я или спасу Бернезскій дворецъ или сгорю вмѣстѣ съ нимъ сегодня ночью.

Дженси выслушалъ Гастона съ большимъ удивленіемъ. Его собственный совѣтъ былъ данъ не изъ трусости, а просто оттого, что онъ не особенно вѣрилъ въ возможность возстанія всѣхъ жителей Вероны. Что бы ни предприняли эти итальянцы, онъ все же не ожидалъ, что они прибѣгнутъ къ убійству и насилію. Какъ солдатъ, онъ думалъ только о томъ, чтобы не покидать своего поста, но слова графа разбудили въ немъ болѣе рыцарскія чувства.

— Я прошу васъ только объ одномъ,—сказалъ онъ:—позвольте мнѣ всюду слѣдовать за вами, я вѣдь ничего этого не зналъ, и если половина того, что вы сказали, правда, такъ и то это ужасно.

— Аминь! А теперь не будемъ терять времени и приступимъ сейчасъ же къ дѣлу.

Только далеко послѣ полудня Гастону удалось снова забраться къ себѣ въ комнату и прилечь, чтобы отдохнуть до того ужаснаго часа, когда должна была рѣшиться его судьба. Если ему и казалось страннымъ, что онъ прямо съ постели очутился опять въ крѣпости, какъ ея начальникъ, то все же личныя мысли занимали его меньше, чѣмъ то обстоятельство, что онъ успѣлъ вò-время, чтобы позаботиться о благѣ другихъ. Онъ невольно задумался надъ тѣмъ, какъ все сложилось бы совершенно иначе, если бы старый Филиппи не рѣшился на свою гнусную измѣну, или Пезаро отложилъ бы свой пріѣздъ въ Верону. Безъ сомнѣнія, старый негодяй, пославшій его измѣнническимъ образòмъ въ церковь св. Аѳанасія, былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что онъ погибъ тамъ, и Гастонъ невольно далъ себѣ клятву при первой же возможности повѣсить стараго измѣнника. Мысли его мелькали съ быстротой молніи, онъ едва успѣвалъ останавливаться на нихъ. Онъ рѣшилъ спасти сегодня ночью Беатрису во что бы то ни стало, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что именно съ этой цѣлью Провидѣніе сохранило его собственную жизнь. Его умственному взору Беатриса предстала въ эту минуту, какъ живая, и воспоминаніе о Біанкѣ исчезло въ немъ безслѣдно. Онъ заснулъ и во снѣ все еще видѣлъ передъ собой Беатрису и слышалъ ея ласковый голосъ, обращенный къ нему. Въ продолженіе пяти часовъ онъ проспалъ непробуднымъ, тяжелымъ сномъ.

Старый Дженси разбудилъ его, подкравшись къ нему на цыпочкахъ и дважды прикоснувшись къ его плечу раньше, чѣмъ онъ проснулся.

— Теперь пять часовъ, графъ, звонятъ ко всенощной. Черезъ полчаса вамъ подадутъ обѣдъ, если это вамъ угодно.

Гастонъ сѣлъ на постели и взглянулъ на Дженси, но съ трудомъ узналъ его: вмѣсто стараго воинственнаго солдата передъ

нимъ стоялъ итальянецъ, закутанный въ темный плащъ, съ нахлобученнымъ на лицо капюшономъ; только голосъ Дженси выдавалъ его.

— Однако, милый Дженси, вы очень похожи на «bravo», наемнаго убійцу,—сказалъ Гастонъ, заливаясь своимъ обычнымъ безпечнымъ смѣхомъ и вставая, чтобы привести въ порядокъ свой туалетъ. Старикъ съ своей стороны, несмотря на серьезность и опасность ихъ положенія, не могъ не улыбнуться, разсказывая Гастону все, что онъ успѣлъ сдѣлать за это время.

— Дефорэ беретъ на себя команду тутъ и будетъ защищать ворота до послѣдней возможности. Ваши приказанія къ Легро и къ Канторэ отосланы полчаса тому назадъ. Они всѣ будутъ на своихъ мѣстахъ, указанныхъ вами, и каждый будетъ исполнять свой долгъ, какъ ему велитъ совѣсть. Что касается нашей отборной сотни, я нарядилъ ее, какъ умѣлъ, къ сожалѣнію, только наши повара остались въ своихъ обычныхъ костюмахъ, впрочемъ, вы все сами увидите, я велѣлъ собраться имъ всѣмъ во дворѣ.

Когда Гастонъ одѣлся и умылся, онъ въ сопровожденіи стараго Дженси отправился во дворъ крѣпости и тамъ увидѣлъ необыкновенное зрѣлище. Вмѣсто сотни бравыхъ солдатъ, передъ нимъ предстали люди различныхъ профессій: здѣсь были повара въ своихъ бѣлыхъ колпакахъ, лакеи, лодочники, монахи, нищіе, садовники съ своими корзинами — никогда еще не собиралась во дворѣ крѣпости подобная разношерстная компанія. Но, несмотря на раздававшіеся повсюду смѣхъ и остроты, всѣ сто человѣкъ хорошо сознавали, что̀ ихъ ожидаетъ въ Бернезскомъ дворцѣ, куда они должны были отправиться. Гастону стоило заговорить съ первымъ изъ нихъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Это былъ красивый поваръ съ кастрюлей въ рукахъ.

— Какъ зовутъ тебя, малый?—спросилъ Гастонъ.

Тотъ поклонился и отвѣтилъ съ большимъ достоинствомъ:

— Жанъ Боро, синьоръ.

— Твое ремесло весьма почетно?

— Я стряпаю на пользу своихъ товарищей.

— А твои блюда?

— Это сердца людей.

Онъ разсмѣялся и, поднявъ немного свою одежду, показалъ металлическую кольчугу подъ ней и пару блестящихъ пистолетовъ. И такъ было у всѣхъ, у каждаго имѣлось съ собой оружіе или кинжалъ. Когда они всѣ прошли передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ, Гастонъ обратился къ нимъ со словами, глубоко тронувшими ихъ:

— Ребята, я не спрашиваю васъ, готовы ли вы слѣдовать за мной. Наши соотечественники тамъ внизу въ городѣ спросятъ скоро, какую помощь думаетъ имъ оказать наша крѣпость. Я разсчиты-

ваю, что вы отвѣтите на этотъ вопросъ, такъ какъ вы всегда отвѣчали на призывъ своей родины—Франціи. Сержантъ Дженси скажетъ вамъ, что дѣлать, когда вы прибудете въ Бернезскій дворецъ, и вы исполните свой долгъ, какъ подобаетъ воинамъ, служащимъ подъ командой генерала Бонапарта. Теперь отправляйтесь ужинать, такъ какъ на голодный желудокъ немного сдѣлаешь. Идите и дѣйствуйте быстро, такъ какъ вы знаете, что отъ васъ сегодня зависитъ сохранить честь и славу Франціи.

Они хотѣли привѣтствовать его рѣчь восторженными криками, но по знаку Дженси разошлись молча, затѣмъ Гастонъ, отпустивъ ихъ, отправился одинъ къ зубцамъ крѣпости и сталъ оттуда смотрѣть на темныя улицы разстилавшейся у его ногъ Вероны. Гастонъ, обладавшій превосходнымъ зрѣніемъ, сразу замѣтилъ, что главныя улицы почти пусты, зато на другихъ улицахъ замѣтно большое движеніе, всѣ стекались небольшими кучками къ церкви и къ монастырю. Увидѣвъ это и вспомнивъ все, что говорилось вчера въ церкви, онъ уже не сомнѣвался теперь въ томъ, что въ Веронѣ готовилось что-то недоброе. Почти во всѣхъ домахъ было темно, и только ослѣпительный свѣтъ лился изъ оконъ дворца, гдѣ въ эту минуту маркиза де-Санъ-Реми готовилась къ пріему своихъ многочисленныхъ гостей. Онъ чувствовалъ, что, несмотря на то, что она была окружена въ эту ночь столькими людьми, только одинъ онъ былъ преданъ ей всею душою, и отъ него зависѣло ея спасеніе или же его собственная гибель.

XXVIII.

Гастонъ и сержантъ рѣшили, что они не уйдутъ изъ крѣпости до самыхъ сумерекъ, и только когда пробило девять часовъ, всѣ сто человѣкъ собрались на берегу и усѣлись въ четыре баркаса, которыми Бонапартъ изъ предосторожности снабдилъ крѣпость. Они рѣшили дѣйствовать по слѣдующему плану: высадиться въ саду Бернезскаго дворца и, занявъ его ближайшія окрестности, покрытыя паркомъ, закрыть затѣмъ ворота и предоставить все дальнѣйшее судьбѣ. Увѣренные въ томъ, что первое нападеніе будетъ сдѣлано непремѣнно на дворецъ, они все же не знали приблизительно часа, когда это произойдетъ, и не хотѣли никого спрашивать объ этомъ, чтобы не выдать себя. Гастонъ рѣшилъ вооружиться терпѣніемъ и выжидать, что будетъ дальше, не предпринимая ничего съ своей стороны.

На рѣкѣ стоялъ туманъ и царило мертвое молчаніе, которое было вдругъ прервано ружейнымъ выстрѣломъ и пронзительнымъ женскимъ крикомъ. Гастонъ невольно вздрогнулъ при этомъ крикѣ, какъ будто кто нибудь неожиданно тронулъ его за плечо. Очевидно убита была женщина, но была ли это француженка или

итальянка, никто не могъ бы сказать. да Гастонъ и побоялся бы предложить этотъ вопросъ. Онъ зналъ, что въ эту ночь много еще раздастся такихъ же криковъ несчастныхъ жертвъ, цѣною крови которыхъ Бонапартъ разсчитывалъ завладѣть Вероной.

Какъ только лодка отчалила отъ берега къ саду дворца Беатрисы, старый Дженси немедленно сталъ наставлять своихъ людей, отдавая шопотомъ послѣднія приказанія.

— Говорите, какъ можно, меньше, — совѣтовалъ онъ имъ, — и старайтесь, чтобы васъ замѣчали, какъ можно меньше, до полнаго наступленія темноты. Первый выстрѣлъ кого нибудь изъ нашихъ долженъ соединить насъ всѣхъ опять вмѣстѣ, будьте же мужественны и храбры и исполняйте каждый свой долгъ.

И, обращаясь къ Гастону, онъ сказалъ:

— Если бы они знали, что намъ все извѣстно, они навѣрно заперли бы ворота, но такъ какъ они хорошо знаютъ настроеніе Валланда, то имъ и въ голову не приходитъ, что кто либо изъ французскихъ солдатъ выйдетъ въ эту ночь изъ крѣпости и вмѣшается въ дѣло; они въ полной увѣренности, что могутъ дѣйствовать совершенно свободно, и поэтому навѣрное въ садахъ нигдѣ еще не разставлена стража, такъ какъ они не ждутъ нападенія съ этой стороны. Мы найдемъ пока еще совершенно безопасный и свободный путь: что будетъ потомъ, одному Богу извѣстно. Во всякомъ случаѣ мы не дадимся имъ даромъ.

Гастонъ не могъ не согласиться съ словами старика и молча усѣлся въ послѣднюю лодку къ рулю; кругомъ еще царила мертвая тишина; они безшумно плыли по рѣкѣ, подернутой туманомъ; съ одной стороны возвышались высокія городскія зданія, составлявшія какъ бы неприступную стѣну. Церкви, дворцы и обыкновенные дома принимали самыя причудливыя формы, по мѣрѣ того, какъ лодки скользили мимо нихъ; изрѣдка сквозь туманъ виднѣлся гдѣ нибудь яркій свѣтъ освѣщеннаго кафе, или же мелькалъ вдругъ цѣлый рядъ фонарей въ узкой темной улицѣ. По большей части, улицы эти были совершенно пусты, но вотъ лодки обогнули уголъ и очутились почти въ самомъ центрѣ Вероны, и тутъ сидѣвшимъ въ нихъ представилась такая картина, что они забыли всякую осторожность и готовы были громко вскрикнуть отъ неожиданности и ужаса. Здѣсь въ этой узкой улицѣ разыгралась первая сцена ужасной кровавой драмы, навѣки обезчестившей Верону. Съ дикими криками: Верона! Свобода! Долой французовъ!— обезумѣвшая толпа ринулась на ярко освѣщенный кафе, принадлежащій одному изъ старѣйшихъ французовъ въ городѣ—синьору Жардину. Съ лодокъ хорошо было видно, какъ самъ старикъ, его жена и дочери изъ верхняго окна умоляли толпу пощадить ихъ, но вмѣсто того раздался ружейный залпъ, послышались дикіе крики и удары въ дверь, и затѣмъ страшный крикъ испуганныхъ

женщинъ. Какъ стая разъяренныхъ собакъ, преслѣдователи бросились внутрь дома, и, нѣсколько секундъ спустя, все зданіе запылало отъ ихъ факеловъ. Внезапно въ толпѣ воцарилось мертвое молчаніе, всѣ они выбрались опять на улицу, вытащивъ съ собой трупы убитыхъ, и молча смотрѣли, какъ догорали остатки дома, но затѣмъ, видимо спохватившись и понявъ, что отъ этого дома могутъ загорѣться десятки другихъ, и такъ какъ въ то же время пожаръ этотъ возникъ раньше опредѣленнаго часа, всѣ вдругъ бросились тушить пожарище: кто работалъ топорами, кто бѣгалъ къ рѣкѣ за водой, нѣсколько человѣкъ стало выбрасывать на улицу догоравшую рухлядь и поломанную мебель, другіе же стояли въ нерѣшительности, какъ бы не зная, что же теперь предпринять.

Солдаты въ своихъ лодкахъ замерли отъ злобы и негодованія, видя, что они безсильны прекратить эту сцену; крики ихъ несчастныхъ соотечественниковъ тронули ихъ до глубины души, и въ сердцахъ ихъ вспыхнула вдругъ жестокая злоба къ убійцамъ. Многіе изъ нихъ схватились уже было за свое оружіе, но Гастонъ и старый сержантъ приложили всѣ старанія, чтобы нѣсколько образумить ихъ и удержать ихъ отъ неосторожнаго шага, тѣмъ болѣе, что семья Жардина уже погибла, и помочь ей они больше не могли; они покорились грустной необходимости, и только сильнѣе налегли на весла, чтобы скорѣе добраться до мѣста своего назначенія. Гастонъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ они высадились потомъ въ саду дворца Беатрисы молча и съ большими предосторожностями; на душѣ его было грустно и тяжело, онъ сознавалъ, что эта ночь должна была рѣшить его судьбу, но будетъ ли она благопріятна для него, или нѣтъ, этого онъ, конечно, не могъ знать напередъ.

Какъ и предсказывалъ старый сержантъ, никто не охранялъ воротъ, выходившихъ на рѣку, и они могли высадиться совершенно безопасно и незамѣтно. Въ садахъ никого не было, и избранная сотня быстро разсыпалась по нимъ, во всѣхъ направленіяхъ.

XXIX.

Маркиза де-Санъ-Реми принимала своихъ гостей въ большой залѣ, носившей названіе картинной галлереи. Около восьми часовъ вечера сюда стали стекаться всѣ тѣ, которые вѣрили въ то, что во дворцѣ Бернезскомъ готовится великое дѣло примиренія Франціи съ Италіей.

Это была великолѣпная картина, окруженная соотвѣтственной обстановкой: кругомъ со стѣнъ смотрѣло множество портретовъ великихъ дѣятелей, прославившихъ себя на различныхъ поприщахъ искусства и военной славы. Огромный пурпуровый коверъ, залитый свѣтомъ тысячъ канделябръ и вывезенный спеціально для этого вечера съ востока, еще больше оттѣнялъ роскошные дамскіе

туалеты и вышитые золотомъ мундиры военныхъ. Почти всѣ болѣе или менѣе значительныя лица города Вероны присутствовали на вечерѣ, который давался въ этотъ день въ Бернезскомъ дворцѣ. Епископы въ пурпуровыхъ одеждахъ и кардиналы въ своихъ ярко-красныхъ мантіяхъ, молодые офицеры въ туго затянутыхъ мундирахъ (послѣднихъ, впрочемъ, было сравнительно очень мало), самыя красивыя женщины Франціи въ роскошныхъ парижскихъ туалетахъ, французскіе граждане въ шелку и въ бархатѣ, молодые и старые, красивые и уродливые,—все это двигалось нестройной толпой по чуднымъ покоямъ Бернезскаго дворца, гдѣ ихъ собрало вліяніе избранницы Бонапарта. И никогда еще не проявляла она больше граціи и изящества и не была такъ ослѣпительно хороша, какъ именно въ ту минуту, когда стояла посреди залы, привѣтствуя своихъ гостей съ свойственной ей одной любезностью и искусствомъ. На головѣ ея виднѣлась роскошная брильянтовая діадема, на шеѣ красовалось дорогое колье изъ изумрудовъ и брильянтовъ, бѣлыя руки оттѣнялись рубиновыми браслетами, на таліи въ видѣ пояса висѣла крупная нитка жемчуговъ, спускавшаяся почти до самыхъ ногъ, всѣ видѣвшіе ее въ такомъ видѣ говорили, что если Веронѣ нужна была бы царица, Бонапартъ не могъ бы найти болѣе подходящую, чѣмъ маркиза де-Санъ-Реми. А, между тѣмъ, если бы всѣ эти люди могли заглянуть въ сердце этой женщины, могли бы прочесть то, что дѣлалось въ ея душѣ, они почувствовали бы къ ней глубокое состраданіе. Дѣло въ томъ, что Беатриса все знала— она знала, что имъ готовитъ эта ночь. Въ рукѣ ея была записка, предупреждавшая ее обо всемъ.

Герцогъ Верденскій, адъютантъ Моро, написалъ ей эту записку и отослалъ съ своимъ камердинеромъ въ ту минуту, какъ самъ покидалъ Верону; онъ писалъ ей: «Сударыня, другъ вашъ предупреждаетъ о готовящейся опасности и постарается помочь вамъ, если можетъ. Весь городъ наканунѣ возстанія. Закройте ворота вашего дома, и никого не выпускайте изъ него. Я ѣду къ Валланду и, если могу, вернусь вмѣстѣ съ нимъ къ вамъ на помощь».

Беатриса два раза прочитала эту записку, вся комната, казалось, кружилась вокругъ нея, въ глазахъ ея потемнѣло. Громкая, веселая музыка, яркіе огни, оживленный говоръ—все это сразу приняло другой отпечатокъ въ ея глазахъ. Другая на ея мѣстѣ приняла бы все за шутку и стала бы показывать гостямъ записку герцога, но она слишкомъ долго жила среди итальянцевъ и слишкомъ хорошо знала все, что происходитъ въ городѣ, чтобы усомниться въ истинѣ того, что ей писали. Кромѣ того, Джіованни Галла пять дней тому назадъ еще умолялъ ее покинуть, какъ можно скорѣе, Верону и поселиться въ Римѣ, гдѣ она была бы вполнѣ безопасна. Да, Джіованни оказался правъ, и она не могла теперь не согласиться съ нимъ, но въ эту минуту до сознанія ея до-

летѣлъ голосъ одного изъ епископовъ, говорившаго ей что-то, и, сдѣлавъ надъ собой усиліе она снова приняла участіе въ общемъ разговорѣ, который вертѣлся вокругъ предстоящей новой эры примиренія Италіи съ Франціей. Беатриса успѣвала поговорить со всѣми, съ художниками она говорила о живописи, съ артистами о музыкѣ и операхъ, съ простыми смертными о самыхъ обычныхъ вещахъ. И все это время ея не покидала ужасная мысль о готовящемся погромѣ: неужели,—думала она,—всѣмъ этимъ людямъ, собравшимся подъ кровлей ея дома, суждено погибнуть, не выходя изъ него? Неужели всѣ ея жертвы: ея бѣгство, ея пріѣздъ сюда, все это напрасно, и онъ, любимый ею человѣкъ, проведетъ эту ночь въ домѣ Пезáро? Неужели ниоткуда нельзя было ждать помощи? неужели нигдѣ не было спасенія?

— Синьоръ,—сказала она, обращаясь наконецъ къ епископу,— мой другъ, герцогъ Верденскій, прислалъ мнѣ очень грустное и тревожное извѣстіе. Будьте добры, потрудитесь позвонить, чтобы ко мнѣ явился мой довѣренный слуга, Джіованни Галла.

Любезный епископъ сейчасъ же распорядился послать одного изъ слугъ за Джіованни, а, между тѣмъ, гости все прибывали и прибывали, такъ что казалось, что даже въ такой огромной комнатѣ, какъ эта галлерея картинъ, и въ ней не хватитъ мѣста для всѣхъ присутствующихъ. Но Джіованни не показывался, Беатриса замѣтила, кромѣ того, еще, что въ комнатѣ было гораздо меньше слугъ, чѣмъ раньше, а тѣ, которые еще находились тутъ, старались избѣгать ея и какъ бы знали что-то о готовящихся ужасахъ. Въ это время вернулся посланный и сообщилъ слѣдующее:

— Джіованни нѣтъ дома,— сказалъ онъ.

Несчастный въ это время лежалъ безъ чувствъ въ подвалахъ дворца, о чемъ, конечно, маркиза не могла знать.

— Джіованни нѣтъ дома, но вѣдь этого не можетъ быть. Прошу васъ прислать его ко мнѣ, какъ только онъ вернется,—сказала Беатриса неувѣреннымъ тономъ.

Слуга удалился съ видимой поспѣшностью, а такъ какъ толпа все прибывала, и добраться до нея было почти невозможно, маркиза попросила одного изъ близъ стоящихъ дать ей руку, чтобы она могла обойти комнату и поговорить со всѣми; всѣ разступались передъ ней, и каждый старался сказать съ ней хотя бы одно только слово. О своихъ собственныхъ чувствахъ она въ эту минуту и не думала совсѣмъ. Опасность, угрожавшая ей, была такъ велика, что она могла обращать вниманіе только на пустяки, стараясь не думать о главномъ. Въ душѣ она невольно спрашивала себя, кому бы она могла настолько довѣриться, чтобы показать полученное письмо, и въ то же время внимательно разглядывала какую нибудь розу въ вазѣ, пуговицы на рукавахъ или брильянты на чьей нибудь шеѣ. Она слышала и запоминала каждое слово, сказанное ей.

Кто-то изъ присутствующихъ спросилъ ее, гдѣ находится теперь Вильтаръ; это имя заставило усиленнѣе забиться ея сердце. Она хорошо понимала, что именно ему она обязана тѣми ужасами, которые произойдутъ въ эту ночь. Она не могла простить ему, зная, что не будь его и его совѣтовъ, навѣрное Гастонъ и она не очутились бы теперь въ Веронѣ.

Она прошла, между тѣмъ, всю картинную галлерею, миновала нѣсколько комнатъ поменьше и наконецъ очутилась въ гостиной, выходившей на югъ, гдѣ вдали виднѣлись горы, и у ногъ разстилалась долина. Сюда успѣли проникнуть еще очень немногіе, и только въ отдѣльныхъ углахъ виднѣлись уединившіяся парочки, удалившіяся сюда, чтобы поговорить на свободѣ. Музыка и шумъ голосовъ изъ картинной галлереи долетали сюда чуть слышно. Этотъ переходъ отъ духоты и шума въ прохладную спокойную атмосферу благодѣтельнымъ образомъ подѣйствовалъ на маркизу, она сразу ободрилась и даже рѣшила про себя, что, можетъ быть, опасность совсѣмъ не такъ велика и существуетъ только въ воображеніи герцога, слишкомъ поспѣшно покинувшаго Верону. Она рѣшилась даже заговорить теперь объ этомъ съ епископомъ и показала ему записку, которую все еще держала въ рукѣ.

— Нашъ общій другъ, герцогъ Верденскій,—замѣтила она,—рѣшилъ, что лучше провести эту ночь въ Падуѣ, чѣмъ въ Веронѣ, впрочемъ, не только одинъ онъ находитъ, что пребываніе въ Веронѣ не особенно пріятно въ настоящее время.

— Напрасно вы такъ думаете, маркиза,—отвѣтилъ дипломатъ-епископъ,—я увѣренъ, что среди насъ герцогъ былъ бы въ большей безопасности, чѣмъ въ Падуѣ. Впрочемъ, французовъ трудно заставить вѣрить въ это,—прибавилъ онъ, какъ бы оправдываясь.

— Они вѣрятъ только въ собственныя доблести, мы, итальянцы, по крайней мѣрѣ, откровенны, мы сознаемъ свои недостатки и не скрываемъ ихъ. Но французы—эгоистичная нація, и мы приносимся въ жертву ихъ тщеславію. Я не удивляюсь тому, что нашъ народъ теряетъ терпѣніе. Развѣ найдется другая нація, которая терпѣла бы такъ долго и покорно подобное ярмо? Вы, къ которому такъ часто прибѣгаетъ народъ въ своей нуждѣ, должны все это знать лучше меня. Я прекрасно понимаю опасенія, наполняющія вашу душу, хотя вы и стараетесь скрыть ихъ отъ меня.

Говоря это, она внимательно и зорко слѣдила за своимъ собесѣдникомъ, но епископъ, добродушный, мирный старичекъ, молившійся каждый день за своихъ враговъ, отвѣтилъ ей совершенно просто:

— Я не сомнѣваюсь въ своемъ народѣ. Все, что онъ терпитъ, онъ претерпѣваетъ, покоряясь волѣ Господней. Мы отдаемъ кесарю кесарево, но наша родина дорога намъ, и ради нея мы жертвуемъ собою. Если вашъ другъ герцогъ испугался жителей Вероны, то

онъ—большой трусъ, маркиза. Впрочемъ, вы, вѣроятно, только пошутили, говоря о немъ.

— Нѣтъ, я не шучу, вѣдь вы читали записку, онъ пишетъ, чтобы я заперла ворота своего дома и никого бы не выпускала изъ нихъ, такъ какъ онъ опасается за безопасность тѣхъ, кто посѣтилъ меня сегодня. Какъ вы видите, записка написана совсѣмъ не въ шутливомъ тонѣ, и вы можете себѣ представить, что я испытала, читая ее.

Она остановилась и прислонилась къ мраморной колоннѣ, лицо ея было такъ же блѣдно, какъ этотъ мраморъ, а на душѣ было тяжело до слезъ. Почему она разсказала обо всемъ этому человѣку, когда рѣшила сама ничего не говорить никому, она и сама не знала. Но она не могла скрывать въ себѣ эту тайну, она должна была подѣлиться ею съ кѣмъ нибудь, иначе она сломилась бы подъ тяжестью ея. Епископъ смотрѣлъ на нее, увѣренный, что она все еще шутитъ, и наконецъ заговорилъ нерѣшительно:

— По-моему маркиза,—сказалъ онъ,—если герцогъ писалъ все это серьезно, онъ съ ума сошелъ, простите меня за откровенность. Если что и случится здѣсь въ городѣ, то это произойдетъ, конечно, не въ Бернезскомъ дворцѣ и при этомъ не пострадаютъ беззащитные люди. Я самъ отвѣчаю за это. Вѣдь не даромъ я въ продолженіе пятнадцати лѣтъ былъ священникомъ въ церкви св. Аѳанасія раньше, чѣмъ я сдѣлался епископомъ. И поэтому вѣрьте тому, что я знаю тѣхъ, о комъ говорю. Я знаю, что они—живые, страстные люди, да иначе они и не были бы итальянцами, но герцогъ судитъ о насъ по своимъ соотечественникамъ. Вѣдь это—не Парижъ, и намъ не надо убивать ни короля, ни королевы. По-моему запереть ворота это значитъ нанести оскорбленіе всѣмъ вашимъ гостямъ. Герцогъ—трусъ, и ему дѣйствительно надо армію изъ Падуи, чтобы защитить его.

Онъ былъ такъ увѣренъ въ томъ, что говорилъ, что даже разсмѣялся, и на минуту они оба стояли молча другъ противъ друга: маркиза—блѣдная и трепещущая, а епископъ—увѣренный и спокойный. Хотя она готова была, какъ утопающій, схватиться за соломинку, въ душѣ ея еще не разсѣялись всѣ сомнѣнія, она чувствовала, какая отвѣтственность лежитъ на ней по отношенію тѣхъ, кто находился въ данную минуту въ ея домѣ, и ужасъ сковывалъ ея члены при мысли объ опасности, угрожавшей ей.

— Весьма возможно, что вы и правы,—сказала она,—я готова вѣрить этому, ради нашего же народа, но все же...

— Но,—перебилъ онъ ее,—такъ какъ нашелся глупецъ, который сумѣлъ нарушить вашъ душевный покой, вы говорите... но все же...

— Я повторяю сказанное, представьте себѣ, что если хотя одно слово изъ всего этого сбудется на дѣлѣ, что тогда?

— По-моему слѣдуетъ скорѣе сжечь эту записку, такъ встревожившую васъ,—отвѣтилъ епископъ, поднося письмо къ зажженной свѣчѣ,—бумага вспыхнула, и оба молча смотрѣли, какъ она медленно сгорала, какъ вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ на берегу рѣки. Беатриса вздрогнула и прислонилась къ стѣнѣ, несмотря на то, что выстрѣлы въ тѣ времена были весьма обычнымъ явленіемъ въ Веронѣ.

Епископъ бросилъ догорѣвшую записку и подошелъ къ окну, выходившему на рѣку; яркій свѣтъ, падавшій изъ оконъ дворца, не позволялъ ничего разсмотрѣть изъ того, что происходило внѣ его, и епископъ собирался уже закрыть окно, какъ вдругъ до слуха ихъ ясно долетѣлъ шумъ человѣческихъ голосовъ, въ которомъ слышалась подавленная ярость и безсильная злоба, и сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ послышался стукъ металла о металлъ, какъ будто тысячи человѣкъ ломились въ желѣзныя ворота, а затѣмъ послышался гулъ колоколовъ, показались вездѣ зажженные факелы, и началась мрачная трагедія, подобной которой никогда не было и не будетъ въ Италіи.

Руки епископа невольно задрожали, когда онъ заперъ окно, и, не глядя на Беатрису, онъ ей подалъ руку, чтобы проводить ее обратно къ гостямъ.

— Мы должны сказать имъ все, маркиза,—замѣтилъ онъ,—я собственно не знаю, что намъ грозитъ, но во всякомъ случаѣ мы должны предупредить вашихъ гостей, что имъ грозитъ страшная опасность.

Она не отвѣчала ему, такъ какъ въ эту минуту ей пришла въ голову мысль, достойная такой храброй и мужественной женщины, какъ она; она рѣшилась обойтись безъ помощи епископа и самой сообщить обо всемъ своимъ гостямъ, чтобы быть въ состояніи отразить тѣ упреки или обвиненія, которыя они могутъ предъявить ей, подозрѣвая ее въ измѣнѣ.

Она вошла въ залу и попросила епископа заставить всѣхъ выслушать ее.

Онъ возвысилъ голосъ и крикнулъ на всю залу:

Дѣти мои, маркиза де-Санъ-Реми желаетъ говорить съ вами.

Всѣ столпились вокругъ Беатрисы и приготовились слушать ее.

- Дорогіе мои друзья,- заговорила маркиза громко, я должна предупредить васъ, что въ городѣ возстаніе, дворецъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, я надѣюсь на всѣхъ васъ въ эту ужасную для насъ ночь. Синьоры, я прошу васъ своимъ мужествомъ поддержать мою честь и мое доброе имя. Вы же, дорогія синьорины, поддержите меня своими молитвами. Мы должны выказать себя истинными чадами Италіи и Франціи. Полковникъ Дюкло, готовы ли вы принять на себя мою обязанность и сдѣлаться хозяиномъ и распорядителемъ этого дворца? Синьоръ Корреръ, вы отвѣчаете

за своихъ друзей, теперь не время тратить попусту слова, я умоляю васъ начать дѣйствовать. Надо сейчасъ же закрыть всѣ ворота и защитить дворы. Кто желаетъ принять участіе въ защитѣ, кто отзовется на мой призывъ?

Легко себѣ представить, какъ эти слова подѣйствовали на всѣхъ присутствующихъ, собравшихся сюда съ цѣлью повеселиться. На минуту въ залѣ воцарилось мертвое молчаніе, слышно было только бряцаніе оружія за стѣнами дворца и дикіе крики нападавшихъ. И пока всѣ стояли молча, растерянные и недоумѣвающіе, въ залѣ опять раздался голосъ, но это былъ уже мужской голосъ, говорившій:

— Маркиза, приказаніе ваше уже исполнено, ворота заперты!

Толпа разступилась, чтобы пропустить впередъ говорившаго, такъ чтобы онъ могъ подойти къ Беатрисѣ.

И такимъ образомъ Беатриса и Гастонъ очутились лицомъ къ лицу, онъ низко склонилъ передъ ней свою голову и почтительно поцѣловалъ обѣ протянутыя ему руки.

XXX.

Гастонъ быстро занялъ мѣсто рядомъ съ маркизой и обратился съ слѣдующей рѣчью къ изумленнымъ гостямъ:

— Господа, теперь не время разглагольствовать, и поэтому я буду краток. У воротъ этого дома собралась огромная толпа, мы должны приложить всѣ усилія, чтобы она не могла ворваться сюда. Я попрошу тѣхъ изъ васъ, кому дорога честь нашихъ дамъ, слѣдовать за мной во дворъ. Наша хозяйка, маркиза, отведетъ всѣхъ дамъ наверхъ. Господа, если намъ удастся удержаться въ этомъ домѣ въ продолженіе двадцати часовъ, я могу обѣщать вамъ, что Бонапартъ придетъ къ намъ на выручку. Если никто другой не согласится сообщить ему обо всемъ случившемся, такъ я самъ какъ нибудь проберусь къ нему, теперь все зависитъ отъ васъ самихъ!

И только. Это была короткая, чисто солдатская рѣчь, но зато на любимую имъ женщину онъ обратилъ взоръ, полный глубокой преданности и мольбы о прощеніи. Въ залѣ въ это время происходили ужасныя сцены. Первый испугъ миновалъ; гости стали мало-по-малу приходить въ себя и соображать, въ чемъ дѣло, послышались истерическіе вопли женщинъ и сердитые возгласы мужчинъ. Почти повсюду слышалось слово «измѣна», всѣ французы были увѣрены, что эта женщина предала ихъ. Домъ ея оказался ловушкой, ихъ заманили сюда, какъ въ западню, она сама была на сторонѣ жителей Вероны, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Нѣкоторые даже стали сомнѣваться въ томъ, что графъ искрененъ, многіе дошли до того, что были готовы убить

маркизу на мѣстѣ. Гастонъ сразу замѣтилъ эту новую опасность. Хотя ему и было стыдно за своихъ соотечественниковъ за ихъ недовѣріе къ Беатрисѣ, онъ все же понималъ, что они для этого имѣли нѣкоторое основаніе, и, дѣйствуя подъ впечатлѣніемъ минуты, онъ предложилъ руку маркизѣ и повелъ ее сквозь разступившуюся толпу. Онъ казался въ эту минуту какъ бы рожденнымъ для того, чтобы предводительствовать толпою. Онъ шелъ, не торопясь, обмѣниваясь нѣсколькими словами то съ однимъ, то съ другимъ изъ присутствующихъ, бросая то угрожающіе, то ласковые взгляды на толпившихся кругомъ людей, онъ прекрасно зналъ, что одно неосторожное движеніе съ его стороны, и смерть любимой женщины могла бы произойти на его глазахъ.

— Мужайтесь,—шепнулъ онъ ей,—я вѣрю въ наше счастье. Отведите всѣхъ женщинъ въ верхній этажъ и тамъ ждите меня. Мы закрыли ворота и защищаемъ ихъ. Если имъ не удастся ворваться сюда со стороры рѣки, мы спасены. Беатриса, побѣда будетъ на нашей сторонѣ.

Онъ снова поцѣловалъ ей нѣжно и почтительно руку, и подождавъ, пока она скрылась на верху, онъ пропустилъ мимо себя всѣхъ женщинъ, поднимавшихся по лѣстницѣ, и затѣмъ обернулся къ мужчинамъ, собравшимся вокругъ него.

— Друзья мои,—сказалъ онъ,—я знаю, что вы всѣ думаете. Но это—ложь, и вы должны стыдиться за свое низкое подозрѣніе. Маркиза де-Санъ-Реми знала объ этомъ не больше, чѣмъ всякій иностранецъ здѣсь въ Веронѣ. Если найдется кто нибудь, утверждающій противное, то я готовъ отвѣтить ему, какъ слѣдуетъ.

Онъ подождалъ немного, но никто не принялъ его вызова. «Нѣтъ, нѣтъ,—крикнулъ кто-то,—мы вѣримъ ей», и всѣ остальные подхватили этотъ крикъ и стали умолять его не говорить теперь объ этомъ, а позаботиться о томъ, какъ бы лучше и скорѣе приступить къ защитѣ и спасенію себя и женщинъ. Онъ воспользовался этимъ благопріятнымъ моментомъ и сказалъ имъ вкратцѣ то, что онъ намѣренъ дѣлать.

— Мы уже выставили стражу у воротъ сада,—сказалъ онъ,— и если только она выдержитъ натискъ толпы, мы спасены. Я попрошу самыхъ молодыхъ изъ васъ отправиться къ моимъ людямъ въ садъ. Остальные останутся здѣсь внизу у этой лѣстницы, чтобы защищать до послѣдней возможности себя и тѣхъ, кто имъ долженъ быть дороже жизни. Мы сражаемся за честь нашихъ женщинъ и за честь нашей страны: больше мнѣ нечего прибавлять къ этому.

Они отвѣтили ему, что готовы исполнить все, что онъ прикажетъ, и пятьдесятъ человѣкъ отправилось тотчасъ въ садъ, остальные во главѣ съ однимъ молодымъ драгунскимъ офицеромъ, Жеромомъ, остались во дворцѣ. Гастонъ послѣдовалъ за тѣми, кто пошелъ въ садъ, чтобы распорядиться тамъ, какъ слѣдуетъ.

Беатриса повела всѣхъ женщинъ въ одну изъ верхнихъ комнатъ, окна которой выходили на улицы Вероны и на рѣку. И оттуда, въ продолженіе цѣлаго часа, она смотрѣла внизъ на все происходившее у ея дома; хотя она сама по себѣ была всегда мужественна и безстрашна, она впослѣдствіи признавалась, что только возложенная на нее Гастономъ обязанность утѣшать другихъ спасла ее отъ помѣшательства. Она все время уговаривала и утѣшала плачущихъ и рыдающихъ женщинъ, впадавшихъ въ истерики или же молчавшихъ въ какомъ-то безумномъ изступленіи. Но, хотя она утѣшала ихъ и увѣряла, что особенной опасности нѣтъ, она ни на одну секунду не обманывала себя. То, что она видѣла внизу на улицахъ, ясно говорило ей, что насталъ конецъ, что смертный часъ уже близокъ. Она могла только молиться и надѣяться и ждать той минуты, когда ворота поддадутся подъ натискомъ толпы, которая ворвется затѣмъ во дворецъ.

Дѣло происходило раннею весною, въ ясную лунную ночь. Знакомыя очертанія крѣпости и горъ совершенно отчетливо вырисовывались на темномъ звѣздномъ небѣ, самъ же городъ былъ ярко освѣщенъ, и поэтому все было видно, что происходило въ немъ. Вокругъ дворца было еще свѣтлѣе, тамъ видны были мельчайшія подробности, за закрытыми воротами Беатриса могла различить тысячу лицъ, съ ненавистью и злобою взиравшихъ на ея дворецъ.

Дикій ревъ этой разъяренной толпы, напрасно напиравшей на ворота, долеталъ до ея ушей. Она видѣла, какъ изрѣдка отдѣлялись отдѣльныя группы и направлялись въ отдаленные районы города, гдѣ сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ раздавались крики и видно было зарево пожара. Беатрисѣ отчетливо было видно, какъ беззащитныя жертвы со стономъ валились отъ рукъ озвѣрѣвшихъ убійцъ, топтавшихъ уже мертвыя тѣла ногами. Но то, что она видѣла, была лишь, вѣроятно, сотая доля ужасовъ, происходившихъ во всемъ городѣ, въ своей ярости веронцы не щадили ни пола ни возраста французовъ. Они вытаскивали на улицы спящихъ дѣтей и тамъ безжалостно разбивали ихъ о камни, они своимъ громкимъ смѣхомъ заглушали предсмертныя мольбы и стоны несчастныхъ женщинъ. Довольно было того, что кто нибудь обвинялся въ хорошемъ отношеніи къ французамъ, чтобы его немедленно же приговаривали къ смерти и тутъ же приводили приговоръ въ исполненіе.

Все это Беатриса видѣла или угадывала, но ни слова не говорила объ этомъ собравшимся вокругъ нея женщинамъ.

— Они никогда не сломаютъ воротъ, — говорила она: — у насъ есть надежная защита въ лицѣ графа де-Жоаеза, мы можемъ спокойно довѣриться ему, постараемся же быть твердыми, теперь уже скоро конецъ всему.

Она говорила эти слова и въ то же время сознавала, что ужасная ночь только началась, что каждая минута можетъ быть гибельной.

Большія ворота выдерживали все время безумный натискъ толпы, и она поняла наконецъ, что здѣсь всѣ усилія ея тщетны. Многіе притащили лѣстницы и влѣзли на ворота, откуда начинали стрѣлять въ людей, стоявшихъ во дворѣ дворца Беатрисы. Но въ отвѣтъ имъ раздался дружный залпъ, и всѣ смѣльчаки падали мертвыми обратно въ толпу, изъ которой оии вышли. Старикъ Дженси находился во дворѣ, а съ нимъ пятьдесятъ его отборныхъ людей, которые могли отразить какую угодно атаку. Но, тѣмъ не менѣе, то здѣсь то тамъ раздавались среди нихъ стоны, доказывавшіе, что шальныя пули непріятеля все же имѣли нѣкоторый успѣхъ. Но ворота оставались закрытыми, и въ продолженіе цѣлаго часа положеніе не измѣнилось ни на іоту. Но вотъ кто-то въ толпѣ крикнулъ, что надо поджечь дворецъ, сначала крикъ этотъ былъ встрѣченъ насмѣшками, потомъ его поддержали другіе, и наконецъ вся толпа стала требовать одного: «поджечь ихъ, поджечь!» Сейчасъ же откуда-то появились связки соломы и около двадцати факеловъ, и затѣмъ раздался восторженный крикъ толпы, привѣтствовавшей первое появленіе огня. Но ворота Бернезскаго дворца были выстроены пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, они были окованы кругомъ желѣзомъ, костры, пылавшіе вокругъ нихъ, не причинили ни малѣйшаго вреда и сейчасъ же потухли.

Снова стали зажигать костры, притащили опять соломы, запылали костры и опять та же неудача, ворота стояли цѣлы и невредимы, въ толпѣ на минуту воцарилось мертвое молчаніе, и вдругъ раздался чей-то крикъ:

— Къ рѣкѣ, надо забраться туда со стороны рѣки!

И вся толпа ринулась по указанію кричавшаго прямо къ рѣкѣ, лѣниво катившей свои сонныя волны. Сейчасъ же въ дѣло были пущены всѣ имѣющіяся налицо суденышки: кто поѣхалъ въ лодкахъ, кто въ челнокахъ, кто на плотахъ, и все это направлялось прямо къ саду дворца. И какъ это только никому не пришло раньше въ голову?—удивлялись всѣ, спрашивая другъ друга. Вѣдь пробраться въ садъ очень легко, а во дворцѣ ихъ могли только встрѣтить пятьсотъ человѣкъ, безъ оружія, разодѣтые въ шелкъ и въ бархатъ. Всѣ невольно ощупывали свои кинжалы и мечтали уже о томъ, какъ они перерѣжутъ горла этимъ французамъ.

Но старый Дженси и съ этой стороны приготовилъ имъ ловушку. Какъ только люди его впервые высадились въ саду, онъ сейчасъ же приказалъ имъ вырыть огромный ровъ вдоль берега, не щадя кустовъ розъ и сирени. И дѣйствительно, люди его принялись съ такимъ жаромъ за работу, что рыхлая мягкая земля такъ и летѣла комьями подъ ихъ лопатами. Когда ровъ былъ вырытъ, Гастонъ тихонько вошелъ во дворецъ и приказалъ лакеямъ вынести своимъ людямъ вина для подкрѣпленія ихъ силъ, а самъ пошелъ отыскивать Джіованни Галла. Солдаты напились вволю и,

не сознавая даже хорошенько, чего отъ нихъ требуютъ, были готовы исполнить безпрекословно каждое приказаніе графа или стараго Дженси.

Время отъ времени Гастонъ снова выходилъ къ нимъ въ садъ, чтобы подбодрить ихъ ласковымъ словомъ, при этомъ онъ о чемъ-то очень серьезно толковалъ каждый разъ съ старымъ сержантомъ. На душѣ Гастона было тяжело, исчезновеніе Джіованни Галла сильно безпокоило его, онъ упрекалъ себя за то, что оставилъ его утромъ во дворцѣ вмѣсто того, чтобы взять его тогда съ собой.

— Бѣдный юноша зналъ все и за это поплатился, вѣроятно, своей жизнью,—говорилъ онъ Дженси.—Два часа тому назадъ его вынесли замертво изъ комнаты. Я послалъ къ нему врача, но тотъ подаетъ очень мало надежды. Нѣтъ, Дженси, все же хорошо, что мы во-время явились сюда съ вами.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, графъ, я уже нѣсколько дней тому назадъ предчувствовалъ все это. Но мы сдѣлаемъ все, что можемъ, а генералъ Бонапартъ пришлетъ намъ подкрѣпленіе. Онъ еще никогда не отказывалъ никому въ помощи. Но только дѣло въ томъ, когда до него дойдетъ извѣстіе о томъ, что здѣсь творится. Если онъ узнаетъ это только отъ Валланда, такъ намъ нечего ждать: этотъ негодяй продастъ родную мать, ради своей выгоды. Бѣдныя женщины, имъ плохо придется, если спасеніе ихъ зависитъ только отъ него. Я жду только случая сказать это ему прямо въ лицо.

— Если это будетъ зависѣть отъ меня, Дженси, то я постараюсь вамъ доставить этотъ случай поскорѣе. Но, въ сущности говоря, надо вѣдь принять въ соображеніе и то, что ему не легко здѣсь приходилось и, кромѣ того, онъ—плохой политикъ. Я не вѣрю, чтобы французъ могъ сознательно сдѣлать такую низость, какъ онъ.

— Трудно сказать, графъ, будемъ надѣяться, конечно, что все обойдется и такъ, но лучше было бы, чтобы кто нибудь другой отправился къ Бонапарту, чтобы извѣстить его обо всемъ.

Оба они нерѣшительно посмотрѣли на другой берегъ рѣки, такъ какъ чувствовали, что одинъ изъ нихъ долженъ переправиться черезъ нее, чтобы добраться до лагеря Бонапарта, и каждый изъ нихъ желалъ, чтобы пошелъ другой, такъ какъ каждый хорошо зналъ, что въ саду его ожидаетъ бо́льшая опасность, чѣмъ на томъ берегу. Въ ту минуту, какъ они еще обсуждали этотъ вопросъ, раздался гулъ колоколовъ, а затѣмъ первый крикъ разъяренной толпы. Солдаты вскочили, какъ одинъ человѣкъ, готовые броситься во дворъ, откуда раздавались крики, но старый Дженси поднялъ вверхъ руку и крикнулъ на нихъ:

— Вонъ, ложитесь скорѣе въ траншеи и молчите, пока васъ не спросятъ.

Затѣмъ онъ отсчиталъ пятьдесятъ человѣкъ и повелъ ихъ во дворъ.

Гастонъ же пошелъ во дворецъ, чтобы выручить Беатрису въ трудную для нея минуту. Дженси сначала мужественно защищалъ ворота, какъ мы видѣли, затѣмъ быстро бросился въ садъ, гдѣ уже солдаты его приготовили ружья, видя, какъ по водѣ къ нимъ приближается цѣлая флотилія разсвирѣпѣвшихъ гражданъ, твердо увѣренныхъ въ томъ, что съ этой стороны имъ нечего опасаться, такъ какъ во дворцѣ остались только беззащитные гости Беатрисы и нѣсколько преданныхъ ей слугъ. Ужасно было видѣть, какъ разъяренная толпа, не ожидая, пока лодки пристанутъ къ берегу, прыгала изъ нихъ въ воду, многіе попадали подъ лодки и тонули, другіе сшибали другъ друга съ ногъ. Никто изъ нихъ ни на минуту не допускалъ мысли, что ихъ ждетъ засада, и поэтому, когда вдругъ въ темнотѣ раздалась французская команда открыть огонь, и послышался первый залпъ, переполохъ произошелъ невообразимый, всѣ бросились, какъ безумные, обратно въ воду, давя другъ друга въ паническомъ страхѣ. А за ними вслѣдъ неслись выстрѣлы за выстрѣлами, гулкимъ эхомъ отдаваясь надъ водой.

У большинства изъ нихъ въ рукахъ были только кинжалы, такъ какъ они разсчитывали, что имъ придется только рѣзать беззащитныхъ французовъ. Нѣкоторые были вооружены пистолетами и ружьями, но большинство было даже совсѣмъ безъ оружія, и поэтому всѣ они бросились скорѣе къ лодкамъ и обрушились на тѣхъ, кто первые закричали «къ рѣкѣ». И всѣ бѣжали съ поля сраженія, покинувъ своихъ раненыхъ и мертвыхъ, павшихъ отъ выстрѣловъ вѣрной сотни Дженси. Всю ночь продолжалось попеременное нападеніе то на желѣзныя ворота дворца, то на скрытыя траншеи, въ которыхъ засѣли солдаты. Во дворцѣ настроеніе духа мѣнялось, по мѣрѣ того, какъ приходили утѣшительныя или грустныя вѣсти. Когда стало разсвѣтать, на мраморной лѣстницѣ дворца видно было множество растянувшихся фигуръ, богатыя и нарядныя платья были выпачканы, свѣтскіе люди сбросили свои маски и оказались простыми смертными, съ испуганными блѣдными лицами, тревожно спрашивая другъ друга: «Придутъ ли къ намъ на выручку?» Болѣе мужественные въ нѣсколькихъ словахъ описывали все положеніе дѣлъ. Въ горахъ было не менѣе пяти тысячъ вооруженныхъ итальянскихъ солдатъ, Бонапарту придется встрѣтиться съ ними по дорогѣ въ Верону; весьма возможно, что онъ не слишкомъ будетъ огорченъ тѣмъ, что нѣсколько сотъ его соотечественниковъ погибнетъ въ Веронѣ, вѣдь это только дастъ ему случай обѣлить себя въ глазахъ Европы. Онъ скажетъ всѣмъ:

Смотрите, какъ итальянцы поступили съ моимъ народомъ, я долженъ отмстить этимъ измѣнникамъ и убійцамъ.

А если онъ дѣйствительно такъ разсуждаетъ, какая же можетъ быть надежда на то, что онъ придетъ имъ на помощь? Въ Падуѣ у него только шесть тысячъ войскъ, онъ долженъ сразиться съ

солдатами Эмили и республиканцами, пожелаетъ ли онъ это сдѣлать? Немудрено, что лица всѣхъ присутствующихъ были очень блѣдны, но особенно блѣдно было лицо Беатрисы, когда въ пять часовъ утра Гастонъ поднялся къ ней наверхъ и на одну минуту отвелъ ее въ другую комнату, чтобы поговорить безъ свидѣтелей.

— Я пришелъ проститься съ вами, — сказалъ онъ, — но я не могу уйти, пока вы не поймете моихъ поступковъ по отношенiю къ вамъ.

Она поняла, что онъ говоритъ о своемъ пребыванiи въ домѣ Бiанки, и поэтому остановила его движенiемъ руки, говоря:

— Вы пришли ко мнѣ, слѣдовательно, о прошломъ не можетъ быть и разговора. Иногда трудно разобраться въ вещахъ, но потомъ все становится ясно, съ каждымъ днемъ я научаюсь понимать все больше и стараюсь только о томъ, чтобы поступать соотвѣтственно вашимъ желанiямъ.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Когда опасность пройдетъ, Беатриса, мы постараемся начать новую жизнь и будемъ жить только другъ для друга. Я отправляюсь къ Бонапарту, чтобы разсказать ему, что вы сегодня ночью сдѣлали для него, какъ вы спасли моихъ соотечественниковъ. Вѣдь я понимаю жертву, которую вы принесли, Беатриса, я знаю, что вамъ не легко находиться здѣсь, и знаю, чего вы лишились, покидая Венецiю ради меня. Подобныя вещи не забываются, особенно— любящимъ человѣкомъ. Я знаю, что до сихъ поръ я былъ большой эгоистъ, но въ будущемъ я надѣюсь загладитъ это всей своей жизнью.

Эта исповѣдь его совершенно разстроила ее, она задрожала при мысли, что онъ собирается отправиться къ Бонапарту.

— Гастонъ, не уѣзжайте, не покидайте меня, подумайте о томъ, что будетъ со мной, если вы покинете меня. Пусть пойдетъ кто нибудь другой, вы должны остаться со мной, и почему непремѣнно вы должны итти? развѣ, кромѣ васъ, нѣтъ другихъ людей?

— Я послалъ бы Дженси, но онъ раненъ, а никому другому я не могу поручить этого. Беатриса, развѣ вы не понимаете, что насъ ждетъ всѣхъ, если сегодня еще къ намъ не подоспѣетъ помощь? Я переправлюсь черезъ рѣку и помчусь изо всѣхъ силъ; если мнѣ это не удастся, что дѣлать, все же это лучше, чѣмъ оставаться тутъ и упрекать себя потомъ въ томъ, что могъ бы спасти васъ всѣхъ. Подумайте объ этомъ, дорогая! Вспомните отвѣтственность, которая лежитъ на мнѣ, вспомните ужасы, происходящiе тамъ на улицахъ! Неужели человѣкъ, достойный васъ, согласился бы смотрѣть на все это равнодушно, не дѣлая попытки къ спасенiю? Нѣтъ, не говорите этого.

— Но развѣ вы забыли, — сказала она, — что въ Боволеттѣ вы тоже хотѣли вернуться черезъ часъ, а между тѣмъ сколько вре-

мени прошло, пока мы опять увидались, я такъ хорошо помню то утро. Да, вы прислали тогда страннаго гонца, Гастонъ. Увѣрены ли вы въ томъ, что онъ придетъ и на этотъ разъ по вашему зову?

Онъ разсмѣялся при этомъ воспоминаніи и заглянулъ въ глаза, смотрѣвшіе на него съ упрекомъ.

— Онъ не хотѣлъ дать мнѣ ни одного часа срока, онъ вѣрилъ въ то, что я могу спасти Верону, а между тѣмъ, что я вмѣсто того надѣлалъ? Да, я знаю, мнѣ уже суждена на роду всегда неудача, но что же я могу сдѣлать? Я пріѣхалъ сюда съ добрыми намѣреніями, мечталъ о примиреніи, о дружбѣ. Они отвѣтили мнѣ на это камнями. Въ вашей родинѣ, въ Венеціи, я тоже старался установить болѣе дружескія отношенія между двумя націями, и чѣмъ же это кончилось? Я долженъ былъ бѣжать, какъ воръ, оставивъ послѣ себя только ненависть и недовѣріе.

— Всѣмъ этимъ вы обязаны Вильтару, — сказала Беатриса, и лицо ея затуманилось,—да, Гастонъ, этотъ человѣкъ имѣетъ роковое вліяніе на нашу судьбу, я и сегодня чувствую, что обязана ему тѣмъ, что вы хотите покинуть меня. Всѣ несчастья наши произошли, только благодаря ему. И вы отправляетесь къ нему въ Падую, и еще вѣрите въ то, что онъ — вамъ другъ?

— По моему мнѣнію, Беатриса,—сказалъ онъ,—есть два Вильтара: одинъ изъ нихъ—другъ Франціи, другой—мой другъ. Я докажу вамъ это. Когда я пріѣду въ Падую, я явлюсь прямо къ Бонапарту и возьму съ собой свидѣтелей. Мнѣ кажется, что особенной опасности быть не можетъ. Я переѣду рѣку на лодкѣ, а на томъ берегу уже вполнѣ безопасно, да, впрочемъ, теперь не время думать о собственной безопасности.

Беатриса видѣла, что Гастонъ теперь только жилъ мыслью перебраться на тотъ берегъ и поднять на ноги весь лагерь Бонапарта, но она все же сдѣлала еще попытку остановить его.

— Умный человѣкъ всегда обдумаетъ все,—проговорила она,— подумали ли вы о томъ, что будетъ лучше, если вы поѣдете не одни? Развѣ только одинъ человѣкъ можетъ пробраться черезъ непріятельскую страну? Развѣ нельзя чѣмъ нибудь помочь этимъ бѣднякамъ? Подумайте объ этомъ, пока не поздно, вѣдь они всѣ довѣрились нашей чести, развѣ мы только и можемъ посовѣтовать имъ, что ждать?

Высказанная маркизой мысль поразила Гастона своею неожиданностью.

— Вы хотите сказать, что я долженъ взять всѣхъ съ собой?— спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— Я говорю, что слѣдовало бы подумать объ этомъ. Если вы можете свободно переправиться черезъ рѣку, почему бы другимъ не попробовать этого же? Я знаю, что это вамъ не приходило со-

всѣмъ въ голову, обдумайте же теперь все, пока еще не поздно. Они вѣдь надѣются на насъ, дорогой, мы не можемъ бросить ихъ. Мы должны пожалѣть ихъ, они, право, заслуживаютъ этого.

Слова ея поразили его, и онъ невольно спросилъ себя, что онъ можетъ возразить противъ ея предложенія. Вѣдь французскія шлюпки еще стоятъ у берега въ саду дворца. Почему бы всѣмъ этимъ несчастнымъ, запертымъ во дворцѣ, не отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Бонапарту? Дѣйствительно, мысль объ этомъ не приходила ему въ голову; теперь онъ всецѣло предался заботѣ, какъ бы исполнить ее.

— Я прежде всего переговорю съ Дженси, — сказалъ онъ, выходя изъ комнаты.

Она осталась одна и опустилась на колѣни, чтобы помолиться за него.

Старикъ Дженси былъ раненъ пулей въ колѣно и лежалъ на травѣ, медленно прихлебывая изъ кубка воду и проклиная веронскихъ жителей на трехъ языкахъ. Когда пришелъ Гастонъ и сообщилъ ему планъ Беатрисы, послѣдній такъ поразилъ старика своею неожиданностью и простотою, что онъ даже прослезился и совершенно забылъ о своей ногѣ.

— Боже мой,—воскликнулъ онъ,—я, право же, не достоинъ даже поцѣловать подолъ ея платья. Конечно, надо будетъ взять ихъ съ собой, графъ, и какъ это только намъ раньше не пришло въ голову? Помогите мнѣ встать на ноги, чтобы я все лучше могъ обдумать. Чортъ побери человѣка, прострѣлившаго мнѣ ногу, которая мнѣ какъ разъ такъ нужна теперь! Она говоритъ, что крѣпость должна будетъ защищать насъ, совершенно вѣрно, да благословитъ ее Богъ за эту счастливую мысль. Вы бы, графъ, сейчасъ собрали всѣхъ этихъ господъ и объявили имъ объ этомъ, пока мы здѣсь приготовимъ все съ своей стороны. Сегодня ночью мы еще, пожалуй, доберемся до Падуи, если у насъ хватитъ мужества.

Гастонъ быстро удалился, и, минуту спустя, уже собиралъ всѣхъ находящихся во дворцѣ, какъ гостей, такъ и слугъ, а между тѣмъ Дженси ломалъ себѣ голову, какъ бы лучше выполнить планъ, придуманный умной женщиной. Онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что имъ удастся перебраться черезъ рѣку, но онъ думалъ о томъ, какъ бы, благодаря какой нибудь хитрости, устроить эту переправу, какъ можно лучше, и эта мысль такъ заняла его, что онъ даже забылъ про свою больную ногу. Было уже четыре часа утра, небо было пасмурно, шелъ мелкій дождикъ, нѣсколько лодокъ, атаковавшихъ ночью дворецъ, все еще сновали взадъ и впередъ по рѣкѣ, но сидѣвшіе въ нихъ, очевидно, уже не рѣшались предпринимать что либо, а просто оставались тамъ изъ любопытства, чтобы посмотрѣть, что будетъ дальше. Дѣло въ томъ, что эта толпа, какъ и всякая безсмысленная случайная толпа, вовсе не желала

рисковать собственной шкурой, и какъ только она узнала, что дворецъ защищается вооруженными людьми, она сразу остыла и стала ждать благопріятнаго случая для своего нападенія. Вѣдь, въ сущности, и помимо этихъ людей во дворцѣ было еще достаточно другихъ французовъ во всемъ городѣ, въ домахъ и особенно въ церквахъ. Одинъ за другимъ, всѣ заговорщики отходили отъ большихъ воротъ и небольшими группами, съ кинжалами въ рукахъ, отправлялись въ городъ на поиски жертвъ. Во дворцѣ объ этомъ узнали, потому что пересталъ раздаваться гулъ голосовъ за воротами, и, конечно, порадовались, что хоть съ этой стороны опасность на время миновала. На рѣкѣ же непріятельскія лодки продолжали сновать попрежнему, такъ что старый Дженси велѣлъ поднять себя, чтобы лучше сосчитать эту вражескую флотилію и соотвѣтственно этому уже составить планъ бѣгства.

— Надо будетъ прибѣгнуть къ хитрости, дѣти мои,—говорилъ онъ,—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Посмотрите, на этотъ разъ они всѣ вооружены ружьями, и намъ нечего ждать пощады, если мы отважимся прямо выплыть имъ навстрѣчу. Но во всякомъ случаѣ не будемъ ждать, пока они первые нападутъ на насъ. Мнѣ понадобится теперь двадцать человѣкъ изъ васъ, выберите ихъ сами, но помните, что васъ ждетъ почти вѣрная смерть.

Затѣмъ онъ объявилъ имъ, что рѣшилъ сдѣлать такъ. Двадцать человѣкъ сядетъ въ одинъ изъ катеровъ и поплыветъ по направленію къ крѣпости св. Феликса, чтобы отвлечь на себя все вниманіе непріятеля, а въ это время остальные катера съ своимъ беззащитнымъ экипажемъ постараются переплыть на ту сторону рѣки. Нечего и говорить, что люди въ первомъ катерѣ подвергнутся смертельной опасности, такъ какъ непріятель, конечно, будетъ стрѣлять въ нихъ. Несмотря, однако, на то, что въ послѣднемъ никто не сомнѣвался, желающихъ ѣхать именно въ этомъ катерѣ нашлось такъ много, что рѣшено было прибѣгнуть къ жребію. Когда черезъ нѣсколько времени Гастонъ вернулся, онъ засталъ уже все въ порядкѣ: двадцать человѣкъ во главѣ съ сержантомъ Дженси сидѣли уже въ первомъ катерѣ, остальные стояли на берегу, держа наготовѣ свои ружья.

— Хромой человѣкъ можетъ видѣть и командовать, хотя онъ и не можетъ ходить, — весело крикнулъ Дженси Гастону. — Мы поѣдемъ вдоль теченія и обогнемъ выступъ рѣки, а вы въ это время разсаживайтесь по лодкамъ и поѣзжайте съ Богомъ. Только смотрите, не сажайте слишкомъ много заразъ, чтобы не потопить лодокъ. Я увѣренъ, что въ крѣпости увидятъ, что мы дѣлаемъ, и поспѣшатъ къ намъ на помощь. Я нарочно ѣду впередъ, чтобы поспѣть съ вами потомъ встрѣтиться на томъ берегу. Однако, если намъ суждено больше не встрѣчаться, то да благословитъ васъ Богъ, но я все же, откровенно говоря, вѣрю въ свою счастливую звѣзду и вѣрю въ то, что мы еще увидимся съ вами.

Онъ протянулъ свою грубую, загорѣлую руку. Гастонъ пожалъ ее съ большимъ чувствомъ. Затѣмъ Дженси скомандовалъ «впередъ», и лодка быстро помчалась по направленію къ крѣпости.

Гастонъ въ это время уже успѣлъ предупредить всѣхъ гостей Беатрисы о томъ, что онъ собирается предпринять для ихъ спасенія; онъ ходилъ изъ комнаты въ комнату, уговаривая и успокоивая всѣхъ, и, наконецъ, собралъ ихъ всѣхъ въ саду. Въ это время катеръ, на которомъ ѣхалъ Дженси, уже обогнулъ изгибъ рѣки и скрылся изъ виду, но, очевидно, онъ достигъ своей цѣли и отвлекъ вниманіе непріятеля, такъ какъ сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ раздался ружейный залпъ. Въ отвѣтъ на этотъ залпъ раздалась правильная перестрѣлка: повидимому, люди Дженси не теряли времени и стрѣляли въ свою очередь. Гастонъ въ душѣ порадовался этому, но тутъ же увидѣлъ, что имъ грозитъ новая опасность: множество лодокъ, привлеченныхъ шумомъ выстрѣловъ, отдѣлилось отъ берега, направляясь къ мѣсту происшествія; каждая минута была дорога, онъ долженъ былъ спѣшить съ переправой своихъ пассажировъ, если не хотѣлъ подвергнуть ихъ новой опасности.

— Мы должны трогаться въ путь, Джеромъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ молодому офицеру, стоявшему рядомъ съ нимъ, — покажите намъ дорогу и скорѣе разсаживайте всѣхъ въ лодки, чтобы какъ можно скорѣе плыть къ тому берегу пока еще есть время, я же съ своей стороны еще постараюсь задать баню непріятелю.

Молодой французъ быстро вскочилъ въ первый попавшійся катеръ, посадилъ туда дюжину мушкетеровъ и предложилъ близъ стоявшимъ женщинамъ садиться тоже быстрѣе въ катеръ. Бѣдныя женщины, большею частью, еще молоденькія существа, которыя только и думали всю свою жизнь о веселіи и танцахъ, теперь же блѣдныя и перепуганныя, въ эту минуту поняли, что такое смертельная опасность. Трудно передать чувства, волновавшія ихъ, когда онѣ садились въ лодку, поддерживаемыя грубыми солдатскими руками, владѣтели которыхъ старались ободрить и развеселить ихъ. Но вотъ лодка полна, она отчалила отъ берега и понеслась быстро, какъ стрѣла, по направленію къ противоположному берегу.

Много глазъ слѣдило за этой лодкой, но никто не привѣтствовалъ ея такъ радостно, какъ небольшая шлюпка, вдругъ отчалившая отъ берега немного ниже крѣпости и наполненная разнымъ сбродомъ, который уже давно поджидалъ здѣсь вѣрную добычу.

Эти люди до сихъ поръ сидѣли въ кабакѣ, но, привлеченные выстрѣлами, они бросились къ своей лодкѣ и увидѣли, что напротивъ въ саду дворца аристократы собираются разсаживаться

по лодкамъ и плыть на ту сторону. Они подстерегли лодку и подпустили ее совершенно близко, а затѣмъ вдругъ сразу атаковали ее, когда всѣ уже думали, что она почти въ безопасности. Это смѣлое нападеніе и, повидимому, предстоящій полный успѣхъ сразу ободрили и другихъ негодяевъ, всѣ они бросились въ первыя попавшіяся суденышки, чтобы плыть къ мѣсту происшествія. Хитрость стараго Дженси, повидимому, не удалась. Бѣдныя, беззащитныя женщины были окружены теперь со всѣхъ сторонъ разъяренными извергами, жаждавшими ихъ крови. Съ берега, гдѣ остались стоять остальные гости Беатрисы, раздавались отчаянные крики, поощрявшіе ихъ двигаться какъ можно скорѣе впередъ. Гастонъ подумалъ, что все потеряно, и сердце его забилось отъ состраданія къ этимъ несчастнымъ, но онъ ошибся: старые ветераны и предводительствующій ими Джеромъ не растерялись: они схватили свои ружья и стали стрѣлять въ своихъ преслѣдователей, прицѣливаясь какъ можно лучше; результатомъ этого залпа было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ среди непріятелей, но зато и нѣсколько изъ нихъ поплатились жизнью за свое мужество.

Нечего и говорить о томъ, съ какимъ напряженіемъ слѣдили оставшіеся на берегу за судьбой своихъ товарищей по несчастью; они стояли подъ дождемъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода и отъ страха.

Что касается Гастона, никогда еще онъ не испытывалъ чувства такой отвѣтственности, какъ въ этотъ знаменательный день. Онъ не зналъ, на что рѣшиться, продолжать ли переправу на тотъ берегъ, или же снова скрыться во дворцѣ, чтобы защищаться въ немъ до послѣдней возможности; рѣшеніе этого вопроса зависѣло всецѣло отъ него. Беатриса сказала ему:

— Дѣлайте, какъ найдете нужнымъ, Гастонъ.

Его соотечественники тоже не знали, что лучше посовѣтовать. Онъ долженъ былъ рѣшить одинъ за всѣхъ.

— Если бы мы могли дать сигналъ въ крѣпость,—повторялъ онъ не разъ.—Не понимаю, почему они не слышатъ насъ. Неужели Эмили занялъ крѣпость, или тамъ случилось что нибудь другое?

И затѣмъ, обращаясь къ окружающимъ, онъ спросилъ:

— Какъ по-вашему, господа, что лучше: оставаться здѣсь, или попробовать перебраться на ту сторону?

Всѣ рѣшили въ одинъ голосъ, что лучше рисковать переправой. Но когда онъ оглядѣлся кругомъ, увидѣлъ рыдающихъ женщинъ, увидѣлъ точно окаменѣлое лицо Беатрисы, ему показалось, что онъ переживаетъ самый трудный часъ въ своей жизни. Онъ хорошо сознавалъ, что, если переправа не удастся, его будутъ упрекать въ томъ, что они не остались во дворцѣ; если наоборотъ будетъ взятъ приступомъ дворецъ, его станутъ упрекать за то, что онъ не рѣшился на переправу.

Наконецъ онъ рѣшился и велѣлъ приготовить остальныя лодки.

— Друзья мои,—сказалъ онъ,—другого выхода нѣтъ, разсчитываю на васъ, что вы будете благоразумны, поможете мнѣ устроить все, какъ слѣдуетъ.

Всѣ съ облегченіемъ выслушали его рѣшеніе, всякій рискъ былъ пріятнѣе, чѣмъ эта неизвѣстность; онъ отобралъ нѣсколько человѣкъ солдатъ, посадилъ ихъ въ третью лодку и посадилъ туда же около двадцати женщинъ; лодка сейчасъ же отвалила отъ берега. Оставалась только еще одна лодка и сто человѣкъ на берегу, изъ нихъ каждый просилъ, чтобы его взяли въ эту лодку. Когда послѣдняя лодка тоже была уже полна, Гастонъ обернулся къ Беатрисѣ и сказалъ:

— Есть еще одно мѣсто: сядьте въ лодку, Беатриса, вы знаете, что вы успокоите этимъ меня.

Она покачала головой и тихо шепнула ему:

— Нѣтъ, мы лучше останемся вдвоемъ тамъ, гдѣ мы есть.

Лодки поплыли по направленію къ крѣпости, появленіе ихъ вызвало крикъ восторга у нападавшихъ негодяевъ; съ дикими воплями окружили они лодку съ беззащитными женщинами, и невольно у оставшихся на берегу мелькнула мысль, что насталъ конецъ, и несчастныя сейчасъ очутятся въ водѣ. Но въ эту секунду въ дѣло вмѣшалась наконецъ артиллерія крѣпости, молчавшая такъ долго. Комендантъ крѣпости видя, что и на водѣ вспыхнули схватки, рѣшилъ положить конецъ этому и приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, не разбирая, попадутъ ли ядра въ друзей или въ враговъ, и первое же ядро попало прямо въ лодку, гдѣ сидѣли инсургенты, и разбило ее въ щепки; сидѣвшіе въ ней бросились въ воду, испуская дикіе крики. На водѣ поднялся невообразимый переполохъ, всѣ старались скрыться, кто куда могъ, такъ какъ ядра со свистомъ летѣли во всѣхъ направленіяхъ, не щадя ни праваго ни виноватаго. Но это еще не все: въ самый разгаръ сумятицы изъ-за поворота рѣки показалась вдругъ лодка, въ которой сидѣли только старикъ и дѣвушка, послѣдняя стояла на кормѣ и говорила всѣмъ попадавшимся ей навстрѣчу. «Бонапартъ въ городѣ, спасайтесь!» Слова эти произвели еще большее впечатлѣніе, чѣмъ пушки крѣпости; въ одно мгновеніе ока они облетѣли почти все населеніе Вероны; никто не думалъ о томъ, чтобы провѣрять ихъ достовѣрность: настолько былъ великъ страхъ передъ этимъ магическимъ именемъ. Всѣ спѣшили укрыться, кто куда могъ, и, нѣсколько минутъ спустя, на водѣ остались только шлюпки съ французами, уже подплывавшія къ противоположному берегу, къ крѣпости. Слова, сказанныя этой женщиной, спасли ихъ отъ гибели. Гастонъ, всматриваясь въ нее, понялъ, что это не кто иной, какъ Біанка Пезаро, и сообщилъ объ этомъ Беатрисѣ; она низко склонила голову и въ душѣ простила все этой дѣвушкѣ за ея хитрость, спасшую жизнь столькимъ людямъ.

Комендантъ крѣпости, которому былъ данъ приказъ Валландомъ, чтобы отнюдь не выводить гарнизона за предѣлы крѣпостного вала, до сихъ поръ не принималъ никакого участія въ подавленіи бунта, такъ какъ и не догадывался даже о размѣрахъ его, но когда ему доложили, въ чемъ дѣло, и онъ увидѣлъ лодки, переполненныя спасавшимися французами, онъ сейчасъ же прекратилъ пальбу и выслалъ сто пятьдесятъ лучшихъ стрѣлковъ, чтобы встрѣтить ихъ на берегу и проводить подъ охраной въ крѣпость, гдѣ они могли быть въ полной безопасности. Послѣдними вошедшими въ ворота крѣпости оказались Гастонъ и маркиза де-Санъ-Реми. Они послѣдними отчалили также отъ берега, гдѣ стоялъ дворецъ, и то они сѣли въ лодку только послѣ того, какъ принесли туда Джіованни, еще очень слабаго, но жизнь котораго была въ безопасности, какъ подтвердилъ это опять присутствовавшій при этомъ врачъ. Гастонъ и Беатриса велѣли снести Джіованни въ лодку, послѣ чего сѣли въ нее сами, въ послѣдній разъ оглянувшись на только что покинутый дворецъ, который неминуемо долженъ былъ сдѣлаться жертвой разъяренной толпы. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ: не успѣла отчалить послѣдняя лодка съ французами, какъ уже нашлись смѣльчаки, которые перелѣзли черезъ ворота, никѣмъ теперь не защищаемыя, открыли ихъ, и во дворъ ворвалась вся толпа, ринувшаяся сейчасъ же во дворецъ, въ которомъ скоро было разграблено все до тла. Этотъ фактъ настолько разстроилъ Беатрису, что на глазахъ ея выступили слезы, которыхъ не было тамъ въ минуту смертельной опасности.

— Вотъ чѣмъ все должно было кончиться,—сказала она, нѣжно сжимая руку Гастона и отворачиваясь отъ него, чтобы скрыть свои слезы,—я не могу винить свой народъ за это, потому что онъ слишкомъ долго терпѣлъ цѣлый рядъ униженій и бѣдствій, но больше я не въ силахъ выносить всего этого.

— Да и не зачѣмъ, Беатриса,—отвѣтилъ ей Гастонъ,—передъ нами весь міръ. Мнѣ кажется, въ каждой жизни бываетъ нѣчто подобное, но потомъ вслѣдъ за горемъ должно наступить мирное, радостное время. Если хотите, мы поѣдемъ съ вами въ Римъ; ни Верона, ни Венеція не могутъ быть больше вашей родиной.

— Да, Гастонъ,—отвѣтила она,—но что же вы будете дѣлать съ собой? Вѣдь не можете же вы пожертвовать своей блестящей карьерой ради меня, вы должны продолжать ее, чтобы служить человѣку, генія котораго нельзя отрицать. Я теперь вижу, что мы были слишкомъ неблагоразумны и отвергли его дружбу, мы должны поплатиться теперь за это. Будьте же счастливы, мой другъ, забудьте меня и идите туда, куда васъ зоветъ честь ваша и слава.

— Какъ, Беатриса, вы этого хотите? Повторите мнѣ это еще разъ, тогда я только повѣрю вамъ, но вы молчите, что мнѣ до славы, когда сердце мое наконецъ заговорило? Неужели я буду

жить во Франціи, когда душа моя въ Римѣ? Нѣтъ, Беатриса, я посвящу себя теперь югу: гдѣ вы, тамъ и я. Запретите мнѣ находиться въ вашемъ присутствіи, я буду издали слѣдовать за вами, но покинуть васъ я не въ силахъ.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ея руки, будучи не въ силахъ говорить дальше.

XXXI.

Двадцать четыре часа спустя послѣ того, какъ въ Веронѣ инсургенты выпустили послѣдній выстрѣлъ, Вильтаръ разгуливалъ по двору дворца дожа въ Падуѣ, и по лицу его и жестамъ было видно, какъ его мучитъ любопытство узнать, что происходитъ въ эту минуту въ стѣнахъ этого дворца.

Это былъ знаменательный день. Послы изъ Венеціи цѣлый часъ уже сидѣли, запершись съ Бонапартомъ, и все еще не уходили отъ него. Адъютанты, сновавшіе по всѣмъ направленіямъ по двору дворца, не могли ничего разсказать Вильтару, такъ какъ сами они не присутствовали въ той комнатѣ, гдѣ происходило совѣщаніе. А, между тѣмъ, Вильтаръ сгоралъ отъ нетерпѣнія узнать рѣшеніе Бонапарта относительно судьбы Венеціи. Будетъ ли этотъ городъ подвергнутъ разрушенію, или дѣло кончится мирнымъ путемъ? Вильтаръ не вѣрилъ въ послѣднее, онъ слишкомъ хорошо подтасовалъ свои карты, сначала онъ написалъ изъ Венеціи длинное письмо, въ которомъ подробно излагалъ всѣ страданія и мученія своихъ соотечественниковъ въ этомъ городѣ, потомъ онъ много толковалъ о томъ, что честь арміи требуетъ мщенія, а затѣмъ, вѣдь благодаря только его проискамъ, устроена была эта бойня французовъ въ Веронѣ. Нѣтъ, Жозефу Вильтару нечего было опасаться, что замыселъ его не удастся. Вѣдь къ этому онъ стремился съ той минуты, какъ Бонапартъ выбралъ его своимъ эмиссаромъ въ Венеціи. Ему долго пришлось ждать, и теперь онъ вѣрилъ въ то, что терпѣніе его будетъ вознаграждено. Теперь во дворцѣ послы дожа: Лоренцо, Пезаро и Ренальди, навѣрное, чуть ли не на колѣняхъ, молятъ пощадить несчастный городъ. Развѣ можно было сомнѣваться въ томъ, какой отвѣтъ имъ дастъ Бонапартъ? Изрѣдка изъ открытаго окна доносился его грозный, сердитый голосъ. Затѣмъ послышались чьи-то рыданія, очевидно Пезаро умолялъ не губить его бѣдной родины. Вильтаръ смѣялся, прислушиваясь къ этимъ рыданіямъ, и, остановивъ генерала Моро, проходившаго въ эту минуту по двору, онъ началъ разспрашивать того, не знаетъ ли онъ чего нибудь.

— На разсвѣтѣ мы выступаемъ,—отвѣтилъ ему генералъ:—не знаю, чтобы что нибудь могло помѣшать намъ. Валландъ отправляется въ Верону съ десятью тысячами войскъ. Въ Венеціи мы, вѣроятно, не встрѣтимъ никакого сопротивленія, такъ какъ, гово-

рятъ, дожъ уже укладываетъ свои вещи, а сенатъ готовится слѣдовать за нимъ. Но я все же надѣюсь, что гнѣвъ Бонапарта еще смягчится немного, вѣдь не забудьте, что на свѣтѣ есть только одна Венеція.

— Да, это вѣрно,—отвѣтилъ Вильтаръ улыбаясь:—конечно, слѣдуетъ щадить, напримѣръ, произведенія искусства, мы должны отвезти въ Парижъ всѣ ихъ картины и статуи, въ паллацо Бурано я уже облюбовалъ себѣ одну картину Тиціана. Не мѣшаетъ и вамъ выбрать себѣ что нибудь. Впрочемъ, шутки въ сторону, пора вообще покончить съ этимъ.

— Да, это дѣло рѣшенное,—отвѣтилъ Моро:—мы выступаемъ на разсвѣтѣ, а вы вѣдь знаете, что это значитъ. Но, во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что все обойдется какъ нибудь. Да, между прочимъ, слышали вы, что вашъ другъ Гастонъ де-Жоаезъ здѣсь въ гостиницѣ «Золотыхъ роговъ»? Мы всѣ считали его уже мертвымъ. Я иду къ генералу доложить объ этомъ.

Вильтаръ былъ очень удивленъ. Онъ тоже полагалъ, что Гастонъ погибъ въ Веронѣ; онъ сдѣлалъ видъ, что обрадовался этому извѣстію, и сказалъ:

— Не можетъ быть! Вотъ-то порадовали меня, генералъ. Вы говорите, что онъ въ гостиницѣ «Золотыхъ роговъ», я сейчасъ же отправлюсь къ нему.

— Въ такомъ случаѣ передайте мой привѣтъ также и маркизѣ де-Санъ-Реми.

— Вы хотите сказать этимъ, что она съ графомъ?

— Такъ говорятъ. Вы знаете вѣдь, что дѣло безъ женщины не обходится,—добавилъ онъ шутя.

Лицо Вильтара омрачилось, онъ не выдержалъ и сказалъ:

— Эта женщина очень опасна для насъ въ данную минуту. Бонапарту она нравится, она такъ умна и находчива. Я готовъ бы дать тысячу луидоровъ, только бы не слышать вашихъ вѣстей.

— Въ такомъ случаѣ сдѣлайте видъ, что не слышали ихъ,—отвѣтилъ ему генералъ, смѣясь и направляясь во дворецъ.

Вильтаръ продолжалъ ходить по двору съ видомъ человѣка, которому нанесли ужасный ударъ. Хотя онъ и былъ увѣренъ въ томъ, что его дѣло еще не потеряно, тѣмъ не менѣе онъ готовъ былъ сдѣлать что угодно, только бы не допустить Гастона къ Бонапарту. Онъ не зналъ, ѣхать ли ему самому къ нему, или послать кого нибудь, какъ вдругъ большія ворота распахнулись, и показались венеціанскіе послы. Ихъ лица были такъ грустны, они имѣли такой убитый видъ, что Вильтаръ сразу же понялъ, что дѣло ихъ проиграно, и воспрялъ духомъ.

— Вотъ и конецъ всей комедіи,—сказалъ онъ, когда они проходили мимо него.

Въ эту минуту въ дверяхъ показался Бонапартъ, который обратился къ посламъ со слѣдующими словами:

— Господа, помните, что я враждую съ Венеціей, но не съ вами. Если вы пожелаете воспользоваться моимъ гостепріимствомъ, милости прошу, считайте себя во дворцѣ моемъ, какъ дома; вы пріѣхали издалека и, вѣроятно, нуждаетесь въ подкрѣпленіи.

Ренальди со слезами на глазахъ отвѣсилъ низкій поклонъ и объявилъ, что тотчасъ же долженъ вернуться домой. Лоренцо, волоча въ пыли свое великолѣпное одѣяніе, дрожалъ весь, какъ въ лихорадкѣ. Цезаро поблагодарилъ Бонапарта, но не принялъ его предложенія и отвѣтилъ ему твердо и съ достоинствомъ.

— Я не могу воспользоваться гостепріимствомъ врага моего отечества.

Они поѣхали всѣ втроемъ по направленію къ гостиницѣ, гдѣ остановились. Бонапартъ посмотрѣлъ имъ задумчиво вслѣдъ и затѣмъ спросилъ, обращаясь къ Вильтару, что ему нужно. Вильтаръ быстро рѣшился и спросилъ его:

— Итакъ, значитъ, мы выступаемъ на разсвѣтѣ, генералъ?

— Да, на разсвѣтѣ.

— Слава Богу,—воскликнулъ Вильтаръ:—дни нерѣшительности миновали.

— Лучше благодарите простую случайность,—отвѣтилъ Бонапартъ и прибавилъ:— я пойду въ гостиницу «Золотыхъ роговъ». Хотите пойти со мной?

Вильтаръ быстро взглянулъ на него, какъ бы собираясь что-то сказать, но, при видѣ лица Бонапарта, счелъ за лучшее благоразумно промолчать. Онъ понялъ, что въ эту минуту онъ безсиленъ и долженъ молча покориться тому, что готовитъ ему судьба.

«Дѣло никогда не обойдется безъ женщины», сказалъ онъ когда-то своему другу Гастону, и вотъ именно эту женщину и Бонапартъ собирался навѣстить теперь. Маркиза де-Санъ-Реми не собиралась еще пока въ Римъ, она не думала о собственной безопасности, она нарочно пріѣхала въ Падую, чтобы попробовать еще разъ спасти Венецію отъ гнѣва Бонапарта. Гастонъ въ этомъ вполнѣ сочувствовалъ ей, такъ какъ надѣялся, что, добившись прощенія своего родного города, она, наконецъ, будетъ считать себя въ правѣ вполнѣ отдаться своему чувству, не думая больше о судьбѣ своихъ соотечественниковъ.

Они вмѣстѣ пріѣхали изъ Вероны, при чемъ по дорогѣ не испытали никакихъ приключеній и препятствій, и какъ только прибыли въ гостиницу, Гастонъ сейчасъ же послалъ во дворецъ къ Бонапарту, чтобы попросить у него аудіенціи для маркизы де-Санъ-Реми. Въ отвѣтъ на это посланіе Бонапартъ отправился самъ въ гостиницу, къ огорченію Вильтара, молча слѣдовавшаго за нимъ.

Гастонъ стоялъ въ дверяхъ гостиницы въ моментъ прибытія онапарта, и встрѣча ихъ была самая радостная, какъ будто два ата встрѣтились послѣ долгой разлуки. Затѣмъ Бонапартъ спро-

силъ о Беатрисѣ. Здорова ли она, не потерпѣла ли она въ ту ужасную ночь въ Веронѣ? Она сдѣлала много для французовъ въ Веронѣ, и онъ готовъ вознаградить ее, чѣмъ она хочетъ, за оказанную ему услугу. Гастонъ отвѣтилъ, что Беатриса въ саду гостиницы, гдѣ она отдыхаетъ послѣ утомительнаго путешествія, и что она безмѣрно будетъ рада видѣть человѣка, котораго «уважаетъ такъ глубоко». Бонапартъ тотчасъ же отправился въ садъ.

Онъ вышелъ оттуда, два часа спустя. Венеція была спасена, благодаря женщинѣ, пожертвовавшей ей такъ многимъ и выстрадавшей столько изъ-за нея.

Да, Беатриса спасла Венецію. Стоя въ саду, окруженная розами и жасминомъ, она прямо смотрѣла въ глаза человѣка, котораго научилась бояться вся Европа, и говорила ему:

— Какъ будутъ судить о васъ, если вы допустите подобную вещь? Какая вамъ будетъ польза оттого, что имя ваше будетъ погребено вмѣстѣ съ развалинами Венеціи? Пощадите этотъ несчастный народъ, пусть скажутъ, что Венеція возродилась, благодаря вамъ. Вѣдь вы потомъ ничѣмъ не исправите того, что намѣрены сдѣлать завтра; сегодня еще есть время. Я молю Бога о томъ, чтобы завтра уже не было слишкомъ поздно.

Голосъ ея звучалъ, какъ музыка, слова ея опьяняли его. Развѣ онъ не могъ обойтись безъ Венеціи, этой крошечной жемчужины въ его коронѣ? Развѣ ему не все равно, будутъ ли разрушены или сохранены дома этого жалкаго народца? Ея слова произвели на него магическое дѣйствіе. Да, ради нея онъ откажется отъ мысли уничтожить Венецію и за это получитъ право поцѣловать ея руку. Цѣлая нація была спасена въ эту минуту, сама не сознавая того.

Затѣмъ онъ уѣхалъ, и тотчасъ во дворцѣ былъ отданъ новый приказъ:

«Графъ де-Жоаезъ назначается губернаторомъ города Венеціи, маркиза де-Санъ-Реми отправляется вмѣстѣ съ нимъ».

Первый поздравить съ побѣдой явился, конечно, Вильтаръ, низко склонившій колѣни передъ очаровательной маркизой.

Беатриса, обнимая наединѣ Гастона, передала ему свой разговоръ съ Бонапартомъ:

— Я спасла свой народъ, теперь я спокойна,—сказала она,—теперь я могу отдохнуть.

Онъ нѣжно въ губы поцѣловалъ свою будущую жену, сжимая ее въ объятіяхъ.

. .

. .

КОНЕЦЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

АВГУСТЪ, 1906 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1906 г.

МАРФА ВАСИЛЬЕВНА СОБАКИНА.

Съ фамильнаго портрета.

ЗВѢЗДА ЦЕСАРЕВНЫ [1].

(1710—1734 г.).

XV.

НАСТУПИЛА масленица, любимый русскій зимній праздникъ, съ ясными морозными днями и томными лунными ночами. Мчались по всѣмъ русскимъ городамъ и деревнямъ рѣзвыя тройки, подгоняемыя веселымъ свистомъ бича и звонкими пѣснями, по длиннымъ улицамъ и по необозримымъ полямъ снѣжныхъ пустынь, ныряя изъ сугроба въ сугробъ, съ жизнерадостной, разрумяненной морозомъ, молодежью, до самозабвенія опьяненной быстротою ѣзды, виномъ, любовнымъ жаромъ, потребностью забыть на время всѣ невзгоды и хоть нѣсколько дней пожить грѣшною, беззаботною жизнью, передъ наступленіемъ длинныхъ, томительныхъ недѣль молитвы и поста.

А во всѣхъ церквахъ уже шла покаянная служба, и добрые христіане, со вздохомъ отвертываясь отъ соблазна, степенною поступью проходили въ храмы, не оборачиваясь къ мчавшимся мимо нихъ, съ громкимъ гиканьемъ и звонкимъ смѣхомъ, широкимъ санямъ, непрерывной вереницей обгонявшимъ другъ друга.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 5.

И сливался мрачный перезвонъ колоколовъ домовъ молитвы съ грѣховными бѣсовскими ликованіями.

Въ монастырѣ Саввы преподобнаго, что̀ близъ города Звенигорода, отошла вечерня. Наступилъ вечеръ. Братія расходилась по своимъ кельямъ, чтобъ отдохнуть и прибраться передъ ужиномъ, а братъ привратникъ уже заперъ тяжелымъ замкомъ ворота, когда все ближе и ближе раздававшійся звонъ колокольчика заставилъ его прислушаться и съ недоумѣніемъ спросить себя:

— Кого это намъ Господь посылаетъ въ такую позднюю пору?

Къ воротамъ подъѣхала, поставленная на полозья и обитая снаружи рогожей, просторная кибитка, запряженная тройкой добрыхъ коней; съ козелъ слѣзъ одѣтый въ теплый тулупъ кучеръ и постучался кнутовищемъ въ ворота.

Отодвинувъ заслонку у слюдяного окошечка, прорубленнаго въ воротахъ, привратникъ высунулъ изъ него свое поросшее бородой лицо, съ надвинутой на лобъ порыжѣвшей скуфейкой, и спросилъ:

— Кто вы такіе? Зачѣмъ васъ къ намъ принесъ Господь?

— Свои. Къ о. Өедору пріятели, изъ лѣса.

— Иванъ Васильевичъ? — продолжалъ свой допросъ привратникъ.

— Я самый и есть,—взволнованнымъ голосомъ объявилъ пріѣзжій, выскакивая изъ кибитки и подбѣгая къ воротамъ.

Большую медвѣжью шубу онъ сбросилъ въ кибиткѣ и остался въ короткомъ мѣховомъ кафтанѣ на лисьемъ мѣху, съ бобровымъ воротникомъ и опушкой, съ бобровой шапкой на темныхъ густыхъ кудряхъ. Вслѣдъ за нимъ, не торопясь, вылѣзъ его спутникъ, высокій, худой и совсѣмъ сѣдой старикъ, въ длинномъ мѣховомъ охабнѣ и въ мѣховой, съ наушниками шапкѣ.

Ворота растворились, и навстрѣчу къ пріѣзжимъ высыпали изъ келій обитатели монастыря, молодые послушники, въ однѣхъ рясахъ и съ непокрытыми головами, а за ними степенные монахи, заинтригованные появленіемъ въ неурочный часъ неожиданныхъ гостей.

Живо разнеслось по всей обители извѣстіе, что пріѣхалъ Иванъ Васильевичъ Ветловъ навѣстить о. Өедора. Ветлова здѣсь хорошо знали, и онъ былъ здѣсь такимъ же «своимъ» человѣкомъ, какимъ былъ и покойный его другъ, Праксинъ. Его тотчасъ же повели по тропинкѣ, протоптанной въ сугробахъ, къ бѣлѣвшемуся противъ храма корпусу, въ которомъ была келья Өедора Ермилыча, а спутниковъ его, кучера и Грицка, въ трапезную, гдѣ предложили имъ раздѣться, отдохнуть и поужинать прежде, чѣмъ лечь спать въ отведенныхъ для нихъ пустыхъ кельяхъ.

Попеченіе о повозкѣ и лошадяхъ взяла на себя монастырск прислуга, и, услуживая гостямъ, угощая ихъ ужиномъ, мона ждали разсказовъ о причинѣ, заставившей ихъ покинуть въ 1

кую пору хозяйство, чтобъ явиться въ Москву. До распутицы оставалось времени немного, и раньше весны нечего было и думать возвращаться во-свояси, а всѣ эти люди слишкомъ хорошо знали деревенскую жизнь, чтобъ не понимать, какъ необходимъ хозяйскій глазъ при весеннихъ разливахъ, когда надо готовиться къ посѣвамъ. Чтобъ такимъ важнымъ дѣломъ пренебречь, должны были быть весьма важныя причины. Но и всегда несловоохотливый Грицко на всѣ разспросы молчалъ угрюмѣе обыкновеннаго, а молодой малый, справлявшій должность кучера, на все отзывался незнаніемъ.

А тѣмъ временемъ Ветловъ, оставшись наединѣ съ Ѳедоромъ Ермилычемъ, не дожидаясь его разспросовъ, повалился ему въ ноги и, рыдая, объявилъ, что онъ—несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ: жена его арестована по Шубинскому дѣлу.

— Господи Боже мой! Да когда же это могло случиться? Не дальше, какъ третьяго дня, я отъ нея имѣлъ вѣсти... Отъ кого ты объ этомъ узналъ? — внѣ себя отъ испуга и горести спросилъ старикъ.

— Сегодня ночью,—началъ свое печальное повѣствованіе Ветловъ.—Узналъ я объ этомъ совершенно случайно, чудомъ, можно сказать. Выѣхали мы въ Москву по ея вызову. Съ нарочнымъ прислала она мнѣ письмо со всѣми подробностями о бѣдѣ, случившейся съ Шубинымъ, объ отчаяніи цесаревны, и что она собирается въ Александрово, не будучи дольше въ силахъ дышать въ одномъ городѣ съ погубителями ея сердечнаго друга. И велика была, должно быть, ея печаль, когда Лизаветѣ не въ мочь стало одной съ ней оставаться, и рѣшилась меня выписать на помощь себѣ и на совѣтъ! Тотчасъ же я собрался, конечно; увязался со мной и нашъ старикъ, прознавши про здѣшнее горе: Лизавету онъ любитъ, какъ родную дочь, и нельзя было его не взять, пѣшкомъ бы ушелъ, кабы я ему отказалъ. Поѣхали, и такой намъ Господь благополучный путь послалъ, что на десятый день въѣхали въ Бѣлокаменную, сегодня утромъ, значитъ. Оставилъ я своихъ спутниковъ съ кибиткой и лошадьми на постояломъ дворѣ, а самъ побѣжалъ во дворецъ, чтобъ узнать, гдѣ цесаревна со своими близкими. Вошелъ я это во дворъ, завертываю къ тому крыльцу, что ведетъ на половину придворныхъ женщинъ, радуюсь, можетъ быть, сейчасъ мою дорогую жену увидѣть, и вдругъ вмѣсто нея бѣжитъ ко мнѣ одна изъ ея прислужницъ, вся въ слезахъ, и разсказываетъ, что этой ночью, когда мы, значитъ, подъѣзжали къ городу и остановились, чтобъ дать передохнуть лошадямъ на постояломъ дворѣ, верстахъ въ десяти отъ Москвы, Лизавету отвезли со стражей въ темницу... Что тутъ со мною было,— словъ нѣтъ сказать! Съ часъ времени бродилъ по городу, какъ помѣшанный, ничего не вижу, не слышу, не понимаю, иду, самъ не знаю

куда, кричу, самъ не знаю что... Какъ очутился я на томъ дворѣ, гдѣ своихъ оставилъ, какъ они меня усадили въ кибитку и сюда повезли, хоть убейте, сказать не могу. Дорогой немножко очухался, а какъ полились слезы изъ глазъ, и совсѣмъ вошелъ въ разумъ и первымъ долгомъ поблагодарилъ Господа, что надоумилъ старика меня къ вамъ увезти...

— Онъ знаетъ, что и мнѣ твоя Лизавета все равно, что родная,—съ глубокимъ вздохомъ замѣтилъ Ермилычъ.—Хорошій старикъ, я радъ, что ты его съ собой привезъ. И никого ты больше въ Москвѣ не видалъ?

— Кого же видѣть, когда я былъ, какъ бы въ безуміи! Надо дивиться, что я этотъ ударъ пережилъ, что у меня сердце не разорвалось съ горя!

— Тебѣ смерти желать нельзя, ты ей пуще прежняго теперь нуженъ.

— Да что мнѣ дѣлать-то? куда бѣжать? кого молить о помощи?.. Ничего самъ не могу придумать, ужъ я думалъ, думалъ, перебиралъ, перебиралъ въ умѣ всѣхъ, кого знаю, ни на комъ не могу остановиться... Если она арестована по приказанію новаго нашего антихриста Бирона, у кого найти противъ него уёмъ? Если ужъ Шубина цесаревна спасти не могла!.. Посовѣтуй, ради самого Бога поддержи ты меня! На тебя одна надежда! Совсѣмъ я ослабъ отъ отчаянія, въ одной только смерти вижу исходъ... пусть и меня куда нибудь заключатъ, пусть мучатъ и меня съ нею, пусть наши обѣ головы палачъ срубитъ, буду объ этомъ нашего злодѣя просить, какъ о милости... Какъ Петръ Филипповичъ просилъ Долгорукова передъ казнью, чтобъ только не пала его невинная кровь на голову его жены и ребенка, такъ и я буду просить, чтобъ взяли мою жизнь за ея... я имъ опаснѣе, чѣмъ она. Я съ отчаянія на все пойду... мнѣ жалѣть нечего... пусть они скорѣе меня убьютъ... чтобъ я ихъ не убилъ!—вскричалъ онъ съ возрастающимъ отчаяніемъ.

— Вспомни Бога, Иванъ!—строго вымолвилъ Ермилычъ.

— Богъ... Богъ отъ насъ отступился,—прошепталъ, низко опуская голову, молодой человѣкъ.

— Не грѣши! Никогда, можетъ быть, Онъ не былъ отъ тебя такъ близко, какъ въ эти скорбныя минуты,—продолжалъ Ермилычъ, все выше и тверже возвышая голосъ, по мѣрѣ того, какъ раскаяніе, проникая въ сердце его слушателя, вырывалось глухими рыданіями изъ наболѣвшей груди.

— Помоги! — чуть слышно проговорилъ онъ, закрывъ лицо руками.

— Ты прежде всего сердечную твою тревогу уйми да отъ злыхъ побужденій очисти сердце, тогда насъ Господь вразумитъ на борьбу съ врагами. Молись, предай себя и ее на волю Божію, моли Его направить твою волю, войти въ твою душу...

Долго говорилъ Ермилычъ въ томъ же духѣ, и мало-по-малу, подъ вліяніемъ его словъ и его теплой живой вѣры, Ветловъ успокоился, и мысли его прояснились. Тогда собесѣдникъ заговорилъ съ нимъ другимъ тономъ.

— Хорошо, что Господь надоумилъ тебя, или, лучше сказать, Грицка, привезти тебя къ намъ, да еще подъ вечеръ, когда у насъ цѣльная ночь на размышленіе да на совѣщаніе съ человѣкомъ, который можетъ тебѣ помочь...

— Кто такой? Почему ты мнѣ раньше про него не сказалъ?

— Потому, что ты и словъ бы моихъ не принялъ, въ такомъ былъ изступленіи ума. Время не ушло, пошлю за нимъ, и онъ явится. Вотъ ужъ съ мѣсяцъ, какъ онъ у насъ проживаетъ, готовится въ дальній путь, въ Соловки, чтобъ тамъ постричься въ монахи. Сошелся я съ нимъ за это время, какъ съ сыномъ духовнымъ, въ старцы онъ меня выбралъ...

— Да кто онъ такой и чѣмъ можетъ намъ помочь?—внѣ себя отъ нетерпѣнія прервалъ Ветловъ рѣчь своего стараго друга.— Не мучь меня, скажи скорѣе!

— Эхъ, Василичъ, муки твои еще только начинаются, а тебя ужъ нетерпѣніе беретъ! — укоризненно покачалъ головой Ермилычъ. — Человѣкъ этотъ служилъ лѣтъ двадцать въ Преображенскомъ приказѣ при сыскныхъ дѣлахъ, и много дѣловъ тамъ черезъ его руки прошло! Алексѣя Яковлевича, пока его въ Питеръ не увезли, онъ каждый день видѣлъ, и супругу твою, когда цесаревна посылала ее сюда, чтобъ попытаться Шубина повидать, онъ къ нему водилъ...

— Лизавета видѣлась съ Шубинымъ?! Ни слова она мнѣ про это не писала! Я даже не зналъ, что она въ Москву этой зимой пріѣзжала!

— Для чего стала бы она тебѣ про это писать? Чужія тайны никому, даже мужу, повѣрять не слѣдуетъ. Вотъ, какъ дѣло дошло до нея самой, какъ ты ей самой сдѣлался нуженъ, тогда она тебя вызвала...

— Да поздно. Знай я только все, что здѣсь у васъ творится, ни за что бы въ лѣсу не усидѣлъ... Такъ ты думаешь, что этотъ приказный намъ можетъ быть полезенъ? Въ чемъ же? Развѣ что только совѣтъ можетъ дать, къ кому мнѣ въ Петербургѣ обратиться за помощью?

— Тамъ видно будетъ. Пошлю за нимъ и потолкуемъ. Ему многое извѣстно по тому несчастному Шубинскому дѣлу, при всѣхъ допросахъ онъ присутствовалъ и показанія при пыткахъ записывалъ... Зря вѣдь хватали людей, Алексѣй Яковлевичъ никого не оговорилъ...

— Что съ нимъ сдѣлали? Куда дѣвали? — съ замирающимъ сердцемъ спросилъ Ветловъ.

— Онъ ужъ свое отстрадалъ и въ новую жизнь ссыльнаго колодника вступилъ. Пошли ему, Господи, терпѣнія и миръ душевный,—со вздохомъ отвѣчалъ Ермилычъ.

— Не удалось цесаревнѣ его спасти?

— Великъ ужъ слишкомъ за него выкупъ запросили злодѣи.

— У насъ прошелъ слухъ, будто нѣмцы хотѣли заставить цесаревну за брата Бирона замужъ выйти? Неужтожъ они и въ самомъ дѣлѣ осмѣлились ей такое безчестье предложить? Царской дочери, на которую всѣ русскіе люди, какъ на будущую императрицу, смотрятъ!—вскричалъ съ негодованіемъ Ветловъ.—А ловко придумали! Черти! Чистые черти! И какъ это они до сихъ поръ живы? Какъ это никто не надумаетъ собою пожертвовать за родину, какъ Петръ Филипповичъ собою пожертвовалъ, чтобъ открыть царю глаза на Долгорукихъ?! — прибавилъ онъ задумчиво. — И какъ это они, ей въ отместку за отказъ, до смерти Шубина не замучили? Да, можетъ быть, его ужъ давно и въ живыхъ нѣтъ...

— Онъ живъ. Палачами истерзаннаго вывезли его изъ города еще живого, а куда — неизвѣстно. Подъ чужимъ именемъ, говорятъ, чтобъ никто спасти его не могъ... Мало ли бѣжитъ народа изъ Сибири! А у цесаревны доброжелателей много.

— Это ты правду говоришь, что много, нашлись бы и у насъ такіе молодцы, которые бы не задумались пойти въ Сибирь разыскивать Шубина, изъ любви къ ней.

— Имъ его не найти.

— А сама-то она теперь гдѣ? — продолжалъ свой допросъ Ветловъ.

— Изъ Петербурга прямо въ монастырь, что возлѣ Александрова, проѣхала и поселилась тамъ до поры до времени. Одна, ни Лизаветы, ни Шуваловой съ собою не взяла, приказала имъ въ Москвѣ оставаться. Не дальше, какъ третьяго дня, писала мнѣ оттуда Лизавета Касимовна.

— А сегодня она уже въ темницѣ! Боже мой! Боже мой! Неужтожъ и ее также будутъ мучить и до смерти доведутъ!— простоналъ Ветловъ подъ наплывомъ страшныхъ представленій, отъ которыхъ ему только на короткое время удавалось освободиться. — Какъ это вынести! Можно ли не страдать, когда знаешь, что она мучится?..

— Не страдать нельзя, но при этомъ надо и дѣйствовать и быть мужчиной и русскимъ человѣкомъ, — прервалъ его Ермилычъ, поднимаясь съ мѣста, чтобъ приказать позвать приказнаго, про котораго онъ говорилъ Ветлову.

Явился высокій, худой человѣкъ, среднихъ лѣтъ, въ нанковомъ подрясникѣ и въ скуфейкѣ, съ очками въ мѣдной оправѣ на длинномъ, тонкомъ носу, поверхъ которыхъ смотрѣли острые

живые глаза. Ему изложили дѣло и спросили, что онъ совѣтуетъ предпринять.

— Вамъ, безъ сомнѣнія, было бы теперь всего желательнѣе повидаться съ вашей супругой?—спросилъ онъ, вскидывая пытливый взглядъ на Ветлова.

— А развѣ это можно? — съ живостью вскричалъ Иванъ Васильевичъ.

— Попытаться всегда можно. Водилъ же я вашу супругу на свиданіе съ Шубинымъ. И большую онѣ при этомъ силу воли и самообладанія проявили,—продолжалъ онъ.—Я, признаться сказать, раньше ждалъ на нее гоненія, вѣдь имъ извѣстно, что, благодаря ей, цесаревна ни въ чемъ имъ не уступила, и вотъ только теперь вздумали злобу свою на ней срывать. Безъ наговора тутъ не обошлось,—прибавилъ онъ.

— Кто же могъ на нее наговорить? Никому она не сдѣлала зла и такъ осторожна, что никто не можетъ похвастаться лишнее слово отъ нея услышать! Даже мнѣ, законному своему супругу, не высказываетъ она ничего лишняго, — замѣтилъ Ветловъ.— А ужъ особливо про цесаревну!

На это новый его знакомый,—звали его Захаромъ Карповичемъ,— только плечами пожалъ и объявилъ, обращаясь къ хозяину кельи, что слушалъ у нихъ вечерню звенигородскій обыватель, у котораго сестра монахиней въ женскомъ Александровскомъ монастырѣ, и что онъ отъ нея узналъ новость.

— Цесаревна гостей стала принимать. Вчера пріѣзжалъ изъ Москвы одинъ изъ пѣвчихъ ея и дольше часу въ ея кельѣ просидѣлъ.

Ермилычъ переглянулся съ Ветловымъ.

— Писаный красавецъ и съ такимъ изряднымъ голосомъ, что весь монастырь привелъ въ восхищеніе,—продолжалъ между тѣмъ Захаръ Карповичъ.—Однако, игуменья вниманіемъ къ нему цесаревны смутилась, и совѣтъ со старицами держала: доносить объ этомъ по начальству или обойти молчаніемъ?

— И что же рѣшили старицы?—спросилъ Ермилычъ.

— Рѣшили пренебречь и не доносить, чтобъ не разгнѣвать свою именитую гостью. Вѣдь имъ чѣмъ дольше она у нихъ поживетъ, тѣмъ выгоднѣе.

— А не слыхать, чтобъ пожелала постриженіе принять?

— Нѣтъ. Первое время поговаривала, что міръ ей не милъ безъ сердечнаго дружка, съ отчаянія въ монашеское платье одѣлась, ни одной службы не пропускала и никого до себя изъ мірскихъ не допускала, ну, а въ послѣднее время—видать, что затворничество начинаетъ ужъ ей прискучать, рясу сняла, прогуливается по монастырскому саду, поетъ... пока еще все больше божественное, но ужъ по всему видать, что скоро и мірскую пѣсенку

затянетъ. Нѣтъ, монахиней ей не быть, и вотъ увидите, что и въ монастырѣ нашимъ святымъ матерямъ ее долго не удержать.

— А какъ того пѣвчаго, котораго она къ себѣ принимала третьяго дня, звать?—освѣдомился Бутягинъ.

— Говорили мнѣ, да я запамятовалъ.

— Не Розумомъ ли?

— Кажется, что такъ его называли, навѣрное не помню. Голосъ у него богатѣйшій: говорятъ, что издалека съѣзжались его слушать, когда онъ осенью въ Александровской дворцовой церкви пѣлъ. Онъ—изъ украинцевъ. Въ монастырь-то онъ съ прочими мірянами къ обѣднѣ пришелъ, и, какъ увидѣла его цесаревна, приказала ему сказать, чтобъ послѣ службы онъ къ ней въ келью зашелъ... А про вашу супругу я вамъ скажу, сударь,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Ветлову,—что допустили ее до Шубина по соизволенію начальства. Надѣялись, вѣрно, что онъ будетъ просить ея высочество надъ мученіями его сжалиться и согласиться на условія его мучителя, а вышло наоборотъ: по возвращеніи вашей супруги въ Петербургъ, цесаревна пуще прежняго заупрямилась и объявила, что скорѣе приметъ смерть отъ палача, чѣмъ недостойнымъ бракомъ съ иноземцемъ свое имя царской дочери обезчеститъ. Заговорили тогда, будто самъ Шубинъ черезъ г-жу Ветлову заклиналъ ее такъ поступить, да потомъ смолкли, а вотъ теперь оказывается, что въ молвѣ той была правда, если, какъ вы изволили сказать, супругу вашу арестовали...

— Всю жизнь буду считать васъ своимъ благодѣтелемъ, если вы мнѣ доставите съ нею свиданіе!—вскричалъ Ветловъ, складывая, какъ на молитву, руки передъ этимъ человѣкомъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ совсѣмъ ему чужимъ, а теперь казавшимся ему ближе всѣхъ остальныхъ людей на свѣтѣ.

— Постараюсь, сударь мой, оказать вамъ эту услугу... послѣднюю въ міру и по мірскому дѣлу. Опоздай вы сюда пожаловать на недѣльку, вы бы ужъ меня здѣсь не застали, — возразилъ бывшій приказный,—съ благословенія о. Ѳеодора, иду въ Соловецкую обитель провести въ молитвѣ и покаяніи остатокъ дней. Много на мнѣ грѣховъ, сударь мой. Цѣлыхъ тридцать лѣтъ прожилъ я въ самомъ, такъ сказать, пеклѣ земного ада. Какихъ только ужасовъ, какихъ мученій не былъ я свидѣтелемъ! И вотъ тутъ-то и позналъ я Бога, какъ Онъ, всемилостивый, проявляетъ Себя тѣмъ, которые, познавъ Его и на милость Его уповаючи, въ мученіяхъ кончаютъ жизнь. Приведутъ человѣка, звѣрь звѣремъ отъ злобы и отчаянія, а пошлетъ ему Господь свою благодать, въ ангела обернется, о мірскомъ перестаетъ помышлять, и своей просвѣтленной, очищенной душой къ Отцу своему небесному стремится. Точно завѣса спадаетъ у него съ глазъ, видитъ одно небесное, и ничего ему не надо на землѣ, не жалко и не страшно

Нельзя, сударь, послѣ такихъ чудесъ въ безчувствіи пребывать,— прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Вѣдь и сама цесаревна находилась въ большой опасности,— сказалъ Ермилычъ,—особенно, когда стало извѣстно, что уступокъ отъ нея нельзя ждать. На совѣтѣ-то нечестивыхъ рѣшено было ее въ дальнемъ монастырѣ постричь, а друзья ея, про это прознавши, убѣдили ее самой уѣхать въ обитель и пребывать тамъ до поры до времени, пока не выяснится вопросъ о заступничествѣ за нее иностранныхъ державъ. Бояре Воронцовы за нее хлопотали передъ англійскимъ дворомъ, а Шуваловы и другіе передъ французскимъ. Что имъ удалось сдѣлать, чего добиться,— неизвѣстно въ точности, а только недѣли три послѣ того, какъ она поселилась въ монастырѣ, императрица прислала у нея спросить, не угодно ли ей перевезти въ Александровское капеллу изъ петербургскаго ея дворца. Съ предложеніемъ этимъ къ ней прислали ея духовника, и ужъ тутъ въ монастырѣ должны были догадаться, что не навсегда она въ немъ поселилась. А потомъ эти слухи смолкли, и опять стали толковать объ ея постриженіи. Все это я отъ Лизаветы Касимовны знаю, она меня безъ вѣстей не оставляла, а ужъ теперь намъ не отъ кого узнавать про то, что тамъ у нихъ дѣлается.

— Теперь намъ надо ее выслобонить изъ заточенія,—замѣтилъ Захаръ Карповичъ.

— О! если бъ намъ это удалось! Я ее такъ далеко упрячу, что никто насъ не найдетъ!—вскричалъ Ветловъ.—Когда мы съ вами поѣдемъ въ Москву?—обратился онъ къ приказному.—Хоть бы скорѣе!

— Я тамъ буду завтра до свѣту, а вы извольте здѣсь меня дожидаться: вы мнѣ своимъ присутствіемъ только руки свяжете, а Грицка вашего я, съ вашего позволенія, возьму съ собою, онъ мнѣ тамъ понадобится,—возразилъ Захаръ Карповичъ, поднимаясь съ мѣста и подходя подъ благословеніе Ермилыча.

— Вы ужъ познакомились съ нашимъ Грицкомъ?

— Я былъ въ трапезной, когда вашихъ слугъ туда монахи ввели, и ужъ по одному тому, какъ онъ молчалъ на всѣ ихъ разспросы, понялъ, что это за драгоцѣнный человѣкъ. Со мной-то онъ разговорился, когда я его къ себѣ зазвалъ, и могу васъ завѣрить, сударь, что онъ жизни не пожалѣетъ для вашей супруги, такъ беззавѣтно онъ ее любитъ и преданъ ей.

— А когда тебя назадъ ждать?—спросилъ Ермилычъ, сжалившись надъ растерянностью Ветлова.

— Этого я сказать вамъ не могу: такое дѣло, что, можетъ ть, въ часъ справлю, а, можетъ, изъ-за него придется и недѣль походить по Москвѣ.

— А если бъ такъ случилось, что вамъ не удастся ничего для него сдѣлать,—сказалъ Ермилычъ, кивая на Ветлова,—тогда ужъ мы пустимъ въ ходъ послѣднее средство, о которомъ заранѣе не стоитъ и говорить.

— Тогда видно будетъ,—подхватилъ Захаръ Карповичъ,—вѣдь и мы тоже не даромъ тридцать лѣтъ въ Преображенскомъ приказѣ служили, кое съ кѣмъ тамъ сдружились, и всѣ тамъ ходы и выходы намъ извѣстны, вездѣ добрые люди есть, и пока у человѣка голова на плечахъ, отчаиваться не для чего.

Онъ вышелъ изъ кельи, и Бутягинъ съ Ветловымъ долго молчали, прислушиваясь къ его шагамъ по гулкому коридору, къ стуку затворявшейся за нимъ тяжелой двери, а затѣмъ они смотрѣли ему вслѣдъ изъ окошка, выходившаго на залитый луннымъ свѣтомъ монастырскій дворъ, пока онъ не скрылся за корпусомъ, тянувшимся вдоль высокой стѣны, съ противоположной стороны обители.

— Молись Богу, Василичъ. Ему все возможно, и не оставитъ Онъ тебя въ скорби, когда ты на Него полагаешься,—сказалъ Ермилычъ, поднимаясь съ мѣста, чтобъ приготовить постель своему молодому пріятелю въ сосѣдней горенкѣ, служившей ему для склада вещей и книгъ.

Цѣлую недѣлю оставались они безъ вѣстей, и можно себѣ представить, какъ долго тянулось время, и какого труда стоило Бутягину поддерживать бодрость въ душѣ своего гостя. Наконецъ, явился посланецъ отъ Захара Карповича съ просьбой вооружиться терпѣніемъ: дѣло налаживается, но не такъ скоро, какъ онъ надѣялся. Надо еще съ недѣльку повременить. Лизавета Касимовна, слава Богу, здорова и не унываетъ. Ей извѣстно, что мужъ отъ нея близко, и она проситъ его не терять надежды на милосердіе Божіе.

Вотъ все, что было написано въ письмѣ, привезенномъ крестьяниномъ изъ Звенигорода, отъ неизвѣстнаго ему человѣка, который узнавъ, что ему надо везти въ монастырь солому, просилъ его передать письмо о. Ѳедору.

— Не воспользоваться ли намъ этою недѣлей, чтобъ съѣздить въ Александровское?—предложилъ Ермилычъ Ивану Васильевичу, который впалъ въ такое волненіе отъ полученныхъ вѣстей, что не зналъ, радоваться ли ему или печалиться.—Можетъ, добьемся тамъ языка, кто знаетъ!

Съ радостью согласился на это Ветловъ, и на другой день они ужъ были въ Москвѣ, передъ самой обѣдней, которую отслушали въ Успенскомъ соборѣ, а оттуда прошли пѣшкомъ къ цесаревниному дворцу, гдѣ имъ сказали, что Мавра Егоровна все въ Александровскомъ и оттуда не пріѣзжала, что и пѣвчіе туда отправились, и что о Лизаветѣ Касимовнѣ нѣтъ ни слуху ни духу. Пе[

вое время вся оставшаяся во дворцѣ прислуга дрожала отъ мысли что и за нее примутся послѣ допроса любимой камерфрау цесаревны, но до сихъ поръ никого не трогали, и люди стали мало-помалу успокоиваться. Должно быть, вся бѣда кончится на этотъ разъ гибелью одной только Лизаветы Касимовны. Очень ее было жалко, ее во дворцѣ всѣ любили, но своя рубашка ближе къ тѣлу, и приближеннымъ цесаревны пришлось навидаться такихъ страховъ съ тѣхъ поръ, какъ дѣлами государства правитъ Биронъ, что они уже привыкли къ напастямъ, и тѣ, которыхъ судьба миловала, не находили въ себѣ силъ сокрушаться о погибшихъ. А погибшими можно было считать всѣхъ замѣшанныхъ въ такъ называемое «Шубинское дѣло», самое страшное изъ всѣхъ предыдущихъ дѣлъ послѣ Долгоруковскаго. Ни одинъ изъ заподозрѣнныхъ въ сообщничествѣ съ Шубинымъ не избѣгнулъ казни или ссылки. Не даромъ все чаще и чаще народъ вспоминалъ про прежнихъ временщиковъ по мѣрѣ того, какъ усиливалось и утверждалось владычество Бирона. Злы, мстительны, безжалостны были и Меншиковы, и Долгоруковы, да только къ своимъ врагамъ, къ тѣмъ, кто ихъ ненавидѣлъ и желалъ имъ зла, а этотъ ненавидѣлъ и презиралъ весь русскій народъ, и достаточно было оставаться русскимъ и православнымъ, чтобъ возбудить противъ себя гоненіе, тѣмъ болѣе несносное и мучительное, что исходило оно отъ «чужого» по вѣрѣ и по крови и отличалось всѣми особенностями столь противной русскому духу иноземщины.

Совсѣмъ растерялись русскіе люди передъ этою новою напастью, до потери разума, и тѣ, которые не оподлѣли въ конецъ отъ страха и пристрастія къ земнымъ благамъ, попрятались по своимъ деревнямъ, притаились въ ожиданіи грядущихъ событій и рѣшенія Господа Бога: быть Россіи или не быть.

Много домовъ съ запертыми ставнями и воротами увидѣли въ Москвѣ наши пріѣзжіе изъ монастыря преподобнаго Саввы, а по улицамъ, кромѣ простого народа, никто имъ почти не встрѣчался. Рѣдко-рѣдко проѣдетъ боярская колымага съ семьей родовитаго боярина въ Божій храмъ или въ гости къ оставшимся еще въ городѣ родственникамъ или знакомымъ. Много бояръ осталось зимовать въ своихъ усадьбахъ и въ прошломъ году, а ужъ въ этомъ, послѣ бѣдствія, обрушившагося на цесаревну, и эти въ Москву не вернулись, да и много другихъ поразъѣхалось.

— Ну, а теперь мы поѣдемъ въ Александровское. Здѣсь мы все узнали, что могли узнать, и дѣлать намъ тутъ больше нечего,— сказалъ Ермилычъ, выйдя со своимъ спутникомъ изъ цесаревнина рца.

— Такъ неужтожъ мы покинемъ Москву, не попытавшись ражать Захара Карповича?—возразилъ Ветловъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, не дай намъ Богъ съ нимъ и повстрѣься: онъ за такое мудреное и опасное дѣло взялся, что мѣ-

шать ему не слѣдуетъ. При нѣмцахъ Москва кишитъ соглядатаями, и очень можетъ быть, что и за нами съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали, слѣдятъ. Съ опаской надо здѣсь жить, если хочешь живымъ и на свободѣ остаться. Вотъ зайдемъ въ харчевню да спросимъ тамъ, гдѣ бы намъ нанять возчика до Александрова,—прибавилъ онъ, повертывая въ переулокъ, въ которомъ былъ домъ съ вывѣской бѣлой харчевни.

— А какъ же монастырскія-то сани съ возницей?

— Назадъ уѣхалъ. Накормилъ лошадокъ и уѣхалъ, заживаться ему здѣсь не для чего. Назадъ въ монастырь мы на наемныхъ вернемся.

Въ тотъ же день, подъ вечеръ, они подъѣзжали ко дворцу въ Александровскомъ и, расплатившись съ возчикомъ, отправили его назадъ ко входу въ паркъ, а сами пошли пѣшкомъ къ воротамъ, которыя нашли запертыми.

Стучаться не стоило, на дворѣ не видно было ни души, а дворецъ точно вымеръ, темный и мрачный, съ заколоченными окнами. Пришлось обходить кругомъ и попытаться проникнуть въ усадьбу черезъ тѣ ворота, что̀ отворялись на деревню. Когда они туда дошли, наступила ночь, и въ крестьянскихъ избахъ горѣли огни. Виднѣлся огонь и въ длинныхъ флигеляхъ, служившихъ помѣщеніемъ для цесаревниной дворни, и чѣмъ дальше отъ дворца, тѣмъ ярче были освѣщены эти флигеля, и тѣмъ оживленнѣе проявлялась въ нихъ жизнь. Изъ одного даже явственно доносилось пѣніе нѣсколькихъ молодыхъ, звучныхъ голосовъ.

— Это у пѣвчихъ,—замѣтилъ Ермилычъ.—Мы къ нимъ и пойдемъ, у меня тамъ есть знакомые.

— И у меня тоже,—сказалъ его спутникъ, слѣдуя за нимъ къ воротамъ, которыя растворили имъ не тотчасъ послѣ того, какъ они постучались, и только послѣ того, какъ опознали въ нихъ знакомыхъ людей.

— Вамъ кого повидать-то у насъ нужно, Ѳедоръ Ермилычъ?—спросилъ привратникъ, косясь на Ветлова, который стоялъ молча и неподвижно за своимъ спутникомъ, пряча лицо въ высоко поднятый воротникъ шубы.

— Намъ бы къ пѣвчимъ пройти,—отвѣчалъ Ермилычъ.

— Пройдите, всѣхъ застанете дома. Спѣваются.

У пѣвчихъ ихъ встрѣтили далеко не дружелюбно и такъ подозрительно косились на Ветлова, что нельзя было не убѣдиться, что оба они, а въ особенности послѣдній были далеко не желанные гости. Замѣтивъ это, Ермилычъ съ первыхъ же словъ поспѣшилъ заявить, что они сюда пришли случайно: у него есть дѣльцо до Мавры Егоровны по монастырю, а Ветловъ съ нимъ увязался, чтобъ не оставаться одному въ Москвѣ, гдѣ на каждомъ шагу тоска его по женѣ усиливается отъ воспоминаній прошлаго, и

всегда утраченнаго счастья. Заявленіе это всѣхъ здѣсь успокоило, и убѣдившись, что опасныхъ выходокъ отъ пришельцевъ опасаться нечего, пѣвчіе съ минуты на минуту становились словоохотливѣе и развязнѣе, пригласили незванныхъ гостей переночевать у нихъ во флигелѣ и захлопотали объ ужинѣ.

Однако присутствіе молчаливаго и видимо страдающаго душевно Ветлова всѣхъ смущало, и разговоръ завязался о погодѣ, о наступавшей распутицѣ, долженствовавшей неблагопріятно подѣйствовать на стеченіе говѣльщиковъ въ монастырь, и тому подобныхъ предметахъ, никого изъ бесѣдовавшихъ не интересовавшихъ; всѣ, какъ хозяева, такъ и гости, избѣгали упоминать о томъ, что у нихъ было на умѣ, но наконецъ одинъ изъ менѣе сдержанныхъ проговорился о возвращеніи цесаревны изъ монастыря въ здѣшній дворецъ.

— Давно ли она сюда вернулась?—спросилъ Ермилычъ.

— Да всего только третьяго дня пріѣхала, и ей, повидимому, не желательно, чтобъ про это раньше времени болтали въ Москвѣ,— замѣтилъ товарищъ болтуна, укоризненно на него взглянувъ.

— Понятно, что чѣмъ позже про это досужіе языки узнаютъ, тѣмъ лучше будетъ,—поспѣшилъ заявить Ермилычъ.—Пусть держитъ подольше окна и ворота заколоченными, до весны сохранится тайна. Мы и сами, какъ подошли сюда да увидѣли, что и двери и окна заколочены, и что на дворѣ не видать ни души, отчаялись было и васъ здѣсь найти и прошли бы въ деревню, чтобъ про Мавру Егоровну узнать, гдѣ она проживаетъ. Въ Москвѣ намъ сказали въ цесаревниномъ дворцѣ, что она здѣсь.

Пѣвчіе переглянулись. Если ужъ тамъ этого не скрываютъ, такъ почему же имъ недовѣріе добрымъ и знаемымъ людямъ сверхъ мѣры оказывать?—читалось въ ихъ глазахъ.

— Цесаревна приказала приготовить для себя и для Мавры Егоровны тѣ покои, что̀ въ садъ со стороны службъ выходятъ, и такъ ей не желательно чужихъ видѣть, что къ ней иначе, какъ съ задняго подъѣзда, и пройти нельзя. На постороннихъ людей, кто бы они ни были, ей послѣ своего горя смотрѣть тошно, и она только съ самыми ближними находитъ отраду.

— А гдѣ же у васъ Розумъ? — спросилъ Ермилычъ, оглянувшись по сторонамъ.—Мнѣ бы надо съ нимъ повидаться. Земляковъ его изъ Лемешей я недавно видѣлъ, просили поклонъ ему передать.

Замѣшательство его собесѣдниковъ усилилось.

— Спитъ вѣрно, вѣдь ужъ поздно, а завтра надо рано для ѣвки вставать,—уклончиво отвѣтилъ одинъ изъ старшихъ, осонно подозрительно посматривавшій на Ветлова, который, усѣись на стулъ въ отдаленіи у окна, однимъ своимъ молчаливымъ исутствіемъ всѣхъ тутъ приводилъ въ смятеніе.

— Здѣсь, что ли?—продолжалъ настаивать Ермилычъ.

— Нѣтъ, здѣсь у насъ для него мѣста не нашлось, ему въ другомъ строеніи отвели помѣщеніе... Онъ вѣдь и раньше отдѣльно отъ насъ жилъ...

— Не угодно ли закусить, чѣмъ Богъ послалъ?—съ живостью подхватилъ одинъ изъ его товарищей, поднимаясь съ мѣста и приглашая гостей къ накрытому столу.—Извините за скудость трапезы,—продолжалъ онъ съ напускною развязностью, указывая на блюда и бутылки, которыми слуги уставляли этотъ столъ:—не ждали мы гостей.

Какъ въ бесѣдѣ, такъ и въ ужинѣ, Ветловъ принимать участіе отказался, и настаивать на томъ, чтобъ онъ хоть чѣмъ нибудь подкрѣпился, никто не рѣшился: всѣ понимали, что надо оставить его въ покоѣ и не усиливать его душевныхъ страданій навязчивостью. Но здѣсь всѣ уже начинали свыкаться съ мыслью о погибели Лизаветы, и присутствіе горемъ убитаго ея мужа всѣхъ стѣсняло, возбуждая въ умѣ представленія, о которыхъ хотѣлось забыть. Убѣдившись, что только въ отсутствіи его спутника удастся развязать языки и узнать то, что ему нужно было знать, Ермилычъ предложилъ ему итти отдохнуть съ дороги, не дожидаясь его.

— Ѣсть ты все равно ничего не будешь, постарайся хоть сномъ набраться силъ, чтобъ завтра пуститься въ путь,—сказалъ онъ ему.

— Пойдемте, я отведу васъ въ ту комнату, которую мы для васъ приготовили,—подхватилъ одинъ изъ хозяевъ, срываясь съ мѣста и растворяя дверь въ сосѣднія горницы.

Ветловъ молча поднялся съ мѣста и, отвѣсивъ всей компаніи низкій поклонъ, послѣдовалъ за услужливымъ своимъ провожатымъ.

— Не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, загрызетъ его до смерти злая тоска по женѣ,—замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ, когда дверь за покинувшими покой затворилась, и не стало слышно ихъ удалявшихся шаговъ.—Какъ онъ постарѣлъ и осунулся! Краше въ гробъ кладутъ.

— Да вѣдь и то сказать, нечѣмъ ему и утѣшиться, нечѣмъ счастье вспоминать, у него этого счастья и не было вовсе, къ совмѣстной жизни только готовились, все врозь жили.

— Вотъ и жизнь наша такова: на будущее надѣясь, настоящимъ пренебрегаемъ и въ ожиданіи большихъ благъ жертвуемъ тѣмъ, что судьба намъ ужъ даровала...

— Про Лизавету Касимовну этого сказать нельзя: она отказывалась отъ личнаго счастья, чтобъ цесаревнѣ служить...

— Да что это вы, господа, прежде времени отходную по Лизаветѣ Касимовнѣ запѣли?—съ досадой прервалъ своихъ собесѣдниковъ Ермилычъ.

— Тотъ, кто въ Преображенскомъ приказѣ не найдетъ смерти, и жизни не радъ,—угрюмо замѣтилъ одинъ изъ пѣвчихъ.

— Алексѣя-то Яковлевича живымъ оттуда вывезли, да что толку-то!—подхватилъ другой.

— Мы здѣсь объ одномъ только молимъ, чтобъ ея страданія скорѣе кончились, ни о чемъ больше,—вставилъ третій.

И, обернувшись къ гостю, онъ отрывисто спросилъ у него, на что понадобился ему Розумъ,—ужъ не для того ли, чтобъ его утруждать просьбой вмѣшаться въ дѣло Ветловой.

— Такъ это вы напрасно затѣяли,—продолжалъ онъ:—имя ея запрещено во дворцѣ произносить. У цесаревны и своей печали достаточно, до сихъ поръ, какъ вспомнитъ про Шубина, такъ слезами и зальется. А ужъ Ивану Васильевичу и думать нечего кому бы то ни было тамъ на глаза показываться, все равно до цесаревны его не допустятъ. Она у насъ здѣсь, слава Богу, хорошо охраняема. Мавра Егоровна съ Розумомъ ни на шагъ отъ нея не отходятъ, какъ вѣрные псы, оберегаютъ ее отъ новой скорби.

— Слава Богу, что сверху-то на насъ гоненіе прекратилось, всѣхъ вѣдь насъ тогда чуть было не арестовали, когда цесаревна отказалась въ Петербургѣ Бирона принимать...

— Это когда же случилось?—наивно спросилъ Ермилычъ.— У насъ въ монастырѣ ничего про это не извѣстно. Знаемъ мы только, что Лизавета Касимовна ѣздила въ Москву, чтобъ попытаться повидать Шубина въ тюрьмѣ, а удалось ли ей это,— толкуютъ разно, кто говоритъ, что она къ нему проникла, и будто онъ умолялъ цесаревну его спасти...

— Ложь это на него взводятъ!—не вытерпѣлъ, чтобъ не вскричать, тотъ самый юноша, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ особенно ревностно старался оберегать придворныя тайны.— Не изъ таковскихъ Шубинъ, чтобъ цѣной ея безчестья жизнь свою спасать!

— Всякій русскій человѣкъ поступилъ бы точно также на его мѣстѣ! Она всей Россіи нужна...

— Насъ много, а она послѣ царя Петра одна осталась, одна на всю Россію, и намъ надо ее, какъ зѣницу ока, беречь, голубушку нашу...

— Нечего старое поминать, «оставимъ мертвымъ хоронить мертвецовъ», это въ Писаніи сказано, надо о живыхъ заботиться, чтобъ ихъ уберечь. Немного ихъ ужъ осталось у насъ. Вы тамъ, въ монастыряхъ-то да скитахъ, ничего не знаете, а мы все это пережили, на нашихъ глазахъ хватали, мучили и казнили вѣрныхъ ея друзей, и при Меншиковыхъ, и при Долгорукихъ, а теперь при Биронѣ... Чуть было до Шереметевыхъ да Шуваловыхъ не добрались, всѣхъ собирались истребить!—перебивая другъ друга, кричала преданная цесаревнѣ молодежь.

— Всѣхъ хотѣли убить, чтобъ ей не на кого было опереться...

— А народъ-то? Забыли про народъ, анаѳемы! Онъ имъ про себя еще напомнитъ, мы кое-что про народъ-то знаемъ...

— Онъ намъ свой, народъ-то православный, мы вѣдь изъ него вышли...

— У насъ, тронь только ее, все готово въ отместку...

— Мы со «своими» связи-то еще не порвали, слава Богу!

— Нашу цесаревну не тронь! Каждаго, кто бы къ ней поганую руку ни протянулъ, въ куски разорвемъ!

— А правду, что ли, въ Москвѣ болтаютъ, будто нѣмцы потому стали посмирнѣе, что за нашу цесаревну иностранные государи заступились?—замѣтилъ Ермилычъ.

— Вздоръ! Русскихъ людей испугалась нѣмчура паршивая, вотъ и все. А, впрочемъ, мы всякой помощи рады, откуда бы она ни явилась, милости просимъ умирать за нее вмѣстѣ съ нами!

Ермилычъ улыбнулся. Ему была по сердцу молодецкая отвага ни передъ чѣмъ не унывающей молодежи, готовой, не задумываясь, пожертвовать жизнію за представительницу Россіи. Съ такими можно разсчитывать на успѣхъ.

— А я такъ и совсѣмъ не вѣрю желанію нѣмцевъ помириться съ цесаревной,—сказалъ онъ.—Если бъ это было такъ, зачѣмъ же имъ было лишать ее, послѣ сердечнаго друга, еще и любимой женщины? Зачѣмъ причинять ей еще новое огорченіе? Нѣтъ, братцы, должно быть, не нагнали еще на нихъ страха русскіе люди, если они не унимаются!

— Это ужъ, должно быть, ихъ послѣдняя противъ нея вылазка...

— Съ какой же цѣлью?—продолжалъ настаивать Ермилычъ.

— А кто ихъ душу знаетъ! Хотятъ, можетъ быть, чтобъ она имъ первая поклонилась...

— Да только этому не бывать, если ужъ для Шубина она передъ ними головы не склонила, то изъ-за Ветловой и подавно не склонитъ...

Долго еще обмѣнивались они соображеніями въ томъ же духѣ, но Ермилычъ ихъ больше не слушалъ. Онъ узналъ то, что ему нужно было узнать; здѣсь имъ помощи ни отъ кого нельзя ждать: на Лизавету взираютъ, какъ на послѣднюю жертву торжествующаго врага. Преслѣдованіе дѣйствительно прекратится съ ея гибелью, по крайней мѣрѣ, на время, а измученнымъ душевно людямъ и такая временная передышка въ страданіяхъ должна казаться очень сладкимъ счастьемъ.

Ермилычъ слишкомъ много самъ перенесъ мукъ на своем вѣку и слишкомъ хорошо зналъ человѣческую природу, чтоб этого не понимать.

Въ отведенной имъ для ночлега комнатѣ онъ нашелъ своег

спутника лежащимъ на кровати совсѣмъ одѣтымъ и съ открытыми глазами.

— Ну, что, убѣдились вы, что мы только напрасно сюда пріѣхали?—проговорилъ онъ, когда старикъ къ нему пригнулся, чтобъ узнать, спитъ онъ или нѣтъ. — Слишкомъ они здѣсь всѣ счастливы, и слишкомъ недавно вылѣзли изъ страха и горя, чтобъ рисковать опять попасть въ бѣду. Какъ имъ было непріятно мое присутствіе! Застѣнкомъ и палачами вѣяло вокругъ нихъ въ воздухѣ все время, какъ я тамъ былъ!—прибавилъ онъ съ горестью.

— Что дѣлать, Василичъ, будемъ искать помощи другими путями, гдѣ нибудь на помощь и натолкнемся,—возразилъ старикъ.

Ветловъ на это ничего не отвѣтилъ, и до разсвѣта между ними не было произнесено ни слова.

Тяжелая была для него эта ночь. Быть такъ близко отъ людей, отъ которыхъ зависѣло спасеніе той, что была дороже ему всего въ жизни, и знать, что ихъ даже и просить нельзя надъ нею сжалиться, понимать, что оба они съ женой сдѣлались вдругъ такъ всѣмъ далеки и чужды, что прежніе друзья тогда только и счастливы и покойны, когда могутъ забыть про ихъ существованіе...

При блѣдномъ свѣтѣ ночной мглы, бѣлесоватымъ туманомъ вливавшемся въ окошко, онъ видѣлъ, какъ усердно молился его спутникъ, не поднимаясь съ колѣней въ продолженіе многихъ часовъ передъ образомъ въ углу комнаты; онъ слышалъ, какъ онъ вздыхалъ, взывая сердцемъ къ Тому, Который, чѣмъ горше напасть, тѣмъ къ страдающимъ ближе; но самъ былъ онъ такъ удрученъ, такъ обезсиленъ душевными терзаніями, что сердце его окаменѣло, духъ угасъ, и сознанія жизни оставалось въ немъ только на то, чтобъ ощущать полнѣйшее безсиліе бороться противъ судьбы.

Порой онъ совершенно терялъ сознаніе, и въ такія минуты страшные призраки осаждали его: онъ видѣлъ, какъ пытали его милую Лизавету, какъ рвали клещами и жгли ея тѣло, онъ слышалъ ея стоны, крики о помощи и просыпался отъ ужаса, въ холодномъ поту, съ помутившимся умомъ и замирающимъ отъ нестерпимой боли сердцемъ.

Ночи этой онъ во всю свою жизнь не могъ забыть: такое неизгладимое впечатлѣніе оставила въ сердцѣ его тлетворная близость князя тьмы, чуть было не покорившаго его своей проклятой власти.

Наступило наконецъ утро, и Ермиличъ, чтобъ не разбудить своего спутника, который лежалъ неподвижно съ закрытыми глазами, осторожно поднялся со своего ложа и сталъ одѣваться, по-

глядывая безпрестанно то на окно съ бѣлѣвшимися передъ нимъ снѣжными сугробами, то на дверь, за которой ужъ начинали раздаваться шаги и голоса. И вдругъ началась спѣвка. Старикъ растворилъ дверь въ коридоръ, и звуки ворвались сюда съ такою силою, что, казалось, самыя стѣны отъ нихъ задрожали. И послѣ перваго взрыва слившагося въ могучемъ аккордѣ хора молодыхъ голосовъ разлилось по воздуху на далекое пространство мелодичное воззваніе къ небу. И чѣмъ больше вслушивался Ермилычъ въ эти голоса, тѣмъ явственнѣе казалось ему, что онъ узнаетъ между ними голосъ Розума. Чтобъ убѣдиться въ томъ, что онъ не ошибается, и что дѣйствительно сынъ Розумихи пришелъ сюда пѣть съ товарищами, онъ вышелъ за дверь, безсознательно притворилъ ее за собою и, дошедши до конца коридора, остановился на порогѣ двери того обширнаго покоя, гдѣ происходила спѣвка, и тотчасъ же узналъ того, котораго ему такъ хотѣлось видѣть.

Да и трудно было бы его не узнать, такъ отличался онъ отъ окружавшей его толпы красотой и статностью.

Какъ и товарищи его, онъ только соскочилъ съ постели и прибѣжалъ сюда въ утреннемъ дезабилье, но въ то время, какъ прочіе пѣвчіе окружали сидѣвшаго за эпинеткой регента въ наскоро накинутыхъ на плечи затрапезныхъ камзолахъ и старыхъ вылинявшихъ отъ ветхости плащахъ, распахивавшихся на сорочкахъ изъ толстаго холста, неумытые, съ взъерошенными волосами,—на немъ былъ шлафрокъ изъ шелковой ткани, съ голубыми отворотами, подпоясанный голубымъ шарфомъ. Парика на немъ не было, и темные кудри его густыхъ волосъ обрамляли красивое, похудѣвшее молодое лицо съ восторженнымъ взглядомъ поднятыхъ къ потолку глазъ. Длинные бѣлые шелковые чулки плотно обтягивали выше колѣнъ стройныя ноги въ бархатныхъ туфляхъ на красныхъ каблукахъ.

Любуясь имъ, Ермилычъ невольно вспоминалъ тотъ огородъ въ глухомъ украинскомъ мѣстечкѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ сидѣлъ подъ цвѣтущей липой теплымъ лѣтнимъ вечеромъ съ этимъ самымъ юношей, когда его еще звали Алешкой, и когда онъ мечталъ, какъ о величайшемъ счастьѣ, получить мѣстишко въ одномъ изъ кіевскихъ приказовъ, и спрашивалъ себя съ недоумѣніемъ: неужели тотъ бѣдный скромный мальчикъ и этотъ блестящій кавалеръ, любимецъ царской дочери, одно и то же лицо? И чѣмъ больше онъ въ него всматривался, тѣмъ сильнѣе становилось сомнѣніе. Выступили въ памяти другія картины: Розумихина хата въ Лемешахъ, среди вишневаго садика, и сама Розумиха со своимъ серьезнымъ умнымъ лицомъ и глубокимъ взглядомъ черныхъ глазъ, такая степенная и величавая среди убогой своей обстановки. Знаетъ ли она о счастливой судьбѣ, постигшей ея сына? Радуется ли она ей, или опасается и не-

умѣваетъ? Да и самъ онъ отдаетъ ли себѣ отчетъ въ томъ, что съ нимъ происходитъ? Счастливъ ли онъ исполненіемъ не только всѣхъ его желаній, но и того, до чего въ самыхъ дерзкихъ своихъ помыслахъ онъ мечтать не осмѣливался?

Стоялъ онъ среди прочихъ пѣвчихъ какъ-то особнякомъ, видно было, что опасеніе его стѣснить, желаніе оказать ему вниманіе, подчеркнуть разстояніе между нимъ и прочими, вошло уже въ привычку; желаніе это просвѣчивало во всѣхъ взглядахъ, выражалось во всѣхъ движеніяхъ его окружающихъ, тѣхъ, что такъ еще недавно были ему равны, и надъ которыми судьба такъ внезапно и такъ неожиданно его высоко вознесла. Но онъ этого не замѣчалъ. Когда послѣдняя нота отзвенѣла въ воздухѣ, и сидѣвшій за эпинеткой регентъ поднялся съ мѣста, Алексѣя Григорьевича окружили тѣснѣе и наперерывъ стали закидывать вопросами, на которые онъ отвѣчалъ такъ охотно, дружески и просто, что ужъ по одному выраженію сіявшихъ радостною преданностью устремленныхъ на него со всѣхъ сторонъ глазъ можно было судить о томъ, какого рода отношенія установились между нимъ и бывшими его товарищами.

Да, это былъ Алешка Розумъ, тотъ самый ладный хлопчикъ, котораго всѣ такъ любили и въ Лемешахъ и во всемъ повѣтѣ. Перемѣна въ судьбѣ отразилась только на его внѣшности, не задѣвая ни съ какой стороны его души, и все та же тихая, мечтательная грусть таилась въ глубинѣ его большихъ темныхъ глазъ, какъ и тогда, когда онъ жилъ однимъ только предчувствіемъ того, что должно было его постигнуть,—предчувствіемъ, до того смутнымъ и неопредѣленнымъ, что ждать осуществленія мечты онъ могъ только въ небесахъ, въ сверкавшихъ надъ его головой звѣздахъ да въ скользившихъ по небу облакахъ.

Вотъ онъ переговорилъ съ товарищами о спѣтомъ концертѣ, замѣтилъ что-то такое регенту такъ тихо, что словъ его Ермилычъ не могъ разслышать; вотъ его опять окружаютъ, о чемъ-то просятъ, онъ съ добродушной улыбкой качаетъ головой, отказываясь, безъ сомнѣнія, участвовать въ другомъ номерѣ, и, отходя отъ хора, который сошелся, чтобъ продолжать пѣніе, онъ приближается къ двери, у которой стоитъ его старый другъ. Теперь онъ отъ него такъ близко, что можно разглядѣть, какъ онъ похудѣлъ и осунулся съ тѣхъ поръ, какъ они не видѣлись; лицо удлинилось, носъ обострился, и щеки немного впали. Онъ красивѣе прежняго, но нѣтъ уже въ немъ прежней юношеской прелести и свѣжести. Жизнь прикоснулась къ нему страстями и страданіями, и въ борьбѣ съ ними сердце замкнулось въ стремленіи къ одной цѣли— не утратить сокровища, безъ котораго жизнь не имѣла для него ни малѣйшаго смысла... И вдругъ онъ поднялъ глаза на дверь въ десяти шагахъ отъ него въ ту самую минуту, когда, увлек-

шись любопытствомъ, Ермилычъ неосторожно подался впередъ, глаза ихъ встрѣтились, и не успѣлъ старикъ очнуться, какъ двѣ сильныя руки его обнимали, и дрожащій отъ радостнаго волненія голосъ шепталъ, пригнувшись къ нему такъ близко, что онъ почувствовалъ горячее дыханіе на своемъ лицѣ:

— Дяденька Ермилычъ! Какими судьбами ты сюда попалъ? Зачѣмъ не пришелъ прямо ко мнѣ? Я самъ все рвался къ тебѣ въ монастырь, да не могъ удосужиться...

Не выпуская его изъ своихъ объятій, онъ прошелъ съ нимъ въ пустую комнату, въ концѣ коридора, рядомъ съ той, гдѣ Ермилычъ провелъ съ Ветловымъ ночь, и, усадивъ его на широкую обитую кожей лавку, сѣлъ противъ него на стулъ и, не спуская съ него сверкавшаго любовью и радостью взгляда, повторилъ свой вопросъ:

— Какими судьбами ты здѣсь очутился?

— Къ тебѣ притащился, хлопчикъ, да такъ меня тутъ тобою напугали, что не приди ты самъ на спѣвку, я такъ бы и ушелъ, не повидавшись съ тобой,—отвѣчалъ старикъ.

— Дяденька! Да какъ же это тебѣ не грѣхъ?

Упрекъ этотъ вырвался у него изъ глубины сердца такъ искренно, что Ермилычъ расчувствовался и, забывъ все на свѣтѣ, обнялъ красавца въ богатомъ шелковомъ халатѣ, какъ бывало обнималъ юношу въ рваномъ кафтанишкѣ, и прижалъ его къ сердцу.

— Давно ли отъ матки у тебя были вѣсти? — спросилъ онъ, оправившись отъ волненія.

— Недавно, дяденька, цесаревна нарочнаго посылала въ Лемеши про здоровье ея узнать, — продолжалъ онъ съ возрастающимъ оживленіемъ.—Подарки ей послала, письмо написала, такъ ее утѣшила, что она сама не своя отъ радости... Время такое, что отлучиться мнѣ отсюда невозможно, а то слеталъ бы я къ моей родимой! Да ты, вѣрно, слышалъ, какая у насъ тутъ бѣда стряслась? Какъ нашего бѣднаго Шубина мучили и такъ далеко сослали, что никому его и не разыскать! Что мы выстрадали! Какихъ страховъ навидались! Вѣдь чуть было и цесаревну не увезли въ монастырь, чтобъ силкомъ постричь! Страшно вспомнить, какимъ непоправимымъ несчастьямъ мы подвергались! Просто можно сказать, что, какъ въ аду, мучились... и даже того хуже, тамъ только за себя страдаешь, а здѣсь душа за нее терзалась... А люблю я ее больше жизни, дяденька! Что жизнь! Сто жизней отдалъ бы я съ восторгомъ за нее! Повѣришь, всѣ вотъ Шубина жалѣютъ, а я ему завидую! Право, вотъ, какъ Богъ святъ, завидую! Онъ ей доказалъ свою любовь, а мнѣ доказать ей мою преданность нечѣмъ!

— Подожди, можетъ быть, и твой чередъ придетъ за нее пострадать,—утѣшалъ его старикъ, забывая, для чего онъ сюда при-

шелъ, и увлекаясь отрадой видѣть Алешку Розума такимъ, какимъ онъ оставилъ его пять лѣтъ тому назадъ въ Лемешахъ, такимъ же, какъ тогда, чистымъ, яснымъ, великодушнымъ мечтателемъ.

А ужъ какъ былъ счастливъ Розумъ возможностью излить въ дружескую душу чувства и мысли, переполнившія его сердце! Не было у него здѣсь ни одного человѣка, столь ему близкаго, какъ этотъ старикъ, знавшій его въ родной обстановкѣ и способный понять его во всей полнотѣ. Съ нимъ только и могъ онъ говорить про мать, про своихъ хохловъ, про все, что составляло предметъ его любви и заботъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ. Кто здѣсь пойметъ неизреченную прелесть тихой, мирной украинской природы, среди которой онъ выросъ, и такъ мало похожей на здѣшнюю? Нѣтъ у него такихъ словъ, которыми можно было бы объяснить здѣшнимъ людямъ сокровища дѣтской, чистой вѣры въ святые идеалы, хранящіеся въ душѣ украинскаго народа, какъ нѣтъ словъ описать таинственную прелесть украинской звѣздной ночи и величавую красоту душистой украинской степи. Даже и той, которая ему дороже жизни, въ присутствіи которой онъ чувствуетъ себя какъ бы восхищеннымъ силой ея прелестей въ другой міръ, даже и ей не осмѣливается онъ открыть доступъ въ святая святыхъ своей души, изъ опасенія подмѣтить недоумѣніе въ ея глазахъ или усмѣшку на ея губахъ. Съ Ермилычемъ же можно было не стѣсняться, этотъ все пойметъ, не даромъ прожилъ онъ съ нимъ и съ его близкими одною жизнью нѣсколько мѣсяцевъ, наслаждаясь вмѣстѣ съ ними ихъ невинными радостями и болѣя ихъ печалями. Нисколько не удивился онъ, когда Розумъ сознался ему въ порывѣ сердечныхъ изліяній, что его иногда такъ тянетъ въ Лемеши, чтобъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на родную хатку, чтобъ хоть минутку подышать роднымъ воздухомъ, что онъ, кажется, полъ-жизни отдалъ бы за это счастье.

Какъ у всѣхъ людей съ сильно развитымъ воображеніемъ и сдержаннымъ, несообщительнымъ нравомъ, когда имъ доводится высказывать безъ стѣсненія то, что у нихъ накопилось въ сердцѣ, рѣчь его была сбивчива и непослѣдовательна, а слова безсвязно срывались съ языка по мѣрѣ того, какъ представленія и воспоминанія воскресали въ умѣ: отъ Лемешей перескакивалъ онъ къ Петербургу, отъ матери—къ царевнѣ, отъ первыхъ впечатлѣній, здѣсь испытанныхъ,—къ послѣднимъ страшнымъ событіямъ, отъ бѣдствія, постигшаго Шубина,—къ мукамъ, испытаннымъ имъ самимъ въ долгіе дни тоскливаго недоумѣнія, когда онъ зналъ, что царица его души страдаетъ, а онъ не только ничѣмъ не можетъ ей помочь, но даже не знаетъ, приняла ли бы она отъ него утѣшеніе, если бъ онъ нашелъ возможность плакать и молиться съ нею.

Какое это было ужасное время! Постоянно говорили вокругъ него про нее и все не то, что ему такъ страстно хотѣлось знать, не то, чего жаждала его душа.

— Съ тоски бы я тогда погибъ, кабы не Лизавета Касимовна. Одна она поняла мою душевную муку и утѣшала меня надеждой на то, что придетъ время, когда про меня вспомнятъ. А когда наконецъ вспомнили, она же явилась ко мнѣ съ этой благой вѣстью... Мы были тогда въ Москвѣ и собирались переѣзжать въ Александрово, и всѣ радовались надеждѣ увидѣть цесаревну... всѣ, кромѣ меня. Сердце такъ было полно опасеній, что для радости не было мѣста. Вѣдь потерять ее послѣ того, какъ она меня къ себѣ приблизила, было бы тяжелѣе, чѣмъ если бъ я остался въ Украйнѣ и никогда, кромѣ какъ въ грезахъ, ея бы не видѣлъ! Какъ же мнѣ было не страшиться и не тосковать? Но что сердце у меня не разорвалось отъ радости, когда она про меня вспомнила, — это ужъ прямо я и понять не могу. Такъ все это чудно, что, право же, даже и счастьемъ назвать нельзя. Повѣришь ли, что я и теперь тоскую отъ этого счастья столько же, если не больше, сколько тосковалъ раньше съ печали, страха и отчаянья. Ноетъ у меня сердце даже и тогда, когда она прижимаетъ меня къ себѣ и твердитъ, что любитъ меня такъ, какъ никогда никого не любила... И вѣдь не то, чтобъ я ей не вѣрилъ или чтобъ сомнѣвался въ будущемъ, нѣтъ, ни въ чемъ я не сомнѣваюсь, ничего не страшусь, а чего хочетъ сердце, къ чему оно стремится, когда ему все дано, чего оно теперь жаждетъ,— не знаю! Не знаю, — повторилъ онъ съ тоскою, схватываясь руками за голову и покрывая ими взволнованное лицо.

А спѣвка продолжалась, и окружавшій ихъ воздухъ былъ полонъ звуковъ небесной гармоніи, уносившихъ душу все выше и выше, къ блаженной обители, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханій.

— Надо молитвой, покаяніемъ и добрыми дѣлами искупить грѣхъ, Алеша,—торжественно произнесъ старикъ, нарушая наконецъ молчаніе, воцарившееся въ комнатѣ послѣ послѣднихъ словъ Розума.

— Все для этого дѣлаю, что могу, Ермилычъ,—возразилъ чуть слышно этотъ послѣдній, не отнимая руки отъ лица, по которому текли слезы. И вдругъ, порывистымъ движеніемъ сорвавшись съ мѣста:—вѣдь не прикажешь же ты мнѣ отъ нея бѣжать? Ты знаешь, что я этого не могу? — вскричалъ онъ, устремляя на своего собесѣдника загорѣвшійся отчаяніемъ взглядъ.—Она такъ несчастна, такъ изобижена, такъ безпомощна, — продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта на предложенный вопросъ:—у нея, какъ у меня, никого нѣтъ на свѣтѣ, съ кѣмъ бы она могла говорить по душѣ, какъ же я ее оставлю? Неужели Господь требуетъ отъ меня такой жертвы? Неужели я долженъ для спасенія своей души нанест[и] ей такой ударъ?... Ты всего не знаешь, Ермилычъ, дай мнѣ те[бѣ] разсказать... что̀ я для нея... нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Ты [не] поймешь... у меня не найдется такихъ словъ... Сжалься н[адо]

мной, Ермилычъ, скажи мнѣ, что Господь проститъ намъ нашъ грѣхъ! Что можно его замолить... искупить... Вотъ я тебѣ скажу, какіе у меня замыслы въ будущемъ, что я мечтаю сдѣлать для своихъ и для всего русскаго народа... намъ бы хотѣлось, чтобъ всѣ русскіе православные люди были счастливы... чтобъ вездѣ царила правда и справедливость, чтобъ не было ни одного напрасно замученнаго, напрасно угнетеннаго... вотъ для чего мы желаемъ царствовать, имѣть власть... Если бъ только всѣ знали, какъ она добра и великодушна! Какъ она любитъ Россію! Если бъ только это всѣ знали!.. Вотъ что я еще тебѣ скажу, Ермилычъ,—продолжалъ онъ свою сбивчивую рѣчь, хватая его за руку и крѣпко сжимая ее въ своихъ похолодѣвшихъ отъ волненія пальцахъ,—до сихъ поръ я никогда ничего у нея не просилъ для себя, для своихъ... она сама разузнала о моей матери, сама, потихоньку отъ меня, послала ей письмо и подарки, я ужъ тогда узналъ, когда посланецъ вернулся... Все это, что ты на мнѣ видишь, — прибавилъ онъ, съ негодованіемъ теребя на себѣ роскошную одежду,— я надѣваю по ея приказанію и потому, что она этого требуетъ... ничего я своего не имѣю, все ея, и не моя вина, если все это дорого и великолѣпно... она къ этому привыкла, она была бы несчастна, если бъ я отказался это носить, она никогда не пойметъ, какъ это меня стѣсняетъ, какъ мнѣ это тяжело и непріятно... Что же мнѣ дѣлать? Ну, самъ скажи, что? Мучусь я всѣмъ этимъ нестерпимо, а измѣнить не могу... Теперь, съ тѣхъ поръ, какъ у насъ отняли Лизавету Касимовну, мы еще несчастнѣе. Она меня понимала, и съ нею я могъ говорить... не такъ, какъ съ тобою, конечно, а все же откровеннѣе, чѣмъ съ кѣмъ либо здѣсь, теперь и это утѣшеніе, эта душевная поддержка у меня отнята!

— А чтобъ спасти ее, эту преданную вамъ душу, спасти отъ пытокъ и смерти, сдѣлали вы что нибудь?—спросилъ Ермилычъ.— Вѣдь я, Алеша, только изъ-за этого и пришелъ къ тебѣ, на тебя наша послѣдняя надежда,—продолжалъ онъ, не спуская пристальнаго взгляда съ смущеннаго лица своего слушателя, который стоялъ передъ нимъ съ низко опущенной головой.—Цесаревна не будетъ объ этомъ просить императрицу? Это невозможно? Скажи намъ это прямо, намъ надо знать, — продолжалъ онъ съ долгими, мучительными перерывами между фразами.

— Невозможно, — произнесъ съ усиліемъ Розумъ. — Не осуждай насъ... это—послѣдняя жертва, и мы должны ее принести. Цесаревна себѣ не принадлежитъ, она принадлежитъ всей Россіи,— прибавилъ онъ, поднимая на своего собесѣдника загорѣвшійся взглядъ.

Наступило молчаніе, которое онъ нарушилъ вопросомъ, долго ли Ермилычъ у нихъ поживетъ.

— Сейчасъ уѣдемъ, вѣдь я ужъ тебѣ сказалъ, что пріѣхалъ

сюда для того только, чтобъ узнать, можете ли вы намъ помочь,—отвѣчалъ печально старикъ,—теперь намъ остается попытаться это сдѣлать безъ васъ.

— Ты здѣсь съ нимъ? съ ея мужемъ?—спросилъ Розумъ.

— Съ Иваномъ Васильевичемъ. Онъ въ такомъ отчаяніи, что одного его оставлять я побоялся...

— И не оставляй его, въ душевныхъ мукахъ нѣтъ ничего хуже одиночества. И скажи ему,—продолжалъ Розумъ, оглядываясь на дверь, мимо которой раздались шаги проходившихъ въ столовую завтракать пѣвчихъ:—что если бъ мнѣ можно было цѣною собственной жизни ее спасти, я бы не задумался это сдѣлать.

Спѣвка кончилась, и давно ужъ къ затворенной двери въ комнату, гдѣ происходила ихъ бесѣда, приближались и, постоявъ передъ нею въ нерѣшительности, отходили, чтобъ черезъ минуту снова вернуться.

— Это вѣрно къ тебѣ, Алеша, — сказалъ Ермилычъ, указывая на шевелившуюся дверную ручку.—Не для чего тебя дольше задерживать, Христосъ съ тобою, пошли вамъ Господь всего лучшаго...

— Ты вѣришь, что мы не можемъ помочь вашей бѣдѣ?—спросилъ угрюмо, сдвигая брови, Розумъ.—Если бъ ты у насъ подольше пробылъ, я бы все тебѣ объяснилъ... я бы тебя къ ней привелъ, и она сама бы тебѣ сказала...

— Зачѣмъ, Алеша? Кабы это могло нашей страдалицѣ помочь, ну, тогда дѣло другое, а такъ какъ вы ничего сдѣлать не можете, то надо, не теряя времени, другіе способы изыскивать.

— Какіе?—сорвалось безсознательно съ губъ Розума.

Вмѣсто отвѣта Ермилычъ крѣпко его обнялъ и тихонько толкнулъ къ двери, въ которую ужъ теперь осторожно стучали.

— Ты на меня не гнѣваешься, дяденька?

— Мнѣ тебя сердечно жаль, хлопчикъ, ты очень несчастливъ... можетъ быть, даже несчастнѣе того страдальца, которому я сейчасъ долженъ принести дурную вѣсть,—проговорилъ со вздохомъ Ермилычъ.

— О, да, мы очень несчастны! Молись за насъ, Ермилычъ, молись, чтобъ Господь далъ намъ терпѣніе нести нашъ тяжелый крестъ!..

Онъ хотѣлъ къ этому еще что-то такое прибавить, но стукъ въ дверь усилился, и за дверью раздался голосъ камерлакея, присланнаго изъ дворца, чтобъ доложить Алексѣю Григорьевичу, что ея высочество ужъ третій разъ за нимъ присылаетъ и не хочетъ садиться за столъ безъ него.

Ермилычъ крѣпко обнялъ своего ладнаго хлопчика и самъ растворилъ дверь въ коридоръ, чтобы сказать посланцу цесаревны, что Алексѣй Григорьевичъ сію минуту къ ней явится

а затѣмъ онъ и самъ, не оборачиваясь къ смотрѣвшему ему вслѣдъ влажными отъ слезъ глазами сыну Розумихи, прошелъ въ комнату, гдѣ ждалъ его Ветловъ.

— Ну, голубчикъ, поѣдемъ въ Москву, можетъ быть, моему духовному сынку что нибудь удалось для насъ придумать,—проговорилъ онъ, принимаясь съ лихорадочною поспѣшностью, избѣгая встрѣчаться взглядомъ со своимъ спутникомъ, собирать свои скромные пожитки, чтобъ сложить въ кожаный мѣшокъ, служившій ему чемоданомъ. — Надо распорядиться насчетъ лошадей...

— Лошади ужъ найдены, я распорядился,—возразилъ Ветловъ, — вѣдь я зналъ, что здѣсь намъ не помогутъ,—прибавилъ онъ съ горечью.

— Поѣдемъ, значитъ, безъ задержки, и за то слава Богу!

Снарядившись въ путь, они зашли проститься съ хозяевами и поблагодарить ихъ за гостепріимство. У крыльца уже стояли запряженные тройкой розвальни. Провожали ихъ отсюда много радушнѣе, чѣмъ наканунѣ встрѣтили, и настояли на томъ, чтобъ они на дорогу позавтракали, увѣряя, что Алексѣй Григорьевичъ огорчится, если узнаетъ, что ихъ не ѣвшихъ отпустили въ дальній путь. Пришлось уступить просьбамъ и добрымъ часомъ позже выѣхать изъ Александровскаго; но время было еще раннее, сіялъ свѣтлый морозный день, ямщикъ обѣщался засвѣтло довезти сѣдоковъ до Москвы, и, подавивъ печаль разочарованія въ сердцѣ, Ермилычъ рѣшилъ не смущать привѣтливыхъ хозяевъ отказомъ. Къ тому же, ему было такъ тяжело уѣзжать отсюда, ничего не добившись, онъ безсознательно такъ разсчитывалъ на помощь Розума, что въ настойчивости пѣвчихъ ихъ задерживать ему невольно мнилось, что, можетъ быть, не изъ одного гостепріимства задерживаютъ ихъ, что, можетъ быть, передъ самымъ выѣздомъ Господь готовитъ имъ утѣшеніе...

Но пришлось уѣхать, не дождавшись ничего добраго: изъ дворца никто не прибѣгалъ съ хорошими вѣстями. Видно, не рѣшился Розумъ даже и заикнуться своей царственной возлюбленной о несчастныхъ странникахъ...

Но винить своего любимца Ермилычъ не могъ, слишкомъ хорошо онъ понималъ его положеніе, но отъ этого было не легче, и больно щемило у него сердце, при удаленіи отъ мѣста добровольной ссылки цесаревны, особенно, когда онъ взглядывалъ на своего спутника, въ зловѣщемъ молчаніи переживавшаго свое страшное горе.

Въѣхали они въ чащу парка, и чтобъ дать лошадямъ набраться силъ для дальнѣйшаго путешествія, ямщикъ пустилъ ихъ шагомъ по замерзшимъ кочкамъ лѣсной тропинки, подъ сводами покрытыхъ густымъ инеемъ деревьевъ, безпрестанно задѣвавшихъ своими отяжелѣвшими вѣтвями проѣзжавшихъ, обсыпая ихъ снѣ-

гомъ. Весело свѣтило зимнее солнышко, разсыпаясь разноцвѣтными искрами по снѣгу, чувствовалось приближеніе оттепели, и ямщикъ, смѣющимися глазами озираясь по сторонамъ, объявилъ, указывая кнутовищемъ на просвѣчивавшееся промежъ деревьевъ небо, что завтра, можетъ быть, имъ бы ужъ не проѣхать такъ хорошо по лѣсу: если Господь не пошлетъ къ ночи мороза, начнется распутица.

— Да вѣдь и то сказать, до Алексѣя, Божьяго человѣка, ужъ недолго осталось ждать...

И вдругъ онъ попридержалъ лошадей и сталъ прислушиваться.

— Въ погоню за нами, какъ будто кто-то ѣдетъ,—сказалъ онъ, оборачиваясь къ своимъ сѣдокамъ.

— Почему ты думаешь?—спросилъ Ермилычъ, повертывая назадъ голову настолько, насколько дозволила ему это сдѣлать мохнатая шапка, надвинутая на уши, уходя въ огромный мѣховой воротникъ шубы...

— Да я ужъ давно слышу лошадиный топотъ и скрипъ полозьевъ намъ вслѣдъ, а ужъ теперь могу прямо сказать, что санки барскія, легонькія, и кони куда рѣзвѣе нашихъ будутъ! Сейчасъ насъ обгонятъ, а тутъ еще разъѣхаться можно, дальше дорога уже пойдетъ.

— Такъ подождемъ ихъ тутъ,—замѣтилъ Ермилычъ, у котораго смутнымъ предчувствіемъ забилось сердце.

— Самъ Алексѣй Григорьевичъ!—объявилъ черезъ нѣсколько мгновеній ямщикъ, который поднялся съ козелъ, чтобъ лучше разглядѣть приближавшійся экипажъ. — Одинъ... машетъ намъ, чтобъ мы его подождали...

— Ну, и подождемъ,—проговорилъ Ермилычъ, чтобъ что нибудь сказать. Волненіе его душило. Оживленная фигура старика представляла любопытный контрастъ съ блѣднымъ, застывшимъ въ нѣмомъ отчаяніи лицомъ его спутника. Ветловъ сидѣлъ истуканомъ, ничего не слыша, не видя и не замѣчая. Въ глазахъ его, пристально устремленныхъ въ пространство, ничего, кромѣ тупого страданія, не выражалось.

Заскрипѣлъ снѣгъ, и застучали лошадиныя копыта все ближе и ближе; изъ подъѣхавшихъ нарядныхъ санокъ выскочилъ красавецъ въ бархатномъ, отороченномъ соболями, короткомъ кафтанѣ и подбѣжалъ къ остановившимся среди дороги широкимъ санямъ и, отвѣсивъ низкій поклонъ Ветлову, который не шелохнулся, чтобъ взглянуть на него и отвѣтить ему, не надѣвая собольей шапки, обратился къ Ермилычу, съ лихорадочной поспѣшностью вынимая изъ бокового кармана завернутый въ бумагу ящичекъ который онъ ему протянулъ.

— Это отъ цесаревны, приказала передать тебѣ для ея тезки,—проговорилъ онъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.

— Передай ея высочеству, что мы ей въ ножки кланяемся за память и будемъ до послѣдняго издыханія объ ея дрогоцѣнномъ здоровьѣ молить Бога,—торжественно возвышая голосъ, отвѣтилъ старикъ, принимая ящичекъ и опуская его въ карманъ своей шубы.

— Дай вамъ Богъ!.. дай вамъ Богъ!..

Только и могъ произнести Розумъ въ отвѣтъ на слова старика и, крѣпко обнявъ его, не оборачиваясь, вернулся къ своимъ санкамъ и пустился въ обратный путь въ то время, какъ Ермилычъ съ Ветловымъ поѣхали въ противоположную сторону, дальше.

Съ сверткѣ, переданномъ Розумомъ отъ имени цесаревны для Лизаветы Касимовны, былъ футляръ съ брильянтовой звѣздой, подаренной царемъ Петромъ Первымъ дочери, въ день обрученія ея старшей сестры.

Когда старикъ заставилъ своего спутника взглянуть иа царскій подарокъ, сверкнувшій разноцвѣтными огнями въ блескѣ солнечныхъ лучей, Ветловъ только съ досадой пожалъ плечами и, не раздвигая бровей, отвернулся отъ него.

XVI.

Никогда еще пани Стишинская, резидентка герцогини Курляндской, не была въ такихъ интересныхъ хлопотахъ, какъ этимъ Великимъ постомъ.

Госпожѣ ея было поручено супругомъ устроить большой маскарадъ на третій день Пасхи, въ которомъ должны были принимать участіе не только придворные и городскіе дамы и кавалеры, но также и весь сбродъ уродовъ, шутовъ и шутихъ, дураковъ и дуръ, составлявшихъ ближайшій штатъ императрицы.

При этомъ герцогъ объявилъ своей супругѣ, что праздникъ этотъ ни въ чемъ не долженъ напоминать даже издалека все видѣнное раньше ея величествомъ.

Бенигна тотчасъ послала за своей резиденткой, и, перечисливъ требованія супруга, прибавила въ заключеніе:

— Вотъ, милая моя пани, что отъ меня требуютъ! А вамъ извѣстно, что когда онъ заберетъ себѣ что нибудь въ голову, нѣтъ никакой возможности заставить его отказаться отъ придуманной затѣи.

— А какую сумму ассигновалъ герцогъ на этотъ праздникъ?— дѣловитымъ тономъ освѣдомилась Стишинская.

— Онъ сказалъ, чтобъ издержками не стѣсняться.

— Чего же сокрушаться, ваша свѣтлость? Съ деньгами все возможно. У меня много пріятелей среди иностранцевъ, они намъ помогутъ устроить нѣчто такое, чего никто здѣсь еще не виды-

валъ. Ея величество тоже намѣрена принимать участіе въ процессіяхъ?

— Не знаю... врядъ... Она моціона не любитъ и, вѣроятно, предпочтетъ быть зрительницей... Впрочемъ, я ничего не могу вамъ сказать навѣрное, надо спросить у герцога.

— Спросите, а я тѣмъ временемъ отправлюсь къ моимъ пріятелямъ на Васильевскій островъ и попрошу ихъ намъ помочь.

Вернулась она домой, во дворецъ, только вечеромъ и съ цѣлымъ ворохомъ рисунковъ и эскизовъ костюмовъ для процессій и живыхъ картинъ и съ программами зрѣлищъ и увеселеній по версальскимъ образцамъ.

Съ часъ времени выкладывала она передъ своей госпожей рисунки китайскихъ, индійскихъ, испанскихъ костюмовъ, золоченыхъ колесницъ, гномовъ, нимфъ и фантастическихъ олимпійскихъ боговъ и богинь.

— Ахъ, какъ бы присталъ этотъ костюмъ къ императрицѣ! — вскричала герцогиня, выхватывая изъ кучи рисунковъ мужественную Юнону, въ головномъ уборѣ изъ брильянтовъ и въ алой бархатной расшитой золотомъ туникѣ.

— Что жъ, ея величество, можетъ быть, и согласится появиться на праздникѣ въ этомъ костюмѣ,— замѣтила пани Стишинская:— брильянтовъ на украшенія у нея хватитъ.

— Сейчасъ спрошу у нея,—подхватила Бенигна и, взявъ рисунокъ, направилась къ двери.

— Предложите ея величеству явиться въ этомъ костюмѣ сюрпризомъ для герцога,—посовѣтовала Стишинская.

— Прекрасно! Какія у васъ всегда счастливыя мысли, Стишинская!

Вскорѣ она вернулась, сіяя отъ радости, и объявила, что императрица пришла въ восторгъ отъ ея предложенія и приказала немедленно приняться за изготовленіе костюма.

— Намъ для этого понадобится Позье, — сказала Стишинская:—онъ мастеръ подбирать драгоцѣнные каменья и лучше, чѣмъ кто либо, сообразитъ, что надо сдѣлать.

— Пошлите за нимъ сегодня же, чтобъ онъ могъ завтра приняться за работу. Времени намъ терять нельзя, до Пасхи остается только двѣ недѣли,—объявила герцогиня.

Позье явился, разсмотрѣлъ рисунки, внимательно прочиталъ программу и рѣшилъ, что, кромѣ костюма, для императрицы надо изготовить тронъ, съ котораго бы она въ костюмѣ богини правосудія могла, не утомляя себя, предсѣдательствовать надъ увеселеніями и любоваться танцами, процессіями и живыми картинами. Съ обычною своею услужливостью предложилъ онъ прислать портныхъ, портнихъ, кауферовъ и башмачниковъ для изго-

товленія костюмовъ тѣмъ изъ участниковъ и участницъ торжества, которые сами заняться этимъ не могутъ, какъ, напримѣръ, шуты и шутихи, дураки и дурки, отъ которыхъ нельзя и требовать, чтобъ они все это изготовили на свой счетъ и вкусъ.

Благодаря усердію Позье и его помощниковъ, дѣло закипѣло, и слухи объ интересномъ праздникѣ разлетѣлись по всему городу. Желающихъ въ немъ принимать участіе оказалось такъ много, что пани Стишинскую завалили письменными и словесными просьбами включить ихъ въ число дѣйствующихъ лицъ готовящагося представленія.

Никогда еше тщеславная полька не была такъ счастлива, какъ въ эти двѣ-три недѣли Великаго поста; ее осыпали комплиментами и подарками съ утра до вечера. Она жеманничала, ломалась, клялась всѣми святыми употребить всѣ усилія, чтобъ услужить ихъ сіятельствамъ и превосходительствамъ, или съ холодною надменностью выпроваживала назойливыхъ просителей, смотря по тому, выгодно ли ей было, или невыгодно за нихъ хлопотать. Подношеній вещами и деньгами у нея набралось такъ много, что опять явилась возможность сдѣлаться домовладѣлицей, и ужъ не въ грязной, противной Москвѣ, а въ Петербургѣ, что было для нея во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе и пріятнѣе. Здѣсь у нея было такое великое множество друзей и знакомыхъ, здѣсь столькіе нуждались въ ея протекціи, и у нея были такія блестящія связи, которыя она надѣялась закрѣпить за собой еще крѣпче, когда у нея будетъ свой собственный домъ, въ которомъ будетъ несравненно удобнѣе принимать людей, имѣющихъ до нея надобность, чѣмъ въ каморкѣ, на антресоляхъ, на половинѣ герцога Бирона.

И вотъ мечта эта была уже близка къ осуществленію, благодаря затѣѣ могущественнаго фаворита императрицы.

Поглощенная разнообразнѣйшими заботами и пріемами съ утра до ночи, пани Стишинская только вечеромъ могла урвать свободную минутку, чтобы прибѣжать взглянуть на работу ювелира, которому была отведена особая комната во дворцѣ, и на костюмы, изготовленные подъ его наблюденіемъ.

Французъ капризничалъ, выдумывалъ свои рисунки, увѣрялъ, что ему недостаетъ такихъ-то и такихъ-то драгоцѣнныхъ каменьевъ для осуществленія его фантазіи, и приводилъ въ отчаяніе, не только пани Стишинскую, но и герцогиню, описаніемъ чудныхъ парюръ, видѣнныхъ имъ въ Парижѣ на такихъ-то герцогиняхъ, принцессахъ, контессахъ и на самой королевѣ.

— Вотъ изъ такихъ драгоцѣнностей можно что нибудь сдѣлать, а изъ этихъ ничего не выйдетъ, ровно ничего,—повторялъ онъ, брезгливо и съ презрѣніемъ отталкивая кучу брильянтовъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, возвышавшуюся передъ нимъ на его рабочемъ столѣ.

— Послушайте, Позье, нельзя же намъ выписывать изъ Парижа то, что вы тамъ видѣли. Надо постараться сдѣлать головной уборъ для ея величества изъ того, что у насъ есть,—прервала съ досадой его іеремiады пани Стишинская, убѣждаясь, что у него проходитъ слишкомъ много времени непроизводительно въ брюзжанiи и воспоминанiяхъ.

— Какъ видно, что вы не артистка, пани Стишинская! Никогда вамъ не понять моихъ чувствъ, — съ горькой усмѣшкой возразилъ онъ.

— Да вы бы, по крайней мѣрѣ, сказали, что̀ вамъ именно нужно?

— Мнѣ нужно... мнѣ нужно вотъ сюда такой орнаментъ, который затмилъ бы всѣ прочiя украшенiя, а изъ того, что вы мнѣ принесли, я не могу его сдѣлать,—возразилъ онъ сердито.

— Хорошо, сегодня ужъ поздно, но завтра я постараюсь достать вамъ то, что вы требуете, — смиренно отвѣчала резидентка герцогини.

Но всѣ ея старанiя оказались тщетны: что бы она ни принесла Позье, онъ на все фыркалъ и на всѣ увѣщанiя быть благоразумнѣе отвѣчалъ дерзостями.

Хоть совсѣмъ отказывайся отъ костюма для императрицы, такъ въ ту же пору. Позье продолжалъ капризничать и толковать о брильянтахъ съ розовымъ оттѣнкомъ, мерещившихся ему и во снѣ и наяву такъ упорно, что разговаривать съ нимъ становилось съ каждымъ днемъ непрiятнѣе.

Пани Стишинская принялась искать брильянты у частныхъ лицъ, у богатыхъ купчихъ, у иностранныхъ коммерсантовъ, у дамъ посольства, у прiѣзжихъ авантюристокъ.

И вотъ, однажды, когда вернулась она домой весьма не въ духѣ съ неудачныхъ поисковъ, ей доложили, что какой-то человѣкъ ужъ давно ждетъ ея возвращенiя, чтобъ переговорить съ нею по весьма важному и лично до него касавшемуся дѣлу.

Разсѣянно приказавъ его позвать въ комнату, служившую ей и спальней и прiемной, она сбросила съ себя шубу и капоръ, и, обернувшись къ коридору, по которому раздавались шаги, весьма непривѣтливо возвысила голосъ, чтобъ спросить:

— Кто вы такой? Что вамъ отъ меня нужно?

Проситель, вѣрно, какой нибудь. Эти люди воображаютъ себѣ, что она въ такихъ хорошихъ отношенiяхъ съ герцогомъ, что можетъ лѣзть къ нему со всякимъ вздоромъ...

Неудача съ разыскиванiемъ нужныхъ Позье брильянтовъ привела ее въ отвратительное расположенiе духа, и если она воздержалась отъ желанiя выпроводить докучливаго посѣтителя, не давъ себѣ труда его выслушать, то единственно только потому, что не знала, отъ кого онъ присланъ. Можетъ быть, онъ—протеже

какихъ нибудь важныхъ вельможъ, и тогда неудобно было бы обращаться съ нимъ черезчуръ безцеремонно, но она все-таки ему скажетъ, что ей сегодня недосугъ съ нимъ терять время, и чтобъ онъ пришелъ въ другой разъ...

Однако, когда, не отвѣтивъ на ея вопросъ, онъ проникъ въ комнату и очутился съ нею лицомъ къ лицу, пани Стишинская, блѣднѣя отъ испуга, попятилась отъ него въ противоположный уголъ комнаты, не будучи въ силахъ произнести ни слова.

— Я пришелъ вамъ сказать, что тотъ человѣкъ, который давалъ мнѣ извѣстія о Лизаветѣ, ушелъ въ Соловки, и что мнѣ теперь не отъ кого узнавать, жива ли она еще, или замучена до смерти,—глухо, съ мучительнымъ усиліемъ произнесъ онъ, не спуская со своей слушательницы пристальнаго, полнаго невыразимыхъ страданій, взгляда.

— Что же я могу сдѣлать?—вымолвила она дрогнувшимъ голосомъ.—Она меня не послушала, когда я ей совѣтовала отстать отъ цесаревны и искать протекціи у императрицы и у ея друзей... Я предупреждала ее объ опасности, предлагала ее пристроить сюда... а теперь я и сама могу пропасть изъ-за нея... у меня здѣсь нѣтъ поддержки, нѣтъ родныхъ... я—пришлая иноземка и нужна моимъ протекторамъ только до тѣхъ поръ, пока забавляю ихъ и избѣгаю говорить съ ними о непріятныхъ вещахъ... Ни одинъ изъ нихъ не задумается выкинуть меня за дверь, какъ ненужную тряпку, если только его свѣтлость за что нибудь на меня прогнѣвается,—продолжала она, подъ наплывомъ новыхъ, никогда еще, можетъ быть, не приходившихъ ей раньше въ голову мыслей и чувствъ, навѣянныхъ на нее теперь этимъ страшнымъ выходцемъ изъ другого міра, полнаго слезъ и стоновъ, изъ міра, о которомъ было такъ пріятно забывать въ свѣтлой, жизнерадостной средѣ, въ которую ей посчастливилось попасть. Не улыбнись ей судьба съ первыхъ же ея шаговъ въ Россіи, не избери она благого пути, не прилѣпись всѣмъ своимъ существомъ къ иноземцамъ, присосавшимся къ великому благодушному русскому колоссу, отдайся она тогда своей еще не опороченной душой русскимъ людямъ, какъ отдалась имъ ея дочь, что бы съ нею теперь было?!

Представленіе это было такъ ужасно, что она зажмурилась, чтобъ его не видѣть, человѣка, олицетворяющаго собою это ужасное представленіе.

— Я къ вамъ пришелъ, когда ужъ итти было больше не къ кому,—продолжалъ между тѣмъ Ветловъ, нарушая тяжелое молчаніе, воцарившееся въ комнатѣ.—Придумайте что нибудь... вѣдь она—ваша родная дочь... вы живете среди нашихъ враговъ, вы ихъ всѣхъ знаете, вы знаете, чѣмъ можно ихъ подкупить или разжалобить... попытайтесь это сдѣлать, помогите намъ... Обѣщайтесь хоть помочь, ужъ вы намъ и этимъ сдѣлаете благодѣяніе...

Если бъ вы только знали, что значитъ потерять надежду на спасеніе дорогого существа!.. Одна только эта надежда и спасала меня до сихъ поръ отъ безумія... Дайте мнѣ эту надежду хоть на нѣсколько дней... хоть на нѣсколько часовъ, чтобъ я могъ собраться съ мыслями, одуматься, сообразить... Вѣдь я близокъ къ сумасшествію, такъ близокъ, что начинаю сомнѣваться во всемъ... даже въ томъ, что я еще существую... Къ вамъ я пришелъ къ послѣдней... больше не къ кому... вы—ея мать... вы носили ее подъ сердцемъ... Давно ужъ русскимъ людямъ нечѣмъ дышать въ Россіи, давно ужъ насъ гонятъ и мучатъ... съ царя Петра это повелось, и ужъ теперь конецъ Россіи близокъ... судите сами, такихъ, какъ мой отецъ, какъ Праксинъ, какъ Ѳедоръ Ермилычъ и какъ всѣ ихъ родичи и по духу близкіе, такихъ все меньше и меньше, съ каждымъ днемъ число ихъ уменьшается... Самъ я давно бы ушелъ въ монастырь, если бъ не Лизавета...

Для чего онъ ей это говорилъ?

Но вопросъ этотъ, мелькавшій въ его умѣ, не въ силахъ былъ остановить срывавшіяся съ языка слова. Какое-то особенное жгучее наслажденіе ощущалъ онъ, прислушиваясь къ звукамъ собственнаго голоса, точно голосъ этотъ доходитъ куда-то далеко и высоко, куда раньше не доходили самыя усердныя его молитвы и воззванія.

— Вамъ бы цесаревна могла помочь,—рѣшилась наконецъ вставить ошеломленная слушательница въ его страстную, полную отчаянной рѣшимости, рѣчь.

— Цесаревна!.. Да развѣ она смѣетъ заступаться за своихъ? Развѣ не вырвали изъ ея объятій любимаго человѣка, не замучили его, не сослали туда, откуда отъ него никогда и вѣстей не можетъ быть? Развѣ ея всячески не унизили, не оскорбили, не разорили, не отняли у нея возможности помогать самымъ близкимъ? Развѣ она не должна жить въ вѣчномъ страхѣ за себя и за послѣднихъ, оставшихся еще при ней, слугъ? Цесаревна можетъ только плакать и молиться за погибающихъ изъ-за нея, она можетъ только срывать съ себя послѣднее, чтобъ облегчить ихъ страданія, подкупить палачей, чтобъ скорѣе ихъ прикончить... Цесаревна!.. —прибавилъ онъ въ порывѣ отчаянья, замѣнившемъ призрачное облегченіе, которое онъ почувствовалъ, описывая страданія родины подъ иноземнымъ гнетомъ.—Цесаревна разсталась съ подаркомъ отца, со звѣздой, которая должна была служить украшеніемъ ея царскаго вѣнца, когда народъ опомнится и весь поднимется на ея защиту! Она отдала эту звѣзду моей Лизаветѣ, вотъ все, что она могла для нея сдѣлать! Ничего не можемъ мы отъ нея требовать, она—послѣдняя надежда Россіи, всѣ русскіе люди отдадутъ за нее жизнь, какъ отдалъ Шубинъ и всѣ, кого съ нимъ мучили, казнили, ссылали...

Его ужъ давно не слушали.

Маскарадъ... костюмъ Юноны... Позье...

Новыя представленія, смѣнивъ впечатлѣнія, навѣянныя на ея воображеніе словами Ветлова, неотступно закружились въ умѣ легкомысленной польки.

— Про какую звѣзду вы упомянули?—задыхаясь отъ волненія, спросила она.—Съ вами она? Можете вы мнѣ ее показать?.. Да показывайте же скорѣе! Мнѣ, можетъ быть, этой звѣздой удастся спасти Лизавету! —вскричала она, замѣтивъ недоумѣніе, выразившееся на лицѣ ея зятя.

— Возьмите,—сказалъ онъ, подавая ей футляръ, завернутый въ бумагу, который лежалъ у него въ боковомъ карманѣ.

Съ лихорадочной поспѣшностью развернула она бумагу, прижала пружинку футляра и чуть не вскрикнула при видѣ брильянтовъ, засверкавшихъ розовымъ блескомъ при свѣтѣ зажженнаго кенкета, къ которому она ихъ поднесла.

Ошеломленное воображеніе заиграло. Тысячи новыхъ плановъ, соображеній затѣснились въ мозгу, и многое изъ того, что еще за минуту передъ тѣмъ казалось ей немыслимымъ, являлось не только возможнымъ, но и несомнѣннымъ.

— Довѣрьте мнѣ эту вещь на нѣсколько часовъ и приходите завтра за отвѣтомъ... Ничего не могу вамъ обѣщать, но клянусь сдѣлать все возможное, чтобъ спасти Лизавету... Идите, идите, времени терять нельзя,—продолжала она, внѣ себя отъ нетерпѣнія скорѣе начать дѣйствовать и досадуя на него за то, что онъ продолжаетъ неподвижно передъ нею стоять.—Приходите завтра... въ въ это время... если меня здѣсь не будетъ, подождите немного, меня позовутъ, и я тотчасъ же прибѣгу къ вамъ...

Она стала приводить въ порядокъ свой перемятый нарядъ и попорченную волненіемъ и долгимъ рысканіемъ по городу гримировку лица, сбросила съ себя растрепавшійся парикъ, вынула изъ шкафчика какія-то баночки, скляночки и коробочки, сѣла передъ зеркаломъ и принялась себя бѣлить и красить; изъ другого шкафа она извлекла новый парикъ, надѣла его и начала снимать съ себя платье. Проходя за чѣмъ-то въ уголъ, она замѣтила Ветлова, тутъ только вспомнила, что онъ еще не ушелъ, и спросила у него съ раздраженіемъ: что онъ тутъ дѣлаетъ.

— Я приказала вамъ прійти завтра, не мѣшайте же мнѣ одѣваться, чтобъ итти хлопотать за Лизавету. Вѣдь она, сударь, мнѣ дочь, вы это, кажется, совсѣмъ забыли?—прибавила она строго.

Онъ хотѣлъ отвѣтить, но слова не выговаривались, и въ невыразимомъ душевномъ смятеніи, не понимая, ни что съ нимъ дѣется, ни что̀ его ждетъ, предаваться ли надеждѣ или отчаянію, ушелъ изъ комнаты.

Въ коридорѣ онъ встрѣтился съ горничной, бѣжавшей въ комнату пани Стишинской съ докладомъ, что мосье Позье, окончивъ свою работу, спрашиваетъ, желаетъ ли его видѣть резидентка.

— Очень мнѣ его надо видѣть, очень, проси его не уходить, не повидавшись со мною,—отвѣчала ея госпожа.

У пани Стишинской были вѣскія причины торопиться съ окончаніемъ своего туалета, а, между тѣмъ, по уходѣ горничной, она не тотчасъ же надѣла вынутое изъ шкафа свѣжее платье, а принялась разсматривать звѣзду цесаревны, которой такъ неожиданно сдѣлалась на нѣсколько часовъ обладательницей, и чѣмъ больше всматривалась она въ нее, тѣмъ болѣе возрастало ея восхищеніе.

Да, ни у кого здѣсь нѣтъ брильянтовъ такого цвѣта. Позье правъ: кто разъ ихъ увидѣлъ, тотъ никогда ихъ не забудетъ и не пожалѣетъ дорого заплатить. Кому ее прежде показать? герцогу? герцогинѣ? самой императрицѣ? наслѣдной принцессѣ?.. Нѣтъ! нѣтъ! она прежде всего побѣжитъ съ ними къ Позье, а ужъ потомъ къ императрицѣ или къ герцогу... Бѣдная цурка! Все же она ей дочь, и, если ея заточеніе въ тюрьму на ней не отразилось, то это потому, что все это произошло въ Москвѣ... Если же ее казнятъ, или сошлютъ въ Сибирь, про это и здѣсь заговорятъ, и матери ея не очень-то будетъ ловко принимать участіе въ маскарадахъ... Непремѣнно надо постараться ее освободить...Они тогда, безъ сомнѣнія— уѣдутъ къ себѣ въ лѣсъ, и про нихъ долго, долго не будетъ ни слуху ни духу... Развѣ что надежды русскихъ людей осуществятся и ихъ цесаревна сдѣлается императрицей?..

Мысль эта заставила ее засмѣяться: такой нелѣпой и неправдоподобной она ей показалась. Императрица такъ крѣпко сидитъ на престолѣ, герцогъ такъ ловко и умно отстраняетъ тѣхъ, кто могъ бы служить помѣхой его замысламъ, избрана уже наслѣдница престола, и съ каждымъ днемъ здѣсь все больше и больше привыкаютъ къ мысли, что послѣ тетки она будетъ царствовать... Надо быть безумнымъ, какъ этотъ Ветловъ, чтобъ этого не понимать и гнаться за химерами, когда можно было бы жить преспокойно тѣмъ, что есть подъ руками... И не все ли равно, отъ кого брать счастье, отъ своихъ или отъ чужихъ? Смѣшные эти русскіе люди, все-то у нихъ не такъ, какъ у другихъ... Совсѣмъ какіе-то особенные, не похожи ни на поляковъ, ни на нѣмцевъ, ни на французовъ, ни на кого не похожи... И все отъ недостатка цивилизаціи... Герцогъ, Остерманъ, Левенвольдъ, всѣ иноземцы правы, когда утверждаютъ, что такого страннаго, дикаго народа, какъ русскій, Европа долго не будетъ терпѣть въ своемъ сосѣдствѣ... Ужъ одна ихъ религія чего стоитъ!

Туалетъ былъ оконченъ, и она вошла въ комнату, служившу мастерской придворному ювелиру, привередливому Позье.

— Ну, мосье Позье, я вамъ, кажется, нашла то, что вамъ нужно,- объявила она, подавая ему футляръ съ звѣздой цесаревны.

— Вы, кажется, ѣздили къ графинѣ Апраксиной? Такъ это напрасно, мнѣ всѣ ея драгоцѣнности извѣстны. У нея много хорошихъ вещей, но того, что намъ надо, у нея нѣтъ,—сказалъ онъ, не торопясь открывать футляръ и небрежно вертя его въ пальцахъ.— Были также у меня въ рукахъ вещи графини Румянцевой, прекрасныя, слова нѣтъ, особенно сапфиръ, подаренный ей царемъ Петромъ Первымъ, но намъ сапфировъ не надо...

— А вы взгляните на то, что я вамъ принесла, прервала—его Стишинская, оглядываясь на дверь, за которой ей почудилось шуршаніе шелковой юбки.

Презрительно оттопыривая нижнюю губу, французъ открылъ футляръ, и глаза его расширились отъ изумленія, а лицо сдѣлалось серьезно.

Съ минуту времени смотрѣлъ онъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ на звѣзду цесаревны и наконецъ, поднявъ недоумѣвающій взглядъ на торжествующую Стишинскую, отрывисто спросилъ, откуда у нея эта вещь, и извѣстно ли ей, кому она принадлежитъ.

— Разумѣется, извѣстно...

— Это — та самая звѣзда, въ которой цесаревна Елисавета Петровна присутствовала при коронаціи нашей императрицы!—подхватила герцогиня.

Она подкралась такъ тихо, что присутствіе ея замѣтили тогда только, когда она заговорила.

— Откуда у васъ это, Стишинская?—повторила она вопросъ Позье.

— Если позволите, я отвѣчу на вашъ вопросъ послѣ того, какъ мосье Позье мнѣ скажетъ, годятся ли эти брильянты для того убора, который онъ дѣлаетъ ея величеству,—возразила Стишинская, обращаясь къ ювелиру и наслаждаясь волненіемъ, съ которымъ онъ продолжалъ разсматривать звѣзду.

— Что тутъ спрашивать! Разумѣется, это годится. Такихъ брильянтовъ нѣтъ и у французской королевы... я хочу сказать, такого оттѣнка,—поспѣшилъ онъ прибавить.

— Вотъ все, что намъ нужно знать!—вскричала съ сверкающими отъ восхищенія глазами Стишинская.—Завтра вы ею займетесь, а сегодня мы васъ дольше задерживать не станемъ, ужъ поздно, и семья ваша вѣрно безпокоится, что васъ до сихъ поръ нѣтъ дома...

Любопытному французу очень было досадно уходить, не узнавши, какимъ образомъ попала звѣзда цесаревны къ резидентке герцогини Курляндской, но дѣлать было нечего, приходилось откланяться и удалиться.

— Герцогъ у себя?—спросила Стишинская у своей госпожи, оставшись съ нею наединѣ.

— Онъ у императрицы.

Нельзя ли его вызвать? Мнѣ крайне нужно переговорить съ его свѣтлостью по не терпящему отлагательства дѣлу.

— А мнѣ вы этого сказать не можете? У васъ отъ меня тайны?

— У меня не можетъ быть тайнъ отъ моей благодѣтельницы, ваша свѣтлость, — съ возрастающимъ возбужденіемъ возразила Стишинская: — я вамъ все скажу и буду умолять вашу свѣтлость...

Она опустилась на колѣни и, быстрымъ движеніемъ схвативъ край пышной робы супруги фаворита, прикоснулась къ ней губами.

— У меня есть дочь, ваша свѣтлость, единственное дитя! — продолжала она со слезами въ голосѣ.

— Знаю, та, что при цесаревнѣ старшей камерфрау, вы мнѣ это не разъ говорили.

— Ваша свѣтлость! Она арестована по Шубинскому дѣлу... но она невинна! Невинна, какъ новорожденный ребенокъ! Вѣчнымъ моимъ блаженствомъ готова я за это поручиться!

— Ну, герцогу это должно быть извѣстнѣе, чѣмъ вамъ.

— Спасите ее, ваша свѣтлость! Эта звѣзда ей принадлежитъ. Цесаревнѣ было угодно ей ее подарить... это все, что она могла для нея сдѣлать...

— Съ этого бы и начали. Значитъ, цесаревнѣ угодно, чтобъ императрица оказала милость ея камерфрау? Такъ, что ли?

— Такъ, такъ, ваша свѣтлость! — вскричала Стишинская, въ восторгѣ отъ оборота, принимаемаго объясненіемъ. Ни за что не додумалась бы она сама до такой развязки! А еще Бенигна считается дурой. Дуры такими догадливыми не бываютъ...

— Хорошо, я пойду переговорить съ герцогомъ и съ самой императрицей, если представится къ тому возможность... Не безпокойтесь, [illegible] я не [illegible] и выпрошу прощеніе вашей [illegible] съ [illegible] умѣшкой.

— [illegible] вашу свѣтлость — съ чувствомъ вы[illegible] и цѣлуя руку своей [illegible].

— [illegible] мнѣ, можетъ [illegible] императрицѣ эти брильянты. [illegible] Позье. [illegible] и съ Юліей [illegible] придворныхъ дамъ, [illegible] брильянтами, и въ [illegible] придворныхъ дамъ [illegible].

[illegible] во [illegible]

[illegible] Сти[illegible]

Съ сіяющимъ торжествомъ лицомъ объявила она своему зятю, что курьеръ съ приказаніемъ освободить Лизавету изъ тюрьмы уже поскакалъ въ Москву.

— Пришли бы вы ко мнѣ за помощью раньше, давно успокоились бы, но вы, безъ сомнѣнія, прежде, чѣмъ ко мнѣ обратиться, обѣгали всѣхъ вашихъ русскихъ вельможъ... Постойте, постойте,— прервала она возраженіе, готовое сорваться съ его губъ,— мнѣ только стоило сказать его свѣтлости, герцогу Курляндскому, что дочь моя невинна въ взводимомъ на нее обвиненіи, и тотчасъ же былъ данъ приказъ ее освободить...

— Она жива? Ея не мучили?—вскричалъ Ветловъ.

Пани Стишинская немедленно выпрямилась.

— Вы забываете, съ кѣмъ вы разговариваете, сударь! Я такъ поставлена герцогомъ во дворцѣ, такъ уважаема имъ и его супругой, что странно было бы, если бъ кто нибудь осмѣлился пальцемъ дотронуться до моей дочери, до моей крови! Поѣзжайте скорѣе въ Москву, и вы найдете вашу супругу... вѣроятно, въ томъ монастырѣ, гдѣ живетъ теперь та старушка, которой я должна была ее довѣрить, благодаря моимъ безчисленнымъ дѣламъ. Къ цесаревнѣ Лизавета вернуться теперь уже не можетъ, но если постигшее ее несчастье образумило ее, и она согласится взять мѣсто въ Петербургѣ, поближе ко мнѣ, то я могу для нея найти почетное положеніе, напримѣръ, компаньонкой у баронессы Юліи Менгденъ... Но она должна быть здѣсь еще осторожнѣе, чѣмъ тамъ, чтобъ не повредить мнѣ...

— Сударыня!—вскричалъ Ветловъ, не будучи больше въ силахъ сдерживать радостное волненіе,—низко кланяюсь вамъ за ваше благодѣяніе и прошу о насъ больше не безпокоиться... никакихъ хлопотъ вамъ отъ насъ не будетъ, и вы даже о насъ никогда не услышите... Намъ въ столицахъ и при дворахъ дѣлать больше нечего, мы навсегда поселимся въ лѣсу... тамъ мы еще можемъ что нибудь сдѣлать, тамъ...

Онъ хотѣлъ еще что-то такое прибавить, но, опомнившись, смолкъ и, еще разъ поклонившись, вышелъ изъ комнаты, оставляя тещу съ разинутымъ отъ недоумѣнія ртомъ.

Ушелъ, ея не дослушавъ... И больше сюда не вернется... Значитъ, она и дочери своей никогда больше не увидитъ? Что жъ, это, пожалуй, даже и лучше. Въ большое поставила бы ее Лизавета затрудненіе, принявъ ея предложеніе... ну, какая она резидентка при важной придворной дамѣ! Богъ съ нею совсѣмъ!.. А звѣзда цесаревны? Онъ даже не спросилъ про нее, точно дѣло идетъ о грошовой игрушкѣ, а не о вещи, стоящей нѣсколько тысячъ! Забылъ, вѣрно, про нее, отъ такихъ чудаковъ все станется.

Пани Стишинская была права. Ветловъ совсѣмъ забылъ про подарокъ цесаревны и вспомнилъ про него, недѣли три спустя, въ

новомъ своемъ домѣ на хуторѣ, когда они съ женой успѣли очнуться отъ страшныхъ душевныхъ потрясеній и поняли, что посланное имъ счастье случилось съ ними въ дѣйствительности, а не во снѣ, и что теперь они ужъ каждый день будутъ просыпаться въ объятіяхъ другъ друга, что нѣмцы про нихъ забыли, и бояться имъ, кромѣ Бога, некого.

Н. И. Мердеръ.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ [1].

(1751—1758).

VI.

Въ ПОСЛѢДНІЕ дни масленицы на придворномъ театрѣ давали русскую комедію. Графъ Понятовскій просилъ меня прійти на нее, потому что начали распространяться слухи, будто меня хотятъ выслать, будто не позволятъ мнѣ являться въ публику и тому подобное, и всякій разъ, какъ меня не было на спектаклѣ или при дворѣ, публика, можетъ быть, столько же изъ любопытства, сколько изъ участія ко мнѣ, принималась толковать, почему меня нѣтъ. Я узнала, что великій князь терпѣть не могъ русской комедіи и даже сердился, когда его звали на нее; на этотъ разъ сверхъ отвращенія къ народной комедіи онъ имѣлъ еще другую причину и даже личный интересъ не желать, чтобы я на нее ѣхала: въ это время графиня Елисавета Воронцова еще не ходила къ нему; онъ видался и любезничалъ съ нею въ передней комнатѣ, гдѣ она обыкновенно сидѣла съ остальными фрейлинами; если бы я поѣхала на комедію, эти дѣвицы должны были сопровождать меня, и такимъ образомъ его императорскому высочеству нечего было бы дѣлать, какъ итти пить у себя въ комнатахъ. Но, давъ слово быть на комедіи, я не хотѣла обращать вниманіе на это

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 40.

обстоятельство, и послала сказать графу А. Шувалову, чтобы онъ велѣлъ приготовить мнѣ экипажъ, и что я хочу въ этотъ день съѣздить въ театръ. Графъ Шуваловъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что мое намѣреніе ѣхать въ комедію не нравится великому князю. Я отвѣчала, что, такъ какъ его высочество обыкновенно проводитъ время безъ меня, то, кажется, ему все равно, останусь ли я одна въ своей комнатѣ, или проведу вечеръ въ театральной ложѣ. Онъ ушелъ съ этимъ отвѣтомъ, заморгавши глазомъ, какъ всегда дѣлалъ, когда его что нибудь сильно занимало. Черезъ нѣсколько времени въ комнату ко мнѣ явился великій князь; онъ былъ въ страшномъ гнѣвѣ, кричалъ и говорилъ, что я нахожу удовольствіе въ томъ, чтобы бѣсить его, что я знаю, какъ онъ не любитъ этой комедіи, и для того нарочно вздумала смотрѣть ее. Я возразила ему, что напрасно онъ ея не любитъ. Онъ кричалъ, что запретитъ давать мнѣ экипажъ. Я говорила, что пойду пѣшкомъ, и что не понимаю, какая ему охота, чтобъ я умирала со скуки, оставаясь одна въ своей комнатѣ, гдѣ все мое общество состояло изъ собаки и попугая. Послѣ долгаго спора и обоюдныхъ криковъ онъ ушелъ, разгнѣвавшись больше, чѣмъ когда либо; а я осталась съ твердымъ намѣреніемъ ѣхать въ комедію, и когда пришло время собираться, послала спросить у графа Шувалова, готовы ли экипажи. Онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что великій князь запретилъ давать экипажи. Это меня раздражило. Я сказала, что пойду пѣшкомъ, и что если дамамъ и кавалерамъ запретятъ сопровождать меня, то отправлюсь одна, и сверхъ того напишу письмо къ императрицѣ и пожалуюсь на великаго князя и на него.—«Что же вы напишете?»—спросилъ онъ.—«Напишу,—отвѣчала я,—какъ со мною обращаются, и объявлю, что вы, въ угоду великому князю, устраиваете ему свиданія съ моими фрейлинами и потому заодно съ нимъ не пускаете меня въ театръ, гдѣ я могу имѣть счастіе видѣть ея императорское величество,—сверхъ того, попрошу, чтобъ меня отослали назадъ къ матушкѣ, потому что мнѣ надоѣла и опротивѣла роль, которую я играю; оставленная всѣми, одна въ своей комнатѣ, ненавидимая великимъ княземъ и вовсе не любимая императрицею, я наконецъ хочу успокоиться, хочу никому не быть въ тягость и не причинять несчастія тѣмъ, кто меня любитъ, и особливо моимъ бѣднымъ людямъ, которыхъ уже столько сослано единственно потому, что я ихъ любила и дѣлала имъ добро. Итакъ, знайте, о чемъ я напишу ея императорскому величеству; я посмотрю, какъ вы не понесете моего письма». Мой Шуваловъ испугался такой рѣшительной рѣчи и ушелъ; а я сѣла писать письмо къ императрицѣ и написала его по-русски, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, какъ умѣла. Я начала съ того, что благодарила ее за всѣ ея милости и благодѣянія, оказанныя мнѣ съ пріѣзда моего въ Россію. По несчастію,—продолжала я въ этомъ письмѣ,—ока-

залось, что я не заслуживала этихъ милостей, потому что навлекла на себя ненависть великаго князя и явное неблагорасположеніе ея императорскаго величества; видя мое несчастіе и оставаясь одна въ комнатѣ, гдѣ мнѣ не дозволяютъ самыхъ невинныхъ развлеченій, я настоятельно прошу положить конецъ моимъ несчастіямъ и отослать меня къ моимъ родственникамъ, какимъ найдутъ приличнѣе способомъ. Что касается до дѣтей моихъ, то хотя я живу съ ними подъ одною крышею, но вовсе не вижу ихъ, и потому для меня все равно, жить ли съ ними въ одномъ мѣстѣ или въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ нихъ; я знаю, что ея императорское величество печется о нихъ несравненно болѣе, нежели сколько позволяли бы мнѣ мои слабыя способности. Я осмѣливаюсь просить о продолженіи этихъ попеченій, и въ увѣренности, что просьба моя будетъ исполнена, проведу остатокъ дней у моихъ родственниковъ, моля Бога за ея величество, за великаго князя, дѣтей моихъ и всѣхъ тѣхъ, которые оказывали мнѣ добро или даже зло. Горе до такой стерепи разстроило мое здоровье, что я должна наконецъ позаботиться о немъ и, по крайней мѣрѣ, спасти жизнь свою, и вслѣдствіе всего этого я прошу ея величество дозволить мнѣ поѣхать на воды и оттуда къ моимъ родственникамъ. Написавъ это письмо, я велѣла позвать графа Шувалова. Онъ пришелъ и сказалъ, что экипажи, которые я спрашивала, готовы. Но я ему сказала, что онъ можетъ объявить дамамъ и кавалерамъ, не желающимъ ѣхать со мною въ комедію, что я ихъ увольняю отъ этого, и затѣмъ подала ему письмо къ императрицѣ. Взявъ письмо, онъ заморгалъ глазомъ; но, такъ какъ оно было адресовано къ ея императорскому величеству, то онъ не смѣлъ не доставить его. Онъ передалъ также слова мои дамамъ и кавалерамъ, и великій князь самъ назначилъ, кому ѣхать со мною и кому оставаться съ нимъ. Когда я проходила черезъ переднюю комнату, онъ сидѣлъ въ углу съ графиней Воронцовой и игралъ съ нею въ карты. Увидавъ меня, они оба встали, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ. Я въ свою очередь тоже отдала низкій поклонъ и пошла своею дорогою. Я отправилась въ комедію, гдѣ на этотъ разъ императрицы не было; думаю, ей помѣшало письмо мое. Когда я возвратилась изъ комедіи, графъ Шуваловъ сказалъ мнѣ, что ея величество сама поговоритъ со мною. По всему вѣроятію, онъ передалъ великому князю и о моемъ письмѣ и объ отвѣтѣ императрицы, потому что его высочество, хотя съ этого дня не ступалъ ко мнѣ ногою, однако принималъ всевозможныя мѣры, чтобы присутствовать при разговорѣ, который я буду имѣть съ императрицею, въ чемъ, разумѣется, ему трудно было отказать. Между тѣмъ, я оставалась у себя въ комнатѣ и спокойно ожидала, чѣмъ все это кончится. Я была вполнѣ убѣждена, что если дѣйствительно хотѣли меня выслать, или напугать только, то письмо мое должно было окончательно уничто-

жить это намѣреніе Шуваловыхъ, которому, впрочемъ, воспротивилась бы и сама императрица, не любившая вовсе прибѣгать къ подобнаго рода гласнымъ мѣрамъ, кромѣ того, помнившая семейные раздоры императорскаго дома и, конечно, не желавшая, чтобы они возобновились при ней. Противъ меня было только одно обстоятельство: именно, что племянникъ ея не казался мнѣ человѣкомъ, котораго бы можно было любить, точно такъ же, какъ и я не казалась ему женщиною, достойною любви. Насчетъ племянника своего она была одинаковыхъ со мною мыслей; она очень хорошо знала его, и уже съ давнихъ поръ не могла провести съ нимъ нигдѣ четверти часа безъ огорченія, гнѣва или даже отвращенія къ нему. У себя въ комнатѣ, когда заходила о немъ рѣчь, она обыкновенно заливалась слезами и жаловалась, что Богъ далъ ей такого наслѣдника, либо отзывалась о немъ съ совершеннымъ презрѣніемъ и нерѣдко давала ему прозвища, которыхъ онъ вполнѣ заслуживалъ. У меня на это есть прямыя доказательства; въ ея бумагахъ найдены двѣ записки, писанныя рукою ея, навѣрно не знаю къ кому: одна, кажется, къ Ивану Шувалову, а другая къ графу Разумовскому; въ этихъ запискахъ она проклинаетъ племянника и посылаетъ его къ чорту. Въ одной есть такое выраженіе: Проклятый мой племянникъ мнѣ досадилъ, какъ нельзя болѣе; въ другой она пишетъ: Племянникъ мой уродъ,—чортъ его возьми. Впрочемъ мое рѣшеніе было составлено; оставаться ли, ѣхать ли—я смотрѣла на судьбу свою съ философской точки зрѣнія; каково бы ни было положеніе, въ которое бы Провидѣнію угодно было меня поставить, я все-таки не лишалась бы средствъ ума и таланта, данныхъ каждому человѣку по его естественнымъ способностямъ; я готова была и на возвышеніе, и на уничиженіе, и чувствовала въ себѣ достаточно бодрости, чтобы не измѣниться ни душою, ни сердцемъ, возвыситъ ли меня судьба моя, или унизитъ. Я знала, что я человѣкъ, слѣдовательно существо ограниченное и потому самому неспособное къ совершенству; но мои намѣренія всегда были чисты и честны. Хотя я съ самаго начала поняла, какъ трудно, почти невозможно, любить мужа, который былъ вовсе не любезенъ и нисколько не старался быть таковымъ; тѣмъ не менѣе, я соблюдала его интересы и оказывала ему привязанность, самую искреннюю, какую другъ или даже слуга можетъ оказывать своему другу или господину; совѣты мои были самые лучшіе, какіе я могла придумать для его блага; если онъ имъ не слѣдовалъ, то это—не моя, а его вина; что же дѣлать, если онъ лишенъ былъ разсудка и здраваго смысла? По пріѣздѣ моемъ въ Россію и въ первые годы нашего брака, если бы человѣкъ этотъ захотѣлъ хотя сколько нибудь быть сноснымъ, сердце мое было бы отверсто ему. Но я видѣла, что изъ всѣхъ возможныхъ предметовъ онъ обращалъ на меня наименьшее вниманіе, именно потому, что я была

его женою; очень естественно, что такое положеніе мнѣ не понравилось, что оно мнѣ надоѣдало, и, можетъ быть, огорчало меня. Сіе послѣднее чувство, чувство горести, я старалась подавлять въ себѣ несравненно болѣе другихъ: моя природная гордость, естественный закалъ души моей дѣлали для меня невыносимою мысль быть несчастною. Я говорила самой себѣ: счастіе и несчастіе въ сердцѣ и въ душѣ каждаго человѣка; если ты чувствуешь несчастіе, стань выше его и дѣйствуй такъ, чтобы твое счастіе не зависѣло ни отъ какого событія. Я родилась съ такимъ расположеніемъ души; я получила отъ природы великую чувствительность, а наружность, если не прекрасную, то во всякомъ случаѣ привлекательную; я нравилась съ перваго раза и не употребляла для этого никакого искусства и прикрасъ. Душа моя отъ природы была до такой степени общительна, что всегда стоило кому нибудь пробыть со мною четверть часа, чтобы чувствовать себя совершенно свободнымъ и вести со мною разговоръ, какъ будто мы съ давнихъ поръ были знакомы. По природной снисходительности моей я внушала къ себѣ довѣріе тѣмъ, кто имѣлъ со мною дѣло, потому что всѣмъ было извѣстно, что для меня нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ дѣйствовать съ доброжелательствомъ и самою строгою честностью. Смѣю сказать (если только позволительно такъ выразиться о самой себѣ), что я походила на рыцаря свободы и законности. Я имѣла скорѣе мужскую, чѣмъ женскую душу; но въ этомъ ничего не было отталкивающаго, потому что съ умомъ и характеромъ мужчины соединялась во мнѣ привлекательность весьма любезной женщины. Да простятъ мнѣ эти слова и выраженія моего самолюбія; я употребляю ихъ, считая ихъ истинными и не желая прикрываться ложною скромностью, Впрочемъ, самое сочиненіе это должно показать, правду ли я говорю о моемъ умѣ, сердцѣ и характерѣ. Я сказала о томъ, что я нравилась; стало быть, половина искушенія заключалась уже въ этомъ самомъ; вторая половина въ подобныхъ случаяхъ естественно слѣдуетъ изъ самаго существа человѣческой природы, потому что итти на искушеніе и подвергнуться ему— очень близко одно отъ другого. Хотя въ головѣ запечатлѣны самыя лучшія правила нравственности, но какъ скоро примѣшивается и является чувствительность, то непремѣнно очутишься неизмѣримо дальше, нежели думаешь. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю до сихъ поръ, какъ можно предотвратить это. Можетъ быть, скажутъ, что есть одно средство—избѣгать; но бываютъ случаи, положенія, обстоятельства, гдѣ избѣгать невозможно; въ самомъ дѣлѣ, куда бѣжать, гдѣ найти убѣжище, какъ отворачиваться посреди двора, который перетолковываетъ малѣйшій поступокъ. Итакъ, если вы не бѣжите, то по-моему нѣтъ ничего труднѣе, какъ уклониться отъ того, что вамъ существенно нравится. Повѣрьте, все, что вамъ будутъ говорить противъ этого, есть лицемѣріе и основано

на незнаніи человѣческаго сердца. Человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; онъ не можетъ по произволу сжимать его въ кулакъ и потомъ опять давать свободу.

Возвращаюсь къ своему разсказу. На другой день послѣ комедіи я сказалась больною и не выходила больше, дожидаясь спокойно, какое рѣшеніе послѣдуетъ на покорнѣйшую просьбу, которую я подала ея величеству; но на первой недѣлѣ Великаго поста я сочла нужнымъ говѣть, дабы показать тѣмъ мою приверженность къ православной греческой церкви. На второй или на третьей недѣлѣ я имѣла новую непріятность. Однажды поутру, только что я встала, какъ люди мои сказали мнѣ, что Владиславова позвана къ графу Александру Шувалову. Это мнѣ показалось довольно страннымъ; я съ безпокойствомъ ждала ея, но напрасно. Около часу по полудни пришелъ графъ Александръ Шуваловъ и объявилъ мнѣ, что императрица нашла нужнымъ взять отъ меня Владиславову. Я залилась слезами и сказала ему: «Конечно, ея императорское величество вольна отнимать у меня и назначать ко мнѣ кого ей угодно; но мнѣ горько все болѣе и болѣе видѣть, что всѣ тѣ, которые были ко мнѣ приближены, становились жертвами немилости ея величества; поэтому, чтобы не дѣлать людей несчастными, я прошу и убѣждаю васъ попросить императрицу, чтобы меня поскорѣе отпустили къ моимъ родственникамъ, и тѣмъ положили бы конецъ моему настоящему положенію, въ которомъ я становлюсь причиною несчастія для другихъ». Я сказала ему еще, что отъ Владиславовой они рѣшительно ничего не могутъ вывѣдать, потому что я не довѣрялась ни ей, ни кому другому. Шуваловъ хотѣлъ говорить, но, видя мои рыданія, онъ принялся также плакать и сказалъ, что императрица сама поговоритъ со мною объ этомъ. Я просила его, чтобы онъ постарался ускорить это свиданіе, чтò онъ и обѣщалъ. Тогда я пошла къ моимъ людямъ, объявила имъ о случившемся и сказала, что если на мѣсто Владиславовой ко мнѣ назначатъ какую нибудь госпожу, которая будетъ мнѣ не по сердцу, то я рѣшилась обращаться съ нею, какъ можно хуже, даже просто буду колотить ее. Я просила ихъ, чтобы они пересказали это всѣмъ и каждому, дабы тѣ, которыхъ будутъ назначать ко мнѣ, не слишкомъ торопились принимать это мѣсто. «Я устала терпѣть,— прибавила я,—и вижу, что кроткимъ и снисходительнымъ обращеніемъ ничего не возьмешь—себѣ же самой выходитъ худо; поэтому я рѣшилась совершенно перемѣнить образъ дѣйствій». Люди мои не замедлили пустить слова мои въ ходъ, какъ я этого желала.

Вечеромъ этого дня, послѣ многихъ слезъ, я оставалась, какъ всегда, одна у себя въ спальнѣ, физически и нравственно разстроенная, и прохаживалась по комнатѣ вдоль и поперекъ. Вдругъ вошла ко мнѣ одна изъ моихъ камерфрау, Катерина Ивановна

Шаргородская. Она была въ слезахъ и съ большимъ чувствомъ сказала мнѣ: «Мы всѣ боимся, чтобы вы не занемогли отъ горести; позвольте мнѣ сходить сегодня къ дядѣ моему, вашему и императрицыному духовнику; я поговорю съ нимъ и передамъ ему все, что вы прикажете; увѣряю васъ, что онъ можетъ склонить императрицу въ вашу пользу». Видя ея доброе сердце, я все дочиста разсказала ей, какъ о моемъ письмѣ къ императрицѣ, такъ и обо всемъ остальномъ. Она отправилась къ дядѣ, переговорила съ нимъ, расположила его ко мнѣ и около 11-ти часовъ пришла назадъ передать, что дядя ея совѣтуетъ мнѣ ночью сказаться больною, попросить объ исповѣди и для этого потребовать его къ себѣ, чтобы онъ могъ отъ меня лично услышать, о чемъ говорить ему съ императрицею. Эта мысль мнѣ очень понравилась; я обѣщалась привести ее въ исполненіе и велѣла Шаргородской итти, сказавъ, что весьма благодарна ей и ея дядѣ за расположеніе, которое они мнѣ оказывали. Около двухъ или трехъ часовъ ночи я позвонила и сказала вошедшей женщинѣ, что чувствую себя чрезвычайно дурно и хочу исповѣдаться. Но вмѣсто духовника прибѣжалъ ко мнѣ гр. Александръ Шуваловъ; слабымъ и прерывающимся голосомъ я повторила ему мою просьбу позвать духовника. Онъ послалъ за докторами; но я имъ сказала, что мнѣ нужна духовная помощь, и что я умираю. Одинъ изъ докторовъ пощупалъ у меня пульсъ и нашелъ его слабымъ; но я не переставала говорить, что душа моя въ опасности, и что тѣлу больше не нужно никакихъ лѣкарствъ. Наконецъ духовникъ пришелъ, и насъ оставили однихъ. Я его посадила возлѣ моей постели, и мы разговаривали слишкомъ полтора часа. Я передала ему прошедшее и настоящее положеніе дѣлъ, поведеніе великаго князя относительно меня и мои отношенія къ его императорскому высочеству, злобу Шуваловыхъ, безпрестанныя ссылки и отставки многихъ моихъ людей, и именно тѣхъ, которые были наиболѣе ко мнѣ привязаны; потомъ — какъ Шуваловы вселяютъ ея императорскому величеству ненависть ко мнѣ, и наконецъ, до чего дошли дѣла въ настоящее время, и что̀ заставило меня писать къ императрицѣ письмо съ просьбою о позволеніи мнѣ уѣхать. Я просила его, чтобы онъ похлопоталъ о скорѣйшемъ отвѣтѣ на мою просьбу. Я нашла его въ самомъ лучшемъ ко мнѣ расположеніи и увидѣла, что онъ не такъ глупъ, какъ объ немъ говорили. Онъ сказалъ мнѣ, что письмо мое производило и будетъ производить желаемое дѣйствіе, что я должна настоятельно требовать о моемъ увольненіи, и что меня навѣрно не отпустятъ, потому что невозможно будетъ оправдать этого удаленія въ глазахъ общества, принимавшаго во мнѣ участіе. Онъ соглашался, что со мной поступали жестоко, что императрица, взявъ меня на свое попеченіе въ очень нѣжномъ возрастѣ, не должна была оставлять меня въ жертву моимъ непріятелямъ; что

скорѣе слѣдовало бы удалить моихъ соперниковъ, и прежде всего Елисавету Воронцову, и смотрѣть построже за своими любимцами, которые сдѣлались піявицами народа; что Шуваловы ежедневно изобрѣтаютъ новыя пошлины и своимъ поведеніемъ производятъ всеобщій ропотъ, чему свидѣтельствомъ служитъ участь графа Бестужева, въ невинности котораго всѣ убѣждены. Въ заключеніе этого разговора онъ сказалъ мнѣ, что прямо пойдетъ въ комнаты къ императрицѣ, и, какъ скоро она проснется, поговоритъ съ нею и убѣдитъ ее скорѣе повидаться со мною, какъ она обѣщалась; что это свиданіе должно быть рѣшительнымъ, и что мнѣ лучше покамѣстъ остаться въ постели. Онъ обѣщалъ сказать императрицѣ, что я могу умереть отъ печали и горести, если не будетъ мнѣ подана скорая помощь, и какимъ бы то ни было образомъ не разсѣютъ меня и не перемѣнятъ моего уединеннаго образа жизни. Онъ сдержалъ слово, и такими живыми чертами изобразилъ мое состояніе, что императрица позвала графа А. Шувалова и велѣла ему узнать, могу ли я прійти къ ней въ слѣдующую ночь. Когда Шуваловъ спросилъ меня объ этомъ, я сказала ему, что для этого я готова собраться съ послѣдними силами. Къ вечеру я встала съ постели; Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что послѣ полуночи онъ придетъ за мною и поведетъ меня въ покои къ ея величеству. Между тѣмъ, духовникъ черезъ племянницу свою увѣдомилъ меня, что дѣло приняло довольно хорошій оборотъ, и что императрица въ тотъ же вечеръ будетъ говорить со мною. Около 10-ти часовъ я одѣлась, легла въ платьѣ на кушетку и заснула. Было около половины второго, когда А. Шуваловъ пришелъ ко мнѣ въ комнату и сказалъ, что императрица меня спрашиваетъ. Я встала и пошла за нимъ. Въ переднихъ комнатахъ мы никого не встрѣтили, но когда подходили къ галлереѣ, изъ противоположной двери вышелъ великій князь и пошелъ такъ же, какъ и я, въ комнаты къ ея величеству. Я его не видала съ самаго того дня, какъ ѣздила въ комедію; даже когда я сказалась умирающею, онъ не приходилъ спрашивать о моемъ положеніи. Послѣ мнѣ сказывали, что въ этотъ самый день онъ обѣщалъ Елисаветѣ Воронцовой жениться на ней, если я умру, и что оба они очень радовались моей болѣзни.

Пришедши наконецъ въ комнату ея величества, я нашла тамъ великаго князя. Какъ скоро императрица появилась, я упала къ ней въ ноги и со слезами настоятельно просила отпустить меня домой. Императрица хотѣла поднять меня, но я осталась на колѣнахъ. Она мнѣ показалась болѣе огорченною, чѣмъ разгнѣванною. «Какъ же мнѣ отпустить тебя?—сказала она со слезами на глазахъ:—вспомни, что у тебя есть дѣти». На это я отвѣчала: «Дѣти мои у васъ на рукахъ, и имъ нигдѣ не можетъ быть лучше; я надѣюсь, что вы ихъ не покинете». Тогда она сказала: «Что же

сказать обществу, по какой причинѣ я тебя удалила?» Я возразила: «Ваше императорское величество объявите, если найдете приличнымъ, чѣмъ я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя». Императрица сказала: «А чѣмъ же ты будешь жить у своихъ родственниковъ?» Я отвѣчала: «Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, когда не имѣла чести быть здѣсь». На это она мнѣ сказала: «Твоя мать въ бѣгахъ; она принуждена была удалиться изъ дома и отправилась въ Парижъ». Я отвѣчала, что знаю объ этомъ, и что король прусскій преслѣдуетъ ее за излишнюю приверженность къ русскимъ интересамъ. Тутъ императрица во второй разъ приказала мнѣ встать, и я повиновалась. Она задумалась и отошла отъ меня въ сторону. Мы находились въ длинной комнатѣ о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами императрицы. Въ комнатахъ всего были она, великій князь, А. Шуваловъ и я; напротивъ оконъ позади дивана висѣли густыя занавѣски. Я съ самаго начала догадывалась, что за этими занавѣсками навѣрно стоитъ Иванъ Шуваловъ, и, можетъ быть, двоюродный братъ его, графъ Петръ. Послѣ мнѣ сказывали, что я въ половину угадала, и что Иванъ Шуваловъ дѣйствительно тамъ былъ. Я отошла къ столу съ туалетомъ, ближайшему къ дверямъ, въ которыя мы вошли, и замѣтила въ ложбинкѣ туалета свернутыя письма. Императрица снова подошла ко мнѣ и сказала: «Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я о тебѣ плакала, когда ты была при смерти больна по пріѣздѣ твоемъ въ Россію; если бы я тебя не любила, я тогда же отпустила бы тебя». Я поняла, что императрица хотѣла мнѣ дать знать этимъ, что я напрасно говорю, будто я у нея въ немилости. Въ отвѣтъ на это я поблагодарила ея величество за всѣ милости и благодѣянія, которыя она мнѣ послѣ и тогда оказывала, прибавивъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не изгладится изъ моей памяти, и что я всегда буду считать величайшимъ несчастіемъ въ моей жизни то, что навлекла на себя ея немилость. Тогда она еще ближе подошла ко мнѣ и сказала: «Ты чрезвычайно горда; вспомни, какъ однажды въ Лѣтнемъ дворцѣ я подошла къ тебѣ и спросила, не болитъ ли у тебя шея, потому что видѣла, что ты мнѣ едва поклонилась; ты не захотѣла мнѣ поклониться, какъ слѣдуетъ, изъ гордости». «Боже мой!—воскликнула я,—неужели ваше величество думаете, что мнѣ когда нибудь могло прійти въ голову гордиться передъ вами? Клянусь вамъ, что я никогда даже не подозрѣвала, чтобы этотъ вопросъ, который вы мнѣ сдѣлали четыре года тому назадъ, могъ имѣть подобное значеніе». На это она мнѣ сказала: «Ты воображаешь, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка умнѣе тебя». «Если бы я такъ думала,—отвѣчала я,—то настоящее положеніе мое и самый разговоръ этотъ, кажется, должны вывести меня изъ подобнаго самообольщенія, потому что я по глупости моей до сихъ поръ не умѣла понять того, что ваше величество

изволили сказать мнѣ четыре года тому назадъ». Между тѣмъ какъ императрица говорила со мною, великій князь шептался съ графомъ Шуваловымъ. Она замѣтила это и пошла къ нимъ; они оба стояли почти въ серединѣ комнаты. Я не могла хорошенько разслышать ихъ разговора, они говорили довольно тихо, а комната была велика; наконецъ я услышала, какъ великій князь, возвысивши голосъ, сказалъ: «Она чрезвычайно зла и черезчуръ много о себѣ думаетъ». Такъ какъ это касалось до меня, то я обратилась къ великому князю и сказала ему: «Если вы говорите это обо мнѣ, то я очень рада случаю сказать вамъ въ присутствіи ея императорскаго величества, что я дѣйствительно зла противъ тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ дѣлать несправедливости, и дѣйствительно стала высокомѣрна, потому что ласковымъ обращеніемъ ничего не добилась, а только навлекла на себя вашу непріязнь». Тогда великій князь сталъ говорить императрицѣ: «Ваше величество сами видите изъ словъ ея, какъ она зла». Но императрица была неизмѣримо умнѣе великаго князя, и на нее слова мои произвели совершенно другое впечатлѣніе. Я видѣла ясно, что, хотя ей присовѣтовали, или, можетъ быть, сама она намѣревалась дать мнѣ строгій выговоръ, но чѣмъ дальше шелъ этотъ разговоръ, тѣмъ больше она смягчалась, вопреки собственной волѣ и намѣренію. Тѣмъ не менѣе она выслушала замѣчаніе великаго князя и сказала ему: «О, ты не знаешь, что она мнѣ разсказывала о твоихъ совѣтчикахъ и о Брокдорфѣ по дѣлу того человѣка, котораго ты велѣлъ арестовать». Это должно было показаться великому князю формальною измѣною съ моей стороны. Онъ вовсе не зналъ о моемъ разговорѣ съ императрицею въ Лѣтнемъ дворцѣ и о томъ, что я жаловалась императрицѣ на его Брокдорфа, который сдѣлался для него такъ дорогъ и милъ. Это значило еще болѣе раздражить его противъ меня, можетъ быть, разссорить насъ окончательно, безъ возможности примиренія, и навсегда лишить меня его довѣренности. Поэтому слова императрицы поразили меня чрезвычайно; то, что я передала ей и считала долгомъ своимъ передать для блага ея племянника, то самое она употребила теперь, какъ оружіе противъ меня. Удивленный такимъ признаніемъ великій князь сказалъ: «Вотъ этого анекдота я не зналъ; онъ очень хорошъ и доказываетъ ея злость». Я думала про себя: «Богъ знаетъ, чью злость онъ доказываетъ». Отъ Брокдорфа ея величество сдѣлала рѣзкій переходъ къ сношеніямъ между Штамбке и графомъ Бестужевымъ и сказала мнѣ: «Любопытно знать, чѣмъ извинить его за эти сношенія съ государственнымъ арестантомъ». Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ мое имя не было замѣшано, и императрица о немъ вовсе не упоминала, то я не говорила ни слова, показывая тѣмъ, что слова ея вовсе не относятся ко мнѣ. Затѣмъ она подошла ко мнѣ и сказала: «Ты мѣшаешься въ многія дѣла, которыя до тебя не касаются; я не смѣла этого дѣлать во

время императрицы Анны. Какъ, напримѣръ, осмѣлилась ты посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?» Я отвѣчала: «Я! Никогда мнѣ не приходило и въ голову посылать ему приказанія». «Какъ ты можешь запираться въ перепискѣ съ нимъ?—возразила она:—твои письма вотъ тамъ на туалетѣ (она мнѣ показала на нихъ пальцемъ). Тебѣ запрещено писать». Тогда я сказала ей: «Правда, я писала безъ позволенія, и прошу за то простить меня; но, такъ какъ письма мои здѣсь, то изъ этихъ трехъ писемъ ваше величество можете увидѣть, что я никогда не посылала ему приказаній, но въ одномъ письмѣ передавала ему, что говорятъ объ его поступкахъ». Тутъ она прервала меня и сказала: «Зачѣмъ же ты писала ему объ этомъ?» «Затѣмъ,—отвѣчала я очень просто,— что я принимала въ немъ участіе и очень любила его. Я просила его исполнять ваши приказанія. Въ двухъ остальныхъ письмахъ, въ одномъ я поздравляла его съ рожденіемъ сына, а въ другомъ съ новымъ годомъ». На это она замѣтила: «Бестужевъ говоритъ, что было много еще писемъ». Я отвѣчала: «Если Бестужевъ говоритъ это, онъ лжетъ». «Хорошо же,—сказала она,—такъ какъ онъ обличаетъ тебя, то я велю пытать его». Она думала напугать меня этимъ. Но я отвѣчала ей, что по самодержавной власти своей она можетъ дѣлать все, что найдетъ нужнымъ, но что я все-таки писала къ Апраксину только эти три письма. Она замолчала и, повидимому, стала снова собираться съ мыслями. Я передаю замѣчательнѣйшія мѣста этого разговора, оставшіяся въ моей памяти; всего передать невозможно, такъ какъ разговоръ продолжался, по крайней мѣрѣ, полтора часа. Императрица прохаживалась по комнатѣ, обращаясь то ко мнѣ, то къ своему племяннику, и чаще всего къ графу А. Шувалову, съ которымъ великій князь постоянно заводилъ разговоръ, какъ скоро императрица начинала говорить со мной. Я сказала выше уже, что въ ея величествѣ замѣтно было болѣе озабоченности, нежели гнѣва; что касается до великаго князя, то всѣ слова его во время этого разговора проникнуты были желчью непріязни и даже негодованія на меня; онъ старался всѣми способами возстановить противъ меня ея величество, но какъ способы эти были нелѣпы, и вообще онъ показывалъ больше страстности, нежели здраваго сужденія, то это ему не удалось: императрица по уму своему и проницательности брала мою сторону. Съ особеннымъ вниманіемъ и съ нѣкоторымъ невольнымъ одобреніемъ выслушивала она мои твердые и умѣренные отвѣты великому князю, который безпрестанно заносился и почти явно говорилъ, что ему хочется очистить мое мѣсто, если можно посадить на него тогдашнюю свою метрессу. Хотя императрица могла не согласиться на это, да и сами Шуваловы, по всему вѣроятію, не захотѣли бы очутиться подъ властью Воронцовыхъ, но его высочество никакъ не въ состояніи былъ сообразить этого; онъ

всегда считалъ возможнымъ то, чего ему хотѣлось, и, забравши себѣ что нибудь въ голову, не хотѣлъ знать никакихъ противорѣчій. Наконецъ онъ довелъ дѣло до того, что императрица подошла ко мнѣ и сказала вполголоса: «У меня много еще о чемъ поговорить съ тобою, но теперь я не могу, потому что не хочу, чтобы вы еще больше разссорились». Глазами и головою она мнѣ показала, что не хочетъ больше говорить при другихъ. За такой знакъ доброжелательства въ моемъ критическомъ положеніи я почувствовала къ ней живѣйшую благодарность и отвѣчала тоже почти шопотомъ: «Я также не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы открыть вамъ мою душу и сердце». Я замѣтила, что слова эти произвели на нее благопріятное для меня впечатлѣніе. У нея выступили на глаза слезы, и чтобы скрыть это и до какой степени она растрогана, она велѣла намъ итти къ себѣ, отозвавшись, что очень поздно. Въ самомъ дѣлѣ было уже около трехъ часовъ ночи. Великій князь вышелъ первый, я за нимъ; въ ту минуту, какъ графъ Шуваловъ затворялъ за мною дверь, императрица позвала его, и онъ остался съ нею. Великій князь всегда ходилъ большими шагами; на этотъ разъ я не торопилась догонять его; онъ ушелъ въ свои комнаты, я также пошла къ себѣ. Я раздѣвалась, чтобы лечь спать, какъ въ дверь, въ которую я вошла, кто-то постучался. Я окликнула и услышала голосъ графа Шувалова, который просилъ, чтобъ я впустила его, что я и сдѣлала. Онъ сказалъ, чтобы я выслала женщинъ моихъ, и, когда онѣ вышли, объявилъ, что императрица призывала его къ себѣ и, поговоривъ съ нимъ нѣсколько времени, поручила ему передать мнѣ ея поклонъ и сказать, чтобы я не огорчалась, и что она будетъ имѣть со мною разговоръ наединѣ. Я отдала графу Шувалову низкій поклонъ и велѣла передать ея величеству мое глубочайшее почтеніе и благодарность за ея милости, которыя возвращаютъ меня къ жизни, прибавивъ, что буду съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидать этого второго разговора, и прося, чтобы онъ, Шуваловъ, постарался ускорить его. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я рѣшительно никому не говорила о томъ, а особенно великому князю, который, къ сожалѣнію ея величества, очень раздраженъ противъ меня. Я обѣщала ему это. Я думала: но если жалѣютъ о томъ, то зачѣмъ было еще больше раздражать, передавая ему разговоръ въ Лѣтнемъ дворцѣ и мои отзывы о людяхъ, которые его губятъ. Тѣмъ не менѣе я была очень довольна, что императрица, сверхъ всякаго чаянія, снова сдѣлалась милостива и довѣрчива ко мнѣ. На другой день я сказала племянницѣ духовника, чтобы она поблагодарила своего дядю и передала ему, что онъ мнѣ оказалъ важну услугу, устроивъ этотъ разговоръ. Возвратившись отъ дяди, он сообщила мнѣ отзывъ императрицы, слышанный отъ дяди: е величество сказала, что племянникъ ея дуракъ, но что велика

княгиня очень умна. Я слышала и отъ другихъ, что императрица между приближенными своими безпрестанно хвалила мои способности, прибавляя: «она любитъ истину и справедливость, это—очень умная женщина, а племянникъ мой—дуракъ».

Подъ предлогомъ нездоровья я продолжала оставаться у себя въ комнатѣ. Помню, что тогда я читала, съ картою на столѣ, «Исторію путешествій», первыя пять частей,—чтеніе полезное и занимательное. Когда я уставала читать, то перелистывала первые томы «Энциклопедіи», и между тѣмъ ожидала дня, когда императрицѣ угодно будетъ позвать меня на второй разговоръ. Отъ времени до времени я напоминала Шувалову, что съ нетерпѣніемъ жду, когда наконецъ рѣшится моя участь. Что касается до великаго князя, то я съ нимъ не имѣла вовсе сношеній; слышала только, что онъ ждетъ—не дождется минуты, когда меня отошлютъ, и что онъ навѣрное разсчитываетъ вступить во второй бракъ и жениться на графинѣ Елисаветѣ Воронцовой, которая уже ходила къ нему въ комнаты и разыгрывала тамъ роль хозяйки. Но дядя ея вице-канцлеръ, который былъ лицемѣръ, узнавши о положеніи дѣлъ отъ брата своего, или скорѣе отъ своихъ племянниковъ, которые въ то время были дѣтьми (старшему всего было 20 лѣтъ, или около того), по всему вѣроятію, испугался потерять только что усилившееся довѣріе къ нему императрицы и взялся отговорить меня, чтобы я не просила о своемъ удаленіи. Вотъ какъ было дѣло.

Въ одно прекрасное утро докладываютъ мнѣ, что графъ М. Воронцовъ желаетъ говорить со мной отъ имени императрицы. Меня очень удивила эта чрезвычайная депутація, и хотя я была еще не одѣта, но велѣла просить вице-канцлера. Онъ началъ съ того, что поцѣловалъ у меня руку и пожалъ ее съ большимъ чувствомъ, послѣ чего отеръ нѣсколько слезинокъ, появившихся у него на глазахъ. Я въ то время была нѣсколько предубѣждена противъ него, и потому не давала большой вѣры этому предварительному изъявленію его расположенія ко мнѣ, считая все это пустяками. Я просила его сѣсть. У него была небольшая одышка, происходившая отъ того, что у него было нѣчто въ родѣ зоба. Онъ сѣлъ и сказалъ, что императрица поручила ему переговорить со мною и убѣдить меня, чтобы я не настаивала на своемъ отъѣздѣ, что даже ея величество приказала ему просить меня отъ ея имени выбросить изъ головы это намѣреніе, на которое она никогда не согласится, что онъ лично проситъ и заклинаетъ меня, чтобъ я дала слово больше никогда не говорить о томъ; что это намѣреніе мое чрезвычайно огорчаетъ императрицу и всѣхъ честныхъ людей, въ числѣ которыхъ, какъ увѣрялъ онъ, находился и онъ. Я отвѣчала ему, что готова охотно сдѣлать все угодное императрицѣ и честнымъ людямъ, но что я почитаю жизнь свою и здоровье въ опасности отъ образа жизни, который заставляютъ вести меня,

что для меня невыносимо дѣлать людей несчастными, что у меня безпрестанно отнимаютъ и ссылаютъ моихъ приближенныхъ, что великій князь, который и безъ того не любилъ меня, теперь возстановленъ противъ меня даже до ненависти; что ея величество также почти постоянно оказывала знаки своей немилости; что, будучи всѣмъ въ тягость, я просила позволенія уѣхать и дать мнѣ свободу, такъ какъ иначе я могу умереть отъ скуки и горя. Онъ сталъ говорить мнѣ о моихъ дѣтяхъ. Я сказала ему на это, что я ихъ не вижу, что дочь мою я не видала съ тѣхъ поръ, какъ брала молитву, и не могу ее увидѣть безъ особеннаго разрѣшенія императрицы, которая помѣстила дѣтей моихъ въ двухъ комнатахъ отъ себя; что хотя мнѣ хорошо извѣстны ея попеченія о нихъ, но такъ какъ я лишена утѣшенія видѣть ихъ, то мнѣ все равно, жить ли отъ нихъ въ ста шагахъ или въ ста верстахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что императрица будетъ имѣть со мной второй разговоръ, и прибавилъ, что очень бы желательно было, чтобы ея императорское величество сблизилась со мной. Въ отвѣтъ на это я просила ускорить этотъ второй разговоръ и сказала, что съ моей стороны употреблю всѣ мѣры къ исполненію желанія его на счетъ нашего сближенія. Онъ оставался у меня болѣе часа, говорилъ долго и много о разныхъ вещахъ. Я замѣтила, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ въ кредитъ, въ его рѣчахъ и въ обращеніи произошла перемѣна противъ прежняго; онъ уже говорилъ нѣсколько свысока, между тѣмъ какъ прежде терялся въ толпѣ и былъ недоволенъ императрицею, ходомъ дѣлъ и тѣми лицами, которыя пользовались довѣріемъ и милостью ея величества. Однажды при дворѣ императрица очень долго разговаривала съ австрійскимъ посланниковъ, между тѣмъ какъ онъ, я и всѣ остальные не смѣли садиться и умирали отъ скуки. «Хотите держать пари, — сказалъ онъ тогда мнѣ:—что она говоритъ однѣ пошлости?»—«Что вы это?»—отвѣчала я ему съ усмѣшкою. На это онъ сказалъ мнѣ по-русски слѣдующія характеристическія слова: Она съ природы... Наконецъ онъ ушелъ отъ меня, увѣряя въ своемъ усердіи, и на прощанье снова поцѣловалъ у меня руку.

Такимъ образомъ я могла быть увѣрена, что меня не вышлютъ, потому что меня просили даже не поминать о томъ; но я сочла нужнымъ попрежнему не выходить изъ своей комнаты и показывать видъ, что жду рѣшенія своей участи отъ второго разговора съ императрицею. Долго ждала я этого разговора. Помню, что 21 апрѣля, въ день моего рожденія, я не выходила; императрица во время обѣда прислала А. Шувалова сказать мнѣ, что пьетъ за мое здоровье. Я велѣла благодарить ее за то, что она вспомнила обо мнѣ въ этотъ день, какъ я выразилась, моего несчастнаго рожденія, который я готова бы была проклясть, если бы въ этотъ же день не получила св. крещенія. Великій князь

узнавъ, что императрица посылала поздравить меня, вздумалъ съ своей стороны отрядить такое же посольство. Когда мнѣ доложили о томъ, я встала и очень низкимъ поклономъ воздала мою благодарность. Послѣ праздника моего рожденія и императрицыной коронаціи, которые приходились черезъ три дня одинъ послѣ другого, я все еще продолжала оставаться въ своей комнатѣ; но графъ Понятовскій довелъ до моего свѣдѣнія, что французскій посолъ, маркизъ Лопиталь, очень расхваливаетъ мое твердое поведеніе и говоритъ, что такая рѣшимость не выходить изъ комнаты должна послужить мнѣ въ пользу. Я разсудила, что похвала въ устахъ врага всегда вѣроломна, и вздумала нарочно сдѣлать противное, и въ одно воскресенье, когда никто не ожидалъ меня, одѣлась и вышла изъ моихъ внутреннихъ покоевъ. Надо было видѣть удивленіе и внезапность, которыя я произвела, вошедши въ ту комнату, гдѣ сидѣли дамы и кавалеры. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня пришелъ великій князь; я видѣла изумленіе на лицѣ его. Я въ эту минуту разговаривала съ обществомъ; онъ вмѣшивался въ разговоръ и иногда обращался ко мнѣ; я отвѣчала ему съ достоинствомъ.

Въ это время во второй разъ пріѣхалъ въ Петербургъ саксонскій принцъ Карлъ. Въ первый разъ великій князь принималъ его довольно вѣжливо, но теперь считалъ себя въ правѣ не обращать на него никакого вниманія, и вотъ почему. Въ русской арміи было извѣстно, что во время Цорндорфскаго сраженія принцъ Карлъ одинъ изъ первыхъ обратился въ бѣгство, и, какъ говорили, до такой степени простеръ свою трусость, что счелъ себя безопаснымъ только въ Ландбергѣ. Услыхавши объ этомъ, великій князь рѣшился не говорить съ нимъ и не имѣть никакого сношенія, какъ съ отъявленнымъ негодяемъ. Этому, по всему вѣроятію, немало способствовала дочь Бирона, принцесса Курляндская, о которой я часто имѣла случай поминать: отецъ ея попрежнему содержался въ Ярославлѣ; а между тѣмъ ходили тайные слухи о томъ, что принца Карла хотятъ сдѣлать герцогомъ Курляндскимъ; она возстановляла противъ него великаго князя, надъ которымъ сохранила нѣкоторую долю вліянія. Эта принцесса въ то время была въ третій разъ помолвлена,—за барона Александра Черкасова, за котораго дѣйствительно и вышла въ слѣдующую зиму.

Наконецъ, за нѣсколько дней до нашего отъѣзда въ деревню, графъ А. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ отъ имени императрицы, что послѣ обѣда я должна просить черезъ него позволенія повидать дѣтей моихъ, и что по выходѣ отъ нихъ я буду имѣть столь давно обѣщанное второе свиданіе съ ея величествомъ. Исполняя приказаніе, я въ присутствіи многихъ сказала графу Шувалову, чтобы онъ испросилъ мнѣ у ея величества позволеніе сходить къ дѣтямъ. Онъ пошелъ и воротившись сказалъ мнѣ, что я могу

пойти къ нимъ въ три часа. Я отправилась минута въ минуту и оставалась у дѣтей до тѣхъ поръ, пока графъ Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что я могу видѣть ея величество. Я пошла и застала ее совершенно одну; на этотъ разъ въ комнатѣ не было никакихъ занавѣсокъ, и слѣдовательно мы могли говорить съ ней свободно. Я начала съ того, что поблагодарила ее за это свиданіе, прибавивъ, что одно обѣщаніе о немъ, которое она изволила милостиво дать мнѣ, возвратило меня къ жизни. Послѣ этого она мнѣ сказала: «Я хочу, чтобы ты мнѣ говорила правду обо всемъ, о чемъ я буду тебя спрашивать». Я отвѣчала увѣреніями, что она услышитъ отъ меня одну сущую правду, и сказала, что ничего такъ не желаю, какъ открыть ей мое сердце безъ малѣйшей утайки. Тогда она опять начала спрашивать, дѣйствительно ли я писала къ Апраксину только три письма. Я поклялась ей въ этомъ, потому что въ самомъ дѣлѣ это было такъ. Тогда она стала разспрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя...

ХРОНИКА СЕЛА ИВАНОВСКАГО [1].

I.

Въ 1540-хъ г.г., въ послѣдніе дни правленія царицы Елены Глинской, когда Русь вздохнула свободной грудью послѣ ига басурманскаго, въ Новгородѣ Великомъ жили именитые торговые люди—Собакины; глава семейства, Степанъ Васильевичъ, человѣкъ богатый и всѣми уважаемый, велъ торговлю съ Испаніей и Венеціанской республикой; сыновья его были люди грамотные и толковые: ѣздили на своихъ корабляхъ въ земли заморскія, видѣли раскидистыя пальмы подъ лазурнымъ небомъ Кадикса, бывали въ Венеціи и изумлялись ея величіемъ, пышностью ея повелителя, гордаго дожа Дандоло. Третій сынъ Степана Васильевича—Василій, женился на Людмилѣ Басмановой, которую зналъ съ дѣтства, и зажили они въ любви и согласіи, но недолго продолжалось ихъ счастіе... его Милуша родила ему дочку и предала Богу свою безгрѣшную душу. Загоревалъ, затосковалъ молодой вдовецъ и уѣхалъ въ земли далекія, чтобы разогнать горе великое, проѣздилъ три года, и гдѣ

---

[1]) Хронику эту я записала со словъ матери моей, В. П. Ермоловой, бывшей владѣлицы села Собакина; ей же хроника эта частью была передана ближайшей ея сосѣдкой, В. А. Ивановой, урожденной Соковниной, изъ рода Собакиныхъ, среди которыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе переходило преданіе о несчастной судьбѣ царицы Марѳы. Авт.

только не бывалъ онъ, чего не насмотрѣлся! Но пришлось вернуться въ Новгородъ, да какъ-то ему все дико стало; отвыкъ онъ отъ нашихъ нравовъ и сталъ просить отца опять отпустить его въ новое путешествіе.—«Пожалуй,—сказалъ Степанъ Васильевичъ,—поѣзжай съ Богомъ, коли дома не любо, да только не въ заморскія земли, тебѣ наша матушка-Русь опостылѣла», — и снарядилъ онъ сына ѣхать въ Астрахань, внизъ по Волгѣ, на своемъ баркасѣ, поручилъ ему завести торговлю съ астраханскими купцами. Молодой Собакинъ съ радостью вновь собрался въ далекій путь. Онъ еще на Волгѣ не бывалъ: мѣста все новыя и живописныя, а долгое пребываніе за границей образовало его, онъ любилъ природу и наслаждался ею, ѣхалъ не торопясь. Такимъ образомъ онъ осмотрѣлъ Нижній Новгородъ, Казань, и, продолжая свое путешествіе внизъ по Волгѣ, однажды рано утромъ былъ такъ плѣненъ живописной мѣстностью, мимо которой плылъ на баркасѣ, что приказалъ причалить къ берегу. Былъ конецъ апрѣля, и Волга разлилась въ широкую даль, словно море; на берегу, у котораго онъ причалилъ, ютилось нѣсколько жалкихъ лачугъ рыбаковъ, надъ которыми высилась высокая крутая гора, вся покрытая яблонями и вишневыми деревьями, въ ту пору въ полномъ цвѣтѣ. На вершинѣ горы, обрамленной вѣковыми деревьями, виднѣлся храмъ и нѣсколько домовъ. Василій Степановичъ узналъ, что это—довольно богатый поселокъ [1]) Кайбула, или Крестово-Городище, въ которомъ жили преимущественно купцы-рыбопромышленники. Пристань, гдѣ онъ причалилъ, была удобная и безопасная, и молодой Собакинъ отправился въ поселокъ, чтобы его осмотрѣть и пообѣдать на постояломъ дворѣ. Здѣсь онъ узналъ, что въ верстахъ 200 отъ Кайбула, въ селѣ Парамзинѣ, есть чтимая чудотворная икона Святителя Николая. Воспитанный въ страхѣ Божіемъ богоязливой матерью, Василій Степановичъ чтилъ наши православныя святыни и рѣшилъ съѣздить поклониться этому образу, столь почитаемому. Оставивъ свой баркасъ и людей на пристани въ Кайбулѣ, онъ сѣлъ на коня и, сопровождаемый только двумя слугами, отправился въ путь.

Дорога, по которой ѣхалъ путешественникъ, шла однообразная, столбовая; было страшно знойно и пыльно, и солнце начало опускаться на закатѣ, когда онъ въѣхалъ въ вѣковой сосновый лѣсъ, гдѣ отовсюду вѣяло прохладой. Василій Степановичъ съ наслажденіемъ, полной грудью вдыхалъ смолистый лѣсной воздухъ; весело и бодро сталъ ступать добрый конь его по мягкой тропинкѣ, и, незамѣтно проѣхавъ такимъ образомъ верстъ 15, Собакинъ вдругъ очутился на скатѣ горы, внизу которой, какъ въ котловинѣ, было

---

[1]) Нынѣ губернскій городъ Симбирскъ.

раскинуто обширное село [1]). У подножія горы стоялъ храмъ деревянный и около него часовенка, изъ которой струился родникъ чистой, какъ хрусталь, студеной воды. На окраинахъ села текла весело и шумно широкая рѣчка. Солнце стало садиться, озаряя все вокругъ багрово-краснымъ свѣтомъ; стада возвращались съ полей,— все дышало жизнью, миромъ и спокойствіемъ въ этой прекрасной мѣстности. Вдругъ раздался колокольный звонъ. Василій Степановичъ вспомнилъ, что канунъ Троицы, и, хотя благовѣстъ былъ уже къ Достойной, онъ поспѣшилъ спуститься съ горы и войти въ церковь. Старенькая, убогая, она показалась чуднымъ храмомъ усталому путешественнику, вся залитая лучами заходящаго солнца, которое какъ бы озаряло ее литымъ золотомъ. Ему какъ-то стало вдругъ хорошо и свѣтло на душѣ, и казалось, что потемнѣвшіе лики святыхъ кротко и привѣтливо на него глядятъ. Горячо, преклонивши колѣна, помолился онъ, и его сердце почему-то предвѣщало, что въ этомъ храмѣ наступитъ для него новая жизнь, начнется новое счастье. По окончаніи всенощной, вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ кресту высокаго роста старецъ. Длинные, сѣдые волосы, такая же борода придавали ему видъ патріарха; онъ привѣтливо взглянулъ на молодого незнакомца, и добрый ласковый взоръ его сразу проникъ въ глубину души Василія Степановича. Онъ низко поклонился старику, который съ нимъ заговорилъ, и, узнавъ, по какой причинѣ онъ находился въ этой мѣстности, пригласилъ его къ себѣ отдохнуть и переночевать. Старецъ этотъ былъ бояринъ Соковнинъ, владѣлецъ этого села и всѣхъ окрестныхъ зе-

---

[1]) Село это называется и до сихъ поръ Ивановскимъ, Собакино, Чамбулъ тожъ, и расположено на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ находилось въ тѣ времена, о которыхъ здѣсь говорится. До 1870 г. густой лѣсъ еще обрамлялъ село Собакино, теперь же большая часть его вырублена, такъ что и слѣдовъ этихъ вѣковыхъ лѣсовъ не осталось. Часовня и нынѣ стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Храмъ первоначально былъ перестроенъ В. С. Собакинымъ въ память усопшей дочери своей, Мареы Васильевны, третьей жены царя Іоанна Васильевича Грознаго, и затѣмъ по ветхости въ 1728 г. еще разъ обновленъ Петромъ и Дарьей Соковниными, потомками по женской линіи В. С. Собакина. Иконостасъ древній сохранился нетронутымъ до 1886 г., когда слишкомъ ревностный священникъ, желая его сдѣлать болѣе современнымъ, къ сожалѣнію, снялъ на половину; древній же иконостасъ изображалъ до потолка стѣну, сверху донизу покрытую иконами древняго письма. Въ церкви существуютъ образа четырехъ евангелистовъ, по преданію, сохранившіеся будто бы отъ древняго храма до перестройки онаго В. С. Собакинымъ въ 1574 г. Широкая быстрая рѣчка Чамбулъ — нынѣ лишь ручеекъ, изъ котораго, однако, образуется нѣсколько прудовъ. По преданію, усадьба Собакинская находится именно на томъ же мѣстѣ, гдѣ была въ тѣ времена. Изъ рода Соковниныхъ часть села Собакина перешла въ руки моего дѣда, адмирала Дурасова, а отъ него—къ его дочери, моей матери, В. П. Ермоловой. Нынѣ имѣніе Собакинское принадлежитъ удѣльному вѣдомству, а усадьба—моему брату Д. Ѳ. Ермолову. Въ одномъ изъ садовъ усадьбы видны слѣды укрѣпленій, правильно расположенныхъ валовъ и кургановъ.

Авт.

мель и обширныхъ лѣсовъ. Всѣми уважаемый и любимый за свою доброту Михаилъ Петровичъ Соковнинъ жилъ со своей единственной дочерью Мареой. Много онъ горя потерпѣлъ: потерялъ жену, двухъ сыновей — красивыхъ юношей, одинъ утонулъ, купаясь съ товарищами въ Чамбулѣ, другой какъ-то поболѣлъ недѣли двѣ какой болѣзнью—неизвѣстно, горѣлъ весь и бредилъ, такъ и умеръ, не приходя въ себя; теперь старикъ остался одинъ со своей Мареушей, въ которой души не чаялъ.

Усадьба Соковниныхъ была видна съ горы: она утопала въ густой зелени окружающихъ ее садовъ. Подъѣзжая къ усадьбѣ, Василій Степановичъ былъ пораженъ, увидя, въ какомъ образцовомъ порядкѣ и съ какою для того времени роскошью она содержалась. Это былъ настоящій укрѣпленный городокъ, обнесенный высокой стѣной, около которой прогуливался стражникъ. Многочисленные слуги, чисто и опрятно одѣтые, имѣли бодрый и веселый видъ и, казалось, боготворили своего хозяина. Было въ ту пору необходимо укрѣплять свои усадьбы: времена были смутныя, татаръ [1]) водилось въ окрестности и въ воеводствѣ великое множество; цѣлыя шайки этихъ такъ еще недавно басурманскихъ властителей разбойничали и нападали на плохо укрѣпленныя или беззащитныя вотчины, грабили, убивали безпощадно, а женщинъ и дѣвицъ увозили въ свои гаремы. Молодой Собакинъ былъ принятъ радушно Михаиломъ Петровичемъ Соковнинымъ, какъ дорогой гость, и не одинъ и не два дня пробылъ онъ у него, а на всю жизнь остался. Полюбилась ему Мареуша, красивая и кроткая, въ свою очередь и она привязалась къ красивому, образованному молодому человѣку и полюбила его со всей пылкостью юнаго сердечка. Соковнинъ также оцѣнилъ качества и умъ этого какъ бы Богомъ посланнаго ему незнакомца. Онъ чувствовалъ, что дни его сочтены, и мысль оставить свою дорогую дочку на попеченіе такого мужа его успокоивала и была ему люба. Благословилъ онъ молодую чету, и сыграли свадьбу, повѣнчали ихъ въ томъ же храмѣ, гдѣ и онъ сочетался съ ея горячо любимой матерью, и гдѣ молодой Собакинъ такъ еще недавно горячо молился о дарованіи ему отъ Всевышняго счастія и душевнаго спокойствія. Поѣхали молодые въ Новгородъ Великій поклониться родителямъ и, забравъ съ собой малютку Милушу, вернулись въ отчину тестя, въ родное дорогое

---

[1]) И до сихъ поръ очень много татаръ въ Симбирской губерніи и въ ближайшей окрестности Собакина очень много селъ, населенныхъ прямыми потомками татаръ тѣхъ временъ. Въ селѣ Тимошкинѣ, въ 25 верстахъ отъ Собакина, живутъ именитые купцы Акчурины и князья Кураміши, преимущественно владѣльцы суконныхъ фабрикъ.

Когда Мареа Васильевна Собакина стала женою царя Іоанна Грознаго, то было отъ него повелѣніе называть село Собакино Ивановскимъ, которымъ оно и именуется при составленіи формальныхъ актовъ. Авт.

гнѣздо Мароы Михайловны, гдѣ зажили тихо и мирно. Еще годикъ пожилъ съ ними Михаилъ Петровичъ, полюбовался ихъ счастіемъ и скончался безболѣзненно, непостыдно, мирно, и съ тѣхъ поръ село Соковнино стало называться «Собакинымъ» и до сихъ поръ носитъ это имя. Мароа Михайловна, добрая и справедливая, любила свою падчерицу и не дѣлала ни малѣйшей разницы между нею и своими дѣтьми. У нея было три дочери: любимицей отца была вторая дочь Мароинька, красавица, что называется, писаная: высокая, стройная, чудные голубые глаза озаряли ее лицо чарующимъ взглядомъ, но что было въ ней восхитительно—это ея волосы: какъ литое золото, падали они волнистыми кудрями на ея плечи, между тѣмъ какъ брови и длинныя, словно бахрома, рѣсницы были, какъ смоль, черныя.

— Чудное дѣло,—говорилъ ея отецъ, гладя ее по головкѣ,—казалось бы, не я, а твоя матушка была въ землѣ Венецейской, гдѣ водятся такіе кудри, и, поразившись ими, она тебѣ ихъ подарила.

Мароинька страстно любила отца, часто сидѣла съ нимъ въ его горницѣ, и онъ ей разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, о чудной землѣ, гдѣ растетъ пальма высокая, о синемъ прозрачномъ морѣ, о той странѣ дивной подъ лазурнымъ небомъ, гдѣ нѣтъ зимы, гдѣ растутъ такіе цвѣты сказочные, о коихъ и не вѣдаютъ на нашей матушкѣ Руси. Говорилъ онъ о томъ чудесномъ городѣ, что стоитъ на водѣ, гдѣ никогда не слышенъ стукъ колесъ или топотъ коней, гдѣ люди плывутъ въ золоченыхъ и разрисованныхъ лодкахъ, гдѣ говорятъ такъ звучно, словно поютъ... Дивилась Мароинька этимъ разсказамъ, жалѣла, что не пришлось ей увидать этихъ чудесъ вмѣстѣ съ родимымъ батюшкой и побывать въ этихъ сказочныхъ царствахъ. Сестры Мароиньки были миловидныя дѣвушки, но онѣ равнодушно относились къ разсказамъ отца. Онѣ больше любили быть въ своемъ теремѣ и слушать сказки своихъ мамокъ и нянекъ, вышивать и пѣть со своими сѣнными дѣвушками и читать псалтирь съ о. Александромъ, который обучалъ ихъ грамотѣ. Но и Мароинька не отставала отъ сестеръ, она чудесно вышивала серебромъ и золотомъ, и всѣ облаченія въ Собакинской церкви были ея работой [1]). Она прекрасно читала и писала, такъ какъ учителемъ былъ ея отецъ. Изъ обширнаго сада усадьбы Собакиныхъ боярышень никуда не пускали, только водили въ церковь; въ чудные же лѣса, гдѣ было такъ хорошо и прохладно лѣтней порой, имъ ходить было строго воспрещено, ибо тамъ водился и звѣрь и человѣкъ лихой.

---

[1]) До сихъ поръ сохраняются въ Собакинской церкви риза и епитрахиль, вышитыя собственноручно Мароой Васильевной Собакиной и весьма хорошо сохранившіяся. **Авт.**

Когда пріѣзжали къ Василію Степановичу сосѣдніе бояре и именитые люди, они всегда были приняты ласково и радушно, но болѣе всего онъ былъ друженъ съ однофамильцемъ своего покойнаго тестя, бояриномъ Петромъ Соковнинымъ, владѣльцемъ небольшого села «Хвостиха», верстахъ въ 14 отъ Собакина. Эти Соковнины были люди не богатые, но весьма почитаемые во всей окрестности. Одинъ изъ сыновей Соковнина, Алеша, года на три старше Мареиньки, былъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ особенно друженъ съ ней; они вмѣстѣ рѣзвились, подчасъ и ссорились, но Алеша былъ всегда рабомъ своей пріятельницы, которая повелѣвала имъ... Такъ время шло... Мареинькѣ минуло пятнадцать лѣтъ; Алеша сталъ красивый восемнадцатилѣтній юноша, и надоумились они, что любовь ихъ ужъ не братская, а горячая, нѣжная, и рѣшили они повиниться матушкѣ-родимой, поклониться ей въ ноги, попросить благословенія и поддержки у отца. Мареа Михайловна даже не удивилась: она видѣла, какъ любовь дѣтская превращалась въ иную, и была этому рада. Ей былъ любъ Алеша, и она со слезами радости благословила своихъ дѣтей на супружество и обоюдную любовь и счастіе, пошла къ мужу и просила его дать согласіе на этотъ бракъ. Василій Степановичъ подумалъ и порѣшилъ, что хотя Алеша и безприданникъ, но что онъ—добрый молодецъ, и что если Мареинька будетъ женой его, то онъ останется жить съ ними въ Собакинѣ, и далъ свое согласіе. Послали за о. Александромъ и обручили молодую чету, и вотъ стали веселье и радость великія въ Собакинѣ; счастью же юныхъ нареченныхъ жениха и невѣсты не было предѣла, и имъ казалось, что любовь ихъ возростаетъ съ каждымъ днемъ.

II.

Василій Степановичъ рѣшилъ, что до свадьбы нужно съѣздить въ Новгородъ къ роднымъ и представить жениха и невѣсту всѣмъ близкимъ и друзьямъ. Восемнадцать лѣтъ не былъ онъ на родинѣ. Отецъ его скончался, а мать почти ослѣпла, и хотѣлось ей хотя однимъ глазкомъ узрѣть сына, невѣстушку и дѣтокъ ихъ; не разъ просила она его пріѣхать въ Новгородъ, и вотъ случай самый лучшій, чтобы собраться всѣмъ семействомъ въ дальній путь. Почему-то Мареѣ Михайловнѣ не хотѣлось ѣхать до свадьбы.

— Подожди,—говорила она мужу,—обвѣнчаемъ раньше дѣтокъ нашихъ и потомъ ужъ поѣдемъ.

Но онъ на это не согласился.

— Обвѣнчаемъ по возвращеніи,—возразилъ онъ,—на что торопиться? Молоды еще, успѣютъ, а пока, какъ я рѣшилъ, пусть такъ и будетъ.

И начались сборы... рѣшено было ѣхать изъ Кайбулы на баркасѣ, а людей, лошадей и колымагъ нагрузить на плотъ буксиромъ

и такимъ образомъ подняться вверхъ по Волгѣ до Твери, а тамъ до Новгорода сухимъ путемъ. Всѣхъ снарядили, отслужили молебенъ Владычицѣ Пресвятой Богородицѣ и тронулись въ путь. Былъ конецъ апрѣля; рѣки разлились, солнышко ярко заблистало, послѣ суровой зимы вся природа возрождалась: деревья покрывались нѣжной листвой, птички весело защебетали, и весело и отрадно было на душѣ путешественниковъ. Мароа Михайловна одна чувствовала какую-то непонятную тревогу, уѣзжая изъ Собакина, и эту тревогу раздѣляла съ ней няня Мароинькина—старуха Нестеровна. Наканунѣ отъѣзда ей снился ужасный сонъ: она видѣла, что какое-то ужасное чудовище, не то медвѣдь, не то крылатый змѣй, бросился на Алешу, и онъ палъ мертвымъ, и алая кровь струилась ручьемъ изъ груди юноши.

— Это не къ добру,—толковала она.

— Глупости,—журилъ жену и старуху Василій Степановичъ,— Нестеровна наужиналась на ночь, вотъ ей и снится Богъ вѣсть что, а ты, Мароуша,—продолжалъ онъ,—тревожишься потому, что для тебя путешествіе—дѣло непривычное, а поѣздила бы ты, какъ я, по бѣлу свѣту, такъ и не задумалась бы нисколько, а я-то засидѣлся въ Собакинѣ, словно Илья Муромецъ, пора и провѣтриться.

Наконецъ все было готово, и тронулись въ путь. Проѣхали село, мостъ черезъ Чамбулъ и остановились у церкви, около которой стоялъ о. Александръ съ крестомъ и святой водой. Мароа Михайловна и дѣвушки прослезились, съ умиленіемъ прикладываясь къ св. Распятію, и пѣшкомъ поднялись на крутую гору. Мароинька, садясь въ колымагу, еще разъ обернулась и, долгимъ взоромъ окинувъ родное гнѣздо, которое было ей столь дорого, горько заплакала.

— Прощай, мое Собакино,—сказала она,—родныя поля и долины, не узрятъ васъ больше мои очи!

— Полно, дитятко,—успокоивала ее мать,—что за мысли такія? Пріѣдемъ всѣ живы и здоровы, дастъ Господь, и сыграемъ мы свадьбу всѣмъ на славу!

— Ну, довольно, — заворчалъ Василій Степановичъ, — вамъ, бабью, только и сидѣть въ теремахъ да ленъ прясть, пора и въ путь.

Тронулись и скоро въѣхали въ вѣковой чудный лѣсъ, столь памятный Василію Степановичу.

Наконецъ-то дѣвушки попали въ то заколдованное царство, которое имъ казалось столь сказочнымъ міромъ, и которое столько уже лѣтъ было такъ близко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко отъ нихъ. И дѣйствительно хорошо тамъ было! Попадались цѣлыя поляны, какъ бы засѣянныя незабудками... Мароинька забыла свои слезы и вмѣстѣ съ сестрами то и дѣло соскакивала съ колымаги и приносила матери цѣлые пучки бирюзовыхъ цвѣточковъ.

Чудно и прохладно было ѣхать, пока не попали на пыльную столбовою дорогу. Изъ Собакина до Кайбулы—верстъ 65; къ вечеру пріѣхали на ночлегъ, а на другой день въ полдень въѣхали въ поселокъ, и двинулись подъ гору, гдѣ на пристани ждалъ ихъ баркасъ, на которой они сѣли, и пустились въ долгій и въ то время небезопасный путь. Хорошо было ѣхать по широкой матушкѣ Волгѣ; почти цѣлый мѣсяцъ плыли они до Твери. Причаливали, гдѣ хотѣлось, варили уху янтарную изъ пойманныхъ тутъ же стерлядей, гуляли по берегу; часто въ прозрачную майскую ночь, когда небо сіяло звѣздами, на баркасѣ Алеша запѣвалъ своимъ звонкимъ теноромъ, дѣвушки и слуги вторили, и далеко въ прозрачную даль неслась пѣснь удалая... Приходилось не разъ встрѣчать лодки съ недобрыми людьми, но у Василія Степановича было много слугъ, притомъ хорошо вооруженныхъ, и на баркасѣ были двѣ маленькія пищали, а потому напасть на нихъ никто не рѣшался. Особенно около Казани много было татаръ, которые цѣлыми шайками показывались на берегахъ, но люди на баркасѣ дружно брались за весла и быстро плыли впередъ. Доѣхали такимъ образомъ до Нижняго Новгорода; здѣсь Василій Степановичъ рѣшилъ отдохнуть. У него въ Нижнемъ былъ родственникъ его первой жены, бояринъ Басмановъ, который гостепріимно встрѣтилъ своихъ родичей, и они у него пробыли нѣсколько дней. Дѣвушки и даже сама Марѳа Михайловна были въ восторгѣ отъ всего видѣннаго: гуляли въ Кремлѣ, любовались широкой Окой, усердно молились чудотворной иконѣ Божіей Матери въ монастырѣ, куда ходили пѣшкомъ на богомолье, и опять собрались въ путь. Вотъ наконецъ добрались путешественники и до Твери, и, оставивъ тутъ свой баркасъ, женщины сѣли въ колымаги, а мужчины на коней и поѣхали дальше. Долго ѣхали они долами, лѣсами дремучими, часто приходилось ночевать въ лѣсу, но было такъ тепло и хорошо, такъ легко дышалось лѣснымъ пахучимъ воздухомъ. Для Марѳы Михайловны и дочерей ставились татарскія войлочныя кочевки, постилались ковры, сѣнники со свѣжимъ ароматнымъ сѣномъ, и спалось чудно, а чуть солнышко, словно шаръ огненный, покажется на востокѣ, и птички проснутся, наши путешественники ужъ на ногахъ, помолятся, закусятъ и опять дальше. Наконецъ стали они приближаться къ Новгороду; на одномъ привалѣ Марѳинька и Алеша сѣли въ прохладѣ около родника. Они молчали, но молчаніе это было краснорѣчивѣе словъ: онъ глядѣлъ на нее жгучимъ взглядомъ, и она ему казалась неземной красоты. Любовь его росла съ каждымъ днемъ, и пылкое сердце юноши всецѣло отдалось этой чистой, но и безпредѣльной страсти... Марѳинька, вся зардѣвшись отъ этого страстнаго взгляда, опустила свои очи; ей тоже безпредѣльно былъ милъ ея красавецъ Алеша, и ни на кого въ мірѣ не промѣняла бы она своего

ненагляднаго друга... Ей думалось, какъ счастлива будетъ она, когда вернется въ родное и дорогое Собакино, гдѣ старецъ, о. Александръ, соединитъ ихъ на всю жизнь въ томъ храмѣ, гдѣ она привыкла возносить молитвы ко Всевышнему, и никогда больше не разстанется она со своимъ Алешей, и день и ночь вмѣстѣ... И при этой мысли лицо Мароиньки покрылось такимъ румянцемъ, что Алеша посмотрѣлъ на нее удивленно, но въ эту минуту какъ будто изъ земли выросла предъ ними старая цыганка...

— Боярышня, — сказала она,—покажи бѣлую ручку, я тебѣ поворожу...

Алеша улыбнулся.

— Ничего не наворожишь, старуха, и новаго не скажешь, мы сами знаемъ, что должно быть съ нами.

Но Мароинька съ любопытствомъ протянула ей руку, и цыганка, осмотрѣвъ ее пристально, вдругъ пала къ ногамъ дѣвушки.

— Что ты дѣлаешь?—смущенно спросила та.

— Кланяюсь русской царицѣ,—отвѣтствовала цыганка.

Мароинька весело захохотала.

— Я—царица?!.. да Богъ съ тобой!..

Алеша тоже засмѣялся, взялъ ея другую руку и, крѣпко сжавъ, сказалъ:

— Правда твоя, старуха, царица она и теперь сердца моего, души и всей жизни моей...

— Жизни твоей!—сказала цыганка, покачавъ головой:—а знаешь ли ты, сколько продлится она, жизнь твоя?—и, грустно взглянувъ на ихъ обоихъ, продолжала:—бѣдные, жаль мнѣ васъ, но не та будетъ судьба ваша, что̀ ждете вы. Ты, дѣвица-красавица, будешь, какъ я сказала, царицей, и не любъ будетъ тебѣ твой царь. Злой недругъ у тебя будетъ, погубитъ онъ васъ, бѣдняжекъ, разлучитъ тебя съ твоимъ милымъ, и горючія слезы прольешь ты изъ ясныхъ очей твоихъ... А еще предваряю тебя, берегись черноокой красавицы и питья сладкаго... Ты же, молодецъ, мужайся, много горя и страданій ты претерпишь и вспомнишь цыганку, когда будешь пить воду студеную...

Не успѣли молодые люди опомниться, какъ она исчезла за кустами, не дождавшись даже вознагражденія. Бѣдняжка Мароинька! Зловѣщія слова цыганки навели на нее ужасный испугъ, она вся дрожала и плакала, говоря, что чуетъ близкое несчастье и разлуку съ Алешей; онъ самъ встревожился, но успокоивалъ ее, говоря:

— Все, что вѣдьма старая наворожила,—пустякъ, ибо можетъ ли Мароинька быть царицей русской? Ничего вѣдь подобнаго случиться не можетъ, и потому нужно только смѣяться и не вѣрить этимъ пустымъ словамъ.

Василій Степановичъ приказалъ отыскать немедленно цыганку, но лѣсъ былъ великъ, а она знала его, должно быть, хорошо, ибо ее не могли найти. Марѳа Михайловна была сильно озабочена, но молчала о своей сердечной тревогѣ, ибо знала, что мужъ ее осмѣетъ и даже разбранитъ, да и не хотѣла она еще больше растревожить дочь. Но вотъ наши путешественники вопреки всякихъ тревогъ ужъ близко отъ Новгорода.

Роднымъ Василія Степановича было извѣстно черезъ посланнаго наканунѣ гонца, что онъ уже въ верстахъ 15 находится, и всѣ выѣхали встрѣчать дорогихъ гостей. Восемнадцать лѣтъ не видались братья, слезно встрѣтились они, радостно обнимались и лобызались: вѣдь, всегда жили въ мирѣ и согласіи, раздѣлились по-божьему, безъ ссоръ и зависти, люди были праведные—по чести жили, не сотворяли себѣ кумира въ одномъ мамонѣ и не обижали ни близкаго ни чужого. Всѣ любовались на дѣвушекъ, а особенно были поражены красотою Марѳиньки; Алешу приняли ласково, какъ будущаго племянника.

III.

Именитые и торговые люди Собакины были въ большомъ почетѣ въ Новгородѣ Великомъ. Всѣмъ было извѣстно, что везутъ къ нимъ красавицу-племянницу и удалого молодца, жениха, на показъ, и многіе около города вышли поглядѣть на нихъ.

Дѣвушкамъ было весело смотрѣть на новыхъ родственниковъ и на родину батюшки родимаго. Марѳинька даже забыла лихое предсказаніе цыганки и высунула свою головку изъ колымаги, чтобы лучше смотрѣть на все окружающее ее столь новое, необычайное.

Она была прелестна: золотые кудри выбились изъ-подъ платочка бирюзоваго цвѣта, глаза горѣли, и улыбка озаряла ея личико. Въ эту минуту поравнялись съ ними два всадника, окруженные многочисленной стражей; одинъ изъ нихъ красивый, темнорусый мужчина, довольно просто одѣтый, ловко сидѣлъ и управлялъ чуднымъ бѣлоснѣжнымъ конемъ. На поклонъ Собакиныхъ онъ привѣтливо отвѣтилъ. На второмъ былъ роскошный парчевой кафтанъ, вышитый самоцвѣтными камнями; несмотря на молодость,—онъ былъ почти что юноша,—видъ его былъ величественный, и красивая наружность и ласковый видъ производили самое пріятное и даже чарующее впечатлѣніе. Поровнявшись съ колымагой и увидѣвъ головку Марѳиньки, онъ пріостановился, какъ бы пораженный ея видомъ, и съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на нее.

Когда же они отъѣхали, Василій Степановичъ спросилъ у брата, кто—эти бояре, и тотъ почти шопотомъ, какъ бы боясь чего-то, отвѣтилъ:

— Князь Грязновъ-Ростовскій, любимецъ царя Іоанна Васильевича, родичъ нашего воеводы, и молодой бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, зять Малюты Скуратова, начальника царской опричины.

— Что они здѣсь дѣлаютъ?

— Молва идетъ, что невѣстъ вербуютъ для царя Іоанна Васильевича.

Василій Степановичъ вздрогнулъ и переглянулся съ Алешей, который поблѣднѣлъ, но оба смолчали; наконецъ подъѣхали къ жилищу старшаго Собакина. Это были настоящіе хоромы съ разными башнями, ходами, крыльцами и крылечками; все строеніе было украшено, словно кружевомъ, вычурной рѣзьбой. У главнаго крыльца стояла мать Василія Степановича съ образомъ, окруженная невѣстками, дочерьми и внучатами. Встрѣча матери и сына была трогательная. Тихая и безмятежная жизнь Василія Степановича его сохранила: онъ мало постарѣлъ и въ 46 лѣтъ еще былъ очень красивъ и моложавъ, и старуха не могла налюбоваться на своего дорогого сына. Вошли въ горницу и повели своихъ новыхъ родственниковъ въ обширные терема, роскошно и красиво убранные. Тамъ помѣстили Марѳу Михайловну съ дочерьми и ихъ многочисленныхъ мамокъ и нянекъ,—мѣста хватило на всѣхъ. Начались разговоры. У Марѳы Михайловны и ея золовокъ было много о чемъ поговорить; дѣвушки тоже познакомились и видимо понравились другъ другу: онѣ весело смѣялись и болтали. Одна только изъ дочерей Григорія Степановича какъ-то недружелюбно отнеслась къ Марѳинькѣ. Ей было уже подъ 35 лѣтъ, и она была весьма некрасива: все лицо у нея было изрыто оспой, словно рѣшето, и на одномъ глазѣ было бѣльмо, а въ довершеніе всего она была кривобока. Молодежь новгородская ея не жаловала и прозвала «бабой-ягой, костяной ногой». Сестеръ она ненавидѣла: двѣ изъ нихъ, много моложе ея, были уже замужемъ и успѣли обзавестись дѣтьми, а она все въ дѣвкахъ сидитъ, и ни разу не приходила къ ней сваха. Разъ, однако, былъ у нея женихъ, но сватовство это кончилось печально. Былъ въ Новгородѣ нѣкто Иванъ, по прозвищу «Безродный», найденышъ, такъ малый—дрянцо безъ рода и племени, не было у него ни алтына денегъ, и какъ выросъ онъ, Богъ вѣдаетъ; былъ онъ не то прихлебатель, не то шутъ: потѣшалъ молодыхъ боярскихъ сыновей, которые его за это кормили, награждали старой съ плеча одеждой, порой деньжонками, а не разъ и колотушками. Ванька все сносилъ, душа у него была подленькая, надо же было жить какъ нибудь, ничего не дѣлая. Однажды собралось нѣсколько боярскихъ сыновей на площади, а тутъ же случился и Ванька, и вздумалъ одинъ изъ нихъ, большой повѣса Кикинъ, потѣшиться надъ нимъ:

— Слушай, Ванька,—говоритъ онъ:—пора тебѣ жениться, а то ты шатаешься безъ угла и кола, словно нищій, а, можетъ быть, ты и боярскаго рода. Вотъ, посмотри, невѣста прямехонько на тебя изъ окна терема глядитъ.

— Это баба-яга-то?—оскалилъ зубы Ванька:—да она не захочетъ и поглядѣть на меня, я-то—шутъ гороховый, безродный, а она—именитая да богатая, хотя и рожа, словно борона проѣхала по ней.

— Ручаюсь, что выйдетъ за тебя,—отвѣтилъ Кикинъ:—кромѣ тебя, не посватается за нее никто; хотя и богатая она, а ты вотъ что, поди сейчасъ, не робѣй и посватайся, а я тебѣ кафтанъ подарю.

— Ладно,—сказалъ Ванька, и тутъ же на глазахъ всѣхъ взобрался на крыльцо Собакина и постучался.

Григорій Степановичъ весьма былъ удивленъ, когда ему доложили, что Ванька Безродный желаетъ его видѣть, но раздумавши, что, можетъ статься, его кто либо прислалъ съ порученіемъ, принялъ. Онъ сильно Ваньку презиралъ, не потому, однако, что онъ былъ бѣденъ и безъ роду и племени, а потому, что не терпѣлъ подобныхъ подлипалъ безъ совѣсти и чести.

— Что тебѣ нужно?—сурово спросилъ онъ его:—мнѣ некогда говорить съ тобой.

— Я не говорить пришелъ,—нагло отвѣтилъ Ванька,—а челомъ бить предъ тобой, просить отдать за меня дочь твою Алену Григорьевну.

Григорій Степановичъ сначала остобенѣлъ, но, вдругъ сообразивъ всю наглость Ванькиныхъ словъ, наградилъ его вмѣсто отвѣта такой оплеухой, что у него искры посыпались изъ глазъ.

— Ахъ, ты, песъ нечестивый!—сказалъ онъ:—шутъ позорный, какъ ты смѣешь?

— Если я песъ, такъ мнѣ и подобаетъ жениться на Собакиной дочери,—дерзко отвѣтилъ взбѣшенный Ванька.

Когда Григорій Степановичъ услышалъ эти слова, гнѣву его не стало предѣла. Онъ схватилъ наглеца за шиворотъ и тяжелымъ посохомъ наградилъ его такой потасовкой, какой Ванька въ жизни никогда не видалъ, и собственноручно выбросилъ его на крыльцо, съ котораго тотъ скатился кубаремъ. Собравшіеся на площади пришли въ восторгъ, увидѣвъ Ваньку, который шаромъ катился по ступенькамъ, изодранный и съ огромнымъ синякомъ на глазѣ.

— Эхъ, дуракъ,—сказалъ Кикинъ, который до слезъ хохоталъ:—не такъ приступилъ ты къ сватовству: тебѣ бы съ самой бабой-ягой объясниться, и она ни за что не отказала бы тебѣ, убѣжала бы съ тобой, ненагляднымъ дружкомъ.

Ванька погрозилъ всѣмъ кулакомъ и, громко ругаясь, убѣжалъ, давая себѣ въ своемъ подленькомъ сердцѣ клятву отмстить Собакину и всѣмъ вообще.

IV.

Послѣ отлично проведенной ночи на мягкихъ пуховикахъ въ просторныхъ хоромахъ, наши путешественники чувствовали себя прекрасно. День былъ воскресный, и всѣ, конечно, отправились къ обѣднѣ въ соборъ. Народу собралось много, было тѣсно, и, входя въ храмъ, Маренька, которая смиренно шла съ сестрами, какъ-то локтемъ задѣла шедшую впереди молодую дѣвушку въ пышномъ нарядѣ боярышни; та обернулась, и ея чудные черные глаза сердито сверкнули на смущенную дѣвушку; какъ будто что-то зловѣщее проникло въ сердце Мароиньки, ее обдало какимъ-то могильнымъ холодомъ, и она покачнулась. «Что съ тобой, дѣвочка?— ласково спросила ее тетка:—али уморилась съ дороги, занедужилось что ли?»—но дѣвушка оправилась, и хотя красавица стояла недалеко отъ Собакиныхъ, Мареинька предалась молитвѣ столь горячей, что забыла о всѣхъ предстоящихъ людяхъ, и, вернувшись домой, даже забыла о незнакомкѣ. Радостно было братьямъ свидѣться послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, много было о чемъ повѣдать другъ другу: не прошло еще года, какъ надъ ихъ дорогимъ Великимъ Новгородомъ разразилась ужасная гроза, оставляя за собой погибель и разрушеніе, и братья съ горестью говорили о томъ, перечисляя близкихъ и знакомыхъ, которые погибли жертвами царской злобы.

— Какимъ чудеснымъ образомъ остался ты съ семействомъ цѣлъ и невредимъ межъ столь великихъ бѣдствій? — спросилъ Василій Степановичъ брата.

— Милостію Божіей ради твоей покойной Милуши, видно, она за насъ молилась,— изъ-за того, что мы чрезъ нее родичи Басманова,—отвѣтилъ Григорій Степановичъ.—Гонца тайно прислалъ онъ мнѣ, приказалъ удалить семейство изъ Новгорода, и я дорогую нашу старицу-матушку со всей семьей увезъ недѣли за три до погрома въ Тихвинскую обитель, коей игуменья—тетка жены, и тамъ оставались мы до конца. Мой домъ остался цѣлъ волею Басманова; съ тѣхъ поръ прошелъ почти годъ; все въ мірѣ забывается,—дурное, какъ и хорошее; вернулись люди на пепелище, стали строить новые дома, на площади стало все, какъ было раньше: торгуются, ссорятся, продаютъ, покупаютъ. Волховъ попрежнему величественно течетъ, и его когда-то окровавленныя воды ушли въ далекое невидимое море. Торговые иноземные люди стали вновь появляться; изъ тѣхъ, кто остался живъ, многіе всего лишились, богатые именитые люди стали нищими.

— Ну, а эти бояре, коихъ мы встрѣтили,—спросилъ Василій Степановичъ: — ты молвилъ, они пріѣхали вербовать невѣстъ царскихъ, развѣ царь Іоаннъ Васильевичъ вздумалъ жениться?

— Отдалъ приказъ воеводѣ собирать ему невѣстъ,—отвѣтилъ

ему братъ:—и нужно молить Бога, чтобы Онъ ему далъ подобнаго ангела, какъ была Анастасія Романовна, которая усмиряла его лютость. Изъ всей матушки Россіи понабрали, сказываютъ, до 1.500 дѣвицъ:—у насъ здѣсь въ Новгородѣ выбрали ихъ около 30-ти, и красивѣе всѣхъ, почитай, будетъ новгородская наша княжна Евдокія Борисовна Сицкая. Волосы, какъ смоль, черные, очи горятъ, словно пылающіе угли, статна и горда, словно она уже царица московская, но молва о ней идетъ, что злобна она и сердита, не лучше черкасской княжны.

Пока братья бесѣдовали, на половинѣ жены Григорія Степановича шли веселыя рѣчи. Окна теремовъ выходили на площадь. Мароинька съ сестрами и новыми родными стояла у открытаго окна и любовалась зрѣлищемъ, которое представлялось ея глазамъ. День былъ праздничный, и площадь была переполнена народомъ. Тутъ сновало взадъ и впередъ безконечное множество людей: проѣзжали верхомъ бояре въ богато расшитыхъ кафтанахъ, сопровождаемые слугами, стояли пѣшіе кучками и смотрѣли на проходящихъ всякаго рода и званія. Кого только тутъ не было: скоморохи, шуты, цыганы съ медвѣдями, нищіе, которые причитывали и кривлялись. Вотъ выступаетъ важно и плавно дородная боярыня въ тѣлогрѣѣ и высокой кикѣ, а около нея идетъ стройная боярышня, которая украдкой заглядывается на молодыхъ ребятъ, боярскихъ сыновей; были тутъ и торговые иноземные люди, одѣяніе коихъ привело Мароу Михайловну въ негодованіе; ноги ихъ, плотно обтянутыя въ чулки разноцвѣтные, ее возмущали, и она даже запретила было дочерямъ смотрѣть на этихъ «безстыдниковъ», какъ она выражалась, но когда Мароинька, смѣясь, ей сказала, что не разъ слыхала отъ отца, что и онъ такъ одѣвался, когда бывалъ въ иноземныхъ странахъ, то она даже разсердилась, говоря, что не повѣритъ, чтобы отецъ ея былъ такимъ «срамникомъ».

— И въ правду былъ,—перебилъ ея слова вошедшій въ эту минуту, вмѣстѣ съ братомъ, ея мужъ:—былъ такимъ срамникомъ, женушка, а 25 лѣтъ тому назадъ эти самые чулки (трико, называютъ ихъ тамъ), которые обтягиваютъ такъ плотно ноги этихъ иностранцевъ и столь тебя смущаютъ, были еще длиннѣе, чуть не до самаго пояса, поди, тоже и башмаки теперь круглые, а тогда словно лодки были, все это было и у меня, полагаю, еще и теперь сохраняется въ Собакинѣ гдѣ-то.

— Посмотри-ка, братъ, — перебилъ его Г. С., — вотъ князь Грязновъ-Ростовскій и съ нимъ молодой Годуновъ, какой онъ красивый юноша, и хотя любимецъ царя, а лютости въ немъ нѣтъ и держится далеко отъ опричины и своего свирѣпаго свекра, Малюты Скуратова.

Какъ будто какой магнитъ притянулъ взоръ Годунова къ Мароинькѣ: онъ поднялъ голову и, увидавъ ее, остановился и въ

упоръ посмотрѣлъ на нее; въ глазахъ его выражалось такое восхищеніе, что всѣ стоящіе у окна замѣтили это, и когда Годуновъ снялъ шапку и низко поклонился, Алена злобно усмѣхнулась.

— Видно, сестрица Мароинька приглянулась боярину Годунову, — сказала она, — не хочетъ ли онъ ее вербовать въ царскія невѣсты?

— Молчи, ехидна!—прикрикнулъ на нее отецъ:—языкъ-то у тебя змѣиный. Не смущайся, дѣвочка, — ласково добавилъ онъ, увидавъ, какъ у Мароиньки брызнули слезы изъ очей,—и ты, Алеша, тоже успокойся: невѣстъ на смотрины царю выбрано великое множество, всѣ красавицы, знатныя, а мы, люди скромные, не ищемъ величія. И я вотъ что совѣтую, братецъ и сестрица, нечего медлить, ожидать возвращенія въ Собакино, повѣнчаемъ-ка ихъ, да поскорѣе, на этихъ дняхъ, и зададимъ мы пиръ горой,— продолжалъ онъ, весело потрепавъ Алешу по плечу.

Его слова успокоили всѣхъ. Было рѣшено сыграть свадьбу въ среду, и всѣ, весело бесѣдуя, собрались къ обѣденному столу.

V.

У новгородскаго воеводы сидѣли князь Грязновъ-Ростовскій и бояринъ Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, пили они медъ студеный и держали рѣчи горячія, причиной же ихъ рѣчей была Мароинька.

— Оставь ее, — говорилъ Годуновъ,—не разбивай ея счастія, пусть Сицкая приглянется царю, забудь о Мароѣ Собакиной.

Князь усмѣхнулся.

— Вѣрно,—сказалъ онъ,—княжна Сицкая и знатна и красива, но нравъ ея лютый. Мароа же Собакина, какъ ангелъ златовласый, недостаетъ ей сіянія. Сегодня въ храмѣ глядѣлъ я на нее и на ту мрачную красавицу. Пусть эта чистая и непорочная душа будетъ царицей, она озаритъ мракъ, окружающій царя, я его знаю, и вспомни слова мои, Иванъ Васильевичъ страстно полюбитъ Собакину; однако дивлюсь я, что ты такъ ратуешь за нее: или она твое сердце покорила.

— Полно, князь,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, зардѣвшись,— я человѣкъ женатый, и не статное дѣло мнѣ влюбляться, языкъ-то у тебя безъ костей.

— Ну, а ты, воевода, что скажешь? — продолжалъ Грязновъ, смѣясь.

— Воля твоя, — отвѣтилъ тотъ, отдуваясь. Обладая тучнымъ сложеніемъ, воевода былъ красный, какъ ракъ, и обливался обильнымъ потомъ отъ жары и отъ безконечныхъ яствъ и питій, имъ поглощенныхъ.

— Нужно жениха сократить,—продолжалъ князь, и въ глазахъ его сверкнуло что-то зловѣщее.—Соковнинъ долженъ исчезнуть безслѣдно, царь не доженъ о немъ знать. Слушай, воевода, не спи,—сердито стукнулъ онъ по столу,—не хлопай, какъ сова, глазами, а внимай моимъ приказаніямъ. Сегодня воскресенье, а во вторникъ ты явишься къ Собакинымъ со стражей и объявишь имъ о выборѣ Мареы Васильевны въ невѣсты царскія, и вслѣдъ за этимъ по царскому повелѣнію завербуешь Соковнина въ стражники и немедленно заберешь его, не давъ опомниться, а потомъ дѣло твое, чтобы и слѣдъ его пропалъ. Что задумался?—обратился онъ къ Годунову:—что пригорюнился, али жаль молодчика?

— Жаль и въ правду,—отвѣтилъ Годуновъ и съ горечью продолжалъ:—прощай, не охота зрѣть мнѣ, что ты задумалъ дѣлать. Завтра же отправлюсь въ слободу,—и онъ удалился.

Грязновъ насмѣшливымъ взглядомъ проводилъ его.

— Молодъ еще малый,—молвилъ онъ,—сердце не огрубѣло; поживетъ—увидитъ, что жалости нѣтъ мѣста у насъ.

Видя, что воевода уже заснулъ и храпитъ, онъ махнулъ рукой и ушелъ.

У Собакиныхъ всѣ успокоились отъ тревоги, вызванной злыми словами Алены, и готовились къ свадьбѣ Мареиньки и Алеши. Молва прошла, что князь Грязновъ-Ростовскій и Годуновъ уѣхали, а потому, когда грянулъ громъ, и на нихъ обрушилась гроза, они ею были еще больше ошеломлены. Во вторникъ, наканунѣ свадьбы, когда вся семья собралась за обѣденнымъ столомъ, вбѣжалъ слуга и объявилъ, что царскіе посланцы пріѣхали и требуютъ самого хозяина, Григорья Степановича Собакина. Вѣсть эта всѣхъ поразила; блѣдные, встревоженные, всѣ встали, и Григорій Степановичъ бросился навстрѣчу гостямъ непрошеннымъ. Князь Грязновъ-Ростовскій и воевода новгородскій вошли, сопровождаемые стражей. Торжественно выступивъ впередъ, воевода объявилъ:

— Именитые люди и хозяинъ дома сего, властью, данной намъ великимъ государемъ нашимъ, Іоанномъ Васильевичемъ, объявляю, что Мареа Васильевна Собакина выбрана нами царской невѣстой, и мы повелѣваемъ ей отправиться вмѣстѣ съ семействомъ въ слободу Александровскую, гдѣ она будетъ помѣщена въ теремѣ въ ожиданіи предстать предъ свѣтлыми очами царя.

Онъ смолкъ и окинулъ присутствующихъ торжествующимъ взглядомъ. Блѣдный, взволнованный Григорій Степановичъ вымолвилъ:

— Князь и бояринъ, честь и слава дому нашему такъ велика, что словъ не имѣю молвить о нашей радости. Челомъ бьемъ мы съ братомъ предъ великимъ государемъ нашимъ и царемъ и просимъ васъ не отказать выпить чашу заздравную за его царское величіе.

Василій Степановичъ приблизился къ брату и вмѣстѣ съ нимъ молча поклонился въ поясъ.

— Когда будетъ приказъ Марѳѣ Васильевнѣ собраться въ путь?—продолжалъ Григорій Степановичъ.

Воевода хотѣлъ отвѣтить, но его перебилъ Собакинъ.

— Князь, дозволь Марѳѣ Васильевнѣ и ея роднымъ побыть еще нѣсколько дней въ Новгородѣ, изъ дальнихъ странъ изъ-за Волги прибыли они только что къ намъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Грязновъ,—пусть будетъ по-твоему, и твои родные погостятъ у тебя недѣлю другую, но съ сего дня стража будетъ охранять царскую невѣсту.

Тѣмъ временемъ слуги засуетились и принесли на подносахъ жбаны чеканные съ медомъ сладкимъ и винами заморскими, и жена и старшая дочь Григорія Степановича поднесли ихъ гостямъ. Марѳинька сначала была, какъ ошеломленная, однако вскорѣ опомнилась и взглянула на Грязнова, — взоры ихъ повстрѣчались, и столько скорби было въ ея взорѣ, что онъ не могъ его выдержать и отвернулся, и въ это мгновенье глазамъ его представился какъ разъ стоящій около Марѳиньки Алеша, который былъ сраженъ и стоялъ едва живой: голова его закружилась, туманъ застлалъ очи, и онъ хорошенько не соображалъ, сонъ ли это, или ужасная истина.

— Кто сей молодецъ?—сказалъ князь, указывая на него, какъ будто впервые его увидѣлъ.—Родичъ твой?—обратился онъ къ Василію Степановичу...

— Родичъ жены,—отвѣтилъ тотъ дрожащимъ голосомъ,—боярскій сынъ Алексѣй Соковнинъ.

— Какъ полагаешь, воевода?—сказалъ князь:—не постыдно ли, что такой молодецъ живетъ въ вотчинѣ да псовъ отцовскихъ гоняетъ, а не царскую службу несетъ? Завербуемъ мы его, и выйдетъ изъ него стрѣлецъ исправный. Прощайся съ родичами и слѣдуй за нами,—продолжалъ онъ,—сегодня же, черезъ часъ мы отправляемся въ Москву и ты съ нами. Бекетовъ, — обратился онъ къ одному изъ стражниковъ, великану съ суровымъ и угрюмымъ лицомъ,—препоручаю тебѣ сего молодца.

Григорій Степановичъ, который одинъ не потерялъ голову, подошелъ къ Алешѣ, обнялъ его, шепнулъ «мужайся», а громко вымолвилъ:—Честь великая, Алеша, быть тебѣ на службѣ у самого царя, попрощайся со всѣми, и да благословитъ тебя Господь на добрый путь и на новую жизнь.

Бѣднаго юношу окружила вся семья и простилась съ нимъ. Марѳа Михайловна плакала, обнимая его, а Василій Степановичъ молча облобызалъ. Алеша же былъ, какъ деревянный; ему казалось, что это не онъ самъ, а кто-то другой—чужой, съ которымъ прощаются; Григорій Михайловичъ взялъ его за руку и, когда онъ

поровнялся съ Мареинькой, шепнулъ ему: «поклонись», и онъ совершенно безсознательно поклонился. Затѣмъ передалъ его Бекетову, и царскіе посланцы, распростившись съ Собакиными, вышли изъ горницы, провожаемые братьями до самаго крыльца. Алешу посадили на коня одного изъ стражниковъ, и всѣ удалились, оставивъ послѣ себя горе безпредѣльное и неутѣшное. Въ горницѣ всѣ молчали, раздавалось лишь всхлипываніе Мареы Михайловны и ея дочерей. Мареинька же даже не плакала—горе ея было такъ велико! Ей казалось, что она только что посмотрѣла въ послѣдній разъ на дорогого ея сердцу покойника, и что его вотъ сейчасъ вынесли, чтобы зарыть въ могилу глубокую, сырую; она сидѣла неподвижно, и когда отецъ ее заключилъ въ свои объятія, прижалъ къ сердцу и прерывающимся отъ слезъ голосомъ сказалъ: «голубка моя родная, Господь послалъ тебѣ тяжкое горе, но не ропщи, знать, такъ суждено быть»,—Мареинька молча прильнула къ груди отца. Григорій Степановичъ, который вмѣстѣ съ братомъ вернулся въ горницу, проводивъ гостей, подошелъ къ невѣсткѣ:

— Не тужи, сестрица,—сказалъ онъ.—Братъ Василій правильно молвитъ—воля Божья. Все это надо было ожидать, на бѣднаго же Алешу надо положить крестъ, мы ничего не перемѣнимъ, а только себя погубимъ, а ты, Мареинька, мужайся, нужно все забыть дорогое, прошлое, свою счастливую дѣвичью жизнь: отнынѣ ты—царская невѣста.

Мареинька подняла голову.

— Не легкую задачу даешь ты мнѣ, дяденька, — сказала она, горько улыбнувшись:—въ одинъ день не истребить воспоминаній цѣлой жизни, однако правда твоя, ради родимыхъ батюшки и матушки я должна мужаться, прошлаго не вернешь.

Съ этихъ поръ она ни разу не помянула объ Алешѣ. Ласковая, привѣтливая со всѣми, она скрывала свою скорбь, не желая печалить близкихъ, но зато, когда удалялась на ночь въ горницу, которую раздѣляла съ матерью своей, и все успокоивалось вокругъ, Мареинька предавалась своему горю, и часто Мареа Михайловна просыпалась отъ ея рыданій и старалась успокоить свою дорогую, столь сильно скорбящую, дочь. Въ Новгородѣ всѣ относились съ великимъ почтеніемъ къ царской невѣстѣ и Собакинымъ, и передъ хоромами Григорія Степановича стояла стража почетная, какъ у самого воеводы.

Е. Ф. Лесли.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЖИЗНИ [1].

(Изъ записокъ судьи).

III.

Тьма.

ДАЛЕКО, далеко къ сѣверу тянутся Уральскія горы, и мало кто заглядываетъ туда, за Качканаръ, за Кончаковскій, Золотой и Денежкинъ Камни! А побывать тамъ стоитъ, особенно сѣвернымъ, короткимъ, но теплымъ и какимъ-то грустнымъ лѣтомъ, въ половинѣ и концѣ іюня. Тысячи цвѣтовъ нѣжныхъ и блѣдныхъ оттѣнковъ, съ тончайшимъ, едва замѣтнымъ, но рѣдкостнымъ ароматомъ разсыпаны по безконечнымъ лѣсамъ и отрогамъ горъ; душистая земляника по ложбинамъ, доступнымъ солнечнымъ лучамъ, и морошка съ княженикою по мшистымъ болотамъ растутъ въ изобиліи, а свѣтлыя рѣки—порожистая, извилистая Ляля, широкій многоводный Шелультанъ и холодная Лаксія, быстро несущая свои чистыя воды съ самого Денежкина Камня,—изобилуютъ вкусными харьюзами, муксуномъ и нельмою. За ними, далѣе къ сѣверу, разстилаются громадныя глубокія озера съ кристально чистою водой, а еще дальше текутъ съ Ледовитому океану Сосьва, Лозьва и Ивдель.

По берегамъ этихъ рѣкъ и озеръ раскинуты рощи стройныхъ,

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 110.

въ небесную высь уходящихъ, лиственницъ и темные гулко-шумящіе кедровники... Поднимешься на гору и видишь, какъ передъ тобою на необозримыя пространства разстилается безконечное зеленое море, и лишь блики то свѣтлые, то темные отъ солнечныхъ лучей и различныхъ древесныхъ породъ придаютъ разные оттѣнки этому одноцвѣтному морю. И сливается это море съ блѣднымъ, печальнымъ, сѣвернымъ небомъ, гдѣ-то въ неясной туманной дали, а съ боку, точно цѣпь заснувшихъ облаковъ, тянется по небу Уральская гряда... Много птицы и звѣря, что не боится человѣка, живетъ въ этомъ зеленомъ морѣ, но оно такъ велико, такъ безконечно, что ждешь и по цѣлымъ часамъ не видишь ни птицы, не слышишь ни звука, точно замеръ лѣсъ очарованнымъ. И тамъ, среди этой своеобразной красоты, почти нѣтъ жилья человѣческаго... На цѣлые десятки верстъ другъ отъ друга раскинуты по берегамъ рѣкъ и озеръ деревни, состоящія изъ нѣсколькихъ дворовъ, а селъ и того меньше!

Едва ли на Ивделѣ, куда кочующіе вогулы пріѣзжаютъ на оленяхъ и привозятъ соболей и пушнину, стоитъ не послѣдняя церковь вплоть до Студенаго моря! Но въ зеленой чащѣ, по берегамъ многочисленныхъ быстрыхъ и шумныхъ ручьевъ и горныхъ рѣченокъ, тамъ и сямъ разбросаны на громадномъ пространствѣ золотые и платиновые пріиски, съ непроѣзжими къ нимъ дорогами и не круглый годъ проходимыми тропами. Тамъ, на тѣхъ пріискахъ, не спрашиваютъ, какого ты роду, племени, не пристаютъ съ докучными требованіями паспорта, а приходи, бери кайлу и ковшъ для промывки и отправляйся «стараться», и плата тебѣ будетъ положена высокая, безобидная; да что-то мало кто изъ старателей долго тамъ уживается, въ этой непроглядной глуши, а денегъ уноситъ съ собой и того меньше!..

Есть въ лѣсахъ тѣхъ и пустынники, которые душу спасаютъ свою и за міръ, что̀ во злѣ лежитъ, молятся Пречистому. Узкая, едва примѣтная, извѣстная двумъ, тремъ лицамъ, усерднымъ почитателямъ пустынника, стёжка (тропинка) вьется сквозь лѣсную чащу и ведетъ въ жилье пустынника. А стоитъ это жилье подъ вѣковыми раскидистыми кедрами, такими густыми и многовѣтвистыми, что защищаютъ они, точно раскрытымъ громаднымъ зонтомъ, маленькую, убогую, едва надъ поляной возвышающуюся землянку и отъ дождя осенняго неугомоннаго, и отъ снѣга зимняго сыпучаго... Обложена землянка дерномъ, поросла кое-гдѣ молодыми побѣгами черемухи, и лишь крохотное оконце, закладываемое въ зимнюю стужу чурбашкомъ, да тряпочкой, пропускаетъ въ нее слабый лучъ свѣта Божьяго. Возлѣ землянки, изъ-подъ корня одинокой, какъ чудомъ, сюда занесенной, плакучей березы бьетъ неумолчно ключъ чистой и сладкой воды; бьетъ онъ зимою и лѣтомъ и никогда въ самые сильные морозы не замерзаетъ...

При приближеніи къ землянкѣ пустынника, тонкій слухъ его слышитъ чужіе шаги, и онъ покидаетъ свое жилье и удаляется въ лѣсъ, а въ землянкѣ оставлена настежь открытою маленькая дверца, въ которую иначе и войти нельзя, какъ согнувшись въ три-погибели. Едва встать и повернуться можно въ землянкѣ. Въ углу мѣдный восьмиконечный крестъ съ прилѣпленной къ нему обожженной тоненькой свѣчечкой желтаго воска да маленькая закоптѣлая иконка; подъ ними — отрубокъ дерева со старой, въ кожаномъ переплетѣ, отеческой псалтирью, а передъ обрубкомъ на утрамбованномъ земляномъ полу ясно видны двѣ глубокія впадины отъ долгаго стоянія на колѣнахъ; въ другомъ углу небольшая, самодѣльная, вся растрескавшаяся и закопченная печь, а отъ нея вдоль задней стѣны тянется лавочка, покрытая старымъ изсохшимъ мохомъ, образующимъ постель пустынника. Въ горнушкѣ печи завернута въ дежникѣ краюшечка чернаго хлѣба, на печкѣ лежатъ какія-то ягоды и съѣдобные коренья, а по стѣнамъ развѣшаны связанныя въ пучки пахучія травы. Сыро въ землянкѣ, хоть и іюнь въ концѣ,—значитъ, лѣто въ самомъ разгарѣ; медленно просачивается вода съ потолка и падаетъ на полъ...

Но и тѣ люди, что̀ живутъ въ тамошнихъ деревняхъ и селахъ, такіе же пустынники; такъ же они отрѣзаны отъ Божьяго міра и живутъ одиноко: ближнее почтовое отдѣленіе чуть ли не за сто верстъ, а телеграфъ и того дальше!

И живутъ тамъ люди, и многіе изъ нихъ весь вѣкъ свой изживаютъ, не видя ничего, кромѣ своей деревни да ближняго пріиска, да, пожалуй, приходскаго села.

А въ селахъ живутъ священники, когда-то учившіеся въ семинаріяхъ, и истинно подвижническое служеніе ихъ! Темная, грубая паства, громадныя разстоянія прихода, непроходимыя дороги и полное одиночество!

Вотъ въ селѣ, что̀ около озеръ стоитъ,—назовемъ его Благословенное,—давнымъ давно живетъ священникъ. Въ свободное время лѣтомъ сидитъ онъ съ удочкою у Свѣтлаго озера, а зимой ждетъ-не дождется, когда проѣдетъ кто нибудь мимо Благословеннаго.

Проѣзжаютъ же черезъ Благословенное въ годъ раза два, три судебный слѣдователь съ уѣзднымъ врачомъ, да не болѣе того становой приставъ, у котораго станъ больше любого нѣмецкаго княжества, да года въ два разъ самъ горный исправникъ.

И вотъ, когда слѣдователь съ врачомъ сидятъ во въѣзжей избѣ въ ожиданіи смѣны лошадей, отворяется дверь, и въ избу робко входитъ старичокъ-священникъ. Поздоровавшись, онъ проситъ пріѣзжихъ пожаловать къ нему, а если у нихъ нѣтъ свободнаго времени, то хоть «одинъ робберокъ» сыграть съ нимъ, пока закладываютъ лошадей, и съ виноватой улыбкой при этомъ вынимаетъ изъ кармана колоду картъ.

Слѣдователь и докторъ давно уже слышали объ этомъ старикѣ и остаются съ нимъ часа на два, на три, и доставляютъ ему это рѣдкое, рѣдкое для него развлеченіе.

На одной изъ тамошнихъ рѣкъ, поюжнѣе, на высокомъ каменистомъ берегу пріютилась деревня Кремень, состоящая изъ дворовъ двадцати.

Одинъ изъ дворовъ принадлежитъ крестьянину Ивану Сѣдыхъ.

У Сѣдыхъ двѣ лошади съ жеребенкомъ, двѣ коровы да нѣсколько овецъ и свиней. Есть у него и покосы, и небольшой кедровникъ, откуда онъ по осени собираетъ и продаетъ шишки съ орѣхами, есть небольшая запашка на росчисти, есть и огородъ съ посѣвами картофеля.

Сѣдыхъ женатъ уже года четыре на второй женѣ, которая черезъ годъ послѣ свадьбы подарила ему сына, а отъ перваго брака остался у него сынъ Никита.

Никитѣ двадцать лѣтъ; это—здоровый, высокій, плотный и сильный молодецъ съ черными глазами и русыми кудрями; съ кроткимъ и смирнымъ характеромъ и грустнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ.

Никита на диво работникъ!

Сызмала онъ былъ охочъ до работы по дому, и въ то время, когда его сверстники, почти еще дѣти, играли на улицѣ, Никита серьезно и степенно, точно заправскій хозяинъ, копался въ огородѣ, ѣздилъ въ лѣсъ и постоянно что нибудь да работалъ во дворѣ. Если не случалось дома никакой работы, то Никита бралъ съ собою двухъ лаекъ—Валика и Охотку, хлопунецъ (маленькій кнутъ, которымъ спугиваютъ бѣлку), ружье, полкаравая хлѣба и уходилъ «лѣсовать» (охотиться); дня по два, по три пробывалъ онъ въ лѣсу и приносилъ то бѣлокъ, то жирныхъ кедровыхъ «рябковъ», то большихъ сытыхъ глухарей. Хаживалъ, случалось, Никита и на «сохатаго», и вѣчно одинъ съ неизмѣнными своими спутниками Валикомъ и Охоткою. Въ рѣкѣ, протекавшей подъ Кремнемъ, Никита и удочкой и мордами лавливалъ рыбу,—и все, что промыслитъ, несъ въ домъ и въ домъ. Сначала мачеха къ Никитѣ хорошо относилась, но, когда у нея родился свой сынъ, обидно показалось ей, что Никитѣ придется кое-что отдѣлить изъ отцовскаго имущества, а не все отдать ея родному сыну, и стала тѣснить его.

Однако Никита молчаливо и безропотно сносилъ незаслуженныя обиды и притѣсненія мачехи,—только крѣпче привязывался къ своему дому, двору, только съ большимъ усердіемъ и рвеніемъ исполнялъ онъ домашнія работы...

Кромѣ своей деревни, да лѣса, да изрѣдка села, что̀ въ сорока верстахъ было,—Никита нигдѣ не бывалъ; грамотѣ онъ не учился, по пріискамъ не работалъ и бывалыхъ людей, которые тамъ золото мыли и пораскать о многомъ кое о чемъ могли бы,—не ви-

далъ. Никита отъ всей души, простой и безхитростной, совершенно искренно думалъ, что онъ безъ своей обычной домашней работы, внѣ отцовскаго дома и двора,—ничто въ мірѣ; онъ былъ увѣренъ, что для него вся жизнь замкнута въ кругѣ домашнихъ обязанностей кремневскаго домохозяина, да и не домохозяина даже,—объ этомъ онъ еще и не помышлялъ,—а работника исправнаго и рачительнаго.

И дѣйствительно, въ отцовскомъ домѣ онъ замѣнялъ не одного, а двухъ, если не трехъ работниковъ; но Иванъ Сѣдыхъ и его молодая жена такъ сжились съ работою Никиты, такъ она казалась имъ естественной и обыкновенной, что они не цѣнили ея и глядѣли на Никиту, какъ на обыкновеннаго работника, помощника отцовскаго, котораго во всякое время и безъ ущерба для хозяйства можетъ замѣнить любой наймитъ-зырянинъ.

И задумала мачеха какъ нибудь удалить Никиту изъ дома, да такъ удалить, чтобы ничего не пришлось ему выдѣлять ни изъ двора, ни изъ скотины. И рѣшила мачеха, что лучшимъ средствомъ для этого будетъ женитьба Никиты на какой нибудь дѣвушкѣ не кремневской, и не выдержитъ та дѣвушка гнета ея мачехи и уйдетъ изъ дома свекра, да кстати и мужа съ собой уведетъ, ну, а коли дома жить со стариками не захотѣли, такъ и нѣтъ имъ ничего, такъ и міръ рѣшитъ!..

И стала мачеха подыскивать невѣсту Никитѣ. На другой сторонѣ рѣки, противъ Кремня, версты на двѣ пониже, въ тайгѣ, года два тому назадъ поселились какіе-то новоселы.

Расчистили на берегу поляну, выкорчевали пни, устроили коекакъ на зиму землянки и перезимовали.

Семей пять новоселовъ было или шесть, а пришли они откуда-то издалека, и народъ все живой былъ да вертлявый, не то, что кремневскіе исконные «сельскіе обыватели» [1]).

Плохо жилось новоселамъ! Такъ плохо и бѣдно, что ко второму лѣту только тремъ семьямъ удалось избы поставить да обгородиться, а остальные сгинули невѣдомо куда: одни померли, другіе на пріиски пошли или нанялись къ сибирякамъ въ работники, а бо̀льшая часть—дѣти да женщины—побрели питаться Христовымъ именемъ.

Хотѣли было попервоначалу новоселы завести знакомство и дружбу съ кремневцами, да тѣ такъ ихъ непривѣтно приняли, что знакомство не пошло. А новоселы сильно нуждались въ кремневцахъ и не прочь были кое съ кѣмъ изъ нихъ хоть бы и покумиться. Туда-то, къ новоселамъ, мачеха Никиты и направилась за поисками для него невѣсты и нашла ее въ одномъ изъ домовъ.

---

[1]) На Уралѣ и въ Сибири крестьяне называютъ себя «сельскими обывателями».

Звали невѣсту Настасьей; было ей лѣтъ восемнадцать, но она была смуглянка, глаза ея глядѣли быстро и рѣшительно, и на видъ она казалась старше.

Много на своемъ вѣку, хоть и не дологъ онъ еще былъ, видѣла Настасья. Видѣла она тихія воды Сейма, гдѣ выросла въ родимыхъ поляхъ, засѣянныхъ рожью и пшеницей: видѣла жизнь быструю, кипучую, такъ не похожую на здѣшнюю монотонную съ долгими зимами, съ суровыми морозами; видѣла дороги и желѣзныя, и шоссейныя, о которыхъ здѣсь и не слыхивали; видѣла и бывала въ городахъ и шумныхъ, и торговыхъ...

Родители Настасьи съ радостью согласились выдать дочь въ достаточный кремневскій домъ, а Настасьѣ такъ надоѣла безысходная бѣдность и жизнь въ курной землянкѣ, неуютная, голодная, что на замужество свое она смотрѣла, какъ на давно желанное избавленіе отъ страданій и горя.

Передъ масленой сыграли свадьбу. Совсѣмъ была свадьба не сибирская, не разгульная, не пьяная; скромненько съѣздили въ свое село, и, пропировавъ затѣмъ дня два, молодые принялись за работу.

Никита, сызмала не знавшій ласки (мать его умерла, когда онъ былъ еще несмышленымъ ребенкомъ), всею чисто-дѣтскою душею скоро привязался къ женѣ и мало-по-малу становился съ нею и разговорчивымъ и нѣжнымъ.

Полюбила и Настасья Никиту. Полюбила его за его любовь, за его ласки, за его молодость, мужскую мощь и богатырскую силу.

И принялась было ревностно Настасья въ новой семьѣ за работу, но скоро увидѣла, что свекровь, а за нею свекоръ, не жалуютъ ее, и ничѣмъ она имъ угодить не можетъ. Увидѣла скоро Настасья и то, какъ тѣснятъ незаслуженно и обидно ея мужа, и какъ молчитъ онъ и несетъ эту обиду безъ ропота... Видитъ Настасья работу Никиты и понимаетъ, чего она стоитъ, и какъ бы жить они могли, если бы жили они своимъ домомъ, отдѣльно отъ свекра и свекрови...

И день ото дня становится все обиднѣе и горше Настасьѣ, все чаще и чаще закипаетъ въ ней сердце, и однажды весной, вскорѣ послѣ Пасхи, не вытерпѣла она и такъ побранилась со своей свекровью, такъ отдѣлала и свекра, что долго не могла уняться расходившаяся кровь южанки... Въ тотъ же день у одной кремневской вдовы сняла она за шестьдесятъ копеекъ въ мѣсяцъ горницу и, собравъ свой убогій скарбъ, перешла туда жить вмѣстѣ съ мужемъ. Мачеха этого только и желала.

На Никиту вся эта перемѣна его судьбы произвела своей неожиданностью такое впечатлѣніе, что онъ долгое время находился точно въ какомъ-то чаду...

Одного только не сообразила молодая, горячая Настасья, что въ Кремнѣ безъ своего двора, безъ своего хозяйства нечего дѣ-

лать и можно, пожалуй, съ голода умереть, да еще мало она узнала своего мужа и не поняла его страстной, неудержимой привязанности къ родимому дому, дѣтской робости жить внѣ этого дома и совершеннаго незнанія имъ своихъ силъ, несознаванія своей человѣческой личности...

А это скоро сказалось. Когда Никита пришелъ въ себя, и, оглядѣвшись, увидѣлъ кругомъ знакомую и привычную съ дѣтства картину весеннихъ работъ, онъ молча, почти безсознательно, пошелъ на отцовскій дворъ, гдѣ его съ радостнымъ визгомъ и лаемъ встрѣтили осиротѣвшіе было Валикъ и Охотка, также молча взялъ топоръ и началъ свою обычную работу.

Увидалъ это Иванъ Сѣдыхъ и также промолчалъ: за тѣ дни, пока Никита не приходилъ, Сѣдыхъ понялъ, какого работника онъ лишился въ старшемъ сынѣ, и потому порадовался въ душѣ его возвращенію.

Молча, не глядя почти ни на отца, ни на мачеху, Никита проработалъ весь день и поздно вечеромъ побрелъ къ себѣ на квартиру.

Тамъ его ждала жена. Съ любопытствомъ, оживленно стала разспрашивать она мужа о томъ, на какихъ условіяхъ онъ подрядился у отца работать, когда и сколько обѣщали дать ему хлѣба и кортофеля, и была ли рѣчь о раздѣлѣ.

Поникъ головою Никита и сознался женѣ, что работалъ онъ безъ уговора, какъ прежде, и что, конечно, отецъ не обидитъ его...

Однако Никита ошибся. Съ мѣсяцъ онъ работалъ у отца; самъ не доѣдалъ за обѣдомъ, который собирала ему мачеха, и относилъ его къ женѣ, но когда прошелъ мѣсяцъ, и Никита несмѣло попросилъ у отца денегъ или муки, — мачеха вмѣшалась въ разговоръ и гнѣвно въ просьбѣ отказала.

Узнала Настасья, что ничего Иванъ не далъ сыну, и распалилась пуще прежняго. Да и было отъ чего! Едва, едва она набрала въ своей, еще дѣвичьей, укладкѣ шестьдесятъ копеекъ, чтобы заплатить за квартиру, а цѣлый мѣсяцъ сидѣла одна одинешенька, ничего не дѣлая, съ ранняго утра до поздняго вечера не видя мужа и живя впроголодь объѣдками, приносимыми мужемъ изъ отцовскаго, ненавистнаго ей дома, отъ скуднаго своего обѣда.

И пожаловалась Настасья старикамъ — міру кремневскому, что тѣснятъ ея свекоръ и свекровь своего набольшаго сына — ея мужа Никиту, что жить съ ними ни ей, ни Никитѣ не въ мочь, и что проситъ она міръ честной раздѣлить отца съ сыномъ по правдѣ и по обычаю.

Призвали на сходъ Ивана Сѣдыхъ, и тотъ, поклонившись, разсказалъ міру, что сноха первая, не стерпя слова отчаго, ушла изъ дома вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, глубоко этимъ его, старика-отца, обидѣвши, и что нѣтъ потому у него для сына ни выдѣла, ни родительскаго благословенія, навѣки нерушимаго.

И рѣшили старики кремневскіе, что быть по слову отцовскому. и жить Никитѣ, гдѣ захочетъ онъ, безъ выдѣла...

Чѣмъ дальше время шло, тѣмъ крѣпче узелъ затягивался...

Безудержно, съ ранняго утра, шелъ Никита молчаливый и угрюмый работать на отцовскій дворъ, на отцовскую полосу, а Настасья, отчаявшись найти какую нибудь работу въ Кремнѣ, оставшись одна, подолгу горько плакала и никакъ ничего не могла придумать, чѣмъ бы можно было горю помочь, какъ бы жизнь устроить по-человѣчески... Пробовала просить, молить и уговаривать мужа своего, золотого работника, милаго Никитушку, бросить Кремень и уйти на сторону, хоть бы въ приходское свое село за сорокъ верстъ— Беркушево, — село торговое, куда пріѣзжаютъ съ пріисковъ, и гдѣ большая лѣсопилка есть, но Никита въ отвѣтъ такъ страшно на жену взглядывалъ, такой ужасъ проглядывалъ въ глазахъ его, что она замолкала, этимъ взглядомъ его испуганная... А время шло... А хлѣба Никита приносилъ все меньше, да и не каждый день... А за квартиру третій мѣсяцъ было не плачено, и ужъ вдова не разъ грозила ихъ согнать съ квартиры къ осени...

Съ каждымъ днемъ Никита становился все мрачнѣе и задумчивѣе...

Давно уже не слышитъ Настасья его разговоровъ, и сталъ онъ суровъ и молчаливѣе прежняго.

Часто ночью Настасья просыпается и чувствуетъ, что мужъ ея не спитъ и все думу думаетъ...

А ласки его, хоть теперь и рѣдкія, стали еще жарче, еще горячѣе, еще любовнѣе...

Осенній сентябрьскій день. Съ утра дуетъ сѣверный ледяной вѣтеръ, и ходуномъ ходятъ студеныя волны на почернѣвшей рѣкѣ.

Къ вечеру вѣтеръ не утихъ, а разыгрался сильнѣе. Теменъ осенній вечеръ, и жутко становится одинокому путнику въ чистомъ полѣ, на незнакомой дорогѣ, если быстро наступающая осенью темнота застигнетъ его въ пути; еще страшнѣе бываетъ въ тайгѣ, гдѣ воетъ, прорываясь сквозь густыя и частыя вѣтки, вѣтеръ, и стонутъ и скрипятъ деревья, и точно тысячами голосовъ какихъ-то невѣдомыхъ духовъ, вырвавшихся на волю, перекликается глухая и обыкновенно молчаливая тайга...

Въ такой-то вечеръ одинъ кремневскій обыватель, засидѣвшійся въ гостяхъ у сосѣда, дворъ котораго стоялъ на краю утеса надъ самой рѣкой, вышелъ на улицу и сквозь свистъ и шумъ вѣтра услышалъ, какъ на рѣкѣ кто-то, повидимому, женщина, закричалъ нечеловѣческимъ, полнымъ невыразимаго ужаса, голосомъ. Черезъ секунду крикъ повторился и смолкъ.

Вернулся обыватель къ сосѣду и позвалъ его на улицу. Вышли оба, постояли, послушали, но на рѣкѣ было тихо, лишь волны плескали, да вѣтеръ гудѣлъ.

Хозяинъ съ гостемъ разошлись. Прошло немного времени; семья обывателя, дворъ котораго стоялъ надъ рѣкой, улеглась было уже спать, какъ сначала во дворѣ, а затѣмъ въ сѣняхъ послышался какой-то странный, непонятный шорохъ, и затѣмъ что-то тяжелое и мягкое упало въ сѣняхъ у самой двери въ избу... «Вздули огонь» и, отворивъ дверь въ сѣни, замерли отъ страха!

Въ сѣняхъ, на полу, лежала какая-то сѣрая безформенная масса, измазанная липкой глиною и вся настолько пропитанная водою, что потоки ея текли на полъ и образовали уже около порога цѣлую большую лужу.

Масса была недвижна и беззвучна...

Когда прошелъ первый страхъ, и хозяева съ огнемъ подошли ближе, то увидѣли, что это лежала женщина, одѣтая въ разорванное и спутавшееся платье, съ обнаженной разстрепанной головой и залитымъ кровью лицомъ; подняли ее, внесли въ избу, омыли лицо и узнали въ ней молодую Настасью Сѣдыхъ.

Настасья была вся окоченѣвшая, въ глубокомъ обморокѣ, и едва замѣтно было ея дыханіе. Смертельная блѣдность покрывала ея лицо.

Положили Настасью на печку, и бабы стали стаскивать съ нея одежду, обильно пропитанную водой.

Тѣмъ временемъ въ другомъ концѣ деревни къ кремневскому сельскому старостѣ иззябшій и мокрый чуть ли не по плечи, безъ шапки, явился Никита Сѣдыхъ и заявилъ старостѣ, что сейчасъ онъ съ женой собрался ѣхать за рѣку къ новоселамъ, къ тестю, да лодка у нихъ на рѣкѣ опрокинулась, и вотъ онъ спасся, а жена его утонула.

Послалъ староста десятскихъ народъ сбивать да позвалъ писаря, которому велѣлъ бумагу писать въ волостное правленіе въ Беркушево, что вотъ, молъ, у нихъ въ Кремнѣ случилось мертвое тѣло, и пусть кошки да багры присылаютъ искать въ рѣкѣ утопленницу.

Пока собирался народъ, а писарь выводилъ на бумагѣ, что приказалъ ему староста, — къ старостѣ прибѣжалъ мальчикъ, сынъ обывателя, живущаго надъ рѣкой на утесѣ, и сказалъ, что у нихъ въ домѣ лежитъ найденная въ ихъ сѣняхъ молодая Сѣдыхъ—Никитина жена, да врядъ ли, дескать, жива будетъ: «дюже тихо дышитъ».

Какъ это услыхалъ Никита, такъ его точно громомъ ударило: застоналъ онъ и безъ чувствъ повалился на полъ. Пока на него водой прыскали и отпаивали, староста пошелъ на утесъ къ обывателю, а тѣмъ временемъ Настасья пришла въ себя и разсказала, что нынче съ утра мужъ ея, уходя на работу къ отцу, который

дня два тому назадъ наотрѣзъ отказалъ сыну и въ мукѣ, и въ деньгахъ, и въ картофелѣ на зиму, хоть передъ страдой и обѣщалъ подѣлиться за работу, велѣлъ ей собираться ѣхать сегодня вмѣстѣ съ нимъ за рѣку къ ея отцу; удивилась она такому мужнему желанію, потому что впервые онъ въ такую поѣздку въ неурочное время собрался; вечеромъ, когда стало смеркаться, пришелъ мужъ, мрачнѣе черной тучи, и сталъ звать ее ѣхать; напрасно она уговаривала его переждать до утра, говорила, что ей страшно и холодно въ такую непогоду; все было напрасно: мужъ ея принесъ съ собой отъ отцовской лодки весла и пошелъ съ нею къ рѣкѣ; когда они подошли къ берегу, то тьма уже наступила такая, что хоть глазъ выколи! Безотчетный страхъ охватилъ ее, и она, упавъ на колѣни передъ мужемъ, со слезами молила его отказаться отъ своего намѣренія и итти домой, но тотъ богатырской рукою своею поднялъ ее и указалъ на лодку. Она повиновалась. Но только что вошла она въ лодку и сѣла на корму, какъ Никита сильно оттолкнулъ лодку отъ берега, а самъ, войдя по поясъ въ воду, схватился за края и быстро, однимъ движеніемъ, перевернулъ лодку. Не помнитъ Настасья, какъ она очутилась въ водѣ, но помнитъ, что успѣла схватиться руками за перевернутую лодку и закричать; тогда Никита, молча, вошелъ далѣе въ воду, ударилъ весломъ по рукамъ ее такъ, что она выпустила лодку, ударилъ затѣмъ весломъ по головѣ, да ударъ-то по лицу пришелся, и потомъ, схвативъ ее за шею, окунулъ головой въ воду и сталъ было держать подъ водой. Все это было дѣломъ одного мгновенія, но когда Никита подошелъ къ ней, и въ темнотѣ блеснули передъ нею глаза его, то она поняла, что ей нѣтъ спасенія, нѣтъ пощады, поэтому, когда ей подъ водой удалось выскользнуть изъ-подъ его рукъ, она тихо вынырнула въ сторонкѣ и безъ шума поплыла: какъ разъ въ томъ мѣстѣ дно рѣки оказалось на такой глубинѣ, что, когда она встала, то вода ей была чуть-чуть повыше подбородка. Молча, боясь шевельнуться, она стояла въ ледяной водѣ и видѣла, какъ Никита вышелъ на берегъ, постоялъ, поглядѣлъ, должно быть, въ темноту на рѣку, послушалъ и медленно сталъ подниматься въ гору.

Давъ ему скрыться, она бросилась къ берегу, но итти не могла—силъ не было, и по горѣ поползла по мокрой глинѣ на колѣнахъ и не помнитъ, какъ и гдѣ лишилась силъ и сознанія...

Когда староста вернулся домой и сказалъ Никитѣ, что жена его жива и разсказала, какъ онъ топилъ ее,—Никита не вымолвилъ ни слова, только сгорбился и поникъ...

Никиту, какъ водится, связали и утромъ повезли въ Беркушево въ волостное правленіе. Передъ отправкою Никиты къ дому сельскаго старосты собралась вся деревня, пришелъ и Иванъ Сѣдыхъ, но Никита, увидѣвъ отца, отвернулся, не отвѣтилъ на его привѣтствіе и сказалъ: «Уйди, старый! Не отецъ ты мнѣ боль-

ше, и видѣть я тебя не могу!» Кромѣ этихъ словъ, за все время, пока Никита находился въ Кремнѣ до отправки въ Беркушево, и по дорогѣ туда не проронилъ ни слова, сколько его ни спрашивали, какъ ни бранили...

Сообщили слѣдователю, пріѣхалъ онъ, допросилъ Настасью Сѣдыхъ, и она ему все разсказала подробно: и какъ замужъ вышла, и какъ съ мужемъ жила, и какъ они любили другъ друга, и какъ ее мужъ топилъ.

Просила Настасья слѣдователя отпустить ей до суда мужа на поруки, заявивъ, что будутъ они жить въ Беркушевѣ, гдѣ она мужу хорошую работу нашла на лѣсопилкѣ.

— А развѣ вы не боитесь теперь жить со своимъ мужемъ?— спросилъ слѣдователь Настасью, и Настасья съ улыбкой увѣренно отвѣчала, что бояться ей нечего, что мужъ ее больше не тронетъ, и что онъ очень ее любитъ.

— Да вѣдь вы знаете, что ему, можетъ быть, грозитъ каторга? — замѣтилъ слѣдователь Настасьѣ.

— Знаю. И сама пойду съ нимъ туда, а прощать его не хочу: вѣдь онъ меня, когда топилъ, не пожалѣлъ!

Привели Никиту; слѣдователь сталъ допрашивать его. Никита сознался, что нѣсколько дней уже обдумывалъ, какъ бы убить жену, и рѣшилъ утопить ее и былъ увѣренъ, что она утонула. На всѣ вопросы о причинахъ, заставившихъ его убивать жену, Никита только вздыхалъ и отвѣчалъ односложно:

— Такъ!

Слѣдователь спросилъ Никиту, желаетъ ли онъ быть до суда на свободѣ, жить съ женой въ Беркушевѣ и работать, на что̀ Никита, вздохнувъ опять, отвѣчалъ совершенно, повидимому, равнодушно: «Ну, что жъ, баско (хорошо)», а когда слѣдователь замѣтилъ, не лучше ли ему быть у отца въ Кремнѣ, то Никита, вздрогнувъ, замѣтно оживился и испуганно и быстро заговорилъ, что къ отцу онъ въ Кремень не пойдетъ, что пусть его лучше дѣваютъ, куда хотятъ, что будетъ онъ жить съ женой въ Беркушевѣ...

До суда Никита былъ оставленъ на свободѣ подъ особымъ надзоромъ полиціи, при чемъ полиція увѣдомила слѣдователя, что надзоръ за Никитою Сѣдыхъ учрежденъ по мѣсту его жительства въ Беркушевѣ, гдѣ Сѣдыхъ работаетъ на лѣсопилкѣ.

Предварительное слѣдствіе было окончено. Пріѣхалъ слѣдователь въ Беркушево предъявлять слѣдствіе Никитѣ Сѣдыхъ, и явился Никита вмѣстѣ съ женой. Въ Никитѣ за три мѣсяца произошла замѣтная перемѣна: онъ возмужалъ, держался самоувѣреннѣе и даже, пожалуй, гордо; въ глазахъ вмѣсто прежняго равнодушія свѣтилась мысль; онъ больше не вздыхалъ и говорилъ, хоть сдержанно, но связно и толково. Въ этотъ разъ онъ пожелалъ допол-

нить свое показаніе и ббъяснилъ, что ни отецъ, ни мачеха, никто и никогда не уговаривали его убивать жены, и только разъ, когда онъ впервые послѣ ухода на квартиру пришелъ работать къ отцу, отецъ сказалъ ему, что если онъ броситъ свою жену, то можетъ вернуться въ отчій домъ; что, кромѣ дома и Кремня, онъ ничего не зналъ и не понималъ, какъ можно жить иначе, если не работать по дому и хозяйству или не съ варнаками на пріисках; что онъ не вѣрилъ разсказамъ жены о томъ, что гдѣ-то люди живутъ по-другому, а не такъ, какъ здѣсь, въ Кремнѣ, и что теперь только, устроившись на лѣсопилкѣ, онъ понялъ, что и онъ чего нибудь да стоитъ и можетъ зарабатывать хлѣбъ, не имѣя дома, земли и покоса, и что жена начала учить его грамотѣ.

По уходѣ Никиты къ слѣдователю вошла Настасья и, поклонившись, заявила, что она теперь хотѣла бы мужа простить, и съ гордостью при этомъ замѣтила, что Никита получаетъ уже рубль восемь гривенъ въ день.

Слѣдователь объяснилъ, что преступленіе Никиты такого рода, что дѣло о немъ примиреніемъ окончено быть не можетъ и должно быть разсмотрѣно судомъ.

Выслушавъ это дѣло, присяжные засѣдатели вынесли Никитѣ оправдательный вердиктъ.

Прошло два года. Въ одну изъ своихъ рѣдкихъ поѣздокъ въ Беркушево судебный слѣдователь какъ-то въ праздникъ былъ остановленъ на улицѣ нарядно одѣтой женщиной въ яркомъ, шелковомъ полушалкѣ на головѣ; въ женщинѣ этой слѣдователь узналъ Настасью Сѣдыхъ.

Настасья улыбалась, кланялась, и очень просила зайти къ нимъ въ домъ, который былъ рядомъ. Оказалось, что Никита, выучивъ букварь, быстро научился и пристрастился читать, а такъ какъ грамотныхъ въ томъ краю немного, да къ тому же Никита не беретъ въ ротъ ничего хмельного,—онъ съ мѣсяцъ тому назадъ получилъ мѣсто старшаго нарядчика на Беркушевской лѣсопилкѣ какого-то большого акціонернаго общества. Это дало ему готовую квартиру и 40 рублей въ мѣсяцъ жалованья.

Слѣдователь вошелъ въ домъ. Кухня и двѣ горенки были опрятны и чисты: во всемъ была замѣтна заботливая женская рука. Скоро въ горницѣ на столѣ зашумѣлъ новенькій самоваръ, а изъ стеклянной горки была вынута серебряная чайная ложечка изъ полдюжины, симметрично расположенной по полкѣ въ горкѣ. На полу ползалъ здоровый, годовой бутузъ, все старающійся подняться на ноги. Подъ образами, на угольникѣ лежали книжки и сверху «Сельскій Вѣстникъ» и «Богъ-Помочь», взятые Никитою изъ волостного правленія.

За чаемъ Никита, ставшій похожимъ на степеннаго приказчика, со складкой на лбу, придававшей ему видъ человѣка, много и

упорно думающаго, разсказалъ слѣдователю свою жизнь съ самаго дѣтства, свою первую и единственную любовь къ пригрѣвшей его женщинѣ—молодой женѣ Настасьѣ, и о томъ, какъ онъ сознательно и обдуманно, страстно любя ее и не видя для себя другого выхода, рѣшилъ убить жену, чтобы не мучить ее голодной и бездольной жизнью, а самому вернуться къ отцу и къ мачехѣ въ вѣчные работники, и какъ онъ обрадовался и былъ потрясенъ, узнавъ, что любимая жена его, имъ утопленная, жива...

— Да, тяжелый грѣхъ! — закончилъ свой разсказъ Никита,— и не замолить мнѣ его никогда! Только я полагаю такъ, баринъ, что Господь милосердный видитъ все и знаетъ, Батюшка, что случился грѣхъ этотъ отъ невѣдѣнія да отъ нашей таёжной темноты.

С. П. Рудневъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОВСТАНЦА.

ЧЕЛОВѢКЪ, которому принадлежатъ настоящія воспоминанія, не избѣжалъ общаго патріотическаго увлеченія, охватившаго Польшу въ 1863 г. Жестоко поплатившись за это увлеченіе и искупивъ рядомъ тяжелыхъ испытаній свои политическіе «грѣхи», онъ, спустя слишкомъ 30 лѣтъ послѣ событій, въ которыхъ принималъ участіе, когда и пылъ остылъ и страсти поулеглись, мирно доживая свой вѣкъ гдѣ-то на Украйнѣ, взялся за перо и записалъ свои «воспоминанія» [1]).

Изъ нихъ читатель узнастъ немало любопытнаго и объ организаціи возстанія 1863 г. и о дѣятельности нѣкоторыхъ его вождей, въ ряду которыхъ авторъ мемуаровъ игралъ довольно значительную роль, и о дѣйствіяхъ правительственныхъ войскъ и въ концѣ концовъ, разумѣется, согласится со старымъ «довудцой», что «все это уже, слава Богу, миновало и повториться не должно».

Г. В.

I.

Получили съ родины приказаніе вернуться: «время,—писали намъ,—приближается»... И вотъ съ Сигизмундомъ Падлевскимъ мы выѣхали изъ Парижа черезъ Берлинъ (гдѣ я въ послѣдній разъ

---

[1]) Объ авторѣ воспоминаній упоминаетъ Ягминъ («Воспоминанія бывшаго повстанца»), называя его то Кочинскимъ («Историческій Вѣстн.» 1892 г., кн. X, 75, 76, 77, 83,) то Рочинскимъ (ibid., XI, 427) или по забывчивости, или просто по ошибкѣ типографіи и корректора. Г. В.

видѣлся съ Іосифомъ Наржимскимъ) въ Варшаву. Падлевскій направился черезъ Познань и Краковъ, а я черезъ Торунь (Торнъ). Въ Торуни я долженъ былъ вручить Гутри (Gutremi) письмо генерала Высоцкаго и посовѣтоваться кое о чемъ съ Саладицкимъ, помѣщикомъ изъ-подъ Торуни, принимавшимъ тогда горячее участіе въ нашемъ дѣлѣ.

Снова съѣхались мы съ Падлевскимъ въ Варшавѣ 15 октября 1862 г. Онъ остался тутъ, а я тогдашнимъ центральнымъ комитетомъ[1]) былъ назначенъ комиссаромъ Подляскаго воеводства[2]). Въ составъ послѣдняго входили уѣзды Бяльскій, Сѣдлецкій, Луковскій и Раздинскій. Предъ тѣмъ временемъ агентомъ комитета тутъ былъ Эдвардъ Лисикевичъ, студентъ Кіевскаго университета, товарищъ Игнатія Хмелинскаго. Жилъ онъ съ матерью въ Збуржимѣ подъ Сѣдлецомъ, гдѣ у нихъ была своя деревенька. Старшій братъ держалъ почту, а зять Лисикевича — Янъ Матлинскій, тоже проживавшій при матери, принималъ дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ.

Прибывъ на мѣсто, я нашелъ тайную организацію возстанія еще только въ зародышѣ. Задача заключалась въ томъ, чтобы, пропагандируя въ средѣ застянковой шляхты[3]), которая такъ многочисленна въ Подляскомъ воеводствѣ, вовлечь въ дѣло мѣщанъ, дворовыхъ, особенно же деревенскій людъ. Для этого надо было изъ отдѣльныхъ лицъ, проживавшихъ въ разныхъ пунктахъ, организовать небольшіе кружки, ознакомить ихъ съ собою и указать имъ, что должны дальше дѣлать. Первое такое собраніе, въ которомъ принимали участіе агенты изъ четырехъ уѣздовъ, состоялось въ Лосицахъ, у д-ра Чарковскаго. Это былъ чрезвычайно энергичный дѣятель. Впослѣдствіи его разстрѣляли въ Сѣдлецѣ, вскорѣ послѣ свадьбы съ молодою интеллигентною женщиною. Она не перенесла смерти мужа — помѣшалась.

На этомъ собраніи были произведены выборы на разныя должности. Воеводою подляскимъ избрали Бронислава Дескура, а уѣздными гражданскими начальниками выбрали: сѣдлецкимъ—Яна Матлинскаго, луковскимъ — извѣстнаго ксендза, викарія Брзоску (впослѣдствіи начальникъ отдѣла, схваченный въ Лендѣ и разстрѣлян-

---

[1]) Komitet centralny еще года за два до возстанія принялъ на себя роль представительнаго правительства царства Польскаго, западной и южной Россіи. Г.В.

[2]) «Царство Польское въ это время, — пишетъ Ягминъ, — было раздѣлено на воеводства. Каждое воеводство (губернія) въ свою очередь раздѣлялось на уѣзды, округи и парафіи (приходы). Воеводы и уѣздные начальники (powiatowe) избирались жондомъ народовымъ въ Варшавѣ и отъ себя уже назначали окренговыхъ и парафіановыхъ. Воеводы и уѣздные начальники наблюдали за порядкомъ во ввѣренныхъ имъ областяхъ, творили судъ и расправу. Позже были установлены комиссары отъ жонда народоваго, власть которыхъ въ воеводствѣ была неограниченна». (Воспом. повстанца — «Ист. Вѣстн.», т. L, 85, 86).

[3]) Szlachta zaściankowa — одинъ изъ видовъ мелкопомѣстной шляхты (дворянства), которая сама пашетъ землю. Г. В.

ный), радзинскимъ — помѣщика Зелинскаго и бяльскимъ — тогдашняго помощника начальника уѣзда N.

Отъ нихъ уже зависѣли дальнѣйшія назначенія сотниковъ и десятскихъ. (Организаціоннымъ комитетомъ была принята десятичная система). Для сбора денегъ избрали для каждаго уѣзда отдѣльнаго сборщика.

Центральный комитетъ установилъ всеобщее въ краѣ обложеніе. Въ пріемѣ денегъ выдавались квитанціи, нумера которыхъ объявлялись въ тогдашнемъ подпольномъ изданіи «Ruch» («Мятежъ»), органѣ центральнаго комитета. Редакція этого изданія помѣщалась въ Варшавѣ, на улицѣ Видокъ, подъ № 11, въ квартирѣ г-жи Гейнрихъ, тетки Бронислава Шварца.

Шварцъ, интеллигентный юноша, инженеръ, былъ сыномъ эмигранта и служилъ на варшавско-петербургской желѣзной дорогѣ (французскаго общества). Его арестовали въ декабрѣ 1862 г., когда была обнаружена типографія «Ruch»'а, при помощи французской полиціи, состоявшей въ то время на послугахъ у русскаго правительства, арестуя подозрительныхъ личностей изъ поляковъ въ Парижѣ.

Своею резиденціей я выбралъ Бялу, откуда и разъѣзжалъ по подчиненнымъ мнѣ уѣздамъ. Въ то время въ Бялѣ былъ настоятелемъ ксендзъ Млечко, у котораго я квартировалъ. Время летѣло, событія предвѣщали скорое наступленіе бури. Организація дѣлала свое дѣло. Всѣ были проникнуты рвеніемъ, и каждый искалъ для себя работы. Мѣщане въ мѣстечкахъ, застянковая шляхта, дворовая челядь—всѣ сплотились въ одно цѣлое. Одинъ простой народъ оставался упорнымъ, не проявлялъ никакого рвенія и спокойно выжидалъ грядущихъ событій.

II.

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Подляскомъ воеводствѣ шла дѣятельная работа, требовалось подготовить умы къ общему дѣлу. Важное значеніе имѣлъ въ этомъ случаѣ съѣздъ ксендзовъ въ Мацѣіовицахъ. Здѣсь такъ же, какъ и на съѣздѣ въ Сандомирѣ, духовенство единогласно признало власть центральнаго комитета, отъ имени котораго присутствовалъ Янъ Майковскій. Другимъ такимъ съѣздомъ, имѣвшимъ еще болѣе значенія для Подляскаго воеводства, былъ устроенный мною съѣздъ уніатскихъ священниковъ. Онъ состоялся 22 декабря 1862 г. въ 10 м. отъ Бялы въ дер. Лешнѣ, въ монастырѣ паулиновъ (впослѣдствіи упраздненномъ).

Объ этомъ съѣздѣ немногіе знали въ Варшавѣ, кромѣ Сигизмунда Падлевскаго, Оскара Авейды и Стефана Бобровскаго. Объ немъ нигдѣ не упоминается, даже Гиллеру съѣздъ этотъ не извѣстенъ. А вѣдь на немъ участвовало 150 уніатскихъ священниковъ,

людей бѣдныхъ. Всѣ они приняли присягу на вѣрность народному правительству (rządowi narodowemu), общій трудъ и преданность дѣлу, что̀ и доказали впослѣдствіи.

Этотъ съѣздъ вызвалъ довольно интересный розыскъ. О томъ, что съѣздъ состоится, узнали русскія власти въ Люблинѣ и сейчасъ же дали знать жандармамъ въ Бялѣ съ приказаніемъ не допускать его. Не знали только, гдѣ онъ будетъ. Бяльскій жандармскій начальникъ получилъ увѣдомленіе 23 декабря, т.-е. на другой уже день послѣ съѣзда. И вотъ, сообразивъ, что съѣздъ можетъ быть только у епископа въ Яновѣ Подляскомъ, онъ собралъ своихъ подчиненныхъ и сотню казаковъ и 24 декабря поѣхалъ въ Яновъ. По прибытіи на мѣсто онъ окружилъ костелъ. Былъ уже вечеръ, а у епископа большое освѣщеніе. За столомъ сидитъ онъ самъ, всѣ ксендзы и цѣлая семинарія. Это была вилія [1]). Жандармскій начальникъ готовъ былъ арестовать собравшихся, но ему вовремя объяснили, въ чемъ дѣло.

III.

Между тѣмъ люди были навербованы. Оставалось позаботиться объ ихъ вооруженіи. Приказали вооружить косами на манеръ косиньеровъ Гловацкаго [2]). Только... косамъ этимъ приходилось имѣть дѣло со штуцерами, бьющими на двѣ тысячи шаговъ!.. Огнестрѣльнаго оружія на Подлясьѣ не было. Желая помочь бѣдѣ, комиссаръ Плоцкаго воеводства, Эдвардъ Руликовскій, собралъ немного денегъ, поѣхалъ въ Льежъ, въ Бельгіи, и тамъ на одной фабрикѣ заказалъ 15 тысячъ ружей. Давъ задатокъ, онъ обязался остальную сумму уплатить къ 1 января 1863 г. въ Парижѣ. Фабрика, съ своей стороны, обязалась доставить это оружіе на границу царства Польскаго. Чтобы не потерять задатка и оружія, центральный комитетъ, хотя и съ большимъ трудомъ, собралъ остальную сумму и послалъ съ Франц. Годлевскимъ. Послѣдній пріѣхалъ въ Парижъ и остановился въ отелѣ Corneille. Тутъ жило много поляковъ и въ числѣ ихъ Ал. Чверчакевичъ и Владимиръ Миловичъ. Французская полиція слѣдила за поляками и такимъ образомъ, какъ я уже сказалъ, помогала Россіи. Отель окружили, арестовали поляковъ и забрали у нихъ деньги и документы. Такимъ-то способомъ и узнали о варшавскомъ адресѣ типографіи «Ruch»'а.

---

[1]) Общая братская трапеза наканунѣ Р. Х., устраиваемая во всѣхъ мало-мальски набожныхъ польскихъ домахъ. Г. В.

[2]) Косы превращали въ оружіе такимъ образомъ. Обыкновенную косу прикрѣпляли къ древку такъ, чтобы леввіе косы находилось на одной прямой съ древкомъ, такъ что получалось нѣчто въ родѣ большого, нѣсколько своеобразнаго, копья. Съ другого конца такого копья придѣлывался еще желѣзный крюкъ, предназначенный для стаскиванья непріятельскихъ кавалеристовъ съ лошадей. Г. В.

Этотъ арестъ и захватъ денегъ могли дурно отразиться на подготовительныхъ къ возстанію работахъ.

Насъ всѣхъ — воеводскихъ комиссаровъ — вызвали въ Варшаву. Изъ Кіева пріѣхалъ представитель молодежи, Юрьевичъ, тотъ самый, для освобожденія котораго впослѣдствіи былъ сдѣланъ изъ кіевской крѣпости извѣстный подкопъ въ 27 саж. длины, при помощи котораго Юрьевичъ получилъ свободу и, нѣсколько лѣтъ спустя, умеръ въ Швейцаріи.

На этомъ-то общемъ собраніи комиссаровъ и членовъ центральнаго комитета, въ составъ котораго входили: Сигизмундъ Падлевскій, — президентъ (naczelnik) Варшавы, Оскаръ Авейда, — министръ внутреннихъ дѣлъ, Стефанъ Бобровскій (впослѣдствіи убитъ на дуэли съ Грабовскимъ изъ Галиціи), Агатонъ Гиллеръ и др., порѣшили приготовиться къ возстанію, которое вспыхнетъ не раньше весны, въ виду того, что Литва и Русь не будутъ готовы раньше. Рѣшеніе это послѣдовало 11 января 1863 г. Въ виду распространившихся слуховъ о рекрутскомъ наборѣ нашли необходимымъ лицъ, подлежавшихъ воинской повинности, прятать путемъ переселенія изъ одного уѣзда въ другой. Для этой цѣли я, въ качествѣ подляскаго комиссара, получилъ 3.000 паспортныхъ бланковъ и съ ними выѣхалъ изъ Варшавы. Тѣмъ временемъ начали удалять молодежь изъ Варшавы; то же самое дѣлалось въ Плоцкѣ. Призывные собирались въ Кампиновской Пущѣ... Но большинство ихъ не успѣло выйти изъ города и попало въ наборъ. Тогда-то Сигизмундъ Падлевскій, видя, что планъ организаціи возстанія испорченъ, и получивъ одновременно извѣстіе, что въ крѣпости Модлинѣ [1]) заговорщики только дожидаются сигнала, чтобы пристать къ мятежу, настоялъ въ комитетѣ, гдѣ, надо замѣтить, онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ, начать возстаніе ночью 22 января [2]) 1863 г.

О Сигизмундѣ Падлевскомъ теперь не многіе даже и знаютъ, а между тѣмъ этотъ человѣкъ **приказалъ Польшѣ** возстать 22 января, и одного его слова оказалось достаточно. Не входитъ въ мою задачу вдаваться въ критическій разборъ такого приказанія и указывать несчастныя послѣдствія, какія оно вызвало. Я хочу лишь выразить здѣсь безграничное свое уваженіе къ памяти патріота, который за свою любовь къ родинѣ и готовность на всѣ для нея жертвы заплатилъ мученическою смертію [3]). Я желаю воздать почтеніе его благородной душѣ, его вѣрѣ въ будущее страны и въ тѣ идеалы, которымъ онъ служилъ въ теченіе своей, къ сожалѣнію, короткой жизни. Онъ жаждалъ освобожденія своей

---

[1]) Нынѣ Новогеоргіевскъ, на Вислѣ, между Варшавою и Плоцкомъ. Г. В.

[2]) 22—по нов. ст., а по старому—10 января. Г. В.

[3]) С. Падлевскій разстрѣлянъ въ Плоцкѣ въ 1863 г. Г. В.

отчизны отъ оковъ неволи. Въ другихъ странахъ такимъ апостоламъ свободы и любви къ родинѣ, искупленной жизнію, воздвигаютъ монументы, память объ нихъ, какъ священное преданіе, переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, у насъ же много уже значитъ, если на могилу ихъ не бросаютъ грязью,

С. Падлевскій происходилъ изъ Украйны, изъ деревни Чернявки, Бердичевскаго уѣзда. Отецъ его, Владиславъ, шляхтичъ стараго закала, когда вспыхнуло возстаніе, вскочилъ на коня, сталъ начальникомъ своего собственнаго отряда, потомъ попался въ плѣнъ и разстрѣлянъ вскорѣ послѣ смерти сына. Онъ оставилъ жену, двухъ дочерей и младшаго сына—Романа.

Одна изъ дочерей вышла замужъ за Михаила Подхорскаго. Когда императоръ Александръ II былъ въ Кіевѣ, она бросилась ему въ ноги, умоляя принять ея сыновей въ Пажескій корпусъ...

IV.

Приказъ взяться за оружіе я получилъ въ Бялѣ 17 января 1863 г.

Читая бумагу, я не вѣрилъ собственнымъ своимъ глазамъ и немедленно поскакалъ въ Варшаву, гдѣ засталъ еще Падлевскаго.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ я.—Ужели не понимаешь, что насъ разобьютъ въ пухъ и въ прахъ, что у насъ нѣтъ ни войска, ни оружія! Не ты ли самъ внушалъ намъ въ Кунео, что побѣждаетъ только солдатъ съ хорошимъ оружіемъ [1]).

— Совершилось!—отвѣтилъ мнѣ на это Падлевскій.—Спѣши назадъ! Если Богъ поможетъ—побѣдимъ. Вѣдь невозможно, чтобы Европа дала намъ погибнуть [2])! Прощай! Можетъ быть, въ послѣдній уже разъ видимся. Помни только: разъ мы дали клятву—не сдадимся.

---

[1]) По мысли Мирославскаго и при поддержкѣ Гарибальди, въ концѣ сентября 1861 г., въ Генуѣ открыта szkola podchorążych polskich, съ цѣлью подготовки офицеровъ для предполагавшагося возстанія въ Польшѣ. Школу эту потомъ перенесли въ Кунео (въ Піемонтѣ). Руководителемъ ея сначала былъ Мирославскій, а когда, благодаря своимъ интригамъ, сдѣлался невозможнымъ, руководство надъ школою принялъ на себя генералъ Іосифъ Высоцкій. Учили военные—поляки. Нѣкоторые изъ преподавателей школы впослѣдствіи получили громкую извѣстность, какъ, напримѣръ диктаторъ Маріанъ Лангевичъ (ум. въ 1887 г.). С. Падлевскій также состоялъ преподавателемъ школы въ Кунео. Число учащихся достигало 120 человѣкъ. Школа существовала только девять мѣсяцевъ. 26 іюня 1862 г. итальянское правительство, по настоянію Россіи и Пруссіи, ее закрыло. Г. В.

[2]) Вотъ новое доказательство, что попытка поляковъ отвоеваться отъ Россіи въ 1863 г. была вызвана не вѣрою въ собственную мощь, а успѣшнымъ вмѣшательствомъ Второй Французской имперіи въ дѣло итальянскаго освобожденія и увѣренностью, что такая интервенція послѣдуетъ и въ пользу поляковъ. Г. В.

Мы обнялись. Сигизмундъ сѣлъ въ бричку вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ, офицеромъ русской артиллеріи, Сейфридомъ.

Я еще забѣжалъ къ Авейдѣ.

— Зачѣмъ ты согласился?—спросилъ я его.

— Сигизмундъ одержалъ надъ нами верхъ на баллотировкѣ. Знаю, что рано, но жребій брошенъ. Если проиграемъ—встрѣтимся на эшафотѣ, но итти надо, разсуждать некогда.

Авейдѣ удалось, впрочемъ, избѣгнуть висѣлицы. Послѣ онъ описалъ исторію нашей организаціи. Сосланный въ Вятку, онъ (кажется) живъ еще и теперь (1896 г.).

Распрощавшись съ Авейдой, побѣжалъ на почту заказать лошадей. Тамъ встрѣтилъ Леона Франковскаго, величайшаго изъ всѣхъ насъ энтузіаста. Онъ бросился мнѣ на шею съ крикомъ:

— Итакъ, ѣдемъ биться за родину!

— Биться не штука,—отвѣтилъ я,—а только—чѣмъ?

— Шапками ихъ закидаемъ! Все Люблинское воеводство поднимется, какъ одинъ человѣкъ. Ѣду туда! Прощай!

И мы разстались.

Я отправился проститься съ родителями и сестрою.

Благословили они меня, я ихъ обнялъ, сѣлъ въ бричку и покатилъ на Подлясье.

Остановился на ночлегъ въ Сѣдлецѣ. Встрѣтилъ Левандовскаго, офицера временъ венгерской кампаніи, эмигранта. Онъ былъ назначенъ, въ чинѣ подполковника, «начальникомъ Подляскаго воеводства». Кромѣ него, встрѣтился тамъ же со своимъ товарищемъ по Кунео, Вл. Яблоновскимъ, студентомъ Кіевскаго университета. Отрядилъ его въ Соколовъ—поставить молодежь на военную ногу. Времени оставалось такъ мало, что мы едва только въ общихъ чертахъ могли посовѣтоваться касательно способа дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій. Порѣшили, что Левандовскій ударитъ на Сѣдлецъ. Съ нимъ будутъ нѣкоторые мѣстные жители, населеніе Соколова и Венгрова, подъ начачальствомъ Вл. Яблоновскаго, а также окрестныхъ деревень съ Матлинскимъ во главѣ, да сверхъ того часть застянковой шляхты изъ Лосицкаго округа, подъ начальствомъ Чарковскаго. Всѣхъ повстанцевъ, если бы они собрались во-время, набралось бы до двухъ тысячъ. Вооруженіе ихъ состояло изъ косъ и отчасти охотничьяго оружія.

Покончивъ съ Левандовскимъ, я поспѣшилъ въ Луковъ сообщить ксендзу Брзоскѣ, что возстаніе начинается. Брзоска имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно людей, но трудно ему было собрать ихъ къ назначенному часу. Между тѣмъ онъ долженъ былъ ночью напасть на городъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ десятковъ солдатъ - поляковъ, находившихся въ рядахъ русскаго войска. Декуру я послалъ приказъ ударить на Радзинъ, а самъ поспѣшилъ воротиться въ Бялу. На этотъ пунктъ я наиболѣе надѣялся.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ моего здѣсь пребыванія мнѣ удалось поднять всѣхъ мѣщанъ. Въ уѣздѣ, исключая чиновниковъ да дворовыхъ, вся застянковая шляхта была вовлечена въ наше дѣло. Можно положительно сказать, что не было ни одного, который бы всей душею не отдался ему.

Въ Бялѣ я разсчитывалъ застать офицера-сапера Мрочека (Mroczka), назначеннаго начальникомъ Бяльскаго уѣзда. Но расчетъ мой не оправдался. Вслѣдствіе переданнаго изъ Петербурга нашими желанія центральный комитетъ внезапно командировалъ Мрочека въ Казань. Тогда надѣялись вызвать на Поволжьѣ мятежъ и такимъ путемъ произвести военную диверсію [1]). Мрочекъ отправился. Но нашелъ въ Казани всего на все 18 революціонеровъ. Черезъ нихъ были пущены въ народъ такъ называемыя «золотыя грамоты». Скоро ихъ всѣхъ перехватали, а Мрочека съ тремя заговорщиками разстрѣляли въ Казани.

V.

Такимъ образомъ, приходилось дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Лишь только началось возстаніе, я сталъ набирать отряды, собирать ихъ вмѣстѣ и посылать туда, гдѣ нуждались въ помощи. Наша цѣль заключалась въ томъ, чтобы овладѣть двумя линіями: варшавско-брестъ-литовской и варшавско-люблинской въ направленіи Устилуга, Волыни и Руси. Если же не удалось бы сразу удержаться на которой нибудь изъ этихъ линій, то переправиться за Бугъ и тамъ сколь можно шире распространить возстаніе, дабы тѣмъ самымъ раздробить силы непріятеля. Въ нашихъ занятіяхъ въ Бялѣ принимали участіе два офицера русской службы: командиръ артиллерійской батареи Суходольскій и его адъютантъ Залевскій. Кромѣ того, въ этой же батареѣ находилось 16 канонировъ, поляковъ, да нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ. Русскія силы въ Бялѣ состояли изъ артиллеріи, роты пѣхоты (250 человѣкъ), роты инвалидовъ (200 человѣкъ), сотни казаковъ и жандармовъ, всего 800 человѣкъ. Командовалъ ими генералъ Мамаевъ. Въ уѣздѣ же квартировали: въ Ломазахъ—эскадронъ уланъ, въ Коднѣ на Бугѣ—батарея артиллеріи да 400 человѣкъ, вооруженныхъ винтовками, въ Мендзыречѣ — два эскадрона улановъ; четвертый эскадронъ стоялъ въ Сѣдлецѣ.

Я—повторяю—очень надѣялся на Бяльскій уѣздъ, какъ наиболѣе подготовленный, по крайней мѣрѣ, въ Подляскомъ воеводствѣ. Не хватало ему огнестрѣльнаго оружія, но косъ и амуниціи было достаточно. То и другое достали черезъ солдатъ изъ Бреста при помощи еврейчиковъ. По списку значилось три тысячи человѣкъ, которые должны были явиться по первому требованію.

[1]) Т.-е, отвлечь военныя силы. Г. В.

Распорядился я слѣдующимъ образомъ. Въ Мендзыречѣ начальникомъ города (naczelnikiem miastu) состоялъ сынъ тамошняго чиновника, Крысинскій, энергичный, дѣльный юноша. Подъ его-то начальствомъ мѣщане должны были ударить на уланскія казармы, сжечь ихъ и забрать, что удастся. На помощь къ нему долженъ былъ прійти застянекъ Боярувъ въ составѣ слишкомъ ста человѣкъ. По взятіи казармъ Крысинскому надлежало спѣшить въ главный лагерь, въ Бялу. Этотъ Крысинскій затѣмъ командовалъ отдѣльною частью и отличился во многихъ битвахъ.

Въ Кодень я назначилъ Ненцкаго, управляющаго коденскимъ имѣніемъ Крысинскихъ, бывшаго солдата одного изъ оренбургскихъ баталіоновъ, дослужившагося до унтеръ-офицера. Для нападенія отрядилъ коденскихъ жителей и два застянка Тучка и Визки, въ составѣ 250 человѣкъ.

Въ Ломазы послалъ своего товарища Чапинскаго, уроженца Бялы, съ шляхтою изъ застянка Хущи (250 человѣкъ) и съ ломазскими мѣщанами на придачу. Во главѣ же отдѣла тамъ всталъ ксендзъ-настоятель помянутыхъ застянковъ — Навроцкій, бывшій капелланомъ II уланскго полка въ 30-хъ годахъ,—прекрасный священникъ, солдатъ и гражданинъ. Сосланный въ Сибирь онъ впослѣдствіи умеръ въ Россіи.

Первую ночь я провелъ въ Бялѣ одинъ. Кромѣ мѣщанъ, я поджидалъ еще застянекъ изъ-подъ Лосицъ. Туда я командировалъ Бальтазара Волянина, учителя уѣздной бяльской школы. Изъ Янова-Подляскаго ожидалось до 400 повстанцевъ, подъ начальствомъ ксендза Розвадовскаго, настоятеля изъ Немирова на Бугѣ, да изъ Залѣсья около 100 человѣкъ съ Казимиромъ Богуславскимъ. Такимъ образомъ я могъ разсчитывать на подкрѣпленіе въ 800 человѣкъ, не считая тѣхъ, что находились въ городѣ.

Пока я дѣлалъ свои распоряженія, наступилъ памятный день 22 января... Предстояло объявить горожанамъ, что сегодня ночью, въ 12 часовъ, мы сдѣлаемъ нападеніе на русскія войска. Двадцать человѣкъ вмѣстѣ со мною ворвутся въ квартиру Мамаева, а остальные нападутъ на батарею, стоявшую на концѣ города, на сотню казаковъ, квартировавшихъ въ отдѣльныхъ казармахъ, и на пѣхоту. Я не терялъ надежды на успѣхъ, во-первыхъ, ожидалъ, что наше внезапное нападеніе вызоветъ переполохъ, во-вторыхъ, Суходольскій и Залевскій обязались, въ случаѣ тревоги, не оставлять своихъ квартиръ, а канониры—наши соумышленники, обѣщали выстрѣлами распугать артиллерійскихъ лошадей. Но судьба судила иное.

VI.

Когда я объявилъ жителямъ, что день возстанія наступилъ,—они бросились въ костелъ получить благословеніе и разрѣшеніе отъ грѣховъ. Не трусость ими руководила, а истинно-христіанское чувство. Ксендзы-реформаты перепугались и не хотѣли на исповѣди дать разрѣшенія, отговаривали отъ гибельнаго шага и отъ убійства ближнихъ. Мнѣ дали знать объ этомъ. Можно себѣ представить, какъ это меня взбѣсило! Бросился я въ костелъ; за мною толпа народу. Вижу—ксендзы разговариваютъ... но остаются непреклонными... Въ запальчивости обѣщаюсь сжечь ихъ живыми, если станутъ отказывать въ разрѣшеніи. Ксендзы уступили и начали исповѣдь. Однако, мои настойчивыя требованія вызвали нежелательныя послѣдствія для дѣла: уже вечеромъ изъ 200 настоятелей едва 80 оставалось на приходахъ.

Суходольскій и Залевскій, когда я зашелъ къ нимъ вечеромъ для послѣднихъ переговоровъ и объявилъ, что подъ утро начальство приметъ Суходольскій, — струсили оба и послѣ моего ухода поспѣшили къ Мамаеву предупредить, что черезъ нѣсколько часовъ вспыхнетъ мятежъ, что нужно пушки вывезти на рынокъ и собрать войско...

Десять часовъ утра... Тревога... Трубятъ. Войска стягиваются на рынокъ. Зажигаютъ костры. Я съ 80 человѣками на томъ же рынкѣ, около костела, жду подкрѣпленія, которое должно подойти къ 12 часамъ.

Когда началась тревога, сбѣжались ко мнѣ всѣ канониры. Эти не измѣнили — пристали къ намъ... Тутъ только я замѣтилъ, что косъ у насъ достаточно, зато огнестрѣльнаго оружія всего одиннадцать штукъ: семь двуствольныхъ ружей и четыре одноствольныхъ, да у одного бельгійскій револьверъ и кинжалъ...

Силы наши неравны, чтобы отважиться ударить на рынокъ. И я ждалъ покрѣпленія до 12 часовъ. Но вотъ пробило 12. Никто не показывался. Опоздали, думаю, что же удивительнаго? Каждый, вѣдь, хочетъ проститься съ родными, проститься, можетъ быть, навѣки!.. Прошелъ и полдень, а подкрѣпленія нѣтъ, какъ нѣтъ! Отправляю три экстра-почты съ приказами. Войска на рынкѣ ихъ пропускаютъ... Приказываю отрядамъ спѣшить въ направленіи Яновъ-Бяла. Я имѣлъ намѣреніе ихъ встрѣтить, если бы, конечно, мнѣ удалось выйти изъ города.

Прождалъ еще около часу. Напрасно. Надо было на что нибудь рѣшиться. Предполагая, что въ рядахъ русскаго войска, лишь только насъ увидятъ, произойдетъ переполохъ, я вытянулъ въ линію своихъ косиньеровъ и скомандовалъ: «маршъ впередъ!» Пойдемъ—думалъ себѣ—черезъ рынокъ, не затрогивая войска, а пока оно опомнится, пройдемъ черезъ городъ въ направленіи Янова

и тамъ встрѣтимъ своихъ. Съ ними, если будетъ возможно, вернемся сюда назадъ. Поднявши револьверъ кверху, крикнулъ: «Безъ моего приказанія ни одного выстрѣла... Братья, впередъ! Во имя Божіе!»...

Вышли на рынокъ. Тамъ стоялъ генералъ Мамаевъ со своею въ десять разъ превосходящею нашу, силою: съ 8 пушками, 400 винтовками и 100 пиками.

Проходимъ въ 30 шагахъ передъ фронтомъ русскихъ. Глухое молчаніе. Слышенъ только топотъ нашихъ мѣрныхъ шаговъ. Такъ мы прошли Яновской улицей до конца города.

Тогда только Мамаевъ, когда мы уже скрылись изъ глазъ, опомнился и выслалъ въ погоню за нами казаковъ. Казаки съ гиканьемъ налетѣли на насъ. Но мы устояли. Одно: «стой! цѣлься!» и казаки обратились врассыпную. Снова: «Ребята, впередъ! не стрѣлять! пороху жалко!» И снова пошли дальше. Казаки провожали насъ 5 верстъ по Яновской дорогѣ до деревни Розкоши, не причинивъ выстрѣлами вреда. Тутъ я встрѣтилъ оба отряда: Развадовскаго изъ Янова и Волянина изъ-подъ Лосицъ. Всего съ ними было 300 человѣкъ. Разбиваемъ тутъ лагерь, разводимъ костры, разставляемъ часовыхъ и ждемъ бѣлаго дня, чтобы силы свои привести въ порядокъ. Русскіе насъ не преслѣдовали, такъ что мы могли остаться въ Розкоши до утра. Отсюда я перешелъ на шоссе, идущее къ Залѣсье, чтобы встрѣтиться съ Казимиромъ Богуславскимъ и узнать о положеніи дѣлъ на другихъ пунктахъ. Когда мы стали подъ Залѣсье, мнѣ пришло въ голову уничтожить мостъ черезъ рѣку Крзну и болота, чтобы лишить русскихъ сообщенія между Брестомъ и Бялою. Только что мы тутъ остановились, прибылъ изъ Бреста почтовый экипажъ. Сидѣлъ въ немъ Черкасовъ, одинъ изъ важныхъ русскихъ чиновниковъ изъ Варшавы. Это былъ первый русскій, который попалъ въ наши руки... Я былъ раздраженъ, находился подъ впечатлѣніемъ неудачнаго начала возстанія. На вопросъ: кто онъ? — вижу, лжетъ, прикрываясь именемъ Вишневскаго. Рука задрожала, инстинктивно схватилъ револьверъ, спустилъ курокъ, и Черкасова не стало... Упрекали меня, зачѣмъ я это сдѣлалъ самъ, а не велѣлъ его разстрѣлять. Одно у меня на это оправданіе: было мнѣ тогда всего 24 года, и жаждалъ я крови непріятельской... Черкасовъ везъ важныя бумаги въ Варшаву—приказы и распоряженія, касавшіеся набора и дизлокаціи рекрутъ, общая численность которыхъ опредѣлялась въ 25 тысячъ человѣкъ. Трупъ Черкасова вмѣстѣ съ найденными при немъ бумагами положили въ тотъ же экипажъ и отослали въ Варшаву.

VII.

Расположившись лагеремъ подъ Залѣсьемъ, я оставилъ своихъ подъ командою Волянина, а самъ отправился въ застянки Тучну, Виски и Хущу узнать, что тамъ дѣлается, и забрать оттуда людей. Въ Тучнѣ нашелъ Ненцкаго. Онъ ночью сдѣлалъ нападеніе на Кодень. Русскіе не были приготовлены. Выстрѣломъ изъ револьвера Ненцкій положилъ на мѣстѣ часового при гауптвахтѣ и ударилъ въ барабанъ тревогу. Шляхта бросилась съ косами на караулъ и овладѣла гауптвахтой. Русскіе бѣжали со своимъ комендантомъ. Ненцкій, овладѣвши Коднемъ, захватилъ до 300 ружей, правду сказать, старыхъ, передѣланныхъ изъ кремневыхъ, но все же со штыками, и значительное количество готовыхъ патроновъ и пистоновъ. Кромѣ того, онъ взялъ въ плѣнъ 80 солдатъ. Ихъ отправилъ въ Тучну. Велика была моя радость. И это понятно. Подобная побѣда придавала мужества нашимъ!.. Собравъ шляхту, приказалъ ей готовиться къ выступленію. Самъ тѣмъ временемъ поскакалъ въ Хущу, главный застянокъ, которому далъ приказъ ударить на Ломазы. Хуща—длинное, растянувшееся на двѣ версты селеніе. По одной сторонѣ его стоятъ жилые дома, а по другой—хозяйственныя постройки.

Когда я въѣхалъ въ застянокъ, моимъ глазамъ представилась такая картина. У каждаго дома, сообразно тому, сколько человѣкъ изъ него принимало участіе въ возстаніи, стояли косы, опертыя на стѣны. Это была улица косъ. Проѣхалъ Хущу во всю длину до костёла. За мною бѣжалъ народъ съ косами въ рукахъ. Въ костельномъ домѣ засталъ нѣсколькихъ мѣщанъ изъ Ломазъ, Чапинскаго и Шанявскаго, помѣщика изъ Красувки. Послѣдній разсказалъ мнѣ, что по сигналу къ возстанію[1]) онъ собралъ дворовыхъ людей и вмѣстѣ съ ними и шляхтою напалъ на Ломазы. Энергичный, храбрый и живой, онъ, несмотря на свои 50 лѣтъ, вмѣстѣ съ кс. Навроцкимъ являлся душею нападенія на Ломазы[2]). Русскихъ и тутъ захватили врасплохъ. Не успѣли они даже осѣдлать лошадей и бѣжали въ Мендзыречь, оставивъ въ нашихъ рукахъ вахмистра, трехъ солдатъ, сѣдла на 70 лошадей, сабли и множество пикъ.

Такъ отличилась наша шляхта въ эту ночь! Если бы у насъ было оружіе и хотя бы одинъ на сто человѣкъ, ознакомленный съ тактикой, чтобы поставить нестройныя толпы на военную ногу,

---

[1]) Такимъ сигналомъ, по большей части, былъ ударъ въ колоколъ. Г. В.

[2]) Послѣ одномѣсячной дѣятельности его настигли правительственныя войска близъ почтовой станціи Сощина по дорогѣ въ Варшаву, и онъ палъ въ стычкѣ. Жена его, ревностная патріотка «курьерка» (почталіонъ rżąd'a), въ концѣ 1863 г была арестована и выслана на жительство въ Сибирь. Г. В.

то—говорю это по прошествіи слишкомъ 30 лѣтъ, когда уже пылъ остылъ, и человѣкъ хладнокровно смотритъ на прошлое—мы вышли бы побѣдителями. Мы были проникнуты энтузіазмомъ, а русскіе, сверхъ ожиданія, проявили непонятную, просто, вялость. При такихъ условіяхъ перевѣсъ непремѣнно склонился бы на нашу сторону. Недостатокъ оружія все испортилъ. Даже теперь, какъ вспомню эту толпу, которая пошла за мною изъ трехъ застянковъ, съ однѣми косами въ рукахъ противъ пушекъ и штуцеровъ, оставивъ дома беззащитныхъ женъ, стариковъ и дѣтей,—слезы невольно навертываются на глазахъ, какъ выраженіе почтенія къ людямъ, которые, пылая любовью къ родинѣ, рѣшились на величайшія для нея жертвы.

VIII.

Собравъ застянки, я повелъ ихъ въ отрядъ, оставленный у Залѣсья. Тамъ нашелъ своего товарища по Кунео, Адама Радовицкаго [1]), Валерія Голяна, эмигранта (брата покойнаго каноника Сигизм. Голяна), унтеръ-офицера алжирскихъ легіоновъ, и нѣкоего Павловича, молодого офицера русской арміи, только-что выпущеннаго изъ артиллерійскаго училища. Оба ѣхали изъ Варшавы въ Кіевъ и оба пристали къ отряду. Радовицкаго я назначилъ начальникомъ кавалеріи, Голяна—начальникомъ штаба, Шанявскаго—начальникомъ всѣхъ стрѣлковъ, съ титуломъ полковника, Волянина—капитаномъ стрѣлковаго баталіона, Ненцкаго—командиромъ косиньеровъ и Павловича—своимъ адъютантомъ. Другимъ при мнѣ адъютантомъ состоялъ Стасякевичъ, ех-клирикъ изъ Янова. Кромѣ того, назначилъ нѣсколько офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, какъ, напримѣръ, Богуславскаго, Жуковскаго и др., фамилій которыхъ теперь уже не могу припомнить.

Тогда же я получилъ отъ народнаго правительства воззваніе къ мужикамъ, или манифестъ, объявлявшій, что кто добровольно примкнетъ къ возставшимъ, тотъ получитъ въ вѣчное владѣніе пять морговъ земли. Воззваніе написалъ Гиллеръ.

Затѣмъ я двинулся къ Янову-Подляскому запастись лошадьми изъ тамошней казенной конюшни, да кстати заняться обмундированіемъ своихъ ротъ. Въ Яновѣ я пробылъ три дня. Отрядъ нашъ возросъ до тысячи чел. Поэтому я рѣшилъ напасть на Бялу и овладѣть ею. Хотѣлось взять съ собою изъ Янова епископа Веніамина, ех-капуцина, но онъ сказался больнымъ...[2]). Тащить его

---

[1]) А. Радовицкій, помѣщикъ Кобринскаго уѣзда Гродненской губ., отставной офицеръ русск. арміи, назывался иногда Мирославчикомъ. Впослѣдствіи разстрѣлянъ въ Сѣдлецѣ.

[2]) Любопытныя свѣдѣнія о личности этого епископа сообщаетъ въ своихъ запискахъ бывшій повстанецъ Ягминъ («Ист. Вѣстн.», т. XLI, X, 575; т. L, 84). Г. В.).

силою не хотѣлъ, хотя для меня было очень желательно имѣть его при себѣ въ виду его огромнаго вліянія на народъ. Дорогою узналъ, что Мамаевъ въ тотъ же день выступилъ въ Сѣдлецъ, и я занялъ, такимъ образомъ, Бялу безъ боя. Наступилъ уже вечеръ. Въ городѣ всюду огни. Все населеніе—на улицѣ. Гауптвахта занята евреями. Они держатъ караулы, прицѣпивъ къ шапкамъ національные значки. Повсюду ликованіе. Прошла ночь. На другой день, утромъ, еврейскія депутаціи пригласили меня въ синагогу. Тамъ евреи приносили присягу народному правительству. Во время молитвы я держалъ руку на талмудѣ (?), а евреи, молясь, выкрикивали нѣсколько разъ мое имя. Потомъ отправили богослуженіе въ костелѣ. Ксендзъ Млечко освятилъ наши знамена. Согласно данной мнѣ инструкціи, я вызвалъ помѣщиковъ на выборы мѣстнаго народнаго правленія. Въ составъ уѣзднаго управленія должны были входить семь членовъ: одинъ крестьянинъ, одинъ еврей, одинъ мѣщанинъ, одинъ ксендзъ и трое помѣщиковъ—дворянъ. Съѣздъ былъ большой. Пріѣхалъ и Буховецкій, уѣздное свѣтило. Но не явился Станиславъ Александровичъ. Вмѣсто того, чтобы выбрать значительныхъ помѣщиковъ, собравшіеся выбирали преимущественно своихъ служащихъ. Когда стала замѣтна такая трусость, желаніе заслониться другими, отозвался одинъ изъ нихъ, нѣкто Лойко изъ-подъ Пищацъ.

— Выбирайте сами изъ своей среды!—крикнулъ онъ.—Мы къ партіи мятежа не принадлежимъ, и до возстанія намъ нѣтъ никакого дѣла!

Такая выходка могла имѣть печальныя послѣдствія для Лойки. Я уже хотѣлъ отдать приказъ Радовицкому арестовать Лойку, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что русскіе, подъ начальствомъ генерала Ностица, въ составѣ 7 ротъ пѣхоты, 1 роты саперовъ, съ 2 пушками и сотнею казаковъ, вышли изъ Бреста и къ вечеру будутъ въ Бялѣ. Въ ожиданіи битвы отложилъ распоряженіе касательно Лойки до слѣдующаго дня и распустилъ собраніе.

Прошло нѣсколько часовъ.

Къ вечеру появились русскіе и расположились лагеремъ въ 3 верстахъ отъ Бялы, на шоссе, у корчмы Бялки. Одну роту пѣхоты съ ротой саперовъ Ностицъ оставилъ у моста черезъ Крзну, чтобы починить его. Видя, что непріятель имѣетъ намѣреніе заночевать и только на слѣдующій день напасть на насъ, я рѣшился предупредить его, понимая, что выгоднѣе нападать, чѣмъ защищаться. Такъ я и сдѣлалъ. Обозъ оставилъ въ городѣ, а самъ съ отрядомъ въ 10 ч. вечера выступилъ противъ Ностица. Я могъ итти или прямо по шоссе вплоть до корчмы, у которой стоялъ противникъ, или по дорогѣ на Воскрзеницы. Выбралъ послѣднюю дорогу. Непріятель расположился на полянѣ, противъ корчмы, окруженной небольшимъ лѣсомъ. Слѣдуя параллельно, мы были отдѣлены отъ

него небольшими кустами. Когда же подошли и находились на одной съ нимъ линіи, увидѣли разложенные костры. Построивъ своихъ фронтомъ къ непріятелю, я раздѣлилъ ихъ такимъ образомъ. Лѣвое крыло—подъ начальствомъ Шанявскаго. Къ нему же присоединилъ Чапинскаго съ его людьми (230 чел.). Ему поручилъ занять шоссе между Бялкой и мостомъ и такимъ образомъ прервать сообщеніе между главнымъ обозомъ противника и саперами и пѣхотой, занятыми наводкою моста. Съ праваго крыла отдѣлилъ 50 стрѣлковъ подъ командою Богуславскаго. Имъ приказалъ подойти къ противнику лѣсомъ и открыть противъ него фальшивый огонь со стороны Бялы. Я полагалъ, что этимъ способомъ мнѣ удастся обратить вниманіе непріятеля на Бялу и тогда-то съ остаткомъ отряда ударить на него съ боку.

IX.

Стрѣлками командовалъ Волянинъ, косиньеровъ велъ Ненцкій, кавалерію въ 80 лошадей—Радовицкій, при мнѣ находились Голянъ и Павловичъ. Подходимъ къ непріятелю близко-близко. Уже ясно его различаемъ у разложенныхъ костровъ. Богуславскій, опередивъ насъ на 300—400 шаговъ, открываетъ огонь. Непріятель, словно обваренный кипяткомъ, гаситъ огни и стрѣляетъ въ лѣсъ наобумъ. Спѣшимъ впередъ. Волянинъ со своими стрѣлками занимаетъ ровъ при шоссе противъ поляны и начинаетъ атаку. Ненцкій съ косиньерами овладѣваетъ корчмой, вытѣсняетъ оттуда врага, беретъ двоихъ офицеровъ въ плѣнъ, убиваетъ и ранитъ нѣсколькихъ солдатъ. Непріятель отступаетъ на поляну. Косиньерамъ слѣдовало направиться туда же, выбить оттуда врага, и тогда сраженіе было бы выиграно. И дѣйствительно косиньеры идутъ впередъ. Противъ нихъ направлены два орудія. Противникъ открываетъ изъ нихъ огонь картечью. Нѣсколько человѣкъ падаетъ. Шляхта съ крикомъ ура оставляетъ шоссе. Ненцкій собираетъ разсыпавшихся въ разныя стороны и снова двигается на шоссе. Снова залпъ картечью. Снова выбываетъ изъ строя нѣсколько человѣкъ, а остальные отступаютъ. Недоставало у насъ унтеръ-офицеровъ, которые бы понимали, что орудія страшны только до выстрѣловъ, послѣ же выстрѣловъ ихъ легко можно брать... Видя, что косиньеры не справятся, обращаюсь къ Радовицкому.

— Адамъ,—кричу ему,—надо взять эти пушки, иначе проиграемъ сраженіе!

Пройти бы могли только между корчмой и стоявшимъ съ боку ея овиномъ (stodola). По сторонамъ заборы и изгороди, такъ что итти развернутой линіей невозможно. А тутъ еще вдобавокъ наступили сумерки. Составляю шестерки (szóstki). Въ первой — я,

Радовицкій, Павловичъ и трое солдатъ. Выскакиваемъ на шоссе. Тутъ насъ встрѣчаетъ пушечный залпъ. Подо мною убита лошадь. Я падаю. Хотя не ранили, но лошадь придавила мнѣ ногу. Высвободиться не могу. Раздается новый залпъ. Происходитъ замѣшательство. Радовицкій, будучи увѣренъ, что я убитъ, отступаетъ. Солдаты за нимъ. Одинъ изъ солдатъ замѣтилъ меня и подалъ коня. Сажусь на него. Но уже моментъ потерянъ, тѣмъ болѣе, что и по отряду разнеслась вѣсть, будто я убитъ. Ненцкій отступаетъ съ косиньерами. Съ тѣхъ поръ я его уже больше не видалъ. Знаю, что позднѣе онъ погибъ въ одномъ изъ сраженій въ Люблинскомъ воеводствѣ. Волянинъ, хотя и не спѣша, но тоже ретируется, отстрѣливаясь безъ перерыва. Собираю отрядъ тутъ же подъ Бялкой. Хотѣлъ еще разъ повторить атаку, но долженъ былъ отказаться отъ этой мысли, такъ какъ отрядъ находился въ самомъ безпорядочномъ состояніи. А тутъ еще подоспѣло извѣстіе, что къ непріятелю подошли подкрѣпленія со стороны моста. Ихъ встрѣтилъ Шанявскій, но атаку велъ чрезвычайно слабо и позволилъ имъ соединиться. Такимъ образомъ силы генерала Ностица значительно увеличились. Поэтому я рѣшилъ вернуться въ Бялу и тамъ подготовиться снова. Ностицъ за мною не пошелъ. Онъ ждалъ наступленія дня. Въ Бялѣ мнѣ пришлось и приводить въ порядокъ свой отрядъ и наблюдать за Ностицемъ.

Былъ уже полдень, а онъ не показывался. Послѣ оказалось, что генералъ Ностицъ самъ поджидалъ подкрѣпленій изъ Бреста. Не возвращался и Шанявскій. Я видѣлъ, что трудно будетъ удержаться со своимъ отрядомъ въ Бялѣ, забралъ, что только было возможно: патроновъ, муки, овса, и выступилъ къ Янову, предполагая тамъ встрѣтить Шанявскаго. Дѣйствительно, мы встрѣтились на слѣдующій день по занятіи Янова. Въ качествѣ трофеевъ намъ достались два офицера, захваченные въ корчмѣ косиньерами. Бялу занялъ Ностицъ и тамъ похоронилъ 140 убитыхъ солдатъ и 2-хъ офицеровъ. Погребальный обрядъ исполнили ксендзы-базиліане, коихъ костелъ съ мощами св. епископа Іосафата находился въ Бялѣ.

Въ Яновѣ я пробылъ снова нѣсколько дней, обучая солдатъ и изготовляя мундиры для стрѣлковъ. Кавалерія моя здѣсь увеличилась на сто слишкомъ лошадей. Было у меня 40 конюховъ изъ яновской конюшни. Всѣ оказались отличными наѣздниками. Изъ кучеровъ и молодежи я сформировалъ недурный отрядецъ. Радовицкій, человѣкъ вообще очень отважный и превосходный наѣздникъ, служилъ для другихъ примѣромъ. Въ Яновѣ я узналъ о сраженіи подъ Венгровымъ,—сраженіи, хотя и не выигранномъ, но въ которомъ наши дрались геройски. Предводительствовалъ нашими Влад. Яблоновскій. Обыкновенно приписываютъ командованіе войсками въ этой битвѣ Янку Соколу (Матлинскому), но онъ

только принималъ въ ней участіе, войсками же не командовалъ. Узналъ также, что послѣ боя отрядъ переправился за Бугъ къ Дрогичину, и что за Бугомъ собираются значительныя силы.

Я имѣлъ распоряженіе центральнаго комитета: въ случаѣ невозможности удержаться на варшавско-брестской линіи — переправиться за Бугъ и тамъ распространять возстаніе. Теперь я рѣшилъ сдѣлать это.

Итакъ, собираю отрядъ, забираю серебра на нѣсколько тысячъ рублей. Лишь только нашъ обозъ выступилъ изъ города къ Немирову, узнаю отъ разъѣзда, высланнаго подъ Бялу, что Ностицъ двигается къ Янову. Отступая къ Бугу, мы каждую минуту ожидали нападенія. До Немирова оставалось 7 верстъ. Войска Ностица прошли черезъ Яновъ и настигали насъ. Казаки старались затруднять намъ движеніе. Ностицъ, повидимому, хотѣлъ встрѣтиться съ нами въ открытомъ полѣ и тамъ дать битву. Я спѣшилъ къ Бугу. Отстрѣливаясь отъ казаковъ, дошли мы до Немирова. Это — деревня, расположенная по обѣимъ сторонамъ Буга, извѣстная, какъ пограничный пунктъ трехъ государствъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши. Берега Буга—слишкомъ покатые, поросли ветлами. Впереди деревни—нѣсколько холмовъ. На берегу нашли поромъ. Обозъ началъ переправляться. А такъ какъ я имѣлъ при себѣ сто возовъ, ибо однѣхъ косъ везъ 2.000 штукъ, то переправа шла медленно. Отрядъ я выстроилъ напротивъ деревни фронтомъ къ противнику. На лѣвомъ флангѣ, на холмѣ, стала кавалерія Радовицкаго, середину заняли стрѣлки Волянина, на правомъ флангѣ—часть стрѣлковъ Шанявскаго, за ними косиньеры Голяна.

Въ такомъ порядкѣ мы отступали къ Бугу. Казаки назойливо атаковали стрѣлковъ, желая дать возможность ген. Ностицу настигнуть насъ. Посылаю приказъ Радовицкому разсѣять казаковъ. Тотъ строитъ колонну шестерками и атакуетъ казаковъ. Казаки не струсили. Эсаулъ ихъ развернулъ линію, по обычаю, татарскимъ полумѣсяцемъ. Повидимому, онъ хотѣлъ нашихъ окружить. Но тутъ случилось то, что можетъ случаться развѣ только съ отрядами повстанцевъ, а не съ обученными солдатами. Встали они, какъ вкопанные, въ облакахъ пыли, поднятой лошадиными копытами. Тогда Шанявскій бросился впередъ и выстрѣлилъ изъ пистолета. Это послужило сигналомъ. Наши ударили, и битва продолжалась не многимъ болѣе двадцати минутъ. Перевѣсъ оказался на нашей сторонѣ. Тридцать три лошади достались въ наши руки, нѣсколько раненыхъ казаковъ осталось на полѣ. Эсаула убилъ одинъ изъ конюховъ. Впрочемъ и самъ былъ раненъ: сперва эсауломъ—саблею, а потомъ однимъ изъ казаковъ—пикою. Кромѣ него, у насъ было еще нѣсколько раненыхъ, но ни одинъ изъ нихъ не пропалъ. До боя на штыкахъ не дошло. Непріятель только издали обдавалъ выстрѣлами.

Переправивъ обозъ за Бугъ, переправились и сами поочередно. Кавалерія перешла вплавь, осыпаемая гранатами. Когда послѣдній взводъ стрѣлковъ сѣлъ на поромъ, мы съ Волянинымъ переѣхали на лодкѣ. Мнѣ дали лошадь. Приказалъ всѣмъ собраться на приходѣ (na probostwie), а Волянину наблюдать за берегомъ. Поромъ вытащилъ на берегъ, надѣлалъ въ немъ дыръ и только что сѣлъ на коня, какъ какая-то шальная пуля ударила Волянина въ лобъ и уложила на мѣстѣ...

Это была немалая для насъ потеря. Лишились мы энергичнаго и очень отважнаго товарища. Въ первой битвѣ подъ Бялкой онъ все время находился на шоссе, у рва, изъ котораго наши стрѣляли, стоя на колѣняхъ. Одежда его была прострѣлена, какъ рѣшето, но самъ онъ вышелъ невредимымъ. И вдругъ теперь, послѣ битвы, падаетъ, сраженный шальною пулею! Если гибнетъ такой одинъ, съ нимъ гибнутъ тысячи. Вѣчная тебѣ память, братъ, Бальтазаръ Волянинъ! Похоронили мы его на другой день, послѣ богослуженія, въ Немировѣ.

Выстрѣлы уже достигали до насъ, лопались даже гранаты. Два русскіе офицера, взятые нами въ плѣнъ подъ Бялкой, закрывали головы плащами, чтобы не видѣть смерти отъ пуль собственныхъ солдатъ. Это смѣшило нашихъ, мы уже такъ къ этому привыкли, что перестали обращать вниманіе. Такъ прошла ночь. Отдыхъ — похороны Волянина. Двигаемся къ Высоко-Литовску. Не доходя семи верстъ, дѣлаемъ привалъ въ деревнѣ, принадлежавшей Земкевичамъ. На другой день съ нѣсколькими конными ѣду въ Литовскъ къ Сапѣгѣ. Застаю его дома и умоляю посвятить себя дѣлу обороны, стать во главѣ тысячнаго отряда, который уже два раза былъ въ огнѣ, убѣждаю, что достаточно ему отозваться, чтобы возстала вся Литва. Ничего не помогло. Увы! Это не былъ потомокъ тѣхъ Сапѣгъ, которые всегда имѣли сабли наготовѣ для защиты родины. Далъ онъ намъ шесть коней, двѣ двустволки да 250 р. денегъ. Вотъ жертва, которую онъ принесъ на алтарь отечества! Съ этимъ я воротился къ своему обозу.

X.

Узнавъ, что въ Семятичахъ, въ разстояніи 35 верстъ отъ Высоко-Литовска, стоитъ отрядъ повстанцевъ, неизвѣстно подъ чьимъ начальствомъ и какой численности, я послалъ туда письмо такого содержанія: «Начальникъ подляскаго отряда проситъ начальника отряда въ Семятичахъ безотлагательно прибыть со своимъ отрядомъ для дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствій». Затѣмъ слѣдовали подпись, печать и подпись начальника штаба Голяна.

Если бы этотъ начальникъ послушался меня тогда, то, быть можетъ, и послѣдствія были бы болѣе благопріятныя для насъ.

Я имѣлъ тогда намѣреніе итти къ Бѣловѣжи, жилищу не однихъ только зубровъ, но и людей, которые помнили еще 1830 годъ.

Къ несчастію, въ Семятичахъ начальствовалъ человѣкъ надменный, случайно попавшій въ начальники, какой-то архитекторъ изъ Лапъ. Собралось тамъ много варшавской молодежи и окрестной шляхты. Предводителя не находилось. Этотъ имъ подвернулся, понравился, и всѣ бросились къ нему. Высокомѣріе, съ какимъ онъ трактовалъ возстаніе, достаточно выразилось въ его письмѣ ко мнѣ, присланномъ съ Юліаномъ Ходоровичемъ, моимъ школьнымъ товарищемъ. Отвѣтъ гласилъ: «Главный вождь подляской арміи приглашаетъ настоящимъ письмомъ начальника подляскаго отряда безотлагательно явиться въ Семятичи, въ главную квартиру, для дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствій. Замечекъ vel Цихорскій. Начальникъ штаба Сейфридъ».

Такой отвѣтъ чрезвычайно меня удивилъ. Спрашиваю Ходоровича:

— Сколько тамъ васъ? Что дѣлаете?

Отвѣчаетъ, что ихъ навѣрное до трехъ тысячъ человѣкъ, что они шьютъ мундиры и изготовляютъ панцыри для улановъ.

— Нашъ генералъ,—прибавилъ онъ,—имѣетъ уже прекрасный мундиръ съ огромной лентой на груди, поэтому примкни къ намъ, иначе будетъ плохо...

Я колебался. Я могъ воспользоваться своими правами правительственнаго комиссара и итти туда, гдѣ мнѣ нравилось. Но, любя родину и дѣло, которому я отдался, я оставилъ личныя соображенія. Въ надеждѣ, что мой отрядъ останется мнѣ послушнымъ, и я буду имѣть перевѣсъ надъ семятичскимъ сборищемъ, — пошелъ туда.

Приходилось пройти 35 верстъ съ отрядомъ въ 950 человѣкъ и сотнею повозокъ. Переходъ нелегкій. Было уже темно, когда я остановился на ночлегъ въ придорожной корчмѣ, не доѣзжая верстъ 10 до Семятичъ.

Едва мы начали размѣщаться, какъ услышали гулъ пушечнаго выстрѣла. Догадался, что это сигналъ къ бою въ Семятичахъ. Перебѣжать 10 верстъ ночью съ тысячей человѣкъ представлялось невозможнымъ. Однако, нравственно связанный въ своихъ дѣйствіяхъ, я послалъ тѣхъ, которые могли поспѣть во-время: Радовицкаго съ кавалеріею и Голяна. Тѣ вбѣжали въ городъ въ ту минуту, когда непріятель оттуда уже выступалъ.

Прежде чѣмъ описать это ночное нападеніе, мнѣ слѣдуетъ остановиться на топографіи Семятичъ. Городъ расположенъ на дорогѣ къ Бугу, между Дрогичиномъ, Бѣлостокомъ, у широкихъ болотъ. Слѣдуя изъ Высоко-Литовска, Бѣльскомъ надо перейти и болота и рѣку по мосту, переброшенному черезъ нихъ и ведущему прямо на рынокъ. Отсюда налѣво идетъ аллея къ дворцу (palacu) и суконнымъ фа-

брикамъ, а дальше—дорога въ Дрогичинъ. Направо два костёла, католическій и уніатскій, а за ними два кладбища, опоясанныя стѣною. Уже на окраинѣ города, за кладбищами, при дорогѣ на Бѣльскъ и Бѣлостокъ, начинаются и тянутся на большое пространство помянутыя болота. На рынкѣ тогда стояла большая каменная корчма, а со стороны Высоко-Литовска, впереди болотъ, большой деревянный госпиталь изъ нѣсколькихъ павильоновъ, въ то время пустой. Городъ былъ майоратомъ барона Фаусхаве (Fanshawe). Начальникъ Замечекъ стоялъ уже въ Семятичахъ десять дней, забавляясь шитьемъ мундировъ и изготовленіемъ панцырей изъ жести, обшитыхъ клеенкой. Окружилъ онъ себя нѣсколькими десятками молодыхъ людей, назвавъ ихъ своимъ штабомъ, назначалъ офицерами такихъ господъ, которые не могли быть и рядовыми. О томъ, гдѣ—противникъ, что онъ дѣлаетъ,—не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Никакихъ карауловъ! Никакихъ разъѣздовъ! Поэтому неудивительно, что, когда русскіе вошли со стороны Бѣльска въ городъ и были уже на рынкѣ, молодежь, расквартированная по домамъ, замѣтила ихъ только тогда и начала стрѣлять изъ оконъ наобумъ. Темная ночь и рана, полученная полковникомъ, предводительствовавшимъ непріятелемъ, заставили послѣдняго отступить. Тогда молодежь, никѣмъ не руководимая, опьяненная успѣхомъ, пускается за отступающимъ противникомъ въ поле и наскакиваетъ прямо на орудія. Слѣдуетъ выстрѣлъ. Нѣсколько нашихъ падаютъ мертвыми, остальные бѣгутъ. Русскіе, со своей стороны, ошеломленные пѣснею: «eszcze Polska nie zginęla!» тоже отступаютъ.

Утромъ Замечекъ рѣшилъ оставить городъ. Онъ выслалъ обозъ съ кавалеріей въ Дрогичинъ, подъ начальствомъ Плюцинскаго, начальника желѣзнодорожной станціи на Прагѣ. И хотя онъ зналъ отъ Радовицкаго, что я всего въ 10 верстахъ отъ него, однако не воздержался отъ высылки кавалеріи въ 200 коней, чѣмъ немало ослабилъ отрядъ.

Радовицкій возвращается съ рапортомъ, что врага уже не засталъ. Является съ нимъ и Сейфридъ (начальникъ штаба Замечека). Смотрю: тотъ самый, что̀ выѣхалъ съ Сигизмундомъ Падлевскимъ изъ Варшавы. Послѣ оказалось, что это былъ человѣкъ малой отваги, а большого самомнѣнія.

Повертѣвшись недолго, Сейфридъ вернулся въ Семятичи. Такимъ образомъ Замечекъ зналъ и отъ начальника своего штаба, съ какимъ я иду отрядомъ и что къ утру буду. Однако, это не удержало его отъ намѣренія оставить Семятичи.

XI.

Восемь часовъ утра. Подхожу къ городу и занимаю помянутыя строенія госпиталя. Привожу въ порядокъ обозъ и раздаю стрѣлкамъ всѣ, какіе имѣлъ, патроны... Является ко мнѣ Янъ Матлинскій (Янекъ Соколъ) съ нѣсколькими всадниками. Онъ пріѣхахъ отъ Яблоновскаго, который стоялъ лагеремъ съ 800 человѣкъ въ 6 верстахъ отъ Семятичъ. Послѣ битвы подъ Венгровымъ онъ переправился за Бугъ. Посылаю приказъ Яблоновскому прибыть немедленно, такъ какъ сраженіе ожидается съ минуты на минуту. Съ этимъ приказомъ поѣхалъ Матлинскій. Я былъ увѣренъ, что ожидаемое подкрѣпленіе подойдетъ самое долгое черезъ два часа. Расквартировавъ отрядъ, отправился въ городъ. Въѣзжаю на рынокъ, а съ другой стороны входитъ въ городъ съ 400 человѣкъ Левандовскій. Онъ послѣ недавняго дѣла подъ Сѣдлецомъ также переправился за Бугъ. При немъ находился докторъ Чарковскій изъ Лосицъ, о которомъ я уже упоминалъ.

Слѣзаю съ коня и вхожу въ корчму, гдѣ помѣщалась квартира главнаго вождя подляской арміи, Замечека. Въ избѣ, переполненной табачнымъ дымомъ, застаю до 50 молодцовъ въ яркихъ одеждахъ и уланскихъ мундирахъ. Среди нихъ замѣчаю подъ окномъ чуловѣка съ черною бородою, въ бѣлой шапкѣ, въ темнозеленомъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, съ широкою голубою лентою черезъ плечо. Это и былъ Замечекъ.

На мой вопросъ, что значитъ это собраніе,—одинъ изъ юношей отвѣтилъ, что это—штабъ генерала.

Возмущенный видѣннымъ, оборачиваюсь къ Радовицкому, съ съ которымъ стояли также Голянъ, Шанявскій и Левандовскій, и говорю:

— Сейчасъ же отправь ихъ всѣхъ въ строй. Намъ нужны солдаты, а не штабные.

Послышался ропотъ. Но когда Радовицкій скомандовалъ своимъ кавалеристамъ, стоявшимъ на улицѣ: «долой съ коней!» —всѣ оставили корчму.

Тогда произошелъ между мною и Замечекомъ горячій разговоръ. Я отрекомендовался правительственнымъ комиссаромъ и представилъ Левандовскаго, какъ главнаго начальника, назначеннаго народнымъ правительствомъ для Подляскаго воеводства. Замечекъ уступилъ.

Выѣхали мы съ нимъ за городъ осмотрѣть позиціи и посовѣтоваться насчетъ обороны. Время было дорого. Въ подзорную трубу мы различали направлявшіяся къ намъ русскія колонны.

Порѣшили такъ: Замечекъ съ своими силами займетъ часть города со стороны Бѣльска (откуда надвигался непріятель), заночевавъ на кладбищахъ. За послѣдними встанутъ косиньеры. Середину

города—рынокъ, займетъ Левандовскій со своимъ отрядомъ, а я займу лѣвый флангъ—дворецъ.

Спѣшу къ обозу. Вручаю начальство надъ косиньерами Голяну, отдаю часть стрѣлковъ Шанявскому, надъ остальными принимаю команду самъ, забираю ихъ и веду черезъ городъ и рынокъ аллеею къ дворцу.

Это была уже третья наша битва. Шли мы весело и въ порядкѣ. Когда вышли на рынокъ, отрядъ Левандовскаго привѣтствовалъ насъ криками: «niech żyją!» [1]).

Бѣжимъ къ дворцу и занимаемъ его. Шанявскій стоитъ на окраинѣ города, между мною и Левандовскимъ, Радовицкій съ кавалеріею — въ аллеѣ, а Голянъ со своими косиньерами—снаружи дворца.

Планъ у насъ былъ такой. Ежели намъ удастся отбить атаку непріятеля, то мы со всѣми косиньерами выйдемъ въ поле и тамъ съ нимъ расправимся окончательно...

Я разсчитывалъ на переполохъ противника, когда съ тылу на него ударитъ Яблоновскій, о которомъ непріятель ничего не зналъ. Такимъ образомъ все сводилось къ тому, чтобы храбро отбить атаку. Русскіе приблизились, окружили городъ и начали къ нему подступать развернутою цѣпью.

Тутъ я замѣтилъ, что силы ихъ гораздо значительнѣе, нежели это казалось. Къ нимъ пришелъ на помощь генералъ Манюкинъ [2]) изъ Бѣлостока съ двумя эскадронами улановъ, шестью орудіями, двумя баталіонами пѣхоты и двумя сотнями казаковъ.

Численностію мы ихъ превосходили, но наше оружіе было плохо, а солдаты не имѣли никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Кромѣ того, нашимъ воинамъ недоставало отваги.

Пушечный выстрѣлъ. Граната ударила въ дворцовую крышу. Мусоръ посыпался на наши головы. Началась битва.

Русскіе бросились въ атаку. Ружейныя пули начали свистать, гранаты стали лопаться надъ головами. Мы же принуждены были ждать, пока непріятель не подойдетъ на разстояніе нашихъ двустволокъ. Иначе какая была бы польза отстрѣливаться?..

Но вотъ на атакующихъ двинулись косиньеры... Надо признаться, ударили они ловко, ибо врагъ на минуту поколебался... Мнѣ хотѣлось знать, такъ ли было на всей линіи, но дымъ не позволялъ окинуть взглядомъ позиціи. Посылаю къ Шанявскому узнать, какъ идетъ оборона. Вдругъ вбѣгаетъ Радовицкій съ запискою отъ Левандовскаго. Послѣдній увѣдомляетъ, что нашъ правый флангъ—Замечекъ, отступилъ, выбитый съ кладбищъ двумя

---

[1]) «Да здравствуютъ!» Г. В.

[2]) Дивизіонный генералъ, начальникъ августовскаго военнаго отдѣла въ 1863 г. Г. В.

ротами непріятельской пѣхоты, и что непріятель собирается атаковать рынокъ.

Итакъ, Замечекъ отступилъ... Отступилъ, не уступивъ силѣ, а просто по трусости. Этимъ онъ погубилъ цѣлый отрядъ и былъ причиною проигранной битвы подъ Семятичами. Отступая по болотамъ, онъ потратилъ понапрасну массу свинца.

Тѣмъ временемъ Шанявскій со своими отбиваетъ русскихъ стрѣлковъ. Они уже два раза отступали передъ его выстрѣлами... Осыпали насъ градомъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, однако попрежнему не подходили подъ наши пули... Такой неравный бой длился цѣлый часъ.

Смотримъ, непріятель снова собирается произвести атаку главнымъ образомъ на нашъ правый флангъ, и направляется прямо на рынокъ, гдѣ стоялъ Левандовскій. Новый гонецъ отъ него: «Отступаю. Насъ окружаютъ. Атаки не выдержу!»... Передъ нами всѣ силы непріятеля. Наши стрѣлки, прикрываясь рѣшеткою, окружающею дворецъ, мѣтко посылаютъ пули и, благодаря этому, нѣсколько задерживаютъ поступательное движеніе противника. Снова прибѣгаетъ Радовицкій съ извѣстіемъ, что врагъ уже на рынкѣ, что Левандовскій отступилъ и спрашиваетъ, что дѣлать. И что же? должны были, хотя это и было очень тяжело, отступать и спѣшить къ обозу, которымъ могли овладѣть казаки.

Минута настала критическая. Радовицкій стремительно перебѣгаетъ рынокъ, мостъ и достигаетъ обоза въ тотъ моментъ, когда казаки уже успѣли отрѣзать постромки у нѣсколькихъ лошадей. Радовицкій отбиваетъ обозъ, забираетъ его и выводитъ на дорогу, по которой мы пришли, къ той самой корчмѣ, гдѣ ночевали. Я тѣмъ временемъ освобождаю Шанявскаго и собираю отрядъ.

— Ребята!—обращаюсь къ своимъ:—мы отступимъ, но нога за ногу, отстрѣливаясь.

Этимъ способомъ мы заслоняемъ косиньеровъ, идущихъ впереди съ Голяномъ. Выходимъ на рынокъ. По одной сторонѣ—непріятель, по другой—мы... Идемъ на мостъ. Тутъ въ нашей сомкнутой колоннѣ падаетъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ нѣсколько человѣкъ. Спѣшимъ въ безпорядкѣ за городъ. Городъ, между тѣмъ, пылалъ. Загорѣлся отъ выстрѣловъ. Пожарище освѣщало нашъ путь отступленія. Скорбь и гнѣвъ овладѣвали нами... Приходилось отступать, когда еще такъ недавно мы были увѣрены въ побѣдѣ! Замечекъ позволилъ выбить себя изъ позиціи, а Яблоновскій не пришелъ, несмотря на приказаніе... Вотъ что насъ погубило. Этотъ Яблоновскій съ тѣхъ поръ совсѣмъ насъ оставилъ. Ушелъ за границу, сдѣлался агентомъ одной французской компаніи и, года два тому назадъ, умеръ въ Турціи.

XII.

Проигранное семятичское сраженіе дурно отразилось на развитіи возстанія въ Гродненской губерніи. Я остался безъ патроновъ. Стрѣлки имѣли ихъ едва по нѣскольку штукъ. Порохъ мы еще имѣли, но не имѣли времени приготовить патроны. Между тѣмъ солдаты были измучены и настоятельно нуждались въ отдохновеніи. Останавливаюсь на ночлегъ въ корчмѣ на дорогѣ къ Высоко-Литовску. Тамъ застаю Левандовскаго съ частью остатковъ отряда Замечека, его самого и Сейфрида, приготовившихся бѣжать. Какъ только насъ замѣтили, бѣгомъ пустились къ Бугу. И съ этихъ поръ ихъ слѣдъ простылъ.

Жалѣю, не велѣлъ ихъ тогда разстрѣлять!

Послѣ я узналъ, что они добѣжали до Дрогичина и, соединившись тамъ съ обозомъ, отправленнымъ впередъ, пошли дальше, что Замечекъ, приставъ къ отряду Падлевскаго, снова струсилъ и былъ причиною новаго проиграннаго сраженія... Что стало съ Замечекомъ,—не знаю. Вѣроятно перестал̂ъ называться этимъ именемъ. Сейфридъ добился команды въ Мазовецкомъ воеводствѣ, но кто далъ ему такое назначеніе,—также не знаю. Знаю только, что въ памятной битвѣ, въ которой погибъ Юнгъ де-Бланкенхеймъ, а Влодекъ едва спасъ часть отряда (въ маѣ 1863 г.), Сейфридъ плохо отличился, покинулъ центръ и дозволилъ непріятелю окружить того и другого. За это былъ приговоренъ народнымъ правительствомъ къ разстрѣлянію, но вслѣдствіе безсилія комиссара, которому надлежало привести этотъ приговоръ въ исполненіе, былъ только разжалованъ, лишенъ команды и изъ-за позора ушелъ за границу.

Переночевавъ въ корчмѣ, собралъ свой отрядъ и остатки другихъ и двинулся назадъ къ Высоко-Литовску. Мнѣ хотѣлось или переправиться назадъ въ Подляское воеводство, или итти въ Бѣловѣжу, куда меня словно что-то тянуло... Меня особенно занимала мысль: распространить возможно шире возстаніе на Литвѣ, сдѣлать районъ его больше... Подъ вечеръ, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Зенкевичей, узнаю, что русскіе, подъ начальствомъ генерала Ностица, расположились тамъ бивуакомъ. Не въ завидномъ я очутился положеніи: нечѣмъ было атаковать и нечѣмъ было обороняться. Рѣшилъ уже направиться на Бѣловѣжу. Схожу съ дороги и останавливаюсь въ деревенькѣ, въ 3 верстахъ отъ Ностица, такъ что только небольшія болота да березнякъ насъ раздѣляли, пикеты же могли между собою разговаривать. Разбили обозъ и прежде всего занялись приготовленіемъ патроновъ, ожидая каждую минуту Ностица. Но онъ уже два раза съ нами встрѣчался и думалъ, что мы снова на него ударимъ. Притомъ, какъ оказалось послѣ, онъ не зналъ о нашемъ пораженіи, былъ увѣ-

ренъ, что я, собравъ семятичскія силы, вернулся его атаковать... Такъ мы стояли недалеко другъ противъ друга почти сутки.

Тутъ-то собственно и завязалось между нами что-то въ родѣ знакомства.

Получаю отъ пани Зенкевичъ записку, что бывшій офицеръ русской арміи, какой-то Янишевскій, татаринъ, родомъ изъ-подъ Бялы, бывшій у меня въ отрядѣ и раненный подъ Немировымъ, когда возвращался домой, былъ взятъ въ плѣнъ генераломъ Ностицемъ, находится у него и, какъ офицеръ, вѣроятно, будетъ разстрѣлянъ.

У меня было двое русскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Бялкой.

Мнѣ пришло въ голову предложить Ностицу размѣнъ плѣнныхъ.

Сажу на бричку одного изъ этихъ офицеровъ, а на козлы косиньера съ письмомъ къ генералу:

«Генералъ! Предлагаю размѣнъ. Отпустите Янишевскаго, а я отошлю къ вамъ второго офицера. Если же нѣтъ, то разстрѣляю».

Въ теченіе двухъ часовъ офицеръ возвращается, привозитъ письмо отъ Янишевскаго, что онъ свободенъ, ѣдетъ домой, и записку отъ Ностица слѣдующаго содержанія: «Прошу сдержать слово».

Разумѣется, я сдержалъ. Сажу другого офицера въ бричку и отсылаю обоихъ. Косиньеръ съ бричкой, отвезя плѣнниковъ въ лагерь, воротился обратно.

Это было, какъ я сказалъ, мое первое знакомство съ Ностицемъ,—знакомство, которое имѣло для меня послѣ важныя послѣдствія.

Прошли цѣлыя сутки. Надежды выиграть сраженіе я не имѣлъ и рѣшилъ итти въ Бѣловѣжу. Тамъ я разсчитывалъ на позицію въ лѣсахъ, на мѣстное населеніе и на поголовное возстаніе.

Приказалъ сняться и двинулся къ пущѣ. Къ ночи достигли села помѣщика Снѣжка. Самого его я не засталъ дома. Пріѣхалъ онъ только ночью съ какимъ-то чиновникомъ. Снѣжко былъ вдовъ и имѣлъ сына, хорошенькаго мальчика 12—14 лѣтъ.

Здѣсь, у Снѣжка, я хотѣлъ передать главное начальство Левандовскому, какъ избранному народнымъ правительствомъ, желая этимъ показать примѣръ послушанія. Но всѣ, которые были со мною съ самаго начала, единогласно возстали противъ этого, прося меня остаться. Подъ утро направились въ сторону пущи. Ностицъ, узнавъ, что мы вышли, не атаковавъ его, двинулся слѣдомъ за нами и къ вечеру былъ уже у Снѣжка. Казаки его первыми ворвались во дворъ. Передъ домомъ встрѣтили помѣщичьяго повара. Онъ будто бы въ нихъ выстрѣлилъ. Снѣжко выскочилъ на дворъ,

чтобы предупредить бурю. Одинъ изъ казаковъ ударилъ его саблею и положилъ на мѣстѣ. Началась тревога. Подошло войско. Стали стрѣлять наобумъ изъ пушекъ, зажгли село и расхитили имущество. Въ одну минуту молодой Снѣжко потерялъ и отца и состояніе. Это—тотъ самый Снѣжко, который еще не такъ давно привлекался къ отвѣтственности за диффамацію противъ земскаго кредитнаго общества и былъ оправданъ судомъ. Въ настоящее время онъ состоитъ на службѣ гдѣ-то въ Россіи.

Только что мы вошли въ пущу, какъ Левандовскій вдругъ заявилъ, что дальше не пойдетъ, что онъ долженъ вернуться за Бугъ, въ царство Польское, такъ какъ назначенъ тамъ командиромъ. Не желая дѣлать раздвоенія, я объявилъ отряду, что освобождаю его отъ дальнѣйшаго похода, но, имѣя въ виду, что нужна диверсія, я вызвалъ охотниковъ, которые пожелали бы итти со мною. Тогда ко мнѣ пристало 150 молодыхъ людей, часть литвиновъ изъ-подъ Семятичъ, съ Брониславомъ Рыльскимъ и Легинымъ (Leginem), управляющимъ имѣніемъ изъ-подъ Семятичъ. Остальные были тѣ, что находились при мнѣ съ первой ночи возстанія. Я зналъ, что генералъ слѣдуетъ за нами по пятамъ, поэтому немедленно выдвинулся, взявъ съ собою двѣ повозки—одну съ амуниціею, а другую съ серебромъ, захваченнымъ въ Яновѣ. Это были великолѣпные сосуды, стоимостью въ нѣсколько тысячъ рублей. Выступилъ немедленно, желая обмануть Ностица. Но вотъ что случилось. Войдя въ пущу, я взялъ одного изъ пограничныхъ стражниковъ въ проводники. Проводникъ видѣлъ, что мы раздѣлились, и бѣжалъ къ Левандовскому. Попалъ на Ностица и разсказалъ ему, что я (т.-е. тотъ, что былъ въ красной гарибальдійской рубашкѣ) пошелъ къ сторожевому посту, называемому Крулевымъ мостомъ, а остальные повернули въ царство. Повидимому, Ностицъ считалъ меня важной особою, когда пропустилъ подлѣ себя Левандовскаго, такъ что тотъ безпрепятственно переправился за Бугъ, и пошелъ за мною съ 2 батальонами пѣхоты, 2 орудіями и казаками.

Ночуемъ на сторожевомъ посту при началѣ пущи. Отдѣляютъ насъ отъ нея болота и каналъ, черезъ который переброшенъ помянутый выше мостъ. Привожу въ порядокъ отрядъ, назначаю офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Все это была отважная молодежь, готовая на что угодно, немножко уже даже обстрѣленная, такъ что полезно было помѣщать въ ея среду новыхъ солдатъ. Передъ утромъ пріѣзжаетъ нѣкто Толачко, проживавшій тутъ вблизи, и заявляетъ, что оставилъ русскихъ въ 10 верстахъ отсюда. Дѣйствительно, не прошло и часа, какъ выстрѣлъ съ пикета далъ знать, что непріятель подходитъ. Хватаемся за оружіе. Вижу—непріятель хочетъ насъ окружить и развертывается цѣпью, чтобы отрѣзать намъ дорогу къ лѣсу. Между тѣмъ намъ надо перейти

плотину и мостъ. Выходимъ цѣпью. Начинается канонада. Два баталіона открыли противъ насъ огонь. Насъ значительно менѣе, и поэтому отступаемъ, отстрѣливаясь. Теряемъ нѣсколько человѣкъ на плотинѣ, входимъ въ лѣсъ и сейчасъ же останавливаемся.

Проходитъ нѣсколько часовъ.

XIII.

Казаки и солдаты бросились за нами въ домъ, гдѣ мы ночевали. На дворѣ увидѣли повозки съ сундуками. Разбили одинъ. Увидѣли серебро и начали грабить. Отъ выстрѣловъ загорѣлась солома. Вспыхнулъ пожаръ. Разбиваютъ другой сундукъ, а тамъ былъ порохъ. Послѣдовалъ взрывъ. Въ результатѣ нѣсколько десятковъ раненыхъ и убитыхъ. По крайней мѣрѣ, даромъ не забрали порохъ!

Вижу, Ностицъ отправляетъ отрядъ по дорогѣ къ Бѣловѣжѣ. Чтобы избѣжать нападенія и выиграть время, не иду въ глубь пущи, а двигаюсь по ея краю. Уже поздно вечеромъ добираюсь до м. Щежева (Szczerzewa). Это—уже Пружанскій уѣздъ, и гор. Пружаны—отсюда всего въ 10 верстахъ.

Мы голодны, оборваны и снова безъ патроновъ и пороху. Щежевъ совершенно неожиданно далъ намъ всего въ изобиліи: и обуви, и бѣлья, и провіанту. Все мѣстечко сбѣжалось насъ накормить, а евреи доставили остальное. Когда же я заявилъ, что плачу за все, дали намъ то, въ чемъ больше всего ощущалась надобность: пороху, патроновъ и множество пистоновъ для ружей. И вотъ снова было чѣмъ стрѣлять. Прошло нѣсколько часовъ въ приготовленіи патроновъ.

Нечаянно узнаю, что въ Пружанахъ, въ казармахъ посереди города, стоитъ гарнизонъ въ 250 ч. Слѣдовало показать, что мы живы и отомстимъ за «Крулевинъ мостъ». Пригласилъ мѣщанъ приготовить для насъ, какъ можно скорѣе, повозки. Черезъ часъ мы уже были на пути въ Пружаны. Разсвѣтало. Входимъ въ спавшее еще мѣстечко и прямо къ казармамъ. Я—на первой повозкѣ. На караулѣ—солдатъ. Надо, чтобы онъ не поднялъ тревоги. Соскочилъ я съ повозки, и черезъ минуту солдата какъ не бывало. Мой кинжалъ его успокоилъ. Врываемся въ коридоръ казармъ. Тамъ лежатъ полусонные солдаты. Выстрѣлы. Всѣ сдаются. Намъ выносятъ на возы все оружіе и аммуницію... ихъ было вдвое болѣе насъ, а стоятъ, какъ бараны...

Идемъ въ казначейство. Забираемъ всю наличность—12 рублей, и съ полною аккуратностію расписываемся у кассира, не трогая тамъ же хранившихся денегъ вдовъ и сиротъ. Обезоруживаемъ тюремный караулъ и отпускаемъ всѣхъ на волю. Я положительно не зналъ, что дѣлать съ заключенными...

Въ полдень выступаю изъ Пружанъ, гдѣ къ намъ примкнуло только двое охотниковъ, и направляюсь къ Кобрину. Хотѣлъ пойти на Волынь, чтобы замести слѣдъ за собою. По дорогѣ заходилъ въ имѣніе Шеміота, майора 30-хъ годовъ, стараго вояки, человѣка еще крѣпкаго. У него ночуемъ. Тутъ я узнаю, что Ностицъ слѣдуетъ за мною, былъ уже въ Пружанахъ, и что изъ Кобрина вышло войско съ другой стороны, чтобы заступить мнѣ дорогу.

Приходитъ Гофмайстеръ изъ-подъ Пружанъ. Когда-то онъ былъ посланъ въ оренбургскіе баталіоны, человѣкъ въ высшей степени благородный и справедливый, гражданинъ, искренно любящій свою родину. Привозитъ ящикъ сигаръ. Я никогда не былъ страстнымъ курильщикомъ, и вотъ мнѣ пришла въ голову оригинальная мысль написать Ностицу письмо:

«Генералъ! Такъ какъ вы, не заставъ меня, вѣроятно, будете скучать, то оставляю вамъ сигары, чтобы вамъ было веселѣе скоротать время».

И въ самомъ дѣлѣ, когда Ностицъ пришелъ, Шеміотъ вручилъ ему письмо и сигары. Такимъ образомъ мои отношенія къ Ностицу стали еще тѣснѣе.

Избѣгая встрѣчи съ неравными силами, я шелъ все впередъ и впередъ. Хотѣлъ во что бы то ни стало пробраться на Волынь. Въ это время Сангинъ, коего родственники оставались подъ Семятичами, заявилъ, что хочетъ вернуться къ своимъ. Всѣ мои убѣжденія оказались напрасными. За нимъ послѣдовалъ и Бр. Рыльскій съ 50 молодыми людьми изъ-подъ Семятичъ. Съ грустію отдалъ имъ часть оружія, забраннаго въ Пружанахъ, половину амуниціи и денегъ.

— Возвращайтесь! — говорю. — Помоги вамъ Богъ! Я иду впередъ.

Они пошли назадъ. Ихъ постигла печальная участь. На другой же день встрѣтились съ русскимъ отрядомъ, шедшимъ изъ Кобрина, и всѣ погибли.

XIV.

Тѣмъ временемъ я дошелъ до Любешева. Тутъ представились двѣ дороги: итти на Волынь или къ Пинску. Извѣстія, полученныя мною (послѣ они оказались ложными), побудили меня итти къ Пинску. Гарнизонъ въ Пинскѣ былъ невеликъ: рота инвалидовъ, рота пѣхоты и сотня казаковъ. Городское населеніе, повидимому, хорошо подготовлено къ возстанію. Не доходя верстъ 10 до Пинска, посылаю туда Воловича, который хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ городѣ. Самъ же пишу письмо къ предводителю дворянства Любомірскому. Прошу помочь мнѣ, когда я сдѣлаю нападеніе на городъ наступающею ночью. Насъ было 130 человѣкъ.

Городской гарнизонъ собрали подъ стѣнами православнаго собора. Любомірскій въ содѣйствіи отказалъ, а городъ, какъ оказалось, не имѣлъ никакой организаціи. Ко мнѣ примкнули двое: учитель гимназіи Остроменцкій и гимназистъ 7-го класса Круликовскій. Трудно было и разсчитывать на побѣдоносную атаку!.. Простоявъ подъ Пинскомъ два дня, перехожу на другой конецъ города, на дорогу, ведущую къ Слуцку и Минску. Тутъ перехватываю эстафету отъ городничаго къ губернатору. Изъ нея узнаю, что черезъ часъ высылаютъ 36 тысячъ рублей, опасаясь моего нападенія. Жду. Снова эстафета съ деньгами. Забираю деньги и иду къ Слуцку. Ночую въ имѣніи Любомірскаго. На разсвѣтѣ приказываю готовиться въ путь и снять караулы. Обознымъ при мнѣ находился нѣкто Закржевскій. При немъ состоялъ бывшій клирикъ изъ Янова, Жуковскій, дѣльный молодой человѣкъ. Начали снимать караулы. Одинъ изъ нихъ занималъ Остроменцкій. Раздался выстрѣлъ. Выстрѣлилъ Остроменцкій и ранилъ крупною дробью изъ двустволки Жуковскаго и Закржевскаго, а самъ бросился бѣжать. Потомъ я узналъ, что послѣ двухдневнаго скитанія онъ, помѣшанный, попалъ въ руки русскихъ и умеръ въ тюрьмѣ. Раненые, пока ихъ смотрѣли, отняли у меня нѣсколько часовъ времени. Взяли ихъ съ собою, но дорогою принуждены были оставить у одного шляхтича, такъ какъ у нихъ появился сильный жаръ. Двигаемся безостановочно.

Наконецъ, какъ-то разъ ночью останавливаемся въ Боркахъ, хуторѣ изъ нѣсколькихъ курныхъ избъ.

Ночь лунная, звѣздная. Видно все равно, какъ днемъ. У насъ много повозокъ и бричекъ. Одного оружія 18 возовъ. Разставляемъ пикеты. Всѣ полусонные спѣшатъ отдохнуть. Не тутъ-то было! Непріятель идетъ на насъ. Будетъ битва. Вскакиваемъ въ ту же минуту. Устанавливаемъ повозки. Изъ-за нихъ и изъ-за угловъ хатъ, съ ружьями въ рукахъ, поджидаемъ врага. Изъ лѣсу показываются русскіе ужемъ, подвое. Это были три роты Ревельскаго полка и сотня казаковъ. Казаки загораживаютъ намъ тылъ, а пѣхота двигается на насъ. Насъ въ семь разъ менѣе непріятеля. Тутъ уже не было рѣчи о побѣдѣ, каждый думалъ только о томъ, чтобы продать свою жизнь, какъ можно дороже. Начинаютъ стрѣлять.

— Ребята!—кричу своимъ.—Стрѣлять не спѣша! Мѣтить прямо въ грудь!

Выстрѣлы, надо правду сказать, были мѣтки. Рѣдѣли наши ряды. Не проходило минуты, чтобы кто нибудь изъ насъ не падалъ мертвымъ, не успѣвъ даже крикнуть. Остатокъ нашихъ строится клиномъ и начинаетъ отступать. Казаки хотятъ насъ окружить, но мы ихъ выбиваемъ выстрѣлами изъ сѣделъ и, въ концѣ концовъ, достигаемъ лѣса. Тѣмъ временемъ непріятельская пѣхота расхищаетъ на хуторѣ обозъ.

Это была послѣдняя битва.

Честь вамъ, отважные товарищи изъ-подъ Борокъ! Вы всѣ легли по-рыцарски, съ кликомъ: «Jeszcze Polska nie zginęła!»

Окрестности Пинска на всемъ пространствѣ, какое я прошелъ, покоились сномъ. Организаціи тамъ еще не было. Вильно и литовскіе комитеты только что принимались за дѣло. Русь едва просыпалась. Однѣ лишь коронныя земли были подготовлены, но тамъ были люди, а не было оружія; здѣсь же было оружіе, а не было людей, приготовленныхъ къ бою.

Я со своимъ отрядомъ прошелъ такое разстояніе, какого не проходилъ еще ни одинъ изъ отрядовъ повстанцевъ. Вертѣлись они, обыкновенно, на небольшомъ пространствѣ, пока ихъ не разбивали, не понимая задачи, какую преслѣдовало наше возстаніе... Все это уже, слава Богу, миновало и повториться не должно. Нашъ край инымъ путемъ долженъ достичь независимости.

Избѣжавъ погони, попадаемъ въ лѣсъ, въ имѣніе Обуховича, потомъ, черезъ пинскія болота добираемся до береговъ Присти имѣнія Антона Еленскаго. Тутъ окружаетъ насъ толпа враждебно настроенныхъ противъ насъ мужиковъ, такъ что пришлось оружіемъ прокладывать себѣ дорогу. Узнавъ, что въ Туровѣ, у Млынскаго, завтра состоится съѣздъ шляхты, я съ однимъ изъ товарищей отправился въ Туровъ, а своихъ людей оставилъ ночевать у управляющаго.

Млынскаго, бывшаго уланскаго офицера, засталъ дома. У него былъ какой-то споръ съ мѣщанами. Послѣдніе всѣ—православные. Вижу, Млынскій трусить. Сажусь на коня и назадъ. Впослѣдствіи, какъ я узналъ, онъ примкнулъ къ отряду ксендза Мацкевича [1]) и, взятый въ плѣнъ, былъ разстрѣлянъ.

Наконецъ пробилъ и мой роковой часъ. Мужики съ попомъ во главѣ окружили меня и держали цѣлый часъ до самаго пріѣзда русскаго командира Альбертова, сына плоцкаго губернатора. Не будучи въ силахъ защищаться, я сдался.

Долженъ признаться, что Альбертовъ обошелся со мною по-рыцарски. Пріѣхалъ и адъютантъ Ностица. Послѣдній послѣ сраженія при Боркахъ воротился въ Пинскъ. Сейчасъ же снарядили

---

[1]) Ксендзъ Владиславъ Мацкевичъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся польскихъ партизановъ на Литвѣ въ 1863 г. Самъ Муравьевъ («Записки», гл. I, вступл.) о немъ говоритъ: «Человѣкъ необыкновенно ловкій, дѣятельный, умный... онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ народѣ, безпрестанно формировалъ шайки и появлялся въ разныхъ мѣстахъ»... А князь Имеретинскій (Воспоминанія о графѣ М. Н. Муравьевѣ, «Историческій Вѣстникъ», т. L, 615) прибавляетъ, что Мацкевичъ былъ «человѣкъ недюжиннаго ума, одаренный непреклонною волею и несокрушимою энергіею, въ стычкахъ съ нашими войсками онъ часто высказывалъ несомнѣнный военный талантъ». Пойманный въ концѣ 1863 г., онъ былъ повѣшенъ. Г. В.

поѣздъ изъ восьми повозокъ. На одну изъ нихъ посадили меня и подъ конвоемъ солдатъ и казаковъ отвезли въ Пинскъ.

Здѣсь въ первый разъ я встрѣтился лично съ генераломъ Ностицемъ.

Онъ вошелъ въ комнату, гдѣ собралось много офицеровъ, съ любопытствомъ разсматривавшихъ меня, и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ по-русски:

— Г-нъ Р., я вашу храбрость уважаю. Подалъ бы вамъ руку, но руки ваши обагрены кровью моихъ соотечественниковъ. Вы подняли мятежъ противъ нашего государя и народа. Если вамъ это будетъ прощено, останемся друзьями...

Спросивъ, не усталъ ли я и не голоденъ ли (36 часовъ я былъ въ походѣ), вызвалъ меня въ другую комнату, позволилъ мнѣ умыться и началъ разговоръ о судьбѣ нашего отряда. Окружили насъ офицеры, и стали мы толковать о стратегіи, о подробностяхъ нашей кампаніи и т. д.

Въ Пинскѣ пробылъ я нѣсколько дней. Отсюда генералъ Ностицъ лично отвезъ меня въ Брестъ и, снявъ съ меня фотографію, приказалъ меня отправить въ Варшаву.

Тамъ со станціи желѣзной дороги подъ конвоемъ кавалеріи и пѣхоты меня, какъ одного изъ первыхъ предводителей возстанія, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, доставили въ цитадель.

Открылась слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ Витковскаго. Объявленный мнѣ смертный приговоръ былъ замѣненъ, благодаря заступничеству Ностица, пожизненною ссылкою въ Сибирь. 14 августа 1863 г. вывезли меня изъ цитадели. О военной комиссіи, о Сибири и нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ времени возстанія разскажу послѣ, когда нибудь, ежели силы позволятъ.

Черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, разрѣшенный отъ грѣховъ молодости, я получилъ свободу и навѣстилъ генерала Ностица, нынѣ (1896) уже старичка, доживающаго вѣкъ въ своемъ помѣстьѣ на Украйнѣ. Встрѣтилъ онъ меня съ непритворною радостью и радушіемъ...

НА «ЗЕБИЛЬНОМЪ» ПРОМЫСЛѢ.

I.

НЕДАВНО мнѣ случайно пришлось побывать на «тихомъ» Дону.

Пароходъ, на которомъ я ѣхалъ, нечаянно «приткнулся» къ мелкому мѣсту, приходилось нѣсколько часовъ ожидать, пока ему удастся сняться.

— Знаете что,—предложилъ мнѣ одинъ изъ пассажировъ,—чѣмъ намъ сидѣть здѣсь на пароходѣ выберемтесь-ка лучше на берегъ.

— Дѣйствительно, это будетъ самое лучшее, — согласился я.

— Нужно только хорошенько узнать, когда капитанъ надѣется сняться съ мели.

На нашъ вопросъ послѣдній только пожалъ плечами, неопредѣленно отвѣтивъ:

— Ничего не могу сказать, во всякомъ случаѣ сегодня не выбраться, придется здѣсь до утра остаться, ночью нельзя итти: еще больше на мель напорешься.

Мы имѣли полную возможность оставаться на берегу до самой ночи, пароходъ все равно безъ насъ не ушелъ бы, дали бы знать.

На небольшомъ челнокѣ перебрались мы черезъ отмель, выбрались на берегъ и взобрались на косогоръ.

Время приближалось къ вечеру, солнце давно·уже начало склоняться на западъ.

Тихій Донъ лежалъ передъ нами, точно неподвижное зеркало: теченіе было незамѣтно. Нашъ пароходъ, приткнувшійся у мели, казался сверху какимъ-то большимъ, неуклюжимъ животнымъ. Замѣтно было, что всѣ попытки стащить его съ песковъ были тщетны, такъ какъ новыхъ не предпринималось до утра.

Мы съ товарищемъ дошли до станицы. Небольшая по числу домовъ, она, тѣмъ не менѣе, далеко раскинулась по берегу; кое-гдѣ хатки ютились по косогору, сбѣгая садами даже до самой воды. Садовъ дѣйствительно было немало, станица вся въ нихъ тонула, бѣло-розовый цвѣтъ яблонь и вишенъ, точно весенній легкій снѣгъ, слегка освѣщенный красноватыми лучами заката, закрывалъ собою зелень деревьевъ. Въ вечернемъ воздухѣ носился еле уловимый тонкій ароматъ отъ него.

Несмотря на то, что день далеко еще не окончился, въ станицѣ незамѣтно было работающихъ.

Въ палисадникахъ передъ хатами кое-гдѣ пили чай, одни ребята носились по пыльной улицѣ, играя въ рюхи.

— Раненько же у васъ работать кончаютъ!—замѣтилъ я рослому, еще не старому станичнику, курившему трубочку, развалившись на лавкѣ у хаты.

Онъ, лѣниво прищуривъ одинъ глазъ, посмотрѣлъ на меня и не торопясь отвѣтилъ:

— Рано зачинаютъ—поранѣ и кончать приходится, спину-то сколь часовъ гнутъ наши бабы!

Я изумился.

— Бабы! а вы-то, мужчины, развѣ не работаете?

— Каждому дѣла хватитъ, и у насъ работы немало, только всежъ бабамъ нашимъ за три мѣсяца немало потрудиться придется.

Насъ съ товарищемъ все больше и больше изумляли отвѣты казака. Мнѣ очень хотѣлось узнать, что это такое за дѣло, гдѣ, какъ видно, больше всего труды ложились на женщинъ.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

Станичникъ усмѣхнулся.

— «Зебильнымъ» промысломъ, чай, слыхали, господа?— отвѣтилъ онъ.

Намъ пришлось отозваться незнаніемъ.

— Мы—проѣзжіе съ парохода; дальные...

— Въ такомъ случаѣ, и въ правду знать вы про нашу «зебиль» не можете,—согласился онъ. — Если желаете, могу вамъ разсказать.

Мы охотно согласились, и присѣли около станичника на лавкѣ.

II.

-- Споконъ вѣка промышляемъ мы рыбой, всѣ три промысловые мѣсяца ловимъ ее сѣтями, багромъ, на крючья беремъ, а то за садами ходимъ: груша, яблоко, вишня,—все у насъ родится, виноградъ выспѣваетъ, табакъ мѣстами у насъ сѣютъ, про пшеницу, овесъ, ячмень и не говорю...

Онъ остановился разсказывать, раскурилъ потухшую трубку и продолжалъ:

— Слава Тебѣ, Господи, живемъ безбѣдно, земли хватаетъ, жаловаться нельзя; станичка наша не велика, но справная. Долженъ вамъ, господа, сказать, по нашимъ мѣстамъ, окромя красной рыбы, крупной, ловится немало и мелочи разной. Мы на нее вниманія совсѣмъ не обращали, солили прямо не разбирая въ бочки, такъ ее у насъ на Ростовъ да на Аксай и покупали, все «донской хамсой» называли. Много наши ребята ее за промысловое время повытянутъ. Кто-то изъ досужихъ господъ сумѣлъ подсчитать: «подъ пятьдесятъ милліоновъ рыбъ, пудовъ тысячъ на двадцать пять».

— А дорого вы ею расторговываетесь?—невольно вырвался у меня вопросъ.

— Пустяковая цѣна на нее у насъ держится: 50—60 коп. за пудъ, а въ общемъ все же хорошая деньга выйдетъ. Къ намъ сюда за нею и ѣдутъ купцы, а мы имъ, куда нужно, и отправляемъ, такъ оно дѣло и шло до прошлогоднихъ промысловъ, а тутъ случай другой вышелъ.

Пріѣхали къ намъ за рыбой два жида съ Ростова; поторговались, потолковали, цѣною не сошлись съ нами, хотѣли было ѣхать ужъ обратно, да пароходъ, не въ примѣръ, какъ вашъ, приткнулся къ нашей мели и засѣлъ. Жиды туда-сюда, ѣхать нужно, а не на чемъ; такъ и пришлось имъ у насъ въ станицѣ заночевать.

Остановились они у одного нашего станичника въ хатѣ, онъ имъ всякое удовольствіе предоставилъ, на ужинъ ухи отварилъ изъ хорошей рыбы, виномъ нашимъ донскимъ угостилъ.

Жиды его угощенія не чураются, «хамсы» у него нѣсколько бочекъ купили...

Ложатся они спать, потушили лампу; занадобилось одному изъ нихъ, Арону, огонь вздуть ночью. Чиркнулъ онъ спичку, что-то подъ лавкой блеснуло, точно серебро горитъ. Ходовой парень Аронъ, все ему знать нужно, до всего дойдетъ, шаркъ это рукой подъ лавку и вытащилъ пригоршню рыбьей чешуи. Посмотрѣлъ, понюхалъ, чешуя—какъ чешуя, только больно сильно она серебрится, не въ примѣръ другимъ. Спряталъ онъ ее къ себѣ въ карманъ, а утромъ, какъ чай съ хозяевами пить, началъ, и спрашиваетъ:

— Что это у тебя, Семенъ Прокофьичъ, за чешуя подъ лавкой валяется?

— Такъ, глупость одна, дѣтишки, какъ «зебиль» на обѣдъ мать чистила, ухватили чешуйку да себѣ играть и приперли...

— Что это за «зебиль» такая?—перебилъ я разсказчика вопросомъ.

— Зебиль-то наша? такъ рыбка не великая... сейчасъ покажу,— и онъ ушелъ въ хату, откуда явился, неся въ рукѣ небольшую рыбку, въ которой я узналъ обыкновенную рѣчную уклейку.

— Вотъ и вся она, немудреная рыбешка,— проговорилъ онъ, показывая рыбку, и продолжалъ разсказывать.

— Я,—говоритъ Аронъ-то,—коли позволишь, эту горсточку чешуйки себѣ возьму.

— Бери, мнѣ не жалко, ея у насъ видимо-невидимо.

Уѣхали жиды, поблагодаривъ хозяина.

Погрузилъ онъ имъ купленную хамсу на пароходъ да совсѣмъ о нихъ и позабылъ.

III.

Больше полутора мѣсяца съ тѣхъ поръ прошло. Ловимъ мы рыбу попрежнему, дѣлами своими занимаемся, какъ и раньше, у Семена Прокофьева тоже работы немало.

Пришелъ пароходъ вотъ объ эту пору, мало кто въ нашей станицѣ останавливается, а тутъ вдругъ гости: оба жида пожаловали, и Аронъ и Маркъ.

Прямо идутъ къ Семену, онъ дома въ ту пору оказался, не узналъ было ихъ сразу.

— А мы къ тебѣ, Семенъ Прокофьичъ, по дѣлу заявились,—говорятъ гости.

— Что жъ, милости просимъ, будемте говорить!—отвѣчаетъ.

— Помнишь, прошлый разъ, какъ мы у тебя заночевали, взялъ я у тебя пястку рыбьей чешуйки?

— Помню,—сказываетъ.

— Такъ вотъ, мы за ней теперь и пріѣхали. Много ли можно ее насобирать?

Семенъ зачесалъ затылокъ, онъ еще хорошенько въ толкъ не могъ забрать, для чего жидамъ понадобилась чешуйка съ зебили.

— Коли съ нашими станичниками потолковать сообща, не мало набрать ее возможно,—отвѣчаетъ.

— Что жъ, зови ихъ скорѣй, обтолкуемъ дѣло, намъ чешуйка эта нужна, назначьте цѣну, сколь за нее платить мы должны.

— Ладно, сойдемся!

Созвали ловцовъ, говорить зачали, все, какъ есть досконально, обтолковали, чище чистаго объяснили.

Рѣшили сообща, что будутъ жиды платить за каждый фунтъ сдернутой ножемъ чешуйки четвертакъ, послѣ того какъ изъ нея воду отожмутъ.

— Во что класть-то ее будемъ? — спросили наши ловецкіе люди.

— Банки мы особыя съ собой привезли, въ нихъ класть мы сами будемъ, —отвѣчаютъ покупатели,—и запаяемъ.

— Ну, ужъ это ваше дѣло,—согласились наши станичники.

Съ той поры и пошло это дѣло колесомъ. Все промысловое время ходъ зебили настоль великъ, что шапкой ловить ее возможно.

Всѣ ловятъ, а идетъ она въ извѣстное только время, а затѣмъ цѣлый день рыбешки не поймаешь.

Ловцы наши ее ловятъ, везутъ на берегъ, а тутъ уже бабы, подростки чистятъ ее, чешую соскребаютъ ножами, а саму рыбешку на солку въ бочку.

Вотъ почему наши бабы за все время промысловое съ солнышкомъ поднимаются и сейчасъ же становятся на чистку зебили, иной день, половчѣе которая, подъ четыре тысячи рыбешекъ освѣживать сумѣетъ; такъ ножикъ въ рукахъ у нея и скачетъ, такъ чешуя изъ-подъ него и брызжетъ, сама рыбешка въ бочку для солки прыгаетъ.

Нынѣшній годъ спервоначалу пятакъ на фунтъ за очистку прибавили, а послѣ и до тридцати пяти копеекъ съ очищеннаго фунта дошли.

— А что же ваши покупатели съ нею дѣлаютъ?— спросилъ я разсказчика.

— Они сами накладываютъ ее въ десятифунтовыя банки, пересыпаютъ особымъ какимъ-то порошкомъ, сказываютъ, что только отъ него и серебристость на чешуйкѣ сохраняется. А затѣмъ шлютъ ее куда-то въ заморскія страны, объ этомъ мы здѣсь не освѣдомлены.

Вы сами это лично увидите, коли пораньше встанете, у насъ бабы чуть свѣтъ за дѣло принимаются.

IV.

Меня очень заинтересовалъ этотъ своеобразный промыселъ, и я рѣшилъ подняться на другой день пораньше, чтобы посмотрѣть, какъ работаютъ женщины.

— Это тутъ же на берегу, пониже; тамъ вся эта бабья фабрика и происходитъ,—объяснилъ намъ станичникъ.

— Какъ бы пароходъ не ушелъ?—замѣтилъ мой товарищъ.

— И не могите думать! не скоро ему сползти съ песку удастся,— успокоивалъ казакъ:—раньше полдня не уйдете, не впервые это у

насъ случается. Ночевать, коли желаете, у меня можете, отведу вамъ помѣщеньице хорошее, муха тревожить не станетъ.

Мы согласились, на пароходъ итти не хотѣлось, все же тутъ около сада было лучше ночевать, и хозяинъ могъ пораньше насъ разбудить.

Остальное время дня мы пробродили по окрестностямъ станицы, полюбовались прекрасными видами, открывавшимися книзу на рѣку, на зеленыя кущи садовъ.

Солнце все ближе и ближе спускалось къ землѣ, оно кидало послѣдніе косые лучи на станицу, играло въ окнахъ хатъ, протянуло длинныя полосы, казавшіяся живыми и осязаемыми, благодаря двигавшейся въ нихъ пыли, ярко позолотивъ ими часть селенія. Позолота легкою тѣнью бѣжала все выше, загорѣлись однѣ только макушки деревьевъ, низы окрасились въ сѣроватые тоны. Въ послѣдній разъ взметнулись солнечные лучи вверху и расплылись въ небесной лазури.

Свѣтило исчезло за рѣчною лукою, мѣсто его захода окрасилось пурпуромъ, блѣднѣвшимъ мало-по-малу, краски смѣнялись красками, тоны, отблески перемѣшались между собою, засвѣтились перламутромъ.

Двѣ тучки, медленно двигавшіяся по вечернему небу, сразу заиграли янтаремъ...

Снизу, отъ рѣки, пахнуло легкой сыростью, потянулась чуть замѣтная дымка сумерекъ, густѣвшая незамѣтно.

Закатъ потухалъ, на синевѣ небосклона вырисовался легкій абрисъ луны, робко прорѣзалась первая звѣздочка, тихій вечеръ вступилъ въ свои права.

Огня въ хатахъ почти нигдѣ не было видно, некому было его жечь, всѣ уже спали.

Въ небольшой мазаной банѣ, гдѣ насъ помѣстилъ Егоръ Акиноіевъ, было не душно.

Она стояла въ глубинѣ сада, подъ старыми яблонями; полъ былъ земляной, крѣпко убитый; на чисто выстроганныхъ лавкахъ станичникъ подостлалъ кошмы изъ бѣлаго домашняго войлока.

— Вотъ я вамъ тутъ и закусить принесъ, господа почтенные,—услышали мы голосъ Егора, принесшаго намъ холодной отваренной рыбы, и балыка.—Ужъ не обезсудьте, огня вечеромъ не вздували, холоднымъ ужинали.

Онъ поставилъ намъ на липовый нюлокъ вмѣстѣ съ тарелками и сулейку изъ пузырчатаго зеленоватаго стекла.

— Винцомъ нашимъ побалуйтесь, може, по душѣ придется,— указалъ онъ мнѣ на сулею,—вино доброе, третій годъ держу. Спите спокойно, сбужу васъ поранѣ, коли занятно вамъ бабью работу поглядѣть.

Онъ ушелъ.

Чрезъ открытую дверь, изъ темнаго сада, до насъ долетало надоѣдливое стрекотаніе цикадъ, чуть слышное шипѣніе нашего парохода, державшагося подъ слабыми парами, и какой-то гармоническій, неясный гулъ...

Что было послѣднее, мы такъ и не могли догадаться.

V.

Солнце еще чуть показалось изъ-за холма, когда на другое утро мы проснулись отъ громкаго голоса хозяина.

— Вставайте, господа почтенные, наши бабы встали уже на работу, «зебиль» ходомъ пошла!

Я посмотрѣлъ на часы, было только три часа.

Мы быстро одѣлись, станичникъ подалъ намъ умыться свѣжей родниковой воды.

— Испейте водицы-то, она у насъ отмѣнна,—предложилъ онъ намъ, протягивая кованый желѣзный ковшъ.

Вода дѣйствительно была вкусная и холодная.

— Теперь пойдемте, я васъ доведу и укажу всю бабью фабрику,—усмѣхнулся Егоръ Акиноіевъ.

Наверху косогора все уже было залито свѣтомъ, все блестѣло солнечной позолотой; внизу же еще низко стлались клочья ночного дыханія «тихаго» Дона. Рѣдкое покрывало бѣлесоватаго тумана, извиваясь, рвалось и спѣшило скрыться отъ ласки дневного свѣтила въ лога, ложбинки, овраги...

— Вонъ тамъ, пониже, на берегу,—указалъ мнѣ станичникъ,— онѣ и работаютъ!

Сквозь таявшій туманъ, въ указанномъ имъ мѣстѣ, виднѣлась довольно большая кучка женщинъ.

Мы спустились по тропинкѣ до нихъ.

Высоко подогнувъ юбки, съ голыми руками, длиннымъ рядомъ стояли женщины. Передъ каждой изъ нихъ была полубочка, прикрытая доской. Тутъ же помѣщались корзины съ только-что пойманной уклейкой.

Ловкими движеніями привычныхъ рукъ женщины съ помощью ножа соскабливали съ рыбешекъ чешую, лѣвой горстью ссыпали ее въ привѣшенный тутъ же кузовокъ, а правой скидывали очищенную уклейку въ полубочку.

Работа кипѣла, когда мы подошли къ работницамъ; непріятный запахъ сырой рыбы обдалъ меня.

Тутъ были женщины преимущественно молодыя и сильныя, между ними я замѣтилъ и подростковъ. Онѣ работали, не покладая рукъ. Снизу, съ рѣки, подносили все новыя корзины съ пойманной рыбой; нужно было торопиться, до другого дня уклейка не могла оставаться не вычищенная.

— Почему же нельзя оставлять чистку до слѣдующаго дня?— спросилъ я высокаго роста, моложавую казачку, старательно работавшую своимъ ножемъ.—Рыба что ли испортится?

— Нѣтъ, что ей сдѣлается, развѣ только солнцемъ малость ее посожжетъ,—отвѣчала она мнѣ, не отрываясь отъ работы,—изъ-за блестны торопиться надо!

— Какъ такъ?—изумился я.

— Жиды наши велятъ тотъ же день чешую снимать, блеска того она не имѣетъ, коли назавтра снимемъ, больно они ею дорожатъ.

— На какое же дѣло она имъ требуется?

Женщина неопредѣленно покачала головой.

— Не знаемъ, намъ болтаютъ, что бусу ею за моремъ серебрятъ, а доподлинно вѣрно не могу утвердить. Подождите, вотъ скоро Аронъ Абрамычъ придетъ, будетъ блестну у насъ обирать, по банкамъ ее раскладывать, его вы и спросите, онъ лучше все разскажетъ.

Она говорила, а руки ея машинально чистили рыбу, сбрасывали ее въ полубочку, огребали чешую.

— Сколько же нужно очистить рыбешекъ, чтобы фунтъ чешуи набрать?—снова полюбопытствовалъ я у работницы.

— Считывали не разъ: поровнѣе которая, такъ тысячи за четыре штукъ, а мелочи куда больше! Да вонъ и купецъ нашъ, ишь сколь рано нонѣ пришелъ! Должно, пронюхалъ, что чужіе понаѣхали, боится, какъ бы уловъ зебили не откупили.

Я обернулся, къ работницамъ подходилъ среднихъ лѣтъ типичный еврей въ котелкѣ и пальто, за нимъ слѣдомъ шелъ парень, несшій корзину.

VI.

Замѣтивъ новыя лица, онъ подошелъ къ намъ и вкрадчиво спросилъ:

— По дѣлу сюда, господа, пріѣхали?

Я поспѣшилъ успокоить его, сообщивъ, что мы—случайные проѣзжіе.

— Посмотрѣть нашу работу интересуетесь? Пустячное дѣло, совсѣмъ польза самая малая, такъ ужъ привыкли мы къ нему, ну, кидать и не хочется, а то, право, заниматься имъ не стоитъ!— разливался скупщикъ.

— Для чего идетъ эта чешуя?—спросилъ мой товарищъ съ наивнымъ видомъ.

На лицѣ Арона Абрамыча промелькнула тревога.

— Пустякъ изъ нея выдѣлываютъ за границей, клей дешевый, мазь какую-то тамъ, пользы намъ всего гривенникъ-пятиалтынный за банку приходится.

— У меня кузовъ полонъ, принимай, Аронъ Абрамычъ,—крикнула еврею пожилая работница, стоявшая въ концѣ ряда.

— И у меня! И у меня!—эхомъ откликнулись другія.

Купецъ, снявъ котелокъ, любезно съ нами раскланялся, предполагая, что этимъ онъ отъ насъ избавится, но мы пошли за нимъ слѣдомъ. Онъ подошелъ къ первой окликнувшей его женщинѣ, досталъ изъ ея кузовка горсть чешуи, внимательно посмотрѣлъ на нее, пощупалъ, насколько она влажна, на особыхъ вѣсахъ прикинулъ вѣсъ, велѣлъ высыпать въ корзину къ парню и перешелъ къ слѣдующей, гдѣ продѣлалъ то же самое.

— Развѣ вы не могли бы по окончаніи лова и чистки сами къ нему снести? — спросилъ я казачку, съ которой разговаривалъ раньше.

— Ему нужна свѣже-снятая, онъ сейчасъ же, какъ вернется домой, отожметъ отжимомъ воду изъ блестны, станетъ въ банки укладывать и своимъ порошкомъ пересыпать.

— А какой порошекъ?

— Не знаемъ, только однимъ нашимъ жидамъ и извѣстенъ, онъ серебристость блестны сохраняетъ.

Вслѣдъ за первымъ евреемъ появилось еще нѣсколько; у каждаго изъ нихъ были свои работницы, отъ нихъ они принимали чешую, на засолъ хамсы мало кто обращалъ вниманіе, бабы знали засолъ лучше, чѣмъ кто изъ нихъ, кидали нужное количество соли въ очищенную рыбу въ полубочкѣ.

Когда мы проходили съ товарищемъ мимо евреевъ, они покосились на насъ и еще громче заговорили на жаргонѣ.

Егоръ Акинѳіевъ, снова оказавшійся около насъ, засмѣялся:

— Не любо имъ чужого человѣка здѣсь увидать! Боятся, какъ бы имъ дѣло не перебили, да цѣну нашимъ бабамъ за работу не нанесли. Шутка ли за тридцать пять копеекъ два пуда рыбы вычистить должны, за ловъ дороже платятъ, попудно полтину, а то и всѣ шесть гривенъ даютъ!

Онъ недовольно сплюнулъ.

— Много ли всего этой рыбешки вылавливаете? — спросилъ я его.

— О прошлые промысловые мѣсяцы до двадцати тысячъ зебили выволокли, двѣ тысячи банокъ невступно блестны жиды за море отвезли.

Снизу донесся рѣзкій свистокъ парохода.

— Никакъ васъ плыть дальше зовутъ, должно, съ песковъ сползъ! — продолжалъ онъ.

Пароходъ дѣйствительно былъ готовъ къ отплытію. Мы распростились съ нашимъ хозяиномъ, заплатили ему за ночевку и угощеніе и поспѣшили на пароходъ.

VII.

Немногочисленные пассажиры еще спали по каютамъ. Мы тоже заняли наши помѣщенія, когда станица осталась за нами.

Пароходъ медленно двигался по рѣкѣ, онъ боялся сѣсть снова на мель.

Довольно поздно вышелъ я снова изъ каюты на палубу, время за полдень, жарко было до изнуренія.

Кромѣ меня, на палубѣ находился только какой-то пассажиръ, костюмъ изъ чесунчи, таковая же фуражка и большая окладистая борода выдавали въ немъ торговаго человѣка. Онъ видимо скучалъ, недовольный полдневной невольной задержкой. Замѣтивъ меня, онъ вылилъ мнѣ свою жалобу.

— Ну, ужъ пароходики наши, нѣтъ-нѣтъ, да и уткнутся носомъ въ мель! Сколько времени сегодня потерялъ я даромъ!

Я долженъ былъ съ нимъ согласиться, мы разговорились.

Невольно разговоръ нашъ перешелъ на оставшуюся за нами станицу. Я разсказалъ моему новому знакомому о моемъ посѣщеніи ея, о видѣнномъ мною оригинальномъ промыслѣ. Оказывается, онъ тоже зналъ о немъ.

— Вотъ подите, господинъ, никто изъ нашихъ русскихъ и не подумалъ объ этой чешуйкѣ, вниманія на «зебиль» эту не обращалъ, а евреи цѣлое дѣло изъ него соорудили!

— Неужели этотъ промыселъ такъ великъ?

— Великъ — не великъ, а барыша больше большого приноситъ!

— Неужели?

— А какъ вы думаете? Прошедшій годъ шесть евреевъ съ одной этой чешуи болѣе шестидесяти тысячъ рублей за три промысловые мѣсяца чистой пользы взяли!

Я широко раскрылъ глаза отъ изумленія.

— А мнѣ одинъ изъ нихъ жаловался еще, что пользы почти совсѣмъ нѣтъ!

— Вы имъ вѣрьте больше, они не то еще поразскажутъ!

— Куда же идетъ эта чешуя, на какое дѣло?

— Они отправляютъ ее за границу, тамъ зебильная чешуйка пользуется большимъ спросомъ за ея серебристый блескъ; ее примѣняютъ при изготовленіи искусственнаго жемчуга, а также стеклянныхъ серебряно-матовыхъ издѣлій.

— Вотъ какъ! Да вѣдь и другой рыбы немало, чешуи сколько хотите вездѣ.

— Пробовали, все не то, только чешуйка съ нашей зебили передаетъ какъ есть въ разъ блескъ жемчуга, серебристо-матовый! Ну, вотъ на нее жидки наши и набросились, нюхомъ хорошій барышъ чуютъ. Спросъ на нашу чешую нынѣ такъ великъ, что заграничныя фирмы просятъ доставлять имъ ее по любой цѣнѣ!

— Что же мѣшаетъ нашимъ русскимъ купцамъ заняться этимъ дѣломъ и самимъ отправлять уклеечную чешую за границу? Можетъ быть, рынки сбыта неизвѣстны?

— Вовсе нѣтъ, чуть ли не всѣ покупатели извѣстны, дѣло не въ томъ...

— А въ чемъ же, нѣтъ денегъ что ли у русскихъ купцовъ?

— Какъ не быть, большія даже! Пробовали, пытались кое-кто посылать, ничего толку не вышло, потемнѣла вся чешуя, какъ на мѣсто пришла, не погодилась! У евреевъ какой-то порошокъ особенный имѣется, имъ они чешуйку пересыпаютъ, ну, она своего натуральнаго блеска и не теряетъ!

Я невольно задумался надъ вѣчной неудачей русскихъ промышленниковъ. Мой собесѣдникъ продолжалъ мнѣ объяснять:

— Здѣсь, на мѣстѣ, со всѣми расходами, товаръ этотъ не дороже цѣлковаго за фунтъ обходится, а продаютъ они его по четыре рубля, а то и дороже. Въ прошедшіе ловы было отправлено до пятисотъ пудовъ чешуйки, прикиньте-ка, сколько чистаго барыша евреи-то забрали, а!? Про «хамсу» не стоитъ и говорить!

Пароходъ приближался къ какой-то пристани, и нашъ разговоръ прекратился.

Г. Т. Сѣверцевъ (Полиловъ).

СЕМЬЯ НѢМЦЕВЪ-ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ РОССІИ [1].

III.

Трагическая смерть Гергарда Кюгельхена порвала тѣсную связь между братьями, и намъ остается лишь очертить дальнѣйшій жизненный путь младшаго брата Карла. Сходству между братьями, не разъ дававшему поводъ къ забавнымъ недоразумѣніямъ, суждено было еще разъ сыграть роль, и довольно тяжелую. Когда Елена фонъ-Кюгельхенъ съ семьею въ 1822 г. пріѣхала въ Эстляндію повидаться съ роднею, она и ея дѣти были совершенно потрясены, когда въ Куркюллѣ имъ навстрѣчу вышелъ Карлъ, въ которомъ предъ ними словно ожилъ Гергардъ. Карлъ фонъ-Кюгельхенъ до самой смерти оставался неизмѣннымъ другомъ и совѣтчикомъ свояченицѣ и племянникамъ.

По натурѣ, впрочемъ, не особенно сентиментальный, Карлъ личное утѣшеніе въ постигшей его утратѣ брата могъ легко найти въ творческой дѣятельности, которую онъ въ 20-хъ годахъ проявлялъ съ напряженной энергіей въ заботахъ о возстановленіи имущественнаго своего благосостоянія.

«Благодаря принятому рѣшенію продать фабрику,—писалъ онъ изъ Петербурга брату,—я чувствую себя, словно новорожденнымъ; правда, я также нагъ и бѣденъ, словно только на свѣтъ родился,

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 183.

но вовсе не безпомощенъ. Въ Петербургѣ я сумѣю снискать себѣ заработокъ своимъ искусствомъ и даже отложу кое-что. Ты знаешь веселость моего нрава, дарованную мнѣ Господомъ. Правда, я уже теперь далеко не тотъ, что прежде былъ, но и теперь всѣ меня радушно принимаютъ. Большое наслажденіе мнѣ доставляетъ жить здѣсь среди художественныхъ сокровищъ. Много уже и то, что я не отсталъ; иные даже удивляются сдѣланнымъ мною успѣхамъ, только самъ я похвалиться этимъ не могу. Во всякомъ случаѣ теперь ужъ вѣтеръ надуваетъ мои паруса... Государю очень понравились мои картины, и онъ приказалъ развѣсить ихъ въ своемъ кабинетѣ. Это одно ужъ болѣе чѣмъ оплачиваетъ мой трудъ. Получилъ я и перстень стоимостью въ 1.500 р.» [1]).

Дѣла у К. фонъ-Кюгельхена пошли бойко.

Лѣтомъ 1817 г. онъ уже могъ уплатить брату 5.440 р., въ 1818 г. опять 5.500 р., позднѣе же, послѣ смерти Гергарда, онъ вскорѣ и совсѣмъ погасилъ злобинскія обязательства.

«Въ Финляндіи мнѣ повезло,—хвалится Карлъ брату осенью 1818 г.:—въ 6 недѣль я съ большимъ терпѣніемъ и сходствомъ набросалъ не менѣе 55 этюдовъ, и мнѣ удалось закрѣпить всѣ характерныя особенности этого края».

«Будемъ же радостно пользоваться дарами жизни, не останавливаясь предъ широкими тратами на пользу ближнихъ, и будемъ безтрепетно продолжать земное странствіе, примиряясь съ готовностью въ каждую данную минуту и повѣситься».

Сохранивъ получавшееся имъ отъ академіи и по званію придворнаго художника жалованье, Карлъ Кюгельхенъ, по возвращеніи изъ Финляндіи, получилъ всемилостивѣйшее разрѣшеніе поселиться въ Эстляндіи, занимаясь изготовленіемъ для двора картинъ по наброскамъ, сдѣланнымъ за время путешествія по Финляндіи. Въ интересахъ дешевизны Карлъ фонъ-Кюгельхенъ, Штакельбергъ, Генрихъ и Петръ Мантейффели со своими семьями устроили нѣчто въ родѣ «родственной фаланстеры», поселившись всѣ вмѣстѣ въ имѣніи Штакельберговъ, Куркюллѣ.

Насколько общество было многочисленно, можно судить по тому, что господскій столъ ежедневно накрывался на тридцать человѣкъ, и въ домѣ функціонировали четыре гувернантки; многочисленное юное поколѣніе получало научную подготовку въ школѣ Якоби, подъ руководствомъ пастора Гершельмана; на дому подъ руководствомъ барона Генриха Мантейффеля, при дѣятельномъ участіи Георга Крюденера и Лиліенфельда, молодежь занималась музыкой и пѣніемъ. Кюгельхенъ устроилъ въ Куркюллѣ нѣчто въ родѣ школы рисованія, въ которой особенно ревностно подвизались его сынъ Константинъ и сынъ барона Генриха Мантейффеля, Тимо-

[1]) M. H. von Kügelchen. Loc. cit., p. 224.

леонъ Неффъ. Старый художникъ, постигшій свое искусство автодидактически, ограничивался только необходимыми указаніями своимъ питомцамъ въ отношеніи техники и требовалъ отъ нихъ самостоятельнаго почина, придавая особенное значеніе упражненіямъ въ копированіи съ оригиналовъ. Вставая въ 4 ч. утра, Карлъ фонъ-Кюгельхенъ предпринималъ съ сыномъ длинныя пѣшеходныя прогулки, а потомъ брался за кисти и во время работы забавлялся тѣмъ, что, варіируя приходившія ему мысли на разные лады, перекладывалъ ихъ въ стихи и басни и весьма удачно пародировалъ классическія стихотворенія.

Опытъ Куркюлльской «родственной фаланстеры», теоретически, можетъ быть, и остроумной, на практикѣ ни особенныхъ выгодъ, ни удобствъ ея участникамъ не далъ, и, проживъ вмѣстѣ два или три года, семьи обособились: Мантейффели, приведя къ окончанію семейный раздѣлъ, сѣли на хозяйство, а К. фонъ-Кюгельхенъ, окончательно раздѣлавшись съ долгами, пріобрѣлъ близъ Ревеля подгородную усадьбу Фридгеймъ, съ обширнымъ садомъ.

На закатѣ жизни К. фонъ-Кюгельхенъ сдѣлался страстнымъ садоводомъ и усиленно занимался выгонкою цвѣтовъ, ягодъ и плодоводствомъ. Студія его всегда была заставлена цвѣтущими растеніями. Эта склонность у художника, по замѣчанію его сына, развилась подъ старость, такъ какъ, повидимому, всякій почти человѣкъ въ сознаніи приближенія часа, когда и самъ онъ обратится въ персть, словно инстинктивно сознаетъ потребность войти въ тѣснѣйшее общеніе съ землею [1]).

Смерть государя Александра Павловича, которому была столь многимъ обязана семья Кюгельхеновъ, произвела на нее очень сильное впечатлѣніе.

Чувства признательности къ памяти Александра Павловича Кюгельхенъ воплотилъ въ аллегорической картинѣ, воспроизведенной литографіею. На заднемъ планѣ изображена пирамида, какъ символъ непреходящаго; на передней площади пирамиды буквы А и I составляютъ изъ сіяющихъ лучей крестъ, украшенный снизу сплетающимися пальмовыми вѣтвями въ воспоминаніе мира, творцомъ котораго усопшій государь явился въ Священномъ союзѣ.

Убѣгающая въ даль цѣпь горъ съ круто вздымающимися грозными вершинами знаменуетъ зловѣщаго Наполеона и тѣ безчисленныя препятствія, которыя великодушный государь сумѣлъ побѣдоносно преодолѣть и устранить. Развалины и дерево, разбитое молніею, олицетворяютъ бренность всего земного, сколь бы могуче оно ни созидалось природою и искусствомъ. Въ тѣни пальмъ—благодѣтельный источникъ, вносящій своимъ ниспадающимъ каскадомъ жизнь въ пейзажъ.

---

[1]) Const. von Kügelchen. Erinnerungen. Стр. 48, 57, 63, 74.

Этимъ выражается та мысль, что единственно благодѣянія Александра и созданнаго имъ мира животворны, тогда какъ все окружающее, погруженное въ печаль, безмолвствуетъ. Подъ картиною значится подпись: «13 марта» (день похоронъ Александра)[1]).

Жизнь Кюгельхеновъ въ Фридгеймѣ (домъ мира) вполнѣ отвѣчала прозвищу уютнаго уголка. Въ рѣдкой семьѣ слагалось такое безмятежное и дружное существованіе, благодаря главѣ семьи, который своею веселостью и бодростью давалъ тонъ всему домашнему обиходу. Когда вся семья, состоявшая изъ троихъ сыновей и пятерыхъ дочерей, повыходившихъ замужъ и давшихъ многочисленныхъ внучатъ художнику, бывала въ сборѣ, размѣстить и угостить 26 человѣкъ, при штатѣ прислуги, достигавшемъ 11 человѣкъ, для хозяйки дома, Эмиліи фонъ-Кюгельхенъ, являлось задачею нелегкою, тѣмъ болѣе, что здоровье ея было сильно расшатано[2]).

Въ Ревелѣ Кюгельхены поддерживали особенно тѣсныя сношенія со своимъ родственникомъ, комендантомъ генераломъ Бергомъ, и де-Россильономъ. Послѣдній былъ молочнымъ братомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны и съ нею же пріѣхалъ въ Россію. Ему всемилостивѣйше пожаловано было значительное помѣстье въ Эстляндіи, и онъ женился на баронессѣ Толль. При бѣдственныхъ обстоятельствахъ, постигшихъ Россію за время Наполеоновскихъ войнъ, Россильонъ разорился и, продавъ имѣніе, занялъ во время губернаторства Будберга должность члена губернскаго правленія въ Ревелѣ[3]).

Вообще живость нрава, мягкость, жизнерадостность и благородство характера невольно привлекали къ К. фонъ-Кюгельхену всѣхъ, кто его когда либо узнавалъ, и обезпечивали ему друзей на всю жизнь. Такія же сердечныя отношенія издавна сложились у него съ его знаменитымъ землякомъ, Е. Ф. Канкринымъ: несмотря на разность положеній, старые друзья при каждомъ пріѣздѣ Кюгельхена въ Петербургъ видѣлись запросто, и непринужденность художника всегда находила дружный откликъ въ сердечности министра, совершено понапрасну ославленнаго сухимъ и черствымъ человѣкомъ.

Послѣдніе годы жизни Кюгельхенъ посвятилъ воспроизведенію природы Ревеля и его окрестностей. Картины эти были пріобрѣтены государемъ и украшаютъ комнаты императорскаго дворца въ Катериненталѣ (близъ Ревеля).

«Въ настоящее время,—писалъ онъ зимою 1831 г.,—я принимаюсь за работу утромъ съ половины девятаго, когда становится

---

[1]) C. Eichhorn. Die Geschichte der St.-Petersburger Zeitung (1727—1902), 1902, in 4°. Стр. 165.

[2]) Paul von Kügelchen. Gerhard und Karl von Kügelchen. Riga. 1902. Стр. 49, 58.

[3]) Const. von Kügelchen. Erinnerungen. Стр. 78.

свѣтло, и рисую до половины перваго часа пополудни. Послѣ обѣда выѣзжаю и остаюсь на воздухѣ, пока не стемнѣетъ»[1]).

Продолжительное пребываніе на воздухѣ вызывалось частыми приступами удушья вслѣдствіе грудной жабы.

Въ сочувственномъ некрологѣ, напечатанномъ въ «Petersburger Zeitung» отъ 14 февраля 1832 г., написанномъ академикомъ Парротомъ или академикомъ Шторхомъ, заключается довольно вѣрная оцѣнка творчества Карла фонъ-Кюгельхена, за которымъ его некрологистъ усвояетъ право именоваться художникомъ *русскимъ*, такъ какъ 35-ти-лѣтнее пребываніе въ Россіи и многочисленные его рисунки и картины, возсоздающіе природу сѣверной и южной Россіи, достаточно его натурализовали.

Несмотря на мучительную астму, отъ которой К. фонъ-Кюгельхенъ спасался крайнею воздержностью и строгою діэтою, онъ сохранилъ бодрую энергію, чему немало способствовала житейская философія, къ которой его привели испытанія бурной жизни.

«Съ чѣмъ только не сможетъ примириться человѣкъ, сохраняя душевную бодрость,—писалъ онъ 13 ноября 1831 г.,—если только сердце у него на мѣстѣ. Исполняй строго долгъ, обуздывай чувственность и старайся любить ближняго, въ этомъ весь секретъ, чтобъ избѣжать одряхлѣнія».

Незадолго передъ достиженіемъ 60-ти-лѣтней годовщины своего рожденія, которой по двухсотлѣтнимъ семейнымъ преданіямъ никто изъ Кюгельхеновъ будто бы не переживалъ, К. фонъ-Кюгельхенъ безъ страданій тихо скончался среди ночного сна (29 декабря 1831 г.).

Очертивъ дѣятельность старшаго поколѣнія Кюгельхеновъ, мы должны отмѣтить посмертное сходство и въ судьбахъ ихъ дѣтей. Гергардъ и Карлъ имѣли по нѣскольку сыновей и дочерей, но изъ нихъ только одинъ сынъ Гергарда—Вильгельмъ-Георгъ-Александръ и Карла—Константинъ проявили художественный талантъ, и точно такъ же, какъ у отцовъ, таланты обоихъ двоюродныхъ братьевъ дифференцировались: Вильгельмъ, какъ и его отецъ Гергардъ, специализировался на портретной и исторической, или, вѣрнѣе, религіозной, живописи, а Константинъ пошелъ по стопамъ Карла и сдѣлался пейзажистомъ.

Вильгельмъ Кюгельхенъ, авторъ «Юношескихъ воспоминаній старика», родился въ Петербургѣ 20 ноября 1802 г., а дѣтство и юность провелъ въ родной семьѣ въ Дрезденѣ. Съ той поры, какъ въ Дрезденъ вступили австрійскія войска подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, т.-е. начиная съ 1809 г., его воспоминанія отра-

[1]) P. von Kügelchen. Gerhard und Karl von Kügelchen. Стр. 56.

жаютъ весьма точно пеструю смѣну явленій эпохи, часто отъ идилліи переходившихъ въ трагедію. Вильгельмъ по своимъ наклонностямъ и стремленіямъ тяготѣлъ къ ваянію, но Гергардъ хотѣлъ изъ сына сдѣлать живописца и настоялъ на своемъ; но, несмотря на успѣшность своего творчества, Вильгельмъ въ сущности всю жизнь чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ. Въ немъ съ юныхъ лѣтъ заговорили разносторонніе духовные интересы. На ряду съ религіозными и философскими вопросами Вильгельма интересовала политика и исторія, а безпритязательные его литературные опыты обличаютъ въ немъ незаурядный писательскій талантъ. Технику живописи Вильгельмъ изучилъ въ Дрезденской академіи художествъ, отчасти подъ руководствомъ отца, и, весьма вѣроятно, его талантъ при иныхъ условіяхъ развернулся бы шире, но на юношу, крайне чуткаго, вдумчиваго и чувствительнаго, страшно повліяла трагическая смерть отца. Послѣдній, проведя очень пріятно день въ семьѣ пастора Роллера, въ обществѣ князя Рейсса и его жены, графа Штольберга и его жены, графа и графини Дона и министра графа Эйнзиделя, отправился подъ вечеръ на обычную прогулку и исчезъ безслѣдно. Въ поиски за отцомъ былъ посланъ Вильгельмъ, котораго сопровождали нѣкоторые знакомые. Проблуждавъ всю ночь по окрестностямъ Дрездена, онъ первый наткнулся на голое тѣло зарѣзаннаго отца. Если это происшествіе произвело потрясающее впечатлѣніе вообще на жителей мирнаго Дрездена, о чемъ свидѣтельствуетъ дневникъ поэта Фёрстера, то само собою разумѣется, что̀ Вильгельмъ пережилъ въ ночь 27 марта 1820 г. Ужасъ оставилъ въ немъ неизгладимый слѣдъ. Чтобы отвлечь сына отъ посѣщавшихъ его припадковъ меланхоліи, Елена фонъ-Кюгельхенъ, по совѣту друзей, рѣшила временно перемѣнить обстановку и предприняла въ 1822 г. поѣздку въ Эстляндію къ своей сестрѣ, баронессѣ Штакельбергъ.

Окончивъ образованіе въ Дрезденской академіи художествъ, Вильгельмъ Кюгельхенъ завершилъ его продолжительнымъ пребываніемъ въ Римѣ (съ 1826 г.), предпочтя освященный вѣками художественный искусъ приглашенію дяди, Карла фонъ-Кюгельхена, который настойчиво его уговаривалъ переселиться къ нему совсѣмъ въ Фридгеймъ: «Я всегда буду на тебя смотрѣть, какъ на собственнаго сына,— писалъ Карлъ племяннику,— не говоря уже о томъ, что меня съ тобою связываетъ искусство. Не бойся, твоимъ художественнымъ стремленіямъ я противорѣчить не стану, если бы у насъ даже и обнаружилось различіе во взглядахъ,— каждый долженъ всецѣло слѣдовать внушеніямъ своего таланта. Въ томъ и заключается прелесть искусства, что оно способно до безконечности разнообразиться» [1]).

---

[1]) M. H. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen.

Пребываніе въ Римѣ доставило Вильгельму рядъ интересныхъ литературныхъ и художественныхъ знакомствъ, но на развитіи его таланта особенно плодотворно сказаться не могло, такъ какъ въ Римѣ онъ перенесъ продолжительную и тяжелую болѣзнь; въ 1827 г. онъ уже былъ въ Бременѣ, женился тамъ 18 іюня 1827 г. на младшей дочери Круммахера [1] — Юліи (род. въ 1804 г.), и поселился съ молодою своею женою у Штакельберговъ.

Здѣсь, въ Поллѣ, вскорѣ по пріѣздѣ племянника умерла хозяйка дома, небезызвѣстная намъ баронесса Софія, урожденная Цеге-фонъ-Мантейффель. Въ Поллѣ же въ 1828 г. родился у Вильгельма сынъ. Оставивъ жену у овдовѣвшаго Штакельберга, съ которымъ онъ очень сдружился въ первый свой пріѣздъ въ Эстляндію, Вильгельмъ осенью 1828 г. уѣхалъ въ Петербургъ.

Слабый здоровьемъ и чуствительный къ холоду, Вильгельмъ настолько измучился отъ путешествія изъ Полля въ Петербургъ, что нервы у него расшатались, а нездоровый петербургскій климатъ къ укрѣпленію ихъ послужить, конечно, не могъ.

Впрочемъ, вначалѣ художникъ крѣпился и всѣмъ восхищался.

«У самыхъ моихъ оконъ,—пишетъ онъ матери,—протекаетъ величественная Нева, а напротивъ разстилаются, какъ далеко хватаетъ глазъ, чудные фасады кунсткамеры, академіи, кадетскаго корпуса и морского корпуса, гдѣ живетъ Крузенштернъ. За десять копеекъ я на лодкѣ перебираюсь на Васильевскій островъ, — въ сущности я нахожусь въ близкомъ сосѣдствѣ отъ всѣхъ нашихъ друзей».

Въ Петербургѣ Кюгельхенъ былъ обласканъ старинными друзьями и пріятелями его отца Пезаровіусомъ, Бекомъ, Крузенштерномъ, Адеркасомъ и Парротомъ, принявшими художника привѣтливо и открывшими ему широкій доступъ въ петербургское общество. «Кругъ моихъ знакомствъ распространился по городу уже изъ края въ край,—пишетъ онъ,—и изъ семи дней недѣли я, по крайней мѣрѣ, шесть дней могу обѣдать внѣ дома».

Въ обществѣ Кюгельхенъ держалъ себя очень мило,—онъ старался быть занимательнымъ и веселымъ, чему помогала прирожденная ему юмористическая жилка, а, благодаря рекомендаціямъ и всесильнымъ знакомствамъ, на него посыпались заказы.

«У княгини Потемкиной,—пишетъ онъ,—которую Пезаровіусъ рекомендовалъ мнѣ въ качествѣ истинной христіанки, и которая, по его же словамъ, очень мною заинтересовалась, я нашелъ цѣлый придворный штатъ, на старинный русскій ладъ съ карликами и многочисленною челядью. Я показалъ княгинѣ, въ видѣ образчиковъ моей работы, портреты бабушки и твой (т.-е. жены

[1] Пастора, педагога и автора популярныхъ въ Германіи «Притчей».

Вильгельма Кюгельхена). Поглядѣвъ на твой портретъ, княгиня воскликнула: «Ah, comme elle est jolie!»; увидавъ же портретъ бабушки, пришла въ восхищеніе, обѣщала рекомендовать меня своимъ знакомымъ и дала мнѣ скопировать ничтожную акварель; за эту работу я взялся только затѣмъ, чтобы имѣть предлогъ и впредь бывать у нея въ домѣ.

«Вчера вечеромъ у Майеровъ [1]) былъ концертъ. Представь себѣ до двадцати музыкантовъ, которые исполняли, большею частью, классическія произведенія Шпора, Бетховена и Моцарта и въ томъ числѣ нѣсколько милыхъ вещицъ самого Майера. Вѣнскій гитаристъ Штолль игралъ подъ аккомпанементъ оркестра,—можешь себѣ представить бѣдную гитару въ сопровожденіи трубъ и литавровъ. Въ литавры билъ самъ Майеръ съ увлеченіемъ. Посреди музыкальнаго исполненія въ залъ вплыла княгиня Куракина, разодѣтая въ огненно красный и желтый шелка, въ чепцѣ, ленты котораго спускались чуть ли не до земли, съ толстѣйшею золотою цѣпью и горделивымъ видомъ, преисполненнымъ милостиваго благоволенія. Все предъ нею склонилось ницъ, и княгиня удалилась въ боковой салонъ слушать музыку. Она привезла Майершѣ въ подарокъ настоящую турецкую шаль, и та внѣ себя отъ радости припала къ ручкамъ ея сіятельства и только-что ихъ не отъѣла. Тутъ присталъ ко мнѣ молодой Майеръ, чтобы я пошелъ представиться княгинѣ и поухаживалъ за нею хорошенько. Такъ какъ барыня эта ни слова не понимаетъ по-нѣмецки, а я на свое знаніе французскаго языка не полагался, то меня предложеніе это смутило. Однако я расхрабрился и, представленный ей, пустился болтать о гитарѣ, музыкѣ и картинахъ; Майерша меня все время поддерживала, и исторія кончилась тѣмъ, что княгиня позвала меня къ себѣ обѣдать. «Ну, вотъ видите ли,—тутъ же расхвасталась Майерша,—этого-то я и хотѣла; это прекрасно!—вы теперь можете бывать у княгини такъ часто и такъ много, какъ сами захотите, а это знакомство откроетъ вамъ путь въ самые знатные дома». Я излился всѣми французскими словами, какія только знаю, и, чтобы не испортить сдѣланнаго, повидимому, хорошаго впечатлѣнія, поспѣшилъ отретироваться въ концертный залъ, гдѣ было очень много милыхъ людей. Майеръ вчера игралъ божественно, и я нашелъ, что игра на рояли подъ аккомпанементъ полнаго оркестра производитъ чудное впечатлѣніе. Только въ два часа добрался я до постели».

«Представь себѣ, въ то время, какъ я тебѣ писалъ это, ко мнѣ вторглась m-lle Майеръ и возвѣстила, что она пріѣхала отъ полковницы Лихардовой, а та выразила желаніе, чтобы я нарисовалъ съ нея и ея дѣтей портреты».

---

[1]) Карлъ Майеръ, знаменитый тогда въ Петербургѣ піанистъ и композиторъ.

«Я надѣюсь, что все устроится прекрасно, и только изрѣдка нападаютъ на меня колебанія. На меня очень благотворно дѣйствуетъ сознаніе, что я здѣсь нахожусь среди бойкаго торжища и могу кое-чего добиться. Думается мнѣ, что я произвелъ бы на тебя впечатлѣніе болѣе довольнаго своею судьбою человѣка, чѣмъ въ Ревелѣ и даже въ Полтѣ».

«Мой домохозяинъ Венингъ,—продолжаетъ Кюгельхенъ,—давно бросилъ торговыя дѣла и посвящаетъ всѣ свои досуги служенію Господу Богу. Императрица-мать очень его цѣнила, онъ былъ принятъ при дворѣ, и государыня часто съ нимъ совѣщалась о разныхъ предметахъ. Императрица поручила ему наблюденіе за Обуховскою больницею, тюрьмами и другими учрежденіями, находящимися въ ея вѣдѣніи».

«Такъ вотъ въ Обуховской больницѣ императрица обратила вниманіе на женщину, впавшую въ умопомѣшательство. Въ сраженіи подъ Бородинымъ пали ея сыновья, и, получивъ объ этомъ извѣстіе, она лишилась разсудка. Она постоянно сидитъ неподвижно и все читаетъ какое-то письмо. Императрица самолично нѣсколько разъ посѣщала несчастную, привезла ей покойное кресло, новое платье,—она прежде ходила полуголая,—не разъ присылала разныя кушанья и лакомства, ласково съ ней заговаривала и всячески старалась ее утѣшить. Венингъ, который при этомъ находился, чрезвычайно тронутъ этою чертою добросердечія царицы и желаетъ видѣть воспроизведеніе этой сцены въ рисункѣ. Онъ хотѣлъ бы поднести рисунокъ государю Николаю Павловичу въ память благотворительной дѣятельности его родительницы. Венингъ и просилъ меня поспѣшить изготовить этотъ рисунокъ чрезъ шесть недѣль послѣ похоронъ императрицы (Марія Θеодоровна незадолго предъ тѣмъ скончалась). Венингъ собирается поднести мой рисунокъ императору. Развѣ мнѣ не везетъ?»

«Познакомился я лично также съ Шамбо, секретаремъ императрицы,—онъ мнѣ сказалъ, что если бы мнѣ что нибудь понадобилось, то онъ всегда къ моимъ услугамъ... Чрезъ двѣ недѣли,—пишетъ Кюгельхенъ позднѣе,—Венингъ вручитъ императору мой рисунокъ, и къ этому же времени я хотѣлъ бы поднести одну изъ моихъ картинъ императрицѣ съ тѣмъ, чтобы обо мнѣ заговорили при дворѣ. Тогда, быть можетъ, я отважусь и на просьбу разрѣшить мнѣ выставку» (картинъ, которыя Кюгельхенъ привезъ съ собою въ Петербургъ).

Въ это же время княгиня Юсупова для своего портрета дала нѣсколько сеансовъ художнику. «Княгиня меня просила,—пишетъ онъ,—пріѣхать въ воскресенье пораньше, чтобы сдѣлать набросокъ рисунка съ ея ребенка. Я отвѣчалъ, что въ воскресенье бываю въ церкви, и «par conséquence» не могу быть у нея. Княгиня нашла это очень похвальнымъ. Нужно тебѣ пояснить, что у нея

самой на столѣ разставлено, по крайней мѣрѣ, десятка два изображеній Іисуса Христа, всѣ въ одномъ форматѣ. Въ такомъ случаѣ она просила меня въ воскресенье пріѣхать хоть послѣ обѣдни, такъ какъ у нея будетъ братъ,—онъ въ кадетскомъ корпусѣ и пріѣзжаетъ въ отпускъ только по праздникамъ. Княгиня желаетъ, чтобы я съ брата ея набросалъ эскизъ для портрета, который она хотѣла бы имѣть въ масляныхъ краскахъ. Ты подумай, какъ это удачно выходитъ, — если портретъ княгини мнѣ удастся, я, конечно, получу заказъ и на портретъ ея брата, да и вообще я разсчитываю имѣть очень много заказовъ».

Вслѣдъ затѣмъ молодого художника позвалъ къ себѣ Канкринъ. «Уже въ $9^1/_2$ часовъ утра,—пишетъ Кюгельхенъ,—стоялъ я въ залѣ со многими другими господами, которые имѣли разныя дѣла къ министру. Вскорѣ онъ вышелъ изъ кабинета съ своею табачною трубкою, оглядѣлся вокругъ и, какъ только увидѣлъ меня, поманилъ меня со словами: «Пожалуйте сюда». Я въ напряженномъ ожиданіи послѣдовалъ за нимъ въ кабинетъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ: «Я имѣю сдѣлать вамъ маленькое предложеніе, и, хотя не особенно выгодное, оно можетъ послужить къ тому, что привлечетъ на васъ вниманіе государя. Я назначилъ соисканіе на изготовленіе проекта медали въ память усопшей императрицы. Если вамъ удастся сдѣлать рисунокъ, который бы понравился императору, то вы, конечно, получите маленькій подарокъ, а главное сдѣлаетесь извѣстны государю». Я спросилъ министра, не дастъ ли онъ мнѣ мысль для рисунка.—«Ну, нѣтъ,—отвѣчалъ мнѣ Канкринъ,—мнѣ нѣтъ времени думать о пустякахъ, но если бы я могъ этимъ заняться, то, конечно, придумалъ бы что нибудь поумнѣе, чѣмъ представленные уже мнѣ наброски, — вотъ цѣлая ихъ куча». Мы стали вмѣстѣ пересматривать эскизы, и дѣйствительно они оказались такою дрянью (Schund), что, какъ бы мои рисунки ни были неудачны, во всякомъ случаѣ они окажутся лучше этихъ, ибо такъ скверно, какъ послѣдніе сдѣланы, я не сумѣю даже нарисовать. Поэтому я съ признательностью принялъ заказъ и съ такимъ ожесточеніемъ рисую медаль за медалью, что у меня въ головѣ шумитъ. Только бы мнѣ удалось угодить Канкрину».

«...Недавно,—сообщаетъ Кюгельхенъ,—государь два дня подъ рядъ посѣщалъ морской кадетскій корпусъ и всѣмъ остался отмѣнно доволенъ. Крузенштернъ чрезвычайно этимъ счастливъ. Коцебу подалъ было въ отставку, и когда онъ на-дняхъ стоялъ во дворѣ адмиралтейства, гдѣ строится его судно, на дворъ внезапно пожаловалъ и царь. Коцебу тотчасъ же сбросилъ шинель и сталъ во фронтъ. Государь подошелъ и говоритъ ему: «Ты боленъ, поѣзжай домой и вылѣчись хорошенько, а отставки я тебѣ ни въ какомъ случаѣ не дамъ. Да надѣнь сейчасъ же шинель, а то простудишься». Коцебу хотѣлъ что-то сказать, но государь

настоялъ на томъ, чтобы онъ надѣлъ шинель, а затѣмъ милостиво заговорилъ съ нимъ о постройкѣ судна».

«Вчера,—повѣствуетъ дальше о своихъ успѣхахъ Кюгельхенъ,—пригласила меня къ себѣ компаньонка княгини Потемкиной. Она такъ же, какъ и ея повелительница, желаетъ строить изъ себя мою покровительницу; вотъ она меня и спрашиваетъ, не соглашусь ли я сдѣлать акварель съ картины масляными красками,—если да, то это надо будетъ сдѣлать на мѣстѣ, такъ какъ картину изъ дома вывезти нельзя. При этомъ мнѣ было объяснено, что случай этотъ дастъ мнѣ возможность близко познакомиться съ княземъ А. Н. Голицынымъ. Я тотчасъ же согласился, и тутъ же было написано письмо, которое мнѣ откроетъ доступъ къ князю. Я отправлюсь туда, какъ только позволитъ время, въ которомъ я очень теперь обрѣзанъ, благодаря укоротившимся днямъ».

«Штоффрегенъ заказалъ мнѣ портреты свой собственный и жены, но погода стоитъ хмурая, и совсѣмъ работать нельзя. Хоть бы скорѣе выпалъ снѣгъ, и небо прояснилось!»

«Разсказываютъ, что какой-то каменщикъ просилъ разрѣшенія у государя на свой счетъ сдѣлать кладку для могилы императрицы-матери, которую онъ очень любилъ. Когда эта просьба была доложена государю, онъ расчувствовался и пожелалъ видѣть каменщика, котораго ему и представили. Когда онъ вышелъ отъ царя, его спросили, о чемъ съ нимъ разговаривалъ государь. «Не могу знать,—отвѣчалъ онъ:—какъ подошелъ ко мнѣ царь, я опалѣлъ и ничего понять не могъ. Знаю одно, что батюшка-царь трижды меня поцѣловалъ, вотъ этого я во весь вѣкъ свой не забуду».

«Вообще объ императрицѣ-матери разсказываютъ чудныя вещи. Дѣйствительно она, должно быть, была дивная женщина.

«Передъ самою смертью она просила государя позаботиться объ учрежденіяхъ ея вѣдомства и заступить ея мѣсто, что̀ государь и обѣщалъ исполнить. Онъ уже побывалъ въ Обуховскомъ госпиталѣ, подробно его осмотрѣлъ и приказалъ инспектору, въ случаѣ надобности въ исправленіяхъ, прямо обращаться къ нему, всѣ же остальные порядки оставить въ томъ видѣ, какъ ихъ завела его родительница. Императрица имѣла милліонъ рублей дохода и изъ него 900.000 р. ежегодно тратила на благотворительныя цѣли. По крайней мѣрѣ, всѣ здѣсь это утверждаютъ.

«Трауръ по императрицѣ-матери становится поперекъ моимъ планамъ,—жалуется Кюгельхенъ,—и мое пребываніе здѣсь оказывается довольно безцѣльнымъ. Соблюденіе траурнаго этикета настолько занимаетъ время у здѣшнихъ баръ, что они ни о чемъ другомъ думать не могутъ, и тѣмъ менѣе станутъ теперь входить въ интересы какого-то живописца... Но все-таки благоразуміе повелѣваетъ выжидать здѣсь время, хотя бы оно и уходило только

на то, чтобъ я все шире распространялъ кругъ знакомствъ и пріобрѣталъ въ обществѣ извѣстность.

«Въ прошлое воскресенье я съ Зенгбушемъ, Цвейдингеромъ и Коллинсомъ ѣздилъ въ Петергофъ. О, какъ широко раскрылось мое сердце на просторѣ Божьяго міра! Погода стояла чудная, мы впивали въ себя свѣжій воздухъ и скакали по полю словно телята. Я такъ взбодрился, что самъ себѣ казался силачемъ. Это былъ самый лучшій день, какой я провелъ со времени разлуки съ тобою—такъ благотворно подѣйствовала природа и на мое тѣло, и на мой духъ. Если бы я могъ доставлять себѣ такое же удовольствіе каждое воскресенье!—по крайней мѣрѣ, человѣкомъ себя чувствуешь! Даже самая плоская и голая равнина кажется красивою по сравненію съ моремъ петербургскихъ домовъ».

По приведеннымъ отрывкамъ изъ писемъ Кюгельхена можно заключить, что художникъ имѣлъ всѣ шансы преуспѣть въ своихъ искательствахъ.

Временами Кюгельхенъ и утверждался въ этой увѣренности, но временами онъ утрачивалъ всякую бодрость; особенно его обезкураживало то, что, несмотря на вліятельность его доброжелателей, случай представиться императору и императрицѣ отдалялся за разными досадными обстоятельствами, и мечта объ устройствѣ выставки изъ собственныхъ картинъ, тѣшившая самолюбіе художника, уплывала въ даль.

Недовольство петербургскимъ климатомъ и суетностью столичной жизни, въ связи съ частыми недомоганіями, переполнило чашу долготерпѣнія Кюгельхена: проживъ въ Петербургѣ четыре мѣсяца и неожиданно порвавъ всѣ столь удачно завязанныя связи, сулившія ему такой же прочный успѣхъ, какого въ 1798—1803 г.г. достигъ его отецъ въ Петербургѣ, малодушно онъ уѣхалъ къ женѣ въ Эстляндію [1]).

Приведенныя письма Кюгельхена несомнѣнно любопытны въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ легко давался въ Россіи успѣхъ нѣмцамъ, благодаря ихъ умѣнію завязывать связи и использовать доступныя имъ отношенія.

Проживъ нѣкоторое время въ Поллѣ и выполнивъ начатые уже въ Петербургѣ заказные портреты, Вильгельмъ вернулся въ Дрезденъ и прожилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, занимаясь искусствомъ, литературою и исканіемъ божественной благодати.

Въ общемъ, Вильгельмъ, счастливый въ семейной жизни, полнаго удовлетворенія никогда не испытывалъ—наслажденіе, почерпаемое въ художественномъ творчествѣ, ему было чуждо, такъ какъ онъ не имѣлъ твердой увѣренности въ силѣ своего таланта. Строгій къ себѣ, онъ постоянно разочаровывался «неудачами худо-

---

[1]) M. H. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen. Стр. 323—334 passim.

жественныхъ своихъ предпріятій», хотя на внѣшній успѣхъ и не могъ жаловаться, ибо въ Германіи его работы превозносились и ставились порою выше произведеній болѣе талантливыхъ художниковъ. Внутреннее недовольство у Кюгельхена объясняется тѣмъ, что чуткій къ настроеніямъ и увлекавшійся разносторонними интересами умъ постоянно являлся художнику помѣхою для творчества, ибо вѣдь только страстное неудержимое тяготѣніе къ искусству, исключающее всякія иныя проявленія внутренней жизни, ставитъ все существованіе истиннаго художника подъ обаяніе непреодолимой потребности творить [1]).

Недовольство собою натолкнуло Вильгельма фонъ-Кюгельхена на измѣненіе жизненной обстановки: еще его отецъ сблизился съ герцогомъ Ангальтъ-Бернбургскимъ настолько, что младшій его сынъ Гергардъ Кюгельхенъ все дѣтство и юность прожилъ въ герцогской семьѣ, въ качествѣ товарища наслѣднаго принца Александра-Карла [2]). По смерти отца, принцъ Александръ-Карлъ номинально вступилъ на престолъ, но фактически всю жизнь находился подъ вліяніемъ набожной своей супруги, герцогини Фредерики, принцессы Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургской, которая, когда супругъ ея окончательно впалъ въ слабоуміе, офиціально (въ 1855 г.) сдѣлалась правительницей герцогства. По приглашенію герцогини, Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ занялъ сначала въ Балленштедтѣ должность придворнаго живописца и въ этой синекурѣ главнымъ образомъ развлекалъ досуги больного герцога. Пользуясь свободнымъ временемъ, Кюгельхенъ нерѣдко предпринималъ поѣздки въ Бременъ и Мюнстеръ, гдѣ въ качествѣ художника «находилъ немало работъ и признанія своихъ талантовъ». Въ это же время по отношеніямъ къ Тимолеону Неффу, успѣвшему достигнуть виднаго положенія въ Россіи [3]), Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ привлеченъ

---

[1]) W. von Kügelchen, Jugenderinnerungen eines alten Mannes, въ изданіи Гессе, введеніе Ад. Штерна, стр. 9.

[2]) Гергардъ фонъ-Кюгельхенъ младшій, при поѣздкѣ матери въ Эстляндію въ 1822 г., отправился туда съ нею вмѣстѣ, поступилъ въ Дерптскій университетъ и по окончаніи тамъ образованія осѣлъ въ Эстляндіи, пріобрѣтя имѣніе и занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Позднѣе онъ женился на двоюродной своей сестрѣ, дочери Карла фонъ-Кюгельхена, и управлялъ въ Орренгофѣ образцовымъ имѣніемъ эстляндскаго рыцарства, гдѣ завелъ, между прочимъ, мериносовъ; завѣдывалъ онъ также и майоратомъ бароновъ Икскюлей. Const. von Kügelchen, Erinnerungen, стр. 93, 269.

[3]) Пройдя практическій искусъ подготовки подъ руководствомъ дяди Карла фонъ-Кюгельхена, Неффъ завершилъ художественное свое образованіе въ Дрезденской академіи художествъ подъ руководствомъ Гартмана и Ауе, вращаясь въ семьѣ Вильгельма фонъ-Кюгельхена. Послѣ освященнаго преданіями путешествія по Италіи Неффъ въ 1826 г. поселился въ Петербургѣ и здѣсь въ кругу знати своими портретами пріобрѣлъ извѣстность. Въ 1832 г. онъ получилъ званіе придворнаго живописца и академика, въ 1834 г. за образа, написанные для церкви Александрійскаго петергофскаго дворца, получилъ пожизненную пенсію;

былъ къ работамъ по украшенію Исакіевскаго собора фресками, а впослѣдствіи, по рекомендаціи того же Неффа, нарисовалъ запрестольную картину для собора св. Олафа въ Ревелѣ [1]).

Постепенно Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ отъ профессіональныхъ занятій живописью отстранился, и въ должности камергера очутился почти неразлучнымъ собесѣдникомъ и сожителемъ слабоумнаго герцога, даря свои досуги литературнымъ занятіямъ. Въ 1842 г. онъ выступилъ съ лекціями объ искусствѣ [2]).

Примѣчательный переворотъ, совершившійся въ умственной жизни Германіи въ началѣ XIX вѣка и приведшій иныхъ послѣдователей сенсуалистическаго раціонализма къ исканію божественной благодати чрезъ изученіе библіи, отразился и на Вильгельмѣ фонъ-Кюгельхенѣ—общеніе его матери съ лучшими представителями гернгутерства, въ родѣ графа Дона, пастора Госснера и другихъ, привило къ нему то, что онъ называетъ «das Kontagium einer ewigen Heilung»; поэтому въ Петербургѣ онъ сближается съ Зенгбушемъ, а въ Балленштедтъ его привлекала набожность герцогини Фредерики; онъ радуется общенію и свиданіямъ съ Зарембою, но червь сомнѣнія и тутъ гложетъ Вильгельма фонъ-Кюгельхена, а послѣ уродливостей симоніи и мормонства, въ какія впалъ авторитетный апостолъ генгутерства, пасторъ Штеффппъ [3]), прежнія вѣрованія у Вильгельма фонъ-Кюгельхена уступили мѣсто колебаніямъ, которыя и нашли себѣ выраженіе въ рѣдкой теперь его книгѣ: «Von den Widersprüchen in der heiligen Schrift für Zweifler (Berlin, 1850).

Смерть герцога Александра Карла возвратила независимость Кюгельхену; онъ купилъ въ Балленштедтѣ домъ съ обширнымъ садомъ и конецъ жизни провелъ въ мирной семейной обстановкѣ, посвятивъ полный свой досугъ писанію «Воспоминаній молодости стараго человѣка», интересныхъ по живому возсозданію типичныхъ особенностей быта и нравовъ начала XIX вѣка. Не меньшій интересъ, повидимому, представляетъ и та дѣятельная и долголѣтняя переписка, которую Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ велъ съ своимъ братомъ Гергардомъ, эстляндскимъ помѣщикомъ. Послѣдній, пови-

---

послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Римѣ въ 1837 г. совершилъ путешествіе по Россіи, а въ 1839 г. исполнилъ рядъ работъ для малой церкви Зимняго дворца. Послѣ третьей поѣздки въ Римъ, въ 1842 г., Неффъ былъ вызванъ обратно въ Петербургъ для исполненія образовъ и фресокъ для Исакіевскаго собора и въ 1849 г. за эти работы получилъ званіе профессора. Занявъ въ 1855 г. штатную должность профессора въ академіи художествъ, Неффъ въ 1864 г. былъ сдѣланъ старшимъ хранителемъ картинной галлереи Эрмитажа, т.-е. фактическимъ ея директоромъ. Умеръ Неффъ въ 1876 г.

[1]) P. von Kügelchen. Gerhard und Karl von Kügelchen, стр. 62.

[2]) Die Vorlesungen über Kunst. Bremen. Hesse's Verlag.

[3]) Const. von. Kügelchen. Erinnerungen, стр. 149—151.

димому, даже приготовилъ для напечатанія извлеченія изъ писемъ художника, обнимающія три тома, но изданіе ихъ не состоялось и посейчасъ.

Въ общемъ нельзя сказать, чтобы удѣлъ Вильгельма фонъ-Кюгельхена былъ счастливъ: трагическія впечатлѣнія, съ какими онъ вступилъ въ сознательную пору юношества, перенеся всѣ ужасы, сопровождавшіе убійство его отца, имѣли такой же финалъ и въ эпоху старости Вильгельма фонъ-Кюгельхена: одну дочь онъ потерялъ отъ чахотки, другая дочь сгорѣла, одѣваясь на балъ (на ней вспыхнуло платье), а сынъ его, капитанъ, палъ на полѣ битвы при Скалицѣ (28 іюня 1866 г.). Эти тягостныя испытанія объясняютъ тяжелый приговоръ, который себѣ произноситъ художникъ незадолго передъ смертью: «Сколько я себя помню, я всю жизнь имѣлъ только два желанія—сдѣлаться хорошимъ художникомъ и хорошимъ христіаниномъ, но ни того ни другого я не достигъ. Сдѣлался же тѣмъ, къ чему не стремился и чего не хотѣлъ: ничтожнымъ я сдѣлался, совершенно ничтожнымъ, раздавленнымъ червемъ, но который все же питаетъ надежду, по милости Божіей, хотя бы ползкомъ пробраться въ узкія врата вѣчности» [1]). Умеръ Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ 12 (24) мая 1867 г.

Другимъ представителемъ художественныхъ традицій во второмъ поколѣніи русскихъ Кюгельхеновъ явился пейзажистъ Константинъ Карловичъ фонъ-Кюгельхенъ, родившійся въ 1810 г. отъ брака Карла фонъ-Кюгельхена на баронессѣ Эмиліи Цеге-фонъ-Ментейффель. Получивъ общее образованіе частью дома, частью подъ руководствомъ пастора Гершельмана, Константинъ художественною своею подготовкою былъ почти всецѣло обязанъ своему отцу, Карлу фонъ-Кюгельхену.

Къ 1830 г. юноша, очень живой и веселый, достаточно уже понаторѣлъ въ живописи. «Я прилежно рисовалъ разныя картины масляными красками,—разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи, не предназначенной для обращенія въ публикѣ,—а въ видѣ опыта писалъ и клеевыми красками. Теперь я принялся рисовать большую картину съ натуры, изображающую видъ Ревеля; она должна была меня зарекомендовать въ Петербургѣ, куда отецъ хотѣлъ меня свезти въ слѣдующемъ году, находя, что наступило уже время мнѣ ѣхать въ Римъ; отецъ хотѣлъ попробовать, не удастся ли ему выхлопотать мнѣ стипендію на это путешествіе. Едва ли бы это удалось, не имѣй мы могущественнаго покровителя въ лицѣ министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкрина, который самъ былъ уроженецъ Прирейнскаго края и находился съ молодыхъ лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ. Петербургская академія художествъ тогда получила новый уставъ, и стипендіи на

---

[1]) Zum hunderjährigen Geburtstag des alten Mannes, стр. 9.

путешествія съ художественною цѣлью выдавались лишь чрезъ посредство академіи. А такъ какъ никогда я ученикомъ академіи не былъ, обучался только у отца, то, хотя отецъ самъ и былъ академикомъ, трудно было разсчитывать, чтобъ академія согласилась удостоить стипендіи юношу, ей посторонняго. Но съ вліятельными связями въ Петербургѣ чего не достигнешь! Отецъ привелъ въ исполненіе свои намѣренія наилучшимъ образомъ. Моя картина была принята въ академіи, гдѣ и теперь еще виситъ, а я получилъ званіе «академическаго художника» и былъ, такъ сказать, государственными властями признанъ за живописца. Самое же лучшее было то, что мнѣ назначили пособіе для совершенія путешествія, по 200 дукатовъ въ годъ, на четыре года. Въ Петербургѣ прожили мы два мѣсяца и нашли пристанище у стариннаго друга моего отца. Престарѣлый академикъ Парротъ, бывшій нѣкогда профессоромъ въ Дерптскомъ университетѣ, сдѣлался и мнѣ другомъ, несмотря на разницу лѣтъ. Нашъ радушный хозяинъ жилъ тогда со старухою-женою и двумя пріемными дочерьми въ казенномъ домѣ, занимая прекрасную помѣстительную квартиру, въ которой и для насъ, конечно, нашлось мѣстечко. Вообще такого гостепріимства, какъ въ Петербургѣ, тщетно было бы искать въ какомъ нибудь другомъ цивилизованномъ городѣ. Пока мой отецъ хлопоталъ о моемъ дальнѣйшемъ преуспѣяніи на житейскомъ поприщѣ, я только наслаждался, заводилъ знакомства, ѣздилъ представляться то туда, то сюда, игралъ съ пріемными дочерями Паррота и всячески развлекался. Особенное наслажденіе доставлялъ мнѣ императорскій Эрмитажъ, среди художественныхъ сокровищъ котораго я проводилъ много времени» [1].

Весною 1831 г. Константинъ Кюгельхенъ уѣхалъ за границу, и большая часть его воспоминаній посвящена описанію путешествія его по Германіи, Италіи и Швейцаріи. Книга написана безпритязательно, но, такъ какъ авторъ имѣлъ цѣлью сохранить въ памяти своей и своихъ дѣтей пережитое въ разное время, поэтому точности и послѣдовательности въ ней напрасно искать.

Хотя воспоминанія К. К. Кюгельхена заключаютъ немало интересныхъ данныхъ о жизни художниковъ въ Римѣ и объ общественномъ бытѣ того времени, мы на нихъ здѣсь останавливаться не станемъ и ограничимся лишь выборкою наиболѣе крупныхъ въ біографическомъ отношеніи фактовъ.

Проѣздомъ чрезъ Саксонію Константинъ тѣсно сблизился съ своимъ двоюроднымъ братомъ, художникомъ Вильгельмомъ фонъ-Кюгельхеномъ, и нѣкоторое время прожилъ съ нимъ въ Гермсдорфѣ; чрезъ того же Вильгельма познакомился Константинъ съ

---

[1]) Constantin von Kügelchen. Erinnerungen aus meinem Leben, als Manuscript gedruckt. Spb. 1881, in—8, стр. 93—94.

дочерью президента оберъ-апелляціоннаго суда въ Бауценѣ фонъ-Цецвичша, Салли, на которой и женился по возвращеніи изъ Рима. Изъѣздивъ обстоятельно сѣверную Италію и ознакомившись съ ея музеями и картинными галлереями, К. Кюгельхенъ основался въ Римѣ, но не разъ скорбѣлъ о томъ, что для достиженія всей поучительности римскихъ древностей знанія его слишкомъ недостаточны, и онъ не позаботился пополнить ихъ изученіемъ спеціальныхъ сочиненій предъ своею поѣздкою; зато интересныхъ знакомствъ, начиная съ художника Верне, писателя Андерсена и дипломата Бунзена и кончая духовидцемъ Гильденштуббе, Кюгельхенъ сдѣлалъ множество. Завѣтъ умершаго въ это время своего отца Константинъ постарался выполнить въ точности—Карлъ Кюгельхенъ незадолго предъ смертью въ 1831 г. писалъ Константину:

«Отпугиваетъ тебя отъ копированія (съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ), конечно, только робость и любовь къ удобствамъ. Работать дома, конечно, пріятнѣе, чѣмъ въ галлереѣ. Тамъ твоя работа у всякаго на виду и можетъ заслужить порицаніе, да и самому подчасъ непріятно убѣждаться, насколько начатое другимъ ему лучше удается, чѣмъ тебѣ. Но что ты упустишь теперь, ты уже не наверстаешь во всю жизнь. Я и теперь готовъ плакать кровавыми слезами, когда вспоминаю потраченную зря молодость, хотя я гораздо больше занимался копированіемъ, чѣмъ это дѣлается теперь. Если бы мои лѣта не служили мнѣ извиненіемъ въ стремленіи къ семейному покою и удобствамъ, я даже и теперь засѣлъ бы за копіи въ Эрмитажѣ бокъ о бокъ съ юными пачкунами. Я чувствую, что научаюсь новому, даже когда по какой нибудь собачьей литографіи стараюсь исправить начатую уже работу. Поэтому прими мой отеческій совѣтъ—пока учишься, не рисуй ты ни одной картины изъ головы» [1]).

Этому совѣту и внялъ Константинъ, занимаясь за границею по преимуществу копированіемъ и зачерчиваніемъ этюдовъ, особенно во время поѣздки въ Неаполь и по Сициліи.

Женившись въ 1835 г. на Салли фонъ-Цецвичшъ, Константинъ фонъ-Кюгельхенъ вернулся въ Россію и, пріѣхавъ съ женою въ Петербургъ, опять поселился у академика Паррота. Здѣсь онъ получилъ отъ графа Канкрина порученіе закончить большую картину, начатую по заказу министра Карломъ фонъ-Кюгельхеномъ. Перебравшись затѣмъ въ Фридгеймъ, Константинъ въ отцовской же студіи закончилъ начатую послѣднимъ для гр. Канкрина картину и нарисовалъ цѣлый циклъ небольшихъ пейзажей. Зимою 1835—1836 г. Кюгельхенъ опять отправился въ Петербургъ «пытать счастія». Большую картину онъ Канкрину продалъ, но ничего больше ему устроить не удалось; въ мартѣ 1836 г., уѣзжая въ Фридгеймъ, онъ

---

[1]) P. von. Kügelchen. Gerhard und Karl von Kügelchen, стр. 56, 57.

оставилъ у Паррота 2 швейцарскихъ пейзажа — они очень нравились Парроту, и старый ученый хотѣлъ попробовать, не сможетъ ли съ ихъ помощью что нибудь устроить для молодого своего друга.

«Весною,—разсказываетъ Кюгельхенъ,—я неожиданно получилъ письмо отъ князя Волконскаго (министра императорскаго двора), въ которомъ тотъ меня увѣдомлялъ, что академикъ Парротъ представилъ государю Николаю Павловичу два швейцарскихъ пейзажа, которые государь пожелалъ пріобрѣсти, и освѣдомляется объ ихъ цѣнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ его величеству благоугодно назначить мнѣ 3.000 р. на два года, съ тѣмъ, чтобы я отправился въ Мюнхенъ и усовершенствовалъ свой талантъ копированіемъ картинъ съ старинныхъ мастеровъ» [1]).

Ликвидировавъ хозяйство въ Фридгеймѣ и продавъ усадьбу своему дядѣ, Карлу фонъ-Мантейффелю, Константинъ Карл. Кюгельхенъ въ 1836 г. уѣхалъ въ Мюнхенъ, завезя предварительно жену къ тестю въ Бауценъ; въ Мюнхенѣ, хотя въ картинной галлереѣ и запрещено было заниматься копированіемъ картинъ, Кюгельхенъ, вопреки протестамъ директора галлереи Диллиса, получилъ даже особую мастерскую по настояніямъ русскаго посланника при Баварскомъ дворѣ. Занятія Кюгельхена пошли весьма успѣшно: въ 1837 г., когда государь Николай Павловичъ пріѣзжалъ въ Мюнхенъ ближе познакомиться съ принцемъ Лейхтенбергскимъ, котораго прочилъ въ мужья великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ, Кюгельхенъ съ нарисованными за это время картинами былъ посланникомъ представленъ государю, и тотъ изволилъ ихъ одобрить. Благодаря этому, по мнѣнію посланника, для Кюгельхена обезпечивалась вѣроятность продленія ему пособія для дальнѣйшаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, если бы онъ о томъ возбудилъ ходатайство [2]). Такъ Кюгельхенъ и собирался поступить, но судьба распорядилась иначе—жена художника умерла отъ родильной горячки, и, желая обезпечить призоръ малолѣтнимъ своимъ дѣтямъ у своей сестры Альвины въ Оттенкюлѣ, онъ вернулся въ Эстляндію.

«Зимою 1837—1838 г.г.,—пишетъ К. фонъ-Кюгельхенъ,—я поѣхалъ въ Петербургъ и встрѣтилъ истинно братскій пріемъ у Неффа, который тѣмъ временемъ далеко пошелъ и пользовался уже большимъ вѣсомъ при дворѣ. Онъ оказалъ мнѣ поддержку дружескими совѣтами, и мнѣ удалось, къ большому моему удовольствію, написанныя картины продать государю. Какъ я потомъ узналъ, картины мои были одобрены его величествомъ непосредственно. Императоръ Николай обладалъ незауряднымъ талантомъ въ живописи и съ любовью рисовалъ сцены изъ лагерной жизни и солдатскаго быта. Но его тяготило рисовать для такихъ сценъ ланд-

---

[1]) Const. von Kügelchen. Erinnerungen, стр. 239—241 passim.

[2]) Тамъ же, стр. 252, 253.

шафтную обстановку, и онъ охотно пользовался готовыми уже картинами для вписыванія на нихъ своихъ солдатиковъ. Вотъ какая судьба постигла плоды моихъ двухлѣтнихъ занятій въ Мюнхенѣ! Куда дѣвались мои картины съ царскими къ нимъ придѣлками, я и не дознавался. Я совершенно былъ удовлетворенъ достигнутымъ результатомъ и могъ спокойно уѣхать домой, не заботясь больше о плодахъ моего художественнаго творчества, такъ какъ вмѣстѣ съ копіями сбылъ и самостоятельно мною написанныя картины» [1]).

На этомъ въ сущности и закончилась художественная дѣятельность К. К. фонъ-Кюгельхена. Женившись вторымъ бракомъ на своей двоюродной сестрѣ, Эмиліи-Александрѣ Цёге-фонъ-Мантейффель (дочери барона Генриха, а слѣдовательно единокровной сестрѣ Неффа), Кюгельхенъ поступилъ было учителемъ рисованія въ Ревельскую гимназію и сталъ давать частные уроки рисованія, но заработокъ былъ грошевый, а времени отнималъ много, поэтому онъ предпочелъ сѣсть на хозяйство, купивъ небольшое имѣньице Немме. Чрезъ пять лѣтъ Кюгельхенъ, схоронивъ и вторую жену, женился на третьей—на внучкѣ аббатиссы Адеркасъ, баронессѣ Тони фонъ-Майделль. Когда подросли многочисленныя дѣти, рожденныя ото всѣхъ трехъ его браковъ, Кюгельхенъ переселился въ Дерптъ ради удобства воспитанія и обзавелся тамъ домомъ. Поощряемый примѣромъ стариннаго пріятеля отца и его самого, художника Гагена, увлекавшагося на старости лѣтъ модною въ 50-хъ годахъ новинкою—фотографіею, и Кюгельхенъ вздумалъ тряхнуть стариною и вернулся опять къ живописи.

«Взялся я за рисованіе съ большимъ прилежаніемъ и охотою,—пишетъ онъ,—но пауза, въ теченіе которой я запустилъ искусство, оказалась слишкомъ продолжительна, и ничего путнаго не выходило изъ моей теперешней работы, поэтому дальнѣйшія занятія живописью мнѣ удовлетворенія доставить не могли» [2]).

Окруженный многочисленною семьею дѣтей и внучатъ, Кюгельхенъ безмятежно дожилъ до 70 лѣтъ и умеръ въ 1880 г., какъ и его двоюродный братъ Вильгельмъ, переживъ предѣльной возрастъ жизни Кюгельхеновъ.

Намъ остается еще сказать о третьемъ поколѣніи Кюгельхеновъ. У дѣтей Вильгельма фонъ-Кюгельхена художественныхъ талантовъ не обнаружилось, и изъ оставшихся въ живыхъ сыновей Вильгельма Адольфъ сдѣлался пасторомъ, а Бенно—чиновникомъ. Зато среди нисходящихъ отъ Карла Кюгельхена художественные таланты, кромѣ Константина, сказались въ младшемъ его сынѣ Германѣ, инженерѣ, подъ конецъ жизни сдѣлавшемъ рисованіе своею профессіею, и въ сынѣ послѣдняго, д-рѣ медицины Эрихѣ Кюгельхенѣ, получившемъ

[5]) C. von Kügelchen. Erinnerungen, стр. 259, 260.
[6]) Тамъ же, стр. 278.

художественное образованіе въ Берлинской академіи художествъ. Далѣе сыновья дочери Карла фонъ-Кюгельхена, вышедшей замужъ за врача Краузе,—Тео, питомецъ Берлинской академіи художествъ, пріобрѣлъ извѣстность, въ качествѣ портретиста, подвизаясь на этомъ поприщѣ въ Эстляндіи и Лифляндіи, а Гергардъ Краузе, получившій художественное образованіе въ рисовальной школѣ бар. Штиглица, состоялъ учителемъ рисованія въ нѣмецкой Петро-павловской школѣ въ С.-Петербургѣ. Наконецъ изъ нисходящихъ Конст. Карл. фонъ-Кюгельхена у одного изъ его сыновей, Павла, творческій талантъ принялъ другое направленіе: по окончаніи гимназіи въ Дерптѣ въ 1853 г. онъ поступилъ въ Дерптскій университетъ, изучалъ тамъ богословіе и право и получилъ въ 1868 г. золотую медаль за представленное сочиненіе по уголовному праву, а въ 1870 г.,—степень кандидата правъ. По окончаніи университета Пав. Конст. фонъ-Кюгельхенъ нѣкоторое время принималъ участіе въ редактированіи «Revalsche Zeitung», затѣмъ поступилъ на службу въ правительствующій сенатъ, но вскорѣ обратился къ преподавательской дѣятельности (репетитора въ Александровскомъ лицеѣ, преподавателя нѣмецкаго языка въ Патріотическомъ институтѣ и наставника въ семьѣ князя Дондукова-Корсакова). Въ 1873 г. Пав. Конст. фонъ-Кюгельхенъ вступилъ въ редакцію «St.-Petersburger Zeitung», а въ 1877 г., сдѣлавшись полноправнымъ распорядителемъ судебъ этой газеты, подвизался на поприщѣ журналиста вплоть до самой смерти.

Младшая сестра Павл. Конст. фонъ-Кюгельхена отъ брака Конст. Карл. на баронессѣ фонъ-Майделль, г-жа Салли фонъ-Кюгельхенъ, окончательно поселившаяся въ началѣ 80-хъ годовъ въ Римѣ, проявила незаурядный талантъ въ живописи портретной и исторической—между прочимъ, ею нарисованы фрески для Ревельской «Karlskirche» и запрестольный образъ Іисуса Христа для лютеранской кирки въ Ташкентѣ [1]).

Этимъ, кажется, исчерпывается полностью перечень членовъ «семьи нѣмцевъ-художниковъ», судьбы которой разсмотрѣны въ настоящей статьѣ на основаніи доступнаго намъ матеріала.

В. Ш.

---

[1]) Eichhorn. Die Geschichte der «St.-Petersburger Zeitung», стр. 228—229. P. von Kügelchen. Gerhard und Karl von Kügelchen, стр. 63 — 64.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

По архивнымъ документамъ.

Гроботатцы [1]).

I.

ИМПЕРАТОРСКАЯ академія наукъ съ 1736 г. выпустила въ свѣтъ роспись книгамъ, находящимся для продажи въ книжной лавкѣ академіи [2]). Между разными изданіями, перечисленными въ росписи, встрѣчаются и слѣдующія:

«Слово при погребеніи благороднаго господина лейтенанта Александра-Адама фонъ-Вейде, говоренное отъ Эккарда Фрейгольда въ 1743 г. Цѣна 6 коп.»

«Слово при погребеніи благороднаго графа и господина Данила Бриссе, говоренное отъ Эккарда фонъ-Фрейгольда 19 апрѣля 1735 г. Цѣна 12 коп.»

Въ росписи показаны и еще «два подобныхъ же слова при погребеніи высокоблагородныхъ господъ: фонъ-Гинтера и фонъ Карла Бирона». Всѣ эти «Слова» очень наглядно говорятъ о значеніи въ Россіи того иностраннаго вліянія, которое было такъ сильно въ эпоху составленія росписи.

---

[1]) Московскій архивъ министерства юстиціи. Книга правительствующаго сената до раздѣленія на департаменты, № 1867, стр. 622—701. Собственныя и географическія имена, большинство разговоровъ, а равно и заголовокъ настоящаго очерка принадлежатъ подлиннику, содержаніе котораго и передается нами въ дословной обработкѣ. Указанія нѣкоторыхъ мѣстъ С.-Петербурга, встрѣчающихся въ очеркѣ, относятся къ тридцатымъ годамъ XVIII столѣтія, т.-е. къ однимъ изъ первыхъ его исторіи, и также взяты изъ слѣдственнаго дѣла.

[2]) Чтенія императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1896 г., кн. 3, стр. 36—41.

Нѣсколько позже, въ то же царствованіе, именно 14 августа 1738 г., наканунѣ праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, въ новой Итальянской («Люторской») киркѣ, находящейся на Литейной, въ Московской части, происходили пышныя похороны «высокоблагороднаго господина», лейбъ-гвардіи Коннаго полка подполковника фонъ-Траутфеттера. Тѣло подполковника лежало въ дорогомъ гробу, часто обитомъ серебрянымъ золотнымъ позументомъ. Оно было одѣто въ богатомъ новомъ парадномъ мундирѣ, состоящемъ, по словамъ документа, «въ кафтанѣ суконномъ васильковомъ, съ краснымъ стамеднымъ подбоемъ, обшитомъ напереди, по бокамъ, по швамъ и по фалдамъ позументомъ золотымъ, съ пуговицами обшивными золотными и съ петлями, обитыми золотнымъ же пергаментомъ, и въ суконномъ же красномъ камзолѣ, на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ кафтанѣ, обшитомъ золотымъ позументомъ, и съ такими же пуговицами и петлями».

Похоронами распоряжался пріѣхавшій изъ Лифляндіи зять умершаго, подполковникъ Криднеръ.

Въ киркѣ присутствовали родственники и знакомые умершаго, а также множество посторонней публики, пришедшей просто поглазѣть на богатыя похороны. Въ числѣ послѣднихъ находился и молодой копіистъ слѣдственной комиссіи о подлогахъ при городовой канцеляріи, Никита Медвѣдевъ, 20 лѣтъ, не пошедшій въ свою комиссію, а очутившійся на похоронахъ фонъ-Траутфеттера. Медвѣдевъ простоялъ весь обрядъ похоронъ, продолжалъ стоять даже и тогда, когда гробъ съ тѣломъ подполковника поставили въ особую каменную палатку недалеко отъ клироса и заперли висячимъ замкомъ.

— Какая тебѣ нужда здѣсь?—услышалъ надъ собою Медвѣдевъ голосъ понамаря кирки, Ягана-Христофора Шифеля.

Копіистъ ничего не отвѣтилъ и молча пошелъ вонъ изъ кирки. Отсюда онъ направился въ Адмиралтейскую часть и, пройдя зданіе доимочной комиссіи, вошелъ въ одинъ изъ домовъ подлѣ Синяго моста. Здѣсь жилъ товарищъ Никиты, тоже копіистъ комиссіи сочиненія о доимкахъ подушнаго сбора, Василій Соловьевъ, 14 лѣтъ. Никита своего товарища засталъ дома и разсказалъ ему о присутствіи своемъ на похоронахъ фонъ-Траутфеттера.

— Положенъ онъ въ богатомъ уборѣ,—прибавилъ своему товарищу Медвѣдевъ,—и мыслю я, что ночнымъ временемъ можно намъ тайнымъ обычаемъ то тѣло въ киркѣ ограбить.

— У кирки, небось, караулъ,—возразилъ Соловьевъ.

— Караула нѣтъ,—замѣтилъ Медвѣдевъ,—для того, что кирка еще пуста. Я ее оглядѣлъ со всѣхъ сторонъ: съ поля внизу кирки есть окончина, и ее поднять можно.

— Страшное то дѣло! — сказалъ Соловьевъ: — я съ тобой не пойду.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ похоронъ подполковника Траутфеттера къ молодому копiисту, Василiю Соловьеву, переѣхавшему жить изъ Адмиралтейской въ домъ отца своего, канцеляриста партикулярной верфи, Степана Соловьева, на Васильевскомъ острову, по зову копiиста пришелъ его товарищъ, переплетнаго дѣла ученикъ, Алексѣй Рыбкинъ, 13 лѣтъ. Прiятели «ходили париться въ торговую баню», послѣ которой Рыбкинъ остался ночевать у Соловьевыхъ. На другой день Василiй Соловьевъ и Алексѣй Рыбкинъ, послѣ обѣда, въ часу третьемъ пополудни пошли гулять. Пройдя на Адмиралтейскую часть, Соловьевъ и Рыбкинъ пришли за Мою-рѣку въ кабакъ, находящiйся въ новопостроенной слободѣ близъ новаго морского рынка. Здѣсь Соловьевъ увидѣлъ своего товарища, Никиту Медвѣдева, бывшаго 14 августа на похоронахъ Траутфеттера, «играющимъ въ биліаръ».

— Пожди малость,—сказалъ Соловьеву Медвѣдевъ,—а потомъ пойдемъ ко мнѣ на квартиру.

— Я не одинъ: со мною товарищъ Алексѣй Рыбкинъ,—указывая на послѣдняго, отвѣтилъ Соловьевъ.

— Возьмемъ и его съ собою, — вполголоса произнесъ Медвѣдевъ.

Черезъ полчаса оба копiиста и переплетный ученикъ находились въ комнатѣ Медвѣдева.

— Что я тебѣ говорилъ въ киркѣ тѣло ограбить, согласенъ ли ты мнѣ въ томъ помощь чинить? — спросилъ опять вполголоса Соловьева Медвѣдевъ, не стѣсняясь присутствiемъ 13-ти-лѣтняго Рыбкина.

— Нынѣ я готовъ, — отвѣтилъ Соловьевъ, — если только ты впредь провѣдаешь у кирки, что караула нѣтъ.

— Опасаюсь итти къ оной: тамъ меня можетъ понамарь встрѣтить, онъ меня примѣтилъ,—возразилъ Медвѣдевъ. — Если же ты провѣдаешь впредь у кирки, тогда я пойду.

На другой день 2 октября, передъ сумерками, Соловьевъ съ Рыбкинымъ вновь появились у дома Медвѣдева. Соловьевъ свистнулъ, и къ нимъ на улицу вышелъ Никита.

— Идешь ли ты съ нами, куда вчерашняго дня звалъ?—спросилъ Медвѣдева Соловьевъ.

— Ежели ты впредь не провѣдаешь, тогда нейду,—отвѣтилъ Никита.

— Оставайся тогда здѣсь!—сказалъ Соловьевъ.—Готовъ ли ты со мною, Алексѣй, итти?—обратился онъ къ Рыбкину.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, молодой копiистъ 14 лѣтъ въ сопровожденiи 13-ти-лѣтняго ученика переплетнаго дѣла отправился въ Московскую часть къ «Люторской киркѣ». Стало уже смеркаться, когда они подошли къ ней. Оба товарища обошли кирку кругомъ и, «осмотрѣвъ, какъ сказано въ документѣ, что ка-

раула у оной нѣтъ, остановились у нижней окончины, находящейся съ лица кирки отъ поля». Большимъ гвоздемъ Соловьевъ поднялъ окончину.

— Ежели никого не примѣтишь, спускайся ко мнѣ, — сказалъ онъ Рыбкину, влѣзая черезъ окончину въ кирку. Спустя нѣсколько минутъ, осмотрѣвшись кругомъ, къ нему же спустился и Алексѣй.

Въ киркѣ было совершенно темно. По указанію присутствовавшаго на похоронахъ Медвѣдева, Василій Соловьевъ «ощупалъ особливый чуланъ, запертый висячимъ замкомъ».

— Стань тамъ насторожѣ! — указывая на клиросъ, сказалъ Рыбкину копіистъ,—а если узришь опасность, бѣги ко мнѣ.

Съ этими словами онъ тѣмъ же гвоздемъ, которымъ поднялъ окончину, сбилъ замокъ и, положивъ его въ карманъ, вошелъ въ «чуланъ». «Вонючій запахъ» такъ и обдалъ копіиста. Со страхомъ онъ отшатнулся было назадъ, но потомъ поборолъ смущеніе и въ потемкахъ нащупалъ гробъ и на немъ набитый полосами позументъ. Съ силою сталъ онъ обдирать и рвать позументъ, помогая себѣ гвоздемъ. Когда позументъ былъ весь ободранъ, Соловьевъ попробовалъ было поднять гвоздемъ крышку гроба, но та не подавалась.

— Алексѣй!—прошепталъ Соловьевъ товарищу, — помоги поднять крышку.

Но и усилія ихъ обоихъ не привели ни къ чему: крышка не открывалась.

— Вылѣзай впередъ!—шепнулъ наконецъ копіистъ Рыбкину, идя къ окошку.

Черезъ полчаса Соловьевъ съ Рыбкинымъ были на квартирѣ Медвѣдева.

— Смотри, Никита!—сказалъ своему товарищу Соловьевъ, показывая позументъ, ободранный съ гроба. Медвѣдевъ съ удивленіемъ, вопросительно глядѣлъ на вернувшихся. Онъ сразу узналъ позументъ, такъ приковавшій его вниманіе на похоронахъ подполковника конной гвардіи.

Соловьевъ разсказалъ копіисту подробности своего съ Рыбкинымъ путешествія въ кирку.

— А крышки мы съ Алексѣемъ поднять не могли,—сказалъ въ заключеніе Василій,—и мундира на покойникѣ не видали.

— Тогда пойдемъ тотчасъ всѣ втроемъ вновь къ киркѣ,— сказалъ Медвѣдевъ.—Мы съ Василіемъ влѣземъ въ кирку, а ты, Алексѣй, останешься на улицѣ подлѣ на караулѣ.

Когда они подошли къ киркѣ, было уже совсѣмъ темно. Убѣдившись, что около кирки никого нѣтъ, Соловьевъ вновь гвоздемъ поднялъ окончину и спустился внизъ; потомъ, приподнявъ окончину, тихо свистнулъ: къ нему полѣзъ Медвѣдевъ.

— Держись за меня!—тихо шепнулъ Никитѣ Василій, подводя его къ «чулану», гдѣ находилось тѣло подполковника.

— Помогай мнѣ у того конца, а я буду гвоздемъ поднимать съ этого!—тихо сказалъ своему товарищу Медвѣдевъ, ощупывая гробъ.

Крышка заскрипѣла, гвозди, которыми она была приколочена ко гробу, начали выходить изъ своихъ мѣстъ, еще минута — и крышка осталась въ рукахъ копіистовъ.

— Охъ, страшно, страшно!—прошепталъ Медвѣдевъ.

Тяжелый смрадный запахъ понесся изъ гроба. Со дня погребенія прошло уже болѣе полутора мѣсяца.

— Очень запахло, подождемъ немного у двери, — сказалъ Соловьевъ Никитѣ, опуская крышку на полъ.

— Уйдемъ лучше, что-то мнѣ страшно! — прошепталъ Медвѣдевъ.

— Самъ говорилъ, что нарядъ у него парадный: снимемъ и тотчасъ же уйдемъ, — возразилъ спокойно Соловьевъ. — Теперь меньше стало вонять—пойдемъ!

— Положимъ его на край гроба и поднимемъ,—сказалъ Медвѣдевъ Соловьеву, входя вновь въ чуланъ.—Я буду его держать, а ты снимай платье.

Общими усиліями они подняли тѣло къ тому краю, гдѣ лежала голова. Никита сталъ держать его обѣими руками за поясъ.

— Ай!—закричалъ вдругъ Медвѣдевъ, опуская руки, когда голова покойника судорожно качнулась въ его сторону.

— Перестань бояться, Никита, онъ мертвъ и даже течь сталъ,— совершенно спокойно отвѣтилъ Медвѣдеву Соловьевъ.—Держи его; возьмемъ теперь только платье, а позументъ съ него сдеремъ на улицѣ.

Ощупью съ большими усиліями Соловьевъ снялъ съ тѣла кафтанъ, а затѣмъ камзолъ.

— Штаны не трогай—ноги точно пристыли,—сказалъ Медвѣдевъ, опуская руки изъ-подъ спины покойника.

— Тамъ позумента нѣтъ — на что они? Давай, положимъ его, опять на мѣсто!—обратился Соловьевъ къ Медвѣдеву.

— Сказываешь, что изъ него течь появилась, такъ оставимъ его, какъ есть; днемъ безъ насъ положатъ, а дверь затворяй,—сказалъ Медвѣдевъ, идя съ своимъ товарищемъ къ окончинѣ.

Такъ какъ передъ киркою разстилалось поле, то молодые копіисты и ученикъ переплетнаго дѣла, отойдя нѣсколько саженъ отъ кирки, сѣли на землѣ и стали всѣ втроемъ обдирать съ кафтана и камзола позументъ, который тутъ же клали въ платокъ.

— Все?—спросилъ наконецъ Медвѣдевъ товарищей.

— Кажется, все,—отвѣтилъ Рыбкинъ, «тайно укрывая 5 штукъ позумента и кладя ихъ въ штанный карманъ».

— Хоронить платье нечего, все равно завтра покойника увидятъ,—замѣтилъ Соловьевъ:- бросимъ его здѣсь на полѣ.

Изъ кирки они всѣ втроемъ отправились на Васильевскій островъ и здѣсь недалеко отъ квартиры Соловьева зашли къ маркитанту, купили хлѣба и здѣсь же стали его ѣсть. Такъ какъ у маркитанта «для обогрѣванія» топилась печь, то Никита незамѣтнымъ образомъ бросилъ въ огонь нѣсколько кусочковъ позумента, который быстро загорѣлся; получившійся отъ того слитокъ «также незамѣтно отъ маркитанта» Медвѣдевъ вынулъ и положилъ себѣ въ карманъ.

— Теперь уже поздно,—сказалъ Никита Соловьеву,—а завтра послѣ обѣда сойдемся вновь у маркитанта и сбудемъ позументъ.

Медвѣдевъ пошелъ домой, а къ Соловьеву направился ночевать Рыбкинъ.

II.

На слѣдующій день всѣ три «товарища» вновь сошлись у маркитанта на Васильевскомъ островѣ часу во второмъ пополудни. Здѣсь они «пили пиво и медъ», и здѣсь же они «продали невѣдомо какого чина человѣку 4 аршина позумента за одинъ рубль, изъ котораго Рыбкину дали 15 копеекъ». Здѣсь же на Васильевскомъ островѣ было расположено зданіе военной коллегіи; къ ней, по полученіи 1 рубля, и прошли Медвѣдевъ, Соловьевъ и Рыбкинъ, остановились и стали поджидать. Послѣ «выхода судейскаго» на крыльцѣ коллегіи появился сторожъ мундирной экспедиціи, Григорій Петровъ, знакомый Соловьева.

— Я посланъ отцомъ къ тебѣ, Григорій Петровичъ, продать позументъ для выжиги,—сказалъ, обращаясь къ сторожу, Соловьевъ.

— Почто не самъ онъ пришелъ?—спросилъ сторожъ.

— Сидитъ за счетами въ партикулярной верфи, а деньги нужно отдать вотъ имъ за работы,—указывая на Медвѣдева и Рыбкина, отвѣтилъ Соловьевъ.

— Намъ безъ порукъ покупать не велѣно, чтобы не взять краденаго, — недовѣрчиво поглядывая на «товарищей», сказалъ Григорій.

— Передъ Богомъ клянусь, — заговорилъ копіистъ,—что позументъ не краденый, а собственный отцовскій. «По знакомству проси его продать»,—сказалъ онъ, посылая меня къ тебѣ.

— Своихъ денегъ у меня нѣтъ,—произнесъ сторожъ, смягченный клятвою Соловьева, — пойдемъ къ Бородкину: онъ свѣшаетъ и, можетъ быть, за меня заплатитъ деньги.

— Ступай, Алексѣй, къ маркитанту и жди насъ съ Никитой: если получимъ деньги, принесемъ часть и тебѣ, — шепнулъ Рыбкину Соловьевъ.

Копіисты и сторожъ прошли Синій мостъ и вошли въ одну изъ лавокъ въ новомъ морскомъ рынкѣ, въ которой торговалъ кашинецъ, посадскій человѣкъ, Андрей Бородкинъ.

— Степанъ Соловьевъ прислалъ своего сына продать вотъ этотъ позументъ: свѣшай, что въ немъ будетъ,—обратился къ капинцу сторожъ.

— Полтора фунта и 3 золотника,—отвѣтилъ тотъ, снимая съ вѣсовъ позументъ и щупая его руками.

— По какой же цѣнѣ Степанъ приказалъ тебѣ продать позументъ?—спросилъ Петровъ.

— Того мнѣ не объявлялъ, а велѣлъ отдать тебѣ по той цѣнѣ, что въ прошлый разъ онъ тебѣ съ верфи торговалъ.

— Тогда было по 9, а нынѣ болѣе 8 копеекъ за золотникъ дать не могу,—обратился Григорій Петровъ къ Соловьеву.

— Давай по 8 копеекъ,—отвѣтилъ Соловьевъ.

— Своихъ денегъ у меня нѣтъ, — обратился къ капинцу сторожъ:— заплати, Андрей, а потомъ съ тобою счетъ сведемъ.

— Пожди малость,—отвѣтилъ Бородкинъ,—сбѣгаю въ Серебряный рядъ къ Ивану Филатову, спрошу, купитъ ли онъ выжигу.

— Позументъ Иванъ возьметъ,—сказалъ сторожу, возвращаясь, Бородкинъ:—«упреди только Григорія,—говорилъ онъ,—надеженъ ли человѣкъ, что беретъ безъ порукъ».

— Клянется Богомъ,—произнесъ Григорій, указывая на Соловьева,—что позументъ продаетъ за чисто, за собственный отцовскій.

— Вотъ 11 рублей 75 копеекъ,—сказалъ Бородкинъ, передавая копіисту деньги,—и скажи Степану, что болѣе 8 копеекъ за золотникъ мы съ Григорьемъ дать не могли.

— Продали позументъ сторожу за 1 рубль 40 копеекъ,—сказалъ, приходя къ маркитанту, Соловьевъ и далъ дожидавшемуся тамъ Рыбкину еще 15 копеекъ.

— Пойдемъ до темноты, погуляемъ,—проговорилъ ему переплетнаго дѣла ученикъ, вставая со скамьи.

— Василій тебѣ сказывалъ, что позументъ за 1 рубль 40 копеекъ продали,—обратился къ Рыбкину идущій Никита Медвѣдевъ, встрѣтивъ двухъ товарищей по выходѣ отъ маркитанта. — Вотъ тебѣ отъ меня 10 копеекъ,—продолжалъ онъ, кладя въ руку Алексѣя деньги.

— Имѣемъ намѣреніе,—сказалъ Соловьевъ Медвѣдеву,—пойти въ кабакъ за Моею-рѣкою: идешь ли съ нами?

— Туда, гдѣ «биліаръ»!—воскликнулъ Медвѣдевъ:—да я за тѣмъ и шелъ къ вамъ.

Поздно ночью вернулись товарищи изъ «кабака» и разошлись по домамъ.

4 октября утромъ «квартермейстеръ» Кириллъ Рыбкинъ, отецъ 13-ти-лѣтняго Алексѣя, замѣтилъ, что сынъ его, сбираясь итти изъ дома для обученія переплета книгъ, часто вынимаетъ изъ кармана какой-то поясокъ.

— Что это у тебя?—спросилъ онъ сына.

— Позументъ,—смущенно отвѣтилъ Алексѣй Рыбкинъ.

— Гдѣ взялъ?—строго спросилъ отецъ.

— Нашелъ возлѣ дровъ, что лежатъ у сломанной мельницы у насъ на Васильевскомъ острову,—дрожа отвѣтилъ мальчикъ.

— Надо объявить въ полицію!—сказалъ Алексѣю отецъ Рыбкинъ.—А потомъ пойдешь въ ученіе. Пойдемъ!

Однако въ полицеймейстерской канцеляріи, куда съ позументомъ привелъ Рыбкинъ сына, послѣдняго не отпустили, а оставили за карауломъ, объявивъ отцу, что сынъ будетъ къ нему доставленъ послѣ допроса.

Въ то время, когда «товарищи» сбывали позументъ, кража ихъ была уже обнаружена.

На другой день послѣ ихъ влѣзанія въ кирку, 3 октября, въ полдень, въ объѣзжей Литейной и Московской частей десятскій Семенъ Цѣпляковъ объявилъ кафтанъ васильковый и камзолъ суконный кармазинный, изрѣзанные и оборванные, съ остатками позумента не болѣе полъ-аршина. Десятскій объяснилъ, что это платье «онъ усмотрѣлъ на пустомъ мѣстѣ межъ Италіанской кирки и бассеина».

Вызванный въ полицеймейстерскую канцелярію понамарь кирки Шифель объяснилъ, что платье, принесенное съ поля въ полицію, снято ворами съ умершаго подполковника фонъ-Траутфеттера, положеннаго въ киркѣ въ каменномъ придѣлѣ, такъ какъ у кирки поблизости не имѣется даже рогаточнаго караула. По осмотру полиціей кирки, оказалось, что тѣло изъ гроба поднято и положено на край гроба, платья на немъ и позумента нѣтъ.

Когда въ полицеймейстерской канцеляріи сличили остатки позумента на представленномъ въ полицію платьѣ съ позументомъ, имѣвшимся при малолѣтнемъ Рыбкинѣ, то оба они оказались одинаковыми.

— Откуда у тебя позументъ? — спросилъ судья Алексѣя Рыбкина.

— Сего числа бывши на Санктъ-Петербургскомъ острову портовой таможни у досмотрщика Сергѣя Соболева, гдѣ обучаюсь переплету книгъ, возвращался я домой черезъ Васильскій островъ,— бойко началъ отвѣчать мальчикъ, — и здѣсь противъ губернской канцеляріи и близъ сломанной мельницы у коллегій, возлѣ дровъ нашелъ позументъ, лежитъ на землѣ, свернутъ клубкомъ. Пришедъ къ отцу въ казенную казарму, тотчасъ объявилъ ему, а имъ вмѣстѣ съ позументомъ приведенъ въ полицеймейстерскую канцелярію.

— А это платье ты знаешь? — спросилъ судья, показывая Рыбкину кафтанъ и камзолъ умершаго подполковника.

Мальчикъ затрясся, испуганно глядя на судью.

— Смотри, что твой позументъ, что на платьѣ одинаковы, а платье украдено изъ гроба умершаго Траутфеттера. Признавайся!— грозно крикнулъ на Соловьева судья:—не то въ застѣнкѣ будешь пытанъ кошками.

— Онаго позумента я дѣйствительно на острову не нахаживалъ!—со слезами на глазахъ отвѣчалъ мальчикъ и затѣмъ разсказалъ всѣ подробности кражи.

Вслѣдствіе признанія Алексѣя Рыбкина въ полицеймейстерскую канцелярію были взяты Никита Медвѣдевъ и Василій Соловьевъ, которые въ обдираніи позумента съ гроба Траутфеттера и съ платья его винились, подтвердивъ разсказъ Рыбкина. Медвѣдевъ же и Соловьевъ въ разспросахъ показали, что позументъ они продали сторожу Григорью Петрову, знавшему, что онъ завѣдомо краденый, тогда какъ лавочники Андрей Бородкинъ и Иванъ Филатовъ, по ихъ словамъ, про то не знали.

Оговоренные копіистами сторожъ Петровъ и торговцы Бородкинъ и Филатовъ также были вытребованы въ полицеймейстерскую канцелярію, но всѣ трое виновными въ томъ, что покупали завѣдомо краденое, себя не признали, объяснивъ, что пріобрѣтали позументъ за чисто, какъ собственный отца Василья Соловьева,—Степановъ.

15 октября 1738 г. всѣ шестеро изъ полицеймейстерской канцеляріи для слѣдствія были отосланы въ С.-Петербургскую губернскую канцелярію.

III.

Такъ какъ послѣ осмотра тѣла умершаго подполковника Траутфеттера, кромѣ похищеннаго позумента, не явилось еще въ рукавахъ запонокъ алмазныхъ, золотого эфеса шпаги да голландскаго полотна, выдраннаго изъ-подъ крышки гроба, то для открытія истины Медвѣдевъ и Соловьевъ были пытаны дважды, а Алексѣй Рыбкинъ за малолѣтствомъ въ застѣнкѣ дважды же битъ кошками, но они всѣ трое въ похищеніи запонокъ, эфеса и полотна изъ-подъ крышки не признались. Черезъ недѣлю копіисты были пытаны третично и огнемъ жжены, а Алексѣй Рыбкинъ спрашиванъ подъ кошками, однако и на этотъ разъ, вытерпѣвъ ужасныя мученія, они утверждались на прежнихъ рѣчахъ, что, кромѣ позумента, ничего другого не имывали и полотна изъ-подъ крышки не выдирали.

Такъ въ дѣлѣ и осталось не выясненнымъ, кѣмъ же были похищены запонки, эфесъ и полотно. Лазилъ ли за ними въ кирку тайкомъ отъ другихъ кто либо одинъ изъ «товарищей» и не сознался въ томъ даже съ трехъ страшныхъ пытокъ, или же то было дѣломъ новаго вора, быстро сумѣвшаго пойти по слѣду, оставленному предшественниками, документъ ничего не говоритъ.

На «очныхъ ставкахъ» копiистовъ съ сторожемъ и обоими торговцами, Медвѣдевъ и Соловьевъ продолжали утверждать, что Петровъ покупалъ позументъ за завѣдомо краденый, а что Бородкинъ и Филатовъ того не знали.

— Я покупалъ позументъ за чисто, а не за краденое,—горячо возражалъ сторожъ Петровъ,—шлюсь въ томъ на Андрея Бородкина и Ивáна Филатова. Вина же моя въ томъ состоитъ,—продолжалъ Петровъ,—что простотою взялъ его безъ порукъ.

Бородкинъ и Филатовъ поддерживали сторону Петрова и говорили, что, по ихъ мнѣнію, сторожъ покупалъ за чисто, а не за краденое.

Медвѣдевъ же и Соловьевъ настаивали на покупкѣ Петровымъ позумента, какъ завѣдомо краденаго. Сторожъ, уже пожилой человѣкъ, кипятился и выходилъ изъ себя, стараясь доказать свою невинность, а молодымъ копiистамъ видимо нравилось потѣшаться надъ задоромъ сторожа, и они показывали на него противное. На послѣдней «очной ставкѣ» Петровъ съ сжатыми кулаками чуть не бросился на Медвѣдева съ Соловьевымъ, когда они вновь подтвердили на него свой доносъ. Въ душѣ стараго служаки происходила видимо тяжелая внутренняя борьба.

— Не дамъ я имъ надъ собою посмѣяться!—съ какимъ-то отчаяніемъ, даже не смотря ни на кого, сказалъ онъ на «очной ставкѣ», выходя изъ «судейской комнаты».

Во время слѣдствія Петровъ сидѣлъ въ острогѣ губернской канцеляріи. Содержавшіеся вмѣстѣ съ нимъ колодники стали замѣчать крайне угнетенное и безпокойное состояніе его духа. 29 октября къ вечеру Петровъ нашелъ въ своей казармѣ подъ рогожей на лавкѣ довольно большой и острый ножикъ.

— Чей ножъ?—спросилъ онъ у сидѣльцевъ.

Тѣ отвѣтили, что не знаютъ.

— Тогда я спрячу у себя его тайно,—сказалъ Петровъ:—нахожусь нынѣ въ страхѣ и мыслю себя этимъ ножомъ зарѣзать.

Колодники переглянулись между собою, нѣкоторые улыбнулись. Однако многіе изъ нихъ, просыпаясь ночью, видѣли, что Петровъ на нары не ложился, а сидѣлъ на скамьѣ, понуривъ голову.

Утромъ 30 октября, во время смѣны караульныхъ, вошедшій въ острогъ поручикъ Савельевъ не замѣтилъ, какъ въ отворенную дверь казармы юркнулъ сторожъ Григорій Петровъ. Поручикъ обнаружилъ его исчезновеніе только тогда, когда сторожъ выбѣжалъ уже изъ острога. Савельевъ съ двумя солдатами бросился за нимъ. Петровъ бѣжалъ очень неровно, шатаясь изъ стороны въ сторону, отчаянно махая въ то же время ножомъ, а когда караульные стали его настигать, онъ остановился и изъ всей силы вонзилъ себѣ ножъ въ животъ, потомъ закачался и упалъ на землю. Подбѣжавшіе поручикъ съ двумя солдатами застали Пет-

рова лежавшимъ въ лужи крови: «кишки изъ его живота, по ихъ словамъ, были выпавши». Сторожъ былъ блѣденъ, порывисто дышалъ, а когда караульные понесли его въ казарму, онъ лишился чувствъ.

Къ Петрову изъ губернской канцеляріи былъ присланъ канцеляристъ Матвѣй Матчинъ. Придя въ себя, сторожъ ему и поручику Савельеву тихимъ голосомъ сказалъ:

— Я позументъ у Василья Соловьева и Никиты Медвѣдева купилъ подлинно за чисто, а не за краденое, и нынѣ, помня себѣ смертный часъ,—продолжалъ онъ, поднимая глаза вверхъ,—показываю вамъ сущую правду, а ежели меня не станетъ, скажите о томъ господамъ судьямъ.

Вскорѣ Петровъ вновь впалъ въ безпамятство, а черезъ полчаса умеръ.

Страшная смерть сторожа сильно подвинула рѣшеніе губернской канцеляріи, но когда она приступила къ рѣшенію, то увидѣла, что къ настоящему дѣлу изъ законовъ приложимъ только слѣдующій указъ 177 (1669) г.

«Церковныхъ татей, который войдетъ въ алтарь въ день или въ ночь и что возьметъ отъ святыхъ сосудъ или потиръ, или иныя какія вещи, и тѣмъ татемъ учинить казнь — отсѣчь лѣвую руку да правую ногу, а за двѣ церковныя татьбы такимъ татемъ учинить по уложенію —казнить смертію».

Губернская канцелярія, имѣя въ виду, что этотъ указъ и другіе пункты гласятъ не о гроботатцахъ, а что съ таковыми чинить, то́го въ «уложеньѣ» не напечатано и кромѣ точныхъ указовъ не имѣется, просила изъ Санктъ-Петербургскаго духовнаго правленія извѣстія, что̀ съ гроботатцами чинить по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, по грацкимъ законамъ и по Кормчей книгѣ.

Духовное правленіе сообщило слѣдующую «справку»:

66 правило о эпитиміяхъ кающимся Василія Великаго: «Гробный тать 10 лѣтъ запрещенія да пріиметъ: 2 лѣта да плачется, 3—да послушаетъ божественныхъ писаній, 4—да припадаетъ и едино лѣто да стоитъ съ вѣрными безъ общенія, и потомъ да причастится божественныхъ таинъ».

Святого Григорія Ниского 200 правило: «Гробы же воскоповающіе, аще убо съ оружіемъ бываху, мечомъ главы ихъ да отсѣкутъ, аще же безъ оружія—на копаніе златыя руды бываютъ; аще же тѣлеса мертвыхъ или кости подвизающе или превращающе, убозіи суще конечно мучимы будутъ, аще же честни и богатіи расхитится, въ заточеніе пошлются; инако же о гробѣхъ согрѣшающе, въ заточеніе посылаеми суть или на копаніе златыя руды».

С.-Петербургская губернская канцелярія, учиня подробную выписку изъ дѣла и еще разъ оговорившись, что точныхъ законовъ

о гроботатцахъ не имѣется, 3 ноября 1738 г. донесла сенату, что, по мнѣнію ея, Медвѣдевъ и Соловьевъ «за ихъ тяжкое и злое воровство, что они, не страшась будущаго суда Божія и за то вѣчнаго себѣ мученія, гроботатство и обруганіе мертвому тѣлу чинили, за ихъ вины подлежатъ жесточайшей смертной казни, а малолѣтному товарищу ихъ Рыбкину, который уже находится въ цѣломъ разумѣ, за общее съ ними воровство надлежитъ съ вырѣзаніемъ ноздрей быть въ вѣчной каторжной работѣ».

Сенатъ, слушавъ донесеніе канцеляріи, 20 декабря 1738 г. приказалъ: «Соловьева и Медвѣдева за ихъ воровство, по резонамъ губернской канцеляріи, казнить смертію—отсѣчь головы близъ вышеозначенной люторской кирки, гдѣ они грабежъ чинили, а Алексѣя Рыбкина, бивъ на томъ же мѣстѣ кошками, сослать на казенные сибирскіе заводы вѣчно и обучать его тамъ разнымъ мастерствамъ, и ежели къ наукамъ онъ будетъ способенъ и покажетъ свою заслугу и доброе житіе, то его производить, къ чему онъ будетъ достоинъ. Торговцевъ же Андрея Бородкина и Ивана Филатова отдать на добрыя и знатныя расписки».

На «сообщеніи» сената по этому дѣлу въ кабинетъ императрицы написано:

«По сему сообщенію изъ помянутыхъ воровъ копіистовъ Соловьева и Медвѣдева казнить смертію, а Рыбкина для малолѣтства, учиня наказаніе кошками, сослать на сибирскіе казенные заводы вѣчно. А понеже о такихъ ворахъ гробокопателяхъ,—что имъ за такое воровство чинить надлежитъ, въ уложеньѣ и въ указахъ не упомянуто, того ради сочинивъ указъ, публиковать, что ежели кто впредь въ такомъ воровствѣ явится, такихъ казнить смертію, и сей пунктъ внесть въ уложенье. У подлиннаго подписано ея императорскаго величества собственною рукою тако: «Анна». Февраля 8 дня 1739 года» [1]).

«Подъ тѣмъ же подписали господа кабинетъ-министры: Андрей Остерманъ, кн. Алексѣй Черкаской, Артемій Волынскій».

Во исполненіе этого именного указа послѣдовалъ слѣдующій печатный указъ, разосланный по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ имперіи и позже появившійся въ «Полномъ собраніи законовъ»:

«Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и пр., и пр. Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Понеже предъ симъ въ Санктпетербургѣ явились такіе злодѣи, что, не боясь будущаго страшнаго суда Божія и здѣшнія казни, положенное въ киркѣ мертвое нѣкотораго знатнаго иностраннаго человѣка тѣло, поднявъ изъ гроба, воровски богатое съ него платье ограбили. Которые, за такое ихъ надъ мертвымъ тѣломъ умышленное ругательство и грабежъ, по изобличенію и по

---

[1]) Этого перваго указа въ «Полномъ собраніи законовъ» не напечатано.

повинкамъ ихъ въ розыскахъ, кажнены смертію. А понеже въ уложеньѣ и въ указахъ предковъ нашихъ о такихъ злодѣяхъ, что имъ за то воровство чинить надлежитъ, не упомянуто, и вышеписанное злодѣйское ругательное мертвому тѣлу грабительство паче чаянія послѣдовало, чего еще до сего времени мало слыхано,— того ради указали мы во всемъ нашемъ государствѣ симъ нашимъ указомъ публиковать, что ежели впредь кто въ такомъ злоумышленномъ воровствѣ явится, таковыхъ, какъ и вышеупомянутыхъ злодѣевъ, повелѣваемъ казнить смертію безъ всякаго милосердія. И для того сей нашъ указъ внесть въ уложенье. Подлинный за подписаніемъ ея императорскаго величества собственныя руки. Февраля 8 дня 1739 г.» [1]).

Такимъ образомъ настоящее дѣло, кромѣ бытовой стороны, представляетъ еще тотъ интересъ, что послужило первоисточникомъ для составленія общаго закона о «гроботатцахъ».

Послѣдній же указъ отъ 8 февраля 1739 г., говоря въ общихъ чертахъ о виновникахъ, повлекшихъ его составленіе, въ прошедшемъ уже времени, тѣмъ самымъ указываетъ послѣднюю участь Медвѣдева и Соловьева: они были казнены безповоротно.

И. С. Бѣляевъ.

---

[1]) Этотъ второй указъ напечатанъ въ «Полномъ собраніи законовъ» подъ № 7750.

ГОРОДЪ САНДОМИРЪ[1].

Его прошлое и настоящее.

САНДОМИРЪ, нынѣ незначительный уѣздный городокъ Радомской губерніи, представляетъ большой интересъ для любителей старины, какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Польши. Объ немъ упоминается уже въ старинныхъ грамотахъ XI и XII вѣковъ на ряду съ Краковомъ, Гнѣзномъ и Люблиномъ, какъ о civitas principalis, т.-е. главномъ городѣ довольно обширнаго района. Древнѣйшее чисто-славянское названіе города Sudomir [Сѹдѡміръ] постепенно превратилось въ Sondomir, потомъ — въ Sęndomir и наконецъ — въ Sandomierz.

Сандомиръ, окруженный садами, красиво раскинулся на лѣвомъ нагорномъ берегу Вислы, откуда открывается чудный видъ на равнину Галиціи, разстилающуюся до предгорій Карпатъ. За Вислой отчетливо видна австрійская граница «Надбржезе» и подходящіе къ ней желѣзнодорожные поѣзда. На этомъ мѣстѣ городъ стоитъ сравнительно недавно, съ конца XIII вѣка. Въ болѣе отдаленныя времена главная масса городскихъ построекъ находилась къ западу отъ нынѣшняго города, за оврагомъ, тамъ, гдѣ теперь одиноко стоятъ древнѣйшіе сандомирскіе костелы св. Якова и св. Павла; вокругъ нихъ, при обработкѣ полей, на обширномъ пространствѣ находили во множествѣ

[1]) При составленіи настоящаго очерка, мы, кромѣ личнаго осмотра города, пользовались соч. ксендза Куклинскаго «Monografia miasta Sandomierza» и статьей «Sandomierz», помѣщенной въ №№ 35 и 36 «Tygodnika Illustrowanego» за 1899 г.

остатки старыхъ фундаментовъ, кирпичные своды, обвалившіеся подземные ходы, а также кости людей и животныхъ. Спеціальныя же раскопки, произведенныя къ сѣверо-востоку отъ города, въ такъ называемыхъ Перцовыхъ горахъ, показали, что людскія поселенія существовали здѣсь еще во времена язычества: въ мелко-зернистомъ каменномъ грунтѣ этихъ горъ, отъ котораго онѣ и получили свое названіе, было найдено множество глиняныхъ урнъ съ остатками обугленныхъ человѣческихъ костей. Часть ихъ хранится до-

Городъ Сандомиръ.

нынѣ въ городской ратушѣ, а также у мѣстнаго любителя старины — содержателя «Польской» гостиницы.

Въ 1139 г., при раздѣлѣ Польши между сыновьями короля Болеслава Кривоустаго, Сандомиръ достался его сыну Генриху и сдѣлался столицей удѣльнаго княжества. Благодаря своему красивому мѣстоположенію, чудному климату, обилію фруктовъ и прекрасной охотѣ въ окрестныхъ лѣсахъ, городъ со своимъ замкомъ сталъ любимой лѣтней резиденціей польскихъ удѣльныхъ князей, а впослѣдствіи и нѣкоторыхъ королей. Въ концѣ XII вѣка въ Сандомирскомъ замкѣ жилъ Казимиръ Справедливый, а потомъ его вдова со своими дѣтьми. Одна изъ ея дочерей, княжна Аделаида, построила сохранившійся донынѣ костелъ св. Якова, при которомъ впослѣдствіи основался мужской монастырь Доминиканскаго ордена.

Благодаря также своему выгодному положенію на большой судоходной рѣкѣ и обширной торговлѣ съ Галиціей, городъ скоро разбогатѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался приманкой для воинственныхъ сосѣдей, что̀ и послужило главнымъ источникомъ его дальнѣйшихъ бѣдствій. Около 1200 г. Сандомиръ былъ разграбленъ и сожженъ войсками Романа, князя волынскаго и галицкаго, который, однако, при вторичномъ набѣгѣ на Польшу въ 1205 г.

Бывшій Сандомирскій замокъ, нынѣ тюрьма.

былъ разбитъ подъ Завихостомъ, верстахъ въ 15 отъ Сандомира, и самъ палъ въ этой битвѣ. Едва успѣлъ городъ оправиться отъ набѣга галичанъ, какъ въ 1241 г. былъ разоренъ снова однимъ изъ боковыхъ отрядовъ Батыя, шедшаго съ главными силами на Венгрію. Но еще болѣе пострадалъ Сандомиръ въ 1259 г., когда на него неожиданно обрушились грозныя орды монголовъ, предводимыхъ Телебогомъ и Ногаемъ. Разбивъ польскія войска, монголы безпощадно ограбили и выжгли городъ и перебили множество жителей; по свидѣтельству извѣстнаго историка Яна Длугоша, кровь убитыхъ стекала въ Вислу цѣлыми ручьями. Донынѣ сохранилось преданіе, что 2 февраля 1259 г. въ костелѣ доминиканскаго монастыря св. Якова шла обычная церковная служба. Когда пріоръ, т.-е. настоятель монастыря, Садокъ сталъ читать имена празд-

нуемыхъ въ этотъ день святыхъ мучениковъ, то съ удивленіемъ и ужасомъ увидѣлъ въ требникѣ, написанныя огненными буквами, имена: свое и своихъ 39 монаховъ. Въ эту минуту послышались сильные удары извнѣ; двери костела были выломаны, и ворвавшіеся въ него монголы изрубили всѣхъ доминиканцевъ, которые впослѣдствіи были причислены къ лику святыхъ и донынѣ считаются 40 сандомирскими мучениками.

Послѣдовавшіе за монгольскимъ нашествіемъ набѣги язвиговъ въ 1281 г. и литовцевъ въ 1282 г. были остановлены побѣдами поляковъ подъ Гожлицами и Люблиномъ.

Въ 1283 и 1286 г.г., при Лешкѣ Черномъ, городу Сандомиру впервые даны были многія привилегіи: магдебургское право, свобода торговли, освобожденіе отъ нѣкоторыхъ повинностей, право чеканить монету, пользоваться окрестными лѣсами, брать пошлину съ перевозимыхъ по Вислѣ товаровъ и т. д.

Въ 1287 г. Сандомиръ снова подвергся нападенію татаръ, но на этотъ разъ они успѣшно отражены. Сохранилась легенда о вдовѣ одного изъ польскихъ воиновъ, Halinie Krempiance, которая будто бы, мстя татарамъ за смерть отца и мужа, вызвалась провести ихъ въ осажденный городъ подземнымъ ходомъ; но какъ только враги втянулись за нею въ подземелье, выходъ изъ него былъ заваленъ, и всѣ до одного погибли вмѣстѣ съ нею.

Послѣ столькихъ непріятельскихъ нашествій городъ былъ, наконецъ, перенесенъ на то мѣсто, гдѣ существуетъ донынѣ; по всей вѣроятности, новое расположеніе города между рѣкой Вислой и глубокимъ оврагомъ, въ то время, быть можетъ, наполненнымъ водой, признавалось болѣе удобнымъ для обороны. Тѣмъ не менѣе, около 50 лѣтъ спустя, городъ былъ снова осажденъ литовцами и взятъ безъ большого труда, вслѣдствіе измѣны начальника сандомирскаго гарнизона, отворившаго имъ ворота. Измѣнникъ былъ впослѣдствіи осужденъ на изгнаніе, а сынъ его, доминиканскій монахъ Бернардъ, предназначавшійся папой Иннокентіемъ VI на должность епископа плоцкаго, не былъ допущенъ къ этому сану.

Въ 1362 г. Казимиръ Великій, взамѣнъ окружавшихъ городъ деревянныхъ стѣнъ, возвелъ прочную каменную ограду съ четырьмя высокими башнями. Тотъ же король исправилъ сандомирскій замокъ и построилъ уже не существующій нынѣ костелъ св. Петра. Отъ преемниковъ Казимира Великаго Сандомиръ получилъ еще новыя привилегіи, какъ, напримѣръ, право имѣть склады соли, привозимой изъ Бохніи и Велички, и многія другія. Благодаря этому, городъ сталъ опять поправляться, но благосостоянію его сильно повредили большіе пожары, бывшіе въ 1375, 1456, 1488, 1514 и 1525 гг., а также моровое повѣтріе 1602 г.

Въ самомъ началѣ XVII вѣка въ Сандомирѣ появились первые іезуиты; они учредили въ городѣ свой конвиктъ, а немного позже построили коллегію и типографію.

Въ 1612 и 1613 гг. сильные пожары снова опустошили городъ. Но еще больше пострадалъ онъ въ эпоху шведскихъ войнъ. Въ 1656 г. шведскій воевода Синклеръ подступилъ къ Сандомиру съ сильнымъ отрядомъ и, не находя иного средства овладѣть укрѣпленнымъ замкомъ, приказалъ зажечь городъ съ подвѣтренной стороны, въ расчетѣ, что горящія головни, искры и дымъ прину-

Опатовскія ворота.

дятъ защитниковъ сдаться. Замокъ, однако, держался. Шведы ворвались въ него лишь послѣ того, какъ взорвали миной часть его высокой стѣны, но владѣли имъ очень недолго, такъ какъ подоспѣвшія вскорѣ войска гетмана Чарнецкаго и кн. Любомирскаго принудили ихъ отступить.

Въ 1680 г. Янъ Собѣсскій возстановилъ замокъ и городскія стѣны, но городу уже не суждено было возвратиться къ своему прежнему цвѣтущему состоянію; повредили ему также новые пожары въ 1711 и 1754 г.г.; не помогла и особая комиссія «добраго

порядка», специально учрежденная въ 1784 г. для изысканія средствъ къ поднятію города, окончательно пришедшаго въ упадокъ.

Въ 1795 г., по третьему раздѣлу Польши, Сандомиръ временно достался Австріи, а послѣ войны 1809 г. вошелъ въ составъ великаго герцогства Варшавскаго, которое, какъ извѣстно, въ 1815 г. было навсегда присоединено къ Россіи подъ именемъ царства Польскаго.

Закончивъ на этомъ краткій историческій очеркъ Сандомира, скажемъ нѣсколько словъ о памятникахъ его старины, лично нами осмотрѣнныхъ.

Отъ древняго городского замка сохранилась на краю оврага лишь западная стѣна съ двумя восьмигранными башнями; въ царствованіе императора Николая I къ ней было пристроено довольно обширное зданіе нынѣшней тюрьмы. Многіе изъ мѣстныхъ жителей называютъ его замкомъ Марины Мнишекъ, хотя, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, семья сандомирскаго воеводы Юрія Мнишка въ эпоху появленія перваго самозванца жила въ Самборскомъ королевскомъ замкѣ, въ Галиціи; прямо оттуда же Марина выѣхала въ Москву [1]). Отъ каменной городской ограды сохранилась донынѣ одна лишь высокая четырехъ-угольная башня, извѣстная подъ именемъ Опатовскихъ воротъ. Стѣна, обращенная къ Вислѣ, была, какъ говорятъ, постепенно подмыта водой и обрушилась вмѣстѣ съ Завихостской башней. Надо замѣтить, что въ старину подъ самымъ городомъ протекалъ не рукавъ рѣки Вислы, какъ нынѣ, а главное русло. Стѣны, окружавшія городъ съ остальныхъ сторонъ и мѣшавшія ему расширяться, были по минованіи внѣшней опасности постепенно разобраны и частью употреблены на новыя постройки.

Изъ старинныхъ построекъ, сохранившихся въ чертѣ города, замѣчательны слѣдующія:

1) Каѳедральный костелъ Св. Дѣвы Маріи, построенный еще при Казимірѣ Великомъ и впослѣдствіи много разъ реставрированный. Въ костелѣ, между прочимъ, хранится древній серебряный крестъ съ частицей Креста Господня, а также перчатки королевы Ядвиги. На внутреннихъ стѣнахъ костела много надгробныхъ плитъ съ барельефами и латинскими надписями; въ эпитафіи одного изъ магнатовъ упомянуто объ участіи его въ «Московской экспедиціи» 1605 г., т.-е., по всей вѣроятности, въ походѣ на Москву Лжедимитрія I. Въ костельномъ книгохранилищѣ много старинныхъ латинскихъ книгъ и рукописей.

2) Городская ратуша, построенная частью при Лешкѣ Черномъ, частью при Казимірѣ Великомъ, т.-е. въ XIII — XIV вв. Въ ратушѣ хранятся три старинныхъ обоюдоострыхъ меча, кото-

---

[1]) A. Hirschberg. «Dymitr Samozwaniec». 1898

рыми палачи рубили головы приговореннымъ къ смерти; на одномъ изъ нихъ сохранилась надпись: «1688. Pan Bóg nadzieja moja» (1688 г. Господь Богъ моя надежда); въ числѣ же старыхъ городскихъ счетовъ сохранился, между прочимъ, такой: «Mistrzowi za ucięcie głowy—groszy trzy», т.-е.: «Мастеру за отсѣченіе головы—три гроша». Тамъ же имѣются два большихъ портрета масляными

Каѳедральный костелъ Св. Дѣвы Маріи.

красками, какъ говорятъ, короля Станислава Понятовскаго и старосты Солтыка.

3) Зданіе бывшей іезуитской коллегіи, въ которомъ помѣщается нынѣ мужская прогимназія [1]), очень оригинальной архитектуры, построено въ 1616 г. При немъ довольно обширный садъ, а у входа въ него — статуя основателя іезуитскаго ордена Игнатія Лойолы.

Самый древній изъ частныхъ домовъ — полуразвалившійся домъ извѣстнаго польскаго историка Яна Длугоша, построенный во второй половинѣ XV вѣка.

Изъ старинныхъ построекъ, сохранившихся внѣ бывшей городской стѣны, замѣчательны слѣдующія:

1) Костелъ св. Якова (sw. Jakóba), при которомъ донынѣ существуютъ полуразвалившіяся кельи бывшаго доминиканскаго монастыря. Костелъ, какъ было сказано раньше, построенъ

[1]) См. большое зданіе на рис. № 1.

въ началѣ XIII вѣка и реставрированъ въ XVI вѣкѣ. Романскій стиль его наружныхъ дверей и толстый слой мха, покрывающаго сѣверныя стѣны,—все говоритъ о его глубокой древности. Въ ко-

Городская ратуша.

стелѣ достойны вниманія: надгробная плита княжны Аделаиды, умершей въ XIII вѣкѣ, на 18 году жизни, и дубовый рѣзной саркофагъ XVI в. съ грубымъ ея изображеніемъ въ видѣ барельефа;

Видъ съ окраины города на костелъ св. Якова.

масляныя картины, изображающія избіеніе доминиканцевъ монголами въ 1259 г. и средневѣковый судебный процессъ по обвиненію нѣсколькихъ сандомирскихъ евреевъ въ ритуальномъ убій-

ствѣ христіанскаго младенца. При костелѣ есть келья св. Яцка, передѣланная въ довольно обширную каплицу. На колокольнѣ висятъ старинные колокола съ латинскими надписями; одинъ изъ нихъ 1314 г., а другой 1389 г.

2) Костелъ св. Павла, расположенный недалеко отъ только что описаннаго и почти столь же древній; съ 1226 по 1426 г. былъ деревяннымъ, а затѣмъ—каменный. Въ немъ, между прочимъ, замѣчательна тонкая рѣзьба на дверяхъ, ведущихъ на хоры.

3) Женскій монастырь Бенедиктинскаго ордена близъ выѣзда изъ Опатовскихъ воротъ, основанный въ 1615 г.

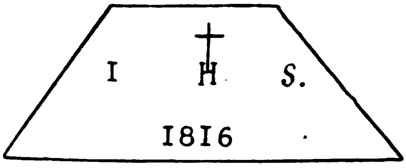
Женскій монастырь Бенедиктинскаго ордена.

4) Бывшій мужской монастырь съ такъ называемымъ пореформатскимъ костеломъ св. Іосифа; былъ построенъ въ 1685 г. и сильно пострадалъ отъ пожара въ 1809 г., но затѣмъ возобновленъ опять. При немъ небольшой тѣнистый садъ, окруженный каменной оградой, внутри которой въ нишахъ изображены земныя страданія Христа. Особенный интересъ представляютъ собой подземные склепы этого костела. Черезъ небольшой люкъ, устроенный въ полу, противъ главнаго алтаря, мы, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи, спустились въ мрачное подземелье. Тяжелый могильный воздухъ, точно дыханіе смерти, непріятно пахнулъ намъ въ лицо и заколыхалъ огни свѣчей. Съ трудомъ осмотрѣвшись, мы увидѣли направо и налѣво ряды небольшихъ сводчатыхъ казематовъ со множествомъ гробовъ и грудами человѣческихъ костей. Въ большинствѣ гробовъ, открываемыхъ сторожемъ, лежали скелеты монаховъ, одѣтыхъ въ коричневыя рясы и подпоясанныхъ бѣлой веревкой съ тремя узлами. Въ одномъ же изъ

гробовъ отлично сохранился, точно высохшій, трупъ 18-тилѣтней дочери сандомирскаго воеводы Морштына, Терезіи-Изабеллы; уцѣлѣли также ея волосы, туфли и бѣлое атласное платье. Въ сосѣд-

Костелъ св. Іосифа.

немъ гробу покоится трупъ самого воеводы, въ конфедераткѣ и кунтушѣ съ широкимъ поясомъ. Почти всѣ гробы выкрашены охрой въ желтый цвѣтъ; на одномъ изъ нихъ, у изголовья, мы замѣтили лаконическую надпись чернаго цвѣта:



Особенное вниманіе обращаетъ на себя одинъ гробъ необыкновенно широкаго размѣра. Если вѣрить объясненію сторожа, то въ немъ были похоронены два близнеца, сросшихся между собою на подобіе извѣстныхъ сіамскихъ близнецовъ. Когда подняли крышку гроба, то въ немъ оказались кости двухъ скелетовъ, настолько пе-

ремѣшанныя между собою, что трудно было провѣрить его слова. Сторожъ говорилъ также, что будто бы, когда близнецовъ похоронили, одинъ изъ нихъ, еще продолжалъ жить и въ гробу въ предсмертной агоніи кусалъ себѣ руку. Дѣйствительно, одинъ изъ двухъ череповъ крѣпко сжималъ зубами кисть согнутой въ локтѣ правой руки. На голомъ полу, у юго-восточной стѣны склепа лежали рядомъ два монаха, похороненные безъ гробовъ; на нихъ— коричневыя рясы съ капюшонами, надвинутыми на черепа; оба подпоясаны бѣлыми веревками, руки же обмотаны четками; у обоихъ подъ головами положено по кирпичу.

Вотъ все, что намъ удалось видѣть при бѣгломъ осмотрѣ Сандомира; несомнѣнно, что всякій любитель старины, располагающій временемъ и заручившійся содѣйствіемъ мѣстнаго католическаго духовенства, всегда очень любезно относящагося къ туристамъ, найдетъ въ этомъ городѣ еще много другихъ памятниковъ, достойныхъ вниманія и изученія.

Анатолій Ив. Мартыновъ.

ОТЪ ЯРОСЛАВЛЯ ДО НИЖНЯГО.

(Путевые наброски).

Волгой-матушкой, быстрою, длинною,
Пароходъ нашъ стрѣлою летитъ,
И картина идетъ за картиною,
И за видомъ смѣняется видъ:
То лѣса вѣковые, дремучіе,
Словно грозные стражи, стоятъ,
То пески по прибрежью сыпучіе,
Полосою, желтѣя, лежатъ.
Надъ рѣкою туманъ разстилается,
А за нимъ то луга, то поля
Съ горизонтомъ далекимъ сливаются...
Хороша ты, родная земля!

Гиляровскій.

I.

Сопѣлки.

Ясное лѣтнее утро.

Ярославль, какъ въ зеркалѣ, отражается въ прозрачной глади Волги, искрящейся и переливающейся вдали тысячами золотистыхъ блестокъ. Надъ спокойною рѣкою далеко разносится благовѣстъ къ обѣднѣ.

На берегу, у подножья зеленаго откоса, круто сбѣгающаго къ Волгѣ, копошится народъ.

Согнувшись подъ бременемъ тяжелыхъ кулей, крючники носятъ ихъ съ пристани на берегъ и грузятъ на ломовыхъ, которые длинною вереницею тянутся вдоль берега, направляясь къ придѣланному въ откосѣ подъему въ городъ. Тутъ же на дребезжащихъ дрожкахъ снуютъ легковые извозчики, отвозя и подвозя къ пристани пассажировъ. Толкаются рабочіе, носильщики, золоторотцы, крестьяне. Все это движется взадъ и впередъ, разговариваетъ,

шумитъ, жестикулируетъ, залитое яркими лучами утренняго солнца.

Наибольшее оживленіе царитъ на широкихъ мосткахъ, ведущихъ на пристань. Здѣсь мелькаютъ пестрые платки бабъ, черные картузы купцовъ и приказчиковъ, котелки мѣстныхъ обывателей, бѣлые головные уборы туристовъ и среди нихъ—всклоченная, безъ шапки, голова босяка, собирающаго милостыню.

— Господинъ, а господинъ, перметте,—три дня не ѣлъ,—загораживаетъ онъ дорогу какому-то туристу съ краснымъ путеводителемъ въ рукахъ.

— Отчего же у тебя лицо опухло?

— Съ голоду, господинъ, съ голоду. Намъ безъ этого никакъ невозможно, чтобъ не опухнуть...

— Ванька! Ванька!—кричитъ на берегъ парень въ накинутомъ на плечи кафтанѣ:—Тащи скорѣе Дуняху-то! Чего она, дура?..

— На построеніе новаго храма, во имя Михаила Архангела, пожертвуйте, православные,—проносится въ толпѣ голосокъ монахини-сборщицы.

— А ты не больно толкайся,—урезониваетъ купецъ какого-то мужичка съ мѣшкомъ за плечами:—можетъ, такихъ людей толкаешь, которые во сто разъ лучше тебя...

Наконецъ, сжатая перилами мостковъ и медленно двигавшаяся въ этомъ узкомъ пространствѣ, толпа вынесла насъ на пристань, у которой стоялъ готовый къ отплытію пароходъ: «Братья Дерюгины».

Мы заняли мѣста на палубѣ, неподалеку отъ группы ярославскихъ «батюшекъ». Два изъ нихъ отправлялись куда-то внизъ по Волгѣ; остальные собрались проводить ихъ.

Много пришлось мнѣ постранствовать на своемъ вѣку, много приходилось видѣть разнаго духовенства, но красивѣе и щеголеватѣе ярославцевъ я не встрѣчалъ. Въ стройности ихъ сильныхъ, дородныхъ фигуръ, въ ясномъ, привѣтливомъ выраженіи широкихъ, открытыхъ лицъ, въ безукоризненномъ, часто щегольскомъ покроѣ одежды чувствуется какой-то особый аристократизмъ, какая-то степенная, чисто русская сановитость, полная сознанія своей силы и достоинства. Если бы предполагалась выставка красоты типичныхъ представителей разныхъ національностей, то представителемъ великоруссовъ я выбралъ бы ярославца, и именно ярославскаго «батюшку».

Сосѣди наши вели бесѣду о своемъ преосвященномъ. Спокойная рѣчь ихъ отличалась мѣткостью и остроуміемъ сужденій. Пріятно было слушать этихъ умныхъ, сановитыхъ людей, чинно засѣдавшихъ вокругъ чайнаго палубнаго столика.

— Родненькіе!—остановилась подлѣ нихъ растерявшаяся старушка.—А вѣдь я котомочку-то забыла! Куда я теперь безъ нея-то? А бѣжать—не добѣжишь: уйдетъ пароходъ-то.

— На слѣдующемъ поѣзжай, бабушка,—посовѣтовалъ ей одинъ изъ собесѣдниковъ.

— И то, и то, родной! Придется на слѣдующемъ. А я вѣдь ужъ дома-то и простилась со всѣми.

— Ну, ничего, лишній разокъ поздороваешься,—худого не будетъ. А билетъ-то есть?

— Нѣту, родной, нѣту,—заговорила старушка, понижая голосъ и наклоняясь къ батюшкѣ.—Билета-то я не брала. Пускай, думаю, народъ-отъ идетъ, а какъ у нихъ полный канплетъ наберется, такъ съ меня, старушонки, можетъ, и подешевле возьмутъ.

Батюшки улыбнулись.

— Догадлива же ты, бабушка,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ.— Должно быть, наша, ярославская?

— А то какъ же, родной?—оживилась польщенная старуха.— Ярославская, природная.

— Оно и видно! Только вотъ котомочку-то забыла.

— Охъ, ужъ и не говори! Стара становлюсь, память-то не прежняя. Такъ ужъ, видно, итти домой, а тамъ на слѣдующемъ и поѣду.

— Самое лучшее.

— Счастливо оставаться!—и успокоенная старуха, захвативъ какой-то узелокъ, отправилась на пристань.

Мы пошли пройтись по пароходу. Матросы грузили боченки съ ярославскими бѣлилами. Бѣлила эти производятся на небольшомъ заводѣ, неподалеку отъ берега, противъ церкви Петра и Павла, красиво вырѣзавшейся своими пятью куполами позади пароходной кормы. Въ трюмѣ, кромѣ товара, помѣщались и люди—арестанты, отправляемые въ Сибирь. Большинство ихъ вслѣдствіе жары и духоты въ трюмѣ расположилось на ведущей въ него широкой лѣстницѣ. Тутъ были мужчины разныхъ возрастовъ, женщины, дѣти. Маленькіе невинные страдальцы за преступленія своихъ родителей производили особенно тяжелое впечатлѣніе.

Вскорѣ пароходъ тронулся.

Мимо насъ плавно потянулась панорама красавца-Ярославля: бульваръ на набережной, прибрежныя церкви, соборъ съ высокою колокольней, Демидовскій лицей, устье р. Которостки и за нимъ слобода Коровники съ красивымъ храмомъ Іоанна Златоуста; вдали, вся покрытая зеленью, возвышалась Тугова гора.

Городъ давно уже остался позади, а по правому берегу все еще тянулись предмѣстья, лѣсопильный заводъ, грузовая станція желѣзной дороги, носящая названіе «Вѣтки», склады общества для производства соды въ Россіи, склады торговой фирмы Шибаева и т. п.

Лѣвый берегъ, подернутый легкою дымкою, былъ пустъ и безжизненъ, какъ бы уступивъ всю дѣятельность и оживленіе правому.

Николо-Бабаевскій монастырь.

Подгородная слобода Коровники, которую мы только что миновали, помимо своего прекраснаго Златоустовскаго храма, интересна еще и въ другомъ отношеніи. Изъ нея началось распространеніе одного типичнаго раскольничьяго вѣроученія, о которомъ слѣдуетъ поговорить нѣсколько подробнѣе.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ Ярославскомъ уѣздѣ появилась шайка разбойниковъ, которая подъ предводительствомъ атамана Пашки приводила въ трепетъ не только Ярославскій, но и сосѣдніе съ нимъ уѣзды. Подкупленная разбойниками мѣстная полиція бездѣйствовала, и разбои день ото дня становились чаще и смѣлѣе.

Любимымъ мѣстопребываніемъ шайки былъ кабакъ въ деревнѣ Васильевской, извѣстный у окрестныхъ жителей подъ именемъ Обшары. «Сперва тебя тамъ обшарятъ начисто, а потомъ и карачунъ дадутъ»,—говорили о кабакѣ крестьяне.

По ночамъ изъ Обшары неслись звуки безшабашной оргіи и удалыхъ пѣсенъ, среди которыхъ порою можно было слышать и вирши въ родѣ слѣдующихъ:

Паспортъ у насъ изъ града вышняго Ерусалима,
Убѣжали мы на волю отъ злого господина.
Отпустилъ насъ другой Господинъ—
Богъ вышній единъ!
Онъ насъ къ себѣ призываетъ
И свои руцѣ къ намъ простираетъ,
И грѣхи наши не вспоминаетъ,
Но токмо цѣловати насъ желаетъ:
Во одежду свѣтлую насъ облекаетъ,
Въ сапоги нозѣ наши обуваетъ,
И тельца упитаннаго закалаетъ
И съ собою за трапезу посаждаетъ.
Мы здѣсь ни града, ни села не знаемъ,
Но къ нерукотворному граду шествовати желаемъ!
А кто будетъ насъ боятися,
Тотъ не хоцетъ съ Господиномъ нашимъ знатися;
А кто насъ погонитъ,
Тотъ себя въ геенну готовитъ:
А кто будетъ принимать,
Тотъ получитъ благодать.

Слухи о безчинствахъ шайки дошли наконецъ до Ярославля. Въ дѣло вмѣшалась высшая администрація, и разбойники вмѣстѣ съ Пашкою, оказавшимся уроженцемъ приволжскаго села Сопѣлокъ,—были схвачены жандармами. Началось слѣдствіе. Допросы обнаружили, что въ числѣ разбойниковъ и ихъ благопріятелей было много лицъ, принадлежащихъ къ какой-то новой, неизвѣстной дотолѣ сектѣ, члены которой называли себя странниками. Наряженная министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ комиссія, въ которой однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ былъ И. С. Акса-

ковъ, горячо принялась за дѣло разслѣдованія новой секты и собрала 86 томовъ различнаго матеріала. Это было въ 1850 г. Въ началѣ слѣдующаго года комиссія окончила свои занятія, но дополнительныя изслѣдованія производились еще долгое время и послѣ нея.

Изъ всѣхъ собранныхъ данныхъ мало-по-малу выяснилось слѣдующее.

Въ половинѣ XVIII вѣка проживалъ въ г. Переяславлѣ Залѣсскомъ старообрядецъ, по имени Евфимій. Тихая, полудремотная жизнь маленькаго городка не удовлетворяла его пытливой натуры, и онъ рѣшилъ перебраться въ Москву. Здѣсь Евфимій примкнулъ къ сектѣ филипповцевъ, соблазненный, по всей вѣроятности, мрачнымъ и строгимъ аскетизмомъ ихъ вѣроученія. Наставники филипповскаго толка воспользовались имъ, какъ искуснымъ переписчикомъ книгъ и отчасти иконнымъ живописцемъ.

Но, ознакомившись покороче съ филипповцами, Евфимій вскорѣ убѣдился, что аскетизмъ ихъ выражается только въ словахъ, живутъ же они далеко несогласно своему ученію, допуская всевозможныя грѣховныя «блазни». Еще болѣе возмущало его, что, ярые на словахъ, они при столкновеніяхъ съ предержащею властью робѣли и покорно исполняли предписанія начальства. Всѣ свои сомнѣнія и недоумѣнія Евфимій изложилъ въ формѣ 35 вопросовъ, на которые начальники толка рѣшили не отвѣчать, признавъ автора за мятежника, «на тѣло церковное возстающаго».

Провѣдавъ, что въ Тверской губерніи есть раскольники, отдѣлившіеся отъ филипповцевъ и строго соблюдающіе правила древнихъ учителей благочестія, молодой скептикъ рѣшилъ было направиться къ нимъ, но въ это время былъ схваченъ полиціей. Вскорѣ ему удалось бѣжать, и, очутившись на слободѣ, онъ принялся странствовать въ поискахъ древняго благочестія. Встрѣтясь въ дорогѣ съ подобнымъ же бѣглецомъ, Иваномъ, произведшимъ на него сильное впечатлѣніе своею бесѣдою, Евфимій сталъ настоятельно просить у него крещенія. Иванъ крестить отказался, посовѣтовавъ Евфимію креститься самому, что тотъ и исполнилъ, имѣя около 30 лѣтъ отъ роду.

Совершивъ надъ собою крещеніе, Евфимій какъ бы порвалъ путы, связывавшія его съ раскольниками другихъ толковъ, и вступилъ на самостоятельную дорогу. Въ немъ уже зрѣло убѣжденіе, что спасти себя можно, только проводя жизнь въ странствіи отъ господствующаго надъ всѣми антихриста.

Полиція опять задержала его, какъ бродягу, и отправила на родину, въ переславскія мѣста; мѣщанское общество отнеслось къ бѣглецу сурово и при первомъ же наборѣ сдало его въ солдаты. Со службы Евфимій дизертировалъ, пробрался сначала въ Москву, а оттуда вмѣстѣ съ своею сожительницей, бѣглою тверскою кре-

стьянкой, Ириной Өедоровой, отправился въ одинъ изъ поморскихъ скитовъ филипповскаго толка съ тайною цѣлью занять тамъ мѣсто настоятеля, но это ему не удалось, а борьба съ настоятелемъ скита, Андріаномъ, привела его и къ полному разрыву съ московскими старовѣрами, принявшими сторону Андріана.

Съ этого времени Евфимій окончательно рѣшилъ сдѣлаться основателемъ своей особой секты и направился въ Ярославскую губернію, изобиловавшую раскольниками. Добравшись съ Ириною до Ярославля, Евфимій поселился съ нею въ слободѣ Коровникахъ, въ домѣ богатой купчихи Пастуховой, и здѣсь началъ пропаганду своего ученія.

Исходною точкою этого ученія является общая всѣмъ безпоповцамъ вѣра въ пришествіе антихриста, но это положеніе развито у Евфимія до крайней рѣзкости выраженія и обставлено множествомъ подобранныхъ отовсюду доказательствъ.

Евфимій признаетъ послѣдовательное появленіе на землѣ трехъ антихристовъ. Первымъ антихристомъ, по его ученію, былъ папа, воцарившійся въ Римѣ послѣ отпаденія западной церкви отъ восточной. Временемъ его воцаренія Евфимій считаетъ 1001 годъ, когда сатана, связанный узами при Рождествѣ Христовомъ на цѣлую тысячу лѣтъ, вновь получилъ свободу. Этотъ миѳическій папа[1]) имѣлъ будто бы и звѣриное антихристово число 666.

Ровно по прошествіи такого же звѣринаго числа лѣтъ, именно въ 1666 г., явился второй антихристъ — Никонъ, замѣнившій истинное имя Сына Божія: Ісусъ, ложнымъ—Іисусомъ. «Въ имени патріарха Никона,—прибавляетъ Евфимій: — число звѣрино 666, ибо онъ, по-гречески, въ бѣльцахъ Никитіосъ (н — 50, и — 8. к — 20, и — 8, т — 300, і — 10, о — 70, с — 200) речеся» [2]).

Вскорѣ послѣ Никона не замедлилъ явиться и третій, послѣдній антихристъ. «Кто убо есть скверный оный чувственный антихристъ?»—спрашиваетъ Евфимій и отвѣчаетъ: «Не инаго мню развѣ Петра I, врага же Божія послѣдняго: о немъ бо ясно св. Кириллъ Іерусалимскій рече: во имя Симона Петра имать всѣсти гордый князь міра сего, антихристъ». Далѣе: «Якоже въ сатанѣ число имени его знаменаетъ Титинъ (т — 300, и — 8, т — 300, и — 8, н — 50) 666, тако и въ Петрѣ властительное имя его: императоръ, тоже показуетъ 666. Понеже Петръ не пріятъ на ся царскаго имени; восхотѣ по-римски именоватися: императоръ, а въ римлянахъ оное императорское именованіе безъ м состоится, якоже то показуютъ троезычные буквари, сирѣчь ипероторъ (і — 10, п — 80, е — 5, р — 100, а — 1, т — 300, о — 70, р — 100).

---

[1]) На самомъ дѣлѣ въ это время римскою паствою управлялъ Сильвестръ II, вступившій на папскій престолъ въ 999 г. и правившій до 1003 г.

[2]) Счетъ ведется славянскій, гдѣ цифры обозначаются буквами.

Исчисливъ обое: Титинъ и иператоръ изруши (въ томъ и другомъ) 666».

Дальнѣйшая характеристика Петра ведется въ томъ же смыслѣ уподобленія апокалиптическому звѣрю. «Онъ же седьмиглавый почтилъ семь главныхъ страстей: гордость или самолюбіе, стяжаніе богатства, сластолюбіе, гнѣвъ, зависть, чревоугодіе и небреженіе; установилъ многіе языческіе обычаи, какъ-то: брады брити, платье нѣмецкое носити, банты и петли на шеяхъ имѣти, табакъ носомъ пити и курити, въ комедіяхъ и маскарадахъ, пирахъ и балахъ нощеденствовати и прочее. Тѣ же страсти, которыми былъ одержимъ самъ, старался возжечь и усилить въ народѣ». Учрежденіе святѣйшаго синода Евфимій описываетъ такъ: «Четырехъ экзарховъ: Стефана Рязанскаго, Митрея Ростовскаго, Ѳедосея Новгородскаго и Шляхтича Смоленскаго (Ѳеофана Прокоповича), папежскаго отродія сущихъ, обливанцевъ, табачниковъ и усонадсѣкателей, въ таковое присутствіе избра; самъ же средь нихъ пятый сѣдѣ, разсуждати духовная, на мѣстѣ отставленнаго имъ патріарха, да не претитъ ему вводити языческіе обычаи, и назвася главою».

Произведенная Петромъ народная перепись и паспортная система представляются Евфимію «начатіемъ скверныя печати антихриста, налагаемой на тѣлѣхъ человѣческихъ». «Понеже,—говоритъ онъ,—до сей описи человѣцы свободни бѣша. Онъ же описавшійся народъ въ груду собра, хотя его во власти своей удержати, по реченному Ипполитомъ (римскимъ папой): антихристъ соберетъ расточенные люди».

Печать антихристову Евфимій видитъ и въ «козыряхъ червленыхъ», «кои повелѣлъ Петръ нашивать на плечахъ вѣрныхъ, съ надписью: еретикъ, раскольникъ, отступникъ», и въ троеперстномъ знаменіи, налагаемомъ на чело и правое плечо «въ знакъ помраченія ума направленія дѣятельности на все законопреступное», и въ императорскихъ гербахъ, налагаемыхъ на всемъ и между прочимъ на билетахъ, выдаваемыхъ на полученіе пособія изъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Указаніе на эти продовольственные билеты Евфимій находитъ въ словахъ Ефрема Сирина: «и дастъ малыя снѣди, печати ради тоя скверныя».

Съ тою же суровою подозрительностью относится Евфимій и къ указамъ преемниковъ Петра, усматривая въ нихъ продолженіе царства того же третьяго антихриста. «Апокалипсическій звѣрь,—пишетъ онъ,—есть царская власть; икона его—власть гражданская, тѣло же его—духовная», и далѣе: «Слушаяй повелѣній онаго чувственнаго антихриста, слушаетъ самого сатаны. Спасется лишь непокоривыйся мучителю».

Непокорство начальству, открытое непризнаніе ни царской, ни иныхъ властей считается Евфиміемъ дѣломъ богоудобнымъ, тою «бранью», которую истиннымъ христіанамъ слѣдуетъ вести «въ

день Христовъ» съ діаволомъ, бѣсами и Вавилономъ, великою блудницею, подъ которою подразумѣвалась церковь.

Но Евфимій понималъ, что подобная открытая брань съ правительствомъ на дѣлѣ совершенно неосуществима, и поэтому далъ своимъ послѣдователямъ выходъ изъ труднаго и опаснаго положенія.

Основываясь на текстѣ псалма: «се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни», и на словахъ Спасителя: «аще гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другой», а также на замѣчаніи Кирилла Іерусалимскаго: «страшливіи да бѣгутъ»,—онъ предписалъ своимъ ученикамъ бѣгство, вѣчное странствованіе по лицу широкой земли Русской, безъ всякихъ бумагъ, напоминлющихъ о подданствѣ земной власти, съ однимъ паспортомъ отъ Царя Небеснаго, изъ вышняго града Іерусалима.

Согласно этому ученію секта получила названіе странниковъ, или бѣгуновъ.

Странникъ, по ученію Евфимія, не долженъ имѣть никакой собственности и, какъ Христовъ человѣкъ, жить на счетъ другихъ, во имя Христа, которому все принадлежитъ. Понятія о собственности и законы, ее охраняющіе, считаются измышленіемъ антихриста на пагубу людямъ.

Все имущество бѣгуна должно было состоять изъ мѣдной складной иконы, лѣстовки, подручника, чашки и ложки.

Переселясь не надолго изъ Коровниковъ въ деревню Малышеву, гдѣ онъ пріобрѣлъ еще нѣсколько послѣдователей, Евфимій съ цѣлію пропаганды перешелъ въ галицкіе, костромскіе лѣса. Здѣсь дѣло его пошло очень успѣшно. Бѣглые солдаты, бѣглые крестьяне, бродяги, крестьянскія дѣвки, искавшія полной свободы отъ родительской власти,—всѣ направлялись къ Евфимію для принятія его простого и удобнаго для нихъ ученія.

Отчета о прежней жизни Евфимій не спрашивалъ и требовалъ только уничтоженія законнаго паспорта, если таковой имѣлся. Послѣ шестинедѣльнаго оглашенія, во время котораго новопріемлемый училъ молитвы и посвящался въ тайны бѣгунства, совершалось надъ нимъ крещеніе обыкновенно въ ночное время, и непремѣнно въ рѣкѣ. При крещеніи новому члену давалось новое имя; на него надѣвали кипарисный крестъ и длинную бѣлую рубашку стариннаго покроя.

Изъ костромскихъ лѣсовъ Евфимій, быть можетъ, чувствуя приближеніе смерти, переселился опять въ Малышеву и, спустя немного времени, поѣхавъ навѣстить Пастухову, умеръ въ ея домѣ въ Коровникахъ 20 іюля 1792 г. Его похоронили по странническому обряду въ ямскомъ лѣсу.

Послѣ него осталось много переписанныхъ его рукою апокалипсисовъ и твореній св. отцовъ, а также до тринадцати собствен-

ныхъ сочиненій, между которыми особенно выдѣляются «Цвѣтникъ» и «Посланіе къ преображенскимъ старцамъ».

Преемницею Евфимія въ наставничествѣ была его сожительница Ирина Θедорова, перенесшая свою резиденцію на берегъ Волги, въ село Сопѣлки, мимо котораго мы теперь проѣзжали.

Сопѣлки находятся въ четырехъ верстахъ отъ Малышевой и въ пятнадцати отъ Ярославля. Здѣсь Ирина поселилась въ домѣ своего яраго приверженца, крестьянина Петра Крайнева, котораго окрестили съ именемъ Севастьяна и произвели въ наставники.

Бѣгуны настолько прочно и крѣпко утвердились въ Сопѣлкахъ, что получили у иныхъ даже названіе Сопѣлковскаго согласія.

Ирина и Крайневъ распространяли свое ученіе не только въ Сопѣлкахъ, но и по окрестнымъ деревнямъ. Съ разныхъ сторонъ шли къ нимъ люди послушать ихъ бесѣды и наставленій и многіе тутъ же принимали отъ Ирины крещеніе и вступали въ странничество, уничтоживъ свой видъ на жительство и получивъ взамѣнъ его, при крещеніи, кипарисный крестъ, называвшійся паспортомъ духовнымъ, подписаннымъ царемъ царей, прописаннымъ въ полиціи вышняго града Іерусалима и скрѣпленнымъ множествомъ рукъ св. отцовъ.

Но вскорѣ въ самой сектѣ произошли разногласіе и смута. Ирина и Крайневъ, снисходя къ немощи человѣческой зажиточныхъ людей, допускали къ крещенію лицъ, которыя давали только обѣтъ странничества, хотя бы въ будущемъ, но сопѣлковскій крестьянинъ, Яковъ Яковлевъ, держась буквы ученія, требовалъ, чтобы крещеніе совершалось лишь надъ тѣми лицами, которыя готовы были немедленно осуществить на себѣ ученіе Евфимія, т.-е. фактически сдѣлаться странниками. Споры по этому поводу кончились ничѣмъ, и Яковъ Яковлевъ покинулъ Сопѣлки.

Ученіе Ирины и Крайнева восторжествовало, такъ какъ секта приняла раздѣленіе своихъ членовъ на собственно странниковъ-скитальцевъ и на «жиловыхъ христіанъ», живущихъ осѣдло и принимающихъ и укрывающихъ у себя странствующихъ членовъ бѣгунства. Жиловымъ не воспрещается прикидываться православными, ходить въ церковь, даже бывать у исповѣди «страха ради іудейска», жениться на дѣвицахъ, не принадлежащихъ къ сектѣ, и повиноваться властямъ, «но только тѣлесно, а не душевно».

Для пріема своихъ странниковъ они устраиваютъ въ подпольяхъ домовъ тайники и секретныя жилища съ печами и прочими удобствами для безопаснаго и покойнаго житья. Нѣкоторые изъ нихъ не брезгуютъ и укрывательствомъ краденаго, давая пріютъ ворамъ и разбойникамъ, усматривая въ нихъ такихъ же бѣгуновъ, не признающихъ ни властей, ни начальства.

Впрочемъ, каждому жиловому христіанину вмѣнено въ обязанность, хотя передъ самою кончиною, исполнить обѣтъ странниче-

ства. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ умереть дома. Одряхлѣвъ и чувствуя приближеніе смерти, они покидаютъ свое село и плетутся странствовать, чтобы быть зачисленными «въ бѣгахъ». Въ случаѣ тяжкихъ болѣзней домашніе сами выносятъ ихъ въ поле или ближній лѣсъ, чтобы дать имъ возможность умереть, хотя бы за 100 саженъ отъ родного дома.

Во время моленія бѣгуны размѣщаются по уставу: женщины становятся сзади мужчинъ, а впереди всѣхъ, у налоя, занимаетъ мѣсто наставникъ, въ синемъ кафтанѣ, читающій положенныя на службѣ молитвы.

Число поклоновъ, установленныхъ за ежедневными службами, очень велико. Являясь на моленіе обязательно съ четками, или, по-старинному, лѣстовкою, заключающею въ себѣ, какъ извѣстно, сто зеренъ, бѣгунъ за полунощницею долженъ пройти три лѣстовки, т.-е. положить 300 поклоновъ; за заутреней—10 лѣстовокъ и послѣ канона Богородицѣ—еще три; за часами и вечерней—по 9 лѣстовокъ, за правиломъ—10, итого 4.400 поклоновъ въ сутки.

Но, несмотря на такую внѣшнюю строгость и благочестіе, нравы секты отличаются страшною распущенностью, и своими пороками бѣгуны далеко превосходятъ послѣдователей другихъ раскольническихъ ученій.

Особенно развитъ среди нихъ самый безстыдный развратъ. «Это тѣло играетъ,—говорятъ они, — а душа непорочна». По ихъ мнѣнію, бракъ есть большій грѣхъ, нежели блудъ, потому что въ супружествѣ сообщеніе съ женою никѣмъ не осуждается, а при блудѣ виновныхъ осуждаютъ и осужденіемъ «снимаютъ грѣхъ».

«Жена дана дьяволомъ,—учатъ они,—а дѣвка Богомъ».

Съ дѣтями они не церемонятся. Вытравливаніе плода, бросаніе новорожденныхъ въ воду, зарываніе въ землю—для нихъ вещи самыя обыкновенныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ пятидесяти беременныхъ дѣвицъ у нихъ рождали не болѣе пяти. Однажды при чисткѣ пруда въ мѣстности, населенной бѣгунами, найдено болѣе 30 труповъ младенцевъ.

Правда, что по странническому уставу за первый грѣхъ противъ седьмой заповѣди полагается 1.000 земныхъ поклоновъ, за грѣхъ во время поста—12.500 поклоновъ, а за «годичный грѣхъ»— 50.000, но эти строгія епитиміи нисколько не удерживаютъ отъ грѣха даже самихъ наставниковъ и учителей. Они даже пользуются правомъ «починать дѣвицъ, назначившихъ себя въ «Христовы невѣсты».

Верховный совѣтъ изъ старцевъ, вершившій дѣла всего согласія, находился въ Сопѣлкахъ. Сюда съѣзжались представители отдѣльныхъ общинъ бѣгуновъ, широко разсѣянныхъ по средней и сѣверной Россіи: помимо Ярославскаго уѣзда, мы находимъ ихъ въ Пошехонскомъ, Романово-Борисоглѣбскомъ, Костром-

скомъ, Нерехотскомъ и Кинешемскомъ, въ губерніяхъ: Московской, Тверской, Вологодской, Олонецкой и даже въ Сибири, въ окрестностяхъ г. Тюмени.

Самымъ значительнымъ изъ преемниковъ Евфимія былъ крестьянинъ Рыбинскаго уѣзда, Никита Семеновъ. Дѣятельность его до поимки въ Вологдѣ въ 1854 г. продолжалось 30 лѣтъ. Бѣгуны называли его «главнымъ столбомъ вѣры», а противники «ядоносною змѣей». Обладая прекрасною памятью и бойкою рѣчью, Никита и по наружности своей рѣзко выдѣлялся изъ общаго уровня. Черные, какъ смоль, волоса его стояли щетиной, черная окладистая борода расчесана на двѣ пряди, сильныя, мохнатыя руки, большой горбатый носъ съ раздутыми ноздрями, мутно-каріе глаза. Проповѣдь этого человѣка дѣйствовала на простыя крестьянскія души неотразимо.

Пойманный въ Вологдѣ и посаженный въ тюрьму, онъ на допросахъ выказалъ необычайную начитанность, проницательность и изворотливость въ подборѣ доказательствъ не только изъ духовныхъ, но и изъ свѣтскихъ писателей. Вскорѣ онъ заявилъ, что сердце его тронуто воспоминаніемъ молодости, проведенной въ православіи, что онъ готовъ сдѣлаться снова покорнымъ сыномъ каѳолической церкви, и для блага своего и другихъ предлагаетъ даже содѣйствовать правительству въ дѣлѣ обращенія бѣгуновъ.

— Я съ десяти лѣтъ поступилъ въ расколъ, — говорилъ Никита.—Когда напитался ученіемъ суевѣровъ и превзошелъ ихъ познаніями, тогда во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ собратія стала обращаться ко мнѣ, какъ къ опытному и незазорной жизни мужу. Такимъ образомъ, я узналъ много потаенныхъ мѣстъ, гдѣ скрываются раскольники. Мнѣ хочется всѣхъ ихъ обратить къ православной церкви, ибо погибель ихъ погубитъ и меня, какъ наставника ихъ. Если правительство дозволитъ мнѣ, подъ маскою старовѣра, дѣйствовать въ его пользу, то я, надѣясь на помощь Божію, могу въ нѣсколько лѣтъ сдѣлать то, что правительство при всемъ усиліи не совершитъ и въ пятьдесятъ. Такимъ образомъ, Господь поможетъ мнѣ многихъ обратить, а непреклонныхъ предать въ руки полиціи, которая должна быть при мнѣ. Самихъ учителей я могу, подъ предлогомъ важнаго дѣла, созвать на соборъ и представить куда слѣдуетъ.

Но ему не довѣряли.

8 февраля 1856 г. Никита присоединенъ къ православной церкви и былъ пріобщенъ св. тайнъ. Съ него взята подписка, въ которой онъ навсегда отрекался отъ раскола и обѣщалъ быть до смерти вѣрнымъ сыномъ православія. Судъ рѣшилъ переслать Никиту въ Ярославскую губернію на мѣсто родины, но вологодсое духовное начальство все еще скептически относилось къ раскаявшемуся грѣшнику и въ такомъ же смыслѣ дало отзывъ выс-

шей власти. Были задержаны новые бродяги, объявившіе себя «изъ братства Никиты», и министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ въ секретный комитетъ съ представленіемъ о помѣщеніи Никиты въ Соловецкій монастырь подъ строгій надзоръ настоятеля. Комитетъ согласился съ министромъ, постановленіе его было высочайше конфирмовано 21 іюля 1856 г., и Никита отправленъ къ архангельскому военному губернатору для препровожденія въ Соловки.

Убѣдившись, что дипломатическая хитрость его не удалась, Никита круто измѣнилъ тактику и бѣжалъ съ дороги отъ сопровождавшихъ его жандармовъ. Бѣглеца поймали уже за сорокъ верстъ отъ мѣста побѣга и водворили въ Соловецкомъ монастырѣ.

Никита прикинулся кроткимъ агнцемъ, выразилъ желаніе постричься, очаровалъ монаховъ и, пользуясь данною ему свободою, въ одинъ прекрасный день исчезъ изъ монастыря. Вскорѣ онъ уже опять разъѣзжалъ по Россіи.

Главное сочиненіе Никиты называется: «Малый образъ ересей», и направлено противъ раскольниковъ другихъ толковъ. Сочиненіе состоитъ изъ 30 обвинительныхъ пунктовъ, заканчивающихся осужденіями изъ разныхъ духовныхъ книгъ. Между прочимъ, Никита обвиняетъ раскольниковъ и въ томъ, что изъ нихъ «городскіе жители въ праздничные дни, табельные царскіе, плошки запаляютъ и свѣчи сальныя на окнахъ, вкупѣ съ нечестивыми позорище творятъ», что они ѣдятъ кровь животныхъ въ сахарѣ и колбасахъ, что носятъ нѣмецкое платье и не стригутъ маковокъ и т. п.

Любимыми учениками Никиты были Өедоръ Ивановъ и Иванъ Ивановъ. Послѣдній въ своемъ неистовомъ фанатизмѣ дошелъ до того, что убилъ своего ученика Василья и потомъ увѣрялъ остальныхъ, будто бы видѣлъ въ видѣніи, а не во снѣ, Василія на воздухѣ и уготованныя имъ обоимъ мѣста въ царствѣ небесномъ. «Всѣ книги сожгу,—говорилъ Иванъ,—у меня всѣ книги въ сердцѣ! Одно евангеліе оставлю... да и то сожгу, а свое напишу!» Онъ часто называлъ себя Богомъ и Христомъ и требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они боялись прежде его, а потомъ уже Бога. Такія выходки привели въ негодованіе даже его собственныхъ учениковъ, которые «возгнушались» Иваномъ и выбрали себѣ другого учителя.

Начавшись въ Коровникахъ и сдѣлавъ Сопѣлкино своею резиденціею, бѣгунство далеко распространилось и внизъ по Волгѣ. Странниковъ можно найти и въ Казанской, и Симбирской, и въ Саратовской, и даже въ Астраханской губерніяхъ.

II.

Николо-Бабаевскій монастырь.

Столица бѣгуновъ давно уже осталась позади, и на лѣвомъ берегу Волги развернулось передъ нами другое большое село съ двумя церквами. Это были Дѣевы, или Діевы, Городища, принадлежавшія, въ свое время, князьямъ Дѣевымъ, родоначальникъ которыхъ, Иванъ Димитріевичъ Дѣй, былъ потомкомъ ярославскаго князя Василія Давидовича Грознаго.

Одна изъ церквей селенія построена еще въ XVII вѣкѣ, другая—въ XVIII-мъ.

Близъ Діевыхъ Городищъ указываютъ слѣды древней боярской усадьбы. Въ своей книгѣ: «Волга отъ Твери до Астрахани», Н. П. Боголюбовъ говоритъ, что усадьба составляла собственность «Ѳомы Колычева, въ иночествѣ Филиппа, митрополита московскаго». Это показаніе повторяется и во всѣхъ остальныхъ волжскихъ путеводителяхъ; нѣкоторые прибавляютъ, что Ѳома будто бы и родился здѣсь.

На самомъ дѣлѣ св. Филиппъ, митрополитъ московскій, сынъ Степана Ивановича Колычева и жены его Ѳеодоры, носилъ мірское имя Ѳеодора, а не Ѳомы, и, слѣдовательно, либо мѣстное преданіе ошибается, называя его Ѳомою, либо, если усадьба дѣйствительно принадлежала Ѳомѣ Колычеву, — св. Филиппъ здѣсь ни при чемъ.

Въ этихъ же мѣстахъ, но въ сторонѣ отъ Волги, находится сельцо Грешнево, гдѣ провелъ свое дѣтство и юношескіе годы нашъ родной, великій поэтъ Н. А. Некрасовъ. Грешнево принадлежало его отцу, поселившемуся здѣсь послѣ выхода въ отставку.

Не весела была жизнь чуткаго, впечатлительнаго мальчика въ отцовскомъ домѣ, и тяжелымъ гнетомъ легла она на молодую душу. Вотъ что говоритъ самъ Николай Алексѣевичъ о Грешневѣ въ своемъ стихотвореніи «Родина»:

«И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ;
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть»...

и далѣе:

«Нѣтъ! въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но все, что жизнь мою, опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ,—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!..

И, съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный боръ,—
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ.»..

Пароходъ приближался къ предѣламъ Костромской губерніи, и впереди, на правомъ берегу, показались бѣлыя стѣны и главы обширной обители, которая, подобно Толгской, широко раскинулась надъ Волгою, красуясь въ небѣ своими башнями, колокольнями и церковными куполами.

Это былъ широко извѣстный на всемъ среднемъ Поволжьѣ Николо-Бабаевскій монастырь.

Онъ расположенъ на устьѣ рѣки Солоницы, составляющей границу Ярославской и Костромской губерній. Названіе «Бабаевскаго» монастырь получилъ отъ слова «бабайки», которое въ просторѣчіи обратилось даже въ нарицательное для обители. Народъ иначе и не называлъ ея, какъ Бабайками. Слово бабайка означаетъ на Волгѣ длинное весло и, главнымъ образомъ, рулевое, сдѣланное изъ цѣлаго бревна, которымъ управляются барки и лѣсные плоты. Сплавляя лѣсъ изъ Шексны и Мологи, лѣсопромышленники пользуются во время спуска плотовъ по Волгѣ этими бабайками. Когда плоты, предназначенные для покупателей по Солоницѣ, входили въ эту небольшую рѣку, бабайки становились ненужными, и между рулевыми въ старину существовало обыкновеніе складывать ихъ на мыскѣ, образуемомъ Солоницею при впаденіи въ Волгу. На одной изъ бабаекъ явилась чудотворная икона св. Николая; эти же бабайки послужили и первымъ матеріаломъ при построеніи монастыря.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе пожаровъ и разныхъ опустошеній всѣ древніе документы обители уничтожены, и теперь не возможно съ точностью опредѣлить время ея основанія. Единственнымъ источникомъ о началѣ обители являются краткая запись въ одной изъ монастырскихъ богослужебныхъ книгъ (также уничтоженной пожаромъ), сохранившаяся въ копіи. Вотъ эта запись: «Икона чудотворная святого Николы, приплывъ рѣкою Волгою на бабайкѣ, большомъ веслѣ, приста къ берегу; благовѣрніи же и благочестивіи людіе обрѣтоша оную, изнесоша и поставиша на брегъ въ дуброву зѣло красну, идѣже монастырь нынѣ; и начаша людіе мнозіи стекатися на поклоненіе святой иконѣ, и чудеса дѣяхуся; и пріиде нѣкто инокъ Сергіева монастыря, Іоаннъ, и устрои первый храмъ молитвенный изъ бабаекъ и придѣлъ во имя Сергія Чудотворца Радонежскаго; и начаша монастырь созидати и великую нужду претерпѣваху отъ грабленія и разоренія злыхъ людей». Когда это произошло, опредѣлить невозможно. Древнѣй-

шимъ памятникомъ по исторіи монастыря являются писцовыя книги 1627—1628 г. Въ нихъ записана древняя церковь Николая Чудотворца съ придѣломъ св. Сергія, а о монастырѣ сказано только, что онъ построенъ «изъ давнихъ лѣтъ».

Вражескія нашествія казанскихъ татаръ при Грозномъ и поляковъ въ смутное время, а также пожары 1719 и 1870 г.г., уничтожившіе всѣ древніе документы, навсегда лишили насъ возможности знать прошлую жизнь монастыря въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Извѣстно только, что за это время вмѣсто деревяннаго храма былъ воздвигнутъ двухъэтажный каменный, что при Алексѣѣ Михайловичѣ въ монастырскій синодикъ внесены, по всей вѣроятности, въ качествѣ жертвователей, роды бояръ: Бориса Ивановича Морозова, окольничаго князя Семена Петровича Львова, князя Юрія Андреевича Сицкаго, княгини Хилковой и другихъ. Самъ тишайшій царь пожаловалъ монастырю «на пропитаніе» участокъ лѣса въ двѣ версты длиною и въ полторы шириною.

Но государевы и боярскія жертвы, повидимому, мало способствовали развитію благосостоянія обители, а Петровскій указъ 1701 г., предписывавшій оставить въ монастыряхъ только наличное количество монаховъ и самое необходимое число слугъ, а всѣхъ остальныхъ бѣльцовъ, проживавшихъ въ обителяхъ, вернуть обратно въ міръ, окончательно обезлюдилъ Бабаевскую пустынь.

Въ 1709 г., когда Петръ сражался на поляхъ Полтавы, въ обители было только четыре человѣка братіи, да и тѣ настолько не повиновались своему настоятелю Іосифу, что вывели его изъ терпѣнія и заставили подать жалобу мѣстоблюстителю патріаршаго престола, Стефану Яворскому. Слѣдствіемъ этой жалобы, въ томъ же 1709 г., былъ указъ изъ патріаршаго духовнаго приказа, коимъ монастырь былъ лишенъ самостоятельности и приписанъ къ Николаевскому монастырю въ Переяславлѣ Залѣсскомъ.

Девятнадцать лѣтъ продолжалось это подначальное состояніе, пока, наконецъ, управлявшій обителью іеромонахъ Филаретъ не подалъ 5 февраля 1728 г., вмѣстѣ съ братіею и вкладчиками, разныхъ чиновъ людьми, прошеніе о возвращеніи монастырю самостоятельности. Прошеніе, между прочимъ, мотивировалось и слѣдующимъ доводомъ. Недалеко отъ Бабаекъ находится посадъ Большая Соль съ пятью церквами, въ главной изъ которыхъ въ высокоторжественные дни служба совершалась въ прежніе годы бабаевскимъ игуменомъ. Теперь же, по словамъ просителей, въ Бабайки изъ Переяславля присылаются іеромонахи со скромнымъ званіемъ строителей монастыря, и, слѣдовательно, Большая Соль лишена игуменскаго служенія. Вѣроятно, въ числѣ доводовъ въ пользу самостоятельности монастыря находились и другіе, менѣе наивные, такъ какъ въ августѣ того же 1728 г. синодъ постановилъ исполнить просьбу бабаевцевъ, возвратилъ обители само-

стоятельное управленіе и произвелъ въ игумена мѣстнаго іеродіакона Галактіона, о которомъ просила не только вся братія, но и самъ Филаретъ, отказывавшійся за старостью отъ дальнѣйшаго управленія монастыремъ.

Во время своего десятилѣтняго игуменства Галактіонъ, правленіе котораго (1729—1739 гг.) почти совпадаетъ съ царствованіемъ Анны Іоанновны, значительно усовершенствовалъ хозяйственную часть и прилагалъ все стараніе къ матеріальному обезпеченію обители, изобрѣтая разныя статьи дохода.

Въ числѣ этихъ статей была аренда рыбной ловли на Волгѣ, чуть было не приведшая къ процессу, характеризующему нравы того времени.

22 іюня 1733 г. монастырскій работникъ, Степанъ Ивановъ Бабушкинъ, нанятый монастыремъ для ловли рыбы, занимался на Волгѣ своимъ дѣломъ. На него напали неизвѣстные ему люди, ограбили его, избили, похваляясь, что и впредь будутъ бить и грабить обительскихъ работниковъ. Связавъ Бабушкина, они бросили его въ монастырскую лодку вмѣстѣ съ рыболовными снастями и отвезли въ Костромской Ипатьевскій монастырь, гдѣ начальство заковало Бабушкина въ цѣпь и двое сутокъ морило голодомъ. Когда несчастный сталъ кричать, что умираетъ безъ пищи, его вытолкали изъ монастыря въ одной рубашкѣ.

Но этимъ дѣло не ограничилось.

10 августа того же года на Бабайки къ Галактіону явились лица, арендовавшія монастырскія рыбныя ловли, съ отказомъ отъ аренды, разсказывая, что слуги Ипатьевскаго монастыря пріѣзжаютъ на ихъ мѣста, сомовольно ловятъ рыбу, а имъ ловить не даютъ, подъ угрозою бить и грабить ихъ.

Галактіонъ на другой день съ монахами и Бабушкинымъ поѣхалъ на лодкѣ въ Кострому. Бабушкина оставили стеречь лодку, а сами пошли въ городъ. Стоя на берегу, Бабушкинъ увидѣлъ, что неизвѣстные люди спускаются по Волгѣ на той самой лодкѣ, которую отняли у него вмѣстѣ со снастями въ іюнѣ. Онъ бросился на Бабаевское подворье и извѣстилъ о томъ игумена. Галактіонъ побѣжалъ въ провинціальную канцелярію и просилъ костромского воеводу, подполковника Кольчугина, о помощи для поимки неизвѣстныхъ людей съ отнятою лодкою. Кольчугинъ далъ игумену капрала Соловьева и одного разсыльнаго. Галактіонъ поспѣшилъ вмѣстѣ съ ними вслѣдъ за лодкой и нашелъ ее на рыбной ватагѣ Ипатьевскаго монастыря. Завѣдывавшій ватагою инокъ Питиримъ наотрѣзъ отказался выдать заграбленную лодку, и когда капралъ Соловьевъ заявилъ, что онъ присланъ за нею изъ провинціальной канцеляріи, Питиримъ и монастырскіе работники отвѣчали: «если бы васъ изъ канцеляріи было послано и двадцать человѣкъ, то мы всѣмъ вамъ переломали бы ребра, а лодки не отдали».

Повидимому, увѣсистыя длани смиреннаго инока и его подручной шайки показались воеводѣ настолько внушительными, что онъ спасовалъ.

Но Галактіонъ, дѣйствовавшій, какъ говорится, «не для Христа Іисуса, а для хлѣба куса», оказался настойчивѣе костромского воеводы. Онъ лично поѣхалъ въ Петербургъ и въ январѣ слѣдующаго года подалъ въ синодъ прошеніе о позволеніи ему начать искъ противъ властей и слугъ Ипатьевскаго монастыря въ свѣтскомъ, гражданскомъ судѣ, такъ какъ онъ видѣлъ, что духовная власть не въ силахъ обуздать ипатьевскихъ насильниковъ. Повидимому, и самъ синодъ былъ того же мнѣнія, ибо разрѣшилъ Галактіону начать свѣтскій процессъ противъ своего духовнаго собрата.

Узнавъ о предстоящемъ гражданскомъ судѣ, ипатьевскій намѣстникъ Никаноръ присмирѣлъ, и въ апрѣлѣ 1734 г. черноризцы примирились «домашнимъ образомъ».

Интересно, что хозяйственно-экономическія старанія Галактіона на пользу монастыря совершенно не были оцѣнены братіей, и тѣ же монахи, которые передъ избраніемъ его дали письменный отзывъ, что онъ «житія добраго и игуменомъ быть достоинъ», послѣ смерти Галактіона писали съ неодобреніемъ, что покойный «всю свою бытность препровождалъ въ куплѣ, въ разныхъ городахъ, и за тою куплею былъ всегда отъ монастыря въ отлучкахъ, именно— продавалъ рыбу и капусту», что онъ «расходъ держалъ по своей волѣ, братству жалованья денежнаго и хлѣбнаго не давалъ, токмо давалъ одежду и обувь, а кормилъ братство общею трапезою». Очевидно, Галактіонъ стремился ввести въ монастырѣ такъ называемое общежитіе, но братіи, издавна привыкшей получать изъ общей кружки деньги на руки и распоряжаться ими по своему произволу, такое нововведеніе было не по вкусу, и въ его правленіе многіе даже ушли изъ монастыря. Общежитіе, по образцу Саровской и Флорищевой пустынь, было введено на Бабайкахъ, лишь сорокъ лѣтъ спустя, именно въ 1789 г.

При учрежденіи монастырскихъ штатовъ монастырь былъ причисленъ къ сверхштатнымъ и оставленъ на своемъ содержаніи. Въ семидесятыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія обитель снова опустилась настолько, что въ ней числились, кромѣ игумена, три іеромонаха и одинъ монахъ, да еще священникъ и діаконъ изъ бѣлаго духовенства.

Въ концѣ того же столѣтія Бабайки пріобрѣли новаго жертвователя въ лицѣ князя Григорія Александровича Потемкина, владѣвшаго около монастыря двѣнадцатью тысячами душъ крестьянъ. Потемкинъ глубоко вѣровалъ въ молитвенную помощь святителя Николая и, какъ извѣстно, приступъ къ Очакову въ 1788 г. назначилъ на Николинъ день, 6 декабря; основанный имъ Николаевъ

названъ также въ честь святителя. Кромѣ того, въ домѣ Потемкина хранилась и частица мощей св. Николая. Неудивительно поэтому, что князь пожелалъ сдѣлать пожертвованіе въ сосѣдній съ его вотчинами монастырь, посвященный имени уважаемаго имъ угодника. Потемкинъ рѣшилъ отлить для Бабаекъ новый большой колоколъ и съ этою цѣлью послалъ туда нѣсколько мѣдныхъ пушекъ, отнятыхъ у непріятеля. Пушки были отправлены Волгою на двухъ лодкахъ подъ присмотромъ управляющаго княжескими костромскими вотчинами Аладова. Но во время пути на Волгѣ поднялась такая сильная буря, что обѣ лодки съ пушками разбились и потонули. Извѣщая объ этомъ князя, Аладовъ ходатайствовалъ о какомъ либо иномъ пожертвованіи для обители. Тогда Потемкинъ задумалъ сдѣлать болѣе цѣнное приношеніе и, съ благословенія петербургскаго митрополита Гавріила, отправилъ въ монастырь съ тѣмъ же Аладовымъ хранившуюся въ его домовой церкви частицу мощей святителя Николая, которая и до нашихъ дней составляетъ одну изъ главныхъ святынь обители. Она помѣщается въ серебряномъ вызолоченномъ ковчегѣ, внутри котораго помѣщено изображеніе святителя, лежащаго въ гробѣ, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, украшенномъ драгоцѣнными камнями. Въ руки святого вложено евангеліе, въ которомъ и помѣщается частица мощей. Въ память этого пожертвованія иноки устроили въ своемъ храмѣ новый придѣлъ во имя св. Алексѣя, митрополита московскаго, и св. Григорія Арменскаго—ангела Потемкина.

Въ началѣ прошлаго столѣтія обителью управлялъ іеромонахъ Савва, одинъ изъ выдающихся ея настоятелей. Строгій подвижникъ, человѣкъ, отличавшійся крайне простодушнымъ, искреннимъ характеромъ и нестяжательностью, Савва былъ въ то же время дѣятельнымъ и заботливымъ устроителемъ ввѣреннаго ему монастыря. За время своего настоятельства (съ 1793 по 1810 г.) онъ расширилъ и украсилъ монастырскій храмъ, устроивъ въ немъ нѣсколько новыхъ придѣловъ, построилъ колокольню, слилъ колоколъ въ 150 пудовъ, обновилъ зданія монашескихъ келій и деревянную ограду замѣнилъ каменной.

Простодушная, симпатичная личность старца вызывала общую любовь, уваженіе и привлекала въ обитель много доброхотныхъ дателей. Въ числѣ послѣднихъ была нѣкто г-жа Побѣдимская, пожертвовавшая икону Успенія Божіей Матери — точную копію Кіево-Печерской, со вложенными въ нее частицами мощей кіевскихъ святыхъ. Получивъ этотъ священный даръ, Савва вознамѣрился построить въ честь иконы новый храмъ Успенія надъ святыми воротами.

Въ простотѣ души своей старецъ и не зналъ, что для того, чтобы построить въ обители Божій храмъ, требуется особое разрѣшеніе начальства. Устраивая придѣлы въ главной церкви, онъ из-

вѣщалъ владыку объ ихъ совершеніи и просилъ антиминсовъ для освященія. Пока костромскою паствою управлялъ епископъ Павелъ, дѣло строенія алтарей Господнихъ велось успѣшно и безпрепятственно. Но вотъ въ 1800 г. на мѣсто Павла архіереемъ въ Кострому былъ назначенъ Евгеній Романовъ — чиновникъ до мозга костей, и отъ Саввы было потребовано объясненіе по дѣлу о самовольномъ построеніи церкви. Бѣдный старикъ, не знакомый съ канцелярщиной, растерялся, не могъ представить въ свое оправданіе никакихъ иныхъ доводовъ, кромѣ желанія послужить Господу, и былъ наказанъ увольненіемъ отъ настоятельства. Ему даже не позволили остаться на Бабайкахъ и опредѣлили жить въ небольшомъ глухомъ монастырькѣ.

Настало время разстаться со своею обителью, которой Савва сдѣлалъ такъ много добра. И вотъ въ монастырскихъ воротахъ показалась одинокая фигура старца съ дорожной палкой въ рукахъ.

— Куда ты, отче, отправляешься пѣшій, съ однимъ посохомъ въ рукахъ? — спросилъ его кто-то изъ братіи.

— Да въ Песоченскій монастырь, куда приказано, — отвѣчалъ благодушно Савва.

— Что же ты не взялъ своего имущества?

— Мое имущество со мной, — сказалъ безсребреникъ, уносившій на себѣ только свое монашеское одѣяніе.

Преемникъ Саввы, Анастасій, неутомимо продолжалъ дѣло своего предшественника, и за время четырнадцатилѣтняго управленія монастыремъ (1810—1824 гг.) возвелъ Бабайки на степень одной изъ первыхъ обителей Костромской епархіи.

Съ 1861 г. въ Бабаевскомъ монастырѣ проживалъ на покоѣ епископъ Игнатій, свѣтлая личность котораго пользовалась глубокимъ уваженіемъ не въ одномъ только духовномъ мірѣ. Высоко гуманный, образованный человѣкъ, талантливый писатель, блестящій апологетъ православія и строгій подвижникъ въ собственной жизни, преосвященный Игнатій былъ истиннымъ свѣточемъ, горѣвшимъ на свѣтильникѣ, согрѣвавшимъ и просвѣщавшимъ сердца всѣхъ, кто обращался къ нему за совѣтомъ, наставленіемъ или за утѣшеніемъ въ тягостный борьбѣ жизни.

Онъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Брянчаниновыхъ и родился 6 февраля 1807 г. въ Вологодской губерніи въ имѣніи своего отца, бывшаго пажа временъ Павла I. Въ міру его звали Димитріемъ Александровичемъ. Поступивъ на шестнадцатомъ году въ главное инженерное училище, онъ своими выдающимися способностями вскорѣ обратилъ на себя вниманіе великаго князя Николая Павловича, бывшаго въ то время генералъ-инспекторомъ инженеровъ. Пользуясь высочайшимъ расположеніемъ, отличаемый своимъ начальствомъ, молодой Брянчаниновъ, благодаря родственнымъ связямъ отца, вращался и въ высшемъ свѣтскомъ

обществѣ. Между прочимъ, онъ познакомился съ Гнѣдичемъ и Пушкинымъ, которые благотворно повліяли на его литературное развитіе. Передъ молодымъ человѣкомъ открывалась блестящая карьера, но задушевные помыслы его еще съ дѣтства стремились къ иному міру, къ міру самоотреченія, аскетизма и душевнаго, нравственнаго совершенствованія. Свѣтская карьера, свѣтскія удовольствія, наслажденія, почести казались ему игрушками, въ которыя играютъ взрослыя дѣти; душа его жаждала болѣе высокихъ и чистыхъ наслажденій въ царствѣ вѣчной правды и любви. Наилучшею карьерою представлялось ему иночество въ лучшемъ значеніи этого слова.

Узнавъ, что любимецъ его Брянчаниновъ, блестяще окончившій курсъ, имѣетъ намѣреніе поступить въ монастырь, Николай Павловичъ, тогда уже императоръ, поручилъ брату своему Михаилу Павловичу отклонить молодого человѣка отъ этой мысли. Великій князь употребилъ на это все свое стараніе, прибѣгалъ и къ ласкѣ, и къ угрозамъ, но Димитрій Александровичъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и просилъ объ увольненіи отъ службы.

Разгнѣванный императоръ отказалъ ему въ отставкѣ и назначилъ на службу въ Динабургскую инженерную команду съ приказаніемъ въ 24 часа выѣхать изъ Петербурга. Брянчаниновъ въ точности исполнилъ приказъ государя, но на службѣ въ Динабургѣ пробылъ не болѣе года: и безъ того слабое здоровье его разстроилось настолько, что самъ великій князь Михаилъ Павловичъ сталъ хлопотать о его увольненіи отъ службы.

Получивъ свободу, Димитрій Александровичъ немедленно поступилъ въ Александро-Свирскій монастырь въ качествѣ послушника подъ руководство знакомаго ему еще по Петербургу старца Леонида, съ которымъ потомъ переселился въ одинъ изъ монастырей Орловской губерніи. Сюда пріѣхалъ къ нимъ также стремившійся къ иночеству другъ Брянчанинова, Чихачевъ, бывшій его товарищемъ по училищу. Оба молодые инженера ревностно отдались суровымъ подвигамъ умерщвленія плоти, но здоровье ихъ не вынесло тягости напряженія, и они серьезно заболѣли. Тогда старикъ Брянчаниновъ пригласилъ сына пріѣхать къ нему вмѣстѣ съ другомъ и навѣстить больную мать, надѣясь уговорить своего первенца вернуться къ мірской жизни. Но молодой Брянчаниновъ въ родительскомъ домѣ пробылъ недолго и вскорѣ вмѣстѣ съ Чихачевымъ уединился въ Кирилло-Новоезерскій монастырь, расположенный на островѣ среди озера. Суровый климатъ сырой мѣстности причинилъ имъ здѣсь жестокую лихорадку, такъ что Чихачевъ принужденъ былъ уѣхать въ Псковскую губернію къ роднымъ, а Брянчанинова родители перевезли для лѣченія въ Вологду. Здѣсь о молодомъ послушникѣ узналъ вологодскій архіерей Стефанъ, который принялъ въ немъ живое участіе и, исполняя его задушев-

ное желаніе, испросилъ у синода разрѣшеніе на постригъ его, тайно отъ родителей, въ монашество съ именемъ Игнатія. Это было 28 іюня 1831 г.

Вскорѣ Стефанъ посвятилъ Игнатія въ санъ іеромонаха, а, спустя немного времени, поручилъ ему управленіе Пельшемскою Лопотовой обителью, которая обязана Игнатію своимъ полнымъ возобновленіемъ. Узнавъ, что сынъ его возведенъ въ санъ игумена, старикъ Брянчаниновъ нѣсколько примирился съ его монашествомъ.

Между тѣмъ слухи о молодомъ пельшемскомъ администраторѣ дошли до московскаго митрополита Филарета, и онъ предложилъ Игнатію переселиться въ его епархію и настоятельствовать въ большомъ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ. Но дѣятельность молодого игумена привлекла на себя вниманіе другой еще болѣе высокой особы. Императоръ Николай Павловичъ вспомнилъ своего бывшаго любимца и вызвалъ его въ Петербургъ.

— Ты мнѣ нравишься, какъ и прежде,—сказалъ онъ Брянчанинову.—Ты у меня въ долгу за воспитаніе, которое я тебѣ далъ, и за мою любовь къ тебѣ. Ты не хотѣлъ служить мнѣ тамъ, гдѣ я предполагалъ тебя поставить, избралъ по своему произволу путь,—на немъ ты и уплати мнѣ долгъ твой. Я тебѣ даю Сергіеву пустынь (подъ Петербургомъ), хочу, чтобы ты жилъ въ ней и сдѣлалъ изъ нея монастырь, который въ глазахъ столицы былъ бы образцомъ монастыря.

Игнатій былъ возведенъ въ санъ архимандрита и въ продолженіе двадцати трехъ лѣтъ (съ 1834 по 1857 г.) управлялъ Сергіевской пустынью. Онъ вполнѣ оправдалъ высочайшее довѣріе: результаты его дѣятельности на глазахъ у всѣхъ жителей сѣверной столицы.

Послѣ двѣнадцати лѣтъ неусыпныхъ трудовъ по управленію пустынью, Игнатій тяжко заболѣлъ и весною 1847 г. подалъ прошеніе объ увольненіи на покой въ Николо-Бабаевскій монастырь. Вмѣсто увольненія ему дали отпускъ на одиннадцать мѣсяцевъ, которые онъ и провелъ въ полномъ уединеніи на Бабайкахъ.

Спокойная жизнь въ тихой, уютной обстановкѣ пустынной обители возстановила его силы. Онъ снова отправился къ мѣсту своего служенія, но воспоминаніе о скромныхъ Байбакахъ, гдѣ онъ провелъ столько отрадныхъ мирныхъ часовъ, глубоко врѣзалось въ его память.

Возведенный въ 1857 г. въ санъ епископа кавказскаго и черноморскаго, Игнатій правилъ епархіею только три съ небольшимъ года и по слабости здоровья, согласно прошенію, былъ уволенъ на покой въ свою любимую Бабаевскую обитель.

13 октября 1861 г. онъ снова увидѣлъ знакомое ему устье Солоницы и уже навсегда поселился въ Бабайкахъ.

Привезя съ собою нѣсколько человѣкъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, которые въ то же время были его духовными дѣтьми, преосвященный далъ обители тотъ кадръ истинно просвѣщенныхъ, дѣйствительныхъ иноковъ, который послужилъ примѣромъ для остальной братіи и легъ въ основу общаго подъема духовной жизни монастыря. Въ числѣ этихъ помощниковъ главное мѣсто занималъ игуменъ, впослѣдствіи архимандритъ, Іустинъ (въ міру Иванъ Григорьевичъ Татариновъ).

Прилагая особое попеченіе къ утвержденію на Бабайкахъ истиннаго иночества, Игнатій не былъ равнодушенъ и къ внѣшнему благолѣпію обители. Доказательствомъ этому служитъ новый, прекрасный соборъ, проектъ котораго по указаніямъ самого преосвященнаго былъ составленъ извѣстнымъ профессоромъ, Иваномъ Ивановичемъ Горностаевымъ. Соборъ достроенъ Іустиномъ уже послѣ кончины Игнатія.

Всю свою архіерейскую пенсію въ 1.500 р. преосвященный отдавалъ на нужды обители, которая, при вступленіи его въ управленіе, имѣла на себѣ 2.000 р. долга, а въ кассѣ 67 рублей наличными деньгами. Не имѣя собственныхъ средствъ, владыка тогда же рѣшился разстаться съ единственною дорогою для него вещью, именно съ панагіею, которую подарила ему императрица Александра Ѳеодоровна, и вырученную за панагію сумму 3.500 р. употребилъ на покрытіе неотложныхъ нуждъ обители.

Правою рукою Игнатія въ дѣлѣ внутренняго и внѣшняго благоустройства обители былъ вышеупомянутый Іустинъ, который ввелъ на Бабайкахъ и прекрасное церковное пѣніе. Большой знатокъ духовной музыки, Іустинъ и самъ обладалъ замѣчательнымъ по красотѣ теноромъ, обратившимъ на него, въ свое время, вниманіе М. И. Глинки, который даже занялся музыкальнымъ развитіемъ молодого инока.

Неусыпными трудами владыки и его духовнаго сына клонившійся къ упадку Бабаевскій монастырь вновь возведенъ на достодолжную высоту, на которой остается и донынѣ.

Игнатій скончался 30 апрѣля 1867 г., оставивъ послѣ себя пять томовъ прекрасно написанныхъ сочиненій и свѣтлую память, которая долго еще будетъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ.

Пароходъ стоялъ у пристани.

На берегу зеленѣлъ широкій лугъ, и нѣсколько поодаль тянулись бѣлыя стѣны монастыря. Среди многоглавыхъ монастырскихъ зданій величаво выдѣлялся украшенный иконами куполъ главнаго собора, напоминающій внѣшними очертаніями архіерейскую митру.

Съ пристани доносилось пѣніе. Тамъ служили молебенъ, и пассажиры частію наполняли устроенную на пристани часовню, частію толпились у иконной лавки, гдѣ продавались образки, крестики, просфоры, виды монастыря, житія святыхъ и разныя духовно-нрав-

ственныя брошюрки. Кое-кто гулялъ по берегу, но свистокъ, уже данный на пароходѣ, не позволялъ гуляющимъ далеко отходить отъ пристани. Черезъ нѣсколько минутъ молебенъ окончился, и пароходъ тронулся далѣе.

На рѣкѣ Солоницѣ, устье которой мы миновали подъ Бабайками, помимо вышеупомянутаго нами посада Большой Соли, находится верстахъ въ 30 отъ Волги и уѣздный городъ Нерехта.

Нерехотская волость была извѣстна еще въ XIV столѣтіи; такъ, великая княгиня Евдокія, супруга Димитрія Донского, пожертвовала св. Сергію Радонежскому свое сельцо Θеодоровское, входившее въ составъ этой волости. Въ XV вѣкѣ на берегахъ Солоницы было развито солевареніе, продержавшееся здѣсь до XVIII вѣка. Въ одной Нерехтѣ, въ эпоху развитія этого производства, насчитывалось болѣе двадцати варницъ, принадлежавшихъ частію разнымъ монастырямъ (въ томъ числѣ двѣ—Троице-Сергіевскому), частію мѣстнымъ жителямъ. Теперь соляной промыселъ давно уже оставленъ, и населеніе большею частію занимается работою на мѣстныхъ полотняныхъ фабрикахъ.

Нерехта небезызвѣстна и въ исторіи раскола: изъ нея вышелъ извѣстный расколоучитель, дьяконъ Александръ, основатель секты дьяконовцевъ, или новокадильниковъ. Во время правительственнаго гоненія на расколъ, во второй половинѣ царствованія Петра, онъ былъ однимъ изъ видныхъ борцовъ противъ нижегородскаго епископа Питирима. Въ 1719 г., устрашась угрозъ пыткою и смертною казнію, Александръ отказался было отъ своихъ взглядовъ, но угрызенія совѣсти замучили его настолько, что онъ отправился въ Петербургъ и тамъ подалъ на имя самого Петра донесеніе, въ которомъ обвинялъ дѣйствія Питирима и снова исповѣдалъ свои прежнія убѣжденія, которымъ остался вѣренъ до смерти. Ему отрубили голову въ Нижнемъ Новгородѣ, и тѣло послѣ казни было сожжено на кострѣ.

И. Тюменевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАННАЯ ПЕЧАТЬ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

I.

БЛАГОДАРЯ измѣнившимся за послѣднее время цензурнымъ условіямъ, для русскихъ читателей сдѣлались доступными такія произведенія иностранной литературы, на которыя прежде налагался запретъ.

Въ числѣ такихъ новинокъ видное мѣсто занимаютъ сборники историка - профессора Шиманна: «Deutschland und die grosse Politik», съ послѣднимъ выпускомъ которыхъ (за 1905 г.) мы уже имѣли случай познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» (см. майскую книжку за текущій годъ).

Выпуски «Deutschland und die grosse Politik» за 1901, 1902 и 1903 г.г., лишь недавно допущенные въ Россіи къ свободному обращенію, представляютъ для русскаго читателя не только ретроспективный интересъ, но въ смыслѣ тщательно подобранныхъ фактовъ и вдумчивыхъ соображеній объективнаго изслѣдователя, вообще съ большимъ сочувствіемъ относящагося къ нашей родинѣ, названные сборники даютъ немало любопытныхъ намековъ и данныхъ, по коимъ проф. Шиманнъ съ самаго начала XX вѣка предсказывалъ неизбѣжность болѣе или менѣе коренныхъ преобразованій въ русской государственности.

Такъ, напримѣръ, по поводу цензурнаго предостереженія, даннаго «Новому Времени» въ 1901 г. за статью о движеніи, происхо-

дившемъ тогда въ средѣ рабочихъ, и неотложности реформъ въ области фабричнаго законодательства (№ 9.051 отъ 24 мая 1901 г.), проф. Шиманнъ подчеркивалъ безобидность инкриминированной статьи и указывалъ на то, что при слабомъ развитіи капитализма въ Россіи правительство безпрепятственно можетъ взять на себя починъ въ улучшеніи доли рабочаго класса, ибо и этическія и утилитарныя соображенія побуждаютъ къ введенію у насъ реформъ по рабочему вопросу сверху въ предупрежденіе того, чтобы рабочіе не начали сами рѣшительно выставлять своихъ требованій.

Если вдуматься хорошенько въ положеніе русскихъ дѣлъ, невольно бросается въ глаза чудовищное недоразумѣніе, закравшееся въ отношенія между правительствомъ и подчиненными ему народностями. Съ одной стороны, сложилась легенда о преднамѣренномъ и сознательномъ угнетеніи народа, а, съ другой, плодятся непрестанныя опасенія революціонныхъ происковъ. А между тѣмъ въ дѣйствительности ни того, ни другого налицо не оказывается. Вѣдь заправская революція въ Россіи едва ли мыслима. То, что наблюдается и впредь будетъ разыгрываться при благопріятныхъ условіяхъ, не идетъ дальше бунтовъ, направляемыхъ лишь противъ произвола, несправедливости и суровости чиновниковъ, но отнюдь не касается прерогативъ царской власти. Тотъ же ходъ развитія, по которому двинулась Россія съ 1861 г., указываетъ на неизбѣжную для нея необходимость приблизиться къ формамъ западно-европейской государственной жизни.

Роковой вопросъ заключается лишь въ томъ, сколько еще жертвъ поглотитъ народившееся недоразумѣніе, тѣмъ болѣе прискорбное, что Государь, по присущимъ ему свойствамъ, далеко не выступаетъ убѣжденнымъ поборникомъ абсолютизма.

Весьма любопытное на взглядъ проф. Шиманна знаменіе времени представляютъ откровенія кн. В. П. Мещерскаго въ его послѣднихъ дневникахъ. Кн. Мещерскій пишетъ: «Россія нуждается въ благоденствіи народа, либерализмѣ и прогрессѣ. Но спрашивается, какъ этого достигнуть. Борьба противъ чиновничьяго самовластія невозможна. Лучшія силы и самая свобода народа находятся подъ чиновничьимъ произволомъ, и наступитъ, пожалуй, такой моментъ, когда этотъ ракъ разъѣстъ и весь государственный организмъ. Единственный путь къ избавленію отъ этого — единеніе самодержца съ народомъ, преобразованіе управленія на почвѣ совмѣстной ихъ дѣятельности, облегченіе тяготъ народныхъ и излѣченіе націи отъ ея безсилія. По всемогущей своей волѣ и любви къ народу, самодержавный государь расширитъ свободу, ограничитъ произволъ властей и направитъ всѣ силы здороваго и благороднаго либерализма на то, чтобы въ дружномъ единеніи съ лучшими людьми Русской земли упрочить благосостояніе народное. Для расширенія свободы, какъ и для выполненія завѣтныхъ задачъ, направленныхъ къ пре-

успѣянію народному, государь нуждается лишь въ одномъ—въ честныхъ людяхъ».

Эта же мысль заставляетъ проф. Шиманна съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на знаменательной статьѣ, напечатанной въ «Temps» (отъ 13 іюля 1902 г.) подъ заголовкомъ «L'absolutisme et ses inconvénients».

«Вмѣсто самодержавія, — читаемъ мы здѣсь,—Россія нынѣ въ сущности всецѣло подпала власти бюрократіи, которая, исходя изъ центра, лучами протягивается по всей странѣ, и отдѣльные органы которой непрестанно воюютъ другъ съ другомъ. Самый талантливый министръ оказывается безсильнымъ справиться съ невыполнимыми задачами, на него возлагаемыми. Обычное право отдѣльныхъ провинцій и окраинъ настолько разнообразно, что требуетъ познаній, непосильныхъ для одной личности, и такимъ образомъ министръ обреченъ основывать свои рѣшенія на докладахъ низшихъ чиновниковъ, не подлежащихъ вовсе контролю. Хорошо, если бы можно было разсчитывать на вѣрность и преданность безчисленнаго чиновничества, но въ дѣйствительности это не такъ. Тѣ чиновники, которые прошли чрезъ университетъ, тяготѣютъ къ оппозиціи. Дисциплина вообще упала, и высшая администрація находится въ зависимости отъ тѣхъ, кого должна была бы сама направлять.

«Объ этой административной анархіи освѣдомленъ и самъ государь, котораго не можетъ не тревожить такое положеніе вещей. Чтобы дознаться правды, онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ возложенію разныхъ порученій на выдающихся частныхъ дѣятелей, не принадлежащихъ къ чиновничьей средѣ, и къ которымъ питаетъ особое довѣріе, но кто же можетъ поручиться, что представляемыя донесенія не извращаютъ истины тенденціозностью. Такимъ образомъ въ Россіи на каждомъ шагу сказывается отсутствіе органовъ контроля, которые и надлежитъ неизбѣжно призвать къ жизни».

Съ другой стороны, по мнѣнію проф. Шиманна, для Россіи всегда являлось роковымъ рѣзкое противорѣчіе ея внутренней политики съ тою внѣшнею, какая преслѣдовалось имперіею по отношенію къ родственнымъ ей славянскимъ племенамъ. Начинаются эти историко-политическія недоразумѣнія съ 1815 г., когда императоръ Александръ I облагодѣтельствовалъ возрожденное королевство Польское конституціею, но отложилъ ad infinitum введеніе политическихъ преобразованій въ коренной Россіи. Эта же политика возводится въ правило по отношенію къ Греціи, дунайскимъ княжествамъ и балканскимъ государствамъ—имъ предоставляются не только либеральныя, но даже радикальныя конституціи, и Россія, не обинуясь, зачастую оказываетъ тамъ поддержку радикальнымъ партіямъ. На этихъ образцахъ Россія точно сознательно воспитывала отечественный радикализмъ, а дальнѣйшее косвенное поощреніе къ нему само собою вытекало изъ союза съ

французскою радикально-соціалистическою республикою. На ряду съ этимъ нѣтъ и не было такой русской газеты, которая бы не распространялась о нарушеніяхъ конституціонныхъ вольностей за границею и не возмущалась всякимъ проявленіемъ административнаго произвола у сосѣдей, не находя для этого достаточныхъ укоризнъ.

Какъ же въ такихъ непримиримыхъ противорѣчіяхъ было разобраться нарождавшимся новымъ поколѣніямъ?

Проф. Шиманнъ особенно внимательно останавливается на отношеніи учащейся молодежи къ злободневнымъ политическимъ вопросамъ.

Безпорядки, повторяющіеся изъ года въ годъ въ русскихъ университетахъ, наводятъ его на печальныя размышленія.

То обстоятельство, что студенты въ своихъ требованіяхъ рѣзко настаиваютъ на полномъ уравненіи въ правахъ евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, тогда какъ русскіе вообще люди почти безъ исключенія въ силу воспитанія, религіозныхъ побужденій и племенного инстинкта являются рѣшительными антисемитами, доказываетъ, насколько еврейскій элементъ, черезвычайно радикальный, среди руководителей студенческаго движенія представленъ сильно.

Русскимъ евреямъ, какъ извѣстно, выставившимъ большой процентъ «рабочихъ силъ» для нигилистической партіи и въ лицѣ даже студенчества представляющимъ вліятельный элементъ, терять нечего, выгадать же они могутъ многое. Поэтому едва ли будетъ ошибочно утверждать, что непринятіе студенчествомъ либеральныхъ правилъ, выработанныхъ генералъ-адъютантомъ П. С. Ванновскимъ, слѣдуетъ приписать именно еврейскимъ студентамъ, которымъ правила эти никакихъ новыхъ льготъ не сулили. Такъ какъ русское студенчество прежде всего либерально и даже радикально, то и движеніе его вообще носитъ скорѣе космополитическую, чѣмъ націоналистическую окраску; студенты-евреи поэтому безъ труда увлекаютъ за собою массу и придаютъ всему движенію характеръ непримиримости.

Сюда присоединяется еще и комбинированіе студенческаго движенія съ рабочимъ соціализмомъ, все болѣе завоевывающимъ почву въ Россіи.

Поколѣніе рабочихъ, теперь занятое на русскихъ фабрикахъ, уже воспиталось на соціалистическихъ воззрѣніяхъ, въ 70-хъ годахъ почти невѣдомыхъ русскимъ рабочимъ, такъ какъ лишь въ послѣдніе годы университетская молодежь выступаетъ самоотверженными вожаками и руководителями въ рабочихъ агитаціяхъ и безпорядкахъ.

Такъ, недавно московскіе студенты выпустили прокламацію, гдѣ поясняютъ, что отнынѣ станутъ поддерживать не столько

студенческіе интересы, сколько притязанія всей Россіи на свободу. Прокламація эта заключаетъ въ себѣ законченную программу широкихъ конституціонныхъ вольностей, которыя скорѣе были бы умѣстны въ республикѣ, а не въ конституціонной монархіи.

Такой же характеръ носила прокламація, тогда же опубликованная и отъ петербургскаго студенчества.

Истинною опасностью этого увлеченія является то, что никакое въ мірѣ государство не потерпитъ, чтобы не созрѣвшая молодежь захватывала починъ въ жизненныхъ политическихъ вопросахъ, затрогивающихъ интересы всей націи.

Правильно разсуждая, никто, конечно, не станетъ отвергать въ этихъ программахъ, требующихъ, между прочимъ, для рабочихъ восьмичасового трудового дня, альтруистическихъ побужденій идеализма, изъ-за которыхъ молодежь фактически и ставитъ на карту все свое существованіе.

Но только этотъ нетерпѣливый, судорожный идеализмъ носитъ чисто политическій характеръ, тогда какъ дѣйствительно плодотворный идеализмъ, изъ коего каждое поколѣніе почерпаетъ новыя силы, т.-е. исканіе истины и вдумчивое отношеніе къ накопленію знанія, оказывается не ко двору для теперешней русской молодежи—возбужденной, преждевременно издерганной и носящейся съ позаимствованнымъ съ чужого голоса скептицизмомъ.

Этому, впрочемъ, нечего и удивляться, если вспомнить характеръ новѣйшей литературы, подъ вліяніемъ которой воспитывалась русская молодежь. Изъ произведеній Максима Горькаго и его единомышленниковъ молодежь впитываетъ въ себя только ненависть къ современной государственности, какъ коренной причинѣ всего общественнаго зла, и во всѣхъ произведеніяхъ новой школы не найдется ни единаго типа, который бы дѣйствовалъ на читателя бодряще и облагораживающе: всѣ типы новѣйшей беллетристики—въ сущности безотрадная вереница законченныхъ или подготовляющихся, безнаказанныхъ или неуличенныхъ разновидностей uomo delinquente.

Въ смыслѣ конечнаго результата «хожденія въ народъ» студентовъ и иныхъ энтузіастовъ соціально-революціоннаго движенія получилось вполнѣ нынѣ доказанное постепенное и непрестанное проникновеніе отвлеченныхъ соціалистическихъ теорій въ среду фабричныхъ рабочихъ; что же касается аграрныхъ безпорядковъ въ южныхъ губерніяхъ, то таковые обосновываются тяжелою матеріальною нуждою крестьянства, которую лишь умѣло использовали революціонные элементы, вышедшіе изъ круга интеллигенціи.

Конечно, можно съ увѣренностью предсказать, что правительство быстро возстановитъ спокойствіе потому уже, что огромныя разстоянія въ Россіи исключаютъ возможность дружнаго напора бунтовщиковъ, а войска до сихъ поръ всюду доблестно выполня-

ютъ свой долгъ, но этотъ конкретный случай не измѣняетъ по существу тягостности общаго положенія.

Приводя изъ текущей газетной хроники длинный рядъ фактовъ, знаменующихъ нестроенія русской жизни, проф. Шиманнъ задается вопросомъ, какое впечатлѣніе можетъ производить на русскаго читателя подобная политическая пища, ежедневно ему предподносимая. На ряду съ послѣдовательно воспитываемымъ ненавистничествомъ къ Германіи, кривотолками по польскому вопросу и трактованіемъ балканскаго вопроса въ духѣ, чуждомъ правительству, во всѣхъ газетныхъ статьяхъ звучитъ недовольство существующимъ, затаенное стремленіе къ расширенію народныхъ правъ и почти не скрываемое сочувствіе проявленіямъ протеста противъ теперешняго строя. А на ряду съ этимъ рисуются мрачныя картины народнаго обѣднѣнія и чиновничьяго произвола, царящихъ будто бы во всей странѣ.

За исключеніемъ «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей» почти всѣ русскія газеты, въ зависимости отъ большей или меньшей талантливости и пылкости темперамента редакторовъ, рисуютъ ярче или блѣднѣе тожественную картину, наводящую на одно и то же заключеніе: для Россіи, повидимому, наступаетъ пора, когда чѣмъ дальше, тѣмъ властнѣе станетъ о себѣ заявлять необходимость коренныхъ внутреннихъ преобразованій. Истинная же опасность настоящаго положенія вещей лежитъ въ отсутствіи всякой умственной и нравственной дисциплины у интеллигенціи, въ невѣжествѣ сельскаго населенія и въ бюрократическомъ произволѣ чиновничества; если присоединить сюда еще все болѣе возрастающій радикализмъ учащейся молодежи, побудившій правительство закрыть всѣ почти университеты, становится понятнымъ, почему правящіе петербургскіе круги не проявляютъ особаго желанія привлечь народъ къ дѣлу государственнаго управленія—правящія сферы вертятся въ заколдованномъ кругу: чѣмъ сильнѣе и бурнѣе проявляются либеральныя притязанія массъ, тѣмъ сильнѣе натягиваются поводья, а этимъ достигается только еще большее возрастаніе недовольства.

Нѣсколько далѣе, описывая разгорѣвшіеся въ Орловской губерніи крестьянскіе безпорядки, проф. Шиманнъ останавливается на перепечатанной въ вѣнской «Рабочей Газетѣ» прокламаціи русскихъ соціалъ-революціонеровъ, открыто проповѣдующей давнишнюю теорію нигилистическихъ убійствъ. «Разъ у насъ отнята возможность бороться съ тираніею мирными средствами, мы признаемъ не только за право, но и за священную обязанность, какъ ни непріятна подобная тактика, отвѣчать на насиліе насиліемъ и пролитую народомъ кровь смывать кровью насильниковъ». Прокламація эта заканчивается угрозою не прекращать борьбу, доколѣ не откроется возможность обуздывать произволъ властей болѣе мирными и цивилизованными средствами.

Другими словами, соціалъ-революціонеры угрожаютъ политическими убійствами впредь до дарованія конституціи, т.-е. выступаютъ съ системою кровавыхъ устрашеній, что обыкновенно приводитъ къ результату, противоположному поставляемой цѣли, т.-е. къ усиленію репрессивныхъ мѣръ. Именно къ репрессіи самооборона и можетъ теперь побудить правительство, какъ то случилось въ 1881 г. Къ революціоннымъ проискамъ проф. Шиманнъ относится столь же несочувственно, какъ и къ конституціоннымъ замысламъ. Что офиціальная Россія вовсе не имѣетъ охоты испробовать эксперимента всероссійскаго народнаго собранія, вполнѣ естественно, и весьма желательно бы было, чтобы правительство и впредь устояло въ этомъ намѣреніи, утверждаетъ нашъ историкъ.

Столько же желательнымъ на взглядъ Шиманна представляется дальнѣйшее расширеніе правъ, первоначально усвоенныхъ за органами земскаго самоуправленія. «На нашъ взглядъ,—говоритъ онъ,— было бы весьма опаснымъ игнорировать пожеланія земствъ въ отношеніи предоставленія большаго простора самоуправленію и общественной жизни, такъ какъ чрезмѣрное развитіе системы абсолютизма влечетъ за собою не только ея отрицаніе, но и искреннія увлеченія противоположною крайностью.

«Въ этомъ-то и лежитъ опасность настоящаго момента.

«Хотя В. К. фонъ-Плеве... связалъ еще раньше свое имя съ суровыми репрессіями, а потому невольно вызываетъ въ насъ опасенія, тѣмъ не менѣе первые сдѣланные имъ шаги производятъ скорѣе благопріятное впечатлѣніе. Личное мужество, проявленное имъ при объѣздѣ и успокоеніи южныхъ губерній, гдѣ бушевали бунты, показало, что Плеве не останавливается передъ рѣшимостью исправлять очевидные промахи предшественниковъ, а если онъ, твердо держа власть въ своихъ рукахъ, сумѣетъ сознать, что на одномъ подавленіи безпорядковъ нельзя успокоиваться, и покажетъ это на дѣлѣ, мы охотно повѣримъ, что онъ—не только заслуженный чиновникъ, но и впрямь государственный человѣкъ».

Къ характеристикѣ дѣятельности Плеве проф. Шиманнъ возвращается неоднократно.

Наступило мгновеніе въ началѣ 1904 г., — пишетъ проф. Шиманнъ,—когда высказывались предположенія, не удастся ли въ связи съ кишиневскимъ погромомъ вызвать паденіе Плеве. Но недоразумѣнія были устранены, и, если не обманываетъ внѣшность, положеніе министра внутреннихъ дѣлъ еще болѣе упрочилось, чѣмъ когда либо. Къ значенію этого факта русское общество отнеслось самымъ различнымъ образомъ. Все, что есть либеральнаго въ Россіи, т.-е. вся почти интеллигенція за ничтожными исключеніями, усматривало въ этомъ несчастіе, такъ какъ одно уже имя Плеве знаменовало продолженіе прежней внутренней политики, діаметрально противоположной пожеланіямъ и запросамъ общественнаго мнѣнія.

Съ другой же стороны, люди осторожные не закрывали глазъ и на то, что выполненіе либеральной программы вовлекло бы Россію въ административный кризисъ и временныя замѣшательства, а современный для этого моментъ оказывался совсѣмъ уже не подходящимъ.

Конституціонная реформа, если бы она была даже и желанна для правительства, чего не замѣчалось на самомъ дѣлѣ, требуетъ для проведенія болѣе покойныхъ временъ, а надвигавшаяся угроза внѣшнихъ военныхъ столкновеній исключала ее eo ipso. Оспаривать это положеніе никакой здравомыслящій человѣкъ не станетъ.

Правда, впрочемъ, и то, что война на Дальнемъ Востокѣ загорѣлась въ видѣ сюрприза внѣ всякихъ предвидѣній.

На основаніи показаній инженера и публициста Демчинскаго, одно время стоявшаго близко къ придворнымъ сферамъ, проф. Шиманнъ указываетъ, что вся Восточная Азія оказывалась обширною ареною для всевозможныхъ концессій, и по утвержденіямъ не голословнымъ, но опирающимся на «подлинные документы» по исторіи новѣйшей русской политики, съ которыми г. Демчинскій имѣлъ случай ознакомиться, онъ, къ своему удивленію, совершенно убѣдился, что «всѣ лица, принадлежащія къ правящей сферѣ», были рѣшительными противниками активной политики на Дальнемъ Востокѣ.

Спрашивается, кто же въ дѣйствительности подготовлялъ исподтишка боевую политику, потому что не могла же она явиться плодомъ слѣпой случайности.

Опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ проф. Шиманнъ не даетъ, но указываетъ на другой любопытный фактъ.

Авторитетъ по русскимъ дѣламъ въ газетѣ «l'Européen», г. Невуа (Nesvoy) въ интересахъ конституціонныхъ преобразованій выражалъ пожеланіе, чтобы Россія понесла пораженія въ войнѣ съ Японіею. Ибо, разсуждалъ онъ, если Россія выйдетъ изъ войны побѣдительницею, за этимъ послѣдуетъ новый періодъ произвола и безразсудствъ; наоборотъ, если Россія понесетъ пораженіе, правительству неизбѣжно придется обратиться къ странѣ, покаяться передъ нею въ своихъ ошибкахъ и неспособности и признать, что отнынѣ оно не считаетъ себя въ правѣ одно руководить дѣлами и судьбами народа. «Ainsi pensent beaucoup de patriotes éclairés»,— увѣрялъ Невуа, хотя, по мнѣнію проф. Шиманна, такія разсужденія могли обличать только мудрость отчаянія и оправданіе дѣйствій, предпринимаемыхъ безъ руля и безъ вѣтрилъ.

По открытіи кампаніи правительству пришлось считаться съ затрудненіями непредвидѣнными. Прежде всего, на русское желѣзнодорожное и военное управленія навалилась чудовищная задача, и, при всей добросовѣстности, осуществленіе ея оказалось очень не совершеннымъ, да инымъ и быть не могло. Строго говоря, Россіи въ военное время пришлось прибѣгнуть къ импровизаціи.

Безконечная тонкая нить Сибирской желѣзной дороги протягивается чрезъ безпривѣтныя, почти не заселенныя мѣстности, и за исключеніемъ немногихъ большихъ городовъ (Омска, Томска, Красноярска и Иркутска) нельзя даже и указать ни на одну станцію, которая бы представляла собою нѣчто лучшее, чѣмъ пустыри, гдѣ поѣзда останавливаются затѣмъ только, чтобы запасаться дровами, углемъ или водою.

Совершенно ясно, насколько затруднялась для правительства задача веденія войны, разъ ему приходилось считаться съ отсутствіемъ споспѣшествованія его цѣлямъ со стороны мѣстнаго населенія, которое, казалось бы, и собственнымъ интересомъ побуждалось на услуги проходящимъ войскамъ. Но Сибирь—вообще не привѣтливая страна, и тѣ тысячи русскихъ переселенцевъ, что изъ года въ годъ возвращаются изъ Сибири въ Европейскую Россію, хотя передъ переселеніемъ на родинѣ ликвидировали все хозяйство, распродавъ скотъ, движимость, усадьбы и надѣльную землю,—краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о пригодности пустынной и мрачной тайги служить убѣжищемъ только для кочевниковъ. Такимъ образомъ, несмотря на существованіе Сибирской желѣзной дороги, перевозка на Дальній Востокъ арміи достаточно многочисленной, чтобы противостоять японцамъ, оказывалась еще болѣе тяжелою задачею, чѣмъ та, съ какою пришлось считаться императору Николаю I въ 1854 г., когда онъ перекидывалъ по русскому бездорожью войска на Таврическій полуостровъ.

Съ другой стороны,—пишетъ проф. Шиманнъ,—когда при открытіи военныхъ дѣйствій мы предполагали, что патріотическое и религіозное сознаніе русскаго народа оттѣснитъ на задній планъ всякія иныя чувства, мы ошибались. Ошиблись мы въ томъ смыслѣ, что оцѣнивали не по заслугамъ высокій умъ и патріотизмъ русскихъ радикаловъ. Вмѣсто того, чтобы примолкнуть въ годину бѣдствій и не ослаблять внутренними смутами силъ націи, напрягаемыхъ для преодолѣнія внѣшняго столкновенія, русскіе радикалы сочли себя въ правѣ тутъ-то и выступить съ воззваніями, которыя не могли не будоражить страну. «Освобожденіе» выпускало непрерывно летучіе листки, и они распространялись среди учащейся молодежи, которая приглашалась использовать настоящій моментъ для конституціонной пропаганды и ознакомленія улицы съ идеями свободы. Это не только было ошибкою, подобною той, какую совершили въ 1863 г. Герценъ и Бакунинъ, принявъ сторону Польши, но прямо таки преступленіе, учиненное надъ русскою молодежью, а послѣдняя, конечно, не сумѣла дать отпора софизмамъ г. Струве. Послѣдствія этого не замедлили сказаться. Въ «Journal des Débats» изъ Петербурга сообщали, что въ мартѣ 1904 г. полиція въ Петербургѣ и другихъ большихъ городахъ произвела многочисленные аресты лицъ, заподозрѣнныхъ въ революціонныхъ замыслахъ. Несомнѣнно,

усиленіе полицейской дѣятельности вызывалось главнымъ образомъ распространеніемъ многочисленныхъ революціонныхъ прокламацій. Цѣлью же воззваній «Освобожденія» въ средѣ студентовъ и рабочихъ было использовать столкновеніе на Дальнемъ Востокѣ и создать правительству новыя затрудненія, съ тѣмъ чтобы добиться ниспроверженія современной русской общественности. Неоспоримо и то, что современныя замѣшательства въ значительной степени облегчили свободу дѣятельности и безнаказанности агитаторамъ.

Съ русской точки зрѣнія подобныя дѣйствія тѣмъ позорнѣе и недопустимѣе, что общее политическое положеніе для Россіи въ 1904 г. слагалось крайне неблагопріятно, и возникали серьезныя опасенія не только болгарско-турецкаго столкновенія, но и расторженія австро-русскаго соглашенія.

При такихъ условіяхъ вполнѣ были понятны нѣкоторыя ограниченія свободы, проводившіяся правительствомъ. Мы рѣшительно высказываемся за то, -- пишетъ проф. Шиманнъ, — что теперь далеко не своевременно предоставлять Россіи полную свободу печати. Достаточно подумать, напримѣръ, о томъ, что произошло бы, если бы теперь графъ Л. Н. Толстой взялся за пропаганду своихъ антимилитаристическихъ теорій, когда государству приходится напрягать силы, чтобы совладать съ тяжелыми задачами, вызываемыми войною. Государство, конечно, не можетъ потерпѣть распространенія ученій, подкапывающихся подъ коренные устои государственности, отвергающихъ принципіально долгъ повиновенія государственному авторитету и приглашающихъ офицерство открыто заявлять предъ фронтомъ, будто всякое участіе въ войнѣ составляетъ грѣхъ и преступленіе. Едва ли возможно такое попустительство по отношенію къ населенію, которое совершенно неспособно разбираться въ ложности выводовъ, которыми хотятъ ему одурманить головы.

Точно также нельзя же «освобожденцамъ» разрѣшать распространеніе ихъ соображеній о томъ, будто какъ разъ теперь пришла пора добиваться конституціи. Столь же несвоевременно было бы предоставить полную свободу и соціалъ-демократической агитаціи въ средѣ рабочихъ.

Можно, конечно, питать увѣренность въ томъ, что въ конечномъ итогѣ благодѣтельное право на свободный обмѣнъ мысли пересилитъ вредъ, всегда и вездѣ сопрягаемый съ полною свободою печати, но во всякомъ случаѣ одно ограниченіе оказывается непремѣннымъ условіемъ для введенія свободы печати — слѣдуетъ напередъ создать извѣстныя условія умственной образованности въ массѣ, такъ какъ иначе свобода печати вмѣсто благодѣянія можетъ составить сущую напасть. А, между тѣмъ, сознаніе и чувство въ русской печати представлено столь же слабо, какъ се-

рьезная и твердая любовь къ истинѣ. Подобные недочеты сказываются въ печати и другихъ странъ, но, пожалуй, нигдѣ такъ сильно не развито глубокое равнодушіе къ правдѣ, какъ въ Россіи. По цѣлому ряду серьезнѣйшихъ вопросовъ пресловутое общественное мнѣніе сознательно насыщено ложью, которая услужливо и преподносится газетами подъ видомъ истины. «Если бы потребовалось представить доказательства этому утвержденію, — оговаривается проф. Шиманнъ, — я готовъ представить длинный рядъ фактовъ, которые тщательно подбираю и храню».

За всѣмъ тѣмъ уже въ началѣ 1904 г. проф. Шиманнъ выражалъ увѣренность въ томъ, что консервативное направленіе политики Плеве, исключающее возможность серьезныхъ преобразованій, не можетъ удержаться надолго.

Съ одной стороны, узкій націонализмъ за послѣднія десятилѣтія обездолилъ Россію, лишивъ ее многихъ даровитыхъ силъ, съ другой же стороны — торопливая политика территоріальнаго расширенія чрезмѣрно ускорила стихійное и прочное, но медленное въ своей непрестанности, стремленіе на востокъ, и такимъ образомъ переселенцы не успѣли твердо осѣсть и заселить Сибирь, а вслѣдствіе этого Сибирскую желѣзную дорогу пришлось прокладывать, большею частью, по совершенно незаселеннымъ пустынямъ; въ довершеніе ко всему правительство оказывало боязливый отпоръ земскимъ стремленіямъ достигнуть болѣе широкаго участія и самостоятельности въ дѣлѣ мѣстнаго управленія. Всѣ эти причины и породили то зло, которое наглядно сказалось во время русско-японской войны. Даже и при благопріятномъ для Россіи конечномъ исходѣ войны ей затѣмъ пришлось бы считаться уже съ крупнымъ увеличеніемъ хозяйственныхъ тяготъ, а справиться съ ними едва ли бы оказалось возможнымъ при помощи тѣхъ способовъ и средствъ, которые съ 1881 г. выдавались за единственно правильные и законные. «Кто, какъ мы, желалъ бы видѣть Россію оздоровленною, — прибавляетъ проф. Шиманнъ,— не можетъ не сочувствовать преобразованіямъ, которыя бы совершились не подъ внѣшнимъ напоромъ революціонныхъ элементовъ, но черезъ расширеніе правъ земскаго самоуправленія и установленіе болѣе дѣйствительнаго контроля за правительственными органами», т.-е., другими словами, путемъ ослабленія бюрократическаго характера всѣхъ проявленій государственной жизни, что̀ постепенно и подготовило бы націю къ высшей хозяйственной и умственной зрѣлости.

По поводу убійства генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова проф. Шиманнъ писалъ: «Чрезвычайно прискорбно, что до сихъ поръ удерживавшій чистоту политическій стягъ Финляндіи запятнанъ политическимъ убійствомъ, сопряженнымъ съ самоубійствомъ преступника. Мораль Брута не уживается съ христіан-

скимъ міросозерцаніемъ, и никакая Шарлотта Кордэ, ни Карлъ Зандъ никогда не сдѣлаются въ нашихъ глазахъ объектами восторженнаго преклоненія. Подобныя преступленія, конечно, находятъ себѣ психологическое объясненіе и логическое обоснованіе, но прощены быть не могутъ. При любыхъ обстоятельствахъ они все же составляютъ нарушеніе всего нравственнаго и правового міропорядка и подлежатъ искупленію. Доселѣ неумолимая Немезида всегда дѣйствовала такъ, что политическое убійство разыгрывалось послѣдствіями, прямо противоположными тѣмъ видамъ, ради которыхъ совершалось».

Богатая злодѣйскими замыслами исторія Россіи являетъ разительныя подтвержданія выставленному положенію. Политическія убійства неизмѣнно вызывали пріостановку въ томъ развитіи, которое клонилось къ постепенной подготовкѣ народа для конституціонныхъ формъ жизни, не говоря уже о томъ, что заговоры вносили во внутренній бытъ народа нездоровую анормальность, которая временами у послѣднихъ трехъ поколѣній проявлялась, если можно такъ выразиться, въ «политическихъ судорогахъ». Уже выступленіе декабристовъ надолго отбросило Россію на путь реакціи; когда же, тридцать лѣтъ спустя, былъ сверху вновь предпринятъ починъ къ реформамъ, и онѣ въ главной своей сущности были счастливо проведены, тутъ ужъ гораздо болѣе зловредная, чѣмъ декабристы, нигилистическая политическая партія сумѣла своими дѣяніями вызвать новую реакцію, а повторныя покушенія вполнѣ оправдали право правительства на суровыя репрессіи. Отвѣчать насиліемъ на насиліе сдѣлалось лозунгомъ правительства, а, благодаря этому, какъ всегда бываетъ, конечно, наносится сильный ущербъ и правамъ всего народа на свободу и индивидуальной свободѣ отдѣльной личности.

«Знакомясь съ длиннымъ рядомъ русскихъ преобразовательныхъ начинаній, — продолжаетъ проф. Шиманнъ далѣе, — всякій приходитъ къ удивительному выводу, что наилучше и наизрѣлѣе обдуманные проекты реформъ разбивались не столько о злую волю правительства, сколько объ орудія, призванныя ихъ выполнять, и о человѣческій матеріалъ, подлежавшій преобразованію и переустройству. На ряду съ немногими свѣтлыми головами, значительно опережавшими современниковъ и преслѣдовавшими, какъ, напримѣръ, старый адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, осуществленіе дѣйствительно жизненныхъ реформъ,—надъ преобразовательными работами въ Россіи изощряются не знающіе чувства мѣры утописты, добиваясь такого положенія, до какого народъ и не дозрѣлъ вовсе, или же просто болтуны, весьма рѣшительно выступающіе съ требованіями, но и не помышляющіе принять на свою долю трудовыя обязанности выполненія реформъ, о которыхъ красно разсуждаютъ. Мы не станемъ здѣсь описывать промаховъ, допущен-

ныхъ при освобожденіи крестьянъ, но нельзя не напомнить того факта, что введенное Александромъ II мѣстное самоуправленіе чрезъ нѣсколько уже лѣтъ по его введеніи начало шататься прежде всего по той причинѣ, что въ земствѣ мало кто серьезно работалъ. Тутъ сказались тѣ же причины, которыя привели къ крушенію права на самоуправленіе, дарованныя Екатериною II русскому дворянству: оно въ теченіе цѣлаго столѣтія обнаруживало существенный недочетъ самосознанія и чувства долга передъ родиною. Въ общемъ можно признать за доказанное, что въ Россіи добровольный трудъ приносится лишь въ пылу оппозиціи, но оппозиція тотчасъ же нѣмѣетъ, когда правительство ее вводитъ въ кругъ бюрократіи. То же въ еще болѣе сильной степени слѣдуетъ отмѣтить о студенческой оппозиціи. Въ Россіи можно насчитать лишь немногихъ студентовъ, которые бы не прошли чрезъ періодъ крайняго радикализма, но послѣдній испаряется безслѣдно по преодолѣніи экзаменовъ на послѣднемъ курсѣ, особенно разъ вчерашній радикалъ добьется мѣста, и ему открывается доступъ въ сплоченные ряды чиновничества».

Дѣйствительно же опасными становятся юнцы, которые въ стадіи чрезмѣрныхъ конституціонныхъ и освободительныхъ потугъ попадаютъ въ руки правосудія или администраціи и въ качествѣ гонимыхъ «мучениковъ» и впрямь утверждаются въ превратныхъ убѣжденіяхъ, которыя первоначально обусловливались лишь пыломъ молодости и извѣстнымъ «façon de parler». Разительныя подтвержденія этому представляетъ даже исторія декабристовъ,— при первоначальныхъ убѣжденіяхъ остались лишь заарестованные участники движенія, всѣ же остальные чуть что не подъ звуки торжественнаго марша перебрались во враждебный лагерь. Личности въ родѣ Герцена составляютъ въ Россіи только исключеніе и находитъ себѣ объясненіе въ примѣси иноземной крови, которая видоизмѣнила славянскую натуру. Такъ, у Герцена мать была нѣмка.

Поэтому на нашъ взглядъ совершенно естественно и понятно, если русское правительство, не впадая въ иллюзіи насчетъ свойствъ русскаго народа, устрашается предъ экспериментомъ всероссійскаго національнаго представительства, а въ тѣхъ, кто стремится къ конституціонализму, провидитъ опасныхъ враговъ самаго существованія русской самобытной государственности. Да и мы лично скорѣе склоняемся къ тому убѣжденію, что для современной Россіи единственно жизненною формою государственности и впрямь, пожалуй, является просвѣщенный абсолютизмъ. Но абсолютизмъ, конечно, долженъ быть дѣйствительно просвѣщеннымъ, проявляя неизмѣнную благожелательность къ народу не только чрезъ органы высшей, но и низшей власти.

«Но вотъ тутъ-то и сказывается чудовищный недочетъ: орудія отказываются отъ дѣятельнаго содѣйствія правительству и про-

являютъ такую же халатность, какъ и въ болѣе независимой земской дѣятельности; мало того, и превозносимый не по заслугамъ русскій мужикъ, на которомъ столько же зиждутся упованія радикальныхъ преобразователей, революціонеровъ и анархистовъ, сколько и абсолютизма, есть вѣдь тотъ самый безсознательный субъектъ, который принимаетъ дѣятельное участіе во всякихъ погромахъ.

«Поэтому въ концѣ концовъ намъ кажется, что затѣваемый нынѣ г. фонъ-Плеве (писано въ іюлѣ 1904 г.) опытъ проведенія реформы сверху при возможномъ ограниченіи соучастія земскаго самоуправленія обѣщаетъ бо́льшую плодотворность, чѣмъ починъ какихъ либо преобразованій снизу, ибо послѣдній, если не обманываютъ видимости, грозилъ бы выродиться въ невообразимый сумбуръ».

По поводу убійства В. К. Плеве проф. Шиманнъ отмѣчаетъ: «Не разъ уже и не безъ основанія указывалось, что безсовѣстность (Ruchlosigkeit), проявившаяся въ убійствѣ Плеве, еще болѣе усугубляется условіями времени. Въ эпоху Александра II даже и нигилисты воздерживались отъ активныхъ дѣйствій, пока длилась русско-турецкая война. А вѣдь та война, которую Россіи приходится теперь вести противъ японцевъ, безконечно сложнѣе».

«Для правильнаго сужденія о суровости дѣйствій Плеве надо вспомнить и то еще, что роволюціонныя организаціи всемѣрно старались и въ своихъ прокламаціяхъ и устною пропагандою отвратить армію, отправляющуюся на Дальній Востокъ, отъ присяги и воинскаго долга».

«Плеве настаивалъ на томъ, что нарождающаяся революція, серьезность опасности которой онъ прекрасно сознавалъ, подлежитъ подавленію въ корнѣ. Лишь по достиженіи этого результата допускалъ онъ возможнымъ предоставить русскому обществу извѣстныя вольности въ той мѣрѣ, въ какой оно способно переварить эту свободу. Соучастіе народа въ политической дѣятельности Плеве ограничивалъ лишь областью мѣстнаго земскаго самоуправленія; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ подготовлялись широкія преобразованія въ области административаго управленія, введеніе болѣе широкаго народнаго образованія и т. д. Повидимому, программа Плеве была ко времени его смерти уже разработана детально, и ее предполагалось въ ближайшемъ же будущемъ отпечатать для всеобщаго свѣдѣнія. Несомнѣнно, программа эта дастъ много поучительнаго, такъ какъ Плеве неоспоримо былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Россіи, какова она есть на самомъ дѣлѣ».

«Дѣлать оцѣнку безвременно сошедшаго со сцены министра, и при томъ возбудившаго противъ себя немало ненависти, преждевременно. По происхожденію выходецъ изъ восточной Пруссіи, Плеве былъ богато одаренъ умомъ, волею и вѣрностью долгу, былъ неподкупенъ и обладалъ не знавшею устали работоспособностью. Убѣжденный русскій патріотъ, Плеве, однако же, проявлялъ черты,

чуждыя русской натурѣ. Неумолимо послѣдовательный въ дѣйствіяхъ, онъ былъ такимъ же фанатикомъ своихъ убѣжденій, какъ графъ М. Н. Муравьевъ (Виленскій), но только не былъ, какъ тотъ, доступенъ ни непослѣдовательности, ни смягченію. Послѣ убійства Плеве нѣсколько мѣсяцевъ среди близкихъ ко двору партій велась ожесточенная борьба изъ-за портфеля министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ выборъ палъ на князя М. Д. Святополкъ-Мирскаго, бывшаго виленскаго генералъ-губернатора, за которымъ установилась репутація либерала и сторонника земствъ».

То и другое дѣйствительно оправдалось на дѣлѣ. Тогда какъ при Плеве вся Россія силою вещей превращена была въ полицейское государство, и дѣятельность полиціи сосредоточивалась почти исключительно на выслѣживаніи политически неблагонадежныхъ, а административный произволъ повсюду давалъ себя чувствовать, Святополкъ-Мирскій выступилъ поборникомъ закономѣрныхъ порядковъ.

Но какъ же можно было это осуществить? Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ было бы ограничить чрезвычайныя полномочія генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ; въ этомъ направленіи и положено было начало. Кромѣ того, общественное мнѣніе выставляло требованіе свободы печати и совѣсти и установленіе такихъ формъ государственности, которыя бы обезпечивали за земствами соучастіе въ государственномъ управленіи. Слѣдовало ли бы въ этихъ видахъ воспользоваться идеею М. Н. Каткова, предлагавшаго усилить составъ государственнаго совѣта включеніемъ представителей отъ земствъ, или создать особый органъ въ видѣ центральнаго земства для всей Россіи, на этотъ счетъ мнѣнія расходились.

Партій въ западно-европейскомъ смыслѣ слова въ Россіи пока существовать не могло, точно такъ же государственныя задачи всестороннему общественному обсужденію подвергаться не могли; благодаря этому, представленія объ истинныхъ потребностяхъ Россіи вырисовываются крайне смутно, а въ головахъ не перебродившей молодежи слагаются въ оторванныя отъ жизни формы. Повидимому, кн. Святополкъ-Мирскій вовсе не склонялся къ предоставленію земствамъ какихъ либо формъ соучастія въ политической дѣятельности; онъ не прочь былъ предоставить земствамъ широкій просторъ въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, но пойти дальше этого едва ли предполагалъ; равнымъ образомъ кн. Святополкъ-Мирскій готовъ уменьшить зависимость земствъ отъ губернаторовъ и возстановить первоначальныя права земствъ, сильно урѣзанныя въ эпоху Плеве, но на этой границѣ и останавливаются всѣ его уступки.

Такимъ образомъ, хотя кн. Святополкъ-Мирскій и идетъ по пути, обезпечивающему ему сочувствіе общественнаго мнѣнія, но опасность положенія заключается въ томъ, что требованія вольностей съ

тѣхъ поръ, какъ печать стала говорить о нихъ открыто, уже и теперь значительно превышаютъ то, что правительство могло бы предоставить обществу, не выпуская поводьевъ изъ своихъ рукъ.

Въ обществѣ наблюдается глухое броженіе, всѣ нащупываютъ будущее, всѣ имѣютъ тѣ или иныя пожеланія и запросы и довольно единодушно сходятся на порицаніи существующаго строя, но никто съ ясною и опредѣленною программою преобразованій не выступаетъ.

Печать вначалѣ ни словомъ не упоминала о происходившемъ въ ноябрѣ 1904 г. въ Петербургѣ съѣздѣ земскихъ представителей, о резолюціяхъ котораго нѣмецкія газеты въ свою очередь распространялись такъ, словно рѣшенія съѣзда представляютъ обязательную силу для правительства. Въ дѣйствительности же за этими резолюціями нельзя признать даже значенія благожелательнаго совѣта, высказываемаго совѣтчикомъ, заслуживающимъ довѣрія.

«На самомъ дѣлѣ предсѣдатели и члены отдѣльныхъ земскихъ управъ и привлеченные ими «уполномоченные» отъ земствъ составляли совершенно частное собраніе, которому позволили въ Петербургѣ собираться на частной квартирѣ и за запертыми дверьми обсуждать интересы страны. Мы не имѣемъ точныхъ указаній, какъ состоялась разработка программы земскаго совѣщанія, и въ какой формѣ она была доведена до свѣдѣнія правительства. Повидимому, путемъ частнаго сообщенія кн. М. Д. Святополкъ-Мирскому, и, вѣроятно этимъ же путемъ будетъ онъ освѣдомленъ и о принятыхъ на совѣщаніи резолюціяхъ. Разумѣется, петербургскій съѣздъ и сравнивать нельзя съ собраніемъ французскихъ нотаблей 1789 г., но петербургскій съѣздъ земцевъ, конечно, представляетъ собою крупное событіе. Какихъ нибудь полгода назадъ подобное собраніе было бы закрыто, какъ представляющее опасность для государства, и его участники были бы разсѣяны по всѣмъ четыремъ сторонамъ свѣта. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что пожеланія петербургскаго съѣзда идутъ значительно дальше расширенія круга вѣдомства земствъ. Земство вѣдь въ сущности является представителемъ земельной собственности съ малою примѣсью крестьянства. То же, чего теперь домогается съѣздъ или почти требуетъ, есть всесословное представительство для соучастія не только въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія, но и управленія государственнаго.

«Далѣе земцы выражаютъ пожеланіе получить русскую Magna charta, на манеръ той, какую Александръ I задумывалъ даровать подданнымъ въ начальную пору своего царствованія. Но къ этой Magna charta присоединены еще всѣ новѣйшіе лозунги, которые въ политической жизни Западной Европы нашли себѣ сначала вдумчивое теоретическое обоснованіе, а затѣмъ и постепенное осуществленіе. Требованія земцевъ на словахъ и на письмѣ выра-

жаются съ большою страстностью, претворяются въ политическія стихотворенія, распространялись въ рукописныхъ спискахъ, и начали проскальзывать въ печать сначала намеками, а затѣмъ постепенно высказывались уже и прямо съ недвусмысленною ясностью».

Относясь къ почину ноябрьскаго земскаго съѣзда весьма сдержанно, проф. Шиманнъ вполнѣ понимаетъ тѣхъ убѣжденныхъ русскихъ патріотовъ, которые страшатся осуществленія предъявляемыхъ земскимъ съѣздомъ запросовъ. Гдѣ тѣ люди, въ руки которыхъ возможно ввѣрить судьбы Россіи?

«Если судить по современной печати и тѣмъ типамъ, которые отъ пушкинской эпохи вплоть до гр. Толстого и М. Горькаго находятъ себѣ воплощеніе въ русской словесности, можно по справедливости усомниться, наступила ли въ Россіи и впрямь пора для народнаго представительства.

«Мы, конечно, совершенно согласны, что недочеты управленія, обнаруженные японскою войною, вопіютъ о неотложности серьезныхъ преобразованій. Но столь же неотложенъ и крутой поворотъ въ воззрѣніяхъ того общества, отъ имени котораго земскій съѣздъ изрекаетъ свои постановленія.

«Mutatis mutandis всѣ тѣ затрудненія, съ которыми пришлось бороться въ русско-японскую войну, выступали еще въ эпоху русско-турецкой войны 1877 г. Разница только та, что въ 1904 г. противникъ оказался несравненно болѣе опасный. И недочеты управленія тогда и теперь оказывались тѣ же самые, и сказалось одинаковое легкомысліе, съ которымъ былъ затѣянъ крупный рискъ безъ достодолжной къ нему подготовки. Хотя въ турецкой войнѣ успѣхъ завершилъ подъятые труды, опытность, которую слѣдовало почерпнуть изъ войны, пропала даромъ. Я, конечно, разумѣю здѣсь не технически-военные опыты, ибо извѣстно, что съ 1878 г. русская армія подвергалась весьма дѣятельно и съ знаніемъ дѣла различнымъ усовершенствованіямъ, но говорю тутъ объ опытности, которую слѣдовало почерпнуть относительно свойствъ и качествъ людей, съ которыми необходимо считаться. Теперь же, повидимому, людей Россія перевоспитала не къ лучшему, но скорѣе къ худшему. Если сопоставить факты, которые за послѣдніе мѣсяцы опубликованы русскою печатью и не вызвали опроверженій, такое сопоставленіе показалось бы невѣроподобнымъ преувеличеніемъ. И вотъ эти-то факты заставляютъ насъ относиться съ большимъ недовѣріемъ къ современному преобразовательному движенію.

«Мы не видимъ и не намѣчаемъ тѣхъ людей, которые бы на своихъ плечахъ могли вынести конституцію. Къ идеалистамъ въ возрастѣ отъ 18 до 25 мы относимся довольно скептически, ибо русская молодежь, благополучно преодолѣвъ критическій періодъ своей жизни и достигнувъ пристани оплачиваемаго казною служебнаго положенія, становится въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, что въ Россіи называютъ «тяжелымъ чиновникомъ».

«Что же касается дѣяній руководителей русскаго либерализма, то весьма характерный образчикъ ихъ недавно описанъ въ «Фоссовой Газетѣ» (Vossische Zeitung отъ 14 декабря 1904 г.).

«Въ Кіевѣ на засѣданіе «литературнаго общества» собралось до 800 человѣкъ, въ томъ числѣ много адвокатовъ, офицеровъ, представителей мѣстнаго самоуправленія и чиновничества. Десять профессовъ реферировали все на одну и ту же злободневную тему: «Что теперь неотложно нужно Россіи?» и единодушно приходили къ одному заключенію: «Единственно конституція можетъ быть спасеніемъ для Россіи».

«Каждый здравомыслящій человѣкъ естественно допуститъ, что мнѣнія, принимаемыя въ собраніи указаннаго состава, заслуживаютъ вниманія, ибо серьезные, повидимому, люди должны же сами знать, что требуется для ихъ родины. Но у того же здравомыслящаго человѣка наступаетъ полное разочарованіе и опускаются руки при прочтеніи конца отчета объ этомъ пресловутомъ засѣданіи: «Память Балмашева, убившаго Сипягина, была почтена вставаніемъ, а затѣмъ произнесена здравица за убійцу Плеве, при дѣятельномъ участіи, до аплодисментовъ включительно, со стороны представителей прокуратуры и офицерства».

«Если такое продѣлываютъ прокуроры и офицеры, то чего же нельзя ожидать отъ студентовъ? Очевидно, въ засѣданіи литературнаго общества не было трезвенныхъ головъ и спокойной разсудительности.

«Въ отвѣтъ на подобный доводъ иные охотно ссылаются на примѣръ престарѣлаго канцлера, свѣтлѣйшаго кн. А. М. Горчакова, который первый принялся апплодировать присяжнымъ, вынесшимъ оправдательный приговоръ Вѣрѣ Засуличъ, послѣ ея покушенія на ген.-ад. Трепова.

«Это только показываетъ, что современные россіяне по своей натурѣ «переметныя сумы» (Durchgänger), а въ болѣе юныхъ поколѣніяхъ проявляютъ отсутствіе серьезнаго отношенія къ жизни и сознанія истинно гражданской вѣрности долгу. Кто же этому не научился, наврядъ ли окажется полезнымъ дѣятелемъ, и объ эту простую истину разобьются скороспѣлыя требованія русскихъ конституціоналистовъ, а если, тѣмъ не менѣе, ихъ затѣи получатъ осуществленіе, то онѣ поведутъ лишь къ чреватому опасностями провалу.

«Вѣдь, когда только кн. Святополкъ-Мирскимъ была возвѣщена «весна», и нѣсколько ослабили поводья, печать и общество принялись дружно требовать конституціи, хотя при сколько нибудь трезвомъ размышленіи, казалось бы, каждый долженъ понять, сколь неизбѣжно напередъ изжить цѣлый рядъ подготовительныхъ стадій, чтобы дѣйствительно плодотворно осуществить тѣ формы соучастія въ законодательной и административной дѣятельности, надъ которыми

и по сей часъ культурные западные народы, воспринявшіе болѣе раннюю подготовку, ломаютъ себѣ зубы. Въ чемъ Россія прежде всего нуждается и, конечно получила бы своевременно, если бы обнаружила больше хладнокровія, — это Habeas corpus Act, который бы оградилъ гражданъ отъ административнаго произвола, а равно законы, регулирующіе свободу совѣсти, что̀ является предпосылкою и основою всѣхъ дальнѣйшихъ вольностей.

«Но тутъ явилось вмѣшательство русскаго студенчества, уличные безпорядки, безнадежная болтовня въ собраніяхъ, которымъ путемъ насилія придавался характеръ публичности, и наконецъ, что̀ хуже всего, объявилась революціонная агитація: на сцену открыто выступили соціалъ-демократы, соціалъ-революціонеры, анархисты и пр. и пр.

«Русская интеллигенція на $^1/_3$ состоитъ изъ чиновничества, въ которомъ всѣ теперь хотятъ видѣть главное зло, хотя въ общемъ чиновничество представляетъ собою наиболѣе образованную часть народа, остальныя $^2/_3$ интеллигенціи—частью недоучки, частью безпочвенные идеалисты и теоретики, либо не нашедшіе примѣненія своимъ дарованіямъ въ казенной служебной дѣятельности, либо занимающіеся свободными профессіями и частною службою, а потому будирующіе правительство.

«Позади же интеллигенціи выступаетъ учащаяся молодежь, которая въ школахъ и университетахъ ничему или мало чему научилась и чаетъ, будто свобода и вольности, ею нетерпѣливо призываемыя, свершатъ и то еще чудо, что сразу преобразятъ ихъ въ дѣльныхъ и полезныхъ работниковъ.

«Романистъ П. Д. Боборыкинъ въ недавно прочтенной въ Московскомъ музеѣ лекціи о русской интеллигенціи ставитъ послѣдней въ вину четыре психическихъ недуга: преклоненіе предъ ученіемъ ясно-полянскаго лже-пророка, проповѣдь банкротства науки, преклоненіе предъ разнообразными формами эстетическаго декадентства и, наконецъ, отрицаніе нравственныхъ устоевъ. На этой-то почвѣ и выросло чудовище босячества съ его пресловутою проповѣдью ничшеанства.

«Что же такая интеллигенція могла бы предложить народу, жаждущему пищи духовной, какъ не камни вмѣсто хлѣба?

«Единственный исходъ почтенный референтъ видитъ въ томъ, чтобы народъ шелъ рука объ руку съ тою вѣрною свѣтлымъ преданіямъ русскою интеллигенціею, которая создала все цѣнное, что представляетъ русская жизнь — знаніе, сознаніе солидарности и чувства долга предъ отчизною и всѣми обездоленными, религіозную терпимость, уваженіе къ труду и результатамъ, добытымъ прикладными знаніями, такъ какъ только это и можетъ воспитать въ массѣ сознаніе истиннаго человѣческаго достоинства.

«Такая интеллигенція дѣйствительно достойна своего имени, по-

лагаетъ свою душу на просвѣщеніе народа и готова бороться за истинное его благо.

«Слова г. Боборыкина звучали, конечно, очень красиво, но въ сущности мало утѣшительны. Оказывается, что и эта истинная интеллигенція, какъ тѣ милліоны народа, за которые она готова вступиться, находится подъ давленіемъ того прошлаго, котораго съ себя не скинешь, и той трезвой дѣйствительности, которой не отмѣнишь голыми пожеланіями. Коренная же ломка всего строя русской общественности, съ которою иные теперь столь страстно носятся, достижима лишь путемъ чудовищныхъ потрясеній, если русскіе люди не найдутъ въ себѣ достаточно терпѣнія и не примирятся съ несовершенствами настоящаго, ради болѣе прочнаго зиждительства будущаго».

Съ воззрѣніями проф. Шиманна на позднѣйшую эпоху «освободительнаго движенія» мы ознакомили читателей «Историческаго Вѣстника» уже раньше, а потому, слѣдуя хронологическому порядку, остановимся на свидѣтельскомъ показаніи другого наблюдателя всероссійской революціи.

Адріанъ Полли [1]), побывавшій, повидимому, на короткое время корреспондентомъ отъ «Hamburger Nachrichten» на Русско-Японской войнѣ, большую часть своей интересной книги посвящаетъ лично пережитому, фактическимъ наблюденіямъ, собраннымъ въ русскихъ центрахъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую войнѣ, и во время «освободительнаго движенія», а равно и свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ надежныхъ оффиціальныхъ источниковъ.

Печальный исходъ столкновенія съ Японіей со всѣми побочными вытекшими отсюда явленіями заставляетъ русское общество все настойчивѣе задаваться вопросомъ о томъ, кто же собственно былъ истиннымъ проводникомъ маньчжурской политики, и на кого падаетъ за нее отвѣтственность.

Такъ какъ вслѣдствіе и по сей часъ еще длящагося господства бюрократіи исторія столкновеній съ Японіею затемняется дипломатически глубокомысленнымъ молчаніемъ освѣдомленныхъ оффиціальныхъ сферъ, то общественное мнѣніе на этотъ счетъ составилось изъ причудливаго сплетенія истины съ заблужденіями и злостными выдумками.

Статсъ-секретарь Безобразовъ, С. Ю. Витте и генералъ-адъютантъ Алексѣевъ то порознь, то вмѣстѣ, то въ разные моменты выдаются за предполагаемыхъ зачинщиковъ маньчжурской авантюры, и столь же часто вина эта взваливается на графа Ламсдорфа и его нераспорядительность. Хотя о непрочности и необоснованности большей части такихъ нареканій и можно догадываться, но до сихъ

[1]) Dr Adr. Polly. *Zu* Russlands Revolution und Neugeburt. Selbsterlebtes und Geschichtliches. Лейпцигъ. 1906.

[illegible] и [illegible] сопоставить [illegible] материалъ для выясненія истины.

Въ [illegible] активная политика Россіи на Дальнемъ Востокѣ начинается съ 1895 г., когда по окончаніи Японо-Китайской войны Россія, совмѣстно съ Германіей и Франціей, потребовала отъ Японіи, чтобы та отказалась отъ [illegible] на китайскомъ материкѣ и въ южной Маньчжуріи и вернула [illegible] Портъ-Артуръ и Таліенванъ.

Затѣмъ Россія приняла на себя гарантію займа, когда Китаю пришлось выплачивать Японіи военную контрибуцію, а этимъ дальнѣйшимъ шагомъ русское правительство обезпечило себѣ признательность и одолженіе не только со стороны Китая, но и Кореи.

Престижъ Россіи и довѣріе къ ея политикѣ быстро возрастали, и осенью 1896 г. корейскій императоръ, отдавшись подъ покровительство русской миссіи, просилъ о назначеніи совѣтника при его особѣ и о присылкѣ военныхъ инструкторовъ для его войскъ.

Къ этому же моменту пріурочивается заключеніе между Россіею и Китаемъ трактата, по которому Россія обязалась поддерживать независимость Китая и неприкосновенность его владѣній, а Китай, въ свою очередь, предоставилъ Россіи право на сооруженіе желѣзнодорожнаго пути чрезъ Маньчжурію съ тѣмъ, чтобы связать Забайкалье съ принадлежащею Россіи Приморскою областью, такъ какъ изысканія показали, что продолженіе желѣзной дороги вдоль Амура встрѣтитъ почти непреодолимыя техническія трудности, направленіе же чрезъ Маньчжурію дастъ сбереженіе въ 15 милліоновъ рублей.

Въ многочисленныхъ запискахъ и печатныхъ сообщеніяхъ министерство финансовъ подробно развивало ту мысль, что съ проведеніемъ желѣзной дороги чрезъ сѣверную Маньчжурію экономическое вліяніе Россіи получитъ преобладаніе въ этой странѣ, изобилующей естественными богатствами, и что Владивостокъ для этого района сдѣлается вполнѣ естественно отпускнымъ портомъ.

Это представлялось тѣмъ болѣе выгоднымъ, что чрезъ сооруженіе желѣзной дороги въ сѣверной Маньчжуріи интересы Китая сравнительно мало задѣвались, такъ какъ намѣченная дорога пересѣкала удаленныя отъ центровъ китайской торговли и пустынныя области, и не предвидѣлось, чтобы это предпріятіе нарушило серьезные интересы западно-европейскихъ державъ.

По этимъ соображеніямъ и состоялось особое соглашеніе съ русско-китайскимъ банкомъ, вызвавшее къ жизни общество восточно-китайской желѣзной дороги. Съ большою осторожностью, шагъ за шагомъ это предпріятіе было проведено столько же по почину С. Ю. Витте, какъ и тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, князя Лобанова-Ростовскаго, и амурскаго генералъ-губернатора Гродекова. Сходить съ намѣченнаго пути, по мнѣнію Полли, не пред-

ставлялось ни малѣйшаго основанія и о распространеніи за предѣлы благоразумія задачъ русской политики и на южную еще Маньчжурію Витте столь же мало помышлялъ, какъ и вдумчивый князь Лобановъ-Ростовскій. Точкою отправленія для дальнѣйшаго развитія маньчжурскаго вопроса явилось умерщевленіе въ 1897 г. христіанскихъ миссіонеровъ въ Шантунѣ; это и послужило предлогомъ для Пруссіи занять Шантунъ. Тогда китайское правительство взмолилось къ Россіи послать нѣсколько военныхъ судовъ въ Таочу; тогда же въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ кругахъ Россіи запала мысль воспользоваться обращеніемъ Китая къ услугамъ Россіи и заручиться въ южной Маньчжуріи незамерзающимъ портомъ, который бы въ то же время далъ и Сибирской желѣзной дорогѣ выходъ въ Тихій океанъ; выборъ для этого естественно падалъ на Таліенванъ и Портъ-Артуръ.

Наиболѣе энергичнымъ поборникомъ этой идеи выступилъ графъ М. Н. Муравьевъ, который, опираясь на генералъ-адъютанта Ванновскаго, доказывалъ неотложную необходимость для Россіи во что бы то ни стало заручиться обладаніемъ обоихъ портовъ. Противъ «парфорсной» политики новаго министра иностранныхъ дѣлъ и управлявшій въ то время морскимъ министерствомъ Авеланъ и министръ финансовъ Витте высказывались весьма рѣшительно. Въ обстоятельной запискѣ Витте указывалъ на недавно состоявшійся съ Китаемъ договоръ и обязательства, принятыя Россіею, охранять неприкосновенность Китая, что̀ исключало возможность предпринимать дѣйствія, направленныя къ ослабленію Китая, вмѣсто обѣщанной защиты. Чрезъ это престижъ Россіи несомнѣнно долженъ былъ потерпѣть сильный уронъ. Равнымъ образомъ этотъ шагъ могъ за собою, по предсказаніямъ С. Ю. Витте, повлечь и международныя осложненія, такъ какъ примѣру Россіи, конечно, захотятъ послѣдовать и другія великія державы; при подобныхъ обстоятельствахъ Японія безпрепятственно вторгнется въ Корею, несмотря на утѣшительные результаты, уже тамъ достигнутые русскимъ вліяніемъ. И въ финансовомъ отношеніи С. Ю. Витте опасался, что занятіе Таліенвана и Портъ-Артура повлечетъ за собою огромныя издержки, ибо въ случаѣ осуществленія этого плана неизбѣжнымъ окажется ускореніе сооруженія южно-маньчжурской желѣзнодорожной вѣтви, которая бы связала вновь пріобрѣтаемые порты съ владивостокскою магистралью.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Витте признавалъ необходимымъ въ маньчжурскомъ вопросѣ дѣйствовать съ чрезвычайною осторожностью и осмотрительностью. Принципіально, конечно, и возражать нельзя было противъ пріобрѣтенія незамерзающаго порта, но въ данномъ случаѣ особенно желательнымъ представлялось достигнуть этого миролюбивымъ путемъ, не прибѣгая и къ тѣни насилій.

[illegible] граф М. Н. Муравьевъ [illegible] Витте. [illegible]

[illegible] Витте [illegible] Таліенвана и Порть-Артура [illegible]

[illegible] между Россіей, Китаемъ и Японіей [illegible] Китай [illegible] на каждымъ шагомъ и движеніемъ Россіи и [illegible] сталъ заискивать у Японіи, ожидая отъ нея поддержки.

Съ другой стороны, занятіе Квантунской области и проведеніе желѣзной дороги, нарушивъ прежніе торговые и экономическіе интересы мѣстнаго населенія, [illegible] противъ европейскихъ [illegible]. Наконецъ, завоевательная политика Россіи, встревоживъ Англію, Францію, Пруссію и Италію, пробудила и въ нихъ аппетиты къ завоеваніямъ и захватамъ.

Очертивъ боксерское движеніе 1900 г. и соединенную европейскую экспедицію противъ Китая, Полякъ отмѣчаетъ, что вторженіе И-Чже-Шуанскихъ шаекъ въ Маньчжурію вызвало вполнѣ естественно введеніе туда русскихъ войскъ, и такимъ образомъ было положено начало къ фактической военной оккупаціи сѣверныхъ провинцій Китая.

Отношеніе Витте къ разыгравшимся тогда столь неожиданно въ Китаѣ событіямъ Полякъ характеризуетъ находящимися въ его распоряженіи документами: изъ нихъ явствуетъ, что Витте внушалъ русской желѣзнодорожной администраціи всемѣрно избѣгать столкновеній съ китайскими властями. Равнымъ образомъ Витте указывалъ на необходимость возможно большей осторожности дѣйствій по отношенію къ боксерскому движенію и воздержаніе отъ участія въ Пекинскомъ походѣ. Указывалъ Витте и на необходимость выведенія русскихъ войскъ изъ Чжили и открытія дружественныхъ переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ, но всѣ эти предостереженія оказались безуспѣшными. Маньчжурія подверглась военной оккупаціи въ цѣляхъ рѣшительнаго подчиненія этой китайской окраины русскому вліянію, хотя Витте и заявлялъ категорически, что «для проведенія аггрессивной политики Россія далеко не достаточно подготовлена».

Повидимому, постепенно и русская дипломатія нѣсколько проникласъ правильностью доводовъ министра финансовъ, что̀ и побу-

дило ее завязать съ Китаемъ переговоры объ очищеніи Маньчжуріи отъ русскихъ войскъ.

26 марта 1902 г. по этому предмету состоялось между Китаемъ и Россіею соглашеніе: Россія обязалась вывести изъ Маньчжуріи свои войска въ три опредѣленныхъ срока. Въ первый срокъ договоренная часть войскъ была дѣйствительно выведена, но къ наступленію второго и третьяго срока въ русской политикѣ аггрессивное начало опять взяло верхъ, и дальнѣйшій выводъ войскъ не состоялся.

Всѣ эти смутные моменты Японія не преминула использовать къ своей выгодѣ,—повѣствуетъ Полли:—съ одной стороны, она натравливала Китай на Россію, а съ другой—пыталась завязать непосредственныя сношенія съ Россіею и прійти къ дружелюбному соглашенію. Въ этихъ видахъ, между прочимъ, маркизъ Ито въ концѣ 1901 г. посѣтилъ Петербургъ, но, не добившись опредѣленнаго соглашенія съ русскимъ правительствомъ, отправился непосредственно вслѣдъ затѣмъ въ Англію, гдѣ былъ принятъ съ распростертыми объятіями и вскорѣ заключилъ англо-японскій союзный договоръ.

Вмѣсто того, чтобы оцѣнить по достоинству это серьезное предостереженіе, русское правительство въ непонятномъ ослѣпленіи начало на Дальнемъ Востокѣ дѣйствовать еще рѣшительнѣе, совершенно игнорируя виды Японіи. Тутъ Полли опять приводитъ характерную цитату изъ записки Витте: «Я вполнѣ понимаю великое значеніе охраны Корейскаго полуострова отъ русскихъ посягательствъ съ точки зрѣнія жизненныхъ японскихъ интересовъ. Мало того, я готовъ былъ бы видѣть весьма счастливое разрѣшеніе настоящихъ недоразумѣній, если бы между Россіею и Японіею состоялось соглашеніе на почвѣ взаимныхъ уступокъ,—писалъ С. Ю. Витте.—Только этимъ путемъ сможетъ Россія избѣжать вооруженнаго столкновенія съ Японіею, война же съ Японіею чревата для насъ тягостнѣйшими послѣдствіями, ибо стратегическое положеніе наше на Дальнемъ Востокѣ отнюдь не можетъ почитаться прочнымъ. По этой причинѣ борьба съ Японіею потребуетъ со стороны Россіи неисчислимыхъ жертвъ».

Не менѣе назидательны приводимыя г. Полли соображенія, высказанныя въ всеподданнѣйшимъ докладѣ, представленномъ статсъ-секретаремъ Витте по возвращеніи изъ инспекціонной поѣздки для осмотра Сибирской и Восточно-Китайской желѣзныхъ дорогъ.

«Темною тучею на горизонтѣ дальневосточной русской политики выступаютъ, помимо маньчжурского вопроса, отношенія къ Японіи въ Маньчжуріи и Кореѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Кореѣ, которая для Японіи составляетъ вопросъ жизни.

«Значительность прироста населенія понуждаетъ Японію прінскивать новыя области для разселенія ея подданныхъ. Но такъ какъ переселенческое движеніе на югъ за островъ Формозу на-

талкивается на значительныя препятствія (ибо приморскія территоріи средняго и южнаго Китая, а равно и колоніальныя владѣнія великихъ державъ страдаютъ переполненіемъ собственнаго населенія), то столь первостепенный для государственной жизни Японіи вопросъ можетъ найти разрѣшеніе только въ возможно болѣе безпрепятственномъ заселеніи Кореи. Впрочемъ, не одинъ только вопросъ объ избыткѣ населенія, но и разнообразныя отрасли непрестанно развивающейся японской промышленности властно требуютъ открытія для нихъ новыхъ рынковъ, во избѣжаніе перепроизводства, а эту экономическую потребность можетъ удовлетворить только Корея.

«До занятія Портъ-Артура Россіею и сооруженія южной вѣтви восточно-китайской желѣзной дороги Японія могла еще разсчитывать подчинить своему вліянію Маньчжурію; послѣ побѣдоноснаго военнаго столкновенія съ Китаемъ ею и предпринимались въ этомъ направленіи многочисленныя попытки.

«По этой причинѣ преобладаніе вліянія, захваченнаго нами теперь въ Маньчжуріи, для японскаго правительства отнюдь не безразлично; наоборотъ, оно противорѣчитъ насущнѣйшимъ интересамъ Японіи. Японія вполнѣ естественно зорко слѣдитъ за каждымъ шагомъ, предпринимаемымъ въ Кореѣ великими державами, и ради охраненія своего вліянія надъ этимъ полуостровомъ должна прибѣгнуть при извѣстныхъ обстоятельствахъ хотя бы и къ крайнимъ средствамъ.

«Само собою разумѣется, и Россія имѣетъ кругъ своихъ интересовъ въ Кореѣ; первыя попытки къ утвержденію въ этой странѣ нашего вліянія восходятъ къ 1897 г. и ознаменовались успѣхомъ. Но это только заставило Японію насторожиться, и чѣмъ прочнѣе будетъ утверждаться вліяніе Россіи на Дальнемъ Востокѣ, тѣмъ большая опасность станетъ угрожать корейскимъ интересамъ Японіи.

«Отсюда вытекаетъ, что, доколѣ мы не поступимся нашими замыслами на Корею, враждебное противодѣйствіе Японіи намъ будетъ сказываться не только въ области корейскаго, но и всего дальневосточнаго вопроса. Многіе придерживаются того взгляда, будто Россіи въ корейскомъ вопросѣ не слѣдуетъ итти ни на малѣйшія, хотя бы и преходящія уступки; война де съ Японіею во всякомъ случаѣ неизбѣжна, ранѣе или позднѣе; поэтому всего лучше объявить Японіи войну теперь же и разгромить ее раньше, чѣмъ она успѣетъ усилить свой флотъ. Такихъ воззрѣній я, съ своей стороны, отнюдь раздѣлять не могу. Скорѣе вѣроятно то, что въ ближайшемъ уже будущемъ, по окончаніи сооруженія восточно-китайской желѣзной дороги, между Японіею и Россіею состоится сближеніе на почвѣ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ; именно на этой основѣ общность интересовъ между народами и

составляетъ одну изъ вѣрнѣйшихъ гарантій для устраненія вооруженныхъ столкновеній.

«Поэтому имѣется обоснованная надежда разсчитывать, что намъ въ будущемъ на почвѣ дружнаго соревнованія на Дальнемъ Востокѣ удастся достигнуть мирнаго разрѣшенія вопросовъ, нынѣ служащихъ поводомъ къ коллизіи русско-японскихъ интересовъ. Если бы надежда эта не оправдалась, и правота оказалась бы на сторонѣ утверждающихъ противное, то и въ этомъ случаѣ выгоднѣе отдалить вооруженное столкновеніе съ Японіею, а пока изыскать временный выходъ, чтобы путемъ какого нибудь компромисса не задѣвать японскихъ интересовъ въ Кореѣ.

«На мой взглядъ вооруженное теперь столкновеніе съ Японіею представляетъ чрезвычайно серьезныя опасности. Я не сомнѣваюсь, что окончательно въ этой борьбѣ побѣда останется за Россіею, но при наличныхъ обстоятельствахъ побѣда эта потребуетъ огромныхъ жертвъ и отразится тяжелыми послѣдствіями на экономическомъ положеніи Россіи. Дабы предотвратить или умалить значеніе такихъ послѣдствій Россіи необходимо напередъ тщательно подготовиться къ войнѣ. Не слѣдуетъ забывать, что при натянутыхъ отношеніяхъ къ Китаю Россіи во время войны съ японцами ужъ, конечно, на дружественную поддержку китайскаго правительства разсчитывать нельзя. Поэтому, прежде чѣмъ затѣвать борьбу съ Японіею, Россіи слѣдовало бы выяснить свои отношенія къ Китаю. Кромѣ того, рѣшающее значеніе для Россіи имѣло бы подготовить себѣ въ Маньчжуріи возможно лучшее стратегическое положеніе. Сюда относится полное оборудованіе восточно-китайской желѣзной дороги, цѣлесообразная организація совокупнаго административнаго аппарата и разрѣшеніе цѣлаго ряда доселѣ еще не распутанныхъ вопросовъ. Кромѣ того, необходимо бы было значительно усилить провозоспособность Средне-Сибирской желѣзной дороги, осуществить постройку Круго-Байкальской желѣзной дороги и широко обезпечить Портъ-Артуръ запасами, при чемъ одно уже приведеніе портовыхъ сооруженій на военную ногу въ должныхъ размѣрахъ, по смѣтнымъ предположеніямъ морского министерства, потребуетъ не менѣе десяти лѣтъ.

«При такихъ обстоятельствахъ я могу только настаивать на поддержаніи и развитіи мирныхъ отношеній съ Японіею и нахожу, что въ случаѣ необходимости слѣдуетъ временно отказаться отъ Кореи, если бы возможно было убѣдить Японію на предоставленіе намъ за это извѣстныхъ компенсацій. Изъ двухъ золъ — войны съ Японіею или отказа отъ Кореи, по моему мнѣнію, слѣдуетъ предпочесть второе; прежде всего потому уже, что Россіи придется считаться не только съ приведенными выше непосредственными опасностями и ихъ послѣдствіями, но еще и съ ослабленіемъ ея положенія на Западѣ и ближнемъ Востокѣ, къ выгодѣ другихъ державъ.

«Въ виду наличнаго положенія вещей и почти быстрое ухудшеніе недоразумѣній съ Японіей на почвѣ взаимныхъ предубѣжденій уступокъ за важнѣйшую задачу русской политики на Дальнемъ Востокѣ. Счастливое предложеніе ея успѣшно бы Японіи на счетъ тѣхъ видовъ, которые мы преслѣдуемъ въ Кореѣ, примирило бы ее съ тѣмъ положеніемъ, которое мы заняли въ Сѣверномъ Китаѣ, а такимъ образомъ устранился бы главный поводъ къ кризису на Дальнемъ Востокѣ, чего при существующихъ условіяхъ можно опасаться въ каждую данную минуту».

Вышеозначенная записка Витте была въ оффиціальныхъ кругахъ Петербурга, по увѣреніямъ Поли, встрѣчена весьма сочувственно, и почти всѣ министры высказались противъ агрессивной политики въ Кореѣ. Если, тѣмъ не менѣе, противоположное теченіе взяло верхъ надъ увѣщаніями благоразумія, то объясняется это лишь тѣмъ, что при существующемъ строѣ рѣзко сказывается отсутствіе объединяющей правительственной власти — отдѣльныя главы вѣдомствъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются собственнымъ произволеніемъ и влеченіями минуты, и свои рѣшенія и дѣйствія подвѣдомственныхъ имъ органовъ ради безнаказанности прикрываютъ высокимъ именемъ Государя.

Отмѣтивъ домогательства концессій для разработки естественныхъ богатствъ Кореи, какъ главный источникъ авантюризма въ дальневосточной политикѣ, г. Поли утверждаетъ, что вопреки всѣмъ прежнимъ заключеніямъ ген.-ад. Алексѣевъ довольно неожиданно перешелъ на сторону статсъ-секретаря Безобразова и принялся настойчиво отождествлять интересы государственности съ коммерческими интересами Безобразова, Вонлярлярскаго, Матюнина и пр. Насколько это было непослѣдовательно, явствуетъ уже изъ того, что на происходившемъ осенью 1903 г., по возвращеніи ген.-ад. Куропаткина изъ Японіи, совѣщаніи (въ Портъ-Артурѣ), въ коемъ участвовали Алексѣевъ, Безобразовъ, Куропаткинъ и русскіе посланники въ Китаѣ и Кореѣ: Лессаръ и Павловъ, всѣ они, за исключеніемъ Безобразова, высказывались за выведеніе русскихъ войскъ изъ Маньчжуріи подъ условіемъ предоставленія извѣстныхъ гарантій Россіи со стороны Китая. При этомъ ген.-ад. Куропаткинъ обращалъ особенное вниманіе совѣщанія на то, что стратегическое положеніе Россіи исключаетъ возможность агрессивныхъ дѣйствій противъ Японіи, а ген.-ад. Алексѣевъ, въ свою очередь, указывалъ и на то еще, что Японія подготовляетъ вооруженное столкновеніе съ Россіей; поэтому при обсужденіи даннаго положенія вещей ген.-ад. Алексѣевъ рекомендовалъ чрезвычайную осторожность, дабы устранить возможность дипломатическаго разрыва съ Японіей.

Тѣмъ не менѣе, по возвращеніи изъ вторичной командировки на Дальній Востокъ, Безобразовъ выступилъ уже съ разработан-

нымъ проектомъ войны, и этотъ послѣдній пришлось опровергать ген.-ад. Куропаткину, который и тутъ опять настаивалъ на томъ, что всѣ основанія складываются въ пользу того, чтобы Россія не нарушала добрыхъ и мирныхъ отношеній къ Японіи.

Разсказывая далѣе о послѣдовавшихъ неудачахъ въ войнѣ, затѣянной столь неосмотрительно, Полли по поводу цусимской катастрофы отмѣчаетъ: «Особенно же удивительно то спокойное равнодушіе, которое приходится здѣсь теперь наблюдать. Притупилъ ли длинный рядъ предшествовавшихъ неудачъ впечатлительность народную, или упованія на окончательную побѣду русскаго оружія продолжаютъ окрылять народное самосознаніе, или, быть можетъ, все прочнѣе складывается то воззрѣніе, что всякая дальнѣйшая военная неудача приближаетъ дѣло къ желанному для всѣхъ миру, при чемъ иные утѣшаются еще и тѣмъ, будто разгромъ третьей эскадры заставитъ наконецъ правительство приступить къ преобразованіямъ, насущно необходимымъ для страны, — сказать трудно. Несомнѣнно, та или другая изъ приведенныхъ выше аргументацій отражается на кругозорѣ каждаго, въ зависимости отъ политической зрѣлости, партійности и личнаго темперамента. Главная же причина для этого спокойствія, кажущагося на первый взглядъ чуть ли не героическимъ, обосновывается русскою прирожденною или привитою національною самобытностью. Вѣдь русскій человѣкъ, большею частью, представляетъ собою первобытный типъ флегматика. Русскій человѣкъ флегматиченъ до лѣни въ физическомъ отношеніи, тогда какъ въ области мышленія онъ обнаруживаетъ непреодолимую робость выслѣживать вещи до корня и выводить изъ нихъ крайнія послѣдствія. Рука объ руку съ флегматичностью идетъ неискоренимый россійскій фатализмъ, нашедшій себѣ столь выпуклое воплощеніе въ чисто народномъ словѣ «авось». За свою вѣру въ «авось» Россія, кажется, ужъ достаточно поплатилась. Это «авось» породило смѣщеніе краеугольныхъ основъ, которое столь наглядно сказалось въ столкновеніи русскаго великана на глиняныхъ ногахъ съ ославленной за ничтожество Японіею. Присущіе народу лѣность мысли и фатализмъ подвергались издавна широкому использованію «сильныхъ міра» въ эгоистическихъ цѣляхъ послѣднихъ; ради этого въ области государственности подавлялся всякій общественный починъ, а подъ предлогомъ неприкосновенности самодержавія народъ подчинялся игу всесильной бюрократіи. Теперь же, когда бюрократія проявила въ полномъ блескѣ свою несостоятельность, что же можетъ оплакивать и защищать русскій человѣкъ? Такіе идеалы, которыхъ онъ никогда не зналъ и которыми никогда не обладалъ?

«Совершенно новые идеалы русскимъ людямъ услужливо стали навязывать своимъ примѣромъ и внушеніями инородческія окраины».

Любознательность привлекла г. Полли въ іюнѣ 1905 г. въ Варшаву при объявленіи тамъ военнаго положенія, которое нашъ авторъ вполнѣ оправдываетъ уличными безчинствами, какія производились много недѣль подъ рядъ подъ вліяніемъ революціонной агитаціи, взбаламутившей въ Польшѣ всѣ народныя страсти.

Хотя въ настоящее время,—отмѣчаетъ Полли подъ 12 іюня,—внѣшнія проявленія разбушевавшихся страстей и подавлены, но далеко не устранено вліяніе ихъ, глубоко проникающее во всю общественную жизнь и торговлю. Подъ видимо покойною поверхностью броженіе продолжается попрежнему, и ни одного дня не проходитъ безъ вспышекъ подземной работы, которую терпѣливо ведутъ враждебныя правительству силы. По всему городу раскидываются революціонныя прокламаціи, при чемъ не возможно прослѣдить происхожденіе, изготовленіе и способы распространенія подпольныхъ листковъ; чуть ли не каждый день то одинъ, то другой представитель администраціи находитъ у своего обѣденнаго прибора таинственную бумажку, возвѣщающую ему смертный приговоръ. Одну такую бумажку я и самъ имѣлъ въ рукахъ, но ни внѣшній ея видъ, ни лаконическій текстъ, отпечатанный на машинкѣ, ни краткая подпись P. P. P. (parti polonais prolétaire) не могли послужить ключомъ къ изобличенію отправителя.

«Въ настоящее время надъ общественною жизнью и мнѣніемъ царства Польскаго сказывается властное вліяніе четырехъ параллельныхъ теченій соціальной революціи разной окраски.

«Таковы: а) P. S. D. (партія соціалъ-демократическая), руководящая соціальнымъ движеніемъ рабочихъ, б) еврейская организація, такъ называемый «Бундъ», в) P. P. S. (польская соціальная партія), преслѣдующая соціально-политическія стремленія, и г) P. P. P. (польская пролетарская партія). Всѣ эти группы связаны другъ съ другомъ и оказываютъ одна другой посильную поддержку, преслѣдуя родственныя стремленія. Недовольство существующимъ строемъ явилось благодарною почвою, которая питаетъ и развиваетъ терроризмъ, проникнутый анти-русскимъ и анти-имперіалистическимъ воззрѣніями.

«Стройная организація, желѣзная дисциплина и образцовая солидарность отличаютъ всѣ соціалистическія группы, какъ носящія международный характеръ (P. S. D. и Бундъ), такъ и ограничивающіяся только польскою пропагандою (P. P. S. и P. P. P.). Настоящіе заправилы обѣихъ категорій движенія укрываются въ покойной безопасности за границею — польскіе «гранды» въ Краковѣ и Лембергѣ, руководители P. S. D. въ Берлинѣ и Парижѣ, главы Бунда въ Парижѣ. Каждая изъ группъ имѣетъ, кромѣ того, и въ Польшѣ по исполнительному комитету, распоряженія и приказы котораго членами соотвѣтственной партіи выполняются безпрекословно, съ слѣпымъ послушаніемъ.

«На ряду съ общностью цѣли борьбы каждая изъ четырехъ соціалистическихъ партій преслѣдуетъ естественно и свою особую программу, а въ соотвѣтствіи съ нею и степень радикально-террористическихъ стремленій принимаетъ болѣе или менѣе сильные оттѣнки.

«Въ частности P. P. S. конечною отдаленною цѣлью ставитъ полное отторженіе края отъ Россіи на республиканско-соціалистической основѣ; пока же пропаганда сосредоточивается на достиженіи автономіи, учрежденіи самостоятельнаго польскаго сейма и введеніи польскаго языка въ обиходъ школы и всѣхъ офиціальныхъ сношеній.

«Партія P. P. P. въ основѣ руководствуется такою же національною программою, но дѣйствуетъ несравненно болѣе радикальными мѣрами, проводя ихъ съ помощью анархическихъ пріемовъ.

«P. S. D.—порожденіе международной рабочей партіи, и, принявъ обще-извѣстную соціалъ-демократическую программу, чуждается всякихъ польскихъ поползновеній, но зато сильно проникается революціонно-террористическимъ духомъ.

«Равнымъ образомъ и выросшій на международной почвѣ «бундъ» ставитъ высшимъ своимъ заданіемъ уравненіе евреевъ въ политическихъ и соціальныхъ правахъ и, какъ къ наиболѣе подходящему для этого средству, прибѣгаетъ къ разжиганію демагогическихъ страстей.

Помимо этихъ четырехъ соціалистическихъ группъ, русскому правительству приходится еще считаться съ могущественною великопольскою національно-демократическою партіею (P. P. N.), а она совершенно открыто выставляетъ своимъ лозунгомъ отторженіе отъ Россіи при помощи автономіи и возстановленіе независимости Великой Польши.

«Для развитія всѣхъ этихъ антирусскихъ и противоправительственныхъ теченій война на Дальнемъ Востокѣ, конечно, пришлась какъ нельзя болѣе кстати; всякая новая неудача и бѣдствіе, постигавшія Россію, использовались мѣстными и зарубежными руководителями смутъ неуспѣшнѣйшимъ образомъ. При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что въ настоящую пору (лѣтомъ 1905 г.) въ Польшѣ, какъ и на другихъ окраинахъ, наблюдается полнѣйшій анархизмъ рабочей массы, задурманиваемой революціонными прокламаціями и подзуживаемой опаснѣйшими происками; на каждомъ шагу сказывается поощреніе ея къ всевозможнымъ насиліямъ и злодѣяніямъ, какъ никогда и нигдѣ еще не наблюдалось».

Для подавленія революціонной анархіи Полли не усматриваетъ другого выхода, какъ обращеніе къ тѣмъ же рѣшительнымъ пріемамъ, какими была въ 1871 г. подавлена парижская коммуна.

Манифестомъ 17 октября и избирательными законами 11 декабря 1905 г. правительство весьма широко удовлетворило требованіямъ конституціонныхъ вольностей.

То, что еще сохранилось отъ народныхъ богатствъ Россіи послѣ неимовѣрныхъ напряженій и затратъ на продолжительную кровопролитную войну, однако же, подвергается разграбленію и уничтоженію въ какомъ-то дикомъ ослѣпленіи и ожесточеніи. Еще какое нибудь полугодіе тому назадъ апостолы революціи, конечно, подверглись бы самой безпощадной расправѣ, если бы тогда же агитаціи былъ положенъ предѣлъ дарованіемъ народу умѣренныхъ вольностей. Теперь же съ разительною поспѣшностью возвѣщаются и близятся къ претворенію въ дѣйствительность широкое избирательное право и свобода личности, слова и вѣрованій—словомъ, западно-европейскія конституціонныя преобразованія во всей полнотѣ, но какого же результата этимъ достигло правительство? Смуты, убійства, грабежи, уличные безпорядки, броженіе въ войскахъ, глумленіе надъ правительствомъ, забастовки, почти полное прекращеніе торговли и промышленности, паденіе государственной ренты и анархія, разливающаяся отъ низа до общественныхъ верховъ.

Проявленная правительствомъ нерѣшительность по отношенію къ возникшей смутѣ безгранично усилила смѣлость революціонеровъ и позволила пожару разлиться чуть ли не по всей странѣ.

Очевидно, противъ посягательства на убійства и грабежи, метанія бомбъ и прочихъ злодѣяній, учиняемыхъ подъ предлогомъ «освободительнаго движенія», самозащита государственности находитъ полное себѣ оправданіе; всѣмъ извѣстные факты давнымъ давно доказали, что успѣшность борьбы съ анархіею возможна лишь при примѣненіи драконовскихъ мѣропріятій, такъ какъ насилія ничѣмъ другимъ не обуздываются, какъ насильственными же мѣропріятіями, а какой же внимательный наблюдатель не видитъ, что господа революціонеры, среди которыхъ евреи чуть ли не преобладаютъ, насильственно нарушаютъ кровные интересы не только правительства, но и всего благомыслящаго общества и трудящейся массы».

В. И. фонъ-Штейнъ.

ТРЕТІЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ГУБ. Г. ВЛАДИМИРѢ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ученыхъ архивныхъ комиссій, этихъ провинціальныхъ историко-археологическихъ обществъ, за послѣднее десятилѣтіе настолько расширилась и въ отношеніи все продолжающаго возрастать числа самихъ комиссій (нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ возникла новая, счетомъ 27-ая, Ставропольская архивная комиссія), и въ смыслѣ развитія ихъ задачъ, что она, можно сказать, уже вышла изъ предѣловъ извѣстности только въ небольшомъ кругу спеціалистовъ и становится все болѣе и болѣе доступной и интересной для такъ называемаго большого общества. Однимъ изъ могучихъ въ этомъ отношеніи средствъ надо признать устройство архивными комиссіями областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ. Первый такой съѣздъ былъ устроенъ въ Ярославлѣ въ 1901 г.; второй черезъ два года въ Твери и наконецъ третій съ 20 іюня сего года во Владимирѣ губернскомъ.

Въ свое время немало писалось и говорилось о томъ интересѣ и вниманіи, которые возбудили среди ученыхъ и общества первые археологическіе съѣзды—Ярославскій и Тверской; а изданные ими обширные «Труды» надолго послужатъ достойными памятниками ихъ плодотворной работы.

Если въ устройствѣ вышеозначенныхъ съѣздовъ и было участіе сосѣднихъ архивныхъ комиссій, то по отношенію къ Вла-

димирскому археологическому съѣзду сказать этого нельзя: онъ подготовленъ и устроенъ исключительно трудами однихъ главнѣйшихъ дѣятелей Владимирской ученой архивной комиссіи, сумѣвшихъ поставить молодую еще Владимирскую комиссію въ рядъ выдающихся мѣстныхъ историко-археологическихъ обществъ. Въ числѣ этихъ дѣятелей нельзя не назвать прежде всего А. В. Селиванова, А. В. Смирнова, Н. Вл. Малицкаго, В. Г. Добронравова, В. Т. Георгіевскаго и др. О широкой и плодотворной дѣятельности членовъ Владимирской комиссіи говоритъ еще и то, что, несмотря на свое шестилѣтнее существованіе, комиссія имѣетъ собственный двухъэтажный домъ, отстроенный къ открытію съѣзда.

Третій областной историко-археологическій съѣздъ въ г. Владимирѣ открылся въ помѣщеніи дворянскаго собранія 20 іюня 1906 г. молебствіемъ, совершеннымъ муромскимъ епископомъ Александромъ. Среди цѣлаго ряда выраженныхъ ему привѣтствій—отъ епископа, вице-губернатора, городского управленія, архивныхъ комиссій, ученыхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ,—особое вниманіе обратила на себя рѣчь предсѣдателя съѣзда, директора императорскаго археологическаго института, Н. В. Покровскаго, который, между прочимъ, началъ такъ: «Вниманіе учредителей областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ остановилось на Владимиро-Суздальской области, и къ ней пріурочены археологическія занятія съѣзда, въ виду ея выдающагося историко-археологическаго значенія и изобилія сохранившихся до насъ разнообразныхъ памятниковъ старины. Извѣстно, что Суздальскій край съ незапамятныхъ временъ заселенъ былъ преимущественно финнами; въ X вѣкѣ, какъ показали археологическія раскопки, господствующее населеніе здѣсь было уже русское. Въ XII вѣкѣ Андрей Боголюбскій перенесъ сюда великокняжескій престолъ, и Владимиръ становится столицею княжества. Это былъ первый шагъ по направленію къ Москвѣ,—шагъ смѣлый, гарантированный преимуществами вновь зарождающагося государственнаго центра... Вмѣстѣ съ великокняжескимъ дворомъ Андрей Боголюбскій сталъ переносить сюда и обычаи Кіева: видимо, онъ подражалъ Кіеву. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ заложилъ во Владимирѣ новый городъ-крѣпость, по образцу Ярославова города, съ такими же Золотыми воротами, какъ въ Кіевѣ; перенесъ во Владимиръ кіевскія названія мѣстностей, напримѣръ, Печерный городъ, Лыбедь, Иринины ворота и проч. Онъ же сооружалъ здѣсь и первые христіанскіе храмы. Отселѣ начинается исторія христіанскаго искусства Владимиро-Суздальской области. Періодъ процвѣтанія этого искусства былъ непродолжителенъ, онъ оканчивается съ перенесеніемъ столицы въ Москву (1325 г.); тѣмъ не менѣе памятниковъ искусства отъ этой непродолжительной эпохи сохранилось до насъ очень много: сюда относятся памятники архитектуры, живописи, металлическаго производства и даже эмали»...

Указавъ затѣмъ на то, что эти памятники давно уже обратили на себя вниманіе изслѣдователей и ученыхъ, создавшихъ цѣлую литературу, ораторъ справедливо замѣчаетъ, что, хотя «на первомъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ (1869 г.) и былъ широко поставленъ вопросъ о характерѣ и генезисѣ Владимиро-Суздальской архитектуры», тѣмъ не менѣе «ученая дѣятельность этого рода несомнѣнно обновилась съ учрежденіемъ во Владимирѣ въ 1899 г. ученой архивной комиссіи», которой, однако, въ этомъ направленіи предстоитъ еще немало работы.

Древнѣйшая послѣ Кіева великокняжеская столица, уступившая мѣсто Москвѣ и затѣмъ Петербургу, г. Владимиръ въ настоящее время принадлежитъ къ числу заурядныхъ губернскихъ городовъ. Расположенный на высокомъ берегу узкой и мелководной рѣки Клязьмы, вдали отъ фабрикъ и заводовъ, съ 26—27-ью-тысячнымъ населеніемъ, онъ въ торгово-промышленномъ отношеніи считается захудалымъ городомъ и былъ бы еще бѣднѣе, если бы не былъ административнымъ центромъ въ губерніи. Но обиліе памятниковъ старины какъ въ немъ, такъ и въ прилегающихъ къ нему уѣздныхъ городахъ: Суздалѣ, Муромѣ, Юрьевѣ Польскомъ, Переславлѣ Залѣсскомъ и другихъ, дѣлаютъ г. Владимиръ и всю его область богатымъ историческимъ центромъ, приковывающимъ къ себѣ вниманіе всѣхъ истинныхъ любителей и цѣнителей памятниковъ древности.

Самыми крупными такого рода памятниками въ г. Владимирѣ являются его соборы: Успенскій и Дмитріевскій. По поводу перваго изъ нихъ авторъ книги: «Городъ Владимиръ на Клязьмѣ и его достопримѣчательности», В. Т. Георгіевскій, говоритъ: «Немного на Руси такихъ храмовъ, которые были бы такъ богаты святынею, древностями и славными историческими воспоминаніями, какъ Владимирскій Успенскій соборъ, построенный въ центрѣ кремля св. благовѣрнымъ великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Болѣе семи вѣковъ пронеслось надъ нимъ, и въ бурномъ теченіи ихъ соборный храмъ Успенія пережилъ, вмѣстѣ съ древлестольнымъ Владимиромъ, и блестящую славу главнаго святилища великокняжеской столицы и цѣлый рядъ ужаснѣйшихъ бѣдствій... Обозрѣвая лѣтописныя сказанія о началѣ соборнаго храма Успенія, мы встрѣчаемъ у всѣхъ лѣтописцевъ единодушное восторженное удивленіе предъ величіемъ, красотою и богатствомъ этого дѣтища «христолюбиваго князя Андрея», создавшаго такой храмъ, «яковаго не бысть на Руси и никогда же не будетъ» [1]). Но дра-

[1]) Подробная «Исторія каѳедральнаго Успенскаго собора въ губ. г. Владимирѣ» составлена прот. А. Виноградовымъ (Владимиръ, 1905 г., 3 изданіе). См. также «Древнія гробницы во Владимирскомъ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ и Успенскомъ княжномъ монастырѣ»—архимандрита Порфирія (Владимиръ, 1903 г., 2 изданіе).

[illegible] всѣхъ украшеній и сокровищъ храма была поставленная въ немъ чудотворная икона Богоматери, писанная по преданію евангелистомъ Лукою и привезенная Андреемъ Боголюбскимъ изъ Вышгорода. Въ [illegible] г. эта святыня была перенесена въ Московскій Успенскій соборъ, а на мѣсто во Владимирскомъ [illegible] икона, писанная московскимъ митрополитомъ Петромъ.

Какъ историческій памятникъ, Владимирскій Успенскій соборъ имѣетъ такое же значеніе для русскаго человѣка, какъ св. Софія Кіевская и Новгородская, какъ непосредственный преемникъ славы его—соборный храмъ Успенія въ Москвѣ. Какъ усыпальница цѣлыхъ поколѣній князей, княгинь и святителей земли Русской, онъ предваряетъ славою своею Архангельскій соборъ въ Москвѣ и Петропавловскій въ Петербургѣ; наконецъ, какъ рѣдкій памятникъ древнерусскаго зодчества и древней настѣнной живописи, онъ—замѣчательное явленіе. «Не напрасно,—читаемъ въ книгѣ В. Т. Георгіевскаго,—вызывалъ Боголюбскій лучшихъ мастеровъ изъ всѣхъ земель для построенія храма! При взглядѣ на это величественное зданіе, освобожденное въ настоящее время отъ всѣхъ искажавшихъ его ранѣе пристроекъ, всякаго невольно поражаетъ стройность и соразмѣрность всѣхъ его частей, красота арокъ, перекинутыхъ по 18 столбамъ его, поддерживающихъ хоры, своды и купола,—изящество главъ его и крѣпость стѣнъ... Не напрасно въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ онъ былъ идеальнымъ образцомъ для многихъ древнерусскихъ храмовъ: въ Юрьевѣ, Ростовѣ, Звенигородѣ и другихъ мѣстахъ по лицу земли Русской были выстроены храмы по образцу собора Успенскаго. Когда великій князь Іоаннъ Васильевичъ III, утверждая единодержавіе въ Москвѣ, пожелалъ устроить въ ней соборный храмъ, то не нашелъ лучшаго образца, какъ во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ. Его мастера пріѣзжали во Владимиръ и сняли точную мѣру его; затѣмъ знаменитый зодчій Аристотель Фіоравенти, строившій храмъ Успенія въ Москвѣ, нарочито пріѣзжалъ во Владимиръ для обозрѣнія собора и былъ пораженъ красотою его архитектуры».

Его фрески XII в., обновленныя въ XV в. искусной кистью знаменитаго Андрея Рублева, «по полнотѣ иконографическихъ сюжетовъ и по художественности исполненія не имѣютъ себѣ равныхъ среди памятниковъ древнерусскаго искусства и иконографіи, сохранившихся до сего времени, за исключеніемъ развѣ кіево-софійскихъ мозаикъ и фресокъ Спасъ-Нередицкой близъ Новгорода церкви». Въ особенности замѣчательны фрески, изображающія второе пришествіе Христа и страшный судъ, сохранившіяся во всей своей первобытной полнотѣ... Здѣсь не лишне замѣтить, что такого рода художественныя сокровища долгое время были скрыты подъ толстыми слоями штукатурки и масляной краски, и увидали свѣтъ только въ 1882—1884 г. г., благодаря просвѣ-

щенной дѣятельности бывшаго архіепископа владимирскаго Ѳеогноста.

Начавъ рѣчь объ Успенскомъ соборѣ, нельзя, конечно, не упомянуть о томъ, что въ немъ покоятся мощи: 1) св. благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича, убитаго татарами въ сраженіи на р. Сити въ 1237 г. (съ 1645 г.); 2) Андрея Боголюбскаго (съ 1702 г.) и 3) сына его, князя Глѣба Андреевича (съ 1702 г.); что въ числѣ древнѣйшихъ его иконъ обращаютъ на себя вниманіе: 1) икона Владимирской Божіей Матери, писанная св. митрополитомъ Петромъ; 2) икона Божіей Матери, такъ называемая Максимовская, написанная вслѣдствіе видѣнія, бывшаго митрополиту Максиму въ 1299 г.; 3) икона Знаменія Пресвятой Богородицы, написанная въ 1640 г.; 4) икона великаго князя Георгія; 5) икона Спасителя, въ золотой ризѣ, высокой греческой живописи, и другія, и что на ряду съ древними церковными предметами сохранились въ немъ и замѣчательныя рукописи: Минея XVI в., синодикъ, переписанный со стараго въ 1651 г., «Лѣтописецъ о покореніи Казанскаго царства и о другихъ событіяхъ», рукопись, написанная въ 1695 г., съ расписными заглавными листами, и заключающая въ себѣ службу благовѣрному великому князю Георгію, владимирскому чудотворцу, и повѣсть объ убіеніи великаго князя Георгія и другія.

Второй вышеназванный нами Дмитріевскій соборъ рѣзко выдѣляется своимъ наружнымъ видомъ среди окружающихъ его зданій и храмовъ и представляетъ собою рѣдкій памятникъ церковнаго зодчества XII в. Построенный въ 1193—1197 г. г. великимъ княземъ Всеволодомъ III на великокняжескомъ дворѣ, много разъ подвергавшійся разграбленіямъ и разореніямъ со стороны татаръ, литовцевъ и поляковъ, онъ, однако, сохранилъ свои древнія стѣны со всѣми наружными украшеніями. Правда, въ царствованіе Іоанна Грознаго IV къ нему пристроили придѣлы съ южной и сѣверной стороны, и притворъ и двѣ небольшія колокольни съ западной, которыя закрывали собою многія изъ древнѣйшихъ украшеній, но императоръ Николай Павловичъ, посѣтившій Владимиръ въ 1834 г., приказалъ уничтожить эти пристройки и возобновить соборъ въ его первоначальномъ видѣ, что̀ и было исполнено къ 1847 г.

Дмитріевскій соборъ, сложенный изъ бѣлаго известковаго камня, вывезеннаго изъ Волжской Болгаріи, имѣетъ видъ правильнаго четыреугольника, продолговатыя стороны котораго обращены къ сѣверу и къ югу. «Восточная алтарная сторона выступаетъ тремя полукружьями, изъ которыхъ среднее больше другихъ. Западная, сѣверная и южная стѣны раздѣляются каждая на части тонкими колоннами... По срединѣ стѣнъ, кругомъ всего собора, идетъ роскошный узорчатый поясъ. Своды, опираясь на четырехъ

внутреннихъ столбахъ, поддерживаютъ высокій куполъ, увѣнчанный шлемообразною главою съ мѣднымъ рѣзнымъ четырехконечнымъ крестомъ [1].

Главное отличіе этого собора отъ подобныхъ ему древнерусскихъ кіевскихъ храмовъ составляютъ наружныя украшенія, которыми испещрено почти все зданіе. Эти барельефы не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ произведеніяхъ византійскаго искусства, украшавшихъ собою византійскіе храмы, и свидѣтельствуютъ о томъ, что въ постройкѣ собора участвовали западные зодчіе, и именно романскіе. Благодаря ихъ склонности къ барельефнымъ украшеніямъ, послѣднія получили широкое примѣненіе и въ Дмитріевскомъ соборѣ. «Всѣ стѣны на наружныхъ впадинахъ между колонками, начиная отъ пояса до кровли, и самый куполъ были испещрены этими украшеніями, состоящими изъ рельефно высѣченныхъ на камняхъ фигуръ святыхъ, различныхъ травъ, птицъ и животныхъ, почти исключительно фантастическихъ» [2]. Главная и центральная фигура среди этихъ украшеній представляетъ неизвѣстнаго святого, сидящаго на богато убранномъ престолѣ съ короной на головѣ и сіяніемъ вокругъ нея. По мнѣнію однихъ, это—Господь Вседержитель, а по мнѣнію другихъ—царь и пророкъ Давидъ...

Во время реставраціи храма была открыта и часть древнихъ фресокъ, сохранившаяся подъ штукатуркою, на парусахъ сводовъ и подъ хорами у западной стороны. Фрески эти составляютъ часть одной картины страшнаго суда, который издавна былъ излюбленнымъ сюжетомъ для церковной стѣнописи. Изъ древнихъ иконъ въ соборѣ замѣчательна икона св. великомученика Димитрія Солунскаго, по всей вѣроятности, копія съ иконы, писанной при Всеволодѣ III. Внутри собора около одной изъ стѣнъ его обращаетъ на себя вниманіе памятникъ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора надъ могилой графа Романа Илларіоновича Воронцова, перваго намѣстника владимірскаго, умершаго въ 1783 г.

Послѣ Успенскаго и Дмитріевскаго соборовъ, какъ главнѣйшихъ «достопримѣчательностей» г. Владиміра, слѣдуетъ указать еще на Рождественскій монастырь (нынѣ архіерейскій домъ), которому при самомъ его основаніи великій князь Всеволодъ III Юрьевичъ указалъ быть «старѣйшимъ изъ монастырей великой Руси», и который «писался первымъ до 1561 г.», когда это первенство перешло къ Троице-Сергіевой лаврѣ. Древнѣйшая его церковь во имя Рождества Богородицы была построена въ 1191 г. и оставалась въ своемъ первоначальномъ видѣ до конца XV вѣка. Послѣдовавшіе

---

[1]) Стр. 94 цитированнаго уже сочиненія В. Т. Георгіевскаго: «Губернскій городъ Владиміръ и его достопримѣчательности» (Владиміръ, 1896).

[2]) Ib., стр. 95.

затѣмъ пожары и всевозможныя пристройки значительно измѣнили и испортили его, и только въ 1858 г., благодаря знатокамъ древнерусскаго зодчества, первоначальный видъ церкви былъ возстановленъ. 23 ноября 1263 г. здѣсь былъ погребенъ великій князь Александръ Невскій, во имя котораго существовала здѣсь и небольшая церковь «на святыхъ вратахъ». Въ 1723 г., по повелѣнію императора Петра I, почивавшія въ ней мощи св. Александра Невскаго были перенесены въ Александро-Невскую лавру въ С.-Петербургѣ.

Подъ одной изъ церквей этого монастыря (нынѣ архіерейскаго дома) помѣщается открытое въ 1886 г. при Александро-Невскомъ братствѣ церковно-историческое древлехранилище, весьма богатое по собранію рукописей и древнихъ старопечатныхъ книгъ, а также и предметовъ церковной утвари. Изъ числа рукописныхъ сборниковъ единственный Требникъ XVI в., списанный съ рукописи 1426 г., послужилъ даже предметомъ особаго доклада проф. А. Дмитріевскаго на засѣданіи съѣзда 24 іюня, какъ имѣющій по находящимся въ немъ «чинамъ», практиковавшимся въ великой Константинопольской церкви и неизвѣстнымъ до сихъ поръ въ наукѣ, высокій научный интересъ[1]).

Нѣсколькими годами позже былъ основанъ во Владимирѣ другой замѣчательный и богатый древностями монастырь, называемый «Княгининъ Успенскій женскій монастырь», состоящій съ 1900 г. въ первомъ классѣ. Основательница его—супруга великаго князя Всеволода III княгиня Марія Шварновна, отличавшаяся необыкновенной добротой и благочестіемъ. Древнѣйшая церковь монастыря—Успенская, сохраняется и понынѣ почти въ своемъ первоначальномъ видѣ, за исключеніемъ крыши и главъ, передѣланныхъ еще въ XVII вѣкѣ; кромѣ того, она единственная въ Суздальской области отъ XII—XIII вѣковъ—кирпичная. Въ 1230 г. въ нее были перенесены мощи св. Авраамія, замученнаго въ Великихъ Булгарахъ (или Болгарахъ), и покоятся съ 1804 г. въ особой серебряной ракѣ съ балдахиномъ, отличной рѣзной работы, вызолоченнымъ червоннымъ золотомъ.

Въ началѣ XVII вѣка въ монастырѣ жили несчастныя инокини изъ царскаго рода—Прасковья Михайловна Сомовыхъ, вторая супруга царевича Іоанна, сына Грознаго, и царевна Ксенія, дочь Бориса Годунова [2]).

---

[1]] Краткое описаніе древлехранилища напечатано В. Т. Георгіевскимъ въ 1895 г.; кромѣ того, отдѣльно было издано къ настоящему съѣзду составленное С. Недешевымъ «Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древлехранилища при братствѣ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго», вып. I, Владимиръ, 1906 г.

[2]) О Княгининомъ монастырѣ см. «Историческое описаніе первоклассннаго Княгинина Успенскаго женскаго монастыря въ губ. г. Владимирѣ» (М., 1900) и «Древнія гробницы во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ и Успенскомъ Княгининомъ дѣвическомъ монастырѣ и погребенные въ нихъ князья, княгини и святители», соч. архим. Порфирія (Владимиръ, 1903 г., изданіе 2-е).

Отъ того же XII вѣка во Владимірѣ имѣются двѣ приходскихъ церкви: Спасопреображенская и Георгіевская, долгое время бывшія монастырями и, къ сожалѣнію, очень мало сохранившія предметовъ отдаленной древности.

Какъ соборы: Успенскій и Дмитріевскій, такъ и монастыри: Рождественскій и Княгининъ, были предметомъ особаго обозрѣнія и изученія со стороны членовъ владимірскаго историко-археологическаго съѣзда, главнымъ руководителемъ которыхъ былъ извѣстный нашъ знатокъ церковныхъ древностей, Н. В. Покровскій, съ достаточною ясностью выяснившій происхожденіе стѣнописей того и другого собора.

Цѣлый день затѣмъ былъ посвященъ и ознакомленію членовъ съѣзда съ суздальскими соборами и монастырями, подъ руководствомъ В. Т. Георгіевскаго, затѣмъ Н. В. Покровскаго, архимандрита Исидора и проф. И. А. Шляпкина.

Изъ достопримѣчательностей Суздаля нельзя не указать, прежде всего, на соборъ во имя Рождества Богородицы, который считается выдающимся въ архитектурномъ отношеніи съ примѣтами древне-суздальской архитектуры (звѣриная обронная орнаментика на стѣнахъ). Въ немъ самымъ замѣчательнымъ памятникомъ древнерусскаго искусства признаются двое колоссальныхъ двустворчатыхъ дверей (западныя и полуденныя), на которыхъ имѣется 28 пластинокъ, украшенныхъ живописными сценами. Обращаютъ также вниманіе: деревянный крестъ, на которомъ вырѣзаны праздники Господніе и Богородичные; икона Спаса Нерукотвореннаго, вывезенная святителемъ Ѳеодоромъ изъ Греціи въ 990 г.; икона Богородицы Одигитріи 1382 г. и др. Затѣмъ богатъ разнаго рода церковными предметами (но преимущественно иконами царскихъ иконописцевъ, съ Симономъ Ушаковымъ во главѣ) и историческими гробницами Покровскій женскій монастырь, извѣстный болѣе, какъ мѣсто ссылки для княгинь и царицъ, съ постриженіемъ ихъ въ иночество. Такъ, въ 1526 г. здѣсь была водворена невольная постриженица, безплодная супруга великаго князя Василія Ивановича, Соломонія, съ иноческимъ именемъ Софіи, прожившая въ монастырѣ 16 лѣтъ († 1542 г.); здѣсь же была заключена Іоанномъ Грознымъ въ 1576 г. четвертая его супруга Анна Колтовская; сюда были сосланы въ XVIII вѣкѣ и Марія Петровна, молодая супруга царя Василія Ивановича Шуйскаго, послѣ его сверженія съ престола въ 1610 г., и царица Евдокія Ѳеодоровна (Лопухина), супруга Петра Великаго, постриженная подъ именемъ Елены.

Близъ усыпальницы князей Пожарскихъ съ казематами недавно упраздненной монастырской тюрьмы—Спасо-Евѳиміева мужского монастыря, находится и древнѣйшій суздальскій монастырь Ризположенскій, бывшій мѣстомъ иноческихъ подвиговъ преподобной Евфросиніи, дочери князя Михаила Черниговскаго, замученнаго въ

ордѣ. Храмы его—Ризположенскій и Троицкій (XVI—XVII вѣковъ), колокольня, башня и святыя ворота (XVII вѣка), украшенныя разноцвѣтными изразцами, представляютъ немало особенностей, важныхъ для археолога, занимающагося изученіемъ древнерусской архитектуры. Нѣкоторые же предметы церковной утвари, шитыя пелены, иконы и въ особенности рукописное житіе преподобной Евфросиніи, украшенное мастерскими миніатюрами, въ спискахъ XVII и XVIII вѣковъ, являются цѣннѣйшими памятниками древнерусскаго искусства. Входныя ворота монастыря уже обратили вниманіе академика В. В. Суслова и описаны имъ въ его академическомъ изданіи: «Памятники древне-русскаго зодчества» [1]).

Помимо указанныхъ владимиро-суздальскихъ достопримѣчательностей, спеціально для членовъ съѣзда была устроена Владимирской архивной комиссіей особая археологическая выставка. Въ ней, кромѣ комиссіи, приняли участіе своими древними рѣдкостями — древлехранилище при Александровскомъ братствѣ, Владимирскій Успенскій соборъ (ризница), музей Рязанской архивной комиссіи, нѣкоторые частные владѣльцы старинныхъ коллекцій, какъ, напримѣръ, Д. Г. Бурылинъ изъ г. Иваново-Вознесенска, Е. И. Голышева изъ Голышевки (близъ слободы Мстеры), гг. Цѣпковы изъ Мстеры, А. В. Селивановъ изъ Владимира и др. Наиболѣе богаты отдѣлы: церковныхъ древностей, гдѣ много древнихъ иконъ, доставленныхъ мстерскими иконописцами-старинщиками, коллекція крестовъ, деревянныхъ брачныхъ вѣнцовъ, царскихъ вратъ и т. п. Но во главѣ всѣхъ этихъ предметовъ стоитъ золотой наплечникъ великокняжеекаго кафтана, украшенный лиможскою эмалью XII—XIII вѣка, и затѣмъ отдѣлъ бытовыхъ памятниковъ (здѣсь, между прочимъ, довольно значительная коллекція русскаго фарфора и фаянса А. В. Селиванова).

Послѣ этого краткаго обозрѣнія наиболѣе выдающихся древностей Владимиро-Суздальской области, послужившихъ предметомъ изученія какъ для членовъ Владимирской архивной комиссіи, такъ и для членовъ настоящаго историко-археологическаго съѣзда, мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самыхъ рефератовъ, числомъ около 30, читанныхъ на засѣданіяхъ съѣзда, по необходимости останавливая вниманіе только на болѣе крупныхъ изъ нихъ.

Сообразно программѣ занятій съѣзда работы членовъ его касались: 1) первобытныхъ древностей; 2) областной исторіи: древностей историческихъ (письменныхъ) и географическихъ; 3) па-

---

[1]) См. «В. Георгіевскій. Суздальскій Ризположенскій женскій монастырь. Историко-археологическое описаніе» (Владиміръ, 1900 г.). Въ приложеніяхъ къ нему описано много памятниковъ древне-русскаго искусства, появляющихся впервые въ печати, и помѣщенъ рядъ архивныхъ документовъ, вмѣстѣ съ «житіемъ» преподобной Евфросиніи, по списку XVII вѣка.

[illegible] [illegible] предметовъ и грамотныхъ старины (наличность въ предметахъ и грамотахъ; [illegible] памятниковъ быта и [illegible] живой старины [illegible] и архивныхъ данныхъ).

[illegible] докладъ А. В. Селиванова «О древнѣйшемъ населеніи Ярославскаго района, предшествовавшемъ славянскому и мерянскому». Основныя его положенія [illegible] древняя культура Ярославскаго района, къ которому относятся съ одной стороны, какъ древнѣйшія поселенія Борковскаго типа, такъ съ другой городища Дьякова типа — является древнѣйшей изъ культуръ желѣзнаго вѣка, начало которого можно отнести къ IV—V ст., а [illegible] къ VIII вѣку. Господствующій характеръ погребеній этой культуры — обыкновенныя погребенія не въ курганахъ, какъ у славянъ, а въ могильникахъ, на [illegible] свойственныя: трупосожженіе и [illegible]. Эту культуру можно считать посредствующей между каменнымъ вѣкомъ и позднѣйшей бронзовой культурой X—XII в. По вопросу же о племени, къ которому относится древнее населеніе Ярославской области, референтъ, согласно другому изслѣдователю этого края, весьма небезызвѣстному археологу Черепнину, недавно скончавшемуся, склоненъ признать его за мерянское.

Затѣмъ прочитаны были два сообщенія о древностяхъ нынѣшней Тверской губерніи: П. Ѳ. Симсономъ — «Стоянка каменнаго вѣка подъ г. Зубцовомъ Тверской губерніи», и П. А. Ивановымъ — «О раскопкахъ В. Н. Мальковскаго кургановъ въ с. Рыбинскомъ Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи».

Къ сожалѣнію, спеціальнаго доклада о раскопкахъ во владимирскихъ курганахъ, порученныхъ Н. Г. Макаренко организаціоннымъ комитетомъ настоящаго съѣзда, услышать не удалось, такъ какъ «нѣкоторыя вещи, найденныя при раскопкахъ, до сихъ поръ еще не возвращены изъ императорской археологической комиссіи». Равно не состоялся и докладъ Ю. Г. Гендуне: «О раскопкахъ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи»; но весьма важнымъ пособіемъ для ознакомленія съ владимирскими курганами можетъ послужить обширная статья А. А. Спицына, напечатанная въ пятнадцатомъ выпускѣ «Извѣстій императорской археологической комиссіи», появившемся въ свѣтъ незадолго до съѣзда. Въ статьѣ этой, носящей названіе «Владимирскіе курганы», авторъ даетъ критическій разборъ раскопокъ гр. А. С. Уварова и П. С. Савельева въ 1851—1854 г.г., а также и другихъ лицъ до позднѣйшаго времени, сообщаетъ систематизацію кургановъ и находимыхъ въ нихъ вещей и въ заключеніе останавливается на вопросѣ: «Кому принадлежать владимирскіе курганы», рѣшая его въ пользу кривичскаго племени, вопреки раздѣляемому до сихъ поръ почти всѣми археологами мнѣнію графа А. С. Уварова, сторонника мерянъ. Въ виду

такого крупнаго разнорѣчія нельзя, конечно, вмѣстѣ съ авторомъ вышеприведенной статьи не пожелать, чтобы владимирскіе курганы подверглись новымъ и болѣе точнымъ раскопкамъ, и чтобы на ряду съ ними были изслѣдованы почти нетронутые еще могильники и городища.

По отдѣлу «областной исторіи» первыми были заслушаны доклады Н. И. Троицкаго и Н. П. Травчетова. Н. И. Троицкій въ своемъ докладѣ — «Изъ исторіи славянской колонизаціи средняго Поволжья» — старался доказать, что «начавшаяся въ концѣ XVI столѣтія колонизація средняго Поволжья, какъ явленіе, параллельное съ колонизаціей верхняго Дона и его притоковъ, объясняется занятіемъ Казани, уничтоженіемъ враждебныхъ дѣйствій Крымскихъ татаръ, укрѣпленіемъ и обороной окраинъ Московскаго государства боярами и особенно князьемъ Воротынскимъ въ его вотчинахъ и ихъ окрестностяхъ». Второй референтъ, задавшійся вопросомъ: «Кого изъ муромскихъ князей слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ св. благовѣрнаго князя Петра, въ иночествѣ Давида, муромскаго чудотворца», и рѣшившій въ пользу Давида Юрьевича, умершаго въ 1228 г., по нашему мнѣнію, болѣе правъ, нежели г. Квашнинъ-Самаринъ, который на второмъ областномъ историко-археологическомъ съѣздѣ въ г. Твери сдѣлалъ попытку связать его съ именемъ князя Петра, жившаго въ началѣ XIV вѣка.

Затѣмъ Г. А. Ряжскій, на основаніи дѣла 1722 г., извлеченнаго имъ изъ архива Суздальской духовной консисторіи, «о мощахъ благовѣрнаго князя Θеодора Стародубскаго», котораго почитать за святого строго воспретила Суздальская консисторія, доказалъ, что «князь Θеодоръ Ивановичъ (Никон. лѣт.) или Михайловичъ (по родосл. кн.) Стародубскій, по прозванію «благовѣрный»,—лицо историческое, дѣйствительно убитъ въ ордѣ Узбекомъ въ 1330 г. и по всѣмъ даннымъ погребенъ въ с. Алексинѣ, которое было его вотчиной», и что въ настоящемъ случаѣ народное преданіе, отвергнутое церковью, историческими данными подтверждается, между тѣмъ какъ обыкновенно бываетъ наоборотъ [1]).

Изъ послѣдующихъ рефератовъ: «О лицевомъ цвѣтникѣ»—Д. И. Скворцова; «Слѣды существованія особой Муромской лѣтописи»— С. Н. Введенскаго, пытавшагося доказать дѣйствительность этого упоминаемаго В. Н. Татищевымъ лѣтописнаго источника; «Откуда

---

[1]) Г. Ряжскому принадлежитъ и другая работа, изданная Владимирской архивной комиссіей къ настоящему съѣзду: «Топографическое описаніе Владимирской губерніи, составленное въ 1784 г.». Но, къ сожалѣнію, это ученое изданіе, «имѣвшее цѣлію воспроизвести одинъ изъ любопытныхъ памятниковъ русской топографіи XVIII вѣка»—«Атласъ Владимирской губерніи», извлеченный г. Ряжскимъ изъ Московскаго Румянцевскаго музея,—не было имъ резюмировано на съѣздѣ.

произошло имя офеней»—того же автора и «Помѣщики Владимирскаго края—князья Пожарскіе»—Л. М. Савелова, напечатавшаго полное родословіе Пожарскихъ въ 4—5 выпускѣ «Лѣтописи занятій историко-родословнаго общества въ Москвѣ» (1906 г.),—наибольшее вниманіе и пренія возбудилъ докладъ проф. М. Н. Бережкова, прочитавшаго «О лѣтописи Владимирской со стороны состава и содержанія». Отправляясь отъ изданной обществомъ любителей древней письменности Радзивиловской или Кенигсбергской лѣтописи (XV вѣка) и отъ изслѣдованія о ней академика А. А. Шахматова, докладчикъ привелъ главные выводы послѣдняго о составѣ владимирскихъ лѣтописей XII—XIII вѣковъ и ихъ содержаніе, отмѣтилъ разнорѣчивыя показанія старыхъ владимирскихъ лѣтописей, а равно и рисунковъ въ Радзивиловской, объ Успенскомъ соборѣ, разнорѣчія въ «Сказаніяхъ о кончинѣ Андрея Боголюбскаго» XIV—XV и XVI—XVII вѣковъ и т. д. Болѣе всего вызвали толковъ рисунки Радзивиловской лѣтописи, которымъ проф. С. Ѳ. Платоновъ не придавалъ никакого значенія, и наоборотъ Н. В. Покровскій и академикъ А. И. Соболевскій видѣли въ ихъ повтореніе старыхъ рисунковъ, дающихъ болѣе или менѣе правильное представленіе объ изображаемыхъ ими предметахъ. Затѣмъ проф. С. Ѳ. Платоновъ, вопреки докладчику, настаивалъ на наличности искаженій и выпусковъ въ Московскомъ сводѣ лѣтописей.

Наиболѣе интересными и цѣнными, какъ и слѣдовало ожидать, были доклады по третьему отдѣлу: «Памятники (вещественные) церковной и гражданской старины. Памятники церковнаго и гражданскаго зодчества. Памятники быта. Иконопись».

На утреннемъ засѣданіи 21 іюня, которое открылъ рѣчью почетный предсѣдатель, извѣстный историкъ Д. И. Иловайскій, пожелавшій, между прочимъ, заняться съѣзду и архивной комиссіи рѣшеніемъ вопросовъ: 1) о выясненіи самаго происхожденія Ростово-Суздальской, Владимирской Руси, т.-е. происхожденія великорусской народности, населяющей этотъ край, и 2) о храмовомъ зодчествѣ Владимиро-Суздальскаго стиля,—А. А. Титовъ прочелъ: объ «иконѣ св. Троицы (Господь въ лонѣ Отчемъ)», извѣстной въ Москвѣ съ XVI вѣка; объ иконѣ Казанской Божіей Матери, находящейся въ Тульскомъ соборѣ, и о портретѣ нѣкоего Тимоѳея Архипыча, который жилъ при дворѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны, пріобрѣлъ извѣстность росписью церкви въ Чудовомъ монастырѣ и затѣмъ роздалъ свои деньги бѣднымъ и сталъ юродствовать.

Вслѣдъ за А. А. Титовымъ академикъ А. И. Соболевскій доложилъ: «Двуперстіе, сугубая аллилуйя и хожденіе посолонь съ точки зрѣнія исторической». Въ виду высокаго интереса этого доклада мы позволимъ себѣ привести его здѣсь въ извлеченіи.

«Нѣкоторые вопросы въ области русской церковной археологіи,— началъ академикъ А. И. Соболевскій,—были до сихъ поръ предметомъ только полемическихъ сочиненій православныхъ авторовъ, съ одной стороны, и старообрядцевъ, съ другой. Послѣдній авторъ, объ нихъ писавшій, академикъ Е. Е. Голубинскій, старавшійся быть безпристрастнымъ историкомъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ въ виду полемику и далъ своему труду характерное заглавіе: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами» (М., 1905 г., 2-е изд.). Понятно, полемическія цѣли мѣшали смотрѣть на данныя научнымъ образомъ даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ выступали ученые. Наше время имѣетъ одну хорошую сторону: мы можемъ оставить въ сторонѣ полемическіе интересы и перенести намѣченные нами вопросы въ область науки»... Вопросы эти приведены въ заголовкѣ реферата и имѣютъ, по словамъ автора, тѣсную связь съ четвертымъ общимъ вопросомъ «объ авторитетѣ грековъ у русскихъ въ дѣлахъ вѣры и обряда».

Выясняя, затѣмъ, отношенія между Русью и Греціей и Константинопольской церковью въ особенности, референтъ утверждаетъ, что Россія, подчиненная въ церковныхъ дѣлахъ Константинополю, до конца XII вѣка всегда строго слѣдовала въ области церковнаго обряда за Константинополемъ. Но со взятіемъ Константинополя латинянами и нашествіемъ на Россію татаръ, прежнія частыя сношенія съ Византіей и Аѳономъ должны были прекратиться и возобновились лишь во второй половинѣ XIV вѣка, чрезъ посредство проживавшихъ тамъ южно-славянскихъ монаховъ; и хотя послѣ 1453 г. сношенія русскихъ съ греками вновь сократились, но «нѣсколько десятковъ лѣтъ общенія оказали значительное вліяніе на русскую литературу, культуру и церковную обрядность».

«Константинополь въ половинѣ XIV вѣка съ императоромъ и дворомъ, съ патріархомъ и высшимъ духовенствомъ сохранялъ еще много изъ того, что было принесено имъ изъ Никеи, послѣ изгнанія латинянъ. Между тѣмъ большинство простого греческаго населенія въ Европѣ держалось прежнихъ обычаевъ, унаслѣдованныхъ отъ старины; стремленія императоровъ и патріарховъ съ ихъ близкими къ уніи съ Римомъ были ему не симпатичны... Южные славяне, жившіе въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, мало посвященные во взаимныя отношенія греческаго населенія, слѣдовали, конечно, тому, чего держались греческіе духовные сановники, если они были строго православными, а не тому, что сохранялось греческой народной массой. Отсюда распространеніе особенностей малоазійскихъ церквей въ южно-славянскихъ книгахъ, а за ними и въ богослужебной практикѣ. Русскіе, подобно южнымъ славянамъ и подъ ихъ вліяніемъ, также пошли за греческими духовными сановниками и стали переносить малоазійскую обрядность на русскую церковную почву»... «До XIV вѣка мы не имѣемъ ни въ лѣтопи-

сяхъ, ни вообще въ русской литературѣ никакихъ слѣдовъ спора о пѣніи аллилуйя. Очевидно, въ древней Руси всѣ пѣли аллилуйя одинаково. Только въ XV вѣкѣ возникло разногласіе. Во Псковѣ, гдѣ всѣ привыкли трегубить аллилуйя, появилось двоеніе этой пѣсни, заставившее псковичей около 1419 г. обратиться за разрѣшеніемъ къ митрополиту Фотію... «Фотій, родомъ грекъ изъ Мореи, въ то время освоившійся вполнѣ уже со старыми московскими обычаями, далъ псковичамъ отвѣтъ въ пользу троенія. Но лѣтъ черезъ 35 послѣ отвѣта Фотія во Псковѣ вновь появилось двоеніе. Его распространялъ монахъ Аѳанасій, нѣкоторое время жившій въ Константинополѣ и на Аѳонѣ и познакомившійся съ практикой главныхъ греческихъ храмовъ. Споры возобновились и окончились во Псковѣ приговоромъ псковичей въ пользу троенія. Но авторитетъ Константинополя и Аѳона былъ такъ силенъ въ Россіи XV вѣка, что и въ Москвѣ и въ Литовской Руси преобладаніе въ концѣ концовъ получило двоеніе ...

«Паисіевскій сборникъ, памятникъ псковскаго письма конца XIV или начала XV вѣка, имѣетъ на своихъ страницахъ отрывокъ съ проклятіемъ тѣмъ, кто не крестится тремя перстами. Неизвѣстный псковичъ, защищавшій въ половинѣ XV вѣка трегубленіе аллилуйя, укоряетъ грековъ за принятіе «печати антихристовой на челѣ и на десницѣ» при крестномъ знаменіи, т.-е. за неправильное перстосложеніе. Очевидно, рядомъ со споромъ объ аллилуйя во Псковѣ велся споръ о перстосложеніи. Е. Е. Голубинскій говоритъ, что Псковъ держался двуперстія, а новшествомъ являлось троеперстіе. Мы думаемъ наоборотъ, считая двуперстіе за обычай греческой малоазійской церкви»...

Что касается послѣдняго вопроса—о торжественномъ хожденіи вокругъ церкви по солнцу или противъ солнца, то объ этомъ заговорили только въ концѣ XV вѣка. «Въ 1478 г., когда митрополитъ Геронтій при освященіи Успенскаго собора совершилъ хожденіе противъ солнца, великій князь (Іоаннъ III) прогнѣвался на него, находя, что хожденіе должно быть по солнцу; но нѣкоторые архимандриты и игумены вступились за митрополита и сослались на аѳонскую практику»...«Повидимому, хожденіе противъ солнца, котораго держался митрополитъ Геронтій, было для Москвы новшествомъ, перешедшимъ изъ Константинополя и Аѳона при большемъ или меньшемъ посредствѣ южныхъ славянъ уже въ XV вѣкѣ, а хожденіе по солнцу, напротивъ, обычаемъ «старшимъ», господствовавшимъ въ Россіи до конца XV вѣка».

Довольно интереснымъ и живымъ, затѣмъ, былъ докладъ В. Т. Георгіевскаго—«Объ иконописи во Владимиро-Суздальскомъ краѣ», сущность котораго сводилась къ слѣдующему: «Изученіе памятниковъ древней иконописи Владимиро-Суздальскаго края еще почти совсѣмъ не начато. Трудность изученія этихъ памятниковъ

обусловливается отсутствіемъ опредѣленнаго метода, каковой наукой еще не выработанъ. Изслѣдователи русскаго иконописанія до сихъ поръ болѣе всего обращали вниманіе на иконографію памятниковъ иконописи, между тѣмъ какъ стиль, техника этихъ памятниковъ затрогивались изслѣдователями мало». Разобравъ недостатки метода изслѣдованія русской иконописи у Ровинскаго, проф. Н. В. Покровскаго и его учениковъ, братьевъ Успенскихъ, выступившихъ въ качествѣ вторнаго эхо своего учителя, на одномъ изъ послѣднихъ археологическихъ съѣздовъ, референтъ далъ рядъ методическихъ указаній, которыми, по его мнѣнію, долженъ руководиться изслѣдователь русскаго иконописанія, при описаніи памятниковъ иконописи. Завязавшійся по поводу этого сообщенія споръ между Н. В. Покровскимъ и докладчикомъ грозилъ затянуться надолго и былъ отложенъ, повидимому, до появленія работы послѣдняго въ печати, съ выходомъ въ свѣтъ «Трудовъ» Владимирскаго съѣзда.

Особое вниманіе и лестные отзывы со стороны спеціалистовъ изъ состава членовъ съѣзда вызвалъ читанный на утреннемъ засѣданіи 24 іюня, въ присутствіи муромскаго епископа Александра, рефератъ проф. Кіевской духовной академіи, А. А. Дмитріевскаго: «Къ исторіи христіанской фресковой живописи XIV—XV вв. по аѳонскимъ (святогорскимъ) памятникамъ». Выходя изъ того положенія, что «изученіе аѳоно-византійскихъ фресокъ, современныхъ фрескамъ владимирскихъ храмовъ—Успенскаго и Дмитріевскаго соборовъ, можетъ имѣть важное значеніе въ дѣлѣ изученія этихъ послѣднихъ, съ одной стороны, и, съ другой, что фрески Святопавловскаго монастыря въ параклисѣ св. Георгія доселѣ никѣмъ изъ нашихъ археологовъ не изучались и совершенно не изданы въ свѣтъ», референтъ познакомилъ какъ съ временемъ происхожденія аѳонскихъ святопавловскихъ фресокъ, такъ и съ ихъ научнымъ значеніемъ въ исторіи христіанской иконографіи вообще и аѳонской иконописи въ частности. Значеніе этихъ фресокъ заключается въ томъ, что, благодаря ихъ изученію и изданію въ свѣтъ по фотографіямъ, сдѣланнымъ Л. Д. Никольскимъ, является нынѣ возможность утверждать съ положительностью, 1) что на Аѳонѣ существовала живопись до XVI в., и типы ея опредѣлялись уже вполнѣ въ XIV—XV в.в., 2) что иконопись аѳонская находится въ прямой генетической зависимости отъ иконописи византійской, 3) что нѣтъ никакихъ основаній считать въ исторіи христіанской иконописи существеннымъ пробѣломъ отсутствіе въ аѳонской иконописи росписей XIV—XV в., лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ образчикомъ коихъ долженъ быть признанъ параклисъ св. Георгія 1423 г. въ Святопавловскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, и 4) что эти послѣднія фрески въ сопоставленіи съ фресками того же XV столѣтія владимирскихъ соборовъ отличаются

громадными художественными преимуществами и заставляютъ глубоко скорбѣть о реставраціи и яркой колоритности первыхъ, утратившихъ обаятельную типичную простоту сѣдой старины. Въ заключеніе референтъ описалъ фрески, изображающія Ангела великаго совѣта, «Живоносный источникъ» (Богоматерь съ младенцемъ-Христомъ у персей въ чашѣ), Іоанна Предтечу, апостоловъ Петра и Павла, архидіакона Стефана, Киріака-отшельника, Спасителя на тронѣ и во гробѣ и др., и демонстрировалъ ихъ по фотографіямъ, вывезеннымъ изъ Аѳона.

Изъ числа остальныхъ рефератовъ этого отдѣла: И. А. Тихомирова («О нѣкоторыхъ ярославскихъ гербахъ»), П. Ѳ. Симсона («Затерянное Петровское изданіе притчей Эзоповыхъ съ гравюрами»), Н. Г. Первухина («Символизмъ старой русской иконописи»), І. К. Линдемана («Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного историческаго мѣста лѣтописи») и др.,—нельзя не остановиться на сообщеніи проф. И. А. Шляпкина: «Замѣтка объ иконографіи Александра Невскаго». Указавъ на то, что представленное имъ изображеніе Александра Невскаго на конѣ отражаетъ народное воззрѣніе на него, какъ на князя-воина, защитника Русской земли, проф. И. А. Шляпкинъ разсказалъ и исторію его канонизаціи. «Въ Новгородской лѣтописи, въ разсказѣ о смерти Александра Невскаго, еще нѣтъ о немъ рѣчи, какъ о святомъ. Въ XV в. во Владимирѣ появляется преданіе о чудѣ, совершенномъ при погребеніи Александра Невскаго. Затѣмъ до XVI столѣтія свѣдѣній о князѣ не имѣется. Въ XVI столѣтіи образъ его начинаетъ особенно блестѣть. Создаются сказанія объ участіи его на Куликовомъ полѣ, о чудѣ въ Рождественскомъ монастырѣ, во время котораго видѣли князя, сидящаго на конѣ. Въ 1547 г. Александръ Невскій причисляется къ лику святыхъ, и появляются иконныя изображенія его, но въ схимѣ. Въ 1724 г. святѣйшій синодъ запретилъ изображеніе Александра Невскаго въ схимѣ и повелѣлъ изображать его въ княжескихъ одѣяніяхъ»...

По отдѣлу «живая старина» имѣли мѣсто два доклада М. Е. Соколова: «Великорусскія весеннія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи», и В. А. Андроникова: «Страничка изъ исторіи народно-бытовой медицины (лѣчебныя средства, употребляемыя простымъ народомъ въ предѣлахъ Костромской губерніи)».

Изъ области архивовѣдѣнія члены съѣзда были ознакомлены В. Е. Рудаковымъ съ исторіей и содержаніемъ архива департамента герольдіи правительствующаго сената, который, по мнѣнію докладчика, какъ совершенно самостоятельное и особое учре-

жденіе-хранилище и по своему исключительному роду дѣлъ, и по той живой и непрерывной связи дѣлъ прежнихъ лѣтъ съ текущимъ дѣлопроизводствомъ, какой не наблюдается нигдѣ изъ департаментовъ сената,—является общимъ центральнымъ, всероссійскимъ дворянскимъ архивомъ, заключающимъ въ себѣ очень много дѣлъ и документовъ высокаго государственнаго, общественнаго и научнаго значенія и, къ сожалѣнію, весьма нуждающимся въ новомъ помѣщеніи и средствахъ къ его переустройству.

Второй докладчикъ, Л. М. Савеловъ, указавъ на цѣнность «семейныхъ архивовъ», обратился къ съѣзду и представителямъ архивныхъ комиссій съ призывомъ оказать дѣятельную помощь въ спасеніи ихъ въ настоящую смутную и тяжелую годину. По отношенію къ частнымъ дворянскимъ архивамъ постановлено было, между прочимъ, просить предводителей дворянства оказать необходимое содѣйствіе къ ихъ сохраненію, напримѣръ, путемъ передачи въ архивную комиссію.

Наконецъ, въ послѣдней секціи былъ поднятъ вопросъ о реорганизаціи губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Трудно даже себѣ представить тотъ живѣйшій интересъ, который возбудилъ этотъ вопросъ. Большинство членовъ комиссій, участниковъ съѣзда, изъ которыхъ до 6 или 7 человѣкъ было предсѣдателей комиссій, съ чисто патетическимъ чувствомъ отзывались о родныхъ своихъ дѣтищахъ-комиссіяхъ, ярко рисовали ихъ тяжелое, а по временамъ и прямо безотрадное, положеніе отъ произвола губернаторовъ (какъ, напримѣръ, бывшаго ярославскаго губернатора, г. Роговича, разогнавшаго комиссію съ первыхъ же дней своего управленія губерніей и въ 1905 г. охотившагося съ громилами за мѣстной интеллигенціей и студентами), которымъ подчинило ихъ высочайше утвержденное «Положеніе объ архивныхъ комиссіяхъ» 1884 г., ихъ полнѣйшую матеріальную зависимость отъ мѣстныхъ городскихъ и земскихъ учрежденій и полное безправіе и безпомощность членовъ ихъ, особенно обнаруживаемыя при нерѣдкихъ случаяхъ уничтоженія цѣнныхъ предметовъ старины или при ознакомленіи съ мѣстными правительственными архивами. «Денежныхъ средствъ и правъ нужно добиваться для архивныхъ комиссій»—было общимъ возгласомъ. И дѣйствительно только «съ деньгами и правами» можно съ пользою приступить къ выработкѣ детальныхъ положеній объ архивныхъ комиссіяхъ, которыя уже давно переросли Положеніе 1884 г.; только тогда онѣ станутъ желательными и дѣйствующими на самостоятельной почвѣ мѣстными историко-археологическими обществами, и только тогда станетъ возможнымъ уберечь отъ уничтоженія и порчи, какъ вещественные памятники старины, такъ равно и малоизвѣстные еще, разсѣянные по лицу всей земли Русской, архивные матеріалы.

Какъ ни трудна настоящая година, какъ ни далеко, повидимому, нынѣшнее время отъ обсужденія, научныхъ, хотя и живыхъ историческихъ вопросовъ, все же это не могло поколебать и отвлечь членовъ съѣзда и представителей архивныхъ комиссій отъ заботъ о неотложныхъ нуждахъ послѣднихъ, Не видя возможности въ настоящій моментъ прибѣгать къ какимъ либо отдѣльнымъ мѣрамъ, указываемымъ нѣкоторыми изъ членовъ съѣзда, напримѣръ, передачѣ въ архивныя комиссіи тѣхъ 2.000 рублей, которые идутъ теперь на пребывающіе въ полномъ покоѣ статистическіе губернскіе комитеты,—члены съѣзда рѣшили въ теченіе 1906—1907 академическаго года, вмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ келейныхъ совѣщаній о комиссіяхъ, составить **новый съѣздъ**, изъ представителей **всѣхъ** архивныхъ комиссій, **исключительно для обсужденія нуждъ послѣднихъ и выработки для нихъ новаго устава**, и непремѣнно въ Петербургѣ, при посредствѣ директора императорскаго археологическаго института, которому, какъ объединяющему центру, и подвѣдомственны по офиціальному «Положенію» архивныя комиссіи.

Вполнѣ раздѣляя это послѣднее постановленіе, я бы только посовѣтовалъ не ограничиваться на съѣздѣ присутствіемъ однихъ 25 — 30 представителей комиссій, а пригласить и по возможности, и стороннихъ лицъ, которымъ не менѣе дороги интересы архивныхъ комиссій, и которыя съ готовностью отзовутся на призывъ новаго съѣзда. Чѣмъ разностороннѣе будетъ обсуждаться основной вопросъ, чѣмъ будетъ больше заинтересованныхъ лицъ, тѣмъ больше будетъ и желанныхъ результатовъ.

Это продолжительное, затянувшееся до поздняго часа, засѣданіе было завершено краткимъ докладомъ члена-учредителя Русскаго библіологическаго общества въ С.-Петербургѣ, В. Е. Рудакова, обратившагося къ съѣзду съ предложеніемъ позаботиться о составленіи и изданіи общаго библіографическаго **Указателя** по періодическимъ изданіямъ всѣхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Въ отвѣтъ на него «собраніе постановило просить отъ имени съѣзда архивныя комиссіи заняться составленіемъ (карточнаго) указателя къ своимъ изданіямъ и затѣмъ составленные такимъ путемъ указатели передать (при посредствѣ Владимирской архивной комиссіи) В. Е. Рудакову для общей ихъ сводки»[1]).

Вечеромъ 26 іюня состоялось заключительное засѣданіе съѣзда, на которомъ были констатированы въ общихъ чертахъ доклады членовъ; выяснены результаты археологическихъ экскурсій, главнымъ образомъ, въ Суздалѣ и въ самомъ Владимирѣ, при обозрѣніи соборовъ: Успенскаго и Дмитріевскаго; прочитано, между про-

---

[1]) См. стр. 42 «Справочнаго Листка 3-го областного историко-археологическаго съѣзда въ губ. г. Владимирѣ», № 6.

чимъ, Н. А. Холоднякъ сообщеніе объ «учрежденіи въ Петербургѣ школы имени преп. Евфросиніи Суздальской», «на чисто національныхъ началахъ, гдѣ бы объ руку съ серьезнымъ научнымъ курсомъ шло и воспитаніе нравственное, основанное на крѣпкой вѣрѣ и любви къ своей родинѣ», и послѣ обмѣна теплыми благодарственными привѣтствіями между членами съѣзда и его организаторами постановлено назначить слѣдующій четвертый областной историко-археологическій съѣздъ въ 1909 г. въ городѣ Костромѣ.

Въ дополненіе къ научной дѣятельности съѣзда перечисляемъ изданія Владимирской архивной комиссіи, предпринятыя ею спеціально къ этому съѣзду и демонстрированныя на немъ.

1. А. В. Смирновъ. Библіографическій указатель статей къ неофиціальной части «Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и «Владимирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». 1905 г.

2. Я. О. Кузнецовъ. Становые управители Ярославской провинціи. Влад. 1904 г.

3. С. И. Недешевъ. Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древлехранилища при Братствѣ святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Вып. I. Вл. 1906 г.

4. Г. А. Ряжскій. Топографическое описаніе Владимирской губерніи, составленное въ 1784 г. Влад. 1906 г.

5. М. И. Трегубовъ. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимирской губерніи. Влад. 1905 г.

6. Ѳ. К. Сахаровъ. Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. г. Владимира. Часть первая (1720—1855 гг.). Влад. 1905 г.

7. И. Ф. Масановъ. Библіографія Владимирской губерніи. (Подъ редакціей А. В. Смирнова). Влад. 1905 г.

8. В. В. Касаткинъ. Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимирской епархіи, построенныя до начала XIX столѣтія. Краткія историческія свѣдѣнія, съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Часть I. Монастыри. Влад. 1906 г.

9. Каталогъ археологической выставки, устроенной по случаю 3-го областного историко-археологическаго съѣзда въ губ. г. Владимирѣ. Влад. 1906 г.

Редакція «Историческаго Вѣстника» впервые посвящаетъ съ такими подробностями, хотя въ то же время и весьма бѣглый очеркъ дѣятельности областного историко-археологическаго съѣзда; впервые она имѣла въ числѣ его членовъ и своего представителя, и потому съ бо́льшимъ удовольствіемъ привѣтствуетъ всѣхъ членовъ-дѣятелей настоящаго съѣзда и въ особенности устроителей его, членовъ молодой, но уже далеко опередившей результатами своей научной дѣятельности старыхъ собратій, Владимирской архивной комиссіи.

Необходимость устройства всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ сознана уже давно. Они созываются съ 1869 г., и въ будущемъ году долженъ состояться **двѣнадцатый** археологическій всероссійскій съѣздъ въ г. Черниговѣ.

До учрежденія ученыхъ архивныхъ комиссій и до болѣе или менѣе значительнаго развитія ихъ дѣятельности, конечно, не могло быть и рѣчи объ областныхъ археологическихъ съѣздахъ. Но чѣмъ больше возникало архивныхъ комиссій, чѣмъ больше расширялся кругъ ихъ дѣятельности, становящейся одновременно и болѣе извѣстной въ мѣстномъ обществѣ, тѣмъ сильнѣе должна была ощущаться потребность въ обмѣнѣ мыслей у дѣятелей съ одинаковыми задачами, тѣмъ больше чувствоваться ими необходимость подѣлиться результатами своихъ научныхъ и коллекціонныхъ работъ, провѣрить свои мысли и, благодаря этому, получить новый запасъ силъ и бодрости для продолженія дальнѣйшихъ трудовъ. Поэтому неудивительно, что у нѣкоторыхъ изъ дѣятелей архивныхъ комиссій мысль объ устройствѣ областныхъ археологическихъ съѣздовъ возникала значительно раньше открытія перваго такого съѣзда въ г. Ярославлѣ, состоявшагося ровно чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ начала дѣятельности древнѣйшихъ архивныхъ комиссій: Рязанской, Тверской, Тамбовской и Орловской. Но отъ возникновенія мысли до ея осуществленія, какъ мы видимъ, немало воды утекло; немало нужно было побѣдить препятствій матеріальныхъ и моральныхъ, разсѣять сомнѣній и недовѣрій. Уже первый Ярославскій съѣздъ наглядно показалъ, что къ такимъ съѣздамъ архивныя комиссіи съ ихъ мѣстными дѣятелями вполнѣ готовы; а второй Тверской сломалъ и послѣднюю брешь. Болѣе всѣхъ другихъ сомнѣвавшееся въ результативности областныхъ съѣздовъ Московское археологическое общество на нынѣшнемъ съѣздѣ во Владимирѣ выступило уже участникомъ его, въ лицѣ своего предсѣдателя, графини П. С. Уваровой. Избранная почетной предсѣдательницей въ засѣданіи секціи «первобытныхъ древностей», она обратилась къ съѣзду съ такою рѣчью: «Открывая засѣданіе, позволяю обратиться къ членамъ съѣзда съ выраженіемъ глубокой благодарности за оказанную мнѣ честь назначеніемъ почетнымъ предсѣдателемъ нынѣшняго засѣданія. Я далека отъ мысли приписать эту честь л и ч н о мнѣ, какъ графинѣ Уваровой, но вижу въ этомъ назначеніи справедливую оцѣнку широкой просвѣтительной дѣятельности императорскаго Московскаго археологическаго общества, которое съ 1868 г. стало во главѣ археологическихъ съѣздовъ и съ тѣхъ поръ неустанно завѣдуетъ ихъ устройствомъ и изданіемъ ихъ трудовъ. Нашлись, правда, люди, которые хотятъ увѣрить архивныя комиссіи, что я п р о т и в ъ областныхъ съѣздовъ, но я смѣю увѣрить, что вижу въ нихъ т о л ь к о м л а д ш и х ъ б р а т ь е в ъ нашихъ всероссійскихъ съѣздовъ,

желающихъ поработать въ той же области изученія родной старины, и думаю, что дѣлить намъ нечего, такъ какъ дѣла много, а дѣятелей, въ особенности при безобразной постановкѣ учебнаго дѣла за послѣдніе годы, къ сожалѣнію, все меньше и меньше».

Отнынѣ, такимъ образомъ, по счастливому выраженію графини П. С. Уваровой, областные археологическіе съѣзды — «меньшіе братья» всероссійскихъ съѣздовъ, поэтому они въ полномъ правѣ ожидать отъ старѣйшихъ и бо̀льшаго къ себѣ сочувствія и бо̀льшаго участія, чѣмъ наблюдалось до сихъ поръ. А то и другое крайне необходимо.

Мѣстные безкорыстные труженики науки нуждаются въ авторитетной поддержкѣ со стороны представителей ученыхъ учрежденій и ученыхъ обществъ, до послѣдняго времени дѣлившихся своими свѣдѣніями лишь на всероссійскихъ съѣздахъ. Имъ необходимо еще, какъ выразился Н. В. Покровскій въ своей привѣтственной рѣчи при открытіи настоящаго съѣзда, «помочь разобраться въ обширной массѣ цѣнныхъ матеріаловъ, расширить, по возможности, ихъ ученый кругозоръ». А вмѣстѣ съ этимъ увеличится энергія у старыхъ работниковъ, и появятся новыя силы, новые преданные наукѣ дѣятели, которыми всегда была и будетъ полна наша матушка-Россія, какъ показалъ и настоящій съѣздъ, привлекшій въ нынѣшнее смутное и опасное время, вопреки ожиданіямъ, свыше 200 членовъ, лишь бы только былъ просторъ и свободный доступъ къ источникамъ науки. Пробудится тогда и въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ родной старинѣ, знаніе которой составляетъ основу истиннаго просвѣщенія и помогаетъ познать будущее.

Въ нынѣшнемъ Владимирскомъ историко-археологическомъ съѣздѣ участвовали многіе университеты, ученыя общества и архивныя комиссіи. Изъ числа членовъ ихъ, какъ на наиболѣе видныхъ дѣятелей на съѣздѣ, слѣдуетъ указать, кромѣ, конечно, мѣстной комиссіи, А. И. Соболевскаго, директора императорскаго археологическаго института—Н. В. Покровскаго, проф. С. Ѳ. Платонова, проф. И. А. Шляпкина, проф. А. А. Дмитріевскаго, Д. И. Иловайскаго (депутата отъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ), В. Т. Георгіевскаго, И. А. Иванова, П. А. Илинскаго и др.

Судить о результатахъ научныхъ занятій съѣзда до отпечатанія всѣхъ его работъ [1]) въ «Трудахъ» съѣзда, конечно, трудно, но и по тому краткому изложенію, какое дается въ нашей замѣткѣ, можно съ положительностью сказать, что Владимирскій съѣздъ

---

[1]) Цѣлый рядъ весьма содержательныхъ рефератовъ не былъ доложенъ на съѣздѣ или за недостаткомъ времени или за неявкою референтовъ, но многіе изъ нихъ, съ согласія авторовъ, навѣрное будутъ напечатаны въ «Трудахъ» съѣзда.

дать много цѣнныхъ научныхъ материаловъ, указать новыя задачи для будущихъ изслѣдователей, намѣтить имъ вѣрные пути и во многихъ подвинуть изученіе мѣстныхъ древностей и мѣстной исторіи.

Въ то же время, на нашъ взглядъ, онъ еще больше утвердитъ добрыя отношенія между собравшимися съ разныхъ концовъ обширной нашей родины научными дѣятелями, истинно любящими свою родную старину, способствовать взаимному обмѣну насиженными въ центрахъ и захолустьяхъ свѣдѣніями и многихъ «окрылитъ» къ дальнѣйшей научной работѣ.

В. Рудаковъ.

ПАМЯТИ С. П. ЯКОВЛЕВА.

Ряды популярныхъ москвичей все больше и замѣтнѣе рѣдѣютъ: 3 іюля не стало еще одного изъ нихъ, замѣчательнаго общественнаго дѣятеля и человѣка,— я бы сказалъ «истинно-русскаго» человѣка, если бъ это выраженіе не было столь опошлено нашими черносотенными «патріотами», — не стало Сергѣя Павловича Яковлева.

Кто только не зналъ въ Москвѣ этого имени? Оно было извѣстно рѣшительно во всѣхъ слояхъ общества, да и не мудрено: почти вся жизнь и дѣятельность покойнаго протекли въ Бѣлокаменной, и лишь самую раннюю молодость онъ провелъ въ Петербургѣ.

Родившись въ 1838 г. и происходя изъ потомственныхъ дворянъ Владимирской губерніи, Яковлевъ отданъ былъ на воспитаніе въ пажескій корпусъ. Нѣкоторое время онъ состоялъ камерпажомъ при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. По окончаніи курса, юноша поступилъ въ лейбъ-гвардіи стрѣлковый батальонъ, но прослужилъ здѣсь недолго, и, перебравшись въ Москву, куда его всегда неудержимо влекло, сдѣлался чиновникомъ особыхъ порученій при тогдашнемъ московскомъ генералъ-губернаторѣ Тучковѣ. Должность эта какъ нельзя болѣе отвѣчала природнымъ склонностямъ молодого, свѣтскаго жуира, какимъ былъ въ то время Яковлевъ. Живой, веселый, остроумный, онъ имѣлъ доступъ въ самые лучшіе аристократическіе дома и вездѣ былъ желаннымъ гостемъ, всюду его встрѣчали съ распростертыми объятіями. Тогда же онъ сдѣлался записнымъ театраломъ, пристрастившись, главнымъ

обращалъ къ балету, которымъ сильно увлекалось въ то время все русское общество. Впрочемъ, надо сказать правду, Сергѣя Павловича не столько прельщало хореографическое искусство, сколько изящество и миловидность одной второстепенной танцовщицы, по фамиліи Дюсеевъ, сдѣлавшейся потомъ его подругою жизни.

Обращаясь къ дѣятельности покойнаго, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что это былъ рѣдкій, выдающійся по энергіи филантропъ. Съ молодыхъ лѣтъ посвятивъ себя службѣ въ Императорскомъ человѣколюбивомъ обществѣ, С. П. Яковлевъ отдалъ всѣ свои силы великому, святому дѣлу благотворительности. Множество учебно-воспитательныхъ, больничныхъ, богадѣльныхъ учрежденій въ Москвѣ тѣсно связано съ его именемъ. Безъ его участія не вырабатывались для нихъ никакіе уставы, не составлялись никакіе штаты, не предпринималась ни одна болѣе или менѣе крупная реформа,—здѣсь все носило печать его смѣлой иниціативы, находчиваго, изобрѣтательнаго ума.

Въ сущности, это не былъ просто благотворитель, а благотворитель-виртуозъ, всей душой преданный своему искусству. И нужно было видѣть, какъ онъ въ совершенствѣ имъ владѣлъ, какъ онъ умѣлъ привлекать отовсюду денежныя пожертвованія, съ какою легкостью онъ достигалъ въ подобныхъ случаяхъ цѣли. Ужъ если онъ намѣтитъ какого нибудь «толстосума», хотя бы и совершенно неподатливаго въ смыслѣ благотворенія, то рано или поздно непремѣнно заставитъ его раскошелиться.

— Представьте, господа, Яковлевъ обработалъ таки этого купчину Z.!—съ удивленіемъ передавалось въ интимномъ кружкѣ его друзей.—На тридцать тысячъ обработалъ!

Но С. П. не только обрабатывалъ другихъ, онъ немало жертвовалъ и своихъ собственныхъ денегъ, добытыхъ личнымъ трудомъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ.

Надо сказать, что въ молодости Яковлевъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ службы, и, тѣмъ не менѣе, въ сравнительно короткое время, благодаря природной энергіи и работоспособности, онъ сумѣлъ составить себѣ кругленькое состояніе. Отчасти ему помогъ въ этомъ Катковъ, съ которымъ онъ познакомился вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, и, бойко владѣя перомъ, даже сотрудничалъ у него въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Подъ вліяніемъ, вѣроятно, новыхъ литературныхъ встрѣчъ и знакомствъ, С. П. вдругъ задается неожиданной идеей: завести свою собственную типографію и заняться издательствомъ. Кто-то, кажется, П. М. Леонтьевъ, посовѣтовалъ ему издавать на первыхъ порахъ спортивную газету, какъ органъ печати, не имѣвшій еще въ то время конкуррентовъ. Мысль эта понравилась Яковлеву, но для осуществленія задуманнаго предпріятія нужно было прежде всего раздобыть денегъ. И вотъ, недолго думая, онъ ѣдетъ къ одному

изъ богатыхъ московскихъ коммерсантовъ, В. Д. К—ну, съ которымъ немного былъ знакомъ, и проситъ у него взаймы пять тысячъ.

— Когда вы вернете долгъ?—спрашиваетъ К—нъ.

— Черезъ три съ половиной мѣсяца,—безъ запинки отвѣчаетъ Яковлевъ, уже заранѣе вычисливший самымъ добросовѣстнымъ

Сергѣй Павловичъ Яковлевъ.

образомъ всѣ свои будущіе приходы и расходы; при этомъ его голосъ звучитъ такою неподдѣльною искренностью и прямотой, такою увѣренностью въ себѣ и въ своихъ силахъ, что у К—на не остается и тѣни сомнѣнія, что долгъ будетъ ему возвращенъ какъ разъ въ назначенный срокъ. Не колеблясь ни минуты, онъ отсчи-

тываетъ Яковлеву пять тысячъ и даже отказывается взять съ него вексель.

К—нъ не ошибся: ровно черезъ три съ половиной мѣсяца Яковлевъ вернулъ ему долгъ. Но какихъ трудовъ ему это стоило! Первое время онъ одинъ работалъ у печатнаго станка: онъ былъ и наборщикомъ, и метранпажемъ, и машинистомъ, и факторомъ въ своей типографіи, онъ же былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и корректоромъ, и издателемъ печатавшейся имъ собетвенноручно газеты. Энергіей этого человѣка были побѣждены всѣ трудности; начатое предпріятіе быстро пошло впередъ, быстро развивалось, и вотъ маленькій, ничтожный печатный станокъ незамѣтно выросъ въ огромную, богатую типографію.

Пріобрѣтя солидный капиталъ, Яковлевъ еще успѣшнѣе сталъ заниматься филантропіей, такъ какъ теперь онъ получилъ возможность пополнять опустѣвшія кассы разныхъ благотворительныхъ учрежденій не только изъ чужихъ кармановъ, но и изъ своихъ личныхъ средствъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и служебная карьера его въ императорскомъ человѣколюбивомъ обществѣ быстрыми шагами подвигалась впередъ. Какъ изъ рога изобилія, сыпались на него всякія награды и отличія. Онъ получалъ высокіе чины, ордена, имѣлъ придворное званіе, сначала камеръ-юнкера, а потомъ и камергера высочайшаго двора, и неоднократно удостоивался знаковъ милостиваго вниманія отъ особъ царской фамиліи. Съ теченіемъ времени С. П. занялъ высокій постъ члена совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества и одновременно получилъ мѣсто предсѣдательствующаго въ московскомъ попечительномъ о бѣдныхъ комитетѣ.

Высокое служебное и общественное положеніе, кругленькое состояніе и обширныя связи въ Петербургѣ—все это было въ рукахъ Яковлева могущественнымъ средствомъ для достиженія намѣченныхъ имъ благотворительныхъ цѣлей. И онъ широко имъ пользовался, до такой степени широко, что иные «строгіе моралисты» готовы были осуждать его за недостаточную разборчивость въ пріемахъ, съ помощью которыхъ ему нерѣдко приходилось извлекать крупныя денежныя пожертвованія. Напримѣръ, онъ видитъ, что комитетская касса начинаетъ пустѣть, и тотчасъ же придумываетъ комбинацію: предлагаетъ извѣстному милліонеру Кнопу занять должность казначея за «приличный» ежегодный взносъ. Кнопъ съ радостью принимаетъ предложеніе, такъ какъ заманчивая перспектива всевозможныхъ наградъ представляется ему довольно ясно, но вмѣстѣ съ тѣмъ его тревожитъ мысль: а что, если ему придется работать на новой должности? И онъ высказываетъ свои опасенія вслухъ.

— О, не безпокойтесь!—съ добродушнѣйшей улыбкой заявляетъ ему С. П.:—за васъ будутъ работать другіе...

Такимъ именно путемъ нѣкоторые московскіе мѣщане, какъ гласитъ стоустая молва, получили чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Владимира и потомственное дворянство.

Въ общежитіи Яковлевъ былъ, что называется, душа-человѣкъ. Большой мастеръ произносить застольные спичи, веселый, остроумный разсказчикъ, любитель краснаго словца, но безъ ѣдкой ироніи, добродушный и мягкій, онъ пользовался всеобщей любовью. Въ гостиной иногда не клеился разговоръ, гости скучали, но стоило появиться среди нихъ Яковлеву, какъ сейчасъ же наступало оживленіе. Обыкновенно онъ принимался разсказывать что нибудь забавное, передавалъ случай изъ дѣйствительной жизни, сильно прикрашивая его узорами собственной фантазіи, или смѣшилъ удачнымъ каламбуромъ. Правда, къ его «художественнымъ» разсказамъ большинство относилось скептически, зная его страсть къ преувеличиванію, къ гиперболизму, тѣмъ не менѣе его всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ,—такъ онъ увлекательно говорилъ. Къ тому же онъ блестяще владѣлъ французскимъ языкомъ, и этотъ маленькій «плюсъ» дѣлалъ его уже настоящимъ кладомъ въ любомъ аристократическомъ салонѣ.

Находчивъ С. П. былъ изумительно. Создать какой нибудь хитроумный планъ, придумать великолѣпную комбинацію, дать дѣльный совѣтъ—на все это онъ былъ великій мастеръ. Будучи по преимуществу человѣкомъ иниціативы, онъ способенъ былъ инспирировать какую нибудь новую идею по всякому интересовавшему его вопросу, но разбираться въ разныхъ деталяхъ и мелочахъ, но переходить отъ общихъ контуровъ предмета къ «скучнымъ» подробностямъ не любилъ, да, въ сущности, и не могъ за отсутствіемъ надлежащей научной или технической подготовки. Не забудемъ, однако, что вѣдь Яковлевъ окончилъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ 50-хъ годовъ, и что, слѣдовательно, научной эрудиціи ему неоткуда было достать. Еще удивляться нужно, откуда у него взялось умѣнье писать безукоризненно чистымъ литературнымъ языкомъ, и какъ онъ могъ чуть ли не прямо со школьной скамьи сотрудничать въ большой политической газетѣ.

Но его талантливость была общеизвѣстна и порою даже поражала окружающихъ. Напримѣръ, онъ садится и пишетъ на память длиннѣйшій протоколъ какого нибудь засѣданія. Кругомъ оживленный разговоръ, шутки и смѣхъ. Казалось бы, трудно работать при такихъ условіяхъ. Но Яковлева это ничуть не смущаетъ. Онъ быстро водитъ перомъ, ни на секунду не отрываясь отъ бумаги, а самъ въ то же время безъ умолку говоритъ. Смотришь,—протоколъ уже готовъ и безъ одной помарки.

На ряду съ выдающимися достоинствами у Яковлева была одна непріятная черта, которая, по всей вѣроятности, даже и свела его преждевременно въ могилу: это—страсть къ кутежамъ.

Будучи замѣчательно тонкимъ гастрономомъ, онъ любилъ, главнымъ образомъ, вкусно поѣсть и ради ѣды не щадилъ своего здоровья. Нерѣдко цѣлыя ночи напролетъ онъ проводилъ въ пиршествахъ, перекочевывая изъ одного ресторана въ другой, а утромъ, не подкрѣпившись сномъ, усталый и разбитый, уже приступалъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ. При этомъ, надо сказать правду, С. П. нерѣдко окружалъ себя компаніей людей, стоявшихъ неизмѣримо ниже его, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; среди нихъ были настоящіе проходимцы, которые пользовались лишь случаемъ, чтобы втереться къ нему въ дружбу. Въ удобный моментъ они пили съ нимъ «брудершафтъ», а потомъ весьма развязно говорили ему «ты», открыто афишируя, такимъ образомъ, свои мнимыя дружественныя отношенія съ вліятельной особой. А С. П., разумѣется, тотчасъ же забывалъ всѣ эти «брудершафты», и, когда встрѣчался впослѣдствіи съ какимъ нибудь новоявленнымъ «другомъ», который вдругъ начиналъ его «тыкать», самымъ искреннимъ образомъ изумлялся.

Неразборчивость Яковлева въ выборѣ пріятелей очень коробила многихъ и даже заставляла радикально измѣнять къ нему прежнія отношенія. Такъ поступилъ съ нимъ, между прочимъ, и П. И. Чайковскій, который не могъ простить ему дружбы съ В. И. Сафоновымъ, бывшимъ директоромъ Московской консерваторіи.

Характеристика С. П. Яковлева, какъ человѣка, вышла бы далеко не полной, если бъ я не упомянулъ объ одномъ драгоцѣнномъ свойствѣ души, которымъ онъ въ высокой степени обладалъ,— свойствѣ, вообще говоря, рѣдко встрѣчающемся у людей,—о способности чувствовать благодарность: онъ никогда въ жизни не забывалъ ни одной оказанной ему услуги. Такъ, до самой своей смерти онъ чувствовалъ признательность къ К—ну, когда-то ссудившему ему пять тысячъ для оборудованія типографіи.

Лѣтъ 15 тому назадъ «Товарищество печатни С. П. Яковлева» праздновало свой 25-ти лѣтній юбилей. На торжественномъ обѣдѣ присутствовалъ въ числѣ другихъ приглашенныхъ гостей и К—нъ. Когда наступилъ моментъ провозглашенія обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ тостовъ, С. П. вдругъ поднимается съ мѣста и взволнованнымъ голосомъ произноситъ:

— Господа! Мой первый тостъ будетъ за присутствующаго здѣсь среди насъ Владимира Дмитріевича К—на, ибо это онъ далъ мнѣ возможность начать типографское дѣло, изъ котораго образовалось наше товарищество... И я счастливъ, что могу теперь публично выразить ему свою горячую признательность... Дѣлаю ему низкій земной поклонъ...

Всѣ были тронуты такимъ глубокимъ выраженіемъ благодарности за услугу, оказанную, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 30 тому назадъ. Но таковъ ужъ былъ Яковлевъ: время не могло стереть изъ его памяти сдѣланное ему добро.

Этимъ же свойствомъ характера объясняется, почему Яковлевъ, будучи директоромъ-распорядителемъ товарищества, не любилъ увольнять старыхъ служащихъ въ типографіи, и, дѣйствительно, ни одного изъ нихъ ни разу не уволилъ: онъ чувствовалъ къ нимъ благодарность за ихъ прежнюю службу.

И за это его любили рабочіе. Они цѣнили въ немъ прежде всего человѣка, и, когда онъ умеръ, всѣ единодушно оплакивали его, несмотря на то, что по своимъ политическимъ воззрѣніямъ С. П. былъ убѣжденный монархистъ.

Князь Б. А. Щетининъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1906 г. Составлена подъ редакціей члена-секретаря губернскаго статистическаго комитета, Д. Г. Тюменева. Изданіе Воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1906.

Еще не такъ давно наши губернскіе статистическіе комитеты были единственными учеными учрежденіями въ неуниверситетскихъ городахъ. Теперь рядомъ съ ними стоятъ губернскія архивныя комиссіи; немало также возникло научныхъ «кружковъ» и «обществъ» по частной иниціативѣ. Это ли раздѣленіе малочисленныхъ провинціальныхъ дѣятелей или что другое послужило причиною, — только въ дѣятельности бóльшей части статистическихъ комитетовъ въ настоящее время замѣчается упадокъ. Лишь очень немногіе изъ нихъ поддерживаютъ славныя традиціи былыхъ временъ. Къ числу этихъ счастливыхъ исключеній принадлежатъ комитеты: Вятскій, Воронежскій и нѣкоторые другіе, которые, не довольствуясь одною офиціальною статистикою и изданіемъ «адресъ-календарей», продолжаютъ свою работу на почвѣ всесторонняго изученія мѣстнаго края. И «Памятныя книжки» такихъ комитетовъ представляютъ большой интересъ не для однихъ только мѣстныхъ читателей.

Такова именно послѣдняя «Памятная книжка» Воронежскаго комитета, въ которой мы встрѣчаемъ особый «научно-литературный отдѣлъ». Изъ пяти статей этого отдѣла наибольшій интересъ представляетъ статья А. Путинцева: «Андрей Порфирьевичъ Серебрянскій (его жизнь и литературныя произведенія)». А. П. Серебрянскій—извѣстный другъ Кольцова, но «извѣстный» больше

только по имени, такъ какъ біографы Кольцова очень мало касаются этой замѣчательной во многихъ отношеніяхъ личности. А. Путинцевъ собралъ въ своей статьѣ все, что только можно было узнать о жизни Серебрянскаго, пользуясь, какъ печатными источниками, такъ и данными мѣстныхъ архивовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ издалъ по рукописи большую часть стихотвореній безвременно погибшаго автора.

Ѳ. Поликарповъ въ своей статьѣ «Бытовыя черты изъ жизни крестьянъ села Истобнаго, Нижнедѣвицкаго уѣзда» даетъ всестороннее, хотя и краткое, описаніе мѣстнаго крестьянскаго быта. Авторъ иногда грѣшитъ публицистической манерой — сгущать краски въ цѣляхъ единства впечатлѣнія; но приводимые имъ факты не теряютъ отъ этого своего значенія, и читателю не трудно составить свое собственное, объективное, сужденіе о жителяхъ описываемаго села. Картина въ общемъ получается очень печальная. Сильное развитіе воровства, отсутствіе религіозности, «рѣдкость супружеской вѣрности» («уходя на «линію», т.-е. къ донскимъ и кубанскимъ казакамъ, въ голодные годы, стебенскія женщины зарабатываютъ здѣсь деньги огульнымъ развратомъ»), —эти черты «стебенцевъ» какъ-то слишкомъ рѣзко противорѣчатъ общему характеру русскаго крестьянина. Гдѣ же разгадка этому? Авторъ ищетъ ея чуть ли не въ предположеніи, что таково все русское крестьянство. Разгадка, однако же, ясна. Стебенцы—потомки бывшихъ «однодворцевъ», этой полуискусственно созданной, странной, какой-то межеумочной, соціальной группы. Какъ потомки «однодворцевъ», стебенцы никогда не знали крѣпостного права, и, несмотря на это, ихъ теперешнее положеніе, какъ и всѣхъ вообще воронежскихъ «талагаевъ» (подъ этимъ полупрезрительнымъ именемъ извѣстны въ народѣ вообще потомки былыхъ «однодворцевъ»), гораздо хуже бывшихъ рабовъ помѣщичьяго произвола. Фактъ очень поучительный: онъ наглядно доказываетъ, какъ искусственно созданныя сословныя группы ведутъ лишь къ вырожденію членовъ этихъ группъ.

Стоитъ еще отмѣтить, что среди стебенцовъ, никогда не знавшихъ крѣпостного права, «съ удивительнымъ упорствомъ» ходитъ слухъ, что «царь-батюшка будетъ дѣлить помѣщичью землю».

Статья В. В. Литвинова: «Первая Памятная книжка Воронежской губерніи. Ея содержаніе и сотрудники», написана по поводу истекшаго 50-ти-лѣтія со времени выхода въ свѣтъ этой первой книжки (въ 1856 г.). Авторъ излагаетъ біографію иниціатора и перваго редактора «Книжки», Н. И. Второва, а также сотрудниковъ ея: Малышева, Скрябина и Тарачкова.

«Указатель статей, напечатанныхъ въ Памятныхъ книжкахъ Воронежской губ. за 50 лѣтъ ихъ изданія (1856—1906 г.г.)», появляется какъ нельзя болѣе кстати. У нашихъ ученыхъ спеціалистовъ даже словно принято игнорировать эти скромныя провинціальныя изданія. Напримѣръ, въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Этнографическаго Обозрѣнія» мы прочли статью С. К. Кузнецова объ инородческой общинѣ, гдѣ авторъ сильно жалуется на полное отсутствіе литературы по затронутому имъ вопросу. Между тѣмъ, въ «Памятной книжкѣ Вятской губерніи» (1896 г.) г. Кузнецовъ нашелъ бы, если бы только пожелалъ, очень обстоятельную статью г. Верещагина объ общинѣ у вотяковъ.

Замѣтка С. Н. Введенскаго «Изъ Воронежскаго прошлаго» посвящена Нѣмецкой слободѣ въ г. Воронежѣ XVII в. и одному эпизоду съ воронежскими подьячими 1685 г.

Таково разнообразное содержаніе научно-литературнаго отдѣла разсматриваемой книги. Въ другихъ отдѣлахъ мы находимъ справочныя свѣдѣнія, адресъ-календарь и очень обстоятельно составленный статистическій обзоръ губерніи за 1904 г. Заимствуемъ изъ этого послѣдняго слѣдующія свѣдѣнія изъ жизни мѣстныхъ сектантовъ. «Среди хлыстовъ Коротоякскаго уѣзда въ 1904 г. возникла новая секта «Дубковцевъ», названная такъ по имени главы ея Василія Дубкова, котораго послѣдователи почитаютъ за «Христа». Секта имѣетъ много послѣдователей преимущественно среди молодежи обоего пола, которую привлекаетъ въ эту секту проповѣдуемое Дубковымъ ученіе о свободной любви. Секта отличается крайней распущенностью, допускаетъ двоеженство, частую мѣну женъ и т. д. Сектанты крайне фанатичны. Къ православной церкви и духовенству относятся враждебно и допускаютъ нетерпимыя хулы и кощунства надъ православной святыней» (стр. 53). Мѣстные штундисты и другіе сектанты, «въ концѣ 1904 г., подъ вліяніемъ слуховъ о вѣротерпимости, стали усиленно ходатайствовать передъ свѣтской властью о дарованіи имъ полной религіозной свободы и особенно права безпрепятственно устраивать свои собранія съ пѣніемъ сектантскихъ стиховъ, открывать новыя молельни, свободно проповѣдывать свое ученіе и т. п.».

Дм. Зеленинъ.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 г.г.). Томъ II (1751—1762 г.г.). Со введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кіевъ. 1906.

Приближается небывалое еще у насъ торжество русскаго просвѣщенія — трехсотлѣтіе существованія старѣйшаго духовно-учебнаго заведенія, давшаго начало Кіевской духовной академіи. Къ юбилейному году, по всей вѣроятности, будетъ закончено все изданіе «Актовъ и документовъ», относящихся къ прошлому академіи,—изданіе солидное по размѣрамъ и научной цѣнности; но пока выходитъ только та серія документовъ, подготовленіе которой къ печати принялъ на себя проф. Н. И. Петровъ. Это—часть XVIII вѣка. Остальныя серіи еще разработываются другими лицами и готовятся къ печати.

Второй томъ «Актовъ и документовъ», посвященный архіепископу херсонскому Димитрію, такъ же интересенъ, какъ и первый, хотя обнимаетъ періодъ всего десятилѣтній (предыдущій томъ захватывалъ періодъ въ 30 лѣтъ), падающій на вторую половину царствованія Елисаветы Петровны и все правленіе Петра III. Поэтому по изданнымъ документамъ можно прослѣдить, насколько возстановленное въ 1750 г. гетманство, носившее узко-сословный («казацко-старшинный») характеръ, отразилось на жизни южно-русскаго духовенства и его главнаго учрежденія. Если припомнимъ общую централистическую тенденцію правительства въ церковно-общественной области, то намъ отчасти будетъ уже ясно, каковы были перемѣны въ епархіальной жизни и

въ положеніи духовной академіи, замѣтно превратившейся теперь въ учрежденіе «епархіальное». Графъ К. Г. Разумовскій былъ полноправнымъ министромъ казацкихъ дѣлъ, не подчинялся ни иностранной коллегіи, ни другимъ, вѣдалъ всѣ свѣтскія и духовныя дѣла, чѣмъ возбудилъ естественныя опасенія среди малорусскаго духовенства. И дѣйствительно, на первыхъ же порахъ духовная власть столкнулась съ болѣе сильной свѣтской. Кіевскому митрополиту оказалось не легко получить аудіенцію у недавняго «сына Розумихи» въ Глуховѣ: утромъ гетманъ еще опочивалъ, а вечеромъ поѣхалъ на прогулку. Фактъ самъ по себѣ, быть можетъ, и незначительный, но для престижа перваго человѣка въ митрополіи онъ являлся стимуломъ довольно печальнаго грядущаго порядка. Вслѣдъ за нимъ начались факты и посерьезнѣе. Въ томъ же 1751-г. гетманъ издалъ ордеръ, запрещавшій духовенству винокуреніе, и сдѣлалъ это въ виду голода; но въ то же время духовенство не могло не замѣтить, что это же запрещеніе не распространялось почему-то на казаковъ и ихъ старшину. Въ слѣдующемъ году гетманъ показалъ, что ему принадлежитъ право утверждать или не утверждать кандидатовъ на архіерейскія мѣста. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ ограниченій правъ бѣлаго малорусскаго духовенства, напримѣръ, указъ о включеніи въ ревизскіе списки для выполненія ратныхъ повинностей среди «другихъ разночинцевъ» — «имѣющихъ грунта и дворы свои дьячковъ, понамарей, ктиторовъ и другихъ тому подобныхъ, не обходя и не минуя никого»; иногда митрополитъ не имѣлъ возможности сноситься непосредственно съ гетманомъ и получалъ отказъ на просьбы по значительнымъ дѣламъ отъ второстепенныхъ чиновниковъ; протопопскія дѣти внесены были въ списки значковыхъ казаковъ, а поповскія—казаковъ выборныхъ и т. д.

Въ виду общаго приниженія духовнаго вѣдомства гетманомъ Разумовскимъ, нельзя было ожидать отъ него, по словамъ предисловія, «особеннаго благоволенія и къ Кіевской академіи, все болѣе и болѣе становившейся епархіескимъ учрежденіемъ. Чтобы снискать это благоволеніе, кіевскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій въ первые два года по возстановленіи гетманства посылалъ къ новому гетману, для новогодняго поздравленія и сказыванія проповѣдей въ Рождественскіе праздники, префектовъ Кіевской академіи. Въ концѣ 1751 г. посланъ былъ дѣльный и тактичный Георгій Конисскій, который сказалъ въ присутствіи гетмана двѣ проповѣди и получилъ въ подарокъ 100 рублей. Но преемникъ Георгія, префектъ Давидъ Нащинскій, въ слѣдующемъ году говорилъ при гетманѣ только одну проповѣдь и получилъ въ подарокъ только 40 рублей, т.-е. сумму, едва достаточную для поѣздки въ Кіевъ и обратно. Съ тѣхъ поръ, кажется, подобныхъ поздравительныхъ депутацій не посылалось больше въ Глуховъ, и отношенія гетмана къ Кіево-Братскому монастырю и академіи оставались письменныя, чисто формальныя, холодныя и даже недоброжелательныя» (стр. X—XI). Этотъ мелкій фактъ очень характеренъ и стоитъ въ связи съ дальнѣйшими всегда послѣдовательными ограниченіями, отказами въ субсидіяхъ, проектомъ о превращеніи академіи въ университетъ и т. д. По остальнымъ документамъ можно прослѣдить, какія индивидуальныя черты, въ зависимости отъ разныхъ митрополитовъ, ло-

[illegible] ... Профессоровъ [illegible] ... [illegible]

[illegible] ... [illegible] ... Жаль, что [illegible] ... [illegible] ... [illegible] старче- [illegible]

А. И. Яцимирскій.

И. Покровскій. Казанскій архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г. Церковно-археологическое, историческое и экономическое изслѣдованіе. (Въ память 350-лѣтія существованія Казанской епархіи). Казань. 1906.

[illegible] спеціальное и [illegible] представляетъ значи- [illegible] ... дѣла. [illegible] казанскіе духовные [illegible] матеріаловъ, особенно [illegible] и москов- [illegible] и размѣры книги. [illegible] провинціальной работой. [illegible] Дѣло въ томъ, что [illegible] частный вопросъ въ сущ- [illegible] архіерейскаго дома любой епархіи [illegible] и исторія цѣлой епархіи, потому что подъ архіерей- [illegible] которая вѣдала [illegible] и совмѣщала въ себѣ [illegible] вмѣстѣ съ экономическими интересами собо- ровъ. Кромѣ того на свою задачу изслѣдователь смотритъ широко, совсѣмъ не съ одной мѣстной точки зрѣнія, обращается за аналогіями или сравне-

ніями къ фактамъ другихъ епархій, а иногда и къ исторіи Византіи. Такимъ образомъ, взятое въ общемъ, его изслѣдованіе носитъ вполнѣ научный сравнительный характеръ. А это одно выдѣляетъ его объемистую книгу (болѣ 750 страницъ) изъ круга типичныхъ «провинціальныхъ работъ»; что же касается умѣнія разрабатывать серьезные историческіе вопросы первостепенной важности, то это И. Покровскій показалъ въ магистерской диссертаціи: «Русскія епархіи въ XVI—XIX вѣкахъ, ихъ открытіе, составъ и предѣлы» (Казань, 1897). Поэтому за новое изслѣдованіе авторъ имѣетъ полное право получить высшую ученую степень.

Вполнѣ естественно, что изученіе первоисточниковъ, касающихся хозяйства епархіальныхъ домовъ, привело автора къ выводу, что домовыя земли являлись опорными точками для русской колонизаціи Казанскаго края, а образцовая церковно-хозяйственная администрація—оплотомъ русскаго вліянія. «Изслѣдуя историческіе факты и давно отжившіе свой вѣкъ порядки на Руси — владѣть населенными землями, мы осмѣливаемся,—говоритъ И. Покровскій,— высказаться, что владѣніе архіерейскимъ домомъ населенными землями не было «рабовладѣльчествомъ». Достаточно указать на то, что изъ 11.830 десятинъ пахотной земли, принадлежавшей архіерейскому дому, 10.045 десятинъ находились въ пользованіи самихъ крестьянъ на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ; къ этому нужно прибавить обширные сѣнные покосы, выгоны и огромныя площади лѣсовъ. Нѣтъ надобности доказывать, что на церковныхъ, особенно домовыхъ земляхъ крестьянамъ жилось гораздо легче, чѣмъ на помѣщичьихъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что чаще не духовныя власти, а сами крестьяне искали церковныя земли, гдѣ и селились съ платой болѣе дешевой аренды, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ. Ниоткуда также не видно, чтобы архіерейскій домъ преслѣдовалъ исключительно домовыя выгоды и на крестьянъ смотрѣлъ только, какъ на рабочую и платежную силу. Лучшимъ доказательствомъ нашей мысли можетъ служить то, что домовые крестьяне поступили въ коллегію экономіи (1764 г.) не маломощными; вмѣстѣ съ другими церковными крестьянами они были положены, вмѣсто рублеваго, въ полутора-рублевый оброкъ». Далѣе авторъ доказываетъ, и дѣлаетъ это вполнѣ умѣло, что доходы Казанскаго архіерейскаго дома въ значительной степени возвращались къ плательщикамъ въ видѣ тѣхъ культурно-благотворительныхъ учрежденій, которыя въ половинѣ XVIII вѣка правительство взяло въ свои руки вмѣстѣ съ секуляризаціей церковныхъ имуществъ и обѣщаніемъ поддерживать эти учрежденія. Что сдѣлало съ этимъ правительство, извѣстно слишкомъ хорошо, почему и вся секуляризація, по мнѣнію автора, оказалась чѣмъ-то очень похожимъ на обманъ. **И. Александровъ.**

Къ церковному собору. Сборникъ группы петербургскихъ священниковъ. Спб. 1906.

Почти два вѣка тому назадъ наша церковная жизнь подверглась коренному преобразованію. Учрежденіе святѣйшаго синода, со всѣмъ остальнымъ механизмомъ церковно-государственныхъ учрежденій, вдвинуло русскую церковь въ

общую систему Русскаго государства, лишило ее канонической свободы и живой церковной жизнедѣятельности. Церковь оказалась въ параличѣ. Съ середины прошлаго столѣтія произошелъ переломъ. Хомяковъ, Кирѣевскій, Самаринъ и др. имъ близкіе создали новое направленіе въ православномъ богословіи, и теперь насчитывается немало учениковъ Хомякова, какъ бы родоначальника цѣлой школы. Эта школа лелѣяла надежду, что русская церковь когда либо возвратится въ свое прежнее русло и возстановитъ у себя тѣ основныя черты церковнаго строя, которыя, какъ каноническія, характеризуютъ собою древнюю православную церковь. Историческія событія значительно подвинули осуществленіе этой надежды, и вотъ группа священниковъ Петербурга рѣшила выступить со своими мыслями о томъ, что и какъ должно быть преобразовано въ церковномъ строѣ, чтобы каноническія начала были возстановлены. Голосъ этой группы не былъ одинокимъ, хотя они о своихъ желаніяхъ заявили наиболѣе громко двумя докладными записками къ митрополиту с.-петербургскому, послѣ напечатанными въ разныхъ газетахъ и вошедшими наконецъ въ настоящій сборникъ. Эти записки вызвали нѣкоторыя недоумѣнія, для устраненія которыхъ, а также въ отвѣтъ на одно секретное предписаніе синода, явились три послѣднія статьи сборника, принадлежащія перу спеціалиста по церковному праву, Н. П. Аксакова. Такимъ образомъ всѣ статьи сборника представляютъ собою научно-публицистическіе трактаты, находящіеся во внутреннемъ единствѣ между собою, за исключеніемъ случайной — «Государственная дума и пастырь церкви». Характеристическая черта этихъ трактатовъ—та, что они исполнены, такъ сказать, юношескаго идеализма и несомнѣнной вѣры въ исповѣдываемую каноническую истину, что̀ придаетъ имъ много силы и убѣдительности. Особеннаго вниманія послѣ первыхъ двухъ статей—записокъ митрополиту — «Неотложность возстановленія канонической свободы православной церкви въ Россіи» и «Составъ церковнаго собора», въ которыхъ доказывается таковая необходимость и то, что соборъ долженъ состоять изъ всѣхъ членовъ тѣла-церкви: епископовъ, клира и мірянъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ полемическая статья Аксакова: «Церковное вѣдомство и церковный соборъ», направленная противъ канцелярской таинственности, съ которою предполагалось синодомъ и оберъ-прокуроромъ рѣшить столь важные въ жизни церковной вопросы, а затѣмъ его же статьи: «Соборъ и выборное начало въ церкви (отвѣтъ епископу Антонію Волынскому)» и «Соборы и патріархи». Это—двѣ самыя обширныя и самыя тяжеловѣсныя по своей аргументаціи статьи и въ научномъ отношеніи самыя интересныя. Преосвященный Антоній допускаетъ къ участію на соборѣ только епископовъ, ссылаясь при этомъ на синодальное изданіе книги правилъ, въ научномъ отношеніи неудовлетворительное и недостаточное. Аксаковъ возражаетъ ему во всеоружіи историческихъ свѣдѣній и знакомства съ греческими подлинниками. Къ тому, что сказано Аксаковымъ, можно еще многое прибавить, но не согласиться съ нимъ безпристрастному изслѣдователю, по нашему мнѣнію, невозможно. Въ послѣдней статьѣ Аксаковъ предупреждаетъ возможность надѣленія будущаго патріарха такими правами, которыя могутъ повредить церкви еще больше, чѣмъ повредило государственное положеніе святѣйшаго синода, и которыхъ согласно канонамъ патріархи никогда не имѣли.

Безспорно, что затронутые въ сборникѣ вопросы могутъ интересовать очень многихъ, а потому сборникъ, какъ болѣе или менѣе популярно отвѣчающій на современныя недоумѣнія, захватывающій подъ вліяніемъ жизни то, что по частямъ разсѣяно въ тысячахъ ученыхъ сочиненій,—можетъ сослужить русскимъ читателямъ большую службу. Возстановленіе каноническаго строя потребуетъ отъ всѣхъ членовъ церкви сознательности, а таковая возможна только при соотвѣтствующемъ просвѣщеніи.

Павелъ Верховской.

Университетъ и политика. Изданіе «Союза студентовъ С.-Петербургскаго университета» и «Академическаго союза слушательницъ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ». Спб. 1906.

Послѣдняя половина XIX и начальные годы XX столѣтія для будущаго историка Россіи представятъ любопытную, хотя и грустную, картину постепеннаго изветшанія прежняго уклада русской жизни и извращенія почти всѣхъ нашихъ государственныхъ учрежденій. Несносныя болѣе политическія условія жизни и начавшаяся сначала тайно, а затѣмъ и явно борьба за освобожденіе привели къ тому, что даже такое близкое къ самымъ интимнымъ чувствамъ человѣка установленіе, какъ церковь, пріобрѣло полицейскій характеръ, и служители ея получили функціи, ничего общаго съ ихъ назначеніемъ не имѣющія. Съ другой стороны, и освободительныя тенденціи забирали все большую и большую силу, оттѣсняя въ учрежденіяхъ ихъ прямое дѣло. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ процессъ этого извращенія были уже давно и неудержимо вовлечены и наши высшія учебныя заведенія. Политика, или, лучше сказать, политиканство, прочно угнѣздилась въ аудиторіяхъ, интересуя иногда студентовъ гораздо больше, чѣмъ наука, за которой они пришли. За послѣднее время политика даже совершенно оттѣснила науку и дала совершенно ложное мѣрило для оцѣнки явленій академической жизни. Профессора стали пользоваться авторитетомъ среди студенчества не по своимъ научнымъ заслугамъ, а по своему либеральному и даже радикальному направленію. Самыя науки подраздѣлялись студентами, еще не успѣвшими хорошенько и ознакомиться съ ними, на ретроградныя и передовыя. Однѣ бойкотировались, въ другихъ искали поощренія и оправданія революціоннымъ поползновеніямъ. Наконецъ въ прошломъ году, когда правительство сдѣлало громадную ошибку и объявило свободу университетовъ, не давъ предварительно ни свободы слова, ни свободы собраній, университеты окончательно сбились съ настоящаго пути, и изъ храмовъ науки превратились въ бурные политическіе клубы. Вмѣсто ректора и правленія власть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ временно попала въ руки особаго «президіума», составленнаго изъ неизвѣстно кѣмъ выбранныхъ и уполномоченныхъ лицъ, оказавшихся для большинства студентовъ таинственными незнакомцами. Вмѣсто научныхъ лекцій въ аудиторіяхъ слышались яростныя рѣчи, призывавшія къ вооруженной борьбѣ; вмѣсто студентовъ на скамьяхъ возсѣдали рабочіе; вмѣсто химическихъ, физіологическихъ и иныхъ опытовъ производи-

лись денежные сборы на покупку браунинговъ. Процессъ извращенія университетовъ достигъ высшей точки: они исчезли въ странѣ, а на мѣстѣ ихъ явились настоящіе якобинскіе клубы, нетерпимые ни въ одномъ государствѣ. Университетъ, какъ мѣсто науки, умеръ, лежитъ въ гробу, и воскреснетъ ли онъ, покажетъ только будущее.

Къ счастью для страны, среди университетской молодежи, всецѣло подпавшей подъ гипнозъ революціонной борьбы, нашлась въ Петербургѣ кучка студентовъ, не потерявшихъ изъ виду настоящаго назначенія университета и не утратившихъ уваженія къ благородному источнику чистаго знанія. Они образовали «Союзъ студентовъ С.-Петербургскаго университета» и всѣми силами боролись противъ политиканствующаго большинства. Ихъ примѣръ вызвалъ подражаніе и на высшихъ женскихъ курсахъ, гдѣ часть курсистокъ составила особый «академическій союзъ», также задавшійся цѣлью оздоровить жизнь высшихъ учебныхъ заведеній и освободить науку отъ порабощенія политикой. Но, какъ всегда бываетъ въ эпохи бурнаго возбужденія, голосъ благоразумныхъ и уравновѣшенныхъ людей остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Безсильные повліять на академическую жизнь личной оппозиціей, нѣкоторые члены этихъ двухъ союзовъ рѣшили прибѣгнуть къ силѣ общественнаго мнѣнія и въ своей книгѣ апеллируютъ ко всему обществу во имя чистой науки и интеллектуальнаго подъема страны.

Реакція противъ господства политики начинается у насъ уже въ разныхъ областяхъ духовной жизни. Живопись, гдѣ одно время считалось обязательнымъ разрабатывать непремѣнно гражданскіе мотивы, теперь уже отказывается отъ своего прежняго положенія служанки политики. Раздавались и теперь особенно усилились голоса въ пользу изгнанія политическихъ тенденцій изъ беллетристики.

Очередь за наукой, и лежащая передъ нами книжка, очевидно, будетъ первой ласточкой съ того берега. Надо надѣяться, что съ обновленіемъ русской жизни, съ предоставленіемъ странѣ свободы печати, слова и собраній, политика перемѣнитъ квартиру и изъ университета переселится въ болѣе свойственное ей мѣсто, въ будущіе политическіе клубы. **В. А.**

Н. Н. Зворыкинъ. Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа въ Россіи. Спб. 1905.—Д. Н. Бороздинъ. Крестьянскій вопросъ наканунѣ созыва народныхъ представителей. Спб. 1905.—Его же. Какъ остановить аграрное движеніе. Аграрная программа. Спб. 1905.

Три брошюры, названіе которыхъ выписано, представляютъ наглядный примѣръ того, какъ въ короткое время углубился и расширился вопросъ о наилучшемъ устройствѣ крестьянскаго населенія. Г. Зворыкинъ разсматриваетъ его только съ экономической точки зрѣнія. Центральная его идея—это необходимость учредить общеимперскій банкъ, который сосредоточилъ бы въ своихъ рукахъ, путемъ скупки земель, аграрный фондъ, при помощи котораго

государство могло бы утолять земельный голодъ наиболѣе нуждающихся крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ банкъ долженъ выдавать имъ ссуды на обзаведеніе и пріобрѣтеніе сельско-хозяйственнаго инвентаря. Авторъ стоитъ за три типа хозяйства: мелкое, крестьянское, среднее и крупное, необходимое для внесенія въ сельское хозяйство улучшеній, требующихъ значительныхъ затратъ, которыя доступны только собственникамъ богатымъ. Но весь планъ упорядоченія нашего земледѣлія и землевладѣнія возможенъ, по мнѣнію автора, только тогда, когда будетъ уничтожена община, вяжущая крестьянъ по рукамъ и по ногамъ и все равно не предохраняющая отъ образованія безземельнаго пролетаріата.

Съ этимъ положеніемъ совершенно согласенъ и г. Бороздинъ. Но онъ идетъ еще дальше и беретъ крестьянскій вопросъ не только съ экономической, но и съ политической стороны. Авторъ исходитъ изъ того, что нашу деревню угнетаетъ не только малоземелье, но и безправіе. Противъ перваго онъ рекомендуетъ конфисковать тѣ земли, которыя не имѣютъ значенія для землевладѣльцевъ, упорядоченіе переселеній, введеніе учрежденій мелкаго кредита, развитіе и поощреніе побочныхъ крестьянскихъ промысловъ, замѣну выкупныхъ платежей подоходнымъ налогомъ, наконецъ—широкую поддержку сельско-хозяйственнаго образованія. Во второмъ случаѣ, по мнѣнію автора, необходимо спѣшить съ отмѣной не только общины, но и закрѣпощенія крестьянъ спеціальнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ въ родѣ волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ, которые только задерживаютъ ростъ крестьянскаго правосознанія.

Вотъ что требовалось въ литературѣ не далѣе, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Теперь эти требованія уже гораздо шире, говорятъ и пишутъ о національзаціи всей земли, о полной отмѣнѣ всякихъ сословныхъ правъ и преимуществъ. Думается, что такіе слишкомъ радикальные проекты могутъ только повредить дѣлу. Національзація и передача земли въ руки крестьянства, несомнѣнно, приведутъ къ пониженію сельско-хозяйственной культуры, ибо, какъ бы зажиточенъ ни былъ крестьянинъ, онъ по недостатку знаній не въ состояніи пользоваться усовершенствованіями сельско-хозяйственной техники, требующими иной разъ продолжительнаго изученія. Съ другой стороны, есть отрасли сельскаго хозяйства, гдѣ необходимы большія площади, какъ, напримѣръ, для правильнаго лѣсоводства или разведенія овецъ, быковъ, лошадей. Съ раздробленіемъ національзированной земли откуда будутъ добываться такія пространства? Затѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что какъ бы щедро ни прирѣзали земли крестьянамъ, все равно черезъ десятка два лѣтъ, вслѣдствіе естественнаго и довольно у насъ быстраго прироста населенія, мы вернемся къ тому же положенію, изъ котораго теперь такъ страстно ищемъ выхода. На нашъ взглядъ, корень зла лежитъ не столько въ малоземельѣ, которое остро чувствуется только мѣстами, а въ общей некультурности страны, въ первобытномъ, непродуктивномъ способѣ веденія хозяйства и въ отсутствіи элементарныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній въ массахъ. **А. В.**

Н. В. Сорокинъ. Разсказы и очерки. Казань. 1906.

Очерки г. Сорокина напоминаютъ до нѣкоторой степени разсказы изъ крѣпостной эпохи С. Н. Терпигорева (Атавы). Авторъ, проведшій дѣтство въ богатой помѣщичьей семьѣ, разсказываетъ происшествія, совершавшіяся на его глазахъ въ то время, когда крѣпостной человѣкъ не былъ защищенъ ни законами, ни нравами отъ произвола барской воли. Въ очеркѣ «Помѣщикъ Ротовъ», рядомъ съ лирическими воспоминаніями автора о собственномъ дѣтствѣ, напоминающемъ своими чертами русскую «обломовку»,—выведенъ сосѣдъ по имѣнію помѣщикъ Ротовъ, задушившій вдовую мачеху и правившій крѣпостными при помощи пытокъ въ приспособленныхъ къ тому «застѣнкахъ» въ его обширной усадьбѣ, но въ концѣ концовъ разорившійся и служившій подъ старость лѣтъ лакеемъ у смотрителя почтовой станціи на шоссейной дорогѣ.

Въ томъ же мрачномъ стилѣ написана авторомъ и его «Параша» — крѣпостная дѣвушка, которая нянчила его, развлекала сказками и былью о томъ, какъ ее, «мастерицу кружева плести», продали его родителямъ отдѣльно при ея живой матери и т. д.

Въ нѣсколько иномъ направленіи, но изъ того же «добраго, стараго времени», излагаются разсказы о томъ, какъ души умирающихъ людей приходятъ наканунѣ къ дорогимъ имъ лицамъ увѣдомлять о своей кончинѣ и т. д. («Страничка изъ далекаго прошлаго»).

Большая, однако, половина разсказовъ Н. В. Сорокина, натуралиста по профессіи, исполнена этнографическихъ наблюденій далекихъ окраинъ нашего обширнаго отечества.

Весьма интересенъ его очеркъ: «На новыхъ мѣстахъ» близъ Батума, тотчасъ послѣ завоеванія его у турокъ, когда населенію черноморскаго побережья русскими людьми грозили не только болотныя лихорадки и дикіе звѣри, но и разоренные турки, обратившіеся за средствами жизни къ разбою и грабежамъ.

Автору хорошо знакомы также пространства между Оренбургомъ и Ташкентомъ, безводная пустыня «Кизылъ-Кумъ» между Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, съ песчаными барханами, кудуками (колодцами) и разбойничьими типами проводниковъ, какой нибудь наложницы (таковъ разсказъ «Шукуръ»). Авторъ долгое время пробылъ также «Въ пескахъ Кара - Кума» на верблюдахъ, съ киргизами, вблизи солончаковъ, подъ бѣлымъ налетомъ которыхъ во время дождей находится топь. Изъ этой топи еще никому не удавалось выбраться, если только вслѣдствіе незнанія или неосторожности онъ попадалъ въ нее.

Не менѣе интересно путешествіе автора изъ Оренбурга до Самарканда («Піонеры») по степямъ съ сильнымъ запахомъ полыни, съ восточными типами городовъ.

Описывая г. Ташкентъ, авторъ разсказываетъ исторію его возникновенія и завоеванія, съ нѣкоторыми легендами объ историческихъ окрестностяхъ, сохранившихъ теперь отъ славнаго прошлаго однѣ разрушенныя мечети. Много удѣлено авторомъ страницъ внутренней жизни туземцевъ и инородцевъ, при чемъ разоблачаются ея внутреннія стороны, какъ, напримѣръ, поклоненіе красивому мальчику...

Кромѣ культа мужской красоты, у азіатовъ вообще, а у сартовъ въ частности, существуетъ еще много возмутительныхъ пороковъ, о которыхъ нельзя говорить въ печати.

«Піонеры» изъ русскихъ имѣли также свои особенности: нагайка и право сильнаго составляли законъ, передъ которымъ должны были преклоняться кочевники. Въ числѣ разбойниковъ встрѣчалось немало русскихъ бѣглыхъ, владѣвшихъ превосходно киргизскимъ нарѣчіемъ. Такими же «разбойниками» были и почтовые чиновники. Они не только ломали печати у чужихъ писемъ, но распарывали посылки съ новыми вещами, выдавали ихъ своимъ женамъ и уже обношенными отправляли впослѣдствіи по адресу. Понаѣхавшіе «ташкентцы» окончательно разорили и киргизовъ, и сартовъ.

Освоившись съ этнографіей и флорой степныхъ пространствъ Сыръ и Аму-Дарьи, г. Сорокинъ очутился «Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня», интересно описывая попутные города, любопытное озеро Иссыкъ-Куль, берега котораго у прибоя загромождены человѣческими костями; эти кости даютъ автору поводъ высказать предположеніе о томъ, что озеро образовалось вслѣдствіе внезапной катастрофы, поглотившей старинный городъ съ массою человѣческихъ жертвъ.

Подробно говоритъ авторъ о живописныхъ ущельяхъ и горныхъ перевалахъ Тяньшанскаго края, съ любопытными районами, гдѣ (по берегамъ озера Сонъ-Куля) между корнями засохшей травы разбросаны въ громадномъ количествѣ сѣроватаго цвѣта шарики, величиною отъ горошины и до лѣсного орѣха. Поверхность ихъ морщиниста; они ломки и сильно разбухаютъ въ горячей водѣ. Это— не что иное, какъ лишайникъ (Lichen esculentus прежнихъ ботаниковъ), который растетъ и въ южной Россіи, напримѣръ, на Дону; онъ можетъ быть употребляемъ въ пищу и называется по-русски «земляной хлѣбъ». Киргизы не знаютъ, что они топчатъ ногами суррогатъ весьма вкусный, который могъ бы имъ пригодиться.

Научныя изслѣдованія занесли автора и къ сибирскимъ инородцамъ. Въ очеркѣ «У вогуловъ» ознакомляешься съ бѣдностью звѣробоевъ, рыболововъ и оленеводовъ, весьма часто, однако, татуированныхъ и пьяненькихъ... Но въ украшеніяхъ вогуловъ, кромѣ кокетства, заключаются и болѣе практическія цѣли: «мужчины во время охоты иногда забираются въ непроходимыя чащи лѣса, и для того, чтобы давать знать другимъ охотникамъ или членамъ своего семейства о томъ направленіи, по которому они шли, вырѣзаютъ на стволахъ деревьевъ узоры, начертанные у нихъ на тѣлѣ».

А. Фаресовъ.

Проф. Мих. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Изданіе второе, дополненное. Спб. 1906.

Обратно-пропорціональное отношеніе между ученостью и авторскимъ самолюбіемъ—фактъ, о которомъ можно не говорить, и каждый, кто ведетъ болѣе или менѣе систематически критическій отдѣлъ въ журналѣ или слѣдитъ за чужими рецензіями,—прекрасно знаетъ, что обижаются на замѣчанія рецен-

зентовъ только бездарности. Люди же талантливые, а потому независимые, принимаютъ во вниманіе самыя мелкія замѣчанія, разъ они мало-мальски пріемлемы. Этими мыслями мы и начинаемъ небольшую замѣтку о новомъ изданіи книги львовскаго профессора.

Первое изданіе его «Очерка исторіи украинскаго народа» вышло въ прошломъ году, и отзывъ о немъ въ свое время былъ помѣщенъ въ нѣсколькихъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Поэтому можно не говорить подробно о новомъ изданіи. Замѣтимъ только, что наиболѣе слабыя части перваго изданія настолько исправлены, что даже безъ построчнаго сличенія замѣтны слѣды серьезной авторской переработки. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить чистку языка, въ первомъ изданіи страдавшаго малорусскими оборотами въ частности и въ общемъ тяжелаго. Авторъ объяснялъ это тѣмъ, что за время десятилѣтней жизни въ Галиціи нѣсколько отвыкъ отъ русской литературной рѣчи. Теперь же слогъ неузнаваемъ, конечно, въ положительную сторону. Мы думаемъ, что серія новѣйшихъ «русскихъ» работъ М. Грушевскаго дала ему практику въ этомъ направленіи,—и текстъ «Очерка» въ разбираемомъ изданіи уже не затруднитъ читателей. Во-вторыхъ, сдѣланы небольшія измѣненія въ этнографической картѣ, и тѣ мѣстности, гдѣ преобладаніе малорусскаго населенія подлежитъ сомнѣнію, уже не покрыты голубымъ тономъ. Затѣмъ идутъ перемѣщенія въ расположеніи отдѣльныхъ частей, новыя ссылки на источники-пособія, нѣкоторые новые факты, двѣ историческихъ карты, которыхъ не было раньше, и т. д. Особенное вниманіе обращаютъ на себя послѣднія главы «Очерка», которыхъ также не было раньше. Онѣ введены историкомъ подъ вліяніемъ пожеланій тѣхъ рецензентовъ, которые находили періодъ новой исторіи украинскаго народа (XVIII и XIX в. в.) сравнительно бѣднымъ и, такъ сказать, сокращеннымъ за счетъ древняго періода. Теперь оба періода вышли почти одинаковыми по размѣрамъ, и особенно интересны двѣ послѣднія главы: «Современное состояніе украинства въ Австро-Венгріи» и «Современное состояніе украинства въ Россіи». Несмотря на то, что автору пришлось говорить здѣсь о слишкомъ больномъ вопросѣ не для однихъ украинцевъ, тонъ его почти ни разу не становится пристрастнымъ или вызывающимъ. Такимъ образомъ, его книга не должна обидѣть никого, кромѣ развѣ шовинистовъ.

Успѣхъ перваго изданія, распроданнаго въ теченіе полугода, вполнѣ обезпечиваетъ успѣхъ и новаго изданія, обѣщая дать и третье, условія выхода котораго, по всей вѣроятности, будутъ много благопріятнѣе, чѣмъ второго. Предисловіе помѣчено сентябремъ 1905 г., т.-е. оно закончено за мѣсяцъ до значительнаго облегченія условій цензуры въ Россіи. Послѣдняя дата лишаетъ рецензента права предъявлять къ книгѣ, посвященной попрежнему жгучему національному вопросу, тѣ требованія, какія хотѣлось бы предъявить къ книгѣ, совершенно свободной отъ офиціальной цензуры, написанной лучшимъ знатокомъ дѣла и передовымъ патріотомъ. Вотъ почему, повторяемъ, въ слѣдующемъ изданіи авторъ можетъ и долженъ воспользоваться правомъ называть собственными именами все то, что теперь названо еще все-таки нѣсколько деликатно. М. Грушевскій какъ будто изъ осторожности говоритъ,

что при корректурѣ послѣднихъ главъ, о которыхъ собственно и идетъ рѣчь, онъ «уже имѣлъ въ виду измѣненія въ положеніи дѣлъ, принесенныя бурнымъ полугодіемъ», но сейчасъ же прибавляетъ: «впрочемъ, увы, существенныхъ фактическихъ измѣненій въ положеніи дѣлъ за это время не произошло. «Такъ мало прожито — такъ много пережито», но въ концѣ концовъ, собственно говоря, почти все остается по-старому». Отъ души желаемъ, чтобы въ новомъ изданіи не было такихъ оговорокъ, и нашли бы себѣ мѣсто и «фактическія измѣненія». **А. Я.**

Отчетъ императорскаго Россійскаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1905 годъ. М. 1906.

Отчетъ Московскаго историческаго музея, о собраніяхъ котораго до сихъ поръ знали только тѣ, кто былъ близокъ къ самому музею, и догадывались всѣ, кому дорога національная старина, — является болѣе, чѣмъ кстати. Небольшіе размѣры перваго отчета и появленіе его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ позволяютъ надѣяться, что и слѣдующіе выпуски будутъ выходить также аккуратно въ началѣ каждаго года и безъ обычныхъ опаздываній, по крайней мѣрѣ, на три года, какъ отчеты Публичной библіотеки въ Петербургѣ, своимъ запаздываніемъ значительно ослабляющіе интересъ къ новымъ пріобрѣтеніямъ. А вмѣстѣ съ отчетами, можно думать, пойдутъ и систематическія описанія отдѣльныхъ коллекцій музея, подробные путеводители и изданія памятниковъ, конечно, болѣе доступныя по цѣнѣ и въ извѣстной системѣ, а не случайныя по цѣнности памятниковъ и научнымъ достоинствамъ изданій ихъ. Таковы наши дезидерата. Выполненіе ихъ едва ли затруднительно для такого солиднаго учрежденія, какъ историческій музей, обладающій опредѣленными, хотя и очень скромными, матеріальными средствами.

Судя по отчету, Московскій музей, до сихъ поръ мало доступный и знакомившій публику съ русской стариной главнымъ образомъ по своимъ копіямъ, становится популярнымъ. Присоединеніе къ нему самаго богатаго и разнообразнаго въ Россіи бытовыми древностями музея П. И. Щукина даетъ историческому музею какъ разъ то, что раньше въ немъ было представлено въ довольно жалкомъ видѣ и пополнялось случайными покупками. Щукинскій музей хорошо извѣстенъ москвичамъ, любителямъ старины; собиратель никогда не жалѣлъ средствъ и трудовъ на пріобрѣтеніе лучшихъ вещей; человѣкъ онъ съ широкой иниціативой, обладаетъ артистическимъ вкусомъ и за 10 лѣтъ успѣлъ основательно изучить бытовую археологію практическимъ путемъ. Кое-что изъ предметовъ, рукописей и документовъ уже описано и издано имъ самимъ, къ сожалѣнію, въ изданіяхъ, не поступавшихъ на книжный рынокъ. А потому не приходится много говорить о выдающемся значеніи пожертвованія, столь характернаго для одной Москвы. У насъ лично соединены съ Щукинскимъ музеемъ лучшія воспоминанія, воспоминанія о своеобразномъ археологическомъ самообразованіи - среди работы не по книгамъ, а надъ подлинными памятниками старины, которые приходилось опредѣлять, изучать и описывать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ во время нашего студенчества. И

цѣльное обаяніе отъ этого оригинальнаго уголка старины на окраинѣ Москвы, созданнаго живой любовью одного только лица,—живо у насъ до сихъ поръ. А потому отъ всей души привѣтствуемъ этотъ достославный даръ и вѣримъ, что жертвователь и послѣ передачи музея не перестанетъ расширять свои коллекціи и не прекратитъ своихъ историческихъ изданій.

За музеемъ П. И. Щукина слѣдуетъ тоже богатое собраніе А. П. Бахрушина, отказанное историческому музею въ 1904 г. Теперь оно приводится въ порядокъ. Конечно, сравнивать оба эти собранія не приходится, но, не будь перваго, второе составило бы украшеніе любого правительственнаго музея; теперь оно совершенно блѣднѣетъ предъ единственнымъ въ полномъ смыслѣ слова музеемъ Щукина. Изъ болѣе мелкихъ пріобрѣтеній укажемъ переданныя археологическимъ обществомъ курганныя древности изъ разныхъ мѣстностей средней и восточной Россіи, а также Сибири; купленныя на средства музея церковныя вещи, предметы домашняго обихода, портреты, гравюры, нѣсколько рукописей. Кое-что поступило въ отдѣлы Грибоѣдова и Толстого, которые въ ближайшемъ будущемъ обѣщаютъ быть интересными. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что рукописный отдѣлъ теперь открытъ для всѣхъ, и законченъ подвижной карточный каталогъ для всего рукописнаго собранія. Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подготовительныхъ работъ историческій музей въ Москвѣ сталъ достояніемъ публики, и надо надѣяться, что его собранія найдутъ преданныхъ дѣлу изслѣдователей и издателей. **А. Яцимирскій.**

Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ I. Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова съ ихъ портретами, краткими біографическими очерками и литературнымъ указателемъ. Изданіе И. И. Ѳомина. М. 1906.

Декабристы-писатели занимали уже многихъ изслѣдователей русской литературы, и статьи проф. Котляревскаго, кажется, еще не оконченныя, занимаютъ выдающееся мѣсто въ первыхъ опытахъ—опредѣлить нѣчто общее въ литературныхъ портретахъ отдѣльныхъ писателей-декабристовъ. Несмотря на богатую литературу о декабрьскомъ движеніи и отдѣльныхъ его дѣятеляхъ, у насъ нѣтъ пока полнаго собранія сочиненій декабристовъ, хотя бы однихъ поэтовъ. Одоевскій и Рылѣевъ — счастливыя и случайныя исключенія, конечно, съ неизбѣжными цензурными ограниченіями. Не было до сихъ поръ и хрестоматіи съ лучшими образцами поэтическихъ произведеній декабристовъ. Послѣдній пробѣлъ восполняетъ изданіе И. И. Ѳомина, напечатанное изящно и содержащее болѣе 300 страницъ.

Оно предназначается для широкой публики, и въ предисловіи составитель книги даетъ объясненія, которыя лучше всего характеризуютъ хрестоматію. «Въ сборникѣ помѣщены только избранныя стихотворенія въ тѣхъ видахъ, что опубликованіе всѣхъ стихотвореній, не говоря уже о многотомности изданія, было бы совершенно неинтересно и ненужно для читателя-неспеціа-

листа (для котораго главнымъ образомъ оно и предназначается), такъ какъ многія изъ стихотвореній декабристовъ слишкомъ неуклюжи по формѣ и неинтересны по содержанію, выражая мимолетное настроеніе поэта. По этимъ же соображеніямъ не помѣщены и варіанты, изъ которыхъ выбраны только лучшіе или еще неимѣющіеся въ русской печати». Можно не согласиться только съ однимъ: стихотворенія, выражающія «мимолетное настроеніе поэта», не всегда оказываются неинтересными и по содержанію. Если по нимъ трудно уловить основное настроеніе ихъ автора, то во всякомъ случаѣ они характерны для отдѣльныхъ моментовъ творчества или біографіи, а послѣдніе очень важны для натуръ яркихъ, съ сильно развитой индивидуальностью, какими и были большинство декабристовъ. Не дальше какъ второй томъ новаго академическаго изданія Пушкина далъ намъ опять возможность узнать Пушкина именно по пустякамъ, по совершенно уже мимолетнымъ настроеніямъ, предъ которыми болѣе крупныя произведенія его отходятъ на задній планъ. Конечно, эта оговорка не уменьшаетъ значенія сборника, и наше замѣчаніе какъ бы подтверждаетъ дальнѣйшія мысли предисловія, сводящіяся къ тому, что «угодить всѣмъ невозможно».

Составитель отдаетъ замѣтное предпочтеніе гражданскимъ мотивамъ, послѣ которыхъ уже слѣдуютъ стихотворенія только художественныя. Такой выборъ—вполнѣ правильный пріемъ, почему сборнику можно пожелать успѣха. Толково и интересно написано введеніе — сжатый очеркъ общественнаго и политическаго состоянія Россіи предъ декабрьскимъ заговоромъ, главные моменты заговора и его послѣдствія. Хорошее впечатлѣніе нѣсколько портятъ слишкомъ длинныя цитаты, которыхъ не трудно было избѣжать. Такого же характера и отдѣльные біографическіе очерки Рылѣева, Одоевскаго, Бестужева-Марлинскаго и Батенкова. Очерки понравятся читателямъ болѣе требовательнымъ и будутъ доступны читателямъ «начинающимъ». Жаль, что меньшее вниманіе въ нихъ удѣляется литературной дѣятельности названныхъ лицъ, о чемъ какъ разъ меньше всего извѣстно. Указатель главнѣйшей литературы предмета, намъ кажется, не замѣнимъ и несомнѣнно дастъ толчекъ къ знакомству широкаго читателя съ декабристами-писателями, впервые соединившимися вмѣстѣ въ сборникѣ, изданномъ Н. Н. Ѳоминымъ. Воскресшій интересъ къ нимъ такъ понятенъ.

А. Я.

В. С. Сопиковъ. Опытъ россійской библіографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. Части IV и V. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906.

Переизданіе перваго у насъ опыта поставить русскую библіографію на почву болѣе или менѣе научную, какъ мы упоминали въ рецензіи на первые три выпуска «Россійской библіографіи» В. Сопикова, предпріятіе грандіозное, характеризующее нѣкоторый идеализмъ издателя, съ одной стороны, и авторитетность стараго труда Сопикова, съ другой. Несмотря на почтенную давность, Сопиковъ до сихъ поръ остается піонеромъ, — и съ нимъ считаются. Въ упомянутой рецензіи мы дали общую характеристику этого удивительнаго

для своего времени труда,—труда, исполненнаго съ необыкновенной любовью къ «книгѣ», любовью, граничащей съ трогательною привязанностью къ ней, исполненнаго согласно съ тѣми научными требованіями, которыя въ началѣ прошлаго столѣтія составляли явленіе болѣе, чѣмъ выдающееся. Однимъ словомъ, протекшіе со дня перваго изданія годы не только не ослабили, но какъ будто еще больше усилили авторитетъ Сопикова, имя котораго и теперь звучитъ чѣмъ-то непреклоннымъ и въ то же время симпатичнымъ.

Все это даетъ намъ поводъ остановиться болѣе подробно на непосредственно вытекающемъ отсюда вопросѣ: что же новаго, кромѣ удешевленія предыдущаго изданія, даетъ новое изданіе, прошедшее чрезъ руки лица, опытнаго въ дѣлѣ старой русской библіографіи, В. Н. Рогожина? У насъ принято думать, что всякаго рода библіографическія изданія создаются лишь для справокъ. Это вѣрно лишь отчасти. Дѣло въ томъ, что только тотъ, кто способенъ найти нѣчто живое во всякомъ «мертвомъ», только тотъ можетъ опредѣлить одухотворенность въ той области, которая для «непосвященныхъ» заранѣе обречена на удѣлъ однихъ спеціалистовъ. Мы убѣждены, что смотрѣть на вещи такъ узко нельзя. Живой духъ всюду вноситъ за собой жизнь, будь то самая сухая на первый взглядъ область гуманитарныхъ знаній,—и ученый, преданный самой узкой спеціальности, но творящій свое дѣло въ непреклонной любви къ ней, непонятнымъ для себя самого образомъ дѣлаетъ живое дѣло. Такимъ намъ представляется В. Н. Рогожинъ.

Онъ сумѣлъ въ далеко не благопріятной для популярности области гуманитарныхъ знаній создать себѣ имя неумытнаго и объятаго живою любовью работника, и эта любовь непосредственно отражается на результатахъ его скромной библіографической работы. Читателямъ «непосвященнымъ», быть можетъ, остается непонятнымъ наше впечатлѣніе, но тогда обратимъ вниманіе на примѣчанія В. Н. Рогожина къ нѣсколькимъ изданіямъ, заглавія которыхъ приводятся въ «Опытѣ» Сопикова безъ всякихъ объясненій. Собственныя разысканія редактора устанавливаютъ, какъ непоколебимый фактъ, авторство, а не переводъ книги: «Присутствіе Божіе» 1798 г. Дмитріевскому (IV, стр. 145—146). Прочтите затѣмъ замѣчанія редактора къ «стихамъ» «Чортикъ на дрожкахъ» (V, стр. 76—77), и вы убѣдитесь, что они никоимъ образомъ не могутъ принадлежать Денису Фонвизину, какъ это значилось до сихъ поръ, а на самомъ дѣлѣ принадлежатъ неизвѣстному пока и довольно безграмотному автору. Не имѣя возможности передавать и остальныя наши впечатлѣнія цѣликомъ, охотно отсылаемъ къ примѣчаніямъ В. Н. Рогожина, сдѣланнымъ при заглавіяхъ слѣдующихъ изданій: «Мой досугъ», «Парнасскій Мотылекъ», «Елисавета»—драма, Отрывокъ соч. Кодра и «Кодръ» Кирѣевской, къ примѣчаніямъ къ «Московскому Вѣстнику» и «таинственному» знаку *И. М. В.*, обнаруживающимъ полнѣйшую наивность нашихъ прежнихъ библіографовъ.

Однимъ словомъ, переизданный и отчасти объясненный «Опытъ» Сопикова, нисколько не нарушающій первоначальнаго его вида, представляетъ цѣнность не для одной библіографіи: историкъ литературы и культуры найдетъ въ немъ много новаго и незамѣнимаго.

А. Я.

Лхасса и ея тайны. Аустинъ Уоддель. Переводъ съ англійскаго Е. М. Чистяковой-Веръ. Спб. 1906.

Сочиненіе это представляетъ собою очеркъ Тибетской экспедиціи 1903—1904 г.г., когда полковникъ Іонгхёзбендъ, во главѣ дипломатической миссіи англійскаго правительства, направлялся въ столицу Тибета для заключенія торговаго договора. Экспедицію сопровождалъ военный эскортъ изъ трехъ родовъ оружія съ генераломъ Макдональдомъ во главѣ.

Авторъ подробно описываетъ попытки европейцевъ проникнуть въ Лхассу и тотъ интересъ, который представлялъ собой этотъ буддійскій Римъ со своимъ человѣкомъ-богомъ, далай-ламой, окруженнымъ вѣковой завѣсой таинственности и недоступности. Цѣлый рядъ попытокъ изслѣдовать Тибетъ разбивался фанатическою обособленностью народа, управляемаго ламами, и проникновеніе туда европейцевъ казалось совершенно невозможнымъ, но къ услугамъ ихъ явилась политическая миссія Іонгхёзбенда, и столица далай-ламы предстала глазамъ изслѣдователей.

Изложенію описанія экспедиціи предшествуетъ историческій обзоръ эволюціи далай-ламы, какъ представителя политической власти, независимо отъ духовной, а также и историческое описаніе самаго Тибета, попавшаго въ зависимость отъ Китая, правящаго тамъ чрезъ своихъ эмиссаровъ-амбаней.

Со смертью далай-ламы, духъ его перевоплощается въ ребенка, на котораго при выборѣ новаго далай-ламы и падаетъ жребій при непосредственномъ участіи китайскаго амбаня. До 18-ти-лѣтняго возраста его страной управляетъ регентъ, и вотъ цѣлый рядъ юношей—перевоплощеній бога, не переживаютъ этого возраста, что и даетъ возможность регентамъ править народомъ за малолѣтствомъ вновь выбраннаго святого. Нынѣшній далай-лама избѣгнулъ преждевременной смерти при помощи друзей національной партіи, арестовавшихъ регента и заточившихъ его въ монастырь. Кромѣ того, онъ воспользовался слабостью Китая, потерпѣвшаго пораженіе въ 1895 г. и 1900 г., и открыто сталъ пренебрегать указаніями амбаней.

Подпавъ подъ вліяніе ученаго ламы Дорджіева, бурята по происхожденію и русскаго подданнаго, далай-лама попалъ, по словамъ автора, въ цѣпкія руки русскихъ и пожелалъ протектората Россіи. Дорджіевъ ѣздилъ неоднократно въ Петербургъ, и въ 1903 г. былъ заключенъ тайный договоръ между Россіей и Тибетомъ, который, открывая русскимъ Тибетъ, давалъ имъ въ руки горные проходы въ Индію, угрожая этимъ англійскимъ интересамъ. Это побудило англичанъ разстроить опасное посягательство Россіи на аванпостъ Индіи и потребовать отъ Тибета открытыхъ дверей для торговли и политическихъ сношеній. Правительство Тибета медлило съ отвѣтомъ, Китай также уклонялся, и лордъ Керзонъ снарядилъ экспедицію Іонгхёзбенда съ генераломъ Макдональдомъ во главѣ войскъ.

Движеніе по неразработаннымъ переваламъ на высотѣ 14.390 ф. надъ уровнемъ океана зимою при морозахъ, доходившихъ до 57°, было поистинѣ подвигомъ, вызывающимъ удивленіе. Преодолѣть всѣ трудности похода удалось, благодаря самоотверженной выносливости людей и умѣлой организаціи

Ма[illegible] Ра[illegible] на [illegible] и на [illegible] съѣстныхъ [illegible] тыла. все это дѣлаетъ несомнѣнную честь начальнику отряда. Твердая же настойчивость въ достиженіи политическихъ цѣлей, пренебреженіе къ опасностямъ и система проведенія задуманнаго до конца характеризуютъ Ионгхесбенда, какъ политическаго дѣятеля, которыми такъ богата его родина.

Замѣчательна выдержка людей Макдональда, которые не должны были открывать огня, и систематическое выжиданіе тибетцевъ до открытія ими перваго выстрѣла, который развязалъ англичанамъ руки, давъ имъ возможность начать избіеніе храбрыхъ, но скверно вооруженныхъ туземцевъ.

Рядъ побѣдъ англичанъ привелъ ихъ къ стѣнамъ Лхассы. Далай-лама бѣжалъ въ Монголію. Его замѣститель подписалъ договоръ съ Англіей.

Описаніе храмовъ, монастырей, религіозныхъ воззрѣній ламаитскаго буддизма проводится систематически во всей книгѣ и свидѣтельствуетъ о большой эрудиціи автора, извѣстнаго знатока и изслѣдователя буддизма, въ которомъ онъ видитъ свѣтъ и поясненія къ тому ученію Христа, которое по своему смыслу ближе подходитъ къ Буддѣ, нежели къ апостолу Павлу, Августину и Лютеру. Знаніе святыми отцами вѣрованій Азіи спасло бы католическую церковь отъ паденія, которое такъ безобразило ее послѣ того, какъ исчезъ ея безсмертный основатель.

Итакъ, земной рай „живого Будды“ уже не представляетъ собою мѣста фантастическихъ сказаній: ограду, созданную фанатизмомъ страны ламъ, разломала желѣзная рука англичанъ, сумѣвшая своевременно изъ мирной перчатки политической миссіи выпустить когти военной экспедиціи. Двери таинственной страны открыты для путешественника, изслѣдователя и для туриста. Проложены сотни миль прекрасныхъ дорогъ, и свѣтъ цивилизаціи разсѣетъ туманъ невѣжества и нездоровыхъ суевѣрій: миссія англичанъ сдѣлается настоящимъ благословеніемъ для запретной страны монаховъ, и даже въ Лхассѣ будетъ учрежденъ подъ британскимъ протекторатомъ университетъ.

Авторъ не скупится на похвалы своимъ соотечественникамъ, но въ то же время даетъ весьма талантливое и интересное описаніе страны и ея жителей съ наружной и духовной стороны. Изложено сочиненіе сжато и вообще весьма талантливо. Переводъ и изданіе вполнѣ хороши. Иллюстраціи, которыми весьма богата книга, взяты съ натуры, поэтому въ сильной степени украшаютъ книгу.

П. фонъ-Лангъ.

П. Г. Мижуевъ. Исторія великой американской демократіи. Спб. 1906.

По справедливому замѣчанію автора, С. Американскіе Соединенные Штаты представляютъ собой одно изъ самыхъ замѣчательныхъ государствъ современнаго культурнаго міра, занимая выдающееся положеніе во многихъ и весьма важныхъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ изъ богатой иностранной литературы по исторіи Америки на русскій языкъ переведено очень мало, а оригинальныхъ сочиненій у насъ со-

всѣмъ не было, и г. Мижуевъ первый написалъ исторію американскаго народа отъ перваго знакомства англичанъ съ Америкой въ XVI вѣкѣ вплоть до нашихъ дней. Жаль только, что авторъ не предпослалъ главы о доисторической эпохѣ, которую не трудно было бы составить, такъ какъ американская археологія сдѣлала большіе успѣхи. Г. Мижуевъ ничего не говоритъ о туземцахъ, называя ихъ по традиціи индѣйцами, хотя это названіе явилось, какъ извѣстно, по недоразумѣнію вслѣдствіе того, что первые путешественники, открывшіе Америку, воображали, что они находятся въ Индіи.

Пріятно было бы видѣть достовѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи туземцевъ вмѣсто тѣхъ сомнительныхъ разсказовъ, которые мы читаемъ въ главѣ о первыхъ англійскихъ поселеніяхъ. Авторъ сообщаетъ, что въ началѣ XVII вѣка англійскихъ колонистовъ постигъ голодъ, и что они ѣли мышей и крысъ; былъ будто бы даже случай, когда нѣсколько болѣе бѣдныхъ колонистовъ вырыли изъ могилы индѣйца, убитаго за три дня передъ тѣмъ, и съѣли его. Многіе въ отчаяніи уходили въ лѣсъ, пробовали питаться тамъ разными кореньями, умирали отъ истощенія и были нерѣдко затѣмъ съѣдаемы тѣми, кто находилъ ихъ тѣла.

И все-таки представляется невѣроятнымъ, чтобы англичане всего 300 лѣтъ тому назадъ могли питаться разлагающимся трупомъ человѣка.

Къ недостаткамъ разбираемой книги относится нѣкоторое отсутствіе исторической перспективы и чрезмѣрное увлеченіе Америкой. Такъ, напримѣръ, первому президентству Джефферсона (1801—1805 г.г.) отведено 11 страницъ, а такому выдающемуся дѣятелю, какъ президентъ Линкольнъ, при которомъ произошла частичная отмѣна невольничества, посвящено всего 7 страницъ.

Авторъ заканчиваетъ свою книгу такими словами: «Начиная свое изложеніе исторіи американской демократіи, мы сказали, что С. Штаты представляютъ собой одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ и наиболѣе любопытныхъ странъ въ политическомъ отношеніи, такъ какъ въ этой республикѣ производится въ самыхъ широкихъ размѣрахъ опытъ народовластія, т.-е. такой организаціи общественныхъ учрежденій, при которой, выражаясь историческими словами Линкольна, правительственная власть исходитъ отъ народа, существуетъ для блага народа и приводится въ дѣйствіе народомъ. Мы льстимъ себя надеждой, что предшествующее изложеніе заключаетъ достаточно убѣдительныхъ доказательствъ того, что указанный строй, столь рѣзко отличающій великую американскую демократію отъ странъ Стараго свѣта, оказывается болѣе согласнымъ съ истинными интересами главной массы населенія, чѣмъ завѣщанный отъ прошлаго общественный укладъ съ болѣе или менѣе рѣзкимъ дѣленіемъ народа на дирижирующіе классы и инертную массу».

Г. Мижуеву слѣдовало указать и на тѣневыя стороны американской жизни, напримѣръ, на деспотизмъ капитала и на подкупы при выборахъ. **П. Б.**

Проф. М. Красноженъ, докторъ церковнаго права. Иновѣрцы на Руси. Томъ I. Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи. 3-е исправленное и дополненное изданіе. Юрьевъ. 1906.—Его же. Къ вопросу о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости. Юрьевъ. 1906. Съ приложеніемъ: Границы вѣротерпимости. Юрьевъ. 1906.—Его же. Старые и новые законы о разводѣ. По поводу изданія проекта новаго гражданскаго уложенія. Юрьевъ. 1906.

Отзывъ на первое изданіе книги Иновѣрцы на Руси былъ данъ нами въ нашемъ журналѣ въ 1901 г. (іюль, стр. 320—322). Касаться вновь существа книги нѣтъ теперь надобности, тѣмъ болѣе, что при ближайшемъ изслѣдованіи третье изданіе книги оказывается исправленнымъ и дополненнымъ въ крайне незначительной степени, такъ что можно сказать, что между первымъ и третьимъ изданіемъ книги нѣтъ никакой разницы. Поэтому, если третье изданіе и вызывалось потребностью на него книжнаго рынка, то для науки оно не имѣетъ никакого значенія. Болѣе того, третья глава книги о положеніи неправославныхъ христіанъ по дѣйствующему русскому законодательству оказывается въ настоящее время совершенно устарѣвшею. и очень многое въ ней является послѣ указа 17 апрѣля 1905 г. анахронизмомъ. Впрочемъ, какъ историческая справка, книга можетъ быть полезна во всякое время.

Слѣдующая за нею брошюрка представляетъ собою краткое извлеченіе изъ книги объ иновѣрцахъ, прочитанное въ засѣданіи учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ. Какъ вышедшая въ 1905 г., вѣроятно, до апрѣля, она тоже устарѣла, хотя распространеніе ея все же можетъ быть полезно ради нѣсколькихъ мыслей общаго, принципіальнаго характера.

Зато приложеніе на 6 страницахъ для доктора церковнаго права кажется намъ совершенно неудобнымъ. Оно вышло послѣ указа 17 апрѣля 1905 г., который самъ по себѣ могъ послужить для г. Красножена, на всѣ лады трактующаго одинъ и тотъ же вопросъ послѣ перваго изданія своихъ «Иновѣрцевъ», предметомъ особой обстоятельной работы. Однако, кромѣ упоминанія объ указѣ 17 апрѣля, мы читаемъ на остальныхъ 5 страницахъ все тѣ же извлеченія изъ «Иновѣрцевъ».

Брошюрка о разводѣ даетъ краткое, довольно безжизненное изложеніе законовъ о разводѣ, начиная съ евреевъ и до нашихъ дней. Что касается дѣйствующаго русскаго законодательства, то брошюра совершенно устарѣла въ отношеніи послѣдствій развода по причинѣ невѣрности. Высочайшимъ указомъ 28 мая 1904 г. рѣзко измѣнена 253 ст. устава духовныхъ консисторій, а это обстоятельство пробило глубокую брешь въ нашемъ бракоразводномъ правѣ.

Вообще говоря, особенно въ брошюрахъ, у г. Красножена не замѣчается того широкаго теоретическаго размаха, который ожидается читателемъ отъ работъ профессора-спеціалиста. Не пересказы законовъ, а ученая критика и живая творческая мысль можетъ двигать впередъ и жизнь и просвѣщеніе.

П. В. В.

Библіотека «Свѣточа». № 4. Самодержавіе и печать въ Россіи. Спб. 1906.

Ядро этой сборной брошюры составляетъ извѣстное всеподданнѣйшее прошеніе, поданное въ январѣ 1895 г. русскими писателями, и пояснительная къ нему записка о нуждахъ русской печати. Печальная судьба записки и нѣкоторыхъ литераторовъ, подписавшихся подъ прошеніемъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ правительство было глухо и слѣпо. Въ запискѣ испрашивалась лишь отмѣна явно несправедливыхъ и даже противозаконныхъ цензурныхъ стѣсненій, но и это скромное ходатайство въ то время было сочтено «продерзостью». Въ видѣ иллюстраціи къ цензурному произволу въ концѣ брошюры приведенъ длинный списокъ всевозможныхъ запрещеній съ 1873 г. по 1895 г. Нельзя не подивиться дикости большинства такихъ запрещеній. Не позволялось, напримѣръ, говорить въ печати о закупкѣ муки С.-Петербургской городской управой въ голодный 1892 годъ. Строго запрещалось писать о холерѣ, о соляномъ налогѣ, о бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи, объ убійствѣ московскаго городского головы Алексѣева, о предстоящихъ выборахъ въ С.-Петербургскую думу и т. п.

Дѣло дошло наконецъ до того, что предписывалось хранить строгое молчаніе о спорѣ Франціи и Нидерландовъ по поводу владѣній въ Гвіанѣ! Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! **В. А.**

А. К. Дживелеговъ. Очерки по исторіи Германіи 1806—1871 г.г.

Маленькая книжка г. Джпвелегова не представляетъ собою самостоятельнаго изслѣдованія: это—просто компилятивный очеркъ, въ которомъ авторъ, по его словамъ, пытался дать картину эволюціи нѣмецкихъ отношеній XIX вѣка, понимая, однако, отношенія эти довольно своеобразно. «Народная кровь никогда не проливается даромъ, и навсегда потопить въ крови свободу—вещь невозможная»,—таковъ руководящій мотивъ работы г. Дживелегова, сообразно чему его главною задачею является разсмотрѣніе не столько эволюціоннаго, сколько революціоннаго движенія германской національности. Распредѣленіе матеріала въ книжкѣ потому самое неравномѣрное; изъ 200 страницъ цѣлыхъ 145 посвящены бурной эпохѣ 1848 г., изложенной, правда, очень интересно, но крайне односторонне и даже тенденціозно; особенно въ этомъ отношеніи любопытны стр. 88—97, повѣствованіе о мартовскихъ дняхъ въ Берлинѣ; перемываніе черныхъ щенятъ набѣло доведено здѣсь до прямого извращенія фактовъ, не говоря уже о томъ саркастическомъ тонѣ, въ какомъ ведется разсказъ, лишь только заходитъ рѣчь о дѣйствіяхъ злополучнаго «романтика на тронѣ Цезарей», Фридриха-Вильгельма IV, и его правительства. И само изложеніе фактовъ, и его настроеніе при этомъ таковы, что у читателя и этихъ страницъ, и страницъ, посвященныхъ описанію вѣнской революціи, невольно является предположеніе, будто авторъ умышленно желалъ сдѣлать возможнымъ проведеніе параллелей и аналогій между 1848 г. въ Германіи и 1905 г. въ Россіи. Страницы 7—40 посвящены обзору событій,

связанныхъ съ господствомъ системы Меттерниха въ области внутреннихъ отношеній Германіи; эта глава представляется, невзирая на интересъ затронутыхъ въ ней вопросовъ, наименѣе интересной въ книжкѣ г. Дживелегова; здѣсь авторъ не идетъ дальше общеизвѣстныхъ анекдотовъ объ австрійскомъ канцлерѣ и его пресловутой «системѣ» и декламаторскихъ выходокъ «гражданскаго» пошиба (напримѣръ, на стр. 29, гдѣ Стурдза названъ «добровольцемъ мракобѣсія, которые ядовитымъ роемъ всегда появляются надъ гніющею лужей реакціи», или изображеніе сыщиковъ, жандармовъ и полиціи на стр. 36), совершенно замалчивая тотъ фактъ, что историческая наука далеко не такъ односторонне смотритъ на Меттерниха.

Цѣли своей дать очерки по исторіи Германіи 1806—1871 г.г. авторъ не достигъ, событій 1849—1871 г.г. онъ даже не подвергъ и самому поверхностному разсмотрѣнію; но надо думать, что не эта задача и занимала г. Дживелегова; для него было важнѣе дать читателю сводъ «гражданскихъ мотивовъ» и уроковъ «сознательной» политики. Это ему удалось, поскольку читатель, не имѣющій спеціальной подготовки, не уличитъ автора въ односторонней тенденціозности изложенія. Но при чемъ же здѣсь исторія? **М. П—ій.**

Б. В. Варнеке. Наблюденія надъ древнеримской комедіей. Къ исторіи типовъ. Казань. 1905.

Давно уже замѣчено, что древнеримская комедія отличается поразительной разработкой типовъ дѣйствующихъ въ ней лицъ и въ этомъ отношеніи всецѣло можетъ быть названа родоначальницей типовъ современной драмы. Эти отдѣльные типы древней комедіи выступаютъ въ ней до такой степени рельефно, что каждый можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія. Первымъ, кто занялся болѣе детально подобными изысканіями, былъ талантливый нѣмецкій филологъ Риббекъ († 1898), давшій блестящіе этологическіе очерки хвастуна, паразита и поселянина. Продолжателемъ Риббека является нашъ молодой ученый, профессоръ Варнеке. Въ лежащей предъ нами книгѣ онъ разсматриваетъ типы гетеры, кормилицы и наперсницы, сводни, сводника и супруги. Наиболѣе, кажется, удались г. Варнеке главы о гетерѣ и своднѣ. Впрочемъ, повсюду авторъ обнаруживаетъ поразительную эрудицію и знакомство не только съ античной театральной литературой, но и съ позднѣйшей, что даетъ ему возможность дѣлать временами интересныя сопоставленія Плавта и Теренція съ Мольеромъ и Шекспиромъ, и даже прибавить любопытную заключительную главу: «По вопросу о началѣ слезной комедіи». Такъ какъ г. Варнеке приходится въ своей области итти почти по непротоптаннымъ тропинкамъ, то читается его книга очень не легко. Не говоря уже о томъ, что авторъ, какъ это и обычно для ученаго трактата, даетъ цѣлыя страницы изъ латинскихъ и греческихъ цитатъ, оставляя ихъ безъ перевода, онъ, кромѣ того, попутно дѣлаетъ пространные экскурсы по поводу еще не достаточно разъясненныхъ текстовъ комедій, большинство которыхъ дошло до насъ, какъ извѣстно, въ отрывкахъ, что сообщаетъ его изложенію очень неровный характеръ. Кромѣ

комедій, г. Варнеке вполнѣ правильно широко пользуется для своихъ изысканій имѣвшей близкое сродство съ комедіей литературой элегической, эпистолографической и беллетристической, давая и здѣсь много любопытныхъ сопоставленій и объясненій. Между прочимъ, авторъ вступаетъ въ полемику съ рецензентомъ по вопросу о томъ, какихъ женщинъ имѣлъ въ виду Овидій, когда писалъ свою «Науку любви». Доводы г. Варнеке, что Овидій составилъ свою поэму исключительно для гетеръ, а не для всѣхъ женщинъ вообще, совершенно не убѣждаютъ рецензента уже по одному тому, что для обольщенія гетеры не требовалось прибѣгать къ массѣ тѣхъ ухищреній и подходовъ, которые перечисляетъ поэтъ; затѣмъ Овидій самъ признается во второй книгѣ «Скорбей», что элегическіе поэты учили и тому, какъ замужнія женщины должны обманывать мужей. Впрочемъ, детальное разсмотрѣніе этого вопроса, конечно, можетъ имѣть мѣсто только на страницахъ спеціальныхъ органовъ. Отмѣчу еще, что въ главѣ о своднѣ г. Варнеке правильно привлекаетъ къ сравненію псевдоовидіеву поэму «О старухѣ», замѣчая, что про автора ея мы ничего не знаемъ. Между тѣмъ, объ этой поэмѣ имѣется довольно детальное изслѣдованіе французскаго ученаго Cocheris (La vieille ou les derniers amours d'Ovide, Paris, 1861), гдѣ приведено такое свидѣтельство объ авторѣ «Старухи», съ которымъ по меньшей мѣрѣ надо считаться. Кромѣ того, въ диссертаціи г. Варнеке есть еще двѣ главы, посвященныя разсмотрѣнію политическихъ и литературныхъ мотивовъ въ древнеримской комедіи. Корректура книги отнюдь не отличается тою исправностью, которая присуща въ общемъ ученымъ трактатамъ; между прочимъ, родственный по спеціальности съ г. Варнеке нѣмецкій ученый Wilhelm на протяженіи всего сочиненія именуется Wilchelm. Въ заключеніе еще разъ привѣтствую изслѣдованіе г. Варнеке, какъ пролагающее, подобно нѣкоторымъ другимъ его работамъ, мостъ между древней и новой литературой и этимъ наглядно доказывающее всю несокрушимую мощь античной культуры.

А. Малеинъ.

Некрасовъ, П. Государство и академія. Синтезъ авторитетныхъ сужденій добросовѣстнаго меньшинства съ мнѣніями моральныхъ силъ доблестнаго большинства. М. 1905.

Настоящій трудъ изданъ въ видѣ особаго приложенія къ циркулярамъ по Московскому учебному округу, когда авторъ былъ его попечителемъ. Въ своей работѣ г. Некрасовъ стремится обслѣдовать связь между государствомъ и академіей, съ одной стороны, и наукой и политикой, съ другой. Этотъ вопросъ теперь является однимъ изъ насущныхъ, живыхъ: политика, такъ властно ворвавшаяся за послѣднее время въ нашу академическую жизнь, внесла въ нее полнѣйшій разладъ. Но, несмотря на то, что трудъ посвященъ столь живому вопросу, отъ него вѣетъ схоластикой, рутиной. Напрасно мы будемъ искать въ работѣ г. Некрасова яснаго отвѣта на поставленный вопросъ, мы не найдемъ его, а натолкнемся на отвлеченныя формулы, сложныя математическія выкладки; вмѣсто хлѣба авторъ предлагаетъ камень. Позволимъ себѣ задать вопросъ г. Некрасову: зачѣмъ понадобилась высшая отвлеченная

математика для рѣшенія столь жизненнаго вопроса? Не знаемъ, кто явится читателемъ архи-ученѣйшаго трактата г. Некрасова, но осмѣливаемся утверждать, что люди, дѣйствительно заинтересованные затронутымъ вопросомъ, отвернутся отъ труда автора: онъ оттолкнетъ ихъ дѣланной научностью, схоластичностью. Едва ли также его будутъ читать и тѣ, которые по роду службы должны прочитывать циркуляры и разныя приложенія къ нимъ: не думаемъ, чтобы среди нихъ нашлись охотники одолѣвать математическія построенія г. бывшаго попечителя. Всего вѣрнѣе, трудъ г. Некрасова постигнетъ участь различныхъ, ему подобныхъ циркуляровъ и приложеній къ нимъ—забвеніе. И едва ли въ этомъ будетъ несправедливость: общественнаго вниманія заслуживаетъ лишь то, что жизненно, что даетъ отвѣтъ науки на вопросъ жизни, а не туманныя отвлеченныя выкладки, затемняющія его еще болѣе.

Нельзя еще не указать на поразительно нелитературный языкъ и слогъ г. Некрасова. Онъ неоднократно проситъ извиненія за недостатки своего изложенія, объясняя ихъ трудностью передачи философской мысли на популярный языкъ. Съ этимъ мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться: какъ бы ни была отвлеченна мысль, ее всегда можно передать въ формѣ, понятной для образованнаго человѣка, если, конечно, умышленно не выражать ея въ мало понятныхъ и излишнихъ терминахъ, неологизмахъ и варваризмахъ, какъ это дѣлаетъ авторъ.

Кто претендуетъ на малое, съ того мало и спрашивается, но разъ г. Некрасовъ претендуетъ на большое, то мы въ правѣ много и требовать отъ него.

А. Ф—нъ.

А. П. Барсуковъ. Автографы извѣстныхъ и замѣчательныхъ людей. (Изъ архива С. Ю. Витте). Спб. 1905.

Бывшій премьеръ-министръ, графъ С. Ю. Витте, предоставилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ распоряженіе Общества ревнителей русскаго просвѣщенія въ память императора Александра III рукописный сборникъ, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Сборникъ этотъ былъ заведенъ дѣдомъ, по женской линіи, графа Витте, извѣстнымъ дѣятелемъ кавказскаго гражданскаго управленія при князѣ Воронцовѣ и князѣ Барятинскомъ, Андреемъ Михайловичемъ Фадѣевымъ, и продолженъ его сыномъ, извѣстнымъ военнымъ писателемъ, Ростиславомъ Андреевичемъ Фадѣевымъ. Андрей Михайловичъ Фадѣевъ отъ брака съ княгиней Еленой Павловной Долгоруковой имѣлъ, кромѣ сына, дочерей: Екатерину, бывшую замужемъ за Юліемъ Ѳедоровичемъ Витте; Елену, извѣстную писательницу, подъ псевдонимомъ «Зенаида Р—ва», и Надежду, избранную за свои литературные труды въ члены-корреспонденты Нью-Іоркскаго теософическаго общества.

Всѣ 177 документовъ этого сборника, изъ которыхъ 64 документа—XVIII столѣтія и 113 XIX столѣтія, авторъ предисловія, А. П. Барсуковъ, раздѣляетъ на шесть группъ: 1) документы, относящіеся къ дѣламъ Калмыцкимъ, Астраханскимъ и Персидскимъ (это—старѣйшіе документы сборника, начиная

съ 1720 г.); 2) Потемкинскія бумаги, всего 12, относящіяся ко времени управленія Потемкина Новороссійскимъ краемъ; 3) Долгоруковскія бумаги; 4) письма, записки, стихотворенія и т. п. разныхъ лицъ, всего 49 документовъ; 5) Фадѣевскія бумаги: переписка Андрея Михайловача и Елены Павловны Фадѣевыхъ и дѣтей ихъ; всего 64 №№; и 6) патенты, дипломы, свидѣтельства, разные печатные листы и т. п. Изъ отдѣльныхъ документовъ, какъ на наиболѣе обращающіе на себя вниманіе, слѣдуетъ указать на слѣдующіе: въ I группѣ—на письмо епископа астраханскаго Лаврентія (1724) къ астраханскому губернатору А. П. Волынскому по дѣлу объ обученіи и крещеніи въ православную вѣру калмыковъ; во II группѣ—письмо архіепископа Георгія Конисскаго къ князю Г. А. Потемкину (1787) по поводу обиды, нанесенной церковнику священникомъ Максимомъ Боровикомъ; въ III-й—письмо генералъ-губернатора могилевскаго П. Б. Пассека къ князю П. В. Долгорукову о буйствѣ офицеровъ его полка въ Купіольской почтовой конторѣ; въ IV-й—нигдѣ ненапечатанное поздравительное стихотвореніе А. Е. Измайлова Д. М. Княжевичу; нигдѣ ненапечатанная сатира Мих. Вас. Милонова на Д. И. Хвостова («Балдуса»), В. Л. Пушкина («Вздоркина»), кн. А. А. Шаховского («Мевія»), А. С. Шишкова («Злослова») и др.; письмо герцога Ришелье о новороссійскихъ колоніяхъ; и въ V группѣ — нигдѣ ненапечатанное разсужденіе Е. А. Ганъ («Зенеида Р—ва») о значеніи и смыслѣ человѣческой жизни (1839 г.), и др. Документы напечатаны, большею частью, полностію и снабжены необходимыми примѣчаніями. **В. Рудаковъ.**

Берлинскій Братскій Ежегодникъ. Православныя церкви и русскія учрежденія за границею. Съ 86 рисунками. Протоіерея А. П. Мальцева. Справочникъ съ календаремъ на 1906 годъ. Изданіе Берлинскаго св. Князь-Владимирскаго братства, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ его императорскаго высочества, великаго князя Владимира Александровича. Спб. 1906.

Всякій изъ русскихъ, кому приходилось подолгу живать за границей, охотно признаетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ тѣмъ притягательнымъ центромъ, около котораго группируется наша колонія, являются православные храмы и служащее при нихъ духовенство. Поэтому можно только горячо привѣтствовать мысль—дать путешествующимъ соотечественникамъ такую книгу, которая представляла бы подробный перечень заграничныхъ православныхъ церквей, а также дипломатическихъ представителей Россіи во всемъ мірѣ. Эта благая мысль явилась у одного изъ самыхъ видныхъ представителей нашего заграничнаго духовенства, берлинскаго протоіерея А. П. Мальцева, о плодотворной и разносторонней дѣятельности котораго недавно писалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» Н. Н. Лендеръ. Слѣдуетъ замѣтить, что книга о. Мальцева даетъ несравненно больше, чѣмъ обыкновенный справочникъ, такъ какъ содержитъ весьма много историческихъ и историко-литера-

турныхъ данныхъ изъ прошлаго нашихъ заграничныхъ церквей. Таковы особенно статьи про Аѳины, Берлинъ и Потсдамъ, Вѣну, Лондонъ, Парижъ, Пекинъ, Римъ, Штуттгартъ (гдѣ сообщены малоизвѣстныя стихотворенія князя Вяземскаго и Жуковскаго), Товзо, Флоренцію, Фервальде (въ Восточной Пруссіи) и мн. др. Но и на протяженіи всей книги замѣтно, что почтенный авторъ относился къ излагаемому предмету съ великимъ усердіемъ и любовью, тщательно подбирая матеріалъ, какъ печатный, такъ и рукописный. Наконецъ, сочиненіе украшено многочисленными видами заграничныхъ русскихъ церквей и портретами наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей изъ нашего зарубежнаго духовенства, преимущественно почившихъ. Нельзя не пожелать, чтобы наша публика поддержала это симпатичное изданіе и, такимъ образомъ, дала возможность почтенному автору постепенно расширять и дополнять свой кропотливый трудъ. Судя по вложенному въ книгу листку Desiderata для слѣдующихъ изданій, видно, какую широкую и разностороннюю программу изъ исторіи русской жизни за границей имѣетъ въ виду выполнить о. Мальцевъ.

А. М.

Д-ръ Н. Эрнестовъ-Шарвашидзе. Памятная записка о нуждахъ грузинскаго народа. Съ картой Грузіи. Москва. 1906.

Записка эта была въ рукописи отправлена еще въ прошломъ году изъ Иркутска въ Тифлисъ къ кавказскому намѣстнику, гр. Воронцову-Дашкову. Авторъ собралъ всѣ нужныя справки о вопіющихъ нуждахъ грузинскаго народа, предпославъ имъ историческое введеніе съ характеристикой культурнаго состоянія Грузіи до начала XIX вѣка, когда по манифесту Александра I, согласно заявленному желанію грузинскаго царя, владѣніе послѣдняго вошло въ составъ Россійской имперіи. Анализъ трактата 1783 г. между Екатериной и Иракліемъ II, царемъ грузинскимъ, приводитъ автора къ тому заключенію, установленному въ юридической наукѣ, что Грузія, добровольно вступая подъ державную руку русскаго царя, выговорила себѣ независимое внутреннее самоуправленіе, установила вассальныя отношенія къ своему сюзерену. Для возрожденія раздираемой нынѣ смутою Грузіи составитель «Записки» настаиваетъ на возвращеніи ей обусловленнаго въ трактатѣ широкаго самоуправленія, или, какъ онъ его мѣстами называетъ, автономіи, лозунгъ современныхъ грузинъ, провозглашенный въ резолюціяхъ дворянъ, духовенства, горожанъ и крестьянъ. Считая дарованіе автономіи единственнымъ исходомъ и спасительнымъ средствомъ для возстановленія порядка въ Грузіи, составитель «Записки» перечисляетъ тѣ прискорбныя послѣдствія, которыми сопровождался бюрократическій режимъ на Кавказѣ, окрестившій грузинъ «азіатами» и объединившій разноплеменныя его народности въ одну безцвѣтную группу «туземцевъ» для попиранія его нравовъ, традицій, выговоренныхъ правъ. Обрусеніе школы и церкви, ограниченіе правъ грузинъ селиться по Черноморскому побережью, аграрные безпорядки—результатъ малоземелья въ краѣ, отправленіе суда на русскомъ языкѣ, примѣненіе къ грузинамъ системы отбыванія воинской повинности внѣ предѣловъ родины, въ суровыхъ климатиче-

скихъ условіяхъ, жалкое состояніе врачебной помощи и путей сообщенія— все это составляетъ комплексъ тѣхъ плодовъ водворенія русскаго владычества, которые не соотвѣтствуютъ предначертаніямъ Александра I, возвѣстившаго міру, что грузины познаютъ цѣну добраго правленія, увѣренность какъ личную, такъ и имущественную подъ сѣнію «законовъ». Записка написана живо и даетъ довольно полную картину современнаго состоянія Грузіи въ связи съ рѣзкой критикой идей соціализма, успѣшно насаждаемаго грузинскими марксистами (дасистами). **А. Хах—овъ.**

Политическій строй современныхъ государствъ. Томъ II. Спб. 1906.

Второй томъ этого полезнаго изданія посвященъ конституціямъ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи, Австро-Венгріи, Швеціи и Японіи, и написанъ знатоками государственнаго права: М. М. Ковалевскимъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, г. Іоллосомъ и др. Онъ появляется очень кстати и помогаетъ разобраться въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ.

Исторія Пруссіи и прусская конституція напоминаютъ исторію и строй нашей конституціи.

Въ 1847 г. въ Берлинѣ созванъ былъ соединенный ландтагъ, представлявшій объединеніе 8 провинціальныхъ ландтаговъ. Соединенный ландтагъ потребовалъ расширенія своихъ полномочій и періодическаго созванія. Въ отвѣтъ на это король Фридрихъ-Вильгельмъ IV закрылъ ландтагъ.

Вскорѣ послѣ этого подъ вліяніемъ увеличивавшагося раздраженія во всѣхъ классахъ общества правительство вынуждено было сдѣлать существенную уступку оппозиціи. Въ январѣ 1848 г. комиссія соединеннаго ландтага снова созвана была въ Берлинѣ для обсужденія проекта уголовнаго уложенія, а 6 марта король обратился къ ней съ посланіемъ, въ которомъ выражалъ согласіе исполнить требованіе перваго соединеннаго ландтага относительно періодическаго его созыва, который впредь не долженъ былъ зависѣть отъ доброй воли короны, но основываться на собственномъ правѣ народа и происходить не менѣе одного раза въ годъ.

Было уже поздно. Народъ потерялъ довѣріе къ правительству. Поднялось вооруженное возстаніе. Двухдневный уличный бой кончился тѣмъ, что войска были выведены изъ Берлина, и король капитулировалъ передъ народомъ. Министерство было распущено и образовано новое съ вождями либераловъ. Король обратился къ прусскому народу съ воззваніемъ, заключающимъ знаменательныя слова: «единственнымъ средствомъ упрочить порядокъ и внутреннюю свободу мы признаемъ введеніе истиннаго конституціоннаго режима съ отвѣтственностью министровъ, равными политическими и гражданскими правами для всѣхъ исповѣданій и свободомыслящей, опирающейся на народное довѣріе, администраціей».

Въ Берлинѣ собрался соединенный ландтагъ, и съ его согласія изданы распоряженія относительно основныхъ положеній прусской конституціи и о порядкѣ выборовъ въ народное собраніе. Послѣднее состояло изъ 402 депута-

товъ, избранныхъ всѣми пруссаками, достигшими 24 лѣтъ, и выборы были не непосредственные, а черезъ выборщиковъ, какъ это сохранилось и въ нынѣшней прусской выборной системѣ.

Бюрократическій произволъ довелъ всю страну до матеріальнаго и нравственнаго банкротства, и для короны въ собственныхъ ея интересахъ было выгоднѣе дать добровольно населенію участіе въ законодательствѣ и управленіи страны, чтобы такимъ образомъ привлечь на свою сторону мирные просвѣщенные круги и имѣть гарантію противъ разрѣшенія политическихъ споровъ на баррикадахъ. Прусская монархія дала усмиренной демократіи конституцію 5 декабря 1848 г. Въ маѣ слѣдующаго года изданъ былъ избирательный уставъ, по сей день съ незначительными измѣненіями дѣйствующій въ Пруссіи, основанный на плутократическомъ раздѣленіи избирателей по тремъ разрядамъ. Монархія уже прямо незаконнымъ путемъ самовольно измѣнила характеръ верхней палаты, сдѣлавъ изъ нея нынѣшній Herrenhaus, состоящій изъ пожизненныхъ перовъ по назначенію, съ микроскопической примѣсью представительства отъ городовъ, университетовъ и корпорацій.

Очень полезно познакомиться съ бельгійской конституціей, считающейся одной изъ наиболѣе совершенныхъ, чтобы убѣдиться, что нигдѣ нѣтъ безграничной свободы.

Въ Бельгіи признана свобода сходокъ, но подъ двумя условіями: чтобы собирающіеся не носили при себѣ оружія, и чтобы мѣстомъ собранія было закрытое помѣщеніе. На открытомъ воздухѣ сходка подчиняется полицейскимъ распоряженіямъ, принимаемымъ въ интересахъ охраны мира муниципальными властями.

«Можно было бы думать, — замѣчаетъ М. М. Ковалевскій, — что по бельгійской конституціи личныя вольности обезпечены отъ возможности какого бы то ни было посягательства на нихъ со стороны администраціи, что бельгійцы всегда судятся своими естественными судьями и имѣютъ возможность повсюду распространять свои взгляды свободно путемъ печати, но мѣстные судьи не разъ говорили мнѣ, что власть всегда располагаетъ возможностью избѣжать въ процессахъ болѣе или менѣе политическаго характера шансовъ оправданія виновнаго присяжными: для этого имъ стоитъ только подвести его правонарушеніе подъ понятіе полицейскаго проступка, судимаго безъ участія народныхъ избранниковъ».

Каждому легко убѣдиться, что и распространеніе извѣстныхъ взглядовъ путемъ печати въ извѣстныхъ мѣстахъ находитъ препятствія со стороны администраціи. Такъ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ по распоряженію министра путей сообщенія запрещена продажа газеты «Peuple», органа соціалистовъ. Нужно ли прибавлять, что и свобода преподаванія подвергается значительнымъ ограниченіямъ, когда дѣло идетъ объ иностранцахъ. Извѣстны случаи недопущенія конференцій не только младотурковъ, но и французскихъ гражданъ, въ виду ожидаемыхъ съ ихъ стороны нападковъ на одну изъ великихъ державъ. Бельгійское правительство, подобно французскому, въ правѣ ежечасно удалить изъ своихъ предѣловъ иностранца, подъ предлогомъ злоупотребленія имъ оказываемымъ ему гостепріимствомъ, и не разъ уже пользовалось этимъ правомъ.

При всемъ томъ ни въ одной странѣ необходимыя вольности не пользуются бóльшимъ признаніемъ, и автономія личности не поставлена въ такой мѣрѣ подъ защиту законовъ и конституціи.

Менѣе удовлетворительна статья о государственномъ устройствѣ Австро-Венгріи. Она составлена двумя авторами, и поэтому приходится читать два раза то же самое. Объ отношеніяхъ между Австріей и Венгріей говорится и въ отдѣлѣ, посвященомъ Австріи, и въ главѣ, отведенной Венгріи.

П. Б.

Отчетъ императорской Публичной библіотеки за 1900 и 1901 г.г. Спб. 1906.

Нельзя не пожалѣть, что отчеты нашего лучшаго книгохранилища запаздываютъ цѣлыми годами. О любопытныхъ и цѣнныхъ пріобрѣтеніяхъ библіотекой, сдѣланныхъ въ 1900 г., публика можетъ узнать лишь въ 1905 г., т.-е. черезъ 5 лѣтъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что, повидимому, нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ къ такому запаздыванію. Финансовымъ затрудненіемъ объяснить его трудно, такъ какъ, судя по отчету, на его печатаніе полагается по бюджету особая сумма. Единственно, что могло бы помѣшать библіотекѣ держать нашихъ библіофиловъ au courant своихъ новинокъ, это описаніе поступающихъ въ нее рукописей и бумагъ. Но ихъ не такъ ужъ много, и при добромъ желаніи дѣло могло бы быть сдѣлано гораздо раньше. Положимъ, спеціалисты имѣютъ возможность знать о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, такъ какъ имъ разрѣщается заниматься не въ читальной залѣ, а въ отдѣленіяхъ библіотеки. Но, во-первыхъ, не всѣ же туда вхожи, а, во-вторыхъ, многимъ, можетъ быть, приходится работать по вечерамъ, когда отдѣленія уже закрыты, а функціонируетъ уже читальная зала, куда можно было бы выписать ту или другую интересующую новинку.

Отъ этого замѣчанія переходимъ къ нѣкоторымъ даннымъ о жизни библіотеки за 1900—1901 г.г. Содержаніе книгохранилища въ 1900 г. потребовало не много болѣе 300 тыс. рублей, въ слѣдующемъ же году расходъ по библіотекѣ сократился почти вдвое. Разница въ цифрахъ объясняется тѣмъ, что въ 1900 г. заканчивалось устройство новой читальной залы, на которую потребовались сверхсмѣтные расходы. Посѣтителей за 2 года перебывало въ библіотекѣ болѣе 13 тыс.; изъ нихъ почти треть приходится на долю учащихся, 1.200—на долю лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, остальное количество—на долю представителей свободныхъ профессій. Характерно, что среди читателей библіотеки за оба года меньше всего было агрономовъ и спеціалистовъ по сельскому хозяйству (всего 83).

За два отчетные года библіотека увеличилась на 53 тысячи книгъ по разнымъ спеціальностямъ. Другими словами, ежедневное поступленіе въ нее новыхъ книгъ равнялось 150 экземплярамъ. Рукописей и автографовъ поступило почти 2 тысячи, эстамповъ и фотографій—790.

Изъ рукописныхъ пріобрѣтеній считаемъ нужнымъ отмѣтить экземпляръ лекцій проф. Бодянскаго по древней исторіи славянъ и Польши, составленныхъ въ 1851 г., рукописное, нигдѣ не напечатанное сочиненіе извѣстнаго

профессора 20 годовъ прошлаго столѣтія Тимковскаго о жизни и сочиненіяхъ князя Курбскаго, рукописная исторія Екатерины II, неизвѣстно кѣмъ и съ какой книги переписанная въ 1823 г. съ новыми эпизодами и анекдотами.

Puschkiniana увеличилось четырьмя дѣлами, имѣющими прямое отношеніе къ личности поэта; 1) Дѣло кишиневской городской полиціи о взысканіи съ коллежскаго секретаря Александра Пушкина 2 тыс. рублей, должныхъ дворовому человѣку капитана фонъ-Лоде, Ѳедору Росину; 2) Дѣло бессарабскаго областного правительства по поводу того же взысканія; 3) Дѣло архива рижскаго военнаго губернатора о высланномъ изъ столицы коллежскомъ секретарѣ Пушкинѣ и 4) Дѣло архива канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ о перевозѣ тѣла камеръ-юнкера Пушкина въ Псковскую губернію.

Очень любопытны поступившія въ библіотеку бумаги извѣстнаго шефа жандармовъ, князя Долгорукаго, касающіяся польскаго возстанія и дѣятельности графа Муравьева. Но не менѣе интересенъ по содержанію цѣлый сборникъ бумагъ по дѣлу Петрашевскаго. Часть этихъ бумагъ по мѣрѣ того, какъ подвигалось слѣдствіе, докладывалась наслѣднику Александру Николаевичу.

Много цѣнныхъ изданій пріобрѣтено библіотекой и по всеобщей исторіи. Отмѣтимъ здѣсь драгоцѣнное для египтологовъ изданіе папирусовъ Британскаго музея, сдѣланное библіотекаремъ музея Беджомъ, книгу Больтона о народныхъ развлеченіяхъ въ Англіи съ XVII по XIX вѣкъ, прекрасно иллюстрированную и дающую богатый матеріалъ для исторіи культуры. Для лицъ, интересующихся новѣйшей англійской литературой, представитъ большой интересъ полное критически провѣренное собраніе сочиненій Диккенса съ его собственноручными рисунками. Много новинокъ поступило и по исторіи искусства и его археологіи. Укажемъ здѣсь на монументальный трудъ Фуртвенглера о древнихъ камеяхъ. Занимающіеся исторіей великой французской революціи получаютъ возможность пользоваться собраніемъ документовъ, относящихся къ Парижу во время революціи. Собраніе это составляетъ уже 30 томовъ и редактируется лучшими знатоками этой эпохи. **А. В.**

Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Подъ редакціей А. И. Введенскаго. Изд. товарищества «Просвѣщеніе». Спб. 1906.

Столь популярныя прежде иллюстрированныя изданія сочиненій писателей въ настоящее время уже перестали удовлетворять нашего читателя. Онъ началъ требовать критически провѣреннаго текста, комментаріевъ, разъясненій и т. п. Мысль товарищества «Просвѣщеніе» удовлетворить эту потребность изданіемъ цѣлаго ряда полныхъ собраній сочиненій русскихъ и иностраныхъ писателей, подъ редакціей лучшихъ знатоковъ ихъ творчества, заслуживаетъ вниманія и сочувствія. Фирмой уже выпущены сравнительно хорошія изданія сочиненій Пушкина, Лермонтова, Крылова, Островскаго, Помяловскаго и др. Теперь передъ нами—сочиненія Кольцова.

Стихотворенія поэта выдержали нѣсколько изданій. Первое, заключающее всего только восемнадцать стихотвореній, выпущено въ 1835 г. Станке-

впчемъ. Несмотря на то, что съ этого времени стихотворенія поэта появляются во многихъ тогдашнихъ распространенныхъ журналахъ, и его имя дѣлается очень популярнымъ, старанія Кольцова найти издателя своимъ произведеніямъ не увѣнчались успѣхомъ. Только въ 1846 г. появилось первое посмертное изданіе, сдѣланное Некрасовымъ — Прокоповичемъ, со вступительной статьей Бѣлинскаго о жизни и творчествѣ поэта. Въ это изданіе вошли нѣсколько стихотвореній прямо съ рукописей и появившіяся до того времени въ различныхъ журналахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которыя, надо думать, не нравились Бѣлинскому по своимъ идеямъ и настроенію. Изданіе 1846 г. нѣсколько разъ перепечатывалось К. Т. Солдатенковымъ (послѣднее, десятое изданіе 1889 г.), при чемъ статья Бѣлинскаго то сокращалась, то вновь расширялась. Юбилейный 1892 г. вызвалъ нѣсколько изданій, поставившихъ себѣ цѣлью — собрать по возможности все написанное Кольцовымъ. Изъ этихъ изданій выдѣлялось — подъ редакціей А. Лященка, въ которое вошли многочисленныя письма Кольцова изъ журналовъ и съ копій, принадлежащихъ Е. И. Якушкину. Стихотворенія, вошедшія въ это изданіе, свѣрены были съ рукописями, хранящимися въ Публичной библіотекѣ, въ собраніи П. Я. Дашкова и съ черновыми тетрадями поэта. Вскорѣ послѣ этого изданія появилось — подъ редакціей А. И. Введенскаго, въ которое были внесены много дополненій, окончательно установленъ текстъ и нѣкоторыя даты. Послѣднее изданіе, какъ лучшее, съ нѣкоторыми поправками выпущено товариществомъ «Просвѣщеніе».

Книга издана очень хорошо: въ ней мы находимъ критически провѣренный текстъ, многочисленные варіанты, критико-біографическій очеркъ редактора, различныя приложенія, примѣчанія, портретъ поэта, его факсимиле и проч.,— однимъ словомъ, все то, что мы требуемъ отъ хорошаго изданія. Эта книга, безъ сомнѣнія, займетъ свое мѣсто среди уже выпущенныхъ, объединенныхъ общимъ заглавіемъ — «Всемірная Библіотека», въ которую долженъ войти цѣлый рядъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей. **А. Ф.**

Записныя книги и бумаги старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. Документы XVIII—XIX в.в. бывшаго архива оружейной палаты. Составилъ архиваріусъ Московскаго отдѣленія общаго архива министерства императорскаго двора, Александръ Успенскій. М. 1906.

Настоящимъ изданіемъ составитель имѣлъ въ виду восполнить тотъ пробѣлъ, который былъ имъ замѣченъ въ извѣстномъ двухтомномъ трудѣ А. Е. Викторова: «Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725 г.» (М., 1877—1883 г.). А. И. Успенскій нашелъ цѣлый рядъ оставшихся неописанными А. Е. Викторовымъ дѣлъ, книгъ и документовъ казеннаго приказа мастерской и оружейной палаты, конюшенной казны, дворцовыхъ церквей и разныхъ дворцовыхъ учрежденій и описалъ ихъ съ значительными извлеченіями изъ документовъ, представляющими наибольшій историко-археологическій интересъ. Въ его описаніе вошло до 355 №№ документовъ, съ № 1220 по № 1574 (опись 35-я).

На первомъ мѣстѣ помѣщены «Описи казеннаго приказа (1727—1779 г.г.)» церковныхъ предметовъ. царскихъ креселъ, коронаціонныхъ вещей Екатерины II и мног. др. За ними идутъ «Описи мастерской палаты (1727—1810 гг.)», изъ которыхъ извлечены подробныя описанія вещей Петра Великаго; вещей, оставшихся послѣ кончины великой княжны Наталіи Алексѣевны, церковныхъ сосудовъ Спасскаго и Воскресенскаго «верховыхъ» соборовъ, книгъ печатныхъ и рукописей и «книгъ, бывшихъ въ 1755 г. въ царицыной мастерской палатѣ», царскихъ регалій и проч. Далѣе слѣдуютъ «Описи, приходныя и расходныя книги вещей оружейной палаты (1727—1810 г.г.)»; «Описи конюшенной казны»; «Описи шатерной казны (1737—1751 г.г.)», въ составъ которыхъ входятъ: «иконы. богослужебныя книги, церковная утварь, императорскія мѣста и кресла» и проч.; подробныя «Описи дворцовыхъ церквей (1737—1792 г.г.)», преимущественно Воскресенской и Успенской (свыше 40 стр.); «Описи книгъ и дѣлъ и извлеченія изъ нихъ (1750—1789 г.г.)», гдѣ наиболѣе интересны «выписки изъ статейныхъ списковъ о вещахъ, поднесенныхъ иностранными послами русскимъ государямъ», «реестръ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ», съ начала XVII в. и др. Вслѣдъ за этими описями приведено до 148 №№ книгъ мастерской и оружейной палаты: «приходныхъ деньгамъ (1725—1739 г.г.)», «расходныхъ (1727—1768 г.г.)», «записныхъ входящихъ бумагъ (1727—1830 г.г.)», «записныхъ исходящихъ бумагъ (1727—1795 г.г.)» и «журналовъ и протоколовъ засѣданій мастерской и оружейной палаты (1725—1831 г.г.)», а за ними 18 №№ разныхъ книгъ (окладныхъ, доимочныхъ), рукописей. дѣлъ «по приходу и расходу денегъ (1726—1744 г.г.)» и «по отпуску. пріему и описанію вещей (1728—1800 г.г.)».

Наконецъ, послѣдній и наиболѣе крупный отдѣлъ «Описанія» составляютъ «Дѣла разныхъ дворцовыхъ учрежденій, переданныя 15 октября 1863 г. изъ архива московской дворцовой конторы». Здѣсь нельзя не указать на слѣдующія болѣе подробно «извлеченныя» дѣла и документы: 1) «Дѣло 1751—1762 г.г. по разбору и описанію архива оружейной палаты, столбцовъ. тетрадей и книгъ», рукопись на 382 листахъ; 2) «Роспись взятымъ по именнымъ высочайшимъ повелѣніямъ изъ мастерской и оружейной палаты книгамъ, грамотамъ. указамъ, письмамъ, чертежамъ и прочимъ рукописямъ»; 3) Историческая записка о мастерской и оружейной палатѣ, съ ея основанія до 1805 г., рукопись подъ № 1495 («Описи»), напечатанная на 10 страницахъ; 4) «О краткомъ каталогѣ древностей оружейной палаты» (историческій каталогъ этотъ былъ составленъ въ 1836 г. по желанію императора Николая I) и 5) «О помѣщеніи въ 1846—1847 г.г. въ оружейной палатѣ древностей», найденныхъ при раскопкахъ въ Саратовской губ. близъ Царева и около дер. Бижи Енисейской губ. Здѣсь же и о сочиненіи Вельтмана: «О сохранности утварей царскаго чина».

Къ «Описанію» приложенъ «Указатель именъ и предметовъ».

Все это составляетъ первую часть интересной для историковъ и археологовъ книги А. П. Успенскаго. Во вторую же меньшую ея половину вошли «Указатели» именъ и предметовъ. составленные А. Е. Викторовымъ. но не вошедшіе въ его «Описаніе». Указателей этихъ шесть; 1) именъ царской

фамилін», 2) «личныхъ именъ» (наиболѣе обширный), 3) «московскихъ соборовъ, дворцовыхъ церквей, сельскихъ и иногороднихъ церквей и монастырей, какъ московскихъ, такъ и внѣ Москвы, 4) «топографическій указатель города Москвы», съ обозначеніемъ ея «мѣстностей, слободъ, урочищъ, башенъ, воротъ, рядовъ, крестцовъ» и проч. (XVI—XVIII в.в.); 5) «географическій» и 6) «археологическихъ предметовъ».

Таково содержаніе давно желаннаго для историко-археологической науки изданія, которое обязано своимъ появленіемъ въ свѣтъ неутомимому А. И. Успенскому.

В. Рудаковъ.

И. И. Замотинъ. Литературныя эпохи XIX столѣтія. Очерки по исторіи русской литературы. I—VI. Варшава. 1906.

Книга приватъ-доцента Варшавскаго университета, И. И. Замотина, представляетъ собою рядъ прочитанныхъ имъ лекцій по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Какъ видно изъ предисловія, авторъ предполагаетъ сдѣлать обзоръ нашей литературы XIX вѣка въ ея главныхъ моментахъ и теченіяхъ. Настоящій же первый выпускъ очерковъ обнимаетъ пока три первыя десятилѣтія XIX столѣтія. Авторъ дѣлаетъ сначала попытку вычертить схему развитія русской литературы и общественности на протяженіи всего истекшаго столѣтія и съ этой цѣлью описываетъ «главные моменты выраженія духовныхъ стремленій вѣка» въ нашемъ обществѣ и литературѣ сравнительно съ западноевропейскимъ общественно-литературнымъ настроеніемъ. Приступая затѣмъ къ описанію «перваго момента», «романтическаго идеализма», г. Замотинъ предварительно даетъ краткій очеркъ эпохи «наканунѣ XIX столѣтія». характеризуя основныя стихіи русской общественно-литературной жизни второй половины XVIII вѣка, когда зарождались новыя общественныя и литературныя понятія. Описаніе «перваго момента» въ общественно-литературномъ развитіи вѣка начинается съ выясненія «мотивовъ индивидуализма и идеализма въ западно-европейской романтикѣ», которая была предметомъ увлеченія и подражанія для русскихъ идеалистовъ начала вѣка; затѣмъ очерчивается та общественная и литературная почва русской жизни въ началѣ XIX вѣка, на которой возникаетъ и укрѣпляется въ обществѣ и литературѣ такъ называемый «романтическій идеализмъ»; наконецъ, въ двухъ послѣднихъ очеркахъ авторъ группируетъ въ одно цѣлое воззрѣнія русскихъ романтиковъ на религію, искусство, личныя и общественныя отношенія, при чемъ особенно подробно останавливается на романтической поэтикѣ, посвящая ей отдѣльную главу.

Имѣя въ виду скромную задачу дать прежде всего учебное пособіе при прохожденіи курса литературы, г. Замотинъ не претендуетъ на спеціально-научное значеніе своихъ очерковъ. Дѣйствительно, въ первыхъ трехъ главахъ онъ пользуется компилятивнымъ изложеніемъ и часто цитируетъ Тэна, Брандеса, Пыпина, Шахова и др.; тѣмъ не менѣе, и эти очерки уже носятъ характеръ своеобразности въ подборѣ и освѣщеніи матеріала. Что же касается до трехъ

послѣднихъ главъ (IV—VI), то онѣ представляютъ вполнѣ самостоятельную работу автора, въ основу которой легли его же собственныя статьи, посвященныя русскому литературному романтизму начала XIX столѣтія. Послѣдняя глава (о романтической поэтикѣ) представляетъ сокращенное изложеніе нѣкоторыхъ главъ изъ магистерской диссертаціи г. Замотина («Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ». Варшава. 1903 г.).

Задачу автора—дать дополнительное пособіе при преподаваніи новѣйшей русской литературы въ средней школѣ—можно считать вполнѣ достигнутой примѣнительно къ началу XIX столѣтія: вопросъ о литературномъ романтизмѣ и романтическомъ міровоззрѣніи настолько еще не усвоенъ въ огромномъ большинствѣ нашихъ учебныхъ руководствъ, что всякое разъясненіе и всякая поправка въ этомъ отношеніи должны быть приняты съ благодарностью. Кромѣ того, теперь, когда проблемы идеализма завоевываютъ опять замѣтное вниманіе общества и литературы, доступное и живое изложеніе идеалистическаго міросозерцанія начала XIX вѣка можетъ быть интереснымъ не только для людей, причастныхъ къ учебному курсу русской словесности, но и для болѣе широкаго круга читателей. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои очерки такъ же интересно, какъ онъ ихъ началъ.

А. М—нъ.

Гравюры И. П. Пожалостина. Каталогъ. Составилъ С. П. Виноградовъ. М. 1905.

Съ выходомъ въ свѣтъ книжки г. Виноградова небогатая литература по исторіи русской гравюры пополнилась старательно составленнымъ описаніемъ работъ талантливаго гравера-бюрениста И. П. Пожалостина. Собраніе гравюръ этого художника представляетъ особенно большой иконографическій интересъ, заключая до 60 превосходныхъ портретовъ русскихъ дѣятелей, преимущественно за время царствованія Александра II. Въ брошюрѣ г. Виноградова помѣщены: краткая біографія художника, подробный каталогъ его работъ и перечень статей о немъ и его произведеніяхъ. Описанія гравюръ сдѣланы довольно полно и точно, хотя, какъ всякій подобнаго рода трудъ, и настоящій каталогъ не свободенъ отъ пропусковъ. Такъ, между прочимъ, не указано состояніе гравюры Несеніе креста съ подписями однихъ мастеровъ и адресомъ печатальщика; пропущено такое же состояніе гравюры Птицеловъ; не описаны пробные, неоконченные, отпечатки портретовъ Ал. и Ильи Глазуновыхъ и Державина (въ колпакѣ); не отмѣченъ портретъ Ив. Глазунова до овала, но съ замѣткою. Въ перечнѣ статей о Пожалостинѣ не упомянуты Энциклопедическій словарь Брокгауза, т. XXIV, и Большая энциклопедія, т. XV. Несмотря на указанные недостатки, брошюра г. Виноградова значительно пополняетъ и исправляетъ свѣдѣнія, сообщенныя въ «Подробномъ словарѣ» Д. А. Ровинскаго, и представитъ интересъ для любителей искусства и собирателей гравюръ.

Б. Д.

Marjan Gumowski. Portrety Kościuszki. Nakład „Kurjera Lwowskiego“. L. 1906. (М. Гумовскій. Портреты Костюшки. Изданіе „Львовскаго Курьера“).

Въ рѣдкомъ польскомъ домѣ не увидите на стѣнѣ портрета одного изъ симпатичнѣйшихъ героевъ польской исторіи конца XVIII и начала XIX ст. — Тадеуша Костюшки. Громадная популярность его объясняется не только величіемъ идеи, за которую онъ боролся, не только цѣлями, которыя онъ преслѣдовалъ, но и его личнымъ характеромъ и благородствомъ сердца. Тѣмъ не менѣе, исторія портретовъ главнаго «начальника войскъ польскихъ» 1794 г. до сихъ поръ оставалась неизвѣстною. Г. Гумовскій восполняетъ этотъ пробѣлъ въ историко-эстетической литературѣ. Первымъ, по времени, портретомъ Костюшки авторъ считаетъ пастель неизвѣстнаго художника 1790 г., находящуюся въ собраніи Оссолинскихъ (Zakład narodowy imienia Ossolińskich) во Львовѣ. Она извѣстна коллекціонерамъ по литографіи Б. Курнатовскаго въ Познани (1845 г.). Наиболѣе распространенъ портретъ, писанный I. Грасси (1786—1838), представляющій Костюшку въ генеральскомъ мундирѣ съ орденами на груди: «Virtuti Militari»—за кампанію 1792 г. и «Cyncynata»—за американскую войну за независимость. Портретъ этотъ, написанный, по всему вѣроятію, въ 1794 г., извѣстенъ въ двухъ гравюрахъ John'a и Каппелера. Портретъ кисти Грасси подвергся передѣлкамъ. Изъ послѣднихъ наиболѣе распространена гравюра Ант. Олещинскаго (1829 г.), извѣстная въ безчисленныхъ воспроизведеніяхъ въ видѣ олеографій, литографій и ксилографій. Не ограничивая своей задачи портретами, М. Гумовскій описалъ медали, бюсты и статуи Костюшки—произведенія Давида Дмоховскаго, Маркони, Регульскаго и др. Добросовѣстно составленную монографію украшаютъ 20 снимковъ съ изображеній знаменитаго генерала-гражданина. **Г. А. Воробьевъ.**

Ончуковъ, Н. Е. Печорская старина (рукописи и архивы церквей Низовой Печоры). Спб. 1906.

По сообщенію г. Ончукова, онъ, находясь на крайнемъ сѣверѣ Россіи съ цѣлями этнографическими, не упускалъ случая посѣтить каждую попадавшуюся на пути церковь, познакомиться въ ней съ иконами, архивами и библіотекой. Онъ также всегда спрашивалъ у мѣстныхъ жителей о рукописяхъ и старинныхъ книгахъ, знакомился съ ними, а, гдѣ можно, и покупалъ. Собранными свѣдѣніями онъ и дѣлится съ читателями.

Какъ извѣстно, низовье Печоры по своему этнографическому составу представляетъ какъ бы «живой музей племенъ», сохранившихъ еще многое изъ быта XVII и XVIII вѣковъ, а, можетъ быть, и болѣе раннихъ. Здѣсь сохранились и памятники того стариннаго быта въ видѣ церквей, иконъ, книгъ, рукописей и т. п. Авторъ послѣдовательно описываетъ то, что онъ встрѣчалъ на пути, преимущественно останавливаясь на описаніи церковныхъ архивовъ, библіотекъ и собраній рукописей въ частныхъ рукахъ. Особенно замѣчатель-

ныхъ рукописей и старинныхъ книгъ онъ уже не нашелъ, хотя есть еще кое-что любопытное. Напримѣръ, любопытны рукописные матеріалы, касающіеся исторіи старообрядчества и вопроса о крещеніи самоѣдовъ.

Г. Ончуковъ, очевидно, руководясь собственнымъ горькимъ опытомъ, предостерегаетъ новыхъ изслѣдователей отъ излишнихъ иллюзій и надеждъ найти въ Печорскомъ краѣ что либо важное и новое. По его увѣренію, будущій путникъ не встрѣтитъ здѣсь сокровищъ, потому что ихъ уже нѣтъ. Причины оскудѣнія—небрежное отношеніе къ старинѣ, пожары и постоянная продажа старинныхъ книгъ и рукописей на сторону въ руки скупщиковъ и старообрядцевъ. **М.**

Н. Лихачевъ. Письмо папы Пія V къ царю Ивану Грозному въ связи съ вопросомъ о папскихъ бреве. Этюдъ по дипломатикѣ папъ. Спб. 1906.—Его же. Древнѣйшая сфрагистика. Изъ лекцій по дипломатикѣ, читанныхъ въ археологическомъ институтѣ за 1904—1905 уч. годъ. Спб. 1906.

Въ теченіе многихъ лѣтъ слѣдя за новыми изслѣдованіями и мелкими работами русскихъ ученыхъ по разнымъ дисциплинамъ археологіи, мы не разъ удивлялись богатству и разнообразію матеріала, привлеченнаго для изученія иногда сравнительно маловажнаго памятника или второстепеннаго историческаго факта. И естественно, что рецензіи на такія книги, даже рецензіи-рефераты, невольно превращались въ сплошную похвалу. Но очень рѣдко наше удивленіе достигало такихъ границъ, какихъ достигло оно, также совершенно невольно, при знакомствѣ съ новой работой Н. П. Лихачева, который оказывается такимъ же спеціалистомъ по западной дипломатикѣ, какимъ мы въ правѣ были считать его до сихъ поръ въ дипломатикѣ русской. Сказать, что его работа даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе, было бы слишкомъ мало, и одно заглавіе говорило бы только о скромности автора. Это—большое по размѣрамъ, строгое по методу, точное по техникѣ, глубокое по знаніямъ автора и законченное въ деталяхъ изслѣдованіе одного всего документа, къ тому же написанное съ видимой любовью къ дѣлу. До сихъ поръ не выходило ни одного такого же обстоятельнаго труда на русскомъ языкѣ по западно-европейской археологіи; если же къ этому прибавимъ, что папская дипломатика разработана на западѣ много лучше другихъ ея отдѣловъ, то читателямъ будетъ понятенъ нашъ восторженный отзывъ.

Поводомъ и основой для аналитическаго изслѣдованія послужили тѣ дипломатическіе вопросы, которые возбуждаетъ пріобрѣтенный г. Лихачевымъ документъ, изданный, впрочемъ, и раньше, въ извѣстной серіи Тейнера (1861 г.), но не по оригиналу, а по регистрамъ Ватиканскаго архива. Это—посланіе папы Пія V къ Грозному съ предложеніемъ присоединиться къ лигѣ европейскихъ христіанскихъ правителей противъ турокъ, относящееся къ 1570 г. Въ открытомъ оригиналѣ пропущено имя посла—папскаго нунція въ Польшѣ Винченцо даль Портико, которому папа предоставляетъ право избрать вмѣсто

себя иное лицо для отправленія къ Москву; этотъ пропускъ, вмѣстѣ съ подписью папскаго секретаря Ѳомы Альдобрандини, которой не было въ копіи у Тейнера, указываетъ на то, что принадлежащій изслѣдователю документъ— подлинникъ. Такимъ образомъ, посланіе возбуждаетъ рядъ вопросовъ дипломатическаго характера, которые Н. Лихачевъ освѣщаетъ сравнительными данными, иллюстрируя ихъ 22 фототипическими снимками на отдѣльныхъ листахъ и массой автотипій въ текстѣ; кое-что изъ оригиналовъ принадлежитъ самому изслѣдователю и появляется впервые. Безъ этихъ снимковъ многое не было бы понятно для тѣхъ, кто не знакомъ съ латинскими документами XV—XVI в.в. Такъ, объясняются термины «бреве» въ отличіе отъ «письмо», «булла», «motu proprio», «fiat» и многіе другіе. Изъ отдѣльныхъ экскурсовъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе: подробный разборъ разнаго вида папскихъ печатей и ихъ прикрѣпленій къ актамъ, подписей, разныхъ способовъ складыванія и запечатыванія актовъ, почерковъ, адресовъ, гербовъ, первыхъ печатныхъ папскихъ документовъ, собственныхъ резолюцій папъ, сигнатуръ, суппликъ и регистровъ ихъ, иниціаловъ подписей папъ, документовъ, написанныхъ папами собственноручно, и т. д. Въ виду отсутствія оглавленія текста, намъ кажется, было бы необходимо самому автору выдѣлить всѣ эти экскурсы, какъ имѣющіе и самостоятельное значеніе.

О лекціяхъ по древнѣйшей сфрагистикѣ, захватывающей только востокъ, можно сказать не многое, такъ какъ избранный авторомъ періодъ изъ исторіи официальной письменности слишкомъ далекъ отъ Византіи и Руси. Несмотря на нѣкоторую доступность изложенія и на оживленіе спеціальнаго отдѣла общими культурными картинами, «Древнѣйшая сфрагистика» читается съ меньшимъ интересомъ, повидимому, потому, что авторъ не вкладываетъ сюда почти ничего «своего». Подъ послѣднимъ мы разумѣемъ не новые взгляды, такъ какъ догматичность неизбѣжна во всякихъ лекціяхъ, а то воодушевленіе, которое невидимымъ образомъ проникаетъ въ самый сухой на первый взглядъ ученый трудъ, разъ объектъ его близокъ автору. Снимки исполнены удачно и «демонстративно» для цѣлей педагогическихъ. **А. Я.**

Н. В. Малицкій. Исторія Суздальской духовной семинаріи (1723—1788 гг.). Владиміръ-губернскій. 1905.

Въ XVIII вѣкѣ городъ Суздаль съ прилегающими къ нему уѣздами составлялъ самостоятельную епархію, именовавшуюся Суздальской. Вскорѣ послѣ образованія епархіи суздальскіе іерархи, въ силу петровскихъ указовъ, должны были открыть и свою собственную духовную школу или, «семинаріумъ». Открытый въ 1723 г. Суздальскій «семинаріумъ» просуществовалъ до 1788 г., когда, съ образованіемъ одной Владимирской епархіи, онъ долженъ былъ слиться съ Владимирской семинаріей. До сихъ поръ о суздальской семинаріи было извѣстно очень мало, и только недавно, съ переводомъ архива суздальской консисторіи во Владиміръ, удалось дѣйствительному члену Владимирской архивной комиссіи, Н. В. Малицкому, ознакомиться съ матеріалами этого

архива. Среди нихъ онъ нашелъ и около 500 дѣлъ, касающихся Суздальской семинаріи, и на основаніи ихъ представилъ довольно подробный и живо написанный очеркъ состоянія и дѣятельности семинаріи за указанный періодъ. Въ первой главѣ авторъ сообщаетъ внѣшнюю исторію семинаріи до 1763 г., когда она должна была, за отсутствіемъ средствъ къ существованію нѣсколько разъ закрываться и вновь открываться. Болѣе правильное ея существованіе началось лишь съ 1765 г., когда на содержаніе семинарій были положены особые штаты. Наиболѣе интересными изъ послѣдующихъ четырехъ главъ очерка являются третья глава, трактующая о «начальствующихъ и учащихъ» семинаріи, и затѣмъ пятая, посвященная вопросу о воспитательной части. Обѣ главы рисуютъ положеніе семинаріи въ мрачныхъ краскахъ. «Начальствующіе», почти всѣ одержимые порокомъ «необузданнаго опьянѣнія», отличались «продерзостнымъ поведеніемъ», «непомѣрною жестокостью» къ учащимся и даже учащимъ. Учителя, большею частью, изъ воспитанниковъ семинаріи, не соотвѣтствовали своему назначенію, не уступали въ пьянствѣ «префектамъ» и были суровы съ воспитанниками. Но и среди послѣднихъ, говоритъ г. Малицкій, «наиболѣе распространеннымъ порокомъ было безмѣрное пьянство». Были между ними и воры и «бѣгуны», къ которымъ примѣнялись такія же суровыя мѣры, какъ и къ совершеннолѣтнимъ преступникамъ, иногда распространявшіяся и на ихъ родителей. О литературныхъ занятіяхъ учениковъ семинаріи свѣдѣній почти не сохранилось никакихъ.

Въ приложеніи къ своему очерку г. Малицкій представилъ «списки учениковъ Суздальской семинаріи» за 1744 и за 1755—1788 гг. (безпрерывно), съ біографическими замѣтками о каждомъ изъ нихъ. **В. Рудаковъ.**

В. Грибовскій. Что такое «зубояжа», какъ преступленіе. Спб. 1905.

Настоящая статья нашего талантливаго изслѣдователя въ области права и археологіи — В. М. Грибовскаго, представляетъ собою актовую рѣчь, читанную имъ въ императорскомъ археологическомъ институтѣ 8 мая 1905 г. Въ ней авторъ останавливается на одномъ словѣ, одномъ преступленіи, упоминаемомъ въ уставѣ св. Владимира о церковныхъ судахъ. Это слово «зубояжа», которое до сихъ поръ представляется загадочнымъ, несмотря на попытки со стороны многихъ выдающихся русскихъ ученыхъ (Карамзина, Неволина, а позднѣе В. И. Сергѣевича и М. Ф. Владимирскаго-Буданова) истолковать его. Г. В. Грибовскій съ своей стороны дѣлаетъ попытку объясненія этого загадочнаго слова: по его мнѣнію, «зубояжа» церковнаго устава св. Владимира означало звѣроядину, употребленіе которой въ пищу представлялось съ церковной точки зрѣнія серьезнымъ преступленіемъ. Свою гипотезу г. Грибовскій подтверждаетъ рядомъ весьма любопытныхъ данныхъ.

Профессоръ М. Красноженъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТРЕХСОТЛѢТІЕ Рембрандта. 15 іюля вся Голландія, а въ особенности Амстердамъ и Лейденъ, праздновали трехсотлѣтнюю годовщину рожденія великаго художника Рембрандта. Относительно его такъ же, какъ и другихъ артистовъ, мнѣнія критиковъ съ годами измѣняются. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ было въ модѣ считать, что Рембрандтъ не умѣлъ рисовать и относился къ возвышеннымъ предметамъ съ низкой реальной точки зрѣнія, а теперь серіозные знатоки искусства признаютъ его однимъ изъ величайшихъ и наиболѣе глубокихъ художниковъ всѣхъ временъ. Конечно, быть можетъ будущія поколѣнія найдутъ теперешніе панегирики Рембрандту излишними, Однако подобныя соображенія не должны смущать усвоенныхъ нами взглядовъ на него. Впрочемъ вопросъ о его геніи все-таки еще представляется спорнымъ, и по случаю его юбилея вышли въ Германіи двѣ книги совершенно противоположнаго направленія: одна касается его картинъ, а другая—его гравюръ и рисунковъ перомъ и сепіей. Первая основана на художественныхъ изслѣдованіяхъ доктора Бодэ, который признаетъ за Рембрандтомъ около шестисотъ произведеній различнаго характера. Его талантъ, по мнѣнію Бодэ и автора книги, доктора Зингера, прошелъ, какъ обыкновенно бываетъ со всѣми художниками, чрезъ различныя эпохи: усовершенствованія, блестящаго развитія и упадка. Напротивъ, другая книга о гравюрахъ Рембрандта держится совершенно другого воззрѣнія. Авторъ ея полагаетъ, что великій художникъ имѣлъ естественныя способности непогрѣшимаго свойства, и если у него встрѣчаются неудовлетворительныя произведенія, то онѣ принадлежатъ не ему, а его безчисленнымъ ученикамъ. Вообще гравюръ Рембрандта насчитываютъ до трехсотъ, и ученый авторъ новаго труда приписы-

ваетъ самому Рембрандту только половину ихъ. Такимъ образомъ менѣе двухсотъ истинно Рембрандтовскихъ гравюръ составляютъ несомнѣнное ядро таланта великаго художника, которому приписываютъ всего шестьсотъ произведеній самаго разнообразнаго достоинства. Въ послѣднее время такого же взгляда придерживаются художественные критики относительно произведеній Леонардо Да-Винче, Микель Анджело и Тиціана, приписывая имъ самимъ только лучшія ихъ произведенія, остальныя же относя къ работѣ ихъ учениковъ. Но если придерживаться этой теоріи не только касательно гравюръ, но и картинъ Рембрандта, то естественно является вопросъ: если Рембрандтъ не исполнялъ большинства приписываемыхъ ему картинъ и гравюръ, то кто же ихъ воспроизвелъ? Объ его ученикахъ мы знаемъ все до мельчайшихъ подробностей и можемъ судить, въ состояніи ли они были создать даже такія несовершенныя произведенія. Поэтому безопаснѣе придерживаться традиціоннаго взгляда на картины, гравюры и рисунки Рембрандта, признавая ихъ всѣ принадлежащими болѣе или менѣе его кисти. Что касается до біографіи великаго художника, то мы знаемъ, что онъ родился въ Лейденѣ въ семьѣ Рейнъ, а Рембрандтомъ только прозывался. Его отецъ имѣлъ на Рейнѣ мельницу и хотѣлъ сдѣлать сына ученымъ, но хотя будущій художникъ и поступилъ въ Лейденскій университетъ, однако съ молодыхъ лѣтъ выказалъ любовь къ живописи. Родители, наконецъ, уступили желаніямъ юноши и отдали его сначала лейденскому художнику Яну Ванъ-Сваненбургу, а потомъ послали въ Амстердамъ къ Питеру Ластману. Однако оба его учителя, какъ воспитанники итальянской школы, не имѣли большого вліянія на своего ученика, который стремился къ національному искусству. Любимымъ предметомъ его живописи были портреты старыхъ людей, при чемъ собственная мать часто служила ему моделью, и отдѣлка свѣтотѣни, при чемъ рѣзко выдѣлялась игра свѣтовыхъ эффектовъ. Картина «Апостолъ Павелъ въ тюрьмѣ» была первымъ его замѣчательнымъ произведеніемъ и послужила основаніемъ его славы. Содержаніе своихъ картинъ онъ заимствовалъ преимущественно изъ исторіи Новаго и Ветхаго завѣта. Но его кисть главнымъ образомъ отличалась реальностью сюжета, и потому онъ съ такой же охотой изображалъ самыя обыденныя сцены, какъ это видно, напримѣръ, въ его знаменитой «Ночной стражѣ». Въ 1631 г. онъ перебрался изъ Лейдена въ Амстердамъ, и тамъ женился на красавицѣ Саксіи ванъ-Уленбургъ. Но, къ сожалѣнію, она прожила только восемь лѣтъ и за годъ предъ смертью родила ему сына Тита. Саксія была богата и оставила мужу все свое состояніе, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ никогда не женился. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ взялъ въ служанки молодую дѣвушку Гендрику Штофельсъ, которая замѣнила его сыну мать и совершенно овладѣла его сердцемъ, такъ что, проживъ съ нею незаконно нѣсколько лѣтъ, онъ не выдержалъ и женился на ней, чѣмъ причинилъ полное разореніе своему семейству. Подъ конецъ своей жизни онъ лишился второй своей жены и, несмотря на свою чрезмѣрную нищету, женился въ третій разъ на Екатеринѣ ванъ-Викъ. Онъ умеръ на 63 г. жизни, и среди знаменитыхъ живописцевъ старины Рембрандтъ всѣхъ ближе подходитъ къ новѣйшимъ воззрѣніямъ на искусство.

— Пять племянницъ кардинала Ришелье. Уже много было писано о знаменитыхъ пяти сестрахъ-красавицахъ Манчини, но, несмотря на это, англійскій писатель, Ноэль Вильямсъ, знатокъ французской исторіи, взялъ на себя задачу представить въ рельефныхъ чертахъ этотъ итальянскій эпизодъ [1]) изъ исторіи двора Людовика XIV. Старшая изъ этихъ такъ называемыхъ «мазаринетокъ», Лаура, вышла замужъ за герцога Меркёра, цезаря Вандомскаго, незаконнаго внука Генриха IV. Она была счастлива въ брачной жизни, хотя и умерла довольно рано. Замѣчательно, что предъ смертью ее соборовалъ самъ кардиналъ Мазарини, чѣмъ выясняется спорный вопросъ о его священническомъ званіи, что не дозволяло ему жениться на королевѣ Аннѣ Австрійской, его любовницѣ. Знаменитѣйшая изъ сестеръ, Олимпія, прибыла во Францію ребенкомъ и воспитывалась вмѣстѣ съ Людовикомъ XIV, который, по всей вѣроятности, находился съ нею въ любовной связи, хотя до безумія былъ влюбленъ въ ея сестру, Марію. Эта любовь дошла до того, что король во что бы то ни стало хотѣлъ жениться на Маріи, умнѣйшей и прелестнѣйшей изъ пяти красавицъ, но Мазарини и королева мать не соглашались на этотъ бракъ, такъ какъ имъ всего болѣе улыбалась испанская женитьба, и они опасались, чтобы Марія, сдѣлавшись королевой, не уничтожила ихъ политическаго вліянія. Пользуясь красотою Олимпіи, они заставили ее сыграть самую низкую роль по отношенію къ сестрѣ и королю, который, однако, хотя и отказался отъ брака съ Маріей, но никогда не простилъ Олимпіи ея гнуснаго поступка. Выйдя замужъ за графа Суассонъ, она интриговала точно также противъ Лавальеръ, и ее обвиняли въ подстрекательствѣ извѣстной Вуазэнъ на отраву короля. Хотя новый біографъ сестеръ Манчини, Вильямсъ, увѣряетъ, что это не вѣроятно, но въ сущности многое подтверждаетъ это обвиненіе. Сенъ-Симонъ же удостовѣряетъ, что она еще отравила испанскую королеву, хотя это послѣднее преступленіе совершенно не доказано. Что касается до послѣдующей жизни Маріи Манчини, бывшей замужемъ за принцемъ Коллоной, констаблемъ Неаполя и вице-королемъ Арагона, то она имѣла самую несчастную брачную жизнь и вмѣстѣ съ сестрой Гортензіей бѣжала во Францію въ пиратской фелукѣ. Тамъ король защищалъ ее всѣми силами отъ папскихъ стремленій возвратить ее мужу. Пребываніе Маріи въ Испаніи составляетъ забавный эпизодъ, такъ какъ она постоянно переселялась изъ одного монастыря въ другой, чтобы избавиться отъ преслѣдованій своего мужа. Наконецъ, видя невозможность заключить ее въ крѣпость или заточить въ монастырь, онъ далъ ей свободу. Она отправилась въ Версаль, а оттуда въ Италію, гдѣ умерла въ Пизѣ. Самой красивой изъ сестеръ всѣ признавали Гортензію, герцогиню Мелёрэ; она была любимой племянницей кардинала и передала своему мужу титулъ герцога Мазарини. Онъ боялся постоянныхъ визитовъ короля къ его женѣ и потому безъ устали возилъ ее съ мѣста на мѣсто, что̀ надоѣло красавицѣ Гортензіи, и она бѣжала отъ мужа сначала къ своему брату, герцогу Неверу, потомъ въ аббатство Шелль, наконецъ въ Италію. Три года она провела въ

[1]) Five fair sisters; Italian episode at the court of Louis XIV. By H. Noel Williams. London. 1906.

Савойѣ при дворѣ Карла-Эммануила и затѣмъ перебралась въ Англію, гдѣ Карлъ II прежде своего восшествія на престолъ, неудачно просившій ея руки у Мазарини, сталъ пламенно ухаживать за нею. Онъ уже хотѣлъ объявить ее своей офиціальной любовницей, но Гортензія предпочла ему принца Монако. Послѣдняя изъ «мазаринетокъ», Маріанна, вышла замужъ за герцога Бульонскаго и долго была въ Парижѣ баловнемъ короля и всего двора. Она отличалась любовью къ литературѣ и покровительствовала литераторамъ, особенно поэтамъ, первымъ изъ которыхъ былъ Лафонтенъ. Конечно, по примѣру своихъ сестеръ она имѣла много любовныхъ интригъ, за что мужъ заперъ ее въ монастырь на нѣсколько мѣсяцевъ. Вмѣстѣ съ своей сестрой Олимпіей она была замѣшана въ процессѣ Вуазэнъ, и ее сослали въ Неракъ. Послѣ непродолжительнаго времени она вернулась въ Парижъ и стала попрежнему играть блестящую роль въ великосвѣтскомъ и литературномъ обществѣ.

— Дѣйствительно ли Шиллеръ былъ апостоломъ свободы? Профессоръ Вильгельмъ Стеффэнъ безжалостно разрушаетъ въ іюньскомъ нумерѣ «Preussische Jahrbücher» легенду о республиканизмѣ Шиллера, этого непримиримаго врага тирановъ и упорнаго поклонника свободы. Не прошло еще и года съ юбилейнаго прославленія Шиллера, какъ является публичное развѣнчиваніе его славы. Ученый профессоръ старается доказать, что въ сущности Шиллеръ былъ мирнымъ буржуа, очень консервативнымъ и мало разборчивымъ въ средствахъ достиженія успѣха. Конечно, подобное уничтоженіе Шиллеровской легенды, насколько бы оно ни оказалось въ сущности несправедливымъ, все-таки чрезвычайно интересно и заслуживаетъ полнаго вниманія. По словамъ Стеффэна, Шиллеръ былъ сыномъ храбраго вюртембергскаго офицера и тринадцати лѣтъ поступилъ въ Карловскую школу, нѣчто въ родѣ лицея и военнаго корпуса, основаннаго герцогомъ Карломъ-Евгеніемъ Вюртембергскимъ. Чтобы пріобрѣсть милости герцога, молодой Шиллеръ осаждаетъ его цѣлымъ дождемъ посланій и комплиментовъ въ прозѣ и стихахъ, даже переходя при этомъ предѣлы обычнаго низкопоклонства. У герцога была офиціальная любовница, извѣстная красавица Франциска Гогенгеймъ, и Шиллеръ обращается къ ней съ безконечными хвалебными стихами. «Сегодня, —говоритъ онъ въ день ея рожденія,—не видно ни малѣйшихъ слезъ, не слышно никакихъ вздоховъ, но къ небу подымаются радостные крики благодарности. Въ сердцѣ каждаго счастливо запечатлѣно имя Франциски. Она идетъ по дорогѣ своей жизни, усыпанной розами, и ея существованіе, ознаменованное тысячею добродѣтельныхъ поступковъ,—полно гармоніи: если вы хотите видѣть добродѣтель вознагражденную, то взгляните на нее». На слѣдующій годъ, въ тотъ же день рожденія красавицы Франциски, Шиллеръ удостоиваютъ честью произнести подобающую рѣчь въ присутствіи герцога и его любовницы въ Храмѣ Добродѣтели. Послѣ безконечныхъ похвалъ герцогу, котораго онъ сравниваетъ съ Цезаремъ и Августомъ, храбрый юноша безъ зазрѣнія совѣсти гордо восклицаетъ: «Мои уста не умѣютъ произносить лицемѣрныхъ рѣчей, которыя вызываютъ на челѣ краску. О великій герцогъ, я не вѣдаю лести, ей не обучаютъ въ вашей славной школѣ. Нѣтъ, нѣтъ, высоко поднявъ чело и чувствуя только любовь къ правдѣ, я громко произношу: «Да здравствуетъ прелестная

подруга Карла! Да здравствуетъ другъ рода человѣческаго! Да здравствуетъ общая пріятельница, мать всѣхъ, о Франциска!» Въ 1781 г. онъ написалъ «Оду на возвращеніе нашего милостиваго герцога». И въ своей пьесѣ «Семелэ» онъ прославляетъ любовь Карла-Евгенія къ добродѣтельной Франциской. Когда же Шиллеръ поссорился съ своимъ благодѣтелемъ и покинулъ Виртембергъ, то писалъ хвалебные гимны и мадригалы въ честь герцоговъ Мейнингенскаго, Августенбургскаго и многихъ другихъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ получилъ мѣсто совѣтника при веймарскомъ дворѣ и посвятилъ своего «Дона-Карлоса» герцогу Карлу-Августу Саксенъ-Веймарскому и въ предисловіи къ этой драмѣ выразилъ радость, которую чувствовалъ, сдѣлавшись подданнымъ одного «изъ самыхъ благородныхъ нѣмецкихъ герцоговъ, друга музъ, имѣвшаго самое мягкое сердце, и къ которому онъ питалъ безграничное уваженіе». Но, прежде чѣмъ добиться доступа ко двору, ему пришлось много писать лестныхъ стиховъ въ честь своей новой государыни, и ухаживать за преданными поклонниками достопочтеннаго веймарскаго мецената — Виландомъ, Гердеромъ и Гёте. Въ это же время онъ добился званія почетнаго совѣтника герцога Мейнингенскаго. Незадолго до своей смерти Шиллеръ получилъ отъ шведскаго короля, бывшаго проѣздомъ въ Веймарѣ, — перстень съ брильянтами, о чемъ по его настоянію было напечатано во всѣхъ газетахъ, а въ томъ же году онъ въ торжественныхъ стихахъ славилъ свадьбу наслѣднаго принца съ русской великой княжной. Вотъ всѣ доказательства, которыя набралъ профессоръ Стеффэнъ въ подтвержденіе низкопоклонства Шиллера. Напротивъ, онъ же приводитъ слова великаго апостола свободы: «Моя гордая лира никогда никому не льститъ и вѣчно призываетъ тѣни Катона, Брута и Регула, а также клеймитъ тирановъ и побѣдителей». Онъ же написалъ «Разбойниковъ», пьесу революціонную и почти анархическую, герой которой, Карлъ фонъ-Мооръ, врагъ всѣхъ законовъ, мечтаетъ сдѣлать Германію республикой, въ сравненіи съ которой Римъ и Спарта покажутся женскими монастырями». Онъ создалъ «Фьеско», республиканскую трагедію, одно изъ дѣйствующихъ лицъ которой говоритъ: «Первый король былъ убійцей, скрывавшимъ въ складкахъ своей пурпурной мантіи слѣды преступленія», наконецъ его перу принадлежатъ «Донъ-Карлосъ» и «Коварство и любовь», гдѣ выведенъ нелѣпый, смѣшной, жестокій и развратный король, который продаетъ своихъ солдатъ чужимъ государямъ, какъ скотину, и живетъ среди развратныхъ женщинъ. Достаточно, такимъ образомъ, того, что говоритъ самъ Стеффэнъ, чтобы доказать всю неосновательность его обвиненія Шиллера въ низкопоклонствѣ. Если онъ дѣйствительно позволялъ себѣ нѣкоторыя лестныя выраженія въ отношеніи высокихъ особъ, то въ тогдашнее время это было въ модѣ, и даже такіе люди, какъ Вольтеръ и Мирабо, распространялись въ диѳирамбахъ монархамъ, а съ своей стороны образованные монархи пикировались между собою въ чрезвычайномъ либерализмѣ и дозволяли писателямъ всякаго рода свободомысліе. «Толкуйте себѣ, сколько вамъ угодно, лишь бы вы слушались», — говорилъ Фридрихъ II. Только французская революція измѣнила этотъ двоедушный порядокъ вещей. Поэтому рѣшительно нельзя сказать, чтобы ученый профессоръ былъ правъ, полагая, что онъ доказалъ всю нелѣпость легенды, что

Шиллеръ—не апостолъ свободы. Въ сущности онъ останется вѣчнымъ символомъ освобожденія человѣческой мысли не только въ Германіи, но и во всей Европѣ, особенно во Франціи, гдѣ его величайшимъ ученикомъ былъ Викторъ Гюго, авторъ «Hernani» и «Les Misérables».

— **Переписка графа Нессельроде въ 1812 г.** Недавно вышелъ въ Парижѣ четвертый томъ «Писемъ и бумагъ канцлера, графа Нессельроде, извлеченныхъ изъ его архива» [1]). Онъ посвященъ исключительно событіямъ 1812 г., и хотя не такъ интересенъ, какъ предыдущая часть, потому что Нессельроде не участвовалъ въ главнѣйшихъ эпизодахъ отечественной войны, но все-таки, какъ въ его личныхъ воспоминаніяхъ, такъ и близкихъ ему лицъ заключается немало интереснаго. Переписка самого Нессельроде начинается въ апрѣлѣ по дорогѣ въ Вильну, куда онъ сопровождалъ императора Александра, оставившаго его въ арміи послѣ своего отъѣзда. Потомъ его на время вызываютъ въ Петербургъ, и, наконецъ, онъ отправляется снова въ Вильну съ государемъ, а оттуда за границу. Главными его корреспондентами являются его жена, дочь министра финансовъ, графиня Марія Гурьева, на которой онъ женился весной того же года, и его товарищъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, Анштедтъ. Въ это время они оба были назначены государемъ состоять при главной арміи въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ для редактированія военныхъ реляцій. По словамъ издателя настоящаго труда, внука канцлера, Анштедтъ «былъ болѣе блестящимъ редакторомъ и человѣкомъ большей инціативы, чѣмъ Нессельроде, но зато послѣдній отличался болѣе солиднымъ поведеніемъ и болѣе надежными дипломатическими отношеніями, поэтому на немъ остановилось вниманіе императора, и Нессельроде сдѣлался настоящимъ выразителемъ мысли и воли своего повелителя». Первымъ документомъ въ четвертомъ томѣ переписки Нессельроде служитъ его докладъ императору Александру I относительно бумагъ, привезенныхъ полковникомъ Чернышевымъ изъ Тюильри въ мартѣ мѣсяцѣ. По его мнѣнію, не слѣдовало отвергать переговоровъ, предложенныхъ Наполеономъ, а надо было отвѣтить чрезъ князя Куракина или Лористона, что Россія готова переговорить съ Франціей объ Ольденбургскомъ дѣлѣ и о тарифахъ, если она немедленно покинетъ прусскія владѣнія. Въ случаѣ, если переговоры и не удадутся, то Франція будетъ поставлена въ невыгодное положеніе, и у нея будетъ отнято единственное средство утверждать, что она права относительно причины войны. Вслѣдъ за этимъ дипломатическимъ вступленіемъ слѣдуетъ частная переписка Нессельроде и его жены между Петербургомъ и Вильной, куда отправился будущій канцлеръ вмѣстѣ съ императоромъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Упоминая въ своихъ письмахъ о различныхъ лицахъ, окружающихъ императора, Нессельроде отзывается о Винцингероде гораздо сочувственнѣе, чѣмъ обыкновенно о немъ говорили. «Правда,—говоритъ онъ,—этотъ генералъ не отличается талантами выше начальника кавалерійской дивизіи, и напрасно ему, едва умѣющему говорить по-французски, довѣрили дипломати-

---

[1]) Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1850. Tome IV. Paris. 1906.

ческія порученія. Это—его величайшій недостатокъ, но онъ не трусъ и не измѣнникъ, какъ увѣряли послѣ Аустерлица; его послѣдующее поведеніе дало серьезныя опроверженія подобной клеветѣ, потому что онъ покрытъ ранами и не упустилъ ни одного случая выказать достойную храбрость во время войны». Что же касается до самого себя, то графъ увѣряетъ, что онъ попрежнему не выставляетъ себя впередъ, а исполняетъ лишь то, что ему предписываютъ. Празднества и удовольствія въ Вильнѣ слѣдовали одно за другимъ, и особенно, по словамъ Нессельроде, удалось торжество, устроенное въ честь государя генералами и офицерами, хоть выстроенный по этому случаю въ имѣніи Бенингсена временный залъ наканунѣ рушился и едва не погубилъ всего его семейства. Впрочемъ это не помѣшало устроить танцы въ домѣ, а ужинать въ великолѣпно иллюминованныхъ садахъ Армиды, какъ выразился Нессельроде. Письма графини къ мужу отличались рѣзкостью и остроуміемъ. По ея словамъ, Петербургъ послѣ отъѣзда двора сдѣлался чисто провинціальнымъ городомъ во всемъ значеніи этого слова. Что касается до политическихъ дѣлъ, то она отзывается очень неодобрительно о Барклай-де-Толли, который причинялъ непріятности ея отцу, министру финансовъ, постоянно соглашаясь на опредѣленныя суммы денегъ, а потомъ требуя все большихъ и большихъ милліоновъ. «Государь,—прибавляетъ она,— болѣе всѣхъ удивляется, что денегъ мало, а при подобныхъ порядкахъ не хватитъ никакихъ средствъ, и въ означенномъ безпорядкѣ мой отецъ нисколько не виновенъ, поэтому онъ все просится въ отставку, а его не пускаютъ, что̀ для него чрезвычайно тяжело. Правда, отпустить министра финансовъ во время войны было бы публичнымъ признаніемъ въ пустотѣ кассы». Переходя къ военнымъ вопросамъ, она увѣряетъ, что напрасно опасаются наступленія Наполеона, и гораздо опаснѣе военный планъ Фульда, тактика котораго всегда была чрезвычайно пагубна для Пруссіи. Еще графиня опасалась Польши, которая, по ея мнѣнію, измѣнитъ Россіи при малѣйшей возможности. «Увѣряю тебя, — прибавляетъ она,—что у меня голова идетъ кругомъ, и я одинаково ненавижу и боюсь поляковъ. Ты, быть можетъ, будешь смѣяться надо мною, но мои опасенія, право, основательны». Далѣе она высказываетъ мнѣніе объ Анштедтѣ самое неблагопріятное. Въ Петербургѣ, по ея словамъ, всѣ недовольны его вліяніемъ, по случаю отсутствія канцлера. Всѣ его считаютъ измѣнникомъ, несмотря на то, что самъ Нессельроде отзывается о немъ очень лестно. Пребываніе государя въ Вильнѣ очень не нравилось графинѣ, и она замѣчаетъ, что если «хотѣли отдать городъ Наполеону, то незачѣмъ было въ него вступать». Съ еще большей злобой графиня отзывается объ извѣстномъ дѣятелѣ Александровскаго времени — Новосильцовѣ, который за послѣдніе мѣсяцы впалъ въ немилость, но теперь снова оказался въ сильномъ фаворѣ, несмотря на то, что онъ, по ея словамъ, совершенная ничтожность. «Этого пустого человѣка,—прибавляетъ она,—посылаютъ въ Англію, въ страну, гдѣ всѣ надъ нимъ смѣются». Въ началѣ іюля Александръ уѣхалъ въ Москву, а потомъ въ Петербургъ и оставилъ Нессельроде и Анштедта при главнокомандующемъ съ обязанностью составлять военные бюллетени. О безконечной любезности послѣдняго его товарищъ отзывается съ большой похвалой и говоритъ, что «онъ становится тѣмъ веселѣе

и остроумнѣе, чѣмъ положеніе труднѣе». До Вязьмы и Гжатска Нессельроде оставался на своемъ постѣ и, видя, что въ арміи все идетъ хорошо, увѣрялъ жену, что обѣимъ столицамъ нечего бояться. Наконецъ въ первыхъ числахъ августа онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ и оставался при государѣ до глубокой осени. Въ этотъ промежутокъ времени Анштедтъ былъ единственнымъ его корреспондентомъ относительно военныхъ дѣйствій. По словамъ этого дипломата, отступленіе отъ Смоленска Багратіонъ объяснялъ овладѣвшей всѣми паникой, такъ какъ «Смоленскъ могъ еще продержаться съ мѣсяцъ». Что же касается до Бородинской битвы, то Анштедтъ отъ нея въ восторгѣ и говоритъ, что «это было побоище героевъ, и земля дрожала на восемнадцать верстъ». «Да что, -- прибавляетъ онъ, — мнѣ и разсказывать объ этомъ сраженіи? Вы лучше узнаете всѣ подробности изъ реляціи; я же скажу, что когда въ первый день князь Кутузовъ отправился на рекогносцировку, то надъ его головой леталъ орелъ, и онъ ему поклонился, а вся армія дружно закричала ура». Со времени Бородинскаго побоища Анштедтъ считалъ гибель Наполеона рѣшенной, и хотя многіе изъ русскихъ были противоположнаго мнѣнія, но «онъ называлъ ихъ ослицами, ибо ослами ихъ называть было бы слишкомъ лестно, такъ какъ оселъ мужского пола». О занятіи французами Москвы и о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ до рокового отступленія французовъ въ письмахъ Анштедта не встрѣчается почти ни слова. Онъ только довольно подробно описываетъ битву подъ Малымъ Ярославцемъ, отступленіе отъ котораго считаетъ большой ошибкой Кутузова. Онъ имѣлъ по этому поводу довольно характерный разговоръ съ фельдмаршаломъ, который, повидимому, полагалъ, что врагу лучше всего сдѣлать золотой мостъ для отступленія. «Я не имѣю другого желанія,—говорилъ онъ, — какъ увидѣть Наполеона покинувшимъ Россію». «Въ такомъ случаѣ,—осмѣлился возразить ему дипломатъ,— фельдмаршалъ ничего не сдѣлалъ бы для своей родины. Послѣ столькихъ жертвъ и въ ту минуту, когда Россія можетъ освободить всю Европу, ее необходимо вознаградить, именно обезпечить всеобщій миръ на цѣлыхъ десять лѣтъ. Висла должна течь въ ея предѣлахъ, Австрія — сдѣлаться ея авангардомъ, Рейнская конфедерація и Швейцарія—стать независимыми отъ Франціи. Безъ этого, повторяю, будетъ заключено только перемиріе, и ничего не сдѣлано для счастья Европы». Кутузовъ ничего не отвѣчалъ и только улыбнулся. При этомъ Анштедтъ вспоминаетъ, что послѣ Бородинскаго сраженія Кутузовъ сказалъ: «Я далъ пощечину Наполеону», и замѣчаетъ, что онъ могъ бы дать послѣ того еще бóльшую пощечину, если бъ преслѣдовалъ его болѣе форсированнымъ маршемъ. Когда Кутузовъ узналъ о переходѣ Наполеона чрезъ Березину, то онъ погнался за нимъ изо всѣхъ силъ и вступилъ въ Вильну 29 ноября. Быстрота бѣгства французовъ была такъ велика, что, по словамъ Анштедта, Наполеонъ не осмѣлился вступить въ этотъ городъ, а съ отрядомъ лишь въ 1.500 человѣкъ направился на Ковно. Холодъ и голодъ продолжали уничтожать непріятеля, хотя русскій штыкъ щадилъ его. «Нѣмецкіе офицеры, говоритъ дипломатъ, — увѣряютъ, что они зарѣжутъ Бонапарта, если онъ ускользнетъ изъ русскихъ рукъ». До отступленія французовъ въ Смоленскъ Наполеонъ сохранилъ свое наружное спокойствіе, и, говоря о послѣднихъ событіяхъ въ

Парижѣ, онъ выражался: «Повидимому, меня болѣе не хотятъ во Франціи. Ну, что же, пусть выберутъ себѣ другого; посмотримъ, какъ онъ сумѣетъ справиться». «Этотъ кажущійся стоицизмъ императора поддерживается крѣпкими напитками, которые, по словамъ дипломата, онъ теперь употребляетъ въ большомъ количествѣ, чего прежде не было. Въ Смоленскѣ онъ продавалъ остатки вина арміи и сжегъ свое столовое бѣлье. Онъ носитъ продранную на локтяхъ сѣрую одежду и желтый галстукъ. Вицъ-король итальянскій въ полной парадной формѣ слѣдовалъ за нимъ вмѣстѣ съ Нансути, Викторомъ, Удино, Даву, Ларибосьеромъ, Коленкуромъ». Послѣдними словами Анштедта въ его перепискѣ съ Нессельроде служатъ предсказанія отъ 30 ноября, что русская армія займетъ въ январѣ Варшаву. Письма Нессельроде къ женѣ начинаются снова отъ 13 декабря изъ той же Вильны. По его словамъ, дѣла идутъ настолько отлично, какъ и не подозрѣваютъ въ Петербургѣ. Пріѣздъ императора произвелъ на всѣхъ безъ исключенія самое лучшее впечатлѣніе. Увѣдомивъ жену о сдачѣ прусскаго отряда генерала Іорка, онъ выбылъ съ государемъ изъ Вильны и по дорогѣ въ Мерицѣ 31 декабря 1812 г. окончилъ свою переписку въ этомъ памятномъ году. Къ этимъ документамъ, извлеченнымъ изъ архива графа, его внукъ прибавляетъ: 1) депешу графа Румянцева къ Бассано, уже напечатанную ранѣе этого, но какъ написанную Нессельроде и входящую въ составъ его архива; 2) докладъ Гентца графу Нессельроде о берлинскомъ и миланскомъ декретахъ и 3) донесеніе князя Чарторижскаго императору Александу I о возстановленіи Польши. Къ этому послѣднему документу прибавлена собственноруская записка Нессельроде, который объясняетъ въ ней Александру I всю невыгоду для Россіи возстановленія Польши, какъ мѣры антинаціональной и противорѣчащей интересамъ Россіи.

— Бальзакъ, какъ защитникъ. Въ первой іюльской книгѣ «La Revue» Эдмонъ Пилонъ передаетъ въ своей статьѣ [1]) объ одномъ фактѣ изъ жизни Бальзака, отравившемъ его существованіе едва ли не болѣе, чѣмъ всѣ придирки кредиторовъ,—именно о неудачной защитѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ рисовальщикомъ карикатуръ, Гаварни, нѣкоего нотаріуса, Пейтеля. Послѣдній обвинялся въ убійствѣ жены и своего слуги, за что былъ приговоренъ къ смертной казни, и, несмотря на всѣ старанія Бальзака, доказывавшаго его невинность, и ходатайство г-жи Абрантесъ, король Луи-Филиппъ не хотѣлъ его оправдать. Неумолимое упрямство короля было вызвано памфлетами и сатирами Пейтеля, когда-то, еще студентомъ, сотрудничавшаго въ журналѣ «Le Voleur» и «La Caricature», издаваемыхъ Шарлемъ Филиппономъ, гдѣ осмѣивалась буржуазная монархія и король Луи-Филиппъ. Послѣдній всегда былъ представленъ тамъ въ видѣ груши, такъ какъ форма его головы очень походила на нее, и сотрудники журнала не пропускали ни одного нумера, чтобы не восхвалить вкуса этого «восхитительнаго плода» и особенно его наружнаго вида. Форма груши, толстая внизу и остроконечная наверху, поражала своимъ сходствомъ съ головою Луи-Филиппа. Въ этомъ журналѣ, между прочимъ, надѣлала шуму острота: «Чортъ возьми грушу! Адамъ погубилъ насъ изъ-за яблока, а Лафайетъ изъ-за груши».

---

[1]) Une affaire dans la vie de Balzac. «La Revue». 13 Juillet 1809.

Находя, что подобный журналъ, хотя бы въ немъ сотрудничалъ Бальзакъ и помѣщалъ свои карикатуры Дамье, не можетъ служить достаточнымъ матеріаломъ для болѣе яростныхъ нападокъ на короля, Пейтель придумалъ написать книгу о «блаженномъ плодѣ, о которомъ въ то время говорили болѣе при дворѣ, чѣмъ въ саду». Выпустивъ въ свѣтъ эту книгу подъ заглавіемъ: «Физіологія груши», Пейтель подписался подъ нею именемъ «Луи Бенуа, садовника». Она не отличалась ничѣмъ отъ маленькаго трактата по разведенію плодовыхъ деревьевъ, и только виньетки, украшенныя то тутъ, то тамъ королевскими коронами и орденскими лентами, выдавали истинный смыслъ книги. Это сочиненіе начиналось юмористическимъ письмомъ отъ автора къ книгопродавцу. Затѣмъ Луи Бенуа, извинившись, прямо начиналъ съ общей современной политики: «Городская ратуша,—восклицаетъ онъ,—послѣ прогулки по Парижу я очутился тамъ 29 іюля 1830 г., въ обществѣ политохниковъ, артиллеристовъ, а также генераловъ Лафайета и Дюбура. Но эта благородная революція, народный порывъ, республиканская лихорадка—все это было не что иное, какъ надувательство и подготовленіе къ режиму «груши». Сдѣлайся садовникомъ, мой другъ,—прибавляетъ авторъ,—и не вмѣшивайся болѣе въ дѣла королевства». Затѣмъ онъ направляется въ ботаническій садъ и лирическимъ тономъ восклицаетъ: «Грушъ, пожалуйста, грушъ!» Перебирая различные сорта грушъ, онъ доходитъ до сорта «Короля Луи» и «Короля Лѣта» и замѣчаетъ: «Эти плоды появились у насъ, какъ извѣстно, въ іюлѣ. «Король Луи» былъ привезенъ во Францію въ лѣто послѣ Рождества Христова 1830-е. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался толстый, широкій, расплывшійся, нескладный плодъ, какимъ вы его видите». Въ такомъ тонѣ была написана эта маленькая книжка, въ сущности довольно невинная, однако впослѣдствіи Пейтель дорого за нее заплатилъ. Славы, впрочемъ, онъ не добился на литературномъ поприщѣ и, покинувъ его, отправился въ Ліонъ, гдѣ принялся за ученіе и, сдавъ экзаменъ, поступилъ клеркомъ къ нотаріусу, а затѣмъ самъ купилъ нотаріальную контору въ Беллеѣ и женился на Фелиціи Альказаръ, имѣвшей порядочное состояніе. Этотъ бракъ послужилъ причиной его гибели. Фелиція была легкомысленной и насмѣшливой отъ природы, Пейтель же—вспыльчивый и порывистый. Поэтому они съ самаго начала совмѣстной жизни ссорились и когда, три мѣсяца спустя, въ сопровожденіи слуги они отправились въ Масонъ на три дня по дѣлу, и она оказалась убитой, то злые языки обвинили Пейтеля въ убійствѣ жены. Это случилось въ 1838 г., 1 ноября, между десятью и одиннадцатью часами вечера. Дѣло разбиралось, много мѣсяцевъ спустя послѣ преступленія, въ Энскомъ судѣ 26 августа 1839 г. Свидѣтельскія показанія были разнорѣчивы; такъ, одинъ кузнецъ показалъ, что онъ живетъ недалеко отъ мѣста преступленія, и въ ту ночь къ нему громко постучался какой-то человѣкъ, сказавъ, что онъ преемникъ нотаріуса Седрона. Онъ былъ, какъ помѣшанный, говорилъ быстро и кричалъ, чтобы къ нему пришли на помощь, что его жену убилъ на дорогѣ слуга. Этотъ незнакомецъ былъ Пейтель. Свидѣтель отправился съ нимъ и въ уединенномъ полѣ увидѣлъ при лунномъ освѣщеніи на краю болота лежавшій лицомъ внизъ трупъ женщины. Немного далѣе на дорогѣ лежалъ трупъ мужчины, мимо котораго проѣхалъ экипажъ. При видѣ его Пейтель воскликнулъ:

«Вотъ разбойникъ, убившій мою жену; онъ заслуживалъ бы, чтобъ я проѣхалъ по его тѣлу». Затѣмъ онъ объяснилъ, что слуга убилъ его жену и думалъ подвергнуть и его той же участи, зная, что онъ везетъ съ собою 7.500 франковъ. Его жена была убита первая, и, чтобъ отомстить за нее, онъ выскочилъ изъ экипажа и убилъ молоткомъ слугу. Самъ Пейтель на допросѣ показалъ, что его жена, будучи беременной, устала въ пути и задремала на его плечѣ. Въ этотъ моментъ въ трехъ шагахъ отъ нихъ раздался выстрѣлъ, ранившій ее. «Мой бѣдный мужъ, возьми свои пистолеты»,—едва могла она произнести эти слова. Затѣмъ Пейтель выскочилъ изъ экипажа и бросился догонять Луи Рея, котораго убилъ молоткомъ. Однако, врачи заявили, что его жена не могла произнести ни слова, такъ какъ ея языкъ былъ поврежденъ, и, кромѣ того, по изслѣдованіямъ артиллерійскихъ офицеровъ, въ каретѣ не нашлось ни малѣйшаго слѣда пуль. Особенно неблагопріятныя показанія далъ прежній владѣлецъ нотаріальной конторы, завидовавшій успѣхамъ Пейтеля. Однако, друзья послѣдняго надѣялись, что за отсутствіемъ явныхъ уликъ его оправдаютъ, но судъ приговорилъ его къ смертной казни. Тогда Бальзакъ и Гаварни, охладѣвшіе другъ къ другу нѣкоторое время и даже разссорившіеся, примирились ради дѣла Пейтеля и отправились вмѣстѣ въ Буръ, чтобы лично собрать всѣ данныя для защиты. Въ это время Бальзакъ работалъ, какъ каторжный. Постройка его дома близъ воротъ Сенъ-Клу поглотила всѣ его деньги, и въ этомъ уютномъ уголкѣ, вдали отъ кредиторовъ, свѣтскаго шума и политики, авторъ «Человѣческой комедіи» весь предался работѣ. 1839 годъ былъ самый плодовитый; въ это время Бальзакъ создалъ «Les Secrets de la princesse de Codignan», «Pierre Grassou», «Massimilia Doni» и «Pierette»: Послѣдняя стоила ему немалаго труда, и онъ писалъ графинѣ Ганской, что исправилъ тринадцать корректурныхъ листовъ, т.-е. «она была написана тринадцать разъ». Въ этомъ же году онъ написалъ четыре очерка «Français peints par eux mêmes». Онъ былъ такъ занятъ, что пріостановилъ переписку съ своей матерью, и только графиня Ганская, «ангелъ по любви» и «демонъ по фантазіи», получала отъ него длинныя письма. Но въ сентябрѣ она вдругъ получила отрывистое лихорадочное письмо: «Я необычайно взволнованъ однимъ ужаснымъ дѣломъ, дѣломъ Пейтеля. Я видѣлъ этого бѣднаго малаго три раза... Его приговорили къ смерти; чрезъ два часа я отправляюсь въ Буръ». Бальзакъ такъ лихорадочно спѣшилъ достичь Бура, какъ можно скорѣе, что, по словамъ Гаварни, торопилъ почтальона, говоря: «Везите насъ скорѣе; тотъ господинъ зарабатываетъ 50 франковъ въ день, а я сто... Вы понимаете, что каждый часъ опозданія можетъ погубить насъ». И на каждой станціи онъ прибавлялъ цифру заработка ихъ обоихъ. По прибытіи въ Буръ, Бальзакъ и Гаварни нѣсколько разъ видѣлись съ Пейтелемъ и добыли всѣ свѣдѣнія. Возвратившись домой, онъ цѣлыхъ два мѣсяца потерялъ на разборъ документовъ по этому дѣлу. Защита въ газетѣ «Siècle» не произвела, однако, ни на публику, ни на судей должнаго впечатлѣнія. Г-жа Абрантесъ, всѣми силами хлопотавшая у короля и королевы о помилованіи Пейтеля, ничего не добилась и писала: «Вамъ невозможно понять, какое установилось мнѣніе о Пейтелѣ во дворцѣ. Я объясняю такую положительную ненависть только тѣмъ, что въ «Siècle» появились

письма Бальзака, а это—оппозиціонный журналъ. Можетъ быть, это способствовало такой ненависти». По словамъ другого придворнаго лица, король говорилъ о Пейтелѣ съ горечью и называлъ его чудовищемъ за то, что онъ позволилъ такъ клеветать на умершую женщину. Онъ не пожелалъ видѣть сестры Пейтеля, которая лично хотѣла просить о помилованіи брата. Когда она вторично попыталась добиться свиданія съ королемъ, то послѣдній отказалъ чрезъ генерала, и г-жа Абрантесъ замѣчаетъ: «Нельзя учтивѣе отвѣчать «нѣтъ»; этотъ генералъ прямо заявилъ, что защита Бальзака, помѣщенная въ оппозиціонной газетѣ, погубила Пейтеля въ общественномъ мнѣніи». Гаварни съ своей стороны дѣлалъ всѣ усилія для его спасенія и рѣшился итти на проломъ. Собравъ различные аргументы и воспользовавшись представленными ему Пейтелемъ и Бальзакомъ свѣдѣніями, онъ составилъ меморандумъ и лично отнесъ его во дворецъ. Къ этому меморандуму было прибавлено письмо Пейтеля съ надписью: «Послѣднее письмо несчастнаго осужденнаго къ королю, къ одному королю». Въ этомъ письмѣ несчастный Пейтель намекалъ на свою «Физіологію груши», такъ какъ Гаварни разсчитывалъ этимъ смягчить сердце короля, но рѣшеніе министровъ оставалось прежнее, и вечеромъ Гаварни получилъ обратно письмо Пейтеля къ королю съ надписью: «Fidèlement recachetée». По словамъ г-жи Абрантесъ, король былъ такъ озабоченъ этимъ дѣломъ, что сорокъ восемь часовъ ничего не ѣлъ и не пилъ. Онъ остался убѣжденнымъ, что Пейтель убилъ свою жену преднамѣренно. 21-го Гаварни узналъ, что король отказалъ Пейтелю въ помилованіи. Прошла недѣля, послѣдняя недѣля жизни для осужденнаго; поддерживаемый нравственно только преданностью своей сестры, Пейтель проводилъ свое время, записывая свои мысли, заявляя о своей невинности и воспѣвая въ стихахъ свою сестру. Но, несмотря на видимое хладнокровіе, онъ дрожалъ въ ожиданіи ужаснаго конца и просилъ у Гаварни прислать ему въ Библіи опія. 28 октября утромъ его казнили. При извѣстіи объ этой казни у Бальзака вырвался крикъ негодованія и стыда. Онъ писалъ графинѣ Ганской: «Вы хорошо угадали дѣло этого несчастнаго малаго. Въ жизни есть роковыя случайности! Обстоятельства были болѣе чѣмъ смягчающія, но невозможныя для доказательства. Есть такое благородство, которому люди никогда не захотятъ повѣрить. Наконецъ все кончено! Я вамъ дамъ когда нибудь прочитать то, что онъ написалъ, прежде чѣмъ войти на эшафотъ. Я могу поклясться въ его невинности, и многія ошибки будутъ мнѣ за это прощены. Онъ былъ мученикомъ своей чести! То, чему рукоплещутъ въ произведеніяхъ Кальдерона, Шекспира и Лопе-де-Вега,—въ Бургѣ гильотинировали». Бальзакъ очень страдалъ отъ неудачной попытки спасти Пейтеля, и со дня казни послѣдняго въ его письмахъ проглядывала какъ бы горькая жалоба. Съ отчаянья онъ набросился на работу, видя въ ней единственное спасенье, и залпомъ написалъ нѣсколько своихъ произведеній, которыя лаконически перечислялъ въ письмахъ: «Я ставлю драму «Vautrin» въ пяти актахъ въ театрѣ Портъ-Сенъ-Мартэнъ. Я оканчиваю «Curée du Village», также «Soeur Marie des Anges», также «Les paysans», также «Les Petites misères de la vie conjugale», также «Pierette». Когда все это было готово, онъ самъ удивился, какъ это у него не сдѣлалось воспаленіе мозга. Затѣмъ онъ снова сосредоточился, но эта неудачная защита, которою онъ не могъ спасти человѣка отъ смерти, отравляла ему жизнь.

— Россини и Берліозъ. Въ недавно появившемся одиннадцатомъ томѣ «Histoire de l'Empire liberal» Эмиля Оливье находится, между прочимъ, интересная характеристика отношеній Россини и Берліоза. Джоакино Россини, начавшій свою карьеру опернаго композитора въ 1810 г. въ Венеціи, какъ извѣстно, окончившій ее на новой своей родинѣ, во Франціи, никогда ни къ кому не чувствовалъ неприязни, даже своему французскому сопернику, Гектору Берліозу. Послѣдній же, напротивъ, иногда питалъ къ нему такую ненависть, что сожалѣлъ о невозможности лично взорвать театръ, гдѣ исполняли произведенія перваго, и говорилъ Тэну: «Я его ненавижу, презираю, и я этимъ доволенъ. Его талантъ искусственный, это—кутила». Но такіе порывы происходили лишь отъ необдуманной вспыльчивости, такъ какъ онъ же называлъ «Севильскаго цирульника» блестящимъ, образцовымъ произведеніемъ, а «Вильгельмъ Телль» такъ его взволновалъ, что, по его словамъ, онъ долженъ былъ выйти изъ залы, такъ вздымалась его грудь, а во время исполненія хоромъ «Si parmi nous il est des traitres» съ нимъ едва не сдѣлался обморокъ. Перечисляя пробудителей въ себѣ музыкальной религіи, онъ ставилъ Россини между Бетховеномъ и Веберомъ. Онъ былъ совсѣмъ не такимъ, какъ его представляли: говорили, напримѣръ, что онъ—жаденъ, тогда какъ онъ былъ человѣкъ добрый и подобно Микелю Анжело сначала старался не о завоеваніи славы, а о добываніи хлѣба для отца и матери, которыхъ обожалъ. Когда его спросили, что онъ думаетъ о создателяхъ новой музыки, то онъ отвѣтилъ: «Они ученѣе насъ, но мы пишемъ болѣе этимъ»,—и онъ положилъ руку на сердце. Онъ вовсе не былъ скептикомъ, какимъ его обыкновенно представляли, а напротивъ вѣрилъ въ великія идеи, какъ въ идею о Богѣ, о родинѣ. Въ его «Моисеѣ» выражено чувство божественности, а въ его «Вильгельмѣ Теллѣ»—чувство патріотизма. Онъ никогда не говорилъ объ этомъ чувствѣ, но выразилъ свое ощущеніе въ немногихъ словахъ: «всю жизнь я питалъ любовь къ своей родинѣ, хотя дѣлалъ это молча». Его называли лѣнивымъ, тогда какъ его умъ проявлялся съ удивительной дѣятельностью, и онъ также удачно доводилъ до конца биржевую операцію, какъ удачно дирижировалъ партитурой оперы. Только онъ работалъ очень легко, незамѣтно, безъ усилій, что всѣхъ вводило въ заблужденіе. Онъ работалъ, болтая съ какой нибудь влюбленной въ него женщиной, и разсказываютъ, что не разъ онъ имѣлъ случай подъ горячими лучами итальянскаго солнца, слушая концертъ невидимаго оркестра, который всегда игралъ въ его душѣ, и отдаваясь поэзіи, создавать свои чудныя мелодіи. Совершенно инымъ является Берліозъ въ характеристикѣ Оливье. Это былъ вѣчно кипящій вулканъ, даже когда онъ не производилъ изверженій. На его выразительной и изящной головѣ орла, впавшаго въ отчаяніе, былъ всегда трагическій отблескъ души, пожираемой неугасимымъ пламенемъ. Онъ жилъ въ вѣчномъ неистовствѣ; началъ жизнь съ борьбы, которую велъ съ отцемъ, противившимся его призванію и морившимъ его голодомъ. Его любовныя исторіи были лихорадочныя и скоропреходящія: онъ мѣнялъ предметы любви и одинаково всѣхъ ихъ любилъ до бѣлаго каленья, и изъ любви онъ дѣлалъ пытку, какъ для себя, такъ и для нихъ. Только одна музыка была его подругой, которая не стра-

дала отъ его порывовъ и непостоянства. Хотя онъ давно съ нею жилъ, но всегда находилъ ее восхитительной, говоря, что «музыка—какъ двадцатидвухлѣтній молодой человѣкъ, передъ которымъ громадная будущность; другія искусства утомлены, стары». Онъ полюбилъ своего сына только послѣ того, какъ грубо обошелся съ нимъ. Онъ былъ уменъ, но его умъ былъ саркастическій, и даже: «я васъ люблю», онъ говорилъ съ яростью. Его литературныя произведенія и главнымъ образомъ «Мемуары» отличаются необычайнымъ вдохновеніемъ и отводятъ ему такое же мѣсто среди писателей, какое онъ занимаетъ среди музыкантовъ. Въ публичныя дѣла онъ вмѣшивался не болѣе Россини. Судьба обоихъ композиторовъ такъ же, какъ ихъ характеръ, была не одинакова. Россини вскорѣ обезпечилъ себѣ нѣкоторое состояніе: успѣхъ явился къ нему съ первыхъ же шаговъ. У него, правда, были и противники, даже очень упорные, но имъ удалось лишь на время остановить все прогрессирующій успѣхъ его музыкальной репутаціи. Былъ моментъ, когда, казалось, счастье измѣнило ему, но это была лишь минутная неудача; его «Вильгельмъ Телль» не былъ оцѣненъ по достоинству, но онъ хотя этимъ не огорчился, однако пересталъ давать публикѣ тѣ мелодіи, которыя пѣли въ немъ. Слава, которую онъ презиралъ, преслѣдовала его, и еще при жизни онъ присутствовалъ при настоящемъ его апоѳеозѣ: ему воздвигли статую на публичной площади его родного города и въ перистилѣ Парижской оперы. Самыя разнообразныя знаменитости считали за честь быть принятыми въ его салонѣ. Нельзя сказать того же о Берліозѣ, который долго боролся противъ матеріальной нужды; хотя у него всегда были пылкіе друзья, первый изъ нихъ Листъ. Въ то время въ «Revue des Deux Mondes» музыкальнымъ критикомъ былъ поклонникъ Россини, Пьеръ Скудо, который очень недурно писалъ, а такъ какъ въ то время музыкальное образованіе не было распространено, то его сужденія признавались за истину. Онъ произнесъ приговоръ, что произведенія Берліоза были лишь шумнымъ безталантливымъ хаосомъ, а его слава поддерживалась лишь дюжиной отупѣвшихъ мозговъ. Въ ожиданіи, пока отупѣніе будетъ всеобщимъ, ему рукоплескали въ Германіи, Россіи, даже въ Парижѣ, но лишь въ нѣкоторыхъ концертахъ, Опера же для него была закрыта. «Троянцы» имѣли лишь условный успѣхъ въ Лирическомъ театрѣ. Произведенія обоихъ музыкантовъ отличны другъ отъ друга не менѣе, чѣмъ ихъ характеры и судьба. Россини—богъ мелодіи и сынъ Моцарта; онъ особенно производилъ впечатлѣніе человѣческими голосами. Никто не умѣлъ лучше его руководить ими, дѣлать ихъ болѣе гибкими и патетическими, болѣе увлекательными неотразимыми crescendo. А когда онъ извлекалъ изъ нихъ все, что было въ нихъ выразительнаго и очаровательнаго, то создавалъ тотъ восхитительный ensemble, въ которомъ эта мелодія все увеличивалась и доходила до чудной звучности. Онъ не брезгалъ помощью оркестра и даже отважился ввести въ оркестръ два барабана, какъ было въ увертюрѣ «Gazza ladra», но онъ хотѣлъ, чтобы оркестръ всегда подчинялся, а не господствовалъ, поддерживалъ пѣніе, а не заглушалъ его. Берліозъ также умѣлъ извлечь изъ человѣческаго голоса слезы и волненіе, и ни одна самая проникновенная кантилена Россини не превосходила очарованія септуара «Троянцевъ». Однако его мелодія волновала, но она не веселила и скорѣе декламировала, чѣмъ

пѣла; онъ заставлялъ плакать Дидону, но не заставилъ смѣяться Розину, и въ произведеніяхъ, которыя наиболѣе обезпечили ему извѣстность, какъ «Гибель Фауста» и «Ромео и Юлія», оркестру принадлежитъ главное мѣсто. Не распространяя своего владычества на энгармонію, онъ даетъ оркестру колоритъ, звучность, ширину и головокружительную смѣлость «Онъ—геніальный симфонистъ,—говоритъ въ заключеніе Оливье,—гораздо менѣе по красотѣ линій, чѣмъ по тембру, а такъ какъ тембръ —колоритъ музыки, то слѣдовательно Берліозъ—первый колористъ звуковъ. Благодаря этому, онъ скорѣе, чѣмъ Россини, приближается къ вершинѣ искусства, такъ какъ послѣдній ближе къ болѣе серьезной драмѣ или комедіи». Конецъ Россини не былъ столь же счастливъ, какъ его жизнь. Онъ умеръ въ страшныхъ страданіяхъ. Патеру онъ сказалъ передъ смертью: «Изъ меня хотѣли сдѣлать скептика, пусть же знаютъ, что, напротивъ, я хочу умереть добрымъ католикомъ». Послѣднимъ его словомъ было имя жены. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ приказалъ въ благодарность за гостепріимство, оказанное ему Франціей, чтобы послѣ его смерти и смерти его жены въ Парижѣ были основаны исключительно для французовъ двѣ преміи по 3.000 франковъ каждая для ежегодной раздачи одной автору религіозной или лирической музыки, которая главнымъ образомъ должна относиться къ мелодіи, въ настоящее время находящейся въ пренебреженіи; другой—автору либретто (прозы или стиховъ) для переложенія на музыку, съ тѣмъ чтобы, авторы придерживались законовъ нравственности, что не всегда бываетъ. Кончина Берліоза была еще тяжелѣе. Публика начала уже его понимать и восхищаться имъ, и первые лучи славы уже блестѣли на его челѣ. Но въ немъ самомъ и вокругъ него уже все померкло. Онъ порвалъ дружбу съ своимъ старымъ другомъ Листомъ, похоронилъ своего страстно любимаго сына. Когда онъ умеръ, все померкло для Берліоза, его жизнь потянулась безъ радости, мрачная. Онъ умеръ шестидесяти пяти лѣтъ и, когда его ученикъ и другъ Рейе спросилъ его, какъ бы ему облегчить страданія, то онъ отвѣтилъ: «Мнѣ все равно». Это были его послѣднія слова.

Также очень благодушно относился Россини и къ создателю музыки будущаго, Ричарду Вагнеру, хотя злые языки распускали клеветы, будто первый долго, тщетно переворачивалъ партитуру «Лоенгрина» и наконецъ въ одинъ прекрасный день сказалъ: «Наконецъ-то я понялъ что нибудь». Россини никогда этого не говорилъ, и въ недавно появившихся воспоминаніяхъ его близкаго друга, Мишота, о посѣщеніи Вагнеромъ Россини передается бесѣда композиторовъ. Мишотъ убѣдилъ Вагнера, что Россини никогда этого не произносилъ, и уговорилъ его отправиться съ нимъ къ Россини. Маэстро ихъ ожидалъ, и какъ только они вошли, онъ воскликнулъ: «Ахъ, г. Вагнеръ, вы, какъ новый Орфей, не опасаетесь переступить этого опаснаго порога. Я знаю, что меня очернили въ вашемъ умѣ. Они не правы. Я ни Моцартъ ни Бетховенъ. Я не имѣю притязанія быть ученымъ, но у меня есть притязаніе на учтивость, и я никогда не оскорблю музыканта, который старается, какъ мнѣ говорили, расширить границы нашего искусства. Притомъ, даже нельзя судить о произведеніи по чтенію партитуры, предназначенной для сцены. Я

только и слышалъ, что вашъ маршъ изъ «Тангейзера» и совершенно искренно нахожу его очень прекраснымъ. Карвальо не дастъ ли намъ цѣлой оперы?» — «Онъ былъ бы на это не прочь,—сказалъ Вагнеръ,—но злая воля, свирѣпствующая противъ меня, принимаетъ оборотъ настоящей кабалы». — «Кабалы? но кто же отъ нея не страдалъ? Что до меня, то я всегда плевалъ плевкомъ на всѣ нападки. Шутники меня зовутъ Вакарминн, и я никогда не жалѣлъ ради нихъ барабаннаго боя. Повѣрьте, если я ношу парикъ, то эти мерзавцы не заставили выпасть ни одного моего волоса». Россини, чтобы расположить къ себѣ Вагнера, сказалъ ему, что любитъ нѣмецкую музыку. Онъ передалъ ему, что въ Вѣнѣ видѣлъ Бетховена и сдѣлалъ тысячи шаговъ, чтобы вывести изъ нищеты этого несчастнаго великаго человѣка. Бетховенъ отвлекъ его отъ opera seria, говоря, что «итальянцы не достаточно музыкально образованы», но въ оперѣ-буффъ они не подражаемы. «Вашъ Севильскій цирюльникъ—образцовое произведеніе, которое всегда будутъ играть. Г-нъ Россини, напишите намъ побольше «Севильскихъ цирульниковъ».—Вагнеръ учтиво замѣтилъ, что въ области серьезной музыки Россини далъ прекрасныя вещи, какъ сцена «Мрака» въ «Моисеѣ», заговора въ «Вильгельмѣ Теллѣ».—«Вы мнѣ перечисляете,—перебилъ его Россини,—лучшія минуты въ моей карьерѣ. Но что это значитъ рядомъ съ произведеніями Моцарта, Гайдна? А Бахъ? Какой подавляющій геній! Если Бетховенъ—человѣческое чудо, то Себастьянъ Бахъ—божественное чудо. Я абонировался на большое изданіе его произведеній. Какъ бы я хотѣлъ прежде, чѣмъ умереть, слышать его «Страсти Господни»!— Когда Вагнеръ напомнилъ, что Мендельсонъ первый познакомилъ берлинцевъ съ его произведеніями, то онъ воскликнулъ: «О Мендельсонъ, какая симпатичная натура! Когда я его встрѣтилъ во Франкфуртѣ, то спросилъ многое о Бахѣ. Онъ, казалось, очень удивился. «Какъ,—спросилъ онъ,—вы итальянецъ, и до такой степени любите нѣмецкую музыку?—Но я люблю только ее,—отвѣтилъ я:—я хочу... на итальянскую музыку!—Потомъ я узналъ, что Мендельсонъ сказалъ Гиллеру: «Что, этотъ Россини дѣйствительно ли серьезный человѣкъ? Во всякомъ случаѣ это—чудакъ!» Но довольно обо мнѣ и о другихъ. Все это прошлое. Поговоримъ о настоящемъ, г. Вагнеръ, и особенно о будущемъ. Почему вы по примѣру Глюка, Спонтини, Мейерберга не напишите оперу прямо на французское либретто?» На это Вагнеръ отвѣчалъ, что подобное предпріятіе кажется ему невозможнымъ. «Я буду неспособенъ вернуть къ себѣ манеру «Тангейзера». Я могу сочинять лишь въ стилѣ «Тристана», а такого рода трудъ произведетъ такой переполохъ въ привычкахъ парижанъ, что онъ не будетъ имѣть шансовъ быть принятымъ французами». Потомъ Вагнеръ высказалъ свои взгляды на лирическую драму. Онъ сказалъ, какимъ образомъ необходимость реформъ пробудилась въ его умѣ, скорѣе благодаря литературнымъ причинамъ, чѣмъ музыкальнымъ, и какъ его совѣсть драматическаго поэта довела его до отрицанія бравурныхъ арій пошлыхъ дуэтовъ, неизбѣжныхъ септуаровъ, всѣхъ препятствій, противодѣйствующихъ выразительной истинѣ всемогущей слѣпой рутиной. «Ахъ, септуаръ,—воскликнулъ Россини,—знаете ли вы, какъ я его называю? рядами артишокъ. Я чувствую всю его смѣшную сторону. Это всегда производитъ на меня впечатлѣніе

банды facchini, которые приходятъ пѣть, чтобы получить на чай. А бравурныя аріи! Это былъ мой кошмаръ. Надо удовлетворить разомъ примадонну, перваго тенора и перваго баса! Эти молодчины считали количество тактовъ и отказывались пѣть, если одинъ изъ ихъ товарищей имѣлъ трелью больше. Какъ вы правы, что стремитесь къ правдѣ! Но какъ ее поддержать въ музыкальномъ искусствѣ, которое условно? Вѣдь наконецъ въ жизни не поютъ; еще для влюбленныхъ, куда ни шло, но человѣкъ разгнѣванный, заговорщикъ, ревнивецъ, они не поютъ. Очевидно, маэстро, я не думаю отмѣнить всѣ условности: это значило бы уничтожить лирическую драму. Мнѣ приписываютъ и такую нелѣпость. Развѣ не говорятъ, что я разжаловалъ Моцарта?—Моцарта? angelo della musica? Было бы святотатствомъ, если бы кто нибудь осмѣлился прикоснуться къ нему. Я далекъ отъ того, чтобы отвергать образцовыя произведенія композиторовъ, но я возмущаюсь ролью, на которую обречена ихъ восхитительная музыка, когда, исключенная изъ сценическаго дѣйствія, она служитъ лишь увеселительной закуской». «Если я васъ хорошо понимаю, композиторъ долженъ быть въ то же время своимъ собственнымъ либреттистомъ?» «Почему бы и не такъ?— сказалъ Вагнеръ. — Среди драматическихъ композиторовъ, я думаю, мало есть, которые при случаѣ не переправили бы сцены, которую они понимали лучше своего сотрудника. Скажите, а сами вы, маэстро, слѣдовали вѣрно въ «Вильгельмѣ Теллѣ» за своимъ либреттистомъ? Когда поближе съ нимъ познакомиться, такъ не трудно открыть, что вы сами написали эту музыкальную фреску». Россини признался, что либретто составлялъ онъ съ помощью двухъ будущихъ заговорщиковъ: Кремье и Марра, которые помогли ему составить въ стихахъ сцену заговора. Наконецъ Россини замѣтилъ Вагнеру: «Но съ музыкальной точки зрѣнія ваша реформа окончится мелодіей; это — надгробное слово мелодіи». — «Мелодіи, — повторилъ Вагнеръ,—напротивъ, я ее требую, какъ можно больше, и не стиснутую въ узкихъ границахъ традиціонныхъ формъ, но свободную, независимую, безконечную,—я требую мелодію свою собственную для каждой личности, для каждаго факта, для каждаго эпизода, чтобы она, подходя подъ всякія измѣненія текста, могла распространяться, сокращаться, расширяться по желанію музыканта. Такую мелодію вы намъ дали, маэстро, въ «Вильгельмѣ Теллѣ», гдѣ пѣсня «Sois immobile» достигаетъ самой высокой вершины лирическаго выраженія?» «Такъ, значитъ, я написалъ музыку будущаго»,—замѣтилъ Россини.—«Лучше того, маэстро, музыку всѣхъ временъ». Затѣмъ Вагнеръ объяснилъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ допускаетъ хоры и дуэты, когда одно чувство, одна общая мысль воодушевляетъ разомъ нѣсколькихъ лицъ. Потомъ Вагнеръ попенялъ Россини, зачѣмъ онъ бросилъ свою музыку въ тридцать семь лѣтъ, написавъ «Вильгельма Телля». «Вы сами не знаете, что могли бы извлечь изъ своего мозга. Тогда только было начало».—«Что вы хотите? у меня нѣтъ дѣтей,—отвѣтилъ Россини.—Если бы они у меня были, то, безъ сомнѣнія, я продолжалъ бы работать. Но, потрудившись пятнадцать лѣтъ, сочинивъ сорокъ оперъ,—это кое-что значитъ для лѣнивца,—я испытывалъ необходимость отдыха. Я отправился спокойно жить въ Италію. Я нашелъ тамъ театры въ полномъ упадкѣ; тамъ не было больше ни castrati ни bel canto, ни публики для opera seria. Мнѣ оставалось только умолкнуть».

Затѣмъ, поднявшись и горячо пожавъ руки посѣтителя, онъ прибавилъ: «Я слишкомъ старъ, чтобы направить взоръ на новые горизонты; но ваши идеи, что бы ни говорили ваши противники, такого рода, что могутъ заставить поразмыслить молодежь. Послѣ Моцарта можно ли было предвидѣть Бетховена? Послѣ Глюка.—Вебера? Почему же послѣ Вебера долженъ быть конецъ?» Проходя черезъ столовую, Россини остановился передъ стариннымъ органомъ флорентійской работы. Онъ нажалъ пружину, и раздались звуки старинныхъ народныхъ пѣсенъ. «Что вы объ этомъ скажете?—спросилъ Россини.—Вотъ прошлое и даже очень далекое прошлое. Это просто и наивно. Кто этого авторъ? Это далекое прошлое, но оно все еще живетъ. Останется отъ насъ столько же?» —На прощаніе Вагнеръ поблагодарилъ Мишота за знакомство съ Россини и прибавилъ: «Это—геній, это—геній, которого обстоятельства помутили. Но изъ всѣхъ музыкантовъ, какихъ я видѣлъ въ Парижѣ, это — единственный истинно великій».

— Новыя письма Тургенева къ г-жѣ Віардо. Франко-прусская война принудила извѣстную г-жу Віардо, близкаго друга Тургенева, переѣхать изъ Бадена въ Лондонъ, при чемъ его драгоцѣнныя письма затерялись. Они нашлись, только спустя двадцать пять лѣтъ, у одного берлинскаго букиниста, который въ свою очередь купилъ ихъ у вдовы какого-то французскаго доктора. Теперешній ихъ собственникъ долго считалъ своей обязанностью не печатать этихъ писемъ до смерти г-жи Віардо, и только по просьбѣ извѣстнаго переводчика Е. Гальперина-Каменскаго и разрѣшенію самой г-жи Віардо согласился напечатать тѣ изъ нихъ, которыя выбрала знаменитая пѣвица. Часть изъ этихъ писемъ, относящихся къ 1846—1850 г.г., издана Гальперинымъ-Каменскимъ въ «Revue hebdomadaire» въ 1898—1899 г.г., а вторая серія [1]), относящаяся до 1851—1883 г.г., появляется теперь подъ редакціей того же Каменскаго въ «Revue Bleue» съ 16 іюля настоящаго года. Къ сожалѣнію, въ числѣ этихъ глубоко-интересныхъ и важныхъ для исторіи русской литературы документовъ г-жа Віардо пропустила тѣ страницы, которыя, по ея мнѣнію, имѣютъ чисто частное значеніе, драгоцѣнное лишь для нея одной. При этомъ совершенно справедливо замѣчаетъ Каменскій, что «напротивъ, все, или почти все, слѣдовало напечатать, такъ какъ, прочитавъ всю переписку, онъ рѣшительно ничего не находитъ, что слѣдовало бы выпустить, ибо, въ сущности, это лишь изліяніе одной художественной души предъ другой». Въ предисловіи Каменскаго мы находимъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній насчетъ ихъ исторической дружбы. Тургеневъ познакомился въ первый разъ съ г-жею Віардо и ея мужемъ въ 1843 г. въ Петербургѣ, и онъ былъ тогда двадцатипятилѣтнимъ неизвѣстнымъ писателемъ. Напротивъ, г-жа Віардо, хотя и было ей тогда только двадцать два года, уже славилась во всей Европѣ, какъ знаменитая пѣвица, а ея мужъ былъ извѣстенъ, какъ ученый писатель по иностранной литературѣ. Оказывается, что талантъ будущаго автора «Записокъ Охотника» былъ признанъ его французскими пріятелями раньше, чѣмъ его соотечественниками. Четыре года

---

[1] Lettres inédites d'Ivan Tourguéneff à madame Viardot. «Revue Bleue» 16, 23 et 30 Juin, 7 Juillet.

спустя, Тургеневъ, находясь за границей, оказался безъ средствъ, такъ какъ его мать не хотѣла ему помогать по причинѣ его литературныхъ занятій. Тогда пришли къ нему на помощь Віардо и его жена и оказали ему широкое гостепріимство въ своемъ помѣстьѣ «Куртавенель», которое сдѣлалось литературной колыбелью великаго романиста. Тутъ для пріобрѣтенія денегъ онъ написалъ бо́льшую часть своихъ «Записокъ Охотника». Съ тѣхъ поръ и до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1883 г., Тургеневъ жилъ большею частью во Франціи и только по временамъ посѣщалъ Россію. Въ эти промежутки времени онъ постоянно переписывался съ г-жею Віардо. «Вотъ, наконецъ, вы въ Германіи, — пишетъ онъ 1844 г. изъ Парижа, — и надо надѣяться, что эти храбрые бюргеры сумѣютъ заслужить свое счастіе. Вы въ Дрезденѣ, а вчера мы были въ Куртавенелѣ. Время всегда идетъ быстро, наполнено ли оно чѣмъ нибудь или пусто, но оно приближается медленно, какъ колокольчикъ русской тройки». Въ то время въ его письмахъ всего болѣе говорилось о музыкѣ, которую онъ очень любилъ, и особенно цѣнилъ грандіозные гимны французской революціи. Что касается литературы, то онъ вообще тогда предпочиталъ старыхъ писателей и всего болѣе восторгался Шекспиромъ и Кальдерономъ, которыхъ считалъ наиболѣе славными драматургами: перваго—католическимъ, а второго—гуманнымъ и антихристіанскимъ. Изъ современныхъ писателей онъ всего болѣе цѣнилъ Жоржа Санда и ея романъ «François de Champi», выходившій въ 1848 г. въ фельетонахъ «Journal des Débats», называлъ настоящимъ совершенствомъ. Въ политическомъ отношеніи Тургеневъ великолѣпно описывалъ въ письмахъ къ г-жѣ Віардо памятные дни революціи 1848 г. «Я рѣшительно не понимаю,—писалъ онъ между прочимъ,—чего хочетъ народъ въ настоящую минуту, и чего онъ боится; онъ попросту другъ порядка или реакціонеръ или, наконецъ, революціонеръ. Онъ, повидимому, дожидается конца грозы, и однако, что такое исторія? Случай, иронія или судьба и Провидѣніе?.. Невольно подумаешь, сколько ненужнаго и дурного на свѣтѣ, напримѣръ, холера, градъ, короли, солдаты и т. д. Право, можно подумать, что Богъ—мизантропъ». Эти послѣднія слова были обращены къ Луи Віардо, а не къ его женѣ. Тургеневъ написалъ ихъ въ 1850 г., когда онъ въ первый разъ разстался со своими друзьями. Онъ увѣрялъ въ этомъ письмѣ, что не будетъ себя чувствовать счастливымъ, прежде, чѣмъ снова вернется во Францію изъ Россіи. Конечно, по его словамъ, родина имѣетъ свои права, но настоящая родина—та, гдѣ находишь наиболѣе любви, и гдѣ сердце и умъ чувствуютъ себя хорошо. «Поэтому,—прибавляетъ онъ,—нѣтъ мѣста на свѣтѣ, которое я любилъ бы болѣе, чѣмъ Куртавенель». Новыя письма Тургенева къ Полинѣ Віардо начинаются 1 января 1851 г., и за этотъ годъ ихъ всего семь, и они всѣ относятся къ январю, когда онъ находился въ Москвѣ. Ихъ содержаніе главнымъ образомъ касается до представленія его небольшой пьесы «Провинціалка», которую сначала давали любители въ домѣ графини Сологубъ, а потомъ московскіе казенные актеры на сценѣ Малаго театра. Первые играли, по словамъ Тургенева, отвратительно, особенно княгиня Черкасская, но это не мѣшало публикѣ страшно рукоплескать, а автору горячо благодарить актеровъ за кулисами. На сценѣ успѣхъ этой пьесы былъ необыкновенный, и автора такъ шумно вызывали, что онъ поспѣшилъ

убѣжать изъ театра, хотя впослѣдствіи объ этомъ сожалѣлъ, такъ какъ публика могла думать, что онъ жеманничалъ. Пьеса была довольно хорошо исполнена всѣми актерами за исключеніемъ актрисы, игравшей первую роль: она, по словамъ Тургенева, была отвратительна, но зато молодой актеръ Шумскій игралъ прелестно. «Въ ту минуту, когда поднялся занавѣсъ,—прибавляетъ онъ, —я тихонько произнесъ ваше имя: оно принесло мнѣ счастье. Нечего сказать, пріятно имѣть успѣхъ: это меня подзадоритъ!» На слѣдующій годъ одно письмо написано Тургеневымъ изъ Петербурга 1 мая, и въ немъ находятся интересныя подробности объ его арестѣ въ полицейскомъ домѣ по приказанію императора Николая за напечатаніе въ одномъ московскомъ журналѣ статьи о Гоголѣ. Въ сущности это былъ только предлогъ, такъ какъ статья не имѣла никакого значенія, а правительство уже давно смотрѣло на него искоса и привязалось къ нему, благодаря первому удобному случаю. Онъ не жаловался на императора, такъ какъ дѣло было ему представлено въ такомъ коварномъ видѣ, что онъ не могъ иначе поступить. Правительство хотѣло положить конецъ всему, что писалось по случаю смерти Гоголя, и въ то же время наложить печать на литературную дѣятельность Тургенева. Черезъ двѣ недѣли его должны были отправить въ деревню, на сколько времени—неизвѣстно. Съ нимъ обращались въ полиціи очень гуманно. У него была хорошая комната, ему давали книги, позволяли писать и принимать посѣтителей. Несмотря на это, онъ порядочно скучалъ и надѣялся, что ему разрѣшатъ ѣздить по внутренней Россіи. «Я не теряю мужества,—писалъ онъ,—въ деревнѣ меня ждетъ охота, и, кромѣ того, я постараюсь устроить свои дѣла. Я буду продолжать изученіе русскаго народа, самаго страннаго и удивительнаго народа на свѣтѣ. Я буду работать надъ своимъ романомъ тѣмъ съ большой свободой, что не намѣренъ отдавать его въ когти цензуры. По всей вѣроятности, мой арестъ сдѣлаетъ невозможнымъ печатаніе моего труда въ Москвѣ; я объ этомъ сожалѣю, но что дѣлать? Излишне говорить вамъ, что все это должно сохраниться въ самой глубокой тайнѣ; достаточно малѣйшаго упоминанія объ этомъ въ какой нибудь газетѣ, чтобы со мною покончили». Извѣстно, что Тургеневъ въ 1852 г. былъ сосланъ въ его помѣстье «Спасское» за статью о Гоголѣ и оставался въ ссылкѣ два года. Освобожденъ онъ былъ, благодаря ходатайству наслѣдника, будущаго императора Александра II, и возвратился тогда же во Францію. Изъ Спасскаго Тургеневъ написалъ г-жѣ Віардо въ 1852 г. только четыре письма, напечатанныя Гальперинымъ. Въ нихъ онъ распространяется о природѣ и описываетъ снѣжный ураганъ и небольшую мятель. Въ октябрѣ онъ ѣздилъ на два дня въ Орелъ, но провинціальная жизнь ему не понравилась, и онъ рѣшился остаться въ четырехъ стѣнахъ и усидчиво работать. 1 ноября онъ вспоминаетъ, что девять лѣтъ тому назадъ онъ въ первый разъ встрѣтилъ Полину Віардо въ Петербургѣ, въ домѣ Демидова, и разспространяется въ художественныхъ выраженіяхъ о томъ глубокимъ впечатлѣніи, какое произвела на него эта первая встрѣча. На слѣдующій годъ г-жа Віардо снова посѣтила Петербургъ и имѣла громадный успѣхъ, что, конечно, заставляло Тургенева въ письмѣ отъ 20 февраля 1853 г. сожалѣть, что онъ въ русскихъ газетахъ узналъ объ ея бенефисѣ, «но,— прибавляетъ онъ,— я васъ за это не упрекаю,

такъ какъ вы живете въ водоворотѣ, и если только вы меня не забываете, то я большаго не требую». Въ этомъ же году Тургеневъ написалъ къ Віардо еще два письма, согласно перепискѣ, напечатанной Каменскимъ, самъ же великій романистъ признается, что писалъ ей каждый день, но куда дѣвались эти письма—неизвѣстно. Изъ тѣхъ, которыя сохранились, видно, что Тургеневъ надѣялся на ея пріѣздъ въ Москву въ будущемъ году, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на ея посѣщеніе Спасскаго, гдѣ у него «удивительный паркъ и чудесный садъ, полный соловьевъ, иволгъ и пѣвчихъ дроздовъ—прямо благодать». Затѣмъ слѣдуетъ значительный промежутокъ, и чрезъ четыре года мы находимъ два его письма къ мужу г-жи Віардо, а еще чрезъ два года одно письмо къ ней изъ Спасскаго. Въ нихъ нѣтъ ничего интереснаго, и намъ приходится снова перескочить чрезъ пять лѣтъ и остановиться на письмѣ изъ Берлина по дорогѣ въ Петербургъ. Къ этому 1864 г. относятся четыре письма Тургенева, еще одно изъ Берлина и три изъ Петербурга. Онъ туда былъ вызванъ правительствомъ, чтобы дать отвѣтъ на обвиненіе его сенатомъ въ участіи, которое онъ принималъ въ революціонныхъ замыслахъ русскихъ эмигрантовъ за границей. По его словамъ, онъ отправился въ сенатъ въ 12 часовъ и былъ введенъ съ нѣкоторой помпой въ большую комнату, гдѣ онъ увидалъ шесть чиновниковъ въ мундирахъ и лентахъ. Его продержали, стоя, около часа и ему прочитали тѣ отвѣты, которые онъ отправилъ изъ-за границы. Потомъ его спросили, имѣетъ ли онъ что прибавить, и затѣмъ отпустили, сказавъ, что онъ еще понадобится для очной ставки съ однимъ обвиняемымъ. Всѣ обращались съ нимъ очень любезно, и по слухамъ дѣло окончится скорѣе, чѣмъ онъ надѣялся. Два дня сряду онъ обѣдалъ у своего друга, литератора Анненкова, а въ первый изъ нихъ посѣтилъ русскую оперу, гдѣ давали пьесу Сѣрова «Юдиѳь». Она ему очень понравилась, какъ оригинальное и величественное подражаніе Вагнеру. Князь В., бывшій въ театрѣ, сказалъ Тургеневу очень серьезно: «У Вагнера мелодія хроматическая, а у Сѣрова діатоническая». На другой день Анненковъ повезъ великаго романиста на вечеръ къ Сѣрову. Онъ сыгралъ своимъ гостямъ отрывки изъ оперы «Рогнѣда», и Тургеневъ замѣчаетъ, что этотъ «маленькій, странный, нервный человѣчекъ одаренъ большимъ талантомъ». По его мнѣнію, «Рогнѣда», либретто которой взято изъ русской исторіи, отличается бо̀льшимъ талантомъ, чѣмъ «Юдиѳь», искренностью и оригинальностью. и вліяніе Вагнера въ ней менѣе чувствительно. Въ послѣднемъ письмѣ Тургеневъ сообщаетъ Віардо, что его сенатское дѣло окончено, и ему объявлено, что онъ можетъ ѣхать, куда угодно, даже за границу, почему онъ рѣшился покинуть Петербургъ въ февралѣ. Въ этотъ день утромъ умеръ его пріятель, литераторъ Дружининъ, давно страдавшій чахоткой.. Тургеневъ его видѣлъ, за нѣсколько дней, и былъ пораженъ его исхудалымъ видомъ. Онъ казался настоящимъ призракомъ и умеръ совершенно спокойно, безъ всякихъ страданій. «Смерть,—прибавляетъ Тургеневъ,—нѣчто великое и страшное, и если она слышитъ то, что ей говорятъ, то я попросилъ бы ее оставить меня на землѣ. Я хочу еще васъ видѣть и долго, если это возможно. О дорогой другъ, живите долго, и позвольте мнѣ жить возлѣ васъ всѣхъ». Послѣ того въ ихъ перепискѣ наступаетъ промежутокъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, и

она снова начинается въ Петербургѣ въ мартѣ 1867 г. Въ двухъ письмахъ онъ говоритъ преимущественно о музыкѣ: о вечерѣ у г-жи Абазы, гдѣ «Рубинштейнъ игралъ, какъ левъ, хотя немного слишкомъ махалъ своей гривой, выражаясь музыкально», а также о концертѣ въ консерваторіи, въ которомъ принимала участіе прекрасная пѣвица Лавровская. Въ публикѣ находился старикъ Петровъ, который со слезами на глазахъ много говорилъ о г-жѣ Віардо и увѣрялъ Тургенева, что не проходитъ дня, когда бы онъ не вспоминалъ о ней. «Конечно, это мнѣ доставило большое удовольствіе,—прибавляетъ онъ,—и я вамъ объ этомъ говорю, такъ какъ убѣжденъ, что вы также будете очень довольны». Этимъ кончается до сихъ поръ напечатанная въ «Revue Bleu» переписка Тургенева съ г-жею Віардо.

— Двѣ парижскія статуи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ воздвигнуты въ Парижѣ статуи двухъ истыхъ парижанъ —поэта Альфреда Мюссе и драматурга Александра Дюма-сына. Двадцать лѣтъ тому назадъ Легуве на одной публичной лекціи удивлялся, что Парижъ не имѣлъ статуи Ламартина и Мюссе. Его желаніе исполнилось относительно Ламартина еще при его жизни, а теперь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ двѣ статуи Мюссе красуются на улицахъ Парижа, хотя впрочемъ одна изъ нихъ не въ центрѣ Парижа, а въ одномъ изъ его предмѣстьевъ—Нёльи, у воротъ Мальо. Скульпторъ Гранэ представилъ его юношей въ черномъ длинномъ сюртукѣ, съ цилиндромъ въ рукѣ, съ длинными волосами, окаймлявшими его прекрасное чело, и со взглядомъ, устремленнымъ на Парижъ, который онъ такъ любилъ. Несмотря на то, что Парижъ платилъ за его любовь пламенною привязанностью, но на торжествѣ открытія второй статуи изъ парижанъ никто не присутствовалъ. Зато всѣ жители Нёльи собрались толпами, и всѣ мѣстные литераторы присутствовали безъ исключенія. Первый говорилъ рѣчь мэръ Нёльи, Гекторъ Депассъ, а вслѣдъ за нимъ Эмиль Блемонъ отъ имени общества французскихъ поэтовъ. Послѣдній очень умѣстно замѣтилъ: «Передъ нами ни Геркулесъ ни Юпитеръ, въ лицѣ Аполлона, но самъ Аполлонъ въ лицѣ парижанина 1830 г.; таковъ во всемъ своемъ побѣдоносномъ блескѣ поэтъ юной страсти». Другой писатель, Камиль Ле-Сеннъ, также воспѣвалъ поэта молодости и любви. «Это единственный Мюссэ, который пережилъ себя,—воскликнулъ онъ въ концѣ своей рѣчи:—можетъ быть, васъ будутъ увѣрять, что сохранился другой Мюссэ, постарѣвшій, мрачный, удрученный скукой. Но не вѣрьте, нѣтъ другого Мюссэ, какъ изображеннаго въ этой статуѣ». Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Дюжарденъ-Бомецъ, краснорѣчиво говорилъ на ту же тему, что Мюссэ былъ поэтъ молодости и вѣрнѣйшій ея выразитель. Никто лучше его не обнаруживалъ ея энтузіазма и ея увлеченія. Послѣ этого прославляли Мюссэ въ стихахъ и читали его собственные стихи. Этимъ и кончилось торжество совершенно парижское, хотя безъ участія парижанъ. Другой настоящій парижанинъ, котораго прославлялъ Парижъ, былъ Александръ Дюма-сынъ. Его восхваляли взапуски официальные представители академіи въ лицѣ Сарду и Буржэ, театра Французской Комедіи въ лицѣ Жюля Кларети, министры, префекты и члены различныхъ литературныхъ обществъ. Всѣ одинаково превозносили таланты драматурга, оригинально изображеннаго сидящимъ въ кре-

слѣ и окруженнымъ пятью женскими фигурами, въ томъ числѣ и «дамой съ камеліями». Во всѣхъ рѣчахъ слышалось что-то офиціальное, что-то искусственное и холодное, какъ и самъ Дюма въ своихъ драматическихъ сочиненіяхъ былъ натянутъ, неестественъ и пошлъ. Онъ самъ, французская критика и публика называли его пьесы идейными, но въ сущности никакой идеи въ нихъ не было, развѣ только нелѣпые тезисы, и вмѣсто дѣйствующихъ лицъ выводились имъ маріонетки, въ которыхъ были воплощены отвлеченныя, общія мѣста. Всегда онъ изображалъ факты изъ своей собственной жизни, какъ, напримѣръ, его особенно занималъ вопросъ о незаконныхъ дѣтяхъ, потому что онъ самъ былъ незаконный сынъ. Хотя онъ увѣрялъ, что держался всегда философскихъ взглядовъ, но его философія была всегда площадная и буржуазная, логика, которой онъ придерживался, отличалась самой разношерстной пестротой. Онъ то проповѣдывалъ, чтобы женщину убивали за супружескую невѣрность, то требовалъ не только для мужчинъ, но и для женщинъ полнаго прощенія за адюльтеръ; относительно денегъ онъ то увѣрялъ, что онѣ—губители и враги человѣческаго рода, то считалъ ихъ величайшей культурной силой. Подобныя противорѣчія встрѣчались у него на каждомъ шагу, и все же пьесы Дюма имѣли въ свое время громадный успѣхъ, благодаря блестящему остромію діалоговъ, интересной интригѣ, хотя онѣ были не рѣдко скучны своимъ нескончаемымъ резонерствомъ. Быть можетъ, одна «Дама съ камеліями», хотя очень мелодраматична, но еще до сихъ поръ интересуетъ зрителей, конечно, при хорошемъ исполненіи актерами. Вообще же всѣ комедіи Дюма, главнымъ образомъ построенныя на разонерствѣ, пережили свое время и только отъ времени до времени даются во Франціи изъ искусственнаго уваженія къ нѣкогда популярному автору. Еще не много лѣтъ, и онѣ совершенно выйдутъ изъ моды, и заглохнетъ тропа къ памятнику, только что воздвигнутому въ честь Александра Дюма-сына.

— Смерть Альбера Сореля. Въ послѣдній разъ извѣстный французскій историкъ, Альберъ Сорель, явился предъ публикой и произнесъ одну изъ своихъ краснорѣчивыхъ рѣчей на Корнелевскомъ юбилеѣ. Самъ нормандецъ, Сорель съ удивительнымъ жаромъ славословилъ своего великаго земляка на его родинѣ, въ Руанѣ, и послѣ торжественнаго засѣданія, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ, историкъ занемогъ и уже болѣе не вставалъ съ постели до того рокового дня, когда смерть унесла его въ могилу. Альберъ Сорель родился въ 1842 г. въ Гонфлерѣ, въ департаментѣ Кальвадосъ, и, окончивъ свое образованіе, сначала избралъ дипломатическую карьеру, а въ послѣдніе годы Второй имперіи былъ назначенъ состоящимъ при посольствѣ въ Пруссіи, при правительствѣ же народной обороны былъ прикомандированъ къ делегаціямъ въ Турѣ и Бордо. Первымъ его литературнымъ трудомъ была «Дипломатическая исторія франко-германской войны», составленная на основаніи офиціальныхъ документовъ. Не желая болѣе покидать Франціи, онъ вышелъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и принялъ мѣсто генеральнаго секретаря въ сенатѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1872 г. ему была поручена каѳедра дипломатической исторіи въ школѣ политическихъ наукъ. Ученикъ Тэна, онъ блестяще доказалъ, что нимало не отсталъ отъ своего учителя и вскорѣ сдѣлался

извѣстнымъ историкомъ, что побудило академію нравственныхъ и политическихъ наукъ избрать его академикомъ на мѣсто почтеннаго ученаго Фюстеля де-Куланжа, а впослѣдствіи въ 1893 г. онъ занялъ кресло Тэна во французской академіи. Изъ сочиненій Сореля обратили особое вниманіе публики «Восточный вопросъ въ XVIII столѣтіи» и «Раздѣлъ Польши». Наконецъ онъ предпринялъ свой великій трудъ: «Европа и французская революція», въ восьми томахъ. Недавно онъ окончилъ его и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди французскихъ историковъ. Кромѣ того, онъ написалъ двѣ монографіи: «Монтескье» и «Г-жа Сталь», а также интересные романы «La grande Falaise» и «Le docteur Egra». За свои ученые труды онъ получилъ двѣ академическія преміи Гобера и Озириса въ сто тысячъ франковъ. Въ послѣднее время Сорель собирался написать исторію Нормандіи, въ которой главную роль играли бы нормандскіе великіе писатели: Корнель, Флоберъ, Мопасанъ, а также нормандскіе военные герои и живописцы. Конечно, главная слава Сореля заключалась въ созданіи имъ дипломатической исторіи, и въ этомъ отношеніи его «Европа и французская революція» познакомили впервые публику съ дипломатическимъ положеніемъ французской революціи и имперіи, а также съ дипломатическимъ строемъ всей Европы.

СМѢСЬ.

ПОХОРОНЫ великаго князя Сергѣя Александровича. 4 іюля, наканунѣ дня тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Сергѣя Александровича, состоялось погребеніе останковъ почившаго князя во вновь устроенномъ храмѣ-усыпальницѣ, въ Чудовомъ монастырѣ. Въ этотъ день утромъ состоялось освященіе храма-усыпальницы, сооруженнаго во имя св. преподобнаго Сергія Радонежскаго. Чинъ освященія совершалъ протоіерей Н. В. Благоразумовъ соборнѣ съ намѣстникомъ Чудова монастыря, архимандритомъ Арсеніемъ, и протоіереемъ К. П. Звѣревымъ. Послѣ освященія была отслужена литургія. При богослуженіи присутствовали: ихъ императорскія высочества великая княгиня Елисавета Ѳеодоровна, великій князь Дмитрій Павловичъ и великая княжна Марія Павловна, а также лица свиты ихъ высочествъ и старшіе чины генералъ-губернаторскаго управленія. Храмъ-усыпальница устроенъ въ той части зданія Чудова монастыря, которая непосредственно примыкаетъ къ Николаевскому дворцу. Имъ заняты два пустовавшія помѣщенія подъ Алексѣевскимъ храмомъ обители. Склепъ для упокоенія останковъ тѣла великаго князя устроенъ въ лѣвой части храма, надъ которою какъ разъ приходится гробница съ мощами святителя Алексія, митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца, почивающими въ Алексѣвскомъ храмѣ. Устроенный въ храмѣ алтарь украшенъ двухъярусным художественной работы иконостасомъ изъ бѣлаго мрамора съ иконами, написанными академикомъ К. Степановымъ. Отдѣлка иконостаса произведена въ итальянскомъ стилѣ по идеѣ и рисункамъ И. В. Жуковскаго. Завѣдывалъ устройствомъ храма, архитекторъ высочайшаго двора, академикъ архитектуры, В. П. Загорскій. Полы въ храмѣ, а также панель, сдѣланы изъ бѣлаго мра-

мора. Надъ мѣстомъ упокоенія великаго князя будетъ установленъ саркофагъ, который еще не готовъ. За алтаремъ, вдающимся во второе внутреннее помѣщеніе, будетъ помѣщаться ризница: здѣсь же расположены вѣнки, возложенные на гробницу великаго князя. Усыпальница имѣетъ два входа: однимъ она непосредственно соединяется съ Николаевскимъ дворцомъ, а другой выходитъ въ проѣздныя ворота, ведущія на внутренній дворъ Чудова монастыря. Въ восьмомъ часу вечера въ Николаевскомъ дворцѣ и въ Чудовомъ монастырѣ собрались дамы высшаго столичнаго общества, завѣдующій придворною частью въ Москвѣ генералъ-адъютантъ, графъ А. В. Олсуфьевъ, начальникъ окружного штаба генералъ-лейтенантъ баронъ Е. А. Раушъ-Траубенбергъ, генералъ-квартирмейстеръ Московскаго военнаго округа генералъ-майоръ С. М. Шейдеманъ, московскій градоначальникъ генералъ-майоръ А. А. Рейнботъ, исполняющій должность московскаго губернатора флигель-адъютантъ В. Ѳ. Джунковскій, лица свиты ихъ высочествъ, исправляющій должность московскаго губернскаго предводителя дворянства П. А. Базилевскій, чины управленія московскаго генералъ-губернатора съ управляющимъ канцеляріей церемоніймейстеромъ А. А. Воронинымъ во главѣ, офицеры Кіевскаго гренадерскаго полка съ командиромъ полковникомъ Чекмаревымъ во главѣ. Отъ Кіевскаго полка на царской площади передъ мѣстомъ послѣдняго упокоенія великаго князя была выстроена учебная команда; кромѣ того, въ Чудовъ монастырь были введены нижніе чины Кіевскаго полка съ фельдфебелями. Въ девятомъ часу вечера въ Андреевскій храмъ Чудова монастыря, гдѣ покоились останки великаго князя, изъ Николаевскаго дворца прослѣдовали: ея величество королева эллиновъ Ольга Константиновна, ихъ императорскія высочества великая княгиня Елисавета Ѳеодоровна, великій князь Алексѣй Александровичъ, великій князь Борисъ Владиміровичъ, великій князь Константинъ Константиновичъ съ великой княгиней Елисаветой Маврикіевной, великій князь Дмитрій Павловичъ, великая княжна Марія Павловна и королевичъ Христофоръ греческій. Здѣсь же въ храмѣ собрались прибывшія на погребеніе лица. Началось заупокойное всенощное бдѣніе, совершенное архимандритомъ Арсеніемъ и протоіереями Н. В. Благоразумовымъ и К. П. Звѣревымъ. Послѣ всенощнаго бдѣнія была отслужена у гроба великаго князя литія. Затѣмъ состоялся выносъ гроба въ усыпальницу. Гробъ съ останками великаго князя подняли на плечи великіе князья, лица свиты и кіевцы. Изъ Андреевской церкви печальная процессія направилась въ десятомъ часу вечера въ Алексѣевскій храмъ. По обѣимъ сторонамъ стояли шпалерами кіевцы; за гробомъ слѣдовали королева эллиновъ, великая княгиня Елисавета Ѳеодоровна и другія августѣйшія особы. Въ Алексѣевскомъ храмѣ передъ ракой съ мощами святителя Алексія гробъ былъ поставленъ на катафалкъ. Здѣсь духовенствомъ была отслужена литія. Затѣмъ процессія въ прежнемъ порядкѣ направилась коридоромъ и чрезъ парадныя сѣни Николаевскаго дворца въ храмъ-усыпальницу. Всѣ шли съ зажженными свѣчами, пѣвчіе тихо пѣли Святый Боже. Впереди процессіи шли кіевцы; они же замыкали шествіе. Среди необыкновенной тишины, въ чудный лѣтній вечеръ, гробъ былъ вынесенъ на Царскую площадь. Учебная рота Кіевскаго полка взяла «на караулъ».

Процессія направилась въ усыпальницу чрезъ наружный входъ. Нѣкоторыя лица, стоявшія на площади, опустились на колѣна; на глазахъ были видны слезы. Гробъ съ останками былъ установленъ посреди храма-усыпальницы. Здѣсь у гроба была совершена панихида, послѣ которой гробъ былъ опущенъ въ приготовленный съ лѣвой стороны въ нишѣ склепъ. Высочайшія особы посыпали на гробъ песокъ, и затѣмъ на отверстіе была наложена бѣлая мраморная плита. Въ половинѣ одиннадцатаго часа вечера закончена была задѣлка склепа, и августѣйшія особы послѣдовали въ Николаевскій дворецъ. Похороны были обставлены чрезвычайною строгостью и тайною. Не только населеніе, но даже газеты не были освѣдомлены о назначенномъ на этотъ день погребеніи останковъ великаго князя.

Къ изданію полнаго «Кобзаря» Т. Шевченка. До сихъ поръ «Кобзарь» Т. Г. Шевченка извѣстенъ былъ широкой россійской читающей публикѣ далеко не въ полномъ видѣ, хотя многое изъ непопавшаго въ россійское изданіе «Кобзаря» давно уже можно было бы издать полностью. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что оба послѣднія изданія (начала 80-хъ и начала 90-хъ годовъ) повторялись безъ измѣненій. Наиболѣе полное и наиболѣе исправное изданіе появилось въ 1902 г. во Львовѣ (изданіе галицкаго общества «Просьвита» подъ редакціей члена парламента Ю. Романчука). Но и въ этомъ изданіи имѣется достаточное количество дефектовъ—неясностей, неточностей въ текстѣ, путаницы въ хронологіи и т. п. Болѣе точная редакція текста и хронологія могутъ быть установлены лишь послѣ критической провѣрки всего печатнаго и рукописнаго матеріала, входящаго въ «Кобзарь». Въ настоящее время такая работа отчасти предпринята издательской комиссіей «благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» въ Петербургѣ, предпринимающаго изданіе полнаго «Кобзаря»; поручено украинскому писателю В. Доманицкому произвести провѣрку и сличеніе съ печатнымъ текстомъ всѣхъ рукописей Шевченка, сохранившихся въ различныхъ музеяхъ и въ частныхъ рукахъ. Въ настоящее время г. Доманицкимъ изслѣдованъ богатѣйшій матеріалъ въ музеѣ В. Тарновскаго, гдѣ имѣется спеціальный Шевченковскій отдѣлъ, заключающій въ себѣ драгоцѣннѣйшій матеріалъ: его подлинники, письма, дневникъ, много его вещей, письма разныхъ лицъ къ нему, богатѣйшее собраніе печатнаго матеріала о немъ. Въ этомъ отдѣлѣ имѣется немало автографовъ Шевченка, до сихъ поръ не изслѣдованныхъ. Послѣдніе даютъ возможность установить съ точностью редакцію многихъ произведеній Шевченка, искаженныхъ главнымъ образомъ въ первоначальныхъ изданіяхъ, а также и хронологію нѣкоторыхъ произведеній, до сихъ поръ опредѣляемую гадательно. При изслѣдованіи автографовъ, г. Доманицкимъ собранъ значительный матеріалъ (новые варіанты, одно неизвѣстное стихотвореніе и т. п.), позволяющій освѣтить нѣкоторые моменты жизни и дѣятельности Шевченка, до сихъ поръ не освѣщенные или неправильно освѣщенные біографами его. Настоящій матеріалъ, а равно и собранный при изслѣдованіи другихъ рукописей, будетъ помѣщенъ г. Доманицкимъ въ «Кіевской Старинѣ». Такимъ образомъ, можно надѣяться, что предстоящее изданіе «Коб-

заря» будетъ не только наиболѣе полнымъ изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ, но и наиболѣе точнымъ. Принимая во вниманіе незначительную цѣну новаго изданія (1 рубль по подпискѣ и 1 рубль 50 коп. по выходѣ въ свѣтъ), можно питать увѣренность, что изданіе разойдется въ скоромъ времени. Подписка на него принимается въ книжномъ магазинѣ «Кіевской Старины» въ Кіевѣ (Безаковская 14) только до 1 октября.

Библіотечное дѣло на Сибирской желѣзной дорогѣ поставлено такъ широко и хорошо, какъ ни на одной желѣзной дорогѣ въ Россіи. Кромѣ большой—центральной—при управленіи дороги библіотеки, лучшей въ г. Томскѣ, организованы: 2 передвижныя библіотеки въ особо приспособленныхъ вагонахъ 4-го класса, обслуживающія 2 раза въ мѣсяцъ всю линію дороги (отъ Томска къ Челябинску и отъ Томска къ Иннокентьевской) и 21 отдѣленіе библіотеки на станціяхъ: Челябинскъ, Курганъ, П.-Павловскъ, Омскъ, Татарская, Обь, Боготолъ, Красноярскъ, Иланская, Тайшетъ, Нижнеудинскъ, Тулунъ, Зима, Иннокентьевская, и при желѣзнодорожныхъ больницахъ на ст. Челябинскъ, Омскъ, Томскъ, Красноярскъ и Иннокентьевская.

Центральная библіотека основана въ 1889 г. при управленіи бывшей Средне-Сибирской дороги по иниціативѣ одного изъ служащихъ, поддержанной бывшимъ начальникомъ дороги, инженеромъ Ф. М. Валуевымъ. Имѣвши въ 1900 г. всего 3.000 томовъ книгъ и періодическихъ изданій и 310 человѣкъ подписчиковъ, библіотека къ 1 января 1906 г. заключаетъ въ себѣ около 20.000 томовъ книгъ и періодическихъ изданій и имѣетъ 806 человѣкъ подписчиковъ; кромѣ того, въ 2-хъ вагонахъ-библіотекахъ имѣется около 6.000 томовъ книгъ и періодическихъ изданій. Всѣ линейныя отдѣленія библіотеки (кромѣ больничныхъ) къ 1 января 1905 г имѣли 2.570 подписчиковъ и около 30.400 томовъ книгъ и періодическихъ изданій. Назначеніе желѣзнодорожныхъ библіотекъ главнымъ образомъ образовательное—для внѣшкольнаго самообразованія, въ чемъ такъ нуждаются желѣзнодорожные служащіе, въ большинствѣ имѣющіе весьма невысокій образовательный цензъ. Помимо этой цѣли хорошая книга, въ особенности на Сибирской дорогѣ, пролегающей по безлюднымъ таежнымъ мѣстамъ, составляетъ источникъ здороваго и полезнаго развлеченія, отвлекающаго служащихъ во внѣслужебное время отъ такихъ нежелательныхъ и, къ сожалѣнію, весьма обычныхъ источниковъ увеселенія, какъ вино и карты. Незначительность казеннаго пособія не даетъ возможности развить на дорогѣ библіотечное дѣло до желательныхъ размѣровъ. Въ настоящее время, въ виду ассигнованія по министерству путей сообщенія крупной суммы на улучшеніе быта служащихъ, въ томъ числѣ и на развитіе школъ и библіотекъ, библіотечной администраціей составлена особая смѣта на увеличеніе числа вагоновъ-библіотекъ, размѣра пособія линейнымъ отдѣленіямъ библіотеки при всѣхъ дежурныхъ комнатахъ паровозныхъ и кондукторскихъ бригадъ и на содержаніе необходимаго штата библіотечныхъ служащихъ. Всѣмъ библіотечнымъ дѣломъ на Сибирской дорогѣ вѣдаетъ библіотечный отдѣлъ, состоящій изъ 5 членовъ, въ томъ числѣ завѣдующаго библіотеками по назначенію начальника дороги. На завѣдующаго библіотеками, которымъ въ настоящее время состоитъ К. Н. Васьковъ, кромѣ того,

возложено завѣдываніе продажею полезныхъ книгъ для народнаго чтенія, организованною по порученію бывшаго управляющаго дѣлами Сибирскаго комитета, статсъ-секретаря А. Н. Куломзина, на 19-ти станціяхъ. Чистая выручка отъ продажи означенныхъ книгъ поступаетъ въ главную кассу дороги, періодически переводится статсъ-секретарю Куломзину и идетъ въ пользу недостаточныхъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи. Продажа книгъ на станціяхъ производится членами семействъ служащихъ подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью начальниковъ станцій. Всего книгъ было прислано на 7.452 рубля 26 коп. До 1 января 1905 г. продано на 3.943 рубля 46 к. Сначала продажа книгъ производилась весьма успѣшно, но затѣмъ, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Японіи, въ виду отвлеченія начальниковъ станцій отъ своихъ прямыхъ обязанностей, продажа почти прекратилась, и до окончанія военныхъ перевозокъ и упорядоченія движенія трудно ожидать улучшенія этого полезнаго дѣла. Надо надѣяться, что библіотечное дѣло при просвѣщенномъ содѣйствіи начальника дороги, инженера И. К. Ивановскаго, будетъ развиваться и совершенствоваться и далѣе до предѣловъ, удовлетворяющихъ потребностямъ такой громадной и находящейся въ исключительныхъ условіяхъ дороги, какъ Сибирская.

Новый русскій городъ. Возбужденный еще въ 1899 г. вопросъ объ образованіи изъ Зейской пристани города наконецъ-то получилъ надлежащее разрѣшеніе, и теперь молодой городъ быстро обзаводится новыми учрежденіями: городскимъ самоуправленіемъ, полицейскими организаціями и казначействомъ. Исторія образованія Зейскаго поселка—не сложна. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія образовалась Верхне-Амурская золотопромышленная компанія, разрабатывавшая пріиски по р. р. Амуру и Зеѣ, на правомъ берегу которой, въ 600 верстахъ отъ устья, была построена резиденція этой компаніи, гдѣ и приставали пароходы съ грузомъ для пріисковъ. Съ теченіемъ времени вокругъ резиденціи стали лѣпиться домики рабочихъ, мелкихъ подрядчиковъ и торговцевъ, а за ними стали возводить болѣе цѣнныя постройки поставщики на пріиски хлѣба, овса и т. п. Въ восьмидесятыхъ годахъ число жителей дошло до солидной цифры, и поселокъ получилъ наименованіе пристани. Съ праваго берега постройки перекинулись на лѣвый (Зарѣчная слобода). Въ 1904 г. въ этой слободѣ насчитывалось 243 дома, а въ Зейской пристани—1.153 зданія. Число жителей болѣе четырехъ тысячъ, а со слободой—до пяти тысячъ. На Зеѣ, кромѣ резиденціи, находились: канцелярія горнаго исправника и горнаго инженера, почтово-телеграфная контора, камера мирового судьи, отдѣленіе Русско-Китайскаго банка, аптеки, нотаріальныя конторы и много частныхъ. Торговыя операціи 37 фирмъ выражались въ общей суммѣ около 2.000.000 рублей. Новый городъ имѣетъ сообщеніе по р.р. Зеѣ и Амуру пароходами; проектируемая амурская желѣзная дорога должна пересѣчь Зею и, такимъ образомъ, пріобщить къ сѣти сибирской магистрали, что̀ дастъ еще болѣе сильный толчокъ къ развитію поселенія, являющагося центромъ горнопромышленныхъ предпріятій этого района.

Переименованіе кіевскихъ улицъ. Предсѣдатель комиссіи о возстановленіи древнихъ наименованій улицъ представилъ городскому головѣ докладъ ко-

миссіи по этому вопросу. Комиссія, руководствуясь указаніями знатоковъ древностей и любителей старины, опредѣлила возстановить нѣкоторыя древнія наименованія улицъ. Комиссія предлагаетъ назвать участокъ Б.-Житомирской ул. вдоль присутственныхъ мѣстъ Владимировъ Валъ, а улицу, идущую отъ Золотыхъ воротъ до Львовской площади,—Ярославовъ Валъ; Крещатикскую площадь переименовать въ Козье Болото; спускъ съ Андреевской лѣстницы на Боричевъ Токъ наименовать Издыхательница. За улицей Черная Грязь оставить ея наименованіе (существуетъ же въ Москвѣ Вшивая горка, и населеніе противъ такого наименованія не протестуетъ). Трехсвятительскую улицу слѣдуетъ раздѣлить на 2 участка: первый участокъ отъ Андреевской церкви до Михайловской площади наименовать «Княжій дворъ», а второй участокъ—отъ Михайловскаго монастыря до Крещатика—Варваринской. Набережно-Никольскую ул. комиссія рекомендуетъ назвать Петро-Могилянской, Почаевскую—Почайнинской, Ильинскую—улицей Сагайдачнаго. На пересѣченіи Б.-Владимирской и Б.-Житомирской слѣдуетъ прикрѣпить гдѣ-нибудь надпись: «Батыевы ворота», въ память о томъ, что здѣсь когда-то были таковыя. Докладъ комиссіи будетъ доложенъ думѣ.

Памятники Остзейской старины. Въ Ригѣ предпринято изданіе альбома видовъ баронскихъ и помѣщичьихъ дворцовъ, разрушенныхъ въ 1905—1906 г. Альбомъ будетъ выходить выпусками. Первый выпускъ будетъ заключать въ себѣ виды Рижскаго и Венденскаго округа.

Переселенческое дѣло. По даннымъ челябинской регистраціи за 5 мѣсяцевъ текущаго года въ Сибирь прошло 64.119 переселенцевъ и 23.588 ходоковъ, а всего 86.707 человѣкъ. При сравненіи этихъ данныхъ со свѣдѣніями минувшаго года оказывается, что число переселенцевъ увеличилось въ три раза, число ходоковъ въ 15 разъ, а размѣръ общаго движенія приблизительно въ четыре раза. Надлежитъ отмѣтить, что этотъ размѣръ превышаетъ размѣры движенія не только двухъ послѣднихъ лѣтъ, но и года, непосредственно предшествовавшаго военнымъ осложненіямъ на Дальнемъ Востокѣ, а именно: за 5 первыхъ мѣсяцевъ 1903 г. въ Сибиръ прослѣдовало всего 80.253 души обоего пола. Кромѣ движенія на Челябинскъ, въ настоящее время наблюдается также движеніе въ Оренбургъ-Кустанай и Оренбургъ-Актюбинскъ. Этими переселенцами еще въ минувшемъ апрѣлѣ разобрано 10.000 душевыхъ долей, отведенныхъ въ Тургайской области, а въ теченіе мая заняты вновь открытыя въ этой области для заселенія 3.600 душевыхъ долей. Часть переселенцевъ, направившихся на Оренбургъ, не находя тамъ заготовленныхъ земель для водворенія, прошла, минуя Челябинскъ, въ Сибирь. Точный размѣръ этого движенія пока не установленъ. Въ всякомъ случаѣ оно довольно значительно, такъ какъ въ одной Акмолинской области насчитывалось къ 1 іюня свыше 15.000 такихъ переселенцевъ. Главнѣйшими пріемниками переселенческаго движенія въ текущемъ году являются Енисейская губернія и области Акмолинская, Тургайская и Семипалатинская. Въ Енисейской губерніи за отчетные 5 мѣсяцевъ разобрано свыше 40.000 душевыхъ долей, а въ трехъ степныхъ областяхъ до 50.000 душевыхъ долей.

Общество офицеровъ флота. Во флотѣ образовано общество офицеровъ флота. Цѣль общества заключается въ распространеніи знаній, полезныхъ для морскихъ офицеровъ, въ поддержаніи среди офицеровъ постояннаго интереса ко всѣмъ отраслямъ военно-морского дѣла и содѣйствіи его развитію. Общество будетъ издавать «Журналъ общества офицеровъ флота». Чтобы пробудить интересъ къ флоту, редакція этого журнала, между прочимъ, возлагаетъ обязанность печатать отчеты о дѣятельности общества въ «Морскомъ сборникѣ», газетѣ «Котлинъ» и въ одной изъ столичныхъ петербургскихъ газетъ. По уставу, морской министръ является почетнымъ президентомъ общества, товарищъ министра, начальникъ главнаго морского штаба, главный командиръ и начальники эскадръ—почетными товарищами президента. Въ параграфахъ общества находится полезный пунктъ, гласящій, что чины и служебное положеніе не имѣютъ никакого значенія во время засѣданія общества, гдѣ всѣ члены равны.

Библіотека А. С. Пушкина. Академіей наукъ пріобрѣтена подлинная библіотека, принадлежавшая А. С. Пушкину. На многихъ книгахъ сохранились собственноручныя замѣтки поэта. Библіотека эта куплена у наслѣдниковъ покойнаго за 18 тысячъ рублей и, составляя государственную собственность, будетъ храниться въ академіи впредь до постройки проектированнаго «Пушкинскаго Дома», которому будетъ присвоено значеніе пантеона русской литературы. Здѣсь предполагается сосредоточить по возможности все, что имѣетъ какое либо отношеніе къ русскимъ писателямъ послѣдняго времени, начиная А. С. Пушкинымъ и кончая Ан. П. Чеховымъ. Объекты для будущаго пантеона-музея проектируется собирать по всей Россіи какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ учрежденій и уже существующихъ музеевъ и библіотекъ. Особенно много въ этомъ отношеніи могутъ дать Москва и преимущественно музеи Румянцовскій и Историческій.

Общежитіе имени В. Ф. Голубева. Совѣтъ по управленію домомъ писателей имени В. Ф. Голубева объявляетъ, что въ домѣ (Спб., по набережной Карповки, 17) есть въ настоящее время нѣсколько свободныхъ помѣщеній (отдѣльныхъ комнатъ), цѣною отъ 10 до 18 р. въ мѣсяцъ, съ полной обстановкою, освѣщеніемъ, прислугой, постельнымъ бѣльемъ и стиркой его. За справками просятъ обращаться въ смотрительницѣ, г-жѣ Ивановой, въ томъ же домѣ.

НЕКРОЛОГИ.

АЛЕКСѢЕВЪ, П. А. 14 іюля скончался генералъ отъ артиллеріи Павелъ Александровичъ Алексѣевъ, посвятившій свою дѣятельность военно-учебному вѣдомству. Почившій получилъ образованіе въ Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Михайловской артиллерійской академіи, въ которой окончилъ курсъ по первому разряду. Педагогическая дѣятельность его началась въ Константиновскомъ военномъ училищѣ; затѣмъ онъ былъ репетиторомъ въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Перенеся снова дѣятельность въ Петербургъ, П. А. состоялъ воспитателемъ во 2-мъ и Пажескомъ кадетскихъ корпусахъ, помощникомъ инспектора классовъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, инспекторомъ Александровскаго и Пажескаго корпусовъ. Въ 1879 г. покойный былъ назначенъ директоромъ Кіево-Владимірскаго кадетскаго корпуса, гдѣ оставался до 1897 г. Въ послѣднее время П. А. состоялъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 179).

† **Безобразовъ, П. А.** 17 іюля скончался вице-адмиралъ Петръ Алексѣевичъ Безобразовъ, одинъ изъ славныхъ адмираловъ русскаго флота, который и въ исторіи японской войны оставилъ нѣсколько свѣтлыхъ строкъ для нашего флота. Покойный происходилъ изъ дворянъ Тверской губерніи, родился въ 1845 г.; по окончаніи морского корпуса выпущенъ гардемариномъ въ 1864 г. Постоянно плавая, въ 1885 г. П. А. въ чинѣ капитана 2-го ранга получилъ въ командованіе канонерскую лодку «Туча», затѣмъ другую

лодку—«Гроза». Въ чинѣ кап. I ранга командовалъ отрядомъ миноносцевъ, крейсеромъ «Генералъ-Адмиралъ», эскадреннымъ броненосцемъ «Наваринъ». Въ 1897 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ начальникомъ штаба Кронштадтскаго порта, съ 1901 по 1903 годъ былъ младшимъ флагманомъ Черноморскаго флота. Назначенный въ 1904 г. командующимъ 1-й эскадрой флота Тихаго океана на Дальнемъ Востокѣ, вице-адмиралъ Безобразовъ прибылъ туда вмѣстѣ съ командующимъ флотомъ, вице-адмираломъ Скрыдловымъ. Покойному поручено было крейсерство въ морѣ и дѣйствія на морскія сообщенія японской арміи. 30 мая отправился отрядъ крейсеровъ: «Россія» подъ флагомъ вице-адмирала Безобразова, «Громобой» и «Рюрикъ». 2 іюня эскадра открыла японскіе транспорты: «Идзуми-Мару», «Садо-Мару» и «Хитачи-Мару», каждый около 6.000 тонъ, перевозившіе полки, телеграфные понтонные парки, котлы и военный грузъ. Суда были затоплены, люди по возможности спасены. На обратномъ пути взятъ, какъ призъ, британскій пароходъ «Алонтоунъ». Эскадра подходила къ берегамъ Японіи, наполняла ихъ страхомъ и искусно уходила отъ глазъ японскаго адмирала Камимуры, гнавшагося за ней съ большимъ флотомъ. У насъ мало было извѣстно подробностей объ этомъ крейсерствѣ, но англичане, спортмэны въ душѣ, оцѣнили искусство адмирала, и цѣлые столбцы въ англійскихъ газетахъ были посвящены Безобразовскимъ набѣгамъ. Впрочемъ изъ Россіи, въ томъ числѣ и отъ одесскихъ газетъ, Безобразовъ получилъ привѣтствія и поздравленія. Въ высшей степени скромный и не любившій никакого шума возлѣ себя, Безобразовъ ничего самъ не разсказывалъ о своихъ дѣлахъ, но лихія крейсерства отразились на его здоровьѣ: онъ захворалъ астмой. По выздоровленіи онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на должность старшаго флагмана Балтійскаго флота и назначенъ исполнять обязанности начальника главнаго морского штаба. Болѣзненное состояніе вынудило его просить отпуска, а затѣмъ онъ оставался въ должности старшаго флагмана и производилъ инспекторскіе смотры. Незадолго до его смерти ему предложенъ былъ постъ одного изъ главныхъ командировъ, но болѣзнь не позволила ему принять его. Трудолюбивый, безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ, но требовательный по службѣ, адмиралъ Безобразовъ пользовался общимъ уваженіемъ и любовью и адмираловъ, и офицеровъ, и матросовъ. За крейсерство Безобразовъ получилъ владимирскую звѣзду съ мечами; покойный имѣлъ также много иностранныхъ орденовъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.899).

† **Бѣляевъ, А. И.** Скончавшійся 3 іюля непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, тайный совѣтникъ, Алексѣй Ивановичъ Бѣляевъ, былъ извѣстенъ, какъ опытный врачъ и авторъ нѣсколькихъ цѣнныхъ работъ по своей спеціальности. Покойный, происходя изъ духовнаго званія, родился въ 1832 г., окончилъ курсъ Владимирской духовной семинаріи, а затѣмъ поступилъ въ Петербургскую медико-хирургическую (нынѣ военно-медицинскую) академію. Выпущенный отсюда въ 1859 г. съ золотою медалью и степенью лѣкаря, А. И. былъ прикомандированъ ко второму военно-сухопутному госпиталю. Спустя три года, онъ успѣшно защитилъ свою докторскую диссерта-

цію, подъ заглавіемъ: «Всасываніе ртутныхъ препаратовъ животнымъ организмомъ» (Спб., 1862 г.), послѣ чего отправился съ ученою цѣлью за границу. По возвращеніи на родину, А. П. занялъ мѣсто главнаго врача Казанскаго военнаго госпиталя и одновременно почти десять лѣтъ преподавалъ теоретическую хирургію въ качествѣ приватъ-доцента мѣстнаго университета. Затѣмъ съ 1879 г. покойный состоялъ главнымъ докторомъ Варшавскаго Уяздовскаго госпиталя, а въ послѣднее время—помощникомъ главнаго военно-медицинскаго инспектора и непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Среди работъ покойнаго, разсѣянныхъ по разнымъ спеціальнымъ изданіямъ, нѣкоторыя переведены на французскій и нѣмецкій языки. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 173).

† **Герценштейнъ, М. Я.** Убитый 19 іюля въ Теріокахъ бывшій членъ государственной думы, Михаилъ Яковлевичъ Герценштейнъ, родился въ 1859 г. Образованіе М. Я. получилъ въ Новороссійскомъ университетѣ, который окончилъ по юридическому факультету въ 1884 г. Послѣ экзамена на магистра политической экономіи и прочтенія пробныхъ лекцій М. Я. обратился въ московскій юридическій факультетъ съ просьбою о допущеніи его въ университетъ къ чтенію лекцій по политической экономіи въ качествѣ приватъ-доцента. На званіе это М. Я. получилъ право согласно дѣйствовавшему тогда университетскому уставу 1884 г. Мнѣнія въ факультетѣ раздѣлились, и въ результатѣ министромъ народнаго просвѣщенія Деляновымъ было утверждено мнѣніе меньшинства, несогласнаго на допущеніе М.Я. къ чтенію лекцій. Вскорѣ послѣ этого М. Я. пришлось совершенно отказаться отъ мысли объ университетской дѣятельности и посвятить себя банковской службѣ, главнымъ образомъ у милліонера Полякова. Одновременно М. Я. не оставлялъ научныхъ занятій и помѣстилъ рядъ статей по экономическимъ вопросамъ въ «Русской Мысли», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Юридическомъ Вѣстникѣ». Въ брошюрѣ «Кредитъ для земствъ и городовъ» М. Я. разработалъ проектъ правильной организаціи кредита для органовъ земскаго и городского самоуправленія. Незадолго до выборовъ въ государственную думу М. Я. оставилъ банковскую службу и занялся главнымъ образомъ изученіемъ аграрнаго вопроса. Принадлежа къ партіи народной свободы, онъ принималъ дѣятельное участіе въ предвыборной агитаціи въ городѣ Москвѣ и прошелъ отъ этого города въ государственную думу. Въ самой думѣ покойный говорилъ главнымъ образомъ въ засѣданіяхъ, посвященныхъ земельному вопросу, и между прочимъ отвѣчалъ на рѣчи Стишинскаго и Гурко, представившихъ правительственную программу по аграрному вопросу. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10,901).

† **Казнаковъ Н. И.** 1 іюля скончался членъ адмиралтействъ-совѣта, генералъ-адъютантъ, адмиралъ Николай Ивановичъ Казнаковъ. Покойный пользовался большой извѣстностью въ морскихъ кругахъ. Въ ноябрѣ 1904 г. онъ былъ назначенъ представителемъ Россіи въ международную слѣдственную комиссію по дѣлу о стрѣльбѣ со второй тихоокеанской эскадры въ англійскую рыбачью флотилію при Dogger-bank, однако болѣзнь не позволила покойному

исполнить эту обязанность, и онъ былъ отозванъ въ Петербургъ. Съ этого времени здоровье покойнаго замѣтно пошатнулось. Предыдущая служба адмирала Казнакова протекла всецѣло въ морскомъ вѣдомствѣ и дѣятельности по обществу спасанія на водахъ, въ которомъ онъ въ послѣднее время былъ предсѣдателемъ. Н. И. родился 5 ноября 1834 г., образованіе получилъ въ Александровскомъ и морскомъ кадетскихъ корпусахъ. Затѣмъ кончилъ курсъ въ офицерскомъ классѣ морского корпуса (нынѣ морская академія). Во время Крымской кампаніи находился въ составѣ флотиліи, оборонявшей Кронштадтъ, затѣмъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе въ отрядѣ судовъ Кузнецова. По возвращеніи въ Петербургъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Константину Николаевичу и состоялъ при немъ въ Варшавѣ во время польскаго мятежа. Съ 1863 г. по 1870 г. командовалъ послѣдовательно мониторомъ «Вѣщунъ», клиперомъ «Яхонтъ», корветомъ «Аскольдъ» и пароходнымъ фрегатомъ «Рюрикъ». Затѣмъ послѣ годового пребыванія въ Англіи въ качествѣ морского агента, Н. И. былъ начальникомъ штаба главнаго командира Черноморскаго флота. Передъ началомъ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. ему пришлось много поработать надъ приведеніемъ черноморской флотиліи въ боевой порядокъ, во время войны онъ выходилъ изъ Одессы на рекогносцировку къ устьямъ Дуная и принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ качествѣ командира Нижне-Дунайскаго флота. Въ 1880 г. Н. И. былъ назначенъ директоромъ канцеляріи морского министерства и потомъ директоромъ инспекторскаго департамента. Когда департаментъ былъ преобразованъ въ главный морской штабъ, покойному было поручено командовніе отрядомъ судовъ въ греческихъ водахъ. Затѣмъ съ 1886 г. онъ занималъ послѣдовательно должности главнаго инспектора морской артиллеріи, командующаго практической эскадрой Балтійскаго моря, начальника эскадры Атлантическаго океана, главнаго командира Кронштадтскаго порта и военнаго губернатора Кронштадта и съ 1899 г. члена адмиралтействъ-совѣта. Въ Кронштадтѣ по его иниціативѣ было приступлено къ сооруженію морского собора. Какъ на знатока военно-морского дѣла, на него возлагались въ разное время отвѣтственныя порученія. Такъ, въ 1899 г. онъ былъ делегатомъ нашего правительства на международной конференціи по морскимъ вопросамъ въ Вашингтонѣ, въ 1890 г.—главнымъ судьею на морскихъ маневрахъ въ Финскимъ заливѣ и въ 1904 г.—нашимъ представителемъ въ слѣдственной комиссіи въ Парижѣ. Досуги своей служебной дѣятельности посвящалъ обществу спасанія на водахъ. Въ 1904 г. при образованіи исполнительной комиссіи общества Краснаго Креста по подачѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ ея членовъ. Перу адмирала Казнакова принадлежитъ. нѣсколько печатныхъ трудовъ по военно-морскому дѣлу. Николаевская морская академія избрала его въ 1892 г. въ члены академической конференціи. Какъ человѣкъ, Н. И. обладалъ замѣчательно милымъ характеромъ и добрымъ сердцемъ. Онъ отавилъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.883).

† **Макъ-Дональдъ, И. Г.** На-дняхъ въ Варшавѣ скоропостижно скончался одинъ изъ талантливыхъ представителей нашего военно-инженернаго корпуса, генералъ-лейтенантъ, Иванъ Георгіевичъ Макъ-Дональдъ. Происходя изъ древней шотландской фамиліи, покойный былъ русскимъ по своему воспитанію и служебной дѣятельности. Онъ получилъ образованіе въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ съ дипломомъ первой степени. Поступивъ съ 1872 г. на военную службу, И. Г. вскорѣ перешелъ въ морское вѣдомство и, какъ неутомимый работникъ, обратилъ здѣсь на себя особенное вниманіе. Ему было поручено много отвѣтственныхъ работъ по переустройству нашихъ крѣпостей и сооруженію новыхъ батарей и фортовъ. Покойный оказалъ неоцѣнимыя услуги въ дѣлѣ сооруженія грандіознаго порта имени Императора Александра III (около Старой Либавы), который подъ его руководствомъ сдѣлался грозною, неприступною крѣпостью. Немало потрудился также И. Г. надъ укрѣпленіемъ Кронштадта, гдѣ имъ было построено нѣсколько новыхъ батарей и фортовъ. Причисленный съ 1893 г. къ морскому техническому комитету, покойный въ 1895 г. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Скончался И. Г. еще не старымъ, на 53 году жизни, оставивъ по себѣ хорошую память. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 172).

† **Мельниковъ, И. А.** Въ ночь на 25 іюня скончался извѣстный пѣвецъ-художникъ, Иванъ Александровичъ Мельниковъ. Для друзей, видѣвшихъ И. А. въ Петербургѣ весной бодрымъ, здоровымъ передъ отъѣздомъ въ Финляндію, гдѣ онъ около Выборга уже давно проводилъ лѣтніе мѣсяцы, кончина его была совершенно неожиданной, печальной вѣстью. Болѣзнь захватила И. А. въ Финляндіи. Видя, что мѣстные доктора не могутъ ему помочь, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, но уже было поздно. Слава исполнителей, по большей части, преходяща. Только имена немногихъ виртуозовъ и пѣвцовъ живутъ въ потомствѣ, и ихъ слава по преданію передается изъ устъ въ уста. Къ числу такихъ немногихъ именъ, по крайней мѣрѣ, въ Россіи можно отнести и имя Мельникова, какъ исполнителя многихъ ролей, въ которыхъ онъ былъ замѣстимъ, но не замѣнимъ. Послѣ Мельникова не являлось такого исполнителя Руслана, какимъ онъ былъ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о глубокохудожественномъ исполненіи Бориса Годунова, Кочубея. Въ продолженіе своей долголѣтней дѣятельности на сценѣ императорской русской оперы въ Петербургѣ, И. А. расширилъ свой репертуаръ до громадныхъ размѣровъ, внося въ каждую роль массу той художественной силы, которою онъ былъ такъ щедро одаренъ. И А. родился въ 1831 г. Окончивъ коммерческое училище, онъ занялся торговлей, но вскорѣ перешелъ на музыкальное поприще. Впервые онъ дебютировалъ, какъ концертный пѣвецъ, въ 1860 г. въ одномъ изъ концертовъ безплатной музыкальной школы, управляемой въ то время Ломакинымъ. Семь лѣтъ спустя, онъ дебютировалъ въ императорской русской оперѣ въ Петербургѣ въ «Пуританахъ» Беллини и сразу очаровалъ всѣхъ своимъ чуднымъ баритономъ, чрезвычайно натуральнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ художественнымъ пѣніемъ. Неизмѣнныя симпатіи публики въ продолженіе долголѣтней художественной дѣятель-

ности И. А. приняли особенно внушительные размѣры въ день 25-ти-лѣтняго юбилея этого артиста. Этотъ юбилей былъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ и блестящихъ. Послѣ юбилея И. А. недолго оставался на сценѣ, которую покинулъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, хотя и въ расцвѣтѣ артистическихъ силъ. Привычка къ труду вызвала И. А. къ новой дѣятельности. Въ 1892 г. онъ основалъ хоровой классъ (подъ руководствомъ хормейстера Беккера), сразу обратившій на себя общее вниманіе. Хоровые концерты этого класса пользовались особенно блестящимъ успѣхомъ въ 1897—1898 г.г. И. А., покинувъ сцену, изрѣдка выступалъ въ концертахъ, и въ 1899 г. нѣсколько разъ пѣлъ партію мельника въ «Русалкѣ» на частной оперной итальянской сценѣ. Эти рѣдкія появленія И. А. передъ слушателями были истиннымъ торжествомъ, такъ какъ публика не забывала своего любимца и привѣтствовала въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ служителей русскаго искусства. Нѣкоторое время И. А. былъ профессоромъ пѣнія въ С.-Петербургской консерваторіи, оставивъ которую, онъ все же до послѣдняго времени занимался педагогической дѣятельностью. Кончина И. А. скорбно отзовется въ сердцахъ очень многихъ друзей того искусства, которому И. А., эта чисто русская натура, былъ такъ страстно и неизмѣнно преданъ. И. А. былъ солистомъ его величества. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1906 г., № 9861).

† **Перлисъ, В. С.** Въ ночь на 24 іюня въ Кіевѣ скончался отъ зараженія крови одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и уважаемыхъ кіевскихъ врачей, Василій Сидоровичъ Перлисъ. Покойный родился въ 1846 г. Окончивъ въ 1873 г. медико-хирургическую академію, онъ служилъ сначала въ земствѣ, а затѣмъ въ обществѣ попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ. Съ конца 1878 г. по 1880 г. В. С. состоялъ ассистентомъ при профессорѣ медико-хирургической академіи по каѳедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней Горвицѣ. Въ 1881 г. онъ переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и занялся частной практикой. Въ теченіе этого времени В. С. получилъ степень доктора медицины. Съ 1889 г. и до смерти покойный завѣдывалъ родильнымъ домомъ и гинекологическимъ отдѣленіемъ кіевской еврейской больницы. Всецѣло погруженный въ науку, В. С. не пріобрѣлъ извѣстности, какъ общественный дѣятель. Но, какъ прекрасный врачъ съ обширными познаніями и огромнымъ опытомъ и какъ хорошій, отзывчивый человѣкъ, В. С. пользовался широкой популярностью среди больныхъ, особенно среди бѣдноты. Смерть В. С. была слѣдствіемъ несчастнаго случая. Обѣдая, какъ и всегда, на скорую руку, покойный проглотилъ кость. Въ результатѣ получилось зараженіе крови. Промучившись 12 дней, В. С. умеръ въ полномъ сознаніи. Послѣ покойнаго остался цѣлый рядъ научныхъ трудовъ по его спеціальности—акушерству, изъ коихъ нѣкоторые переведены на иностранные языки. В. С. былъ членомъ многихъ медицинскихъ обществъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. (Некрологъ его: «Кіевскіе Отголоски Жизни», 1906 г., № 140.)

† **Чухнинъ. Г. П.** Вице-адмиралъ Григорій Павловичъ Чухнинъ скончался въ ночь на 29 іюня отъ пулевыхъ ранъ, нанесенныхъ преступникомъ. Онъ умеръ на посту главнаго командира Черноморскаго флота и черно-

[illegible] Е. Г. [illegible] закончить [illegible] въ [illegible] морской [illegible] дѣйствій [illegible] Предлу- [illegible] морской [illegible] корпусъ [illegible] двадцать [illegible] морскихъ [illegible] военныя событія [illegible] Россіи [illegible] [illegible] въ состояніи [illegible] черноморскаго флота и [illegible] [illegible] жизнь [illegible] рядъ [illegible] строгость и справедливость [illegible] поступкахъ [illegible] различая чиновъ и [illegible] въ служебные вопросы морской службы. При отправкѣ второй тихоокеанской эскадры на Дальній Востокъ [illegible] на должность командующаго этой эскадрой на ряду съ [illegible] адмирала Рожественскаго [illegible] и [illegible]. Несмотря на [illegible] адмирала Чухнина, его замѣчательная энергія, [illegible] Дальняго Востока и качества [illegible] флота [illegible] служили основными данными къ [illegible] его въ командующіе эскадрой. Однако на Дальній Востокъ отправился адмиралъ Рожественскій, покойный же остался во главѣ черноморскаго флота и въ теченіе прошлаго и нынѣшняго года пережилъ рядъ мучительныхъ моментовъ при безпорядкахъ на «Потемкинѣ Таврическомъ», «Очаковѣ» и другихъ судахъ Чернаго моря. Его тактикой,

своевременными и энергичными мѣрами были во время локализированы, а затѣмъ потушены морскіе мятежи. Исполненіе служебнаго долга было учтено боевой революціонной бандой, и въ январѣ нынѣшняго года на его жизнь было совершено покушеніе. Едва оправившись отъ ранъ, Г. П. подвергся 28 іюня новому злодѣйскому покушенію и скончался отъ ранъ на 58 году жизни, оставивъ по себѣ славную память среди всѣхъ знавшихъ его и цѣнившихъ его заслуги. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.881).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Секретный приказъ о розыскѣ государственнаго преступника Ѳедора Николаевича Юрковскаго.

Въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника» присланъ неизвѣстнымъ лицомъ нижевоспроизводимый документъ, попавшій, по его словамъ, къ нему случайно: въ гастрономическомъ магазинѣ ему былъ отпущенъ сыръ, завернутый въ эту дѣловую бумагу! Редакція охотно воспроизводитъ этотъ документъ, служащій нѣкоторымъ дополненіемъ и иллюстраціей къ статьѣ И. П. Ювачева «Сашка-инженеръ» («Истор. Вѣстн.», 1906 г., т. CIV), и приноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ признательность за интересную присылку своему неизвѣстному корреспонденту.

Нужное.

Секретно.

Циркулярно.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ
НАЧАЛЬНИКА
Нижегородской губерніи
ПО ГУБЕРНСКОМУ
ПРАВЛЕНІЮ
Іюля 24 дня, 1879 года.
№ 692.
Нижній-Новгородъ.
ПО СЕКРЕТНЫМЪ ДѢЛАМЪ,
порученнымъ секретарю
№ дѣла 99, 1879 года.

Гг. полицеймейстеру, уѣзднымъ исправникамъ и исполнительнымъ чиновникамъ.

Предписываю Вамъ немедленно принять всѣ зависящія отъ Васъ мѣры для тщательнаго розыска и ареста государственнаго преступника, сына капитана 1-го ранга, Ѳедора Николаева **Юрковскаго**, обвиняемаго въ распространеніи политической пропаганды и важномъ государственномъ преступленіи, и, въ случаѣ разысканія этой личности, арестовать и обыскать его и вмѣстѣ съ актомъ обыска и ареста, а также что при немъ окажется, препроводить къ начальнику Нижегородскаго губернскаго жандармскаго управленія, о чемъ одновременно донести губернскому правленію, отнюдь не допуская никакой медленности по сему секретному порученію, возложенному на личную Вашу отвѣтственность.

Въ случаѣ же неразысканія **Юрковскаго**, предписываю Вамъ имѣть неослабное наблю-

деніе за появленіемъ его, записавъ объ немъ въ особый секретный алфавитный списокъ, установленный для сего рода дѣлъ, дабы, при появленіи его, Вы могли бы въ точности исполнить порученіе, возложенное на Васъ настоящимъ распоряженіемъ, и таковое наблюденіе не прекращать, пока не получите о томъ особое распоряженіе.

Изъ имѣющихся свѣдѣній даю Вамъ знать, для руководства при розыскахъ, что примѣты разыскиваемаго слѣдующія: 32 лѣтъ, состоялъ народнымъ учителемъ въ селѣ Малой Лепетихѣ, на Днѣпрѣ, Таврической губерніи, роста средняго, брюнетъ, тѣлосложенія крѣпкаго, черты лица рѣзкія, правильныя, глаза темные, выразительные, живые; **Юрковскій** очень сильный и замѣчательный гимнастъ, одѣвается весьма прилично въ черный длинный сюртукъ изъ матеріи шашечнаго узора, въ которой одна шашка матовая, а другая бестящая, жилетъ и брюки черные суконные, фуражка—одна очень изящная изъ шелковой матеріи, а другая соломенная шляпа, съ маленькими полями, имѣетъ при себѣ револьверъ и ножъ, въ родѣ кинжала.

О послѣдствіяхъ розыска исполнительные полицейскіе чиновники обязываются безотлагательно подробно донести, по принадлежности, начальникамъ полицій, а послѣдніе, наблюдая за точнымъ исполненіемъ полицейскими чиновниками порученія, возложеннаго на полицію настоящимъ предписаніемъ, обязаны мнѣ доносить подробно какъ о послѣдствіяхъ розыска, такъ и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ.

Губернаторъ графъ Кутайсовъ.

Вице-губернаторъ Всеволжской.

Скрѣпилъ: секретарь Езерскій.

Вѣрно: секретарь Езерскій.

На полѣ этого отношенія имѣется помѣтка перомъ: «Немедленно разослать становымъ приставамъ и надзирателямъ».

II.

Къ статьѣ «Дѣла давно минувшихъ дней».

Въ разсказѣ «Дѣла давно минувшихъ дней» князя Шаховского, помѣщенномъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за іюль мѣсяцъ 1906 г., хотя и составленномъ по архивнымъ документамъ,—вкралась большая неточность. Въ 1863 г.

наслѣдникомъ цесаревичемъ былъ не Александръ Александровичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ III, а Николай Александровичъ, умершій въ Ниццѣ. Вотъ ему-то и былъ предложенъ дворянствомъ и городомъ балъ, на которомъ и я былъ, какъ дворянинъ Харьковскаго уѣзда. Его высочество принялъ живое участіе въ танцахъ и до того увлекъ всѣхъ танцоровъ, что въ мазуркѣ, въ фигурѣ, гдѣ пары проходятъ подъ сплетенными руками, — многіе танцоры забыли разнять руки и заставили будущаго вѣнценосца наклонить голову и пройти подобно другимъ парамъ. Это показалось для многихъ участвовавшихъ слишкомъ безтактнымъ. По окончаніи бала наслѣдникъ обратился къ присутствующимъ со слѣдующими словами: (не «благодарю», какъ говорятъ царственныя особы) «позвольте благодарить за радушный пріемъ», что крайне умилило всѣхъ и расположило къ еще болѣе радостному настроенію. Такія слова, какъ сказанныя наслѣдникомъ цесаревичемъ, и самый балъ не забываются въ жизни. И я вполнѣ убѣжденъ, что очень немногіе оставшіеся въ живыхъ участники бала подтвердятъ мною сказанное.

Глубокій старикъ **С. Г. Богдановичъ**.

ТАЙНА КОРОЛЕВЫ ЕЛИСАВЕТЫ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Р. Н. СТИВЕНСА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

В. А. МАГСКОЙ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1906

I.

Первое представленіе «Гамлета».

ВЪ ТРИ ЧАСА ПОПОЛУДНИ, въ холодный мартовскій день, въ понедѣльникъ, 1601 г., на маленькой башенкѣ огромнаго деревяннаго зданія, расположеннаго на берегу Темзы, немного западнѣе Лондонскаго моста, взвился красный флагъ и раздался звукъ трубы. Это огромное зданіе имѣло круглую форму, и большая часть его была даже безъ крыши; построено оно было отчасти на кирпичномъ, отчасти на каменномъ фундаментѣ. Это былъ знаменитый, такъ называемый «Круглый» театръ (Globe theatre); красный флагъ и трубный звукъ обозначали, что «слуги оберъ-гофмейстера» сейчасъ начнутъ представленіе. Въ этотъ день, какъ гласила афиша на дверяхъ, должна была итти «Трагическая исторія Гамлета, принца датскаго», написанная Вильямомъ Шекспиромъ. Лондонскіе жители хорошо знали, что этотъ «Вильямъ Шекспиръ»—одинъ изъ вышеупомянутыхъ «слугъ оберъ-гофмейстера» и написалъ уже нѣсколько пьесъ, разыгранныхъ этими «слугами». Многіе изъ прочитавшихъ афишу сразу угадали, что «трагическая исторія», вѣроятно, заимствовала свой сюжетъ изъ пьесы какого нибудь стариннаго автора, и что она уже не впервые появляется на сценѣ.

Шумная аудиторія всевозможныхъ возрастовъ и сословій, въ фуфайкахъ, штанахъ, въ брыжахъ и въ плащахъ, въ шляпахъ съ перьями и въ простыхъ шапкахъ нетерпѣливо ждала, чтобы раздвинулась наконецъ потертая занавѣсь, отдѣлявшая сцену отъ зрительнаго зала, похожаго на огромный, круглый амбаръ. Вдоль стѣнъ этого театра шли деревянныя галлереи, а подъ ними возвышалась площадка, раздѣленная на ложи, называвшіяся «комна-

тами» и украшенныя спереди цвѣтною матеріей. Сцена и комната актеровъ были покрыты соломенною крышею, а деревянныя галлереи замѣняли крышу ложамъ.

Самая внутренность театра, имѣвшая форму буквы «О» и называвшаяся «дворомъ», была вся заполнена почтенными гражданами, учеными, судьями и адвокатами въ черныхъ одеждахъ, здоровенными солдатами, всевозможнымъ другимъ народомъ самыхъ различныхъ профессій или совсѣмъ безъ профессій. Всѣ они говорили, смѣялись, покупали фрукты, пиво и вино отъ безчисленныхъ продавцовъ, сновавшихъ повсюду, и надъ ихъ головами не было никакой крыши, кромѣ голубого неба. Здѣсь не было ни сидѣній, ни пола подъ ногами, всѣ стояли прямо на землѣ.

Толпа въ этомъ такъ называемомъ «дворѣ» ждала начала представленія съ нетерпѣніемъ. Разодѣтая же въ бархатъ и шелкъ, знатная публика сидѣла въ своихъ ложахъ и лѣниво посматривала на болѣе интересную публику въ галлереяхъ, при чемъ имѣла скучающій, разочарованный видъ. Наиболѣе солидные граждане въ галлереяхъ и во дворѣ, очевидно, пришли сюда, чтобы за шесть или восемь пенсовъ получить то удовольствіе, на которое они могли разсчитывать за свои деньги. Въ самой верхней галлереѣ собрались мальчики, поѣдавшіе яблоки и грызшіе орѣхи; они боролись между собою и рады были смѣяться своимъ собственнымъ шуткамъ такъ же, какъ и тому, что происходило на сценѣ. Во дворѣ виднѣлась группа разодѣтыхъ женщинъ извѣстнаго пошиба, онѣ курили, какъ мужчины, и отстаивали, какъ могли, свои мѣста отъ другихъ. Двѣ или три дамы, мало заботившіяся объ общественномъ мнѣніи и презиравшія его, сидѣли открыто въ ложахъ, но въ маскахъ.

Время отъ времени, до начала представленія, появлялся какой нибудь молодой аристократъ, надушенный, украшенный перьями и драгоцѣнными камнями, вооруженный шпагой съ золотой рукояткой и вложенной въ бархатныя ножны; онъ высокомѣрно и презрительно, поглядывая кругомъ, проходилъ въ «комнату» лордовъ, т.-е. въ главную ложу, выходившую къ сценѣ, или же отправлялся прямо на сцену, покрытую цыновкой, и садился тамъ на треножный стулъ, который онъ приносилъ самъ, или ему подавалъ его пажъ, получившій этотъ стулъ у театральнаго служителя за шесть пенсовъ. Тамъ, на такихъ же стульяхъ, по бокамъ сцены, возсѣдали другіе такіе же аристократы; нѣкоторые изъ нихъ разговаривали между собою, другіе играли въ карты; отсюда ясно можно было разслышать, какъ актеры смѣялись и болтали въ актерской, дѣлая послѣднія приготовленія къ началу представленія.

Одинъ изъ франтовъ, возсѣдавшихъ на стульяхъ около сцены, зажегъ свою трубку и сказалъ, обращаясь къ другому и слегка пришепетывая:

— Много пройдетъ еще времени раньше, чѣмъ лордъ Соуптгемптонъ явится сюда посмотрѣть на своего друга Вильяма.

Соуптгемптонъ въ это время сидѣлъ въ Тоуэрѣ (въ крѣпости), такъ какъ онъ былъ замѣшанъ въ заговорѣ, душою котораго былъ герцогъ Эссекскій, окончившій свою жизнь на плахѣ въ февралѣ мѣсяцѣ; теперь судили его сообщниковъ.

— Можетъ быть, и мы всѣ не скоро увидимъ опять игру Вильяма послѣ этой недѣли,—отвѣтилъ его собесѣдникъ, щекотавшій тростникомъ ухо третьяго лорда. — Развѣ вы не знаете, что актерамъ оберъ-гофмейстера приказано теперь отправляться играть въ провинцію за то, что они играли «Ричарда II» въ присутствіи приверженцевъ герцога Эссекскаго, когда тѣ замышляли свой заговоръ?

— Дѣло въ томъ, что я былъ погруженъ съ головой въ любовь къ одной прелестной дамѣ въ Блекфіарѣ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, и поэтому я ничего не знаю о томъ, что происходило здѣсь за послѣднее время.

— Происходило то, что я вамъ сейчасъ говорилъ, и вотъ потому-то у насъ за двѣ послѣднихъ недѣли было столько новыхъ пьесъ и между ними двѣ пьесы, написанныя Вильямомъ Шекспиромъ. Актеры должны имѣть въ запасѣ нѣсколько новыхъ пьесъ для провинціи, особенно для университетскихъ городовъ. Вѣдь эти актеры были, собственно говоря, въ большой дружбѣ съ эссекскими заговорщиками; счастье ихъ, что у нихъ при дворѣ много другихъ друзей, въ родѣ Уотъ-Ралея, иначе они тоже очутились бы въ Тоуэрѣ вмѣсто провинціи.

Первый франтъ, посматривая на черную занавѣсь, закрывавшую часть сцены, сказалъ сквозь зубы:

— Вильямъ Шекспиръ долженъ быть сегодня въ надлежащемъ расположеніи духа, чтобы разыгрывать свою трагическую исторію: другъ его Соуптгемптонъ въ тюрьмѣ, Эссексъ казненъ, самъ онъ высылается изъ столицы. Удивляюсь только, какъ такой сердечный человѣкъ, какъ Шекспиръ, этотъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова, можетъ находить удовольствіе въ подобной компаніи, какъ онъ вообще можетъ быть актеромъ и въ состояніи писать пьесы для увеселенія этой вонючей черни.

Каковы бы ни были воззрѣнія самого Шекспира на этотъ счетъ, въ данную минуту у него были другія заботы въ головѣ. Въ пустой актерской, закрытой занавѣской со стороны сцены, онъ ходилъ отъ одного актера къ другому; многіе изъ нихъ не были еще совсѣмъ одѣты, другіе уже наклеили себѣ парики и фальшивыя бороды, иные успѣли уже загримироваться и ходили взадъ и впередъ, повторяя про себя свою роль съ озабоченнымъ видомъ. Шекспиръ успокоивалъ всѣхъ, и, казалось, волновался меньше всѣхъ присутствующихъ. Онъ уже отчасти облачился въ свое

одѣяніе духа отца Гамлета, и только его волнистые волосы, слегка рыжеватые, какъ и его заостренная клиномъ бородка, еще не были спрятаны подъ шлемъ, который онъ долженъ былъ потомъ надѣть. Его добрые каріе глаза быстро и осторожно оглядывали всѣхъ актеровъ, и когда онъ убѣдился, что актеры для первой сцены уже совершенно готовы и другіе тоже скоро будутъ одѣты, онъ подалъ наконецъ знакъ поднять флагъ и затрубить въ трубы.

При видѣ этого флага послѣдніе запоздавшіе въ театръ ускорили свои шаги, чтобы поспѣть во-время. Многіе аристократы подъѣзжали на лодкахъ прямо изъ своихъ роскошныхъ дворцовъ, расположенныхъ на набережной, ѣхали также верхомъ на лошадяхъ или въ колясках, или же переплывали Темзу на яликахъ; простые граждане, адвокаты, солдаты, матросы и простой народъ стекались со всѣхъ сторонъ на поромахъ или пѣшкомъ отъ Лондонскаго моста и изъ ближайшаго сосѣдства. При звукѣ трубы публика въ театрѣ громко воскликнула: а—а! послышались и другія восклицанія въ этомъ же родѣ. Всѣ актеры высыпали изъ актерской, нѣкоторые подошли къ самой занавѣси, другіе остановились недалеко отъ нея, сейчасъ должно было начаться первое представленіе «Гамлета», обезсмертившаго потомъ имя своего автора—Шекспира.

Въ актерской, гдѣ оставалось всего только нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ реплики, вызывавшей ихъ на сцену, ясно было слышно все, что говорилось на сценѣ, а также слышны были комментаріи и громкія замѣчанія публики во «дворѣ» и напыщенный смѣхъ аристократовъ, смѣявшихся надъ собственными шутками. Въ узкія высокія окна врывался холодный блѣдный свѣтъ мартовскаго дня и падалъ прямо на лицо молодого стройнаго актера, усы котораго были такъ хорошо прикрѣплены, что ихъ не трудно было принять за настоящіе; въ тѣ времена, когда вообще было въ модѣ красить волосы, настоящія бороды и усы часто казались фальшивыми. Волосы молодого человѣка были чуднаго каштановаго цвѣта, но это былъ ихъ естественный цвѣтъ. Его голубые глаза и давольно рѣзкія черты лица придавали ему отчасти добрый, отчасти горделивый видъ, онъ старался стоять спокойно, чтобы ни однимъ движеніемъ не выдать безпокойства, снѣдавшаго его, какъ это всегда бываетъ съ главными актерами, когда они впервые выступаютъ въ новой пьесѣ.

Въ это время къ нему подошелъ вдругъ юноша въ женской одеждѣ—въ длинномъ платьѣ съ пышными рукавами, фижмами и на высокихъ каблукахъ; онъ шелъ медленно и плавно, какъ подобаетъ граціозной дѣвушкѣ, которую онъ игралъ, или же подпрыгивалъ и скакалъ, какъ мальчикъ, каковымъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ весело замѣтилъ:

— Смѣлѣе, Гель, не дѣлай такой похоронной мины, у тебя, кажется, ноги дрожатъ больше, чѣмъ у самого Шекспира, между тѣмъ пьесу-то написалъ онъ, посмотри-ка на него: вотъ онъ надѣлъ свой шлемъ и идетъ играть духа такъ же спокойно, какъ будто надѣлъ шапку, чтобы итти въ таверну выпить стаканъ пива.

Гель сначала было хотѣлъ принять обиженный видъ, но, понявъ во-время, что умница-мальчикъ, игравшій Офелію, видитъ его насквозь, тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Вѣдь мнѣ впервые приходится играть такую отвѣтственную роль. Мнѣ кажется, что меня поднимутъ на смѣхъ сегодня, ужъ лучше бы отдали «Лаэрта» Джилю Грове, въ концѣ концовъ.

— Вздоръ, Мерріотъ, если ты будешь такъ трусить, ты никогда не сможешь играть отвѣтственныхъ ролей. А, между тѣмъ, вѣдь въ тавернѣ ты первый затѣваешь драку, ты не изъ трусливыхъ. Посмотри-ка на Бурбеджа—онъ забылъ себя, насъ, весь міръ и воображаетъ, что онъ на самомъ дѣлѣ—Гамлетъ!

Гель Мерріотъ, зная напередъ то, что увидитъ, посмотрѣлъ все же на Бурбеджа, шагавшаго какъ бы въ глубокомъ раздумьѣ около входа на сцену. Невысокаго роста, красивый человѣкъ, онъ поражалъ своимъ сосредоточеннымъ видомъ и величественной осанкой; онъ былъ спокоенъ, какъ и самъ Шекспиръ, но въ то время, какъ послѣдній думалъ обо всемъ, кромѣ своей роли, Бурбеджъ напротивъ только и думалъ о ней, какъ будто онъ дѣйствительно сталъ Гамлетомъ съ той минуты, какъ облачился въ его одѣяніе.

— На что это вы такъ заглядѣлись, Джиль Грове?—спросилъ вдругъ Гель Мерріотъ другого актера, смотрѣвшаго на него съ насмѣшливой улыбкой, какъ будто онъ догадывался о внутреннемъ безпокойствѣ дебютанта.—Право, я бы совѣтовалъ вамъ оставить въ покоѣ другихъ людей и заняться своимъ дѣломъ. Вы бы лучше оставались сапожникомъ, чѣмъ итти въ актеры.

— Конечно,—отвѣтилъ Грове, одѣтый въ одежду Розенкранца,—я гораздо менѣе отрицаю то, что былъ сапожникомъ (что̀ совершенно вѣрно), чѣмъ нѣкоторые кричатъ о томъ, что они—дворяне (въ чемъ можно еще сомнѣваться).

Глаза Мерріота гнѣвно сверкнули, но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ что нибудь отвѣтить, въ разговоръ вмѣшался другой актеръ въ богатомъ платьѣ съ фальшивой сѣдой бородой.

— Послушайте, Грове,—сказалъ онъ:—вы несправедливы къ этому молодому человѣку. Развѣ онъ когда нибудь хвастался своимъ происхожденіемъ? Оставьте его въ покоѣ. Вы, кажется, опять слишкомъ часто прикладывались къ боченку съ пивомъ.

— Дѣло въ томъ,—воскликнулъ юноша, игравшій Офелію и стоявшій, красиво подбоченившись:—Грове разсчитывалъ, что будетъ играть роль Лаэрта, а Шекспиръ отдалъ эту роль Гелю, и поэтому послѣдній только хвастаетъ, что онъ—дворянинъ.

— Ахъ, ты, дерзкій мальчишка!—крикнулъ Грове:—если бы я не боялся испортить твоего грима, я бы научилъ тебя разговаривать съ старшими. Я бы могъ играть Лаэрта, но этотъ...

Онъ запнулся, но сѣдобородый актеръ, игравшій Полонія, кончилъ за него:

— Но этотъ молодой человѣкъ получилъ эту роль, потому что разсчитывать на васъ невозможно: вы могли напиться такъ, что не были бы въ состояніи играть.

— Что касается этого,—подхватилъ Грове,—то вотъ этотъ господинъ засидится въ тавернѣ навѣрное позже меня и будетъ кричать громче меня до самаго разсвѣта.

Мерріотъ ничего не отвѣтилъ на эту послѣднюю дерзость. Грове тоже молча отошелъ въ другой уголъ комнаты. Полоній перешелъ къ другой группѣ актеровъ, а Офелія отправилась смотрѣть, какъ надѣваютъ роскошное платье на актера, которому предстояло играть роль Озрика. Предоставленный теперь своимъ думамъ, Лаэртъ задумчиво крутилъ свои фальшивые усы и обдумывалъ дерзости, которыя наговорилъ ему бывшій сапожникъ. И чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ и чѣмъ больше сознавалъ, что не нашелся, что отвѣтить ему на это, тѣмъ въ большую ярость онъ приходилъ. Гнѣвъ его, однако, послужилъ прекраснымъ средствомъ отъ того безпокойства, которое только что передъ тѣмъ волновало его. Онъ такъ глубоко задумался надъ всѣмъ этимъ, что даже не слѣдилъ за тѣмъ, что происходило на сценѣ, и поэтому невольно вздрогнулъ, когда вдругъ Шекспиръ схватилъ его за лѣвый рукавъ и повлекъ его ко входу на сцену, говоря:

— Что съ тобой, Гарри? Тебя вѣдь ждутъ уже на сценѣ!

Проснувшись будто отъ сна и видя, что Бурбеджъ и другіе уже на сценѣ, онъ бросился тоже туда и такъ внезапно очутился вдругъ передъ королемъ Клавдіемъ и Бурбеджомъ, что послѣдній съ негодованіемъ взглянулъ на него, чѣмъ еще больше увеличилъ его смущеніе. Бѣдный Гель стоялъ неподвижно, уставившись взглядомъ на вывѣшенный плакардъ, на которомъ значилось, что сцена изображаетъ комнату во дворцѣ Эльсиноръ. Публика волновалась и перешептывалась во время длиннаго монолога короля. Гель вообразилъ, что смущеніе его замѣчено въ театрѣ, и такъ перепугался, что отступилъ шагъ назадъ и наступилъ прямо на ногу одному изъ двухъ придворныхъ, появившихся тутъ же на сценѣ; тотъ сердито вскрикнулъ. Чувствуя, что надо что нибудь предпринять, чтобы наконецъ овладѣть собою, Гель вспомнилъ, что, разсердившись на Грове, онъ забылъ всякій страхъ, и поэтому опять постарался возобновить въ своей памяти сцену, происшедшую въ актерской. Онъ такъ глубоко задумался, что чуть не пропустилъ свою реплику, когда вдругъ замѣтилъ, что на сценѣ водворилось глубокое молчаніе, и увидѣлъ, что всѣ актеры съ удивленіемъ глядятъ на него.

— Что тебѣ надо, Лаэртъ?—въ третій разъ уже спрашивалъ его король.

Гель, видя, что его спрашиваютъ уже не въ первый разъ, открылъ ротъ, чтобы отвѣтить, и тутъ только замѣтилъ, что совершенно забылъ первыя слова своей роли. Страшно смущенный, онъ невольно взглянулъ на дверь, ведшую за кулисы, и встрѣтился съ глазами Шекспира, стоявшаго такъ, чтобы видѣть оттуда все, что происходитъ на сценѣ. Скорѣе удивленный, чѣмъ негодующій, онъ прошепталъ ему вполголоса первыя слова его роли, и Гель, точно воскресшій изъ мертвыхъ, сразу пришелъ въ себя и началъ свой монологъ. Публика, молчавшая только при самомъ началѣ дѣйствія и при появленіи духа отца Гамлета, опять заволновалась и стала разговаривать довольно громко, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не заговорилъ самъ принцъ Гамлетъ.

Когда Гель вышелъ опять за кулисы вмѣстѣ съ королемъ и придворными, онъ подошелъ тотчасъ же къ Шекспиру и извинился передъ нимъ за свою разсѣянность; тотъ спокойно отвѣтилъ ему:

— Вздоръ, Гель, съ кѣмъ изъ насъ это не случалось въ свое время?

Насмѣшливая улыбка Грове, конечно, не способствовала успокоенію Геля, пока онъ стоялъ за кулисами, выжидая опять время своего выхода на сцену.

Онъ горько упрекалъ себя за то, что чуть не испортилъ всей пьесы Шекспира, своего благодѣтеля, который довѣрилъ ему отвѣтственную роль Лаэрта. Глубоко опечаленный, онъ вернулся затѣмъ на сцену вмѣстѣ съ Офеліей и Полоніемъ.

Сцена эта прошла такъ хорошо, что Гель совсѣмъ было пріободрился, но въ ту минуту, какъ онъ говорилъ свои послѣднія слова, обращаясь къ Полонію, онъ совершенно нечаянно взглянулъ черезъ цѣлый рядъ головъ на ложи и тамъ увидѣлъ личико, заставившее его широко раскрыть глаза отъ удивленія и остаться стоять съ открытымъ ртомъ.

Личико это принадлежало, конечно, женщинѣ, онъ никогда не видалъ его раньше, иначе бы онъ, конечно, сразу узналъ его. Онъ и теперь бы не увидалъ его, но молодая дѣвушка сняла маску, подъ которой ей стало, вѣроятно, слишкомъ душно. Она, повидимому, совсѣмъ не безпокоилась о томъ, что могутъ подумать, увидѣвъ ее безъ маски въ театрѣ. Личико ея поражало своимъ гордымъ и энергичнымъ выраженіемъ, казалось, что подъ прелестнымъ женскимъ обликомъ скрывается огненный гордый характеръ юноши. Волосы и глаза у нея были темные, кожа поражала своею бѣлизною и свѣжестью, лобъ былъ невысокій, подбородокъ твердый и энергичный, но въ то же время очаровательнаго очертанія. Однимъ словомъ, это была форменная красавица, иначе, конечно, Мерріотъ не былъ бы такъ пораженъ при видѣ ея. Подбо-

родокъ ея утопалъ въ батистовыхъ брыжахъ, платье ея было изъ темной матеріи съ бархатными полосами и тѣсно облегало ея стройную изящную фигурку. Рукава съ разрѣзами, но въ то же время очень пышные, не скрывали дивныхъ формъ ея рукъ; на видъ ей можно было дать не болѣе двадцати двухъ лѣтъ.

Рядомъ съ этимъ дивнымъ созданіемъ сидѣлъ пожилой, роскошно одѣтый господинъ, крѣпко уснувшій на своемъ стулѣ, а дальше въ ложѣ виднѣлась еще дама въ маскѣ, она откинулась какъ можно дальше назадъ, чтобы ея не видали. Во дворѣ, около самой ложи стоялъ стройный смуглый юноша въ зеленомъ платьѣ, которое носили обыкновенно пажи великосвѣтскихъ дамъ.

Конечно, всѣхъ этихъ подробностей Лаэртъ не могъ замѣтить сразу, онъ только видѣлъ дѣвушку и былъ такъ пораженъ ея красотой, что послѣднія слова свои произнесъ такимъ равнодушнымъ голосомъ, что ближайшіе зрители расхохотались: настолько былъ великъ контрастъ между этимъ тономъ и тѣмъ пыломъ, съ которымъ онъ только что говорилъ. Полоній и Офелія, удивленные этимъ рѣзкимъ переходомъ, невольно тоже посмотрѣли въ ту сторону, куда смотрѣлъ Лаэртъ. Онъ въ эту минуту съ большимъ чувствомъ произнесъ «прощай», относившееся по ходу дѣйствія къ Офеліи, но на самомъ дѣлѣ онъ сказалъ это слово, обращаясь къ прелестной незнакомкѣ. Онъ съ такой неохотой покидалъ сцену, что Полоній, которому теперь предстояло говорить въ отсутствіи Лаэрта, сердито крикнулъ ему вполголоса: «Убирайся къ чорту!»—что̀ заставило покатиться со смѣху сидѣвшихъ около сцены щеголей.

При видѣ Шекспира, говорившаго о чемъ-то съ Гораціо около входа на сцену, Мерріотъ почувствовалъ опять угрызеніе совѣсти, но ненадолго; воспоминаніе о чудномъ видѣніи въ ложѣ затмило собой все, онъ даже забылъ о своей ссорѣ съ Грове. Гель охотно бы пошелъ теперь на балконъ, находившійся на заднемъ планѣ сцены, куда обыкновенно уходили всѣ актеры, не занятые въ пьесѣ, и откуда онъ могъ бы прекрасно видѣть даму, плѣнившую его сердце, но какъ разъ сегодня этотъ балконъ долженъ былъ служить площадкой около замка, гдѣ сходятся Гамлетъ и духъ его отца.

Услужливое воображеніе рисовало уже Гелю счастливую перспективу, будто красавица эта тоже влюбилась въ него, и онъ совершенно не слѣдилъ за тѣмъ, что происходило на сценѣ, пока наконецъ не раздался торжественный голосъ духа-Шекспира, говорившаго на сценѣ и водворившаго сразу молчаніе въ зрительномъ залѣ съ первыхъ же своихъ словъ.

Во второмъ актѣ Гель долженъ былъ перемѣнить платье играть роль одного изъ придворныхъ на сценѣ. Какъ только он вышелъ изъ за-кулисъ, онъ первымъ долгомъ взглянулъ на сво красавицу, но, увы, она надѣла снова черную бархатную маску.

Вернувшись въ актерскую, онъ долженъ былъ приклеить себѣ теперь сѣдую бороду, чтобы изображать престарѣлаго царедворца въ сценѣ, гдѣ давалось театральное представленіе, устроенное Гамлетомъ. Важно выступая въ свитѣ короля подъ звуки трубъ и барабановъ, онъ снова увидѣлъ, что красавица его все еще въ маскѣ. Но на этотъ разъ онъ не могъ смотрѣть на нее, такъ какъ онъ долженъ былъ смотрѣть то на короля и королеву, то на мимическихъ актеровъ въ глубинѣ сцены.

Когда окончилась эта сцена, и актеры снова очутились за кулисами, они невольно стали обмѣниваться впечатлѣніями. Одинъ замѣтилъ:

— Публикѣ, повидимому, понравилось наше представленіе: какъ она кричала, когда король бросился бѣжать въ ужасѣ!

— Ну, шумъ еще ничего не значитъ,—возразилъ другой:—гораздо важнѣе то, что всѣ они притихли и слушали почти всю сцену молча: небось, когда играли Гамлета—Тома Кида, навѣрное, этого не было.

— Посмотримъ, удастся ли еще конецъ,—замѣтилъ тихо Шекспиръ, но на лицѣ его играла довольная улыбка.

Гель Мерріотъ нацѣпилъ опять свои усы и облекся въ одежду Лаэрта съ твердымъ намѣреніемъ съ своей стороны тоже способствовать успѣху пьесы. Слѣдующая за тѣмъ сцена, гдѣ онъ долженъ былъ потребовать отъ короля удовлетворенія за смерть отца, узнать о томъ, что сестра его сошла съ ума, эта сцена должна была дать ему возможность доказать Шекспиру, что онъ не ошибся, выбравъ его для такой отвѣтственной роли; она должна была послужить первымъ шагомъ къ блестящей карьерѣ, которая дала бы ему возможность встать на одну доску съ богатой аристократкой. Можетъ быть, она принадлежала къ числу тѣхъ, которыя пользовались привилегіей присутствовать на рождественскихъ придворныхъ представленіяхъ. Если бы ему удалось заслужить ея вниманіе, въ первый же разъ, какъ актеры оберъ-гофмейстера будутъ играть при дворѣ, и составить себѣ такое же состояніе, какъ Аллейнъ и другіе актеры, онъ смѣло можетъ разсчитывать на то, что будетъ ей равенъ по богатству и происхожденію. Все это промелькнуло въ его головѣ, какъ молнія, съ свойственной юношамъ безпечностью.

Онъ стоялъ, погруженный въ раздумье, въ углу актерской и подобно Бурбеджу старался сосредоточиваться на своей роли, отгоняя актеровъ, подходившихъ къ нему поболтать. Вездѣ раздавались шутки и смѣхъ, слышались разговоры, всѣ сидѣли на столахъ, стульяхъ и креслахъ и даже на шкапахъ, такъ какъ все это было приготовлено для предстоящей сцены; въ тѣ времена въ театрѣ употреблялись не только костюмы и гримъ, но также декораціи и обстановка. Наконецъ настала минута выхода на сцену. Гель былъ совершенно готовъ и вошелъ въ свою роль: когда онъ услышалъ реплику, вызывавшую его на сцену, онъ быстро выско-

чилъ изъ-за кулисъ и съ такимъ жаромъ воскликнулъ: «гдѣ король?» что публика примолкла, и даже всѣ сидѣвшіе около сцены франты на минуту прекратили свой разговоръ.

Приказавъ своимъ датчанамъ отойти немного назадъ, Гель снова обернулся къ королю и бросилъ быстрый взглядъ по направленію къ интересовавшей его ложѣ: она была пуста. Ему показалось, что полъ уходитъ у него изъ-подъ ногъ, въ ту же секунду интонація голоса его совершенно измѣнилась, и онъ снова монотонно и машинально продолжалъ свой монологъ, обращенный къ королю. Онъ все еще, время отъ времени, посматривалъ на пустую ложу, чтобы убѣдиться, что глаза не обманываютъ его, но тамъ не было больше ни его красавицы, ни другой дамы въ маскѣ, ни спящаго мужчины, ни пажа въ зеленомъ платьѣ. Гелю показалось, что въ театрѣ вдругъ стало темно, хотя попрежнему свѣтъ лился въ окна.

Почти совершенно не понимая, что онъ дѣлаетъ, Гель кое-какъ окончилъ эту сцену и другую, слѣдующую за ней, очень длинную и неинтересную. Онъ вышелъ, какъ въ туманѣ, въ актерскую и сѣлъ на стулъ въ глубокомъ раздумьѣ.—Развѣ жизнь утратила для тебя всякую прелесть?—послышался вдругъ голосъ Шекспира, вѣрно угадавшаго настроеніе своего протеже. Онъ говорилъ это полунасмѣшливо, полусострадательно. При этихъ словахъ Гель почувствовалъ раскаяніе совѣсти при мысли о томъ, какъ онъ обманулъ довѣріе своего патрона и почти провалилъ его пьесу. И поэтому онъ сказалъ ему совсѣмъ невпопадъ:

— Простите меня, я постараюсь исправиться въ послѣднемъ актѣ.

И онъ всталъ съ мѣста съ твердымъ намѣреніемъ дѣйствительно взять себя въ руки. Вѣдь, можетъ быть, та дѣвушка и ея спутники только перешли въ другую ложу, или же ушли на время и снова затѣмъ вернутся въ театръ. Къ тому же съ его стороны было очень глупо пренебрегать единственнымъ средствомъ когда либо сравняться съ ней въ смыслѣ богатства, и надо было принять во вниманіе и злорадство, свѣтившееся въ лицѣ Джильберта Грове.

Теперь ему предстояла сцена встрѣчи съ Гамлетомъ на кладбищѣ. Стараясь увѣрить себя, что очаровавшая его дѣвушка смотритъ изъ какого-то неизвѣстнаго ему мѣста, онъ игралъ съ такимъ жаромъ, что когда вышелъ за кулисы послѣ этой сцены, самъ Бурбеджъ привѣтствовалъ его восклицаніемъ:

— Прекрасно сыграно, сэръ!

— Недурно сыграно,—подтвердилъ и Полоній, а Офелія, скинувшая свое женское платье и оставшаяся въ мужской курткѣ, воскликнула съ торжествомъ:

— Посмотрите, какое кислое выраженіе лица у Джильберта!

Но Мерріотъ былъ настолько благороденъ, что не сталъ радоваться униженію своего врага, а обрадовался тому, что Шекспиръ самолично поблагодарилъ его за игру, а затѣмъ онъ отошелъ не

много въ сторону и сталъ упражняться съ своей рапирой, приготовляясь къ сценѣ поединка.

Отчасти благодаря именно его умѣнію обращаться съ рапирой, Шекспиръ и поручилъ ему играть роль Лаэрта; будучи самъ дворяниннъ отъ рожденія, Гель прекрасно владѣлъ этимъ благороднымъ оружіемъ, замѣнившимъ вездѣ мечи и щиты. Будучи еще въ Оксфордѣ, при жизни своихъ родителей, когда процессъ, затѣянный Беркширской отраслью его фамиліи, еще не лишилъ его крова и не заставилъ бѣжать въ Лондонъ, чтобы найти какія нибудь средства существованія, онъ каждый день упражнялся въ фехтованіи подъ руководствомъ всевозможныхъ учителей. Въ Лондонѣ онъ научился въ этомъ отношеніи всему, что могли ему дать новаго французы въ изгнаніи, воевавшіе когда-то во Фландріи и въ Испаніи. Въ искусствѣ владѣть рапирой онъ не зналъ себѣ соперниковъ, и хотя въ сценѣ поединка въ Гамлетѣ всѣ движенія были уже заранѣе заучены, все же требовалось немало умѣнья и искусства, чтобы выполнить ихъ безукоризненно. Въ тѣ времена, когда почти каждый человѣкъ умѣлъ владѣть тѣмъ или другимъ оружіемъ, поединокъ самъ по себѣ имѣлъ для всѣхъ огромный интересъ.

Вся публика была настроена очень нервно, напряженіе ея дошло до высшей степени, какъ и должно быть всегда въ пятомъ актѣ, передъ концомъ пьесы. Всѣ мужчины: солдаты, ученые, приказчики, лорды, всѣ они принимали живое участіе въ происходившемъ на сценѣ поединкѣ и поощряли сражавшихся восклицаніями и совѣтами. Симпатія всѣхъ была, конечно, на сторонѣ Гамлета, но для всѣхъ было ясно, что Лаэртъ несравненно лучше владѣетъ оружіемъ и только по необходимости оставляетъ побѣду за нимъ. Благородная манера, съ которой Лаэртъ призналъ себя побѣжденнымъ, положительно наэлектризовала публику и расположила ее въ пользу этого актера. Во время поэдинка, когда Лаэртъ сдѣлалъ движеніе, долженствовавшее на самомъ дѣлѣ обязательно ранить Гамлета, изъ публики вдругъ раздался громкій голосъ:

— Я зналъ, что ударъ этотъ будетъ нанесенъ, Мерріотъ! Это — я, Китъ Боттлъ!

Когда Лаэртъ наконецъ сознался въ измѣнѣ и просилъ прощенія у Гамлета, всѣ положительно были на сторонѣ Геля: такъ хорошо онъ фехтовалъ и съ такимъ жаромъ игралъ свою роль. Когда спектакль кончился, онъ былъ настроенъ такъ же радостно, какъ и всѣ остальные актеры, обмѣнивавшіеся оживленными замѣчаніями и спѣшившіе перемѣнить свои богатыя одежды на обычный костюмъ.

— Пойдемъ съ нами къ «Соколу» выпить бокала два пива, а затѣмъ въ «Морскую Дѣву» поужинать,—сказалъ Шекспиръ Гелю, когда, спустя нѣсколько времени послѣ окончанія спектакля, тотъ вышелъ изъ театра въ довольно поношенномъ платьѣ коричневаго

шелка и бархата. Шекспира сопровождали Геминджъ, Слай, Конделль и Флетчеръ, который былъ директоромъ этой труппы. Всѣ шестеро быстро направились черезъ поле въ таверну, кутаясь въ свои короткіе плащи, защищавшіе ихъ отъ вѣтра. Таверна «Сокола» лежала на западномъ берегу и отдѣлялась отъ рѣки только небольшимъ садикомъ; когда актеры подошли къ ней, изъ дверей ея вышла группа аристократовъ, направлявшихся къ лодкѣ, чтобы переѣхать въ другую часть города.

— Подождите немного,—быстро замѣтилъ Флетчеръ, — можетъ быть, намъ удастся услышать отзывъ о сегодняшней пьесѣ. Лордъ Эджбюри—лучшій знатокъ въ этомъ дѣлѣ во всей Англіи.

Актеры отошли немного въ сторону и сдѣлали видъ, будто читаютъ афишу.

— Конечно, эта пьеса захватываетъ вниманіе,—говорилъ лордъ Эджбюри своимъ спутникамъ,—но въ общемъ это—чепуха. Можетъ быть пьеса продержится недѣлю, такъ какъ заключаетъ въ себѣ аллегорію на современныя темы, но не дольше, будущности она не имѣетъ.

— Большое спасибо и за это,—тихо замѣтилъ Слай своимъ товарищамъ,—все же онъ оказался щедрѣе Грове: тотъ далъ всего три дня, этотъ даетъ недѣлю. Плюнемъ на всѣхъ этихъ пророковъ и зайдемъ въ таверну.

Лордъ Эджбюри и Джиль Грове, вы живы и до сихъ поръ! На всякомъ первомъ представленіи всегда находятся подобные вамъ, но на этотъ разъ вы немножко ошиблись: вмѣсто трехъ дней или недѣли вамъ слѣдовало сказать, по крайней мѣрѣ, триста лѣтъ, если не болѣе; конечно, это немного въ сравненіи съ вѣчностью, но для человѣческой жизни этого вполнѣ достаточно.

II.

Въ тавернахъ.

Чтобы не останавливаться впослѣдствіи на отдѣльныхъ описаніяхъ господствовавшихъ тогда модъ, существовавшихъ тогда улицъ, домовъ, общаго вида всего общества и тому подобныхъ вещей, мы скажемъ здѣсь вкратцѣ, что дѣло происходило въ 1601 г., въ 42 году царствованія Елисаветы, и положеніе дѣлъ было слѣдующее. Англія находилась въ первомъ періодѣ небывалаго въ мірѣ возрожденія: неизвѣстные до сихъ поръ комфортъ и роскошь, новыя мысли, новые способы удовольствій положительно придали всѣмъ англичанамъ какую-то лихорадочную страсть жить какъ можно веселѣе: мужчины носили бороды самыхъ разнообразныхъ фасоновъ, блестящія куртки и шелковые штаны до колѣнъ, брыжи, бархатные плащи, украшенные кружевами, и шляпы съ перьями; женщины носили высокіе узкіе корсажи и пышные рукава, платья спереди были всѣ съ разрѣзами, чтобы видны были нижнія юбки; многія

женщины красились и носили фальшивые волосы; одежды какъ мужчинъ, такъ и женщинъ сверкали драгоцѣнными камнями, серебромъ и золотомъ; лондонцы въ тѣ времена считались наиболѣе богато одѣтыми людьми всего міра. Дома въ Лондонѣ были деревянные, но оштукатуренные и съ разными шпицами; построены они были такимъ образомъ, что верхніе этажи выступали впередъ и затемняли нижніе, а также и узкія длинныя улицы; разодѣтая публика на этихъ улицахъ разнообразилась еще безчисленнымъ множествомъ иностранцевъ, стекавшихся сюда со всѣхъ сторонъ; кареты, хотя и недавно введенныя въ употребленіе, изобиловали на улицахъ, наравнѣ съ телѣгами и повозками; сѣрыя церкви и разоренные монастыри, епископскіе дворцы и дома дворянъ съ различными украшеніями и башнями встрѣчались повсюду въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ; католики иногда подвергались теперь такому же преслѣдованію, какъ когда-то преслѣдовали протестантовъ; было тамъ и множество гордыхъ, могущественныхъ лордовъ, но теперь всѣ они стекались въ Лондонъ и жили въ великолѣпныхъ дворцахъ на набережной или въ окрестностяхъ, вмѣсто того чтобы ютиться въ своихъ отдаленныхъ замкахъ, какъ было раньше; драчливые работники въ шерстяныхъ шапочкахъ и кожаныхъ курткахъ также легко воспринимали всякую мнимую или настоящую обиду, какъ и ихъ господа; первые расплачивались за нихъ ножами, вторые употребляли для этого рапиры съ золотыми или серебряными рукоятками; всѣ таверны кишѣли бородатыми солдатами, побывавшими въ Фландріи и въ Испаніи и изощрявшимися въ разнаго рода ругательствахъ; находилось множество охотниковъ послушать разные хвастливые разсказы моряковъ, побывавшихъ подъ командою Дрека или Ралея у испанскихъ береговъ; табакъ въ то время только входилъ въ употребленіе, но куреніе прививалось быстро и сильно афишировалось; всѣ сословія вѣрили еще въ духовъ и вѣдьмъ, и находилось только нѣсколько «атеистовъ», въ родѣ Кита Марлова и Вальтера Ралея, не вѣрившихъ въ нихъ; не укрощенная еще Англія продолжала веселиться, попрежнему устраивая народные спектакли и празднества, танцуя прежніе веселые и характерные танцы, хотя пуританизмъ уже начиналъ кое-гдѣ ясно проявлять свое вліяніе, и наконецъ послѣдняя новость: только что совершившаяся казнь безпокойнаго герцога Эссекскаго и знаменитый процессъ противъ его единомышленниковъ, заключенныхъ по тюрьмамъ.

Прежде чѣмъ войти въ таверну «Сокола», Мерріотъ еще разъ быстро оглянулся кругомъ, какъ бы надѣясь увидѣть гдѣ нибудь очаровавшую его красавицу, которая, можетъ быть, еще находилась по близости театра. Но публика, переполнявшая театръ, разбрелась уже во всѣ стороны, и здѣсь на берегу Темзы виднѣлись только еще женщины, стоявшія гораздо ниже ея въ смыслѣ общественнаго

положенія. Гель вздохнулъ и послѣдовалъ за своими спутниками въ таверну.

Они прошли черезъ общій залъ, чтобы попасть въ комнату, гдѣ они могли сидѣть одни безъ постороннихъ; вдругъ къ нимъ подошелъ высокаго роста человѣкъ съ черной бородой, съ грубыми и рѣзкими чертами лица, среднихъ лѣтъ, одѣтый въ старую засаленную куртку краснаго цвѣта и коричневые бархатные штаны до колѣнъ, съ жалкими остатками широкополой шляпы на головѣ, съ длиннымъ мечомъ и кинжаломъ, висѣвшими у него за поясомъ. Башмаки его были въ такомъ состояніи, что почти не заслуживали больше этого названія, а шерстяной коричневый плащъ имѣлъ видъ оборванной тряпки. Лицо его было пасмурно и задумчиво, но, какъ только онъ увидѣлъ актеровъ, онъ сразу напустилъ на себя видъ развязнаго человѣка, которому очень везетъ въ жизни.

— Актеры идутъ сюда, милордъ,—произнесъ онъ напыщенно слова, цитируемыя изъ пьесы.—Недурная трагедія, мастеръ Шекспиръ, очень недурная! Прямо даже превосходная!

— Несмотря на то, что ты сдѣлалъ все съ своей стороны, чтобы испортить ее, крикнувъ на весь театръ во время поединка, Китъ Боттль,—замѣтилъ Виль Слай.

— Капитанъ Боттль, прошу васъ это помнить, милостивый государь,—отвѣтилъ ему Боттль, принимая важный видъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, меня звали въ то время, какъ я унесъ съ поля сраженія сэра Филиппа Сиднея и велъ свою команду за лордомъ Эссексомъ при Кадиксѣ.

— Какъ же ты поживаешь, капитанъ Китъ?—спросилъ Шекспиръ и въ голосѣ его прозвучала грустная нотка.

— Прекрасно, какъ всегда,—отвѣтилъ Китъ,—марширую вотъ подъ эту музыку.

Онъ вынулъ кошель и потрясъ имъ въ воздухѣ, чтобы заставить зазвенѣть монеты.

Пропустивъ впередъ всѣхъ актеровъ, Китъ дернулъ за рукавъ Мерріота, проходившаго послѣднимъ. Когда они очутились вдвоемъ въ отдаленномъ углу комнаты, Боттль сразу измѣнилъ тонъ и сказалъ:

— Нѣтъ ли у тебя лишняго шиллинга или двухъ, только до завтрашняго дня, клянусь тебѣ въ этомъ. Я знаю, что получу сегодня деньги. Мнѣ нужно только имѣть шиллингъ или два, чтобы начать игру въ кости. Я знаю, что сегодня счастье чортовски везетъ мнѣ. Видишь ли, въ чемъ дѣло, юноша, я не могу солгать тебѣ, а обстоятельства мои плохи: я не ѣлъ со вчерашняго дня.

— Какъ такъ, но что же у тебя звенѣло въ кошелькѣ?—спросилъ съ удивленіемъ Гель.

— Это—дѣло другое. Неужели ты думаешь, не въ обиду тебѣ будь сказано, что я выкажу свою бѣдность передъ актерами?—говоря это, старый воинъ открылъ свой кошель и показалъ въ немъ

нѣсколько мѣдныхъ колечекъ отъ старой цѣпочки.—Когда у тебя нѣтъ ни одной монеты, пусть они звенятъ какъ можно громче у тебя въ карманѣ: это полезно во многихъ отношеніяхъ, милый юноша.

— Но если тебѣ даже пообѣдать не на что,—сказалъ Гель,—какимъ образомъ ты попалъ въ игорную комнату?

— Ахъ, это пустяки,—отвѣтилъ, немного смутившись, Боттль — Видишь ли, когда происходитъ борьба между тѣломъ и духомъ, побѣдить долженъ всегда послѣдній, вѣдь шестью пенсами я не могъ удовлетворить и то и другое. Я долго колебался и думалъ, что̀ лучше: съѣсть мяса и выпить пива, или же посмотрѣть, не повезетъ ли мнѣ счастье въ игрѣ? Ты вѣдь знаешь Кита Боттля: хотя онъ участвовалъ въ сраженіяхъ и перерѣзалъ немало испанскихъ глотокъ, и хотя онъ любитъ и мясо и пиво, но потребности ума для него всего дороже.

Тронутый при мысли, что голодный воинъ пожертвовалъ послѣдними шестью пенсами, только бы испробовать счастья въ игрѣ, Гель сейчасъ же полѣзъ къ себѣ въ карманъ, досталъ все, что у него оставалось отъ жалованья за послѣднюю недѣлю, около пяти шиллинговъ въ общемъ, и отдалъ два шиллинга съ половиной Боттлю, говоря:

— Я могу дать тебѣ половину только, Китъ, остальные я долженъ отдать другому, у котораго занималъ какъ-то раньше.

— Нѣтъ, юноша,—воскликнулъ Китъ, быстро оглядѣвшись кругомъ, чтобы убѣдиться, что никто изъ присутствующихъ не видитъ ихъ сдѣлку:—я вовсе не желаю тебя грабить, а возьму два шиллинга и ни одного пенса больше. У тебя золотое сердце, юноша, завтра я отдамъ тебѣ деньги, хотя бы для этого пришлось заложить свой мечъ. Завтра отдамъ, вѣрь старому солдату, Боттлю!

И, гордо выпрямившись, старый капитанъ, достигшій своей цѣли, исчезъ изъ виду. Мерріотъ прошелъ въ комнату, гдѣ уже сидѣли актеры. Бокалъ вина съ Канарскихъ острововъ уже стоялъ на столѣ и ждалъ его.

— Ну, что, Гель?—воскликнулъ Слай:—кажется, Боттль посвятилъ тебя въ какую-то государственную тайну?

— Люблю я этого стараго бродягу, — отвѣтилъ Гель, избѣгая прямого отвѣта.—Вѣдь онъ главнымъ образомъ и обучилъ меня фехтовальному искусству. Онъ въ душѣ солдатъ, и, кромѣ того, въ немъ масса самолюбія, что̀ рѣзко отличаетъ его отъ другихъ бродягъ.

— Мнѣ кажется, дѣла его плохи,—замѣтилъ Флетчеръ,—несмотря на то, что онъ звенѣлъ своими монетами. Я видѣлъ сегодня, какъ онъ бродилъ вокругъ театра, съ завистью посматривая на сидящихъ въ немъ: онъ, казалось, стоялъ и ждалъ, не подойдетъ ли кто нибудь изъ его друзей, чтобы заплатить за него за входъ. Я поз-

волилъ ему войти даромъ, вы бы видѣли, какъ онъ обрадовался этому позволенію.

— Я воображаю, навѣрное, лицо его сразу просвѣтлѣло,—сказалъ Шекспиръ: — вотъ если бы всѣ такъ легко поддавались различнымъ впечатлѣніямъ, какъ этотъ человѣкъ.

Гель улыбнулся при мысли, какъ ловко все же Боттль умѣетъ пользоваться обстоятельствами и скрывать отъ другихъ свои плохія денежныя дѣла.

Когда Гель положилъ назадъ въ карманъ свои послѣдніе три шиллинга, онъ вдругъ ощупалъ въ немъ что-то волосатое; поспѣшно выдернувъ руку, онъ увидѣлъ, что это--сѣдая борода, которую онъ надѣвалъ, когда игралъ престарѣлаго лорда. Онъ вспомнилъ, что случайно поднялъ ее съ пола, куда она какъ-то упала, и въ разсѣянности положилъ въ карманъ, торопясь уйти изъ театра. Посмотрѣвъ на бороду, онъ сунулъ ее обратно въ карманъ. Послѣ того какъ вино обошло три раза всѣхъ кругомъ, актеры встали и вышли изъ таверны, чтобы покинуть районъ театровъ и пивныхъ и отправиться въ городъ; они предпочли это сдѣлать пѣшкомъ, чѣмъ ѣхать на лодкахъ отъ самой таверны.

Они прошли цѣлый рядъ тавернъ, частныхъ домовъ, мимо дворца епископа Вестминстерскаго и наконецъ загнули въ улицу, носившую названіе «Длинная Южная дорога», потомъ повернули налѣво на Лондонскій мостъ и пошли черезъ него, при чемъ имъ пришлось кричать другъ другу, чтобы разслышать одному другого, настолько силенъ былъ шумъ воды. До гостиницы «Морской Дѣвы» было еще далеко, и поэтому Конделль предложилъ зайти еще куда нибудь по дорогѣ выпить бокалъ пива.

Войдя въ первую встрѣчную пивную, они вдругъ наткнулись на капитана Боттля, сидѣвшаго за столомъ. Визави ему сидѣлъ молодой человѣкъ въ свѣтлой атласной курткѣ, съ краснымъ бархатнымъ плащемъ и съ самымъ независимымъ и вызывающимъ видомъ. Оба они были заняты ѣдой и игрой въ кости въ одно и то же время.

— Послушай, старый негодяй, т.-е. хотѣлъ я сказать, ты, кажется, не можешь проглотить куска безъ того, чтобы не поиграть въ кости?

— Это—самая невинная игра, сэръ,—замѣтилъ Китъ, стараясь скрыть отъ своего товарища неудовольствіе, отразившееся на его лицѣ.—Вѣдь я играю безъ всякаго риска, проигрываю какихъ нибудь шесть пенсовъ не больше.

И онъ продолжалъ свою игру, ясно выражая этимъ, что вовсе не желаетъ, чтобы ему мѣшали.

— Да, это—вѣрно: капитанъ Боттль играетъ всегда безъ всякаго риска,—сказалъ Конделль.

— Это значитъ, что я какъ-то обыгралъ его,—конфиденціальнымъ шепотомъ замѣтилъ Боттль юношѣ, съ которымъ игралъ.—

Да, Конделль, я играю очень плохо, но все же обыгралъ васъ нѣсколько дней тому назадъ. Ну, ничего, скоро счастье вернется къ вамъ, и вы въ свою очередь опустошите мой карманъ,—и, обращаясь опять къ своему товарищу, онъ добавилъ:—подождите меня немного, я долженъ переговорить съ этими господами.

Китъ всталъ и, подойдя къ актерамъ, собралъ ихъ всѣхъ въ кружокъ и тихо сказалъ имъ:

— Послушайте, господа, не портите мнѣ, пожалуйста, игры. Къ чему лишать денегъ того, кто нуждается въ нихъ? Этотъ глупецъ вѣдь положительно утопаетъ въ мѣшкахъ съ золотомъ, онъ начиненъ имъ. Онъ живетъ гдѣ-то въ провинціи, гдѣ считается первымъ богачемъ и щеголемъ, и пріѣзжаетъ въ Лондонъ разъ въ годъ пожуировать и порастрясти здѣсь свой карманъ. Онъ раза два напьется до безчувствія и затѣмъ наскандалитъ въ тавернахъ, а потомъ возвращается къ себѣ въ провинцію и разсказываетъ цѣлый годъ о своихъ подвигахъ здѣсь. Если я не возьму его денегъ, другой возьметъ, можетъ быть, похуже меня: его обдерутъ, какъ липку, и пустятъ чуть не голымъ домой.

— Хорошо, мы предоставимъ его тебѣ всецѣло, Китъ,—сказалъ Шекспиръ:—дѣлай съ нимъ, что хочешь, мы не станемъ разсказывать ему о твоихъ продѣлкахъ. Пойдемте, господа. Эти напыщенные провинціальные дураки должны платиться за свою глупость. Китъ правъ, онъ могъ попасть въ худшія руки.

Актеры прошли въ другую комнату, только Гель остался позади и прошепталъ Киту на ухо:

— Я зналъ подобныхъ господъ еще до своего пріѣзда въ Лондонъ. Пощипли этого гуся, если сумѣешь пустить въ ходъ свои хитрости.

— Хитрости!—воскликнулъ Китъ,—къ чему употреблять это слово, придавая ему дурное значеніе? Вѣдь на войнѣ дозволяется прибѣгать къ хитростямъ? Вѣдь мы пользуемся тамъ всякимъ случаемъ, только бы повредить своему врагу? Игра—та же война, и поэтому всякія хитрости и предосторожности тамъ тоже позволительны. Да, къ тому же, если этотъ юноша съ своей стороны тоже пуститъ въ ходъ свои хитрости, вѣдь я не буду за это на него въ претензіи. Слѣдовательно, объ этомъ и говорить нечего.

Сказавъ это, Китъ, не упоминая о двухъ шиллингахъ, занятыхъ имъ у Геля, хотя онъ уже и успѣлъ выиграть ихъ немалое количество у провинціальнаго простака, вернулся къ своему партнеру, а Гель отправился въ другую комнату къ актерамъ.

Запахъ пирога и душистый ароматъ жареной рыбы такъ соблазнили всѣхъ проголодавшихся актеровъ, что они готовы были остаться въ этой тавернѣ, чтобы поужинать заразъ здѣсь, но Шекспиръ напомнилъ имъ, что Бурбеджъ ждетъ ихъ въ гостиницѣ «Морской Дѣвы». И поэтому, нѣсколько времени спустя, они пошли

опять дальше, значительно, однако, разгоряченные уже выпитымъ пивомъ, особенно Мерріотъ, который умудрился выпить больше, чѣмъ другіе. Онъ сталъ вдругъ сразу разговорчивъ и даже болтливъ. Онъ говорилъ о только что сыгранной пьесѣ, о своей роли въ ней и даже о прелестной дѣвушкѣ, которую онъ видѣлъ въ театрѣ, онъ такъ много говорилъ о ней, что она, какъ живая, представилась его умственному взору. Такъ они шли долго и наконецъ дошли до цѣли своего путешествія.

Актеры сразу прошли въ приготовленную уже для нихъ комнату, каминъ ярко топился, въ комнатѣ было тепло и свѣтло, посреди стоялъ большой дубовый столъ и вокругъ него нѣсколько креселъ, нѣсколько скамеекъ и стульевъ. Обои на стѣнахъ были еще новые, такъ какъ изображенныя на нихъ сцены изъ испанской Армады произошли только лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Пока актеры разсаживались по мѣстамъ, принесли еще зажженныхъ свѣчей, и Геминджъ отправился въ кухню, чтобы заказать ужинъ, не подходящій къ сезону (теперь была весна) и доступный только немногимъ избраннымъ. Онъ заказалъ почечную часть быка, каплуна, различные соуса и драченое съ яблоками, а для тѣхъ, кто не ѣлъ этого, немного рыбы. Актеры сильно проголодались послѣ представленія и вовсе не были расположены питаться исключительно рыбой, хотя это и былъ постный день. Хозяйка «Морской Дѣвы» смотрѣла на это сквозь пальцы и не видѣла ничего дурного въ томъ, что они поѣдятъ немного мясного. Послѣ своей утомительной и долгой прогулки по свѣжему воздуху, всѣ актеры единогласно потребовали грѣтаго хересу, и хозяинъ поспѣшилъ немедленно удовлетворить ихъ требованіе.

— Времена измѣнились,—замѣтилъ Шекспиръ, вѣшая свой плащъ, шляпу и короткую рапиру и садясь затѣмъ на стулъ съ довольнымъ видомъ, чтобы отдохнуть послѣ тяжелаго, утомительнаго дня.— Давно ли бывало насъ всегда ждала здѣсь компанія человѣкъ въ двѣнадцать, чтобы весело отужинать съ нами, когда мы возвращались послѣ представленій.

— Странно, что Ралей не показывается,—сказалъ Слай, стоя у камина и протягивая озябшія руки къ огню.

— Странно было бы, наоборотъ, если бы онъ рѣшился прійти сюда послѣ того, какъ онъ такъ ясно выразилъ свою радость при казни герцога.

Говорившій эти слова Флетчеръ намекалъ на то, что Ралей смотрѣлъ изъ окна Тоуэра на казнь своего соперника—герцога Эссекскаго.

— Но, во всякомъ случаѣ,—сказалъ Шекспиръ,—хотя Ралей и былъ во враждѣ съ герцогомъ, съ нами онъ былъ друженъ. Я увѣренъ, что онъ заступился за насъ при дворѣ въ инцидентѣ, который съ нами произошелъ теперь. Но въ то время, какъ одни наши

друзья томятся въ заключенiи, другiе держатся отъ насъ подальше. Что касается насъ, актеровъ, въ нашей средѣ тоже возникли разныя недоразумѣнiя и препирательства, и актеры враждуютъ теперь съ писателями и наоборотъ.

— Ты, вѣроятно, вспомнилъ о томъ, какъ прежде бывало нашъ смуглый Бенъ сидѣлъ съ нами за этимъ столомъ?—спросилъ Слай.

— Да, и желалъ бы, чтобы онъ дѣйствительно сидѣлъ теперь съ нами. Онъ навѣрное сидитъ теперь въ тавернѣ «Злого Духа», тамъ ему нечего бояться конкурренцiи съ твоимъ остроумiемъ, Виль.

— Да, нечего сказать, Бенъ Джонсонъ—дѣйствительно большой завистникъ,—воскликнулъ Лоренсъ Флетчеръ.—Я удивляюсь, Виль, что ты можешь еще вспоминать о немъ. Когда ты предложилъ ему сыграть его пьесу на нашемъ театрѣ, онъ поднялъ тебя на смѣхъ и осмѣялъ въ сатирѣ, разыгранной потомъ въ Блекфраерскомъ театрѣ. По-моему, плевать на него и его сатиры,—и, говоря это, Флетчеръ обратилъ все свое вниманiе на поданное ему жаркое.

— Нѣтъ,—возразилъ Шекспиръ,—его вообще не цѣнятъ по достоинству, и поэтому юморъ его принялъ горькiй и обидный для другихъ характеръ—такъ киснетъ иногда вино въ открытой бутылкѣ, когда его никто не хочетъ пить.

— Во всякомъ случаѣ,—воскликнулъ Мерріотъ, который разгорячился еще болѣе отъ слишкомъ частаго употребленiя горячаго, подсахареннаго хереса,—что касается меня, то я скорѣе согласился бы терпѣть всѣ муки ада, чѣмъ стать неблагодарнымъ по отношенiю къ тебѣ, Шекспиръ.

— Ахъ, глупости, я не оказывалъ никакихъ благодѣянiй ни тебѣ, ни Бену Джонсону.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Мерріотъ, отрѣзывая своимъ перочиннымъ ножомъ кусокъ мяса и отправляя его въ ротъ (вилки стали употребляться, только десять лѣтъ спустя):—открыть дверь своего дома человѣку, котораго только что выбросили изъ пивной, накормить его, когда у него не было денегъ, дать ему прiютъ у себя, когда онъ не имѣлъ права даже разсчитывать на него,—по-твоему это не благодѣянiе?

— Неужели ты находился въ подобномъ состоянiи, когда Шекспиръ принялъ тебя въ нашу компанiю?—спросилъ съ удивленiемъ Флетчеръ.

— Да, если еще не въ худшемъ. Развѣ Шекспиръ никогда не говорилъ вамъ объ этомъ?

— Нѣтъ, онъ говорилъ только, что ты дворянинъ и хочешь сдѣлаться актеромъ. Разскажи намъ объ этомъ, пожалуйста.

— Да, конечно, разскажи, какъ это случилось,—воскликнули тоже Геминджъ и Конделль, а Слай прибавилъ:—Актеру сдѣлаться дворяниномъ на сценѣ немудрено, но дворянину сдѣлаться актеромъ—дѣло другое, этотъ вопросъ давно уже интересовалъ меня.

— Хорошо,—сказалъ Гель, очень довольный, что можетъ говорить теперь одинъ за всѣхъ,—я разскажу вамъ, какимъ образомъ дворянинъ можетъ сдѣлаться еще кое-кѣмъ похуже, чѣмъ актеромъ. Произошло это три года тому назадъ, когда я только что пріѣхалъ въ Лондонъ, было это въ 1598 г. Вы всѣ, вѣроятно, уже слышали отъ меня, какъ я потерялъ всѣ свои имѣнія, благодаря жестокости законовъ и моихъ родственниковъ. Когда мой кузенъ получилъ въ свои руки всѣ мои владѣнія, онъ былъ не прочь платить за меня, чтобы я могъ посѣщать одинъ изъ университетовъ, но я вовсе не желалъ сдѣлаться бѣднымъ ученымъ, такъ какъ дома я выросъ въ богатствѣ и довольствѣ, какъ и подобаетъ сыну дворянина. Я зналъ только по латыни, умѣлъ играть на лютнѣ, умѣлъ охотиться и прекрасно стрѣлялъ, а главнымъ образомъ упражнялся въ искусствѣ фехтованія. Какъ разъ въ то время, когда для завершенія моего образованія я долженъ былъ отправиться въ Италію, Германію и Францію, отецъ мой и мать умерли, и меня выгнали изъ моего родного дома, послѣ чего, конечно, я не перестаю проклинать неправедные суды и жестокихъ и коварныхъ родственниковъ. Я бросилъ моему кузену въ лицо деньги, которыя онъ предлагалъ мнѣ, и сказалъ, что скорѣе пусть меня повѣсятъ, какъ вора, чѣмъ я соглашусь хоть что либо принять отъ него. Все, чѣмъ я владѣлъ тогда,—были: моя лошадь, одежда, бывшая на мнѣ, рапира и кинжалъ, а также маленькій кошелекъ съ нѣсколькими кронами въ немъ. У меня во всемъ мірѣ тогда былъ только одинъ другъ, на котораго я могъ разсчитывать, и къ нему-то я отправился. Это былъ католикъ, отецъ котораго когда-то спасъ моего дѣда, протестанта, во времена королевы Маріи, и я поѣхалъ къ нему въ надеждѣ, что онъ не откажется оказать мнѣ услугу и пріютить меня. Хотя обыкновенно онъ жилъ въ Парижѣ, но на этотъ разъ онъ былъ у себя дома въ Гертфордширѣ, однако онъ ничего не могъ сдѣлать для меня, такъ какъ имѣніе его было разорено, и онъ самъ собирался перебраться въ тѣ страны, гдѣ католики могутъ считать себя въ безопасности. Онъ далъ мнѣ письмо къ лорду Эссекскому, который, какъ и мой отецъ, любилъ его, несмотря на то, что онъ былъ католикъ. Когда я прочелъ это письмо, я вообразилъ, что участь моя обезпечена. Я ѣхалъ въ Лондонъ съ самыми радужными надеждами, въ увѣренности, что скоро займу высокій постъ при помощи герцога. Въ день пріѣзда въ Лондонъ я такъ былъ пораженъ здѣшней роскошной жизнью, такъ увлекся всѣми удовольствіями, которыми здѣсь можно пользоваться, что раньше, чѣмъ я успѣлъ добраться до герцога, кошелекъ мой оказался пустъ, несмотря на то, что въ немъ лежали только чі полученныя мною отъ продажи лошади деньги. Но я нисколык не безпокоился, я былъ увѣренъ, что герцогъ сразу возьметъ мен въ домъ, прочитавъ письмо своего друга. На слѣдующее утр

когда я уже отправлялся въ замокъ герцога, меня остановилъ какой-то малый въ тавернѣ и спросилъ, слышалъ ли я послѣднія новости. На мой отрицательный отвѣтъ онъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Герцогъ наканунѣ поссорился съ королевой, повернулся къ ней спиной и положилъ руку на эфесъ своей шпаги, впрочемъ вы вѣдь знаете это все, господа.

— Да,—отвѣтилъ Слай,—королева за это отодрала его за уши, споръ произошелъ изъ-за вопроса касательно Ирландіи.

— Герцогъ впалъ въ немилость,—продолжалъ Гель,—его готовы были обвинить въ государственной измѣнѣ. Я такъ мало смыслилъ въ придворныхъ дѣлахъ, что рѣшилъ, что мое письмо можетъ только вовлечь меня въ непріятности, и поэтому я сжегъ его тутъ же въ тавернѣ и сталъ раздумывать, что мнѣ дѣлать. Я поселился въ дешевыхъ номерахъ, заложилъ свое оружіе, потомъ мой плащъ, наконецъ и остальное платье, купивъ себѣ на время какіе-то обноски на рынкѣ. Я рѣшилъ скорѣе умереть на улицѣ, чѣмъ отправиться опять въ Оксфордширъ къ моему кузену, и дѣйствительно конецъ мой, казалось, былъ уже близокъ; однажды хозяинъ потребовалъ отъ меня денегъ за квартиру, я былъ пьянъ и выругалъ его, а онъ взялъ и вышвырнулъ меня на улицу, хорошенько поколотивъ предварительно. Я былъ такъ разбитъ, что едва двигался, но все же потащился дальше, пока не упалъ гдѣ-то безъ силъ, и тогда-то Шекспиръ, возвращаясь поздно ночью изъ таверны, наткнулся на меня, такъ какъ я лежалъ посреди дороги. Я не знаю, что побудило его остановиться и внимательно осмотрѣть меня. Но, во всякомъ случаѣ, онъ не только осмотрѣлъ меня всего, но и повелъ къ себѣ на квартиру, а затѣмъ предложилъ мнѣ поступить въ его труппу, отъ чего, конечно, я не могъ отказаться, такъ какъ иначе долженъ былъ умереть отъ голода на улицѣ. Нечего и говорить о томъ, какъ я былъ ему благодаренъ за это предложеніе.

— По стонамъ, которые ты испускалъ, я сразу догадался, что ты—не простой бродяга,—замѣтилъ Шекспиръ.

Поздно вечеромъ въ «Морскую Дѣву» пришелъ и Бурбеджъ, ѣсть онъ не хотѣлъ, такъ какъ поужиналъ уже въ другомъ мѣстѣ, но выпить онъ согласился съ радостью. Вся комната теперь была наполнена табачнымъ дымомъ, такъ какъ почти всѣ актеры закурили свои трубки. Шекспиръ не курилъ.

Разговоръ перешелъ какъ-то на новую пьесу, и Геминджъ сказалъ, обращаясь къ Шекспиру:

— Вѣдь этотъ принцъ Гамлетъ жилъ, кажется, двѣсти лѣтъ тому назадъ? Теперь онъ возродился къ новой жизни, благодаря намъ, не правда ли, Шекспиръ?

— Да, многіе покойные короли или герои обязаны своимъ возрожденіемъ намъ, несчастнымъ писателямъ и актерамъ.

— А, между тѣмъ, мы, несчастные актеры, воскрешающіе мерт-

выхъ, сами забываемся первыми. Кто еще будетъ помнить наши имена черезъ триста лѣтъ?

— Почему же нѣтъ?—замѣтилъ Конделль:—вѣдь, если наши имена будутъ напечатаны въ книгахъ, содержащихъ пьесы, которыя мы играли, то наши имена точно также сохранятся для потомства.

— Ну, въ такихъ книгахъ, которыя печатаются теперь, врядъ ли долго сохранятся наши имена,—сказалъ Слай, самъ иногда писавшій пьесы.

— Я съ своей стороны вовсе не желалъ бы, чтобы пьесы, которыя я написалъ, существовали слишкомъ долго,—сказалъ Шекспиръ.

— Но подумай, Шекспиръ, вѣдь, если бы кто нибудь взялся напечатать всѣ пьесы, написанныя тобою, и въ началѣ книги выставилъ бы наши имена, т.-е. имена актеровъ, исполнявшихъ эти пьесы, вѣдь въ такомъ случаѣ и мы сдѣлались бы небезызвѣстными потомству?

Шекспиръ отвѣтилъ на это:

— Жалкая участь предстояла бы моимъ пьесамъ и вашимъ именамъ, напечатаннымъ во главѣ ихъ: толстые запыленные фоліанты лежали бы гдѣ нибудь въ пыли въ лавкѣ, гдѣ никто не сталъ бы покупать ихъ.

— А я съ своей стороны увѣренъ въ томъ,—замѣтилъ вдругъ Геминджъ,—что твои книги никогда бы не завалялись въ пыли, Шекспиръ, ихъ стали бы читать всегда.

— Да, весьма возможно, что онѣ не лежали бы въ пыли, такъ какъ ихъ употребили бы, какъ оберточную бумагу,—смѣясь отвѣтилъ Шекспиръ.—Дикъ говорилъ, что книги могутъ сохраняться въ продолженіе трехсотъ лѣтъ, это вѣрно, такъ какъ весьма древнія книги сохранились до нашихъ дней, но такъ какъ каждый вѣкъ даетъ своихъ писателей, болѣе умныхъ и интересныхъ, чѣмъ предыдущіе, то кто же станетъ читать, скажемъ, въ 1900 г., напримѣръ, сочиненія какого-то Вильяма Шекспира, его пьесы или, напримѣръ, его поэмы, которыя онъ обработалъ, однако, болѣе старательно, даже чѣмъ пьесы.

— Конечно, странно было бы,—замѣтилъ Бурбеджъ,—если бы, напримѣръ, актера помнили только потому, что онъ игралъ когда-то тѣ или другія пьесы.

Онъ хотѣлъ прибавить, но потомъ подумалъ только про себя: вѣрнѣе, что пьесы Шекспира будутъ помнить скорѣе потому, что въ нихъ нѣкогда участвовалъ такой знаменитый актеръ, какъ Бурбеджъ.

— Почему ты такъ молчаливъ, Гель Мерріотъ? — замѣтилъ Шекспиръ, обращаясь къ своему юному другу и стараясь перемѣнить разговоръ:—ты смотришь на облако дыма отъ своей трубки, будто наблюдаешь въ немъ какія-то особенныя видѣнія?

— Да, конечно, я вижу въ немъ чудное видѣніе, — оживленно

заговорилъ Мерріотъ, очень довольный тѣмъ, что наконецъ-то онъ можетъ высказаться. — Я жалѣю, что не обладаю твоимъ поэтическимъ талантомъ, иначе я описалъ бы его въ стихахъ. Боже мой, какое лицо, глаза ея прожгли мою душу, купидонъ сыгралъ со мной плохую штуку.

— Ты развѣ успѣлъ влюбиться со вчерашняго дня?—спросилъ Шекспиръ.

— Я влюбился сегодня въ четыре часа дня, — отвѣтилъ Гель.

— Но въ такомъ случаѣ ты могъ видѣть ее только издали?

— Увидѣть ее это значило влюбиться въ нее. Выпейте со мной за ея здоровье, господа, и за мою любовь.

— Если хочешь, мы выпьемъ даже за ея носъ, за ротъ, за щеки,—сказалъ Слай, приводя въ исполненіе свои слова.

— Не воображай, что это—любовь, юноша, — сказалъ Флетчеръ:—любовь зарождается не такъ быстро.

— Нѣтъ, это можетъ быть и любовь,—замѣтилъ Шекспиръ.— Любовь похожа на пламя, одна искра, и огонь вспыхнетъ совершенно неожиданно. Если дѣло ограничится только этой искрой, то, конечно, огонь скоро потухнетъ, но, если получится новый матеріалъ топлива, новыя встрѣчи и взгляды, то пламя разростется и превратится въ божественный огонь, согрѣвающій сердце и душу. Если топлива окажется черезчуръ много или слишкомъ мало, или поднимается противоположный вѣтеръ, то, конечно, пламя это погаснетъ. Искра воспламенила нашего Геля, но будетъ ли горѣть пламя его любви, или нѣтъ, это уже покажетъ будущее.

Гель объявилъ, что если возможно погасить огонь въ его груди, то только при помощи вина; всѣ друзья его согласились съ этимъ и потребовали другой боченокъ вина. Гель пилъ больше всѣхъ, но чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ яснѣе представлялась она его очамъ, ему казалось, что она незримо присутствуетъ тутъ же, и онъ говорилъ все, услаждая себя мечтой, что она слышитъ каждое сказанное имъ слово.

Онъ не успѣлъ оглянуться, какъ уже актеры заговорили о томъ, что пора и по домамъ; за большинствомъ изъ присутствующихъ пришли уже слуги, такъ какъ въ тѣ времена необходимъ былъ надежный эскортъ, чтобы безопасно ходить по улицамъ Лондона въ такой сравнительно поздній часъ. Но Гель, жившій въ одномъ домѣ съ Шекспиромъ, вовсе не былъ еще расположенъ итти спать. Шекспиръ, хорошо знавшій, что юноша сумѣетъ въ случаѣ нужды постоять за себя, не препятствовалъ его желанію еще пображничать и тоже ушелъ домой; остались только Мерріотъ и Слай, который былъ еще не прочь выпить бутылочку, другую. Но, наконецъ, и Слай рѣшилъ, что пора итти спать; такъ какъ онъ едва уже держался на ногахъ, Гель проводилъ его до дверей дома, гдѣ онъ жилъ, и затѣмъ, когда другъ его исчезъ,

онъ остался совершенно одинъ среди пустынной узкой улицы, обдумывая, гдѣ бы найти себѣ компаньоновъ, чтобы весело провести остатокъ ночи.

Спать ему еще не хотѣлось, а между тѣмъ въ карманѣ его не было теперь ни одного пенни, такъ какъ остававшіеся у него три шиллинга онъ уже давно спустилъ въ «Морской Дѣвѣ»; оставалось теперь искать таверну, гдѣ бы ему повѣрили въ долгъ; къ сожалѣнію, таковыхъ было очень немного, и поэтому онъ отправился наобумъ искать счастья.

Покачиваясь и шатаясь, онъ прошелъ такимъ образомъ нѣсколько улицъ, не обращая вниманія, куда идетъ, и только загибая за уголъ, когда доходилъ до конца улицы. Онъ шелъ медленно, не торопясь и вдругъ услышалъ за собой быстрые шаги, очевидно, догонявшіе его; онъ также быстро спрятался за выступъ стѣны и приготовилъ свой кинжалъ и рапиру. Изъ темноты вынырнули два подозрительныхъ оборванца, внимательно осмотрѣли его при свѣтѣ фонаря и, очевидно рѣшивъ, что на него не стоитъ тратить времени, прошли куда-то дальше.

Гель пошелъ уже дальше, тщетно поглядывая, не увидитъ ли онъ гдѣ нибудь въ тавернахъ свѣтъ; вездѣ, однако, было уже темно, и онъ напрасно стучалъ въ знакомыя ему двери, никто не отворялъ ему. Наконецъ онъ дошелъ такимъ образомъ до таверны «Дьявола», гдѣ иногда засиживался до поздней ночи Бенъ Джонсонъ, тоже любившій бродить по ночамъ. При мысли объ этомъ человѣкѣ Гелю вдругъ страстно захотѣлось очутиться въ его обществѣ, онъ забылъ даже про его злыя эпиграммы и сатиры, направленныя на его благодѣтеля—Шекспира.

Долго стучалъ онъ въ дверь таверны, и наконецъ слуга открылъ ее. Отъ него онъ узналъ, что Джонсонъ дѣйствительно наверху, и послалъ сказать ему, что желаетъ его видѣть. Нѣсколько минутъ спустя, его впустили въ таверну и провели въ комнату, гдѣ сидѣлъ самъ Джонсонъ, огромнаго размѣра, некрасивый человѣкъ. Онъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ по одну сторону четырехугольнаго стола и разговаривалъ съ группой господъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ и въ разныхъ стадіяхъ опьянѣнія отъ выпитаго вина. Онъ поздоровался съ Гелемъ довольно привѣтливо, хотя и отеческимъ тономъ, указалъ ему на стулъ рядомъ съ собой и спросилъ, какъ поживаетъ Шекспиръ. Несмотря на соперничество на литературномъ поприщѣ, оба эти человѣка были связаны самой тѣсной дружбой и глубоко уважали другъ друга. Появленіе Геля сразу заставило перейти разговоръ на сегодняшнее представленіе «Гамлета», которое видѣли многіе изъ присутствующихъ.

Одинъ изъ молодыхъ людей, выпившихъ больше, чѣмъ слѣдовало, сталъ насмѣшливо отзываться объ этой пьесѣ. Гель горяч

принялся возражать ему. Оба вытащили свои рапиры, и такъ какъ ихъ раздѣлялъ столъ, Гель вскочилъ на него, чтобы скорѣе добраться до своего противника. И только быстрое вмѣшательство Джонсона, тоже вскочившаго на столъ и вставшаго между двумя противниками, остановило кровопролитіе. Но такъ какъ за молодого человѣка вступилось большинство присутствующихъ, и въ комнатѣ поднялся такой шумъ, что прибѣжалъ самъ хозяинъ, рѣшено было выпроводить Мерріота изъ таверны. Нѣсколько минутъ спустя, онъ очутился опять одинъ въ темнотѣ, на улицѣ.

Тутъ только онъ замѣтилъ, что съ нимъ нѣтъ его рапиры, ее вырвали у него въ пылу борьбы, вызванной его удаленіемъ. Желая, во что бы то ни стало, вернуть свою рапиру, онъ принялся изо всѣхъ силъ стучать рукояткой своего кинжала въ дверь и кричать во все горло, чтобы ему возвратили его оружіе, но на крики его никто не обращалъ вниманія, и дверь оставалась закрытой. Страшно обозленный, онъ бросился бѣжать по улицамъ, въ надеждѣ найти какую нибудь шайку воровъ или бродягъ, которые помогли бы ему взломать двери таверны. Но вино, выпитое имъ въ этотъ вечеръ, оказало свое дѣйствіе теперь, и поэтому, когда онъ вдругъ съ разбѣгу наскочилъ на какого-то человѣка на улицѣ, онъ былъ такъ ошеломленъ этимъ, что даже забылъ, зачѣмъ и куда онъ бѣжалъ.

— Что за чортъ!—крикнулъ ему встрѣчный и потомъ, перемѣнивъ вдругъ тонъ, воскликнулъ: — какъ, это ты, Мерріотъ! вотъ пріятная встрѣча, возьми свои два шиллинга и никогда не смѣй говорить, что Китъ Боттль не платитъ своихъ долговъ. Я только что проводилъ своего юнаго друга до его квартиры, это лучшее, что я могъ сдѣлать для него. Но что ты дѣлаешь тутъ, Мерріотъ? Пойдемъ-ка лучше со мной въ улицу Тернбуль, тамъ есть одинъ домикъ, гдѣ всегда радостно привѣтствуютъ Кита Боттля. Послѣднее время, правда, я впалъ тамъ въ немилость, но въ настоящее время въ карманахъ у меня опять звенятъ деньги, и насъ примутъ съ распростертыми объятіями.

Обрадованный этой неожиданной встрѣчей Мерріотъ взялъ подъ руку капитана и отправился съ нимъ въ улицу Тернбуль. Китъ постучалъ въ дверь одного изъ домовъ нѣсколькоразъ, прежде чѣмъ отозвались на его стукъ. Наконецъ, во второмъ этажѣ открылось окно, и хриплый женскій голосъ спросилъ, кто тамъ стучитъ.

— Неужели ты не видишь по моему красному носу, что это Китъ Боттль?—отвѣтилъ капитанъ.

Женщина крикнула ему, чтобы онъ подождалъ минутку, и исчезла изъ окна.

— Вотъ видишь, юноша, — прошепталъ Китъ, — для меня открыты двери даже и въ самый поздній часъ ночи. По правдѣ говоря, я немного боялся, что меня встрѣтятъ не особенно ласково

здѣсь, но, повидимому, старые счеты забыты, и мы превесело проведемъ здѣсь время.

Вдругъ раздался плескъ воды, къ ногамъ обоихъ мужчинъ вылилась цѣлая лужа помоевъ, въ окнѣ показались на минуту двѣ поднятыя руки и ушатъ; затѣмъ все это скрылось, и окно захлопнулось.

Боттль произнесъ проклятіе и спросилъ Геля:

— Что, тебѣ попало на платье?

— Чуть было не попало,—отвѣтилъ Гель улыбаясь:—вотъ какъ тебя встрѣчаютъ радостно, Боттль!

Китъ страшно разсердился и принялся стучать въ дверь дома, осыпая ругательствами живущихъ въ немъ. Гель сталъ дѣятельно помогать ему. Въ скоромъ времени послышались крики: воры, помогите, защитите! и вся улица оживилась. Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, всѣ эти люди бросились на Боттля и его товарища и принялись тузить ихъ.

Вдругъ раздался крикъ: полиція! Гель, какъ-то хорошо познакомившійся однажды вечеромъ съ полиціей за драку на улицѣ, предпочелъ теперь обратиться въ бѣгство. Спасайся! — крикнулъ онъ своему товарищу и бросился бѣжать, сломя голову. Боттль, повидимому, бѣжалъ за нимъ, такъ какъ онъ не переставалъ слышать его голосъ, кричавшій какія-то ругательства.

Гель бѣжалъ довольно долго и вдругъ остановился, такъ какъ замѣтилъ, что онъ совершенно одинъ на улицѣ; онъ повернулъ назадъ, но нигдѣ не могъ найти Кита. Тогда онъ опять пошелъ дальше, куда глаза глядятъ, все еще подыскивая себѣ компанію, чтобы выпить, и вдругъ увидѣлъ вдали огонекъ: это была небольшая пивная, которая открывалась рано утромъ; онъ вошелъ въ нее и приказалъ подать себѣ вина.

Хозяинъ, знавшій его, удивился, увидѣвъ, что на немъ нѣтъ ни шляпы, ни пиджака; онъ предложилъ ему простую шапчонку и куртку рабочаго, такъ какъ было очень холодно, и онъ могъ легко простудиться въ своемъ легкомъ костюмѣ. Гель совершенно пассивно позволилъ надѣть на себя куртку и нахлобучить шапчонку, онъ съ удовольствіемъ пилъ свое вино и только сожалѣлъ о томъ, что нѣтъ подходящей компаніи; всѣ ночные посѣтители давно разошлись по домамъ, и могли явиться сюда только ранніе утренніе гости. Въ эту минуту въ пивную вошло нѣсколько человѣкъ рабочихъ, одѣтыхъ въ простыя блузы, съ инструментами за плечами; это были, повидимому, плотники; они спросили себѣ пива и велѣли подавать его скорѣе, такъ какъ торопились на работу, но Гелю понравилось ихъ общество, и, не желая такъ скоро отпускать ихъ, онъ предложилъ имъ выпить на его счетъ, такъ какъ въ карманѣ у него были деньги, возвращенныя ему Боттлемъ. Когда наконецъ они опять собрались итти дальше, Гель

стало такъ жаль разставаться съ ними, что онъ пошелъ за ними и все время уговаривалъ ихъ зайти еще куда нибудь выпить по стаканчику пива, но они, весело перемигиваясь между собою, увѣряли его, что выпьютъ всѣ вмѣстѣ, когда дойдутъ до цѣли своего путешествія. Они повели его, бережно поддерживая съ двухъ сторонъ, и хотя онъ былъ почти мертвецки пьянъ, онъ все же замѣтилъ, что шли они очень долго, пока наконецъ не пришли къ какимъ-то огромнымъ воротамъ, гдѣ ихъ спросилъ о чемъ-то, повидимому, какой-то сторожъ; затѣмъ они прошли дальше и очутились въ саду. Тутъ плотники вдругъ остановились и стали совѣщаться между собою. Они теперь испугались, что привели съ собой чужого человѣка, выдавъ его тоже за рабочаго, и рѣшили поскорѣе отдѣлаться отъ него, чтобы снять съ себя всякую отвѣтственность. Они бережно опустили его на траву подъ кустикъ и быстро удалились въ противоположную сторону, а онъ, очутившись на мягкой травѣ, сейчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Когда онъ проснулся нѣсколько часовъ позже, не имѣя понятія о томъ, въ чьемъ саду онъ находится и какъ попалъ сюда, онъ увидѣлъ вдругъ прямо надъ собой довольно пожилую даму, стройную и высокую, съ бѣлокурыми волосами, съ блѣднымъ лицомъ, съ темными глазами и темными бровями, она смотрѣла на него съ видимымъ удивленіемъ. Одѣта она была чрезвычайно богато, въ бѣлое бархатное платье, съ узкой тальей и широкой юбкой, на плечахъ ея былъ накинутъ небольшой плащъ, вытканный золотомъ и опушенный горностаемъ, на головѣ ея виднѣлась остроконечная узкая бархатная шляпа. Гель смотрѣлъ на нее и съ удивленіемъ спрашивалъ себя, гдѣ онъ видалъ ее раньше.

— Мадамъ,—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ,—извините меня, я, кажется, попалъ нечаянно въ вашъ садъ. Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ я?

Дама внимательно посмотрѣла ему прямо въ лицо, потомъ просто отвѣтила:

— Вы въ саду Уайтгольскаго дворца. Кто вы такой?

Гель подавилъ крикъ удивленія, готовый вырваться у него; теперь онъ понялъ, гдѣ онъ видалъ раньше эту даму. Онъ видѣлъ ее на представленіи, которое давалось при дворѣ на Рождествѣ. Онъ упалъ на колѣни прямо къ ея маленькимъ ногамъ, обутымъ въ кожаные башмачки, украшенные лентами.

— Я—самый вѣрный и самый почтительный слуга вашего величества,—отвѣтилъ онъ.

— Но что же вы тутъ дѣлаете, чортъ васъ возьми?—спросила его королева Елисавета.

III.

Королева и женщина.

Хотя королева Елисавета очень часто посылала къ чорту своихъ дамъ и любимыхъ придворныхъ, она, однако, никогда не обращалась такъ съ посторонними, какъ въ настоящую минуту съ Гелемъ. Побудило ее къ этому не удивленіе ея при видѣ юноши, заснувшаго въ ея саду въ курткѣ рабочаго и шелковыхъ штанахъ, которые носились только людьми изъ общества, точно такъ же, какъ и бархатный жилетъ. Она не боялась также, что это будетъ второй капитанъ Томасъ Лей, котораго нашли какъ-то притаившимся во дворцѣ около дверей ея спальни, дня два послѣ раскрытія заговора герцога Эссекскаго, и котораго тогда сейчасъ же и казнили. Если бы, при видѣ спящаго юноши, королевѣ пришла мысль, что этотъ человѣкъ, притаившійся здѣсь, убійца, она поступила бы, конечно въ данномъ случаѣ такъ же, какъ и тогда, когда, во время Бебингтонскаго заговора, она вдругъ наткнулась въ саду на одного изъ спрятавшихся тамъ заговорщиковъ, и такъ какъ вблизи не было стражи, сумѣла только однимъ своимъ взглядомъ обратить его въ бѣгство. Капитанъ ея стражи никогда въ жизни не могъ впослѣдствіи забыть того выговора, который онъ получилъ отъ нея вслѣдствіе подобной его небрежности. Въ данномъ случаѣ она была виновата во всемъ сама, такъ какъ капризнымъ тономъ приказала своей свитѣ, состоявшей изъ ея придворныхъ дамъ, пажей и стражи, остаться дальше въ паркѣ и сама отправилась сюда искать уединенія. Всѣ эти люди стояли не очень далеко, они не могли видѣть ее, но по первому ея призыву готовы были ринуться ей на помощь. Она искала уединенія и разсердилась при видѣ юноши, помѣшавшаго ей въ этомъ.

— Да, чортъ возьми, что ему здѣсь было нужно?—спросилъ себя невольно и Гель, безпомощно озираясь по сторонамъ.—Я не знаю, какъ я попалъ сюда,—заговорилъ онъ нерѣшительно,—но со мною нерѣдко случается, ваше величество, что я просыпаюсь въ такомъ мѣстѣ, куда вовсе не стремился попасть: дѣло въ томъ, что я выпилъ вчера черезчуръ много.

Онъ поднесъ невольно руку къ головѣ, какъ бы подтверждая этимъ свои слова, и затѣмъ съ такимъ неподдѣльнымъ изумленіемъ взглянулъ на свою рабочую куртку, что королева не могла не повѣрить его искренности.

— Какъ васъ зовутъ?—спросила королева, которая, повидимому, имѣла особыя причины разспрашивать этого юношу сама, вмѣсто того, чтобы сейчасъ же приказать арестовать его или отдать подъ стражу.

— Гарри Мерріотъ, ваше величество, придворный актеръ, но по рожденію дворянинъ.

Елисавета сначала какъ будто нахмурилась слыша, что имѣетъ дѣло съ актеромъ, но потомъ вдругъ улыбнулась, въ душу ея, повидимому, закралась какая-то свѣтлая и пріятная мысль.

— Но, вѣдь, если вы актеръ,—сказала она,—вы, навѣрно, на сторонѣ тѣхъ несчастныхъ, которые участвовали въ заговорѣ противъ меня?—спросила она, внимательно глядя ему въ глаза.

— Я никогда не былъ сторонникомъ ихъ измѣны, ваше величество, клянусь въ этомъ.

— Но лично вы расположены къ нимъ?

— Нѣкоторые изъ нихъ были намъ очень близки, и мы отъ души желали бы, чтобы они были оправданы, насколько это совмѣстимо съ преданностью вашему величеству и съ счастіемъ и благосостояніемъ Англіи. Что касается меня, я готовъ пожертвовать жизнью, чтобы доказать вашему величеству, насколько я преданъ престолу и моей высокой повелительницѣ.

Гель говорилъ совершенно свободно, нисколько не смущаясь, такъ какъ королева держала себя тоже крайне просто и говорила совершенно спокойно, какъ съ равнымъ себѣ.

— Можетъ быть,—сказала она полушутя, полусерьезно,—вамъ придется на дѣлѣ доказать свою преданность мнѣ и въ то же время оказать услугу одному изъ вашихъ друзей. Если бы я могла довѣриться вамъ, впрочемъ, нѣтъ, ваше присутствіе здѣсь должно быть прежде объяснено, какъ слѣдуетъ. Постарайтесь напрячь свою память и вспомните, какимъ образомъ вы попали сюда. Это тѣмъ болѣе необходимо, что вамъ, вѣроятно, извѣстно, какая участь ждетъ тѣхъ людей, которые вдругъ совершенно неожиданно появляются по близости отъ королевскихъ покоевъ.

Гель испугался, холодъ закрался въ его душу.

— Если ваше величество хоть на секунду можете сомнѣваться въ томъ, что сердце дворянина принадлежитъ вамъ не всецѣло, умоляю васъ позвать стражу, и пусть возьмутъ меня.

— Нѣтъ, — отвѣтила Елисавета, тронутая его словами и повѣрившая въ его искренность, — я говорила это не потому, что я такъ думаю, но потому, что другіе могли бы это думать. Теперь, когда мнѣ кажется, что я поняла васъ, я рѣшила дать вамъ порученіе, которое можетъ исполнить только такой человѣкъ, какъ вы, т.-е. человѣкъ, никому неизвѣстный при дворѣ и могущій исполнить мое порученіе такъ, что никто не заподозритъ, что оно исходитъ отъ меня. Я какъ разъ думала о томъ, гдѣ бы мнѣ найти такого человѣка, когда я увидѣла васъ, и мое расположеніе духа было не особенно блестяще, какъ вы уже имѣли случай убѣдиться.

— Служить вашему величеству — величайшее для меня сча-

стіе,—живо замѣтилъ Гель, и дѣйствительно онъ испытывалъ чувство глубокой преданности къ королевѣ, какъ и вся остальная молодежь въ Англіи.

— Но все же вы мнѣ не объяснили, какъ вы попали въ мой садъ,—сказала королева.

— Я помню, что произошла ссора въ одной изъ тавернъ, гдѣ я былъ,—сказалъ Гель задумчиво, стараясь припомнить всѣ перипетіи прошедшей ночи.—Затѣмъ я очутился одинъ на улицѣ съ капитаномъ Боттлемъ, тутъ произошелъ какой-то прискорбный случай, и затѣмъ я, кажется, заблудился и остался на улицѣ совершенно одинъ. Потомъ, я помню, я шелъ, поддерживаемый кѣмъ-то съ двухъ сторонъ, и вдругъ я, кажется, упалъ и потерялъ всякое сознаніе. Что было дальше, не помню, впрочемъ нѣтъ, почему-то мнѣ кажется, что вотъ тотъ плотникъ на томъ концѣ сада какимъ-то образомъ замѣшанъ въ происшествіяхъ этой ночи.

Плотникъ дѣйствительно въ эту минуту показался въ концѣ аллеи, гдѣ стоялъ Мерріотъ съ королевой; онъ намѣревался приступить къ исправленію рѣшетки вокругъ одного изъ боскетовъ.

Королева, которая, когда надо, могла быть самой церемонной изъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ, теперь прямо приступила къ дѣлу: она слегка кашлянула и этимъ обратила на себя вниманіе рабочаго, онъ посмотрѣлъ на нее и упалъ на колѣни, узнавъ королеву. Та поманила его къ себѣ, онъ подползъ на колѣняхъ и продолжалъ стоять такъ, пока королева не обратилась къ нему. Гель стоялъ тоже на колѣняхъ, такъ какъ обыкновенно королева требовала, чтобы говорящіе съ ней находились въ колѣнопреклоненномъ положеніи.

— Вы знаете этого молодого человѣка?—спросила Елисавета такимъ спокойнымъ тономъ, что невольно и плотникъ слегка ободрился и разсказалъ дрожащимъ голосомъ, какъ они пошутили съ товарищами и провели этого господина въ садъ, а затѣмъ испугались сами того, что надѣлали, и бросили его соннаго подъ кустомъ. Несчастный сталъ жалобно молить королеву простить его и не губить его ради жены и восьми человѣкъ дѣтей, которыя у него были.

— Однако хороши у меня сторожа и стража вообще,—замѣтила королева, обращаясь къ Гелю:—вѣдь, несмотря на вашу куртку, сразу видно, что вы не—рабочій. Но, впрочемъ, можетъ быть, все это къ лучшему,—и, обращаясь къ рабочему, она строго сдѣлала ему выговоръ за неумѣстную шутку и, успоко[illegible]ъ его обѣщаніемъ, что проститъ его, если онъ сумѣетъ мол[illegible]ъ обо всемъ происшедшемъ, она велѣла ему вернуться [illegible]ъ своей работѣ и снова обратилась къ Мерріоту со словами — мнѣ кажется, что вы посланы мнѣ самимъ небомъ, т[illegible]ъ

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Ш.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

СЕНТЯБРЬ, 1906 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯБРЬ, 1906 г.

(См. слѣд. стран.

ГРАФИНЯ ЕЛИСАВЕТА РОМАНОВНА ВОРОНЦОВА.

Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Е. А. Воронцовой-Дашковой.

ШКЛОВСКІЯ АССИГНАЦІИ.

Историческая повѣсть.

Миръ твоему праху, благодѣтель бѣдныхъ и сиротъ, Зоричъ! Миръ твоему праху! А въ символъ колода картъ, отъ которыхъ Шкловъ и понынѣ еще не выплатился.

Записки Добрынина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ЕДВА ли можно найти еще такую ярко своеобразную страницу изъ быта русскихъ вельможъ Екатерининскаго времени, какъ исторія жизни, пировъ, причудъ, картежной игры и, наконецъ, поддѣлки ассигнацій, бывшаго фаворита императрицы, Семена Гавриловича Зорича, въ мѣстечкѣ Шкловѣ Могилевскаго намѣстничества. Предъ нами какая-то феерія изъ смѣси рыцарскихъ и безпутныхъ чертъ характера людей всѣхъ націй. А, между тѣмъ, этотъ богатый историко-бытовой матеріалъ еще, насколько намъ извѣстно, не подвергался художественной обработкѣ въ формахъ романа или повѣсти. Всесторонней, полной монографіи, посвященной личности Зорича, тоже не имѣется, хотя и есть нѣсколько статей, которыми мы и пользовались, какъ сырымъ матеріаломъ, при нашей попыткѣ воскресить въ образахъ ту, отдѣленную уже отъ насъ цѣлымъ столѣтіемъ, эпоху. Свѣдѣнія о Зоричѣ находимъ въ современныхъ ему запискахъ-мемуарахъ очевидцевъ, а именно: въ

[illegible] XVII [illegible]

[illegible] 1874 г. [illegible] ...lichen [illegible] 1846 [illegible]

[illegible]

[illegible]

I.

Менуетъ.

Въ ночь 6 ноября 1781 г. роскошный «пáлацъ» одного изъ крупнѣйшихъ магнатовъ Бѣлоруссіи въ Могилевѣ горѣлъ безчисленными огнями. Гремѣла музыка. Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Вся Бѣлоруссія и Литва, многіе паны изъ Польши и крупные помѣщики великорусскіе съѣхались сюда, тѣмъ болѣе, что этимъ баломъ только начинался рядъ ослѣпительныхъ празднествъ, какъ въ Могилевѣ, такъ особенно въ помѣстьѣ знаменитаго фаворита Екатерины, генералъ-майора Семена Гавриловича Зорича,— Шкловѣ. Загодя съѣзжались къ дню тезоименитства державной благодѣтельницы его, къ Екатеринину дню 24 ноября.

Улица передъ «пáлацомъ» запружена была экипажами, каретами, колымагами, толпа слугъ хлопотала около нихъ съ пылающими факелами въ рукахъ и порою начинали гнать простонародье и евреевъ съ еврейчатами, глазѣвшихъ на роскошное панское празднество.

Хотя и поживщій, и сильно утомленный жизнью, тридцативосьмилѣтній Зоричъ все еще былъ тѣмъ писанымъ красавцемъ, какимъ знавалъ его Петербургъ. Правильное лицо его съ большими ласково-мечтательными и страстными карими глазами сіяло плѣнительной, беззаботной улыбкой, и двѣ букли, спускаясь съ висковъ, оттѣняли нѣжный овалъ щекъ. Маленькіе усики чернѣли надъ изящно очерченнымъ ртомъ.

Высокій, стройный, въ гусарскомъ мундирѣ, онъ танцовалъ менуетъ съ бѣлокурой дочерью могилевскаго губернатора, и трудно было бы найти еще болѣе красивую и изящную пару.

Толпа вельможныхъ и шляхетныхъ гостей, поляковъ и русскихъ, рои прелестныхъ дамъ, полекъ и россіянокъ, наполняли амфиладу блестящихъ залъ «палаца», и при гармоничныхъ звукахъ оркестра перевивались гирляндой красоты и молодости ряды паръ, съ поклонами и присѣданіями легко выдѣлывавшихъ «па» менуета.

— Полагаю, генералъ,—говорила дама Зорича,—что и въ столицѣ не часто бываютъ такіе чудные балы, какъ этотъ.

— На петербургскихъ балахъ не бываетъ васъ,—отвѣчалъ Зоричъ,—значитъ, они никуда не годятся.

— Вы смѣетесь надъ бѣдной провинціалкой.

— Я надъ всѣмъ смѣюсь, только не надъ красотой.

— Надъ всѣмъ? Неужели? Значитъ, вы ни во что не вѣрите?— присѣдая, спросила губернаторская дочка.

— Я вѣрю, что россійскимъ народомъ правитъ мудрость и красота, сударыня,—отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ Зоричъ, и оба опять на ципочкахъ запорхали, какъ пухъ, надъ паркетомъ розоваго дерева.

Хозяинъ стоялъ около дверей залы, въ толпѣ болѣе пожилыхъ сѣдоусыхъ гостей и бесѣдовалъ съ ректоромъ оршанской іезуитской колегіи, Бениславскимъ. Они смотрѣли на танцующаго Зорича, и улыбка змѣилась по тонкимъ губамъ іезуита.

— Какъ онъ пляшетъ, Боже мой, какъ онъ весело пляшетъ!—сказалъ іезуитъ.

— Отчего же ему и не плясать, сдѣлавшись шкловскимъ помѣщикомъ и владѣя шестнадцатью тысячами душъ?—отвѣчалъ хозяинъ.

— И поселившись въ старомъ польскомъ замкѣ Хоткевичей, графовъ на Шкловѣ и Мыши,—продолжалъ ректоръ оршанской коллегіи.

— И владѣя тридцатью частями Велижскаго староства, которое еще такъ недавно принадлежало князю Адаму Чарторыйскому.

— И все это теперь принадлежитъ человѣку, который пасъ въ дѣтствѣ свиней у себя въ Сербіи!

— Онъ заслужилъ, панъ ректоръ, оказавъ столько услугъ любезному отечеству.

Оба неслышно захохотали и помолчали немного.

— А его брильянты? Видѣли вы поясъ нашего шкловскаго помѣщика?—опять заговорилъ іезуитъ.—Фунтъ золота, чистаго золота, 1875 брильянтовъ и 239 смарагдовъ препоясываютъ на картежные подвиги бедра его превосходительства. Онъ мнѣ самъ показывалъ. И всѣ эти богатства за одиннадцать мѣсяцевъ службы!

— Да, никто не получалъ въ такой короткій срокъ столь много милостей монархини, какъ нашъ Зоричъ. Мнѣ говорили, что свѣтлѣйшій князь Потемкинъ былъ главной причиной выхода его изъ фавёра. Не правда ли?

— Такъ же, какъ и причиной возведенія его въ фавёръ,—пожавъ плечами, отвѣчалъ іезуитъ.—Князь очень милостивъ къ нашему святому ордену,—прибавилъ онъ серьезно,—и въ послѣднее посѣщеніе намѣстничества заказалъ даже ризницу для нашего костела—орнатъ, дамалтикъ и батистовую альбу. Аршинъ обошелся въ 20 рублей, а золотыя кисти къ далматику—цѣлыхъ пятьдесятъ.

— Чего же вамъ еще надо?—усмѣхаясь сказалъ хозяинъ.—Вотъ и возмѣщеніе за замокъ Хоткевичей и староство Чарторыйскихъ!

Поляки посмотрѣли другъ другу въ глаза и умолкли.

Менуэтъ продолжался.

Въ эту минуту всадникъ на загнанномъ, взмыленномъ конѣ влетѣлъ въ улицу, направо и налѣво разсыпая удары нагайкой. Шарахнувшійся въ стороны народъ, евреи, еврейки, еврейчата, всѣ подняли крикъ, визгъ, падали и давили другъ друга.

— Прочь съ дороги!—кричалъ всадникъ и, подскакавъ къ подъѣзду «палаца», остановилъ коня и спрыгнулъ на землю.

— Доложите сейчасъ генералъ-майору Зоричу!—крикнулъ онъ столпившимся слугамъ.—Несчастье!... Замокъ его превосходительства въ Шкловѣ горитъ!.. Доложите скорѣе генералу!

Извѣстіе произвело переполохъ. Слуги засуетились, совѣщаясь, какъ доложить о необычайномъ событіи въ столь радостную минуту празднества. Наконецъ, дворецкій рѣшился и, поднявшись по лѣстницѣ, сталъ съ таинственнымъ видомъ въ дверяхъ противъ хозяина. Замѣтивъ его, магнатъ сдѣлалъ ему знакъ приблизиться.

— Что такое?—спросилъ онъ.

Дворецкій доложилъ о прибытіи курьера съ извѣстіемъ для генералъ-майора Зорича.

— Съ какимъ извѣстіемъ? Что такое?

— Замокъ его превосходительства въ Шкловѣ горитъ.

— Не можетъ быть!—вскричалъ хозяинъ.—Слышите, панъ ректоръ?—обратился онъ къ іезуиту.—Замокъ въ Шкловѣ горитъ! Панове,—продолжалъ онъ громко:—необычайное извѣстіе! Замокъ Зорича горитъ!

Гости столпились, разспрашивая, восклицая, дивясь, и мгновенно извѣстіе облетѣло всю залу. А хозяинъ горѣвшаго замка продолжалъ такъ же беззаботно танцовать.

— Надо, однако, сообщить объ этомъ генералу,—сказалъ іезуитъ.— Онъ, вѣроятно, поспѣшитъ въ Шкловъ лично распорядиться.

— Да, конечно, надо прервать его беззаботный танецъ. Эй, скажите музыкантамъ, чтобы перестали играть!

Чрезъ минуту звуки оркестра внезапно смолкли. Пары остановились. Зоричъ въ недоумѣніи и досадѣ оглянулся, внезапно прерванный посреди особенно удачнаго «па». Къ нему съ участливымъ лицомъ спѣшилъ хозяинъ.

— Извините, генералъ,—сказалъ онъ, приблизившись,—что я прекратилъ музыку и помѣшалъ вашему веселью. Но сейчасъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о постигшемъ васъ несчастіи.

— Что такое?—спросилъ Зоричъ.

— Вашъ замокъ въ Шкловѣ горитъ.

— Только-то?—вскричалъ съ искренней, неподдѣльной досадой Зоричъ.—И изъ-за такого вздора вы останавливаете общее удовольствіе?

— Но, генералъ, это—далеко не вздоръ, и я полагаю, что вамъ необходимо немедленно лично отправиться въ Шкловъ,—сказалъ хозяинъ.

— Къ чему это? Развѣ тамъ нѣтъ людей?

— Все такъ, но ваше личное присутствіе...

— Мое присутствіе пожара не потушитъ,—сказалъ нетерпѣливо Зоричъ.—И я не настолько невоспитанъ, чтобы прерывать общее

удовольствіе. Замокъ горитъ! Какіе пустяки! Прикажите музыкантамъ играть, и кончимъ менуетъ!

— Какъ прикажете, генералъ,—пожимая плечами, сказалъ хозяинъ и отошелъ, чтобы распорядиться.

— Мнѣ трудно будетъ продолжать менуетъ,—сказала губернаторская дочка,—зная, что у васъ несчастье!

— Ба! этотъ пожаръ ничего не можетъ у меня отнять. Гораздо опаснѣе для меня тотъ пожаръ, который зажигаютъ въ моемъ сердцѣ ваши голубые глаза.

Польщенная красавица улыбнулась и покраснѣла. Зазвучала музыка, и къ изумленію всей залы Зоричъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возобновилъ менуетъ. Лицо его сіяло беззаботной улыбкой, и, казалось, ни единое облачко не омрачало его высокаго лба. Онъ танцовалъ изящнѣе и увѣреннѣе, чѣмъ когда либо. Улыбаясь, перешептываясь и пожимая плечами, принялись танцовать и остальныя пары. Беззаботность Зорича увлекла всѣхъ, и танцы воодушевленно продолжались.

— Признаюсь, если онъ притворяется,—сказалъ оршанскій ректоръ,—то, значитъ, получилъ воспитаніе, превосходящее даже воспитаніе нашего святого ордена.

II.

По дорогѣ въ Шкловъ.

Зоричъ не притворялся. Увлеченный голубыми глазами губернаторской дочки, онъ въ эту минуту дѣйствительно былъ равнодушенъ ко всему міру.

Однако, когда они кончили танецъ, и Зоричъ съ реверансами усадилъ ее на мѣсто, хорошенькая губернаторская дочка сказала:

— Генералъ, если вы не хотите оставить во мнѣ самое тягостное воспоминаніе объ этомъ балѣ, поѣзжайте немедленно въ Шкловъ. Я за васъ мучительно безпокоюсь! И меня будетъ потомъ терзать мысль, что изъ-за меня вы потеряли вашъ прекрасный замокъ. Поѣзжайте, милый генералъ, ради Бога!

— Ваше участіе мнѣ безконечно дорого,—отвѣчалъ Зоричъ,—а ваше желаніе—для меня законъ. Я ѣду.

И, поцѣловавъ ручку красавицы, Зоричъ неторопливо направился къ выходу, провожаемый взглядами всей залы.

— Прикажите осѣдлать мнѣ лошадь,—попросилъ онъ хозяина.

И черезъ минуту въ сопровожденіи курьера уже скакалъ по темнымъ и пустыннымъ улицамъ Могилева.

Городъ спалъ въ своихъ древнихъ стѣнахъ. Мрачно темнѣла, чуть озаренная луной, поминутно скрывавшейся за громоздившимися облаками, громада стараго королевскаго замка. Узкія улицы

обставленныя каменными домами, только кое-гдѣ озарялись одинокими фонарями предъ Распятіемъ или статуей Богоматери въ нишѣ. Черезъ ворота въ зубчатой башнѣ всадники выѣхали за городъ, и передъ ними сверкнулъ стальною полосой Днѣпръ и развернулось обширное холмистое пространство, съ порослью молодого дубняка на гребняхъ, бѣлѣвшихъ первымъ выпавшимъ снѣжкомъ. Было свѣжо. Зоричъ пришпорилъ коня и понесся по ровной широкой дорогѣ къ Шклову, осѣненной вѣковыми липами. Звонко и четко въ остывшемъ воздухѣ отдавались удары копытъ. Разсѣкаемый въ бѣгѣ коня воздухъ обдавалъ пріятнымъ холодомъ разгоряченное лицо Зорича. Ему было любо нестись такъ на добромъ конѣ. Онъ не помнилъ о цѣли путешествія. Онъ мчался впередъ и впередъ, жадно, всей грудью вдыхая струи ночного вѣтра. Вдругъ на поворотѣ дороги предъ нимъ вдали открылось багровое зарево пожара. То горѣлъ его замокъ. Видно было, какъ въ тучахъ дыма, словно огненныя птицы, носились головни. Но это зрѣлище не только не опечалило Зорича, а наоборотъ возбудительно на него подѣйствовало. Картина отдаленнаго пожара среди ночной тишины, простора и мрака была увлекательно прекрасна. Онъ остановилъ коня и подождалъ отставшаго отъ него курьера, лошадь котораго была утомлена.

— Скажи, гдѣ сперва занялось?—спросилъ онъ, когда тотъ подъѣхалъ.

— Въ покояхъ графовъ Зановичей, въ лѣвомъ крылѣ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ курьеръ.—Управляющій немедленно послалъ созвать со всѣхъ селеній народъ. Сильный вѣтеръ, ваше превосходительство. Опасность большая.

— Ладно, пошелъ впередъ!

И Зоричъ, ударивъ коня нагайкой, понесся, какъ птица. Утомленный конь курьера скоро опять отсталъ.

Со времени окончанія фавора при дворѣ Екатерины Зоричъ безвыѣздно жилъ въ своемъ шкловскомъ помѣстьѣ. Колоссальные доходы позволяли удовлетворять всѣмъ прихотямъ его расточительной натуры. Не было ни одного барина въ Россіи, который жилъ бы такъ, какъ Зоричъ. Люди всѣхъ званій, состояній и націй стекались въ Шкловъ и вмѣстѣ съ родственниками и малоимущими сослуживцами отставного фаворита составляли его общество. Тутъ были французы, итальянцы, нѣмцы, сербы, греки, турки, молдаване. Все это поселялось въ обширныхъ флигеляхъ замка, пило, ѣло, всячески старалось заискивать у хозяина. Балы, карусели, фейерверки, катанья на шлюпкахъ по Днѣпру, театральныя представленія, пиры и охоты шли нескончаемымъ потокомъ увеселеній. Но главное удовольствіе Зорича было въ картежной игрѣ. Можно сказать, что въ то время онъ держалъ самый крупный банкъ въ Россіи. Цѣлыя состоянія проигрывались въ одну

ночь за его столомъ. Многіе обогатились и прославляли хозяина. Многіе вышли изъ замка его нищими и проклинали Зорича. Но и самъ онъ вошелъ быстро въ неоплатные долги. Имѣя къ тому же мягкое, отзывчивое и сострадательное сердце при всей безалаберной распущенности и легкомомысліи своемъ, Зоричъ никогда не отказывалъ просящимъ у него, и раздавалъ щедро всѣмъ, и истинно несчастнымъ, и плутамъ-притворщикамъ. Въ настоящее время главную роль въ замкѣ заняли пріѣхавшіе въ іюнѣ изъ-за границы сводный братъ Зорича, Давидъ Гавриловичъ Неранчичъ, и два брата, Маркъ и Аннибалъ Зановичи, привезшіе съ собою, повидимому, неистощимыя богатства, одолжавшіе самого хозяина уже не разъ и державшіе банкъ еще сильнѣе его самого. Наконецъ, съ сентября мѣсяца въ замкѣ поселился французъ Сальморанъ съ своей хорошенькой, быстроглазой, молоденькой женой Элоизой, старой знакомой Зорича, встрѣчавшейся съ нимъ еще въ дѣвицахъ въ Петербургѣ, въ домѣ княгини Орловой, супруги князя Григорья, гдѣ ловкая француженка, дочка придворной актрисы Сажъ, проживала «для компаніи». Сальморанъ былъ нанятъ Зоричемъ на мѣсто директора учрежденнаго имъ для дѣтей недостаточнаго шляхетства Шкловскаго благороднаго училища. Наконецъ, большимъ расположеніемъ отставного фаворита пользовался еще турокъ, Изакъ-Бей, второй сынъ сестры царствовавшаго султана. Когда Зоричъ въ турецкую войну взятъ былъ въ плѣнъ и заточенъ въ Семибашенный замокъ Эди-Кулу въ Константинополѣ, то Изакъ-Бей много облегчалъ ему томительные дни плѣна. Теперь, превратности судьбы привели этого турка, прекрасно, впрочемъ, говорившаго по-французски, образованнаго и воспитаннаго человѣка, въ Россію, въ Шкловъ, на хлѣба бывшаго плѣнника.

Когда Зоричъ примчался въ мѣстечко Шкловъ, все населеніе его было на ногахъ. Евреи, еврейки, еврейчата взобрались на крыши и оттуда наблюдали пожаръ. Въ церквахъ били въ набатъ, и частые удары отрывисто и грозно разносились по округѣ. Зоричъ поскакалъ къ замку, и тутъ открылись ему размѣры бѣдствія. Все лѣвое крыло обширнаго зданія было въ пламени, и вѣтеръ съ минуты на минуту усиливалъ пожаръ. Въ обширномъ дворѣ толпился, кричалъ и метался народъ, лили воду изъ ведеръ, смѣльчаки работали съ баграми и топорами на крышѣ. Но, видимо, дѣло не клеилось. Соскочивъ съ коня, Зоричъ оглядѣлся и замѣтилъ на подъѣздѣ одного изъ флигелей, между деревянными колоннами, одинокую женскую фигуру, закутанную въ шаль, съ босыми ножками, съ распущенными черными вьющимися волосами. То была жена Сальморана, хорошенькая Элоиза. Полными слезъ и ужаса глазами молча смотрѣла она на грозную картину пожара. Зоричъ подошелъ къ ней.

— Прелестная Элоиза, что вы дѣлаете здѣсь?—сказалъ онъ ласково, поднявшись по ступенямъ подъѣзда.

При звукахъ голоса Зорича глаза хорошенькой француженки мгновенно разрѣшились цѣлымъ фонтаномъ слезъ.

— Дорогой генералъ,—вскричала она прерывающимся голосомъ, простирая къ нему изъ-подъ шали обнаженныя ручки:—спасите насъ!

— Но, прелестная Элоиза, нѣтъ ни малѣйшей опасности, увѣряю васъ, — сказалъ Зоричъ, беря ея ручки въ свои. — Успокойтесь!

— Мой мужъ... онъ тамъ, у Зановичей... онъ погибнетъ... онъ сгорѣлъ... лепетала Элоиза.

— Нимало не сгорѣлъ. Смотрите, вонъ онъ хлопочетъ,—указалъ Зоричъ.

Дѣйствительно, цѣлый и невредимый Сальморанъ явился на балконѣ праваго крыла замка и оттуда что-то кричалъ толпившимся на дворѣ людямъ, картиннымъ жестомъ указывая на пожаръ.

— Видите, вашъ мужъ цѣлъ и невредимъ,—продолжалъ Зоричъ,—между тѣмъ вы можете простудиться, несмотря на обиліе здѣсь огня, стоя босикомъ въ такую холодную, ноябрьскую ночь.

И, преклонивъ одно колѣно, Зоричъ сталъ грѣть своими руками и дыханіемъ дѣйствительно остывшія крошечныя ножки француженки. Успокоенная, она плотно закуталась въ свою шаль и улыбаясь, смущенная лепетала, что пожаръ засталъ ее уже въ постели, хотя было еще рано, но у ней былъ тикъ въ правомъ вискѣ. Пламя вдругъ освѣтило окна ея флигеля. Она накинула на плечи, что было подъ рукою—эту шаль, и выбѣжала на крыльцо, и здѣсь стоитъ уже давно, не помнитъ сколько, дрожа отъ ужаса...

— Ваша головка прошла, не правда ли?—спросилъ Зоричъ.

— О, да, голова прошла!—улыбнулась Элоиза.

— Вотъ, значитъ, и нѣтъ худа безъ добра. Повѣрьте, Элоиза, чтобы вылѣчить вашу милую головку, я готовъ сжечь весь замокъ.

— О, генералъ!—только сказала француженка.

— Ну, а теперь, когда вы видите, что пожаръ не грозитъ вамъ нималѣйшей опасностью и уже потухаетъ, оставьте вашего мужа проповѣдывать на балконѣ и позвольте мнѣ довести васъ до вашей спальни.

Благодарная красавица охотно и довѣрчиво оперлась обнаженной ручкой на руку Зорича, и онъ увелъ ее внутрь флигеля.

Онъ сказалъ правду. Вѣтеръ внезапно палъ, и пожаръ сталъ слабѣть. Дружныя усилія дворни, согнаннаго изъ окрестностей народа и отважныхъ шляхтичей благороднаго училища остановили распространеніе огня. Ведра, передаваемыя ставшими цѣпью до самаго Днѣпра людьми, заливали непрестанными струями огонь. По-

Между тѣмъ юноша-камердинеръ очнулся, глубоко вздохнулъ и, открывъ глаза, что-то прошепталъ по-итальянски. Графъ быстро скинулъ съ себя кафтанъ и прикрылъ имъ Алессандро.

— Попытаемтесь теперь проникнуть опять въ мою спальню,— сказалъ онъ Сальморану.—Тамъ осталось довольно важныхъ документовъ, драгоцѣнностей, а рядомъ вся моя гардероба.

Оставивъ Алессандро на софѣ, оба пошли на лѣвое крыло замка. Комнаты были здѣсь наполнены народомъ, бившимъ стекла баграми и лившимъ цѣлое море воды.

На встрѣчу имъ попался младшій Зановичъ, графъ Аннибалъ, куда-то отлучавшійся и пріѣхавшій къ началу пожара.

— Куда вы?—спросилъ онъ у брата и Сальморана.

— Мы хотимъ попытаться проникнуть въ спальню,—отвѣчалъ графъ Маркъ.

Графъ Аннибалъ побѣлѣлъ, какъ полотно.

— Боже мой, туда проникнуть невозможно!—вскричалъ онъ.— Тотъ конецъ замка въ пламени. Неужели все наше состояніе погибло?

— Все, кромѣ этого, — отвѣчалъ графъ Маркъ, показывая шкатулку.

— Ну, если такъ, то съ пожаромъ можно еще примириться,— успокоивась, замѣтилъ графъ Аннибалъ Зановичъ.

— Но каково будетъ нашему генералу возвратиться въ погорѣлый замокъ?—сказалъ Сальморанъ.

— О, онъ привыкъ къ оборотамъ фортуны,—равнодушно сказалъ князь Маркъ и что-то сталъ шептать графу Аннибалу, передавая ему шкатулку.

Сальморанъ только слышалъ, что было произнесено имя Алессандро.

Послѣ этого графъ Аннибалъ удалился.

— Выйдемте на дворъ, Сальморанъ, — продолжалъ графъ Маркъ,—и посмотримъ, что предпринято для спасенія замка.

— Хорошо, графъ. Такъ какъ прелестнѣйшая женщина, мужемъ которой я имѣю счастье быть, хотя вѣрно и напугана, но въ безопасности въ томъ дальнемъ флигелѣ, который его превосходительство любезно намъ предоставилъ — между нами, графъ, флигель достаточно ветхій, грязный и скудный мебелями, хотя и условлено было о приличномъ честной фамиліи, носимой мною, содержаніи,—поэтому, говорю я, выйдемъ на дворъ, и если распорядительность отсутствуетъ...

Графъ Маркъ не дослушалъ длинной рѣчи директора Шкловскаго благороднаго училища и пошелъ изъ замка.

На дворѣ царствовало необычайное смятеніе. Слышались кр-ки, приказанія, проклятія и вопли на всѣхъ языкахъ Европ. Изъ замка, изъ флигелей тащили мебель, гобелены, ковры, карт-

ны; изъ конюшенъ выводили бѣсившихся и упиравшихся лошадей; изъ сараевъ выкатывали экипажи. Къ довершенію, псари выпустили собакъ изъ обширныхъ псаренъ Зорича, и онѣ бѣгали по двору, оглашая его лаемъ и сливая свой протяжный вой съ гуломъ пожара и кликами двуногаго населенія замка.

IV.

Сокровища Зорича.

Пожаръ нимало не нарушилъ обычнаго теченія жизни въ замкѣ. Попрежнему забавы Зорича шли своимъ чередомъ, равно какъ и картежная игра. Только положеніе Сальморана нѣсколько измѣнилось. Ему вмѣстѣ съ женою были отведены покои въ главномъ корпусѣ замка и такъ близко отъ помѣщенія самого Зорича, что столовая помѣщика приходилась рядомъ съ гостиной Сальморана. Здѣсь стояли клавикорды, и послѣобѣденное время Зоричъ полюбилъ проводить въ этой гостиной, между тѣмъ какъ Элоиза играла на клавикордахъ, а другія дамы и дѣвицы, проживавшія въ замкѣ, вышивали и болтали. Между тѣмъ приближался высокоторжественный день тезоименитства монархини и державной благодѣтельницы Зорича. Предполагалось отпраздновать этотъ день съ нарочитой торжественностью, тѣмъ болѣе, что онъ совпадалъ съ освященіемъ и открытіемъ новаго, великолѣпнаго зданія, выстроеннаго въ Шкловѣ для благороднаго училища. Пользуясь этимъ, Зоричъ рѣшилъ перенести празднество въ Шкловъ, такъ какъ обгорѣлое крыло замка съ закоптѣлыми стѣнами, выбитыми окнами и обнаженными стропилами омрачало бы своимъ печальнымъ видомъ высоко-радостное торжество. Отремонтировать же зданіе вновь не было возможности въ двѣ недѣли. Правда, декораторъ Зорича, отставной ротмистръ австрійской службы, баронъ Ванжура, брался возвести лѣса, затянуть обгорѣлый фасадъ полотномъ и обшить досками и расписать въ лучшемъ вкусѣ, подъ стиль остальной части замка. Но Зоричъ рѣшилъ, что то будетъ фальшь, неприличная для дня великой Екатерины, монархини правдолюбивой и во всемъ требующей чистой истины.

Итакъ, обсуждали порядокъ торжества въ Шкловѣ. Порядокъ этотъ былъ уже установленъ и «апробованъ» самимъ Зоричемъ, когда вдругъ оказалось маленькое затрудненіе. Когда подсчитана была сумма, потребная для достойнаго чествованія Екатеринина дня, она оказалась громадной. Между тѣмъ въ кассѣ Зорича денегъ совсѣмъ не было. Главноуправляющіе и бурмистры имѣній генерала рѣшительно заявили, что пополнить кассу не могутъ. Не только весь урожай хлѣбовъ былъ запроданъ еще прошлой зи-

мой евреямъ, но и подъ грядущій было взято все, что они только могли дать. Евреи-арендаторы тоже отказывались что либо внести, такъ какъ хлопы были разорены въ конецъ, и новины не могло хватить даже и до января. Грозилъ голодъ во владѣніяхъ беззаботнаго помѣщика.

— Ваше превосходительство сами изволили приказывать не обременять выше мѣры вашихъ подданныхъ, — говорилъ еврей Хаимъ, главный воротила Зоричевыхъ дѣлъ.

Мало того, подсчитанные долги Зорича оказались превосходящими въ четыре раза его доходы, какъ ни были эти доходы громадны, а сколько долговъ оставались неподсчитанными!

— Voilà les petites misères de la vie humaine! — воскликнулъ Зоричъ, сообщивъ за обѣдомъ Сальморану и Зановичамъ, которымъ тоже былъ уже долженъ немало, о результатахъ совѣщаній съ арендаторами и управляющими. И весь вечеръ потомъ былъ невеселъ, что̀ было необыкновенное для него явленіе.

Утромъ слѣдующаго дня Зоричъ, послѣ дурно проведенной ночи, поднялся въ еще болѣе угнетенномъ расположеніи духа и вышелъ въ свою уборную, потирая себя подъ мышками, что̀ было недобрымъ знакомъ по замѣчанію его камердинера-итальянца, Игнатія Живокини (такъ передѣлали въ Россіи его настоящую фамилію Джіовакино делла-Момма).

Желая развлечь грустное раздумье генерала, преданный итальянецъ приготовилъ ему сюрпризъ. Войдя въ уборную и садясь противъ трехстворчатаго венеціанскаго трюмо къ драгоцѣнному, богато выложенному инкрустаціями и мозаикой, туалетному столу, между тѣмъ какъ парикмахеръ накидывалъ на плечи его пудермантель, а двое карловъ держали золотую мыльницу и простой глиняный кувшинъ съ родниковой, прозрачной водой, ежедневно доставляемой изъ источника за десять верстъ отъ замка,—Зоричъ обратилъ вниманіе на большую картину, стоявшую на креслахъ и прикрытую кисеей.

— Что это такое, Живокини?—спросилъ генералъ.

— Презентъ вашему превосходительству отъ княгини Екатерины Романовны Дашковой, — сказалъ камердинеръ, поднимая кисею.

На картинѣ былъ изображенъ видъ Царскаго Села, пруды, аллеи, арки и статуи дворца и сама монархиня въ простомъ утреннемъ платьѣ, гуляющая въ сопровожденіи любимыхъ собачекъ. Зоричъ былъ взволнованъ и тронутъ до глубины души. Слезы появились на его глазахъ, когда онъ разсматривалъ картину.

— Восхитительное время! Невозвратное время!—прошепталъ онъ. И затѣмъ съ живостью заговорилъ, что необходимо немедленно снарядить посланца въ Петербургъ съ отвѣтными подарками и письмомъ княгинѣ.

— Распорядись, Живокини, чтобы въ пріемную принесли то кресло, которое въ мастерской готово по новому рисунку. Да пусть Гольцъ принесетъ самой лучшей замши и кожъ. Да ключницѣ сказать, чтобы выбрала шелковыхъ матерій, кисеи, лино-батиста самыхъ добротныхъ. Да, кто картину-то привезъ?

— Оброчные мужички ея сіятельства, каменщики, отъ самаго Питера на рукахъ несли.

— Выдать каждому по десяти червонцевъ.

Малѣйшая тѣнь тревоги исчезла съ лица Зорича. Картина, присланная Дашковой, показалась ему пророчествомъ. О чемъ безпокоиться ему, имѣя державную благодѣтельницу?..

Съ привѣтливымъ, довольнымъ, улыбающимся лицомъ вышелъ, по окончаніи туалета, Зоричъ въ пріемную и сѣлъ на мѣсто, подобное трону — кресло съ высокой спинкой, украшенной гербомъ его, на возвышеніи, устланномъ вишневымъ бархатомъ подъ пурпурнымъ балдахиномъ съ золотыми кистями. Отсюда шкловскій помѣщикъ творилъ судъ и расправу и отдавалъ хозяйственныя распоряженія, управляя своими владѣніями, какъ самодержавный принцъ.

Разсѣянно выслушалъ Зоричъ докладъ завѣдующаго корабельной верфью грека, Юрія Дерсакли, строившаго байдаки, галеры, струги, карлангачи и даже фрегаты. Суда Зорича ходили въ Херсонъ, Краковъ и Николаевъ и привозили въ Шкловъ изюмъ, финики, лимоны, винныя ягоды, апельсины, виноградное вино и уксусъ. Докладъ Дерсакли былъ не особенно пріятный. Нѣсколько судовъ Зорича на возвратномъ пути съ грузомъ разбились на порогахъ. Другая часть флотиліи, которая должна была везти хлѣбъ, поставку котораго въ казну взялъ Зоричъ, стояла въ гавани праздно, такъ какъ хлѣба въ амбарахъ не оказалось. Онъ былъ запроданъ еще до поставки евреямъ. Срокъ поставки тоже былъ пропущенъ, и предстояло заплатить изрядную неустойку. Все это Зоричъ выслушалъ совершенно равнодушно, и только позволилъ въ силу доклада главной конторы графства Шкловскаго (совершенно самовластно Зоричъ продолжалъ именовать Шкловъ графствомъ) оштрафовать писаря, также рабочихъ людей, въ вѣдомствѣ Дерсакли находящихся, за пьянство и къ работѣ нерадѣніе.

Доклады завѣдывавшаго винокуренными заводами шляхтича, Ѳедора Лучневскаго, и англичанъ, отца съ сыномъ, Давида и Георга Фразеровыхъ, управлявшихъ канатной фабрикой, тоже были неутѣшительны. И винокурни, и канатная фабрика бездѣйствовали. Конопляники во всемъ графствѣ были запроданы евреямъ. Хлѣба для выкурки горячаго вина, поставку котораго въ армію тоже взялъ Зоричъ, не имѣлось. Опять таки это нимало не огорчило шкловскаго помѣщика. Но, какъ бывшій президентъ вольно-экономическаго общества, Зоричъ считалъ себя великимъ

агрономомъ, а поэтому и распространился о полезности завести вмѣсто убыточной, по его мнѣнію, конопли какое-то новое волокнистое растеніе, о высокихъ качествахъ коего онъ еще въ бытность президентомъ читалъ въ книгѣ Джона Мильса—«Совершенное учебное понятіе о практическомъ хозяйствѣ». А сочиненіе это въ пяти томахъ было прислано отъ самой государыни.

Управляющіе благоговѣйно внимали словамъ генерала и потомъ были отпущены съ обѣщаніемъ «сообразить на досугѣ», чѣмъ поправить падающія фабрики.

Затѣмъ директоръ благороднаго училища Сальморанъ представилъ шкловскому помѣщику шляхтича съ сыномъ, желавшаго опредѣлить послѣдняго въ число воспитанниковъ. На это Зоричъ далъ свое согласіе, обласкавъ и юношу, и его отца. Тутъ же приказалъ онъ доктору Шлегелю, состоявшему при училищѣ, за отлично ревностную службу его, подарить землю вмѣстѣ съ лѣсомъ, находящимся у Оршанскихъ воротъ. Обласкалъ и велѣлъ отвести во флигеляхъ квартиру отставному, безрукому капитану, который увѣрялъ, будто бы служилъ подъ начальствомъ его превосходительства, хотя Зоричъ и не могъ вспомнить его физіономіи. Наконецъ, отпустивъ всѣхъ милостиво, Зоричъ погрузился въ минутное раздумье, вздохнулъ и, тряхнувъ головой, точно отгоняя докучную муху, велѣлъ ввести наканунѣ позванныхъ рижскаго купца, Генриха-Теодора Шредера, и еврея Орлика Абрамова Лурьи.

Онъ не отвѣчалъ на ихъ низкіе поклоны и, сдѣлавъ имъ знакъ слѣдовать за собою, быстро пошелъ черезъ покои замка. Въ одной изъ массивныхъ башенъ стараго зданія помѣщалась сокровищница Зорича. Отворивъ окованную желѣзомъ дверь, онъ вошелъ съ купцами въ небольшую сводчатую комнату съ каменнымъ поломъ, слабо освѣщенную узкими, забранными толстыми рѣшетками, окошечками. На большомъ столѣ, посрединѣ ея, стоялъ массивный ящикъ, прикованный къ столу цѣпью. Зоричъ открылъ его. Въ немъ лежали подарки Екатерины—табакерка, поясъ и перстень.

— Можете осмотрѣть эти вещи и опредѣлить ихъ стоимость, не прикасаясь къ нимъ руками,—сказалъ Зоричъ купцамъ.

Генрихъ Шредеръ и Орликъ Лурьи почтительно подошли къ сокровищу и долго, молча смотрѣли на игравшіе таинственными огнями камни. Большая, золотая табакерка была сдѣлана квадратомъ. Крышка ея, низъ и четыре угла снаружи были усыпаны мелкими и крупными брильянтами. Въ серединѣ помѣщалось изъ брильянтовъ же вензелевое изображеніе имени Екатерины. Надъ нимъ—драгоцѣнная императорская корона. Золотой поясъ до того былъ залитъ смарагдами и брильянтами, что, казалось, багровс огненная рѣка текла и переливалась предъ изумленными зрит лями. Золотой перстень не привлекъ бы особаго вниманія незна тока. Въ немъ былъ вставленъ только одинъ большой солитеръ

Но Орликъ Лурьи затрепеталъ, какъ въ лихорадкѣ, вглядѣвшись въ этотъ положительно не имѣвшій цѣны камень.

— Вы видѣли и оцѣнили вещи?—спросилъ Зоричъ.

— Видѣли и оцѣнили,—взволнованно отвѣчали купцы.

Зоричъ заперъ ящикъ и сказалъ:

— Сколько же вы можете мнѣ дать подъ залогъ этихъ драгоцѣнностей?

Купцы стали шептаться, и наконецъ Генрихъ Шредеръ сказалъ:

— Генералъ, подъ залогъ только одного перстня я сейчасъ дамъ тысячу двѣсти рейхсталеровъ Альбертовыхъ!

V.

Екатерининъ день.

По «апробованному» Зоричемъ церемоніалу Екатерининъ день долженъ былъ ознаменоваться рыцарскимъ состязаніемъ воспитанниковъ училища — каруселью. Слухи объ этомъ небываломъ удовольствіи далеко разошлись. Въ Шкловъ съѣхалось такое множество гостей, что они едва умѣстились въ семнадцати каменныхъ и деревянныхъ домахъ, принадлежавшихъ здѣсь Зоричу. Въ полѣ устроили особый лагерь для лошадей и кучеровъ.

Наконецъ высокоторжественный день наступилъ. Рано, въ седьмомъ часу утра, три пушечныхъ выстрѣла возвѣстили гостямъ, маменькамъ, ихъ дочкамъ, шляхтѣ, магнатамъ и великороссійскимъ помѣщикамъ начало праздника. Въ 8 часовъ отъ стараго корпуснаго дома началось шествіе кадетъ въ новое зданіе — каменный трехъэтажный домъ, расположенный на возвышенномъ берегу Днѣпра овальнымъ полукружіемъ въ 60 саженъ длиною, съ колоннадами и двойнымъ свѣтомъ прекрасныхъ оконъ.

Впереди ѣхалъ директоръ благороднаго училища, Тимолеонъ-Альфонсъ-Галіенъ де-Сальморанъ, исполненный подобающей случаю торжественности, верхомъ на богато убранной лошади. За нимъ слѣдовали два квартирмейстера со значками.

Далѣе ѣхалъ литаврщикъ въ турецкомъ кафтанѣ малиноваго цвѣта и въ чалмѣ. Лошадь его вели два турка, костюмы которыхъ, пистолеты и сабли сверкали золотомъ и украшеніями.

Шесть трубачей въ мундирахъ голубого сукна съ серебряными галунами, палеваго цвѣта камзолахъ и голубыхъ панталонахъ, въ шляпахъ, украшенныхъ перьями, оглашали свѣжій, прозрачный воздухъ яснаго осенняго утра торжественной фанфарой.

Далѣе восемь жокеевъ и четыре карусельные пажа въ черныхъ бархатныхъ костюмахъ съ обтянутыми ногами, въ башмакахъ съ пряжками несли рыцарскія вооруженія.

За ними ѣхали на прекрасныхъ кровныхъ коняхъ 16 карусельныхъ кавалеровъ, одѣтые по кадрилямъ въ колеты четырехъ цвѣтовъ и блестящіе панцыри.

Затѣмъ слѣдовали роты егерей-кадетъ въ свѣтлозеленыхъ куртках съ пунцовыми выпушками, въ круглыхъ, лакированныхъ каскахъ съ султанамии обложенными мѣдью козырьками, и гренадеръ въ парадныхъ мундирахъ темноголубаго цвѣта съ малиновыми обшлагами съ аксельбантами изъ желтаго гаруса и въ бѣлыхъ пантолонахъ. Гренадеры-кадеты шли съ развернутымъ знаменемъ—рисованнымъ по атласузначкомъ графства Шкловскаго, мало поэтическимъ шляхетнымъ и рыцарскимъ изображеніемъ безмена, но украшеннымъ золотыми кистями и бахромою.

Шествіе заключалъ полный персоналъ служащихъ въ училищѣ, кончая служителями. Сойдя во дворѣ съ коней, кадеты потомъ построились въ большой парадной галлереѣ новаго зданія. Стѣны и потолокъ галлереи были расписаны аллегорическими изображеніями мудраго и счастливаго царствованія Астреи, а колонны обвиты вѣтвями и цвѣточными гирляндами. Между тѣмъ, гости съѣзжались къ парадному подъѣзду училища и потомъ, по указаніямъ церемоніймейстеровъ съ жезлами, заняли между колоннами галлереи назначенныя мѣста; дамы помѣстились на хорахъ.

Преподаватель элоквенціи началъ краткую рѣчь, и въ ту минуту, какъ онъ воскликнулъ: «Се грядетъ въ зданіе, имъ созижденное, аки нѣкій аѳинейскій храмъ, виновникъ вашего благополучія, отецъ!»—загремѣла музыка, и въ галлерею окруженный генералами въ орденахъ и лентахъ и почетнѣйшими гостями вошелъ Зоричъ.

На. лѣстницѣ его встрѣтилъ архитекторъ, строившій зданіе, и поднесъ ему ключи. При входѣ Зорича встрѣтилъ директоръ, которому генералъ и передалъ ключи.

Въ то же время въ концѣ галлереи упалъ занавѣсъ, скрывавшій портретъ Екатерины, во весь ростъ. Монархиня предстала присутствующимъ съ небесной улыбкой на устахъ своихъ.

Портретъ государыни поддерживалъ пьедесталъ въ видѣ жертвенника, покрытый малиновымъ бархатомъ, богато украшеннымъ по краямъ золотымъ шитьемъ и бахромою. При звукахъ трубъ, литавровъ, барабановъ, при восторженныхъ кликахъ всѣхъ присутствующихъ, кадеты отдали честь портрету. Одновременно артиллерія Зорича, которая участвовала въ процессіи въ количествѣ четырехъ орудій съ ящиками и 32 человѣками прислуги, произвел[а] 101 выстрѣлъ.

Духовенство облачилось. Совершенъ былъ обрядъ освященія [и] окропленія святой водой дома, при чемъ Зоричъ показывалъ гостям[ъ] все помѣщеніе и хозяйство училища, библіотеку, музеумъ съ ч[...]

челами птицъ и звѣрей, астрономическими, физическими, геодезическими инструментами, земными и небесными глобусами.

Особенно заинтересовали гостей магнитъ необыкновенныхъ размѣровъ, электрическая машина съ батареею изъ шести банокъ, три вогнутыхъ зеркала по 2 аршина въ діаметрѣ, въ которыхъ Зоричъ съ гостями отразился въ самомъ карикатурномъ видѣ, три большіе телескопа и шесть микроскоповъ. Обозрѣли затѣмъ картинную галлерею, богатое собраніе оригиналовъ и копій итальянской, фламандской и нѣмецкой школы. Тутъ были Теньеры, Рубенсы, Дольчи Веронезе; собраніе гравюръ, чертежей, рисунковъ.

Гости наперерывъ выражали восхищеніе отличнымъ устройствомъ училища.

Зоричъ затѣмъ повелъ ихъ въ столовую, гдѣ кадеты сидѣли уже по мѣстамъ.

Столы поставлены были покоемъ. Въ серединѣ находился круглый столъ для Зорича и почетнѣйшихъ посѣтителей.

— Это все дѣти мои!—растроганно сказалъ Семенъ Гавриловичъ, указывая гостямъ на сидѣвшихъ кадетъ, и, вызвавъ двухъ изъ нихъ, сиротъ благородныхъ родителей, особенно отличавшихся въ экзерциціяхъ на манежѣ, обнявъ и прижавъ къ груди своей благодарныхъ питомцевъ, со взоромъ, обращеннымъ къ большой, въ драгоцѣнномъ окладѣ иконѣ св. великомученицы Екатерины и наполненнымъ слезами, Зоричъ сказалъ: «Боже Всемилостивый! Чѣмъ воздамъ Тебѣ за такую радость, какой я во всю жизнь мою не испытывалъ... Мнѣ, бездѣтному, Ты даруешь дѣтей, и какихъ достойныхъ дѣтей!»

Добрякъ заплакалъ. Заплакали и воспитанники, изъ которыхъ одинъ прерывающимся голосомъ сказалъ:

— Ты—наставникъ нашъ и попечитель о нашемъ счастіи... Прими нашу благодарность. Ты призрѣлъ наше сиротство, ты воспитываешь насъ. По твоей милости можемъ мы быть способными къ службѣ отечеству. Тебѣ мы всѣмъ обязаны. Ты учишь насъ быть людьми. Мы почитаемъ тебя отцомъ своимъ.

— Да, вы—дѣти мои,—подтвердилъ Зоричъ.—Чувствую, какъ пріятно быть вашимъ отцомъ, и горжусь вами.

Зоричъ проливалъ слезы. Плакалъ, чувствительной душою, хотя и вольтерьянецъ Сальморанъ. Плакали высокіе посѣтители и посѣтительницы. Плакали присутствовавшіе въ залѣ родители нѣкоторыхъ кадетъ. Плакали слуги. Слезы эти были искренни. Плакали такъ, какъ способны были плакать только люди XVIII вѣка, имѣвшіе «великую душу».

VI.

Карусель и прочія веселости.

Пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ начало рыцарской карусели, о которой задолго говорили во всей Бѣлоруссіи, Литвѣ и даже въ Варшавѣ, и поглядѣть которую столько стремилось шляхтичей, такъ что за пригласительные билеты на празднество шла борьба не хуже, чѣмъ въ элекціонный какой нибудь сеймикъ. Пускали въ ходъ всѣ пружины и происки, дѣйствовали и задариваніемъ служащихъ при дворѣ шкловскаго помѣщика, и чрезъ родство и свойство. Такъ какъ въ числѣ кадетъ были и уроженцы Курляндіи и Лифляндіи, на празднество пожаловало даже нѣсколько бароновъ изъ своихъ скучныхъ замковъ.

И правда, было чѣмъ полюбоваться.

Въ половинѣ второго, по новому пушечному выстрѣлу, гренадерская и егерская роты кадетъ заняли караулъ у амфитеатра.

То было особое сооруженіе, просторное, въ видѣ квадрата, съ ложами и скамейками. Барьеръ былъ убранъ зелеными вѣтвями, эмблемами, вензелями, рыцарскими щитами. Каждая изъ сторонъ амфитеатра имѣла просторныя, убранныя флагами ворота для въѣзда кадрилей. Въ центрѣ сооруженія помѣщался открытый на четыре стороны павильонъ для карусельныхъ судей.

Въ два часа, по третьему выстрѣлу, зрители наполнили ложи и скамьи амфитеатра, кадрили заняли назначенныя имъ ворота, а въ павильонъ поднялись почетные судьи турнира. То былъ генералъ Римскій-Корсаковъ, вышедшій изъ случая, въ который онъ вступилъ сейчасъ по удаленіи отъ двора Зорича. Теперь онъ тоже проживалъ въ своихъ бѣлорусскихъ имѣніяхъ, и два отставныхъ фаворита мирно встрѣтились въ тиши сельскаго уединенія. Остальные судьи были полковникъ Марковъ, подполковникъ Потемкинъ и секундъ-майоръ Карлъ Яковлевичъ Бергеръ. По знаку судей раздался трубный призывъ. На него отозвались трубы за стѣнами амфитеатра, и затѣмъ изъ четырехъ воротъ выѣхали на арену кавалеры, въ сопровожденіи оруженосцевъ, герольдовъ и пажей, съ запасными лошадьми и вооруженіемъ. Каждый изъ кавалеровъ, подъѣхавъ къ павильону, отдавалъ честь судьямъ преклоненіемъ копья. И на вопросъ о званіи, имени и происхожденіи приподнималъ низъ забрала, а герольдъ отвѣчалъ за него громко, въ слухъ всего собранія. Затѣмъ кавалеръ отъѣзжалъ и быстро несся кругомъ арены, задерживая коня передъ ложами Зорича, почетныхъ гостей и дамъ и съ ловкостью салютуя. Кавалеры были разныхъ націй. Отпрыскъ стараго рыцарскаго рода бароновъ Курляндіи, широкоплечій, высокорослый молодой человѣкъ въ черномъ шлемѣ

и латахъ, съ наслѣдственнымъ клейнодомъ на щитѣ, изображавшимъ могучій дубовый пень съ тремя корнями, мчался по аренѣ на ворономъ массивномъ жеребцѣ, тяжко поражавшемъ землю копытами. Кавалеръ въ серебряномъ вооруженіи, на бѣломъ конѣ, уроженецъ Бѣлоруссіи, имѣлъ на щитѣ восьмиконечный православный крестъ вмѣсто клейнода. Другой, турокъ родомъ и даже турецкій подданный, въ великолѣпномъ вооруженіи, украшенномъ самоцвѣтными камнями, съ зеленой чалмой вокругъ шишака, съ кривой саблей на боку и съ изображеніемъ полумѣсяца на щитѣ, выѣхалъ на буланой лошади. Наконецъ полякъ Радожицкій, въ польскихъ латахъ съ крыльями за спиной, поднялъ совсѣмъ забрало, такъ что дамы, роскошнымъ цвѣтникомъ занимавшія ложи по сторонамъ воротъ, могли любоваться его прелестнымъ лицомъ, съ тонкими усиками, вившимися надъ улыбающимися коралловыми устами.

Юноша съ изумительнымъ искусствомъ управлялъ своей рыжей, поджарой, быстрой лошадкой.

Начались игры. Разъѣхавшись, противники понеслись съ копьями на перевѣсъ, навстрѣчу другъ къ другу и сшиблись съ такимъ трескомъ, что, когда разсѣялось облако поднятой ими пыли, многія дамы съ легкимъ крикомъ волненія приподнялись, ожидая увидѣть кого либо изъ юношей поверженнымъ и безчувственнымъ на аренѣ. Но пострадали только копья, разлетѣвшіяся вдребезги, да нѣмецъ, отпрыскъ курляндскихъ бароновъ, съ такою силою треснулъ въ полумѣсяцъ щита турченка, что тотъ опустилъ контуженную руку и потерялъ стремена. Что касается бѣлорусса, то онъ въ самый моментъ сшибки уклонился, дернувъ лошадь въ сторону, что̀ замѣтили судьи, и признали эту сшибку недѣйствительной.

Противники разъѣхались, при звукахъ трубъ взяли новыя копья и вновь понеслись навстрѣчу другъ другу. Результатъ этой сшибки былъ самый неожиданный. Неловкій бѣлоруссъ вышибъ глазъ лошади турка, а полякъ съ нѣмцемъ такъ угодили другъ другу въ щиты своими копьями, что наконечники съ толстымъ кожанымъ четыреугольникомъ сломались, а остатки копій засѣли въ щиты; они не могли ихъ вытащить и крутились на аренѣ, яростно крича другъ на друга, одинъ по-польски призывая тысячу дьябловъ, другой родныхъ тёйфелей. Третья сшибка увѣнчалась громкимъ хохотомъ зрителей. Двое воителей пронеслись мимо другъ друга и загнали свои копья—одинъ въ низъ судейской трибуны, другой въ ворота арены. Двое же другихъ, нѣмецъ и бѣлоруссъ, свалились съ коней и покатились въ пыли. Тѣмъ не менѣе, всѣ были въ восхищеніи.

Гораздо успѣшнѣе прошли другія игры: сшибка на мечахъ, при чемъ въ пылу битвы кавалеры соскакивали на землю и яростно бились, нанося деревянными, покрытыми тонкой жестью ме-

чами удары другъ другу и поднимая воинственный грохотъ вооруженіемъ, а затѣмъ различнаго рода скачки съ препятствіями и ловля короткими кинжалами колецъ.

При этомъ искусство, проворство, гибкость и ловкость карусельныхъ кавалеровъ не разъ вызывали воодушевленныя рукоплесканія зрителей. Судьи единогласно присудили первый призъ кадету Радожицкому. Онъ подъѣхалъ къ ложѣ Зорича, и тотъ надѣлъ на конецъ его опущеннаго копья лавровый вѣнокъ. Счастливый кавалеръ украсилъ имъ свой сіяющій шлемъ и при трубныхъ звукахъ и крикахъ публики трижды восторженно обскакалъ арену и остановился передъ одной изъ ложъ, наполненной дамами. Улыбаясь, невинно краснѣя и сверкая черными очами, хорошенькая Элоиза де-Сальморанъ, какъ жена директора училища, надѣла на конецъ трепетавшаго въ рукахъ взволнованнаго юноши копья чудный вѣнокъ изъ бѣлыхъ и алыхъ розъ. Юноша взялъ его и, снявъ совсѣмъ шлемъ и отдавъ его вмѣстѣ съ копьемъ оруженосцу, при чемъ бѣлокурые локоны раскинулись по его плечамъ, дѣлая его самого похожимъ на прелестную дѣвушку, только съ усиками, надѣлъ лавры на голову, а розы прижалъ къ сердцу. Влюбленными, сіяющими восторгомъ счастья глазами смотрѣлъ онъ не на одну только Элоизу, но на всѣхъ присутствовавшихъ дамъ, всѣхъ ихъ мысленно прижимая къ груди. Трубы звучали. Дамы махали платками. Медленно, все прижимая вѣнокъ изъ розъ къ груди своей, юноша съѣхалъ шагомъ съ арены. Игры были окончены.

— Истинно, генералъ,—сказалъ присутствовавшій на турнирѣ въ ложѣ Зорича князь Радзивиллъ,—вы основали училище шляхетской доблести и любезности.

Попарно, при чемъ герой карусели, кадетъ Радожицкій, велъ хорошенькую Элоизу, всѣ гости отправились въ просторныя оранжереи училища, наполненныя поздними осенними цвѣтами и цвѣтущими деревьями. Тамъ былъ приготовленъ великолѣпный обѣденный столъ собственно для дамъ. Кавалеры прислуживали имъ. Пили здоровье державной благодѣтельницы хозяина при грохотѣ орудій; пили здоровье хозяина; пили здоровье Радожицкаго и прочихъ карусельныхъ кавалеровъ. Послѣ обѣда Зоричъ пригласилъ гостей въ театръ. Кадеты сыграли небольшую россійскую комедію, и собственная балетная труппа хозяина исполнила аллегорическій балетъ съ хорами. По выходѣ изъ театра, когда уже стемнѣло, гости любовались великолѣпнымъ фейерверкомъ. Потѣшные огни взлетали высоко въ небо, чертя иниціалы монархини, увѣнчанные огненной короною; пылали пирамиды и жертвенники съ сердцами, символизировавшими благодарный восторгъ всѣхъ подданныхъ мудрой царицы, транспаранты разноцвѣтными огнями въ приличныхъ надписяхъ прославляли великія дѣянія ея славнаго царство-

ванія. Затѣмъ, въ обширной, освѣщенной галлереѣ, начался балъ. Среди танцевъ, нѣсколько дамъ и дѣвицъ съ Элоизой де-Сальмо-ранъ во главѣ приблизились къ хозяину и сюрпризомъ пропѣли въ честь его слѣдующіе куплеты:

Колико счастье обрѣтаетъ
Сиротъ чувствительный отецъ!
Колико нѣжныхъ онъ питаетъ
И благодарственныхъ сердецъ!

Почтенъ монархинею воинъ—
Вельможей въ сонмѣ предсидитъ,
И оныхъ почестей достоинъ,
Зане всегда благотворитъ.

Прими жъ, отецъ семьи блаженной,
Благодаренье нашихъ душъ,
И удивленіе вселенной
Прими, прими, ученый мужъ!

И трудолюбными руками
Дѣянья кроткія свершай.
Какъ прежде предводилъ полками,
Такъ нынѣ Шкловъ свой украшай.

VII.

Соленый вексель.

Праздники продолжались въ Шкловѣ еще восемь дней подъ рядъ. Но самъ хозяинъ уже почти ими не интересовался. Онъ по цѣлымъ днямъ просиживалъ за картами, понтируя и меча банкъ съ младшимъ Зановичемъ, графомъ Аннибаломъ. Такой игры, конечно, прежде въ Россіи не бывало, да и сомнительно, было ли и послѣ. Ставки были огромныя, и нѣкоторые изъ польскихъ магнатовъ за одинъ присѣстъ проигрывали цѣлыя мѣстечки и города. Играли на драгоцѣнности, на кучеровъ, лошадей и экипажи. И когда, наконецъ, празднества кончились въ Шкловѣ, и всѣ, утомленные и пресыщенные всевозможными, веселостями; разъѣхались, достаточное число страстныхъ игроковъ дневало и ночевало въ картежныхъ покояхъ обгорѣлаго Зоричева замка. Тамъ, въ облакахъ табачнаго дыма, среди пустыхъ, початыхъ и полныхъ бутылокъ, велась эта бѣшеная погоня за измѣнчивой и коварной фортуной. Выигрывали и вновь проигрывали, и опять отыгрывались и снова спускали все до послѣдней табакерки и золотыхъ пуговицъ съ кафтана.

Тщетно хорошенькая Элоиза и нѣкоторыя изъ другихъ дамъ придворнаго круга графства Шкловскаго пытались отвлечь гене-

рала отъ гибельнаго стола. Ни краснорѣчивые ихъ взоры, ни сердцу говорящіе разговоры, ни смѣхъ, ни шутки, ни пѣніе подъ звуки клавикордовъ и арфы не могли побѣдить игорный азартъ помѣщика. Правда, порою Зоричъ какъ бы склонялся на призывъ прелестныхъ искусительницъ и удовольствій иного рода, не картежныхъ. Онъ пировалъ, охотился, катался по Днѣпру при звукахъ роговой музыки, спрятанной на зеленыхъ островахъ. Но видно было, что душа Зорича далека отъ этихъ увеселеній и не участвуетъ въ нихъ. Хотя уста его слагались въ привычную улыбку, облако печали и заботы не сходило съ его чела, нагоняя тонкія, невиданныя дотолѣ морщины. Шкловскій помѣщикъ только пировалъ, но самъ не веселился. Причина тому была простая—конечное истощеніе доходовъ графства, прискорбная пустота въ кассѣ генерала и подобно лавинѣ возраставшіе съ каждымъ проведеннымъ за игорнымъ столомъ часомъ долги.

Увы! Зоричъ уже не платилъ въ случаяхъ проигрыша, только записывая цифру и небрежно замѣчая, что расплата будетъ произведена изъ конторы графства, какъ только онъ пошлетъ туда свой ордеръ. Такимъ образомъ съ каждымъ днемъ возрастало число кредиторовъ Зорича среди гостей его. Въ то же время средства графовъ Зановичей казались неистощимыми. Они всегда расплачивались наличными по окончаніи игры.

Однажды, послѣ обѣда, Зоричъ прохаживался по заламъ замка съ Зановичами.

— Скажи, графъ Маркъ,—спросилъ онъ младшаго изъ нихъ:— откуда ты деньги берешь?

— Изъ моей шкатулки, генералъ,—отвѣчалъ тотъ, лукаво переглянувшись съ братомъ.

— Бездонная она что ли у тебя?—продолжалъ Зоричъ.—Я къ тому, братецъ, говорю, что вотъ у меня при моихъ маетностяхъ и доходахъ никогда денегъ нѣтъ налицо. А ты всегда при деньгахъ. Какъ это такъ, братецъ, объясни, сдѣлай милость.

— Я бы открылъ, пожалуй, всю правду, генералъ, но она покажется невѣроятной въ нашъ вѣкъ,—многозначительно сказалъ графъ Маркъ, съ своимъ видомъ обходительной лисицы и устами, скрывающими змѣиное жало. Не даромъ до уничтоженія іезуитскаго ордена онъ состоялъ членомъ этого высокопочтеннаго общества. Тонкій Сальморанъ выразился какъ-то о графѣ, что онъ походитъ то на хамелеона, мѣняющаго непрестанно цвѣтъ, то на гребца, обращающагося спиною къ тому мѣсту, къ которому намѣренъ пристать. Изящный, благовоспитанный далматинецъ способенъ былъ дѣйствительно въ нѣсколько минутъ изобразить на своемъ подвижномъ лицѣ цѣлую трагедію страстей и чувствъ. Его голосъ принималъ самые разнообразные оттѣнки, глаза мѣнялись, какъ морское лоно подъ проходящими облаками; и смѣхъ и слезы равно

были покорны этому тонкому актеру, задушевности и искренности котораго, казалось, не было предѣла. Старшій братъ, графъ Маркъ, старый гусаръ и игрокъ, съ мѣшковатой фигурой и весьма некрасивымъ лицомъ, дышавшимъ страстью, необузданной запальчивостью и въ то же время слишкомъ явно скрытнымъ, много уступалъ младшему и по уму, и по образованію, и по воспитанности. Если графъ Маркъ соединялъ въ себѣ качества лисицы и змѣя, то упорный въ достиженіи намѣченной цѣли, хотя и не изобрѣтательный, графъ Аннибалъ могъ быть уподобленъ медвѣдю и льву. Въ обществѣ ихъ простодушный Зоричъ напоминалъ павлина и мартышку. Таинственный подступъ графа сразу возбудилъ любопытство Зорича.

— Что же такое? какой секретъ невѣроятный? Разскажи, братецъ, разскажи!—съ безпечной любознательностью вскричалъ онъ.

Графъ Маркъ сталъ серьезенъ, многозначительно посмотрѣлъ на брата. Тотъ отвѣтилъ ему столь же угрюмо загодочнымъ взглядомъ, и оба, опустивъ голову, молчали. Зоричъ смотрѣлъ то на одного, то на другого.

— Если уже начали, то говорите,—нетерпѣливо сказалъ онъ, останавливаясь.

— Генералъ, есть тайны, которыя глубоко скрыты въ натурѣ, но открываются пытливому уму человѣческому,—началъ наконецъ важно графъ Маркъ.—Есть тайныя знанія, дающія власть надъ силами натуры и надъ трансформаціей веществъ. Не многіе посвящены въ эти знанія и потому не вѣрятъ въ возможность достиженія того, что называется философскимъ камнемъ. Я не знаю, какъ вы смотрите на эту область, генералъ?

— Но я съ ней совсѣмъ не знакомъ,—пожимая плечами, сказалъ Зоричъ.—Я воспитанъ въ благородныхъ военныхъ наукахъ и только отчасти знакомъ съ натуральными. Къ чему, однако, вы заговорили о такихъ предметахъ? И какую связь они имѣютъ съ вашей шкатулкой?

— Генералъ, слыхали вы о превращеніи металловъ?—спросилъ графъ.

— О, да, это—басня старыхъ алхимистовъ, всеконечно, шарлатановъ и обманщиковъ,—отвѣчалъ Зоричъ.

— Мы склонны всегда видѣть обманъ въ томъ, что для насъ непонятно.

— Что же, вы хотите увѣрить меня, что владѣете тайной превращенія металловъ? Но въ такомъ случаѣ сведите меня въ вашу лабораторію и превратите фунтъ старыхъ гвоздей и пару подковъ въ золото на моихъ глазахъ, чтобы я могъ сегодня вечеромъ расплатиться съ моими партнерами,—насмѣшливо сказалъ Зоричъ.

Графъ самъ вдругъ расхохотался.

— Я, конечно, шутилъ, графъ,—сказалъ онъ безпечно:—желая вывѣдать ваше мнѣніе насчетъ этихъ вещей. Но скажите, слыхали ли вы о нѣкоемъ Казановѣ, который прославился побѣгомъ изъ свинцовыхъ венеціанскихъ тюремъ?

— Казанова? Этотъ извѣстный побродяга? Слыхалъ, конечно.

— Говорятъ, онъ владѣетъ тайной превращенія веществъ и металловъ,—пробормоталъ себѣ подъ носъ графъ Аннибалъ.—Впрочемъ, я давно уже съ нимъ не переписываюсь и утерялъ его изъ виду.

— Что же, вы хотите пригласить Казанову въ графство Шкловское для пополненія моей казны?

Графъ промолчалъ и перевелъ разговоръ на другіе предметы.

Въ тотъ же вечеръ Зоричъ проигралъ полковнику, князю Волконскому, 50.000 рублей, понтируя и меча банкъ съ графомъ Аннибаломъ.

Графъ на минуту удалился въ свою комнату и возвратившись уплатилъ князю причитавшійся на его долю проигрышъ золотомъ и брильянтами.

Зоричъ, безконечно болтая, и не думалъ, казалось, о расплатѣ.

— Я бы васъ просилъ удовлетворить меня,—сказалъ князь Волконскій.—Не далѣе, какъ послѣзавтра, я намѣренъ покинуть гостепріимное графство Шкловское. Я ѣду въ Петербургъ и нуждаюсь въ деньгахъ на дорожные расходы.

— О, князь, вы получите сполна изъ конторы графства,—небрежно отвѣчалъ Зоричъ:—я напишу ордеръ, и вы получите немедленно.

— Такъ пишите же скорѣе, Семенъ Гавриловичъ, мнѣ ждать некогда,—грубовато сказалъ князь Волконскій и ушелъ спать.

На другое утро за завтракомъ Зоричъ былъ особенно въ духѣ, шутилъ, смѣялся и любезничалъ съ хорошенькой Элоизой, заставляя тѣмъ Сальморана угрюмо опускать усы и ревниво морщить лѣвую бровь. Вдругъ князь Волконскій громко пустилъ съ конца стола.

— Семенъ Гавриловичъ, а что же ордеръ-то, видно, не написали? Я заходилъ въ контору, тамъ сказали, что онаго еще не поступило.

Зоричъ вспыхнулъ.

— Кажется, князь, вы можете подождать нѣсколько часовъ. Вы ѣдете, сами сказали, только утромъ. А у меня дѣлъ и безъ того полныя руки.

— Я вижу только постоянно, что у васъ полныя руки картъ,—дерзко отвѣтилъ князь,—впрочемъ подождемъ.

Зоричъ сталъ потирать себя подъ мышками, улыбка пропала съ устъ его, тонкая сѣть морщинокъ замѣтнѣе вырисовалась на бѣломъ лбу его, и онъ заговорилъ о развращеніи нравовъ, о людской неблагодарности, о пріятеляхъ, покидающихъ въ минуту опасности

Князь молча оставилъ трапезу. Тогда Зоричъ принялся бранить его на чемъ свѣтъ стоитъ, невѣжей и неблаговоспитаннымъ, неблагодарнымъ, нелюбезнымъ человѣкомъ. Съ большимъ трудомъ Элоизѣ удалось нѣсколько развлечь и успокоить Зорича. За обѣдомъ же опять князь Волконскій приступилъ къ нему съ требованіемъ уплаты проигрыша.

— Въ конторѣ вашего ордера нѣтъ, Семенъ Гавриловичъ,— упрямо повторялъ князь Волконскій.

Зоричъ вышелъ изъ себя и разразился уже бѣшеной бранью, такъ что все притихло за его обычно шумнымъ и веселымъ столомъ на 50 кувертовъ.

— А ордера все-таки нѣтъ и нѣтъ,—твердилъ невозмутимо Волконскій.—Вы не хотите уплатить долгъ чести. Добро же! Я такъ и буду всѣмъ разсказывать, пріѣхавъ въ Петербургъ, что въ Шкловѣ карточныхъ долговъ не платятъ.

— Чортъ возьми!—вскакивая закричалъ разбѣшенный Зоричъ:— какъ мнѣ отвязаться отъ этого назойливаго и неучтиваго человѣка?!

— Заплатить, Семенъ Гавриловичъ, заплатить. Коли золота нѣтъ, хоть вексель вы дайте,—твердилъ князь Волконскій.

— Полковникъ, вы мнѣ надоѣли! Подать перо и бумагу! Вотъ вамъ вексель, неотвязчивый,—и, написавъ нѣсколько строкъ на клочкѣ бумаги, Зоричъ швырнулъ его Волконскому.

Тотъ невозмутимо подхватилъ бумажку и за неимѣніемъ песка засыпалъ Зоричевъ вексель солью.

— Князь поступилъ весьма благоразумно,—замѣтилъ ядовито Сальморанъ,—посоливъ на всякій случай вексель. Ему вѣдь долго придется пролежать въ карманѣ князя.

Зоричъ расхохотался удачной остротѣ Сальморана, развеселился, и конецъ обѣда прошелъ въ самой пріятной и непринужденной болтовнѣ.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Въ ВИДѢ дополненія къ «Запискамъ императрицы Екатерины II» считаемъ необходимымъ напечатать еще слѣдующіе документы:

1) Автобіографическую записку ея, написанную по слѣдующему поводу. Въ началѣ 1778 г. статсъ-секретарь Безбородко началъ составлять «Краткое начертаніе дѣлъ политическихъ, военныхъ и внутреннихъ государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссійской, такъ же, какъ и знаменитѣйшихъ событій во дни ея царствованія». По всей вѣроятности, Безбородко взялся за подобный трудъ по указанію самой императрицы. Прочитавъ рукопись, Екатерина нашла нужнымъ писать къ ней комментаріи и добавленія; но даже первый комментарій не оконченъ въ подлинной рукописи и обрывается на половинѣ недописанной страницы. Е. С. Шумигорскій напечаталъ его въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» 1899 г. съ соблюденіемъ точной орѳографіи Екатерины. Перепечатывая этотъ документъ, мы сочли болѣе удобнымъ для читателей не придерживаться орѳографіи императрицы, которая сама не разъ просила своихъ статсъ-секретарей не смѣяться надъ ея плохимъ знаніемъ русскаго правописанія.

2) Записку Екатерины о ея воцареніи и отдѣльныя ея замѣтки по поводу этого событія. Документъ этотъ, по копіи, снятой княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, напечатанъ Н. К. Шильдеромъ въ его «Исторіи императора Павла I». Мы приводимъ записку въ переводѣ съ французскаго, сдѣланномъ Шильдеромъ.

3) Два письма Екатерины къ Понятовскому, напечатанныя въ XXV томѣ «Архива князя Воронцова»; они писаны на французскомъ языкѣ, и мы печатаемъ ихъ въ переводѣ, сдѣланномъ В. И. Штейномъ. Отношенія Екатерины къ Понятовскому извѣстны. Послѣ переворота 28 іюня онъ просилъ у императрицы разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ, надѣясь, что прежняя привязанность его будетъ теперь вознаграждена, особенно послѣ того, какъ Екатерина сдѣлалась вдовой. Онъ не зналъ о вліяніи, пріобрѣтенномъ Орловымъ, а между тѣмъ именно это обст-

ятельство крайне затрудняло Екатерину и могло создать ей серьезныя осложненія и даже роковыя послѣдствія. Необходимо было во что бы то ни стало прекратить домогательства Понятовскаго, что и вызвало со стороны императрицы два пространныхъ письма, въ которыхъ она подробно излагаетъ ходъ переворота, при чемъ намѣренно преувеличиваетъ значеніе Орловыхъ, приписывая старшему изъ нихъ наиболѣе значительную долю въ успѣхѣ. Письма писаны вовсе не съ цѣлью сообщить подробности о переворотѣ, а чтобы убѣдить Понятовскаго въ невозможности не только появленія его при русскомъ дворѣ, но даже въ перепискѣ съ государыней, хотя бы и секретной. Въ виду этого здѣсь многое передано не точно, иное не вполнѣ вѣрно, встрѣчается и завѣдомая ложь. Но письма, писанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій самою Екатериной, лишь мѣсяцъ спустя по воцареніи,—весьма важный матеріалъ для ея характеристики. С. Ш.

Автобіографическая записка Екатерины II.

Во время болѣзни блаженной памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1761 г., слышала я изъ устъ Никиты Ивановича Панина, что трое Шуваловыхъ: Петръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ, чрезвычайно робѣютъ о приближающейся кончинѣ государыни императрицы и о будущемъ жребіи ихъ, что отъ сей робости ихъ родятся у многихъ окружающихъ ихъ разнообразные проекты, что наслѣдника ея всѣ боятся, что онъ не любимъ и не почитаемъ никѣмъ, что сама государыня сѣтуетъ, кому поручить престолъ, что склонность въ ней находятъ отрѣшить наслѣдника неспособнаго, отъ котораго много имѣла сама досады, и взять сына его, семилѣтняго, и мнѣ поручить управленіе, но что сіе послѣднее касательно моего управленія—не по вкусу Шуваловымъ. Изъ сихъ проектовъ родилось, что посредствомъ Мельгунова Шуваловы помирились съ Петромъ III, и государыня скончалась безъ иныхъ распоряженій. Но тѣмъ не кончились ферментаціи публики, а начало ихъ приписать можно дурному Шуваловскому управленію и беззаконному Бестужевскому дѣлу, т.-е. съ 1759 г. При самой кончинѣ государыни императрицы Елисаветы Петровны присылалъ ко мнѣ князь Михаилъ Ивановичъ Дашковъ, тогдашній капитанъ гвардіи, сказать: «повели, и мы тебя взведемъ на престолъ». Я приказала ему сказать: «Бога ради, не начинайте вздоръ, что Богъ захочетъ, то и будетъ, а ваше предпріятіе есть рановременная и несозрѣлая вещь». Къ князю Дашкому же ѣзжали и въ дружбѣ и согласіи находились всѣ тѣ, кои потомъ имѣли участіе въ моемъ восшествіи, яко то трое Орловыхъ, пятеро капитаны полка Измайловскаго и прочіе, женатъ же онъ былъ на родной сестрѣ Елисаветы Романовны Воронцовой, любимицы Петра III;

княгиня же Дашкова отъ самаго почти ребячества ко мнѣ оказывала особливую привязанность, но тутъ находилась еще персона опасная, братъ княгининъ, Семенъ Романовичъ Воронцовъ, котораго Елисавета Романовна, да по ней и Петръ III, чрезвычайно любили, отецъ же Воронцовыхъ, Романъ Ларіоновичъ, опаснѣе всѣхъ былъ по своему сварливому и переметчивому нраву, онъ же не любилъ княгиню Дашкову. Императрица Елисавета Петровна скончалась въ самое Рождество, 25 декабря 1761 г., въ три часа пополудни; я осталась при тѣлѣ ея. Петръ III, вышедъ изъ покоевъ, пошелъ въ конференцію и прислалъ мнѣ сказать чрезъ Мельгунова, чтобы я осталась при тѣлѣ, дондеже пришлетъ мнѣ сказать. Я Мельгунову сказала: «вы видите, что я здѣсь и приказаніе исполню». Я изъ сего приказанія заключила, что владычествующая факція опасается моей инфлюенціи. Тѣло императрицы обмывали, когда мнѣ пришли сказать, что генералъ-прокуроръ, князь Шаховской, отставленъ по его прошенію, а оберъ-прокуроръ сенатскій, Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, пожалованъ генералъ-прокуроромъ. То-есть слывущій честнѣйшимъ тогда человѣкомъ отставленъ, а бездѣльникомъ слывущій и отъ уголовнаго слѣдствія спасенный Петромъ Шуваловымъ сдѣланъ на его мѣсто генералъ-прокуроромъ. Тѣло императрицы Елисаветы Петровны едва успѣли убрать и положить на кровать съ балдахиномъ, какъ гофмаршалъ ко мнѣ пришелъ съ повѣсткою, что будетъ въ галлереѣ (то-есть комнаты чрезъ три отъ усопшаго тѣла) ужинъ, для котораго повѣщено быть въ свѣтломъ богатомъ платьѣ. Я послала по богатое платье и въ комнатѣ сына моего, живущаго возлѣ покойной государыни, одѣлась и паки въ такомъ нарядѣ пришла къ усопшему тѣлу, гдѣ мнѣ велѣно было оставаться и ждать приказаній. Тутъ уже окошки были открыты и евангеліе читали. Погодя нѣсколько, пришли отъ государя мнѣ сказать, чтобы я шла въ церковь; пришедъ туда, я нашла, что тутъ всѣ собраны для присяги, послѣ которой отпѣли вмѣсто панихиды благодарственный молебенъ, потомъ митрополитъ новгородскій Сѣченовъ сказалъ рѣчь государю. Сей былъ внѣ себя отъ радости и оной нимало не скрывалъ и имѣлъ совершенно позорное поведеніе, кривляясь всячески и не произнося, кромѣ вздорныхъ рѣчей, не соотвѣтствующихъ ни сану, ни обстоятельствамъ, представляя болѣе смѣшного арлекина, нежели иного чего, требуя, однако, всякаго почтенія. Изъ церкви вышедши, я пошла въ свой покой, гдѣ до самаго ужина горько плакала только о покойной государынѣ, которая всякія милости мнѣ оказывала последніе два года меня полюбила отмѣнно, какъ и о настоящем положеніи вещей. Когда кушанье поставлено было, мнѣ пришл сказать, и я пошла къ ужину; столъ поставленъ былъ въ ку тажной галлереѣ персонъ на полтораста и болѣе, и галлерея наби

была зрителями. Многіе, не нашедъ мѣстъ за ужиномъ, ходили также около стола, въ томъ числѣ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и Мельгуновъ; сей изъ прислужниковъ Шуваловыхъ сдѣлался ихъ протекторомъ. У Ивана же Ивановича Шувалова, хотя знаки отчаянности были на щекѣ, ибо видно было, какъ пятью пальцами кожа содрана была, но тутъ, за стуломъ Петра III стоя, шутилъ и смѣялся съ нимъ. Я сидѣла возлѣ новаго императора, а возлѣ меня князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, который во весь столъ ни о чемъ не говорилъ, какъ о своей радости, что государь царствуетъ. Множество дамъ также ужинали, многія изъ нихъ такъ, какъ были съ расплаканными глазами, и многія изъ нихъ въ тотъ же день, не бывъ въ дружбѣ, между собой помирились. Ужинъ сей продолжался часа съ полтора; пришедъ въ свои комнаты, я начала раздѣваться, чтобы лечь въ постель, когда принесли повѣстку, чтобы дамамъ назавтра быть въ робахъ богатыхъ, и будетъ большой обѣденный столъ въ той же галлереѣ, сидѣть же по билетамъ. Потомъ я легла въ постель, но, хотя предъ тѣмъ двѣ ночи не спала, проводя оныя въ покоѣ покойной императрицы, сонъ далеко отъ меня былъ, и никакъ заснуть не могла, и начала размышлять о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. И сдѣлала слѣдующее заключеніе: ежели въ первомъ часу царствованія отставили честнаго человѣка, а не постыдились на его мѣсто возвести бездѣльника, чего ждать. Говорила я себѣ: твоей инфлюенціи опасаются, удались отъ всего, ты знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь, по твоимъ мыслямъ и правиламъ дѣла не поведутъ, слѣдовательно, ни чести, ни славы тутъ не будетъ, пусть ихъ дѣлаютъ, что хотятъ. Взявъ сіе за правило своего поведенія, во всѣ шесть мѣсяцевъ царствованія Петра III я ни во что не вступалась, окромѣ похоронъ покойной государыни, по которымъ траурной комиссіи велѣно было мнѣ докладывать, что̀ я и исполнила со всякимъ радѣніемъ, въ чемъ я и заслужила похвалу отъ всѣхъ. Я же тутъ брала совѣты отъ старыхъ дамъ, графини Маріи Андреевны Румянцовой, графини Анны Карловны Воронцовой, отъ фельдмаршалши Аграфены Леонтьевны Апраксиной и иныхъ, подручно случавшихся, въ чемъ и на нихъ угодила чрезвычайно. На другой день поутру нарядилась въ богатую робу и пошла къ обѣднѣ, потомъ на поклонъ къ тѣлу, а оттуда къ столу по билетамъ. Сей столъ былъ съ расплаканными глазами у всѣхъ, и мало было лицъ равнодушныхъ, и усталость на всѣхъ видна была. Послѣ обѣда я пошла къ себѣ. Во время сего стола тѣло покойной государыни анатомили. Къ вечеру пришли мнѣ сказать, что посланы курьеры для освобожденія и возвращенія въ Петербургъ Бирона, Миниха, Лестока и Лопухиныхъ, и что Гудовичъ ѣдетъ въ Берлинъ съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ императора. Я на сіе сказала: «дѣла поспѣшно идутъ». На

третій день я, надѣвъ черное платье, пошла къ тѣлу, гдѣ отправлялась панихида, тутъ ни императора и никого не было, окромѣ у тѣла дневальныхъ, да тѣ, кои со мною пришли; оттудова я пошла къ сыну моему, а потомъ посѣтила я графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ его покоѣ во дворцѣ, гдѣ онъ отъ чистосердечной горести по покойной государынѣ находился боленъ; онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ моимъ, но я, не допустя его до того, обняла его, и, обнявшись, оба мы завыли голосомъ, не могши почти говорить слова оба; я, вышедъ отъ него, пошла къ себѣ. Пришедъ въ свой покой, услышала, что императоръ приказалъ приготовить для себя покой отъ меня чрезъ сѣни, гдѣ жилъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, и что въ его покояхъ, возлѣ моихъ, будетъ жить Елисавета Романовна Воронцова. Въ сей день въ вечеру императоръ поѣхалъ куда-то на вечеринку править святки. Какъ покои Александра Ивановича Шувалова убраны были дня чрезъ два, императоръ перешелъ въ нихъ, а Елисавета Воронцова въ его покой переѣхала, мои же покои парадные обиты были чернымъ сукномъ, и людей императоръ принималъ въ оныхъ, по утрамъ и по вечерамъ ѣзжалъ въ гости по всѣмъ знатнымъ особамъ, кои устроили для него великіе пиры; отъ сихъ пировъ я уклонилась по причинѣ великаго кашля. Наканунѣ того дня, какъ переносить положено было тѣло покойной государыни изъ той комнаты, гдѣ скончалась на парадной постели, императоръ ужиналъ у графа Шереметева; тутъ Елисавета Воронцова приревновала не знаю къ кому, и пріѣхали домой въ великой ссорѣ. На другой день послѣ обѣда, часу въ пятомъ, она прислала ко мнѣ письмо, прося меня, дабы я для Бога самого пришла къ ней, что она имѣетъ величайшую нужду говорить со мною, сама же не можетъ прійти ко мнѣ, понеже лежитъ больна въ постели. Я пошла къ ней и нашла ее въ великихъ слезахъ; увидя меня, долго говорить не могла; я сѣла возлѣ ея постели, зачала спрашивать, чѣмъ больна; она, взявъ руки мои, цѣловала, сжала и обмывала слезами. Я спрашивала, о чемъ она столь горюетъ. Она мнѣ на то сказала: пожалуй, потише говорите; я спросила, какой причины ради; она мнѣ сказала: въ другой комнатѣ сестра моя и Анна Михайловна Строгонова сидятъ съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ (c'est à dire qu'elle leurs avait menagé un rendez-vous, tandis qu'elle s'entretenait avec moi). Я разсмѣялась, и она посвободнѣе стала отъ слезъ и начала меня просить, чтобы я пошла къ императору и просила бы его именемъ ея, чтобы онъ отпустилъ къ отцу жить, что она болѣе не хочетъ во дворцѣ оставаться. При семъ она бранила его окружающихъ всячески, и его самого, что̀ она уже и наканунѣ у Шереметева дѣлала, къ удивленію всѣхъ слушателей, и за что императоръ приказывалъ отца ея арестовать, однако упросили его. Я сказала ей, чтобы

она кого иного выбрала для сей комиссіи, которая ему будетъ, можетъ быть, досадительна; но она увѣряла меня, что ему то и надобно, и не чрезъ кого, окромѣ меня, ей о томъ просить, понеже все бездушные бездѣльники, а одна я, на комъ она полагаетъ свое упованіе. Дабы укоротить мое у нея пребываніе, я обѣщала ей пойти къ нему и донести ему о ея просьбѣ, и, пришедъ къ себѣ, я послала навѣдаться, дома ли онъ, и можно ли мнѣ къ нему прійти. Сказали, что опочиваетъ, а какъ проснулся часу въ седьмомъ, пришли мнѣ сказать, и я пошла къ императору. Я нашла его въ шлафрокѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и былъ еще весьма сопатъ. Я начала говорить ему: «ежели вы дивитесь моему приходу, то еще болѣе удивитесь, когда свѣдаете, съ чѣмъ я пришла»,—и разсказала ему все отъ слова до слова, какъ Елисавета Романовна Воронцова ко мнѣ писала, и что говорила со мною, и какъ я отклоняла сію комиссію, и причины, кои она имѣетъ, не ввѣрять, окромѣ меня одной. Онъ, услыша сіе съ удивленіемъ и задумчивостью, заставилъ меня повторить сказанное; въ сіе время вошли въ комнату Мельгуновъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Онъ имъ разсказывалъ, съ чѣмъ я пришла, съ досадою на Елисавету Воронцову. Сіе продолжалось съ часъ, наконецъ я сказала: «какой отвѣтъ прикажете ей сказать, или кого иного пошлете?» На сіе Мельгуновъ и Нарышкинъ ему совѣтовали сказать, что онъ къ ней пришлетъ отвѣтъ. Я пошла къ себѣ и велѣла Елисаветѣ Воронцовой сказать, что къ ней отвѣтъ присланъ будетъ. Погодя, она паки прислала ко мнѣ сказать, что она пущена, одѣвается и ждетъ карету, дабы ѣхать изъ дворца къ отцу, и проситъ дозволеніе прійти ко мнѣ прощаться. Я сказала: «пусть придетъ». Между тѣмъ черезъ мою переднюю, передъ уборной, сдѣлалось великое бѣганіе: то Мельгуновъ, то Нарышкинъ къ ней и отъ нея взадъ и впередъ ходили, что̀ продолжалось часу до одиннадцатаго; тогда самъ императоръ къ ней пошелъ и, побывъ у нея, возвратился въ свои покои, а она ко мнѣ написала цыдулку, что она ко мнѣ не будетъ, понеже ей приказано остаться во дворцѣ. Я легла спать, а на другой вечеръ Петръ III съ Мельгуновымъ и Львомъ Нарышкинымъ, пришедъ ко мнѣ, бранили и ругали всячески Елисавету Воронцову, и видно было, что имъ хотѣлось, дабы я пристала къ ихъ рѣчамъ, но я, молча, слушала, императоръ же тутъ разсказывалъ, какъ она не хотѣла надѣть мой портретъ, когда онъ ее пожаловалъ камеръфрейлиною, и хотѣла имѣть его портретъ. Онъ думалъ, что за то осержусь, но, когда увидѣлъ, что я тому смѣюсь и нимало не сержусь, тогда вышелъ вонъ изъ комнаты; тогда Мельгуновъ и Левъ Нарышкинъ мнѣ пеняли, что, имѣвъ такую хорошую оказію выгнать ее изъ дома, не воспользовалась тѣмъ; я имъ отвѣчала: «а я вамъ дивлюсь, что вы сами не сумѣли въ своемъ желаніи вчера».

Отъ дня кончины покойной государыни былъ во дворцѣ двойной караулъ, т.-е. одинъ полный караулъ у тѣла, другой таковой же у императора; въ сіе же время случились великіе морозы, караульня же была мала и тѣсна, такъ что не помѣщались люди, и многіе изъ солдатъ оставались на дворѣ; сіе обстоятельство въ нихъ произвело, да и въ публикѣ прибавило, роптаніе. Всякій день же изъ дворца выходили новыя исторіи, то того арестуютъ, то другого, съ женщинами, коихъ ежедневно множество звалъ ужинать, у себя либо гдѣ въ гостяхъ поссорится, и мужа велитъ посадить безъ шпаги, либо къ кому по службѣ за бездѣлицу придерется и велитъ посадить на гауптвахту. Изъ-за стола же почти никогда не вставалъ, не бывъ безъ языка, почти пьянъ, и проявилось у него множество новыхъ фаворитовъ, между прочими капитанъ-поручикъ полка Преображенскаго, князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ, на котораго вдругъ налѣпилъ орденъ святой Анны, а до того дня мало кто его зналъ. Въ сіе время императоръ взялъ въ кабинетъ секретаря, бывшаго конференцъ-секретаря, Дмитрія Васильевича Волкова. Про сего Никита Ивановичъ Панинъ думалъ и мнѣ говорилъ, что сей Мельгунову и Шуваловымъ голову сломитъ; про него тогда думали, что главу имѣетъ необыкновенную, но оказалось послѣ, что, хотя былъ быстръ и краснорѣчивъ, но вѣтренъ до крайности, и понеже писалъ хорошо, то писывалъ, а мало дѣйствовалъ, а любилъ пить и веселиться. Двѣ недѣли по кончинѣ покойной государыни умеръ графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ; за нѣсколько дней до кончины его, онъ и братъ его большой, Александръ Ивановичъ Шуваловъ, были отъ императора пожалованы въ фельдмаршалы. И проявилось новое опредѣленіе: вдругъ императоръ пожаловалъ въ четырехъ полкахъ гвардіи четыре полковника, а именно въ Преображенскомъ—фельдмаршала князя Никиту Юрьевича Трубецкого, въ Семеновскомъ—фельдмаршала графа Александра Ивановича Шувалова, въ Измайловскомъ—фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, въ Конной гвардіи хотѣлъ пожаловать графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, но сей оттого пошелъ въ отставку, и на его мѣсто сдѣланъ полковникомъ принцъ Жоржъ Голштинскій. Сіи новые полковники сами всячески спорили и старались отвратить сіе пожалованіе, но не предуспѣли. Полкамъ же гвардіи сіе было громовый несносный ударъ.

Хотя огромныя похороны и при оныхъ великолѣпные выносы указомъ покойной государыни запрещены были, однако г.г. Шуваловы выпросили у бывшаго императора, дабы графъ Петръ Ивановичъ съ великолѣпной церемоніей погребенъ былъ; самъ императоръ обѣщался быть на выносѣ. Въ назначенный день ждали очень долго императора, и онъ не прежде, какъ къ полудню, въ печальный день пріѣхалъ, народъ же ждалъ для смотрѣнія

церемоніи съ самаго утра, день же былъ весьма холодный. Отъ той нетерпѣливости произошли разныя въ народѣ разсужденія: иные, вспомня табачный того Шувалова откупъ, говорили, что долго его не везутъ по причинѣ той, что табакомъ осыпаютъ; другіе говорили, что солью осыпаютъ, приводя на память, что по его проекту накладка на соль послѣдовала; иные говорили, что его кладутъ въ моржовое сало, понеже моржовое сало на откупѣ имѣлъ и ловлю трески. Тутъ вспомнили, что ту зиму треску ни за какія деньги получить нельзя, и начали Шувалова бранить и ругать всячески. Наконецъ, тѣло его повезли изъ его дома на Мойкѣ въ Невскій монастырь; тогдашній генералъ-полицеймейстеръ Корфъ ѣхалъ верхомъ впереди огромной церемоніи, и онъ самъ мнѣ разсказывалъ въ тотъ же день, что не было ругательства и бранныхъ словъ, коихъ бы онъ самъ не слыхалъ противъ покойника, такъ что онъ, вышедъ изъ терпѣнія, нѣсколько изъ ругателей велѣлъ захватить и посадить въ полицію, но народъ, вступясь за нихъ, отбилъ было, что видя онъ оныхъ отпустить велѣлъ, чѣмъ предупредилъ драку и удержалъ, по его словамъ, тишину. По прошествіи трехъ недѣль по кончинѣ государыни, я пошла къ тѣлу для панихиды; идучи чрезъ переднюю, нашла тутъ князя Михаила Ивановича Дашкова, плачущаго и внѣ себя отъ радости; прибѣжавъ ко мнѣ, говорилъ: «государь достоинъ, дабы ему воздвигнуть статую золотую; онъ всему дворянству далъ вольность и съ тѣмъ ѣдетъ въ сенатъ, чтобъ тамъ объявить». Я ему сказала: «развѣ вы были крѣпостные, и васъ продавали донынѣ? въ чемъ же эта вольность состоитъ?»—и вышло, что въ томъ, чтобы служить и не служить по волѣ всякаго; сіе и прежде было, ибо шли въ отставку, но осталось изъ стара, что дворянство съ вотчинъ и помѣстій служа всѣ, окромѣ одряхлѣлыхъ и малолѣтнихъ, въ службѣ имперіи записаны были; вмѣсто людей дворянскихъ Петръ I началъ рекрутъ собирать, а дворянство осталось въ службѣ. Отъ чего вздумали, что—въ неволѣ. Романъ Воронцовъ и генералъ-прокуроръ думали великое дѣло дѣлать, доложа государю, дабы дать волю дворянству, а въ самомъ дѣлѣ выпросили не что иное, окромѣ того, чтобы всякъ былъ воленъ служить и не служить. Пришедъ съ панихиды къ себѣ, я увидѣла: у задняго крыльца стоитъ карета парадная съ короною, и императоръ въ ней поѣхалъ въ сенатъ. Но сей кортежъ въ народѣ произвелъ негодованіе, говорили, какъ ему ѣхать подъ короною, онъ не коронованъ и не помазанъ. Рановременно вздумалъ употребить корону. У всѣхъ дворянъ велика была радость о данномъ дозволеніи служить и не служить, и на тотъ часъ совершенно позабыли, что предки ихъ службой пріобрѣли почести и имѣнія, которыми пользуются. За десять дней до погребенія государыни положили тѣло ея въ гробъ и понесли оный въ траурный залъ посреди всѣхъ регалій, и на-

родъ дважды на день допущенъ былъ, какъ и прежде отъ дня кончины ея. Въ гробу государыня лежала одѣта въ серебряную глазетовую робу, съ кружевными рукавами, имѣя на головѣ императорскую золотую большую корону на нижнемъ обручѣ съ надписью: «Благочестивѣйшая самодержавнѣйшая великая государыня императрица Елисавета Петровна, родилась 18 декабря 1709 г., воцарилась 25 ноября 1741 г., скончалась 25 декабря 1761 г.». Гробъ поставили на возвышеніе подъ балдахиномъ глазета золотого, съ горностаевымъ спускомъ отъ балдахина до земли позади гроба, посреди спуска—гербъ золотой государственный.

Въ 25-й день января 1762 г. повезли тѣло государыни, во гробѣ лежащей, со всевозможнымъ великолѣпіемъ и подобающими почестями, изъ дворца чрезъ рѣку въ Петропавловскій соборъ, въ крѣпость. Самъ императоръ, за нимъ я, за мной Скавронскіе, за ними Нарышкины, потомъ всѣ по рангамъ шли пѣши за гробомъ отъ самаго дворца до церкви. Императоръ въ сей день былъ чрезмѣрно веселъ и посреди церемоніи сей траурной сдѣлалъ себѣ забаву: нарочно отстаетъ отъ везущаго тѣло одра, пустя оный впередъ саженъ тридцать, потомъ изъ всей силы добѣжитъ, старшіе камергеры, носящіе шлейфъ епанчи его черной, паче же оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ, носящій конецъ епанчи, не могши бѣжать за нимъ, принужденъ былъ епанчу пустить, и какъ вѣтромъ ее раздувало, то сіе Петру III пуще забавно стало. Онъ повторялъ нѣсколько разъ сію штуку, отъ чего сдѣлалось, что я и всѣ за мною идущіе отстали отъ гроба, и наконецъ принуждены были послать остановить всю церемонію, дондеже отставшіе дошли. О непристойномъ поведеніи семъ произошли многіе разговоры не къ пользѣ особы императора, и толки пошли о безразсудныхъ его во многихъ случаяхъ поступкахъ.

По погребеніи тѣла покойной государыни, начали во дворцѣ убирать ея покой для императора.

Собственноручная записка императрицы Екатерины II о ея воцареніи.

Кончина императрицы Елисаветы повергла въ уныніе всѣхъ русскихъ, но въ особенности всѣхъ добрыхъ патріотовъ, потому что въ ея преемникѣ видѣли государя съ необузданнымъ характеромъ, ограниченнымъ умомъ, ненавидящаго и презирающаго русскихъ, совершенно не знающаго своей страны, неспособнаго сосредоточиться, скупого и мота, исключительно преданнаго своимъ прихотямъ и прихотямъ тѣхъ, которые рабски льстили ему. Какъ только власть перешла въ его руки, онъ предоставилъ дѣла двумъ или тремъ фаворитамъ и предался всевозможному распут-

ству. Онъ началъ тѣмъ, что отнялъ земли у духовенства, ввелъ множество довольно таки безполезныхъ новшествъ, главнымъ образомъ, въ войскахъ; онъ презиралъ законы, однимъ словомъ, правосудіе сдѣлалось предметомъ торга. Недовольство проникло всюду, и дурное мнѣніе, которое составилось о немъ, привело къ тому, что объясняли въ дурную сторону то немногое полезное, которое онъ сдѣлалъ. Его болѣе или менѣе опредѣлившимися проектами были слѣдующіе: начать войну съ Даніей изъ-за Шлезвига, перемѣнить вѣроисповѣданіе, разойтись со своею женою, жениться на своей любовницѣ, вступить въ союзъ съ королемъ прусскимъ, котораго онъ называлъ своимъ повелителемъ, и которому, какъ онъ утверждалъ, онъ принесъ клятву въ вѣрности; онъ хотѣлъ предоставить ему часть своихъ войскъ; онъ не скрывалъ почти ни одного изъ своихъ проектовъ.

Со времени кончины императрицы, ея тетки, императрицѣ Екатеринѣ дѣлались тайкомъ различныя предложенія, но она никогда не хотѣла слушать ихъ, постоянно надѣясь, что время и обстоятельства измѣнятъ что либо въ ея несчастномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что она знала съ полной увѣренностью, что въ концѣ концовъ, принимая во вниманіе ея личность, никоимъ образомъ не могутъ коснуться ея положенія, не подвергаясь величайшей опасности. Народъ былъ привязанъ къ ней и смотрѣлъ на нее, какъ на свою единственную надежду. Образовались различныя партіи, думавшія о средствахъ помочь горю своего отечества; каждая изъ этихъ партій обращалась къ ней въ отдѣльности, и однѣ изъ нихъ совершенно не знали другихъ. Она выслушивала ихъ, не отнимала отъ нихъ всей надежды, но неизмѣнно просила ихъ подождать, полагая, что дѣло не дойдетъ до крайности, и признавая всякую перемѣну подобнаго рода, какъ несчастье. Она смотрѣла на свои обязанности и на свою репутацію, какъ на сильный оплотъ противъ честолюбія. Сама опасность, которой она подвергалась, придавала ей новый блескъ, и она сознавала все значеніе его. Петръ III напоминалъ мушку, не сходящую съ очень красиваго лица. Поведеніе Екатерины по отношенію къ націи всегда было безупречно; она постоянно думала, желала и хотѣла лишь счастья этого народа, и вся ея жизнь будетъ употреблена только на то, чтобы доставить русскимъ пользу и благоденствіе.

Видя, однако, что положеніе вещей все ухудшается, императрица дала знать различнымъ партіямъ, что пора соединиться и подумать о средствахъ, чему чудесно помогла обида, публично нанесенная ей ея супругомъ. Вслѣдствіе этого порѣшили, что какъ только онъ вернется съ дачи, его арестуютъ въ его спальнѣ и объявятъ его неспособнымъ царствовать. Голова у него, дѣйствительно, пошла кругомъ, и, безспорно, во всей имперіи у него не было болѣе сильнаго врага, чѣмъ онъ самъ. Всѣ не были одина-

коваго мнѣнія: одни желали, чтобы это совершилось въ пользу его сына, другіе—въ пользу его жены.

За три дня до намѣченнаго времени нескромныя рѣчи одного солдата привели къ аресту капитана Пассека, одного изъ главныхъ участниковъ тайны. Прежде всего приступили къ дѣйствіямъ три брата Орловыхъ, старшій изъ которыхъ былъ капитаномъ артиллеріи. Гетманъ и тайный совѣтникъ Панинъ говорили имъ, что это слишкомъ рано, но они, по собственному побужденію, отправили своего второго брата въ каретѣ въ Петергофъ, чтобы привезти императрицу, разбудить которую Алексѣй Орловъ явился въ шесть часовъ утра 23 іюня стараго стиля. Какъ только она узнала, что Пассекъ арестованъ, и что въ видахъ собственной своей безопасности нельзя терять болѣе времени, она встала и поѣхала въ городъ, при въѣздѣ въ который была встрѣчена старшимъ Орловымъ и княземъ Барятинскимъ, отправившимися вмѣстѣ съ нею въ казармы Измайловскаго полка, гдѣ, при ея прибытіи, было только 12 человѣкъ и одинъ унтеръ-офицеръ, и все казалось спокойнымъ. Всѣ солдаты были предупреждены, но находились у себя, и, когда они собрались, провозгласили ее самодержавной императрицей. Радость солдатъ и народа была неописуемая. Оттуда ее повезли въ Семеновскій полкъ; семеновцы вышли на встрѣчу къ ней, прыгая и крича отъ радости. Сопровождаемая такимъ образомъ, она отправилась въ Казанскую церковь, куда, съ проявленіемъ бурной радости, явились конногвардейцы. Пришла гренадерская рота Преображенскаго полка; эти извинялись, что явились послѣдними, говоря, что ихъ офицеры хотѣли помѣшать имъ отправиться, что иначе, конечно, они были бы изъ первыхъ. Послѣ нихъ прибыла артиллерія и ея фельдцейхмейстеръ Вильбоа.

Такимъ образомъ, сопровождаемая восклицаніями безчисленной толпы, императрица прибыла въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались синодъ, сенатъ и всѣ сановники. Составили манифестъ и форму клятвеннаго обѣщанія, и всѣ признали ее самодержавной императрицей. Императрица собрала нѣчто въ родѣ совѣта, составленнаго изъ гетмана, тайнаго совѣтника Панина, князя Волконскаго, генералъ-фельдцейхмейстера и нѣсколькихъ другихъ, на которомъ было рѣшено отправиться съ четырьмя гвардейскими полками, кирасирскимъ полкомъ, четырьмя полками пѣхоты въ Петергофъ, чтобы захватить Петра III. На этомъ совѣщаніи князь Волконскій высказалъ, что жаль, что нѣтъ совершенно легкой кавалеріи; едва только онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ его вызвалъ одинъ офицеръ и сообщилъ, что полкъ гусаровъ только что вступилъ въ предмѣстье.

Во время этого совѣщанія прибылъ отъ имени низложеннаго императора канцлеръ графъ Воронцовъ, чтобы высказать императрицѣ упреки за ея бѣгство и потребовать отъ нея объясненій

этого. Она приказала впустить его и, когда онъ очень серьезно изложилъ въ подробности причины своей миссіи, она сказала ему, что увѣдомитъ его о своемъ отвѣтѣ. Онъ вышелъ, а въ слѣдующей комнатѣ всѣ совѣтовали ему отправиться принести новую присягу въ вѣрности. Онъ возразилъ, что для того, чтобы очистить свою совѣсть, онъ желаетъ написать письмо, чтобы увѣдомить о результатахъ своей миссіи, а что затѣмъ онъ присягнетъ, что̀ и было разрѣшено ему. Послѣ него пріѣхали князь Трубецкой и фельдмаршалъ Александръ Шуваловъ. Они были посланы для того, чтобы удержать два первыхъ гвардейскихъ полка, шефами которыхъ они были, и чтобы убить императрицу. Они бросились къ ея ногамъ и передали ей о возложенномъ на нихъ порученіи, послѣ чего отправились принести присягу.

Когда все это было кончено, оставили великаго князя и нѣсколько отрядовъ, подъ вѣдѣніемъ сената, для охраны города, а императрица верхомъ, во главѣ полковъ, въ мундирѣ, полковникомъ которыхъ она объявила себя, выступила изъ города. Шли всю ночь и утромъ прибыли къ небольшому монастырю въ двухъ верстахъ отъ Петергофа, куда князь Голицынъ, вице-канцлеръ, доставилъ письмо отъ бывшаго императора къ императрицѣ, а, нѣсколько времени спустя, явился съ подобнымъ же порученіемъ генералъ Измайловъ. Вотъ что подало поводъ къ этому.

28 числа, императоръ долженъ былъ пріѣхать обѣдать изъ Ораніенбаума, гдѣ онъ жилъ, въ Петергофъ. Какъ только онъ узналъ, что императрица уѣхала изъ Петергофа, онъ встревожился и послалъ въ городъ различныхъ лицъ; но, такъ какъ всѣ дороги у столицы, по распоряженію императрицы, охранялись, то никто изъ нихъ не вернулся. Онъ зналъ, что два полка находились въ тридцати верстахъ отъ города; онъ послалъ привести ихъ для своей защиты, но эти полки отправились примкнуть къ императрицѣ. При подобномъ положеніи дѣла старый фельдмаршалъ Минихъ, генералъ Измайловъ и нѣсколько другихъ лицъ совѣтовали ему взять съ собою человѣкъ двѣнадцать и отправиться съ ними или къ арміи, или же броситься въ Кронштадтъ. Женщины, которыхъ было около него, по крайней мѣрѣ, тридцать, отсовѣтовали ему это, указывая на опасности. Онъ послушался ихъ и послалъ въ Кронштадтъ генерала Девьера, котораго адмиралъ Талызинъ, посланный императрицей, обезоружилъ по его прибытіи, о чемъ императоръ не имѣлъ ни малѣйшихъ свѣдѣній. Но, протянувъ со своей нерѣшительностью до вечера, онъ наконецъ рѣшился сѣсть съ дамами и остатками своего двора на галеру и двѣ яхты и отправиться въ Кронштадтъ, по прибытіи куда онъ потребовалъ, чтобы его впустили; но офицеръ, дежурившій на бастіонѣ у входа въ портъ, отказалъ въ этомъ; хотя въ дѣйствительности пороха не было, пригрозилъ стрѣлять по галерѣ этого принца; услышавъ

это, послѣдній приказалъ повернуть обратно и направился высадиться въ Ораніенбаумѣ, гдѣ онъ легъ спать и откуда на слѣдующій день написалъ упомянутыя выше два письма; въ первомъ изъ котовыхъ онъ выражалъ желаніе возвратиться въ Голштинію вмѣстѣ со своей любовницей и своими фаворитами, а во второмъ предлагалъ отказаться отъ имперіи, прося лишь о сохраненіи жизни. А между тѣмъ у него было при себѣ 1.500 вооруженныхъ человѣкъ голштинскаго войска, болѣе 100 пушекъ и нѣсколько русскихъ отрядовъ. Императрица послала обратно генерала Измайлова [1]) съ письмомъ, чтобы получить это отреченіе. Петръ III съ полной свободой написалъ этотъ актъ, а затѣмъ съ генераломъ Измайловымъ, своей любовницей и своимъ фаворитомъ Гудовичемъ пріѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ, чтобы предохранить его отъ возможности быть растерзаннымъ солдатами, къ нему приставили вѣрную охрану съ четырьмя офицерами подъ командой Алексѣя Орлова. Пока подготовляли его отъѣздъ въ Ропшу, загородный дворецъ, очень пріятный и нисколько не укрѣпленный, солдаты стали роптать и говорить, что прошло цѣлыхъ три часа, какъ они не видѣли императрицы; что, повидимому, князь Трубецкой примиряетъ ее съ ея супругомъ; что нужно предостеречь ее, чтобы она не довѣрялась этому; что, безъ всякихъ сомнѣній, ее обманули бы, погубили бы, а вмѣстѣ съ нею и ихъ. Какъ только Екатеринѣ стало извѣстно объ этихъ рѣчахъ, она направилась къ князю Трубецкому и сказала ему сѣсть въ карету и отправиться въ городъ, пока она пѣшкомъ будетъ обходить войска. Какъ только они увидѣли ее, возобновились крики радости и веселья.

Петра III отправили въ предназначенное для него мѣсто.

При наступленіи ночи, императрицѣ посовѣтовали возвратиться въ городъ, потому что въ теченіе двухъ сутокъ она не спала и почти ничего не ѣла; но войска просили не покидать ихъ, на что она съ удовольствіемъ согласилась, видя ихъ въ высшей степени восторженное отношеніе къ ней. На полъ-дорогѣ три часа отдыхали, и въ 10 часовъ утра, 30 іюля стараго стиля 1762 г., императрица верхомъ, во главѣ войскъ и артиллеріи, совершила свой въѣздъ въ Петербургъ при невыразимо радостныхъ кликахъ безчисленной толпы народа. Никогда нельзя было представить себѣ болѣе чуднаго зрѣлища. Ей предшествовалъ ея дворъ, а войска украсили дубовыми вѣтками свои шапки и шляпы (послѣднія они

[1]) Измайловъ, пріѣхавъ къ императрицѣ, бросился къ ея ногамъ и сказалъ: «признаете ли вы меня честнымъ человѣкомъ?» Она сказала: «да». «Тогда, — возразилъ онъ, — считайте меня вашимъ. Если вы довѣритесь мнѣ, я хочу предохранить мое отечество отъ большого пролитія крови. Чувствуешь удовольствіе отъ нахожденія въ обществѣ умныхъ людей. Я даю вамъ слово, что, если вы отпустите меня, я одинъ доставлю вамъ Петра сюда». Это онъ и выполнилъ.

Примѣчаніе Екатерины.

держали въ рукахъ; они затоптали ногами всѣ новыя одѣянія, данныя имъ Петромъ III).

Такимъ-то образомъ, тріумфально, она прибыла къ Лѣтнему дворцу, гдѣ собралось и ожидало ее все, что было въ столицѣ выдающагося и лучшаго. Великій князь вышелъ къ ней на встрѣчу до середины двора. Какъ только императрица увидѣла его, она сошла съ лошади и обняла его. Клики не прекращались. Пошли въ церковь, гдѣ при громѣ орудій былъ отслуженъ молебенъ. Весь день крики радости не переставали раздаваться среди народа, и никакихъ безпорядковъ не было.

Когда императрица легла спать, и едва она уснула, какъ капитанъ Пассекъ пришелъ разбудить ее, прося ее встать, потому что усталость, безсонныя ночи и вино разгорячили умы сильнѣе обыкновеннаго, любовь къ ея особѣ возбудила въ Измайловскомъ полку опасенія относительно ея безопасности, и измайловцы попросту двинулись въ походъ, чтобы прійти защитить ее. Когда явились сказать имъ, что опасаться нечего, и что она спитъ, они возразили, что въ этомъ отношеніи могутъ и должны вѣрить лишь своимъ собственнымъ глазамъ. Императрица встала въ два часа ночи и вышла къ нимъ. Какъ только они увидѣли ее, раздались крики радости; но она серьезнымъ тономъ сказала имъ отправиться ложиться, дать ей возможность спать и вѣрить своимъ офицерамъ, повиноваться которымъ она настойчиво совѣтовала имъ; они обѣщали ей это, извиняясь и дѣлая упреки другъ другу за то, что дали убѣдить себя разбудить ее. Такимъ образомъ, они очень спокойно направились домой, часто поворачивая назадъ головы, чтобы какъ можно дольше видѣть ее, такъ какъ въ Петербургѣ лѣтомъ почти не бываетъ ночей.

Въ слѣдующіе два дня безпрерывно раздавались крики радости, но не было ни крайностей, ни безпорядковъ,—въ высшей степени необычайное явленіе при столь сильныхъ волненіяхъ.

Нѣсколько недѣль спустя, тревога за особу императрицы снова овладѣла войсками, и нѣсколько вечеровъ они собирались, чтобы помочь ей или увидѣть ее. Тогда она подписала приказъ о томъ, чтобы они не собирались болѣе, увѣряя ихъ, что она сама стоитъ на стражѣ своей безопасности, и что у нея совершенно нѣтъ враговъ.

По поводу этого приказа они говорили между собою: «должно думать, оно дѣйствительно вѣрно, потому что она—не врагъ самой себѣ, чтобъ считать себя въ безопасности, если бы это было не такъ». Съ этого времени вездѣ водворилось полнѣйшее спокойствіе.

Отдѣльныя замѣтки императрицы Екатерины II о событіяхъ 1762 года.

Камергеръ Пассекъ часто говорилъ о Петрѣ III, что этотъ государь не имѣлъ злѣйшаго врага, чѣмъ онъ самъ, потому что онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, что могло повредить ему.

Шталмейстеръ Нарышкинъ, фаворитъ этого государя, говорилъ при его жизни: «это—царство безумія; все наше время проходитъ за ѣдой, виномъ и дѣланіемъ сумасбродствъ».

Часто случалось, что этотъ государь отправлялся смотрѣть на смѣну караула, и тамъ онъ билъ солдатъ или зрителей, или же совершалъ сумасбродства, и часто это происходило въ присутствіи несмѣтной толпы народа.

Въ день празднованія заключенія мира камергеръ Строгановъ получилъ приказаніе совершенно не выходить изъ дома, потому что онъ выказалъ участіе къ императрицѣ, которой императоръ публично нанесъ тяжелое оскорбленіе. Эта мѣра произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣ умы, расположенные, къ тому же, къ этой государынѣ и крайне ожесточенные дурнымъ поведеніемъ, несдержаннымъ характеромъ и ненавистью Петра III къ русскому народу, которую даже онъ не давалъ себѣ труда скрывать. Это броженіе, безпрерывно усиливаясь, продолжалось до 27 іюня. Намѣренія Петра III не составляли болѣе тайны. Они состояли въ томъ, чтобы вывести гвардейскіе полки и ввести въ городъ голштинскія войска, заточить императрицу (приказанія арестовать ее уже были даны одинъ разъ и затѣмъ отмѣнены), жениться на своей любовницѣ, графинѣ Воронцовой, перемѣнить религію и произвести массу другихъ перемѣнъ, столь же мало продуманныхъ. 27 числа, вечеромъ, былъ арестованъ капитанъ Преображенскаго полка, по фамиліи Пассекъ; весь полкъ былъ встревоженъ этимъ происшествіемъ, такъ какъ было извѣстно, что онъ расположенъ въ пользу императрицы, и что поэтому-то его и арестовали. Всѣ тѣ, которые были проникнуты столь же хорошими намѣреніями, во главѣ которыхъ находились трое братьевъ Орловыхъ, старшій изъ которыхъ былъ капитаномъ артиллеріи, сразу поняли опасность, которой подвергалась государыня, если вещи останутся въ такомъ положеніи. Часть ночи они употребили на то, чтобы предупредить гетмана, князя Волконскаго, тайнаго совѣтника Панина, а подъ утро капитанъ Алексѣй Орловъ отправился въ Петергофъ, чтобы предупредить императрицу объ опасностяхъ, которымъ она подвергалась, и чтобы доставить ее въ городъ, такъ какъ они были увѣрены, что достаточно ей показаться, чтобы склонить всѣхъ въ свою пользу. Въ шесть часовъ утра вышеназванный офицеръ прямо вошелъ въ ея спальню и попросилъ

ее встать и спасти отечество, спасая самое себя. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій императрица встала и сѣла въ карету, приготовленную для этой цѣли, въ сопровожденіи трехъ офицеровъ и русскихъ горничной и камердинера. Такимъ-то образомъ она пріѣхала въ казармы Измайловскаго полка, гдѣ все, повидимому, пребывало въ величайшемъ спокойствіи, такъ какъ тамъ находилось только двѣнадцать человѣкъ и унтеръ-офицеръ съ барабанщикомъ, который тотчасъ же принялся бить тревогу. Черезъ три минуты вокругъ императрицы собрались офицеры и солдаты, послѣ чего ее попросили сѣсть въ карету. Она сѣла въ нее съ гетманомъ и отправилась въ Семеновскій полкъ, гдѣ была принята съ кликами невыразимой радости. Оттуда она поѣхала въ Казанскую церковь, гдѣ Конный полкъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ проявленіемъ поистинѣ бѣшеной радости; народъ повторялъ крики, и всѣ были въ слезахъ и благодарили небо за свое освобожденіе. Оттуда она отправилась въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались сенатъ и синодъ. Тамъ она приказала составить манифестъ, и была принесена присяга, а затѣмъ было собрано совѣщаніе, на которомъ было рѣшено двинуться въ Петергофъ. Императрица надѣла гвардейскій мундиръ и во главѣ 14.000 человѣкъ выступила изъ города.

Вотъ въ чемъ заключается участіе, которое принимала въ этомъ событіи княгиня Дашкова. Она была младшей сестрою любовницы Петра III и 19 лѣтъ отъ роду болѣе красивая, чѣмъ ея сестра, бывшая очень безобразной. Если между ихъ лицами не было никакого сходства, то ихъ умы разнились еще болѣе. Младшая съ большимъ умомъ соединяла большой разумъ. Много стараній и чтенія, много предупредительности по отношенію къ Екатеринѣ привязали ее къ ней сердцемъ, душею и умомъ. Такъ какъ она нисколько не скрывала этой привязанности и думала, что судьба Россіи соединена съ личностью этой государыни, то поэтому она повсюду говорила о своихъ чувствахъ, что ей несказанно вредило у ея сестры и даже у Петра III. Вслѣдствіе подобнаго поведенія, котораго она нисколько не скрывала, нѣсколько офицеровъ, не имѣя возможности говорить съ Екатериною, обращались къ княгинѣ Дашковой, чтобы увѣрить императрицу въ ихъ преданности; но все это произошло, долгое время спустя послѣ предложеній Орловыхъ, и даже рѣчи и происки послѣднихъ побудили первыхъ—не знавшихъ о прямыхъ путяхъ, которыми распологали Орловы—войти въ сношеніе съ императрицей черезъ посредство княгини Дашковой, считая послѣднюю болѣе близкой къ ней. Екатерина никогда не называла княгинѣ Орловыхъ, чтобы отнюдь не рисковать ихъ именами, такъ какъ большое рвеніе княгини и ея юный возрастъ заставляли опасаться, чтобы среди массы ея знакомыхъ не нашелся кто либо, который неожиданно

не выдалъ бы всего. Въ концѣ концовъ императрица посовѣтовала Орловымъ познакомиться съ княгиней, чтобы получить большую возможность сойтись съ упомянутыми выше офицерами и посмотрѣть, какую пользу они могли бы извлечь изъ нихъ, потому что, какъ бы хорошо ни были настроены эти офицеры, по признанію самой княгини Дашковой, они были менѣе рѣшившимися, чѣмъ Орловы, съ намѣреніями соединявшіе и средства выполненія. Къ тому же, вся смѣлость княгини Дашковой (и, дѣйствительно, она много проявляла ея) ни къ чему не привела бы, такъ какъ у нея было болѣе льстецовъ, чѣмъ людей, вѣрившихъ въ нее, а характеръ ея семьи постоянно возбуждалъ нѣкоторое недовѣріе. Наконецъ, княгиня, или, скорѣе, черезъ ея посредство Пассекъ, съ одной стороны, и Орловы, съ другой, потребовали, чтобы Екатерина дала имъ что либо написанное ею, чтобы такимъ образомъ они получили возможность убѣдить своихъ друзей въ ея согласіи; она послала черезъ княгиню записку, составленную приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Да будетъ воля Господа Бога и поручика Пассека. Я согласна на все, что можетъ быть полезно отечеству». А Орловымъ она написала: «Смотрите на то, что вамъ скажетъ тотъ, который показываетъ вамъ эту записку, такъ, какъ будто я говорю вамъ это. Я согласна на все, что можетъ спасти отечество, вмѣстѣ съ которымъ вы спасете меня, а также и себя». И ту и другую записки она подписала своимъ именемъ. Легко понять, что эти записки были разорваны, какъ только онѣ выполнили свое назначеніе.

Когда поручикъ Пассекъ былъ арестованъ, караулившіе его солдаты открыли ему двери и окна, чтобы онъ могъ бѣжать: потому что, говорили они, ты страдаешь за доброе дѣло. И, несмотря на то, что онъ долженъ былъ ожидать пытки и не могъ предвидѣть, что произойдетъ, несмотря на то, что всѣ посвященные въ тайну рѣшили, что въ случаѣ произойдетъ событіе, подобное тому, что произошло съ нимъ, то нужно тотчасъ же приступить къ дѣлу, онъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ рѣшимость остаться въ своемъ заточеніи, чтобы ничего не испортить, потому что цѣлый полкъ былъ бы поднятъ на ноги, и для того, чтобы искать его, могли бы запереть городъ.

Когда Петръ III узналъ, что императрица уѣхала изъ Петергофа, онъ пріѣхалъ туда, повсюду искалъ ее, даже подъ кроватью, допрашивалъ всѣхъ оставшихся, но никакъ не могъ рѣшиться на что нибудь. Всѣ, окружавшіе его, давали ему различные совѣты, изъ которыхъ онъ выбралъ самый слабый, прогуливался взадъ и впередъ по саду, а затѣмъ выразилъ желаніе пообѣдать.

Когда императрица отправилась изъ Петергофа, она потеряла болѣе получаса времени, проходя садами, и вслѣдствіе этого не нашла карету и была узнана на улицѣ нѣкоторыми прохожими. Съ нею были лишь одна горничная, никоимъ образомъ не хотѣвшая оставить ее, и ея первый камердинеръ, искавшій карету.

Въ то время, какъ она направлялась съ войсками въ Петергофъ, народъ сообразилъ, что Петръ III можетъ пріѣхать водою. Нѣсколько тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ камнями и палками, собрались на Васильевскомъ островѣ, на берегу моря, при входѣ въ Неву, твердо рѣшившись потопить всякое судно, которое прибыло бы съ моря.

Когда адмиралъ Талызинъ былъ посланъ въ Кронштадтъ, мы всѣ считали его погибшимъ человѣкомъ, потому что не представлялось понятнымъ, чтобы императоръ не подумалъ объ этомъ портѣ и крѣпости; до Ораніенбаума было водою только одна миля, тогда какъ до города—четыре, а онъ былъ посланъ лишь въ полдень. Когда онъ пріѣхалъ, онъ, дѣйствительно, нашелъ генерала Девьера съ 2.000 человѣкъ, выстроенныхъ на пристани. Послѣдній спросилъ его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ отвѣчалъ: «Я пріѣхалъ ускорить отплытіе флота».—«А что говорятъ и дѣлаютъ въ городѣ?»—«Ничего»,—отвѣчалъ онъ.—«Куда вы направляетесь теперь?»—«Я собираюсь отдохнуть; я умираю отъ жары». Тотъ его пропустилъ. Онъ вошелъ въ одинъ домъ, вышелъ изъ него черезъ заднюю дверь и пошелъ къ коменданту Нумерсу, которому сказалъ: «Послушай, въ городѣ совершенно другія вѣсти, чѣмъ здѣсь; всѣ принесли присягу въ вѣрности императрицѣ; я совѣтую тебѣ сдѣлать то же самое. У меня здѣсь 4.000 матросовъ, у тебя лишь 2.000 человѣкъ. Вотъ мой сказъ. Рѣшайся». Тотъ отвѣтилъ, что поступитъ такъ, какъ ему будетъ угодно. «Такъ вотъ,—отвѣчалъ онъ,—ступай, обезоружь генерала Девьера». Онъ пошелъ на это, отозвалъ его въ сторону, взялъ у него его шпагу, и всѣ принесли присягу въ вѣрности.

Когда гренадерская рота перваго гвардейскаго полка подошла близъ Казанской церкви на встрѣчу къ императрицѣ, они захотѣли составить непосредственную охрану экипажа императрицы, но гренадеры Измайловскаго полка возразили имъ съ горькими упреками, что они явились послѣдними, и что они никоимъ образомъ не уступятъ имъ. Это былъ очень опасный моментъ, потому что, если бы первые заупрямились, то дѣло дошло бы до штыковъ; но ничуть не бывало: они отвѣчали, что виноваты во всемъ ихъ офицеры, задержавшіе ихъ, и затѣмъ самымъ кроткимъ образомъ принялись итти передъ лошадьми императрицы.

Ярость солдатъ противъ Петра III была чрезмѣрная. Вотъ образчикъ ея. Послѣ принесенія присяги на вѣрность, пока происходило совѣщаніе, войскамъ, выстроеннымъ вокругъ Зимняго деревяннаго дворца, было разрѣшено надѣть прежнюю форму. Одинъ изъ офицеровъ вздумалъ сорвать свой золотой знакъ и бросилъ его своимъ солдатамъ, думая, что они обратятъ его въ деньги. Они же съ жадностью набросились на него и, поймавъ собаку, надѣли его ей на шею. Украшенную подобнымъ образомъ собаку гоняли съ яростнымъ гиканьемъ. Они топтали ногами все исходящее отъ этого государя, что только попадалось имъ.

По выступленіи изъ города, вечеромъ 28 числа, первая остановка была въ 10-ти верстахъ отъ города, на постоялomъ дворѣ, называемомъ Краснымъ Кабачкомъ. Здѣсь все имѣло видъ настоящей войны. Солдаты разлеглись на большой дорогѣ; офицеры и множество горожанъ, слѣдовавшихъ изъ любопытства, и все, что могло вмѣститься въ этомъ домѣ,—всѣ вошли въ него. Никогда еще день не былъ болѣе богатъ приключеніями. У каждаго было свое, и всѣ хотѣли разсказывать. Были необыкновенно веселы, и никто не чувствовалъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Можно было бы подумать, что все уже кончено, хотя въ дѣйствительности никто не могъ предвидѣть конца, которымъ завершится эта великая катастрофа. Не знали даже, гдѣ находится Петръ III. Слѣдовало предполагать, что онъ бросился въ Кронштадтъ, но никто не думалъ объ этомъ. Однако, Екатерина не была такъ спокойна, какъ это казалось; она смѣялась и шутила, говорила съ тѣми и другими черезъ всю комнату, а когда у нея подмѣчали мгновенія разсѣянности, сваливала вину за это на утомленіе отъ пережитаго дня. Захотѣли уложить ее спать. Она было бросилась на кровать, но, не будучи въ состояніи закрыть глазъ, лежала недвижимо, чтобы не разбудить княгини Дашковой, лежавшей возлѣ нея. Случайно повернувъ голову, она увидѣла, что у княгини ея большіе голубые глаза были раскрыты и устремлены на нее, что заставило ихъ обѣихъ громко расхохотаться отъ того, что обѣ онѣ считали одна другую заснувшею и взаимно оберегали сонъ одна другой. Онѣ отправились присоединиться къ остальнымъ и, нѣсколько времени спустя, снова пустились въ путь.

Утромъ 28 іюня Воронежскій полкъ былъ въ Красномъ Селѣ, въ 27-ми верстахъ отъ Петербурга. Нѣмецкій офицеръ, посланный отъ Петра III, пріѣхалъ туда нѣсколько ранѣе посланнаго императрицею, чтобы двинуть этотъ полкъ въ Петергофъ, и они готовились выступить въ путь, не зная, въ чемъ дѣло, когда пріѣхалъ полковникъ Олсуфьевъ съ однимъ гвардейскимъ офице-

ромъ, чтобы привести ихъ къ присягѣ Екатеринѣ. Полковой командиръ колебался[1]). Одинъ гренадеръ проронилъ нѣсколько словъ, не понравившихся нѣмецкому офицеру, и тогда этотъ выхватилъ шпагу и хотѣлъ нанести ею ударъ солдату; тогда всѣ остальные стали кричать, что нужно итти въ Петербургъ, чтобы присоединиться къ Екатеринѣ. Они двинулись въ путь, и, когда государыня выступала изъ города, она встрѣтила ихъ. Такъ какъ они были утомлены, она хотѣла оставить ихъ въ городѣ, но они прошли съ нею еще 23 версты; тамъ имъ было приказано сдѣлать привалъ на дачѣ, называемой Стрѣльна Мыза, такъ какъ нѣсколько не довѣряли полковому командиру, и въ ту же ночь, когда всѣ вернулись въ городъ, этотъ полкъ тоже возвратился туда. Такимъ образомъ въ 24 часа онъ сдѣлалъ 43 версты, что̀ составитъ $10^1/_2$ нѣмецкихъ миль.

Когда императрица сходила съ лошади у Лѣтняго дворца, по возвращеніи изъ Петергофа, давка была такъ велика, что ее вели подъ руки, что̀ представляло прекрасную картину. Это носило видъ, какъ будто она была вынуждена сдѣлать все то, что только что произошло, что̀, въ дѣйствительности, и было справедливо, потому что, если бы она отказалась, она подвергалась бы опасности раздѣлить участь Петра III; такимъ образомъ, не было выбора.

Когда императрица побѣдоносно возвратилась въ городъ и удалилась затѣмъ въ свою спальню, капитанъ Орловъ упалъ къ ея ногамъ и сказалъ: «Я вижу васъ императрицей самодержицей; мое отечество освобождено изъ цѣпей, и оно будетъ счастливо подъ вашимъ управленіемъ. Я исполнилъ свой долгъ; я сослужилъ службу вамъ, моему отечеству и самому себѣ. Мнѣ остается попросить васъ лишь объ одной милости: позвольте мнѣ удалиться въ мои деревни. Я родился честнымъ человѣкомъ; дворъ могъ бы испортить меня; я молодъ, милости могли бы заставить ненавидѣть меня. У меня есть состояніе, я буду счастливъ на покоѣ, покрытый славою, такъ какъ я далъ васъ моему отечеству».

Императрица отвѣчала ему, что заставить ее прослыть неблагодарною по отношенію къ человѣку, которому она считала себя наиболѣе обязанною, значило бы испортить ея дѣло; что простой народъ не могъ бы повѣрить столь большому великодушію, но думалъ бы, что она подала ему какой нибудь поводъ къ неудовольствію, или даже что она недостаточно вознаградила его.

Нужно было какъ бы прибѣгнуть къ воздѣйствію власти, чтобы заставить его остаться, и онъ былъ до слезъ огорченъ красной

[1]) Шефомъ этого полка былъ принцъ Гольштейнъ-Бекскій, полковникомъ Семенъ Масловъ.

лентой св. Александра и камергерскимъ ключемъ, которые она пожаловала ему, что приносило съ собою чинъ генералъ-майора.

Для поѣздки въ Ропшу съ Петромъ III императрица назначила капитана Алексѣя Орлова, князя Барятинскаго и трехъ другихъ офицеровъ. Они выбрали 100 человѣкъ изъ различныхъ гвардейскихъ полковъ. Данныя имъ приказанія гласили сдѣлать жизнь этому государю столь пріятной, насколько они могли, и доставлять ему для его забавы все, чего онъ ни пожелаетъ. Предполагалось изъ этого мѣста перевести его въ Шлиссельбургъ, а черезъ нѣкоторое время, въ зависимости отъ обстоятельствъ, отправить его съ его фаворитами въ Гольштейнъ, до такой степени его личность представлялась мало опасной.

Послѣ смерти императрицы Елисаветы дочь герцога курляндскаго Бирона, вышедшая замужъ за барона Черкасова, и которую Петръ III любилъ когда-то, несмотря на то, что она была горбата, достигла того, что этотъ императоръ приказалъ возвратить ея отца изъ Ярославля, куда сослала его покойная императрица. Этому много способствовало естественное нерасположеніе, которое императоръ почувствовалъ къ принцу Карлу Саксонскому во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ; онъ до такой степени ревниво относился къ нему, что достаточно было назвать его имя, чтобы вызвать въ немъ гнѣвъ. Онъ обѣщалъ дочери возвратить отцу герцогство и, дѣйствительно, предполагалъ поступить такъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ принцъ Георгъ Гольштейнскій, который вмѣстѣ со своими сторонниками заставилъ императора измѣнить свое намѣреніе и склонилъ его принудить Бирона и его сыновей отказаться отъ Курляндіи въ пользу принца Гольштейнскаго. Въ своей горести Бироны обратились къ императрицѣ, которая не могла сдѣлать ничего другого, какъ увѣрить ихъ, что правота ихъ дѣла извѣстна ей, но что не отъ нея зависитъ помочь имъ. Въ день восшествія Екатерины на престолъ Бироны должны были подписать этотъ актъ отреченія, какъ вдругъ положеніе вещей измѣнилось. Биронъ былъ выпущенъ; у императрицы не было никакихъ основаній снова посадить его въ тюрьму; его дочь постоянно была предана ей, и тысячу разъ его права были признаны дѣйствительными. Россія не должна была кормить эту семью на свой счетъ. Поэтому было принято рѣшеніе возвратить ему Курляндію, а возможность создать въ первые дни своего царствованія герцога тоже не была непріятна Екатеринѣ.

— — -

Два письма Екатерины II къ Станиславу-Августу Понятовскому.

I.

2 августа, ст. ст. 1762 г. [1]).

Я немедленно снаряжаю графа Кейзерлинга посланникомъ въ Польшу, чтобы по смерти короля онъ способствовалъ вашему избранію; если же ему не удастся провести васъ, я хочу, чтобы королемъ былъ избранъ князь Адамъ.

Здѣсь до сихъ поръ всѣ умы еще находятся въ броженіи. Поэтому во избѣжаніе еще пущей смуты прошу васъ воздержаться отъ пріѣзда сюда.

Заговоръ для возведенія меня на престолъ подготовлялся шесть мѣсяцевъ. Петръ III потерялъ послѣдній скудный умъ, какимъ обладалъ. Онъ во всемъ старался прошибить лбомъ стѣну, собирался уничтожить гвардію и для этого посылалъ ее въ кампанію; замѣнить гвардію онъ разсчитывалъ своими голштинскими войсками, которыя и должны были остаться въ столицѣ.

Хотѣлъ онъ и вѣру перемѣнить, а на Елисаветѣ Воронцовой жениться, меня же запереть въ монастырь.

Въ день празднованія мира онъ за столомъ публично осыпалъ меня бранью, а вечеромъ отдалъ приказаніе меня арестовать. Моему дядѣ, принцу Жоржу, удалось настоять на отмѣнѣ послѣдняго приказанія; съ этого дня я и начала прислушиваться къ предложеженіямъ, которыя мнѣ дѣлались не разъ послѣ смерти императрицы.

Намѣреніе было такое—захватить Петра и подвергнуть заточенію, какъ было нѣкогда сдѣлано съ принцессою Анною (Леопольдовною) и ея дѣтьми. Тѣмъ временемъ Петръ переѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Мы заручились участіемъ большого количества капитановъ полковъ гвардіи. Судьбы заговора сосредоточивались въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ. Остенъ, конечно, помнитъ, какъ старшій изъ Орловыхъ всюду за мною слѣдовалъ и совершалъ тысячи сумасбродствъ. Его страсть ко мнѣ ни для кого не была тайною; впрочемъ все имъ было сдѣлано для того, чтобы придать огласку своему увлеченію. Орловы—люди чрезвычайно рѣшительные и пользуются большою любовью среди солдатства, такъ какъ сами служили въ гвардіи. Я этимъ людямъ обязана чрезвычайно многимъ: весь Петербургъ тому свидѣтель.

---

[1]) Писано съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ событія.

Умы гвардейцевъ постепенно подготовлялись, и въ концѣ концовъ въ тайну было посвящено отъ 30 до 40 офицеровъ и около 10.000 рядовыхъ. Среди ихъ за цѣлыхъ три недѣли не нашлось измѣнника; правда, заговорщики были раздѣлены на четыре отдѣльныхъ отряда; для приведенія мѣръ въ исполненіе сзывались только начальствующіе, а тайна распоряженій сосредоточивалась только въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ.

Панинъ желалъ, чтобы (отреченіе) совершилось въ пользу моего сына, но Орловы и слышать объ этомъ не хотѣли.

Я находилась въ Петергофѣ, Петръ жилъ и пьянствовалъ въ Ораніенбаумѣ.

Согласились на томъ, что, въ случаѣ измѣны, не дожидаясь возвращенія Петра въ столицу, соберутъ гвардейцевъ и провозгласятъ меня императрицею: то самое, что должна была вызвать измѣна,—произвело рвеніе къ моимъ интересамъ. 27 іюня, среди войска распространился слухъ, будто я арестована. Войска заволновались, наши офицеры ихъ успокоили; но къ начальствовавшему надъ однимъ отрядомъ заговорщиковъ капитану Пассеку явился солдатъ съ увѣреніями, будто я уже погибла. Пассекъ его старался убѣдить въ противномъ, ссылаясь на имѣющіяся отъ меня вѣсти. Солдатъ, однакоже, тревожась за мою судьбу, отправился къ другому офицеру съ тѣмъ же разсказомъ. Тотъ въ нашу тайну посвященъ не былъ и, удивленный тѣмъ, какъ Пассекъ отпустилъ солдата, не подвергнувъ его аресту, отправился съ докладомъ объ этомъ къ майору; майоръ послалъ арестовать Пассека. И вотъ уже весь полкъ пришелъ въ движеніе. Ночью объ этомъ былъ посланъ докладъ въ Ораніенбаумъ. Тутъ всполошились всѣ наши заговорщики, и рѣшили прежде всего послать въ Петергофъ второго брата Орлова; онъ долженъ былъ меня привезти въ городъ, а остальные Орловы разъѣзжали по заговорщикамъ, оповѣщая ихъ о моемъ пріѣздѣ.

Гетманъ (Разумовскій), Волконскій, Панинъ были посвящены въ тайну. Въ шесть часовъ утра, 28-го, я покойно спала въ Петергофѣ—предшествовавшій день прошелъ въ тревогѣ, такъ какъ я знала обо всемъ, что готовилось. Входитъ ко мнѣ въ спальню Алексѣй Орловъ и говоритъ очень спокойно: «Пора вставать, все подготовлено для вашего провозглашенія». Я стала разузнавать о подробностяхъ, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Пассекъ арестованъ». Я безъ колебаній поспѣшила одѣться и, не дѣлая туалета, бросилась въ карету, которую доставилъ Орловъ.

Какой-то офицеръ, переряженный лакеемъ, поджидалъ меня у дверецъ, третій выѣхалъ къ намъ на встрѣчу въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петергофа.

Въ пяти верстахъ отъ столицы насъ ожидалъ старшій Орловъ съ младшимъ княземъ Барятинскимъ. Послѣдній уступилъ мнѣ

мѣсто въ каретѣ, такъ какъ мои лошади отказывались служить, и мы отправились прямо въ Измайловскій полкъ. Налицо оказалось всего двѣнадцать человѣкъ и барабанщикъ, который забилъ тревогу. Тутъ сбѣжались солдаты, принялись меня обнимать, цѣловали мнѣ руки, ноги, платье, называя ихъ избавительницею. Два солдата привели подъ руки священника съ крестомъ. Тутъ всѣ начали мнѣ присягать. Когда это было окончено, меня попросили сѣсть въ карету. Священникъ съ крестомъ открывалъ шествіе. Мы направились въ Семеновскій полкъ—тотъ выступилъ намъ на встрѣчу съ криками «ура». Мы отправились въ Казанскій соборъ; здѣсь я вышла изъ экипажа. Тутъ подошелъ и Преображенскій полкъ съ криками «ура». «Прощенія просимъ, что являемся послѣдними; задержали насъ было офицеры. Вотъ четверо, которыхъ мы заарестовали и привели съ собою, чтобы показать нашу ревность; мы хотѣли того же, что и наши собратья». Явилась и конная гвардіи въ такой радостной восторженности, какой я никогда и не видывала—всѣ плакали и ликовали по случаю избавленія отечества.

Сцена эта происходила между садомъ гетмана и Казанскимъ соборомъ—конная гвардія прибыла въ полномъ составѣ, съ офицерами во главѣ. Такъ какъ я знала, что мой дядя, которому Петръ III ввѣрилъ команду надъ полкомъ, послѣднимъ страшно ненавидится, то я распорядилась послать гвардейскихъ пѣхотинцевъ къ дядѣ и предупредить его, чтобы онъ оставался дома во избѣжаніе возможности личныхъ непріятностей; но не тутъ-то было, его полкъ еще раньше отрядилъ команду арестовать командира, домъ его разграбили, а самого подвергли оскорбленіямъ.

Я отправилась въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались синодъ и сенатъ. Тутъ впопыхахъ составили манифестъ, и присутствующіе присягнули. Отсюда, спустившись, я пѣшкомъ обошла войска. Собрано было 14.000 гвардіи и полевыхъ войскъ. Какъ только я появлялась, меня встрѣчали радостные крики, которымъ вторилъ безчисленный народъ.

Затѣмъ я отправилась въ старый Зимній дворецъ для принятія мѣръ къ завершенію нашего предпріятія. Тутъ мы держали совѣтъ и рѣшили, что я во главѣ (войскъ) отправлюсь въ Петергофъ, гдѣ Петръ III въ этотъ день долженъ обѣдать. По всѣмъ большимъ дорогамъ были разставлены посты, и отъ времени до времени намъ должны были приводить языковъ.

Адмирала Талызина я отрядила въ Кронштадтъ. Тутъ пріѣхалъ канцлеръ Воронцовъ, посланный сдѣлать мнѣ выговоръ за отъѣздъ (изъ Петергофа)—его отвели въ церковь, и онъ мнѣ присягнулъ. Потомъ пріѣхали еще князь Трубецкой и графъ Шуваловъ, которымъ было поручено заручиться поддержкою полковъ, а меня убить; ихъ тоже повели присягать безъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны.

Разославъ въ разныя стороны курьеровъ и принявъ всѣ мѣры предосторожности, я около 10 часовъ одѣлась въ гвардейскій мундиръ. Принятіе мною на себя званія полковника привѣтствовалось неизъяснимыми восторгами; я усѣлась верхомъ на коня, а въ столицѣ для охраны моего сына, остававшагося тамъ, отъ каждаго полка отряжено было по немногу солдатъ. Во главѣ войскъ я и двинулась въ Петергофъ, куда мы шли всю ночь. Когда подходили къ придорожному монастырю (въ Сергіевѣ), явился ко мнѣ вице-канцлеръ Голицынъ съ льстивымъ письмомъ отъ Петра III.

Я позабыла вамъ сказать, что, при выступленіи изъ города, ко мнѣ пришли три гвардейца-солдата, посланные изъ Петергофа распространять манифестъ среди народа, и заявили: «Вотъ что Петръ III поручилъ намъ раздавать—мы это передаемъ тебѣ, радуясь, что этотъ случай позволяетъ намъ присоединиться къ нашимъ братьямъ».

Послѣ перваго письма (отъ Петра III) доставлено было второе генераломъ Михаиломъ Измайловымъ. Генералъ бросился мнѣ въ ноги и спрашиваетъ: «Считаете ли вы меня за честнаго человѣка?» Я отвѣчала утвердительно. «Какъ пріятно имѣть дѣло съ умными людьми!»—похвалилъ онъ. «Императоръ предлагаетъ отречься отъ престола. Я вамъ его привезу, послѣ того, какъ онъ подпишетъ вполнѣ добровольно отреченіе. Этимъ я безъ труда предупрежу гражданскую войну для моего отечества».

Я возложила на Измайлова это порученіе, и онъ поѣхалъ его исполнять. Петръ III, окруженный 5.000 голштинцевъ, подписалъ отреченіе въ Ораніенбаумѣ безъ принужденія; затѣмъ онъ въ сопровожденіи Елисаветы Воронцовой, Гудовича и Измайлова переѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ для охраны его особы ему были даны пять офицеровъ и нѣкоторое количество солдатъ.

Такъ какъ это происходило въ полдень 29 іюня, въ день Петра и Павла, то надо было распорядиться обѣдомъ. Пока его изготовляли для такой массы людей, солдаты вообразили себѣ, будто Петра III привезъ фельдмаршалъ князь Трубецкой и старается насъ помирить между собою. Солдаты начали осаждать всѣхъ проходившихъ (во дворецъ) и, между прочимъ, гетмана, Орловыхъ и многихъ другихъ своими недоумѣніями: они не видятъ меня уже цѣлыхъ три часа и умираютъ отъ опасеній; какъ бы эта старая лиса, князь Трубецкой, меня не обманулъ. «Лицемѣрно налаживая будто бы примиреніе между тобою и мужемъ, погубитъ онъ тебя и насъ тоже, но мы его въ клочья разорвемъ»,—таковы были ихъ подлинныя выраженія.

Я пошла къ князю Трубецкому и приказала ему: «Пожалуйста, садитесь въ карету и уѣзжайте, пока я буду обходить войска». Я тутъ же разсказала фельдмаршалу, что произошло; онъ перепугал-

ся и уѣхалъ въ городъ, а я войсками была принята съ невообразимо восторженными криками.

Послѣ этого я отправила низложеннаго императора въ Ропшу, удаленную отъ Петергофа въ 25 верстахъ, подъ эскортомъ надежныхъ, кроткихъ людей, поставленныхъ подъ начальство Алексѣя Орлова и четырехъ офицеровъ. Ропша—мѣстность уединенная и очень пріятная (и Петръ долженъ былъ тамъ пробыть), пока въ Шлиссельбургѣ изготовлялось для него удобное и приличное помѣщеніе, и разставлялись подставы почтовыхъ лошадей для его переѣзда.

Но Господь судилъ иначе.

Со страху Петръ III заболѣлъ разстройствомъ желудка, длилось оно три дня, но на четвертыя сутки прошло. Въ этотъ день онъ сильно напился, такъ какъ ему предоставлялось все, чего онъ ни желалъ, за исключеніемъ свободы. Потребовалъ онъ, впрочемъ, только свою любовницу (Елисавету Воронцову), любимую собаку, слугу негра и скрипку. Во избѣжаніе соблазна и броженія среди его охраны я ему послала только негра, собаку и скрипку.

Но тутъ у Петра начались геморроидальныя колики въ сопровожденіи съ мозговыми приливами; болѣлъ онъ два дня, чрезвычайно ослабѣлъ и, несмотря на усилія врачей, испустилъ духъ, потребовавъ лютеранскаго пастора. Я боялась, не отравили ли его офицеры, и приказала произвести анатомическое вскрытіе тѣла усопшаго; оно удостовѣрило отсутствіе всякихъ слѣдовъ отравы: желудокъ оказался вполнѣ здоровымъ, воспаленіе было только въ кишкахъ, а смерть послѣдовала отъ апоплектическаго удара; сердце найдено было чрезвычайно маленькимъ и сморщеннымъ.

По отбытіи изъ Петергофа, мнѣ совѣтовали немедленно же вернуться въ столицу. Я предвидѣла, что это встревожитъ войска. Я исподволь распространила слухи о моемъ переѣздѣ подъ предлогомъ, будто желаю знать, въ которомъ часу приблизительно послѣ понесенныхъ въ теченіе трехъ дней трудовъ они въ состояніи опять отправиться въ путь. Войска отвѣчали: «къ десяти часамъ вечера, но только пусть и она отправляется съ нами». Такимъ образомъ я слѣдовала съ войсками; на полъ-пути я остановилась на дачѣ Куракина и, одѣтая, прилегла на постель. Какой-то офицеръ снялъ съ меня ботфорты, я проспала два съ половиною часа, и мы пустились дальше.

Въ Екатерингофѣ, сѣвъ на коня, я поѣхала во главѣ преображенцевъ. Впереди шли гусарскій полкъ и мой эскортъ, состоявшій изъ конногвардейцевъ. Непосредственно предо мною ѣхалъ весь мой дворъ. Позади меня слѣдовали три полка гвардіи въ порядкѣ старшинства и три полка полевыхъ войскъ.

Въ столицу я вступила среди безчисленныхъ привѣтственныхъ криковъ и направилась въ Лѣтній дворецъ, гдѣ меня ожидалъ

дворъ, синодъ, мой сынъ и всѣ лица, имѣющія пріѣздъ ко двору. Я выслушала обѣдню, потомъ пропѣли молебенъ, потомъ я принимала поздравленія.

Въ теченіе трехъ почти сутокъ, съ 6 часовъ утра пятницы по полдень воскресенья, я путемъ ни пила, ни ѣла, ни спала; въ воскресенье къ вечеру я наконецъ улеглась и заснула. Въ полночь, только я разоспалась, вошелъ ко мнѣ въ спальню капитанъ Пассекъ и разбудилъ меня, сказывая: «Наши люди ужасно перепились; такой же пьяный гусаръ, проѣзжая, крикнулъ имъ: «Къ оружію! 30.000 пруссаковъ идутъ на насъ, хотятъ отнять у насъ матушку-царицу!» Солдаты, вооружившись, сбѣжались узнавать о вашемъ здоровьѣ, говорятъ, что больше трехъ часовъ васъ не видѣли и спокойно разойдутся по домамъ, когда удостовѣрятся, что вы здравствуете. Они не слушаются ни начальства, ни даже Орловыхъ».

Мнѣ пришлось опять подняться на ноги; чтобы не перетревожить дворцовую стражу, въ составѣ одного баталіона, я сначала прошла къ ней и объяснила, почему выѣзжаю въ такой поздній часъ.

Потомъ сѣла въ карету съ двумя офицерами и отправилась къ войскамъ. Я имъ сказала, что сама совсѣмъ здорова, и чтобы они шли спать и мнѣ бы дали отдохнуть—я вотъ только теперь прилегла, не сомкнувши глазъ прошедшія три ночи, и желаю, чтобы они слушались своихъ офицеровъ. Они отвѣчали, что вся ихъ тревога вышла изъ-за проклятыхъ пруссаковъ, за меня они де всѣ охотно умрутъ. На это имъ было отвѣчено: «Очень вамъ за это благодарна, только ложитесь, пожалуйста, спать». Тутъ они мнѣ пожелали доброй ночи и здоровья и разошлись по домамъ, какъ добрыя овечки, и уходя все оборачивали глаза на мою карету.

На слѣдующій день войска просили мнѣ передать ихъ извиненія и великія сожалѣнія о томъ, что меня разбудили, поясняя: «Вѣдь, если каждый изъ насъ будетъ требовать ее видѣть, мы только станемъ мѣшать ей заниматься да повредимъ ея здоровью».

Потребовалась бы цѣлая книга для описанія громкихъ поступковъ всѣхъ лицъ, начальствовавшихъ (въ заговорѣ).

Орловы блещутъ искусствомъ властвовать надъ умами, осторожною отвагою, заботливостью о всемъ важномъ и о всѣхъ мелочахъ, находчивостью, здравомысліемъ и великодушною храбростью. Восторженные патріоты и честные люди, они страстно привязаны къ моей особѣ и всѣ такъ дружатъ, какъ никогда еще не дружили братья между собою. Всѣхъ Орловыхъ пятеро, но здѣсь ихъ со мною только трое.

Капитанъ Пассекъ отличался терпѣніемъ, съ какимъ выдерживалъ двѣнадцать часовъ арестъ (хотя солдаты открывали и двери и окна, чтобы его выпустить); этимъ онъ старался избѣжать тре-

воги въ полку раньше моего туда пріѣзда, хотя и опасался каждую минуту, какъ бы его не повлекли къ допросу въ Ораніенбаумъ; приказъ объ этомъ пришелъ уже послѣ моего прибытія.

Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хотя и приписываетъ себѣ всю честь (удачи заговора) на томъ основаніи, что водила знакомство кое съ кѣмъ изъ главныхъ (дѣйствующихъ лицъ), на самомъ дѣлѣ все время держалась въ подозрѣніи отчасти изъ-за своего родства (съ фавориткою и отцомъ-канцлеромъ), отчасти же и изъ за 19-ти-лѣтняго своего возраста, который никому довѣрія внушить не могъ. Хотя Дашкова и увѣряетъ будто всѣ переговоры со мною велись черезъ нее, въ дѣйствительности всѣ (участники заговора) цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ сносились со мною, раньше чѣмъ она свѣдала хотя бы ихъ имена. Княгиня съ большою суетностью соединяетъ сумбурный умъ и ненавистна всѣмъ главнымъ заговорщикамъ; иные, развѣ только по легкомыслію, знакомили ее съ тѣмъ, что знали сами, но освѣдомлены-то они были о сущихъ пустякахъ. Впрочемъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, этотъ презрѣннѣйшій и трусливѣйшій изъ людей, какъ сказываютъ, описалъ Вольтеру, что 19-ти-лѣтняя барынька сумѣла низвергнуть все правительство имперіи. Пожалуйста, разубѣдите вы въ этомъ великаго писателя: отъ княгини Дашковой приходилось скрывать всѣ пути, какими заговорщики со мною сносились; въ теченіе пяти мѣсяцевъ она ни о чемъ ровно не знала, а послѣднія четыре недѣли ей сообщалось такъ мало, какъ только было возможно.

Особенной похвалы заслуживаетъ душевная твердость князя Барятинскаго, который сумѣлъ скрыть нашу тайну отъ любимаго брата, генералъ-адъютанта бывшаго императора, потому что конфидентомъ онъ оказался бы безполезнымъ, но не безопаснымъ.

Въ Конной гвардіи 22-хъ-лѣтній офицеръ Хитрово и 17-ти-лѣтній юноша изъ низшихъ чиновъ Потемкинъ распоряжались всѣми дѣйствіями съ большою разсудительностью, энергіею и отважностью.

Вотъ вамъ приблизительно и вся наша исторія; все это, признаюсь вамъ, велось подъ ближайшимъ моимъ руководительствомъ. Въ послѣдніе дни мнѣ приходилось охлаждать пылъ заговорщиковъ, такъ какъ выступленіе арміи въ кампанію являлось препятствіемъ для выполненія (нашихъ замысловъ), а между тѣмъ оно уже совсѣмъ назрѣло еще за 15 дней (предъ наступленіемъ событій).

Когда бывшій императоръ узналъ о разыгравшемся въ столицѣ заговорѣ, молодыя женщины, изъ которыхъ онъ себѣ составилъ ближайшую свиту, помѣшали Петру послѣдовать совѣту стараго фельдмаршала Миниха, а тотъ внушалъ ему либо внезапно занять Кронштадтъ, либо съ немногими спутниками отправиться къ арміи. Когда же Петръ надумалъ отправиться на галерѣ въ Кронштадтъ,

городъ оказался уже въ нашихъ рукахъ, благодаря распорядительности адмирала Талызина. Онъ пріѣхалъ въ крѣпость, когда тамъ уже находился съ порученіемъ отъ императора генералъ Девьеръ; Талызинъ его обезоружилъ. Одинъ же изъ портовыхъ офицеровъ самовольно заявилъ несчастному императору, что разстрѣляетъ боевыми снарядами его галеру.

Такимъ образомъ, только Господь Богъ привелъ къ концу предопредѣленное въ неисповѣдимыхъ его путяхъ, ибо все совершившееся скорѣе похоже на чудо, чѣмъ на явленія, предусмотрѣнныя и проведенныя преднамѣренно: вѣдь стеченіе особенно благопріятныхъ случайностей могло лежать только въ руцѣ Божіей.

Я получила ваше письмо. Продолженіе дальнѣйшей правильной переписки сопряжено съ тысячью неудобствъ. У меня имѣется двадцать тысячъ причинъ для соблюденія осмотрительности, да нѣтъ и времени для писанія нѣжныхъ и опасныхъ записочекъ.

Я очень стѣснена... разсказывать вамъ все въ подробности я не могу, но это—правда.

Я сдѣлаю все для васъ и вашей семьи—будьте въ этомъ увѣрены. Мнѣ приходится соблюдать тысячи приличій и считаться съ тысячами обстоятельствъ и людей, а въ то же время на меня ложится еще и все бремя правленія.

Знайте, все происшедшее свершилось изъ-за ненависти къ чужестранцамъ и потому, что таковымъ же слылъ и Петръ III.

Прощайте! Бываютъ же на свѣтѣ такія странныя положенія!

II.

9 августа (ст. ст.) 1762 г.

Я не могу не сказать вамъ правды — эта переписка меня подвергаетъ риску тысячи неудобствъ. Послѣднее ваше письмо, на которое я теперь отвѣчаю, чуть-чуть не было перехвачено. За мною присматриваютъ. Въ моихъ поступкахъ не должно заключаться ничего подозрительнаго: я должна слѣдовать прямымъ путемъ.

Я не могу вамъ писать. Сидите смирно. Открывать вамъ внутреннія тайны было бы предосудительно; да, наконецъ, я и не могу этого сдѣлать.

Не мучьте вы себя—семью вашу я поддержу. Я не могу отрядить къ вамъ Волконскаго, но вы получите Кейзерлинга, который услужитъ вамъ, какъ нельзя лучше. Я приму въ соображеніе всѣ ваши наставленія.

Впрочемъ, я не хочу васъ обманывать. Порою меня не разъ еще заставятъ продѣлать самыя странныя вещи и все это естественнѣйшимъ образомъ. Если я стану этому подчиняться, меня будутъ боготворить; если бы я вздумала стоять на своемъ, я, ей-

Богу, и сама не знаю, что бы изъ этого вышло. Если у вась станутъ болтать, что въ войскахъ опять происходятъ смуты, знайте, что все это только чрезмѣрная ихъ любовь ко мнѣ, которая начинаетъ меня уже нѣсколько тяготить. Они умираютъ отъ страха, какъ бы со мною не приключилась бѣда. Я шагу сдѣлать не могу безъ восторженныхъ криковъ. Въ сущности же эта восторженность напоминаетъ мнѣ времена Кромвеля.

Жены Брюса и фельдмаршала—негодныя твари, особенно послѣдняя. Обѣ онѣ душою, тѣломъ и сердцемъ были преданы Петру III, подчинялись всецѣло фавориткѣ и ея замысламъ и твердили всякому, кто хотѣлъ ихъ слушать, что Воронцова пока не сдѣлалась еще тѣмъ, чѣмъ онѣ хотѣли бы ее видѣть (т.-е. императрицею).

Князь Адамъ—рыцарь болѣе чѣмъ въ одномъ смыслѣ; но я не вернула ни его письма, ни вашего, потому что не могу ихъ возвратить: друзья вѣдь тутъ, какъ тутъ,—у васъ-то ихъ мало, а у меня ихъ слишкомъ много. Тепловъ мнѣ во многомъ услужилъ, Ададуровъ городитъ вздоръ, Елагинъ—при мнѣ.

Я не могу воспользоваться вашимъ шифромъ, потому что ключъ къ нему въ критическія времена пришлось уничтожить. Передайте мой привѣтъ вашей семьѣ и пишите мнѣ, какъ можно меньше. А всего лучше, не пишите вовсе, безъ крайней необходимости, въ особенности же избѣгайте всякихъ іероглифовъ.

ХРОНИКА СЕЛА ИВАНОВСКАГО [1].

VI.

НАКОНЕЦЪ настал день отъѣзда. Прощались братья слезно, какъ будто имъ не встрѣчаться больше; въ тѣ тяжелыя времена никто не могъ даже на одинъ часъ ручаться за свою жизнь. Съ горькими слезами благословляла старушка своего сына и его дѣтей. «Не увижу васъ больше»,—говорила она, и не ошиблась; не прошло полгода, какъ ея не стало. Тронулись въ путь тѣмъ же порядкомъ, но въ колымагѣ уже не сидѣла та веселая, жизнерадостная, счастливая Мареенька; вмѣсто нея была грустная, молчаливая красавица, испившая въ столь короткое время горькую чашу испытаній, не видѣвшая предъ собой ни счастія, ни радости. И добраго молодца-жениха не было около ея отца! Печальный и угрюмый ѣхалъ онъ молча и думалъ, какой отвѣтъ дастъ онъ своему другу, боярину Соковнину, за сына, котораго онъ ему поручилъ. Не сумѣлъ онъ его сберечь, загубилась жизнь юношеская, попалъ онъ въ оковы желѣзныя, въ руки злодѣйскія, не смогъ онъ стать за него грудью, вымолвить слово въ защиту юноши злосчастнаго, и какъ-то стыдно стало Василію Степановичу и больно за самого себя, но что онъ можетъ сдѣлать: не въ полону ли онъ самъ и всѣ его близкіе съ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 391.

нимъ? Эта стража приставлена къ нему не для чести и не для защиты, она окружаетъ его роковой цѣпью, которую прорвать онъ не сможетъ, и нужно повиноваться. Не гордился онъ, не радовался мысли, что его любимая дочь будетъ царицей: онъ слишкомъ страдалъ ея скорбью. Онъ былъ увѣренъ, что выборъ царя падетъ на нее, а не на одну изъ прочихъ выбранныхъ красавицъ. Его Мароенька такъ восхитительна, лучше всѣхъ ихъ, и онъ чуялъ, что князь Грязновъ такъ именно сдѣлаетъ, чтобы царь ею прельстился, а не другими. И вѣдь всѣ будутъ ему завидовать, никто не пойметъ его печали, и онъ глубоко вздохнулъ. Ѣхали они съ честью; всѣ знали, что ѣдетъ царская невѣста, власти встрѣчали ихъ торжественно, на всѣхъ ночлегахъ имъ отводилось помѣщеніе въ хоромахъ воеводскихъ, становилась стража. Мароенька оставалась равнодушна ко всѣмъ этимъ почестямъ, но со всѣми была привѣтлива. Она знала, что навѣки разлучена съ Алешей, и въ сердцѣ ея не оставалось ни одного луча надежды: новая жизнь, полная печали, началась для нея, и она покорилась судьбѣ, насколько силы было въ ея наболѣвшемъ сердцѣ. Мароа Михайловна тоже горевала, но какъ бы скромна и безкорыстна она ни была, однако мысль, что дочь ея можетъ быть царицей, тайно восхищала ее: въ человѣческомъ ли сердцѣ быть равнодушной къ такому возвеличенью? Алешу она искренно любила и жалѣла его, но все-таки онъ былъ не сынъ ея родной. Ей, конечно, было больно видѣть горе Мароеньки, но приходила ей мысль и о томъ, какъ всѣ будутъ поражены въ родномъ Собакинѣ, когда узнаютъ, что она стала царской свекровью. Сестры Мароеньки немало возгордились при видѣ отдаваемыхъ имъ почестей, стали поднимать свои головки и важно кивать на низкіе поклоны, имъ отвѣшиваемые. Василій Степановичъ, несмотря на невеселыя думы свои, иногда улыбался, глядя на нихъ. Въ такомъ настроеніи подъѣхали они къ слободѣ Александровской. Тяжелыя ворота передъ ними широко распахнулись и снова затворились съ грохотомъ, впустивъ ихъ въ это жилище Грознаго царя и его опричниковъ-злодѣевъ, столь для всѣхъ ужасныхъ. Подвезли ихъ къ высокому терему, гдѣ Мароенькѣ съ матерью, сестрами и слугами были отведены роскошныя горницы, переступивъ порогъ которыхъ онѣ почуяли, что отнынѣ попали въ золоченую клѣтку, изъ которой не въ ихъ волѣ выходить свободными на бѣлый свѣтъ подъ ясные лучи краснаго солнышка. Василію Степановичу по особой царской милости было разрѣшено не разлучаться съ семействомъ; онъ былъ этимъ обязанъ Годунову, который лично ожидалъ ихъ на крыльцѣ теремовъ, гдѣ были имъ приготовлены покои. Приняты были они имъ ласково. Василію Степановичу объявили, что онъ воленъ ходить по всей слободѣ, когда захочетъ, и что Мароѣ Михайловнѣ и ея дочерямъ предоставлено

гулять въ теремовомъ саду, куда никому чужому не дозволено входить.

Собакины расположились въ новомъ жилищѣ, и слуги царскіе имъ подали разныя яства и угощенія, послѣ чего, усердно помолившись Всевышнему, благочестивая семья предалась сну и хоть на нѣсколько часовъ забыла о своихъ тревогахъ и заботахъ. На другое утро Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ навѣстилъ пріѣзжихъ, онъ ободрилъ ихъ привѣтливыми словами, сказалъ, что царь приказалъ имъ отдохнуть хорошенько, и что его величество отдастъ приказъ, когда Марѳѣ Васильевнѣ предстать предъ нимъ, а пока пусть расположатся безъ стѣсненія и страха. Весьма обрадованы были Собакины царскою къ нимъ милостію. Послѣ обѣденнаго стола Марѳа Михайловна отправилась отдыхать, а Василій Степановичъ рѣшилъ итти погулять по слободѣ—онъ привыкъ у себя дома быть цѣлый день на свѣжемъ воздухѣ, объѣзжая поля, а тутъ въ золотыхъ хоромахъ душно ему было, точно что-то давило ему грудь. Марѳенька же съ сестрами и Нестеровной спустились въ садъ тѣнистый, гдѣ было прохладно и чудно вѣяло запахомъ цвѣтовъ, которыхъ было великое изобиліе. Марѳенька сѣла въ сторонѣ подъ липой, раскидистыя вѣтви которой ее защищали отъ жгучихъ солнечныхъ лучей; вокругъ нея все было такъ хорошо, вѣяло такимъ миромъ и тишиной, что у нея какъ-то легче стало на наболѣвшей душѣ послѣ многихъ дней. Бѣдняжка, если бы она знала, что дѣлается за этой стѣной, сколько было тамъ стоновъ, воплей, страданій несчастныхъ жертвъ злодѣевъ-опричниковъ! но, къ счастію, это было отъ нея сокрыто, и въ это мгновенье ей стало хорошо на душѣ. Поблизости засвисталъ скворецъ, и этотъ звукъ такъ напомнилъ ей дорогое Собакино, что она закрыла глаза, и ей представилось, что она тамъ—въ миломъ саду, и чѣмъ-то роднымъ, дорогимъ повѣяло вокругъ нея. Ей казалось, что она сидитъ въ Собакинскомъ саду подъ старой липой, пахнетъ той же гвоздикой и сладкимъ горошкомъ, словно медомъ; тотъ же сводъ небесный синій, тѣ же деревья, лугъ зеленый, и она сидѣла очарованная. Когда она открыла глаза, то вздрогнула и поспѣшно встала: передъ ней стоялъ инокъ въ длинной черной мантіи и клобукѣ. Онъ былъ высокаго роста, съ сѣдой небольшой бородой, лицо было желтое и суровое, густыя брови сморщены, вообще видъ у него былъ непривлекательный и наводящій какъ бы трепетъ.

— Зачѣмъ ты меня пугаешься?—сказалъ онъ, глядя на Марѳеньку, и взоръ его какъ бы смягчился:—кто ты, красавица юная?

Дѣвушка встала и подошла подъ благословеніе инока.

— Марѳа, дочь Василія Собакина, отче,—отвѣтила она дрожащимъ голосомъ.

— Мареа Собакина, одна изъ невѣстъ царскихъ?—отвѣтилъ инокъ и положилъ руку на голову наклонившейся передъ нимъ съ благоговѣніемъ дѣвушки.—Итакъ, ты будешь царицей,—продолжалъ онъ,—и ты не бойся за себя, не вѣрь молвѣ, что царь свирѣпъ и безпощаденъ.

— Не боюсь я и царя,—отвѣтила Мареенька,—если Богу угодно, чтобы я была его женой, то я буду молить Царя Небеснаго, чтобы Онъ преисполнилъ его милостью.

Что-то сверкнуло въ очахъ инока—лицо его посвѣтлѣло, и онъ вымолвилъ ласковымъ голосомъ:

— Молись, голубка, молись о грѣшномъ царѣ,—и удалился.

Мареенька была сильно озадачена его появленіемъ. Кто могъ быть этотъ величественный инокъ? Вѣрно, близокъ къ царю, коли безъ страха могъ о немъ говорить, и вѣдь никто не могъ входить въ садъ. Мароенька немедленно вернулась домой и разсказала матери все съ ней случившееся. Сестры Мароеньки и Нестеровна ничего не могли сообщить ей, онѣ только мелькомъ видѣли инока, когда онъ уходилъ.

Мароа Михайловна, очень взволнованная этой встрѣчей монаха съ Мареенькой, строго наказала дочерямъ быть осторожнѣе и не говорить ни съ кѣмъ о царѣ: ей показался монахъ подозрительнымъ, и Василій Степановичъ, вернувшись съ прогулки, былъ того же мнѣнія и встревожился.

— Слыхалъ я,—сказалъ онъ,—что опричники облекаются въ монашескія ризы и творятъ безумное богохульство въ этомъ смирѣнномъ одѣяніи. Быть можетъ, этотъ мнимый инокъ... да самъ царь... шепнулъ онъ и переглянулся съ женой, и оба смолкли, какъ будто боясь выразить то, что было у нихъ на умѣ.

Василій Степановичъ уморился послѣ прогулки по знойной слободѣ и по совѣту жены пошелъ въ ея теремъ и легъ отдохнуть. Только что онъ удалился, какъ слуга пришелъ сказать, что князь Грязновъ-Ростовскій и Борисъ Годуновъ желаютъ ее видѣть. Мароа Михайловна сильно заволновалась: мужъ ея отдыхаетъ, дочери у себя въ горницѣ, и она—одна, чтобы принять временщиковъ царскихъ. Бояре вошли и просили не тревожить никого.

— Черезъ два дня,—сказалъ Грязновъ,—царь назначилъ смотрины дѣвушекъ, выбранныхъ имъ, но Мароѣ Васильевнѣ повелѣлъ оставаться у себя въ теремѣ, гдѣ она предстанетъ предъ его царскими очами, когда ему угодно будетъ ее узрѣть. Государь,—продолжалъ онъ,—преисполненъ милостью къ ней и ея роднымъ и шлетъ имъ знакъ своего расположенія.

Съ этимъ словомъ онъ позвалъ слугъ, которые внесли нѣсколько свертковъ и сундукъ. Мароа Михайловна обомлѣла! Что она скажетъ? У нея прямо таки заплетался языкъ отъ волненія.

— Князь,—сказала она,—что могу я вымолвить. Не привыкла я къ такимъ рѣчамъ: жила тихо, мирно, далеко отъ всего пышнаго и царскаго. Пусть мужъ придетъ, чтобъ челомъ бить за царскія къ намъ милости.

— Отлично ты молвила, Марѳа Михайловна,—сказалъ Грязновъ-Ростовскій:—мы знаемъ, что ты отъ полноты сердца говоришь.

Затѣмъ они распростились и удалились. Послѣ ихъ ухода она поспѣшно позвала дочерей посмотрѣть на подарки, присланные имъ царемъ. Дѣвушки прибѣжали, и даже у Марѳеньки появилось любопытство, хотя она равнодушно относилась ко всему, но она рада была видѣть восторгъ сестеръ, и дѣйствительно, было чѣмъ полюбоваться! Развернувъ свертки, они увидали чудныя матеріи иноземнаго бархата. Въ сундукѣ былъ богатый жалованный кафтанъ и соболья шапка для самого Василія Степановича. Ничего не было забыто! Даже расшитые сапоги изъ бѣлаго сафьяна и сабля, украшенная самоцвѣтными камнями. Всѣмъ сестрамъ Марѳеньки пожалованы готовые наряды изъ тисненой матеріи, даже для младшей двѣнадцатилѣтней Оленьки былъ бирюзовый лѣтничекъ. Для самой Марѳы Михайловны былъ настолько роскошный лѣтникъ, тѣлогрѣя и кика, расшитая жемчугомъ, что она даже всплеснула руками.

— Это я-то одѣнусь въ такое великолѣпіе,—сказала она смущенная:—куда же мнѣ старухѣ!

— Полно, матушка,—улыбнулась Марѳенька:—ты еще молода и красива, другихъ молоденькихъ за поясъ заткнешь!

И всѣ стали просить ее одѣться въ нарядъ. Когда она была готова, то всѣ окружили ее съ восклицаніями восторга; и вправду Марѳа Михайловна была красива и величественна. Ей было всего тридцать пять лѣтъ, и она была свѣжа и румяна, какъ юная дѣвица. Вошедшій въ эту минуту въ горницу Василій Степановичъ остановился въ изумленіи при видѣ ея и не сразу узналъ свою Марѳушу.

— Ты ли это, женушка?—сказалъ онъ удивленно и, узнавъ, въ чемъ дѣло, продолжалъ:—какая же ты у меня писаная красавица, а ну, какъ царю полюбишься ты, а не дочка, что я-то буду дѣлать, опостылый?—и онъ улыбнулся, да, спохватившись, смущенно посмотрѣлъ на дочку, какъ будто стыдясь своей шутки.

Но Марѳенька тоже улыбнулась и съ восхищеніемъ смотрѣла на мать, которая, зардѣвшись, какъ молодушка, стояла передъ мужемъ и дѣтьми.

— Кажись,—сказала Марѳенька,—матушка всегда одѣта была въ хорошіе наряды въ Собакинѣ, помнится, прослыла она за это, а какъ бы ее теперь увидали, то бы смутила она всѣхъ.

— Ну, довольно павой походила,—засмѣялась мать ея,—пора и честь знать да наряды въ сундукъ класть.

Узнавъ, что единой безъ подарка осталась Мароенька, Василій Степановичъ улыбнулся.

— Царь ей, вѣрно, особо пришлетъ,—сказалъ онъ, и не ошибся.

Около вечера началъ итти дождь, такъ что всѣмъ пришлось остаться дома. Милуша, старшая сводная сестра Мароеньки, взяла священное писаніе, и собравшаяся вокругъ семья стала слушать чтеніе. Милуша была уже не первой молодости по тогдашнему времени: ей было за двадцать лѣтъ; кроткая и не особенно красивая, она считала уже себя старкой и одно время мечтала о монашествѣ, но отецъ и мать ей воспретили удаляться изъ семьи, и она повиновалась. Всѣ ее любили за доброту и ласку. Къ ней приходили нѣсколько разъ свахи изъ сосѣднихъ вотчинъ и сватали ей молодыхъ и богатыхъ жениховъ, но она всѣмъ отказывала, говоря: «Не любо мнѣ замужемъ быть. Останусь въ дѣвкахъ да буду обо всѣхъ молиться, коли не воля родительская—меня въ монастырь отпустить». На другое утро была чудная погода. Вечерній дождь освѣжилъ воздухъ, и всѣ собрались было гулять въ садъ, какъ имъ оповѣстили о приходѣ новыхъ гостей, присланныхъ царемъ: князѣ Вяземскомъ и стольникѣ Ермоловѣ [1]). Послѣдній былъ огромнаго роста и представлялъ собою настоящаго сына Монголіи. Какъ-то странно было видѣть длинную бороду и волоса, стриженные подъ кружало на этомъ скуластомъ лицѣ потомка Батыя. Послѣ покоренія Казани Ермолъ явился съ повинной къ царю, билъ предъ нимъ челомъ. Царь принялъ его милостиво, сдѣлалъ своимъ стольникомъ и приказалъ именоваться впредь Ермоловымъ. Вяземскаго и Ермолова сопровождали слуги, которые несли большой кованый сундукъ и серебряный съ чеканкою ларецъ.

— Царь,—сказалъ Вяземскій,—приказалъ объявить боярышнѣ Мароѣ Васильевнѣ свое благоволеніе и шлетъ ей сіи подарки.

Слуги открыли сундукъ, и посланцы вынули изъ него три чудныхъ наряда и положили передъ Мароенькой.

— Все сіе,—сказалъ Вяземскій,—для тебя, боярышня, отъ всемилостивѣйшаго царя, который приказалъ тебѣ быть готовой его встрѣтить вскорѣ здѣсь, въ твоемъ теремѣ.

Мароенька поблѣднѣла отъ волненія, а отецъ ея поблагодарилъ посланцевъ царскихъ. Онъ уже освоился съ новымъ положеніемъ, и природный умъ и воспитанность, ему присущіе, замѣнили ему привычку находиться межъ столь высоко поставленными людьми.

[1]) У Е. Ф. Лесли, рожденной Ермоловой, сохраняется весьма чтимый образъ Нерукотвореннаго Спасителя, по преданію, жалованный Ермолу (Ермолову) по принятіи имъ святого крещенія.

Когда посланцы удалились, всѣ начали смотрѣть наряды Марѳеньки, и вправду, они были дивные и привели бы въ восторгъ дѣвушку, менѣе удрученную, чѣмъ она была. Вынули изъ сундука три полныхъ одѣянія: лѣтникъ съ вошвами, изъ бѣлаго глазета, весь вышитый жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; къ нему былъ дивный вѣнецъ съ бобровымъ ожерельемъ и золотистая шубка, какія носили царевны въ тѣ времена. Второй нарядъ былъ золотой ткани, чудной работы, третій же казался еще лучше двухъ первыхъ: онъ былъ лазореваго цвѣта, весь расшитый серебромъ кованымъ. Въ ларцѣ были ожерелья изъ жемчуга и самоцвѣтныхъ камней, которые блистали и искрились, освѣщенные лучами солнца; тамъ же было евангеліе и молитвенникъ, расписанный на бумагѣ пергаментной въ дорогой оправѣ. На заглавномъ листкѣ были написаны церковнымъ письмомъ слова: «Царской невѣстѣ Марѳѣ Собакиной благословеніе отъ инока». Марѳенька вздрогнула. Этотъ монахъ съ блѣднымъ, суровымъ ликомъ и сверкающимъ жестокимъ взоромъ былъ ея будущій супругъ. Она теперь увѣрена въ этомъ, вѣдь онъ ей сказалъ: «Ты будешь царицей». И слезы брызнули изъ ясныхъ очей дѣвушки. Отецъ ея понялъ все, и молча притянулъ къ своему сердцу свою красавицу-дочку. «Голубка моя, любимое дитятко, смирись!»—вымолвилъ онъ. Мать и сестры горячо любили Марѳеньку, но сердца ихъ не были такъ чутки, какъ Василія Степановича; онѣ и не поняли того, что происходило въ умѣ ея, и простодушно дивились и любовались богатыми книжками и надписью на нихъ:

— Христосъ съ тобою, Марѳенька!—сказала Марѳа Михайловна.— Инокъ тотъ, видно, близокъ къ батюшкѣ-царю, коли подарокъ тебѣ прислалъ вмѣстѣ съ царскими.

— Ахъ, матушка!—отвѣтилъ за дочь Василій Степановичъ:— неужто ты такъ проста въ своемъ сердцѣ, что не уразумѣла, что инокъ-то и есть самъ царь?

Марѳа Михайловна смутилась и испуганная сказала:

— Царица Небесная, спаси насъ, Господь! Далъ бы Онъ только намъ доѣхать до дома, а здѣсь, что ни день, то чудеса творятся. Живешь въ пышныхъ царскихъ хоромахъ, ѣшь и пьешь сладко, а точно въ темницѣ сидишь, и такъ боязно становится. Душенька такъ и рвется на свободу въ свое Собакино.

— Богъ дастъ, матушка, доѣдешь обратно въ наше родное гнѣздо,— сказала Марѳенька,—а меня здѣсь оставишь царицей, царицей русской,—продолжала она съ съ горечью:—Марѳа Собакина, да русской царицей стала.

— Одначе пора намъ спать,—перебилъ ее отецъ:—да помолиться, чтобы въ мирѣ провести день завтрашній.

Прошло еще два дня. Василій Степановичъ никуда не отлучался, и онъ и семья съ трепетомъ ожидали царскаго прихода.

Подъ конецъ второго дня Мареенька сидѣла въ саду, наслаждаясь вечерней прохладой, какъ вдругъ передъ ней предсталъ Годуновъ; молодой человѣкъ былъ блѣденъ и казался встревоженнымъ, но дѣвушка чуяла его къ ней расположеніе и встрѣтила его привѣтливо и съ улыбкой. Онъ сѣлъ около нея и, опустивъ взоръ свой на землю, какъ бы боясь взглянуть на нее, молвилъ:

— Мареа Васильевна, хотѣлось тебя предварить, что завтра ты предстанешь предъ царемъ. Ты будешь имъ выбрана, не робѣй: онъ видѣлъ тебя, и ты ему приглянулась, да кто,—продолжалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—можетъ тебя узрѣть и не полюбить, увидѣть свѣтъ твоихъ лазоревыхъ очей, столь полныхъ чистоты, и не любоваться ими? Но не бойся,—продолжалъ онъ, видя ея смущеніе,—не посрамлю я себя и не забуду, сколь чиста и невинна душа твоя, но выслушай меня и знай, что Борисъ Годуновъ тебя любилъ безъ памяти, что онъ готовъ за тебя душу свою отдать. По волѣ царя, я сталъ мужемъ дочери Малюты Скуратова, имя коего наводитъ лишь страхъ и трепетъ, однако сердце у нея полно жалости, она скорбитъ о злодѣяніяхъ свирѣпаго отца своего, и хотя любви у меня къ ней нѣтъ, но я жалѣю ее всей душей.

По мѣрѣ того, какъ Годуновъ говорилъ, слезы текли изъ очей Мареньки.

— Я вижу, что я не ошиблась въ тебѣ,—сказала она,—и что ты добръ межъ столь безумно злыхъ людей. Выслушай и ты меня. Божія воля была разлучить меня съ желаннымъ моего сердца, я знаю, что навѣки съ нимъ разлучена, и я покорилась, однако умоляю тебя спаси его, если онъ живъ еще, дай ему вернуться на родину. Что съ нимъ сталось, не вѣдаю... душа вся изныла.

И она зарыдала и пала къ ногамъ Годунова.

— Что ты дѣлаешь!—тревожно заговорилъ онъ, поднимая ее.—Если кто либо увидитъ насъ, мы оба погибли. Успокойся, ступай домой. Даю тебѣ слово, что я все сдѣлаю, что возможно, чтобы спасти Соковнина, и тебѣ повѣдаю, что узнаю о немъ, о нашей же встрѣчѣ пусть никто, даже твои близкіе, не вѣдаетъ, и да хранитъ тебя Господь.

И онъ удалился.

VII.

Вернувшись домой, Мареенька нашла страшный переполохъ: было оповѣщено, что царь прибудетъ на другой день къ полудню въ теремъ Собакиныхъ. И вотъ насталъ роковой и всѣмъ имъ страшный день встрѣчи съ царемъ. Съ ранняго утра стали Мареньку обряжать, и она, полная трепета, была восхитительна въ своемъ блестящемъ нарядѣ: изъ-подъ кики выбивались золотыя

кудри, тяжелая коса падала почти до колѣнъ, и щеки отъ волненія горѣли яркимъ румянцемъ. Часовъ около двухъ послѣ обѣда двери въ горницу, гдѣ было собрано все семейство, распахнулись, и одинъ, безъ единаго провожатаго, вошелъ царь Иванъ Васильевичъ. Мароенька взглянула на него, и сердце ея забилось, ее обуялъ страхъ великій: въ царѣ она узнала инока. Онъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ строгимъ пронзительнымъ взглядомъ и вымолвилъ, глядя на Мароеньку:

— Подойди ближе, не бойся!

Дѣвушка сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и, поднявъ очи, посмотрѣла на него. Въ чертахъ грознаго повелителя произошло что-то необычайное: ликъ просвѣтлѣлъ, строгое, нахмуренное чело какъ бы сгладилось, и въ очахъ появилось выраженіе восхищенія и удовольствія; онъ подошелъ къ Мароенькѣ, которая стояла вся дрожащая, молча подалъ ей расшитую золотомъ и жемчугомъ ширинку (платокъ), которую онъ держалъ въ рукѣ, и надѣлъ ей на перстъ золотое кольцо. Мароенька пала къ ногамъ его, но онъ ее поднялъ и облобызалъ. Улыбка озарила его суровыя уста, и онъ вымолвилъ:

— Отнынѣ ты моя нареченная невѣста, а вы,—обратился онъ къ Собакинымъ:—не робѣйте, изъ-за такой дочки красавицы я преисполненъ къ вамъ великой милости. Ты же, голубка моя ясная, проси у меня, что хочешь, и отказа тебѣ не будетъ.

Одинъ мигъ дѣвушка подумала воспользоваться этой милостью, просить пощады для Алеши, спасти его, и взглянула на отца; вѣроятно, онъ понялъ ея мысль, и она увидала на его лицѣ выраженіе такого страха, что потупила очи и отвѣтила:

— Государь, мнѣ ничего не надо, я счастлива твоей лаской ко мнѣ.

— Ну, ладно, красавица,—вымолвилъ царь:—ты мнѣ столь люба, что не замедлю сдѣлать тебя царицей. Благослови дочь на бракъ,—продолжалъ онъ, милостиво обращаясь къ Василію Степановичу:—а тебя жалую я бояриномъ думнымъ своимъ, тебя же, боярыня свекровушка, прошу любить и жаловать,—пошутилъ Грозный и облобызалъ Мароу Михайловну, которая лила обильныя слезы, между тѣмъ какъ мужъ ея билъ челомъ передъ государемъ за столь великія милости.

По приказанію царя былъ внесенъ серебряный кубокъ съ виномъ игристымъ; онъ повелѣлъ Мароенькѣ отпить изъ него глотокъ и послѣ нея осушилъ его, говоря:

— Ну, голубка моя, знаю всѣ твои мысли, однако прощай, я долженъ итти въ боярскую думу, скоро увидимся,—и онъ удалился.

Какъ будто тяжелыя цѣпи свалились съ Василія Степановича, когда царь оставилъ ихъ; онъ вытеръ чело, на которомъ выступили крупныя капли испарины, вздохнулъ полной грудью и обнялъ свою дочку. Дѣвушка ласкалась къ нему молча. Что могла

она сказать? Ей былъ страшенъ и не любимъ нареченный женихъ ея, онъ внушалъ ея сердцу лишь трепетъ и ужасъ: ни годами, ни наружностью, ни великимъ саномъ своимъ не подходилъ онъ къ ней, скромной дѣвочкѣ, выросшей далеко отъ тревогъ мірскихъ. Маѳа же Михайловна была въ полномъ упоеніи и умиленіи; царская къ ней ласка покорила ея мягкое любящее сердце, и она забыла, что это—тотъ самый Грозный, имя котораго наводило ужасъ и трепетъ.

На другой день предстояло Маѳенькѣ перенести много испытаній. Царскую невѣсту торжественно ввели въ новые, еще болѣе пышные хоромы, гдѣ помѣстили съ семействомъ и окружили многочисленными дворовыми и сѣнными дѣвицами. Первое мѣсто было повелѣно занять Маѳѣ Михайловнѣ и ея сестрамъ, верховной же боярыней была приставлена къ ней княгиня Троекурова, а старшей боярышней—княжна Сицкая, та самая красавица, которая себя прочила въ царицы. Какова же была ея злоба, когда ей вмѣсто царскаго вѣнца на челѣ пришлось носить кику сѣнной боярышни и служить той самой смиренной дѣвочкѣ, которую она безпричинно возненавидѣла при встрѣчѣ въ храмѣ и на которую произвела столь тяжкое впечатлѣніе. Чувство это снова проявилось, когда она подошла впервые къ Маѳенькѣ и взглянула на нее своими жгучими недобрыми очами, словно прожгли они сердце бѣдной дѣвушки. Какое-то непонятное для нея самой чувство предвѣщало ей почему-то, что черезъ эту красавицу со злобнымъ взглядомъ произойдетъ съ ней что-то ужасное, роковое. И какъ все это величіе было ей тяжело! Ей жаль было свою свѣтлицу, она уже привыкла къ ней, и тамъ никто не мѣшалъ ей, а теперь вокругъ нея—все люди чужіе, не расположенные къ ней и ея семейству, могла ли она быть люба имъ и пріятна, когда ради ея отвергнуты были ихъ дочери и сестры: онѣ были всѣ знатнаго или княжескаго рода, близки къ величію, и вотъ ради царскаго велѣнія она, скромная дѣвушка, даже не боярышня, станетъ ихъ царицей, и онѣ должны ей служить и повиноваться. Мать же и сестры ея ликовали: простой умъ Маѳы Михайловны не сознавалъ всей этой зависти и грязи мірской; она воображала, что всѣ такіе же добрые и безкорыстные, какъ и она сама. И вотъ въ этихъ новыхъ великолѣпныхъ хоромахъ состоялось великое торжество назначенія Маѳеньки царевною и возложенія на нее царскаго дѣвичьяго вѣнца. Великое испытаніе было все это для нея, въ особенности, когда всѣ присутствующія, къ ней приставленныя, цѣловали крестъ новой государынѣ и лобызали ея руку; ей было безконечно стыдно, что столь именитыя особы должны были унизиться передъ ней, однако Маѳенька съ великимъ достоинствомъ переносила эту для нея пытку, но, когда пришлось отцу, матери и сестрамъ, приложившись къ кресту, подойти къ ней и наравнѣ

съ другими поцѣловать ей руку, величая царевной, она не выдержала и чуть не разрыдалась. Конечно, все это было лишь для вида и согласно обычаю, а у себя въ семейномъ кругу отношенія родителей и близкихъ къ дочери оставались тѣ же, что и прежде. Мареенька была удивительно хороша въ этотъ день въ лазоревомъ (голубомъ) лѣтникѣ, подаркѣ царя, и много было завистливыхъ очей, глядѣвшахъ на нее. Мареа Михайловна все время твердила молитву, боясь сглаза и порчи. Съ этого дня началась новая жизнь Мареньки. Всѣ относились къ ней съ великимъ подобострастіемъ, однако вокругъ нея разставлялись уже сѣти негодующими и озлобленными родными и родственниками отверженныхъ царемъ дѣвицъ на смотринахъ, а ихъ было слишкомъ 1.000 привезено изъ разныхъ частей Руси. Ненависть къ ней была великая за красоту ея и за любовь къ ней царя, и за то еще, что, когда она прибыла въ слободу Александровскую, ее помѣстили отдѣльно въ теремѣ съ родными, а не какъ прочихъ дѣвицъ выбранныхъ, коихъ умѣщали по 12—15 въ одинъ покой вмѣстѣ, и противъ бѣдной вновь нареченной царской невѣсты и ея родныхъ строили уже козни, хотя Собакины держали себя скромно и никому не становились поперекъ дороги, а напротивъ даже смущались своимъ возвеличеніемъ. Каждый день царь Иванъ Васильевичъ приходилъ къ своей невѣстѣ и каждый день все болѣе и болѣе влюблялся въ нее; онъ былъ съ ней, какъ юный любовникъ, присылалъ ей дорогіе подарки, съ ея семействомъ былъ милостивъ, шутилъ съ Мареой Михайловной и ея сестрами, а Милушѣ даже приказалъ оставаться при сестрѣ и послѣ вѣнчанія. Василія Степановича онъ почиталъ и не могъ не цѣнить рѣдкаго ума и скромности этого, по тѣмъ временамъ, высоко просвѣщеннаго и безкорыстнаго человѣка, сравнивая его съ тѣми, которые окружали его,—съ необузданностью, корыстолюбіемъ и ненавистью, которую они питали другъ къ другу. Онъ часто разспрашивалъ его о его путешествіяхъ, о строѣ и внутренней жизни тѣхъ государствъ, въ коихъ онъ бывалъ, и слушалъ его съ удовольствіемъ. Любовь къ Мареенькѣ укротила его дикія страсти, и онъ сталъ, хотя не надолго, быть можетъ, человѣкомъ здравомыслящимъ. Василій Степановичъ даже дивился, глядя на него и слушая его рѣчи, однако онъ зналъ, что одно слово могло пробудить дремлющаго звѣря, что въ порывѣ ужаснаго гнѣва, находящаго на него, онъ могъ на мѣстѣ положить самаго близкаго къ нему человѣка, и что въ эти мгновенія проливались потоки крови; поэтому онъ былъ въ постоянномъ трепетѣ, когда находился съ царемъ, и боялся сказать лишнее слово, могущее вызвать этотъ гнѣвъ.

VIII.

Царь былъ настолько милостивъ къ Собакину, что повелѣлъ ему послѣ вѣнчанія дочери оставаться въ Москвѣ и засѣдать въ думѣ боярской, говоря, что ему любо имѣть его совѣты; но Василій Степановичъ палъ къ ногамъ его и умолилъ отпустить съ семействомъ въ родную вотчину.

— Не привыкъ я къ почестямъ, государь,—говорилъ онъ:—здѣсь каждому хочется возвеличиться, всякъ недругъ другому, зависть и злоба обуяла всѣхъ.

— Ну, пусть будетъ по-твоему,—отвѣчалъ царь,—однако знай, что всегда будетъ мнѣ любо тебя увидать, и милость моя къ тебѣ будетъ неизмѣнна.

Василій Степановичъ благодарилъ своего будущаго царственнаго зятя, но далъ себѣ зарокъ держаться далеко отъ него, хотя сердце его обливалось кровью при мысли разлуки съ любимой дочерью. Онъ не ошибался. Когда бояре увидѣли, насколько милостивъ къ нему царь, ненависть ихъ стала противъ него возростать. На Марѳеньку стали накликать порчу, и Малюта Скуратовъ и временщики царскіе, видя любовь къ ней царя, встрепенулись.

Пора, однако, вспомнить и о бѣдномъ Алешѣ. Когда онъ былъ увезенъ Бекетовымъ, то ничего не могъ сообразить, одно онъ понималъ, что его разлучили съ Марѳенькой, и что ему все опостылѣло на свѣтѣ. Бекетовъ съ своими стражниками, между коими Алеша былъ, какъ узникъ, вернулись на дворъ воеводы и тамъ его заключили въ темную конуру безъ свѣта и воздуха. Между тѣмъ у воеводы было совѣщаніе, что съ нимъ дѣлать.

— Здѣсь неудобно его держать,—говорилъ онъ,—у него много родичей.

— Отчего бы его не принять въ стражники?—молвилъ Бекетовъ:—парень красивый, здоровый, можетъ царскую службу нести, и если царю не приглянется Марѳа Собакина, почему бы ихъ не отпустить въ мирѣ на родину?—жалки они мнѣ.

— Вздоръ все это,—отвѣтилъ князь Грязновъ,—нынѣ жалости нѣтъ мѣста. Я увѣренъ, что Собакина полюбится царю, а для меня это въ руку, о Соковнинѣ же рѣчей праздныхъ держать нечего, и вотъ мой о немъ приказъ: дня три-четыре его здѣсь продержать, а потомъ препроводить въ Москву и посадить въ подкремлевскую темницу, а потомъ увидимъ.

Такъ была рѣшена участь Алеши. Однажды въ ночную пору его связали и, бросивъ на дно телѣжки, умчали въ Москву. Во время путешествія съ нимъ обращались сурово, кормили скудно, и бѣдняга въ продолженіе какой нибудь недѣли очень ослабъ. Къ нему приставлены были два стражника, которые ни день, ни ночь не

спускали съ него глазъ. Въ Москвѣ было исполнено приказаніе Грязнова-Ростовскаго, и его заключили въ подземелье, куда едва проникалъ свѣтъ изъ крошечнаго оконца. Но Алешѣ суждено было еще болѣе выстрадать тѣлесно. Спускаясь въ темницу, онъ оступился и упалъ съ такой силой, что расшибъ себѣ бокъ и ногу. Одинъ изъ стражниковъ, менѣе безпощадный, сжалился надъ нимъ, помогъ его уложить на солому и даже обвязалъ ногу, но тѣмъ и ограничилась его помощь. Страданія Алеши были велики, и онъ долго былъ безъ памяти, такъ какъ ударился при паденіи и головой. Много дней и ночей лежалъ онъ въ бреду, одинъ, испытывая страшный недугъ, мучась жаждой. Темница была холодная, сырая, на стѣнахъ выступала вода, и Алеша лежалъ въ своемъ легкомъ кафтанѣ на землѣ. Казалось, при такихъ условіяхъ было немыслимо бѣднягѣ не погибнуть, однако, хотя на время, но судьба пощадила его. Когда онъ пришелъ въ себя, и сознаніе вернулось къ нему, онъ былъ столь слабъ, что едва могъ шевелиться. Кашель мучилъ его безпощадно, грудь казалась надтреснутой. Терпѣніе Алеши въ тяжелой немочи, страданія его тронули даже жестокое сердце привратника, онъ тайно оказывалъ ему помощь, чѣмъ могъ, и когда Алеша могъ встать, принесъ ему посохъ, чтобы, опираясь на него, промять ноги; та, которую онъ расшибъ при паденіи, была плоха, и онъ сильно хромалъ. Когда-то красивый юноша, онъ настолько поблекъ, исхудалъ послѣ болѣзни, что былъ неузнаваемъ; кудрявые волосы его выпали, одежда изорвалась, и казался онъ пожилымъ человѣкомъ. Отъ разлуки съ Мароенькой Алеша глубоко страдалъ, но душа его также изнывала отъ заточенія, и сердце его рвалось на свободу подъ теплые лучи краснаго солнышка, подъ синій сводъ небесъ, и онъ плакалъ, какъ ребенокъ. Но Богъ сжалился надъ нимъ, и спасеніе было близко. Годуновъ вспомнилъ данное обѣщаніе Мароенькѣ; съ большимъ трудомъ удалось ему тайно провѣдать горькую участь Алеши, и однажды, когда узникъ сидѣлъ, прижавшись въ углу, и жестоко страдалъ, призывая смерть на помощь, привратникъ вошелъ въ темницу и шепнулъ ему: «пойдемъ со мной, не бойся»... и видя, какъ ему трудно было переступать, онъ взялъ его на руки и понесъ, какъ ребенка. Алеша такъ исхудалъ, что былъ ношей нетрудной на мощныхъ рукахъ этого человѣка. Долго онъ шелъ по темнымъ безконечнымъ ходамъ и наконецъ сталъ подниматься по крутой лѣстницѣ. Алеша изнемогалъ, холодный потъ градомъ лилъ по его блѣдному челу; его мучительно терзалъ вопросъ, куда этотъ человѣкъ несъ его, безпомощнаго, еле-живого, на какія новыя страданія и пытки; но вдругъ струя свѣжаго воздуха пахнула ему въ лицо, и онъ очутился подъ сводомъ небесъ. Пора была ночная, но звѣзды свѣтили на небосклонѣ, и воздухъ былъ чудный. Юноша, котораго привратникъ поставилъ на землю, поддерживая его, поднялъ руки къ небу, и слезы поли-

лись изъ очей. Въ это мгновенье подошелъ къ нему человѣкъ, окутанный въ плащъ, съ шапкой, нахлобученной на глаза. «Несчастный,—вымолвилъ онъ,—какъ люди злы и безпощадны!»—и, приблизившись къ нему, шепнулъ ему въ ухо: «Марѳа Васильевна о тебѣ молится». Алеша на эти слова ничего не отвѣтилъ, кровь хлынула къ сердцу, въ очахъ потемнѣло, и онъ лишился чувствъ; напоръ свѣжаго воздуха, радость, испытанная при словахъ Годунова,—ибо это былъ онъ самъ,—все это его сразило. Когда онъ очнулся, то лежалъ гдѣ-то на свѣжемъ пахучемъ сѣнѣ, и старецъ съ длинной, сѣдой бородой, въ подрясникѣ стоялъ надъ нимъ и смачивалъ его чело холодной водой. Какое-то блаженное чувство спокойствія охватило Алешу, и когда старецъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ, онъ заснулъ тихимъ, безмятежнымъ сномъ. Старецъ этотъ былъ отшельникъ, жившій въ убогой избушкѣ, въ лѣсу, верстахъ въ десяти отъ Москвы. Не одинъ разъ онъ ухищрялся спасать несчастныхъ отъ злобы Грознаго и его опричины, укрывая ихъ въ искусно вырытое имъ самимъ подземелье подъ его кельей. Годуновъ зналъ старца, и безчувственный Алеша по его приказанію былъ къ нему препровожденъ. Подъ заботливымъ уходомъ старца онъ поправился, насколько было это возможно, но, видимо, былъ не жилецъ на этой землѣ. Отъ паденія и плохого ухода ногу его свело, въ груди что-то было неладно, бокъ или скорѣе сердце ныло, онъ жестоко кашлялъ, и кровь показывалась изъ горла. Онъ бродилъ по лѣсу, опираясь на посохъ, и трудно было бы узнать красиваго, жизнерадостнаго юношу съ темными кудрями въ блѣдномъ исхудаломъ человѣкѣ въ подрясникѣ и скуфьѣ, хромого и съ трудомъ говорящаго. Пробылъ онъ у старца мѣсяцъ, и тотъ сталъ его собирать въ путь; время было осеннее, а нужно было добраться до родной вотчины до заморозковъ. Старецъ снабдилъ его деньгами, присланными Годуновымъ, теплымъ подрясникомъ, посохомъ и благословилъ его на дальній путь. Алеша слезно простился съ нимъ... Шелъ онъ, съ трудомъ переступая, скрываясь отъ людей, силы изсякали, но онъ шелъ все впередъ и ничѣмъ не смущался; онъ чувствовалъ, что Богъ доведетъ его до конца, и что кости его будутъ покоиться въ родной землѣ; отъ звѣрей дикихъ онъ прятался, но отъ людей еще больше: отъ нихъ было ему больше опасности, чѣмъ отъ лютыхъ медвѣдей и волковъ. Время, проведенное у старца, смягчило душу Алеши; онъ старался забывать о всемъ мірскомъ и о любви, которою сердце его было переполнено. Онъ чуялъ, что ему оставалось недолго жить на землѣ; вспомнилось ему, что былъ у него дядя, однажды попалъ онъ въ полынью на Свіягѣ, промокъ и сталъ точь въ точь кашлять, какъ онъ, кровь тоже шла горломъ, и вскорѣ онъ умеръ, «и я также умру,—думалъ Алеша,—и надо все забыть и быть готовымъ предстать предъ Творцомъ Небеснымъ». Приближаясь

къ Нижнему Новгороду, онъ сталъ заходить въ попутныя села; люди его принимали за странника, божьяго человѣка, и принимали и провожали радушно. Въ Нижнемъ онъ встрѣтилъ на ночлегѣ человѣка, который узнавъ, что онъ направляется въ поселокъ Кайбулово на Волгѣ, предложилъ ему ѣхать съ нимъ.

— Я самъ оттуда,—молвилъ онъ,—привезъ лѣсъ на плотѣ, а теперь тороплюсь домой до заморозковъ. Не доберешься ты пѣшій до поселка, Божій человѣкъ. Возьму я тебя на плотъ, тамъ и огонекъ можно развести да щецъ сварить, отъ холода прикрыться въ сторожкѣ.

Алеша съ радостью принялъ предложеніе сердобольнаго человѣка. На другое же утро они пустились въ путь и поплыли по знакомой дорогѣ, по которой такъ еще недавно ѣхалъ онъ, счастливый, переполненный счастья и любви. Тогда все улыбалось ему въ жизни, все цвѣло въ пробуждающейся юной природѣ, и всякая тварь Божія радовалась, а теперь все кругомъ умираетъ, все поблекло и помертвѣло, и скоро землю покроетъ холодный бѣлый саванъ. Было очень холодно, осень была ранняя, стукнули морозы, и еще за Казанью показалось сало на Волгѣ. Въ Покровъ выпалъ снѣгъ, Алеша сильно иззябъ, и кашель у него все усиливался. Человѣкъ, съ которымъ онъ ѣхалъ, видя терпѣніе и смиреніе его, къ нему привязался; онъ снабдилъ его тулупомъ, и, проводивъ до самаго поселка на крутую гору, съ нимъ слезно распростился. Алеша въ тотъ же день пустился въ путь; онъ чувствовалъ, что ему нужно торопиться; шелъ онъ 4 дня тѣ 65 верстъ, которыя раздѣляютъ Кайбулово отъ Собакина, или села Ивановскаго, какъ было повелѣно царемъ именовать родную вотчину Мароы Васильевны. Верстахъ въ 2-хъ отъ села, почти на окраинѣ величественнаго Собакинскаго лѣса, всего опушеннаго снѣгомъ, силы его изсякли, и онъ почувствовалъ, что итти дальше не можетъ. Пора была вечерняя, и стало изрядно морозить; какъ разъ на дорогѣ стояла хатенка, ему хорошо извѣстная; въ ней жилъ мужикъ одинокій, старикъ былъ хорошій, онъ охотно пустилъ переночевать больного странника и не призналъ въ этомъ блѣдномъ, исхудаломъ человѣкѣ въ монашескомъ одѣяніи молодого Соковнина. Напившись теплаго молока, Алеша легъ на лавку, думая заснуть, но не спалось ему, думы не давали ему покоя, а кашель истерзалъ всю грудь. Заря еле-еле занималась, и звѣзды еще блистали на небосклонѣ, когда, не тревожа спящаго старика, Алеша вышелъ на холодный чистый воздухъ. Было, однако, довольно свѣтло отъ отраженія снѣга, покрывающаго землю; онъ съ трудомъ переступалъ, нога сильно болѣла, да у него что-то въ груди творилось неладное: то сердце переставало биться, то такъ сильно трепетало, что, казалось, сейчасъ лопнетъ. Однако, онъ шелъ безостановочно; лѣсъ сталъ все больше и больше рѣдѣть, и онъ очутился на склонѣ

горы, съ которой когда-то Василій Степановичъ смотрѣлъ на свою будущую дорогую вотчину, тогда еще село Соковнино. Алеша тоже посмотрѣлъ вокругъ; красная полоса на востокѣ дѣлалась все шире и шире, и казалось, что еще нѣсколько мгновеній, и солнце взойдетъ на небосклонъ и озаритъ все кругомъ... Наконецъ, онъ—на родной, дорогой землѣ. Донесъ его домой Всевышній, но пора было дойти, ибо онъ чувствуетъ, что смерть близка, и опять эта жгучая, невыносимая боль, но сдѣлать нужно еще нѣсколько шаговъ, собрать послѣднія силы, ему любо умереть около храма, гдѣ его обручали съ Мароенькой. Онъ спустился съ горы; поравнявшись съ часовенкой, изъ которой, несмотря на морозъ, струилась серебристая струя воды, Алеша жадно прильнулъ къ желобку, изъ котораго текла она, словно нашептывая что-то, и выпилъ нѣсколько глотковъ, но вдругъ застоналъ и упалъ на землю, покрытую снѣгомъ, которую онъ обагрилъ алою кровью. Боль страшная сразила его, сердце непомѣрно сжалось, потомъ какъ бы широко растянулось, и онъ почуялъ, что словно разорвалось что-то въ немъ, дыханіе сперло, онъ ухватился за грудь, стараясь что-то вымолвить, но не могъ; смерть подходила быстрыми шагами—въ головѣ у него какъ-то все спуталось... Однако, ему ясно показалось, что стоитъ около него цыганка и даетъ пить воды студеной, но вотъ она уходитъ, и вмѣсто нея онъ видитъ мать и Мароу Михайловну. «Пора надѣть парадный кафтанъ,—говоритъ мать,—сейчасъ нужно къ вѣнцу ѣхать». Появляется Бекетовъ и бьетъ нагайкой; вокругъ него какіе-то черные люди прыгаютъ, хохочутъ и хотятъ его схватить въ длинные когти, но старецъ, святой схимникъ, осѣняетъ его крестомъ и молвитъ: «нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко», и Алешѣ дѣлается легко, только ему становится ужасно холодно, словно кровь стынетъ, и члены костенѣютъ, но вдругъ раздается дивное пѣніе, и онъ слышитъ колокольный звонъ, знакомый, родной, затѣмъ протягиваетъ руки впередъ: передъ нимъ озаренная свѣтомъ стоитъ Мароенька, и въ этотъ мигъ солнце, огненнымъ шаромъ, величественно восходитъ на востокѣ, заливаетъ своими лучами всю природу и озаряетъ золотымъ сіяніемъ умирающаго юношу-страдальца; между тѣмъ колокольный звонъ, какъ бы звоня ему отходную изъ сей жизни, призываетъ въ храмъ людей на молитву и покаяніе. Сторожъ съ колокольни увидѣлъ человѣка, лежащаго около часовни, и оповѣстилъ о томъ батюшку, шедшаго къ ранней обѣднѣ. Осмотрѣвъ лежащаго, котораго не узнали, они убѣдились, что онъ мертвъ, и перенесли его въ сторожку близъ храма, когда же съ него сняли подрясникъ, у отца Александра потемнѣло въ глазахъ: онъ замѣтилъ на груди того, котораго принялъ за странника, крестъ, который имъ самимъ былъ надѣтъ на новорожденнаго Алешу. Онъ сталъ всматриваться въ черты лица покойника и узналъ въ немъ своего любимца.

Горько и тяжело ему стало, и не постигалъ онъ, что сіе значило. Отцу его послано увѣдомленіе отъ самого князя Грязнова-Ростовскаго, что сынъ его, стражникъ, Алексѣй Соковнинъ, скончался отъ свирѣпаго недуга, черной оспы, и что его тѣло предано землѣ. Его оплакивали, молились за него, а онъ былъ живъ и нынѣ пришелъ умереть на родину. Оповѣщенные родители горько оплакивали своего первенца, всѣ сосѣднія вотчины приходили посмотрѣть и проститься съ покойникомъ и его съ любовью и честью предали землѣ.

IX.

Опустивъ голову на руки, сидѣла въ своемъ теремѣ княжна Евдокія Борисовна Сицкая; глаза ея горѣли недобрымъ огнемъ, и слезы злобы и негодованія текли по блѣднымъ щекамъ. Возвеличеніе Марѳы Васильевны Собакиной состоялось. Она наречена невѣстой царя, и въ этотъ день гордой княжнѣ пришлось претерпѣть великое униженіе, цѣловать руку ненавистной соперницы и присягать ей въ вѣрности и послушаніи. Все это величіе, всѣ эти почести, между тѣмъ, должны были ей принадлежать, объ этомъ твердили ей всѣ въ Новгородѣ, и сама Евдокія Борисовна была увѣрена, что ея красота подаритъ ей вѣнецъ царскій, стать царицей была ея мечта съ дѣтства, и она лелѣяла ее, была всецѣло ею поглощена. Наконецъ, мечта эта осуществилась. Въ числѣ другихъ дѣвицъ новгородскихъ выбрана она царской невѣстой и увезена въ слободу Александровскую на смотрины царю; красотой своей она всѣхъ плѣнила, и вдругъ, когда успѣхъ сталъ близокъ, и честолюбивая княжна уже готова была (какъ она думала) надѣть царскій вѣнецъ, невѣдомо откуда является какая-то Марѳа Собакина, не боярскаго даже роду, и крадетъ у нея эту царскую корону, и по велѣнію царя она, гордая дочь властолюбивыхъ бояръ, князей Сицкихъ, дѣлается прислужницей ея. При этой мысли сердце княжны пылало гнѣвомъ и ненавистью. Она не думала о томъ, сколь скромна и добра была ея соперница, она ее ненавидѣла и радостно стала бы у ея смертнаго одра, готова была бы ее погубить, уничтожить. При этой мысли она вздрогнула и задумалась, — и въ этотъ мигъ участь бѣдной Марѳеньки была рѣшена въ безпощадномъ сердцѣ ея. Она хлопнула три раза въ ладони, и на ея зовъ вошла пожилыхъ лѣтъ женщина: это была старшая мама княжны, Ксенія Матвѣевна, которая ее выходила и воспитала; мать Евдокіи Борисовны скончалась, когда ей было всего года два. Умирая, княгиня Сицкая заповѣдала свою дочку Матвѣевнѣ, которая всѣмъ сердцемъ привязалась къ своей воспитанницѣ и посвятила ей всю свою жизнь. Князь Сицкій оставался совершенно равнодушенъ къ дочери, рѣдко ее видалъ, былъ су-

мрачнаго и жестокаго нрава и жилъ въ уединеніи. Къ сожалѣнію, дѣвочка пошла въ него, крутой и непреклонный нравъ ея, ничѣмъ не сдержанный, перешелъ въ какую-то жестокость, рѣдко встрѣчаемую у молодой, невинной дѣвушки. Княжна была красавица, и чудныя черныя очи обжигали тѣхъ, на которыхъ они глядѣли. Въ Новгородѣ ея не любили, даже боялись, считая «чародѣйкой».

Княжна посмотрѣла въ упоръ на вошедшую старуху, какъ будто соображая.

— Мамушка, — сказала она, — подойди ближе, садись около меня, потолкуемъ.

Матвѣевна молча повиновалась, глядя съ безконечной любовью на свою воспитанницу.

— Матвѣевна, — продолжала княжна, — что ты скажешь на униженіе мое, на позоръ, который я испытала, лобзая руку моей будущей царицы?—и она злобно расхохоталась.

Старуха сердито сморщилась.

— Глядѣла на тебя, мою красавицу, и на ту пришлую рыжую дѣвченку, и сердце мое переполнялось злобою столь великой, что, кажись, на мѣстѣ задушила бы ее.

— Значитъ, ты все сдѣлала бы для меня, что бы я ни попросила,—вымолвила княжна, и, обнявъ старуху, поцѣловала ея морщинистую щеку.

Ласка эта, которою княжна не злоупотребляла, дѣйствовала на Матвѣевну сильнѣе всякихъ рѣчей, и Евдокія Борисовна это знала.

— Лебедушка ты моя, — отвѣтила старуха дрожащимъ голосомъ,—ты знаешь, что я готова жизнь свою отдать за тебя, однако что могу я, старая, убогая, сдѣлать?

Княжна обвила рукой ея шею и, притянувъ ухо ея къ своимъ устамъ, стала ей что-то нашептывать. По мѣрѣ того, какъ она говорила, старуха блѣднѣла и, наконецъ, задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Господи, помилуй! — промолвила она наконецъ какимъ-то хриплымъ, неестественнымъ голосомъ:—опомнись, дитятко, что ты задумала!—и она стала креститься.—Я вѣдь только такъ сказала, прости меня Господь за слова мои, я стара, жить осталось недолго, страшно подумать, да ты, можетъ, шутишь, голубка, — продолжала она, какъ-то боязно смотря на княжну.

— Не до шутокъ мнѣ!—гнѣвно сказала княжна.—Сейчасъ говорила, что жизнь свою готова положить за меня, такъ ли ты меня любишь!—и она быстро зашагала по горницѣ.

— Постой,—прошептала задыхаясь Матвѣевна,—дай въ себя прійти, страшно, не замолю тяжкаго грѣха, адскія муки обрѣту.

— А я въ рай что ли попаду? — усмѣхнулась княжна. — Вѣдь грѣхъ-то мы съ тобой пополамъ раздѣлимъ. Однако, если не хо-

чешь исполнить моего желанія, не нужно. Значитъ, ты лгала мнѣ всю жизнь, что любишь меня. Обойдусь и безъ тебя, ты мнѣ больше не нужна, завтра можешь отправиться въ Новгородъ.

Княжна знала, что этими словами наноситъ старухѣ чуть не смертный приговоръ, но она хотѣла этимъ жестокимъ способомъ повліять на нее, и не ошиблась. У Матвѣевны закружилась голова, въ глазахъ потемнѣло.

— Помилосердуй,—едва выговорила она,—не я ли выкормила, выростила тебя, день и ночь лелѣяла, и ты хочешь меня прогнать. Вѣдь ты знаешь, что безъ тебя я помру, опалы и разлуки я не перенесу. Ну, пусть будетъ по-твоему, повелѣвай!

Княжна снова обняла старуху.

— Знаю я, сколь ты меня любишь, — сказала она, — а теперь слушай, что тебѣ тайно повѣдаю. Для того, чтобы мнѣ надѣть корону царскую, Мароа Собакина должна погибнуть, но пусть станетъ она не надолго царицей, и съ ея мертваго чела вѣнецъ царскій должна надѣть я. Царь скоро забудетъ эту пришелицу и выберетъ меня: сколько разъ замѣчала я, что онъ бросаетъ на мен пристальные взгляды, видѣла въ его глазахъ какъ бы восхищеніе. Теперь выслушай мой приказъ. Помнишь, въ прошломъ году, когда мнѣ недужилось, меня съ тобой отправили въ Бѣлокаменную къ знахаркѣ, что̀ живетъ за Москвой-рѣкой. Ты помнишь, какъ скоро она мнѣ помогла, и знаешь, сколь она отлично врачуетъ отъ всякихъ немощей. Не знаю, извѣстно ли тебѣ, что она изготовляетъ и всякія зелья на порчу и на смерть. За большія деньги продаетъ она тайно свои снадобья и беретъ клятву, что никто о ней вѣдать не будетъ. Завтра наряжу я тебя въ Москву за покупками для свадебнаго наряда, а тамъ ты отыщешь знахарку и достанешь у нея такое зелье, чтобы не сразу губительное было: такъ безопаснѣе будетъ, скажутъ испорчена,—на бояръ падетъ подозрѣніе. Сегодня же объяви въ теремѣ, что ты ѣдешь въ Москву за покупками, бери порученіе отъ всѣхъ, кто попроситъ, а теперь ступай, ты устала.

Молча, съ поникшей головой Матвѣевна удалилась.

X.

На другой день Матвѣевна уѣхала въ Москву. Всѣмъ было извѣстно, что ее послала княжна для покупки нарядовъ, и ей надавали цѣлый ворохъ порученій. Вернулась она черезъ три дня, и замѣтно было, что она чуть ноги передвигала и какъ-то осунулась.

— Устала,—говорила она,—отвыкла разъѣзжать, пусть другой разъ княжна пошлетъ молодую да расторопную.

Однако всѣ порученія она аккуратно исполнила. Ночью, когда всѣ предались сну, она имѣла съ княжной тайное совѣщаніе.

— Грѣшное твое повелѣніе я исполнила,—сказала она,—знахарку отыскала на томъ же мѣстѣ; долго она не хотѣла даже говорить со мной, божилась окаянная, что никакого зелья не вѣдаетъ, а какъ узрѣла то золото, кое ты повелѣла ей отдать, то согласилась,—и, вынувъ изъ кармана коробку, Матвѣевна передала ее княжнѣ, рука которой даже не дрогнула, принимая отраву. Она хотѣла обнять старуху, но та отшатнулась отъ нея, вымолвивъ:

— Не благодари и не ласкай меня за то, что, любя тебя больше жизни и души, погубила ее навѣки, а теперь дозволь уйти, уморилась я дорогой,—и она удалилась.

Довести свой преступный замыслъ до конца для княжны было нетрудно. Какъ верховной боярышнѣ, ей былъ всегда доступенъ Мароенькинъ теремъ. Улучивъ минуту, она могла незамѣтно бросить зелье въ пищу или питье, и она не замедлила исполнить задуманное преступленіе, несмотря на постоянный надзоръ Мароы Михайловны, которая со старухой Нестеровной почти неотступно находилась при дочери. Княжну Сицкую Собакина не любила, она чуяла своимъ материнскимъ сердцемъ, что черноокая красавица—врагъ Мароеньки; она боялась порчи отъ сглаза этихъ злобныхъ очей, но не предполагала въ ней столь ужасной жестокости и ненависти, которыя могли бы повлечь ее къ преступленію.

Преданіе говоритъ, что Мароа Васильевна Собакина была отравлена выпитымъ ею квасомъ; но княжна привела въ исполненіе свой страшный замыселъ столь тайно и искусно, что не только на нее, но и ни на кого изъ состоящихъ при Мароенькѣ лицъ не пало подозрѣніе, такъ какъ ядъ дѣйствовалъ медленно, не оставляя никакихъ явныхъ слѣдовъ.

XI.

Черезъ открытыя окна терема вновь нареченной царевны Мароы Васильевны вѣяло запахомъ цвѣтовъ; солнышко еще грѣло, и природа улыбалась прощальной чарующей своей улыбкой, настали первые дни сентябрьскіе, и, казалось, вотъ-вотъ стукнетъ морозъ, и все помертвѣетъ, поблекнетъ вокругъ. Нагнувшись надъ пяльцами, она прилежно вышивала, и подъ ея ловкими пальцами возводились чудные узоры, блестящіе серебромъ и золотомъ. Она была совершенно одна въ теремѣ; всегда скромная и привѣтливая, она ничѣмъ не утруждала приставленныхъ къ ней боярынь и дѣвицъ, и такъ покорила ихъ своей добротой и вниманіемъ, что онѣ ее полюбили и съ удовольствіемъ готовы были ей служить. Мароенька при всей своей мягкости сердечной не могла, однако, при-

выкнуть къ своей верховой боярышнѣ, княжнѣ Сицкой, при входѣ которой чувствовала непонятный страхъ, впервые закравшійся ей въ душу при встрѣчѣ съ ней въ Новгородскомъ соборѣ, хотя княжна къ ней относилась особенно ласково. Мареенька за это время стала еще красивѣе и стройнѣе; отъ всего пережитаго она какъ бы возмужала, и въ синевѣ ея очей появилось что-то глубокое, притягивающее. Она была въ аломъ домашнемъ лѣтникѣ, и ея золотистые волосы были заплетены въ двѣ густыя косы. Бросивъ иглу, она пригорюнилась: какъ еще недавно она была въ Собакинѣ, и какъ счастлива и беззаботна была тогда; четыре мѣсяца всего прошло, какъ она уѣхала изъ родной вотчины вмѣстѣ съ дорогимъ ея сердцу женихомъ, и сколько съ этихъ поръ произошло событій неожиданныхъ, великихъ, сколько горя было пережито! Не забыла она своего Алешу и не переставала скорбѣть о немъ; царственный нареченный не могъ ей быть любъ, однако она къ нему привязалась, и хотя всѣ передъ нимъ трепетали, она его не боялась и жалѣла, что онъ былъ столь одинокъ и никѣмъ не любимъ. Мареенька не вѣдала, какъ велики были его злодѣянія, и никто, конечно, не дерзалъ ей объ этомъ повѣдать. Рѣчи она съ нимъ вела безъ замѣшательства и правдиво. Грозный цѣнилъ это и привязался къ ней еще больше. Онъ называлъ ее своей голубкой; и своимъ разговоромъ и обращеніемъ она напоминала ему горячо-любимую супругу юности, Анастасію Романовну. Однако въ этотъ самый день Мареенькѣ было легче на душѣ. Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ тайно сообщилъ ей, что ему удалось спасти Алешу изъ заточенія и препроводить къ святому отшельнику; о страданіяхъ его и перемѣнѣ, происшедшей въ его наружности, онъ, конечно, смолчалъ. Мареенька была переполнена благодарностью къ Всевышнему за спасеніе Алеши и направилась къ иконѣ, передъ которой, преклонивъ колѣно, стала молиться столь горячо, что не слыхала, какъ двери терема распахнулись; на порогѣ показался царь Иванъ Васильевичъ и остановился, очарованный картиной молящейся дѣвушки. Долго стоялъ онъ неподвижно, глядя на нее, и затѣмъ безшумными шагами подошелъ къ ней и положилъ руку на ея склоненную голову.

— Молись обо мнѣ, голубка,—молвилъ онъ: — сегодня сердце мое полно злобы.

Мареенька вздрогнула.

— Кто тебя разгнѣвалъ, государь?—сказала она, глядя на него своими свѣтлыми очами.

Грозный обнялъ ее и прижалъ къ своему сердцу, въ это мгновенье полному любовью къ ней.

— Мнѣ тайно передали, — отвѣтилъ онъ, сажая ее около себя,—что бояре дерзаютъ молвить, что не годна ты быть царицей,

что тебя нужно заточить въ дальній монастырь, и что я долженъ выбрать себѣ супругу межъ ихъ дочерей.

Мареенькѣ стало страшно отъ этихъ словъ, и она прижалась къ царю и склонила голову на его плечо.

— Не бойся, голубка! — сказалъ царь, лаская ее. —Не дамъ я тебя въ обиду моимъ врагамъ лютымъ, которые меня сдѣлали подобнымъ себѣ, чтобы я не мѣшалъ имъ въ ихъ безумныхъ распряхъ; не ладно было имъ, чтобы я былъ добръ и милостивъ; они не любили ни царя, ни отчизну, ненавидѣли другъ друга, каждый желая стать первымъ. Но пусть берегутся, не имъ бороться со мною, я ихъ скручу и уничтожу.

Очи его засверкали, и онъ гнѣвно сталъ озираться кругомъ, какъ будто враги его предстали предъ нимъ. Однако, на этотъ разъ онъ скоро успокоился, ибо вокругъ него все дышало спокойствіемъ, солнце освѣщало узорчатый теремъ, и лучи его падали на икону Божіей Матери, озаряя ея потемнѣвшій ликъ; на столѣ стояла чаша съ осенними цвѣтами, отъ коихъ вѣяло благоуханіемъ; черезъ открытыя окна долетало щебетаніе птичекъ, а главное около него сидѣла красавица, навѣвавшая на него своей чистой душой миръ и согласіе.

— Государь,—сказала она,—умоляю тебя, успокойся, помолимся вмѣстѣ,—и, взявъ его за руку, подвела къ иконѣ.

Царь повиновался, молча преклонивъ колѣно, и молитва грѣшнаго властелина вознеслась одновременно съ чистой мольбой дѣвушки.

Какъ уже сказано, злодѣйское дѣло, задуманное княжной Сицкой, совершилось; съ тѣхъ поръ прошло около мѣсяца, и Мареенька стала худѣть и чахнуть, хотя щеки ея порой горѣли яркимъ румянцемъ, и очи блистали, словно два сапфира. Однако, съ каждымъ днемъ силы ея слабѣли, и было видно, что не жилица она на землѣ. Василій Степановичъ и Мареа Михайловна были въ неописанной горести, вокругъ всѣ говорили, что она испорчена, многіе ее жалѣли и оплакивали ея участь, а больше всѣхъ горевалъ Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ, любовь котораго къ ней перешла на чисто братскую. Царь былъ въ отчаяніи: ему казалось, что безъ нея ему жизнь не люба.

— Если ее Богъ возьметъ отъ меня,—молвилъ онъ однажды Василію Степановичу,—я приму монашество и удалюсь отъ сего міра лукаваго.

Но горе не смягчило его: лютое подозрѣніе его въ порчѣ Мареоньки пало на родню его первой супруги, Анастасіи Романовны, и на брата царицы, Маріи Черкасской, князя Михаила. Начались пытки, казни... Черкасскій погибъ послѣ безчеловѣчныхъ истязаній, при которыхъ самъ Иванъ Васильевичъ присутствовалъ. Съ Мареенькой царь былъ неизмѣнно ласковъ и приставилъ къ ней англичанина, доктора Боромлея. Поили ее всякими лѣкарствами,

и она, по крайней мѣрѣ, не страдала. Мать ея давала ей пить воду отъ святыхъ мощей, приказано было царскимъ велѣніемъ молиться о ней во всѣхъ церквахъ Бѣлокаменной, но ничто не помогало... «Видно, Богу угодно было мое дитятко выбрать ангеломъ искупителемъ за столь много пролитую кровь»,—думалъ въ своей горести Василій Степановичъ. Царя смущали бояре и приближенные, толкуя, что не подобаетъ царскому величію брать себѣ супругой порченную, но любовь его была поистинѣ свѣтлымъ лучомъ въ его сердцѣ; онъ гнѣвно заставилъ всѣхъ молчать и въ 20-й день мѣсяца октября 1572 г. сочетался брачнымъ союзомъ съ Марѳой Васильевной Собакиной. День былъ чудный, солнце весело свѣтило въ осеннемъ лазоревомъ небѣ, наканунѣ напалъ глубокій снѣгъ, и подъ солнечными лучами земля, покрытая бѣлымъ покровомъ, искрилась, словно на ней былъ коверъ изъ алмазовъ. Въ этотъ знаменательный день своего бракосочетанія на безмѣрно любимой дѣвушкѣ царь казался счастливъ, суровыя черты лица его какъ бы смягчились, и онъ глядѣлъ почти милостиво на всѣхъ окружающихъ его. Нарядъ брачный былъ на немъ особенно роскошный. Кожухъ золотой на соболяхъ и поверхъ шуба русскаго соболя, крытая бархатомъ золотымъ, а поясъ былъ кованаго золота, весь осыпанный драгоцѣнными камнями. Окруженный сыновьями, приближенными и боярами, одежда которыхъ сверкала золотомъ и драгоцѣнными камнями, отправился онъ въ среднія палаты, гдѣ было приготовлено мѣсто чертожное. По приказанію царя разрядомъ распоряжался Малюта Скуратовъ, и среднія палаты царскихъ покоевъ были ко дню вѣнчанія обряжены съ большою пышностію. Сѣвъ на мѣстѣ своемъ, на лавкѣ, обитой бархатомъ персидскимъ съ золотой колодочкой подъ ногами, царь приказалъ посаженому отцу, царевичу Ѳеодору, тысяцкому царевичу Ивану, царевичу Михаилу и боярамъ сѣсть, а царевнинымъ дружкамъ: Малютѣ Скуратову и Борису Годунову, отправиться къ царевнѣ съ повелѣніемъ ей итти въ золотую палату на мѣсто. Съ грустью великой Борисъ Ѳеодоровичъ исполнялъ свои обязанности вести Марѳеньку къ вѣнцу; онъ видѣлъ, какъ она таяла, и зналъ, что не жилица она на этомъ свѣтѣ; больно было ему видѣть возвеличеніе умирающей дѣвушки, которую онъ столь искренно полюбилъ, и думалось ему, пока онъ шелъ къ ней по царскому велѣнію, почему судьба ее присудила къ столь горькой участи быть разлученной съ безмѣрно любимымъ женихомъ, сдѣлаться противъ воли и желанія женою Грознаго, не любимаго царя, надѣть вѣнецъ царскій и умереть не своей смертью, ибо онъ догадывался, какъ и всѣ вокругъ нея, что не злой недугъ ее убиваетъ, а людское злодѣйство. Почему бы Творцу небесному не оставить ея въ ея родной вотчинѣ скромной супругой и счастливой матерью? Неисповѣдимы пути Всевышняго.

XII.

Между тѣмъ Мареенька въ этотъ день чувствовала себя какъ-то лучше, къ ней приходилъ докторъ Боромлей и далъ ей принять снадобье, которое ей, хотя временно, дало бодрость и силы, столь ей необходимыя, чтобы перенести этотъ утомительный день. Щеки ея загорѣли яркими румянцами, и очи запылали. Когда она вышла съ матерью и сестрами изъ своихъ покоевъ, ее окружили многочисленныя боярыни, боярышни и свахи ея, боярыня Марія Годунова, жена Бориса Ѳеодоровича, и Софія Игнатьева, жена стольника Андрея; тутъ же была и посаженая мать царя, Анисія Богдановна Бѣльская, дочь Сабурова, и двѣ царевы свахи, Сабурова Анна и Мареенькина тетка, Софія Собакина. Между ними княжна Евдокія Борисовна Сицкая выдѣлялась своей красотой и дивнымъ нарядомъ, сверкавшимъ серебромъ и золотомъ. Она хладнокровно смотрѣла на свою жертву: что таилось въ ея грѣшной душѣ—злоба ли при видѣ этого возвеличенія, или же радость при сознаніи, что ея преступленіе столь удачно совершилось? Мареньку стали одѣвать, и она вышла восхитительной изъ рукъ обряжавшихъ ее. На ней былъ лѣтникъ изъ золотой кованой матеріи дивной работы, расшитый жемчугами, алмазами и самоцвѣтными камнями; поверхъ лѣтника была надѣта шубка съ накладнымъ ожерельемъ изъ бархата золотого, на ней двуглавые орлы изъ золотой тесьмы съ изумрудами и яхонтами, обшитая жемчужнымъ кружевомъ, а на головѣ вѣнецъ золотой, унизанный жемчугомъ съ дробницами золотыми. Когда Мареенька была совершенно готова, то перешла въ сосѣдніе хоромы со всѣми окружающими ее и сѣла около стола ожидать приказа царскаго итти въ золотую палату. Съ нею сѣли ея родная мать, посаженыя матери, свахи и боярыни, а передъ ними стояли должностныя лица со свѣчами, короваемъ и ширинками, ожидая повѣстки. Мареа Михайловна сіяла радостію и гордостію при возвеличеніи ея безцѣнной Мареоньки; она забыла недугъ дочери, и ей казалось, что она выздоровѣла; не чуяла бѣдная мать, сколь скоро сырая могила поглотитъ дорогое ей дѣтище и все это мимолетное величіе. Не долго пришлось ждать: дружки царевны Мареы вошли, и, помолившись святымъ иконамъ, старшій дружка, Малюта Скуратовъ, вымолвилъ: «Великій царь и великій князь велѣлъ тебѣ, царевна итти въ палату на мѣсто». Выслушавъ рѣчь, царевна и боярыни поднялись съ мѣстъ и двинулись по назначенію. У двери золотой палаты стоялъ Василій Степановичъ, который, несмотря на торжество дочери, былъ грустенъ и задумчивъ; и онъ и Мареа Михайловна отличались роскошью нарядовъ и имѣли видъ красивый и необыкновенно моложавый. Уви-

давъ отца. Мареенька улыбнулась и съ гордостію посмотрѣла на него. Священникъ покропилъ святой водой чертожное мѣсто и посадилъ на него невѣсту. Послѣ этого былъ отправленъ къ царю бояринъ, князь Михаилъ Андреевичъ Трубецкой, съ вѣстью о приходѣ невѣсты. Тѣмъ временемъ царь отдалъ приказъ посаженому отцу, царевичу Ѳеодору, итти и сѣсть на большое отцовское мѣсто. Войдя въ палату, царевичъ помолился иконамъ, билъ челомъ, сѣлъ за столъ и, посидѣвъ недолго, позвалъ боярина Григорія Хитрова и приказалъ ему итти къ царю и сказать: «Государь царь и великій князь, царевичъ Ѳеодоръ Ивановичъ велѣлъ тебѣ, государю, говорить: прося у Бога помощи, время тебѣ, государь, итти къ своему дѣлу». Послѣ этой рѣчи государь поднялся съ мѣста, помолился иконамъ святымъ и, благословясь у священника крестомъ съ мощами, пошелъ подъ руку съ тысяцкимъ, сыномъ своимъ, царевичемъ Иваномъ, въ золотую палату, гдѣ его ожидала царевна, сѣлъ на чертожное мѣсто около царевны и приказалъ читать молитву къ покровенію головы невѣсты. Тогда сваха большая, Софія Игнатьева, приступила къ уборкѣ ея головы. Держальщикъ Андрей Изламьевъ передалъ ей золотой гребень и чару съ виномъ, и она, обмакивая гребень въ вино, расчесывала невѣстѣ голову, и чѣмъ больше она ее мочила, тѣмъ сильнѣе вились золотистыя кудри Мареньки, окружая ея головку какъ бы сіяніемъ. Царь на нее любовался и не спускалъ съ нея глазъ. Послѣ этого надѣла сваха на нее кику и покрыла фатой, расшитой золотомъ, и убрусцемъ, потомъ ей поднесли осыпало, и она осыпала хмелемъ жениха и невѣсту. Обрядъ предвѣнечный былъ очень длиненъ и утомителенъ: разносились ширинки, расшитыя золотомъ и разноцвѣтныя, отправлялись подарки къ родственникамъ царскимъ, и бояринъ Годуновъ поднесъ государю отъ царевны убрусецъ тафтяный, вынизанный жемчугомъ, ширинку и коровай, покрытый бархатомъ золотымъ. Василій Степановичъ все время безпокоился о дочери, боясь ея утомленія, но пока алая краска не покидала ея лица, и она казалась бодрой. По окончаніи обрядовъ царь и царевна встали съ своихъ чертожныхъ мѣстъ и двинулись къ вѣнцу вмѣстѣ черезъ хоромы къ крыльцу. Государеву вѣнчальную свѣчу вѣсомъ въ 3 пуда несъ Степанъ Волковъ и братъ его, Ѳеодоръ, а царевнину—въ 2 пуда несли Семенъ Велинъ и Ванька Бибиковъ; свѣчи были восковыя, и на нихъ были большіе широкіе чеканные обручи, за свѣчниками шли коровайники въ золотѣ и соболяхъ и несли коровай на носилкахъ, обшитыхъ бархатомъ червчатымъ съ золотомъ. Для государя коровай былъ покрытъ бархатомъ золотымъ турецкимъ, а для государыни атласомъ тоже золотымъ гладкимъ; потомъ шли фонарщики и, вошедши въ соборъ, стали на положенныя по разряду мѣста: свѣчники съ коровайниками стали вмѣстѣ у осо-

баго стола у праваго клироса, а съ лѣваго поставили скамейки, покрытыя золотыми кизильбашскими коврами, на которые положили два изголовья червчатаго бархата съ золотомъ, оба въ одномъ цвѣтѣ, на нихъ 40 соболей, а подъ ноги золотыя колодки. Когда все было готово, въ соборъ вошли дружки съ тысяцкимъ, а потомъ и самъ царь: царевну ввели свахи подъ руку, а за ними вошли бояре, которые записаны были по росписи быть въ соборѣ; тогда царь съ царевной пошли вмѣстѣ и встали рядомъ у царскихъ дверей. Послѣ этого соборный протопопъ обручилъ ихъ, и началось вѣнчаніе по священному обряду.

Совершилось великое событіе, и Мароенька стала царицей Россіи; она была въ какомъ-то чаду, едва сознавая, что съ нею творилось, и если бы ей не пришлось подкрѣпиться, выпивъ нѣсколько глотковъ вина во время вѣнчанія, быть можетъ, она не выдержала бы. По окончаніи обряда священнослужитель посадилъ новобрачныхъ на скамью и сказалъ имъ краткое поученіе, послѣ чего началось поздравленіе, во время котораго дьяки пѣли многолѣтіе. Затѣмъ царь взялъ за руку вновь нареченную царицу, шепнулъ ей: «крѣпись, голубка», вышелъ изъ собора, сѣлъ на аргамака, а царица съ свахами въ сани, и тѣмъ же порядкомъ вернулись во дворецъ. Съ крыльца царскаго царь Иванъ Васильевичъ и царица Мароа Васильевна прослѣдовали вмѣстѣ въ палату къ столованію и сѣли на мѣста чертожныя, великолѣпно убранныя. У мѣстъ этихъ стоялъ столъ, на которомъ постланы были три скатерти и поставлены короваи и солоницы съ солью, сыръ, яства, вина фряжскія и ренскія, кубки чеканные съ романеей. Кубки эти царь разсылалъ боярамъ, которымъ хотѣлъ оказать особую милость. Принесено было и поставлено на столъ передъ новобрачными блюдо съ курой верченой [1]), послѣ чего дружка царицы, Борисъ Годуновъ, обвертѣлъ это блюдо съ солонкою и калачомъ въ скатерть и отнесъ въ сѣнникъ, какъ полагалось по старинному обряду. Блюдъ было великое множество и между прочими блюдо большое золоченое, а на немъ лебедь, зажаренный съ шафраномъ, и поданъ онъ весь цѣльный, съ головой и въ перьяхъ. Царь только отвѣдалъ куры вареной, затѣмъ всталъ и отправился въ сѣнникъ. Послѣ его ухода къ столамъ сѣли бояре и боярыни, по положенію и росписи, и подавались имъ всѣ яства по одиночкѣ по установленному порядку съ молитвою.

Между тѣмъ, царицу увели свахи и боярыни въ брачные покои, гдѣ вмѣстѣ съ матерью начали ее разоблачать. Но Мароенька не выдержала, и когда съ нея сняли тяжелую кику и покрывало, она лишилась чувствъ, и головка ея опустилась на плечо

[1]) На вертелѣ.

матери. Поднялось ужасное смятеніе, всѣ думали, что ея уже не стало; началась бѣготня, плачъ, вой и причитываніе. Оповѣщенный царь немедленно появился, а вслѣдъ за нимъ Боромлей, который всѣхъ успокоилъ, объявивъ, что царица жива. Онъ сталъ приводить ее въ себя; вскорѣ она открыла глаза и, увидѣвъ около себя родителей и царственнаго супруга, улыбнулась имъ. Когда ей стало легче, царь приказалъ всѣмъ удалиться, оставивъ около нея лишь родныхъ и приближенныхъ. Онъ отвелъ лѣкаря въ сторону и спросилъ о состояніи царицы.

— Государь,—сказалъ Боромлей,—царицѣ нуженъ совершенный покой, ибо сердце ея слабо. Дерзаю просить васъ не тревожить ея ничѣмъ.

Грозный властелинъ повиновался и удалился, пока Мароеньку раздѣли и положили на пышное брачное ложе, послѣ чего царь, войдя въ покои, нѣжно по-братски облобызалъ свою столь горячо любимую новобрачную царицу и ушелъ въ свои покои, оставивъ при ней мать и приближенныхъ.

XIII.

Благодаря снадобьямъ Боромлея, которому было приказано неотлучно находиться при царицѣ, Мароенькѣ стало лучше. На другое утро, хотя слабая, еле движущаяся, она встала, обрядилась и оставалась весь день со своимъ царственнымъ супругомъ, но къ великому горю всѣхъ ее любящихъ она съ каждымъ днемъ слабѣла и угасала и наконецъ не могла больше вставать со своего ложа. Царь не отходилъ отъ нея и лишь вечеромъ удалялся въ свои покои... Такъ прошли двѣ недѣли. Однажды она подозвала мать:

— Матушка,—сказала она,—я сегодня видѣла во снѣ Алешу: онъ явился ко мнѣ въ бѣломъ одѣяніи, такой свѣтлый, словно прозрачный, вѣрно онъ умеръ.

— Дитятко,—отвѣтила мать,—онъ живъ и на родинѣ, вѣдь тебѣ бояринъ Годуновъ повѣдалъ о томъ.

— Нѣтъ, матушка родимая,—продолжала Мароенька,—онъ умеръ, во снѣ онъ мнѣ сказалъ: «Мароенька, мы скоро увидимся»; да, я чувствую, что конецъ близокъ, но мнѣ легко на душѣ, я не боюсь смерти, но васъ, моихъ родимыхъ, жаль,—и она заплакала и спрятала исхудалое личико на плечѣ рыдающей матери.

Бѣдняжка не ошиблась, и, спустя двѣ недѣли послѣ вѣнчанія не стало царицы Мароы Васильевны,—Мароеньки для всѣхъ кому она была дорога. Наканунѣ она долго бесѣдовала съ своимъ царственнымъ супругомъ.

— Государь мой дорогой,—молвила она,—ради меня будь милостивъ ко всѣмъ окружающимъ меня, никто изъ нихъ не повиненъ въ моей смерти, отпусти ихъ ради меня съ миромъ.

Ночь Мароенька провела тревожно, но не теряла сознанія и утѣшала убитыхъ горемъ родителей. Утромъ, послѣ ранней обѣдни она пріобщилась и соборовалась. Все семейство ея было собрано вокругъ ея ложа. Василій Степановичъ молча, съ надрывающимся сердцемъ глядѣлъ на нее, а Мароа Михайловна изнемогала отъ горести. Царь сидѣлъ, держа ея руку въ своей, чело его было темнѣе ночи, онъ не спускалъ глазъ съ нея и видимо глубоко страдалъ душевно. Вдругъ Мароенька вздрогнула всѣмъ тѣломъ, приподнялась и медленно снова опустилась на подушки, глубоко вздохнула и вытянулась. «Почила моя голубка чистая»,—глухо вымолвилъ царь и, нагнувшись надъ ней, поцѣловалъ въ мертвыя уста, между тѣмъ какъ двѣ слезы скатились изъ очей Грознаго на блѣдное чело усопшей.

Послѣ смерти Мароеньки царь сталъ еще свирѣпѣе, и ужаснымъ казнямъ и пыткамъ не было конца. Передъ отъѣздомъ въ родную вотчину Собакины явились бить челомъ передъ своимъ царскимъ зятемъ. Видъ его былъ ужасный: очи—налитыя кровью, чело—сумрачнѣй ночи, и столь казался онъ страшнымъ, что Собакины не замедлили уѣхать изъ Александровской слободы. Снова стали литься потоки крови, ибо Иванъ Васильевичъ всѣхъ и каждаго подозрѣвалъ въ порчѣ и смерти Мароеньки. Все семейство ея онъ наградилъ милостивыми и богатыми подарками, но Собакинымъ они не были нужны, ибо горе ихъ было столь велико, что имъ все на свѣтѣ опостылѣло. Царь исполнилъ также обѣщаніе, данное Мароенькѣ на ея смертномъ одрѣ, и отпустилъ съ честью всѣхъ ея приближенныхъ, въ числѣ которыхъ была и княжна Сицкая, которая убѣдилась въ томъ, что тяжкое ея преступленіе ей ни къ чему не послужило, ибо царицей она не стала; царь, пораженный скорбію, ни на кого не смотрѣлъ и даже мыслилъ одно время удалиться въ монастырь. Онъ цѣлыми днями не выходилъ изъ своихъ покоевъ, и нравъ его столь переполнился яростію, что даже самыя приближенныя къ нему лица боялись подступить къ нему. Княжна вернулась въ Новгородъ, блѣдная, истощенная,—ей не было покоя, каждую ночь къ ней являлся призракъ ея жертвы, и преступница, измученная, металась на своемъ ложѣ, но сердце ея не смягчилось, и она продолжала отвращаться отъ молитвы и покаянія. Матвѣевна, какъ бы желая наложить на себя кару, отъ нея совершенно отвратилась, проводя дни и ночи въ молитвѣ и слезахъ раскаянія. Она стала видимо слабѣть и, чувствуя приближеніе смерти, позвала княжну къ своему одру и умирающими устами простилась съ ней.

— Покайся, дитятко мое,—сказала она,—пойди въ святую обитель, искупи молитвой свой тяжкій грѣхъ; я же думаю, что Господь меня помилуетъ, ибо видѣла я во снѣ царицу Маѳу, и она меня простила. Послѣ этого она исповѣдывалась, пріобщилась и тихо скончалась.

Послѣ ея смерти княжна стала еще больше страдать, совѣсть ея пробудилась, и угрызенія еще больше стали терзать ея грѣшную душу. Она удалилась въ Тихвинскую обитель, но сердце ея не смягчилось, и видѣніе продолжало ее преслѣдовать, при чемъ съ ней происходили припадки, наводившіе ужасъ на инокинь, которыя считали ее бѣсноватой. Наконецъ, благодаря вліянію одной схимонахини святой жизни, она смирилась, стала молиться и лить слезы раскаянія, сердце ея смягчилось, и наконецъ пробудилась душа, и преступница обрѣла покой, проводя остальные дни жизни въ молитвѣ и постѣ, и никто не зналъ, что схимонахиня Евдокія, принявшая на себя обѣтъ молчанія, была когда-то гордая красавица, княжна Сицкая.

Е. Ф. Лесли.

НА ЗАРАБОТКАХЪ.

(Изъ воспоминаній).

Городъ В...—одинъ изъ «глухихъ» и «темныхъ» уѣздныхъ городовъ. По крайней мѣрѣ, такимъ онъ остался въ моихъ воспоминаніяхъ...

Въ мое время, лѣтъ двадцать—двадцать пять назадъ, въ немъ было немало торговыхъ лавокъ, хотя и не большихъ, много кабаковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ только два училища: духовное, въ которомъ я и мои братья, дѣти сельскаго священника, начали свое школьное образованіе, и городское училище. Была «Вшивая горка» съ домами для ночныхъ увеселеній, но не было ни одной читальни, ни одной библіотеки. Были торговыя бани, совмѣстныя для мужчинъ и женщинъ; процвѣтали кулачные бои. Коренное населеніе города составляли мѣщане—«кошкодеры»; главнымъ промысломъ ихъ было обдиранье и купля-продажа кошекъ, лошадей и колѣлыхъ ягнятъ... Городскую интеллигенцію составляли чиновники и учителя, почти поголовно любившіе вино, карты и «Вшивую горку»... Намъ, школьникамъ, жилось несладко. Единственнымъ утѣшеніемъ въ школьной жизни было каникулярное время. «Роспускъ» мы начинали ожидать и привѣтствовать задолго... Нами заводились особые календарики, по которымъ ежедневно высчитывалось, сколько осталось до роспуска дней, сколько часовъ... Съ какою радостью, съ какими мечтами мы встрѣчали праздникъ «Вве-

денія», когда въ церквахъ начинали пѣть «Христосъ рождается»..
Казалось, что сама церковь снисходила къ нашимъ интересамъ и громогласно возвѣщала: «скоро роспускъ»...

Въ классахъ, мы хоромъ кричали: «роспускъ! роспускъ! рррос-пускъ! ура!» Это пріятное для насъ слово писалось крупными буквами на классныхъ доскахъ, на книгахъ, на стѣнахъ училища, на заборахъ.

Наканунѣ роспуска и въ самый день роспуска въ нашихъ квартирахъ царилъ полнѣйшій безпорядокъ. Повсюду на полу, на кроватяхъ валялись груды тулуповъ, валяныхъ сапоговъ, мѣшковъ. Воздухъ былъ еще болѣе густъ и тяжелъ, чѣмъ въ обычное время... Съѣзжавшіеся наши отцы: священники, діаконы и дьячки, были въ большинствѣ народъ, измученный жизнью, бѣдный, жалкій... Но намъ было весело, радостно...

— Ребята!—заявляетъ кто нибудь изъ—насъ: давайте, иллюминацію устроимъ.

Предложеніе принимается. Устраивается копеечная складчина; покупаются восковыя свѣчи, и квартира освѣщается массой огней...

— Роспускъ! Рроспускъ!—кричали мы...

Отцы, глядя на насъ, снисходительно улыбаются.

Можетъ быть, и въ ихъ памяти вставали подобныя же картины изъ пережитаго...

Бывало, не увидишь, какъ пройдутъ первые дни свиданья съ родными, не успѣешь ознакомиться со всѣми происшедшими въ твое отсутствіе перемѣнами въ отцовскомъ хозяйствѣ и въ селѣ,— уже наступилъ праздникъ; нужно итти съ отцомъ по приходу, собирать съ нимъ копейки...

— Ну, ребята, со мной!—говоритъ отецъ... Можетъ быть, на сапоги себѣ заработаете...

Иногда проскользнетъ недовольство, что мало насладился пребываніемъ въ родномъ домѣ и мало отдохнулъ послѣ ученья...

— А кто жъ мнѣ будетъ помогать?—скажетъ отецъ...

Хожденіе по приходу совершалось въ году неоднократно: на Рождествѣ — «Христа славили», въ Крещеніе— «ходили со святой водой», на Пасхѣ — «ходили съ иконами»: носили фонарь, крестъ, образа: Божіей Матери, Николая—угодника, Ильи-пророка, Воскресенія Христова, Флора и Лавра, Петра и Павла. Кромѣ того, «хожденіе по приходу» полагалось еще въ мѣстный храмовой праздникъ съ иконою во имя этого праздника.

Причтъ нашъ былъ многочисленный: священникъ, діаконъ, три дьячка. По приходу же, кромѣ членовъ причта, ходили пять-шесть ихъ дѣтей, человѣка два-три работника съ лошадьми, церковный староста, церковный сторожъ, а на Пасхѣ еще человѣкъ восемьдесятъ «богоносцевъ».

Въѣзжаемъ въ деревню цѣлымъ обозомъ... Для сбора пироговъ и овса у каждаго въ телѣгѣ «веретья», для яицъ сундучки.

— Попы пріѣхали! Попы пріѣхали!—возвѣщаютъ своимъ сосѣдямъ мужики и бабы, увидавъ нашъ поѣздъ.

Вѣсть о нашемъ пріѣздѣ разносится по всей деревнѣ; въ домахъ начинаются приготовленія: подметаются полы, стелются скатерти, зажигаются передъ образами лампадки.

Въ общемъ «хожденіе» многолюдно, шумно...

Впереди идутъ богоносцы съ иконами, за ними слѣдуетъ священникъ, затѣмъ тянемся мы, дѣти, далѣе—дьяконъ, дьячки съ крашеной желѣзной кружкой для сбора общественныхъ денежныхъ доходовъ причта... Шествіе замыкаютъ церковный староста съ кружкой для сбора денегъ «на Палевшину», т.-е. на Палестину, или «на сукрашеніе церкви», т.-е. «на украшеніе ея», и церковный сторожъ съ свѣчнымъ ящикомъ и съ мѣшкомъ для собиранія своей доли пироговъ.

По дорогѣ медленно двигается обозъ нашихъ лошадей съ работниками и собаками.

Многіе хозяева привѣтствуютъ причтъ еще на улицѣ, у входа въ домъ.

Помнится мнѣ одинъ старикъ хромой и лысый, какъ бубенъ. Несмотря ни на какую погоду, онъ всегда безъ шапки ждетъ насъ около своего дома...

Морозъ градусовъ 25... Мы зажимаемъ уши, носъ, боясь ихъ отморозить...

— Что ты такъ усердствуешь? Холодно! —улыбаясь замѣчаетъ старику отецъ.

— Нельзя, ваше высокоблагословеніе: законъ землю держитъ! законъ землю держитъ!—говоритъ старикъ любимую свою фразу, подходя подъ благословеніе.

Трезвые и почтительные хозяева обыкновенно удостаиваются похвалы причта, а нетрезвымъ дѣлается выговоръ...

— Стыдно, Ѳедоръ! стыдно! Не дождался духовныхъ, нажрался винища, какъ свинья!.. ораторствуетъ дьяконъ передъ пьянымъ мужикомъ.

Среди прихожанъ были своего рода «евангельскія» семьи Лазарей съ Мароами и Маріями, особенно почитавшія духовныхъ.

— Батюшка кормилецъ, присядьте!—обычно говоритъ отцу хозяинъ такого «евангельскаго» дома послѣ молебна.

«Батюшка» и компанія «присаживаются»... Столъ устанавливается разнаго рода закусками, напитками, начинается «трапезованіе».

— Богу молясь...—говорятъ духовные, выпивая предъ закуской...

— Ветчинка своя?—спрашиваетъ кто нибудь хозяина.

— Своя, своя... Такой хорошій боровокъ былъ. Хотѣлъ продавать, да пожалѣлъ: дай, сами, думаю, полакомимся... Что сами ѣли, тѣмъ и его кормили...

— Славная, славная ветчинка...

— Трудно вамъ, батюшка, ребятишекъ-то обучать... Наше дѣло — выкормить на печи, и то трудно, а вамъ-то, поди, чего стоитъ? Мы такъ-то иной разъ о васъ поговоримъ, пожалѣемъ... соболѣзнуетъ мужикъ-хозяинъ.

— Что жъ дѣлать!—говоритъ отецъ.

— Помогайте, ребятки, своему папашѣ... наставляетъ насъ хозяинъ, гладя своей корявой рукой наши стриженыя головы... Старайтесь! Трудно ему съ вами: выкорми да выучи...

— Отдохнуть-то имъ отъ учобы некогда,—сожалѣетъ съ своей стороны какая нибудь сердобольная баба.—А учоба-то, небойсь, трудная!..

— Какая нынче учоба? Вотъ прежде бывало...—говоритъ старикъ дьячокъ съ толстымъ краснымъ носомъ, козлиной бородкой и небольшой косичкой волосъ на головѣ.—Бывало драли! Если палачъ деретъ слабо, его самого, дружка милаго, подъ лозу... Кто оретъ дюже, тому «на орѣхи» добавляютъ... Хе-хе-хе! По-нову, какъ меня записали, я не догадался подарить учителя,—ну, меня и выдрали. Отнесъ ему двугривенный, онъ и говоритъ: «давно бы такъ»...

— А все-таки прежде было строже, было и лучше: люди были умнѣй...—заключаетъ свои воспоминанія дьячокъ.

— Вотъ я говорю о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ... начинаетъ толковать про хозяина дьяконъ, пришедшій въ благодушное настроеніе.—Ѳедоръ Ѳедоровичъ—вотъ это истинный христіанинъ! Бога помнитъ, духовныхъ не забываетъ... Вотъ это—настоящій православный! Честь и слава ему!..

Ѳедоръ Ѳедоровичъ улыбается и удваиваетъ свою угостительность...

Несомнѣнно, и къ слѣдующему празднику, несмотря ни на какія стѣсненныя обстоятельства, онъ такъ же, не какъ прочіе... приготовится къ достойному пріему причта въ своемъ домѣ...

Почитатели духовныхъ были въ каждой деревнѣ. Отказъ причта «присѣсть» для нихъ былъ большимъ огорченіемъ.

На ряду съ прихожанами-почитателями были прихожане-«неплательщики», подраздѣляясь на двѣ категоріи: постоянныхъ и случайныхъ...

Неплательщики случайные—вслѣдствіе какого либо временнаго затрудненія; они очень стыдились за свою неисправность, а иногда даже, завидя приближающіяся къ своему двору иконы, скрывались... Неплательщики этой категоріи нерѣдко вносили свою недоимку въ тотъ же день, догоняя причтъ на другомъ концѣ деревни.

Неплательщики постоянные, наоборотъ, никогда не скрывались отъ духовныхъ и, повидимому, нисколько не стыдились: привыкли...

Одинъ изъ постоянныхъ неплательщиковъ былъ особенно характеренъ.

Онъ не былъ пьяницей, не былъ обремененъ семьей, но въ то же время ничего у него не спорилось, изъ нужды не выходилъ. Постройки его всегда полураскрытыя, дворъ пустой. Все его достояніе составляли жена, котъ да пѣтухъ; при этомъ жена была рябая, котъ кривой, у пѣтуха были отморожены ноги...

Мужикъ этотъ почтительно встрѣтитъ иконы, усердно молится во время молебна и потомъ важно, серьезно и картаво заявляетъ:

— Не взыщите, батюшка колмилецъ,—не плипасъ...

— Не найдется ли у тебя на мою долю?—говоритъ церковный сторожъ.—Хоть бы разъ одѣлилъ...

— У меня, блатъ, всѣмъ лавно!..—нисколько не смущаясь, говоритъ хозяинъ...

Отецъ мой,—непьющій, добрый,—былъ, несмотря на свою бѣдность, человѣкомъ непритязательнымъ и удовлетворялся тѣмъ, что давали сами прихожане; отъ домохозяекъ же вдовъ никогда ничего не бралъ. Поэтому онъ пользовался любовью прихожанъ и нерѣдко вызывалъ много похвалъ со стороны крестьянъ иноприходныхъ.

— Эхъ, батюшка! къ намъ бы васъ: вотъ любили бы!—заявляетъ какой нибудь мужикъ изъ сосѣдняго села.—А то что только наши духовные дѣлаютъ?!..

Отецъ никогда не разспрашивалъ въ такихъ случаяхъ про дѣла своихъ коллегъ, но дьячки и дьяконъ бывало не преминутъ повыпытать.

Тамъ-то, оказывается, батюшка желающихъ пожениться, но не знающихъ молитвъ, заставляетъ погребъ ему рыть, либо на какія либо другія хозяйственныя работы посылаетъ; тамъ причтъ виномъ слишкомъ зашибается; тамъ-то за требы налагается непосильная плата.

— Родила въ нашемъ селѣ одна бѣдная женщина младенца,—разсказываетъ крестьянинъ,—мужа незадолго предъ тѣмъ схоронила. Приходятъ ко мнѣ.

— «Сдѣлай,—говорятъ,—милость, введи младенца въ крещеную вѣру... никого въ кумовья не подыщемъ». Что дѣлать? Пошелъ. Приходимъ въ церковь къ обѣднѣ.

— Сколько денегъ принесли?—спрашиваетъ батюшка.

— Полтинникъ,—говоримъ.

— Рубль давайте.

— Взять, батюшка, неоткуда: вдова... и ребенокъ плохъ,—еще скоро вамъ придется платить...

— Это,—говоритъ,—все равно... Если полтинникъ, то я срамное имя младенцу дамъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—говоримъ...

Ну, и назвалъ батюшка младенца Пудомъ... При крестинахъ покуналъ младенца въ купели, сталъ подавать его намъ и говоритъ младенцу: «будь ты, каналья, не пудъ, а будь сорокъ фунтовъ»...

Въ домахъ крестьянъ нерѣдко оказывались продажными то поросенокъ, то заводская курица, то маленькій дорожный самоваръ, то войлокъ, раскрашенный необыкновенно яркими цвѣтами. Мужикъ предлагаетъ купить; причтъ заинтересовывается. Начинается торгъ.

— Вотъ что, Ивлій! съ своихъ духовныхъ грѣхъ лишнее брать... Отъ этого не разживешься... А за уваженіе Богъ больше пошлетъ... убѣждаютъ продавца покупатели.

Вниманіе наше, дѣтей, останавливали вещи иного характера: въ одномъ домѣ заинтересовывали насъ приклеенныя на стѣнахъ лубочныя картины, въ другомъ—сдѣланная подросткомъ-парнемъ игрушечная толчея, въ третьемъ — графинъ съ помѣщающейся внутри деревянной церковью или распятіемъ Христа.

Иногда, по примѣру старшихъ, заключали торговыя сдѣлки и мы, дѣти...

На Пасхѣ молебны, по особымъ заказамъ хозяевъ, нерѣдко соединялись съ водосвятіемъ и чтеніемъ акаѳистовъ. Выстаивать удлиненную службу у насъ, дѣтей, не хватало терпѣнія. Поэтому во время водоосвященій и чтенія акаѳистовъ мы, бывало, выбираемъ просохшую полянку, разставляемъ шашки и ну играть!..

— Гони, гони! скорѣй!..

— Бей, бей!

— Мимо!

— Двѣ пары!

— Шестеръ!..

А изъ открытыхъ оконъ дома, гдѣ совершается молебствіе, слышится:

— Радуйся, Николае!..

— Ребята! «Да воскреснетъ Богъ» поютъ... Загребай лодыжки,—послѣ разыграемъ!..

«Воскресенія день»... дружно и старательно вытягиваемъ мы своими звонкими голосами, желая угодить хозяину...

Богоносцы во время служенія молебновъ играли гдѣ либо на задворкахъ въ «орлянку»; работники причта отъ нечего дѣлать травили собакъ.

— Черкесъ! Черкесъ! Карка! вузы! вузы!—командуютъ работники...

— Фтю! фтю! Сѣрый! Сѣрый! Катокъ!—свистятъ мужики...— Возьми его, возьми!..

«Послѣ иконъ» въ домахъ крестьянъ начиналось праздничное пьяное веселье.

— Богу молясь! Богу молясь, хозяинъ...—то и дѣло слышатся возгласы въ домѣ, который посѣтили мы.

На поздравленіе хозяинъ долженъ отвѣтить угощеніемъ водкой.

Были любители выпить, которые ходили вслѣдъ за причтомъ изъ деревни въ деревню, изъ дома въ домъ, поздравлять «помолившихся» хозяевъ...

Къ концу дня въ селеніи, встрѣчавшемъ иконы, много пьяныхъ, слышатся пѣсни, брань...

Изъ членовъ причта одинъ псаломщикъ, особенный поклонникъ Бахуса, обыкновенно гдѣ-то затеривается... Гонораръ отсутствующаго собирается его сыномъ...

Другой псаломщикъ, старикъ, на видъ суровый, серьезный, человѣкъ непьющій; но онъ любитъ «подшутить» надъ пьяными... Бывало, увидитъ гдѣ либо пьянаго спящимъ,—не преминетъ угостить его нюхательнымъ табакомъ...

Еще хуже онъ поступалъ съ подвыпившими, которые вздумаютъ сами попросить у него «понюхать»... Дьячокъ имѣлъ у себя берестовую табакерку съ двумя крышками: съ одной стороны табакерки у него было помѣщеніе для табака, а съ другой для «чемерики», сушоной и молотой, въ видѣ табака, травы, обладающей способностью вызывать крайне продолжительное чиханье...

— Иванычъ! угости табачкомъ...—говоритъ псаломщику пьяный мужикъ.

— Выпилъ, Ѳедосеичъ?

— Когда жъ еще и пить, какъ не въ это время? Какъ живешь, Иванычъ, голубчикъ? какъ тебя Богъ милуетъ?...

Мужикъ запускаетъ свои пальцы въ табакерку, приноравливаясь захватить въ щепоть побольше предлагаемой вмѣсто табака чемерики...

— Бери, бери, Ѳедосеичъ! мнѣ некогда съ тобой: служить нужно,—говоритъ серьезно псаломщикъ.

— Чихъ! чхи, чхи, ачхи!.. Ого-го, какъ забрало!.. удивляется мужикъ...

Чиханье усиливается...

— Чхи-чхи-чхи!.. Чемерикой, подлецъ, угостилъ!.. Чхи-чхи!.. догадывается мужикъ.

— Ахъ, ты, подлецъ! мошенникъ! Чхи-чхи! ачхи!..

Мужикъ продолжаетъ чихать долго-долго... Чиханье пересыпается руганью, проклятьями и призывомъ «караула»...

Возвращались мы изъ прихода уже поздно вечеромъ, съ карманами, нагруженными мѣдяками, съ какими нибудь вещами, пріобрѣтенными въ приходѣ, съ гостинцами, посылавшимися матери ея почитательницами-прихожанками.

— Мамаша! что мы привезли-то!—громко заявляетъ кто либо изъ насъ, вбѣгая въ горницу.

— Что такое?

— Какой маленькій самоварчикъ папаша купилъ!

— Ну, вотъ! на что это?

Мать, конечно, бракуетъ старый, немного даже покосившійся на бокъ самоваришко, но отецъ защищается.

— Нѣтъ, ты посмотри, посмотри! И всего только рубль пятьдесятъ копеекъ!..

— Ну, что тамъ! Видѣла: дрянь!..

— Вася, Вася! Ты какъ думаешь?—обращается отецъ къ намъ, хотя мы давно высказали одобреніе его покупкѣ.

Конечно, и на этотъ разъ отецъ находитъ поддержку на нашей сторонѣ.

— Ну, вотъ! видишь?—торжествующе говоритъ отецъ.—Вѣдь ты всегда такъ: что ни куплю, всегда плохо... А самой придется купить, никогда не сумѣешь...

— Да на что эту дрянь я буду покупать? Вотъ ребята въ рваныхъ рубахахъ ходятъ,—ситчику купить бы нужно...

— Нѣтъ, и эта вещь тоже нужная. Снимемъ покосъ въ лѣсу,—и самоварчикъ годится... Въ поле можно брать... За рыбой пойдемъ,—тоже можно съ самоваромъ...

— Вотъ тебѣ Никифоровна пирогъ пшеничный прислала,—перемѣняетъ разговоръ отецъ... Въ гости зоветъ... У Авдашиныхъ сынъ, Ефимъ, изъ солдатъ пришелъ...

Въ концѣ праздника отецъ производитъ провѣрку денежныхъ сборовъ. Оказывается: собрано много, а налицо—гроши.

— Всѣ ли тутъ деньги?—обращается отецъ къ матери, всегда бывшей въ нашей семьѣ казначейшей.

— Всѣ.

— Да куда же онѣ дѣвались?

Начинается длинный перечень удовлетворенныхъ кредиторовъ.

— Шишкину за свинью пять рублей.

— Ну?

— За теленка Ѳедосевнѣ четыре съ четвертью.

— Ну?

— Матренѣ долгу семь рублей... Ивану за солому... Семену за сѣно...

— Поищи: не найдется ли у тебя еще сколько нибудь денегъ?

Начинаются поиски. Но находятся только какихъ нибудь два или три мѣдяка...

— Всѣ тутъ! Куда же имъ дѣваться? По долгамъ разошлись, и только...

Отецъ хмурится; мать чувствуетъ себя какъ бы немного виноватой, что не могла сберечь больше денегъ... Мы, дѣти, тоже недовольны: мечта о новыхъ сапогахъ становится для насъ до оче-

видности неосуществимой; ясно, что и рубашки у насъ тоже драныя будутъ...

По обходѣ прихода, происходилъ дѣлежъ между причтомъ собранныхъ денегъ, пироговъ, овса.

При дѣлежѣ пироговъ обращалось вниманіе на ихъ величину, рыхлость, бѣлизну. Пироги раскладывались на части, въ видѣ многочисленныхъ пирамидокъ, постепенно суживавшихся кверху и заканчивавшихся уже не цѣлыми пирогами, а половинками, четвертушками... Части распредѣлялись по жребію.

Для дѣлежа въ нашемъ домѣ собирался весь причтъ. Въ это время члены причта дѣлились праздничными впечатлѣніями, передавали слухи о приключеніяхъ съ духовными во время праздника въ другихъ селахъ, вспоминали прошлое...

На Рождествѣ мы собирали только деньгами, но дьячки и дьяконъ всегда высказывали сожалѣніе, что у насъ нѣтъ—«не заведено»—благодатнаго обычая собирать куръ.

Моя мать разсказывала, что на ея родинѣ собирали и курами.

— Бывало, куръ-то, куръ-то сколько!.. Грѣхи тоже бывали... Былъ у насъ дьяконъ, такой завистливый! Пришлось какъ-то ѣхать съ нимъ изъ прихода моему папенькѣ въ однѣхъ саняхъ. У того мѣшокъ съ курами и у другого мѣшокъ. Дьяконъ какъ-то и перемѣнялъ свой мѣшокъ съ папенькинымъ: показалось ему, что около него лежатъ папенькины куры. Онъ сидитъ-сидитъ, да и подпрыгнетъ, ка мѣшкѣ... Папенька видитъ, въ чемъ дѣло,—молчитъ. Пріѣхали домой. Дьяконъ протягиваетъ руку къ папенькиному мѣшку, а папенька говоритъ:

— Нѣтъ, отецъ дьяконъ, прыгали-то вы не на моихъ, а на своихъ курахъ... Ихъ берите...

Всѣхъ передавилъ!..

Нашъ дьяконъ вспоминаетъ, какъ на его родинѣ за курами духовные сами лазили подъ мужицкія печки, какъ браковали предлагаемыхъ хозяевами и выбирали по своему вкусу...

Слушая разсказы причта, бабушка моя въ свою очередь вспоминаетъ какое-то старинное стихотвореніе о духовенствѣ, къ сожалѣнію, мною почти забытое... Помнится лишь одно мѣсто, въ которомъ говорится о пропажѣ части собранныхъ причтомъ натуральныхъ доходовъ...

— Гдѣ драчены? гдѣ яйца печены? Туда-сюда по церкви мечутся!—восклицаетъ бабушка... Голосъ ея звучитъ строго, брови нахмурены, голова на тонкой, сухой шеѣ трясется.

— И вдругъ: находятъ въ алтарѣ!— продолжаетъ далѣе она уже благодушнымъ и вмѣстѣ пронизирующимъ тономъ... Глаза ея смѣются, губы коситъ улыбка...

— Вотъ Нилъ Николаевичъ хорошіе тоже стишки складывалъ про нашу жизнь,—вспоминаетъ кто нибудь про служившаго нѣкогда въ нашемъ селѣ дьячка.

Начинаются разсказы про Нила Николаевича... Жилъ онъ въ началѣ прошлаго столѣтія, но сочиненные имъ стихи передавались изъ устъ въ уста долго и послѣ его смерти.

Разсказывали: на всякій случай, а также для характеристики какого угодно человѣка у него всегда былъ готовъ стихъ—свободный, живой, ѣдкій...

Ходилъ какъ-то съ причтомъ по приходу родственникъ священника, отставной чиновникъ. Нилу Николаевичу непріятно было, что какой-то сторонній человѣкъ «не сѣетъ, не жнетъ, а собираетъ въ житницу»... Про него Нилъ Николаевичъ говорилъ:

Презрѣнная отъ власти тварь,
Димитрій, губернскій секрéтарь,
Имѣетъ превеликую охоту
На обдѣлъ ходить съ нищими въ субботу...
Ходитъ онъ и по окнамъ
И поетъ: «Милосердія двери отверзи намъ»...

Послѣ Нила Николаевича сохранилось, между прочимъ, слѣдующее стихотвореніе о хожденіи по приходу его сослуживца—дьячка Егора.

Ходилъ Егоръ по приходу
Для собранія доходу,
Въ карманъ деньги собиралъ
И стаканы осушалъ.
Шлялся пьяный по деревнѣ,
Заходилъ онъ и въ харчевни.
Христа славя, не дремалъ,
Все съ бабами воевалъ...
Ругалъ всѣхъ ихъ безъ пощады,
Кулаки на нихъ сучилъ,
Благочестію училъ:
Хотя бабы онѣ бѣдны,
Но чтобъ были милосерды,
Работать бы не лѣнились,
Давать денегъ не скупились...
Бабы бѣдны торопились,
Кое-куда хоронились...
Акулина Сурикова
Она рода не такого:
Къ понятію безтолкова
Отъ учителя такого,—
Не понявъ его науки,
Схвативъ рогачъ въ обѣ руки,
Сочла это ни почемъ,
Проводила Егора рогачемъ...
И такъ наша Акулина
Одолѣла исполина...

Во время праздника намъ приходилось рано вставать, поздно ложиться, ѣсть много жирной мясной пищи. Кромѣ того, насъ

сильно утомляло хожденіе по дворамъ. Поэтому подъ конецъ праздника мы чувствовали себя совершенно разбитыми.

Кажется, видѣли это и отецъ и мать: они удваивали къ намъ свою ласку. Мать старалась приготовить для насъ повкуснѣе какое нибудь кушанье. Отецъ хвалилъ насъ за оказанную ему помощь, хвалилъ наши голоса...

— Что жъ дѣлать, ребята? Помогайте отцу... А то мнѣ не сладко достается...

Общеніе съ родителями становилось ближе, сердечнѣе... Душу захватывала невольная жалость къ нимъ, замѣтнѣе казались слѣды времени на ихъ лицахъ, слѣды ихъ увяданья...

Вечеромъ подъ день отъѣзда въ нашемъ домѣ царитъ тишина; долго не зажигается огонь; разговоры не клеятся...

— Давайте, пропоемъ что нибудь,—предлагаетъ отецъ.

Поемъ: «Подъ твою милость», «О всепѣтая Мати», «Милость мира» великопостнаго напѣва...

Невеселыя мысли и печальные напѣвы наполняютъ душу самыми грустными, безотрадными чувствами. Пѣніе получается прочувствованнымъ, трогательнымъ.

На утро—печенье намъ лепешекъ, ранній обѣдъ и отъѣздъ.

Горесть разлуки съ милыми сердцу увеличивается неоправдывающими надеждъ денежными счетами съ отцомъ...

— Тебѣ сколько нужно денегъ?—спрашиваетъ отецъ.

— На бумагу.

— Ну, двѣнадцать копеекъ,—десть купишь.

— Перьевъ.

— Три копейки; всего будетъ пятнадцать копеекъ.

— Чернилъ.

— Ну, пять копеекъ... Будетъ—двадцать копеекъ. Еще что?

— Линейку нужно.

— Ну, этого можно не покупать... Чтобы налиновать, всегда можно взять у товарища... Деньги попусту бросать нечего...

— Я хозяину десять копеекъ долженъ.

— Когда же? за что?

— Бралъ на починку сапога...

— Я отдалъ, когда пріѣзжалъ за тобой...

Послѣ упорныхъ, но не удачныхъ попытокъ какимъ нибудь путемъ выманить отъ отца на лакомства лишній двугривенный или гривенникъ, въ рукахъ у тебя оказывается всего лишь тридцать-сорокъ копеекъ, необходимыхъ лишь на самые существенные расходы.

— Бумаги все-таки у меня будетъ мало... и перьевъ мало,— говорю я, съ грустью посматривая на свой жалкій капиталъ.

— Мы скоро провѣдать васъ пріѣдемъ; что не хватитъ, купимъ... Да имѣй, голубчикъ, въ виду, что родители твои, по любви

своей къ тебѣ, какими бы благами ни пожелали надѣлить тебя, но безсильны... Поэтому больше всего заботься о своемъ духовномъ преуспѣяніи...

Наконецъ, сборы кончены. Сложено въ узелъ бѣлье, положены въ мѣшокъ лепешки, въ жилетный карманъ—деньги...

Присѣдаемъ на стулья, по совѣту бабушки, по возможности подальше отъ «печки», чтобы предстоящій путь былъ безпечаленъ...

Отецъ и мать даютъ послѣднія наставленія.

— Учитесь лучше.

— Учителей любите, не смѣйтесь надъ ними...

— Далъ бы Господь здоровья да разума вамъ, а то живите, не тужите...

— Учитесь, учитесь, дѣтки!—говоритъ бабушка... архіереями будете!.. Тогда меня, старую, не забудьте въ своихъ молитвахъ...

— Да сохранятъ васъ ваши ангелы хранители отъ всякаго зла и бѣды,—благословляетъ насъ отецъ... Надежда на вашихъ небесныхъ покровителей утѣшаетъ насъ, что вы будете живы, здоровы и благополучны... Богъ дастъ, мы опять съ вами весело увидимся по окончаніи сей учебной трети... Да будетъ благословеніе Господне надъ вами!..

— Дай Господи вамъ счастливо прожить эту треть, а тамъ скорѣе пріѣзжайте къ намъ... говоритъ мать, много и долго крестя насъ. Голосъ ея прерывается, подбородокъ нервно вздрагиваетъ, слезы одна за другой капаютъ, капаютъ по ея доброму, милому лицу...

Отъѣзжая, бывало, никакъ не оторвешь глазъ отъ провожающихъ родныхъ, отъ нашего дома, отъ села... Хотѣлось запечатлѣть какъ можно глубже въ своей душѣ ихъ образы, чтобы яснѣе, рельефнѣе вставали они предъ нами на чужой сторонѣ, среди чуждыхъ намъ людей...

Опять противный городъ, опять противная квартира, противные учителя... Опять душевное одиночество...

Порой встанутъ въ памяти картины домашней жизни, вся неугомонная трудовая дѣятельность отца и матери; вспомнится хожденіе по приходу... Всегда большимъ утѣшеніемъ являлось сознаніе, что и ты былъ участникомъ отцовскаго труда, и ты вложилъ свою лепту въ скудную кассу семьи...

Насколько честенъ былъ нашъ трудъ, мысль объ этомъ не тревожила дѣтской совѣсти.

Д. И. Успенскій.

КАРТИНКИ ПРОШЛАГО.

МНѢ ХОЧЕТСЯ дать нѣсколько живыхъ образовъ прошлаго. Зачѣмъ?

Когда я вспоминаю то далекое время, которое у насъ называютъ обыкновенно дореформеннымъ, мнѣ кажется, что я вижу сонъ, и что многое изъ моихъ воспоминаній я придумалъ самъ. Но все это было дѣйствительно, а кажется теперь сномъ только потому, что уже очень не похоже на теперешнюю дѣйствительность... А между тѣмъ, мои воспоминанія относятся къ самымъ послѣднимъ годамъ дореформенной жизни, къ серединѣ пятидесятыхъ годовъ. Каково же было предшествующее имъ житье-бытье, теперь трудно себѣ и представить съ достаточной ясностью, хотя о немъ и приходилось слышать отъ очевидцевъ [1]).

Обыкновенно говорятъ, что и до сихъ поръ у насъ остается многое, отражающее въ себѣ старую жизнь эпохи крѣпостного права, что и въ нравахъ, и въ типахъ еще остается вліяніе того времени, его закваска. Все это вѣрно, и многія явленія современной жизни, хотя бы, напримѣръ, наше неумѣнье хозяйничать

---

[1]) Въ моей повѣсти «Тѣни и призраки», напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» 1903 г., я помѣстилъ воспоминанія объ этихъ болѣе далекихъ временахъ старушки, жившей у насъ въ домѣ. Вообще замѣчу здѣсь, что въ вышеупомянутую повѣсть вошли многія лица и событія моего дѣтства, упоминаемыя лишь мимоходомъ въ настоящихъ «воспоминаніяхъ», составляющихъ продолженіе тѣхъ, которыя были напечатаны въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1902 г. Авт.

производительно, наше разореніе, несмотря на огромныя естественныя богатства страны, — отсутствіе у насъ самодѣятельности, если не считать самодѣятельности кулаческаго типа, носящей анти-общественный характеръ,—всѣ такія явленія объяснимы только остатками дореформенной жизни въ нашихъ привычкахъ. И, тѣмъ не менѣе, жизнь русскаго человѣка измѣнилась, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ общественныхъ слояхъ до неузнаваемости, даже сравнительно съ концомъ пятидесятыхъ годовъ. И прежде всего измѣнились именно люди, даже тѣ, въ которыхъ старая закваска господствуетъ очень сильно: даже и у нихъ мысль работаетъ по-новому, волнуется общественными вопросами, о которыхъ прежде и во снѣ не снилось. Люди жили въ то время, если можно такъ выразиться, зоологически, какъ живетъ пчелиный рой или муравьиная куча, по разъ установленному обычаю, вертѣвшему ихъ такъ же, какъ колесо вертитъ свои спицы или свой ободъ. Правда, и въ то время были рѣдкіе люди, у кото́рыхъ работала не зоологическая мысль,—это доказывается уже однимъ тѣмъ, что изъ той же среды явились первые дѣятели крестьянской реформы, а именно такъ называемые «посредники перваго призыва». Но ихъ существованіе до реформы не могло ни въ чемъ проявиться, они не могли даже мечтать, что когда нибудь имъ придется примѣнять къ жизни идеи, о которыхъ они читали въ иностранныхъ книжкахъ или слышали отъ иностранныхъ профессоровъ. Они знали объ этихъ идеяхъ, но могли интересоваться ими нисколько не больше, чѣмъ мы интересуемся процессами на планетѣ Марсѣ или вопросомъ объ атмосферѣ на лунѣ. Все это такъ далеко отъ насъ, отъ нашихъ жизненныхъ нуждъ, интересовъ, потребностей, что если мы и хотимъ узнать объ этомъ, то лишь изъ простого любопытства. Да и много ли было тогда такихъ людей? Они были совершенно не замѣтны. Объ нихъ никто и никогда не слыхалъ.

Какія книги тогда читали? Въ нашей, напримѣръ, семьѣ я помню романъ Греча «Черная женщина», помню Лермонтовскаго «Демона», но въ рукописи, а затѣмъ моя мать и тетки (всѣ окончившія курсъ въ лучшихъ тогдашнихъ пансіонахъ) проливали слезы надъ романами Ратклифъ, Евгенія Сю и Александра Дюма. Мужчинъ же я никогда не видѣлъ читающими. И, однако, въ тогдашнихъ людяхъ уже бродили новыя вѣянія, бродили не въ формѣ опредѣленныхъ идей, а въ видѣ смутныхъ чувствъ, заставлявшихъ, напримѣръ, скрывать отъ дѣтей наказанія крестьянъ розгами или кулачныя расправы съ ними. Откуда могъ появиться этотъ стыдъ, я не могу себѣ объяснить, потому что крѣпостное право казалось тогда такимъ же естественнымъ явленіемъ, какъ и то, что лошадь ходитъ въ упряжи, и ее нужно подхлестывать кнутомъ.

Если меня спросятъ, были ли тогда добрые люди, и какъ могла

ихъ доброта мириться, напримѣръ, съ тѣмъ же сѣченіемъ крестьянъ, я могу отвѣтить на это только картинкой, изображающей фактически, какъ это все примирялось, а сердцемъ я понять этихъ людей не могу. Одно для меня ясно, что формы жизни, въ какихъ исторически живутъ люди, отливаютъ въ соотвѣтствующія себѣ рамки не только ихъ мысль, но и ихъ чувства, и что за предѣлы этихъ рамокъ мысль и чувство могутъ выйти у очень немногихъ и исключительныхъ натуръ.

Вообще, это—законъ исторіи, что многое, кажущееся въ одну эпоху вполнѣ разумнымъ, естественнымъ и даже нравственнымъ, въ слѣдующую кажется невѣроятнымъ, ужаснымъ и варварскимъ. Вѣроятно, и наше время не избѣжитъ этого общаго закона, и многое изъ теперешней жизни, обычаевъ и понятій будетъ казаться грядущимъ поколѣніямъ невѣроятной сказкой, возбуждающей негодованіе или смѣхъ, какъ и современные типы людей, уживавшихся съ такой дѣйствительностью. А, между тѣмъ, мы, люди современной эпохи, кажемся же себѣ самимъ и добрыми, и нравственными, и цивилизованными, и серьезными.

И вотъ почему я рѣшился набросать нѣсколько картинокъ прошлаго, оставшихся въ моей памяти отъ далекаго и милаго дѣтства: онѣ нагляднѣе, чѣмъ исторія, могутъ показать душу прежнихъ людей, въ которой могло совмѣщаться и то, что теперь кажется ужаснымъ, и то, что навсегда останется милымъ. А было въ прошломъ и это милое, потому что развитіе человѣчества идетъ путемъ постепеннаго вытѣсненія злыхъ сторонъ у людей и усовершенствованія ихъ добрыхъ сторонъ, которыя тоже всегда были; поэтому мои картинки будутъ отраженіемъ не однихъ мрачныхъ моментовъ, но и свѣтлыхъ, насколько ихъ была способна давать та эпоха.

I.

Отравленный соловей и неблаговоспитанный ястребъ.

Въ той далекой жизни, какъ и въ каждой жизни, трагическое сливалось неразрывно съ комическимъ. Изъ двухъ исторій, которыя я разскажу въ этой главѣ, одна смѣшная, другая очень печальная.

Въ обѣихъ главныя роли играли два лица: мой учитель Константинъ Александровичъ и лакей моего дяди, помѣщика Курской губерніи, Василій. Поэтому не мѣшаетъ предварительно нѣсколько познакомить читателя съ этими лицами.

О моемъ учителѣ я уже разсказывалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (апрѣль, 1902 г.), но читатели едва ли помнятъ эту

комическую, хотя и симпатичную фигуру. Возобновимъ же въ памяти нѣкоторыя ея черты, тѣмъ болѣе, что Константинъ Александровичъ является типичнѣйшимъ представителемъ домашнихъ учителей той эпохи.

Въ томъ уѣздѣ, гдѣ мы жили, Константинъ Александровичъ былъ, какъ педагогъ, настоящей знаменитостью, такъ что въ домахъ, куда его удавалось залучить, терпѣли даже его слабость: разъ въ годъ онъ запивалъ «запоемъ». Знаменитъ онъ былъ не однимъ тѣмъ, что успѣшно приготовилъ въ гимназію и кадетскій корпусъ десятка два отпрысковъ мѣстнаго «благороднаго дворянства», но отличался еще и другими качествами, незамѣнимыми въ домашнемъ обиходѣ средней помѣщичьей семьи. Трудно сказать, чего онъ не сумѣлъ бы сдѣлать по хозяйству и домоводству: онъ зналъ средства противъ многихъ болѣзней человѣческихъ и скотскихъ, зналъ столярное и слесарное дѣло, такъ что могъ починить замокъ, сломавшійся стулъ или диванъ, могъ исправить часы, устроить крысоловку, маслобойку, сдѣлать планъ хозяйственной постройки и т. п. Все это онъ дѣлалъ не по обязанности, а, какъ говорится, отъ всей души, изъ преданности той семьѣ, въ которой жилъ въ данное время. Вѣдь у него не было ни родныхъ, ни близкихъ: вся его семья была въ той семьѣ, въ которой приходилось поселиться. Хотя въ этихъ семьяхъ его любили, однако онъ постоянно былъ предметомъ общихъ шутокъ, быть можетъ, благодаря нѣкоторой комичности своей добродушной фигуры. Это былъ человѣкъ средняго роста, не толстый, однако настолько полный, что казался вытянутымъ въ длину круглымъ обрубкомъ: все у него было круглое: и голова съ рѣдкими остатками коротенькихъ вьющихся волосъ желтовато-бѣлаго цвѣта, и кисти рукъ, и мягкій носъ, и глаза, и бритый подбородокъ съ ямочкой, придававшій его лицу что-то дѣтское. Казалось, что сама жизнь, бросая его изъ одной чужой семьи въ другую, заставляя жить среди людей съ разными характерами, округлила его, какъ округляются камни-голыши въ морѣ отъ долгаго тренія другъ о друга. Самый его характеръ и мысли стали какими-то круглыми: онъ думалъ и вѣрилъ такъ, какъ въ данную минуту въ данной семьѣ думали и вѣрили другіе, а, вѣрнѣе, онъ совсѣмъ отучился думать и вѣрить самъ въ теченіе своего тридцатипятилѣтняго учительства и гувернерства; даже, когда говорили другіе и спрашивали его мнѣнія, онъ только утвердительно мычалъ или говорилъ задумчиво: «конечно, да, это»... И никогда не кончалъ фразы. Я увѣренъ, что поступалъ онъ такъ не изъ желанія поддѣлаться: были случаи, когда онъ отстаивалъ свое личное достоинство, забывая всѣ тяжелыя послѣдствія, которыя это могло повлечь для него. Это случалось тогда, когда онъ замѣчалъ какую нибудь презрительную насмѣшку надъ собой, выходившую изъ

ряда добродушныхъ, такъ сказать, семейно-дружескихъ шутокъ. Да и такія шутки онъ переносилъ не всегда и не отъ всѣхъ, а лишь отъ ближайшихъ членовъ семьи, въ расположеніе которыхъ вѣрилъ, и которыхъ считалъ «своими». Иногда въ такія минуты онъ всѣхъ поражалъ неожиданностью своего самолюбія, какъ будто передъ вами вдругъ оказывался совсѣмъ другой человѣкъ, вмѣсто вѣчно терпѣливаго Константина Александровича. И что особенно замѣчательно: такіе взрывы обидчивости проявлялись всего чаще тогда, когда ихъ всего менѣе можно было ожидать. Такъ, напримѣръ, онъ бросилъ одно очень выгодное мѣсто оттого, что его не пригласили къ обѣду, когда были гости. И хозяинъ и хозяйка увѣряли его, что это вышло по винѣ прислуги, захлопотавшейся по случаю пріѣзда гостей; ему предлагали даже удовлетвореніе, состоявшее въ томъ, что прислугу высѣкутъ, но Константинъ Александровичъ не шелъ ни на какія предложенія и, собравъ свой маленькій чемоданчикъ да подушку съ одѣяломъ,—его единственное имущество,—гордо выѣхалъ изъ усадьбы, трясясь въ мужицкой телѣгѣ. Живя у насъ, онъ однажды поразилъ всѣхъ, страшно обидѣвшись на нашего гостя, богатаго и важнаго помѣщика: тотъ, видя, что надъ Константиномъ Александровичемъ всѣ подшучиваютъ, пошутилъ и самъ надъ его пиджакомъ: «А пиджачекъ-то у васъ изъ Парижа, кажется?» Надо замѣтить, что Константинъ Александровичъ сшилъ себѣ этотъ пиджакъ собственноручно, и не изъ скупости, а просто потому, что у него была страсть все пробовать дѣлать и все «умѣть» дѣлать. Онъ не только не былъ скупъ, не только не берегъ денегъ, но былъ совершенный безсребреникъ. Моя мать всегда отбирала у него и прятала деньги, но и это средство не помогало: у него денегъ никогда не было. И вотъ, когда онъ услышалъ насмѣшку богатаго барина надъ своимъ произведеніемъ, т.-е. надъ пиджакомъ, лицо его вдругъ покраснѣло, какъ кумачъ, онъ вскочилъ изъ-за стола (дѣло было за обѣдомъ) и, величественно выпятивъ грудь, съ театральнымъ жестомъ старинныхъ трагиковъ, сталъ смотрѣть прямо въ глаза обидчика, точно собираясь съ мыслями, какой ему дать отпоръ. Наконецъ, онъ проговорилъ, заикаясь:

— Позвольте... да-съ... позвольте вамъ-съ... да, вамъ-съ... сказать, что я... я... не позволю... да-съ... надъ собой шутить-съ... да! И прошу эти шу... шут... ки-съ оставить... Вотъ!...

Выпаливъ послѣднее слово, онъ сѣлъ и, тяжело дыша, просидѣлъ до конца обѣда, не прикоснувшись ни къ одному кушанью и смотря въ свою тарелку.

Не помню, чѣмъ тогда кончилась эта исторія: кажется, помѣщикъ извинился передъ нимъ, но пересталъ къ намъ ѣздить.

Вотъ изъ такихъ-то случаевъ я и заключаю, что, если Константинъ Александровичъ не выражалъ никогда своихъ мнѣній

словами, а только отдѣлывался сочувственнымъ мычаніемъ, то зависѣло это не отъ его угодливости или трусости, а отъ чего-то другого. Весьма возможно, что у него уже не было своихъ мнѣній, какъ я сказалъ выше, или же,—что̀ почти одно и то же,—онъ, по своему добродушію дѣйствительно сочувствовалъ каждому, кто высказывалъ что нибудь съ жаромъ и волнуясь. Этимъ же отсутствіемъ опредѣленныхъ или даже какихъ либо мнѣній въ вопросахъ сколько нибудь отвлеченныхъ я объясняю себѣ и то, что учитель никогда не дѣлалъ намъ, дѣтямъ, наставленій въ категорической формѣ какого нибудь правила, какъ, напримѣръ, не нужно, молъ, не дѣлать того-то или того-то...

По всей вѣроятности, всѣ такія мнѣнія у него когда нибудь и были: вѣдь, имѣлъ же онъ въ дѣтствѣ мать, отца, а они не могли не дѣлать ему тѣхъ или другихъ внушеній; но именно оттого, что жизнь черезчуръ долго терла его между людьми самыми различными, въ немъ вытерлись или обкатались всѣ такія мнѣнія. Осталась только привычка жить по извѣстнымъ правиламъ, а самыя правила были совсѣмъ забыты.

Въ моемъ первомъ разсказѣ о Константинѣ Александровичѣ я говорилъ о его страсти къ охотѣ и о вѣчныхъ неудачахъ, преслѣдовавшихъ его на этомъ излюбленномъ поприщѣ. То зимой, охотясь на зайцевъ, онъ свалится въ оврагъ, благодаря своей близорукости, и такъ долго не можетъ оттуда выбраться, что его вытаскиваютъ уже съ отмороженными пальцами; то, благодаря той же близорукости, онъ подстрѣлитъ крестьянскаго рыжаго теленочка, принявъ его за лисицу; то, ловя сѣтью перепеловъ на зарѣ, онъ приметъ земляного зайца, попавшаго въ сѣтку, за медвѣдя и пустится бѣжать отъ него съ такою стремительностью, что падаетъ въ канаву, и его привозятъ домой съ вывихнутой ногой.

Охоту съ ястребомъ на перепеловъ учитель задумалъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, лакеемъ Василіемъ, о которомъ скажу послѣ. Мы въ то лѣто гостили у дяди, и однажды мальчуганы принесли въ усадьбу молодого ястребка. Въ то время тащили къ помѣщику всякую находку: авось, молъ, господамъ на что нибудь пригодится. И вотъ учитель припомнилъ, что когда-то слышалъ о ловлѣ перепеловъ съ учеными ястребами. Онъ сообщилъ эту мысль Василію. Тотъ дополнилъ ее изъ собственнаго склада энциклопедическихъ познаній, которыхъ у него было не меньше, чѣмъ у самого Константина Александровича, и они принялись въ темномъ сараѣ учить молодого хищника. Ученье состояло въ томъ, что, надѣвъ на руку кожаную кучерскую рукавицу и держа въ ней только что убитаго воробья съ оторванной головкой, манили имъ ястребка, привязаннаго на длинной цѣпочкѣ, пока онъ не слетитъ на руку. А въ то же время позванивали маленькимъ бубенчикомъ, привязаннымъ къ рукѣ, чтобы пріучить ястреба прилетать къ охотнику на бубенчикъ.

И вотъ ястребокъ былъ выученъ. Первый выѣздъ на охоту былъ обставленъ очень торжественно: Константинъ Александровичъ желалъ ѣхать непремѣнно верхомъ, по всѣмъ правиламъ искусства, хотя ѣздокъ онъ былъ совсѣмъ плохой. Осѣдлали ему самую смирную лошадь, водовозку. Съ помощью Василія и кучера водворили на сѣдло полную и грузную фигуру милѣйшаго педагога и подали ему ястреба, на глаза котораго была надѣта шапочка.

Вся дворня выскочила смотрѣть на это зрѣлище...

Такъ какъ первую охоту съ ястребомъ желалъ непремѣнно видѣть и самъ дядя, и я, и лакей Василій, то были запряжены бѣговыя дрожки, на которыхъ усѣлись мы трое: я—впереди, за мною дядя, а сзади примостился Василій.

Константинъ Александровичъ, сидя на своей Россинантѣ, старался принять позу тѣхъ соколиныхъ охотниковъ, которыхъ онъ видѣлъ, вѣроятно, на картинкахъ изъ жизни рыцарей среднихъ вѣковъ. Онъ важно держалъ голову, откинувъ ее нѣсколько назадъ; лѣвая рука въ толстой перчаткѣ, съ сидѣвшимъ на ней ястребкомъ, была торжественно приподнята на высоту груди; правая рука сжимала поводья.

Когда всѣ усѣлись, дядя скомандовалъ:

— Ну, въ путь.

Дорога была не дальняя: тутъ же за усадьбой были поля, на которыхъ перепеловъ водилось много... На одномъ изъ этихъ полей остановились. Константинъ Александровичъ снялъ съ ястреба шапочку; отцѣпилъ его при помощи Василія и взмахнулъ рукой вверхъ, надѣясь, что ястребъ сейчасъ же полетитъ. Но онъ и не думалъ оставлять своего покойнаго мѣста и погрузился въ меланхолическую задумчивость...

Василій и дядя стали давать совѣты, подбѣжавъ къ смущенному Константину Александровичу (раньше онъ увѣрялъ, что отлично знаетъ этого рода охоту, не разъ обучалъ ястребовъ и охотился съ ними). Тотъ немножко обижался и ворчалъ:

— Да что жъ меня учить! Я и самъ хорошо это дѣло знаю! Вначалѣ такъ всегда бываетъ. Вотъ дайте ему осмотрѣться, тогда онъ и начнетъ дѣйствовать...

И ястребъ, дѣйствительно, осмотрѣлся, взмахнулъ крыльями разъ-другой и полетѣлъ...

— Ну, вотъ видите! Я говорилъ, что ему осмотрѣться надо!— побѣдоносно произнесъ Константинъ Александровичъ.

Однако, ястребъ, пролетѣвъ немного, сѣлъ на кочку и, повидимому, дальше летѣть не собирался.

Всѣ были въ напряженномъ ожиданіи минутъ пять, послѣ чего дядя сказалъ нетерпѣливо:

— Однако, мы, кажется, напрасно тратимъ время!

— А вотъ я его сейчасъ спугну!—нашелся Василій и, махая руками, побѣжалъ къ ястребу, крича какія-то слова, тутъ же имъ самимъ изобрѣтенныя и которыя онъ находилъ, вѣроятно, самыми цѣлесообразными въ этомъ случаѣ:

— Фрррр!.. Фррр!.. Да, ну же, чортъ! Фрррр!..

Ястребъ полетѣлъ, но... только мы его и видѣли!.. Онъ летѣлъ низко, вдаль отъ насъ, изрѣдка садясь снова на землю и опять поднимаясь... Напрасно Константинъ Александровичъ свистѣлъ въ какую-то дудочку; ястребъ улеталъ дальше и дальше, не думая ни ловить перепеловъ, ни возвращаться на руку, одѣтую въ толстую перчатку.

И вотъ тутъ-то комическое событіе чуть не перешло въ трагическое: Константинъ Александровичъ, сконфуженный и раздосадованный, стегнулъ свою Россинанту и помчался догонять ястреба, но лошадь сдѣлала какое-то неловкое движеніе, и бѣдный ѣздокъ перелетѣлъ черезъ ея голову, болтнувъ въ воздухѣ своими толстыми ногами...

Такова ужъ, видно, была судьба этого страстнаго «горе-охотника»: я уже разсказывалъ, какъ онъ повредилъ себѣ ногу, ловя сѣтью перепеловъ. Теперь онъ лежалъ среди поля, распростертый и блѣдный, громко стоналъ, а когда мы подбѣжали къ нему, сталъ говорить голосомъ умирающаго и горько плача:

— Охъ, умираю! Плечевую кость сломалъ! Охъ, какая боль! Пошевелиться не могу!

И жалко, и немножко смѣшно было видѣть, что этотъ пятидесятилѣтній человѣкъ, съ лицомъ полнымъ и круглымъ, какъ арбузикъ, плакалъ совершенно по-бабьи, чмокая губами, а слезы градомъ катились изъ его маленькихъ, свѣтлыхъ глазъ, лишенныхъ рѣсницъ.

Когда его привезли домой и осмотрѣли, оказалось, что не только не было никакого перелома, но не было даже и вывиха: онъ просто неловко придавилъ себѣ руку при паденіи. Даже кровоподтека или синяка не оказалось.

Далеко не такъ благополучно окончилась попытка ловить соловьевъ, по крайней мѣрѣ, для лакея Василія, такого же «горе-охотника», какъ и Константинъ Александровичъ, и такого же мастера на всѣ руки: онъ былъ и столяръ, и рѣзчикъ, и пѣлъ въ церкви басомъ, и восхищалъ всѣхъ своимъ чтеніемъ «Апостола», бывалъ и поваромъ, когда приказывали, а это случалось раза три въ годъ, когда поваръ Дмитрій впадалъ въ запой, какъ почти всѣ повара у тогдашнихъ помѣщиковъ. Почему они обладали такой наклонностью, рѣшать не берусь. Василій усвоилъ себѣ кулинарныя познанія, исключительно благодаря наблюдательности: онъ мимоходомъ наблюдалъ, что дѣлалъ поваръ. А между тѣмъ, когда были большіе званые обѣды, именно его призывали показать

свое искусство въ сооруженіи изъ сахарнаго леденца какихъ-то удивительныхъ храмовъ и дворцовъ, съ горящимъ внутри огнемъ: у повара не было такой фантазіи. Нужно ли говорить, что это создало между Василіемъ и шефомъ кухни непримиримую вражду, хотя Василій,—человѣкъ очень религіозный и начитанный въ священныхъ книгахъ, которыя онъ бралъ у священника,—употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы примириться съ Дмитріемъ.

— Дмитрій Захарычъ,—убѣждалъ онъ повара:—ну, чѣмъ же я виноватъ? Развѣ я могу ослушаться барина? Сами знаете, что мнѣ за это будетъ: отдерутъ на конюшнѣ и все-таки заставятъ. Ахъ, Господи, Боже ты мой! Да не сердитесь вы на меня, прошу васъ по-христіански. Вы почитайте-ка въ книжкахъ святыхъ, что говорится о враждѣ съ ближнимъ: «если у тебя есть врагъ, то прежде, чѣмъ ляжешь спать, пойди и примирись съ нимъ»...

— Ступай вонъ, мерзавецъ!—кричалъ въ отвѣтъ Дмитрій Захарычъ:—онъ «не виноватъ», скажите, пожалуйста! Подсмотрѣлъ, какъ я дѣлаю, у меня же научился, а теперь не виноватъ.

Поваръ начиналъ дрожать отъ негодованія и, схватывая первый попадавшійся подъ руку тяжелый предметъ, замахивался имъ такъ, что всѣ присутствовавшіе при этихъ сценахъ принимались убѣждать Василія «уйти отъ грѣха». Василій удалялся но цѣлый день былъ печаленъ и все вздыхалъ, сообщая Константину Александровичу свои религіозно-философскія соображенія по этому поводу:

— Вотъ у Іоанна Златоуста есть: чѣмъ возгордишься передъ людьми, выставишь себя впередъ, ну, и будешь послѣ весь вѣкъ страдать... А я возгордился, когда въ первый разъ сдѣлалъ къ обѣду сооруженіе изъ сахара, потому хотѣлъ превзойти себя, и чтобы всѣ гости хвалили... А что такое людская похвала? Ядъ отравляющій, и больше ничего... Разъ тебя похвалили, ужъ ты не можешь жить покойно безъ похвалы, ужъ она тебѣ нужна, какъ хлѣбъ... А другого человѣка ты этимъ унизилъ и вѣчнаго врага въ немъ себѣ нажилъ, на потѣху діаволу, который только этого и ждетъ...

— И совсѣмъ это не то,—возражалъ педагогъ, спорившій только съ Василіемъ и только противъ его мистическихъ философствованій.—Все это оттого, что вашъ Дмитрій—просто пьяная скотина, и больше ничего. И кто же въ этомъ-то виноватъ? Все мы на дьявола сваливаемъ...

— Ахъ, Константинъ Александрычъ, и какъ это вы—человѣкъ ученый, а въ глубь предметовъ не желаете вникать. Виноватъ я думами своими гордыми; виноватъ, потому что превознесся: вотъ, молъ, я какой артистъ, удивлю весь міръ! А гордыня есть смертный грѣхъ...

Кромѣ вышеупомянутыхъ качествъ, Василій былъ превосходнымъ башмачникомъ и обшивалъ всю семью дяди. Цѣлый день онъ сидѣлъ за этой работой въ небольшомъ чуланчикѣ, пристроенномъ къ сѣнямъ, хотя его часто отрывали для исполненія лакейскихъ и многихъ другихъ обязанностей. Въ этотъ чуланчикъ къ нему заходилъ Константинъ Александровичъ бесѣдовать и строить планы будущихъ путешествій на охоту. Сюда же забѣгалъ и я послушать ихъ. Въ этомъ чуланчикѣ созрѣлъ, между прочимъ, планъ обучить молодого ястребка. Здѣсь же была задумана ловля соловьевъ, которыхъ было множество въ кустахъ, покрывавшихъ возвышенный берегъ и островки Десны. Этотъ-то планъ и погубилъ Василія.

Но прежде, чѣмъ разскажу объ этомъ, попробую описать наружность его. Она представляла полную противоположность наружности Константина Александровича: Василій былъ очень худощавъ и такъ высокъ ростомъ, что, казалось, нижняя часть туловища не можетъ поддерживать верхней, отчего Василій и ходилъ всегда сильно нагнувшись впередъ, такъ что кисти его рукъ болтались около колѣнъ. Высокій ростъ очень его огорчалъ и главнымъ образомъ потому, что требовалъ лишнихъ матеріаловъ на костюмъ.

— Вѣдь наказалъ же Господь такимъ ростомъ,—говорилъ онъ иногда:—всего на меня нужно вдвое, чѣмъ на другихъ. Чисто верста коломенская!

— Отчего же коломенская?—спрашивалъ я.

— А ужъ это такъ говорится. Вѣрно, тамъ версты-то были длиннѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ,—шутилъ онъ.

Черепъ у Василія былъ совсѣмъ безъ волосъ, если не считать скудныхъ сѣдоватыхъ пучковъ надъ ушами и сзади надъ шеей. Носъ длинный, заостренный; кожа на лицѣ сильно натянутая, такъ что обнаруживала всѣ кости. Она отъ этого блестѣла и казалась маской, какія продаютъ въ лавкахъ на Рождество. И это сходство увеличивалось еще тѣмъ, что на щекахъ Василія всегда игралъ яркій румянецъ, какъ будто ихъ выкрасили. (Добавлю, что сравненіе съ маской мнѣ пришло въ голову впослѣдствіи, когда я въ первый разъ увидѣлъ маски въ Петербургѣ. Въ провинціи же въ то время о нихъ и понятія не имѣли).

Перейду теперь къ роковой ловлѣ соловьевъ, въ которой и я принималъ участіе.

Ночь выбрали потемнѣе, облачную. Взяли съ собой довольно большую сѣть, которую недѣли двѣ вязалъ Константинъ Александровичъ; захватили съ собой клѣтку, сооруженную тоже собственными руками, и направились къ рѣкѣ, гдѣ у купальни стояла лодка.

Василій сѣлъ на весла, учитель—на руль, а я—на среднюю скамью. Отчалили и поѣхали въ правую сторону. Слѣва надъ

нашими головами громоздился въ темнотѣ высокій берегъ, покрытый густой, непроходимой зарослью кустовъ и какихъ-то деревьевъ; ихъ силуэты едва рисовались вверху на темномъ небѣ, если высоко поднять голову и взглянуть туда. Тамъ стоялъ стонъ отъ свиста, трещанья и щелканья безчисленныхъ соловьевъ. Самаго пѣнія ихъ не было слышно: все сливалось въ невыразимый словами трескъ, какъ будто ломали или рубили сразу тысячи вѣтвей.

— Ну, ужъ и гамятъ,—сказалъ Василій,—даже оглушили! Ну, да это все дрянь, мелюзга! А вотъ мы проѣдемъ въ Аксюткинъ затончикъ: тамъ есть одинъ настоящій «соловей-разбойникъ». Я его ужъ двѣ ночи выслѣживаю. И все въ одномъ мѣстѣ поетъ. Вотъ услышите: всѣхъ заглушаетъ, и одинъ слышенъ; каждая нотка слышна. Такого соловья я еще и не слыхивалъ, а ужъ мало ли я ихъ переслушалъ...

Онъ помолчалъ, а затѣмъ прибавилъ, кивнувъ головой вверхъ на высокій берегъ, подымавшійся въ этомъ мѣстѣ широкимъ холмомъ:

— Любимое тутъ мѣстечко было стариннаго разбойника Кудеяра. Здѣсь, говорятъ, и карета имъ закопана съ золотомъ... А вотъ никто найти ее не можетъ...

— Слыхалъ я это,—отвѣтилъ Константинъ Александровичъ,—да только думаю, что все это сказки... Если бы была такая карета, давно бы ее нашли...

— Ну, не скажите этого. Онъ на этотъ кладъ «зарокъ» наложилъ: приходилъ тутъ лѣтъ восемь тому назадъ монашекъ съ Аѳона. Такъ ему одинъ ихъ старецъ, умирая, разсказалъ, что есть въ селѣ Х... крестьянинъ, если только не померъ, у котораго находится планъ всего мѣста, и указано на немъ, гдѣ именно эта карета закопана. И открыть эту карету могутъ только или этотъ крестьянинъ, или его дѣти, либо внуки, потому это оставлено Кудеяромъ въ ихъ родъ... вдова,—говоритъ,—тутъ прежде жила, а отъ нея былъ у Кудеяра сынишка. Такъ вотъ для его-то рода кладъ и заговоренъ.

— А какъ же онъ заговоренъ?—спросилъ я.

— А такъ заговоренъ, что если кто и найдетъ это мѣсто и станетъ копать, а кладъ все глубже въ землю уходитъ, а кругомъ всякая чертовщина начинаетъ представляться,—не въ худой часъ будь сказано...

— А какая же чертовщина?

— Хари разныя, огни, а то и мертвецы съ косами... костями стучатъ, косами машутъ надъ самой головой, костлявыми руками тянутся къ человѣку, а схватить не могутъ, если читать «Да воскреснетъ Богъ».

— Экія глупости ты разсказываешь, да еще ребенку! Смотри, онъ дрожитъ весь... Ты подумай только, если планъ такой былъ

оставленъ, такъ давно бы тотъ крестьянинъ эту карету вырылъ... Да, можетъ быть, онъ и вырылъ. Кто же это можетъ знать?

— Нѣтъ, не вырылъ, потому что нѣсколько человѣкъ ужъ погибли тутъ съ этимъ кладомъ. Пойдутъ ночью его искать, надѣясь на молитву, а назадъ ужъ и не вернутся: либо мертвыми ихъ найдутъ, либо языкъ отнимется, и ничего они потомъ разсказать не могутъ. Вы сообразите только: вѣдь, если бы кладъ былъ вырытъ, такъ и чудесъ этихъ не было бы.

— А что же монашекъ отыскалъ тогда этого крестьянина?— спросилъ я.

— Нѣтъ. Помнятъ старики, что была такая семья, а куда она дѣвалась и когда,—никто не знаетъ. Такъ и ушелъ монашекъ... Чу, вотъ теперь слушайте! Вотъ онъ поетъ! Ишь, ишь, какъ заводитъ! Только теперь молчокъ, ни словечка, чтобы не спугнуть.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ раздваивалась, давая узкій рукавъ, густо поросшій съ обѣихъ сторонъ высокими кустами, задѣвавшими насъ своими вѣтками, нависшими надъ водой, такъ что трудно было пробираться между ними. Мы очутились въ совершенномъ мракѣ и чуть-чуть беззвучно подвигались впередъ къ тому мѣсту, откуда и гремѣлъ, и свисталъ, и щелкалъ дѣйствительно необыкновенный соловей. Онъ покрывалъ своими трелями и свистомъ весь тотъ адскій гамъ, стоявшій кругомъ, и отчетливо выдѣлялся надъ нимъ... Звуки ближе, ближе... Вотъ они уже совсѣмъ около насъ съ лѣвой стороны. Василій сдѣлалъ знакъ, и лодка вошла носомъ въ кусты, тихо стукнувъ о берегъ. Все было условлено заранѣе. Василій сталъ тихо пробираться въ глубь островка съ сѣтью, а мы должны были ждать его свиста, чтобы съ крикомъ броситься къ соловью, который полетитъ низомъ и наткнется на сѣтку... Было холодно. Пахло сыростью и тиной. Время, которое прошло отъ того момента, когда Василій скрылся въ кустахъ, показалось мнѣ безконечнымъ. «А вдругъ онъ спугнетъ соловья? Тогда все пропало!» И я съ замираніемъ сердца прислушивался къ тому, поетъ ли еще соловей, и иногда мнѣ казалось, что онъ смолкъ, хотя это было дѣломъ чистаго воображенія: голосъ его продолжалъ разливаться надъ водой, какъ прежде, покрывая всѣ остальные звуки. Это-то, вѣроятно, и должно было погубить бѣдняжку, такъ какъ, конечно, и для себя самого онъ заглушалъ всѣ звуки, а тѣмъ болѣе такіе слабые, какъ осторожное прокрадываніе человѣка...

Но вотъ на мгновеніе онъ замолкъ дѣйствительно, оборвавъ начатое «колѣно»... Я не выдержалъ и прошепталъ: «улетѣлъ», но въ тотъ же моментъ изъ глубины чащи послышался громкій свистъ, и я, не помня себя, бросился впередъ, крича и визжа, а за мною то же продѣлывалъ Константинъ Александровичъ...

Еще нѣсколько мгновеній, и изъ глубины послышался крикъ Василія, такой отчаянный, какъ будто его рѣзали:

— Готовъ! Несите скорѣй клѣтку! Скорѣ-ѣй!..

Мнѣ было легче пробираться низомъ между кустами, чѣмъ толстому учителю, и я, почти вырвавъ у него клѣтку, черезъ минуту былъ уже около Василія, окрикнувъ его предварительно.

Онъ держалъ что-то въ правой рукѣ, чего за темнотой нельзя было разсмотрѣть, а самъ весь дрожалъ отъ волненія.

— Вотъ онъ! Совсѣмъ маленькій! А вотъ, поди жъ ты, у такой крошки, а какой голосъ. Малъ золотникъ, да дорогъ. Кого чѣмъ Господь надѣлитъ...

Онъ пустилъ птичку въ дверцы клѣтки, тщательно ихъ заперъ и, стирая потъ съ лица и лысины, проговорилъ счастливымъ тономъ:

— Ну, а теперь къ домамъ.

Въ это время около насъ показался и учитель: онъ въ темнотѣ потерялъ фуражку, и когда первый восторгъ его отъ поимки соловья прошелъ, онъ сталъ упрашивать насъ помочь ему отыскать ее. Самъ онъ уже пробовалъ искать, но въ чащѣ, да еще при абсолютной темнотѣ, всѣ его поиски были напрасны, хотя фуражка и была изъ бѣлой парусины. Это-то обстоятельство и помогло мнѣ скоро увидѣть ее, и такимъ образомъ наше счастливое настроеніе духа не было нарушено.

На обратномъ пути всѣ мы старались заглянуть въ клѣтку сквозь промежутки въ зеленой матеріи, которою она была обтянута, но, конечно, ничего разсмотрѣть не могли.

Василія больше всего занималъ вопросъ, что скажетъ баринъ, и какъ онъ обрадуется, когда услышитъ пѣніе соловья, «своего соловья»,—прибавлялъ онъ, выражая тѣмъ ненарушимое убѣжденіе, что соловей, пойманный имъ, принадлежитъ его господину, а не кому нибудь изъ насъ.

Надо сказать, что въ то время соловьи были въ модѣ. Въ рѣдкомъ домѣ не было соловья. Ихъ ловили въ Курской губерніи сотнями и возили въ Москву въ клѣткахъ на большихъ возахъ. Въ Москвѣ они пріобрѣтались купцами для домовъ и лавокъ, а еще больше трактирами, которые щеголяли своими соловьями. За хорошаго соловья давали любители по нѣскольку сотъ рублей. Поэтому существовала спеціальная профессія «соловьятниковъ», ловившихъ этихъ птичекъ, или же скупавшихъ ихъ у ловцовъ, для чего они и пріѣзжали къ Курскую губернію: здѣсь соловьи считаются самыми лучшими и голосистыми.

Дядя отнесся сначала къ нашему соловью довольно скептически: могутъ ли что нибудь порядочное поймать такіе горе-охотники, какъ Василій и Константинъ Александровичъ! Однако, когда черезъ нѣсколько дней соловей, возбуждаемый звуками ножа, которымъ терли по краю тарелки, запѣлъ, да такъ громко и сильно, что его скоро пришлось вынести изъ комнаты въ садъ и повѣ-

сить за окномъ.—скептицизмъ дяди перешелъ въ необычайный восторгъ.

— Это—не соловей, а чортъ.—говоритъ онъ:—оглушилъ совсѣмъ. Его кругомъ на версту, пожалуй, слышно. Ну, спасибо, спасибо. Вотъ это пріобрѣтеніе. За такого соловья въ Москвѣ любители и полтысячи бы отвалили.

И онъ далъ Василію серебряный рубль.

— Зачѣмъ же, баринъ? Помилуйте. Да я такъ...

— Не разговаривай, а бери, коли даю. Я знаю, что ты отъ усердія, а не хорошо, говорятъ, брать въ подарокъ цвѣты и птицъ, потому что не будутъ водиться. Надо всегда что нибудь за нихъ заплатить.

— Ну, покорнѣйше благодарю-съ,—низко поклонился Василій, весь сіяя отъ барской ласки и подарка.—А теперь,—прибавилъ онъ,—мы еще выслѣдимъ хорошенькаго да поймаемъ вотъ для ихъ папашеньки,—указалъ онъ на меня головой...

Скоро нашъ соловей сталъ извѣстенъ во всей окрестности. Его пріѣзжали послушать сосѣдніе помѣщики, и слава его была не меньше, чѣмъ въ наше время слава Фигнера или Шаляпина.

Я уже сказалъ, что даже въ первый день его дебюта слушать его въ комнатѣ было почти невозможно: онъ пѣлъ такъ громко, что оглушалъ: въ ушахъ звенѣло, голова начинала трещать. Обыкновенно, его вывѣшивали за окно, и тогда его пѣніе слышалось на полъ-версты въ окружности. Клѣтка его была обтянута зеленой матеріей, вѣроятно, для того, чтобы онъ воображалъ себя среди весенней листвы. Для корма его собирали муравьиныя яйца, которыя крестьяне приносили въ холщевыхъ мѣшкахъ. Когда дядя хотѣлъ заставить его пѣть, онъ бралъ столовый ножъ и тарелку, и начиналъ быстро водить по ея краю ножемъ, отъ чего получался рѣзкій звенящій звукъ. Вскорѣ соловей начиналъ издавать отдѣльные робкіе свисты, а затѣмъ, раздражаясь больше и больше, принимался пѣть свои умопомрачительныя трели, рулады, «пленьканья» и т. п., приводя всѣхъ въ восторгъ неописуемый.

И вотъ одному сосѣду, помѣщику Воронцову, захотѣлось во что бы то ни стало купить у дяди этого соловья. Сцена эта происходила при мнѣ. Воронцовъ подошелъ къ дядѣ, взялъ лѣвой рукой его правую руку, поднявъ ее ладонью вверхъ, ударилъ по этой ладони своей правой рукой и сказалъ почти умоляющимъ голосомъ:

— Ну, будь другомъ, бери полтораста рублей за соловья! Вотъ и деньги сейчасъ кладу на столъ.

И онъ полѣзъ было въ боковой карманъ.

— Что ты, что ты, Петръ Ивановичъ!—изумленно отвѣтилъ дядя:—я для себя пріобрѣлъ! И за тысячу рублей не отдамъ.

— Ну, хочешь двѣсти?

И Воронцовъ опять хлопнулъ своею ладонью ладонь дяди.

— Вотъ чудакъ-человѣкъ! Да говорю же я тебѣ, что ни за что не продамъ.

Я, какъ сейчасъ, вижу передъ собой этого Воронцова: маленькій, худенькій, съ злыми черными глазками и огромными сѣдыми усами, висѣвшими внизъ. При рѣшительномъ отвѣтѣ дяди его желчное лицо вдругъ покраснѣло, какъ кумачъ, и онъ сдавленнымъ голосомъ прошипѣлъ:

— Охъ, продавай! Хуже будетъ!

— Какъ хуже будетъ?—изумленно спросилъ дядя:—ты, кажется, мнѣ чѣмъ-то грозишь?

— Ничѣмъ я не грожу, а послѣ вспомянешь мои слова...

Дядя отвѣтилъ ему уже раздраженнымъ тономъ, переходя на «вы», какъ это всегда случалось, когда онъ сердился на близкаго человѣка:

— А если вы меня пугаете, то я тѣмъ болѣе вамъ его не уступлю...

— Ну, какъ хотите! Вспомните мои слова, да будетъ поздно!

Помѣщикъ схватилъ шапку и, не простившись, уѣхалъ.

Не прошло послѣ этого и двухъ недѣль, какъ соловей сталъ хворать. Осмотрѣли его языкъ и горлышко, чтобы опредѣлить, не страдаетъ ли онъ извѣстной болѣзнью этихъ птицъ, «типуномъ». Но типуна не нашли, а соловей, прохворавъ немного, приказалъ долго жить.

Это событіе привело всѣхъ въ такое отчаяніе, какое теперь трудно себѣ и вообразить. Василій плакалъ, какъ ребенокъ, тѣмъ болѣе, что косвенно виной смерти могъ считаться онъ, такъ какъ онъ давалъ соловью кормъ, чистилъ его клѣтку... Хотя дядя ничего ему не сказалъ, но смотрѣлъ на него такъ свирѣпо, что становилось страшно за старика. Весь домъ притихъ. Въ это время получено было письмо отъ отца, которымъ онъ вызывалъ маму къ себѣ немедленно, такъ какъ чувствовалъ себя больнымъ. Это случалось каждый разъ, когда мать куда нибудь уѣзжала на нѣсколько дней.

Какъ-то мамка Ѳоминишна, которая также была съ нами у дяди, сказала шопотомъ, укладывая меня спать:

— А какъ бы Василію большой бѣды не вышло: этотъ поваръ проклятущій Дмитрій кричитъ на весь дворъ, что соловья отравилъ Василій, что онъ самъ, своими глазами видѣлъ, какъ пріѣзжалъ какой-то баринъ верхомъ и давалъ Василію деньги; что онъ дойдетъ до барина, а этой новой подлости Василію не спуститъ... А дяденька всему повѣритъ: нешто онъ знаетъ, что Дмитрій все это по злобѣ наговариваетъ?

И вотъ на другой день нашъ общій любимецъ Василій куда-то исчезъ. На мои вопросы: «гдѣ онъ?»—всѣ смущенно молчали, а

Константинъ Александровичъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ, что объ этомъ нельзя спрашивать.

Только поздно вечеромъ, оставшись вдвоемъ съ Ѳоминишной, я узналъ отъ нея, что еще вчера вечеромъ Дмитрій являлся къ дядѣ въ «контору», что тотъ потомъ вызвалъ Василія, долго допрашивалъ обоихъ, а затѣмъ Василія вывели оттуда избитаго, въ крови и заперли въ амбаръ, въ углу двора, на замокъ и сторожа приставили.

— Что-то ему теперь будетъ? Запоретъ его до смерти дяденька. Ужъ и тетенька твоя пробовала вчера его убѣждать, что не могъ этого Василій сдѣлать, и разсказала ему, какую злобу имѣетъ противъ Василія Дмитрій, да дяденька такъ на нее закричалъ, что всѣ окна зазвенѣли. Однако, не испугалась она, сердечная, а припомнила дяденькѣ, какъ къ нему приходилъ какой-то мужикъ изъ чужой деревни съ муравьиными яйцами и отдалъ ихъ даромъ, такъ что баринъ даже самъ тогда удивился. Тетенька и говоритъ: «ты прежде разузнай хорошенько объ этомъ мужикѣ. Человѣка погубить не долго, а потомъ жалѣть будешь». Авось, Богъ дастъ, эти ея слова и помогутъ Василію. Дяденька на это ей ужъ ничего не сказалъ, а послѣ дворню допрашивалъ про мужика, что муравьиныя яйцы приносилъ, не знаютъ ли, откуда онъ. Охъ, Господи! И чѣмъ-то, чѣмъ все это дѣло кончится? Ужъ такъ-то жаль Василія, такъ-то жаль! А жену его съ ребятенками еще того жальче. Прибѣгала она къ барынѣ, въ ногахъ валялась у нея, чтобы заступилась. И лица на ней нѣту! Ровно обезумѣла совсѣмъ! И мнѣ-то въ ноги кланяется! А что я могу сдѣлать? Поплакала надъ ней, да и ночь-то всю плакала вчера. И вся дворня его жалѣетъ.

Мнѣ хотѣлось сейчасъ же пробраться къ чулану, гдѣ былъ запертъ Василій, но ужъ очень было страшно, и я это выполнилъ только послѣ обѣда.

Нужно ли говорить, что за обѣдомъ дядя былъ мраченъ, ни съ кѣмъ не говорилъ, а, вставъ изъ-за стола, заперся въ своемъ кабинетѣ?

Я уже сказалъ выше, что отъ насъ, дѣтей, какъ у себя дома, такъ и здѣсь, у дяди, тщательно скрывались всѣ такіе случаи, гдѣ приходилось наказывать крестьянъ или побить кого либо-изъ нихъ. А тѣмъ болѣе отъ насъ старались скрыть всякія сцены между отцомъ и матерью или дядей и теткой. Я никогда не слышалъ, чтобы отецъ возвысилъ голосъ противъ мамы, хотя онъ иногда былъ въ большомъ гнѣвѣ противъ нея. Въ такихъ случаяхъ онъ просто переставалъ говорить съ нею, что̀ продолжалось иногда по цѣлымъ недѣлямъ и было ужасно мучительно и для нея, и для насъ, ребятъ, и для всѣхъ обитателей нашего дома: всѣ говорили шопотомъ, ходили наноскахъ, какъ будто въ домѣ кто нибудь умеръ, или былъ тяжело боленъ. У дяди не было этой привычки.

Гнѣвъ его такъ же скоро проходилъ, какъ и загорался. Если теперь онъ заперся въ кабинетѣ и молчалъ за обѣдомъ, такъ это потому, какъ я полагаю, что было ему очень совѣстно передъ женой и передъ всѣми за то, что напрасно онъ изуродовалъ человѣка, да еще какого? Самаго вѣрнаго и преданнаго стараго слугу. А самолюбіе мѣшало сознаться сразу въ своей ошибкѣ и сейчасъ же выпустить Василія. Къ тому же какъ было и выпустить его съ разбитымъ лицомъ? Вѣдь, тогда и мы, дѣти, увидали бы, какъ его изуродовалъ дядя.

Мои двоюродные братья ничего не знали о происшествіи съ Василіемъ, и я имъ ничего не сказалъ, боясь, что они какъ нибудь проболтаются, отчего моей мамкѣ можетъ выйти непріятность. Мнѣ доставляло нѣчто въ родѣ гордаго удовольствія то, что я имѣлъ отъ нихъ тайну и зналъ о такихъ событіяхъ, о которыхъ они ничего не подозрѣвали. Я ходилъ съ таинственнымъ озабоченнымъ видомъ... Но мнѣ очень хотѣлось, и я даже старался, чтобы они догадались, что я знаю что-то особенное. Раза два я даже намекнулъ имъ объ этомъ, но они были еще очень наивны и неразвиты, и всѣ мои старанія заинтриговать ихъ продали даромъ. Были мгновенья, когда я готовъ былъ крикнуть имъ:

— И какіе вы дураки: не догадываетесь, что я знаю «тайну», а сами вы ея не знаете, хотя она у васъ въ домѣ случилась. А вотъ я здѣсь чужой, а все знаю!

Ужасно хотѣлось сказать имъ это, да кстати и самую тайну сообщить, но въ концѣ концовъ что-то меня удержало.

Теперь у меня невольно возникаетъ вопросъ, почему я всегда зналъ и дома, и здѣсь, что дѣлается кругомъ, а вотъ мои двоюродные братья не знали ничего. Думается мнѣ, что, если бы у меня была гувернантка, какъ у моихъ кузеновъ, такъ и я бы ничего не зналъ, потому что стоялъ бы далеко отъ прислуги, которая такъ любитъ говорить съ дѣтьми, не стѣсняясь и сообщая имъ всю подноготную. И почему прислуга это любитъ?

Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что въ крестьянскихъ семьяхъ все происходитъ явно, и отъ дѣтей ничего не скрываютъ, да и скрыть нельзя при тѣснотѣ жилья. Могла быть и еще причина этой общительности крѣпостныхъ слугъ съ барчатами: слуги, особенно старые, всегда почти пользовались сочувствіемъ дѣтей, которыя росли на ихъ рукахъ, такъ какъ нѣтъ существа болѣе ласковаго, нѣжнаго и любящаго, какъ русская крестьянка, особенно старая. То же можно сказать и о крестьянахъ старикахъ, старыхъ дядькахъ изъ отставныхъ солдатъ и т. п. Такимъ образомъ и выходило, что, не находя возможности высказать свои горести и обиды самимъ господамъ, которые именно и были источниками этихъ обидъ,—крѣпостные слуги находили единственное облегченіе, дѣлясь печалями своими съ маленькими барчуками. Не

отъ этого ли у насъ объ освобожденіи крестьянъ прежде всего стали думать и говорить «молодые господа», когда имъ представлялась къ тому возможность, напримѣръ, попавъ въ литературу? Но возвращаюсь къ Василію.

На другой день послѣ того, какъ я узналъ отъ мамки объ исторіи съ Василіемъ, я воспользовался недолгимъ отъѣздомъ дяди куда-то по хозяйству и пробрался къ амбару. въ дальнемъ углу двора, гдѣ сидѣлъ заключенный. На амбарѣ висѣлъ огромный замокъ. Сбоку въ стѣнѣ я замѣтилъ крохотное оконце, прорубленное довольно высоко. Стекло, когда-то вставленное въ это оконце, было разбито, и отъ него осталась только половинка, зеленая, покрытая пылью и паутиной.

— Василій, а Василій!—проговорилъ я почти шопотомъ, глядя вверхъ на отверстіе въ этомъ остаткѣ стекла.

Онъ услышалъ, и въ отверстіи появился его глазъ.

— Охъ, да это вы, баренокъ! И какъ вы не побоялись сюда прійти! Смотрите, какъ бы вамъ бѣды не вышло отъ дяденьки!

— Не бойся, Василій, онъ уѣхалъ. Я пришелъ на тебя посмотрѣть. Ужъ очень мнѣ тебя жалко!

— Пришли на меня поглядѣть!—воскликнулъ онъ тихимъ голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія и благодарной радости за то, что я вспомнилъ о немъ и пожалѣлъ.

— Я, Василій, пришелъ тебѣ сказать, чтобы ты не очень боялся: тетя все объяснила барину, и онъ, вѣроятно, скоро тебя выпуститъ.

И я разсказалъ Василію, что теперь подозрѣваютъ мужика, который приносилъ продавать муравьиныя яйца. Къ моему удивленію, оказалось, что Василій уже зналъ объ этомъ. Я догадался, что дворнѣ было извѣстно все, что дѣлается у господъ, каждое слово, которое говорится ими.

Благодаря малому отверстію стекла и его запыленности, я не могъ разсмотрѣть лица у Василія, «изуродованнаго» моимъ дядей, какъ выразилась мамка. Но мое ухо различало ясно необычное шамканье въ рѣчи Василія, то шамканье, съ какимъ говорятъ беззубые старики. И я съ ужасомъ понялъ, отчего это происходитъ.

Постоявъ нѣсколько минутъ и не зная, о чемъ говорить, я спросилъ:

— Не нужно ли тебѣ чего?

— Нѣтъ, нѣтъ, бареночекъ! Ничего не нужно! Мнѣ носятъ ѣсть, какъ слѣдуетъ... Объ одномъ прошу васъ, бареночекъ: поблагодарите тетеньку, скажите, что я въ ножки имъ кланяюсь и вѣчно за нихъ буду Бога молить, за нашу заступницу. Примочки вотъ мнѣ прислала, корніи...

Въ голосѣ его послышались слезы, и на минутку глазъ исчезъ изъ отверстія въ стеклѣ. Но вотъ глазъ опять появился, и я сказалъ сквозь слезы:

— Ну, теперь, Василій, я пойду.

— Идите, бареночекъ миленькій. Спаси васъ, Богъ, за то, что пришли пожалѣть меня! Такъ не забудьте же сказать тетенькѣ.

— Скажу, скажу непремѣнно.

Я побѣжалъ къ тетѣ и передалъ ей благодарность Василія.

— Ну, ну, мальчикъ, не будемъ говорить объ этомъ!—сказала она смущенно и взволнованнымъ голосомъ.—И вотъ что я еще тебѣ скажу: ты напрасно туда ходилъ, не спросясь у меня. Въ другой разъ такъ не дѣлай! Слышишь? Ну, а теперь ступай себѣ, бѣгай.

Она хотѣла быть строгой, но по ея голосу и глазамъ я понималъ, что она едва удерживается отъ слезъ. А когда, повернувшись, я пошелъ къ двери, она вдругъ быстро подбѣжала ко мнѣ, охватила ладонями мою голову и стала горячо цѣловать меня.

Вечеромъ я узналъ отъ мамки, что Василія выпустили, но только временно онъ будетъ жить въ деревнѣ у жены, пока не пройдутъ слѣды побоевъ на его лицѣ.

Предыдущая картинка можетъ навести на мысль, что женщины были въ то время гуманнѣе мужчинъ, и хотя исторія крѣпостного права сохранила образы такихъ жестокихъ помѣщицъ, какъ Салтычиха или мать И. С. Тургенева, но въ общемъ, по крайней мѣрѣ, въ памятное мнѣ время, въ большей мягкости женщинъ едва ли можно сомнѣваться. Быть можетъ, тутъ играли роль и чувствительные романы, которыми онѣ зачитывались, и болѣе нѣжные нервы.

Л. Е. Оболенскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ КОЛОНІЯ КРИНИЦА.

КОГДА путешественникъ или просто любитель новыхъ мѣстъ проѣдетъ по кавказско-черноморскому побережью, онъ будетъ непремѣнно пораженъ красотой, силой и даже грандіозностью природы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пустынностью, отсутствіемъ всякой культуры. Правда, близъ моря порой красуются вычурныя дачи, окруженныя небольшими виноградниками. Геленджикъ, Туапсе, Сочи организовались въ дорогіе и неудобные курорты, но хозяйствъ, прочно и соотвѣтственно устроенныхъ по мѣстнымъ и климатическимъ условіямъ, нѣтъ ни крупныхъ, ни мелкихъ, ни среднихъ. Правда, были какія-то затѣи (напримѣръ, Хлудова близъ Сочи), затрачены на нихъ милліоны, но теперь ото всего остались одни слѣды запустѣнія. Пустынны, необитаемы, даже безъ турлучныхъ сторожекъ, тянутся тысячи десятинъ жалованныхъ генераламъ, князьямъ и прочимъ земель, производительность которыхъ не знаетъ предѣловъ. Тутъ же по шоссе, а нѣкоторыя и близъ моря, разбросаны жалкія русскія селенія полвѣка тому назадъ поселенныхъ казаковъ, хохловъ и русскихъ, сбитыхъ въ одинъ земельный юртъ на разныхъ надѣльныхъ правахъ.

Нелѣпѣе этихъ поселенныхъ мѣстъ нельзя себѣ ничего представить: они съ землей и безъ земли. Поселены, брошены въ горахъ, да такъ и оставлены. Они платятъ подати, болѣютъ, умираютъ, родятся и живутъ, но все это какъ бы во снѣ, безъ смы-

сла, безъ опредѣленной будущности. Живутъ на землѣ, способной производить высокіе сорта фруктовъ и винограда, и рубятъ лѣсъ и садятъ картошку. Почему? Потому что они не надѣлены въ сущности землей, на которую у нихъ нѣтъ никакихъ данныхъ, и каждый начальникъ округа, а тѣмъ болѣе губернаторъ, можетъ прогнать такого жителя. Черноморскіе поселенцы старые и новые—это рабы мѣстной администраціи, которая можетъ держать ихъ сравнительно въ сытости, а то и впроголодь, смотря по тому, какого поведенія эти несчастные, которыхъ главная мысль о хлѣбѣ (1 рубль 60 коп. пудъ), который, конечно, надо покупать, ибо въ горахъ зерновая культура не выдерживаетъ. Но откуда взять денегъ? И вотъ начальство позволяетъ рубить великолѣпный дубовый лѣсъ и продавать за ничтожную, конечно, цѣну подрядчикамъ, наживающимъ если не милліоны, то сотни тысячъ во всякомъ случаѣ. Въ прошломъ году изъ Франціи и Бельгіи приходили суда за судами и грузились шпалами. Прекрасныя, удивительныя шпалы, которыхъ въ Россіи нѣтъ! Четыре такихъ шпалы принимались, кажется, по 1 рублю 20 коп.

Итакъ, лѣсоистребленіе, ведущее за собой обмелѣніе рѣкъ и перемѣну климата, вотъ пока результаты русскаго хозяйства!

Дремлетъ, почти спитъ роскошный, богатый край!

Назадъ тому лѣтъ 5, когда я впервые знакомился съ побережьемъ и выносилъ грустное впечатлѣніе отъ спекуляцій и неустройства, когда я искалъ культурнаго хозяйства, мнѣ указали на колонію Криницу, трудовую, серьезную и типичную.

«Наконецъ-то!»—подумалъ я и немедленно поспѣшилъ на мѣсто. По дорогѣ я получалъ неопредѣленные отвѣты о колонистахъ. «Работаютъ,—говорили крестьяне,—и живутъ богато... гроши есть».

Я нашелъ довольно благоустроенное хозяйство, зерновое съ травосѣяніемъ, виноградное и немного фруктовое. Постройки удобныя, скотъ содержался хорошо, и колонисты жили, повидимому, дружно и въ довольствѣ. Это не было житье обособленное, они имѣли постоянныя сношенія съ сосѣдними крестьянами, главнымъ образомъ съ селеніемъ Береговой. Я помню, мнѣ указывали на поселянина Мартюка, который подъ вліяніемъ ихъ культуры и при ихъ содѣйствіи завелъ виноградникъ и за свое вино получилъ на какой-то выставкѣ серебряную медаль.

Правда, чѣмъ-то монастырскимъ повѣяло на меня при первомъ посѣщеніи Криницы: молодые люди казались мнѣ слишкомъ серьезными, глядѣли «волчками», но вѣдь они—интеллигентные работники, которыхъ на тяжелый физическій трудъ привела не неволя, а идея. Маленькія дѣти были очень послушны, они не рѣзвились, а внимательно читали книжки и смотрѣли довѣрчиво-ясно въ глаза главной своей наставницы и гувернантки.

Когда насталъ вечеръ, всѣ собрались въ общій залъ, гдѣ стояло піанино. Началось пѣніе. Чинно и безстрастно раздавались звуки псалмовъ и другихъ полурелигіозныхъ пѣсенъ. Ни споровъ, ни недоразумѣній я не слыхалъ въ этомъ тихомъ, какъ бы грустномъ поселкѣ. И казалось мнѣ, что живутъ эти люди, какъ братья и сестры, работаютъ, душой сливаясь съ природой и представляя собой экономическую и культурную силу.

Не это ли образцовое хозяйство для сѣверной части побережья? и не долженъ ли русскій интеллигентный мечтатель радоваться, что наконецъ есть такое мѣстечко, гдѣ не требуется сдѣлокъ со своей совѣстью, и гдѣ трудъ свободный, благородный.

А мѣстность-то какая? На самомъ берегу моря, вдали отъ шумныхъ центровъ и нервнаго безпокойства. Хорошо и красиво въ Криницѣ! Я пробылъ въ колоніи два дня, я былъ доволенъ послѣ впечатлѣній неорганизованной, сумбурной жизни на побережьѣ, доволенъ, что познакомился съ этой тихой, трудовой общиной.

Я написалъ тогда и напечаталъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о Криницѣ и выразилъ колоніи мою симпатію.

Моя статейка [1]) произвела, повидимому, впечатлѣніе на многихъ молодыхъ людей обоего пола, что доказывали многочисленныя письма на мое имя въ редакцію. Пишущіе спрашивали адресъ или маршрутъ въ Криницу.

Въ нѣкоторыхъ, преимущественно провинціальныхъ южныхъ газетахъ появились неблагопріятные отзывы о моей статьѣ, а нѣкоторые и рѣзкіе; особенно обратила мое вниманіе статья Евгенія Баранова.

Понятно, пришлось внимательнѣе приглядѣться къ интеллигентной общинѣ, такъ какъ я сталъ получать недовольныя письма отъ лицъ, бывшихъ въ Криницѣ и не удержавшихся тамъ даже короткое время. Были и другіе случаи, о которыхъ ниже.

Въ послѣднее время я совсѣмъ поселился на побережьѣ, недалеко верстахъ въ 20-ти отъ Криницы, и картина общинной жизни постепенно раскрывалась передо мной далеко не въ такой симпатичной формѣ, какъ это мнѣ представилось впервые. Дѣло оказалось въ томъ, что собственно никакой (во внутреннемъ смыслѣ) общины и не было, а было болѣе или менѣе (350 дес.) крупное хозяйство на эксплуататорскихъ основаніяхъ,—хозяйство, гдѣ хозяинъ или хозяева неуловимы и туманны, но когда нужно, то сильны и безпощадны. Интеллигентный, работающій въ колоніи, элементъ—преходящій. Нужны работники, и притомъ даровые; ихъ кормятъ, позволяютъ разсуждать о «высшихъ матеріяхъ», а пришла зима—пожалуйте на выходъ; въ случаѣ же строптивости и неподчиненія мѣстной дисциплинѣ или крайнихъ взглядовъ пожалуйте вонъ немедленно!

[1]) Она вошла въ мою книгу: «Край гордой красоты». Авт.

Такъ поступали главари или хозяева Криницы не только съ молодыми, недавно поступившими, но и со старыми, опытными колонистами, напримѣръ, съ С. Г. Калитаевымъ, который въ настоящее время устроилъ свое прекрасное хозяйство рядомъ съ Криницей, въ дол. Широкой Бэтѣ.

Въ прошломъ году въ мѣстной газеткѣ «Черноморское Побережье» ежедневно на первой страницѣ печаталось: «Въ извѣстной интеллигентной колоніи Криницѣ продаются участки по 350 рублей десятина». Это дорого!

Вся земля колоніи Криницы въ 1886 г. куплена у геленджикскаго поселянина Мармазинскаго, которому досталась отъ офицера, какъ приданое за воспитанницу послѣдняго, за 2.000 рублей, т.-е. за 5 рублей 80 коп. десятина [1]). Участокъ пріобрѣтенъ дворяниномъ В. В. Еропкинымъ при содѣйствіи бывшаго интеллигентнаго работника у извѣстнаго хозяина, А. Н. Энгельгардта, З. С. Сычугова, которому главнымъ образомъ и принадлежитъ первоначальное устройство Криницы. Такимъ образомъ въ основу колоніи былъ положенъ масштабъ образцоваго помѣщичьяго хозяйства Смоленской губерніи съ почти даровымъ трудомъ мечтателей - интеллигентовъ. Такъ росла, образовывалась интеллигентная колонія, принадлежа частному лицу, которое со своей стороны денежнымъ путемъ способствовало ея развитію, а слѣдовательно и увеличенію земельной стоимости. Въ настоящее время эта колонія заложена въ нѣсколькихъ рукахъ, кажется, тысячъ во 100!

Повидимому, все это предпріятіе, стоившее многимъ вѣрующимъ идеалистамъ тяжелыхъ минутъ и разочарованія, не привело рѣшительно ни къ чему, какъ свидѣтельствуетъ ликвидація Криницы. Люди, приходившіе въ колонію съ чистымъ сердцемъ и радужными надеждами вольной и искренной жизни, оставляли поселокъ не только не удовлетворенными, но и озлобленными. Они именно отрясали прахъ со своихъ ногъ. Кругомъ все осталось по-старому черезъ 20 лѣтъ культурнаго вліянія — та же бѣдность и невѣжество среди окружающихъ крестьянъ, то же хищническое лѣсоистребительное хозяйство и колонія Криница, принадлежащая частному владѣльцу, В. В. Еропкину. Не правда ли, какая насмѣшка?!

А вѣдь было время, когда гремѣла интеллигентная община Криница!... Ее посѣщали и министры и журналисты. Теперь «весьма извѣстный» С. Ф. Шараповъ писалъ о колоніи восторженныя въ «Новомъ Времени» статьи. Побыть, посмотрѣть, какъ «сидятъ на землѣ» интеллигентные люди, занимало многихъ, которые съ разрѣшенія колоніальнаго начальства ѣздили, «бачили и дивились».

---

[1]) Продаютъ за 350 рублей десятину въ дикомъ и некультурномъ состояніи. Авт.

Молодые люди, въ которыхъ не было недостатка, и которые давали свой даровой трудъ, назывались практикантами: они подвергались со стороны главарей строгому надзору и даже изученію характера и образа мыслей. Смирныхъ, подчиняющихся уставу и традиціи, оставляли, строптивыхъ, критически настроенныхъ, подъ разными предлогами удаляли. Благодаря выработанной систематической тактикѣ, все было шито и крыто, и внѣшняя жизнь колоніи поражала любопытныхъ своей трезвостью и стройной организаціей. Между тѣмъ внутри молодая жизнь кипѣла со своими вѣчными запросами и неразрѣшенными задачами, на которые, увы, въ Криницѣ отвѣта не было. Работа, тяжелый трудъ, особенно съ непривычки, по буднямъ и священные псалмы по праздникамъ не могли удовлетворить русскаго бродячаго интеллигента. Нѣкоторые собирались въ кружки, покидали Криницу, хлопотали, старались устроиться по-иному, въ другомъ мѣстѣ, но ничего не выходило вслѣдствіе неопытности и отсутствія средствъ. Извѣрившіеся въ новую жизнь молодые люди шли въ свое первобытное состояніе, поступая въ городахъ на ненавистную имъ работу изъ-за хлѣба, изъ-за жалкаго существованія.

Пожалуй, очаровательная красота гордаго Кавказа оставляла свое неизгладимое воспоминаніе, если бы къ нему не примѣшивалась горечь той іезуитской фальши, которая была отвѣтомъ на искренній, молодой порывъ!

Такъ шли годы. Какъ въ калейдоскопѣ, мѣнялись люди въ трудовой общинѣ, которою заправляли все тѣ же «старые воробьи», ревниво охраняя свой авторитетъ и нравственно-религіозное воздѣйствіе на сосѣдей и на поселянъ вообще.

Не того нужно было послѣднимъ, и они мало-по-малу перестали интересоваться паничами, которые работаютъ... «Что-жъ? для себя робятъ, и пусть!»...

Политика и тактика, эти преобладающіе элементы внутренняго распорядка, по моему мнѣнію, немало способствовали паденію колоніи. Мало-по-малу за хозяйствомъ стали слѣдить меньше, нежели за нравственностью и благонамѣренностью своихъ членовъ, вѣрнѣе, практикантовъ, ибо собственно члены были посвященные, прошедшіе черезъ горнило испытанія, а слѣдовательно выдержанные лицемѣры.

Правда, въ нѣкоторые тѣ годы, когда реакція искала, чтобы задушить все живое, оригинальное, мѣстная администрація устремила свои оловянные взоры на колонію. Что, въ самомъ дѣлѣ, если тамъ таится настоящая крамола? Надо испытать, разслѣдовать... И вотъ начались посѣщенія, пошли запросы: вѣруютъ ли въ Бога? православные ли? почитаютъ ли начальство?

Главари, люди умные, поняли, куда вѣтеръ дуетъ, и смѣло пошли ему навстрѣчу. Поддерживая съ рѣдкимъ тактомъ всякія

знакомства на почвѣ идейности, поставивъ этимъ связямъ опредѣленные предѣлы, хозяева «изъ-за политики» вошли въ болѣе близкія отношенія, такъ сказать, простыя съ духовенствомъ и администраціей. Мѣстные священники, псаломщики, а за отсутствіемъ иныхъ чиновъ урядники стали людьми знакомыми и нужными.

Были организованы хоры, которые пѣли по церквамъ, участвовали съ крестными ходами, производя впечатлѣніе особенно на крестьянъ-кулаковъ.

Конечно, высшему начальству было доложено, что и въ церковь ходятъ и поповъ и урядниковъ принимаютъ... Задумалось было начальство, но, махнувъ рукой, возвѣстило: «пущай дѣйствуютъ!». Слѣдовательно, атака была отбита, и самостоятельность трудовой колоніи не пострадала, и все пошло по-старому.

Приходили и уходили люди, «старые воробьи» оставались.

Колонія попрежнему оставалась частною собственностью, но улучшеній въ ней не производилось, все шло, какъ-то спустя рукава, несмотря на то, что обрабатывали практиканты и еще вольно-наемные люди. Не знаю, но мнѣ кажется, что люди противоположнаго направленія устали одни обманывать и играть роль, другіе—вѣрить и надѣяться. Криница, утерявъ культурно-общественный характеръ, приняла какое-то воспитательное, религіозно-мистическое направленіе. Другими словами, интеллигентная община обратилась какъ бы въ скучный, оригинальный монастырь смѣшаннаго населенія.

Короче — надъ ней поставленъ крестъ, а ликвидація послѣдуетъ, вѣроятно, скоро. Криница должна обратиться въ обыкновенное частно-владѣльческое хозяйство эксплуататорскаго характера, сбросивъ съ себя неподходящую личину гуманитарныхъ задачъ.

Но прошлаго нельзя не признать за Криницей. Первые ея колонисты поставили культуру въ мѣстѣ дикомъ, бездорожномъ, они не побоялись труда, они вѣрили въ его торжество и не ошиблись.

Они вѣрили въ общее дѣло, въ общую землю. Нѣкоторые изъ нихъ отреклись отъ прежней жизни, буйно отдавъ свои силы молодому краю, начинающейся культурѣ.

Правы ли они, что недаромъ ѣли свой хлѣбъ, что надѣялись на нѣкоторую долю трудового вознагражденія? Надо при этомъ принять въ расчетъ, что заработная плата на побережьѣ вдвое выше, нежели въ Россіи.

Но мечты искреннихъ людей не сбывались, и, когда имъ случалось проработать годъ, два, три, обстоятельства складывались такъ, что они должны были уходить. Были случаи, и немудрено, что уходили группами и со скандаломъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II И ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА.

Освободительное движение, охватившее послѣ Севастопольскаго погрома самые широкіе круги образованнаго русскаго общества и временно успѣвшее подчинить своему вліянію высшія руководящія правительственныя сферы, не могло удовлетвориться крупными государственными реформами, раскрѣпостившими огромную часть населенія Русской земли и предоставившими всему русскому народу права гласнаго и равнаго для всѣхъ суда. Освобожденіе крестьянъ отъ тяжелой вотчинной опеки землевладѣльцевъ, явившееся исходнымъ пунктомъ универсальной, всеобъемлющей преобразовательной программы лучшихъ, передовыхъ людей своего времени, вполнѣ естественно должно было не только повести за собою стремленіе къ возможному уравненію предъ закономъ и государствомъ крестьянскаго населенія съ другими общественными слоями, но и вызвать заботы объ упраздненіи стѣснительной административной опеки, одинаково тяготѣвшей надъ всѣми классами русскаго общества и не оставлявшей никакого мѣста общественной самодѣятельности.

Поэтому, почти одновременно, правительство, поддававшееся вліянію передовыхъ элементовъ своего времени, приступило къ раскрѣпощенію отъ стѣснительной административной опеки одновременно съ освобо-

жденіемъ крестьянъ русскаго общества, явилась организація въ значительной части коренной, центральной Россіи новыхъ земскихъ учрежденій, предоставившихъ небольшой просторъ общественной самодѣятельности въ отведенной ей узкой сферѣ мѣстнаго хозяйства. Освобожденіе крестьянъ, существеннымъ образомъ улучшившее положеніе огромной, подавляющей массы населенія страны, сдѣлало совершенно непригодной къ измѣнившимся условіямъ обновленной русской жизни всю систему устарѣвшаго дореформеннаго мѣстнаго управленія. Предоставленіе освобожденному крестьянскому населенію, подчиненному въ прежнее время почти неограниченной власти дворянства, зачатковъ самоуправленія въ предѣлахъ сельскихъ и волостныхъ обществъ съ логической необходимостью повлекло за собою расширеніе зародышей мѣстнаго самоуправленія до районовъ уѣздовъ и губерній и привлеченіе къ участію въ немъ всего русскаго общества, всего народонаселенія Русской земли.

Передовые общественные элементы, сыгравшіе огромную роль въ совершенномъ правительствомъ освобожденіи крестьянъ, прекрасно сознавали тѣсную и неразрывную связь между крѣпостными устоями и основанными на нихъ дореформенными порядками мѣстнаго административнаго управленія. Вотъ почему, усердно работая, по приглашенію и соизволенію правительства, надъ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ самаго капитальнаго вопроса, положеннаго въ основу преобразовательной дѣятельности императора Александра II, они уже въ то время вполнѣ послѣдовательно задавались соотвѣтствующими планами реорганизаціи всего мѣстнаго управленія, покоившимися на новыхъ началахъ общественной самодѣятельности.

Когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ памятнаго высочайшаго рескрипта на имя генералъ-губернатора Назимова по всей Россіи были учреждены губернскіе комитеты, и имъ была разослана подробная программа занятій по намѣченному вопросу объ освобожденіи крестьянъ, представители дворянскаго сословія поставлены были въ необходимость высказать свои взгляды и пожеланія и по вопросу о лучшемъ устройствѣ мѣстнаго управленія. Сознавая, что правительство, безповоротно уже предрѣшившее паденіе крѣпостного права, не остановится на полпути въ предпринятомъ дѣлѣ уничтоженія исключительныхъ привилегій дворянства, мѣшавшихъ централистическимъ стремленіямъ государства, и смутно чувствуя, что предстоящимъ освобожденіемъ крестьянъ полагается начало не только надѣленію гражданскими правами низшихъ общественныхъ слоевъ, но и одинаковому подчиненію всѣхъ сословій подавляющей власти всесильной бюрократіи,—высшее привилегированное сословіе не могло не разойтись съ правительствомъ въ своихъ взглядахъ на желательное рѣшеніе намѣченнаго вопроса.

«Дворянство въ лицѣ своихъ наиболѣе развитыхъ представителей,—не безъ достаточныхъ основаній замѣчаетъ авторъ одной изъ статей, появившихся подъ вліяніемъ вполнѣ понятнаго современнаго оживленія интереса къ реформамъ 1860-хъ годовъ[1]),—ясно предвидѣло, что крестьянская реформа, при данныхъ историческихъ условіяхъ, приведетъ не къ уравненію привилегій съ правами, а къ равенству въ безправіи, къ господству полицейскаго государства съ его бюрократическимъ всевластіемъ. Предъ наиболѣе проницательными умами дворянскаго сословія стояла, слѣдовательно, дилемма: или государственный гувернементализмъ, какъ основа грядущаго строя русской жизни, или буржуазный правовой порядокъ, въ которомъ, даже при сохраненіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ формъ сословныхъ преимуществъ, основою общественно-политическаго вліянія явится имущественный цензъ. Эта ситуація опредѣляла содержаніе начинавшейся политической драмы. Исторія толкала дворянство къ знамени правового порядка такъ же, какъ она толкала правительство къ знамени твердой бюрократической власти».

И дѣйствительно въ то время, какъ бюрократія, разсчитывавшая воспользоваться предполагаемымъ сочувствіемъ многомилліонной массы освобожденнаго крестьянства для осуществленія своего идеала полицейскаго государства, выступила въ 1858 г. съ проектомъ преобразованія мѣстнаго управленія, предполагавшимъ поставить во главѣ управленія каждаго уѣзда особаго чиновника, надѣленнаго обширными полномочіями, дворянство обнаружило полное несочувствіе намѣченной реформѣ. «Проектъ, составленный въ Петербургѣ, по словамъ одного изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей того времени [2]), являющагося, въ данномъ случаѣ, выразителемъ взглядовъ, господствовавшихъ въ дворянскомъ сословіи, оказался произведеніемъ «нелѣпѣйшимъ» и заключавшимъ въ себѣ дурные признаки, обнаруживавшіе замѣтное стремленіе правительства поставить все земство въ осадное положеніе. Недовольство дворянства бюрократическимъ проектомъ было настолько сильно и внушительно, что правительство отказалось отъ своего первоначальнаго плана и въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ по реорганизаціи мѣстнаго управленія принуждено уже было, хотя и не безъ несомнѣнной борьбы, считаться со взглядами и стремленіями оппозиціонныхъ дворянскихъ партій, насколько онѣ проявились въ трудахъ губернскихъ комитетовъ.

Въ ряду послѣднихъ, какъ извѣстно, тверской комитетъ, напримѣръ, выступилъ въ противовѣсъ бюрократическимъ тенден-

[1]) «Міръ Божій», 1905 г., кн. 3. «Наканунѣ земской реформы 60-хъ годовъ», стр. 19.

[2]) Кн. Трубецкая. Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго. Т. I, кн. I, стр. 153.

ціямъ, съ вполнѣ опредѣленнымъ и по своему времени прекрасно разработаннымъ планомъ преобразованія мѣстныхъ учрежденій на началахъ безсословнаго самоуправленія, хотя и съ нѣкоторымъ преобладаніемъ дворянскаго элемента. Въ противоположность правящему чиновничеству, опасавшемуся проявленій общественной самодѣятельности, комитетъ видѣлъ въ самостоятельномъ управленіи общинъ не старинные задатки неизбѣжной анархіи, какъ утверждала бюрократія, всѣми средствами оберегавшая свое безотвѣтное самовластіе, а, напротивъ, надежный и вѣрный залогъ прочнаго порядка и спокойствія.

Вынужденная подъ вліяніемъ дружной оппозиціи различныхъ общественныхъ элементовъ отказаться отъ своего первоначальнаго крайне неудачнаго плана мѣстной реформы, бюрократія нашла возможнымъ сдѣлать незначительный шагъ впередъ и, отдѣливъ въ своемъ новомъ, наскоро разработанномъ, проектѣ полицейское управленіе отъ земско-хозяйственнаго, рѣшила привлечь къ участію въ послѣднемъ всѣ сословныя группы, изъ которыхъ слагалось мѣстное общество. Общія начала вновь надуманной бюрократіей мѣстной реформы заслужили высочайшее одобреніе, и въ 1859 г. состоялось повелѣніе государя приступить къ проведенію одобренныхъ началъ въ дѣйствительную жизнь посредствомъ окончательной разработки проекта реорганизаціи земско-хозяйственнаго управленія. Несмотря на то, что высочайшее повелѣніе, поручившее составленіе проекта особой чиновничьей комиссіи, и выдвигало, повидимому, на видное мѣсто настоятельную необходимость оказать мѣстному хозяйственному управленію бо̀льшее довѣріе и предоставить ему бо̀льшую самостоятельность, русское общество, не безъ достаточныхъ основаній, крайне подозрительно относилось къ работамъ бюрократической комиссіи, по обыкновенію ревниво оберегавшей, подъ предлогомъ канцелярской тайны, свои скрытыя цѣли и стремленія отъ непрошенныхъ взоровъ опекаемаго населенія. И хотя призванный руководить правительственными работами предсѣдатель комиссіи, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Н. Милютинъ, нѣкоторыми изслѣдователями не совсѣмъ осторожно характеризовался, какъ человѣкъ, способный съ должною энергіею и послѣдовательностью провести реформы для всесторонняго обновленія всего государственнаго управленія въ духѣ только что нарождавшейся свободы и самоуправленія [1]), въ дѣйствительности, однакоже, личность предсѣдателя бюрократической комиссіи нисколько не гарантировала обществу желательнаго характера разработки проекта важной реформы мѣстнаго управленія. Въ позднѣйшей исторической литературѣ уже въ достаточной степени выяснено, что только «простодушная либераль-

[1]) Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ. Изд. 4, стр. 300—301.

ная интеллигенція», какъ выражается авторъ одного изъ новѣйшихъ трудовъ [1]), собираясь на вечерахъ вліятельнаго сановника, чистосердечно считала Милютина истиннымъ представителемъ демократическихъ идей. Болѣе же чуткіе представители тогдашнихъ дворянскихъ круговъ не столько сознательно, сколько инстинктивно, но вполнѣ вѣрно угадывали настоящій смыслъ и значеніе взглядовъ и стремленій Милютина, по самому существу своему неспособныхъ совпадать съ правильно понимаемыми интересами русскаго общества. Правда, даже Герценъ нѣкоторое время не рѣшался высказать опредѣленнаго сужденія о предсѣдателѣ интересующей насъ бюрократической комиссіи. «Въ наше перемѣнчивое время,—писалъ онъ [2]),—никого узнать нельзя, и братья Милютины—эти Гонорій и Аркадій Русской имперіи, становятся какими-то сфинксами... Бюрократы и либералы, организаторы и децентрализаторы, вчера западники, сегодня славянофилы, завтра... кто ихъ знаетъ что?» Однако и въ то время находились отдѣльныя лица, которыя не только отказывались понимать личность предсѣдателя бюрократической комиссіи и инстинктивно не довѣряли тому направленію, по какому онъ велъ разработку проекта мѣстной реформы, но и вполнѣ сознательно характеризовали его, какъ убѣжденнаго сторонника чисто бюрократическаго, полицейскаго государства. «Н. Милютинъ,—сообщалъ своему правительству будущій князь Бисмаркъ, состоявшій тогда прусскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ [3]),—самый умный и смѣлый человѣкъ изъ прогрессистовъ, рисуетъ себѣ реформируемую Россію крестьянскимъ государствомъ съ равенствомъ, но безъ свободы, съ сильнымъ развитіемъ просвѣщенія, промышленности, бюрократіи, печати—по наполеоновскому образцу». И мы не имѣемъ никакихъ основаній отказать въ правдивости мѣткой характеристикѣ наблюдательнаго прусскаго посланника тѣмъ болѣе, что однажды и самъ Милютинъ вполнѣ откровенно заявилъ, что онъ, стоя у власти, никогда не допуститъ общественныхъ притязаній на роль иниціаторовъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ государства, такъ какъ, по его глубокому убѣжденію, все слѣдуетъ дѣлать для народа, но ничего—чрезъ посредство народа [4]).

Понятно, что при такихъ руководящихъ взглядахъ предсѣдателя правительственная комиссія должна была вызывать своими работами, совершавшимися, по слухамъ, въ нежелательномъ бюрократическомъ духѣ, открытое недовольство и посильную оппозицію въ просыпавшихся къ гражданской жизни высшихъ слояхъ рус-

---

[1]) «Міръ Божій», 1905 г., кн. 4. «Наканунѣ земской реформы...», стр. 66.
[2]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. XVII, стр. 87.
[3]) «Міръ Божій», 1905 г., кн. IV, стр. 66—67.
[4]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. XVII, стр. 130.

скаго общества. Вызванные въ то время въ Петербургъ, дворянскіе депутаты пользовались разнообразными средствами, чтобы дискредитировать подозрительное направленіе бюрократической разработки мѣстной реформы и сообщить ей наклонъ въ сторону расширенія началъ общественнаго самоуправленія. Не ограничиваясь изданіемъ записокъ и брошюръ, направленныхъ къ достиженію намѣченной цѣли, они не останавливались и предъ подачею соотвѣтствующихъ адресовъ самому государю. Во второй половинѣ 1859 г. депутаты Тверской, Ярославской и Харьковской губерній представили государю адресъ, гдѣ вполнѣ опредѣленно высказывались за необходимость передачи мѣстнаго управленія сословіямъ дворянъ, крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, слитымъ въ одно цѣльное общество [1]).

Но, несмотря на присутствіе въ рядахъ дворянской оппозиціи энергичныхъ и стойкихъ идейныхъ борцовъ, послѣдніе не могли похвалиться особенно цѣнными практическими результатами своей дѣятельности, такъ какъ сильная бюрократическая партія держала государя въ сферѣ своего ближайшаго, непосредственнаго вліянія, и императоръ Александръ II въ большинствѣ случаевъ смотрѣлъ ея глазами на дѣятельность оппозиціонныхъ элементовъ. Неудивительно, что и упомянутый адресъ дворянскихъ депутатовъ не только не достигъ своей цѣли, но и вызвалъ со стороны государя нелестное и несправедливое замѣчаніе о достоинствѣ заключающихся въ немъ мыслей. «Благодарить за совѣтъ»,—иронически замѣтилъ онъ на представленной запискѣ депутатовъ Тверской, Ярославской и Харьковской губерніи [2]). «Я не могу признать этотъ адресъ серьезнымъ, хотя все это и важно, какъ симптомъ».

Чтобы обезсилить неудобную оппозицію, стоявшая у власти бюрократическая партія, какъ извѣстно, лишила дворянскихъ депутатовъ естественныхъ правъ совмѣстнаго обсужденія назрѣвшихъ нуждъ общественной и государственной жизни и ограничила ихъ роль представленіемъ частныхъ, отдѣльныхъ записокъ по вопросамъ, поставленнымъ на обсужденіе самимъ правительствомъ. Въ многочисленныхъ отзывахъ дворянскихъ депутатовъ, предусмотрительно превращенныхъ бюрократіей въ простыхъ экспертовъ, обязанныхъ дать правительству нужныя свѣдѣнія, высказано было, однакоже, несмотря на всѣ искусственныя мѣры къ подавленію свободнаго выраженія общественнаго мнѣнія, немало цѣнныхъ и дѣльныхъ мыслей о предстоявшей реформѣ мѣстнаго управленія, шедшихъ въ разрѣзъ съ видами и стремленіями правительства. Въ подробной и прекрасно мотивированной запискѣ тверского депутата Унковскаго было, напримѣръ, прямо заявлено, что, «если

---

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. XVII, стр. 130.

[2]) Тамъ же.

проекты реформъ будутъ составляться исключительно лицами управляющими, то они не будутъ отвѣчать своей цѣли и, скорѣе всего, ограничатся нѣкоторыми измѣненіями, въ видахъ еще большаго усиленія власти мѣстныхъ должностныхъ лицъ, ограниченія ихъ отвѣтственности и возможнаго облегченія ихъ трудовъ». Естественно, что и отъ бюрократической комиссіи, по мнѣнію Унковскаго, было бы наивно ожидать добровольной и добросовѣстной разработки реформы мѣстнаго управленія, такъ какъ правильная постановка этого управленія по необходимости требуетъ ограниченія чиновничьяго всевластія и произвола. Все дѣло, писалъ онъ, въ смоуправленіи обществъ въ хозяйственномъ отношеніи, при чемъ самоуправленіе должно быть общимъ для всѣхъ сословій. Впрочемъ, нужно замѣтить, что Унковскій, какъ и всѣ остальные депутаты, оказался неспособнымъ совершенно отрѣшиться отъ своихъ сословныхъ интересовъ и въ представленной запискѣ проводилъ мысль о необходимости сохраненія за дворянствомъ преимущественнаго голоса въ мѣстномъ самоуправленіи.

Мысли, высказанныя тверскимъ депутатомъ о необходимости организаціи мѣстнаго управленія на новыхъ началахъ, были общи почти всѣмъ представителямъ губернскихъ комитетовъ. Во всякомъ случаѣ, огромное большинство депутатовъ, несмотря на несомнѣнное различіе въ направленіяхъ, обнаруживало завидную солидарность въ своихъ взглядахъ на желательный характеръ намѣченной реформы, настаивая на хозяйственномъ самоуправленіи общества въ мѣстныхъ дѣлахъ, соединенномъ съ строгимъ разграниченіемъ властей, учрежденіемъ независимаго суда, отвѣтственностью должностныхъ лицъ предъ судомъ и обязательною гласностью.

Хотя въ составъ правительственной комиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, входили въ то время лица съ несомнѣнно прогрессивнымъ направленіемъ, не хуже многихъ депутатовъ понимавшіе настоятельную необходимость уничтоженія застарѣлыхъ недуговъ общественной и государственной жизни, но они думали достичь намѣченной цѣли обычнымъ, традиціоннымъ путемъ русскаго правительства — путемъ незначительныхъ поправокъ, разнообразныхъ надстроекъ, нисколько не уничтожавшихъ коренныхъ недостатковъ ихъ бюрократической основы. Вотъ почему, отстраняя отъ себя, подъ различными предлогами, практическое использованіе плодовъ творческой работы общественныхъ представителей, бюрократическая правительственная партія поспѣшила въ самомъ непродолжительномъ времени даже и совершенно отдѣлаться отъ неудобныхъ дворянскихъ депутатовъ.

Но и предусмотрительное устраненіе нежелательныхъ общественныхъ элементовъ отъ косвеннаго участія въ правительственной разработкѣ мѣстной реформы оказалось недостаточнымъ для того, чтобы совершенно гарантировать руководящія сферы отъ

непріятныхъ встрѣчъ съ неудобными идеями, пропагандировавшимися дворянскими депутатами перваго призыва. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ послѣднихъ, рязанскій депутатъ Кошелевъ, въ «письмѣ депутата перваго призыва къ депутату второго приглашенія», отъ имени дворянскаго большинства, предлагалъ и вновь созваннымъ дворянскимъ представителямъ энергично отстаивать интересы мѣстнаго общественнаго самоуправленія. «Пуще всего,—писалъ онъ [1]),—стойте на томъ, чтобы были даны права самоуправленія мѣстностямъ, представляемымъ не однимъ, а всѣми состояніями, въ немъ живущими, и была установлена обязательная отвѣтственность должностныхъ лицъ не предъ однимъ отдаленнымъ правительствомъ, но и предъ окружающимъ ихъ населеніемъ». «Если достигнете этого,—утверждалъ онъ,—то все остальное придетъ само собой».

Небезызвѣстно, однакоже, что и дворянскіе депутаты второго призыва не могли похвалиться дѣйствительнымъ фактическимъ вліяніемъ на характеръ правительственной разработки предстоявшихъ реформъ. И если общественное мнѣніе, нашедшее себѣ выраженіе во взглядахъ, замѣчаніяхъ, запискахъ и адресахъ дворянскихъ депутатовъ, не оказывало должнаго воздѣйствія на работы правительственной комиссіи, когда во главѣ ея стоялъ Милютинъ, считавшійся въ придворныхъ сферахъ опаснымъ революціонеромъ, но въ дѣйствительности бывшій, какъ мы знаемъ, лишь прогрессивнымъ бюрократомъ, то съ наступленіемъ реакціи, устранившей Милютина и выдвинувшей Валуева на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, еще болѣе уменьшились шансы на возможность проведенія мѣстной реформы, въ интересахъ общественной самодѣятельности.

Правительство, произвольно монополизировавшее представительство народныхъ интересовъ и игравшее вначалѣ прогрессивную роль, познакомившись со многими неудобными для себя общественными требованіями, послѣ далеко неудачнаго освобожденія крестьянъ, создавшаго многочисленные поводы къ недовольству не только въ дворянской, но и въ крестьянской средѣ, рѣшительно встало на путь искусственнаго согласованія намѣченной мѣстной реформы съ интересами бюрократіи... А такъ какъ подлинныя, неискаженныя начала самоуправленія по самому существу своему прямо противоположны принципамъ бюрократическаго управленія, основывающагося на всевластіи и усмотрѣніи отдѣльныхъ личностей, то и руководить работами правительственной комиссіи по вопросу о мѣстной реформѣ былъ призванъ съ наступленіемъ реакціи извѣстный оппортюнистъ Валуевъ, открывшій собою, по удачному замѣчанію одного изъ изслѣдователей, новую

---

[1]) «Міръ Божій», 1905 г., кн. IV, стр. 88.

эру постепеннаго измѣненія духа и смысла законовъ, обратившуюся у насъ, въ Россіи, въ цѣлую правительственную систему. Валуеву предстояло выработать и провести въ русскую жизнь такой планъ мѣстной реформы, осуществленіе котораго удовлетворяло бы только незначительную часть общественныхъ требованій, не угрожавшихъ серьезною опасностью и непоправимой бѣдою интересамъ бюрократіи. Итти прямо въ разрѣзъ съ настойчивыми и властными требованіями жизни считало неблагоразумнымъ и ставшее у власти реакціонное правительство, понимавшее неудобства и опасность возбужденія всеобщаго недовольства. Но, признавая необходимымъ сохранить въ предстоявшей земской реформѣ начала самоуправленія, правящая бюрократія признавала еще болѣе необходимымъ, по возможности, обезвредить ихъ для своихъ собственныхъ интересовъ, для чего, конечно, слѣдовало позаботиться объ искусственномъ, замаскированномъ искаженіи задуманной реформы, вынувъ изъ нея самую душу и въ то же время сохранивъ въ ней внѣшніе, кажущіеся признаки ожидавшихся обществомъ преобразованій.

Съ такою нелегкою задачею прекрасно л справился вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, взявшій подъ свое непосредственное руководство работы специальной комиссіи по вопросу о мѣстной реформѣ и ухитрившійся соединить въ ней такія противоположныя начала, какъ самоуправленіе и безсословность, съ одной стороны, и бюрократическое всевластіе съ сословностью—съ другой. Нужно замѣтить, что призванный примирить общественные интересы съ интересами правительства и съ неизбѣжнымъ, конечно, подчиненіемъ первыхъ послѣднимъ, новый предсѣдатель бюрократической комиссіи на словахъ не стѣснялся даже высказывать свое сочувствіе и симпатіи самоуправленію, но на дѣлѣ, при разработкѣ реформы въ своей комиссіи и дальнѣйшемъ проведеніи выработаннаго проекта чрезъ высшія инстанціи, совершенно недвусмысленно охранялъ и отстаивалъ полновластіе бюрократіи отъ неумѣстныхъ, по его мнѣнію, притязаній общества.

Въ началѣ 1862 г. комиссія, руководимая Валуевымъ, свела къ единству свои работы, и министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ о выработанныхъ ею проектахъ преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Признавая неизбѣжной при реформѣ внутренняго управленія передачу нѣкоторыхъ дѣлъ изъ непосредственнаго завѣдыванія правительственной аминистраціи въ вѣдѣніе общественныхъ инстанцій, Валуевъ въ представленномъ докладѣ считалъ, однакоже, необходимымъ условіемъ успѣшнаго выполненія намѣченной задачи сохраненіе въ рукахъ бюрократіи высшаго правительственнаго надзора за мѣстнымъ управленіемъ и обязательное устраненіе неумѣстныхъ притязаній общественныхъ элементовъ на стѣсненіе всеобъемлю-

щихъ правъ и вліянія высшаго правительства въ сферѣ областной жизни. По его мнѣнію, положенному въ основу всего представленнаго проекта земскихъ учрежденій, доля участія общественныхъ силъ въ завѣдываніи административными дѣлами должна быть тщательно опредѣлена и предусмотрительно сообразована съ потребностями государственнаго управленія, которыя онъ, видимо, разсматривалъ съ узкой и односторонней точки зрѣнія бюрократическихъ интересовъ.

Прежде, чѣмъ получить высочайшее одобреніе, проектъ Валуева былъ предварительно заслушанъ въ совѣтѣ министровъ и затѣмъ подвергнутъ подробному разсмотрѣнію въ особомъ совѣщательномъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича. Здѣсь, при обсужденіи результатовъ работъ Валуевской комиссіи, были приняты во вниманіе и взгляды ея перваго предсѣдателя, Милютина, представившаго въ совѣщаніе особую записку. Въ представленной запискѣ Милютинъ высказывалъ свое искреннее убѣжденіе [1]), что примѣненіе выборнаго начала къ администраціи только тогда можетъ быть дѣйствительно и полезно, когда выборныя лица будутъ уполномочены закономъ къ самостоятельной и серьезной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія, по его мнѣнію, слѣдуетъ особенно настаивать на необходимости дать, по возможности, самое широкое развитіе хозяйственной дѣятельности новыхъ учрежденій. Давая новыя учрежденія, было бы едва ли совмѣстимо съ достоинствомъ и пользою правительства уменьшать значеніе этого важнаго акта изъ-за недовѣрія или преувеличенныхъ опасеній. Но, тѣмъ не менѣе, оговорился Милютинъ, «нужно отвратить всякое стремленіе выйти изъ предѣловъ закона: забота объ этомъ оправдывается нынѣшнимъ состояніемъ умовъ при не вполнѣ еще развитомъ понятіи о законности». Выходя изъ такихъ общихъ теоретическихъ соображеній, авторъ записки находилъ неудобными нѣкоторые пункты Валуевскаго проекта, касавшіеся, напримѣръ, правъ губернаторовъ присутствовать на засѣданіяхъ земскихъ собраній, утверждать выборы членовъ земскихъ управъ, или же направленные къ ограниченію преднамѣренно узкими рамками хозяйственной дѣятельности земствъ.

Особое совѣщаніе нашло возможнымъ согласиться съ нѣкоторыми замѣчаніями Милютина и признало неудобнымъ предоставить губернаторамъ право присутствовать на земскихъ собраніяхъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Но зато Валуеву удалось здѣсь внести въ свой проектъ новыя добавочныя статьи, позволявшія губернаторамъ, въ случаяхъ явнаго бездѣйствія земствъ, дѣлать послѣд-

---

[1]) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, т. III, ч. II, стр. 70—71.

нимъ напоминанія, внушенія, а при ослушаніи даже приводить въ исполненіе распоряженія на счетъ земствъ [1]).

Послѣ незначительныхъ измѣненій, внесенныхъ въ проектъ Валуева особымъ совѣщаніемъ, основныя начала будущей земской реформы чрезъ посредство газетъ сдѣлались извѣстными всему русскому обществу. Но и теперь общественное мнѣніе должно было признать себя совершенно безсильнымъ оказать какое либо существенное вліяніе на характеръ дальнѣйшихъ бюрократическихъ работъ надъ тѣмъ же самымъ планомъ земской реформы, составленнымъ Валуевской комиссіей. Правда, при разсмотрѣніи проекта въ государственномъ совѣтѣ, незначительное число сановныхъ бюрократовъ подъ вліяніемъ идей, выработанныхъ общественнымъ сознаніемъ, обнаруживало извѣстныя стремленія къ смягченію сословнаго характера земскихъ учрежденій и ограниченію власти администраціи. Такъ, здѣсь указывалось на несоотвѣтствіе съ самой идеей земства, объединяющаго все населеніе, всѣ классы общества, намѣченнаго Валуевымъ посословнаго выбора земскихъ гласныхъ, отдѣльно отъ землевладѣльческаго (преимущественно дворянскаго), городского и сельскаго населенія; выставлялись на видъ огромныя неудобства обязательнаго назначенія дворянскихъ предводителей предсѣдателями уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній; отмѣчалось излишнее и неумѣстное недовѣріе къ земству, выразившееся въ томъ, что, предоставляя самостоятельность земскимъ учрежденіямъ, проектъ въ то же время нѣкоторыми статьями совершенно уничтожалъ ее, подчиняя избраніе должностныхъ лицъ и составленіе денежныхъ смѣтъ утвержденію администраціи. «Общество прежде всего желаетъ,—убѣждалъ сторонниковъ Валуевскаго проекта одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта, баронъ Корфъ [2]),—чтобы земскія учрежденія, какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ ихъ дѣятельности, имѣли дѣйствительную самостоятельность. Было бы крайне неосторожно нынѣ, когда возбуждено общее ожиданіе устройства земскихъ учрежденій на началахъ довѣрія правительства къ обществу, дать слишкомъ мало, не удовлетворить общія надежды и тѣмъ возбудить только неудовольствіе. Тогда скажутъ, что вмѣсто дѣйствительнаго земскаго управленія прибавлено только нѣсколько новыхъ административныхъ мѣстъ».

Какъ ни основательны были нѣкоторыя замѣчанія и возраженія отдѣльныхъ членовъ государственнаго совѣта, все же они оказались почти совершенно безполезными для дѣла, такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ настойчиво и упорно отстаивалъ основныя начала проводимой реформы, запугивая колеба-

---

[1]) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, т. III, ч. II, стр. 73.

[2]) Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ. Изд. 4, стр. 314—315.

шихся и несогласныхъ членовъ совѣта невѣроятными опасностями отъ предоставленія земству дѣйствительной самостоятельности даже въ отведенной ему узкой сферѣ хозяйственной дѣятельности.

Въ разстроенномъ воображеніи министра, когда-то смѣло и, повидимому, убѣжденно осуждавшаго вопіющіе недостатки бюрократическаго режима, но теперь, съ пріобрѣтеніемъ властнаго положенія, превратившагося въ самаго завзятаго бюрократа, только на словахъ проявлявшаго фальшивое сочувствіе началамъ самоуправленія, рисовалась ужасная для правящихъ сферъ картина созданія въ лицѣ земства особаго государства въ государствѣ, способнаго связать руки существующему правительству. Неудивительно, что, стоя на такой, опасной для своихъ противниковъ, почвѣ, Валуевъ успѣлъ вполнѣ отстоять главныя, основныя начала представленнаго проекта и далъ возможность правительству надѣлить страну крайне несовершенными земскими учрежденіями, по положенію 1 января 1864 г.

Въ силу высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 1 января 1864 г., гдѣ императоръ Александръ II «призналъ за благо призвать къ участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, ихъ населеніе, посредствомъ мѣстныхъ выборныхъ лицъ», бюрократія предоставила, наконецъ, обществу въ предѣлахъ 33 центральныхъ губерній, вмѣсто настоящаго, дѣйствительнаго самоуправленія, слабые, отдаленные намеки на него, въ видѣ сочиненныхъ ею новыхъ земскихъ учрежденій. «Въ тотъ періодъ нашей исторіи, въ который создавалось положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г.,—читаемъ въ одной изъ статей, посвященныхъ выясненію характера нашего земскаго самоуправленія [1],—условія исключительно благопріятствовали тому, чтобы земство было построено на началахъ такъ называемой общественной теоріи самоуправленія. Соотношеніе борющихся силъ тогда было таково, что для бюрократіи дѣло шло о наименьшихъ потеряхъ, а для общества о наибольшихъ завоеваніяхъ. Но общество было еще слишкомъ слабо, слишкомъ мало организовано, чтобы имѣть шансы на достиженіе всей необходимой ему полноты самодѣятельности. Бюрократія же была достаточно сильна, чтобы не дѣлать уступокъ, равносильныхъ капитуляціи, чтобы сохранить за собою главное, поступившись второстепеннымъ, не имѣвшимъ для нея въ тотъ моментъ особенно большого значенія. Представлялось поэтому для обѣихъ сторонъ удобнымъ трактовать земство, какъ особенное общественное учрежденіе, существующее рядомъ съ правительственными установленіями и имѣющее свои особыя отъ государственныхъ общественныхъ

[1] Нужды деревни, по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, т. I, стр. 305—306.

нія дѣла, какими и представляются мѣстныя (хозяйственныя) пользы и нужды. Это значило, что самоуправленіе не равносильно участію общества въ государственномъ управленіи, и что введеніе земскихъ учрежденій отнюдь не заключаетъ въ себѣ признанія права общества на такое участіе».

Стремясь сохранить въ полной неприкосновенности свое исключительное положеніе въ государственномъ управленіи, бюрократія сумѣла выработать такое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, что введеніемъ его въ жизнь не столько предоставила обществу дѣйствительное самоуправленіе, хотя бы и въ узкой, мѣстно-хозяйственной сферѣ дѣятельности, сколько переложила съ себя на общество извѣстную часть своихъ правъ и обязанностей, со всѣмъ характеромъ, свойственнымъ казенной, правительственной дѣятельности. Предоставивъ обществу право завѣдывать, въ указанныхъ закономъ предѣлахъ, имуществомъ, капиталами и денежными сборами земствъ, правительство возложило на него обязанность заботиться объ устройствѣ и содержаніи принадлежащихъ земству зданій и путей сообщенія, принимать мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія, устраивать различныя благотворительныя учрежденія, участвовать, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи, въ попеченіи о народномъ образованіи и народномъ здравіи, удовлетворять опредѣленныя потребности военнаго и гражданскаго управленій, производить раскладки возложенныхъ на земство государственныхъ сборовъ и, наконецъ, по требованію начальства доставлять свѣдѣнія о положеніи земскаго хозяйства.

Предоставляя обществу извѣстныя права и возлагая на него всевозможныя заботы хозяйственнаго характера, правительство въ то же время нисколько не освобождало земскихъ учрежденій отъ своего контроля и значительной зависимости отъ органовъ бюрократическаго управленія. Напротивъ, земскія учрежденія, по выработаннымъ бюрократіей и высочайше утвержденнымъ правиламъ [1]), подвергались законной отвѣтственности предъ правительствомъ «за превышеніе власти, за дѣйствія, противныя существующимъ законамъ, за неисполненіе требованій мѣстныхъ начальствъ, за неправильныя распоряженія по ввѣреннымъ имъ хозяйственнымъ дѣламъ и за всякій ущербъ или стѣсненіе, нанесенныя обществамъ или частнымъ лицамъ». Правда, въ одномъ изъ своихъ пунктовъ [2]) Положеніе говоритъ, что земскія учрежденія въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ дѣйствуютъ самостоятельно, но въ то же время другими пунктами предоставляетъ органамъ бюрократическаго управленія обширныя права останавливать исполненіе всякаго постановленія земскихъ учрежденій. «Начальникъ губерніи,—читаемъ

---

[1]) 2-е Полное собраніе законовъ, т. XXXIX, отд. 1, № 40.457, § 8.

[2]) Тамъ же, § 6.

здѣсь [1]),—имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ учрежденій». Конечно, цитируемый пунктъ Положенія заканчивается не точкой, а запятой, послѣ которой слѣдуетъ пояснительное ограниченіе: «противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ». Но едва ли слѣдуетъ распространяться, что понятіе объ общей государственной пользѣ настолько неопредѣленно и эластично, что предоставляетъ губернаторамъ полную возможность руководиться въ своихъ отношеніяхъ къ неудобнымъ съ бюрократической точки зрѣнія и нежелательнымъ земскимъ постановленіямъ не только ясными требованіями писанныхъ законовъ, но и собственными взглядами и убѣжденіями, или, вѣрнѣе, классическимъ личнымъ «усмотрѣніемъ». Въ такую же зависимость отъ административнаго усмотрѣнія оказалось поставленнымъ общественное самоуправленіе и при утвержденіи главныхъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ земскими собраніями, такъ какъ, въ силу Положенія, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ должны были утверждаться въ своихъ должностяхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ [2]), а предсѣдатели уѣздныхъ управъ—губернаторами [3]).

Идя путемъ искусственныхъ, но далеко неудачныхъ компромиссовъ и одной рукой предоставляя обществу внѣшнюю, кажущуюся самостоятельность въ отведенной ему узкой сферѣ хозяйственной дѣятельности, а другою—подчиняя общественное самоуправленіе контролю администраціи, составители Положенія не менѣе двусмысленно отнеслись и къ началу безсословности, положенному въ основу организаціи земскихъ учрежденій. Признавая земство въ идеѣ учрежденіемъ безсословнымъ, гдѣ на равныхъ правахъ должны вѣдать мѣстное хозяйство и дворяне, и крестьяне, Положеніе въ то же время огранизовало выборы гласныхъ въ земскія собранія посословно, отдѣльно отъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, какими были тогда почти исключительно дворяне, городскихъ обществъ и сельскаго крестьянскаго населенія [4]). И въ то время, какъ уѣздные землевладѣльцы и городскія общества прямо и непосредственно выбирали гласныхъ изъ своей среды, крестьянское населеніе должно было довольствоваться двухстепенными выборами, производившимися при участіи мировыхъ посредниковъ [5]), при чемъ еще пользовалось коварной привилегіей избирать своихъ гласныхъ не только изъ собственной среды, но и изъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ [6]). Наконецъ, и важное право руко-

---

[1]) 2-е Полное собраніе законовъ, т. XXXIX, отд. 1, № 40.457, § 9.
[2]) Тамъ же, § 56.
[3]) Тамъ же, § 48.
[4]) Тамъ же, § 14.
[5]) Тамъ же, §§ 30, 31 и 32.
[6]) Тамъ же, § 35.

водить работами земскихъ собраній было предоставлено закономъ не свободно избираемымъ представителямъ всего наличнаго количества гласныхъ, уполномоченныхъ различными общественными группами, а исключительно только однимъ предводителямъ дворянскаго сословія [1]).

Понятно, что искусственное соединеніе противоположныхъ началъ въ созданной бюрократіей организаціи земскаго самоуправленія не могло не вызывать и въ обществѣ, и въ печати вполнѣ справедливыхъ нареканій на крупные и существенные недостатки новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Не оставалась безъ должныхъ и заслуженныхъ нареканій и самая система земскаго представительства съ ея основными принципами—имущественнымъ цензомъ и раздѣленіемъ избирателей по видамъ имущества. Указывалось, что идея ценза не имѣетъ за себя въ сущности никакихъ нравственныхъ основаній, такъ какъ является совершенно непонятнымъ, почему лица, владѣющія извѣстнымъ числомъ десятинъ земли, должны быть признаваемы болѣе разумными, болѣе способными и болѣе полезными для дѣла общественнаго самоуправленія, чѣмъ люди, обладающіе земельнымъ имуществомъ въ размѣрѣ хотя бы на одну десятину меньше произвольно установленной нормы. Выставлялась на видъ крайняя несправедливость того неестественнаго положенія, созданнаго новымъ закономъ о земскихъ учрежденіяхъ, въ силу котораго незначительное меньшинство «имущихъ» пріобрѣтало важную привилегію, до нѣкоторой степени и въ извѣстныхъ предѣлахъ, рѣшать участь огромнаго большинства «неимущихъ», лишенныхъ права голоса даже въ дѣлахъ, непосредственно затрогивающихъ ихъ ближайшіе, жизненные интересы. Порицалось узаконенное положеніемъ раздѣленіе избирателей по видамъ имуществъ, какъ крупное зло, вносившее въ земское безсословное самоуправленіе крайне нежелательную, но неизбѣжную сословную рознь. При установленныхъ порядкахъ выборовъ земскихъ гласныхъ, послѣдніе являлись въ собраніе не выразителями мнѣній и желаній всего мѣстнаго общества, всей мѣстной «земли», а представителями и защитниками интересовъ различныхъ группъ населенія. А такъ какъ на практикѣ группы населенія, распредѣленныя по видамъ имущества, почти совпадали съ сословнымъ подраздѣленіемъ общества, крестьяне же, при выборѣ своихъ гласныхъ и ихъ дальнѣйшей земской дѣятельности, были поставлены въ фактическую невозможность освободиться изъ-подъ сильнаго вліянія дворянства, то и неудивительно, что дѣятельность земскихъ учрежденій нерѣдко принимала характеръ, благопріятный не столько для интересовъ всего общества и, въ частности, его низшихъ, трудящихся классовъ, сколько для членовъ привилегированнаго дворянскаго сословія.

---

[1]) 2-е Полное собраніе законовъ, т. XXXIX, отд. 1, № 40.457, §§ 43 и 53.

Но если и въ прежнее время, въ періодъ бюрократической разработки проекта земскаго самоуправленія, независимые общественные голоса, высказывавшіе цѣнныя мысли по вопросу о мѣстномъ управленіи, оказывались почти совершенно безсильными въ борьбѣ съ традиціонными стремленіями бюрократіи, то тѣмъ болѣе трудно было ожидать какихъ либо положительныхъ, практическихъ результатовъ отъ всевозможныхъ жалобъ на недостатки земскаго самоуправленія теперь, когда изданіемъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ Валуеву удалось такъ удачно устранить величайшую опасность отъ правящей бюрократіи, всего болѣе боящейся дѣйствительно независимыхъ общественныхъ силъ, способныхъ полагать предѣлы ея властолюбію и произволу. Напротивъ, ухитрившись посредствомъ различныхъ компромиссовъ поставить земское самоуправленіе въ такое положеніе, которое очень мало препятствовало администраціи сообщать его дѣятельности то или иное направленіе, правительство стало ревниво наблюдать за дѣятельностью земствъ съ точки зрѣнія интересовъ бюрократіи. Малѣйшія попытки того или иного земства использовать предоставленную ему закономъ «самостоятельность» несогласно съ видами административныхъ властей встрѣчали прямое или косвенное противодѣйствіе правительства, начавшаго даже систематически эксплоатировать ихъ, какъ благовидные предлоги для постепеннаго урѣзыванія и безъ того уже крайне незначительныхъ правъ земскихъ учрежденій. «Одни за другими,— жаловались земскіе дѣятели [1],— послѣдовали новыя узаконенія; положеніе земскаго дѣла выяснилось, и у земства явилось желаніе—не расширять, а по возможности только стараться о сохраненіи данныхъ правъ. Уѣздныя и губернскія управы стали чаще и чаще докладывать собраніямъ, что на такое-то представленіе, на такое-то ходатайство, вызванное настоятельными потребностями земской жизни, отвѣта не получено», или же, если и послѣдовало разрѣшеніе, то далеко не въ такомъ видѣ, въ какомъ было бы желательно земству.

Правда, на первыхъ порахъ нѣкоторыя земства, несмотря на вполнѣ ясно обрисовывавшійся характеръ мѣстнаго самоуправленія, осмѣливались еще иногда игнорировать неправильныя или неудобныя распоряженія администраціи, такъ или иначе нарушавшія земскіе интересы, и наивно думали оградить себя отъ административныхъ репрессій ссылками на существующіе законы. Такъ, напримѣръ, Ярославское земство по поводу циркуляра министра государственныхъ имуществъ, ограничивавшаго состоявшееся земское постановленіе, заявило въ своихъ протоколахъ, что «министръ государственныхъ имуществъ напрасно въ отношеніи къ земству принимаетъ на себя права, предоставленныя Поло-

[1]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. V, стр. 397.

женіемъ только закону и законодательной власти, которая ему по существующимъ узаконеніямъ не ввѣрена», почему и рѣшило оставить циркуляръ министра безъ послѣдствій [1]). С.-Петербургское земство позволило себѣ не только не исполнить одного изъ требованій губернатора, сославшись на его противозаконность, но и осмѣлилось возбудить вопросъ о жалобѣ на самого министра внутреннихъ дѣлъ, оставившаго безъ послѣдствій почти цѣлую половину земскихъ ходатайствъ.

Такая смѣлость, однакоже, вызвала жестокое возмездіе со стороны бюрократіи; послѣдняя, желая, по всей вѣроятности, навсегда отбить у земствъ всякую охоту вступать въ «дерзкія» пререканія съ администраціей, рѣшилась на самую крайнюю мѣру, и въ 1867 г. Валуевъ закрылъ провинившееся Петербургское земство, передавъ всѣ его дѣла въ старыя присутственныя мѣста. «Уничтоженіе земскихъ собраній Петербургской губерніи,—писалъ по этому случаю въ своемъ Дневникѣ Никитенко [2]),—гибельная мѣра. Не предвѣщаетъ ли оно впереди ихъ общаго уничтоженія, т.-е. подчиненія власти министровъ и губернаторовъ? Валуевъ это, конечно, хорошо понимаетъ. Стать выше закона, дать своему произволу полный просторъ всегда было его задачею. Стоитъ только преувеличить движеніе въ обществѣ и земствѣ, обвинить ихъ въ нигилизмѣ—и съ этимъ можно достигнуть всего, чего угодно». И дѣйствительно, Валуевъ не стѣснялся широко пользоваться такими некрасивыми средствами, чтобы дискредитировать земское самоуправленіе въ глазахъ правящихъ круговъ и, съ ихъ поддержкою, внести въ дѣйствующее Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ новыя дополнительныя узаконенія, способныя гарантировать администраціи болѣе легкую возможность оказывать желательное давленіе на характеръ земской дѣятельности.

Замаскированный органъ Валуева и его партіи, печальной памяти газета «Вѣсть» упорно и ожесточенно нападала на всесословный характеръ русскаго земства, усердно старалась привить заинтересованнымъ сферамъ искусственную мысль о непосредственной связи существующаго земскаго положенія съ политическими, соціалистическими и коммунистическими идеями французскихъ революцій 1789 и 1848 г.г. и даже прибѣгала къ системѣ застращиваній тѣми послѣдствіями, какими сопровождалось культивированіе подобныхъ идей въ жизни Французскаго государства. Нечего, конечно, и говорить, что, стоя на такой почвѣ, «Вѣсть» крайне тенденціозно объясняла всѣ недостатки въ дѣятельности земскихъ учрежденій, ухитрялась придавать въ высшей степени вредный и опасный характеръ каждому столкновенію земствъ съ

[1]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. V, стр. 387.
[2]) Записки и Дневникъ, т. III, стр. 135.

администраціей и всѣми способами доказывала настоятельную необходимость преобразованій, направленныхъ къ окончательному искаженію въ интересахъ бюрократіи основныхъ началъ земскаго самоуправленія.

Ближайшимъ результатомъ такого систематическаго похода на земства, направленнаго къ возбужденію противъ нихъ высшихъ, правящихъ сферъ, явилась для Валуева фактическая возможность издать новыя дополнительныя узаконенія, расширявшія до крайне опасныхъ предѣловъ права предсѣдателей земскихъ собраній. Въ силу вновь изданнаго закона отъ 13 іюня 1867 г., предсѣдатели собраній получали въ высшей степени эластичныя и растяжимыя права оставлять безъ всякаго движенія всевозможныя предложенія гласныхъ, если, по своимъ личнымъ соображеніямъ, находили ихъ несогласными съ законами или выходящими за предѣлы вѣдомства земскихъ учрежденій. Возможность опасныхъ послѣдствій отъ предоставленія подобныхъ правъ увеличивалась еще болѣе вслѣдствіе того, что здѣсь создавался самый широкій просторъ всевозможнымъ злоупотребленіямъ и произволу, такъ какъ тотъ же законъ не только не налагалъ на предсѣдателей никакихъ обязательствъ давать какія бы то ни было объясненія своимъ поступкамъ, но и позволялъ имъ, при возникновеніи нежелательныхъ предложеній, удалять изъ залы засѣданій постороннихъ лицъ, т.-е. превращать собранія изъ публичныхъ въ закрытыя, изъ гласныхъ въ безгласныя. Если мы припомнимъ, что предсѣдателями земскихъ собраній, по Положенію 1864 г., должны были обязательно являться предводители дворянства, а не лица, свободно исбиравшіяся гласными изъ своей собственной среды, то легко поймемъ, какое крупное зло удалось внести Валуеву въ систему общественнаго самоуправленія.

Расширяя права и усиливая власть предсѣдателей земскихъ собраній съ тою цѣлью, чтобы дать возможность администраціи оказывать чрезъ нихъ постоянное давленіе на ходъ дѣлъ въ мѣстномъ самоуправленіи, Валуевъ въ то же время позаботился и о непосредственномъ усиленіи вліянія административныхъ властей на направленіе дѣятельности земскихъ учрежденій; по крайней мѣрѣ, тотъ же законъ 1867 г. уполномочивалъ начальниковъ губерній, во многихъ случаяхъ, руководиться въ своихъ отношеніяхъ къ органамъ земскаго самоуправленія началами личнаго усмотрѣнія.

Введеніе разлагающихъ началъ бюрократическаго режима въ систему общественнаго самоуправленія и подчиненіе ея сильному вліянію административныхъ властей не замедлили повести за собою крайне нежелательныя послѣдствія. Земскіе дѣятели, убѣдившись на практикѣ, въ какое жалкое положеніе удалось администраціи поставить земство съ предоставленной ему по закону

самостоятельностью въ завѣдываніи мѣстными хозяйственными дѣлами, быстро охладѣли къ своимъ урѣзаннымъ и обезцѣненнымъ правамъ, а многіе изъ нихъ, придя къ небезосновательному заключенію, что правящая бюрократія стремится превратить общественное самоуправленіе въ новый видъ правительственнаго управленія дѣлами земства, и совсѣмъ перестали являться на земскія собранія. За послѣднее время,—писалъ въ началѣ 1868 г. извѣстный публицистъ, И. Аксаковъ [1], сдѣлалось уже обычнымъ, никого не удивляющимъ, явленіемъ то обстоятельство, что «изъ полнаго комплекта гласныхъ едва ли гдѣ съѣзжалась въ земское собраніе болѣе одной трети; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ засѣданія не могли состояться за неявкою необходимаго числа членовъ, а въ другихъ — предсѣдатель собранія вынуждался добывать пріѣхавшихъ земскихъ гласныхъ и, такъ сказать, загонять ихъ въ залъ засѣданія, чтобы имѣть узаконенное число голосовъ».

Такое ненормальное и печальное положеніе дѣлъ обращало на себя и вниманіе самихъ земствъ, учреждавшихъ даже спеціальныя комиссіи для выясненія причинъ повсемѣстнаго оскудѣнія интереса населенія къ предоставленнымъ ему правамъ и привилегіямъ общественнаго самоуправленія. Заключенія комиссій въ общемъ были болѣе или менѣе одинаковы, и всѣ они сводились къ констатированію произведенной Валуевымъ несомнѣнной порчи основныхъ началъ земскаго самоуправленія, какъ вполнѣ достаточной причины, совершенно естественно объяснявшей происхожденіе не только простого охлажденія и равнодушія къ земству, но и постепенно усиливавшагося абсентеизма гласныхъ.

Личная перемѣна въ завѣдываніи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшая въ 1868 г. по случаю отставки Валуева, не принявшаго дѣятельныхъ мѣръ противъ упорно скрываемаго имъ голода, не повела за собою никакихъ существенныхъ улучшеній въ положеніи земства, такъ какъ отличительныя особенности отношеній Валуева къ общественному самоуправленію не носили только личный, индивидуальный характеръ, но и успѣли уже вылиться въ опредѣленную правительственную систему, которой усердно сталъ слѣдовать и его преемникъ, Тимашевъ. «Мѣсто Валуева,—писалъ въ своемъ Дневникѣ Никитенко [2]) по поводу личной перемѣны въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ,—занялъ Тимашевъ. Объ отставкѣ Валуева, кажется, никто не сѣтуетъ. Общество сильно нерасположено къ нему за земство. Будетъ ли лучше при его преемникѣ? Сколько я зналъ Тимашева лично, онъ казался мнѣ человѣкомъ умнымъ и человѣкомъ съ русскимъ сердцемъ. Но у насъ какъ-то добродѣтели, таланты и

[1]) Сочиненія И. С. Аксакова, т. V, стр. 400.
[2]) Т. III, стр. 180—181.

умъ недолговѣчны»,—недовѣрчиво замѣтилъ Никитенко и, къ сожалѣнію, оказался правъ въ своемъ мрачномъ предчувствіи и скептицизмѣ.

Недовѣріе къ характеру предстоявшей дѣятельности новаго министра внутреннихъ дѣлъ, невольно высказанное Никитенкомъ, несмотря на лестные эпитеты по адресу преемника Валуева, безъ сомнѣнія, должно было имѣть за себя достаточно вѣскія основанія въ недалекомъ прошломъ Тимашева, бывшаго, по словамъ новѣйшаго изслѣдованія изъ исторіи крестьянской реформы [1]), «однимъ изъ яркихъ представителей той придворной, крѣпостнической клики, которая съ такимъ упорствомъ интриговала въ началѣ царствованія императора Александра II противъ крестьянской реформы. Въ то время, — говоритъ авторъ отмѣченнаго интереснаго труда,—онъ былъ товарищемъ шефа жандармовъ и вѣрнымъ соратникомъ князя Долгорукова и Муравьева; черезъ него представлялись тогда императору всѣ крѣпостническія записки, доносы и пасквили, направленные противъ эмансипаторовъ вообще и редакціонныхъ комиссій въ особенности». Неудивительно, что съ такимъ сомнительнымъ прошлымъ Тимашевъ, какъ открытый обскурантъ и завзятый врагъ всякихъ преобразованій, оказался самымъ подходящимъ человѣкомъ для реакціонной партіи, все болѣе и болѣе завладѣвавшей императоромъ Александромъ послѣ произведшаго на него неизгладимое впечатлѣніе покушенія 1866 г. И новый министръ дѣйствительно явился достойнымъ продолжателемъ политики Валуева, положившаго прочное начало крѣпко привившейся къ намъ своеобразной правительственной системы постепеннаго измѣненія духа и смысла неудобныхъ для бюрократіи законовъ путемъ простыхъ административныхъ распоряженій.

При немъ, а равнымъ образомъ и при его преемникѣ, Маковѣ (1878—1880 г.), правительство попрежнему продолжало усиленно заботиться о сохраненіи и огражденіи правъ бюрократіи отъ воображаемыхъ или дѣйствительныхъ, но во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, неумѣстныхъ притязаній общества и, въ этихъ видахъ, издавало въ упрощенномъ порядкѣ новыя распоряженія, урѣзывавшія права земскихъ учрежденій и одновременно усиливавшія власть и значеніе органовъ мѣстной и центральной администраціи. Когда въ послѣдніе годы александровскаго царствованія правительство вступило въ усиленную борьбу съ общественнымъ недовольствомъ, явившимся естественнымъ результатомъ не только крайней неудовлетворительности произведенныхъ реформъ, но и дальнѣйшаго, систематическаго искаженія бюрократіей ихъ основныхъ началъ, Валуевъ, бывшій тогда министромъ государствен-

[1]) Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Т. III. Корниловъ. Крестьянская реформа, стр. 210.

ныхъ имуществъ, въ качествѣ предсѣдателя особаго совѣщанія, внесъ въ комитетъ министровъ обширный проектъ, намѣчавшій выдержанную программу систематической правительственной борьбы, съ соціально-революціонной партіей.

Еще въ бытность свою министромъ внутреннихъ дѣлъ, Валуевъ, вмѣстѣ съ шефомъ жандармовъ, графомъ Шуваловымъ, представилъ государю особую записку о настоятельной необходимости усиленія власти губернаторовъ, будто бы значительно пострадавшей въ ущербъ интересамъ государства съ введеніемъ земской и другихъ либеральныхъ реформъ. Правда, представленныя предложенія вызвали тогда сильныя возраженія со стороны министра юстиціи Замятнина, писавшаго, что въ запискѣ выразилась въ сущности мысль о необходимости присвоенія губернаторамъ значенія почти полновластныхъ правителей и хозяевъ губерній. Расширеніе правъ губернаторовъ до подобныхъ предѣловъ и сосредоточеніе въ лицѣ ихъ одной высшей власти надъ всѣми разнообразными отраслями мѣстнаго управленія,—вполнѣ справедливо утверждалъ онъ [1]),—поставило бы нынѣшнихъ губернаторовъ въ положеніе, близко подходящее къ тому, въ которомъ находились московскіе намѣстники и воеводы. Такая мѣра, имѣющая цѣлью возвратить Россію къ старымъ порядкамъ, постоянно оказывавшимся неудовлетворительными, идя въ разрѣзъ съ цѣлымъ рядомъ статей свода законовъ, составила бы коренное измѣненіе всего существующаго у насъ строя государственнаго управленія, почему, по мнѣнію Милютина, едва ли и можетъ быть допущена. И хотя, благодаря противодѣйствію Милютина, поддержанному также министромъ финансовъ, коренная контръ-реформа, задуманная реакціонной партіей, не могла быть осуществлена во всемъ своемъ объемѣ, Валуеву, однакоже, удалось провести чрезъ комитетъ министровъ нѣкоторые пункты намѣченной программы и добиться значительнаго усиленія губернаторской власти.

Теперь, въ послѣдніе годы александровскаго царствованія, когда подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій государственной и общественной жизни реакціонное теченіе въ правительственныхъ сферахъ усилилось еще болѣе, неизмѣнныя стремленія бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ къ постепенному обезвреженію для интересовъ бюрократіи основныхъ началъ земскаго самоуправленія могли уже встрѣтить въ высшихъ руководящихъ кругахъ только одно сочувствіе и поддержку. И мы видимъ, что комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ обширный проектъ, внесенный въ него предсѣдателемъ особаго совѣщанія, вполнѣ сочувственно отнесся къ стремленіямъ Валуева и, между прочимъ, утвердилъ выработ-

---

[1]) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, т. III, ч. I, стр. 130—143.

танный подъ его вліяніемъ новый порядокъ замѣщенія должностей по земской службѣ. Такъ какъ,—мотивировало особое совѣщаніе свое предложеніе,—на земской службѣ нерѣдко встрѣчались лица, принадлежавшія къ революціонной партіи, то и является настоятельная необходимость поставить назначеніе на должности по земскому управленію въ зависимость отъ согласія губернаторовъ [1]). Хотя комитетъ министровъ принципіально и призналъ, что такой важный вопросъ слѣдовало бы разрѣшить въ законодательномъ порядкѣ, но, тѣмъ не менѣе, въ виду особыхъ обстоятельствъ переживаемаго времени (1879 г.), нашелъ возможнымъ собственною властью утвердить предложеніе особаго совѣщанія, при чемъ еще распорядился, чтобы по первому требованію губернаторовъ были немедленно удаляемы отъ земскихъ должностей всѣ лица, почему либо признанныя ими неблагонадежными [2]).

Какъ ни успѣшно было для интересовъ бюрократіи систематическое урѣзываніе правъ и привилегій общественнаго самоуправленія, совершавшееся параллельно съ усиленіемъ власти администраціи въ теченіе всей второй половины александровскаго царствованія, тѣмъ не менѣе правительство постоянно должно было чувствовать и сознавать крайнюю несогласованность существующаго административнаго строя съ строемъ управленія общественнаго, построеннаго на совершенно иныхъ началахъ. Вполнѣ естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ у правительства должно было явиться законное стремленіе, не ограничиваясь частными мѣрами, позаботиться и объ общемъ переустройствѣ всего мѣстнаго управленія. Излишне, конечно, распространяться, что при томъ настроеніи, какое господствовало тогда въ высшихъ правящихъ сферахъ, подобное переустройство могло состоять въ несогласованіи архаическаго административнаго строя съ новымъ строемъ земскаго самоуправленія, а наоборотъ—во введеніи послѣдняго въ общую систему губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ учрежденій, съ соотвѣтствующей бюрократизаціей земствъ. Но эта своеобразная реформа земствъ, дѣйствовавшихъ на основаніи Положенія 1864 г., была произведена уже при сынѣ и преемникѣ Александра II.

Ѳ. Благовидовъ.

---

[1]) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, т. III, ч. I, стр. 148.

[2]) Тамъ же, стр. 152.

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Почти полстолѣтіе протекло съ того времени, какъ прогремѣлъ послѣдній выстрѣлъ въ горахъ далекаго Дагестана, и палъ послѣдній оплотъ горцевъ — неприступный Гунибъ, а съ нимъ вмѣстѣ и глава мюридовъ, имамъ Чечни и Дагестана — Шамиль, который, ведя упорную войну съ русскими, умѣлъ съ замѣчательнымъ искусствомъ въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ отстаивать свободу и независимость своей страны. Ни могущество природы того края, ни геній Шамиля и беззавѣтная храбрость преданныхъ ему мюридовъ, готовыхъ по одному лишь слову своего повелителя съ отчаяннымъ фанатизмомъ итти на вѣрную смерть, не могли уже болѣе защитить этого народнаго героя, и онъ, изнемогая въ непосильной борьбѣ, принужденъ былъ наконецъ отдаться во власть исконныхъ враговъ своихъ—русскихъ гяуровъ, заповѣдавъ наибамъ свято хранить покорность Бѣлому царю, «который,—говорилъ онъ,—въ заботахъ о благѣ народа не оставитъ и ихъ, какъ новыхъ подданныхъ, своимъ покровительствомъ и царскими милостями».

Извѣстно, что еще въ двадцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія почти весь Прикаспійскій край съ примыкавшими къ нему землями Большой и Малой Чечни, подъ ударомъ нашего знаменитаго полководца, генерала Ермолова, былъ приведенъ въ полную покорность русскому правительству. Всѣ завоеванія, сдѣланныя этимъ грозою Кавказа, были настолько прочными, что уже и тогда, казалось, можно было предвидѣть скорый конецъ этой тяжелой войны; но,

къ сожалѣнію, крутыя мѣры, примѣненныя послѣ него нашими правителями въ краѣ, не только не смирили окончательно горцевъ, но, напротивъ, вызвали такія великія смуты, что Шамиль, какъ умный и вліятельный человѣкъ, не упустилъ случая ими немедленно же воспользоваться. Онъ поднялъ въ 1840 г. всю покорную намъ Чечню, а, три года спустя, общее возстаніе горцевъ въ Дагестанѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ такія событія, что окончаніе войны должно было по необходимости оттянуться еще на долгіе годы; и только лишь къ концу слѣдующаго десятилѣтія, послѣ цѣлаго ряда крупныхъ завоеваній, сдѣланныхъ новымъ намѣстникомъ Кавказа, княземъ Барятинскимъ, можно было наконецъ признать прочнымъ покореніе всего этого края. Присоединеніе къ нашимъ владѣніямъ въ 1887 г. хлѣбородной Салатавіи, этой житницы сѣвернаго Дагестана, занятіе въ 1858 г. Аргунскаго ущелья и Шатоя и взятіе вслѣдъ затѣмъ въ 1859 г. штурмомъ главной резиденціи Шамиля, укрѣпленнаго аула Дарго, были тѣми громовыми ударами для горцевъ, которые не только что подорвали довѣріе ихъ къ силѣ и могуществу своего имама, но и послужили вмѣстѣ съ тѣмъ подготовкою къ быстрому завоеванію русскими всего восточнаго Кавказа, которое въ томъ же въ 1859 г. и завершилось взятіемъ неприступнаго Гуниба и плѣномъ самого Шамиля.

Еще съ ранней весны 1859 г. въ Буртунаѣ, гдѣ расположенъ былъ нашъ дагестанскій пѣхотный полкъ, пронесся слухъ, что лѣтомъ предполагается собрать около этой крѣпости значительный отрядъ, который, съ цѣлью нанести рѣшительный ударъ Шамилю, отсюда будетъ направленъ черезъ Андію въ глубь Нагорнаго Дагестана. Слухъ этотъ дѣйствительно вскорѣ подтвердился официальнымъ приказомъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, и въ Буртунай, какъ передовой пунктъ, съ первыхъ чиселъ мая мѣсяца почти ежедневно начали прибывать большіе транспорты съ боевыми артиллерійскими снарядами, чугунными орудіями, провіантомъ, фуражемъ и проч. Всѣ эти запасы указывали, что экспедиція въ горы затѣвается крупная, и что она разсчитана на болѣе или менѣе продолжительное время.

Въ началѣ іюля мѣсяца къ урочищу Мичиколе, находившемуся вблизи Буртуная, сталъ собираться дагестанскій отрядъ, который въ составѣ 11 баталіоновъ пѣхоты, 13 эскадроновъ и сотенъ кавалеріи при 16-ти орудіяхъ, подъ начальствомъ самого командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, генералъ-лейтенанта, барона Врангеля, долженъ былъ отсюда начать военныя дѣйствія на Гумбетъ и совокупно съ главнымъ чеченскимъ отрядомъ, наступавшимъ въ то же время изъ Малой Чечни въ Андію, вступить къ половинѣ іюля въ предѣлы Нагорнаго Дагестана. Днемъ выступленія нашего отряда со сборнаго пункта назначено было 14 іюля. Въ 2 часа ночи ударили въ лагерѣ барабаны, заиграли хоры гор-

нистовъ генералъ-маршъ, и съ разсвѣтомъ, снявъ лагерь, войска потянулись къ ущелью, которое, отдѣляя Мичикалинскій хребетъ отъ Киркинскихъ высотъ, составляло главный путь къ Гумбету. Движеніе наше по мало разработанной дорогѣ было вначалѣ до того медленно, что мы только къ полудню успѣли перевалить небольшой кряжъ, за которымъ уже начиналась безплодная Андія. Пройденнаго разстоянія было всего лишь около десяти верстъ, но картина всей мѣстности совершенно измѣнилась. Здѣсь уже не видно было ни лѣсовъ, ни зеленѣющихъ высокими травами луговъ, которыми такъ изобилуетъ наша Салатавія, и только однѣ лишь голыя скалы да обсыпанные бѣлымъ известковымъ щебнемъ высокіе холмы, громоздившіеся другъ около друга, торчали, какъ мертвые остовы, по всѣмъ направленіямъ, придавая этой природѣ видъ чего-то унылаго, безжизненнаго.

Обогнувъ Киркинскую возвышенность, отрядъ спустился къ селенію Аргуани, изъ котораго жители съ приближеніемъ русскихъ успѣли уже всѣ разбѣжаться, и вблизи его расположился лагеремъ, выдѣливъ отъ себя въ тотъ же день передовой отрядъ изъ трехъ баталіоновъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, баталіона стрѣлковъ, трехъ сотенъ кавалеріи и двухъ орудій. Этотъ авангардный отрядъ подъ командою генералъ-майора Ракуссы [1]) долженъ былъ безостановочно продолжать движеніе къ Андійскому Койсу, сдѣлать обзоръ этой рѣки и, если представится возможность, немедленно же занять переправу у Сагрытло. Конечно, сборы нашихъ отрядовъ и движеніе ихъ въ Андію не могли оставаться неизвѣстными для Шамиля. Онъ хорошо понялъ грозившую ему опасность, быстро собралъ нѣсколько огромныхъ партій, уничтожилъ всѣ переправы черезъ Андійское Койсу и, укрѣпивъ важнѣйшіе пункты, взялъ съ своихъ наибовъ обѣщаніе, что они ни въ какомъ случаѣ не пропустятъ русскихъ въ Аварію.

---

[1]) Генералъ-майоръ Николай Викентьевичъ Ракусса, только что сдавшій передъ тѣмъ нашъ Дагестанскій полкъ полковнику Радецкому (впослѣдствіи извѣстный герой Шипки), былъ настолько замѣчательный человѣкъ, что о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Издавна извѣстный своею храбростію Ракусса велъ суровый образъ жизни и даже, бывши командиромъ полка, не измѣнялъ своимъ привычкамъ. Жилъ онъ лѣто и зиму въ калмыцкой кибиткѣ, обѣдалъ въ 10 часовъ утра и, не зная непогоды, ходилъ въ одномъ лишь мундирѣ безъ плаща, но всегда въ папахѣ, которой никогда при этомъ не снималъ съ головы. Разсказывали про него, что, когда въ дѣлѣ подъ Шалягами онъ раненъ былъ въ руку, и врачи признали необходимымъ отнять ее, онъ безъ разговоровъ тотчасъ же согласился на эту операцію, сѣлъ на барабанъ и приказалъ рѣзать себѣ руку. Операція была крайне мучительная, но Ракусса выдержалъ ее, не проронивъ при этомъ ни одного слова, и только, когда захрустѣли подъ пилою хирурга его кости, онъ такъ крѣпко стиснулъ зубы, что мундштукъ трубки, которую онъ курилъ во все время операціи, разлетѣлся вдребезги. Въ 1861 г. близъ аула Кунтеръ-Кале его понесла лошадь, и онъ, выскочивъ изъ повозки, такъ неудачно упалъ, ударившись головою о камень, что тутъ же и умеръ.

Андійское Койсу, отдѣляя самую суровую часть Кавказа, называемую Нагорнымъ Дагестаномъ, протекаетъ у Сагрытло между обрывистами скалами и, суживаясь здѣсь до двухъ лишь саженъ широты, даетъ только въ этомъ мѣстѣ единственную возможность для переправы. Разсчитывая во что бы то ни стало задержать здѣсь наступленіе нашихъ войскъ и воспрепятствовать имъ перебраться черезъ рѣку, Шамиль устроилъ по правому берегу Койсу большіе завалы и, расположивъ по высотамъ нѣсколько орудій, которыя могли сильно обстрѣливать, какъ весь путь къ рѣкѣ, такъ и мѣсто, гдѣ находился старый мостъ, сталъ ожидать приближенія русскихъ.

Надобно сказать, что отъ аула Аргуани до Койсу мѣстность почти на всемъ протяженіи значительно понижается; дорога идетъ тутъ по крутымъ обрывистымъ спускамъ и до такой степени въ иныхъ мѣстахъ трудно проходима, что мы только лишь къ вечеру могли кое-какъ добраться до послѣдняго спуска къ Койсу, сдѣлавъ въ нѣсколько часовъ всего какихъ нибудь пять или шесть верстъ. Хотя къ этому времени сумерки уже начали спускаться на землю, но съ горы можно было еще довольно ясно разсмотрѣть противоположный берегъ и массы толпившихся горцевъ за завалами. Не рѣшаясь за позднимъ временемъ предпринять что либо въ тотъ же день, генералъ Ракусса остановилъ недалеко отъ спуска свой отрядъ, вызвалъ къ себѣ охотниковъ и приказалъ имъ съ наступленіемъ ночи спуститься къ рѣкѣ, высмотрѣть оттуда расположеніе противника и, изслѣдовавъ берегъ рѣки, намѣтить предварительно мѣсто, гдѣ можно было бы удобнѣе всего устроить переправу. Охотникамъ вмѣнялось при этомъ соблюдать крайнюю осторожность и стараться ничѣмъ не обнаружить себя противнику. Все это охотники исполнили чрезвычайно ловко, и послѣ полуночи генералъ Ракусса уже имѣлъ свѣдѣнія, что мостъ черезъ Койсу разрушенъ, и что главное скопище горцевъ сосредоточено въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ старый мостъ. Кромѣ того, офицеръ, бывшій съ охотниками, доложилъ, что саженяхъ въ двухстахъ ниже бывшаго моста берега рѣки по обѣимъ сторонамъ значительно расширяются, и хотя теченіе воды тамъ очень быстро, но уже не такъ бурливо, чтобы Койсу нельзя было переплыть.

Заручившись такими свѣдѣніями, генералъ рѣшился прежде всего попытаться овладѣть переправою тамъ, гдѣ былъ старый мостъ, и съ этою цѣлью, захвативъ съ собою весь матеріалъ для наведенія новаго моста, повелъ съ разсвѣтомъ свой отрядъ къ Сагрытловскому спуску. Здѣсь съ одного изъ пригорковъ ему представилась слѣдующая картина: весь противоположный берегъ рѣки пестрѣлъ горскими папахами; видно было не только расположеніе непріятеля въ завалахъ, но по количеству значковъ не трудно было даже и опредѣлить, что сборъ его тутъ былъ значителенъ. Приказавъ командиру Дагестанскаго полка, полковнику Радецкому,

разсыпать на вершинѣ спуска густую цѣпь стрѣлковъ, генералъ Ракусса, подъ прикрытіемъ ея, быстро спустился съ саперами къ рѣкѣ и тотчасъ же приступилъ къ наведенію моста. Но всѣ попытки устроить здѣсь переправу нашимъ саперамъ не удались. Горцы открыли по нимъ изъ-за заваловъ и камней такой убійственный огонь, что пришлось вскорѣ же бросить тутъ всѣ работы и перейти для этой цѣли ниже по теченію, а именно туда, гдѣ, по указанію охотниковъ, берега рѣки были болѣе пологи, и гдѣ непріятель, не предполагая, повидимому, возможности переправы для русскихъ при довольно значительной ширинѣ рѣки, имѣлъ лишь только наблюдательный постъ человѣкъ въ двадцать мюридовъ, засѣвшихъ въ глубокой пещерѣ всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега. Найдя это мѣсто дѣйствительно болѣе удобнымъ для переправы, генералъ Ракусса въ ночь на 16 іюля приказалъ насыпать по берегу завалы и съ разсвѣтомъ занялъ ихъ сильною цѣпью стрѣлковъ, которые своими выстрѣлами не только могли не допустить горцевъ, засѣвшихъ въ пещерѣ, вредить намъ, но и имъ самимъ куда нибудь оттуда скрыться. Видя себя отрѣзанными, мюриды рѣшились покориться, просили пощады и даже вызвались помочь русскимъ переправиться на ихъ берегъ; но положиться на содѣйствіе этихъ, всегда готовыхъ на измѣну, людей было въ данномъ случаѣ, конечно, рискованно, и потому генералъ приказалъ вызвать охотниковъ, которые рѣшились бы переплыть на другую сторону, разсчитывая перебросить имъ туда сначала тонкую бичевку, посредствомъ коей они потомъ могли бы перетянуть къ себѣ канатъ и укрѣпить его на противоположномъ берегу.

Война всегда родитъ героевъ! Такъ было и тутъ.

Первымъ охотникомъ переплыть рѣку былъ штрафованный солдатъ нашего полка, рядовой Кочетковъ. Какъ уроженецъ какого-то приморскаго города, и при томъ обладавшій страшною физическою силою, Кочетковъ былъ превосходный пловецъ. Подойдя къ рѣкѣ, онъ сначала сталъ въ нее всматриваться, точно изучая ея теченіе, потомъ быстро раздѣлся, перекрестился и со словами: «авось, услужу великому царю», бросился въ рѣку.

Хотя сильное теченіе воды почти съ самаго начала стало относить Кочеткова внизъ, но этотъ отважный пловецъ, употребляя страшныя усилія, подвигался все болѣе и болѣе впередъ. Взявъ направленіе значительно выше того мѣста, гдѣ ему нужно было пристать, онъ минутъ черезъ 15 подплылъ къ берегу и уже схватился было за одинъ изъ выступовъ скалы, какъ вдругъ набѣжавшая волна оторвала его, и онъ, погрузившись въ воду, скрылся изъ нашихъ глазъ. Всѣ замерли отъ страха, считая Кочеткова уже погибшимъ, но этотъ смѣльчакъ не потерялся и, сдѣлавъ еще нѣсколько сильныхъ взмаховъ руками, вскорѣ снова приблизился къ берегу. Схватившись вторично за утесъ, онъ на этотъ разъ удержался около него и выкарабкался наконецъ на скалу.

Взрывъ громкаго «ура» съ нашего берега былъ привѣтствіемъ молодцу, который, осѣнивъ себя широкимъ крестомъ, низко поклонился намъ, и подойдя къ стоявшему неподалеку старому пню, преспокойно усѣлся около него на землю, ожидая, когда будетъ ему переброшенъ канатъ. Но перебросить канатъ при ширинѣ рѣки, доходившей здѣсь до 15 саженъ, было дѣломъ далеко не легкимъ. Пробовали было нѣсколько разъ запускать камень съ навязанною на него тонкою бичевкою, но камень не долеталъ даже до половины рѣки, и всѣ усилія перебросить какимъ нибудь образомъ веревку оставались безуспѣшными. Въ это время вышелъ къ берегу другой охотникъ—юнкеръ нашего полка, Асланъ-Агаевъ, заявившій полковнику Радецкому, что онъ берется переплыть на другую сторону и проситъ дать ему тонкую бичевку, посредствомъ которой можно было бы перетащить канатъ. Получивъ на это разрѣшеніе, Агаевъ тотчасъ же раздѣлся, обвязалъ себя по поясу бичевкою и, оставивъ свободный конецъ на берегу, поплылъ. Но попытка эта Агаеву, однако, не удалась, и онъ вскорѣ вернулся обратно. Третьимъ охотникомъ вызвался плыть юнкеръ нашего же полка, Николай Шпейеръ. Худенькій, небольшого роста, съ виду почти еще мальчикъ, Шпейеръ не внушалъ большой надежды на то, чтобы онъ могъ справиться съ этой бѣшеной рѣкой и переплыть ее, но по его настоятельной просьбѣ это, однако, ему было разрѣшено. Онъ такъ же, какъ и Агаевъ, обвязалъ себя тонкою бичевкою, нетороппливо спустился въ воду и поплылъ. Быстро перебирая руками, Шпейеръ скоро достигъ середины Койсу, и хотя бушующія волны рѣки, перебрасывая пловца, какъ легкій мячъ, съ одного мѣста на другое, безпрестанно погружали его въ воду съ головою, онъ успѣлъ все-таки добраться до противоположнаго берега и, схватившись за камни, началъ было выкарабкиваться на утесъ, какъ тутъ вдругъ сорвался и въ одинъ мигъ исчезъ подъ водою. У всѣхъ невольно захватило духъ при видѣ гибели этого бѣднаго юноши, который такъ близко уже былъ у цѣли; но, къ счастію, герой этотъ тоже не погибъ. Справившись кое-какъ съ сильнымъ теченіемъ воды, которое отнесло его далеко внизъ, онъ достигъ вскорѣ опять берега и, ухватившись за скалу, вылѣзъ вскорѣ на нее. Крикъ радости и одобренія пронесся среди всѣхъ насъ, когда мы увидѣли Шпейера, медленно пробиравшагося по острымъ камнямъ берега. Голый, весь избитый въ кровь, которая струилась потоками по его тѣлу, онъ вселялъ тогда къ себѣ невольное состраданіе; но этотъ по виду маленькій, невзрачный человѣкъ, давшій возможность овладѣть намъ переправою, совершилъ великій подвигъ, который недаромъ вписалъ имя его въ исторію покоренія Кавказа. Подойдя къ Кочеткову, Шпейеръ передалъ ему конецъ веревки, и они оба вмѣстѣ тотчасъ же принялись перетягивать канатъ на свою сторону, который вскорѣ и былъ прочно укрѣпленъ по обѣимъ сторонамъ

рѣки. Увидя, что попытки русскихъ перебросить черезъ рѣку канатъ удались, горцы, только передъ тѣмъ показавшіеся намъ въ вѣрности, сразу вдругъ рѣшились на измѣну. Схвативъ въ руки винтовки, но не имѣя возможности за выступомъ скалы нанести вредъ Кочеткову и Шпейеру, они дали залпъ по нашей цѣпи и вслѣдъ за тѣмъ въ одинъ мигъ исчезли всѣ въ глубинѣ пещеры. Конечно, такое вѣроломство этихъ измѣнниковъ не могло остаться ненаказаннымъ, и съ нашего берега тотчасъ же понеслись тучи пуль, преградившія горцамъ всякій выходъ изъ пещеры.

Теперь, когда черезъ рѣку канатъ былъ уже переброшенъ, и первая основа переправы прочно утверждена, нужно было перебраться еще кому нибудь на другой берегъ и, захвативъ съ собою веревку, перетянуть съ помощью ея второй канатъ, чтобы на нихъ уже приступить къ устройству переправы. Опять были вызваны охотники, и на берегъ вышелъ солдатъ 21-го стрѣлковаго баталіона. Перекинувъ черезъ плечо ружье и суму съ патронами, стрѣлокъ обхватилъ руками канатъ, закинулъ на него ноги, и принявъ положеніе, какое употребляется при гимнастическомъ упражненіи, съ новою веревкою поползъ по канату. Ободряемый криками съ нашего берега, солдатъ довольно быстро достигъ середины рѣки, какъ вдругъ совершенно неожиданно остановился, спустилъ ноги и повисъ на однѣхъ рукахъ. Крикъ ужаса пронесся среди всѣхъ присутствовавшихъ. Солдатъ, продолжая висѣть, обернулъ къ намъ голову и глазами молилъ дать ему помощь; но какую помощь можно было оказать ему теперь! Чувствуя, что теряетъ силы, солдатъ сбросилъ съ себя въ воду ружье и патронташъ, но это ему не помогло, и, продержавшись еще нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, онъ наконецъ сорвался въ рѣку. И мутныя волны навсегда поглотили несчастнаго въ своихъ холодныхъ пучинахъ.

Трагическая смерть этого человѣка произвела очень тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, и многіе тутъ же высказали мнѣніе, что лучше пожертвовать Кочетковымъ и Шпейеромъ, предоставивъ имъ самимъ перебраться обратно на нашу сторону, чѣмъ губить такимъ образомъ людей и даже, можетъ быть, безъ всякой пользы для дѣла. Такого мнѣнія держались и многіе изъ начальствующихъ лицъ, но полковникъ Радецкій стоялъ на томъ, что переправу такимъ или инымъ способомъ, а взять все-таки будетъ нужно [1]). Задача эта, конечно, была очень трудная, но ее, однако, скоро разрѣшилъ простой человѣкъ — одинъ изъ нашихъ солдатъ, который, подойдя къ полковнику Радецкому, предложилъ ему весьма простой способъ для перевозки людей съ одного берега на другой. Способъ его заключался въ томъ, что, если на канатъ,

---

[1]) За взятіе Сагрытловской переправы полковникъ Радецкій удостоился получить орденъ св. Георгія 4-й степени.

переброшенный черезъ рѣку, надѣть два обруча и къ нимъ прикрѣпить концами доску, то, лежа на этой доскѣ и перехватывая канатъ руками, можно очень легко и безопасно перебраться на другую сторону, передать туда свободный конецъ веревки и затѣмъ уже съ помощью привязанныхъ къ доскѣ веревокъ передвигать эту люльку вмѣстѣ съ человѣкомъ съ одного берега на другой. Мысль устроить такую люльку была настолько остроумна и въ то же время проста, что ею, конечно, не преминули тотчасъ же воспользоваться. Солдатъ тутъ же получилъ въ награду отъ полковника Радецкаго 15 рублей, и дѣло скоро такъ наладилось, что въ продолженіе какого нибудь часа на другомъ берегу уже находилась значительная кучка солдатъ съ полнымъ вооруженіемъ и даже съ значительнымъ запасомъ патроновъ.

А заточенные горцы между тѣмъ все сидѣли въ пещерѣ и, не имѣя ни малѣйшей возможности чѣмъ нибудь вредить нашимъ, ждали только удобнаго момента, чтобы выбраться оттуда и скрыться въ расщелинахъ скалы, находившейся очень близко отъ пещеры. Хотя подъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ горцамъ сдѣлать это было довольно трудно, но одинъ изъ нихъ рѣшился все-таки попробовать счастья. Онъ обвѣсилъ себя нѣсколькими торбами, набитыми землею, и подъ защитою такого панцыря выбѣжалъ было изъ пещеры, но не успѣлъ сдѣлать и пяти шаговъ, какъ тутъ же палъ мертвымъ, пронзенный нѣсколькими пулями съ нашего берега.

Теперь предстояло намъ быть свидѣтелями другой, еще болѣе страшной драмы. Собравшіеся на другомъ берегу наши охотники готовились штурмовать пещеру, изъ глубины которой уже неслись дикіе крики предсмертной молитвы мюридовъ. Перебѣгая отъ камня къ камню, охотники довольно близко подошли къ пещерѣ и вдругъ съ крикомъ «ура» разомъ всѣ бросились въ глубину ея. Что произошло тамъ, мы, конечно, видѣть не могли, но не прошло и четверти часа, какъ всѣ они показались оттуда, держа при этомъ за руки одного изъ мюридовъ, захваченнаго ими живымъ.

Никогда не забуду я того зрѣлища, которое намъ представилось тогда. Вообразите такую картину: впереди ревущее Койсу, за ней точно уходящія куда-то далеко къ небесамъ мрачныя громады скалъ, а у подножія ихъ вблизи пещеры на голомъ камнѣ скалы, вдавшейся въ рѣку, кучка солдатъ, среди которыхъ высокій плечистый горецъ въ разорванной бѣлой рубахѣ и съ обнаженной головой, упавъ на колѣни, молитъ ихъ о пощадѣ.

Тысячи зрителей съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдали съ нашего берега за всей этой сценой, и вдругъ загремѣлъ со всѣхъ сторонъ яростный крикъ:

— Смерть измѣннику! въ воду его! — и въ одинъ мигъ несчастный горецъ, подхваченный солдатами, полетѣлъ въ рѣку. На секунду обезображенный трупъ его, задержанный большимъ кам-

немъ, показался еще разъ изъ воды, но сильная волна тутъ же подхватила его и понесла внизъ по теченію.

Между тѣмъ на переправѣ уже успѣли устроить что-то въ родѣ веревочнаго моста, который хотя и сильно раскачивался при малѣйшемъ прикосновеніи къ нему, но могъ, однакоже, служить для перехода людямъ по одиночкѣ. Первымъ по этому мосту перешелъ на другую сторону командиръ нашего полка, полковникъ Радецкій, а вслѣдъ за нимъ потянулись и мы. Всю ночь, при свѣтѣ лишь однихъ фонарей, подъ оглушительнымъ ревомъ рѣки продолжалась наша переправа, и къ утру на другомъ берегу образовался почти цѣлый баталіонъ, который долженъ былъ прежде всего выбить противника изъ его укрѣпленій и затѣмъ занять ту часть берега, гдѣ предполагалось навести новый деревянный мостъ. Но горцы, однако, не рѣшились и сами отстаивать уже болѣе своихъ позицій и, бросивъ безъ сопротивленія завалы, толпами начали удаляться въ горы. Весь берегъ вскорѣ былъ совершенно очищенъ, и наши саперы въ нѣсколько часовъ уже успѣли навести новый, прочный мостъ, по которому войска передового отряда съ артиллеріею и обозомъ перешли тотчасъ же на другую сторону.

Но, преодолѣвъ первое серьезное препятствіе взятіемъ переправы у Сагрытло, гдѣ Шамиль разсчитывалъ задержать наступленіе нашего отряда, нужно было, не давая опомниться горцамъ, немедленно же овладѣть и Ахкентскими высотами, такъ какъ только лишь оттуда открывался для насъ свободный путь по всей Аваріи и въ Куяду, которая по своей дикости еще могла служить нѣкоторымъ оплотомъ для послѣднихъ остатковъ когда-то грозныхъ полчищъ Шамиля. Въ силу такого соображенія генералъ Врангель на слѣдующій же день по занятіи переправы выдвинулъ подъ командою генерала Ракуссы передовой отрядъ изъ четырехъ баталіоновъ отъ Дагестанскаго и Ширванскаго полковъ къ Бетлинской горѣ и приказалъ атаковать на ней непріятельскіе завалы, которые, какъ второй заслонъ, расположены были какъ разъ на пути наступленія нашего къ Ахкентскимъ высотамъ.

21 іюля мы съ разсвѣтомъ выступили изъ Сагрытло. Было тихое, безоблачное утро, предвѣщавшее жаркій день, а намъ предстояло взбираться очень высоко и при томъ вести наступленіе по узенькой тропинкѣ, которая, пролегая зигзагами черезъ густой чинаровый лѣсъ, упиралась прямо въ непріятельскіе завалы, спускавшіеся нѣсколькими ярусами почти отъ самой вершины Бетлинской горы. Тутъ главнымъ затрудненіемъ для атаки этихъ заваловъ было то, что баталіоны наши, не имѣя возможности развернуться по крутому склону горы, не могли дѣйствовать одновременно и атаковать противника общими силами. Это весьма важное обстоятельство не обѣщало, конечно, большого успѣха овладѣть намъ завалами безъ значительныхъ потерь, и потому рѣ-

шено было отыскать другую дорогу, по которой можно было бы или обойти эти укрѣпленія, или атаковать противника съ котораго нибудь изъ фланговъ. Совершенно неожиданно въ этомъ дѣлѣ помогъ намъ одинъ горецъ, взятый въ плѣнъ на Сагрытловской переправѣ — мальчикъ лѣтъ 13-ти, который за сохраненіе ему жизни указалъ генералу Ракуссѣ другой путь. Путь этотъ былъ на нѣсколько верстъ длиннѣе перваго и по необъяснимой причинѣ не былъ занятъ горцами, давая возможность колоннѣ нашей безъ всякихъ препятствій обойти непріятеля съ тыла и заставить его самого покинуть завалы.

Отправивъ всю кавалерію и обозъ по этой кружной дорогѣ, генералъ Ракусса, чтобы сократить путь пѣхотѣ, приказалъ итти ей прямо на гору и, занявъ вершину, ея остановиться тамъ до прибытіи его съ обходной колонной.

Бетлинская гора покрыта сплошь густымъ чинаровымъ лѣсомъ и со стороны Койсу имѣетъ очень крутой подъемъ, взобраться по которому можно лишь съ величайшимъ трудомъ и къ тому же съ большимъ рискомъ скатиться на каждомъ шагу въ пропасть; тѣмъ не менѣе баталіоны, перекинувъ ружьи черезъ плечо, полѣзли, разсыпавшись, какъ муравьи, по всей горѣ. Первыми пошли такимъ образомъ ширванцы, а вслѣдъ за ними и мы. Сначала подъемъ былъ еще довольно доступенъ, но съ половины горы онъ сдѣлался настолько крутъ, что солдатамъ приходилось уже прямо карабкаться, хватаясь за траву и стволы деревьевъ. Много упущенныхъ котелковъ, шапокъ, мѣшковъ съ сухарями слетѣло сверху, пронося мимо нашихъ головъ, но ихъ, конечно, никто не подбиралъ, и все это такъ и осталось тамъ гдѣ-то внизу.

Вдругъ впереди насъ послышались крики: берегись, братцы, берегись!—и въ ту же минуту мы всѣ замѣтили какую-то черную массу, мелькавшую между деревьями, которая, ударяясь безпрестанно о ихъ стволы, со страшною быстротою катилась внизъ. Это былъ превосходный вороной конь командира Ширванскаго полка полковника Кононовича, сорвавшійся съ кручи. За первымъ конемъ точно также пронесся чей-то другой, а потомъ и третій. Конечно, удержать и спасти этихъ бѣдныхъ животныхъ было невозможно, и они всѣ такъ и погибли, разбившись совершенно вдребезги. Къ счастію еще, что при своемъ паденіи эти огромныя туши не зацѣпили никого изъ людей и не увлекли за собой въ пропасть, а то, конечно, многимъ, можетъ быть, пришлось бы обрѣсти свою могилу на днѣ этой страшной бездны.

Но вотъ, наконецъ, впереди, сквозь чащу лѣса, начали показываться проблески голубого неба, и вскорѣ мы стали выползать на вершину Бетлинской горы, которая представляла довольно узкій хребетъ съ едва замѣтной тропой по серединѣ. Здѣсь баталіоны наши должны были остановиться и ждать прибытія генерала Ракуссы съ кавалеріею и вьюками.

Не велико было удовольствіе пролежать нѣсколько часовъ подъ палящими лучами іюльскаго солнца, но зато съ этой высоты можно было полюбоваться на чудную панораму, которая открывалась передъ нами по другую сторону Ахкентскихъ высотъ. Отсюда на далекое пространство виденъ былъ цѣлый лабиринтъ разбросанныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ горныхъ кряжей, которые рисовались въ полупрозрачной синевѣ полуденнаго зноя и давали такую величественную картину, что невольно приковывали къ себѣ глазъ. Но на всемъ этомъ горномъ пейзажѣ лежалъ отпечатокъ чего-то пустыннаго, безотраднаго, и только маленькіе аульчики, лѣпившіеся, какъ гнѣзда ласточекъ, по расщелинамъ голыхъ скалъ, напоминали отчасти, что и въ этой дикой природѣ таится та же жизнь и обитаютъ тѣ же люди.

Боже мой,—думалъ я, всматриваясь въ эту сѣрую, непривѣтливую даль, — вѣдь вотъ и здѣсь человѣкъ могъ создать для себя тотъ міръ, въ которомъ заключается весь смыслъ его существованія; и здѣсь у него несомнѣнно есть также и свое счастіе и свои радости, которыя даютъ ему силу на борьбу съ его суровою жизнью и ея тяжелыми условіями.

Долго пришлось намъ ждать тутъ свою обходную колонну. Солнце при полномъ безвѣтріи жгло немилосердно, а кругомъ нигдѣ ни одной капли воды, чтобы освѣжиться и утолить жажду, которая начинала уже многихъ довольно сильно мучить. Но вотъ, спустя нѣсколько часовъ, показались наконецъ наши вьюки, и мы, пропустивъ ихъ мимо себя, тронулись впередъ.

До аула Ахкента, гдѣ предполагался ночлегъ, оставалось еще около 14 верстъ, а между тѣмъ трудный подъемъ на Бетлинскую гору при невыносимой жарѣ разморилъ солдатъ до того, что они цѣлыми массами начали валиться прямо на землю. — Воды, Бога ради хоть каплю воды!—кричали многіе изъ нихъ проходившимъ мимо солдатамъ, предлагая за одинъ лишь глотокъ всѣ свои деньги; но воды въ запасѣ давно уже ни у кого не было, и, конечно, помочь имъ въ этомъ было совершенно невозможно.

Да, трудные, тяжелые моменты выпадали иногда на долю нашихъ войскъ въ горахъ Кавказа, но, къ счастію, это случалось не слишкомъ часто, и то большею частію лишь въ лѣтнюю пору. Ощущеніе жажды доходило теперь до того, что многіе, чтобы вызвать у себя какую нибудь влагу во рту, клали на языкъ пулю, жевали листья съ деревьевъ; но пули не приносили никакой пользы, а листья растеній давали только лишь горкій, непріятный сокъ и нисколько не утоляли жажду. Послѣдовавъ примѣру другихъ, я тоже сталъ было продѣлывать съ собою тѣ же опыты, но ничто не помогало: языкъ и горло пересохли до того, что я съ трудомъ ужъ могъ говорить; къ глазамъ приливала кровь, туманилась голова, стало даже притупяться сознаніе, и я, потерявъ

наконецъ послѣднія силы, въ полномъ изнеможеніи упалъ на дорогу.

Не знаю, сколько времени пролежалъ я въ такомъ состояніи, очень близкомъ къ обмороку, какъ вдругъ почувствовалъ на своемъ лицѣ брызги холодной воды, которые заставили меня очнуться. Я раскрылъ глаза и вскрикнулъ отъ радости, увидя передъ собою солдата, державшаго въ обѣихъ рукахъ по сапогу, наполненному водою; изъ одного изъ нихъ онъ ртомъ набиралъ воду и, стараясь привести меня въ чувство, прыскалъ мнѣ ею въ лицо. Замѣтивъ, что я началъ приходить въ сознаніе, солдатъ тотчасъ же пододвинулъ ко мнѣ одинъ изъ этихъ сапоговъ и съ полнымъ участіемъ сталъ предлагать мнѣ изъ него напиться.

У насъ на Руси говорятъ, что кто на морѣ не бывалъ, тотъ Бога не знавалъ; а я къ этому прибавилъ бы еще: — кто въ походахъ не бывалъ, тотъ и нужды не видалъ. И кто бы повѣрилъ, чтобы можно было рѣшиться пить какую-то отвратительную муть, добытую изъ полувысохшаго болотца и принесенную при этомъ въ пропитанномъ дегтемъ и потомъ, грязномъ солдатскомъ сапогѣ, только что снятомъ съ его же ноги, — а я пилъ эту вонючую влагу, которую нельзя было даже назвать водою, и пилъ ее съ такою жадностію, что готовъ былъ, кажется, осушить весь сапогъ до дна. Къ счастію, бывалый солдатъ не далъ мнѣ долго наслаждаться этимъ нектаромъ и, отнявъ чуть не силою отъ меня сапогъ съ водою, поспѣшилъ его унести.

Но какъ ни плоха была эта вода, а она все-таки освѣжила меня настолько, что я ту же минуту почувствовалъ себя гораздо бодрѣе и, поднявшись на ноги, пошелъ догонять своихъ людей. Между тѣмъ наше обходное движеніе, оказавшееся весьма удачнымъ, совершенно разстроило планы горцевъ, и они, видя, что удержать наступленіе русскихъ имъ будетъ невозможно, бросили послѣ незначительной перестрѣлки всѣ свои укрѣпленія и скрылись, очистивъ намъ совершенно путь къ Ахкенту, куда къ ночи и собрался весь отрядъ, расположившись бивакомъ близъ самаго аула Ахкента.

Высоко стояло солнышко надъ нами, когда я проснулся на другой день. Раскинувшійся по огромному полю лагерь курился безчисленными кострами, и солдаты группами копошились около нихъ, заваривая въ котелкахъ свой традиціонный рябокъ [1]). Смѣхъ и веселый говоръ ихъ, пересыпаемый шутками и остротами, неслся со всѣхъ сторонъ, и, казалось, всѣ труды вчерашняго дня уже были забыты.

Взятіе Сагрытловской переправы и затѣмъ Ахкентскихъ высотъ имѣло тѣ важныя послѣдствія, что на другой же день въ лагерь

---

[1]) Любимое кушанье солдатъ, состоящее изъ толченыхъ сухарей, сваренныхъ въ водѣ съ примѣсью свиного сала.

къ намъ явились старшины всѣхъ окрестныхъ ауловъ съ изъявленіемъ своей покорности русскому правительству. Давая клятву быть отнынѣ вѣрными намъ, старшины говорили, что народъ ихъ сильно разоренъ, что онъ ведетъ войну лишь по принужденію Шамиля, и что теперь почти всѣ общества готовы положить оружіе и даже содѣйствовать русскимъ во всѣхъ ихъ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ, надѣясь такимъ путемъ положить конецъ этой тяжелой для нихъ войнѣ, которая служитъ лишь только бѣдствіемъ для ихъ народа. Конечно, заявленія этихъ представителей не могли быть не приняты къ свѣдѣнію, и командующій войсками, приказавъ одѣлить старшинъ подарками, отпустилъ ихъ всѣхъ по своимъ ауламъ.

Пять дней простоялъ отрядъ нашъ у Ахкента, устроилъ здѣсь укрѣпленный вагенбургъ для склада провіанта и фуража и, оставивъ его подъ охраною нѣсколькихъ ротъ, выступилъ 27 іюля къ главному чеченскому отряду, который въ это время находился въ сборѣ у селенія Тандо. Движеніе началось обычнымъ порядкомъ, но теперь путь нашъ пролегалъ по засѣяннымъ хлѣбами полямъ и довольно сносной дорогѣ. Мы почти безъ всякихъ остановокъ прошли около 15 верстъ, миновали еще до полудня огромную Арактаускую равнину и, спустившись къ аулу Цатанихъ, остановились около него для большого привала.

Селеніе Цатанихъ лежитъ въ глубокой лощинѣ и памятно еще многимъ ветеранамъ кавказской войны по кровавому событію, которое произошло тамъ при возстаніи горцевъ въ 1843 г. «Сюда,— описывая эти событія, говоритъ г. Окольничій [1],—въ началѣ сентября 1843 г. Шамиль направилъ огромныя скопища. Старое укрѣпленіе при Цатанихѣ въ то время было только что разломано, а стѣны новаго не успѣли еще вывести, и потому гарнизонъ его, состоявшій изъ двухъ ротъ численностью въ 180 штыковъ, былъ помѣщенъ въ одной изъ частей аула, которую для защиты отъ горцевъ начальникъ гарнизона Апшеронскаго полка, капитанъ Дементьевъ, по приказанію генерала Клугенау, обнесъ завалами. Онъ приступилъ уже къ устройству и редута, какъ вдругъ появились непріятельскія скопища, и работы должны были прекратиться. Капитанъ Дементьевъ, человѣкъ довольно преклонныхъ лѣтъ, принадлежалъ къ исчезнувшимъ уже нынѣ типамъ старыхъ воиновъ. Съ ограниченными понятіями, грязный, любившій придерживаться чарочки, онъ подъ грубой оболочкой таилъ въ себѣ мужественную энергію, рѣшительность и горячее сердце. Военное поприще его протекло мирно, и, выслуживъ пенсію, онъ уже подалъ въ отставку, какъ вдругъ событія 1843 г. неожиданно увлекаютъ его въ общій коловоротъ. И вотъ Дементьевъ сразу покидаетъ прежнія привычки и украшаетъ свои послѣдніе дни подвигами истиннаго

[1]) Перечень событій въ Дагестанѣ.

геройства. До того времени ходившій замарашкою и почти никогда не бреясь, теперь, какъ будто предчувствуя катастрофу, онъ тщательно исправляетъ свой туалетъ, надѣваетъ новый сюртукъ и, сотворивъ теплую молитву передъ маленькимъ образкомъ, благословеніемъ родительскимъ, съ которымъ никогда не разставался, является передъ гарнизономъ.

— «Ребята,—сказалъ онъ,—оставляя васъ здѣсь, генералъ Клугенау надѣялся, что вы будете вести себя молодцами, отстоите крѣпость или умрете до единаго и тѣмъ исполните свой воинскій долгъ, какъ подобаетъ истиннымъ и вѣрнымъ слугамъ нашего великаго государя. Какъ начальникъ вашъ, я умру послѣднимъ, но не изъ трусости, а чтобъ посмотрѣть на того, кто осмѣлится меня пережить. Шамиль уже приближается, а помощи ожидать намъ неоткуда: вы видите, въ какомъ мы захолустьѣ, а на жителей надежда плоха. Итакъ, встрѣтимъ дорогого гостя, какъ мы его встрѣчали всегда—мѣткой пулей и молодецкимъ штыкомъ; будемъ, братцы, драться на смерть, и устоимъ или ляжемъ здѣсь все до единаго.

«Единодушное «ура», раздавшееся въ рядахъ солдатъ, было отвѣтомъ на эти геройскія слова.

«Около 10 часовъ утра по окрестнымъ высотамъ показались передовыя партіи непріятеля подъ предводительствомъ одного изъ храбрыхъ наибовъ Шамиля—Шауибъ-Муллы. Жители тотчасъ же измѣнили намъ и не только не задержали непріятеля, но даже помогли ему овладѣть укрѣпленной частью селенія, вблизи которой былъ помѣщенъ паркъ. Измѣна ихъ, поставивъ гарнизонъ въ отчаянное положеніе между двухъ огней, принудила его очистить аулъ и расположиться лагеремъ въ недостроенной части новаго укрѣпленія.

«Едва роты успѣли размѣститься на новой позиціи, какъ непріятель, пріобрѣтя передачею аула на его сторону возможность маскировать свои движенія, бросился на приступъ, но былъ отбитъ. Эта первая неудачная попытка, стоившая значительной потери, заставила его до прибытія орудій ограничиться перестрѣлкой, мало наносившей, однако, намъ вреда.

«Часу въ пятомъ пополудни непріятель вовсе прекратилъ огонь и расположился на ночлегъ; тѣмъ временемъ Дементьевъ успѣлъ кое-какъ окопаться и устроить барбетную батарею. Находившаяся шагахъ во ста отъ лагеря башня съ 12-ю человѣками гарнизона содѣйствовала, хотя и весьма слабо, общей оборонѣ позиціи.

«Между тѣмъ къ непріятелю все подходили подкрѣпленія, и скопище его наполнило весь аулъ и усѣяло окрестныя высоты; вмѣстѣ съ тѣмъ прибыли и везомыя на рукахъ три орудія. Вся ночь на 7-е число была употреблена на устройство батареи и заваловъ, откуда бы можно было дѣйствовать безвредно для себя, по нашей батареѣ.

«Съ разсвѣтомъ 7 сентября непріятель со всѣхъ сторонъ открылъ жестокій ружейный и артиллерійскій огонь, и ободряемый личнымъ присутствіемъ Шамиля, который прибылъ сюда въ ночь, нѣсколько разъ бросался на приступъ. Но гарнизонъ, руководимый храбрымъ капитаномъ Дементьевымъ и поручикомъ Водарскимъ, несмотря на свои потери, не колебался, а картечь нашихъ двухъ орудій значительно рѣдила непріятельскія толпы. Къ полудню, отъ неумолкаемаго ни на минуту огня и частыхъ атакъ, потери съ обѣихъ сторонъ были весьма значительны. У непріятеля, по увѣренію его самого, выбыло до 500 человѣкъ, у насъ оставалось около 80 человѣкъ, которые, ставъ по обѣимъ сторонамъ батареи, готовились умереть всѣ до единаго. Тогда Шамиль предложилъ Дементьеву сдаться, но встрѣтилъ отказъ. Еще болѣе раздраженный такимъ упорствомъ, чѣмъ даже своими потерями, онъ поклялся, что готовъ еще пожертвовать пятью стами своихъ лучшихъ мюридовъ, чтобы овладѣть нашимъ укрѣпленіемъ и жестоко наказать русскихъ.

«Часу во второмъ пополудни Шамиль приказалъ перевезти два орудія въ аулъ, откуда горцамъ было гораздо удобнѣе дѣйствовать по нашей батареѣ, и вскорѣ огонь ихъ истребилъ всю нашу артиллерійскую прислугу. Тогда Дементьевъ самъ бросился съ банникомъ въ рукахъ къ орудію, но новый выстрѣлъ опрокинулъ единорогъ и контузилъ храбраго капитана. На батареѣ произошло минутное замѣшательство, которое не укрылось отъ глазъ непріятеля, и мюриды со всѣхъ сторонъ бросились въ шашки, истребивъ въ рукопашной схваткѣ всѣхъ до одного.

«Затѣмъ непріятель легко разрушилъ верхній этажъ башни и овладѣлъ оставшимися тамъ въ живыхъ семью нижними чинами.

«Шамиль громко торжествовалъ свою побѣду, купленную имъ дорогою цѣною. Его трофеями были два нашихъ орудія и весь паркъ. Всѣ защитники Цатаниха, за исключеніемъ десяти человѣкъ нижнихъ чиновъ, пали, и тѣла ихъ Шамиль приказалъ сжечь, что, по понятіямъ мусульманъ, считается высшею степенью позора. Но этотъ позоръ былъ купленъ геройскою защитою, память о которой и до сихъ поръ живетъ въ разсказахъ горцевъ о молодцѣ капитанѣ и храбромъ гарнизонѣ Цатаниха».

Вотъ у этого-то аула, на томъ мѣстѣ, гдѣ происходила эта отчаянная рѣзня, мы дѣлали теперь привалъ, расположившись группами подъ тѣнью развѣсистаго тутовника, который почти со всѣхъ сторонъ окружалъ аулъ. Поднявшееся на безоблачномъ небѣ солнышко начинало уже опять раскаливать воздухъ, и намъ предстояла еще добрая половина пути по Аварской долинѣ и только лишь у Мочекскаго ущелья остановиться на ночлегъ.

Аварская долина, составляя одну изъ плодороднѣйшихъ частей средняго Дагестана, тянется на нѣсколько десятковъ верстъ и густо населена аулами. Дорога проходитъ равниною между двумя

невысокими хребтами горныхъ кряжей, покрытыхъ зеленѣющими лугами, полями, засѣянными кукурузою, и, сворачивая отъ аула Шагода влѣво, поднимается на значительную высоту, съ которой и начинаетъ круто опять спускаться къ Андійскому Койсу. Вся эта мѣстность совершенно безлѣсна, а потому тутъ необходимо имѣть запасъ топлива съ собою. Въ кавказскихъ походахъ солдаты въ такихъ случаяхъ обыкновенно уже сами заботятся объ этомъ и, примостивъ къ своему ранцу какую нибудь щепку или сучокъ, несутъ этотъ лишній, необходимый грузъ иногда нѣсколько верстъ къ своему ротному котлу. Конечно, такой способъ заготовленія топлива служилъ подчасъ немалымъ обремененіемъ для солдатъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, весьма часто практиковался у насъ и въ особенности въ Аваріи, гдѣ лѣсовъ вообще очень мало.

Переходъ въ этотъ день, какъ я уже говорилъ, выдался большой и трудный, но еще труднѣе досталось намъ на бивакѣ, гдѣ со снѣговыхъ горъ дулъ такой холодный, пронизывающій до костей, вѣтеръ, что мы не знали, чѣмъ и согрѣться. Развести костровъ было нечѣмъ, и мы всю ночь дрожали, съ нетерпѣніемъ ожидая разсвѣта, а съ нимъ вмѣстѣ и появленія солнышка. Къ счастію еще, что намъ удалось поѣсть горячаго, и то лишь благодаря запасливости нашего солдата, о чемъ я только что упомянулъ.

Выступили мы съ этого бивака на другой день рано утромъ, но по измѣнившейся дизлокаціи должны были слѣдовать теперь не въ Тандо, гдѣ находился нашъ главный отрядъ, а черезъ Хунзахъ перейти къ Тилитлю, занявъ позицію въ одномъ лишь переходѣ отъ Гуниба, на которомъ Шамиль послѣ всѣхъ пораженій успѣлъ укрыться съ послѣдними остатками еще преданныхъ ему мюридовъ. Тамъ, сосредоточивъ всю свою артиллерію и укрѣпившись за валами, этотъ борецъ, все еще отстаивая свою свободу, рѣшился биться съ русскими до послѣдней капли крови.

Въ горахъ Кавказа почти всякій шагъ имѣетъ свою исторію и связанъ съ воспоминаніями о томъ или другомъ событіи, которыми до чрезвычайности богата вся эта страна. Хунзахъ, служившій долгое время русскимъ весьма важнымъ стратегическимъ пунктомъ, при возстаніи горцевъ въ 1843 г. не избѣжалъ также въ свою очередь катастрофы и, какъ многія изъ нашихъ крѣпостей въ Дагестанѣ, сдѣлался въ то время однимъ изъ самыхъ значительныхъ трофеевъ Шамиля, упрочившихъ еще болѣе его владычество въ Аваріи. Бывшій когда-то столицею аварскихъ хановъ, а нынѣ небольшая, бѣдная деревушка, Хунзахъ въ то смутное время въ краѣ былъ еще довольно значительнымъ селеніемъ, вблизи котораго находилась наша крѣпость съ гарнизономъ около трехъ тысячъ человѣкъ. Когда, упоенный цѣлымъ рядомъ крупныхъ удачъ, въ ноябрѣ 1843 г. сюда подступилъ съ

[illegible] Шамиль [illegible] Хаджи-Мурать [illegible] крѣпость [illegible] въ ней [illegible] Клюки, генеральнаго штаба подполковникъ Пассекъ [illegible] отрядомъ и [illegible] Хунзахскую крѣпость и отступить съ своимъ отрядомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. И [illegible] какъ [illegible] всѣ [illegible] въ крѣпости и [illegible] съ [illegible] съ такимъ, однако, расчетомъ, чтобы приведенныя къ нимъ зажженныя [illegible] взорвать ихъ въ то время, когда отрядъ отойдетъ на значительное разстояніе отъ крѣпости.

Хотя жители Хунзаха оставались вѣрными русскимъ до самаго выхода ихъ изъ крѣпости, съ величайшимъ сожалѣніемъ и даже плачемъ провожали наши войска, но, конечно, должны были покориться Шамилю, и по уходѣ отряда тотчасъ же всѣ присоединились къ толпамъ мюридовъ.

«Въ 5 часовъ пополудни я выступилъ изъ Хунзаха,—доносилъ подполковникъ Пассекъ командующему войсками, генералу Клюгенау.—Жители преслѣдовали меня слабо и видимо только для оправданія себя передъ Шамилемъ. Я отошелъ безъ всякихъ потерь и уже далеко былъ отъ крѣпости, когда бѣлый столбъ свѣта озарилъ вдругъ Хунзахъ. Это былъ взорванъ паркъ. За первымъ взрывомъ вскорѣ послѣдовали и другіе. Гранаты и патроны, которые я не могъ захватить съ собою, лопались во множествѣ и, по словамъ перебѣжчиковъ, дѣлали большія опустошенія. Взрывомъ парка были разрушены казармы, комендантскій домъ и часть крѣпостной стѣны, на которой погибло очень много мюридовъ, кинувшихся съ яростію въ оставленное укрѣпленіе. Смятеніе и ужасъ горцевъ были такъ велики, что они бросились изъ укрѣпленія и долго потомъ не рѣшались приближаться къ нему. Впрочемъ жителей я заранѣе предупредилъ о взрывахъ, которые должны будутъ разрушить крѣпость послѣ нашего отступленія, и потому изъ нихъ никто при этомъ не пострадалъ».

Теперь на мѣстѣ разрушенной крѣпости видны были однѣ глубокія ямы да кучи мусора, и только по незначительнымъ остаткамъ еще можно было различить существовавшія здѣсь когда-то крѣпостныя стѣны и нѣкоторыя другія постройки.

Миновавъ Хунзахъ, жители котораго встрѣтили насъ довольно дружелюбно, отрядъ потянулся далѣе и черезъ полчаса подошелъ къ спуску, который отсюда велъ въ долину Аварскаго Койсу.

[1] Подполковникъ Пассекъ въ чинѣ генерала былъ убитъ въ Чечнѣ при занятіи аула Дарго въ 1845 г.

Надобно сказать, что въ Дагестанѣ въ то время всѣ пути, большею частію, состояли изъ горныхъ тропинокъ или такихъ трудно проходимыхъ дорогъ, что движеніе по нимъ даже и небольшихъ отрядовъ сопряжено было съ огромными затрудненіями, въ особенности, если при отрядѣ находилась артиллерія, которую въ иныхъ мѣстахъ приходилось перетаскивать на рукахъ иногда на довольно значительное разстояніе. При такихъ условіяхъ нерѣдко бывали случаи, что даже маленькій отрядъ съ нѣсколькими орудіями въ теченіе полудня едва лишь успѣвалъ сдѣлать какія нибудь три, четыре версты, и большимъ счастіемъ для себя считалъ начальникъ отряда, если у него все обходилось благополучно, и ни одинъ человѣкъ или вьюкъ не свалился въ кручу, изъ которой ихъ не всегда можно было и вытащить. Какъ примѣръ одной изъ такихъ дорогъ, я могу указать на дорогу близъ бывшаго укрѣпленія Преображенскаго, по которой намъ пришлось возвращаться изъ Ункротля послѣ усмиренія въ этомъ краѣ возстанія горцевъ въ 1861 г. Тамъ въ одномъ мѣстѣ отряду нашему, состоявшему изъ трехъ баталіоновъ и четырехъ горныхъ орудій, нужно было пройти по берегу Андійскаго Койсу узенькимъ полутоннелемъ, пробитымъ въ скалѣ надъ обрывомъ, который саженъ на тридцать возвышался надъ рѣкою. Этотъ полутоннель тянется всего на протяженіи какихъ нибудь ста шаговъ, но, чтобы перейти эти кавказскія Ѳермопилы, нашъ маленькій отрядъ долженъ былъ употребить почти цѣлыхъ восемь часовъ. И это еще при тѣхъ условіяхъ, когда весь край находился на мирномъ положеніи, и со стороны горцевъ не могло быть оказано намъ никакого препятствія. Правда, въ Аваріи встрѣчалось много дорогъ и правильной разработки, проложенныхъ еще генераломъ Фези въ началѣ сороковыхъ годовъ, но, во-первыхъ, такія дороги проложены имъ были не вездѣ, а, во-вторыхъ, время, да и сами горцы, съ цѣлью затруднить наши движенія въ горахъ, такъ испортили ихъ, что ими не всегда можно было и пользоваться.

Хунзахскій спускъ, не бывшій никогда разработаннымъ, представлялъ въ то время что-то до того ужасное, что трудно даже дать о немъ точное понятіе. Начинаясь верстахъ въ двухъ отъ аула Хунзаха, спускъ этотъ шелъ извилинами по крутой горѣ, пролегая тропинкою то надъ страшными обрывами, то по полутоннелямъ съ такими узкими проходами, что пройти черезъ нѣкоторые изъ нихъ, не развьючивъ предварительно лошади, было совершенно невозможно; къ тому же на всемъ пути встрѣчалось множество большихъ уступовъ, которые саперамъ приходилось разрабатывать кирками и ломами, что̀ вмѣстѣ до того замедлило наше движеніе, что арьергардъ, въ которомъ мы находились, подойдя къ спуску около 4-хъ часовъ пополудни, только лишь къ полуночи могъ кое-какъ добраться до половины горы. Вотъ и молодая

луна спустилась за горы, вотъ и утренняя заря показалась на востокѣ, окрасивъ розовымъ свѣтомъ вершины скалъ, а мы все еще продолжали спускаться, посылая тысячи проклятій этой адской дорогѣ, разбившей всѣ мечты наши о близкомъ отдыхѣ и горячемъ ужинѣ, который такъ заманчиво дымился въ котлахъ на берегу рѣки и всего въ какой нибудь верстѣ отъ насъ.

Давно, давно уже свѣтило намъ солнышко, когда измученные труднымъ переходомъ, безъ пищи и сна въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, мы подошли наконецъ къ своему биваку, сдѣлавъ послѣдній спускъ, всего лишь три съ половиною версты, въ четырнадцать часовъ. Но какъ ни нуждались мы теперь въ отдыхѣ, а намъ, однако, здѣсь не пришлось имъ воспользоваться, какъ бы это слѣдовало, и едва лишь солдаты успѣли поѣсть горячей кашицы, какъ барабаны опять забили походъ, и баталіоны начали становиться въ ружье.

Хотя переходъ въ этотъ день предполагалось сдѣлать небольшой, но въ виду того, что намъ впереди предстоялъ опять крутой подъемъ на Тилитлинскую гору, генералъ Ракусса спѣшилъ какъ можно ранѣе выступить съ бивака, чтобы до наступленія жары подняться къ вершинѣ ея и уже тамъ дать болѣе продолжительный отдыхъ отряду. Мы еще не тронулись съ мѣста, какъ со стороны аула Голотля показалась небольшая партія горцевъ, которая, какъ можно было замѣтить, направлялась прямо къ нашему биваку. Впереди этой партіи ѣхалъ очень почтенныхъ лѣтъ старикъ съ бѣлой чалмой на папахѣ, что̀ означало, что онъ принадлежалъ къ высокому сану и носилъ почетное званіе. Подъѣхавъ къ биваку, партія освѣдомилась у солдатъ, гдѣ находится начальникъ нашего отряда, и по ихъ указанію прямо прослѣдовала къ палаткѣ генерала. Это былъ тилитлинскій наибъ, Кибитъ-Магома, одинъ изъ главныхъ предводителей мюридовъ, который со свитою пріѣхалъ теперь изъ Тилитля, чтобы изъявить свою покорность русскому правительству и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствовать генерала.

Кибитъ-Магома, извѣстный русскимъ еще съ 1837 г., игралъ весьма значительную роль въ горахъ. Какъ человѣкъ замѣчательнаго ума и храбрости, онъ сумѣлъ въ короткое время пріобрѣсти сильное вліяніе на народъ и даже вселить въ немъ убѣжденіе въ своей мнимой святости, что̀ давало ему право пользоваться не только уваженіемъ, но и большимъ вѣсомъ среди всѣхъ горцевъ. Добиваясь постоянно власти, онъ для достиженія своихъ цѣлей не гнушался никакими путями и, чтобы не имѣть преградъ, постарался даже для этого уничтожить всю свою большую родню. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ дѣлается тилитлинскимъ наибомъ, а возстаніе 1843 г. въ Дагестанѣ даетъ ему обширное поле для дѣятельности. Предводительствуя большими скопищами,

онъ взялъ тогда наше Гоцатлинское укрѣпленіе и съ азіатскою безпощадностью вырѣзалъ въ немъ весь гарнизонъ.

Вотъ этого-то дагестанскаго наиба, когда-то заклятаго врага русскихъ, мы видѣли теперь передъ собою. Его умное, выразительное лицо, самоувѣренный взглядъ и гордая осанка, съ которою онъ сидѣлъ на лошади, невольно заставили обратить вниманіе на этого человѣка, тѣмъ болѣе, что многочисленные разсказы о немъ старыхъ кавказцевъ въ то время еще у многихъ были свѣжи въ памяти.

Подъѣхавъ къ палаткѣ генерала Ракуссы, Кибитъ-Магома съ помощію своихъ нукеровъ слѣзъ съ коня, важно и неторопливо сѣлъ на разостланную для него бурку и послалъ доложить о себѣ генералу Ракуссѣ, который тотчасъ же пригласилъ его въ палатку, гдѣ между ними и произошла аудіенція, продолжавшаяся, впрочемъ, очень недолго. Выйдя отъ генерала, Кибитъ-Магома съ тою же неторопливостью сѣлъ опять на подведенную ему лошадь и въ сопровожденіи своей свиты отправился обратно.

Съ отъѣздомъ Кибитъ-Магомы нашъ отрядъ двинулся вдоль берега Койсу на аулъ Голотль и, перейдя здѣсь рѣку черезъ довольно ветхій деревянный мостъ, который подъ ногами нашими сильно покачивался, грозя, казалось, ежеминутно обрушиться, сталъ вытягиваться по узенькой и крутой тропинкѣ на гору. Дикая природа этой совсѣмъ неизвѣстной намъ мѣстности заставила генерала Ракуссу почти съ самаго начала движенія принять всѣ мѣры предосторожности, но все, однако, обошлось благополучно, за исключеніемъ лишь развѣ того, что, поднявшись на довольно значительную высоту, мы попали подъ проливной дождь, который въ нѣсколько минутъ смочилъ насъ до нитки. Впрочемъ эта маленькая непріятность не испортила того впечатлѣнія, какое произвела на всѣхъ насъ чудная картина, представившаяся съ горы. Тамъ внизу солнышко, щедро разсыпая лучи, весело играло по яркой зелени садовъ, тянувшихся длинною лентою по берегу рѣки, а здѣсь, въ какихъ нибудь двухъ, трехъ верстахъ, хмурое небо поливало дождемъ, черезъ который, какъ будто сквозь сѣть, вся долина Аварскаго Койсу рисовалась въ какомъ-то фантастическомъ видѣ. Казалось съ высоты, что природа въ одно время и смѣялась, и плакала, какъ избалованная женщина, которая, проливая капризныя слезы, даритъ васъ въ то же время своею улыбкою. Пейзажъ выходилъ такимъ оригинальнымъ и до того очаровательнымъ, что нельзя было на него не засмотрѣться, тѣмъ болѣе, что подобное явленіе природы даже и въ горахъ Кавказа можно наблюдать весьма рѣдко, и лишь при томъ условіи, когда горы и долины находятся между собою въ очень рѣзкихъ контрастахъ.

Сдѣлавъ переходъ около десяти верстъ, мы къ полудню достигли Тилитлинской горы, или, какъ называли ее солдаты, Чемо-

данъ-горы [1]), и, простоявъ около нея нѣсколько дней, перешли 2 августа въ урочище Гунимеръ, расположившись общимъ лагеремъ въ небольшомъ лишь переходѣ отъ горы Гуниба. Стоянка въ Гунимерѣ при умѣренномъ на этой высотѣ климатѣ и отличной погодѣ была прекрасна. Мы простояли тутъ нѣсколько дней, наслаждаясь полнѣйшимъ спокойствіемъ, которое только однажды было нарушено незначительнымъ случаемъ, послужившимъ, впрочемъ, намъ даже нѣкоторымъ развлеченіемъ. Дѣло въ томъ, что въ одну изъ темныхъ ночей мюриды Шамиля, пытаясь провезти на Гунибъ имущество имама и вмѣстѣ съ нимъ партію русскихъ плѣнныхъ, попались вблизи нашего лагеря въ руки куядинцевъ, которые, отбивъ у мюридовъ весь этотъ транспортъ, тотчасъ же представили его въ нашъ отрядъ. Конечно, этотъ случай имѣлъ для насъ большой интересъ, и вскорѣ около плѣнныхъ собралась цѣлая кучка офицеровъ и солдатъ, чтобы поглазѣть и поразспросить, кто и при какихъ обстоятельствахъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Всѣхъ плѣнныхъ было человѣкъ около пятнадцати, и по ихъ изнуреннымъ лицамъ и тѣмъ рубищамъ, которыя едва лишь прикрывали ихъ тѣло, нельзя было не замѣтить, что эти несчастные давно уже терпятъ во всемъ страшную нужду. Тутъ же, какъ оказалось, между ними были и бѣглые, въ числѣ которыхъ былъ даже одинъ солдатъ нашего полка, служившій когда-то денщикомъ у прапорщика Квицинскаго, отъ котораго онъ бѣжалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Онъ узналъ своего прежняго господина, который находился теперь съ нами же въ отрядѣ, и чистосердечно разсказалъ, что, потерявъ на водопоѣ его коня и боясь за это наказанія, онъ въ то же время рѣшилъ бѣжать въ горы, надѣясь или найти тамъ пропавшаго коня или украсть у горцевъ другую лошадь и съ нею вернуться потомъ обратно. Но планъ этотъ ему тогда не удался, и онъ, страшась еще большей отвѣтственности за свой побѣгъ, такъ и остался въ горахъ. Много нужды и горя видѣлъ онъ тамъ; неоднократно пытался было опять бѣжать къ своимъ, но страхъ наказанія удерживалъ его. Шатаясь по разнымъ мѣстамъ, онъ попалъ наконецъ въ Чечню и пристроился въ качествѣ батрака къ одному зажиточному горцу. Здѣсь онъ страстно влюбился въ красавицу-чеченку, дочь своего хозяина, и, принявъ исламъ, женился на ней. Однако, жизнь среди чуждыхъ людей не дала ему возможности забыть свою родину; онъ началъ тосковать, бросилъ свою семью и ушелъ въ Аварію. Нынѣшній случай вернулъ его опять къ русскимъ. «И теперь,—заключилъ онъ разсказъ свой, упавъ на колѣни и заливаясь горькими слезами, я на прощеніе уже не надѣюсь и готовъ принять всякую муку, чтобы хоть ею искупить свою вину».

---

[1]) Издали вершина Тилитлинской горы дѣйствительно нѣсколько напоминаетъ своею формою закрытый чемоданъ.

Что сталось потомъ съ этимъ дезертиромъ, а также и со всѣми другими,—неизвѣстно, но, вѣроятно, они такъ и погибли въ какихъ нибудь казематахъ нашей обширной Сибири, не увидѣвъ уже болѣе своей родной земли.

9 августа отрядъ нашъ былъ усиленъ прибывшими съ лезгинской линіи баталіонами кавказской гренадерской дивизіи, и съ этого времени всѣ войска начали стягиваться къ Гунибу.

Гунибская скала имѣетъ видъ усѣченнаго конуса и своимъ рельефомъ рѣзко выдѣляется среди окружающихъ ее горныхъ возвышенностей. Увѣнчанная по всей окружности отвѣсными обрывами, спускавшимися нѣсколькими ярусами къ подошвѣ, она казалась совершенно недоступною для овладѣнія ею открытою силою. Всѣ сколько нибудь значительныя трещины, гдѣ существовали у горцевъ едва замѣтныя тропинки для подъема на гору, какъ показали рекогносцировки, были взорваны порохомъ и задѣланы прочными завалами, а заготовленные по окраинамъ горы въ огромномъ количествѣ камни, предназначавшіеся горцами для сбрасыванія ихъ внизъ на случай атаки русскими Гуниба, ясно указывали, что оборона этой горы предполагается ими крайне упорная. Къ тому же, по собраннымъ свѣдѣніямъ, на верхнемъ плато Гуниба находилось довольно много полей со снятыми уже съ нихъ хлѣбами и отличныхъ пастбищъ, на которыхъ паслись большія стада, что̀ вмѣстѣ могло надолго обезпечить защитниковъ Гуниба и дать имъ возможность выдержать осаду весьма продолжительное время.

По плану, составленному въ главной квартирѣ, рѣшено было начать блокаду Гуниба оцѣпленіемъ горы со всѣхъ сторонъ небольшими отрядами, которые, поддерживая между собою постоянно связь, могли бы пресѣчь всякое сообщеніе Шамиля съ окружающими аулами. Хотя подробный осмотръ мѣстности указалъ, что Гунибская скала по подошвѣ имѣетъ протяженіе около 50 верстъ, но на всемъ этомъ пространствѣ можно было во многихъ мѣстахъ занять весьма удобныя позиціи для нашихъ отрядовъ, которые при этомъ настолько могли быть удалены отъ вершины горы, что всякія попытки противника вредить имъ чѣмъ нибудь были невозможны.

10 августа отрядъ нашъ послѣ ранняго обѣда снялся съ бивака, и къ вечеру того же дня всѣ части его приняли такой порядокъ: общій резервъ изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, Сѣверскаго драгунскаго полка, 6-ти сотенъ туземной конницы при 14 орудіяхъ расположился на Кегерскихъ высотахъ; на восточномъ фасѣ стали два баталіона Ширванскаго полка съ 4 горными орудіями подъ командою командира полка, полковника Кононовича, а на сѣверномъ два другіе баталіона ширванцевъ, одинъ баталіонъ Самурскаго полка, 5 сотенъ конно-мусульманскаго полка и двѣ сотни

конной милиціи подъ начальствомъ генералъ-майора Тарханъ-Мурового; южную сторону заняли два баталіона Апшеронскаго полка, два баталіона Самурскаго полка и 21-й стрѣлковый баталіонъ подъ командою командира Апшеронскаго полка, полковника Тергукасова, и наконецъ западную—два баталіона Дагестанскаго полка подъ начальствомъ командира этого полка, полковника Радецкаго.

Окруженные со всѣхъ сторонъ горцы съ перваго же дня открыли было по нашимъ лагерямъ ружейный огонь, но пули ихъ винтовокъ не могли соперничать съ нашими нарѣзными ружьями, и потому эта безполезная перестрѣлка скоро ими были прекращена. Пробовали они также пускать и камни съ горы, но эти камни, иные величиною въ добрую копну сѣна, разбиваясь объ утесы скалы на тысячи кусковъ, производили только страшный грохотъ и не причиняли намъ тоже никакого вреда.

Видя себя безсильнымъ заставить чѣмъ нибудь русскихъ снять осаду, Шамиль вступилъ было въ переговоры, но переговоры эти, продолжавшіеся нѣсколько дней и имѣвшіе, какъ видно было, только цѣль оттянуть время, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, а потому 22 августа они были прекращены, и съ этого времени во всѣхъ частяхъ начались приготовленія къ штурму.

Еще съ ночи 24 августа охотники Апшеронскаго полка подъ командою капитана Скворцова, подкравшись къ горѣ, поднялись съ помощію веревочныхъ лѣстницъ къ верхнему ея уступу и, не замѣченные въ темнотѣ горцами, засѣли тамъ подъ скалою, а со стороны Кара-Койсу, гдѣ Гунибская скала хотя и имѣла довольно пологій спускъ, но была укрѣплена прочными каменными стѣнами съ крѣпостными орудіями, стрѣлки Ширванскаго полка заняли сады по рѣкѣ и, такимъ образомъ, почти вплотную приблизились къ подошвѣ горы. Только съ сѣверной и нашей стороны, гдѣ по недоступности нельзя было подойти ближе къ горѣ, войска въ этотъ день оставались на своихъ прежнихъ мѣстахъ.

Но вотъ наступилъ день 25 августа, тотъ знаменательный день, который навсегда останется отмѣченнымъ въ исторіи покоренія Кавказа. Было тихое, ясное утро. Въ нашемъ лагерѣ все шло обычнымъ порядкомъ: въ 10 часовъ пробилъ барабанъ на кашу, и къ котламъ уже потянулись вереницами солдаты, какъ вдругъ одинъ изъ часовыхъ замѣтилъ въ правой сторонѣ подходившую къ горѣ колонну, изъ которой мы вскорѣ всѣ услышали слабый звукъ сигнальнаго рожка, повторенный нѣсколько разъ: «движеніе лѣвому флангу».

Очевидно, это былъ сигналъ, передававшій намъ приказаніе о наступленіи къ Гунибу. Въ одинъ мигъ все засуетилось: котлы съ обѣдомъ были брошены, и баталіонъ во главѣ съ командиромъ полка, полковникомъ Радецкимъ, нѣсколько минутъ спустя, уже двигался къ горѣ.

Какъ ни казалась издали Гунибская скала мало доступною для подъема на нее съ нашей стороны, но лазутчикъ, знавшій прекрасно всѣ тропинки этой горы, повелъ отрядъ нашъ прямо къ ея подошвѣ, предупредивъ при этомъ полковника, что подъемъ отсюда на гору сильно испорченъ горцами и будетъ для насъ весьма не легокъ. Дѣйствительно, тропинка, по которой намъ надобно было подниматься, оказалась настолько крутою и узкою, что по ней можно было итти только лишь въ одного человѣка; къ тому же мягкій грунтъ земли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ сильно осыпался подъ ногами, что солдатамъ чуть не на каждомъ шагу приходилось исправлять путь, употребляя для этого, за неимѣніемъ шанцоваго инструмента, даже штыки. Но вотъ головная часть достигла, наконецъ, послѣдняго уступа скалы. Здѣсь тропинка, дѣлая крутой поворотъ, проходила шага на три или на четыре по узенькому карнизу совершенно отвѣсной скалы. Это было самое трудное и самое опасное мѣсто. Представьте себѣ съ одной стороны скалу въ нѣсколько саженъ вышины, а съ другой—ужаснѣйшую пропасть, въ которую и взглянуть-то было жутко. Тутъ одинъ какой нибудь невѣрно разсчитанный шагъ, и гибель неизбѣжна. Какъ умудрились перебраться безъ посторонней помощи по этому карнизу первые изъ нашихъ людей,—это для меня остается и до сихъ поръ непонятнымъ, но намъ всѣмъ пришлось продѣлывать въ этомъ мѣстѣ такія эквилибристическія движенія, что страшно о нихъ и вспомнить. Прежде всего надобно было перескочить глубокую расщелину, образовавшуюся въ скалѣ, затѣмъ ухватиться за штыкъ ружья, поданнаго перешедшимъ раньше, и, сдѣлавъ съ помощію его еще шага два надъ пропастью, выбираться потомъ по тропинкѣ кверху. Конечно, будь на вершинѣ хоть нѣсколько человѣкъ горцевъ, намъ едва ли удалось бы вылѣзть на эту скалу, но, къ нашему счастію, Шамиль, въ полной увѣренности, что отсюда русскимъ подняться будетъ невозможно, еще въ началѣ штурма приказалъ мюридамъ оставить эту сторону Гуниба и сосредочиться къ укрѣпленіямъ восточнаго фаса, гдѣ съ самаго утра уже кипѣлъ ожесточенный бой съ ширванскими баталіонами, атаковавшими Гунибскую гору со стороны рѣки Кара-Койсу.

Но какъ бы тамъ ни было, а часа два, три спустя, мы уже были на горѣ и, построившись въ колонны, быстро двинулись всѣми частями къ аулу Гунибу.

Верхнее плато Гунибской скалы, занимая въ поперечникѣ отъ 4 до 6 верстъ, представляетъ довольно холмистую возвышенность, покрытую прекрасными пастбищами и полями. Нѣсколько табуновъ и большихъ стадъ овецъ привольно разгуливали по этимъ обширнымъ полямъ, но горцевъ не видно было нигдѣ. Мы безъ всякихъ остановокъ прошли около трехъ верстъ и, поднявшись на небольшую высоту, сразу очутились передъ самымъ ауломъ Гуни-

боръ, нависшихъ въ глубокой котловинѣ. Войска раньше насъ сюда прибывшія, стояли почти у стѣнъ вокругъ селенія, но хранили глубокую тишину, прерываемую изрѣдка ружейными выстрѣлами изъ аула, которые, однако, вскорѣ прекратились совсѣмъ.

Итакъ, гора Гунибъ-дагъ была взята, но не въ нашихъ рукахъ еще былъ аулъ и самъ Шамиль, заключившійся въ немъ съ преданными ему до фанатизма мюридами. Его нужно было, или чѣмъ нибудь склонить къ сдачѣ или просто взять силою. Рѣшивъ прибѣгнуть къ послѣднему средству лишь въ томъ случаѣ, если Шамиль будетъ сильно упорствовать, князь Барятинскій, по прибытіи своемъ на Гунибъ, сдѣлалъ прежде всего распоряженіе, чтобы всѣ войска до приказанія оставались на занятыхъ ими мѣстахъ, и, расположившись самъ въ полуверстѣ отъ аула, приказалъ начать переговоры съ Шамилемъ.

Хотя разстояніе, отдѣлявшее горцевъ отъ нашихъ войскъ, было такъ не велико, что всѣ переговоры можно было вести словесно и не черезъ посланцевъ, но эти переговоры длившіеся довольно долго, не привели, однако, ровно ни къ чему. Шамиль медлилъ, колебался и видимо умышленно оттягивалъ время, а между тѣмъ день начиналъ уже клониться къ вечеру. Не видя конца этому и не разсчитывая на добровольную сдачу Шамиля, главнокомандующій часу въ 4 пополудни велѣлъ своимъ адъютантамъ объѣхать войска и передать имъ слѣдующее приказаніе: если переговоры съ Шамилемъ не будутъ имѣть успѣха, то по третьему выстрѣлу изъ орудія всѣмъ войскамъ двинуться къ аулу и взять его штурмомъ.

Конечно, овладѣть этимъ небольшимъ селеніемъ, которое не имѣло никакихъ укрѣпленій, и въ которомъ насчитывалось всего лишь до трехъ сотъ мюридовъ и нѣсколькихъ сотъ человѣкъ жителей, не могло составлять для насъ сколько нибудь трудной задачи, но нельзя, однакоже, умолчать, какъ жутко становилось при мысли, что произойдетъ въ этомъ аулѣ, когда на него бросится со всѣхъ сторонъ вся эта огромная масса людей. Всѣмъ извѣстно было, что въ этомъ селеніи находились всѣ богатства Шамиля, награбленныя имъ при нападеніяхъ его на русскія крѣпости и селенія. Тутъ хранилась и та сотня тысячъ рублевиковъ, которую Шамиль получилъ отъ русскихъ за освобожденіе грузинскихъ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани, взятыхъ имъ въ плѣнъ въ селеніи Цинондалахъ при вторженіи его въ Кахетію въ 1854 г. [1]); сюда же, какъ въ самое крѣпкое и надежное мѣсто, свезены были и драгоцѣнныя вещи, захваченныя горцами вмѣстѣ съ этими плѣн-

---

[1]) За освобожденіе плѣнныхъ грузинскихъ княгинь Шамиль запросилъ сначала милліонъ рублей и возвращеніе изъ Россіи сына его, Джамалъ-Эддина, но потомъ уменьшилъ свои требованія и согласился взять сто тысячъ, съ условіемъ получить всѣ деньги звонкою монетою, что ему и было доставлено въ горы на нѣсколькихъ арбахъ.

ными семействами. Соблазнъ былъ великъ и могъ довести до страшнаго безпорядка, который во всемъ этомъ хаосѣ неминуемо долженъ былъ бы наступить, если бы дѣло дошло до штурма аула.

Но вотъ послѣ долгихъ переговоровъ изъ аула показался Юнусъ, одинъ изъ приближенныхъ наибовъ Шамиля. Ставъ у послѣдней сакли, онъ громкимъ голосомъ началъ кричать, что Шамиль согласенъ выйти къ русскимъ, но не иначе, какъ въ сопровожденіи полковника Лазарева, котораго поэтому онъ и проситъ прійти къ нему въ аулъ. Это заявленіе немедленно доложили главнокомандующему, и полковникъ Лазаревъ съ разрѣшенія его отправился въ аулъ, захвативъ съ собою только одного изъ своихъ переводчиковъ [1]).

На небольшой площадкѣ, какъ разсказывалъ потомъ самъ полковникъ Лазаревъ, его встрѣтила толпа человѣкъ въ сорокъ, великолѣпно вооруженныхъ, самыхъ отчаянныхъ мюридовъ-любимцевъ Шамиля. Посреди этой толпы, облокотившись на стѣну сакли, стоялъ около сѣрой, осѣдланной лошади человѣкъ высокаго роста, съ угрюмымъ лицомъ. По величественной позѣ этого человѣка, которая рѣзко отличала его отъ другихъ, въ немъ не трудно было узнать Шамиля. Встрѣтивъ мюридовъ привѣтствіемъ, полковникъ Лазаревъ, не показывая вида, что узналъ грознаго повелителя горцевъ, спросилъ у мюридовъ, кто изъ нихъ Шамиль.

Ему указали на высокаго мужчину, и почти всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили: «вотъ имамъ».

Поздоровавшись съ Шамилемъ и отвѣтивъ утвердительно ему на вопросъ, не онъ ли Лазаревъ,—полковникъ послѣ краткаго и нѣсколько тяжелаго молчанія сказалъ:

— Шамиль! всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава ихъ никогда не померкнетъ, если ты, покоряясь силѣ судьбы, выйдешь сегодня къ главнокомандующему и предашься великодушію государя императора, чѣмъ спасешь отъ гибели тысячу человѣкъ, оставшихся тебѣ вѣрными [2]). Согласись, что они за ихъ слѣпую и безграничную къ тебѣ преданность заслуживаютъ отъ тебя этой жертвы. Итакъ, имамъ,—продолжалъ полковникъ,—заверши свои славные подвиги поступкомъ благоразумія и великодушія, а сердарь [3]), облеченный царскою властію, можетъ многое для тебя сдѣлать: онъ будетъ ходатайствовать передъ государемъ императоромъ

---

[1]) Полковникъ Лазаревъ, превосходно владѣвшій татарскимъ языкомъ, отправился въ аулъ одинъ, безъ всякаго конвоя и взялъ съ собою переводчика на тотъ лишь случай, если бы ему нужно было дать какое нибудь извѣстіе о себѣ или Шамилѣ.

[2]) Послѣ штурма Гуниба-дага у Шамиля оставалось въ живыхъ 300 мюридовъ и аулъ съ населеніемъ до 700 человѣкъ.

[3]) Сердарь—главнокомандующій.

объ обезпеченіи будущности твоей и твоего семейства. Я—Аллахъ [1]; пойдемъ, нечего медлить! — рѣшительно прибавилъ полковникъ Лазаревъ.

Шамиль колебался. Онъ опять выразилъ сомнѣніе за свою безопасность и на увѣреніе полковника Лазарева въ полной неприкосновенности его особы сказалъ:

— Если ты такъ убѣжденъ, что со мною русскіе не поступятъ дурно, то иди къ моимъ сыновьямъ и останься тамъ, покуда я не вернусь обратно.

— Я присланъ сюда,—возразилъ полковникъ Лазаревъ,—по твоему желанію, чтобы вмѣстѣ итти къ главнокомандующему, а не присланъ къ тебѣ аманатомъ. Если хочешь, пойдемъ теперь же, а не хочешь—я уйду одинъ.

Шамиль былъ въ нерѣшительности, тѣмъ болѣе, что въ толпѣ мюридовъ раздавался по временамъ грозный ропотъ, и одни, потрясая оружіемъ, говорили, что повелитель ихъ даромъ не попадется въ руки невѣрныхъ, и за смерть его русскіе дорого заплатятъ; другіе же прямо совѣтовали имаму не склоняться на убѣжденія полковника Лазарева.

Уговоривъ Шамиля не слушать безразсудныхъ совѣтовъ, полковникъ Лазаревъ обратился къ мюридамъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ выставилъ, какъ неблагоразумно съ ихъ стороны настаивать на безполезномъ сопротивленіи, вмѣсто того, чтобы совѣтовать Шамилю полною покорностію избавить всѣхъ отъ неминуемой гибели.

Шамиль, оставаясь все еще въ нерѣшительности, спросилъ, что если онъ явится къ главнокомандующему, то позволено ли ему будетъ вернуться къ своему семейству; на это полковникъ Лазаревъ отвѣтилъ, что никто не хочетъ разлучать его съ семействомъ, и что, вѣроятно, не будетъ препятствій къ возвращенію его въ аулъ.

Наконецъ, Шамиль, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, рѣшился выйти къ главнокомандующему.

И вотъ въ аулѣ вдругъ произошло необыкновенное движеніе: показались на улицахъ кучки мюридовъ, замелькали, какъ тѣни, около сакель женскія фигуры, покрытыя съ головы до ногъ бѣлыми чадрами; все населеніе сразу засуетилось, зашумѣло и видимо начинало готовиться къ весьма важному въ его жизни событію. Мы стояли на тѣхъ же мѣстахъ и, храня попрежнему глубокую тишину, съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ, что происходило передъ нашими глазами, какъ вдругъ показался изъ аула Шамиль. Онъ вышелъ, охраняемый толпою мюридовъ, которые, окружая его со всѣхъ сторонъ, держали въ засученныхъ по

---

[1] Я—Аллахъ—во имя Бога.

локоть рукахъ винтовки наготовѣ. По одну сторону Шамиля слѣдовалъ полковникъ Лазаревъ, по другую его наибъ Юнусъ, а нѣсколько позади два нукера вели въ поводахъ его прекраснаго коня, покрытаго поверхъ сѣдла богатымъ чапракомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ аула, Шамиль пріостановился, бросилъ быстрый взглядъ вокругъ себя и вдругъ, совершенно неожиданно повернулъ назадъ. Нельзя было понять, что произошло съ Шамилемъ, но оказалось, что онъ отказывался выходить на глазахъ чепурхановъ [1]), нашихъ конно-милиціонеровъ, которые были его страшными врагами. Милиціонеровъ тотчасъ же отодвинули назадъ, и шествіе возобновилось снова въ томъ же порядкѣ.

Когда Шамиль отошелъ уже на значительное разстояніе отъ аула, въ войскахъ вдругъ загремѣлъ страшный взрывъ «ура», огласившій далеко всю окрестность. Пораженный неожиданнымъ и хорошо ему знакомымъ боевымъ крикомъ русскихъ, Шамиль въ тревожномъ недоумѣніи опять остановился. Минута была рѣшительная, и это случайное обстоятельство могло бы окончиться весьма печально, но находчивость полковника Лазарева поправила дѣло. Онъ въ ту же минуту крикнулъ Шамилю, что русскія войска, по приказанію сердаря, его привѣтствуютъ, и подозрительный Шамиль, нѣсколько успокоившись, продолжалъ путь [2]).

Не доходя шаговъ ста до главнокомандующаго, мюриды, сопровождавшіе Шамиля, были остановлены, а онъ вмѣстѣ съ полковникомъ Лазаревымъ и Юнусомъ прослѣдовалъ къ тому мѣсту, гдѣ находился самъ князь, которому, однако, при своемъ приближеніи Шамиль не сдѣлалъ никакого привѣтствія и даже не поклонился.

— Шамиль!—сказалъ князь Барятинскій, не вставая съ камня, на которомъ онъ сидѣлъ [3]), — я предлагалъ тебѣ пріѣхать въ лагерь на Кегерскія высоты, обѣщая выгодныя условія. Ты тогда не захотѣлъ этого сдѣлать; ну, такъ я самъ съ войсками пришелъ сюда, и, конечно, условія, предложенныя тебѣ прежде, теперь не имѣютъ уже мѣста. Твоя участь будетъ зависѣть отъ государя императора; но я надѣюсь, что его величество уважитъ мое ходатайство и даруетъ неприкосновенность, какъ тебѣ, такъ и твоему семейству.

Когда слова эти переданы были Шамилю, онъ отвѣчалъ:

---

[1]) Горцы, выражая презрѣніе къ нашимъ конно-милиціонерамъ, называли ихъ чепурханами.

[2]) По разсказу одного изъ свидѣтелей, бывшихъ при Шамилѣ, мюриды, напуганные криками нашихъ войскъ, хотѣли было въ этотъ моментъ убить полковника Лазарева и возвратиться опять въ аулъ.

[3]) Въ память этого событія на камнѣ, гдѣ сидѣлъ главнокомандующій и принималъ Шамиля, вырѣзана дата—годъ и число взятія Гуниба. Этотъ камень и понынѣ находится на томъ же мѣстѣ.

- Сердарь! я не внялъ твоимъ совѣтамъ,—прости и не осуждай меня. Я—простой узденъ, тридцать лѣтъ дравшійся за вѣру моего народа; но теперь наибы мои разбѣжались, мнѣ измѣнили всѣ, да и самъ я уже старъ—мнѣ шестьдесятъ три года. Не гляди на мою черную бороду—я сѣдъ [1]).

Шамиль поднялъ крашенную бороду и показалъ прикрытую только снаружи свою сѣдину.

— Поздравляю русскихъ,—продолжалъ Шамиль,—съ владычествомъ надъ Дагестаномъ и отъ души желаю государю успѣха въ управленіи горцами для ихъ блага.

— Я немедленно пошлю тебя къ государю императору, и одинъ изъ моихъ приближенныхъ повезетъ тебя. Теперь же,—добавилъ главнокомандующій,—ты, какъ военноплѣнный, поѣдешь въ нашъ лагерь, а полковникъ Лазаревъ распорядится перевезти туда и все твое семейство.

Съ этими словами князь Барятинскій всталъ и тотчасъ же уѣхалъ въ свой станъ.

Шамиль былъ пораженъ.

— Ты обманулъ меня,—сказалъ онъ полковнику Лазареву, блѣднѣя и мѣняясь въ лицѣ, и, схватившись за рукоять кинжала, близко подошелъ къ нему.

Положеніе становилось критическимъ, но полковникъ Лазаревъ не потерялся и тутъ.

— Успокойся, имамъ,—сказалъ онъ Шамилю,—и вспомни, что тамъ я высказывалъ тебѣ лишь свои предположенія, а здѣсь ты получилъ приказанія отъ самого главнокомандующаго; исполни ихъ, и ты не будешь раскаиваться.

Затѣмъ полковникъ Лазаревъ передалъ Шамиля графу Евдокимову, а самъ отправился въ аулъ къ его семейству.

Съ отъѣздомъ изъ Гуниба Шамиля аулъ какъ будто опустѣлъ; жители попрятались, и на улицахъ уже не видно было никого; только около сакли Шамиля копошилось нѣсколько человѣкъ мюридовъ, собирая въ путь семейство имама, которое готовилось навсегда покинуть горы Кавказа и слѣдовать за нимъ въ далекую Россію. Подстрекаемый сильнымъ любопытствомъ взглянуть на семейство Шамиля, я съ нѣсколькими офицерами, несмотря на густую цѣпь, выставленную по приказанію барона Врангеля вокругъ селенія, чтобы туда никого не пропускать, успѣлъ, однако, проникнуть въ самую середину аула и, примостившись на крышѣ одного изъ сараевъ, примыкавшихъ ко двору Шамиля, прекрасно оттуда могъ видѣть, что происходило внутри этого двора. А тамъ въ это время уже стояло около десятка арбъ, на которыя мюриды спѣ-

[1]) Впослѣдствіи Шамиль, находясь уже въ Россіи, оставилъ обычай горцевъ красить бороду.

шили укладывать вещи Шамиля, состоявшія большею частію изъ тюфяковъ, подушекъ, огромныхъ окованныхъ желѣзомъ сундуковъ и прочаго домашняго скарба. Тутъ же на галлереѣ у самаго входа въ саклю стояло нѣсколько женщинъ, которыя, повидимому, слѣдили за укладкой этихъ вещей, но не принимали въ этомъ никакого участія. Это были жены и дочери Шамиля, въ числѣ которыхъ, говорили, находилась и красавица Шуаннатъ—третья жена имама [1]). Къ сожалѣнію, всѣ женщины были закутаны въ бѣлыя чадры, и ихъ лицъ совершенно нельзя было разсмотрѣть. Впрочемъ меня собственно болѣе всего интересовала личность второго сына Шамиля, Кази-Магомы, который, какъ извѣстно, былъ самый отчаянный врагъ русскихъ и въ послѣдніе годы войны предводительствовалъ наѣздническими партіями Шамиля [2]). Это былъ лѣтъ тридцати, стройный, высокаго роста мужчина съ гордой осанкой и надменнымъ выраженіемъ лица. Во взорѣ его небольшихъ глазъ, сверкавшихъ злобою и ненавистію къ русскимъ, было что-то хищническое и даже отталкивающее. Онъ повелительнымъ тономъ отдавалъ безпрестанно приказанія толпившимся вокругъ его мюридамъ и явно показывалъ видъ, что не замѣчаетъ присутствія здѣсь русскихъ офицеровъ.

Мнѣ, конечно, не приходило тогда въ голову, чтобы я когда нибудь еще разъ могъ увидѣть этого человѣка, а между тѣмъ это случилось ровно черезъ восемнадцать лѣтъ. Я видѣлъ Кази-Магому въ дѣлѣ подъ Авліаромъ, въ годъ войны нашей съ Турціей, гдѣ этотъ вѣроломный измѣнникъ командовалъ турецкимъ кавалерійскимъ отрядомъ и произвелъ нѣсколько смѣлыхъ, хотя и безуспѣшныхъ, атакъ на нашъ правый флангъ. Турки, какъ извѣстно, въ этомъ сраженіи были совершенно разбиты и потеряли плѣнными большую часть своей арміи, но Кази-Магома, по счастливой случайности, избѣжалъ русскаго плѣна и, благодаря этому, избѣжалъ, конечно, и тѣхъ двѣнадцати пуль въ грудь, которыя могли бы быть единственною наградою этому измѣннику, когда-то обласканному русскимъ царемъ, даровавшимъ ему свободу вмѣсто ссылки въ холодныя страны нашей далекой Сибири.

Уже почти совсѣмъ стемнѣло, когда всѣ сборы къ отъѣзду семейства Шамиля были окончены, и нагруженныя арбы подъ силь-

---

[1]) У Шамиля было три жены: первая Фатиматъ (давно умершая), вторая—Зейдатъ и третья—Шуаннатъ. Эта послѣдняя, армянка по происхожденію, была имъ похищена изъ Кизляра.

[2]) Первый сынъ Шамиля, Джамалъ-Эддинъ, былъ выданъ горцами русскимъ въ видѣ заложника при взятіи аула Ахульго въ 1839 г. и, отправленный въ Петербургъ, воспитывался тамъ въ 1 кадескомъ корпусѣ. При размѣнѣ впослѣдствіи семействъ Чавчавадзе и Орбеліани, взятыхъ Шамилемъ въ плѣнъ, при вторженіи его въ Кахетію въ 1854 г., Джамалъ-Эддинъ, бывшій тогда уже нашимъ офицеромъ, возвращенъ былъ обратно Шамилю и, года два спустя, умеръ въ горахъ, не имѣя силъ подчиниться строгому режиму въ домѣ своего отца.

[illegible]

[illegible]

Спустившись къ рѣкѣ Кара-Койсу и перейдя переброшенный черезъ нее узкій деревянный мостъ, мы по крутому и [illegible] подъему поднялись на Кегерскія высоты и къ полуднѣ подошли къ лагерю нашего главнаго отряда, гдѣ находилась ставка главнокомандующаго. Расположившись здѣсь на большой полянѣ подъ открытымъ небомъ, страшно утомленные безсонною ночью, проведенною въ цѣпи, оставаясь двое сутокъ безъ горячей пищи, мы и на этотъ разъ закусили только лишь одними сухариками, запили ихъ водицею и повалились всѣ спать прямо на голой землѣ. Но спать намъ не пришлось долго, потому что къ 6 часамъ вечера всѣмъ войскамъ приказано было построиться передъ ставкою главнокомандующаго. Онъ вышелъ къ намъ изъ палатки съ своею обычною привѣтливостію, поблагодарилъ всѣхъ отъ имени государя императора за труды похода, увѣнчавшагося такимъ блестящимъ концомъ, и тутъ же, потребовавъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ, приказалъ имъ сдѣлать представленіе къ наградамъ наиботѣе отличившихся. Затѣмъ въ тотъ же день послѣдовалъ приказъ о роспускѣ всѣхъ отрядовъ, и походъ нашъ былъ оконченъ. 27 августа мы въ послѣдній разъ переночевали въ своемъ лагерѣ и на слѣдующій день уже были на пути къ давно оставленному нами Буртунаю.

Такъ закончилась эта великая, героическая эпопея, бурно и почти непрерывно тянувшаяся многіе десятки лѣтъ на восточномъ Кавказѣ. Надъ краемъ начинала теперь заниматься заря новой

жизни, и, приводя слова высочайшей грамоты, данной на имя князя Барятинскаго, что «отнынѣ предстоитъ во вновь покоренной странѣ не утвержденіе власти нашей силою оружія, а распространеніе между новыми подданными Россіи гражданственной образованности и общественнаго благополучія»,—въ настоящее время можно уже утвердительно сказать, что такая воля монарха послужила несомнѣнно лучшимъ указаніемъ для проведенія въ этомъ краѣ полнаго и прочнаго умиротворенія.

А. Аноевъ.

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЕЛИКОРУССКАЯ народная словесность далеко не богата произведеніями, посвященными крѣпостной судьбѣ народа. Фактъ этотъ давно уже отмѣченъ въ нашей печати. Покойный орловецъ-историкъ, Н. П. Барышниковъ, самъ помѣщикъ, еще въ 1874 г. («Русскій Архивъ», III тетр.) дивился даже такой скудости и не находилъ ей удовлетворительнаго объясненія. «Для насъ,—писалъ онъ,—остается тайной причина отсутствія въ народной литературѣ пѣсенъ и разсказовъ о предметѣ, такъ тѣсно связанномъ съ существованіемъ кабальнаго закрѣпощеннаго русскаго крестьянина». Тайна, впрочемъ, тутъ, на нашъ взглядъ, небольшая. Ларчикъ, напротивъ, открывается совсѣмъ просто. Отсутствіе, или, вѣрнѣе, количественная незначительность народной словесности о рабствѣ легко объясняется строгостью крѣпостной помѣщичьей цензуры. На почвѣ «вавилонскаго плѣненія» народа не могла, конечно, развиться и процвѣтать словесность, лестная и пріятная для «господъ». Скорѣе, наоборотъ, должна была развиться протестующая, съ преобладаніемъ воплей и стоновъ. Но такая нисколько не соотвѣтствовала, разумѣется, помѣщичьимъ видамъ. Въ интересахъ «господъ» эту мрачную словесность надо было, понятно, заглушать, не давать ей ходу. На дѣлѣ, конечно, въ крѣпостной Руси такъ всегда всюду дѣлалось;

касавшееся непохвально рабства народное «слово» истреблялось еще въ самомъ зародышѣ, какъ естественный источникъ смуты. Здѣсь-то, въ сущности, и кроется та причина, которая Барышникову казалась тайной, непостижимой. При крѣпостномъ строѣ народу совершенно нельзя было высказываться о своей горькой долѣ: барская цензура не терпѣла и не допускала такой вольности. Бывали, правда, въ нашей крѣпостной исторіи времена, когда для антикрѣпостнической народной словесности мѣстами создавался нѣкоторый просторъ, напримѣръ, на свободолюбивомъ Поволжьѣ, въ особенности, когда тамъ подвизались Разинъ и Пугачевъ, оба ярые поборники народной свободы, враги помѣщичьей «несытости». И въ подобные періоды антикрѣпостническая народная литература, несомнѣнно, здѣсь воскресала и оживлялась—нѣкоторые отрывки ея дошли даже и до насъ (хотя бы въ приводимомъ ниже фарсѣ XVII в., «потѣхѣ» голытьбы надъ барствомъ). Но все это опять быстро замирало и «сметалось» вмѣстѣ съ прекращеніемъ того народнаго движенія, которое вызвало такую вспышку.

Гонимая въ устной формѣ, наша народная словесность о неволѣ, до паденія на Руси рабства, совершенно не допускалась въ печать. Надъ «сочиненіями», даже надъ самыми благонамѣренными, разъ въ нихъ «изъявлялось сожалѣніе о крѣпостномъ состояніи» или «описывались злоупотребленія помѣщиковъ», у насъ до 1861 г. вообще всегда тяготѣлъ «крѣпкій заказъ», строжайшій правительственный запретъ. Нарушителямъ запрета, въ родѣ Радищева, приходилось жестоко платиться за свою неосторожность: ихъ безпощадно карали.

При такомъ же положеніи вопроса остается удивляться скорѣе лишь тому, что не всѣ еще памятники народной словесности о крѣпостничествѣ погибли и хоть немногіе да сохранились. Ничто, вѣдь, не мѣшало всѣмъ имъ кануть въ Лету навѣки!

Обзору наиболѣе любопытныхъ изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ и посвящается настоящій очеркъ.

Вотъ перечень ихъ [1]).

---

[1]) Число чисто народныхъ произведеній о рабствѣ со временемъ, когда въ печати появятся и будутъ основательно разобраны всѣ извѣстные памятники народнаго творчества, намъ думается, значительно увеличится. Критикой, вѣроятно, и въ совершенно невинныхъ съ перваго взгляда нумерахъ отыщутся слѣды исторической правды о неволѣ, искусно замаскированные.

Сомнѣваться въ этомъ едва ли возможно. Народная эзоповщина (кличка Эзопъ, кстати, очень популярна въ народѣ)—фактъ: она значительно старше нашей книжной. Недаромъ у насъ говорится: пѣсенку пой, да не досказывай. Только надобно умѣть раскрыть народную эзоповщину: многія пѣсни повѣдаютъ намъ навѣрное совсѣмъ другое—про мрачную исторію рабства. Такой тонкій знатокъ народной души, какъ Г. И. Успенскій, подмѣтилъ, напримѣръ, слѣды этой исторіи въ слѣдующемъ, казалось бы, темномъ отрывкѣ подслушанной имъ на деревенской улицѣ пѣсни:

Во-первыхъ: отрывки старинной скоморошины, [illegible] пѣсенъ и одного популярнаго фарса XVII в.

Дальше:

«Адская газета» — повидимому, странническо-старообряд[illegible]ніе.

Двѣ народныя картинки.

Пародія на барство: архангельская игра «водить барина» [illegible] заніе «о баринѣ голомъ и Афонькѣ новомъ», [illegible] сцены, восходящія тоже чуть ли не къ скоморошьей [illegible] разыгрывавшіяся, между прочимъ, на торопецкой [illegible]

Наконецъ, творенія дворовыхъ: «Плачъ холоповъ» [illegible] графія одного двороваго: «Пѣсня крестьянина-бѣглеца».

Начнемъ съ знаменитыхъ народныхъ камаринскихъ [illegible] пѣсенъ о мужикѣ Камаринскомъ и Баринѣ, которыя [illegible] мнѣнію, представляютъ самый ранній памятникъ [illegible] народной антикрѣпостнической словесности [illegible].

Въ этой, въ общемъ не всегда пристойной, буйной [illegible] шинѣ воспѣвается первая пора крѣпостничества, когда [illegible] «баряни» съ рабами еще не наладились, вольнолюбивый [illegible] не былъ укрощенъ окончательно.

Я поставлю келью
На вострашней водѣ.
Какъ вострашняя вода
Непитая была;
Тараканы натаскали,
Сверчки [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] три года гнила.

«Въ [illegible] крѣпостной [illegible] — [illegible] Н. П. [illegible] крестьяне [illegible] крестьянъ [illegible] Въ записках [illegible]

[2] Наше еще въ статьѣ «[illegible] о Камаринскомъ и Баринѣ» («Историческій Вѣстникъ», [illegible]) [illegible] древности камаринскихъ [illegible] XVI—XVII вв. [illegible] 1904 [illegible] академическомъ [illegible] можетъ служить [illegible] съ пѣснями [illegible]

Сюжетъ камаринскихъ пѣсенъ, болѣе подробно разсмотрѣнный нами въ нашей статьѣ, упоминаемой въ примѣчаніи,—бѣгство мужика отъ помѣщика, а потомъ кратковременное торжество его надъ «барыней».

По пѣснѣ, недовольный порабощеніемъ мужикъ «не хочетъ барынѣ служить» и бѣжитъ отъ этой «Марковны съ душой бархатной» на окраину, въ тогдашнія вольныя камаринскія (отсюда и кличка героя камаринскій) земли (древняя Камаринская волость около Сѣвска въ Орловщинѣ), бѣжитъ въ самомъ растерзанно-протестующемъ видѣ. Пустынная Камаринщина была тогда такимъ уголкомъ, куда переселеніе всячески поощрялось правительствомъ, стремившимся заселить погуще этотъ край. «Ни сыска, ни розыска» бѣглецовъ тутъ не допускалось—прошлое ихъ охотно предавалось забвенію. Короче, Камаринщина въ ту эпоху играла роль «убѣжища» для всякихъ преступниковъ. На нее распространялись вольности «тарханной грамоты» старинной пѣсни:

Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ,
И кто у жива мужа жену сведетъ,—

не отвѣчаетъ, если только скроется въ Камаринскій край:

Быть тому въ невыдачѣ,
Того добра молодца да Богъ проститъ.

Наступаетъ затѣмъ смута—и въ положеніи «камаринскаго молодца» внезапно совершается крупная перемѣна. Фортуна нежданно-негаданно улыбнулась теперь ему, а къ его соперницѣ-барынѣ повернулась спиной. Въ это время «воръ-мужикъ» мигомъ преобразился и, господствуя надъ «барыней», потѣшался надъ нею, насмѣшливо напѣвая:

Ой, барыня, перевернись,
Сударыня, перевернись.
Ой, ей-Богу, перевернись—
Сдѣлай милость, не срамись.

Вообще, барыня теперь щедро осыпалась ѣдкими намеками, при чемъ припоминалась и ея исконная несправедливость къ мужику, и говорилось:

А твой главный интересъ
Идетъ съ правдою въ разрѣзъ.

На ряду съ камаринскими пѣснями не менѣе злою сатирою на крѣпостничество является также и другая, повидимому, современная имъ скоморошина—одинъ фарсъ, очень популярный въ Великороссіи еще въ XVII в. Содержаніе этого фарса слѣдующее.

На сцену выходилъ бояринъ въ карикатурѣ: на головѣ у него была горлатная шапка изъ дубовой коры, самъ онъ былъ наду-

тый, свалившій съ оттопыренной губой. Къ нему шли челобитчики и несли посуды въ туясочкахъ, кучи щебня, песку, свертки всякаго тряпья и т. п. Челобитчики кланяются, просятъ правды и милости, но бояринъ ругаетъ ихъ и гонитъ прочь.

— Ой, бояринъ, ой, воевода, любо было тебѣ надъ нами издѣваться, веди же насъ теперь самъ на расправу надъ самимъ собой,—говорятъ челобитчики и начинаютъ тузить боярина, грозятъ его утопить.

Затѣмъ являются двое лохмотниковъ и принимаются гонять толстяка прутьями, приговаривая:

— Добрые люди, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ!

Тутъ же является купецъ и начинаетъ считать камешки, изображающіе деньги. Лохмотники бросаются на него и тормошатъ.

— Дѣлись съ нами,—кричатъ ему.—Награбилъ, дескать, съ народа за гнилой товаръ...

Отобравъ деньги и расправившись съ бояриномъ и купцомъ, добрые молодцы отправляются какъ бы во царевъ кабакъ, пьютъ по чарѣ зелена вина и поютъ:

> Ребятушки, праздникъ, праздникъ,
> У батюшки праздникъ, праздникъ,
> На матушкѣ-Волгѣ праздникъ,
> Сходися, голытьба, на праздникъ!
> Готовьтесь, бояре, на праздникъ!

Въ заключеніе скоморохи обращались къ толпѣ въ такихъ выраженіяхъ:

— Ой, вы, купцы богатые, бояре тароватые, ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчаты, принимайте гостей голыхъ, босыхъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую.

Смыслъ подобныхъ «дѣйствъ», выражавшихъ протестъ народа противъ крѣпостничества и кабалы, былъ хорошо понятенъ зрителямъ, и, несомнѣнно, скоморохи этимъ путемъ подготовляли тѣ смуты и движенія, охватывавшія «чернь мужицкую», которыми такъ изобилуетъ наша исторія.

Словомъ, въ обѣихъ скоморошинахъ проводилась та мысль, которая позже еще ярче и опредѣленнѣе сказалась въ проповѣди Разина и, въ особенности, Пугачева, начертавшаго на своемъ знамени искорененіе разорителей и возмутителей Россіи—дворянъ—, какъ «ненасытнаго рода», похитившаго народную свободу. Недаромъ «воля» чеканилась даже на пугачевскихъ рубляхъ.

Та же дворянская «несытость» бичуется также въ «Адской газетѣ», въ свое время запретной, но распространенной на Руси тайкомъ въ рукописяхъ странниками, которыми споконъ-вѣку все

«отреченное», но имѣющее въ народѣ спросъ, въ родѣ «Сна Богородицы» или сказанія о пятницахъ, усердно популяризировалось у насъ.

«Адская газета, или «Вѣдомость изъ ада» или, по третьему названію, «Газета съ того свѣта»,—не чисто народное, а скорѣе раешническое твореніе въ духѣ старинныхъ риѳмованныхъ текстовъ лубочныхъ картинокъ.

Въ печати у насъ впервые она появилась лишь въ началѣ царствованія Александра II (въ «Библіографическихъ Запискахъ», т. I); другой варіантъ напечатанъ былъ затѣмъ въ «Русской Старинѣ» 1875 г., по списку изъ Ярославской губерніи; недавно намъ случайно попался еще третій въ рукописи, которую мы видѣли въ г. Волховѣ, Орловской губерніи. Все это, конечно, свидѣтельствуетъ о распространенности «Вѣдомости» въ довольно широкихъ народныхъ кругахъ.

Въ газетѣ рѣчь ведется о загробныхъ карахъ, уготованныхъ сатаною грѣшникамъ «всякаго чина», не исключая даже и чернецовъ, и о пріемѣ владыкою ада усопшихъ душъ, осужденныхъ на мученіе.

Газета прямо крѣпостного быта не касается, а только косвенно. Господамъ, однакожъ, открыто ставится въ вину ихъ «несытость», повадка жить хорошо и безпечно за счетъ мужичьяго труда, разумѣется. И въ этомъ ея несомнѣнная связь съ крѣпостничествомъ, какъ сатиры нравовъ.

«Исторія» начинается съ появленія «гордыхъ бояръ-господъ», послѣ ихъ смерти, во адѣ. Встрѣча имъ устраивается великолѣпная, достойная высокихъ гостей. «Проклятый бѣсъ» ничуть не скупился тутъ на знаки вниманія—даже «съ престола къ нимъ слѣзъ». Встрѣчая, онъ кланялся «весьма низко», привѣтствовалъ знатныхъ пришельцевъ «ласковыми словами», величалъ даже ихъ «господами». Во всемъ, однакожъ, чувствуется ѣдкая иронія, адская насмѣшка. «Честнѣйшіе господа,—иронизировалъ сатана,— пожалуйте ко мнѣ сюда. Я буду васъ самъ угощать, огонь горящъ и жупелъ возмѣщать».

Дальше, въ томъ же насмѣшливомъ духѣ, выхваляются прелести и удобства, которыми будетъ окружена господская жизнь въ аду. Властелинъ ада съ прежнею ласковою почтительностью говоритъ: «Милостивые мои государи. И здѣсь велю ставить про васъ самовары. Еще прикажу я слугамъ своимъ одно слово: станутъ они варить про васъ олово и смолу... Еще прикажу поднести вамъ, честнымъ господамъ, сладкія водки, чтобъ наполнить несытыя ваши глотки» [1]).

---

[1]) По волховскому варіанту, въ старинной записи попа разстриги, сатана для пару барскихъ «нѣжныхъ тѣлъ» предлагалъ «съ кипяткомъ большой котелъ», а вмѣсто «съ ромомъ пуншу» «изъ олова гущу». Потомъ отдается «куцему» повелѣніе «тащить господъ» во адъ, «а тотъ тому давно былъ радъ». Когда же пришли «нищіе твари», имъ приказано было убираться прочь, потому что дѣвать ихъ некуда: «мѣсто заняли вельможи-бояре».

[illegible]

Изъ двухъ извѣстныхъ намъ народныхъ картинъ [illegible] сатирѣ, одна на тему: «сила [illegible] мудрость да не мужицкая хитрость», [illegible] мужикъ [illegible] представляетъ иллюстрацію популярной басни о дворянинѣ и мужикѣ, а другая же называется по главному своему [illegible]: «Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, да и сдѣлался мясникомъ».

Вотъ сюжетъ первой.

Шелъ дорогою дворянинъ, а сзади ѣхалъ мужикъ съ дровами. Опасаясь «наѣхать», мужикъ кричитъ: «господинъ, поберегись». Н господинъ словно оглохъ—не отвѣчаетъ и не сворачиваетъ. Вотъ, наконецъ, «наѣхалъ» на барина—«оглоблею въ спину попалъ и епанчу разорвалъ». Пошла тутъ брань, ссора. Баринъ говоритъ: «заплати за епанчу, не то въ судъ потащу». Мужикъ, однакожъ, не сдается: самъ, дескать, баринъ кругомъ виноватъ, не посторонился. Видитъ господинъ, что мужикъ-«бестія» рѣшается на «отместіе», — тянетъ «бестію» въ судъ. Въ судѣ мужикъ пускается на хитрость упорно молчитъ. Тщетно судья дѣлаетъ ему вопросы, сердится,— «бестія» безмолвствуетъ, «ничего не маракуетъ». Судьѣ подумалось, что обвиняемый- просто нѣмой, и судить его нельзя. Но жалобщикъ заспорилъ: мужикъ де только прикидывается. Онъ собственными ушами слышалъ, какъ «бестія» «во все горло» оралъ ему: «посторонись». Судья тутъ догадался, засмѣялся и сказалъ «господину»: на что же ты жалуешься, когда тебя предостерегали? Въ результатѣ, мужикъ, конечно, вышелъ «правъ», господинъ же, напротивъ, пострадалъ—«понесъ на себѣ штрафъ» и, вдобавокъ, за неосновательную жалобу былъ еще выгнанъ изъ суда «въ толчки».

Правоученіе въ чисто народномъ стилѣ: «Мало то годится— умному съ глупымъ судиться». «Умный» здѣсь, разумѣется, «простакъ-баринъ».

---

[1]) На ряду съ нѣкоторыми другими, сравнительно невинными, разсказами о «господахъ», которыхъ обыкновенно ловко «проводили» мужики, довольно безобидная басня эта впервые появилась у насъ въ печати въ 1780 г. въ знаменитомъ въ свое время забавномъ лубочномъ сборникѣ: «Старичокъ-Весельчакъ, разсказывающій разныя московскія были», перепечатывавшемся затѣмъ неоднократно. Большая часть статей книжки, впрочемъ, не оригинальныя, а переводы и передѣлки съ польскаго и французскаго. Нѣсколько разсказовъ «Старика-Весельчака», въ томъ числѣ и наша басня, напечатаны по рукописи XVIII в. въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 г., III тетр.

Вторая картинка «о быкѣ» гораздо занимательнѣе и ядовитѣе. Подъ смиренной на видъ «эзоповщиной» здѣсь много ѣдкой сатиры.

Картинка состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій на разные сюжеты. Самое главное изъ этихъ отдѣленій въ срединѣ, гдѣ собственно и изображается, какъ «быкъ не захотѣлъ быть быкомъ и сдѣлался мясникомъ». Текстъ гласитъ, что когда мясникъ сталъ бить быка въ лобъ, тотъ не стерпѣлъ «удара» и «ткнулъ» своего палача «рогами въ бокъ». Мясникъ тутъ съ ногъ долой «свалился», а «быкъ выхватить топоръ у него потщился»; вооружась, онъ принялся расправляться по-своему съ мясникомъ: отрубилъ ему руки, затѣмъ повѣсилъ его «вверхъ ногами и сталъ таскать кишки съ потрохами». На рисункѣ къ этому тексту видимъ быка-мясника и человѣка, изъ котораго быкъ выматываетъ кишки; въ отдаленіи другой быкъ бодаетъ будочника съ алебардой.

Это-то центральное отдѣленіе и было въ свое время причиной гибели всей картинки. Въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка полицейская цензура обратила особенное вниманіе на невѣроятную исторію быка и, наконецъ, рѣшила, что тутъ кроется «потрясеніе основъ», прозрачная «аллегорія» кровавой расправы крѣпостныхъ надъ жестокими помѣщиками. Послѣ такого открытія картинка, разумѣется, подверглась строжайшему запрету и была «изъята».

Нѣкоторыя боковыя отдѣленія нашей картинки также не свободны отъ антикрѣпостнической сатиры.

Таковы, напримѣръ: 1) овца, искусная мастерица, велитъ всѣмъ пастухамъ стричься (намекъ на «стрижки» господами своихъ крестьянъ (овецъ), которые желали бы, чтобы господа на себѣ испытали эту операцію); 2) оселъ мужика погоняетъ за то, что не скоро онъ выступаетъ,—нелестная грубая характеристика господъ; 3) бабы осла забавляли [1]): посадивъ въ карету, по улицамъ ка-

[1]) Во время крѣпостного права крестьянскимъ бабамъ вообще немало было своеобразнаго «господскаго дѣла». «Катанье» въ каретѣ было еще не изъ самыхъ зазорныхъ. Бывало и хуже: помѣщики просто заводили себѣ крѣпостные гаремы. Извѣстны, напримѣръ, гаремы: Измайлова, наполненный «зефирами и амурами» и увѣковѣченный въ «Горе отъ ума», графа Каменскаго въ Орлѣ и пр. Случайное же волокитство «господъ» за «поселянками», самое притомъ откровенное, встрѣчалось чуть ли не на каждомъ шагу. Не даромъ еще въ 40-хъ годахъ у насъ пѣвали слѣдующій, непропущенный, однако, тогдашней цензурой въ особомъ сборникѣ, куплетъ:

Давно ли въ деревнѣ мужья отдохнули,
И мать не боится за милую дочь?
Бывало, на нивѣ ль, въ саду ли, въ лѣсу ли
Нашъ баринъ отъ бабъ да отъ дѣвокъ не прочь.
Коль дня не достанетъ, прорыскаетъ ночь.

Таковы были стародворянскія чудачества. Иногда причуды эти принимали даже совершенно непристойныя формы, свидѣтельствуя о полной извращенности «барскаго вкуса», свободнаго отъ внѣшнихъ сдерживающихъ началъ. По раз-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

— [illegible] — [illegible] — [illegible] — [illegible]

[illegible]

дарь.—А какъ хорошъ?—Колосъ отъ колосу—не слыхать голосу, копна отъ копны—три дня ѣзды.

«Аѳонька»—игра старинная. Кажется, на Руси она была извѣстна еще въ XVIII в. и разыгрывалась барскою дворнею на святкахъ. Такъ можно думать, судя по воспоминаніямъ извѣстнаго драматурга, князя Шаховского. По свидѣтельству послѣдняго, слугами его бабки «представлялась» такая святочная «комедь».

> Господинъ. Малый, подай водки алой!
> Слуга. Да гдѣ, сударь, она стоитъ?
> Господинъ. Въ поставѣ.
> Слуга. Да не чортъ ли ее поставилъ? и т. д.

Разговоръ въ томъ же духѣ продолжался, по крайней мѣрѣ, съ полчаса, въ насмѣшку надъ промотавшимся помѣщикомъ.

По своему характеру, приведенный нами отрывокъ «комедіи» прямо напоминаетъ шутовской діалогъ Аѳоньки съ голымъ бариномъ. Очевидно, онъ и взятъ изъ того же діалога, который, повидимому, въ полномъ видѣ представлялъ безконечный рядъ юмористическихъ сценокъ...

Вообще «комедь» «Аѳонька» еще недавно пользовалась у насъ широкою популярностью. На Руси, кажется, не было уголка, гдѣ бы она не была извѣстна, хотя бы въ небольшихъ выдержкахъ. Напримѣръ, приведенный нами выше отрывокъ пьесы записанъ въ области волжскаго бассейна. Въ «Терскихъ Вѣдомостяхъ» за 1869 г. (№ 4) мы находимъ извѣстіе, что варіантъ «комеди» (встрѣча молодого помѣщика-офицера съ плутомъ-старостою, который на вопросы барина отвѣчаетъ шутками и дурачитъ его) былъ тогда въ большомъ спросѣ въ Терской области на незатѣйливой сценѣ солдатскаго театра наряду съ классической пьесой солдатскаго репертуара «Царемъ Максимиліаномъ». Въ 60-хъ же годахъ прошлаго столѣтія, вначалѣ, да и раньше, другой варіантъ «комеди» (здѣсь слуга называется уже не Аѳонькой, а Ванюшкой) мы видимъ на сценѣ кукольнаго театра въ Торопцѣ, Псковской губерніи.

Въ статьѣ покойнаго М. И. Семевскаго, напечатанной въ № 12 «Библіотеки для Чтенія» за 1863 г., есть любопытное описаніе съ натуры упомянутой торопецкой «игры», составлявшей въ то время одинъ изъ эпизодовъ оригинальной мѣстной народной комедіи, богатой сатирою на торопецкіе нравы. Комедія эта въ то время давалась съ большимъ успѣхомъ въ кукольномъ театрѣ антрепренера-туземца, тогдашняго торопецкаго «комедчика» Чижа.

Сценарное описаніе о баринѣ и слугѣ, сдѣланное Семевскимъ, мы рѣшаемся воспроизвести здѣсь цѣликомъ, въ виду того, что тамъ много цѣнныхъ данныхъ о содержаніи интересующей насъ народной пьесы, которая въ другихъ печатныхъ источникахъ попада-

лась намъ лишь въ краткихъ отрывкахъ, далеко не дающихъ опредѣленнаго понятія о цѣломъ.

Вотъ оно [1]):

Господскій домъ. Выходитъ баринъ съ трубкой и кричитъ:

— Ванюшка, слуга новый!

— Цаго извольте, баринъ голый?

— Какъ, развѣ я голый?

— Нѣтъ, баринъ добрый.

— Поилъ ли ты коня?

— Поилъ, баринъ.

— Отчего же у него губа суха?

— Оттого, что прорубь высока.

— Дуракъ, ты бы ее подсѣкъ.

— Я чего досѣкъ, всѣ четыре ноги прочь отсѣкъ, а за хвостъ узялъ и подъ ледъ подоткалъ.

— Дуракъ, онъ захлебнется.

— Не, баринъ, получше напьется.

— Много ль у меня на конюшнѣ стоятъ?

— А двѣ стоятъ, да и тѣ едва дышатъ.

— Ты мнѣ всѣхъ коней поизмучилъ. Пошелъ, позови приказчика, тотъ на грошъ поумнѣе тебя. Приказчикъ!

— Цаго извольте, баринушка?

— Поди сюды.

— Недосугъ, баринушка: курята не доены, коровы на нашести сидятъ,

— Вотъ мошенникъ! кто жъ курятъ доитъ, а коровъ на нашесть сажаетъ? Поди сюды.

— Цаго извольте, баринъ?

— Я нонѣшній годъ на дачахъ проживалъ въ Питербурхѣ, домашнихъ обстоятельствъ не зналъ. Каковъ у насъ нонче хлѣбъ родился?

— Не знаю, баринушка, я старый хлѣвъ свалилъ, а новый постановилъ.

— Дуракъ, я тебѣ не то говорю.

— Это, бае, баринушка, я не въ томъ вамъ и сказываю.

— Я тебя что спросилъ?

— А вотъ, баринушка, что: слухай, я буду молцать.

---

[1]) Торопчане, по свидѣтельству М. И. Семевскаго, искони славились своею любовью къ зрѣлищамъ. Въ 60-хъ годахъ минувшаго вѣка въ Торопцѣ работали два кукольныхъ театра Клиша (онъ же Василій Кирилловичъ Михайловъ, мѣщанинъ-башмачникъ) и Чижа. Нѣсколько раньше въ этомъ городѣ процвѣталъ еще «гарнизонный театръ», гдѣ «живую комедь слушали»—сами солдаты играли; послѣдній, однако, былъ потомъ запрещенъ за «неумѣренный полетъ» сатиры: «надъ господами смѣяться стали»... Клишу тоже на счетъ «господъ» приходилось сдерживаться, иначе ему угрожало гоненіе.

— Ну, ну, говори.

— А вотъ, бае, баринушка, хлѣбъ отмѣнно родился: колосъ отъ колоса—не слыхать дѣвичьяго голоса, снопъ отъ снопа—цѣлая верста, а скирда отъ скирды—день ѣзды.

— Хорошо, куда же ты этакій хлѣбъ подѣвалъ?

— Слухай, баринушка: дѣвкамъ сѣннымъ да вуткамъ сѣрымъ—сто цетвертей отдалъ; коровамъ да свиньямъ, да придворнымъ твоимъ людямъ—сто цетвертей; ребятамъ малымъ да бабкамъ старымъ—сто цетвертей.

— Фу, чортъ, гдѣ этакихъ бабъ-то набралъ?

— Помилуйте, бае, баринушка, все ваши.

— Куда же мы ихъ будемъ дѣвать?

— Не знаю, бае, баринушка; если ихъ продать—страмъ и въ люди показать, а если ихъ и похоронить, то ихъ и живыхъ земля не приметъ.

— Дуракъ—мужикъ. Ежели ихъ продавать да хоронить, легче ихъ переварить.

— Да, это, бае, баринушка, хорошо. Онѣ будутъ молодыя.

— Нѣтъ ли въ тебя какого дохтура?

— Есть, баринушка. (Кричитъ): Кори, кори [1]), ходи сюды. Я тѣ работюшку найшелъ.

(Входитъ врачель, господинъ спужался его). Фу, да ты чортъ!

— Нѣтъ, я—не чортъ, я есь врачель Вольфидаръ, а лѣчебный мой даръ извѣстенъ. Извѣстенъ я по всему граду: куда вступлю во дворъ, гдѣ немочныхъ соборъ, всѣмъ подамъ отраду: въ кого порча, иль чума, или кто сойдетъ съ ума,—всѣмъ здравіе даю, и недуги льстятъ власть мою, и смерть у меня трепещетъ.

— Когда ты такъ говоришь, должно быть, ты мнѣ бабъ переваришь.

— Это дѣло мое, баринъ. Кричи приказчика, пусть зоветъ бабъ.

— Приказчикъ!

— Что ты, баринъ, грошъ даешь въ ящикъ?

— Зови ко мнѣ старухъ.

— Братъ Хилатъ, веди, бае, бабъ къ баринушкѣ. (Хилатъ говоритъ бабамъ). Смотрите, старушонки, отвѣчайте и кланяйтесь ему.

— Какъ его, бае, зовутъ?

— Иванъ Панкратьевичъ.

Бабы идутъ, сами плачутъ и барину кланяются.

— Иванъ Панкратьевичъ, батюшка, живы дуже на эфтой стужѣ...

— Да ничего, баушки, здорово, здорово. У, какія старыя! Ну, вотъ, баушки, воля теперь вышла: я прежде васъ переварю, потомъ на волю отпущу. Веди ихъ, приказчикъ, на фабрику къ врачелю.

---

[1]) Кори—кормилецъ.

Бабы вместе: милая моя [illegible] [illegible] людской, вокругъ [illegible]... Нетъ [illegible]

— Приказчикъ!

Приказчикъ [illegible]:

— Что изволите, баринушка?

— Скоро ли будутъ бабы готовы?

— [illegible] баринушка, [illegible] теперь [illegible] нельзя сидѣть.

— [illegible] [illegible] готовы съ [illegible]?

Баринъ, не дождавшись, идетъ на [illegible] [illegible] чель въ [illegible].

— Хо, хо, хо! [illegible] [illegible] [illegible] верстъ. Много ль ты [illegible] въ сутки [illegible]?

— Одну [illegible], баринъ.

— А въ [illegible]?

— [illegible] бабы. Да вотъ [illegible] [illegible] кругу [illegible]: [illegible] одну Бабу-Ягу, [illegible]

Баринъ [illegible].

— Это—чертъ!

— Не, баринъ, баба [illegible].

— [illegible] баба моя, [illegible] [illegible] сунь, [illegible] [illegible].

Какъ у [illegible] у [illegible]
[illegible] Мартынъ [illegible]

Баринъ [illegible] Бабой-Ягой [illegible]. [illegible] [illegible]
На [illegible] [illegible] и [illegible].

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Подходятъ истцы, отвѣтчики; происходятъ шутовской судъ и расправа. Истцы тащатъ на Божій свѣтъ всю «подноготную», обличаютъ отвѣтчиковъ въ небывалыхъ проступкахъ. Баринъ судитъ и отсылаетъ виновныхъ къ палачу, который бьетъ ихъ ременкой съ прибаутками.

Послѣ суда баринъ ведетъ «торгъ» съ купчиной. Покупается прежде всего «жеребецъ». Купецъ проситъ за него «сто рублей деньгами, сорокъ амбаровъ сушеныхъ тараканов» и т. д. Баринъ не споритъ, говоритъ: «Ну, все это у насъ найдется. Взыщете ли, міряне?»—«Взыщемъ, господинъ баринъ»,—отвѣчаютъ тѣ. Потомъ съ такими же прибаутками и приговорками покупаются быкъ и удивительные люди. Представленіе кончается хоровою пѣснью «Во лузяхъ», подъ которую баринъ и панья ходятъ по комнатѣ, взявшись руками за платокъ.

Въ заключеніе, познакомимъ читателя съ тремя «тайными» народными пѣснями о рабскомъ житьѣ-бытьѣ при крѣпостномъ правѣ. Двѣ изъ этихъ пѣсенъ относятся еще къ XVIII в., къ царствованію Екатерины II. Это «Плачъ холоповъ» [1]) и любопытная стихотворная автобіографія бѣглаго двороваго князя Н. С. Долгорукова, помѣщика Нижегородской губерніи [2]). Къ какому періоду

---

[1]) Найденъ недавно Н. С. Тихонравовымъ и напечатанъ въ 1895 г. въ сборникѣ «Починъ». По мнѣнію Н. С. Тихонравова, а также и В. И. Семевскаго (Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, стр. 155, 1903 г.), «Плачъ» написанъ однимъ изъ крѣпостныхъ поэтовъ «во время созванія коммиссіи для составленія новаго уложенія» въ 1767 г.

[2]) Къ той же категоріи можно, пожалуй, еще отнести и нѣкоторые стихи крѣпостного поэта, Ив. Сибирякова, жившаго въ первой половинѣ XIX в., который о своей долѣ, между прочимъ, пѣлъ:

Могу ли жизнь еще сносить
Съ растерзанной душою?
Ужасна бѣдность, но стократъ
Презрѣнье тяжелѣе:
Съ нимъ жизнь—не благо,—лютый адъ,
И ада мнѣ страшнѣе.

И еще:

Увы, и я, и я рожденъ
Въ послѣдней смертной долѣ,
Природой чувствомъ надѣленъ,
Столь гибельнымъ въ неволѣ.

Но на подобныхъ стихахъ мы не можемъ останавливаться: это—чисто книжная, а не народная словесность. Сибиряковъ былъ довольно образованный «крѣпостной человѣкъ», стихи его печатались даже въ «Вѣстникѣ Европы». Въ судьбѣ поэта принимали «живѣйшее участіе» многіе почтенные литераторы, и въ числѣ ихъ В. А. Жуковскій. Сибирякова рѣшено было, подобно Шевченку, «выкупить». «Баринъ» его, рязанскій губернскій предводитель дворянства, Масловъ, воспользовавшись случаемъ, заломилъ за «душу» своего раба, кондитера и стихотворца, неслыханную цѣну—цѣлыхъ 10 т. рублей. Деньги эти, однако, были собраны и уплачены, и въ 1821 г. Сибиряковъ получилъ наконецъ свободу. (Нѣкоторыя подробности о выкупѣ помѣщены въ № 7 «Русскаго Архива» 1873 г.)

относится третья пѣсня, не беремся рѣшать. Но эта послѣдняя—наиболѣе народная сравнительно съ двумя первыми.

Не особенно складный по формѣ, «Плачъ» выдѣляется цѣльностью содержанія. Здѣсь мы читаемъ такія холопьи жалобы:

О, горе намъ, холопамъ, за господами жить!
Не знаемъ, какъ ихъ свирѣпости служить.
А хотя кто и служитъ такъ, какъ острая коса,
Видитъ милость, и то какъ утренняя роса!
О, горе намъ, холопамъ, отъ господъ и бѣдство!
. . . .
Лучше намъ жить въ темныхъ лѣсахъ,
Нежели быть у сихъ тирановъ на глазахъ:
Свирѣпо на насъ глазами глядятъ
И такъ, какъ бы ржа желѣзо, ѣдятъ!

Сами свирѣпые господа служить не охотники, а «объѣдать» «холопье племя» не прочь:

Царю послужить ни одинъ не хочетъ,
Лишь только у насъ послѣднее точитъ.
Кормятъ совсѣмъ скверно:
Чистую рожь купцамъ всю продаютъ,
А намъ ужъ, какъ свиньямъ, невѣйку даютъ.

Полное безправіе холоповъ, постоянно угнетенное, рабское состояніе ихъ и отсутствіе всякой надежды на улучшеніе своей судьбы выражено въ слѣдующихъ мрачныхъ стихахъ:

Не выходитъ изъ головы господскій страхъ,
Будто нѣкій сидитъ за плечами врагъ.
Сколько намъ, братцы, ни рваться,
Знать, по смерть намъ ихъ бояться.
Суда не спрашивай:
Бояринъ умертвитъ слугу, какъ мерина,—
Холопьему доносу и въ томъ вѣрить не велѣно.

Не меньшею безнадежностью, доходящею до полнаго отчаянія, проникнута и пѣсня-автобіографія бѣглаго холопа, въ которой еще болѣе сильными красками и съ бо̀льшимъ талантомъ рисуется холопья жизнь, жестокіе капризы и привередничество «господъ». Авторъ пѣсни—дворовый человѣкъ князя Н. С. Долгорукова, по ремеслу живописецъ. Въ 1787 г. этотъ несомнѣнный художникъ въ душѣ бѣжалъ отъ помѣщика. Да и нельзя было не бѣжать. Князь страшно угнеталъ свою дворню, не дозволялъ ей никакихъ развлеченій, запретилъ даже и невинное деревенское удовольствіе: «по ночамъ гулять—въ хороводъ ходить». Повидимому, самъ мистикъ, помѣщикъ, въ довершеніе всего, сталъ еще стѣснять дворовыхъ и въ религіозномъ отношеніи: «склонять въ масонію, вѣру проклятую»... Все это и описано въ пѣснѣ-автобіографіи, полной

неподдѣльной, выстраданной самимъ авторомъ, правды. Какъ рѣдчайшій и любопытный памятникъ крѣпостной музы, въ своемъ родѣ «Записки изъ Мертваго дома», мы рѣшаемся воспроизвести здѣсь этотъ «вопль» цѣликомъ. Вотъ онъ [1]):

Охъ, какъ былъ-то я, добрый молодецъ, во неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ въ домѣ господскіимъ.
Служилъ я своему князю вѣрой-правдою,
Ужъ тому князю строгому,
Князю Николаю Сергѣевичу Долгорукову;
Служилъ я ему тринадцать лѣтъ,
Не заслужилъ я себѣ славы добрыя,
Славы добрыя, чести-милости.
Не видалъ я дней веселыихъ,
А всегда я былъ во кручинушкѣ.
Безъ резону онъ всегда гнѣвался,
Безъ вины онъ насъ наказывалъ,
Онъ наказывалъ насъ все палочьемъ,
Апосля того подъ караулъ сажалъ,
Подъ караулъ сажалъ на хлѣбъ, на воду.
Заставлялъ работать въ зеленомъ саду,
По прешпектамъ березовымъ,
По дорогамъ зеленыимъ.
Что копали мы пруды глубокіе,
Огораживали дворы птичные.
Запретилъ онъ намъ по ночамъ гулять,
По ночамъ гулять, въ хороводъ ходить,
Заказалъ онъ намъ и пьянствовать;
Сего я отъ роду не зналъ, и за то я присягу принялъ.
И тому князь вспыльчивый не увѣрился.
Ужъ онъ сталъ склонять во масонію,
Во масонію—вѣру проклятую.
И за то меня хотѣлъ жаловать:
Онъ давалъ мнѣ платья цвѣтныя,
Награждалъ меня золотой казной,
И онъ симъ прахомъ не прельстилъ меня,
За которое беззаконіе онъ прогнѣвался,
Посадилъ меня на круглый стулъ,
Надѣлъ на меня ожерелочекъ,
Еще сковалъ мнѣ ноги скорыя,
Ноги скорыя, руки бѣлыя.
И хотѣлъ меня наказывать.
И того мнѣ не случилося:
Всѣ желѣзцы съ меня свалилися,
Ожерелочекъ съ меня и такъ скочилъ.
Что съ того время я гулять пошелъ,
На чужую дальну сторону,
Что во ту ли землю шведскую,
Въ которой жилъ я ровно два года.

---

[1]) Пѣсня найдена въ дѣлѣ о бѣгствѣ автора и напечатана впервые въ «Нижегородскомъ Сборникѣ» (изд. 1890 г. подъ ред. Гацискаго), въ статьѣ г. Снѣжневскаго о бѣглыхъ крѣпостныхъ; отсюда она и заимствуется нами.

Теперь нѣсколько словъ о пѣснѣ бѣглеца-крестьянина, пѣснѣ самой народной изъ всѣхъ трехъ. Эта тоже исполнена грусти, тоски. Крестьянинъ описываетъ здѣсь свою безотрадную жизнь, заставившую его покинуть семью, родное село и бѣжать. На свободѣ, въ бѣгахъ, ему пришлось заняться разбоемъ, подъ дорогою стоять, зипуны-шубы снимать. Въ пѣснѣ сквозитъ страстное желаніе, жажда свободы. Человѣка не страшатъ ни кары, ни полная невзгодъ жизнь безъ семьи, безъ пріюта, лишь бы только быть на волѣ, быть свободнымъ. Проявляется также и здѣсь глубокая ненависть къ господамъ, которую не можетъ побороть даже и скорбь о печальной необходимости коротать свои дни на свободѣ безъ родныхъ, безъ крова... Короче, пѣсня—цѣлая картина душевныхъ и физическихъ мукъ страдальца-бѣглеца, которыхъ въ эпоху крѣпостного права насчитывались многія тысячи...

Т. А. Мартемьяновъ.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

Воеводская горячность [1]).

Строгій и жестокій человѣкъ былъ воевода въ г. Каширѣ, Яковъ Павловичъ Баскаковъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ XVIII столѣтія. За всякую вину онъ своихъ дворовыхъ наказывалъ палками; часто такое же наказаніе самолично производилъ при допросахъ приводимымъ къ нему людямъ, виновнымъ въ кражахъ, обманахъ и другихъ проступкахъ, и даже просто челобитчикамъ, если они начинали съ нимъ спорить. Хотя воевода былъ уже не молодъ, но обладалъ хорошею силой, что̀ еще болѣе придавало ему смѣлости. Въ каширской воеводской канцеляріи его всѣ боялись, предъ нимъ трепетали, приказанія его исполняли безпрекословно. Только одинъ изъ его подчиненныхъ, старшій канцеляристъ, называвшійся также «съ приписью подьячимъ», Степанъ Өедоровъ Емельяновъ не всегда уступалъ воеводѣ и позволялъ говорить ему противное. Степанъ началъ службу въ воеводской каширской канцеляріи мальчикомъ, пережилъ у себя въ городѣ почти десятокъ воеводъ и зналъ канцелярскія дѣла и законы, даже по показанію Баскакова, примѣрно. Старшій канцеляристъ былъ такъ же, какъ воевода, очень крѣпкаго тѣлосложенія, высокъ ростомъ и нед... стахъ ...нче же ... Өедорови-

---

[1]) Московскій архивъ министерства юстиціи. Книга правительств... ната до раздѣленія на департаменты, № 1368, стр. 537—626. Собств... графическія имена принадлежатъ подлиннику, и настоящій очеркъ ... словною его обработкой.

ной силы. Зналъ воевода, что «съ приписью подьячій» былъ женатъ на родной сестрѣ секретаря страшной тайной канцеляріи Хрущова, и это родство въ соединеніи съ Степановой силой также порою связывало руки Баскакову въ отношеніи Емельянова.

Попробовалъ было Баскаковъ однажды, вскорѣ по вступленіи своемъ воеводою въ Каширу, съ гнѣвомъ крикнуть старшему канцеляристу, чтобы тотъ вмѣсто него, воеводы, побѣжалъ встрѣтить прибывшую въ городъ воинскую команду, какъ ему Емельяновъ совершенно спокойно отвѣтилъ:

— Въ указѣ ея величества отъ 1 декабря 1735 г. велѣно опредѣленнымъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ правителямъ находящихся при нихъ товарищей и иныхъ служителей сверхъ своихъ должностей ничѣмъ, чего они исполнять не должны, не отягощать и жестокими и чувственными словами ихъ не укорять.

— Стало быть, посему ты не пойдешь?—спросилъ Баскаковъ.

— Съ тобою вмѣстѣ пойду, а одинъ противу указа чинить не могу.

— Оставайся въ канцеляріи!—съ сердцемъ замѣтилъ воевода и пошелъ вонъ одинъ.

Въ другой разъ Баскаковъ въ той же воеводской канцеляріи, въ присутствіи «имѣющагося въ г. Каширѣ у сбора подушныхъ денегъ подпоручика Дениса Челищева», когда «съ приписью подьячій» сталъ возражать воеводѣ противъ посылки по одному дѣлу дежурнаго при канцеляріи капрала въ уѣздъ, Баскаковъ «въ горячности» схватилъ лежавшую близъ него тетрадку и съ силою бросилъ ее на столъ старшаго канцеляриста.

— Перестань мнѣ перечить!—громко крикнулъ онъ Степану.

Емельяновъ подошелъ къ воеводскому столу и также спокойно, какъ и въ первый разъ, проговорилъ Баскакову:

— По именному указу 1735 г. не дозволяется не токмо воеводамъ, но даже наипослѣднимъ служителямъ въ дѣлахъ непорядочнымъ образомъ поступать и непристойные поступки и побои чинить, но все должно быть содержано по правамъ, всѣ должны быть другъ съ другомъ въ единеніи и въ службѣ между собою чинить всякое вспоможеніе общимъ, вѣрнымъ и прилежнымъ трудолюбіемъ.

— Вотъ онъ мнѣ такъ всегда указы читаетъ!—едва владѣя собою, замѣтилъ Баскаковъ подпоручику Челищеву.

Кромѣ того, воевода былъ еще очень недоволенъ тѣмъ, что въ каширской канцеляріи, кромѣ «съ приписью подьячаго», на службѣ [illegible]ояла почти вся семья Степанова: старшій сынъ его Андрей [illegible]яновъ былъ послѣ отца старшимъ канцеляристомъ, другой [illegible]—подканцеляристомъ и наконецъ племянникъ Степановъ— [illegible]мельяновъ, служилъ копіистомъ.

[illegible] мѣсяцѣ 1736 г. Баскаковъ позвалъ въ воеводскую ком[illegible]аго Степанова сына, Андрея Емельянова.

— Изъ московской губернской канцеляріи прислана къ намъ въ Каширу печатная форма, какимъ образомъ содержать и сочинять приходныя и расходныя книги. Возьми, Андрей, у канцеляриста Θедора Щербинина наши книги и изготовь новыя.

— Безъ провѣрки самой казны того сдѣлать не могу,—отвѣтилъ Андрей.

— Возьми ее у Щербинина и о счетѣ донеси мнѣ.

Молодой Емельяновъ написалъ новыя книги и по приказу Баскакова какъ ихъ, такъ и денежную казну сдалъ обратно Щербинину.

Лѣтомъ 1738 г. воевода Баскаковъ вновь предложилъ Андрею Емельянову произвести провѣрку приходорасходныхъ книгъ 1737 г. и переносъ отъ 1736 г.

— Въ книгахъ 1736 г. послѣ моихъ записей Θедоромъ Щербининымъ сдѣланы неисправности и ошибки,—объяснилъ воеводѣ Андрей, когда провѣрилъ всѣ книги.

— Таможенныхъ разныхъ сборовъ въ приходной книгѣ показано 240 р.,—продолжалъ Емельяновъ,—а по мелочнымъ подробнымъ тетрадямъ ихъ вотъ выходитъ 161 р. 1 к. Положенныхъ на гвардію кабацкихъ сборовъ 330 р. 19 к., а по выкладкѣ на счетахъ ихъ получилось 181 р. 58¹/₄ к. По неглавнымъ статьямъ въ разныхъ мѣстахъ книги значится 157 р. 94¹/₈ к., которыхъ въ денныхъ записяхъ совсѣмъ нѣтъ. Всего въ приходѣ показано на 385 р. 53¹/₈ к. болѣе противъ ихъ дѣйствительнаго поступленія въ канцелярію.

Воевода долго молчалъ, пытливо вглядываясь въ молодого канцеляриста.

— Ежели оставить эти суммы, какъ есть, по приходной книгѣ, тогда 385 р. 53¹/₈ к. придется мнѣ заплатить изъ собственной казны?—спросилъ Баскаковъ.

— Но камеръ-коллегія замѣтитъ несходство и спроситъ изъ каширской воеводской канцеляріи объясненій: кромѣ уплаты денегъ, все равно придется отвѣтствовать предъ коллегіей,—сказалъ канцеляристъ.

— А на сколькихъ листахъ явилась эта разность?—какъ бы отвѣчая своимъ собственнымъ мыслямъ, спросилъ воевода.

— На послѣднихъ семи.

— Тогда покажи милость, напиши вновь листы, и мы ихъ вошьемъ въ книгу.

— Вѣдь листы шнурованы, и въ концѣ приложена твоя печать,—замѣтилъ Емельяновъ.

— Прошнурую и приложу печать вновь, на иныхъ листахъ имѣется только по одной записи. Начни писать; чаю, что нынче же и кончишь.

— Дозволь посовѣтоваться съ батюшкой, Степаномъ Θедоровичемъ,—просилъ молодой Емельяновъ.

— Ежели сейчасъ не займешься, я отберу отъ тебя платье и сапоги и за твое непослушаніе посажу подъ караулъ на хлѣбъ и на воду, а буде отецъ вступится, велю тебя и къ цѣпи привязать. Чего противничаешь,—мягче заговорилъ Баскаковъ:—если бы въ казнѣ былъ недостатокъ, тогда могъ бы отговариваться, а то ошибкою записано больше, стало быть, нужно только вписать подлинно.

Андрей молча дрожащими руками разорвалъ печать и отвязалъ листы изъ книги. Почти къ вечеру окончилъ онъ писаніе новыхъ листовъ, вшилъ ихъ въ книгу, а воевода вновь шнуры припечаталъ своею печатью.

— Нѣтъ, оставь прежніе листы у меня!—крикнулъ Баскаковъ на Андрея, почти вырывая изъ рукъ послѣдняго тетрадку.—Отвѣтъ придется держать не тебѣ, а мнѣ,—закричалъ онъ канцеляристу, когда тотъ хотѣлъ захватить вынутые листы.

Сумерки лѣтней ночи уже неслись надъ Каширою, когда молодой канцеляристъ съ понурою головою вышелъ изъ «воеводскихъ хоромъ».

На слѣдующій день утромъ, едва Яковъ Баскаковъ появился въ воеводской комнатѣ, какъ отецъ Андрея, «съ приписью подьячій», Степанъ Емельяновъ, обратился къ воеводѣ съ слѣдующими словами:

— Вчера мой сынъ по твоему принужденію переписалъ и вшилъ въ приходорасходную книгу новые семь листовъ, и то онъ сдѣлалъ противно указамъ: надлежало суммы зачеркнуть, написать сверху ихъ новыя, и тебѣ воеводѣ засвидѣтельствовать эти ошибки.

— Не слѣдъ тебѣ, подьячему, меня, воеводу, учить!—со злостію крикнулъ Баскаковъ.

— По словамъ Андрея, въ сборахъ явилось великое несходство: индѣ переплата, индѣ недоплата,—спокойно замѣтилъ Емельяновъ.— Не ровенъ часъ, ты сойдешь съ Калуги, или Богъ тебя возьметъ къ себѣ, или же похочешь дурного Андрею,—старые листы изъ книги, не сходственные съ таковыми же въ ней же, дадутъ улику подозрѣвать сына въ умышленномъ уменьшеніи сборовъ; а если старые листы дойдутъ какимъ путемъ до камеръ-коллегіи, тогда Андрею не сдобровать, и будетъ онъ сидѣть подъ карауломъ за недоимку цѣлые годы. Отдай мнѣ эти листы!—съ мольбою проговорилъ Степанъ Емельяновъ.

— Листовъ не отдамъ, а всѣ ошибки мы съ Андреемъ исправили,—хмурясь и не глядя на Емельянова, процѣдилъ сквозь зубы воевода.

— Тогда выслушай, что сказано въ пополнительномъ указѣ къ къ указу именному 1735 г.,—рѣзко проговорилъ «съ приписью подьячій»:—«Буде кто изъ правителей и воеводъ станетъ въ противность указовъ поступать, или кто одинъ безъ общаго совѣта вышнихъ или нижнихъ своихъ членовъ что по своей волѣ чинить

будетъ, то о таковыхъ представлять въ сенатъ, и съ ними будетъ поступлено по регламенту безъ всякія пощады», — проговорилъ Емельяновъ, дѣлая удареніе на послѣднихъ словахъ.

— Я о твоихъ продерзостяхъ самъ донесу сенату!—съ яростію закричалъ Баскаковъ, садясь за воеводскій столъ.

II.

Слѣдственное дѣло, изъ котораго мы черпаемъ содержаніе, говоритъ, что у воеводы Якова Баскакова было нѣсколько дѣтей, но не указываетъ, имѣлъ ли онъ при себѣ въ 1738 г. жену. Встрѣчается не разъ только свѣдѣніе, что въ числѣ дворовыхъ Баскакова, жившихъ у него въ домѣ, находилась миловидная крестьянская женка, вдова Василиса Кузьмина, которой строгій каширскій воевода оказывалъ особые знаки своего вниманія. Нужно же было случиться такъ, что у этой дворовой женки вдовы и у молодого канцеляриста воеводской канцеляріи, Андрея Степанова Емельянова, появилось взаимное сочувствіе другъ къ другу. Баскаковъ порою сталъ замѣчать у Василисы разныя мелкія вещицы, какъ-то: пояски, платочки, серебряныя пуговицы, о которыхъ бойкая женка отвѣчала съ улыбкой воеводѣ, что это—подарки Андрея.

12 октября 1738 г. въ Каширѣ происходила свадьба одного изъ копіистовъ мѣстной воеводской канцеляріи. Василиса и Андрей на ней присутствовали. Когда крестьянская женка-вдова почти къ вечеру вернулась домой, очень веселая и довольная, Баскаковъ въ ея рукахъ замѣтилъ серебряный рубль.

— Откуда у тебя деньги?—стуча палкою, строго спросилъ онъ Василису.

— Андрей Степанычъ далъ.

— За что же? Склонялъ тебя къ амурному люблепію? Говори правду!

— Нѣтъ, впредь на гостинцы.

— Сейчасъ снеси эти деньги назадъ и брось Андрюшкѣ въ глаза. Я ему покажу, какъ моимъ дворовымъ женкамъ подарки дѣлать!

Василиса вернулась, немного спустя, къ воеводѣ съ заплаканными глазами.

— Бросила Андрюшкѣ его поганыя деньги?—спросилъ Баскаковъ женку.

— Отдала,—отвѣтила Василиса.

— Что же онъ?

— Говоритъ про тебя: чего онъ сѣрчаетъ,—завтра сватовъ буду засылать,—произнесла Кузьмина, опуская глаза.

— Ахъ, онъ, щенокъ худородный! туда же сватать тебя!—съ яростію закричалъ Баскаковъ, стуча палкою.—Посмотримъ, какъ посмѣетъ. Ступай на кухню!—приказалъ онъ женкѣ.

— Ступайте въ домъ канцеляриста Степана Емельянова и тотчасъ же приведите ко мнѣ Андрея Степанова, а если его тамъ нѣтъ, то изъ другихъ мѣстъ, гдѣ обыщете!--приказалъ Баскаковъ по уходѣ Василисы состоявшимъ при канцеляріи солдату, Якову Пиляеву, и разсыльщику, Лукьяну Лежову.

— Отвѣчай, злое отродье, какъ ты смѣлъ на свадьбѣ принуждать къ любленію мою дворовую Василиску!--грозя палкою, закричалъ Баскаковъ.

— Того не бывало,—отвѣчалъ Андрей.--Изволь спросить бывшихъ на свадьбѣ Филиппа Аѳанасьева и Ѳедула Щербинина: на нихъ тебѣ шлюся.

-- Молчи, пищикъ!—вновь закричалъ воевода, стуча палкою.—Сведите его на ночь подъ караулъ въ канцелярію!—приказалъ онъ Пиляеву и Лежову.

«Рано утромъ, на другой день», какъ сказано въ документѣ, тѣ же солдаты взяли Андрея Емельянова изъ канцеляріи и привели въ домъ воеводы.

— Говори правду, скотинъ сынъ, зачѣмъ принуждалъ къ любленію Василиску!—во гнѣвѣ закричалъ Баскаковъ, наступая на молодого канцеляриста.

— Вчера я уже отвѣтствовалъ,—сказалъ Андрей,—что того не чинивалъ...

— А рубль зачѣмъ Василискѣ далъ?

— Василиса люба мнѣ, а въ своихъ деньгахъ я воленъ...

— Бей его, негодяя!—закричалъ Баскаковъ стоявшему тутъ же въ комнатѣ человѣку своему, Гаврилѣ Семенову, и съ этими словами онъ изъ всѣхъ силъ сталъ бить Андрея по щекамъ, потомъ, схвативши канцеляриста за руки, ударилъ его головою объ печь.

Со стономъ канцеляристъ упалъ на полъ.

— Держи его, Гаврила, за волосы!—приказалъ Баскаковъ своему человѣку и, схвативъ изъ рукъ послѣдняго дубину, сталъ наносить ею лежавшему на полу молодому канцеляристу удары по груди, бокамъ и спинѣ, приговаривая: «вотъ я выведу ваше крамольничье гнѣздо».

— Бей его и ты, Гаврила!—закричалъ наконецъ Баскаковъ Семенову, бросая ему дубину.

«Но Семеновъ, какъ сказано въ дѣлѣ, ударилъ Андрея только трижды, потому что послѣдній едва дышалъ».

— Снесите его въ канцелярію!—приказалъ Баскаковъ двумъ солдатамъ и Гаврилѣ Семенову.

Часа черезъ два Семеновъ донесъ воеводѣ, что Андрей Емельяновъ «въ свои чувства пришелъ, но голосъ имѣетъ слабый».

— Позови ко мнѣ канцеляристовъ Аѳанасьева и Щербинина!— приказалъ Баскаковъ тому же Семенову.

— Отвѣчайте мнѣ по истинной правдѣ: склонялъ ли на свадьбѣ Андрюшка Емельяновъ къ любленію мою дворовую женку, Василиску Кузьмину?—спросилъ воевода канцеляристовъ.

— Того мы не видѣли и не слышали,—отвѣчали канцеляристы:— только ласкательство у нихъ другъ къ другу было явное.

— Обнималъ онъ ее?

— Того мы не досмотрѣли. Отъ него мы только слышали, что похотѣлъ онъ взять ее себѣ въ жены.

— Со свадьбы ушли мы всѣ вмѣстѣ, и Василиса убѣжала къ тебѣ въ домъ, а мы съ Андреемъ разошлись по домамъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, — отвѣтили канцеляристы на новый вопросъ воеводы.

— Ступайте въ канцелярію, а того никому не разглашайте, что я васъ спрашивалъ, — сказалъ Баскаковъ въ догонку уходившимъ канцеляристамъ.

Пополудни часа черезъ два Баскаковъ призвалъ солдатъ Пиляева, Лежова, Никиту Борова, Ивана Иванова и Ѳедота Каширу, всего 5 человѣкъ, и велѣлъ имъ итти въ домъ Степана Емельянова, взять его самого вмѣстѣ съ женою и вторымъ сыномъ Алексѣемъ и доставить къ нему, воеводѣ, въ хоромы.

— Когда Емельяновыхъ приведутъ,—приказалъ Баскаковъ человѣку своему Семену Иванову,—скажи солдатамъ: Степана и его сына оставить у меня въ сѣняхъ подъ карауломъ, самъ останься съ ними же, а Матрену вели послать ко мнѣ.

Отъ воеводы пахло виномъ, лицо его было красно.

Посланные отъ Баскакова 5 человѣкъ солдатъ застали Степана Емельянова и его жену въ ихъ домѣ за столомъ обѣдающими; сына Андрея въ домѣ не было.

— Пождите малость, дайте мнѣ съ женою дообѣдать,—сказалъ посланнымъ «съ приписью подьячій».

— Приказано взять васъ, не медля времени, — возразили солдаты.

— А если я не пойду?—спросилъ Степанъ.

— Велѣно схватить сильно, въ чемъ обыщемъ.

— Пойдемъ, жена!—сказалъ послѣ нѣкотораго раздумья Емельяновъ, вставая изъ-за стола и беря съ лавки кафтанъ.

Когда Емельяновыхъ ввели въ воеводскіе хоромы, Степана, какъ приказывалъ воевода, оставили въ сѣняхъ, а его жену, проведя черезъ двѣ комнаты, поставили передъ воеводой.

— Какъ же ты смѣла, курва, потакать Андрюшкинымъ хвастовствамъ на мою женку Василису?—съ гнѣвомъ закричалъ Баскаковъ.

— Я—мужняя жена, а не курва!—возразила Матрена.

— И секретарская сестра!—съ насмѣшкой прохрипѣлъ Баскаковъ.—А скажи-ка, Матрена Михайловна,—продолжалъ воевода:— развѣ ты не знала, что твой сынъ Василиску къ прелюбодѣйному любленію склонялъ?

— Не таковъ Андрей у меня!—вскипятилась Емельянова.—Онъ челомъ билъ отцу, чтобы провѣдалъ у тебя, сколько возьмешь за выводъ ея ему въ жены, а у Степана хватитъ достатковъ, чтобы тебѣ отдать...

— Я тебѣ дамъ выводъ!—со злобою закричалъ Баскаковъ, срывая съ женщины платокъ и изъ всей силы ударяя ее кулакомъ въ правый глазъ.

Какъ снопъ, Емельянова упала на полъ.

— Себя не пощажу, а васъ сведу изъ Каширы!—хрипѣлъ Баскаковъ, схватывая бѣдную женщину за волосы и таская ее по полу.

— Батюшки, онъ убьетъ меня! — въ слезахъ кричала женщина.

Баскаковъ схватилъ палку и сталъ наносить ею удары лежавшей женщинѣ, по лицу, головѣ и по бокамъ. Кровь ручьями полилась изъ ранъ.

— Помогите, помогите!—кричала несчастная.

— Пустите!—услышалъ Баскаковъ голосъ Степана Емельянова, донесшійся изъ сѣней, и шумъ глухой борьбы.

— Вонъ твой защитникъ,—со злостію прохрипѣлъ Баскаковъ,— но ему не попасть сюда: я тебя вышиблю въ другія сѣни. И, подхватывая одною рукою, онъ другою ударялъ Емельянову «взашеи», таща и перетаскивая въ другія комнаты, по дорогѣ топча ее въ разныя мѣста ногами. Наконецъ онъ выволокъ Емельянову въ другія сѣни, отворилъ дверь и съ силою толкнулъ Матрену внизъ. Сѣни эти выходили прямо на улицу, такъ что бѣдная избитая женщина очутилась на виду у проходившихъ въ то время двухъ посадскихъ людей.

— Помогите!—слабо молила Емельянова.

— А! ты еще голосъ подаешь! — закричалъ Баскаковъ, и, несмотря на присутствіе двухъ стороннихъ людей, «публично», какъ сказано въ дѣлѣ, вновь сталъ ее бить палкою, «немилостивно ругательски».

Бѣдная женщина, закрывъ глаза, лишилась чувствъ.

«Лѣвая нога у Емельяновой была перешиблена, — сказано въ документѣ,—спина и бока биты—синево-багрово, правый глазъ подшибленъ—синево-багрово, лѣвая щека, носъ и верхняя губа разбиты, оцараплены и въ крови».

— Уберутъ безъ тебя!—крикнулъ Баскаковъ подошедшему къ нему дворовому человѣку, Семену Иванову, когда тотъ хотѣлъ оттащить отъ воеводскаго крыльца лежавшую въ безпамятствѣ

Емельянову.—Пойдемъ къ Степану! Что онъ?—спросилъ Баскаковъ своего двороваго.

— Рвался къ женѣ... Мы не пустили.

Воевода вмѣстѣ съ Семеномъ Ивановымъ черезъ переднія сѣни вошли въ домъ и черезъ четыре комнаты очутились во вторыхъ сѣняхъ, гдѣ на лавкѣ сидѣлъ Степанъ Емельяновъ. Около него стоялъ на караулѣ солдатъ, Степанъ Плясовъ, а возлѣ послѣдняго на стѣнѣ висѣла фузея. Трое солдатъ стояли слѣва.

Степанъ Емельяновъ сидѣлъ на лавкѣ, опустивъ голову, онъ тяжело дышалъ, лицо его было блѣдно.

— Сына моего ты держишь скована подъ карауломъ, а жену за что билъ смертнымъ боемъ? — вскакивая съ лавки и идя навстрѣчу воеводѣ, рѣзко заговорилъ Степанъ.

— И тебѣ достанется, чтобы ослушниками мнѣ не были!— стуча палкою, закричалъ Баскаковъ.

— Не знаешь ты, какъ по правамъ съ подчиненными служителями поступать должно!—поднимая большой палецъ, съ негодованіемъ возразилъ Емельяновъ.

— Посчитаемъ твои права!—со злостью, сверкая глазами, прошипѣлъ Баскаковъ.—Держите его, мошенника, за руки!—закричалъ онъ солдатамъ.

И, схвативъ Степана Емельянова за волосы, Баскаковъ изъ всей силы ударилъ «съ приписью подьячаго» головою о притолоку.

— За что ты меня такъ бьешь?—успѣлъ выговорить Емельяновъ и рванулся было къ воеводѣ, но восемь здоровыхъ рукъ сдержали его.

— Валите его на полъ!—приказалъ онъ солдатамъ. — Семенъ, помоги имъ и ты!—приказалъ онъ своему дворовому Иванову.

Но приказаніе Баскакова не было исполнено, потому что Степанъ самъ закачался и рухнулъ внизъ. Тогда воевода бросился къ стѣнѣ и, схвативъ висѣвшую тамъ около часового Плясова фузею, принялся «дуломъ, прикладомъ и цволиною» фузеи наносить Степану удары по груди, плечамъ, бокамъ и даже головѣ. Черезъ нѣсколько минутъ подьячій пересталъ стонать и закрылъ глаза. Баскаковъ остановился.

— Не боишься ты суда Божьяго, Яковъ Павловичъ!—вдругъ услышалъ онъ голосъ Степана Емельянова.

Какъ звѣрь, вновь Баскаковъ бросился къ подьячему и, нагнувшись надъ Степаномъ, сталъ наносить ему пинками ногъ удары по головѣ, животу и груди, потомъ таскать лежавшаго на полу подьячаго за волосы, потомъ, опустившись на колѣни, сталъ ногтями драть лицо Емельянова и, пригнувшись къ нему, зубами укусилъ бровь; засунувъ два пальца въ ротъ, дралъ Степану губы.

Наконецъ воевода всталъ съ колѣнъ.

— Бей его!—крикнулъ онъ человѣку своему, Семену Иванову, бросая ему палку.

Такъ какъ Емельяновъ спереди былъ весь избитъ и лежалъ въ крови, то Ивановъ перевернулъ его спиною кверху и, какъ сказано въ документѣ, «дважды ударилъ Степана по сидѣнью».

— Онъ, кажись, не живъ?—обратился Ивановъ къ воеводѣ.

Всѣ притаили дыханіе, но въ это время глубокій вздохъ вырвался изъ груди лежавшаго.

— Вынесите его на дворъ и бросьте около крыльца! — приказалъ Баскаковъ солдатамъ.

Тѣ, взявъ Емельянова за руки и за ноги, исполнили приказаніе воеводы.

— Въ чувствіи Степанъ?—съ полчаса спустя, спросилъ своего человѣка, Семена Иванова, Баскаковъ.

— Дышитъ, но словъ произносить не можетъ.

— Скажи отъ меня каптенармусу Соболеву снести Емельянова съ засѣцкими сторожами на носилкахъ, на которыхъ навозъ носятъ, въ канцелярію и положить подъ караулъ.

Каптенармусъ Соболевъ и сторожа Каширской засѣки, Кондратій Ѳедоровъ и Яковъ Григорьевъ, а также дворовый Баскакова, Семенъ Ивановъ, на носилкахъ перетащили Емельянова въ канцелярію, и въ то время, какъ показали они въ дѣлѣ, «Степанъ хотя и былъ чувственъ, но руками и ногами не дѣйствовалъ».

— Быть вамъ на караулѣ ночью у Степана по очереди,—приказалъ воевода своему человѣку Иванову и каптенармусу Соболеву,—и къ нему никого ни съ чѣмъ отнюдь не допускать подъ страхомъ наказанія.

— Канцеляриста Андрея Емельянова,—приказалъ онъ вызванному солдату, Никитѣ Бурову, — сковать въ ножные кандалы и пить и ѣсть ему не давать!

— Ступайте вновь въ домъ Емельянова, — приказалъ воевода ходившимъ уже туда солдатамъ, Пиляеву и Каширѣ,—и приведите оттуда его второго сына, Алексѣя, а если его тамъ нѣтъ, то гдѣ обыщете.

Часа черезъ два посланные вернулись и донесли воеводѣ, что «Алексѣя они нигдѣ не обыскали».

III.

На другой день, 14 октября, едва всталъ воевода Баскаковъ, какъ къ нему вошелъ человѣкъ его, Семенъ Ивановъ.

— Что Степанъ?—спросилъ его Баскаковъ.

— Часа за два до свѣту умре,—спокойно отвѣтилъ Ивановъ.

— Какъ умре: безъ исповѣди и причастія святыхъ тайнъ?—спросилъ Баскаковъ.

— Сперва слышались отъ него стоны, но такъ какъ по твоему приказу къ нему никого ни съ чѣмъ пускать не велѣно, то я и Соболевъ къ нему не входили, а когда, часа за два до свѣта, стоны стихли, мы вошли къ нему, и Степанъ былъ уже умре.

— Ступай!—махнулъ рукою Иванову Баскаковъ, и, когда тотъ вышелъ, воевода глубоко задумался.

Немного спустя, онъ накинулъ сверхъ рубашки кафтанъ и медленно направился въ канцелярію, къ той комнатѣ, въ которой былъ заключенъ «съ приписью подьячій». Нерѣшительно отворилъ онъ дверь и вглядѣлся въ лежавшаго Степана; сомнѣній не было: тотъ былъ мертвъ. Прямо изъ канцеляріи воевода пошелъ въ домъ подпоручика Дениса Челищева, «имѣвшагося въ Каширѣ для сбора подушныхъ денегъ», и, разсказавъ о смерти Степана Емельянова, просилъ совѣта Челищева.

— Сыщи какой случай, чтобъ помириться съ Андреемъ Емельяновымъ,—сказалъ ему Денисъ.

— Садись теперь за меня въ канцелярію. Я, можетъ быть, поѣду на нѣсколько дней въ Москву,—сказалъ Челищеву при прощаніи Баскаковъ:—все равно, я заниматься въ канцеляріи не могу.

По возвращеніи отъ подпоручика воевода тотчасъ же распорядился выпустить изъ-подъ караула Андрея Степанова Емельянова. Молодой канцеляристъ побѣжалъ домой, а черезъ полчаса явился въ канцелярію въ сопровожденіи брата Алексѣя, двоюроднаго брата Семена Емельяновыхъ и канцеляриста Щербинина. Вчетверомъ бережно на полотнахъ отнесли они тѣло Степана Емельянова въ его домъ.

О примиреніи съ Баскаковымъ Емельяновы и слышать не хотѣли.

Днемъ 15 октября Емельяновы отъ своего имени и отъ имени матери подали въ каширскую канцелярію доношеніе исполнявшему воеводскую должность подпоручику Челищеву и просили объ убійствѣ Баскаковымъ ихъ отца и объ увѣчьяхъ Андрея и его матери изслѣдовать, а увѣчьямъ всѣхъ ихъ троихъ написать осмотръ.

Челищевъ приказалъ доношеніе Емельяновыхъ записать въ протоколъ, а копію съ него списать и снести на домъ къ воеводѣ Баскакову.

Осмотромъ и записью побоевъ, произведенными подпоручикомъ Челищевымъ на другой день 16 октября у умершаго Степана Емельянова, у его сына Андрея и жены Матрены, сыновья Емельяновы довольны не остались.

— Ты, Денисъ Михайловичъ, воеводѣ явное пристрастіе показалъ,—сказали Челищеву Емельяновы:—и половины бою и ранъ въ осмотръ не включилъ. Будемъ бить челомъ на Баскакова въ Москвѣ.

Къ вечеру того же 16 октября Челищевъ узналъ, что Емельяновы готовятъ лошадь для поѣздки въ Москву.

– Найди случай,—повторилъ опять Челищевъ Баскакову,—помириться съ Емельяновыми: они, навѣрно, завтра поѣдутъ въ Москву, тогда твое дѣло будетъ плохо.

— Пробовалъ не однажды, ничего не выходитъ,—отвѣтилъ Баскаковъ.—Съѣзжу я вслѣдъ за Емельяновыми тоже въ Москву; тамъ, какъ вѣдаешь, у меня зять—суднаго приказа асессоръ Чебышовъ: можетъ быть, онъ какъ нибудь мнѣ и поможетъ.

18 октября въ Московскую сенатскую контору явился Андрей Емельяновъ вмѣстѣ съ привезеннымъ имъ на телѣгѣ тѣломъ отца, подалъ доношеніе на Баскакова и просилъ контору осмотрѣть какъ тѣло отца, такъ и его самого.

По осмотру приглашеннымъ изъ юстицъ-конторы членомъ, у Андрея оказались увѣчья «на лѣвой рукѣ и лѣвой лопаткѣ и на плечѣ, а лицо избито, и вездѣ сине и багрово».

На мертвомъ тѣлѣ Степана Емельянова:

«Голова бита, затылокъ проломленъ—запеклася кровь. На лицѣ во многихъ мѣстахъ оцарапано и запеклася жъ кровь, во многихъ мѣстахъ сине и багрово, правый глазъ подшибленъ—сине жъ и багрово, лѣвая щека, носъ и верхняя губа оцарапаны и въ крови. Губы, а равно и зубы распухли, у нихъ сине и багрово. Шея распухла, и вездѣ сине жъ и багрово. Спина и брюхо и на лѣвой рукѣ на кости бито, сине и багрово жъ. Тайныя мѣста распухли».

Сенатская контора рѣшила о проступкахъ Баскакова произвести слѣдствіе, а просителя съ тѣломъ для его погребенія отослать въ Каширу.

Но Андрей Емельяновъ еще до прибытія въ сенатскую контору побывалъ у дяди своего по матери, ея родного брата, секретаря страшной канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, Николая Хрущова. Тотъ съ своей стороны о проступкахъ Баскакова послалъ челобитную своему начальнику, Андрею Ивановичу Ушакову.

Воевода же Баскаковъ вслѣдъ за Андреемъ Емельяновымъ прискакалъ въ Москву и остановился у своего зятя, Чебышова. Тотъ, узнавъ о челобитной Андрея, поданной въ сенатскую контору, посовѣтовалъ воеводѣ также подать въ контору челобитную, въ которой сказать, что у Баскакова съ Степаномъ Емельяновымъ въ канцеляріи произошла ссора, что Степанъ самъ схватилъ Баскакова за галстукъ, что, такимъ образомъ, онъ самъ вызвалъ драку, отъ которой онъ потомъ и умеръ; что дѣти Степановы знали ихъ обоюдную ссору, но, желая загладить и отца и многія свои по каширской канцеляріи вины, въ томъ числѣ порчу приходорасходныхъ книгъ, рваные листы изъ которыхъ воевода можетъ представить для доказательства,—желая все то сокрыть, Емельяновы привезли отцово тѣло въ Москву для судебной волокиты.

— Твое дѣло судное,—сказалъ ему въ заключеніе Чебышовъ,— и напрасно ты ради того въ Москву пріѣзжалъ, могъ доношеніе послать изъ Каширы. И теперь, что по указамъ надлежитъ, то и сдѣлаютъ, а тебѣ ждать нечего.

Послѣ этого Баскаковъ вскорѣ и вернулся въ Каширу.

Челобитная секретаря Хрущова передъ своимъ начальникомъ имѣла успѣхъ и подвинула дѣло.

13 ноября 1738 г., по докладу А. И. Ушакова, послѣдовалъ именной указъ императрицы, за собственноручнымъ ея подписаніемъ, слѣдующаго содержанія [1]:

«Каширскаго воеводу, Якова Баскакова, къ надлежащему изслѣдованію и по указомъ рѣшенію отослать въ Санктъ-Петербургскую губернскую канцелярію и объявить той канцеляріи, чтобъ касающееся до него дѣло изслѣдовано и рѣшено было въ непродолжительномъ времени безъ всякія поманки. Чего ради при томъ дѣлѣ присутствовать изъ сенаторовъ одной персонѣ».

Во исполненіе этого указа, въ Петербургскую губернскую канцелярію къ слѣдствію прибылъ сенаторъ, тайный совѣтникъ, Василій Яковлевичъ Новосильцовъ, а за Яковомъ Баскаковымъ въ Каширу былъ отправленъ прапорщикъ Измайловскаго полка, Левъ Измайловъ, который и привезъ воеводу подъ караулъ канцеляріи.

По просьбѣ Петербургской канцеляріи, изъ Москвы изъ юстицъ-коллегіи въ Каширу былъ отправленъ «нарочный членъ», Кузьминъ-Караваевъ, опросившій на мѣстѣ всѣхъ свидѣтелей. Онъ же сравнилъ осмотръ, произведенный тѣлу Степана Емельянова при привозѣ его въ Москву съ сыномъ, съ осмотромъ, учиненнымъ въ Каширѣ подпоручикомъ Челищевымъ. Оказалось, что подпоручикъ болѣе, чѣмъ вдвое, уменьшилъ въ записи знаки побоевъ, имѣвшихся на мертвомъ тѣлѣ.

Караваевъ осматривалъ также избитую жену Степана Емельянова, и хотя со времени ея увѣчья прошло болѣе мѣсяца, но «нарочный членъ» донесъ канцеляріи, что «Матрена, находясь и нынѣ въ безпамятствѣ, имѣется при смерти».

Всѣ свидѣтели показали, что Степанъ Емельяновъ воеводу за галстукъ не схватывалъ, а, наоборотъ, самъ воевода набросился на канцеляриста и сталъ бить его со злобою.

Самъ Баскаковъ послѣ очныхъ ставокъ съ нѣкоторыми изъ свидѣтелей сталъ уже показывать иное, чѣмъ въ челобитной, составленной его зятемъ, Чебышовымъ. «Въ чинимыхъ мною всѣмъ Емельяновымъ побояхъ,—показывалъ онъ въ допросахъ,—какъ Богу, такъ и ея величеству вину свою приношу и прошу милосердія, понеже побои чинилъ безъ всякаго къ смертному убійству

---

[1]) Въ «Полномъ собраніи законовъ» этого указа не напечатано.

умысла, а единственно своею запальчивостію и сообщниковъ при себѣ не имѣлъ».

1 марта 1739 г. состоялось рѣшеніе С.-Петербургской губернской канцеляріи по дѣлу Баскакова. Рѣшенію предпосланы законы:

72 пунктъ 21 главы «Уложенія»: «Кто кого убьетъ съ умышленія, и сыщется про то допряма, что съ умышленія убилъ, и такого убойцу самого казнить смертію». 69 пунктъ той же главы: «А будетъ убойца учнетъ говорити съ пытки, что убилъ не умышленіемъ въ дракѣ пьянымъ дѣломъ, и того убойцу, бивъ кнутомъ, дати на чистую поруку съ записью, что ему впредь такъ не воровать».

154 пунктъ 19 главы Военнаго артикула: «Кто кого волею и нарочно безъ нужды и безъ смертнаго страха умертвитъ или убьетъ его тако, что отъ того умретъ, онаго кровь паки отмстить и безъ всякой милости оному голову отсѣчь».

99 пунктъ 10 главы «Уложенія»: «По сыску править за безчестье женѣ противъ мужня окладу вдвое, сыну противъ отцова окладу вполы».

Въ рѣшеніи губернской канцеляріи говорится, что хотя Баскаковъ и показывалъ, что побои онъ чинилъ Степану безъ умысла къ убійству, однако разспросами и слѣдствіемъ оказалось, что Баскаковъ ругательски съ злости такъ билъ Емельянова, что онъ въ одну ночь безъ покаянія умеръ. О наказаніи Баскакову канцелярія не дѣлаетъ рѣшительнаго опредѣленія, говоря, что «по 72 пункту Уложенія ему надлежитъ учинить смертную казнь, но токмо по 69 пункту той же главы при неумышленномъ убійствѣ убойцу, бивъ кнутомъ, слѣдуетъ отдать на поруки».

Такимъ образомъ, канцелярія не высказывается, умышленнымъ или неумышленнымъ считаетъ она убійство Емельянова Баскаковымъ.

Женѣ Степановой, Матренѣ, за бои и увѣчья ея самой и мужа канцелярія полагаетъ дать изъ движимаго или недвижимаго имѣнія Баскакова 120 рублей, а сыну его, Андрею Емельянову, 60 р.

Подпоручика Дениса Челищева, по мнѣнію канцеляріи, за то, что о винѣ Баскакова никуда не писалъ, а съ челобитья, поданнаго ему на Баскакова, далъ послѣднему копію и даже его изъ Каширы выпустилъ, а Баскакову говорилъ съ Андреемъ Емельяновымъ мириться, слѣдуетъ понизить рангомъ.

При обсужденіи дѣла Баскакова поднимался вопросъ о виновности его зятя, асессора Чебышова, составлявшаго каширскому воеводѣ челобитную и указывавшаго ему пути къ оправданію. Трое членовъ въ рѣшеніи канцеляріи 1 марта 1739 г.: сенаторъ Новосильцовъ, Иванъ Телепневъ и князь Иванъ Мещерскій, написали мнѣніе освободить совсѣмъ Чебышова, а двое: вице-губернаторъ Ѳедоръ Васильевичъ Наумовъ и товарищъ его, полковникъ Са-

буровъ, остались при своемъ мнѣніи—учинить Чебышову штрафъ, понизя его рангомъ.

Правительствующій сенатъ, выслушавъ рѣшеніе С.-Петербургской губернской канцеляріи, 13 іюля 1739 г. постановилъ Баскакова, по показаннымъ въ рѣшеніи канцеляріи резонамъ, казнить смертію—отсѣчь ему голову, и ту экзекуцію учинить въ Каширѣ. Подпоручика Дениса Челищева понизить рангомъ, написавъ въ прапорщики на полгода. О Чебышовѣ сенатъ согласился съ мнѣніемъ большинства и постановилъ отпустить его въ Москву на службу попрежнему, а шпагу ему возвратить.

«О награжденіи же оставшей послѣ убитаго Емельянова жены съ дѣтьми,—сказано въ опредѣленіи сената,—изъ движимаго или недвижимаго имѣнія Баскакова [1]) сенатъ разсужденія своего подать не можетъ, ибо на то точныхъ указовъ не имѣется, но состоитъ то въ высочайшемъ ея величества соизволеніи».

30 іюля 1739 г. журналъ сената вмѣстѣ съ «экстрактомъ» дѣла представленъ въ кабинетъ ея величества.

Въ кабинетѣ, за подписью князя Алексѣя Черкасскаго, Андрея Остермана и Артемья Волынскаго, 19 ноября 1739 г. «воспослѣдовала нижеслѣдующая резолюція»: учинить по дѣлу Баскакова во всемъ по разсужденію правительствующаго сената, а убитаго подьячаго женѣ съ дѣтьми дать вознагражденіе изъ пожитковъ онаго Баскакова—500 рублей.

Въ царствованіе Анны Іоанновны помилованій отъ смертной казни почти не бывало, а въ отношеніи Баскакова императрица впередъ выразила свою волю въ указѣ 13 ноября 1738 г.: «дѣло его отослать къ изслѣдованію и по указомъ рѣшенію». Такимъ образомъ, Баскакову, вѣроятно, вскорѣ послѣ 19 ноября 1739 г. и была въ Каширѣ отсѣчена голова.

Дѣло о Баскаковѣ служитъ вѣрнымъ показателемъ времени: несмотря на собственноручный приказъ императрицы окончить производство возможно быстрѣе, оно все-таки протянулось болѣе года.

Въ немъ характерно еще положеніе двухъ замѣшанныхъ и виновныхъ лицъ, дворовыхъ людей Якова Баскакова—Гаврилы Семенова и Семена Иванова, бившихъ по приказу воеводы Андрея и Степана Емельяновыхъ и не отрицавшихъ того въ своихъ разспросахъ: они, какъ соучастники въ преступленіи, вовсе не привлекались къ дѣлу, а давали свои показанія, какъ свидѣтели, почему и наказанія имъ сдѣлано не было.

И. С. Бѣляевъ.

---

[1]) То-есть, возмѣщеніе гражданскихъ убытковъ.

КЪ БІОГРАФІИ И. А. ГОНЧАРОВА.

ПЯТНАДЦАТАГО сентября нынѣшняго года исполнится уже пятнадцать лѣтъ со дня смерти извѣстнаго русскаго писателя, Ивана Александровича Гончарова.

За такой промежутокъ времени успѣлъ появиться рядъ критическихъ трудовъ о покойномъ авторѣ «Обломова» (напримѣръ, одна изъ послѣднихъ большихъ работъ: «Гончаровъ въ его произведеніяхъ», Е. Ляцкаго, Спб., 1904 г.), но до сихъ поръ еще нѣтъ въ нашихъ рукахъ полной и точной біографіи этого блестящаго беллетриста. Существующіе же очерки, статьи, замѣтки и вереница некрологовъ, посвященные ему, до настоящей поры не могутъ похвалиться ни твердостью хронологическихъ датъ, ни вѣрнымъ изображеніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ его жизни.

Для убѣдительности беремъ два-три примѣра изъ наиболѣе распространеннаго и, притомъ, справочнаго изданія.

Въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза-Ефрона (т. IX, стр. 204) категорически сообщается, что И. А. Гончаровъ родился «около 1812 года», воспитывался «нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ частныхъ московскихъ пансіоновъ», и что будто бы «метрическое свидѣтельство его сгорѣло во время пожара Москвы въ 1812 году».

Всѣ эти указанія ни на чемъ не основаны и вполнѣ опровергаются документальными свѣдѣніями, которыя на-дняхъ найдены

нами въ архивѣ Московскаго университета. Тамъ до сихъ поръ хранится любопытное «Дѣло правленія по первому столу» (1831 г., № 115), проливающее свѣтъ и на время рожденія, и на мѣсто первоначальнаго воспитанія нашего писателя.

Такъ, въ этомъ «Дѣлѣ» сохранилась копія метрическаго свидѣтельства, выданнаго казанскою духовною консисторіею, отъ 15 августа 1831 г., гдѣ читаемъ: «По метрическимъ за тысяча восемьсотъ двенадцатый (sic!) годъ книгамъ, поданнымъ отъ священно и церковнослужителей Симбирской Вознесенской церкви, въ запискѣ въ числѣ рожденныхъ подъ № 42 значится такъ: іюля шестаго числа симбирскаго купца, Александра Иванова Гончарова, родился сынъ Иванъ».

Затѣмъ при томъ же «Дѣлѣ» хранится подлинное «свидѣтельство» (отъ 27 сентября 1830 г.), что «Иванъ Гончаровъ, сынъ умершаго симбирскаго купца, Александра Иванова Гончарова, бывшій полнымъ пансіонеромъ Московскаго коммерческаго училища, обучавшись въ ономъ съ августа 1822 по іюль 1830 г.,... по прошенію его родительницы, уволенъ изъ 3-го возраста, или класса, не окончивъ курса ученія, въ училищѣ преподаваемаго».

Такимъ образомъ приведенныя нами документальныя свѣдѣнія вполнѣ ясно убѣждаютъ, что И. А. Гончаровъ родился 6 іюля 1812 г. въ Симбирскѣ и до поступленія въ слушатели Московскаго университета воспитывался въ Московскомъ (нынѣ—императорскомъ) коммерческомъ училищѣ [1].

Дим. Языковъ.

[1] Въ архивѣ этого училища, какъ намъ извѣстно, также хранятся интересные документы о Гончаровѣ.

А. С. ТРАЧЕВСКІЙ.

(1838—1906).

НЕБОГАТАЯ выдающимися силами современная русская историческая наука понесла чувствительную утрату: скончался одинъ изъ ея старѣйшихъ дѣятелей, бывшій профессоръ Новороссійскаго университета, Александръ Семеновичъ Трачевскій.

На ряду съ Н. И. Карѣевымъ, В. И. Герье, И. И. Лучицкимъ, покойнымъ М. С. Корелинымъ Трачевскій представляетъ довольно крупное явленіе въ отечественной наукѣ всеобщей исторіи. Вступивъ на ученое поприще во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, Трачевскій во всей своей научной дѣятельности сохранилъ лучшія преданія русскаго Sturm und Drang-періода, неутомимую жажду жизни, общественной работы, разумнаго человѣческаго счастья. Въ цѣломъ рядѣ научныхъ трудовъ («Польское безкоролевье» 1869 г.—магистерская диссертація, «Испанія XIX вѣка», «Союзъ князей» 1877 г.—докторская диссертація, «Наполеонъ I» и др.) Трачевскій старался пополнить наиболѣе существенные пробѣлы нашей исторіографіи, преимущественно въ той области, гдѣ всеобщая исторія соприкасается съ русской. Ту же цѣль преслѣдовалъ онъ и въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, печатавшихся въ нашихъ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ («Вѣстникѣ Европѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Сборникахъ Русскаго историческаго общества», «Историческомъ Вѣстникѣ» и др.); нѣкоторыя изъ этихъ статей, какъ, напри-

мѣръ, «Историческія черты XIX вѣка», «Новыя умственныя теченія въ современной Германіи», «Судьба ислама», имѣли въ виду обширный кругъ образованныхъ читателей. Въ спеціальной литературѣ Трачевскій извѣстенъ своими работами, уясняющими значеніе эпохи Наполеона («Г-жа Сталь въ Россіи», «Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей при Наполеонѣ» и проч.).

Хотя труды Трачевскаго и не блещутъ первоклассной эрудиціей, но они не утратили своего значенія, именно благодаря своей живой, общественно-исторической точкѣ зрѣнія, которую покойный профессоръ Новороссійскаго университета старался проводить въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ.

Трачевскій оставилъ прочный слѣдъ и въ нашей спеціальной педагогической литературѣ. Мы разумѣемъ его общеобразовательные курсы всеобщей исторіи, скромно названные учебниками. На самомъ дѣлѣ они представляютъ то, что Тэнъ называетъ журналами умныхъ людей; длинный рядъ глубоко продуманныхъ и яркихъ по изложенію страницъ, рисующихъ то въ формѣ характеристикъ, то въ строго-фактическомъ изложеніи рельефныя картины изъ жизни античнаго и западно-европейскаго міра, дѣлаетъ эти книги чрезвычайно интересными. Въ нихъ наблюдается счастливое сочетаніе наиболѣе видныхъ сторонъ метода Маколея съ научными пріемами нѣмецкихъ историковъ, раскрываются фазисы соціально-исторической эволюціи. Этими своими трудами Трачевскому удалось осуществить лелѣянную нѣкогда Грановскимъ и Кавелинымъ мысль объ учебныхъ пособіяхъ для образованной публики. То, что Пыпинъ сдѣлалъ для популяризаціи русской литературы, совершилъ Трачевскій въ области всеобщей исторіи. Его труды въ этомъ направленіи стоятъ не ниже работъ Н. И. Карѣева, превосходя ихъ подчасъ богатствомъ культурно-историческаго матеріала, а также оригинальнымъ живымъ языкомъ.

Не будучи спеціалистомъ въ области русской исторіи, Трачевскій, тѣмъ не менѣе, далъ сначала въ своемъ общемъ курсѣ, а потомъ въ двухтомномъ сочиненіи, образецъ пониманія отечественнаго прошлаго съ широкой общественно-научной точки зрѣнія. Отдѣльныя мѣста этого труда по цензурнымъ соображеніямъ не увидѣли свѣта, равно какъ и вторая часть его «Учебника новой исторіи», завершавшая собою циклъ учебныхъ пособій; она, несомнѣнно, заключала много историческихъ наблюденій и выводовъ высокой цѣнности.

Воспитаніе въ обществѣ духа терпимости, глубокаго пониманія жизни человѣчества, гуманизма составляло основную задачу ученой и публицистической дѣятельности Трачевскаго. Видя въ исторіи наиболѣе яркій свѣточъ соціальной и общественной жизни, Трачевскій въ своихъ трудахъ являлся убѣжденнымъ поборникомъ прогресса, понимаемаго имъ въ смыслѣ свободной и широкой эво-

люціи, въ смыслѣ постепеннаго просвѣтлѣнія человѣчества, въ смыслѣ прогрессивнаго роста разума, добра и правды, какъ выражается самъ Трачевскій въ предисловіи къ одному изъ своихъ учебниковъ.

Въ своемъ служеніи здравымъ общественнымъ цѣлямъ Трачевскій шелъ значительно дальше нашихъ ученыхъ и педагоговъ; онъ думалъ создать такіе научно-популярные курсы всеобщей исторіи, которые могли бы вполнѣ замѣнить народные университеты. Разныя независящія обстоятельства не дали возможности осуществиться этому благому намѣренію. Нѣкоторою замѣною этихъ курсовъ явились лекціи по всеобщей исторіи въ изданіи Комарскаго «Семейный университетъ»; въ тѣхъ же цѣляхъ широкой популяризаціи историческихъ знаній по иниціативѣ Трачевскаго предпринято изданіе серіи историческихъ романовъ, принадлежащихъ перу лучшихъ западно-европейскихъ писателей. Трачевскій предпосылалъ этимъ сочиненіямъ обстоятельные историческіе обзоры эпохъ, снабжая изданія необходимыми комментаріями.

Съ именемъ Трачевскаго связаны такія видныя общественныя начинанія, какъ женскіе курсы въ Одессѣ. Покойный профессоръ былъ горячимъ поборникомъ высшаго женскаго образованія и реформаторскихъ стремленій въ области педагогіи. Трачевскій понималъ, что въ дѣлѣ духовнаго возрожденія страны раціональная, отвѣчающая насущнымъ запросамъ жизни, школа является лучшимъ залогомъ общественнаго прогресса. Благодаря ему, положено начало новой школѣ въ Одессѣ. Въ исторіи Новороссійскаго университета Трачевскій оставилъ добрую память, какъ талантливый, отзывчивый на запросы современности и внимательный къ требованіямъ науки профессоръ. Его двѣнадцатилѣтняя (1878—1890) профессура была лучшимъ временемъ для университета, вообще небогатаго научными силами. Своей популярности, а также научнымъ заслугамъ обязанъ Трачевскій тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ другими представителями нашей науки сталъ виднымъ дѣятелемъ въ Парижской русской школѣ. Трачевскій возстановилъ сотрудничество русскихъ профессоровъ въ спеціальныхъ иностранныхъ журналахъ, каковы: «Historische Zeitschrift» и «Revue historique». И здѣсь онъ съ одинаковымъ рвеніемъ служилъ и дорогой ему наукѣ и духовнымъ интересамъ родины, съ которою Трачевскій не прерывалъ сношеній, живя за границей. Онъ горячо сочувствовалъ зарождающемуся общественному движенію въ Россіи, видя въ немъ осуществленіе тѣхъ идеаловъ, которымъ онъ служилъ и на каѳедрѣ, и въ своихъ научныхъ трудахъ, и въ періодической печати.

Высокое научное имя не помѣшало Трачевскому принимать дѣятельное участіе во многихъ изданіяхъ въ качествѣ газетнаго сотрудника; онъ работалъ въ популярныхъ органахъ («Русская Жизнь» и др.), а также въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ мелкихъ

газетъ—«Биржевыя Вѣдомости». Покойный мечталъ и о собственной газетѣ, которой думалъ дать знаменательное названіе «Справедливость»; но и этому желанію не суждено было осуществиться, а между тѣмъ въ переживаемое нами трудное время такой почтенный человѣкъ, какъ Трачевскій, сталъ бы авторитетнымъ истолкователемъ нашихъ недуговъ, скорбей и стремленій на ряду съ другими видными представителями отечественной науки въ газетной публицистикѣ.

Имя Трачевскаго не забудется въ исторіи нашего духовнаго и общественнаго развитія, какъ имя человѣка, посвятившаго всю жизнь на служеніе наиболѣе насущнымъ интересамъ родной страны, ея просвѣщенію, гражданской свободѣ, пробужденію въ ней духа терпимости и гуманности.

Нельзя не выразить желанія, чтобы были изданы вторая часть его новой исторіи, а также наиболѣе выдающіяся его статьи общаго характера, заключающія много цѣннаго и для обширнаго круга читателей и для малоразработанной у насъ науки всеобщей исторіи.

А. В. Круковскій.

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ[1]).

4. Политическія движенія въ Николаевскую эпоху.

I.

ЛИКВИДАЦІЯ заговора декабристовъ и болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ этимъ заговоромъ польскихъ обществъ заняла вниманіе русскаго правительства на годъ съ небольшимъ, послѣ чего фактическая сторона дѣла была вполнѣ выяснена спеціальными комиссіями, и надъ всѣми участниками обществъ произнесенъ строгій приговоръ.

Непосредственно по дѣлу декабристовъ, какъ читателямъ уже извѣстно, особенно строгій приговоръ былъ вынесенъ пяти человѣкамъ, которые и были повѣшены, а 30 человѣкъ подверглись ссылкамъ въ Сибирь, заключенію въ крѣпостяхъ и отдачѣ въ солдаты. Избѣгъ своей горькой участи лишь Н. И. Тургеневъ, отлучившійся еще до 14 декабря 1825 г. за границу и отказавшійся явиться на судъ по требованію русскаго правительства, о чемъ будетъ рѣчь еще далѣе.

Изъ участниковъ возстанія на югѣ только двое (Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ) были отданы совмѣстно съ декабристами верховному уголовному суду, а остальныя дѣйствовавшія лица Черниговскаго полка были преданы суду аудиторіатскаго

---

[1]) Продолженія. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 223.

департамента, который и вынесъ имъ въ августѣ 1826 г. строгую резолюцію, которою не только наказаніе было наложено на живыхъ, но даже на мертвыхъ. Такъ, въ представленіи департамента мы читаемъ [1]: «... Аудиторіатскій департаментъ признаетъ изъ подсудимыхъ: барона Соловьева, Суханова и Мозалевскаго, какъ по злымъ дѣйствіямъ изъ главныхъ сообщниковъ возмутителя Сергѣя Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни. Сверхъ того, полагаемъ: сообщниковъ подполковника Муравьева-Апостола, поручиковъ: Кузьмина и Щипилла, прапорщика квартирмейстерской части Муравьева-Апостола, участвовавшихъ въ возмущеніи, но убитыхъ на мѣстѣ пораженія, согласно съ мнѣніемъ главнокомандующаго арміею, изъ списковъ выключить, какъ измѣнниковъ, на могилахъ ихъ крестовъ и никакихъ памятниковъ, приличныхъ христіанскому погребенію, не дѣлать; но, поставя висѣлицу, къ вѣчному ихъ посрамленію, прибить надъ оною имена ихъ».

Это представленіе было высочайше конфирмовано такъ: «барона Соловьева, Суханова и Мозалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и переломленіи шпагъ надъ ихъ головами предъ полкомъ, поставить въ городѣ Васильковѣ, при собраніи командъ изъ полковъ 9 пѣхотной дивизіи, подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипилла и Муравьева-Апостола, какъ измѣнниковъ по выключкѣ ихъ изъ списковъ».

Лѣтомъ же 1826 г. были въ разное время произнесены карательные приговоры надъ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ лицъ изъ числа штабъ и оберъ-офицеровъ, «изъ коихъ одни принадлежали къ тайнымъ обществамъ, а другіе обличены въ содѣйствіи или знаніи объ оныхъ»; «снисходя къ обстоятельствамъ, увлекшимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ во временное заблужденіе, и пріемля во вниманіе, что всѣ они вовсе не участвовали въ неистовыхъ намѣреніяхъ, а многіе скоро оставили общество, и всѣ вообще въ поступкахъ своихъ показываютъ полное раскаяніе», они были приговорены къ наказаніямъ разныхъ категорій, какъ-то: къ переводу въ армію, исключенію изъ числа военныхъ съ переводомъ на гражданскую службу, къ заключенію въ крѣпость срокомъ отъ одного мѣсяца до одного года... Къ началу 1827 г. были ликвидированы и всѣ существовавшія польскія общества.

Здѣсь не мѣсто распространяться, какъ встрѣтили потерпѣвшіе свою суровую судьбу, и какъ сложился и протекалъ въ ссылкахъ и заключеніяхъ остатокъ ихъ печальной жизни. Интересующіеся настоящимъ вопросомъ могутъ найти указанія, сжатыя,

---

[1]) Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Сборникъ извлеченныхъ изъ офиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціею В. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Томъ первый (1825—1876 г.г.).

[illegible] Дмитріева-Мамонова «Декабристы въ Западной Сибири» ¹) и «Декабристы. [illegible] видъ Петровскаго завода и 2 бытовыхъ рисунка того времени» ²). [illegible]

[illegible]

[illegible] Н. И. Тургеневъ [illegible] развивъ [illegible] въ 3-ей части своего извѣстнаго сочиненія «La Russie et les Russes».

Что же касается русскаго общества, то завѣты декабристовъ далеко не исчезли въ немъ безслѣдно. Ихъ можно прослѣдить даже и въ произведеніяхъ тогдашней [illegible] и [illegible] литературы; [illegible] внутренно и внѣшне мы усматриваемъ въ настроеніяхъ и движеніяхъ тогдашней учащейся университетской молодежи, которая съ того времени начинаетъ постепенно и понемногу, но настойчиво и безповоротно [?] втягиваться въ широкое политическое море русской общественности, неся на себѣ всѣ жестокія послѣдствія [illegible] обстоятельствами жизни грозной стихіи.

Что же касается [illegible] конституціоналистовъ Александровской эпохи, то если еще въ началѣ 1826 г. мы видимъ ихъ какъ бы дѣйствующими согласно своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, то уже послѣ жестокаго приговора надъ несчастными поли-

---

¹) А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ Западной Сибири. Историческій очеркъ по официальнымъ документамъ съ 35 [?] фототипіями [?] гравюрами [?]. Спб. 1905.

²) Декабристы. 86 портретовъ, видъ Петровскаго завода и 2 бытовыхъ рисунка того времени. Пояснительный текстъ приватъ-доцента Московскаго университета П. М. Головачева. Вступительная статья В. А. Мякотина. Изданіе М. М. Зензинова. М. 1906.

тическими романтиками Сенатской площади ихъ рѣчи рѣзко обрываются, и они спѣшатъ превратиться изъ былыхъ приверженцевъ ограниченной монархіи въ послѣдователей неограниченнаго самодержавія. Такая метаморфоза наблюдается, какъ надъ Мордвиновымъ, такъ и надъ Сперанскимъ.

Мордвиновъ, на котораго падало подозрѣніе въ явномъ доброжелательствѣ планамъ декабристовъ, и котораго послѣдніе прочили даже въ составъ предполагаемаго временнаго правительства, поспѣшилъ поскорѣе очиститься въ глазахъ грознаго царя, въ интересахъ чего и представилъ ему обширную записку, гдѣ въ категорическомъ тонѣ утверждаетъ: «Въ Россіи умствованія и толки о конституціи происходили со стороны тѣхъ, кто, бывъ нѣсколько въ свѣтѣ и начитаны, полагали себя чрезвычайно умными, хотя и весьма далеко того не достигали, ибо, не имѣя никакихъ опытовъ, не умѣли ни мыслить здраво, ни судить о вещахъ глубоко, ниже примѣнить оныя къ обстоятельствамъ, образу мыслей, характеру жителей и мѣстному положенію». Набрасывая какъ бы тѣнь на конституціонный проектъ Никиты Муравьева и отмѣчая въ немъ аристократическую тенденцію, онъ заключаетъ: «Ничего столь не вредно, какъ власть, данная аристократамъ; они закона не любятъ или желаютъ быть выше закона, гдѣ же поселятъ и распространятъ свою власть, тамъ государство должно прійти къ паденію... Подтверждается опытомъ цѣлаго міра и черезъ многіе вѣка, что ни одно великое государство не можетъ держаться, а еще менѣе быть сильнымъ и могущественнымъ безъ сильной монархической самодержавной власти».

Совершенно однородно и опредѣленно высказался и второй намѣченный декабристами представитель временнаго правительства, который въ своихъ бесѣдахъ «О законахъ» [1]) съ наслѣдникомъ цесаревичемъ въ §§ 173 и 101 говорилъ: «Тамъ, гдѣ существуетъ чистая форма монархическая, нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ, нѣтъ матеріальныхъ выгодъ для народа желать перейти въ форму смѣшанную (т.-е. къ конституціи) даже и тогда, когда бы переходъ сей могъ быть совершенъ безъ потрясенія. Частныя пользы нѣкоторыхъ классовъ народа (т.-е. класса родовой знаменитости, промышленной, класса наукъ и знаній, или иначе интеллигенціи) не суть истинныя пользы всего народа, и часто даже бываютъ имъ противоположны»; далѣе: «слово: неограниченность, означаетъ то, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри имперіи не можетъ положить предѣловъ верховной власти россійскаго самодержца... Ни въ какомъ случаѣ самодержецъ не подлежитъ суду человѣческому, но во всякомъ случаѣ и онъ подлежитъ, однакоже, суду совѣсти и

[1]) Руководство къ познанію законовъ. Соч. гр. Сперанскаго.

сти Божіей». Такимъ разсужденіямъ, конечно, Сперанскій отказался тѣмъ болѣе, что имъ было [illegible] въ эпоху Александровскаго либерализма и даже еще въ началѣ 1826 г., когда складъ мыслей новаго императора еще не совсѣмъ обнаружился, и когда нѣкоторые наивно допускали возможность склонить его къ конституціоннымъ реформамъ.

Къ числу таковыхъ долженъ быть отнесенъ неизвѣстный авторъ, подавшій на французскомъ языкѣ записку о государственномъ совѣтѣ, гдѣ предлагаетъ реформировать этотъ совѣтъ на основахъ выборнаго начала отъ дворянства и представителей городовъ. Избранныя лица должны заботиться объ общихъ интересахъ страны, нуждахъ всего народа и,—что главное,—быть посредниками между царемъ и народомъ; они должны принять на себя законодательную и административную отвѣтственность, въ каковыхъ цѣляхъ имъ предоставляется право законодательнаго почина по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ компетенцію совѣта. Тѣ мысли, которыя были высказаны здѣсь, и на которыхъ лежалъ явный отпечатокъ замаскированнаго конституціонализма, въ болѣе суженной и ограниченной формѣ были положены и въ основаніе реформаторской задуманной программы гр. Лорисъ-Меликова въ 1881 г.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что означенная записка никакого движенія не получила и была оставлена Николаемъ Павловичемъ безъ послѣдствій, какъ равно безъ всякихъ послѣдствій осталось и письмо проф. Паррота, написанное государю въ 1831 г. въ непосредственной связи съ польскимъ возстаніемъ 1830 г., гдѣ авторъ говорилъ: «Вашъ народъ, по крайней мѣрѣ, дворянство, военные и гражданскіе чины стремятся къ представительному правленію. И время это пришло гораздо скорѣе, чѣмъ я думалъ. Умоляю васъ, ваше величество, во имя человѣчества и вашей безопасности, предупредите тотъ моментъ, когда отъ васъ могутъ потребовать больше, чѣмъ вы въ состояніи дать. Преобразуйте государственный совѣтъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ я имѣлъ честь докладывать... Вторымъ благодѣяніемъ была бы реформа министерствъ. Необходимо произвести революцію сверху, но постепенно и сообразно съ нравственными потребностями вашего народа»...

Конечно, мольба Паррота не была услышана и, какъ намъ извѣстно, правительство Николая I ни на одну іоту не раздвинуло своихъ рядовъ для вступленія сюда общественныхъ силъ, ни на одну каплю не поступилось своими прерогативами бюрократической власти.

II.

Въ 1824 г. Н. И. Тургеневъ служилъ по департаменту гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, гдѣ для его прогрессивныхъ убѣжденій имѣлось въ наличности широкое поле примѣненія: сюда поступали всѣ доходившія до государственнаго совѣта дѣла по спорамъ между помѣщиками и крестьянами и по дѣламъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью. «Тургеневъ имѣлъ утѣшеніе говорить впослѣдствіи,—свидѣтельствуетъ его біографъ, г. Корниловъ [1]),—что за его время въ государственномъ совѣтѣ не было случая, чтобы крѣпостные, отыскивавшіе свободу, проиграли свое дѣло, или чтобы помѣщикъ, виновный въ злоупотребленіи властью, остался безнаказаннымъ. Въ этомъ случаѣ крестьяне находили неизмѣнно въ Тургеневѣ такого краснорѣчиваго и хорошо вооруженнаго защитника своихъ интересовъ, что даже старикъ Мордвиновъ, въ принципѣ не соглашавшійся съ нимъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ обыкновенно убѣждался его доводами».

Правительство Александра I и выдающіеся представители тогдашней бюрократіи были хорошо освѣдомлены о либеральномъ складѣ убѣжденій Николая Ивановича, въ чемъ не трудно было даже офиціально убѣдиться на основаніи его столь распространенной тогда книги «Опытъ теоріи налоговъ», гдѣ авторъ подвергалъ обсужденію крѣпостной вопросъ съ либеральной точки зрѣнія; но это не служило препятствіемъ къ быстрому и блестящему прохожденію имъ государственной службы. Въ немъ цѣнили широкія познанія, образованность, практическое знакомство съ внутренней жизнью страны и ея политико-соціальнымъ строемъ. Его служебныя и справочныя записки были знакомы даже Александру Павловичу, какъ равно ему же, очевидно, на основаніи поступившаго уже къ тому времени донесенія была извѣстна причастность Тургенева къ дѣламъ «Сѣвернаго» общества и его роль здѣсь. Поэтому, когда переутомленный массою работы авторъ «Опыта теоріи налоговъ» сталъ усиленно хлопотать объ отпускѣ за границу для возстановленія здоровья, каковой отпускъ усиленно тормозился его начальствомъ, и когда наконецъ этотъ отпускъ былъ ему высочайше разрѣшенъ, то Александръ I велѣлъ ему передать черезъ Аракчеева слѣдующій совѣтъ, не «какъ государь, а какъ христіанинъ»: «Будьте осторожнѣе за границею. Вы тамъ не избѣжите встрѣчи съ людьми, которые исполнены революціоннымъ духомъ они постараются васъ увлечь. Не довѣряйте этимъ людямъ и будьте осторожны».

---

[1]) А. А. Корниловъ. Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. Спб. 1905.

Въ апрѣлѣ 1824 г. Тургеневъ покинулъ Россію и только черезъ 33 года получилъ право снова вернуться на родину, когда надъ нею уже занималось солнце освобожденія, лучи котораго имъ тщетно и такъ страстно вмѣстѣ съ единомышленниками—членами «Сѣвернаго» общества—ожидались въ мрачную эпоху аракчеевщины. Его заграничное путешествіе и лѣченіе затянулись, и событія 14 декабря 1825 г. разыгрались въ его отсутствіе. Онъ не былъ даже освѣдомленъ о ближайшихъ планахъ своихъ сотоварищей, не зналъ ихъ рѣшеній и намѣреній въ теченіе всего 1825 г. Свѣдѣнія о смерти Александра I и о возстаніи на Сенатской площади дошли до него въ Парижѣ, и вскорѣ затѣмъ въ Лондонѣ онъ узнаетъ, что и онъ привлеченъ къ дознанію, какъ активный участникъ обширнаго заговора; не ожидая офиціальнаго запроса, онъ спѣшитъ послать оправдательную, или, правильнѣе, объяснительную записку, но и правительство Николая I не дремлетъ: его требуютъ въ Петербургъ, входятъ по сему предмету въ дипломатическіе переговоры и въ результатѣ заочно произносятъ надъ нимъ суровый приговоръ послѣ того, какъ онъ категорически отказался предстать передъ верховнымъ судомъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что не имѣетъ никакого отношенія къ заговору противъ Николая Павловича и что не можетъ быть отвѣтственъ за то, что совершилось въ его отсутствіе и безъ его вѣдома.

Большинство обвиненій, выставленныхъ противъ Тургенева, безусловно неосновательны, но человѣка судили не за факты и поступки, твердо установленные слѣдствіемъ, и безъ всякаго вниманія къ присланнымъ имъ оправдательнымъ запискамъ, а только на основаніи наговоровъ соучастниковъ процесса,—наговоровъ, на которые, увы, декабристы были столь щедры, и которыми они такъ безпощадно по мотивамъ личнаго характера губили другъ друга.

Верховный уголовный судъ вынесъ Тургеневу тяжкій приговоръ: смертную казнь, которая по высочайшей конфирмаціи была замѣнена пожизненной каторгой съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Впослѣдствіи Николай Ивановичъ хлопоталъ о пересмотрѣ дѣла, предлагалъ для сего лично пріѣхать въ Россію, но его просьбы были оставлены безъ послѣдствій, и онъ сталъ такимъ образомъ первымъ русскимъ политическимъ эмигрантомъ, который въ обстоятельномъ сочиненіи «La Russie et les russes», изданномъ въ 1847 г. [1]), ознакомилъ иностранцевъ съ новѣйшей исторіей Россіи (начиная съ 1812 г.), съ ея политическимъ и соціально-экономическимъ строемъ, съ идеалами прогрессивной части общества вообще

---

[1]) Книга Тургенева была написана значительно раньше, но онъ, пока былъ живъ въ Россіи его братъ Александръ, не рѣшался ее печатать, опасаясь принести тѣмъ вредъ брату, которому онъ, будучи въ изгнаніи, былъ многимъ обязанъ, особенно въ матеріальномъ отношеніи.

и декабристовъ въ частности и намѣтилъ также «будущность Россіи» (Pia desideria) въ интересахъ ея прогрессивнаго развитія, согласно опыту западно-европейской культуры. Въ третьей части своей работы авторъ представилъ обширный планъ реформъ, которыя имъ раздѣлены на двѣ категоріи: 1) такія, которыя возможны при

Николай Ивановичъ Тургеневъ.

существованіи самодержавія, и 2) входящія въ составъ необходимыхъ, по его мнѣнію, политическихъ реформъ.

Къ первой категоріи относятся: освобожденіе крестьянъ, которое онъ ставитъ въ уголъ всѣхъ реформъ; устройство судебной части съ введеніемъ гласнаго суда присяжныхъ и съ полною отмѣною тѣлесныхъ наказаній; устройство административной части на основѣ выборнаго начала, съ установленіемъ широкаго мѣстнаго самоуправленія; расширеніе свободы печати. Ко второй категоріи,

которая должна во всѣхъ своихъ частяхъ быть освящена закономъ («Русскою Правдою»), онъ относитъ: равенство всѣхъ передъ закономъ, свободу слова и печати, свободу совѣсти, представительную форму правленія, отвѣтственность министровъ передъ народомъ и независимость судебной власти. Онъ болѣе или менѣе обстоятельно разработалъ и вопросъ объ избирательномъ законѣ, а также вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, который намѣчался имъ къ разрѣшенію въ двухъ направленіяхъ—личнаго освобожденія и съ надѣленіемъ крестьянъ землею, при чемъ авторъ попытался установить и нѣкоторыя финансовыя комбинаціи дѣла раскрѣпощенія.

Трудъ Тургенева, по справедливой оцѣнкѣ В. И. Семевскаго [1]) былъ «единственнымъ сочиненіемъ въ эпоху императора Николая, въ которомъ русскій политическій либерализмъ получилъ довольно полное выраженіе». Являясь въ своей работѣ типичнымъ представителемъ западничества и врагомъ русскаго общиннаго начала, Николай Ивановичъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно несочувственно относился и къ разнаго рода соціалистическимъ и коммунистическимъ ученіямъ, которыя, по его мнѣнію, «хотѣли бы возвратить народы къ варварству». Оцѣнивая теоріи и реформаторскіе проекты Тургенева (особенно въ той части, гдѣ идетъ рѣчь «о финансахъ и судопроизводствѣ въ Россіи»), г. Корниловъ [2]) говоритъ, что «Тургеневъ, стоя на уровнѣ понятій просвѣщенныхъ людей своего вѣка относительно всѣхъ отдѣловъ государственнаго устройства и управленія, отнюдь не помышлялъ, однако, о какомъ нибудь переворотѣ и разсчитывалъ на мирную преобразовательную дѣятельность самого правительства, которое, по его соображеніямъ, вступитъ на путь реформъ, если пожелаетъ сохранить свое мѣсто въ средѣ великихъ европейскихъ державъ. События, наступившія вслѣдъ за крымской кампаніей, блистательно оправдали эти соображенія Николая Тургенева. Въ 1848 г. Тургеневъ предвидѣлъ уже и самую войну, какъ это видно изъ его брошюры «La Russie en présence de la crise européenne».

Все царствованіе Николая Павловича первый русскій политическій эмигрантъ провелъ за предѣлами отечества, и лишь со вступленіемъ на престолъ Александра II, главнымъ образомъ благодаря предстательству Жуковскаго, ему разрѣшено было вернуться на родину, быть выслушаннымъ, реабилитированнымъ и возстановленнымъ во всѣхъ правахъ, отнятыхъ у него приговоромъ верховнаго уголовнаго суда. Дальнѣйшая его практическая дѣятельность принадлежитъ уже всецѣло «эпохѣ великихъ реформъ», когда онъ воочію увидѣлъ то, во имя чего, начиная съ Радищева, интеллигенціей понесено было столько труда и жертвъ, пролито столько слезъ и даже крови.

---

[1]) «Энциклопедическій словарь», т. XXXIV.

[2]) А. А. Корниловъ. Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи.

III.

Если идеалы декабристовъ нашли себѣ болѣе или менѣе полное выраженіе въ трудѣ Тургенева, увидавшемъ свѣтъ за рубежомъ Россіи, то и на родинѣ этимъ идеаламъ не суждено было погибнуть и совершенно померкнуть. Завѣты 1825 г. проникли въ общество, укрѣпились въ немъ и съ теченіемъ времени получили возможность своего проявленія въ той или иной формѣ, по разнымъ поводамъ и случаямъ. Но только это проявленіе ограничилось въ Николаевскую эпоху не какими либо активными мятежными дѣйствіями, а въ формѣ осторожной или неосторожной литературной пропаганды и въ вспышкахъ юношеской мысли, юношеской рѣчи со всѣмъ свойственнымъ юности задоромъ и увлеченіемъ.

Уже съ Екатерининскаго времени освободительныя идеи подъ вліяніемъ французскихъ энциклопедистовъ съ наибольшею яркостью высказываются представителями литературной интеллигенціи. Въ царствованія Павла и Александра I участіе послѣдней въ разработкѣ этихъ освободительныхъ идей и проведеніи ихъ въ русскую жизнь довольно слабо, если не считать дѣятельности Рылѣева, Одоевскаго и др.; но зато въ эпоху Николая военное сословіе, сосредоточившее въ себѣ въ предшествовавшіе періоды всѣ элементы политическаго либерализма и даже соціализма (Пестель), совершенно теряетъ свое первенствующее въ этомъ отношеніи значеніе, становится, напротивъ, опорою самодержавно-бюрократическаго строя тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, а мѣсто его занимаетъ русская интеллигенція, подвизающаяся на поприщахъ литературномъ, учебномъ и ученомъ. Наиболѣе смѣлыми и рѣзкими выразителями освободительныхъ тенденцій этой интеллигенціи на первыхъ порахъ выступаетъ учащаяся молодежь, которая именно съ эпохи Николая начинаетъ принимать самое дѣятельное и активное участіе въ политическихъ движеніяхъ русскаго народа. Первыми по времени необходимо отмѣтить молодыхъ братьевъ Критскихъ, дѣло которыхъ долгое время оставалось неизслѣдованнымъ и только нынѣ обстоятельно освѣщено и обслѣдовано М. Лемке на основаніи подлинныхъ дѣлъ бывшаго архива III Отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи [1]).

Дѣло братьевъ Критскихъ создалось и обнаружилось въ 1827 г. и, несомнѣнно, можетъ быть разсматриваемо, какъ нѣкоторое отраженіе въ умахъ обывателей политической программы декабристовъ, возмущенія на Сенатской площади и печальной судьбы участниковъ этого возмущенія. Началось дѣло съ того, что въ августѣ 1827 г. въ караулъ на главной Кремлевской гауптвахтѣ въ Москвѣ явился студентъ Лушниковъ и началъ разспрашивать сначала ка-

---

[1]) Журналъ «Былое», 1906 г., № 6.

раульныхъ гренадеровъ, а потомъ и начальника караула, Баумана, о томъ, довольны ли гренадеры своимъ ротнымъ командиромъ, и предлагая Бауману и прапорщику Ковалевскому «войти съ нимъ въ короткія связи», объявлялъ секретъ и просилъ въономъ участвовать, сказавъ, что ихъ партія довольно значительна какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ и въ Сибири, и что они предположили сего мѣсяца 22 числа, въ день коронаціи, сдѣлать революцію, а передъ тѣмъ намѣрены по всему городу разбросать возмутительныя записки и также у монумента Пожарскаго выставить, сколько было невинно повѣшенныхъ и сосланныхъ въ Сибирь.

Объ этихъ разговорахъ было донесено коменданту; вскорѣ и Лушниковъ и его товарищи, братья Критскіе, были арестованы, послѣ чего послѣдовало донесеніе въ Петербургъ о раскрытомъ преступномъ заговорѣ, и начался допросъ арестованныхъ и слѣдствіе надъ ними. Оказалось, что въ этомъ «преступномъ заговорѣ» замѣшано такъ или иначе до 15 человѣкъ, все юношей въ возрастѣ отъ 16 до 20 лѣтъ, изъ коихъ почти всѣ были учащимися въ университетѣ и въ гимназіи. Какихъ либо преступныхъ и бунтарскихъ дѣяній въ прямомъ смыслѣ слова со стороны всей этой группы юношей учинено не было, не было въ наличности даже мало-мальски выработаннаго плана дѣйствій, которыя оказались отсроченными на цѣлыхъ 10 лѣтъ (!), а все сводилось къ легкомысленной болтовнѣ, къ оскорбленію его величества и его семьи на словахъ, въ своей компаніи, къ храненію стиховъ Рылѣева и Бестужева и къ повторенію отчасти тѣхъ самыхъ кровожадныхъ пожеланій, на которыя, какъ намъ уже извѣстно, не скупились въ свое время дѣятели «Сѣвернаго» и «Южнаго» обществъ. Вотъ, напримѣръ, приведенныя г. Лемке двѣ характерныя сценки, какъ бы повторяющія то, что въ 1825 г. въ болѣе серьезной формѣ разыгрывалось на конспиративныхъ квартирахъ декабристовъ.

Какъ-то Михаилъ Критскій заговорилъ о цареубійствѣ. Тюринъ находилъ это безполезнымъ.

— Смерть государя устрашитъ прочихъ особъ царствующей фамиліи и заставитъ ихъ удалиться въ Германію, — продолжалъ Михаилъ.

— Напротивъ того, примутъ строгія мѣры, такъ что даже за одно неосторожное слово будутъ ссылать въ Сибирь, — возражалъ Тюринъ.

— Тѣмъ лучше,—не успокоивался его оппонентъ,—потому что народъ тогда ожесточится.

Въ другой разъ происходилъ такой разговоръ:

— Какъ ты думаешь, — спросилъ Лушникова Михаилъ при братѣ Василіи, Поповѣ и Тюринѣ: — до корня или съ корнемъ, т.-е. лишить ли жизни всю императорскую фамилію, или оставить наслѣдника?

— Если благополучіе моего отечества и перемѣна правленія требуютъ сихъ жертвъ, то я готовъ на все, но для чего губить царя-младенца? Онъ не можетъ быть намъ вреденъ.

— Вотъ хорошо,—возразилъ Василій,—не можетъ быть вреденъ!

— Къ тому же,—прибавилъ Поповъ,—за наслѣдника вступится всякій нѣмецъ, какъ за родную кровь свою.

— Ты долженъ слѣпо слѣдовать нашимъ совѣтамъ,— сказалъ наконецъ Тюринъ,—какъ тайнамъ Евангелія.

Потомъ Михаилъ, показывая на царскіе портреты въ календарѣ, сказалъ:

— Смотри на этихъ тирановъ и напитывай душу твою кровавою местью!—и, вынувъ два ружья, охотничій ножъ и турецкій ятаганъ, прибавилъ:—вотъ у насъ есть для нихъ гостинцы.

Кровожадный и мелодраматическій замыселъ этотъ былъ, однако, юными заговорщиками, не имѣвшими за собою какихъ либо общественныхъ группъ, на которыя бы можно было опираться и на нихъ разсчитывать, отсроченъ на 10 лѣтъ. Почему на столь долгій срокъ?—спрашивала слѣдственная комиссія, и Лушниковъ дѣтски-наивно отвѣчалъ: «Потому, что всякому хотѣлось пожить и для родныхъ, и дабы видѣть плоды своего предпріятія»...

Заговорщики мечтали о составленіи прокламаціи, но весь вопросъ останавливался за написаніемъ ея; всѣ боялись, что, въ случаѣ розысковъ, ихъ почерки будутъ узнаны, а потому было рѣшено эту будущую прокламацію къ населенію, имѣющую быть положенной на памятникъ Минина и Пожарскаго, выгравировать па камнѣ подъ печать. На кого разсчитывали эти никому невѣдомые «московскіе карбонаріи»? Друзья, оказывается, надѣялись на поддержку своего предпріятія со стороны обиженнаго Николаемъ генерала Алексѣя Петровича Ермолова, на симбирскаго губернскаго предводителя дворянства, князя Баратаева, и на генерала Ивашева, отца декабриста. Василій Критскій показывалъ даже, что у нихъ была надежда имѣть Ермолова во главѣ своего общества. Разсуждая о ходѣ и развитіи своей партіи, они предполагали вербовать въ нее членовъ преимущественно среди студенчества, а предсѣдателемъ всего политическаго союза или общества избрать А. С. Пушкина(!). Слѣдствіе не обнаружило знакомства молодыхъ преступниковъ съ серьезными западно-европейскими политическими теоріями и съ кѣмъ либо изъ видныхъ представителей тогдашней русской образованности. Политическія идеи террористическаго характера и конституціональнаго порядка проникли въ ихъ среду частію благодаря освѣдомленности о судьбѣ декабристовъ, частію изъ чтенія произведеній тогдашней легальной и нелегальной литературы. Петръ Критскій показывалъ, что «любовь къ независимости и отвращеніе къ монархическому правленію возбудились въ немъ наиболѣе отъ чтенія твореній Пушкина и Рылѣева. Слѣдствіемъ сего было,

что погибель преступниковъ 14 декабря родила въ немъ негодованіе. Сіе открылъ онъ братьямъ своимъ, которые были съ нимъ одинаковыхъ мыслей. Въ замыслахъ, не исключая и самаго покушенія на жизнь государя императора, участвовалъ, думая, впрочемъ, что сами по себѣ вшестеромъ они ничего не сдѣлаютъ, а, между тѣмъ, время откроетъ имъ глаза». Особенною популярностью среди нихъ пользовалось стихотвореніе Рылѣева, написанное имъ совмѣстно съ А. Бестужевымъ: «Ахъ, гдѣ тѣ острова, гдѣ растетъ трынъ-трава» [1]), гдѣ слѣдственной комиссіей были отмѣчены и поставлены особенно въ вину обвиняемымъ серединные куплéты:

Ты скажи, говори,
Какъ въ Россіи цари
Правятъ.
Ты скажи поскорѣй,
Какъ въ Россіи царей
Давятъ;
Какъ капралы Петра
Провожали съ двора
Тихо;
Какъ жена предъ дворцомъ
Разъѣзжала верхомъ
Лихо!
Какъ . . . .
Воцарился по ней—
Горе!
Но Господь, русскій Богъ,
Бѣднымъ людямъ помогъ
Вскорѣ...

Въ окончательной формѣ приговоръ надъ «злоумышленниками» былъ лично конфирмованъ Николаемъ Павловичемъ такъ. Во главѣ всего «дѣла» поставлены шестеро — трое Критскихъ, Лушниковъ, Поповъ и Тюринъ. «Сіи шесть человѣкъ, составивъ между собою тайное общество, умышляли на жизнь его величества государя императора и всей августѣйшей фамиліи, предполагая сіе дѣйствіе произвести не иначе, какъ по прошествіи десяти лѣтъ, а между тѣмъ было у нихъ условіе: стараться умножать членовъ, изыскивать средства для преобразованія государства, ввести конституціонное правленіе, возбуждать негодованіе солдатъ противъ правительства, приготовляться къ бунту и, написавъ прокламацію къ московскимъ жителямъ, положить оную на монументѣ Минина и Пожарскаго. Сверхъ того, изъ нихъ Лушниковъ, Петръ Критскій и Поповъ произносили къ потретамъ государя императора дерзкія и оскорбительныя слова; при томъ, Лушниковъ былъ оже-

[1]) Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ I. М. 1906. Оно же приведено и въ статьѣ г. Лемке.

сточенъ до такой степени, что дерзнулъ на портретѣ блаженныя памяти государя императора выколоть глаза». Резолюція Николая I: «Лушникова и Петра Критскаго отправить въ Швартгольмскую крѣпость, Михаила и Василія Критскихъ отправить въ Соловецкій монастырь, Попова и Тюрина отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость». По отношенію другихъ послѣдовали распоряженія о высылкѣ ихъ изъ Москвы преимущественно въ восточныя губерніи, но съ правомъ поступленія тамъ на гражданскую службу канцелярскими чиновниками. Нѣкоторые были совершенно помилованы.

Такъ печально кончилось это, въ сущности, пустячное дѣло, являвшееся слабымъ эхомъ раскатовъ событій 14 декабря,—дѣло, гдѣ впервые выступаютъ на арену представители учащейся молодежи, и гдѣ усматривается зародышъ тѣхъ политическихъ студенческихъ кружковъ, которыми впослѣдствіи переполнилась наша родина, и которые съ теченіемъ времени все активнѣе принимали участіе въ политическихъ движеніяхъ Россіи.

IV.

Кружокъ братьевъ Критскихъ носилъ на себѣ несомнѣнно отпечатокъ случайности, отсутствія какой либо въ немъ организаціи и безъ всякихъ глубокихъ корней въ какихъ либо общественныхъ напластованіяхъ русской дѣйствительности. Не то мы видимъ въ томъ кружкѣ университетской молодежи, гдѣ такую выдающуюся роль играли А. И. Герценъ, Огаревъ, Пассекъ, Сатинъ и др. Онъ не былъ политическимъ въ прямомъ смыслѣ слова, въ немъ не было элементовъ заговоровъ и активныхъ противоправительственныхъ замысловъ, но зато онъ естественно вышелъ изъ глубокихъ нѣдръ тогдашней русской жизни, связанъ съ нею тѣсною органическою связью, и при наличности у его участниковъ выдающихся талантовъ, образованности и серьезнаго, вдумчиваго отношенія ко всему реально-окружающему; кружокъ этотъ рано или поздно долженъ былъ дать Россіи крупныхъ политическихъ дѣятелей, которымъ суждено будетъ сыграть въ ея судьбахъ выдающуюся роль. Дѣятели этого молодого московскаго сообщества тоже духовно были связаны уже на ранней зарѣ своей жизни съ идеалами декабристовъ, прониклись соболѣзнованіемъ къ ихъ трагической судьбѣ и явились на арену отечественной жизни тридцатыхъ годовъ уже съ философски обоснованными политическими взглядами, соприкасающимися къ тѣмъ взглядамъ, которые въ предыдущее десятилѣтіе такъ громко и рѣшительно исповѣдывалъ первый русскій активный соціалистъ—Пестель.

Въ своихъ дивныхъ воспоминаніяхъ—«Былое и Думы» [1]), равныхъ которымъ по яркости красокъ и сочности пера нѣтъ въ нашей литературѣ, Герценъ подробно описываетъ, подъ дѣйствіемъ какихъ факторовъ сложилось его міросозерцаніе, какъ протекали его дѣтство и юность, какъ образовался товарищескій кружокъ, который постигла потомъ горькая участь, и протекла его послѣдующая жизнь въ провинціальномъ изгнаніи до отъѣзда за границу въ 1847 г. Мы остановимся въ настоящемъ очеркѣ лишь на юношескомъ періодѣ жизни знаменитаго эмигранта; послѣдующая его жизнь и дѣятельность въ роли политическаго агитатора и редактора русскихъ зарубежныхъ изданій, въ связи съ дѣятельностью на томъ же поприщѣ Огарева, Бакунина и др. составитъ содержаніе одной изъ послѣдующихъ статей.

Герценъ былъ внѣбрачнымъ сыномъ извѣстнаго въ Москвѣ Ивана Алексѣевича Яковлева и Генріеты-Вильгельмины-Луизы Гаагъ, былъ любимцемъ отца, котораго очень озабочивала будущность Шушки, какъ звали Александра Ивановича въ дѣтствѣ. Сынъ, какъ и всѣ дѣти той эпохи, мечталъ о военной службѣ, а отецъ мечталъ сдѣлать изъ него дипломата, въ каковыхъ цѣляхъ, пользуясь своими широкими связями, уже въ раннемъ возрастѣ устроилъ ему полученіе гражданскихъ чиновъ, такъ что, когда ему минуло 14 лѣтъ, Герценъ числился уже губернскимъ секретаремъ, съ показаніемъ въ формулярномъ спискѣ, что ему уже 20 лѣтъ.

Дни его въ родительскомъ домѣ, типичномъ московскомъ дворянскомъ гнѣздѣ, съ его самодурствомъ, безалаберностью и крѣпостничествомъ, протекали достаточно однообразно, скучно и безъ сильныхъ духовныхъ впечатлѣній. Когда ему только что минуло 14 лѣтъ, его душѣ сразу суждено было пробудиться, и толчкомъ къ этому пробужденію послужило именно дѣло декабристовъ. «Разсказы о возмущеніи, о судѣ, ужасѣ въ Москвѣ сильно поразили меня,—повѣствуетъ Герценъ въ «Быломъ и Думахъ»,—мнѣ открывался новый міръ, который становился больше средоточіемъ всего нравственнаго существованія моего; не знаю, какъ это сдѣлалось, но, мало понимая или очень смутно, въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческій сонъ моей души.

«Само собою разумѣется, что одиночество теперь тяготило меня больше прежняго, мнѣ хотѣлось кому нибудь сообщить свои мысли и мечты, провѣрить ихъ, слышать имъ подтвержденіе; я слишкомъ гордо сознавалъ себя «злоумышленникомъ», чтобъ молчать объ этомъ или чтобъ говорить безъ разбора».

---

[1]) Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной. Т. II. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1905 г.

Выборъ его палъ на учителя русскаго языка, И. Е. Протопопова, который, выслушавъ исповѣдь ученика, со слезами ему сказалъ: «Дай Богъ, чтобъ эти чувства созрѣли въ васъ и укрѣпились». Съ того времени учитель снабжаетъ Герцена переписанными стихами Пушкина: «Ода на свободу», «Кинжалъ», «Думы Рылѣева», и т. п. литературой. Самъ ученикъ находитъ въ подвалѣ дома исторію революціи 90-хъ годовъ и съ тѣхъ поръ погружается, по мѣрѣ возможности, въ политическое чтеніе. Ему пришлось быть на Кремлевской площади во время коронаціи Николая, и тутъ «передъ алтаремъ, оскверненнымъ кровавой молитвой, онъ клялся

Александръ Ивановичъ Герценъ (въ молодости).

отомстить за казненныхъ и обрекалъ себя на борьбу съ этимъ тираномъ, съ этимъ алтаремъ, съ этими пушками».

Такое же настроеніе царило въ душѣ и сверстника Герцена, съ которымъ онъ недавно сдружился и сошелся, извѣстнаго впослѣдствіи поэта и эмигранта, Н. П. Огарева, который, вспоминая въ стихахъ тѣ годы юности, такъ рисуетъ свое состояніе души и настроеніе ума [1]):

И все тогда влекло меня впередъ—
И жажда знать законы общей жизни,

[1]) Какъ эта, такъ и нѣкоторыя другія цитаты взяты изъ интересной статьи М. Лемке: «Очерки жизни и дѣятельности Герцена, Огарева и ихъ друзей», написанной по неизданнымъ источникамъ, см. «Міръ Божій», №№ 1, 2 и 4 за 1905 г.

Судьбы великія людского рода,
Въ которыя не вѣрю я теперь,
И двигала меня еще живая память
О пятерыхъ . . . . [1])
По ихъ слѣдамъ слагалась жизнь моя,
Я призванъ былъ работать для свободы
И побѣдить иль величаво пасть...

Вскорѣ молодые друзья поступили въ университетъ, сошлись кое съ кѣмъ изъ тамошней молодежи, тѣсно сблизились и образовали товарищескій кружокъ, который страстно волновался вопросами науки, философіи, политики и соціализма. Въ составъ молодого кружка входили—Герценъ, Огаревъ, Кетчеръ, Пассекъ (Вадимъ), Сазоновъ, Сатинъ, Носковъ и Масловъ; самыми крупными величинами въ нихъ были, конечно, первые двое, которые, такимъ образомъ, и являются какъ бы центромъ тогдашняго молодого умственнаго возбужденія среди пріятелей. Вспоминая то свое студенческое время и своихъ товарищей, Герценъ говоритъ: «Мы были фанатики и юноши, все было подчинено одной мысли и одной религіи: наука, искусство, связи, родительскій домъ, общественное положеніе. Тамъ, гдѣ открывалась возможность обращать, проповѣдывать, тамъ мы были со всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ, неотступно, безотвязно, не щадя ни времени, ни труда, ни кокетства даже... День, въ который мы сѣли рядомъ на одной изъ лавокъ амфитеатра и взглянули другъ на друга, съ сознаніемъ нашего обреченія, нашей связи, нашей тайны, нашей готовности погибнуть, нашей вѣры въ святость дѣла, и взглянули съ гордой любовью на это множество молодыхъ, прекрасныхъ головъ, окружившихъ насъ, какъ на братственную паству,—былъ великимъ днемъ въ нашей жизни. Мы подали другъ другу руку и à la lettre пошли проповѣдывать свободу и борьбу во всѣ четыре стороны нашей молодой вселенной, какъ четыре діакона, идущіе въ свѣтлый праздникъ съ четырьмя евангеліями въ рукахъ».

Въ чемъ же заключалась проповѣдь молодыхъ энтузіастовъ, что они проповѣдывали: «Что мы, собственно, проповѣдывали, трудно сказать,—повѣствуетъ Герценъ.—Идеи были смутны: мы проповѣдывали французскую революцію, потомъ проповѣдывали сенъ-симонизмъ и тутъ же революцію, мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ. Но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилію, ко всякому произволу». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Время, слѣдовавшее за усмиреніемъ польскаго возстанія, быстро воспитывало. Мы начали съ внутреннимъ

[1]) О пятерыхъ повѣшенныхъ декабристахъ.

ужасомъ разглядывать, что и въ Европѣ и особенно во Франціи, откуда ждали пароль политическій и лозунгъ, дѣла идутъ неладно, теоріи наши становились намъ подозрительны. Дѣтскій либерализмъ 1826 г., сложившійся мало-по-малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдывали Лафайеты и Бенжамены Констаны, пѣлъ Беранже,—терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу. Тогда-то часть молодежи, и въ ея числѣ Вадимъ, бросились на глубокое и серьезное изученіе русской исторіи. Другая—въ изученіе нѣмецкой философіи.

«Мы съ Огаревымъ не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы слишкомъ сжились съ иными идеалами, чтобъ скоро поступиться ими. Вѣра въ беранжеровскую застольную революцію была потрясена, но мы искали чего-то другого, чего не могли найти ни въ Несторовской лѣтописи, ни въ трансцедентальномъ идеализмѣ Шеллинга... Новый міръ толкался въ двери, наши души, наши сердца растворялись ему. Сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ. Удобовпечатлимые, искренно-молодые, мы легко были подхвачены мощной волной его и рано переплыли тотъ рубежъ, на которомъ останавливаются цѣлые ряды людей, складываютъ руки, идутъ назадъ или ищутъ по сторонамъ броду черезъ море! Но не всѣ рискнули съ нами. Соціализмъ и реализмъ остаются до сихъ поръ пробными камнями, брошенными на пути революціи и науки... Кругъ нашъ еще тѣснѣе сомкнулся. Уже тогда, въ 1833 г., либералы смотрѣли на насъ исподлобья, какъ на сбившихся съ дороги»...

Итакъ, еще на университетской скамьѣ Герценъ и Огаревъ рвутъ связь съ политическимъ либерализмомъ и несутъ съ собою проповѣдь соціализма съ его философскимъ обоснованіемъ, почерпнутымъ изъ ученія Сенъ-Симона. Это было знаменательнымъ моментомъ въ жизни русской интеллигенціи, гдѣ къ тому времени уже начали постепенно обозначаться смутные контуры будущихъ нашихъ политическихъ партій съ ихъ подраздѣленіями на правыя, центральныя и лѣвыя. Родоначальниками этихъ лѣвыхъ, если не считать Пестеля, который въ данномъ случаѣ стоитъ совсѣмъ особнякомъ, должны быть признаны именно университетскіе неразлучные пріятели—Герценъ и Огаревъ.

Сенъ-симонизмъ[1]) можетъ быть разсматриваемъ, какъ предвѣстникъ того движенія, которое намъ знакомо и на нашихъ глазахъ получило столь широкое распространеніе и популярность подъ формою «экономическаго матеріализма». Какъ здѣсь, такъ и тамъ, оставляя въ сторонѣ субъективныя и индивидуальныя стороны каждаго ученія, мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемъ со-

---

[1]) О Сенъ-Симонѣ и сенъ-симонизмѣ см. популярную ст. въ т. XXIX-мъ «Энциклопедическаго словаря» Брокгауза и Ефрона.

средоточенность вниманія на промышленной сторонѣ въ жизни государства, заботу о пролетаріатѣ и проповѣдь ассоціаціи труда во имя счастья, блага и экономическаго равенства людей между собою. «Промышленный принципъ основывается на принципѣ полнаго равенства»,—таковъ краеугольный камень ученія французскаго философа. Политическая свобода, согласно этому ученію, есть необходимое слѣдствіе прогрессивнаго развитія; но разъ эта свобода достигнута, она перестаетъ быть конечной цѣлью. «Индивидуализмъ слишкомъ развилъ и безъ того сильный въ человѣкѣ эгоизмъ; теперь нужно организовать производство на принципѣ ассоціаціи, что скоро приведетъ къ развитію естественныхъ чувствъ солидарности и взаимной братской преданности. Лозунгъ индивидуализма—борьба людей другъ противъ друга; лозунгъ принципа ассоціаціи—борьба людей въ союзѣ другъ съ другомъ противъ природы. Главная задача государственныхъ людей въ индустріальномъ государствѣ состоитъ въ заботѣ о трудѣ».

Насколько энтузіазмъ, рожденный знакомствомъ съ соціализмомъ и въ связи съ спеціальными политическими задачами Россіи николаевской эпохи подъ угломъ зрѣнія прогрессивной части общества, насколько этотъ энтузіазмъ былъ силенъ среди членовъ Герценовскаго кружка, всего лучше усматривается изъ автобіографическаго стихотворенія Огарева: «Исповѣдь лишняго человѣка»[1])

Я помню, разъ—тогда была весна,
И только снѣгъ едва кой-гдѣ бѣлѣлся,
И мутные ручьи текли вдоль улицъ...
Я съ другомъ[2]) шелъ куда-то далеко—
Край города... тамъ третій жилъ товарищъ.
Мы бодро шли, толкуя межъ собой
И шлепая калошами по грязи.
Я помню комнатку аршиновъ въ пять,
Кровать, да стулъ, да столъ съ свѣчею сальной...
И тутъ втроемъ мы, дѣти декабристовъ
И міра новаго ученики,
Ученики Фурье и Сенъ-Симона,—
Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основою положимъ соцьялизмъ,
И, чтобъ достичь священной нашей цѣли,
Мы общество должны составить втайнѣ
И втайнѣ шагъ за шагомъ распространять.
Товарищъ нашъ[3]), глубоко религіозный,
Торжественно предъ нами развернулъ
Большую книгу въ буромъ переплетѣ

---

[1]) Беремъ, за неимѣніемъ первоисточника подъ руками, изъ статьи М. Ленке: «Очерки жизни и дѣятельности Герцена, Огарева и ихъ друзей».

[2]) Т.-е. съ Герценомъ.

[3]) Сазоновъ.

Со сдержками... И мы клялись надъ ней,
И бросились другъ другу мы на шею,
И плакали въ восторгѣ молодомъ...
И въ жизни слезъ я не припомню чище!..

Эта романтическая картинка съ клятвою надъ Евангеліемъ, нарисованная поэтомъ-художникомъ, очень характерна: тутъ и память о декабристахъ, и поклоненіе Сенъ-Симону, т.-е. соціализму, и твердое намѣреніе посвятить свою жизнь «народу и его освобожденью», въ цѣляхъ чего признается необходимою организація политическаго общества съ задачею пропаганды. И дѣйствительно, молодые люди остаются вѣрными себѣ — они доказываютъ это всею своею жизнью, въ которую включены были именно тѣ задачи, во имя которыхъ была принесена евангельская клятва. Имъ не удалось только образовать политическаго общества, по образцу обществъ двадцатыхъ годовъ, но и безъ того черезъ какихъ нибудь двадцать лѣтъ эти политическіе энтузіасты, когда сѣдина уже показалась въ ихъ волосахъ, явили собою величину, значительно превосходящую своимъ нравственнымъ и политическимъ значеніемъ весьма многія даже правильно организованныя общества. Поэтому, хотя правительство Николая I и не имѣло въ рукахъ данныхъ для привлеченія ихъ къ отвѣту за какія либо мятежныя дѣянія или за политическую пропаганду, но, тѣмъ не менѣе, придравшись къ одному исключительному случаю, поспѣшило удалить юношей, тогда только что сошедшихъ съ школьной скамьи, подалѣе отъ умственныхъ центровъ Россіи и попыталось заглушить порывы молодыхъ рвавшихся наружу силъ ссылкою въ дальніе глухіе города. «Дѣло о лицахъ, пѣвшихъ въ Москвѣ пасквильные стихи», должно было быть тою могилою, холоду которой на первое время суждено было заморозить эти силы.

V.

Повидимому, настроеніе умовъ московской молодежи уже давно обратило на себя вниманіе зоркой николаевской администраціи, но въ виду отсутствія за ними какихъ либо преступныхъ дѣяній ихъ не трогали, но вотъ случай представился. Раннимъ лѣтомъ 1834 г. состоялась веселая вечеринка съ сильными возліяніями, пѣснями, хохотомъ и легкомысленными юношескими разговорами въ кругу своей компаніи, отдѣленной отъ міра Божьяго четырьмя стѣнами. Но стѣны николаевскихъ построекъ имѣли чуткій слухъ,—отсюда заранѣе пріуготовленный и искусно осуществленный шпіономъ [1]) доносъ, арестъ всѣхъ друзей, слѣдствіе надъ ними, тюрьма и ссылка.

[1]) Подробно объ этомъ см. въ статьѣ М. Лемке, «Міръ Божій», 1905 г., № 2, гдѣ и приведены «пасквильныя» пѣсни, списанныя имъ изъ подлиннаго дѣла.

Главное формальное обвиненіе вертѣлось около пѣнія нецензурныхъ пѣсенъ, и въ томъ числѣ слѣдующихъ двухъ:

А.

Русскій императоръ
Богу духъ вручилъ,
Ему операторъ
В..хо начинилъ.
Плачетъ государство,
Плачетъ весь народъ,
Ѣдетъ къ намъ на царство
Костюшка-уродъ.
Но царю вселенной,
Богу вышнихъ силъ,
Царь благословенный
Грамоту вручилъ.
Манифестъ читая,
Сжалился, Творецъ,
Далъ намъ Николая
Всевышній Отецъ.

Б.

Боже! Коль Ты силенъ еси,
Всѣхъ царей въ грязь мѣси
И кинь ихъ подъ престолъ.
Сашеньку, Машеньку,
Мишеньку, Костеньку и Николаюшку
Ж...й на колъ.

Какъ читатели могутъ убѣдиться, сами по себѣ стихи не представляютъ какого либо революціоннаго воззванія и не имѣютъ въ себѣ настоящаго политическаго содержанія, не говоря уже про отсутствіе въ нихъ увлекательнаго юмора и поэзіи; они попросту грубы и дерзки въ отношеніи представителей царствующаго дома. Если принять къ тому же во вниманіе, что ихъ пѣли люди пьяные, то врядъ ли можно было бы сдѣлать изъ нихъ объектъ очень серьезнаго обвиненія, коимъ бы разбивались молодыя жизни; но если прослѣдить за всѣмъ ходомъ процесса, то станетъ яснымъ, что «пѣсни» были лишь предлогомъ для ареста, и тѣмъ болѣе, что и самому аресту подверглись не только тѣ, кто присутствовалъ на пьяной пирушкѣ, но и ихъ друзья, отсутствовавшіе въ тотъ день, однако отмѣченные полиціей еще прежде печатью политической неблагонадежности, а въ томъ числѣ и Герценъ.

Такого рода предположеніе совершенно ясно вытекаетъ изъ той полицейской характеристики слѣдственнаго акта, которая сдѣлана въ отношеніи именно Герцена. О немъ говорится—«молодой человѣкъ, пылкаго ума и хотя въ пѣніи пѣсенъ не обнаруживается, но изъ переписки его съ Огаревымъ видно, что онъ—смѣлый вольно-

думецъ, весьма опасный для общества». Объ Огаревѣ сказано: «сознался въ пѣніи дерзкихъ пѣсенъ, будучи въ пьяномъ образѣ, былъ знакомъ съ Соколовскимъ [1]) и со всѣми пѣвшими дерзкіе стихи, велъ съ титулярнымъ совѣтникомъ Герценомъ переписку, наполненную свободомысліемъ, въ показаніяхъ своихъ замѣченъ упорнымъ и скрытнымъ фанатикомъ».

Въ общемъ было арестовано 15 человѣкъ, всѣ разсажены по тюрьмамъ и преданы слѣдствію и особому суду. Тюремное заключеніе и слѣдствіе тянулись нѣсколько мѣсяцевъ, о чемъ Герценъ очень обстоятельно повѣствуетъ въ своихъ «Былое и Думы», являясь въ данномъ случаѣ талантливымъ изобразителемъ николаевской тюремной и слѣдственной Россіи. Описывая слѣдствіе, онъ говоритъ: «Первый допросъ мой продолжался четыре часа. Вопросы были двухъ родовъ. Одни имѣли цѣлью раскрыть образъ мыслей, несвойственныхъ духу правительства, мнѣнія революціонныя и проникнутыя пагубнымъ ученіемъ Сенъ-Симона... Эти вопросы были легки, но не были вопросы. Въ захваченныхъ бумагахъ и письмахъ мнѣнія были высказаны довольно просто: вопросы собственно могли относиться къ вещественному факту: писалъ ли человѣкъ, или нѣтъ такія строки? Комиссія сочла нужнымъ прибавлять къ каждой писанной фразѣ: «Какъ вы объясняете слѣдующее мѣсто вашего письма?»... Другой порядокъ вопросовъ былъ запутаннѣе. Въ нихъ употреблялись разныя полицейскія уловки и слѣдственныя шалости, чтобы сбить, запутать, натянуть противорѣчія. Тутъ дѣлались намеки на показанія другихъ и разныя нравственныя пытки»...

Собственно весь обвинительный уклонъ, особенно въ отношеніи Герцена, Огарева и Сатина, направленъ былъ не къ факту пѣснопѣнія, а къ тому умственному и идейному богатству, съ которымъ въ наличности молодежь вышла на поприще жизни изъ стѣнъ высшаго учебнаго заведенія. Такъ, Голицынъ писалъ Бенкендорфу послѣ изложенія самаго дѣла, характеристики каждаго арестованнаго и намѣченнаго наказанія: «хотя не видно въ нихъ настоящаго замысла къ измѣненію государственнаго порядка, и сужденія ихъ, не имѣющія еще существенно никакихъ вредныхъ послѣдствій, въ прямомъ значеніи не что иное суть, какъ однѣ мечты пылкаго воображенія, возбужденныя при незрѣлости разсудка чтеніемъ новѣйшихъ книгъ, которыми молодые люди нерѣдко завлекаются въ заблужденіе, но за всѣмъ тѣмъ имѣютъ видъ умствованій непозволительныхъ какъ потому, что, укоренясь временемъ, могутъ обра-

---

[1]) Соколовскій характеризованъ такъ: «привърженъ пьянству, достаточнаго ума, но вѣтреный. Сверхъ того, 23 декабря 1833 г. съ студентомъ Огаревымъ были замѣчены на подъѣздѣ Малаго театра въ Москвѣ весьма въ нетрезвомъ видѣ, пѣвшими французскую арію: «Allons, enfants, de la patrie»...

зовать расположеніе ума, готоваго къ противнымъ порядку предпріятіямъ, такъ и потому, что люди съ такими способностями и образованіемъ, какія имѣютъ означенныя въ семъ разрядѣ лица, удобно могутъ обольщать ими другихъ».

Итакъ, людей судили и казнили не за дѣйствія, не за факты, а за возможность для нихъ вліять въ нежелательномъ для существующаго порядка вещей духѣ на окружающихъ, за ихъ способности и образованіе, отдававшія вольномысліемъ и потенціальнымъ протестомъ. Финалъ суда обвиняемыхъ былъ не веселый. Главные пѣсенники—Уткинъ, Исаевъ и Соколовъ, согласно резолюціи Николая I, были заточены на неопредѣленное время въ Шлиссельбургскую крѣпость, «съ тѣмъ, что современемъ будутъ употреблены на службу во внутреннія губерніи». Прочіе высланы изъ Москвы, при чемъ мѣстопребываніемъ для Герцена была назначена Пермская губернія, для Огарева — Пензенская, для Лахтина — Саратовская, для Сатина — Симбирская.

Мы не послѣдуемъ за нашими изгнанниками въ восточныя губерніи—это не входитъ въ программу настоящихъ очерковъ. Мы въ скоромъ времени съ ними встрѣтимся за рубежомъ родной земли, когда придется говорить о нихъ, какъ о страстныхъ обличителяхъ николаевской Россіи и въ роли политическихъ агитаторовъ, ведущихъ непрерывную борьбу во имя тѣхъ идеаловъ, ради которыхъ была принесена извѣстная клятва надъ Евангеліемъ, описанная Огаревымъ въ цитированномъ выше стихотвореніи:

....Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основою положимъ соцьялизмъ...

Мотивы этой ранней юношеской клятвы донесутся до насъ со столбцовъ «Колокола» и «Полярной Звѣзды», когда придется о нихъ говорить.

VI.

«Дѣтскій либерализмъ 1826 г... терялъ для насъ послѣ гибели Польши свою чарующую силу»,—такъ признается Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Хотя польское возстаніе 1830 г. не имѣетъ прямого отношенія къ борьбѣ русскаго общества за конституцію, а потому не имѣетъ и основанія для изложенія своего хода событій въ настоящемъ очеркѣ, но мы должны его зарегистровать и отмѣтить, ибо, во-первыхъ, это возстаніе 1830 г. до нѣкоторой степени связано съ событіями 1825 г., а, во-вторыхъ, потому, что оно безусловно отразилось на умахъ русскихъ современниковъ въ смыслѣ укрѣпленія въ нихъ оппозиціонной тенденціи политикѣ правящихъ сферъ и даже въ смыслѣ нѣкотораго революціонизи-

рованія наиболѣе горячихъ и страстныхъ представителей общественныхъ русскихъ группъ. Свидѣтельство Герцена налицо.

Читателямъ уже извѣстно о существовавшихъ въ царствѣ Польскомъ въ эпоху Александра I тайныхъ политическихъ кружкахъ и о переговорахъ съ представителями этихъ кружковъ со стороны участниковъ заговора въ «Южномъ» обществѣ. Поляки тянули переговоры, не были искренними, предпочитая выжидательную политику, и, когда разыгралась кровавая трагедія у Бѣлой Церкви, они ни въ какомъ отношеніи не откликнулись на это событіе. Русскія внутреннія дѣла могли представлять для нихъ интересъ лишь постольку, поскольку они служили къ ослабленію императорскаго правительства, съ каковымъ ослабленіемъ соединялась надежда на осуществленіе былой польской независимости. Уже сеймъ 1825 г. повелъ почти къ формальному разрыву между поляками и правительствомъ, и съ того времени мы наблюдаемъ постепенное и настойчивое возбужденіе мѣстнаго общества, въ цѣляхъ возстанія всего царства Польскаго. Въ пропаганду были вовлечены всѣ классы населенія—дворянство, мѣщанство, духовенство, армія; въ сторонѣ оставались лишь крестьянскія массы. Возстаніе намѣчалось ко дню коронаціи Николая, но этого плана не удалось осуществить. Іюльская революція 1830 г. во Франціи дала сильный толчекъ накипѣвшему нетерпѣнію польскихъ патріотовъ, и уже осенью вѣсть о возстаніи въ Польшѣ и о заговорѣ противъ великаго князя потрясла весь край и отозвалась гулкимъ эхомъ на берегахъ Невы. Началась война 1830—1831 г.г., гдѣ поляки оказались побѣжденными войсками Дибича и Паскевича. Польша была усмирена, ея конституція фактически уничтожена, множество участниковъ схвачено и подвергнуто всякаго рода карамъ и взысканіямъ, при чемъ къ смертной казни было приговорено 249 человѣкъ, и въ числѣ ихъ извѣстный Адамъ Чарторыйскій и польскій историкъ Іохимъ Лелевель. Но всѣ эти лица успѣли скрыться за границу, вслѣдствіе чего казнь имъ была замѣнена пожизненнымъ изгнаніемъ, съ предупрежденіемъ, что если кто либо изъ нихъ явно или тайно появится въ предѣлахъ Россіи, то съ нимъ будетъ поступлено со всею строгостью военныхъ законовъ. Высочайшее повелѣніе 1831 г. гласило [1]: «...Съ твердостью рѣшились мы исполнить надъ ними (мятежниками) примѣръ заслуженнаго наказанія, который остановитъ, мы уповаемъ, колеблющихся и возвратитъ заблудшихся къ обязанностямъ долга и присяги. Мы повелѣли: 1) всѣхъ дворянъ или шляхту, принявшихъ участіе въ семъ бунтѣ и которые вооруженною рукою противостанутъ законной власти, судить военнымъ судомъ по полевому уголовному уложенію и приговоры суда исполнить надъ ними

[1] Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ, т. I.

на мѣстѣ съ утвержденія отдѣльнаго отряднаго начальник 2) Недвижимыя имѣнія сихъ преступниковъ брать въ казну, обращая доходы съ оныхъ на приращеніе инвалиднаго капитала. 3) О всѣхъ мужского пола дѣтяхъ дворянъ или шляхтичей, за преступленіе, въ первомъ пунктѣ означенное, показанныхъ, входить къ намъ съ особымъ представленіемъ. Дѣтей же, именующихся шляхтичами, но никакихъ доказательствъ на сіе не имѣющихъ, брать въ военные кантонисты. 4) Людей низшаго званія, кои, участвуя въ сихъ безпорядкахъ, будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ, къ какой бы кто ни принадлежалъ губерніи, отдавать въ рекруты и отсылать на службу въ сибирскіе линейные баталіоны. 5) Дѣтей мужского пола сихъ же людей отдавать въ военные кантонисты. 6) Всѣхъ тѣхъ, кои изобличены будутъ въ убійствѣ, въ продолженіе бунта учиненныхъ, судить военнымъ судомъ по полевому уголовному уложенію. 7) Кто изъ простолюдиновъ, завлеченныхъ въ толпу бунтовщиковъ волею помѣщика или угрозами, броситъ оружіе и возвратится въ домъ свой, того прощать.

Въ дополненіе и развитіе этого повелѣнія черезъ два съ половиною года (1834 г.) было повелѣно: «... 8) Относительно прочихъ, кои по укрощеніи мятежа скрылись и, бывъ обвиняемы въ преступленіяхъ..., къ суду вызываемы были, но не явились вовсе и затѣмъ уже по доказательствамъ о тяжкихъ ихъ злодѣяніяхъ и преступленіяхъ, слѣдствіемъ обнаруженныхъ, суждены помянутымъ судомъ и по силѣ уголовнаго уложенія царства Польскаго приговорены оными, а именно: означенныхъ... 249 преступниковъ къ смертной казни повѣшеніемъ; слѣдующіе 9 къ смертной казни отсѣченіемъ головы, а прочіе 7 къ строгому и тяжкому заключенію подлежащими, со всѣми послѣдствіями, кои по закону влечетъ за собою таковое всѣхъ ихъ осужденіе, мы съ лишеніемъ преступниковъ сихъ всѣхъ правъ, каждому изъ нихъ принадлежавшихъ, приговоренныя имъ казни и наказанія обращаемъ въ изгнаніе всѣхъ ихъ... навсегда изъ царства Польскаго и прочихъ подвластныхъ областей имперіи нашей. Если же кто либо изъ сихъ преступниковъ явно или тайно возвратится когда либо въ предѣлы имперіи или царства, то того подвергнуть дѣйствію постановленнаго о немъ судомъ приговора по всей строгости полевого уголовнаго уложенія дѣйствующей арміи».

Николай Павловичъ еще съ дѣтства подъ вліяніемъ своей няни Лайонъ, «няни-львицы», какъ ее называли при дворѣ, ненавидѣвшій поляковъ, круто и рѣшительно подавилъ польское возстаніе, послѣ чего, съ одной стороны, мы видимъ широкую ихъ эмиграцію въ Западную Европу и въ Парижъ по преимуществу, а съ другой—обильное заполненіе ими глухихъ провинціальныхъ центровъ нашего отечества. Оба эти обстоятельства сыграли въ исторіи русскаго политическаго движенія крупную роль и имѣли для хода и развитія революціонной мысли нашего отечества большое значеніе.

Польскіе эмигранты не поставили рѣшительной точки къ своей дѣятельности, враждебной русской государственности, не считали своего дѣла окончательно проиграннымъ, а начали основывать за предѣлами Россіи, въ разныхъ центрахъ своихъ новыхъ родинъ, многочисленные кружки, цѣль которыхъ была не дать угаснуть польскому революціонному пламени и продолжать настойчиво подготовлять страну къ будущему возстанію въ удобный и благопріятный для сего историческій моментъ. Эти польскіе эмигранты возбуждали противъ Россіи вообще и Николая I и его правительства въ частности общественное мнѣніе Западной Европы и даже Америки и подготовляли благопріятную почву для осѣдлости за предѣлами родины будущимъ русскимъ эмигрантамъ, съ коими они и входятъ въ тѣсную связь, въ интересахъ совмѣстной политической дѣятельности во имя освободительныхъ идей. При этомъ русскіе эмигранты (Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ и др.) въ своихъ дѣйствіяхъ являются значительно болѣе откровенными и отзывчивыми, нежели ихъ западные собратья по единой славянской крови, и этимъ самымъ приносятъ и самимъ себѣ, и идеямъ, ихъ воодушевляющимъ, большой ущербъ, о чемъ рѣчь еще впереди.

Что касается поляковъ, очутившихся преимущественно въ сибирскихъ и восточныхъ губерніяхъ, то они явились безусловно на мѣстѣ интеллигентными единицами, превышающими своимъ интеллектуальнымъ развитіемъ и своею политическою культурою захолустную провинціальную массу, которую они настойчиво и понемногу начинаютъ будить отъ общественной спячки, подготовляя здѣсь ряды будущихъ борцовъ за освобожденіе отъ бюрократическаго режима. Вліяніе поляковъ и эмигрантовъ на юныхъ представителей дворянскихъ гнѣздъ несомнѣнно, и въ нашей литературѣ можно уже сейчасъ указать на слѣды этихъ вліяній и результаты политической пропаганды оппозиціоннаго и революціоннаго характера.

Польскіе эмигранты состояли въ самыхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ уцѣлѣвшими отъ разгрома отечественными кружками и отдѣльными лицами, воздѣйствовали на нихъ, вслѣдствіе чего во все царствованіе Николая I въ Польшѣ наблюдается глухое политическое броженіе, съ которымъ правительству приходится постоянно считаться, и которое уже въ слѣдующемъ царствованіи вылилось въ кровавое возстаніе 1863—1864 г.г. Изъ наиболѣе острыхъ моментовъ проявленія польской революціонной оппозиціи правительству Николая Павловича можно отмѣтить дѣятельность эмиссара Канарскаго, занявшагося отъ имени «Молодой Польши» пропагандою въ народѣ. Канарскій былъ схваченъ и разстрѣлянъ въ Вильнѣ въ 1839 г. Николай отвѣчалъ на броженіе въ Западномъ краѣ настойчивыми репрессіями, и во все его царствованіе польскій сеймъ, по конституціи, дарованной въ 1815 г., ни разу не былъ

собранъ. Равнымъ образомъ государь относился совершенно отрицательно и къ финляндской конституціи, установленной его братомъ, такъ что и здѣшній сеймъ ни разу не собирался для какой либо законодательной работы. Николай I не допускалъ никакихъ вѣяній сепаратизма и подавлялъ ихъ быстро и рѣшительно желѣзною рукою.

VII.

Къ числу такихъ круто подавленныхъ дѣлъ относится и извѣстное дѣло Н. Костомарова и Т. Шевченка, которые также были привлечены къ дознанію и административно осуждены за идеи и дѣятельность въ направленіи украинскаго сепаратизма.

Разсказывая, какъ образовалась у него привязанность къ Малороссіи, малороссійской исторіи и ко всему до Малороссіи относящемуся, Н. И. Костомаровъ въ своей автобіографіи, записанной Н. А. Бѣлозерской [1]), отмѣчаетъ, что до 1836 г. онъ совсѣмъ не занимался Малороссіей, и она его совсѣмъ не интересовала. Только въ 1837 г., когда онъ вернулся изъ Москвы въ Харьковъ, онъ сталъ усиленно заниматься этой стороной русской исторіи и русской народности, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ произведеній Гоголя, и окончательно отдалъ себя Украинѣ, послѣ прочтенія «Думъ», изданныхъ Максимовичемъ. «Идея народности, уже существовавшая въ то время, стала сильно занимать меня,—говоритъ онъ,—я прочелъ Сахарова, иностранныя книги о народной поэзіи, какія только могъ достать, прочелъ диссертацію Бодянскаго о славянскихъ пѣсняхъ, началъ учиться по-чешски и по-сербски. Малорусскія пѣсни, изданныя Максимовичемъ, я выучилъ наизусть, хотя малороссы хохотали тогда надъ моимъ выговоромъ, прочиталъ всего Квитку, и что попадалось малороссійскаго, а теперь уже мнѣ не встрѣчались незнакомыя слова... Мною овладѣла какая-то страсть ко всему малороссійскому... Малороссія стала моей idée fixe»...

Получивъ въ 1844 г. мѣсто учителя исторіи въ Ровнѣ (онъ уже тогда защитилъ диссертацію и имѣлъ ученую степень), онъ продолжалъ увлекаться всѣмъ малороссійскимъ, собиралъ у себя бабъ и дивчатъ, записывалъ за ними пѣсни, изучалъ разныя достопримѣчательныя мѣстности и почерпалъ для своей работы о Богданѣ Хмельницкомъ изъ архивовъ богатый матеріалъ. Въ 1845 г. онъ былъ переведенъ учителемъ въ 1-ю кіевскую гимназію и, поселившись здѣсь временно у Н. Гулака, близко сошелся съ мѣстными представителями украинской интеллигенціи—Маркевичемъ, Бѣлозерскимъ и другими, а также вскорѣ особенно сдружился съ прославившимся уже тогда Тарасомъ Шавченкомъ. Тутъ-то впервые у него явилась мысль о созданіи общества, которое бы имѣло цѣлью

---

[1]) «Русская Мысль», 1885 г., кн. 5.

распространеніе идеи славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ, на основаніи полной свободы и автономіи народности. Къ этому новому обществу пристали, А. Навроцкій, Пильщиковъ, Маркевичъ, Бѣлозерскій, Гулакъ, Савичъ и, наконецъ, Щевченко.

«Въ январѣ 1846 г. я началъ читать лекціи по русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ,—говоритъ Костомаровъ въ автобіографіи,—и, по своей увлекающейся натурѣ, не знавшей золотой середины, предался имъ всею душою. Полною жизнью жилось мнѣ въ то время. Идеи основаннаго мною общества поглощали меня до фанатизма. Я распространялъ ихъ, гдѣ могъ: съ каѳедры между студентами, въ частныхъ разговорахъ между профессорами университета и даже въ духовной академіи. Идеи общества быстро пошли въ ходъ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ распространителей ихъ былъ Пильщиковъ, имѣвшій сильное вліяніе на молодежь, какъ своимъ умѣніемъ обращаться съ нею, такъ и своею честною личностью» [1]).

Сѣмя, бросаемое Н. Костомаровымъ, падало на благопріятную почву: помимо прочихъ историческихъ и этнографическихъ причинъ для того, необходимо имѣть въ виду, что у историка по настоящему предмету были до нѣкоторой степени предшественники, которые въ нѣкоторыхъ сторонахъ своихъ политическихъ теорій опередили его на двадцать лѣтъ. Подъ вліяніемъ моды на масонство въ Кіевѣ въ 1818 г. была основана ложа «Соединенныхъ славянъ»; подъ тѣмъ же наименованіемъ было образовано, какъ уже извѣстно читателямъ, тайное политическое общество, являвшееся отраслью «Южнаго» общества; были тамъ и еще разнаго рода «малороссійскія общества», судьба и дѣятельность которыхъ пока не выяснена въ литературѣ. Кромѣ того, произведенія Гоголя, Шевченка, труды Максимовича и прочія явленія научно-литературнаго порядка уже значительно оживили дремавшія дотолѣ духовныя силы украинцевъ и пробудили въ нихъ болѣе живой и активный интересъ къ своему историко-политическому прошлому и гражданско-политическому настоящему, откуда уже недалеко было до мечты о самостоятельно-политическомъ будущемъ. Это-то будущее и рисовалъ въ своей живой рѣчи молодой кіевскій ученый, которому восторженно внимали окружающіе, къ тому времени успѣвшіе достаточно надышаться сгущеной атмосферой Николаевской суровой эпохи.

Основныя положенія новаго общества, основаннаго Костомаро-

---

[1]) В. Бѣлозерскому пришло въ голову заказать для членовъ общества кольца съ надписью: «Кириллъ и Меѳодій, января 1846 г.», почему впослѣдствіи, когда общество было раскрыто правительствомъ, и противъ его членовъ возбуждено преслѣдованіе, его окрестили въ III Отдѣленіи наименованіемъ: «Кирилло-Меѳодіевское общество».

вамъ были формулированы такъ[1]). Общество имѣло цѣлью распространенiе идей славянской взаимности и будущей федерацiи славянскихъ народовъ въ возстановленiи полной свободы и автономiи народностей... Планъ этого общества, получившiй впослѣдствiи дальнѣйшую разработку, былъ приблизительно слѣдующiй: вербовать наибольшее число членовъ между всѣми славянами и всѣхъ званiй людей, преимущественно профессоровъ, учителей и литераторовъ, такъ какъ они всего болѣе могли имѣть влiянiе на молодежь и подготовить ее къ будущей дѣятельности. Избѣгать насильственныхъ мѣръ, и когда придетъ пора — противопоставить насилiю [illegible] мысли, силу сплоченнаго народа.

«Въ религiи полная свобода. Всѣ вѣроисповѣданiя должны пользоваться одинаковыми правами. Запрещалась всякая пропаганда, какъ безполезная при свободѣ[2]).

«Относительно языка, который бы долженъ былъ сдѣлаться общимъ для всѣхъ славянъ, не рѣшалось окончательно, но предлагали языкъ великорусскiй, какъ наиболѣе распространенный. Предполагалось обязательное обученiе народа. Уничтоженiе крѣпостного права, дворянскихъ и всякихъ привилегiй, уничтоженiе смертной казни и тѣлесныхъ наказанiй, исключенiя карантинныхъ и временъ войны.

«Предполагалось въ будущемъ, чтобы славянскiе народы примкнули къ Россiи и образовали съ нею федерацiю.

Россiя должна была разбиться на части или штаты: сѣверный, сѣверо-восточный, юго-восточный, два поволжскихъ — верхнiй и нижнiй, два малороссiйскихъ, одинъ средний, два южныхъ, два сибирскихъ, одинъ казачiй. Бѣлоруссiя составляла отдѣльный штатъ, также Польша, Чехiя съ Моравiей, Сербiя, Болгарiя, часть Галицiи присоединялась къ Польшѣ, другая къ западному малороссiйскому штату и т. п. Такое дѣленiе не признавалось окончательнымъ и могло быть перестроено, сообразно экономическимъ и другимъ потребностямъ.

«Кiевъ не долженъ былъ принадлежать никакому штату, а назначался центральнымъ городомъ собранiя общаго сейма. Въ сеймѣ двѣ камеры: въ одной выбранные сенаторы и министры, въ другой депутаты. Общiй сеймъ долженъ былъ собираться черезъ каждые 4 года и чаще, въ случаѣ необходимости. Въ каждомъ штатѣ былъ свой сеймъ, который собирался ежегодно, свой президентъ и сенатъ. Верховная или центральная власть предоставлялась президенту, выбираемому на четыре года, и двумъ министрамъ: иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ.

---

[1]) Очеркъ В. И. Семевскаго: «Николай Ивановичъ Костомаровъ». «Русская Старина», 1886 г., № 1.

[2]) Славянъ католическаго исповѣданiя предполагалось, однако, склонять къ принятiю славянскаго языка и богослуженiя.

«Для общей защиты федераціи отъ внѣшнихъ враговъ предполагалось имѣть регулярныя войска, но не въ большомъ количествѣ, такъ какъ въ штатѣ каждомъ была своя милиція, и всѣ учились военному искусству на случай общаго ополченія».

Вспоминая въ другомъ мѣстѣ объ идеалахъ, воодушевлявшихъ кружокъ, Костомаровъ говоритъ: «Взаимность славянскихъ народовъ въ нашемъ воображеніи не ограничивалась уже сферою науки и поэзіи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна воплотиться для будущей исторіи. Помимо нашей воли сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй... Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе законы, основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства въ какомъ бы то ни было видѣ, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза, войскомъ и флотомъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію».

Несомнѣнно, проповѣдническая политическая дѣятельность молодого ученаго Кіевскаго университета скоро дошла до свѣдѣнія Николаевской администраціи, за нимъ и его единомышленниками былъ учрежденъ надзоръ, и вскорѣ они были накрыты, такъ сказать, съ поличнымъ, на мѣстѣ преступленія. Роль выслѣживателя и доносчика принялъ на себя студентъ Петровъ; когда члены общества собрались 25 декабря 1846 г. на квартирѣ у Гулака и откровенно обо всѣхъ своихъ чаяніяхъ и гаданіяхъ тамъ болтали, Петровъ, усѣвшись за стѣною, все подслушалъ и старательно записалъ. Что не попало въ его записную книжку, онъ вывѣдалъ у Гулака, предварительно заручившись его довѣріемъ и расположеніемъ. Когда вопросъ о преступномъ сообществѣ для него всестороннѣе выяснился, Петровъ поспѣшилъ съ доносомъ въ III Отдѣленіе. Но послѣднее не сразу поспѣшило принять карательныя мѣры противъ Кіевскихъ «сепаратистовъ»: послѣ доноса Петрова они были еще на свободѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и лишь по истеченіи таковыхъ всѣ они въ числѣ десяти человѣкъ были арестованы, подвергнуты тюремному заключенію и доставлены къ допросу въ III Отдѣленіе.

Черезъ два съ чѣмъ-то мѣсяца надъ членами «Кирилло-Меѳодіевскаго братства» былъ произнесенъ приговоръ. Основательнаго слѣдствія, гдѣ бы выяснены были противорѣчія обвиняемыхъ и свидѣтелей а также доносчика,—произведено не было. Вершителемъ судьбы кіевскихъ дѣятелей былъ собственно единственно Дубельтъ, по представленію котораго Николай Павловичъ и постановилъ о судьбѣ главныхъ виновниковъ свое рѣшеніе. Костомаровъ былъ осужденъ на годич-

ное заключеніе въ Петропавловской крѣпости, а потомъ долженъ былъ отправиться въ Саратовъ на гражданскую службу, съ воспрещеніемъ навсегда печатать свои сочиненія и служить по учебному вѣдомству; Гулака за упорство относительно дачи показанія посадили въ Шлиссельбургскую крѣпость на 3½ года, а по окончаніи этого срока отправили въ Пермь съ такимъ же ограниченіемъ, какъ Костомарова; Навроцкій долженъ былъ отправиться въ Вятскую губернію и выдержанъ былъ на мѣстѣ подъ арестомъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ; Бѣлозерскій былъ отправленъ въ Петрозаводскъ, гдѣ ему, однако, было предоставлено очень хорошее мѣсто. Самая суровая кара постигла Тараса Григорьевича Шевченка за его нецензурныя и нелегальныя стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ, въ числѣ которыхъ особенное вниманіе было обращено на его поэтическое произведеніе «Сонъ». Онъ былъ отданъ, какъ человѣкъ «низкаго происхожденія», въ солдаты, сосланъ въ Оренбургскій край съ запрещеніемъ рисовать и писать. Къ дѣлу привлеченъ былъ и Кулишъ; хотя онъ и непричастенъ былъ къ обществу, все же его сочли за лучшее сослать въ Тулу съ такимъ же ограниченіемъ, какое постигло Костомарова и Гулака.

Пребываніе Костомарова въ крѣпости не прошло для него даромъ: его нервная система не вынесла одиночнаго заключенія, и онъ захворалъ, сталъ галлюцинировать. По отбытіи срока наказанія онъ былъ отправленъ въ Саратовъ, гдѣ и получилъ мѣсто столоначальника. Когда нашего историка спрашивали по порученію Николая Павловича, не желаетъ ли онъ избрать себѣ для ссылки теплый край, и когда онъ остановилъ свой выборъ на Крымѣ, то ему были переданы слова государя: «Тамъ слишкомъ много поэзіи».

Въ Саратовѣ Костомарову былъ отданъ въ завѣдываніе секретный столъ, и такимъ образомъ, онъ, какъ нѣсколько ранѣе Герценъ въ Новгородѣ, оказался подъ надзоромъ у самого себя. Полное освобожденіе Костомарова со снятіемъ съ него надзора послѣдовало лишь въ новое царствованіе. Тяжелѣе всего сложилась судьба несчастнаго Шевченка: служба въ рядовыхъ, преслѣдованіе и наказаніе доводили его порою до полнаго отчаянія, такъ что онъ писалъ близкимъ въ 1847 г. (конечно, по секрету): «Всѣ прежнія мои страданія въ сравненіи съ настоящими были дѣтскія слезы». Послѣ многихъ мытарствъ только въ 1857 г. получилъ онъ помилованіе, но къ тому времени силы его уже были значительно расшатаны, алкоголь разрушилъ здоровье, и черезъ 4 года по возвращеніи изъ ссылки онъ сошелъ въ могилу, не дождавшись того свѣтлаго дня освобожденія народа, о которомъ онъ такъ мечталъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ и за что принесъ въ жертву жестокому времени свои богатыя силы, свою далеко не старую жизнь.

Дѣло «Кирилло-Меѳодіевскаго братства» очень характерно во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, мы видимъ, что либеральныя политическія идеи, перелившіяся изъ интеллигентныхъ военныхъ кружковъ двадцатыхъ годовъ въ студенческую среду слѣдующаго десятилѣтія и принявшія здѣсь соціалистическій оттѣнокъ, становятся въ сороковые годы достояніемъ уже болѣе зрѣлыхъ наслоеній и привлекаютъ къ себѣ въ качествѣ болѣе или менѣе активныхъ ихъ исповѣдниковъ представителей университетской науки, литературы и провинціальной общественности, которые съ этого времени начинаютъ все чаще и чаще являться руководителями политическихъ движеній русскаго народа и истолкователями его нуждъ и потребностей именно подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, который былъ установленъ обѣими фракціями декабристовъ, и болѣе умѣренныхъ, и болѣе радикальныхъ. Во-вторыхъ, въ ученіи Н. Костомарова впервые довольно полно высказывается идея малороссійской автономности, идея, которая не умерла и о сю пору и въ наши дни нашла себѣ значительное выраженіе въ броженіяхъ на югѣ Россіи. Автономіи Польши, автономіи Финляндіи пришла на встрѣчу въ сороковыхъ годахъ и идея украинской автономіи, послѣ чего, уже много позже, были поставлены вопросы о разнаго рода другихъ автономіяхъ, напримѣръ, Грузіи, литовцевъ, латышей и др., во имя признанія и осуществленія каковыхъ нынѣ не только раздаются рѣчи и печатаются статьи и книги, но и идетъ братоубійственная гражданская война. Наконецъ, дѣло Костомарова любопытно и въ томъ отношеніи, что здѣсь, какъ и въ дѣлѣ Герцена, мы видимъ правительство Николая Павловича, стоящимъ на стражѣ политическихъ идей, бродящихъ въ русскомъ обществѣ, и строго карающимъ людей не только за ихъ дѣянія, но и за идеи, хотя бы таковыя не заключали въ себѣ ничего оскорбительнаго для властей и содержали одинъ лишь элементъ доктринерства и теоретическаго построенія. Люди вырывались изъ своей среды и отставлялись отъ дѣла, которому отдали свои силы, не за какіе либо поступки и злонамѣренные активные планы на началахъ борьбы съ предержающею властью, а лишь за то, что въ нихъ признавалось наличіе извѣстныхъ духовныхъ силъ, могущихъ въ будущемъ, хотя бы и очень отдаленномъ, создать осложненіе для установленнаго строя и режима. Такая политика пресѣченія возможности какого либо политическаго начинанія со стороны общественныхъ элементовъ особенно ярко и рельефно обрисовалась въ дѣлѣ Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ мы тоже видимъ императора Николая I и его сподвижниковъ въ рѣшительной борьбѣ съ извѣстнымъ идейнымъ достояніемъ общества. Эта борьба съ идеями проходитъ черезъ все царствованіе Николая Павловича, гдѣ рядомъ съ мѣрами пресѣченія и наказанія не наблюдается, однако, никакого творческаго начала во имя необходимаго обно-

вленія сложившагося государственнаго строя. Окаменѣлое государственное зданіе, окрашенное въ казенный цвѣтъ тогдашнихъ военныхъ будокъ, признается идеальнымъ, не подлежащимъ измѣненію, и всякая общественная зыбь разсматривается, какъ будущая взбаламученная стихія, могущая стать угрозою для внѣшней крѣпости и благополучія этого зданія.

VIII.

Въ дѣлѣ Петрашевскаго представители передового общества потерпѣли страшный разгромъ и ощутили на себѣ всю тяжесть неумолимой десницы побѣдителя декабристовъ. Екатерина завѣщала своему сыну не бороться съ идеями при помощи однѣхъ лишь пушекъ, т.-е. однимъ только насиліемъ, но этотъ ея совѣтъ не былъ исполненъ ея сыномъ, какъ равно былъ пренебреженъ и ея вторымъ внукомъ.

Несмотря на весь цензурный гнетъ, на запретъ, положенный на мысль и слово исполнителями воли императора, передовыя идеи продолжали безостановочно просачиваться черезъ западную границу въ русское общество, и чѣмъ сильнѣе ставились препоны этимъ идеямъ, тѣмъ большую привлекательность получали онѣ въ глазахъ тѣхъ, кто съ ними такъ или иначе соприкасался. При этомъ характеръ запрета претворялся въ умахъ посвященныхъ именно въ то, чего такъ опасалась администрація: философскія идеи обсуждались и сами по себѣ, какъ отвлеченныя умозаключенія, и, главнымъ образомъ, въ ихъ примѣненіи къ русской жизни, которая такимъ образомъ какъ бы постоянно становилась на судъ этихъ идей, подвергалась ихъ критикѣ, анализу и осужденію. И чѣмъ сильнѣе правительство отстаивало неприкосновенность этой жизни, чѣмъ большему преслѣдованію подвергало оно эти контролирующія и осуждающія идеи, тѣмъ въ болѣе мрачномъ свѣтѣ рисовалась и сама жизнь, тѣмъ святѣе казались гонимыя идеи и мысли для тѣхъ, кто ими проникался.

Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій, бывшій лицеистъ, уже на школьной скамьѣ обращалъ на себя вниманіе оригинальнымъ и независимымъ складомъ мыслей. Отдавшись литературѣ («Карманный словарь иностранныхъ словъ» Кириллова—его псевдонимъ) и приватной педагогикѣ, Петрашевскій [1] вскорѣ группируетъ вокругъ себя широкій кружокъ изъ представителей литературы, науки и общественности, становится яркимъ центромъ этого кружка, гдѣ съ страстностью неофита соціалистическаго ученія проповѣдуетъ окружающимъ идеи Луи-Блана, Прудона и въ особенности Фурье, съ одной стороны, и, съ другой, раскрываетъ передъ слушателями всѣ язвы тогдашней русской жизни, съ указаніемъ средствъ ихъ врачеванія и исцѣленія. Московскій кружокъ

---

[1]) Онъ состоялъ на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ.

Герцена крестится ученьемъ Сенъ-Симона, петербургскій кружокъ Петрашевскаго дѣлаетъ шагъ далѣе и становится послѣдователемъ Фурье, съ его проповѣдью «страстнаго влеченія», организаціи фаланстеръ и наступленія того золотого вѣка, когда все настоящее

Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій.

будетъ разрушено и замѣнено новымъ строемъ жизни на основахъ экономическаго и матеріальнаго равенства.

Петрашевскій крѣпко усвоилъ себѣ идеи Фурье, находилъ ихъ примѣнимыми къ тогдашнимъ условіямъ русской жизни, при полномъ переустройствѣ этой жизни и разрушеніи всѣхъ ея устоевъ, государственныхъ, соціальныхъ и экономическихъ. Какъ разрушить эти устои и какъ замѣнить ихъ новыми на началахъ фурьеризма, русскимъ послѣдователемъ французскаго философа разработано не было. Недостатковъ русской жизни онъ, конечно, постоянно касался, но какого нибудь обстоятельнаго по-

литическаго плана ея реформированія, какъ это мы видѣли, напримѣръ, у декабристовъ или даже въ проектѣ Костомарова, онъ не выставилъ. Практическихъ вопросовъ онъ какъ бы касался вскользь, и большая часть его разговоровъ и рѣчей скорѣе вращалась въ кругу критическихъ и философскихъ разсужденій. Имъ не было даже основано настоящаго политическаго кружка, гдѣ бы члены были объединены и цементированы реальнымъ практическимъ планомъ съ распредѣленіемъ какихъ либо ролей въ настоящемъ и будущемъ; съ возложеніемъ на нихъ какихъ либо исполнительныхъ задачъ активнаго характера. Собранія у Петрашевскаго, по справедливому замѣчанію одного изъ изслѣдователей той эпохи[1]), вовсе не были сообществомъ пропаганды, какъ въ томъ кружокъ былъ впослѣдствіи обвиненъ, а «обществомъ либеральныхъ журъ-фиксовъ», гдѣ читались запрещенныя цензурою произведенія, рукописныя произведенія (напримѣръ, извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю), гдѣ лились горячія рѣчи, сыпались критическія замѣчанія по адресу правительства, гдѣ осуждалась современная Россія, и гдѣ рѣяли мечты о желательномъ государственномъ и соціальномъ будущемъ. Это государственное будущее рисовалось однимъ въ конституціонной постановкѣ вопроса, а соціальное на основахъ, почерпнутыхъ изъ соціалистическихъ ученій; другіе совершенно не раздѣляли этихъ взглядовъ ни по вопросамъ политическимъ, ни по вопросамъ соціальнымъ. Одно, что, повидимому, объединяло всѣхъ и что влекло ихъ на журъ-фиксы Петрашевскаго, это недовольство существующимъ строемъ и страстное желаніе прогрессивныхъ реформъ. Въ этомъ, пожалуй, были повинны всѣ посѣтители дома Петрашевскаго, но въ этомъ же было повинно и почти все образованное тогдашнее общество сороковыхъ годовъ, униженное до послѣдней степени бюрократической опекой и регламентаціей суроваго николаевскаго правительства.

Насколько группировавшіеся около Петрашевскаго были далеки отъ какихъ либо наступательныхъ прогрессивныхъ дѣйствій, показываетъ то, что даже въ доносѣ на собранія у русскаго ученика Фурье было сказано, что Петрашевскій въ 1848 г. совѣщался съ Спѣшневымъ, Черносвитовымъ, Момбелли, Дебу и Львовымъ «объ учрежденіи тайнаго общества, подъ названіемъ, какъ онъ самъ выразился, товарищества или братства взаимной помощи, изъ прогрессистовъ и людей передовыхъ мнѣній, которые бы могли двинуть гражданскій бытъ впередъ на новыхъ началахъ посредствомъ возвышенія другъ друга; однакоже, это общество по разномыслію не состоялось». Мало того, когда на собраніяхъ у Дурова возникла мысль объ основаніи тайной литографіи для распространенія фурье-

---

[1]) С. Венгеровъ. «Петрашевцы» (См. «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона, т. XXIII.

ристическихъ взглядовъ, то Петрашевскій самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ этого.

Д. Ахшарумовъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о вечерахъ у Петрашевскаго такъ рисуетъ положеніе дѣлъ: «У насъ не было никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю у Петрашевскаго бывали собранія, на которыхъ вовсе не бывали постоянно все одни и тѣ же люди; иные бывали часто на этихъ вечерахъ, другіе приходили рѣдко, и всегда можно было видѣть новыхъ людей. Это былъ интересный калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ правительства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія; приносились городскія новости, говорилось громко обо всемъ безъ всякаго стѣсненія. Иногда кѣмъ либо изъ спеціалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи; Ястржембскій читалъ о политической экономіи, Данилевскій—о системѣ Fourier... Для порядка и предупрежденія шума отъ одновременныхъ разговоровъ и споровъ многихъ лицъ Петрашевскій поручалъ кому либо изъ гостей наблюдать за порядкомъ въ качествѣ предсѣдателя. На собраніяхъ этихъ не вырабатывались никогда никакіе опредѣленные проекты или заговоры, но были высказываемы осужденія существующаго порядка, насмѣшки, сожалѣнія о настоящемъ нашемъ положеніи». По утвержденію г. Ахшарумова, кружокъ Петрашевскаго «носилъ въ себѣ зерно всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ».

«Петрашевцы», какъ принято именовать гостей хозяина, собирались не только у него, но и у другихъ, напримѣръ, у Дурова, у Дебу, у Кашкина и др.; собиралась эта молодежь на торжественные обѣды (напримѣръ, въ день рожденія Фурье) въ чьей нибудь частной квартирѣ, и здѣсь произносились застольные спичи въ честь философа и его ученія. Многіе изъ нихъ, по возвращеніи домой, повидимому, подъ вліяніемъ слышанныхъ рѣчей, дѣлали въ своихъ записныхъ книжкахъ разнаго рода записи, заносили свои личныя мысли, а нѣкоторые даже пытались сочинять нѣчто въ родѣ программъ для активныхъ дѣйствій. Петербургскіе «фурьеристы» имѣли нѣкоторыя связи и съ провинціальными умственными центрами, напримѣръ, въ Казани, Ростовѣ, Ригѣ и даже въ Сибири, гдѣ тоже объявились послѣдователи французскаго философа. Эти провинціальные разсадники соціализма образовались подъ непосредственнымъ вліяніемъ петербургскаго центра, въ силу личныхъ связей между собой жителей столицы и губернскихъ городовъ. Послѣдніе бывали на журъ-фиксахъ у Петрашевскаго, воспринимали бывшія тамъ въ обращеніи соціалистическія идеи и, по возвращеніи на родину, являлись на мѣстѣ своего рода губернскими фурьеристами. Точно также и ученики Петрашевскаго, покидая столицу, устраивались по службѣ на мѣстахъ, не забывали завѣтовъ своего

учителя и сѣяли на провинціальной почвѣ сѣмена ученія французскаго философа, съ примѣненіемъ многихъ положеній къ условіямъ русской жизни.

Какъ же могло быть осуществлено это примѣненіе? Д. Ахшарумовъ, напримѣръ, полагалъ[1]), что осуществить планы Фурье возможно даже при конституціонномъ правленіи. Въ своей записной книжкѣ онъ писалъ: «Для устройста фаланстеровъ по ученію Фурье самое большое препятствіе... глупое, пустое, злое и сильное правительство. Вопросъ приводится къ тому, какимъ образомъ получить правительство, терпящее нововведенія». Монархическое неограниченное правленіе, по мнѣнію Ахшарумова, можетъ не препятствовать желательнымъ реформамъ лишь тогда, «когда будетъ на престолѣ человѣкъ любознательный, благонамѣренный, преданный благу всего человѣчества, но съ... негодными, недовѣрчивыми, всего опасающимися» государями, «съ невѣжествомъ министровъ и всего правительства рѣшительно нѣтъ надежды на такое нововведеніе. Потому намъ нельзя оставить это въ такомъ положеніи. Надо измѣнить правленіе, но осторожно, чтобы не произошелъ слишкомъ сильный безпорядокъ, который бы вовлекъ народъ опять въ старое». Если невозможна республика, то нужно, по крайней мѣрѣ, ограничить власть монарха: «Надо конституцію, которая дала бы свободу книгопечатанія, открытое судопроизводство, устроила бы особое министерство для разсмотрѣнія новыхъ проектовъ и улучшеній общественной жизни, и чтобы не было никакихъ стѣсненій, никакихъ вмѣшательствъ въ дѣла частныхъ людей, въ какомъ бы числѣ они ни сходились вмѣстѣ... Трудно говорить о томъ, какое правленіе въ Россіи скорѣе приведетъ къ цѣли... Стоять... и дожидаться упрямо республиканскаго правленія значитъ терять время, потому что конституціонное лучше монархическаго неограниченнаго. Пока у насъ нѣтъ человѣка, извѣстнаго всѣмъ, у котораго былъ бы авторитетъ и популярность, то надобно имѣть» монарха, но «предоставить ему самыя ничтожныя преимущества» и объявить народу, что государь «на все имѣетъ право только съ согласія его самого» (т.-е. народа), «такъ, напримѣръ, оставить ему титулъ, голосъ его въ народномъ собраніи считать за нѣсколько голосовъ... и т. п., но чтобы у него не было права ни распускать, ни созывать собраніе, ни назначать время продолженія его, чтобы войско не было въ рукахъ его. Дѣла разсматриваются всѣ въ одной палатѣ, президентъ избирается на короткое время. Потомъ, когда собраніе получитъ довѣренность народа, то можно обойтись и безъ государя». Здѣсь же онъ разсматривалъ вопросъ, какъ вести

---

[1]) Статья В. И. Семевскаго: «Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ гг.», въ сборникѣ: «На славномъ посту», а также отдѣльной брошюрой въ изданіи «Донской Рѣчи», 1905 г.

пропаганду среди простого народа, въ университетѣ, лицеѣ, въ училищѣ правовѣдѣнія, кадетскихъ корпусахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. На собраніяхъ у Петрашевскаго въ мартѣ и 1 апрѣля 1849 г. также обсуждался вопросъ, «какъ вооружить народъ, служащихъ и проч. противъ начальства». Среди отдѣльныхъ членовъ происходили смутныя какія-то бесѣды о возможности умерщвленія государя императора и чуть ли не всего царствующаго дома. Но, повторяемъ, далеко не всѣ держались крайнихъ мнѣній, совершенно имъ не сочувствовали и оставались при своихъ религіозныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ, въ коихъ были воспитаны въ семьѣ и казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

IX.

Правительство Николая Павловича, такъ зорко слѣдившее за жизнью и поведеніемъ столичныхъ обывателей, не могло оставаться въ невѣдѣніи относительно собраній у Петрашевскаго и настроенія умовъ его посѣтителей, друзей и учениковъ[1]). Надо было только для установленія виновности всѣхъ членовъ общества, состава этого общества и его дѣятельныхъ плановъ имѣть въ рукахъ болѣе или менѣе точныя данныя, выясненіе которыхъ было возложено III Отдѣленіемъ на агента Липранди, который и избралъ своимъ тайнымъ агентомъ студента Антонелли, получившаго возможность проникнуть подъ видомъ соучастника на вечера Петрашевскаго и ознакомиться въ подробностяхъ со всѣмъ тамъ говореннымъ и со всѣми главными представителями кружка. Когда достаточный матеріалъ для обвинительной записки у него былъ готовъ, онъ представилъ свой доносъ по назначенію, гдѣ нарисовалъ потрясающую картину огромнаго заговора съ кровавыми и ужасающими цѣлями, готоваго уже огненной грозой разразиться надъ Россіей. Доносъ Антонелли громомъ поразилъ правительство и общество, которымъ стало казаться, что неминуемо наступаютъ декабрьскіе дни 1825 г., и надвигается настоящая революція.

Бесѣдуя послѣ ареста Петрашевскаго и его единомышленниковъ съ двумя членами государственнаго совѣта, государь сказалъ:

— Не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые уже схвачены, или есть, кромѣ нихъ, и другіе, даже, можетъ быть, кто изъ н а ш и х ъ. Слѣдствіе все это раскроетъ. Знаю только одно, что на полицію тутъ нельзя полагаться, потому что она падка на деньги, а на шпіоновъ—еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство. C'est

---

[1]) Поводомъ для установленія надзора за самимъ Петрашевскимъ послужила литографированная записка по крестьянскому вопросу, розданная имъ на дворянскихъ выборахъ въ Петербургѣ въ 1848 г.

donc l'affaire des pères de famille de veiller dans leur interieur, d'autant plus que cette affaire les regarde et doit les interesser tout autant que moi.

23 апрѣля 1849 г. состоялся арестъ главнѣйшихъ членовъ кружка Петрашевскаго[1], и немедленно назначена секретная слѣдственная комиссія для выясненія всѣхъ фактовъ и нитей заговора. Комиссія ревностно принялась за возложенную на нее задачу и на основаніи указаній агентовъ имѣла было въ виду привлечь къ дознанію и арестовать 232 человѣка, но затѣмъ, по мѣрѣ выясненія дѣла, эта цифра все таяла, и въ результатѣ на скамьѣ подсудимыхъ оказалось 23 человѣка, въ числѣ которыхъ оказалось семеро писателей, а остальные были изъ состава офицерства, чиновничества и столичной. Слѣдствіе продолжалось съ 30 сентября по 16 ноября, а 22 декабря, по утвержденіи и смягченіи его государемъ императоромъ, надъ подсудимыми былъ произнесенъ приговоръ. Судъ приговорилъ 15 человѣкъ къ смертной казни черезъ разстрѣлянье; въ числѣ этихъ приговоренныхъ были самъ Петрашевскій, Ѳ. Достоевскій, Ахшарумовъ, Плещеевъ и др.; шестерю были приговорены къ каторжнымъ работамъ. Въ отношеніи Черносвитова было сказано, что хотя къ обвиненію его не имѣется юридическихъ доказательствъ, но въ виду того, что онъ обнаружилъ самый вредный образъ мыслей, то его оставить въ сильномъ подозрѣніи и сослать въ Сибирь. Что касается Катенёва, то его въ виду его помѣшательства оставить пока безъ произнесенія надъ нимъ приговора, но, по выздоровленіи, вновь предать военному суду.

Смертная казнь, однако, ни къ кому изъ приговоренныхъ къ ней примѣнена не была. Государь всѣ наказанія смягчилъ въ слѣдующей мѣрѣ: Петрашевскому назначена каторга безъ срока, Достоевскому—на 4 года, съ отдачей потомъ въ рядовые, Дурову—то же самое, Толю—2 года каторги, Плещееву—отдача рядовымъ въ оренбургскіе линейные баталіоны и т. д. Но хотя это смягченіе и было сдѣлано государемъ, однако Николай Павловичъ заставилъ осужденныхъ пройти весь страхъ и ужасъ ожиданія смерти, продѣлать надъ ними всѣ предсмертныя формальности, и лишь послѣ того имъ было возвѣщено о дарованіи жизни.

Вотъ какъ описываетъ послѣдній моментъ драмы на Семеновскомъ плацу въ своихъ воспоминаніяхъ Ахшарумовъ: «Священ-

---

[1]) Арестованы были и потомъ судимы изъ общаго числа всего 23 человѣка, а именно: 1) М. Буташевичъ-Петрашевскій, 2) Н. Спѣшневъ, 3) Н. Момбелли, 4) Н. Григорьевъ, 5) О. Львовъ, 6) Н. Филипповъ, 7) Д. Ахшарумовъ, 8) А. Ханыковъ, 9) С. Дуровъ, 10) Ѳ. Достоевскій, 11) К. Дебу, 12) И. Дебу, 13) Ф. Толль, 14) И. Ястржембскій, 15) А. Плещеевъ, 16) Н Кашкинъ, 17) В. Головинъ, 18) А. Пальмъ, 19) К. Тимковскій, 20) А. Европеусъ, 21) П. Шапошниковъ, 22) Черносвитовъ и 23) Катеневъ. Остальные были отпущены, и виновность ихъ не была установлена.

никъ ушелъ, и сейчасъ же взошли нѣсколько человѣкъ солдатъ къ Петрашевскому, Спѣшневу и Момбелли, взяли ихъ за руки и стали привязывать каждаго къ отдѣльному столбу веревками. Разговоровъ при этомъ не было слышно. Осужденные не оказывали сопротивленія. Имъ затянули руки позади столбовъ и затѣмъ обвязали веревки поясомъ. Потомъ отдано было приказаніе: «колпаки надвинуть на глаза», послѣ чего колпаки опущены были на лица привязанныхъ товарищей нашихъ. Раздалась команда: «клацъ», и вслѣдъ затѣмъ группа солдатъ,—ихъ было человѣкъ 16, стоявшихъ у самаго эшафота,—по командѣ направила ружья къ прицѣлу на Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли. Моментъ этотъ былъ поистинѣ ужасенъ. Видѣть приготовленіе къ разстрѣлянію, и при томъ людей близкихъ по товарищескимъ отношеніямъ, видѣть уже наставленные на нихъ, почти въ упоръ, ружейные стволы и ожидать—вотъ прольется кровь, и они упадутъ мертвые, было ужасно, отвратительно, страшно. Сердце замерло въ ожиданіи, и страшный моментъ этотъ продолжался съ полминуты. При этомъ не было мысли о томъ, что и мнѣ предстоитъ то же самое, но все вниманіе было поглощено наступающею кровавою картиною. Возмущенное состояніе мое возросло еще болѣе, когда услышалъ барабанный бой, значенія котораго я тогда еще, какъ не служившій въ военной службѣ, не понималъ. «Вотъ конецъ всему!».. Но вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ я, что ружья, прицѣленныя, вдругъ всѣ были подняты стволами вверхъ. Отъ сердца отлегло сразу, какъ бы свалился тѣсно сдавившій его камень! Затѣмъ стали отвязывать привязанныхъ Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли и привели снова на прежнія мѣста ихъ на эшафотѣ. Пріѣхалъ какой-то экипажъ, оттуда вышелъ офицеръ—флигель-адъютантъ— и принесъ какую-то бумагу, поданную немедленно къ прочтенію. Въ ней возвѣщалось намъ дарованіе государемъ императоромъ жизни и взамѣнъ смертной казни каждому, по повинности, особое наказаніе....

«По окончаніи чтенія этой бумаги съ насъ сняли саваны и колпаки. Затѣмъ взошли на эшафотъ какіе-то люди, въ родѣ палачей, одѣтые въ старые цвѣтные кафтаны,—ихъ было двое,—и, ставъ позади ряда, начинавшагося Петрашевскимъ, ломали шпаги надъ головами поставленныхъ на колѣни ссылаемыхъ въ Сибирь, каковое дѣйствіе, совершенно безразличное для всѣхъ, только продержало насъ, и такъ уже продрогшихъ, лишнія $^1/_4$ часа на морозѣ. Послѣ этого намъ дали каждому арестантскую шапку, овчинные, грязной шерсти, тулупы и такіе же сапоги. Тулупы, каковы бы они ни были, нами были поспѣшно надѣты, какъ спасеніе отъ холода, а сапоги велѣно было самимъ держать въ рукахъ».

Всѣхъ, за исключеніемъ Петрашевскаго, отвезли обратно въ крѣпость, а послѣдняго, закованнаго тутъ же въ кандалы, усадили

въ сани и съ фельдъегеремъ отправили въ Сибирь, гдѣ онъ въ 1867 г. и скончался.

Правительство Николая Павловича торжествовало: оно одержало побѣду надъ небольшою горстью людей, по большей части, теоретиковъ, виновныхъ по существу дѣла лишь въ томъ, что они не умѣли скрывать своихъ прогрессивныхъ убѣжденій и слишкомъ пылко отзывались на тѣ идеи, которыя въ то время не только въ Россіи, но и на Западѣ не могли имѣть никакого реальнаго примѣненія къ жизни. Утопіи Фурье дорого обошлись ихъ русскимъ исповѣдникамъ. По счастью, не было пролито ни одной капли крови, и только новыя страданія въ каторжной ссылкѣ заполнили собою еще одну страницу изъ жизни русской интеллигенціи въ ея стремленіи къ свободѣ и въ борьбѣ за конституцію.

Б. Глинскій.

ОТЪ ЯРОСЛАВЛЯ ДО НИЖНЯГО [1].

(Путевые наброски).

III.

Въ Костромѣ.

ЗА БАБАЙКАМИ начала работать «наметка».

Промѣры фарватера были необходимы по причинѣ частыхъ мелей и перекатовъ, находящихся на этомъ участкѣ и въ мелководье представляющихъ немалыя затрудненія для грузового судоходства. Мели образовались, большею частію, около островов, которые здѣсь встрѣчаются очень часто.

Мы миновали мели: Овсяниковскую, Черноръцкую, Харчевинскую и Попадьинъ перекатъ, находящійся ниже Попадьина острова.

Названіе первой мели происходитъ отъ расположенной противъ нея деревни Овсяники, названіе второй — отъ Черной рѣчки, впадающей справа въ Волгу; Харчевинская получила прозвище отъ построенныхъ здѣсь на берегу харчевенъ, но кто была та достопамятная попадья, по имени которой названы и островъ и перекаты, намъ такъ и не удалось узнать.

Отъ устья Солоницы и Бабаевскаго монастыря на правый берегъ Волги выступаетъ уже Костромская губернія, тогда какъ по лѣвому на протяженіи 20 верстъ все еще тянется Ярославская.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 508.

Даниловскій уѣздъ. Мѣстные даниловцы главнымъ образомъ занимаются разведеніемъ картофеля для паточныхъ фабрикъ, которыхъ здѣсь имѣется чуть ли не около десятка.

Не доходя до устья Черной рѣчки, пароходъ нашъ останавливался у большого химическаго завода Панизовкина, находящагося на томъ же лѣвомъ берегу, при деревнѣ Гузицыно. Производство завода, по словамъ путеводителя, простирается болѣе, чѣмъ на милліонъ двѣсти тысячъ рублей.

За Попадьинымъ перекатомъ на возвышенномъ правомъ берегу показалось большое село Сѣлище, а почти противъ него на низменномъ лѣвомъ—знаменитый Ипатьевскій монастырь и за нимъ вдали—богоспасаемый градъ, Кострома.

Извѣстно, что Селище въ концѣ XVI вѣка принадлежало князю Ивану Михайловичу Глинскому; въ то время оно называлось Новоселками.

13 марта 1613 г. сюда прибыло торжественное посольство, отправленное изъ Москвы, просить на царство молодого Михаила Ѳеодоровича, находившагося въ то время съ матерью въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

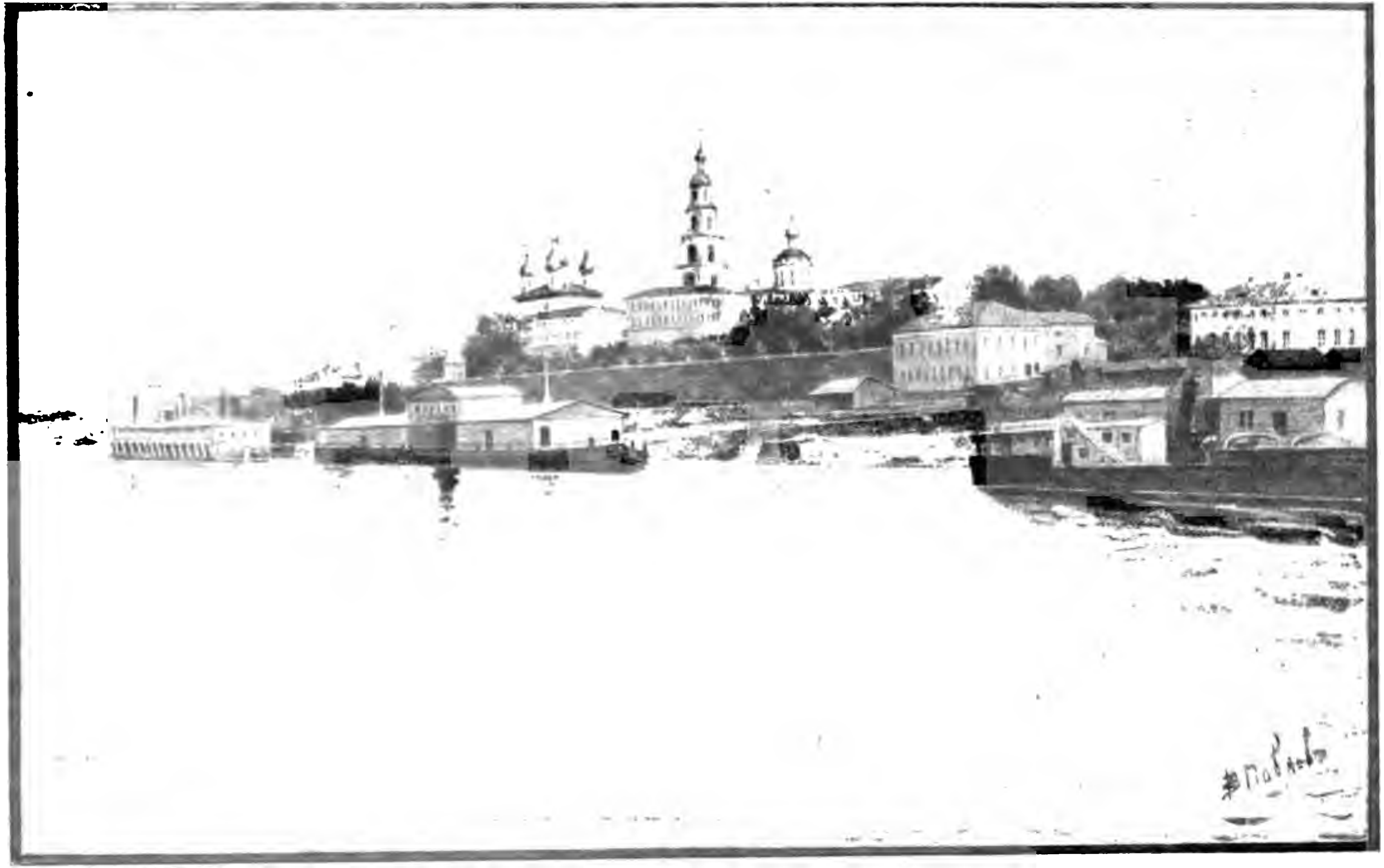
Въ составъ посольства входили Ѳеодоритъ, архіепископъ рязанскій, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, архимандриты московскихъ монастырей Чудова, Новоспасскаго и Симоновскаго, протопопы изъ соборовъ, бояре—Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметьевъ и князь Владиміръ Ивановичъ Бахтеяровъ-Ростовскій, окольничій Головинъ, дьякъ Болотниковъ, стольники, стряпчіе, дьяки, жильцы, дворяне и дѣти боярскіе изъ Москвы и другихъ городовъ, гости, стрѣлецкіе головы со стрѣльцами, атаманы, казаки и другихъ чиновъ люди. Духовенство везло съ собою московскія святыни: икону Владимірской Божіей Матери и московскихъ чудотворцевъ.

Пріѣхавъ въ Новоселки около вечеренъ, посольство остановилось здѣсь на ночлегъ. Въ тотъ же вечеръ къ нимъ пріѣхали костромскія власти условиться относительно шествія къ Ипатьевскому монастырю, которое было назначено назавтра.

Насталъ день 14 марта. Отслуживъ заутреню въ новоселковской церкви, посольство съ иконами, крестами и хоругвями спустилось къ Волгѣ, гдѣ уже ожидали его приготовленные насады и лодки.

Недавно сама разбившая оковы зимняго льда и широко разлившаяся по лѣвому берегу Волга плавно понесла на своемъ могучемъ хребтѣ представителей русской народной воли къ юному ея избраннику.

Въ то же время изъ Костромы при колокольномъ звонѣ показалось торжественное шествіе всего костромского духовенства и мірянъ съ чудотворною иконою Ѳеодоровской Божіей Матери и начало переправляться черезъ р. Кострому.



Кострома.

Обѣ процессіи сошлись у вратъ обители, гдѣ встрѣтили ихъ инокиня Марѳа Ивановна и ея шестнадцатилѣтній сынъ.

Приложившись къ иконамъ, Марѳа упорно отказывалась итти съ сыномъ за крестнымъ ходомъ въ соборъ; ее едва упросили.

Послѣ торжественнаго молебствія въ соборѣ архіепископъ Ѳеодоритъ вручилъ Михаилу грамоту о всенародномъ избраніи его на царство и вмѣстѣ съ боярами просилъ исполнить народную волю.

Долго отказывалась Марѳа благословить сына, ссылаясь и на его юность и на «малодушество» московскихъ людей, столько разъ измѣнявшихъ своимъ государямъ, и на общую бѣдность и разоренье, но послы продолжали настаивать. Когда же Ѳеодоритъ и Авраамій Палицынъ, взявъ на руки иконы Владимирской Божіей Матери и московскихъ чудотворцевъ, повели рѣчь уже какъ бы отъ имени Божія, грозя наказаніемъ за ослушаніе волѣ народной, Марѳа согласилась, и Михаилъ Ѳеодоровичъ торжественно былъ провозглашенъ царемъ и государемъ всея Руси. Черезъ нѣсколько дней онъ отправился въ путь на Москву и 21 марта былъ уже въ Ярославлѣ.

Миновавъ Селище и каменныя стѣны Ипатьевской обители, расположенной надъ устьемъ р. Костромы, пароходъ нашъ вскорѣ остановился у Костромской пристани, и мы, взявъ извозчика, отправились на осмотръ города.

Кострому, имя которой впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1213 г., можно считать издревле принадлежавшею къ великому княжеству Владимирскому, преемницею котораго сдѣлалась Москва. Самостоятельно, и то лишь не на долгое время, Костромою владѣли только три князя, сыновья великихъ князей, остальное же время городъ, повидимому, всецѣло зависѣлъ отъ лицъ, занимавшихъ великое княженіе Владимирское, а потомъ—Московское.

На свою отдаленную костромскую вотчину великіе князья смотрѣли, какъ на мѣсто убѣжища во время непріятельскихъ нашествій: такъ, Димитрій Донской укрывался здѣсь съ семействомъ отъ Тохтамыша, а сынъ его, Василій Димитріевичъ,—отъ Эдигея. Разбитый дядею Юріемъ на берегахъ Клязьмы, Василій Темный бѣжалъ также въ Кострому. Когда Юрій сдѣлался великимъ княземъ, сыновья его—Косой и Шемяка—умертвивъ боярина Морозова и боясь отцовскаго гнѣва, укрылись опять таки въ той же Костромѣ.

Утративъ съ теченіемъ времени значеніе мѣста убѣжища для князей, Кострома тѣмъ не менѣе дважды являлась въ роли хранительницы правящей династіи: и Сусанинъ, и Комиссаровъ—оба костромичи.

Что касается до самаго названія Костромы, то на этотъ счетъ существуетъ нѣсколько объясненій, впрочемъ одинаково мало

Икона Θеодоровской Божіей Матери.

удовлетворительныхъ. Одни (какъ, напримѣръ, старинный историкъ Костромы, князь Козловскій) говорятъ, будто бы названіе это происходитъ отъ ливонскаго города Костра, близъ Юрьева, или отъ замка Кострума, стоявшаго на мѣстѣ нынѣшняго Ревеля; другіе производятъ слово Кострома отъ большихъ костровъ лѣса, заготовлявшагося зимою для сплава по р. Костромѣ; третьи видятъ въ немъ имя древняго словянскаго бога, называвшагося въ Малороссіи Кострубомъ, а у насъ Костромою. Какъ бы то ни было, но удовлетворительнаго, обоснованнаго на прочныхъ данныхъ, объясненія мы не имѣемъ, да едва ли когда нибудь и будемъ имѣть.

Лѣвѣе отъ пристани, на крутомъ холмѣ, возвышающемся надъ Волгою, почти противъ самаго устья Костромы, находится главный городской соборъ, построенный еще въ XIII столѣтіи, но теперь, благодаря различнымъ пристройкамъ, перестройкамъ и передѣлкамъ, совершенно измѣнившій свою древнюю наружность.

Соборъ былъ построенъ въ кремлѣ, стѣны котораго разобраны лишь въ началѣ XIX вѣка, и на мѣстѣ ихъ разведены бульваръ и городской садъ.

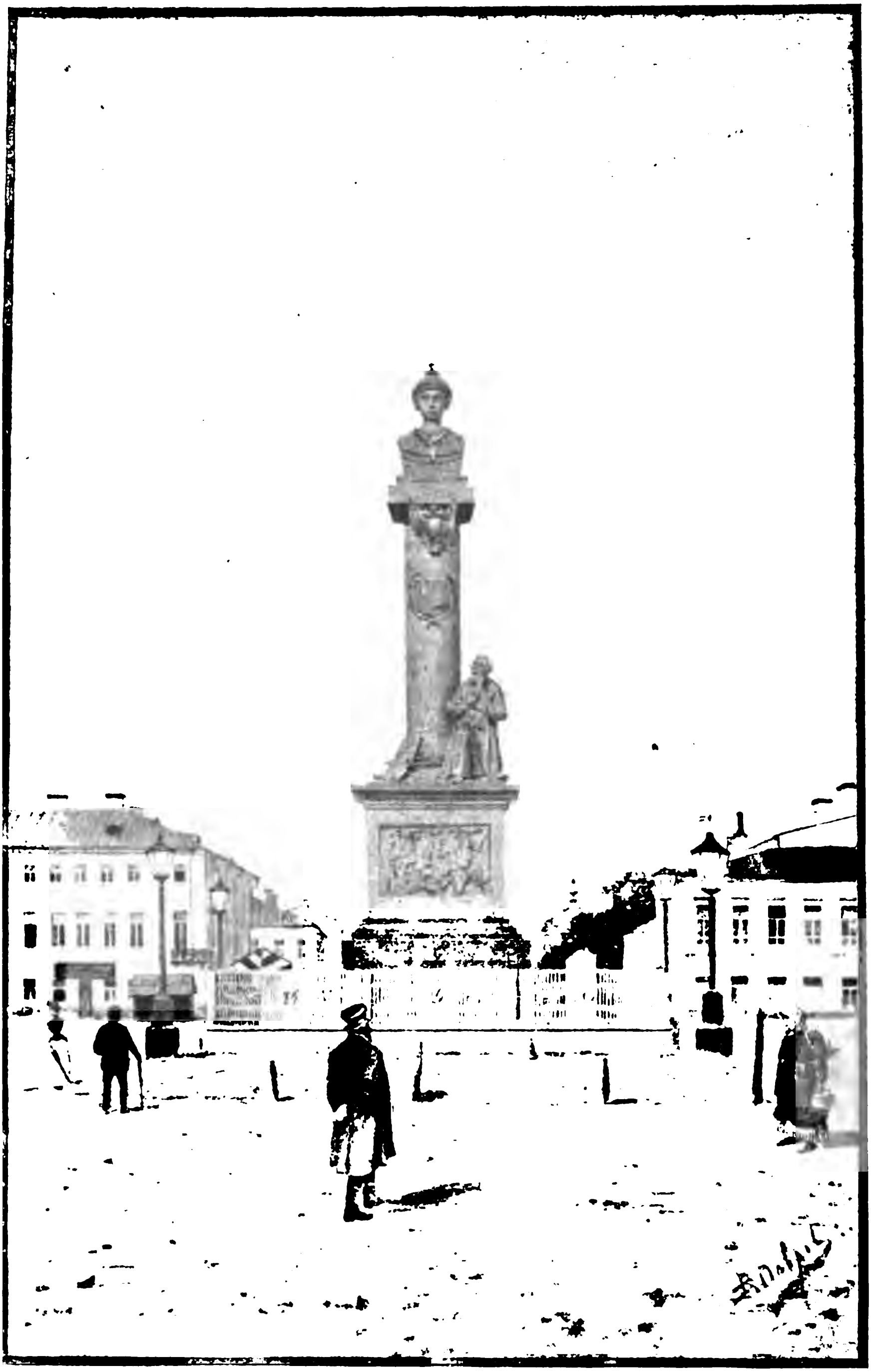
Поводомъ къ построенію собора послужило обрѣтеніе Ѳеодоровской иконы Божіей Матери, составляющей главную святыню города.

Само обрѣтеніе совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Первый костромской князь, Василій Ярославовичъ Квашня, бывшій «мезинным», т.-е. младшимъ, сыномъ великаго князя Ярослава Всеволодовича, отпраздновавъ въ городѣ день Успенія Богородицы, выѣхалъ на другой день позабавиться охотою. Но не успѣлъ онъ доѣхать до рѣчки Запрудни, впадающей въ Кострому неподалеку отъ города, какъ собаки начали «притужно» лаять. Василій Ярославовичъ поспѣшилъ къ нимъ и вдругъ увидѣлъ стоящую на соснѣ икону Божіей Матери. Князь соскочилъ съ сѣдла и хотѣлъ снять ее съ дерева, но икона, по словамъ преданія, поднялась выше. Василій опомнился, что хотѣлъ взять икону не помолившись. Онъ отступилъ отъ дерева и началъ класть усердные поклоны, но, когда подошелъ къ соснѣ, старанія его взять икону опять не увѣнчались успѣхомъ. Тогда онъ сѣлъ на коня и погналъ его въ городъ къ протопопу, которому велѣлъ тотчасъ же нарядить крестный ходъ къ мѣсту явленія.

Икона безпрепятственно далась въ руки священникамъ и была торжественно внесена въ городъ, гдѣ и поставлена въ имѣвшейся тамъ церкви св. Ѳеодора Стратилата.

Разсмотрѣвъ икону, нѣкоторые граждане заявили князю, что видѣли вчера, какъ ее проносилъ по городу какой-то воинъ, похожій лицомъ на самого Ѳеодора Стратилата, какъ его изображаютъ на иконахъ. Вслѣдствіе этого новоявленная икона была на-



Памятникъ Ивану Сусанину въ Костромѣ.

звана Θеодоровскою. На мѣстѣ ея явленія Василій Ярославовичъ поставилъ церковь и устроилъ монастырь.

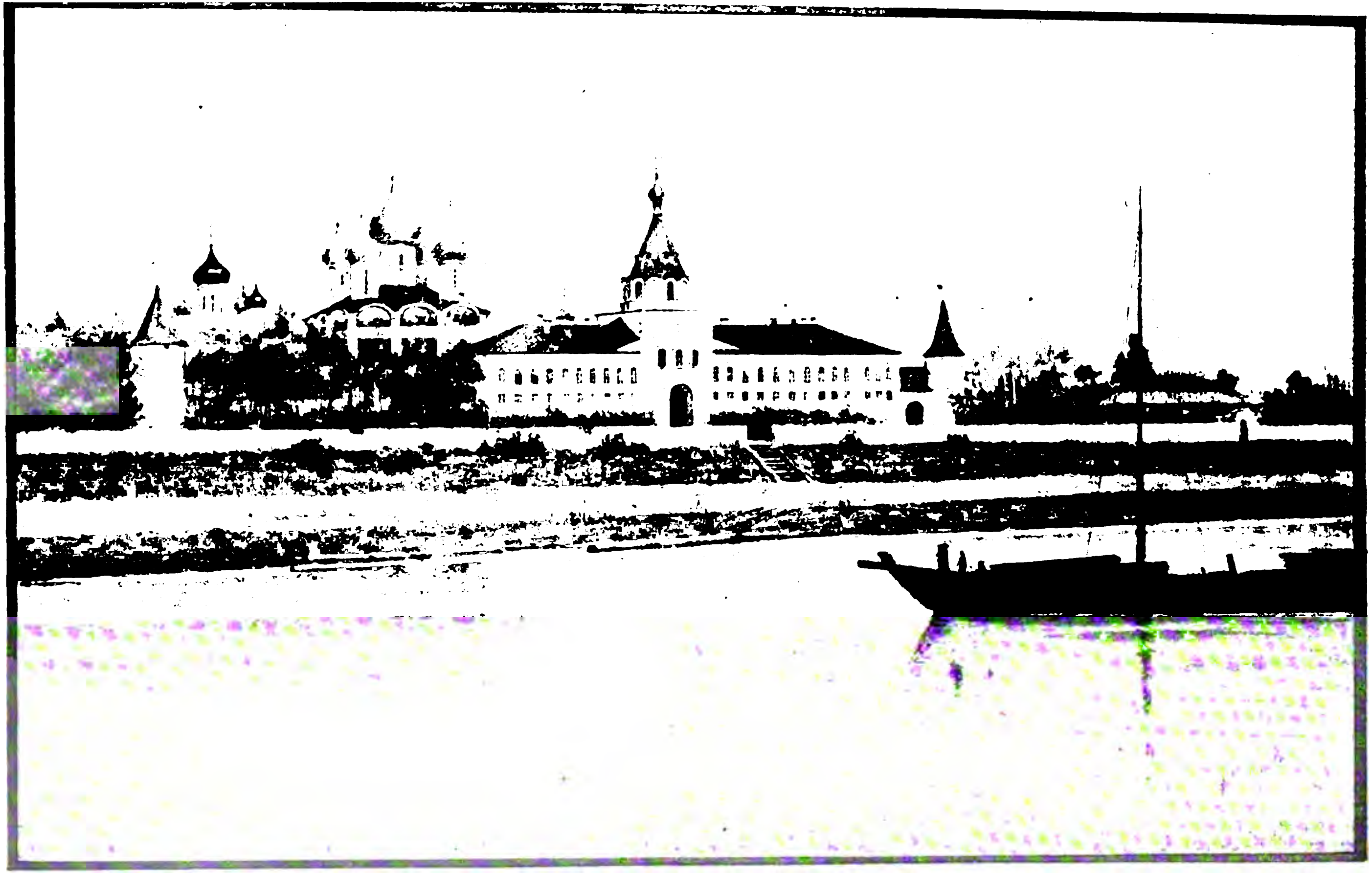
Черезъ нѣсколько времени въ Кострому по дѣламъ прибыли нѣкоторые изъ жителей Городца. Зайдя въ церковь и увидавъ новую икону, они узнали ее и разсказали, что икона эта находилась у нихъ въ Городцѣ, но во время нашествія Батыя исчезла безслѣдно; они прибавили, что въ бытность свою у нихъ икона прославилась многими чудесами. Чудеса не замедлили и въ Костромѣ. Пожаръ дважды испепелилъ Θеодоровскую церковь, но икона оба раза осталась невредимою. Когда къ городу подступили какіе-то татарскіе полки, князь Василій выступилъ противъ нихъ въ поле, взявъ съ собою чудотворную икону, и нанесъ имъ полное пораженіе. Усматривая въ своей побѣдѣ новое чудо, явленное отъ иконы, онъ приказалъ строить для нея новый каменный храмъ во имя Успенія Богородицы, такъ какъ въ этотъ день граждане видѣли св. Θеодора, проносившаго икону городомъ. Алтарь Успенскаго собора обращенъ не на восточную сторону, какъ это обыкновенно дѣлается, а на сѣверъ, въ сторону Запрудни, гдѣ явилась икона.

Неизвѣстно, въ какомъ видѣ былъ «городъ», или кремль, во времена князя Василія Ярославовича, но писцовыя книги начала XVII вѣка застаютъ его обнесеннымъ валомъ и деревянными стѣнами болѣе, чѣмъ на версту въ окружности. Стѣны были устроены въ видѣ тына и снабжены двѣнадцатью рубленными въ клѣтку башнями. Въ городъ вели трое воротъ: Спасскія, Ильинскія и Водяныя. Какъ я уже говорилъ, стѣны эти разобраны въ началѣ прошлаго столѣтія.

Извозчикъ вскорѣ вывезъ насъ на Сусанинскую площадь, составляющую центръ нынѣшней Костромы. Планъ города интересенъ въ томъ отношеніи, что напоминаетъ собою форму правильнаго вѣера, при чемъ всѣ улицы расходятся лучами отъ Сусанинской площади.

Названіе свое площадь получила отъ памятника Ивану Сусанину, сооруженнаго при Николаѣ I въ 1851 г., т.-е. черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ М. И. Глинка уже воздвигъ ему неувядающій памятникъ въ своей безсмертной оперѣ.

Ужъ если во многихъ мѣстахъ текста «Жизни за царя» замѣтно вліяніе Николаевскаго режима, то здѣсь, въ Костромскомъ памятникѣ, сооруженномъ по проекту Демутъ-Малиновскаго, это вліяніе сказалось еще яснѣе. При первомъ взглядѣ на него, замѣчаешь только стоящую на пьедесталѣ высокую колонну, увѣнчанную большимъ бюстомъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что бюстъ изображаетъ царя Михаила Θеодоровича, и такимъ образомъ получается впечатлѣніе, будто бы памятникъ поставленъ ему, а не Сусанину, колѣнопреклоненная фигура ко-



Ипатьевскій монастырь.

тораго помѣщена внизу, у подножія колонны. Правда, что въ пьедесталъ вдѣланъ барельефъ, изображающій смерть Сусанина, правда, что имя Сусанина помѣщено въ надписи, но общее впечатлѣніе колонны и бюста, доминирующихъ надъ фигурою, находящеюся внизу, ясно показываетъ тенденцію художника угодить самодержавному потомку вѣнценоснаго отрока.

Въ шестидесятыхъ годахъ Н. И. Костомаровъ подвергъ большому сомнѣнію подвигъ Сусанина, а лѣтъ черезъ десятокъ, несмотря на возраженія, сдѣланныя ему Соловьевымъ, Погодинымъ и другими, прямо назвалъ этотъ подвигъ исторической басней [1].

Единственнымъ источникомъ, откуда взятъ фактъ спасенія царя, служитъ, по словамъ Костомарова, грамота, данная Михаиломъ Ѳеодоровичемъ крестьянину Богдану Собинину 30 ноября 1619 г.

Содержаніе этой грамоты, помѣщенной въ 3-й части «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ» подъ № 50, слѣдующее: «Божіею милостію, мы, великій государь, царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, по нашему царскому милосердію и по совѣту и прошенію матери нашей государыни, великія старицы, иноки Марѳы Ивановны, пожаловали есмя Костромского уѣзда нашего села Домнина крестьянина, Богдашка Собинина, за службу къ намъ и за кровь и за терпѣніе тестя его, Ивана Сусанина: какъ мы, великій государь, царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи, въ прошломъ въ 121 году были на Костромѣ, и въ тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ польскіе и литовскіе люди, а тестя его Богдашкова, Ивана Сусанина, въ тѣ поры литовскіе люди изымали и его пытали великими немѣрными пытками, а пытали у него, гдѣ въ тѣ поры мы великій государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи, были; и онъ, Иванъ, вѣдая про насъ великаго государя, гдѣ мы въ тѣ поры были, терпя отъ тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей немѣрныя пытки, про насъ великаго государя, тѣмъ польскимъ и литовскимъ людямъ, гдѣ мы въ тѣ поры были, не сказалъ, и польскіе и литовскіе люди замучили его до смерти. И мы великій государь, царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи, пожаловали его, Богдашка, за тестя его, Ивана Сусанина, къ намъ службу и за кровь, въ Костромскомъ уѣздѣ нашего дворцоваго села Домнина половину деревни Деревнищъ, на чемъ онъ, Богдашка, нынѣ живетъ, полторы чети выти земли велѣли обѣлить», т.-е. освободить участокъ Богдана и его потомства отъ всякихъ податей, кормовъ, подводъ и другихъ повинностей. «А будетъ то наше село Домнино,—говорится далѣе,—въ которой монастырь и въ от-

---

[1]) См. его: «Иванъ Сусанинъ», историческое изслѣдованіе, въ I томѣ монографій и статью «Императрица Екатерина I» въ «Древней и Новой Россіи» за 1877 г., т. I, стр. 140.

Кельи царя Михаила Феодоровича въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

дачѣ будетъ, и тѣ полдеревни Деревнищъ полторы чети выти земли и ни въ которой монастырь съ тѣмъ селомъ отдавать не велѣли, велѣли по нашему царскому жалованью владѣть ему, Богдашкѣ Собинину, и дѣтямъ его, и внучатамъ, и правнучатамъ и въ родѣ ихъ вовѣки неподвижно».

Прошло четырнадцать лѣтъ. Умеръ Богданъ Собининъ, умерла и великая старица Марѳа Ивановна, и Домнино съ сосѣдними деревнями было отдано, на поминъ души ея, въ Новоспасскій монастырь, архимандритъ котораго снова «очернилъ», т.-е. привелъ въ прежнее положеніе льготную половину Деревнищъ, принадлежавшую вдовѣ Богдана, дочери Сусанина, Антонинѣ. Тогда Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1633 г. далъ Антонинѣ новую грамоту, въ которой повторивъ, въ тѣхъ же словахъ, что и въ первой, описаніе самопожертвованія ея отца, далъ ей съ потомствомъ во

владѣніе принадлежавшую къ селу Красному пустошь Коробово, попрежнему обѣливъ ихъ отъ всякихъ повинностей.

Эта вторая грамота подтверждалась и при государяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, и при Екатеринѣ II, и при Николаѣ I. Никому изъ нихъ и въ голову не приходило сомнѣваться въ подвигѣ Сусанина, но г. Костомаровъ взглянулъ на дѣло иначе.

Обращаясь къ первой грамотѣ, которая служитъ прототипомъ послѣдующихъ, онъ остановился на выраженіи Михаила Ѳеодоровича: «какъ мы были на Костромѣ», и сталъ утверждать что «на Костромѣ» значитъ «въ Костромѣ», или, точнѣе, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. А отсюда сдѣлалъ выводъ: если Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ въ Костромѣ, слѣдовательно, въ укрѣпленномъ, безопасномъ мѣстѣ, то Сусанину не изъ-за чего было подвергать себя мученіямъ и не объявлять полякамъ, гдѣ царь.

Далѣе ему не понравилась въ грамотѣ прибавка, что царь жалуетъ Собинина «по совѣту и прошенію» своей матери. «Въ тотъ вѣкъ,—говоритъ онъ,—всѣ, кто только могъ, выискивалъ случая увернуться отъ тягла». Сусанинъ могъ быть убитъ какою нибудь воровской разбойничьей шайкой (безъ всякаго отношенія къ царю), и зять его черезъ нѣсколько времени воспользовался этимъ, чтобы выпросить себѣ обѣльную грамоту. «Путь, избранный имъ, видимъ. Онъ обратился къ мягкому сердцу старушки, а она попросила сына. Сынъ, разумѣется, не отказалъ заступничеству матери».

По поводу того, что Сусанинъ, по его мнѣнію, убитъ не польскими и литовскими людьми, г. Костомаровъ пишетъ: «еще Соловьевъ, со свойственнымъ ему безпристрастіемъ, справедливо замѣтилъ, что въ то время въ краю Костромскомъ не было ни поляковъ, ни литовцевъ, и что Сусанина поймали, вѣроятно, свои воровскіе люди, казацкія шайки, бродившія вездѣ по Руси. Дѣйствительно, мы отнюдь не видимъ, что въ то время поляки были около Костромы». И далѣе: «можетъ быть, однако, что въ числѣ воровъ, напавшихъ на Сусанина, были литовскіе люди, но ужъ никакъ тутъ не былъ какой нибудь отрядъ, посланный съ политическою цѣлью схватить или убить Михаила. Это могла быть мелкая стая воришекъ, въ которую затесались отсталые отъ своихъ отрядовъ литовскіе люди. А такая стая въ то время и не могла быть опасна для Михаила Ѳеодоровича, сидѣвшаго въ укрѣпленномъ монастырѣ и окруженнаго дѣтьми боярскими. Это чувствовали даже и составители миѳа о томъ, какъ Сусанинъ заводилъ поляковъ въ лѣсъ; потому-то они самопроизвольно и перевезли Михаила Ѳеодоровича въ Домнино».

Обстоятельствомъ, подрывающимъ довѣріе къ подвигу Сусанина является, по мнѣнію г. Костомарова, и то, что грамота Собинину дана только въ 1619 г. «Есть ли возможность предположить,— говоритъ онъ,—чтобъ новоизбранный царь могъ такъ долго забы-

Зеленая башня въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

ать такую важную услугу, ему оказанную? Конечно, онъ объ ней е зналъ».

Въ числѣ другихъ соображеній, бросающихъ тѣнь на пронырливое прошеніе Богдана Собинина, г. Костомаровъ приводитъ и лѣдующія. Почему не упомянула о Сусанинѣ Марѳа Ивановна, огда отказывалась передъ посольствомъ благословить сына на арство? Почему ничего не говоритъ о немъ митрополитъ въ рѣчи ри вѣнчаніи Михаила Ѳеодоровича, перечисляя польскія неправды разоренія? Почему имя Сусанина нигдѣ не упоминается въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Польшею? Почему не пишутъ о немъ усскіе и иностранные писатели? Но эти соображенія уже отзыаютъ придирчивостью и даже ослабляютъ впечатлѣніе главныхъ го положеній.

Какъ я уже упоминалъ, изслѣдованіе почтеннаго историка вызвало, въ свое время, много возраженій, не убѣдившихъ его отказаться отъ своихъ отрицательныхъ выводовъ. Но въ Ипатьевскомъ монастырѣ намъ удалось пріобрѣсти книжку В. А. Самарянова [1]), въ которой содержатся данныя, составляющія существенное дополненіе къ прежнимъ возраженіямъ противъ выводовъ Н. И. Костомарова и вполнѣ «обѣляющія» память домнинскаго страдальца.

Что касается до введшаго г. Костомарова въ заблужденіе выраженія «на Костромѣ», которое онъ понялъ въ томъ смыслѣ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ находился тогда въ самой Костромѣ, то помимо возраженія, сдѣланнаго еще Соловьевымъ, г. Дорогобужиновъ [2]) ясно доказалъ, что предлоги въ и на не могутъ быть приводимы безразлично и замѣнять одинъ другой, такъ какъ смыслъ перваго, при опредѣленіи мѣстности, гораздо тѣснѣе и точнѣе второго. Выраженіе «въ Костромѣ» дѣйствительно указывало бы на пребываніе въ самомъ городѣ, но слова: на Костромѣ, имѣютъ болѣе неопредѣленный и широкій смыслъ. Костромою называется не одинъ городъ, но и рѣка, и вся область, орошаемая ея притоками, на одномъ изъ которыхъ лежитъ и Домнино. Но, чтобы окончательно убѣдиться въ ошибкѣ г. Костомарова, стоитъ только заглянуть въ грамоту объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича [3]), гдѣ ясно сказано, что послѣ освобожденія московскаго кремля отъ поляковъ онъ вмѣстѣ съ матерью скоро возвратился «во своя вотчины, въ Костромской уѣздъ», и далѣе, послѣ разсказа объ избраніи его на царство въ Москвѣ, опять повторено: «А великій государь, Богомъ избранный царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всея Русіи самодержецъ, въ то время былъ въ Костромскомъ уѣздѣ, у себя въ вотчинѣ».

Показавшееся г. Костомарову подозрительнымъ обращеніе Собинина «къ мягкому сердцу старушки» Марѳы Ивановны вызвало у С. М. Соловьева слѣдующую отповѣдь: «Авторъ забываетъ, что въ это время была уже не одна старушка, что уже пріѣхалъ старецъ, вовсе не отличавшійся мягкимъ сердцемъ, Филаретъ Никитичъ, который взялъ правленіе въ свои твердыя руки. Въ тотъ вѣкъ, дѣйствительно, кто только могъ, выискивалъ случай увернуться отъ тягла; но извѣстно, что Филаретъ Никитичъ объявилъ жестокую войну этимъ людямъ, увертывающимся отъ тягла, а г. Костомаровъ хочетъ, чтобы въ это самое время дали обѣльную грамоту человѣку, который явился съ бездоказательными розсказнями о томъ, какъ его тестя замучили за царя».

---

[1]) Памяти Ивана Сусанина. Историческое изслѣдованіе преимущественно по неизданнымъ источникамъ. Рязань. 1884. Изд. 2-е.

[2]) «Русскій Архивъ», 1871, стр. 07.

[3]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, № 203, стр. 611.

Село Красное.

Дѣло объясняется гораздо проще.

И Домнино, и принадлежавшія къ нему Деревнищи составляли собственность рода Шестовыхъ и по наслѣдству перешли во владѣніе Мароы Ивановны. Къ ней-то, какъ къ своей непосредственной госпожѣ, и обратился Собининъ съ указаніемъ на службу и и кровь его тестя. Не будь она вотчинницей Домнина, бѣдный крестьянинъ захудалаго поселка, быть можетъ, никогда и не осмѣлился бы безпокоить царя всея Русіи своимъ прошеніемъ, и подвигъ Сусанина остался бы только въ памяти его семьи и сосѣдей.

Третьимъ доводомъ въ пользу невозможности подвига является у г. Костомарова отсутствіе поляковъ въ костромскихъ предѣлахъ. «Мы отнюдь не видимъ,—говоритъ онъ,—чтобы въ то время поляки были около Костромы».

А между тѣмъ г. Самарянову удалось найти копію съ жалованной грамоты, данной Желѣзно-Боровскому монастырю царемъ Ми-

хаиломъ Ѳеодоровичемъ, изъ которой видно, что литовскіе люди приходили въ Костромской Галичскій уѣздъ войною именно въ 1613 г., что они были въ монастырѣ и взяли жалованную грамоту прежнихъ царей, взамѣнъ которой Михаилъ Ѳеодоровичъ и выдалъ свою жалованную. Литовскіе люди съ русскими ворами въ томъ же году дѣлали набѣгъ и на Солигаличскій посадъ и на Воскресенскій монастырь, какъ о томъ свидѣтельствуетъ мѣстная лѣтопись.

Что касается до Желѣзно-Боровскаго монастыря, то онъ, по словамъ г. Самарянова, находится отъ Домнина на разстояніи не болѣе 15—20 верстъ, считая большимъ торговымъ трактомъ, а проселочными дорогами и того ближе.

Недоумѣніе г. Костомарова, почему грамота Собинину выдана не въ 1613 г., а въ 1619 г., вполнѣ удовлетворительно разрѣшается г. Самаряновымъ, и его объясненіе свидѣтельствуетъ скорѣе о скромности, чѣмъ о пронырствѣ Собинина. Дѣло въ томъ, что именно въ 1619 г., осенью Михаилъ Ѳеодоровичъ съ своею матерью ѣздилъ въ Кострому и Макарьевскій монастырь «по обѣщанному обѣту» на поклоненіе св. Макарію за спасеніе отечества, за свое избраніе и за освобожденіе патріарха Филарета изъ плѣна. Съ 17 по 20 сентября путешественники пробыли въ Домникѣ, а грамота Собинину выдана 30 ноября, т.-е. тотчасъ же по возвращеніи изъ путешествія въ Москву. Остается только, конечно, неизвѣстнымъ, Собининъ ли, молчавшій шесть лѣтъ о «службѣ» тестя, рѣшился напомнить о ней, или, быть можетъ, сама великая старица, посѣтивъ Домнино, возымѣла мысль и предложила сыну не оставить безъ награды былого самопожертвованія ея крестьянина и обѣлить хотя бы его дочь съ мужемъ и потомствомъ. Весьма возможно допустить, что геройскій поступокъ Сусанина, пользующійся въ наши дни такою славою и вполнѣ справедливо заслужившій доблестному крестьянину имя спасителя цѣлой династіи, въ тѣ тревожныя времена представлялся современникамъ въ болѣе простомъ, обыденномъ свѣтѣ. Что слуга положилъ животъ за господина, да еще за такого, который избранъ въ цари, вѣроятно, даже мало и поразило лицъ, переживавшихъ то страшное, бурное время. Вотъ почему и Марѳа Ивановна, поглощенная заботами о своемъ сынѣ, юномъ царѣ, объ устройствѣ взмятенной земли, о своемъ находившемся въ плѣну мужѣ, не спѣшила награждать своего вѣрнаго слугу, котораго къ тому же не было и въ живыхъ.

До XIX вѣка, говоритъ Н. И. Костомаровъ,—сколько извѣстно, никто не думалъ видѣть въ Сусанинѣ спасителя царской особы и подвигъ его считать событіемъ исторической важности». Лицами пустившими въ обращеніе миѳъ о спасеніи царя и украсившими его подробностями собственнаго изобрѣтенія, онъ считаетъ писателя XIX вѣка: автора «Географическаго словаря» Щекатова.

историка Глинку и историка Костромы, князя Козловскаго. По его словамъ, Щекатовъ, вопреки грамотѣ, перевелъ Михаила Өеодоровича изъ Костромы въ Домнино, чтобы сдѣлать миөъ о спасеніи болѣе правдоподобнымъ; Глинка выдумалъ, что Сусасинъ завелъ поляковъ въ противоположную сторону, а Козловскій присочинилъ еще и участіе Собинина, якобы извѣстившаго Михаила Өеодоровича о грозящей опасности.

На самомъ же дѣлѣ оказывается, что выше означенныя лица ничего не придумывали, а были только лучше освѣдомлены, чѣмъ почтенный историкъ.

Г. Самаряновъ приводитъ указъ конюшеннаго приказа, выданный въ маѣ 1731 г. на имя одного изъ потомковъ Сусанина, Ивана Лукоянова Собинина, и напечатанный еще въ 1852 г. въ «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Внукъ Собинина и правнукъ Сусанина, Иванъ Лукояновъ, жившій не въ Коробовѣ, а въ селѣ Сидоровскомъ, просилъ приказъ подтвердить въ отношеніи его льготы, которыми пользуется ихъ семья, хотя бы и за предѣлами своего села Коробова. Приказъ подтвердилъ эти льготы за Лукояновымъ особымъ указомъ. Этотъ указъ имѣетъ большое значеніе для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса. Въ указѣ дословно приведено прошеніе Собинина, и вотъ что говорилъ въ немъ внукъ Антонины Собининой, очевидно, повторяя семейное преданіе, слышанное имъ отъ отца, а, можетъ быть, и отъ самой бабки: «Въ прошломъ въ 121 г. (1613) приходилъ изъ Москвы изъ осадъ на Кострому блаженныя и вѣчно достойныя памяти великій государь, царь и великій князь Михаилъ Өеодоровичъ съ матерію своею, великою государынею, инокинею Марөою Ивановною, и были въ Костромскомъ уѣздѣ, въ дворцовомъ селѣ Домнинѣ, въ которую бытность ихъ величествъ въ селѣ Домнинѣ приходили польскіе и литовскіе люди, поимавъ многихъ языковъ, пытали и разспрашивали про него, великаго государя, которые языки сказали имъ, что великій государь имѣется въ ономъ селѣ Домнинѣ, и въ то время прадѣдъ его, онаго села Домнина крестьянинъ, Иванъ Сусанинъ, взятъ оными польскими людьми, а дѣда ихъ, Богдана Собинина, и своего зятя оный Сусанинъ отпустилъ въ село Домнино съ вѣстью къ великому государю, чтобы великій государь шелъ на Кострому въ Ипацкій монастырь для того, что польскіе и литовскіе люди до села Домнина доходятъ; да онъ польскихъ и литовскихъ людей оный прадѣдъ его отъ села Домнина отвелъ и про него, великаго государя, не сказалъ, и за то они въ селѣ Исуповѣ прадѣда его пытали разными и немѣрными пытками и, посадя на столбъ, изрубили въ мелкія части».

Дальнѣйшіе комментаріи, полагаемъ, излишни.

Топографія находящагося въ 70 верстахъ отъ Костромы Домнина и его окрестностей, судя по картѣ, приложенной къ изслѣ-

дованію г. Самарянова, дѣлаетъ изложеніе событія вполнѣ правдоподобнымъ. Домнино расположено на правомъ берегу р. Шачи, въ которую нѣсколько повыше его впадаетъ съ сѣвера рѣчка Корба. На этой Корбѣ, въ двухъ-трехъ верстахъ отъ Домнина находились Деревнищи (нынѣ Деревеньки), а близъ устья расположена деревня Перевозъ такъ же, какъ и Домнино, на правомъ берегу Шачи. Противъ Перевоза, за Шачею начинается большое болото, которое тянется на югъ до села Исупова, находящагося въ семи верстахъ отъ Домнина.

Расположенное на возвышенности Домнино съ юга видно на далекое разстояніе, тогда какъ съ сѣвера его заслоняли гора и росшій здѣсь прежде вѣковой лѣсъ. Изъ этого можно вмѣстѣ съ г. Самаряновымъ вывести заключеніе, что поляки шли не съ юга, отъ Костромы (въ окрестностяхъ которой ихъ, повидимому, и не было), а съ сѣвера, изъ Солигалича черезъ Желѣзно-Боровскій монастырь. Съ юга они, дойдя до Шачи, сразу увидѣли бы Домнино и могли бы попасть туда безъ проводника, направляясь же къ Домнину съ сѣвера, они вслѣдствіе ровной, покрытой лѣсомъ мѣстности не могли его видѣть, и вотъ почему имъ пришлось брать «языковъ». По указанію этихъ языковъ они свернули влѣво отъ большой дороги и пришли въ Деревнищи, находившіяся всего въ полуторыхъ верстахъ отъ большого тракта. Здѣсь они захватили Сусанина (который, по преданію, былъ старостою и въ то же время управлялъ Домнинскою вотчиною) и велѣли ему вести себя въ Домнино. Сусанинъ повелъ ихъ ложбиною р. Корбы и, оставивъ Домнино за лѣсомъ, вправо, вывелъ къ деревнѣ Перевозу, а затѣмъ, перейдя Шачу, углубился съ ними въ болото и привелъ въ Исупово, гдѣ, быть можетъ, отъ мѣстныхъ жителей, а, быть можетъ, и отъ самого Сусанина поляки узнали, что были обмануты. Путь, который они прошли, былъ не менѣе десяти верстъ, и за это время Собининъ легко могъ предупредить Михаила Θеодоровича объ опасности.

Насколько похожъ былъ дѣйствительный Сусанинъ на свое изображеніе внизу памятника, рѣшить трудно, но можно съ достовѣрностію утверждать, что самый памятникъ увѣковѣчиваетъ не миѳъ, а дѣйствительное историческое событіе.

IV.

Годуновская обитель.

Съ Сусанинской площади извозчикъ повезъ насъ въ Ипатьевскій монастырь, находящійся на дальней окраинѣ города, за р. Костромою. Ѣхать пришлось около двухъ верстъ.

Путь нашъ пролегалъ по Московской улицѣ, мимо церквей Архангела Михаила и Успенія. По другую сторону извозчикъ ука-

Плесъ.

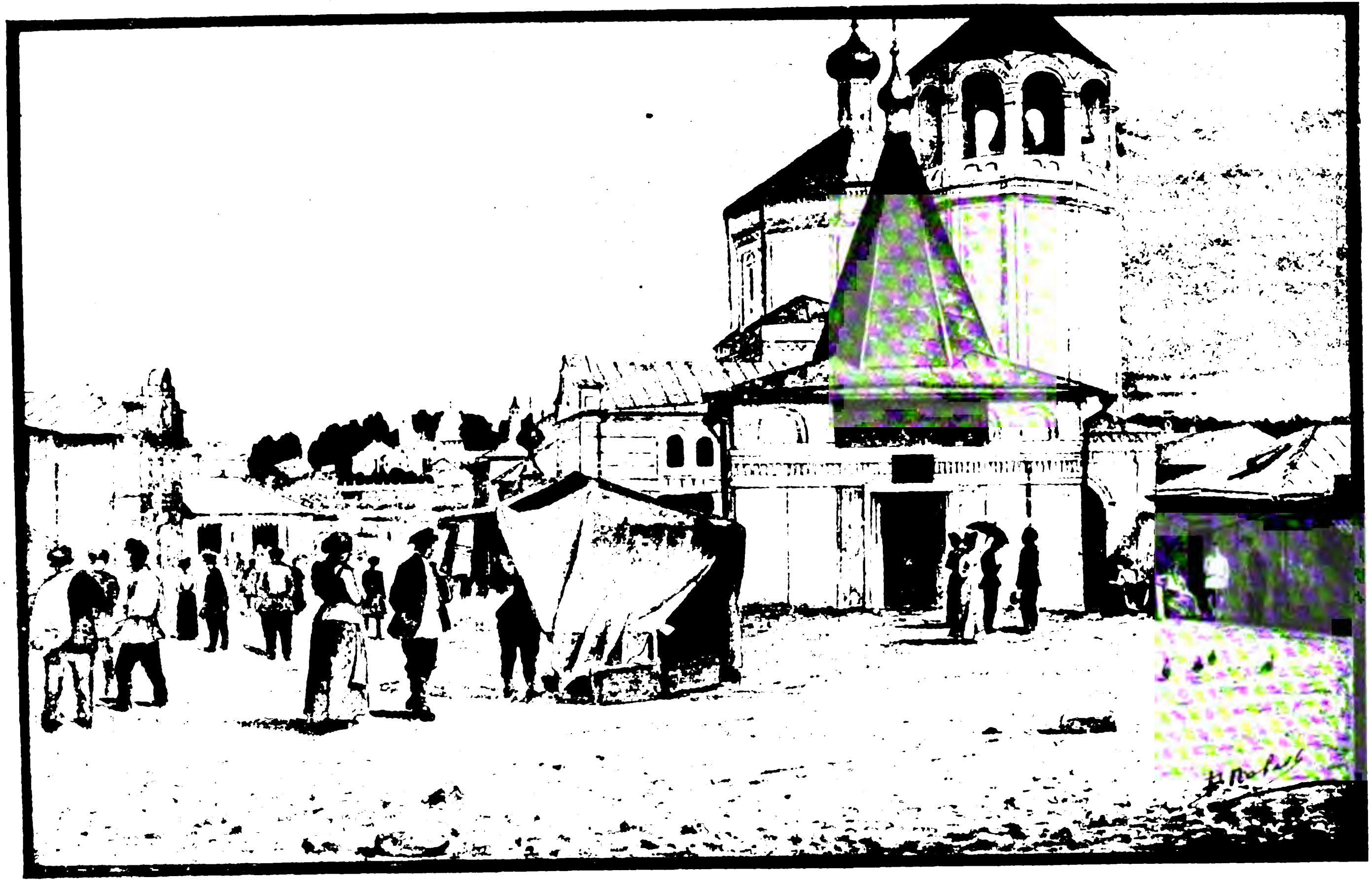
залъ намъ церкви Петра и Павла, Богоотцевъ, Спаса, Косьмы и Даміана. Костромичи—народъ, повидимому, богомольный. Говорятъ, что у нихъ совершается изъ разныхъ церквей до ста крестныхъ ходовъ въ годъ.

Въ концѣ улицы, почти надъ самою р. Костромою мы миновали химико-техническое училище Ѳ. В. Чижова.

Покойный Ѳедоръ Васильевичъ, костромской уроженецъ, былъ однимъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей. Пройдя въ молодости тяжелую школу нужды и лишеній, онъ умеръ милліонеромъ, завѣщавъ свое состояніе родному Костромскому краю для устройства въ разныхъ его пунктахъ ремесленныхъ, сельско-хозяйственныхъ и техническихъ училищъ. Другъ Гоголя, Языкова, И. С. Аксакова, Чижовъ горячо отзывался на самые разнообразные вопросы въ области духовной и общественной жизни. Его перу принадлежитъ первое русское сочиненіе о паровыхъ машинахъ (изданное въ 1838 г.), статьи объ Овербекѣ, Джіованни да-Фіезоле, о русскихъ художникахъ въ Римѣ; имъ же переведены «Исторія европейской литературы XV и XVI столѣтій» Галлама. «Исторія живописи» Куглера, «Исторія пластики» Любке и издано передѣланное съ англійскаго сочиненіе «О призваніи женщины». Въ шестидесятыхъ годахъ онъ помѣщалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» свои письма о шелководствѣ, а въ 1858 г. издавалъ «Вѣстникъ промышленности». По его мысли и благодаря его стараніямъ, возникла первая въ Россіи частная желѣзная дорога отъ Москвы до Ярославля; онъ же стоялъ во главѣ капиталистовъ, купившихъ отъ правительства Московско-Курскую желѣзнодорожную линію; ему же обязано своимъ возникновеніемъ и товарищество Архангельско-Мурманскаго пароходства. Заслуги Ѳедора Васильевича передъ русскимъ обществомъ несомнѣнны, и Кострома можетъ смѣло гордиться, что изъ ея предѣловъ вышелъ такой полезный, разносторонній и энергичный дѣятель.

Проѣхавъ училище, мы спустились къ перекинутому черезъ Кострому деревянному плашкоутному мосту, лѣвѣе котораго на противоположномъ берегу возвышались каменныя стѣны «преботатой и преименитой», какъ ее называли въ XVI столѣтіи, Ипатьевской обители.

Съ основаніемъ ея связано слѣдующее преданіе. Въ 1330 г. проѣзжалъ Волгою на службу въ Москву ордынскій мурза, татаринъ Четъ. По дорогѣ онъ сильно заболѣлъ и принужденъ былъ остановиться близъ устья Костромы, на берегу озера, носившаго, по имени жившей тамъ мери, названіе Мерскаго. Здѣсь ему явилась Божія Матерь въ сопровожденіи св. священномученика Ипатія. Послѣ видѣнія Четъ началъ быстро поправляться и далъ обѣщаніе принять христіанскую вѣру. Онъ былъ окрещенъ въ Москвѣ и получилъ имя Захаріи, а на мѣстѣ явленія, близъ озера Мер-



Часовня въ Кинешмѣ.

скаго, съ тѣхъ поръ называемаго Святымъ, основалъ монастырь во имя св. Ипатія. Отъ Чета пошли дворянскіе роды Сабуровыхъ и Годуновыхъ, изъ которыхъ послѣдніе явились особенно щедрыми благотворителями основанной ихъ предкомъ обители.

Помимо богатыхъ вкладовъ и пожертвованій иконами, утварью, облаченіями и разными вещами Годуновы на свой счетъ возводили въ обители разныя постройки, а въ 1586 г. обнесли ее каменною стѣнною, такъ что къ началу смутнаго времени Ипатьевскій монастырь представлялъ собою солидное укрѣпленіе, не менѣе крѣпкое, чѣмъ самъ Костромской дѣтинецъ. Не зналъ Борисъ Ѳеодоровичъ, что за стѣнами, построенными за годуновскія деньги, укроется сынъ ненавистнаго ему Ѳеодора Романова, и что въ ихъ родовой обители онъ приметъ скипетръ царства Россійскаго!

Переѣхавъ мостъ, извозчикъ свернулъ налѣво и вскорѣ остановился у монастырскихъ воротъ.

Мы вошли въ обитель.

Прямо передъ нами, въ концѣ широкаго двора возвышался пятиглавый Троицкій соборъ. Лѣвѣе отъ него тянулось большое двухъэтажное зданіе архіерейскаго дома. Правѣе собора—колокольня, стѣны которой, разбитыя прямоугольниками, покрыты разными композиціями изъ священной исторіи. Живопись новая. Вообще надо замѣтить, что внѣшній видъ монастырскихъ зданій уже мало соотвѣтствуетъ тому, который они имѣли въ XVI и XVII столѣтіяхъ, такъ какъ въ началу прошлаго вѣка обитель пришла въ такой упадокъ и разореніе, что потребовалось ея капитальное обновленіе чуть не съ основанія, и нынѣшній монастырь даетъ уже только отдаленное представленіе о прежнемъ.

Что касается до Троицкаго собора, то онъ построенъ уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича по образцу храмовъ ярославскихъ, прежній же соборъ, въ которомъ совершилось восшествіе на престолъ Михаила Ѳеодоровича, разрушился еще при немъ же, по однимъ свѣдѣніямъ—отъ вихря, по другимъ—отъ взрыва пороха, хранившагося въ его подвалахъ. Да и нынѣшній-то храмъ во время большого разлива 1709 г. настолько пострадалъ отъ воды, что разсѣлся надвое.

Соборъ былъ запертъ, но извозчикъ сказалъ намъ, что скоро ударятъ къ вечернѣ.

Въ ожиданіи звона мы спустились въ подвалъ подъ соборною папертью, двери котораго были открыты, и внизу въ полумракѣ виднѣлись чьи-то каменныя гробницы. Въ подвалѣ, какъ оказалось, помѣщалась одна изъ усыпальницъ рода Годуновыхъ.

Всѣхъ годуновскихъ усыпальницъ здѣсь три. Остальныя двѣ находятся за соборнымъ алтаремъ. Въ нихъ погребенъ и основатель монастыря, Захарія Четъ, и отецъ Бориса, Ѳеодоръ Ивановичъ Годуновъ, и его мать, инокиня Сандулія, пожертвовавшая обители большой колоколъ въ 600 пудовъ вѣсомъ.

Церковь св. Николая въ Кинешмѣ.

Въ той усыпальницѣ, въ которой мы находились, былъ погребенъ родъ Никиты и Петра Васильевичей Годуновыхъ. Въ подвалѣ было пыльно и грязно; вѣроятно, и дверь на улицу была открыта съ цѣлью хоть нѣсколько освѣжить затхлый воздухъ.

Осмотрѣвъ усыпальницу, мы снова вышли на монастырскій дворъ, но благовѣста еще не было, и церковь оставалась запертою. Чтобы не терять даромъ времени, мы отправились къ такъ называемому дворцу Михаила Өеодоровича, находящемуся въ западной сторонѣ монастыря позади молодого садика, разведеннаго за колокольней.

Построенный на подклѣтѣ невысокій каменный «дворецъ» производитъ впечатлѣніе особой постройки, со спеціальнымъ назначе-

ніемъ, какъ будто бы онъ былъ нарочно выстроенъ для молодого Романова и его матери. На самомъ же дѣлѣ это было не такъ, и весь вопросъ разрѣшается тѣмъ, что передъ нами отнюдь не само древнее зданіе, а лишь позднѣйшая, и при томъ сравнительно недавняя, его реставрація.

Въ началѣ XVII вѣка здѣсь находился одинъ общій корпусъ монастырскихъ келій, часть котораго и посейчасъ существуетъ направо отъ дворца. Постройка келій приписывается боярину Димитрію Ивановичу Годунову и племяннику его, Борису Ѳеодоровичу, носившему тогда высокое званіе конюшаго. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь дворецъ, были расположены келарскія кельи, которыя въ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія стали называться намѣстничьими. Когда Марѳа Ивановна съ сыномъ пріѣхала въ монастырь,—для временнаго ея помѣщенія и были отведены эти намѣстничьи кельи. Послѣ ихъ отъѣзда въ кельяхъ опять стали жить монахи, при чемъ самыя кельи были распространены, и къ нимъ прибавлено еще пять или шесть комнатъ. Въ началѣ XIX вѣка кельи получаютъ названіе дворца, и монахи перестаютъ жить въ нихъ, но самыя кельи уже настолько ветхи, что грозятъ паденіемъ.

Въ октябрѣ 1834 г. монастырь посѣтилъ Николай I и, увидя жалкое, полуразрушенное состояніе обительскихъ построекъ, выразилъ желаніе возобновить ихъ въ древнемъ вкусѣ. Въ обитель былъ командированъ извѣстный творецъ «русскаго стиля», К. А. Тонъ, и на исправленіе келій Михаила Ѳеодоровича отпущено изъ казны 2.794 рубля. Между тѣмъ, въ стѣнахъ келій оказались такія трещины, что пришлось разобрать самыя стѣны и вновь сложить ихъ, укрѣпить фундаментъ и вывести новыя арки. Лѣтъ черезъ двадцать пять, именно въ 1860 г., по повелѣнію императора Александра II дворецъ былъ подвергнутъ новой реставраціи, отдѣленъ отъ общаго зданія монастырскихъ келій и уже въ видѣ отдѣльной постройки переданъ въ вѣдѣніе придворнаго вѣдомства.

Сѣдой, древній инвалидъ, лѣтъ восьмидесяти, поднялся съ нами въ верхній этажъ по широкой, крутой лѣстницѣ и отперъ дверь.

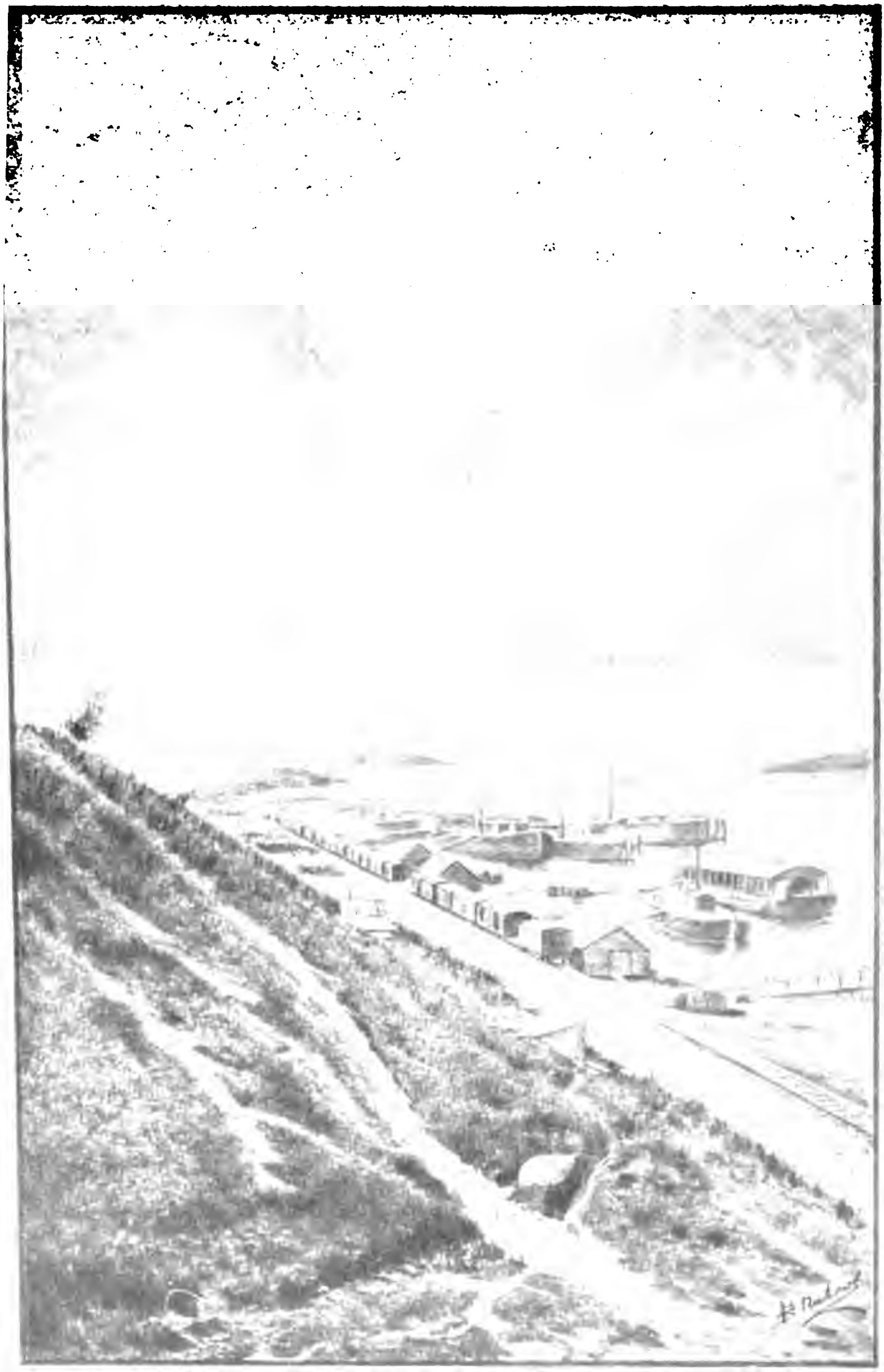
Мы вошли въ прихожую.

— Вотъ налѣво-то комнаты Михаила Ѳедорыча,—началъ разсказывать инвалидъ:—тутъ вотъ кабинетъ его былъ, а подальше-то спальня.

Комнаты невысокія, со сводами; освѣщаются маленькими, стариннаго типа окнами.

— А тутъ вотъ, направо, комнаты великой инокини, Марѳы Ивановны. Четыре комнаты всѣхъ-то. Задняя, говорятъ, столовая была.

Въ задней болѣе обширной комнатѣ, которую старикъ назвалъ столовой, лежитъ книга для записыванья именъ посѣтителей, и



Кинешма. Видъ съ бульвара на Волгу.

стоятъ два или три старинныхъ кресла. Вообще же комнаты почти пусты, и самой подлинности покоевъ какъ-то плохо вѣрится.

Самъ инвалидъ относится къ нимъ скептически. Когда мы высказали ему, по душѣ, свои сомнѣнія, онъ согласился съ нами.

— Чему же и быть,—замѣтилъ онъ:—если тутъ послѣ нихъ болѣе полутораста лѣтъ монахи жили? Конечно, отъ ихъ-то покоевъ и званія не осталось.

Въ правой половинѣ дома находится изразцовая печь, дѣйствительно представляющая нѣкоторый интересъ по своей замысловатости. На каждомъ изразцѣ ея нарисовано синимъ по бѣлому довольно аляповатое, но каждый разъ новое изображеніе, съ соотвѣтствующею сюжету надписью. Напримѣръ, изображена корона, а надпись гласитъ: «прелесная вещь»; изображенъ грибъ, а надпись замѣчаетъ: «скоро родіся, скороісчезъ»; звѣзда и подъ нею часть земной окружности, надпись: «указуетъ намъ путь, імже ітті»; барабанъ: «не потребенъ безгрому»; скачущая лошадь: «воля со страхомъ»; дерево: «всегда постоянно»; заяцъ: «воединномъ бѣганіи смелъ»; птица: «провещаетъ вѣсну»; собака подъ деревомъ: «не прікасаіс ко мне»; змѣя, обвившая сухой стволъ дерева: «стобою засыхаю», и т. д. Конечно, трудно рѣшить, любовался ли юный Михаилъ Ѳеодоровичъ этими изображеніями, разбиралъ ли онъ эти хитроумныя надписи, но, во всякомъ случаѣ, печь эта небезынтересна въ бытовомъ отношеніи, какъ образецъ остроумія нашихъ предковъ.

Изъ покоевъ старичокъ провелъ насъ на деревянную галлерею, пристроенную къ верхнему этажу позади зданія. Съ галлереи устроенъ ходъ на находящуюся подлѣ западную стѣну монастыря.

Мы поднялись на стѣну и въ промежутки между ея зубцами увидѣли большое пространство, обнесенное другою каменною стѣною, но меньшихъ размѣровъ. Главная стѣна, на которой мы стояли, построена Годуновыми, а та, которая виднѣлась впереди, сооружена уже по повелѣнію Михаила Ѳеодоровича. На ней по угламъ были поставлены двѣ небольшія башни, а въ срединѣ возвышалась зеленая шатровая кровля третьей, устроенной надъ въѣздными воротами. Отъ кровли и сама башня получила названіе Зеленой. Зеленая башня поставлена по повелѣнію молодого царя «въ память того,—какъ сказано въ тогдашней вкладной книгѣ,—что онъ симъ мѣстомъ иешелъ на царство Московское».

Со стѣны мы вслѣдъ за старичкомъ вернулись на галлерею и спустились въ нижній этажъ, составляющій какъ бы подклѣтъ дворцоваго зданія. Здѣсь помѣщались будто бы людская и кухня. И въ кухнѣ, и въ людской все чисто, все прибрано, но едва ли все это сохранилось отъ XVII вѣка. И донынѣ лица, посѣщающія монастыри, пользуются обыкновенно пищею изъ общей братской кухни, а Михаилъ Ѳеодоровичъ и мать его, пріѣхавъ въ мо-

Скитъ близъ Кинешмы.

настырь, отнюдь еще не имѣли того высокаго сана, какимъ впослѣдствіи облекла ихъ народная воля. Развѣ предположить, что ипатьевскій келарь любилъ сладко покушать и держалъ подъ своими кельями особую кухню.

Къ вечернѣ давно уже отзвонили, и служба въ церкви оканчивалась, когда мы поднялись по лѣстницѣ въ соборный притворъ.

Въ притворѣ, за свѣчною выручкою помѣщался пожилой монахъ, завѣдывавшій продажею какъ свѣчей, такъ и образковъ, видовъ, описаній монастыря и разныхъ книжекъ. Мы, по мѣрѣ средствъ, поддержали его коммерцію и этимъ расположили его въ свою пользу настолько, что по окончаніи непродолжительной службы онъ самъ предложилъ намъ свои услуги по указанію достопримѣчательностей соборнаго храма.

Дѣйствительно здѣсь хранится немало достопримѣчательнаго: напримѣръ, древняя икона XIV вѣка съ изображеніемъ явленія Богоматери Чету, икона Божіей Матери, которою Мароа Ивановна благословила сына на царство, рѣзное царское мѣсто, присланное Михаиломъ Өеодоровичемъ, и его посохъ, переданный въ обитель вмѣстѣ съ ковпомъ изъ оружейной палаты по приказу Николая I.

Далѣе монахъ показалъ намъ двѣ хоругви, вышитыя будто бы руками Ксеніи Борисовны Годуновой. На обѣихъ хоругвяхъ спереди—изображеніе св. Троицы, а на обратныхъ сторонахъ по три святыхъ на каждой. Большинство древнихъ и замѣчательныхъ иконъ, хранящихся въ соборѣ, пожертвовано въ обитель семействомъ Годуновыхъ. Живопись на стѣнахъ сохранилась древняя. Интересенъ, не виданный мною въ другихъ мѣстахъ, оригинальный орнаментъ изъ круговъ, протянутый вдоль стѣнъ по низу. Нашъ чичероне сообщилъ, что этимъ орнаментомъ особенно заинтересовался въ свое время художникъ В. В. Верещагинъ.

Не менѣе богата и монастырская ризница. Въ ней хранятся наперсные кресты—вкладъ Грознаго и Өеодора Іоанновича, паникадило, пожертвованное Годуновымъ, большой фонарь для топленія въ крестныхъ ходахъ, съ которымъ, по преданію, явилось изъ Москвы посольство къ юному Романову. Кромѣ того, въ ризницѣ находится множество древнихъ облаченій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны пожертвованныя Годуновыми, Екатериною II и императрицею Маріею, супругою Александра II. Есть напрестольное одѣяніе, устроенное царицею Ириною Өеодоровной изъ надгробныхъ покрововъ ея отца и брата, много золотыхъ и серебряныхъ служебныхъ сосудовъ и нѣсколько массивныхъ, старинныхъ евангелій, одно изъ которыхъ вѣситъ около двухъ пудовъ и при богослуженіи носится двумя иподіаконами.

Выйдя изъ собора, мы остановились у каменнаго столба, поставленнаго посреди монастыря, неподалеку отъ колокольни. Столбъ этотъ служитъ памятникомъ записанныхъ на немъ различныхъ монастырскихъ событій. Одна изъ надписей гласитъ, что до того мѣста, гдѣ построена Зеленая башня, царь Михаилъ, покидая обитель, шелъ пѣшій. Другая—что пушки и пищали хранятся въ монастырѣ съ XVI вѣка, но это извѣстіе не совсѣмъ точно. Къ перечню событій присоединено и стихотвореніе, изъ котораго можно догадаться о времени постановки памятника.

> Россіи сынъ, святыни чтитель,
> Ты хочешь знать, чѣмъ славится сія обитель
> И что въ ней сдѣлала Господня благодать?
> Внемли: на мѣстѣ семъ явилась Пресвятая,
> Подъ сѣнью коей здѣсь жилъ
> Царь юный Михаилъ,
> Родоначальникъ Николая.

Вернувшись въ Кострому, мы употребили остатокъ дня на осмотръ Богоявленскаго монастыря и церкви Воскресенія Христова на Дебряхъ. Послѣдняя, находящаяся въ сторонѣ, противоположной Ипатьевскому монастырю, интересна какъ древностью своей архитектуры, такъ и красочнымъ убранствомъ наружныхъ стѣнъ

Могилы отшельниковъ въ скиту близъ Кинешмы.

Въ ограду ея ведутъ каменныя ворота, также не лишенныя своеобразности въ архитектурномъ отношеніи.

Богоявленскій монастырь основанъ въ XV вѣкѣ нѣкіимъ старцемъ Никитою, по преданію, родственникомъ св. Сергія Радонежскаго, и до половины XIX столѣтія былъ мужскимъ. Въ смутное время иноки его ознаменовали себя непоколебимою вѣрностью Шуйскому. Когда изъ Тушинскаго стана явился въ Кострому со своими полчищами Лисовскій и сталъ требовать покорности второму Лжедимитрію, многіе окрестные монастыри, въ томъ числѣ и Ипатьевскій, боясь разгрома, добровольно отворили ворота и покорились Лисовскому. Но богоявленскіе монахи въ числѣ 11 человѣкъ съ 5 служками и 38 крестьянами не захотѣли измѣнить царю Василію Ивановичу и рѣшили, пока хватитъ силъ, отбиваться отъ непріятеля. Монастырь былъ взятъ приступомъ, и защитники его погибли геройскою смертью.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе пожара, случившагося въ Костромѣ, въ монастырь переведены городскія присутственныя мѣста, остававшіяся въ немъ до начала прошлаго столѣтія, когда присутственныя учрежденія были выведены, и вмѣсто нихъ помѣщена костромская духовная семинарія, ютившаяся въ тѣсныхъ, полуразвалившихся помѣщеніяхъ. Наконецъ большой пожаръ 1847 г., оставившій отъ обители однѣ обгорѣлыя развалины, окончательно прекратилъ ея существованіе. Зданія были назначены къ сломкѣ, и отъ древняго монастыря, быть можетъ, и слѣда бы не осталось, если бы въ судьбахъ его не приняла участія игуменія сосѣдняго Крестовоздвиженскаго монастыря—Марія (изъ дворянскаго рода Давыдовыхъ). Благодаря ея замѣчательной энергіи и выдающимся организаторскимъ способностямъ, переданныя въ ея вѣдѣніе богоявленскія развалины въ короткое время превратились въ новую, прекрасно и даже щеголевато обстроенную женскую обитель, составляющую предметъ справедливой гордости костромичей, немало способствовавшихъ своими пожертвованіями возобновленію дорогого ихъ сердцу пепелища.

Едва уцѣлѣвшій отъ сломки древній Богоявленскій соборъ реставрированъ заново и, благодаря счастливой мысли игуменіи Маріи, вошелъ, какъ органическая часть, въ постройку новаго современнаго храма, будучи цѣликомъ обращенъ въ алтарь. Эта грандіозная пятиглавая алтарная громада, составляющая чуть ли не единственный примѣръ подобнаго рода, своею древностью, архитектурными пропорціями и царящимъ въ ней таинственнымъ полусумракомъ производитъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Престолъ возвышенъ надъ поломъ на три ступени и помѣщенъ подъ высокою позолоченною сѣнью. Оригинальное украшеніе алтаря составляетъ висящій въ воздухѣ большой крестъ, весь убранный разноцвѣтными лампадами. Во время богослуженія крестъ этотъ

высоко горитъ въ темныхъ алтарныхъ сводахъ, какъ бы осѣняя и храмъ и молящихся. Стѣны новаго собора покрыты изображеніями св. мученицъ и подвижницъ, исполненными въ монастырской живописной мастерской. Мать Марія особенно покровительствовала занятіямъ живописью въ обители, такъ какъ и сама прекрасно владѣла палитрою и кистями.

V.

До Кинешмы.

На слѣдующее утро мы уже снова были на пароходѣ.

Въ ожиданіи отплытія мы разговорились на палубѣ съ мѣстнымъ костромскимъ жителемъ и узнали отъ него, что церковь Воскресенія на Дебряхъ построена, по преданію, купцомъ Исаковымъ, торговавшимъ въ XVII вѣкѣ красками съ Англіею.

— Англійскій-то гербъ въ церкви замѣтили?—спросилъ нашъ собесѣдникъ.

— Нѣтъ.

— Какъ же—съ единорогомъ! Говорятъ, что, когда Исаковъ-то ѣхалъ изъ Англіи моремъ домой, поднялась такая страшная буря, что онъ не думалъ и въ живыхъ остаться и далъ обѣтъ, въ случаѣ спасенія, построить церковь. А какъ пріѣхалъ въ Россію, такъ между привезенными бочками съ краской оказался одинъ боченокъ съ англійскими деньгами. Эти деньги онъ тоже на постройку употребилъ. И выходитъ, что церковь выстроена частію на англійскія деньги; оттого и гербъ англійскій.

— Да, судя по ея обильной и пестрой раскраскѣ, можно предположить, что ее строилъ торговецъ красками,—пошутилъ я.

— Дѣйствительно, краски немало пошло,—согласился онъ.— Но зато вѣдь и благолѣпіе!

— А какая торговля у васъ?

— Больше хлѣбная да лѣсная. Есть паровыя мельницы. Вонъ одна на берегу-то стоитъ,—указалъ онъ.—Много муки выдѣлываютъ. Фабрики у насъ ткацкія, большія. Тысячъ до пяти на нихъ народу кормится.

— А живете весело?

— Ну, какое у насъ веселье! Театръ, впрочемъ, у насъ хорошій. Есть и любительское музыкальное и драматическое общество. Концерты бываютъ, спектакли. А больше-то все картишками пробавляемся.

Пароходъ тронулся.

За Костромою потянулись домики примыкающей къ ней Татарской слободы. Жители ея—потомки ногайскихъ татаръ, поселенныхъ сначала, въ XVI вѣкѣ, въ Романовѣ и лѣтъ черезъ сто пе-

реведенныхъ въ Кострому, гдѣ они и составляютъ свою особую слободу. Татары позажиточнѣе занимаются мелкою торговлею; тѣ же, которые побѣднѣе, рáботаютъ въ городѣ; многіе изъ нихъ ѣздятъ извозчиками. Однимъ изъ таковыхъ былъ нашъ костромской возница.

Слѣдующимъ мѣстомъ для непродолжительной остановки мы назначили село Красное, находящееся верстахъ въ сорока ниже Костромы и извѣстное обширнымъ кустарнымъ производствомъ галантерейнаго и игольнаго товара. Произведенія красненскихъ ювелировъ широко расходятся по Европейской и Азіатской Россіи, находя себя покупателей и за границею.

Намъ разсказывали, что они даже сами льютъ на мѣстѣ и драгоцѣнные камни для дамскихъ брошекъ, браслетовъ, колецъ и сережекъ, пару которыхъ съ камнями можно купить за двѣ копейки. Брильянтовые перстни продаются тамъ по цѣнамъ отъ пяти копеекъ, золотые браслеты—отъ гривенника и т. д.

Намъ хотѣлось взглянуть на эти образцы мѣстнаго производства, хотя насъ предупреждали, что въ лѣтнее время, когда народъ занятъ полевыми работами, едва ли мы увидимъ много интереснаго.

Миновавъ подгороднія деревни: Васильевское, Байдарки, Турабьево, и лежащія на лѣвомъ берегу Чернопенье и Троица-Хвосты, пароходъ прошелъ съ наметкою Густомѣсовскую мель, получившую названіе отъ сосѣдней деревни Густомѣсовой, а по другимъ—Густолѣсовой, и вскорѣ остановился у пристани противъ Краснаго.

Пристань была у праваго берега, а село находилось на лѣвомъ, верстахъ въ двухъ отъ Волги.

— О-охъ!—вздохнулъ мой спутникъ.—Чтобы имъ догадаться на правомъ берегу построиться, а то не угодно ли?

Дѣлать нечего, пришлось взять лодку.

— А когда пойдетъ слѣдующій пароходъ сверху?—спросили мы перевозчика, ковырявшаго стеклянную поверхность Волги своими незатѣйливыми веслами.

— Сверху-то?—переспросилъ онъ.—Часа такъ, должно, черезъ два. Теперь у насъ который часъ? Одиннадцатый? Ну, а онъ этакъ часу въ первомъ приходитъ.

— Навѣрно?

— А кто жъ его знаетъ? Есть грузъ по пристанямъ, такъ и опоздаетъ. Нѣтъ груза—раньше придетъ. Его дѣло добровольное: какъ ему лучше, такъ онъ и дѣлаетъ.

— Ну, а слѣдующій за нимъ?

— Тотъ ужъ послѣ него придетъ.

— Понятно—послѣ, а когда?

— Ну, тотъ опять ужъ подъ вечеръ. Этого назначить нельзя: какъ—грузъ. Другой разъ ждешь его, ждешь, а его все нѣтъ, а другой разъ и забудешь о немъ, а онъ тутъ, какъ тутъ,—свистокъ подаетъ. Это ужъ они дѣлаютъ, какъ имъ лучше. Тутъ угадать нельзя.

Мы поняли, что для того, чтобы сдѣлать, какъ намъ лучше, придется поторапливаться.

Лодка ударилась носомъ о прибрежный песокъ.

— Такъ ты насъ подожди здѣсь,—сказали мы, выходя на берегъ.

— Да зачѣмъ васъ ждать-то? Будетъ пассажиръ, я его перевезу. А вы придете, покричите, я и опять къ вамъ выѣду; можетъ, еще кого въ Красное-то и подсажу.

— Тоже дѣлаешь, какъ тебѣ лучше?

— А то какъ же?

— Ну, дѣлай, какъ знаешь.

Мы тронулись въ путь.

Красное чуть виднѣлось вдали изъ-за кустарника. Настоящей дороги отъ берега не было, а между кустами, раскинутыми по широкому откосу берега, пролегали десятки тропинокъ, протоптанныхъ пѣшеходами. Заблудиться, впрочемъ, нельзя, такъ какъ цѣль видѣлась въ отдаленіи.

Мы направились наугадъ по одной изъ тропинокъ. Боязнь пропустить пароходъ заставляла насъ спѣшить. Мѣстность была неровная, песчаная, а выбранная нами тропинка безконечными зигзагами извивалась изъ стороны въ сторону, лавируя между кустарникомъ. Мы прошли такъ минутъ двадцать, но село, раскинутое на пригоркѣ, попрежнему было еще далеко.

Мы удвоили усилія и продолжали энергично пробираться межъ кустами, изворачиваясь то вправо, то влѣво, сообразно извилинамъ тропинки. Солнышко жгло немилосердно. Ноги вязли въ пескѣ, цѣплялись за коренья, но мы не сдавались и наконецъ вышли на проѣзжую дорогу, которая вела въ село.

Кустарникъ прекратился, показались поля, огороды, а за ними раскинутые по пригорку церковь и дома Краснаго, изъ которыхъ многіе были каменные, въ два этажа.

Поднявшись на пригорокъ, мы очутились на широкой улицѣ, пролегающей черезъ все селеніе. Улица была совершенно пуста.

Неподалеку, обнесенная оградою и кладбищемъ, возвышалась бѣлая каменная церковь, о которой намъ еще въ Ярославлѣ говорилъ одинъ любитель старины. Особенность этой церкви заключается въ томъ, что она поставлена на подклѣтѣ, на сводахъ. Но, кромѣ этой особенности, постройка представляетъ мало интереса въ архитектурномъ отношеніи. Побывать внутри церкви намъ не удалось, такъ какъ она была заперта, кладбище совершенно пусто, а ходить и разыскивать сторожа у насъ не было времени. Мы снова вышли на пустынную улицу.

Изъ всего полуторатысячнаго населенія Краснаго мы на этотъ разъ встрѣтили только какую-то бабу, шедшую съ ведрами.

— Гдѣ бы намъ посмотрѣть ваши мѣстныя издѣлія?—обратились мы къ ней.

— А вы что жъ купцы будете, аль такъ?

— Нѣтъ, такъ, полюбопытствовать.

— Ужъ вотъ не знаю, что вамъ и сказать-то. Теперь время-то лѣтнее, мало кто работаетъ.

— Можетъ быть, у васъ лавка есть съ вашими издѣліями?

— Нѣтъ, лавки такой у насъ нѣтъ. Есть лавка обыкновенная, а такой нѣтъ. Здѣсь все больше по домамъ, оптомъ. А я вамъ вотъ какой совѣтъ дамъ: пройдите въ трактеръ, вонъ налѣво-то; тамъ вамъ скорѣе укажутъ.

Въ трактирѣ посѣтителей не было ни души, и половой видимо намъ обрадовался. Онъ провелъ насъ наверхъ въ «чистую» половину.

Заказавъ себѣ чай, мы спросили относительно издѣлій.

— Теперь время-то не такое,—отвѣчалъ парень,—да если угодно, я могу позвать одного человѣка, тутъ по сосѣдству. У него, быть можетъ, кое-что найдется.

Вмѣсто одного человѣка явилось цѣлыхъ два. Они принесли три коробки товара — колечекъ, серегъ, брошекъ, крестиковъ. Но все ими принесенное не отличалось ни особенностью работы, ни разнообразіемъ рисунковъ, ни даже дешевизною. При всемъ желаніи набрать побольше кустарныхъ сувенировъ мы не могли найти ничего интереснаго. Образцы вещей не отличались отъ такихъ же издѣлій, продающихся въ Петербургѣ въ любой табачной лавочкѣ и получаемыхъ не то изъ того же Красного, не то изъ Польши.

Чтобы купить что-нибудь, мы взяли нѣсколько первыхъ попавшихся вещицъ и отпустили мастеровъ съ миромъ.

— Не то теперь время-то,—смущенно оправдывался половой.

Мы взглянули на часы и ужаснулись. Было двѣнадцать часовъ, а пароходъ по словамъ перевозчика приходилъ въ первомъ.

Бѣгомъ съ мѣста мы выѣхали на знакомую намъ улицу и въ видѣ [illegible] пустились отъ села подъ гору. Волга чуть виднѣлась вдали. Съ [illegible] мы спускались на берегу [illegible]; хотѣлось увидать надъ рѣкою дымъ, но дыма не было.

Быстро спустившись по дорогѣ, мы миновали поля и огороды, свернули на [illegible] и [illegible], не смотря на жару и усталость, [illegible] принялись [illegible] съ бугра на бугоръ, лавируя между кустами.

— Вонъ Волга видна!—вскрикнулъ мой спутникъ.

— Гдѣ?

— Вонъ и пароходъ.

Дѣйствительно, [illegible] кустами, со стороны Волги, расплывался въ небѣ какой-то движущійся дымокъ.

Мы снова бросились бѣжать.

— Успѣемъ или нѣтъ?—[illegible] мы другъ другу [illegible] тревожный вопросъ.

Волга становилась все виднѣе и виднѣе, но зато и коварный дымокъ продвигался все дальше и дальше налѣво и наконецъ безслѣдно потерялся вдали.

Мы бѣжали попрежнему, еле переводя духъ отъ усталости.

Но вотъ Волга показалась уже совсѣмъ близко. Сбѣжавъ съ послѣдняго пригорка, мы очутились на берегу. Лодки не было. На рѣкѣ ни души.

У самой воды, на обрубкѣ какого-то бревна, сидѣлъ мальчикъ, поджидавшій кого-то съ противоположной стороны. Отъ нечего дѣлать онъ болталъ ногами въ воздухѣ и пѣлъ:

> Акулинина мать
> Собиралась помирать...

разносился надъ рѣкою его голосъ.

— Что, прошелъ пароходъ?—спросили мы его.

— Прошелъ.

— Давно?

— Недавно.

Мы посмотрѣли на часы: было около половины перваго. Всѣ наши усилія пропали даромъ. Въ унынін опустились мы на песокъ, обмахиваясь платками. А мальчикъ, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, продолжалъ напѣвать:

> Парасковьина мать
> Собиралась помирать.
> Помереть не померла,
> Только время провела.

— Однако же надо хоть перебраться на ту сторону,—сказалъ я.

— Да теперь уже все равно опоздали, — замѣтилъ мой спутникъ.

Но долго лежать на горячемъ пескѣ было неудобно, и мы предпочли переправиться на пристань. Совокупными усиліями намъ удалось докричаться перевозчика. Лодка его отдѣлилась отъ пристани и стала медленно къ намъ приближаться. А мальчикъ продолжалъ тянуть свою однообразную пѣсню:

> Степанидина мать
> Собиралась помирать, —

пѣлъ онъ, уставясь глазами въ противоположный берегъ. За Степанидиной матерью очередь помирать перешла къ Тимоѳеевой матери, затѣмъ — къ Алексѣевой, и о каждой изъ нихъ пѣвецъ повторялъ, что она «помереть не померла, только время провела». Очевидно, дальнѣйшія слова были ему неизвѣстны, а пѣсня нравилась, и онъ растягивалъ ея содержаніе, варьируя имена.

жегородское ополченіе съ Мининымъ и Пожарскимъ, которое здѣсь встрѣчали костромичи, въ 1778 г. сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, въ 1796 г. попалъ въ заштатъ и наконецъ въ 1812 г. пріютилъ, до весны слѣдующаго года, труппу московскихъ театровъ, послуживъ, такимъ образомъ, мѣстомъ убѣжища не только отъ татаръ, но и отъ французовъ.

Московскіе Фингалы, Миловзоры и Прилипы съ ихъ своеобразными театральными нравами, вѣроятно, внесли немало оживленія въ тихую жизнь заштатнаго городка. Но французы ушли, актеры уѣхали, и Плесъ снова погрузился въ прежнее сонное прозябаніе. По словамъ одного путешественника, главное и почти единственное развлеченіе здѣсь составляетъ баня—по субботамъ, да еще посѣщеніе трактировъ въ свободное отъ занятій время.

Тѣмъ не менѣе, городокъ довольно благоустроенъ, имѣетъ даже свой банкъ и ведетъ торговлю хлѣбомъ и мануфактурными товарами, проходящими черезъ него съ сосѣднихъ фабрикъ.

Въ прежнія времена особенно славились на Волгѣ плесскіе топоры, охотно раскупавшіеся на Нижегородской ярмаркѣ и отправлявшіеся съ нея во всѣ концы Россіи.

Плесъ же можетъ гордиться и жившимъ здѣсь, въ половинѣ прошлаго столѣтія, механикомъ-изобрѣтателемъ, Д. А. Плугинымъ. Этотъ талантливый самородокъ изобрѣлъ свою пароходную машину и соорудилъ модель маленькаго пароходика, которую продалъ за 33 рубля. Но на этомъ Плугинъ не остановился. Создавъ машину для движенія по водѣ, онъ озаботился изобрѣтеніемъ таковой же и для сухого пути. Сдѣланный имъ паровозикъ не только прекрасно бѣгалъ въ прямомъ направленіи, но могъ и самъ заворачивать въ любую сторону. За сколько рублей продалъ онъ этотъ свой новый трудъ, и гдѣ теперь находятся обѣ рѣдкія модели, которыя могли бы составить гордость не одного только Плеса,—мнѣ, къ сожалѣнію, не извѣстно.

На пристани бабы продавали скатерти, салфетки, полотенца и прочія мануфактурныя издѣлія мѣстнаго производства. Торговля съ пассажирами шла довольно бойко, но пароходные свистки скоро нарушили коммерцію. Трапъ былъ принятъ. Колеса пришли въ движеніе, и картина симпатичнаго городка вскорѣ осталась позади. Прощаясь съ нею, мы долго любовались зеленымъ холмомъ на окраинѣ города съ одиноко стоящею на немъ старинною деревянною церковкою. Не это ли поэтическое мѣстечко и послужило Левитану мотивомъ для его извѣстной картины: «Надъ вѣчнымъ покоемъ»? Обстановка и общее настроеніе пейзажа удивительно сходны.

У Плеса Волга достигаетъ уже ширины въ 400 саженъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ становится шире и величавѣе.

Верстахъ въ десяти ниже Плеса въ нее впадаетъ съ лѣвой стороны рѣка Кѳлдома. Селенія, расположенныя на ея берегахъ,

близъ устья, назывались въ старину Колдомскими селами. О нихъ упоминаетъ еще Василій Темный въ своей духовной 1462 г. Перечисляя села и угодья, которыя великій князь оставляетъ своей княгинѣ, Маріи Ярославовнѣ, онъ попутно оговариваетъ и владѣнія, принадлежавшія княгинѣ еще при его жизни. Къ числу этихъ владѣній принадлежали и Колдомскія села. «Да что ей далъ Михайло Сабуровъ,—говоритъ Василій,—Колдомские села, ино то еѣ и есть». Отъ Марьи Ярославовны села перешли къ супругѣ Іоанна III и обратились какъ бы въ постоянныя владѣнія русскихъ княгинь.

Почти напротивъ устья Колдомы, нѣсколько пониже, на правомъ берегу красиво расположились смежныя села: Борщевка и Стрѣлка. Они также не лишены историческаго интереса. Борщевка принадлежала извѣстному дѣятелю екатерининской эпохи, Александру Ильичу Бибикову. Во время своего путешествія по Волгѣ въ 1767 г. императрица прибыла на своей галерѣ къ Борщевкѣ 17 мая въ самый праздникъ Воздвиженія Господня. Она поднялась на берегъ, слушала въ Борщевской деревянной церкви литургію, послѣ которой приняла обѣдъ въ домѣ уважаемаго ею Александра Ильича. Прошло нѣсколько лѣтъ. Вспыхнулъ Пугачевскій бунтъ. Бибиковъ былъ посланъ въ объятый мятежемъ край, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его уже не стало, и тихая Борщевка приняла въ свою землю бренные останки любимца Екатерины.

Верстахъ въ пятнадцати отъ Борщевки мы миновали нынѣ простой погостъ, а нѣкогда большое и богатое селеніе Сóлдогу. Въ 1440 г. у Сóлдоги произошла кровопролитная битва съ татарами, въ которой пали съ нашей стороны князь Борисъ Петровичъ Сисѣевъ и Николай Ивановичъ Засѣкинъ-Ярославскій. Много пришлось вынести Сóлдогѣ отъ хищныхъ татарскихъ набѣговъ, но главное горе было еще впереди. Въ 1608 г. Лисовскій, двигаясь отъ Ярославля къ Костромѣ, свернулъ сначала на Кинешму. Жители этой послѣдней, равно какъ и обитатели лежащей ниже по Волгѣ деревни Рѣшмы, не хотѣли подчиниться второму Лжедимитрію. Сóлдога, вѣроятно, надѣясь на свое положеніе на другомъ берегу Волги, думала спасти себя тѣмъ, что уклонилась отъ битвы. Битва дѣйствительно произошла на правомъ берегу, но, оставшись побѣдителями, лисовчики не преминули переправиться за Волгу и такъ разорили и опустошили Сóлдогу, что съ тѣхъ поръ это богатое селеніе такъ и не могло оправиться отъ погрома и мало-по-малу заглохло окончательно. Отсюда возникла старинная мѣстная пословица: «Кинешма да Рѣшма кутитъ да мутитъ, а Сóлдога убытки платитъ».

Кинешма, лежащая на тринадцать верстъ ниже Сóлдоги, интересна, между прочимъ, тѣмъ, что находится какъ разъ на тысячной верстѣ теченія Волги отъ истока.

Городъ красиво расположенъ надъ устьемъ небольшой рѣки Кинешемки, на правомъ берегу Волги.

Вначалѣ небольшая слободка, занимавшаяся ловлею рыбы для великокняжескаго и царскаго стола, Кинешма была пожалована Іоанномъ III князю Өедору Ивановичу Бѣльскому вмѣстѣ съ городомъ Лухомъ и волостями Вичугою и Чихачевымъ, о чемъ самъ Іоаннъ упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи, при чемъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «и князь Өедоръ и его дѣти служатъ сыну моему Василью, а ту свою вотчину держать по тому, какъ было при мнѣ; а отъѣдетъ князь Өедоръ, или его дѣти, отъ моего сына, отъ Василья, къ моимъ дѣтямъ къ меньшимъ, или къ кому ни буди, и та его вотчина Лухи и съ тѣми волостьми сыну моему Василью». Но Бѣльскіе никуда отъ московскихъ князей не отъѣзжали и во второй половинѣ XVI вѣка именовались титуломъ владѣтелей Лухскихъ и Кинешемскихъ. Когда внукъ Өедора Ивановича, Иванъ Дмитріевичъ, во время нашествія Девлетъ-Гирея и пожара Москвы задохнулся отъ дыма, скрываясь въ погребѣ, Грозный передалъ Кинешму съ прочими волостями герою Пскова, князю Ивану Петровичу Шуйскому. Но князь Иванъ Петровичъ въ 1587 г. былъ сосланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и тамъ, по слухамъ, удавленъ въ темницѣ. Волость опять осталась безъ хозяина и на этотъ разъ возвращена въ царскія владѣнія. Въ это время Кинешма называлась уже посадомъ и дѣлилась на четыре части: на собственно посадъ, на слободу за Кинешемкою, на загородъ и на ямскую слободу. Ямщики этой послѣдней вели свой родъ отъ князя Турунтая Пронскаго и долгое время числились въ званіи панцырныхъ бояръ. Конецъ ихъ боярству положенъ лишь во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда ихъ перевели въ окладное сословіе. Въ смутное время Кинешемское ополченіе подъ предводительствомъ воеводы Өедора Бобарыкина дважды было разбито поляками: одинъ разъ Тышкевичемъ, а другой—Лисовскимъ, который безъ пощады разгромилъ и самую Кинешму. Памятниками несчастныхъ побоищъ служатъ двѣ часовни: одна по дорогѣ въ Лухъ, въ двухъ верстахъ отъ города, другая — на площади въ центрѣ города. Надпись на послѣдней гласитъ: «Въ 1609 г. при воеводѣ Өеодорѣ Бобарыкинѣ Кинешма разорена была поляками подъ начальствомъ Лисовскаго. Часовня сія устроена надъ избіенными въ сраженіи гражданами и поселянами». При Петрѣ Кинешму приписали сначала къ Архангельской губерніи, затѣмъ къ Ярославской и наконецъ въ 1777 г. къ Костромской.

Въ настоящее время Кинешма, благодаря своей удобной пристани и желѣзнодорожной линіи, связывающей ее черезъ Шую съ Москвою и Нижнимъ, представляетъ собою довольно значительный торгово-промышленный центръ. Въ городѣ съ уѣздомъ

насчитывалось, по офиціальнымъ даннымъ 1897 г., болѣе трехсотъ двадцати фабрикъ съ производствомъ на сумму около 20 милліоновъ рублей. Производство главнымъ образомъ ткацкое и бумагопрядильное. Торговля ведется хлѣбомъ, лѣсомъ, нефтью и имѣетъ по преимуществу транзитный характеръ.

Красивый видъ представляетъ Кинешма съ Волги. Надъ пароходною пристанью возвышается крутой холмъ, увѣнчанный главнымъ городскимъ соборомъ съ высокою колокольнею. По краю холма, вдоль Волги, тянется бульваръ, на который ведетъ крутая лѣстница; далѣе, за холмомъ, устье Кинешемки, а за нею, на пригоркѣ, какъ двѣ сестры, бѣлѣютъ двѣ старинныя каменныя церкви: Успенія и Спаса, окруженныя городскими домиками и сочною, обильною зеленью. Фонъ составляютъ высокіе, песчаные обрывы, покрытые сплошнымъ лѣсомъ, а на первомъ планѣ, на рѣкѣ, вырѣзаясь въ небѣ остріями мачтъ съ цвѣтными вымпелами, стоятъ десятки судовъ разныхъ типовъ и величины. Все это представляетъ и по линіямъ и по краскамъ очень красивую оживленную картину.

Съ того берега подходила къ городу большая гребная лодка. Въ ней сидѣло до десятка гребцовъ, и лихо, и звонко несся надъ Волгою ихъ бойкій припѣвъ: «ой—да ухъ! ой—да ухъ!» въ то время какъ весла дружно взлетали и опускались, какъ крылья летящей птицы, рѣющей по вольному простору.

Выйдя на берегъ и пройдя рядъ торговокъ, расположившихся съ своимъ товаромъ у пристани, мы стали храбро взбираться по крутой лѣстницѣ, ведущей на вершину холма къ бульвару. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ шире и величавѣе развертывался передъ нами горизонтъ, и съ верхней площадки и лѣстницы, выходящей на бульваръ, открылся удивительно красивый видъ на Волгу и окаймляющіе ее берега. У нашихъ ногъ разстилалась пропасть, а надъ нею, во всю необъятную ширь, раскидывался голубой воздушный просторъ, среди котораго широкою серебристою лентой уходила вдаль Волга, теряясь въ лиловатой дымкѣ далекаго горизонта. Эта безбрежная ширь, это огромное пространство залитаго свѣтомъ воздуха, эти далекія, окутанныя воздушною мглою дали наполняли грудь какимъ-то необъяснимымъ, радостнымъ чувствомъ воли и простора, и долго бы простояли мы здѣсь, любуясь дивною картиною, если бы пароходъ, виднѣвшійся глубоко внизу, не напоминалъ намъ, что имѣвшееся въ нашемъ распоряженіи время для осмотра города далеко не такъ необъятно, какъ эта разстилавшаяся передъ нами панорама,—и мы поспѣшили направиться вдоль бульвара, рѣшивъ нанять перваго попавшагося извозчика.

Извозчика мы наняли вскорѣ, подлѣ собора. Онъ оказался очень словоохотливымъ старичкомъ, который узнавъ, что мы ин-

тересуемся городомъ, обѣщалъ показать намъ «все какъ есть» и отъ собора провезъ на лежащую поблизости торговую площадь, гдѣ стояли одна подлѣ другой двѣ церкви, и противъ крайней изъ нихъ слѣва—вышеупомянутая, полувросшая въ землю часовня.

— Это вотъ когда литва была, — разсказывалъ извозчикъ:— такъ много народу побили, большое тогда разореніе было. Такъ вотъ убитыхъ всѣхъ косточки потомъ пособирали да на этомъ мѣстѣ и похоронили, подъ часовней-то, чтобы память была. И кажинный годъ въ маѣ мѣсяцѣ бываетъ тутъ служба и поминовеніе. А подлѣ-то церковь Кресту - Воздвиженская; вотъ эта. Я это вамъ потому говорю, что это вамъ любопытно, а у насъ ее всѣ здѣсь Казанской зовутъ. Спроси другого: гдѣ Кресту-Воздвиженская? Онъ и не знаетъ? А она Казанской-то только зовется, а на самомъ-то дѣлѣ Кресту-Воздвиженская она. Вотъ что!

Старикъ былъ видимо доволенъ своими спеціальными познаніями.

— А подлѣ-то, поправѣе,—продолжалъ онъ,—вамъ скажутъ: Никольская, а она не Никольская, а Воскресенье.

Осмотрѣвъ часовню и площадь, на которой въ это время торга не было, и только сновали взадъ и впередъ немногочисленные пѣшеходы, мы тронулись далѣе.

— А эта вотъ церковь—Благовѣщенье,—показывалъ возница,— старинная: этой церкви сотни три годовъ будетъ.

Старичокъ немного ошибся. Благовѣщенская церковь, по описанію, построена въ 1690 г., но онъ былъ въ правѣ назвать ее старинною, такъ какъ эта церковь — одна изъ древнѣйшихъ въ городѣ.

Онъ показалъ намъ мѣстный гостиный дворъ, довольно, впрочемъ, пустынный; провезъ на Вознесенскую улицу, гдѣ на углу Златоустовскаго переулка находятся двѣ церкви бывшаго здѣсь Вознесенскаго женскаго монастыря, неизвѣстно когда основаннаго и упраздненнаго въ 1764 г. На мѣстѣ монастыря у церквей, обращенныхъ въ приходскія, была учреждена богадѣльня для престарѣлыхъ женщинъ, переименованная въ 1869 г. въ общину. Судя по стилю, одна изъ церквей можетъ быть отнесена къ XVII вѣку, а другая—къ XVIII вѣку. Извозчикъ говорилъ намъ, будто бы монастырь былъ переведенъ верстъ за пять отъ города, но провѣрить это показаніе, за недостаткомъ матеріаловъ, мы не могли и оставляемъ его на совѣсти нашего всевѣдущаго старичка.

Онъ неутомимо шнырялъ съ нами изъ улицы въ улицу, показалъ намъ и казарму, и острогъ, и вокзалъ Шуйско-Ивановской желѣзной дороги, и мѣстное духовное училище, замѣтивъ, что оно называется «бурсъ», а, проѣзжая мимо городского театра, сообщилъ, что съ новаго года игра тутъ идетъ зиму и лѣто.

— А что, старикъ, знавалъ ли ты Островскаго, Александра Николаевича? — спросилъ я.

— Какъ не знавать!—ответилъ онъ:—и Михайла Николаича и Александра Николаича обоихъ знавалъ. Михайло-то Николаичъ живъ ли? Что-то ужъ давно не былъ. Семья у нихъ большая.

— А имѣніе ихъ далеко ли отсюда?

— Верстъ двадцать будетъ,—прозывается Щалыковка. Это по Галицкому трахту, за Волгой. Александра-то Николаичъ тамъ и похороненъ.

— А Потѣхина знаешь?

— Алексѣя-то Антипыча? И его знаю. Хорошій баринъ. Ну, у этого-то имѣнье совсѣмъ близко, не знаю, будетъ ли и три-то версты отъ города. А вы ихъ тоже знаете?—обернулся онъ къ намъ.

— Еще бы не знать!

— Что-жъ, дѣла какія съ ними имѣли?

— Нѣтъ, дѣлъ никакихъ не имѣли. Даже и знакомы не были.

— Да, такъ это вы, значитъ, по наслышкѣ? Есть, молъ, въ Кинешмѣ такіе помѣщики. Помѣщиковъ у насъ тутъ кругомъ-то много есть,—и онъ началъ называть фамиліи.

Между тѣмъ, мы успѣли объѣхать весь городъ, по правдѣ сказать, болѣе красивый снаружи, чѣмъ внутри.

— Что-то у васъ хорошихъ-то домовъ мало?—пожаловались мы.— Вѣдь городъ-то не бѣдный.

— Гдѣ бѣдный?! У насъ купцы богатые есть, фабриканты опять же. Да все вишь пѣтушокъ.

— Какой пѣтушокъ?

— А красный. Лѣтъ сорокъ назадъ здо̀рово погорѣли, а какъ въ девяностомъ году пожаръ у насъ былъ, такъ не приведи Господи! Народу что тогда перегорѣло! Одному съ колокольни крестомъ голову такъ и размозжило. А вихорь-то, вихорь былъ въ этотъ день—страсть! Огонь отъ насъ-то черезъ Волгу перемётывало, и тамъ двѣ деревни сгорѣло. Не дай Господи, что творилось! и посейчасъ вспомнить страшно. Домовъ сотни три выгорѣло, добра что погорѣло! и не сосчитать! Такъ гдѣ тутъ хорошо-то и строиться? Не до того было! Ну, теперь по городу я васъ обвезъ,—снова началъ онъ послѣ небольшого молчанія.— Поѣдемте за̀ городъ въ Старую рощу, тамъ у насъ скитъ есть.

Мы посмотрѣли на часы. Несмотря на то, что старичокъ проѣхалъ съ нами чуть не по всѣмъ улицамъ, городокъ настолько невеликъ, что у насъ оставалось еще много времени.

Дорога въ старую рощу шла вдоль Волги, пролегая между знакомыми намъ двумя церквами Успенія и Спаса, которыми мы любовались еще съ парохода. Миновавъ ихъ, мы поднялись на холмистыя возвышенности, окружающія съ этой стороны Кинешму, и въѣхали въ прекрасную старую сосновую рощу. Красностволые великаны, одѣтые въ свой неизмѣнный темно-зеленый

нарядъ, обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Въ воздухѣ повѣяло здоровымъ и пріятнымъ смолистымъ запахомъ, а въ густой тѣни деревьевъ разливалась прохлада, особенно отрадная послѣ солнопека и жары городскихъ улицъ.

— Это у насъ Старая роща,—сказалъ старичокъ: — а за нею подальше будетъ Новая. Въ Новой-то сегодня гулянье.

— А гулянья у васъ часто бываютъ?

— Да, бываютъ, особенно въ лѣтнее время. Занятно у насъ Ярилу погребаютъ,—усмѣхнулся онъ и тряхнулъ головою.

— А развѣ еще погребаютъ?

— Какъ же! Три дня погребаютъ. Въ заговѣнье и еще два дня потомъ. Въ понедѣльникъ хоронятъ лапти, во вторникъ—онучки, въ среду—веревочки. А вотъ и пустынька наша, — прервалъ онъ себя, останавливая лошадь у калитки скита. — Пройдите, посмотрите; тамъ все отворено.

— А сторожа нѣтъ?

— Нѣтъ, сторожа нѣтъ. Да тамъ все сами увидите.

Скитъ обнесенъ полуразвалившеюся изгородью. Лучше всего сохранилась калитка на двухъ массивныхъ деревянныхъ столбахъ; противъ нея, для отдохновенія публики, устроена длинная скамья, подлѣ которой виднѣются остатки какого-то каменнаго фундамента.

Мы вошли въ калитку. Все пространство скита густо заросло зеленью, причудливо и живописно раскинувшей свои молодые побѣги во всѣхъ направленіяхъ. Видно, что здѣсь давно уже нѣтъ хозяевъ, и растительность смѣло заполонила всю окрестность опустѣлаго жилья.

Двухъэтажное зданіе пустыньки обветшало и замѣтно клонится къ разрушенію. Уныло темнѣетъ оно своими старыми стѣнами среди ликующаго на солнцѣ царства зелени и точно погружено въ глубокую думу о своихъ невозвратно отшедшихъ обитателяхъ. Кругомъ царитъ мертвая тишина. Слышится только жужжаніе пчелъ и жуковъ, носящихся между деревьями.

— Могилки-то поправѣе будутъ,—послышался съ дороги голосъ возницы.

Мы свернули въ указанномъ направленіи и вскорѣ увидѣли небольшую площадку, на которой одинъ подлѣ другого стояли три каменныхъ надгробныхъ памятника.

Въ среднемъ изъ нихъ было устроено подобіе фонарика съ иконою и лампадою. Изъ надписи на немъ, сдѣланной когда-то краскою и теперь почти совершенно стершейся, мы могли разобрать только нѣсколько отрывочныхъ словъ: «Сестр......аила..... 1764 го ... честивы.... дне».

Надписи на двухъ другихъ памятникахъ сохранились гораздо лучше, хотя и въ нихъ попадаются нѣкоторыя неразборчивыя слова.

На одномъ мы прочли: «Здѣсь скончался о Господѣ рабъ Божій Александръ, лѣта отъ Рождества Христова 1797 генваря 21 дня. Рожденъ въ семъ градѣ отъ родителей благочестивыхъ, отца Іоанна и матери Елены. Поживе богоугодно зде 40 лѣтъ, у Спаса 10...».

На другомъ: «Подъ симъ камнѣмъ погребѣно тѣло раба Божія Пустынножителя Петра, который скимой былъ покрытъ.. Отманастыря ... (неразборчиво) удалился и пустыню возлюбилъ, подгородомъ въ келье вселился и былъ въ затворе 2 года и 5 мѣсяцевъ». Подъ этою надписью сквозитъ другая, вѣроятно, болѣе древняя. На другихъ сторонахъ памятника добавлено: «Пришелъ вздѣшній градъ Кинешму въ 1812 году октября 28 дня и поживе здѣсь въ пустынѣ 5 лѣтъ. Всѣхъ лѣтъ отроду 58. Преставился въ 1817 году марта 24 дня. Нискемъ ниговорилъ и далъ (?) ... пустыніи цѣленіемъ творилъ».

Подошедшій извозчикъ разсказалъ намъ, что подъ среднимъ памятникомъ похороненъ старецъ Михаилъ, и что Петръ пришелъ будто бы съ Аѳонской горы.

Мы вернулись къ пустынькѣ. Стѣны ея снаружи въ верхнихъ частяхъ исписаны крупнымъ уставомъ, тексты взяты изъ молитвъ. На простѣнкахъ между окнами, очевидно, другою рукою написано: «будетъ ..... будетъ».

Поднявшись на ветхое, покосившееся крылечко, нашъ возница отперъ дверь и предложилъ осмотрѣть пустыньку внутри.

Освѣщеніе изъ оконъ скудное; все покривилось, покосилось. Пахнетъ сыростью. Внизу устроено нѣсколько тѣсныхъ помѣщеній. Узкая лѣсенка ведетъ въ верхній этажъ, представляющій изъ себя родъ мезонина, протянутаго во всю длину зданія. Въ немъ помѣщается небольшая, тѣсная церковь, устроенная, по словамъ извозчика, будто бы Петромъ, но на стѣнѣ мы нашли надпись съ датою 1756 г. Впрочемъ дата эта, быть можетъ, относится къ построенію самой пустыньки.

Выйдя снова на воздухъ, мы углубились въ лѣсную глушь, окружающую скитъ, и вдругъ ахнули отъ удивленія при видѣ внезапно открывшейся картины. Мы очутились на краю высокаго обрыва, и вся Кинешма была у нашихъ ногъ, а за нею раскидывалась роскошная панорама Волги и лѣваго берега. Видъ этотъ былъ тѣмъ поразительнѣе, что открылся совершенно неожиданно во всей своей изумительной красотѣ. И тутъ-то мы убѣдились, что первый отшельникъ, избравшій этотъ обрывъ своимъ мѣстопребываніемъ, обладалъ чуткою, поэтическою душою и глубокимъ чувствомъ прекраснаго. Наслажденіе такимъ видомъ щедро вознаграждало его за многія претерпѣваемыя здѣсь лишенія и подкрѣпляло душу его на новые и новые подвиги.

Мы долго не могли оторваться отъ этой дивной картины, стараясь навсегда запечатлѣть ее въ памяти, и очень неохотно разстались съ нею. Но было уже время возвратиться на пароходъ.

Въ концѣ Старой рощи старичокъ указалъ намъ родникъ, изъ котораго вода проведена въ городъ, затѣмъ фабрику Калашникова, изготовляющую пожарные рукава и холстину для мѣшковъ.

За Старою рощей потянулась Новая. Въ обѣихъ тамъ и сямъ встрѣчались пестрыя, нарядныя группы гуляющихъ изъ мелкаго купечества, фабричныхъ рабочихъ и простонародья.

Мы спустились на запруду къ Кинешемкѣ, на которой здѣсь устроена мельница Селиванова, поднялись въ городъ и черезъ нѣсколько минутъ были на пароходной пристани, гдѣ распростились съ нашимъ разговорчивымъ старичкомъ и имѣли еще время купить у торговокъ нѣсколько полотенецъ мѣстнаго издѣлія.

И. Тюменевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАННАЯ ПЕЧАТЬ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ [1].

III.

СОВСѢМЪ на иную точку зрѣнія становится Александ Уларъ въ своемъ сочиненіи «Возрожденіе Россіи», при всей своей тенденціозности довольно неожидан но вполнѣ логично, ставитъ суровый приговоръ российской революціи, въ которой усматриваетъ полн безцѣльность и вовлеченіе народной массы въ непрос тельное заблужденіе.

Понятія, идеалы, желанія и страсти, между которы въ Россіи нынѣ разыгрывается борьба, гораздо мен примиримы, чѣмъ тѣ, изъ-за столкновенія которыхъ пр текала французская революція.

Самодержавіе по самой своей сущности на нѣсколь столѣтій первобытнѣе абсолютной монархіи Бурбон и представляетъ такой теократическій государствен строй, какой Западная Европа знавала развѣ въ средніе вѣ Противъ этой системы, составляющей при современной культу анахронизмъ, и выступили демократическія стремленія, которы существу мало схожи съ умѣренными требованіями, какихъ до вались французскіе граждане въ XVIII вѣкѣ. Все то, что Запад Европа съ 1789 г. завоевала и пріобрѣла; все то, что Запад Европа по части обновленія общественности только теоретичес

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. cv, стр. 532.

обосновала, но не претворила въ дѣйствительность,—все это революціонныя массы въ Россіи хотѣли бы видѣть осуществленнымъ на дѣлѣ. Тутъ уже не одинъ третій общественный элементъ домогается политическихъ вольностей, но и четвертый и пятый элементы, т.-е. промышленный и сельскохозяйственный пролетаріатъ, взываютъ къ освобожденію.

Современная Россія, какъ она рисуется отъ начала революціи въ своей ужасающе-красивой пестротѣ, заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ чудовищную массу общественныхъ, политическихъ, этническихъ и психологическихъ элементовъ, изъ коихъ каждый въ государствѣ будущаго претендуетъ занять свое мѣсто.

Самый существенный, однако, вопросъ сводится къ тому: что же думаетъ большинство народа? Въ какомъ направленіи развивается его мышленіе? и въ какомъ направленіи развивается мышленіе не поляковъ, не латышей, не армянъ и не другихъ порабощенныхъ племенъ, но именно мышленіе великороссовъ? Авторъ, ссылаясь на свою любопытную бесѣду съ покойнымъ Плеве, утверждаетъ, что, по мнѣнію реакціонеровъ, не далекому, однако, отъ истины, современный русскій крестьянинъ за предѣлами яснаго представленія о мѣстномъ управленіи никакихъ политическихъ идей не имѣетъ, да знаетъ еще два религіозныхъ символа, воплощаемые въ представленіяхъ о Богѣ и царѣ. Отсюда, однакоже, не слѣдуетъ, чтобы народъ относился враждебно къ революціонному движенію. Народъ, несомнѣнно, бѣдствуетъ, въ немъ бродитъ глухое недовольство, и онъ жаждетъ улучшенія своей судьбы. Вопросъ о томъ, какимъ способомъ добиться измѣненія къ лучшему своего существованія, для крестьянина довольно безразличенъ, потому что онъ не имѣетъ ни способовъ, ни средствъ для оцѣнки совершающихся явленій. Не имѣя правильнаго сужденія, онъ въ зависимости отъ настроенія и совершающихся событій становится слѣпою игрушкою своихъ увлеченій и ожесточенія и въ одинаковой мѣрѣ можетъ быть и «черносотенцемъ» и «дѣятелемъ освободительнаго движенія».

Эти особенности крестьянской непосредственности отдѣльныя политическія партіи и стараются использовать примѣнительно къ своимъ программамъ.

Наиболѣе честные изъ либераловъ, чуждые политиканства и оппортунизма, являются убѣжденными противниками всеобщаго избирательнаго права, такъ какъ введеніе его, по ихъ мнѣнію, вызоветъ не прогрессъ культуры, но мрачнѣйшую реакцію. Съ введеніемъ такой избирательной системы громадное большинство въ государственной думѣ окажется совершенно безграмотно. Представители крестьянства станутъ къ государству относиться, какъ къ деревнѣ, и, не имѣя представленія о государственномъ механизмѣ, примутся съ легкимъ сердцемъ обрѣзывать всѣ ассигнованія на высшія культурныя задачи, которыя съ ихъ простецкой точки

зрѣнія покажутся имъ совершенно излишними. Подавляющее большинство, которое бы эти темные люди составили въ государственной думѣ, по чисто религіозному атавизму безпрекословно станетъ голосовать за все, на чемъ министры отъ имени царя будутъ настаивать.

Что касается политиканствующихъ либераловъ и радикаловъ, то тѣ, наоборотъ, высказываются за всеобщее избирательное право и всѣ свои расчеты строятъ на умственной неподготовленности массы въ интересахъ своего командованія надъ нею. Когда же они заручатся правительственною властью, то сумѣютъ повести въ желательномъ направленіи развитіе народа и вымуштруютъ населеніе, какъ имъ будетъ угодно.

Какъ либералы, такъ и радикалы строятъ свои разсужденія на весьма невысокой оцѣнкѣ политической сознательности крестьянства. И тѣ и другіе видятъ въ послѣднемъ аморфную тѣстообразную массу, не имѣющую ни политическихъ принциповъ, ни политическихъ запросовъ, но являющуюся безсознательнымъ сырымъ матеріаломъ, который можно направить куда угодно, ибо всѣ крупныя преобразованія всегда проводятся и используются ловкимъ меньшинствомъ.

Это одинаково прекрасно понимаютъ революціонеры, соціалисты и республиканцы, но вмѣстѣ съ тѣмъ придерживаются совершенно противоположной оцѣнки политическаго самосознанія народной массы. Одни увѣряютъ, будто народъ созрѣлъ для непосредственнаго осуществленія народовластія, созрѣлъ для республики и претворенія чрезъ законы въ дѣйствительность высшихъ идеаловъ общественности, разумѣніе коихъ предполагаетъ высокую степень культурности и сознательности, до которой не доросли еще поселяне ни во Франціи, ни въ Германіи.

Такой оптимизмъ, впрочемъ,—замѣчаетъ Уларъ,—вполнѣ понятенъ. «Оторванные отъ земли» крестьяне, т.-е. рабочіе, занятые промышленностью на фабрикахъ и въ крупныхъ центрахъ, усвоили себѣ смутное представленіе о силахъ, двигающихъ современными обществами. Необезпеченность существованія толкаетъ и русскихъ рабочихъ, по примѣру заграничныхъ, въ объятія соціализма, но не потому, чтобы они усвоили себѣ суть этого ученія, а потому, что оно принимается на вѣру, словно новое Евангеліе. Апостолами соціализма на Руси явились интеллигенты, ведущіе якобы «научную» пропаганду. Пропаганда эта опирается на злоупотребленіе иностранными словами и соціологическими терминами, которые пріобрѣтаютъ смутный таинственный смыслъ для наивныхъ слушателей, дѣйствуя на ихъ умы съ особенною обаятельностью. Возвращаясь на родину, распропагандированные рабочіе спѣшатъ ознакомить земляковъ съ новымъ благовѣстіемъ.

Соціалисты и распропагандированные рабочіе привыкли болѣе

или менѣе отчетливо строить свои разсужденія на отвлеченныхъ понятіяхъ, чуждыхъ непосредственному пониманію поселянина и по существу, и по внѣшней формѣ изложенія съ его изобиліемъ иностранныхъ словъ.

Вслѣдъ за первымъ массовымъ движеніемъ петербургскихъ рабочихъ въ январѣ 1905 г., напримѣръ, революціонерами была выпущена и усиленно распространялась прокламація, несомнѣнно, преслѣдовавшая цѣль пробудить въ широкихъ «безсознательныхъ» народныхъ массахъ революціонный духъ.

Пятьдесятъ строкъ этой прокламаціи пестрѣли такими удобопонятными для народа выраженіями, какъ «революція», «революціонеръ», «пролетарій», «консервативный», «экономическій», «парализовать», «цинизмъ», «царизмъ», «буржуазія», «буржуазная демократія», «манифестировать», «классовая позиція», «демократія», «бастилія реакціи» и т. д.

Подобная тарабарщина слогъ за слогомъ разбирается какимъ нибудь грамотеемъ, окруженнымъ толпою жадныхъ, безграмотныхъ слушателей, и можно себѣ представить, какія впечатлѣнія почерпаются изъ такихъ откровеній!..

Точно также при иныхъ соціалистическихъ процессахъ выяснялось, что лица, завѣдомо изобличенныя и виновныя въ соціалистической пропагандѣ, не умѣли толкомъ выговорить такихъ мудреныхъ словъ, какъ «демократія», и не могли сколько нибудь правильно объяснить, что̀ они себѣ представляютъ подъ понятіемъ «пролетаріата». Былъ даже такой казусъ, что заправскій руководитель партіи, устраивавшій стачку рабочихъ въ Таганрогѣ, при судоговореніи на предложенный ему вопросъ, какъ же ему рисуется организація соціалистическаго государства, помявшись, отвѣчалъ: «да такъ, чтобы на насъ другіе работали».

Если оцѣнивать происходящую въ Россіи революцію правильно, въ смыслѣ эпизодическаго явленія, и имѣть въ виду задачу прочнаго преобразованія страны, то, очевидно, рѣшающими элементами въ будущемъ государствѣ, по мнѣнію Улара, окажутся преторіанская олигархія, войско и крестьянство, тогда какъ революціонныя группы земцевъ, горожанъ и рабочихъ, положившія начало освободительному движенію и по сей часъ его выполняющія, являются лишь воспитателями народной массы для революціонныхъ цѣлей.

Въ сущности граждане и рабочіе ничего другого предпринять не могутъ, какъ, при сосредоточеніи ихъ въ немногихъ пунктахъ, настаивать на проведеніи политическихъ преобразованій, которыя обезпечивали бы революціонное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, ибо безъ крестьянской поддержки никакого обновленія Россіи не завоюешь.

Къ самостоятельнымъ выступленіямъ современныхъ революціонныхъ партій Уларъ относится весьма недовѣрчиво.

Развѣ необычайная анонимность всѣхъ доселѣ возникавшихъ крупныхъ революціонныхъ предпріятій и вытекавшее отсюда раздробленіе народныхъ силъ не является тяжкимъ обвинительнымъ актомъ противъ гражданской и рабочей революціи? Кто сорганизовалъ большую желѣзнодорожную и почтовотелеграфную забастовку, привелъ ихъ въ дѣйствіе, руководилъ ими и декретировалъ ихъ прекращеніе? Кто вызвалъ московское вооруженное возстаніе и, въ рѣшительную минуту не оказавъ ему поддержки, предоставилъ его печальной его участи? Кто занимается подготовленіемъ «вооруженныхъ выступленій», успѣхъ которыхъ могъ бы оказать рѣшающее вліяніе на обновленіе русскаго государственнаго строя? Всѣ и никто. Всѣ эти «комитеты», «лиги» и «съѣзды», не снабженные надлежащими полномочіями и вовсе не увѣренные въ томъ, чтобы другіе союзы и лиги захотѣли подчиниться постановленнымъ рѣшеніямъ или не извратили послѣднихъ; организаціи, которыя не способны къ дѣйствіямъ, но размѣниваются только на болтовню,—всѣ эти конспиративныя установленія ничего властно провести не могутъ и, дѣйствуя вразбродъ, обличаютъ только общія, далеко неясныя и непригодныя для борьбы стремленія.

На подобной основѣ нигдѣ въ мірѣ доселѣ не разыгрывалось успѣшныхъ революціонныхъ дѣйствій, разъ отсутствуютъ общепризнанные вожаки, которымъ только и доступно общее обозрѣніе и вѣрное сужденіе объ истинномъ положеніи вещей и главное руководство всѣмъ движеніемъ.

Въ неоспоримой практической неспособности нашихъ городскихъ и земскихъ радикаловъ и революціонеровъ обнаруживается общій чисто россійскій умственный недочетъ: неисцѣлимая манія къ отвлеченнымъ словопреніямъ изъ-за пустяковъ.

Совершенною пагубою оказываются также партійные раздоры, разъѣдающіе сознательныя группы, т.-е. то ничтожное меньшинство народа, которое завладѣло ареною борьбы для разыгрыванія безцѣльныхъ, но притязательныхъ трагикомедій.

Доктринерскія философскія ученія, споры о тактикѣ и возбуждаемые апостолами разныхъ толковъ личные вопросы, не имѣя значенія для дѣйствительнаго будущаго страны, парализуютъ не только дѣятельность, но и воспитательное значеніе партій. Въ свою очередь расходящіеся въ разныя стороны хозяйственные интересы вносятъ раздоръ и туда, гдѣ съ трудомъ кое-какъ налаживалось примиреніе политическихъ интересовъ. Въ конечномъ же результатѣ обнаруживается полнѣйшая невозможность вести соединенными усиліями хотя бы только разрушительную политическую борьбу съ существующимъ строемъ, ибо не можетъ быть большаго безсмыслія, какъ примѣнять во внутренней политической борьбѣ стратегическое начало: отдѣльно наступать и соединенными силами поражать.

Благодаря этому, послѣ напряженій, хотя и чудовищныхъ, но никогда своевременно не сообразовавшихся съ опредѣленной цѣлью, городскія революціи въ Россіи ничего осязательнаго не достигли. Несмотря на безсмысленныя кровопролитія и увлеченія, онѣ не сумѣли добиться хотя бы того, чтобы сдѣлать и практически, и нравственно невозможными контръ-революціонныя вспышки «черносотенной демагогіи».

Безотвѣтственное легкомысліе, съ какимъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ изъ-за эгоистическаго упрямства, помимо воли остальныхъ союзовъ, декретировалъ всеобщую декабрьскую забастовку, которая выродилась въ московское вооруженное возстаніе; смѣхотворныя перебранки между интеллигентами, которые отговаривали бунтовщиковъ отъ возстанія, а во время отчаянной расправы самодовольно повторяли: «а что мы предсказывали?» желая за этимъ заявленіемъ скрыть свою неспособность поддержать возстаніе; рабочія организаціи, которыя, совершенно не осмысливая общаго политическаго положенія, вмѣсто преслѣдованія достижимыхъ практическихъ цѣлей, щеголяли политическими идеалами демократической республики, а въ видѣ возбудителей включали въ свои программы осуществленіе общественныхъ утопій,—все это достаточно ясно показываетъ, что обновленіе Россіи усиліями ожесточенныхъ другъ противъ друга партій не осуществимо.

Изъ болѣе же умѣренныхъ партій энергичную дѣятельность проявляютъ только конституціоналисты-демократы. Партія эта является прямымъ преемникомъ общеземскихъ съѣздовъ, и преобладаніе въ ней принадлежитъ либеральнымъ крупнымъ поземельнымъ собственникамъ и капиталистамъ, хозяйственные интересы которыхъ рѣзко противорѣчатъ интересамъ крестьянства и рабочихъ.

Противорѣчіе собственныхъ кровныхъ интересовъ интересамъ другихъ общественныхъ группъ ставитъ конституціонно-демократическую партію въ необходимость, громко бряцая рѣчами о народной свободѣ, втайнѣ успокоиваться на палліативахъ. Въ сущности же, если оставить въ сторонѣ пышныя фразы и легкомысленные посулы, конституціоналисты-демократы оказываются носителями тѣхъ политическихъ и соціальныхъ идей, которыя уже болѣе или менѣе получили осуществленіе на Западѣ. Такая либеральная программа, какъ домогательство основныхъ политическихъ правъ, свободы печати, союзовъ и всеобщаго избирательнаго права, теоретически, казалось бы, могла объединить почти всѣ культурные элементы въ странѣ, но на практикѣ вышло иное: партія не выходитъ изъ внутреннихъ теоретическихъ пререканій и въ существѣ озабочена однимъ—добиться правительственной власти, хотя бы и цѣною уступки коренныхъ своихъ требованій.

Либерализмъ, конечно, въ извѣстныя эпохи могъ оказывать

существенныя услуги западно-европейскому обществу, но въ данномъ конкретномъ случаѣ русскіе либералы сводятъ весьма любезно роль къ тому, чтобы использовать тѣ каштаны, которые для нихъ изъ огня вынуть были бы болѣе крайніе революціонеры напряженными своими усиліями. Такъ называемые «кадеты» появились на аренѣ борьбы, когда самое трудное и опасное уже было выполнено другими, но въ дѣйствительности предоставленное имъ торжество поставило партію въ несравненно менѣе благопріятное положеніе, чѣмъ какое, напримѣръ, выпало во Франціи на долю третьяго сословія во время революціи. Кадетамъ одновременно приходится бороться и противъ тѣхъ, кого они сами хотѣли бы смѣнить, и противъ тѣхъ, кто ихъ готовится упразднить. Такимъ образомъ выходитъ, что съ самодержавіемъ кадеты бороться могутъ, лишь опираясь на соціалъ-демократическія и революціонныя стремленія; для успѣшнаго же преодолѣнія послѣднихъ кадетамъ необходимо заручиться могущественными способами и средствами, которыя остаются въ обладаніи императорской правительственной власти. Очевидно, при такихъ условіяхъ нравственное положеніе «кадетовъ» донельзя затруднительно, чтобы не сказать—отчаянно, и блестящая роль, которую они силятся выдерживать, окажется тѣмъ болѣе скоропреходящей, что и прежнія широковѣщательныя резолюціи земскихъ съѣздовъ уподоблялись дивнымъ планамъ, которые мелькаютъ въ мозгу чахоточныхъ въ эйфористическіе періоды лихорадочнаго возбужденія.

Весь этотъ сумбуръ пришелся очень на руку для партіи соціалистовъ-революціонеровъ: они-то при помощи всероссійскаго крестьянскаго союза и принялись обрабатывать крестьянство, разжигая его притязанія на земли.

Допуская, что благосклонныя старанія эсеровъ и всероссійскаго крестьянскаго союза доведутъ крестьянство до взрыва и вызовутъ коренной аграрный переворотъ, Уларъ задается вопросомъ, какія отсюда проистекутъ послѣдствія.

Теоретически эти послѣдствія представляются автору въ слѣдующемъ видѣ.

Въ секретныхъ донесеніяхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, описывающихъ настроеніе крестьянъ за 1904 г., между прочимъ говорится: «Вездѣ крестьяне относятся съ полною вѣрою къ Богу и царю. Ничего лучшаго и болѣе почтеннаго, кромѣ земельной своей организаціи, они не признаютъ. Несмотря на бѣдствія, безспорно переживаемыя крестьянствомъ, оно крѣпко держится за земельный свой укладъ и полагаетъ, что всѣ вопросы сами собой разрѣшатся ко всеобщему благу, если только сельскимъ обществамъ будетъ предоставлено право абсолютнаго самоопредѣленія». Такое признаніе весьма знаменательно. И ничто не можетъ быть знаменательнѣе для самого выясненія будущности Русскаго государства, гдѣ послѣдствія, вносимыя столь желанною крестья-

нину автономіею его идеальной демократической общины въ политическій строй государства. Въ существѣ дѣла русскій мужикъ прекрасно знаетъ, чего хочетъ, но по темнотѣ не имѣетъ вовсе представленія о разносторонней головокружительности сложности задачъ, съ какою ему пришлось бы считаться; по той же причинѣ не можетъ онъ знать, что именно слѣдуетъ предпринять для согласованія своихъ дѣйствій съ завѣтнѣйшими желаніями.

Крестьянину государство рисуется въ видѣ огромной федераціи самостоятельныхъ сельскихъ сходовъ (міровъ). На его взглядъ, всѣ общественныя должности безъ исключенія, отъ сельскаго ночного сторожа до судьи и высшаго начальства, распоряжающагося текущими дѣлами, должны замѣщаться путемъ выборовъ и на основаніи полномочій, свободно имъ предоставляемыхъ и отъ нихъ отбираемыхъ довѣрителями. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянину совсѣмъ не вразумителенъ западно-европейскій парламентаризмъ со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, послѣдовательно проводимою централизаціею всѣхъ государственныхъ дѣлъ и отвѣтственностью министровъ. Крестьянину гораздо доступнѣе пониманіе такой федеративной организаціи, гдѣ крестьянское народное собраніе или міръ выдѣляли бы отъ себя уполномоченныхъ для уѣзднаго собранія; послѣднее избирало бы управы, которыя въ своей совокупности составляютъ провинціальный распорядительный центръ, а представители отъ послѣднихъ образуютъ нѣчто на манеръ національнаго конвента.

При такихъ условіяхъ центръ тяжести правительственной власти оказался бы не въ лицѣ полномочныхъ министровъ, но въ выборныхъ делегаціяхъ, комиссіяхъ или комитетахъ, а назначаемые и увольняемые конвентомъ министры оказались бы въ положеніи подотчетныхъ приказчиковъ. Земля, ея нѣдра и богатства превратились бы въ собственность общинъ; самостоятельность общинъ даже и по бюджетнымъ вопросамъ сдѣлалась бы абсолютною, а въ распоряженіе государства, какъ таковаго, предоставлялись бы весьма скупо лишь такія денежныя средства, которыя строго необходимы на покрытіе расходовъ по общегосударственнымъ цѣлямъ.

При упорномъ тяготѣніи къ интересамъ мелкихъ политическихъ единицъ такое государство сдѣлалось бы совершенно чуждымъ преслѣдованію великодержавныхъ цѣлей. Вѣдь и теперь не объединенная ни нравственнымъ, ни логическимъ цементомъ русская народная масса распадается на милліоны песчинокъ, которымъ чуждо современное понятіе «націи», замѣняемое далеко не однозначащимъ понятіемъ «народъ».

Между тѣмъ, подобный фактъ имѣетъ значеніе существенное, ибо только нація можетъ самостоятельно дѣйствовать, составляя жизненный организмъ.

Р[illegible]

Б[illegible]

Н[illegible] Россія [illegible]

Пр[illegible]

За [illegible]

Ч[illegible] [illegible] Ух[illegible] въ Россіи [illegible] весьма [illegible] и небреж[illegible]

Всего въ Россіи существуетъ 84.544 школы для начальнаго обученія, т.-е. въ среднемъ 1 школа приходится на районъ въ 222 кв. версты и на 1573 д. населенія; въ этомъ количествѣ фигурируютъ и церковно-приходскія школы, въ педагогическомъ смыслѣ малоцѣнныя. Благодаря этому, въ Россіи доселѣ процентъ грамотности ничтоженъ: на каждую сотню населенія приходится не болѣе 3,4% особей, прошедшихъ хотя бы чрезъ какую нибудь школу.

Содержаніе существующихъ 84.544 элементарныхъ школъ обходится въ 50.056.000 р.; изъ нихъ 10.372.000 р. покрываются государственнымъ казначействомъ, 11.000.000 р. падаетъ на суммы земскихъ сборовъ, 8.000.000 р. расходуются за счетъ крестьянъ, 7.000.000 р. за счетъ городовъ, 7.000.000 р. за счетъ частныхъ пожертвованій, а остальное собирается изъ поступленій въ родѣ учебной платы и т. п. Такимъ образомъ, расходы на первоначальное народное обученіе составляютъ 37,6 к. на душу населенія, и изъ нихъ казна оплачиваетъ 7,8 к., что̀ равняется примѣрно 1/3% въ общей росписи государственныхъ расходовъ. Если сравнить эти ассигнованія съ тѣмъ, что на народное образованіе затрачиваютъ культурныя страны, то окажется, что тамъ расходуется отъ 5—6 р. до 9—10 р. на душу, т.-е., другими словами, во 100 разъ больше, чѣмъ въ Россіи.

Вотъ тутъ-то мы и натыкаемся на матеріальную неразрѣшимость школьной задачи въ Россіи.

Если для сравненія съ европейскимъ школьнымъ бюджетомъ и принимать въ соображеніе не однѣ цифры ассигнованій русскаго государственнаго казначейства, но всю совокупность расходовъ на этотъ предметъ, то и въ этомъ случаѣ окажется неоспоримымъ, что независимо отъ организаціонныхъ расходовъ Россіи придется увеличить по меньшей мѣрѣ въ 20 разъ свой школьный бюджетъ, если она задастся стремленіемъ удовлетворить сколько нибудь сносно потребность въ народномъ образованіи, т.-е., другими словами, школьный бюджетъ съ 50 милл. рублей Россіи пришлось бы повысить до 1 милліарда рублей. Допуская, что расходы на первоначальное устройство и оборудованіе школъ могутъ быть покрыты путемъ новаго спеціальнаго государственнаго займа (около 1 милліарда рублей), является вопросъ о смѣтномъ расходованіи на школы изъ года въ годъ по 1 милліарду рублей; если на это и обратить полностью смѣтныя ассигнованія по арміи и флоту, то все-таки недохватка составитъ 500 милліоновъ рублей въ годъ, а взвалить на себя такое бремя новыхъ, хотя бы и производительныхъ налоговъ оказалось бы русскому народу не подъ силу.

Уларъ идетъ даже дальше и утверждаетъ, что первымъ дѣйствительно благотворнымъ замысломъ народовластія было бы уменьшить существующее податное обложеніе, по крайней мѣрѣ, на 25% и ограничить вывозъ зерноваго хлѣба, но серьезно говорить о за-

мѣнѣ современной системы податей подоходнымъ налогомъ окажется возможнымъ, только когда хозяйственное положеніе крестьянъ улучшится и прочно укрѣпится.

Тутъ мы и подходимъ къ трагической мертвой точкѣ россійской революціи: положеніе крестьянства не можетъ быть поднято законодательными и соціальными мѣропріятіями, а только чрезъ развитіе общаго и сельско-хозяйственнаго образованія, расходъ же на этотъ предметъ составляетъ для Россіи непосильное бремя.

Поставленный тезисъ о томъ, что положеніе крестьянства нельзя поднять законодательными и соціальными мѣропріятіями, Уларъ подтверждаетъ слѣдующими соображеніями.

Въ эпоху крѣпостного права крестьянинъ безъ труда обрабатывалъ по старозавѣтнымъ пріемамъ 15 десятинъ, изъ коихъ половину—въ свою пользу, а половину—въ видѣ барщины. Съ полученіемъ при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости надѣловъ, крестьяне получили земли для обработки настолько мало, что половина ихъ рабочаго времени оказалась уже не занятою. Съ тѣхъ поръ населеніе значительно возросло, и, несмотря на переселеніе, съемку земель въ аренду и прикупку частновладѣльческихъ земель, теперь на долю каждаго крестьянина въ среднемъ приходится менѣе 3 десятинъ; при существующей же культурѣ такой надѣлъ даетъ жатву на 16% меньшую противъ того количества зерна, которое нужно на прокормъ крестьянской семьи.

Для использованія полностью своего рабочаго времени крестьянинъ долженъ былъ бы достигнуть увеличенія средняго трехдесятиннаго надѣла разъ въ пять.

Откуда же добыть крестьянамъ не хватающую имъ землю? Предположимъ доведеніе до конца россійской политико-соціалистической революціи, разсуждаетъ Уларъ. Въ этомъ случаѣ предполагается, что крестьяне получатъ въ распоряженіе всѣ годныя для сельскохозяйственной культуры наличныя земли. Такія земли нынѣ принадлежатъ казнѣ, разнымъ установленіямъ и частнымъ владѣльцамъ. Первыя какъ будто весьма обширны (свыше 150 милл. десятинъ), но изо всего этого количества для хлѣбопашества пригодны 30% казенныхъ земель. До 70% казенныхъ земель заняты лѣсами, а изъ послѣднихъ развѣ меньшая часть при огромной затратѣ силъ и (на самомъ дѣлѣ отсутствующаго) капитала могла бы быть использована только въ будущемъ. Что касается частновладѣльческихъ земель, то изъ нихъ пригодны для сельскохозяйственной культуры не болѣе 35 милл. десятинъ. Такимъ образомъ всего можетъ поступить въ распоряженіе крестьянъ 50—60 милл. десятинъ, но изъ этого количества уже и теперь около 20 милл. десятинъ арендуются крестьянами. Значитъ, свободныхъ новыхъ земель крестьянамъ достанется въ лучшемъ случаѣ около 40 милл. десятинъ, а это увеличитъ теперешнее кре-

стьянское владѣніе всего на одну треть; наличное же крестьянское землевладѣніе въ пять разъ меньше, чѣмъ необходимо для использованія крестьянскаго свободнаго времени. Отсюда съ математическою неумолимостью вытекаетъ, что если бы крестьяне и добились осуществленія подсказываемаго имъ идеала отторженія въ свою пользу всѣхъ земель, пригодныхъ для хлѣбопашества, безъ всякаго за землю вознагражденія, то это никакого существеннаго измѣненія въ условія ихъ хозяйственной жизни не внесетъ, ибо и послѣ соціальнаго переворота они будутъ имѣть въ распоряженіи лишь 1/4 того количества земель, которое имъ нужно.

Такимъ образомъ увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія нисколько не послужитъ для разрѣшенія современной соціальной задачи, и теперешнюю Россію уже отнюдь нельзя разсматривать, какъ страну, исключительно существующую за счетъ занятія сельско-хозяйственной культурой.

Разрѣшеніе соціальнаго вопроса очевидно лежитъ въ другомъ, но объ этомъ и не подозрѣваютъ вовсе простаки-крестьяне, которые вовлечены въ заблужденіе и надсаживаются надъ такимъ разрѣшеніемъ вопроса, которое ни къ чему не ведетъ.

Если сельское хозяйство хотя бы при полномъ запрещеніи вывоза зерна не можетъ въ достаточной мѣрѣ прокармливать Россію, она либо должна по примѣру Западной Европы сдѣлаться промышленною страною, либо ей слѣдуетъ настолько усовершенствовать свое сельское хозяйство, чтобы вернуть себѣ возможность существованія съ избыткомъ.

Разрѣшеніе соціальнаго вопроса по первому способу предполагаетъ не только привлеченіе крупныхъ капиталовъ (которыхъ теперь въ Россію не заманишь), но еще и наличность рынковъ для сбыта. Но такъ какъ на иностранные рынки въ этомъ отношеніи разсчитывать нельзя, то Россія сдѣлается промышленною страною, только когда поднятіе уровня крестьянскаго благосостоянія обезпечитъ внутренній сбытъ ея издѣліямъ. А между тѣмъ Россіи затѣмъ и нужно превратиться въ промышленную страну, чтобы вывести крестьянъ изъ ихъ неключительнаго положенія.

Такъ какъ количественное увеличеніе крестьянскаго владѣнія представляется совершенно несбыточнымъ, то насущная необходимость повелѣваетъ постепенно отучить русскаго крестьянина отъ экстенсивнаго хозяйства и обратить къ интенсивнымъ способамъ обработки. Такое преобразованіе всей сельско-хозяйственной системы, въ свою очередь, предполагаетъ обширное и разностороннее умственное развитіе у сельскихъ хозяевъ. Въ Германіи, напримѣръ, гдѣ къ этому преобразованію приступлено почти за сотню лѣтъ, и гдѣ государство прилагало всѣ мѣры для преуспѣянія этой ломки, она и по сей еще часъ вполнѣ не завершилась.

Въ Россіи же, какъ мы видѣли, народъ едва ли въ состояніи

будетъ вынести на своихъ плечахъ даже и тотъ умѣренный школьный бюджетъ, который бы ему обезпечивалъ въ будущемъ возможность улучшить свое положеніе.

Это и приводитъ Улара къ тому заключенію, что разрѣшеніе въ Россіи основного земельнаго вопроса революціоннымъ путемъ, т.-е. чрезъ непосредственное насажденіе новаго общественнаго строя взамѣнъ прежняго, недостижимо: политическая революція не можетъ уврачевать въ Россіи соціальныхъ бѣдствій, а соціальная революція quand-même возымѣетъ своимъ послѣдствіемъ лишь нагроможденіе однихъ бѣдствій на другія.

Весьма любопытный по содержательности и изобилію фактовъ сборникъ (Aus Russlands Not u. Hofen. Berlin. Schwetische's Verl. 1906) далъ нѣмецкій публицистъ Георгъ Клейновъ, переработавъ для этого корреспонденціи, первоначально напечатанныя въ «Vossische Zeitung», «Deutsche Monatsschrift», «Grenzboten» и «Kölnische Zeitung».

Основнымъ матеріаломъ для труда автору послужили многочисленныя поѣздки по Россіи, ознакомленіе съ дѣятельностью русскихъ революціонеровъ въ Парижѣ и Швейцаріи и личныя сношенія съ многими изъ руководителей освободительнаго движенія.

Несмотря на симпатію, которую въ глазахъ автора снискали иные изъ этихъ русскихъ дѣятелей, онъ, однакоже, стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что только тотъ народъ проявляетъ жизнеспособность, который своимъ лозунгомъ ставитъ національный идеалъ, но отнюдь не соціальный. Поэтому, на взглядъ Г. Клейнова, теперешнее увлеченіе русскихъ общественныхъ дѣятелей всечеловѣческими теоріями общественности—явленіе скоро преходящее, и когда разбушевавшіяся страсти улягутся, то придетъ чередъ для болѣе здраваго служенія національнымъ интересамъ.

Чтобы понять положеніе, переживаемое Россіею, надо обратиться, по мнѣнію г. Клейнова, къ исторіи ближайшихъ 40 лѣтъ и уяснить себѣ, какую массу аномалій создали на половину недодѣланныя преобразованія въ эпоху великихъ реформъ, и какой огромный переворотъ въ жизнь общественныхъ слоевъ Россіи внесли экономическія реформы, предпринятыя въ русскомъ народномъ хозяйствѣ по почину гр. С. Ю. Витте въ теченіе 1892—1902 г.г.

Крупное помѣстное русское дворянство, въ смыслѣ сословія, было всегда слишкомъ слабо, чтобы отвоевать въ свою пользу какія либо права и солидарно выступать въ защиту какихъ либо политическихъ домогательствъ. Представители дворянства, связанные съ дворскими и служилыми интересами, предпочитали, заручившись болѣе или менѣе могущественнымъ покровительствомъ, добиваться тѣхъ или иныхъ милостей отъ министровъ финансовъ или внутреннихъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ русская жизнь совсѣмъ не пріу-

чала дворянство къ тому, чтобъ отстаивать въ политической жизни сословныя мнѣнія, настойчиво бороться за осуществленіе своихъ требованій, вступать въ компромиссы и вербовать себѣ сторонниковъ.

Поэтому въ пору теперешней смуты крупное помѣстное дворянство проявило полную неспособность дружно сорганизоваться, хотя бы только для отпора демократіи.

Что касается представителей средняго и мелкаго помѣстнаго и безземельнаго дворянства, то они давно уже утратили «дворянскія» преданія.

Но и эти представители русской интеллигенціи проявляютъ полную неспособность къ систематизированію строго продуманныхъ дѣйствій, къ самоуглубленію въ спокойную работу и къ рѣшительнымъ поступкамъ въ нужную минуту. Русскій человѣкъ до сихъ поръ не овладѣлъ умѣніемъ приноравливать своихъ дѣйствій и поступковъ къ ясному пониманію собственной выгоды. Руководимый сторонними пѣстунами и подчиняясь неослабному ихъ надзору, лишь бы тотъ не оскорблялъ его самолюбія, русскій человѣкъ, благодаря своей даровитости, можетъ дѣлать чудеса; предоставленный же самому себѣ, онъ легко впадаетъ въ безграничную мечтательность и утрачиваетъ чувство мѣры въ запросахъ, предъявляемыхъ къ жизни.

Съ этими явленіями en grand пришлось считаться Александру II при проведеніи великихъ реформъ въ эпоху 1861—1864 г.г. и въ послѣдующей затѣмъ дѣятельности земствъ, изъ коихъ нѣкоторыя забавлялись дѣланіемъ широкой политики, а иныя совершенно пренебрегали лежавшими на нихъ обязанностями. Только немногія земства занимались прямымъ своимъ дѣломъ серьезно, и ни одно изъ нихъ не попыталось заручиться твердою опорою въ мѣстномъ населеніи для позднѣйшихъ политическихъ воздѣйствій.

Заслуга постепеннаго и дружнаго сплоченія разрозненныхъ силъ русской интеллигенціи въ эпоху, предшествовавшую болѣе или менѣе рѣшительнымъ выступленіямъ освободительнаго движенія, по мнѣнію Клейнова, принадлежала еврейству; благодаря неукротимой энергіи и организаторскимъ талантамъ, еврейство явилось и тѣми дрожжами и тѣмъ связующимъ началомъ, которыя привели въ движеніе носителей всероссійскихъ революціонныхъ идеаловъ.

Особенную подвижность въ эту же пору проявила образовавшаяся въ 1904 г. революціонная группа «освобожденцевъ», которая, нося конспиративный характеръ, пыталась при помощи массы, по ея собственному выраженію, «оказать мирнымъ путемъ нравственное воздѣйствіе на правительство». Эта группа устраивала въ церквахъ и на кладбищахъ панихиды; при этихъ же удобныхъ случаяхъ держались зажигательныя политическія рѣчи и распространялись въ тысячахъ экземплярахъ радикальныя воззванія; эта же группа вызывала въ университетскихъ городахъ уличные студенческіе без-

порядки. При устройствѣ общественныхъ банкетовъ, «освобожденцы» настаивали на широкомъ допущеніи туда публики, и въ результатѣ эти празднества, происходившія при шумномъ участіи незрѣлыхъ мальчугановъ, студентовъ и даже гимназистовъ и гимназистокъ, производили зачастую впечатлѣніе какого-то Бедлама.

Обращаясь къ октябрьскимъ событіямъ, сопровождавшимъ объявленіе всемилостивѣйшаго манифеста 17 октября, г. Клейновъ отмѣчаетъ: «Желѣзнодорожники для стачки не имѣли ни денегъ ни особенной охоты. Изъ 280.000 столичныхъ фабричныхъ рабочихъ, по отчетамъ стачечнаго комитета, удалось мобилизировать только 63.000 — бо̀льшаго агитаторы добиться не смогли. Такимъ образомъ, центръ тяжести движенія отнюдь не лежалъ въ рабочихъ, какъ неправильно утверждали иные изслѣдователи, но въ представителяхъ такъ называемой интеллигенціи. Студенты, аптекаря, инженеры, техники, мелкіе служащіе съ заработкомъ около 40 рублей въ мѣсяцъ и достаточно научившіеся грамотѣ для скороспѣлыхъ самостоятельныхъ якобы сужденій объ ученіи Маркса(!?), — не говоря о многочисленныхъ евреяхъ и армянахъ, — вотъ какіе дѣятели открыли революціи двери. За этими якобы убѣжденными соціалистами плелась масса рабочихъ, которой сулились всяческія экономическія выгоды и угрозы бомбами и револьверами». «Хотя тысячи иностранныхъ и русскихъ соціалистическихъ листковъ не устаютъ утверждать, будто русскіе рабочіе—сознательные соціалъ-демократы,—пишетъ г. Клейновъ,—я остаюсь при своемъ мнѣніи: рабочихъ этихъ соціалъ-демократы лишь тянутъ на поводу, главнымъ образомъ терроризируя ихъ».

Разсказывая о московскомъ вооруженномъ возстаніи, г. Клейновъ нѣкоторый успѣхъ его приписываетъ тому, что наружный полицейскій персоналъ въ столицѣ не превышалъ 2.400 человѣкъ, тогда какъ однихъ бродягъ въ Москвѣ скопилось отъ 30 до 35 тысячъ душъ. Такъ какъ по распоряженію министерства финансовъ винныя лавки не закрывались даже и въ рабочихъ кварталахъ, то зловреднымъ элементамъ была облегчена возможность спаивать рабочихъ и превращать ихъ въ дикихъ звѣрей; съ другой стороны, и московскіе фабриканты не сумѣли сорганизоваться и, вмѣсто внушительной угрозы рабочимъ локаутомъ, поспѣшили распустить ихъ на нѣсколько дней, производя имъ полностью уплату за прогульные дни. Это окончательно сбило рабочихъ съ толку и убѣдило ихъ во всемогуществѣ московскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, въ составѣ котораго преобладали совершенно чуждые рабочей средѣ соціалъ-демократы, соціалъ-революціонеры и прямо таки анархисты.

Главную же закулисную роль въ подготовленіи вооруженнаго возстанія въ Москвѣ сыграла лѣвая фракція союза союзовъ. По общественному своему положенію тутъ преимущественно выступали

представители такъ называемаго третьяго элемента, т.-е. низшіе служащіе городского и земскаго самоуправленія, городскіе учителя и учительницы, фельдшера и фельдшерицы, ряды которыхъ пополнялись рабочими, и среди послѣднихъ преобладали слесаря и наборщики, а, съ другой стороны, сюда же вливались и представители дѣйствительной интеллигенціи, въ родѣ врачей и адвокатовъ.

Одновременно съ вооруженнымъ возстаніемъ затѣяна была и всеобщая забастовка. 9 декабря, въ четвергъ, союзъ союзовъ цѣлый день совѣщался по этому предмету съ довѣренными представителями отдѣльныхъ организацій, при чемъ заправилы движенія увѣряли, будто вся Россія готова примкнуть къ стачкѣ, лишь бы добиться созыва учредительнаго собранія; будто Остзейскія провинціи уже сорганизовались въ республику и шлютъ въ Москву шестидесятитысячный корпусъ на подмогу возставшимъ, а другой такой же корпусъ формируется въ Ревелѣ и вмѣстѣ съ финскою красною гвардіею произведетъ диверсію на Петербургъ; далѣе сообщалось, будто въ Петербургѣ всеобщая стачка блистательно удалась, и свыше 22 желѣзнодорожныхъ линій очутились уже въ рукахъ инсуррекціи.

Также достовѣрны были сообщенія, печатавшіяся въ «Извѣстіяхъ совѣта рабочихъ депутатовъ»: солдаты де Московскаго гарнизона отказываются выступать противъ дружинниковъ; изъ Орѣхова-Зуева на подкрѣпленіе московскимъ дружинникамъ двигается 30.000 вспомогательный отрядъ рабочихъ и т. п.

Розсказни о пресловутой стратегической талантливости и строгой обдуманности плана возстанія на самомъ дѣлѣ оказались далеки отъ истины. Московскія событія только показали, что общественныя силы, сдавленныя произволомъ и насиліемъ, порвали всѣ препоны и превратились въ исзтолковую истерію.

На смѣну прежнему гнету законовъ не явилось ни разумнаго, ни отважнаго руководительства движеніемъ, ибо одновременно со взрывомъ возстанія его подстрекатели не замедлили улетучиться изъ Москвы. Такимъ образомъ вмѣсто планомѣрнаго народнаго возстанія начались безцѣльныя убійства, нападенія изъ-за угла на часовыхъ и на патрули, безтолковая стрѣльба по своимъ и мирнымъ жителямъ и пр. Самое сосредоточеніе многочисленныхъ загражденій и баррикадъ въ Тверской и Арбатской части и на Прѣснѣ не было вовсе вызвано стратегическими соображеніями, но чисто внѣшними причинами: въ этой части города находится университетъ и особенно многочисленны типографіи, и въ ихъ числѣ наиболѣе крупныя. Такимъ образомъ театръ войны опредѣлился мѣстожительствомъ интеллигентнаго пролетаріата. Такъ, напримѣръ, въ дни возстанія на М. Бронной улицѣ въ меблированныхъ комнатахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Романовки», ютилось до 1.000 интеллигентовъ.

Всѣ эти отдѣльныя черточки ясно подтверждаютъ, что въ декабрьскіе дни на Москвѣ стихійнаго соціальнаго движенія рабочихъ и не происходило вовсе, а былъ бунтъ, затѣянный по наущенію интеллигенціи, и онъ роковымъ образомъ вызвалъ тѣ же самыя послѣдствія, что движеніе декабристовъ въ Петербургѣ (въ 1825 г.).

Интеллигенція прежде всего старалась навязать рабочимъ свое собственное, пожалуй, и искреннее убѣжденіе, будто жизнь русскаго рабочаго обставлена донельзя скверно; при этомъ преднамѣренно упускалось изъ виду, что ограниченность потребностей въ средѣ некультурнаго класса требуетъ иного, чѣмъ въ средѣ интеллигентной, мѣрила для обозначенія понятія: «живется скверно».

Другая ошибка заключалась въ преуменьшеніи силы бюрократическаго строя и дисциплины въ арміи. Интеллигенція словно забыла, что бюрократія издавна воспринимаетъ въ свои ряды если не лучшія, то наиболѣе дѣятельныя силы русскаго народа, и что навыкъ многихъ поколѣній пріучилъ народную массу къ повиновенію чиновничеству. Также приблизительно сложились взаимоотношенія и между начальствующими и подчиненными военными элементами въ арміи.

Въ указанномъ выше и лежитъ причина, почему пораженіе московскаго возстанія можно разсматривать, какъ крушеніе всѣхъ тѣхъ новшествъ, какія подготовлялись интеллигенціею.

Очевидно, московское населеніе не созрѣло еще для тѣхъ западно-европейскихъ идей, которыя, по увѣреніямъ профессора Гессена (въ газетѣ «Право», № 33), давно уже будто бы сдѣлались достояніемъ всего русскаго народа.

Очертивъ избирательные законы 6 августа и 11 декабря 1905 г. основные законы 20 февраля 1906 г. и созывъ государственной думы, г. Клейновъ задается вопросомъ: какая же судьба ожидаетъ Россію на стезѣ парламентаризма?

Въ средѣ государственной думы, какъ то выяснилось изъ обсужденія отвѣта на тронную рѣчь, сложились три болѣе или менѣе опредѣленныя и болѣе или менѣе отмежевавшіяся другъ отъ друга политическія партіи, выражавшія мнѣнія трехъ соціальныхъ группъ, незамѣтно сливавшихся одна съ другою. Чтобы привести въ дѣйствіе освободительное движеніе, образовавшаяся изъ революціонно-конспиративной группы «освобожденцевъ» конституціонно-демократическая партія, или партія «народной свободы», въ свое время вступила въ тѣсное соприкосновеніе съ международною соціалъ-демократіею и завербовала на служеніе своимъ интересамъ перья лучшихъ европейскихъ органовъ прогрессивной печати, до такихъ крупныхъ именъ, какъ Георгъ Брандесъ, Гуго Ганцъ и др., но всѣ эти связи угрожаютъ партіи политическимъ проваломъ, именно потому что вожаки «кадетовъ» не рѣшились во-время порвать съ революціонерами.

Серьезно говоря, какое монархическое правительство рѣшится ввѣрить судьбы Русской имперіи Долгоруковымъ, Гессенамъ и Шаховскимъ, послѣ того какъ они въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ на всякіе лады доказывали теоретическія преимущества республиканской формы правленія передъ любымъ видомъ монархіи? Среди вожаковъ этой группы, пожалуй, и объявились бы таланты, достойные стать во главѣ революціоннаго пролетаріата, но признать въ нихъ оплотъ монархіи противъ соціалистическихъ посягательствъ никто не рѣшится по той уже причинѣ, что нигдѣ и ни въ чемъ «кадеты» не проявили ни готовности, ни умѣнія умѣрять и сдерживать притязанія массъ, подпадавшихъ подъ соціалистическое вліяніе.

Вторую группу въ думѣ представляетъ партія демократическихъ реформъ съ профессоромъ М. П. Ковалевскимъ во главѣ; эта партія, представляя нѣкоторыя аналогіи съ партіею нѣмецкихъ націоналъ-либераловъ, ставитъ своею программою демократизацію управленія и развитіе національнаго самосознанія, какъ въ средѣ русскихъ гражданъ, такъ и всего славянства вообще.

Въ настоящій моментъ почва для возрожденія національныхъ вѣяній еще не достаточно назрѣла, такъ какъ соціалисты сумѣли временно дискредитировать понятія патріотизма и національнаго самосознанія, подставляя вмѣсто нихъ соціалистическіе и коммунистическіе идеалы.

«Тѣмъ не менѣе я увѣренъ,—пишетъ г. Клейновъ,—что въ Россіи чрезъ очень короткое время наступитъ пробужденіе національнаго самосознанія, и долгое еще время въ Россіи національные интересы будутъ преобладать надъ соціальными. Вопросъ сводится лишь къ тому, чтобы при оздоровленіи Россіи императорское правительство сыграло возможно болѣе дѣятельную и благодарную роль. Вотъ объ этомъ-то и слѣдуетъ позаботиться партіи демократическихъ реформъ, сплотившись съ представителями союза 17 октября, которые являются носителями здраваго національнаго прогресса, а по своимъ взглядамъ приближаются къ экономическому ученію профессора Шмоллера и къ политическимъ теоріямъ нѣмецкихъ свободомыслящихъ».

Истиннымъ объектомъ борьбы для перечисленныхъ выше трехъ партій является заручиться вліяніемъ надъ крестьянствомъ.

Но за послѣднее время, благодаря дѣятельности соціалъ-революціонеровъ и инспирируемаго ими крестьянскаго союза, проявилось стремленіе объединить крестьянскую среду подъ лозунгомъ «земля и воля», т.-е., другими словами, беззѣмельная интеллигенція, добиваясь для себя полной политической свободы, сулитъ крестьянству даровую прирѣзку земли.

Политическія свободы, которыхъ столь настойчиво домогается интеллигенція, для некультурнаго крестьянства, отрѣзаннаго русскими разстояніями отъ крупныхъ центровъ, представляютъ прак-

тическое значеніе лишь въ области податной и неизбѣжно должны привести къ олигархіи интеллигенціи надъ классомъ производителей. По условіямъ своего быта весьма консервативное и преданное царю крестьянство поддается внушеніямъ соціалистическихъ агитаторовъ потому только, что они играютъ на извѣстныхъ струнахъ, убѣждая темную массу, будто разъ она добьется пресловутыхъ свободъ, то сама вольна будетъ и опредѣлять, въ какихъ размѣрахъ ей уплачивать въ казну подати, а въ то же время добьется и надѣленія землею въ томъ количествѣ, какое ей нужно. Для всякаго здравомыслящаго человѣка вполнѣ понятно, что подобная агитація при успѣхѣ угрожаетъ государственности полнымъ упраздненіемъ; прекрасно это сознаютъ и конституціоналисты-демократы. Но эта политическая партія въ своихъ резолюціяхъ по аграрному вопросу вовсе не отмежевалась отъ соціалистической пропаганды, но, наоборотъ, преднамѣренною туманностью своихъ рѣшеній поощряетъ несбыточныя надежды у крестьянъ и намекаетъ на свою готовность выполнить въ будущемъ посулы соціалъ-революціонеровъ, хотя въ то же время туманность резолюцій позволяетъ кадетской партіи, когда нужно, утверждать, будто она съ крайними партіями отнюдь не солидарна.

Двусмысленность и лицемѣріе, въ достаточной мѣрѣ обнаруженныя конституціоналистами-демократами, настолько ихъ дискредитировали, что для правительства исключалась всякая возможность допустить эту партію къ дѣлу практическаго обновленія русской государственности.

По мнѣнію г. Клейнова, только заручившись поддержкою партіи мирныхъ реформъ и союза 17 октября и такихъ дѣятелей, какъ графъ Гейденъ, Д. И. Шиповъ, М. А. Стаховичъ, братья Гучковы, князь Евг. Трубецкой и М. П. Ковалевскій, правительство можетъ выйти на путь обновленія страны преобразованіями, направленными къ тому, чтобы черезъ поднятіе образованія и экономическаго благосостоянія создать изъ крестьянской массы новыя сословія на демократической основѣ.

Если Россіи удастся вмѣстѣ съ тѣмъ воспитать и укрѣпить національное самосознаніе, то она обрѣтетъ въ себѣ и достаточную мощь для осуществленія идеала объединенія подъ своимъ главенствомъ всего славянства въ интересахъ соціальныхъ и хозяйственныхъ.

В. И. фонъ-Штейнъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Декабристы. 86 портретовъ; видъ Петровскаго завода и 2 бытовыхъ рисунка того времени. Пояснительный текстъ приватъ-доцента Московскаго университета П. М. Головачева. Вступительная статья В. А. Мякотина М. 1906.—II. Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ I. М. 1906.—III. Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства подъ редакціей А. К. Бороздина. Спб. 1906.—IV. М. В. Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ. Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла, съ вводной статьей. К. 1906.—V. Идеалы декабристовъ. Профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго. М. 1906.—VI. Декабристы. Кн. А. И. Одоевскій и А. А. Бестужевъ-Марлинскій. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность. Н. Котляревскаго. Спб. 1907.

СЪ ТѢХЪ ПОРЪ, какъ наше книжное дѣло въ значительной мѣрѣ освободилось отъ тяжкихъ давленій на него со стороны цензурнаго вѣдомства, и русскій голосъ, какъ-никакъ, а получилъ, особенно въ произведеніяхъ научно-литературныхъ, право свободы, съ тѣхъ недавнихъ поръ находившаяся такъ долго подъ запретомъ литература о декабристахъ, о ихъ эпохѣ, ихъ дѣятельности и идеалахъ стала быстро рости, и къ настоящему времени мы имѣемъ уже нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій, вносящихъ въ исторію пробужденія освободительнаго русскаго самосознанія много интереснаго, цѣннаго и поучительнаго. Александровская эпоха и начало царствованія Николая Павловича съ обнародованіемъ мемуаровъ и писемъ декабристовъ получаетъ во многихъ отношеніяхъ новое освѣщеніе, въ нее вносятся факты, доселѣ неизвѣстные, и русская общественность въ своемъ прогрессивномъ развитіи становится намъ болѣе понятна, близка и, пожалуй, даже во многомъ родственна по

духу и идеаламъ, ее волновавшимъ и руководившимъ ея дѣйствіями и стремленіями.

Изъ числа нововышедшихъ книгъ по исторіи декабристовъ, поступившихъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника» для отзыва, надлежитъ на первомъ мѣстѣ поставить обширное и роскошное изданіе г. Зензинова «Декабристы. 86 портретовъ». Въ настоящей книжкѣ журнала, въ отдѣлѣ «Замѣтки и поправки», читатели найдутъ необходимыя и цѣнныя замѣчанія и дополненія къ настоящему изданію, гдѣ, между прочимъ, сдѣланы и существенныя поправки къ этому изданію, возстановляющія истинную картину происхожденія богатой коллекціи портретовъ декабристовъ, изъ которыхъ весьма многіе доселѣ были совершенно неизвѣстны. Воспроизведеніе образовъ первыхъ борцовъ за русскую конституцію—богатый вкладъ въ нашу иконографію, и тѣмъ болѣе, что всѣ портреты прекрасно воспроизведены автотипическомъ способомъ. Къ каждому портрету приложена краткая и сжатая повѣсть о жизни и судьбѣ изображеннаго лица, хотя и не содержащая въ себѣ много новаго изъ того, что уже извѣстно по сему предмету въ нашей литературѣ, но служащая хорошимъ справочнымъ источникомъ для всякаго, который поинтересовался бы тѣмъ или другимъ лицомъ, участвовавшимъ въ заговорѣ 1825 г. Эти краткія біографіи,—нельзя того не отмѣтить того, нѣсколько сухии неколоритно написаны, въ интересахъ психологическаго освѣщенія тѣхъ, о комъ идетъ рѣчь. Равнымъ образомъ слишкомъ сухо, протокольно написано г. Мякотинымъ и введеніе къ изданію. Отъ его спеціально политическаго, порою очень красиваго, пера можно было бы ожидать очерка, болѣе проникнутаго вдохновеніемъ и любовью къ тѣмъ, о комъ онъ говоритъ. Въ заключеніе нельзя не выразить удивленія тому обстоятельству, что г. Зензиновъ, выпустивъ изданіе дорогой стоимости (12 рублей), цѣнность котораго лежитъ, конечно, въ самыхъ портретахъ, немедленно же создалъ самъ себѣ конкуренцію: имъ выпущены тѣ же портреты отдѣльными серіями, заключающими въ себѣ каждая по 20 штукъ, стоимостью 1 рубль 20 копеекъ серія. Правда, широкая публика отъ того выиграла, но само изданіе книжки неминуемо должно пострадать. Не проще ли бы было сразу выпустить общедоступное изданіе, а не торговать портретами оптомъ и въ розницу? Это было бы справедливѣе и въ отношеніи тѣхъ литературныхъ работниковъ, которые такъ много потрудились для текста.

Изданіе г. Ѳомина «Собраніе стихотвореній декабристовъ» пока вышло однимъ томомъ, обнимающимъ въ себѣ поэтическія произведенія К. Рылѣева, А. Одоевскаго, А. Бестужева-Марлинскаго и Г. Батенкова съ ихъ портретами, краткими біографическими очерками и литературнымъ указателемъ. Наибольшее мѣсто въ книжкѣ отводится, конечно, Рылѣеву и Одоевскому, какъ наиболѣе заявившимъ себя на поэтическомъ поприщѣ. Слѣдующее мѣсто занимаютъ Бестужевъ-Марлинскій и, наконецъ, Батенковъ, которому посвящено всего 8 страничекъ и приведено одно его стихотвореніе «Одичалый». При краткихъ біографіяхъ первыхъ трехъ писателей приведены также имъ посвященныя стихотворенія Пушкина, Мицкевича, Грибоѣдова, Лермонтова. Въ книгѣ имѣются свѣдѣнія и о нѣкоторыхъ лицахъ, упоминаемыхъ въ произведеніяхъ декабристовъ, напримѣръ, о Войнаровскомъ, о Мазепѣ. Предисловіе написано, пови-

димому, самимъ г. Ѳоминымъ (подписи нѣтъ, но издатель говоритъ въ первомъ лицѣ: «приведу слова», «позволю себѣ закончить» и прочее) и обнимаетъ собою краткую исторію тайныхъ обществъ, программы, ими установленныя, характеристику эпохи и описаніе событій 1825 г. Все это сдѣлано авторомъ сжато и на основаніи нынѣ уже нѣсколько устарѣвшихъ источниковъ, такъ что новаго чего нибудь къ тому, что уже извѣстно было по сему предмету до осени 1905 г., онъ не даетъ. Къ книгѣ приложенъ литературный указатель, обнимающій собою источники для эпохи исторіи Александра I и самихъ декабристовъ. Указатель этотъ къ нашимъ днямъ тоже уже нѣсколько устарѣлъ, и руководиться имъ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ о дѣйствовавшихъ лицахъ эпохи 20-хъ годовъ нынѣ не приходится. Это московское изданіе выпущено тоже почему-то по возвышенной цѣнѣ—3 рубля за 1-й томъ. Это слишкомъ дорого, если принять во вниманіе то обстоятельство, что самое воспроизведеніе наиболѣе цѣннаго матеріала—стиховъ декабристовъ—издателю вѣдь обошлось совершенно даромъ.

Слѣдующія двѣ книги профессоровъ А. Бороздина и М. Довнара-Запольскаго однороднаго характера и преслѣдуютъ цѣли одинаковыя: дать читателямъ сырой и подлинный матеріалъ, по которому бы они могли составить себѣ болѣе или менѣе полное понятіе о характерахъ тѣхъ лицъ, письма, записки и мемуары которыхъ опубликовываются (по большей части, впервые), о цѣнности офиціальнаго слѣдствія и суда надъ декабристами, о тѣхъ идеалахъ, которыми они были движимы въ своей дѣятельности, и о тѣхъ требованіяхъ, которыя они предъявляли новому государю ради блага Россіи и обновленія ея національно-политическаго, гражданскаго и экономическаго строя. Оба нашихъ ученыхъ почерпнули свой богатый и интересный матеріалъ изъ дѣлъ государственнаго архива, при чемъ г. Бороздинъ впервые обнародываетъ въ полномъ видѣ: письма П. Г. Каховскаго, А. Бестужева и А. Якубовича къ Николаю Павловичу, писанныя изъ Петропавловской крѣпости; записку г. Батенкова, извлеченіе изъ бумагъ графа Мамонова, основателя общества Русскихъ рыцарей, и показанія К. Рылѣева. Далѣе онъ воспроизводитъ уже до него напечатанныя показанія Пестеля, записку барона В. Штейнгеля и «Катихизисъ и воззваніе» С. И. Муравьева-Апостола; послѣдній матеріалъ былъ уже опубликованъ за границею профессоромъ Шиманомъ, но у насъ появляется, кажется, впервые.

Профессоръ Бороздинъ далъ лишь сырой матеріалъ, нѣсколько поскупившись на должное освѣщеніе его въ своемъ предисловіи и предоставляя такимъ образомъ читателямъ самимъ распутаться въ тѣхъ неясностяхъ и недоразумѣніяхъ, которыя поневолѣ возникаютъ при ознакомленіи съ текстомъ, вслѣдствіе чего можетъ случиться, что не всякому будетъ доступно чувство, которое одушевляетъ самого почтеннаго профессора, когда онъ говоритъ объ этихъ матеріалахъ, что на основаніи ихъ «мы знакомимся лучше съ идеализмомъ благородныхъ людей, задумавшихъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ обновленіе русскаго государственнаго строя; мы узнаемъ, насколько жизненны были стремленія этихъ борцовъ, самоотверженно выступившихъ на защиту свободы и человѣческаго достоинства своихъ соотечественниковъ. Разрушается офиціальная ложь «Донесенія слѣдственной коммиссіи»—и передъ нами ярко выри-

совываются прекрасные образы первыхъ піонеровъ освободительнаго движенія, которое лишь въ наше время приближается къ желанной побѣдѣ. Нѣкоторые изъ этихъ людей не обнаружили настоящей силы во время суда и слѣдствія; но, зная пріемы инквизиторовъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, мы не должны слишкомъ строго осуждать декабристовъ за ихъ слабость. Мы должны помнить ихъ великую заслугу: они бросили ту искру, отъ которой теперь разгорается пламя».

Профессоръ М. Довнаръ-Запольскій извлекъ наиболѣе обширный матеріалъ изъ слѣдственнаго дѣла о декабристахъ, по ознакомленіи съ нимъ въ государственномъ архивѣ, и освѣтилъ этотъ матеріалъ въ вводной статьѣ, предшествующей публикуемому матеріалу, имѣющей назначеніемъ изложить все слѣдственное дѣло о декабристахъ въ его главнѣйшихъ и наиболѣе важныхъ моментахъ. Въ настоящій выпускъ его труда вошли: записка о тайномъ обществѣ генералъ-майора М. Ф. Орлова, показанія Н. Комарова, историческое обозрѣніе хода общества Никиты Муравьева, его конституція, записки князя С. Трубецкого, декабрьскіе дни въ его показаніяхъ, проектъ манифеста и проектъ конституціи, найденные въ бумагахъ «диктатора»; приведены существенныя извлеченія изъ показаній А. Бестужева, изъ бумагъ Г. Батенькова, А. Поджіо; напечатано письмо Булатова къ Михаилу Павловичу и Муравьева-Апостола къ его брату Сергѣю отъ 1823 г., признаніе Бобрищева-Пушкина 1-го и записка о полковникѣ князѣ Трубецкомъ [1]). Къ книгѣ приложенъ указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ текстѣ.

Въ своемъ предисловіи г. Довнаръ-Запольскій даетъ мѣткія характеристики и частью новыя біографическія данныя тѣхъ лицъ, кому посвящена книга, при чемъ онъ опредѣляетъ роль каждаго въ общемъ движеніи, его мѣсто въ революціи 1825 г., а также дѣлаетъ интересныя замѣчанія, какъ о самомъ слѣдственномъ дѣлѣ надъ декабристами, такъ о ихъ поведеніи во время слѣдствія. Что же касается самой исторіи тайныхъ обществъ въ Александровскую эпоху, то сей профессоръ посвящаетъ особый трудъ «Идеалы декабристовъ», который распадается на три части. Въ первой, озаглавленной «Періоды реакціи», обрисована та эпоха, въ которую декабристы выступили на сцену. Вторая и третья посвящены обзору государственныхъ и общественныхъ взглядовъ декабристовъ, при чемъ во второй изложены критическія замѣтки декабристовъ относительно тогдашняго строя и ихъ положительные на сей предметъ взгляды, а въ третьей представлены ихъ проекты конституцій (Пестель, Никита Муравьевъ) съ разсмотрѣніемъ соотвѣтственныхъ частей по означенному вопросу, напримѣръ, объ отношеніи къ самодержавію, о равенствѣ сословій, объ аграрной реформѣ и т. д. Авторъ для уясненія во всемъ его объемѣ вопроса о декабристахъ, относящійся, къ слову сказать, какъ и профессоръ Бороздинъ, съ чувствомъ глубокаго преклоненія передъ ихъ патріотическимъ самопожертвованіемъ, не считаетъ книги «Идеалы декабристовъ» исчерпывающею вопросъ, но обѣщается въ дополненіе къ ней еще

---

[1]) Матеріалы опубликованы профессоромъ съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника и стиля.

издать двѣ работы: «Тайное общество декабристовъ» и «Декабрьская революція 1825 г.». По выходѣ въ свѣтъ обѣщанныхъ трудовъ можно будетъ подвести болѣе подробный итогъ тому, что внесено кіевскимъ ученымъ въ область изученія знаменательнаго историческаго періода въ жизни Россіи, и каковы его личные взгляды на разные моменты въ этомъ періодѣ.

Если упомянутые два профессора въ своихъ работахъ остановились по преимуществу на обнародованіи сырого матеріала, то третій ихъ сотоварищъ по университетскому преподаванію, профессоръ Н. Котляревскій, выпустилъ очень интересную книгу съ содержаніемъ, вполнѣ обработаннымъ и критически освѣщеннымъ, обнимающимъ собою личную, общественную и литературную дѣятельность двухъ представителей отечественной словесности: князя Одоевскаго и А. Бестужева. Со свойственнымъ почтенному автору блескомъ изложенія и тонкимъ психологическимъ анализомъ имъ нарисованы во весь ростъ и въ яркомъ освѣщеніи два характерныхъ портрета изъ русской литературной галлереи, до сихъ поръ остававшіеся, въ значительной мѣрѣ, по пресловутымъ историческимъ «независящимъ обстоятельствамъ», какъ бы въ тѣни и какъ бы въ забвеніи у потомства. Говоря про нихъ, профессоръ пишетъ: «Теперь настало время, когда на могилѣ этихъ писателей можно поставить достойнѣйшіе памятники, и авторъ смотрѣлъ на свою работу, какъ на первый шагъ къ выполненію этого дѣла. Люди, о которыхъ онъ хотѣлъ напомнить читателю, имѣли въ жизни своей двѣ святыни: гуманный идеалъ, проясненный политической мыслью, за которую они пострадали, и художественную мечту, которая радовала ихъ во дни свободы и утѣшала въ дни несчастья. Въ очеркахъ, посвященныхъ ихъ памяти, должно быть удѣлено одинаковое вниманіе, и политическимъ ихъ мыслямъ, и поэтическимъ ихъ грезамъ». Въ соотвѣтствіи съ такою задачею, г. Котляревскій стремился «достигнуть наибольшей полноты въ подборѣ фактовъ, относящихся къ біографіи упомянутыхъ писателей, и въ подборѣ свѣдѣній объ ихъ поэтической дѣятельности», и къ обзору ихъ литературныхъ трудовъ, несмотря на то, что эти труды по отношенію настоящаго времени значительно устарѣли. Теперь, по выходѣ прекрасной и интересной работы профессора Котляревскаго, можно считать, что и князь Одоевскій и Бестужевъ-Марлинскій оцѣнены по заслугамъ, и, какъ общественные дѣятели, поработавшіе на политическомъ поприщѣ, и какъ дѣятели литературные, внесшіе въ умственное развитіе своей эпохи значительные и цѣнные вклады. Да и самая интимная личная ихъ жизнь для насъ стала открытою, откуда читатели могутъ почерпнуть много интереснаго и достойнаго благодарной памяти.

В. Глинскій.

А. С. Суворинъ. О Димитріѣ Самозванцѣ. Критическіе очерки. Спб. 1906.

Въ составъ этой книжки вошелъ рядъ небольшихъ статей и замѣтокъ, печатавшихся, начиная съ 1894 г., въ «Новомъ Времени» въ видѣ «маленькихъ писемъ» или «библіорафическихъ замѣтокъ».

Въ этихъ своихъ статьяхъ авторъ, слѣдя за вновь выходящими изслѣдованіями по вопросу о Димитріи Самозванцѣ и критически разбирая современныя извѣстія, старается доказать, что первый Самозванецъ, вѣроятнѣе всего, былъ настоящимъ царевичемъ, сыномъ Грознаго, подмѣненнымъ Димитріемъ Углицкимъ, котораго спасъ отъ вѣрной гибели (въ маѣ 1591 г.) его дядя Аѳанасій Нагой; позднѣе царевичъ Димитрій скрывался по разнымъ монастырямъ, носилъ чужое имя Григорія Отрепьева, бѣжалъ въ Литву и ужъ тамъ открыто объявилъ свое настоящее имя; тайна его происхожденія, извѣстная только немногимъ, получаетъ широкую огласку при его воцареніи, а также и при низверженіи бояре знали, что это — настоящій потомокъ царскаго рода и, убивая его, вожди мятежа прекрасно были освѣдомлены, что они убиваютъ послѣдняго Рюриковича.

Слѣдуетъ замѣтить, что эта оригинальная точка зрѣнія на происхожденіе Самозванца не можетъ быть доказана строго научно. Но въ этомъ менѣе всего повиненъ авторъ: среди массы противорѣчивыхъ свѣдѣній о Самозванцѣ у насъ нѣтъ въ настоящее время никакихъ точныхъ извѣстій, на которыя возможно бы было прочно опереться. Во всякомъ случаѣ гипотеза А. С. Суворина имѣетъ большую долю вѣроятности и объясняетъ многія темныя стороны вопроса. Къ подобному же взгляду на происхожденіе Самозванца близокъ въ своей новѣйшей работѣ о смутномъ времени (La Crise Revolutionnaire 1584—1614) историкъ-публицистъ г. Валишевскій; однако и послѣдній считаетъ вопросъ о происхожденіи Лжедимитрія I еще загадкой.

Въ концѣ книги помѣщено слѣдственное дѣло о смерти царевича Димитрія, напечатанное буквально съ подлинника (всего 54 листа), хранящагося въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Ему предпослано небольшое предисловіе А. М. Бѣлова, въ которомъ послѣдній, снимавшій, по порученію автора, копію съ розыскного дѣла, описываетъ самую рукопись сохранившагося памятника. По словамъ г. Бѣлова, «внимательное палеографическое изученіе подлиннаго дѣла позволяетъ сдѣлать предположеніе, что имѣющійся теперь документъ не представляетъ собою черновыхъ матеріаловъ для другого намъ недоступнаго полнаго списка, самъ является копіей съ недошедшихъ до насъ въ подлинникѣ показаній большинства свидѣтелей и челобитной Е. Битяговской, копіей, сдѣланной и редактированной въ Москвѣ».

М. К.

Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1906 г., книга первая. М. 1906.

Содержаніе первой книги «Чтеній» составляетъ описаніе библіотеки общества исторіи и древностей россійскихъ (выпускъ второй). Здѣсь описаны г. Е. Н. Сокововымъ книги, рукописи и бумаги за время съ XV в. до XIX включительно, поступившія въ библіотеку общества послѣ 1845 г., а слѣдовательно и не вошедшія въ описаніе библіотеки, составленное П. М. Строевымъ. Общее число новыхъ поступленій простирается до 1.113 номеровъ.

Въ настоящій выпускъ вошли рукописи славяно-русскія (минеи, шестодневъ и др.), на славянскихъ нарѣчіяхъ, на иностранныхъ и восточныхъ

языкахъ, сборники, лѣтописи, разрядныя книги, дѣла историко-юридическія и т. п., рисованные планы, карты, отдѣльные рисунки, а также сохранившіеся оригиналы статей, большею частью, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ». Въ концѣ выпуска помѣщено описаніе ученыхъ работъ Ю. И. Венелина, О. М. Бодянскаго и А. Ѳ. Попова, съ присоединеніемъ къ нему выписокъ, копій и подлинныхъ матеріаловъ, найденныхъ среди бумагъ названныхъ ученыхъ.

Трудъ г. Соколова выполненъ превосходно. Рукописи и ученыя работы расположены въ немъ въ хронологическомъ и систематическомъ порядкѣ. Отдѣльныя статьи въ сборникахъ составителемъ перечислялись всѣ безъ пропусковъ, при чемъ нерѣдко изъ нихъ дѣлались болѣе или менѣе значительныя выдержки; въ рукописяхъ на иностранныхъ языкахъ, кромѣ заглавій, передано содержаніе каждой статьи, а также сдѣланы переводы нѣкоторыхъ статей на русскій языкъ; относительно рукописей, такъ или иначе извѣстныхъ въ литературѣ, указаны библіографическія данныя. Обширный и тщательно составленный указатель лицъ, мѣстъ, предметовъ и статей (стр. 671—931) позволяетъ легко оріентироваться въ описаніи библіотеки и находить нужныя вещи. **К.**

В. М. Истринъ. Изслѣдованія въ области древне-русской литературы. I—V. Спб. 1906.

На всѣхъ работахъ проф. Истрина лежитъ печать талантливости, и эта черта рѣзко выдѣляетъ его изъ ряда русскихъ филологовъ. Будетъ ли это громоздкое, безалаберное изслѣдованіе о какомъ нибудь старомъ памятникѣ церковно-славянской беллетристики или наскоро набросанный рефератъ о вновь открытомъ произведеніи нашей древней литературы, журнальная ли критическая статья, наконецъ, простыя замѣтки туриста-филолога о случайныхъ рукописяхъ аѳонскихъ библіотекъ,—всюду виденъ талантъ, вполнѣ русскій, не дисциплинированный и широкій талантъ въ родѣ того, какой присущъ А. Шахматову и А. Веселовскому съ ихъ невозможной техникой. Но насколько тяжело, а иногда и невозможно читать и усваивать работы этихъ изслѣдователей,—настолько великолѣпны результаты этого чтенія.

Этотъ литературный портретъ намъ невольно пришлось намѣтить въ началѣ рецензіи на новый трудъ проф. Истрина, печатавшійся раньше въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», изрѣдка принимающаго и талантливыя статьи. Намъ лично понятна и хаотичность во всемъ творчествѣ В. М. Истрина, хотя думаемъ, что не многимъ понравится первая же фраза его введенія. «Выпускаемая книга выросла до настоящаго объема вопреки первоначальному замыслу. Первоначально имѣлось въ виду высказать по нѣкоторымъ вопросамъ нѣсколько замѣчаній, ограничиваясь по возможности болѣе общими (?) положеніями, но долгій періодъ печатанія былъ причиной измѣненія первоначальнаго плана. По мѣрѣ того, какъ шло изслѣдованіе одного вопроса, являлась необходимость привлекать новые матеріалы и расширять ранѣе намѣченныя рамки наблюденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя другія темы, которыхъ имѣлось въ виду коснуться, все далѣе и далѣе

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Волжскій. Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей. Спб. 1906.

Не трудно замѣтить, что литературная критика за послѣднее время у насъ отодвинулась на второй планъ, критическіе разборы въ ежемѣсячныхъ журналахъ измельчали, за исключеніемъ двухъ-трехъ, у насъ нѣтъ оригинальныхъ талантливыхъ критиковъ: всѣ силы отдались въ настоящее время публицисткѣ, общественно-политической дѣятельности. Поэтому появленіе книги г. Волжскаго, обнаруживающей въ авторѣ недюжиннаго критика, оригинальнаго, идущаго самостоятельной дорогой, получаетъ особенное значеніе для даннаго времени. Г. Волжскій и раньше былъ знакомъ читателямъ ежемѣсячныхъ журналовъ, но былъ мало замѣтенъ въ критикѣ, теперь же, когда онъ собралъ въ одинъ сборникъ свои статьи, личность критика выступаетъ ярче, рельефнѣе, и мы можемъ дать ему оцѣнку. Авторъ назвалъ свои очерки—«Изъ міра литературныхъ исканій». Трудно придумать болѣе подходящее заглавіе: критикъ не только опредѣлилъ сущность своихъ очерковъ, но и опредѣлилъ ихъ значеніе. Дѣйствительно, его очерки—это мучительныя и страстныя исканія истины, вѣчнаго, прекраснаго, созвучнаго. Ихъ онъ ищетъ и въ философскомъ ученіи В. Соловьева, и въ мистическомъ пантеизмѣ В. Розанова, и въ творчествѣ Горькаго, Чехова, Короленка, Андреева, и въ новѣйшихъ литературныхъ теченіяхъ. Исканія г. Волжскаго глубоко интересны. Не претендуя въ очеркахъ на правильность своихъ воззрѣній, не выступая въ качествѣ авторитета, критикъ, давая большой просторъ личности читателя, вдумчивымъ анализомъ даетъ ему руководящія нити къ пониманію писателя, намѣчаетъ общій выводъ. На работѣ г. Волжскаго виденъ серьезный критикъ, тонкій психологъ. Всего ярче это обнаруживается на статьяхъ о Чеховѣ. На нѣсколькихъ страницахъ сжато, но замѣчательно ярко, критикъ опредѣляетъ сущность творчества «пѣвца тоски по идеалу», даетъ тонкій анализъ настроенія писателя. Вдумчиваго и безпристрастнаго критика нашли себѣ въ г. Волжскомъ и новѣйшія литературныя теченія. Авторъ не приверженъ къ старому, видѣвшему во всемъ новомъ лишь крушеніе старыхъ боговъ и идеаловъ, нѣтъ въ немъ и того подкупающаго чувства, съ которымъ подходятъ къ оцѣнкѣ символизма большинство нашихъ критиковъ.

На первый взглядъ, казалось бы, что между статьями г. Волжскаго, затрогивающими самые разнообразные вопросы, нѣтъ никакой связи, но на самомъ дѣлѣ не трудно замѣтить между ними глубокую внутреннюю связь—соединяющимъ ихъ звеномъ является стремленіе автора найти гдѣ бы то ни было истину, правду, красоту. Г. Волжскій—натура страстная, ищущая. Въ этомъ онъ представляетъ полную противоположность большинству нашихъ критиковъ, приверженныхъ къ догмѣ, связанныхъ традиціями, выйти изъ которыхъ, найти новые, еще неизвѣданные пути они рабски боятся. Не такимъ является г. Волжскій: онъ мучительно, страстно ищетъ истины, красоты, новыхъ путей, онъ не связанъ традиціями, а смѣло выступаетъ съ «переоцѣнкой цѣнностей», съ новымъ словомъ. И въ этомъ исканіи, мучительномъ, благородномъ заключается цѣнность и значеніе очерковъ: вѣдь въ исканіяхъ мы находимъ истину.

А. Фоминъ.

Н. Покровскій. Чеховъ въ значеніи русскаго писателя-художника. Москва. 1906.

Г. Покровскій за послѣднее время выступилъ въ роли конкурента извѣстнаго составителя сборниковъ критическихъ статей о нашихъ писателяхъ. г. Зелинскаго. Помѣщая лишь такія статьи, которыя имѣютъ извѣстную цѣнность, г. Покровскій дѣлаетъ свои работы болѣе полезными и доступными по цѣнѣ для средняго читателя, чѣмъ объемистые и дорогіе сборники г. Зелинскаго. Но разъ составитель помѣщаетъ статьи не всѣ, а съ выборомъ, то онъ обязанъ сдѣлать послѣдній хорошо, выбрать лишь существенное, цѣнное, могущее въ общей сложности дать читателю болѣе или менѣе объективное представленіе о сущности творчества писателя, его историко-литературномъ и культурно-историческомъ значеніяхъ. Дѣйствительно, въ предыдущихъ сборникахъ о Пушкинѣ, Тургеневѣ, Салтыковѣ-Щедринѣ выборъ статей сдѣланъ довольно удачно. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о настоящей работѣ. Хотя составитель и не забылъ важныхъ и цѣнныхъ въ критической литературѣ о Чеховѣ статей гг. Венгерова, проф. Булгакова, Скабичевскаго, проф. Овсянико-Куликовскаго, но имъ пропущенъ цѣлый рядъ цѣнныхъ и интересныхъ работъ о писателѣ. Такъ, мы не нашли извѣстныхъ статей г. Михайловскаго, въ которыхъ критикъ такъ своеобразно опредѣлилъ сущность міросозерцанія и настроенія Чехова. Нѣтъ также статьи г. Ляцкаго, являющейся выразительницей отрицательнаго взгляда на писателя.

Не помѣстивъ многихъ важныхъ и интересныхъ статей, затрогивающихъ широкіе вопросы творчества Чехова, г. Покровскій нашелъ, однако, нужнымъ дать рядъ работъ, посвященныхъ всецѣло истолкованію отдѣльныхъ произведеній, какъ, напримѣръ, статьи г. Оболенскаго о «Скучной исторіи», Гершензона о «Ивановѣ» и т. п.

Въ предисловіи г. Покровскій замѣчаетъ, что онъ выпускалъ въ статьяхъ только тѣ мѣста, которыя можно было выбросить безъ ущерба смыслу. Между тѣмъ, онъ, приводя статью г. Булгакова—«Чеховъ, какъ мыслитель», выпустилъ всю первую часть, въ которой критикъ опредѣляетъ настроеніе Чехова, какъ міровую скорбь. Въ этомъ выводѣ заключается главный интересъ статьи т. Булгакова, а составитель сборника рѣшилъ, что это можно выпустить.

Непонятно намъ также, почему г. Покровскій отдаетъ предпочтеніе выбраннымъ имъ статьямъ, когда въ критической литератрѣ о Чеховѣ есть работы, гораздо полнѣе и вдумчивѣе разсматривающія творчество писателя.

Очевидно одно, что г. Покровскій очень плохо знакомъ съ критической литературой о писателѣ: иначе онъ не могъ бы сдѣлать тѣхъ ошибокъ и промаховъ, которые бросаются въ глаза всякому, даже сравнительно плохо знакомому съ критикой о Чеховѣ. **Ф.**

Г. Г. Савичъ. Къ вопросу о мелкой земской единицѣ: село Павлово и его общественное устройство. Спб. 1906.

Передъ нами объемистая брошюра, посвященная одному изъ важныхъ вопросовъ внутренней жизни Россіи. Авторъ ея, занимающій видный постъ

на государственной службѣ, извѣстенъ въ нашей юридической литературѣ, какъ составитель цѣлаго ряда изданій законовъ объ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ, по обезпеченію народнаго продовольствія, горныхъ и проч. Особенно выдается въ числѣ этихъ изданій вышедшій подъ его редакціей «Полный сводъ законовъ Россійской имперіи» (16 томовъ въ 26 книгахъ).

Разсматриваемая брошюра имѣетъ характеръ систематическаго, научнаго изслѣдованія изъ области общественно-экономическихъ явленій. Въ ней авторъ поставилъ себѣ цѣлью дать матеріалъ, который могъ бы содѣйствовать разработкѣ вопроса объ организаціи мелкой земской единицы въ формѣ поселковаго общества съ функціями простѣйшаго городского самоуправленія.

Эта форма принадлежитъ къ одному изъ трехъ типовъ организаціи мелкой земской единицы, намѣченныхъ бывшимъ «особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности», состоявшимъ подъ предсѣдательствомъ тогдашняго министра финансовъ, С. Ю. Витте.

Намѣчая эту форму, «особое совѣщаніе» имѣло въ виду для ея примѣненія крупныя села, каковы Павлово, Балаково, Вичуга, Кимры и т. п., населеніе которыхъ состоитъ не только изъ мѣстныхъ крестьянъ, но также изъ пришлыхъ элементовъ, проживающихъ въ этихъ селеніяхъ осѣдло, занимаясь промышленностью и торговлей, заинтересованныхъ въ мѣстномъ благоустройствѣ одинаково съ крестьянами и участвующихъ въ расходахъ на него, но не допускаемыхъ, по дѣйствующему закону, къ завѣдыванію дѣлами сельскаго общественнаго управленія.

Другіе два типа данной организаціи, намѣченные «особымъ совѣщаніемъ», представляются въ видѣ земскаго участка и соединенія его съ указаннымъ поселковымъ обществомъ, при чемъ въ послѣднемъ типѣ соединенныя организаціи одна другую не исключаютъ, но дѣйствуютъ одновременно и параллельно.

Г. Савичъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ оба эти типа. Его вниманіе всецѣло сосредоточено на первомъ типѣ.

Для достиженія поставленной себѣ цѣли авторъ подвергъ подробному изученію положеніе и состояніе большого села Павлова, находящагося въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, извѣстнаго своею кустарною промышленностью по выдѣлкѣ металлическихъ издѣлій (главнымъ образомъ замочное и ножевое производства).

Въ рядѣ отдѣльныхъ, систематически связанныхъ между собою, очерковъ авторъ живо нарисовалъ полную картину устройства и жизни этого интереснаго промышленнаго пункта. Весь его трудъ раздѣленъ на пять частей или главъ: I. Возникновеніе села Павлова. Составъ его населенія. Земельный фондъ, прочія матеріальныя средства и повинности членовъ Павловскаго крестьянскаго общества. Общественные доходы. II. Промыслы и торговля павловскаго населенія. Дѣленіе его по занятіямъ и достатку. Содѣйствіе земства кустарямъ и крестьянскому обществу въ дѣлахъ экономическихъ и общественныхъ. III. Общественное управленіе села Павлова. IV. Предположенія о преобразованіи общественнаго устройства въ селѣ Павловѣ. V. Заключеніе. Приложеніями являются своды цифровыхъ данныхъ о смѣтныхъ назна-

ченіяхъ по селу Павлову за 1904 и 1905 г.г. и о доходахъ и расходахъ за пятнадцатилѣтіе 1891 — 1905 г.г.

Какъ монографія, трудъ г. Савича является цѣннымъ вкладомъ въ спеціальную литературу по изслѣдованію народнаго быта и хозяйства. Лица интересующіяся этимъ предметомъ, найдутъ въ брошюрѣ автора массу фактическихъ матеріаловъ, прекрасно разработанныхъ и освѣщенныхъ съ объективной точки зрѣнія. Мы, однако же, не можемъ въ настоящемъ случаѣ болѣе подробно остановиться на этой сторонѣ дѣла, такъ какъ наша главная задача заключается въ томъ, чтобы показать, къ какимъ выводамъ пришелъ авторъ относительно практичности и цѣлесообразности признанія большихъ селъ, въ родѣ Павлова, за самостоятельныя мелкія земскія единицы.

Выводъ автора въ этомъ отношеніи отрицательный. Павлово, по его изслѣдованію, лишь по внѣшнимъ признакамъ подходитъ къ типу городскихъ поселеній. По внутреннему же своему устройству, бытовой жизни и господствующимъ интересамъ населенія, оно и теперь представляетъ собою село, въ которомъ главная масса жителей—крестьяне-землевладѣльцы, добывающіе хлѣбъ (и, кстати сказать, въ большинствѣ случаевъ, очень скудный хлѣбъ) труднымъ кустарнымъ промысломъ. По мнѣнію автора, перевести этихъ крестьянъ въ мѣщанское сословіе, съ введеніемъ въ селѣ городового положенія, обращеніемъ принадлежащаго имъ надѣла въ городской выгонъ, съ замѣной сельскаго самоуправленія городскимъ, — было бы равносильно полному разоренію главной массы коренныхъ павловскихъ кустарей и постепенному обращенію ихъ въ городскихъ безземельныхъ батраковъ.

По этимъ соображеніямъ, авторъ признаетъ возможнымъ лишь такое переустройство самоуправленія въ крупныхъ селахъ съ смѣшаннымъ—мѣстнымъ и пришлымъ—населеніемъ, при которомъ интересы мѣстныхъ крестьянъ были бы сохранены и ограждены, въ особенности въ отношеніи завѣдыванія земельно-хозяйственными дѣлами. Признавая затѣмъ правильнымъ привлеченіе осѣдло живущихъ пришлыхъ къ участію въ расходахъ по общественнымъ дѣламъ государственнаго и земскаго характера наравнѣ съ мѣстными крестьянами, авторъ считаетъ необходимымъ допустить этотъ пришлый элементъ и къ участію въ завѣдываніи общественными въ селеніи дѣлами государственнаго и земскаго характера, съ тѣмъ, однако, чтобы существующія права коренныхъ крестьянъ домохозяевъ по мѣстному самоуправленію не были нарушены».

Что касается самой организаціи новаго самоуправленія, то авторъ проектируетъ учрежденіе с е л ь с к о й д у м ы. Дума должна состоять изъ собранія уполномоченныхъ, выбираемыхъ коренными крестьянами - домохозяевами и пришлыми, владѣющими въ селѣ недвижимостью или торговопромышленными предпріятіями, изъ своей среды, въ числѣ, примѣрно, одного уполномоченнаго отъ двадцати избирателей. Обязанности думы—завѣдываніе мѣстными земско-общественными дѣлами въ качествѣ руководящей инстанціи. Для непосредственнаго же веденія и разрѣшенія дѣлъ вѣдомства думы учреждается с е л ь с к а я у п р а в а, состоящая изъ трехъ или болѣе членовъ, избираемыхъ думой изъ среды своихъ гласныхъ.

При такой организаціи, по проекту автора, волостное правленіе упраздняется, волостной старшина переименовывается въ сельскаго и функціи волостного правленія возлагаются на думу и управу (въ сельскую управу передаются и дѣла «по опекамъ надъ имуществами крестьянъ и лицъ другихъ сословій, осѣдло въ селѣ проживающихъ»). Постановленія и распоряженія думы и управы исполняются старшиною и его помощниками.

Такую организацію г. Савичъ называетъ всесословною; опредѣленіе же взаимныхъ отношеній между нею и земствомъ, уѣзднымъ и губернскимъ, а также и участковымъ должно быть выработано при общемъ пересмотрѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

Проектъ автора очевидно построенъ на тѣхъ началахъ, на которыхъ покоится теперешнее земство. Имущественно-цензовый принципъ положенъ во главу угла проектируемаго **новаго** зданія. Это, однако, принципъ старый, существующій и ничего новаго въ себѣ не содержащій. Современныя требованія къ земской реформѣ, соотвѣтствующія духу времени и измѣнившимся политическимъ условіямъ въ Россіи, направлены не къ поддержанію, а къ отмѣнѣ этого принципа. Допущеніе къ избирательнымъ урнамъ только имущественныхъ цензовиковъ и оставленіе за бортомъ всей остальной массы населенія противорѣчитъ жизненнымъ потребностямъ всей страны и каждой мѣстности въ отдѣльности. Техника предлагаемой авторомъ организаціи также вызываетъ замѣчанія. Раздѣленіе дѣлъ поселковаго общества между сельской думой и сельской управой представляется немотивированнымъ. Не выяснены основанія и для упраздненія волостного правленія и переименованія волостного старшины въ сельскаго старшину. Вѣдь преобразованіе самоуправленія одного, хотя бы и самаго большого, поселка (села) не уничтожаетъ волости, въ предѣлахъ которой находится обыкновенно нѣсколько поселеній.

Все это, однако, нисколько не уменьшаетъ правильности основного вывода автора относительно нецѣлесообразности признанія крупныхъ поселковъ, въ родѣ Павлова, за самостоятельныя мелкія земскія единицы. Эти поселки, какъ и всякіе другіе, по совершенно правильному заключенію г. Савича, должны быть реформированы въ отношеніи ихъ самоуправленія, должны составить самостоятельную первичную общественную ячейку, но они должны въ то же время входить въ составъ мелкой земской единицы, составлять только часть ея. Такою единицею болѣе цѣлесообразно признать волость. Она и достаточно велика, и включаетъ въ себѣ самые разнородные элементы населенія, никого притомъ не оставляя за бортомъ избирательной урны при осуществленіи принципа всеобщаго избирательнаго права (тогда какъ поселковая организація не захватываетъ духовенства, помѣщиковъ, населенія фабрикъ и т. п.), наконецъ—представляетъ привычную для населенія, прочно установившуюся территоріально-административную единицу, представляющую большія удобства для введенія ея въ циклъ реформированныхъ земскихъ учрежденій.

В. К. Кузнецовъ.

В. Ш. Новѣйшія преобразованія русскаго государственнаго строя. Спб. 1906.

Авторъ настоящей книжки въ 680 стр. задался цѣлью изложить въ связномъ историческомъ порядкѣ законодательные акты эпохи 1904—1906 г.г. (до открытія государственной думы).

Трудъ г. В. Ш. состоитъ изъ семи главъ. Въ первой, носящей заголовокъ: «Постановка избирательнаго права въ Западной Европѣ», авторъ резюмируетъ содержаніе выпущенной имъ въ 1906 г. работы «Избирательное право. Чѣмъ оно являлось прежде? Что оно собою представляетъ нынѣ? Какія желательно видѣть поправки въ будущемъ?». Вторая глава посвящена обозрѣнію русскихъ проектовъ государственныхъ преобразованій въ XIX в. и представляетъ собою переработку статьи того же автора, напечатанной въ началѣ 1906 г. на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

Послѣ этого введенія въ четырехъ дальнѣйшихъ главахъ разсмотрѣны пріуготовительныя преобразованія въ области наличнаго законодательства (гл. III, стр. 39—134), Булыгинскій проектъ совѣщательной думы (гл. IV, стр. 135—184), дальнѣйшее развитіе законодательства (манифестъ 17 октября 1905 г. и его послѣдствія) (гл. V, стр. 185—426) и указъ правительствующему сенату 11 декабря 1905 г. и приведеніе его въ дѣйствіе (гл. VI, стр. 426—670).

Въ концѣ на стр. 671 — 680, въ послѣсловіи, авторъ подводитъ итогъ дѣятельности правительства при осуществленіи доставшейся ему неблагодарной роли въ смыслѣ силы, сдерживавшей и регулировавшей неустойчивыя, смутныя стремленія общества.

Изложеніе содержанія указовъ отъ 12 декабря, 8 августа (о созывѣ совѣщательной думы) и 11 декабря 1905 г. (о расширеніи избирательнаго права) и отъ 20 февраля 1906 (о преобразованіи государственнаго совѣта) сопровождается первый извлеченіями изъ журналовъ комитета министровъ по выполненіе предначертаній указа, а законодательные акты 8 августа и 11 декабря 1905 г. и 20 февраля 1906 г. подробными извлеченіями изъ недоступныхъ большой публикѣ меморій особыхъ совѣщаній, заключающихъ мотивировку принятыхъ рѣшеній.

Эта часть труда г. В. Ш., несмотря на ея сухость, представляетъ значительный интересъ, равно какъ и изложеніе въ хронологическомъ порядкѣ многочисленныхъ правительственныхъ сообщеній разсматриваемой эпохи, въ связи съ событіями, ихъ вызывавшими, такъ какъ даетъ общіе систематизированнаго справочнаго матеріала, сдѣлавшагося уже нынѣ достояніемъ исторіи.

Этимъ, однакоже, трудъ автора не исчерпывается; онъ призналъ необходимымъ для болѣе правильной оцѣнки значенія правительственныхъ мѣропріятій и общественныхъ настроеній въ эпоху броженія привести разнообразный матеріалъ, почерпнутый какъ изъ періодической печати русской и иностранной, такъ и изъ новѣйшихъ сочиненій по тому же вопросу.

Авторомъ положено немало кропотливаго мозаичнаго труда, чтобы ском-

пановать отдѣльныя характеристики разныхъ проявленій «освободительнаго движенія» и очертить истинное его значеніе.

Особенный интересъ представляютъ свѣдѣнія, сопоставленныя авторомъ на стр. 191—211, о тѣхъ пріемахъ агитаціи, которыми было подготовлено революціонное движеніе на всѣхъ окраинахъ имперіи, отдѣльныя характеристики различныхъ общественныхъ организацій (онѣ разсѣяны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ), изложеніе мнѣній и резолюцій обще-земскихъ съѣздовъ и т. д.

Личныхъ своихъ мнѣній авторъ нигдѣ не выставляетъ впередъ. Сознавая, что объ объективности публицистическихъ трудовъ говорить едва ли вообще можно, потому что любой изъ нихъ создается всегда подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія, г. В. Ш. съ увѣренностью утверждаетъ, что имъ нигдѣ краски преднамѣренно не сгущались и факты не извращались.

Этому мы охотно вѣримъ и готовы признать за книгою г. В. Ш. характеръ добросовѣстнаго историческаго обзора правительственной политики за 1904—1096 г.г. В—ъ.

Готфридъ Кохъ. Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія. Часть первая. Абсолютизмъ и парламентаризмъ. Часть вторая. Демократія и конституція. Переводъ съ нѣмецкаго О. Волькенштейнъ. Редакція З. Авалова. Спб. 1906.

Настоящая работа, написанная въ оригиналѣ слишкомъ 10 лѣтъ тому назадъ и появляющаяся теперь въ переводѣ, представляетъ собою нѣчто оригинальное среди другихъ работъ этого рода. До сихъ поръ исторія политическихъ идей излагалась въ формѣ послѣдовательной передачи политико-философскихъ ученій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ въ зависимости отъ времени рожденія и дѣятельности ихъ авторовъ. Иногда ученія группировались по эпохамъ и содержанію, но обыкновенно внѣ связи съ исторической дѣйствительностью современности. Развитіе политическихъ идей совершалось какъ бы чисто раціональнымъ путемъ въ умахъ самихъ мыслителей. Готфридъ Кохъ, напротивъ, поставилъ своею задачей раскрыть несомнѣнно существовавшую взаимную связь между политическими ученіями и историческими обстоятельствами въ жизни государствъ и народовъ, въ которыхъ (обстоятельствахъ) эти ученія возникали, въ свою очередь вліяя на дальнѣйшее измѣненіе формъ устройства и управленія, а также насколько право юристовъ, иногда воплощавшееся въ конституціонныя деклараціи, осуществлялось на самомъ дѣлѣ. Свое изслѣдованіе Кохъ ограничиваетъ временемъ отъ половины XVII столѣтія до конца XVIII, когда главнымъ образомъ создались тѣ политическія ученія и формы государственнаго устройства, которыми мы до извѣстной степени до сихъ поръ живемъ. Онъ начинаетъ съ теоріи просвѣщеннаго абсолютизма во Франціи, примѣръ которой охватилъ всѣхъ европейскихъ монарховъ, и переходитъ къ парламентаризму, какъ

реакція противъ абсолютизма. Это — первая часть книги. Центральными фигурами въ ней являются Людовикъ XIV, съ одной стороны, англійскій и французскій парламенты, Локкъ и Монтескье — съ другой. Вторая часть говоритъ о демократіи и конституціи и начинается съ Людовика XV и Ж. Ж. Руссо, вмѣстѣ яркаго демократа, и заканчивается конституціей 1791 г. Въ рядѣ очерковъ Кохъ очень удачно выполняетъ свою задачу, и взаимная связь политическихъ идей и формъ государственнаго устройства оказывается несомнѣнной. Въ упрекъ автору можно было бы поставить то, что книга сравнительно очень растянута, и потому его выводы не настолько ярки, какъ бы это должно было быть.

Что касается перевода, то онъ не всегда удовлетворителенъ. Видно, что онъ задуманъ былъ въ связи съ переживаемыми въ Россіи событіями и назначался для широкихъ круговъ читателей, интересующихся исторіей борьбы западныхъ народовъ съ ихъ правительствами. По всей вѣроятности, вслѣдствіе поспѣшности изданія въ книгѣ нѣтъ даже оглавленія. Въ цѣляхъ большаго распространенія книга издана очень дешево, и годъ изданія не помѣченъ.

П. В. В.

Н. Новомбергскій. Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. Спб., 1906.

Настоящая работа, сообщаетъ намъ г. Новомбергскій, представляетъ дополненное изданіе лекцій, читанныхъ авторомъ въ русской высшей школѣ въ Парижѣ. Она относится къ области, извѣстной въ Россіи подъ устарѣлымъ названіемъ полицейскаго права. Естественно потому, что центромъ изложенія является законодательство.

Въ результатѣ получилась, можетъ быть, и полезная, но скучная книга, которую можно назвать исторіей законовъ о печати, изложенной отдѣльно по странамъ. Между тѣмъ исторія французской, нѣмецкой, англійской, для русской печати отличается многими общими чертами, и, выбравъ очень неудачную систему изложенія, авторъ лишилъ себя возможности дѣлать какія бы то ни было обобщенія. Почему, напримѣръ, въ исторіи германской печати говорится о томъ, что свѣтской науки почти не существовало, а направленіемъ духовнаго образованія всецѣло завладѣли папы. Развѣ это спеціально нѣмецкое явленіе, а не обще-европейскій фактъ?

Г. Новомбергскій посмотрѣлъ на свою задачу съ очень узкой точки зрѣнія, это тѣмъ болѣе удивительно, что въ нашей литературѣ существуетъ выдающееся изслѣдованіе, въ которомъ исторія печати поставлена въ связь с исторіей государства вообще. Авторъ не знаетъ, что проф. И. Я. Фойницкій написалъ обширную статью подъ заглавіемъ «Моменты исторіи законодательства о печати» (Сборн. государственн. знаній, т. II), которой теперь уже 30 лѣтъ, но которая не потеряла своего значенія.

Въ этой замѣчательной работѣ проф. Фойницкій говорилъ, что исторія государственной власти представляетъ лишь поступательное движеніе этой

закона духовнаго развитія. Глядя на нее съ такой точки зрѣнія, мы можемъ различить въ ней слѣдующіе періоды: теократическій, владѣльческій или вотчинный, попечительный, полицейскій и правовой. Сообразно съ этимъ авторъ изслѣдовалъ исторіи печати и законодательствъ по эпохамъ, и въ исторіи русской печати и иностранной нашелъ много точекъ соприкосновенія. Въ то время, когда писалъ проф. Фойницкій, наша печать переживала еще эпоху полицейскую, и только въ 1905 г. наступила правовая эпоха.

Если бы г. Новомбергскій воспользовался этой работой и подновилъ ее, книга его значительно выиграла бы въ интересѣ. Тѣмъ не менѣе она не лишена нѣкоторыхъ достоинствъ и между прочимъ существенно исправляетъ статьи г. Лемке, пользующагося незаслуженнымъ авторитетомъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ. Г. Новомбергскій указываетъ на то, что г. Лемке, считающійся историкомъ цензуры, не дочиталъ указа 1738 г. до конца, а ограничился позаимствованіемъ изъ вторыхъ рукъ и добросовѣстно перепечаталъ опечатку. Точно также онъ исказилъ смыслъ указовъ 1748 и 1750 г. и не далъ себѣ труда прочитать указъ 1799 г., а потому смѣшалъ частную цензурную мѣру съ нашимъ цензурнымъ учрежденіемъ. П. В.

А. Бѣлявскій. Историческій очеркъ развитія элементарной школы въ біографіяхъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ и по уставамъ правительствъ, Спб. 1905.

Лѣтъ двадцать тому назадъ г. Бѣлявскій издалъ въ русскомъ переводѣ двѣ книжки д-ра Линднера, трактующія о воспитаніи и обученіи. Чтобы показать, какъ постепенно вырабатывался идеалъ правильной элементарной школы, о которой говоритъ нѣмецкій авторъ, — г. Бѣлявскій рѣшилъ написать, въ видѣ историческаго комментарія къ книжкамъ Линднера, брошюру съ біографіями и очеркомъ педагогическихъ идей важнѣйшихъ дѣятелей въ области просвѣщенія. Первое изданіе этой брошюры появилось въ 1887 г., а теперь оно повторено съ небольшими измѣненіями.

Недоумѣваемъ, зачѣмъ понадобилось переиздавать брошюру покойнаго Бѣлявскаго въ наши дни. Въ свое время она была, можетъ быть, очень кстати. Въ восьмидесятыхъ годахъ вопросъ объ упорядоченіи и лучшей постановкѣ школы только еще поднимался. Но теперь еще недавно объ этомъ такъ много толковали и писали и въ газетахъ и въ спеціальныхъ журналахъ, что дѣло, кажется, выяснено достаточно, и краткій очеркъ, составленный г. Бѣлявскимъ, врядъ ли можетъ оказать существенную пользу. Конечно, сочиненія Амоса Коменскаго, Песталоцци и нашего Ушинскаго навсегда останутся руководящими, но всякій педагогъ предпочтетъ обратиться или къ подлинникамъ или, по меньшей мѣрѣ, къ обширнымъ изъ нихъ компиляціямъ. Очеркъ же, сдѣланный Бѣлявскимъ, настолько кратокъ, что трудно себѣ составить ясное представленіе объ идеяхъ хотя бы болѣе другихъ намъ извѣстнаго Ушинскаго, которому удѣлено страничекъ десять, да и тѣ большею частью заняты біографическими свѣдѣніями. О Пироговѣ и говорить нечего. Ему отведена всего одна страница, а Паульсону и Корфу—одна страница обоимъ вмѣстѣ. Б.

Смоленскій, Н. Исторія, какъ наука и какъ предметъ преподаванія. Историко-методологическій этюдъ. Одесса. 1906

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

по исторической методологіи. У насъ, за исключеніемъ небольшихъ указаній въ трудахъ г. Кролюницкаго—«Методика исторіи», Мармери—«Прогрессъ науки», Карѣева—«Историко-философскіе и соціологическіе этюды», нѣтъ указателей по этому вопросу. Въ виду этого, указатель г. Смоленскаго, довольно полный и исчерпывающій все существенное и важное, имѣетъ значеніе, и окажетъ большую услугу занимающимся въ этой области. **Ф. А.**

Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1906 г. Изданіе Олонецкаго губернскаго статистическаго комитета. Составилъ И. И. Благовѣщенскій. Петрозаводскъ. 1906.

Небезызвѣстный мѣстный дѣятель и историкъ, И. И. Благовѣщенскій, продолжаетъ неустанно свои изысканія по мѣстной исторіи и статистикѣ уже много лѣтъ. Настоящая составленная имъ «Книжка», помимо богатѣйшаго статистическо-этнографическаго матеріала, какой рѣдко встрѣтишь въ подобныхъ же годовыхъ «памятныхъ книжкахъ» другихъ губерній, богата и чисто историческими сообщеніями. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ подробный очеркъ г. Шайжина—«Старая Пудога съ XIV по XVIII вѣкъ», гдѣ собрано много интересныхъ свѣдѣній о «состояніи православія» въ Пудожскомъ и Шальскомъ погостахъ, о такъ называемомъ «Пудожскомъ расколѣ», о занятіяхъ и промыслахъ крестьянъ и т. д. Въ слѣдующей статьѣ: «Осударева дорога», «имѣющей предметомъ походъ Петра I отъ Бѣлаго моря къ Онежскому озеру въ 1702 г.», г. В. Мегорскій сообщаетъ на основаніи «мѣстной архангельско-олонецкой исторической литературы» «лишь общіе выводы», прибавляя при этомъ, что «документальное ихъ обоснованіе предложено въ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1902—1903 гг.», въ статьѣ его же подъ тѣмъ же заглавіемъ. Наконецъ г. Я. Елпидинскій представилъ наиболѣе полный и живо написанный очеркъ жизни и дѣятельности «Преподобнаго Александра, игумена Троицкаго Свирскаго монастыря».

В. Рудаковъ.

Графы Санти и де-Шамборанъ. Поколѣнныя росписи. Составилъ В. С. Арсеньевъ. Тамбовъ. 1906.

Небольшая вышеназванная брошюра принадлежитъ В. С. Арсеньеву, автору три года тому назадъ изданнаго обширнаго труда: «Родъ дворянъ Арсеньевыхъ». Видимо, авторъ старался использовать извѣстный ему матеріалъ, какъ о графахъ Санти, такъ и де-Шамборанахъ, но онъ совершенно не имѣлъ въ виду архивнаго матеріала, хранящагося въ дѣлахъ департамента герольдіи правительствующаго сената, что особенно невыгодно сказалось на сообщеніяхъ его о графахъ де-Шамборанахъ. Ему остался изъ-за этого неизвѣстенъ родоначальникъ французскихъ графовъ де-Шамборановъ—графъ Арностъ, прибывшій во Францію изъ Фландріи въ 1070 г.; неизвѣстно отчество Ивана-Баптиста

Шамборана (Ивановича), вступившаго въ русскую службу въ 1793 г. съ чиномъ подполковника, а не «генералъ-майора», какъ читаемъ на стр. 7, и его жены — Регины-Генріетты-Схоластики, урожденной Ліонъ-Вильмонкрие; неизвѣстны даты рожденія дѣтей графа Виктора Ивановича Шамборана и д. Въ архивныхъ дѣлахъ о графахъ де-Шамборанахъ сообщаются свѣдѣнія по всѣмъ посредствующихъ лицахъ отъ Арноста до Ивана Ивановича Шамборана включительно. Все это могло бы составить болѣе обширную замѣтку о графахъ де-Шамборанахъ и занять не послѣднее мѣсто, напримѣръ, въ «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ». **В. Рудаковъ.**

Moje przepravy. Pamiętnik Andrzeja hr. Zamojskiego. (Мои переѣзды. Записки гр. Андрея Замойскаго). 1906.

Знаменитый политическій дѣятель эпохи 30-хъ г.г. минувшаго столѣтія и ярый противникъ Велепольскаго, даровитый гр. Андрей Замойскій оставилъ записки о событіяхъ 1830—1831 г.г. Записки оставались подъ спудомъ въ теченіе 15 лѣтъ. Въ 1845 г. Замойскій ихъ пересмотрѣлъ, и онѣ снова остались подъ спудомъ. Въ прошломъ году онѣ появились въ Przegląd'ѣ Polsk'омъ, а въ началѣ настоящаго года въ отдѣльномъ изданіи. Любопытно послушать дѣятеля-очевидца.

Утромъ 30 ноября (н. с.) 1830 г., т.-е. на другой день ноябрьской революціи, генералъ Томашъ Лубенскій былъ назначенъ вице-президентомъ Варшавы. Помощникомъ ему дали Андрея Замойскаго. Лубенскій и Замойскій завели самоуправленіе (rada municypalna). Скоро Лубенскій получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Замойскаго назначили начальникомъ отдѣла промышленности. 4 марта 1831 г., въ 10 час. вечера, кн. Ад. Чарторыйскій пригласилъ его къ себѣ и объявилъ, что на другой день онъ долженъ ѣхать въ Вѣну и вступить въ переговоры съ Меттернихомъ. На слѣдующій день Замойскій былъ уже на пути въ Краковъ. Пѣшкомъ, съ узелкомъ за плечами, онъ прошелъ цѣлую Галицію и Венгрію и добрался до Вѣны. Поселился въ отелѣ «König zum Ungarn», неподалеку отъ св. Стефана, подъ фамиліей Гатцфельда. Изъ дома выходилъ только ночью, не брился, носилъ синія очки. Зато каждый вечеръ посѣщалъ incognito кн. Меттерниха. Выдавая себя за венгерца, черезъ Берно, Оломунецъ и Краковъ, вернулся 28 мая (н. с.) въ Варшаву. Почти черезъ мѣсяцъ, по уполномочію Rząd'a narodow'aro, Замойскій вторично ѣдетъ въ Австрію. Съ узелкомъ за плечами, въ сопровожденіи мужичка, въ ясную лунную ночь, переправляется черезъ Вислу и на четверенькахъ доползаетъ до пустого хлѣва. Черезъ нѣсколько дней австрійская пограничная стража задержала Замойскаго въ корчмѣ. Онъ бросился съ ругательствами на стражниковъ, одного схватилъ за горло... Это произвело впечатлѣніе на задержавшихъ, и дѣло какъ-то уладилось. 6 августа благополучно прибылъ въ Вѣну. Поселился въ домѣ гр. Зичиферрарисъ и вступилъ въ секретные переговоры съ Меттернихомъ, Гетцемъ и гр. Коловратомъ. Не вѣря лично въ успѣхъ освободительнаго движенія, предпринятаго соотечествен-

никами, гр. А. Замойскій положилъ массу труда въ дѣлѣ переговоровъ съ австрійскимъ кабинетомъ. Ежедневно составлялъ «записки» для канцлера и министровъ; возвратившись домой, записывалъ все, что слышалъ въ совѣщаніи, старался сохранить слова, отдѣльныя фразы, даже жесты говорившихъ. Медленный ходъ переговоровъ угнеталъ Замойскаго. Онъ зналъ, что тамъ, на его несчастной родинѣ, кровь льется, что тамъ, на берегахъ Вислы, все рѣшительно все, поставлено на карту. Онъ томился одиночествомъ, отсутствіемъ движенія, воздуха, бродилъ ночами по бастіонамъ, окружавшимъ Вѣну, — тамъ, гдѣ теперь великолѣпный Ring, — или садился на лавочкѣ противъ канцлерскаго дворца, не сводя съ освѣщенныхъ оконъ глазъ, и думалъ, и думалъ... пока ночной полицейскій патруль не прогонялъ его. Важна и отвѣтственна была миссія Андр. Замойскаго. Въ его дорожной сумкѣ, кромѣ разнаго рода документовъ, находились векселя, подписанные кн. А. Чарторыйскимъ, на всякій случай... Рѣшено было было заплатить Австріи: 50.000 дукатовъ, если она устроитъ независимость Польши съ границами до 1793 г., 20.000 дукатовъ, если вызоветъ европейскій конгрессъ, который возьметъ подъ свою опеку польскій вопросъ.

Срокъ платежа назначенъ на день св. Яна (24 іюня н. с.) и на день св. Михаила (29 сентября н. с.). Сдѣлать на векселяхъ передаточную надпись долженъ былъ кн. Константинъ Чарторыйскій, а Гётцъ—указать вліятельное лицо, на которое можно было бы этимъ способомъ подѣйствовать. Изъ Парижа ген. Себастіани, министръ иностранныхъ дѣлъ, на каждый запросъ Скржинецкаго отвѣчалъ: «Durez, durez». Англія, повидимому, была не прочь вмѣшаться. «Если бы сеймъ въ Болимовѣ,—пишетъ Замойскій,—не отобралъ отъ Скржинецкаго командованія арміею, въ то время, когда Паскевичъ имѣлъ наготовѣ приказъ войскамъ войти на зимнія квартиры въ Пруссію, а я получилъ письмо кн. Меттерниха, чтобы приступить къ обсужденію (do zawiązania pertraktacji), — кто можетъ сказать, какой бы приняли оборотъ дѣла? Можетъ быть, не было бы и 15 августа въ наказаніе нашего народа» (т. II, 1). 27 августа 1831 г. «Записки» оканчиваются. Авторъ ихъ пережилъ революцію 1830—1831 г.г. и умеръ въ 1875 г. въ Парижѣ, оставивъ задолго до смерти политическую дѣятельность. Послѣ паденія Велепольскаго, тщетно просилъ Александръ II Замойскаго вернуться на родину и встать у кормила власти въ царствѣ Польскомъ, нарочно посылалъ къ нему въ Парижъ графа Орлова, — Андрей Замойскій остался непреклоненъ. Къ книгѣ приложена обширная корреспонденція графа съ выдающимися людьми его времени.

Г. А. Воробьевъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Отдѣленіе церкви отъ государства въ эпоху язычества. Французы считаютъ вопросъ отдѣленія церкви отъ государства самымъ злободневнымъ и современнымъ, тогда какъ въ сущности онъ былъ уже однажды возбужденъ, именно въ IV-мъ столѣтіи, въ 382 г. послѣ Р. Х., при римскомъ императорѣ Граціанѣ, который впервые поднялъ мѣры противъ оффиціальнаго языческаго культа, признаннаго и оплачиваемаго государствомъ. Такимъ образомъ то, что волнуетъ въ настоящее время Францію и папскій Римъ, уже много лѣтъ тому назадъ, въ первыя времена христіанства, возбуждало въ языческомъ мірѣ такое же волненіе. Французскій писатель Кюниссэ-Карно во второй іюльской книжкѣ «La Grande Revue» очень рельефно разсказываетъ [1]) этотъ малоизвѣстный эпизодъ всемірной исторіи, столь близко похожій на теперешнія событія. Вопросъ о раздѣленіи церкви и государства потребовалъ почти четыре вѣка до достиженія полной зрѣлости. Общество того времени, очень космополитическое, отличалось эклектизмомъ и вѣротерпимостью, и всѣ религіи, начиная съ христіанской, пользовались большой доктринальной свободой. Отецъ Граціана, Валентиніанъ I, бывшій самъ христіаниномъ, оффиціально изложилъ свободу совѣсти въ своемъ указѣ, говоря: «Между различными религіями я буду держать одинаковое равновѣсіе, не безпокоя никого за его вѣру и не обязывая исповѣдующихъ различныя вѣры насильно принадлежать къ одной изъ нихъ».

---

[1]) La separation païenne de l'eglise et de l'etat, par M. Cunisset-Carnot. «La Grande Revue», 16 Juillet 1906.

Онъ воспретилъ заставлять христіанскихъ солдатъ стоять на караулѣ предъ языческими храмами или принимать участіе въ языческихъ торжествахъ. Напротивъ, онъ записалъ въ куріи христіанскихъ священниковъ, чтобы они не избѣгали платежа муниципальныхъ податей, и запрещалъ имъ принимать отъ кого бы то ни было наслѣдство, кромѣ своихъ близкихъ родственниковъ. Сынъ и наслѣдникъ Валентиніана, Граціанъ, по внушенію епископа Амвросія въ 382 г. издалъ императорскій указъ, которымъ уничтожилъ государственный бюджетъ языческаго культа. Такимъ образомъ было прекращено содержаніе языческихъ храмовъ на государственный счетъ, что имѣло громадное вліяніе на торжество христіанства. Съ этого времени жрецы перестали получать отъ казны содержаніе, и поклонники прежнихъ боговъ составили между собою общество для поддержанія своихъ жрецовъ, лишившихся помощи изъ офиціальнаго бюджета. Очевидно, 1500 лѣтъ тому назадъ произошло то же самое, что разыгрывается въ наше время во Франціи. Оставался еще неразрѣшеннымъ вопросъ о религіозныхъ эмблемахъ. Послѣ отдѣленія церкви отъ государства, христіане, еще не установившіе офиціально внѣшнихъ религіозныхъ знаковъ, потребовали, чтобы съ общественныхъ и государственныхъ зданій сняли всѣ эмблемы прежней языческой вѣры. Императору показалась вполнѣ справедливымъ ввести полное равенство между обоими культами, и онъ предписалъ, чтобы всѣ языческіе знаки, выставленные въ школахъ и преторіяхъ, на улицахъ и площадяхъ, были уничтожены. Оканчивая свою любопытную и вполнѣ своевременную статью, Кюниссэ-Карно приводитъ представленный императору Валентиніану въ отвѣтъ на жалобу генерала Симака докладъ св. Амвросія отъ имени язычниковъ относительно уничтоженія духовнаго бюджета и снятія религіозныхъ эмблемъ. «Тогда какъ мы гордимся нашими мучениками и безкорыстной борьбой,—говоритъ епископъ,—язычники думаютъ только о деньгахъ. Тогда какъ наша религія развилась, несмотря на преслѣдованія и волю великихъ императоровъ, язычники сознаются, что имъ необходима помощь государства для поддержанія религіи, которая не можетъ безъ этого существовать. Что же касается до уничтоженія алтаря побѣды,—продолжаетъ св. Амвросій,—то это совершенно соотвѣтствуетъ справедливости, такъ какъ оно освящаетъ свободу всѣхъ. Дѣйствительно, несправедливо принуждать людей смотрѣть на эмблемы вѣры, которая противна ихъ собственной, и присутствовать при религіозной церемоніи, которая имъ отвратительна». Все это, какъ нельзя болѣе, служитъ прототипомъ нынѣшнихъ событій во Франціи.

— Средневѣковый Лондонъ. Посмертный трудъ сэра Вальтера Безанта объ исторіи Лондона издается въ обратномъ хронологическомъ порядкѣ, и первый томъ[1]) является только теперь, а второй выйдетъ въ будущемъ году. Прежде всего вышелъ послѣдній и лучшій томъ всей серіи: «Лондонъ въ XVIII вѣкѣ», такъ какъ авторъ спеціально изучилъ этотъ періодъ; затѣмъ — Лондонъ во времена Стюартовъ и эпоху Тюдоровъ, и лишь теперь вышелъ средневѣковый Лондонъ, начиная съ царствованія Генриха II. Настоящая книга не снабжена никакимъ вступленіемъ автора, и только издатель заяв-

[1]) Madiaeval London. Vol. I. By Sir Walter Besant. London. 1905.

ляетъ, что во второмъ и послѣднемъ томѣ настоящей серіи будетъ заключаться «Духовный Лондонъ». Въ этомъ же томѣ излагается исторія города въ отношеніи къ его королямъ и разсказывается его общественное положеніе въ разнообразныхъ фазахъ. Всѣ классы общества: король, царедворцы, купцы и бѣдняки были, сосредоточены въ стѣнахъ Лондона, и хотя народъ тѣсно гнѣздился въ нѣкоторыхъ его частяхъ, другіе кварталы изобиловали садами и открытыми пространствами. Средневѣковый лондонецъ по необходимости велъ преимущественно уличную жизнь, такъ какъ домашняя среда была очень скудная. Не очень легко отгадать, какъ жило населеніе Лондона въ средніе вѣка, потому что осталось очень мало статистическихъ свѣдѣній, но, повидимому, въ эту эпоху оно очень мало увеличивалось, благодаря частымъ войнамъ и эпидеміямъ чумы. Только начиная со времени Тюдоровъ, Лондонъ сталъ распространяться за предѣлы своихъ стѣнъ, и такимъ образомъ возникли предмѣстья. Авторъ собралъ много иллюстрацій, касающихся средневѣковаго Лондона, хотя это было очень урудно. Между прочимъ, чрезвычайно любопытенъ портретъ едва ли не фантастическій, Фицъ-Эльвина, съ надписью внизу: «Первый лордъ-мэръ Лондона», такъ какъ этотъ титулъ вошелъ въ употребленіе, только нѣсколько вѣковъ спустя. По несчастію, мы имѣемъ очень скудныя свѣденія о жизни первоначальныхъ лондонскихъ жителей и поэтому должны придавать особую цѣну живой, рельефной картинѣ Лондона XII столѣтія, вышедшей изъ подъ пера Фицъ-Стивена. По словамъ автора главнѣйшій дворецъ англійскихъ королей отъ Канута до Генриха VIII былъ домъ королей въ Вестминстерѣ. Очень вѣроятно, что онъ правъ, хотя нѣтъ никакихъ подлинныхъ доказательствъ, гдѣ находится мѣсто жительства королей ранѣе Эдуарда Исповѣдника. Хотя Безантъ увѣряетъ, что Канутъ останавливалъ волны въ Торнэ, названномъ впослѣдствіи Вестминстеромъ, но обыкновенно полагаютъ и съ большой вѣроятностью, что это обстоятельство случилось въ Торнэ, въ Сусексѣ, который находится на берегу моря. Относительно цѣнъ на пищу, которыя назначались правительствомъ, Безантъ замѣчаетъ: «Эти правила существовали нѣсколько времени, а потомъ были забыты. Какая польза въ опредѣленіи цѣны на мелкую рыбу,—пенсъ за сотню, если спросъ на нее былъ чрезвычайный, а доставка ограниченная». Потомъ авторъ приводитъ любопытныя свѣдѣнія о цѣнности денегъ въ различные періоды. Замѣчательно, что многія изъ первыхъ необходимостей жизни были дороже въ средніе вѣка, чѣмъ теперь, но крѣпкіе напитки, несомнѣнно, были дешевле. Къ сожалѣнію, въ этой книгѣ очень скудны свѣдѣнія объ общественныхъ торжествахъ. Такъ, авторъ упоминаетъ только о 27 празднествахъ въ теченіе 278 лѣтъ, т.-е. по одному въ теченіе десяти лѣтъ. Очевидно, это несправедливо, и много королевскихъ и общественныхъ церемоній пропущено. Главный интересъ этой книги заключается въ живомъ изложеніи лондонскихъ старинныхъ обычаевъ.

— Альфосина Орсини, жена Пьетро Медичи. Итальянская писательница, Берта Феличе, продолжаетъ въ первой іюльской книжкѣ «Rassegna Nazionale» свою любопытную серію біографическихъ очерковъ женъ Пьетро Медичи. Послѣ нѣжной, обворожительной Клариссы Орсини, жены Лаврентія

Великолѣпнаго, она представляетъ читателямъ не столь прелестный образъ, но замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ,—Альфинсины Орсини, двоюродной сестры Клариссы, жены Пьетро Медичи и невѣстки папы Льва X. Это была настоящая Орсини: энергичная, честолюбивая, пламенная, суровый другъ и опасный врагъ, ненасытная, когда счастье ей улыбалось, и неумолимая въ дни бѣдствія. Истинная дочь римскихъ аристократокъ, она обнаруживала въ опасные дни великія способности въ оказаніи услугъ мужу и сыну. Пьетро Медичи, недостойный наслѣдникъ Лаврентія Великолѣпнаго, былъ пустой надменный, развратный, вѣтреный и неловкій человѣкъ, имѣвшій плохую голову и такое же сердце. Живя въ самую грандіозную эпоху флорентійскаго возрожденія, онъ даже не выказывалъ любви искусствамъ, которая была отличительной чертой его семейства. Однимъ словомъ это былъ грубый невѣжда. Когда Карлъ VIII прибылъ въ Италію по приглашенію Людовика Сфорцы, Пьетро вступилъ въ союзъ противъ него со своимъ двоюроднымъ братомъ, Фердинандомъ Неаполитанскимъ, но, испугавшись приближенія французовъ къ Флоренціи, отправился въ лагерь ихъ короля и старался расположить его въ свою пользу. При возвращеніи въ столицу, онъ едва не былъ убитъ разгнѣваннымъ народомъ. Альфонсина умоляла его выказать энергичное сопротивленіе и обнаружить увѣренность въ преданнонти солдатъ, подъ начальствомъ его двоюроднаго брата, Паоло Орсини, но Пьетро не хотѣлъ ее слушать и бѣжалъ въ Венецію. Его жена отказалась слѣдовать за нимъ, осталась во Флоренціи, и когда Карлъ VIII вступилъ въ этотъ городъ, то она бросилась къ ногамъ короля, тщетно умоляя его возстановить власть своего мужа. По удаленіи французовъ она все же осталасъ во Флоренціи, интриговаля противъ Савапаролы и старалась во что бы то ни стало возстановить силу и значеніе Palleschi. Ея свобода и даже жизнь подверглись опасности, и она кончила тѣмъ, что бѣжала, переодѣвшись монахиней, и присоединилась къ мужу, всячески побуждая его поднять оружіе противъ мятежниковъ. Пьетро съ помощью своей воинственной жены собралъ войско и дважды пытался овладѣть Флоренціей, но это ему не удалось, и онъ искалъ въ самомъ грубомъ развратѣ утѣшеніе въ своихъ вполнѣ заслуженныхъ несчастіяхъ, а затѣмъ сдѣлался ганераломъ Людовика XII и безуспѣшно воевалъ съ неаполитанцами. Въ концѣ концовъ онъ утонулъ при переходѣ чрезъ Гарильяно въ 1503 г., что было большимъ освобожденіемъ для всего рода Медичи. Спустя нѣсколько лѣтъ, испанская армія овладѣла Флорентійской республикой и совершила самые страшные ужасы, вырвавшіе крики негодованія у Микель-Анджело. Вслѣдствіе этого семья Медичи была съ торжествомъ возстановлена во Флоренціи. Молодой Лаврентій, сынъ Пьетро и Альфонсины, сдѣлался номинальнымъ главою семьи и государства; его дядя, кардиналъ Іоаннъ, былъ избранъ въ слѣдующемъ году въ папы подъ именемъ Льва X. Другой его дядя Юліанъ, герцогъ Немурскій, назначенъ Людовикомъ XII конфалоньеромъ св. церкви, а кардиналъ Юлій, будущій папа Климентъ VII, сдѣланъ архіепископомъ и губернаторомъ Флоренціи. Объ означенной эпохѣ жизни Альфонсины изслѣдованіе Берты Феличе особенно богато историческимъ интересомъ. Она рельефно очерчиваетъ до сихъ поръ не вполнѣ извѣстную преобладающую роль Альфон-

сины въ правленіи Флоренціей. Ея родственники смотрѣли на все ея глазами. она всѣмъ повелѣвала, а ея глупый сынъ былъ только маріонеткой, которую она приводила въ движеніе. Она диктовала ему всѣ необходимыя распоряженія относительно французскаго короля, папы и флорентійцевъ; благодаря ей онъ былъ назначенъ папою Львомъ X на должность префекта Рима, а по смерти своего дяди Юліана сдѣлался гонфалоньеромъ и генералъ-капитаномъ церкви. Альфонсина женила его на французской принцессѣ, кроткой Магдалинѣ Оверньской. Наконецъ ей удалось, благодаря безконечнымъ интригамъ, убѣдить Льва X рѣшиться на лишеніе герцога Роверо герцогства Урбино и передать послѣднее своему племяннику Лаврентію Медичи. Этотъ незначительный юноша не заслуживалъ, чтобы Маккіавель посвятилъ ему «Il principe» и предложилъ ему ввести единство Италіи, а Микель-Анджело изобразилъ его въ своемъ знаменитомъ «Pensieroso» въ церкви св. Лаврентія. Онъ умеръ въ 1519 г. а его знаменитая мать черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ него.

— Марія Моденская. Такъ звали вторую жену англійскаго короля Якова II, послѣдняго изъ династіи Стюартовъ. Она главнымъ образомъ прославилась своей святостью во время своего долгаго изгнанія во Францію, въ Сенъ-Жерменъ, вмѣстѣ съ мужемъ, и Сенъ-Симонъ полагаетъ, что «ея жизнь и смерть напоминаютъ собою истинную святую». О ея жизни много было писано, но болѣе католиками, а потому ихъ сочиненія состоятъ преимущественно изъ диөирамбовъ ея святости. Только на-дняхъ англійскій ученый историкъ, Мартинъ Гэль, издалъ большой замѣчательный трудъ, посвященный серьезному изслѣдованію жизни второй жены Іакова II. Онъ основательно изучилъ лондонскіе, парижскіе, моденскіе, вѣнскіе, ватиканскіе и флорентійскіе архивы, а также семейныя книгохранилища якобинскихъ семействъ Великобританіи. Рядомъ съ драгоцѣнной серіей собственныхъ писемъ Маріи Моденской къ ея родственникамъ и друзьямъ, авторъ пользовался конфиденціальными донесеніями пословъ и европейскихъ секретныхъ агентовъ, что составило живую исторію катастрофы 1688 г. Что же касается до періода, предшествовавшаго этой катастрофѣ, всѣ будущіе англійскіе историки должны быть благодарны Гэлю за ту массу новыхъ свѣдѣній, которыя онъ старательно собралъ со всѣхъ сторонъ для рельефнаго изображенія, какъ королевы Маріи, такъ и короля Іакова. Замѣчательный трудъ автора по интересу изложенія и документальности приводимыхъ имъ фактовъ заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Начинается эта замѣчательная книга съ посольства лорда Питерборо, одного изъ приближенныхъ герцога Іоркскаго, будущаго короля Іакова II, въ Европу, съ цѣлью отыскать ему невѣсту. Какъ извѣстно, герцогъ Іоркскій былъ первоначально женатъ на Аннѣ Гайдъ, оставившей ему послѣ своей смерти двухъ дочерей, а такъ какъ король Карлъ II былъ бездѣтенъ, то необходимо было устроить свадьбу герцога Іоркскаго, чтобы получить наслѣдника англійскаго престола. Въ то время въ Европѣ было шесть подходящихъ невѣстъ: эрцгерцогиня Клавдія Инсбрукская, принцесса Элеонора Нейбургская, прицесса Марія Вюртембергская, принцесса Марія Моденская, герцогиня Гизъ и дѣвица Эльбефъ, племянница Тюрена, которую сватала любовница Карла II, герцогиня Портсмутская

ская. Прежде всего Питерборо обратилъ вниманіе на австрійскую эрцгерцогиню, отличавшуюся необыкновенной красотой, но императоръ Леопольдъ воспротивился ея браку съ герцогомъ Іоркскимъ, потому что онъ самъ подготовлялъ ее себѣ въ невѣсты на случай вдовства, что вскорѣ и случилось. Потомъ выборъ англійскаго посла остановился на прелестной, очаровательной герцогинѣ Моденской, но, несмотря на всѣ увѣщеванія и старанія, она отказалась отъ брачныхъ предложеній на томъ основаніи, что рѣшилась поступить въ монахини. Тщетно Карлъ II и Людовикъ XIV старались убѣдить Марію Моденскую измѣнить свое рѣшеніе, и, наконецъ, они обратились къ помощи папы. Послѣдній написалъ молодой дѣвушкѣ на латинскомъ языкѣ длинное письмо, въ которомъ приказывалъ ей въ интересахъ религіи выйти замужъ за католическаго наслѣдника англійскаго престола. Тогда Марія Моденская согласилась на этотъ бракъ, и 30 сентября 1673 г. онъ состоялся заглазно въ церкви Моденскаго дворца, а въ декабрѣ молодая герцогиня Іоркская впервые увидѣлась съ своимъ мужемъ. Онъ былъ очарованъ ея красотой, и весь Лондонъ пришелъ въ восторгъ отъ молодой герцогини. Преданный до фанатизма католическому культу, Іаковъ II, сдѣлавшись королемъ, сталъ дѣйствовать самымъ неосторожнымъ и безсмысленнымъ образомъ, всегда поддерживая ненавистную почти всѣмъ англичанамъ вѣру. Вскорѣ дѣло кончилось тѣмъ, что онъ былъ лишенъ престола и изгнанъ изъ Англіи, а его мѣсто заняли его дочь Марія и ея мужъ Вильгельмъ III Оранскій. Такимъ образомъ наступилъ длинный періодъ изгнанія Маріи Моденской, который она провела въ различныхъ государствахъ Европы, преимущественно во Франціи. Тридцать лѣтъ она прожила далеко отъ своего бывшаго королевства, но вела себя образцово, и всѣ называли ее «святой», какъ выражался Бурдалю.

— Фридрихъ Великій въ качествѣ французскаго критика. Профессоръ Геттингенскаго университета, М. Френсдорфъ, изучаетъ въ іюльской книгѣ «Preussische Jahrbücher» строгія сужденія прусскаго короля «Фридриха II о различныхъ литературныхъ вопросахъ въ маленькомъ и глубоко интересномъ томѣ, вышедшемъ въ Берлинѣ въ 1780 г. Разумѣется, эта книга написана по-французски, такъ такъ Фридрихъ Великій гордился тѣмъ, что говорилъ и писалъ на этомъ языкѣ гораздо лучше, чѣмъ на своемъ родномъ нѣмецкомъ, который онъ почти забылъ, такъ какъ никогда на немъ не изъяснялся. Всѣ его министры, генералы и придворные говорили съ нимъ по-французски; по-французски же онъ писалъ всѣ свои инструкціи, приказы и даже прокламаціи къ солдатамъ; секретари по мѣрѣ надобности переводили эти документы на нѣмецкій языкъ. Даже, когда ему было нужно прочитать нѣмецкую книгу или бумагу, то онъ обыкновенно давалъ ее перевести для себя по-французски. Онъ не допускалъ, чтобы человѣкъ со вкусомъ могъ говорить и писать на нѣмецкомъ языкѣ, «годномъ только для извозчиковъ». Самъ Фридрихъ былъ очень плодовитый и разнообразный писатель, и послѣ него осталось до двадцати пяти большихъ томовъ по исторіи, философіи, поэзіи—лирической, эпической и сатирической, беллетристикѣ, драматургіи и т. д. При этомъ, конечно, ни одна вещь не была имъ написана на «языкѣ извозчиковъ». Онъ страстно восторгался французскими писателями XVII и XVIII вѣковъ,

«Я предпочелъ бы написать «Athalie» чѣмъ совершить семилѣтнюю войну», — говорилъ онъ и прибавилъ, что «Генріада» Вольтера была гораздо выше «Иліады» и «Энеиды». Извѣстно, что недовольный перепиской съ Вольтеромъ и Даламберомъ, онъ не только выписалъ въ Берлинъ автора обожаемой имъ «Генріады», но пригласилъ къ себѣ второстепенныхъ французскихъ писателей: Монертюи, Ла-Мэтри, Ла-Бомеля и Арно Бакюляра. При этомъ почтенный нѣмецкій профессоръ съ горечью замѣчаетъ: «Величайшій германецъ XVIII вѣка отличался чисто французской культурой, и маленькая книжка, которой мы занимаемся, не только написана по-французски, но, кажется, создана чисто французскимъ умомъ». Согласно своимъ литературнымъ вкусамъ и направленію ума Фридрихъ естественно долженъ былъ судить чрезвычайно строго нѣмецкую литературу. А въ сущности въ какомъ блестящемъ положеніи находилась, по мнѣнію профессора Френсдорфа, нѣмецкая литература въ то время, когда король-критикъ относился къ ней такъ строго и презрительно! Тогда Лессингъ, иниціаторъ и теоретикъ германскаго литературнаго возрожденія, оканчивалъ свою карьеру, Клопштокъ, авторъ «Мессіады», доживалъ свой вѣкъ окруженный цѣлымъ рядомъ учениковъ, впереди которыхъ блестѣлъ Бюргеръ, поэтъ «Леноры»; герцогъ Саксенъ-Веймарскій окружалъ себя великими поэтами и философами, которыми гордилась Германія. Тогда еще не виднѣлся при его дворѣ Шиллеръ, который въ то время учился въ школѣ и писалъ своихъ «Разбойниковъ», но Гете, Виландъ и Гердеръ, соединенные между собою узами дружбы, составляли тріумвиратъ, имѣвшій громадное вліяніе на всю Германію: Гете уже тогда былъ авторомъ «Вертера» и «Гетца фонъ-Берлихингена», Виландъ напечаталъ «Оберона» въ томъ самомъ году, когда Фридрихъ Великій писалъ свою нѣмецкую литературу, а Гердеръ возбуждалъ своими сочиненіями любовь къ классицизму. И въ подобную-то эпоху возрожденія германскаго генія Фридрихъ Великій не чувствовалъ этого глубокаго переворота и относился къ отечественной литературѣ того времени съ точки зрѣнія Буало. Пьесы Шекспира, которыя съ легкой руки Лессинга вошли въ моду въ Германіи, считались Фридрихомъ «грубыми, нелѣпыми фарсами, достойными дикарей Канады». Онъ находилъ въ нихъ настолько искусства, насколько его заключается въ представленіяхъ маріонетокъ или канатныхъ плясуновъ. «Гетца фонъ-Берлихингена», обнаружившаго геній Гете и произведшаго на всю Германію громадное впечатлѣніе, Фридрихъ называлъ «отвратительной пошлостью». Вообще ни одинъ нѣмецкій поэтъ не находилъ у него пощади, и онъ безжалостно мѣшалъ ихъ имена. Такъ Готшеда онъ принималъ за Геллерта. Онъ особенно упрекалъ нѣмецкихъ писателей за ихъ педантизмъ, неясность выраженій, дурной вкусъ и за жажду независимости, когда они въ сущности должны были подражать греческимъ, латинскимъ и французскимъ писателямъ. Однако въ концѣ своихъ разсужденій Фридрихъ Великій совѣтуетъ нѣмецкой литературѣ прежде всего смягчить свой языкъ, а, во-вторыхъ, подражать великимъ авторамъ, особенно французскимъ. Въ такомъ случаѣ они, конечно, станутъ ихъ соперниками. Въ письмѣ къ Даламберу державный критикъ говоритъ о своей книгѣ: «Я не слишкомъ былъ строгъ къ нѣмцамъ; я ихъ только бичевалъ розами». Однако нѣмцы находили, что въ этихъ розахъ было слишкомъ много шиповъ.

— Полиція во Франціи во время реставраціи. Въ прибавленіи къ «Figaro» за 18 августа помѣщена любопытная статья о политической полиціи во Франціи въ эпоху реставраціи. Ея авторъ, Луи Флерьель, разсказываетъ, что по возвращеніи Людовика XVIII во Францію въ 1814 г. онъ нашелъ тайную полицію прекрасно организованной Фушэ, который былъ сдѣланъ ея начальникомъ во время директоріи. Потомъ его поддерживалъ Бонапартъ сначала, какъ первый консулъ, а затѣмъ—какъ императоръ. Созданное во время прежней монархіи, это учрежденіе совершенно ослабло, благодаря неспособнымъ и неусерднымъ начальникамъ, но по вступленіи въ свои обязанности способнаго на подобнаго рода дѣла оно совершенно преобразовалось такъ же, какъ и составъ служащихъ. Вскорѣ послѣ 18 фруктидора эмигрировавшіе роялисты возвратились во Францію, и за ними Фушэ учинилъ самый строгій надзоръ. Большинство изъ нихъ поплатилось кровью за свои безумныя и часто героическія предпріятія. Савари, герцогъ Ровиго, замѣстившій Фушэ въ министерствѣ полиціи въ 1809 г., продолжалъ его дѣло съ меньшею опытностью, но съ еще большею строгостью. Такъ шло дѣло до возвращенія Бурбоновъ. Извѣстный черный кабинетъ, игравшій важную роль въ администраціи почтъ, располагалъ замѣчательно пронырливыми чиновниками, которые занимались перлюстраціей, узнавали изъ вскрываемыхъ ими писемъ многое и сообщали полиціи; послѣдняя, пользуясь кромѣ того, ежедневными сообщеніями «наблюдателей», приставленныхъ къ подозрительнымъ гражданамъ, получала возможность слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ. Благодаря недостаточному количеству документовъ, трудно сказать, часто ли пользовалась реставрація услугами унаслѣдованной отъ имперіи полиціи, но послѣ ста дней она, несомнѣнно, оказывала много услугъ Бурбонамъ. Во вторичное свое возвращеніе во Францію Бурбоны были окружены большимъ количествомъ враговъ, чѣмъ въ первое. Ихъ врагами сдѣлались всѣ, измѣнившіе имъ въ пользу возвратившагося съ Эльбы Наполеона, многіе старые генералы императорской арміи, которые, несмотря ни на что, сожалѣли императора, республиканцы и орлеанисты, питавшіе надежду, что болѣе не увидятъ Бурбоновъ, возстановленіе которыхъ было для нихъ полнымъ разочарованіемъ; теперь они боялись ихъ мести. Имѣя подъ руками такое орудіе защиты, какъ полиція Фушэ, невозможно было имъ не воспользоваться, тѣмъ болѣе, что этому же самому Фушэ ходъ событій снова ввѣрилъ организованное имъ учрежденіе, и подъ его авторитетомъ оно опять начало дѣйствовать, какъ въ дни имперіи съ помощью чернаго кабинета и «наблюдателей». Въ общественныхъ и частныхъ архивахъ въ большомъ количествѣ находятся копіи со вскрытыхъ на почтѣ писемъ и донесеній «наблюдателей». Изъ этихъ документовъ узнавались семейныя тайны, любовныя интриги и попытки къ тайнымъ заговорамъ и т. д. Полиція реставраціи отличалась отъ полиціи имперіи тѣмъ, что, не уменьшая рвенія въ наблюденіяхъ за подозрительными французами, она съ еще большей строгостью слѣдила за иностранцами, которые съ 1815 г. толпами являлись въ Парижъ вслѣдъ за союзною арміей, гдѣ они оставались какъ въ завоеванной странѣ, цѣлыхъ три года, до Аахенскаго конгресса, на которомъ Людовикъ XVIII и его министръ, герцогъ Ришелье, такъ ловко повели дѣло, что

была уплачена [illegible] и [illegible] съ французской территоріи. Но этотъ переходный періодъ былъ для Франціи полонъ униженія, и королевское правительство въ своей зависимости отъ союзныхъ иностранныхъ посольствъ и прерывъ въ оккупаціонныхъ армій. За всякимъ дѣйствіемъ французскаго правительства слѣдили, критиковали и оспаривали его и даже препятствовали его осуществленію. Представители Россіи, Австріи, Англіи и даже Пруссіи собирались вмѣстѣ разъ въ недѣлю и даже чаще, если того требовали обстоятельства, бесѣдовали о рѣшеніяхъ французскихъ министровъ и даже были готовы каждую минуту вмѣшаться въ ихъ постановленія, если они были нѣсколько либеральны и угрожали спокойствію Европы. Ихъ совѣщанія держались въ строгой тайнѣ, и французское правительство всегда должно было опасаться, не будутъ для него они неблагопріятны. Поэтому не удивительно, что полиція старалась проникать въ посольства, и шпіоны перехватывали [illegible] посылаемые посланниками своимъ дворамъ. Для этого полиція не жалѣла денегъ на подкупы слугъ, и агенты могли входить въ посольскіе дома, какъ днемъ, такъ и ночью и копировали письма, получаемыя живущими тамъ лицами. Они доходили до того, что собирали брошенныя въ корзины негодныя письма и слѣдили за каждымъ шагомъ являвшихся въ посольство. Мало того, этотъ строгій надзоръ не прекращался за иностранцами, даже когда они покидали Францію и возвращались на родину. За дипломатическими курьерами, проѣзжавшими черезъ Парижъ изъ Англіи въ Пруссію, Австрію или Россію, тоже слѣдили во все время ихъ пребыванія во Франціи. Ихъ депеши вскрывались и съ нихъ снимали копіи для министра иностранныхъ дѣлъ, чтобы онъ могъ прослѣдить, какого мнѣнія иностранныя державы о Франціи, и каковы ихъ намѣренія относительно нея. «Ремесло наблюдателя» было не изъ легкихъ и пріятныхъ, и часто ему приходилось рисковать жизнью совершенно [illegible] зато въ вознагражденіе на ихъ долю выпадала возможность читать [illegible]ныя письма, попадавшіяся среди прочихъ документовъ, какъ, напримѣръ, любовное письмо Меттерниха къ княгинѣ Ливенъ, и узнавать о любовныхъ интригахъ въ родѣ ночныхъ свиданій княгини Багратіонъ съ какой нибудь высокопоставленной личностью. «Наблюдатель» докладывалъ, что какая нибудь высокопоставленная личность усердно прогуливалась въ ожиданіи, когда уйдутъ всѣ гости, и она можетъ проскользнуть къ красивой княгинѣ и остаться [illegible]ночевать. Особенно подвергался строгому наблюденію нѣмецкій ученый Александръ Гумбольдтъ, пользовавшійся симпатіей парижскаго общества и усердно посѣщавшій иностранныя посольства, особенно прусское. Его переписка съ братомъ, тоже ученымъ и въ то же время государственнымъ человѣкомъ, проживавшимъ то въ Берлинѣ въ качествѣ министра, то въ Лондонѣ посломъ, то въ Ахенѣ, гдѣ онъ засѣдалъ на конгрессѣ, подвергалась полной перлюстраціи. Благодаря усердію «наблюдателей», среди писемъ къ брату были захвачены и письма къ многимъ парижанкамъ, какъ къ г-жѣ Сталь, маркизѣ [illegible]кальмъ, маркизѣ де-Пре, и къ друзьямъ—Шатобріану, Вольнею, художнику Жерару, графу Гольцу и др. личностямъ. Въ скоромъ времени эти письма, а также отвѣты на нихъ появятся въ печати. Въ январѣ 1816 г. принцъ Павелъ Вюртембергскій, тотъ, который женился на русской великой княжнѣ

подвергся во время своего пребыванія въ Парижѣ не менѣе строгому надзору. Ему приписывали симпатію къ Бонапартамъ, и потому «наблюдатель», приставленный къ нему, писалъ: «Добились подкупить слугъ принца Вюртембергскаго. Это считаютъ полезнымъ въ виду предосудительныхъ сношеній, которыя принцъ сохранилъ въ Парижѣ, и вотъ первыя свѣдѣнія, которыхъ добились. Принцъ Поль—человѣкъ безнравственный, безпринципный и большой врагъ Бурбоновъ. Онъ слѣдилъ почти за всѣми засѣданіями палаты депутатовъ во время обсужденія закона объ амнистіи, и въ тотъ день, когда прошла статья о королеубійствѣ, онъ пришелъ въ невообразимую ярость противъ всего собранія. Обыкновенно онъ проводитъ вечера у г-жи Жюно, въ нечестивомъ собраніи, гдѣ во времена Меттерниха хвастались, что составили партію для Наполеона II, и гдѣ еще теперь говорятъ о политикѣ и новостяхъ въ самомъ дурномъ смыслѣ. За послѣднее время принцъ Поль былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ генераломъ Вильсономъ, скомпрометированнымъ въ бѣгствѣ г-жи Ла-Валеттъ. Это два характера необузданные, безпорядочные, созданные другъ для друга. Въ настоящее время принцъ Поль очень интересуется этимъ англичаниномъ и сильно возстаетъ противъ правительства и полиціи. Вчера у него собралось четверо англичанъ, чтобы найти средство освободить генерала Вильсона. «Развѣ Веллингтонъ допуститъ произнести надъ нимъ приговоръ?—спросилъ принцъ. Смѣли же потребовать освобожденіе капитана Райта отъ деспотизма Бонапарта, а для генерала Вильсона ничего не дѣлаютъ». Онъ обѣщалъ отправиться къ лорду Веллингтону для самыхъ энергичныхъ переговоровъ, и онъ дѣйствительно поѣхалъ туда, какъ только окончилась эта конференція». Такимъ образомъ «наблюдатели» узнавали цѣлые разговоры. Столь же интересны доклады агентовъ, наблюдавшихъ за австрійскимъ посольствомъ. Въ то время посланникомъ былъ баронъ Винсенъ, первымъ секретаремъ котораго состоялъ баронъ Биндеръ, личный другъ принца Меттерниха. Въ особенности перехватывались письма фактотума послѣдняго, нѣкоего Густава, проживавшаго у тестя, Пьера Метцлера, оптоваго торговца виномъ въ улицѣ Комартэнъ. Онъ долго служилъ лакеемъ Флоре, секретаря Меттерниха. Его жена была любовницей многихъ австрійскихъ дипломатовъ. Мужъ это зналъ, и такъ какъ ихъ состояніе округлялось, то ничего противъ этого не говорилъ. Его подозрѣвали въ шпіонствѣ для австрійскаго посольства, такъ какъ по словамъ «наблюдателей» въ 1812 и въ 1813 гг. Густавъ болѣе не былъ бонапартистомъ, но въ тотъ годъ снова сдѣлался. «По крайней мѣрѣ,—добавляетъ полицейскій агентъ,—онъ безпрестанно говоритъ объ императрицѣ Маріи-Луизѣ и ея сынѣ, котораго онъ очень хвалитъ, и говоритъ что онъ призванъ для великой судьбы и, конечно, отъ нея не откажется». До марта 1817 г. полиція знала все, что происходитъ въ австрійскомъ посольствѣ, благодаря подкупу лакея барона Биндера. Ей было сообщено, чсо Меттернихъ и Талейранъ сообщаются между собою при посредничествѣ барона Биндера, который приказываетъ докладывать о себѣ у Талейрана подъ чужимъ именемъ. Онъ самъ ходилъ къ нему за письмами въ Вѣну, передавалъ ихъ черезъ посольство и лично вручалъ Барбье передъ самымъ отправленіемъ курьера по средамъ въ Вѣну. Впрочемъ посланникъ обнаружилъ измѣну, но не догадался, кто ея виновники. Онъ

призвалъ всю свою нѣмецкую прислугу и объявилъ, что въ посольствѣ есть измѣнники, а потому объявилъ, что надо слѣдить за французскими слугами и въ особенности за нѣкимъ Делонэ и однимъ лакеемъ бюро. Затѣмъ баронъ Биндеръ призвалъ своего слугу, который какъ разъ служилъ шпіономъ для французской полиціи, и не подозрѣвая, что именно онъ выдаетъ всѣ тайны, довѣрялъ ему тайны посольства. Въ англійскомъ посольствѣ было дѣло иначе, и посланникъ сэръ Чарльсъ Стюартъ былъ человѣкъ осторожный и недовѣрчивый. Хотя французской полиціи удалось подкупить двухъ его курьеровъ, его лакея Алонцо и еще двухъ слугъ, но перехваченныя ими письма не представляли большого интереса и, по словамъ «наблюдателей» посланникъ, разсчитавъ своего нѣмецкаго лакея Пепеля, принялъ строгія мѣры для охраненія своего кабинета, канцеляріи и своей корреспонденціи. Секретные замки, шифры и письма были крѣпко заперты, а ключи изъ этихъ замковъ имѣлись только у доктора Ритчи и секретаря Кросби. Одинъ шкафъ былъ, по словамъ Алонцо, весь переполненъ докладами посольскихъ агентовъ. Въ числѣ этихъ агентовъ находятся Дэрби, Маршаллъ и Кукапонъ. Доклады сэра Стюарта своему правительству всѣ находятся въ его кабинетѣ, куда впускаютъ лишь убирать комнату при свидѣтеляхъ. Что касается частныхъ писемъ, то онъ не обращаетъ на нихъ вниманія въ виду того, что важныя извѣстія передаются ему устно, въ письмахъ же говорится о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Потому въ англійскомъ посольствѣ наблюдателямъ не было чѣмъ поживиться. Зато въ нѣмецкомъ посольствѣ можно было сколько угодно списывать копій съ важныхъ документовъ, докладовъ нѣмецкому правительству, даже на самомъ столѣ графа Гольца и агенты цѣлыхъ два года пользовались небрежностью посланника. Одинъ изъ «наблюдателей» узнавъ, что какая-то г-жа Фрето, проживавшая въ Парижѣ, получила приглашеніе отъ голландскаго посланника Фалька завѣдывать его хозяйствомъ и занимать мѣсто хозяйки, принялся за нею ухаживать. Въ концѣ концовъ онъ подкупилъ ее, и она согласилась давать всѣ свѣдѣнія и исполнять предписанія «наблюдателя», но она желала вести такъ переписку, чтобы не быть скомпрометированной въ глазахъ Фалька. Авторъ, какъ бы оправдывая полицейскій сыскъ во Франціи того времени, говоритъ, что иначе быть не могло, такъ какъ королевскому правительству пришлось тогда защищаться какъ отъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ враговъ. Доклады министровъ королю были извѣстны англійскому посланнику, благодаря подкупу одной баронессы, близко стоявшей къ королю. Она снимала съ нихъ копіи и вручала одному англичанину, давно жившему въ Франціи, который передавалъ ихъ посланнику, за что получалъ 40 ливровъ въ мѣсяцъ, которые раздѣлялъ съ этой баронессой.

— Суданъ вчера и сегодня. Колоніальная политика Англіи направлена почти исключительно на извлеченіе матеріальнаго для себя интереса изъ завоеванныхъ оружіемъ или дипломатическими путями странъ, не подчиняя себѣ ихъ духовнаго и нравственнаго міросозерцанія. Результатомъ подобнаго благоразумнаго пріема для нея являются пріобрѣтенія громадныхъ новыхъ богатствъ и рынковъ для сбыта своихъ излишнихъ товаровъ. Едва ли не самымъ блестящимъ доказательствомъ цѣлесообразности подобнаго пріема

является ея колонія - египетскій Суданъ, или Беладъ-есъ-С, а также Нигриція, какъ его прозвали древніе вслѣдствіе темнаго цвѣта кожи его жителей. Этой странѣ, или, вѣрнѣе, части ея, именно восточному Судану, посвящена статья во второй августовской книгѣ «La Revue».

Авторъ Жанъ Д'Иврэ приводитъ краткую исторію [1]) Судана и описываетъ его современное положеніе. Предками жителей Фамиды, шолоковъ и дековъ, служатъ сосѣдніе народы мавризіи и фарузіи, прославившіеся своей ловкостью въ бѣгѣ и въ метаніи стрѣлъ. Еще Страбонъ отмѣчалъ, что, несмотря на кочевую жизнь этихъ народовъ, они отличались страстью украшать себя, что видно изъ тщательно завитыхъ бородъ и длинныхъ затѣйливо причесанныхъ волосъ, къ которымъ они боялись прикасаться на прогулкахъ изъ опасенія смять прическу. Побывавшіе въ Картумѣ или Фашодѣ миссіонеры и солдаты говорятъ, что жители верхняго Нила не только покрываютъ жиромъ свои волосы и дѣлаютъ монументальную прическу, но даже спятъ, положивъ голову въ деревянный футляръ, чтобы сохранить прическу. Одежду они носятъ ту же, что и во времена, когда Юба унаслѣдовалъ эту отдаленную землю—шкуру овцы или газели, ниспадающую отъ плеча до пояса и отъ пояса до колѣнъ. Во времена римскихъ завоеваній они знали употребленіе монетъ и золотыхъ бездѣлушекъ, но затѣмъ пришли въ дикое состояніе и употребляли только мѣновую торговлю, а украшали себя сухими цвѣтами и разными зернами, за неимѣніемъ металла. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошло то сказочное время, когда въ странѣ росла капуста такого громаднаго размѣра, что одинъ человѣкъ едва могъ ее снести, а спаржа самая маленькая равнялась по толщинѣ рукѣ ребенка. Войны съ мусульманами и вторженія сосѣднихъ народовъ измѣнили все, и два махди совершенно разорили страну, когда-то столь плодородную. Ни Картумъ, ни Омдурманъ не могутъ сравниваться съ древнимъ городомъ Ликомъ, выстроеннымъ почти на томъ же мѣстѣ. Эль-Обеидъ до появленія ордъ махдистовъ былъ однимъ изъ самыхъ плодородныхъ и коммерческихъ городовъ Судана. Столица Кордофанъ, чрезъ которую безпрестанно проѣзжали караваны, пересылала въ громадномъ количествѣ камедь, ароматическія вещества, ладанъ, страусовыя перья, танинъ, шкуры и слоновую кость. Стотысячное населеніе было большею частью богато и въ избыткѣ имѣло все необходимое для обыденной жизни. Сирійцевъ и грековъ, которыхъ находится вездѣ въ изобиліи въ качествѣ бакалейщиковъ, содержателей кофеенъ и ростовщиковъ, тамъ тоже было достаточно, а католическія миссіи подъ руководствомъ итальянскихъ и австрійскихъ патеровъ и сестеръ свободно проводили тамъ мирную цивилизацію. Дома строились изъ кирпичей и были покрыты сухой землей и маисовой соломой. Хотя улицы были неправильны, но городъ на взглядъ казался красивымъ. Избытокъ воды позволялъ вести безпрестанное орошеніе, благодаря чему роскошно развивались деревья, и столица Кордофана представлялась настоящимъ садомъ. Во время вторженія непріятеля за городомъ наблюдалъ мудиръ Махомедъ-Саидъ- непривѣтливый человѣкъ, котораго терпѣть не могли жители, и главнымъ его врагомъ былъ Эліасъ-паша,

[1]) Soudan d'Egypte, par Jean d'Ivray. «La Revue». 14 Août.

вліятельное лицо во всемъ Кордофанѣ. Пользуясь случаемъ сорвать свою зависть къ его племяннику, Эліасъ-паша убѣдилъ губернатора Картума, что городъ пропадетъ, если мудиръ останется на своемъ посту. Онъ былъ удаленъ отъ своихъ обязанностей, но, благодаря богатству и сдѣланнымъ подаркамъ, ему удалось добиться поста главнаго мудира западнаго Судана. Тогда Эліасъ пришелъ въ такую ярость, что, желая унизить его, воспользовался своимъ вліяніемъ на народъ, чтобы перейти съ большею частью населенія на сторону врага. Результатъ былъ плачевный. Когда городъ былъ разграбленъ, первыя проявленія жестокостей миновали, люди уже привыкли къ ежедневной рѣзнѣ и къ ожиданію, что, по приказанію Махди, голова каждаго можетъ быть отсѣчена,—наступилъ голодъ. Цѣны на все поднялись до невѣроятныхъ цифръ, и жители принуждены были, если не имѣли денегъ заплатить двѣсти франковъ за курицу, двадцать пять франковъ за яйцо или десять тысячъ за исхудалаго верблюда,—ѣсть сорванные съ деревьевъ и сваренные листья. Въ концѣ концовъ на деревьяхъ не осталось ни одного листа. Камедь глотали, какъ конфеты, и это производило такія болѣзни въ кишкахъ, что множество народа умерло. Чрезъ нѣсколько недѣль отъ цвѣтущей Обеиды не осталось и признака прежняго благоденствія. Жители съ голода ѣли трупы, и скорбутъ съ диссентеріей увеличили ужасъ положенія. Вампиры тучами летали надъ городомъ, порою заслоняя солнце. Они не только бросались на трупы, но нападали на солдатъ, спавшихъ въ палаткахъ, на плѣнниковъ, живыхъ или мертвыхъ. Въ то время Картумъ былъ резиденціей египетскаго правительства и, хотя былъ менѣе заселенъ, чѣмъ Эль-Обеидъ, но представлялъ для непріятеля еще болѣе важный призъ. Во время наводненія тамъ соединялись двѣ рѣки—Бѣлый и Черный Нилъ. Въ царствованіе великаго Мохамеда-Али столица Судана не имѣла значенія даже большой деревни. Вмѣсто военнаго поста англійскій вице-король выстроилъ городъ, имѣвшій 50.000 жителей въ 1883 г. и которому предстояла блестящая будущность. Потеря этого города была правильно оцѣнена Гордономъ, когда онъ рѣшился защищать его. Какъ извѣстно, онъ былъ убитъ въ то время, когда согласился вести переговоры съ посланными махдистовъ на лѣстницѣ дворца, и его отрубленную голову отнесли къ его другу, Слатину-пашѣ, уже бывшему въ плѣну у махди. Съ тѣхъ поръ Гордона считали безумцемъ и совершенно о немъ забыли, а Китченера, его преемника, вознесли чуть не до небесъ. Авторъ называетъ это несправедливостью и признаетъ, что было безуміемъ бороться одному противъ многочисленнаго врага, но это было благороднымъ порывомъ, который выше побѣдъ Китченера съ цѣлой египетской арміей. Вмѣстѣ съ Гордономъ погибли австрійскій, греческій и американскій консулы, а также всѣ греческіе и коптскіе купцы, а также мусульмане, оставшіеся вѣрными Египту. Эта бойня длилась восемь часовъ. Грабежъ города—восемь дней. Всѣ дѣти мужского пола были убиты безъ исключенія, такъ же, какъ и дѣвочки моложе десяти лѣтъ. Дѣвочки свыше десяти лѣтъ были розданы начальникамъ и солдатамъ, а молодыя, красивыя женщины предназначены были для махди; остальныхъ назначили въ неволю. Послѣ смерти перваго махди, его преемникъ, Калифъ-Абдулахи, поселился невдалекѣ на берегу Бѣлаго Нила, гдѣ теперь находится Омдурманъ. Тамъ

похороненъ махди, и его могила служитъ мѣстомъ ежедневнаго поклоненія. Калифъ вывелъ изъ употребленія кирпичныя постройки, и могила махди единственная, построенная изъ этого матеріала, а потому ее видно издали. Омдурманъ въ настоящее время представляетъ сборный пунктъ всевозможныхъ расъ и племенъ Судана, не считая иностранцевъ, которые безпрестанно проѣзжаютъ чрезъ него по своимъ торговымъ дѣламъ. Тамъ можно встрѣтить всѣхъ, начиная съ чернаго эѳіопа до бѣлокураго европейца—всю гамму цвѣтовъ человѣческаго тѣла. Любопытнѣе всего, что всѣ эти человѣческія расы встрѣчаются, но не сближаются, и каждая живетъ своей особой жизнью, имѣетъ свой кварталъ, соблюдаетъ свои обычаи, питается своей національной пищей и говорятъ на различныхъ языкахъ, такъ что для этнолога Омдурманъ служитъ единственнымъ удобнымъ пунктомъ для наблюденія. Картумъ имѣлъ 55.000 жителей, Омдурманъ же, замѣнившій его—150.000. Новый махди, ревностно заботясь о великолѣпіи новой столицы, приказалъ снести всѣ сосѣдніе деревни и города, а жителямъ переселиться въ новую столицу, народонаселеніе которой удвоилось въ короткое время. Но, держа вѣчно подъ страхомъ жителей и не обезпечивъ безопасность дорогъ, онъ не могъ добиться, чтобы городъ получилъ значеніе, какое заслуживаетъ по своему географическому положенію и значительной цифрѣ народонаселенія. Ужасныя казни за малѣйшіе проступки, вѣчное опасеніе за свою жизнь, громадное количество калѣкъ и умирающихъ, у которыхъ отрублены руки и ноги, которые тутъ же по дорогѣ бросали,—все это заставляетъ жителей съ сожалѣніемъ смотрѣть на развалины сосѣдняго Картума. Въ одно прекрасное утро сто отцовъ семействъ были повѣшены единовременно за нежеланіе подчиниться новому властелину. На другой день тридцать семь юношей подверглись той же участи. Кровь текла ручьями по европейскимъ улицамъ, и невинныя дѣти со смѣхомъ купали въ ней ноги. Наконецъ Англія рѣшила, что насталъ моментъ вмѣшаться, и овладѣла Суданомъ. Англичане явились туда, по словамъ автора, какъ и въ Александрію, «когда уже нельзя было болѣе совершать ужасовъ, и земля выпила всю кровь, какую могла поглотить». Главнымъ прогрессомъ являются теперь тамъ удобство и быстрота сообщенія. Изъ Лондона въ самый центръ Судана можно попасть въ три недѣли. Масса путешественниковъ ѣздитъ туда ежегодно на зимній сезонъ и съ каждымъ днемъ она увеличивается. Не довольствуясь достигать столицы, они стараются проникнуть до Бѣлаго Нила. Начавшая движеніе 27 января желѣзная дорога, которая доставляетъ путешественниковъ отъ порта Судана на Красномъ морѣ до Голубого Нила, еще удвоила численность путешественниковъ. Къ чести англичанъ, надо сказать, они умѣютъ извлечь все, что возможно, изъ самыхъ неудобныхъ вещей, и гдѣ другой народъ пришелъ бы въ отчаяніе, они энергично преслѣдуютъ свою цѣль. Тамъ, гдѣ еще вчера лежали пески, теперь виднѣются деревни, города, памятники, роскошныя гостиницы, которыя могутъ соперничать съ парижскими и лондонскими. Въ прежнихъ языческихъ храмахъ теперь свѣтитъ электричество, губернаторы городовъ живутъ въ роскошнюхъ дворцахъ. Провинціи Кордофана управляются тридцатью англійскими и египетскими чиновниками, и пространство, занимаемое ими, съ птичьяго полета равняется 12.000 англій-

своихъ мѣстъ, это превзойдетъ площадь, занимаемую Францiей. Изъ доклада лорда Крамера своему правительству видно, что отсутствiе путей сообщенiя вмѣстѣ съ климатомъ, плохой почвой, часть которой представляетъ пустыню, характеромъ жителей, ихъ недовѣрiемъ къ правителямъ, какъ естественнымъ слѣдствiемъ долгой и дурной администрацiи,—все это служитъ тормазомъ для распространенiя цивилизацiи. Согласно конвенцiи, заключенной между Англiей и Египтомъ, Суданъ сдѣлался настоящей англiйской провинцiей. Англiя контролируетъ всѣ расходы Судана, предоставляя Египту, по выраженiю лорда Крамера, вести контроль и отчетность безъ излишнихъ мелочей. Однимъ словомъ, Египетъ тратитъ деньги и проливаетъ кровь за Суданъ, чтобы принести пользу Англiи. Матерiальное положенiе Судана очевидно недурное, если онъ могъ за 1905 г. ввезти товара на 935.800 гиней, но при этомъ 119.738 гиней падаетъ на доставленный изъ Англiи спиртъ. Крамеръ прибавляетъ въ докладѣ, какъ бы въ оправданiе, что количество спирта нѣсколько велико, но онъ хорошаго качества». Изъ Судана было вывезено товара въ томъ же году на 303.202 гинеи. Въ этомъ году сборъ каучука превзошелъ всѣ ожиданiя. Деревьевъ, такъ рѣдко попадающихся въ Египтѣ, въ Суданѣ много. Англичане завели тамъ плантацiи хлопка, которыя стали приносить прекрасный доходъ, а ихъ инженеры открыли залежи угля, находящiяся, по ихъ увѣренiямъ, на протяженiи отъ центра Абиссинiи до Судана. Если это правда, то страна еще болѣе разбогатѣетъ. Конечно, внутренняя жизнь суданцевъ требовала преобразованiй, и англичане примѣнили здѣсь ту же систему, какую ввели въ Индiи. Судебная часть не имѣетъ ничего общаго съ другими судами Египта. Составъ суда состоитъ изъ офицера, выбраннаго изъ армiи, и гражданскаго инспектора, который долженъ сдать предварительно легкiй экзаменъ по кодексамъ закона. Уголовныя дѣла нѣсколько затруднительныя, просматриваютъ спецiальные законовѣды—главный судья, три судьи и главный адвокатъ. Частыя преступленiя въ Суданѣ, какъ и въ Египтѣ,—воровство. Англичане прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ услугамъ выслѣдчиковъ, которыхъ держатъ при себѣ цѣлую армiю: они отыскиваютъ пропавшiя вещи по слѣдамъ на пескѣ и по запаху и почти всегда отыскиваютъ украденные предметы. Религiозный судъ, какъ и во всемъ Египтѣ, находится въ вѣдѣнiи кади. За послѣднiе годы школы распространились въ Суданѣ въ большомъ количествѣ—изъ нихъ 13 первоначальныхъ, 4 высшiя, 1 промышленная, спецiально созданная въ Картумѣ, и въ ней учится 92 ученика, 1 высшая, спецiально предназначенная для образованiя профессоровъ и духовныхъ судей въ томъ же городѣ. Въ этихъ различныхъ школахъ получаютъ образованiе 1.635 дѣтей—1.419 мусульманъ, 107 христiанъ и остальныя представляютъ смѣсь остальныхъ суданцевъ—арабовъ, номадовъ и нубiйцевъ. Въ этихъ школахъ преподаютъ англiйскiй и арабскiй языки. Первый языкъ обязательный, и въ скоромъ времени всѣ научаются быстро говорить на этомъ языкѣ. Мѣстные офицеры уже правильно говорятъ на немъ. Торгъ невольниками, который долго былъ больнымъ мѣстомъ современнаго Египта, почти совершенно уничтоженъ. Если онъ еще существуетъ, то вина не правительства, такъ какъ, благодаря непроходимымъ лѣсамъ во внутренней части страны, торговцы могутъ скрываться отъ

полицейскихъ агентовъ. Казнь извѣстнаго ловкаго разбойника Ибрагима Вадъ-Махмуда имѣла благотворное вліяніе на массу. Большимъ препятствіемъ къ увеличенію числа зданій служитъ неудобство сообщенія, благодаря чему задерживается матеріалъ. Тѣмъ не менѣе въ 1905 г. на постройки было затрачено 27.000 египетскихъ ливровъ, т.-е. 800.000 франковъ. Новая желѣзная дорога послужитъ большимъ подспорьемъ для доставленія необходимыхъ для построекъ матеріаловъ. Самой цвѣтущей отраслью администраціи Судана служитъ почта, и въ этомъ году количество телеграммъ отъ 90.366 возросло до 112.863. Относительно религіи суданцы не стѣснены, такъ какъ англійское правительство всегда отличалось вѣротерпимостью, и миссіи, которыя находятся тамъ, принадлежатъ Германіи и Америкѣ. Англичане занимаются болѣе вопросами матеріальными. Во время рѣзни въ Суданѣ миссіонеры различныхъ культовъ покинули Суданъ, но правительство имъ снова разрѣшило остаться, ограничивъ однако время пребыванія. Франція не играетъ здѣсь никакой роли, и миссіонеры другихъ странъ подѣлили между собою страну, тогда какъ ея миссіонеровъ тамъ нѣтъ. Порту Судану предстоитъ играть важную роль, и Каиръ съ Александріей должны будутъ уступить ему свое первенство.

— Поглощеніе Голландіи Германіей. Вопросъ, будетъ ли присоединена Голландія къ Германіи, въ настоящее время является болѣе животрепещущимъ, чѣмъ многіе полагаютъ. Этому новому, интересному вопросу посвящена статья англійскаго публициста Эллиса Баркэра въ іюльской книжкѣ «Nineteenth Century». Авторъ полагаетъ, что Голландія совершенно теперь подчинена промышленности и торговлѣ Германіи, но эти вассальныя экономическія отношенія могутъ очень легко возбудить и политическое вассальство. Почти вся каменноугольная и металлургическая промышленность Германіи концентрируется на западѣ, въ бассейнахъ Рейна, Сарры и Маасса и особенно Руры; прусскія провинціи Вестфаліи и рейнской Пруссіи, находясь вдоль голландской границы, распространили свою горную промышленность въ послѣднія тридцать лѣтъ до фантастическихъ размѣровъ. Прежде она едва составляла 15% германской территоріи, а теперь она достигаетъ до 81% въ производствѣ желѣза и 86%—стали. Эта громадная промышленная область до послѣднихъ лѣтъ не имѣла въ Германіи никакого морского выхода, и однако три четверти германской внѣшней торговли совершается моремъ внѣ Европы. Такимъ образомъ западная Германія спускаетъ свои произведенія черезъ иностранные порты: Ротердамъ, Амстердамъ и Антверпенъ. Чрезъ означенные три порта проходитъ болѣе нѣмецкихъ произведеній, чѣмъ чрезъ Гамбургъ и Бременъ. Точно также чрезъ эти порты и по Рейну идутъ всѣ сырыя произведенія, въ которыхъ нуждается промышленность восточной Германіи. Въ 1903 г. тоннъ разныхъ товаровъ вывезено изъ Германіи по Рейну 127.000,000 и 10.000,000 ввезено тѣмъ же путемъ. «Восточная Германія, по словамъ Баркера, находится почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ бы Ланкаширъ, если бы Ливерпуль и Манчестерскій каналъ принадлажали иностранному государству. Голландія, достигнувъ столь высокой степени богатства и благоденствія, обязана этимъ главнымъ образомъ развитію нѣмецкой промыш-

ленности, такъ какъ она служитъ морскимъ портомъ для всей восточной Германіи. Но дѣло въ томъ, что нѣмцы могутъ, когда захотятъ, уничтожить это благоденствіе: имъ стоитъ только воздвигнуть между обѣими странами непроходимую преграду таможенныхъ тарифовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы устроенъ доступъ къ Сѣверному морю для восточной Германіи съ помощью системы хорошихъ каналовъ. Такимъ образомъ Голландія была бы совершенно разорена. Германское правительство уже приступило къ осуществленію этого плана; по крайней мѣрѣ, уже сдѣлало достаточно, чтобы возбудить опасенія Голландіи. Съ 1900 г. прорытъ каналъ въ 2³/₄ метра и снабженный двадцатью шлюзами изъ вестфальскаго города Дортмунда до Сѣвернаго моря. Этотъ каналъ стоилъ сто милліоновъ, и нѣмцы издержали болѣе десяти милліоновъ на улучшеніе и углубленіе порта Эмдена при его истокѣ. Дортмундъ расположенъ невдалекѣ отъ другихъ крупныхъ промышленныхъ городовъ бассейна Руры: Бармэна, Эрберфельда, Эссена, Золингена, Дюссельдорфа, Гадбаха и проч. Это еще не все. Нѣмецкое правительство думаетъ соединить Дортмундъ съ Рейномъ новымъ каналомъ, который стоилъ бы 60,000.000. Однако и тогда большинство промышленниковъ Рейнской Германіи нашло бы выгоднымъ вывозить свои произведенія по Рейну чрезъ Ротердамъ. Но стоитъ только германскому правительству возбудить съ Голландіей войну тарифовъ, и вскорѣ маленькій Эмденскій портъ, еще вчера почти неизвѣстный, станетъ торжествующимъ соперникомъ Ротердама. Поэтому независимость и благоденствіе Голландіи зависятъ отъ самолюбія Германіи. Присоединеніе къ послѣдней Голландіи имѣло бы для нея громадное значеніе въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ. Нейтральность Бельгіи стала бы тогда только шуткой, а Франція, обойденная на своей сѣверной границѣ могучимъ сосѣдомъ, сдѣлалась бы государствомъ третьяго разряда. Даже Англіи это грозило бы большой опасностью: германцы находились бы въ нѣсколькихъ десяткахъ миль отъ англійскаго берега. Ихъ флотъ имѣлъ бы прекрасную базу для дѣйствій вмѣсто отдаленныхъ и посредственныхъ портовъ Вильгельмсгафена и Киля, наконецъ многочисленныя голландскія колоніи были бы для германскаго флота прекрасными морскими базисами. Европейское равновѣсіе было бы такимъ образомъ нарушено, и Германія Вильгельма II наслѣдовала бы Испаніи Филиппа II и Франціи Наполеона I. И это—не пустая химера: Баркэръ приводитъ въ своей любопытной статьѣ извлеченіе изъ статей авторитетныхъ, если не офиціальныхъ, германскихъ публицистовъ, которые задаютъ себѣ вопросъ, что лучше: просто присоединить Голландію къ Германіи, или сначала удовольствоваться таможеннымъ союзомъ, какъ скромной прелюдіей къ будущему присоединенію.

— Феминизмъ въ Скандинавіи. Недавно въ Копенгагенѣ состоялся съ участіемъ делегатокъ всего свѣта международный женскій конгрессъ, на которомъ разсматривался вопросъ относительно женскихъ политическихъ правъ. По этому поводу въ одномъ изъ августовскихъ нумеровъ «Figaro» Мартина Ремюза приводитъ краткую исторію феминизма въ трехъ скандинавскихъ странахъ, женщины которыхъ всегда стояли впереди женскаго движенія[1]). Согласно

[1]) La féminisme scandinave, par Martine Remusa. «Figaro», Août 1906

шведским хроникерам, въ XIV вѣкѣ Бригитта Биргесдоттеръ (св. Бригитта) выдѣлялась своей дѣятельностію въ созиданіи монастырей и въ работѣ по прогрессу церкви. Эта женщина представляла исключительное явленіе, такъ какъ въ ту эпоху женщины трехъ скандинавскихъ странъ получали скудное образованіе и были годны лишь на домашнія работы; въ день свадьбы имъ вручалась связка ключей, какъ аттрибутъ ихъ качества хозяекъ. Во время царствованія королевы Христины ихъ знанія также были ограничены, и королева, получившая образованіе, изучившая васемь языковъ и ежедневно прочитывающая страницу Тацита, не любила общества своихъ придворныхъ дамъ. Принужденная ихъ принимать, она послѣ короткаго разговора оставляла ихъ и присоединялась къ обществу мужчинъ. До средины XIX столѣтія роль скандинавской женщины стушевывалась. Первая попытка эмансипаціи женщинъ была сдѣлана въ Даніи въ 1848 г. Война съ Пруссіей воспламенила воображеніе и молодыя двадцатилѣтнія дѣвушки, которыхъ мѣстное общество прозвало «валькиріями», первыя отважились возвысить свой голосъ. Одна изъ нихъ напечатала въ копенгагенскомъ журналѣ, подъ псевдонимомъ «Вамгерда», протестъ по адресу одного бонскаго профессора въ пользу употребленія исключительно датскаго языка въ Шлезвигѣ. Этотъ протестъ возбудилъ страшный скандалъ въ Копенгагенѣ, когда узнали, что авторъ была молодая дѣвушка. Вторая «валькирія» была Клара Рафаэль, или, какъ было ея настоящее имя, Матильда Фибигеръ, напечатала двѣнадцать «посланій», въ которыхъ заключалась смѣлая прокламація правъ и способностей женщины. Обѣ эти женщины были красивы. Третья—Полина Вормъ сочиняла патріотическія пѣсни и заслуживала, по словамъ автора статьи названія: «Северной Цирцеи». Нѣсколько лѣтъ спустя Матильда Фибигеръ добилась мѣста на телеграфѣ въ маленькомъ провинціальномъ городѣ. Это первая женщина, получившая права поступать на коронную службу въ Даніи. Двѣнадцать посланій послужили знакомъ для феминисткой кампаніи, которою съ успѣхомъ руководили въ Швеціи Фридерика Бремеръ, въ Норвегіи сначала Камилла Коллетъ, затѣмъ—Магдалина Торезенъ, теща Ибсена. Во всѣхъ трехъ королевствахъ законъ присуждалъ женщину вѣчно жить несовершенной и вѣчно находиться подъ опекой то отца, то брата, то мужа или другихъ родственниковъ. Съ 1850 г. одинъ крупный шведскій промышленникъ, Хоерта, провелъ въ ригсдагѣ предложеніе дать женщинамъ право вполнѣ владѣть своимъ личнымъ состояніемъ, и, выйдя замужъ, располагать своими заработками. Его дочь, г-жа Реціусъ, вела въ томъ же родѣ борьбу и выиграла ее въ 1874 г. Норвежскія женщины добились этого только въ 1888 г., а датскія въ 1899 г. Въ 1875 г. подъ вліяніемъ книги Стюарта Милля: «Угнетеніе женщины», г-жа Ганстеенъ прочитала цѣлый рядъ лекцій подъ заглавіемъ: «Женщина, созданная по образу Божію». Одинъ изъ профессоровъ возразилъ ей, говоря, что «женщина — заснувшій человѣкъ». Дѣлу много повредили эксцентричныя манеры г-жи Ганстеенъ. Большинство норвежскихъ женщинъ были застѣнчивы и читали «Индіану» Жоржъ Сандъ украдкой. Но въ 1884 г. въ клубѣ студентовъ состоялось важное собраніе феминистовъ подъ предсѣдательствомъ Хагерупа, который впослѣдствіи сдѣлался министромъ, результатомъ чего было созданіе феминистской ассоціа-

ціи въ Норвегіи и журнала, предназначеннаго защищать интересы женщины. Женщинамъ предстояло конкурировать повсюду съ мужчинами, потому въ теченіе уже тридцати лѣтъ женщинѣ дается солидное образованіе, которое позволяетъ ей вступить въ борьбу съ мужчиной. Она имѣетъ право получать образованіе въ университетахъ, въ школѣ искусствъ и ремеслъ, школѣ изящныхъ искусствъ и комерческихъ. Она достигла того, что можетъ занимать отвѣтственныя должности. Одна датчанка, докторъ словесности, получила мѣсто въ королевскихъ архивахъ и можетъ достичь положенія помощника директора; другая служитъ инспекторомъ женскихъ работъ на государственныхъ заводахъ. Въ Норвегіи начальниками станцій служатъ женщины. Но мужчины критически относились къ феминизму, и когда Софія Ковалевская въ 1884 г. читала лекціи въ Стокгольмскомъ университетѣ, она вызвала протестъ извѣстнаго шведскаго романиста Стриндборга. «Женщина—профессоръ математики,—воскликнулъ онъ,—но это уродство, вредное, непріятное, безполезное».—«Можетъ быть вы правы,—отвѣтила Софья Ковалевская,—а все-таки я отказываюсь допустить мысль, что меня назначили изъ любезности». Въ профессіяхъ ручного труда скандинавскія женщины играютъ большую роль въ Даніи, и среди рабочихъ на ткацкихъ фабрикахъ большой процентъ выпадаетъ на ихъ долю. Въ Швеціи наибольшее количество женщинъ занимается сельской промышленностью но напрасно онѣ требуютъ: «За равную работу — равная плата!» Ихъ работа менѣе оплачивается, чѣмъ мужская. Съ цѣлью улучшить соціальное положеніе женщинъ, скандинавскіе феминисты увеличиваютъ конференціи и диспуты. Странно видѣть этихъ самыхъ норвежскихъ женщинъ во время брачнаго обряда, когда патеръ вмѣсто того, чтобы произносить: «Да будетъ мужъ главою жены!» по ихъ требованію произноситъ теперь: «Ты будешь подъ властью твоего мужа!» Относительно политики сторонники избирательнаго права женщинъ опираются на знаменитую прокламацію Густава-Адольфа: «Король, гусударство и всѣ классы, высшіе или низшіе составляютъ королевскую власть». Въ шведскомъ ригстагѣ поданный въ 1902 г. проектъ о равноправіи женщинъ былъ принятъ 93 голосами. Въ Норвегіи, гдѣ Бьернсстьернъ Бьернсонъ объявилъ, «что дѣло феминизма самое большое дѣло въ свѣтѣ», стортингъ не принялъ проекта, подписаннаго Генрихомъ Ибсеномъ. «Политика,— говорятъ сѣверныя женщины,—никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть, пока половина человѣческаго рода будетъ исключена». Онѣ прибавляютъ, что, вмѣшавшись въ политическія дѣла, онѣ будутъ имѣть путеводной звѣздой — справедливость, не переставая, однако, прислушиваться къ голосу чувствъ. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь слышится разногласіе даже въ такихъ ничтожныхъ вопросахъ, какъ выборъ дня для ежегоднаго торжественнаго собранія въ честь признанія правъ женскаго голосованія. Одинокія, незамужнія женщины выбрали для этого канунъ Троицы, когда голосовали этотъ законъ въ верхней палатѣ. Замужнія женщины хотѣли избрать другой день въ виду того, что не могутъ оставить мужей и дѣтей въ религіозный праздникъ. Объ этомъ велись оживленные споры. Въ Даніи къ дѣлу политическихъ правъ женщины примѣшалась смѣшная сторона съ тѣхъ поръ, какъ третья «валькирія» Полина Вормъ напечатала въ ежедневной газетѣ «Родина» цѣлую се-

рію статей, въ которыхъ проводила мысль объ устройствѣ въ каждый общинѣ женской комиссіи для просмотра избирательныхъ списковъ. Въ этой комиссіи должны были засѣдать вдовы и немолодыя дѣвицы никакъ не менѣе сорока лѣтъ и высказывать свои мнѣнія относительно кандидатуры той или другой личности съ сомнительной репутаціей въ своей частной жизни — мужа, отца семьи и нечестнаго торговца. Эту оригинальную мысль г-жа Вормъ предложила въ 1878 г. и возбудила во всѣхъ смѣхъ, что нѣсколько пріостановило движеніе впередъ женскаго вопроса. Эмансипація женщинъ возбуждаетъ очень многихъ скандинавскихъ женщинахъ желаніе писать на эту тему. Такъ, недавно одна извѣстная шведская лекторша, Елена Кей, сказала на конференціи: «Отчего у насъ столько авторовъ женщинъ, написавшихъ ничтожныя книги? Виноваты въ этомъ мужчины. Прежде женщины могли растрачивать свой умъ, обмѣниваясь мыслями съ нотами и артистами. Переписка знаменитыхъ мужчинъ съ умными женщинами и воспоминанія, оставленныя литературными салонами, гдѣ хозяйка дома собирала вокругъ себя умы той эпохи, удостовѣряютъ существованіе этихъ умственныхъ сношеній между ними. Въ наши дни позитивныя науки отодвинули на задній планъ интересъ къ искусствамъ и поэзіи; женщина уже болѣе не господствуетъ. Прелесть разговора не удерживаетъ болѣе мужчинъ; ихъ притягиваетъ только хорошо сервированный столъ».

— Памятники двумъ генераламъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ воздвигнуты во Франціи и Швейцаріи статуя и бюстъ двумъ извѣстнымъ генераламъ: Дезэ и Жомини. Первый былъ однимъ изъ славнѣйшихъ генераловъ революціи директоріи и консульства. Когда его убили въ 1800 г. въ сраженіи при Маренго, то Наполеонъ приказалъ его похоронить въ часовнѣ госпиталя Великаго Сенъ-Бернара, говоря: «Я хочу дать пьедесталъ его гробницѣ—Альпы, съ цѣлью даровать соединенію всѣхъ добродѣтелей героизма такой памятникъ, какого еще не имѣлъ ни одинъ человѣкъ». И до сихъ поръ болѣе ста лѣтъ знаменитый герой спитъ на вершинѣ Альпъ. Но его родина, французскій городъ Ріомъ, вспомнила на-дняхъ о своемъ достойномъ гражданинѣ и воздвигла ему статую. Собственно Дезэ назывался Луи-Шарль Дезэ-де-Вейгу и родился въ замкѣ Сентъ-Илеръ близъ Ріома въ 1768 г. Революція застала его подпоручикомъ пѣхотнаго полка, и вскорѣ онъ былъ сдѣланъ адъютантомъ принца Брольи. Хотя онъ съ самаго начала пламенно привѣтствовалъ революцію, но вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ протестовалъ противъ смѣщенія короля, за что̀ былъ посаженъ въ тюрьму, но Карно его освободилъ и послалъ въ Рейнскую армію, гдѣ онъ быстро сдѣлалъ военную карьеру и уже въ 1793 г. былъ бригаднымъ генераломъ. Онъ покрылъ себя славой при отступленіи отъ Виссенбурга и былъ раненъ при Лаутербургѣ. Въ слѣдующемъ году его произвели въ дивизіонные генералы, и Моро далъ ему командованіе центромъ своей арміи. Послѣ Леобенскаго перемирія онъ былъ посланъ съ порученіемъ къ Бонапарту и получилъ отъ него командованіе авангардомъ восточной арміи. Дезэ въ Египтѣ оказалъ большія услуги французской арміи, принялъ значительное участіе въ сраженіи при Пирамидахъ и разбилъ Мурада-Бея при Седиманѣ. Овладѣвъ Фагомомъ, онъ организовалъ

администрацію всей окрестной страны и такъ справедливо и хорошо управлялъ этой провинціей, что всѣ туземцы прозвали его «справедливымъ султаномъ». Вскорѣ послѣ отъѣзда Бонапарта изъ Египта за нимъ послѣдовалъ и Дезэ, но англичане взяли его въ плѣнъ, а потомъ отпустили на свободу. Онъ присоединился къ итальянской арміи Бонапарта и получилъ командованіе двумя резервными дивизіями. Съ этимъ войскомъ онъ при Маренго превратилъ пораженіе Бонапарта въ величайшую побѣду. О роли Дезэ въ этой битвѣ существуетъ нѣсколько легендъ и немалое число истинныхъ эпопей. Къ первымъ принадлежитъ разсказъ о томъ, что Дезэ, услыхавъ отдаленную пальбу, самъ безъ приказаній двинулся впередъ и по собственной иниціативѣ бросился въ бой и одержалъ побѣду. Напротивъ первый консулъ лично далъ ему приказаніе принять участіе въ битвѣ. Также легендарны его слова: «Сраженіе проиграно, но мы еще имѣемъ время сегодня выиграть другое сраженіе». Но совершенно достовѣрно, что онъ воскликнулъ, подоспѣвъ на выручку Бонапарта: «Я прибылъ, и мы всѣ—свѣжая сила, готовая умереть, если это понадобится». Когда его поразила пуля въ самое сердце, то онъ имѣлъ время только произнесть: «смерть!» а не ту великолѣпную фразу, которую ему вложили въ устъ: «Скажите первому консулу, что я умираю сожалѣя, что недостаточно сдѣлалъ для потомства». Бонапартъ горько оплакивалъ смерть этого храбрѣйшаго изъ своихъ помощниковъ, погибшаго на тридцать второмъ году жизни. На островѣ св. Елены онъ говорилъ доктору О'Меарѣ: «Изъ всѣхъ моихъ генераловъ самый способный былъ Дезэ, и своимъ талантомъ онъ былъ обязанъ воспитанію и труду. По характеру онъ былъ совершенно античнымъ героемъ. Онъ жилъ и дышалъ только благороднымъ самолюбіемъ и истинной славой». Хотя Наполеонъ и не упоминалъ о скромности Дезэ, но это была его замѣчательнѣйшей чертой, и онъ часто говорилъ: «Я готовъ служить въ какомъ бы то ни было званіи; я не стою за то, чтобы быть первымъ начальникомъ: я даже не желаю этого, а готовъ съ одинаковымъ удовольствіемъ быть волонтеромъ и генераломъ». Второй генералъ этой же эпохи, удостоившійся памятника въ видѣ небольшого бюста отъ его родного города Пейерна въ Швейцаріи, былъ баронъ Генрихъ Жомини, знаменитый военный писатель. Онъ родился въ 1779 г. и, несмотря на то, что всегда былъ въ сердцѣ пламеннымъ швейцарцемъ, онъ началъ военную службу и провелъ всю жизнь внѣ своей родины. Съ самаго начала онъ поступилъ въ одинъ изъ швейцарскихъ полковъ, стоявшихъ въ Парижѣ и находившихся на службѣ у французскихъ королей. Когда же этотъ полкъ былъ распущенъ, то Жомини поступилъ въ коммерческую контору, но все-таки продолжалъ изучать военныя науки и въ 1804 г. издалъ извѣстное свое сочиненіе «Traité des grands opérations militaires», заключавшее въ себѣ сравненіе кампаній Фридриха Великаго и Наполеона. Въ томъ же году онъ былъ принятъ во французскую армію и назначенъ адъютантомъ къ Нею. Онъ сражался въ кампаніяхъ 1806—1807 гг., былъ награжденъ баронскимъ титуломъ и въ 1808 г. принималъ участіе въ походѣ въ Испанію, начальникомъ штаба Нея, но былъ удаленъ оттуда по навѣту своихъ недоброжелателей. Послѣ этого Наполеонъ поручилъ ему написать исторію своихъ итальянскихъ походовъ. Въ 1812 г. Жомини зани-

малъ должность французскаго губернатора Вильны, а потомъ Смоленска; благодаря собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, французы сравнительно успѣшно совершили переходъ черезъ Березину. Въ походѣ 1813 г. Жомини сначала находился въ рядахъ французской арміи и былъ начальникомъ штаба у Нея, при чемъ много способствовалъ побѣдѣ при Бауценѣ. Вслѣдъ за этимъ онъ поссорился съ Неемъ и Бертье за то, что его не произвели въ дивизіонные генералы, и немедленно предложилъ свои услуги русскому императору, который съ удовольствіемъ его принялъ на службу, и не только произвелъ въ дивизіонные генералы, но и въ генералъ-адъютанты. Однако въ продолженіе кампаніи 1814—1815 гг. Жомини не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, а только давалъ полезные совѣты союзникамъ. Послѣ всеобщаго мира онъ перебрался въ Россію и продолжалъ заниматься своими излюбленными военными науками. Онъ издалъ пятнадцать томовъ своей критической и военной исторіи кампаній революціи и участвовалъ въ разработкѣ различныхъ военныхъ проектовъ, въ особенности проекта объ образованіи нынѣшней Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ 1822 г. онъ былъ назначенъ военнымъ наставникомъ къ великому князю Николаю, который по своемъ восшествіи на престолъ назначилъ его своимъ генералъ-адъютантомъ. Въ турецкую кампанію Жомини сопровождалъ государя на Дунай, а въ 1837 г. ему было поручено преподаваніе стратегіи наслѣднику, будущему Александру II. Во время своего нахожденія при великомъ князѣ, Жомини написалъ для царственнаго ученика свой знаменитый трудъ «Précis de l'art de la guerre». Въ 1848 г. онъ вышелъ въ отставку изъ русской службы и поселился сначала въ Брюсселѣ, а въ 1856 г. перебрался въ Парижъ, гдѣ и умеръ въ Пасси въ 1869 г. Популярность Жомини въ русской арміи доказывается извѣстнымъ двустишіемъ Дениса Давыдова:

Жомини да Жомини,
А о водкѣ ни полъ-слова!

СМѢСЬ.

Московскій археологическій институтъ. По иниціативѣ бывшаго министра народнаго просвѣщенія ген.-лейт. Влад. Гл. Глазова и приватъ-доцента Ал. Ив. Успенскаго, въ Москвѣ предположено открыть археологическій институтъ, какъ частное высшее учебное заведеніе, имѣющее цѣлью научную разработку археологіи, археографіи и русской исторіи съ ея вспомогательными дисциплинами, а равно и подготовку спеціалистовъ для должностей въ архивахъ, музеяхъ и библіотекахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. Въ дѣйствительные слушатели института будутъ приниматься лица обоего пола, окончившія курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Лица же, не получившія высшаго образованія, допускаться будутъ въ институтъ, по усмотрѣнію его совѣта, лишь въ качествѣ вольнослушателей. Дѣйствительные слушатели, окончившіе успѣшно курсъ въ институтѣ, получаютъ по защитѣ диссертаціи—званіе ученаго археолога или ученаго архивиста и зачисляются въ дѣйствительные члены института. Лица же, не защитившія диссертаціи, получаютъ званіе окончившаго курсъ института, съ зачисленіемъ въ его члены-сотрудники. Вольнослушатели, прошедшіе полный курсъ, хорошо выдержавшіе устныя испытанія и затитившіе диссертацію, получаютъ званіе окончившаго курсъ института, съ зачисленіемъ въ его члены—сотрудники, или только званіе окончившаго курсъ института, если не защитятъ диссертаціи. Если же вольнослушатель обнаружитъ отличныя познанія на устныхъ испытаніяхъ въ институтѣ и успѣшно защититъ диссертацію, совѣтъ института можетъ присудить ему званіе ученаго археолога или ученаго архивиста и зачислить въ

дѣйствительные члены института. Курсъ обученія въ институтѣ трехлѣтній, причемъ третій годъ долженъ быть посвященъ учащимися практическимъ занятіямъ по одному изъ преподаваемыхъ въ институтѣ предметовъ, написанію диссертаціи и защитѣ ея предъ совѣтомъ.—Плата за слушаніе лекцій въ институтѣ 80 р. въ годъ, вносится по полугодіямъ и обязательна для всѣхъ слушателей и вольнослушателей. Институтъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій,—археологическаго и археографическаго (архивнаго).—Въ институтѣ преподаются: 1) Первобытная археологія, 2) Бытовыя древности, 3) Юридическія древности, 4) Христіанская археологія, 5) Русская исторія (исторія учрежденій и проч.), 6) Исторія русскаго языка, 7) Всеобщая исторія искусства, 8) Исторія русскаго искусства, 9) Исторія русской архитектуры, 10) Историческая географія, 11) Этнографія, 12) Нумизматика, 13) Сфрагистика, 14) Геральдика, 15) Генеалогія, 16) Метрологія и хронологія, 17) Славяно-русская палеографія, 18) Греческая палеографія, 19) Эпиграфика, 20) Дипломатика, 21) Архивовѣдѣніе, 22) Музеовѣдѣніе и 23) Библіотековѣдѣніе. Распредѣленіе предметовъ на общіе и преподаваемые на каждомъ изъ двухъ отдѣленій, а равно и по курсамъ, предоставляется совѣту института. Лица, прослушавшія курсъ какого либо изъ перечисленныхъ предметовъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и представившія въ томъ удостовѣреніе, могутъ быть освобождаемы совѣтомъ отъ слушанія по сему предмету лекцій въ институтѣ. Преподаваніе новыхъ предметовъ вводится по ходатайству совѣта института предъ министромъ народнаго просвѣщенія. Археологическій институтъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ особаго попечителя, избираемаго совѣтомъ и утверждаемаго въ этомъ званіи высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія. Директоръ института, избираемый совѣтомъ на три года, съ правомъ на послѣдующія избранія вновь, утверждается въ этомъ званіи также Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія и является ближайшимъ помощникомъ попечителя по управленію институтомъ. Преподаватели института избираются закрытой баллотировкой (большинствомъ голосовъ) его совѣтомъ изъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами въ той наукѣ, для преподаванія которой они приглашаются, и утверждаются въ этомъ званіи министромъ народнаго просвѣщенія. Въ почетные члены института избираются лица обоего пола, снискавшія извѣстность своими трудами въ области археологіи. Въ почетные члены института совѣтъ его можетъ избирать и лицъ обоего пола: а) оказавшихъ институту особыя услуги, б) пожертвовавшихъ на развитіе его дѣятельности не менѣе пяти тысячъ рублей единовременно, или в) жертвующихъ по пятисотъ руб. ежегодно. Почетные члены института (мужскаго пола) приравниваются къ V классу по должности и пользуются V разрядомъ по мундиру вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Въ члены института могутъ избираться и лица, не обучавшіяся въ немъ, но пріобрѣвшія извѣстность своими учеными трудами и познаніями въ области археологіи. Всѣ преподаватели института и его члены-учредители, подъ предсѣдательствомъ попечителя (а въ случаѣ его отсутствія, подъ предсѣдательствомъ директора), образуютъ совѣтъ института, который рѣшаетъ большинствомъ голосовъ всѣ дѣла учено-учебной и хозяйственной части, а также въ-

просы объ удостоеніи разныхъ лицъ званіями почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ института. Членами-учредителями института считаются лица, подписавшія проектъ положенія объ институтѣ. Они получаютъ всѣ права дѣйствительныхъ членовъ института, образуютъ первоначальный составъ совѣта и избираютъ изъ своей среды попечителя, директора и преподавателей института; послѣдніе могутъ быть избираемы и изъ постороннихъ лицъ. Въ свои засѣданія совѣтъ можетъ приглашать и почетныхъ членовъ института въ качествѣ членовъ совѣта. Директоръ и преподаватели института не пользуются правами на пенсію по министерству народнаго просвѣщенія. Ни преподаватели, ни слушатели института не освобождаются отъ исполненія воинской повинности. Московскій археологическій институтъ имѣетъ право устраивать общія собранія своихъ членовъ, археологическія выставки и публичныя лекціи по наукамъ институтскаго курса, а равно и издавать, по постановленію совѣта, свой печатный органъ и отдѣльные ученые труды. Институтъ имѣетъ право выписывать изъ-за границы ученыя изданія безъ цензуры. Окончившіе курсъ института, его члены-сотрудники, дѣйствительные и почетные члены имѣютъ право ношенія особыхъ нагрудныхъ знаковъ. При институтѣ состоятъ музей древностей, архивъ и библіотека.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, постановка въ Московскомъ археологическомъ институтѣ учебнаго дѣла проектируется болѣе широкая. Третій годъ пребыванія въ институтѣ (въ Петербургѣ два года обученія) для слушателей очень важенъ; въ это время они занимаются исключительно однимъ какимъ либо предметомъ, избраннымъ для себя спеціальнымъ, и пишутъ диссертацію. Мѣсто для новаго археологическаго института Москва, богатая старинными церквами и другими памятниками древности,—очень подходящее. Кромѣ В. Г. Глазова и А. И. Успенскаго, иниціаторовъ дѣла, проектъ положенія объ институтѣ былъ подписанъ митрополитомъ московскимъ Владиміромъ, московскимъ губернаторомъ В. Ѳ. Джунковскимъ, московскимъ городскимъ головою Н. И. Гучковымъ, членамъ государственнаго совѣта гр. С. Д. Шереметевымъ, оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода кн. А. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ, ординарными профессорами Д. В. Цвѣтаевымъ, А. Н. Филипповымъ, С. И. Соболевскимъ, Р. Ф. Брандтомъ, К. Я. Гротомъ, прив.-доцентами, Н. И. Романовымъ и С. Кузнецовымъ, завѣдывающимъ придворною частію въ Москвѣ ген.-ад. гр. А. В. Олсуфьевымъ, кн. А. М. Голицынымъ, д. с. с. С. Д. Войтовъ, г.г. М. И. Д. И. и В. И. Успенскими, В. А. Городцовымъ, Н. Г. Высоцкимъ, С. С. Поповымъ, Ю. В. Арсеньевымъ, В. К. Трутовскимъ и В. И. Десятовымъ.

Открытіе ортопедическаго института. 8 августа состоялось освященіе отропедическаго клиническаго института, помѣщающагося въ спеціально для него отстроенномъ роскошномъ зданіи въ Александровскомъ паркѣ. Иниціатива устройства государственнаго ортопедическаго института въ Россіи принадлежатъ нынѣ покойному доктору К. Х. Хорну, успѣвшему заинтересовать въ этомъ дѣлѣ государыню императрицу Александру Ѳеодоровну, при содѣйствіи которой были отпущены изъ государственнаго казначейства средства на постройку. Городъ безвозмездно отвелъ подъ институтъ землю въ количествѣ 3.847 саж. Оборудованіе института стоило около милліона. Назна-

ніе института—лѣчить больныхъ, нуждающихся въ ортопедическомъ лѣченіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ этого лѣченія. Будутъ лѣчиться врожденныя ненормальности костно-мышечной системы: косолапость, кривошеи, врожденные вывихи и др.; разнохарактерныя искривленія костей конечностей и позвоночника, сведенія различныхъ суставовъ. Институтъ сдѣлаетъ по возможности работоспособными тѣхъ лицъ, которыя стали калѣками вслѣдствіе туберкулеза костей. Различнаго рода параличи будутъ совершенно излѣчиваться или значительно исправляться при помощи разработанной за послѣднее время пластинки нервовъ и сухожилій. Будутъ пользоваться также страдающіе такими врожденными дефектами, какъ заячья губа, волчья пасть и т. п. Институтъ будетъ пользовать платныхъ и безплатныхъ больныхъ. Плата съ больныхъ и за аппараты предназначается на усовершенствованіе института на изготовленіе различныхъ, часто очень дорогихъ аппаратовъ для бѣдныхъ. Институтъ будетъ преслѣдовать не только лѣчебныя, но и научныя цѣли. Въ немъ будутъ читаться директоромъ и его помощникомъ лекціи врачамъ и студентамъ по ортопедіи и спеціальной хирургіи. Директоромъ института состоитъ приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи Р. Р. Вреденъ, помощникомъ—приватъ-доцентъ военно-медицинской академи В. К. Веберъ, ассистентами: доктора Кейхель, Дуранте и Георгіевъ. Завѣдывать мастерскими и хозяйственной частью института будетъ супруга доктора Хорнъ, принимавшая дѣятельное участіе во всѣхъ научныхъ занятіяхъ своего мужа.

Суворовскій музей. Въ Суворовскій музей, находящійся при академіи генеральнаго штаба, поступили новые предметы, принадлежавшіе великому полководцу. Среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе серебряный ковшъ императрицы Екатерины II, подаренный Суворову, а также подносикъ Суворова. Обѣ вещи поступили отъ Ю. А. Ниловой.

Премія имени Ѳ. Ѳ. Буссе. При обществѣ изученія Амурскаго края учреждена премія имени члена-учредителя Ѳеодора Ѳеодоровича Буссе. Къ соисканію преміи допускаются всѣ самостоятельныя сочиненія, изучающія Амурскій край въ естественно-историческомъ отношеніи вообще, особенно же въ отношеніи геологическомъ и мѣстной археологіи, а также въ отношеніи быта и нуждъ населеніи. Премія можетъ быть выдаваема только русскимъ изслѣдователямъ и преимущественно живущимъ въ Пріамурскомъ краѣ и не получившимъ на изслѣдованія пособій отъ другихъ какихъ либо обществъ и учрежденій. Представленныя на премію имени Ѳ. Ѳ. Буссе сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ. На конкурсъ допускаются какъ рукописныя, такъ и печатныя сочиненія. Авторамъ ихъ предоставляется на волю выставлять на нихъ свое имя или же скрывать ихъ подъ девизомъ, помѣщеннымъ въ особомъ, приложенномъ къ рукописи, конвертѣ, равно какъ и на самой рукописи. Печатныя сочиненія доставляются въ количествѣ не менѣе 10 экземпляровъ, а премированныя рукописи составляютъ собственность общества. Сочиненія доставляются на имя общества изученія Амурскаго края или же на имя предсѣдателя его (адресъ: Владивостокъ — музей). Срокъ доставленія сочиненій на соисканіе—1 января 1907 г., а размѣръ преміи—300 рублей. О результатахъ присужденія преміи

общество печатаетъ въ запискахъ отчетъ съ приложеніемъ рецензіи увѣнчаннаго преміей сочиненія.

Премія К. К. Коковцева. Премія имени заслуженнаго профессора К. К. Коковцева учреждена при институтѣ инженеровъ путей сообщенія императора Александра I. Премія будетъ выдана за лучшія сочиненія на русскомъ языкѣ, могущія служить руководствомъ при преподаваніи въ институтѣ одного изъ слѣдующихъ отдѣловъ строительнаго искусства: а) строительные матеріалы и работы, б) строительныя машины, подмостки и другія приспособленія для работъ и в) основанія и фундаменты. Право соисканія преміи предоставлено исключительно лицамъ, окончившимъ курсъ наукъ въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ. Срокъ представленія сочиненій, рукописныхъ или уже напечатанныхъ, обусловленъ 1 сентября 1908 г., а присужденіе состоится въ 1909 г. Размѣръ преміи—1.615 рублей.

Къ исторіи реставраціи Спасо-Мирожскаго монастыря XII вѣка. Сравнительно недавно затихла полемика по поводу совершенно неудачной реставраціи древнихъ фресокъ Преображенскаго храма псковскаго Спасо-Мирожскаго монастыря, основаннаго преп. Нифонтемъ, владыкой новгородскимъ, въ 1156 г. Археологами признано, что реставрація сдѣлана не столько ненаучно, сколько антинаучно, навсегда погубивъ нѣсколько цѣнныхъ изображеній. з главное—надписи при этихъ изображеніяхъ. Во многихъ случаяхъ новыя фрески оказались не только не подновленіемъ старыхъ, и не только переписью ихъ заново, но въ буквальномъ смыслѣ сочиненіемъ реставраторовъ. Поэтому при изученіи древне-русской иконографіи, слѣдуетъ съ большою осторожностью полагаться на фрески Спасо-Мирожскаго монастыря, которыя въ археологическомъ, иконографическомъ и художественномъ отношеніяхъ нерѣдко оказываются очень цѣнными. Кромѣ фресокъ Кіево-Софійскаго собора XI вѣка, Кіево-Кириллова монастыря XII вѣка, Спасо-Передицкой церкви около Новгорода и старо-ладожской церкви св. Георгія,—мирожскія фрески занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ памятниковъ русско-византійской живописи по содержанію и художественному стилю. Нѣкоторые же [illegible] сюжеты въ послѣднихъ являются единственными, и имъ нѣтъ соотвѣтствія въ [illegible] передицкихъ, ближе всего подходящимъ къ мирожскимъ фрескамъ. Къ счастью для науки псковскій фотографъ О. И. Парли недавно закончилъ грандіозный альбомъ снимковъ, сдѣланныхъ имъ съ фресокъ этого монастыря до и послѣ реставраціи. Всѣхъ снимковъ 75; исполнены онѣ великолѣпно; къ нимъ приложено краткое описаніе, составленное Ф. Упаковымъ,—и весь альбомъ стоитъ 150 р. Если принять во вниманіе громадный трудъ фотографа, работавшаго четыре года, и научную цѣнность снимковъ, то цѣна альбома не высока. Особенно интиресны среди снимковъ тѣ, которые представляютъ части [illegible] стѣнъ съ только что снятой штукатурки, прикрывавшей древнюю живопись. [illegible] отпечаткамъ послѣдней, иногда въ едва замѣтныхъ очеркахъ и съ частями надписей, которыя при реставраціи погибли навсегда,—можно составить предс[illegible] о первоначальномъ видѣ одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ русск[illegible] нографіи. Поэтому услугу О. И. Парли, оказанную русской археологіи, [illegible] жны оцѣнить наши археологическія общества и поощрить его въ дальнѣйш[illegible] работахъ.

Евангеліе на украинскомъ языкѣ. Въ Кіевѣ появилось въ продажѣ «Господа Нашего Iисуса Христа Святе эвангеліе від. Матөея, славяньскою й українською мовою». Евангеліе издано по благословенію святѣйшаго правительствующаго синода и напечатано въ московской синодальной типографіи не обычною русской азбукой, а такъ называемой «кулішівкою», которая лучше оттѣняетъ особенности украинскаго языка. Такимъ образомъ, кулішівка получаетъ извѣстную официальную санкцію. Итакъ, украинскій народъ впервые получаетъ возможность читать евангеліе на родномъ языкѣ,—возможность, которой онъ, по какому-то нелѣпому недоразумѣнію, былъ лишенъ такъ долго, хотя Евангеліе давно переведено на украинскій языкъ. Стѣсненія, которымъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій подвергалось украинское слово, распространялись и на Евангеліе. Св. Писаніе на украинскомъ языкѣ считалось преступнымъ въ Россіи: его можно было печатать только за границей, но перевозить въ Россію не разрѣшалось. Только теперь, когда русская жизнь начала постепенно освобождаться отъ многихъ путъ, которыя сковывали ее долгіе годы, снятъ запретъ и съ украинскаго перевода Евангелія. Надо надѣяться, что этотъ фактъ дастъ толчокъ и украинскому духовенству и что украинское слово послышится и въ церковной проповѣди.

Кровавый мартирологъ высшихъ чиновъ русской администраціи (1901—1906 г.г.). Убиты: Въ 1901 г. министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ; въ 1902 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ; въ 1903 г. уфимскій губернаторъ Богдановичъ; въ 1904 г. финляндскій генералъ-губернаторъ Бобриковъ, елисаветпольскій вице-губернаторъ Андреевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве; въ 1905 г. прокуроръ финляндскаго сената Іонсонъ, бакинскій губернаторъ князь Накашидзе, великій князь Сергій Александровичъ, московскій градоначальникъ графъ Шуваловъ; въ 1906 г. тамбовскій вице-губернаторъ Богдановичъ, исправляющій должность тамбовскаго вице-губернатора Луженовскій, исправляющій должность полтавскаго вице-губернатора Филоновъ, тверской губернаторъ Слѣпцовъ, екатеринославскій генералъ-губернаторъ Желтоновскій, командиръ с.-петербургскаго порта адмиралъ Кузьмичъ, главный командиръ черноморскаго флота адмиралъ Чухнинъ, помощникъ варшавскаго генералъ-губернатора генералъ Маркграфскій, самарскій губернаторъ Блокъ, членъ совѣта при министрѣ внутреннихъ дѣлъ С. А. Хвостовъ, управляющій канцеляріею московскаго генералъ-губернатора Воронинъ, генералъ для особыхъ порученій Замятнинъ. Послѣдніе три погибли при взрывѣ дачи министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина; командиръ Семеновскаго полка генералъ Минъ, генералъ-губернаторъ г. Варшавы Вонлярлярскій. Ранены: въ 1902 г. харьковскій губернаторъ князь Оболенскій; въ 1903 г. виленскій губернаторъ фонъ-Валь; въ 1904 г. главноначальствующій на Кавказѣ князь Голицынъ; въ 1905 г. выборгскій губернаторъ Мясоѣдовъ, помощникъ финляндскаго генералъ-губернаторъ Дейтрихъ, варшавскій оберъ-полицеймейстеръ Нолькенъ, уфимскій губернаторъ генералъ М. Соколовскій, могилевскій губернаторъ Клингенбергъ, ломжинскій губернаторъ баронъ Корфъ, въ 1906 г. уфимскій вице-губернаторъ Келеповскій, черниговскій губернаторъ Хвостовъ, иркутскій вице-губернаторъ Мишинъ. Контужены: въ 1906 г.

московскій генералъ-губернаторъ Дубасовъ, варшавскій генералъ-губернаторъ Скалонъ. Покушенія на убійство: Въ 1901 г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода Побѣдоносцева; въ 1905 г. на тавастгускаго губернатора Папкова, московскаго оберъ-полицеймейстера Трепова, варшавскаго генералъ-губернатора Максимовича, саратовскаго губернатора Столыпина, саратовскаго вице-губернатора Кнолля; въ 1906 г. минскаго губернатора Курлова, главнаго командира черноморскаго флота Чухнина, севастопольскаго коменданта Неплюева, тифлисскаго генералъ-губернатора Тимоѳеева, командующаго войсками одесскаго военнаго округа барона Каульбарса, нынѣшняго премьеръ-министра Столыпина.

Политическія народныя пѣсни новѣйшаго времени. Событія послѣдняго времени наложили свой отпечатокъ, между прочимъ, и на пѣсни народа. Съ поразительной быстротой проникли изъ города въ деревню и распространились «рабочая марсельеза», похоронный маршъ и другія «революціонныя» пѣсни. Подобно тому, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ перваго представленія пьесы М. Горькаго «На днѣ» не только въ столицахъ, но и въ захолустныхъ уѣздныхъ городишкахъ—вездѣ можно было услышать «Солнце всходитъ и заходитъ, а въ тюрьмѣ моей темно», такъ и теперь: въ самыхъ медвѣжьихъ уголкахъ Россіи на деревенскихъ «гулянкахъ», на покосѣ, во время жнитва то и дѣло распѣваютъ: «Вы жертвою пали» и «Вставай, подымайся, рабочій народъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ появляться и настоящія, чисто народныя пѣсни съ политическимъ оттѣнкомъ. Большею частью, эти пѣсни представляютъ изъ себя видоизмѣненіе прежнихъ старыхъ, въ которыя вставлены новые, политическаго характера, куплеты: иногда же вся пѣсня замѣнена новыми словами, но размѣръ и прочія внѣшнія качества ея сохранены. Напримѣръ, во Владимирской губерніи распространена слѣдующая пѣсня:

«Велика наша Расея,
Только негдѣ намъ пахать,
А хрестьянство все бѣднѣетъ,
Нѣтъ ни хлѣбушка, ни хатъ.
Хорошо наше начальство:
Что урядникъ, то и воръ.
Ахъ, не вѣшай, Катерина,
Портки новы на заборъ»...

Слѣдующіе куплеты нецензурны. Пѣсня эта, безъ сомнѣнія, есть переложеніе старинной:

«Хороша наша деревня,
Только улица грязна;
Хороши наши ребята,
Только славушка плоха.

Политическій характеръ приняла и, такъ называемая, «Походная»—*пѣсня*, которую поютъ парни подъ аккомпанементъ гармоники, переходя изъ деревни въ деревню на вечеринки или «посидѣлки»:

«Не прирѣжутъ намъ землицы,
Возьмемъ вилы въ рукавицы,
Отойдетъ земля хрестьянамъ,
Каждый день я буду пьяный».

«Эхъ, горе, ты горе, горюшко —
Отпорютъ казаки насъ въ-волюшку».

Въ «Походной» задѣты земскіе начальники, духовенство, министры, упоминается горькая участь солдатокъ и пр.

«Не вопи, не плачь, солдатка.
Мужъ вернется къ тебѣ гладкій.
Слезъ не лей ты по-напрасну,
Пожалѣй себя несчастну.
Мужёнекъ твой очень строгъ,
А теперь безъ рукъ, безъ ногъ:
Привезутъ, коль не помретъ,—
Ужъ не бойся—не прибьетъ».

«Не хочу я чаю пить
Изъ большого чайника.
Хочу очень полюбить
Земскаго начальника».

Къ сожалѣнію, большинство новыхъ пѣсенъ заключаетъ въ себѣ массу нецензурыхъ выраженій и не можетъ, поэтому, попасть въ печать.

А вотъ марсельеза въ передѣлкѣ сектантовъ:

«Отречемся отъ грязнаго міра,
Отрясемъ его прахъ съ нашихъ ногъ.
Намъ не нужно златого кумира,
Насъ спасетъ милосердный лишь Богъ».

«Вставай, подымайся, крещеный народъ,
Вставай, потрудись для голодныхъ,
Раздайся вопль грѣшный народный:
Защити, Господь, бѣдныхъ сиротъ»

Простой народъ—религіозенъ, и вотъ—политическій характеръ пѣсни замѣненъ религіознымъ. Несомнѣнно, въ этой пѣснѣ проведена идея призыва не къ соціальному перестрою, а къ обновленію духовно-нравственной жизни народа.

Земли частныхъ владѣльцевъ, могущія быть переданы во владѣніе, крестьянъ путемъ экспропріаціи. Изъ всѣхъ 105.940 десятинъ удобной и неудобной земли, принадлежащихъ частнымъ лицамъ (физическимъ, юридическимъ), не покрыто лѣсомъ 65.663.855 дес. Въ эти 65 мил. десят.—входитъ свободныхъ отъ лѣса 19.146.000 десятинъ мелкихъ крестьянскихъ и 2.652,2000 десятинъ мелкихъ мѣщанскихъ участковъ (средній размѣръ— 13.1 и 45.1 десят.) Не могутъ подлежать экспропріаціи какъ эти мелкіе участки, такъ и значительная часть земель, принадлежащихъ учрежденіямъ и юридическимъ лицамъ (напр.: земли городовъ, казачьи и друг.). Если принять, что лѣсъ распредѣленъ равномѣрно по владѣніямъ всѣхъ группъ частновладѣльцевъ (за исключеніемъ группъ крестьянъ и мѣщанъ), то площадь остальныхъ свободныхъ отъ лѣса земель опредѣлится приблизительно въ 40.930.536

дес. принадлежащихъ не менѣе, чѣмъ 130.000 физическихъ лицъ. Такъ какъ экспропріація проектируется не какъ карательная мѣра за принадлежность къ тому или иному сословію и не ради передачи всей земли лицамъ обрабатывающимъ землю личнымъ трудомъ своимъ и семьи, то несомнѣнно каждому владѣльцу земли—и дворянину и купцу, по его требованію, долженъ быть оставленъ при экспропріаціи извѣстный минимумъ владѣнія. Такимъ минимумомъ—должна быть признана норма мелкой собственности (100 десят.). Слѣдовательно, величина предполагаемой площади экспропріацій должна быть уменьшена приблизительно на 13 милл. десят.—и составитъ около 27.000.000 десятинъ удобной и неудобной земли. Приблизительно 30% этой площади принадлежитъ купцамъ, духовенству, учреждедіямъ и юридическимъ лицамъ. Остальныя 70% (т. е. около 18.000.000 десят. дворянамъ). Изъ этихъ 70% на долю русскихъ дворянъ, пропорціонально пространству ихъ владѣній, придется около 66%, или около 12.000.000 десятинъ. Если всѣ исчисленныя 27.000.000 десятинъ землл раздѣлить уравнительно по душамъ между крестьянами 46 губерній, то на душу придется приблизительно 0,5 удобной и неудобной свободной отъ лѣса земли. (Въ дѣйствительности придется земли на душу еще меньше, такъ какъ приведенныя цифры относятся къ 1899 г., а съ тѣхъ поръ къ крестьянамъ перешло еще нѣсколько милліоновъ десятинъ земли). Что касается 39.000.000 десятинъ частновладѣльческой земли, покрытой лѣсомъ, то свыше 30% ея расположено на сѣверѣ и востокѣ (въ Пермской, Костромской Вологодской, Уфимской и др. губерніяхъ). Только въ этихъ губерніяхъ лѣсная площадь можетъ быть обращена въ сравнительно значительныхъ размѣрахъ подъ пахоть. Въ остальныхъ губерніяхъ лѣсисость крайне незначительна; здѣсь уничтоженіе лѣсовъ пагубно для земледѣлія. Процентъ лѣсистости въ Россіи равенъ: на сѣверѣ 50%; въ центральныхъ губерніяхъ и на западѣ 14%—30%. Въ 10 губерніяхъ лѣсистость менѣе 10%. Въ Германіи же лѣсная площадь занимаетъ 25% всей земельной площади, а въ Австріи—30%.

НЕКРОЛОГИ.

Антоновъ, В. И. † Въ Павловскѣ скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Ильичъ Антоновъ, лѣтомъ вышедшій въ отставку съ должности управляющаго городомъ Павловскомъ. Всѣ въ городѣ знали этого добраго, тихаго, дѣловитаго старичка. Это былъ одинъ изъ настоящихъ старожиловъ, выросшихъ въ Павловскѣ, и считался крестникомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги основателя города. 1 августа 1837 г. покойный поступилъ на службу, т.-е. почти 70 лѣтъ провелъ на службѣ въ Павловскѣ, начиная съ маленькихъ чиновъ, потомъ былъ совѣтникомъ и, наконецъ, управляющимъ городомъ. Въ 1900 году получилъ станиславскую звѣзду. На панихиду по покойномъ пріѣзжалъ въ Павловскъ великій князь Константинъ Константиновичъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.915).

† **Арбенинъ, Н. Ѳ.** 14 августа, послѣ тяжкой болѣзни (ракъ желудка) скончался артистъ императорской русской драматической труппы Николай Ѳедоровичъ Арбенинъ. Н. Ѳ. уроженецъ города Юрьева, окончилъ курсъ Московскаго университета и театральнаго училища. Сценическая дѣятельность его началась въ срединѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ онъ переведенъ былъ въ александринскій театръ въ Петербургѣ. Н. Ѳ. былъ усерднымъ исполнителемъ поручаемыхъ ему (среднихъ) ролей. Одно время онъ состоялъ режиссеромъ императорскихъ театровъ. Въ послѣдніе годы почившій принималъ довольно близкое участіе въ дѣлахъ русскаго театральнаго общества, а также былъ членомъ комиссій по театральному законодательству. Н. Ѳ. Арбенинъ извѣстенъ какъ переводчикъ нѣкоторыхъ пьесъ и статей по театральнымъ вопросамъ. Ему, между прочимъ, принадлежитъ книга «Западный театръ». Скончался 43 лѣтъ. Духовенствомъ преображенскаго всей гвардіи собора у гроба скончавшагося совершены были двѣ панихиды, за которыми присутствовалъ вице-директоръ театраль-

наго общества А. Е. Молчановъ и всего нѣсколько артистовъ. На гробъ были возложены вѣнки отъ общества и другіе. (Некрологъ его: «Петербургскій Листокъ», 1906 г. № 222).

† **Давидсъ, Г. Е.** Въ Берлинѣ 4 августа скончался преподаватель нѣмецкаго языка въ московскихъ александровскомъ и елисаветинскомъ женскихъ институтахъ — Георгій Ефимовичъ Давидсъ. Покойный пользовался популярностью, какъ авторъ извѣстнаго руководства (особенности синтаксиса нѣмецкаго языка сравнительно съ русскимъ), выдержавшаго рядъ изданій и получившаго широкое примѣненіе въ старшихъ классахъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній. Г. Е. Давидсъ умеръ еще не старымъ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 197).

† **Жуковская, М. К.** Въ Геттингенѣ неожиданно скончалась Марія Константиновна Жуковская, рожденная Маслянникова, которой оставалось лишь два семестра до полученія доктора чистой математики. Покойная отличалась исключительными математическими способностями и любовью къ наукѣ. Въ С.-Петербургѣ и въ товарищеской средѣ о ней говорили, что она—«будущая вторая Софья Ковалевская». Она слушала извѣстнѣйшихъ европейскихъ математиковъ въ Гейдельбергѣ, Парижѣ (въ Сорбоннѣ) и Геттингенѣ, гдѣ, работая у профессора Гильберта, надѣялась получить докторскую степень, приготовить и работу для степени магистра въ Россіи. Покойная блестяще окончила курсъ гимназіи въ С.-Петербургѣ (съ золотою медалью) и с.-петербургскіе высшіе женскіе курсы по чистой математикѣ. Она обладала основательнымъ общимъ образованіемъ и необходимымъ для профессорства орудіемъ—знаніемъ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, шведскаго, норвежскаго и датскаго языковъ. Въ Геттингенѣ, въ средѣ профессоровъ и студентовъ, М. К. пользовалась заслуженнымъ уваженіемъ. Наканунѣ ея смерти ей порученъ былъ весьма важный докладъ по одному изъ сложнѣйшихъ вопросовъ въ сферѣ математики. Въ день ея похоронъ на математическомъ факультетѣ не было лекцій. Гробъ покойной былъ покрытъ многочисленными вѣнками, среди которыхъ былъ особый вѣнокъ «отъ товарищей-поляковъ». Преждевременная смерть М. К. Жуковской произвела глубокое впечатлѣніе въ средѣ русской колоніи учащихся въ Геттингенѣ, которые ожидали, что покойная обогатитъ русскую науку своими оригинальными трудами. (Некрологъ ея: «Новое Время, 1906 г., № 10.921.)

† **Мальскій (Нечаевъ), Н. П.** Труппа литературно-художественнаго общества внезапно осиротѣла: однимъ хорошимъ, полезнымъ, талантливымъ артистомъ въ ней стало меньше. Умеръ Николай Петровичъ Нечаевъ, по сценѣ Мальскій. Онъ предчувствовалъ свою смерть. «Скоро, очень скоро я выйду въ тиражъ жизни», говорилъ онъ въ кругу знакомыхъ, и... вышелъ. Еще будучи на студенческой скамьѣ, Нечаевъ проявлялъ свой даръ разсказчика и «поигрывалъ» въ любительскихъ спектакляхъ въ залѣ Павловой и на клубныхъ сценахъ. По окончаніи университета, Нечаевъ подъ псевдонимомъ Мальскаго, пристроился къ труппѣ Новаго театра (Яворской), гдѣ былъ мало замѣтенъ, играя второстепенныя, не его амплуа, роли. Покойнаго, какъ драма-

тическаго артиста, выдвинула служба въ Маломъ театрѣ (въ С.-Петербургѣ). Дирекція и режиссеръ труппы обратили должное вниманіе на его безспорное комическое дарованіе, и стали поручать ему соотвѣтственныя роли. Особенно выдвинулся Мальскій въ пьесахъ Туношенскаго («Губернская Клеопатра», «Въ Гаграхъ»), Бѣжецкаго («Ольгинъ день»), Е. Карпова («Побѣдитель») и др. Въ лѣтнее время артистъ игралъ въ столичныхъ пригородныхъ театрахъ; ѣздилъ въ товарищескомъ «турнэ» по провинціи. Наибольшей популярности Мальскаго среди театраловъ способствовали его «разсказы изъ разнаго быта», его «сценки» и имитаціи. Какъ въ былое время на сценѣ александринскаго театра очень многіе спектакли заключались «сценой Горбунова», такъ въ послѣдніе годы спектакли съ дивертиссементомъ при участіи Н. П. Мальскаго стали привлекательными для публики; это старались использовать практичные бенефиціанты и устроители благотворительныхъ спектаклей. Онъ не умѣлъ жить, какъ ему совѣтовали доктора и расположенные къ нему люди. Онъ часто повторялъ фразу изъ шекспировскаго «Макбета»: «Жизнь — фигляръ, шумящій на помостѣ». Мальскій любилъ жизнь, любилъ пожить, но не берегъ жизни, и она отмстила ему преждевременной смертью. (Некрологъ его: «Петербургскій Листокъ», 1906 г., № 219).

† **Марсель, Л. М.** Лѣтомъ скончался и похороненъ въ Павловскѣ замѣчательный человѣкъ, отставной лейбъ-медикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Л. М. Марсель, который началъ службу въ Петербургѣ театральнымъ врачемъ, помнилъ основаніе Царскосельской желѣзной дороги, пережилъ всю свою семью и скончался 102 лѣтъ отъ роду, но до конца сохранилъ удивительную память, несмотря на то, что постоянно курилъ сигары. Лѣтъ 25 онъ прекратилъ практику, но постоянно читалъ и слѣдилъ за наукой. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.915).

† **Меліоранскій, Б. М.** 2 августа въ Ригѣ скончался экстраординарный профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ исторіи христіанской церкви, Борисъ Михайловичъ Меліоранскій. Покойный, какъ и его недавно же скончавшійся братъ (профессоръ восточнаго факультета), можно сказать, всю свою жизнь посвятилъ петербургскому университету. Послѣ окончанія въ немъ курса по историко-филологическому факультету въ 1893 г., Б. М. поступилъ вольнослушателемъ въ духовную академію и, получивъ черезъ два года степень кандидата богословія, въ скоромъ времени былъ назначенъ приватъ-доцентомъ въ университетъ по каѳедрѣ исторіи христіанской церкви. За историко-богословское сочиненіе: «Георгій Кипрянинъ и Іоаннъ Іерусалимскій, два малоизвѣстныхъ борца за православіе въ VIII вѣкѣ», Б. М. былъ удостоенъ духовной академіей степени магистра богословія. Б. М. напечаталъ цѣлый рядъ статей и рецензій по богословскимъ вопросамъ. Но главнымъ предметомъ его занятій служила докторская диссертація по исторіи иконоборческой ереси. Къ сожалѣнію, этой работы покойному не суждено было окончить. Какъ человѣкъ и професоръ, покойный былъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ явленій въ университетской жизни. Онъ не собиралъ вокругъ себя большихъ аудиторій и не добивался аплодисментовъ, но его строго-научное, философское изложеніе исторій христіанской церкви

всегда останется въ памяти его слушателей. Въ професорскомъ совѣтѣ о[нъ] являлся всегда самымъ ревностнымъ сторонникомъ чистой науки и всѣми с[и]лами боролся съ политиканствомъ, которое особенно проявилось въ послѣдн[іе] годы среди профессоровъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.927).

† **Собко, Н. П.** 16 августа погибъ мучительною смертью Николай Петровичъ Собко, пользовавшійся извѣстностью библіографа русскаго искусства. [Н]а станціи Райвола онъ хотѣлъ, повидимому, вскочить въ вагонъ на ходу поѣзда и упалъ. Ему перерѣзало ноги; по дорогѣ въ петербургскій клиническій госпиталь онъ скончался въ вагонѣ. Н. П., сынъ инженера, родился въ Царскомъ Селѣ 9 іюля 1851 г., получилъ домашнее воспитаніе и съ 1867 г. сталъ заниматься библіографіей, а съ 1869 г. собираніемъ матеріаловъ для художествъ въ Россіи. Имъ составлено и начато изданіе «Словаря русскихъ художниковъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней». Въ періодъ съ 1894 г. по 1900 г. вышло всего три выпуска «Словаря» съ портретами художниковъ и снимками ихъ художественныхъ произведеній. Изъ другихъ его работъ извѣстны: «Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольства за границу въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ» (1886), «Русскіе и славянскіе календари и мѣсяцесловъ за 100 лѣтъ съ 1725 г. по 1828 г.» (Берлинъ 1880 г.), «В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія», изданный М. П. Боткинымъ иллюстрированный каталогъ всероссійской выставки въ Москвѣ въ 1882 г., каталоги нѣсколькихъ художественныхъ выставокъ передвижниковъ. Н. П. въ теченіе многихъ лѣтъ служилъ въ императорскомъ обществѣ поощренія художествъ секретаремъ. Съ 1892 г. Н. П. редактировалъ журналъ «Искусство и художественная промышленность», одно время издававшійся обществомъ поощренія художествъ, а затѣмъ сдѣлался владѣльцемъ типографіи Штейна. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.330).

† **Татищевъ, С. С.** 7 августа въ м. Эггенбергъ въ Швейцаріи послѣ продолжительной болѣзни скончался извѣстный публицистъ и историкъ, бывшій нашъ финансовый агентъ въ Лондонѣ, Сергѣй Спиридоновичъ Татищевъ. Его талантливому перу принадлежитъ рядъ выдающихся солидныхъ историческихъ трудовъ по внѣшней политикѣ, по дипломатическимъ сношеніямъ Россіи съ западными государствами и въ особенности по исторіи царствованія Александра II. Написанныя С. С. «Исторія царствованія императора Александра II» является однимъ изъ лучшихъ пока изслѣдованій этой эпохи. Какъ публицистъ, С. С. въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ сотрудничалъ въ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ, въ «Новомъ Времени», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Nouvelle Revue» и другихъ газетахъ и журналахъ. Его статьи, преимущественно по исторіи Россіи за послѣднее столѣтіе, читались съ большимъ интересомъ: чувствовалась громадная начитанность, знаніе людей, а блестящее изложеніе и остроуміе сквозило въ каждой строчкѣ. Свою дипломатическую карьеру С. С. началъ въ 1864 г., когда по окончаніи Александровскаго лицея и парижской Сорбонны, онъ поступилъ въ азіатскій де[пар]таментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ этого времени по 187[?] С. С. занималъ должность секретаря консульства въ Рагузѣ, миссіи въ [А]... нахъ и посольства въ Вѣнѣ. Во время войны 1877—78 гг. С. С. поступ[илъ]

охотникомъ, нижнимъ чиномъ, въ дѣйствующую дунайскую армію, въ маріупольскій гусарскій полкъ. Его неустрашимость принесла ему офицерскій чинъ и уже во время осады Плевны С. С. состоялъ ординарцемъ при Тотлебенѣ, а затѣмъ, когда Тотлебенъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, оставался въ той же должности въ Санъ-Стефано и Андріанополѣ. Оставивъ по окончаніи войны военную службу, С. С. съ 1881 по 1883 г. состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрахъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Игнатьевѣ и гр. Толстомъ, но вскорѣ, выйдя въ отставку, сталъ сотрудничать во многихъ русскихъ и иностранныхъ журналахъ. Въ промежутокъ съ 1883 года до конца прошлаго столѣтія С. С. написалъ въ «Новомъ Времени» рядъ статей, между прочимъ, по исторіи внѣшней политики Николая I. Въ то же время онъ принялъ на себя руководство политическимъ отдѣломъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и велъ его съ 1889 по 1897 г. Съ 1887 г. стали появляться въ печати отдѣльные труды С. С.: «Внѣшняя политика императора Николая I» (Спб., 1887 г.), «Императоръ Николай I и иностранные дворы» (Спб. 1888 г.), «Изъ прошлаго русской дипломатіи» (Спб., 1890 г.), «Дипломатическія бесѣды о внѣшней политикѣ Россіи» (Спб., 1890 г. и 1898 г.), «Alexandre et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801—1812» (1891 г.); «Біографія императора Александра II-го» (1897 г.), «Родъ Татищевыхъ» 1400—1900, историческое изслѣдованіе» (1900 г.). Съ 1898 г. онъ вновь вступилъ на дипломатическое поприще и, по предложенію гр. С. Ю. Витте, принялъ на себя должность агента министерства финансовъ въ Лондонѣ, гдѣ оставался до 1904 г. Въ этомъ году С. С. былъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. За послѣдніе годы С. С. много работалъ по исторіи царствованія императора Александра III, собирая историческіе документы и матеріалы, но пошатнувшееся здоровье принудило подумать отъ отдыхѣ. С. С. уѣхалъ отдыхать въ Грацъ, гдѣ и скончался 7 августа. Жизнь покойнаго представляетъ большой интересъ въ связи съ тѣми событіями, въ которыхъ онъ учавствовалъ, какъ дипломатъ и по тѣмъ широкимъ связямъ за границей и въ Россіи, которыя имѣлъ. Отлично образованный, умный, талантливый, онъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобъ выдвинуться на первое мѣсто среди нашихъ дипломатовъ и сдѣлаться, пожалуй, руководителемъ русской иностранной политики. Но страстная, широкая натура увлекала его, и онъ слишкомъ много отдавался этимъ увлеченіямъ, особенно въ такой столицѣ какъ Вѣна. Сцѣпленіе случайныхъ обстоятельствъ заставило его покинуть дипломатическую карьеру, для которой онъ, можетъ быть, былъ рожденъ. Съ этого времени онъ занимается службою то въ одномъ вѣдомствѣ, то въ другомъ, занимается исторіей, пишетъ блестящія статьи и книги, но все какъ-то будто урывками. Его тянуло постоянно къ дипломатіи и историческія работы были только нѣкоторымъ удовлетвореніемъ этого влеченія, точно также, какъ и служба его въ тѣхъ вѣдомствахъ, для которыхъ онъ не чувствовалъ никакого призванія. Надо сказать, что его участіе въ сближеніи Россіи съ Франціей и въ примиреніи Россіи съ Болгаріей, въ особенности въ послѣднемъ, было значительно. (Некрологъ: «Новое Время», 1906 г., № 10.921).

† **Тернеръ, Ѳ. Г.** Скончавшійся въ ночь на 7 августа членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Ѳедоръ Густавовичъ

Тернеръ принадлежитъ къ числу выдающихся нашихъ государственныхъ дѣятелей. Съ его именемъ связанъ цѣлый рядъ преобразовательныхъ мѣропріятій въ экономической и финансовой областяхъ. Онъ началъ свою дѣятельность въ послѣдніе годы царствованія императора Николая I, и когда въ шестидесятыхъ годахъ начались реформы нашего строя, когда по почину покойнаго государя Александра II къ обновленію нашей родины были привлечены лучшія силы, составившія себѣ своими работами историческое имя, в числѣ этихъ дѣятелей выступилъ и Ѳ. Г. Тернеръ. Онъ былъ европейски образованъ; его блестящія статьи по общинному землевладѣнію и по подобнымъ вопросамъ обращали на себя вниманіе не только нашей, но и заграничной печати. Онъ былъ знатокомъ экономическаго быта нашего крестьянства, и ненормальное положеніе сельскаго населенія уже тогда было предметомъ его изслѣдованій. Онъ посвятилъ много лѣтъ своей жизни на выясненіе аграрнаго дѣла; его труды появлялись обыкновенно на страницахъ «Вѣстника Европы» и служатъ цѣннымъ вкладомъ въ русской экономической литературѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые не только умѣли соединять служебныя занятія съ работами ученаго, но которые клали науку въ основаніе всякаго государственнаго мѣропріятія. Въ эпоху реформъ такихъ сановниковъ-ученыхъ было мало, стоитъ только вспомнить всѣмъ извѣстныя имена братьевъ Д. А. и Н. А. Милютиныхъ, кн. Черкасскаго, Заруднаго, Н. Х. Бунге, Д. П. Безобразова, гр. Д. А. Толстого и другихъ. Покойный Ѳ. Г. принадлежалъ къ этому типу дѣятелей. Служба Ѳ. Г. началась и протекла въ министерствѣ финансовъ. Онъ вступилъ въ него однимъ изъ самыхъ младшихъ чиновниковъ и, постепенно повышаясь, достигъ поста директора департамента государственнаго казначейства, затѣмъ товарища министра и наконецъ временно управляющаго министерствомъ. Онъ увѣнчалъ свою служебную карьеру назначеніемъ сперва на должность предсѣдателя департамента государственной экономіи государственнаго совѣта, а съ преобразованіемъ этого послѣдняго предсѣдателемъ второго департамента въ немъ. При этомъ достойно вниманія, что Ѳ. Г. занималъ должность товарища министра финансовъ въ то время, когда она была учреждена въ единственномъ числѣ вмѣсто нынѣшнихъ четырехъ и, что несмотря на колоссальную работу, онъ не только успѣвалъ управляться съ дѣломъ, но и заниматься научными трудами. Такой успѣшной работой Ѳ. Г. былъ обязанъ не только своимъ выдающимся способностямъ, но и умѣнью распредѣлять время и систематизировать занятія. Отличительной чертой характера Ѳ. Г. была его необычайная скромность. Занимая одинъ изъ самыхъ высшихъ постовъ въ государствѣ, Ѳ. Г. продолжалъ оставаться такимъ же простымъ, обходительнымъ и доступнымъ человѣкомъ, какимъ былъ, когда начиналъ службу небольшимъ департаментскимъ чиновникомъ. Но громадный опытъ и глубокая эрудиція никогда не препятствовали ему признавать всякое чужое мнѣніе, а въ ученыхъ спорахъ онъ поражалъ своей деликатностью диспутировать чисто по-европейски, не задѣвая личности собесѣдника и всегда относясь съ уваженіемъ къ посторонним взглядамъ, хотя бы они были противоположны его умовоззрѣнію. По своимъ экономическимъ убѣжденіямъ, онъ стоялъ за сво-

юду торговли и продолжалъ оставаться фритредеромъ до послѣднихъ дней своей жизни, несмотря на то, что въ послѣднее время теорія эта имѣетъ уже менѣе сторонниковъ, нежели въ семидесятыхъ годахъ. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно раздѣлялъ фритредерскія убѣжденія покойнаго академика В. П. Безобразова. Онъ, кстати сказать, былъ съ нимъ очень друженъ и принималъ живое участіе въ извѣстныхъ экономическихъ бесѣдахъ. Несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ продолжалъ работать до послѣднихъ дней своей жизни. Минувшей зимою, когда съ учрежденіемъ государственной думы и преобразованіемъ государственнаго совѣта наша государственная жизнь вступила въ новое русло, на долю Ѳ. Г. выпала колоссальная работа по разработкѣ и направленію экономически-финансовыхъ вопросовъ. Нѣтъ, никакого сомнѣнія, что это исключительное напряженіе силъ не могло не отозваться вредно на его здоровьи и, конечно, ускорило роковую развязку. Но Ѳ. Г. всегда держался того взгляда, что человѣкъ долженъ работать, пока живъ, и что только смерть приноситъ отдыхъ. Съ восторгомъ привѣтствуя созывъ государсвенной думы, Ѳ. Г. съ сердечной скорбью относился къ неправильному направленію ея перваго состава. Со свойственной ему деликатностью онъ воздерживался отъ открытой критики. Ѳ. Г. принималъ непосредственное и горячее участіе въ работахъ четырехъ царствованій, и оставленныя имъ записки представляютъ глубокій интересъ для историка. При всѣхъ своихъ сложныхъ государственныхъ и ученыхъ трудахъ Ѳ. Г. былъ тонкимъ цѣнителемъ искусства, не дилетантомъ, но истиннымъ знатокомъ. Его квартира представляетъ собою музей рѣдкостей разныхъ странъ и временъ. Покойный собиралъ ихъ самъ въ теченіе всей своей жизни. Скончался Ѳ. Г. послѣ тяжкой болѣзни (рака въ желудкѣ). (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.922).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу изданія М. М. Зензинова «Декабристы. 86 портретовъ».

Портреты декабристовъ «составляютъ центръ тяжести» изданія М. М. Зензинова и, какъ подтверждаютъ Б. В. Бѣлозеровъ и моя мать К. Х. Лушникова, видавшіе оригиналы Н. А. Бестужева, экземпляры Лушниковской коллекціи, очень напоминаютъ ее; только г. Пичтъ, къ сожалѣнію, прикрасилъ ихъ: оригинальные рисунки Н. А. Бестужева, нарисованные обыкновеннымъ карандашемъ, были наивнѣе, проще, но зато ближе къ природѣ.

Коллекція портретовъ, въ количествѣ 68 рисунковъ, перешла къ моему отцу А. М. Лушникову, не отъ дѣдушки М. М. Лушникова, какъ неправильно сказано въ Зензиновскомъ изданіи, а черезъ Б. В. Бѣлозерова, товарища моего отца, отъ И. И. Горбачевскаго, послѣ его смерти въ Петровскомъ заводѣ, въ 1869 г.

И. И. Горбачевскій былъ единственнымъ изъ декабристовъ, котораго причислили къ Петровскому заводу, съ отводомъ 15 десятинъ изъ кабинетскихъ

земель. Н. А. Бестужевъ, съ общаго желанія декабристовъ, передалъ свою коллекцію на память Горбачевскому, передъ своимъ отъѣздомъ на поселеніе въ Селенгинскъ.

Коллекція едва не погибла, попавъ, послѣ смерти Горбачевскаго, въ руки его любимца и, какъ полагаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ его сына[1]), Александра Луцкина. Въ Пертовскомъ заводѣ жилъ тогда фельдшеръ Луцкинъ, съ женой котораго у покойнаго декабриста была любовная связь.

Иванъ Ивановичъ въ свободные часы обучалъ молодежь, развивалъ ее, и «молодятникъ» собирался у него чуть не ежедневно. Б. В. Бѣлозеровъ помнитъ и бывалъ на этихъ сборищахъ, гдѣ за самоварчикомъ сообщались новости, читался «Колоколъ», обмѣнивались мыслями.

Въ послѣдніе годы Горбачевскій получалъ субсидію по 100 рублей въ мѣсяцъ отъ Абазы, которые пересылалъ ему горный инженеръ Иванъ Францевичъ Бутацъ, завѣдывающій тогда (въ 1855—1865 г.г.) пріисками Гремучи на рѣкѣ Чикоѣ, принадлежащими Абазѣ.

Г. Бутацъ велъ обширную переписку и многое сообщалъ Горбачевскому. Всѣ петербургскія и заграничныя новости проникали такимъ образомъ въ Петровскій заводъ, и, понятно, что для молодежи эти собранія у Ивана Ивановича имѣли громадный интересъ. При разборѣ бумагъ покойнаго И. И. присутствовали врачъ Александръ Аполлоновичъ Карауловъ, управляющій Петровскимъ заводомъ, горный инженеръ Павелъ Васильевичъ Богославскій и Б. В. Бѣлозеровъ. Въ бумагахъ ничего особеннаго найдено не было, кромѣ личныхъ счетовъ и отчета о неудавшимся пароходствѣ г. Безносикова, по рѣкѣ Селенгѣ, которое было имъ поручено Горбачевскому.

Коллекція портретовъ, какъ я упомянулъ, попала въ руки А. Луцкина, который страдалъ злостнымъ алкоголизмомъ и, не придавая особеннаго значенія работѣ Бестужева, пытался даже спустить полученную коллекцію въ мѣстномъ кабакѣ; когда Б. В. Бѣлозеровъ узналъ о предстоящей ей участи, онъ поспѣшилъ ее купить, заплативъ за нее всего лишь 50 рублей. Но Луцкинъ былъ очень доволенъ и этой суммой. Луцкинъ лѣтъ 12 тому назадъ умеръ отъ алкоголизма въ селѣ Тарбагатаѣ близъ Петровскаго завода, гдѣ онъ былъ домашнимъ учителемъ у г. Ѳедорова.

Затѣмъ коллекція была привезена Б. В. Бѣлозеровымъ въ Кяхту и передана моему, отцу А. М. Лушникову. И тогда было рѣшено между пятью почитателями декабристовъ—заказать копіи съ этихъ портретовъ по альбому для каждаго.

Оригиналы же предполагалось передать въ «Русскую Старину», или въ какое нибудь другое историческое изданіе. Горбачевскому поставили на могилѣ памятникъ, въ подпискѣ на который въ равныхъ частяхъ участвовали Михаилъ Дмитріевичъ Бутинъ, Б. В. Бѣлозеровъ, Петръ Ивановичъ Першинъ и мой отецъ.

---

[1]) Кстати, въ біографіи Горбачевскаго, въ изданіи Зензинова, упоминается о внѣбрачномъ сынѣ Горбачевскаго Елинѣ. Это совершенно невѣрно: Илья Степановичъ не былъ сыномъ Горбачевскаго, а только его ученикомъ.

Когда г.г. Бутинъ и Першинъ поѣхали въ Россію и за границу (въ срединѣ 70-хъ годовъ), имъ было поручено заказать съ рисунковъ Бестужева копіи. Въ концѣ 70-хъ годовъ коллекція была возвращена Бутинымъ Б. В. Бѣлозерову въ Нерчинскѣ, а послѣднимъ—снова передана А. М. Лушникову.

Насколько мнѣ извѣстно, ни отецъ, ни Б. В. Бѣлозеровъ не знали, что съ портретовъ уже раньше были сняты Питчемъ копіи, на что послѣднему отъ отца не было даваемо разрѣшенія.

Редакторъ «Русской Старины», М. И. Семевскій, обращался потомъ къ отцу и къ Б. В. Бѣлозерову съ просьбой прислать ему эту коллекцію, но Алексѣй Михайловичъ почему-то не рѣшался отправить коллекцію по почтѣ. Вообще въ началѣ 80-хъ годовъ отецъ избѣгалъ показывать или говорить о коллекціи, такъ что я, напримѣръ, помню ее очень смутно и видѣлъ ее только одинъ разъ, и то случайно.

Въ 1884 г. онъ отправилъ коллекцію съ хорошимъ знакомымъ, комиссаромъ, Е. В. Пфафіусомъ, въ Россію, который по дорогѣ гдѣ-то умеръ (только не въ Иркутскѣ, какъ неправильно говорится въ Зензиновскомъ изданіи), и дальнѣйшая судьба коллекціи неизвѣстна. Жена и родственники г. Пфафіуса должны бы были, повидимому, знать, куда она дѣлась — вѣдь 68 портретовъ не могли же исчезнуть и потеряться бсзслѣдно! Однако до сихъ поръ о ней нѣтъ никакихъ слуховъ...

Надо искренно благодарить поэтому Н. М. Зензинова, что онъ, хотя бы и безъ разрѣшенія владѣльца, заказалъ Питчу копіи Бестужевскихъ рисунковъ. Однако все же жаль оригинальной коллекціи, такъ какъ она, понятно, имѣетъ бо́льшую цѣнность, какъ историческій документъ, и, при теперешнихъ способахъ передачи, вполнѣ бы точно воспроизвела рисунки Бестужева.

Объ акварельной коллекціи Б. В. Бѣлозеровъ только слыхалъ. Видѣть же ее ему не приходилось.

Послѣ смерти Горбачевскаго къ Б. В. Бѣлозерову обращались его родственники, ген.-лейт. Александръ Ильичъ и Оскаръ Ильичъ Квистъ, съ просьбой указать, не осталось ли чего нибудь цѣннаго въ бумагахъ Ивана Ивановича.

Б. В. Бѣлозеровъ сообщилъ, что ни замѣтокъ, ни воспоминаній у покойнаго не найдено, и упомянулъ о томъ, что въ послѣднее время Горбачевскій посылалъ немало «страховыхъ» писемъ Абазѣ. Квистъ обращались потомъ къ Абазѣ, но возвратили ли послѣднему переписку Горбачевскаго, ему, Бѣлозерову, въ точности неизвѣстно; былъ слухъ, что она возвращена.

И. И. Горбачевскій завѣдывалъ общимъ хозяйствомъ декабристовъ въ казематѣ Петровскаго завода: закупалъ провизію и т. п. По его словамъ, каждый вносилъ въ общую кассу сколько могъ, напр., Волконскій и Трубецкой по 5.000 р. Счета, конечно, просматривались комендантомъ Лепарскимъ. Но все же удавалось, для иногда устраиваемыхъ пирушекъ, покупать и вина, при чемъ, какъ говаривалъ Горбачевскій, приходилось «грѣшить» совмѣстно съ купцами, проводя по счетамъ израсходованныя на вино деньги подъ другими названіями: на сарпинку или на ситецъ «для раздачи бѣднымъ». За пирушки съ инициаторовъ полагалась въ пользу артели двойная плата. Въ особенности для устройства пирушекъ пользовались посѣщеніемъ бани, которая находилась внѣ каземата.

Въ Петровскомъ заводѣ до сихъ поръ существуетъ «Дамская» улица. Это названіе дано въ память пребыванія здѣсь «дамъ»—женъ декабристовъ. Когда петербургскіе инженеры строили казематъ, кажется, на 120 камеръ, дамы обратились къ нимъ съ просьбой построить для нихъ помѣщенія съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ изъ оконъ фасада ихъ домовъ былъ виденъ именно казематъ, что̀ и было исполнено.

Лепарскій разбилъ для нихъ садъ, въ которомъ были статуи и т. п. диковинки по тогдашнему времени.

Бр. Бестужевы избрали себѣ мѣстомъ поселенія г. Селенгинскъ потому, что туда уже былъ сосланъ К. П. Торсонъ, съ которымъ они, какъ извѣстно, были очень близки. Они получили въ надѣлъ такъ называемую Зуевскую падь. Къ Торсону пріѣхала мать и сестра Екатерина Петровна съ двумя или тремя дворовыми людьми. Они привезли съ собой даже попугая, который потомъ попалъ къ намъ въ домъ, въ Кяхту, а теперь чучело торсоновскаго попугая находится въ зоологическомъ кабинетѣ, въ троицкосавскомъ реальномъ училищѣ.

Сидѣйку, особый двухколесный экипажъ, придумалъ не М. А. Бестужевъ, какъ сказано въ Зензиновскомъ изданіи, а К. П. Торсонъ, который и сдѣлалъ модель. Экипажъ этотъ оказался чрезвычайно практичнымъ для нашихъ горныхъ дорогъ, и теперь имѣетъ самое широкое распространеніе по Забайкалью. Бестужевы же, по модели Торсона, занялись экипажнымъ производствомъ и продавали сидѣйки главнымъ образомъ въ Кяхту. Торсонъ устраивалъ также, но неудачно, молотилку.

Н. А. Бестужевъ въ особенности пользовался расположеніемъ общества и населенія. Онъ никогда не сидѣлъ, сложа руки, и дѣлалъ рѣшительно все. Мастерская его была всегда полнымъ полна ребятами и взрослыми. Среди серьезныхъ занятій, онъ находилъ время для починки дамамъ и дѣвицамъ колечекъ, сережекъ и т. п. Мой отецъ учился у Бестужевыхъ грамотѣ. Мѣстное общество считало за особую честь, когда его посѣщали декабристы. Всѣ путешественники и чиновники считали долгомъ побывать у декабристовъ. Такъ, напримѣръ, во время сенатской ревизіи графа Толстого въ 1845 г., молодежь постоянно находилась у Бестужевыхъ.

М. А. Бестужевъ любилъ дамское общество и имѣлъ у дамъ громадный успѣхъ. Н. А. былъ въ этомъ отношеніи строже, хотя въ 40-хъ годахъ въ Селенгинскъ пріѣзжала какая-то г-жа Антуанъ, которая, будто бы, очень хотѣла выйти за него замужъ. Николаю Александровичу, однакоже, удалось какъ-то отдѣлаться отъ этой француженки.

К. П. Торсонъ и Н. А. Бестужевъ похоронены въ живописной горной мѣстности, въ пяти верстахъ отъ Новаго Селенгинска, тамъ, гдѣ они жили, на берегу рѣки Селенги. Памятники имъ поставлены Алексѣемъ Дмитріевичемъ Старцевымъ, сыномъ Н. А. Бестужева отъ бурятки, Б. В. Бѣлозеровымъ и моимъ отцомъ.

Въ Новомъ Селенгинскѣ сохранились дома—М. А. Бестужева, принадлежащіе теперь Сѣдову, и К. П. Торсона, перешедшій къ Овѣриной.

А. Лушниковъ.

какъ я при всемъ желаніи не могла бы найти болѣе подходящаго человѣка. Мнѣ именно нуженъ такой человѣкъ, котораго никто не знаетъ при дворѣ, и на котораго никогда не падетъ подозрѣніе въ томъ, что я дала ему секретное порученіе.

Гель въ душѣ немного подивился тому, что королевѣ почему-то понадобился такой человѣкъ, но онъ, конечно, затаилъ эту мысль въ своей душѣ и сказалъ только, что дѣйствительно само небо послало его сюда, чтобы онъ имѣлъ счастіе услужить своей королевѣ.

Что касается королевы, то она уже рѣшила про себя, что употребитъ этого человѣка для своей цѣли. Она пришла въ садъ, гдѣ искала уединенія, чтобы на свободѣ обдумать, гдѣ бы найти человѣка, которому она могла бы довѣрить свою тайну. Она рѣшила рискнуть и довѣриться вполнѣ тому впечатлѣнію, которое произвелъ на нее этотъ юноша; ей казалось, что онъ преданъ ей, и рыцарски оправдаетъ ея довѣріе, исполнивъ ея порученіе, хотя бы это стоило ему жизни. Дѣлая видъ, что колеблется, она только этимъ нарочно увеличивала его желаніе послужить ей, такъ какъ подчеркивала своей нерѣшительностью всю важность порученія, которое собиралась дать ему.

— Мнѣ надо многое сказать вамъ,—начала она нерѣшительно,— а времени у меня немного. Я уже давно ушла отъ своей свиты, и тамъ, вѣроятно, всѣ удивляются тому, что я такъ долго мечтаю въ одиночествѣ. Никто не долженъ знать, что я видѣла васъ здѣсь и говорила съ вами. Что касается этихъ плотниковъ, я спокойна, что они не выдадутъ насъ, такъ какъ я достаточно уже запугала этого бѣднягу, который теперь навѣрное ни живъ ни мертвъ отъ страху. Теперь слушайте, что я вамъ скажу. Близкіе мнѣ совѣтники случайно открыли, что въ заговорѣ герцога Эссекскаго принималъ участіе и одинъ близкій мнѣ человѣкъ. Участіе его выразилось настолько сильно, что онъ поистинѣ достоинъ казни. Онъ пока еще и не подозрѣваетъ о томъ, что его предали. Онъ сидитъ, вѣроятно, теперь у себя дома совершенно спокойно и не знаетъ, что уже подписанъ указъ объ его арестѣ. Сегодня днемъ, офицеръ, которому поручено произвести этотъ арестъ, отправляется въ дорогу въ провинцію, гдѣ живетъ этотъ человѣкъ. Мнѣ удалось отсрочить отъѣздъ этого офицера на нѣсколько часовъ, но это все, что я могу сдѣлать.

— Отсрочить, ваше величество?—спросилъ Гель, думая, что онъ ослышался.

— Да, отсрочить,— совершенно спокойно повторила Елисавета,— я отсрочила этотъ арестъ, чтобы имѣть время обдумать, какъ бы устроить такъ, чтобы этотъ человѣкъ успѣлъ скрыться раньше, чѣмъ его арестуютъ.

Она подождала немного, пока удивленный взоръ Геля не принялъ болѣе вдумчиваго и внимательнаго выраженія, и продолжала также спокойно:

— Вы удивляетесь тому, что я, которая могу повелѣвать, стараюсь вдругъ прибѣгнуть къ тайнѣ, чтобы достичь своего желанія. Вы удивляетесь тому, что я хочу дать возможность несчастному бѣжать и въ то же время считаю необходимымъ давать указъ объ его арестѣ? Не проще ли было прямо помиловать его? Вы не знаете того, мой юный другъ, что иногда монарху приходится издавать указы или санкціонировать то или другое, чего въ глубинѣ души онъ никакъ не можетъ одобрить?

Гель молча поклонился. Онъ ничего не понималъ въ дѣлахъ государственныхъ и мало интересовался ими. Онъ не понималъ мотивовъ поведенія королевы, но готовъ былъ безпрекословно повиноваться ей и исполнить всякое ея желаніе. Только впослѣдствіи онъ, понялъ какъ обстояло все дѣло.

Заговоръ, во главѣ котораго стоялъ герцогъ Эссекскій, былъ направленъ не противъ самой личности королевы или ея власти, а противъ существующаго правительства, отъ котораго заговорщики надѣялись избавиться, сдѣлавъ королеву на время плѣнницей и руководя ея декретами по своему желанію. Что касается личности королевы, то они всѣ были глубоко ей преданы. И, какъ женщина, она собственно лично не могла питать къ этимъ заговорщикамъ какой нибудь особенной вражды. Но единство и цѣлость государства требовали, чтобы главные изъ заговорщиковъ были наказаны. Она съ удовольствіемъ помиловала бы своего любимца Эссекскаго, если бы она получила кольцо, которое онъ послалъ ей, чтобы напомнить данное ею когда-то обѣщаніе. Но такъ какъ она не получила этого кольца, она рѣшила, что онъ слишкомъ гордъ, чтобы просить помилованіе, и отдала приказъ казнить его. Что касается другихъ его сообщниковъ, то ко многимъ она была совершенно равнодушна, за другими же наоборотъ насчитывались старыя вины, за которыя они должны были теперь расплачиваться. Такъ, напримѣръ, Соуптгемптону она не могла простить, что онъ женился и, кромѣ того, бывалъ часто причиной ссоръ между нею и герцогомъ Эссекскимъ. Но кто же былъ тотъ таинственный незнакомецъ, о которомъ она говорила теперь Мерріоту?

Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливцевъ, которые во время уѣхали въ свои имѣнія и скрыли такимъ образомъ всякіе слѣды своего участія въ заговорѣ, однако имена ихъ были все же извѣстны совѣту, и рѣшено было наказать примѣрно одного изъ нихъ, чтобы напугать всѣхъ остальныхъ. Выборъ палъ какъ разъ на этого человѣка, такъ какъ помимо того, что онъ участвовалъ въ заговорѣ, онъ былъ еще и католикъ.

Но дѣло въ томъ, что Елисавета, какъ женщина, сохранила о немъ лучшее воспоминаніе, чѣмъ Елисавета-королева. Правда, онъ не былъ въ данномъ случаѣ исключеніемъ, такъ какъ герцогъ Эссекскій и другіе раздѣляли съ нимъ ту же честь, но онъ во многомъ отличался отъ нихъ. Будучи католикомъ, онъ никогда не бывалъ при дворѣ. Много лѣтъ тому назадъ, какъ-то въ мартѣ королева спаслась къ нему въ его имѣніе отъ грозы, которая застигла ее во время охоты. Она осталась нѣкоторое время въ его домѣ, отыскивая для этого различные предлоги, а затѣмъ онъ сопровождалъ ее во время одного изъ ея путешествій. Но связь эта была окружена глубокой тайной. Окончилась она тоже не такъ, какъ другія, внезапнымъ разрывомъ или полнымъ пресыщеніемъ: она была просто прервана и больше не возобновлялась. Такимъ образомъ она сохранилась въ памяти Елисаветы, какъ что-то необыновенно чистое и пріятное, съ годами воспоминаніе это принимало все болѣе теплый оттѣнокъ и стало самымъ дорогимъ для ея сердца. Это была единственная чистая любовная поэма въ ея жизни. Другія отличались всѣ бурными сценами и часто смѣшивались съ самой обыкновенной прозой. Любовь эта могла служить темой для поэтическаго творчества, хотя бы и Эдмунда Спенсера. Она была тѣмъ дороже, что осталась для всѣхъ тайной. Никто никогда и не подозрѣвалъ о ней, кромѣ молчаливаго стараго слуги и одной довѣренной фрейлины: первый былъ теперь при смерти, вторая уже умерла.

Елисаветѣ не хотѣлось осквернить эту поэму казнью, пока въ ея силахъ было спасти этого человѣка. До сихъ поръ она никогда не предлагала, и онъ никогда не просилъ ее защитить его отъ нападокъ и непріятностей, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, за то, что онъ католикъ, и настолько отравляли ему жизнь на родинѣ, что онъ большею частью жилъ во Франціи. Но смерть—это другое дѣло, ей была непріятна мысль, что онъ кончитъ свою жизнь на эшафотѣ, и хотя она больше и не мечтала о томъ, чтобы когда либо опять встрѣтиться съ нимъ, она все же въ то же время не желала его смерти. Этотъ любимый ею когда-то человѣкъ имѣлъ еще одно преимущество передъ другими ея любовниками, онъ такъ и остался холостымъ навсегда. Уже одно это обстоятельство въ ея глазахъ ставило его неизмѣримо выше герцога Эссекскаго или Соуптгемптона, такъ какъ тѣ оба женились. Тотъ фактъ, что уже смерть герцога потрясла ее до глубины души, заставилъ ее призадуматься передъ тѣмъ, какъ обречь на смертную казнь другого своего любимца.

Жертва, принесенная ею въ первомъ случаѣ, настолько возвысила ее въ глазахъ всего свѣта, такъ какъ показала, что она умѣетъ приноситъ себя въ жертву государству, что она не хотѣла показаться слабѣе, чѣмъ раньше. Больше, чѣмъ когда либо пре-

жде, ей именно хотѣлось доказать всѣмъ, что свои личныя чувства она не принимаетъ во вниманіе и готова жертвовать для блага отечества хотя бы и самыми близкими друзьями. Тотъ фактъ, что она, королева, стоящая во главѣ великаго народа, побѣдительница великой Армады, была когда-то такъ слаба, что ясно выказывала передъ всѣми свои чувства, заставилъ ее именно теперь, когда имя ея должно было навсегда перейти въ исторію, слѣдить за собою, какъ можно строже. Отказать въ санкціонированіи рѣшенія совѣта, имѣвшаго глубокое политическое основаніе и никакихъ политическихъ оправданій, значило бы передъ всѣми сознаться въ своей слабости. Между тѣмъ она вовсе не хотѣла профанировать чувство, которое со временемъ сдѣлалось для нея святымъ, и тѣмъ менѣе еще хотѣла, чтобы всѣ узнали и объ этой ея слабости. Поэтому ей оставался одинъ исходъ—спасти его, но такимъ образомъ, чтобы никто не догадался, что этимъ спасеніемъ онъ обязанъ именно ей.

Для своего спокойствія, какъ женщины, она должна была сдѣлать все, чтобы арестъ этотъ не состоялся. Но, для спасенія репутаціи королевы, она должна была дѣйствовать тайно, чтобы никто не догадался объ этомъ. Правая рука королевы не должна была знать, что дѣлаетъ лѣвая рука женщины, которая была этой королевой. Чтобы отсрочить хоть на нѣсколько часовъ арестъ несчастнаго, она приказала соблюсти всѣ формальности и привести въ порядокъ всѣ бумаги, необходимыя для этой цѣли.

Ей нуженъ былъ человѣкъ отважный, ловкій и умѣющій свято хранить довѣренную ему тайну, и въ то же время никому неизвѣстный при дворѣ, такъ чтобы въ случаѣ измѣны съ его стороны никто не повѣрилъ ему, если онъ станетъ увѣрять, что дѣйствовалъ по приказанію самой королевы; кромѣ того, этотъ человѣкъ долженъ былъ вѣрить ей на слово, что только глубокія политическія причины побуждаютъ ее поступать такъ въ данномъ случаѣ: самолюбивая и гордая королева не хотѣла, чтобы даже хоть одинъ смертный зналъ, что именно заставляетъ ее желать спасенія человѣка, котораго она же сама осудила на смерть.

— Я ищу такого человѣка,—говорила королева Гелю,—который долженъ дѣйствовать исключительно отъ себя, не упоминая никогда моего имени. Никто не долженъ даже предположить, что онъ дѣйствуетъ по моему приказанію, и вслѣдствіе этого, конечно, онъ и не можетъ разсчитывать на благодарность съ моей стороны, такъ какъ я могу поблагодарить его только мысленно.

— Подобная благодарность—высшее счастье на землѣ,—отвѣтилъ Гель, до глубины сердца тронутый довѣріемъ королевы.

— Да, конечно,—отвѣтила королева улыбаясь,—но вѣдь, кромѣ того, онъ не долженъ разсчитывать на помощь съ моей стороны, даже, если бы онъ изъ-за меня очутился въ тюрьмѣ, или былъ

бы осужденъ на смертную казнь. И если пытка вырветъ у него признаніе, что онъ дѣйствовалъ по моему приказанію, то я скажу, что онъ нагло лжетъ, и отопрусь отъ того, что когда либо видѣла его.

— Если ваше величество будете такъ милостивы, что позволите мнѣ выполнить данное порученіе, я могу поручиться своей честью, что буду молчаливъ, какъ могила,—сказалъ Гель, все болѣе воспламеняясь желаніемъ оказать эту услугу королевѣ, такъ какъ она должна была быть вполнѣ безкорыстной и въ то же время небезопасной.

— Но вамъ придется уѣхать изъ Лондона, — сказала королева, этими словами давая понять, что выборъ ея окончательно рѣшенъ,—и вамъ придется подыскать какой нибудь предлогъ, чтобы объяснить своимъ друзьямъ свое отсутствіе изъ столицы.

— Это очень легко сдѣлать, — возразилъ Гель, — наша труппа на той недѣлѣ начинаетъ свое турне. Я уѣду подъ тѣмъ предлогомъ, что хочу немного опередить ее, тѣмъ болѣе, что мои роли легко можетъ исполнить другой актеръ, по имени Грове.

— Даже тотъ человѣкъ, котораго вы ѣдете спасать, — продолжала королева нерѣшительно,—не долженъ ничего подозрѣвать о томъ, кѣмъ именно вы посланы. Вы сдѣлаете видъ, будто узнали объ арестѣ, благодаря чьей нибудь измѣнѣ, и заинтересованы въ его спасеніи только потому, что принадлежите къ партіи герцога Эссекскаго.

Живетъ этотъ человѣкъ около Вельвина въ Гертфордширѣ, зовутъ его сэръ Валентинъ Флитвудъ.

Гель невольно вскрикнулъ отъ удивленія.

— Ну, въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—я могу спокойно дѣйствовать отъ своего имени, такъ какъ онъ—мой другъ и даже мой благодѣтель: его отецъ спасъ когда-то жизнь моему дѣду. Мнѣ не зачѣмъ придумывать предлоги, чтобы спасти сэра Валентина, у меня довольно причинъ желать его спасенія и безъ того. Я и не зналъ, что онъ вернулся въ Англію.

— Вотъ и прекрасно,—замѣтила Елисавета, стараясь не показать, какъ она обрадовалась этой счастливой случайности,—теперь слушайте, что вы должны сдѣлать. Офицеръ, ѣдущій арестовать его, выѣдетъ отсюда въ три часа пополудни. Вы должны опередить его, пріѣхать въ Флитвудъ, предупредить сэра Валентина о грозящей ему опасности, уговорить его бѣжать и всѣми способами должны стараться о томъ, чтобы бѣгство это удалось, и онъ спасся бы во-время.

Гель поклонился. По лицу его видно было, что онъ испытываетъ чувство глубокаго разочарованія, такъ какъ миссія его была въ высшей степени проста и несложна.

Королева улыбнулась.

— Вамъ кажется это слишкомъ легкой задачей,—сказала она.— стоитъ только быстро проѣхать разстояніе отъ Лондона до Бэвина и оттуда въ какой нибудь портъ. Но подумайте о томъ, что могутъ быть разнаго рода случайности. Представьте себѣ, что сэра Валентина какъ разъ не окажется дома, и вамъ придется разыскивать его, чтобы опередить офицера, ѣдущаго арестовать его. Можетъ быть, онъ будетъ дома, но не захочетъ бѣжать, такъ какъ не повѣритъ грозящей ему опасности, и вамъ придется уговаривать его и, можетъ быть, даже увезти его силой, при чемъ вы легко можете наткнуться на преслѣдованіе со стороны моего офицера. Вы должны будете оказать тогда сопротивленіе, хотя бы это стоило вамъ жизни, а, между тѣмъ, вѣдь вамъ извѣстно, что ожидаетъ тѣхъ, кто противится офиціальной власти. Вѣдь вы такимъ образомъ сдѣлаетесь такимъ же измѣнникомъ по отношенію къ родинѣ, какъ и самъ сэръ Валентинъ. Помните, что если васъ возьмутъ, я не буду спасать васъ, весьма вѣроятно, что я же сама отдамъ приказъ казнить васъ немедленно. Поэтому не относитесь такъ легко къ этой задачѣ, помните о предстоящихъ вамъ опасностяхъ и постарайтесь о томъ, чтобы не попасть въ руки правосудія. Можетъ быть, вамъ потомъ въ свою очередь придется спасаться бѣгствомъ за границу и остаться жить тамъ навсегда.

— Я исполню всѣ ваши приказанія въ точности, ваше величество, но умоляю, простите меня, что я долженъ все же упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ. Дѣло въ томъ, что мнѣ придется обзавестись лошадью, а я совершенно безъ денегъ.

— Слава Богу, благодаря простой случайности, я сегодня захватила съ собой полный кошелекъ, выходя изъ дому,—воскликнула королева, отстегивая свою сумочку отъ пояса и передавая ее Гелю.— За послѣднее время мой кошелекъ вообще рѣдко бывалъ полонъ. Высыпьте всѣ эти золотыя монеты въ свой карманъ и оставьте мнѣ только нѣсколько штукъ, чтобы онѣ звенѣли въ кошелькѣ.

Гель исполнилъ ея приказаніе, и королева снова повѣсила сумочку на поясъ.

— Употребите эти деньги на спасеніе сэра Валентина,— продолжала она, — можетъ быть, у него въ данную минуту и не окажется необходимой суммы, а остальное оставьте у себя, какъ вознагражденіе за оказанную мнѣ услугу. Конечно, этого немного, но что дѣлать, другимъ образомъ я не могу вознаградить васъ. Можетъ быть, конечно, если все обойдется благополучно, вы и найдете потомъ возможность когда нибудь впослѣдствіи появиться при дворѣ при другихъ обстоятельствахъ, тогда, конечно, я не забуду, чѣмъ я обязана вамъ, и постараюсь уплатить свой долгъ по отношенію къ вамъ.

— Ваше довѣріе, ваше величество, лучшая для меня награда,— возразилъ Гель съ жаромъ.

На это Елисавета только сказала:

— Пусть этотъ плотникъ выведетъ васъ изъ саду такимъ же образомъ, какъ онъ привелъ васъ сюда, а теперь не теряйте времени, и Богъ да благословитъ васъ.

Гель былъ на седьмомъ небѣ, такъ какъ королева милостиво протянула ему руку, къ которой онъ прикоснулся губами, стоя все еще на колѣняхъ.

Это была прелестная стройная рука, она ею оставалась до самой смерти королевы, и таковою же помнилъ ее Гель до послѣднихъ дней своей жизни. Не помня себя отъ восторга, онъ быстро поднялся и, пятясь назадъ, вышелъ изъ аллеи. Королева повернулась и быстро пошла по направленію, гдѣ ждала ея свита.

Въ эту минуту онъ чувствовалъ только одно, что жизнь его отнынѣ принадлежала одной королевѣ, а Елисавета думала о томъ, какъ милостиво было къ ней небо, пославъ ей въ самую критическую минуту такого неожиданнаго помощника въ лицѣ этого скромнаго и въ то же время предпріимчиваго юноши, который готовъ былъ исполнить ея порученіе, хотя бы это стоило ему жизни.

Когда Гель очутился снова на улицѣ, онъ ясно почувствовалъ всѣ послѣдствія отъ ночи, проведенной въ саду въ холодное мартовское время; голова его болѣла невыносимо, благодаря выпитому наканунѣ вину. Во время разговора съ королевой онъ, конечно, не сознавалъ этого. Чтобы избавиться отъ непріятнаго ощущенія, онъ зашелъ въ первую попавшуюся таверну и тамъ подкрѣпилъ свои силы теплымъ завтракомъ и стаканомъ вина.

Затѣмъ онъ зашелъ въ таверну, гдѣ наканунѣ оставилъ свою рапиру, и такъ какъ тамъ сразу признали его, несмотря на его рабочую куртку,—обстоятельство, не вызвавшее ничьего удивленія, такъ какъ всѣмъ давно извѣстно было, что во время ночныхъ похожденій Гель Мерріотъ являлся и не въ такихъ костюмахъ,— онъ получилъ свою рапиру безъ всякихъ разговоровъ и отправился затѣмъ по лавкамъ дѣлать необходимыя покупки. Нѣсколько времени спустя, на немъ уже красовался новый коричневый бархатный камзолъ, темно-зеленый плащъ, широкополая шляпа безъ пера и высокіе сапоги, въ голенищахъ которыхъ почти совершенно исчезали его коричневыя брюки.

Онъ въ умѣ обдумалъ уже планъ предстоящаго путешествія. Такъ какъ одному невозможно было бы справиться съ разбойниками, если бы на него напали по дорогѣ между Лондономъ и Вельвиномъ, онъ долженъ былъ прежде всего позаботиться о томъ, чтобы найти себѣ спутника и слугу. Къ счастью, путь его домой лежалъ какъ разъ черезъ рынокъ, гдѣ обыкновенно собирались всѣ люди, остававшіеся безъ работы и ищущіе ея, въ какомъ бы видѣ она ни представлялась. Онъ быстро направился туда, и не

успѣлъ онъ войти на рынокъ и смѣшаться съ толпой, ка вдругъ издали увидѣлъ знакомое лицо, и знакомый голосъ окри нулъ его:

— Послушай, Гель, ты еще живъ! Я думалъ, что ты поги сегодня ночью отъ руки какого нибудь негодяя, — говорилъ е Китъ Боттль, пробираясь къ нему.

— Но вѣдь мы, кажется, сегодня ночью были оба вмѣстѣ- нерѣшительно заявилъ Гель, такъ какъ смутно помнилъ, что б ло ночью.

— Да, вмѣстѣ, пока я не потерялъ тебя изъ виду. Да, го мнѣ, что насъ разлучили, Гель: потомъ, когда я остал одинъ, я присѣлъ на камни и заснулъ, а во снѣ кто-то укра мой кошелекъ, теперь у меня нѣтъ ни одного пенни.

И дѣйствительно лицо Боттля было такъ грустно, что не мог быть сомнѣнія относительно его денежныхъ дѣлъ. Украли ли у не го деньги, или онъ ихъ пропилъ и проигралъ, это, конечно, оста валось подъ большимъ сомнѣніемъ, но во всякомъ случаѣ глаза его устремились на ту часть костюма Геля, гдѣ у него обыкновенно лежалъ кошелекъ.

— По моему мнѣнію, Китъ, лондонскій воздухъ вреденъ для тебя,—замѣтилъ Гель:—тебѣ не мѣшаетъ на нѣсколько дней уѣ хать отсюда въ провинцію. Поѣдемъ со мной. Пожалуйста, не удивляйся моему предложенію, у меня есть одно частное дѣло, и ты мнѣ необходимъ. Тебѣ придется только ѣхать со мной, пить и ѣсть ты будешь вволю, можетъ быть, придется пустить въ ходъ оружіе, этого ты, конечно, не боишься, ну, а по окончаніи дѣла, если останутся барыши, мы раздѣлимъ ихъ пополамъ. Согласенъ ты ѣхать со мной?

— Хоть на тотъ край свѣта, мой другъ. И хотя старый Боттль и лгунъ и мошенникъ, но тебѣ онъ преданъ, какъ собака, и съ нимъ ты можешь ѣхать спокойно, куда только захочешь.

— Въ такомъ случаѣ вотъ тебѣ деньги, купи мнѣ двухъ ло шадей со всѣми принадлежностями, и мы встрѣтимся съ тобой ро вно въ два часа на улицѣ св. Джона около бара. Но прежде всего закуси хорошенько и купи себѣ получше плащъ. А затѣмъ торопись, времени у насъ немного.

Затѣмъ Гель отправился на поиски Шекспира, чтобы сооб щить ему, что онъ долженъ немедленно же отлучиться изъ Лон дона, чтобы спасти жизнь своего благодѣтеля, и что онъ при пер вой же возможности вернется снова въ труппу, а пока проситъ всѣ его роли передать, на время, Грове.

IV.

Неожиданное препятствіе.

Въ два часа пополудни, во вторникъ, 3 марта, Мерріотъ и капитанъ Христофоръ Боттль проѣзжали по улицамъ Лондона въ совершенно другомъ видѣ и въ другомъ настроеніи, чѣмъ наканунѣ, когда они бродили по нимъ ночью. У обоихъ были теперь превосходныя лошади, такъ какъ Боттль былъ знатокъ по этой части и сумѣлъ выбрать лучшее изъ того, что имѣлось на рынкѣ, и его не могли бы провести такъ легко, какъ другихъ неопытныхъ покупателей лошадей.

Вооруженіе ихъ соотвѣтствовало высокому качеству ихъ коней: кромѣ новыхъ прекрасныхъ рапиръ и кинжаловъ, они обзавелись еще оба пистолетами. Боттль не зналъ еще, въ чемъ именно состояла миссія Геля, но онъ, какъ истый солдатъ, не выказывалъ никакого любопытства и ни о чемъ не разспрашивалъ. Какъ только они выѣхали изъ города, дорога сразу сузилась и казалась иногда издали простой тропинкой, окаймленной съ обѣихъ сторонъ изгородью, прерываемой изрѣдка отдѣльными, небольшими домиками. По такимъ дорогамъ ѣздили большею частью верхомъ или ходили пѣшкомъ, и только изрѣдка попадались тяжелыя, неуклюжія колымаги. Товары перевозились обыкновенно на вьючныхъ лошадяхъ, которыхъ сопровождали вооруженные люди для большей безопасности; иногда стали, однако, уже появляться и особенные фургоны, приспособленные для перевозки товаровъ. Почта въ тѣ времена находилась еще въ самомъ первобытномъ состояніи, а о почтовыхъ лошадяхъ и не слышали, такъ что только очень богатые люди были въ состояніи заранѣе, въ опредѣленныхъ мѣстахъ, заказывать себѣ лошадей, простые же смертные были вынуждены или покупать себѣ по дорогѣ другихъ лошадей или же добывать ихъ какимъ нибудь инымъ способомъ. Животныя, пріобрѣтенныя Боттлемъ, были, однако, такъ сильны и выносливы, что можно было смѣло разсчитывать доѣхать на нихъ въ Вельвинъ.

Оба пріятеля ѣхали быстро, безъ всякихъ приключеній, и Гель въ глубинѣ души началъ невольно сожалѣть о томъ, что миссія его такъ проста, и ему не предстоитъ никакой опасности при исполненіи ея. Боттль какъ будто отгадалъ его мысли и сталъ разсказывать о разбояхъ, которые производились по большимъ дорогамъ. Онъ вспомнилъ кстати, что одинъ изъ этихъ разбойниковъ, по имени Румней, доводится ему даже пріятелемъ, такъ какъ они сражались когда-то вмѣстѣ въ Испаніи и въ Ирландіи, но затѣмъ дороги ихъ разошлись: одинъ сталъ преподавать уроки фехтованія въ Лондонѣ, другой предпочелъ менѣе вѣрный, но зато болѣе

выгодный промыселъ разбойника на большой дорогѣ. Боттль выразилъ даже желаніе встрѣтиться опять съ старымъ другомъ ужаснымъ негодяемъ, но храбрымъ человѣкомъ, какъ онъ выразился, чтобы роспить вмѣстѣ съ нимъ бутылочку, другую вина или же вонзить ему ножъ въ животъ за одну штуку, которую тотъ сыгралъ съ нимъ въ дѣлѣ, гдѣ замѣшана была женщина. Какой именно исходъ приняла бы ихъ встрѣча, Боттль не могъ заранѣе угадать, но встрѣча эта явилась бы пріятнымъ разнообразіемъ въ ихъ скучной поѣздкѣ и была одинаково желанна для стараго капитана и его молодого пріятеля—Геля Мерріота.

Ѣхали они медленно, щадя лошадей, такъ какъ дорога была неровная, отчасти еще не совсѣмъ оттаявшая, но Гель все время зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто не могъ обогнать ихъ, и какъ только позади ихъ появлялись всадники, они пускали лошадей галопомъ, чтобы опередить ихъ, насколько возможно. Доѣхавъ до первый возвышенности, Гель остановился и оглянулся назадъ на разстилавшуюся передъ нимъ равнину, на ней не было видно ни души; они поѣхали опять дальше, оба молчаливые и задумчивые. Кругомъ становилось все темнѣе и темнѣе, наступали сумерки.

Въ семь часовъ вечера, наконецъ, они прибыли въ Вельвинъ и, нѣсколько времени спустя, стучали въ ворота Флитвудекаго замка, въ которомъ Гель бывалъ уже много разъ. Къ ихъ удивленію, на стукъ ихъ никто не отозвался, домъ казался необитаемымъ, и въ душѣ Геля зародилась надежда, что въ концѣ концовъ миссія его окажется далеко не такъ проста, какъ онъ думалъ сначала. Онъ быстро объѣхалъ кругомъ всей стѣны, окружавшей замокъ со всѣхъ сторонъ, и тутъ только замѣтилъ, что въ одномъ изъ оконъ виденъ свѣтъ. Гель сталъ опять стучать въ ворота и кричать изо всѣхъ силъ, раздумывая въ то же время, что будетъ, если его настигнутъ гонцы королевы раньше, чѣмъ его впустятъ въ домъ.

Наконецъ, вдали показался огонекъ, и слышно было, какъ нерѣшительные шаги медленно приблизились къ воротамъ, затѣмъ открылась маленькая калитка, и въ отверстіе показалось угрюмое и сердитое лицо, окаймленное длинною бородою, ярко освѣщенною фонаремъ.

— Кто это осмѣливается нарушать ночную тишину?—произнесъ гнусавый, недовольный голосъ.

— Это я, Ундергиль,—сказалъ Гель,—я, Гарри Мерріотъ, другъ сэра Валентина, я долженъ видѣть его немедленно.

— Не знаю, удастся ли вамъ видѣть сэра Валентина вообще, а не то, что немедленно,—отвѣтилъ привратникъ, которому на видъ было лѣтъ пятьдесятъ, если не больше.

— Что за вздоръ!—воскликнулъ Гель.—Сейчасъ же открывай ворота, а то я проучу тебя. Слышишь, Антоній?

— Не сердитесь, сэръ,—отвѣтилъ ему Антоній спокойно,—я пойду и узнаю, примутъ ли васъ.

И, говоря это, онъ не торопясь закрылъ опять калитку и направился въ домъ.

Гель сгоралъ отъ нетерпѣнія, но такъ какъ все еще былъ верхомъ, ему не оставалось ничего больше, какъ только безсильно колотить своей шпагой въ ворота, что̀ онъ и дѣлалъ, но безъ всякаго видимаго результата.

— Старый негодяй!—проворчалъ Китъ Боттль по адресу привратника.

— Да,—воскликнулъ Гель,—этотъ мерзавецъ задерживаетъ насъ тутъ, а между тѣмъ каждая минута дорога и жизнь сэра Валентина въ опасности.

Это было въ первый разъ, что Гель упомянулъ при Боттлѣ объ истинной цѣли своего путешествія; тотъ молча выслушалъ его слова и затѣмъ только спросилъ, не сойти ли ему лучше съ лошади.

— Нѣтъ,—возразилъ Гель, спрыгивая на землю и привязывая лошадь къ воротамъ,—но, если меня впустятъ, поѣзжай какъ можно скорѣе по направленію къ городу и прислушайся, не услышишь ли звука копытъ по дорогѣ, ведущей изъ Лондона, въ такомъ случаѣ возвращайся какъ можно скорѣе сюда и, предупредивъ насъ громкимъ крикомъ, скорѣе соскакивай съ лошади и держи ее наготовѣ, чтобы другой могъ сѣсть на нее вмѣсто тебя. Будь проклятъ этотъ несчастный Антоній, онъ такъ давно служитъ у сэра Валентина, что позволяетъ себѣ теперь страшно много. Но до сихъ поръ онъ меня никогда не держалъ такъ долго у воротъ. У него было такое странное, серьезное лицо, когда я сказалъ ему, что мнѣ надо немедленно видѣть его господина. У него никогда не бываетъ такого лица. Неужели насъ опередили, и преслѣдователи сэра Валентина уже проникли въ домъ?

— Но если вы думаете, что дѣйствительно кто нибудь проникъ уже къ сэру Валентину,—замѣтилъ Китъ,—гдѣ же остались лошади въ такомъ случаѣ? Врядъ ли ихъ повели въ конюшни, да и вообще здѣсь не было бы такъ тихо и темно, какъ теперь.

— А между тѣмъ старикъ видимо былъ чѣмъ-то очень взволнованъ,—сказалъ Гель задумчиво.

Въ эту минуту вдали опять показался огонекъ, послышались медленные тяжелые шаги, и на этотъ разъ ворота широко распахнулись передъ нашими путниками.

— Я проведу васъ къ сэру Валентину,—сказалъ Антоній, появляясь въ открытыхъ воротахъ.

Гель быстро вошелъ въ нихъ, а Китъ Боттль повернулъ лошадь и поскакалъ по направленію къ городу. Гель послѣдовалъ за Антоніемъ вверхъ по лѣстницѣ, миновалъ длинный коридоръ

и, наконецъ, дошелъ до двери послѣдней комнаты въ этомъ коридорѣ. Антоній осторожно открылъ ее.

Гель вошелъ въ комнату, освѣщенную двумя свѣчами, стоявшими на столѣ, въ одномъ углу комнаты помѣщалась большая высокая кровать. На столѣ среди другихъ предметовъ виднѣлось большое распятіе изъ слоновой кости.

На стулѣ, стоявшемъ между столомъ и кроватью, сидѣлъ довольно просто одѣтый человѣкъ. Не посмотрѣвъ ему хорошенько въ лицо, Гель прямо направился къ нему и, низко поклонившись, сказалъ:

— Слава Богу, сэръ Валентинъ!..

— Вы ошибаетесь, сударь,—спокойно отвѣтилъ ему этотъ человѣкъ:—я не тотъ, за кого вы меня принимаете.

— Гель внимательно всмотрѣлся въ лицо говорившаго и убѣдился въ томъ, что это дѣйствительно не сэръ Валентинъ, а совершенно посторонній человѣкъ съ серьезнымъ, блѣднымъ и сосредоточеннымъ лицомъ.

Съ постели въ это время раздался слабый голосъ:

— Добро пожаловать, Гарри.

— Какъ!—воскликнулъ Гель, быстро оборачиваясь къ постели:—неужели, сэръ Валентинъ, вы ложитесь такъ рано?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ серъ Валентинъ, продолжая лежать неподвижно на спинѣ:—вотъ уже два дня, какъ я прикованъ къ постели, и мой милый врачъ говоритъ, что я пробуду еще въ такомъ положеніи, по крайней мѣрѣ, дней шесть.

— Да, раньше недѣли вамъ нечего и думать о томъ, чтобы встать съ постели,—замѣтилъ докторъ, котораго Гель принялъ было за сэра Валентина.

— Меня ранили на дуэли,—замѣтилъ больной слабымъ голосомъ, обращаясь къ Гелю.

Бѣдный юноша стоялъ, какъ громомъ пораженный. Сэръ Валентинъ раненъ, лежитъ въ постели и не можетъ встать еще дней шесть или семь, а офицеръ, которому предписано арестовать его, можетъ прибыть каждую минуту. Нечего сказать, прекрасное положеніе!

— Постарайтесь какимъ угодно способомъ ускорить отъѣздъ его за границу,—сказала ему королева, и Гель взялъ ея деньги и далъ ей торжественное обѣщаніе исполнить ея желаніе: что бы ни случилось дальше, онъ долженъ приложить теперь всѣ старанія, чтобы исполнить свое обѣщаніе. Что это будетъ не легко, не могло быть и сомнѣнія, итакъ, въ концѣ концовъ миссія его оказалась далеко не такъ проста, какъ она представлялась ему сначала.

V.

Актеръ доказываетъ, что онъ дворянинъ.

Сэръ Валентинъ Флитвудъ былъ худощавый человѣкъ съ правильными чертами лица и впавшими щеками, его обыкновенно блѣдныя щеки горѣли теперь лихорадочнымъ румянцемъ. Его круглая большая борода была вся сѣдая, но на головѣ еще виднѣлись темные волосы.

— Сэръ Валентинъ,—сказалъ Гель, стараясь справиться съ своимъ волненіемъ и говорить спокойно:—мнѣ надо сообщить вамъ кое-что съ глазу на глазъ.—Гель взглянулъ на доктора, тотъ замѣтно нахмурился отъ его словъ; старый Антоній тоже остался стоять неподвижно у дверей комнаты съ фонаремъ, какъ бы ожидая, что ему опять скоро придется проводить Геля обратно.

— Сэръ Валентинъ теперь не въ состояніи выслушивать что либо,—сказалъ докторъ, не повышая голоса, но очень рѣшительно.

— Но дѣло это чрезвычайно важное, — прервалъ его Гель, однако сэръ Валентинъ не далъ ему договорить и сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ оно можетъ подождать, Гарри: я теперь не въ состояніи говорить о дѣлахъ.

— Но вѣдь необходимо сейчасъ же рѣшить его,—отвѣтилъ Гель, порываясь разсказать все, но сдерживаемый присутствіемъ доктора и Антонія.

— Это все равно безполезно,—отвѣтилъ сэръ Валентинъ слабымъ голосомъ:—каково бы ни было рѣшеніе, я все равно не могу его привести сейчасъ же въ исполненіе, я не могу пошевельнуть раненой ногой, чортъ ее возьми.

— Но!..—воскликнулъ было Гарри.

Докторъ вдругъ рѣшительно всталъ, Антоній тоже съ угрожающимъ видомъ сдѣлалъ шагъ впередъ по направленію къ Гелю.

— Больше ни слова, юноша,—воскликнулъ докторъ,—жизнь сэра Валентина...

— Но вѣдь рѣчь именно идетъ о жизни его,—воскликнулъ Гель съ жаромъ,— вы вмѣшиваетесь не въ свое дѣло, сударь.

— Тише, Гарри,— замѣтилъ хозяинъ дома,—что касается моей жизни, она всецѣло въ рукахъ доктора, и видитъ Богъ, я, право, не хочу еще умирать, не оттого, чтобы я боялся смерти, но потому, что жизнь моя нужна еще для другихъ. И какъ это ужасно, что меня втянули насильно въ эту глупую ссору, и вотъ теперь я прикованъ къ своей постели. А мой врагъ... Послушай, Антоній, ты не знаешь, что съ мистеромъ Хезльхерстомъ? какъ его здоровье?

— Не знаю,— угрюмо отвѣтилъ старый слуга, мрачно глядя въ сторону, какъ бы скрывая что-то отъ своего господина, чего послѣд-

нiй, однако, не замѣтилъ, такъ какъ пологъ кровати мѣшалъ ему видѣть лицо старика.

— Это мнѣ хорошiй урокъ, впредь я не буду никогда вмѣшиваться въ чужiя дѣла, Гарри, и не стану заводить ссоры изъ-за пустяковъ. Дѣло въ томъ, что у меня есть одинъ сосѣдъ, Хельхерстъ, молодой еще человѣкъ, мы съ нимъ были едва знакомы и конечно, не желали зла другъ другу. Къ несчастью, два дня тому назадъ мы съ нимъ встрѣтились на перекресткѣ, поссорились изъ-за какого-то пустяка, и такъ какъ онъ наговорилъ мнѣ дерзостей, мнѣ пришлось, конечно, обнажить шпагу, чтобы проучить его. Кончилось тѣмъ, что насъ обоихъ пришлось унести съ мѣста поединка на рукахъ, оба были ранены,—я въ ногу, онъ, кажется, въ грудь. Интересно было бы знать, поправляется ли онъ. Антонiй, разузнай потомъ объ этомъ отъ его людей.

— Сэръ Валентинъ, вы разговариваете слишкомъ много,—замѣтилъ докторъ.—А вы, молодой человѣкъ, видите, каковы наши дѣла. Если вы дѣйствительно расположены къ сэру Валентину, то уйдете сiю же секунду. Онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы васъ впустили сюда, не злоупотребляйте же его добротой.

— Но вѣдь то, что я долженъ сказать ему, касается именно его жизни,—началъ было Гель.

— Я не желаю больше говорить о себѣ,—капризно замѣтилъ хозяинъ дома.—Разскажи мнѣ теперь о себѣ, Гарри, вѣдь я уже давнымъ давно не видалъ тебя и ничего не слышалъ о тебѣ. Ты вѣдь, кажется, отправился въ Лондонъ и поселился тамъ? Мое письмо, повидимому, не оказало тебѣ никакой помощи. Какъ ты поживаешь, чѣмъ занимаешься?

Гель рѣшилъ перехитрить доктора и стараго Антонiя и исподволь подойти къ занимавшему его вопросу, поэтому онъ отвѣтилъ спокойно:

— Я поступилъ теперь на сцену, какъ актеръ.

Сэръ Валентинъ широко раскрылъ глаза отъ удивленiя и съ ужасомъ воскликнулъ:

— Какъ, ты—актеръ? сынъ твоего отца поступилъ на сцену? Меррiотъ—и актеръ! Какъ низко ты упалъ, Гарри! Однако и времена же теперь настали. Дворянинъ—и вдругъ актеръ!

Старый Антонiй тоже въ ужасѣ отступилъ отъ Геля, поднявъ глаза къ небу, какъ бы ища тамъ поддержки; докторъ смотрѣлъ на юношу спокойно, но съ видимымъ любопытствомъ.

— Актеръ можетъ все же оставаться дворяниномъ,—рѣшительно и твердо заявилъ Гель:—онъ остается дворяниномъ и, какъ таковой, помнитъ услуги, оказанныя ему, и готовъ всегда пожертвовать своею жизнью, только бы отплатить за нихъ тѣмъ же. Я прiѣхалъ сюда, чтобы спасти васъ отъ ареста, который угрожаетъ вамъ

серъ Валентинъ. Офицеръ, посланный сюда съ этою цѣлью, можетъ прибыть въ вашъ домъ каждую секунду. И, какъ дворянинъ,— продолжалъ Гель, обнажая шпагу,—я приказываю присутствующимъ здѣсь доктору и вашему старому слугѣ не мѣшать мнѣ и сдѣлать съ своей стороны все возможное, чтобы помочь вамъ бѣжать, пока еще есть время.

Сэръ Валентинъ первый оправился отъ удивленія и почти спокойно спросилъ:

— Ты увѣренъ въ томъ, что говоришь, Гарри?

— Да, я увѣренъ въ этомъ. Намъ, актерамъ, иногда приходится близко соприкасаться съ придворными сферами, и поэтому мы знаемъ многое, что недоступно другимъ. Сегодня утромъ подписанъ былъ указъ о вашемъ арестѣ, и посланъ былъ офицеръ съ приказаніемъ привести въ исполненіе этотъ указъ. Принимая во вниманіе услугу, которую вы когда-то оказали моей семьѣ, я, конечно, нисколько не колеблясь, отправился тотчасъ же, чтобы предупредить васъ объ опасности. Я поклялся спасти васъ. Вѣдь этотъ арестъ равносиленъ смерти насколько я знаю, участь ваша уже рѣшена, и васъ ждетъ неминуемая казнь.

— Весьма вѣроятно,—сказалъ сэръ Валентинъ съ горькой улыбкой.

— Я не виноватъ,—добавилъ Гель,—что оба присутствующія здѣсь лица оказались теперь посвященными въ эту тайну.

— Что касается меня,—сказалъ докторъ,—то это послужитъ только въ пользу сэра Валентина.

— Мой господинъ знаетъ, что можетъ слѣпо положиться на меня,—сказалъ Антоній, не безъ гордости посматривая на доктора, къ которому питалъ тайную антипатію.

— Я знаю, что могу положиться на васъ обоихъ,—отвѣтилъ сэръ Валентинъ,—но что же мы можемъ сдѣлать? Вѣдь я не могу шевельнуться съ мѣста. Не думай, что это только выдумка доктора, Гарри. Хоть бы Господь помогъ мнѣ спасти мою жизнь, не думайте, Гарри, что я желаю этого для себя; нѣтъ, за границей, во Франціи, меня ждутъ близкіе мнѣ люди, которые всецѣло зависятъ отъ меня.

— Да, вы тоже должны отправиться во Францію!—воскликнулъ Гель:—тамъ только вы будете въ безопасности. Но скажите мнѣ, неужели васъ нельзя будетъ перевезти верхомъ на лошади?

Докторъ при этихъ словахъ иронически улыбнулся, сэръ Валентинъ грустно покачалъ отрицательно головой.

— Ну, а въ каретѣ, если мы таковую достанемъ?

— Два часа ѣзды въ каретѣ были бы равносильны смертному приговору,—вмѣшался докторъ въ разговоръ.—Да къ тому же гдѣ вы достанете теперь карету?

— Нѣтъ ли гдѣ нибудь тайника, гдѣ бы васъ можно было спрятать?— спросилъ Гель, который зналъ, что въ тѣ времена въ домахъ многихъ католиковъ подобные тайники не являлись исключеніемъ.

Сэръ Валентинъ обмѣнялся взглядами съ докторомъ и съ своимъ старымъ слугой и, глядя на стѣну своей комнаты, сказалъ:

— Между наружной стѣной и внутренней у меня здѣсь имѣется пустое пространство, куда свободно проникаетъ воздухъ, а также тепло, такъ какъ оно находится вблизи дымовой трубы. При поверхностномъ осмотрѣ этотъ тайникъ легко можетъ остаться незамѣченнымъ, это доказано уже не разъ на дѣлѣ, но тѣ, кто явятся сюда арестовать меня, обыщутъ весь домъ самымъ тщательнымъ образомъ, и нечего и говорить, что они скоро замѣтятъ глухой стукъ, который издаетъ эта стѣна, если ударить по ней. Кромѣ того, если даже они не сразу найдутъ меня, то навѣрное не уѣдутъ отсюда, а останутся здѣсь ждать, пока я не выйду самъ изъ своего убѣжища, такъ какъ они навѣрное узнаютъ отъ сосѣдей, что я былъ раненъ въ дуэли и поэтому не могъ никуда уѣхать, а скрываюсь здѣсь гдѣ нибудь поблизости. При такомъ положеніи дѣлъ, при строгомъ присмотрѣ, какимъ образомъ мнѣ будутъ доставлять пищу въ этотъ тайникъ? Вмѣсто убѣжища онъ въ скоромъ времени сдѣлается моей могилой, кстати и по формѣ своей онъ нѣсколько напоминаетъ ее.

— Но, вѣдь, можетъ быть, не найдя васъ послѣ перваго поверхностнаго осмотра, они проѣдутъ дальше, въ надеждѣ найти васъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ?—спросилъ Гель, стараясь хоть какъ нибудь обнадежить себя.

— Нѣтъ, они никуда не уѣдутъ, а осмотрятъ домъ только болѣе тщательно, вотъ и все.

— Ну, а если заставить ихъ повѣрить въ то, что вы дѣйствительно уѣхали отсюда, что тогда?

— Они въ скоромъ времени узнаютъ о моей ранѣ. Вѣдь объ этомъ знаютъ вездѣ въ окрестности, и они поймутъ, что съ такой раной я не могъ никуда уйти отсюда.

— Но откуда же они узнаютъ, что рана такъ серьезна? Можетъ быть, они подумаютъ, что вы получили легкую царапину, и больше ничего?

— Во всякомъ случаѣ,—отвѣтилъ сэръ Валентинъ,—они навѣрное раздѣлятся такъ, что часть ихъ бросится въ погоню за мной, а остальная часть останется здѣсь, чтобы еще разъ обыскать весь домъ и кстати забрать всѣ мои бумаги и документы.

— Но развѣ ваши бумаги спрятаны такъ, что, отыскивая ихъ, они непремѣнно нападутъ на вашъ тайникъ?

— Нѣтъ, бумаги мои лежатъ въ кабинетѣ, въ нихъ нѣтъ ничего, что могло бы скомпрометировать меня или моихъ друзей, послѣдніе, къ счастью, теперь внѣ всякой опасности.

— Но вотъ что,- сказалъ Гель задумчиво, и въ умѣ его зародился новый планъ,—развѣ нельзя будетъ сдѣлать такъ, что при ихъ прибытіи сюда они тутъ же у вашихъ воротъ, не входя къ вамъ въ домъ, убѣдятся въ томъ, что вы бѣжали только что передъ ихъ пріѣздомъ; вѣдь навѣрное они немедленно бросятся въ погоню всѣ до единаго? Развѣ они станутъ тогда еще подробно осматривать домъ или звать на помощь констеблей? А потомъ, если они все время не будутъ терять изъ виду вашъ слѣдъ, развѣ они вернутся назадъ сюда? Конечно, можетъ быть, они и оставятъ нѣсколько человѣкъ, не больше двухъ, трехъ, для того, чтобы слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ вашемъ домѣ, но вѣдь эти люди не будутъ выслѣживать вашего возвращенія, такъ какъ они будутъ увѣрены, что вы—въ совершенно другомъ мѣстѣ. Они навѣрное займутся скорѣе осмотромъ вашего виннаго погреба, чѣмъ обыскомъ въ домѣ. А тогда, конечно, вамъ легко могутъ доставлять пищу съ ваше убѣжище, и вы будете все время подъ присмотромъ своего доктора. Затѣмъ, когда вы уже оправитесь, этихъ людей можно будетъ удалить силой, или же вы просто бѣжите отъ нихъ и въ каретѣ, приготовленной заранѣе докторомъ, доберетесь какъ нибудь до морского берега, въ то время какъ офицеръ и его остальные люди будутъ преслѣдовать ложный слѣдъ.

— Гарри, Гарри,—сказалъ сэръ Валентинъ добродушнымъ, но грустнымъ голосомъ,—вѣдь это все мечты, мой милый.

— Почему же только мечты, развѣ не можетъ быть, что они будутъ сбиты съ толку и бросятся по ложному слѣду?

— Почему бы и нѣтъ?—замѣтилъ докторъ.—Устройте такъ, чтобы преслѣдователи отправились по ложному слѣду, предоставьте мнѣ сэра Валентина, и дней черезъ девять онъ будетъ уже въ состояніи бѣжать за границу. Для большей увѣренности дайте мнѣ еще десятый день, и тогда я ручаюсь за его благополучное бѣгство за границу. Если преслѣдователи убѣдятся въ своей ошибкѣ до истеченія этого срока, тогда все погибло. Но вѣдь если даже предположить, что ихъ удастся обмануть у воротъ этого дома, врядъ ли можно будетъ держать ихъ въ заблужденіи цѣлыхъ десять дней. Часа черезъ два они уже навѣрное будутъ опять обратно здѣсь.

— Но если передъ ними все время будетъ ѣхать человѣкъ, какъ двѣ капли воды, похожій на сэра Валентина, и если они все время не будутъ терять изъ виду этого человѣка, къ чему они станутъ возвращаться раньше времени? Надо только сдѣлать такъ, чтобы они догоняли этого человѣка и все же не догнали его, въ этомъ вся хитрость.

— Что за вздоръ ты несешь?—нетерпѣливо воскликнулъ сэръ Валентинъ.—Я знаю, что ты желаешь мнѣ добра Гарри, но вѣдь, право же, это несбыточныя мечты. Пусть одинъ человѣкъ или сто человѣкъ ѣдутъ впереди офицера, который явится сюда аресто-

вать меня, съ какой стати стати станетъ онъ принимать его или ихъ за меня?

— Они увидятъ его выѣзжающимъ изъ воротъ вашего дома, когда подъѣдутъ сюда. Онъ будетъ все время впереди ихъ, такъ какъ у него будетъ свѣжая лошадь изъ вашей же конюшни, а ихъ лошади уже устанутъ къ тому времени, и такъ онъ и будетъ ѣхать все впереди ихъ, а они будутъ гнаться за нимъ.

— Но вѣдь ты забываешь, мой милый,—воскликнулъ больной съ нетерпѣніемъ,—что офицеръ, котораго пришлютъ сюда, безъ сомнѣнія; будетъ меня знать прекрасно въ лицо.

— Тѣмъ лучше, въ такомъ случаѣ онъ будетъ еще болѣе увѣренъ въ томъ, что это именно вы выѣхали изъ воротъ вашего дома.

— Я выѣду изъ воротъ своего дома?—спросилъ сэръ Валентинъ, и въ головѣ его мелькнула мысль, что бѣдный малый помѣшался; та же мысль, повидимому, мелькала въ умѣ доктора и стараго Антонія, съ сожалѣніемъ, взиравшаго на юношу.

— Да, сэръ,—продолжалъ Гель, не смущаясь:—онъ будетъ увѣренъ, что это—вы, тѣмъ болѣе, что, узнавъ о вашей ранѣ, онъ при свѣтѣ фонаря увидитъ, что вы сидите на своей лошади, какъ обыкновенно сидятъ раненые люди. Кромѣ того, голова ваша будетъ откинута, какъ всегда назадъ, а плечи высоко подняты, какъ это всегда бываетъ у васъ. Лѣвая ваша рука будетъ протянута впередъ съ свойственной вамъ одному манерой держать ее, а шляпа ваша будетъ надвинута на лобъ тоже, какъ всегда, вотъ такимъ образомъ! А, кромѣ того, у васъ будетъ ваша круглая густая борода, по которой васъ всегда такъ легко узнать.

И, говоря это, Гель вынулъ изъ кармана фальшивую бороду, которую онъ надѣвалъ во время представленія и которую такъ и забылъ въ карманѣ и прикрѣпилъ ее къ своимъ щекамъ, а затѣмъ вытянулъ впередъ руку, откинулъ назадъ голову, надвинулъ шляпу на лобъ, и дѣйствительно сталъ похожимъ на сэра Валентина Флитвуда.

VI.

Дворянинъ доказываетъ, что онъ актеръ.

Въ комнатѣ на одну минуту воцарилась зловѣщая тишина.

— Актеръ...—прошепталъ Антоній въ ужасѣ, отворачиваясь отъ Геля.

— Превосходно сыграно!—воскликнулъ докторъ, и въ голосѣ его послышалась радость и надежда.—Вы дѣйствительно очень похожи такъ на сэра Валентина, только надо немного подрѣзать еще бороду,—говоря это, онъ взялъ со стола большія ножницы

старательно подрѣзалъ Гелю бороду.—Теперь вы смѣло можете сойти за сэра Валентина,—продолжалъ онъ дальше:—особенно при свѣтѣ фонаря и если васъ увидятъ только мелькомъ, но при дневномъ свѣтѣ, конечно, дѣло иное: тамъ ваша фальшивая борода прямо бросится въ глаза каждому.

— Но вѣдь офицеру этому и не придется видѣть ясно моего лица послѣ того, какъ я выѣду отсюда, я не буду подъѣзжать слишкомъ близко къ нему. Онъ будетъ слышать обо мнѣ только отъ встрѣчныхъ, отъ хозяевъ гостиницъ, гдѣ я буду останавливаться. А главное то, что, кромѣ этого офицера никто собственно не знаетъ хорошо въ лицо сэра Валентина, такъ какъ онъ большею частью живетъ за границей. А меня знаютъ только въ Лондонѣ и Оксфордширѣ. Кто же выдастъ меня моимъ преслѣдователямъ?

— Но вы забыли про то, мой милый,—сказалъ докторъ:—что какъ только замѣтятъ вашу фальшивую бороду, васъ непремѣнно задержатъ, какъ подозрительное лицо, и выдадутъ вашимъ преслѣдователямъ. А тѣ, какъ только убѣдятся въ своей ошибкѣ, сейчасъ же повернутъ обратно и прискачутъ опять сюда.

— Ну, это пустяки,—отвѣтилъ Гель:—завтра же утромъ я войду въ первую попавшуюся гостиницу, хорошенько укутавъ свое лицо, а затѣмъ въ своей комнатѣ я сниму эту бороду, такъ что всѣ подумаютъ, что я обрился; мои преслѣдователи скоро узнаютъ это и подумаютъ, что я сдѣлалъ это нарочно, чтобы обмануть ихъ и избѣгнуть ихъ преслѣдованія. Это еще болѣе убѣдитъ ихъ въ томъ, что они напали на вѣрный слѣдъ.

— Да, но вѣдь если вы сбреете бороду, всякій увидитъ, что вы еще совсѣмъ молодой человѣкъ, и обманъ тотчасъ откроется?

— Но вѣдь развѣ вы не знаете, что иногда даже старикъ, если онъ сбреетъ бороду, кажется молодымъ человѣкомъ, а, кромѣ того, со мной будетъ все тотъ же спутникъ, который пріѣхалъ и сюда со мной и теперь сторожитъ на большой дорогѣ, чтобы предупредить меня, если покажутся гонцы королевы. Его присутствіе должно убѣдить ихъ въ томъ, что я все тотъ же человѣкъ, выѣхавшій изъ воротъ этого дома, но для того, чтобы это было еще вѣроятнѣе, пусть со мной поѣдетъ еще кто нибудь изъ слугъ сэра Валентина, вѣдь его слугъ знаютъ здѣсь въ окрестности навѣрное даже лучше, чѣмъ его самого; къ тому же онъ можетъ быть мнѣ полезенъ, указывая мнѣ дорогу, такъ какъ намъ вѣдь придется ѣхать часа два не останавливаясь, спасаясь отъ погони, такъ, чтобы она не успѣла догнать насъ.

— Вы слышали, сэръ Валентинъ?—спросилъ докторъ, обращаясь къ раненому.

— Все это безуміе, по-моему,—отвѣчалъ больной слабымъ голосомъ.—Даже если бы это было возможно, такъ я бы не позво-

лилъ никому рисковать изъ-за меня жизнью, какъ это хочетъ сдѣлать этотъ юноша. Вѣдь они навѣрное догонятъ васъ, и тогда...

— Это еще вопросъ, сэръ Валентинъ,—отвѣтилъ Гель спокойно.

— Нѣтъ, это только вопросъ времени, а я вѣдь хорошо знаю, что ждетъ тѣхъ, кто помогаетъ бѣжать осужденному за измѣну. Вѣдь самъ поступокъ этотъ по себѣ уже является измѣной въ свою очередь.

— Ну, а представьте себѣ, что я уже самъ по себѣ долженъ бѣжать отъ правосудія, представьте себѣ, что я совершилъ поступокъ, достойный смертной казни, и поэтому только спасаю собственную жизнь?.. Развѣ мое бѣгство не спасетъ въ такомъ случаѣ насъ обоихъ? Обманывая этихъ людей и наводя ихъ на ложный слѣдъ, я въ то же время спасаюсь и самъ отъ нихъ,— сказалъ Гель, не стѣсняясь этою ложью, такъ какъ онъ имѣлъ только въ виду уговорить сэра Валентина согласиться съ его планомъ.

— Неужели это правда, Гарри?—воскликнулъ больной:—но вѣдь въ такомъ случаѣ ты можешь еще бѣжать самъ, пока не поздно, къ чему тебѣ ждать этихъ людей и только этимъ увеличивать опасность, грозящую тебѣ? Я не хочу, чтобы изъ-за меня ты подвергался только лишней опасности.

— Но вѣдь меня не поймаютъ, сэръ Валентинъ, неужели вы не вѣрите въ мою ловкость, въ мою смѣлость? Къ чему же въ такомъ случаѣ моя молодость, мои сильныя руки и ноги? Я всегда сумѣю уйти отъ нихъ во время, но сначала я хочу спасти васъ и задержать ихъ возвращеніе на десять дней. Если мнѣ удастся въ продолженіе пяти дней увлечь ихъ дальше на сѣверъ по направленію къ Шотландіи, имъ понадобится потомъ еще пять дней, чтобы вернуться сюда.

— Но вѣдь это невозможно, Гарри, это безуміе!—воскликнулъ сэръ Валентинъ въ то время, какъ докторъ молча шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ глубокомъ раздумьѣ, а Антоній стоялъ у дверей съ притворно-равнодушнымъ видомъ.

— Подумай, что тебѣ предстоитъ сдѣлать. Ты долженъ убѣгать отъ своихъ преслѣдователей и въ то же время долженъ это дѣлать такъ, чтобы они не теряли тебя изъ виду, и это въ продолженіе цѣлыхъ пяти дней, а затѣмъ еще ты долженъ сумѣть скрыться совершенно изъ ихъ глазъ и отъ погони. Это невозможно.

— Это своего рода чудесный спортъ, сэръ Валентинъ!—воскликнулъ Гель, и глаза его радостно засверкали.—По-моему, игра стоитъ свѣчъ. Это—театральная пьеса, гдѣ я долженъ буду играть роль сэра Валентина, спасающагося отъ погони. Я докажу всѣмъ, что я, превосходный актеръ. Послушайтесь меня и сдѣлайте такъ

какъ я говорю, а я пойду къ воротамъ и при появленіи нашихъ враговъ живо вскочу на лошадь и поѣду.

— Сэръ Валентинъ сдѣлаетъ такъ, какъ вы хотите,—сказалъ докторъ, очевидно рѣшившійся дѣйствовать какъ можно энергичнѣе, только бы спасти своего паціента,—но вамъ, навѣрное, нужны будутъ свѣжія лошади? Антоній сейчасъ приготовитъ вамъ ихъ. Потомъ вы говорили, что хотѣли бы взять съ собой котораго нибудь изъ слугъ сэра Валентина? Возьмите Антонія, здѣсь въ окрестности всѣ его знаютъ. А ты, Антоній, отправляйся сѣдлать лошадей и пришли мнѣ сюда Марію и Джона, пусть они помогутъ мнѣ устроить нашего больного, какъ можно удобнѣе, въ тайникѣ. Вы же, Мерріотъ, поѣзжайте прямо на сѣверъ, какъ и говорили, мы же съ своей стороны сдѣлаемъ все, что можемъ, если вы намъ обезпечите десять дней сроку,

Говоря это, докторъ подошелъ къ стѣнѣ, отдернулъ одинъ изъ ковровъ, висѣвшихъ на ней, и открылъ тайникъ.

Антоній, все время хмурившійся, пока докторъ отдавалъ ему приказанія, стоялъ въ нерѣшительности и вопросительно смотрѣлъ на своего господина.

— Послушайте, святой отецъ,—заговорилъ вдругъ сэръ Валентинъ.

При этихъ словахъ Гель вздрогнулъ и внимательнѣе посмотрѣлъ на доктора; онъ понялъ, что видитъ передъ собой переодѣтаго католическаго монаха, очевидно, тоже спасающагося отъ преслѣдованія королевы Елисаветы. Повидимому, онъ, однако, былъ настолько свѣдущъ въ медицинѣ, что могъ взять на себя лѣченіе серьезной раны, полученной сэромъ Валентиномъ.

— Теперь не время говорить и разсуждать, сынъ мой,—отвѣтилъ монахъ.—Помните о тѣхъ, кого вы оставили во Франціи, и пусть Антоній дѣлаетъ то, что я ему приказалъ.

— Ты слышалъ, Антоній,—замѣтилъ больной послѣ минуты раздумья и колебанія.—Приготовь лошадей.

— Трехъ, Антоній,—замѣтилъ Гель, который вдругъ вспомнилъ, что драгоцѣнное время уходитъ, и терять его нельзя:—нашихъ двухъ лошадей я могу оставить вамъ.

— Возьми съ собой побольше денегъ, Антоній,—сказалъ больной.

— У меня есть деньги, сэръ,—замѣтилъ Гель.

— Но все равно, Антоній тоже долженъ взять деньги, возьми половину того, что ты найдешь у меня въ шкапу; остальныя деньги пригодятся мнѣ на дорогу во Францію, если только вашъ сумасбродный планъ удастся.

— Я могу поручиться за то, что вы въ скоромъ времени очутитесь во Франціи,—сказалъ Гель.

— Да, намъ приходилось совершать этотъ путь даже тогда, когда опасности грозили намъ со всѣхъ сторонъ,—замѣтилъ сэръ

Флитвудъ, посматривая на монаха.—А теперь, Антоній, запомни еще, что я тебѣ скажу. Въ случаѣ, если этому юношѣ удастся уйти отъ своихъ преслѣдователей, ты проводишь его во Францію ко мнѣ. И тогда, если намъ суждено еще встрѣтиться въ этомъ мірѣ, я сдѣлаю все на свѣтѣ, чтобы отблагодарить тебя, Гарри, за твою привязанность и самоотверженіе. Конечно, я знаю, что этотъ домъ, гдѣ я теперь нахожусь, будетъ конфискованъ, и его отберутъ въ казну, но ты самъ видишь, Гарри, что я совершенно забросилъ свои здѣшнія имѣнія, въ домѣ у меня теперь только трое слугъ, тогда какъ раньше ихъ было нѣсколько десятковъ. Но зато все это время я заботился о томъ, чтобы устроиться какъ можно лучше во Франціи, и если ты пріѣдешь туда, Гарри, тебѣ не придется больше никогда испытывать нужды.

— Вы обо мнѣ не думайте, сэръ Валентинъ,—сказалъ Гель,—думайте только о себѣ, а пока я прощусь съ вами и пойду помочь Антонію сѣдлать лошадей, мы и такъ уже потеряли много времени.

Но сэръ Валентинъ непремѣнно хотѣлъ обнять своего спасителя и попросилъ молодого человѣка наклониться къ нему. Когда тотъ исполнилъ его просьбу и поцѣловалъ его, на глазахъ раненаго навернулись слезы. Затѣмъ Гель обернулся къ монаху, чтобы проститься и съ нимъ. Тотъ молча подошелъ къ стулу, на которомъ висѣлъ длинный черный плащъ, снялъ его и подалъ Гелю со словами:

— Возьмите этотъ плащъ, онъ принадлежитъ сэру Валентину и больше подходитъ къ той роли, которую вы собираетесь играть. А теперь Богъ да благословитъ васъ, идите и не теряйте времени.

Не теряя ни минуты времени, Гель быстро вышелъ изъ комнаты и поспѣшилъ въ конюшню, гдѣ Антоній уже сѣдлалъ лошадей; онъ предложилъ ему замѣнить его въ этомъ дѣлѣ, съ тѣмъ чтобы тотъ пошелъ и запасся нужными деньгами.

Антоній быстро исполнилъ его приказаніе и, нѣсколько минутъ спустя, уже опять очутился въ конюшнѣ, гдѣ и сталъ помогать Гелю, внимательно выслушивая его поученія относительно того, что онъ долженъ дѣлать, когда появятся гонцы королевы.

Когда лошади были осѣдланы, Гель быстро вскочилъ на одну изъ нихъ, остальныхъ двухъ онъ привязалъ къ воротамъ, чтобы онѣ были наготовѣ; затѣмъ онъ поѣхалъ навстрѣчу капитану Боттлю, чтобы уговориться съ нимъ, какъ дѣйствовать дальше. Старикъ выслушалъ его очень внимательно, вполнѣ согласился съ его планомъ, и когда при свѣтѣ фонаря, принесеннаго Антоніемъ, увидѣлъ превращеніе, происшедшее въ наружности Геля, онъ не могъ не выразить ему своего одобренія.

— А что же этотъ старикъ, онъ, кажется, пуританинъ, ѣдетъ тоже съ нами?—спросилъ Боттль вполголоса.—Не особенно ве-

лое общество, нечего сказать, вѣроятно, всю дорогу онъ будетъ проповѣдывать о томъ, что слѣдуетъ умерщвлять свою плоть, и мнѣ придется сдерживаться, чтобы не всадить ему шпагу въ горло. Однако, что это такое? Я слышу вдали топотъ копытъ. Прислушайтесь-ка!

Гель ясно услышалъ дѣйствительно топотъ копытъ по деревянному мосту, пересѣкавшему большую дорогу, ведущую изъ Лондона.

— Неужели это наши преслѣдователи?—шопотомъ спросилъ Гель.—Они ѣдутъ очень медленно.

— Но кто же, кромѣ нихъ, можетъ ѣхать теперь въ такой поздній часъ?—отвѣтилъ Боттль.—Они вѣдь думаютъ, что имъ незачѣмъ торопиться, ихъ жертва не уйдетъ отъ нихъ.

— Однако куда это запропастился Антоній?—воскликнулъ Гель.—Безъ его фонаря, который онъ унесъ съ собой, все пропало. Мнѣ именно важно, чтобы они видѣли мое лицо. Я въѣду опять во дворъ и посмотрю, гдѣ онъ.

— Да, они, повидимому, не торопятся. Послушайте: вотъ они остановились теперь тамъ въ самомъ городкѣ и очевидно разспрашиваютъ, какъ проѣхать въ Флитвудъ.

— Да, вѣроятно, это намъ и на руку, тамъ они узнаютъ про рану сэра Валентина.

Оба собесѣдника замолчали и стали прислушиваться, сердца ихъ бились невольно сильнѣе, чѣмъ всегда. Гель испытывалъ теперь почти то же чувство, какъ передъ представленіемъ «Гамлета».

— Вотъ они поѣхали дальше,—воскликнулъ наконецъ Гель сквозь стиснутые зубы.—Ахъ, этотъ негодный Антоній, гдѣ онъ?

— Тише, вотъ онъ идетъ.

Антоній дѣйствительно спѣшилъ къ нимъ, онъ тоже услышалъ топотъ копытъ и поэтому значительно ускорилъ шаги.

— Скорѣе въ сѣдло,—крикнулъ ему Гель:—а теперь прошу меня слушаться и дѣлать то, что я приказываю.

Говоря это, Гель медленно выѣхалъ на улицу; всѣ трое остановились неподвижно около самыхъ воротъ, Антоній держалъ въ рукахъ фонарь, такъ что свѣтъ его падалъ прямо на лицо Мерріота. Всѣ трое напряженно прислушивались къ все приближающемуся шуму копытъ. Гдѣ-то вдали часы пробили восемь, и затѣмъ ясно послышался голосъ одного изъ всадниковъ, тихо говорившаго что-то своимъ спутникамъ.

— Пора!—воскликнулъ Гель, и они выѣхали дальше на дорогу, которая въ этомъ мѣстѣ была очень широка. Они повернули направо, какъ бы собираясь ѣхать по направленію къ Лондону. Стоило имъ проѣхать еще нѣсколько шаговъ, и они столкнулись бы лицомъ къ лицу съ ѣхавшими всадниками, но Гель, какъ будто только что замѣтивъ ихъ, вдругъ сразу осадилъ лошадь. Антоній,

какъ бы для того, чтобы лучше разсмотрѣть этихъ всадниковъ высоко поднялъ свой фонарь, такъ что вся фигура Геля была ярко освѣщена, а лицо его еще оставалось въ тѣни. Гель наклонился впередъ, принявъ характерную позу сэра Валентина, и сдѣлалъ видъ, будто зорко всматривается въ окружающую его темноту. Сначала всадники тоже остановились какъ бы въ удивленіи, затѣмъ одинъ изъ нихъ внятно произнесъ: «Добрый вечеръ, сэръ Валентинъ!»

Гель шопотомъ быстро отдалъ приказаніе своимъ спутникамъ. Антоній сейчасъ же круто повернулъ въ другую сторону и поѣхалъ въ сѣверномъ направленіи. Гель послѣдовалъ за нимъ въ сопровожденіи Боттля. Какъ только Гель убѣдился въ томъ, что Китъ слѣдуетъ за нимъ, онъ велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе, и, секунду спустя, всѣ трое неслись бѣшенымъ галопомъ, какъ будто за ними гнался самъ дьяволъ.

— Остановитесь, приказываю вамъ именемъ королевы,—крикнулъ за ними тотъ же голосъ, который они только что передъ тѣмъ слышали.

— Убирайся къ чорту, Рогеръ Барнетъ,—крикнулъ вдругъ Китъ Боттль, къ немалому изумленію Геля.

— Ты знаешь его?—спросилъ онъ, продолжая мчаться впередъ.

— Да, я знаю его, отъ него нечего ждать пощады, онъ хуже всякой ищейки. Слышите, какъ онъ ругается: его пистолетъ, вѣроятно, далъ осѣчку. Вотъ теперь они понеслись за нами: очевидно, вся свора направилась по нашимъ слѣдамъ.

— Слава Богу,—воскликнулъ Гель:—теперь сэръ Валентинъ въ безопасности, итакъ, охота началась, пять дней они должны гнаться за нами, не теряя насъ изъ виду. Ахъ, чортъ возьми, фонарь Антонія погасъ, надѣюсь, что ты, старикъ, и безъ него найдешь дорогу.

VII.

М-съ Анна Хезльхерстъ.

Не только Антоній, но и лошади его знали прекрасно дорогу и въ темнотѣ быстро неслись впередъ. Въ скоромъ времени направо отъ нихъ показался лѣсъ, а налѣво паркъ. Погони уже не было больше слышно. Гель, зная, что лошади его свѣжѣе, чѣмъ у непріятеля, рѣшилъ больше не гнать ихъ и дать имъ отдохнуть, тѣмъ болѣе, что именно теперь надо было увлечь его какъ можно дальше отъ Флитвуда, такъ какъ только въ такомъ случаѣ он будетъ безостановочно преслѣдовать ихъ и не станетъ останавливаться, чтобы предупреждать мѣстныя власти о томъ, что он должны задержать бѣглецовъ. Во что бы то ни стало надо было т

перь увлечь преслѣдователей за предѣлы Флитвуда, а тамъ всегда можно было найти время отдохнуть самимъ и дать отдохнуть лошадямъ, не подвергаясь риску быть пойманными.

— Разскажи-ка мнѣ теперь про этого Барнета,—сказалъ Гель, обращаясь къ Киту и пуская лошадей почти шагомъ, чтобы лучше слышать отдаленный гулъ копытъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что преслѣдователи все еще гонятся по ихъ слѣдамъ.

— Барнетъ не только сыщикъ по ремеслу, но и по самому существу своему,—сказалъ Китъ Боттль:—я знаю его уже давно, мы лѣтъ пятнадцать тому назадъ служили вмѣстѣ съ нимъ подъ начальствомъ сэра Френсиса Вальсингама. Мы вмѣстѣ съ нимъ выслѣдили тогда нѣсколько человѣкъ государственныхъ измѣнниковъ.

— Такъ, значитъ, Барнетъ—человѣкъ опытный. Увѣренъ ли ты въ томъ, что онъ будетъ преслѣдовать свою добычу до конца?

— Да, конечно, вѣдь для него вся суть жизни въ этомъ, онъ гордится своимъ ремесломъ, гордится тѣмъ, что никогда еще ни одна жерта не ушла отъ него. И дѣйствительно, насколько я знаю, ему всегда все удавалось, за исключеніемъ одного случая, гдѣ я подставилъ ему ногу, вотъ тогда-то мы и поссорились съ нимъ. Когда сэръ Френсисъ Вальсингамъ умеръ, мы все еще оставались на службѣ, и я могу засвидѣтельствовать о томъ, что намъ недурно жилось въ то время; аресты происходили на каждомъ шагу, мы могли обвинить человѣка въ какихъ угодно преступленіяхъ, намъ дана была полная власть сажать, кого хотимъ, въ тюрьму. Нечего и говорить о томъ, что большинство старалось откупиться отъ насъ деньгами; кому это не удавалось, тому приходилось очень плохо. Однажды я поссорился съ Барнетомъ при дѣлежѣ денегъ, которыя мы получили отъ одного лорда, арестованнаго нами вслѣдствіе доноса на него другого лорда, давно враждовавшаго съ нимъ. Видя, что силой я ничего не добьюсь отъ Барнета, я рѣшился прибѣгнуть къ хитрости: я взялъ выкупъ съ этого лорда и ночью тихонько выпустилъ его на свободу. Трудно описать ярость Барнета, когда онъ узналъ штуку, которую я сыгралъ съ нимъ. Такъ какъ онъ обладалъ большими связями и могъ повредить моей карьерѣ, то мнѣ и пришлось вскорѣ послѣ этого оставить службу въ тайной полиціи и итти въ солдаты.

— Смотри, старина, чтобы тебѣ не пришлось расплачиваться за старое на этотъ разъ, если ему удастся захватить насъ,—сказалъ Гель.

— Я знаю только одно,—отвѣтилъ Китъ Боттль:—онъ теперь ни за что не броситъ погони за нами, такъ какъ узналъ, что я принадлежу къ тѣмъ, за кѣмъ онъ гонится. Онъ будетъ радъ отмстить мнѣ за прошлое. Весьма возможно, что онъ даже подозрѣваетъ, что именно я-то и предупредилъ сэра Валентина о грозящей ему опасности. Во всякомъ случаѣ, онъ убѣдился теперь въ

томъ, что я хочу помочь государственному преступнику уйти отъ правосудія, и поэтому я самъ являюсь такимъ же преступникомъ. Воображаю, какъ пріятно было бы Барнету привезти меня въ Лондонъ, какъ своего плѣнника. Теперь, когда онъ уже напалъ на нашъ слѣдъ, онъ ни за что не оставитъ его, пока есть хоть малѣйшая надежда поймать насъ.

Старый Антоній ѣхалъ все все время молча впереди, не проронивъ ни единаго слова. Гель обернулся къ своимъ спутникамъ и сказалъ имъ:

— Господа, пожалуйста, не забывайте теперь, что я—сэръ Валентинъ, но въ то же время старайтесь сдѣлать видъ, что хотите скрыть этотъ фактъ отъ другихъ. Поэтому называйте меня какимъ угодно другимъ именемъ и только изрѣдка, какъ бы по ошибкѣ, можете называть меня сэромъ Валентиномъ. Это еще больше убѣдитъ всѣхъ, что я и на самомъ дѣлѣ сэръ Валентинъ и только прикидываюсь другимъ человѣкомъ.

— Уста мои принуждены будутъ лгать, но пусть эта ложь падетъ на вашу голову,—проворчалъ Антоній довольно громко.

— Прекрасно, беру на себя отвѣтственность,—спокойно возразилъ Гель, а Китъ Боттль прибавилъ:

— Чтобы отвѣтственность эта была не слишкомъ велика, часть ея беру на себя. Такъ-то, старый ворчунъ и трусъ!

Антоній проворчалъ еще что-то сквозь зубы, затѣмъ поѣхалъ опять молча впередъ. Они ѣхали долго по горамъ и долинамъ, проѣзжая деревушку за деревушкой, то шагомъ, то быстро, какъ молнія. Они все время слышали за собой топотъ копытъ и знали, что преслѣдователи ихъ не отстаютъ отъ нихъ. Они проѣхали такъ цѣлый часъ, т.-е. сдѣлали почти около пяти миль и были уже близко отъ Стивенеджа, какъ вдругъ Антоній замѣтилъ:

— Намъ навстрѣчу кто-то ѣдетъ, сэръ.

— Да, я слышу,—отвѣтилъ Гель.—Кто это можетъ ѣхать такъ поздно ночью? Надѣюсь, что эти поздніе путники не задержатъ насъ.

Барнетъ съ своими людьми ѣхалъ въ полмили разстоянія отъ нихъ, очевидно, онъ щадилъ лошадей, чтобы потомъ сразу напасть на нихъ врасплохъ.

Малѣйшая остановка въ пути могла теперь испортить весь планъ Геля, и поэтому онъ вревожно всматривался въ ѣхавшихъ имъ навстрѣчу людей, которые подвигались довольно быстро; передовой всадникъ держалъ въ рукахъ фонарь. Когда они поравнялись, всѣ поѣхали гуськомъ, чтобы дать другимъ дорогу, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ приходилось ѣхать чуть ли не по тропинкѣ; какъ только передній всадникъ поровнялся съ Антоніемъ и заглянулъ ему въ лицо, онъ вдругъ воскликнулъ съ удивленіемъ, оборачиваясь назадъ къ кому-то.

— Вѣдь это дворецкій сэра Валентина, Антоній Андергиль!

— Добрый вечеръ, Диконъ, дай намъ дорогу,—угрюмо проворчалъ Антоній, такъ какъ всадникъ вдругъ повернулъ лошадь такъ, что загородилъ собой всю тропинку.

— Что это, никакъ твой господинъ?—спросилъ онъ, вглядываясь въ Геля, который подъѣхалъ теперь къ Антонію и заслонилъ его собой.

— А тебѣ что за дѣло?—крикнулъ Гель сердито.

— Это дѣло касается меня,—произнесъ вдругъ голосъ, страшно поразившій Геля, такъ какъ онъ очевидно принадлежалъ женщинѣ.—Это вы, сэръ Валентинъ?

— А кому это интересно знать, позвольте спросить?—довольно вѣжливо произнесъ Гель.

— Мнѣ, Аннѣ Хезльхёрстъ,—отвѣтилъ быстро женскій голосъ, и говорившая выступила впередъ.

Хезльхёрстъ? Гель сталъ припоминать, гдѣ онъ слышалъ недавно это имя.

— Это вы, сэръ Валентинъ?—повторилъ нетерпѣливо тотъ же голосъ.

— Я не отрицаю этого,—отвѣтилъ Гель.

— Такъ вотъ вамъ, убійца моего брата!—и, говоря это, женская фигура приблизилась вплотную къ нему и ударила его изо всей силы плашмя своимъ мечомъ по лицу. При этомъ движеніи капюшонъ, покрывавшій ея голову, откинулся немного назадъ, и Гель въ эту минуту вспомнилъ, что Хезльхёрстомъ звали дворянина, съ которымъ сражался сэръ Валентинъ, и сообразилъ, что женское лицо, мелькнувшее передъ его глазами, принадлежало той таинственной дѣвушкѣ, которая очаровала его въ роковой вечеръ перваго представленія «Гамлета».

VIII.

Не женщина, а дьяволъ.

— Ну, а теперь всѣ впередъ, на него!—крикнула м-съ Хезльхёрстъ, отступая въ сторону, чтобы дать мѣсто людямъ, слѣдовавшимъ за нею. Они пробовали броситься впередъ, но такъ какъ тропинка была очень узка, они смѣшались всѣ въ одну кучу и мѣшали одинъ другому. Но человѣкъ, державшій фонарь, увидѣлъ при свѣтѣ его, гдѣ находится Мерріотъ, и схватилъ подъ уздцы его лошадь. Гель ударилъ его по рукѣ однимъ изъ пистолетовъ, который у него былъ еще даже не заряженъ; окружавшіе его люди сразу подались назадъ.

— Сударыня — крикнулъ онъ далеко неласково: — позвольте узнать, что вамъ надо отъ меня?

— Я хочу помѣшать вашему бѣгству,—отвѣтила она:—представители правосудія что-то замѣшкались, и вы, пожалуй, уйдете отъ нихъ.

Гель, помня только о погонѣ, отъ которой они спасались, въ первую минуту очень удивился тому, откуда она можетъ знать о только что происшедшемъ въ Флитвудѣ, и поэтому онъ рѣзко спросилъ:

— Почему я долженъ непремѣнно попасть въ руки правосудія?

— Потому что вы убили моего брата.

— Развѣ вашъ братъ умеръ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Я только-что похоронила его,—отвѣтила она.

Изъ ея словъ Гель понялъ, что братъ ея умеръ уже два дня назадъ, т.-е. въ самый день поединка. По всей вѣроятности, извѣстіе о его смерти дошло до его сестры довольно поздно, такъ какъ только наканунѣ она присутствовала на представленіи «Гамлета». Этимъ объяснилось теперь внезапное ея исчезновеніе во время самаго представленія. По всей вѣроятности, извѣстіе о смерти брата было доставлено ей въ театръ, и она сейчасъ уѣхала домой.

Одну секунду Гель невольно задумался о странномъ стеченіи обстоятельствъ, благодаря которымъ состоялась вдругъ эта неожиданная встрѣча на пустынной проѣзжей дорогѣ съ незнакомкой, которою онъ любовался только еще наканунѣ въ театрѣ, въ Лондонѣ. Но сейчасъ же топотъ копытъ, извѣщавшій о приближеніи Барнета и его людей, привелъ его въ себя. Ему не хотѣлось уѣзжать и покинуть эту дѣвушку, но во всякомъ случаѣ онъ былъ вынужденъ это сдѣлать, хотя бы для этого ему пришлось сразиться съ ея людьми.

Антоній продолжалъ молча стоять рядомъ съ Мерріотомъ. Китъ Боттль помѣстился сейчасъ же за ними, но такъ, что голова его лошади была повернута въ томъ направленіи, откуда долженъ былъ показаться Барнетъ; онъ вынулъ свои пистолеты и обнажилъ уже мечъ.

— Сударыня,—рѣшительно заявилъ Гель:—я не убивалъ вашего брата, и поэтому, пожалуйста, пропустите меня, я тороплюсь.

— Какъ?—воскликнула она:—значитъ, вы сейчасъ солгали мнѣ, говоря, что вы и есть сэръ Валентинъ?

Кочечно, Гель не могъ сообщить ей, что онъ—не тотъ, за кого она его принимаетъ; безъ сомнѣнія, она не повѣрила бы ему, да къ тому же это нисколько не измѣнило бы дѣла. Съ другой стороны, если бы она даже повѣрила ему, въ такомъ случаѣ она приложила бы всѣ старанія, чтобы удалось задержать настоящаго сэр Валентина, она поѣхала бы въ Флитвудъ, встрѣтилась бы на дорогѣ съ Барнетомъ и заставила бы его вернуться назадъ и арестовать сэра Валентина. Оставалось одно, предоставить ей думат

что она имѣетъ дѣло съ настоящимъ сэромъ Валентиномъ, и постараться уйти отъ нея поскорѣе. При встрѣчѣ съ Барнетомъ она навѣрное разскажетъ ему все, какъ было, и этимъ только еще больше утвердитъ его въ томъ мнѣніи, что онъ преслѣдуетъ вѣрный слѣдъ.

— Сударыни,—продолжалъ Гель спокойно,—я не отрицаю того, что я—сэръ Валентинъ, но увѣряю васъ, что я не убивалъ вашего брата. А теперь желаю вамъ покойной ночи и трогаюсь дальше въ путь,—говоря это, онъ пришпорилъ свою лошадь и хотѣлъ ѣхать дальше.

— Возьмите его,—крикнула она своимъ людямъ:—вы дорого заплатите мнѣ, если дадите ему уйти.

Угроза эта возымѣла должное дѣйствіе. Слуги ея окружили Геля со всѣхъ сторонъ и стали такъ тѣснить его лошадь, что она поднялась на дыбы, стараясь, выбраться изъ окружавшей ее толпы.

— Прочь, негодныя твари!—крикнулъ Гель, размахивая изо всѣхъ силъ мечомъ.

Раздались крики раненыхъ, нѣкоторыя лошади подались назадъ, и передъ Гелемъ образовался узкій проходъ. Сама Анна Хезльхёрстъ очутилась на землѣ около забора; передъ ней, защищая ее своимъ тѣломъ, стоялъ стройный, высокій юноша, который не давалъ ей пробиться впередъ, хотя она страстно этого хотѣла, зато она поощряла своихъ людей, какъ могла, голосомъ и угрозами. По мѣрѣ того, какъ Гель медленно пробивался впередъ, Антоній и Боттль слѣдовали за нимъ, чтобы не дать сомкнуться рядамъ непріятеля. Старикъ дѣятельно работалъ своимъ короткимъ острымъ мечомъ, Боттль съ успѣхомъ пустилъ въ ходъ свой пистолетъ и выпустилъ два заряда: пули, очевидно, попали въ цѣль, такъ какъ двое слугъ леди Хезльёхрстъ со стономъ повалились на землю.

Такимъ образомъ нашимъ путешественникамъ удалось пробиться впередъ и освободиться отъ своихъ преслѣдователей. Гель пришпорилъ свою лошадь, и всѣ трое бросились впередъ быстрою рысью.

— Преслѣдуйте его!—крикнула молодая дѣвушка въ безсильной ярости, но слуги ея, разбитые и раненые, и не думали даже исполнять ея приказанія.

— Однако какое глупое положеніе для такой молодой дѣвушки!—сказалъ Гель, понукая свою лошадь.

— Это—не женщина, а дьяволъ,—произнесъ Боттль сквозь зубы, и въ голосѣ его послышалось что-то похожее на одобреніе.

— Чѣмъ объяснить ту странность, что она не знаетъ въ лицо сэра Валентина, котораго преслѣдуетъ такъ горячо?—спросилъ Гель, обращаясь къ Антонію.

— Она по большей части жила всегда въ Лондонѣ у своей родственницы, а сэръ Валентинъ, какъ вы знаете, рѣдко вообще жилъ въ Англіи.

— Хорошо, что, по крайней мѣрѣ, Барнетъ знаетъ его лучше въ лицо, иначе онъ не такъ легко принялъ бы меня за него,—замѣтилъ Гель.

— Можете быть увѣрены, что Барнетъ знаетъ наперечетъ всѣхъ папистовъ Англіи,—отозвался Боттль:—онъ даже гордится этимъ, недаромъ онъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ не только Англію, но и Францію, исполняя порученія своего начальства.

— Разскажи-ка мнѣ еще что нибудь про эту дѣвушку,—сказалъ Гель, подъѣзжая ближе къ Антонію—правда ли, что она—сестра того дворянина, съ которымъ дрался сэръ Валентинъ?

— Да, его единственная сестра и его единственная родственница. Теперь она является его наслѣдницей и будетъ, вѣроятно, управлять сама его имѣніями, такъ какъ она уже достигла совершеннолѣтія.

— Однако она, вѣроятно, очень любила своего брата, если прямо съ его похоронъ отправилась мстить сэру Валентину?

— Не думаю, чтобы они особенно любили другъ друга; они никогда не ладили между собою и не могли жить не только въ одномъ домѣ, но даже въ одной странѣ: оба они вспыльчивы и страшно заносчивы, вѣдь, именно благодаря этимъ качествамъ, братъ ея и имѣлъ это несчастное столкновеніе съ моимъ господиномъ. Я еще удивляюсь тому, что при его характерѣ ему удалось до сихъ поръ избѣжать подобнаго конца. Говорятъ, у него было множество дуэлей, не здѣсь, такъ какъ тутъ всѣ его знаютъ и остерегались затрагивать его, а во Франціи, гдѣ онъ долго жилъ; по всей вѣроятности, тамъ-то онъ и познакомился впервые съ сэромъ Валентиномъ.

— А между тѣмъ, вѣроятно, сестра все же любила его. Врядъ ли иначе она жаждала бы такъ мщенія за смерть брата.

— Мнѣ кажется, что въ этой женщинѣ кипитъ горячая кровь, и она готова собственными руками сдѣлать то, что обыкновенно поручаютъ другимъ, или что вообще не стали бы дѣлать другіе. Я увѣренъ, что въ ней говоритъ только фамильная гордость; она считаетъ, что позоръ, нанесенный ея брату, относится также къ ней, такъ какъ она одной крови съ нимъ. Эти братъ съ сестрой всегда были болѣе чувствительны къ оскорбленіямъ, которыя имъ наносилъ кто нибудь третій, чѣмъ къ тѣмъ оскорбленіямъ, которыя они наносили другъ другу. Я, конечно, не желаю чернить кого либо за глаза, но что касается характера и темперамента этой женщины, то, право же я, согласенъ съ тѣмъ, что это не женщина, а дьяволъ.

— Можетъ быть,—отвѣтилъ Гель,—но что касается ея наружности и ея голоса, она походитъ на ангела, съ этимъ, я увѣренъ, никто не будетъ спорить. Мнѣ ужасно непріятно было, что намъ пришлось оставить ее въ такомъ ужасномъ положеніи среди дороги съ ея израненными и трусливыми слугами.

— Но, по крайней мѣрѣ, эта толпа на время загородитъ дорогу и задержитъ немного Рогера Барнета,—замѣтилъ Боттль.

— Да, по всей вѣроятности, онъ уже успѣлъ теперь доскакать до нея,—отвѣтилъ Мерріотъ.—Мнѣ бы очень хотѣлось посмотрѣть, что то произойдетъ между ними.

Сказавъ это, Гель замолкъ и задумчиво ѣхалъ впереди, сопровождаемый своими тоже молчаливыми путниками.

Между тѣмъ Барнетъ и его люди дѣйствительно подъѣхали къ тому мѣсту, гдѣ находилась Анна Хезльхерстъ, и между ними произошла сцена, поведшая къ самому странному результату.

Слуги Анны, всѣ, за исключеніемъ двухъ, юноши, защищавшаго ее своимъ тѣломъ, и человѣка, державшаго фонарь, были ранены и не могли уже больше сражаться или преслѣдовать непріятеля. Положеніе ея было дѣйствительно невеселое, она положительно не могла прійти въ себя отъ ярости, что врагъ ея ускользнулъ изъ ея рукъ, но въ то же время была безсильна преслѣдовать его дальше, такъ какъ ей приходилось теперь позаботиться о томъ, чтобы какъ нибудь устроить своихъ слугъ, изъ которыхъ многіе не могли почти двигаться. Какъ разъ въ эту-то минуту и подоспѣлъ ей на помощь Барнетъ съ своими людьми.

Анна сидѣла на своей лошади; около нея стоялъ ея вѣрный слуга, защищавшій ее своимъ тѣломъ; кругомъ лежали или сидѣли раненые,—вотъ картина, которая представилась вдругъ удивленнымъ глазамъ Барнета, когда онъ подскакалъ къ мѣсту, гдѣ произошло побоище. Быстро оглядѣвшись кругомъ и удостовѣрившись, что ни сэра Валентина, ни двухъ спутниковъ его нѣтъ, среди остановившихся на дорогѣ людей, и подивившись слегка тому, что дѣлаетъ ночью среди большой дороги эта женщина, окруженная такой странной свитой, Барнетъ, остановивъ на минуту свою лошадь, сейчасъ же приступилъ къ интересовавшему его вопросу.

— Скажите, пожалуйста, сударыня,—обратился онъ къ Аннѣ:— не видѣли ли вы одного господина въ сопровожденіи двухъ слугъ, только что проѣхавшаго по этой дорогѣ, завернули ли они по направленію къ Стивенеджу, или же повернули въ другую сторону?

— Вы говорите про сэра Валентина Флитвуда?—быстро спросила Анна, сразу оживившись.

— Да, про него. Позвольте намъ проѣхать и отвѣчайте скорѣе, куда онъ направился.

Рогеръ Барнетъ былъ человѣкъ средняго роста, крѣпкаго, здороваго сложенія, съ широкимъ наглымъ лицомъ, съ холодными

сѣрыми глазами и короткой черной бородой; говорилъ онъ всегда быстро и отрывисто.

— Да, сэръ Валентинъ проѣхалъ по этой дорогѣ. Посмотрите, какъ онъ поступилъ съ моими людьми, когда я попробовала было остановить его. Но скажите мнѣ, кто вы сами?

— Мы—королевскіе гонцы,—отрывисто отвѣтилъ Барнетъ, который снизошелъ до этого отвѣта, такъ какъ ему пришла въ голову счастливая мысль при видѣ свѣжихъ лошадей убитыхъ и раненыхъ слугъ Анны.

— Вы тоже преслѣдуете сэра Валентина?

— Да, мы должны арестовать его.

— Какъ арестовать? за то, что онъ убилъ моего брата? Но развѣ ея величество уже слышала объ этомъ?

— Я долженъ арестовать его за государственную измѣну, а если это ваши лошади, то именемъ королевы...

Но Анна прервала его радостнымъ возгласомъ.

— За государственную измѣну? Но вѣдь въ такомъ случаѣ, какъ католика, его ждетъ вѣрная смерть,—воскликнула она и невольно подумала, что сама судьба—на ея сторонѣ, такъ какъ за убійство ея брата врядъ ли правосудіе нашло бы возможнымъ покарать его. Въ такомъ случаѣ, чтобы отомстить ему за брата, ей стоило только приложить всѣ усилія, чтобы гонцы королевы настигли его, и тогда она будетъ отомщена.

— Онъ поѣхалъ по направленію къ Стивенеджу,—сказала она:— поѣзжайте скорѣе, и я поѣду вмѣстѣ съ вами.

— Нѣтъ, сударыня, насъ и безъ того много, но ваши лошади свѣжѣе моихъ, я возьму ихъ и оставлю вамъ своихъ.

Онъ сошелъ съ лошади и приказалъ своимъ людямъ сдѣлать то же. Но потомъ, опустивъ нечаянно руку въ карманъ, онъ вдругъ воскликнулъ:

— Письма королевы, я долженъ доставить ихъ во время, это значительно задержитъ меня. Сударыня, не знаете ли вы, гдѣ живутъ сэръ Вильямъ Грашау и мистеръ Ричардъ Брюбай?

— Оба живутъ недалеко отсюда: первая дорога направо.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ сейчасъ же надо будетъ ѣхать туда, и предоставить сэра Валентина на время самому себѣ. Которая изъ этихъ лошадей лучшая? Пусть одинъ изъ вашихъ слугъ проводитъ меня до дома этихъ господъ.

— Но зачѣмъ вамъ терять время, сударь?—замѣтила ему Анна.— Пусть кто нибудь изъ моихъ слугъ доставитъ эти письма по назначенію.

— Если письма поручаются мнѣ,—гордо возразилъ Барнет-, то они передаются мною только въ руки того, кому они на-чены. Я свезу эти письма, а затѣмъ еще всегда успѣю захва-

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13